

Ф И Л О С О Ф С К А Я
Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ЭНЦИКЛОПЕДИИ СЛОВАРИ СПРАВОЧНИКИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, А. В. АРЦИХОВСКИЙ, Н. В. БАРАНОВ,
А. А. БЛАГОНРАВОВ, Н. Н. БОГОЛЮБОВ, Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ
(председатель Научного Совета), Б. М. ВУЛ, Г. Н. ГОЛИКОВ,
И. Л. КНУНЯНЦ, Ф. В. КОНСТАНТИНОВ, Б. В. КУКАРКИН,
Ф. Н. ПЕТРОВ, В. М. ПОЛЕВОЙ, А. И. РЕВИН (заместитель
председателя Научного Совета), А. А. СУРКОВ, Л. С. ШАУМЯН
(заместитель председателя Научного Совета)

МОСКВА 1967

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ф. В. КОНСТАНТИНОВ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В. Ф. АСМУС, Б. Э. БЫХОВСКИЙ, М. Т. ИОВЧУК, Б. М. КЕДРОВ,
П. В. КОПНИН, И. В. КУЗНЕЦОВ, А. Д. МАКАРОВ, М. Б. МИТИН,
Х. Н. МОМДЖЯН, А. Ф. ОКУЛОВ, Е. П. СИТКОВСКИЙ, А. Г. СПИРКИН
(заместитель главного редактора), В. П. ТУГАРИНОВ, П. Н. ФЕДОСЕЕВ,
Ю. П. ФРАНЦЕВ, Л. С. ШАУМЯН

«НАУКА ЛОГИКИ» — СИГЕТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Научные консультанты: д-р филос. наук И. С. Кон (историч. материализм, социология), акад. Н. И. Конрад (восточная философия), действит. член АПН РСФСР А. Н. Леонтьев (психология), д-р филос. наук Ю. К. Мельвиль (совр. бурж. философия), действит. член АПН РСФСР Б. М. Теплов (психология), д-р физико-математич. наук С. А. Яновская, д-р филос. наук Б. В. Бирюков (формальная логика и филос. вопросы математики).

Редакция философии: заведующий редакцией д-р филос. наук З. А. Каменский (история зарубежной философии); старший научный редактор канд. филос. наук Э. Г. Юдин (диалектический материализм, филос. вопросы естествознания и психологии); старший научный редактор Н. М. Ланда (историч. материализм, социология); старший научный редактор канд. филос. наук А. И. Володин, научный редактор С. Л. Воробьев (история марксистской философии, история философии в СССР); научный редактор Ю. Н. Попов (этика, эстетика, история атеизма и религии); научный редактор М. М. Новоселов (формальная логика, филос. вопросы математики и естествознания); научный редактор Р. А. Гальцева (зарубежная философия с сер. 19 в., восточная философия); младший научный редактор М. Г. Романова.

Внештатный научный редактор Ю. А. Гастев (формальная логика, филос. вопросы математики).

Научно-контрольная редакция: канд. историч. наук С. Р. Гершберг (зав. редакцией), канд. филос. наук Л. Ф. Денисова.

Редакция библиографии: В. А. Стулов (зав. редакцией), В. Г. Соколова, Э. А. Шимбирева; проверка цитат Г. И. Лачина.

Транскрипция и этимология: М. Е. Айзенштадт, М. Д. Дриневич, Л. Ф. Риф.

Литературная редакция: А. Г. Сучкова (зав. редакцией), Н. А. Абиндер, Т. М. Орлова, Г. У. Холичева.

Художественный редактор И. Н. Сахарова.

Проверка фактов: Э. С. Ланидус, Ю. К. Засс, Б. Г. Попов.

Корректорская: М. В. Акимова, Л. Н. Соколова.

Отдел комплектования: В. Н. Цуканов, А. С. Баранчикова.

Словник: И. В. Гончарова, В. В. Табенский.

Н

«НАУКА ЛОГИКИ» (ч. I—1812; ч. II—1813 и ч. III—1816) — соч. Гегеля, в к-ром изложено его логич. учение и развит диалектич. метод.

НАУКА О НАУКЕ (науковедение) — одно из направлений в изучении науки, к-рое ставит цель разработать теорию социально-экономич. и материально-технич. условий науч. прогресса и правильного использования науки. Возникло в 30-х гг. 20 в., когда потребности организации и планирования науч. исследований вызвали к жизни дискуссии о природе науки и способствовали появлению работ по социологии, психологии и экономике науки. На формирование Н. о н. оказали влияние марксизм и, в частности, исследования науки в СССР. В наиболее развитой форме идеи возникающей Н. о н. представлены в кн. Бернала «Социальная функция науки» (J. D. Bernal, The social function of science, 1939, 1946). Близкие по целям и методам исследования науки развернулись за последние годы во многих странах, в т. ч. в СССР. Создаются координац. центры, начинают издаваться спец. журналы, проводятся междунар. конференции и симпозиумы.

На совр. этапе становления Н. о н. наибольшим влиянием пользуются исследования по «измеримым характеристикам» — общий объем науч. деятельности, число ученых, количество журналов, публикаций, учреждений, производительность науч. труда и т. д.

На материале движения массива публикаций Н. о н. уточняет известные ранее и стремится вскрыть новые законы науч. деятельности. Мысль Энгельса о росте науч. знаний в геометрич. прогрессии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 568) получает подтверждение и уточнение в законе экспоненциального роста науки. Рост науки по любой измеримой характеристике (число статей, журн., количество ученых и т. п.) на протяжении 300 лет удваивался каждые 10—15 лет. Тот факт, что один и тот же результат дают измерения по любой характеристике, свидетельствует в пользу структурной упорядоченности науки: она растет как единое целое, сохраняющее в процессе роста имманентные пропорции.

В прикладной части Н. о н. исследует проблемы: организации, планирования, финансирования, трансплантации науки, междунар. науч. кооперации, подготовки и рационализаторского использования науч. кадров.

Лит.: Гессен Б. М., Социально-экономич. корни механики Ньютона, М.—Л., 1933; Харкевич А. А., Оценки информации, в кн.: Проблемы кибернетики, вып. 4, М., 1960; Бернал Дж., Мир без войны, пер. с англ., М., 1960; Карпов М. М., Осн. закономерности развития естествознания, Ростов н/Д., 1963; Добров Г. М., Голянд-Никольский А. Ю., Век великих надежд, К., 1964; Микулинский С. Р., Родной Н. И., Наука как предмет специального исследования, «ВФ», 1966, № 3; Добров Г. М., Наука о науке, К., 1966; Price D., Science since Babylon, New Haven, 1961; его же, Little science big science, N. Y.—L., 1963; Graff W., Zum quantitativen Aspekt der Anwendung von Erkenntnissen, «Dtsch. Z. Philos.», 1964, № 9; The science of science, L., 1964. См. также лит. к ст. Наука. М. Петров. Ростов-на-Дону.

«НАУКА ОБ ИСКУССТВЕ» — художеств.-теоретич. дисциплина, оформившаяся в нач. 20 в. в Германии (allgemeine Kunstwissenschaft — «всеобщая наука об искусстве»), пытавшаяся объединить в себе методол. проблемы истории с осн. вопросами формалистически трактованной теории всех видов иск-ва. В качестве «объективной науки», исключавшей к.-л. оценочное отношение к иск-ву, «Н. об и.» противопоставлялась эстетике как оценочной дисциплине; задача ее виделась в том, чтобы изучать «эстетический объект» как таковой и давать классификацию искусства по «типам» (Дильтей, М. Дессуар), формально-стилистическим категориям с точки зрения способов «художественного видения» (Г. Вельфли), видам «мировосприятия» и «художественной воли» (Г. Воррингер и др.). Важнейшими теоретиками этой науки были М. Дессуар и Э. Утиц. Ими было создано об-во эстетики и «всеобщей „Н. об и.“», просуществовавшее до 2-й мировой войны и издававшее в 1906—43 журн. «Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft». Конгрессы об-ва состоялись в 1913, 1924, 1927. В области конкретного исследования историч. периодов и стилей, в освещении проблем структуры художеств. произведений «Н. об и.» дала ряд положит. результатов, несмотря на формалистич. и идеалистич. характер ее концепций иск-ва в целом.

После 2-й мировой войны центр деятельности сторонников «Н. об и.» переместился в США (Манро, Редер, М. Ризер, Е. Вундт и др.), где издается их орган «Journal of Aesthetics and Art Criticism» (с 1941). В отличие от довоенного нем. варианта «Н. об и.», в к-ром господствовал принцип формально-композиц. и структурного рассмотрения произведений и стилей искусства, послевоенный англо-американский вариант, наряду с «ортодоксальным» формализмом, широко пропагандирует взгляды экзистенциализма, семантиков и др.

Идеи «Н. об и.» были широко распространены в бурж. искусствоведении довоенных лет. Особое признание получила идущая от Фидлера и разработанная Г. Вельфлиным формалистич. теория «видения» и «формотворчества», к-рая нашла своих последователей в литературоведении (О. Вальцель, О. Гейгер и др.) и в музыковедении (В. Гурлитт и др.). В СССР в 20-х гг. делались неудачные попытки создать «социологическую» разновидность «Н. об и.» в виде «синтетической» науки, объединяющей историю стилей и теорию всех видов иск-ва.

Лит.: Гильдебранд А., Проблема формы в искусстве, пер. с нем., М., 1914; Сидоров А. А., Н. об и., в сб.: Обществ. науки. 1917—1927, М., 1928; Мациа И., «Кризис эстетики» и формалистич. «Н. об и.», в сб.: Вопросы эстетики, вып. 3, М., 1960; Dessoir M., Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft..., Stuttgart, 1906; его же, Skeptizismus in der Ästhetik, «Z. Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft», 1907, Bd 2, H. 4; Tietze H., Die Methode der Kunstgeschichte, Lpz., 1913; Utitz E., Grundlegung der allgemeinen Kunstwissenschaft, Bd 1—2, Stuttgart, 1914—20; Frankl P., Das System der Kunstwissenschaft, Brünn—Lpz., 1938. И. Мациа. Москва.

«НАУКОУЧЕНИЕ» (1794) — одно из осн. соч. *Физте.*
НАУМОВА, Мария Алексеевна (р. 9 ноября 1904) — сов. философ, д-р филос. наук (1952), профессор (1953). Член КПСС с 1927. Окончила Пед. ин-т имени В. И. Ленина (1931), аспирантуру МИФЛИ (1935). Пед. работу в вузах ведет с 1931. Проф. кафедры ВПШ при ЦК КПСС с 1939. Осн. работы посвящены истории философии, особенно рус. материализму 19 в. Соч.: Учение Спинозы о гос-ве, в сб.: Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит., т. 1, М., 1937; Роль практики в познании, «ПЗМ», 1940, № 5; Чернышевский и Фейербах, «Большевик», 1944, № 22; Обществ.-политич. и филос. взгляды Н. А. Добролюбова, 3 изд., М., 1953; Борьба материализма и идеализма в Германии в конце XVIII — первой половине XIX в., М., 1956; Философствующий богослов, «Уч. зап. каф. диалектик. и истории материализма ВПШ при ЦК КПСС и местных ВПШ», 1958, вып. 1; Нек-рые вопросы эстетики рус. революц. демократов, в сб.: Рус. прогрессивная филос. мысль XIX в. (30—60-е гг.), М., 1959; Развитие В. И. Лениным закона единства и борьбы противоположностей в «Философских тетрадах», в сб.: Великая сила ленинских идей (К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина), М., 1960; Социологич., филос. и эстетич. взгляды Н. А. Добролюбова, М., 1960.

НАУЧНАЯ ИНДУКЦИЯ (в формальной логике) — общее название для различных видов индукции; в более узком смысле — *неполная индукция*. В зависимости от характера исходного знания возможны два типа ситуаций, в к-рых происходит индуктивное обобщение. В ситуациях 1-го типа вывод делается от единичных высказываний к общему. По тому, как происходит отбор исходных единичных высказываний и их анализ, а также по роли дедукции в индуктивном обобщении, в нематематич. формальной логике изучаются три осн. вида Н. и. Во-первых, Н. и. представлена индукцией через отбор случаев, исключая случайные обобщения. В отличие от *популярной индукции*, где учитывается лишь количество исследуемых случаев, здесь принимаются во внимание особенности каждой группы исследуемых случаев. Роль дедукции здесь невелика и состоит в применении нек-рых общих положений к анализу частных случаев. Заключение, полученные этим способом, носят вероятностный характер. Во-вторых, Н. и. выступает в виде *методов исследования причинных связей*. В-третьих, к Н. и. можно отнести вывод, состоящий в том, что если при рассуждениях о принадлежности (отсутствии) признака у предмета нек-рого класса не используются никакие индивидуальные (т. е. отличающие его от др. предметов того же класса) свойства этого предмета, то заключение об этом предмете можно распространить на все предметы этого класса. Анализ единичного случая происходит здесь в форме дедукции, общей посылкой к-рой является принцип взаимосвязи необходимости и всеобщности: если нек-рый признак необходимо связан с признаком, общим для всех предметов нек-рого класса, то он принадлежит всем предметам этого класса. Заключение выводов этого рода достоверны.

В ситуациях 2-го типа делается вывод от высказываний одной степени общности к высказываниям большей степени общности — происходит обобщение общих высказываний. Результатом такого рода выводов являются, как правило, высказывания, содержащие теоретич. предикаты. Формирование этих высказываний связано с выработкой глубоких науч. абстракций, лишенных непосредств. эмпирич. содержания. Происходит как бы скачок от обобщений низшего уровня к обобщениям более высокого уровня. Он не может быть объяснен методами одной лишь индукции, даже связанной с дедукцией. Большое значение здесь, в частности, имеет обобщение в форме *гипотезы*. См. *Логика индуктивная* и лит. при этой статье.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — качеств. скачок в развитии познания природы и использовании человечеством ее законов, характеризующий превращением науки в непосредств. производит.

силу общества и последующим переворотом во всей системе производит. сил. В отличие от происшедших в истории общества и в значит. мере обособленных друг от друга науч. революций (революции в науке) или технич. (революции в технике), Н.-т. р. связана не с каким-либо отд. крупным науч. открытием или технич. изобретением, не с переворотом в той или иной конкретной науке или отрасли произ-ва. Существ. особенностью Н.-т. р. является единство науч. и технич. революций, приводящее к качеств. изменению производит. сил в целом.

Отличит. чертами совр. Н.-т. р. являются: создание машин, механизмов, технологич. процессов и методов на уровне кибернетич. систем с быстро совершенствующейся организацией, расширение сферы деятельности человека за пределы Земли, непосредств. практич. применение открытыи наукой принципиально новых материалов и способов получения материалов с заданными свойствами, новых источников энергии. Количеств. показатели совр. Н.-т. р. могут, в частности, служить ежегодное расширение на 10—15% объема научной деятельности в мире при соответствующем увеличении затрат на развитие науки и техники и росте числа ученых и инженеров, к-рое (если считать только ныне живущих) уже более чем вдвое превысило их общую численность за всю историю человечества. Н.-т. р. оказывает воздействие на всю систему организации и управления обществ. произ-вом. Ее важнейшим социальным следствием служит изменение условий и содержания труда, сокращение рабочего времени, изменение соотношения различных социальных и проф. групп, повышение культурно-технич. уровня трудящихся.

Превращение науки в ведущую силу произ-ва было предсказано еще Марксом. Более ста лет назад он определил тенденцию, в силу к-рой весь процесс произ-ва выступает как «научный процесс», «как технологическое применение науки», и непосредств. труд «...сокращается количественно до незначительной пропорции, а качественно превращается, правда, в необходимый, но подчиненный момент по сравнению со всеобщим научным трудом, с технологическим применением естественных наук» [*Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*, 1857—1858, М., 1939, S. 587]. Эта тенденция с особой силой проявляется в наст. время. Процесс сращивания осн. естеств. наук (физики, химии, биологии) с произ-вом определяет и соответствующие осн. направления Н.-т. р. Научно-технич. деятельность человека выражается в том, что он познает физич., химич., биологич. природные процессы, подчиняет их своему управлению и использует в целях сознат. преобразования природы, т. е. превращает естеств. св-ва веществ в рабоче, а естеств. процессы — в технологические. Равно как и направления Н.-т. р., осн. технологич. методы воздействия на природу можно классифицировать соответственно осн. формам движения материи, где с т. зр. организации физич. форма является более высокой, чем механическая, но менее высокой, нежели химическая, к-рая в свою очередь ниже биологической. Более высокая форма движения (как и более эффективные методы воздействия на природу) не является голым отрицанием предшествующих форм (и соответственно методов), а включает их в себя в «снятом виде», основывается на них. В произ-ве все эти методы выступают не изолированно, а в различных сочетаниях друг с другом. Классификация по осн. формам движения позволяет, однако, понять их историч. и логич. преемственность и взаимозависимость.

Механич. методы обработки вытесняются более совершенными, основанными на новейших достижениях физич. и химич. наук. Развитие бионики — одного

из разделов кибернетики — позволяет эффективно применять биологич. процессы и методы к решению инженерных задач, использовать опыт живой природы в различных областях техники.

Кибернетика и автоматизация — это не просто одно из направлений Н.-т. р., базирующихся на использовании той или иной формы движения материи или соответствующей группы св-в материи. Кибернетика — теоретич. основа автоматизации — пронизывает и объединяет все совр. естеств. науки на базе математич. методов, теории информации, теории управления, теории систем. Соединяя естествознание с обществоведением, она дает непосредств. выход в практику таким наукам, как политэкономия, социология, психология, языковедение и др. Уровень развития кибернетики определяет развитие автоматизации.

Автоматизация характеризует уровень развития орудий произ-ва и служит стержнем совр. научно-технич. прогресса. Примененные автоматизации в тех или иных социальных системах определяют характер социальных последствий Н.-т. р. (см. *Промышленная революция*). В условиях капитализма процесс возрастания доли лиц умственного, особенно творч. труда, за счет сокращения доли людей физич., особенно нетворч. труда (как и процесс урбанизации и т. п.), чреват массовой безработицей, растратой обществ. производит. сил, обострением социальных противоречий. В условиях социализма он способствует становлению и росту материальных предпосылок для развития личности.

Совр. Н.-т. р. оказывает многоплановое воздействие на все сферы жизни общества. Она революционизирует не только непосредств. материальное произ-во, но и транспорт, связь, средства распространения информации, оказывает большое влияние на политику, идеологию, междунар. отношения, военное дело, нравств. отношения. Н.-т. р. вторгается в сферу культуры, быта, отдыха. Революция в науке и технике сопровождается и обуславливается революцией в общем представлении о мире, в науч. и инженерно-технич. мышлении. Она требует адекватного изменения обществ. отношений, совершенствования организации и управления обществом, ставит новые проблемы перед обществом.

Лит.: Маркс К., Капитал, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 25, ч. 1, гл. 13; его же, [Из рукописного наследия К. Маркса], «Коммунист», 1958, № 7; Бернал Дж., Наука в истории общества, пер. с англ., М., 1956; Винер Н., Кибернетика и общество, пер. с англ., М., 1958; Осипов Г. В., Техника и общество, прогресс, М., 1959; Социально-экономич. проблемы технич. прогресса, М., 1961; Зворыкин А. А., Осьмова Н. И., Чернышев В. И., Шухардин С. В., История техники, М., 1962; Хейнман С., Создание материально-технич. базы коммунизма и научно-технич. революция, «Коммунист», 1962, № 12; Оже П., Совр. тенденции в науч. исследованиях, пер. с франц., ЮНЕСКО, М., 1963; Тессман К., Проблемы научно-технич. революции, пер. с нем., М., 1963; Бир Ст., Кибернетика и управление произ-вом, пер. с англ., М., 1963; Роль химизации в строительстве коммунизма, «ВФ», 1964, № 1; Волков Г. Н., Автоматизация — новый историч. этап в развитии техники, там же, № 6; его же, Эра роботов или эра человека. Социологич. проблемы развития техники, М., 1965; Кузин А., Шухардин С., Совр. научно-технич. революция, «Коммунист», 1964, № 16; Проблемы совр. Н.-т. р. (материалы конференции), в сб.: Вопр. истории естествознания и техники, вып. 19, М., 1965; Кудряшов А. П., Совр. Н.-т. р. и ее особенности, М., 1965; Марахов В. Г., Мелешенко Ю. С., Совр. Н.-т. р. и ее социальные последствия в условиях социализма, «ВФ», 1966, № 3; Revolution der Roboter, Münch., 1956; Leithäuser J. G., Die zweite Schöpfung der Welt, W., 1957; Epoche Atom und Automation, Fr./M., Bd 1—10, 1958—60; Döbner K., Sinn und Zukunft der Automation, Fr. M., 1958; Menschen, Maschinen, Energien, V., 1959; Desauter F., Streit um die Technik, Basel — Freiburg—W., 1959; Sillk L. S., Research revolution, N. Y., 1960. Г. Волков, Ю. Шейнин, Москва.

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ — см. *Коммунизм*.
НАЦИОНАЛИЗМ — бурж. идеология и политика в нац. вопросе, выражающая классовые интересы буржуазии. Развитие Н. связано с зарождением и раз-

витием капитализма. Буржуазия использует Н. в качестве орудия создания и завоевания общенац. рынка, установления своего господства в нац. рамках в борьбе против феод. сил и чужеземной буржуазии, в качестве орудия закрепления и расширения этого господства путем порабощения других наций. Н. используется буржуазией с целью добиться «классового мира» внутри нации, посеять между трудящимися разных наций нац. рознь, подорвать интернац. единство революц. движения. Условия бурж. общества ведут к распространению националистич. взглядов среди отсталых слоев трудящихся. Н. прививается им всем аппаратом бурж. гос-ва, его политикой и пропагандой.

Главными принципами идеологии бурж. Н., к-рые служат основой националистич. политики, являются: положение о *нации* как высшей, надклассовой форме обществ. единства, при этом классовые устремления буржуазии выдаются за общенац. интересы; идея нац. превосходства, нац. исключительности. В гносеологич. отношении основой всякого Н. является абсолютизация нац. момента. Бурж. философы и социологи понимают «национальное» как прежде всего, и почти исключительно, духовное. Понятие Н. толкуется ими как некая самодовлеющая, суверенная духовная сила, к-рой очень часто придают мистич., а порой и патологич. свойства. Напр., амер. проф. Б. Шейфер определяет Н. («групповую лояльность») след. образом: «...1) любовь к общей земле, расе, языку и исторической культуре, 2) стремление к политической независимости, безопасности нации и забота о ее престиже, 3) мистическая преданность туманному, иногда сверхъестественному социальному организму, который известен как нация и народ..., 4) догма о том, что индивидуумы живут исключительно для нации, которая есть цель в самой себе, 5) доктрина, что данная нация... является или должна быть господствующей... среди других наций и должна совершать с этой целью агрессивные действия» («Nationalism: myth and reality», N. Y., 1955, p. 6). Неумовленность и широта, приданные понятию Н. бурж. теоретиками, служат основой субъективного произвола в анализе конкретного содержания того или иного Н., затупевывания классовых сторон проблемы. Бурж. идеологи обычно признают лишь разновременность возникновения или проявления Н. и его неодинаковый характер в разных странах. В работах амер. ученых (Г. Кон, Л. Снайдер, Ф. Нортроп, Х. Моргентау, В. Эбенштейн и др.) восхваляется дух свободы, терпимости и компромисса, будто бы свойственный англо-саксонскому или амер. Н. В то же время мн. бурж. социологи выступают с нападками на Н. в колонизальных и зависимых странах. В ряде бурж. теорий Н. служит основой для анализа историч. процесса. В них выдвигаются на первый план в качестве движущей силы истории, в противовес классовой борьбе, взаимоотношения и борьба между нациями, «столкновения» национализмов. Г. Кон заявляет, что «путеводной звездой» историч. развития в Европе после 1789 (а в 20 в. и повсюду) является Н. Он объявляет этот историч. период «веком национализма», а совр. эпоху «веком паннационализма» (см. «The age of nationalism», N. Y., 1962, p. XVI). Нек-рые идеологи империалистич. буржуазии выдвигают провинцистич. положения об «особой» историч. роли нек-рых «набранных» наций, обусловленной якобы их характером и культурой (см., напр., F.S.C. Northrop, The taming of nations, N. Y., 1954, p. 330).

Марксизм-ленинизм показал экономич. и социальные корни Н., его классовую сущность; он рассматривает Н. конкретно-исторически, определяя его объективную обществ. роль в зависимости от историч. этапа развития капитализма, от обществ. роли

буржуазии и характера ее связей с нар. массами, от положения данной нации в системе междунац. отношений. В период формирования наций, напр. в Зап. Европе и США, Н., наряду с лозунгами демократии, являлся идейным знаменем восходящей буржуазии в борьбе против феодализма и нац. гнета, поднимая и нар. массы на эту борьбу. Это придало Н. в данный период определ. прогрессивное содержание (см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, с. 18). Характер Н. в этих странах изменился с наступлением эпохи вполне сложившихся капиталистич. отношений и перерастания капитализма в империализм. Монополистич. капитал выступает носителем самого грубого и жестокого нац. и колониального гнета, а агрессивный и воинствующий Н. становится орудием империалистич. и колониальной политики и сближается с расизмом (напр., гитлеризм с его изуверской расовой теорией). После 2-й мировой войны особо опасный характер приобрел амер. империалистич. Н. и шовинизм. Внутри США он проявляется в расовой дискриминации негритянского населения, в притеснении евреев, итальянцев, славян, пуэрториканцев и др. В междунар. отношениях он выражается в претензиях на «руководство» миром и в неоколониалистском курсе США. При этом великодержавный амер. шовинизм все чаще укрывается под космополитич. маской (см. *Космополитизм*). В условиях существования двух мировых систем империалистич. буржуазия стремится придать Н. прежде всего антикоммунистич. направленность.

Иной характер в совр. эпоху имеет Н. в странах, борющихся за политич. и экономич. независимость, против империализма. На определ. этапе имеет место известное совпадение антиколониальных и антифеод. интересов нац. буржуазии с антиимпериалистич. и антифеод. интересами трудящихся масс. Поэтому в Н. в этих странах в ограниченной форме выражается идея нац. освобождения и нац. независимости и он часто служит знаменем нац.-освободит. движения. В Н. в данном случае находит известное отражение демократизм и протест против империалистич. гнета той части масс, к-рая еще не поднялась до классового сознания. У значит. слоев крестьянства Н. выступает как первоначальная форма антиимпериалистич. сознания. Вместе с тем, наряду с этими прогрессивными сторонами, Н. в бывших колониальных и зависимых странах имеет реакц. черты, к-рые усиливаются с ростом узкоклассовых тенденций в политике нац. буржуазии, с разрыванием в освободившихся странах борьбы за социальный прогресс. Он заглушает классовые противоречия, пытается оправдать эксплуатацию трудящихся потребностями «нац. прогресса»; не свободен он и от идеи нац. превосходства и национальной, а в нек-рых случаях и расовой исключительности.

Коммунистич. мировоззрение несовместимо с любой националистич. идеологией. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того, два мирозерцания) в национальном вопросе» (там же, с. 10). Н. служит тормозом в разрывании освободит. борьбы рабочего класса и всех угнетенных и эксплуатируемых, т. к. условием ее победы является интернац. сплочение трудящихся всех наций. Коммунисты подходят к Н. с принципиальных позиций, но оценивают его конкретно-исторически, с т. зр. интересов революц. борьбы народов против империализма, интересов мирового социализма. Коммунисты беспощадно разоблачают империалистич. шовинизм, Н. угнетающих наций и ведут с ним непримиримую борьбу. Отношение коммунистов к Н. угнетенных наций опирается на поло-

жение Ленина (см. там же, с. 384), развитое в Программе КПСС: «В национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе. Оно выражается в стремлении угнетенных народов к освобождению от империалистического гнета, к национальной независимости и национальному возрождению. В то же время в национализме угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки» (1961, с. 47).

Особенно непримиримо коммунисты относятся к националистич. шатающим в собств. среде, к-рые возникают в результате давления бурж. и мелкобурж. сил, а также вследствие деятельности империалистич. агентуры. Эти шатания выражаются в проявлениях нац. ограниченности и эгоизма, в отступлениях от принципов интернационализма и классовой солидарности, в раздувании и преувеличении нац. особенностей классовой борьбы и строительства социализма в отд. странах. Новейшей формой таких шатаний являются попытки подменить антиимпериалистич. солидарность народов Азии, Африки и Лат. Америки их обособлением, основанным на географич., националистич. и расовых принципах, от социалистич. содружества и рабочего движения развитых капиталистич. стран, попытки подорвать великий союз и солидарность нац.-освободит. движения с междунар. рабочим классом и мировой социалистич. системой, принизить ведущую роль пролет. сил в мировом революц. процессе. Борьба с Н. в коммунистич. движении и его преодоление — важнейшая задача марксистов-ленинцев.

Почву для полного преодоления Н. создает социализм, к-рый уничтожает основы социальных и нац. антагонизмов, создает условия для нац. равноправия и дружбы народов. Однако свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата не устраняет сразу проявлений бурж. Н. Преодоление Н. — сложный и длит. процесс. Он совершается в напряженной и неослабевающей борьбе с нац. враждой и недоверием, с нац. эгоизмом и ограниченностью, к-рые принадлежат к числу наиболее цепких, устойчивых пережитков капитализма. К тому же националистич. предрассудки всячески оживляются и подогреваются врагами социализма. Практика социалистич. и коммунистич. строительства, борьба против великодержавного и местного Н., строгое соблюдение нац. равноправия, достижение фактич. равенства в экономич., политич. и культурной областях, внимательное отношение к культуре, нуждам и особенностям малых народов, интернац. воспитание трудящихся — все это обеспечивает успех в борьбе с пережитками Н.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., О колониальной системе капитализма. [Сб.], М., 1959; Ленин В. И., О национальном и национально-колониальном вопросе. [Сб.], М., 1956; Программа КПСС (принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Красов А., В чем сущность бурж. Н., «В помощь политич. самообразованию», 1957, № 5; Брутенц К. Н., Против идеологии совр. колониализма, М., 1961, гл. 2—3; Совр. освободит. движение и нац. буржуазия, Прага, 1961; Молдинская Е. Д., Распад колониальной системы и идеология империализма, М., 1965; Noria Sima, Destinée du nationalisme, [P.], 1951]; Deutsch K., Nationalism and social communication. An inquiry into foundations of nationality, N. Y., 1953; Emerson R., Paradoxes of Asian nationalism, «Far Eastern Quarterly», 1954, v. 13, Febr.; Kohon H., Nationalism, its meaning and history, N. Y., [1955]; Korpeimann H. L., Nation, Sprache und Nationalismus, Leiden, 1956; Thayer P. W. (ed.), Nationalism and progress in free Asia, Balt., 1956. См. также лит. при ст. *Интернационализм, Нация*.

К. Брутенц. Москва.

НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ ГОСУДАРСТВО — гос-во переходного характера, возникающее

в процессе нац.-освободит. революции в совр. эпоху и опирающееся на классовый союз движущих сил этой революции; форма гос. развития стран, завоевавших политич. независимость в результате распада колониальной системы империализма, к-рая обеспечивает дальнейшее развертывание, углубление и доведение до конца нац.-освободит. революции, переход на некапиталистич. путь развития. Положение о Н. д. г. было выдвинуто в Заявлении Совещания представителей коммунистич. и рабочих партий 1960 (см. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», 1961, с. 67—68).

С крушением колониальных режимов совр. нац.-освободит. революции вступают в этап борьбы за экономич. независимость, за нац. возрождение. Как показывает опыт экономически отставших стран, капиталистич. путь развития не в состоянии обеспечить решение этих задач. Нац. возрождение в кратчайшие историч. сроки может быть достигнуто на некапиталистич. пути развития, к-рый в совр. условиях общего кризиса капитализма и все возрастающего влияния мировой социалистич. системы становится практически возможным для молодых нац. гос-в Азии, Африки, Лат. Америки, вне зависимости от уровня их развития. Для перехода на некапиталистич. путь революция нуждается в гос-ве особого типа. Гос. власть должна иметь общедемократич., общенац. характер и выражать интересы самых широких слоев населения, а не к.-л. одного класса. Для многих стран наиболее целесообразной формой такого гос-ва является Н. д. г. Поскольку империализм еще представляет собой серьезную угрозу для освободившихся стран и стремится к реставрации в новых формах колониализма, он, объединяясь с внутр. реакцией, стоящей на антипатриотич. позициях, остается гл. врагом нац.-освободит. революции. Главное противоречие обществ. развития этих стран — противоречие с империализмом. Отсюда вытекает преимущественно антимпериалистич. общедемократич. характер осн. мероприятий новой власти в течение продолжит. периода. При этом мероприятия, ведущие к некапиталистич. развитию, являются одновременно требованиями нац.-освободит. антиколониальной борьбы. Этим обеспечивается возможность формирования широкой социальной основы для некапиталистич. развития и объективная предпосылка для создания Н. д. г. Важнейшей задачей Н. д. г. является защита экономич. и политич. независимости страны от посягательств империалистич. гос-в и иностр. монополий, проведение независимой и миролюбивой внешней политики, борьба против агрессивных планов империалистов.

Н. д. г. несовместимо с диктаторскими и деспотич. формами правления. Оно создает все необходимые условия для широкого участия нар. масс в определении гос. политики, обеспечивает всем демократич. организациям возможность активно участвовать в обществ. жизни страны, преграждает дорогу антикоммунизму. Н. д. г. опирается на широкий общенац. фронт. Им призван руководить не к.-л. один класс, а блок социальных сил, состоящий из представителей рабочего класса, крестьянства, средних слоев города и деревни и той части нац. буржуазии, к-рая выступает как активная антимпериалистич., демократич. сила. Ведущая сила в создании Н. д. г. принадлежит рабочему классу и его союзникам — трудящимся массам деревни. Н. д. г. проводит антимпериалистич. и демократич. политику в области экономики. Оно добивается полного искоренения пережитков феодализма, развертывает аграрную революцию, преграждает путь иностр. монополиям, принимает меры к построению нац. эконо-

мики, создает сильный гос. сектор в нар. х-ве страны, способствует развитию различных видов кооперации, особенно в с. х-ве. Превращение гос. сектора в определяющий фактор экономики страны может в условиях нац.-демократич. строя служить материальной основой для постепенного перехода страны на некапиталистич. путь. Решая общедемократич. задачи, Н. д. г. не ликвидирует частную собственность на средства произ-ва, как и не отстраняет от участия в управлении гос-вом нек-рые нетрудящиеся группы. Однако последоват. осуществление задач революции неизбежно приведет к такому использованию и перераспределению прибавочного продукта, к-рое отвечало бы интересам быстрейшего развития производит. сил и подъема жизненного уровня самых широких слоев населения.

Формы Н. д. г. в разных освободившихся странах неизбежно будут различны, однако его сущность и историч. функции будут в принципиальном отношении одинаковыми во всех случаях. Нац. демократия — это гибкая и подвижная, развивающаяся форма широкого классового союза, в к-ром существует не только единство, но и борьба входящих в него сил и где соотношение между этими силами не остается неизменным. По мере того, как решаются очередные общедемократич. задачи, по мере того, как Н. д. г. прокладывает путь к переходу к более высокой ступени обществ. развития, меняется его социальная база. Вокруг него сплачиваются все новые слои трудящихся и неэксплуататорских элементов, за счет отхода нек-рых эгоистических, узкоклассовых, оппортунистич. элементов. Все это в свою очередь повлечет за собой прогрессивное развитие самого Н. д. г.

Лит.: Программа КПСС (принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Пономарев Б., О гос-ве нац. демократии, «Коммунист», 1961, № 8; Чесноков Д., О гос-ве нац. демократии, «Политич. самообразование», 1961, № 6; Соболев А., Нац. демократия — путь к социальному прогрессу, «ПМИС», 1963, № 2. К. Брутенц. Москва.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — революция, вырастающая из нац.-освободит. движения и направленная на уничтожение инакстр. господства и завоевание нац. независимости, ликвидацию нац.-колониального гнета и эксплуатации, реализацию нацией ее права на самоопределение, на создание нац. гос-ва. Нац. движения в той или иной форме имели место уже в докапиталистич. эпоху, в период феодализма. Вызывающий эти движения нац. гнет и нац. конфликты порождаются отношениями частной собственности и эксплуатации. Субъектом докапиталистич. эпохи в нац. движениях выступали *народности* и нац. группы, к-рые боролись против иноземного ига, отстаивали свое существование (напр., борьба юж. славян против тур. владычества, чешского народа против герм. поработителей, армян и грузин с турецкими и персидскими завоевателями и т. д.). Однако именно эпоха капитализма вызвала к жизни массовые, общенародные нац. движения и Н.-о. р. Формирование и консолидация *наций*, подъем вац. самосознания ведут к резкому обострению противоречий между инакстр. поработителями и угнетенными народами, вовлекают в борьбу против чужеземного господства широкие слои крестьянства и гор. населения. Экономич. основой этого процесса явилось развитие капиталистич. отношений, создание общенац. рынка. Стремление народов, к-рые не имели государственности или были лишены ее, создать нац. гос-ва натолкнулось на противодействие эксплуататорских классов господствующих наций. В таком положении оказались, напр., польский народ, подпавший под иго царской России, Германия и Австро-Венгрии, чехи, словенцы, румыны, хорваты и др., заключенные в «тюрьме народов» —

австро-венгерской монархии, болгары, сербы и др., насильственно включенные в состав Османской империи, и т. д. Результатом явилось возникновение нац. движений, добивавшихся самоопределения. Эти движения имели антифеод., бурж. и бурж.-демократич. характер; во главе их встала буржуазия, руководившая возникшими нац. гос-вами. Неравномерность развития капиталистич. отношений обусловила одновременность возникновения нац. движений и развертывания Н.-о. р. в различных районах мира. 16—18 вв. и 1-я пол. 19 в. были эпохой формирования наций, развития нац. движений и создания нац. гос-в для Зап. Европы, Сев. Америки, России — победили Нидерландская бурж. революция, война за независимость в Сев. Америке и т. д. Во 2-й пол. 19 в. завершилось объединение Германии и Италии, возникли болг., серб., рум. нац. гос-ва. Развернулась борьба чешского, польского, финского народов за независимость и т. д. Ленин характеризовал войны 1789—1871 в Европе как большей частью связанные, «... несомненно, с в а ж н е й ш и м „народным интересом“, именно: с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета» (Соч., т. 21, с. 401). Отмечая, что в результате этих нац. движений и войн эпоха Н.-о. р. в Европе по существу завершилась, Ленин допускал, что в определенных условиях в будущем они могут развиваться вновь. Это предположение подтвердилось в годы 2-й мировой войны, когда борьба народов Европы против гитлеризма носила в большой мере и нац.-освободит. характер.

В 20 в. нац. движения и Н.-о. р. развертываются гл. обр. в Азии, Африке и Лат. Америке, к-рые в течение многих веков являлись районами экспансии европейских держав, создавших здесь свои колониальные империи. Латинская Америка, освободившись в 19 в. от исп. владычества, попала в зависимость от империалистов США. В конце 19—20 вв., с вступлением капитализма в империалистич. стадию, экспансия империалистич. гос-в приняла невиданный размах и приобрела качественно новый характер. Возникла колониальная система империализма. Тенденция к наднациональному хоз. сближению народов, подготовленная развитием производит. сил, осуществлялась путем грубого насилия и порабощения народов. Страны Азии, Африки и Лат. Америки стали объектом нац. гнета и эксплуатации со стороны монополистич. капитала. Н.-о. р. в этих странах является выражением крайнего обострения противоречий между империализмом и угнетенными народами.

Н.-о. р. в колониях и зависимых странах в совр. эпоху имеют нек-рые принципиальные особенности, отличающие их от нац. движений прошлого. Это не только антифеод., но и антиимпериалистич. революция, составная часть мирового революц. процесса, активная сила разрушения империализма. Они тесно связаны с борьбой социалистич. сил, объективно являясь их союзником. Эпоху Н.-о. р. открыла Великая Окт. революция, практически соединившая нац.-освободит. движения с социалистич. революцией. Превращение социализма в мировую систему, дальнейшее углубление и обострение общего кризиса капитализма повлекли за собой победоносные Н.-о. р. в колониях и зависимых странах. Социалистич. система оказывает мощную поддержку нац.-освободит. движению и все чаще служит преградой воен. расправам колонизаторов над народами, поднявшимися к борьбе. «... Возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов» (Программа КПСС, 1961, с. 44).

За послевоенные годы (1945—65) св. 1,5 млрд. человек сбросили колониальное и полуколониальное иго; возникло св. 50 новых нац. гос-в. Под властью колониальных режимов живет еще ок. 34 млн. человек. В совр. эпоху, в условиях *мирного сосуществования* двух мировых систем, благодаря новому соотношению сил на междунар. арене порабощенные империализмом народы завоевывают независимость как путем вооруж. борьбы (напр., Индонезия, Алжир), так и невоенным путем (напр., Индия, Цейлон, большинство стран Африки).

В совр. условиях нац.-освободит. движение направлено не только против отд. колониальной державы, но и против всей колониальной системы. С другой стороны, империалистич. державы, несмотря на противоречия между ними, все более связываются экономич. и политич. союзами, координируют свои усилия и все чаще выступают единым фронтом против сил нац. освобождения. Конфликт между колонией и колониальной державой выступает как часть общего противоречия между всеми народами колониальной периферии и империализмом, часть всемирного противоречия между силами демократии и социализма и силами угнетения и реакции.

Главными движущими силами совр. Н.-о. р. выступают рабочий класс, самый последоват. борец за нац. интересы, социальный прогресс, за доведение революции до конца, и крестьянство, к-рое играет ведущую роль в освободит. антиимпериалистич. борьбе. Активную и важную роль в нац.-освободит. борьбе в странах Азии, Африки и Лат. Америки играют также и др. слои мелкой буржуазии и патриотич. интеллигенция. Им нередко свойственны революц., антиимпериалистич. настроения, и, как показывает опыт, они способны при наличии благоприятных условий перейти на позиции рабочего класса. В нац.-освободит. движении участвует, зачастую возглавляя его, и нац. буржуазия. Глубокие экономич. и политич. противоречия с колонизаторами, с иностр. монополиями толкают нац. буржуазию к борьбе. В то же время боязнь масс, узкоклассовые интересы питают в ее среде тенденции к соглашению с империализмом. Однако если в прошлом во главе нац. движений шла буржуазия и победа революций вела к созданию бурж. гос-ва то в совр. условиях для рабочего класса и крестьянства возникла возможность возглавить эти движения, обеспечить их завершение созданием гос-ва трудящихся. Эта возможность была реализована в Китае, Корее и Сев. Вьетнаме. Без участия трудящихся масс и их представителей в руководстве революцией она не может успешно развиваться. Совр. Н.-о. р. — это революции глубоко демократические, это революции масс. В Н.-о. р. эпохи становления капитализма разрыв политич. связей с метрополией в основном обеспечивал дело нац. освобождения. В совр. условиях, когда иностр. монополии сохраняют контроль над экономикой бывших колоний, завоевание политич. независимости не освобождает народы от участи эксплуатируемых наций. Являясь историч. победой народов бывших колоний, создание нац. государственности все же еще не обеспечивает подлинной нац. независимости и, следовательно, не решает полностью задач Н.-о. р. Поэтому Н.-о. р. с крушением колониальной системы вступили в новый этап — борьбу за экономич. независимость. Н.-о. р. «... не кончается завоеванием политической независимости. Эта независимость будет шаткой и превратится в фикцию, если революция не приведет к глубоким изменениям в социальной и экономической жизни, не решит насущных задач национального возрождения» (там же, с. 46). Противоречие между угнетенными и угнетающими нациями теперь,

как правило, выступает в форме противоречия между политически независимыми странами и империализмом. Это противоречие ведет к дальнейшему углублению революции, к ее вступлению в этап коренных социально-экономич. преобразований. Новый этап Н.-о. р. связан с решением вопроса о направлении социально-экономич. развития освободившихся стран. Проблема социально-экономич. прогресса становится осн. звеном революц. процесса. Решая задачи нац. освобождения, революция на новом этапе одновременно направлена в конечном счете и против капитализма как системы социально-экономич. отношений. В совр. эпоху капитализм не обеспечивает нац.-независимого развития стран, порвавших с колониальным игом, достаточно быстрого экономич. подъема. Некапиталистич. путь обеспечивает наилучшие условия прогрессивного развития и отвечает интересам большинства наций; в совр. условиях довести Н.-о. р. до конца — это значит выйти на некапиталистич. путь развития. В ряде стран эту задачу лучше всего может выполнить *национальная демократия государства*, хотя не исключены и иные формы развития по пути нац. освобождения и социального прогресса.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., О колониальной системе капитализма. [Сб.], М., 1959; Ленин В. И., О национальном и национально-колониальном вопросе. [Сб.], М., 1956; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Куусинен О. В., Речь на XX съезде КПСС, в кн.: XX съезд КПСС. Стенографич. отчет, т. 1, М., 1956; Бухали Ларби, Окт. соц. рев. и нац. движ. в Алжире, М., 1957; Мартышева Г. А., Юго-Восточная Азия после второй мировой войны, М., 1960; Мирский Г. и Тигуненко В., Тенденции и перспективы Н.-о. р.: «Мировая экономика и междунар. отношения», 1961, № 11; Совр. освободит. движение и нац. буржуазия. Сб. ст., Прага, 1961; Ульяновский Р., Экономич. независимость — ближайшая задача освободит. движения в Азии, «Коммунист», 1962, № 1; Уолдс Д. Ж., Африка. Лев пробуждается, пер. с англ., М., 1962; Нац.-освободит. движение и социальный прогресс, «Коммунист», 1965, № 13. К. Брутену, Москва.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС — вопрос о взаимоотношениях — экономич., территориальных, политич., гос.-правовых, культурных и языковых — между *нациями*, нац. группами и *народностями* в различных общественно-экономич. формациях, разных странах и гос-вах. Хотя угнетение и эксплуатация народов начинаются уже в эпоху рабовладельч. строя, продолжают в эпоху феодализма, но высшего обострения они достигают при капитализме и особенно в эпоху империализма. Нац. взаимоотношения определяются прежде всего данным способом произ-ва, характером обществ. и гос. строя, соотношением классов внутри наций, нац. политикой господствующих классов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 19—20). В свою очередь, нац. отношения оказывают обратное влияние на различные стороны обществ. развития, в т. ч. на классовую борьбу. На разных этапах консолидации и развития народностей и наций и в зависимости от форм нац. угнетения выступают и разные стороны Н. в. (борьба за политич. независимость, за экономич. независимость, за объединение своей территории, защита своего языка и культуры и т. д.). Нац. гнет переплетается с классовым, расовым, религиозным, что еще больше усложняет Н. в., затрудняя развитие классового сознания трудящихся, затемняемого идеологией национализма, повинизма, расизма, религ. вражды и т. п. Так было в царской России, в колониальных империях Англии, Франции, Германии, в Австро-Венгрии и Османской империи. Характер и постановка Н. в. зависят от особенностей определ. историч. эпохи и особых условий и ступеней обществ. развития каждой нации (см. В. И. Ленин, Соч., т. 23, с. 58). Капитализм неизбежно порождает тенденцию к консолидации народностей в нации, к созданию нац. гос-в. Но эта тенденция не всегда может реализоваться, ибо встречает противодействие в тенденции к капиталистич. интернациона-

лизации х-ва, науки, культуры народов разных стран, выражающейся в специфически бурж. политике ассимиляции слабых народностей более развитыми и сильными бурж. нациями и в политике подчинения, порабощения и захвата территорий чужих стран, колоний. Ленин отмечал, что первая тенденция характерна для восходящей стадии капитализма, вторая — преобладает в период империализма, гл. чертой к-рого в развитии нац. отношений является разделение всего мира на горстку господствующих наций и большинство угнетенных, насильственное объединение и подавление народов зависимых стран и колоний.

Империализм подавляет стремления экономически отстающих в своем развитии и малых народностей к нац. консолидации и к созданию нац. гос-ва. Насильств. характер попыток «объединения» наций капитализмом нашел наиболее ясное выражение в колониальной системе империализма. В совр. условиях тенденции капиталистич. интеграции проявляются в политике неоколониализма, в создании т. н. «европ. сообщества», «общего европ. рынка» и др. междунар. объединений монополистич. капитала, к-рые служат орудием совместной эксплуатации экономически недостаточно развитых стран и борьбы с социализмом. Н. в. сохраняет острый характер и внутри ряда капиталистич. стран (США, Бельгия, Канада).

Маркс и Энгельс разработали осн. принципы пролет. решения Н. в.: интернац. объединение пролетариев всех стран, наций и рас для общей борьбы за свержение капитализма и полное освобождение всех народов; право наций на самоопределение, свободное развитие; равноправие всех граждан, независимо от их нац. и расовой принадлежности или происхождения; подчинение Н. в. рабочему вопросу, как главному; поддержка нац. движений, к-рые направлены против реакц. сил и классов, исходя из принципа «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Ленин развил эти положения марксизма применительно к эпохе империализма и пролет. революций, к переходному периоду от капитализма к социализму. Он подверг критике теории и программы оппортунистов и реформистов, затуманивших глубокое противоречие капитализма в Н. в. Защищая целостность Австро-Венг. империи, Бауэр и Реннер пришли к отрицанию права наций на самоопределение, сведя его лишь к «национально-культурной автономии». Их теория и программа, принятая Бундом и др. националистич. партиями и группами в России, приводили к разрушению интернац. единства рабочего движения. К этой программе скатились и центристы Каутский, Троцкий и др. Левые (Р. Люксембург и др.), борясь против социал-шовинизма и бурж.-националистич. понимания права на самоопределение наций, вместе с тем считали, что в эпоху империализма это право якобы «неосуществимо», а при социализме — излишне. Отсюда вытекало нигилистич. отношение к Н. в. во многих партиях 2-го Интернационала. Реформистские деятели европ. социал-демократии ограничивали рамки Н. в. гл. обр. взаимоотношениями народов Европы и, по существу, обходили проблему народов Азии, Африки, Лат. Америки, находившихся под колониальным и полуколониальным гнетом. Ленин обосновал линию пролет. интернационализма в Н. в., подчеркивая необходимость свободного самоопределения наций вплоть до их полного отделения от угнетающего гос-ва, добровольного сплочения пролетариев и трудящихся всех наций в общих революц. орг-циях для борьбы за демократию и социализм.

В период бурж.-демократич. революции Н. в. есть часть более общего вопроса о коренных демократич. преобразованиях. В период социалистич. революции Н. в. становится частью вопроса о диктатуре пролетариата и социалистич. преобразованиях. Характер

и сила нац.-освободит. движений зависят от степени участия в них широких масс рабочего класса и крестьянства, от прочности их союза, а также от того, какой класс стоит во главе движения: революц. пролетариат, передовые демократич. силы или либеральная или революц. нац. буржуазия и мелкая буржуазия. Завоевание гегемонии рабочим классом и его партией в нац.-освободит. движении создает наиболее последоват. антиимпериалистич. направленность движения и его развития по линии демократии и социализма. В эпоху империализма и социалистич. революций нац.-освободит. движения стали частью мирового социалистич. и демократич. движения и Н. в. слился с колониальным, с борьбой за освобождение народов колоний от ига империализма. В современную эпоху Н. в. стал неразрывной частью борьбы народов за свободу, независимость, мир, демократию и социализм.

Целью социализма является не только уничтожение «...всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их» (там же, т. 22, с. 135). Но от насильств. «объединения» наций империализмом не может быть перехода к добровольному слиянию их без свободы отделения. Поэтому социалисты обязаны требовать свободы самоопределения наций вплоть до их отделения и образования самостоят. гос-в. Для метафизиков и националистов это кажется логич. противоречием теории и политики марксизма. На деле это противоречие самой действительности. «Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное, добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. Только поэтому!» (там же, т. 23, с. 56). Отсюда вывод Ленина «...к неизбежному слиянию наций человечество может придти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» (там же, т. 22, с. 136). Начало периода освобождения угнетенных наций положено Окт. социалистич. революцией 1917. Полностью развернулся этот процесс после 2-й мировой войны и образования мировой системы социализма, создавшей условия для победы нац.-освободит. движений во всем мире. Это привело к краху колониальной системы империализма, к возникновению десятков новых нац. гос-в в Азии, Африке и Лат. Америке. Но под гнетом колониализма остаются еще десятки миллионов человек и империализм сохраняет значит. экономич. позиции в ряде завоевавших политич. независимость гос-в. Н. в. остается одним из важных вопросов современности.

Социалистич. революция создает социально-экономич. основы для уничтожения всякого нац. и расового угнетения, для достижения полного фактич. равенства всех наций и рас, для полного и окончат. решения Н. в. «При капитализме,— писал Ленин,— уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм. Но, базирясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима еще демократическая организация государства, демократическая армия и пр. Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность „только“ — „только“! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно „симпатиям“ населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, развивается

практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создается ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства» (там же, с. 311).

Ленинская нац. программа и политика проводятся в жизнь в СССР, где всем нациям предоставлена свобода самоопределения, отменены нац. привилегии и народы имеют равную возможность свободно строить и развивать нац. государственность, промышленность, культуру. Организация федерации сов. республик, осуществление широкой автономии, создание Союза ССР явилось практич. осуществлением социалистич. демократии в Н. в. Народы СССР сплотились в братскую семью, были ликвидированы их взаимное недоверие и вражда, порожденные вековым гнетом и политикой царизма и эксплуататорских классов. Следуя указаниям Ленина, КПСС разоблачила извращения нац. политики, допущенные в условиях культа личности Сталина как внутри страны, так и в отношениях с нек-рыми странами социалистич. системы. Партия восстановила ленинские принципы и в области Н. в., расширила права союзных республик и последовательно осуществляет всестороннее развитие социалистической демократии, отношения с социалистическими странами строятся на основе принципов равноправия, суверенитета, братской дружбы и взаимопомощи.

Период строительства коммунизма в СССР представляет собой новый этап в развитии социалистич. наций и их отношений между собой. Важнейшей задачей в многонац. социалистич. странах является укрепление дружбы народов, полное осуществление их фактич. равноправия, борьба с пережитками национализма. Социалистич. страны всеми средствами поддерживают нац.-освободит. борьбу народов, оказывают экономич., политич., культурную помощь освобожденным народам с целью ускорения их развития по пути социального прогресса. Опасными являются попытки националистов, национал-уклонистов, ревизионистов справа и слева подорвать единство стран социализма, единство междунар. коммунистич. и революц. рабочего движения, подорвать его союз и единый фронт с нац.-освободит. движением и тем самым ослабить борьбу против империализма. Борьба с великодержавным шовинизмом, националистич. уклонами и расовыми предрассудками, интернационалистич. воспитание трудящихся всех наций — необходимое условие успешного решения Н. в., победы социализма и коммунизма. См. также статьи *Национально-освободительная революция, Нация, Национализм* и лит. при этих статьях. [М. Камжари]. Москва.

НАЦИЯ (от лат. *natio*—народ)—историч. общность людей, складывающаяся на основе общности их языка, территории, экономич. жизни, культуры и нек-рых особенностей характера. Экономич. основой возникновения Н. является такое развитие производит. сил и совокупности производств. отношений, к-рое впервые достигается при переходе от феодализма к капитализму. Развитие капитализма создает общественно-территориальное разделение труда, к-рое связывает население экономически в Н. Это ведет и к политич. концентрации, к созданию нац. гос-в на месте прежней феод. раздробленности страны (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 428 и т. 21, с. 406—16). Н. возникает из родств. и неродств. племен, рас и народностей. Рус. Н. развилась из части древнерус. народности, к-рая, в свою очередь, сложилась из родств. вост.-славянских племен, но в нее вошло немало элементов из окружавших ее зап. и юж. слав., герм., финно-угорских и тюркоязычных народностей и т. д. Французская Н. образовалась в результате слияния галлов, германцев, норманнов и др. Сев.-амер. Н.

возникла из переселенцев почти всех европ. стран. с к-рыми отчасти смешивались негры из Африки и индейцы. Нельзя подменять нац. общность расовой, племенной, равно как и религ. и гос. общностью. Существует мн. разных Н., к-рые в основном относятся к одной расе. Существуют Н., части к-рых исповедуют разные религии. С другой стороны, существуют разные Н., исповедующие одну и ту же религию. Есть Н., живущие в одном гос-ве и не имеющие своей нац. государственности, и, наоборот, есть немало таких Н., отд. части к-рых живут в разных гос-вах. Поэтому расовую, племенную, религ. и гос. общность нельзя включать в общее понятие и определение Н. в качестве ее необходимых признаков.

Ленин показал, критикуя взгляды народника *Михайловского*, что в период образования Н. родовая и племенная организация общества уже не существует, и Н., как и народности, возникают на основе территориально-экономич. связей. Поэтому их нельзя рассматривать как простое продолжение и расширение родовых и племенных связей. *Роды* и племена — историч. общности людей эпохи первобытнообщинного строя, а народности — эпохи рабовладельч. и феод. обществ — предшествуют Н. Экономич. основой процесса образования Н., цементирующей их языковую, территориальную и культурную общность, было развитие товарного произ-ва, появление местных рынков, их слияние в единый нац. рынок. «...Создание... национальных связей, — писал Ленин, — было ничем иным, как созданием связей буржуазных» (Соч., т. 1, с. 137—38). Общность языка и территории, на базе общности экономич. жизни являются осн. признаками Н. Общность языка, территории, экономич. жизни и культуры Н., вырастающие на базе капитализма и тем более — социализма, качественно отлична и по своему социальному типу, характеру, уровню развития исторически выше, чем аналогичные общности у рода, племени и народности, возникшие в докапиталистич. формациях. Развитие капитализма ликвидирует феод. экономич., политич. и культурную разобщенность населения, говорящего на одном языке, путем роста пром-сти, торговли, рынка. Это и приводит к экономич. и политич. консолидации народностей в Н., к созданию централизованных нац. гос-в, к-рые, в свою очередь, ускоряют консолидацию Н. Экономич. и политич. консолидация Н. способствует образованию единого нац. языка из языка народностей на основе сближения письменного лит. языка с народным разговорным; нац. язык постепенно преодолевает диалектную раздробленность языка народности, что также содействует созданию устойчивых связей между людьми на данной территории. Особенности историч. развития Н., ее экономич. строя, культуры, быта, обычаев и традиций, географич. и историч. среды накладывают свой отпечаток на ее духовный облик, создают особенность нац. характера или психологии у людей, составляющих данную Н., порождают у них особые «нац. чувства» и «нац. сознание». Но эти черты нельзя истолковывать в духе идеологии нац. «исключительности», согласно к-рой одни Н. трудолюбивы, деловиты, революционны и т. д., а другие не обладают или не могут обладать этими качествами. Отмечая ту или иную особенность у данной Н., мы вовсе не отрицаем ее у других Н., а лишь подчеркиваем, что она особенно ярко и сильно развита у данной Н. в данный момент и своеобразно сочетается с другими чертами и особенностями ее характера.

В эксплуататорском обществе классовое положение и интересы людей, а не их нац. принадлежность определяют решающим образом движущие мотивы и цели их деятельности, в т. ч. их нац. волю, чувства, сознание и самосознание. Нац. сознание выражает не только принадлежность человека к определ. нации, но и то

или иное отношение к другим Н., то или иное понимание нац. интересов с т. зр. определ. социальной группы, класса. Нац. характер — явление духовной жизни, он отражает экономич. и социально-политич. строй Н., проявляется в ее культуре и формируется под их воздействием. Общность экономич. жизни, культуры и характера бурж. Н. весьма относительно и не исключает антагонизма классов. Если в культуре Н. в условиях капитализма есть «две культуры», то и ее характер и ее нац. сознание также как бы «раздваиваются». Бурж. национализм и пролет. интернационализм — это два противоположных мировоззрения и две противоположных политики в нац. вопросе. У соответствующих классов разных Н. есть общие социальные, классовые, а также особые нац. черты. Нем. буржуа отличается по нац. чертам от французского, американского, японского, хотя классовое сознание их, по существу, одно и то же. Классовое сознание, интересы и характер буржуа и пролетария любой Н. прямо противоположны друг другу. Пролетариат по природе своей интернационален, оставаясь в то же время национальным. Рус. рабочий отличался и отличается от немецкого, английского, французского по языку и др. нац. особенностям, по условиям быта и культуры, а значит, и по особенностям нац. характера, хотя классовые черты и интересы, цели, идеалы и чувства у них общие, интернациональные. Последние играют решающую роль в его характере, проявляясь и в его нац. особенностях. Эти моменты не раскрыты в сталинском определении «общности психического склада» бурж. Н. и нац. специфики (см. «Марксизм и нац. вопрос», Соч., т. 2, М., 1954), что оставляло лазейки для бурж. теорий «нац. исключительности». Итак, особенность нац. психологии (характера) тоже составляет необходимый, хотя и не первичный, а производный признак Н. Нек-рые из признаков Н. могут быть общими, одинаковыми для неск. Н. Есть различные Н., говорящие на одном языке (напр., англичане и североамериканцы, португальцы и бразильцы, мексиканцы, кубинцы, аргентинцы и испанцы), или живущие на общей территории, или имеющие тесные территориально-экономич., гос. и культурные связи и вследствие этого много общего в своей истории, культуре, быту, в обычаях, традициях, в психологии. У Н. есть не только о с о б е н н о е, то, что отличает их друг от друга, но и о б щ е е, что сближает и связывает их. Характер экономич. строя определяет социальную структуру и политич. строй Н., характер ее быта и культуры, психологию и духовный облик.

В бурж. социологии нет общепринятой теории Н. В ней преобладают ненауч. эвристические теории, связывающие Н. с гос-вом. В других идеалистич. теориях выпячивается нац. сознание, «национальный дух» или нац. характер в качестве ведущего, а иногда и единств. признака Н. (амер. социологи В. Сульбах, Г. Кон, амер. юрист К. Иглтон и др.). Н. рассматривается как только субъективное чувство и желание, воля, решение произвольной группы людей (Г. Кон) или «психологич. понятие», «бессознат. психич. общность» (Маритен). Мн. совр. бурж. идеологи опираются на теории О. Бауэра, К. Реннера, к-рые сводили Н. к общности нац. характера на почве общности судьбы, к союзу «одинаково мыслящих людей». Идеологи совр. реформизма, ревизионизма и нац. коммунизма скатываются к бурж. национализму и великодержавному шовинизму, раздувая нац. моменты в развитии своих стран, приписывая всем Н. в целом, в т. ч. и социалистич. Н., то, что присуще буржуазии, — борьбу за подчинение себе других стран и наций. Проанализировав сущность и возникновение Н. и нац. гос-в, Маркс и Энгельс показали неизбежность смены Н. более высоким типом историч. общности; капитализм порождает Н. и вместе с тем создает тен-

денции и материальные предпосылки к их объединению и слиянию.

Маркс и Энгельс указывали, что эксплуатацией всемирного рынка буржуазия делает произ-во и потребление всех стран космополитическим. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существования за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...» (Соч., 2 изд., т. 4, с. 428). Ленин развил эти положения применительно к новой историч. эпохе, раскрыл противоречивость двух тенденций капитализма в национальном вопросе — тенденции пробуждения Н. и интернационализации их хозяйств. жизни, показал разрешение этих противоречий в процессе социалистич. строительства, выработал программу партии пролетариата в национальном вопросе.

Социалистич. революция создает базу и условия для преобразования бурж. Н. в социалистич. Н., для перехода к социализму народов, не прошедших (полностью или частично) стадии капитализма. Социалистич. Н. коренным образом отличаются от буржуазных по своим экономич. основам, социальной структуре, социально-политич. и духовному облику, ибо они свободны от социальных, классовых антагонизмов, присущих бурж. Н. Социалистич. Н. с самого начала стремятся не к обособлению друг от друга, а к сближению. Все Н. и народности СССР объединились в единую семью народов, достигли громадных успехов в развитии своей нац. государственности, экономики и культуры. На этой основе окрепла *дружба народов* СССР, возник многонац. сов. народ — новый, высший тип историч. общности людей — их интернац. общности. Важным условием, способствовавшим развитию социалистич. Н., явилась критика партией *культ личности*, нарушений принципов ленинской нац. политики. Партия решительно покончила с этими извращениями и провела мероприятия, укрепившие дружбу народов СССР, интернац. связи их с народами лагеря социализма и трудящимися всего мира.

Период развернутого строительства коммунизма представляет собой этап дальнейшего всестороннего развития и сближения социалистич. Н., достижения ими полного экономич., политич., культурного, духовного единства.

Строительство коммунизма в СССР и др. странах мировой системы социализма подготавливает условия полного добровольного слияния Н. после победы коммунизма во всем мире. Условиями и предпосылками этого будущего этапа слияния Н. являются: а) создание единой мировой коммунистич. экономики; б) полное и повсеместное исчезновение классовых различий; в) выравнивание экономич. и культурного уровня всех Н. и стран на основе их общего подъема; г) полное отмирание на этой основе гос-ва и гос. границ, создание полного простора для подвижности населения во всем мире; д) развитие коммунистич. быта и культуры народов, интернациональной по своим основам, характеру и содержанию; е) максимальное сближение духовного облика и психологии, характера Н.; ж) возникновение общего всемирного языка, вероятнее всего, путем добровольного принятия в качестве такового одного из наиболее развитых совр. языков, уже ныне выполняющих функции средства междунар. общения. Программа КПСС подчеркивает, что все вопросы развития Н. и нац. отношений партия решает с позиций пролет. интернационализма и ленинской нац. политики; нельзя ни преувеличивать, ни

игнорировать нац. особенностей и различий, ни задерживать прогрессивного процесса их стирания, ни ускорять его искусственно, путем давления и принуждения, ибо это может только затормозить процессы сближения Н. И после построения в основном коммунизма в СССР неправильно было бы декларировать политику слияния Н. Но неправы и те, кто сетует по поводу происходящих процессов постепенного стирания нац. различий и особенностей. Коммунизм не может увековечивать и консервировать нац. особенности и различия, ибо он создает новую, интернац. общность людей, интернац. единство всего человечества. Но такое единство в полном слиянии Н. осуществляется только после победы социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Лит. Маркс К. и Энгельс Ф., О колониальной системе капитализма. [Сб.], М., 1959; Ленин В. И., О нац. и национально-колониальном вопросе. [Сб.], М., 1956; его же, Тезисы реферата по нац. вопросу, Соч., 4 изд., т. 41, с. 273, Ленинский сборник, ХХХ, [М.], 1937, с. 61—70, 98—112, 189—99; КПСС в резолюциях и решениях, 7 изд., ч. 1, М., 1953, с. 40, 47, 54, 82, 286, 314—15, 345, 361, 416—17, 553—62, 709—18, 759—66; ч. 4, 1960, с. 127—32; Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961; Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Каммари М. Д., Социалистич. нации СССР в условиях перехода от социализма к коммунизму, «Коммунист», 1953, № 13; его же, К полному единству, М., 1962; Социалистич. нации СССР, М., 1955; Цамерян И., Сов. многонац. гос-во, его особенности и пути развития, М., 1958; Дунаева Е. А., Сотрудничество социалистич. наций в строительстве коммунизма, М., 1960; Минуя капитализм. [Сб. ст.], М., 1961; Формирование социалистич. наций в СССР. [Сб. ст.], М., 1962; Алексеев В. В., Род, племя, народность, нация, М., 1962; Батыров Ш. Б., Формирование и развитие социалистич. наций в СССР, М., 1962; Кравцев И. Е., Развитие нац. отношений в СССР, Киев, 1962; Чекалин М. В., Коммунизм и Н., Л., 1962; О социализме к коммунизму. Сб. ст., М., 1962 (см. ст. Олейника И. П., Каммари М. Д. и Джунусова М. С.); Семенов Ю. И., Из истории теоретич. разработки В. И. Лениным нац. вопроса, «Народы Азии и Африки», 1966, № 4 (в ст. приведены материалы обсуждения вопроса о Н. в сов. лит-ре); Синицкий К. С., [Реннер К.], Государство и нация, пер. с нем., СПб., 1906; Шпрингер Р., [Реннер К.], Нац. проблема. (Борьба национальностей в Австрии), пер. с нем., СПб., 1909; Бауэр О., Нац. вопрос и социал-демократия, пер. с нем., СПб., 1909; Каутский К., Нац. проблемы, [пер. с нем.], П., 1918. См. также лит. при ст. *Национализм*.

[М. Каммари]. Москва.

«НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ» (1644) — одно из осн. соч. Декарта, в к-ром изложено учение о познании и начале материальных вещей.

НЕБЫТИЕ — применительно к существованию отд. предмета — те границы, за к-рыми данный предмет еще не существует или уже не существует. В ряде идеалистич. систем Н. выражает ступень существования мира или его к.-л. части и по своему содержанию включается в более общую категорию *ничто*.

НЕВСКИЙ (Кривококов), Владимир Иванович (2 мая 1876—25 мая 1937) — сов. историк, философ и публицист — пропагандист марксизма, профессиональный революционер-большевик. Революц. деятель начал в кружках народолюбцев в Ростове-на-Дону (1895—97). Член КПСС с 1897. В 1898—99 учился в Моск. ун-те. Участвовал в революции 1905—07. Неоднократно арестовывался. Активный участник Окт. вооруж. восстания 1917, член Петроградского ВРК. Нарком путей сообщения (1917—19), зам. пред. ВЦИК (1919—20), ректор Коммунистич. ун-та им. Я. М. Свердлова, зам. зав. Истпартом (с 1922), директор Гос. б-ки им. Ленина (с 1924).

Осн. темы работ Н. — рабочее движение в России в 70—90-х гг. 19 в. («От "Земли и воли" к группе „Освобождение труда“, 1930, и др.), проблемы революции 1905—07 («Советы и вооруженное восстание в 1905 году», 1932, и др.). Н. — автор ряда трудов по истории Коммунистич. партии («Очерки по истории Российской коммунистич. партии», ч. 1, 1923; «История РКП(б). Краткий очерк», 1926, и др.). В 20-е гг., обратившись к филос. проблематике, Н. выступил с защитой диалек-

тич. материализма от нападок идеалистов. В статье «Диалектич. материализм и философия мертвой реакции» (приложение ко 2-му изд. книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», 1920) Н. разобрал работы Богданова (особенно первые две части «Тектологий»), вышедшие после 1909, показав их политич. вред и теоретич. несостоятельность. Н. выступал также против *механицизма*, в частности против т. н. «коллективной рефлексологии» *Безтерева* («Политич. гороскоп ученого академика», «ПЗМ», 1922, № 3). Резкой критике подверг Н. феноменологию *Шнеца* и религ.-мистич. философию (*Лосского*, *Карсавина* и др.), к-рая активно пропагандировалась в журналах «Мысль», «Мысль и слово» в первые годы Сов. власти. Справедливо выступая против идеалистич. интерпретации теории относительности (П. Дюшен, А. Хаза и др.), Н. ошибался, говоря, что идеалистич. выводы неизбежно вытекают из самой сути теории Эйнштейна («Реставрация идеализма и борьба с „новой“ буржуазией», «ПЗМ», 1922, № 7—8). В брошюре «Ленин как материалист в своих первых работах» (1924), давая критику историч. идеализма и механицизма *Сорокина*, *Богданова* и др., Н. проанализировал значение произведений Ленина 1894—95 для методологии социальных исследований.

Соч.: Нострадамусы XX в., «ПМЗ», 1922, № 4; В. И. Ленин (Ульянов), М.—Л., [1924]: 3-й съезд, 2 изд., X., 1928; Н. Г. Чернышевский, [М.], 1931; Рабочее движение в январские дни 1905 г., М., [1931]. А. Поляков. Москва.

НЕДОНСЕЛЬ (Nédoncelle), Морис Густав (р. 30 окт. 1905) — франц. философ-персоналист, католич. священник. Доктор гуманитарных наук и теологич. профессор и декан (с 1957) теологич. факультета Страсбургского католич. ун-та. В работах «Обоюдность сознаний» («La réciprocité des consciences. Essai sur la nature de la personne», P., 1942) и «Человек, личность и природа» («La personne humaine et la nature», P., 1943) разработал концепцию т. н. спиритуалистического *персонализма*, в основе к-рой лежит понятие взаимности, обоюдности (Réciprocité), т. е. необходимой связи между сознанием «Я» и сознанием «Другого» (autrui). Персонализм, согласно Н., по самой своей внутр. сущности есть утверждение общности; индивидуализм является его коренным отрицанием. Диада, а не монада, «Мы», а не «Я» делает возможным, по мысли Н., появление личности. Но личность по природе своей «причастна» богу, она не может быть завершена в области материального мира, но только в глубоком духовном общении (любви) с божественным «Ты». (В отличие от др. персоналистич. концепций, развивающих социальный и политич. аспекты личности, напр. Мулье, Н. особо подчеркивает ее божеств. природу). Быть — значит находиться в неразрывном единении с Богом. Поэтому всякая личность, согласно Н., является онтологич. доказательством существования бога. Однако, несмотря на соотносении личности с идеальной сущностью — богом, каждая личность обладает *свободой воли*. Когда свобода действует вразрез с божеств. промыслом — отказывается от стремления к совершенству — и этим нарушает связь с абс. духом, она приводит к потере взаимосвязи с др. личностями и лишает «Я» его личного существования.

В теории познания Н. исходит из декартовского cogito, но вводит в него, помимо субъекта и объекта, то же понятие обоюдности — сознание «Другого». Не существует сознания, к-рому бы не было противопоставлено сознание другого. Этот «Другой», «Ты», рассматриваемый Н. исключительно как духовная сущность, подтверждает реальность моего «Я», а мое «Я» подтверждает реальность «Ты». «Общность сознаний является первичным фактом, cogito с самого начала имеет взаимный характер (см. «La réciprocité des consciences» [P., 1942], p. 319).

Природу Н. рассматривает как огранич. часть реальности, в основе к-рой лежит духовная сущность. Н. не отрицает роли науки в познании мира, но в конечном счете она поглощается у него верой как высшей формой познания.

Соч.: La philosophie religieuse en Grande Bretagne de 1850 à nos jours, P., 1934; La pensée religieuse de F. von Hügel, P., 1936; La philosophie religieuse de J. H. Newman, Strass., 1946; Trois aspects du problème anglo-catholique au XVII siècle, P., 1951; Introduction à l'esthétique, P., 1953; Existe-t-il une philosophie chrétienne?, P., 1956; Vers une philosophie de l'amour et de la personne, P., 1957; Personnalisme, в кн.: Encyclopédie française, t. 29, P., 1957.

Лит.: Mur y G., Un panorama de la philosophie. L'Encyclopédie française, «La Pensée», 1958, № 77; Garaudy R., Perspectives de l'homme, P., 1959; Brelet G., La philosophie du Maurice Nédoncelle, «Giornale di metafisica», 1960, № 3. Т. Сахарова. Москва.

НЕЕДЛЫ (Nejedlý), Зденек (10 февр. 1878—9 марта 1962) — чехословацкий ученый-историк, социолог, искусствовед и обществ. деятель. В 1909—39 — проф. Карлова ун-та в Праге. Член Коммунистич. партии Чехословакии с 1929. Во время оккупации Чехословакии жил в СССР, в 1939—45 был проф. Моск. ун-та. С 1945 — министр пр-ва Чехословацкой Республ. Президент Чехословацкой АН (с 1952). В своих историч. соч. («История гуситской песни» — «Dějiny husitského zpěvu za válek husitských», 1913; «История Советского Союза» — «Dějiny Sovětského svazu. 1917—1947», 1948; «Ленин» — «Lenin», sv. 1—2, 1949, и др.) придерживался концепции т. н. «исторического монизма», заключающегося в утверждении принципа единства и неделимости истории. В работе «Спор о смысле чешской истории» («Spor o smyslu českých dějin», 1914) Н. выступил с критикой реакц. историч. концепции, выдвигаемой Масариком, указывая на нар. характер гусизма. В своих работах по вопросам эстетики Н. разрабатывал проблему народности, отстаивал принципы реализма иск-ва. Н. принадлежит несколько самостоят. филос. очерков («Слово о чешской философии» — «Slovo o české filosofii», 1950). Он автор ряда работ по истории муз. культуры.

Соч.: Spisy..., sv. 1—51—, Praha, 1949—56—; в рус. пер.: Избр. труды, М., 1960.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 451—52; Бэлза П. Ф., Королюк В. Д., З. П. Неедлы. [Некролог], в сб.: Уч. зап. ин-та славяноведения, т. 25, М., 1962; З. Н. — выдающийся обществ. деятель и ученый, М., 1964; Svoboda L., Zdeněk Nejedlý jako filosof, в кн.: O Zdenku Nejedlém, Praha, 1948; Stoll L., Strážce čistého ohně, предисл. к кн.: Zdeněk Nejedlý. O smyslu českých dějin, Praha, 1952; Svoboda L., Zdeněk Nejedlý a dějiny české filosofie, в кн.: Zdenku Nejedlému Československá Akademie věd, Praha, 1953; Popelova J., Zdeněk Nejedlý — mistr, dialektické metody, «Filos. časopis», 1953, № 1.

М. Маховец. ЧССР.

НЕЖОН (Naigeon), Жак Андре (1738—28 февр. 1810) — франц. философ-материалист и атеист, представитель младшего поколения просветителей; был секретарем и ближайшим сотрудником *Гольбаха*, принимал активное участие в подготовке его работ «Система природы», «Разоблаченное христианство», «Священная зараза», «Карманное богословие» и др. Н. руководил подпольным изданием за границей мн. произв. *Гольбаха*, издавал труды *Монтеня*, *Руссо* и *Дидро* («Oeuvres D. Diderot», t. 1—15, P., 1798).

Н. считается осн. автором вышедшей анонимно книги «Воин-философ» («Le militaire philosophe...», 1768; рус. пер. — «Солдат-безбожник», 1925, вступит. ст. П. Лушпола). В основу книги положена тоже анонимная работа «Воин-философ» (нач. 18 в.), распространяемая в рукоп. копиях; острая критика религ. верований сочеталась в этой работе с пропагандой «естественной религии», *деизма*. Н. сократил и переработал первую часть этой рукописи, придав ей ярко выраженную антихристианскую и атеистич. направленность. В книге делался вывод, что «все религии ложны» (см. «Солдат-безбожник», с. 137), что «ни кто не боится

придерживаться какой бы то ни было религии» (там же, с. 146) и ярко раскрывалась политич. роль религии: «... все религии опираются на чувство страха... Бог придуман, по-видимому, только для того, чтобы загугать рабов, которых духовенство желает подчинить своему игу» (там же, с. 153). В противоречии с осн. содержанием «Воина-философа» находится 18-я гл., приписываемая Гольбаху (в рус. пер. эта глава опущена); доказательство несовместимости морали со всеми существующими религиями соединено здесь с защитой «истинной» религии морали; возможно, Гольбах не хотел нарушать деистич. духа оригинала, переработанного им и Н. Сочетание критики религии с деистич. положениями вызвало одобрительную оценку «Воина-философа» *Вальтером*. «Воин-философ» был внесен в папский «Индекс запрещенных книг» (29 ноября 1771) и до сих пор остается там (см. «Вопр. истории религии и атеизма», сб., т. 4, 1956, с. 420).

В годы революции Н. получил возможность открыто выразить свои атеистич. взгляды. В 1790 он обратился к Нац. собранию с адресом, в к-ром решительно возражал против ссылок на бога в «Декларации прав человека и гражданина». Н. доказывал, что «...нет ничего более опасного, ничто не противоречит в большей мере задачам мудрого законодателя, как связывать естественные права человека с существованием бога, а мораль связывать с религией» («Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой Франц. революции», сб., ч. 1, М., 1933, с. 115; ср. С. Марешаль, Избр. атеистич. произв., М., 1958, с. 247). Однако как бурж. просветитель Н. допускал непоследовательность, считая, что ссылки на бога вполне уместны в конституции, поскольку она предназначена для всей нации и «... не все граждане государства — философы» («Атеизм...», с. 122). Призывая к борьбе с церковью, Н. вместе с тем настаивал на полной свободе вероисповедания.

Н. возглавил создание большого раздела «Систематич. энциклопедии» («Encyclopédie méthodique») — «Философия древняя и новая» («Philosophie ancienne et moderne», t. 1—3, 1791—94). Этот труд был задуман как продолжение и дополнение соответствующих разделов «Энциклопедии» Дидро, откуда был перепечатан ряд статей. Мн. статьи «Систематич. энциклопедии» были написаны Н.: «Буланже», «Бэкон», «Дидро», «Дюмарсе», «Кампанелла», «Кардано», «Коллинз», «Кондилляк», «Мелье», «Мирабо», «Монады», «Толанд», «Фатализм», «Фрере» и др. В этих статьях Н. выступал как атеист и материалист, борющийся с идеализмом и религией (о чем сообщил С. Марешаль, см. Избр. атеистич. произв., с. 248). Особый интерес представлял статьи Н. о деятелях франц. Просвещения — ценный источник сведений об их жизни и деятельности.

Игнорируемый большинством бурж. исследователей, Н. сыграл крупную роль как пропагандист воинствующего атеизма, оставшийся до конца жизни верным прогрессивным идеалам просветителей и борющийся с наступлением реакции в области идеологии после поражения революции.

Соч.: *Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les ouvrages de D. Diderot*, P., 1821.

Лит.: Воронидын И. П., История атеизма, 3 изд., [Рязань, 1930]; Коган Ю. и Мегружан Ф., Ж. Нэжон, «Антирелигиозник», 1935, № 1; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 438; Ниякий В., Ж.-А. Нэжон (к 150-летию со дня смерти), «Наука и религия», 1960, № 2; Rosenkrantz K., Diderot's Leben und Werke, Bd 2, Lpz., 1866, S. 288; Wade I. O., The clandestine organisation and diffusion of philosophic ideas in France from 1700 to 1750, Princeton—L., 1938, p. 45—64; Naville P., P. Th. D'Holbach et la philosophie scientifique au XVIII siècle, 4 éd., P., 1943, p. 97—101, 160—65. В. Кузнецов. Москва.

НЕЗАВИСИМОСТЬ (в логике и математике) — св-во предложения нек-рой теории (или формулы нек-рой формальной системы), заключающееся в том, что ни само это предложение (соответственно формула), ни его (ее) отрицание логически не выводятся

(по правилам вывода формальной системы) из данной системы предложений (конъюнкции данных формул); когда рассматриваемое предложение (или формула) является аксиомой данной теории, говорят о Н. (в только что определенном смысле) этой аксиомы от остальных аксиом теории. Н. к.-л. предложения (или формулы) относительно данной системы аксиом (безразлично — содержательно понимаемых предложений или же формул исчисления; ниже термин «аксиомы» можно всюду понимать в любом из этих смыслов) может быть доказана путем установления *непротиворечивости* каждой из двух систем аксиом, одна из к-рых получается присоединением к данной системе аксиом рассматриваемой аксиомы, а другая — прибавлением к данной системе отрицания рассматриваемой аксиомы (система аксиом, относительно к-рой рассматривается вопрос о Н., как правило, предполагается непротиворечивой, поскольку в противном случае из нее можно было бы вывести любое предложение данной теории). С Н. связано и др. важное свойство аксиоматич. систем — *полнота*: если (непротиворечивая) система аксиом (дедуктивно) полна, то присоединение к ней любой независимой от нее формулы (той же формальной системы в качестве аксиомы делает систему противоречивой; любая же формула, присоединение к-рой к аксиомам полной системы сохраняет непротиворечивость последней, может быть выведена из совокупности данных аксиом (зависит от них). Термин «Н.» часто употребляется и по отношению к нек-рой совокупности (системе) предложений (формул): совокупность наз. независимой (или не избыточной), если каждый ее элемент независим от совокупности остальных (в определенном выше смысле). В отличие от непротиворечивости и полноты, Н. не имеет принципиального значения для формально-аксиоматич. (и тем более содержательно-аксиоматич.) теорий; требование Н. есть проявление естеств. стремления к тому, чтобы не использовать в качестве исходных предположений такие, к-рые могут быть выведены из др. аксиом теории. Однако исследование, касающиеся Н. к.-л. системы аксиом или отд. ее предложений, играют часто важную методол. роль; попытки решения мн. математич. и логич. проблем оказались обреченными на неудачу из-за Н. искомого предложения от остальных постулатов теории. Классич. примером такой проблемы служит 5-й постулат Эвклида о параллельных, предположение о Н. к-рого от остальных эвклидовых аксиом (а затем и доказательство этой Н.) привело к открытию неевклидовой геометрии. Ряд важных результатов о Н. получен в *математической логике*. Термин «Н.» употребляется в логике (и математике) и для характеристики отношения между различными понятиями (термами, операциями, логич. связками, функциями и пр.): понятие наз. независимым от данной системы понятий, если его нельзя определить (выразить) в терминах этой системы понятий (не привлекая дополнит. понятий). Разумеется, о Н. в этом смысле можно говорить лишь в рамках фиксированной системы правил определения (образования) понятий (к к-рым, вообще говоря, также применимо понятие Н.), подобно тому как Н. в первом смысле всегда предполагает фиксацию системы *правил вывода* (доказательства) предложений, причем для самих правил вывода в свою очередь встает проблема Н. Аналогичным образом можно говорить о Н. системы понятий.

Лит. см. при ст. *Метод аксиоматический*.

Ю. Гастев. Москва.

НЕЙМАН (Neumann), Джон (Янош) фон (28 дек. 1903—8 февр. 1957) — математик и логик, с 1930 жил в США. Проф. Принстонского ун-та (с 1930), президент Амер. математич. об-ва (1951—53). Н. — автор работ в различных областях науки (*математическая логика*, алгебра, теория множеств, теория вероят-

ностей, *механика квантовая*), один из создателей *теории игр* и матем. экономики. Ранние работы Н. в области оснований математики и матем. логики посвящены аксиоматизации теории множеств и проблемам *непротиворечивости* аксиоматич. систем. Н. высказывал идею о принципиальных границах аксиоматизации, нашедшую впоследствии выражение в теореме *Гёделя* о неполноте. Н. сыграл большую роль в возникновении и развитии *кибернетики*. Он разработал осн. идеи и был практич. участником создания первых цифровых вычислит. машин (1943). Ему принадлежат основополагающие работы в области изучения осн. принципов строения управляющих систем. В работе «Общая и логическая теория автоматов» (см. А. Тьюринг, *Может ли машина мыслить?*, М., 1960, с. 59—101) Н. выдвинул идею включения в логику категории времени, что, по его мнению, предотвращает появление различного рода порочных кругов и антиномий. Н. выдвинул также идею об отказе в теории автоматов от абстракции потенциальной осуществимости, к-рую соединил с требованием сделать логич. аппарат менее комбинаторным (имеющим дело с жесткими, дискретными объектами, с понятиями типа «да» или «нет», «всё» или «ничего») и существенно более близким к матем. анализу, имеющему дело с непрерывностью. Он использовал вероятностный подход к логике для решения вопроса о путях построения надежных автоматов из ненадежных компонент (см. сб. «Автоматы», М., 1956, с. 68—139). В работе «Вычислительная машина и мозг» (см. «Кибернетический сборник», т. 1, М., 1960, с. 11—60), сопоставляя работу вычислит. машины с работой мозга, Н. подчеркнул глубокое различие работы мозга от работы машины.

Лит.: U l a m S., J. von Neumann. 1903—1957. «Bull. Amer. Math. Soc.», 1958, v. 64, № 3, pt 2 (имеется подробная библиограф. работ Н.); S h a n o n C. E., Von Neumann's contributions to automata theory, там же. В. Донченко. Москва.

НЕЙРАТ (Neurath), Отто (10 дек. 1882—22 дек. 1945) — австр. философ, социолог и экономист; был одним из организаторов и лидеров *Венского кружка*; после захвата Австрии гитлеровской Германией переехал в Голландию, а оттуда в 1940 — в Англию, где до конца жизни преподавал в Оксфордском ун-те. Филос. и социологич. взгляды Н. эклектически соединяют тенденции стихийного, естеств.-науч. материализма со взглядами *логического позитивизма*. Н. занимал наиболее радикальную позицию по двум осн. проблемам, стоявшим в центре внимания логич. позитивизма и тесно связанным с пониманием логич. природы науки, а именно по проблеме *протокольных предложений* и по проблеме единства науки. Он считал, что протокольные предложения не обладают преимуществами по сравнению с др. видами предложений. Критерием истинности является не (отвергаемая Н.) абс. достоверность протокольных предложений, а в конечном счете *непротиворечивость* утверждений науки; любое предложение (не противоречащее др. предложениям данной науки), в зависимости от задач исследования, может быть выбрано ученым (по соглашению с др. учеными) в качестве протокольного. При этом вопрос о том, как приходят ученые к указанному соглашению, является их личным делом и не имеет отношения к логике и философии (изучение этого вопроса дело социологии, причем той ее части, к-рая изучает обществ. поведение ученых, их воспитание и обучение). Н. мн. внимания уделил идее т. н. «унифицированного языка науки». Вместе с *Карнапом* он был одним из авторов и гл. редактором издания «International encyclopedia of unified science» (1938—1940). Считая установление единства знаний важнейшей задачей философии науки, Н. полагал, что его можно достичь с помощью единого, универс. языка, опирающегося на яз. физики и математики (т. зр. т. н. «радикального физикализма»). С помощью такого яз.

можно установить логич. связи между науками, разработать общую методологию, проанализировать осн. понятия и разработать классификацию наук. Н. осн. внимание уделил переводу на такой яз. положений психологии и социологии. Предметом психологии, по Н., должно быть изучение поведения отд. людей, «...которое можно интересубъективно описать на языке физики» («Le développement du cercle de Vienne et l'avenir de l'empirisme logique», Р., 1935, р. 6).

Рассуждения о психике, о «чужом сознании» и т. д. Н. относил к разряду метафизических и ненаучных. Такая концепция (называемая Н. «бихевиористикой») привела Н. в конечном счете к оценке *бихевиоризма* как единственно возможной формы науч. психологии. Социология, по Н., исследует поведение больших или малых человек. групп (племен, наций, гос-в, классов и т. д.) и является социал-бихевиористикой. «Физикализованная» социология основана лишь на эмпирич. предположениях наблюдения, говорящих, напр., об условиях климата, биологич., географич. условиях, о поведении людей и т. д. (см. «Foundations of social sciences», Chi., 1954, р. 4).

Н. призывал отказаться от традиц. деления наук на физич., биологич., социальные (или «духовные»). В пределах унифицированной науки, во-первых, природа и общество должны исследоваться одними и теми же методами, а во-вторых, для понимания истории общества любые природные факторы являются столь же важными, как и факторы обществ. жизни. Поэтому, ставя перед социологией задачу установления законов и формулирования предвидений, он был вынужден подчеркивать ограниченность предсказуемости будущих обществ. явлений ввиду трудности учета всех факторов, воздействующих на них. Н. критиковал традиц. понятие причинности (в основном в социальных науках), считая, что объяснение социальных явлений должно быть вероятностным.

По своим общественно-политич. взглядам Н. был убежденным антифашистом и демократом, принимал участие в революц. боях 1918—23 в Австрии и Германии. Н. считал себя марксистом, будучи по существу сторонником *австромарксизма*. Для Н. характерны непонимание марксизма в целом и марксистской диалектики в частности, попытки представить марксизм как «подлинную эмпирическую социологию» (см. «Erkenntnis», Bd 2, Lpz., 1932, S. 422), сходную с его «физикалистской» социологией.

Соч.: Vollsozialisierung und Arbeiterorganisation. Reichenberg, [1920]; Bayerische Sozialisierungserfahrungen, W., 1920; Anti-Spengler, Münch., 1921; Wirtschaftsplan und Naturalrechnung, B., 1925; Antike Wirtschaftsgeschichte, 3 Aufl., Lpz.—B., 1926; Lebensgestaltung und Klassenkampf, W., 1928; Empirische Soziologie, W., 1931; International picture language; the first rules of isotopy, L., 1936; Modern man in the making, [N. Y.]—L., 1939.

Лит.: Kraft V., Der Wiener Kreis, W., 1950; Logical positivism, ed. by A. J. Ayer, Glencoe (Ill.), 1960 (имеется библиограф. работ Н.); R u m l V., Základní otázky filosofie logického pozitivismu, Praha, 1962.

И. Добролюбов. Москва, А. Вегмановилли. Тбилиси.

НЕЛЬСОН (Nelson), Леонард (11 июля 1882—29 окт. 1927) — нем. философ, психолог; глава т. н. психологического течения в *неокантианстве*, последователь *Фриза*; профессор университета в Гёттингене. Н. пытался доказать невозможность общей теории познания, поскольку обосновывать познание познанием же невозможно (regressus in infinitum), а любая др. предпосылка познания, естественно, не может служить его логич. обоснованием, ибо должно быть доказано, что эта предпосылка истинна. Следовательно, теоретич. путь решения вопроса о действительности нашего познания, т. е. «...положительное обоснование познания — вещь невозможная» (см. Л. Нельсон, *Невозможность теории познания*, в сб. «Новые идеи в философии», вып. 5, СПб., 1913, с. 77). Намеченную проблему Н. решает при помощи

понятия такого знания, к-рое не требует обоснования, т. е. при помощи непосредств. знания — восприятия. Это знание, выступающее, по Н., предпосылкой познания, является фактом реальности духовной жизни индивида, т. е. психологич. феноменом. Поскольку оно существует, познание не есть проблема, а есть факт. Проблемой здесь является возможность заблуждения, к-рое, согласно Н., возникает в процессе воспроизведения непосредств. знания — в суждении. Суждения восприятия не доказываются логически — они могут быть только демонстрируемы. Средством осознания непосредств. знания является психологич. рефлексия, поэтому путь к решению проблемы, поставленных Юмом и Кантом, — это, по Н., путь психологич. критики разума и психологич. теории разума. Ограниченность т. зр., утверждающей, что «высшим способом познания является непосредственное знание как факт сознания», отмечал еще Гегель, критикуя Фриза; такого рода позицию Гегель характеризовал как «субъективность произвола» (см. Соч., т. 11, М.—Л., 1935, с. 484—85).

Психологич. критика возможности теории познания явилась основанием для построения Н. этич. учения. Поскольку невозможно теоретико-познават. обоснование этики, ибо вопрос об объективности критерия этич. знания неразрешим, Н. проводит т. зр., согласно к-рой этику можно построить лишь путем дедукции — она должна раскрыть непосредственность этич. знания. Предметом этики являются нравств. действия и их мотивы. Подлинно совершенное действие, по Н., так же как и по Канту, — это действие, следующее велеанию долга. Подчеркивая равноценность каждой личности, Н. отстаивал позиции «либерального социализма», лишеного, по его мнению, «крайностей» как либерализма, так и коммунизма. В учении о праве Н. различал формальное право, абстрагирующееся от содержания, и материальное право, исходящее из содержания и базирующееся на правовом законе; область права — это область, где индивиды взаимно ограничивают свою свободу. Концепция Н. оказала большое влияние на теоретиков социал-реформизма (*Оппенгеймера* и др.); критика Н. рационалистич. доказательства возможности теории познания была во многом воспринята и продолжена *экзистенциализмом* (*Хейдеггер* и др.).

Соч.: Die kritische Methode und das Verhältnis der Psychologie zur Philosophie. «Abhandlungen der Frießschen Schule», 1904, Н. 1, S. 1—88; Über die nichteuclidische Geometrie und den Ursprung der mathematischen Gewißheit, там же, 1905, Bd 2; Ist metaphysikfreie Naturwissenschaft möglich?, там же, 1908, S. 241—99; Über das sogen. Erkenntnisproblem, Gött., 1908; Die Unmöglichkeit der Erkenntnistheorie, Gött., 1911; Die Theorie des wahren Interesses..., Gött., 1913; Ethische Methodenlehre, Lpz., 1915; Vorlesungen über die Grundlagen der Ethik, Bd 1, Lpz., 1917; Die Rechtswissenschaft ohne Recht, Lpz., 1917; Die neue Reformation, Bd 1—2, Lpz., 1918; Öffentliches Leben, Lpz., 1918; Demokratie und Führerschaft, Lpz., 1920; System der philosophischen Rechtslehre, Lpz., 1920.

Лит.: И р и б а д ж а к о в Н., Совр. критика марксизма, М., 1962; F a l k e n f e l d H., L. Nelson, «Kantstudien», 1928, Bd 33, S. 247—55; H e r m a n n G., R a u s c h e n p l a t H., Verzeichnis der Schriften L. Nelsons, Gött., 1929; K r o n f e l d A., Zum Gedächtnis L. Nelsons, «Abhandlungen der Frießschen Schule», 1930, Bd 5; L. Nelson, Ein Bild seines Lebens und Wirkens, P., 1938; Nelson L. zum Gedächtnis. Hrg. M. Specht und W. Eichler, Gött., 1953. А. Озурцов. Москва.

НЕМЕСИЙ Немесий (Νεμεσιος) — церк. писатель, автор наисакого, вероятно, на рубеже 4—5 вв. соч. «О природе человека» («Περὶ φύσεως ἀνθρώπου», в кн.: Migne, PG., v. 40, P., 1858; рус. пер. Ф. Владимирского, 1904), в к-ром эклектически сочетались различные филос. течения антич. эпохи, модифицированные в христ. духе, — до неоплатонизма включительно. Естеств.-науч. сведения почерпнуты в основном у *Аристотеля* и *Галена*, в психологии заметно воздействие стоич. теории аффектов. В понимании природы души Н. ближе к *Платону*, считая его взгляды более согласными с учением о бессмертии и отвергая аристотелев-

ское представление о душе как энтелехии тела. Соч. Н. оказало влияние на *Иоанна Дамаскина*. В ср. века оно было хорошо известно, переведено на арм. и дважды (в 11 и 12 вв.) на лат. яз., явившись одним из осн. источников ср.-век. представлений о физич. строении и душевных способностях человека.

Лит.: В л а д и м и р с к и й Ф. С., Антропология и космология Немезия, сп. Емесского, в их отношении к др. философии и патристич. лит., Житомир, 1912; D o m a n s k i B., Die Psychologie des Nemesius, Münster, 1900; J a e g e r W. W., Nemesios von Emesa, B., 1914. [В. Зубов]. Москва.

«НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра, Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков — произведение К. Маркса и Ф. Энгельса (1845—46, Брюссель).

К весне 1845 Маркс определил гл. черты своей материалистич. теории истории (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 220). Маркс и Энгельс тогда уже глубоко вошли в политич. движение, вступили в связи с пролетариатом. Между тем была еще необходима большая предварит. работа, у к-рой «... главная цель — уяснение дела самим себе...», поэтому Маркс и Энгельс «... решили сообща разработать ... (свои. — Ред.) взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии...» в форме критики последней (М а р к с К., там же, т. 13, с. 8). В ноябре 1845 они начали работу «Лейпцигский собор», а в 1846 предпослали ей главу «I. Фейербах» (т. 1) и написали еще ряд глав (т. 2), в основном завершив «Н. и.» весной 1846. Авторам «Н. и.» удалось опубликовать лишь незначит. часть своей рукописи (см. там же, т. 3, с. 590), и она была на мн. десятилетия предостережена «грязущей критике мышей». Лишь в 1903—04 в «*Dokumente des Sozialismus*», Bd 3—4, появился произвольно сокращенный Э. Бернштейном текст первой трети гл. 3 из 1-го т. (рус. пер. ряда отрывков гл. 3 см. в кн. М. Штирнера «Единый и его собственность», ч. 2, 1909; эта глава под назв. «Критика учения Штирнера» издана в 1913; первое сов. переизд. под назв. «Святой Макс...», 1919). Отрывок из гл. 3 «Мое самонаслаждение» был помещен в приложениях к «Vorwärts» от 14 марта 1913. В 1921 «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (Bd 47, Н. 3) опубликовал гл. 2 из т. 1 (рус. пер. — «Лейпцигский собор», Киев, 1924). В 1924 на рус. яз. вышла гл. 1 из т. 1 («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1), а в 1929 — последняя треть гл. 3 из т. 1 (там же, кн. 4). Но только в 1932 было выпущено полное издание «Н. и.» под ред. В. Адоратского [Marx-Engels Gesamtausgabe (MEGA), Abt. 1, Bd 5, рус. пер. 1933]. С. Ландсхут и И. П. Мейер опубликовали текст «Н. и.» в кн.: «Der historische Materialismus» [1932]. Новый отрывок из «Н. и.» опубликован З. Бане (см. в: «International Review of Social History», 1962, v. 7, pt. 1). Текст гл. 1 из т. 1 с восстановленной подл. структурой см. в «ВФ», 1965, № 10—11. Гл. 2 и 3 из 2-го т. и ряд отд. страниц из «Н. и.» до нас так и не дошли.

«Н. и.» — первое произведение зрелого марксизма, излагающее результаты заверш. процесса его становления. Здесь, с т. зр. человек. предметной деятельности, впервые вскрыта объясняющая историю классового общества диалектика производит. сил и производств. отношений, обоснована необходимость коммунистич. революции. Здесь заложены основы теории обществ. формаций, классов и классовой борьбы, *базиса и надстройки*, государства и т. д.; критически перерабатывается понятие *отчуждения*, вырабатываются понятия идеологии, *овеществления*, отношения полезности и т. п. Пафос «Н. и.» как критич. произведение — в развенчании многого радикализма и мнимой революционности младогегельянцев и «истинных социалистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 11, 18, 377, 473); отмечаются также ошибки М. Гесса, к-рый сотрудничал в работе над «Н. и.», но с к-рым Маркс и Энгельс размежевались (см. там же, с. 605, прим. 154; т. 27, с. 398; ср. т. 3, с. 81, 100, 495). В «Н. и.» показано, что штирнеровский «бунт» против отчужденных сил — чисто идеологич. «бунт», к-рый не только не выводит за пределы существующего, но лишь выражает позицию жертвы процесса отчуждения — заточенного в свое «я» мелкобурж. идеолога (см. там же, т. 3, с. 291, 306).

Сами задачи критики (см. *Критика* в научном познании) религиозной, философской и политич. идеологии, понятие диалектически, вели Маркса и Энгельса к разработке новых проблем. Перед ними «... встал сам собой вопрос ...: как случилось, что люди

„вбили себе в голову“ эти иллюзии? Этот вопрос проложил путь к материалистическому воззрению...» (там же, с. 224), к материалистич. пониманию истории как истории человек. предметной деятельности, истории произ-ва людьми всей обществ. жизни. В «Н. и.» дан первый очерк не только материалистич. социологии, но прежде всего историко-материалистич. гносеологии. Именно на этом пути были развернуты все самые революц. выводы коммунистич. мировоззрения, к-рые содержались уже в тезисе о «самопорождении» человека в деятельности (1844) и были конкретизированы в «Н. и.» (см. там же, с. 41, 44). Здесь Маркс и Энгельс называют себя уже не просто «реальными гуманистами», а «коммунистическими материалистами». ими провозглашается «действительная положительная наука», разрабатываемая «в противоположность идеологии» и в противовес выступающей в роли «науки наук», «самостоятельной» философии (см. там же, с. 26, 225, 485). Признание «приоритета внешней природы» еще ничего не объясняет в истории, ибо на деле человек «...имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю». Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны лишь через предметную деятельность и притом в меру ее развития (см. там же, с. 43, 42). Тем более недопустимо самого человека брать, вслед за созерцат. материализмом, лишь как «предмет», как конечную вещь своего рода (см. там же, с. 44). Человек — не «...пассивное зеркало, в котором природа приходит к сознанию...» (там же, с. 476, ср. с. 479), но универсальная и потому творч. деятельность, и вся обществ. жизнь — ее продукт (см. там же, с. 483). Историч. обстоятельства влияют на людей постольку, поскольку люди сами воспроизводят прошлые результаты или создают новые. Так преодолевается «теория среды», ставящая «воспитателей» над обществом. «Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существовать люди» (там же, с. 29). «Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., и именно в этом смысл тезиса: «Сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием...» (там же, с. 24—25). В свете этого можно было всерьез поставить задачу в ы в е с т и из процесса произ-ва все «формы общения» и формы сознания.

Однако до сих пор люди всегда производили и воспроизводили себя — свои отношения, свою жизнь — не непосредственно, а гл. обр. косвенно — производя средства существования: произ-ва и потребления. Их деятельность, «то, что они собой представляют, совпадает... с их производством...» (там же, с. 19), но в форме собственно материального произ-ва. Определ. деятельные способности людей выступают не как производит. силы самих людей, а как силы этого произ-ва; люди — как лишь его агенты и рабочие силы, а те производств. обществ. отношения, в к-рые они вступают не в качестве личностей, а в качестве агентов этого произ-ва, — как экономич. отношения, в их совокупности образующие «гражданское общество» (см. там же, с. 184, 35). Развитие производит. сил людей выступает превращенно как прогресс «самих по себе» вечных факторов; оно приводит к тому, что история лишь в конечном счете есть «...история развития сил самих индивидов» (там же, с. 72). Объяснение этому следует искать в разделении труда, в расщеплении самой деятельности, доходящем до разделения на классы. Приобретенные самостоятельность интересы господств. класса выступают как юридич. законы; отсюда — сущность преступления (см. там же, с. 323).

Авторы «Н. и.» создали понятие идеологии как особой надстройки (см. там же, с. 370, 45, 46), как результата разработки практич. классового сознания. Идеологич. концепции в силу своей классовой функции изображают себя как надклассовые, всенародные,

«... как единственно разумные, общезначимые» (там же, с. 47). Для всякого восходящего класса необходимо, чтобы его задача «...изображалась как общечеловеческая задача» (там же, с. 280; ср. с. 47). Видимость полной самостоятельности и всемогущества идеологии явилась также одним из корней идеализма (см. там же, с. 48, 449; см. также *Идеальное*). У идеологич. форм «...нет истории, ...нет развития» (там же, с. 25; ср. с. 140) в том смысле, что история идей сводима к реальной истории человек. деятельности и должна быть выведена из последней (см. там же, с. 25). Социально-классовая функция идеологии определяет ее развитие: она служит средством сохранения или ниспровержения существующих социальных отношений. Все это позволило объяснить, почему возникает и усиливается извращенность идеологич. сознания: чем больше обостряются внутр. противоречия старого общества, «...тем всё более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества» (там же, с. 284).

Марксистская наука «... является впервые действительнo критическим воззрением на мир» (там же, с. 224, ср. с. 18, 25, 436). Она впервые оказывается «... в состоянии высвободиться из пут идеологии...», идеологич. метода (там же, с. 459, см. также с. 458). Чтобы окончательно преодолеть идеологию, надо преодолеть ее обществ. корни, построить бесклассовое общество. В процессе борьбы за него необходима особая, социалистич. идеология, к-рая является научной, поскольку опирается исключительно на науку и наполнена только ее содержанием.

В самом общем виде задача коммунистич. преобразования мира предстает как задача преодоления отчуждения (см. там же, с. 440). Так как отчуждение «... является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии», то от историч. науки требуется «... изобразить действительных индивидов в их действительном отчуждении и в эмпирических условиях этого отчуждения...» (там же, с. 32, 271). Отчужденная социальная связь выступает как «мнимая», «иллюзорная коллективность» (см. там же, с. 33, 75, 77, 360). «... Личные интересы... развиваются против воли личностей в классовые интересы... которые приобретают самостоятельность по отношению к отдельным лицам, принимают при этом... форму в с е о б щ и х интересов, в качестве таковых выступают в противоречие с действительными индивидами...», выступают как диктат социальной машины (там же, с. 234; ср. с. 237). Разделение деятельности на частичные операции расщепляет «целостного человека», делает его «частичным» (см. там же, с. 31—32, 252—53, 304, 426). «Труд» в узком смысле, т. е. отчуждающаяся деятельность как сила над индивидами, выступает как средство жизни, тогда как существование — как цель (см. там же, с. 50, 66, 67); это существование, делающее исходной точкой потребление, ставит «...наслаждения... вне действительного содержания жизни...»; «... индивиды, лишившись всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами...» (там же, с. 419, 67).

Коммунистич. общество «...исключает всё то, что существует независимо от индивидов...» в качестве отчужденных сил. Только целостные индивиды могут не просто присвоить и использовать, но и целостно освоить прежде отчужденные результаты развития культуры человечества в своих отношениях, превратив труд в коммунистич. самодеятельность (см. там же, с. 71, 67, 441, 68, 69). Лишь в этом смысле авторы «Н. и.» писали об «уничтожении труда» (см. там же, с. 192). «... Коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, в конечном итоге устраняет политические учреждения, устраняет противоположность между «обязанностями» и «интересами» и

тогда «...отпадает самая основа... противоположности между трудом и наслаждением» (там же, с. 378, 200, 206). Маркс и Энгельс вынесли «смертный приговор» моральной форме отчужденного сознания (см. там же, с. 236, 419, 441), а тем самым этич., христианскому и т. п. видам «социализма».

Коммунистич. революция — не «мстительный бунт», а творч. преобразование общества, высшее значение к-рого в том, что человек реально превращает себя в творч. личность. «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств» (там же, с. 201). Маркс и Энгельс высмеяли претензии младогегельянцев перевернуть мир путем изменения сознания, т. е. предъявляя чисто моральное требование; будучи идеологом существующего, «философ не говорит прямо: Вы не люди. Он говорит: ...у Вас не было с о з н а н и я т о г о, что Вы такое...» (там же, с. 239). Неспособность понять, что за пределы существующего выводит лишь революц. деятельность, обрекает на неудачу даже попытку верно истолковать его. Созерцат. материализм, не понимая роли *практики*, не может вырваться из пут идеологич. иллюзий (см. там же, с. 41, 18, 406, 87). Но Маркс и Энгельс протестовали и против такой т. зр., согласно к-рой, чтобы сделать теорию революционной, достаточно ее «связать... с практикой» (см. там же, с. 495); это — созерцательность наизнанку (см. *Объективизм, Партийность*).

Авторы «Н. и.», говоря о коммунистич. революции, еще не различали социалистич. революцию и переход к коммунизму. Начать революцию пролетариат может уже потому, что он «...является уже выражением разложения всех классов...» и «...становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам» (там же, с. 70, 69, см. также с. 67—68, 279). Однако революц. процесс преодоления отчуждения предполагает очень высокий уровень производит. сил, ибо иначе «...должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (там же, с. 33). Суть революции в том, что «...с в е р г а ю щ и й класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» (там же, с. 70). Поэтому она может быть лишь делом «...людей, переросших буржуазный строй» (там же, с. 204) и достигших такого единства, к к-рому они приходят «... лишь путём долгого развития...» (там же, с. 316).

Анализ «Н. и.» показывает всю беспочвенность бурж. теории «двух Марксов» («раннего» и «позднего»). Противопоставление ранних и поздних работ Маркса несостоятельно, ибо последние — ключ к пониманию первых, а первые — программа и творч. лаборатория последних.

Лит.: Маркс К., Заметка против Карла Грюна, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4; е г о ж е, К критике политической экономии. Предисловие, там же, т. 13; Э н г е л ь с Ф., К истории Союза коммунистов, там же, т. 21; Р я з а н о в Д., Очерки по истории марксизма, т. 1, М.—Л., 1928; Б ы х о в с к и й Б., Учение о коммунистич. революции в «Н. и.», «Бодышевский», 1933, № 4; Р о з е н б е р г Д. И., Очерки развития экономич. учения Маркса и Энгельса, М., 1954, гл. 8; Из истории формирования и развития марксизма, М., 1959; Ойзерман Т. И., Формирование философии марксизма, М., 1962; Багатурян Г. А., Структура и содержание рукописи 1 гл. «Н. и.» К. Маркса и Ф. Энгельса, «ВФ», 1965, № 10; Sur le jeune Marx, «Recherches Internationales à lumière du marxisme», 1960, № 19; Annali Inst. Gianfranco Feltrinelli, 1964—65, p. 444—56.

Г. Ватушев. Москва.

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Развитие Н. ф. можно разделить на след. осн. этапы: 1) ср.-век. философия (9—15 вв.); 2) философия эпохи гуманизма и Реформации (15—16 вв.); 3) философия эпохи Просвещения (17—18 вв.); 4) классич. философия (2-я пол. 18 — сер. 19 вв.); 5) бурж. философия (сер. 19—20 вв.); 6) марксистская философия (сер. 19—20 вв.).

Средневековая философия (9—15 вв.)

К середине 9 в. заканчивается процесс обращения германцев в католичество. К этому времени исчезает «миссионерская» лит-ра, вольно и популярно излагавшая *христианство*, ее место занимает *схоластика*, в значит. степени лишенная нац. самобытности и следующая рим. богословской традиции. Первыми крупными представителями схоластики были Храбан Мавр (р. ок. 776 — ум. 856), поклонник философии *Платона*, автор энциклопедич. трактата «De universo» и Ноткер Губастый (ок. 950—1022), переведший на нем. яз. нек-рые соч. Аристотеля и Боэция и сам написавший ряд трактатов по логике. Храбан и Ноткер стремились приобщить немцев к античной филос. культуре, считая, что она способствует изучению и обоснованию христ. богословия. Вершиной ортодоксальной схоластики был *Альберт фон Большведт*. Ортодоксальной католич. схоластике противопоставлялся *аверроизм*, распространившийся гл. обр. в Испании, Франции и Италии, но дошедший и до Германии. Влияние аверроизма заметно в учениях *Штернассе* и *Дитриха Фрейбергского*.

Формой несогласия с офиц. религ. идеологией была *мистика*. Мистич. искания непосредственного (минуя церковь и духовенство) общения с богом характерны как для крайне индивидуалистически настроенных мыслителей, так и для тех, кто таким путем пытался выразить оппозицию угнетенных социальных слоев господств. строю. В ср.-век. мистике сложным образом сочетались как реакционные, так и прогрессивные тенденции. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 361). Распространение мистики в ср.-век. Германии отражало специфич. условия социального развития страны. Рост городов и недовольство бюргерства феод. строем, офиц. идеологией к-рого был *католицизм*, беспрепятственные распри между императором и Ватиканом, слабость ортодоксальной христ. традиции в стране, где были еще живы пережитки языч. культов, — все это способствовало расцвету религ.-мистич. исканий. Вместе с тем мистика в Германии была своеобразной формой усвоения античной (неоплатонической) и араб. филос. традиции и в этом смысле также подготовкой гуманистич. философии эпохи Реформации. В противоположность ортодоксальной схоластике, ориентированнейшей на Аристотеля, мистики апеллировали к Платону и *Плотину*, учение к-рого об *эманации* устраняло противоположность между природой и богом, открывало путь к *пантеизму*.

К представителям ранней т. н. «женской мистики» относятся монахиня Хильдегарда Бингенская (1098—1179) — визионерка, записывавшая свои видения, а также занимавшаяся естеств. историей и медициной, и Мехильда Магдебургская (ок. 1212—83), трактат к-рой «Об истекающем свете божества» («Das fließende Licht der Gottheit») окрашен в эротич. тона. В 13 в. мистич. учения все больше становятся идейным знаменем антифеод. движения бегардов и бегиннок (Мехильда была бегинкой). Здесь все решительнее провозглашался разрыв с традиц. ср.-век. мировоззрением, идеалом к-рого было монашеское смирение и выдвигалось требование активного вторжения в жизнь. Человек-тварь христ. религии превращается у мистиков в человека-творца, равного богу, причем это относится ко всем людям, вне различия звания и сословия; добрый человек как таковой имеет качество

бога. В основе подобных взглядов лежат протест бюргерства и гор. плебейства против сословного неравенства и феод. господства.

Как это ни парадоксально, но для средневековой мистики в Германии, особенно для *Экхарта*, учение к-рого было объявлено еретическим, характерно не принижение, а возвеличивание разума. Учение Экхарта было в дальнейшем развито, с одной стороны, в религ.-мистич. направлении доминиканским монахом *Сузо*, с другой, — *Таулером*, искавшим путей к богу в мирской деятельности. Через Таулера эти идеи оказали влияние на вождей Реформации и Крестьянской войны, в частности *Лютера*, проявлявшего большой интерес к мистике, напр. к анонимному произведению мистич. характера, примыкавшему к кругу Таулера, — «Немецкой теологии» («*Ein deutsch Theologia*», 1518). Название книги было дано Лютером, впервые издавшим ее. Среди наиболее известных мистич. произведений 15 в. следует назвать «О подражании Христу» («*De imitatione Christi*», 1472), к-рое выдержало (вплоть до наст. времени) более 2000 изданий. Авторство этой книги приписывается монаху Фоме Кемпийскому. Мистика не утратила своего значения и в следующий период истории Н. ф. — период гуманизма и Реформации.

Подготовка Реформации происходила также и в сфере светского свободомыслия. Резким насмешливым отношением к католич. церкви и к религии вообще была проникнута поэзия бродячих певцов — вагантов, к-рые пародировали Евангелие, высмеивали Ватикан и духовенство, прославляли радость жизни. К 13 в. восходят идейные истоки знаменитого атеистич. трактата «О трех обманщиках», в к-ром утверждалось, что основатели трех мировых религий — Моисей, Христос и Магомет — были обманщиками.

Философия эпохи гуманизма и Реформации (15—16 вв.)

Новые веяния усиливаются в 15 в. Развитие производит. сил, обострение социальной борьбы, распространение науч. знаний, воздействие культуры итал. Возрождения влияли на судьбу духовной жизни Германии, все явственнее ощущалась потребность в коренных идеологических переменах. На рубеже двух эпох возвышается фигура *Николая Кузанского*, римско-католич. богослова, но вместе с тем и натурфилософа, звавшего к изучению природы, к практике. Уже при его жизни в Германии все шире развертывалась деятельность писателей-гуманистов, критиковавших схоластику и ср.-век. аскетизм, выступавших против церк. и феод. опеки над личностью, за ее свободное, гармонич. развитие. Нем. гуманистич. мысль развивалась не в придворных кругах (как это было в Италии), а гл. обр. в стенах ун-тов, в среде бюргерства и мелкого рыцарства. На переднем плане стояли проблемы религии и философии, они широко дебатировались в лит-ре, в устных выступлениях, но критика католицизма и социальных порядков не выливалась в программу практич. действий. Творчество нем. гуманистов было глубоко противоречивым. Это характерно как для *Агриколы*, сочетавшего интерес к антич. культуре с христ. благочестием, так и для *Рейхлина*, резко выступавшего против церк. обскурантизма, но находившегося в стороне от развернувшейся политич. борьбы. Особняком стоит *Гуттен* — выразитель интересов мелкого дворянства, участник рыцарского восстания 1522—23.

Начало Реформации, к-рая явилась для Германии своеобразной формой бюргерской революции, положил Лютер. Выступления Лютера против католич. духовенства и рим. папы нашли широкий отклик не только в среде бюргерства и мелкого дворянства, но и в нар. массах, страдавших от феод. гнета. Однако, когда революция стала перерастать в народную, Лю-

тер, первоначально относившийся сочувственно к борьбе крестьян, резко изменил свою политич. ориентацию, объявил всякий бунт «дьявольским», призывал к уничтожению мятежников и подчинению законной власти. В результате Реформации в значит. части Германии образовалась церковь, приспособленная для бурж. развития страны. Большое значение для Н. ф., культуры и нац. самосознания имела реформа лит. нем. языка, осуществленная Лютером. Собств. филос. искания Лютера ограничивались развитием традиций нем. мистики; культура классицист. древности осталась ему глубоко враждебной.

Филос. программу протестантизма сформулировал *Меланхтон*, направивший гл. свои усилия на соединение гуманизма и Реформации. От него берет начало протестантская неосхоластика, Аристотеля приспособивали к нуждам лютеранства. Меланхтон в известной мере продолжил схоластич. традицию, дискредитированную развитием мистики. Этот новый перипатетизм укрепился затем и в протестантских учебных заведениях, и в литературе, образовав протестантскую школьную философию 16—17 вв. Впрочем, и католич. схоластика не утратила в это время известного распространения и влияния. Положит. тенденции в пределах схоластики (см. *Номинализм*), *рационализм* к-рой противостоял реакц. линии развития мистицизма, были учтены как гуманистами, так и естествоиспытателями и философами-рационалистами 17—18 вв.

Крестьянская война, пламя к-рой в 1524—25 охватило почти всю Германию, выдвинула ряд революц. деятелей и мыслителей, наиболее выдающимся из к-рых был *Мюнцер*, в богословской форме проповедовавший пантеистич. учение, соприкасавшееся с атеизмом и коммунистич. идеями. К кругу людей, близких Мюнцеру, принадлежал Иоганн Гергот — предполагаемый автор опубликованного в 1527 утопич. соч. «О новом преобразовании христианской жизни», в к-ром провозглашалось требование общности имущества. Участником нар. восстания был и *Парацельс* — знаменитый врач и натурфилософ-пантеист. Отзвуки Крестьянской войны слышны в социальной критике *С. Франка*, мистика-пантеиста, мечтавшего о мире без войн и имуществ. неравенства.

Экономич. и политич. подъем, к-рый переживала Германия в 1-й пол. 16 в., связанное с ним развитие естеств. наук вызвали к жизни светские филос. учения, вплотную приблизившиеся к материализму. Такой характер, в частности, носило учение Георга Агриколы (1494—1555) — основателя горного дела, врача, историка. Но ведущую роль даже в этот период в Н. ф. все же играли учения, так или иначе связанные с традициями мистики. Влияние мистики усилилось после поражения Крестьянской войны. Эту линию нем. филос. развития представляют *Агриппа* (Неттесхеймский), *В. Вейгель*, *Бёме*. Дань мистике, в к-рой усиливались диалектич. тенденции, отдавали даже такие крупные естествоиспытатели, как Кеплер, сыгравший огромную роль в развитии материалистич. представлений о космосе.

Эпоха, в к-рую жили Бёме и Кеплер, — тяжелая пора в истории Германии. Хозяйств. упадок, вызванный перемещением осн. торг. путей из рек и морей Сев. Европы в Атлантич. океан, усугубился Тридцатилетней войной. К окончанию этой войны страна лежала в руинах, обескровленная, разделенная на множество мелких гос-в. Германия в течение длит. времени пребывала в состоянии полного застоя. Лишь к концу 17 в. появляются признаки нового подъема.

Философия эпохи Просвещения (17—18 вв.)

Для Н. ф. 18 в. характерно внедрение идеи историзма, идеи развития, связанной с подъемом естествознания. Накопление множества фактов, произведен-

ное в предшествовавшую эпоху, ставило вопрос об их истолковании, о рассмотрении природы в развитии, во взаимной связи ее элементов. После открытия Ньютоном и Лейбницем дифференциального и интегрального исчисления идеи диалектики стали проникать в наиболее абстрактную из наук — математику. Значительно расширились представления о Вселенной. Кант выдвинул диалектич. гипотезу происхождения солнечной системы. Идея развития рождалась также в недрах биологии. «...Почти одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы, — писал Энгельс, — К. Ф. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об эволюции» («Диалектика природы», 1964, с. 14—15). В 18 в. идея историзма стала проникать и в обществ. дисциплины. Появляются обобщающие труды по политич. истории, по истории философии. Винкельман положил начало совр. археологии и истории искусств. Однако в целом нем. науч. знание 18 в. оставалось метафизическим, что справедливо даже по отношению к Лейбницу. Соч. Лейбница отмечены гениальными диалектич. идеями, но он в то же время дает метафизич. формулировки о том, что природа не делает скачков и др. Х. Вольф явился одним из классич. представителей метафизич. способа мышления в 18 в. с его плоской телеологией, отрицанием противоречия в бытии и мышлении и т. п. Следует отметить, что лейбнице-вольфианской, в основном идеалистич., школе, в особенности воззрениям двух ее крупнейших представителей — Лейбница и Вольфа, были свойственны тенденции механистич. материализма, связанные гл. обр. с естеств.-науч. просветительскими идеями. Вольф и его ученики, считая себя систематизаторами философии Лейбница, догматизировали и вулгаризировали ее.

Философия нем. Просвещения в социально-политич. отношении носила противоречивый характер. Вольфианцы Баумгартен, Мендельсон, Николаи и др. были убеждены, что распространение образования незамедлительно приведет к решению всех острых вопросов современности. Культ разума сочетался у них с преклонением перед христ. верой, к-рой они пытались дать «рациональное» истолкование. Центром вольфианской «популярной философии» был Берлин — столица Пруссии, король к-рой Фридрих II любил принимать позу «философа на троне».

Деспот-вольнодумец, враждовавший с папой и дважды отлученный от церкви, являл собой колоритнейшую фигуру эпохи: он насаждал просвещение, но жесточайшим образом карал своих политич. противников и еретиков из гор. низов. Одна из папских энциклик утверждала, что Фридрих II признавал лишь то, что можно объяснить с помощью здравого смысла и законов природы.

Наряду с лейбнице-вольфианским идеализмом и идеалистич. концепциями Гамана и Якоби, развивавшихся в русле теории непосредственного знания, в нем. Просвещении существовали материалистич. и атеистич. направления, иногда связанные с нар. протестом против социального гнета, более или менее враждебные офиц. церк. догме. Идеальным источником этих оппозиц. учений была пантеистич. традиция и стоящая с ней в связи материалистич. философия Спинозы, начавшая интенсивно проникать в Германию уже в конце 17 в. Чирнгаузен, Штош, Лау, Эдельман и др. вошли в плеяду первых нем. спинозистов. Сторонником спинозизма стал в последние годы своей жизни и Лессинг. Распространение спинозистских материалистич. идей встречало в Германии сопротивление как со стороны открытой идейной реакции, так и со стороны умеренного идеалистич. крыла Просвещения. Спинозистские книги сжигали, их авторов подвергали преследованиям. Поэтому Лессинг скрывал

свои симпатии к голл. материалисту. О них стало известно лишь после смерти философа. В печати по этому поводу разгорелась оживленная дискуссия, к-рая затем переросла в полемику по ряду важнейших филос. проблем. Это был знаменитый «спор о пантеизме» (или «спор о Спинозе»). В ходе дискуссии с защитой учения Спинозы выступил Гердер, отстаивавший пантеистич. т. зр. и пытавшийся соединить взгляды голл. материалиста с христианством. Пантеистич. характер нем. материализма явился одной из национальных особенностей 11. ф. 17—18 вв. В течение длит. времени в нем. пантеизме переплетались (и подчас в одних и тех же учениях) две тенденции — натуралистическая, растворявшая бога в природе, и спиритуалистическая, растворявшая природу в боге. Размещение точек зрения внутри пантеизма произошло лишь в конце 18 в. Если Гердер еще колебался между идеализмом и материализмом, то Гёте явно тяготел, а Форстер окончательно склонился к материализму.

Характерной особенностью и сильной стороной нем. материализма были попытки преодолеть механистич. мировоззрение. Механистич. направление в Н. ф. оформилось к 70-м гг. 18 в. в медицине и психологии (Вейкард; Михаэль Хисман, 1752—84). Механицизм подвергался критике со стороны Гердера, Кнебеля, Гёте. Оставаясь в целом метафизическим, нем. материализм 18 в. в лице своих лучших представителей выходил за пределы механицизма, ставил во главу угла проблему органич. материи. Специфику жизни нельзя понять исходя из законов механики, но столь же ошибочен взгляд о существовании особой «жизненной силы». В работах Гердера, Гёте, Кнебеля высказывались догадки о естеств. возникновении жизни, об эволюции живых существ. Принципы органической структуры распространялись на всю действительность, к-рая представлялась не скоплением отдельных предметов, а единым взаимосвязанным целым.

Против механицизма выступали также сторонники теории непосредств. знания — Гаман и Якоби. Их иррационалистич. философия преследовала цель укрепления позиций лютеранского богословия, однако критика плоского рационализма в известной мере способствовала дальнейшему развитию диалектики. Это развитие обуславливали и те процессы, к-рые происходили в сфере социальной борьбы. Германия еще не созрела для революции, передовые идеи приходили сюда из-за границы, но все же в умах происходило брожение. Ярче всего оно проявлялось в искусстве и литературе, в философии.

Другой характерной чертой нем. материализма эпохи Просвещения было осторожное обращение с религией, иногда даже использование религ. форм и терминологии. В этом отразилась неразвитость обществ. отношений в Германии; идеологич. борьба не достигла там остроты, характерной для более развитых европ. стран, и не привела к отчетливой поляризации социальных сил. Борьба за просвещение, против ортодоксального христианства проходила под лозунгами веротерпимости, создания улучшенной религии. Реже появлялись здесь открытые, более последоват. формы атеизма. Первые известные нам антирелиг. выступления в Германии связаны с деятельностью М. Кнютцена. Ряд анонимных атеистич. трактатов относится к началу и сер. 18 в. Получает распространение упомянутый уже лат. трактат «О трех обманщиках», авторство к-рого приписывалось Фридриху II. В защиту атеизма выступил Шульц, боевые антирелиг. памфлеты принадлежат перу Кноблауха. В целом, однако, нем. филос.-атеистич. публицистика уступала по своему объему, остроте, влиянию соответствующей франц. лит-ре 18 в. Сильной

стороной нем. атеизма 18 в., получившей развитие в последующую эпоху, была попытка преодолеть господствовавший среди просветителей взгляд на происхождение религии как на результат обмана, а следовательно, как на своего рода случайность.

Нем. деизм, отошедший от ортодоксии, но не примкнувший к атеизму, создал популярную в то время теорию «естественной религии», якобы связанной с внутр. сущностью человека (*Реймарус*). Согласно этой теории, все господствующие офиц. верования дают ложное представление о боге. Истинная религия имеет своей основой разум, человек по своей природе разумен и религиозен. Теория «естественной религии», представлявшая собой робкий протест против христианства, переключавшая в атеистич. учения, обернулась постулатом о естественно необходимом характере возникновения и исчезновения религ. верований. Религия необходимо возникла и столь же необходимо должна умереть (Кнебель).

В 70-х гг. 18 в. значит. часть передовой интеллигенции Германии захватило широкое просветительское движение — движение «Бури и натиска». Отвергая лек-ые принципы ранних просветителей (напр., культ рассудочного мышления), «штурмеры» решительно выступали за идеалы Просвещения, за свободу личности, против феод. мелкодержавья и деспотизма. Как и Просвещение в целом, движение «Бури и натиска» было неоднородным и противоречивым. Революц. настроения сочетались здесь с политич. индифферентизмом, симпатии к народу с крайним индивидуализмом, критич. отношение к религии с христ. экзальтацией. К демократич. крылу «Бури и натиска» принадлежали Гердер, Гёте, Форстер и др., к консервативному — Гамаи, Якоби, Лафатер.

Неизбежно наступившее размежевание усилилось под влиянием революции во Франции. Ее начало было восторженно встречено многими, но дальнейшее развитие революц. событий оттолкнуло тех, кто придерживался умеренных взглядов. Лишь немногие «немцыне якобинцы» поддерживали франц. революцию на всех ее этапах и боролись за осуществление ее принципов на родной земле (Форстер). У наиболее передовых мыслителей рождались идеи утопич. социализма (*Эйнзидель*, К. Фрелих, Уингенхаген). В течение того же хронологич. периода, в к-рый развивалась философия нем. Просвещения, возникла и нем. классич. философия. А. Гумилга. Москва.

Классическая философия (2-я пол. 18—1-я пол. 19 вв.)

Историч. значение нем. классич. философии представляет собой высшее достижение бурж. филос. мысли не только в Германии, но и в междунар. масштабе; после нее развитие бурж. философии шло уже по нисходящей линии. Гл. представителями нем. классич. философии являлись Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель — создатели нем. классич. идеализма, и Фейербах — крупнейший представитель материализма в нем. классич. философии. Непреходящей историч. заслугой нем. классич. идеализма является систематич. разработка (правда, с ложных, идеалистич. позиций) диалектики. Именно это обстоятельство, а также критика и преодоление идеализма Фейербахом и разработка им материализма, сделали нем. классич. философию одним из теоретич. источников философии марксизма (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 323; В. И. Ленин, Три источника и три составные части марксизма, в кн.: Соч., т. 19, с. 3—8). Гуманистич. идеи социального прогресса и свободы, содержащиеся в нем. классич. философии, были также восприняты, критически переработаны и развиты основоположниками науч. коммунизма.

Историч. корни нем. классич. философии. Осн. линии ее развития. Нем. классич. философия — идеология исторически прогрессивной для своего времени нем. буржуазии. Она отражала как своеобразные условия развития капитализма в Германии конца 18 и нач. 19 вв., так и крупнейшие социально-экономич. сдвиги, происшедшие в это время в более развитых странах Европы. Междунар. условиями формирования нем. классич. философии был процесс ломки обществ. отношений феод. общества, к-рый совершился в сравнительно короткий историч. период и выявил революц. диалектич. характер обществ. развития. Особенности положения Германии, наложившие свой отпечаток на развитие нем. классич. философии, состояли в том, что тогдашняя Германия, в отличие от Англии и Франции, все еще оставалась феодально-раздробленной страной, что препятствовало экономич. и культурному развитию нем. народа. В нем. гос-вах господствовал религ. обскурантизм, провинциальная ограниченность. Буржуазия не была объединена в масштабе всей страны, не составляла единого класса, способного по-революционному бороться против феодализма, а потому ее протест был половичатым, робким, особенно по сравнению с выступлениями идеологов франц. революции. Эти особенности развития Германии привели к тому, что Н. ф. отражала социально-экономич. сдвиги своего времени в умозрительной, спекулятивной, идеалистич. форме. Однако, как и во Франции 18 в., в Германии конца 18 — нач. 19 вв. политич. революции предшествовала революция философская. Гл. деятелями этой филос. революции в Германии и были классики нем. философии. Вот почему совершенно несостоятельна оценка И. В. Сталиным нем. классич. идеализма как аристократич. реакции на франц. бурж. революцию.

Теоретич. источниками Н. ф. была как нац. филос. традиция, прежде всего диалектическая (мистика, Лейбниц и др.), так и все крупнейшие достижения предшествующего филос. развития человечества, начиная с древности, в особенности рационализм Декарта и Спинозы, философия англ. и франц. Просвещения 17—18 вв. Теоретич. источником нем. классич. философии было и естествознание конца 18 — нач. 19 вв. На формирование нем. классич. философии, в особенности на гегелевскую систему, известное влияние оказала и англ. политич. экономия.

Нем. классич. философия не представляла собой единого направления. Кант был дуалистом, Фихте — субъективистом, а Шеллинг и Гегель — объективистами, Фейербах — материалистом. Тем не менее классиков нем. философии от Канта до Гегеля объединяет линия преемственности. Стержневой линией развития нем. классической философии было исследование форм всеобщности, к-рые у Канта и Фихте рассматривались лишь как формы, присущие человек. мышлению, а в дальнейшем (у Шеллинга и особенно у Гегеля) как формы самой действительности; последняя, однако, понималась как духовная реальность, разум, развивающийся путем самоотрицания во всем многообразии явлений универсум. Т. о., нем. классич. идеализм выдвинул в качестве осн. филос. проблемы проблему диалектич. тождества мышления и бытия, исследуя с этой т. зр. отношение субъекта и объекта, теоретич. формы мышления, философской категории.

Развитие диалектики в нем. классич. идеализме. Исследование форм всеобщности находилось в центре внимания родоначальника нем. классич. философии Канта. Осн. вопросом «Критики чистого разума» Канта был вопрос: как возможны в математике, естествознании, философии теоретич. положения, имеющие всеобщее и необходимое значение. Эти

положения, как показал уже Юм, не могут быть результатом индукции, к-рая не способна придать теоретич. выводам необходимой всеобщности. Юм сделал вывод, что всякое утверждение относительно всеобщности или необходимости чего бы то ни было есть не более чем верование. Кант отверг этот вывод, противопоставив ему положение, согласно к-рому всеобщность и необходимость положений науки и философии не зависят ни от произвола познающего субъекта, ни от опыта. Всеобщность и необходимость сообщаются знанию априорными, всеобщими и необходимыми формами чувственности и рассудка. Это учение неизбежно привело к *агностицизму*, поскольку формы, присущие познающему субъекту и служащие ему для синтеза чувств. данных, не могут быть отнесены к объективной реальности, существующей независимо от человек. чувственности и рассудка; эту объективную реальность Кант обозначил как непознаваемую «вещь в себе». Нек-рые предшественники Канта (напр., Лейбниц) признавали наличие в нашем познании априорных истин, однако они полагали, что априорное, будучи независимым от опыта, необходимо не для познания чувственно данного, а для постижения сверхопытного, трансцендентного. Кант решительно выступил против этой концепции, доказывая несостоятельность любых претензий на сверхопытное знание, невозможность теоретич. обоснования бытия бога, бессмертия души. Априорное, т. е. всеобщее и необходимое в нашем знании, применимо, с его т. зр., лишь для синтеза чувств. данных. Априорными формами чувственности являются, по Канту, пространство и время, а априорными категориями рассудка — двенадцать категорий, к-рые Кант выводил из анализа четырех формальнологич. групп суждений. Анализируя каждую группу категорий (количества, качества, отношения и модальности), Кант отмечал характерное для них диалектич. единство триадич. типа. Однако он не шел дальше этой констатации в анализе взаимоотношений категорий и не показывал их взаимопереходов, движения. Т. о., кантовская система категорий носила в основном метафизич. характер.

В связи с анализом априорных форм мышления Кант ставил вопрос о необходимости создания новой, трансцендентальной логики, отличающейся от обычной, формальной логики, чем положил начало развитию диалектической логики.

Кант развил и углубил имевшееся в прежней философии разграничение *рассудка* и *разума*. Если рассудок ограничивается категориальным синтезом чувств. данных, то разум по самой своей природе стремится к тому, чтобы выйти за пределы опыта и достигнуть абсолютное. Это стремление также должно быть предметом изучения трансцендентальной логики, а именно трансцендентальной диалектики. Диалектику Кант усматривал в противоречивом характере умозаключений разума, в противоречиях, присущих его осн. априорным идеям: психологической (идее души), космологической (идее мира как целого), теологической (идее бога). Поскольку все эти идеи не могли быть обоснованы опытом и выражают фатальное стремление разума достигнуть непостижимое, постольку разум неизбежно впадает в заблуждения (противоречия), пытаясь доказать реальность этих идей. Учение о диалектике разума приводит, т. о., к выводу о неизбежности его заблуждений. Однако рациональным в трансцендентальной диалектике Канта являлась мысль о противоречивости разума (см. *Антиномия*), мысль, к-рая выводит за пределы формальнологич. представления о том, что источником противоречий в мышлении является несоблюдение правил логики.

Идеи разума — идеалы знания, к-рые направляют весь познават. процесс независимо от какого бы то ни было опыта. Неспособность теоретич. разума обо-

сновать эти идеи не является, с т. зр. Канта, основанием для отказа от них. Эти идеи, согласно Канту, могут быть обоснованы практич. разумом как необходимые постулаты нашего нравств. поведения. В «Критике практического разума» Кант обосновывал учение о примате практич. разума над теоретическим. Несмотря на крайне узкое понимание практич. разума (лишь как нравств. деятельности), это учение содержало в себе зародыш глубокой диалектич. постановки вопроса о том, что практич. деятельность образует основу теоретич. познания. То, что не может быть установлено одним лишь теоретич. путем, утверждается практич. разумом, деятельностью, к-рая содержанием своим подтверждает предпосылки, из к-рых она исходит.

Учение Канта уже в конце 18 в. вызвало оживленную филос. дискуссию в Германии. Кантианство подвергалось критике. Сторонник Канта *Рейнгольд* пытался конкретизировать кантовское учение о чувств. представлениях с целью смягчить агностицизм и субъективизм, неизбежно вытекающие из учения Канта о чувственно невосприимчивой «вещи в себе» и априорных формах чувств. восприятия. Якоби показал противоречивость кантовского понятия о «вещи в себе», невозможность с позиций кантовской философии доказать существование внешнего мира. В противовес Канту Якоби пытался обосновать теорию непосредств. знания. В том же духе подверг критике философию Канта Гаман. *Шульце* отверг учение Канта о «вещи в себе» и пытался возродить филос. *скептицизм* в духе Юма и его предшественников (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 184). С субъективно-идеалистич. позиций, родственных беркляевству, подвергал Канта критике и *Маймон*.

Все эти мыслители, критикуя философию Канта, не замечали, однако, важнейших поставленных ею проблем. Эти проблемы стали в центре внимания Фихте. Фихте также отверг кантовскую «вещь в себе», доказывая, что все то, что не есть Я (не-Я, по терминологии Фихте), должно быть выведено, доказано, исходя из абс. Я, тождественного в своей основе у всех людей (эмпирич. Я). Фихтевское абс. Я представляет собой по-повому истолкованное кантовское трансцендентальное единство самосознания (apperception), к-рое понимается не только как теоретическое, но прежде всего как практич. деятельность, творчество. Т. о., Фихте развил учение Канта о примате практич. разума над теоретическим и, отбросив кантовский дуализм, полностью перейдя на позиции субъективного идеализма, приписал общечеловеч. Я (бытующему в каждом отдельном человеке) абс. мощь. Последняя, однако рассматривалась не как нечто непосредственно данное, а как развивающаяся мощь человечества, к-рое создает, формирует, осознает самое себя и всю окружающую действительность. В этой связи Фихте стремился раскрыть диалектику субъекта и объекта, сознательного и бессознательного, роль практики в познании, единство теоретического и практического, личного и общественного (эмпирического и абс. Я). Выводя категории из развития сознания, из диалектич. взаимодействия Я и не-Я, Фихте рассматривал как движущую силу познания и деятельности людей то противоречие, к-рое у Канта является фатальным заблуждением человек. разума. Противоположности, учил Фихте, относительны, тезис превращается в антитезис, а синтез представляет собой разрешение противоречия. Однако диалектика Фихте носила субъективно-идеалистич. характер, выводилась из анализа самостоятельности абс. Я и его отношения к им же полагаемому не-Я, а потому фихтевское абс. Я представляет собой, как указывал Маркс, «...метафизически переряженный дух в его оторванности от природы...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2,

с. 154). Проблемы объективной диалектики природы оказались вне поля зрения мыслителя.

Этот, неразрывно связанный с субъективным идеализмом, порок фиктеанства пытался преодолеть Шеллинг, к-рый, начав свою деятельность как последователь Фихте, в дальнейшем перешел на позиции объективного идеализма. Уже в натурфилос. период своего развития Шеллинг проводил диалект. идею полярности. Диалектической была методология его трансцендентального идеализма и философии тождества, согласно к-рой ни объект, ни субъект не могут быть приняты за исходное в философии, т. к. различие между тем и другим является производным, возникшим в ходе развития первоначала, к-рое, не будучи ни субъектом, ни объектом, должно быть понято как их абс. тождество, или бессознательное. Идея бессознательного творч. начала была в известной мере подсажена Шеллингу философией Канта, согласно к-рой предметы опыта, поскольку они по своей форме представляют собой результат категориального синтеза, создаются бессознат. продуктивной силой воображения. Учение Канта о продуктивной силе воображения и было воспринято Фихте, к-рый с помощью этого учения пытался объяснить тот очевидный факт, что Я рассматривает окружающее (не-Я) как независимую от него, объективную реальность. Это происходит, согласно Фихте, потому, что Я бессознательно творит окружающее и лишь *post factum* осознает эту свою деятельность. Учение о продуктивной силе воображения необходимо было Канту и Фихте также для объяснения процесса познания: образы, создаваемые рассудком (напр., эмпирич. понятия дерева, собаки и т. д.), невозможны без репродуктивной деятельности воображения, схватывающей в понятии целое до того, как познаны его составляющие элементы. Шеллинг в данном случае полностью опирался на своих предшественников. Абс. тождество субъекта и объекта есть в сущности та же продуктивная сила воображения, изображаемая, однако, не как человек. способность, а как сущность самой природы, получающая свое высшее выражение в человеке. По учению Шеллинга, лишнее сознания абс. тождество обладает, однако, бессознат. хотением, побуждающим его к саморазвитию, высшим результатом к-рого является человек. интеллект. Т. о., фиктевское абс. Я оказывается не исходным пунктом, а результатом космич. духовного процесса, в к-ром бессознательное раздваивается на противоположности и, развиваясь на основе диалект. противоречий, становится сознанием, разумом. Многообразие явлений природы образует, по Шеллингу, иерархич. ступени развития, идущего от абс. тождества к человек. интеллекту. Однако не противоречие, но борьба противоположностей представляются Шеллингу источником, движущей силой развития, а бессознат. стремление мирового духа возвыситься до мыслящего существа. Противоречию предшествует тождество, тождество же увенчивает развитие противоречий. Развитие истолковывается телеологически.

Если в философии Канта и Фихте проблемы категорий, трансцендентальной логики, обоснования теоретич. знания занимали важное место, то у Шеллинга, вследствие выдвигания на первый план бессознательного, эти вопросы отходят на второй план. В шеллингианской концепции бессознательного с самого начала содержались иррационалистич. мотивы, к-рые стали господствующими в более поздний период, когда Шеллинг перешел на позиции феод.-романт. реакции. В это время Шеллинг начал проповедовать философию откровения, непосредственно базирующуюся на христ. вероучении, становится мистиком, отрицает положит. значение философии, не основывающейся на религ. вере. Но натурфилософия раннего Шеллинга сыграла

определенную прогрессивную роль, поскольку в ней была сделана попытка создания диалект. «системы природы».

Величайшим представителем нем. классич. философии является Гегель. «Свое завершение... новейшая немецкая философия,— как писал Энгельс,— нашла в системе Гегеля...» (там же, т. 20, с. 23). Гегель развил, хотя и на идеалистич. основе, всестороннее учение о законах и категориях диалектики, впервые создал систему *логики диалектической*. Гегель подверг глубокой критике агностицизм и субъективизм Канта, подчеркнув вместе с тем, что философия Канта составляет основу и исходный пункт новейшей немецкой философии. Учению Канта о «вещи в себе» Гегель противопоставил диалект. положение: сущность является, явление существенно. Отвергая кантовский априоризм, Гегель рассматривал всеобщность и необходимость как неразрывно связанные друг с другом объективные определения самой действительности. Категории, к-рые представлялись Канту субъективными формами рассудочного синтеза чувств. данных, Гегель рассматривал как объективные формы самой действительности. Последняя истолковывалась как мировой разум, как объективно существующее, как субстанциальное мышление. Т. о., для Гегеля, как и для Канта, философия представляет собой учение о разуме, с той, однако, существенной разницей, что у Гегеля речь идет об абс. разуме, образующем, согласно его учению, основу, внутр. содержание, движущую силу всего существующего. Гегель, следовательно, преодолевал субъективизм Канта на идеалистич. лад, т. е. путем онтологизации разума и приписываемых ему Кантом априорных форм мышления. С т. зр. Гегеля, не только содержание, но и формы мышления объективны. В этих идеалистич. утверждениях содержалась, как отмечал Ленин, глубокая диалект. догадка относительно природы логич. форм мышления: они отражают объективную реальность, объективные отношения вещей. Т. о., логика превращалась в онтологию, включающую в себя не только субъективные формы мысли и категории, применяемые в процессе познания, но и такие понятия, как бытие, качество, количество, жизнь, практика и т. д. Ленин отмечал гениальность этой постановки вопроса, в к-рой, правда, на идеалистич. лад, сформулировано важное положение о принципиальном совпадении диалектики, логики и теории познания.

Гегель подверг также глубокой критике филос. учение Фихте и Шеллинга. Показав несостоятельность фиктевского субъективного идеализма, Гегель вместе с тем включил в свою систему абс. субъект Фихте, к-рый, однако, рассматривался им как осн. определение «абс. идеи». Субстанция, говорил Гегель, должна быть понята как субъект, т. е. как активное творческое, развивающееся начало. Фихтевский субъективизм был, т. о., преобразован в объективно-идеалистич. учение о саморазвитии универсума.

Гегель отверг шеллинговское понятие абс. тождества как антидиалектическое, противопоставив ему понятие диалект. тождества бытия и мышления, тождества, к-рое заключает в себе внутр. различие между субъектом и объектом. Мышление есть субъект, но оно же есть и объект, т. е. не только мыслящее, но и мыслимое, в силу чего логика есть мышление о мышлении. В этой идеалистически мистифицированной постановке вопроса содержалось «рациональное зерно»: диалект. логика, действительно, призвана исследовать многообразные формы мышления в их многообразных связях с содержанием, объективной действительностью. Однако все эти вопросы излагались в спекулятивной идеалистич. форме, искажающей их действит. содержание: речь шла о движении мысли, логич. переходах, а не о реальной действительности. Следствием этого

оказывалась мистификация (а иной раз и прямое отрицание) реального процесса развития. Вопреки своему методу, но в согласии со своей системой, Гегель ставил предел развитию, поскольку «абс. идея» постигает самое себя и процесс завершается абс. знанием. Противоречие между методом и системой, пронизывая все учение Гегеля, неизбежно приводило к извращению диалектики.

Гегелем завершается история диалектики в нем. классич. философии. Идеалистич. характер этой формы диалектики объясняется, во-первых, тем, что тогдашний уровень естествознания и обществ. наук, уже толкавших философию на путь разработки диалектики, еще не давал возможности строить ее на науч. базе и обусловил развитие натурфилософии, заполнившей фантазией то, чего не установила наука. Во-вторых, решающее значение имели здесь социально-экономич. причины — неспособность буржуазии, идеологией к-рой была нем. классич. философия, к науч. пониманию диалектики, влекущему за собой последовательно-революц. выводы, несовместимые с бурж. идеологией вообще и идеологией не-революц. буржуазии в особенности.

Филос.-историч. концепции нем. классич. идеализма. Осн. идеей филос.-историч. концепций классиков нем. идеализма является идея постепенного, поступат. развития, осуществления правового строя, понятие к-рого представляет собой идеалистически истолкованное, идеализируемое содержание бурж.-демократич. преобразований, о к-рых мечтала нем. буржуазия. Таково учение Канта о республике. Однако, по Канту, гармония между человек. поступками и воздаянием возможна лишь в потусторонней жизни людей, существование к-рой не может быть доказано, но представляет собой, согласно Канту, необходимый постулат нравств. сознания. «Кант успокоился, — писали Маркс и Энгельс, — на одной лишь „добрый воле“, даже если она остаётся совершенно безрезультатной, и перенёс о с у щ е с т в л е н и е этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в п о т у с т о р о н н и й м и р. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, подавленности и убожеству немецких бюргеров...» (Соч., 2 изд., т. 3, с. 182).

В рамках этой идеалистич. концепции Кант развивал учение об априорной природе права, важнейшим выражением к-рого является право приобретения, т. е. право частной собственности. Кант рассматривал гос-во как необходимое выражение коллективной воли граждан, а развитие гос-ва как поступат. реализацию принципа общего блага. Гражданские, бурж.-демократич. свободы также представляют собой, согласно его учению, априорные определения человек. сущности, осуществляющиеся в ходе развития общества путем преодоления противоречий между существующим и должным.

Фихте был непосредств. продолжателем филос.-историч. учения Канта. Он считал общество «целесообразной общностью», всесторонним взаимодействием между различными индивидами — «взаимодействием посредством свободы». Свобода же есть подчинение членов общества законам, к-рые они сами для себя установили. Частная собственность рассматривалась как необходимое выражение свободы. Поэтому Фихте не мог равнодушно относиться к нищете трудящихся, лишенных частной собственности. В этом сказываются бурж.-демократич. иллюзии Фихте, непонимание того, что частная собственность является орудием эксплуатации. Главное, что стремился доказать Фихте, это то, что человек не может жить вне общества, что свобода вне общества невозможна, что цель общества — свобода каждого индивида, усвоение совершенства чело-

веч. рода, благодаря к-рому, правда, через «мириады лет», станут излишними все гос. образования. Это и будет царством разума, или царством свободы. «До тех пор пока не наступит это время, — писал он, — мы в общем даже не настоящие люди» («О назначении ученого», [М.], 1935, с. 76). Нек-рые бурж. ученые и социал-демократич. теоретики изображают философию Фихте как социалистич. учение. Но для этого нет никаких оснований, поскольку Фихте лишь идеализировал будущие последствия уничтожения феод. строя и, подобно Канту, считал полностью неосуществимым идеал правового строя.

Молодой Шеллинг рассматривал правовой строй как необходимо вытекающий из природы человек. самосознания и как необходимое выражение человек. свободы, к-рая образует сущность человека и реализует себя через самоограничения, вытекающие из интересов общего блага. Наиболее ценным в этих воззрениях раннего Шеллинга является критика феод. деспотизма, «...при котором владыками являются не закон, а воля устроителя и деспотизм...» («Система трансцендентального идеализма», [Л.], 1936, с. 331).

Наконец, Гегель в своей философии истории подытожил учение своих предшественников и пытался преодолеть характерное для них противоречие между должным и сущим. С т. зр. Гегеля, идеалы носят не априорный, а историч. характер, представляют собой необходимые и вполне осуществляющиеся ступени развития «абс. духа», воплощающегося в человечестве. Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, что представляет собой вместе с тем и действит. развитие свободы, к-рая составляет, по Гегелю, субстанцию духа. Всю мировую историю Гегель разделял на три осн. эпохи: восточную, античную и германскую, считая, что свобода уже достигнута герм. народами и прежде всего немцами. Гегель обеднял даже бурж.-демократич. понимание свободы, сведя ее к ликвидации крепостного права, установлению свободы совести, ограничению монархии конституцией. Конституц. монархию Гегель рассматривал как высшее воплощение «абсолютного духа», фактически завершающее собой весь социальный прогресс. Философия истории Гегеля абсолютизирует гос-во, к-рое характеризуются как «земнобожественное существо», «шестьеве бога по земле». Такое понимание гос-ва было направлено против феод. произвола мелких нем. князьков. Вместе с тем оно противостало идее революц. преобразования феод. Германии. Столь же реакц. чертой философии истории Гегеля является возвеличение герм. народов, в особенности немцев, и связанное с ним националистически пренебрежит. отношение к народам Востока, к-рые изображаются Гегелем как якобы не имеющие будущего, навсегда остановившиеся в своем развитии. Все эти реакц. выводы свидетельствуют о стремлении Гегеля к компромиссу с господствующими феод. силами и придают всей его философии истории черты политич. консерватизма.

В целом филос.-историч. учения классиков нем. идеализма представляют собой весьма важную, в основном прогрессивную, ступень в развитии домарксистской философии истории. Наиболее ценное в них: идеи всемирной истории, закономерности обществ. развития, историч. прогресса.

Гуманистические идеи нем. классич. идеализма были отброшены впоследствии бурж. философами, к-рые встали на путь иррационалистич. истолкования обществ.-историч. процесса, вполне соответствующего интересам империалистич. буржуазии.

Разложение гегелевской школы. Антропологич. материализм Фейербаха. Назревание бурж.-демократич. революций в Германии привело в 30-х гг. к разложению гегелевской школы; теоретич. предпосылкой этого процесса

было противоречие между системой и методом, между консервативной и прогрессивной сторонами учения Гегеля. Правые представители школы Гегеля поставили в центре своих исследований гегелевское учение о гос-ве и религии, левые — пытались сделать из философии Гегеля атеистич. и революц. выводы (см. *Гегельянство*).

Фейербах, примыкавший в начале своей деятельности к младогегельянцам, в 1839 перешел на позиции материализма и с этих позиций подверг критике философию Гегеля, к-рую рассматривал как спекулятивную теологию. Отвергая гегелевское учение о субстанциональности мышления, Фейербах противопоставил ему антропологич. материализм, рассматривающий мышление как человек. способность, неразрывно связанную с чувств. отражением внешнего, материального мира, с чувственной, эмоц. жизнью человека вообще. В философии Фейербаха человек рассматривался как высшее выражение природы, воплощающее в себе ее многообразные сущностные силы, как существо, неотделимое от природы. Однако единство человека и природы, так же как и многообразие, многосторонность жизни индивида, Фейербах истолковывал натуралистически. Хотя он и подчеркивал обществ. природу человека, он выводил ее из родовой общности, биологич. единства человек. рода, половых отношений и связанных с ними отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми и т. д. Антропологич. материализм Фейербаха представлял собой новую историч. форму метафизич. материализма, в известной мере свободную от механистич. ограниченности материализма 18 в., поскольку Фейербах стремился раскрыть качественное (антропологич.) отличие человека от др. живых существ. Диалектика Гегеля не была воспринята Фейербахом, к-рый не сумел отделить ее от спекулятивного идеализма. Однако диалектич. догадки все же не были чужды Фейербаху. Антропологич. принцип Фейербаха содержал в себе также зародыши материалистич. понимания обществ. явлений, в особенности религии, критика к-рой составляла важнейшее содержание учения этого мыслителя и его выдающуюся историч. заслугу в истории обществ. мысли. Борьбу против религии Фейербах считал важнейшей задачей философии: именно в религии видел он осн. форму духовного порабощения и нравств. принижения человек. личности. В отличие от франц. материалистов 18 в., Фейербах не сводил причины существования религии к невежеству и обману, а стремился показать, что в религ. образах искаженно отражается человек. жизнь. Т. о., религия, по учению Фейербаха, есть отчужденное самосознание, отчужденное выражение человек. сущности, к-рая, однако, понимается не как совокупность обществ. отношений, а как чувств. и интеллектуальная жизнь вообще. Однако Фейербах не видел социальных, исторически переходящих корней религии. Поэтому, обосновывая атеизм, он вместе с тем пытался создать новую религию без бога, «гуманистическую» религию, обоготворяющую человека. Эта «богостроительская» черта философии Фейербаха характеризует непоследовательность его атеизма.

Фейербах — крупнейший представитель домарксовского материализма в Германии. Историч. значение его философии заключалось прежде всего в том, что он подверг основат. критике философию Гегеля и идеалистич. спекуляцию вообще. То обстоятельство, что он не смог материалистически переработать диалектику Гегеля, было неизбежно в силу бурж. ограниченности этого мыслителя. Диалектика в ее рациональном, т. е. материалистич. виде, как указывал Маркс, принципиально несовместима с бурж. идеологией даже в ее наиболее прогрессивной форме. Фейербах был идеологом бурж.-демократич. революции в Германии. Его философия завершила развитие нем.

классич. философии, его материализм послужил отправным пунктом дальнейшего развития филос. мысли. Этим объясняется то влияние, к-рое философия Фейербаха (как и философия Гегеля) оказала на Маркса и Энгельса в период формирования их взглядов.

Великое историч. значение нем. классич. философии, ее выдающаяся роль в истории философии заключается в том, что она стала одним из идейных источников марксистской философии, созревшей в 40-х гг. 19 в. (изложению ее истории в Германии посвящен спец. раздел настоящей статьи). Т. Ойзерман. Москва.

Бурж. философия и социология 2-й пол. 19—20 вв.

Поражение бурж.-демократич. революции 1848—49 привело к глубоким изменениям в бурж. И. ф. С сер. 19 в. в Н. ф. воцарился «скудоумный эклектизм» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 317) и наступила, по признанию *Риккерт*, «эпоха философского малодушия...», когда была «сломлена отвага познания...» (см. «Границы естественно-научного образования понятий», СПб., 1903, с. 15, 16). Н. ф. дробится на различные эпигонские школы. Пессимизм, агностицизм и иррационализм овладевают сознанием бурж. философов. В канун империалистич. эпохи эти веяния в Н. ф. оказывают сильное влияние на филос. мысль в Австрии и немецкоязычной части Швейцарии.

В бурж. Н. ф. предимпериалистич. и империалистич. периодов можно выделить четыре осн. направления: 1) метафизически-материалистическое; 2) агностически-позитивистское; 3) волюнтаристски-иррационалистическое и 4) объективно-идеалистическое (религиозное). Отдельно следует характеризовать социологию этого периода и всю бурж. И. ф. в период после окончания второй мировой войны.

М е т а ф и з и ч е с к и - м а т е р и а л и с т и ч. мысль, далекая от диалектики и материалистич. понимания истории и в основном связанная с развитием естеств.-науч. теорий, не играла существ. роли в определении общей картины Н. ф. 19 в. Представители этого течения нередко колебались между бурж.-просветит. атеизмом и агностицизмом полупозитивистского толка. Однако нельзя отрицать заслуги, к-рая принадлежит *вульгарному материализму*, появившемуся в сер. 19 в. как реакция на крушение великих идеалистич. систем и как выражение заинтересованности нем. буржуазии в естеств.-науч. знании, в пропаганде этих знаний и в борьбе с религией. Вульгарные материалисты — *Бюхнер*, *Фохт* и *Молешиотт* — понимали объективную обусловленность сознания в духе физиологич. антропологизма. Становлению этой философии способствовало разложение классич. формы антропологич. материализма Фейербаха. Вульгарный материализм, стиравший различие между философией и частными науками, в конце концов растворился в *позитивизме*.

Материалистич. линия в Н. ф. 2-й пол. 19 в. в значит. мере поддерживалась традициями, шедшими от А. Гумбольдта (1769—1859), автора «Космоса» («Kosmos», Bd 1—5, Stuttg.—Tübingen, 1845—62), в к-ром содержались значит. элементы диалектики в связи с трактовкой Вселенной как гармонич. системы, находящейся в развитии. С именем Гумбольдта Энгельс связывал появление одной из диалектич. «брепей» в метафизич. миропонимании (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 510). Пафос всеобщего единства природы приобрел у Гумбольдта поэтич. характер, утверждая также гуманно-нравств. взгляд на мир. Свообразную поэтич. картину мира, близкую материализму, но затем перетолкованную в духе телеологич. панпсихизма, набросал в «Новом изложении сенсуализма» («Neue Darstellung des Sensualismus», Lpz., 1855) Г. Чольбе (1819—73), к-рый рассматривал всю духовную жизнь как продукт ощуще-

ний, а последние — как особые силы, высвобождаемые из материальной протяженности деятельностью мозга. Как и *Кирхман*, он оценивал познават. содержание ощущений в духе наивного реализма. Традиции «Космоса» Гумбольдта получили дальнейшее развитие в философии *Геккеля*, к-рая была не свободна от гилезонстич. мотивов и примирительных по отношению к религии тенденций. Но объективно Геккель в «Мировых загадках» («Die Welträtsel», Jena, 1899) и др. соч. отразил «...н е и с к о р е н и м о с т ь е с т е с т в е н н о - и с т о р и ч е с к о г о м а т е р и а л и з м а, н е п р и м и р и м о с т ь е г о с о в с е й к а з е н н о й п р о ф е с с о р с к о й ф и л о с о ф и и и т е о л о г и е й» (Л е н и н В. И., Соч., т. 14, с. 335). Основанный Геккелем «Союз монистов» (1906) стал центром атеистич. и антиклерик. пропаганды. С 1912 союз развернул свою деятельность под руководством преемника Геккеля австр. ученого *Оствальда*. Роль Оствальда в историко-филос. борьбе была чрезвычайно противоречивой: его попытки, подвергнутые критике Лениным, рассматривать энергию как более широкую категорию, чем материя и сознание, приближали его к *махизму*, но истолкование им энергии как объективно существующего начала ограждало от последовательно идеалистич. выводов. Нек-рая аналогия этому возникла в философии Э. Левенталя (1836—1917), к-рый искал всеобщую субстанцию в нематериальном и неидеальном, но в то же время вполне объективном «эфире», с тем, однако, фантастич. добавлением, что не только материя, но и человек. души суть сгущения этой субстанции, к-рые после смерти индивидуума возвращаются в свое «эфирное» лоно, на чем Левенталь основывал предложенную им «земную религию» сознающего эфира. Наиболее настойчиво борьбу Геккеля и Оствальда против фидензма продолжал в «Союзе монистов» биолог Г. Шмидт, автор книги «Монизм и христианство» («Monismus und Christentum», Jena, 1906). Его материализм был непоследовательным: физическое и духовное для него — «две стороны» единого бытия. И. Фишер в кн. «Сознание» («Das Bewusstsein», Lpz., 1874) доказывал, что сознание есть функция мозга, но Ф. Вольф в работах «Материализм в его отношении к религии и морали» («Der Materialismus im Verhältniß zu Religion und Moral», Lpz., 1886) и «Апология материализма» («Apoloogie des Materialismus», Lpz., 1890) стремился перебраться от этого правильного тезиса мостик к телепатии, пытаясь трактовать сознание как продукт непосредств. взаимодействия мозга с пространственно примыкающей к нему средой. Близки к естеств.-науч. материализму были физики Г. Герц (1857—94) и М. Ферворн (1863—1921), а также *Планк* и (в Австрии) Л. Больцман (1844—1906). В этике сильное влияние Фейербаха испытал Ф. Йодль (1849—1914), определявший свои воззрения как «натуралистический монизм»; однако он разделял слабости «монизма» Геккеля и перетолковывал фейербахянство в духе позитивизма. Агностици. и идеалистич. колебания многих из перечисленных выше мыслителей послужили, так же как и вульгарный материализм, питат. средой для развития в Германии 2-й пол. 19 в. позитивизма.

Помимо перерождающегося метафизич. материализма, источником агностически-позитивистского течения служила интерпретация критицизма Канта. *Неокантианство*, в широком смысле слова, как движение, соединяющее механико-математич. истолкование природы с агностицизмом и ценностным подходом к обществ. явлениям, возникло в 60-х гг. 19 в. (*Либман*, Ф. *Ланге*). Позднее, в 80—90-х гг., оно конституировалось в две школы — марбургскую и баденскую школы, не считая более мелких разновидностей — психологизма *Нельсона* и близкой к позитивизму концепции *Риля*. Марбургская школа — *Коген*, *Наторп*, *Кассирер* и др. (из

нее вышли также неогегельянец *Либерт* и ревизионисты марксизма *Штаммлер* и *Форлендер*) — трансформировала учение Канта в направлении субъективного идеализма и волюнтаризма.

Баденская школа — *Виндельбанд*, *Риккерт*, *Баух*, *Ласк*, *Мюнстерберг* и др. [близки к этой группе *М. Вебер* и *И. Кош* (1869—1947), логики *Зигварт* и *Эрдман* и др.] — придала кантианству аксиологич. трактовку (см. *Аксиология*).

Позитивизм получает еще более широкое распространение в Н. ф. конца 19 в. Посредствующую роль между вульгарным материализмом и позитивизмом сыграли взгляды *Дюринга*, нередко приближавшегося к объективному идеализму, а между позитивизмом и неокантианством — фикционализм *Файхингера* и «критицизм» *Риля*. Впрочем, относя к числу фикций все понятия и категории философии, идеалы, ценности и саму объективную реальность, Файхингер оказался близок, с одной стороны, к *прагматизму*, с другой — к *философии жизни*. Позитивистски настроены были *Ласк* и Т. Циглер (1846—1918). Но гл. формой позитивизма стал в 70—90-х гг. 19 в. *эмпириокритицизм*, прокламирующий т. н. «средний путь» между материализмом и идеализмом. Возникнув первоначально в Швейцарии (*Авенариус*) и Австрии (*Мах*), эта, «вторая», форма позитивизма получила распространение и в Германии. В русле махизма развились *имманентная философия* (*Шуппе*, Шуберт-Зольднер, *Ремке* и др.), новый вариант берклианства у *Петцольда* и близкое к *неопозитивизму* учение *Корнелиуса* о законах науки как конструциях. С махизмом позитивистские претензии «очистить» опыт от метафизики вступили в новую фазу, а на смену «физиологическому идеализму» пришел «физический идеализм». Все осн. идеи эмпириокритицизма (критика «интроспекции», принципиальная координация, экономия мышления) зародились уже в 70-х гг. 19 в. на базе метафизич. и субъективно-идеалистич. истолкований термодинамики и учения об энергии в рамках классич. физики. Переворот в естествознании начала 20 в. послужил основой для формирования новейшей, «логической», разновидности позитивизма. Приняв форму неопозитивизма, последняя соединила в себе тенденции, идущие от субъективно-идеалистич. *сенсуализма* махистов, от логистич. рационализма марбургских неокантианцев и от *конвенционализма* Файхингера.

Филналом Венского кружка неопозитивистов [*Шлик*, *Карнап*, *Нейрат*, Г. Ган (1880—1931) и др.], действующим в 20-х гг. с *психоанализом* *Фрейда* власть над умами австр. бурж. интеллигенции, явилось в Берлине «Общество эмпирической философии» [*Рейхенбах*, Ф. Краус, В. Дубислав (1895—1937), *Мизес*, К. Греллинг и др.]. Неопозитивизм в Австрии и Германии складывался по форме как реакция на гуссерлианство, ранний *экзистенциализм* и *неосхоластику*. По своей сущности это было течение, ограничивающее познават. возможности человек. разума и глубоко враждебное диалектич. материализму. Если экзистенциализм определяли философию как «водоворот первоначального вопрошания» без ответов (*Хейдеггер*), то логич. позитивисты увидели во всей прежней философии лишь хаос псевдопроблем и бессмысленных ответов (Карнап, Рейхенбах). Их попытка создать новую философию как логич. анализ языка науки оказалась лишь новым вариантом отчуждения продуктов мысли. действительности от реальной действительности. Элементы языка и вообще знаки, «факты» (восприятия) и «чувственные данные» (ощущения) приобрели характер фетишизированных сущностей, отгораживающих субъект от внеш. мира и деформирующих его содержание. Порочные черты «физического идеализма» были распространены неопозитивистами на математику, логику и вообще на всю систему знания, что «устра-

нило» объективную действительность как предмет науч. и филос. исследования и заменило кантовскую априористскую «объективность» субъективно-идеалистич. конвенционализмом.

В бурж. Н. ф. конца 19 — нач. 20 вв. сильное развитие нашло ощущение кризиса капитализма и его духовных ценностей. Пессимизм и настроение безысходности создают благоприятную почву для широкого распространения в о л ю н т а р и с т с к о - и р р а ц и о н а л и с т и ч. направления — иррационалистич. вчувствования в «жизнь» и «судьбу», упразднения разума и науки, волюнтаристич. авантюризма. Магнетральная линия развития нем. иррационалистич. волюнтаризма в 19—20 вв. шла от Шопенгауэра и Кьеркегора через Ницше к философии жизни и неогегельянству, а далее к экзистенциализму. На место рационалистически истолковываемого сознания «Я» или «Идей» и т. п. выдвигается бессознат. воля, слепой порыв. В 50-х гг. 19 в. выросла известность Шопенгауэра с его пессимистич. концепцией мира. В русле идей Шопенгауэра, соединенных с элементами гегелевской системы, сложилась философия Э. Гартмана, а также П. Дёйсена (1845—1919). Непосредств. преемником Шопенгауэра и Э. Гартмана явился Ницше, предпринявший попытку обновления идеалов бурж. общества (см. *Нигилизм*). Провозгласив «переоценку ценностей», он развил взгляды, во многом противоположные баденской школе неокантианцев: высшей ценностью у Ницше оказывается не «святость» и «истина», как это имело место у баденцев, а сила саморазвития личности. Его апология «сверхчеловека» и «воли к власти» впоследствии послужила одним из источников идеологии герм. фашизма.

«Философы жизни» Дильтей, Эйкен и близкий «ценностному» течению в неокантианстве (и взглядам Бергсона) Зиммель уже в последней трети 19 в. противопоставили академич. агностицизму свой «стихийный» субъективный идеализм. Их бунт против рационализма вылился в трактовку мира как совокупности эмоц. переживаний человек. души и в противопоставление познанию «понимания» как интуитивного «вчувствования» в инстинктивную жизнь. С баденской школой неокантианства «философов жизни» роднили свойственные им противопоставление наук о духе наукам о природе и проводимый под флагом «оживания» в специфич. историч. процесса поход против историзма. Этот поход привел Дильтея к подхваченному затем Шпенглером утверждению о плюралистичности и «разорванности» историч. процесса и взаиморазобщенности различных нац. культур, а Зиммеля — к абс. релятивизму в трактовке историч. исследования: история, по его мнению, такова, каково интуитивное мнение о ней данного историка. Философия жизни оказала влияние на экзистенциалистов и на «критиков культуры» Литта, Шпрангера, А. Вебера, Ротхаггера, Трельча, а также на философов и социологов фашистской формации — Клагеса, Г. Фрайера (р. 1887), Г. Кайзерлинга (1880—1946), Шпанна.

На рубеже 19 и 20 вв. в русле философии жизни появилось новое течение — неогегельянство. В 20-х гг. оно распространилось вширь, но не получило преобладания, а скорее оказалось питат. почвой для экзистенциализма. Апогеем неогегельянства стали два гегелевских конгресса в 1930 и 1931. Осн. чертами неогегельянства, представленного работами Кронера, Глокнера, Литта, Либерта и др., было истолкование философии Гегеля в духе мистич. пантеизма (путем сближения Гегеля с нем. романтиками и философией жизни) и субъективного идеализма (путем сближения с Фихте), искажение диалектики в плане иррационализма и пантрагизма или ее упразднение (см. R. Kroner, Hegel heute, в сб.: Hegel-Studien, Bd 1, Bonn, 1961, S. 141).

Более значительным и устойчивым по своему влиянию, чем неогегельянство, явлением в Н. ф. стала феноменологич. школа, отчасти подготовленная логич. исследованиями Б. Больдано (1781—1848), Ф. Brentano (1838—1917), Мейнонга, А. Геглера (1853—1922), К. Штумпфа (1848—1936), Х. Эренфельса (1859—1932) и др. и созданная трудами Гуссерля и его ученика Шелера. Через раннего Brentano от схоластич. философии в феноменологию Гуссерля вошло интенциональное понимание сознания. Утверждая, что философия должна быть основана на психологии, Brentano требовал резко отграничить интенциональные акты психики от их содержания, руководствуясь в качестве критерия истины «очевидностью». Др. осн. положением феноменологии Гуссерля, воспринятым также от Brentano, стало учение об «истинах в себе» как об особых идеальных сущностях. Феноменологич. доктрина Гуссерля сложилась в дальнейшем под флагом критики психологизма в логике и теории познания, но ее антипсихологизм принес лишь видимость объективного исследования и в конце концов завершился иррационализмом. Т. н. трансцендентальная редукция категорий привела к их субъективно-идеалистич. опустошению. Пропагандой учения Гуссерля занялись его ученики Ландгребе в Кёльне и Э. Финк (р. 1905) в Фрейбурге. Шелер видоизменил гуссерлианство, сделав акцент на его аксиологич. аспекты, включив в него антропологич. идеи философии жизни и поставив на службу религ. вере. От Шелера идет линия к философской антропологии Г. Вейна (р. 1912), Ф. И. фон Рингелена (р. 1898) и др. В русле феноменологии Гуссерля стояли также А. Пфендер (1870—1941), О. Беккер (р. 1889), М. Штейгер (1880—1937), А. Рейнах (1883—1917), Э. Штейн (1891—1942) и др. Немало способствовала она и становлению философии Хейдеггера. Влияние этой филос. школы вышло далеко за пределы Германии.

Одним из наиболее влиятельных иррационалистских течений в 20—40-х гг. 20 в. стал экзистенциализм. Общий кризис капитализма, особенно резко потрясший бурж. сознание вследствие поражения герм. империализма в двух мировых войнах, отразился в экзистенциалистском превращении «тревоги» и «ужаса» в неизбежный фон бессущностного, нелепого существования. Свойственный философии жизни разрыв между интуицией и рассудком был истолкован теперь как беспрестанно углубляющийся раскол внутри самой жизни, в самой сердцевине к-рой гнездится подтачивающая ее изнутри злобная сила — «ничто» (Хейдеггер). Хейдеггер и Ясперс рассматривают, вслед за Ницше, категорию «нигилизма», в к-ром первый видит «закономерность происходящего», его «логику», его «судьбу» (см. M. Heidegger, Nietzsche, Bd 2, Stuttgart, 1961, S. 278), а второй предлагает в качестве средства преодоления нигилизма истинную «коммуникацию». Если Шпенглер жаловался на то, что «время страшно..., жутко» (см. «Закат Европы», М., 1923, с. 91, 134), то Хейдеггер изобразил его как силу, телеологически направляющую все существующее к гибели.

Объективно-идеалистич. направление в Н. ф. начиная с сер. 19 в. было представлено (не считая гегельянцев — от Ф. Рихтера до Лассалля) многими, но не очень влият. одиночками. Религ. философия, в основном в ее католич. варианте, возобладала в духовной жизни Германии после 2-й мировой войны (см. *Неотомизм*). Представителями послегегелевского идеализма с тенстич. окраской были И. Г. Фихте (1796—1879), Х. Г. Вейсе (1801—66), Баадер, А. Гюнтер (1783—1836), О. Пфлейдерер (1839—1908) и др. Спиритуализацией естествознания в сер. и конце 19 в. занялись сторонник психофизич. параллелизма Фехнер, монадолог Лотце, возродивший

аристотелеву энтелехию виталист Г. Дриш (1867—1941) и др. Еще в 1-й половине 19 в. разновидность монадологии, метафизически соединявшая в себе элетско-платоновские, лейбницевские и кантовские мотивы, возникла в соч. *Гербарта*, оказавшего влияние на *Дробиша*, *Х. Штейнтала* (1823—99), *Фолькмана* и др. Позднее, используя элементы монадологии и кантовства, целую школу [*Эббингауз*, *Р. Эйслер* (1873—1926), *Паульсен*, *Мейман* и др.] создал «идеалист-реалист» *Вундт*, философия которого тяготеет к волюнтаристич. идеализму. Наибольшую известность он приобрел не своей филос. системой, а разработкой им экспериментальной и социальной психологии. Особняком стоял *Я. Икскуль* (1864—1944), занимавшийся спекулятивными изысканиями по поводу отношения организма и среды.

В нем. социологии и, несмотря на начавшийся в нач. 20 в. процесс выделения ее в особую область знания, еще долго сохранялись ее тесные узы с философией. *М. Вебер* соединил идеи позитивистского номинализма с учением об априорных конструкциях «идеальных типов» в духе неокантовства. Основатели геополитики *Ратцель* и швед *Челлен*, *К. Хаусхофер* (1889—1946), социал-дарвинисты и расисты *Л. Гумплович* (1834—1909), *Г. Ратценхофер* (1842—1904), *Чемберлен*, *Л. Вольфман* (1871—1907), *Аммон*, *Ф. В. Шальмейер* (1857—1919) развивали принципы, подготовившие фашистскую идеологию. Под влиянием идей Шопенгауэра сложилась концепция социолога *Тенниса*.

Непосредств. духовным предтечей нем. фашизма был Шпенглер. Выражая настроения нем. буржуазии, только что потерпевшей поражение в первой мировой войне, он поносил разум и превозносил интуицию, истолковывая историч. события как символич. свидетельства «судьбы». Препредкая гибель бурж. культуры, Шпенглер сделал новый шаг по пути превращения мифа в гл. гносеологич. категорию. Он сыграл заметную роль в подготовке национал-социалистич. демагогии.

Воинствующий иррационализм, мифологизация философии, утверждение в человеке звериного, демонич. начала, цинич. аморализм — все эти черты нищезанятия позволили *А. Розенбергу*, офиц. философу гитлеризма, провозгласить Ницше своим предтечей, а *Боймлеру* возвеличить его как борца против картезианского культа разума и «великого врага» гуманизма. Обоснованию политич. авантюризма и милитаризма служили «теории» ставших впоследствии офиц. идеологами национал-социализма *Юнгера*, *Крика* и *Боймлера*. Последний, напр., утверждал, что мирное сосуществование народов — это смерть духа, а «жизнь» его заключается в войне, причем Н. ф. должна была соответствовать «молчаливой солдатской философии прусского генерального штаба».

По мере того как в политич. жизни Германии одерживали верх все более реакционные и агрессивные круги буржуазии, происходило неуклонное разложение и вырождение бурж. филос. мысли. Процесс мистификации обществ. отношений и мифологизации теоретич. сознания достиг своего апогея в нем. философии истории и в социологии в период фашизма. *Юнгер* провозгласил, что «история есть движение мифологических образов», а *Г. Фрайер*, поставленный нацистами во главе «Немецкого социологического общества», сформулировал новые задачи социологов как интерпретацию всех социальных движений в виде борьбы между расами, разжигание зоологич. шовинизма и разработку приемов воспитания «молодого поколения фюреров». В кн. «Революция справа» («*Revolution von rechts*», Jena, 1931—32) *Фрайер* утверждал, что фюрер — это высшая стадия развития мистич. духа, стоящая выше гос-ва. Близкие к этим взгляды излагали *К. Пфеффер* и примкнувший к гитлеризму

австр. философ *Шпанн*, к-рый рассуждал о корпоративном гос-ве как о совокупности ступеней возвышения спиритуального начала. Важные функции в рамках нем.-фашистской социологии выполняла геополитика: рассуждения *Хаусхофера* о «народе и территории» совпадали фактически с заклананиями *Гесса* и *Гитлера* о «крови и почве», «расе и пространстве» и т. п.

Развитие Н. ф. после разгрома нем. фашизма пошло двумя различными путями: в ГДР восторжествовал марксизм-ленинизм, в Зап. Германии сохраняется иррационалистич. и религ. философия; на идеологич. вооружение господств. политич. партиями принят католич. клерикализм. Гл. филос. течения в ФРГ — неотомизм и экзистенциализм. Крупнейшие совр. католич. философы в Зап. Германии — *Я. Гоммес*, *А. Демпф* (р. 1891), *И. Де Фрис*, *Б. Лакебринк*, *В. Бруггер*, *К. Брокмеллер*, *Ф. Рошкэмп*, *К. Ранер*, *Р. Лаут*. Католич. вариант экзистенциализма развивает *М. Мюллер*. Следует также отметить неотомистских философов *Кнодля* и *Хеера* — в Австрии, *Ю. Бохеньского* — в Швейцарии. В Пуллахе, Фрейбурге, Мюнстере, Фульде — в ФРГ, Граце и Инсбруке — в Австрии сложились крупные центры подготовки неотомистских кадров и издания неотомистской лит-ры.

Филос. концепции протестантизма развивают *Кун* (ныне председатель «Немецкого философского об-ва»), *Р. Бульман*, *Г. Горст-Шрей*, *Ф. Гогартен* (р. 1887), *М. Нимеллер*, «диалектич. теология» к-рых восходит к экзистенциализму *Кьеркегора*. В Швейцарии аналогичные теории разрабатывает *К. Барт*.

Еще в период засилья нацистской философии в Германии особняком держался *Н. Гартман*, вышедший из марбургской школы неокантовства. Его «новая онтология» постулировала плюрализм «слоев» бытия и пыталась приостановить процесс субъективизации и иррационализации бурж. филос. мышления и одновременно занять компромиссную неореалистич. позицию, к-рая возвышала бы его над материализмом и идеализмом, на отличном от позитивизма пути возрождения метафизики. Неореализм *Гартмана* получил продолжение у *Г. Якоби* (р. 1881), а также в «критическом реализме» *Б. Бавинка* (1878—1949) и *Венцля*, во многом отличающемся от «критического реализма» *Кюльпе* и *А. Мессера* (1867—1937) и дополненным религ. идеями, отсутствовавшими у *Гартмана*. В послевоен. условиях «критический реализм» *А. Венцля* выступил в функции посредника между неореализмом и католицизмом, сближая их в общую эклектич. концепцию. *Венцль* широко использовал аристотелевско-томистскую идею о иерархичности структуры мира и апеллировал к естествоиспытателям, разочарованным в позитивизме. Разочарование это в 50-х гг. 20 в. стало заметным. Нем. участники бывшей коненгагенской школы физиков-неопозитивистов изменили свои взгляды. *Гейзенберг*, приняв возражения *Кассирера* против Венского кружка, перешел к концепции, по существу тяготеющей к платонизированному объективному идеализму (см. *Реализм*), *П. Иордан* стал воинствующим неотомистом [скандальное свидетельство его падения как ученого — книга «Провалившийся мятеж» («*Der gescheiterte Aufstand*», Fr./M., 1956)]. Кроме того, «христианскую физику» пытается разработать *Вейцзекер* (р. 1912). С др. стороны, в материалистич. плане развиваются воззрения физика *М. Борна* (р. 1882).

Совр. зап.-герм. социология продолжила реакц. традиции бурж. социологии 1-й пол. 20 в. Опирается на многочисл. спец. институты, эта социология стремится обелить фашистское прошлое, активно борется против марксизма. Для ряда зап.-герм. антимарксистов характерно заимствование ими псевдомарксистской фразеологии. В той или иной степени это было

свойственно эмигрировавшим из Германии представителям «социологии познания» К. Манхейму (1893—1947) и Х. Маркузе. Псевдомарксистская фразеология была использована и руководителем Франкфуртского ин-та социальных исследований Т. Адорно, превратившим гегелевский идеализм в обоснование пессимистич. взглядов на прогресс, а также пропагандистом амер. концепции *менеджеризма* П. Зерингом («Jenseits des Kapitalismus», W., 1948) и Ф. Боркенау. Гегельянский вариант псевдомарксизма развивается ныне Э. Блох. Влияние амер. бурж. социологии вообще и вульгарно-эмпирич., в частности, на зап.-герм. социологию заметно возросло. Распространилась эмпирич. социология и социология (Кёниг, р. 1906, Г. Шельский, р. 1912, Бурхбахер, Нейло и др.), в рамках к-рых выделяются по тематике (но не по теоретич. принципам) «производств. социология» (Шельский), изучающая роль и место в произ-ве различных его участников с т. зр. рекомендаций, к-рые помогли бы затушить классовую борьбу на капиталистич. предприятии (при этом используется амер. концепция т. н. «human relations» — «человеч. отношений»), и «политическая социология» (ею в той или иной мере занимаются О. Штаммер, Р. Дарендорф, а также Бергштрассер, Ландсхут, Абендрот и др.).

В наст. время в нем. бурж. социологии усиленно эксплуатируется вновь поднятая еще «философами жизни» тема *отчуждения*, к-рое объявляется гл. чертой совр. эпохи. «Философская антропология», еще в 30-х гг. намечившаяся у Лёвита и Ротхакера, пропагандируется ныне также М. Ландманом, Г. Вейном, Я. Гоммесом, А. Демпфом, Х. Плеснером, Ф. Ринтленом, О. Большовым, Брюнингом, Хадамером и др. В центре ее внимания — идея извечного непреодолимого отчуждения человека.

Снова возродилась геополитика, пропаганду идей к-рой возобновил Хаусхофер. К. Шумахер вновь провозгласил лозунг «Народ без пространства», а с 1951 Э. Ашенбах возобновил издание геополитич. журнала («Zeitschrift für Geopolitik»), в к-ром активно участвуют А. Грабовский и др. Особенностью послевоен. геополитики является замена расовой концепции германцентризма культурно-психологич. концепцией европоцентризма, а также учением об извечных якобы воен. столкновениях между морскими и сухопутными державами.

Очень много соч. выходит ныне в Зап. Германии по социологии войны и мира. Их авторы на разные лады обосновывают вечность и неизбежность войны. Одни из них ссылаются на геополитич. или на мальтузианские доводы, другие — на инстинкты, биологически присущие людям, третьи винят во всем «демона техники». Крайний пессимизм и утрата каких-либо перспектив — лейтмотив большинства этих работ. Зап.-герм. социология не только не избавилась от нацистского идеологич. багажа, но и, наоборот, в ряде случаев осуществила его рещенцию в процессе своего насыщения антикоммунистич. идеями. За последнее время в Зап. Германии появились работы отд. прогрессивно настроенных историков обществ. мысли, в к-рых подчеркиваются гуманистич. идеи учения Маркса. *И. Нарский.* Москва.

Марксистская философия (сер. 19—20 вв.)

В 40-х гг. 19 в. происходит революц. переворот в философии: возникает марксизм (см. *Марксизм-ленинизм, Маркс, Энгельс*). Своеобразие историч. обстановки в Германии, находившейся накануне бурж. революции, обусловило то обстоятельство, что именно эта страна явилась родиной марксизма. В 1844 окончательно завершается переход Маркса от революц. демократизма к пролет. коммунизму и диалектич. материализму. В этот же период начинается совместная

политич. и науч. деятельность Маркса и Энгельса. Плодами ее в 40-е гг. явились труды «*Святое семейство*», «*Немецкая идеология*», «*Манифест Коммунистической партии*». В «Святом семействе» принципы филос. материализма и в особенности материалистич. объяснение истории выступили впервые в качестве методологич. основания для важнейших выводов науч. социализма. Здесь получила свое выражение линия Маркса и Энгельса на размежевание с мелкобурж. нем. радикализмом (идеологами к-рого выступали младогегельянцы) не только в политич. вопросах, но и в области философии. Важной вехой в формировании философии марксизма, знаменующей переход от метафизич. материализма к диалектическому, стали написанные Марксом «*Тезисы о Фейербахе*». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс всесторонне обосновали материалистич. понимание истории (см. *Исторический материализм*) и начали разработку теории пролет. революции и учения о коммунизме. В работе Маркса «*Ниццета философии*» был глубоко проанализирован вопрос о противоположности материалистич. диалектики идеалистич. методу Гегеля, намечен в общих контурах разработанный впоследствии метод *восхождения от абстрактного к конкретному*, дана критика метафизики и мелкобурж. мировоззрения Прудона. Период формирования философии марксизма завершается созданием «Манифеста Коммунистической партии», в к-ром диалектич. и историч. материализм выступают в качестве филос. основы науч. коммунизма. Материалистич. понимание истории и революц. диалектика применены здесь к обоснованию учения о партии рабочего класса, ее тактики, к разработке программы социалистич. пролет. революции.

В нач. 50-х гг. Маркс и Энгельс уделяли преимуществ. внимание проблемам материалистич. понимания истории. Деятельность Маркса и Энгельса была органически связана с практикой революц. борьбы пролетариата. Именно поэтому теории *классов и классовой борьбы, государства и права*, социальной революции, идея непрерывной революции и др. получают в их трудах глубокую разработку в ходе исследования политич. и тактич. задач пролетариата в буржуазной и бурж.-демократич. революциях. Обобщение практики революций дало возможность значительно конкретизировать теорию *диктатуры пролетариата*. Был сделан вывод о необходимости слова бурж. гос. машины в ходе победоносной социалистич. революции («*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*»), обогативший марксистскую теорию гос-ва и социалистич. революции (см. также работы Маркса «*Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.*», 1850; Энгельса «*Революция и контрреволюция в Германии*», 1851—52).

Во 2-й пол. 50-х и в 60-х гг. развитие философии марксизма происходило гл. обр. в связи с экономич. исследованиями Маркса. Первостепенное значение для развития филос. мысли в этот период имели марксовы «*Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie*» (см. «*Экономические рукописи 1857—58 годов*»), «*К критике политической экономии*», «*Капитал*»). В рукописях «*Grundrisse*», явившихся первым наброском «*Капитала*», Маркс разработал далее ряд вопросов материалистич. диалектики; обогатил материалистич. понимание истории теорией обществ.-экономич. формаций, предшествующих капиталистич. произ-ву, раскрыл взаимодействие общих и специфич. законов историч. процессов, наметил контуры науч. теории коммунистич. формации (коммунистич. обществ. отношения, особенности действия экономич. законов, критерий коммунистич. прогресса, проблема свободного времени). Во «*Введении*» (из *Экономических рукописей 1857—1858 годов*) был раскрыт метод восхождения от абстрактного к конкретному, рассмотрены нек-рые

проблемы эстетики, проанализирована диалектика взаимоотношения различных сторон экономич. жизни общества. «Предисловие» к работе «К критике политич. экономии» содержало классич. формулировку сущности материалистич. понимания истории. «Капитал» подвел итоги развития филос. проблем марксизма в экономич. исследованиях. «В „Капитале“ применена в одной науке логика, диалектика и теория познания материализма [не надо 3-х слов: это одно и то же]...» (Л е и н И., Соч., т. 38, с. 315), разработаны законы и категории материалистич. диалектики; показано единство историч. и логич. методов исследования; раскрыта диалектика развития капиталистич. формации, доказана неизбежность крушения капитализма и перехода общества к коммунистич. обществ. формации. Очень важным для анализа духовной жизни бурж. общества и для понимания положения личности в условиях капитализма является учение Маркса о капиталистич. разделении труда, о товарном фетишизме и об отчуждении личности.

Во 2-й пол. 60-х гг. развитие философии марксизма совершается в ходе острой идейной борьбы с прудонистами, бакунистами и лассальявцами. Руководство работой 1-го Интернационала потребовало от Маркса и Энгельса творч. решения вопросов, важных для теории науч. коммунизма и для тактики борьбы за интернац. пролет. солидарность (политич. и социальное освобождение трудящихся, самоопределение наций, роль пролетариев в борьбе за демократию, роль пролет. партии в классовой борьбе, необходимость борьбы против тенденций к *культу личности* в пролет. партии и др.).

В 60-х гг. с самостоят. открытием принципов диалектич. материализма выступил рабочий-кожевник *Дизген*, а ученый-химик социал-демократ К. Шорлеммер (1834—92) раскрыл диалектику химич. процессов. Под влиянием Маркса и Энгельса Шорлеммер стремился к сознат. применению диалектики в качестве метода исследования в естествознании.

Парижской Коммуной 1871 закончилась в Зап. Европе эпоха, названная Лениным периодом бурь и революций. Подытоживая историч. опыт Коммуны как первой в истории попытки установления диктатуры пролетариата, Маркс в работе «Гражданская война во Франции» (1871) обогатил теорию классовой борьбы и пролет. революции целым рядом новых выводов, главным из к-рых было положение о необходимости специфич. гос. формы диктатуры пролетариата; прообразом ее Маркс считал Парижскую Коммуну. Рост рабочего движения, возникновение массовых социалистич. партий поставили перед Марксом и Энгельсом задачу воспитания кадров пролет. революционеров. Этой цели подчинен ряд их произведений, в к-рых важное место занимают филос. и социологич. проблемы. В работе «*Критика Готской программы*» Маркс сформулировал положение о диктатуре пролетариата как политич. организации общества в переходный период от капитализма к социализму, обосновал свое открытие двух фаз развития коммунистического общества, раскрыл экономич. анатомию переходного периода и первой фазы новой формации — социализма.

В 70—80-е гг. Маркс и Энгельс много внимания уделяют филос. проблемам естествознания, оценивая *дарвинизм* как естеств.-науч. подтверждение истинности материалистич. диалектики. В работе «*Диалектика природы*» Энгельс, разрабатывая теоретич. проблемы диалектики, выступил против метафизич. традиций в науке, позитивистского игнорирования роли философии в естествознании, модного тогда увлечения спиритизмом. Решая филос. проблемы естествознания, предмета естествознания, классификации наук, круговорота материи во Вселенной, происхож-

дения жизни, развивая и обогащая при этом содержание законов и категорий диалектики, Энгельс глубоко разработал также вопросы: о роли *гипотезы* в развитии естествознания, о *практике* как критерии истины о методологич. значении *детерминизма* и др. В *Математических рукописях К. Маркса*, относящихся к 70-м гг., был подвергнут глубокой критике «математический идеализм», решен вопрос о прообразах математич. величин в природе, на примере дифференц. исчисления показано превращение достижений науки в метод дальнейших исследований, несостоятельность *агностицизма* (и *априоризма*) в математике.

Важным этапом в развитии философии марксизма явилась работа Энгельса «*Анти-Дюринг*». В этой работе была подвергнута критике эклектич. концепция Дюринга и разработаны все три составные части марксизма. Из числа филос. проблем в этой работе наиболее обстоятельно раскрыты: предмет философии, проблема единства мира, вопрос о материи и движении, проблема *пространства и времени*, осн. законы диалектики, сущность диалектич. логики (см. *Логика диалектическая*) и ее *категорий*, проблема истины, основы материалистич. понимания истории.

Большое значение для разработки ряда проблем философии и истории философии в 80—90-е гг. имела работа Энгельса «*Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*». В труде «*Происхождение семьи, частной собственности и государства*», опираясь на сделанное Л. Морганом открытие родовой организации общества и используя марксов концепт книги Моргана «*Древнее общество*», Энгельс блестяще доказал на материале первобытной истории правильность принципов материалистич. понимания истории. В письмах Энгельса 90-х гг. были глубоко разработаны проблемы структуры обществ. сознания, особенностей *идеологии*, ее относит. самостоятельности, воздействия гос-ва на обществ. прогресс. В опубликованных Энгельсом 2-м и 3-м томах «Капитала» Маркса была дана целостная характеристика капиталистич. системы х-ва, глубоко раскрыта филос. проблема *закона*, показано взаимодействие общесоциологич. и специфич. законов при капитализме, всесторонне обоснована историч. обреченность капиталистич. способа произ-ва.

В распространении идей марксистской философии большую роль сыграли в этот период работы последователей Маркса и Энгельса. В 1887 вышли в свет две работы Диггена «*Экскурсия социалиста в область теории познания*» (рус. пер., СПб, 1907) и «*Аквизит философии*» (рус. пер., СПб, 1906). Пропаганде принципов материалистич. понимания истории были посвящены работы В. Либкнехта и Бебеля. Если В. Либкнехт в работах «*История французской революции*» («*Geschichte der französischen Revolution*», Dresden, 1890), «*Кто такие социал-демократы и чего они хотят*» («*Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen*», Chemnitz, 1894) пропагандировал общие вопросы историч. материализма и науч. коммунизма, то Бебель в трудах «*Шарль Фурье*» (1888, рус. пер., СПб, 1906), «*О Бернштейне*» (1899, рус. пер., Лондон, 1902) поднимал историко-филос. вопросы, связывая их с актуальной тогда идеологич. борьбой против неокантианского филос. *ревиизионизма*. Большую роль в идейном развитии герм. с.-д-тии имели исследования Бебеля «*Женщина и социализм*» (1879, рус. пер. 1904) и «*Христианство и социализм*» (1874, рус. пер., М., 1959). Две вышедшие в 1893 работы *Мерина* «*Легенда о Лессинге*» (рус. пер., СПб, 1907) и «*Об историческом материализме*» (рус. пер., СПб, 1906) — сразу выдвинули его как талантливого пропагандиста и теоретика философии марксизма, творчески применяющего марксистский метод к вопросам лит-ры, иск-ва и общества мысли

вообще. Много филос. проблем было поднято Мерингом в исследовании «История герм. социал-демократии». Меринг умело вел идейную борьбу с вульгарным материализмом, пессимизмом Шопенгауэра и Э. Гартмана, иррационализмом и волюнтаризмом Ницше, неокантианством и неокантианской ревизией философии марксизма, выступал против «этич. социализма» К. Форлендера и др. В 90-е гг. наряду с Мерингом выдвигается др. пропагандист марксизма — К. Каутский, выступивший с работами «Возникновение брака и семьи» (1882, рус. пер., СПб, 1895), «Экономич. учение Карла Маркса» (1887, рус. пер., М., 1956), «Томас Мор и его утопия» (1888, рус. пер., СПб, 1905), «Этика и материалистич. понимание истории» (1906, рус. пер., М., 1906) и др. В них он пропагандировал принципы историч. материализма, иногда отступая от них на позиции идеалистич. «теории факторов» и «социального дарвинизма». В целом для идейного развития К. Каутского характерна эволюция от домарксистских взглядов к марксизму и от него к центризму и оппортунизму.

В нач. 20 в. Меринг под влиянием работ Ленина и практики рус. революции все ближе подходил к ленинизму, выступив в ряде работ против бернштейнства (см. *Бернштейн*) и механистич. ревизии диалектики, против этич. социализма и неогегельянства, против махизма и Петцольда. Работа «Карл Маркс. История его жизни» (1918, рус. пер., М., 1957) подвела итоги многолетним исследованиям Меринга по истории марксизма.

Видными пропагандистами философии марксизма и борцами против ревизионизма в этот период в Германии выступают Р. Люксембург и К. Либкнехт. Уже в раннем произведении «Социальная реформа или революция?» [1899, рус. пер. (1904—05)] Люксембург вела борьбу за философию марксизма против неокантианской ревизии со стороны Бернштейна и др. оппортунистов. Люксембург очень высоко оценила значение Октябрьской революции 1917 в России; она была одним из основателей компартии Германии. Накануне первой мировой войны важной задачей герм. с.-д. было разоблачение милитаризма. Этой цели посвящена работа К. Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм» (1907, рус. пер., П., 1921). О творческих, хотя и не всегда успешных, исканиях Либкнехта в области философии свидетельствует написанная им в прусской тюрьме в 1917—18 работа «Очерки о законах общественного развития» («Studien über die Bewegungsgesetze der gesellschaftlichen Entwicklung», Münch., 1922).

Проблемам марксистской эстетики были посвящены мн. работы К. Цеткин. В ее работах «Генрик Ибсен», «Фридрих Шиллер», «Свыше наших сил», «Искусство и пролетариат» проводились идеи пролет. партийности в иск-ве, отстаивался реализм и народность, рассматривался вопрос об отношении пролетариата к культурному наследию прошлого. К. Цеткин выступала в защиту ленинского этапа в философии («Заветы Ленина женщинам всего мира», 1932, рус. пер., М., 1934).

Выдающимся борцом за марксистское мировоззрение в Германии был Э. Тельман (1886—1944). В своих работах и выступлениях он разоблачал ревизионистскую фальсификацию философии марксизма со стороны нем. оппортунистов (Брандлер, Тальгеймер, Рут Фишер, Маслов), активно боролся за признание нем. марксистами ленинского этапа в философии. Заслугой Тельмана явилась непримиримая борьба против социальной демагогии фашизма. На протяжении 20-х гг. усилиями Тельмана и др. марксистов Германии философствующие вожди нем. с.-д-тии (Кунов, К. Каутский, М. Адлер) были идейно разоблачены как злейшие враги марксистско-ленинской фи-

лософии. В выступлениях соратников Тельмана — Г. Дункера (1874—1960) («Введение в изучение марксизма» — «Ein Wegweiser zu Studien der ökonomischen Grundlehren von Karl Marx», В., 1931), *Ульбрихта* («Актуальные вопросы политики в отношении профсоюзов» — «Aktuelle Fragen der Gewerkschaftsbewegung», В., 1927) и др. раскрывались принципы ленинизма, разоблачалась теория «организованного канитализма» *Гильфердинга*, давался критика работ К. Каутского, в частности соч. «Материалистич. понимание истории» (Bd 1—2, В., 1927—29, рус. пер., т. 2, 1931), и М. Адлера «Учебник материалистич. понимания истории» («Lehrbuch der materialistischen Geschichtsauffassung», Bd 1—2, В., 1930—32).

В 1932 с.-д. З. Ландсхут и И. П. Майер опубликовали текст марксовых «Экономико-философских рукописей 1844 г.». Это положило начало новому направлению в борьбе вокруг философии марксизма в Германии, а затем и в др. странах (Франция, США, Италия и др.). Фальсификаторы марксистской философии, пытаясь дискредитировать зрелый марксизм, объявили рукописи высшим достижением марксизма. Самым активным фальсификатором марксовых рукописей в этот период выступил нем. с.-д. Х. Маркузе, впоследствии окончательно порвавший с рабочим движением.

Особый этап в развитии марксистской мысли в Германии составила борьба нем. марксистов против идей *национализма, расизма и фашизма* в 1933—45. Разоблачение социальной демагогии фашизма, развенчание расистской мифологии, борьба с фашистским геноцидом — все это способствовало формированию антифашистского фронта в Германии, спасло честь нем. нации в период временного торжества мракобесия и варварства гитлеризма. Крупнейшим прогрессивным событием в духовной жизни Германии 30-х гг. была героич. борьба Г. Димитрова на Лейпцигском процессе (1933). В своих речах он бесстрашно защищал гуманистич. принципы коммунизма, обнажая преступную сущность фашизма, его угрозу культуре и человечеству. В 1935 после VII конгресса Коминтерна, в докладе В. Пика (1876—1960) на Брюссельской общегерм. конференции КПГ «Новый путь к общей борьбе за свержение гитлеровской диктатуры» было сформулировано требование демократич. республики, опирающейся на массы. Соратником В. Пика в борьбе с фашизмом выступал В. Ульбрихт. Под влиянием герм. марксистов в этот период находились выдающиеся деятели нем. культуры И. Бехер, А. Зегерс и др.

В. Карпушин. Москва.

После разгрома гитлеровского фашизма в 1945 впервые в истории Германии на востоке страны возникли реальные возможности для подлинной демократизации экономич., политич. и идеологич. жизни. В апреле 1946 в результате объединения КПГ и СДПГ образовалась Социалистич. единая партия Германии (СЕПГ). Рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством создал в 1949 Герм. Демократич. Республику, хозяйств. и политич. успехи к-рой позволили перейти к новому этапу обществ. преобразований — к социалистич. строительству. В 1958 V съезд СЕПГ отметил, что в ГДР построены основы социализма. VI съезд СЕПГ (1963) принял новую программу партии, нацелившую нем. трудящихся на завершение строительства социалистич. общества.

В решениях парт. съездов, конференций, пленумов ЦК, в выступлениях руководящих деятелей СЕПГ В. Пика, В. Ульбрихта, О. Гротевольа и др. содержится глубокий теоретич. анализ социалистич. строительства в ГДР. Марксистско-ленинская философия выступает здесь как теоретич. основа для решения актуальных проблем, поставленных жизнью, практикой борьбы за социализм. В письме ЦК СЕПГ «Об

изучении диалектич. материализма в первичных организациях» (март 1958) перед каждым строителем социализма была поставлена задача овладеть основами марксистской философии. Большую роль в пропаганде марксистского мировоззрения сыграли издания произведений Маркса, Энгельса, Ленина, «Очерка истории нем. рабочего движения» (В., 1963, рус. пер., М., 1964), деятельность журнала ЦК СЕИП «Die Einheit» (с 1946) и «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» (с 1953). В 1946 впервые в Германии создаются кафедры диалектич. и историч. материализма и вводится преподавание марксистской философии. Центром, координирующим научно-исследовательскую работу в области философии, является Ин-т философии при Нем. АН в Берлине. Науч. исследования, проводимые марксистами ГДР, имеют своей важнейшей целью дать филос. обоснование путей социалистич. строительства, вскрыть специфику действия осн. законов диалектики в совр. обществ. развитии, решить сложную проблему развития Германии в условиях раскола страны на два гос-ва с противоположным общественно-политич. строем. Этим вопросам посвящены труды К. Хагера, А. Козинга и др. М. Клейн, Г. Эйхгорн и ряд др. философов ГДР изучают проблемы развития личности и коммунистич. морали, рассматриваемые в связи со специфич. условиями социалистич. строительства. Значит. место в исследованиях философов ГДР занимает теоретич. освещение филос. проблем естествознания и совр. науч.-технич. революции. В 1965 в Берлине состоялся междунар. конгресс, посвященный этим проблемам. На нем были обсуждены доклады Г. Гейдена, А. Козинга, Р. Фукса.

Большое внимание уделяется исследованию проблем логики. В 1951 была проведена дискуссия по вопросам логики; одним из итогов ее явилась книга Г. Клауса «Введение в форм. логику» (1959, рус. пер., М., 1960), в к-рой автор с позиций диалектич. материализма исследует совр. логич. проблемы. В работе «Кибернетика и философия» (1961, рус. пер., М., 1963) Клаус дает анализ роли и значения кибернетики, определяет ее предмет, дает филос. истолкование ее осн. понятий.

Марксистская философия в ГДР развивается в ожесточ. борьбе против различных течений бурж. идеологии, наиболее воинствующими представителями к-рой являются неотомисты. Критика неотомистской концепции дана в работах *Лейа*, являющегося также автором «Очерка истории ср.-век. материализма» (1957, рус. пер., М., 1962). В нем автор полемизирует с буржуазными, преим. неотомистскими, историками философии, изображающими средневековые как период безраздельного господства над умами людей христ.-католич. догм. Г. Клаус в кн. «Иезуиты, бог, материя» дает отповедь фальсификатору марксизма *Веттеру*. Клаус показывает теоретич. несостоятельность католич. «специалиста» по сов. философии, разоблачает клеветнический характер его «деятельности». Нем. марксисты ведут борьбу против распространенного в ФРГ экзистенциализма. Обстоят. разбор экзистенциалистской философии содержит книга *Менде* «Очерки по философии экзистенциализма», раскрывающая антинауч. характер этой философии и ее реакц. политич. роль. В 1957 философы ГДР развернули критику экзистенциалистской концепции Э. Блоха, автора работ «Принцип надежды» («Das Prinzip Hoffnung», Bd 1—2, В., 1954), «Субъект—объект» («Subjekt — Objekt», В., 1952) и др. С критикой бурж. филос. и социологич. течений, реформизма и ревизионизма выступают также В. Гейзе, Г. Гейден, Г. Зедер, Э. Альбрехт, Г. Кох, М. Бур и др.

Философы ГДР (О. Гропп, Н. Клейн, М. Бур, Д. Бергнер и др.) тщательно изучают нем. классич. филос.

наследство. Историки философии в ГДР (В. Краус, Г. Штилер, О. Фигнер и др.) выступили с работами, в к-рых показана несостоятельность утверждений об исключит. господстве идеалистич. учений в истории нем. философии и восстановлена подлинная картина борьбы материализма с идеализмом. Большая работа проводится по изучению истории марксистской философии (труды Г. Дункера, Г. Менде, А. Корню, И. Шлейфштейна). Известным подведением итогов исследоват. работы в области философии явилось издание в 1964 «Филос. словаря» — коллективного труда под ред. Г. Клауса и М. Бур.

Марксистская философия в ГДР развивается в тесном контакте с сов. филос. наукой. Совместное обсуждение теоретич. вопросов, подготовка общих науч. трудов, консультации и т. п. способствуют развитию филос. исследований в обеих странах.

А. Гулыга. Москва.

Марксистская философия в ФРГ развивается под знаком ожесточ. борьбы с реакц. бурж. и правосоциалистич. идеологией. Эту борьбу возглавляет Коммунистич. партия Германии. В ходе борьбы с империализмом и оппортунизмом нем. марксисты в ФРГ разрабатывают коренные вопросы марксистско-ленинской теории, систематически подвергают марксистской критике филос. и социологич. концепции правых социал-демократов. В 1957 на съезде КПГ была разоблачена реформистская концепция «второй промышленной революции» и «социального партнерства» (см. Доклад первого секретаря КПГ т. М. Реймана и тезисы съезда, в кн.: «Съезд 1957 года Коммунистич. партии Германии», М., 1959). Большое значение имеет резолюция «Положение в Федеративной Республике Германии и борьба за мир, демократию и социальное благосостояние», принятая конференцией КПГ в февр. 1960 и представляющая собой научно обоснованную программу демократич. обновления зап.-герм. общества, мирного разрешения герм. вопроса. Новым теоретич. вопросом, решенным КПГ вместе с коммунистич. партиями др. капиталистич. стран, является вопрос о возможности и необходимости демократич. антиимпериалистич. преобразований в условиях высоко развитого монополистич. капитализма. Рассматривая борьбу за демократич. обновление зап.-герм. части борьбы за социализм, нем. коммунисты убеждены, что только социалистич. революция и построение социализма могут разрешить задачи, отражающие коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся Зап. Германии. Разрешение этих задач коммунисты ФРГ связывают с успехами строительства социализма в ГДР, победами мирового социалистич. лагеря и междунар. коммунистич. движения, с неуклонной борьбой за мир, *мирное сосуществование*, с борьбой против пропаганды реванша и гонки атомного вооружения.

Состоявшийся в июне 1963 съезд КПГ вновь подчеркнул необходимость единства действий зап.-герм. рабочего класса в его борьбе за мир, демократию и социализм. В отчетном докладе первого секретаря ЦК КПГ М. Реймана указывалось, что осн. масса членов с.-д. партии и сочувствующих ей вступает во все более острый конфликт с политикой ее лидеров. КПГ ведет настойчивую борьбу за то, чтобы перевести осн. массу с.-д. с позиций оппортунизма и ревизионизма на позиции марксизма-ленинизма.

С. Понов. Москва.

Лит.: Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38; Каринский М. И., Критич. обзор последнего периода герман. философии, СПб., 1873; Милославский П. А., Типы совр. филос. мысли в Германии, Каз., 1878; Соколов П. П., Философия совр. Германии, М., 1890; Введенский А. И., Совр. состояние философии в Германии и Франции, Сергиев Посад, 1894; Кюльпе О., Совр. философия в Германии, характеристика ее главных направлений, пер. с нем., М., [1903]; Олькенич Р., Краткий обзор истории философии от Канта до Ницше, М., 1911; Асмус В. Ф., Диалектич. материализм и логика,

К., 1924; Айзенберг А., Возникновение материалистич. понимания истории и нем. философия, в кн.: Марксизм и проблемы философии, Л., 1933, с. 38—93; Гегель Г., Лекции по истории философии, кн. 3, Соч., т. 11, М.—Л., 1935; Гейне Г., К истории религии и философии в Германии, Подл. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1936; Максимов А. А., Про немецкую натурфилософию, [К.], 1936; История философии, т. 2—3, [М.], 1941—43; Против бурж. и правосоциалистич. фальсификаторов марксизма. Сб. переводов, М., 1952; Баскин М. П., Философия нем. просвещения, М., 1954; Ойзерман Т. П., Нем. классич. философия — один из теоретич. источников марксизма, М., 1955; История философии, т. 1—3, М., 1957—59, т. 5—6, М., 1961—65; Рассел Б., История зап. философии, М., 1959; Рэйман П., Осн. течения в нем. лит-ре 1750—1848, М., 1959; Нем. бурж. философия после Великой Октябрьской социалистич. революции, пер. с нем., М., 1960; Против совр. бурж. идеологии, Сб. ст. нем. марксистов, [под общей ред. М. Клейна и Т. П. Ойзермана], М., 1960; Гулыга А. В., Из истории нем. материализма (последняя треть XVIII в.), М., 1962; Лейб Г., Очерк истории средневеков. материализма, пер. с нем., М., 1962; Философия преступления. Против идеологии герм. милитаризма, пер. с нем., М., 1962; История нем. литературы, М., т. 1—2, 1962—63; Нем. философия после 1945 г., пер. с нем., [М.], 1964; William J., Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'à Hegel, t. 1—4, P., 1846—49; Chalybaeus H. M., Historische Entwicklung der spekulativen Philosophie von Kant bis Hegel, 4 Aufl., Dresd.—Lpz., 1848; Gruppe O. F., Gegenwart und Zukunft der Philosophie in Deutschland, B., 1855; Boehmer H., Geschichte der Entwicklung der naturwissenschaftlichen Weltanschauung in Deutschland, Gotha, 1872; Zeller F., Geschichte der deutschen Philosophie, 2 Aufl., Münch., 1875; Drews A., Die deutsche Spekulation seit Kant, Bd 1—2, B., 1893; Siebert O., Geschichte der neueren deutschen Philosophie seit Hegel, Gött., 1898; Duboc J., Wieglers P., Geschichte der deutschen Philosophie im XIX. Jahrhundert, B., 1904; Windelband W., Die Philosophie im deutschen Geistesleben des XIX. Jahrhunderts, Tübingen, 1909; Kühle O., Die Philosophie der Gegenwart in Deutschland, 6 Aufl., Lpz.—B., 1914; Dewey J., German philosophy and politics, N. Y., 1915; Cassirer E., Freiheit und Form. Studien zur deutschen Geistesgeschichte, B., 1916; Bauch B., Neuere Philosophie bis Kant, 3 Aufl., Lpz., 1919; Kroner R., Von Kant bis Hegel, Bd 1—2, Tübingen, 1921—24; Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, hrsg. von R. Schmidt, Bd 1—7, Lpz., 1921—29; Mauthner F., Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, Bd 1—4, Stuttg.—B., 1922—24; Colln J., Der deutsche Idealismus, Lpz., 1923; Hartmann N., Die Philosophie des deutschen Idealismus, Bd 1—2, B.—Lpz., 1923—29; Ebbinghaus M., Geschichte der Philosophie von der Romantik bis zur Gegenwart, Kempten—Münch., 1924; Bergmann E., Geschichte der deutschen Philosophie, Bd 1, Breslau, 1926; Basch V., Les doctrines politiques des philosophes classiques de l'Allemagne, Leibnitz—Kant—Fichte—Hegel, P., 1927; Bouthoux E., La philosophie allemande au XVII siècle, P., 1929; Deutsche systematische Philosophie nach ihren Gestalten, hrsg. von H. Schwarz, [Bd] 1—2, B., 1931—34; Lehmann G., Geschichte der nachkantischen Philosophie, B., 1931; Leisegang H., Deutsche Philosophie der Gegenwart in Deutschland, 8 Aufl., Lpz., 1934; Brock W., An introduction to contemporary German philosophy, Camb., 1935; Haering T., Was ist deutsche Philosophie?, Stuttg., 1936; Hoek S., From Hegel to Marx, L., 1936; Bense M., Vom Wesen deutschen Denker, Münch.—B., 1938; Wundt M., Die deutsche Schulmetaphysik des 17. Jahrhunderts, Tübingen, 1939; Hessen J., Die philosophischen Strömungen der Gegenwart, 2 Aufl., Rottenburg, 1940; Das Deutsche in der deutschen Philosophie, hrsg. von T. Haering, B., 1941; Lehmann G., Die deutsche Philosophie der Gegenwart, Stuttg., [1944]; The German mind and outlook, by G. P. Gooch [a. o.], L., 1945; Pensa M., Das deutsche Denken. Untersuchung über die Grundformen der deutschen Philosophie, Erlenbach—Z., [1948]; Gurvitch G., Les tendances actuelles de la philosophie allemande: E. Husserl, M. Scheler, E. Lask, M. Heidegger, P., 1949 (Réimpression de l'édition de 1930); Sprengle J. E., La pensée allemande de Luther à Nietzsche, 4 éd., P., 1949; Oesterreich T. K., Die deutsche Philosophie im XIX. Jahrhundert und der Gegenwart, Basel, 1951; Cvekl J., Německá filosofie, Praha, 1952; Bréhier E., Histoire de la philosophie allemande, 3 éd., P., 1954; Lukács G., Die Zerstörung der Vernunft, B., 1954; Schöffler H., Deutsches Geistesleben zwischen Reformation und Aufklärung, [2 Aufl.], Fr./M. [1956]; Beiträge zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Geschichtsphilosophie, hrsg. von R. Schulz, B., 1958; Mondolfo R., Filosofia tedesca, [Bologna], 1958; Löwith K., Von Hegel zu Nietzsche, 4 Aufl., Stuttg., [1958]; Dilthey W., Studien zur Geschichte des deutschen Geistes, 2 Aufl., Stuttg.—Gött., 1959 (Gesammelte Schriften, Bd 3); ег о же, Die Jugendgeschichte Hegels und andere Abhandlungen zur Geschichte des deutschen Idealismus, 2 Aufl., Stuttg.—Gött., [1959] (Gesammelte Schriften, Bd 4); Stegmüller W., Hauptströmungen der Gegenwartphilosophie. Eine kritische Einführung, 2 Aufl., Stuttg., [1960]; Group R. O., Das nationale philosophische Erbe. Über die progressive Linie in der deutschen Philosophie, B., 1960; Ayrault R., La genèse du romantisme allemand,

v. 1—2, P., [1961]; Beiträge zur Geschichte des vormalistischen Materialismus, hrsg. von G. Stiehler, B., 1961; Hettner H., Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert, Bd 1—2, B., 1961; Heise W., Aufbruch in die Illusion. Zur Kritik der bürgerlichen Philosophie in Deutschland, B., 1964. См. также лит. при ст.: Гегель, Кант, Лейбниц, Фихте, Шеллинг и о др. нем. философах.

НЕОБХОДИМОСТИ СУЖДЕНИЕ — см. *Аподиктическое суждение*.

НЕОБХОДИМОСТЬ — тип связи явлений, определяемый их устойчивой внутр. основой и совокупностью условий их возникновения, существования и развития. Категория Н. соотносительна с категорией *случайности*. Для понимания Н. важны также категории *закона*, *сущности* (см. *Сущность и явление*), *причинности*.

Категория Н. разрабатывалась уже в глубокой древности. В др.-инд. философии широкое распространение получила идея о существовании вечного нравств. миропорядка, развитая в концепцию кармы; по закону кармы, Н. природы подчиняется моральной, духовной Н. В материалистич. философии *чарвака* Н. рассматривается как отражение связей самой природы, ее естеств. развития. В др.-кит. философии *Лао-цзы* для обозначения Н. ввел понятие *дао*. В др.-греч. философии Н. начинает рассматриваться в отношении к случайности. Демокрит считал Н. св-вом самой природы и полагал, что «...все существует согласно необходимости» («Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 68). При этом он отождествлял Н. с причинностью и не оставлял места случайности. У Аристотеля находят свое место и Н., и случайность, но обе эти категории рассматриваются как подчиненные категории цели. Впоследствии телеологич. взгляд на Н. наиболее резко был представлен в концепциях *предустановленной гармонии*. В естествознании и философии нового времени господствовало метафизич. понимание отношения Н. и случайности, когда случайность либо вовсе отрицалась (механистич. *детерминизм*), либо абсолютно противопоставлялась Н. и исключалась из сферы науки (напр., у Кьюве).

В линии агностицизма Н. рассматривалась как порождение человец. сознания (см., напр., Д. Юм, Исследование о человец. разуме, СПб., [1904], с. 32—34), как априорная форма чистого разума (Кант). Вместе с тем, исследуя антиномичность разума, Кант отметил противоречивость отношения Н. и случайности и указал на то, что ни одна вещь сама по себе не может мыслиться как необходимая (см. «Критика чистого разума», СПб., 1907, с. 355).

Развернутую диалектич. концепцию Н. и ее связи со случайностью построил Гегель. Ему же принадлежит и рассмотрение диалектики соотношения Н. и возможности (см. *Возможности и действительность*). По Гегелю, развитие понятия начинается со случайности, к-рая есть внешняя сторона действительности, «голое бытие». На ступени формальной действительности эта последняя выступает как нечто только возможное, а Н. представляется формальной, т. к. здесь все одинаково возможно и необходимо. На ступени реальной действительности Н. получает реальное содержание, а случайность оказывается подчиненной Н. На ступени абс. действительности Н. выступает как абс. Н. — как форма абс. духа.

Диалектич. материализм исходит из признания объективной природы Н. и ее неразрывной связи со случайностью. Н. есть единство возможности и действительности, закономерный переход первой во вторую. Несмотря на противоречивые отношения в действительности, порождающие различные возможности и дающие основания для действия разных Н., несмотря на наличие случайностей, всегда можно обнаружить вполне определенные Н., выражающие осн. тенденцию развития. Более того, сами случайности каждый раз оказываются определяемыми

реально существующей Н.: данная Н. делает возможным лишь определ. тип случайностей, а при смене одной Н. другой соответственно меняется и тип случайностей. Напр., случайности, связанные с увольнением по безработице, разорением одних и обогащением других предпринимателей, характерные для капитализма, отсутствуют при социализме, где господствуют другие Н. и имеют место иные случайности. Единство Н. и случайности в конкретном явлении находится в связи с единством *всеобщего* и *единичного* (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 359).

Н. имеет историч. характер, т. е. изменяется с изменением историч. условий. При этом необходимые связи могут превращаться в случайные, и наоборот (напр., превращение случайной формы стоимости во всеобщую, необходимую с развитием товарообмена и, наоборот, утрата натуральным х-вом характера Н.).

Классификация необходимых связей возможна по различным основаниям. Напр., таким основанием является отношение Н. к различным сторонам действительности или ступеням ее развития (такова, в частности, индивидуальная и обществ. Н. продажи товара, рассматриваемая Марксом в связи с анализом развития товарного произ-ва). Возможна классификация Н. в зависимости от ее отношения к общему; такая классификация в значит. мере совпадает с различием общих и частных (специфич.) законов.

Новые аспекты проблемы Н. возникли в связи с широким исследованием в совр. науке массовых процессов и явлений, в частности с различием *статистических* и *динамических закономерностей*. Если действительные динамич. законов обнаруживается в каждом явлении и потому выражаемая ими Н. носит абс. характер, то статистич. Н. является атрибутом лишь массовых явлений, она обнаруживается только при наличии определ. минимума случайных событий, каждое из которых в отдельности не может отразить Н. Статистич. законы есть законы распределения массовых событий или явлений и именно это распределение выступает в них как Н. Поэтому статистич. законы выражают Н. в виде количеств. отношений и всегда связаны с определ. *вероятностью* наступления единичного события. Мера вероятности наступления отд. события в статистич. процессах и есть мера Н.; для отд. события она выступает как вероятность, а для массы событий всегда является Н., выраженной количественно (напр., лишь в массе случаев выражается соотношение: на 100 девочек рождается 105 мальчиков). Т. о., динамич. и статистич. законы различаются не тем, что одни исключают случайность, а другие — нет (как представляют нек-рые неопозитивисты), а различным характером связи Н. и случайности, тем, что в статистич. процессах отд. событие не может быть непосредств. проявлением Н.

С т. зр. специфики познания Н., важно учитывать, что в тех или иных конкретных случаях Н. может носить относит. характер: то, что необходимо в данном отношении, может оказаться случайным в др. отношении, при исследовании того же объекта с иной стороны, и наоборот. Другое гносеологически важное обстоятельство состоит в том, что Н., как правило, не существует в чистом виде, она обнаруживается научным исследованием лишь через массу случайных проявлений.

В совр. бурж. философии понимание Н. опирается гл. обр. на домарксистскую филос. традицию. Напр., Риккерт и Виндельбанд отстаивают кантовский априоризм, отрицающий существование Н. в жизни общества (см., напр., Г. Риккерт, *Науки о природе и науки о культуре*, СПб, 1911, с. 90—91). Махизм пытался развивать линию Юма (критику махизма по этому вопросу см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 145—46). В неопозитивизме Н. понимается как вероятность ожидания опре-

дел. событий. Свойственный этому направлению эмпиризм ведет к одностороннему выпячиванию отдельного, случайного, «факта», а за Н. оставляется лишь логич. смысл. Напр., Витгенштейн утверждает, что в реальной действительности имеются только единичные факты и потому в ней господствует случайность, а Н. носит лишь логич. характер, т. е. привносится мышлением (см. «Логико-философский трактат», М., 1958, с. 94).

Особую филос. проблему составляет Н. в соотношении с категорией *свободы*. В таком соотношении под Н. понимается внешняя или внутр. обусловленность человец. деятельности (см. также *Свобода воли*).

Лит.: Энгельс Ф., *Диалектика природы*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 532—36; его же, Людвиг Фейербах, там же, т. 21, с. 300—17; его же, [Письмо] И. Блоху, 21—22 сент. 1890 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Избр. письма*, М., 1953; его же, [Письмо] В. Борнису, 25 янв. 1894 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 39; Маркс К., [Письмо] Л. Кугельману, 17 апр. 1871 г., там же; Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., 4 изд., т. 14, с. 141—50; Плеханов Г. В., *К вопросу о роли личности в истории*, Избр. филос. соч., т. 2, М., 1956; Яхот О. О., *Н. и случайности*, М., 1956; Руткевич М. Н., *Соотношение категорий Н. и случайности*, Свердлов., 1958; Гулыга А. В., *Н. и случайности*, в сб.: *Вопросы диалектики, материализма*, М., 1960; Широков Д. И., *Диалектика Н. и случайности*, Минск, 1960; Пилипенко Н. В., *Н. и случайности*, М., 1965.

Д. Широков. Минск, О. Яхот. Москва.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА — филос. категории, выражающие соотношение между деятельностью людей и объективными законами природы и общества. См. *Необходимость*, *Свобода*.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ — проблема соотношения необходимого, закономерного и случайного в природе и обществе. См. *Необходимость*, *Случайность*.

НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО (нео — от греч. νέος — новый) — течение бурж. философии конца 19 — 1-й трети 20 вв., для которого характерно стремление к созданию целостного монистич. мировоззрения на основе обновленной интерпретации философии Гегеля, гл. обр. его диалект. метода и учения о духе. Н. получило распространение почти во всех странах Европы и в США, но процесс его формирования и развития в различных странах не был ни одновременным, ни одинаковым. В зависимости от разнообразных обществ.-политич. условий и теоретич. предпосылок Н. принимало различные формы.

В Англии, США и Голландии Н. возникло из запоздалого (по сравнению с Германией, Россией, Францией и Италией) увлечения традиц. гегельянством, к-рое приобрело популярность в этих странах в 70—80-х гг. 19 в.; поэтому здесь труднее отличить ортодоксальных сторонников гегелевского учения, эволюционировавших в границах, очерченных самим Гегелем, от неогегельянцев, исходивших из радикального переосмысления гегельянства и пытавшихся сочетать его с новыми филос. веяниями.

В Англии процесс перерастания традиц. гегельянства в течение, близкое к Н., был представлен (если исключить *Стирлинга*, впервые познакомившего англичан с философией Гегеля) именами Э. и П. Кердов, *Брэдли*, *Холдейнома*, Д. Вейли, отчасти *Бозанкетом*, *Мак-Таггартом* и *Коллингвудом*. Осн. моменты этого процесса были: а) Попытки истязания диалектики в духе бурж.-либерального примирения противоречий, а гегелевского мировоззрения в целом — как религиозного, как «теоретич. формы» христианства (Э. Керд); б) Полемика между сторонниками кантовского (*Грин*) и гегелевского (П. Керд) пути преодоления традиции англ. *позитивизма*. Эта полемика опередила круг гносеологич. проблем англ. гегельянства и Н., выдвинув на первый план вопрос о соотношении индивидуального и всеобщего сознания. Теоретическая трудность решения этого вопроса предопределялась непреодоленными — в пределах англ. гегель-

ялства и Н. — элементами психологизма, а также формальнологич. подходом; в) Опыт решения возникшей антиномии индивидуального и всеобщего сознания на пути сочетания гегелевского «абсолютного идеализма» и кантовского «трансцендентализма», при сохранении опреде. сторон юмевского скептицизма и использования диалектич. метода в качестве средства разложения «чувственности», «вещественности» для достижения истинной, т. е. внеэмпирической, реальности (Брэдли). Поскольку при таком подходе противоречивость эмпирич. реальности (зафиксированной в эмпирич. науках) отождествлялась с ее «неистинностью», постольку «истинная» реальность должна была удовлетворять требованию непротиворечивости, и, т. о., формальнологич. закон тождества оказывался высшим критерием истинности вообще. Вследствие такого подхода «истинная» реальность — «абсолютный опыт», т. е. абс. сознание, имеющее божеств. характер (представляющее собой единство мышления, чувства и воли), — оказалась метафизически оторванной от «неистинных» эмпирич. сознаний, индивидуальных Я, отчужденной от них, подавляющей их; г) Тенденция к преодолению крайностей «абсолютного идеализма» Брэдли, стремление предотвратить растворение личности в «абсолютном опыте», отстаивать права индивидуальности, ее свободу. Эта тенденция проявилась в умеренном персонализме Бозанкета и «радикальном персонализме» Мак-Таггарта, к-рые пытались сочетать гегелевский абсолютизм с утверждением метафизич. ценности личности, воздерживаясь при этом от «дурного индивидуализма» и партикуляризма Джемса. Утверждение метафизич. значения индивидуального своеобразия каждой личности и, соответственно, преодоление просветительского представления об индивидах как равных друг другу духовных атомах выразилось в англ. Н. в новой, еще более острой, постановке вопроса о соотношении личности и общества. Стремление решить эту проблему в «метафизич. аспекте» привело Мак-Таггарта к выводу, что рациональный смысл «абсолютной идеи» в том, что она есть «духовное сообщество» личностей, к-рые сохраняют в этом сообществе всю полноту своей целостности и неповторимости; эта тенденция, выдвинувшая на первый план проблему человек. общения, приводила англ. «абсолютный идеализм» Н. к «абсолютному историзму» (см. Кроче); д) Попытка интерпретации Гегеля в духе релятивизма («абсолютного историзма») наметилась уже у Холдейна, стремившегося истолковать диалектич. метод Гегеля как «феноменологический» (в смысле «феноменологии духа») способ определения в понятиях ступеней человек. опыта, и была последовательно осуществлена Коллингвудом.

В С Ш А, где гегельянская тенденция, впервые представленная сент-луисской школой во главе с У. Т. Харрисом, находилась в опреде. зависимости от эволюции, совершаемой англ. сторонниками учения Гегеля, Н. у таких мыслителей, как Боун и Ройс, оказалось моментом на пути от гегельянства к персонализму; причем, в лице Ройса амер. Н. оказало обратное влияние на англ. Н., усилив и ускорив наметившуюся в нем эволюцию к персонализму. В филос. развитии Ройса были отчасти воспроизведены, отчасти предвосхищены осн. идеи англ. Н. Идея «духовного общения», так же как и в англ. Н., оказалась одной из итоговых идей Ройса, получив, однако, у него более абстрактную, метафизич. и теологич. формулировку.

В Г о л л а н д и и Н., на первом этапе развития связанное с пнемем блестящего популяризатора гегелевского учения Болланда, было наиболее традиционным. Болланд был одним из первых на европ. континенте, кто провозгласил конец неокантианского периода развития философии и выдвинул требование закончить с неокантианским противопоставлением Ге-

геля Канту, ибо оба они органически связаны друг с другом как «начало и завершение классического периода мышления». Гегелевская логика рассматривается как исторически и логически необходимое завершение кантовской критики разума (см. введение Болланда к кн. G. A. Gabler's Kritik des Bewußtseins, Leiden, 1901). Традиционный подход к философии Гегеля и истолкование ее в религ. духе сближает болландовский вариант Н. с «правым» гегельянством 30—40-х гг. 19 в. в Германии. После смерти Болланда (1922) его ученики Хейзинга, Вас Нунес и др. организовали Болландовское об-во — филос. «общину», воплощающую на практике принципы подлинно человек. общения, истинного «гемайншафта».

В И т а л и и Н., возникшее на рубеже 19—20 вв. в обстановке активной поляризации обществ. сил и интенсивных идеологич. размежеваний, сформировалось в тот период, когда традиц. гегельянство полностью завершило здесь свой круг, приведя к марксизму опреде. часть интеллигенции, убедившуюся в несостоятельности «позитивистских», бурж.-демократич. способов решения социальных проблем. Итал. Н. представляло собой в этих условиях не только форму отхода от пролетарски-социалистич. движения опреде. слоев интеллигенции, но и попытку создания мирозерцания, отвечающего условиям новой — монополистич. и гос.-монополистич. фазы капитализма. Н. в Италии имело двойств. характер, ибо оно было представлено двумя его основоположниками — Кроче и Джентиле, пребывавшими в состоянии многолетней полемики между собой. Размежевание внутри итал. Н. шло по пути решения социальных проблем (бурж.-либеральному — Кроче и тоталитарному — Джентиле). В эволюции итал. Н. отчетливо вырисовываются два осн. этапа. Первый этап — от возникновения итал. Н. до окончания 1-й мировой войны, характеризуется отсутствием четкого размежевания между указанными тенденциями, совместными выступлениями Кроче и Джентиле против марксистского материализма и «позитивистской» демократии под лозунгом «обновления идеализма» и реставрации гегелевской концепции надклассового гос-ва. На этом этапе развития итал. Н. ревизует диалектику Гегеля, заменяя диалектич. положение о единстве и борьбе противоположностей формальнологич. принципом «синтеза различий», а также вносит в гегелевское мирозерцание ряд неокантианских мотивов: противопоставление единичного и всеобщего (в системе Кроче соответственно — эстетич. и логики, экономики и морали), противопоставление теоретич. и практич. духа; выдвигает на первый план проблему взаимоотношения личности и общественного целого, индивидуальной свободы и всеобщей воли гос-ва.

Второй этап — с конца 1-й и до начала 2-й мировой войны, отмечен углублением и обострением филос. и политич. разногласий между кроччанством и джентилеанством, завершившихся политич. расколом итал. Н. на два течения, поскольку Кроче встал в оппозицию к фашистскому режиму Муссолини, тогда как Джентиле выступал в качестве одного из активных идеологов фашизма. На этом этапе филос. размежевание рассматриваемых версий Н. все отчетливее обнажалось внутр. органич. связь каждого из этих подходов с определенной обществ.-политич. тенденцией. Если Кроче все решительнее настаивал на своей «глубокой поправке» к учению Гегеля о гос-ве, согласно к-рой последнее ставилось «ниже» морали, иначе говоря стремился ввести этич. критерий оценки историч. гос. образований и прежде всего гос-ва Муссолини, то Джентиле рассматривал гос-во как высшее воплощение нравств. духа, как конкретную «этичность» человек. действий, пытаясь идеализировать фашистскую диктатуру. Если Кроче стремился строго различать

«необходимое подчинение индивидов Целому» (т. е. государству) и способность тех или иных государственных («авторитарных») форм гарантировать «эффективный подъем» морального уровня граждан (пными словами, пытался сохранить критич. позицию по отношению к фашистскому гос-ву), то Джентиле, выступая апологетом гос-ва Муссолини, целиком отождествлял военно-политич. мощь с нравств. ценностью гос-ва. Кроче выдвигает на первый план объективистские, рационалистич. и этнич. моменты своей филос. концепции, чтобы преодолеть релятивистские тенденции, таившиеся в «абсолютном историцизме», и упрощить теоретич. позиции, к-рые давали ему возможность критиковать существующие гос. формы. Джентиле, напротив, развивает именно субъективистские (феноменалистические) и иррационалистические (мистические) тенденции своей философии, доходя до полного релятивизма в своей апологетике «факта как факта» и «акта как акта». «Хаотичной и неясной религии фашизма», к-рую прославлял Джентиле в «Манifeste мыслителей-фашистов» (1925), Кроче противопоставляет «старую веру»: любовь к правде, стремление к справедливости, интеллектуальное равенство и защиту свободы как «силы и залога всякого прогресса». «Тотальному» подчинению личности гос. целому и «растворению» индивида в политич. истории Кроче противопоставляет теперь «этико-политич.» концепцию истории, как истории людей, стремящихся к своему моральному совершенствованию, к-рое неотделимо от совершенствования всего человечества; пружину истории, процесса Кроче видит в «нравств. воле», понятой как сознание свободы и как воля к свободе; свобода, т. о., оказывается единств. творч. силой истории, ее истинным субъектом и высшим идеалом человека.

В Г е р м а н и и Н. выросло из социально-экономич. предпосылок, во многом аналогичных тем, к-рые питали итал. Н. Представители нем. Н., тяготевшие к проблематике философии культуры, философии истории, гос-ва и права, разделили в общем историч. судьбу неогегельянцев в Италии: приход национал-социализма к власти в Германии вызвал политич. раскол, за к-рым последовало и теоретич. разложение нем. Н., усугубленное (и ускоренное) тем обстоятельством, что оппозиционно настроенные неогегельянцы в большинстве своем были вынуждены эмигрировать из Германии. Однако теоретич. развитие нем. Н. существенно отличалось от эволюции итал. Н., вследствие различия филос. традиций. Нем. Н. возникло из реакции на методологич. формализм гносеологии неокантианства, а также из осознания неспособности последнего объединить в едином мировоззрении теорию познания и философию истории (философию культуры), науки о природе и науки о духе.

На рубеже 19 и 20 вв. к выводам, вплотную подводящим к Н., пришли виднейшие теоретики неокантианства, причем—как марбургской школы, так и баденской школы; обе школы на новом уровне в общем воспроизвели тот же цикл теоретич. развития, к-рый однажды уже проделала нем. классич. философия, перейдя от кантианства к фиктеанству. Марбургская школа неокантианства (Коген, Натопф и Кассирер), элиминировав кантовскую «вещь в себе» и оставив «трансцендентальный субъект» Канта в полном одиночестве и абс. независимости (хотя и отказалась рассматривать его в качестве «абсолютного субъекта» гегелевского толка), перенесла — под псевдонимом «иррационального» — «устраненную» «вещь в себе» внутрь «трансцендентального субъекта», превратив, т. о., гносеологич. проблему в проблему взаимоотношения «рационального» и «иррационального» в структуре самого сознания. Тем самым были очерчены границы, внутри к-рых марбургцы, напр. Коген, считали возможным применение категорий гегелевской диалектики, трак-

туемой, однако (подобно Кроче), не как «снятие» противоположностей, а как «синтез различий».

Переход от Канта к Фихте в лоне неокантианства завершается в ходе оформления проблематики баденской школы. Виндельбанд и Риккерт были первыми из тех, кто заговорил в Германии о «возрождении гегельянства». При этом Виндельбанд, как и марбургцы, предостерегал от «крайностей» увлечения Гегелем — от онтологизации диалектич. метода, допуская «возрождение гегельянства» лишь в рамках кантовских посылок. Риккерт в последних своих работах (см., напр., «Философия жизни», СПб, 1922) намечал перспективу оплодотворения гегельянства новыми идеями «философии жизни», видя в обращении к живой жизни, «...которая всегда иррациональна» (см. указ. соч., с. 152), противоядие против «панлогизма» Гегеля.

Определ. роль в формировании нем. Н. сыграл Дильтей, выпустивший в 1905 книгу о молодом Гегеле (W. Dilthey, Die Jugendgeschichte Hegels, В.). Он стремился доказать, что взгляды Гегеля в период, предшествующий написанию «Феноменологии духа», могут быть истолкованы как «мистич. идеализм». На этом основании Дильтей дополняет тенденцию к объединению гегелевской и кантовской традиций, возникшую в неокантианстве, попыткой «укоренить» Гегеля в русле нем. романтизма и иррационализма, связав его с Ф. Шлегелем и Шлейермахером и поставив его мирозерцание в зависимость от шеллингианства.

Объединение двух этих ветвей нем. классич. традиции (кантовско-фиктевской и шиллеровско-шеллинговской) в неогегельянском синтезе происходит в период 1-й мировой войны. В Германии получает распространение идея единства теоретич. основ герм. культуры, концепция «единого потока» нем. идеалистич. философии, завершающегося Гегелем. Эту идею энергично проповедует издатель и популяризатор гегелевских сочинений Лассон, в изображении к-рого Гегель выступает не только как олицетворение единства нем. идеалистич. традиции, но и как «духовный отец» герм. культуры и всей кайзеровской Германии. Концепцией «единого потока» нем. идеалистич. философии был открыт путь к толкованию неогегельянской тенденции как «синтетической».

Однако возникшее из разнообразных филос. устремлений нем. Н. не сложилось в целостное образование, и признанные лидеры нем. Н. продолжали сохранять тесные связи с разноречивыми и нередко полемизирующими филос. течениями, в лоне к-рых они сформировались. Ученик Риккерта Кронер искал в «обновленном» гегельянстве решение той проблемы соотношения «рационального» и «иррационального», к-рая была «задана» неокантианством; он представлял в нем. Н. тенденцию к преодолению методологич. формализма неокантианства путем «сочетания» последнего с иррационалистич. мотивами. Гегель был для Кронера мыслителем, который сумел решить проблему «иррационального», включив иррацион. содержание «жизни» в структуру логического, точнее диалектического, понятия, превратив, тем самым, диалектику в «иррационализм, сделанный методом». Ученик Дильтея Глокнер, издатель соч. Гегеля и лидер нем. Н., доводит иррациональную тенденцию в теории познания до растворения гносеологич. проблематики в эстетической. Следуя за своим учителем, Глокнер выводит «истинное содержание» гегелевской философии из традиции, ведущей от кантовской «Критики способности суждения», а не «Критики чистого разума»; причем этим «истинным содержанием» Глокнер считает синтез «рациональной рассудочности» и «иррационального духовного содержания». Глокнер полагает, что лишь тот филос. метод, для к-рого «рационально-иррациональная совместность» является фундаментальной,

может привести к адекватному постижению историч. образований — всегда индивидуальных и неповторимых и потому непостижимых чисто логич. средствами.

Весьма значительную, а в ряде случаев определяющую роль в нем. Н. играла проблематика философии истории, философии культуры и особенно гос-ва и права, к-рую разрабатывали Т. Геринг, Литт, Ю. Биндер, а также Ф. Розенцвейг, Ф. Блашке, Г. Геллер, Г. Гизе и др. В центре этой проблематики — вопрос о взаимоотношении личности и общества, индивида и человеческой общности (гемайншафта), вставший по-новому в связи с кризисом бурж. либерализма и нарастанием монополистич. и гос.-монополистич. тенденций в экономике и обществ.-политич. жизни Германии. Решение этого вопроса Н. в духе резкой критики бурж. «атомизации» и утверждения примата общности (гемайншафта) над составляющими ее индивидами было предложено в докладе Геринга «Гемайншафт и личность в философии Гегеля» на Лейпцигском съезде философов в 1928. Литтом была предпринята попытка разработать — на основе объединения диалектич. метода Гегеля и феноменологич. метода Гуссерля — методологию, с помощью к-рой можно было бы дать решение этого вопроса. В качестве «общностей» и «целостностей», к-рые призваны осуществлять абс. господство над индивидами, в нем. Н. выступает, во-первых, нация и, во-вторых, гос-во. Наиболее «крайние» из последователей гегелевского учения о гос-ве и праве, напр. Блашке, приходят к выводу, что индивидуальные стремления к свободе, предлагаемые демократич. постулатом равенства, ослабляют национальное «целое»; что по отношению к нации «единичное», т. е. каждый отд. гражданин, не обладает никаким «принципиальным собственным правом»; что в условиях 20 в. речь идет не о «внутриполитич. законности» или об «индивидуальной свободе», но о «нац. действии и могуществе», об историч. судьбах «нац. коллективов». Нация, в свою очередь, рассматривается (напр., у Л. Циглера) гл. обр. в аспекте ее отношения к политич. гос-ву как гарантия законности («легитимности») гос. форм господства, поскольку именно нация обеспечивает поддержку гос-ву со стороны масс и является решающим фактором в процессе объединения масс для политич. единства; с помощью такой постановки вопроса неогегельянские теоретики гос-ва и права предполагают освободить «нац. коллективизм» как политич. фактор от либералистского индивидуализирования, т. е. истолковать этот «нац. коллективизм» в духе политич. идеологии гос.-монополистич. капитализма. Весьма характерно, что слияние «нац. коллективизма» и «государственности», в условиях к-рого «нац. коллективизм» превращается в орудие «мобилизации всех граждан» для гос. целей, рассматривается некими из гегельянствующих теоретиков гос-ва и права (напр., И. Пленге) как «истинный» социализм; в качестве модели «истинного» социализма у этих теоретиков гос-ва и права фигурирует то «слияние воедино» гос-ва и х-ва на основе «нац. идеи» и иерархич. принципа организации, к-рое имело место в кайзеровской Германии в период 1-й мировой войны, т. е. в условиях гос.-монополистич. организации капиталистич. х-ва в интересах прусско-герм. милитаризма. Поэтому не случайно, что некие из нем. неогегельянцев, напр. Биндер, «развили» гос.-правовые идеи Гегеля до апологии войны, в к-рой гос-во должно утвердить себя как «действительность нравственности». Так, гос.-правовая идеология Н. в лице своих наиболее «экстремистских» представителей (к-рые после прихода национал-социалистов к власти полностью перешли на службу к Гитлеру, слив свою философию с т. н. «национал-социалистич. мировоззрением») пришла к оправданию агрессивных идей германского милитаризма.

Высший пункт развития нем. Н. совпал со 100-летием со дня смерти Гегеля (1931). Подготовка и проведение этого юбилея вылились в демонстрацию «единения» нем. философов в лоне гегелевской традиции. Лидеры нем. Н. (в частности, Кронер) возглавили междунар. организацию неогегельянцев — «Гегелевский союз» (Hegelbund) (1930) и выступили с основными докладами на 1-м (Гаагском, 1930) и 2-м (Берлинском, 1931) гегелевских конгрессах.

Приход национал-социалистов к власти в Германии был началом конца нем. Н.: значит. часть неогегельянцев, не принявших гитлеровский режим, эмигрировала из Германии; оставшиеся неогегельянцы раскололись на тех, к-рые «эмигрировали» в историю философии, и тех, к-рые, растеряв остатки филос. культуры, полностью ассимилировались в национал-социалистич. идеологии. Междунар. гегелевский конгресс в Риме (1934), проходивший под знаком «фашизации» офиц. Н., свидетельствовал о падении престижа нем. Н. и о прогрессирующем развале неогегельянского движения вообще. Попытки возрождения тенденции Н. в послевоен. Германии (ФРГ) не имели успеха ни в форме попытки «критич. обновления» Гегеля Литтом, ни в форме «антропологического» истолкования гегелевского учения (напр., у Г. Вейна), ни в форме «приживания» к гегельянству экзистенциализма (напр., у Н. Флюгге).

В Р о с с и и Н. возникло, с одной стороны, на филос. почве позднешеллингианской традиции, к-рую развивали представители рус. идеализма и мистицизма 19 в. (начиная от Хомякова и Киреевского и кончая В. Соловьевым) и к-рая выступила в 20 в. в форме рус. идеал-реализма и интуитивизма (С. Трубецкой, С. И. Франк, Лосский, Эрн и др.). С др. стороны, оно явилось конечным результатом эволюции, проделанной рус. «легальными марксистами» (Н. Струев, Бердяевым, Булгаковым), к-рые от марксизма через неокантианство пришли к Н. Смыкание этих филос. тенденций в 1-й четверти 20 в. положило начало неогегельянскому ответвлению рус. идеализма.

Рус. неогегельянец в точном смысле слова можно считать И. Ильина — автора ряда работ о Гегеле, к-рые были резюмированы в 2-томном исследовании «Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека» (М., 1918). Вслед за теоретиками рус. интуитивизма Ильин стремился сочетать религ.-филос. традицию, идущую от Соловьева, и «новейшие», прежде всего гуссерлианские, веяния, идущие с Запада. Эти разнородные филос. устремления Ильин считал возможным слить в «обновленном» гегелевском учении, гл. обр. на основе нового истолкования самой структуры спекулятивного мышления, к-рое он интерпретирует как сплав мышления и созерцания, как одновременно логич. и мистич. акт. Развитие этой т. зр. привело Ильина к разновидности «философии откровения»; в этом смысле он предвосхитил эволюцию, проделанную впоследствии Кронером.

Под влиянием кризиса бурж. либерализма на Западе рус. бурж. гос.-правовая мысль (в одном из своих ответвлений) также обнаружила тенденцию к переходу от неокантианства к Н. Эта тенденция, выразившаяся в попытке сочетать кантовскую и гегелевскую постановку вопроса о гос-ве и праве, вырисовалась уже в работе Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (М., 1901). Проблему соотношения личности и гос-ва — одну из центр. в гос.-правовой идеологии Н. — Новгородцев решает на путях некоего компромисса: посредством взаимного ограничения личности и гос-ва, к-рые в этом взаимодействии являются самостоят. моментами, поступающими в пользу друг друга какой-то частью своих «прав».

В о Ф р а н ц и и Н. получило распространение значительно позже, чем в других европ. странах, в связи с

антином. настроениями, господств. в период с 70-х гг. 19 в. по 1-ю четверть 20 в. Начало проникновения идей Н. во Францию можно датировать 1929 — временем публикации дисс. Ж. Валь «Несчастное сознание в философии Гегеля» (J. Wahl, Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel). Валь пытался истолковать всю гегелевскую философию в аспекте проблематики «несчастного сознания», к-рой посвящен один из разделов «Феноменологии духа». Валь интерпретирует «несчастное сознание» как то «значительное» переживание, из к-рого выросло все мирозерцание молодого Гегеля, а затем его система и его диалектика. Стремясь обосновать эту концепцию, Валь (вслед за Дильтеем и нем. Н.) обращается к ранним (т. н. «теологическим») рукописям Гегеля и к анализу психологич. мотивов, под влиянием к-рых они были написаны. Поскольку все мирозерцание Гегеля выводится из определ. психологич. переживаний, постольку в интерпретации Вали происходит психологизация гегелевского учения; причем в соответствии с экзистенциалистскими симпатиями интерпретатора параллельно с психологизацией происходит «экзистенциализация» гегельянства — характерная черта франц. Н. вообще. Эти два ракурса рассмотрения гегелевского учения приблизили его к уровню (и особенностям) восприятия франц. филос. публики, воспитанной в условиях преобладающего влияния Бергсона. Свидетельством растущей популярности гегелевской философии во Франции начиная с сер. 30-х гг. было большое впечатление, к-рое оказали на франц. слушателей лекции Кожьева о Гегеле (1933—39). В центре лекций Кожьева была религиозная и феноменологич. проблематика философии Гегеля, причем гегелевская диалектика предстает здесь как метод, применимый исключительно к сфере «человеч. существования». В числе слушателей Кожьева были Сартр, Мерло-Понти, Инполит, Арон, Фессар и др., способствовавшие впоследствии распространению «обновленных» гегелевских идей в различные сферы франц. философии, социологии и теологии.

Выступающее в тесной связи с экзистенциализмом, франц. Н. укореняется в обществ. сознании интеллигенции. Этому способствует переводы на франц. яз. «Феноменологии духа» (1939) и «Философии права» (1941). В 1946 переводчик этих произв. Инполит опубликовал свою дисс. о генезисе и структуре «Феноменологии духа». К особенностям истолкования гегелевского мировоззрения Инполитом относится стремление тесно связать учение Гегеля с сартровской версией экзистенциализма, к-рую разделяет и сам Инполит, стремящийся сблизить «экзистенциализированный» Гегеля с марксизмом.

Лит.: Ильин И., О возрождении гегельянства, «Рус. мысль», 1912, № 6; Звенигородцев Н., Гегель и современные неогегельянцы, «ПЗМ», 1928, № 6; Чернышев Б., Современный идеолог фашизма (Джиованни Джен-тиле), там же, 1931, № 4—5; Брушлинский В., Современное гегельянство на Западе, там же, № 7—8; Чейшвилли А., О 2-м гегелевском конгрессе, там же, № 9—10; Дынишк М., Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером, там же, 1932, № 5—6; Аржанов М., Гегель и национал-фашизм, «Фронт науки и техники», 1931, № 12; его же, Гегель на службе современного национализма, (К столетию юбилею Гегеля), «Революция и национальность», 1931, № 10—11 (19—20); его же, Гегельянство на службе германского фашизма, М., 1933; Баммель Г., Гегель и современная буржуазная философия, в сб.: Гегель и диалектический материализм, М., 1932; Тишиц М., Судьба литературного наследия Гегеля, (К столетию со дня смерти философа. 1831—1931), в кн.: Лит. наследство, М., 1932, № 2; Шрифт М., Гегель и современная буржуазная философия, «Проблемы марксизма», 1932, № 7—8; Группа философ-коммунистов (Франция). Возврат к Гегелю — последнее слово университетского ревизионизма, в сб.: Против буржуазных и правосоциалистических фальсификаторов марксизма, М., 1952; Аббате М., Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества, пер. с итал., М., 1959; Давыдов Ю. Н., Борьба вокруг «Феноменологии духа» в современной буржуазной философии, «ВФ», 1959, № 2; его же, Борьба вокруг гегелевской «Феноменологии духа» в фи-

лософии XIX — первой половины XX вв., М., 1960 (Автореф. дисс.); его же, Критика иррационалистических основ гносеологии неогегельянства, в сб.: Современный объективный идеализм, М., 1963; Эфиров С. А., От Гегеля к... Дженнаро, М., 1960; L'asson G., Was heisst Hegelianismus?, B., 1916; K'roner R., Von Kant bis Hegel, Bd 1—2, Tübingen, 1921—24; его же, Hegel zum 100. Todestage, Tübingen, 1932; Marx S., Hegelianismus und Marxismus, B., 1922; Glockner H., Der Begriff in Hegels Philosophie, Tübingen, 1924; Levy H., Die Hegel-Renaissance in der deutschen Philosophie, Charlottenburg, 1927; Wahl J., Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel, P., 1929; Plénet J., Hegel und die Weltgeschichte, [Münster], 1931; Plénet H., Hegel's Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit, Fr./M., 1932; Verhandlungen des ersten Hegelkongresses..., Tübingen, 1931; Verhandlungen des zweiten Hegelkongresses..., Tübingen, 1932; Verhandlungen des dritten Hegelkongresses..., Tübingen, 1934; Kojeve A., Introduction à la lecture de Hegel, P., 1947; Litt T h., Hegel. Versuch einer kritischen Erneuerung, Hdlb., 1953; Flügge J., Die sittlichen Grundlagen des Denkens. Hegel's existentielle Erkenntnisgesinnung, Hamb., 1953; Нурполите Ж., Logique et existence, P., 1953; его же, Etudes sur Marx et Hegel, P., 1955; Genaro E., La rivoluzione della dialettica hegeliana, Mil.—Roma, 1954. Ю. Давыдов, Москва.

НЕОДАОСИЗМ — см. Сюаньсюа.

НЕОИНДУИЗМ — течение филос.-религ. мысли совр. Индии. Возникнув в 1-й пол. 19 в. как реформированная форма индуизма, Н. отразил развитие бурж. отношений, становление нац. самосознания и явился одной из идеологич. форм борьбы за бурж.-демократич. преобразования и нац. освобождение. Теоретич. основой Н. послужила адвайта-веданта Шанкары и вишешта-адвайта Рамануджи. Идеологи раннего Н., оставаясь в рамках филос. проблематики индуизма, призывали к модернизации религ.-этич. концепций путем возрождения чистого монистич. теизма. Период переосмысления духовного наследия Индии в связи с развитием Н. называют в бурж. лит-ре эпохой Возрождения.

Начало реформаторскому движению положила деятельность Раммохан Рая, основавшего (1828) об-во Брахмо самадж. Это общество, противопоставлявшее чистый монотеизм Упанишад политезму со всеми его атрибутами, выступало против кастовых традиций, детских браков и наиболее мистич. доктрин ортодокс. индуизма (переселения душ, кармы). Развитие движения сопровождалось усилением демократич. элементов; в 1866 произошел раскол об-ва, в результате к-рого создалось два крыла — умеренное, выдвигавшее на первый план религ. и этич. вопросы, и радикальное, уделявшее основное внимание демократизации обществ. жизни и просветительской деятельности. Последнее представляли два об-ва: «Брахмо самадж Индии» и «Партхана самадж» (молитвенное об-во), благодаря деятельности к-рых в 1872 был издан закон, запрещающий полигамию и детские браки и разрешающий межкастовые браки и замужество вдов.

В 70-х гг. возрождение индуизма достигает апогея — появляются теоретики, оформляются осн. направления, активизируется борьба против материализма, достигшего в это время в Индии предел. успехов. В Н. намечаются западнич. и индофильское течения: первое проповедует идею синтеза зап. либерализма и инд. религ. мысли, второе стоит на страже индуизма как единств. философии для Индии в настоящем и будущем. Выявляется антиангл. направленность движения. Гл. представителем Н. этого периода был религ. мыслитель Рамакришна. Его спиритуалистич. учение «веданта в действии» явилось религ. формой протеста против колониального гнета. Гуманизм и демократизм учения, стремление приблизить философию к практич. жизни обеспечили ему популярность. Взгляды Рамакришны были распространены по всему миру его учеником Вивеканандой, впервые открыто заявившим о превосходстве инд. культуры. Мировоззрение Вивекананды включало ряд элементов, близких к утопич. социализму.

Пачало новейшего этапа развития Н. хронологически совпадает с историч. периодом бурного роста антиимпериалистич. борьбы в Индии после 1917. Сохраняя прежние узловые проблемы Н., его совр. представители (Абхедананда, Вадна, *Радхакришнан*) акцентировали в них гл. обр. теол. иррацион. моменты, а также идею синтеза идеалистич. аспектов зап.-европ. и вост. философии. Самым видным пропагандистом идеи этого синтеза является Радхакришнан, стремящийся создать мировую религ. идеологию и «переродить» коммунизм с помощью религии. Единственно истинной религиозно-филос. позицией совр. неиндуистов признают абс. монотеизм *веданты*, а гл. методом филос. исследования — интуицию и мистич. переживание.

Лит.: Farquhar J. N., Modern religious movements in India, L., 1929; Desai A. R., Social background of Indian nationalism, [2 ed.], Bombay, 1954. С. Кедрова. Москва.

НЕОКАНТИАНСТВО — ряд течений бурж. философии, возникших во 2-й пол. 19 в. и являющихся попыткой развития и преобразовать трансцендентальную философию Канта; наиболее полно Н. выразилось в реформировании кантовской гносеологии для методол. обоснования науч. знания (культуры в целом как системы знаний).

Н. пережило несколько этапов: период зарождения (60—70-е годы 19 в.), связанный с именами *Либмана*, Ф. *Ланге*, *Гельмгольца*; период расцвета (90-е годы 19 в. — 20-е гг. 20 в.), когда Н. возобладавало в ряде нем. ун-тов и его влияние распространилось далеко за пределы Германии; период упадка (с 30-х годов до окончания 2-й мировой войны), связанный с фашистской реакцией против бурж. либерализма, нашедшего в Н. свое теоретич. обоснование. В послевоен. период Н. возрождается в формах, опосредствованных влиянием *неогегельянства*, *феноменологии* и др. совр. течений бурж. философии.

Направления, существующие в русле Н., развились из различных интерпретаций кантовской философии, из ее противоречивых положений. 1. Физиол. направление (*Гельмгольц*, *Ланге*), к-рое пыталось осмыслить учение Канта об априорных формах сознания на основе достижений физиологии органов чувств, превращая априорность в единство психофизич. организации познающего субъекта. 2. Психол. направление (*Горнелиус*, *Нельсон*), в отличие от др. направлений Н., пыталось истолковать учение Канта психологически, интерпретируя субъект познания как эмпирич. субъект. 3. Реалистич. направление (*Риль*, *Кильпе*), сохраняющее «вещь в себе» в качестве предпосылки познавательного процесса и критикующее метафизику; наиболее близко к традиционному пониманию Канта. 4. Трансцендентально-логич. направление (*марбургская школа* — *Коген*, *Наторп*, *Кассирер*, *Ластвиц*, *Р. Штаммлер*, *Форлендер*, *Штаудингер*, *Штадлер* и ряд теоретиков 2-го Интернационала — *К. Шмидт*, *М. Адлер*, *Бернштейн* и др.). 5. Трансцендентально-психол. направление («неофихтеанство», «юго-западная», или *баденская школа*, — *Виндельбанд*, *Риккерт*, *Ласк*, *П. Копп*, *Христиансен*, *Мюнстерберг* и др.). Из этой школы вышли *Баух* и один из лидеров неогегельянства *Кронер*. Как неокантианцы начинали философскую деятельность *Фолькельт* и *Либерт*, а также *Н. Гартман* и *Хейдеггер*. В России непосредственными последователями марбургской школы были В. Сеземан, В. Савальский, а баденской — С. Гессен, *Новгородцев*, *Кистяковский*.

Во Франции Н. выступило в форме неокритицизма (см. *Ренувье*).

Призыв «назад к Канту», провозглашенный Либманом (см. «Kant und die Epigonen», Stuttg., 1865) и ставший знаменем эпохи, представители различных школ Н. трактуют как формулу отказа от объективного историзма Гегеля, в качестве действенного оружия против

к-рого рассматривается трансцендентализм Канта. Однако гносеология Канта для них является лишь отп. принципом — интерпретируя Канта, они так или иначе реформируют его учение. Так, по мнению Когена, «... понимание основных понятий (системы Канта) не только и не столько было потеряно, сколько никогда не было достигнуто» («Logik der reinen Erkenntnis», В., 1902, S. VII).

Прежде всего реформе в Н. (за исключением реалистич. направления) подверглась центральная схема кантовской гносеологии — противопоставление трансцендентального субъекта трансцендентному объекту («вещи в себе»). Такое противопоставление приводит у Канта к тому, что формы отношения познающего субъекта к миру, т. е. априорные формы чувственности, рассудка и разума, выступают как способности субъекта (сколько бы Кант ни настаивал на их трансцендентальном характере) и, т. о., ведут к субъективизму и психологизму. Переосмысление отношения знания и объекта совершается в разл. направлениях Н. по-разному. Нельсон показал, что трактовка субъекта как эмпирического неизбежно приводит понятие опыта до уровня психол. переживания. Коль скоро так понимаемый внутр. опыт берется как непосредственно исходное, то становится очевидной невозможность выдвинуть к.-л. объективный критерий соотношения субъекта с объектом, а значит, и невозможность теории познания. В двух центральных направлениях Н. — марбургской и баденской школах — реформация кантовского учения идет по противоположному руслу: в их философии субъект выступает как безличный процесс развития культуры, т. е. как самополагание человек. разума. Идея такого построения была подсказана трансцендентализмом Канта, но воплощение ее в систему потребовало коренной реформы классич. кантианства. Отказ от кантовского понятия «вещи в себе» требовал обоснования объекта в самом субъекте, но причем так, чтобы сущностные определения последнего были бы критерием объективности. С др. стороны, вместе с отпадением «вещи в себе» различие чувственности, рассудка и разума теряет свою принципиальность; активность рассудка, полагающего, по Канту, форму, но не содержание знания, приобретает в этих школах значение метода обоснования историч. реальности вообще. Поэтому история отождествляется в Н. с культурой, а разработка проблем философии культуры носит подчеркнuto логико-гносеол. характер, в отличие, напр., от направлений *философии культуры*.

Решительно борясь против психологизма в философии, марбургская школа стремилась истолковать бытие как содержание логич. формы, при этом, согласно трансцендентальному методу, была вынуждена не противопоставлять его субъекту познания, а рассмотреть внутри него, в области трансцендентального. Такое бытие марбуржцы нашли в науке, рассматривая ее как объективно-упорядоченную форму человек. культуры вообще; т. о., введенный ими термин «ориентирование на науку» означал не что иное как «соотношение с объектом». Разум выступает здесь производным от науки, а именно ее методом, но сам метод оказывается логич. основанием науки. Источником этого логич. круга является абсолютизация разума, но не прямо, а через абсолютизацию понятия науки. В этой абсолютизации марбуржцы усматривают свое отличие от Гегеля (см. П. Наторп, Кант и Марбургская школа, в сб.: «Новые идеи в философии», СПб., вып. 5, 1913, с. 117—21). Абс. мышление оказывается здесь десубстантивировано, и возникает задача сконструировать его из него самого, ограниченная условием, что мышление дано только в форме науки (ориентировано ею). Упразднение «вещи в себе» как источника аффицирования чувственности превращает мыш-

ление в единств. определение объекта: «Только само мышление может породить то, что может быть обозначено как бытие» (C o h e n Н., *Logik der reinen Erkenntnis*, S. 67). Иными словами, метод построения объекта становится самим объектом, а логика развертывания мысли — логикой действительности. Само определение культуры как имманентной логики созидания объектов, к-рым относится и сам человек с его сознанием (см. П. Наторп, Кант и Марбургская школа, с. 98), вытекает из понимания мира не в его вещной действительности, не как «factum», а как процесса становления, «fieri». С этой т. зр. само противопоставление субъекта и объекта в гносеологии лишается содержания, упраздняется в понятии объекта как гипотезы, проблемы, вечного «икса». Но если объект есть становление, значит познание его (т. е. логическое определение объекта) не включает в себя его вещного определения, а лишь формулировку его как своей задачи. Таков смысл понимания марбургской школой «вещи в себе» как предельного понятия. Движение объекта изначально логизируется, оборачивается чистой логикой, «логосом», разумом, «ratio» (там же, с. 99), к-рый «замещает» понятие бытия. Однако у них этот логос — не гегелевская абс. идея, а принцип логич. созидания (das Princip des Ursprung), в к-ром мышление тождественно объекту, ибо объект им порождается. Поскольку «творческое созидание» как логич. начало есть объективация человек. сущности в факте науки и в этом только смысле объект, постольку логика (закон) этого объекта есть логика не предмета, но теоретич. деятельности, и притом «чистой». Т. о., попытка марбургской школы построить «безобъектную» гносеологич. теорию человек. деятельности оказалась еще одной разновидностью субъективизма. Однако в поздних работах руководителей марбургской школы предпринимаются попытки преодолеть этот субъективизм, но тем самым нарушаются строгие предписания критич. метода. Так, у Когена («Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums», В., 1924) в качестве объективной предпосылки бытия, логики и нравственности выступает бог; у Наторпа («Vorlesungen über die praktische Philosophie», Erlangen, 1925) также в противовес «антиметафизич.» направленности центральных работ логос выступает абсолютной трансцендентной основой бытия. Т. о., иррациональное из «регулятивной идеи» превращается в абс. предпосылку, и строгая логичность марбургского Н. (строгая именно в силу своей беспредпосылочности) не только не преодолевает противоречия философии Канта, но оказывается духовно родственной иррационалистич. тенденции в постклассич. и совр. бурж. философии.

В этич. и социологич. работах основоположников марбургской школы — Когена и Наторпа, а также в трудах Штаудингера, Форлендера, Штаудингера и др. получила теоретич. обоснование концепция т. н. этич. социализма. Этика обосновывалась марбургской школой в соответствии с ее пониманием трансцендентального: практич. и теоретич. разум не противопоставляются один другому — они становятся лишь разными видами трансцендентального, т. е. логич., бытия. Как действующее существо человек. индивид подчинен категории долженствования. Значит, история для него имеет существование в виде социального идеала. Этич. социализм и есть логика этич. бытия. Осуществление «свободы» — это самая логика процесса движения, регулируемая «социальным идеалом», это принцип, которому подчиняется движение человек. истории. Соответственно, обществ. движения, классовая борьба суть лишь частные и неполные проявления этого принципа — стремления к социальному идеалу.

Социал-реформисты нашли в марбургской философии логич. обоснование своей программы. Влияние марбургского Н. на социал-демократич. реформизм

2-го Интернационала подробно охарактеризовано в кн. К. Форлендера «Кант и Маркс» (СПБ, 1909).

В отличие от марбуржцев, представители баденской школы Н. делают предметом исследования самый трансцендентальный субъект. Если первые начинают с отождествления объекта и его отображения в науке (в культуре) и тем отрицают проблему отношения субъекта и объекта, то баденцы ставят вопрос о том, как субъект осуществляет это отождествление. Позиция баденской школы Н. в первом приближении выглядит как восстановление в правах классич. кантовского гносеологич. дуализма. Однако проблема познания сразу же превращается в проблему обоснования человек. культуры — совр. наука не может рассматриваться как фундамент. опора человек. истории, потому что она не менее преходяща, чем любая др. область культуры (см. В. Виндельбанд, Прелюдии, СПб, 1904, с. 99). Что же есть устойчивого в человек. культуре, благодаря чему последняя объективируется? Кант обосновал невозможность трансцендентного объекта («вещи в себе») как объекта познания. Тем не менее познание есть отношение субъекта к объекту. Однако именно потому, что они коррелятивны, необходимо нечто «третье» как предпосылка возможности самого этого отношения. Но это третье, поскольку оно есть предпосылка познания, должно стоять за его пределами, выступать как нечто первичное по отношению к логическому. Это «третье» Виндельбанд находит в понятии ценности, понимаемом в смысле фихтевского долженствования: ценность есть истина, к-рая «оправдывает» совпадение субъекта и объекта познания. Неудача, к-рую потерпел абс. субъективизм Фихте, привела баденцев к мысли построить систему категорий, заданную не субъективно, но объективно, т. е. предполагая гносеологич. отношение субъекта и объекта уже данным. Но поскольку первоначальность субъект-объектного отношения оказывается логически не обосновываемой, то под сомнение ставится сама возможность гносеологии. Риккерт старается осуществить гносеологич. систему, исходя из обеих составляющих — из объекта и из субъекта. Противопоставленным объективирующего и субъективирующего методов он показывает несостоятельность каждого из них как самостоятельного. Отсюда делается вывод, что противопоставление субъекта и объекта есть опосредствованное отношение. Таким значительно более сложным путем Риккерт приходит к проблеме, уже поставленной Виндельбандом: как логически сконструировать структуру этого опосредствования, чтобы из нее вывести гносеологич. отношение. Внутри самого этого отношения открывается неразрешимое противоречие: с одной стороны, субъект и объект соотносительны («имманентны») по самой принадлежности к этому отношению; с др. стороны, они взаимно трансцендентны, опять-таки по условию гносеологич. отношения. Субъект, начинающий с действительности, все равно — трансцендентной или имманентной ему, есть психологич. субъект, т. е. вещь среди вещей. Ему в философии Риккерта принципиально противопоставлен гносеологич. субъект, к-рый есть субъект чистой логич. формы, или категорий. Истина, или знание, отождествляется с миром логич. формы. Значимость, или ценность, как гносеологич. определение истины, есть собственно объективное, и в этом смысле трансцендентное определение. Однако в таком виде она выступила бы как метафизич. реальность. Отношение же ценности к гносеологич. субъекту, для к-рого ценность выступает как суждение, — акт его активности, обращает истину вновь в психологич. реальность, хотя бы эта психология и была трансцендентальной. Риккерт, под несомненным влиянием марбургской школы и особенно Гуссерля, попытался определить акт суждения как чистую форму, к-рая конституирует

значение или ценность. Эту форму он называет *смыслом*. Получается такая конструкция: область трансцендентного становится, как предпосылка, чисто формальной (а не действительной) — это область смысла. Из нее следует трансцендентальный субъект, к-рый посредством акта суждения преобразует смысл в субъективную форму — ценность (значение). Но тогда объект оказывается производным от ценностей, поскольку они выступают как долженствования. И снова оказывается неразрешенной проблема — как обосновать, что долженствование есть действительность, т. е. что оно трансцендентно, а не субъективно. Все попытки Риккерта решить эту задачу, выразившиеся в глубоком и тонком логич. анализе ее, оказались тщетными. Неразрешимость задачи единства субъекта и объекта, заключает он, есть плод логич. рефлексии. Они соединены дорефлективно. Но признание их дорефлективного единства есть совершенно некритич. позиция «детского», дотеоретич. переживания, «дорефлективная» стадия [по тронич. характеристике Риккерта, «детский рай» (Kinderparadies) — см. «Gegenstand der Erkenntnis», 3 Aufl., 1915, S. 301 ff.]. Получается парадоксально-безвыходная ситуация: первонач. единство сознания и бытия, к-рое есть решение гносеол. проблемы, остается перед входом в критич. философию. Последняя же самой своей логикой, к-рой она и отличается от «докритич.» позиции, исключает решение осн. проблемы гносеологии.

Если у Риккерта неизбежность покинуть трансцендентальную позицию есть отрицат. результат, то у Ласка этот вывод следует из самого принципа построения системы категорий. В основание этого построения он кладет кантовское противопоставление содержания и формы, при этом отвлекается от деления трансцендентальной области на эстетику (учение о чувственности) и логику. Чувственность выступает у него содержанием по отношению к формам (категориям) бытия, последние образуют содержание по отношению к формам (категориям) ценностей. Но поскольку содержанием выступают категории чувств. бытия, постольку им могут выступить и категории бытия сверхчувственного — метафизические. Все дело лишь в том, чтобы они получили свое логич. оформление. Т. о., доведенная до предела Ласком крайняя формализация логич. позиции Н. обнаружила, что пафос борьбы против догматизма и метафизики, свойственный Н., был в основе своей ложным — Н. оказалось философией без позиции.

Несмотря на наметившиеся к 30-м гг. признаки кризиса Н., вызванного искусственностью и «сконструированностью» осн. гл. направлений Н. и обнаруженного не только критикой со стороны Гуссерля, но и «самокритикой», Н. было далеко от заката, когда пришедшие к власти нацисты прекратили деятельность двух гл. организац. центров Н. — издания «Kantstudien» (осн. Файхингером в 1896) и Кантовского об-ва («Kantgesellschaft», осн. им же в 1904). Возобновление деятельности обоих этих центров относится только к периоду после 2-й мировой войны: «Kantstudien» (с 1946); «Kantgesellschaft» (с 1947). Однако в наст. время «ортодоксальное» Н. фактически не сохранилось. По своей историч. судьбе Н. оказалось как бы рациональным обоснованием филос. «неизбежности» выхода в иррационализм (философская антропология, неогегельянство, философия культуры и т. д.).

Лит.: Münchener philosophische Abhandlungen, Lpz., 1911; P r z u w a g a E., Kant heute, Münch.—В., 1930; E b b i n g h a u s J., Kant und das 20. Jahrhundert, «Studium Generale», 1954, № 9. См. также лит. при ст. *Баденская школа, Марбургская школа, Винделбаннд, Кассирер, Коген, Ланге, Ласк, Наторт, Нельсон, Риккерт.* М. Туровский. Москва.

НЕОКОНФУЦИАНСТВО — одно из осн. направлений в развитии конфуцианской идеологии. Термин «Н.» не является адекватным переводом какого-то од-

ного кит. понятия. Он введен в науч. обиход зап.-европ. исследователями и имеет различное содержание. Одни понимают под Н. филос. направление или школу, сложившуюся в период правления династии Сун (10—13 вв.), другие рассматривают Н. как направление в кит. философии, линия развития к-рого начинается с учений мыслителей сунской эпохи и завершается филос. системой *Ван Ян-мина*. Однако история Н. не может быть ограничена указанными хронологич. рамками. В кит. источниках и лит-ре термину «Н.» соответствует множество определений: синлисюэ (иногда лисюэ) — учение о природе вещей (син) и естественном законе (ли); даосюэ — учение о *дао* — осн. принципе филос. систем Н.; сунсюэ — сунское учение, или филос. школа эпохи Сун и т. д. Н. сформировалось в Китае в борьбе с *буддизмом* (особенно секты чань, япон. дзэн) и *даосизмом* и одновременно находилось под влиянием их идей. Так, один из основоположников Н. *Чжоу Дунь-и* при объяснении идеи о «великом пределе» (тайцзи) как первоисточнике и первоосновании всего материального бытия обращается к даоскому понятию «беспредельного» (уцзи). В трактовке осн. термина Н. «ли» (закон) явно чувствуется воздействие буддийских концепций. Н. оказало глубокое влияние на развитие кит. философии и имело широкое распространение в Корее и Японии. Ранние предшественники Н. в 9 в. Хань Юй и его ученик Ли Ао выдвинули положение о необходимости обновления и развития конфуцианских принципов для противодействия влиянию даоских и буддийских концепций. В результате глубоких социально-экономич. сдвигов в период 10—13 вв. происходит расцвет филос. мысли Китая и в первую очередь Н., к-рое не ограничилось разработкой этико-политич. представлений, составлявших гл. содержание раннего конфуцианства. Значительно шире и богаче в нем представлены вопросы онтологии, натурфилософии и космогонии. Представители Н. считали, что после *Конфуция* и *Мэн-цзы* прекратилось всякое творч. развитие конфуцианства, что привело к его превращению в догму и схоластику. Н. подвергло критич. пересмотру толкование осн. свода конфуцианской канонич. лит-ры — «Пятикнижие» и, что более важно, составило новый канон — «Четверокнижие» («Сы шу»), дав ему интерпретацию в понятиях Н. Центр. проблемой являлось соотношение идеального начала ли (япон. ри—закон, принцип) и материального начала цзи (япон. ки—первоматерия). Важное место в концепциях Н. занимали понятия дао, тайцзи — «великий предел» (япон. тайкёку, кор. тхэгык), чань — истина, синь — сердце, разум, сознание, душа. Ранние представители Н., в частности Чжоу Дунь-и и особенно *Чжан Цзай*, развивший учение о первоматерии — цзи, подходили к нек-рым проблемам с позиций материализма. Ярко выраженное идеалистич. направление представлено в учении братьев Чэн (*Чэн Хао* и *Чэн И*). На первый план они выдвигали понятие «ли» — закон; в социально-политич. области выступали в защиту феод. строя, доказывая его непреходящий характер как проявление вечного и неизменного идеального начала. В развитии и обобщении неоконфуцианских построений видное место принадлежит *Чжу Си*. Отвечая на вопрос о взаимосвязи первоматерии (цзи) и закона (ли), Чжу Си в конечном счете признавал ли первичным началом, а цзи — вторичным. При объяснении их взаимосвязи Чжу Си вводит понятие син — форма, как определение физич. реальности. Онтология и гносеология в Н. смыкаются с этич. учениями. Постигание, проникновение в мир вещей не только цель познания, но и важнейшее средство нравств. самоусовершенствования личности. В этике Н. особо важную роль играли такие понятия, как жэнь — гуманность, челочечность, и — справедливость, принцип должного и т. д., зафиксированные

в т. н. системе пяти этнич. отношений человека. В конце 13 — нач. 14 вв. система Чжу Си была канонизирована и стала офиц. идеологией. Чжусианство сохраняло свое господств. положение вплоть до нач. 20 в. Субъективный идеализм в Н. развивали современник Чжу Си — Лу Цзю-юань (Лу Сян-шань) и в 15 в. Ван Ян-мин, известный своей теорией о врожденном знании и объявляющий мир порождением сознания. Учение Ван Ян-мина оказало глубоко влияние на развитие кит., япон. и кор. философии. Неоконфуцианскому идеализму были противопоставлены материалистич. учения Чэн Ляна, Е Ши, Лю Цинь-шуня, Ван Тинсяна. Большую роль в борьбе с ортодоксальной школой Н. сыграло учение прогрессивного мыслителя Ли Чжи. В 17—18 вв. получает свое дальнейшее развитие проблема соотношения ли и ци, она находит материалистич. решение у Ван Фу-чжи (Ван Чуань-шань) и Дай Чжэни.

Неоконфуцианские концепции и теории широко использованы представителями самых различных направлений и учений в истории кит. филос. мысли. Напр., даже в учении *Сун Ят-сена* встречаются термины и понятия Н. История Н. продолжается в наши дни в учении «нового Н.» совр. кит. философа Фын Ю-лани. Оно основано на соединении идей традиц. кит. философии с представлениями зап.-европ. мыслителей.

Начало проникновения Н. в Корею относится к концу 13 — нач. 14 вв.; с установлением власти династии Ли (1392) оно становится офиц. идеологией. Признание и распространение идей Н. в Корею связаны с деятельностью кор. мыслителей *Ан Хян*, *Ли Сок*, *Квон Гын*. Уже в этот период весьма радикальные взгляды высказал Чон До Чон, критически воспринимавший мн. положения основоположников Н. В 15—16 вв. в кор. Н. можно выделить три направления. Одно из них выступало в защиту ортодоксальной системы Чжу Си (напр., *Ли Хван*, *Ким Рин Ху* и др.). Материалистич. линию развивал *Ким Си Сын*, к-рый является предшественником материалистич. учения Со Кён Дока. Третье направление связано с дуалистич. подходом к проблематике Н. (напр., учение *Ли И*). В 17—18 вв. все большее влияние приобретает школа последователей учения Ван Ян-мина, т. н. янминхакхва. Одновременно в этот период материалистич. традицию продолжает Им Сон Чу. В 1-й пол. 19 в. неоконфуцианские идеи развивал материалист Чхве Хан Ги. Затем наступает период упадка философии Н. Попытки колонизаторов Кореи (1910—45) поддержать и возродить Н. успеха не имели.

В Японии в 16 в. основоположниками неоконфуцианского идеализма, принятого как офиц. идеология токугавской империи, являются Фудзивара Сэйка и Хаяси Радзан. Они выступали с пропагандой идей Чжу Си. Япон. неоконфуцианцы развивали и обосновывали социально-политич. положения об извечных и неизменных отношениях в гос-ве и семье, осн. на конфуцианских нормах поведения. Большим влиянием в Японии пользовалась школа сторонников субъективного идеализма Ван Ян-мина. Её основателем является *Накаэ Тодаю*. Материалистические и атеистические идеи развивали *Кайбара Экиэн*, *Муро Кюсю*, *Ито Дзинсай* и др.

Для последующего развития Н. все более характерен процесс синтеза его с др. направлениями. В новейшее время Иноуэ Тэцудзиро (1855—1944) попытался объединить идеи Н., синтоизма и буддизма с идеями зап.-европ. философии, создав эклектическую систему.

Лит.: Зоммер Н., Об основаниях новой китайской философии, Уч. зап. Казан. ун-та за 1851 г., кн. 1, Каз., 1852; Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; История Кореи,

т. 1, М., 1960, с. 255—56, 266—70, 284—86, 299—304, 354—59, 373—86, 415—17; Ушков А. М., Некоторые вопросы истории философской мысли в Корею эпохи феодализма, «ВФ», 1962, № 5; Chang C., The development of Neo-Confucian thought, N. Y., 1957; Чжу Цян-чжи, Жибньди Чжу-цзы сюэ (Учение Чжу Си в Японии), Пекин, 1958; Хой Вай-Лу и др., Чжунго сысан тушши (История китайских идеологий), т. 4, ч. 1, Пекин, 1959. Ф. Быков. Москва.

НЕОЛАМАРКИЗМ — см. *Ламарк*.

НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО — совр. реакц. направление в бурж. идеологии, стремящееся идеологически оправдать империализм с помощью доводов, почерпнутых у *Мальтуса* и его преемников. Различные теории Н. используются для объяснения экономич. кризисов и безработицы, прикрытия колониализма и обоснования империалистич. агрессии. Итал. и япон. агресоры пытались обосновать необходимость завоевания «жизненного пространства» высокой рождаемостью и «перенаселением», а герм. фашисты — низкой рождаемостью и депопуляцией, вытекающими якобы из недостатка «жизненного пространства». В основе неомальтузианских построений лежит упрощенная схема отношения абстрактного «населения» к «средств существования». Неомальтузианцы меняют аргументацию в зависимости от тех или иных экономич. и демографич. условий. Так, в условиях резкого падения рождаемости после 1-й мировой войны бурж. демограф Л. Герш выдвинул теорию о том, что источником безработицы и кризиса в конце 20 — сер. 30-х гг. 20 в. является уменьшение прироста населения, ведущее к сокращению потребления. Свою теорию Герш назвал «мальтузианством навыворот». Целью «мальтузианства навыворот», как и «классического» мальтузианства, является отвлечение внимания от социально-экономических причин безработицы и т. п. и переключение его на демографич. процессы.

После 1-й мировой войны среди зап.-европ. демографов получила распространение теория «оптимальности населения», согласно к-рой рост или снижение численности населения является положит. фактором лишь до определ. пределов, а гл. проблемой обществ. наук выступает соотношение фактич. и оптимальной численности населения. И здесь на первый план выдвигается демографич. проблема. Зап.-герм. демограф и социолог Г. Маккенрот назвал теорию «оптимальности населения» лишеным практич. значения умствованием, в к-ром теория Мальтуса освобождена от «пессимистически ядовитых зубов». По существу она представляет собой более гибкий, «гуманный» вариант Н. Сторонниками теории «оптимальности населения» является ряд прогрессивных ученых, стремящихся к улучшению положения трудящихся, но неправильно оценивающих связь демографич. явлений с социально-экономич. факторами. После 2-й мировой войны гл. обр. в США появилось много книг, пропагандирующих реакц. мальтузианские концепции о том, что война — результат перенаселения, что нации с низкой рождаемостью должны защищать себя от наций с высокой рождаемостью, и т. п. (F. A. Pearson and F. A. Harper, *The world's hunger*, N. Y., 1945; W. Vogt, *Road to survival*, N. Y., 1948; R. C. Cook, *Human fertility: the modern dilemma*, N. Y., 1951; G. Bouthoul, *La surpopulation dans le monde*, P., 1958; P. Reboux, *Trop d'enfants?*, P., 1951). В этих работах авторы призывали не только к снижению рождаемости, но и повышению смертности для ослабления прироста населения.

В последнее время неомальтузианские теории получили значит. распространение в связи с быстрым ростом населения. За 65 лет 20 в. население земного шара более чем удвоилось. Особенно быстро растет население в освободившихся от колониального гнета странах. Причина этого — снижение смертности от эпидемич. болезней, что при совр. уровне медицины сравнительно легко достижимо и связано лишь с небольшими затратами материальных средств. В то же время

в этих странах сохраняется высокий уровень рождаемости, к-рый зависит от сложного комплекса факторов: недостаточного развития экономики, при к-ром семья является производств. ячейкой, использующей труд детей; низкого уровня общей и санитарной культуры; ранних браков и традиций многодетности; значит. влияния религии, запрещающей применение мер по регулированию рождаемости, и т. д. Быстрый рост населения в условиях слаборазвитой экономики вызывает тревогу у мн. ученых, в т. ч. и прогрессивных, и создает почву для неомальтузианской пропаганды. Появилось много работ, в к-рых авторы выдвигают концепции, что не атомная бомба, а бомба перенаселения угрожает миру (А. J. Stuart, *Overpopulation. Twentieth century Nemesis*, N. Y., 1958).

Движение за мир, миролюбивая политика стран социализма, критика прогрессивных ученых (Дж. Бернал, Р. Гароди, Ж. Годебер, Ж. Фревилль, Ж. де Кастро, Дж. Озер и др.) заставляют и наиболее реакц. мальтузианцев изменить тон. Так, У. Фогт ранее призывал к повышению смертности. В новой кн. — «People! Challenge to survival», N. Y., 1960, Фогт, по-прежнему изображая нищету, голод и войны следствием перенаселения, осн. путь устранения этих бедствий видит в снижении рождаемости. Особое внимание Фогт (как и др. мальтузианцы) уделяет развивающимся странам. Помощь этим странам — это, по его мнению, содействие сокращению рождаемости (доллары не на индустриализацию, а на предупредит. средства).

В действительности причина нищеты бывших колоний и зависимых стран лежит в их экономич. и культурной отсталости; помехой их прогрессу является неокOLONИализм, а реальным выходом из создавшегося положения — некапиталистич. и социалистич. путь развития. Марксисты не отрицают роли демографич. факторов, влияния темпов роста населения и его возрастного состава на обществ. развитие. Марксисты признают также целесообразность научно обоснованной, гуманной политики регулирования рождаемости, по они выступают против Н., отвлекающего внимание трудящихся от необходимости коренных социально-экономич. преобразований.

Лит.: Боярский А. Я., Об одной разновидности мальтузианства, «Вестн. МГУ. Серия экономики, философии, права», 1957, № 1; Смулевич Б. Я., Критика бурж. теорий и политики народонаселения, М., 1959; Попова А. Я., Совр. мальтузианство, М., 1960; Валентей Д. И., Реакц. теория народонаселения периода общего кризиса капитализма, М., 1963; Thompson W., Population and peace in the Pacific, Chi., 1946; Oser J., Must man starve? The malthusian controversy, N. Y., [1956]; Freville J., La misère et le nombre, t. 1 — L'épouvantail malthusien, P., 1956.

Б. Смулевич. Москва.

НЕОПИФАГОРЕИЗМ — направление *древнегреческой философии* (1 в. до н. э. — 3 в. н. э.), возобновленный *пифагорейц.* Первыми неопифагорейцами были *Нигидий Фигул*, *Аполлоний Тианский*, *Модерат* и *Гадеса* (1 в.), отличавшийся от Аполлония Тианского склонностью к пифагорейскому учению о числах, в первую очередь об единице и двойце. Во 2 в. много и глубоко рассуждал об идеальных числах как о первообразе вещей, наличном в бож., Никомедах Герасский (Аравия). К пифагорейским платоникам относятся и *Нумений*, подготовивший почву к органич. слиянию пифагорейства и *платонизма* в *неоплатонизме*. К числу неопифагорейцев относится и Филострат младший (3 в. н. э.). Н. выступило в результате острейшей потребности людей эллинизма в субъективном самозуглублении, приводившем, с одной стороны, к магич. мистицизму, а с другой — к использованию пифагорейского учения о числах для более точного конструирования платоновских идей.

Источн.: De Vogel C. J., *Greek philosophy. A collection of texts with notes and explanations*, v. 3, Leiden, 1959, p. 348—51.

Лит.: Totok W., *Handbuch der Geschichte der Philosophie*, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 321—23. А. Лосев. Москва.

НЕОПЛАТОНИЗМ — идеалистическое направление антич. философии 3—6 вв., ставившее своей целью строгую систематизацию разбросанных и противоречивых элементов философии Платона с добавлением учений Аристотеля (в тех случаях, когда они не противоречили Платону, по развивали его дальше) и с привлечением методов эллинистич. имманентизма (т. е. учения о сохранении внутр. покоя личности и защите ее от катастроф и потрясений, происходивших в связи с огромным ростом военно-монархич. организации Рим. империи). Осн. содержание П. сводится к разработке диалектики платоновской триады — «единое», «ум», «душа» — с доведением ее до степени *космологии*. Первая онтологич. субстанция (шность) этой триады для заполнения разрыва между непознаваемым «единым» и познаваемым «умом» дополнялась возникшим из переработки старого *пифагорейства*, учением о числах, к-рые трактовались как первое докачественное расчленение «единого». Вторая — «ум», представленная у Платона лишь в виде отд. намеков, разрабатывалась неоплатониками на основе учения Аристотеля о чистом космич. «уме»-перводвигателе и об его самосозерцании, в силу к-рого он выступал одновременно и субъектом, и объектом («мышлением мышления») и содержал в себе свою собств. «умственную» материю. Учение о «душе» на основе платоновского «Тимея» и тоже под влиянием как Аристотеля, так и древнего пифагорейства доводилось в Н. до учения о космич. сферах. Последнее излагалось с большими подробностями и давало картину действия «мировой души» по всему *космосу*. Т. о., П. как идеалистич. филос. система сводится к учению об иерархич. строении бытия и к конструированию его ступеней, последовательно возникающих путем постепенного ослабления первой и высшей ступени в следующем нисходящем порядке: «единое», «ум», «душа», «космос», «материя». Для учения о внутрикосмич. телах Н. привлек теории Аристотеля о субстанции и качестве, об эйдосах (формах вещей) и энтелехиях (действенно развивающихся принципах вещей), а также о потенции и энергии. Эллинистич. имманентизм оказал влияние на Н. прежде всего в форме *стоицизма* с его учением о тождестве мирового первоначала (огня) с внутр. Я человека. Правда, стоич. эманации (истечения) казались неоплатоникам слишком грубыми и вместо них было выдвинуто учение Аристотеля о потенции и энергии, а эманации стали пониматься как излучения вечного небесного и запобесного первосвета единого. Тот же самый эллинистич. имманентизм создавал необходимость разного рода учений о спасении, искуплении и воскрешении душ, что, однако, не дошло в Н. до христ. *спиритуализма*, а оставалось на стадии орфико-пифагорейского учения о переселении и перевоплощении душ (см. *Орфики*) и на стадии общепантич. теории круговорота вещества в природе, сочетаясь с весьма напряженным стремлением избавиться от материальных оков. Последнее обстоятельство чрезвычайно характерно для Н. как отражения предсмертного кризиса рабовладельч. формации. В это время те, кто, осознавая падевшие рабовладельч. системы с ее идеологией, не примыкали ни к какой из развивавшихся тогда форм *монотеизма*, искали выход в языч. *платонизме*, идеи к-рого переосмысливались в Н. так, что они уже мало чем отличались от богов и демонов древней мифологии. Отсюда другая черта Н. — наличие в нем диалектики *мифологии*.

Неоплатоники много внимания уделяли логич. дедукциям, определениям и классификациям, математич., астрономическим, натурфилософским и физич. построениям, а также филологич., историч. и комментаторским изысканиям. Эта особенность все больше развивалась по мере эволюции Н., достигнув схоластич.

тич. систематики всего тогдашнего филос. и науч. знания. Мистика и уточненнейшая логика всегда шли в Н. рука об руку.

В целом Н. явился последней и весьма интенсивной попыткой сконцентрировать все достояние антич. философии для борьбы с неуклонно возрастающим монотеизмом. Но борьба эта кончилась для него поражением; для побеждавшего тогда феодализма антич. космологизм оказывался недостаточным и ему было необходимо учение о личном абсолюте, к-рое только и могло удовлетворить его потребности как системы обществ. иерархии.

Основателем Н. явился *Плотин* (ученик *Аммония Саккаса*), учение к-рого было продолжено его учениками *Амелием* и *Порфирием*. Эта рим. школа Н. отличалась спекулятивно-теоретич. характером и занималась по преимуществу конструированием осн. платоновской триады. Сирийская школа Н. (4 в.), основанная *Ямвлихом*, во-первых, в систематич. форме вводила диалектику в антич. мифологию, а во-вторых, еще большее внимание стала обращать на культурную сторону философии, изыскивая сущность и методы пророчества, чудотворения, ведовства, оракулов, мистерий, астрологии и внутр. экстазич. восхождения в сверхчувств. мир. К этой же школе относились *Феодор Азинский*, *Сопатр*, *Дексипп*. К пергамской школе Н. (4 в.), основанной *Эдесием Каппадокийским*, принадлежали имп. *Юлиан* и *Саллюстий*, а также др. представители, произведения к-рых до нас не дошли. От сирийской школы Н. пергамская отличалась только географически, потому что по существу деятели этой школы придерживались философии *Ямвлиха*. В дальнейшем, в связи с крахом попытки реставрации язычества, предпринятой *Юлианом*, начинают выясняться весьма ограниченные возможности филос. развития Н., к-рый в дальнейшем все более занимается комментированием Платона и Аристотеля. Афинская школа Н. (5—6 вв.) была основана *Плутархом Афинским*, продолжена *Сирианом Александрийским* и завершена *Проклом*. Крупными представителями этой школы были также *Марин*, *Исидор*, *Дамаский* и *Симпликий*. Александрийская школа Н. (4—5 вв.) больше других оказалась погруженной в комментаторство Платона и Аристотеля, причем с усилением объективного, отчасти эклектич. подхода и ослаблением платино-ямвлихо-прокловской линии. К ней относятся: *Гипатия* (ее комментарии до нас не дошли), *Синезий Киренский* (гимны, песни, речи, письма, трактаты), *Гиерокл* (комментарии к неопифагорейским «Золотым стихам»), *Немесий* (трактат «О природе человека»), *Гермий* (в его комментариях на диалоги Платона «Федр» и «Филеб», отличающихся необычайной глубиной и проникательностью, он стоит еще на позиции *Ямвлиха* и *Прокла*), *Аммоний* (комментарии на «Введение» *Порфирия*, на трактаты Аристотеля: «Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика» и трактат «О судьбе»), *Филопон* (комментарии на «Метафизику» Аристотеля и «Арифметику» *Никомаха*; трактаты «О творении мира» и «О вечности мира»), *Асклепий* (комментарии на «Метафизику» Аристотеля), *Олимпиодор Младший*, *Элий* (комментарии на «Введение» *Порфирия* и «Категории» Аристотеля), *Давид* (комментарии на «Введение» *Порфирия*), *Стефан* (комментарии на трактат Аристотеля «Об истолковании»). Одновременно с греч. неоплатониками на западе выступали и лат. неоплатоники (4—6 вв.): *Корнелий Лабеон* (фрагменты), *Халкидий* (перевод платоновского «Тимея» и комментарии к нему), *Марий Викторин*, *Макробий*, *Фавоний Эвлогий*, *Марциан Капелла*, *Бозций*). Они тоже постепенно переходили к критике Платона и Аристотеля и приближались к светской науке и литературе. В 529 имп. *Юстиниан* запретил изучение языч. философии и распустил *Академию платоновскую* в Афинах, бывшую

последним оплотом языч. неоплатонизма. *Дамаский*, *Симпликий* и др. неоплатоники эмигрировали в Ирак ко двору *Хосрова I*, к-рый казался им покровителем философии, но в 531 вернулись обратно в Грецию в связи с мирным договором между Ираном и Византией.

Идеи Н. не погибли вместе с крушением антич. общества. Уже в конце античности Н. вступает в сложное взаимодействие с христианским, а затем с мусульманским и иудейским монотеизмом. Монотеистич. богословие нуждалось и в концепции идеального мира, и в теории воплощения идей в материи, и в обосновании бессмертия души, и в символич. истолковании действительности. Однако монотеистич. истолкование всех этих вопросов отличалось от неоплатоновского. Монотеизм требовал обоснования личного абсолюта. Н., наоборот, под абсолютом понимал вполне безличное «единое». Монотеизм должен был доказывать противоположность бога и мира. Н., наоборот, учил об эманациях, т. е. об истечении божества в мир, так что мир оказывался тем же самым богом, но только на известной ступени его развития. Творение мира из ничего, к-рое было осн. догмой монотеизма, никак нельзя было обосновать средствами Н., потому что как бы ни низко ставил Н. материю, он всегда тяготел к теории ее вечности, а следовательно, и вечности мира. Но, давая теорию идеального мира, Н. всегда тяготел к пантеизму, т. е. к устранению субстанциального различия между богом и миром. В этих условиях Н. оказывался пригодным только для обоснования иерархии божеств. мира, как природного, так и социального. Увлечение Н. дальше известной границы всегда приводило монотеистич. построения средневековья либо к существ. деформации, либо к катастрофе. Вот почему исторически Н. в ср. века, а затем в период возрождения оказывался передовой теорией, для к-рой любая монотеистич. концепция — *Библия*, *Коран*, *Талмуд* — всегда оставалась наивной, детской фантазией или простонародным суеверием.

Мощное влияние Н. на передовую филос. мысль арабо-мусульм. средневековья (сочетавшееся с влиянием аристотелизма) в особенности проявилось у *Кинди*, *Фараби*, *Ибн Сины*, а затем и у *Ибн Рошда*. Примерно такую же роль в прогрессивной оппозиции иудейскому монотеизму Н. играл у таких мыслителей, как *Ибн Гебироль* и *Маймонид*. Элементы Н. присущи, кроме того, и *Каббале*. Влияние Н. на мусульманскую и иудейскую философию осуществлялось в особенности через такие филос. документы, как, напр., «Богословие Аристотеля» (ряд эксцерптов из IV—VI «Эннеад» Платона) или «Книга о причинах» (эксцерпты и гл. обр. переводы из «Элементарного богословия» *Прокла*). Эти трактаты появились в лат. переводе в христианском мире на Западе в позднее средневековье.

Христ. Н. в наиболее яркой форме проявился в *Ареопагитиках*, находящихся в очевидной зависимости от философии *Прокла*.

Идеи Н. получили большое распространение в византийской философии уже в период ранней *патристики*, в 4 в., благодаря деятельности представителей т. н. каппадокийской школы *Василия Великого*, *Григория Богослова* и *Нисского*, вставших на путь христианизации Н. После же появления А.е.опагитик наибольшую роль в распространении идей Н. в визант. богословско-филос. лит-ре сыграл *Максим Исповедник* (580—662), писавший как комментарии к этим сочинениям, так и собственные труды в духе Н. В 11—12 вв. те же идеи проводит *Симеон Новый Богослов*, в более светской и рационалистич. форме — *Михаил Пселл*. В 14 в. ярко мистич. разновидность Н. была представлена *исихастами*. В ср.-век. *грузинской философии* Н. проявился в ряде филос. концепций, особенно же у *Петрици*.

Воздействие идей Н. на зап. христ. философию средневековья тоже было весьма значительным. Под глубоким влиянием этих идей находился уже *Августин*. В дальнейшем, поскольку ср.-век. платонизм мало отличался от П., нек-рые черты Н. можно наблюдать и у таких ортодоксальных философов католич. церкви, как *Ансельм Кентерберийский*, а также у философов *шартрской школы*. Даже знаменитое онтологич. доказательство бытия божия у Ансельма стоит в очевидной зависимости от идей Н., поскольку оно основано на выведении бытия божия из присущего человеку понятия наивысшего существа, к-рое в Н. находится на первом плане. Ортодоксальная мистика католицизма, представленная мыслителями сен-викторской школы, а в дальнейшем *Бонавентурой*, находится в очевидной зависимости от идей Н.

От ортодоксально-католич. мистики резко отличается филос. система *Иоанна Скота Эриугены*, к-рый переводил Ареопагитики на лат. яз. и широко использовал идеи Н., впадая в прямой пантеизм, включавший в себя элементы натурализма, мистики и рационализма. В этой связи необходимо подчеркнуть, что осн. теоретич. источником пантеизма, как и оппозиционной, неортодоксальной мистики в зап. христ. философии средневековья, был именно Н. Это очевидно уже по отношению к таким довольно радикальным последователям Эриугены, как *Амори Шартрский* и *Давид Динанский*, осужденные, как и Эриугена, католич. церковью. В нек-рых, и притом значительных, пунктах своего учения под влиянием идей Н. находился *Альберт фон Большштедт*, а также ряд его учеников: *Ульрих Страсбургский*, *Вильгельм из Мёрбеке*, *Дитрих Фрейбергский*, *Бертольд Мосбургский* (написавший комментарий к указанному трактату Прокла и проявивший огромный интерес к естествознанию). К ним примыкает весьма яркий неоплатоник *Вителло*. Несомненно, вопреки своему томизму, итал. поэт Данте (1265—1321) тоже находился под сильным влиянием Альберта фон Большштедта и его неоплатонич. учеников 13 в., а также под влиянием указанной выше «Книги о причинах», что особенно заметно и в космологии Данте, и в его учении о свете, и в его психологии. Сам *Фома Аквинский*, несмотря на весь свой аристотелизм, переводил Ареопагитики и в своем учении о природной и обществ. иерархии находился под их явным влиянием.

К концу средневековья возникла новая мощная волна влияния Н., сказавшаяся в нем. мистике 14—15 вв. (*Экхарт*, *Таулер*, *Сузо*, *Иоанн Рейсбрукский* и анонимный трактат «Немецкое богословие»). Эти мистики и пантеисты фактически выступали с идеями неразличности бога, мира и человек. духа. Из этой тождественности человек. духа с божеств. первоначалом вытекало положение о ненужности церкви и клира как посредников между душами верующих и внеприродным богом.

Все вышесказанное объясняет, почему платонизм и П. подвергались анафеме на 5-м Вселенском соборе (553) и на двух поместных соборах в Византии (1076, 1351) (см. А. Ф. Лосев, *Очерки антич. символизма и мифологии*, т. 1, 1930, с. 844—83).

Пантеистич. и рационалистич. возможности П. с большой силой проявились у таких передовых представителей философии *Возрождения*, как *Николай Кузанский*, *Плифон* и *Фичино*. Даже мистика Н. стала у них средством облечения псевдорационализма *соловьяни*. Гуманисты, как *Рейхлин* и *Пико della Мирандола*, в своих попытках объединения христианства с герметизмом, Сивиллиными оракулами и даже Каббалой стирали всю оригинальность христианства. Августиновский Н. через анонимное «Немецкое богословие» эволюционировал к *Лутеру*, *Цвингли*, *Сервету* и через них оказал воздействие на *протестантизм*.

Большой шаг в сторону секуляризации Н. был сделан в итал.-нем. *натурфилософии* эпохи Возрождения, к-рая в целях более последоват. пантеизма и натурализма повернула к досократовскому гилозоизму. Такие натурфилософы, как *Парацельс*, *Кардано*, *Телезио*, *Патрици*, *Кампанелла* и *Бруно*, несмотря на свое пристрастие к астрологии и магии, стали видными деятелями эмпирического и даже математического естествознания.

В дальнейшем такие основоположники совр. математич. естествознания, как *Кеплер*, *Галилей*, *Лейбниц*, *Ньютон*, вдохновлялись нек-рыми идеями Н.

Нек-рые отзвуки идей Н. в философии нового времени можно проследить в филос. учении *Декарта*, еще более у *Мальбранша*, в известной степени в монадологии Лейбница. О влиятельности Н. в 17 в., как и в начале 18 в., свидетельствует школа *кембриджских платоников*: *Кедворт*, С. Паркер (1640—88), Г. Мор, Дж. Смит (1618—52), Н. Калверуэл (ум. 1651), Теоф. Гейл (1628—78), Томас Гейл (1636—1702), Дж. Лид (1623—1704), Дж. Порредж (1607—81), Фр. Ли (1661—1719), В. Лоу (1686—1761), Дж. Норрис (1657—1711), А. Кольер (1680—1732). Настоящим неоплатоником в конце своей деятельности стал *Беркли*. Нем. идеализм конца 18 — нач. 19 вв., особенно в лице *Шеллинга*, разрабатывавшего диалектику мифологии и диалектику абсолюта, опирался на идеи Н. В большой мере это справедливо и по отношению к философии *Гегеля* с ее осн. принципом тождества мышления и бытия и диалектикой триады. Гегель же стал первым историком философии, к-рый адекватно изложил учение Н. в своей «Истории философии» (см. Соч., т. 11, М.—Л., 1935, с. 35—76).

Воздействие Н. на бурж. идеализм 19—20 вв. можно проследить прежде всего у таких рус. философов, как *Соловьев*, *Булгаков*, С. Франк, а в Германии у виднейших представителей *марбургской школы* (*Коген* и *Наторп*). Неоплатонич. элементы вошли также и в *неогегельянство* (*Дильтей*, Г. Глокнер, *Кронер*). До нек-рой степени Н. оказал влияние на Н. *Гартмана* в Германии, *Кроче* и *Дженциле* в Италии, *Волланда* в Голландии, *Стирлинга*, *Керда*, *Грина*, *Брэдли*, *Мак-Таггарта*, *Коллингвуда* в Англии и *Ройса* в США. Из гуссерлианства сделали платонич. выводы *Шелер*, мн. неотомисты и совр. западногерм. философы. Платонич. и неоплатонич. корни нетрудно обнаружить в совр. *американской философии*, особенно в *неореализме* (*Уайтхед* и *Сантаяна*), а также в т. н. *критическом реализме*, в амер. и франц. *персонализме*. Не без влияния Н. оказались и совр. естеств.-науч. теории (см. А. Ф. Лосев, *Античный космос и совр. наука*, М., 1927, с. 167—93 и др.; И. В. Кузнецов, В чем прав и в чем ошибается В. Гейзенберг, «ВФ», 1958, № 11). См. *Реализм* схоластический.

Источн.: *Fragmenta philosophorum graecorum*, coll. Fr. Mullachius, v. 3, P., 1881; *Die Nachsokratiker in Auswahl übersetzt und hrsg. von W. Nestle*, Bd 1, Jena, 1923, S. 134—63; Bd 2, Jena, 1923, S. 311—65; *Historia philosophiae Graeco Romanae ex fontium locis contexta*, coll. A. H. Ritter et L. Preller, 9 ed., curavit E. Wellmann, Gotha, 1913; *Grande antologia filosofica*, Pt 1—II pensiero classico, diretta da U. A. Padovani da A. M. Moschetti, v. 1—2, Mil., 1954; *Greek philosophy*. A collection of texts with notes and explanations by C. J. de Vogel, v. 3 — The Hellenistic-Roman period, Leiden, 1959, p. 340—592; в рус. пер. в кн.: В р а ш М., *Классики философии*, т. 1 — Греческая философия, СПб., 1907, с. 426—509.

Лит.: Н. в античной философии. Александрийская школа, «Библиотека для чтения», 1842, т. 53, разд. 3, ч. 1, с. 29—38, ч. 2, с. 59—86; Н о в и ц к и й О., Постепенное развитие древних филос. учений, ч. 4, К., 1861, с. 141—282; Р е д к и н П., Из лекций по истории философии права, т. 7, СПб., 1891, с. 425—82; *История философии*, т. 1, [М.], 1940, с. 371—77; *История философии*, т. 1, М., 1957 (см. предметный указатель); Л о с е в А. Ф., *Филос. проза Н.*, в кн.: *Методы греч. лит-ры*, т. 3, М., 1960, с. 379—98; S i m o n J., *Histoire de l'école d'Alexandrie*, v. 1—2, P., 1845; V a c h e r o t F., *Histoire critique de l'école d'Alexandrie*, t. 1—3, P., 1846—51; P r a e c h t e r K., *Richtungen und Schulen im Neuplatonismus*, в кн.: *Genethliakon*, B., 1910, S. 105—56;

Whittaker Th.; The Neo-Platonists, 2 ed., with a supplement on the commentaries of Proclus, Camb., 1938.

Н. и ранняя патристика. Полисадов В., Христианство и неоплатонизм, «Журн. Мин-ва нар. просвещения», 1853, ч. 77, отд. 2, № 2, 3; Чистович И., Неоплатонич. философия и отношение ее к христианству, «Христианское чтение», 1860, № 9, 12; Куплетский М. А., Н. и христианство, вып. 1, Каз., 1881; Спасский А. А., История догматич. движений в эпоху вселенских соборов в связи с филос. учениями того времени, т. 1 — Тринитарный вопрос, Сергиев-Посад, 1906, 2 изд., 1914; его же, Эллинизм и христианство, Сергиев-Посад, 1913; Bigg S. H., The Christian platonism of Alexandria, Oxf., 1886; Michellis Fr., Über die Bedeutung des Neuplatonismus für die Entwicklung der christlichen Speculation, в кн.: Philosophische Vorträge, neue Folge, H. 8, Halle, 1885; Elsee C. H., Neoplatonism in relation to Christianity, Camb., 1908; Harnack A., Neuplatonismus und kirchliche Dogmatik, в кн.: Lehrbuch der Dogmengeschichte, Tübingen, 6 Aufl., Bd 3, Tl 4, Tübingen, 1922; Hoffmann E., Platonismus und christliche Philosophie, Z.—Stuttg., 1960.

Н. в ср. века. Вертеловский А., Зап. средневеков. мистика и отношение ее к католичеству, Г. Х., 1888; П. X., 1898; Бриллиантов А., Влияние восточного богословия на зап. в произведениях Иоанна Скота Эригена, СПб., 1898; Епифанович С. Л., Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие, К., 1915; Болотов В. В., Лекции по истории древней церкви [вып.] 4 — История церкви в период вселенских соборов, СПб., 1918; Панджава И. Д., Элементы диалектики в груз. философии XI—XII вв., Тб., 1937; Нуцубидзе Ш. И., История груз. философии, Тб., 1960, с. 84—171; его же, Петр Ивер и античное философское наследие, Тб., 1963; Хидашели Ш., Основные мировоззренческие направления в феодальной Грузии (IV—VII вв.), Тб., 1962, с. 51—57; Rubcunski W., Rzut oka na wplywu nowoplatonskie w srednich wiekach, Kr., 1891; Sauter C., Der Neoplatonismus, seine Bedeutung für die antike und mittelalterliche Philosophie, «Philosophisches Jahrbuch», 1910, Bd 23; Gramann M., Der Neoplatonismus in der deutschen Hochscholastik, там же; Duhamel P., La physique néoplatonicienne au moyen-âge, Louvain, 1910; Baumker C. I., Der Platonismus im Mittelalter, Münch., 1916.

Н. в период Возрождения. Cassirer E., Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance, Pr.—B., 1927.

Н. в новое время. Hasse K. P., Von Plotin zu Goethe. Die Entwicklung des neuplatonischen Einheitsgedankens zur Weltanschauung der Neuzeit, Lpz., 1909; 2 Ausg., Jena, 1912; Krakowski E. d., La philosophie gardienne de la cité. De Plotin à Bergson, P., 1946; Bréhier E., Etudes de philosophie antique, P., 1953.

В и б л.: Totok W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 333—34. А. Лосев, Москва.

НЕОПОЗИТИВИЗМ — современная форма позитивизма («третий» позитивизм). В узком смысле слова Н. — это *логический позитивизм* 30-х гг. 20 в., в более широком — вся совокупность позитивистских течений 20—60-х гг. 20 в. Возник почти одновременно в Австрии, Германии, Англии и Польше. Естеств.-науч. предпосылками Н. были действит. трудности совр. науки, связанные в основном с проблемами ее логич. обоснования. Общим гносеологич. источником Н. явилась фетишизация формального аспекта познания, вырастающая из своеобразного отчуждения его знаковых средств, преувеличение познават. функций формальной логики, пережившей к моменту возникновения Н. свое второе рождение в виде *математической логики*. На становление Н. оказали влияние мн. идеи Д. Юма (иногда П. кратко характеризуют даже как соединение агностицизма Юма с методологией математич. логики), учение Э. Маха о «нейтральной» природе мира (вместо этого Н. стал утверждать лишь «нейтральность») эмпирич. «материала» науки, *неореализм* Ф. Brentano, А. Мейнонга и Дж. Мура, «минималистская» программа филос. исследований К. Твардовского. Н. складывался в процессе критики (с рационалистич. позиций) феноменологии, нем. экзистенциализма, бергсонизма и неосхоластики, вследствие чего сыграл вначале относительно положит. роль в тех странах, где религиозная, в особенности католическая, философия занимала до этого прочные позиции (Польша, Австрия). (Вообще Н. не занимает «нейтральной» позиции в антагонизме науки и религии: для последней выгодно свойственное Н. отнесение положений материализма к числу научно-неосмысленных, а так-

же допущение иррационалистич. мировоззрения как особого эмоц. строя человек. души, составляющего ее потребность. Указанное обстоятельство не может быть перечеркнуто тем фактом, что *Рассел, Йёргенсен, Нейрат, Айдукевич* и нек-рые др. представители Н. заняли атеистич. позицию и выступили против религ. иррационализма.)

Осн. идеями Н. 30-х гг. можно считать, в о-п-е-р-ы-х, отрицание всей прежней философии как якобы лишенной науч. смысла, и учение о «языке» как главном и даже единств. объекте филос. исследования (Поскольку анализ «языка» понимался вначале как чисто логический, Н. стал стирать грань между филос. и формально-логич. исследованиями.); в о-в-т-о-р-ы-х, принцип верификации, к-рый утверждает, что проверка науч. осмысленности предложений, а затем и их истинности (ложности) происходит через сравнение этих предложений с фактами опыта («переживаниями» в терминологии *Карнапа*), в том числе ощущениями субъекта. Предложения, в принципе не поддающиеся чувств. проверке, считались лишенными науч. смысла (sinnlos), или псевдопредложениями (отсюда Н. пришел к утверждению, что объективное существование есть псевдопредикат, и к отождествлению существования объектов с их наблюдаемостью). Никакого различия между смыслом и значением в теории познания Н. 30-х гг. не проводилось. М. Шлик полностью отождествил осмысленность предложения с его проверяемостью (верифицируемостью), а смысл — со способом проверки. Согласно принципу верификации (с дополнениями К. Поппера), научно-осмысленной может быть только такая теория, к-рая подтверждается эмпирич. фактами и для к-рой существуют воображаемые факты, опровергающие ее, если бы они на деле имели место (такая теория истинна); или же: к-рая опровергается фактами и для к-рой существуют воображаемые факты, подтверждающие ее, если бы они имели место (такая теория ложна). В этой концепции были положит. моменты: выявление дурной спекулятивности нек-рых филос. учений, указание на науч. значимость знания ложности тех или иных положений и т. д. Новые возможности несло с собой введение в гносеологию третьей значимости («научно-неосмысленно», в отличие от «абсурдно») и понятий «псевдопроблема» и «псевдопредложение». Но все эти моменты были существенно искажены метафизич. и субъективно-идеалистич. толкованием эмпирич. основы, а также самих актов верификации как совокупности атомарных, лишенных внутр. связи, элементарных чувств. переживаний субъекта (основываясь именно на этом, Н. объявил тезисы филос. материализма неосмысленными, а религии — не ложными). Наконец, в-т-р-е-т-ь-и-х, к осн. идеям Н. 30-х гг. принадлежит отождествление истины с формальными условиями (критерием) истинности, а знания истины — с предсказуемостью предложений о будущих ощущениях субъекта. С предсказуемостью была отождествлена и причинность. М. Шлик и К. Поппер истолковали *детерминизм* как логич. зависимость предложений (S_2) о будущих состояниях «объекта» от предложений (S_1) о теперешнем его состоянии (если S_1 , то S_2) (см. M. Schlick, Causality in everyday life and in recent science, в сб. «Readings in Philosophical Analysis», N. Y., 1949, p. 525—26). Кроме того, истинность предложений была идентифицирована с фактом их привития (допущения) в определ. «языке». (Истинность как *совместимость* предложений стала конкурировать в Н. с эмпирич. пониманием истинности и ее критерия, в результате чего в новой форме возродился свойственный взглядам Лейбница и Канта разрыв между рациональным и чувственным, аналитическим и синтетическим.)

С т. зр. основателей Н., неопозитивизм якобы коренным образом отличается от *скептицизма и агностицизма*

ма, т. к. Н. свойственны: а) «доверие» к содержанию ощущений как к изначально данному; б) отрицание к.-л. границы между областями познаваемого и непознаваемого (поскольку вторая область заменена областью псевдопроблем) и в) отождествление познаваемого объекта и теории («логической конструкции») об этом объекте, вследствие чего из рассмотрения исключаются вопросы об отношении знаний к внешнему их источнику и о характере процесса образования чувств. восприятий. Н. истолковал познание как последовательность операций фиксации чувств. данных посредством знаков, установления формальных соотношений внутри совокупностей последних и между совокупностями, приведения этих соотношений в систему, дедуктивного выведения из систем («логич. конструкций») предсказаний о будущем опыте и изменения этих систем (в случае обнаружения в них внутр. противоречий или же несоответствия выведенных из них предсказаний опыту). В языковой структуре Н. видит средство к объективизации значения, а рассмотрение закономерностей процесса историч. становления значения исключает из гносеологии, рассматривая развитие знания только с т. зр. отношений между одними и др. данными или же между данными и результатами их логич. преобразований. В принципе элиминируя отношение между субъектом и объектом, Н. считал проблематику теории отражения лишней науч. смысла, обнаружив тем самым свою противоположность материализму.

Для Н. 30-х гг. характерными также были ко н в е н ц и о н а л и з м и ф и з и к а л и з м. Принцип конвенционализма, сформулированный (1934) для логико-математич. и естеств.-науч. теорий, искаженно отражал действит. факт относит. свободы теоретич. мышления в построении *исчислений*, а в физике — принцип ковариантности законов. Конвенционализм получил семантич. трактовку и был использован Н. для оправдания индетерминистских концепций и распространен затем на философию (каждый имеет право избрать мировоззрение, дающее ему внутр. удовлетворение), а также на этику и эстетику. Физикализм как требование перевода предложений всех наук в предложения, состоящие только из терминов, употребляемых в физике, возник с целью достижения единства языка наук, но уже в 40-х гг. был превращен в регулятивную идею, реализация к-рой в полном объеме была признана невозможной. История Н. в 30—40-х гг. 20 в. — это цепь различных попыток избежать солицизма, к к-рому толкала интерпретация проблемы объективности мира как псевдопроблемы. В указанный период были предложены различные варианты обоснования интерсубъективности и различные — в этой связи — интерпретации физикализма.

В 40-х гг. Н. претерпел определ. изменения. Полятие анализа «языка» было расширено за счет добавления к логико-синтаксическому и логико-семантич. анализу, вследствие чего проблема «что такое значение?» стала одной из главных в Н., так что А. Пап признал ее даже осн. вопросом философии. Пришлось отказаться от отождествления истинности и проверяемости и перейти к «ослабленным» вариантам последней (см. *Проверяемость*). В результате критики со стороны Куайна и др. был отвергнут резкий дуализм аналитич. и синтетич. высказываний и поставлена под сомнение независимость формальной стороны теорий от их эмпирич. осн. Тем самым наметилась тенденция к естеств.-науч. материализму (Р. Карьян, Г. Рейхенбах), к-рая, однако, не получила достаточно определ. выражения. Конвенционализм также стал принимать «ослабленный» вид, однако в ряде случаев (Б. Рассел, Г. Райл, А. Пап) приблизился к априоризму. С др. стороны, сам Н. и принципы его эмпиризма («логич.

эмпиризм») были истолкованы как еще одна «удобная» языковая конвенция. Физикализм был истолкован как пожелание частичной редукции т. н. теоретич. предикатов к простейшим предикатам непосредств. наблюдения. Затем на смену редукционистскому этапу истолкования логич. структуры наук пришел гипотетико-дедуктивный этап, на к-ром вместо восхождения от эмпирич. осн. к теории исследуется процесс исхождения от теории к эмпирически проверяемым «базисным» предложениям (К. Поппер, К. Гемпель, Г. Рейхенбах и др.).

В наст. время Н. выступает в двух осн. разновидностях: «лингвистический анализ» в Англии и «аналитич. философия» в США. Для философии лингвистического анализа (отчасти ей родственна «общая семантика») характерно, в отличие от логич. позитивизма, нигилистич. отношение не только к философии, но и к науке, поскольку она уклоняется уже не только от объяснения мира, но и от логико-филос. проблематики языка наук. Лингвистич. Н. считает, что филос. построения навеены неясностями в нац. языках, а философия и ясность мысли — несовместимы. Свою задачу он видит в устранении из повседневного языка всякой неясности значения, что будто бы должно упразднить филос. проблематику. Достижение этой задачи возможно, по его мнению, через рассмотрение всякого естеств. языка как совокупности игр, в каждой из к-рых значения устанавливаются и отменяются конвенционально как перечень способов применения слова (концепция т. н. «семейных сходств»), а также через установление запрета перехода на чрезмерно высокие уровни абстрагирования (обобщения), на к-рых значения слов совершенно распыляются (концепция т. н. «контрастности» значений).

Для «аналитич. философии» характерен основанный на конвенционализме с добавлением прагматистского его истолкования тезис о свободе выбора мировоззрения, подлежащего затем уточнению средствами логич. анализа. Впрочем, философия анализа в ряде своих разновидностей выходит далеко за пределы Н.: кроме неопрагматистского (Ч. Моррис, У. Куайн, К. Льюис), в ней можно выделить платонистское и близкое к кантианству ответвления.

Отправным пунктом эт и к и Н. был тезис Юма о субъективности вкусов, утверждение Ф. Brentano и Дж. Мура о неопределенности «добра» и идеи уксальской школы (А. Хегерстерм). В этике Н. нашли свое преломление осн. принципы его теории познания: отрицание филос. «метафизики» приняло форму отрицания науч. осмысленности любой теоретич. и нормативной этики как якобы неverifiedируемой; конвенционализм привел к этич. релятивизму (Г. Рейхенбах выдвинул даже этич. принцип терпимости: каждый избирает мораль, какую хочет). Уже в 30-х гг. сложился эмотивизм (Айер, Ч. Стивенсон), лишавший этич. утверждения объективного значения и сводивший их к выражению эмоций личности и желаний воздействовать на поступки др. лиц. М. Шлик в противоречии с общей тенденцией Н. в этике попытался в своих «Вопросах этики» (1930) разработать теоретич. и нормативную концепцию бурж.-либерального эвдемонизма с гл. ее тезисом: «Смысл жизни — молодость». В 40—50-х гг. этика Н., используя идеи лингвистич. анализа, приобрела эклектич. характер (С. Тулмин, С. Хэмшир, Г. Эйкен и др.).

Начало эстетике Н. положили работы Ч. Огдена, А. Ричардса и Дж. Вуда «Значение значения» (Ch. K. Ogden and I. A. Richards, The meaning of meaning, L., 1923) и «Осн. эстетики» (Ch. K. Ogden, I. A. Richards, J. Wood, The foundations of aesthetics, L., 1922; 2 ed., 1925), в к-рых утверждалась многозначность и неопределенность смысла эстетич. категорий. Их идеи продолжили Ч. Стивенсон, Д. Хосперс, В. Плато, О. Бо-

увсма и др. Они настаивают на операциональном характере эстетич. символик, цель к-рой вызвать лишь то или иное настроение у потребителя искусства, и отрицают познават. содержание иск-ва.

В социологии Н. пытаются использовать методы естеств. наук. Отрицание философии приняло здесь форму требования деидеологизации. Развернув критику иррационализма и феноменологии в социологии, представители Н. (*Лазарсфельд, Додд, Ландберг, Зеттерберг* и др.) ратуют за максимальное приближение к фактам, давая вместе с тем понятие факта субъективистскую интерпретацию. Течением Н. в социологии является также направление, превращающее язык в фундамент всех социальных явлений. Оно очень близко к философии лингвистич. анализа и «общей семантике» (в частности, к тезису последней об определяющем воздействии языка на мышление и мировоззрение людей). Социологич. концепции Н. были использованы ревизионистами марксизма и бурж. реформистами. В 20-х гг. Нейрат выдвинул идею, будто эмпирич. социология есть совр. этап в развитии истории, материализма. К. Поппер пытался использовать принципиальную негативную верификацию и свою трактовку соотношения причинности и предвидения для доказательства, будто марксизм не наука, но разновидность религ. веры. Ряд представителей Н. декларировал симпатию к бурж. либерализму и нежелание участвовать в политич. борьбе. Неопозитивистский подход к явлениям глубоко укоренился у мн. представителей бурж. интеллигенции, причастной к наукам, пронику во мн. спец. области знания, а в последнее время вызвал положит. отношение у экзистенциалистов и неомомистов, доходящее до стремления включить Н. как своего рода предварит. часть в состав своей доктрины. В марксистской критике всех разновидностей Н. основополагающую роль играет труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Эта критика может успешно развиваться только на основе положит. разрешения проблем совр. науки, к-рые рассматривает Н.

См. также статьи *Венский кружок, Верифицируемости принцип, Конвенционализм, Логический атомизм, Логического анализа философия, Логический анализ, Львовско-варшавская школа, Операционализм, Проверимость, Физикализм* и лит. при этих статьях. О печатных органах Н. см. ст. *Логика*, раздел Логические журналы и раздел о журналах в ст. *Философия*.

Лит.: Корнфорт М., Наука против идеализма, пер. с англ., М., 1957; Нарский И. С., Очерки по истории позитивизма, [М.], 1960, с. 139—99; Айер А., Философия и наука, «ВФ», 1962, № 1; Философия марксизма и неопозитивизма. Вопросы критики совр. позитивизма, М., 1963 (есть библиограф.); Нарский И. С., Неопозитивисты в роли «критиков» диалектич. материализма, «ФН» (НДВШ), 1962, № 4; егo же, Неопозитивизм раньше и теперь, в сб.: Критика совр. бурж. идеологии, [М.], 1963; егo же, О теоретико-познавательных и логических основах этики неопозитивизма, «Вест. МГУ. Сер. VIII», 1965, № 3; Степин В. С., Совр. позитивизм и частные науки, Минск, 1963; Кон И. С., Позитивизм социологии, Л., 1964, гл. 6; Беглашвили А. Ф., Критич. анализ совр. англ. лингвистич. философии, «ВФ», 1963, № 10; егo же, Современная английская лингвистическая философия, Тб., 1965; Козлова М. С., Логика и реальность, «ВФ», 1965, № 9; Шварев В. С., Проблема отношения теоретического и эмпирического знания и современный неопозитивизм, там же, 1966, № 2; Kaila E., Der logistische Neopositivismus, Turku, 1930; Ingarden R., Główne tendencje neopozytywizmu, «Marchi», R. 2, 1935/36, № 3; Kozłowska M., Filozofia nauki w kole Wiedeńskim, «Kwartalnik filozoficzny», 1936, t. 13, z. 2, 3, Kr., 1936—1937; Mises R., Kleines Lehrbuch des Positivismus, Chi., 1939; егo же, Positivism, a study in human understanding, Camb., 1954; Kamińska J., Ewolucja koła Wiedeńskiego, «Mysł Współczesna», 1947, № 2 (9); Pap A., Elements of analytic philosophy, N. Y., 1949; Reichenbach H., The rise of scientific philosophy, Berkeley, 1951; Semantics and the philosophy of language. A collection of readings, ed. by L. Linsky, Urbana, 1952; Goodman N., Fact, fiction and forecast, L., 1954; The revolution in philosophy, with an introduction by G. Ryle, L., 1956; Urmson J., Philosophical analysis. Its develop-

ment between the two world wars, Oxf., 1956; Logical positivism, ed. by A. Ayer, L., 1959 (имеется библиограф.); Buczyńska H., Kolo Wiedeńskie. Początek neopozytywizmu, [2 wyd.], Warsz., 1960; Philosophical analysis. A collection of essays, ed. by Max Black, L., 1963; Classics of analytic philosophy, ed. by R. Ammerman, McGraw, 1935; A l d u k i e w i c z K., O tzw. neopozytywizmie, в его кн.: Język i poznanie, t. 2, Warsz., 1965. И. Нарский. Москва.

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЕЙ СОСТОПНЕНИЕ — фундаментальное положение квантовой механики, согласно к-рому любая микрочастица не может одновременно обладать строго определ. координатой и импульсом; то же относится и к другим парам т. н. канонически сопряженных величин (энергия и время, момент количества движения и угол). Произведение неопределенности импульса (Δp) на неопределенность координаты (Δx) удовлетворяет Н. с., установленному *Гейзенбергом*: $\Delta p \cdot \Delta x \geq h$, где h — постоянная *Планка*, или квант действия. Н. с. является следствием корпускулярно-волновой природы микрочастицы. См. *Микротеория*.

НЕОРЕАЛИЗМ — филос. направление, возникшее в Англии и США в нач. 20 в., но уходящее корнями к *шотландской школе* и философии Ф. Брентано и *Мейнонга*. На формирование основ Н. большое влияние оказали взгляды Дж. Э. *Мура*. Его теоретико-познават. идеи, выраженные в статье «Опровержение идеализма» («The refutation of idealism», опубли. в журн. «Mind», new series, 1903, v. 12, Oct., № 48, затем вошло в его кн.: «Philosophical studies», L., 1920, new ed., [L.], 1959), были развиты в «Программе и первой платформе шести реалистов» («The program and first platform of six realists») — *Перри, У. Марвин, Монтегю, Ф. Г. Сполдинг, Э. Б. Холт, У. Питкин* — опубликованной в 1910 (см. «Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods», 1910, № 7; затем перепечатано в сб. «Новый реализм» — «The new realism», N. Y., 1912). Философия Н. явилась реакцией на субъективный идеализм *прагматизма* и объективный идеализм англ. *неогегельянства*. Подвергая критике тезис о тождестве действительности и «опыта» (индивидуального у прагматистов и «абсолютного», божественного у неогегельянцев), Н. подчеркивает существование «объекта», отличного от опыта. В теории познания Н. придерживается «теории имманентности независимого», т. е. утверждения, что познаваемый объект может непосредственно «входить» в сознание, не завися в то же время от этого в отношении своего существования и природы. Эта теория дополняется «нейтральным (или эпистемологическим) монизмом», восходящим к теории «нейтральных элементов» *Маха*, от к-рой «нейтральный монизм» отличается введением в число нейтральных элементов логич. отношений.

В онтологии Н. формулирует взгляд, согласно к-рому необходимо признать две формы объективного существования: existence (пространственно-временного или только временного) и subsistence (идеального существования вне пространства и времени). Первая форма присуща соответственно физич. и психич. явлениям (объектам), вторая — общим понятиям и матем. объектам. Из признания второй формы существования вытекает также признание «объективности» ошибки, иллюзии и т. д. Т. о., если в своей теории познания Н. сближается с субъект. идеализмом и интуитивизмом, то в онтологии он тяготеет к объект. идеализму. «Эпистемологич. монизм» Н. дополняется онтологич. *плюрализмом*, к-рый обосновывается теорией внешних отношений, формулирующей идею независимости вещи от тех отношений, в к-рые она вступает с др. вещами. Направленная против абсолютизации англ. неогегельянством понятия о всеобщей связи «теория внешних отношений» в свою очередь абсолютизирует независимость вещей от их взаимных отношений. На формулировку этой теории оказали влияние ранние филос. и логич. работы *Рассела*.

II. не пользуется в наст. время широким влиянием как самостоят. филос. школа (см. также *Реализм*).

Лит.: Квйтко Д. Ю., Очерки совр. англо-американской философии, М., 1936; Боднар Я., О совр. философии США, (пер. со словац.), М., 1939; История философии, т. 5, М., 1961; Богомолов А. С., Философия англо-амер. Н., М., 1962; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 97—131, 167—99; Насан С. З., Realism, Camb., 1928; Rogers A. K., English and American philosophy since 1800, N. Y., 1928; Воман Л., Criticism and construction in the philosophy of the American newrealism, Stockh., 1955; Passmore J., A hundred years of philosophy, L., 1957. А. Богомолов. Москва.

НЕОСЛАВЯНОФИЛЬСТВО — см. *Поздние славянофилы*.

НЕОСХОЛАСТИКА — собират. понятие, к-рым обозначают систему филос. и теологич. идей, развивавшуюся в рамках гл. обр. католич. и отчасти протестантской идеологии в послеср.-век. эпоху. Осн. направлением католич. II., зародившейся после Тридентского собора (сер. 16 в.) как реакция на *Реформацию*, было обновление ср.-век. схоластики. Кризис католицизма побуждал идеологов католич. церкви к разработке более свободной и более широкой, чем христианский аристотелизм *Фомы Аквинского*, филос. доктрины путем ассимиляции неомистских и даже не-схоластич. идей. Неосхоласты кардинал Фома де Вло из Газты (Кастанус, 1469—1534), его последователь Хризостом Явелли (1470—1538) из Болоньи (оба из доминиканского ордена) противопоставляли лютеровскому учению о предопределении теологич. метафизику Фомы Аквинского. В комментариях к соч. Аквината Кастанус развивал учение об аналогии бытия и о трансценденталиях, т. е. те идеи *томизма*, к-рые у самого Фомы Аквинского были лишь в зародыше. Еще более остро доминиканская II. выступала против антисхоластич. идей гуманизма (против *Нико деλλα Мирандола*, *Помпонации*).

Широкое распространение II. получает в иезуитских уч. центрах Испании и Португалии. С учениями Педру да Фонсека (1528—99, преподавал в ун-те Копмбры, получил прозвище «португальского Аристотеля») и особенно *Суареса* обычно связывают т. н. второй расцвет *схоластики*. Место Суареса в истории схоластич. философии определяется тем, что он создал первую систему II., и именно от него «идет влияние вновь ожившей схоластики, и во всей новой философии сознательно и неосознанно звучит эхо его голоса» (Schulze, Die Lehre von den Transcendentalien in der scholastischen Philosophie, Lpz., 1929, S. 55). II. была своеобразной защитной реакцией церковников на коренные перемены в философии, к-рые наступили в период восходящего развития бурж. способа произ-ва. Передовые мыслители Возрождения и нового времени (Ф. Бэкон, Декарт, Гассенди, Гоббс и др.) выступали с критикой спекулятивных построений неосхоластов. Характерный для философии нового времени процесс размежевания метафизики и частных наук в II. получил наиболее четкое выражение. В отличие от учения Аквината, к-рое еще несло на себе следы аристотелевского эмпиризма (Van Steenberghe F., Ontologie, Einsiedeln, 1953), Суарес и др. неосхоласты все больше изолировали филос. и теологич. проблематику от содержания частных наук. Прогрессирующая изоляция от науки нового времени ограничила сферу влияния схоластич. философии кругом католич. духовенства.

На рубеже 18 и 19 вв. в Италии (Буццетти, ум. 1824, Сорди, ум. 1865), Германии (Гёррес, ум. 1848, Баабер, Ф. Шлегель) начинается т. н. католич. реставрация — движение, направленное на восстановление влияния католич. идеологии, к-рое было разрушено передовой философией нового времени, в особенности рационалистич. критикой со стороны классич. нем. философии. Со 2-й пол. 19 в. развитие II. принимает все

более широкие масштабы и новые формы. Благоприятную почву для этого создает изменение обществ. роли католич. церкви, связанное с переходом капитализма в его империалистич. стадию, превращение ее в политич. и идеологич. опору реакционных империалистич. сил. Новое веяние в II. открывалось призывом нем. иезуита Клейтгена (1811—83) вернуться к традициям ср.-век. схоластики. Мощным толчком к развитию этой тенденции послужила энциклика папы Льва XIII «Aeterni patris» (4 авг., 1879), провозгласившая учение Фомы Аквинского единственно истинной философией католицизма. После этого развитие II. идет в осн. в русле *неотомизма*.

В совр. период II. стала крайне разнородной. Наряду со «строгим томизмом» она включает филос. школы, сторонники к-рых, сохраняя верность «непреходящим ценностям» томистского мышления, пытаются синтезировать томизм с новейшими течениями идеалистич. мысли и тем самым приспособить католич. филос. доктрину к духовным запросам совр. бурж. общества (лувенская школа в Бельгии, т. н. нуллахская школа в ФРГ). К II. примыкают также платоновско-августинианская школа (И. Гессен — ФРГ, *Шапка* — Италия) и школа, сохраняющая традицию ордена францисканцев (И. Мёллер, Т. Барт — ФРГ).

II., несмотря на все изменения в филос. базисе, остается верной своему идеологич. назначению — филос. обоснованию церк. догматов, и сохраняет методологию ср.-век. схоластики. II. ставила и ставит своей целью «преодолеть материализм и пантеизм более совершенными, чем у схоластики, средствами, включить католицизм в культурный прогресс, поднести людям откровение современными аргументами, привести знание и веру к новой формуле, сделать уступку развитию Нового времени, допустить в философию человеческое самосознание» (Meuser H., Weltanschauung der Gegenwart, Paderborn — Würzburg, 1949, S. 155—56).

В филос. лит-ре проводятся и др. т. зр. относительно понятия «II.» и ее историч. рамок: возникновение неосхоластич. движения датируется нач. 19 в. (Enciclopedia filosofica, v. 3, Venezia—Roma, 1957; Lexikon für Theologie und Kirche, 2 Aufl., Bd 7, Freiburg im Breisgau, 1933) или его концом (Philosophisches Wörterbuch, Lpz., 1964; Wörterbuch der philosophischen Begriffe, bearbeitet von R. Eisler, 4 Aufl., Bd 2, B., 1929).

Основу протестантской II. составило учение *Меланктона*. Позднее она была развита в учениях Гокленюса, *Клауберга* и «протестантского Суареса» — Шейблера (1589—1653), оказавшего влияние на формирование философии Х. Вольфа.

Лит.: Sentroul Ch., Was ist neuscholastische Philosophie?, Münster, 1909; Przywara E., Die Problematik der Neuscholastik, «Kant-Studien», 1928, Bd 33; Ehrle F., Die Scholastik und ihre Aufgaben in unserer Zeit, 2 Aufl., Freiburg im Breisgau, 1933; Indirizzi e conquiste della filosofia neoscholastica italiana, Mil., 1934; Sbarra A., I problemi della neoscholastica, Napoli, 1936. Л. Греков. Москва.

НЕОТОМИЗМ — филос. доктрина римско-католич. церкви, исходящая из учения *Фомы Аквинского* и являющаяся совр. этапом в развитии *томизма*. С 1879 II. получил офиц. признание и поддержку Ватикана. Распространен в Бельгии, Франции, ФРГ, Италии, Испании, США и в ряде стран Латинской Америки. Наиболее известные представители II. — *Жильсон*, *Маритен*, Сертийанж (Франция), Ю. Бохеньский, В. Бруггер, А. Демпф, И. Лоц, Манзер, Мейер, И. де Фриз (ФРГ), Л. де Реймекер, М. Грабман, Стенберген (Бельгия), У. Падовани, Ф. Ольджати, К. Фабро, *Веттер* (Италия).

Зарождение и развитие II. были связаны как с внутр. потребностями *католицизма*, так и с общими процессами в развитии зап. идеологии за последнее столетие. Сложность ситуации заключалась в том, что изгнание

разума из христианства и открытая проповедь пра- рационализма были не менее опасны для католицизма, чем предоставление разуму суверенных прав. Возрождение томизма католич. церковью в 70-х гг. было пред- принято в поисках выхода из этой ситуации. Уже в 1864 в «Спллабусе» Пия IX подчеркивалось, что человек разум не может быть признан единым. судей в делах истины и заблуждения. В то же время на Ватиканском соборе (1869—70) осуждались те, к-рые полагают, что «естественным светом человеческого разума нельзя достоверно узнать Единого и Истинного Бога через Его творения». Однако более важный стимул к развитию Н. был дан энцикликкой Льва XIII «Aeterni Patris» (4 авг. 1879), в к-рой определялись принципы реставрации томизма. Католич. философ должен опираться на томистскую традицию, создавшую якобы такое понимание мира, к-рое основывается на органическом синтезе филос. идей Платона и Аристотеля с идеями христианства (см. J. Hirschberger, Geschichte der Philosophie, 2 Tl, Freib., 1954, S. 508—14), и тем самым достигшую внутр. слияния мудрости с христ. откровением.

В первый период развития Н. после признания его офиц. доктриной церкви усилили последователи Фомы Аквинского были направлены гл. обр. на систематич. изложение его учения и историч. исследование его роли в развитии схоластич. философии. Были созданы центры по разработке и пропаганде Н., среди них — Высший ин-т философии при Лувенском ун-те (Бельгия) (осн. кардиналом Мерсье в 1882), Академия св. Фомы в Ватикане, Парижский католич. ин-т, Католич. ун-т в Милане и др. В нач. 20 в. влияние Н. не выходит, в общем, за пределы католич. мира. К философии католицизма начинают обращаться ранее игнорировавшие ее университетские круги (напр., Д. фон Гильдебранд, Шелер). В 20-е и 30-е гг. активно разрабатываются проблемы неотомистской метафизики, теории познания, натурфилософии. После 2-й мировой войны происходит дальнейшее усиление активности Н.; ныне его можно отнести к числу наиболее влият. течений в совр. бурж. философии, располагающему собств. ин-тами, изд-вами. Наряду с традиц. центрами Н. складываются новые — в ФРГ и США.

В. Гараджа. Москва.

В рамках интеллектуальной ситуации 20 в. Н. резко противостоит как материализму, так и всем видам субъективного идеализма. Важнейшая особенность Н. — т. н. универсализм. Н. берется объединить в целостном синтезе самые различные духовные и этич. «ценности» — веру и рационализм, спекуляцию и эмпирию, созерцательность и практицизм, индивидуализм и «соборность», — якобы ничего не отрицая, но всему указывая свое «настоящее» место (ср. утопию «всеединства» у таких философов, как Шеллинг и В. Соловьев). Идея всеохватывающего духовного «хозяйства», куда все может быть принято, но под условием включения в жесткую сквозную иерархию, была в свое время доминантой философии Фомы Аквинского (он определял мудрость как способность все упорядочивать — см. Summa contra gentiles, I, P., 1961, cap. 1). В частности, Н. имеет возможность дать весьма оптимистич. оценку и цельную концепцию материального мира; этот мир для Н. — не абсурд и вместилище человека. «заброшенности» (как для экзистенциализма), не игрушка произвольной человек. активности (как для прагматизма), не цель логич. заданностей (как для неокантианства и неопозитивизма), но безусловно реальное творение благого бога, заслуживающее полного «прятия» и почтения к его внутр. законам. Такого же прятия и уважения Н. требует и для природы человека и т. п. В то же время природное бытие субординировано в Н. по отношению к супранатуральному. Тенденция расчленять бытие на различные уровни,

автономные друг по отношению к другу, искони присуща ср.-век. филос. традиции, к-рой питается Н., но в то же время отнюдь не чужда целому ряду совр. типов мышления (феноменологизм и т. п.).

Организация «упорядоченных» отношений между различными уровнями и аспектами неотомистской картины мира осуществляется на основе архаич. и substantially «ясных» аристотелианских моделей. В обстановке 20 в., когда крайний парадоксализм мысли стал всеобщей духовной атмосферой, Н. стремится подчеркнуть свое уважение перед здравым смыслом и школьной («схоластической») правильностью логич. ходов. С одной стороны, Н. предоставляет уму совр. зап. человека возможность переживания религ. тайны, он может импонирует ему эстетически своей архаичностью, но в то же время он обещает удовлетворить и совсем иные потребности — в простоте, ясности, в эмпирич. толковании, даже в «научности» (и это в то время, когда целый ряд мыслителей вообще отрывает филос. мышление от научного). Широко распростран интерес к Н. среди естественнонауч. интеллигенции, к-рую привлекает как бы докантовская «здоровая наивность» этой доктрины. Наряду с этим Н. имеет в своем арсенале «истины откровения» и «вечные» метафизич. положения, призванные дать окончат. ответ на все возможные вопросы о смысле жизни. Мистика и рассудочность, метафизич. спекуляция и ходы мысли, построенные по аналогии с рабочими схемами точных наук, устойчивый традиционализм и подчеркнутая «динамичность» в Н. дополняют друг друга, в своей совокупности создавая томистскую эйфорию (см. Н. А. Бердяев. Смысл творчества, М., 1916, с. 336) — почти гипнотич. иллюзию отовсюду замкнутого учения, способного удовлетворить самые взаимомключающие запросы. С. Аверинцев. Москва.

В метафизику Н. наряду со ср.-век. томистским учением о категориальных определениях бытия (форма и материя, акт и потенция, существование и сущность) вошли новые элементы: в первую очередь — классификация филос. знания, в рамках к-рой выделяется учение о чистом бытии — метафизика, понимаемая как «первая философия», изолированная от частных наук и диктующая им свои принципы. Объектом метафизики и вместе с тем ее осн. принципом неотомисты считают чистое бытие (esse), к-рое отличается от сущего (ens) и разделяется на виды — конечное и бесконечное, имманентное и трансцендентное, чувственное и умопостигаемое. Согласно Н., метафизика — в этом ее специфика и преимущества перед др. формами знания — имеет дело с бесконечным, трансцендентным, умопостигаемым бытием. Такого рода бытие свободно от всех признаков конечных, познаваемых в опыте вещей. Сознывая, что из понятия чистого бытия невозможно вывести к.-л. содержание, представление о бытии и его законах, сознавая необходимость для метафизики устранить разрыв между конечным и бесконечным, имманентным и трансцендентным бытием, в последнем счете — между богом и сотворенным им миром, нек-рые неотомисты (нем. иезуиты Ф. Сладдек, И. Лоц, итал. томист К. Фабро и др.) в качестве исходного принципа томистской метафизики развивают идею бытия как полноты совершенств (das Sein als Vollkommenheitsfülle). Эта идея означает, что в бытии преформировано все его содержание, все его определения. Такой подход, однако, предполагает скрытое включение в исходное понятие метафизики эмпирич. содержания, т. е. отказ от идеи бытия как чистого беспредносмыслочного понятия. Выход из этого противоречия неотомисты пытаются найти в постулировании т. н. трансцендентальных понятий («единство», «истина», «благо», «прекрасное»), к-рые полагаются вместе с бытием и, в отличие от категориальных определений, не связаны с опытом. С помощью транс-

ценденталий будто бы можно создать совершенно определенным образом бога. Так как бог есть субсистирующее в своей бесконечной полноте бытие, он выступает как «само» «единство», «сама» «истина», «само» «благо», «само» «прекрасное» (см. W. Brugger, *Philosophischer Wörterbuch*, Freib., 1965, S. 335).

Наряду с учением о трансцендентальных важной формой устранения «метафизич. парадоксов» (противоречий конечного и бесконечного, имманентного и трансцендентного, чувственного и умопостижаемого, божественного и сотворенного бытия) в Н. выступает учение об аналогии сущего или аналогии бытия (*analogia entis*), осн. идея к-рого была высказана Фомой Аквинским и затем развита его последователями (Фома де Вино и др.). «Бог — это совсем другое бытие, чем сотворенное, но его бытие может быть понято из бытия мира» (Meuer H., *Thomas von Aquin*, Paderborn, 1961, S. 181) благодаря аналогии бытия. В учении об аналогии бытия метафизика перерастает в *теодицею* и завершается т. н. доказательствами бытия бога.

Осн. стержень онтологии Н. — учение об акте и потенции, согласно к-рому процессы «возникновения» тех или иных вещей или явлений трактуются как осуществление, актуализация потенций. Поскольку «потенция» рассматривается как чисто абстрактная возможность, бытие любой конечной вещи с т. зр. Н. может быть понято лишь как «участие» в бесконечном бытии бога, к-рый является актуальным началом всего сущего (*actus purus*). Бог есть абс. бытие, в к-ром «сущность» и «существование» совпадают. В силу того что абс. бытие есть чистое духовное действие, бог выступает в качестве первопричины мира, источника всего сущего.

Натурфилософия Н., в отличие от метафизики, имеющей дело с бытием вообще, имеет своим предметом телесный мир — чувств. и изменчивое бытие. Основу натурфилософии составляет гилеморфизм — восходящее к аристотелизму учение о материи и форме, согласно к-рому материя является чисто пассивным началом и приобретает определ. вид благодаря нематериальной форме. Формы, актуализируя косную материю, создают все многообразие материальных способов и видов бытия — от неогранич. мира до высшей ступени природного бытия — человека, формой и сущностью к-рого является нематериальная и потому бессмертная душа. Высшая форма («форма форм»), согласно Н., не связана с материей. Она создает и «первичную материю», и все конкретное многообразие форм. Этой высшей формой является бог. Т. о., первичным, исходным и определяющим в Н. оказывается духовная по своей сущности и неизменная форма.

Отправной пункт гносеологии Н. — удвоение мира: разделение его на естественный и сверхъестественный, сотворенный и творящий. Расчленяя бытие на природное, или естественное (*esse naturae*), интенциональное (*esse intentionale*) и идеальное, или логическое, неомисты утверждают, что субстанция, всеобщее бытие, имеет разумную природу и может быть постигнута лишь разумом. Смысл и назначение человек. познания — обнаружить трансцендентное в чувственно воспринимаемом. В отличие от сущности, существование всегда индивидуально, а индивидуальное не может быть предметом логического, рационального познания. Самые глубокие и сокровенные истины человек обретает, согласно Н., не при помощи огранич. чувств. восприятий и несовершенного человек. разума, а путем божеств. откровения. Границей науч. познания Н. объявляет вопросы о «сущности бытия», к-рые относятся к сфере компетенции философии и теологии. Наука постигает «вторичные причины» и раскрывает лишь последовательность и внешнюю связь событий, тогда как «последние причины» всего существующего

относятся к сверхъестеств. порядку бытия, т. е. к богу. Учение Н. об истине выражает принцип соответствия идеального идеальному же, поскольку человек. интеллект, чтобы быть истинным, должен сообразовываться с божеств. интеллектом. «Эта адекватность, или соответствие, не имеет ничего общего с копией или материальным впечатком...», то, что оно здесь обозначает, должно быть мыслью, абсолютно очищенной от видимого и осязаемого» (Maritain J., *Distinguer pour unir...*, P., 1932, p. 170).

Философия истории Н. телеологична. Социальная проблематика Н. определяется той ролью, к-рую в неотомистской системе играет проблема личности. Основу социологии составляет философская антропология. Для Н. характерно телеологич. определение общества (как такого рода связи людей, к-рая служит достижению некой общей цели), в рассмотрении семьи, нации, гос-ва в связи с неизменной человек. природой. Согласно Н., существует три типа отношений личности к обществу (связанных с социальной организацией): индивидуализм, коллективизм и солидаризм. Поскольку индивидуализм (капитализм) и коллективизм (социализм) отвергаются Н. как ложные крайности, пропаганда солидаризма, обосновываемого принципом «христ. любви к ближнему», практически выливается в проповедь «социального мира» между классами. В своем учении об обществе Н. исходит из представления об абстрактной сущности человека, рассматриваемого не в его действит. социальных связях, а в его связи с богом в качестве члена только замкнутой религ. общины. Концепция человека в Н. персоналистична (см. *Персонализм*); личность есть незыблемая и самодетельная духовная субстанция. Атрибуты личности — свобода, самосознание, способность проявления в духовном акте, творч. возможность — получают, однако, свое ценностное подтверждение, согласно Н., лишь в соотношении с богом: «Бытие личности в ее отношении с богом» (Sanz, Th., *Die ontische Struktur der menschlichen Person nach der Lehre Thomas von Aquin*, Md., 1942, S. 139), ибо достоинство личности черпается в совершенстве бога. Этич. характеристикой личности является степень торжества бессмертной божеств. души над грешным телом: «сотворенный по образу и подобию господя... человек должен совершенствоваться в себе этот образ. В образе бога человеческая личность должна видеть образец, к которому она должна постоянно стремиться» (Messner J., *Das Naturrecht. Handbuch der Gesellschaftsethik, Staatsethik und Wirtschaftsethik*, 3 Aufl., S. 2). Эстетич. учение Н. базируется на понятии искусства как средства морально-религ. педагогики. Наряду с защитой всех традиционных духовных реалий Н. отстаивает идею красоты; последняя понимается как ценность автономная, но в то же время включенная в общую иерархическую систему ценностей.

Лит.: Быховский Б. Э., Неотомистский обскурантизм, в кн.: *Совр. религиозно-филос. течения в капиталистич. странах*, М., 1962; Бургете А. Р., *Совр. томизм*, в кн.: *Совр. объективный идеализм*, М., 1963; Миллер Р., *Личность и общество. К критике неотомистского понимания личности*, пер. с нем., М., 1965; *История философии*, т. 6, кн. 2, М., 1965, с. 38—70; Maritain J., *Antimoderne*, P., 1922; его же, *De Bergson à Thomas d'Aquin*, P., 1947; Sertillanges A., *La philosophie de saint Thomas d'Aquin*, nouv. éd., P., 1940; Manser G., *Das Wesen des Thomismus*, 3 Aufl., Freib. (Schw.), 1949; Steenberghen F. van, *Erkenntnislehre (Epistemologie)*, Z.—lu. a. J., 1950 (*Philosophia Lovaniensis*, Bd 2); его же, *Ontologie*, Z.—lu. a. J., 1953 (*Philosophia Lovaniensis*, Bd 4); Lakebrink B., *Hegels dialektische Ontologie und die thomistische Analektik*, Köln, 1955; Grenet P., *Le thomisme*, 2 éd., P., 1956; Brunner A., *Die Grundfragen der Philosophie*, 4 Aufl., Freib., 1956; Klaus G., *Jesuiten, Gott., Materie. Des Jesuitenpaters Wetter Revolte wider Vernunft und Wissenschaft*, B., 1957; Coeth E., *Metaphysik*, Münch., 1961; Meyer H., *Thomas von Aquin*, 2 Aufl., Paderborn, 1961; Maier H., *Soziologie der Päpste*, B., 1965; Wyser P., *Thomas von Aquin*, Bern, 1950; его же, *Der Thomismus*, Bern, 1951. В. Гараджа, Л. Греков, К. Долгов. Москва.

НЕОФРЕЙДИЗМ — совр. направление в философии и психологии США. Термин «Н.» возник для обозначения новых течений, выделившихся к концу 30-х гг. из ортодокс. фрейдизма, в отличие от попыток переосмысления его Юнгом, А. Адлером и др. Основателями Н. явились Хорни, Г. С. Салливан (1892—1949), Фромм и А. Карднер — психологи (кроме Фромма, социолога по образованию), первоначально примыкавшие к фрейдовской школе. Н. сформировался в результате воздействия на психоанализ амер. социологич. теорий, чьи прагматистские и бихевиористские установки Н. стремится сочетать с рядом положений и технич. приемов психоанализа. Исходным положением Н. является т. н. принцип социального (Фромм) или культурного (Карднер) детерминизма, к-рый, в отличие от биологизма Фрейда, исходит из решающей роли среды как фактора, формирующего психологию. Изменение этого осн. положения приводит к перестройке теории психоанализа, отд. положения к-рого при этом отбрасываются, другие же переоцениваются. Центр тяжести исследований переносится с внутриспсихич. процессов на межличностные отношения. Так, отклоняется учение о психич. энергии (либидо) и теория сублимации, считающая духовное лишь преобразованной энергией первичных жизненных влечений. Вместе с этим Н. вообще отказывается от монистич. концепции человека, приходит к отрицанию диалектич. взаимоотношений между природой и культурой, средой и индивидом (по Фромму, собственно человеческое начинается там, где оканчивается природа). Учение о первичности социальной природы человека ведет к истолкованию психич. нормы как успешной адаптации к социальной среде (Хорни, Салливан), а всякое нарушение «социальной идентичности» трактуется как патология. Однако если Н. «социологизирует» психологию, то сами социальные силы при этом «психологизируются». Н. отрицает те объективные социальные закономерности, к-рые в то же время не являются законами психологии, продолжая в этом направление ортодокс. фрейдизма; Н. отвергает также представления психоанализа о внутриспсихич. структуре и процессах, заменяя их учением о защитных формах поведения, к-рые трактуются очень широко как включающие в себя почти все виды человек. деятельности. Психич. процессы рассматриваются как односторонние реакции на внешнюю среду, осуществляемые в порядке обратной связи, в чем очевидно сказывается влияние амер. бихевиоризма. Н. пересматривает также роль бессознательного, к-рое выступает или как незначит. «пограничный феномен» в психологии или же как связующее звено между социальными и психич. структурами («социальное бессознательное» Фромма).

Гл. своей задачей Н. ставит раскрытие связующих звеньев между социальными и психологич. структурами и спец. изучение механизмов связи социальной и индивидуальной патологии. Н., как и совр. психоанализ, не представляет собой единого целого. Если Салливан без остатка растворяет индивида в межличностной среде, то Хорни признает в человеке известную возможность самодвижения («стремление к самореализации»). Для Н. в целом характерна эволюция взглядов Фромма. В ранних соч. он исходит из того, что человек природа создает социальные процессы, однако позднее в соч. «Здоровое общество» (E. Fromm, *The sane society*, N. Y., 1955, new ed., L., 1963) объявляет чрезмерную социализацию человека источником слабости и вырождения. При этом, рассматривая отд. социальные системы как различные попытки (иррационального) разрешения противоречий «основной человеческой ситуации», Фромм порывает с позитивистскими установками, сохранившимися еще у Хорни и Салливана, превращая психо-

логию в философско-антропологич. теорию. Карднер развивает положение об идентичности культуры и «основной личности» (учение о «групповом типе» личности, в к-рой различается идентичное для всех членов данного общества «ядро» и периферич. организации), утверждая, что в свете его концепции вопрос о примате социального или индивидуального вообще теряет смысл. Помимо этого, различия в области интересов теоретиков Н.: у Хорни — это вопросы психопатологии и терапии, у Фромма — социальные проблемы совр. капиталистического, особенно американского, общества; у Карднера — психология «примитивных культур» и нац. меньшинств. Общую концепцию межличностных отношений развивает Салливан, формулируя ее в весьма абстрактных терминах, что позволяет ему наиболее последовательно проводить осп. положения Н. Так, в психике, по Салливану, вообще ничего нельзя обнаружить, кроме отношений (открытых или закрытых — мышление) к др. лицам и объектам или сменам межличностных ситуаций. Существование личности как таковой есть миф или иллюзия, а личность — лишь сумма отношений, относим. устойчивость к-рой создается окружающим «социальным полем». Но это не столько отношения между людьми, сколько отношения между искаженными или фантастич. образами («персонализациями»), к-рые складываются в социальные стереотипы (формы идеологии), порождаемые иррац. аспектами общества и имеющие своей функцией понижение интенсивности страха (или макс. одобрение социальной среды). Но это иррац. метод защиты, ибо, искажая представления человека о себе и других, он сам выступает источником регрессивных и деструктивных тенденций.

Одним из источников Н. явилась амер. «психологич. школа» в социологии (*Гиддингс, Кули, Л. Бернанд* и др.). В частности, учение Кули о «спонтанной и бессознат. координации поведения» членов первичных социальных групп (см. Ch. H. Cooley, *Social organization*, N. Y., 1909) предвосхищало положения Карднера о формировании личности в различных культурах. На Салливана повлияли теории «социального бихевиоризма» *Миддл*, определявшего человек. Я как «систему отраженных социальных связей». Н. много перенял также от амер. школы культур-антропологии, подчеркивавшей, в противовес эволюц. антропологии, специфически неповторимый характер отд. культур.

С конца 20-х гг. амер. антропология начала широко использовать методы психоанализа для изучения отношений между индивидом и средой внутри отд. культур, исходя из положения психоанализа о решающем влиянии первых лет жизни на формирование личности. Было издано огромное число монографий об отношениях между членами семьи, режиме кормления и методах воспитания детей в отд. культурах. Выводом из этих работ явилось утверждение о «бесконечной изменчивости и пластичности» человек. психологии, способной воспринять форму любой культуры. «Культурный» релятивизм был распространен и на сферу патологии. Так, Рут Бенедикт (*R. Benedict, Patterns of culture*, L., 1935, 3 ed., N. Y., 1957) пришла к парадоксальному выводу о том, что тяжелые формы патологии в одних культурах в других могут выступать как культурные нормы. Таковы экзотич. церемонии, транс и галлюцинации у индейцев Канады, параноидная шизофрения у племени добу и т. д. Н. и культур-антропология объединились в лице Карднера, психиатра и этнолога, сплотившего в своем семинаре (в 1935) в Колумбийском ун-те этнографов и психоаналитиков из числа последователей Хорни.

Работы Бенедикт и М. Мид послужили источником собственно психиатрич. теорий, занявших особенно

большое место в П. Причину неврозов Н. видит в патогенной внешней ситуации или нарушении человек. взаимоотношений. Иррациональность невроза есть отражение прац. аспектов общества, движущей силой невроза выступает состояние «основного страха» (точнее, «беспокойства» — basic anxiety), порожденного враждебной средой. Как реакция на страх возникает различные механизмы защиты. Таковы рационализация или преобразование невротич. страха в рационал. страх перед внешней опасностью (fear), всегда несоизмеримо большой; подавление страха, при к-ром он замещается др. симптомам; «наркотизация» страха — прямая (с помощью алкоголя) или переносная в виде бурной внешней деятельности и т. п. и, наконец, бегство от ситуаций, вызывающих страх. Эти средства защиты порождают четыре «всех видов невроза нашего времени» (Хорни): невроз привязанности — поиски любви и одобрения любой ценой; невроз власти — погоня за властью, престижем и обладанием; невроз покорности (конформизм автомата) и, наконец, — невроз изоляции, или бегство от общества. По каждой из попыток освобождения сама порождает новые конфликты, требующие и новых средств спасения, и все глубже затягивает жертву в порочный круг невротич. динамики, приводя в итоге к самоотчуждению. Поскольку все формы человек. деятельности могут состоять на службе невроза, различие между нормой и патологией стирается, все многообразие их проявлений сводится лишь к вариантам неск. простых защитных реакций. Цель психотерапии Н. видит в анализе «жизненной ситуации» пациента, выявлении дефектов в системе его социальных связей для лучшей адаптации к существующему образу жизни (что оценивается рядом критиков как «программа воспитания конформизма»).

Н., подобно учению А. Адлера, стремится быть не столько наукой, сколько непосредственно практич. учением. Так, соч. Хорни обращены собственно не к специалистам, а к широкой массе пациентов. Фромм превратил, в конце концов, Н. в теорию утопич. «коммунитарного социализма». При этом сказывается внутр. противоречие Н. Критикуя Фрейда за неверие в прогресс и достижение всеобщего счастья и конкретно — за определение цели терапии как освобождения от страдания, неофрейдисты утверждают, что ставят более высокие цели — «уничтожение страха» (Хорни), достижение внутр. свободы и счастья (Фромм). Однако это предполагается достичь в обществе, к-рое сам Фромм назвал «обществом всеобщего отчуждения».

Н. получил значит. распространение в работах т. н. чикагской группы психоаналитиков (Ф. Александер, Т. Френч и др.), в социол. исследованиях (Ризман и др.), хотя и не образовал никакой формальной школы. Он создал новый тип «психологического» бестселлера. Соч. Хорни, Фромма и Бенедикт нашли путь к самым широким кругам читателей, выходя огромными тиражами в десятках изданий. Критика Н. в США исходит от ортодокс. фрейдистов или от отд. радикальных авторов. Так, известный амер. лит. критик Л. Триллинг видит в «биологизме» Фрейда последнее убежище от «тирании культуры» и считает, что конвенция личности Н. ликвидирует внутр. возможности для социального протеста (см. L. Trilling, Freud and the crisis of our culture, Boston, 1955). С критикой Н. выступает также амер. философ Х. Маркузе (см. H. Marcuse, Eros and civilization, L., 1956) и др. За пределами США Н. почти не получил распространения.

Источн.: Ногнеу К., Culture and neurosis, «American Sociological Review», 1936, v. 1; е е же, New ways in psychoanalysis, N. Y., [1939]; е е же, Our inner conflicts, N. Y., [1945]; е е же, Neurosis and human growth, N. Y., [1950]; Kardiner A., The individual and his society. The psychodynamics of primitive social organization..., N. Y., 1939; Kardiner A., The psychological frontiers of

society, N. Y., 1945 (соавтор); Kardiner A., Psychodynamics and the social sciences, в сб.: Culture and personality, ed. by S. S. Sargent and M. W. Smith, N. Y., 1949; Sullivan H. S., Tensions interpersonal and international, в сб.: Canttril H. (ed.) Tensions that cause war, Urbana, 1950; е го же, The illusion of personal individuality, «Psychiatry», 1950, v. 13, № 3; е го же, The interpersonal theory of psychiatry, N. Y., [1953].

Лит.: Замоскин Ю. А., Психол. направление в совр. бурж. социологии, М., 1958; Уэллс Р., Фрейдизм и его совр. реформаторы, «ВФ», 1959, № 12, 1961, № 1; Совр. психология в капиталистич. странах, М., 1963; Alexander E., The sociological and biological orientation of psychoanalysis, «Mental hygiene», 1936, v. 20; Adorno T. W., Zum Verhältnis von Psychoanalyse und Gesellschaftstheorie, «Psyche», 1952, Jg 6, H. 1; Mullahy P., Oedipus: myth and complex, N. Y., 1955; Munroe R., Schools of psychoanalytic thought, [N. Y., 1955]; Marcuse H., Kritik des Neo-Freudianischen Revisionismus, «Psyche», 1957, Jg 11, H. 8; Hall C. S., Lindzey H., Social psychological theories: Adler, Fromm, Sullivan, Horney, в их кн.: Theories of personality, N. Y., 1957; Weiskopf W., The «socialization» of psychoanalysis in contemporary America, «Psychoanalysis», 1957, v. 4, № 4, v. 5, № 1; Birnbach M., Neo-Freudian social philosophy, Stanford, 1961; Wyss D., Die tiefenpsychologischen Schulen von den Anfängen bis zur Gegenwart, Gött., 1961; Salzmann L., Developments in psychoanalysis, N. Y., [1962]; е го же, Sociopsychological theories in psychoanalysis, «Science and Psychoanalysis», v. 7, N. Y., 1964; Wells H. K., The failure of psychoanalysis. From Freud to Fromm, N. Y., [1963].

НЕПОЛНАЯ ИНДУКЦИЯ (проблематическая, обобщающая, расширяющая индукция) — осн. вид индуктивных умозаключений. Важнейшая особенность Н. и. в том, что заключение в ней всегда содержит большую информацию, чем посылки, именно поэтому ее нередко называют расширяющей индукцией. Поскольку связь между посылками и заключением Н. и. носит вероятностный или проблематич. характер, в совр. логике ее часто называют проблематич. индукцией. Посылки Н. и., являющиеся единичными суждениями и содержащие информацию о нек-рых исследованных предметах к.-л. области, в той или иной степени (с той или иной вероятностью) подтверждают заключение, являющееся общим суждением 1) либо о всех предметах области, 2) либо лишь о нек-рых (неисследованных) ее предметах. В случае (1) Н. и. наз. общей, или универсальной; в случае (2) — частной, а также традукцией, или предсказанием. Н. и. может быть охарактеризована также как рассуждение, посредством к-рого из истинности определ. факта для нек-рых предметов данной области выводится проблематич. заключение об истинности этого же факта для неисследованных предметов области. Эти характеристики Н. и. выделяют разные стороны Н. и., причем первая включает Н. и. в круг идей *вероятностной логики*, а вторая сохраняет ее в пределах классич. индуктивной логики (см. *Логика индуктивная*).

По характеру заключения (универсальной) Н. и. — индуктивного обобщения — можно выделить неск. важнейших ее типов. В простейшем из них обобщение является утверждением о св-вах и имеет вид: $\forall x(A(x) \supset B(x))$ [для всякого предмета x (данной области) верно, что если x обладает свойством A , то он обладает св-вом B]. Часто в науке приходится иметь дело с обобщением, касающимся отношений. В одном из наиболее простых случаев такого рода обобщение можно выразить так: $\forall x \forall y(A(x) \& B(y) \supset B(x, y))$ [для любых предметов x и y верно, что если они имеют св-во A , то между ними имеется отношение B]. В более общем случае Н. и., касающиеся отношений, имеет заключениеем суждение вида: $\forall x_1 \dots \forall x_n(A(x_1, \dots, x_n) \supset B(x_1, \dots, x_n))$ (где A и B — многочленные отношения). Большинство индуктивных обобщений в естеств. науках (в частности, в физике) касается именно таких отношений.

Обычно Н. и. противопоставляют *полной* индукции. Под последней имеют в виду такое обобщающее рассуждение, в к-ром заключение обо всех предметах нек-рого класса делается на основании соответств. сведений о каждом предмете данного класса.

(От полной индукции в указанном смысле следует отличать т. н. полную *математическую индукцию*.) Хотя И. и., в отличие от полной, не является доказательной в смысле формальной логики, однако именно И. и. лежит у истоков наших знаний законов природы.

Важнейшим вопросом, относящимся к логико-гносеологич. анализу И. и., является вопрос о рациональном отборе посылок индукции и повышении (или оценке) вероятности ее заключения. Самая «крайняя» форма И. и. — *популярная индукция* — не предполагает анализа того, насколько существенным для рассматриваемых в посылах индукции предметов является изучаемое св-во, и не содержит никаких методов контроля ее правильности. В более сложных случаях И. и. включает различной сложности методы анализа существенности исследуемых св-в (или отношений) для рассматриваемых в индукции предметов, а также методы контроля правильности самой индукции. Последние могут носить и индуктивный перечислительный характер (в частности, перечислительный момент существует, напр., в баконовско-миллевской индукции), но обычно выходят за пределы самой индукции (напр., в качестве таких методов могут привлекаться разл. методы *аналогии*). Умозаключения индуктивного вида (индуктивные методы), применяемые в естеств. науках, сильно различаются в зависимости от соотношения в них дедуктивных (формальнологических) и эмпирических (экспериментальных) факторов. Вообще И. и. может быть представлена как соединение чисто перечислительного и элиминативного моментов. Каждый из этих моментов является лишь удобной абстракцией для описания действительного индуктивного процесса. Поэтому вряд ли следует признавать перспективными попытки ряда логиков свести индукцию в целом к к.-л. одной из этих крайних форм. Так, классич. индукция характеризовалась преимуществ. интересом к элиминативному моменту, в дальнейшем индуктивная логика обращается к анализу чисто перечислительной индукции. Однако односторонность того и др. подходов обнаруживается уже в ходе последовательного развития каждого из них. Совр. исследования по И. и. характерны стремлением к формализации умозаключений этого вида с целью и обнаружения их сложного характера и выявления соотношения в них различных — эмпирических, дедуктивных, вероятностных и др. — составляющих. Наиболее удобным языком для такой формализации является язык вероятностной логики; предпринимаются также попытки применения в качестве такого языка средств *предикатов исчисления*, дополненного нек-рыми спец. вида *кванторами*. В этой связи см. также ст. *Логика индуктивная*, раздел Современная логика индуктивная.

Лит.: Милль Д. С., Система логики силлогистической и индуктивной, пер. с англ., 2 изд., М., 1914, гл. 1, 2, 8; Бэкон Ф., Новый Органон, Л.—М., 1938; Горский Д. П., Логика, 2 изд., М., 1963, гл. 9; Reichenbach H., The theory of probability, Los Ang., 1949; Keynes W., Probability and induction, Oxf., 1949, pt. 2, § 11—14; Carnap R., Logical foundations of probability, Chi., 1950; его же, The continuum of inductive methods, Chi., 1952; Keynes J. M., Treatise on probability, N. Y., 1952; Nagrod R. F., Foundations of inductive logic, L., 1956; Salmon W. C., Should we attempt to justify induction?, «Philos. Studies», 1957, v. 8, № 3, p. 33; Wright G. H., The logical problem of induction, Oxf., 1957; Barker S. F., Induction and hypothesis, N. Y., 1957; Martin R. M., A formalization of inductive logic, «J. Symbolic Logic», 1958, v. 23, № 3, p. 251—56; Hempel C. G., Inductive inconsistencies, «Synthese», 1960, v. 12, № 4, p. 439—69; Rescher N., Non-deductive rules of inference and problems in the analysis of inductive reasoning, там же, 1961, v. 13, № 3, p. 242—51; Feigl H., On the vindication of induction, «Philos. Sciences», 1961, v. 28, № 2, p. 212—16.

В. Пятницын, Г. Рузавин. Москва.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ — термин, обозначающий знание, получаемое путем прямого усмотрения, без обоснования с помощью доказательств. Н. з. иначе наз. интуитивным, или *интуицией*. В исто-

рии философии выдвигались две концепции Н. з.: 1) чувств. Н. з., или созерцания посредством чувств, и 2) интеллектуального Н. з., или созерцания посредством ума. Представителями первой концепции в антич. философии были *Левкипп*, *Демокрит*, *Эпикур*, а в новое время — *Фейербах*, к-рый в полемике против учения *Гегеля* об опосредствованном характере всякого знания утверждал, что истинно «... только то, ... что непосредственно достоверно через само себя...»; но «... безоговорочно несомненное, ясное, как солнце... только чувственное», а потому тайна Н. з. «сосредоточена в чувственности» («Осн. положения философии будущего», см. Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 187). Однако Фейербах предостерегал против абсолютизации чувств. непосредственности познания и отрыва мышления от чувственности.

Вторая концепция Н. з. также зародилась в древнегреческой философии и носила стихийно-диалектич. характер. Так, *Платон* разъяснял, что созерцание идей — прообразов вещей чувств. мира — есть род Н. з., к-рое приходит как внезапное озарение. Необходимым условием такого созерцания должна быть, по Платону, длит. подготовка ума. Т. о., непосредств. созерцание оказывается одновременно и опосредствованным. О том же единстве учил и *Аристотель*. «Мы же, напротив, утверждаем, — писал Аристотель, — что не всякая наука есть доказывающая наука, но что знание непосредственных (начал) недоказуемо» («Вторая Аналитика», I, 3, 72 в 18—20; рус. пер. [Л.], 1952). Исходные непосредственные и общие начала знания открываются в особых актах усмотрения, или интеллектуальной интуиции. Но т. к., по Аристотелю, общее не отделимо от единичного, то само усмотрение общего в единичном Аристотель истолковал как итог процесса познания, отправляющегося от единичных фактов, к-рый он назвал *индукцией*. Т. к. непосредств. начала доказательства не выводятся из др. истин, а открываются умом, то индукция есть уже не форма умозаключения, а метод исследования.

В европ. ср.-век. философии понятие Н. з. разрабатывалось в обеих гл. ветвях церк. философии — *схоластике* и *мистике*, в применении не только к вопросам теории познания в собств. смысле, но также в применении к вопросам т. н. религ. постижения. Эта трактовка Н. з. осуществлялась под влиянием *неоплатонизма* Августина и представителей *византийской философии*.

В философии 17 в. определились две концепции Н. з. В первой, рационалистической (*Декарт*, *Лейбниц*, *Мальбранш*, а также материалист *Спиноза*) непосредственность аксиом характеризовалась не только как их недоказуемость, но вместе с тем и как их безусловная очевидность. Рационалистич. теории Н. з. нового времени страдают отсутствием диалектики: в них исчезает понимание единства непосредственного и опосредствованного знания; Н. з. резко противопоставляется опосредствованному; носителем Н. з. провозглашается ум (интеллект), к-рый решительно противопоставляется чувственности — как в форме ощущения, так и в форме образов «имагинаций» (воображения). Чувств. знание характеризуется как неспособное стать источником важнейших признаков достоверного знания — его безусловной необходимости и такой же безусловной всеобщности. Но и в сфере интеллектуального познания Н. з. ставится выше опосредствованного — как прямое усмотрение истины. В теории знания рационалистов 17 в. понятие Н. з. играло огромную роль, в частности в их теории *дедукции*. По Декарту переход дедукции от каждого ее звена к последующему должен обладать непосредств. очевидностью интуиции (см. «Правила для руководства ума», правило XI, в кн.: Избр. произв., [М.], 1950, с. 112—114). С этой т. зр. дедукцию, утверждал он, «...надле-

жит рассматривать как интуицию, когда она проста и очевидна...» (там же, с. 118).

Вторая концепция (к-рую разрабатывали представители материализма и *сенсуализма* — *Бэкон, Гоббс, Локк*), рассматривая ощущения как начало всякого познания не считало чувств. элементы знания «интуициями», учитывая специфич. разнообразие ощущений. Локк, сохраняя термин «интуиция», применял его не к образам вещей, возникающим из ощущений, а к познанию нек-рых отношений между «идеями», т. е. отношений между образами или представителями вещей. Локк называл интуитивным познание отношений, если отношение между двумя идеями усматривается с непосредств. очевидностью. Это понимание уже не было рационалистическим в смысле Декарта, Спинозы, Лейбница, — но в нем не заключалось еще реакции против рационализма.

В 18 в. часть бурж. философов, тяготевших к религии, отшатнулась от рационалистич. теории познания. Эти философы использовали слабые стороны *рационализма* — одностороннюю и преувеличенную рассудочность, неспособность удовлетворить запросы чувства, непонимание диалектики — для принципиальной критики рациональных методов познания. На месте понятия об интеллектуальном Н. з., они поставили понятие «интуиция чувства» и даже «интуиция веры». Таковы учения — во Франции — Ж. Руссо, в Голландии — Хемстерхейс, в Германии — Гаман и Якоби. Понятие чувства становится у этих философов двусмысленным. В одних случаях под ним понимают, как и в философии 17 в., ощущения внешних чувств, в других — эмоции, движения, внутр. чувства. Изменяется понятие и об объекте Н. з., и об органе этого познания. Уже отчасти Руссо, а в еще большей степени Гаман и Якоби объектом Н. з. — чувства или веры — провозглашают не столько реально существующие предметы внешнего мира, сколько бога. Одновременно развивается критика рассудочности, но и рассудка, как такового. Н. з., как интуиция чувства, противопоставляется понятиям ума, постижение «сердца» — доказательством, выводом и интуициям рассудка, в учение о Н. з. проникает струя мистики. Взгляды Гамана и Якоби, использовавших учение *Николая Кузанского* и *Бруно* о совпадении противоположностей в абс. бытии, означали нек-рый успех диалектики. И все же ни Гаман, ни Якоби не смогли применить диалектику к самой проблеме Н. з. Особенно для Якоби характерно противопоставление Н. з. знанию опосредствованному, значение к-рого он приписывал не только за то, что считал его неспособным постичь безусловное бытие, удостоверить реальность внешнего мира, но и за то, что оно ведет к натурализму и атеизму.

В системах *Фихте* и особенно Гегеля проблема Н. з. ставится как проблема диалектики: действит. познание рассматривается как единство противоположностей опосредствованного и Н. з., а непосредств. усмотрение или осознание истины понимается лишь как результат, к-рому предшествует опосредствование. Подчеркивая противоположность своих взглядов взглядам Якоби, романтики (см. *Романтизм*) и в известной мере даже *Шеллинг*, критиковали рассудочные понятия не только за то, что они не были диалектическими, но также и за то, что они были понятиями, т. к., согласно их убеждению, не понятие, а только непосредств. чувство (Якоби) или интеллектуальная интуиция (Ф. Шлегель, Шеллинг) могут быть формой адекватного познания. Гегель высоко ценит понятия, как логич. форму науч. познания. Там, где мышление достигает познания необходимости, непосредственность оказывается, по Гегелю, уже недостаточной: созерцание есть только начало познания, и всякое познание предполагает в качестве

необходимого условия размышления (см. *Werke*, Bd 15, Tl 2, В., 1845, S. 320—21). Но Н. з. — не только лишь начало, то, что на известной ступени знания представляется сознанию в качестве непосредственно очевидной истины, само есть на самом деле результат предшествующего долгого опосредствования. При этом опосредствование Гегель понимал в нек-рых своих высказываниях достаточно широко: это ряд практич. действий, событий, изобретений и т. д., необходимых для того, чтобы известное восприятие или постижение представлялось сознанию как непосредственное (см. там же, Bd 15, В., 1836, S. 549). Однако диалектика опосредствованного и Н. з., развитая Гегелем, была идеалистической. В подавляющем большинстве случаев под опосредствованием знания Гегель понимал лишь опосредствованность мыслей мыслями же, предшествующими им по обоснованию.

В развитии бурж. философии после Гегеля теория Н. з. утрачивает достижения гегелевской диалектики. Условием Н. з. провозглашается свобода сознания от влущений практики и практич. интереса, а само Н. з. резко противопоставляется опосредствованному. И если у *Шопенгауэра* и у Шеллинга Н. з. еще наделялось свойствами интеллектуального познания, то у *Бергсона* оно объявляется во всем противоположным последнему. Параллельно с бергсоновским алогич. пониманием Н. з. (интуиции) *Кроче* объявлял Н. з. дологическим и независимым от логически оформленных понятий. Попыткой возвращения к рационалистич. пониманию Н. з. было учение *Гуссерля*, возрождающего в теории «сущностного созерцания» учение Платона об интеллектуальном созерцании «эйдосов», или идей, отрешенных якобы от всего чувственного и эмпирического, неподвижных и самотождественных, чуждых даже той идеалистич. диалектике, в развитии к-рой была сильная сторона философии Платона.

В учении *диалектического материализма* опосредствование знания впервые было принципиально понято как опосредствование мыслей не мыслями, а материальной обществ. практикой человека. В проблеме Н. з., диалектич. материализм различает два вопроса: 1) существует ли Н. з. как факт, 2) если существует, то как его объяснить. На первый вопрос диалектич. материализм дает утвердит. ответ: существуют истины, аксиомы и т. д., к-рые осознаются нами как непосредственно достоверные, «очевидные». При этом как факт познания существует не только чувство, интуиция, но также и интеллектуальная интуиция, непосредственность нек-рых усмотрений ума. Таковы, напр., по Ленину фигуры логики, имеющие «...прочность пред-рассудка, аксиоматический характер...» (Соч., т. 38, с. 209).

Отвечая на второй вопрос, диалектич. материализм вскрывает осн. порок всех теорий Н. з. — статичность взгляда на знание как на неподвижное созерцание, открывающееся либо чувственности, либо уму в качестве только непосредственно-данного. Диалектич. материализм включает в самое логику жизнь, процесс проверки мышления практикой. Подход к этой мысли в рамках идеализма Ленин находил и одобрял в «Науке логики» Гегеля (см. там же, с. 193). Но, в противоположность Гегелю, Ленин «процесс познания, включающий и р а к т и к у человека и т е х н и к у...» (там же, с. 192) ставил на второе место после «жизни». Этим пониманием познания предопределяется и решение вопроса об отношении Н. з. к знанию опосредствованному, принципиальное решение к-рого дал Энгельс. Самоочевидность аксиом, отметил Энгельс, мнимая. Она «...у н а с л е д о в а н а нами. Они доказуемы диалектически, поскольку они не чистые тавтологии» («Диалектика природы», 1964, с. 223). Т. к. познание есть процесс, в к-ром каждое звено обусловлено и опосредовано предшествующими ему звеньями, то

для знания, взятого в целом, характерна не непосредственность, а именно опосредствование. Отражение человеком природы, пояснял Ленин, «...не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...» (там же, с. 173). Именно как познание, процесс, подход ума человека к отдельной вещи «...не есть простой, непосредственный зеркально-мертвый акт...» (там же, с. 370). В свете этих положений материалистич. диалектики признание факта существовавшего Н. з. подвергается важным ограничениям.

Первое из них состоит в указании на то, что непосредственным может быть лишь начало познания, лишь ощущение, в котором — при редукции познания в прошлое — марксистская диалектика видит источник всякого возможного знания: «Понятие не есть нечто непосредственное... — непосредственно только ощущение „красного“ („это — красное“) и т. п.» (там же, с. 276). Как заслуживающее особого внимания Ленин отмечал утверждение Гегеля, по которому «нет... ничего, что не содержало бы вместе с непосредственностью и опосредствования...» (там же, с. 91). Утверждение это справедливо прежде всего относительно бытия, но не менее и в отношении познания. Гл. содержание логики — переходы, т. е. опосредствование понятий, а не фиксирование неподвижных непосредств. созерцаний, или интуиций. Эти переходы раскрываются в логике, не как имманентное сознанию движение одних лишь мыслей, а «...как отражения объективного мира» (там же, с. 188). Важный вид или форма опосредствованного познания — *доказательство*, следующее своеобразию форм и связей бытия.

Второе ограничение понятия Н. з. состоит в том, что «непосредственность» знания утрачивает безусловный характер: к истинам, к-рые в наст. время осознаются как «непосредственные», как «самоочевидные», знание пришло и приходит в результате долгого опосредствования их материальной общеизвестной практикой. Т. о. диалектич. материализм лишил понятие Н. з. каких бы то ни было признаков мистики, совок с него покров сверхчувственного, каким оно облекалось в идеалистич. системах, развил его на основе диалектики.

См. также ст. *Интуитивизм, Интуиционизм, Интуиция, Иррационализм* и лит. при этих статьях.

Лит.: Асмус В. Ф., Проблема интуиции в философии и математике, М., 1963; Bergson H., Essai sur les données immédiates de la conscience, P., 1889; Vialatoux J., Le discours et l'intuition, Leçons philosophiques..., P., 1930. В. Асмус. Москва.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ (в традиционной логике) — умозаключение из одной *посылки*. У Аристотеля — вывод из аксиом или из посылки, «к-рой не предшествует никакая другая». Название «Н. у.» восходит к греч. *πρότασις ἀμεσος*, что значит «неопосредствованная посылка» (см. Аристотель, Вторая аналитика I, 2, 72a 7; рус. пер., [Л.], 1952). Н. у. рассматривались Аристотелем в связи с обоснованием правил *обращения* осн. форм предложений его *силлогистики*, соответствующих принятым в ней четырем логич. константам (см. *Древнегреческая логика*). Особым вниманием Н. у. пользовались у ср.-век. философов, занимавшихся логико-грамматич. анализом места *отрицания* в предложении и, — в связи с этим, — вопросом об эквивалентном выражении одного и того же суждения в положительной и отрицательной формах (см. *Контрапозиции закон, Превращение, Противопоставление*). В группу Н. у. ими включались также умозаключения по *логическому квадрату* и *ограничение третьего понятия*. На языке символич. логики, традиц. теорию Н. у. можно охарактеризовать, напр., как теорию, состоящую из правил, определяющих, при каких допустимых (в ней) преобразованиях формы предложения *A* в форму предложения *B* (*A* и *B*

оба имеют определенную в традиц. силлогистике субъектно-предикатную структуру) предложения формы *импликации*: $A \supset B$; эквиваленции: $A \equiv B$; *дизъюнкции*: $A \vee B$; несовместности (не-конъюнкции): $A \wedge B$; альтернативы (не-эквиваленции): $A \neq B$ будут законами логики (см. *Логическая истинность, Мышления законы*). При этом речь идет о законах с классич. традиц. т. зр., т. е. о таких, к-рые рассматриваются относительно условий формальной истинности лежащих, напр., в основе формулировки правил логич. квадрата, а также нек-рых др. условий (см. Т. Котарбинский, Избр. произв., М., 1963, с. 696—99). Между тем это не всегда явно признавалось в традиц. теории Н. у. Нередко правила Н. у. обосновывались ссылкой на некую содержательную очевидность, а учение о Н. у. сводилось к учению о т. н. скрытом смысле суждений.

Для совр. *логических исчислений* традиц. понимание Н. у. в значит. мере потеряло смысл ввиду существ. изменения самого понятия о выводе, а также в связи с установлением общих свойств отношения выводимости, согласно к-рым вывод из одной посылки можно рассматривать как вывод из большего их числа, а вывод из неск. посылок — заменить выводом из одной, являющейся их конъюнкцией (см. *Вывод* в матем. логике). В совр. логич. исчислениях непосредственными естественно считать также умозаключения, в к-рых посылки и заключения связаны отношением непосредственного следования, т. е. однократным применением соответствующего правила вывода. Поскольку правила вывода могут быть различны для различных логич. исчислений, совр. логика подводит нас к важному в филос. отношении вопросу об *относительности* и деления умозаключений на непосредственные и опосредствованные.

Тем не менее, традиц. теория Н. у. продолжает привлекать внимание логиков. Существуют совр. трактовки этой теории, к-рые показывают, что правила Н. у. могут быть обобщены, представлены в виде *тавтологий* нек-рым образом расширенной *двузначной логики высказываний*, а сама теория Н. у. развита в форме *исчисления*, основывающегося на этой логике (См. Greniewski H., Próba «odmłodzenia» kwadratu logicznego, «Studia Logica», 1953, t. 1; Kamiński S., Tradycyjna teoria wnioskowania bezpośredniego jako pewien fragment dwuwartościowego rachunku zdań, там же, 1961, t. 11). Т. о., традиц. теория Н. у. получила определ. обоснование в *математической логике*.

Лит.: Зигварт Х., Логика, т. 1, СПб, 1908, § 52; Милль Д. Ж. Ст., Система логики силлогистической и индуктивной, 2 изд., М., 1914; Введенский А. И., Логика как часть теории познания, 3 изд., М.—П., 1917; Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947; Бакрадзе К. С., Логика, Тб., 1951; Таванец П. В., Вопросы теории суждения, М., 1955, гл. 4; Горский Д. П., Логика, М., 1958; Калбертсон Дж., Математика и логика цифровых устройств, пер. с англ., М., 1965, гл. 5, § 3.

М. Новоселов. Москва.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ — определение, посредством к-рого создается, или вводится в рассмотрение предмет, являющийся одним из значущего неопределенного имени («переменной»), участвующего в определяющем выражении. Некорректность Н. о. состоит в том, что предмет, вводимый посредством такого определения, своим появлением может изменить смысл определяющего выражения, а тем самым и самого определяемого предмета. В тех случаях, когда эта возможность не реализуется (что бывает, если все вхождения упомянутого неопредел. имени несущественны, т. е. устранимы логич. средствами), этой некорректностью можно пренебречь, — но в таких случаях не возникает и проблемы Н. о. Если же хоть одно вхождение этого неопредел. имени неустранимо, то создаваемый определением объект

сам участвует в своем определении в качестве одного из значений смысла этого имени — и определение порочно, поскольку оно не дает редукции определяемого объекта к ранее известным объектам и понятиям. С т. зр. теории определений, эти порочные Н. о. следует считать столь же недопустимыми, как и *круги в доказательствах*. Впервые на Н. о. в матем. анализе указал Пуанкаре. Он же ввел и сам термин «Н. о.». Наиболее известные примеры Н. о. встречаются при «наивных» классич. попытках обоснования аксиоматич. теории множеств. Напр., доказательство существования объединения («теоретико-множеств. суммы») произвольного множества множеств является непередикативным (так как при этом определяется множество и слово «множество» входит, и притом дважды, в определяющее выражение). В целях избежания связанных с этим трудностей были предложены различные средства (модификации наивной теории множеств), в частности *типов теория* Рассела. Однако и в этом случае определение объединения множества множеств оказывается непередикативным, так как объединение может (и даже должно) принадлежать тому же типу, что и объединяемые множества. Между тем при теоретико-множественном обосновании математического анализа одна из важнейших теорем теории пределов, — а именно, теорема Вейерштрасса о существовании предела у огранич. последовательности действит. чисел — оказывается основанной именно на этом Н. о. (ибо этот предел определяется обычно через объединение тех множеств, с которыми отождествляются элементы рассматриваемой последовательности). Непередикативным оказывается также идущее от Г. Фреге теоретико-множеств. определение понятия натурального числа.

Если определяемый объект существует независимо от рассматриваемого определения, то последнее не следует считать Н. о. Напр., определение нуля как наименьшего натурального числа не является непередикативным. Но при определении очень больших натуральных чисел, напр. 10^{12} , имеется опасность употребления (в скрытом виде) определяемого понятия в определяющем выражении (через оборот «триллион шагов» или «конечное число шагов»; слово «триллион» следует считать неопредел. именем до тех пор, пока определение этого объекта не будет закончено, а его единственность — доказана). В таком случае определение этих чисел следует считать Н. о.

Один из осн. приемов избавления от Н. о. состоит в том, что предмет, вводимый посредством Н. о., существенно отличается от всех значений, подразумеваемых неопредел. именами из определяющего выражения. При построении математики на теоретико-множеств. основе этот прием приводит к ограничению теории множеств возможностями *разветвления* и *оги* теории типов. В результате, напр., каждое действит. число получает нек-рый тип; предел огранич. последовательности действит. чисел хотя и существует (коль скоро сама последовательность допускает имя, к-рому можно приписать тип, — в противном случае о ней просто нельзя говорить), но имеет более высокий тип, чем элементы этой последовательности, а о множестве всех действит. чисел просто нельзя говорить, ибо ему нельзя приписать никакого типа. Впрочем, Хао Вану удалась остроумная попытка построения матем. анализа без теоретико-множеств. Н. о., но с сохранением теоремы Вейерштрасса. В наст. время разрабатываются и др. методы обоснования теории множеств, свободные от Н. о.

За пределами математики Н. о. особенно легко могут возникнуть в этике, гносеологии и семантике, так как мн. понятия, встречающиеся в этих науках, без определенной не имели бы никакого смысла, а круги в определениях этих наук — не редкость. Ко-

нечно, и в этих науках следует тщательно избегать Н. о., считая бессмысленными и бездоказательными основанные на них рассуждения. Часто оказывается, что Н. о. можно преодолеть, так как в определяющих выражениях встречаются лишь частные случаи тех понятий, к-рые ими вводятся, так что нек-рая редукция посредством Н. о. все же достигается. В таких случаях, как заметил впервые П. Бар-Хиллел, иногда удается заменить Н. о. определениями того же типа, что и рекурсивные. О Н. о. см. также ст. *Множественность*.
А. С. Москва.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ — см. *Прерывность и непрерывность*.

НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ — свойство дедуктивной (в частности, формальной) теории, содержащей понятие (символ) *отрицания*, состоящее в том, что в ней не доказуемо никакое противоречивое предложение (формула; в дальнейшем под «предложением» будет пониматься как высказывание, выражающее суждение, так и формулы *исчислений*), т. е. предложение вида $A \& \neg A$ (« A и не- A »), или (что то же самое) в ней нельзя доказать двух теорем, одна из к-рых является отрицанием другой (термин «Н.» относят иногда и к недедуктивным теориям — в таком же смысле, по с заменой понятия «доказуемость» на к.-л. др. подходящее к рассматриваемому случаю понятие; аналогичным образом говорят о Н. концепций, точек зрения и т. п., подразумеваемая под этим отсутствие — или невозможность — противоречия). Наличие (или возможность) противоречия (противоречивость) дедуктивной теории, построенной в соответствии с логикой, включающей принцип $A \& \neg A \supset B$ («из противоречия следует любое утверждение») и правило *modus ponens*: $A, A \supset B \vdash B$, означало бы, что любое предложение, сформулированное на языке этой теории, доказуемо (т. е. является ее *теоремой*). Подавляющее большинство дедуктивных теорий строится на основе классич. логики или интуиционистской логики (см. *Логика высказываний, Интуиционизм*), включающих указ. принцип, так что для таких теорий наличие недоказуемого предложения может быть принято за определение Н. В этом случае становится более отчетливым значение понятия Н. — теория, в к-рой доказуемо любое утверждение, не представляет никакого практич. интереса, поскольку доказуемость есть в нек-ром смысле реализация (более или менее приближительная) интуитивных, содержательных представлений об истинности. Если логика рассматриваемой дедуктивной теории не содержит принципа $A \& \neg A \supset B$, но включает все принципы *минимальной логики*, то, поскольку в последней содержится (доказуем) принцип $A \& \neg A \supset \neg B$ («из противоречия следует отрицание любого утверждения»), противоречивость такой теории делает ее по существу столь же бессодержательной, как и в классич. и интуиционистском случаях, т. к. всякое ее предложение оказывается опровержимым. Если, наконец, рассматривать еще более ограниченные дедуктивные теории, основанные на не содержащей отрицания *положительной логике*, то для них первые два из данных выше определений Н. теряют смысл, но третье (существование недоказуемого предложения) сохраняет силу и также является необходимым условием их (теорий) «осмысленности» (понимаемой как соответствие к.-л. «содержательной ситуации», не всякое утверждение о к-рой является истинным). Н. дедуктивной теории есть достаточное условие того, чтобы она могла представлять «практический» (в том или ином смысле) интерес: Н. означает логическую возможность существования ситуации, описываемой этой теорией. Поскольку описываемая теорией «ситуация» лежит вне самой теории, упоминавшееся до сих

пор понятие внутренней (или синтаксической, или логической) H оказывается тесно связанным с н. внешней (или семантической) H , заключающейся в том, что в теории не доказуемо никакое предложение, противоречащее фактам той (реальной или воображаемой) «действительности», к-рая отображается этой теорией (роль «действительности» при этом может играть к.-л. др. дедуктивная теория, и тогда внешнюю H можно понимать как H относительно этой теории — как относительную H). Конечно, понятия внутренней и внешней H не совпадают — хотя бы потому, что верное в «действительности» предложение вовсе не обязательно должно быть доказуемо в рассматриваемой теории (см. Полнота). В то же время понятия эти тесно связаны: согласно теоремам Гёделя о полноте предикатов исчисления и теоремам Лёвенгейма — Сколема о существовании счетной модели, каждая непротиворечивая дедуктивная теория (основанная на классич. исчислении предикатов) выполнима в области натуральных чисел (т. е. имеет в этой области интерпретацию, или модель). Т. о., изнутри H достаточно широкого класса теорий вытекают их внешняя H (интерпретируемость, или, как иногда говорят, реализуемость). Метод интерпретаций (моделей), построенных средствами к.-л. др. теории, H к-рой в силу к.-л. соображений предполагалась известной (или фигурировала в качестве гипотезы для условного утверждения), долгое время был единств. способом доказательства H .

Обнаружение парадоксов (антиномий) теории множеств (средствами к-рой, в конечном счете, строились все модели в доказательствах относительной H) обусловило потребность в новых, принципиально отличных от метода интерпретаций, методах доказательства «абсолютной» (внутренней) H , к-рые сами являлись бы в известном смысле абсолютными. Именно в порядке удовлетворения этой потребности возникла новая логико-матем. дисциплина, названная метаматематикой (о к-рой подробнее см. Метатеория, Метод аксиоматического). (Проблема доказательства H встала и по отношению к логическим исчислениям, играющим осн. роль в предположенной Расселом и Уайтхедом логистич. программе обоснования математики — см. Логицизм, Типы теория.) Однако, как показал К. Гёдель (1931), для достаточно богатых (содержащих арифметику и, тем более, теорию множеств) дедуктивных теорий, использующих лишь «финитные» (т. е. состоящие из конечного числа шагов — ср. Бесконечная индукция) правила вывода, их H непременно влечет за собой их неполноту. Из этой т. н. 1-й теоремы Гёделя получается важное следствие (2-я теорема Гёделя), согласно к-рому H такого рода теорий может быть доказана лишь средствами, не отображаемыми в самих этих теориях; для таких теорий разрешения проблемы также оказывается неразрешимой (о гносеологич. значении результатов Гёделя см. Метатеория). Впрочем, и после результатов Гёделя сохранили свое значение доказательства относительной H , важными примерами к-рых являются результаты Гёделя о H (совместимости) аксиомы выбора и обобщенной континуум-гипотезы (1940) и П. С. Новикова (1943, 1951), а также тесно связанная с H проблема независимости аксиоматических теорий и отдельных аксиом.

Интуиционисты и представители конструктивного направления в математике и логике, в отличие от последователей концепции Гильберта (и логистов), придают H гораздо меньшее значение, не считая ее, прежде всего, достаточным основанием для признания осмысленности дедуктивной теории. (Это, впрочем, не помешало им получить ряд интересных

и глубоких результатов о взаимной относительной H интуиционистских и классич. теорий — ср. Интуиционизм.) Вообще для исследований последних лет в области оснований математики характерно перенесение внимания с проблем H на др. вопросы, в частности связанные с семантикой логико-матем. исчисления. Все отчетливее проявляется тенденция к ревизии устоявшихся представлений о H (по крайней мере в рассматриваемых до сих пор смысле этого понятия) как необходимым атрибуте любой матем. теории. Так, в рамках развиваемой сов. математиком А. С. Есениным-Вольпиным т. н. ультраинтуиционистской концепции, в ходе осуществления к-рой ему удалось получить (выходящее за рамки арифметизируемых теорий и не подверженное потому возражениям, связанным с результатами Гёделя) обоснование (H) нек-рых систем теории множеств, проводится мысль об относительности понятия H и др. понятий традиц. математики и метаматематики и о возможности плодотворного использования для матем. нужд теорий, противоречивых в традиц. смысле, но с т. зр. указ. концепции содержащих лишь «кажущиеся» (не осуществимые допускаемыми этой концепцией методами) противоречия. Осн. роль в этих рассуждениях играют: отказ от характерного для всей традиц. математики (включая интуиционистскую и конструктивную) абс. признания абстракции потенциальной осуществимости и даже абстракции отождествления, допущение о существовании различных неизоморфных между собой натуральных рядов (противоречащее общепринятым представлениям лишь постольку, поскольку последние исходят из молчаливого допущения о категоричности системы аксиом натурального ряда, т. е. об изоморфизме натуральных рядов), отказ (в связи со сказанным) от абс. признания принципа математической индукции, с одной стороны, и пользование (в метатеории) бесконечной индукцией — с другой, и т. п. Все эти идеи существ. образом связаны с анализом и пересмотром вопросов, относящихся к модальностям, далеко выходящими за традиц. рамки модальной логики.

В математической логике наряду с H рассматривается также понятие ω -непротиворечивости (ω - H). Теория, содержащая арифметику, наз. ω -противоречивой, если для нек-рого свойства P натуральных чисел в этой теории доказуемо каждое из предложений $P(0), P(1), \dots, P(n)$ [т. е. «0 обладает свойством P », «1 обладает свойством P », ..., « n (для любого n) обладает свойством P »...], и, кроме того, доказуемо предложение $\forall n P(n)$ [«не все n обладают свойством P »], что в классич. исчислении предикатов эквивалентно $\exists n \neg P(n)$ — «существует n , не обладающее свойством P ». ω -противоречивость теории не обязательно влечет ее противоречивость; примером ω -противоречивой, но непротиворечивой теории может служить любая непротиворечивая, включающая арифметику, теория, не содержащая символа P , расширенная затем за счет введения этого символа и счетного множества теорем $\forall n P(n), P(0), P(1), \dots$. Первый пример такой теории был указан А. Тарским. ω - H была одним из предположений в первонач. доказательстве 1-й теоремы Гёделя [амер. математику Дж. Б. Россеру (1936) удалось усилить теорему Гёделя, заменив в ней условие ω - H на более слабое условие H].

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957 (имеется библи.); Гёдель К., Совместимость аксиомы выбора и обобщенной континуум-гипотезы с аксиомами теории множеств, пер. с англ., «Успехи матем. наук», 1948, т. 3, вып. 1 (23); Novikoff P. S., On the consistency of certain logical calculus, «Матем. сборник», 1943, т. 12 (54), № 2; ег о ж е, О непротиворечивости некоторых положений дескриптивной теории множеств, «Тр. Матем. ин-та АН СССР», 1951, т. 38; Gentzen G., Die Widerspruch-

sfreiheit der reinen Zahlentheorie. «Mathematische Annalen», 1936, Bd 112, H. 4; его же, Beweisbarkeit und Unbeweisbarkeit von Anfangsfällen der transfiniten Induktion in der reinen Zahlentheorie, там же, 1943, Bd 119, H. 1; Hilbert D. und Bernays P., Grundlagen der Mathematik, Bd 1—2, В., 1934—39; Gödel K., Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter System 1, «Monatsh. Math. und Physik», 1931, Bd 38.

НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА ЗАКОН — один из имманентных законов капиталистич. общественно-экономич. формации. На монополистич. стадии капитализма приобретает особо важное значение в развитии Лениным теории социалистич. революции, стратегии и тактики революционной борьбы пролетариата за социализм. Господство частной собственности на средства производства, анархия произ-ва и погоня капиталистов за прибылью обуславливают неравномерность развития капиталистич. экономики — отд. предприятий, отраслей нар. хозяйства, целых стран. Эта неравномерность присуща капитализму с самого его возникновения; она рассматривается Марксом в «Капитале» и Лениным в «Развитии капитализма в России» при исследовании домонополистической стадии капитализма.

Неравномерность развития капитализма крайне обострилась в результате смены домонополистич. капитализма монополистическим. При господстве свободной конкуренции капитализм в целом развивался сравнительно плавно, в результате чего одни страны могли догонять другие без скачков, на протяжении длит. периода времени. Господство монополий придало конкурентной борьбе ранее небывалый, разрушит. характер, при к-ром гибнут сотни и тысячи мелких и крупных предприятий. Мощными факторами обострения неравномерности развития являются научно-технический прогресс, отделение капитала-функции от капитала-собственности, гигантский рост фиктивного капитала, процессы концентрации производства и капитала, в особенности же вывоз капитала. Приток дан в страну, вывозящую капитал, зачастую усиливает в ней черты паразитизма и загнивания. Приток капиталовложений в страны, обладающие необходимыми экономическими и политическими предпосылками для быстрого развития капитализма (США, Япония), способствует ускорению их роста.

Неравномерность развития усиливается благодаря борьбе двух противоположных тенденций: тенденции к быстрому росту произ-ва и тенденции к загниванию. Порождаемая монополиями экономич. возможность задержки технич. прогресса приводит к застою и отставанию ряда старых отраслей пром-сти. Новые отрасли, свободные от тормозящего груза старых капиталовложений, быстро вырываются вперед, используя преимущества новой техники. В этих условиях технич. прогресс открывает перед нек-рыми странами, позднее других вступившими на путь индустриального развития, возможность при благоприятно сложившихся конкретно-историч. условиях догнать и опередить своих ушедших вперед соперников, перепрыгивая через ряд ступеней технич. развития, к-рые отняли у более старых стран целые десятилетия. В результате с небывалой быстротой меняется соотношение сил между странами, происходит непрерывная смена мест отд. стран на пром. карте мира.

На монополистич. стадии капитализма завершён территориальный раздел мира и происходит ожесточенная борьба за его передел. В истории. обстановке безраздельного господства империализма во всем мире эта борьба выливалась в форму империалистич. войн. 1-я и 2-я мировые войны, в свою очередь, привели к дальнейшему обострению неравномерности развития капиталистич. стран. В итоге 1-й мировой

войны резко изменилось соотношение сил в капиталистич. мире. США продвинулись далеко вперед в экономич. отношении по сравнению со странами Европы. Значительно ослабли не только потерпевшая поражение Германия, но и Англия, а также Франция. В дальнейшем герм. империализм вновь вышел на арену борьбы за мировое господство и развязал 2-ю мировую войну. В результате 2-й мировой войны преобладающая роль США в капиталистич. части мира еще более усилилась. В последующий период темпы экономич. роста США замедлились, а страны Зап. Европы и Японии развивались значительно быстрее, что привело к сдвигам в соотношении сил между США и др. капиталистич. державами. Однако в последние годы темпы экономич. роста США возросли, в то время как в Зап. Европе и Японии они резко снизились. С неравномерностью экономич. развития капиталистич. стран в эпоху империализма тесно связана неравномерность их политич. развития. При общей для всех капиталистич. стран в период империализма тенденции к господству реакции соотношение классовых сил и обстановка для борьбы рабочего класса складываются в различных странах по-разному. Не одинаково развиваются в отд. странах политич. сознательность, организованность и революционность пролетариата, его отношения с ост. массами крестьянства и др. слоями. Это обуславливает разновременность вызревания политич. предпосылок социалистич. революции. Ленин отмечал, что «пролетарская революция растет во всех странах неравномерно, так как все страны стоят в разных условиях политической жизни, и в одной стране слишком ослаблен пролетариат, а в другой — он сильнее. Если в одной стране верхушечная группа пролетариата слаба, то в других странах бывает так, что на время буржуазии удается расколоть рабочих, как это случилось в Англии и Франции, — вот почему пролетарская революция развивается неравномерно» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 117).

В разных странах происходит и неравномерное высвобождение рабочего класса из-под влияния бурж. идеологии, и рост политической сознательности. Н. р. к. з. в период империализма является основной всемирно-историческим выводом Ленина о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

Из Н. р. к. з. в период империализма Ленин сделал вывод о неизбежности мировых империалистич. войн в условиях полного господства империализма во всем мире. Возникновение социалистич. системы, выступающей оплотом сил мира и непримиримым борцом против империалистич. агрессии в любой форме, превращение социализма в мировую систему и крушение колониальной системы привели к резкому и прогрессирующему изменению соотношения сил между социализмом и империализмом. В документах и решениях XX, XXII и XXIII съездов КПСС, на совещаниях представителей коммунистич. и рабочих партий в 1957 и 1960 творчески решены проблемы войны, мира и революции, что имеет большое значение для понимания действия Н. р. к. з.

Лит.: Маркс К., Теория прибавочной стоимости, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 2, с. 591; Ленин В. И., О лозунге Соединенных Штатов Европы, Соч., 4 изд., т. 21; его же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 22, гл. 7—10; его же, Военная программа пролетарской революции, там же; Мотылев В. В., Неравномерность развития совр. капитализма, М., 1966. Л. Леонтьев, Москва.

НЕРАЗРЕШИМАЯ ФОРМУЛА — формула к.-л. (логико-математического) исчисления, одновременно не доказуемая и не опровержимая средствами этого исчисления. (Соответственно формула, доказуемая

или опровержимая в исчислении, наз. разрешимой в нем.) Термин «Н. ф.» прилагается, как правило, лишь по отношению к *замкнутым формулам*, что объясняется трудностями, связанными с возможностью различных интерпретаций, открытых (незамкнутых) формул. Напр., при наиболее распространенной интерпретации, т. е. интерпретации всеобщности, формула $A(x)$ интерпретируется так же, как и ее замыкание $\forall xA(x)$, так что формула $\neg A(x)$, — интерпретируемая в этом случае как $\forall x\neg A(x)$, — не выражает отрицания предложения, выражаемого формулой $A(x)$, и в применении к таким формулам понятие Н. ф. оказывается довольно бессодержательным. (Подробнее об интерпретациях формул со свободными переменными см. в ст. *Предикатов исчисления*.) Наличие в исчислении Н. ф. означает, по определению, его (простую) неполноту. Наиболее известными примерами Н. ф. служат формулы, выражающие свою собственную недоказуемость, доказательство существования к-рых составляет предмет разл. модификаций знаменитой теоремы Гёделя о неполноте формальной арифметики. Неразрешимость (одновременная недоказуемость и неопровержимость) к.-л. формулы не означает, вообще говоря, невозможности установления истинности (или ложности) выражаемого ею предложения к.-л. содержат. образом. Так, Н. ф., фигурирующие в доказательствах теоремы Гёделя, как раз являются (в предположении непротиворечивости системы, содержащей Н. ф.) содержательно истинными. Желая подчеркнуть именно формальный характер понятий доказуемости и опровержимости, часто говорят о формально Н. ф. (соответственно о формально разрешимых). С др. стороны, эпитет «неразрешимое» прилагает и непосредственно к предложениям к.-л. теории; именно так этот термин был впервые (1931) введен в основополагающей работе К. Гёделя. О методологич. и филос. (гносеологич.) значениях понятия Н. ф., см. *Полнота, Метатеория* и лит. при этих статьях. Ю. Гастев. Москва.

НЕРАЗРЕШИМОСТЬ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ — см. *Алгоритм*.

НЁРЛУНД (Nørlund), Иб (р. 29 авг. 1917) — дат. марксист, чл. Политбюро ЦК компартии Дании, ответств. редактор теоретич. органа КПД журн. «Тиден» (с 1954). Окончил физико-математич. ф-т Копенгагенского ун-та, магистр. В 1945—47 — депутат фолькетинга. В работе «Марксизм в наше время» («Marxismen i vor tid», 1959) и др. Н. подчеркивает, что диалектич. материализм является методом познания и изменения развивающейся действительности, а не готовым ее объяснением, что познание новых закономерностей развития выдвигает все новые проблемы науки. Н. выступает против филос. идеализма в совр. естествознании, в частности против идеалистич. истолкования принципа дополнительности («Кризис науки» — «Videnskab i krise», опубл. в журн. «Dialog», 1954, № 1; «Об ответственности науки» — «Om videnskabens ansvar», там же, 1955, № 2), подвергает критике реформистскую, ревизионистскую и догматич. идеологию («Необходимость борьбы с ревизионизмом», «ПМиС», 1963, № 7; «Интернациональный долг коммунистов», «Коммунист», 1963, № 14). Автор ряда работ по вопросам рабочего и коммунистического движения, внешней политики Дании.

Соч.: Undor representation of the five-dimensional meson theory, Kbh., 1942; Om dialektisk materialisme og videnskaben, «Tiden», 1954, № 10; Rids af dansk arbejderbevaegelses udvikling, Kbh., 1959; Kommunismen og tidens spørsmål, Kbh., 1961; Om kampen mod dogmatisme og sektersisme, «Tiden», 1962, № 3; Socialismens fremtid, там же, 1963, № 2; Om overgangen fra kapitalisme til socialisme, там же, № 7; Kybernetik og marxisme. Menneskets nye muligheder, Kbh., 1964; в рус. пер. — Против теории «скандинавской исключительности», «Коммунист», 1958, № 13; Коммунистич. партия и интересы нации, «ПМиС», 1960, № 1; Полевение масс и перспективы

борьбы Компартии Дании, там же, 1961, № 8; Совр. филос. и социология в странах Зап. Европы и Америки, М., 1964, с. 223—31 (совтор). А. Мысливченко. Москва.

НЕСИЛЛОГИСТИЧЕСКИЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ —

1) В узком (традиционном) смысле: умозаключения, посылки и заключение к-рых являются суждениями об отношениях определ. видов, таких, напр., как отношения равенства, родства, причины и действия, отношения по времени, величине, силе (т. е. умозаключения а fortiori и т. п.). 2) В широком смысле: любые логически правильные (законные с т. зр. к.-л. фиксированного логического исчисления) умозаключения, неформализуемые средствами *силлогистики*. В частности, это могут быть как умозаключения, хорошо известные традиц. логике, напр., такие, как *ограничение третьего понятия* (см. также *Непосредственное умозаключение*), так и неизвестные ей (не рассматриваемые в ней) умозаключения т. н. теории *отношений и предикатов исчисления*.

Потребность в Н. у. выявилась еще в др.-греч. науке, особенно в *математике*. Напр., в простом случае рассмотрения отношения «перпендикулярности» (в геометрии на плоскости) *силлогизм* сам по себе не обеспечивает нужного заключения: из того, что A перпендикулярно B , а C перпендикулярно A , следует, что B параллельно C , а не перпендикулярно C . Первые упоминания о Н. у. имеются уже в *древнегреческой логике*. Проведенные в 19 в. исследования Де Морана, Лирса, Шрёдера и др. показали, что Н. у. основываются на нек-рых общих формальных свойствах отношений (см. *Отношения типа равенства, Порядка отношение, Рефлексивность, Симметричность, Транзитивность*) и на возможности осуществления определ. операций над отношениями. И те и другие определяют различия в формальной структуре Н. у. Одними из осн. таких операций являются конверсия (см. *Обращение*) и т. п. операция относительного произведения (композиции), посредством к-рой из двух отношений R и S образуется нек-рое третье отношение $T=R \cdot S$. При этом для двух объектов a и c имеет место $T(aTc)$, если существует такой объект b , что aRb и bSc , т. е. произведение отношений возможно, если antecedent (b) второго отношения (S) тот же, что и консеквент первого (R) (в данном случае это объект b). Указ. произведение отношений не коммутативно (см. *Коммутативность*). Вообще говоря, основываясь на теории отношений можно силлогистику построить как фрагмент этой теории, — для чего необходимо суждения (предложения) силлогистики представить как суждения об отношениях, рассматривая, в частности, кванторные слова (логич. *константы*): «Всякий . . . есть . . .», «Ни один . . . не есть . . .», «Некоторый . . . есть . . .» и «Некоторый . . . не есть . . .» как бинарные отношения между их терминами, а категорич. силлогизмы представить как относительные произведения этих бинарных отношений (см. Lorenzen P., Über die Syllogismen als Relationenmultiplikationen, «Arch. math. Logik und Grundlagenforsch.», 1957, Bd 3, H. 3—4). Такой перевод (*интерпретация*) показывает, в частности, относительный характер деления умозаключений на силлогистические и несиллогистические.

Лит.: Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, с. 154—57; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948; Горский Д. П., Логика, М., 1958; Котарбинский Т., Избр. произведения, пер. с польск., М., 1963, с. 459—63, 536; Schüder E., Algebra und Logik der Relative der Vorlesungen . . . , Lpz., 1895. М. Новоселов, А. Субботин. Москва.

НЕСИМЬ, Имаделеддин (1369—1417) — азерб. поэт, последователь *хуруфизма*.

Объясняя мир с позиций последоват. пантеизма, Н. растворял бога в явлениях объективного мира,

в природе и в человеке, к-рому в своем творчестве уделял большое внимание. Человек есть бог, т. к. он воплощает в себе все: он и сложен, и прост; он и сущность, и явление, воплощение положит. и отрицат. моральных качеств одновременно; он — устойчивость единого в двойственном; он венец эволюции, происходящей в мире и идущей от низшего к высшему. Основание для обожествления человека — в его способности к познанию мира. П. воспевал разум, помогающий человеку познать тайны бытия и прежде всего самого себя. Лишь познав мир и себя, человек в состоянии понять, что бог — это он сам. Знание дает человеку неогранич. возможности. П. призывал достичь все в этом мире и выступал против невежества. Важную роль в процессе познания П. отводил речи, слову. Слово необъятно, оно неразрывно связано со всеми окружающими предметами и явлениями, к-рые оно называет и объясняет. Причем о предметах и явлениях П. говорил, как о комплексе противоположных, противоречивых начал, дающих в совокупности единое целое. Призывая почитать бога на этом свете, П. высмеивал поклонение религ. святыням. Критикуя совр. ему общество, П. писал, что власть и богатство принадлежат на земле только подлецам и лицемерам. С болью говоря о безмолвии и пассивности людей, покорных всякому насилию, он призывал их отстаивать справедливость, проявить мужество в борьбе с угнетателями. За критику совр. ему общества и религии, противопоставление богу человека, призыв искать красоту в явлениях мира земного и прежде всего в человеке — идеале прекрасного, за проповедь морального усовершенствования и принципов гуманизма П. был обвинен в ереси и предан мучительной казни — с живого П. сняли кожу.

Произведения П., в к-рых описывались обыкóвенные человек. чувства: грусть, радость, счастье и горе, воспевались земные радости, были близки и понятны людям и получили широкое распространение на Ближнем Востоке. Творчество П. оказало большое влияние на развитие восточной, особенно азербайджанской, лит-ры, а его филос. взгляды заметно повлияли на развитие пантеистич. учений Ближнего Востока.

Соч.: [Диван], Баку, 1926; Сечилмиш ше'рлер, Баку, 1962.

Лит.: Араслы Н., Имамэдин Несими, в кн.: Мухтарев Азербайжан эдобијаты тарихи, ч. 1, Баку, 1943; Гулрузадэ М., Несими, в кн.: Азербайжан эдобијаты тарихи, ч. 1, Баку, 1960; Gibb E. J. W., A history of Ottoman poetry, v. 1, L., 1900, ch. 7; D'une étude sur la religion des Houroufés par le docteur Rıza Tevfik. Textes persans relatifs à la secte des Houroufés, publiés, traduits et annotés par M. Clément Huart, Leiden—L., 1909 (E. J. W. Gibb Memorial series, v. 9).

З. Кули-заде. Баку.

НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПОНЯТИЯ — понятия, обьемы к-рых не имеют общих элементов; иначе: понятия *A* и *B* являются П. п., если и только если не существует предмета *x* (символически: $\neg \exists x$), к-рый бы одновременно обладал свойствами (признаками), составляющими содержание одного и др. понятия. Символически: $\neg \exists x(A(x) \& B(x))$, где $A(x)$ и $B(x)$ — высказывания (предикаты) о принадлежности предмету *x* свойств, составляющих соответственно содержания понятия *A* и понятия *B*. П. п. являются, напр., понятия «равносторонний треугольник» и «прямоугольный треугольник»; понятия: «идеализм» и «пауочное мировоззрение» и др. Отношение между П. п. наз. отношением **н е с о в м е с т и м о с т и**. Частными случаями отношения несовместимости между понятиями являются **контрадикторное отношение** и **контрарное отношение**. По определению, для П. п. *A* и *B* ложно суждение: $\exists x(A(x) \& B(x))$. Ложность указ. суждения может быть фактической или необходимой (обусловленной нек-рыми физич. или логич. законами); в зависимости от этого понятия *A* и *B* являются ф а к т и ч е с к и или н е о б х о д и м о несовместимыми.

(Напр., «копытные животные» и «хищные животные» — фактически П. п.; «равносторонний треугольник» и «прямоугольный треугольник» — необходимо П. п.) Одни и те же понятия могут быть П. п. в одной науч. системе и совместимыми в другой. Напр., понятия «пересекающиеся прямые (*a* и *b*), лежащие в одной плоскости» и «непересекающиеся прямые (*a* и *b*), лежащие в одной плоскости и образующие с третьей прямой, пересекающей их, — внутренние односторонние углы, составляющие в сумме меньше 180°» — несовместимы в евклидовой геометрии и совместимы в геометрии *Лобачевского*.

НЕСРАВНИМЫЕ ПОНЯТИЯ (Е. Войцилло. Москва. п о н я т и я) — см. *Диспаратный*.

НЕСТОРИАНСТВО (от имени его основателя, константинопольского епископа Нестория) — религ.-политич. учение в Византии 5 в., расхóдилось с ортодоксальным церк. учением в трактовке соотношения божеств. и человек. природы в Христе. Как и в *арианстве* в П. предметом критики явилось мистич. понятие богочеловека, но если Арий, опираясь на традиции антич. рационализма, рассматривал Христа как младшее божество, посредствующее между богом и людьми, то Несторий признавал логос (Христа) предвечно рожденным от бога. Он расценил его на бога-сына и человека Иисуса, связь между к-рыми оказывалась условной и относительной. Социальную опору П., как и арианства, составляли преим. гор. круги, поддерживающие антич. традиции; наиболее активно против П. выступал александрийский епископ Кирилл, очиравшийся на большинство монашества. В политич. отношении П. отставало союз церкви с императорской властью и централизацию империи; это обстоятельство во многом определило отрицат. отношение к П. как со стороны рим. епископа Целестина, так и со стороны наиболее влият. епископов Востока. На Эфесском соборе 431 П. было осуждено как ересь, а Несторий сослан в глухой египт. оазис. Гонимые в Византии, несториане бежали в Иран, Ср. Азию и даже Китай, где П. стало религ. сектой, объединившей сравнительно небольшую группу верующих, преим. купцов и ремесленников.

Лит.: F e n d t L., Die Christologie des Nestorius, Kempten, 1910; L o o f s F., Nestorius and his place in the history of Christian doctrine, Camb., 1914. А. Каждан. Москва.

НЕСТЯЖАТЕЛИ — представители религ.-филос. и обществ. течения в Рус. гос-ве конца 15 — сер. 16 вв., возглавлявшегося *Нилом Сорским*, *Вассианом Косым* (Патрикеевым) и *Артемием Троицким*. К П. примыкал также *Максим Грек*. В противоположность *иосифлянам*, стремившимся к созданию экономически сильной и политически независимой церкви («священство выше царства»), П. пытались укрепить авторитет церкви путем поднятия нравственности духовенства и устранения вотчинных прав монастырей. Выйдя за рамки внутрицерк. течения, П. включились в борьбу вокруг вопроса о земле и власти. Великокняжеская власть использовала их учение для идейного обоснования своих секуляризац. планов: на соборе 1503 по инициативе Ивана III с проектом секуляризации монастырских земель выступил Нил Сорский. В дальнейшем иосифляне перешли к поддержке великокняжеской власти, выдвинув теорию теократич. абсолютизма и добились осуждения П. (в т. ч. Вассиана Косого, Максима Грека и Артемия Троицкого) как еретиков.

В мировоззрении и публицистич. деятельности П. имелась существ. различия. Гл. содержание творчества Нила Сорского и продолжателя его идей Артемия Троицкого составляли проблемы внутр. духовной жизни и нравств. самосовершенствования иноков. В противоположность им, Вассиана Косого и Максима Грека интересовали преим. вопросы практич.

устройства монастырской жизни. Их соч. пронизаны резкой критикой вотчинного быта монастырей, страстными обличениями стяжательства монахов.

Для Н. в сравнении с носителями было характерно более свободное понимание религии, противопоставление евангельской морали ветхозаветным концепциям несправедливости (отсюда присущее почти всем Н. терпимое отношение к еретикам). В их высказываниях встречались и отд. элементы волюнтаризма. Таковы зачатки сенсуализма в психологич. рассуждениях Исла Сорского (положение о «прилоге» — возникновении мыслей и чувств из полученных извне ощущений); отрицание Вассианом Патрикеевым с рационалистич. позиций учения о двух природах Христа; высказывание Артемия Троицкого о зависимости «духовного» от «телесного». Элементы волюнтаризма, критика Н. вотчинных прав церкви содействовали развитию свободной критич. мысли, оказали влияние на формирование взглядов еретиков сер. 16 в., в частности *Феодосия Косого*.

Лит.: Будовниц И. У., Рус. публицистика XVI в., М.—Л., 1947; Зимин А. А., И. С. Пересветов и его современники, М., 1958; Клибанов А. И., Реформационные движения в России в XIV—первой пол. XVI вв., М., 1960; Лурье Я. С., Идеол. борьба в рус. публицистике конца XV—нач. XVI в., М.—Л., 1960, с. 285—345, 426—430. *Н. Казакова*, Ленинград.

НЕЧТО. В концепциях объективного идеализма Н.—то, что уже существует в себе и для себя, но еще не получило дальнейших определений; в таких концепциях Н. является одной из исходных категорий. Для *Канта* Н., противопоставленное *ничто*, есть предмет понятия, к-рому соответствует созерцание, есть понятие о присутствии предмета, формальное условие, возможность предмета (см. Соч., т. 3, М., 1964, с. 334—35 и т. 4, ч. 1, М., 1965, с. 146). У *Гегеля* Н. рассматривается как Н. реальное, как непосредственно относящееся к себе существование (см. Соч., т. 5, М., 1937, с. 108—10) и трактуется как поверхностное определение; однако именно с него начинается рассуждение в «Науке логики», определяющее исходные положения гносеологии Гегеля. *Риккерт* рассматривает Н. как соединение логич. формы «один» с алогичным. В истории науки делались попытки использовать Н. как исходное понятие для обоснования математики, в частности числа; при этом Н. рассматривалось как понятие, не связанное ни с какой определенностью сознания. В диалектич. материализме Н. не выступает как филос. категория, т. к. он не стремится к созданию абс. систем, начинающихся с абсолютно пустого; поэтому любое начало для него всегда содержательно, а всякая категория является отражением объективного мира.

В. Костеловский, Москва.

НЕЙВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ — см. *Определение*.

НИБУР (Niebuhr), Рейнхольд (р. 21 июня 1892) — американский протестантский теолог, представитель т. н. диалектич. теологии. В 1915—28 — пастор в Детройте, с 1928 — проф. теологии в федеральной теологич. семинарии (Нью-Йорк). В условиях экон. кризиса 1929—33 и разочарования в либерализме возглавил переход большинства амер. протестантских теологов с позиций *модернизма* на позиции т. н. теологии кризиса. В знаменующей этот поворот кн. «Нравственный человек и безнравственное общество» («Moral man and immoral society», N. Y., 1932, new ed., N. Y., 1963) Н. объявляет надежды «социального евангелия» на приведение общества в соответствие с требованиями христ. морали и изживание зла иллюзорными и наивными. В последующих работах «Природа и судьба человека» («The nature and destiny of man», v. 1—2, N. Y., 1941—43, new ed., v. 1—2, N. Y., 1964), «Вера и история» («Faith and history», L., 1949), «Ирония амери-

канской истории» («The irony of American history», N. Y., 1952) Н. отрекается от всего бурж.-просветительного прогрессивного наследия, защиту к-рого называет опасным докихотством, отказывается от идей социального прогресса, совершенствованная человеческой личности и т. п., утверждая, что любые попытки построения справедливого обществ. порядка наталкиваются на якобы неизменную, злую и эгоистичную («греховную») сущность человека. Всякий альтруизм рассматривается им как лицемерие, за к-рым скрывается эгоизм личности, класса, нации, хитроумно выдающих свои эгоистич. интересы за всеобщие. Задача религии, по Н., состоит прежде всего в том, чтобы убедить человека, что «...корень империализма в империализме индивида и что социальные невзгоды в определенном смысле происходят из испорченности личной души» («Essays in applied christianity», N. Y., 1959, p. 146), и вызвать у человека чувство вины перед богом. По мнению Н., «двусмысленность человеческой природы» заключается в том, что человек является одновременно и творением бога, созданным по его образу и подобию и полувившим в силу этого способностью к творчеству, и тварью, во всем и всегда ограниченным существом. В забвении последнего обстоятельства — суть первородного греха: человек, забывая о своем ничтожестве и пытаясь подчинить себе историю, к-рая, будучи сферой столкновения иррациональной свободной воли людей и воли бога, непознаваема и неподвластна человеку, всегда получает результаты, обратные желаемым. В этом и состоит «ирония истории». Отсюда Н. делает вывод: следует отказаться от всех попыток кардинальных социальных преобразований, от самой социологии как науки и ограничиться непосредств. практич. деятельностью, направленной на смягчение неразрешимых в принципе противоречий, помня, что «вся история есть компромисс».

Соч.: Leaves from the Notebook of a Tamed Cynic, Chi.—N. Y., 1929; new ed., Hamden (Conn.), 1956; The children of Light and the children of Darkness, L., 1945.

Лит.: Мельвилль Ю. К., Чанышев А. Н., Ирония истории, «ВФ», 1954, № 2; Неганд Г., The thought of R. Niebuhr, N. Y., 1960. *А. Чанышев*, Москва.

НИГИДИЙ ФИГУЛ (Nigidius Figulus), точнее, Публий Нигидий Фигул (2 в. до н. э.—45 до н. э.) — рим. философ, первый по времени представитель *неопифагореизма*. «Возобновителем» древнего пифагорейства его называет уже его друг *Цицерон* (Tim. 1). Из Цицерона же и др. источников видно, что Н. Ф. совмещал религ. и науч. интересы, много занимался математикой, естеств. науками, астрологией и магией. Соч.: Opera reliqua collegit, emendavit, enarravit quaestiones Nigidianas praemisit A. Swoboda, Prague — Vindobonae — Lipsiae, 1889.

Лит.: Gianola A., Publico Nigidio Figulo astrologo e mago, Roma, 1906; Geffcken J., Die Hirten auf dem Felde, «Hermes», 1914, Bd 49, № 3; Zeller E d., Die Philosophie der Griechen, Tl 3, Abt. 2, Hälfte 2, 5 Aufl., Lpz., 1923, S. 109; Legrand L., Publicus Nigidius Figulus philosophe néo-pythagoricien orphique, P., 1931. *А. Лосев*, Москва.

НИГИЛИЗМ (от лат. nihil — *ничто*) — в широком смысле слова социально-нравств. явление, выражающееся в отрицании общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм обществ. жизни; в бурж. зап.-европ. философии — осознание социального и духовного кризиса бурж. общества, как кризиса всех прежних идеалов, вылившееся в отрицание смысла человек. деятельности. Хотя понятие «Н.» появляется еще у Ф. *Якоби* (см. «Sendschreiben an Fichte») в своем действительно культурно-историч. значении оно впервые выступает у *Ницше*, к-рый определяет Н. следующим образом: «Что обозначает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос „зачем?“» (Полн. собр. соч., т. 9, М., 1910, с. 9). Н., как справедливо отмечает Ницше,

выступает в качестве реакции на традиционно-либеральную форму бурж. идеологии, к-рая пытается сохранить иллюзии относительно бурж. цивилизации, стремясь представить ее как осуществление — или движение по направлению к осуществлению — тех идеалов, к-рые были провозглашены в эпоху бурж. революций. Н. утверждает иллюзорность этих идеалов и несовместимость их с реальной действительностью. «Христианство, революция, отмена рабства, равенство прав, филантропия, миролюбие, справедливость, истина: все эти великие слова имеют цену лишь в борьбе, как знамена, не как реальности, а как пышные наименования для чего-то совсем иного (даже противоположного!)» (там же, с. 53). Приветствуя Н., поскольку последний «уничтожает все иллюзии», Ницше пытается в то же время преодолеть его. Эту свою попытку Ницше назвал «опытом переоценки всех ценностей». Непосредственной причиной, вызвавшей Н., является, согласно Ницше, «обезбожене мира», разложение христианской религии, начало которого совпало с зарождением буржуазного общества и полное завершение к-рого знаменует его конец. «Бог умер», говорит Ницше (см. «Так говорил Заратустра», СПб, 1913, с. 329), и его смерть тотчас же обнаружила, что весь тот нравств. миропорядок, к-рый покоился на религ. основании, потерял свою опору: оказалось, что сам человек создал этот миропорядок, а стало быть, сам же может и разрушить его. Однако разложение религ. сознания является, по Ницше, лишь непосредств. причиной нигилистич. умонастроения. Более глубокий его источник следует искать в самой христ. религии, к-рая расколола мир на потусторонний — истинный, и посюсторонний — неистинный. После того, как обнаруживается «искусственный характер» этого «высшего» мира, нам остается один только «отвергнутый» мир, и это высшее разочарование ставится ему в счет его негодности (см. там же). Так, уже само возникновение христианства было потенциальным возникновением Н. Христианство Ницше трактует расширительно, связывая его появление с эпохой Сократа и Платона, когда впервые возникает учение о двух мирах — мире нравственном, истинном, и мире посюстороннем, преходящем и неистинном, — учение, в основе к-рого лежат, по Ницше, стремление противодействовать судьбе. Т. о., с христианством Ницше по существу отождествляет все мировоззрение нового времени, поскольку оно лишь переименовало название старых христ. идеалов, но оставило нетронутым основное: стремление к осуществлению высшей цели человечества. Ницше говорит в этом смысле о «продолжении христианства (Французской революцией» (см. там же, с. 59), о трансформации христ. идей в учение о прогрессивном развитии общества, о «современной форме христианства» — социализме. Покончить с христианством — с его «делением мира на бытие и смысл» — значит, согласно Ницше, покончить и с Н., что приведет к торжеству новой эры, эры «сверхчеловека», для к-рого нет больше «добра и зла», ибо нет раздвоенности мира на «истинный» и «ложный» (аморалистич. идеал Ницше послужил впоследствии одним из истоков идеологии нем. фашизма). То же духовное явление, к-рое Ницше обозначил как Н., отметил и Кьеркегор, назвав его «отчаянием». В отличие от Ницше, Кьеркегор выражает назревающий кризис мировоззрения нового времени в той форме, в какой он воспринимается религ. сознанием, и видит источник Н. не в «духе христианства», а, напротив, в отсутствии подлинно христ. мировоззрения. Характеризуя «отчаяние» как «смертельную болезнь» эпохи, Кьеркегор для пояснения сравнивает его с «...интеллектуальной болезнью — сомнением Отчаяние — выражение чего-то более глубокого и самостоятельного ...

Оно есть выражение всей личности, сомнение же — только мышления» («Entweder — Oder», Köln, 1960, S. 769—70). «Отчаяние», по Кьеркегору, как и Н. у Ницше, парализует человека, ибо в этом состоянии обнаруживается, что вся его деятельность не имеет смысла. Однако, в отличие от Ницше, Кьеркегор объявляет источником «отчаяния» не религиозное, а «эстетическое» мироощущение, к-рое он характеризует как: 1) природное и противоположность нравственному (духовному); 2) языческое в противоположность истинно-христианскому; 3) следование природному влечению в противоположность свободному избиранию; 4) предпочтеннее есть. начала в человеке — разума, сверхприродному началу — воле; 5) стремление к единств. цели — наслаждению и исповедание единств. религии — религии красоты. В рамках «эстетического», т. е. «природного», отношения к жизни, по Кьеркегору, не может быть поставлен вопрос о свободе (к-рая есть обретение себя посредством выбора себя решением воли), ибо «эстетик», делающий осн. мотивом своего поведения эстетич. наслаждение, лишь теряет себя и в результате приходит к «отчаянию» (там же, с. 747—48). Хотя моделью эстетич. отношения к жизни Кьеркегор избирает мировоззрение иенских романтиков (см. *Романтизм*), по существу «эстетической» он считает всю совр. культуру (новую философию — см. «Die Krankheit zum Tode», Fr./M., 1959, S. 76 — и даже протестантскую церковь), включая и ту историю, традицию, к-рая привела к ее возникновению. Термин «эстетизм», т. о., является таким же символом, как и ницшеанский термин «христианство». (Так, Кьеркегор называет «эстетиком» даже предстателя «этического» направления в древнегреческой философии Сократа, поскольку последний не понимал, что в основе этики должен лежать введенный христианством принцип «воли, своенравия»). Как, согласно Ницше, развитие всей предшеств. культуры приводит к Н., так и, по Кьеркегору, «языческий эстетизм» всегда несет в себе «смертельную болезнь» — отчаяние. Однако преодоление социально-политич. и духовного кризиса оба мыслителя ищут в противоположных направлениях: если Ницше призывает вернуться к «подлинному язычеству» (идея «вечного возвращения»), трактуя его как культ силы, как «мировоззрение неравенства», трагич. «любви к року», то Кьеркегор предлагает искать спасение в «подлинном христианстве», к-рое еще никогда не достигалось и прийти к к-рому можно только через самое глубокое отчаяние. Попытки совр. бурж. мысли сблизить Кьеркегора и Ницше оправданы только в том смысле, что оба они вызвали кризис бурж. культуры и трагич. положение личности, выросшей в логе этой культуры.

Новая интерпретация Н. возникает в 20 в. в филос.-историч. концепции Шпенглера, к-рый, подобно Ницше и Кьеркегору, считает, что европ. общество, европ. культура становятся нигилистическими. Причиной этого он объясняет, исходя из своей концепции «культурных циклов». Н. — это, по Шпенглеру, «чисто практическое мироустроение усталых жителей большого города, у которых за сильной законченной культурой и ничего впереди» («Закат Европы», т. 1, М.—П., 1923, с. 360). Та, последняя, предзакатная эпоха, к-рую, по Шпенглеру, переживает каждый культурный организм, характеризуется специфич. чертами: рассудочностью, трезвым практицизмом, сенсуалистически-материалистич. подходом к человеку и миру, вытеснением трагич. мировосприятия механистически-естественнонаучным. Эти моменты и составляют, по Шпенглеру, нигилистич. мироощущение, к-рое в трех наиболее известных нам формах культуры — инд., др.-греч. и европ. — выступало последовательно в виде *буддизма, стоицизма и социализма.*

«Перед нами три формы нигилизма, — пишет Шпенглер. — Вчерашние идеалы, великие религиозные, художественные, государственные формы изжиты, и только этот последний акт культуры — ее самоотрицание — еще раз служит выражением пра-символа всего ее существования» (там же, с. 361). Эти три идейных движения различаются, согласно Шпенглеру, в зависимости от того, какая форма культуры находится в них свое последнее — старческое — воплощение. «Стоицизм имеет в виду способ держатъ себя, отдельного человека, его статуеобразное, сосредоточенное в одном настоящем, существование, без всякого отношения к будущему или прошедшему. Социализм есть динамическое трактование той же темы, та же пессимистическая тенденция не к величию, а к практическим потребностям жизни, но отмеченная мощным стремлением в даль . . .» (там же). Такое произвольное сопоставление социализма, к которому оказываются отнесенными не только «Маркс и Вагнер», но даже *Шопенгауэр* и Ницше, со стоицизмом и буддизмом приводит к неисторич. трактовке Н., к отождествлению с этим специфически европ. духовным явлением всякой старческой формы сознания, действительно не раз имевшей место в истории культуры.

В совр. зарубежной философии проблема Н. разрабатывается прежде всего в *экзистенциализме*, особенно *Хейдеггером*. По определению Хейдеггера, Н. «... есть историческое движение, а не какое-то кем-то представленное воззрение или учение. Нигилизм... — это не просто историческое явление среди других явлений, не только духовное течение наряду с другими — христианством, гуманизмом и Просвещением — в рамках европейской истории. Нигилизм по своей сущности скорее является основным движением в истории Запада. Это движение обнаруживает такую глубину, что его развертывание может иметь следствием только мировую катастрофу. Нигилизм есть всемирно-историческое движение народов земли, втянутых в сферу влияния современности. Поэтому он не есть только явление современной эпохи и не является только продуктом XIX века...» («Holzwege», Fr./M., 1957, S. 201—02). Ограниченность всех тех мыслителей, к-рые до сих пор рассматривали Н., стоит по Хейдеггеру, в том, что они принимают за сущность Н. его следствия и формы проявления: такие, как «господство техники» или «восстание масс» (Хейдеггер имеет в виду культурно-историч. концепции Шпенглера, А. Вебера, *Ортеги-и-Гасета* и др.), в то время как «сущность нигилизма — это сама метафизика» (там же, S. 204). Заслуга Ницше, по Хейдеггеру, состоит в том, что он «мыслит нигилизм как „внутреннюю логику“ европейской истории» (там же, S. 206); однако и он не смог выйти за пределы «метафизики». Истоки метафизики, говорит Хейдеггер, восходят к др.-греч. философии, прежде всего к Платону, ее развитие совпадает с развитием всей европ. цивилизации. Совр. культуру Хейдеггер рассматривает как последний этап Н., или «метафизики», к-рая является историч. основой западной и определяемой Европой мировой истории (там же, S. 244). Метафизика для Хейдеггера — это не только способ мышления или филос. концепция, но способ существования человечества, способ отношения людей к природе и друг к другу — определ. характер целой историч. эпохи. Сущность «метафизики» заключается в том, что она мыслит «смысл бытия» с помощью категорий («ценности» и др.), заранее предполагающих, что этот «смысл» есть лишь продукт человека, т. е. нечто «субъективное». То «обесценивание ценностей», о к-ром говорит Ницше, есть, по Хейдеггеру, логич. завершение раскола мира на «сущее» и «ценное», отделение реальности от ее «смысла». Поэтому для преодоления Н. нужна не «пере-

оценка ценностей», к-рую хочет произвести Ницше, а преодоление «метафизики». Единств. путем для преодоления «метафизического мышления» Хейдеггер считает «раскрытие смысла бытия», т. е. усвоение его философии и переосмысление на основе ее всего прежнего европ. мировоззрения. Несмотря на критику Хейдеггером Ницше, его собств. концепция «метафизики» носит на себе следы влияния Ницше с его символич. понятием «христианства», якобы определенного пути развития зап.-европ. цивилизации и приведенного в конечном счете последнюю к кризису.

Рассмотрение проблем Н. др. экзистенциалистами носит менее самостоят. характер. Так, *Ясперс* анализирует эту проблему в связи с рассмотренным мировоззрением идейных предшественников экзистенциализма — Кьеркегора и Ницше, полагая, что осн. заслуга этих мыслителей состоит в том, что они оба видят ничто, стоящее перед ними, и оба стремятся искать бытие «на дне самого ничто»: Кьеркегор — на дне отчаяния, Ницше — пройдя через Н. Сам Ясперс считает возможным преодолеть Н. только посредством создания «истинной коммуникации», к-рая связывала бы индивидов не на почве общей и взаимной выгоды, не посредством рассудка и разума, а только личностной — «экзистенциальной» связью.

Во франц. экзистенциализме проблема Н. рассматривается как проблема абсурдности существования и наиболее подробно проанализирована у *Камю*. Как и Ницше, Камю связывает эту проблему со «смертью бога», то есть с разочарованием во всех тех идеалах, к-рые составляли смысл человек. деятельности целой эпохи, и теперь обнаружили свою иллюзорность. Т. о., человек. жизнь становится бессмысленной, абсурдной, подобной труду Сизифа. В отличие от нем. экзистенциалистов, к-рые пытаются указать средства преодоления Н., франц. философы настроены гораздо более пессимистически. Камю, например, призывает человека действовать с полным сознанием абсурдности любых своих действий.

Бурж. философия 2-й пол. 19 в. и 1-й пол. 20 в., создавая концепцию «нигилистической эпохи», определила кризисное состояние бурж. общества как кризис мировоззрения и именно потому не сумела выявить действит. причин этого кризиса. Предлагаемые ею рецепты «преодоления Н.» или оказывались утопическими (Кьеркегор, Ясперс), или объективно превращались в идеологию реакционных политич. направлений (Ницше, Шпенглер, отчасти и Хейдеггер). Действит. причины того состояния, к-рое в ряде направлений получило название «Н.», по существу раскрыл Маркс, указав на «тотальное отчуждение» как на гл. источник социального и духовного кризиса бурж. общества.

Лит.: Löwith K., Kierkegaard und Nietzsche, Fr. M., 1933; Frie s H., Nihilismus. Die Gefahr unserer Zeit, Stuttg., 1949; Pannwitz R., Der Nihilismus und die werdende Welt. Aufsätze und Vorträge, Nürnberg, 1951; Thielicke H., Der Nihilismus. Entstehung, Wesen, Überwindung, 2 Aufl., Pfullingen, 1951. П. Гайденко. Москва.

Нигилизм в России — термин, обозначающий нек-рые черты обществ. умонастроения значит. части молодой рус. разночинной демократич. интеллигенции конца 50—60-х гг. 19 в., своеобразное отражение в идеологии и обществ. психологии демократич. слоев глубокого кризиса крепостнич. строя России и всех его порождений в философии, морали, иск-ве, быту. Н. отразил ранний этап формирования мировоззрения революц.-демократич. лагеря периода революц. ситуации 1859—61. В Н. выразился персонально стихийный, неоформленный протест различных слоев против дворянско-сословного строя. При всей своей ограниченности Н. с самого начала имел прогрессивное содержание: отрицание консервативной идеологии, коренных усвоев офиц. церк.

морали, традиц. уклада жизни. С позиций естеств.-науч. материализма и материалистически толкуемого позитивизма Н. отвергал отвлеченную идеалистич. философию, бесплодное дворянско-либеральное лит. «обличительство», концепцию сторонников «чистого искусства» и т. п. Будучи не в состоянии вскрыть социальную природу бурж. либерализма, его духовное родство с подновленным монархизмом, Н. тем не менее способствовал борьбе революционеров-демократов 60—70-х гг. против реформистского соглашательства. Большое значение для нравств. формирования последующих поколений борцов с самодержавием имели подчеркнуто резкое отрицание рус. Н. жизненных устоев «общества» — фальшивой семейной морали, «условной лжи», тунеядства, карьеризма, — утверждение труда как основы жизни, борьба против мистики и бесплодного романтизма.

Узость положит. программы Н. сказалась в расплывчатости его филос. основ (полюмич. заострение элементов механицизма и эмпиризма, стирание граней между материализмом и позитивизмом, диалектикой и эволюционизмом, преувеличение рационалистич. характера иск-ва и морали и т. д.). Н. преувеличивал роль образования вообще, распространения естеств.-науч. знаний в особенности. В отд. случаях для Н. характерны черты индивидуализма и пессимизма (Н. Успенский, Н. Помяловский).

Н. оказал влияние на рус. литературу. Чернышевский и Добролюбов как виднейшие представители разночинного этапа рус. освободит. движения и обществ. мысли восприняли сильную сторону Н. — революц. отрицание отжившего строя жизни. В свою очередь они сами явились в определенный период деятельности наиболее яркими выразителями лучших черт Н.

Вместе с тем революц.-демократич. идеология и деятельность несравненно шире, богаче, глубже Н. Отсутствие в Н. позитивной программы видели уже современники: «...Базаров не удовлетворял нас... исключительно отрицательным ко всему отношению... Нигилизм... был только переходным моментом к появлению „любых людей“, не менее ценящих индивидуальную свободу, но живших, вместе с тем, для великого дела» (К р о т к и н П. А., Записки революционера, 1933, с. 185). Революц. демократия, в отличие от Н., свойственного ранним этапам разночинно-демократич. движения, характеризуется четкой материалистич. филос. основой, историч. оптимизмом, выдвинутым на первый план борьбы за революц. изменение общества.

На протяжении 60-х гг. 19 в. Н. постепенно утрачивает свое влияние в обществ. жизни; размежевание разночинной интеллигенции приводит к выделению сознательных революционеров — революционеро-демократов, с одной стороны, и проповедников культурничества, сомкнувшихся с либералами, а также радикалов, близких к анархизму, — с другой.

Термин «Н.» использовался реакцией для характеристики всех революц. сил России 60—70-х гг. 19 в., к-рым приписывался вульгарный материализм, аморализм, анархич. отрицание цивилизации. В этом значении термин «Н.» употреблялся в офиц. документах [донесения 3-го отделения (см. Н. С. Тургенев, Центр. архив, М., 1923), материалы нечаевского процесса], реакц. журналистикой («Рус. вестник»), в «антинигилистических» романах (Лесков, Крестовский, Писемский, Достоевский). С 70-х гг. термин «Н.» употребляется в зарубежной бурж. историографии для тенденциозной характеристики передовой рус. обществ. мысли (Oldenburg K., Der Russische Nihilismus von seinem Anfängen bis zur Gegenwart, Lpz., 1888; Jaromolinsky A., Road to revolution. A century of Russian radicalism, L., 1957).

Лит.: Ленин В. И., Гонимые земства и Аннибалы либерализма, Соч., 4 изд., т. 5; е г о ж е, О «Вехах», там же, т. 16; е г о ж е, Еще один поход на демократию, там же, т. 18; [К а т к о в М.], О нашем Н. По поводу романа Тургенева, «Рус. Вестн.», 1862, [№ 7]; Герцен А. И., Письмо И. С. Тургеневу 21 апр. (1862), в кн.: Полн. собр. соч. и писем, т. 15, П., 1920; А л е к с е в А. И., К истории слова «Н.», в кн.: Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Ст. по славянской филологии и рус. словесности, М.—Л., 1928; С а л т ы к о в — Щ е д р и н Н., Уличная философия, Полн. собр. соч. в 20 тт., т. 8, М., 1937; А н т о н о в и ч М., Асмодей нашего времени, в его кн.: Избр. статьи, Л., 1938; К о з ь м и н Б. П., Два слова о слове «Н.», «ИАН СССР. Отд. лит. и яз.», 1951, т. 10, вып. 4; Чернышевский Н. Г., Безденежье, Полн. собр. соч., т. 10, М., 1951; Б а т ь о т а А. И., К вопросу о происхождении слова «Н.» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», «ИАН СССР. Отд. лит. и яз.», 1953, т. 12, вып. 6; Б е л и н с к и й В., [Рец. на] Пронициальные бредни..., Полн. собр. соч., т. 2, М., 1953; Тургенев И., Лит. и житейские воспоминания, Собр. соч., т. 10, М., 1956; П и с а р е в Д. И., Реалисты, Соч., т. 3, М., 1956; П у с т о з о й т П. Г., Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х гг. XIX в., М., 1960; Д е м и д о в а Н. В., Д. И. Писарев и Н. 60-х годов, «Вестн. ЛГУ. Сер. эконом., филос. и права», 1965, № 5; С у з ь е в с к ы й Д., Literarische Lese Früchte, «Z. für slavische Philologie», 1942—43, Bd 18, N. 2.

А. Новиков. Ленинград.

НИДЕРЛАНДСКАЯ ФИЛОСОФИЯ — см. Голландская философия.

НИЗАМИ Гянджеви, Ильяс ибн Юсиф (ок. 1141—1209) — азерб. поэт и мыслитель, оказавший сильное влияние на ср.-век. поэзию и обществ. мысль народов Ближнего и Ср. Востока. Жил и умер в Гяндже. Хотя основной вопрос философии репался Н. идеалистически, с теологич. т. зр., в целом ряде вопросов его взгляды расходились с исламской ортодоксией. Так, Н. выступал против религ. воззрений на строение мироздания, в своей космогонии разделяя гипотезу Демокрита о звездах как обособленных мирах, имеющих свое небо и свою землю, и защищая идею шарообразности Земли. Вместе с тем Н. полагал, что Вселенная ограничена во времени и пространстве. Образование земных слоев и изменение лика Земли Н. объяснял с естественнауч. позиций: воздействием воды, ветра и тектонических процессов, не оставляя места сверхъестеств. «чудесам».

Филос. взглядам Н. свойственны нек-рые пантеистич. и гилозоистские тенденции: природу он понимал как единое живое существо, в к-ром «разлито» божество или мировая душа — «душа души», наделенная способностью к жизнедеятельности. При этом универс. деятельностью природы Н. считал взаимное «притяжение» ее частей, к-рое он называл «любовью». Притягивая тесную связь между душой и телом, Н. отвергал идею «продолжения» жизни души в потустороннем мире: душа покидает тело после его смерти и «растворяется» в «мировой душе», теряя индивид. качества.

Н. прославлял разум, знания, но его взгляды на вопросы науч. познания не были свободны от влияния теологии: он ограничивал сферу познания рамками мира явлений, утверждал непознаваемость божественного мира сущностей.

В своих эстетич. высказываниях Н. обожествлял иск-во поэзии как высшую форму художеств. творчества, придавая первостепенное значение в творческом процессе свободе поэтич. выражения и фантазии художника. Гл. роль в поэзии Н. отводил эпическому жанру, полагая, что именно в эпосе идеал художника находит свое наибольшее воплощение (что созвучно «Поэтике» Аристотеля).

Общественно-политич. идеи Н., хотя и испытавшие значит. влияние ср.-век. аскетизма, имели гуманистич. характер. Н. осуждал пороки феод. общества; в поисках справедливости он обращался к прошлому, противопоставив идеализированную греч. демократию своей современности. Поиск Н. в этом направлении продолжались до конца его жизни и привели к созданию образа идеального правителя — Александра Македонского — и знаменитой утопии справедливого

общества, изложенной в поэме Н. «Искандер-наме» (Книга Александра). Основа справедливости в этом обществе — правств. чистота и совершенство его граждан, а также социальное и имуществ. равенство людей. Жители идеального города Н. не имеют представления о воровстве, обмане, отсюда в городе отсутствуют полиция и суд; эти люди «не льют крови» и избегают войны «при помощи мира»; никто из них не стремится к обогащению и не ценит золото; материальные блага в городе распределяются поровну. Совместный труд на плодородных землях города обеспечивает всеобщее благосостояние. Жители города умеренны в еде и наслаждениях, обладают крепким здоровьем и долголетием: здесь умирают только в глубокой старости.

Утопич. идеи Н. заключены в религ. оболочку: все члены его идеального города объединены в религ. общину и смысл своей жизни находят в служении богу. Однако аскетич. черты утопии Н. не заслоняют ее прогрессивную сущность: она отражала мечты бесправных и угнетенных нар. масс о свободе, равенстве и вечном мире на земле.

Гуманистич. наследие Н. оказало благотворное влияние на творчество Навои, Джами, Физули и мн. др. восточных поэтов и мыслителей.

Соч. в рус. пер.: Избр. произв., вступ. ст. Е. Э. Бертельса, [М.], 1947; Искандер-наме, М., 1965; Хосров и Ширин, Баку, 1955; Майли и Маджнун, М., 1957; Семь красавиц, Баку, 1959; Поэмы и стихотворения, Л., 1960.

Лит.: Макавелский А. О., Nizamiana, «Тр. Ин-та философии (АН Азерб. ССР)», 1945, т. 1, № 6—7. Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 57—65; Бертельс Е. Э., Низами. Творческий путь поэта, М., 1956; История философии, т. 1, М., 1957; Мустафаев Д., Н. Г. и материалистич. традиция древнеинд. философии, «ИАН Азерб. ССР. Серия обществ. науки», 1959, № 5; его же, Мироззрение Н., «ВФ», 1962, № 12; его же, Филос. и этич. воззрения Н., Баку, 1962; Шехаб Али-акбар, Низами — шаир-е дастан-сара (Низами — поэт романтик. Его жизнь и творчество), Тегеран, 1337 с. г. х. (1958); Bacher W., Nizami's Leben und Werke und der zweite Teil des Nizamischen Alexanderbuches, Gött., 1871; Wilson C. E., Introduction, в кн.: Nizami Ganjavi, The haft paikar (The seven beauties), v. 1, L., 1924; Dāgāb G. H., Introductory essay on the life and times of Nizami, в кн.: Nizami Ganjavi, Makhzanol Asfār, L., 1945.

НИКИФОР ВАСИЛАКИЙ (Νικηφόρος ὁ Βασιλακίης) (сер. 12 в.) — визант. богослов и ритор. Занимался публичной экзегетической евангелией; наряду с *Сотиролом*, Михаилом Солунским и др. выступил с рационалистич. трактовкой нек-рых догм христианства, осужденной на соборах 1156 и 1157. Сохранились риторич. соч. П. В., характеризующиеся светским и классицистич. направлением.

Соч.: Progymnasmata, в кн.: Walz Chr. [ed.], Rhetores Graeci, v. 1, Stuttgart, 1832, p. 423—525; [Proem to a collection of his works], ed. E. Müller, «Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France», 1873, année 7, p. 135—57; Mélanges orientaux, P., 1883, p. 255—67; [К брагу Константину], в кн.: Regel W. et Novosadsky N. [ed.], Fontes rerum Byzantinorum, t. 4, Petropoli, 1892, p. 228—44; [Панегирик Иоанну III, там же, p. 330—361; [Panegyric on Patriarch Nikolaos Muzalon], ed. E. Korbetti, «Ελληνικά», 1934, v. 7.

Лит.: Успенский Ф. И., Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891, с. 223—25; Brown R., The patriarchal school at Constantinople in the twelfth century, «Byzantion», 1962, t. 32, fasc. 1.

С. Аверинцев. Москва.

НИКИФОР ВЛЕММИД (Νικηφόρος ὁ Βλεμμίδης) (1197 — ок. 1272) — визант. философ, ученый и обществ.-политич. деятель, последователь *Михаила Пселла*. Получил образование в Пнике и преподавал там. Основал высшее учебное заведение в Смирне и в 1248 — монастырь вблизи Эфеса, где также открыл высшую школу. В религ.-филос. полемике по вопросу об отношении к зап. церкви склонялся, гл. обр. по политич. соображениям (получение помощи Запада), к унии с папским престолом. В его «Трактате по логике и физике» (1 ч., «Изложение логики» — Ἐπιτομή λογικῆς, 2 ч., «Изложение физики» —

Ἐπιτομή φυσικῆς) прослеживается влияние *Порфирия* и философа 6 в. Давида Армянского. Трактат по физике основан в значит. степени на комментариях *Симпликия*, *Олимпиадора*, Филонопа к соч. антич. философов. Наибольшее значение сам Н. В. придал своему трактату по логике. В нем он рассматривал проблему *универсалий* (см. Migne, PG, v. 142, col. 693), проблему материи (см. там же, col. 1037, 1040) и др. В мировоззрении Н. В. отразилась борьба *номинализма* и *реализма*, происходившая в Византии в 11—12 вв., причем сам Н. В. склонялся к номинализму. Политич. взгляды П. В. тесно связаны с его педагогич. теориями, особенно в вопросе о воспитании гражд. добродетелей. По мнению Н. В., ни семья, ни общество не имеют такого значения в деле воспитания, какое имеет гос-во, просвещенный правитель, глубоко постигший философию (см. там же, col. 658—74). В трактате «О добродетели» (Περὶ ἀρετῆς) Н. В. излагал свои взгляды на нравств. воспитание, считая, что разум с помощью науки способен поднять моральный уровень людей. Соч. П. В. (в основном собранные у Миня) были широко распространены на Западе в лат. переводах и являлись проводниками влияния визант. философии на зап.-европейскую, в т. ч. и на мировоззрение деятелей итальянского Возрождения.

Лит.: Барвинков В. И., П. В. и его соч., К., 1911; Андреева М. А., Очерки по культуре византийского двора в XIII в., Прага, 1927; Heisenberg A., Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina, Lipsiae, 1896; Takács B., La philosophie byzantine, P., 1949; Codella P. S., Nicephoros Blemmydas' philosophical works and teachings. Proceedings of the tenth International Congress of Philosophy, v. 1, Amst., 1949; Brehier L., Le monde byzantin, [v.] 3 — La civilisation byzantine, P., 1950.

В. Горьянов. Ленинград.

НИКИФОР ХУМН (Νικηφόρος ὁ Χορμυνοῦς) (р. между 1250 и 1255 — ум. 18 янв. 1327) — визант. философ, богослов, писатель и гос. деятель. В центре филос. соч. Н. Х. стоит высшение отношения к Платону и Аристотелю ст. зр. христ. догматики. Критич. анализу платоновских диалогов «Тимей» и «Парменид» посвящен трактат Н. Х. «О том, что ни материя не существует прежде тел, ни эйдосы не существуют обособленно, но то и другое выступает в единстве» (Ὅτι μίτε ἡ ὕλη πρὸ τῶν σωματίων, μίτε τὰ εἶδη χωρὶς, ἀλλ' ἕμωυ ταῦτα, в кн.: J. F. Boissonade, Anecdota nova, P., 1844; там же «Письма» — Ἐπιστολαί). Однако П. Х. не является и последоват. аристотеликом, в целом он — эклектик, соединяющий *платонизм* и аристотелизм. В своем соч. «О превращении Плотина относительно души» (Ἀντιθετικὸς πρὸς Πλωτίνου, 1835, в кн.: Plotini opera omnia, ed. F. Creuzer, Oxonii et в кн.: Migne, PG, v. 140), посвященном критике неоплатонич. концепции «предсуществования» души, П. Х. выступил как защитник христ. понимания трансцендентальных судеб личности. В то же время этот трактат — проявление серьезного интереса к наследию *неоплатонизма*. Ряд соч. П. Х. посвящен физико-космологич. проблематике: «О мироздании и его природе» (Περὶ κόσμου καὶ τῆς κατ' αὐτοῦ φύσεως, неопubl.), «О воздухе» (Περὶ τοῦ αἵρου, в кн.: J. F. Boissonade, Anecdota Graeca, v. 3, P., 1831) и др. Представляет интерес полемика П. Х. с Феодором Метохитом, затрагивавшая широкий круг филос., космологич. и эстетико-литературных проблем, обусловленная, по-видимому, политич. разногласиями.

Соч.: Ἀντιθετικὸς πρὸς τοὺς πάλαι σοφοὺς ..., в кн.: Boissonade J. F., Anecdota Graeca..., v. 3, P., 1831.

Лит.: Verpeaux J., Nicéphore Choumnos. Homme d'État et humaniste byzantin (ca 1250/1255—1327), P., 1959 (thèse); Sevckenko I., La vie intellectuelle et politique à Byzance sous les premiers Paléologues. Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos, Brux., 1962 (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, Subsidia, 3).

С. Аверинцев. Москва.

НИКОЛАДЗЕ, Николай Яковлевич (27 сент. 1843—1 апр. 1928) — груз. обществ. деятель, философ, лит.

критик, участник демократич. движения 60-х гг. в России и Грузии. Был знаком с Чернышевским, Герценом, Добролюбовым, К. Марксом, Л. Блапом, сотрудничал в «Современнике», «Колоколе», был первым издателем и редактором собр. соч. Чернышевского. Обществ. взгляды Н. до 80-х гг. носили радикальный характер: Н. пропагандировал активные выступления против царизма, коренное переустройство общества и т. п. Однако впоследствии Н. стал проповедовать мирные средства борьбы. Общественная форма собственности представлялась ему единств. путем развития в России, и Грузии. Филос. взгляды Н. формировались под влиянием материалистич. концепций. И природа, и общество, согласно Н., развиваются по общему объективному закону, благодаря чему все явления в мире взаимосвязаны и взаимообусловлены. Н. утверждал, что, познавая законы природы и действуя в соответствии с ними, человек достигает счастья, и поэтому наука и знание представляют осн. средство улучшения жизни. В дальнейшем Н. пришел к отрицанию революции и защите эволюционизма.

Соч. на груз. яз.: Сочинения, т. 1—4, Тб., 1960—64 (изд. продолжается). В. Газидзе. Тбилиси.

НИКОЛАЕВ, Владимир Владимирович [р. 6 (19) янв. 1904] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1950), проф. (с 1951). Чл. КНСС с 1928. Окончил фак-т обществ. наук 1-го Моск. ун-та (1925). В 1925—30 работал в органах прокуратуры. С 1930 — зав. кафедрой марксизма-ленинизма Горьковского инженерно-строит. ин-та. С 1952—56 — зав. кафедрой марксизма-ленинизма Академии угольной пром-сти. В 1950—52 и с 1956 — в Ин-те философии АН СССР. Работает в области истории, материализма, гл. обр. по вопросам теории гос-ва и права.

Соч.: Преодоление неправильных теорий в области уголовного права — важное условие укрепления социалистич. законности, «Коммунист», 1956, № 14; Против ошибочных взглядов по вопросам социалистич. законности, там же, 1960, № 15; Ленин о Сов. гос-ве, [М., 1960]; Закономерности развития социалистического государства, в кн.: О закономерностях возникновения и развития социалистич. общества, М., 1960; О путях развития сов. социализма, государственности в коммунистич. общественное самоуправление, в кн.: От социалистич. государственности к коммунистич. обществ. самоуправлению, М., 1961; Вид социалистич. державности до коммунистич. самоуправления, К., 1962.

НИКОЛАЙ (Nicolai), Христоф Фридрих (18 марта 1733 — 8 января 1811) — нем. писатель, просветитель, представитель «популярной философии», последователь Х. Вольфа. С 1759 по 1765 вместе с Г. Лессингом и Менделсоном издавал журн. «Briefe, die neueste Litteratur betreffend» («Письма о новейшей литературе»), выступавший против франц. классицизма. В 1765 приступил к изданию «Всеобщей немецкой библиотеки» («Allgemeine deutsche Bibliothek», 225 томов с дополнениями, выходили до 1806) — лит. органа умеренного, т. н. «берлинского просвещения», покровительствуемого прусским королем Фридрихом II. Н. выступал против иезуитов, лютеровской ортодоксии, оставаясь религ. человеком и пытаясь дать христ. догмам рациональное обоснование. Ангельс отмечал, что «... у Николан утрачен дух Вольтера» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 516, прим.). Ограниченность теоретич. позиций Н., его нападки на Гердера (за интерес последнего к нар. поэзии), Гёте (за «Страдания молодого Вертера») и Канта вызвали отрицат. отношение к нему нередовой части нем. интеллигенции. В 1801 резкую отповедь Н. дал Фихте (Friedrich Nicolai's Leben und sonderbare Meinungen, последнее изд. — Lpz., [1920]).

Соч.: Briefe über den jetzigen Zustand der schönen Wissenschaften in Deutschland, B., 1755; Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781, Bd 1—12, B.—Stettin, 1783—95; Philosophische Abhandlungen, Bd 1—2, B., 1808.

Лит.: Ost G., F. Nicolais «Allgemeine deutsche Bibliothek», B., 1928; Meyer F., F. Nicolai, Lpz., 1938. А. Гулыга. Москва.

НИКОЛАЙ из Отрекура (Nicolas d'Autrecourt) (р. ок. 1300 — ум. после 1350) — франц. философ, один из представителей номинализма. Автор соч., осужденного рим. курией в 1346 и сожженного в 1347, Н. был принужден публично отречься от своих «заблуждений». Кроме этого соч., не имеющего особого заглавия и начинающегося словами «Satis exigit ordo executionis» («Правильный порядок исполнения требует», изд. J. R. O'Donnel, в сб.: Medieval studies, v. 1, Toronto — L.—N. Y., 1939), Н. написал в 1329—36 девять писем к некоему Бернарду д'Ареццо и одно к некоему Эдмунду, посвященные гносеологич. проблемам; они сохранились неполностью. Н. подверг сомнению положение схоластич. аристотелизма и пытался защищать осн. тезис антич. атомистов: в явлениях природы нет ничего, кроме сочетания и разделения атомов. Атомы неразрушимы, следовательно, мир вечен в его целом. Принцип целенаправленности в природных явлениях не самоочевиден. Качества вещей — результат сочетания атомов, единственно реальных субстанций. С этих позиций Н. защищал атомистич. представление о природе света как истечении мельчайших частиц, требующем для своего распространения дискретным, состоящим из мельчайших «движков», своего рода атомов движения. В теории познания Н. отверг и абсолютную достоверность чувственных данных («субстанций», т. е. подлинно существующие атомы, к-рые не являются предметом чувств. ощущения) и возможность чисто дедуктивного познания причинных связей путем схоластич. умозаключений, помимо опыта. Критика схоластич. перипатетизма объективно приводила Н. к требованию критически обрабатывать чувств. данные, — к тому, что сам Н. называл истолкованием данностей («аншаренций») при «полном свете» разума (in pleno lumine) [см. «Satis exigit...», р. 229, 231]. Такое познание, по Н., является истинным и относительно него «не может быть разногласий между людьми» (там же, р. 234). Отрицание телеологии и трактовка причинных связей как предмета опытного знания вели в области теологии к отрицанию традиц. доказательств бытия божия (телеологического и космологического — см. Бог). Равным образом было неприемлемым для Н. и третье традиц. доказательство — онтологическое, поскольку существование и несуществование предмета не рассматривались им как признаки, входящие в логич. содержание соответствующего понятия; понятие бога остается тем же, мыслить ли бога существующим или не существующим.

Лит.: Зубов В. П., Николай из Отрекура и древнегреч. атомисты, «Тр. Ин-та истории, естествен. и техники АН СССР», 1956, т. 10, с. 338—83; Лейб Г., Очерк истории средневекового материализма, пер. с нем., М., 1962, с. 534—547; Rashdall H., Nicholas de Ulr curia, a medieval Hume, «Proceedings of the Aristotelian Society», 1907, v. 7; Lapre J., Nicolaus von Autrecourt, Münster, 1908; O'Donnel J. R., The philosophy of Nicholas of Autrecourt and his appraisal of Aristotle, в сб.: Medieval studies, v. 4, 1942; Weinberg J. R., Nicolaus of Autrecourt, Princeton, 1948.

[В. Зубов]. Москва.

НИКОЛАЙ КАВАСИЛА (Νικόλαος Καβάσιλας) (р. ок. 1320 — ум. 1371) — византийский богослов, ученый-энциклопедист, философ-мистик и писатель. В религ.-филос. борьбе между варлаамитами и последователями Палламы стоял на стороне последнего. Вместе с тем Н. К. занимал в этом споре особую позицию, отражающуюся в его гл. произведении «О жизни во Христе» (Περὶ τῆς ἐν ζωῆς Χριστοῦ, Migne, PG, t. 150, обычно цитируется «De vita in Christo»), призывая вернуть христ. учение к патристике. Н. К. утверждал, что недостаточное знакомство «отцов церкви» со светскими науками являлось причиной несовершенства их учения. Корни христологич. концепции Н. К. справедливо искали в его возврате к сократич. воззрениям. Взгляды Н. К. на этику как

на сферу «человеческих дел» действительно близки к взглядам *Сократа*. В учение Н. К. включалась поставленная еще софистами и воспринятая Сократом гносеологич. проблема познаваемости действительности и доступности для человека объективной истины. Н. К. учил, что человек в своем стремлении к идеальной «жизни во Христе» владеет объективным критерием поведения, открывающимся ему через внутр. голос сознания и достаточным для отличения добра от зла, прекрасного от постыдного. Это учение — идеалистич. этика, утверждавшая тождество добродетели и совершенства человек. познания, стремящегося достигнуть высоты бога, но имеющего возможность достигнуть его только в потустороннем мире. Т. о., в мистич. учении Н. К. пробивалась гуманистич. струя. Он пытался связать мистику христ. церкви со светской теорией, давая толчок развитию визант. гуманизма.

Лит.: Успенский Ф. И., Очерки из истории Византийской образованности, СПб, 1891; Горянов Б. Т., Поздновизантийский феодализм, М., 1962, гл. 7; Salaville S., Cabasilas le scellaire et Nicolas Cabasilas, *Échos d'Orient*, t. 35, P., 1936; Tatakis B., *La philosophie byzantine*, P., 1949; Lot-Vogodine M., *Une maître de la spiritualité byzantine au XIV siècle Nicolas Cabasilas*, P., 1958; Векк Н. Г., *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*, Münch., 1959. Б. Горянов. Ленинград.

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ (Nicolaus Cusanus; наст. фамилия — Кребс, прозван Кузанским по месту своего рождения в селении Куза на р. Мозеле, в Юж. Германии) (1 авг. 1401—11 авг. 1464)—теолог, философ

и ученый. Учился в Гейдельбергском, Падуанском и Кёльнском ун-тах, где познакомился с философией платоников, поздних номиналистов — оккамистов (см. *Номинализм, Оккам*), аверронистов (см. *Аверроизм*), *Фомы Аквинского*. Посвятив себя богословию, Н. К. стал священнослужителем (1430). В 1448 был назначен кардиналом рим.-католич. церкви и стал одним из виднейших ее руководителей. Вместе с тем Н. К. был

близок гуманистич. культуре, дружил с *Валла* и нек-рыми др. гуманистами. Крупный ученый своего времени, Н. К. занимался математикой, астрономией, предложил реформу календаря, первым составил географич. карту Центр. и Вост. Европы. Н. К. написал большое количество филос. и богословских произведений. Решающее значение в формировании филос. идей Н. К. имело влияние *неоплатонизма* (*Прокл, Ареопагитики*). Филос. интересы Н. К. концентрируются вокруг двух осн. проблем: 1) отношения бога к миру и в этой связи — места и роли человека в нем, 2) познания. Рассматривая эти проблемы, Н. К. одним из первых среди ученых *Возрождения* повернул от теологич. спекуляций ср.-век. философии к натуралистич. объяснению природы и человека. Такой поворот стал возможен прежде всего благодаря своеобразному истолкованию Н. К. одного из гл. атрибутов божеств. существа — его бесконечности. Как богослов, Н. К. приписывал божеств. бытию решающую роль в судьбах природы и мира; вещи без бога — ничто, как число без единства и «если рассматривать бога без вещей, то он существует, а вещи не существуют» (Избр. филос. соч., М., 1937, с. 68). Эти положения свидетельствуют о *теизме* Н. К. Однако ведущая тенденция в решении Н. К. проблемы отношений бога и мира состоит не в отрыве бесконечного бога от конечного мира, а в их сближении, по существу приводящему философа к позиции *пантеиз-*

ма. Для Н. К. бог — непознаваемый «абсолютный максимум», актуальная бесконечность, а мир — проявление бога, познаваемый «ограниченный максимум», потенциальная бесконечность. В этой связи Н. К. преодолевал один из осн. устоев схоластич.-теологич. мировоззрения — представление о конечности мироздания в пространстве и о Земле как его центре, прокладывая, т. о., дорогу гелиоцентрич. системе *Коперника*. Он утверждал, что т. н. сфера неподвижных звезд не является окружностью, замыкающей мир. «Машина мира имеет, так сказать, свой центр повсюду, а свою окружность нигде, потому что бог есть окружность и центр, так как он везде и нигде» (там же, с. 100). Утверждая бесконечность Вселенной, отсутствие в ней границ, Н. К. тем самым поставил под сомнение убеждение традиц. схоластич. космологии относительно иерархич. структуры Вселенной.

Единство, исходящее от «абсолютного максимума», должно быть осмыслено, согласно Н. К., посредством категорий целого и части. Задавая себе вопрос, «...каким образом ограниченный максимум произошел из абсолютного максимума», когда все вещи, и прежде всего сама Вселенная, «вступили в бытие» (там же, с. 72), Н. К., вместо монотеистич. принципа творения, выдвинул принцип ограничения «абсолютного максимума». В силу этого ограничения и возникает неисчерпаемое многообразие конкретного мира, его части, ибо «все ограниченные предметы находятся между максимумом и минимумом» (там же, с. 111). Др. конкретизацией того же замысла Н. К. является восходящий к неоплатоновской идее *эманации* принцип развертывания (*explicatio*) бога в мир и свертывания (*complicatio*), т. е. возвращения всех вещей в лоно божеств. абсолюта. Этот пантеистич. и антикреационистский принцип связан у Н. К. с динамич. пониманием мира как живого, одушевленного мировой душой организма. Все части его находятся не только во всеобщей связи, но и в движении, благодаря чему, напр., «сама растительная жизнь в своей темноте скрывает в себе духовную» («О предположениях», II, 10, в кн.: *Opera omnia*, Basileae, 1565, fol. 231). Наибольший отход от христианского *креационизма* связан у Н. К. с возобновлением и развитием древней идеи о человеке, как микрокосмосе, представляющем собой подобие макрокосмоса, окружающей человека природы, а не подобие внеприродного бога, как учила христианская религия. Человек, считал он, — это конечно-бесконечное существо, соединяющее в себе земное и божественное. Как микрокосмос, человек обладает естеств. способностью познания природы, реализуемой посредством чувства (*sensus*), воображения (*vis imaginativa*), рассудка (*ratio*) и разума (*intellectus*). В том, что Н. К. уделял значит. внимание чувств. познанию, отражалось возрастание интереса к опытно-эмпирич. изучению действительности. Однако чувств. познание, присущее животным, — наиболее ограниченная разновидность ума. У человека чувств. познание подчинено различающему и упорядочивающему началу рассудка. Приближаясь в его истолковании к позиции номинализма и *концептуализма*, Н. К. присоединялся к древней формуле о том, что «...в рассудке нет ничего, что раньше не существовало бы в ощущениях» (Избр. филос. соч., с. 165). Результат абстрагирующей деятельности рассудка запечатлен во множестве слов, имен, создание к-рых составляет одну из главных его функций. Абсолютная непознаваемость бога сочеталась у Н. К. с уверенностью в познаваемости мира. Последняя реализуется прежде всего в математике, являющейся наиболее достоверной из наук. Отдавая дань пифагорейским и неоплатоновским спекуляциям относительно роли чисел и различных геометрич. фигур в «познании» бога и человек. души, Н. К.

вместе с тем, как один из первых теоретиков математич. естествознания, осознавал методологич. роль математики. На этом пути он приходил к убеждению, что в основе всех явлений природы лежат математич. пропорции и отношения, и самые сложные понятия своей философии стремился пояснить математич. примерами.

Высшей теоретич. способностью, согласно Н. К., является разум, деятельность к-рого, в отличие от деятельности рассудка, полностью отделена от чувств. Если чувство целиком «подчинено времени и движению», то «разум не принадлежит ни времени, ни миру, от которого он абсолютно независим», ибо «... разум в моменте, когда природа его допускает переход в умозрание, постигает лишь всеобщее, нетленное и непрерывное...» (там же, с. 129, 154). Под влиянием неоплатонич. идей Н. К. рассматривал разум в качестве божеств. космич. силы. В духе той же традиции, как и традиции ср.-век. *мистицизма*, он считал высшую познавательную способность человек. духа недискурсивной интуицией, гл. средством познания бесконечного бога. Однако, в отличие от этой традиции и даже в противоположность ей, Н. К. считал, что мистико-интуитивная сторона человек. разума не исчерпывает всего его содержания. В ряде произведений он подчеркивал регулирующие воздействие разума на рассудок. Разум, как высшая филос.-теоретич. способность человек. духа, проявляет себя прежде всего в осмыслении противоположностей и преодолении их. В этой связи Н. К. поднимался до важнейшей диалектич. истины: «Все вещи состоят из противоположностей..., выявляя свою природу из двух контрастов путем преобладания одного над другим» (там же, с. 60). Рассудок, лишенный воздействия разума, «...сблуждается оттого, что далек от этой бесконечной силы и не может связать противоречия, разделенные бесконечностью» (там же, с. 12). Н. К. подверг критике незыблемость закона противоречия, сформулированного Аристотелем. Диалектич. способность человек. разума усматривать совпадение противоположностей (*coincidentia oppositorum*) вытекает из присущего ему понимания не только потенциальной, но и актуальной бесконечности. «... бесконечность заставляет нас полностью преодолевать всякую противоположность» (там же, с. 31). Примеры такого совпадения дает прежде всего математика: по мере увеличения радиуса окружность все больше и больше совпадает с касательной к ней и поэтому «бесконечная кривизна есть бескошечная прямизна» (там же, с. 32). Единство противоположностей представляет собой и божеств. существо: как вмещающее весь мир оно — абсолютный максимум, а как находящееся в любом, даже в самом ничтожном предмете, — абсолютный минимум.

Учение о совпадении противоположностей неотрывно от глубокой диалектики истины, развитой Н. К. Основное ее положение состоит в том, что истина неотделима от своей противоположности — заблуждения. Догматич. рассудок склонен рассматривать каждое из своих положений как истинное в последней инстанции. Этой ограниченности полностью лишен разум. Он «... так же близок к истине, как многоугольник к кругу», к-рого, однако, многоугольник никогда не достигает, сколько бы не увеличивалось число его сторон (см. там же, с. 10). Методологич. роль идеи бесконечности применительно к познанию заключается в той диалектич. истине, согласно к-рой способность человек. ума к бесконечному углублению своих познаний значительно важнее претензии на обладание некой неизменной истиной, что было столь характерно для схоластики. Т. о., корректирующее воздействие разума на рассудок состоит в том, что разум постоянно преодолевает догматич. самоуверен-

ность рассудка относительно окончательной истинности его суждений. Подлинный смысл каждого единичного суждения выявляется не столько из него самого, сколько из более обширного целого. В бесконечном процессе углубления наших знаний мы постоянно восходим от частей ко все более обширному целому. «... Не познается часть без познания целого, поскольку часть измеряется целым» (там же, с. 200). Диалектика познания, т. о., вытекает у Н. К. из диалектики бытия.

Влияние идей Н. К. было весьма значительным. Оно проявилось уже у флорентийских платоников, прежде всего у Марсильо Фичино. Особенно плодотворным было влияние Н. К. на Бруно. Монадология Лейбница и связанное с ней открытие дифференциального исчисления также несет на себе печать влияния учения Н. К. о максимуме и минимуме, а его учение о «совпадении противоположностей» было возобновлено, вслед за Бруно, Шеллингом.

Соч.: [Opuscula varia], Stras., [1488]; Opera, Basileae, 1563; Opera, v. 1—3, P., 1514; De non aliud, в кн.: J. U b i n g e r, Die Gotteslehre des Nicolaus Cusanus, Münster, 1888; Opera omnia, t. 1, 2, 5, 11, 14, Lipsiae, 1932—41; Cusanus — Texte. Lat. und deutsch, hrsg. von E. Hoffmann und R. Kitzbansky, H. 1, Hdb., 1929 (изд. не закончено); Schriften des Nicolaus von Cues, in deutscher Übersetzung, hrsg. von E. Hoffmann, H. 1—13, Lpz., 1936—52; в рус. пер.— Избр. филос. соч., вступ. ст. А. Ф. Loseва, М., 1937; История эстетики. Памятники мировой эстетики, мысли, т. 1, [М.], 1962, с. 586—88.

Лит.: Асмус В. Ф., [Рец. на кн.:] Николай Кузанский. Избр. филос. соч., М., 1937; его же, *Натурфилос. и науч. идеи Н. К., «Фронт наук и техники», 1938, № 2; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 42—45; История философии, т. 1, М., 1957, с. 303; Соколов В. В., Та жури зина З. А., Н. К., «ВФ», 1964, № 10; Clemens F. J., Giordano Bruno und Nicolaus von Cues, eine philosophische Abhandlung, Bonn, 1847; Düx J. M., Der deutsche Cardinal Nicolaus von Cusa und die Kirche seiner Zeite, Bd 1—2, Regensburg, 1848; Scharpff F. A., Der Cardinal und Bischof Nicolaus von Cusa als Reformator in Kirche, Reich und Philosophie des XV Jahrhunderts, Tübingen, 1871; Falkenberg [F. O.] R., Grundzüge der Philosophie des Nicolaus Cusanus, Breslau, 1880; Jacobi M., Das Weltgebäude des Kardinals Nicolaus von Cusa, B., 1905; Hasse K. P., Nicolaus von Cues, B., 1913; Vansteenberghe E., Le Cardinal Nicolas de Cues (1401—1464). L'action; la pensée, Lille—[P.], 1920; Hommes J., Die philosophischen Grundlehren des Nikolaus Kusanus über Gott und das Verhältnis Gottes zur Welt, Augsburg, 1926; Stadelmann R., Vom Geist des ausgehenden Mittelalters. Studien zur Geschichte der Weltanschauung von Nicolaus Cusanus bis Sebastian Franck, Halle, 1929; Grandi R., Il pensiero del Cusano, Padova, 1941; Pagnani R., La filosofia di Nicolaus von Cues, Mil., 1942; Gandillac M. de, Nicolaus von Cues (La philosophie de Cues), Düsseldorf, 1953; Saitta G., Nicolò Cusano e l'umanesimo italiano, Bologna, 1957; Volkman-Schluck H. N., Nicolaus Cusanus. Die Philosophie im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit, Fr./M., [1957]; Tokarski M. F., Filozofia bytu u Mikolaja z Kuzy, Lublin, 1958; Colomier E., Nicolaus von Cues und Raimund Llull, B., 1961.*

В. Соколов, Москва.

НИКОЛА́Й МЕФОНСКИЙ (Νικολαὸς ὁ Μεφώνης) (г. рожд. неизв.— ум. между 1157 и 1166)—визант. философ и церк. деятель. Во время христологич. споров на соборах 1156 и 1157 выступил как защитник строгой ортодоксии против неоплатонич. и зап. влияний, развившихся в христологии *Сотириха* Паптевгета. В полемике против Сотириха Паптевгета Н. М. отстаивал строго объективный онтологизм: «Мы говорим, что железо горячо, а лед холоден, потому, что они таковы на деле, а не потому, что мы мыслим их такими» (цит. по кн.: Δημητράκης Ὁποῦλος Ἄ., Ἑλληνοαστικὴ Βιβλιοθήκη, Lpz., 1866, σ. 232). При этом Н. М. усматривал в концепции Сотириха возрождение платоновского учения об идеях и сам в полемич. целях ссылался на критику этого учения Аристотелем. Систематич. сведенно счетов с той опасностью, к-рую представлял для визант. ортодоксии возрожденный *Михаилом Пселлом* неоплатонизм, посвящено «Разъяснение на Основы богословия» Прокла («Contra Proclum», ed. Th. Vömel, Frankfurt, 1825). Кроме того, Н. М. участвовал в полемике с богимилами, составил «Во-

просы и ответы» (*Ἐρωταίσεις καὶ ἀποκρίσεις*, ed. J. Th. Vömel, «Jahresbericht des Frankfurterischen Gymnasium», 1925—26, S. 1—39) — догматич. трактат, пропагандировавший триитарные идеи патриарха Фотия. Метод филос. аргументации Н. М. обнаруживал сильное влияние аристотелизма *Иоанна Дамаскина*.

Соч.: Migne, PG, t. 135.

Лит.: Dräsecke J., Nikolaos von Methone, «Byzantinische Z.», 1892, Bd 1, S. 438—78; ег о же, Nikolaos von Methone als Bestreiter des Proklos, «Theologische Studien und Kritiken», 1895, H. 3, S. 589—616; Paschali H., «Soterichos Panteogenes und Nikolaos von Methone, «Z. für wissenschaftliche Theologie», 1907, Jg 50, H. 3, S. 317—74; Takakis B., La philosophie byzantine, P., 1949, p. 219—21; В е с к Н.-Г., Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, Münch., 1959, S. 624—26. С. Аверинцев, Москва.

НИКОЛА́Й ОРЕ́М (Nicole Oresme) (р. ок. 1320—ум. 1382) — франц. ученый, богослов и философ, один из представителей *номинализма*. Учился и преподавал в Париже; с 1377 — архиепископ Лизьё (Нормандия),

перевел на французский язык и снабдил комментариями ряд сочинений Аристотеля, положив начало науч. литературе на нар. языке. Гл. филос. произв. Н. О. — «Книга о небе и мире» («Le livre d'Aristote appelle du Ciel et du Monde», 1377, опубли. в кн.: *Mediaeval Studies*, v. 3—5, Toronto — N. Y. — [a. o.], 1941 — 43) — является комментарием к Аристотелю. Пришняя догматы религии, Н. О. исходил из возможности достижения гармонии разума и веры, однако

не путем подчинения выводов науки и философии «пестинам» откровения (что характерно для *томизма*), а отстаивая права разума и доказывая его способность постичь истину. Аристотель оставался для него высшим авторитетом в философии, что не мешало Н. О. в ряде случаев занимать критич. позицию по отношению к отд. выводам перипатетич. философии. Наука о природе должна основываться на чувственном опыте и наблюдении; однако понятие «онит» еще не выделено Н. О. из общей суммы историч. фактов и фактастич. сведений, почерпнутых из литературы. Принимаемая акт творения мира богом, Н. О. считал, что в дальнейшем мир развивается по данным ему богом неизменным законам, и сравнивал Вселенную с заведенным часовым механизмом. Исходя из представления Аристотеля о конечной сферич. Вселенной, Н. О. считал, что вне ее существует некое «воображаемое пространство», пустое, бесконечное и неподвижное, отождествляемое им с богом. Эта идея выводила его космологию за пределы схоластич. схемы и прокладывала путь представлению о бесконечной Вселенной как атрибуте божества, воспринятому и развитому *Николаем Кузанским* и *Бруно*. В соответствии с этим Н. О. отвергал определение движения как перемещения тела по отношению к другому телу, считая, что движение следует соотносить с абсолютным, бесконечным и неподвижным пространством, и вводя, т. о., понятие абс. движения. Н. О. привел ряд доказательств в пользу теории суточного вращения Земли, подчеркивал важность математики для познания природы, применил метод, близкий методу координат, предвосхитив ряд положений аналитич. геометрии. Выступая против распространенных в его время суеверий, Н. О. опровергал астрологию.

В политико-экономич. трактатах Н. О. комментировал экономич. воззрения Аристотеля применительно к феод. экономике 14 в. («Аристотеля политика и экономика» — «Aristotele. Le livre de politique et économiques, traduit par Nicolas Oresme», P., 1489; новое

изд. — «Le livre de yconomique d'Aristote», Phil., 1957) и разработал оригинальную теорию происхождения и сущности денег (см. «Traité de la première invention des monnoies», P., 1864, новое изд. — «The De moneta of Nicolas Oresme and English mint documents», L. — [a. o.], 1956). Перевел «Этику» Аристотеля («Decem libri ethicorum Aristoteles», P., 1488; новое изд. — «Le livre de éthiques d'Aristote», N. Y., 1940). Смелый в своих науч. догадках и предположениях, Н. О. ограничен в естеств.-науч. выводах из-за недостаточности материала и отсутствия экспериментального науч. метода. В философии 14 в. проявилось противоречие между потребностями развития естествознания и схоластич. методом, стоявшим на пути этого развития.

Соч. в рус. пер.: Трактат о конфигурации качеств, в кн.: Историко-математич. исследования, вып. 11, М., 1938 (отрывки из этого трактата см. в кн.: История эстетики, т. 1, М., 1962); Трактат о соизмеримости или несоизмеримости движений неба, в кн.: Историко-астрономич. исследования, вып. 6, М., 1960 (отрывки из этого трактата см. в кн.: История эстетики, т. 1, М., 1962).

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 479; Зубов В. И., Трактат Н. О. «О конфигурации качеств», в кн.: Историко-математич. исследования, вып. 11, М., 1938; ег о же, Н. О. и его математико-астрономич. трактат «О соизмеримости или несоизмеримости движений неба», в кн.: Историко-математич. исследования, вып. 6, М., 1960; ег о же, Пространство и время у парижских номиналистов XIV в., в сб.: Из истории франц. науки, М., 1960; ег о же, О некоторых математич. трудах Н. О., в сб.: История физико-математич. наук, [вып. 9], М., 1960, с. 343—49 (Труды ИИЕТ, т. 34); Вогсхерт Е., Die Lehre von der Bewegung bei Nicolaus Oresme, Münster, 1934; Маier А., Die Vorläufer Galileis im 14. Jahrhundert, [2 Aufl.], Roma, 1949, S. 3, 21—24, 98, 101—03, 123—31, 137—38; ег о же, Zwei Grundprobleme der scholastischen Naturphilosophie, 2 Aufl., Roma, 1951, S. 81—87, 89—109, 236—58, 264—70; ег о же, An der Grenze von Scholastik und Naturwissenschaft, 2 Aufl., Roma, 1952, S. 122—25, 129—33, 171—72, 203—06, 214—18, 246—49, 270—353; ег о же, Metaphysische Hintergründe der spät-scholastischen Naturphilosophie, Roma, 1955, S. 18, 27 ff, 218, 346; Соopland G. W., N. Oresme and the astrologers, Liverpool, 1952; Pedersen O., N. Oresme og hans naturfilosofiske system. En undersøgelse af hans skrift «Le livre du ciel et du monde», Kbh, 1956. А. Горбуничева, Ленинград.

НИКОЛА́Й — ОН (псевд., наст. фамилия — Даниельсон), Николай Францевич (1844 — 3 июля 1918) — рус. экономист, социолог и публицист, идеолог либерального *народничества*. Слушал лекции в Петерб. ун-те; служил в Петерб. об-ве взаимного кредита. В 1870 подвергался аресту в связи с делом нечаевцев. Продолжил вслед за Г. Лопатиным и довел до конца перевод 1-го т. «Капитала» К. Маркса (СПБ, 1872; 2-е и 3-е изд., СПБ, 1898), впоследствии перевел также 2-й (СПБ, 1885) и 3-й (СПБ, 1896) тома. Вел оживленную переписку с Марксом и Энгельсом, снабжая их лит-рой и материалами об экономике России. Обмен мыслями с Марксом послужил толчком к появлению первой самостоят. работы Н. — о «Очерки нашего пореформенного обществ. х-ва» («Слово», 1880, № 10), показавшей капиталистич. характер развития России. Плеханов использовал эту статью Н. — о в идейной борьбе против народничества («Наши разногласия»). Однако на эту работу Н. — о., противоречивую по содержанию, смыслу и народники (напр., В. П. Воронцов). Книга Н. — о. «Очерки нашего пореформ. обществ. х-ва» (СПБ, 1893; нем. изд. — Münch., 1899, франц. — P., 1902) явилась уже в целом попыткой развернутого обоснования экономич. теории народников, хотя сам Н. — о., по словам Ленина, желал «... выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса» (Соч., т. 1, с. 290). Н. — о. идеализировал возможности сел. общины, противопоставлял кустарную («народную») пром-сть капиталистической («искусственной»), утверждал, что развитие капитализма подрывает существование рус. народа, призывал «прекратить ломку» веками сложившейся формы производства». В ст. «Наше общество. пробуждение с социально-экономич. точки зрения» («Рус. богатство», 1905, № 6—7) Н. — о. доказывал несовместимость существующих «политических и правовых норм» с изменив-

нимися обществ.-экономич. отношениями и отстаивал неотложность преобразований (нар. представительство, политич. свободы), однако аргументация и выводы Н. — о. страдали либеральной ограниченностью.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 2 изд., М., 1951; Ленин В. И., Соч., 4 изд. (см. Справочный том, ч. 2, с. 197); Деятели революц. движения в России. Био-библиографич. словарь, т. 2, в. 1, М., 1929; Печав и нечаевцы. Сб. мат-лов, М. — Л., 1931; Реуоль А. Л., Рус. экономич. мысль 60—70-х гг. XIX в. и марксизм, М., 1956; Народич. экономич. лит-ра, М., 1958; История рус. экономич. мысли, т. 2, ч. 2, М., 1960. III. Ленин. Ленинград.

НИКОЛЬ (Nicole), Пьер (19 окт. 1625 — 16 мая 1695) — франц. философ и теолог. Проф. Пор-Рояля, Н. наряду с Арио был одним из гл. теоретиков *янезизма* во Франции. Активно выступал против *иезуитов*. В философии Н. был последователем рационализма *картезианства*, его принципами проникнуты работы «Логика, или Искусство мыслить» («La logique, ou l'art de penser», Р., 1662, в соавторстве с А. Арио, см. *Пор-Рояля логика*), «Всеобщая грамматика» («Grammaire générale et raisonnée», Р., 1660, в соавторстве с А. Арио). В то же время он скептически относился к материалистич. физике *Декарта*. В том, как Н. смотрел на познание природы, чувствуется влияние скептицизма *Монтеня* и *Паскаля*: человек не способен познать сущность вещей, окружающих его. «Самая надежная философия это лишь наука о непознании людей...» («Pensées de Nicole», Р., 1806, р. 62).

Н. подверг критике оккационалистскую переработку картезианства *Мальбраншем*, усматривая в нем пантеистич. учение, противоречащее христ. догматике. Посредством идей, согласно Н., человек созерцает сами вещи, а не божеств. сущность. Идея понимается Н. как обозначение вещи. Высшая задача человека — познать самого себя, а самая важная наука — мораль, разработке к-рой посвящены наиболее значит. произведения Н. (основное из них — «Моральные опыты и теологич. поучения» — «Essais de morale», v. 1—4, Р., 1671—78; «Continuation des essais de morale», t. 1—10, Р., 1687—1713). Антииезуитское по содержанию, моральное учение Н. не выходило за рамки христ. представлений. Он считал человека противоречивым существом, в к-ром соединены бессмертная душа и смертное тело. В своем поведении человек больше руководствуется страстями, чем разумом. Однако Н. далек от пессимизма и антигуманизма. Любовь человека к самому себе, к своим близким, к удовольствиям, по Н., вполне естественна и оправдана. Человек должен следовать высокому нравств. идеалу христианства и стремиться к постоянному самосовершенствованию. Сохранение мира между гос-вами и внутри данного общества Н. считал высшим благом. Уважение к установленным мнениям, терпимость к недостаткам людей, прощение их дурных поступков, отказ от «химерического желания все исправить» — такие средства рекомендует Н. для поддержания мира («Трактат о средствах сохранения мира с людьми» — «Traité des moyens de conserver paix avec les hommes», в кн.: «Essais de morale», v. 1, 1671). Взгляды Н. отражали умонастроение франц. буржуазии 17 в., к-рая, будучи недовольна своим бесправным положением в обществе, стремилась решить стоящие перед ней задачи на путях компромисса с феод. монархией. После поражения франц. революции конца 18 в. идеологи Реставрации (см., напр., D.-F. Moreau de Mersau, предисловие к кн. «Pensées de Nicole», Р., 1815) поднимали на щит Н. и др. мыслителей 17 в., противопоставляя их мятежному духу Просвещения и призывали новое поколение учиться у них.

Соч.: Oeuvres philosophiques et morales, Р., 1845.

Лит.: Sainte-Beuve Ch. A., Port-Royal, 4 éd., v. 4, Р., 1878; Schenck R., Die Verstandes- und Urteilsbildung in ihrer Bedeutung für die Erziehung bei Nicole. Bern — Lpz., 1908; Вгémond Н., Histoire littéraire du sentiment

religieux en France, t. 4, Р., 1925; Thouverez E., P. Nicole, Р., 1926; Le Breton Grandmaison, P. Nicole ou la civilté chrétienne, Р., [1945]; Lewis G., L'intervention de Nicole dans la polémique entre Arnauld et Malebranche..., «Rev. philos. de la France et de l'étranger», 1930, v. 75, p. 483—506. В. Кузнецов. Москва.

НИЛ СОРСКИЙ (в миру — Николай Майков, (ок. 1433—1508) — рус. обществ. деятель и мыслитель, глава *нестяжателей*. Постригся в монахи Кипрало-Белозерского монастыря, но в знак протеста против «обмирщения» монахов покинул монастырь. П. С. странствовал по Востоку, побывал в Константинополе и Афоне, где познакомился с учением *исихастов*, изучал патристич. лит-ру (см. *Патристика*). Вернувшись на родину, основал вблизи Кипрало-Белозерского монастыря, у реки Соры, обитель, где поселился со своими единомышленниками. Учение П. С. отличалось от авторитарного, схоластич. и внешнеобрядового православия. В своих соч. Н. С. развивал мистико-аскетич. идеи в духе афонского исихазма, требуя сосредоточения верующего на своем внутр. мире, личного переживания веры как непосредств. единения верующего с богом. Нормы евангельской морали П. С. противопоставлял ветхозаветным концепциям перократизма, религ. нетерпимости, законничеству. П. С. выступил с обличением стяжательства и празности духовенства, его стремления к накоплению богатств, к насильств. эксплуатации чужого труда. Опираясь на высказывание из послания Павла: «не трудящийся да не ест», П. С. требовал от монахов участия в производ. труде; он выступал за реформу монашества на началах скитской жизни. Учение Н. С. противостояло вопиствующей церкви, идеологом к-рой являлся *Иосиф Волоцкий* (см. *Иосифляне*). На соборе 1503 П. С. защищал политику великокняжеской власти, направленную на секуляризацию церк. монастырских земель.

В лит. наследии Н. С. большое место занимают вопросы психологии человек. страстей, для изучения к-рых он широко привлекал патристич. сочинения. Источником страстей являются воздействия внешнего мира. В развитии страстей П. С. выделяет след. стадии: восприятие («прилог»), фиксация («сочетание»), адантация («сложение»), утверждение («плешение») и, наконец, доминанци — «страсть» в ее подлинном значении. Усилия воли и переменой внешнего образа жизни человек должен преодолевать свои страсти на ранних стадиях их развития.

Продолжателями идей Н. С. были *Вассиан Косой* (Патрикеев) и *Артемий Троицкий*. Критич. элементы воззрений Н. С. оказали влияние на представителей рус. свободомыслия, в частности *Феодосия Косого*.

Соч.: Нила Сорского Предание и Устав, ветуп. ст.

М. С. Боровковой-Майковой, [СПБ], 1912.

Лит.: Архангельский А. С., Нил Сорский и Вассиан Патрикеев..., ч. 1 — Преподобный Н. С., СПб., 1882; История рус. лит-ры, т. 2, ч. 1, М. — Л., 1945, с. 317—22; Очерки по истории рус. психологии, [под ред. М. В. Соколова], М., 1957; Лилиенфельд Ф., О лит. жанре нек-рых сочинений Н. С., в кн.: Труды отдела древнерус. лит., т. 18, М. — Л., 1962, с. 80—98. См. также лит. при ст. *Нестяжатели*. А. Клибанов. Москва.

НИРВАНА (санскр. — nirvāna, пали — nibbāna, буквально — угасание) — одно из осн. понятий буддийской и джайнской религий, означает цель «пути освобождения» и завершение религ. жизни, некую высшую святость. Буддийские канонич. произведения так описывают Н.: «Есть место, где нет ни земли, ни воды, ни огня, ни воздуха, ни места в пространстве, и нет ни восприятия, ни левосприятия, ни этого мира, ни другого мира, ни обоих вместе, ни солнца, ни луны. Там нет ни движения, ни покоя, ни возникновения, ни уничтожения. Оно не движется и не стоит, оно ни на чем не основано. Оно, по истине, конец страдания». Вместе с понятиями страдания, пути освобождения от страдания, кармы, учение о Н. составляет основу буддийской религии. В этом отношении в учении о

Н. важно отметить черты, характерные для всякого религ. представления: деление на «земной мир» и «неземной», «этот мир» и «тот мир», «обусловленный мир» и «необусловленный». Существование «необусловленного» мира нигде не доказывается. Одним из обозначений «того мира» является Н. Буддисты различают два рода людей: обыкновенных и «святых», принадлежащих к двум совершенно различным планам существования — «мирскому» и «потустороннему». Человек становится «святым» при вступлении на «путь», т. е. когда он отрывается от всего «земного», порывает связи с «обусловленными» вещами и стремится только к Н.

Н. представляется «немислимой», «непостижимой», ничто в мире даже отдаленно не напоминает ее и никакое рассуждение не приближает к ней. Все понятия о Н. — ложные понятия. «Святой» постигает ее в себе, остальные люди должны верить ему. Н. описывается лишь в противопоставлении с тремя признаками всех обусловленных вещей. Н. — это вечность, бессмертие в противоположность изменчивым, непостоянным вещам. Н. — покой, прекращение страдания в противоположность миру, полному волнения и страдания. Н. — это убежище, освобождение, избавление, конец мира. Н. достигается святым после долг. развития пяти добродетелей (вера, мужество, внимание, сосредоточение и мудрости) и через «три двери освобождения»: пустота (шуньята), отсутствие признаков (анимгита), отсутствие желаний (апарихита). Как только поняты эти «три двери освобождения», высший смысл учения не представляет больше трудностей и все становится самоочевидным.

Различные школы вкладывают разный смысл в эти три термина. Школы тхеравадинов и сарвастивадинов пытаются дать рациональное объяснение пустоты, Н. и всего учения Будды. Весь мир представляется состоящим из отдельных *дхарм*, смеющихся друг друга и «обусловленных». Н. в противоположность им относится к «необусловленным» *дхармам*. Школы *махаяны* отвергают всякие попытки рационального объяснения Н. Пустота, лишенная признаков и отсутствие желаний являются не предметами обсуждения, а тремя объектами сосредоточения (*самадхи*), и только тогда они являются «дверями освобождения». Н. трансцендентна, непостижима логич. мыслью. Пожалуй, единств. положит. эпитет Н. — «счастье», поэтому логично, что в позднем буддизме Н. становится неотличимой от небесного рая.

Лит.: Vallée Poussin L. de la, Nirvāna, P., 1925; Stcherbatsky T. H., The conception of Buddhist nirvāna, Leningrad, 1927; Sangharakshita B., A survey of Buddhism, Bangalore, [1957]; Conze E., Buddhist thought in India. Three phases of Buddhist philosophy, L., [1962].
Н. Кутасова. Москва.

НИСИ, Аманэ (псевд. — Караки, Тэикои) (1829—97) — япон. философ-позитивист, юрист и экономист, гос. деятель. После бурж. революции 1867 сотрудничал в журн. «Мэйроку дзассэн», пропагандируя идеи просвещения и «обновления духа народа», согласующиеся с политической бурж.-помещичьей пр-ва. С 1879 — чл. комитета по созданию Японской академии наук, затем — ее президент. Н. первым в Японии применил европ. термины «философия», «философская наука» («философи но гаку») и др. Соч. Н. «Просвещение на основе законов познания» («Тити кэймо», 1874) и «Теория познания» («Тити сэнсу», 1874) — первые япон. работы по логике. В соч. «Мнение о теориях общественных партий» («Сякайто рон-но сэнсу», 1872) Н. высказывал идеи, близкие к кантовским. Однако Н. выражал сомнения в состоятельности трансцендентальной философии Канта. В социально-политич. области стоял на позициях «просвещенного монархизма»; введение в Японии парламентской системы считал преждевременным.

Рассуждения Н. о социализме и коммунизме, основанные на знакомстве с учениями социалистов-утопистов, крайне поверхностны.

Соч.: Тэцугаку тэсаку сю (Сб. филос. произв.), [б. м., б. г.].

Лит.: Радуль-Затуловский Я. Б., Филос. терминология в «Dictionary Latino-Lusitanicum Japonicum», «Сов. востоковедение», 1945, № 3; Ямадаки Масакадзу. Киндай нихон сисо цуси (Очерк истории совр. яп. мысли), Токио, 1957, с. 33, 40—41; Фунаяма Синъити, Мэйдзи тэцугакуси кэнкю (Изучение истории философии. времени Мэйдзи), Токио, 1959.

Я. Радуль-Затуловский. Ленинград.

НИСИДА, Китаро (1870—1945) — япон. философ-идеалист, основатель одного из направлений в совр. япон. философии — т. н. кютоской школы. Стал известен благодаря своей первой работе «Изучение блага» («Дзэн-но кэнкю», Токио, 1911); признание получил в конце 20-х — нач. 30-х гг. после опубликования работ «Самосознающая система общего» («Ипанся-но дзикакутэки тайкэй», Токио, 1929), «Определение небытия в самосознании» («Най-но дзикакутэки гэйтэй», Токио, 1931), «Основной вопрос в философии» («Тэцугаку-но компон мондай», Токио, 1933), в к-рых изложил свою концепцию. Н. стремился доказать принципиальное отличие вост. философии от западной. Существование такой «единственно истинной» «вост. философии» обусловлено, согласно Н., своеобразием культуры Востока и, в частности, идеей небытия, лежащей в ее основе (см. Полн. собр. соч., т. 7, Токио, 1946—53, с. 44, на япон. яз.). Небытие Н. пытался истолковать с позиций махаянистского *буддизма* секты Дзэн как представление о всеобъемлющем универсуме, к-рый «будучи всем сам есть ничто», «действует без действующего», «определяет без определяющего» (там же, с. 25). Однако, несмотря на специфич., буддистскую терминологию, филос. построения Н. близки по духу совр. *экзистенциализму* и прежде всего *Ясперсу* и *Хейдеггеру*. Согласно осн. филос. концепции Н., названной им «антиинтеллектуалистической», истинное бытие достигается интуитивно благодаря особому «способу рассмотрения вещей» или «способу осознания себя» (т. н. диалектика абс. небытия), позволяющему якобы преодолеть противоположность объективного и субъективного. Общест. развитие Н. представляет как результат взаимодействия общего — небытия и отдельного — человека. Индивидуумов, подлинность отношения к-рых выражается в коммуникации между «Я» и «Ты».

Лит.: Такидзава Кацуми, Нисида Китаро, в сб.: Совр. японские мыслители, пер. с япон., М., 1958; Козловский А. Б., Концепция вост. культуры Нисида Китаро, «ВИМ», 1961, № 2; его же, в кн.: Совр. экзистенциализм, М., 1966; Тосака Дзюн, Сэнсю (Дайрокуан), Избр. произв., 6 изд., Токио, 1948; Каяма Ивао, Нисида тэцугаку (Философия Нисида), Токио, 1955; Нагао Митика, Нисида тэцугаку-но кайсяку (Комментарии о философии Нисида), Токио, 1960; Матао Нода, East-West synthesis in Kitaro Nishida, «Phil. East and West», 1955, v. 4, № 4; Нагаи Ким, The logic of the illogical: Zen and Hegel, там же, v. 5, № 1. Ю. Козловский. Москва.

НИССКИЙ, Григорий, Григорий Нисский (Γρηγόριος ὁ Νέσσης) (ок. 335 — ок. 394), — богослов, виднейший представитель спекулятивной философии в греч. *патристике*. В молодости изучал философию и риторику, затем ушел в монастырь; с 371 епископ г. Ниссы. Н. Г. принадлежит догматико-полюемпч. соч., ряд толкований книг Ветхого завета, диалог «О душе и воскресении, или Макария» — подражание «Федону» Платона, и др. Облик Н. Г. как мыслителя противоречив. По личным связям и субъективным убеждениям он принадлежал к т. н. каппадокийскому кружку церк. писателей, куда входили виднейшие борцы за окончат. оформление твердой ортодокс. догмы — Василий Великий (330—379), Григорий Назианзин (329—390). В то же время огромная филос. эрудиция Н. Г., незаурядная диалектич. глубина его мысли делали для него рамки

ортодоксальности узкими, хотя сам Н. Г. остергался делать апанетстич. выводы из своих концепций. При библейской экзегезе Н. Г. широко пользуется свободной аллегорич. интерпретацией *откровения*, тем самым подчиняя его своим интеллектуалистич. методам. Он испытал сильнейшее влияние язык. неоплатонизма и высоко ценит учение христ. платоника *Оригена*. Сам Н. Г. создал противоречие между своим правоверием и интересом к диалектике антич. склада. В поисках выхода из этого противоречия он впервые выдвинул впоследствии много обсуждавшийся тезис о необходимости размежевания сфер философии и богословия. Другим выходом для него была мистика, с одной стороны, затуманивавшая результаты рационального исследования, но, с другой — ставившая свободное, индивидуалистически-интуитивное познание бога рядом с авторитетом откровения и церкви. Разработанные Н. Г. приемы неоплатонич. интерпретации христианства оказали воздействие на интеллектуалистич. и апанетстич. тенденции Иоанна Скота Эриугены и стимулировали в эпоху *схоластики* мистич. традицию, сохранявшую в превращенном виде элементы антич. натурализма.

Соч.: Migne, PG, v. 44—46; Opera, v. 1—2, B., 1921.
Лит.: Schenkliss H. F., The platonism of Gregory of Nyssa, Berk., 1930; Volkert W., Gregor von Nyssa als Mystiker, Wiesbaden, 1935. С. Аверинцев, Москва.

НИФО (Nifo, лат. Niphus), Агостино (1473—1538 или 1545 или 1546) — итал. философ, представитель *падуанской школы* аверроистов. Учился в Падуе, преподавал в Салерно, Неаполе, Инзе, Болонье, Риме. Считался главой аверроистов. В ранних лекц. курсах, в кн. «Об интеллекте» («De intellectu libri VI et de daemoniis libri III», Venetia, 1503) и в комментариях к *Иби Рошю* (Аверроэсу) («Super tres libros de anima... Aristotelis et Averoy commentatio», Venetia, 1503; «Commentationes in Averrois destructiones destructionum, contra Agarelem», Venetia, 1517) выступал как сторонник теории «единого разума» и отвергал индивидуальное бессмертие человек. души; высказывал сомнение в возможности доказать соответствие души богом; придерживался теории *двойственной истины*, допуская сосуществование постигаемой разумом филос. истины и «истинны» религ. откровения. В области этики отстаивал *гедонизм* в духе *гуманизма* эпохи *Возрождения*. Спасаясь от преследований со стороны церкви, перешел на ортодокс.-католич. позиции и отвергал материалистич. и апанетстич. положения *аверроизма*. В 1518 по поручению папы Льва X выступил против учения *Помпонazzi* о смертности души («... De immortalitate animae adversus Petram Pomponatium», Venetia, 1518). Электически смешивая аргументацию платоников, аверроистов, александристов, истолковывая ее в духе учения *Фоми Аквинского*, Н. обосновывал учение христ. религии о нематериальности и бессмертии человек. души. В последние годы жизни, став придворным философом папской курии, издал лишённые оригинальности комментарии к соч. Аристотеля.

Соч.: Opera, Venezia, 1599; Opuscula moralia et politica, P., 1645.

Лит.: Ренан Э., Аверроэс и аверроизм, пер. с франц., К., [1903]; Fiorentino F., Pietro Pomponazzi, Studi storici su la scuola bolognese et padovana del secolo XVI... Firenze, 1868; Werner K., Der Averroismus in der christlich-peripatetischen Psychologie des späteren Mittelalters, W., 1881; Garin E., I primi scritti del Nifo, «Rinascimento», 1931, № 2; Nobile E., L'idea dell'immortalità dell'anima e la sua efficacia sulla civiltà e sull'educazione, Napoli, 1952; Nardi B., Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV al XVI, Firenze, [1958]. А. Горбунцев, Ленинград.

НИЦШЕ (Nietzsche), Фридрих (15 окт. 1844—25 авг. 1900) — нем. философ, представитель *иррационализма* и *волюнтаризма*, поэт. Учился в Боннском и Лейпцигском ун-тах. С 1869 по 1879 — профессор Базельского ун-та (по классич. филологии).

Творч. деятельность Н. продолжалась до 1889, когда он заболел душевным расстройством.

В филос. развитии Н. обычно выделяются три периода. На первом этапе Н. предстает как последователь учения *Шопенгауэра*, в первую очередь его волюнтаризма, и Р. Вагнера («Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik», 1872;

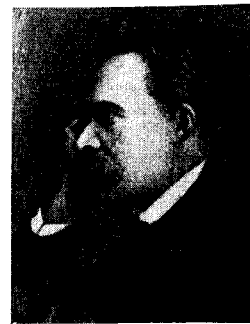
«Unzeitgemäße Betrachtungen», 1873). Второй период отмечен сближением Н. с позитивизмом, естествознанием («Menschliches, Allzumenschliches», 1878; «Die Morgenröthe», 1881). Третий период характеризуется успехом метафизического элемента, постепенной разработкой учения о воле к власти («Die fröhliche Wissenschaft», 1882; «Also sprach Zarathustra», T 11—3, 1883—84; «Jenseits von Gut und Böse», 1886; «Zur Genealogie der Moral», 1887; «Götzendämmerung», 1889; «Der Antichrist», 1888; «Der Wille zur Macht», опублик. 1889—1901).

Философия Н. складывалась в эпоху усиления иррационалистич., а также позитивистских и релятивистских тенденций в бурж. философии. Отвергая кантовский дуализм явления и «вещи в себе» (и в лице Канта — всю рационалистич. традицию 17—18 вв.), Н. обращается к досократовской философии, привлекающей его перасчлененностью мысли и бытия в противоположность аналитич. тенденциям и абстрактной систематике более поздней философии. Осн. понятия философии Н. — «мир», «жизнь», «вещь», «становление», «человек» и т. д. — шикретич. плана: они призваны восстанавливать цельность бытия и получают свой конкретный смысл в зависимости от контекста. Для Н. характерно произвольное употребление общепринятых терминов; свои идеи он часто облекал в форму фрагмента, афоризма.

Мир, согласно Н., есть становление, беспечность к-рого конкретизируется Н. в идее «вечного возвращения одного и того же». Понимая становление как чистое движение, а не как движение к-л. предел. субстанции, Н. приходит к противоречиям, средоточием к-рых оказывается понятие «вещи», предполагающее момент устойчивого в хаосе становления (см. Werke, Bd 16, Lpz., 1912, fr. 516, 551; ср. fr. 531, 634). В основе мира лежит «воля», понимаемая многозначно: как нек-рая движущая сила «становления», изменчивая действительности; как «сущее» в его динамичности (аналогично «материи» др.-греч. пилонистов — см. там же, fr. 619); как страсть, чувство, аффект с различными оттенками (см. там же, Bd 7, 1904, S. 28—29); как «воля к власти», к расширению своего «Я», к экспансии. У человека «воля к власти» тождественна «воле к жизни», т. е. подразумевает инстинкт самосохранения и борьбу за существование (Н. пользовался идеями *Дарвина*, перенося их на человек. общество). Т. о., метафизич. проблематика, первоначально изгоняемая Н. из философии как абстрактная, возвращается в нее в форме волюнтаристич. идеализма.

«Жизнь» — центр. понятие у Н., являющегося родоначальником направления *философии жизни*. Жизнь — это мир в аспекте его данности познающему субъекту; это мир, рассмотренный как организм; наконец, это истина и единств. реальность, к-рой должно быть подчинено духовное начало в человеке.

Человека Н. рассматривает как биологич. организм, в процессе развития вырабатывающий все более сложные формы приспособления к окружающему миру. Человек в первую очередь есть тело; это нек-рая нерар-

хич. структура, где интеллект есть высший слой, необходимый для сохранения низших, жизненных и жизненно необходимых инстинктов. Подчеркивая генетич. опосредованность разных уровней человек. психики, Н. полагает, что в человеке в снятом виде присутствуют все ступени его эволюции (см. там же, Vd 15, fr. 104; Vd 13, fr. 492 и др.).

Агностиц. и прагматич. тенденция философии Н. обнаруживается в его понимании интеллекта, к-рый «не познает, а схематизирует» мир в той мере, в какой это нужно для практич. потребностей (см. там же, Vd 16, fr. 515). Все мышление как сквозь метафорично (см. там же, Vd 10, 1903, fr. 140, ср. также fr. 171, 194), причем образность еще связывает человека с действительностью, тогда как науч. понятия лишены и этой связи. Согласно Н., причина, последовательность, относительность, число, закон, свобода, основание, цель и др. категории суть субъективные функции и отнесение их к миру есть мифология (см. там же, Vd 7, S. 33; о числе — см. Vd 16, fr. 490). Вообще дискретный образ мира является иллюзорным, хотя дискретность обеспечивает возможность мышления (см. там же, Vd 12, 1901, fr. 24 и др.).

В том же прагматич. духе Н. истолковывает и человек. убеждения, к-рые образуют иерархию: от присущих всем людям жизненно необходимых «фикций» (см. там же, fr. 16) до сугубо индивидуальных. В ранних прозв. Н. понимал эту иерархию так, что некоторая субъективная, личная мифология в условиях общественного («стадного») существования подвергается ивешиванию ввиду возможных вредных ее последствий для общества путем создания мифологии коллективной. В теории познания Н. развивает идею «перспективизма»: существует множество оценок одного и того же разными субъектами, что не означает неправомерности каждой из них: «Каждый центр сил конструирует, исходя из себя, весь остальной мир» (там же, fr. 636, ср. fr. 567).

Науку Н. рассматривает «как по возможности верное очеловечивание вещей: мы учимся все точнее описывать себя, описывая вещи в их последовательности» (там же, Vd 5, 1904, fr. 112). Видя в математике «только средство самого общего знания человека», Н. пишет: «все, в применении к чему слово „познание“ имеет смысл, относится к той области, где можно считать, взвешивать, измерять. — к количеству: в то время как все наши оценочные восприятия (т. е. вообще все наши восприятия) привязаны к качествам, т. е. к нашим и только нам одним принадлежащим «истинам», которые вообще не могут быть „познаны“» (там же, Vd 16, fr. 565). В ряде мест Н. предвосхищает логич. проблематику *неопозитивизма*, таковы, напр., его высказывания об иллюзии науки без постулатов (см. там же, Vd 5, fr. 344); о возможности исчисления всех метафизич. систем, понятых как варианты одной схемы (см. там же, Vd 7, S. 31); о логике практич. мышления (см. там же, Vd 5, fr. 111) и др.

Этика и эстетика. В этике Н. выступает как представитель *нигилизма*. Совр. культура оценивается им как культура «декаданса»: возрастание роли интеллекта ослабляет основные, первонач. инстинкты человека, уничтожает ощущение слитности его с миром; жизнь как единств. абс. ценность уменьшается в ее значении. Для культуры эпохи декаданса, по Н., характерны: христ. мораль с ее культом духовного и милосердием, шопенгауэровское отрицание ценности жизни и «реяния сострадания». Мораль играет разлагающую роль — она есть послушание, «формальная совесть», выработанная человеком в коллективах (племенах, народностях, гос-ве, церкви), есть «инстинкт толпы», развившийся в ущерб приказыванию (см. там же, Vd 7, fr. 198). Усматривая нарушение естеств. иерархии в преобладании историзма

в мышлении (как моменте абстрагирования от настоящего, т. е. от жизни) и распространении демократич. идеологии, закрепляющей «стадные» инстинкты, Н. обрушивается на социализм, на рабочее и массовое движение вообще, на христианство и его мораль, на все то, что проникнуто «демократическим» духом. Критика культуры у Н. — это критика изнутри, средствами «декаданса». Н. с его теорией «вечного возвращения» отрицает обществ. прогресс, противопоставляя ему *amor fati* (любовь к судьбе), отвергает с антидемократич. позиций идеи равенства и справедливости как разлагающие цельность человек. природы, защищает социальную иерархию и развивает элитарную концепцию абс. господства «высшей касты» — немногих людей, имеющих право «воплощать счастье, красоту, добро», над подавляющим большинством — «посредственностью», к-рую не общество, а сама природа будто бы предназначила к тому, чтобы быть «общественной пользой, колесом, функцией: «для посредственного существовать в качестве посредственного — счастье» (там же, Vd 8, S. 301, 303). Призывая к «переоценке всех ценностей», Н. видит идеал в возвращении к первично-жизненному, к естественному, в к-ром требование свободы человек. личности от лицемерных притязаний бурж. морали сочетается с апологией инстинктивных сторон в человеке. Образ «сверхчеловека» отражает те же стороны его критики морали: это образ человека, индивидуалистически преодолевающего нынешний мир и нынешних людей — вне всяких моральных норм и с крайней жестокостью; но это также и идея «человека будущего», оставившего позади современность с ее пороками и ложью. Образ «сверхчеловека» — это и культ сильной личности, одержимой волей к власти.

В своей критике и отрицании морали Н. пытается опереться на некоторые филос. доводы. Во-первых, механистич. идея абс. детерминизма приводит Н. к выводу о полной произвольности всех критериев морали (Н. отрицает существование свободы воли), поскольку все человек. поступки внешне обусловлены, а потому моральная оценка к ним неправомерна. Во-вторых, согласно Н., все формы человек. поведения маскируют «волю к власти», к-рая у людей слабых проявляется как воля к «свободе», у более сильных — как воля к большей власти и, если безуспешно, то как воля к «справедливости», у самых сильных — как любовь к человечеству, чем прикрывается стремление к подавлению чужой воли (см. там же, Vd 16, fr. 776). Позитивистские и волюнтаристские представления Н. тесно связаны и с его атеизмом, из к-рого для Н. явно следует отрицание морали. Наконец, представление о хаотичности мира, об отсутствии в нем закономерного развития (противоречащее детерминизму) означает для Н. и бессмысленность морали.

Для Н. как философа жизни критерием оценки всех явлений духа служит степень автоматич. включенности человека с их помощью в стихийный и нерасчлененно-целостный поток жизни. Ценность искусства, напр., в его аналогичном подобии жизни, его «энергичности». Рассматривая иск-во как «метафизическое дополнение действительности — для преодоления последней» (там же, Vd 1, 1909, fr. 167), Н. выделяет в нем два начала: «дионисийское» (стихийное, органистическое, экстатическое) и «аполлоновское» (просветленное, гармоническое, рефлексивное). Эти противоборствующие силы характеризуют само бытие, причем дионисийское, изначально-жизненное лежит в основе бытия; идеал культуры заключается в опосредовании и достижении равновесия этих полярных начал. Иск-во — это сублимация чувств. удовольствия; восприятие произведения иск-ва сопровождается возбуждением полового инстинкта, оьянением, жестокостью (как глубинными состояниями психики); их смешение про-

изводит эстетич. состояние; иск-во есть «избыток, излишние цветущей телесности в мир образов и желаний» (там же, Bd 16, fr. 801, 802). Биологизируя эстетику, Н. определяет ее как «прикладную физиологию», а в эстетич. чувстве видит интуитивную оценку явления как полезного или вредного для организма (там же, fr. 804).

Многие идеи Н., выраженные им в неясном и несистематич. виде, получили развитие в философии жизни, позитивизме, прагматизме, феноменологии, экзистенциализме. Из философов, непосредственно и сознательно примыкавших к Н., следует отметить Файхтингера с его фикционализмом, видевшего в Н. своего осн. предшественника; Зиммеля с его концепцией целостной «жизни», к-рой обнаруживает близость к Н. и идею борьбы за существование («воля к жизни»), и в морали; Кляггеса, развившего иррационалистич. идеи Н. о духе и познании как враждебных жизни; Шпенглера, в философии истории к-рого была развита идея культурных циклов, подготовленная представлениями Н. о «вечном возвращении» и о действительности как организме. Н. превосходил идеи и установки психоанализа в понимании человека как единства нескольких уровней, в своей борьбе с моральными предрассудками (ср. там же, Bd 7, fr. 35—37, 46 и др.), в концепции иск-ва и творчества (гениальность как форма невроза — см. там же, Bd 16, fr. 812) и т. д. Раннего Фрейда с Н. сближает гегетич. подход к психике, объясняющий явления высшего уровня из связи с явлениями низших уровней. «Воля к власти» в близких значениях фигурирует у Г. Адлера и Юнга для обозначения одного из комплексов.

Ницшеанство — течение, связанное с именем Н., было одним из самых реакц. явлений в культурной жизни Европы и особенно Германии первых десятилетий 20 в. Оно представляло собой продукт приспособления отд. сторон и идей философии Н., с одной стороны, к потребностям национализма и милитаризма, получивших законченное выражение в фашизме, а с др. стороны — к декадентскому эстетству начала века. В обоих случаях на первый план в ницшеанстве выступали моральный релятивизм, человеконенавистнич. идеи, волюнтаризм, идеи сильной личности, расизм и антисемитизм. Мелкобурж. круги, тяготевшие к ницшеанству, были захвачены критикой Н. капитализма, мещанской, филистерской морали, утилитаризма, его иррационализмом и алогизмом. Фашистские идеологи (А. Розенберг и др.) стремились опереться на философию Н. для оправдания политики «третьего рейха». Превращение философии Н. в профашистскую идеологию способствовала, в частности, деятельность кружка, группировавшегося вокруг сестры Н. — Э. Ферстер-Ницше, к-рая не останавливалась даже перед фальсификацией его соч. (см. К. Schlechta, Der Fall Nietzsche, Münch., 2 Aufl., 1959). Фашисты (пытавшиеся использовать в своих целях и Гёте, и Гёльдерлина, и нем. классич. идеализм) обратились к идеям Ницше о завершенности духа, языка, мышления от расы для обоснования расизма.

В трудах марксистских критиков содержится критика ницшеанства как явления, выразившего идеологию реакц. классов. В своем конечном значении, в объективно-историч. условиях своего распространения, философия Н., как писал Меринг, была «... прославлением крупного капитала, и в этом своем качестве она пошла широкою публику» (Лит.-критич. статьи, т. 2, М.—Л., 1934, с. 508—09). Плеханов видел в аморализме Н. «... настроение, свойственное буржуазному обществу времен упадка...» и отмечал, что «... новейший индивидуализм, нашедший себе самого яркого представителя в лице Фридриха Ницше, является протестом против поступательного движения масс, поскольку в нем сказывается не опасение

за права личности, а боязнь за классовые привилегии» (Избр. филос. произв., т. 3, 1957, с. 409, 446—47).

Соч.: Werke, Bd 1—19, Lpz., 1903—13, Bd 20 (Register), Lpz., 1926; Gesammelte Werke. Musarion-Ausgabe, Bd 1—23, Münch., [1920]—29; Werke und Briefe. Historisch-kritische Gesamtausgabe: Werke, Bd 1—5, Münch., 1933—40; Briefe, Bd 1—4, Münch., 1938—42; Werke, hrsg. von K. Schlechta, 2. Aufl., Bd 1—3, Münch., 1960; Gesammelte Briefe, Bd 1—5, Lpz., 1902—1909; в рус. пер.— Полн. собр. соч., т. 1—3, 9, М., 1909—1912.

Лит.: История философии, т. 3, М., 1959, с. 356—60; О дусев С. Ф., Реакционная сущность ницшеанства, М., 1959; Шварц Т., От Шопенгауэра к Хейдеггеру, пер. с нем., М., 1964; Файхтингер Г., Н. как философ, М., 1902; Трубецкой Е. Н., Философия Н., М., 1904; Миртов Д., Нравств. автономия по Канту и Н., СПб., 1905; Шестов Л., Добро в учении гр. Толстого и Ф. Н., СПб., 1907; его же, Достоевский и Н. (Философия трагедии), СПб., 1908, Берлин, 1922; Рогочев В., Фр. Н. Схематизированная интерпретация его философии, Париж, 1909; Риль А., Ф. Н. как художник и мыслитель, СПб., 1909.

Общие работы: Vertram E., Nietzsche, В., 1918; Andler Ch., Nietzsche. Sa vie et sa pensée, t. 1—6, P., 1920—31; Vaihinger H., Die Philosophie des Als-Ob, 7 und 8 Aufl., Lpz., 1922, S. 771—90; Liebmann W., Nietzsche für und gegen Vaihinger, Münch., 1923; Jaspers K., Nietzsche, 3 Aufl., В., 1950; его же, Nietzsche und das Christentum, 2 Aufl., Münch., 1952; Wolff H. M., Fr. Nietzsche. Der Weg zum Nichts, Bern, 1956; Kaufmann W., Nietzsche: Philosoph, psychologist, antichrist, N. Y., 1956; Löwith K., Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkunft des Gleichen, Stuttg., 1950; Mehring F., Lukács G., Fr. Nietzsche. Gesammelte Aufsätze, В., 1957; Kremenarietti A., Thèmes et structures dans l'oeuvre de Nietzsche, P., 1957; Stambaugh J., Untersuchungen zum Problem der Zeit bei Nietzsche, Den Haag, 1959; Heidegger M., Nietzsche, Bd 1—2, Stuttg., 1961; Heftich E., Nietzsches Philosophie. Identität von Welt und Nichts, Frankf., [1962]; Schlechta K., Anders A., Fr. Nietzsche. Von den verborgenen Anfängen seines Philosophierens, Stuttg., 1962; Kerkhoff M. H., Physik und Metaphysik, Münch., 1963 (Diss.); Bartuschat W., Nietzsche. Selbstsein und Negativität. Zur Problematik einer Philosophie des sich selbst vollendenden Willens, [Hdb.] 1964 (Diss.).

Н. и естествознание. Steverding B., Nietzsches Verhältnis zur Naturwissenschaft und Naturphilosophie, Münster, 1951 (Diss.); Mittasch A., Fr. Nietzsche als Naturphilosoph, Stuttg., 1952.

Н. в истории философии. Oehler R., Fr. Nietzsche und die Vorsokratiker, Lpz., 1904; Simmel G., Schopenhauer und Nietzsche, 3 Aufl., Lpz., 1923; Bianquis G., Nietzsche en France, P., 1929; Nietzsche. Études et témoignages..., P., 1950; Emge C. A., Der umgedrehte Platonismus. Anregungen Nietzsches zur Situationsphilosophie, Wiesbaden, 1954; его же, Über das bleibende Erbe Nietzsches, Wiesbaden, 1955; Quinze années d'études nietzschéennes en France, P., 1962—63 (La Revue des lettres modernes, № 76—77); Löwith K., Von Hegel zu Nietzsche, 5 Aufl., Stuttg., 1964.

Этика Н. Heimsöeth H., Metaphysische Voraussetzungen und Antriebe in Nietzsches «Immoralismus», Wiesbaden, 1955; Benz E., Nietzsches Ideen zur Geschichte des Christentums und der Kirche, Leiden, 1956.

Эстетика Н. Diem G., Das Wesen der Kunst im Denken Nietzsches, Köln, 1954 (Diss.); Schwannauer F., Die Literaturtheorie Fr. Nietzsches, Stuttg., 1963; Schulte G., Das Verhältnis von Kunst und Erkennen in der Philosophie Nietzsches, Köln, 1964. Ал. В. Михайлов. Москва.

НИЦШЕАНСТВО — течение в духовной жизни многих стран Европы конца 19 — нач. 20 в., сложившееся под влиянием идей философии Ницше.

НИЦЕФОРО (Niceforo), Альфредо (3 янв. 1876 — 2 марта 1960) — итал. бурж. социолог, криминалист и статистик. Проф. социологии в Сорбонне (1919—20), проф. статистики в ун-те Неаполя (1920—31), проф. по криминологии и антропологии в Римском ун-те (с 1931). Н. известен как один из пионеров применения статистич. метода в социологии. Идеи Н. близки к школе Ломброзо, в них также заметно влияние Парето и Михельса. Исходя из психологич. и биологич. неравенства людей, Н. делает реакц. вывод, что все высокоразвитые признаки сосредоточиваются у образованного меньшинства — носителя социального, а низкоразвитые — у отсталого большинства — носителя антисоциальных сил и желаний. В конечном счете в основе как социального, так и антисоциального у Н. выступают скрытые биологич. инстинкты, на основе к-рых возникают все психологич. стремления,

желания и страсти (см. «Sociologia e altri scritti», Mill., 1959, p. 11). По принципу «симпатии к сходным и антипатии к разным» оформляются различные социальные группы. Иерархия таких групп, по Н., полностью зависит от иерархии психич. признаков их членов. Как следствие этого выводятся антинауч. идеи о необходимости и неизменности взаимной борьбы людей, рас, о значении «аристократии духа» (элиты) в развитии общества. При анализе причин различия форм социальной жизни в разных обществах Н. в первую очередь выделяет географич. окружение, этнич. тип (расу), психологию народа, предшествующую историю общества и лишь в последнюю очередь его социально-экономич. окружение (см. там же, p. 14—15). Пороки капиталистич. общества Н. считал «универсальными» и заявлял о скрытой преступности любого человек. существа, коренящейся в изначальных инстинктах. Большое внимание Н. уделял анализу психологии личности и психобиологич. аспектам языка и культуры. Н. один из первых итал. социологов, изучавших условия жизни трудящихся классов.

С о ч.: *Il gergo nei normali, nei degenerati e nei criminali*, Torino, 1897; *L'Italia barbara contemporanea*, Palermo, 1898; *Les classes pauvres. Recherches anthropologiques et sociales*, P., 1905; *Forza e ricchezza*, Torino, 1906; *Ricerche sui contadini*, Palermo, 1907; *Antropologia delle classi povere*, Mil., 1910; *La génie de l'argent*, P., 1912; *Les indices numériques de la civilisation et du progrès*, P., [1921]; *Il metodo statistico*, Messina, [1923]; *Introduzione allo studio della statistica economica*, Messina—Mil., [1934]; *Criminologia*, v. 1—5, Mil., 1941—53; *L'«IO» profondo e le sue maschere*, Mil., 1949; *Il mito della civiltà, il mito del progresso*, Mil., [1951]; *Avventure e disavventure della personalità e delle umane società*, Mil.—Roma, 1953; *Schematico profilo di una sociologia generale in cinquanta paragrafi*, в кн.: *Sociologia e altri scritti*, Mil., 1959.

Н. Добронравов. Москва.

НИЧТО — отсутствие, небытие конкретного существа или же отсутствие бытия вообще — категория ряда идеалистич. систем *онтологий*. В материалистич. философии Н. не является филос. категорией, т. к. она исходит из того, что материальный мир неуничтожим, а чистое несуществование и абс. пустота невозможны. В истории же идеалистич. философии начиная с античности можно проследить два осн. подхода к Н. В системах одной группы (*Платон* и *неоплатонизм*, христ. пантеистич. мистика, *Гегель* и др.) Н. причисляется к ключевым категориям онтологии (как бог, бытие, абсолют и т. п.) и отвергается принцип *Ex nihilo nihil fit* (из Н. ничего не возникает) как несовместимый с наличием у категории Н. позитивного понятийного содержания. При втором подходе к проблеме утверждается происхождение Н. из формального отрицания, т. е. Н. является только формально-логическим номиналистическим понятием, а роль проблемы Н. в онтологии полностью снимается.

Оба эти понимания Н. наметились уже в антич. философии, где элеаты представляли номиналистич. позицию («...Бытие есть, небытия же нет» — Парменид, О природе, см. рус. пер. А. О. Маковельский, Досократики, ч. 2, Каз., 1915, с. 37), Платон же — противоположную ей («Говоря о несуществующем, мы говорим, как видно, не о чем-нибудь противном существующему, а только о различном» — *Soph.* 257B). В становлении этих позиций значит. роль сыграло наличие в греч. языке двух способов выражения отрицания — *ού* (формальное утверждение несуществования, чистое не) и *μή* (не-определенность, не-оформленность с оттенком «уже не» или «еще не»). В развитии номиналистич. трактовки Н. след. этап составляют ветхозаветная философия и ортодокс. христ. догматика в ее не-платонизированном, непантеистич. понимании, господствовавшим в ср.-век. философии. Формально-отрицат. характер ортодокс.-христ. понимания Н. был вскрыт Декартом и его школой в учении о Н. как *Nihil negativum* (Н. отрицательное), а также Мальбраншем. В новом аспекте

концепция Н. как *Nihil negativum* была возрождена Бергсоном, утверждавшим, что идея абс. небытия, понимаемого как уничтожение всего, есть псевдоидея, не более, как слово (см. «Творческая эволюция», СПб, 1914). Но наиболее резким отрицанием онтологич. значения Н. является, согласно Хейдеггеру, система Ницше, в к-рой понятие Н., как и понятие бытия, объявляется полностью бессодержательным.

Противоположный подход, когда Н. причисляется к центр. категориям онтологии, был свойствен мн. системам инд. философии (веданта, буддизм), где категория Н. по смыслу связывалась с такими понятиями, как *нирвана* и *майя*. В европ. философии исследование положит. содержания проблемы Н. исторически осуществлялось в форме довольно независимой разработки двух взаимно дополняющих аспектов проблемы, выражающих Н. в его отношении к богу (или же чистому бытию) и к человеку.

Н. и б о г. Взаимосвязи христ. представлений о боге с «положительно» понимаемой категорией Н. рассматривались в неортодокс. мистич. системах апофатич. богословия, а также у позднего Шеллинга и (отчасти) Вл. Соловьёва. Поскольку обе категории, являясь «бесконечными», первоначально выступают как чистые абстракции, исходным моментом исследования служило обычно формальное их отождествление. Природа «божеств. Н.» — изначального тождества Н. и бога, согласно перечисл. системам христ. диалектики, является двойственной. Прежде всего, *ad intra* в природе божества заключается момент его нераскрытости, недифференцированности. В этом своем модусе бог есть безосновность и бездна (Экхарт, Бёме), или же *Deus implicitus* (Шеллинг). Независимо от этого, *ad extra* божество есть ископн неизреченное, неизменяемое, тем самым — Н. для тварного восприятия, для-нас-Н. По своему содержанию самораскрытие для-нас-Н. есть то, что именуется богочеловеч. процессом: опознание бога тварью через сопричастие или же подятие твари из небытия к бытию свободным приятием бога. Согласно традиц. представлениям рус. религ. философии (Вл. Соловьёв и его последователи), богочеловеч. процесс есть особое измерение человек. истории, в к-ром она становится более чем фактором эмпирич. бытия, осмысливаясь и обретая определ. онтологич. статус. Что же касается самораскрытия божеств. Н. как для-себя-Н., то его содержанием является теогония — становление бога из Н. В пантеистич. системах (напр., Бёме) она является вместе и космогонией — творением мира из Н. В более развитых системах (Экхарт, Бёме и в особенности поздний Шеллинг — см., в частности, его «Философские исследования о сущности человек. свободы», СПб, 1908) Н. рассматривается как безосновное и бездонное (*Ungrund* и *Abgrund*). Оно оказывается в боге независимым от него началом, воля к-рого отлична от воли божьей — воли любви. Отсюда возникают конечность твари, ее своеволие, возможность добра и зла, и категория Н. становится ключом к решению апорий происхождения зла и сущности человек. свободы.

Замена формально-отрицат. Н. на «позобильное» (термин Экхарта) божеств. Н. отражает явную тенденцию неортодоксальной (в особенности пантеистич. мистики к разрыву с догматич. представлениями о непостижимости бога и дуализме бога и мира. В этом плане завершающей стадией оказывается гегелевская концепция Н., к-рая в своей общей структуре весьма сходна с описанными учениями христ. диалектики, однако и существенно от них отличается полным отрицанием непостижимости бога, а также четкой разработкой схемы диалектич. процесса. Различение между субъективным и объективным диалектич. процессом здесь отсутствует с самого начала. Место

их обоих занимает единств. процесс самораскрытия тождества Н. и бытия — диалектич. самодвижение понятия, абс. идеи.

Н. и здесь-бытие. В 20 в. во мн. филос. направлениях вновь наблюдается обращение к проблематике Н. Возрождение интереса к Н. связано прежде всего с «фундаментальной онтологией» Хейдеггера и экзистенциализмом Сартра. Гл. предметом исследования в этих системах оказывается Н. в его отношении к реальному бытию — бытию сущего, здесь-бытию (Dasein).

В основе концепции Сартра лежит весьма расширит. толкование сферы небытия, к к-рой он относит любые суждения, свойства, понятия, если в них можно обнаружить момент негации. Но т. к. Сартр принимает, что «само по себе Ничто не может существовать» («L'être et le néant», Р., 1943, р. 58), то для проявления Н. в мире оказывается необходимым нек-рый особый род бытия — человек. сознание, человек. Сознание (pour-soi — для-себя-бытие) должно быть принципиально отлично от бытия как такового, в-себе-бытия (en-soi), оно само должно являться Н. по отношению к самому себе, находиться вне бытия, быть от него независимым, свободным. Возможность человека выделять Н., изолирующую его из en-soi и тем освобождающую от него, Сартр и называет свободой. В философии Хейдеггера концепция Н. строится из анализа временности или погруженности во время, составляющей специфику здесь-бытия. Будучи погруженным во время, здесь-бытие охвачено заботой, т. е. устремлено вперед, непрестанно проектирует свое существование. Оно как бы постоянно собирается существовать, никогда, однако, не достигая подлинного существования, и потому ему присуще «ничтожество существования» (die Nichtigkeit), выражающееся в том, что здесь-бытие есть полу-сущее, полу-не-сущее, к-рое ничему не может принадлежать целиком. Т. о., сущее — во власти времени, а уничтожаемое (das Nichtende, содержимое сферы Н.) от него свободно. Однако это хронологич. неравноправие не означает онтологич. первенства Н. над бытием, а скорее приводит к установлению между здесь-бытием и Н. своеобразного «динамич. равновесия»: Н. пронизывает всю сферу сущего как временного, активно действует в мире. «Ничто и бытие принадлежат друг другу» (Heidegger M., Was ist Metaphysik?, Bonn, 1931, S. 24), друг другом беспрестанно овладевая. Этим предполагается, в частности, что Н. есть граница бытия, его выявляющая и оформляющая: «из светлой ночи Ничто страх извлекает и сконнью открытость сущего как такового; что именно сущее есть — а не Ничто» (там же, С. 18—19). Благодаря своему динамизму Н. уничтожает (nichtet) и в этом смысле оно есть, т. е. причастно бытию, хотя и не принимает статуса сущего, а имеет свою сущностью уничтожение, является «уничтожительной активностью». Однако, не являясь сущим, Н. не может и сопричастовать бытию как открытому, как истине, и поэтому «является бытием только как тайно и не-истиной» (Chioldi P., L'ultimo Heidegger, Torino, 1965, p. 82), хотя «сама истина обнаруживается только благодаря Ничто, как «границе бытия» (W. Richardson, Heidegger. Through phenomenology to thought, The Hague, 1962, p. 202). Как динамич. граница бытия, и вместе — уничтожит. активность, Н. оказывается одновременно и основой, на к-рой покоится сущее, и бездной, в к-рой последнее исчезает (диалектика основы, развитая впервые Э. Хартманом).

В онтологии Хейдеггера проблема Н. рассматривается как экзистенциальная проблема, т. е. как касающаяся человека в его отношении к самому себе. Она состоит в анализе отношения Н. к человеку как

экзистенции и в выяснении результатов и смысла переживания Н. Переживание Н. делается для человека возможным благодаря пограничным ситуациям (термин Ясперса); среди них осн. роль играет страх, к-рый в своей основе есть осознание конечным собой. конечности, иначе говоря — опыт смерти. «Страх обнаруживает Ничто» (Heidegger M., Was ist Metaphysik?, S. 16). В переживании Н. человек осознает себя как отличное от всех других, вычленил себя не только из мира природы, но и из всего человеч. рода. В этом — ценностное содержание Н.

Учение Хейдеггера о Н. оказало значит. влияние на протестантскую «диалектич. теологию» в лице П. Тиллиха, к-рый включил это учение в свою систему онтологии, подвергнув его незначит. переработке.

Используемое экзистенциальной философией понятие Н. существенно отличается от божеств. Н. Природа этого различия исследовалась в рус. религ. философии 20 в. «системами всеединства» Л. Карсавина, П. Флоренского, С. Франка. Им утверждалось, что это различие вызвано неопределенностью, незавершенностью метафизич. статуса твари в ее отношении к богу: уничтожительность Н. по отношению к твари есть лишь проявление того, что тварная личность (экзистенция) задержалась на пути от небытия к полноте бытия, что она — образ божий (теофания) не ставший. Однако неискоренимый ужас твари перед этой уничтожительностью — метафизич. страх смерти — свидетельствует о том, что тварь все же в пути, что она — теофания становящаяся. В этом свете возможность самоубийства признается единств. возможностью утвердить уничтожительность Н., преодолеть замысел божий о твари и одержать верх над богом. Убить себя — значит самому стать богом (см. Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 7, 1957, с. 124).

См. также *Идеализм, Платон, Страх, Существование*.

Лит.: Мейстер Экхарт, Проповеди и рассуждения, пер. с нем., М., 1912; Булгаков С., Свет невечерний, [М.], 1917; Лосев А. Ф., Античный космос и современная наука, М., 1927; Кузанский Н., О неинном, Избр. филос. соч., М., 1937; Соловьев В. С., Чтения о богочеловечестве, Собр. соч., т. 3, СПб., б. г.; Гегель, Наука логики, кн. 1, Собр. соч., т. 5, М., 1937; Tauler J., Vom eigenen Nichts, в его кн.: Predigten, Bd 1, Jena, 1913; Kahl-Furthmann G., Das Problem des Nichts, В., 1934; Morot-sir E., Philosophie et mystique, Р., 1948; Meulen J., Heidegger und Hegel oder Widerstreit und Widerspruch, Meisenheim, 1953; Leisegang H., Die Gnosis, 4 Aufl., Stuttg., 1955; Deucalion, Néhat., 1955; Birault H., Heidegger et la pensée de la finitude, «Rev. internat. philos.», 1960, fasc. 2, № 52. Флоренский П., Столп и утверждение истины, М., 1914; Трубенцкой Е. Н., Смысл жизни, «Вопр. филос. и психол.», 1918, кн. 141—142 (I—II); Карсавин Л. П., Soligia, П., 1919; Бердяев Н. А., Метафизич. проблема свободы, «Путь», 1928, № 9; его же, Философия свободного духа, т. 1, 2, П., 1937; его же, Опыт эсхатологической метафизики, Париж, 1947; Нарский И. С., Понятия «нигилизма» и «ничто» в экзистенциализме М. Хейдеггера и антикоммунизма, «ФН» (НДВШ), 1964, № 3; Heidegger M., Vom Wesen des Grundes, в кн.: Festschrift Edmund Husserl zum 70. Geburtstag gewidmet, Halle, 1929; его же, Der Satz vom Grund, Pfullingen, [1957]; Lavelle L., Le moi et son destin, Р., 1936; Kuhn H., Begegnung mit dem Nichts, Tübingen, 1950; Jolivet R., Le problème de la mort chez M. Heidegger et J.-P. Sartre, [P.], 1950; Tillich P., Systematic theology, v. 1, Chi., [1951]; Wahl J. A., Les philosophies de l'existence, Р., [1954]; Meinertz J., Das Sein und das Nichts, die Angst der Tod und die Zeit, «Z. philos. Forschung», 1955, Bd 9, H. 1, 3; Müller J., Absurdes Sein?, [Stuttg.], [1959]; Guzzoni A., Ontologische Geburtstag, Festschrift, Pfullingen, 1959; Desan W., The tragic finale. An essay on the philosophy of J.-P. Sartre, N. Y., [1960]; Wilson R. B., A concise dictionary of existentialism, N. Y., 1960; Charpelle A., L'ontologie phénoménologique de Heidegger, Р., [1962]; Damske J., Sein, Mensch und Tod, Münch., [1963]. С. Хоружий, Москва.

«НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ. Ответ на „Философию нищеты“ г-на Прудона» — труд Маркса, в к-ром дан науч. анализ экономич. основ капиталистич. общества и изложены важнейшие прин-

цпынн диалектико-материалистич. мировоззрения. Ближайший повод к созданию книги — опубликование осенью 1846 в Париже работы Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты». Ответ Маркса появился в начале июля 1847 на франц. яз. Непривлекательность критики, с к-рой Маркс обрушился на сочинение Прудона, объясняется тем, что мелкобурж. иллюзии, облеченные Прудоним в демагогич. фразеологию, получали все более широкое распространение в рабочем движении, грозя увести его в сторону от революц. борьбы. В противовес прудоновским утопич. планам реформирования капиталистич. общества, Маркс, основываясь на экономич. анализе, указал пути его революционного преобразования.

«Н. ф.» состоит из двух глав. Первая, прописанная названная «Научное открытие», целиком посвящена критике экономич. взглядов Прудона. Основываясь на глубоком понимании органич. связи между товаром и деньгами, Маркс развенчал теорию «рабочих денег» Прудона, а также его идею создания «нар. банков» как средства преобразования бурж. общества; Маркс показал, что подобные планы, не затрагивающие самого товарного произ-ва, являются псевдоутопическими, т. к. в них игнорируется определяющая роль произ-ва по отношению к сфере обращения. Не довольствуясь простым восстановлением в правах теории трудовой стоимости, созданной Смитом и Рикардо, Маркс, в отличие от последних, рассматривает бурж. общество не как естественный и вечный порядок, а как конкретно-историч., преходящую форму общества. Несмотря на то что в «Н. ф.» говорится еще о стоимости «труда» (а не рабочей силы), в понимании Марксом «труда-товара» содержатся важные элементы будущей теории прибавочной стоимости.

Вторая глава «Н. ф.» — «Метафизика политич. экономии»; центр тяжести перенесен здесь на критику филос. эклектики Прудона, в к-рую вылилась его попытка диалектически изложить науку политич. экономии. В «Н. ф.» показано, что Прудон не только не сумел применить диалектику к политич. экономии, но ухудшил дело тем, что внес в нее совершенно чуждый ей дух идеалистич. философии. Политич. экономия превратилась у Прудона в прикладную метафизику: вместо единой системы диалектически связанных между собой экономич. категорий, долженствующей отразить структуру бурж. общества, у Прудона налицо оказалась произвольная причудливая связь категорий, образующая десять отд. «фаз» или «эпох» соответственно количеству рассмотренных им категорий.

Неудачу Прудона Маркс объясняет тем, что тот, во-первых, разделял т. зр. идеалистич. философии и, во-вторых, усвоил лишь внешнюю, формальную сторону гегелевской диалектики, ее язык и никогда не понимал сущности диалектики. Так, Прудон объявляет противоречия аномалией и спешит их ликвидировать, позбрав формулы их примирения и «нейтрализации». В действительности же «существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 136). Критикуя образ мышления Прудона с позиций материалистич. диалектики, Маркс показал практич. непригодность «абсолютного метода» Гегеля. Диалектич. метод в той форме, какую он имеет у Гегеля, не может быть использован в политич. экономии, т. к. в нем действит. история приносится в жертву истории чистого разума, диалектика действит. развития общества — некой

логич. последовательности «в идее». Гегель «...воображает, — пишет Маркс, — что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые плещутся в голове у всех людей» (там же, с. 133). Подвергая основат. критике идеалистич. диалектику, Маркс разрабатывает отд. стороны своего диалектич. метода. В «Н. ф.» поставлены как раз те методол. вопросы, от решения к-рых во многом зависело дальнейшее развитие экономич. теории, в частности вопросы, к-рые впоследствии [см. «Введение» (из экономических рукописей 1857—1858 годов)] будут определены как проблема восхождения от абстрактного к конкретному, соотношения историч. и логич. методов и др.

В «Н. ф.» освещены основные положения историч. материализма; более точной, чем в «Святом семействе», стала его терминология, более строго сформулирован закон обязат. соответствия производств. отношений характеру производит. сил, дан более полный анализ капиталистич. формации и тех противоречий, борьба к-рых делает неизбежным появление социалистич. общества. Раскрывая значение классовой борьбы пролетариата, Маркс подчеркивает, что рабочий класс призван уничтожить все виды эксплуатации и построить бесклассовое общество: «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (там же, с. 185).

«Н. ф.» вместе с «Манифестом Коммунистической партии» знаменует собой завершение процесса формирования теории науч. коммунизма и наступление нового этапа в его развитии. В заметке «О „Нищете философии“», написанной Марксом в 1880, указывается, что в этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в «Капитале», и что, следовательно, чтение «Н. ф.» «...может служить введеннем к изучению „Капитала“» (Маркс К., там же, т. 19, с. 231). Ленин называл «Н. ф.» наряду с «Манифестом Коммунистической партии» произведением «зрелого марксизма» (см. Соч., т. 25, с. 373).

«Н. ф.», сыгравшая в свое время большую роль в борьбе против псевдосоциалистич. и мелкобурж. идеологии, не потеряла своей теоретич. ценности и в совр. идейной борьбе. Поэтому-то совр. бурж. теоретики и фальсификаторы марксизма стремятся представить глубокую и яркую критику эклектицизма Прудона и идеалистич. диалектики Гегеля как решит. отказ Маркса от всякой, в т. ч. и материалистич., диалектики.

При жизни Маркса «Н. ф.» не переиздавалась. В 1885 вышло первое нем. издание этой книги, отредактированное Энгельсом. В 1886 появилось первое рус. издание «Н. ф.» в переводе В. Засулич. Затем она переиздавалась неоднократно на многих языках. За годы Сов. власти книга была переведена на украинский, грузинский, армянский, эстонский и др. языки. Резюме критики филос. и социологич. взглядов Прудона, а также краткое и классич. изложение историч. материализма даны в письме Маркса к рус. ученому Анненкову; письмо включено в качестве приложения в ряд изданий «Н. ф.».

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 231—32; Энгельс Ф., Маркс и Ролбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии», там же, т. 21; Маркс К., Капитал, т. 23, с. 91, 369, 372, 375, 431, 547, 660—661; Маркс К., [Письма], в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, М., 1948, с. 22—33, 152—59, 183—84, 212—15, 223—27; Ленин В. И., Собр. соч., 4 изд., т. 1, с. 125, 148; т. 2, с. 372; Розенберг Д. И., Очерки развития экономич. учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX в., М.,

1954, гл. Ницета философии; Меринг Ф., Карл Маркс. История его жизни, М., 1957; История философии, т. 3, М., 1959, гл. 1, § 6; Ойзерман Т. П., Формирование философии марксизма, М., 1962, с. 488—514; Кешелав В. В., Об особенностях критики Марксом спекулятивной диалектики Гегеля в «Ницете философии», «ФН» (НДВШ), 1960, № 2; его же, Миф о двух Марксах, М., 1963, с. 102—10.

НОВАЛИС (Novalis, псевд.; наст. имя—Фридрих фон Харденберг, von Hardenberg; 2 мая 1772—25 марта 1801) — нем. писатель и философ, представитель раннего романтизма в Германии (т. н. пенской школы романтиков). Учился в ун-тах Иены, Лейпцига, Виттенберга (философия, юриспруденция), позже изучал горное дело во Фрейбурге. Как Ф. Шлегель и Шеллинг Н. первоначально исходил из философии Фихте, но вскоре преодолел ее и развивался (как и Шеллинг) в направлении объективно-идеалистич. философии природы (в частности, под влиянием Спинозы). Осн. задачу философии Н. видел в том, чтобы понять мир как единое целое, исходя из идеи полярности противоположных начал, неразрывно связанных друг с другом. Центр. противоречием мира для Н. является его дискретность и одновременно нерасчлененность его стихийной подосновы; с этой т. зр. он рассматривал и историю философии [фрагменты Н., опубликованные в журн. «Атенеум», 1798, начинаются со слов: «Мы повсюду ищем безусловное (das Unbedingte) и находим только вещи (Dinge)» (см. Schriften, hrsg. v. J. Minor, Bd 2, Jena, 1907, S. 111)]. Специфическим для Н. является представление о противоположностях как двух рядах явлений, из к-рых один выступает как обозначение другого. Сама природа есть язык, подлежащий разгадке, и повсюду в природе Н. усматривает письмена, иероглифы (см. «Ученики в Самсе» в кн.: «Нем. романтич. повесть», т. 1, М.—Л., 1935, с. 109). Обратимость обозначающего и обозначаемого определяет их единство и конечное совпадение, что ведет к возможности всеобщего перехода одного в другое, трансформации вещей, экстазич. игре сущностей и имен (ввиду этого Н. называл свою философию «магическим идеализмом»). Человек как микрокосм в своем разобщении должен стремиться к единству — ум, рассудок, фантазия суть отд. функции скрытого в глубине «Я», недоступного для языка слов (идея мистиков о словесной невыразимости сокровенной сущности мира; среди романтиков Н. в наибольшей степени испытал влияние Бёме). «Я» и мир тоже подлежат конечному соединению. Идеалом познания является объединение иск-ва, науки и философии, к этому слиянию Н. стремился в своем творчестве. Метафизика Н. получила художеств. выражение в поэтич. цикле «Гимны к ночи», где воспевается стихийное первоначало мира. Отсюда идет прямая линия к философии Шопенгауэра, Ницше и др. В основе идеи иск-ва как мифотворчества, развитой Н. во «Фрагментах», лежит представление о магически творящей силе слова. Центр. произв. Н. — роман «Генрих фон Офтердинген» (В., 1802, рус. пер., М., 1914, П., 1922), начинаясь как роман воспитания (Bildungsroman), перерастает в миф о творении и искуплении мира.

Обществ. взгляды Н. изложены в его ст. «Христианский мир или Европа» («Die Christenheit oder Europa», 1799, опубл. в 1826). Рассматривая появление протестантизма, падение авторитета религии и наступление «атеистического периода» как исторически закономерное явление, Н. по контрасту с судьбой личности в бурж. обществе (см. также притчи, в кн.: Schriften, Bd 1, Jena, 1907, S. 265) видел прообраз идеального гос-ва будущего, осуществляющего единство духовной культуры, в ср.-век. устройстве общества с его строгой иерархией, гегемонией духовной власти и «заботой» об индивидуе. Залог синтетич.

культуры будущего Н. видел и в совр. ему расцвете науки и искусства.

Соч.: Schriften, Bd 2, Stuttg., 1965.
Лит.: Гайм Р., Романтич. школа, пер. с нем., М., 1891; Жирмунский В., Нем. романтизм и совр. мистика, СПб., 1914; Fridell E., Novalis als Philosoph, Münch., 1904; Simon H., Der magische Idealismus, Hdb., 1906; Hartmann N., Die Philosophie des deutschen Idealismus, Tl 1, B.—Lpz., 1923; Carlsson A., Die Fragmente des Novalis, Basel, 1939; Kamla H., Novalis' Hymnen an die Nacht, Kbh., 1945; Besset N., Novalis et la pensée mystique, P., 1947; Biser E., Abstieg und Auferstehung. Die geistige Welt in Novalis' Hymnen an die Nacht, Hdb., 1954; Haering Th., Novalis als Philosoph, Stuttg., 1954.
Ал. В. Михайлов. Москва.

НОВГОРОДЦЕВ, Павел Иванович (1866—23 апр. 1924) — рус. бурж. юрист и социолог, сторонник неокантианства. Окончил юридич. фак-т Моск. ун-та. С 1896 — приват-доцент, с 1904 — проф. Моск. ун-та. С 1906 — директор и проф. Моск. высшего коммерч. ин-та. Член партии кадетов. Один из авторов (наряду с Бердяевым, Булгаковым и др.) и редактор сб. ст. «Проблемы идеализма» (М., 1902). После 1917 — безземлигрант.

Филос. основа социально-правовой концепции Н. — трансцендентальный идеализм, с позиций к-рого он отвергает материалистич. онтологию, считая ее «диалтично-реалистической». При разрешении морально-правовой проблемы (центральной в его теории) необходимо, по Н., исходить из априорных «указаний» нравств. сознания. Эту методологию Н. использовал для обоснования концепции *естественного права*, возрождение к-рой он проповедовал в нач. 20 в. Естеств.-правовая проблема для Н. (в ее трактовке он близок Штаммлеру) — проблема прежде всего моральная, суть ее заключается в том, чтобы «... установить моральные требования, предписывающие идеальные пути развития» («Нравственный идеализм в философии права», см. сб. «Проблемы идеализма», [М., 1902], с. 255). Природа же нравственности может быть понята лишь при изучении ее как внутриспсихологич. и самоценного нормативно-этич. явления, как «закона личной жизни» (см. там же, с. 281). Личность, согласно внеисторич. и внеклассовой теории Н., — единств. высшая реальность и основа общества. Будучи автономной в отношении социальных условий, она руководствуется в своем поведении прежде всего нравств. нормой как законом всеобщего должествования. Последний обладает абс. ценностью, но этот абсолютизм относится не к конкретному содержанию, а к «... форме всеобщего должествования, в которой он только и может мыслиться» (там же, с. 286). Стремясь избежать кантовского дуализма сущего и должного, Н. пытался обосновать связь и «конечную гармонию» этих двух областей, возможно, по его мнению, лишь в сфере «высшего метафизического синтеза». Эта связь предполагает, по Н., наличие идеала «свободного универсализма», «абсолютного блага» и т. п. Основу его составляет идея бесконечного социально-нравственного совершенствования. Этот идеал — всего лишь моральное требование, и осуществление его возможно только за пределами конечных явлений, т. к. «в сфере относительного исторического прогресса не может быть преодолено противоречие между идеалом и действительностью» («Об общественном идеале», К., 1919, с. 149). Именно поэтому Н. считал, что все теории, к-рые обещают разрешение земных, социальных и моральных противоречий, утопичны. Крушение идеи «земного рая» и веры в совершенное правовое гос-во и означает, по мнению Н., кризис современного ему правосознания. С этой т. зр. он резко критиковал теорию науч. социализма, противопоставляя ей свою концепцию морального совершенствования и фактически никогда не осуществимого «абсолютного» идеала. Эволюция Н. в сторону религ. метафизики и мистики нашла отра-

женне в написанной им незадолго до смерти ст. «Существование русского православного сознания» (в сб. «Православие и культура», Берлин, 1923).

Соч.: Историч. школа юристов, ее происхождение и судьба, М., 1896; Кант и Гегель в их учениях о праве и гос-ве, М., 1901; Нравственная проблема в философии Канта, М., 1903; Кризис совр. правосознания, М., 1909; Сократ, в кн.: Очерки по истории философии права. Политич. идеалы древнего и нового мира, вып. 1, М., 1910; О праве на существование. Социально-филос. этюды, СПб., 1914; Лекции по истории философии права. Учение нового времени XVI—XVIII в. XIX вв., 2 изд., М., 1912;

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 8, с. 61 (примечание). А. Поляков. Москва.

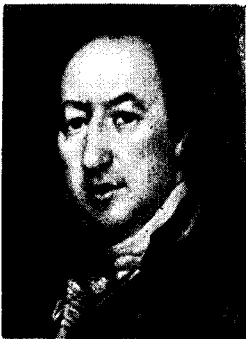
НОВИК, Илья Бещионович (р. 3 апр. 1929) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1964). Чл. КПСС с 1953. Окончил Моск. ун-т (1950). Ученый секретарь Науч. совета по филос. вопросам естествознания при Президиуме АН СССР (с 1962). Занимается филос. вопросами физики и кибернетики, разрабатывает методол. проблемы моделирования, вопросы синтеза знания и взаимоотношения человека и машины.

Соч.: О соотношении пространства, времени, материи, «ВФ», 1955, № 3; О специфич. особенностях сознания человека, там же, 1956, № 6; О категориях «вещь» и «отношение», там же, 1957, № 4; Генетрония и количество информации, там же, 1962, № 6; Гносеологич. характеристика кибернетич. моделей, там же, 1963, № 8; Кибернетика. Филос. и социологич. проблемы, М., 1963; Наглядность и модели в теории элементарных частей, в кн.: Филос. проблемы физики элементарных частей, М., 1963; О филос. вопросах кибернетич. моделирования, М., 1964; Кибернетика и взаимосвязь наук, «Вестн. АН СССР», 1963, № 4; О моделировании жив. процессов, в кн.: О сущности жизни, М., 1964; К вопросу о единстве предмета и метода кибернетики, в кн.: Кибернетика, мышление, жизнь, М., 1964; Моделирование и его роль в естествознании и технике, в кн.: Дialectика в науках о неживой природе, М., 1964; Развитие познания и кибернетика, «Коммунист», 1965, № 2 (совм. с А. П. Бергом); О моделировании сложных систем, М., 1965.

НОВИКОВ, Михаил Иванович (р. 15 сент. 1897) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1952), проф. (с 1952). Чл. КПСС с 1918. Окончил ИКП философии (1933). Науч.-преподавательскую работу ведет с 1931. Руководитель кафедр марксизма-ленинизма и философии в ряде вузов. Специализируется по преим. на изучении воззрений рус. и укр. революц. демократов. Автор раздела о развитии философии на Украине в кн. «История философии» (2 т., М., 1957). Лауреат Ленинской премии (1964).

Соч.: Философские взгляды М. Г. Чернишевского, [К.], 1941; Про партийность науки, К., 1952; Атеизм рус. революц. демократов, К., 1953; Общественно-политич. и филос. взгляды Т. Г. Шевченко, М., 1961; О счастье, [М.], 1965.

НОВИКОВ, Николай Иванович (27 апр. 1744 — 31 июля 1818) — рус. писатель-просветитель, журналист, книгоиздатель. Род. в дворянской семье. Учился в гимназии при Моск. ун-те (1755—60). В 1767—68

работал одним из секретарей комиссии по составлению проекта Нового уложения. Издававшиеся Н. сатирич. журн. «Трутень» (1769—70), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—73), «Кошелек» (1774) составили целую эпоху в развитии рус. лит-ры и обществ. мысли. В них он нападал на крепостников, бичевал их паразитич. образ жизни, высмеивал придворную знать, царский суд, нередко полемизировал с Екатериной II. Н. высказывался за облегчение участи крепостных крестьян и их просвещение, выступал за установление разумного гос. строя во главе с «философом на троне», за создание нормальных условий для развития личности, науки, иск-ва. Им изданы также «Опыт историч. словаря о российских писателях» (1772) и памятник рус. истории — «Древняя Российская Вивлиофика» (1773—75). В 1775 Н.

вступил в масонскую ложу «Астрея», где думал найти возможность для осуществления своих просветит. замыслов. Однако масонство, явившееся серьезным препятствием на пути распространения просветит. идей, не оправдало его надежд. Участие Н. в масонском движении наложило известный отпечаток на его нравств.-этич. идеалы: из его произведений исчезают антикрепостнич. мотивы, уступая место мистическим настроениям. Переехав в 1779 в Москву, он арендует университетскую типографию и издает журналы «Утренний свет» (1777—80), «Моск. ежемесячное издание» (1781), «Городская и деревенская б-ка» (1782—86), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784—85), «Прибавление к „Моск. ведомостям“» (1783—84), «Детское чтение для сердца и разума» (1785—89), «Экономич. магазин» (1780—89), «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—90) и др. В этих изданиях преобладающее место занимает филос. и этич. проблематика. В них были опубликованы переводы ряда соч. зап.-европ. мыслителей (Ф. Бэкона, Локка, Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, Лессинга, Юнга, Паскаля и др.), а также произведения Шекспира, Мольера, Бомарше, многочисл. труды по естествознанию.

Филос. воззрения Н. облечены в депичич. форму. Он не отрицал бога как первопричины мира, хотя исключал последующее его вмешательство в земные дела. В трактовке вопроса о душе человека Н. склонялся к признанию ее бессмертия. Гл. отличие человека от животных Н. видел в том, что человек наделен разумом, благодаря к-рому он понимает, что создан не для «скотских сладостей», а для добродетели, нравств. и разумного совершенствования. Поэтому гл. задачей философии Н. считал правоучение. Из философов, занимавшихся проблемами нравственности, на первое место он выдвигал Сократа, Эпикура, Платона, Зенона, Бэкона, Гроция, Паскаля (у последнего он особо выделял «Письма к провинциалу» и «Мысль»). Гл. задачу воспитания Н. видел в том, чтобы «... образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами» (Избр. соч., 1951, с. 422), привить им скромность, любовь к труду, к родине, уважение к личности.

Прогрессивная просветит. деятельность Н. вызвала ярость у крепостников, и в 1792 по указанию Екатерины II она была грубо пресечена, а сам Н. без суда и следствия заточен в Шлиссельбургскую крепость; все его издательские предприятия были разгромлены. Освобожден в 1796.

Соч.: Избр. пед. соч., М., 1959; Н. И. Новиков и его современники. Избр. соч., М., 1961.

Лит.: Вилевич Н., Н. И. Новиков, М., 1848; Сухомлинов М., Н. И. Н., автор историч. словаря о рус. писателях, [СПБ, 1865]; Лонгинов М., Н. И. Н., мартинисты, М., 1867; Незеленов А. И., Н. И. Н., издатель журналов 1769—1785 гг., СПб, 1875; Усова С. Е., Н. И. Н., его жизнь и обществ. деятельность, СПб, 1892; Сакулин П. Н., Н. И. Новиков, [М.], 1894; Трифильев Е. П., Н. И. Н. как педагог, Х., 1896; Ермаилов В. Е., Гордость века (Н. И. Новиков), 2 изд., М., 1912; Покровский В. И., Н. И. Н. Его жизнь и сочинения. Сб. историко-лит. ст., М., 1913; Боголюбов В., Н. И. Н. и его время, М., 1916; Хирьяков А., Нар. заслуженники — Радищев и Н. П., 1917; Вернадский Г. В., Н. И. Новиков, П., 1918; Веселовский Ю. А., Н. И. Н. (Жизнь и деятельность), 2 изд., М., [1918]; Бергман Г. Б., Новиков (1744—1818), М., 1919; Семеновиков В. П., Книгоиздательская деятельность Н. И. Н. и типографич. компания, П., 1921; Светлов Л. Б., Издательская деятельность Н. И. Н., [М.], 1946; Сатирич. журналы Н. И. Н., М.—Л., 1951; Макогоненко Г., Н. И. и рус. просвещение XVIII в., М.—Л., 1952. И. Шипанов. Москва.

НОВИКОВ, Петр Сергеевич [р. 15(28) авг. 1901] — сов. математик и логик. Окончил Московский ун-т (1925). Акад. (с 1960). Ленинская премия (1957). Н. — автор работ по теории множеств, матем. логике, алгебре, мя. из к-рых, помимо собственно матем. ценности, имеют большое значение для понимания

методологич. и гносеологич. проблематики, связанной с основаниями *математики*. Примерами этого могут служить доказательства непротиворечивости нек-рых положений дескриптивной теории множеств (1951) (часть из к-рых была сформулирована ранее К. Гёделем в его известной работе о непротиворечивости континуум-гипотезы, однако он не привел их доказательства). Результаты этого рода способствуют преодолению платонистской точки зрения, согласно к-рой любая проблема теории множеств (и математики вообще) независимо от какой бы то ни было аксиоматич. ее основы имеет нек-рое «объективное» решение (доказательство или опровержение). Н. принадлежит также важная идея об аналогии между осн. понятиями дескриптивной теории множеств и теории *рекурсивных функций и предикатов*; результаты о редукции (сводимости) нек-рых классич. матем. теорий к интуиционистским (1939, 1943) (см. *Интуиционизм*), сыгравшие существенную роль в выработке правильного понимания соотношения силы классич. и интуиционистских систем; доказательство о-непротиворечивости (см. *Непротиворечивость*) интуиционистской арифметики, полученное средствами *минимальной логики* с помощью специального вида индукции (не сводящейся к обычной *математической индукции*), не формализуемой в арифметике. Доказательство Н. выходит, т. о., за пределы, установленные теоремой Гёделя о неполноте (см. *Метатеория, Полнота*). В области алгебры Н. принадлежит доказательство (1952, 1955) неразрешимости алгоритмич. проблемы тождества (эквивалентности) слов в теории групп, не подававшейся усилиям математиков в течение неск. десятилетий (этот результат Н. стал исходным для получения целой серии доказательств неразрешимости, полученных самими Н., его учениками и мн. др. математиками; см. *Алгоритм*), а также решение (1959) знаменитой алгебраич. проблемы Бернсайда о периодических группах. В течение мн. лет Н. руководит н.-и. семинаром по *математической логике* в МГУ, Матем. институте АН СССР и МГИИ имени В. И. Ленина.

Лит.: Математика в СССР за сорок лет, т. 1—2, М., 1959, т. 1 (см. по именному указателю), т. 2, с. 512 (список трудов Н.).

НОВИЦКИЙ, Орест Маркович (25 янв. 1806 — 4 июня 1884) — рус. философ, представитель «философии» неортодоксального православия. Окончил Киевскую духовную академию (ок. 1831). В 1834—1850 — проф. философии Киевского ун-та. В 50—70-х гг. — царский цензор. Противник материализма, Н. резко обрушивался на проникавшие в Россию идеи нем. материализма 19 в., к-рые связывались им с «опасностью» распространения социалистич. учений. В борьбе с материализмом, в поисках новых форм идеологич. господства религии над наукой Н. стремился использовать достижения естествознания; при этом он приходил к пантеистич. идеям, за что подвергался критике в Санкт-Петерб. духовной академии. В целом труды Н. носят компилятивный характер. После критики Чернышевским и Антоновичем филос. деятельность Н. прекратилась.

Соч.: Об упреках, делаемых философии в теоретич. и практич. отношениях, их силе и важности, К., 1838; Руководство к опытной психологии, К., 1840; Руководство к логике..., К., 1841; Краткое рук-во по логике, с предварит. очерком психологии, 3 изд., К., 1848; Очерк инд. философии, «Журн. Мин-ва народного просвещения», 1844, ч. 41, № 3, ч. 43, № 8, 1846, ч. 52, № 10; Постепенное развитие древних филос. учений в связи с развитием язык. верований, ч. 1—3, К., 1860—61; Духоборцы, их история и вероучение, 2 изд., К., 1882.

Лит.: Критика («Руководство к логике...», составленное О. Новицким), «Отеч. записки», 1842, т. 23, разд. 5; Антонович М., Два типа совр. философов, «Современник», 1861, т. 86, № 4; Биографич. словарь профессоров и преподавателей имп. ун-та св. Владимира. 1834—1884, К., 1884, с. 489—528; А наньев Б. Г., Очерки истории рус. психологии XVIII и XIX вв., М., 1947, с. 69; Чернышев

ский Н. Г., Полемика красоты. Коллекция 2-я, Избр. филос. соч., т. 3, М., 1951; Москаленко Ф. Я., Учение об индуктивных выводах в истории рус. логики, К., 1955, гл. 5; Белинский В. Г., Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 643; Пеллех П. М., Передовые идеи у витязневской психологии в первой десятилетии XIX ст., в сб.: Нариси з історії вітчизняної психології XIX ст., ч. 1, К., 1955.

«НОВОГО СРЕДНЕГО КЛАССА» теория — бурж. социологич. теория, утверждающая, что социальную структуру совр. капиталистич. общества характеризует образование «Н. с. к.», под к-рым подразумеваются гл. обр. *служащие, интеллигенция*. Теория «Н. с. к.» возникла в конце 19 в. и связана с увеличением численности и значения работников умств. труда (нем. социологи и экономисты Шмоллер, Вершке, Бетгер и др.). Эта теория получила распространение в ряде зап. стран.

Бурж. социологи, объединяя всех работников умств. и нефизич. труда в один класс, утверждают, что последний неуклонно растет, поглощая как буржуазно, так и пролетарнат. Применяя такие критерии, как жизненный уровень, статус, престиж и т. п., они включают в «Н. с. к.» не только служащих, интеллигенцию, но и лучше оплачиваемых рабочих, а также мелких предпринимателей. В политич. плане «Н. с. к.» рассматривается как противовес пролетариату, «гарант» демократич. развития капиталистич. общества. «Н. с. к.» теория непосредственно направлена против марксизма и в конечном счете стремится подвести к выводу, будто через рост «среднего класса» совр. капитализм автоматически превращается в бесклассовое общество.

В период зарождения теории «Н. с. к.» нек-рые ее сторонники рассматривали «средний класс» как силу, к-рая сможет противостоять крупному капиталу. Однако затем теория «Н. с. к.» была использована в целях апологетики империализма. Большинство совр. бурж. социологов включило понятие «Н. с. к.» в свои теории (К. Майер, Дж. Бернард, Ж. Фурастье, Ф. Штериберг, Ш. ван Дорп и др.). Идею «Н. с. к.» подхватили и идеологи *реформизма*, пытающиеся подкрепить ею «теорию» мирной трансформации капитализма в социализм (К. Реннер, Б. Каутский, А. Кросленд, Ж. Мок). Отд. бурж. социологи (Ф. Кронер, М. Коллинз, П. Купн) выступают, по крайней мере на словах, против теории «Н. с. к.» и выдвигают вместо нее понятие «класса служащих» как особого обществ. класса, к-рый, хотя и не стоит над рабочими, тем не менее признан играть решающую роль в судьбах бурж. общества. Эти концепции противоречат реальным процессам развития совр. капиталистич. общества (см. *Рабочий класс, Служащие*).

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Летосчисление Н. ф. начинается с сер. 15 в., с момента крушения Византийской империи (1453) и покорения стран Балканского полуострова Османской империей. Несмотря на тур. владычество и политику насильств. отуречения, греч. культура продолжала существовать в греч. общинах ряда европ. стран и в самой Греции. Незадолго до падения Византийской империи получило развитие реформаторское и гуманистич. движение, нашедшее выражение в идеях *Плифона*. Это движение, направленное против ср.-век. *схоластики* и политики отуречения, было связано с возрождением др.-греч. филос. традиции, а также проникновением идей европ. *Реформации* и гуманизма через «железные завесы» Османской империи. Видным представителем греч. Ренессанса был сторонник неоплатонизма и антисхоластич. тенденций в рамках православия были Н. Маврокордатос (1680—1730) и В. Дамодос (1679—1752). Эту тенденцию более последовательно представлял М. Антракитис (ум. ок. 1749), препода-

вавший философию Аристотеля и высшую математику; *пантеизм* для него являлся платформой для обоснования просветит. и антиклерикальных взглядов: бог, по мнению Антракитиса, присутствует повсюду, и каждый человек, имея в себе бога (будучи освященным «святым духом»), становится незаменимым от предписаний «отцов» церкви. За свои взгляды Антракитис был изгнан из Патриархии и лишен сана священнослужителя.

С сер. 18 в. в Н. ф. наступает эпоха *Просвещения*, к-рая была связана с просветительской философией в Зап. Европе, а также с изучением др.-греч. культурного наследия. Под влиянием Великой франц. революции начинает интенсивно развиваться новогреч. общественно-политич. мысль, центр. проблемой к-рой становится идея вооруж. восстания против тур. ига и обретение нац. независимости. Одним из ведущих деятелей новогреч. Просвещения был *Вулгарис*; деятельность его как теолога сочеталась с проповедью веротерпимости, а также исследованиями в области естеств. наук, математики, истории и музыки.

Др. крупный просветитель И. Мисподакс (ок. 1730 — 1790) выступил как враг церк. схоластики и ср.-век. аристотелизма, как проповедник новых форм образования и «здоровой» философии, к-рая должна опираться на достижения наук, особенно физики; математику он считал универс. наукой, примыкая к взглядам *Декарта*. В вопросах строения материи Мисподакс придерживался атомистики. Разносторонний ученый и плодовитый философ, испытавший сильное влияние *Юма* и *Канта*, А. Псалидас (1767—1829) выдвигал, в духе Просвещения, идею о необходимости замены христианского «блаженства» истинным «счастьем», к-рое, по его мнению, состоит в «уравновешенности» души и тела.

Одним из видных просветителей и пропагандистов естеств.-науч. знаний был активный участник греч. нац.-освободит. революции 1821 Вениамин Лесбосский (1762—1824). В работе «Основы метафизики» (1820)* он отстаивает взгляд, согласно к-рому человек есть «воля и действие». В своей «Физике» (изданной посмертно) он рассматривал эфир как всеобщую материальную субстанцию. Обвиненный в атеизме Вениамин Лесбосский подвергался преследованиям со стороны реакционных церк. кругов. Ту же судьбу разделил последователь Спинозы и *Гельвеция* Е. Паблекис (1733—93).

Революционер-демократ и выдающийся деятель греч. Просвещения Ригас Фереос Велестинлис (1757—98), вдохновленный франц. революцией, проповедовал идеи свободы, равенства и братства. В своих пламенных стихах и революционных воззваниях он призывал греков и все балканские (в т. ч. и турецкий) народы к свержению оттоманского абсолютизма и созданию демократич. Балканской конфедерации. К числу революц. демократов относятся также автор прозв. «Греческая номархия», известный под псевдонимом «Анонимный грек». Призывая греч. народ к вооруж. восстанию, к свержению тур. владычества, он выдвигал лозунг: «Жизнь подлинного гражданина дана для свободы и она заканчивается вместе с нею»; одну из причин закабаления греков турками видел в христианстве. Согласно «Анонимному греку», история человечества представляет собой процесс последовательного развития от естественного состояния к анархии, монархии, тирании и, наконец, к номархии (власти закона). Последняя форма гос. правления обеспечивает свободу и равенство всех граждан; она максимально смягчает и экономич. неравенство. Возможность полного экономич. равенства «Анонимный грек» связывал с отменой денег. Обществ. прогресс он считал результатом врожденного стремления человека к лучшей

* Все работы, упомянутые в тексте этой статьи, опубл. на греч. яз.

жизни. Большую роль в распространении др.-греч. культурного наследия и в особенности в идеологии, подготовке нац.-освободит. революции 1821 в Греции сыграл А. Корайс (1748—1833). Отстаивая идею социального прогресса, к-рую он, как и «Анонимный грек», объяснял врожденным влечением человека к лучшей жизни, К. считал наилучшим политич. строем бурж. демократию. Весьма интересной фигурой греч. Просвещения является Т. Каприс (1784—1853), к-рый мистич. воззрения о поклонении «беспредельно-совершенному» существу сочетал с идеей о праве всех людей на свободу как осн. средства реализации цели жизни — счастья. За неверие К. был осужден греч. церковью, заключен в тюрьму, где и умер.

Период с 1821 по 1870 характеризуется упадком революц. и просветит. мысли в Н. ф. и распространением религ. философии, а также *гегельянства*. Стронники эклектизма в Ионийской академии (осн. 1824) и в Афинском ун-те (осн. 1837), используя идеи различных идеалистич. школ, пытались философски обосновать церк. идеологию. С такого рода попытками выступили Ф. Иоанну (1800—80), в течение 42 лет преподававший философию в Афинском ун-те (его гл. соч. «Введение в философию», 1842); Димитрис Ханцерис (1826—75) — автор «Предисловия к истории философии» (1867), и в особенности Петрос Вранлас-Арменис (1812—84) (одно время греч. посол в России) — последователь *Кюлена*, преподававший философию в Ионийской академии («Опыт о первых идеях и причинах», 1851; «Основы теоретической и практической философии», 1863, и др.). Представителями гегельянства в Н. ф. были Ф. Пиларинос (ум. 1882), И. Менайяс (ум. 1870), Т. Карусос (1808—76) и др. С критикой гегельянского взгляда на историю выступил проф. Афинского ун-та Н. Кодзиас (1814—1885) — автор шеститомной «Истории философии от древнейших времен до наших дней» (т. 1—6, 1876—84).

Конец 19 и нач. 20 вв. знаменуется интенсивным развитием греч. экономики. Освобождение от тур. господства Ионийских о-вов, Фессалии, а позднее Эпира, Македонии и большинства островов Эгейского моря создает благоприятные условия для развития капитализма. Особую популярность в это время получает «Великая идея» восстановления Византийской империи, к-рая в дальнейшем стала прикрытием захватнич. планов правящих кругов Греции. В этот период широко распространяются идеи *позитивизма*. Гл. его представитель Т. Вореас (1873—1953), акад., автор обширных трудов по всем осн. отраслям философии, испытавший влияние *Вундта*; в социологии он защищал *факторов теорию*. П. Агнософитис (1849—1928) попытался сочетать позитивизм *Кошта* с критич. философией Канта. Этот «синтез» был им назван «идеал-реализмом» (*idealismus — realismus*). В 1-м десятилетии 20 в. заметным было влияние ницшеанства (см. *Ницше*), к-рое выступало в качестве теоретич. основы «Великой идеи». Я. Камписис (1872—1902) в своих лит. и критич. опытах стремился связать ницшеанский идеал с идеей «Великой идеи». Наиболее известны среди последователей Ницше И. Зервос (1875—1942) и И. Драгумис (1878—1920). Последний в работах «Сколько живых» (1911) и «Мой эллинизм и греки» (1914) с позиций Ницше выступает против парламентаризма и морали современной культуры, которая делает нас «посредственными, добродетельными и незначительными».

В этот же период в Греции распространяются идеи марксизма. А. Элевтеронулос (1873—1963), автор мн. филос. и социологич. работ («Соотношение между гносеологией Канта и гносеологией Платона», 1895; «Хозяйство и философия», т. 1—2, 1898—1900; «Социология», 1914, и др.), сделал попытку объяснить, в частности, историю филос. идей Древней

Греции, а также романо-герм. народов, исходя из анализа экономич. положения и борьбы классов. Однако в дальнейшем он делал уступки *механицизму* (см. Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957, с. 174—78) и позитивизму. Г. Склирос (1877—1919) первым применил метод историч. материализма в изучении совр. греч. общества. Его труды («Наше обществ. вопрос», 1907; «Совр. проблемы эллинизма», 1919) явились толчком к распространению и творч. применению марксизма в Греции.

Социальные потрясения, мировые войны и острые классовые противоречия отразились в ожесточ. борьбе различных идеол. и филос. направлений. В новых условиях «Великая идея» трансформируется в идею «греко-христианской культуры», цель к-рой не территориальное, а духовное господство Греции над зап. миром с помощью др.-греч. и христианско-визант. культурного наследия. Эта идея нашла теоретико-филос. выражение в русле различных видов идеализма и мистицизма. Одним из влият. направлений в бурж. Н. ф. было *неокантианство*; его представители: академик П. Теодораконулос (р. 1900), П. Канеллоулос (р. 1902), К. Цацос (р. 1899) и Н. Луварис (1887—1961). Теодораконулос стремится примирить объективный идеализм *Платона* с субъективно-идеалистич. элементами гносеологии своего учителя *Риккерта*. Объектом философии Теодораконулос считает субъективный мир «мыслимых сущностей», к-рые единственно обладают действительным существованием (см. «Теория логоса», 1928, с. 7). Диалектика признается им в качестве начала, действующего как логос в сознании, а не как закон в материальном мире («Принципы философии истории», 1928). Выступая против историч. материализма Теодораконулос утверждает, что «от фундамента до вершин, от экономики и техники и до религии, дух двигает культуру» («Система филос. этики», 3 изд., Афины, 1948, с. 272). Социолог Канеллоулос, лидер крайне правой партии (ЭРЭ), в своей «Истории и критике обществ. теорий» (1929) следует социальному индетерминизму Риккерта и типологической теории М. Вебера. В последующих работах («Христианство и наша эпоха», 1953; «Прологомены к метафизике», 1956, и др.) Канеллоулос отстаивает спиритуалистич. взгляд на историю, считая, что ее законы проистекают из «свободного духа человека», а сама она — «заколдованный круг». Неокантианец К. Цацос, (автор соч. «Гносеология Канта как введение в идеократию», 1934; «Обществ. философия древних греков», 1938; «Греч. путь», 1950; «Опыт эстетики и просвещения», 1960, и др.) пытается доказать, что целью теоретич. и практич. деятельности человека является «греческая свобода».

К числу объективных идеалистов принадлежат профессор Афинского ун-та: Х. Андруцос (1865—1935), К. Логотетис (р. 1888) и П. Брациотис (р. 1899) — автор работ «Был ли Иисус социалистом?» (1925), «Диалектич. теология» (1931) и др. Иррационализм и интуитивизм в совр. Н. ф. представлен теологом и философом Луварисом, к-рый, развивая учение *Дильтея*, выдвинул теорию «метафизического идеализма», — согласно ей в человеке заключен врожденный метафизич. порыв, движущий его к духовной вечности. Этот порыв — источник всякой религии, искусства и нравственности. Осн. соч. Лувариса: «История философии», т. 1—2, 1933; «Ипцие — пророк новой религии», «Введение к наукам о духе». Еще более характерным представителем иррационализма можно считать Т. Кумулиса (1882—1950), согласно к-рому дойти до истины, что «мир полон божественного» возможно «прямой гностической дорогой» Гераклита и Будды.

Экзистенциализм, особенно немецкий, представлен в лице Г. Сарандариса (1908—41), развивавшего

«эллинно-христианскую философию существования», к-рая противопоставлялась им индивидуалистич. зап. культуре. Под влиянием экзистенциализма находились также Д. Капетанакис (1912—44) и К. Георгулис (р. 1894), автор исследований по др.-греч. философии. Парадоксальную попытку соединения философии *Кьеркегора* с историческим материализмом предпринимает Василис Франгос (р. 1912).

Э. Панапуцос (р. 1900), автор мн. соч. («Эстетика», 1948; «Этика», 1949; «Гносеология», 1954; «Филос. проблемы», 1964, и др.), предпринял попытку создать «критическую философию», к-рая, по его мнению, чужда догматич. крайностям идеализма и материализма; в социологии он сторонник «теории факторов». Представителем «третьей линии» в социологии является К. Деспотопулос (р. 1913); ему принадлежат работы по социологии, этике и философии права («Человек и политика», 1945; «Этика», 1947; «Философия права», 1953; «Политич. философия Платона», 1957, и др.). Теоретич. органом третьего пути развития общества является журн. «Эпохи» («'Εποχές»). В. Татакис (р. 1904) представляет в Н. ф. т. зр. *логического позитивизма* («Философия и наука», 1961).

Борьбу против идеалистич. философии и эклектизма «третьего пути», а также против догматич. и ревизионистских уклонов от марксизма-ленинизма ведут теоретики левой партии (ЭДА) (Коммунистич. партия в Греции запрещена). Эту борьбу возглавил философ-марксист *Глинос*. Значит. вклад в развитие марксистской мысли внес историк и социолог Я. Кордатос (1891—1962). Он первым исследовал с марксистских позиций новогреческую историю («Социальное значение греческой революции 1821», 1924, и др.). Метод историч. материализма использовал при анализе проблем др.-греч. философии проф. Салоникийского ун-та Х. Теодоридис (1883—1957). В обширном труде «Эпикур. Истинный облик древнего мира» (1954) Теодоридис объясняет борьбу идеологич. и филос. течений в Древней Греции борьбой классов. Один из руководителей партии ЭДА Я. Имвриотис (р. 1898), автор мн. работ по проблемам философии, психологии и эстетики («Морфологич. психология», т. 1—2, 1932—34; «Философия Бергеона», 1939; «Идеология войны», 1956; «Искусство и наука», 1960; «Социалистич. гуманизм», 1962; «Абстрактное искусство» — в рус. пер. — «ВФ», 1960, № 11, и др.), с марксистских позиций критикует идеалистич. взгляд на развитие новогреч. культуры. П. Кипчикис (р. 1886), проф. Афинского политехнич. ун-та, один из руководителей партии ЭДА, в работе «Философия новейшей физики» (1947) подвергает критике идеалистич. истолкования новейших науч. открытий и отстаивает принципы диалектич. материализма. Марксистское освещение проблем идеологии и эстетики дается в трудах лауреата Междунар. Ленинской премии «За укрепление мира между народами» поэта К. Варналиса (р. 1883), в частности в сб. его статей «Эстетика — критика» (1961, рус. пер., 1961) и в трудах публициста и литературоведа М. Авгериса (р. 1884) (см. сб. его ст. «Критика — эстетика — идеология», 1959). Греч. марксисты разрабатывают также проблемы истории и литературы, психологии и педагогики, экономики и политики и др. По всем этим вопросам регулярно публикуются статьи в теоретич. органе Коммунистич. партии Греции «Νέος Κόσμος» («Новый мир», изд. в Бухаресте) и в органах партии ЭДА «Ελληνική 'Αριστερά» («Греческая левая»), «Σύγχρονα Θέματα» («Совр. темы»), «Επιθεώρηση Τέχνης» («Обозрение искусства»).

Лит.: Negoulou J. R., Cours de littérature grecque moderne, 2 éd., Genève, 1828; на греч. яз. — В р а и у с е и Л. И., Афанасиос Псаллас, Иоаннина, 1952; П а н а п у ц о с Е. П., Новогреческая философия, 2 изд., т. 1—2, Афины, 1953—56; К о р д а т о с Я н н и, История греческого рабочего движе-

ния, Афины, 1956; Апостолюлос Д., Краткая история новогреческой философии, Афины, 1959; Критикос Янни, Теория и тенденции буржуазной общественной мысли в совр. Греции, «Неос космос», 1960, № 9—10; Валета Г., Новогреческое просвещение, «Совр. темь», 1962, № 1—2; Вафиадис Т. Д., Философская мысль в новой Греции (приложение) к греч. изд. кн.: М. Т. Иовчук, Т. И. Ойзерман, И. Г. Шипанов, Краткая история философии, Афины, 1963; Димарос К. Ф., История новогреческой литературы, 2 изд., б. м., б. г.; Димитриос Глинос, Исследования и речи о его жизни и деятельности, Афины, 1963. Я. Критикос, Т. Апостолюлос, Греция, Ф. Гессиди, Москва.

НОВОЕ — конечный или промежуточный результат развития, рассмотренный с т. зр. его отношения к предшествующим состояниям развивающегося объекта. О Н. можно говорить лишь применительно к объектам с выявленной структурой, внутр. строем; понятие Н. соотносительно с понятием старого. Содержание Н. составляют изменения в составе объекта, его структуре, функциональных характеристиках, в «поведении» объекта, наконец, в состоянии объекта в целом. В более широком смысле под Н. нередко понимают все то, что возникло впервые, чего не было раньше. Такое понимание, однако, следует считать упрощенным, поскольку в нем не учтен момент развития и связанного с ним закономерного перехода объекта как системы от одной ступени организации к другой.

Как и более широкая категория развития, понятие Н. является относительным: оно приложимо только к объектам, к-рые могут быть включены в более широкое целое, являясь его элементами, и для к-рых может быть установлена предел. система отсчета, начальная точка развития. Необходимо различать характеристику содержания Н. применительно к прогрессу и регрессу. В прогрессивном развитии Н. выражает совершенствование развивающейся системы в целом или ее отд. компонентов. В регрессивном развитии характеристика Н. не может быть однозначной: с одной стороны, в регрессе Н. так или иначе связано с общей тенденцией развития, т. е. выражает упадок, деградацию системы. С др. стороны, нек-рые параметры системы могут и в этом типе развития выступать как (относительно) прогрессивное Н. Напр., в процессе биол. эволюции некоторые ветви развития оказались регрессивными, и соответств. виды пошли по пути вымирания; однако общий регрессивный характер их развития не исключал ряда изменений, к-рые выражали предел. совершенствование внутр. организации этих видов.

Центральной для материалистич. диалектики является проблема становления Н., особенно прогрессивного Н., выявление тех сил и факторов, к-рые его обеспечивают. Этот процесс осуществляется как диалектич. отрицание старого, через борьбу Н. и старого, и предполагает наличие преемственности со старым. Утверждение Н. по-разному осуществляется в природе и обществе. Благодаря наличию сознат. деятельности в обществ. развитии появляется возможность (и даже необходимость) максимально содействовать росту и утверждению Н., его победе над старым; это, в частности, является необходимым условием становления коммунистич. обществ. строя. Вместе с тем и старое в обществ. развитии стремится использовать сознат. деятельность для сохранения отжившего, реакционного. Поэтому в обществ. развитии борьба Н. и старого прямо или косвенно выступает как борьба сознат. сил, достигающая своего апогея в периоды социальных революций.

Л. Серебряков. Москва.

«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ» — совокупность теоретич. идей, выдвинутых сов. исследователем истории, археологии, языков и литератур Кавказа Н. Я. Марром (1864—1934). «Н. у. о я.» не получило у Марра сколько-нибудь последовательного систе-

матич. и стройного изложения. Оно представлено в его работах в виде большого числа разрозненных отрывков, вкрапленных в обширный контекст лексич. сопоставлений и этимологий, по большей части мало обоснованных и фантастических. При всей своей фрагментарности эти высказывания отличаются однако явной методологич. установкой, направленной на преодоление нек-рых идеалистич. положений традиц. языкознания. В их положит. содержании осн. положения «Н. у. о я.» могут быть сформулированы следующим образом: а) язык это не автономная от общества, абстрактная сущность, а необходимый продукт обществ.-историч. процесса, вырастающий из потребностей практич. деятельности и общения людей; б) осн. задача историко-материалистич. изучения языка заключается в раскрытии материальных предпосылок формирования языка и его строевых элементов — грамматич. строя и корнеслова; только генетич. подход к явлениям речи позволяет правильно понять их роль и место в ряду других обществ. явлений; в) история языка это не хаотич. поток случайных и разнонаправленных изменений, а единый закономерный процесс восхождения от низших форм к высшим, обусловленный поступат. ходом обществ.-историч. развития; г) развитие языков не может быть сведено к чисто количеств. процессам роста и постепенного накопления элементов; оно предполагает ряд стадий, отличающихся одна от другой качественно новой организацией языкового строя и отраженных в нем норм мышления; д) в определении стадии языкового развития осн. роль принадлежит «семантике», т. е. смысловому содержанию слов и грамматич. форм; е) древнейшие стадии «речетворчества» характеризуются специфич. полисемантизмом слов, объединяющих в себе целые «пучки» и «гнезда» позднейших лексич. значений; ж) в развитии грамматич. строя языка ведущая роль принадлежит синтаксису, предложению, как выражению активной мысли; морфология в таком понимании это лишь «техника», совокупность формальных средств, вырастающих на базе синтаксиса. Кульминац. пунктом теории Марра является тезис о единстве глоттогонич. процесса, согласно к-рому все языки мира имеют единое происхождение и развиваются по единообразным законам. Глоттогония, т. е. процесс образования языков и языковых типов, и его исходный момент — происхождение языка, являются в такой постановке центр. проблемами языкознания.

Настойчивое подчеркивание идей материализма в языкознании, органич. связи языка и мышления и социальной обусловленности двуединого процесса их развития — бесспорная заслуга «Н. у. о я.». Ценность новаторских идей Марра значительно умалаялась, однако, декларативностью и предвзятостью ряда его суждений. Создавая видимость фактич. обоснования теории, анализ материала по «четырем элементам» способен был только дезориентировать читателя. Недостаточно глубокое освоение марксизма породило смешение понятий и путаницу. Марр отождествлял обществ. практич. деятельность с экономической, находил классы в первобытном обществе, отождествлял первобытное мышление с его негативными продуктами — первобытной магией, тотемистич. воззрениями, анимизмом. В чисто лингвистич. плане вызвали сомнения односторонняя генетич. ориентация, игнорировавшая функцион. содержание и сложную формальную структуру совр. речи; игнористич. отношение к достижениям сравнит.-историч. языкознания; наивная попытка приспособить давно отжившую свой век романтич. идею о превосходстве флективного строя к нуждам стадияльной типологии; переоценка значения смешения языков и недостаточно четкое разграничение явлений материального и типологич. родства.

Мн. последователи Марра видели эти недостатки «Н. у. о. я.» и на свой лад стремились их преодолеть, — одни путем разработки синтаксич. типологии языков, другие — посредством освоения и рентерпретации достижений классич. компаративистики, третьи — путем исследования реальных связей истории языка с историей мышления.

Лингвистич. дискуссия 1950 односторонне оценила «Н. у. о. я.» и, осудив ошибочные стороны этого учения, не сумела уловить положит. значения ряда материалистич. идей Марра.

Лит.: Марр Н. Я., Избр. работы, т. 1—5, Л., 1933—37; Мещанинов И. И., Новое учение о языке, Л., 1936; его же, Общее языковедение, Л., 1940; его же, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945.

С. Кацнельсон. Ленинград.

«НОВОЕ ХРИСТИАНСТВО» (1825) — последнее соч. Сен-Симона, в к-ром он выступил как выразитель интересов рабочего класса.

НОВОТНЫЙ (Novotný), Антонин (р. 10 дек. 1904) — деятель чехословацкого и международного коммунистич. движения, с 1953 — первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), с 1957 — президент ЧССР.

Родился в семье рабочего в Летяни (предместье Праги); по национальности чех. С 1921 — член КПЧ.

После перехода компартии на нелегальное положение (1938) — инструктор Пражского подпольного обкома КПЧ, организатор группы Сопротивления. В сентябре 1941 был арестован гестапо, до мая 1945 находился в заключении в нацистских тюрьмах, участвовал в работе подпольной парт. орг-ции лагеря Маутхаузен. С 1945 по 1953 Н. — секретарь Пражского обкома КПЧ, с 1946 — член ЦК КПЧ, с 1951 — секретарь и член президиума ЦК КПЧ.

В выступлениях, докладах, статьях Н. освещаются и разрабатываются проблемы мирового общественного развития, вопросы дальнейшего развития социализма, роли коммунистич. и рабочих партий социалистич. стран в этом процессе, особенно роли КПСС. «Мы понимаем значение Советского Союза в обеспечении мира и обороны социализма. Мы высоко ценим политику дружбы, которую проводит Советский Союз по отношению к нам и которая имеет важное значение для неуклонного развития всего нашего общества, высоко ценим марксистско-ленинские принципы, принцип пролетарского интернационализма, которыми Советский Союз руководствуется в отношениях не только с нашей страной, но и с другими социалистическими странами и остальными государствами. Нам известно, что носителем этой политики является КПСС, ее Центральный Комитет, непоколебимо соблюдающий свою марксистско-ленинскую программу и свою верность принципам мира, свободы народов и социализма» (из доклада А. Новотного на торжественном заседании ЦК КПЧ по случаю 20-й годовщины освобождения Чехословакии Сов. Армией 8 мая 1965). Большое внимание в работах Н. уделяется вопросам стр-ва социализма и коммунизма и деятельности КПЧ: вопросам руководства партией массами в период подготовки социалистич. революции, стр-ва социализма и создания предпосылок коммунистич. стр-ва. В связи с проводимой КПЧ работой в области совершенствования планирования и управления нар. х-вом Н. в своих статьях и докладах рассматривает ряд проблем, связанных с задачами интенсификации нар. х-ва и организацией руководства экономикой на науч. основе, применительно к конкретным усло-

виям страны. Среди этих мероприятий особое значение имеет новая система планирования, наиболее важным моментом к-рой является перспективное планирование. «... Перспективное планирование, — указывает Н., — относится к наиболее сложной составной части руководства социалистическим строительством, и оно находится во всех социалистических странах в процессе непрерывного совершенствования» (Отчетный доклад ЦК XII съезду Компартии Чехословакии..., М., 1963, с. 15).

Разработка Н. марксистско-ленинского учения о роли масс и личности в истории связана с критикой *культ личности*. «Культ личности, — отмечает Н., — имел сильное влияние и в нашей партии... В работе и жизни партии все больше применялось администрирование, была ослаблена руководящая роль партии. Некоторые партийные работники представляли себе руководящую роль партии как право командовать и поступать по своему произволу. В этот период был нанесен, бесспорно, большой вред как внутренней жизни партии, так и жизни всей страны» (там же, с. 104—05).

Разрабатывая проблемы народно-демократич. гос-ва, Н. подчеркивает осн. направление его развития: «у нас развитие социалистической государственности ... идет по пути от пролетарской демократии ко всенародной демократии» (там же, с. 68).

Н. неоднократно рассматривает различные аспекты решения нац. вопроса в стране, подчеркивая, что «установление народной демократии в Чехословакии дало возможность разрешить вопрос о взаимоотношениях между чехами и словаками на основе принципа абсолютного равноправия» (Отчетный доклад ЦК Компартии Чехословакии X съезду..., М., 1955, с. 84).

Подчеркивая, что в совр. эпоху идеологич. борьба становится наиболее жестокой, Н. указывает: «Для торжества коммунистического мировоззрения в сознании трудящихся, для создания прочного морального и политического единства народа, необходимо постоянно бороться с буржуазной идеологией» (Отчетный доклад ЦК XII съезду Компартии Чехословакии..., М., 1963, с. 88).

Проводя линию Коммунистической партии Чехословакии, Н. связывает построение социализма в ЧССР непосредственно с укреплением и развитием мировой социалистич. системы. «В неразрывной связи с борьбой социалистических сил в мире мы рассматриваем и свои нынешние усилия, направленные на завершение социалистического строительства в нашей стране» (Отчетный доклад ЦК XI съезду Компартии Чехословакии, М., 1958, с. 8).

В своих выступлениях Н. постоянно указывает на стремление коммунистов ЧССР к укреплению единства междунар. коммунистич. движения: «Основной предпосылкой нынешних и будущих успехов борьбы трудящихся за мир и социализм являются наше международное коммунистическое движение, прочное единство коммунистических и рабочих партий, базирующихся на верности учению марксизма-ленинизма, их боевое сотрудничество, непоколебимая солидарность и взаимная поддержка» (там же, с. 19). Развивая эту мысль в своем докладе на XIII съезде КПЧ, Н. говорил о том, что различные объективные условия строительства социализма в отд. социалистич. странах, сложность новых проблем могут вызвать различия во взглядах относительно путей и способов социалистич. строительства. В этой связи, подчеркивал Н., особенно важно «...не допустить перерастания этих различных взглядов в разногласия, которые отрицательно влияли бы на общие взаимоотношения и общее поступательное движение социалистических стран... Никакая разница во взглядах на тот или иной теоретический или политический вопрос не может оцрав-

дать отказ от единства действия в общей борьбе против империализма» (см. «Правда», 1966, 1 июня, с. 5). В своем докладе Н. обратил особое внимание на недопустимость волюнтаризма и произвола в политике партий: «Научный характер политики и деятельности партии необходимо постоянно углублять, одновременно укрепляя и развивая всестороннюю связь с трудящимися. Это — необходимое условие правильной деятельности партии, если она хочет быть признанной руководящей силой» (там же).

Соч.: *Projevy a stati*, sv. 1—3, Praha, 1964.

Лит.: Никитин Г. Н., Верный сын трудового народа. «Вопр. истории КПСС», 1964, № 12. Т. Кожкова, Москва.

«НОВЫЕ ОПЫТЫ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕ» (1765) — осн. филос. соч. Лейбница.

«НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВО» (1813) — соч. Оуэна, написанное в досоциалистич. период его развития и излагающее взгляды на воспитание и его роль в решении социальных проблем.

НОВЫЙ ЗАВЕТ (греч. «Н живнѣ Διαθήκη, лат. Novum Testamentum) — комплекс религ. сочинений, прибавленных христианами к иудейской Библии (обозначаемой в христианстве как Ветхий завет) и составляющих вместе с последней христианскую Библию.

Термин *brut hāšh* («новый союз» — между богом и человеком) встречается в Ветхом завете (Иерем. 31, 31); затем он служил самоназванием сектантской «куманской» общины. Мысль о том, что бог заново заключит союз с людьми (и не с отд. избранным или избранным народом, но со всем человечеством) на основе их более духовного служения, возникла в эсхатологич. чаяниях иудаизма. Христианство выступило с притязанием на то, что «новый союз» с человечеством осуществлен в результате примирит. миссии и свободной жертвы Христа (ср. Лук. 22, 20). Для традиц. религиозности слово «новый» может быть надлено только негативным смыслом — здесь офиц. иудаизм и греко-рим. язычество были едины [критик христианства Кельс (V, 25) хвалит иудеев за то, что они, в противоположность христианам, «соблюдая богослужение, унаследованное от отцов, поступают подобно прочим людям»]. Молодое христианство ввело это слово в обозначение своего «писания» и вложило в него свои высшие устремления и надежды, окрашенные пафосом эсхатологич. историзма (ср. А. Quispel, *Zeit und Geschichte im antiken Christentum*, *Eranos-Jahrbuch* 20, 1951, S. 128 и сл.); члены христ. общины чаяли космич. обновления и сами чувствовали себя «новыми людьми» (Второе посл. ап. Павла к коринф. 5,17). При этом речь идет не только о динамическом реформаторстве, но именно об историзме, ибо взаимоотношения бога и человека оказались соотношенными с мистически понятой идеей развития, эволюции, получили временное измерение (ср. Послание к римлянам, гл. 1—7 и др., где многократно подчеркивается, что Моисеев «закон» возник во времени и во времени же отменяется).

Противоречия и единство Н. з. В Н. з. объединены тексты различных авторов и различных эпох — от сер. 1 в. до сер. 2 в.; отбор канона из огромного материала раннехрист. лит-ры продолжался еще неск. столетий и окончательно завершился лишь ко 2-й пол. 4 в. Естественно, что Н. з. избилует существ. смысловыми противоречиями, давно выявленными библейской критикой. Так, если послания апостола Павла развивают своеобразную концепцию спасения только через веру, резко противопоставленную идею религ. заслуги через исполнение обрядов или иные «дела» (см., напр., Посл. к римл., гл. 4, ст. 2—4; гл. 11, ст. 6: «Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью»), то в «Соборном

послании ап. Иакова» мы встречаем прямую полемику с Павлом; «Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?» (гл. 2, ст. 24). Здесь даются две различные модели религиозности: первая получила реализацию в протестантизме («спасение единой верой» Лютера, диалектич. теология), вторая — в юридич. рационализме католицизма. «Апокалипсис» и послания Павла дают различные типы отношения к социальной действительности Рим. империи. «Апокалипсис» побуждает христиан «... ревностно вести пропаганду, смело и гордо провозглашать себя приверженцами своей веры перед лицом противников, неустанно бороться против внутренних и внешних врагов...» (Энгельс Ф., К истории первоначального христианства, см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 481), «Послание к римлянам» рекомендует повиновение светской власти «не только из страха наказания, но и по совести» (см. гл. 13, ст. 5—7). Здесь также намечены две противоположные линии, проходящие через всю историю христианства: религиозно окрашенное бунтарство многих ср.-век. ересей, левого крыла Реформации и т. п. и социально-политич. консерватизм офиц. церковью.

Однако противоречия не отменяют внутр. единства Н. з. как выражения определ. мировоззренч. стиля. Это единство — в общей атмосфере напряженного эсхатологизма, парадоксализма и личностного психологизма. Парадоксализм Н. з., одинаково характерный для мышления таких несходных между собой религ. писателей, как автор «Апокалипсиса» и авторы «Посланий ап. Павла», имеет принципиальный характер и вытекает не только из обычного для религии недоверия к рационализму, но и из переживания кризисной историч. диалектики, принуждающей человека к радикальной переоценке ценностей (см., напр., Первое посл. к коринф. ап. Павла, гл. 1, ст. 21, 26—28). Все традиц. «естественные» оценки подвергнуты сомнению: человек сильнее всего тогда, когда он доходит до предела в лишениях и отчаянии, ибо только тогда вступает в действие «благодать», раскрывающаяся в кризисных психологич. ситуациях (напр., Второе посл. к коринф., гл. 12). Символ этого кризиса — смерть и возрождение: «святой», по Н. з., уже здесь, на земле, живет как бы по ту сторону смерти: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» (Посл. к римл. гл. 6, ст. 3—4). Поэтому центр. миф Н. з. — крестная смерть и воскресение бога, коррелятом чему служат муки и воскресение верующих, понимаемые в буквальном смысле, но одновременно как символ психологич. процесса обновления в земной жизни. Высокая оценка страдания (ср. Еванг. от Иоанна, гл. 16, ст. 20—21) вообще характерна для христианства на всех его этапах, но позднее она приобретает более рационалистич. характер аскезы, восходящей скорее к греч. философии, нежели к Н. з. (ср. J. Leipoldt, *Griechische Philosophie und frühchristliche Askese*, B., 1961). В Н. з. отчаяние понимается не столько как «умерщвление плоти», сколько как мучит. переживание антиномичности космич. процессов и собств. души (ср. Посл. к римл., гл. 7, ст. 19: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»). При этом элементы диалектики в Н. з. лишены того онтологич. характера, к-рый они приобретают в патристике (см. также ст. «Логика диалектическая», в кн.: ФЭ, т. 3, 1964, с. 211); это этическая диалектика, поданная в символическо-мифич. форме.

Миф в Н. з. Характеристика новозаветного повествования как мифологического не стоит ни в какой зависимости от вопроса об историчности Иисуса Христа, апостолов и т. п.; мы имеем здесь дело с мифологией постольку, поскольку конститутивной чертой Н. з. является непосредств. отождествление

реального и смыслового, однократного и «вечного». Однако мифология Н. з. не изоморфна языч. мифологиям, складывавшимся еще в эпоху общинно-родовой формации. В свое время большим достижением бурж.-просветит. библейской критики было то, что она сумела разложить топику (т. е. набор мотивов) новозаветного мифа на заимствования из языч. мифов (страждущий, умирающий и воскресающий бог растительности, тотемистич. животное как объект евхаристич. трапезы и т. п.). Но топка еще не объясняет структуры: элементы языч. топки, из к-рых складывается новозаветный миф, получают в его структуре смысл, прямо противоположный их первонач. значению. С марксистской т. зр. это вполне понятно: в Н. з. возвращение к первобытному языку мифологии происходит на исходе рабовладельч. формации, в условиях дифференцированной цивилизации и примерно возросшей сравнительно с общинно-родовой эпохой индивидуализации сознания. Достаточно сравнить свободную жертву Христа с аналогичным актом любого натуралистического бога-страдальца (Осириса, Атиса, Таммуза, Диониса и т. п.), чтобы понять эту разницу между двумя мифологиями: языч. бог со своими «страстями» и воскресением вылетел в безличностный круговорот природы и сознат. выбор между приятным и неприятным своей участи для него немислим, в то время как в новозаветном мифе в центре стоит проблема личностного выбора со всеми своими этико-психологич. атрибутами («моление о чаше»). Акцент переносится с объективистски-безразличного «факта» страстей бога на свободный акт его воли, иначе говоря, с природных процессов — на этические. На место космогонизма, определявшего антич. мировоззрение в его идеалистич. и материалистич., мифологич. и науч. формах, ставится принципиальный антропоцентризм (термины *космос* и «эоис» употребляются в Н. з., как правило, в обесценивающем смысле). Мировоззрение, стоявшее за натуралистич. мифом античности было «...но существо абстрактно, всеобщно, субстанциально...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 604); Н. з. в мифологич. форме преодолевает эту величественность (индивидуальная человек. душа в ее неповторимости с т. зр. Н. з. есть большая ценность, чем все вещественные, интеллигибельные и социальные космосы, вместе взятые).

С этим связано и другое. Языч. миф принципиально внеисторичен и отражает ритм природы с ее «вечными возвращениями»; иуданский миф ближе к христ. мистич. историзму, но оперирует преим. с отдаленным прошлым или отдаленным будущим; христ. миф есть миф истории по преимуществу и притом истории актуальной. На место характерной для греч. язычества (как в мифологич., так и в филос. его оформлении) циклич. концепции развития ставится концепция прямолинейного движения (Посл. к евреям, гл. 9, ст. 25—28; Первое посл. ап. Петра, гл. 3, ст. 18; ср. слова Августина, О граде божьем, XII, 14; «Христос один раз умер за грехи наши... по кругу же блуждают нечестивцы... ибо таков путь их заблуждения»). Тот факт, что гл. герой Н. з. максимально приближен хронологически, что сам миф дан в форме историч. биографии со всевозможными прозаич. подробностями рим. действительности, вроде переписи населения при Августе, присутствия рим. прокуратора и т. п., выражает целый переворот в мифотворч. установках. Наряду с мифич. символической, экзальтированной торжественностью и т. п., новозаветное повествование нестригивается подробностями, к-рые в подлиннике резко подчеркнуты вульгарной греч. лексикой; эти снижающие подробности — важнейшие интегрирующие моменты новозаветного мифа, структура к-рого строится на контрастном единстве, на пара-

доксальном отождествлении «высокого» (мифологическо-теологического) и «низкого» (историко-бытового) планов, на неожиданном «узнавании» одного в другом, что достигает кульминации в своем центр. пункте — изображении крестной смерти Христа. С одной стороны, это самая низменная из всех мыслимых казней и притом будничное зрелище для жителя Рим. империи, с др. стороны, — именно это оказывается высочайшей мистерией, каждый момент к-рой совершается «во исполнение написанного». Миф внедряется в историю, оказывается приписанным к определ. историч. датам и географич. пунктам; то единство человек. жизни и универсально-всеобщего бытия, к-рое в языч. мифологии мыслилось само собой разумющимся и затем распалось с ростом абстракции, отыскивается заново, причем на этот раз с абсолютном связывается не только вневременная, «вечная» сфера человек. бытия, но и специально историч. сторона жизни человека. В этом смысле в Н. з. уже заложены христологич. искания патристики 5—7 вв. с ее проблематикой снятия дуализма, хотя, разумеется, вычитывать из Н. з. христологич. догматику в готовом виде может только консервативно-теологич. экзегеза.

Т. о., элементы языч. мифа приобретают новое смысловое единство в структуре христ. мифа. То же самое относится и к продуктам влияния на Н. з. различных идеологич. систем позднантич. мира. В текстах Н. з. выделены идейные и даже терминологич. заимствования из вульг. греч. философии (стоико-кинич. направления), из языч. синкретич. мистики, магии и мистернальных учений, из иудейской экзегетики (не следует забывать, что в эпоху возникновения Н. з. формируются талмудич. методы), из обихода сект типа «кумранской» и т. п. Констатация этого факта была в свое время важна в том отношении, что генезис христианства был освобожден от теологич. мистификации и поставлен в контекст общего идеологич. развития эпохи. Однако в противоположность плоскому эволюционизму марксистская наука видит в новозаветной системе идей не конгломерат «заимствований», а принципиально новый тип воззрения на мир, к-рое в мифологической форме отразило перелом обществ. сознания на исходе рабовладельч. формации.

Лит.: Энгельс Ф., Бруно Бауэр и первоначальное христианство, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; его же, К истории первоначального христианства, там же, т. 22; Глубоковск и Н. Н., Лекция по свяченному писанию Н. З., читанные в С. Петербургской духовной академии... в 1892—1901 учеб. году, СПб, 1892—1901; Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959, разд. 3; Каждан А. П., От Христа к Константину, [М., 1965]; Leisegang H., Pneuma Hagion. Der Ursprung des Geistbegriffs der synoptischen Evangelien aus der griechischen Mystik, Lpz., 1922; Barth K., Der Römerbrief, Münch., 1926; Bultmann R., Die Geschichte der synoptischen Tradition, 5 Aufl., Gött., 1961; Bornkamm G., Klaas W., Mythos und Evangelium, Münch., 1951; Kerygma und Mythos, hrsg. von H.-W. Bartsch, Bd 1—5, Hamb.—Völkendorf, 1952—55; Daube D., The New Testament and rabbinic Judaism, L., 1956; Althaus P., Das sogenannte Kerygma und der historische Jesus, 2 Aufl., Gütersloh, 1958; Dibelius M., Die Formgeschichte des Evangeliums, 4 Aufl., Tübingen, 1961; Barthel P., Interprétation du langage mythique et théologie byblique. Etude de quelques étapes de l'évolution du problème de l'interprétation des représentations d'origine et de structure mythiques de la foi chrétienne..., Leiden, 1963 (thèse); Studia Evangelica, ed. by K. Aland, F. L. Cross... v. 1—2, B., 1959—64; Puech H.-C., Temps, histoire et mythe dans le Christianisme des premiers siècles, в кн.: 7th International congress for the history of religions, Amst., 1951, p. 33—52. С. Аверинцев. Москва.

«НОВЫЙ ОРГАНОН» (1620) — гл. филос. соч. Ф. Бэкона, противопоставленное автором «Органону» Аристотеля.

НОЖИН, Николай Дмитриевич (8 дек. 1841 — 3 апр. 1866) — рус. биолог-дарвинист и социолог, деятель революц. движения 60-х гг. Происходил из мелкопоместного служилого дворянства. Образование получил в Александровском лицее (1854—60) Еще

будучи его воспитанником, сблизился с революц. подпольем. Изучая химию в Гейдельберге, а затем биологию в Тюбингенском ун-те, деятельно участвовал в жизни заграничной рус. студенч. революц. орг-ции. Захвачен в 1863—64 в Италии, находился в тесном контакте с революц. эмиграцией. По возвращении в Россию (конец 1864) — один из руководителей педтерб. отделения иштутинской народнич. организации. С конца 1865 — фактич. руководитель журн. «Книжный вестник».

Убежденный последователь *Дарвина* (Н. перевел на рус. яз. кн. Ф. Мюллера «За Дарвина» — F. Müller, Für Darwin, Lpz., 1864), Н. исходил из единства закономерностей развития и строения животного мира. Выступал против социального дарвинизма, мальтузианства, расизма. Критикуя кастовую бурж. науку, провозглашал ведущую роль науч. знания в социальном переустройстве.

Будучи социалистом и демократом, Н. ставил перед собой задачу разработать такую науч. теорию, к-рая, исходя из законов биологии, указала бы человечеству путь к гармонич. обществ. устройству. Распространяя сформулированный им общепедagogич. закон на область социальных отношений, он развивал теорию «враждебных» и «взаимных» сил, действующих между различными социальными группами. Отрицая разделение труда, он провозглашал взаимопомощь и объединение «целостных» личностей естественным и наиболее глубоким принципом обществ. взаимоотношений, источником прогресса и гармонии во всех сферах человек. деятельности. Эти идеи Н. явились одним из источников учения *Михайловского* о «простой» и «сложной» кооперации.

Лит.: Сватиков С. Г., Н. Д. Ножин, «Голос минувшего», 1914, № 10; Колосов Е., Молодое народничество 60-х гг., «Сиб. запiski», 1917, № 2, 3; Гайсинович А. Е., Биолог-шестидесятник Н. Д. Н. и его роль в развитии эмбриологии и дарвинизма в России, «Журн. общей биологии», 1952, т. 13, № 5; Рудницкая Е. Л., Н. Ножин, в сб.: Революц. ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1962.

НОЛЬ (Nohl), Герман (7 окт. 1879—1960) — нем. философ и теоретик педагогики, проф. педагогики в Гёттингенском ун-те (с 1920). Продолжая под влиянием *Дильтея* обновление гегельянства в иррационалистич. форме, Н. издает юношеские работы Гегеля, к-рые он истолковывает как теологические, не считаясь с тем, что социально-политич. проблемы принимают здесь у Гегеля религ. форму. Н. распространяет дильтеевский анализ мировоззрения и его типологич. метод на историю иск-ва, вывода художеств. произведение из определ. типа мирозерцания, обусловленного, в свою очередь, неким первоначальным переживанием. Переживание образует остов и основу мирозерцания и лишь позднее осознается философией. Н. переносит на художеств. творчество вычлненные Дильтеем при анализе филос. систем типы мировоззрений: дуалистическое, раскалывающее мир на по-стороннее и потустороннее начало; пантеистическое, исходящее из единства человека и природы, и, наконец, натуралистическое, отмечающее единство человека и природы, но как природных, физических явлений. Этот анализ Н., игнорирующий богатство и многообразие форм искусства, схематически распространяется и на различные способы выражения эмоции: на ритм, символы, формы пластич. движения и т. п. Своеобразие каждого периода в истории эстетики определяется, по Н., предметом анализа (произведение, художеств. творчество и эстетич. созерцание) и методом изучения (объективный, психолого-аналитический и историко-генетический). Н. во многом продолжает теорию замкнутых культур *Шпенглера*. Особенность филос. взглядов Н. заключается в иррационалистич. трактовке мирозерцания как народного духа, а художеств. стиля — как «...единства народа во всех

его жизненных проявлениях» («Die ästhetische Wirklichkeit», Fr./M., 1935, S. 215).

Наряду с эстетикой Н. в последний период жизни занимается проблемами социальной педагогики и этики. В работе «Педагогическое движение в Германии и его теория» («Die pädagogische Bewegung in Deutschland und ihre Theorie», 4 Aufl., Fr./M., 1957) он подчеркивает мировоззренческую и историч. обусловленность целей образования и его формы (самообразование, игра, развитие нравств. воли в воспитательном коллективе и т. д.). Обращаясь к проблемам этики, Н. во многом модифицирует свою филос. систему: эстетика находит свое конечное содержание в этике. В поисках «метафизического обоснования этического» он приходит к выводу, что нравств. опыт является решающим праистокм любого мировоззрения (см. «Die sittlichen Grunderfahrungen. Eine Einführung in die Ethik», Fr./M., 2 Aufl., 1947, S. 150). Принципы нравственности Н. развертывает соответственно различным слоям жизни: биологич. сфера, сфера души и сфера духа.

Соч.: Die Weltanschauungen der Malerei, Jena, 1908; Pädagogische und politische Aufsätze, Jena, 1919; Stil und Weltanschauung, Jena, 1920; Zur deutschen Bildung, Gött., 1926; Jugendwohlfahrt. Sozialpädagogik, Vorträge, Lpz., 1927; Handbuch der Pädagogik, hrsg. von H. Nohl und L. Pallas, Bd 1—5, Langensalza, 1928—33; Landbewegung, Osthilfe und die Aufgabe der Pädagogik, Lpz., 1933; Einführung in die Philosophie, 6 Aufl., Fr./M., 1960; Charakter und Schicksal, 6 Aufl., Fr./M., 1963; Friedrich Schiller, Fr./M., 1954; Die pädagogische Aufgabe der Gegenwart, 4 Aufl., Fr./M., 1957.

Лит.: Лишиц М., Вопросы искусства и философии, М., 1935; Lukács G., Der junge Hegel..., В., 1954 (см. именную указатель); Ahrens E., Wedemeyer I., Weniger E., Bibliographie H. Nohl zu seinem 75. Geburtstag, Weinheim, 1954. А. Огурцов. Москва.

НОМЕНКЛАТУРА (лат. nomenclatura — перечень, список) — сводка терминов, названий, осн. понятий, употребляемых в к.-л. отрасли знания. В основе любой правильно построенной Н. всегда лежит определ. система *классификации*.

НОМИНАЛИЗМ (от лат. nominalis — относящийся к названиям, именам) — филос. учение, согласно к-рому общее не имеет никакого онтологич. содержания. При этом крайний Н. отрицал существование общего не только в объективной действительности, но и в уме познающего субъекта, сводя общее только к словам (или именам nomina). В отличие от этого, умеренный Н., или *концептуализм*, признавал существование общих понятий в познающем уме. В истории ср.-век. *схоластики* Н. был одним из двух, наряду с *реализмом*, направленный в решении проблемы *универсалий*. Н. признавал, что реально, объективно существуют лишь единичные предметы. В условиях средневековья, по определению Маркса, Н. явился «...первым выражением материализма» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 142), а по словам Ленина, «...в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогия с борьбой материалистов и идеалистов...» (Соч., т. 20, с. 173). Осн. идея Н. возникла еще в античной, гл. обр. в *древнегреческой философии*. Ее выдвинули в полемике против идеализма Платона *Антисфен* и *Диоген Синопский*, гл. представители школы *киников*, а затем стоики (см. *Стоицизм*) и представитель *перипатетической школы* — *Александр Афродизийский*. Однако непосредств. предшественниками Н. и реализма были *Порфирий* и затем *Бозций*, поставившие в своих проповедениях проблему реальности родовых и видовых понятий, т. е. проблему универсалий.

Социальные предпосылки Н. возникают в Зап. Европе к 11—12 вв., когда вместе с развитием ремесла, торговли и городской жизни появляется бюргерская оппозиция феодализму, а вместе с ней и первые зародыши буржуазного по своей сути индивиду-

лизма, направленного тогда против сословности и корпоративности феод. общества, и иерархически организованной христ. церкви. Гносеологически Н. явился реакцией на крайний идеализм реализма, являвшегося филос. обоснованием осн. догматов христ. вероучения. Одним из первых представителей Н. следует считать *Беренгара Турского*, но вполне определенно Н. в воззрениях *Росцелина*. Выступлением против Росцелина *Ансельма Кентерберийского*, а затем *Гильома* из Шампо, как и выступлением *Абеляра* против последнего, начинается длительная борьба Н. и реализма (при этом Абеляр возражал и против упрощений Росцелином крайнего Н., приближаясь к позициям концептуализма). Уже Росцелин направил свой П. против офиц. истолкования догмата троицы и др. положений христ. вероучения. Борьба католич. церкви и ее филос. идеологов в лице Гильома из Шампо против Росцелина, а *Бернара Клервоского* и др. теологов против Абеляра в известной степени связана с этой, направленной против христ. догматов и, по существу, даже антирелигиоз. тенденцией Н. Вместе с тем Н. был ранним выражением эмпирич. тенденции, стремившейся направить философию на путь исследования реальной природы. Это в особенности относится к Н. 14 в., представленному *Оккамом* и его единомышленниками — *Николаем* из Отрекура, *Николаем Оремом*, *Жаном* из Мирекура, *Буриданом* (до них, в конце 13 — нач. 14 вв. к Н. приближались *Иоанн Дунс Скот*), а также и др. номиналистами, внесшими вклад в естественнонауч. исследование природы (гл. обр. в физике и механике) и ставшими в известном отношении предшественниками естественнонауч. философов Возрождения. Н. 14 в. был тесно связан с проблемой языка; он истолковывал имена как знаки, или термины, обозначающие общие понятия, складывающиеся в человек. уме (т. н. терминизм Оккама).

При антирелигиоз. и антиреалистич. направленности, Н. уже тогда содержал элементы субъективизма: с одной стороны, понятия объявлялись лишь произведениями ума, лишены онтологич. значения, а с другой — игнорировалась реальность отношений, связей вещей, к-рые, не являясь единичными вещами, но чем-то общим для них, тем не менее объективно существуют. Это отрицание объективности общего приводило Н. (в частности, уже Росцелина, отрицавшего объективность существования даже частей предметов, выделяемых в них умом) к учению о нерасчленности вещи, к-рая не subordinирована никакому целому. Мир превращался в сумму абсолютно разрозненных предметов, а всякая их общность объявлялась субъективной характеристикой ума. В силу этого было поставлено под сомнение отношение причинности, отвергалось понятие субстанции, поскольку ее существование не может явиться предметом непосредств. знания. Как нечто неуловимое для человек. чувств, субстанция объявлялась чем-то фиктивным. Однако этот субъективизм не играл тогда ведущей роли, ибо был направлен против схоластич. реалистич. псевдознания, пытавшегося применить понятие причинности прежде всего для осмысления отношений бога к миру, а понятие субстанции — для осмысления догматов христ. вероучения (напр., догматов троицы, таинства причащения и др.). Доказывая субъективность причинности и субстанции, как общих понятий, Н. стремился повернуть умы людей от умозрачительно-гносеол. проблематики к эмпирич. изучению мира. В силу этого номиналисты 14 в. являлись убедительными сторонниками концепции *двойственной истины*. Задача философии с этой т. зр. — науч. познание природы, в которое не должна вмешиваться религия.

Н. 14 в. четко определенно в качестве идеологии бюргерского индивидуализма. Исходя из принципа,

согласно к-рому целое представляет собой только простую сумму слагающих его частей, номиналисты доказывали, что иерархически организованное феод.-церк. целое не может иметь приоритета перед составляющими его личностями. Тем самым Н. стал ранним предшественником бурж. индивидуалистич. концепций обществ. жизни. Через теорию двойств. истины Н. 14 в. был связан и с передовой политич. мыслью своего времени (*Дюбуа*, *Марсилиус Падуанский* и др.): рождающиеся идеи нац. гос-ва, разделения светской и церк. власти, ликвидации универсальной папской теократии были своеобразным переводом на политич. язык положений Н. о двойственной истине, о приоритете отдельного в отношении общего и о чисто номинальном значении универсального. Н. стал также идеологич. обоснованием т. н. соборного движения: нац. церк. соборы как собрания верующих выше пап.

Передовые филос. умы 17 в. (особенно *Гоббс*, *Локк*, а также и *Спиноза* в его учении о единичных вещах) в борьбе против аристотелизирующей схоластики, необходимо связанной с реализмом понятий, опирались на принципы Н. в своем доказательстве реальности единичных предметов, как исходных объектов научно-философ. знания. Н. как «противоядие» против объективного идеализма, гипостазирующего результаты познания или свойства сознания, оставался эффективным оружием и в руках франц. материалистов (*Ламетри*, *Дидро*, *Гольбах*, *Гельвеций*), а также *Кондильяка*, у к-рых он был обычно связан с *сенсуализмом* в области теории познания. Еще и *Фейербах* в борьбе против спекулятивной отвлеченности Гегеля и др. нем. идеалистов 18—19 вв., рассматривавших единичное и конкретное как несовершенный результат проявления общего, иногда тоже использовал доводы Н. (см., напр., Л. Фейербах, Лекции о сущности религии, в кн.: Избр. филос. произв., т. 2, М., 1955, с. 591—93).

Однако элементы субъективизма, скрытые во всяком номиналистич. истолковании обобщения, были свойственны в известной мере даже материалистич. Н. нового времени; напр., Гоббс, утверждая, что «... между именами и вещами нет никакого сходства и недопустимо никакое сравнение»... (Избр. произв., т. 1, М., 1964, с. 63), по существу, подвергал сомнению реальность, объективность общего, отрицая тем самым идею связи абстрактных объектов с объективной реальностью как не имеющую смысла. Эти элементы субъективизма выдвигаются на первый план и перерастают в систему субъективного идеализма у *Беркли*, ставшая осн. оружием борьбы против материализма. Критика *Юмом* понятий субстанции и причинности тоже основывалась на принципах субъективистски истолкованного Н. Борьба против объясняющей ценности человек. знания, начатая Юмом, была продолжена *позитивизмом* — *Кантом* и др. (противопоставление полезности знаний их якобы только мнимому объяснению объективного мира).

В. Соколов. Москва.

В конце 19 — нач. 20 вв. Н. возрождается в филос. теории Ф. Brentano, к-рый считал, что абстрактные объекты являются лишь фикциями. Общие же термины Brentano рассматривал как нек-рый способ сокращенного выражения утверждений об индивидуальных объектах.

Субъективистская, берклевская концепция Н. была возрождена в 20 в. *неопозитивизмом*. Н. явился для неопозитивизма удобным средством отрицания философии вообще, материалистич. философии в частности. Науч. филос. проблемы неопозитивизм объявляет псевдопроблемами, т. к. они связаны с утверждениями общего и всеобщего характера. Материя объявляется несуществующей, т. к. она представляет

собой универсалию. Конкретным выражением номиналистич. концепции в неопозитивизме явился *физикализм* (Нейрат), *верифицируемости принцип* (см. также *Проверяемость*). Для обоснования номиналистич. позиции неопозитивизм использует достижения совр. логич. науки: теорию *определений*, дискрипций (см. *Описания операторы*), анализ *кванторов*, исследования по интерпретации формализов. систем. На спекуляциях в области *логической семантики* возникло номиналистич., субъективно-идеалистич. направление общей семантики.

Наиболее последовательно номиналистич. концепцию в неопозитивизме проводит Гудмен, отрицающий существование общего в мире и разуме. На этом основании он не признает правомерности такой логич. процедуры, как *абстракция отождествления*. Неопозитивистская интерпретация П. приводит к выводу, что законы науки представляют собой лишь правила языковых конструкций. Б. Грязнов. Обнинск.

Н. в совр. философских основаниях математики возник как реакция на возрождение идей Платона о сущности матем. абстракций в трудах Г. Кантора и Г. Фреге и на обнаружение противоречий в их системах (см. *Парадокс*). Филос. сущность совр. Н. один из его осн. представителей У. Куайн выразил так: «Философский диспут о том, существуют ли универсалии, или абстрактные сущности, это не диспут о допустимости общих терминов. Обе стороны соглашались, что общие термины, напр. „человек“, и может быть даже абстрактные единичные термины, такие, как „человечество“ и „7“, осмыслены, — по меньшей мере, поскольку они участвуют в утверждениях, к-рые, взятые как целое, истинны или ложны. Платонисты (как я буду называть тех, кто признает универсалии) отличаются от их оппонентов, номиналистов, тем, что они постулируют некое царство сущностей, универсалий, соответствующих такого рода общим или абстрактным словам... Номиналист, с другой стороны, считает, что такое обращение к царству сущностей в добавление к конкретным объектам в пространстве и времени есть пустой вербализм, ничего не объясняющий» (Quine W. V., On universals, см. «J. of Symb. Logic», 1947, v. 12, № 3, p. 74). Поскольку абстрактные термины могут иметь смысл в контексте, это обращение к царству сущностей проявляется с т. зр. Н. в том, что такого рода термины разрешается рассматривать как предметы: как значения переменных. С полной определенностью эта т. зр. выражена в статье Куайна и Н. Гудмена «Шаги в сторону конструктивного номинализма», к-рая начинается словами: «Мы не верим в абстрактные сущности. Никто не предполагает, что абстрактные термины — классы, отношения, свойства и т. д. — существуют в пространстве-времени; но мы имеем в виду больше чем это. Мы отказываемся от них совсем» (Quine W. V., Steps toward a constructive nominalism, см. «J. of Symb. Logic», 1947, v. 12, № 4, p. 105).

Этот отказ от абстрактных сущностей мотивируется прежде всего тем, что обращение с предикативными буквами (обозначающими неопределенные классы или предикаты) как с обыкновенными переменными x , y и т. п. ведет к противоречиям (таким, напр., как знаменитый парадокс Рассела). Номиналист разрешает поэтому связывать кванторами «все» и «существует» только такие свободные переменные, значениями к-рых являются конкретные предметы. В соответствии с этим уже предложение « $\exists x(x$ — простое число и $5 < x < 11)$ » («Существует такое простое число, к-рое больше пяти, но меньше одиннадцати») считается недопустимым, т. к. значением переменной, существование к-рого при этом имеется в виду, является число 7, — «универсалия, если таковые существуют» (см. W. V. Quine, On universals, p. 75).

Задача, к-рую ставят перед собой номиналисты, заключается поэтому в переводе предложенной классич. математики на такой язык, в к-ром кванторы (или логич. средства, заменяющие кванторы, вроде местоимений обычного языка или комбинаторов Шейффингера и Кёрри, см. *Логика комбинаторная*) могут отпоститься только к конкретным предметам.

При этом, однако, трудность возникает уже в связи с вопросом о том, что может считаться «конкретным предметом». Является ли, напр., рука человека конкретным предметом наряду с самим человеком? Куайн и Гудмен считают, что нет, что рука человека становится конкретным предметом только, если она отрублена от человека. (Неясно даже, можно ли считать ее частью конкретного предмета, поскольку понятие «части», хотя и считается номиналистами интуитивно ясным, в действительности недостаточно поясняется ими, — хотя бы на примерах, с помощью к-рых в науку вводятся обычно не определяемые в ней термины.) С др. стороны, два человека (или какое-нибудь большее их число), хотя бы и жившие в разное время и в разных странах, по Куайну и Гудмену, могут считаться одним «конкретным предметом». Но при таком подходе уже задача придать номиналистически допустимый смысл простым предложениям типа «Имеется больше собак, чем кошек» становится очень трудной, как об этом свидетельствует, напр., попытка упростить предлагаемое Куайном и Гудменом истолкование предложенной этого типа (см. ст. Л. Генкина «Номиналистический анализ математического языка» в сб. «Математическая логика и ее применения», М., 1965).

Еще более трудной является задача, к-рую ставят перед собой номиналисты, когда они хотят найти такое истолкование классич. математики (теории множеств), строящейся на основах платонизма, при к-ром абстрактные объекты и общие понятия («универсалии») заменяются в предметной области (см. *Область предметов*) конкретными индивидуумами (или собраниями раздельно существующих индивидуумов; мы уже говорили, что такие собрания также рассматриваются номиналистами как индивидуумы). Единств. способ такого истолкования, к-рый удалось наметить номиналистам, состоит в том, чтобы, выразив матем. теорию в виде формальной системы или *исчисления*, интерпретировать ее как собрание записей ее предложений, пользуясь тем, что запись всегда представляет собою некий материальный предмет. Остается только так установить правила оперирования с этими записями, чтобы по ним выводились именно такие записи, к-рыми выражаются доказуемые предложения формализованной теории, — и последняя будет номиналистически истолкована.

Естественно, однако, что такое «...понимание классической математики просто в терминах синтаксической манипуляции с символами» не устраивает и мн. номиналистов, — в том числе Генкина, к-рый вслед за приведенными только что в кавычках словами пишет: «Но эта цель, даже если бы она была достигнута, все же не объяснила бы, как символизм математики функционирует в качестве языка, полезного при взаимодействии между теми, кто употребляет этот символизм, и их физическим окружением. На самом деле это и есть решающий вопрос. В чем состоит соотношение между языком и объектами мира?» (Genkin L., Some notes on nominalism, см. «J. of Symb. Logic», 1953, v. 18, № 1, p. 27).

В более поздней (цитированной выше) статье Л. Генкин пытается найти выход из этой трудности посредством расширения смысла слова «запись». Однако он не скрывает того, что в этом вряд ли можно видеть действит. решение поставленного вопроса.

С вопросом существования (соотв., несуществования) тех или иных матем. абстрактных объектов дей-

ствительно связаны подчас большие трудности, к-рые решаются обычно с помощью указания способов построения искомого объектов. Построение же абстрактного объекта может относиться только к способу его записи. (Уже в младших классах школы детей учат оперировать с такими абстрактными объектами, как натуральные числа, посредством оперирования с их записями.) Вопрос о роли записи в теории матем. абстракций представляет поэтому существ. интерес. Но абстракция не есть только запись. Ее познавательное значение состоит прежде всего в том, что она позволяет нам формулировать общие законы и выводить из них правила для руководства действием. На практике люди действуют, однако, не с абстрактными объектами, а с конкретными вещами. Чтобы применить абстрактную теорию на практике, нужно поэтому реализовать, восполнить ее абстрактные термины конкретным содержанием. Такое восполнение, конечно, не всегда возможно. Вычислимая функция может быть, напр., лишь частично вычислимой, т. е. могут существовать такие значения аргумента, для к-рых она не определена: не осмыслена. Но если абстрактный термин вообще не может быть восполнен конкретным содержанием, если он никогда не может быть реализован, то он не имеет науч. смысла. В применении к абстрактным терминам поэтому вопрос об их осмысленности приходится решать не раз навсегда, а по особому, в зависимости от того, к чему мы их применяем, т. е. с помощью критерия практики в конечном счете. И платонисты, и номиналисты хотят избежать на самом деле этой необходимости обращения к критерию практики. Первые допускают любые абстрактные объекты, вторые не допускают никаких. В действительности в науке допустимы такие абстрактные объекты, к-рые можно (хотя бы в нек-рых, практически важных, случаях) «удалить»: наполнить их конкретным содержанием. Спор между номинализмом и платонизмом, в к-ром затрагивается весь круг вопросов о сущности матем. абстракций, лишней раз свидетельствует, т. о., о том, что неправы ни те, ни другие; что важнейшую роль для науки играет диалектич. единство абстрактного и конкретного, основанное на материалистич. критерии практики.

[С. Яновская]. Москва.

Лит.: Маркс К., Математические рукописи, «ПЗМ», 1933, № 1; Штёккле А., История средневек. философии, М., 1912; Спекторский Е., Н. и реализм в обществ. науках, М., 1915; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневек. философии, М., 1957, с. 26—45; Зубов В. П., Просветство и время у парижских номиналистов XIV в., в сб.: Из истории франц. науки, М., 1960; Аревшян С. С., Н. в средневек. арм. философии, М., 1960; Нарский И. С., Совр. позитивизм, М., 1961; Горский Д. П., Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961; Лейб Г., Очерк истории средневек. материализма, пер. с нем., М., 1962, с. 534—46; Котарбинский Т., Спор об универсалиях в средние века, Избр. произв., пер. с польск., М., 1963, с. 410—15; Грязнов Б. С., О номиналистическом истолковании проблемы существования и абстракций в совр. математике, в сб.: Методол. проблемы совр. науки, [М.], 1964; Яновская С., Проблемы введения и исключения абстракций более высоких (чем первый) порядков. (Тезисы доклада на Международном коллоквиуме в Варшаве, 1961), «The Foundation of Statements and Decisions», 1965, p. 171—77; L o e w e J. H., Der Kampf zwischen dem Realismus und Nominalismus im Mittelalter, Prag, 1876; Spitzler H., Nominalismus und Realismus in der neueren deutschen Philosophie, Lpz., 1876; Meinhong A., Hume-Studien. Zur Geschichte und Kritik des modernen Nominalismus, W., 1877; Grube C., Über den Nominalismus in der neueren englischen und französischen Philosophie, Halle/S., 1889 (Diss.); Reiners J. Jos., Der Nominalismus in der Frühcholastik, Münster, 1910; Kühnemann A., Zur Geschichte des Terminismus, W. von Occam, E. B. de Condillac, H. von Helmholtz, F. Mauthner, Lpz., 1911; Offner M., Nominalismus und Realismus, B., 1919; Carré M. H., Realists and nominalists, [L.—N. Y.], 1946; Studien zur Naturphilosophie der Spätscholastik, Bd 4—5, Roma, 1949—58; Katsoff L. O., Conceptualisme, réalisme ou nominalisme en logique, «Études Philosophiques», Marseille, 1950, v. 5; Quine W. V., Semantics and abstract objects, «Proc. Amer. Acad. Arts and Sciences», 1951, v. 80, № 1,

p. 90—96; Woodger J. H., Science without properties, «Brit. J. Philos. Sci.», 1951, v. 2, № 7; Martin R. M., Woodger J. H., Toward an inscriptional semantics, «J. Symbolic Logic», 1951, v. 16, № 3; Hays W. H., Berkeley's argument from nominalism, «Rev. Intern. Philos.», 1953, v. 7, № 1—2; Veatch H. R., Realism and nominalism revisited, Milwaukee, 1954; Bochenski J. M., Church A., Goodman N., The problem of universals. A symposium, Notre Dame (Ind.), 1956; Grubmann M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 2, B.— [Darmstadt], 1957; Bochenski J. M., Logisch-philosophische Studien, Freiburg—Münch., 1959, S. 131—52; Beth E. W., The foundations of mathematics, Amst., 1959, ch. 16, p. 464—77; Oberman H. A., The harvest of medieval theology, G. Biel and late medieval nominalism, Camb. (Mass.), 1963; Quine W. V., From a logical point of view, N. Y.—Evanston, [1963].

НОМИНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ — см. *Определение, Пор-Рояля логика.*

НОМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (от греч. νόμος — закон и λόγος — наука) — высказывания, выражающие законы науки (высказывания о законах природы, общества или логики). Н. в., выражающие законы логики, наз. аналитическими, выражающие законы природы или общества — синтетическими. Проблема Н. в. заключается в построении средствами языка нек-рой логич. системы явного определения их логич. структуры. От решения этой проблемы существенно зависит решение проблемы *контрфактических предложений и диспозициональных предикатов*. Поскольку Н. в. делятся на аналитич. и синтетич., проблема Н. в. состоит из двух до нек-рой степени самостоят. задач — задачи экспликации понятия логич. следования, отражаемого в аналитич. Н. в., и задачи экспликации понятия реальной или физич. необходимости (физич. следования), отражаемой в синтетич. Н. в. В большинстве работ, посвященных Н. в., гл. место занимает именно вторая задача, а в нек-рых — к ней сводится проблема Н. в. в целом. Ни одну из существующих попыток решения проблемы Н. в. нельзя считать удовлетворительной. Если в решении первой задачи имеется определ. прогресс, то во второй все еще много неясного. Во-первых, между *консеквентом и антецедентом* Н. в. имеется связь по смыслу. Поэтому обычно они рассматриваются как «осмысленные» («разумные») импликаци, в отличие от материальной импликаци. Операции классич. логики оказываются слишком слабыми, чтобы быть средством формализации связи по смыслу и тем самым средством отличия содержательно осмысленных высказываний от содержательно неосмысленных. Во-вторых, истинная формальная импликация [на языке классич. предикатов исчисления синтетич. Н. в. выражается в виде формальной импликаци: $\forall x(A(x) \supset B(x))$ не может служить однозначным экспликатом синтетич. Н. в., т. к. она является также логич. формой фактически истинных общих предложений, не соответствующих интуитивному пониманию закона науки (см. об этом в ст. *Импликация*). Попытку выделить из класса формальных импликаци подкласс тех из них, к-рые являются законами науки, предпринял Г. Рейхенбах (см. H. Reichenbach, Elements of symbolic logic, N. Y., 1947, его же, Nomological statements and admissible operations, Amst., 1954). Однако концепция Рейхенбаха не свободна от нек-рых недостатков. Не более удачны попытки экспликации синтетич. Н. в., лежащие в русле использования для этой цели модальных понятий в качестве исходных и соединения в одной системе логич. и физич. *модальностей*, что при рассмотрении физич. следования приводит к появлению принципов, противоречащих интуитивному пониманию законов природы. Показательны в этом отношении работы А. Бёркса (см. A. W. Burks, The logic of causal propositions, «Mind», 1951, v. 60, его же, Dispositional statements, «Philos. Science», 1955, v. 22, а также ст. *Каузальная импликация*).

Лит.: Зиновьев А. А., Логич. и физич. следование, в кн.: Проблемы логики науч. познания, М., 1964; Смирнов В. А., Уровни знания и этапы процесса познания, там же; Солодухи Ю. Н., Логич. структура высказываний о законах природы, в сб.: Методол. проблемы совр. науки, [М.], 1964; Goodman N., Fact, fiction and forecast, [L.], 1954; Hempel C., Oppenheim P., Studies in the logic of explanation, «Philos. Science», 1948, v. 15; Bunge M., Kinds and criteria of scientific laws, там же, 1961, v. 28; Nagel E., The structure of science, N. Y., 1961. Ю. Солодухи. Москва.

НОРВЕЖСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Возникновение и развитие Н. ф. тесно связано со становлением и общим развитием обществ. мысли в Норвегии и составляет ее неотъемлемую часть, тем более, что в Норвегии, в отличие от ее сканд. соседей Дании и Швеции, не сложилось сколь-нибудь оригинальной нац. филос. школы. Это обусловлено в значит. степени историч. причинами существования и развития норв. народа — гл. обр. поздним формированием нации и нац. буржуазии, идеол. потребности к-рой могли быть удовлетворены путем прямого заимствования удобных и приемлемых филос. систем из богатого европ. арсенала. Кроме того, следует иметь в виду, что Норвегия политически входила до начала 19 в. (1814) в состав Дании, а затем до нач. 20 в. (1905) в состав Швеции, и потому развитие Н. ф. за этот период, как и общее развитие культуры в Норвегии, связано соответственно с развитием дат. и швед. философии. Н. ф. возникает в сер. 18 в. в связи с формированием норв. нации и появлением нац. буржуазии и первоначально неотделима от развития просветительства, с одной стороны, и от религ.-политич. идей, с другой. Для развития Н. ф. было далеко не безразлично, что идеология норв. буржуазии во 2-й пол. 18 в. объединяла лютеранскую ортодоксию со воинствующим и нетерпимым национализмом. Вот почему просветительство и привнесенные им элементы материалистич. философии не оказали существен. влияния на развитие обществ.-политич. идей в Норвегии, ни на Н. ф. Первый дат.-норв. просветитель Л. Хольберг (1684—1754) с его критикой метафизики остался единственным явлением и не имел последователей. Два других норв. просветителя и довольно робкие популяризаторы философии Лейбница — Ю. Э. Гуннерус (1718—73) и Г. Шейнинг (1722—80), даже не отваживались вступать, подобно Хольбергу, в открытую борьбу с шнетицизмом. Первую попытку эклектически связать воедино рационализм энциклопедистов и романтич. философию Ж. Ж. Руссо предпринял К. Брейман Туллин (1728—65). Однако о возникновении самостоят. Н. ф. не могло быть еще речи. Только после бурж. революции 1789 во Франции и особенно во время наполеоновских войн, оказавших решающее влияние на изменение внешнего и внутр. положения Норвегии, происходит своеобразная кристаллизация нац. бурж. идеологии, носителем к-рой выступает норв. крестьянство, претендующее на роль гегемона в нац. движении. Эта идеология облекается в форму националистич. религ.-мистич. учения, основателем к-рого был Ханс Нильсен Хауге (1771—1824). Хаугеанство было направлено, с одной стороны, против лицемерия и ханжества общ. шнетицизма, с другой — против просветительского рационализма и материализма; оно претендовало на роль «надклассовой», «истинно норв.» идеологии, противостоящей всему чужеземному. Источником хаугеанства был культ патриархальности всего уклада норв. крест. общины, соединенный с утопич. идеями раннехрист. коммунизма. Хаугеанство, политически сыгравшее прогрессивную роль, поскольку оно теоретически обосновывало борьбу норв. крестьянства против иноземного чиновничества, идеализировало, однако, застойные явления в обществ. развитии, отличалось крайним национализмом; как своеобразный норв. изоляционизм оно противостояло возникшей в нач. 19 в. в

Дании и Швеции идеологии скандинавизма, т. е. стремлению буржуазии этих стран к единству в области государственности и культуры.

С нач. 19 в. в связи с созданием филос. кафедры при ун-те в Осло (осн. 1811) в Норвегии получила развитие и т. п. школьная (или учебная) философия. Первым профессиональным философом был Пилье Трескау (1751—1833), преподававший в Копенгагене, а затем (1812—14) в Осло. Трескау был популяризатором эмпиризма Локка и этики Канта; его работа «О человеческой природе» (N. Treschow, Om den menneskelige natur i almindelighed, især dens aandelige side, Kbh., 1812) положила начало эксперимент. психологии в Норвегии. Однако философия Трескау вызвала резкую критику со стороны лютеранских теологов, выступивших противниками распространения в Норвегии светской философии. Дипломы религ.-мистич. и романтич. учения дат. философа Н. С. Грунтвига — С. Б. Херслеб (1784—1836) и Стенерсен (1789—1835) пытаются соединить его учение с умеренным хаугеанством и при поддержке представителя лютеранской ортодоксии В. А. Вексельса (1797—1866) лишают светскую философию права на существование в Норвегии. Две работы Трескау «Дух христианства» («Christendommens aand», Chra, 1828) и «О бже, мире идей и мире чувств» («Om Gud, idee-og sandseverdenen», bd 1—3, Chra, 1831—32), содержащие ожесточ. полемику с теологами, надолго остались единств. филос. произв. на норв. яз. Лишь со 2-й пол. 19 в. на филос. кафедре ун-та в Осло утверждается правый гегельянец Монрад, система к-рого прочно определила безраздельно господствующее направление академич. философии.

Одним из наиболее влият. последователей гегельянства в Н. ф. был Г. В. Люнг (1827—84), к-рый пытался возродить Гегеля, отойти от догматич. интерпретации его Монрадом и «обогащать» гегелевский идеализм сканд. чертами, заимствованными из философии Кьеркегора и Грунтвига. Против этого эклектич. идеализма выступил экономист и юрист А. М. Швейгор (1808—70), пытавшийся противопоставить «шаткой диалектике» «метафизически-деловые» взгляды, близкие к экономич. детерминизму. Швейгор, подобно большинству норв. деятелей культуры, оказавших влияние на развитие Н. ф. в 19 в., не был философом-профессионалом.

Питат. средой для возникновения «новых» идей за пределами круга профессиональных философов служил с сер. 19 в. изучение отечеств. истории, препарируемой под влиянием нац.-политич. задач норв. буржуазии в духе органич. теории *Спенсера*. Норв. гос-во, прекратившее свое существование в конце 14 в., рассматривается как заснувший, но оживший через 400 лет организм. Основоложниками этой философии истории были Я. Р. Кейсер (1803—64), П. А. Мунк (1810—63) и особенно их ученик и продолжатель Э. Сарс (1835—1917), перенесший теорию развития Дарвина и позитивистские взгляды *Коппа* непосредственно на истолкование истории Норвегии. Призывая к дальнейшему развитию норв. самостоят. гос-ва, эти поборники нац. возрождения в то же время требовали зачеркнуть все историч. прошлое Норвегии, как «ненорвежское» и тем самым смыкались с самыми крайними хаугеанцами, видевшими единств. возможность нац. существования в консервировании крест. ср.-век. патриархальности и в изоляции Норвегии от остального мира. Эти идеи нац. исключительности и отсюда особой историч. роли норв. народа широко проникли в политич. и затем художеств. лит-ру Норвегии 2-й пол. 19 в. (Б. Бьёрнсон) и в конечном счете породили тот культ нац. ограниченности, к-рый был подмечен и высмеян Энгельсом уже в 1846: «Норвежец смотрит на офранцузенного шведа и его

дворянство сверху вниз и радуется, что у него в Норвегии еще господствует тот же самый дурацкий крестьянский хозяйственный уклад, как во времена благородного Кнуда» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 27, с. 71).

Эта широко распространенная идеология вызвала, однако, к концу 19 в. стихийный протест той части норв. буржуазии, интересы к-рой были связаны с междунар. торговлей и не мирились с экономич. застоєм. Невольным идеологом этой обществ. группы выступил Г. Ибсен, противопоставивший хаугеанству идеи космополитизма, универс. гуманизма и свободы индивидуального духа. Вместе с тем критика Ибсеном бурж. морали и мещанского мира была неприемлема для норв. буржуазии. Это обусловило непризнание и резкую критику Ибсена со стороны норв. буржуазии и в то же время успех Ибсена в широких демократич. кругах и его собств., стихийную тягу к социалистич. учениям, сути к-рых он, однако, не принял.

В конце 80-х гг. 19 в. в Норвегию стала проникать марксистская филос. мысль. Созданная в 1887 Норв. социал-демократич. рабочая партия (НРП) вначале находилась под политич. и идеологич. влиянием либеральной буржуазии. Первые организаторы и агитаторы в рядах рабочего движения — М. Тране (1817—1890), О. Фьёртофт и их последователи — занимались гл. обр. организац.-профсоюзной работой. Это были мелкобурж. утопич. социалисты прудонистского толка. Основной угрозой для марксистской идеологии в Норвегии был национализм. Фактически знакомство норв. общества с марксизмом произошло лишь в нач. 20 в.

После 1905, в связи с отделением Норвегии от Швеции и обострением классовой борьбы внутри страны, националистич. идеология несколько ослабла. Усилилась марксистская струя в рабочем движении. Одновременно развитие точных и естеств. наук на рубеже 19 и 20 вв. (химик К. М. Гульдберг и Ш. Воге, математик С. Ли) привело к частичному проникновению в норв. науку материалистич. представлений, правда, в весьма неясной форме. (Механистич. материалистами были Бьеркнес, Бёк, Мейделль). В академической же философии, находившейся в руках правых гегельянцев, начался кризис. Господствующим направлением в Н. ф. становится *позитивизм*, опирающийся на эксперимент. психологию. Для исследовательской работы в области психологии создается в 1909 особый институт. На увлечение психологией оказывает влияние также пример Дании, где в это время работает *Гёффдинг*. основоположниками эксперимент. психологии в Норвегии считаются К. Б. Р. Орш (1867—1917) и А. Оль (1867—1943). Произв. последнего «Логос...» (А. Aall, *Der Logos...*, Bd 1—2, Lpz., 1896—99), «Наша духовная и этическая жизнь» («Vårt sjælelige og vort etiske liv. Kort fremstilling af den filosofiske videnskab», Kra, 1900), «Власть и обязанность» («Macht und Pflicht», Lpz., 1902), написанные по-норвежски, доступным языком, получили значит. распространение за пределами узко проф. круга, вызвали ожесточ. дискуссии в прессе и способствовали, т. о., популяризации в Норвегии эмпирич. философии, базирующейся на психологич. экспериментах. Филос. взгляды Орша и Оля нашли известное отражение в натуралистич. направлении норв. лит-ры нач. 20 в., они были как бы продолжением и развитием позитивистских и вульгарно-эволюционистских взглядов, господствовавших в норв. культуре 19 в.

В нач. 20-х гг. в Норвегию проникает *фрейдизм*, популяризатором к-рого явился Х. Краббе Шельдеруп (р. 1895), пытавшийся также философски переосмыслить теорию относительности Эйнштейна. Его брат, К. В. К. Шельдеруп (р. 1894) основывает в 1927 «Общество свободного христианства» с целью пропа-

ганды религ.-филос. терпимости и поисков примирения религ. мировоззрения с научным. В работах «Религ. истина в свете теории относительности и материалистич. мировоззрения» (K. Schjelderup, *Religiøns sandhet i lys av den relativitetsteoretiske virkelighetsopfatning*, Oslo, 1921) и «Человек становится божеством» («Der mennesker blir guder», Oslo, 1923) Шельдеруп кладет основу новому направлению в Н. ф. — «религ. психологии», к-рое, однако, вскоре изживает себя.

К нач. 20-х гг. относится и зарождение норв. социологии, основателем к-рой можно считать Н. К. Д. Коллина (1875—1926), литературоведа по профессии, придававшего огромное значение облагораживающей роли иск-ва, считающего его гл. фактором, влияющим на обществ. процессы. Свои социологич. взгляды Коллин изложил в работах «Искусство и мораль» (Chr. Collin, *Kunsten og moralen...*, Kbh., 1894), «Чел. Толстой и совр. кризис культуры» («Leo Tolstøi og nutidens kultur-krise», Kra, 1910), а также в монографии «Религия братства и новый научный взгляд на жизнь» («Brøskabets religion og den nye livs-videnskab», Kra, 1912), где он высказывал идеи, близкие критическому идеализму швед. философа *Норстрёма*. Одновременно появилась первая крупная работа Э. Шёста «Действительность и идеи» (E. Schøth, *Realiteter og ideer*, Oslo, 1920), положившая начало распространению в Норвегии *логического позитивизма*, заимствованного у совр. англ. философов.

Однако ни одно из перечисленных выше направлений не было господствующим в период 20—30-х гг. Картину идейного разброда в рядах бурж. Н. ф. еще более усугубило появление в нач. 30-х гг. обществ. течений, теоретически базировавшихся на эклектич. смеси ницшеанства, правого хаугеанства и позитивизма. Таковы были философия Б. Д. Брокмана (1881—1956) и особенно квислингизм — комплекс националистич. идей, проникнутых духом крайней нетерпимости ко всему «ненорвежскому»; идеологами этого норв. фашизма выступали Г. Х. Оль и отчасти К. Гамсу. В сер. 30-х гг. происходит поляризация течений в Н. ф., на одном из флангов к-рой временно усиливается влияние идеологов норв. с.-д.-тии, проповедующей экономич. материализм, к-рый выступает в Норвегии под наименованием марксизма. Еще в период 1-й мировой войны и особенно после Октябрьской революции в Норвегию стал более интенсивно проникать марксизм-ленинизм, захвативший, однако, довольно узкий круг лидеров молодежного социалистич. движения. При этом норв. марксисты с самого начала находились под влиянием идей Р. Люксембург (особенно в области нац. вопроса). Если в 20-х гг. ведущая роль в рядах с.-д.-тии Норвегии принадлежала левым, теоретикам к-рых А. Хансен, Э. Булл и Я. Фрис боролись с бурж. Н. ф. и с проявлениями идеалистич. представлений в собств. партии, то в 30-х гг. верх в Норв. рабочей партии (НРП) берет правое крыло, совершенно отходящее от марксистских позиций и переходящее на позиции прагматизма (М. Транмель, Т. Хегна, Х. Кут и У. Кульбёрсен). Этот переход особенно резко обозначился в годы 2-й мировой войны, когда все видные деятели НРП жили и работали в Англии и США. Кроме того, война и нем.-фашистская оккупация оказали влияние на проявление в Норвегии «нового» филос. течения — дефетизма (франц. *défaitisme* — поражение, капитуляция), источниками к-рого были, с одной стороны, изоляционистско-националистич. идеи хаугеанства, с другой — индивидуалистско-ницшеанская философия Брокмана, проецированная в область обществ. отношений. Эта философия поражения оправдывала непротивление оккупантам («исторической судьбе»), доказывала, опираясь на позитивистскую органич.

теорию, неизбежность дальнейшего развития Норвегии как части общегерм. организма. Т. о., политич. размежевание норв. буржуазии на два лагеря, проанглийский и прогерманский, нашло отражение в размежевании на филос. фронте — на соответственно прагматический и позитивистский лагеря. Борьба этих двух направлений, начавшаяся в нач. 20 в., была в годы 2-й мировой войны возобновлена с удвоенной энергией.

В послевоен. период (1945—65) наряду с широким проникновением в Норвегию популярных на Западе филос. течений и доктрин (особенно логич. позитивизма), к-рым отдается немалая дань в учебном процессе в высшей школе, в собственно Н. ф. преобладал интерес к чисто формальным проблемам логич. и лингвистич. анализа. Уже с конца 40-х гг. делаются попытки применить семантику к анализу обществ. жизни. Семантика в качестве обязат. дисциплины была введена в 50-е гг. не только в гражд. гуманитарных уч. заведениях, но и включена в программу высшего воен. образования. Увлечение семантикой явилось своеобразной реакцией на прагматизм и велось под флагом борьбы со слишком прагматич. мышлением конца 40-х гг. в обществ.-политич. сфере и с прагматич. методологией в области различных конкретных наук. В созданном при ун-те в Осло (1950) Ин-те социальных исследований, предназначенном выполнять роль экспертного правительств. учреждения, были созданы отделы социологии, проблем войны и мира, семьи и молодежи, теоретич. и эксперимент. психологии и бюро эмпирич. фактов, где была сконцентрирована вся исследовательская работа (и основные кадры) совр. Н. ф. В числе ведущих работников ин-та — Арве Пэсс, уделяющий гл. внимание применению семантич. анализа для разрешения актуальных проблем внешней политики и идеологич. борьбы («Демократия, идеология, объективность» — A. Naess, Democracy, ideology and objectivity, Oslo, 1956). Тяготение к прикладному семантич. исследованию является самой характерной особенностью нынешней Н. ф. Так, напр., Ингемунн Гульвог занят, помимо проблем эпистемологии, теориями символич. связей и взаимопонимания («Метафизика и анализ» — J. Gullvåg, Metaphysics and analysis, Oslo, 1960); Херманн Теннесен семантически анализирует различные типы социальных и политич. взглядов; Харальд Оффстад и Кристиан Бай работают над анализом понятий в связи с проблемами свободы воли и свободы и необходимости. Эмпирич. психология и социология приобредли ныне в Норвегии широкий размах, вышли далеко за пределы научно-эксперимент. исследования, проникнув в деловую и политич. жизнь страны. В последние годы в связи с ростом юношеской и детской преступности и моральной деградации т. н. «потерянного поколения» норв. социологи особенно интересуются специфич. эмоц. факторами, воздействующими на человека, а также тем обществ. резонансом, к-рый вызывает поведение личности, отклоняющейся от общепринятых норм. Среди многочисл. проф. социологов (ми. фирмы, предприятия и учреждения держат своего штатного социолога, ведущего конкретные исследования) следует отметить: Р. Ромметвейта, занимающегося социальной психологией и исследующего влияние на формирование личности таких факторов, как религия, мораль и социальные нормы, а также влияние окружающей среды (возрастные, игровые группы, родители и т. п.); группу социологов — С. Рокван, Х. Валлен, У. Торгейрсен, работающих в области политической социологии, С. Лусгора и Т. Маттиссена, занимающихся теорией социальной стратификации, И. Гальтунга — исследователя в области структурно-функцион. теории. В др. отраслях социологии работают: Х. Хольтер, Д. Ос (произ-во),

В. Ауберт (право), Э. Гренсет (семья), И. Э. Гальтунг (школа), С. Браун-Гульдбрандсен (сексуальность, преступность). Норв. социологи собрали большой эмпирич. материал по психологии различных социальных групп общества. Этот материал и построенные на нем исследования служат своего рода методом контроля со стороны гос-ва за соотношением классовых сил, за пульсом обществ. и производств. отношений.

Вместе с тем за последние (60-е) годы все отчетливее обнаруживается отрицат. реакция на узкий прагматизм и утилитаризм совр. Н. ф. в целом. Это отрицат. отношение исходит как со стороны лютеранских теософов, так и со стороны литературной интеллигенции, критикующей совр. позитивистские течения в Н. ф. за формализм и утрату интереса к традиционным для Н. ф. проблемам человек. личности и ее нравств. усовершенствования; причем критика ведется в основном с позиций экзистенциального прагматизма (см. *Экзистенциализм*). Так, напр., С. Ф. Якобсен призывает философов показать «метафизически иррациональную сущность человеческой души», а не заниматься графиками и диаграммами. Однако в целом критика совр. позитивизма с указ. позиций имеет крайне узкий диапазон и несколько не колеблет положения этого осн. направления совр. Н. ф. Тем не менее факт наличия такой критики показателен, поскольку она апеллирует к гуманистич. традициям Н. ф. Эти традиции связаны с непрофессиональной филос. мыслью, представленной гл. обр. т. н. «поэтократами» 19 в. Такие писатели, как Х. Вергеланн (1808—45) и Г. Ибсен, исторически оказались властителями дум целых поколений как носители идей свободы нац. и индивидуального духа. Их произв. по своей филос. основе близки экзистенциализму, в частности Кьеркегору. Нынешние попытки части бурж. философов Норвегии вернуться к традиц. индивидуализму, равно как и возрождение идей дат. философа Л. Фейльберга (философия «тихих радостей»), являются реакцией на бессильные объяснить противоречия совр. общества методами лингвистич. анализа.

Картина противоречивых тенденций, господствующих в совр. Н. ф., дополняется идейным кризисом норв. с.-д-тии. Ее полный и открытый отказ от марксизма как от «устаревшей» и якобы не подходящей к условиям Норвегии теории, а с др. стороны опровержение всем ходом историч. событий последнего двадцатилетия прагматич. установок лидеров НРП поставили норв. с.-д-тию в положение партии, лишенной сколько-нибудь ясной теоретич. базы. Эклектично, противоречиво и непоследовательно отношение с.-д-тии и к проблемам внешней и внутр. политики: так, наряду с прокламированием «государства всеобщего благоденствия» (как «народного» гос-ва) соседствует признание положит. роли монополий и попытки оправдать дальнейшее существование капитализма ссылками на его превращение в «народный».

В этой обстановке огромное значение приобретает работа норв. марксистов, начавшая разворачиваться лишь в самое последнее время. Среди молодых теоретиков Норв. коммунистич. партии следует отметить Х. И. Клевена, опубликовавшего ряд работ по истории и теории классов в Норвегии. До последнего времени немногочисленные норв. марксисты все свое внимание концентрировали на учебно-просветительской работе и лишь отчасти занимались исследованиями в области историч. материализма и политич. экономики, оставляя в стороне критику бурж. Н. ф. Одна из причин этого — отрицание самостоятел. роли Н. ф., рассматриваемой как неразрывная часть всей совр. бурж. философии без ярко выраженных нац. отличий. Такой взгляд на Н. ф. верен лишь отчасти. Во-первых, отсутствие «национальной оригинальности» Н. ф. отнюдь не снимает задачи марксистской критики тех филос.

течений (в частности, неопозитивизма), к-рые распространены в Н. ф., а во-вторых, бурж. Н. ф. имеет свою специфику, состоящую не в наличии особых школ, а в роли непрофессиональных философов — «поэтократов», идейное влияние к-рых выходит далеко за пределы Норвегии.

Лит.: П л е х а н о в Г. В., Генрик Ибсен, СПб, 1906; П о х л е б к и н В. В., О развитии и совр. состоянии историч. науки в Норвегии, «Вопр. истории», 1956, № 9; С. А. Bjerknes' Gedächtnisrede auf O. J. Broch, в кн.: Forhandling i Videnskabselskapet i Christiania, 1889, Chra, 1890; A all A., Psykologiens historie i Norge, Kra, 1911 (Videnskapselskapets skrifter. Hist. Filos. klasse, 1911, № 3); его же, Die norwegische Philosophie, в кн.: Ueberweg Fr., Grundriss der Geschichte der Philosophie, Tl 5, B., 1928; В e y e r H., Søren Kierkegaard og Norge, Chra, 1924; M ö h r i n g W., Ibsen und Kierkegaard, Lpz., 1926; S k r o n d a l A., Grundtvig og Norge, Bergen, 1929; F r i e d r i c h s e n A., Die Theologie Norwegens, в кн.: Ekklesia, Bd 2, Gotha, 1936; Twelve years of social science research, publ. by Institute for social research, Oslo, 1962; K l e v e n H. I., Klassenstrukturen i det norske samfunnet, Oslo, 1965. В. П о х л е б к и н. Москва.

НОРМАЛЬНАЯ ФОРМА (в математической логике) — наиболее простая в к-л. отношении — «стандартная» — форма представления логич. объектов (предложений, формул, доказательств, схем определений и др.). Понятие о Н. ф. вводится в каждом конкретном случае посредством спец. определений. Так, говорят о (совершенных) конъюнктивных и дизъюнктивных Н. ф. в алгебре логики (см. также *Логика высказываний*), предваренных (сколемовских) Н. ф. в предикатов исчислении (см. *Предваренная форма*), о Н. ф. определения обще-(и частично)-рекурсивных функций (см. *Рекурсивные функции и предикаты*), о Н. ф. доказательства в секвенций исчислении и др. Доказательства существования Н. ф. играют фундаментальную роль в соответствующих разделах математической логики и теории алгоритмов в связи с разрешимостью проблем.

НОРМАЛЬНЫЙ АЛГОРИФМ — алгоритм преобразования слов в нек-ром конкретном алфавите (при этом слово рассматривается как общая форма конструктивного объекта). Всякий Н. а. вполне определяется заданием алфавита, в к-ром он действует, и списка формул подстановок (схем) в этом алфавите; совокупность предписаний, определяющих применение схем к словам, и наз. Н. а. Понятие Н. а. является одним из уточнений общего понятия алгоритма. См. также *Конструктивное направление*.

НОРМАТИВНАЯ ЛОГИКА — раздел совр. формальной логики, изучающий свойства н о р м и способы их употребления и выражения в рассуждениях. Осн. видами норм являются: 1) правила — правила игры, логики, грамматики, этики и т. п.; 2) предписания — права, гос. законы, моральные принципы, приказы, распоряжения и т. д.; 3) технич. нормы. Помимо этих осн. типов, существуют промежуточные типы норм, напр. обычаи, объединяющие в себе черты правил и предписаний. В лингвистич. аспекте исходным пунктом Н. л. является анализ языковых средств выражения норм. С этой т. зр. можно выделить: а) и м п е р а т и в н ы е и р е д л о ж е н и я — предложения обычного языка в повелит. наклонении, напр. «Иди быстрее!»; б) д е о н т и ч е с к и е п р е д л о ж е н и я, к-рые строятся при помощи слов «обязан», «позволяется», «запрещается», «не обязан», напр. «Каждый человек обязан трудиться»; в) нек-рые предложения изъявит. наклонения будущего времени, заменяющие императивные или деонтич. обороты речи, напр. «Вы покинете комнату» в смысле «Покиньте комнату» или «Вы обязаны покинуть комнату». Т. о., в Н. л. изучается один из видов п р е д п и с ы в а ю щ е г о р а с с у ж д е н и я, т. е. такого рассуждения, к-рое связано с выполнением человеком в его практич. деятельности определ. действий и проявляется в таких формах, как принятие решений, предъявление требований, отдача команд, управли-

вание и т. п. Эти формы имеют специфич. св-ва, к-рые вынуждают создавать для их анализа спец. логич. теорию или модифицировать имеющиеся логич. теории, такие, как *логика высказываний* и *предикатов исчисления*.

В форме императивов обычно выражается вид норм, именуемый командами или предписаниями; соответствующий раздел Н. л. наз. л о г и к о й к о м а н д. Однако в форме императивов могут выражаться не только нормы, но и просьбы («Пожалуйста, дай мне...»), предупреждения или угрозы («Не тронь его!»), условия («Давайте допустим, что...», «Пусть это будет...»). Вместе с тем не все типы норм могут быть представлены в императивной форме. Поэтому построение Н. л. не может основываться на изучении логич. св-в только императивных предложений. Раздел Н. л., изучающий св-ва деонтич. предложений, обычно наз. д е о н т и ч. л о г и к о й. Считается, что все типы норм могут быть представлены в форме деонтич. предложений и поэтому в нек-ром смысле Н. л. может быть построена как деонтич. логика. Последняя обычно рассматривается как особый вид *модальной логики*, именно — логики деонтич. модальностей: «обязательное», «разрешенное» («позволенное»), «безразличное», «запрещенное».

По мнению амер. логики А. Р. Андерсона и нек-рых других, деонтич. модальности, в свою очередь, сводимы к а л е т и ч е с к и м, таким, как «необходимость», «возможность», «невозможность». Андерсон определяет деонтич. операторы *O* («обязательное»), *P* («позволенное»), *F* («запрещенное») и *J* («безразличное») в терминах алетич. оператора *M* («возможность») и пропозициональной константы *s*, обозначающей «санкцию». Последняя вводится аксиомой, говорящей, что санкция не является неизбежной: $M\tau s$. «Универсум рассуждения» состоит из высказываний или «утверждений о положении дел», в частности, они могут быть высказываниями о действиях. Деонтич. операторы определяются так:

$$Df.1. \quad Op = Mp \& M\tau p \& \tau M (\tau p \& \tau s)$$

$$Df.2. \quad Pp = M\tau p \& M (p \& \tau s)$$

$$Df.3. \quad Fp = Mp \& M\tau p \& \tau M (p \& \tau s)$$

$$Df.4. \quad Jp = M (p \& \tau s) \& M (\tau p \& \tau s)$$

Напр., в *Df.1.* говорится, что *p* случайно ($Mp \& M\tau p$) и что невозможно, чтобы *p* и *s* были оба ложными ($\tau M (\tau p \& \tau s)$): если *p* ложно, то санкция *s* истинна. Однако т. зр. Андерсона встречает много возражений.

Так как Н. л. есть в нек-ром смысле л о г и к а д е й с т в и я, а действие существенно связано с изменением, то построение адекватной системы Н. л. предполагает построение логич. аппарата для *формализации* понятия действия и изменения. Попытку связать Н. л. с логикой действия и логикой изменения предпринял Дж. Райт (см. G. H. von Wright, Norm and action. A logical enquiry, L., 1963).

Одной из осн. проблем Н. л. является проблема истинностного значения нормативных предложений. Ввиду смещения различных типов норм эта проблема часто ставится в слишком общей форме, и отсутствие истинностного значения у нек-рых видов нормативных предложений часто рассматривается как доказательство отсутствия истинностного значения у нормативных предложений вообще (В. Дубислав, Й. Йёргенсен, А. Айер, А. Росс, О. Вейнбергер и др.). Отсюда делается заключение о неправомерности применения средств классич. логики для построения логики норм и (или) о невозможности Н. л. вообще. Эта т. зр. нашла свое выражение в т. н. «дилемме Йёргенсена» (сформулированной для доказательства невозможности императивной логики, но обычно используемой, с незначит. изменениями, для обоснования невозможности Н. л. вообще): либо мы принимаем т. н. действит. логику [логику познавательного осмысленных (верифицируемых) предложений] и тогда предписывающее рассуждение не является подлинным рассуждением, либо мы считаем, что нек-рая заведомо указанная (и заведомо не удовлетворяющая *верифицируемости*

принципу. — Ред.) цепочка выражений (деонтич. предположений) образует *умозаключение*, и тогда придется расширить понятие логики, включив в него Н. л. Основываясь на неопозитивистском истолковании принципа верификации (о понятии верификации см. также *Проверяемость*), Йёргенсен выбирает первую альтернативу. Однако это решение не удовлетворяет тех, кто считает «дилемму Йёргенсена» надуманной и искусственной (А. Несс, Е. Калининский). Проблема истинностного значения нормативных предложений является актуальной, и ее логич. аспект состоит, по видимому, в оправдании применения методов классич. логики для построения Н. л.

Следует отметить, что в целом в совр. методол. исследованиях Н. л. приобретает все большее значение как средство логич. анализа понятий *этики, эстетики, права, социологии* и др. нормативных систем (в воен. деле, в адм. аппарате и т. п.), а также и самой *логики, математики* и лингвистики (где понятие *правила*, напр., играет ведущую роль).

Лит.: Mally E., Grundgesetze des Sollens, Graz, 1926; Menger K., A logic of the doubtful. An optative and imperative logic, Notre Dame, 1939 (Reports of a mathematical colloquium, serie 2, № 1); Hofstadter A. and McKinsey J. C. G., On the logic of imperatives, «Philosophy of Science», 1939, v. 6, № 4; Wright G. H. von, An essay in modal logic, Amst., 1951; Калининский J., Teoria zdan normatywnych, «Studia logica», 1953, t. 1; Wright G. H., A note on deontic logic and derived obligation, «Mind», 1956, v. 65, № 260; его же, Logical studies, N. Y.—L., [1957], p. 58—74; Prior A. N., The paradoxes of derived obligation, «Mind», 1954, v. 63, № 249; Anderson A. R. and Moore G. K., Formal analysis of normative concepts, «Amer. Sociological Review», 1957, v. 22, № 1; Weinberger O., Die Sollensproblematik in der modernen Logik, [Prah], 1958; Fenstad J. E., Notes on normative logic, Oslo, 1959; его же, Notes on the application of formal methods in the soft sciences, «Inquiry», 1959, v. 2, № 1. Ю. Соловухин. Москва.

НОРМЫ СОЦИАЛЬНЫЕ — исторически сложившиеся или установленные к.-л. образом стандарты деятельности, соблюдение к-рых выступает для индивида и группы необходимым условием их подчинения определ. социальному целому; в системе Н. с. фиксируются определ. критерии функционирования этого целого. Всякая система Н. с. предполагает наличие: 1) определ. общественно-значимых стимулов деятельности (выступающих в качестве целей, идеалов, ценностей); 2) образцов или правил «нормального» для данной системы поведения или обозначения границ его допустимых вариантов; 3) санкций за уклонение от Н. с. Указанные моменты составляют основы социального контроля в любом обществ. целом.

Природа Н. с. может быть научно объяснена лишь на основе представлений об *обществе*, как исторически развивающейся целостной системе. Формирование, закрепление и передача из поколения в поколение Н. с. является важнейшей стороной функционирования общества. Традиционная для индивидуалистич. филос., правовых и этнич. теорий установка на рассмотрение Н. с. лишь под углом зрения ее противопоставления индивиду фиксирует нек-рые внешние проявления этого процесса, в результате чего Н. с. выглядит как нечто чисто идеальное, сформулированное правило, предписание. Историко-материалистич. концепция марксизма снимает противопоставление человек. деятельности и Н. с. В этом плане преодолевается также абстрактное противопоставление «материальной» и «нормативной», «реальной» и «должной» сторон человек. жизни. Всякий акт материального произ-ва, накопления и использование знаний и производств. опыта происходит в рамках действующей системы обществ. отношений, а значит, и системы Н. с. Для отд. индивида или отд. поколения в каждый данный момент Н. с. предстают как нечто данное, как предписание относительно должного и будущего поведения. Между тем в рамках функционирования обществ. организма Н. с. — атрибут наличного способа

его жизнедеятельности, непрестанно воспроизводящегося в новых условиях, на новом человек. материале. «Должное» для каждого отд. индивида или для каждого поколения, группы, класса оказывается «сущим», т. е. непрестанно повторяющимся элементом жизни целого, социальной системы.

Н. с. не является простым отображением реального положения вещей, она фиксирует нек-рый оптимальный стандарт деятельности, к-рый не осуществляется полностью ни в каком отд. случае. Совокупность норм, действующих в том или ином сообществе, составляет, в принципе, целостную систему, различные элементы к-рой взаимобусловлены.

Содержание действующей в данном обществе нормативной системы не исчерпывается совокупностью «зримых», зафиксированных в особых идеол. системах предписаний, к-рые официально признаются или обычно сознаются таковыми (т. е. правовых, моральных, эстетических, религиозных и пр.). Значит. часть требований, предъявляемых обществом своим членам, либо не находит спец. выражения в обществ. сознании, либо выражается в нем чисто «негативно» — через осуждение и применение санкций по отношению к нарушениям порядка, к-рый предполагается «естественным». Социальный контроль в сознат. своей части выступает прежде всего как «отрицательный», т. е. направленный на устранение нарушений действующего порядка.

Особенностью идеол. постановки нормативных требований является формулировка заведомо нереальной (и даже неземной) сверхзадачи, действит. значение к-рой состоит в указании направления деятельности, в то время как ее рамки и образцы устанавливаются наличными практич. условиями и не фиксируются особо. Так, в культовых системах обычно содержатся требования подчинять жизнь потусторонним, мифол. гич. связям и т. п.; исторически-конкретные условия деятельности дают «земную» интерпретацию таким установкам (соблюдение наличного порядка или сопротивление ему).

Распространенная классификация Н. с. по их «эфич.» положению (правовые, моральные, религ.) учитывает способ осознания и регулирования поведения, а также и форму санкций за несоблюдение норм. В общем развитии социального контроля, как и в истории отд. нормативных систем, серьезное значение имеет характер расчлененности нормативных требований. В примитивно организованных обществ. системах такие требования сводятся к повторению традиционного порядка действий; способ и норма деятельности не фиксируются отдельно от самой деятельности там, где средствами передачи культуры служат исторически сложившиеся *обычаи*. Др.-религ. правств. системы (ср. ветхозаветную) дают примеры детально разработанных нормативных предписаний (правил). Иная структура социальных требований выражена в кодексах, формирующих определ. принципы поведения (и предполагающих существование особых систем «конкретной» интерпретации этих принципов), а также их обоснования. В нормативных системах совр. обществ находят свое место требования всех трех названных типов (традиции, правила, принципы). Для научного сознания характерно объективное рассмотрение мотивов, условий, целей, средств и др. элементов Н. с. и тем самым рационализация последних.

Освоение индивидами Н. с. (во всем их многообразии) составляет основу обществ. воспитания. Один из моментов приобщения индивидов к социальным стандартам («социализация») составляет рациональное осознание этих норм и их элементов, другая сторона того же процесса — интериализация этих стандартов, т. е. превращение внешне заданных требований во «внутр.» норму, потребность, привычку. Психол. гич.

механизм процесса интернализации социальных категорий прослежен Ж. Пиаже и Л. С. Выготским.

Проблема соотношения нормативного стандарта и инновации, конформизма и разнообразности в функционировании общества приобрела особый интерес в совр. условиях. Всякая Н. с. по природе своей означает определ. стандарт поведения и мышления. Однако лишь к теоретически реконструируемой первобытности может быть отнесено состояние, когда, по выражению Энгельса, люди совсем «...не отличили друг от друга...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 99). Принудит. конформизм составляет характерную черту всех форм культуры, воспроизводящих различными способами «тотальное» подчинение человека обществу в условиях неразвитости или разложения демократич. форм социальной организации и социального контроля (наиболее крайним выражением такого разложения является фашизм).

В сложной организованных обществ. системах развивается и становится нормой дифференциация Н. с. (интересов, способов самосознания, вкусов и пр.) у различных групп, классов; формируется иерархич. структура управления поведением отд. единиц через ряд относительно самостоят., внутренние организованных подсистем. Обособление индивидов, происходящее, по словам Маркса, лишь на основе высокого развития обществ. связей, предполагает не только соответствующую интернализацию Н. с., но и определ. их «индивидуализацию». Развитие индивидуализированных вкусов, оценок, взглядов и т. д. может происходить в рамках общепризнанного нормативного стандарта (в этом случае индивидуальные варианты не имеют обществ. значения), или же само многообразие индивидуальных предпочтений может представлять Н. с., условие развития системы в целом. В «Коммунистич. манифесте» общество будущего характеризуется как «ассоциация», в к-рой «...свободное развитие каждого является условием развития всех» (Маркс К. и Энгельс Ф., там же, т. 4, с. 447). Проблема формирования и разложения нормативного конформизма занимает значит. место в исследованиях общественного мнения, правосознания, социологии искусства и др.

Традиционная «неподвижность» примитивных обществ. форм связана с самой структурой свойственных им нормативных систем. Поскольку последние представляют собой нерасчлененное, свято хранимое и передаваемое потомству целое, отступление от традиции в любом вопросе оказывается антиобщественным актом. В то же время расчлененность и рациональность нормативных требований «легализуют» изменение самих Н. с., а следовательно, и развитие общества.

Различным общественно-экономич. системам присущи свои типы нормативных требований и особенности структуры нормативных систем, т. е. соотношения их элементов. Так, действующая в социалистич. обществе система Н. с. отличается от нормативной системы капиталистич. общества не только направленностью требований, к-рые предъявляются к индивиду, группе, классу (и к-рые подчиняют их деятельность интересам социалистич. строя, нар. гос-ва, потребностям коммунистич. строительства), но и самим характером осуществления этих требований. В частности, существенно изменяется соотношение между исторически сложившимися и установленными особыми гос.-правовыми актами нормативными системами. Возрастающая роль последних в жизни общества придает исключительно важное значение вопросу об эффективности разных механизмов социального контроля, развитию норм, способствующих совершенствованию новых обществ. отношений и формированию нового человека. Важнейшими вписами жизни общества являются закрепление социалистич.

норм в практически-массовом сознании, сознат. освоение социальных требований гражданами социалистич. общества, превращение инициативы в самостоятельную личн. в норму обществ. развития.

См. также *Коммунизм, Мораль, Правосознание.*

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3; Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, там же, т. 21; Кант И., *Критика практич. разума*, СПб, 1897; Гегель Г., *Философия права*, Собр. соч., т. 7, М.—Л., 1934; Дюркгейм Э., *Самоубийство*, пер. с франц., СПб, 1912; Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К., *Пламя и структура поведения*, пер. с англ., М., 1965; Беккер Г. и Босков А., *Совр. социологич. теория...*, пер. с англ., М., 1961; *Теория гос-ва и права*, М., 1962; Morris C., *Signs, language and behavior*, N. Y., 1950; Kroeber A. L., *Nature of culture*, Chi., 1952; Merton R., *Social theory and social structure*, Glencoe, 1957; Malinowski B., *Crime and custom in savage society*, Paterson, 1959; Fromm E., *Man for himself*, N. Y., 1960; Diamond S., *Culture in history*, N. Y., 1960. Ю. Левада. Москва.

НОРСТРЁМ (Norström), Юхан Виталис Абрахам (29 янв. 1856—29 нояб. 1916) — шведский философ-идеалист; с 1891 — профессор в Гётеборгском ун-те; с 1907 — акад.; ученик *Бострёма* и Салина (1824—27). В ранний период П. развивает идеи бострёмизма, в дальнейшем пытается создать свою концепцию под значит. влиянием *неокантианства* и *философии жизни* Дильтея. Философия, по Н., должна выступать, с одной стороны, против эмпиризма, с другой — против «старой метафизики», к-рая не понимала значения более высокой формы «опыта сверхчувственного разума». В понимании объекта философии Н. близок баденской школе неокантианства. Большое место в трудах Н. занимает проблема истины, понимание к-рой эволюционировало у него от субъективистской характеристики ее как «психологической ценности» к сугубо религ. толкованию как божеств. откровения.

П. как сторонник теории «массового общества» выступает с критикой бурж. культуры. Деградация культуры, по Н., объясняется тем, что в обществе господствуют нравы и запросы широких масс. Свои надежды на спасение личности и культуры Н. связывал с будущим возрождением религии. Выступая против коллективистских тенденций, в частности против рабочего движения, он требовал «переоценки» роли масс в духе Ницше (см. «Masskultur», Stockh., 1910).

Соч.: *Om natursammanhang och frihet*, Göteborg, 1895; *Hvad är sanning?*, Göteborg, 1899; *Tänkelinjier*, Stockh., 1905; *Naturkunskapens själfbesinnning*, [Stockh.], 1907; *Om viljans frihet*, Stockh., 1917.

Лит.: Åkesson E., *Norströmläna*, Stockh., 1924; Rydberg E., *Den svenska filosofins historia*, Stockh., [1959], s. 97—105. А. Мысливченко. Москва.

НОРТРОП (Northrop), Филмер (р. 27 ноября 1893) — амер. философ, проф. Иельского ун-та (с 1923). Специализируется в области общей социологии и методологии науки; на формирование его мировоззрения оказали влияние *инструментализм* Дьюи и идеи *Маухейма*. Свою гл. задачу П. видит в разработке науч. методов исследования филос. и социальных проблем. Согласно П., не может быть единого науч. метода; ошибкой мн. мыслителей было убеждение, будто их метод имеет универс. характер. Между тем каждый из методов применим лишь на определ. стадии исследования и для определ. круга проблем. П. считает, что поиски различных науч. методов для решения социальных проблем приобретают особое значение в настоящую эпоху, к-рая из-за «идеологического конфликта» между Востоком и Западом чревата атомной войной. Для устранения этого конфликта необходимо прежде всего исследовать его с «науч.» позиций, а именно — осмыслить филос. позиции вост. и зап. цивилизации. Обнаружив противоположность этих позиций (вост. философия, согласно П., основана на интуитивизме и ценностном подходе к действительности, западная — базируется на научной, рацио-

нальной основе), Н. находит единств. способ преодолеть существующий конфликт в объединении этих филос. позиций, в «горизонтальном синтезе идеологий». В основе социологич. конструкций Н. лежит идеалистич. тезис о примате духовной жизни и сверхклассовом характере идеологий.

Н. ведет активную работу по идеологич. сближению философии амер. и азиатского континентов, регулярно организует конференции в Гонолулу и выпускает посвященные этой задаче коллективные издания.

См. о ч.: Science and first principles, N. Y., 1931; The meeting of East and West, 3 ed., N. Y., 1946; The logic of the sciences and the humanities, N. Y., 1947; The taming of the nations, N. Y., 1952; European Union and United States foreign policy, N. Y., 1954; The complexity of legal and ethical experience, Boston, [1959]; Philosophical anthropology and practical politics, N. Y., 1960.

Д. Луканов. Горький.

НОУМЕН (от греч. νοούμενον — постигаемое) — термин, широко распространенный в философии средневековья и нового времени, обозначающий, в противоположность феномену, умопостигаемое. У Канта — синоним понятия «вещь в себе». После Канта употреблялся рядом бурж. философов-идеалистов (Лашелье, Мартино, Корнелиус и др.).

ПРАВСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — одна из осн. сторон морали; обществ. деятельность человека, поскольку она подчинена осуществлению нравств. целей. Понятие Н. д. в этике представляет собой определ. абстракцию, с помощью к-рой из всего многообразия обществ. практики выделяется ее нравств. сторона — поступки, поскольку они продиктованы моральными мотивами (чувством долга, стремлением к добру, направленностью на осуществление обществ. и нравств. идеалов) и могут быть подвергнуты нравств. оценке.

См. также *Нравственное сознание, Нравственные отношения*.

О. Дробницкий. Москва.

ПРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ — один из составных элементов морали, представляющий собой ее идеальную, субъективную сторону. В Н. с. в виде определ. понятий и представлений отражаются нравственные отношения общества и регулируемая посредством них нравственная деятельность людей.

Природа Н. с. Объективные законы обществ. жизни в морали получают выражение в виде совокупности требований, предъявляемых к поведению людей. В отличие от норм права, нравств. требования вырабатываются непосредственно массовым сознанием и в Н. с. принимают форму безличного долженствования, неписаного закона, равно распространяющегося на всех людей, в к-ром остается скрытой как выраженная в нем обществ. воля, так и отраженная этой волей социально-историч. необходимость. Эта особенность Н. с. в прошлом породила множество мифологич. и идеалистич. истолкований происхождения и природы нравств. требований. В этике они изображались как повеления бога, априорный закон практич. разума (Кант), веление совести «чистого Я» (Фихте), выражение нравств. чувства (А. Смит, А. Шефтсберн, Ф. Хетчесон) и т. п.

Должное в Н. с. часто отрывалось от той социальной действительности, к-рая является его источником, и противопоставлялось ей, поскольку его практич. осуществление всегда встречалось с определ. историч. трудностями и иногда даже представлялось невозможным. Это противоречие между должным и действительным, фиксируемое Н. с., всегда было одной из труднейших проблем для этики. Особенно резко оно выражено в этике Канта, к-рый, во-первых, считал невозможным вывести моральный закон из эмпирич. условий жизни человека и, во-вторых, пришел к выводу, что этот закон может быть полностью реализован лишь где-то в конце человеч. истории, в «царстве целей». Гегель, напротив, критически подходит к

этой антиномии Н. с., усматривая в противопоставлении должного и сущего ограниченность и односторонность Н. с. В основе нравств. воззрения, по Гегелю, лежит «...полное равнодушие и собственная самостоятельность природы и моральных целей...», «...долг составляет его единственную существующую цель и предмет...», а ему противопоставит «...лишенная всякого значения действительность» (Соч., т. 4, М., 1959, с. 323, 322). Однако антитеза должного и действительного осталась непреодоленной в бурж. этике. В совр. позитивизме, напр., она выступает в виде положения о невозможности логич. связи между суждениями факта, описывающими эмпирич. действительность, и моральными суждениями, содержащими предписания. Эта же антитеза в иной форме проявляется в протестантской неоортодоксии (как извечная противоположность моральной воли бога и аморальной земной жизни, обществ. действительности).

Другая особенность Н. с. состоит в том, что его предписания формулируются как универсальный закон, равно распространяющийся на всех людей (то же и в праве — принцип равенства всех перед законом). Эта особенность Н. с. нашла отражение уже в христ. морали: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея, 7, 12) и была сформулирована Кантом в его понятии *категорического императива*, согласно к-рому нравств. максимой поведения является только та, к-рая одновременно может быть законом для всех людей.

Для Н. с. характерен ценностный способ обоснования долженствования: нечто должно быть совершено или осуществлено в силу того, что оно представляет собой благо, ценность, предпочтительно перед всеми др. возможностями. Понятие ценности выступает в Н. с. как основание долженствования и, след., как критерий оценки всего происходящего и существующего, к-рым Н. с. измеряет все сущее. Эта ценностная форма интерпретации объективных социальных законов также содержит в себе возможность идеалистич. мистификации («высшее благо» как вершина иерархии мироздания у Платона, добро как понятие, в самом себе заключающее «требование существования» у Гегеля, ценность как трансцендентная сущность у Дж. Мура и Н. Гартмана). Нормативный (оценочно-предписательный) характер представлений Н. с. вполне отвечает выполняемой моралью функции регулятора человек. поведения. Однако сфера применимости нормативных критериев кончается там, где вступают в действие общие законы историч. необходимости и где за человеком не остается уже свободы выбора, — в области обществ. явлений, происхождение к-рых нельзя искать в доброй воле или злом умысле кого-либо. Морализированием и называется такое незаконное расширение прерогатив Н. с. (напр., применительно к осмыслению историч. процесса), к-рое состоит в подмене науч. анализа объективных законов историч. рассуждениями о том, как должны были бы происходить историч. события согласно нравств. идее, закону справедливости и т. п. Такое морализование, присущее множеству социальных утопий прошлого, полностью преодолевается только в марксизме, где вопрос о том, каким должно быть общество будущего, решается на основе науч. предвидения дальнейшего хода истории.

Структура Н. с. Место каждого понятия в структуре Н. с. и его логич. форма зависят от того, каким способом в нем выражено моральное долженствование. Простейшей формой Н. с. является норма. Уже здесь нравств. требование формулируется обобщенно, в виде общего правила, к-рому должны следовать во множестве отд. случаев все члены общества (класса). Каждая

норма выделяет лишь какую-то одну сторону в поведении людей (см. *Обычай*), предписывает или воспрещает только поступки определ. типа. Исторически первой формой нормы являются *табу* (запреты), представляющие собой основной нравственный регулятор поведения в первобытном обществе. В религ. сознании нормы обычно принимают вид заповедей — повелений, исходящих от бога (напр., библейские «Десять заповедей»). Свод норм составляет моральный кодекс. Если нормы вырабатываются Н. с. общества стихийно, то сведение их в кодекс приписывается к.-л. историч. или мифологич. лицу («законы Моисея», «законы Ману»). В истории моральных учений неоднократно высказывалось намерение создать некий всеобъемлющий кодекс, исходя из к-рого каждый мог бы во всех случаях жизни определять свою линию поведения (Морелли, Руссо, Сен-Симон). В действительности никакая совокупность норм не может стать универсальным руководством для поведения человека, т. к. не может охватить все богатство и разнообразие обществ. жизни. От кодекса в традиционн-историч. понимании этого термина принципиально отличается *моральный кодекс* строителя коммунизма, содержащий не нормы, а общие принципы коммунистич. нравственности.

Более сложный характер имеет понятие морального качества. Выраженное в нем нравств. требование конкретно не указывает, какие действия должен совершать человек, а в суммарной форме характеризует (предписывает и оценивает) определ. сторону его поведения. Напр., понятие честности обнимает ряд частных норм поведения (говорить правду, исполнять обещания, уважать чужую собственность), и индивид должен сам решать, как ему поступить применительно к той или иной ситуации. Понятие морального качества ставит перед человеком задачу не только совершать к.-л. действия, но и целенаправленно формировать в себе определенные черты характера.

Впервые понятие морального качества приобретает большое значение в морали и этике антич. общества (учение о добродетелях и пороках у Платона и Аристотеля), когда индивид настолько выделяется из родового коллектива, что начинает рассматриваться Н. с. как олицетворение обществ. морали.

Процесс дальнейшего становления моральной личности находит выражение в понятии нравств. идеала (см. *Идеал*) — образа совершенного человека, воплощающего в себе все возможные добродетели. Антич. Н. с. не знает этого понятия: боги и герои древних греков наряду с добродетелями обладают всеми пороками и слабостями, характерными для людей. Впервые представление о морально совершенной личности возникает в христианстве (образ Иисуса как образец нравств. праведности и жертвенности), но этот идеал считается недостижимым для простых смертных; противоречие Н. с. между должным и действительным достигает здесь крайних пределов. Нравств. идеал является высшей формой Н. с. тогда, когда осуществление нравств. целей мыслится как задача самосовершенствования индивида. Но «решение» этой задачи, как правило, завершалось признанием непреодолимого противоречия между нравств. устремлениями отд. личности и обстоятельствами обществ. жизни. Неудивительно, что в тех этич. системах, где данное понятие играет особенно важную роль (Лютер, Кант, Соловьев, Барт, Ницше), нравств. идеал трактуется как нечто принципиально недостижимое в действительности. Пути преодоления этого противоречия первым указал Маркс, к-рый показал, что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная

практика» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 2).

Еще более сложный характер имеют нравств. принципы, формулирующие общие законы моральной деятельности человека. Здесь уже не просто характеризуются различные стороны поведения человека или черты нравств. облика личности, а дается определение моральной сущности человека, смысла жизни и ее конечного назначения. Принципы служат не правилами поведения, а лишь основанием для выбора жизненных правил и целей. Именно так, напр., переломывается в новое время христ. заповедь любви Лютер, считающий ее не нормой повседневного поведения, а общим законом жизни, к-рый невозможно выразить в виде строго определ. правил, а должен истолковываться каждым верующим соответственно «духу» учения Христа. Принципы приобретают главенствующее значение впервые в бурж. Н. с. (см. *Индивидуализм, Эгоизм, Альтруизм*), что отражает процесс освобождения личности от традиц. сословно-цеховых и церк. регламентаций, жестко канонизировавших правила поведения индивида в повседневной жизни. В этике предпринимаются попытки найти некий универсальный принцип, исходя из к-рого каждый сам мог бы определять нормы своего поведения (категорич. императив Канта, принцип полезности Бентама и др.).

В своей совокупности принципы должны давать обобщенное определение нравств. образа жизни индивида и общества в целом. Но поскольку это означает переход от рассмотрения нравств. сущности человека к выяснению конкретных условий ее реализации, постольку возникает новое понятие — обществ. идеал, в к-ром вновь возникает противоречие между должным и существующим. Этот идеал, выражающий представление о совершенном миропорядке, наилучшем обществ. состоянии, с одной стороны выступает как конечная цель нравств. деятельности, а с другой — как единств. возможное условие полной реализации требований нравственности, предъявляемых к человеку. Религ. представление о «грядущем царстве божьем на земле» может быть названо обществ. идеалом лишь условно, т. к. оно рисовало некое состояние всеобщего блаженства без к.-л. характеристик этого «царства» как обществ. устройства. Понятие обществ. идеала в обществ. смысле получает развитие лишь в новое время, гл. обр. в трудах социалистов-утопистов. Особое значение обществ. идеал приобретает в революц. системах нравственности, где он выполняет функцию конечной цели обществ. переустройства для массового сознания.

Параллельно с формированием норм, принципов, идеалов, к-рые раскрывают содержание той или иной морали, в Н. с. развиваются понятия *добра и зла*, характеризующие деятельность человека с т. зр. ее нравств. значения. В этих предельно абстрактных понятиях вся совокупность разнородных требований, предъявляемых к человеку и обществу, получает выражение в виде общего критерия оценки, единой меры, к к-рой сводится все многообразие человец. поступков. Особую группу понятий Н. с. составляют те его формы, в к-рых отражаются различные виды моральных отношений личности к обществу — долг, ответственность, совесть, достоинство (см. *Нравственные отношения*).

Т. о., структура Н. с. исторически развивается и надстраивается новыми понятиями по мере социального и духовного прогресса общества. Вместе с тем она более универсальна и устойчива, чем конкретное содержание нравств. представлений. Если смысл, вкладываемый в моральные нормы, принципы, идеалы, понятия добра и зла, совершенно различен у разных классов и претерпевает коренные изме-

нения при переходе от одной социально-экономич. формации к другой, то их логич. форма является единой для различных историч. эпох. В этом смысле можно говорить о некой общей логике Н. с., или логике морального языка. Соотношения и логич. связи между различными понятиями Н. с. обуславливают законы морального рассуждения (доказательства и опровержения, обоснования и критики нравств. представлений, аргументации в процессе нравств. убеждения или решения моральных проблем).

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20; Лейбниц В. И., Философские тетради. [М.], 1947, с. 184—190; Аристотель, Этика, СПб., 1908; Кант И., Критика практич. разума, 2 изд., СПб., 1908; его же, Основоположение и метафизика нравов, М., 1912; Лафарг П., Экономич. детерминизм К. Маркса. Исследования о происхождении и развитии идей: справедливости, добра, души и бога, пер. с франц., 2 изд., М., [1928]; Гегель, Феноменология духа, Соч., т. 4, М., 1959; его же, Философия права, там же, т. 7, М., 1934, ч. 1 и 3; Моогер Г. Е., Principia Ethica, Camb., 1903; Hartmann N., Ethik, B.—Lpz., 1926; Nowell-Smith P. H., Ethics, L., 1954; Gouldin S. E., An examination of the place of reason in ethics, Camb., 1958; Johnson O. A., Rightness and goodness, The Hague, 1959; Edcl A., Science and the structure of ethics, [Chi., 1961]; Hare R. M., Freedom and reason, Oxf., 1963.

О. Дробницкий. Москва.

ПРАВСТВЕННОЙ САНКЦИИ ТЕОРИИ, или а п р о б а т и в н а я э т и к а (от лат. approbatio — одобрение, санкция), — класс этич. теорий, для к-рых характерен авторитарный способ обоснования нравственности. В истории этики в большинстве теорий моральные понятия обосновывались по принципу целесообразности (т. е. консеквенциальная этика): добро определялось как то, что способствует осуществлению тех или иных целей или к.-л. результата, напр., содействует развитию какого-то историч. процесса (эволюционная этика), приносит людям наслаждение, счастье, пользу (см. *Гедонизм, Эвдемонизм, Утилитаризм*). В теориях же данного типа содержание моральных понятий выводится из того факта, что они кем-то санкционированы, провозглашены или утверждены к.-л. авторитетом, к-рый и считается конечным и высшим основанием (критерием) нравственности. Осн. вопросом относительно происхождения и природы морали считается вопрос о том, кто является ее законодателем. С этой т. зр. оказывается невозможным рационал. анализ морали, основывающийся на знании законов общества и потребностей человека. В зависимости от того, кто выставляется в качестве законодателя нравственности, Н. с. т. подразделяются на три вида — теологические, или теории божеств. санкции, психологические, или теории нравств. чувства, и социально-аннротативные.

Теория б о ж е с т в . с а н к ц и и исходит из общей посылки религ. этики, что единств. законодателем морали является бог, к-рый провозгласил законы нравств. жизни человека. Но сами эти законы понимаются различно: либо как разум, либо как воля бога. В отличие от теологов, допускающих в каких-то пределах возможность рационал. обоснования этих законов (Фома Аквинский, Ж. Маритен, Э. Жильсон), представители религ.-аннротативной этики считают, что содержание моральных понятий определяет воля бога, к-рая не поддается рационал. объяснению, должна быть принята исключительно на веру и раскрывается человеку только в *откровении* (К. Барт, Р. Нибури и др. представители протестантской неоортодоксии). Это фидеистское истолкование нравственности содержит в себе элементы как морального догматизма, так и волютаризма.

Теория н а в с т в . ч у в с т в а имела большое распространение в Англии в 17—18 вв. (*Смит, Юм, Шейфсбери, Хетчесон*). В совр. бурж. этике ее представителями являются Э. А. Вестермарк (Финляндия),

Мак-Дугалл, А. Роджерс, Ф. Шарп (США), А. Саттерленд и А. Шэнд (Англия). Согласно этой концепции, содержание понятий добра и зла, на основе к-рых человек вырабатывает принципы поведения и оценивает поступки, определяется особыми чувствами одобрения и осуждения, коренящимися в человек. психике. Этому положению иногда придается и тот смысл, что высказываемые людьми оценки и предисказия в сущности ничего не говорят об объективном значении тех или иных поступков, а выражают лишь субъективные эмоции людей. В зависимости от того, понимаются ли моральные чувства как врожденные или воспитуемые, теория нравств. чувства тяготеет либо к моральному абсолютизму (*Шейфсбери, Роджерс*), либо к релятивизму (*Вестермарк, Шарп*).

С о ц и а л ь н о - а н н р о б а т и в н а я теория была выдвинута на рубеже 19—20 вв. франц. социологом *Дюркгеймом* и *Леви-Брюлем*. Они выступили с критикой традиц. представлений о том, что моральные понятия людей несут в себе какое-то объективное содержание. Согласно их взглядам, значение понятий добра и зла сводится к тому, что один поступки общество одобряет, а другие осуждает, что в этих понятиях выражена санкция общества и ничего более. Такое понимание нравственности указывает лишь на авторитет общества в вопросах морали, но не раскрывает происхождения нравств. идей и не идет дальше констатации к.-л. санкционированных существующим обществом нравств. норм и принципов.

Лит.: С м и т А., Теория нравств. чувств, СПб., [1895]; Дюркгейм Э., О разделении обществ. труда, О., 1911; Юм Д., Трактат о человек. природе. Кн. третья. О морали, Соч., т. 1, М., 1965; Hutcheson F., A system of moral philosophy, L., 1755; Sutherland A., The origin and growth of the moral instinct, v. 1—2, L., 1898; Schafesbury A., Characteristics of men, manner, opinions, times, [another ed.], v. 1—2, L., 1900; Lévy-Bruhl L., La morale et la science de moeurs, 9 éd., P., 1927; Westermarck E. A., The origin and development of moral ideas, L., 1906; MacDougall W., An introduction to social psychology, L., 1908; Shand A. F., The foundations of character..., 2 ed., L., 1920; Rogers A. K., The theory of ethics, N. Y., 1922; Durkheim E., Les formes élémentaires de la vie religieuse, 4 éd., P., 1960; Sharp F. C., Ethics, N. Y.—L., 1928; Westermarck E. A., Ethical relativity, N. Y., 1932; Barth K., The doctrine of the word of god, N. Y., 1936; Brunner E., Das Wort Gottes und der moderne Mensch, B., [1937]; его же, The scandal of Christianity, Phil., 1951; его же, Gott und sein Rebell, Hamb., 1958; Niebuhr R., The nature and the destiny of man. A Christian interpretation, N. Y., 1955.

О. Дробницкий. Москва.

ПРАВСТВЕННОСТЬ — см. *Мораль, Нравственное сознание, Нравственная деятельность, Нравственные отношения*.

ПРАВСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — особый тип обществ. отношений, к-рые составляют одну из сторон *морали*. Последняя не сводится к явлениям сознания, а есть социальный институт, объективированная воля общества, включающая определ. требования, к-рые люди должны выполнять независимо от своего усмотрения, и подкрепляющие их нравств. санкции (одобрение и осуждение). Н. о. — это совокупность зависимостей и связей, в к-рые вступают люди между собой по отношению к обществу и самим себе в процессе *нравственной деятельности*, посредством к-рых осуществляется регулирование этой деятельности. Н. о. можно классифицировать по их содержанию, по форме, в к-рой в них выступает должествование, и по способу обществ. связи между людьми в процессе их совместной нравственной деятельности.

П о с о д е р ж а н и ю Н. о. различаются в зависимости от объекта (общество, группа людей, отд. индивиды) и характера обязанностей, лежащих на человеке (напр., обязанность трудиться, проф. мораль, специфич. обязанности по отношению к детям, престарелым, женщине и т. п.). Однако каковы бы ни были сфера этих обязанностей и их объект, человек

В конечном счете всегда находится здесь в Н. о. к обществу в целом и самому себе как его члену, а не просто к тем или иным лицам или организациям. В этом, в частности, и состоит отличие нравств. требований от тех обязанностей, к-рые налагаются на человека просто в силу его принадлежности к особым группам и институтам. Спец. уставы, распоряжки, инструкции могут приобретать силу нравств. требований только в том случае, если они выражают так или иначе долг человека перед обществом.

Ф о р м ы Н. о. различают в зависимости от того, каким способом выражается в них долженствование: в виде частного требования в к.-л. отд. ситуации; следования общепринятым нормам поведения; осуществления определ. морального качества, нравств. идеала, нравств. принципов (это находит отражение в соответствующих формах *нравственного сознания*). Во всех этих Н. о. человека к обществу его нравств. задача характеризуется различной мерой конкретности, обобщенности, различным масштабом и отдаленностью стоящих перед индивидуумом целей и соответственно различной ролью, к-рая принадлежит его личному решению и выбору.

Требования, исходящие от общества, определ. образом преломляются в деятельности нравств. личности, и здесь возникают новые Н. о. Поскольку общество, требование становится личной задачей индивида, оно выступает в виде его долга. Границы долга, способность человека к выполнению долга и условия его правоты или виновности составляют его ответственность. Способность личности самостоятельно формулировать для себя нравств. законы и самостоятельно требовать от себя их выполнения называется *совестью*. Отношение индивида к самому себе как нравств. личности, обладающей определ. правами и обязанностями, выражается в его достоинстве.

И о способу обществ. связи, возникающей между людьми в процессе их совместной деятельности, простейшим видом Н. о. является отождествление индивидом себя со всеми остальными. Примером этого являются *правы*, где каждый индивид наравне со всеми практически проводит волю общества и повиноваться ей. Но наряду с этим возникают Н. о., в к-рых тот или иной индивид оказывается в особом положении: он может предъявлять кому-то нравств. требование от лица общества или повиноваться требованию другого, оценивать действия других или сам быть объектом оценки, следовать чьему-то примеру или авторитету или же сам проявлять инициативу, оказывая воздействие на поведение окружающих, и т. п. То же самое происходит и в таких динамич. обществ. связях, как соревнование или массовое движение, где индивид может играть роль как пассивного объекта, испытывающего воздействие со стороны окружающих, так и активного субъекта, направляющего действия других.

Формы и способы Н. о. составляют содержание категорий теории морали, а различные сферы Н. о. и содержание соответствующих им нравств. обязанностей являются предметом изучения нормативной этики (см. *Этика*).

Лит. см. при ст. *Нравственное сознание*.

О. Дробницкий. Москва.

ПРАВЫ — *обычаи*, имеющие нравств. значение. В отличие от понятия *нравственной деятельности*, к-рое выделяет в поступках людей их целенаправленную сторону (каким образом они мотивированы, на осуществление каких моральных целей они направлены), понятие Н. имеет более описат. характер, фиксирует все те формы поведения людей, к-рые бытуют в данном обществе и могут быть подвергнуты нравств. оценке. Если этнограф, бытописатель или публицист, описывая и оценивая распространенные в к.-л. об-

ществе способы поведения, обращают внимание на содержание Н. (то, как принято поступать), то социолога интересует социальный механизм, посредством к-рого Н. воспроизводятся в жизни общества. Первым к рассмотрению Н. с этой т. зр. подошел амер. социолог У. Самнер. В работе «Нар. обычаи» (W. Sumner, *Folkways*, Boston, 1907) он отличил от обычаев Н. как групповые нормы, имеющие силу предписаний, в к-рых отразились интересы общего благоденствия группы. Однако поскольку ни Самнер, ни более поздние бурж. социологи не признают объективной обусловленности Н. социально-историческими законами (см. R. M. Mac-Iver and C. H. Page, *Society. An introductory analysis*, L 1952), они оказываются не в состоянии объяснить, почему часто действительно Н. общества совершенно не соответствуют тем нравственным предписаниям, к-рые оно проповедует. Марксистская этика рассматривает это противоречие должного и существующего, как отражение общих противоречий историч. процесса (см. *Нравственное сознание, Нравственные отношения*).

Лит. см. при ст. *Обычаи*.

О. Дробницкий. Москва.

НУМЕНИЙ (Νουμίνιος) из Апамен (Сирия) (2-я пол. 2 в. н. э.) — античный философ, представитель *платонизма*. Известны заглавия нескольких его трактатов, но сами эти трактаты до нас не дошли. Он, как и его предполагаемый ученик *Плотин*, учил о трех осн. ипостасях бытия (Procl. in Tim. I.303, 27 сл.-Irg. 36 Thedinga; Euseb. Praep. Ev. XI 23, 3-Irg. 25 Thedinga), по учению это резко отличалось от учения Плотина.

Первую ипостась Н. именвал «благом», «монадой», «отцом», «первичным богом», «принципом сущности» и рисовал ее сходно с платоновским учением о благе в «Государстве» (R. P. VI 507A—509B). Однако вместо абсолютной трансцендентности и неразличимости платоновского «блага» Н. именовал его «умом», т. е. чем-то уже различным, хотя и стараясь всячески отделить этот замкнутый в себе «ум» от всего существующего. Поэтому у Н. не получается полной замкнутости первого бога. Вторая ипостась у него — тоже «ум», но только уже как действующий демург, вступающий в общение с материей, «сын», «вторичный бог», «принцип становления». Третья ипостась — порождение второго «ума», или космос, чем Н. тоже резко отличался от Плотина, у к-рого третья ипостась есть мировая «душа», а космос является порождением первых трех ипостасей. Следовательно, у Н. наблюдается эклетицизм. Предход к трем платонич. ипостасям, что было весьма распространено накануне возникновения *неоплатонизма*.

Н. хотел сблизить платонизм с *Библией*, египетскими и инд. учениями, полагая, напр., что Платон есть «говорящий по-аттически Моисей». Больше всего, по-видимому, Н. зависел от стоического платонизма, поскольку «ум» он понимал натуралистически, полагая, что все существующее есть результат «обсеменения» материи «умом». Это понимание материи как неопределенной текучей и зависимой от умств. семян близко к ее толкованию в платоновском «Тимее», по дуализм Н. проявлялся здесь еще больше, равно как и в его учении о душе, к-рое проповедовало две души, добрую и злую, или разумную и неразумную как во всем космосе, так и в каждом человеке. К пифагорейскому платонизму восходит также учение Н. о перевоплощении душ. Вместе с тем, судя по *Немесию* (De nat. hom. 2; ср. М. Владиславлев, *Философия Плотина...*, СПб, 1868, с. 268, сл.), Н. и *Аммония Саккасу* принадлежит целое рассуждение, четко выделяющее душу как сдерживающий и организующий принцип от тела как принципа разъединения, рассеяния и текучести; это рассуждение в дальнейшем целиком вошло в неоплатонизм. Из этого можно заключить, что демург Н. еще более противоположен телесному миру, чем душе. Учение Н. — результат хаотич. истории платонизма, в общем эклектического, но обладавшего определенной тенденцией синтезировать Платона с натурализмом стоиков с помощью мало подходящих для этого методов неопифагорейства и восточных дуалистич. верований.

Фрагм. в кн.: Thedinga F., De Numenio philosopho Platónico, Bonn, [1875].

Лит.: Блонский П. П., *Философия Плотина*, М., 1918, с. 22—23; Guthrie K. S., *Numenius of Apamea*, L., [1917]; Thedinga F., *Plotin oder Numenius?*, «Hermes», 1917, Bd 52; 1919, Bd 54; 1922, Bd 57; Zeller E. d., *Die Philosophie der Griechen...*, 5 Aufl., Tl 3, Abt. 2, Lpz., 1923, S. 234—41; Dodd F. R., *Numenius and Ammonius*, Fondation Hardt, t. 5, Les sources de Plotin, Vandoeuvres—Gen., 1957, p. 1—33. А. Лосев. Москва.

НУС (греч. νοῦς — ум, разум) — одна из осн. категорий антич. философии, представляющая собой обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке. Соответственно природе античной философии и эта категория связана с непосредственными физическими и материальными обобщениями, т. е. в конце концов с космосом, чувственно-материальным, видимым, слышимым и осязаемым. Уже у Гомера этот термин тесно связан с чувств. восприятием (см. А. Ф. Лосев, *Эстетич. терминология ранней греч. лит-ры*, в кн.: «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», 1954, т. 83, с. 130—32). С падением акропоморфич. мифологии и с наступлением периода *натурфилософии* прежние боги превращаются в те или иные космич. закономерности, откуда и начинается характерное для всей антич. философии отождествление богов с умами. Это меньше всего обозначало попытку обожествлять Н., а скорее, наоборот, концепцию богов как обобщенных закономерностей разных областей природы и общества или космоса в целом. Если, с одной стороны, уже у *Фалеса* (А 23, Diels⁹) «бог есть Н. мира», и если у пифагорейцев (58 В 15) тоже «бог есть Н.», и если, по *Ксенофану* (А 1), «бог — всеобщий Н.», а по *Метродору Лампсакскому*, «Зевс есть Н.» (6), определяющий и знания людей (Гиппократ 22 С 1) и ту «сущность», к-рая является первообразом для вещей и имен (Пифагор 68 В 26), то, с другой стороны, Н. трактовался в плане греч. натурфилософии, т. е. в плане стихийного материализма: по *Демокриту* (А 74), Н. есть «бог в шаровидном огне»; по *Эпихарму* (В 50 а), солнце есть «всецело Н.», и, хотя, по *Эфванту* (1), космос есть образ Н. и движется «божественной силой Н.», все-таки, по *Архелая* (А 12), «бог есть воздух и Н.», однако, не мирообразующий. По *Диогену Аполлонийскому*, мировое мышление есть воздух.

Наиболее разработанную, материалистическую по существу концепцию Н. в период натурфилософии дал *Анаксагор*. Материалистич. смысл имели и утверждения *Ксенофана*: «бог без усилий силой Н. все потрясает» (В 25). В период софистики Еврипид (Гро. 885—888) отождествлял «Н. смертных» с Зевсом и воздухом. Что касается Н. в человек. душе, то в период натурфилософии можно наблюдать постепенный переход от недифференцированного его понимания (таково отождествление в душе Н., знания, мнения и чувств. ощущения — 58 В 15), к противопоставлению его аффективно-волевой стороне (58 В 1 а, 23 В 43), чувств. восприятию и представлению (*Демокрит* А 113), телу (у него же В 105) и глазам (*Эмпедокл* В 17, 24). Н. не только приравнивался иной раз душе (*Парменид* А 1), но и огню (*Демокрит* А 101).

В противоположность материализму ранней натурфилософии, *Сократ* постулировал наличие в человеке Н. как самой гл. способности, а от частного человеческого Н. переходил к общетеологич. толкованию родовых сущностей и ко всеобщему мировому Н., причем понимал этот последний как принцип практич. объяснения действительности, обозначая его также термином *φρόνησις*, т. е. «практический разум» (*Хеп. Метог.* I 4, 17). Идеалистич. концепцию Н. развил далее *Платон*, к-рый критиковал как вообще всякие веществ. объяснения существующего, так и, в частности, учение *Анаксагора* о Н.; нус трактовался у него как принцип мирового порядка и гармонии

(*Tim.* 29 Д—31 В) так, что отличие Н. от космоса оказывалось в то же самое время и тождеством Н. с космосом. Это взаимоотношение Н. и космоса Платон сознательно трактовал диалектически, чем отличался от описательной телеологии *Сократа*.

Аристотель, критикуя Платона, считал, что все идеи вещей, не будучи в состоянии существовать разрозненно, образуют некое мировое целое, или мировой Н., к-рый отделен от материальных вещей в том смысле, что они содержат в себе чувств. материю, но зато он содержит в себе свою собств. умственную, или, как говорили лат. переводчики, интеллигентную материю (*Met.* VII 10, 1036 а 9—10; VIII 6, 1045 а 22 б 18). Этот мировой Н., по *Аристотелю*, есть форма форм и ощущение ощущений (*De an.* III 8 432 а 2), актуально мыслящая вечность, в к-рой каждая чувств. вещь имеет свою идею. Однако идеи эти *Аристотель* мыслил вечно действующими, а состоящий из них вечный и неподвижный Н. называл перводвигателем (*Met.* IV 8, 1012 ζ 24—31; XII 7; 8 1074 а 37; *Phys.* VIII 10). Т. о., не Платон, но скорее *Аристотель* является отдаленным предшественником неоплатонич. учения о Н., отличаясь от Платона учением о самосознании Н. и об его вечно-энергичном, а также перархийном (ср. о действиях Н. в космич. сферах, XII 8) функционировании. Развивая это учение, неоплатонич. философы впоследствии стали говорить об *эманациях* Н.

В эпоху эллинизма, когда гл. задачей философии оказалась охрана и покой человек. «Я», идея Н. несла материально организующие функции. В этом сошлись три основные школы раннего эллинизма, во всем прочем столь различные между собой — *стоицизм*, *эпикурейская школа* и *скептицизм*. От гераклитовского огня Н. стоиков отличался телеологией, *провиденциализмом* (*фатализмом*) и теорией систематич. морального самовоспитания человек. личности. Считая Н. божественным (SVF II frg. 1038, Архим I frg. 146, 158) и даже просто богом или судьбой (I frg. 1027; I frg. 102; II frg. 580), стоики трактовали его как огненный (I frg. 157), пребывающий в эфирной высоте (II frg., 1027) и пронизывающий собой каждую малейшую часть космоса (II frg. 634), как ту способность, к-рая, оставаясь одной и той же, в одном отношении разумна, в другом — чувствена (II frg. 849).

Этого стоич. ригоризма хватало, однако, не более, чем на два века. Он был существенно поколеблен в Средней Стое *Панецием* и *Посидонием*, у к-рого Н. уже переставал быть материальным и огненным, но превращался в мировой порядок, начиная от чистого и абсолютного Н. и переходя через все ступени материального бытия к природным явлениям и человеку (*Nemes.* 154, 10 сл.; *Cic. De nat. deor.* II 24 сл., 115 сл.; *Max Tug.* VIII 8, 9, 1; *Cic. De divin.* I 110, 117, 125 сл.; *Cic. De nat. deor.* II 73 сл., II 33 сл.). Благодаря отделению в Н. идеальной стороны от материальной последняя теряла свой твердочувствительный характер и первоначальный стоицизм становился менее ригористическим. Постепенно стало развиваться учение о внутр. восхождении человека к чисто световому Н., к-рый мыслился как максимальная сосредоточенность человек. духа в себе, чему у *Плотина* посвящены десятки страниц. Поэтому Н. у *Посидония* уже переставал быть первоначальным стоич. Н. Скорее его нужно называть Н. стоич. *платонизма*. Многоочисл. варианты концепции Н. стоич. платонизма можно найти также в том среднем платонизме 1—2 вв., к-рый был подготовкой *неоплатонизма*. Из философов, ближайших к неоплатонизму, нужно отметить *Нумения*. Стоич. платонизм *Нумения* помешал ему дать классич. концепцию платоновского Н., заставил объединить это последнее с «единым» и прямо от Н. переходить к космосу, минуя учение о душе, и тем

самым представлять себе Н. материально. Зато Н. выступил у него как демиург, что было вполне в духе классич. платонизма. Вместе с тем один из учителей Плотина *Аммоний Саккас* весьма отчетливо отделял Н. от всего душевного и телесного (*Nemes. De nat. hom.* 3), чем вплотную придвинул эклектич. учение о Н. к Плотину (см. Немесий, О природе человека, пер. Ф. Владимировского, Почаев, 1904, а также у М. Владиславлева, *Философия Плотина...*, СПб, 1868, с. 269—71). Т. о., эволюция платонич. концепции Н. между Посидонием и Плотиним заключалась в последовательном исключении стонч. материализма и натурализма. От стоицизма к неоплатонизму перешла только отмеченная выше острейшая жажда субъективного освобождения человека от оков материальной действительности, достигшая в неоплатонизме степени внутр. и эстетич. слияния с последними основами бытия.

Плотин разработал учение о Н., как вечно-самодвижной самоотнесенности бытия и, следовательно, его самосозерцания (V 2, 1). Понимание Н. как чистого сущего Плотин воспринял из элейской традиции через переработку ее у Анаксагора, Платона и Аристотеля. Плотин развил концепцию тождества в Н. субъекта и объекта (II 9, 1; V 3. 5. 6; III 8, 9; V 1, 4), полного отличия Н. как от «единого» (VI 9, 2), так и от «души» (IV 8, 7; V 1, 7, 8), не говоря уже о космосе (IV 1, 1; 2, 1). Чистота Н. в концепции Плотина носит на себе следы философии Аммония Саккаса, в то время как световая природа Н. (многочисл. тексты, напр. I 6, 9) разработана на основе платоновских суждений (*Plat. Phaedr.* 250 В Е). Детально представлено у Плотина учение о внутр. восхождении человека к последней световой сосредоточенности в Н., а через Н. и в «едином» (VI 9).

Ученики и последователи Плотина старались дифференцировать и уточнить то, что у Плотина еще не получило большой разработки — субъект-объектные отношения внутри самого Н. Отсюда возникали многочисленные триады Н. (у ученика Плотина Амелия, у ученика Ямвлиха Феодора из Азины). У *Ямвлиха* точно обозначенную триаду содержит в себе мыслимый и мыслящий Н., к-рые, однако, не объединяются в точно обозначенный синтез. Что же касается демиурга, то он оказывается не чем иным, как последним членом мыслящего Н. и, кроме того, еще сам состоит из семи моментов, образуя, таким образом, гектомаду.

Триадиц. расчленение Н. дал *Прокл*: мыслимое сущее, или прообраз; мыслящие идеи; синтез того и другого, понимаемый как жизнь. Что же касается мыслящих идей, то они в целом составляют у Прокла ясно проводимую гектомаду (семирицу), каждый член к-рой тоже гектомадичен.

Концепции Н. в эпоху позднего эллинизма, к-рый уже не создавал новых идей, но зато ставил своей целью углубление, дифференциацию и систематизацию созданных антич. идей, сводились в основном к реставрации древней мифологии. Каждое божество или демон получал свое место, и их классификация превращалась в категориальную систему Н., за к-рой следовала такая же система — сферы мировой души. Общеплатонич. понятие «единого» было выше всяких богов, разделение его на бесконечное множество единичностей все еще было далеко от конкретной мифологии. Когда же переходили ко второй ипостаси, к Н., то мифология начиналась не сразу. Пока Н. рассматривался как только мыслимый, интеллигибельный предмет, мифологии не было, потому что боги и демоны вовсе не являются только мыслимыми предметами, они ведь еще и мыслящие субъекты и души. Следовательно, конструкция богов и демонов начиналась только с момента фиксации в Н. также и субъективно мыслящей стороны. И только разработка всех категорий Н. с точки зрения его субъективно мыслящих

моментов приводила к тем многочисл. категориям, к-рые уже можно было сопоставлять с конкретно данными в народной мифологии образами и построениями.

Т. о., огромное историко-филос. значение антич. теории Н. заключается в создании единой концепции всего осмысленного и закономерного, противопоставленного всему случайному, хаотически текущему, эмпирическому. Правда, осознаваемый при помощи Н. чувств. космос был всегда полон для древних самых разнообразных богов, демонов и душ, ибо расстаться с древней мифологией целиком и окончательно для древних было невозможно. Более того, если даже у Платона и Аристотеля теория Н. почти насквозь космологична, но не теологична, то последние века античной философии заполнены колоссальным напором на теорию Н. как на диалектику древней мифологии. Ясно, однако, что это было концом античности, когда уже не появлялись новые филос. идеи, а вся философия в основном направлялась на реставрацию мифа. Тем не менее в целом антич. теории Н. были не только необходимыми для самой античности, но и часто играли в ней прогрессивную и даже революц. роль.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 195; Зелинский Ф. Ф., Гомеопатическая психология, «Тр. разряда восточной словесности Росс. Акад. Наук», II, 1922, с. 10—16; P a t r i c k M. M., Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre von $\nu\omicron\sigma\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (nebst einer Beilage über das Wirken des aristotelischen Gottes), Mainz, 1867; H e i n z E. M., Über die $\nu\omicron\sigma\varsigma$ des Anaxagoras, «Berichte der Gesellschaft der Wissenschaften phil.-hist. Klasse», Lpz., 1890, S. 1—45; G u y o t H., Plotin et la génération de l'intelligence par l'un, «Rev. néo-scholastique de philosophie», 1905, p. 55—59; P a t r i c k M. M., The birth of the idea of spirit in Greek thought, «Popular Science Monthly», 1906, v. 69, Oct.; K e l l e r m a n n B., Das Nusproblem, в кн.: Philosophische Abhandlungen. H. Coehn zum 70. Geburtstag dargebracht, B., 1912, S. 152—69.

А. Лосев. Москва.

НУЦУБИДЗЕ, Шалва Исакович (р. 14 дек. 1888) — сов. философ, академик АН Груз. ССР (с 1944), профессор, д-р филос. наук (с 1926). Окончил филос. ф-т Петерб. ун-та (1910). С 1918 — проф. Тбилисского ун-та. В первый период науч. деятельности выступал с обоснованием идеалистич. системы «алетологического реализма» («Болцано и теория науки», «Вопр. философии и психологии», 1913, кн. 116, 117; «Основы алетологии», Тб., 1922, на груз. яз., и др.). С конца 20-х гг. переходит на позиции марксизма («Теория искусств», Тб., 1929, на груз. яз.). В дальнейшем Н. широко исследует историю груз. филос. мысли («История груз. философии», на груз. яз., т. 1—2, Тб., 1957—58, рус. пер., Тб., 1960, и др.); он проследил осн. закономерности развития философских идей в Грузии, раскрыл тайну *Дионисия Ареопагита*, показал роль *Иверга* и вводимых им в философию идей пантеистич. материализма и отрицат. диалектики в груз. и европ. филос. мысли, доказал, что автором первонач. текста греч. романа «Варлаам и Иоасаф» является груз. мыслитель И. Мосх. Н. изучает также проблемы логики, выступает с критикой совр. бурж. философии (экзистенциализма). Перевел на рус. язык поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и др. классич. памятники груз. литературы.

Соч.: Введение в философию, Тб., 1920, на груз. яз.; Wahrheit und Erkenntnisstruktur, B., 1926; Philosophie und Weisheit, B.—Königsberg, 1931; Руставели и Вост. Ренессанс, Тб., 1947; Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита, Тб., 1942; К происхождению греч. романа «Варлаам и Иоасаф», Тб., 1956; Творчество Руставели, Тб., 1958; Петр Ивер и античное философское наследие, Тб., 1963.

НЬЮМЕН (Newman), Джон Генри (21 февр. 1801—11 авг. 1890) — представитель католич. теологии в Англии, ректор Католич. ун-та в Дублине (1854—58), с 1879 — кардинал. Будучи англиканским пастором в Оксфорде, возглавил т. н. «оксфордское движение», названное в дальнейшем «трактарианством» [происходит от 90 «Трактатов на века» — «Tracts for the times»,

в. 4—6, L.—Oxf., 1833—41, написанных Н. совм. с Э. Б. Пьюзом (1800—1882)] и ставившее целью систематич. разработку догматов англиканской церкви в соответствии с церк. устоями раннего христианства. Н. отстаивал догмы римско-католич. церкви и апологетически разрабатывал психологию религ. веры. Его филос. позиция отличается от схоластич. ортодоксии открытием антирационалистич. скептицизмом и агностицизмом. Осн. задача философии, по Н., — обоснование религ. веры. Н. утверждал примат божественного откровения как абс. источника истины. Вечная, неизменная истина раз навсегда дана людям с неба и становится предметом последующего размышления. Высшим критерием истины Н. признает внутр. убеждение, интуитивную моральную уверенность (assent), акт личной, индивидуальной веры, основанной на «голосе совести». Фидеизм Н. оказал значительное влияние на религ. круги не только в Англии, но также в др. странах, напр. в Польше (см. *Бжозовский*).

Соч.: Works, v. 1—40, L., 1874—1921; An essay on the development of Christian doctrine, L., 1846; Apologia pro vita sua, L., 1864; An essay in aid of a grammar of assent, L., 1870. *Лит.*: Ward W., The life of cardinal Newman, v. 1—2, L., 1912; Guittton J., La philosophie de Newman, P., 1929; Dark S., Newman, L., 1934; May J. L., Cardinal Newman, L., 1945; Harold Ch. F., J. H. Newman, N. Y.—L., 1945; Nédoncelle M., La philosophie religieuse de Newman, Stras., 1946; Fries H., Die Religionsphilosophie Newman's, Stuttg., 1948; Lutz J. A., Cardinal J. H. Newman, Einsiedeln, 1948; Sencourt R. E., The life of Newman, L., 1948; Bouyer L., Newman, P., 1952; Renz W., Newmans Idee einer Universität, Freiburg, 1958; Biecher G., Überlieferung und Offenbarung, Freiburg—Basel—W., 1961; Trevor M., Newman, v. 1, L., 1962.

Б. Выховский, Москва.

НЬЮТОН (Newton), Исаак (25 дек. 1642 — 20 марта 1727) — англ. физик, астроном и математик. Окончил (1665) со степенью бакалавра наук Тринити-колледж Кембриджского ун-та; занимал в этом ун-те физико-математич. кафедру (1669—1701),

к-рую ему добровольно уступил его учитель Исаак Барроу, сыгравший значит. роль в формировании Н. как мыслителя. С 1672 Н. — чл. Лондонского королевского об-ва, с 1703 — его бессменный президент; иностранный чл. Парижской АН (1699). Похоронен в Вестминстерском аббатстве — национальном пантеоне Англии. К важнейшим науч. открытиям Н. относятся в первую очередь в физике: три основных закона классической механики, закон всемирного тяготения, и в математике: дифференциальное и интегральное исчисления. Благодаря этим открытиям механика приобрела характер цельной научной теории. Результаты двадцатилетних исследований Н. о действии силы тяготения, о движении тел под действием различных центральных сил были подытожены в «Математических началах натуральной философии» (опубл. 1687) — самой выдающейся работе Н. В ней он сформулировал исходные понятия и три осн. закона классич. механики, а также (в первом приближении) закон всемирного тяготения — осн. закон небесной механики. Н. показал их огромное теоретич. и прикладное значение, решив ряд важнейших практич. задач механики и астрономии. «Начала» явились гениальным обобщением не только собств. исследований Н., но и обобщением идей его предшественников и современников и достижений совр. ему техники.

С 90-х гг. 17 в. и до конца жизни (лондонский период) науч. деятельность Н. протекает менее интенсивно: он занимается изданием и переизданием ранее написанных трудов, все более отдается гос. службе,

политич. деятельности. В это же время Н. переживает приступы первого заболевания. Из второго издания «Начал» под давлением церкви Н. исключает мн. прогрессивные мировоззренч. идеи, заменяя их идеями, более устраивавшими церковь. Однако со стороны Н. это не было отказом от принципов: в мировоззрении Н. отразились непоследовательность и эклектицизм классового компромисса между буржуазией и феодал. верхушкой Англии 17 в. С одной стороны, презирав схоластику и ратуя за науч. познание природы, опирающееся на практику и приносящее практич. пользу, признавая объективный характер природы и ее законов, Н. выступал как передовой ученый и мыслитель. С др. стороны, Н. до конца жизни не порывал с религией, писал на теологич. темы, свою науч. деятельность иногда выставлял как пдущую на укрепление веры в бога (см. четыре письма к Бентли). Уступки религии у Н. в значит. степени были связаны с неэволюционным характером его мировоззрения. Н. считал, что *материя* является сугубо инертной субстанцией, что вечные законы природы позволяют объяснить лишь повторяемость неизменных вещей, а не их изменения. Поэтому Н. приходил даже к версии о необходимости божеств. первоначального толчка.

Важное место в мировоззрении Н. занимает его теория т. н. абсолютных *пространства и времени*: абсолютное пустое пространство является вместилищем материи и не зависит от нее, оставаясь «... всегда одинаковым и неподвижным» (см. «Математические начала натуральной философии», в кн.: Крылов А. И., Собр. трудов, т. 7, 1936, с. 30); абс. время не имеет отношения к событиям, оно существует и длится равномерно само по себе.

С этим пониманием пространства и времени тесно связана идея Н. о дальности действия, т. е. передачи движения от одного тела к другому мгновенно, через пустое пространство, без посредства материи. В своих ранних работах Н. предполагал, правда, существование материального эфира, к-рый призван был объяснить не только процесс передачи тяготения, но и электростатические, магнитные, оптич. и даже физиологич. явления. Но во втором издании «Начал» он не использует модели эфира вследствие недостаточности опытных данных.

В теории познания Н. в основном следовал своему соотечественнику Ф. Бэкону, выдвигая на первый план индуктивный метод (см. *Логика индуктивная, Методы исследования причинных связей*), требуя абс. достоверности и однозначности в познании, полного исключения произвольных предположений и априорных схем. Он всячески предостерегал от смешения «домыслов с достоверностью» (см. «Новая теория света и цветов», 1872, в кн.: Вавилов С. И., Исаак Ньютон, 1945, с. 49), что, однако, не было равносильно отрицанию роли науч. *гипотез*. Помещенная во 2-м издании «Начал» фраза «Hypotheses non fingo» (гипотез не измышляю) при учете контекста означала «домыслами не занимаюсь» и не выражала отказ Н. от науч. предположений. В одном из писем Ольденбургу Н. лишь подчеркивал, что «... гипотезы должны подчиняться природе явлений, а не пытаться подчинять ее себе» (там же, с. 73). Фактически Н. был автором многих явно или неявно сформулированных физич. гипотез: гипотезы эфира, механич. природы теплоты, атомистич. (корпускулярной) гипотезы строения вещества, идеи всеобщей механич. причинности, дальности действия и др. Но, подобно Бэкону, Н. считал, что абсолютное и бесспорное может быть открыто только путем наведения (*индукции*), исходя из опыта. Поэтому он отказался от построения метафизич. картины *Вселенной*, объясняющей якобы «последние» причины явлений, и настаивал на физич. исследовании, ограничивающемся фактами и не претендующем на по-

знание окончат. принципов и св-в материи. Именно на этом пути Н. завершил формирование физики как самостоят. науки, отделив ее от *натурфилософии* (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 599). Вслед за *Декартом* Н. был вторым крупным представителем механистич. материализма в естествознании 17—18 вв. Правда, Н. был осторожен в механистич. объяснении различных явлений природы; однако он сознательно ставил именно такую задачу: «Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы» («Начала...», см. Предисловие, с. 3). В отд. случаях он использовал механич. модели при изучении света и цвета, химич. реакций и др. явлений. Основоволожники марксистской философии очень высоко оценивали роль Н. в науке, его влияние на характер науч. и филос. представлений целой эпохи; в то же время они неоднократно подчеркивали историч. ограниченность мировоззрения Н.

См. также ст. *Астрономия, Математика, Метод принципов*.

Соч.: Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света, пер. с англ., с прим. С. И. Вавилова, 2 изд., М., 1954; Математические работы, М.—Л., 1937; Всеобщая арифметика или книга об арифметических синтезах и анализе, [М.], 1948.

Лит.: Маркс К., Математические рукописи, «ПЗМ», 1933, № 1; Энгельс Ф., Диалектика природы, М., 1955; Кудрявцев П. С., История физики, 12 изд., т. 2, М., 1956; Спасский Б. П., История физики, ч. 1—2, М., 1963—64; Кузнецов Б. Г., Развитие научной картины мира в физике XVII—XVIII вв., М., 1953, гл. 3; Фихтенгольц Г. М., Основы матем. анализа, 5 изд., т. 1, М., 1964, с. 421—27. В. Семенчев, Москва.

НЬЯЯ (санскр., букв. — правило рассуждения, логич. заключение, логика вообще) — одна из шести классич. школ *индийской философии*. Первое систематич. изложение ее учения — «*Ньяя-сутра*». Среди комментариев в «*Ньяя-сутре*» и источников последующего периода наибольший интерес представляют «*Ньяя-бхашья*» Ватсьяны (4—5 вв.), «*Ньяя-варттика*» Удьяотакары (7 в.), «*Ньяя-варттикадипарья-тика*» Вачаспати Мишры (9 в.), «*Ньяя-мауджари*» Джаянта Бхатты (10 в.), «*Гирапавали*», «*Татпарья-парিশуддхи*», «*Кусумандикамли*» Удаяны (10 в.). Все эти работы относятся к т. н. «старой» Н. С 12 в. в истории Н. начинается новый этап — *навья-Н.*, представленный работами *Гангеша Упадьяи* и его последователей: Васудева Сарвабхаумы, Рагхунатха Широмани, Гададхары, Джагадганы и др.

Преимуществ. внимание в Н. уделяется проблемам логики и теории познания, разработка к-рых представляет собой во многих отношениях вершину *индийской логики*. Логика Н. возникла, по мнению рус. индолога Ф. И. Щербатского (1866—1942), в процессе обобщения приемов и методов публичных филос. диспутов, широко практиковавшихся в Индии еще с глубокой древности.

Исходный принцип гносеологии Н. заключается в том, что знание соотносится с объективной действительностью, к-рая признается независимой от познающего субъекта. Н. различает четыре источника или средства достоверного познания (прамана): 1) чувств. восприятие (пратьякша), или непосредств. знание об объекте; 2) логич. вывод, или умозаключение (анумана), — познание объекта через вычленение неизменн. сопутствующего ему признака (вьяпти); 3) сравнение, или аналогия (упамана), — узнавание нового объекта на основе его предварит. описания и его сходства с уже известным объектом и, наконец, 4) словесное свидетельство авторитета (шabda) — знание, сообщаемое заслуживающим доверия лицом, — учителем

(лаукика шabda, т. е. мирское свидетельство) либо же священным писанием — Ведами (вайдикика шabda). Осн. место в Н. занимает анализ логич. вывода, или умозаключения. Н. различает три вида умозаключения: 1) от причины к следствию (пурвават), напр. о предстоящем дожде по собравшимся на небе дождевым тучам; 2) от следствия к причине (пешават), напр. о прошедшем дожде по поднятию уровня воды в реке; 3) о неизменном сопутствовании одного явления другому, к-рое непосредственно не воспринимается и не связано с первым очевидной причинно-следств. связью (саманьятодришта), напр. о движении небесных светил по изменению их положения. Н. утверждает, что наиболее правильной формой логич. умозаключения может быть пятичленный силлогизм, к-рый, однако, несмотря на известное своеобразие своей формы, легко переводится в трехчленный силлогизм *Аристотеля*. Выдвинутой Н. принцип опытной проверки знания явился аргументом против учений *мадхьямика* и *веданты*, к-рые, ссылаясь на факты ложных восприятий (миражи, галлюцинации и т. п.), отрицали вообще достоверность человец. опыта.

Объектами познания (прамея) выступают в Н. как материальные, так и духовные явления. Среди последних Н. выделяет такие, как душу (*атман*), чувства (индрии), ум (манас), активность (правритти), дефекты разума (доша), перерождение (претьябхава), эмоции удовольствия и боли (ихала), страдания (дукха) и избавление от всех страданий (анавага). Н. признает доктрины души, *кармы* (деяния), *мокши* (спасения) и др., хотя эти религ. концепции играют роль лишь в сфере этич. построений Н. и не оказывают сколько-нибудь существен. влияния на трактовку ею собственно филос. проблем. Правда, Н. часто привлекает понятие души для объяснения целого ряда явлений психики. В трактовке физич. картины мира, категорий материальной действительности Н. принимает (особенно начиная с 7 в.) осн. принципы онтологич. учения и атомизма системы *вайшешика*, образуя вместе с ней ядрную систему *Н.-вайшешика*, хотя в интерпретации ряда вопросов (напр., принципности) они расходятся между собой. Ранние источники Н. не упоминают бога, утверждая вечность и несовершенство души и материи. Однако позднее (начиная с 10 в., с Удаяны) это учение приобретает теистич. окраску.

В *навья-Н.* большинство проблем онтологии и гносеологии «старой» Н. утрачивают свое значение, а на передний план выдвигаются проблемы преимущественно логико-семантич. порядка, разработка к-рых принимает во многом схоластич. характер.

Лит.: Гостеева Е. И., Философия Вайшешика, Таш., 1963; Keith A. B., Indian logic and atomism, Oxf., 1921; Vidya bhushana S. C., A history of Indian logic, Calc., 1921; Ruben W., Zur indischen Erkenntnistheorie. Die Lehre von der Wahrnehmung nach den Nyāyasūtras, Lpz., 1926; Randle H. N., Indian logic in the early schools, Oxf., 1930; Stecherbatsky Th. Ph. D., Buddhist logic, v. 1, Leningrad, 1932; Mishra U., Conception of matter according to Nyāya—Vaiśeṣika, Allahabad, 1936; Chatterjee S. C., Nyāya theory of knowledge, N. Y., 1939; Inglis D. H. H., Materials for the study of Nyāya—Nyāya logic, Camb., 1951. Н. Аникиев, Москва.

«**НЬЯЯ-СУТРА**» — филос. трактат школы *ньяя*, дающий первое систематич. изложение ее осн. принципов. «Н.-с.» приписывается легендарному мудрецу Готама (Гаутаме), или Акшанаде, и обычно относится европ. индологами к 2—4 вв. н. э.; инд. же исследователи датируют «Н.-с.» серединой 1-го тысячелетия до н. э.

«О БЕСКОНЕЧНОСТИ, ВСЕЛЕННОЙ И МИРАХ» (1584) — одно из осн. соч. *Бруно*, излагающее естеств.-науч. основы его мировоззрения.

«О ДУХЕ ЗАКОНОВ» (1748) — соч. *Монтескьё*, в к-ром он изложил свою историч. и социол. концепцию.

«О ЗНАЧЕНИИ ВОЙНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА» — статья Ленина; написана в марте 1922 по просьбе редакции журн. «Под знаменем марксизма» (напечатана в № 3 за 1922). Остановившись на задачах журнала, Ленин определил в этой статье программу развития марксистской философии в совр. эпоху, рассмотрел теоретич. работу партии как составную часть плана социалистич. строительства. Политика нэпа, нек-рое оживление капиталистич. элементов и рост мелкобурж. стихии несколько способствовали усилению натиска бурж. идеол. реакции («Смена вех», влияние концепций *Шпенглера*, *Фрейдизма*, утонченных форм религии, идеалистич. истолкование достижений естествознания и т. д.). Формулирующая актуальные задачи журнала в борьбе против этого натиска бурж. идеологии, подытоживающая гл. идеи «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей», ст. «О з. в. м.» является как бы филос. завещанием Ленина; она определяет направления, по к-рым должна быть продолжена работа в области философии.

Одна из осн. идей статьи — ведущая роль партии пролетариата в борьбе против свергнутой, но удесятерившей свое сопротивление буржуазии. Применительно к области философии указанный принцип требует, по Ленину, союза марксистских философов с последоват. материалистами, не принадлежащими к партии коммунистов, союза, направленного на разоблачение бурж. профессоров философии как «дипломированных лакеев поповщины». Важнейшей частью филос. работы Ленин считает систематич. пропаганду воинствующего атеизма, сочетающуюся с науч. исследованиями в области религии. Необходимо реферировать и издавать все ценное из мировой антирелиг. лит-ры и в первую очередь труды атеистов-материалистов 18 в. «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма...» (Соч., т. 33, с. 204). Развивая мысли о социальных корнях религии, высказанные им ранее в статьях «Социализм и религия» и «Об отношении рабочей партии к религии», Ленин особо подчеркивает необходимость анализа тесной связи «...классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды» (там же, с. 205).

В борьбе с религией не следует пренебрегать помощью даже нематериалистов — бурж. ученых, способных дать и дающих ценные науч. исследования в области фактич. материала, но «опровергающих» религ. предрассудки лишь для замены их более рафинированными и ухищренными предрассудками. В числе таких ученых Ленин называет нем. проф. *Дресса*. Атеистич. пропаганду следует ставить на серьезную естеств.-науч. базу, заключая союз с «...представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих... модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма» (там же, с. 206).

В ст. «О з. в. м.» Ленин обращает внимание на те идеалистич. выводы, к-рые делаются бурж. учеными из новейших открытий в области естествознания. «Надо помнить, что именно из крутой лодки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школы, направления и направления» (там же). Для успешной борьбы с ними необходимо совместно с естествоиспытателями внимательно следить за вопросами, к-рые выдвигает новейшая революция в естествознании. Ленинское требование союза естествоиспытателей и философов является одним из главных в намеченной им программе задач марксистов в области теории.

Принципиальное значение Ленин придает вопросу о том, как относиться марксистам к филос. наследию прошлого. Он требует опираться во всей филос. работе на традиции материализма, возражает против нигилистич. отношения к культурному наследию: «...чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму...» (там же, с. 205). Особо Ленин выделяет значение гегелевского филос. наследия. Без «...систематического изучения диалектики Гегеля с материалистической точки зрения...» (там же, с. 207) невозможно «...быть сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом...» (там же). Материалистически понятая диалектика Гегеля должна сыграть громадную методол. роль в развитии естествознания и обществ. наук. «Современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых „сбиваются“ в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (там же, с. 208).

Статья «О з. в. м.» пронизана идеей *партийности* обществ. наук, философии. В связи с этим Ленин ставит вопрос об организации всей научно-теоретич. воспитат. работы, ее содержания, подборе преподават. кадров и т. д. На конкретном анализе социол. филос. о исследования П. Сорокина Ленин показывает,

как защитники буржуазии, прикрываясь ширмой научности, демократизма, ссылками на статистику и т. д. проводят реакц. крепостнич. взгляды. Ленин предлагает отстранить от преподавания подобных «образованных» реакционеров, требует объявить последоват. борьбу против бурж. идеологии с позиций марксизма.

Задачи, поставленные Лениным в ст. «О з. в. м.» перед философией, служат руководством в теоретич. деятельности КПСС, всех философов-марксистов.

Лит.: Крупская Н., Воспоминания, связанные со статьей Ленина «О з. в. м.», «Вестн. Ком. Академии», 1933, № 6; Новиков А. И., Из истории написания работы В. И. Ленина «О з. в. м.», в кн.: Тр. Ленингр. Гос. библ. ин-та, т. 6, Л., 1959, с. 169—73; Крывелев П. А., Филос. завещание В. И. Ленина и задачи науч.-атеистич. пропаганды, «ВАН СССР», 1962, № 4; Филос. заветы В. И. Ленина, «Коммунист», 1962, № 5; Историч. документ воинствующего материализма, «ВФ», 1962, № 3; Ленинская программа воинствующего материализма в действии, «ФН» (НДВШ), 1962, № 2; История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965, с. 76—85. А. Насымжанов. Алма-Ата.

«О ПРИРОДЕ» (1761—66) — осн. соч. Робине.

«О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ» (первое комментиров. издание 1563) — соч. Лукреция.

«О ПРИЧИНЕ, НАЧАЛЕ И ЕДИНОМ» (1584) — гл. филос. соч. Бруно.

«О РОЗЫСКАНИИ ИСТИНЫ» (1674—75) — первое и гл. соч. Мальбранша.

«О ЧЕЛОВЕКЕ» (1773) — одно из осн. соч. Гельвеция.

«ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ» (1762) — одно из осн. соч. Руссо.

«ОБ УМЕ» (1758) — одно из основных сочинений Гельвеция.

ОБЛАСТЬ ПРЕДМЕТОВ — логич. термин прикладного *предиката исчисления*, уточняющий круг предметов, о к-рых говорят *предикаты*. О. п. играет особую роль в *логике классов*, где она наз. также «универсумом» и обозначается единицей [«универсуму» при этом противопоставляется обычно «пустой класс» (см. *Пустое*), к-рый обозначается нулем]. Термин «универсум» для О. п. был употреблен впервые О. де Морганом (Camb. Phil. Transactions, VIII, 580), к-рый говорит по этому поводу «об изобретении нового технического термина». Согласно Дж. Вещу, соответственное понятие имело уже в логике и ранее. У Сандерсона оно фигурировало, напр., как *Suppositio*. Введение этого термина в классич. логику классов связано с тем, что в этой логике *отрицание* «не», к-рое, естественно, относится только к предложениям, применяется и к классам при образовании дополнения. В обычной речи мы не скажем: «Человек является не студентом». В логике классов такое выражение представляется вполне оправданным. Вопрос о том, что понимать под дополнением к классу, представляет, однако, трудности, ярко описанные Венном в применении к классу «не-черный». «Мы можем, если угодно, определить его как включающий все то, что не является черным: — включающим, напр., геологический ледниковый период, притязания папства, последнее письмо Клариссы Харлоу и пожелания нашего отдаленного потомства. Но речь настолько ясно идет о цвете, что никакой разумный человек не станет сомневаться в том, что именно имеется в виду. И аналогично в большинстве других случаев» (Ven J., Symbolic logic, L., 1894, p. 246). Иными словами, чтобы дополнение имело смысл, нужно располагать информацией о том, каково то «целое» (универсум), до к-рого мы хотим дополнять наши классы. Универсум, или О. п., относится, т. о., уже, по Венну (1894), не к чистой логике, а к ее приложениям, и в каждом из этих приложений определяется по-новому: «Мы можем ограничить наше применение терминов „хороший“ и „не-хороший“ лондонским кэбами с нечетными номерами, и всякое логиче-

ское правило будет при этом оставаться столь же верным, как и в случае, если бы мы выбрали менее абсурдный род универсума» (там же, p. 252). В логике классов существенно только, что «все, что исключается из *x*, включается в не-*x*» (там же, p. 253).

Т. зр. Венна, к-рая в конце 19 в. не разделялась еще мн. логиками, в т. ч. даже таким видным представителем *математической логики*, как Г. Фреге, является в наст. время общепринятой (Фреге хотел ввести в рассмотрение единую О. п., должествовавшую включать в се о о б щ е, в т. ч. и мыслимые предметы мира). Единств. требование, налагаемое теперь обычно на О. п. в логике предикатов, состоит в непустоте этой области. Впрочем, делаются попытки строить исчисление предикатов и для пустых областей. [Два разных способа построения логики предикатов, в к-рой возможны и пустые О. п., содержатся в ст. А. Mostowski, On the rules of proof in the pure functional calculus of the first order, «J. Symbolic Logic», 1951, v. 16, № 2, p. 107—11; Т. Halperin, Quantification theory and empty individual-domains, там же, 1953, v. 18, № 3, p. 197—200].

Лит. см. при ст. *Логика классов* и *Предикатов исчисление*. С. Яновская. Москва.

ОБМЕН ВЕЩЕСТВ — совокупность химич. реакций в живом организме, обеспечивающая *диссимиляцию* и *ассимиляцию* и выступающая как одна из основ жизни.

ОБОБЩАЮЩАЯ АБСТРАКЦИЯ (генерализирующая абстракция) — процедура отвлечения от несходных, различающихся св-в (признаков) предметов, приводящая к введению в рассмотрение их одинаковых (тождественных, совпадающих, равных) св-в и к образованию (общего) понятия о предметах, обладающих выделенными св-вами (признаками).

В истории гносеологии О. а. рассматривалась неоднократно, причем часто в противопоставлении *изолирующей абстракции*. О. а. по существу совпадает с *абстракцией отождествления*, с тем только отличием, что понятие об О. а. не содержит уточняющей абстракции отождествления явной ссылки на *отношение типа равенства*, в к-ром находятся любые два предмета, охватываемые образуемым понятием. О. а. играет фундамент. роль в познании; она участвует в образовании науч. понятий разл. уровня абстрактности — от понятий, формирующихся на основе отождествления чувственно-воспринимаемых вещей, до понятий об абстрактных объектах, являющихся результатом многоступенчатого абстрагирования; др. формы обобщающей и абстрагирующей деятельности человеческого ума (в частности, конструктивизация, формализация и *идеализация*) в той или иной форме всегда связаны с О. а.

Лит.: Горский Д. П., Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961. В. Бирюков. Москва.

ОБОБЩЕНИЕ — 1) С т. зр. логики — построение (выведение) универсальных и экзистенциальных утверждений: а) в системах дедуктивной логики — на основе постулированных правил построения таких утверждений (*правил вывода для кванторов общности* и существования — т. н. О. *перемешных*); в) в системах индуктивной логики на основе опытных (экспериментальных) данных («данных эмпирич. свидетельства») — т. н. индуктивных О. (см. *Индукция*, *Логика индуктивная*, *Научная индукция*, *Неполная индукция*, *Популярная индукция*). 2) С гносеологич. (и методологической) т. зр. О. — одно из важнейших средств науч. познания, процедура перехода на более высокий уровень *абстракции* на основе выявления (в рассматриваемой области предметов) общих для этих предметов признаков: свойств, отношений, тенденций развития и т. п. Наука, по существу, появляется тог-

да, когда «... в результате ряда усмотрений опыта установится один общий взгляд относительно сходных предметов» (Аристотель, *Met.* I 1, 1981 а 1— в 13; рус. пер., М.—Л., 1934, с. 19). В зависимости от предметной области и задач исследования О. осуществляются на разных уровнях, в частности: 1) на уровне эмпирич. материала [оно включает обычно выработку понятия, отражающего сходство, общность, подобие и т. д., вообще к-л. отношение между двумя или большим количеством исследуемых предметов (явлений), и формулировку некоего принципа, объясняющего единым образом группу (или группы) наблюдаемых явлений или выявление закона, управляющего этой группой явлений]; 2) на уровне уже выработанных понятий (см. *Понятие*); 3) на уровне «системы понятий» — теорий. В последнем случае О. тесно связано с понятиями группы преобразований и инвариантов. Напр., для классич. механики были справедливы т. н. галилеевы преобразования: длины и массы тел, интервалы времени оставались неизменными при переходе от одной системы отсчета к другой. *Относительности теория* применяет более общую группу — лоренцевы преобразования, устанавливая зависимость между *пространством и временем*. При таком О. прежние инварианты оказываются лишь частными проекциями, зависящими от системы отсчета; в качестве инвариантов берутся др. величины — максимальная длина, пространственно-временный интервал, минимальная масса. Т. о., обычно О. теории предполагает переход от одной группы преобразований к другой, более широкой.

Лит.: Д ж е в о н с С., Основы науки, пер. с англ., СПб, 1881, гл. 27; Г о р с к и й Д. П., Вопросы абстракции и образования понятий, М., 1961, гл. 10.

Ф. Лазарев. Калуга, М. Новоселов. Москва.

ОБОЛЕНСКИЙ (псевд.— М. И. К р а с о в), Леонид Егорович (9 марта 1845 — 23 сент. 1906) — рус. философ, социолог, журналист и писатель. В 60-х гг. изучал философию и юриспруденцию в Моск. и Петерб. ун-тах. Был близок к народнич. кружку интуитивцев, за что был выслан из Петербурга (1866). С конца 70-х гг. сотрудничал в народнич. журналах («Мысль», «Рус. богатство» и др.). Филос. взгляды О. эклектичны; в целом он — позитивист, полагающий, что представление о явлениях объективного мира «н е т о ж д е с т в е н н о с объективной реальностью. Оно только символически передает ее, но не *i n s i c h n f ü r s i c h*» («История мысли», СПб, [1901], с. 235). В социологии О. — поклонник Конта — был близок к либеральному народничеству, ратовал за сохранение общинного землевладения, выступал против материалистич. понимания истории. Он различал прогресс (под к-рым понимал сознат. осуществление «блага человека») и эволюцию (т. е. «... процесс смены явлений, определяемый внешними о б ъ е к т и в н ы м и признаками») (см. «Изложение и критика идей нео-марксизма», СПб, 1899, с. 117). Исходным в этике О. считал чувство боли; усложняясь и эволюционируя, оно приводит к появлению желаний, относящихся к опытной нравственности; последняя подчинена внеопытной, или альтруистич., морали, являющейся критерием поведения человека.

С о ч.: Организм и «органич. теория», «Свет», 1879, № 2—3; Нравств. и обществ. чувства, там же, № 2; Теория Мальтуса и дарвинизм, там же, № 9; Что такое сознание?, «Мысль», 1880, № 1; Личность и прогресс, там же, № 2; Прошедшее и будущее философии, там же, 1881, № 9; Субъективный и объективный методы в социологии и их относит. значение, там же, № 10—11; Правда ли, что в мире нет ничего кроме движения?, там же, 1882, № 5; Свобода воли, «Рус. богатство», 1883, № 2; Что такое прогресс, там же, 1885, № 1—2; Мораль чувства и мораль долга, там же, 1888, № 9; Осн. ошибки совр. материализма и позитивизма, там же, 1890, № 1—3.

Лит.: П л е х а н о в Г. В., Несколько слов в защиту экономич. материализма, Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; К о з л о в А. А. (ред.-издатель), Философский трехмесячник, Киев, 1886, т. 1, № 2. Г. Корхова. Ленинград.

ОБОСНОВАНИЕ — в логике и методологии науки процесс оценки различных логич. форм знания — утверждений, гипотез, теорий — в качестве компонентов системы науч. знания с т. зр. их соответствия функциям, целям и задачам этих систем. В зависимости от понимания характера систем знания по-разному понимались и критерии О. В логич. моделях знания, опирающихся на средства формальной логики, знание изображается как совокупность связанных между собой формальнологич. отношениями высказываний. При этом различаются два уровня О.: 1) логич. О. утверждений путем установления формальнологич. отношений с др. высказываниями, определяющим истинность исходных; в конечном счете в так описываемой модели должны существовать высказывания, являющиеся пределом всякого сведения и выступающие как логич. базис О. системы. 2) О. утверждений, относящихся к логич. базису, по самой природе рассматриваемой модели знания должно иметь нелогич. характер и опираться на ту или иную гносеологич. концепцию: напр., непосредств. очевидность неэмпирич. характера в теориях интеллектуальной интуиции (Декарт), эмпирич. очевидность, «непосредственно данное» (*эмпиризм*), акт соглашения (конвенционализм).

В известном смысле можно утверждать, что сам традиц. дуализм логики и гносеологии в исследовании познания определяется вытекающим из такой модели разделением логич. и нелогич. О. Если рассматриваемая модель претендует на роль модели знания в целом и т. о. выступает в функции гносеологич. модели, то при любых гносеологич. интерпретациях она тяготеет к метафизич. созерцат. взгляду на установление истинности логически исходного знания как на насильственный процесс восприятия некоего готового и заранее данного — в интеллектуальной ли интуиции, в чувственном ли восприятии и пр. — содержания, внешнего по отношению к логич. системе.

Логич. традиция, возникшая в русле нем. классич. философии, в качестве логич. элементов, подлежащих исследованию, рассматривает не только формы знания, известные из традиц. формальной логики, но и категории, ранее рассматривавшиеся только как формы бытия. Для Гегеля О. той или иной формы мысли состоит в точном определении ее места и функций в системе логич. категорий в целом, в возможности ее включения в эту систему в качестве средства ее дальнейшего развития, развертывания.

Существовали и иные понимания О. Так, неокантовцы *марбургской школы* связывали задачи О. с нахождением логически исходных принципов и категорий построения любой теоретич. науки. По существу та же задача ставилась и в *феноменологии* Гуссерля, хотя формы ее решения были иными. Эти принципы и категории рассматривались здесь как логически возможные первичные типы содержания теоретич. науки, образующие как бы осн. строит. блоки при конструировании любых ее понятий.

Т. о., в понимании О. в истории науки о познании можно выделить две линии: О. как установление соответствия каким-то внешним по отношению к системе знания условиям, к-рым данная система призвана удовлетворять, и О. как установление того, что обосновываемый логич. элемент может служить средством функционирования или развития системы. В обоих случаях, однако, объектом О. оказывается элемент системы теоретич. знания, оцениваемый с т. зр. его применимости в данной системе, выполнения им функций, определяемых характером системы, а категория О. фактически охватывает всю совокупность проблематики логико-методологич. анализа в данной системе и тем самым выступает как центр. категория этого анализа.

Возможно и более широкое понимание О. — как регламентации, эталонизации продуктов любой познания деятельности, включая и выработку «идеального плана» практич. действия. Объектом такого О. в принципе может выступать любой конкретный продукт умств. труда, выработка к-рого предваряет его непосредств. использование. Следовательно, О. выступает здесь не как оценка в системе знания, пусть и развивающегося, а как оценка в системе деятельности. С этой т. зр. О. будет подвергаться науч. гипотеза, выдвигаемая как средство предвидения ранее не наблюдавшихся фактов, или практич. решение о выборе места стр-ва предприятия, т. к. в обоих случаях предлагаются нек-рые средства для будущего действия и важно знать, насколько уже имеющийся социальный опыт обеспечивает их соответствие (конечно, всегда приближительное) целям их применения. С др. стороны, объектом О. не будет являться гипотеза, предлагаемая для решения, напр., парадокса, возникшего в развёртывании определ. теоретич. концепции, или практич. решение, являющееся средством организации непосредств. действия. Такое «идеальное орудие», не выступающее объектом О., как бы непосредственно реализуется в процессе деятельности и относительно него не возникает проблема надёжности средства с т. зр. перспективы его участия в дальнейшей деятельности. Т. о., вопрос о критерии выделения объектов О. превращается в вопрос о структурировании деятельности «духовного производства», о закономерностях выделения его относительно самостоят. звеньев.

Особую, отличную от изложенной, проблему составляет анализ логического О. (в частности, в применении к математике). Об этом см. ст. *Выход* (в математической логике), *Доказательство* (в формальной логике), *Математическая логика*, *Метатеория*, *Метод аксиоматический* и лит. при этих ст.

ОБРАЗ — 1) В специальном (философ.) смысле О. — одно из осн. понятий теории познания, характеризующее результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта. 2) В широком смысле (в науч. обиходе) термин «О.» употребляется: а) по отношению к видам чувств. отображения (ощущениям, восприятиям и представлениям), не распространяясь на абстрактное мышление, в) как синоним терминов «копия», «отображение», «содержание отражения», «соденне», «сообщение», «знание», а также «информация» в широком смысле слова (см., напр., Н. Винер, *Кибернетика и общество*, М., 1958, с. 31); 3) В математике О. — матем. объект, рассматриваемый как результат преобразования др. матем. объекта, к-рый для первого служит прообразом. Напр., функции мн. переменных в матем. анализе можно рассматривать как О. геометрич. объектов (прообразов) n -мерного пространства (см. *Пространство* в математике).

В материалистич. гносеологии понятие О. является фундаментальной категорией; оно употребляется по отношению к видам чувств. отражения и абстрактного мышления и рассматривается как сложное единство объективного и субъективного. О. объективен по своему источнику — отражаемому объекту, и субъективен по способу (форме) своего существования. Важнейшей характеристикой субъективной формы является идеальный характер О. (см. об этом в ст. *Кибернетика*).

Вторичность О. по отношению к своему источнику объекту не исключает того, что он строится и корректируется в активной деятельности субъекта, направленной на обеспечение все большей адекватности (соответствия) О. объекту, к-рая тем не менее всегда носит нецелый, относит. характер. Гносеол. отношение О. к предмету основывается на различных видах соответствий, к-рые могут быть выражены с помощью матем. понятий *изоморфизма*, *гомоморфизма*,

автоморфизма, различных видов подобия, гомологии, многообразных геометрич. отображений и др. Все это позволяет при исследовании условий и закономерностей построения, преобразования и движения О. применять (и вырабатывать) матем. и логич. методы. Таковы, напр., исследования по проблеме распознавания О. в кибернетике и бionике.

О. различаются по уровню и характеру отражательного (познавательного) процесса. В сфере чувств. отражения имеют место относительно элементарные О. в виде *ощущений*, входящих в состав более сложных О. — восприятий, а также представлений, являющихся воспроизведением прошлых восприятий вещей. Те чувств. О. человека, к-рые посредством речи связаны с соответств. понятиями о вещах, являются осознаваемыми.

На уровне абстрактного мышления элементы, или единицы, познават. деятельности составляют мыслительные О. — *понятия*. Производными от понятий О. являются различные схемы, формулы, уравнения, раскрывающие структуры объектов (пространственные, временные, динамические и пр.). Еще более сложными познават. О. являются науч. *гипотезы* и *теории*.

Объективным способом (средством) существования мыслит. О. и орудием оперирования ими являются материальные знаковые модели и словесно-речевая деятельность субъекта с этими моделями (см. *Моделирование*). Задача материалистич. понимания природы О. состоит в раскрытии материальных условий и механизмов его реализации, его преобразований и функционирования. Существо любого образа заключается в том, что структура О. не только соответствует его источнику, зависит от него, но и, обратно, соотносится, — в процессе познават. деятельности субъекта, — с отображаемым объектом. Последнее означает, что в ходе направленной на объект активной деятельности субъекта нервно-физиологич. процессы и состояния, являющиеся переработкой внешних воздействий, используются им в функциях особых заместителей (или моделей) вещей. В этом применении и происходит функциональное выделение соответствующей объекту структуры (информации), к-рая непосредственно выступает для самого субъекта в виде О. объекта. Следовательно, св-во «быть идеальным О.» есть не субстанциональное, а функциональное св-во деятельности субъекта. Признание О. выражением или принадлежностью особой духовной субстанции есть идеалистич. понимание природы О.

Исследования материальных условий и механизмов реализации чувств. О. в деятельности субъекта составляют задачу конкретно-науч. (в частности, естественно-научного) обоснования природы О. В целом решение вопроса о природе чувств. О. в наст. время находится на стадии правдоподобных гипотез. См. также *Отражение* и лит. при этой статье.

В. Тухтин. Москва.

ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ — см. *Художественный образ*.

ОБРАЩЕНИЕ — принятие определенной (религ. или философско-моралистич.) доктрины и вытекающих из нее норм поведения. Пока нравственность не отделилась от автоматически действующих бытовых норм и личное моральное сознание отождествляло себя с обществ. мнением родового, этнического, полисного и т. д. коллектива, самостоят. выбор образа мыслей и образа жизни был невозможен: человек мог нарушать общепринятые нормы, но не мог искать для себя другие. То же относится и к религ. формам сознания. Только разрушение автоматизма традиц. оценок сделало жизненную позицию индивидуума проблемой и расчленило место для психологии О. Для антич. культуры феномен философско-моралистич. О. (с более или менее религ. окраской) становится возмож-

ным с 6 в. до н. э. (*орфики* и *пифагореизм* впервые предлагают свой «образ жизни», альтернативный к общепринятому), типичным — после выступления *софистов* и *Сократа*, центральным и определяющим — в эпоху эллинизма и Римской империи. Авторитет традиции вступает в борьбу с авторитетом филос. доктрины (Сократ и др. философы обвинялись, в частности, в подрыве родительской власти), но не выдерживает его конкуренции. В условиях всеобщей обществ. деморализации философия все решительнее выставляет претензию быть «искусством жизни», единств. источником правильной моральной ориентации личности. Дуалистич. противопоставление неразумной житейской рутин и спасительного «учения» одинаково характерны для *киников*, *эпикуреизма* и *стоицизма*. Отношение к основателям школы строится (даже в нерелиг. эпикуреизме) по модели религ. представления о «спасителе» (ср. у Лукреция III, 14—16, обращение к Эпикуру:

«Ибо лишь только твое, из божественной мысли возникнув, стало ученье нам о природе вещей проповедать...»).

В большом количестве создаются легенды об обращении к философии далеких от нее людей. К началу нашей эры вербовка обращенных приводит греко-римскую философию к методам уличной проповеди. Параллельно идет развитие религ. прозелитизма. Особую активность на рубеже 1 в. до н. э. и 1 в. н. э. проявляет *иудаизм*, др.-вост. культы Римской империи (егип., малоаз., перс.) также выходят из своих этнич. рамок. В Средней и Вост. Азии с широкой пропагандой своих жизненных установок выступает *буддизм*. *Христианство* (как впоследствии ислам) с самого начала ставит перед собой как первоочередную практич. задачу О. всего человечества (Евангелие от Луки II, 30—32; Деяния апостолов XIII, 47 и др.). Разрабатывается идеал профессионального проповедника, к-рый, чтобы заставить себя слушать, способен стать «всем для всех» (Первое послание апостола Павла к Коринфянам IX, 22); это способствует динамичности новой веры, широко усваивающей и перерабатывающей самые различные идеи и представления.

Техника проповеди, этико-психологич. осмысление акта О. и его терминологич. характеристика заимствуются у позднеантич. философии и вост. религ. пропаганды, но переживание О. становится более интенсивным. В соч., приписываемых апостолу Павлу, О. интерпретируется как радикальное духовное пере рождение, как подобие смерти, из к-рой человек («воскресает» к новой жизни и уже на земле живет как бы по ту сторону смерти (Послание апостола Павла к Римлянам VII, 4—5). Это новое понимание О. приобретает особое значение для последующей эпохи, когда адептами христ. религии становятся высокообразованные люди, кровно связанные с традициями языческой культуры и способные к сложной индивидуалистич. рефлексии. Переживание ими О. как мучит. перелома давало богатый материал для психологич. самоанализа [напр., в лирике Григория Назианзина (ок.330—ок.390) или Павлина Nolanского (4 в.)], пробивая брешь в традиц. антич. понимании человеческого характера как неизменной данности; высшее достижение рефлектирующего автобиографизма на основе идеи О. — «Исповедь» *Августина* с ее невозможной для классич. античности картиной становления личности.

Когда христианству удается достичь (в известных географич. пределах) полного господства и О. как переход в новую веру оказывается возможным лишь вне этих пределов, в отношении к проблеме О. выявляются два мировоззренчески противоположных понимания религии. Социально-организующие претензии церкви требуют максимальной стабилизации духовной (в т. ч. и религиозной) жизни. С этой точки зрения вера — не предмет переживания, но бес-

прекословное включение себя в структуру церк. иерархии и принятие этой иерархии как само собой разумеющейся данности: чем механичнее будет проходить этот процесс, тем лучше. Именно такая тенденция торжествует в эпоху раннего средневековья как в вост., так и в зап. христианстве. Этико-психологич. традиция, идущая от Павла и Августина и требующая от верующего интенсивного переживания все новых и новых ступеней О. (самопреодоление, «покаяние»), находит себе, как и религ. индивидуализм вообще, единств. прибежище в сфере монашеского *аскетизма*, особенно на Востоке (Иоанн Лествичник, Исаак из Антиохии).

Кризис феод. формации и рост религ. индивидуализма создают возможности для нового расцвета психологии О. как интимного самоуглубления в еретич. движениях (*богомилство*, *альбигойцы* и др.), индивидуалистич. рефлексии мистиков (*Бернар Клервоский*, *Бонавентура*), предреформац. кружках «Братьев общей жизни» («*Fratres communis vitae*») и «Современного благочестия» («*Devotio moderna*»). С др. стороны, негативное отражение идеи религ. О. можно видеть у провозвестника новой, пререлиг. культуры Ф. Петрарки: в его диалоге «О презрении к миру» восходящий к Августину мотив О. снова становится инструментом психологич. самоанализа, но на этот раз самоанализ выявляет, по сути дела, невозможность О. для человека Возрождения, т. е. подлинного подчинения его внутр. жизни христ. нормам.

Борьба Реформации и Контрреформации, создав возможность выбора между конкурирующими вероисповеданиями, возрождает психологию религ. О. в ее исконном виде (ср. биографии Лойолы, Лютера и др. деятелей эпохи). По *Лютеру*, человек должен непрерывно вновь и вновь переживать динамику О.: «Наша жизнь — не пребывание в благочестии, но обретение благочестия, не здоровье, но выздоровление, не бытие, но становление...» (цит. по кн.: *Hertzsch E., Die Wirklichkeit der Kirche, Halle, 1956, S. 15*). Сентиментально-индивидуалистич. полусектантские религ. течения, широко возникающие в 17 в. в русле как католицизма (*яansenизм*), так и протестантизма (*пиетизм*), исходят из резкого противопоставления избранников, прошедших через О., и массы верующих, приемлющих религию чисто формально.

В последующие эпохи понимание О. как тотального душевного кризиса реставрируется (и усиливается) в религ. индивидуализме *Кьеркегора* (учение об абс. «отчаянии» как необходимой предпосылке всякого религ. переживания); в 20 в. эта концепция становится краеугольным камнем религ. вариантов *экзистенциализма* (неортодоксия, учения *Ясперса*, *Марселя* и др.). Выросшая на основе христ. понимания О. идея внутр. катастрофы, чувства отчаяния и отвращения к себе как единств. пути к подлинному «познанию» усваивается и теми представителями позднебурж. пессимизма и иррационализма, к-рые не приемлют христианство как позитивную доктрину, — Ницше, Хейдеггером и др. Эта идея пронизывает и весь совр. экзистенциализм, вне зависимости от христ. или атеистич. позиции отд. его теоретиков.

Лит.: Носек А. Д., Conversion. The old and the new in religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo, Oxf., 1933. С. Аверинцев. Москва.

ОБРАЩЕНИЕ, конверсия (в логике), — в *силлогистике* операция преобразования суждений вида: «Все *S* суть *P*», «Ни одно *S* не есть *P*», «Нек-рые *S* суть *P*», связанная со взаимным обменом местами терминов *S* и *P*. Обычно О. рассматривается как *непосредственное умозаключение*, правилами к-рого для пустых (см. *Пустое*) *S* и *P* являются следующие: 1) «От истинного суждения вида „Ни одно *S* не есть

P можно перейти к также истинному суждению вида „Ни одно P не есть S “ и наоборот); 2) «От истинного суждения вида „Некоторые S суть P “ можно перейти к также истинному суждению вида „Некоторые P суть S “ и наоборот» [Эти правила наз. правилами и в ост. того O ., поскольку они не вводят новые кванторные слова (кванторы), или, — по традиц. терминологии, — сохраняют в заключит. суждении количество исходного суждения.]; 3) «От истинного суждения вида „Все S суть P “ можно перейти к также истинному суждению вида „Некоторые P суть S “». [Это правило наз. правилом O . с о г р а н и ч е н и е м, поскольку оно вводит в заключение квантор «Некоторые» вместо квантора «Все» исходного суждения, т. е. ограничивает общность заключит. суждения по отношению к исходному.] Указанные правила O . обосновываются семагантической в т. н. учених о *распределенности терминов в суждении*.

В теории отношений O . — замена данного отношения обратным ему отношением (см. *Отношение*) с одновременным обменом местами членов данного отношения. O . отношений (для произвольного двучленного отношения R) можно рассматривать как умозаключение по правилу: «От истинного высказывания вида xRy [напр., $1 < 2$] можно перейти к также истинному высказыванию вида $yR^{-1}x$ [(где R^{-1} — отношение, обратное R), напр., $2 > 1$], и наоборот». Соответствующее рассмотрение возможно для n -местных (n больше двух) отношений.

Лит.: Асмус В. Ф., *Логика*, М., 1947, с. 118—27; Ziemiński Z., *Logika praktyczna*, Warsz., 1965, s. 190—191; см. также лит. при ст. *Отношение*.

А. Ветров, М. Новоселов. Москва.

«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СИСТЕМ» (General System Theory) — специально-научная и логико-методологич. концепция, предложенная австр. биологом Л. Бергаланфи (р. 1901). Осн. цель « O . т. с.» — разработка аппарата понятий, позволяющего анализировать объекты как *системы*. « O . т. с.» возникла у Бергаланфи в русле защищаемого им «организмического» мировоззрения (см. *Организмические теории*) как известное обобщение разработанной им в 30-х гг. «теории открытых систем», в рамках к-рой живые организмы рассматривались как системы, постоянно обменивающиеся со средой веществом и энергией. По замыслу Бергаланфи, « O . т. с.» должна отразить сущность изменения в понятийной картине мира, к-рые принес 20 в. Для совр. науки характерно: 1) ее предмет — *организация*; 2) для анализа этого предмета необходимо найти средства решения проблем со многими переменными (классич. наука знала перемены лишь с двумя, в лучшем случае — с нек. переменными); 3) место механицизма занимает понимание мира как множества разнородных и несводимых одна к другой сфер реальности, связь между к-рыми проявляется в изоморфизме действующих в них законов; 4) концепцию физикалистского редукционизма, сводящего всякое знание к физическому, сменяет идея перспективизма — возможность построения единой науки на базе изоморфизма законов в различных областях (см. L. Bertalanffy, *General System Theory. A critical review*, в журн.: «Gen. Systems», 1962, v. 7, p. 1—4).

В рамках « O . т. с.» Бергаланфи и его сотрудниками разработан спец. аппарат описания «поведения» открытых систем, опирающийся на формализм термодинамики необратимых процессов, в частности на аппарат описания т. п. эквифинальных систем (способных достигать заранее определенного конечного состояния независимо от изменения нач. условий). Поведение таких систем описывается т. н. телеологич. уравнениями, выражающими характеристику поведения системы в каждый момент времени как откло-

нение от конечного состояния, к к-рому система как бы «стремится».

При оценке этого аппарата надо учитывать, что эквифинальные системы представляют собой лишь подкласс класса открытых систем, а использование телеологич. уравнений ограничивает системно-структурный анализ лишь нек-рыми внешними параметрами систем.

Трудности в реализации « O . т. с.» породили критику ряда ее исходных принципов (см., напр., W. Ross Ashby, *General system Theory as a new discipline*, в журн.: «Gen. Systems», 1958, v. 3, p. 1). По мнению Эшби, в « O . т. с.» следует выделить два направления: одно из них, эмпирическое, стремится исследовать имеющиеся в мире различные системы, чтобы затем вывести утверждения о закономерностях систем вообще; второе, к к-рому примыкает сам Эшби, начинается с формально-теоретич. рассмотрения множества всех мыслимых систем и затем устанавливает определ. ограничение этого множества. Эшби высказывает ряд критич. соображений в адрес эмпирич. направления, наиболее ярко представленного Бергаланфи. В 60-е гг. появились различные от концепции Бергаланфи варианты теории систем (М. Месарович, Л. Заде, Р. Акофф и др.), для к-рых характерно стремление к более строгому построению своих теоретич. оснований и более широкое использование математич. и логич. аппарата.

В самое последнее время Бергаланфи — как под влиянием критики, так и в результате интенсивного развития близких к « O . т. с.» науч. дисциплин — внес известные уточнения в свою концепцию и, в частности, различил два смысла « O . т. с.»: в широком смысле она выступает как основополагающая наука, охватывающая всю совокупность проблем, связанных с исследованием и конструированием систем (в теоретич. часть этой науки включаются кибернетика, теория информации, теория игр и решений, топология, теория сетей и теория графов, а также факториальный анализ). « O . т. с.» в узком смысле из общего определения системы как комплекса взаимодействующих элементов стремится вывести понятия, относящиеся к организованному целым (взаимодействие, централизация, финальность и т. д.), и применяет их к анализу конкретных явлений. Прикладная область « O . т. с.» включает, согласно Бергаланфи, системотехнику, исследование операций и инженерную психологию.

Учитывая эволюцию, к-рую претерпело понимание « O . т. с.» в работах Бергаланфи, можно констатировать, что с течением времени имело место все более увеличивающееся расширение задач этой концепции при фактически неизменном состоянии ее аппарата и средств. В результате создалась следующая ситуация: строго научной концепцией (с соответствующим аппаратом, средствами и т. д.) можно считать лишь « O . т. с.» в узком смысле; что же касается « O . т. с.» в широком смысле, то она или совпадает с « O . т. с.» в узком смысле (в частности, по аппарату), или представляет собой действит. расширение и обобщение « O . т. с.» в узком смысле и аналогичных дисциплин, но тогда встает вопрос о развернутом представлении ее средств, методов и аппарата.

В последние годы множатся попытки конкретных приложений « O . т. с.» — к биологии, системотехнике, теории организации и др. (см., напр., К. М. Хайлов, Проблема системной организации в биологии, «Журн. общей биологии», 1963, № 5).

Лит.: Bertalanffy L., *Das biologische Weltbild*, Bd 1, Bern, 1949; е р о ж е. *Zu einer allgemeinen Systemlehre*, «Biologia generalis», 1949, S. 114—29; е р о ж е. *An outline of general system theory*, «Brit. J. Philosophy of Science», 1950, n. 13:—65; е р о ж е. *Biophysik des Fließgleichgewichts. Einführung in die Physik offener Systeme und ihre Anwendung in der Biologie*, Braunschweig, 1953; *Allgemeine Systemtheorie*, «Dtsch. Universitätszeitung», 1957, Hft 5/6; *General Systems. Yearbook of the society for general systems research*, ed. L. Ber-

talanffy and A. Rapoport, v. 1—10, Michigan, 1956—65 (изд. продолжается): Rapoport A., Ujęcia ogólniej teorii układów. «Studia filozoficzne», 1963, № 1; Zadeh L. O., The concept of state in system theory, в сб.: Views on general system theory, ed. M. D. Mesarović, N. Y., 1964; Общая теория систем, пер. с англ., М., 1966; Крестьянский В. И., Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии, «ВФ», 1958, № 8; Лекторский В. А., Садовский В. Н., О принципах исследования систем, там же, 1960, № 8; Сетров М. И., Значение общей теории систем Л. Берталанфи для биологии, в кн.: Филос. проблемы совр. биологии, М.—Л., 1966. В. Садовский. Москва.

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ — см. *Понятие*.

ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ — см.

Силлогистика, Суждение.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) людей к событиям и фактам социальной действительности, к деятельности различных групп и отд. личностей. Рассматриваемое с т. зр. взаимоотношения с социальными ин-тами или отд. лицами О. м. выступает в обществе в экспрессивной (в более узком смысле — контрольной), консультативной и директивной функциях — занимает определ. позицию, дает совет или выносит решение по тем или иным обществ. проблемам. В зависимости от содержания суждений О. м. выступает в оценочной, аналитич., конструктивной и регулятивной функциях (в последнем случае О. м. вырабатывает или ассимилирует, заимствуя из сферы науки, идеологии, религии и т. д., и насаждает определ. нормы обществ. отношений). Наконец, в зависимости от формы суждений О. м. выступает в позитивной или негативной функциях. О. м. действует практически во всех сферах жизни общества, его объектом могут быть объективные и субъективные факты и явления. Вместе с тем О. м. высказывается не по всякому поводу, границы его суждений определяются рядом критериев. В качестве объекта высказываний общественности выступают, прежде всего, лишь те факты и события действительности, к-рые вызывают к себе обществ. интерес, отличаются значимостью и актуальностью. Проблемы, по к-рым высказывается О. м., должны предполагать, далее, возможность расхождения в оценках, суждениях, т. е. заключать в себе больший или меньший момент дискуссионности. Наконец, эти проблемы должны быть доступны знанию и пониманию общественности, входить в сферу компетентности О. м.

О. м. действует как в рамках общества в целом, так и в рамках различных составляющих общество групп — социальных, демографических, региональных, национальных, профессиональных, производственных, политических и др. В этом смысле можно говорить не только об О. м. всей страны, но и об О. м., напр., рабочего класса, молодежи, республики или района, лиц одной профессии, работников данного предприятия, членов данной партийной орг-ции и т. п. В рамках каждой такой общности носителем (субъектом) О. м. может выступать как общность в целом, так и любые составляющие ее структурные образования (группы) — независимо от содержания их суждений, от того, высказываются ли они «за» или «против», образуют ли они «большинство» или «меньшинство». В соответствии с этим по своей структуре О. м. может быть монистичным, единодушным и плюралистичным, состоящим из ряда несовпадающих друг с другом точек зрения. В каждом конкретном случае О. м. определяется рядом факторов — структурной (прежде всего социальной) высказывающейся общности, степенью совпадения (или расхождения) интересов различных групп, характером обсуждаемого вопроса и т. п. Процесс формирования и функционирования О. м. может протекать стихийно, независимо от деятельности тех или иных социальных ин-тов, а также являться результатом целенаправленного действия разного рода гос. учреждений, политич. орг-ций, науч. и др. центров. В качестве

источника О. м. при этом могут выступать: 1) молва, слухи, сплетни; 2) индивидуальный опыт людей и, самое главное, 3) многочисл. формы обществ. опыта, оформляемого в разного рода сведения, поступающие к людям теми или иными способами (прежде всего это «опыт» ближайшего социального окружения людей, в особенности лидера группы — официального или неофициального, а также науч. знания, офиц. информация, сведения, предоставляемые средствами массовой коммуникации — прессой, радио, телевидением и т. д.). Каждый из этих источников обладает определ. запасом истины и лжи, поэтому и формирующееся на их базе О. м. может быть в большей и меньшей степени истинным или ложным. Более близким образом соотношение элементов истины и лжи в О. м. определяется интересами субъекта О. м., а также интересами источника информации (степенью их заинтересованности в объективном знании). Кроме того, О. м. складывается на различных по глубине уровнях обществ. сознания — на уровне теоретич. знания (науки), с одной стороны, и на уровне обыденного сознания, с другой. Это также приводит к тому, что отражение действительности в О. м. может быть точным или ошибочным, адекватным или иллюзорным. При этом О. м., взятое в целом, как правило, не бывает только истинным или только ложным, но представляет собой сложное переплетение элементов истины и заблуждений.

В развитом обществе привычными каналами (и формами) выражения О. м. являются: выборы органов власти, прямое участие масс в законодат. и исполнит. деятельности (т. е. непосредств. демократия, осуществляемая, напр., в рамках обществ. орг-ций, органов нар. самодеятельности и т. д.), пресса и иные средства массовой коммуникации, собрания, манифестации и проч. Наряду с этим, широкое распространение имеют также и высказывания, вызываемые политическим, исследовательским и т. п. интересом и принимающие форму референдумов, массовых обсуждений к-л. проблем, совещаний специалистов, выборочных *опросов* и т. д.

Активность функционирования и фактич. значение О. м. в жизни общества определяются существующими социальными условиями — всеобщими, связанными с уровнем развития производит. сил, характером производств. отношений и массовой культуры, и специфическими, связанными с уровнем развития демократич. ин-тов и свобод, в первую очередь свободы выражения мнений — слова, печати, собраний, манифестаций. Огромное значение имеют и гарантии ответственности О. м. Напр., степень влияния О. м. на отд. личность зависит от силы традиций, существующих в обществе в целом или в данной социальной среде, от прочности связей между индивидами в рамках группы (микросреды), от силы авторитета руководителей и т. п. Степень влияния О. м. на разного рода социальные, в частности гос. ин-ты, зависит от социально-политич. структуры власти, от реального отношения, существующего между носителем О. м. и социальными силами, осуществляющими власть. Фактическая роль О. м. в жизни общества прямо пропорциональна степени участия широких слоев населения в непосредственном руководстве общественной жизнью.

О. м. — явление историческое. По мере развития общества меняются экономич., социальные, политич., технич. и др. условия функционирования О. м., и вместе с ними меняется его место в жизни общества, повышается роль, усложняются функции, расширяются сферы деятельности и, в соответствии с этим, меняется его субъект, структура (мера единодушия), повышается степень глубины и компетентности, следовательно, расширяются границы проблем, выступающих в качестве объекта суждения общественности

и т. д. Все эти процессы становятся особенно значительными в эпоху перехода от капитализма к коммунизму, что связано, в первую очередь, с качественными изменениями в социальной природе общества, с ликвидацией его антагонистич. структуры. Огромную роль играют преобразования в политич. и экономич. организации общества, идущие в направлении изменения удельного веса гос. и обществ. органов, все большего привлечения к управлению обществом широких нар. масс.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 18, с. 473—74; т. 25, с. 392, 458; т. 26, с. 224; т. 27, с. 111, 185, 230—32, 374; т. 28, с. 226; т. 33, с. 15; его же, Первонач. вариант статьи «Очередные задачи Сов. власти», Полн. собр. соч., 5 изд., т. 36; Коммунисты и демократия. Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журн. «Проблемы мира и социализма», Прага, январь, 1963, Прага, 1964; Келле В., Ковальзон М., Формы обществ. сознания, М., 1959; Ядов В. А., К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии, «ФН» (НДВШ), 1960, № 2; Уледов А. К., О. м. сов. общества, М., 1963; Парыгин В. Д., Общественное настроение, его природа и динамика, в кн.: Проблемы обществ. психологии, М., 1965; Bogardus E., The making of public opinion, N. Y., 1951; Berelson B. R., Janowitz M. [ed.], Reader in public opinion and communication, 2 ed., Glencoe, 1953; Society for the psychological study of social issues. Public opinion and propaganda, ed. D. Katz [a. o.], N. Y., 1954; «The British Journal of Sociology», 1955, v. 6, № 2; Saichy A., L'opinion publique, P., 1956.

Б. Грушин. Москва.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА — см.

Разделение труда.

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ — организация управления делами общества при коммунизме. Уже в первых произведениях утопич. коммунизма общество будущего характеризовалось совершенной организацией управления (Мор, Кампанелла). Сеп-Симон и Фурье выразили мысль о том, что в будущем обществе на смену гос-ву должно прийти самоуправление. Эта мысль нашла науч. обоснование и развитие в марксистском учении об отмирании гос-ва при коммунизме.

Вековая борьба нар. масс за демократию породила различные политич. формы и типы, и некоторые из них (напр., система нар. представительства, метод принятия решений путем всеобщего волеизъявления и т. д.) обладают непреходящей ценностью. В этом смысле и следует понимать указание основоположников марксизма о том, что О. с. к. («ассоциация свободных тружеников») усваивает и поднимает на более высокую ступень демократич. принципы.

Развитие социалистич. демократии и совершенствование системы управления нар. хозяйством закладывают фундамент будущей организации общества. Таков смысл идеи Программы КПСС о «развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление». Эта формулировка дополняет и уточняет прежнюю постановку вопроса об отмирании гос-ва, она преодолевает элемент противопоставления социалистич. гос-ва и обществ. самоуправления, обнаруживает их преемственность. В том же русле лежит и идея Программы КПСС о превращении сов. социалистич. гос-ва в политич. орг-цию всего народа. Общепар. гос-во рассматривается как важнейший этап на пути развития социалистич. государственности в О. с. к. Этот этап характеризуется подъемом нар. самодеятельности, развертыванием и совершенствованием социалистич. демократии, в ходе к-рого постепенно изменяется гос. структура и методы управления в сторону все большего развития обществ. начал.

Наиболее ярко это обнаруживается в деятельности Советов депутатов трудящихся, к-рые сочетают в себе черты гос. и обществ. орг-ции. Общая тенденция их развития состоит в том, что «...Советы все более выступают как общественные организации при широ-

ком и непосредственном участии масс в их деятельности» (Программа КПСС, с. 102).

Важное направление в изменении характера осуществления гос. функций состоит в передаче части этих функций из ведения гос. органов в руки обществ. орг-ций (профсоюзов, комсомола и др.). Расширяется и участие трудящихся в управлении производством (производств. совещания, советы рационализаторов и изобретателей и т. д.).

Наряду с взаимосвязью и преемственностью между социалистич. гос-вом и О. с. к. существует и их качествен. отличие. Принципиальное отличие О. с. к. от социалистич. государственности состоит в отсутствии политич. власти, когда управление осуществляется с помощью гос. принуждения или угрозы принуждения. В развитом коммунистич. обществе не будет особой вооруж. силы (милиция, армия), способной служить орудием такого принуждения, учреждений карательного характера (прокуратура, суд, тюрьмы). Общество. порядок будет опираться на коммунистич. сознательность людей, их готовность добровольно соблюдать правила человеч. общежития. Отсутствие политич. власти неизбежно означает отсутствие и *права*. То и другое представляет собой предпосылку полной свободы личности.

Энгельс говорил, что при коммунизме управление людьми должно уступить управлению вещами. Прямолинейная трактовка этой формулы приводила к утопич. представлению о том, что при коммунизме не будет, по сути дела, никакой организации, управляющей действиями людей. Нормальное функционирование совр. общества требует согласованных действий десятков миллионов людей, сотен тысяч производств. коллективов. Это требование приобретает еще большее значение при коммунизме. Поэтому замечание Энгельса правильно толковать лишь в том смысле, что гл. объектом управления при коммунизме становится не человек, а производств. процесс, что дисциплина и единство воли, без к-рых немислимо никакое обществ. произ-во, порождаются высокой организованностью людей, их коммунистич. отношением к труду. Т. о., исключается какой бы то ни было элемент насилия над личностью, но сохраняется необходимость согласования действий людей.

По-видимому, наилучшему способу организации управления соответствует гармонич. сочетание непосредств. и представит. демократии. Можно предположить, что в коммунистич. обществе огромное большинство вопросов будет решаться непосредственно в трудовых коллективах, наиболее важные проблемы также будут решаться с помощью методов непосредств. демократизма — всеобщих опросов, референдумов и т. д. Наряду с этим должна сохраниться система выборных, сменяемых, подотчетных управленч. органов, осуществляющих функции планирования и оперативного руководства обществ. механизмом. С этим связан другой важный вопрос — об исполнит. управленч. аппарате. В совр. обществе организация и управление представляют собой сложную науку. Отсюда понятно, что текущая работа по организации и управлению должна осуществляться людьми, к-рые имеют спец. подготовку и опыт, приобретаемый в ходе систематич. управленч. деятельности. Но это не означает необходимости сохранения политич. профессионализма. Прежде всего потому, что задача специалистов по управлению ограничивается оперативным руководством процессами произ-ва и распределения; контроль над их деятельностью, равно как и право принимать принципиальные решения, принадлежит выборным органам либо осуществляется методом непосредств. демократизма. Но главное состоит в том, что в условиях коммунизма управление не может быть связано ни с какими социаль-

ными привилегиями, оно окончательно перестанет быть функцией власти и превратится в функцию произ-ва.

Р. Шахназаров. Москва.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ

— см. *Формация общественно-экономическая.*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ (от лат. interest — имеет значение, inter esse — быть между) — потребности, нужды, объективные по своему характеру и происходящие, возникающие у различных классов, социальных групп, коллективов, орг-ций и входящих в них отд. личностей и обусловленные экономич. отношениями данного общества, экономич. положением определ. социальных общностей и объединений. О. и. функционируют лишь через формы деятельности людей. Характер же этой деятельности зависит от того, осознаны ли, и в какой степени осознаны эти объективно существующие О. и. Поскольку О. и. осознаются, они приобретают значение идеальных побудит. сил целенаправленной практич. и теоретич. деятельности людей. О. и. включают все виды интересов, независимо от того, кто выступает их носителем и в какой сфере обществ. жизни проявляется их направленность, хотя термин «общественный» применяется также и для противопоставления интересов общества в целом или к.-л. социальной общности (класса, нации и т. д.) т. н. личным интересам.

О. и. служат одной из осн. категорий для обозначения реальных причин и коренных, наиболее глубоких стимулов историч. деятельности и социального поведения людей. Как социологи ч. категорию О. и. следует отличать от категории *интерес* в психологии.

Понятие интересов в домарксистской философии и социологии употреблялось для обозначения гл. обр. идеальных стремлений и побуждений. Интересы либо выводились из «естеств. природы» человека, либо рассматривались как проявление его психики, сознания, взятых в отрыве от материальных обществ. отношений, либо, наконец, в качестве результата деятельности вчеловеч. духовных сил. Понятие О. и. (хотя и в иной терминологии) как стремления к благу, обусловленного природой человека, встречается уже у философов древнего мира. В период феодализма интересы духовных и светских феодалов и феодал. иерархия освящаются как божеств. установления.

Ранние представители бурж. идеологии, отбрасывая теологич. трактовку интересов (Макнелли, Гроций, Гоббс и др.), выводили их из «природы» человека. Учение об интересах играло важную роль в теориях франц. материалистов. Гельвеций обозначал понятием интерес все то, что «... может доставить нам удовольствие или избавить нас от страдания» («Об уме», М., 1938, с. 32, прим., см. также с. 34). Себялюбие, лежащее в основе личного интереса, Гельвеций считал основой истинной морали. Гольбах определял интерес как «... единственный мотив человеческих действий...» (Избр. произв., т. 1, М., 1963, с. 311; см. также Дидро. Собр. соч., т. 7, М.—Л., 1939, с. 214). Франц. материалисты стремились найти основу О. и. во внешней среде и это обусловило элементы материализма в их учении об обществе. Но они не могли выйти из порочного круга: «... мнение зависит от интереса, интерес зависит от мнения...» (Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 117). Они считали действующими в истории идеальные побудит. силы последних причинами событий (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 307).

Бенгам, используя положения франц. материалистов, объявил индивидуальные интересы единственно реальными интересами и оправдывал бурж. эгоизм. В то же время взгляды франц. материалистов послужили теоретич. опорой социалистов-утопистов.

Кант считал, что «... всякий интерес в конце концов бывает практичным...» («Критика практич. разума»,

СПБ, 1879, с. 139), т. е. относящимся всецело к области нравственно-волевой деятельности. Осуществление общего интереса, как априорного высшего блага, гармонию между высшим благом и потребностями и влечениями индивидов Кант рассматривал как абстрактный идеал.

Гегель развил диалектич. идею осуществления объективного историч. процесса через деятельность людей, каждый из к-рых руководствуется своими частными интересами. Но частные интересы, страсти, потребности — лишь средство и орудие мирового духа для осуществления его целей. В гос-ве мировой дух, подчиняя частные интересы, соединяет их со своей общей целью. Фейербах, исходя из того, что человек стремится к удовлетворению своих потребностей, к личному счастью, и отождествляя это естеств. стремление с интересами, считал, что гармония личных и общих интересов может осуществиться лишь путем всеобщей любви человека к человеку (см. Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 578—82, 617—26).

К правильному пониманию О. и. близко подошли идеологи рус. революц. демократии. Так, Чернышевский отмечал социальную обусловленность интересов и подчеркивал важную роль материальных интересов (см. Полн. собр. соч., т. 6, 1949, с. 374—75).

Основатели позитивизма Конт и Спенсер выдвинули положение о «солидарности» классов и «гармонии» классовых интересов как движущей силе прогресса. Амер. социолог Смолл (вслед за австр. социологами Гумпловичем и Раценхофером) разрабатывал концепцию интересов, как своего рода атомов социальной жизни. Амер. социолог Мак-Айвер в 20-х гг. 20 в. предложил классифицировать социальные связи по целям и интересам людей, выделяя в качестве равноправных экономич., науч., семейные интересы, интересы власти, престижа и др. Амер. социологи Уорд, Гиддингс, Росс дали свои классификации интересов. Перри, Парсонс и др. амер. социологи выдвинули ценностную концепцию интересов. По их мнению, необходимо выяснение «шкалы ценностей», к-рой руководствуются в своем поведении члены того или иного общества. В совр. бурж. философии (экзистенциализм, интуитивизм, фрейдизм) распространено истолкование челоуеч. желаний, влечений, интересов как иррациональных.

Проблема О. и. в историч. материализме. Возникновение О. и. непосредственно связано с производств. отношениями. «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 271). Место и роль различных социальных классов, групп и объединений в обществ. структуре обуславливают их экономич., политич. и духовные интересы.

Отражение О. и. происходит как в форме стихийно возникающих влечений, стремлений, отд. идей (социальная психология), так и в форме систематизированных идей (идеология). О. и. выступают стихийным регулятором поведения класса, еще не осознанного собств. интереса. Осознание коренных интересов в форме идеологич. концепций и политич. программ становится на определ. этапе развития необходимым условием для осуществления классом своей историч. миссии.

О. и. могут быть прогрессивными или реакционными. Высшим из всех О. и. являются интересы населения, развития общества в целом, прежде всего интересы развития производит. сил (см. В. И. Ленин, Соч., т. 13, с. 219).

Интересы различаются соответственно их носителям: классовые, национальные, общенародные, а также партийные, государственные, профессиональные. В историч. развитии классового общества нервозности-

ную роль играют интересы классов (см. там же, т. 2, с. 461—62). Различают коренные интересы класса как целого и частные, временные и преходящие интересы класса или к-л. его части. Коренные интересы класса—это прежде всего его материальные, экономич. интересы и те интересы в области политики и идеологии, от к-рых зависит реализация этих экономич. интересов.

Различают экономич., политич., духовные О. и. При этом экономич. интересы имеют осн. значение, а политич. и духовные — в конечном счете подчинены экономич. интересам и определяются ими. Однако «...самые существенные, „решающие“ интересы классов,— писал Ленин,— могут быть удовлетворены только коренными политическими преобразованиями вообще» (там же, т. 5, с. 362, прим.).

В условиях антагонистич. общества возможна подмена реальных интересов мнимыми, иллюзорными, что неминуемо ведет к поражению в классовой борьбе. Маркс и Энгельс отмечали, что «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от „интереса“, что франц. революция конца 18 в. не принесла массе действительного освобождения именно потому, что «...для самой многочисленной части массы, части, отличной от буржуазии, принцип революции не был её действительным интересом, не был её собственным революционным принципом, а был только „идеей“, следовательно, только предметом временного энтузиазма и только кажущегося подъёма» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 89). Одной из важнейших задач коммунистич. партий капиталистич. стран является борьба за преодоление у опред. части рабочего класса и трудящихся масс представлений о мнимых, иллюзорных интересах и за осознание ими их действит., реальных интересов.

Общине и личные интересы. Личность сосредоточивает в себе обычно целый комплекс разнообразных взаимодействующих друг с другом интересов. В зависимости от объективных и субъективных факторов личность в различной степени может осознавать (или не осознавать) эти интересы и их взаимодействие.

Существует объективно обусловленная иерархия О. и. Так, с т. зр. марксизма, интересы общества в целом выше интересов отд. классов, интересы прогрессивных классов выше интересов реакц. классов, интересы класса в целом выше интересов отд. части этого класса и т. д. (см. В. И. Ленин, Соч., т. 4, с. 215—16).

В классово-антагонистич. обществе неизбежно возникают противоречия между общими интересами, выступающими либо как интересы общества (народа, нации) в целом, либо как интересы опред. класса, и личными интересами. Для такого общества характерно, что господствующий класс выдает свои интересы за общие интересы. В эксплуататорском обществе противоречие между общими и личными интересами есть прежде всего выраженное угнетения господствующими классами трудящихся. Но такие противоречия могут возникать, когда отд. личность не осознает или осознает искаженно общие интересы той социальной группы, членом к-рой она является. В этом случае личность воспринимает свои узкие, эгоистич. нужды как осн. цель своей деятельности.

Осознание тем или иным классом своих объективных интересов и выработка идеологии как теоретич. выражения этих интересов являются условием формирования класса (см. *Класс «в себе» и класс «для себя»*). Первоначально общеклассовые интересы осознают лишь отд. передовые представители классов, их идеологи, к-рые по своему социальному происхождению могут быть выходцами из др. классов. Даже в период

развитой классовой борьбы, в силу неоднородности различных групп внутри классов, общие интересы класса выражает не вся его масса, а лишь его передовые представители, объединившиеся в *партию политическую*. Напр., далеко не каждый пролетарий осознает интересы своего класса, под влиянием бурж. идеологии он может действовать даже вопреки действит. интересам своего класса. С утверждением капитализма пролетариат стал выразителем интересов дальнейшего прогрессивного развития общества, классом, в «...котором сосредоточиваются революционные интересы общества» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 16). Марксистско-ленинская партия рабочего класса становится выразителем коренных, общих интересов пролетариата.

Изменение экономич. основы и социальной структуры общества в результате победы социализма создает единство коренных интересов всех классов, социальных слоев и групп социалистич. общества. Общность экономич. интересов создает основу для общности интересов в социально-политич., нап. и духовной областях.

В условиях социализма формируется высший тип О. и., когда интересы обществ. прогресса выступают как общенар. интересы. На этой основе возникают объективные предпосылки для сочетания интересов социалистич. общества и личных интересов его граждан. Это не исключает возможности противоречий между личным и общественным, трений и даже конфликтов между отд. личностью и обществом, между личностью и коллективом. Политика коммунистич. партии и социалистич. гос-ва направлена на обеспечение систематич. согласования общих, групповых, индивидуальных интересов во всех сферах жизни социалистического общества.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 40, 89—90, 144—48; т. 3, с. 31—33, 47, 52, 61—63, 72—77, 183—84, 234—38; т. 4, с. 428—37; т. 6, с. 415—52; т. 7, с. 16, 17, 42—43, 88—89; т. 8, с. 145, 148, 151, 158, 206; т. 17, с. 345—46; т. 23 («Капитал»), Предисловие к первому изданию, гл. 4, 21, 23, 24; т. 25, ч. 2, гл. 48, 51, 52; т. 2, с. 535—38; т. 18, с. 271; т. 21, с. 290, 306—12; т. 22, с. 92—97; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 1, с. 308; т. 1, с. 335—43, 374, 387, 391, 483; т. 2, с. 461—62, 481; т. 4, с. 215—16; т. 5, с. 362; т. 6, с. 143—44; т. 13, с. 219—391; т. 18, с. 301—302; т. 23, с. 20, 24, 55—63; т. 27, с. 299—300; т. 28, с. 246; т. 33, с. 428; Плеханов Г. В., Предисловие к «Vademecum» для редакции «Рабочего дела», Соч., т. 12, М., 1924; Уорд Л., Психич. факторы цивилизации, пер. с англ., СПб., 1897; Каутский К., Классовые интересы, [X.], 1924; Оранский С. А., Осн. вопросы марксистской социологии, т. 1, Л., 1929, гл. 8; Кунов Г., Марксова теория историч. процесса, общества и государства, т. 2, М.—Л., 1930; Гак Г. М., Учение об обществе, сознании в свете теории познания, М., 1960, гл. 3; Беккер Г. и Босков А., Совр. социологич. теория, пер. с англ., М., 1961, гл. 1, 3, 4, 5, 19, 20; Общественное и личное. Сочетание общественных и личных интересов в условиях развернутого строительства коммунизма, Воронеж, 1961; Здравомыслов М. Г., Проблема интереса в социологич. теории, Л., 1964; Шняков О., Экономика. Интересы. Политика, пер. с чешск., вступ. статья Я. А. Кронрода, М., 1964; Ross E. A., Foundations of sociology, N. Y.—L., 1905; Small A. W., General sociology. An exposition of the main development in sociological theory from Spencer to Ratzel, Chicago, Ill.—[a. o.] 1905; Lunck G., Das Interesse, Bd 1—2, Lpz., 1926—27; Encyclopedia of social sciences, v. 8, L., 1932, p. 144—48; Mac Lver R. M., Page C. H., Society. An introductory analysis, N. Y., [1949]; Huber B., Der Begriff des Interesses in den Sozialwissenschaften, Winterthur, 1958.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — многообразные связи, складывающиеся между людьми в процессе их деятельности в различных сферах обществ. жизни и определяемые способом произ-ва их материальной жизни; возникают с появлением обществ. произ-ва. О. о.— это отношения между различными человек. коллективами, социальными группами, классами и внутри них.

Материальные и идеологические отношения. В домарксистской социологии исследовались политические, правовые, правящие,

экономич. О. о.; однако они рассматривались с идеалистич. позиций, а их диалектика не вскрывалась. Марксизм впервые в истории выработал диалектико-материалистич. метод анализа О. о., выделив из всех О. о. отношения материальные, от сознания и воли людей не зависящие и складывающиеся с объективной необходимостью как результат деятельности людей, направленной на произ-во материальных благ. Характер материальных О. о. определяется производит. силами общества. Идеологич. О. о. возникают на базе материальных О. о. как основных и определяющих и складываются, проходя предварительно через сознание людей. Поэтому общество представляет собой не механич. соединение различных О. о., а единую систему О. о. Из всех материальных отношений главными, ведущими, определяющими являются *производственные отношения*. В последовательном осуществлении этой идеи проявляется материалистич. мо-низм марксистско-ленинской теории общественного развития.

Идеологич. отношения, прежде всего политиче-ские, правовые и нравственные, являются надстройкой над материальными О. о. (см. *Идеология, Полити-ка, Право, Мораль, Религия*). Деление О. о. на материальные и идеологические позволяет не только различать в О. о. определяющие и производные, но и открывает путь для анализа совокупности О. о., в которых сочетаются и материальные, и идеологич. элементы (напр., отношения между классами, националь-ными, межгосударственные и международные отношения).

В связи с усложнением и дифференциацией обществ. жизни в обществе возникают многообразные О. о., связанные с различными видами деятельности людей — научной, художеств., технич., спортивной, просветительской и т. д.

О. о. существуют как между различными социаль-ными группами, общностями, орг-циями, коллекти-вами, так и внутри них. Отношения внутри различных социальных групп определяются, во-первых, их местом в исторически определенной системе производств. отношений и, во-вторых, характером конкретных взаимоотношений с др. социальными группами и прежде всего их отношением к осн. классам данного общества.

В классовом антагонистич. обществе различные социальные группы занимают разное место в конкрет-ной системе О. о. Так, рабовладелец и раб, капита-лист и рабочий находятся на разных полюсах О. о. своей эпохи. Одни и те же О. о. воспринимаются раз-личными классами с разных сторон и оцениваются по-разному со своих классовых позиций. Поэтому сознание человека классового общества является односторонним и классово ограниченным. Революц. борьба рабочего класса впервые открывает путь для преодоления этой односторонности.

О. о. данной эпохи выступают по отношению к той или иной социальной группе и тем более по отношению к отд. индивиду как объективная социальная среда, к-рая существует независимо от их сознания. Отсюда видно, что деление О. о. на материальные и идеологи-ческие, абсолютное в пределах осн. гносеологич. во-проса, за его пределами носит относит. характер.

О. о. находятся в диалектич. взаимодействии с лич-ными отношениями людей, т. е. с их отношениями как конкретных индивидов. В этом взаимодействии О. о. определяют существ. стороны личных отношений, даже таких, как любовь и дружба. Большое место личные отношения занимают в быту, но и здесь они также неразрывно связаны с О. о., т. к. быт разных эпох и классов различен. Личные отношения не могут изменять существа О. о. и тенденций их развития. Теоретически несостоятельно и практически вредно смешение личных и О. о. при анализе историч. про-

цесса, а также перенесение категорий, характеризую-щих личные взаимоотношения, на анализ О. о. Такое смешение является, в частности, гносеологич. основой бурж. теории «человеческих отношений». Энгельс, го-воря о взаимоотношении рабочих и капиталистов, ука-зывал, что «отношение фабриканта к рабочему — не человеческое, а чисто экономическое» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 497). Идеологи совр. капитализма пытаются затуманить существую-щие между рабочими и капиталистами «чисто экономи-ческие» отношения господства и подчинения, изобра-жая их как личные отношения конкретных индивидов.

Для каждой обществ.-экономич. формации О. о. исторически конкретны и специфичны. Среди О. о. каждой формации можно выделить устойчивые, срав-нительно длительно существующие отношения, выра-жающие коренные особенности данной формы собст-венности, и подвижные, динамич. отношения, чутко отражающие изменения, к-рые происходят в обществе, во взаимоотношении классов, в соотношении борю-щихся социальных сил и т. д. Пока развитие О. о. в пределах определ. обществ.-экономич. формации не затрагивает ее осн. — господствующей формы соб-ственности, оно носит лишь эволюционный характер. Изменение же осн., устойчивых О. о. связано с ломкой всего обществ. уклада, переходом от одной обществ.-экономич. формации к другой и носит революц. ха-рактер.

Рассматривая О. о., следует учитывать, являются ли они антагонистическими или неантагонистическими по своей природе, т. е. являются ли они отношениями враждебных социальных групп или отношениями дру-жеств. социальных групп, имеющих общие коренные цели и интересы. Антагонистич. характер О. о. носили в рабовладельч., феод. и капиталистич. обществ. формациях. В условиях антагонистич. общества мате-риальные О. о. складываются стихийно и господствуют над людьми как слепые силы природы. Люди не осознают подлинной сущности своих материальных О. о., осознание этих отношений носит у них иллю-зорный характер. Капитализм выступает как наиболее развитое общество частных собственников. Ре-альные отношения между людьми выступают здесь как отношения между вещами. Маркс разоблачил тайну капиталистич. произ-ва и за отношениями това-ров вскрыл О. о. людей. Антагонистич. характер материальных О. о. между классами рабовладельч., феод. и капиталистич. формаций определяет наличие антагонизмов в социально-политич. и идеологич. сфе-рах обществ. жизни и влияет на все многообразие О. о. В каждой обществ. формации имеются остатки прежнего и зародыши (более или менее развитые) бу-дущего. Поэтому нет «чистых» формаций и соответ-ственно «чистых» О. о., а отношения, типичные для данной формации, своеобразно переплетаются с от-ношениями, доставшимися в наследство от прежних формаций, или зарождающимися предпосылками от-ношений новой формации.

Антагонистич. О. о. ликвидируются в ходе соци-алистич. революции вместе с уничтожением частной и установлением обществ. собственности на средства произ-ва. Коммунистич. обществ. формация утверж-дает качественно новые, неантагонистич. О. о., раз-витие к-рых осуществляется через разрешение не-антагонистич. противоречий. Материальные О. о. коммунистич. формации развиваются планомерно, в соответствии с науч. пониманием сущности и законов изменения этих отношений, а все идеологич. отношения формируются на основе материальных и также в соот-ветствии с науч. теорией историч. процесса. Вместе с тем в О. о. социалистич. общества еще не преодолено окончательно наследие прежних формаций. В Про-грамме КПСС (1961) научно разработан вопрос о

путях формирования коммунистич. О. о. На основе создания материально-технич. базы коммунизма будет происходить постепенное преодоление существ. различий между городом и деревней, между умств. и физич. трудом, будут стираться грани между классами и социальными группами, формироваться коммунистич. отношения в труде, коммунистич. формы распределения, коммунистич. отношения во всех сферах обществ. жизни.

Лит. см. при ст. *Исторический материализм, Личность, Общество, Производственные отношения.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР — понятие бурж. социологич. учений 17—нач. 19 вв. о возникновении и сущности гос-ва, связанное с более общей доктриной *естественного права*. Согласно договорной теории, гос-во возникло в результате соглашения между людьми, находившимися до этого в естеств. состоянии. К необходимости подобного соглашения люди пришли из-за невозможности обеспечить свои природные права и безопасность вне гос-ва. Большинство сторонников теории О. д. не проводило различия между гос-вом и обществом, считая, что конституирование гос-ва означает одновременно переход из естеств. состояния в общественное.

Нек-рые идеи, позже вошедшие в состав теории О. д., возникли еще в древности. Так, в раннем *буддизме* содержались идеи о том, что на смену «золотому веку» пришли социальное неравенство, обман, воровство и т. п. Для искоренения этого люди установили выборным путем царскую власть, к-рая была призвана выступать в роли судьи и ликвидировать раздоры. В др.-кит. философии у *Мо-цзы* встречается представление о договорном происхождении гос-ва, возникшего по воле народа, к-рый избрал царя и советников с целью положить конец разногласиям и вражде. Еще более развитые предпосылки учения об О. д. мы находим у греч. *софистов* и особенно у *Эпикура* и его последователей. Эпикур учил, что люди, стремясь к общей пользе, вступают между собой в договорные отношения и устанавливают законы. «Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном — с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» («Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 217). Маркс отмечал, что «... у Эпикура впервые встречается представление о том, что государство покоится на взаимном договоре людей...» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 127). *Лукреций* рисовал переход от естеств. состояния непосредственно к обществу и гос-ву как результат договора между людьми об избрании властей и учреждении законов; причиной этого перехода он считал развитие производства (появление жилищ, огня), возникновение семьи и семейного хозяйства, частной собственности и неравенства. Появление этих идей в рабовладельч. обществе объясняется распадом общинно-родовых связей, развитием частной собственности, ростом товарного производства, что приводило также к представлению о людях, как об изолированных друг от друга индивидах, интересы к-рых сталкиваются между собой, об обществе и гос-ве как о внешних связях между отдельными людьми.

Идеи договорного происхождения власти встречаются у христианских богословов и философов в период феодализма (Грациан, *Фома Аквинский*, в 16 в. — *Суарес*, Беллармин и др.). Под договором понимался завет бога, данный им избранному народу, на основании к-рого сам бог, а затем его представители — первосвященники Израиля, а впоследствии в Рим. курии — папы, как наместники апостола Петра, являются владыками всех верующих. Подобные идеи использовались защитниками *католицизма* в целях доказательства верховенства папской власти над властью светских государей.

С др. стороны, в 16 в. представители протестантизма, т. н. «тираноборцы» (Франсуа Отман, Теодор Без, Боэций и др.) обосновывают право на сопротивление светским властям идеями договорного происхождения власти. Однако это право они предписывали не пар. массам, а должностным лицам, представителям сословий. У этих авторов учение об О. д. отражает ср.-век. представление о феод. договоре между сеньорами и вассалами.

В совств. смысле слова договорная теория происхождения гос-ва сформировалась в период разложения феодализма и борьбы буржуазии за власть. Согласно этой теории, гос-во и право созданы людьми, заключившими О. д. в соответствии с законами человека. разума, вследствие чего любая власть зависит от поручения, данного ей народом. О. д. — не есть библейский завет бога человеку; он представляет собой общепар. соглашение равных, свободных и независимых людей, устанавливающих правовые нормы, охраняющие их жизнь, свободу и частную собственность. В естеств. состоянии эти нормы оказывались негарантированными. В гос-ве же власть призвана следить за их осуществлением. При этом теория О. д. не обязательно требовала реального акта заключения соглашения всей нацией, его можно было трактовать и как некую общую регулятивную идею. С этой позиции открывалась возможность критики абсолютизма и конкретных политич. акций того или иного государя. Из теории О. д. черпались основания для различных притязаний к верховной власти, выдвигались требования отмены феод. политич. институтов и феод. права, привилегий и сословного неравенства. Целью гос-ва, основанного на О. д., должно быть высшее благо людей — свобода и равенство каждого.

Важной частью теории О. д. явилась идея нар. суверенитета, согласно к-рой источником и конечным обладателем всякой власти является народ. Под суверенитетом народа понималась совокупность всех прав, принадлежащих народу и дающих ему всю власть в обществе и гос-ве. Народ заключает договор по существу с самим собой, по этим самым он конституирует гос-во, переносит на него права и мощь каждого индивида, отказываясь от всех или части прав в пользу целого.

По мере углубления кризиса феод. строя и обострения классовых противоречий теория О. д. наполнялась более революц. содержанием, вплоть до провозглашения права народа на восстание и права каждого нового поколения людей пересматривать и заново заключать О. д. Теория О. д. послужила идейной основой для революционного низвержения абсолютистских монархий в Англии, Франции и в борьбе за независимость в Сев. Америке. Она получила широкое распространение и в др. странах (в Германии и России). У различных теоретиков 17—нач. 19 вв. идея О. д. получила конкретное выражение и степень радикальности в зависимости от условий той или иной страны.

Так, менее радикальные и более ранние представители теории О. д. (напр., *Гроций*) отрицали суверенитет народа. Другие считали, что вступившие в общество граждане передают гос-ву свои права полностью (категоричнее других эту идею обосновывал *Гоббс*). Однако уже *Спиноза* полагал, что и после заключения О. д. граждане сохраняют за собой ряд неотчуждаемых прав, к числу к-рых он относил прежде всего свободу мысли и совести. Эти же мысли о наличии неотчуждаемых прав развивал *Дидро*. Теория О. д. получила у нек-рых ее сторонников антиклерикальную направленность (*Гоббс*, *Пуффендорф*), у других, наоборот, приобретала религ. окраску (*Феофан Прокопович*, напр., полагал, что О. д. заключается в соответствии с божеств. принципами). По-разному

характеризовали различные представители теории О. д. дообществ. состояние людей — либо как состояние всеобщей войны (Гоббс), либо как состояние разобщенности, но не вражды (Руссо); Дидро же вообще придерживался взгляда, что О. д. лишь придает политич. форму жизни людей, к-рая с самого начала была общественной.

Наиболее радикальные представители теории О. д. особенно подчеркивали первенство народа по отношению к правителю, к-рый, по их мнению, является не более, чем слугой народа. Сторонники этой идеи были революц. мыслителями, требовали насильств. восстановления норм, обусловленных О. д., если они нарушаются правителями. Так, англичане Дж. Милтон, Олджернон Сидней (17 в.), опираясь на теорию О. д., обосновывали необходимость казни короля, Руссо — требование установления демократич. республики; революц. выводы с открытым призывом к восстанию делали из теории О. д. русские мыслители *Радищев, декабристы — Пестель, Н. Муравьев, Н. Крюков.*

К числу сторонников теории О. д. относились также *Локк, Джефферсон, Козельский, Десницкий, Куницын* и др.

В целом в теории О. д. отражены нужды утверждающегося бурж. общества и требование гос. правопорядка. Само понятие О. д. связано с индивидуалистич. представлением о человеке-атоме, «Робинзоне», освобожденном от тех «естественных» связей, к-рые в прежние историч. эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человек. конгломерата. Маркс указывал, что этот индивид (продукт, с одной стороны, разложения феод. обществ. форм, а с другой, — развивавшихся с 16 в. новых производит. сил) пророкам той эпохи представлялся не результатом истории, а ее исходным пунктом. Лица казались существующими одно для другого лишь как контрагенты договоров, как товаровладельцы, как стороны равноправного договора, что фактически прикрывало собой сущность бурж. эксплуатации. Теория О. д. выражала стремление буржуазии низвести власть гос-ва с неба на землю, превратить ее в средство защиты эгоистических интересов граждан, т. е. частных собственников. Поэтому, несмотря на высокую цель достижения всеобщего равенства и справедливости, к-рую ставили теоретики 17—нач. 19 вв., то гос-во, к-рое им рисовалось, на деле оказалось не органом, служащим интересам народа, а органом господства буржуазии. Как указывал Энгельс, «государство разума», основанное на общественном договоре Руссо, «... оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой» («Анти-Дюринг», 1966, с. 13). Поскольку истоки возникновения общества и гос-ва эта теория видела в разуме людей, постольку она игнорировала реальный историч. процесс возникновения классов и гос-ва и была связана с понятием вечной и неизменной внесоциальной «природы человека». Ленин считал идею О. д. наиболее полным выражением ошибочных представлений домарксовского социологов (включая и утопич. социалистов), к-рые «... брались прямо за исследование политико-юридических форм, натянулись на факт возникновения этих форм из тех или иных идей... — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно» (Соч., т. 1, с. 121). К идее происхождения власти гос-ва из соглашения между классами прибегают и нек-рые совр. бурж. социологи (напр., представители католицизма) в поисках аргументов против учения о клас. природе гос-ва.

Лит.: Маркс К., К критике политической экономии, М., 1953, с. 193—95; Блунчли И. К., История общего гос. права и политики от XVI в. по настоящее время, пер. с нем., СПб., 1874; Новгородцев П. И., Из лекций

по истории философии права. Учения нового времени. XVI—XVIII вв., М., 1904; е го же, Политич. идеалы древнего и нового мира, М., 1919; История политич. учений, под ред. К. А. Мокичева, М., 1965. См. также лит. при ст. *Естественное право.* Е. Вейцман. Москва.

ОБЩЕСТВО. В широком смысле термин «О.» используется в филос. и социологич. лит-ре для обозначения всей совокупности исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. О. выступает как особая, высшая ступень развития живых систем, к-рая проявляется в функционировании и развитии социальных орг-ций, институтов, групп, движениях классовых и др. социальных противоречий. В узком смысле под О. нередко понимается исторически конкретный тип социальной системы (капиталистич. О.), определ. социальный организм, принадлежащий к такому типу («япон. феодализм»), или определ. форма социальных отношений (напр., О., противопоставленное гос-ву у Гегеля, или общности у Ф. Тенниса). Объяснение природы обществ. связи (и, соответственно, обществ. природы человека) на протяжении истории социально-филос. мысли оставалось центр. проблемой всех теорий О.; то или иное ее решение определяет во многом и трактовку отд. типов обществ. деятельности, в т. ч. индивидуальных действий.

По Платону, О. (гос-во, полис) возникает благодаря тому, что для удовлетворения своих потребностей люди нуждаются друг в друге (см. Р. Р., 369 В — С). У Аристотеля обществ. связь объясняется действием врожденного людям «социального инстинкта» и поэтому гос-во (О. еще не различается от гос-ва) выступает как «творение природы». Одним из выражений «социальности» («политичности») человека является исходное неравенство способностей и отсюда — естеств. различие функций людей. Для рационализма нового времени (Гоббс, Руссо) характерно представление о том, что люди под давлением обстоятельств вынуждены передавать О. (гос-ву) контроль над своими действиями, отчуждая собств. свободу. Именно этот акт, согласно Руссо, «создает моральное и коллективное единство». С иной стороны подошел к проблеме А. Смит, видевший в разделении труда и обмене товарами специфич. черту и основу всего человек. общежития. Гегель отверг договорную концепцию (с позиции суверенитета гос-ва в отношении индивидов) и выделил «гражд. О.» — сферу экономич., имуществ., трудовых отношений, к-рая в то же время является сферой «...всестороннего переплетения зависимостей всех от всех...» (Соч., т. 7, М. — Л., 1934, с. 223). Конт критиковал договорную концепцию за наследование теологич. идеи грехопадения. О. и гос-во для него — продукт действия всеобщего закона, ведущего к формированию более сложных и гармоничных систем. При всей метафизичности своих посылок позитивистские идеи Конта дали определ. стимул для рассмотрения О. как сложного и организованного целого, элементами к-рого являются не отд. индивиды, а социальные образования (семья и др.). В то же время вопрос о природе обществ. связи не получил положит. решения и почва для противоборства социологич. «номинализма» и «реализма» в бурж. науке сохранилась и поныне. Для Бентама — О. «...есть фиктивное тело, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены» (Избр. соч., т. 1, СПб., 1867, с. 3). Зиммель повторял платоновскую идею, утверждая, что «обуждения» и интересы, к-рые переживает человек и к-рые толкают его к другим людям, вызывают к жизни те формы ассоциации, благодаря к-рым сумма отд. индивидов превращается в «О.» (см. в кн.: «Theories of society», v. 1, Glencoe, 1962, p. 157). М. Вебер, ограничивая социологич. угол зрения объяснением социальных действий, вводил в определение последних нек-рый «минимум взаимной ориентации действия каждого по отношению ко всем остальным»

(там же, р. 176). Дюркгейм, отстаивая «реальность» О., указывая на значение разделения труда в создании обществ. единства, видел в нем прежде всего «моральное целое», общность «коллективных представлений». Совр. функционализм (Парсонс) фиксирует прежде всего субъективную сторону организованности обществ. систем («коллективные цели»). В различных совр. бурж. социологич. школах принимаются во внимание отд. аспекты обществ. отношений (сознат. действия индивидов, взаимозависимость в рамках малых групп и т. д.), к-рые и выступают в качестве характеристик обществ. связей.

Характерной особенностью марксистского понимания обществ. деятельности является выделение во всем многообразии социальных связей материальных производственных отношений, к-рые складываются независимо от воли и сознания отд. индивидов, оказывают определяющее воздействие на идеологич. отношения и тем самым составляют объективную структуру обществ. организма. Классич. формулировка марксистского материалистич. объяснения О. дана Марксом в «К критике политич. экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 6—7). Эти установки служат методологич. основой марксистского анализа всей совокупности обществ. явлений как в их конкретной связи (в определ. социальных системах), так и в их историч. изменениях. Вульгаризаторству «экономич.» материализма марксизм противопоставил требование учета всей сложности взаимодействия материальных и идеологич., «естественных» и социальных отношений в рамках «социальных организмов», как целого. Условием рассмотрения этого целого явилось построение типологии осн. эпох социально-экономич. развития — общественно-экономич. формаций. В капиталистич. О. (всемирный характер бурж. отношений приводит к тому, что здесь все обществ. системы, относящиеся к капиталистич. типу, образуют единую сверхсистему, связанную мировой торговлей, междунар. разделением труда и т. д.) Маркс увидел существ. черты модели обществ. структуры. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического» (Ленин В. И., Соч., т. 1, с. 127—28). Анализ капиталистич. системы послужил ключом к пониманию менее развитых обществ. форм, а также общих закономерностей социальных процессов. Материалистич. концепция О. (*исторический материализм*) позволила рассматривать развитие обществ. формаций «как естественноразвитый процесс» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 10), выделить его движущие силы (в частности, место социальных антагонизмов, классовой и конкурентной борьбы). В известной мере влияние этой концепции испытали и нек-рые представители немарксистских течений в социологии и социальной антропологии (М. Вебер, Ф. Теннис, К. Леви-Строс и др.).

Организованность обществ. систем с т. зр. марксистской социологии объясняется самим характером

деятельности людей в процессе «...общественного производства своей жизни...» (см. К. Маркс, там же, т. 13, с. 6). Элементами этого процесса выступают произ-во материальных средств жизни, произ-во людей как обществ. индивидов и произ-во «самой формы общения», т. е. наличного типа отношений между людьми. От иных типов живых, открытых систем (биологич. организмов и сообществ) обществ. системы принципиально отличны уже по способу воспроиз-ва своей структуры. Если первые сохраняют свою структуру во времени при непрерывной смене «субстрата» (поколений) прежде всего благодаря передаче наследств. признаков и стандартных узлов жизнедеятельности (инстинктов) через генетич. аппарат отд. особей и в меньшей мере — через индивидуальное научение, в О. социально необходимая информация накапливается, хранится и передается благодаря деятельности особых социальных институтов, идеологич. и др. знаковых систем. В определ. смысле все средства передачи социальной информации могут быть охарактеризованы как языки, если отнести к ним не только универсальные, «лингвистические» знаковые системы, но и адаптирующиеся над ними «языки» культуры, фиксирующие соответствующую ступень развития знаний, умений, опыта, нормативных требований морали и права и т. д. Развитие этих средств составляет необходимый момент превращения инстинктивных и спорадич. форм труда в систему обществ. произ-ва и, соответственно, биологич. сообщества (стада, семьи) в человек.

Существ. сторону жизнедеятельности обществ. систем составляют процессы управления, обеспечивающие воспроиз-во и развитие определ. структуры обществ. отношений. Элементами этих процессов могут выступать как конкурентные механизмы типа рыночного спроса (Маркс показал, как уравнивание различных сфер произ-ва в бурж. О. достигается благодаря «...прихотливой игре случая и произвола...» — см. там же, т. 23, с. 368), так и деятельность особых социальных институтов и идеологич. систем (форм обществ. сознания), фиксирующих определенность будущих состояний обществ. системы (нормы, цели и т. д.). Для различных типов обществ. систем характерно преобладание определ. форм управления (механизм обычаев и традиций для докапиталистич. О.; конкурентные механизмы регуляции произ-ва, спроса, обществ. мнения и вкусов в бурж. О.; растущая роль сознат. планового воздействия на обществ. процессы в социалистич. условиях; соответственно меняется содержание и роль правовых, административных, идеологич. регуляторов). Действие конкурентных механизмов в различных сферах обществ. жизни обусловлено многообразием интересов отд. групп, институтов, социальных систем. Действительность регулятивных механизмов различных типов обеспечивает функционирование обществ. системы как целостного социального организма, отд. элементы к-рого прямо или косвенно подчинены потребностям целого, и поэтому могут описываться под углом зрения выполняемых ими обществ. функций. В то же время развитие и функционирование обществ. системы в целом можно рассматривать как реализацию определ. программы ее жизнедеятельности. Всякая социальная программа представляет собой план будущих состояний системы (подчинения средств цели, настоящего — будущему). Обществ. потребности задаются в процессе «воспроизводства обществ. жизни» либо как выраженная к.-л. особым образом цель деятельности, либо как система нормативных требований, в к-рых неявно содержится направленность движения системы. В обществ. сознании, в программах деятельности отд. обществ. классов, групп, институтов эта направленность частично выступает в

форме интересов, планов, идеалов, иллюзий и т. д., различными путями воздействующих на деятельность людей.

Сформировавшиеся в процессе обществ. развития типы идеол. систем (формы обществ. сознания) выступают, т. о., одним из моментов регуляции обществ. деятельности. Дифференциация отд. форм обществ. сознания в историч. процессе может рассматриваться как последоват. расчленение исходного регулятивного комплекса, связанное с расчленением самих *норм социальных*. Подход к явлениям обществ. сознания под углом зрения их социальных функций (сознание как «осознанное бытие»), рассмотрение даже наиболее удаленных от материального базиса, наиболее фантастич. по своей форме явлений обществ. сознания как «звена» действительного мира позволяет марксистской социологии преодолеть характерное для социальн.-филос. мысли прошлого противопоставление духовных и материальных факторов или сфер обществ. жизни. Не сознание как таковое, но сознательная, организованная деятельность людей и обществ. групп является элементом социального процесса и предметом социол. изучения.

Структура О.— это прежде всего структура самой обществ. деятельности, устойчивые, исторически воспроизводимые формы, «узлы» к-рой выступают в качестве социальных институтов (семья, гос-во, экономик) и т. д. и к-рая определяет взаимоотношения отд. индивидов, групп, сообществ. Характер и значение существующих в данной обществ. системе социальных групп (и отд. личностей) в конечном счете определяется характером самой деятельности системы, степенью ее расчлененности и т. д. Так, напр., примитивная неразвитость обществ. отношений родового строя обуславливает то положение, когда «люди... неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности» (Энгельс Ф., см. там же, т. 21, с. 99). Развитием территориальных, экономич. и культурных связей, гос. образований, мировых религий обусловлено формирование таких больших обществ. групп, как национальные. Разделение обществ. труда на определ. историч. ступени привело к выделению иерархии специализированных групп, отличающихся по своему положению в системе обществ. деятельности — сословий, каст, классов (последние выдвигаются на первый план по мере универсализации товарного х-ва и совр. форм культуры и коммуникации, преодолевающих традиционную замкнутость «закрытых», докапиталистич. обществ. систем). Различным этапам обществ. развития свойственны особые типы переплетения указанных форм социальной дифференциации. При этом необходимым восполнением безличной структуры больших обществ. групп и формальных (правовых, идеол.) объединений выступают малые группы, основанные на непосредств. личном контакте участников и в значит. мере опосредующие отношения индивида с обществ. системой (постольку такие группы выступают в качестве «первичных»). Для совр. обществ. развития при капитализме характерны, с одной стороны, растущая дифференциация социальных слоев и групп (связанных с разделением труда внутри классов или объединяющих представителей разных классов) на основе соответств. обособления отд. сфер произ-ва, управления, культуры, формирования стандартов быта и т. д., а с другой стороны, растущая роль организованных, связанных общностью идеол. и дисциплин («формальных») групп (политич. партий, профсоюзов и т. д.). Структура социалитич. О. определяется единством коренных интересов его классов, к-рое обеспечивается социалитич. системой хоз-ва, управления и идеол. отношений. Эквивалентный обмен деятельностью и прогрессирующее

оближение различных обществ. групп выступает здесь предпосылкой развития и специализации различных сфер общества (науки, культуры, управления и т. д.), совершенствования политич. и идеол. организации масс.

В историч. развитии О. сравнительно отчетливо выделяются: 1) этап преобладания институтов, предполагающих личные отношения и личную зависимость, традиц. каналы поддержания обществ. авторитета (обычай, нравы как универсальный регулятор чело-веч. отношений)— сюда относятся все докапиталистич. формации; 2) этап преобладания безличных (в частности, юридических) форм чело-веч. отношений; в последнем случае изменяют свою структуру и свое социальное значение и такие «традиционные» ипты, как мораль и религия. Так, для капитализма характерна возрастающая роль гос-ва, прямо или косвенно подчиняющего своему контролю все иные сферы обществ. деятельности; при этом, если для домонополистич. капитализма был специфичен прежде всего правовой контроль, то в гос.-монополистич. его формах развивается непосредств. вмешательство гос.-адм. аппарата (в частности, контроль над обществ. мнением, ведущий к переоценке всего классич. механизма демократии, парламентаризма и т. д.). «Массификация» обществ. жизни и бюрократизация аппарата управления здесь взаимно обуславливают друг друга. В совр. социалитич. обществе формирование стабильной системы правовых, моральных и идеол. отношений, обеспечивающих рост самостоятельности и ответственности масс, является необходимым условием обществ. прогресса.

При характеристике обществ. процессов существ. значение имеет выявление и разграничение процессов функционирования и развития обществ. систем (см. В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 148). Воспроиз-во структурных компонентов (людей, материальных средств, форм общения) свойственно любой социальной системе и составляет основу ее функционирования; помимо этого, особенность О. является способность, по крайней мере нек-рых из его историч. форм, к «расширенному воспроиз-ву» не только в смысле включения в свою сферу новых масс людей, природных ресурсов, территорий и пр. (экстенсивное развитие), но в смысле повышения уровня обществ. организованности. Последнее предполагает формирование новых обществ. потребностей и новых форм их удовлетворения. В конечном счете, именно реализация этой возможности (усложнение структуры, формирование новых типов потребностей, надстраивание над старыми регулятивными системами новых их уровней, возникновение новых критериев членения и оценки действительности в обществ. сознании и т. д.) означает переход от функционирования к развитию обществ. систем. Попытки рассматривать движение О. под углом зрения приспособления к меняющимся условиям, «уравновешивания» со средой, удовлетворения наперед заданных индивидуальных потребностей и т. п. (Бентам, Спенсер, совр. функционализм) неизбежно сводят поле зрения исследования к статичным моментам и формам этого процесса. Если определ. типы обществ. систем (наиболее характерные для первобытных уровней, ряда «азиатских» общинных образований и др.) с известным приближением могут рассматриваться как застойные, то социальная эволюция связана с возникновением и распространением прогрессивных, самоусложняющихся форм обществ. организмов. Историч. процесс, т. е. реальная история отд. О., гос-ва, тем более всемирная история, включает не только функционирование и развитие множества социальных организмов, но также и многообразные процессы взаимного влияния, столкновения, случайных изменений, к-рые не всегда могут рассматри-

ваться в рамках жизнедеятельности к.-л. целостной системы высшего порядка.

Существ. моментом истории О. является разрыв непрерывности в развитии обществ. систем, разрушение и реконструкция предел. сфер обществ. деятельности, что приводит при благоприятных условиях к б. или м. глубокой революц. перестройке всей его структуры (социальные, политич., пром., научно-технич. революции различных типов). Поскольку развитие новой обществ. структуры обусловлено характером сформировавшихся ранее обществ. противоречий, а также материальных и культурных предпосылок их решения, это развитие может рассматриваться как этап более общего процесса. При этом на качественно различных ступенях обществ. развития может происходить периодич. воспроизведение нек-рых типов обществ. структур (форм управления, собственности, культуры и т. д.). Многообразие историч. сложившихся обществ. форм представляет собой не простую последовательность, но многоуровневую периодич. структуру. Марксистская теория раскрывает главные движущие силы обществ. развития в диалектике взаимодействия производит. сил и производств. отношений, борьбе классов. В отд. обществ. системах действуют свои закономерности, обеспечивающие сохранение и развитие наиболее прогрессивных форм произ-ва, культуры, обществ.-политич. жизни. Так, в период феод. раздробленности мерилом жизнеспособности отд. социальных организмов нередко оказывалась их способность противостоять враждебному окружению; капитализм довел до высокого совершенства механизм экономич. конкуренции как двигатель произ-ва и спроса. Для социализма характерно развитие плановых, сознат. форм стимулирования прогрессивных изменений (при широком использовании товарно-денежных рыночных механизмов). Рост производительности обществ. труда и повышение организованности обществ. организмов определяют ряд обществ. форм как ступеней историч. прогресса. В рамках отд. общественно-экономич. формаций возможен ряд типов обществ. систем, отличающихся по способу своей организованности, средствам управления деятельностью масс, способности к саморазвитию и т. д. Для ряда прошлых эпох характерны наличие обособленных, «тушковых» линий обществ. развития, приводящих к деградации и стагнации структуры О. (совр. примером может служить фашизм). Показателем прогрессивного развития О. является дифференциация обществ. систем, находящая свое выражение: а) в развитии обществ. разделения труда и обмена деятельностью между различными классами и группами, б) в обособлении различных сфер обществ. деятельности (город и деревня в прошлом, произ-во и обмен, обслуживание, управление в совр. условиях, наука и т. д.), в) в дифференциации социальных институтов и развитии систем социального контроля, подчиняющих действия отд. элементов обществ. организма (индивидов, группы) целостной структуре, г) в формировании человек. личности как активной и сознат. силы обществ. развития.

Отражение этих изменений в обществ. сознании противоречиво; дифференциация О. предстает перед людьми прежде всего как развитие внешней по отношению к ним, «копредметной» (нередко и сакрализованной в религ. фантазии) социальной силы. «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникшая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов ... представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 33). Реальный про-

цесс состоит не в отделении «совместной деятельности» от индивидов, но в прогрессирующем выделении человека как самостоят. деятеля из первоначально нерасчлененного обществ. целого. Богатство и сложность социального содержания личности определяется тем, что последняя аккумулирует и преломляет в своей деятельности характеристики различных сфер жизнедеятельности О., целого ряда обществ. форм. Поэтому степень и характер развития человек. личности как обществ. фактора может рассматриваться в качестве показателя уровня обществ. развития в целом. Лишь высокоорганизованное, свободное от эксплуатации О. делает нормой активную и многостороннюю личность человека и нуждается в ней.

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права. Введение, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1; е го же, Насмный труд и капитал, там же, т. 6; е го же, К критике политической экономии, там же, т. 13; е го же, Капитал, т. 1, там же, т. 23; Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, там же, т. 3; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20; е го же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; е го же, Что делать?, там же, т. 5; е го же, Государство и революция, там же, т. 25; е го же, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30; е го же, О нашей революции, там же, т. 33; Дюркгейм Э., Метод социологии, пер. с франц., К.—Х., [1899]; Гегель Г., Философия истории, Соч., т. 8, М.—Л., 1935; Беккер Г., Босков А., Совр. социологич. теория в ее преемственности и изменении, пер. с англ., М., 1961; Социология сегодня, пер. с англ., М., 1965; Семенов Ю. Н., Обществ. прогресс и социальная филос. совр. буржуазии, М., 1965; Chino Y. E., Society, N. Y., [1961]; Mills C. W., The sociological imagination, N. Y., [1961]; Vauman Z., Zarzys socjologii, 2 wyd., Warsz., 1963; Theories of society, N. Y., 1965. Ю. Левада. Москва.

ОБЩЕСТВЕРДИТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ — см.

Силлогистика, Суждение.

ОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА — кризисное состояние мировой капиталистич. системы в целом, охватывающее ее экономику, политику, идеологию. См. Капитализм.

ОБЪЕКТ (позднелат. *objectum* — предмет, от лат. *objicere* — бросаю вперед, противопоставляю) — то, что противопоставлено субъекту, на что направлена его предметно-практич. и познават. деятельность.

Большинство филос. школ и направлений рассматривает О. лишь с т. зр. теории познания. При этом в понимании способов воспроизведения О. в знании основными являются два типа филос. концепций: 1) теории, утверждающие, что познаваемый О. непосредственно дан субъекту и что деятельность субъекта с «непосредств. данностью» всегда есть «отход» от О. и во всяком случае не определяется природой самого О. (созерпат. т. зр. в теории познания, характерная в целом для антич. философии, для философии 17—18 вв., для совр. реализма, позитивизма и феноменологии); 2) теории, исходящие из положения о том, что О. есть конструкция субъекта, «объективация» внутр. содержания субъекта (кантианство и неокантианство, прагматизм). Диалектич. материализм исходит из того, что познават. отношение субъекта к О. возникает как производное от предметно-практич. отношения (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1). В непосредственно «данном» субъекту ощущении лишь в скрытом, непроанализированном виде содержится знание об О. Это знание актуализируется только в деятельности, через нее. Поэтому проблема познания не может быть верно понята вне анализа различных форм деятельности субъекта с О. Объект не тождествен объективной реальности, матери: лишь те существующие независимо от человека вещи становятся О., к-рые включаются в человек. деятельность, начинают осваиваться субъектом предметно-практически и познават. При этом объективная реальность выступает как О. для каждого познающего индивида не в «чистом виде», а в формах

деятельности, языка и знаний (в частности, логич. категорий), выработанных историч. развитием общества и отражающих реальность.

Движение познания от эмпирич. уровня к теоретическому сопровождается, как правило, изменением гносеологич. статуса *O.*, появлением т. н. теоретич. *O.* (идеальный газ, идеально твердое тело, матем. маятник и т. п.), существенно отличных от эмпирич. *O.* Но эмпирич. и теоретич. *O.* не представляют собой две разные сферы действительности: такие предметы теоретич. познания, как идеальные газы, идеально твердые тела и др. *идеализации*, реально не существуют в качестве *O.*, а представляют лишь необходимый для построения теоретич. языка способ выделения и фиксации тех сторон *O.*, с к-рыми познание имеет дело на эмпирич. уровне, но к-рые не схватываются во всей полноте своих св-в и отношений в эмпирич. знании. Гносеологич. статус таких *O.* раскрывается в категории *предмета*. Для совр. науч. познания характерна тенденция к широкому «производству» разного рода теоретич. *O.* К их числу относятся такие *O.*, как *система, структура*, управление и др. Классы таких *O.* образуются весьма различными по своему реальному субстрату вещами, явлениями действительности. Поэтому одна из наиболее значит. трудностей в исследовании их состоит в достаточно четком очерчивании границ соответствующего класса *O.*, т. е. в выделении тех реальных *O.*, к-рые обоснованно могут быть включены в данный класс.

Что же касается онтологич. статуса таких теоретич. *O.*, как, напр., атомы, элементарные частицы, то он в принципе не отличается от статуса макротел, с к-рыми имеет дело эмпирич. познание: в том и др. случае знание о теоретич. *O.*, не сводимое по содержанию к эмпирич. знанию, используется для объяснения поведения эмпирич. *O.* (напр., объяснение нек-рых особенностей поведения макротел с помощью молекулярно-кинетич. теории).

Особое положение занимают т. п. абстрактные *O.*, рассматриваемые в совр. формальной логике, в частности в теории типов (см. *Типов теория*). Согласно этой теории, конкретные *O.* представляют собой индивиды и как таковые принадлежат к нулевому типу; тип же абстрактных *O.* — выше нулевого (первый, второй и т. д.). В соответствии с этим абстрактные *O.* могут выступать как классы индивидов, классы классов индивидов и т. д. или как св-ва индивидов, св-ва св-в и т. д., как отношения индивидов, отношения отношений и т. д. Одним из видов абстрактных *O.* являются, в частности, числа. Абстрактные *O.* не тождественны теоретическим, т. к. теоретич. *O.* содержатательно-фактуального знания, как правило, принадлежат к нулевому уровню, т. е. конкретны (с т. зр. логич. семантики конкретными *O.* являются, напр., атомы и электроны, но вместе с тем и идеально твердые тела). Эта логич. специфика абстрактных *O.* не отражается на их гносеологич. природе: анализ показывает, что эти *O.* формируются как специфич. средства, в к-рых и при помощи к-рых фиксируются те или иные способы предметно-практич. деятельности.

Т. о., во всех случаях движение познания от эмпирич. к теории есть не отход от «данных» *O.* к их замещению нек-рым содержанием, конструируемым субъектом, а способ реконструирования подлинного содержания, к-рое не может быть адекватно выявлено на эмпирич. уровне.

O. знания как таковой не может менять свои характеристики в зависимости от т. зр. субъекта. В познават. практике это учитывается в форме вычленения в *O.* нек-рых инвариантов, т. е. не зависящих от изменения позиции субъекта связей и отношений, к-рые позволяют связать в единую объективно обусловленную систему знания различные аспекты *O.*, дающие

основания различным точкам зрения. Но построение таких инвариантов, синтезирующих те или иные частные подходы к *O.*, обычно представляет сложнейшую проблему, т. к. каждое из частных знаний об *O.* вырабатывается в связи с определ. задачей и поэтому механич. увязка таких знаний обычно приводит к противоречиям в теории. Для осуществления такого синтеза необходимы спец. логич. и методологич. средства, при этом очень важным оказывается различение *O.* и *предмета* знания.

Лит.: Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*, Соч., 4 изд., т. 14, с. 116—17; его же, *Философские тетради*, там же, т. 38, с. 86—87, 160, 213; Б а к р а д з е К. С., *Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии*, Тб., 1960; С м и р н о в В. А., *О достоинствах и ошибках одной логико-филос. концепции*, в сб.: *Философия марксизма и неопозитивизм*, М., 1963; его же, *Уровни знания и этапы процесса познания*, в кн.: *Проблемы логики науч. познания*, М., 1964; Щ е д р о в и ц к и й Г. П., *Проблемы методологии системного исследования*, М., 1964; Л е к т о р с к и й В. А., *Проблема субъекта и O.* в классич. и совр. бурж. философии, М., 1965. В. Лекторский, Москва.

ОБЪЕКТИВИЗМ — мировоззренческая позиция, в основе к-рой лежит тезис о воздержании науки от критич. оценок, суждений о целях и партийных выводов (см. *Партийность в философии*). Претендуя на обеспечение чистой объективности исследования, *O.* рекомендует науке занять пассивную позицию невмешательства в решение «субъективных» и «иррациональных» вопросов и поделить с ненауч. идеологией «сферы влияния». Тем самым *O.* обрекает науку на роль послушного технич. средства, используемого чуждыми ей силами, т. к. лишает познающее мышление его суверенности. Социальный пидифференцизм *O.* на деле означает предоставление себя в распоряжение господствующей обществ. силы, партии существующего «порядка вещей». В своей стихийной форме *O.* может быть просто попыткой бурж. ученого избавиться от явной и активной поддержки антинауч. идеологии и замкнуться в рамках узкой специальности; правда, уже здесь налично непонимание «объективистом» всей иллюзорности и унижительность такого рода «свободы», бегство от проблемы ответственности. В сознат. же форме *O.* есть стремление отнять у науч. познания универс. право что бы то ни было делать предметом исследования, право на целостное теоретич. освоение мира. Претендуя на беспредпосылочность, *O.* означает примирение с искомыми из компетенции науки наличными предпосылками. На деле он означает недостаточность, «узость» объективности. Гносеологически *O.* связан с дуалистич. разделением и противопоставлением друг другу познават. и оценивающей способностей (см. *Критика в научном познании*), с разрывом субъекта и объекта. Используя реальные познате. трудности, *O.* пытается узаконить существование якобы принципиально «недоступных» для науки «сфер». Часто *O.* смыкается с *эмпиризмом*.

Для *O.* характерен отказ от теоретич. классового анализа и изображения классовых практич. сил и идеологий как «надклассовых», «всенародных», «беспартийных». Социальную действительность *O.* толкует не как всецело создаваемую человек. деятельностью, а как фатальный «порядок вещей», с к-рым следует лишь соотноситься. «Так называемая объективизация историкография заключается именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 39, прим.: ср. т. 16, с. 375). Отчужденный, «внечеловеческий» облик обществ. закономерностей, т. е. их превращенные формы проявления, *O.* выдает за сущностные отношения, и поэтому всякое объяснение превращает в оправдание, в «некритический позитивизм» по отношению к наличному бытию. Марксизм преодолевает *O.* не путем дополнения его *субъекти-*

визмом, не апеллирующей к «должному» в противоположность существу, к «идеалу» в противоположность трезвому исследованию (такая апелляция ведет к утолизму и волюнтаризму). Напротив, марксизм доводит само объективное исследование до субъективных выводов. Марксист «...последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм» (Ленин В. И., Соч., т. 1, с. 380), вскрывая противоречивость обществ. бытия и восходя до понимания законов истории как законов предметной деятельности самих людей, групп, классов, всецело ответственных за «ход истории». Тем самым марксист определяет свою т. зр. (см. там же) и обеспечивает реальную свободу исследования от всякого субъективистского привнесения. Он доводит объяснение мира до выводов о передаче мира. «Становись на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я несколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в самой этой действительности самые глубокие... источники и силы ее преобразования» (там же, т. 18, с. 302). Всякому практич. и идеологич. конформизму и оппортунизму подлинный марксизм противопоставляет теорию, к-рая «...ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 22) и к-рая соответствует столь же критич. практике. Понятие О. было разработано Лениным в борьбе против взглядов И. Струве, Туган-Барановского и др. В «Философских тетрадях» Ленин употребляет термин «О.» в положит. смысле, подчеркивая противоположность диалектич. материализма субъективизму (см. Соч., т. 38, с. 79, 166, 266, 276).

Лит. см. при ст. *Партийность* в философии.

Г. Батищев, Москва.

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА — выражение объективности содержания истинных знаний. См. *Истина*.

ОБЪЕКТИВНОЕ — то, что принадлежит самому объекту, не зависит от субъекта. В употреблении термина «О.» в филос. лит-ре можно выделить след. аспекты: онтологич. аспект, в к-ром О. является то, что существует вне и независимо от человека и человечества (напр., величина вещи как ее О. св-во); здесь О. равно материальному (см. *Материя*); гносеологич. аспект, в к-ром О. является характеристикой знания, независимости его содержания от человека и человечества. В обществ. жизни под О. понимают процессы и факторы, к-рые не зависят от воли и желания людей (О. факторы и условия в отличие от субъективных). О. противопоставляется субъективно-личностному, предвзятости (О. оценка, О. суждение и т. п.).

В. Костеловский, Москва.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ — см. *Идеализм*.

ОБЪЕМНОСТИ ПРИНЦИП, или принцип экстенсивности (от лат. *extensio* -- протяжение) — один из главных принципов, лежащих в основе теории множеств: два множества (или класса), состоящие из одних и тех же элементов (т. е. имеющие один и тот же объем), равны (совпадают). При аксиоматич. построении теории множеств О. п. формулируется в виде т. н. аксиомы объемности (или экстенсивности, или определений), имеющей, напр., вид: $\forall x \forall y (\forall z (z \in x \sim z \in y) \supset x = y)$, где x, y, z — переменные для множеств. \in — символ отношения принадлежности, \forall — квантор общности, а \sim есть символ эквивалентности. [Здесь предполагается, что равенство множеств было определено до и независимо от О. п. Но иногда О. п. кладут в основу определения равенства, напр., $x = y \equiv \text{df} \forall z (z \in x \sim z \in y)$; в таких случаях обычное определение равенства принимается за аксиому вида: $\forall x \forall y (x = y \supset \forall z (z \in x \supset z \in y))$, что приводит к системе эквивалентной по силе системе с постулированным О. п.] В тер-

минах *предикатов исчисления* О. п. означает совпадение равнообъемных (имеющих одно и то же множество истинности) предикатов и, т. о., в известном смысле, провозглашает «тождество» между объектом и содержанием понятий, не всегда оправдываемое при анализе логических и особенно семантич. проблем. Это побудило, в частности, нек-рых логиков ввести в рассмотрение логич. системы, в к-рых О. п. не постулируется. Впрочем, при обосновании теории множеств как таковой О. п. не приводит ни к каким затруднениям, т. к. аксиома объемности совместима (см. *Совместимость*, *Непротиворечивость*) с др. аксиомами наиболее распространенных аксиоматич. систем теории множеств.

Ю. Гаснев, Москва.

ОБЪЯСНЕНИЕ, научное объяснение (в логике научного исследования), — раскрытие связи между к.-л. фактами, явлениями, событиями, процессами, закономерностями действительности — объектами научного О. — и другими (уже известными и объясненными; или же более общими и фундаментальными, чем объясняемые; или же их причинно обуславливающими и т. п.) явлениями (процессами, закономерностями), позволяющее осознать место объектов О. в нек-рой системе природных или обществ. взаимосвязей и законов и в силу этого эффективно действовать в познавательной и (или) практич. сфере.

В логике под О. имеют в виду прежде всего логич. выведение (*дедукцию*) предложения (предложений), описывающего объясняемое явление, из к.-л. др. установленных (доказанных) предложений. Такая дедукция с содержательной т. зр. весьма часто основана на установлении причин, вызвавших объясняемые явления (*причинное О.*). Различают О. единичных фактов (событий и классов событий) и О. законов. О. единичных фактов (классов фактов) — это установление тех законов (закона), к-рые определяют существенные черты данного события (событий), показывают данный факт (факты) как частный случай к.-л. общей закономерности. Явление считается объясненным, если удастся установить — опытно-экспериментальным или теоретич. путем — тот закон (законы), к-рому оно подчиняется, выяснить те причинные зависимости, к-рые определяют возникновение данного явления. Поэтому известные в науке методы установления причинных связей явлений служат также и методами их О. С логич. т. зр. О. единичных событий (и классов таких событий) представляет собой выведение заключения об этих событиях из таких посылок, к-рые включают в себя как утверждения о законах и причинных отношениях, так и предложения, содержащие конкретные характеристики рассматриваемого явления, извлеченные из его описания. О. закона состоит в подведении этого закона под более общий закон или группу законов, под принятый в данной области знания постулат, т. е. в показе того, что объект О. является частным случаем более общих законов и принципов, что утверждение об объясняемом законе логически выводимо из последних. Такое О. — его называют *дедуктивным* О. закона — раскрывает отношение данного закона к др. законам, показывает место утверждений о законе в системе утверждений соответствующей науки. В частности, в совр. науке важную роль играет О. закона посредством установления того, что данный закон является предельным случаем нек-рого другого более общего закона. В опытных науках существенную роль играет дедуктивное О. т. н. эмпирических законов, т. е. законов, открытых путем наблюдений и экспериментов: такое О. происходит путем установления того, что эмпирич. закон (дедуктивно) следует из нек-рого теоретич. закона (законов), т. е. закона, входящего в систему логически связанных утверждений нек-рой (обычно математически

обработанной) теории. Дедуктивное О. эмпирич. законов имеет, в частности, то значение, что позволяет точно определить сферу их применимости (к-рая, пока данный закон остается на эмпирич. уровне, всегда не полностью определена).

Характеристика науч. О. как дедуктивного О. законов и фактов не исчерпывает всех процессов, к-рые естественно включаются в понятие О. в науке. К числу процессов последнего рода можно отнести: рассмотрение объясняемого явления в контексте окружающих его (в пространстве и времени) и связанных с ним фактов; прослеживание генезиса и эволюции объекта О.; рассмотрение строения объекта с последующим раскрытием места элементов этого строения в объекте как целом; выявление места объясняемого явления как части в нек-ром др. явлении; построение различных — теоретич. или чувственно-наглядных — моделей изучаемого объекта; установление принадлежности объекта О. к определ. классу; установление того, что объект О. является членом нек-рой статистич. совокупности, что он порождается стохастич. процессом определенного рода и др. (см. *Анализ, Синтез, Моделирование, Классификация*). Если объясняемый объект принадлежит к сфере абстрактных предметов, изучаемых в дедуктивно-математич. теориях, в его О. может играть важную роль *интерпретация* объекта в терминах предметов меньшей ступени абстракции вплоть до чувственно-воспринимаемых вещей. При О. законов, наряду с приемами О., отмеченными выше, немаловажную роль играет рассмотрение *примеров*. Следует иметь в виду, что фактич. процессы О. в науке носят обычно сложный характер и включают в себя совместное использование ряда вышеуказанных (и других) приемов. Во всех них, в той или иной форме, участвуют процессы логич. дедукции, описываемые в (формальной) логике, однако О. не сводится лишь к этим процессам.

Для науч. О. важную — и все возрастающую — роль играет введение количеств. характеристик объясняемого процесса (явления, закономерности), использовании математически определяемых параметров, связывающих объясняемое явление с др. процессами, явлениями, законами. Математич. характеристики необходимы не только при О., к-рые основаны на обращении к динамич. закономерностям, но и на учете законов статистич. характера. Вероятностно-статистич. подход при О. явлений существенно дополняет детерминистский подход, т. к. к раскрытию причинных связей и установлению отношений функциональной зависимости он присоединяет методы корреляции, т. е. методы определения взаимозависимости порождаемых нек-рым случайным процессом значений параметров объекта О. (и связанных с ним явлений).

Понятие научного О. взаимосвязано с понятиями науч. описания, открытия и предвидения. Аспект науч. познания, выражаемый в понятии О., опирается — коль скоро речь идет об О. объектов опытно-экспериментальных наук — на описании явлений действительности и представляет собой его естественное продолжение. Открытие нового в науке неотделимо от науч. О. *Гипотезы*, играющие столь важную роль в процессе научных открытий, представляют собой обычно предположительные О. явлений. Науч. открытия являются важнейшим источником объясняющих утверждений науки. Самы научные О. — это фактически также и открытия нового.

Всякое О. в науке неразрывно связано с уточнением смысла (содержания) понятий (терминов, выражений) и высказываний, относящихся к объектам О., а также с *доказательством* утверждений (предложений, суждений) о них. При О. всегда имеет место включение понятий и утверждений об объектах О. в рамки нек-рого

контекста понятий и утверждений соответствующей области знания. Во мн. случаях это бывает связано со спец. разработкой новых понятий и систем понятий, с созданием новых науч. теорий. Чем многообразнее связи понятий и суждений, относящихся к объекту О., с понятиями и суждениями соответств. теории, тем обычно больше следствий, говорящих о данном фрагменте действительности, можно извлечь из О., тем выше его эффективность. Правильные и глубокие науч. О. открывают возможность не только выведения из них новых знаний и осуществления науч. предвидений, но и искусств. воспроизведения объясненных явлений, создания аппаратов и машин, служащих человеку в его практич. и познават. деятельности.

Лит.: Никитин Е. П., Структура научного объяснения, в сб.: *Методол. проблемы совр. науки*, М., 1964; Boswell F. P., Explanation, science and forms, «The Monist», 1932, v. 42, № 2; Hempel C. and Oppenheim P., The logic of explanation, в кн.: Feigl H. and Scriven M., Readings in the philosophy of science, N. Y., 1953; Braithwaite R. B., Scientific explanation, Camb., 1953; Nagel E., The structure of science, Problems in the logic of scientific explanation, N. Y.—[a. o.], 1961.

В. Бурлюков. Москва.

ОБЫЧАЙ — древнейшая форма хранения и передачи социального опыта (культуры) от поколения к поколению и от общества к индивиду. В социологии, этнографии и истории культуры под О. понимаются исторически сложившиеся стереотипные способы поведения, к-рые представляют собой стандартизированные действия, совершаемые множеством людей и воспроизводимые в неизменном виде в течение длит. историч. периода (этим О. отличается от моды — кратковременной формы массового поведения).

В самом широком смысле О. представляет собой элемент деят. стороны социальной культуры (в отличие от ее предметной стороны — орудий труда, предметов потребления, продуктов духовного произ-ва). Сюда входят способы и приемы труда, общепринятые формы общественно-политич. жизни, взаимоотношений людей и т. п. В собств. смысле О. отличают от тех более сложных форм массовой деятельности, к-рые регулируются посредством особых социальных институтов и знаковых систем (приемы и методы труда, поскольку они вырабатываются с помощью науки и усваиваются в процессе спец. обучения, способы произ-ва и распределения, правовые нормы, распорядки различных организаций и т. д.). О. — это простейшая форма социального контроля (дисциплины), здесь еще не вычленились отдельно субъект, объект и процесс деятельности, а способ (норма) поведения не фиксируется отдельно от самой деятельности в виде знаковой модели. По механизму своего воспроиз-ва О. — это общепризнанная норма поведения, неофициально «узаконенная» властью массовой привычки, традиции и обществ. мнения (хотя сам факт обязательности данного О. может и не осознаваться людьми) и стихийно воспроизводимая действиями множества людей. Поддержание О. и приобщение к нему индивидов может осуществляться без особой целенаправленной деятельности со стороны кого-либо. В этом отношении О. отличается от моральной нормы поведения (см. *Нормы социальные*).

На ранних ступенях развития цивилизации О. служит основной, если не единств. формой трансляции культуры и обществ. контроля. Появление формальных норм в вост., антич. и феод. обществах не подрывает еще господствующей роли О. в повседневной-практич. отношениях людей. Разложение «традиц.» типов культуры происходит с развитием безличных форм социальной зависимости, формально-институциональных норм и совр. науч. мышления. В результате О. все более вытесняется в неофиц. сферы человек. отношений (быт, семья). Причем в этой сфере О. часто смешивают

с ритуалом. В действительности же значение О. не ограничивается этими обрядами и даже сферой быта вообще, они сохраняются как момент почти всяких узаконяемых в обществе способов действия — в виде привычек, навыков, стереотипов обыденного мышления и т. п. В процессе «интернализации» социальных норм они превращаются из внешне заданных требований во «внутреннюю» склонность, «жизненную потребность» индивидов, в результате чего рационально обоснованные правила воспринимаются агентом деятельности как не разложимые на составные части стереотипы действия и осуществляются подсознательно, «автоматически» (подобно трудовым навыкам). С этим процессом в марксистской теории связывается становление коммунистич. обществ. отношений, к-рое предполагает замену правовых и др. гос. регуляторов нравств. обычаями, формирующимися в ходе развития социальной активности нар. масс.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, с. 308—87; Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, там же, т. 21; Тард Ж., *Законы подражания*, пер. с франц., СПб, 1892; Ross E. A., *Social control*, N. Y., 1901; Sumner W. G., *Folkways*, Boston, 1907; McDougall W., *The group mind*, Camb., 1921; Bogardus E., *Fundamentals of social psychology*, N. Y., 1924; Ginsberg T., *The psychology of society*, 3 ed., L., [1928]; Coyle G., *Studies in group behavior*, N. Y., 1937; Parsons T., *The structure of social action*, Glencoe (Ill.), 1949; Zipf G., *Human behavior and the principle of least effort*, Camb. (Mass.), 1949; Mac Iver R. M. and Page C. H., *Society. An introductory analysis*, L., 1952; La Pierre R. T., *Theory of social control*, N. Y., 1954; Bernard J. S., *American community behavior*, N. Y., [1962].

О. Дробницкий, Ю. Левада. Москва.

ОВЕРТОН (Overton), Ричард (ум. ок. 1663) — англ. философ и политич. деятель, один из руководителей левеллеров, левого крыла англ. бурж. революции 17 в. Вместе с Дж. Лилберном издавал памфлеты против королевской власти и палаты лордов, в к-рых отстаивал всеобщее равенство, идею нар. суверенитета и прирожденности прав человека, к к-рым относил и право собственности. Хотя О. был религ. сектантом и его воззрения приняли религ. форму, они содержали рационалистич. и близкие материализму идеи. После него осталось два издания или две переработки небольшого соч. о смертности человека. В одном из манифестов того времени против неверия и заблуждений О. характеризуется как «главный представитель страшного учения материализма или отрицания бессмертия души» (цит. по кн.: Бернштейн Э., *Обществ. движение в Англии в XVII в.*, СПб, 1899, с. 139). Полное название второго, переработанного издания дает характеристику взглядов О.: «О смертности человека, или Трактат, в котором с помощью как теологических, так и философских доводов доказывалось, что человек (как разумное создание) является целиком смертным, в противовес обычному разграничению души и тела; и что отравление души в рай или ад теперь есть не более, чем фикция, и что лишь в воскресении заключается начало нашего бессмертия, когда совершается действительное осуждение и спасение, но не ранее того» (Man's mortality..., L., 1655). Бессмертие души О. считал возможным лишь как восхождение в день страшного суда, а до этого человек после смерти — мертв и телом и душой [аналогичные идеи еще в 1568 высказывал арианин (см. *Арианство*) Жерош Павел]. Невозможность отделения души от тела О. доказывал сравнением психич. деятельности человека с его физиологич. развитием от младенчества до старости. Он сравнивал также человека с животным и доказывал, что почти все психич. способности человека существуют также и у животных, различаясь только степенью и полнотой; следовательно, если бессмертна душа человека, то надо признать и бессмертную душу у животного. Утверждение бессмертия души О. считал антиобщественным, ибо оно уводит

человека от забот об улучшении земной жизни в миф фантазий о посмертном существовании. В космологич. взглядах О. также придерживался материализма: все в мире создается из природных стихий; все, что создано, — вещественно, ибо что невещественно, то — ничто; всякая форма есть форма вещества, а вещество есть вещество формы; одно не существует без другого и вместе они составляют вещь.

Лит.: Бернштейн Э., *Социализм и демократия в великой английской революции*, пер. с нем., М.—П., 1924, с. 138—43; Левин Г. Р., *Памфлеты Лилберна, О. и Уольвина (1645—1647)*, «Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та», 1942, вып. 3; Холореншоу Г., *Левеллеры и англ. революция*, пер. с англ., М., 1947; *Англ. бурж. революция XVII в.*, под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левинского, т. 1—2], М., 1954 (т. 1, гл. 7, 10, 11; т. 2, гл. 24); Saundra D., *Milton. Man and thinker*, L., [1944]; Masson D., *The life of J. Milton*, new ed., v. 1—6, Index vol., N. Y., 1946; Frank J., *The levellers. A history of the writing three seventeenth-century social democrats*: J. Lilburne, R. Overton, W. Walwyn, Camb. (Mass.), 1955; Gregg P., *Free-born John*, L.—[a. o.], 1961.

ОВЕЩЬВЛЕНИЕ, нем. Verdinglichung, Versachlichung, англ. и франц. réification, — такая исторически преходящая превращенная форма опредмечивания, когда человек низводит себя до уровня вещи (исполнителя ролей), свои обществ. отношения превращает в вещные, богатство своих сил и творч. способностей — в наделенное самостоятельностью, вещное «богатство», в социальный вещный мир («среду»). Различение О. и опредмечивания (см. *Опредмечивание и распредмечивание*) — одно из гл. открытий Маркса в период создания «Капитала». Утилитарское отношение к человек. произведению как просто вещи, не принадлежащей понятию самого человека, есть лишь выражение его О. С О. сопряжена «персонификация вещей» — перенос определенных субъекта на объект. При О. человек просто на личное бытие рабочей силы, часть природы, «...вещь, хотя и живая, сознающая себя вещь, и самый труд есть вещь и о выражение этой силы». Поэтому предметное тело его культуры выступает «как нечто потустороннее, как вещь» (Marx K., *Das Kapital*, Bd 1, B., 1960, S. 119, 211; Bd 3, S. 937, 621), как могущество. «порядок вещей» (институциональных структур и т. п.). Верное понимание О. очень важно в социально-гносеологич. проблемах (см. *Рассудок*), проблемах культуры и личности, образования, языка и т. п. Коммунизм преодолевает все формы О. (знания, морали и др.) вместе с превращением труда в самодеятельность.

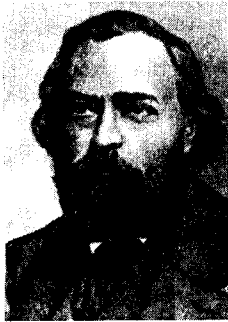
Проблема О. широко обсуждается философами и социологами бурж. стран (представителями *экзистенциализма, персонализма, неофрейдизма* и др.). См. *Отчуждение, Фетишизм*.

Лит.: Маркс К., *Grundrisse...*, B., 1953, S. 78, 79, 545, 600; с г о ж е, *Theorien über den Mehrwert*, Bd 3, B., 1962, S. 293, 473, 480, 491, 510; е г о ж е, *Das Kapital*, Bd 3, B., 1960, S. 293, 427, 884—85; *Архив Маркса и Энгельса*, т. 2 (7), М., 1933, с. 32—34, 124; MEGA, Abt. 1, Bd 5, S. 66, 226 (вводится термин «О.»), 416, 417; *Науч. коммунизм*, М., 1965, с. 246—49; Lukács G., *Geschichte und Klassenbewusstsein*, B., [1923]; Goldmann L., *La réification*, в кн.: *Recherches dialectiques*, P., 1959; Gabel J., *La réification*, P., 1962.

Г. Ватицев. Москва.
ОВСЯННИКОВ, Михаил Федотович (р. 21 ноября 1915) — сов. философ, д-р филос. наук, профессор (с 1961). Чл. КПСС с 1955. Окончил Моск. педагогич. ин-т им. В. И. Ленина (1939) и аспирантуру Моск. ун-та (1943). С 1943 преподает философию в вузах Москвы. Зав. кафедрой эстетики Моск. ун-та (с 1961), зав. сектором эстетики Ин-та философии АН СССР. Гл. редактор издания «История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли» (т. 1—2, [М.], 1962—64, изд. продолжается). Науч. работу ведет в области истории зарубежной философии и эстетики, истории марксистско-ленинской эстетики, уделяя осн. внимание социальному аспекту иск-ва и эстетич. принципа в целом.

Соч.: Первые филос. работы молодого Гегеля, «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1956, т. 42, вып. 3; Некоторые вопросы эстетики Г. В. Плеханова, «Вестн. МГУ. Сер. экон., филос., права», 1957, № 1; Фейербах о происхождении религии, в сб.: Материализм и религия, М., 1958; Маркс и основы эстетики, «Вопр. лит.-ры», 1958, № 5; Основовоплодники марксизма о проблемах искусства и эстетики, «Вестн. истории мировой культуры», 1958, № 6; История домарксистской зарубежной философии, М., 1959 (совм. с В. В. Соколовым); Философия Гегеля, М., 1959; О пластичности и гармонии в филос. этюдах О. Бальзака, в сб.: Из истории эстетики. Мысли нового времени, М., 1959; В. И. Ленин и проблемы эстетики, «Искусство», 1960, № 4; Правда жизни — высший критерий художественности, «Художник», 1960, № 3; О марксистской оценке социологии, концепции Гегеля, в кн.: Проблемы истории филос. и социологич. мысли XIX в., М., 1960; Вопросы религии и атеизма в нем. классич. философии, в кн.: История и теория атеизма, М., 1962; Очерки истории эстетич. учений, М., 1963 (совм. с З. В. Смирновой); Буржуазная эстетика и действительность, «Коммунист», 1965, № 2.

ОГАРЁВ, Николай Платонович [24 нояб. (6 дек.) 1813—31 мая (12 июня) 1877] — рус. революц. демократ, философ-материалист, поэт и публицист, друг и соратник *Герцена*. Род. в Москве. Идеиное

формирование О. началось под влиянием восстания *декабристов*. Учась в Моск. ун-те, О. вместе с *Герценом* организовал в нач. 30-х гг. кружок передовой молодежи. В этот период О. знакомится с идеями утопич. социализма Сен-Симона, Фурье, с философией Декарта, Спинозы, Фихте, Шеллинга, с работами франц. историков периода Реставрации. В июле 1834 О. был арестован и после 9 месяцев тюремного заключения сослан в Пензенскую губернию под надзор полиции. Годы ссылки (1835—39) он использовал для усиленных теоретических занятий. Возвратившись в Москву, О. организовал кружок, в к-ром велись споры на филос., политич. и лит. тем. В 1841—46 О. большей частью жил за границей, занимаясь изучением философии (Гегеля и Фейербаха), естествознания, политич. и экономич. учений. В сер. 40-х гг. О. перешел на позиции материализма и вместе с *Герценом* и *Белинским* вел борьбу против *славянофилов*. В 1846—51 О. проживал в своем пензенском имении Старое Акшено, где пытался вести просветит. и реформаторскую деятельность. Убедившись в невозможности преобразовать крепостнич. порядки таким путем, О. приходит к выводу о необходимости революц.-демократич. борьбы с существующим строем. В феврале 1850 О. был подвергнут вторичному аресту, но вскоре освобожден, т. к. царские чиновники не смогли доказать предъявленное ему обвинение в принадлежности к «коммунистич. секте».

В 1856 О. уехал за границу, где вместе с *Герценом* развернул революц. и политич. публицистич. деятельность. О. был одним из инициаторов издания «Колокола», его вторым редактором и автором многочисл. статей; он принимал участие в издании «Полярной звезды», «Под суд», а в 1862 параллельно с «Колоколом» издавал «Общее вече», обращенное непосредственно к простому народу. Преодолевая либеральные колебания, в нач. 60-х гг. О. становится убежденным сторонником «военно-крестьянской революции» в России. О. был одним из руководителей об-ва «Земля и воля» нач. 60-х гг., выступил как автор программного документа «Что нужно народу?» (опубл. в газ. «Колокол», 1861, 1 июля, № 102), революц. воззвания «Что надо делать войску?», «Университеты закрывают», «Ход судей», «Что надо делать народу?» и др.). В своей революц. деятельности О. сблизился с революционерами-разночинцами, учениками Чернышев-

ского — Н. П. Обручевым, Н. А. *Серно-Соловьевичем*, М. Л. *Наббандяном*, Н. И. Утиным, А. А. Слещковым. В 1868—70 принял участие в авантюристической «агитационной кампании», которую вели *Бакунин* и С. Нечаев. Однако вскоре О. порвал с Бакуниным. До конца жизни О. был предан освободительной борьбе русского народа. Умер и был похоронен в Гринвиче (Англия). 2 марта 1966 прах О. был перевезен на родину и захоронен на Поводовичьем кладбище в Москве.

О. прошел сложный путь идейного развития от дворянской революционности до крест. революц. демократизма. В статьях, опубл. в «Колоколе» и «Полярной звезде», О. требовал освобождения крестьян от крепостной зависимости при обязат. наделении их землей, утраты власти помещиков над крестьянами и демократич. преобразования гос. аппарата. В ходе подготовки крест. реформы постепенно рухнула надежда О. на мирное разрешение крест. вопроса. Из анализа крест. реформы 1861 он сделал вывод: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отмечено. Парод царем обманут» (Избр. социально-политич. и филос. прозв., т. 1, 1952, с. 478). Подняв вместе с *Герценом* знамя крест. революции, О. разрабатывал радикальную программу освободит. движения в России с требованием земли и воли для народа, полной ликвидации помещичьего землевладения, передачи земли крест. общинам, устранения самодержавия, ликвидации нац. гнета и установления равноправия народов России. В качестве осн. средства осуществления этой демократич. программы О. выдвигает всенар. вооруж. восстание с участием войска. Однако расчеты революц. демократии на всеобщее нар. восстание в России в нач. 60-х гг. не оправдались. В 60-х гг. О. выступал с резкой критикой рус. бурж.-дворянских либералов (см. ст. «Надгробное слово», опубл. в газете «Колокол», 1863, 1 мая, № 162).

На примере Англии и др. европ. стран О. видел, что капитализм — наряду с прогрессом техники — несет трудящимся нищету и разорение. Капиталистич. свобода частной собственности и личности доходит до «... полной свободы лица умереть с голоду» (там же, с. 147), а бурж. демократия, несмотря на ее преимущества перед самодержавно-крепостнич. режимом России, носит формальный характер. Элементы крестьянского демократизма, присущие мировоззрению О., наложили известный отпечаток на его критику капитализма. О. считал, что социальное зло в Европе можно устранить уравнив. распределением земли. Идеал обществ. строя будущего О. видел в социализме. В 50-х гг. под влиянием *Герцена* О. становится убежденным сторонником «русского социализма». В своих статьях он уделяет внимание преимущественно экономич. стороне общинного социализма (см. «Частные письма об общем вопросе» и др.). Слабой стороной европ. утопич. социализма О. считал его отрыв от действительности, неразработанность экономич. вопросов и реформистские иллюзии. Пытаясь найти основу социализма в реальной жизни, О. идеализировал крест. общину, считая ее зерном будущего социалистич. развития России; поэтому в ее сохранении он видел одну из гл. задач антифеод. революции. После крест. революции в России, полагал О., сельская община разовьется в своеобразную социалистич. форму, перейдет к коллективным формам труда, распределению доходов по труду и на основе применения машин и агрономич. наук — к расцвету земледелия. О. не видел развития рус. капитализма и роста пролетариата в послереформенный период и по-прежнему ставил в центр своих социалистич. стремлений крестьянина. Так же, как и *Герцен*, О. был родоначальником *народничества*.

Философские взгляды. Теоретич. основой революц. демократизма О. был филос. материализм, к которому О. пришел в сер. 40-х гг. в результате длительных идейных исканий, имевших целью найти правильную теоретич. основу свободит. борьбы. «Сущность христианства» Фейербаха, с к-рой О. познакомился сразу же после ее выхода в свет, помогла ему утвердиться на материалистич. позициях. В письмах к Герцену из-за границы в 1-й пол. 40-х гг. О., излагая свои филос. взгляды, склоняется к материалистич. решению осн. вопроса философии.

В рукописях 50—60-х гг. О. доказывал материальность мира, отвергая религ. вымысел о нематериальном начале. «...Мы имеем ... вещественность, идущую в бесконечность, и нам нельзя искать иного начала мира, как признание его за факт...» (там же, т. 2, 1956, с. 159). «...Мы не можем представить конца миру, всякий конец был бы только предел относительности, за которым снова следовало бы продолжение» (там же, с. 41). Признавая причинную обусловленность природных явлений, О. критиковал идеалистич. телеологию. Человек. сознание О. считал продуктом историч. развития материи; основу умств. деятельности он видел в физиологич. процессах нервной системы человека. С этих позиций О. критиковал религ.-идеалистич. измышления о душе и свободе воли. Он был принципиальным сторонником познаваемости мира, отвергал учение Канта о существовании непреодолимых границ между явлениями и сущностью, отмечал относит. характер всякого знания.

Естествознание, согласно О., — основа науч. философии и по своей сущности противоположно идеализму и мистике; наука — это самый крепкий бич романтизма. Узкий эмпиризм естествоиспытателей так же опасен, как и идеализм, поскольку учение эмпирики, отрицая связь открытий науки с общечеловеческими проблемами,вольно или невольно приходит к идеалистич. мировоззрению. «...Эмпиризм не стал даже вровень с ошибками философии; его теории ложнее ошибок философии; его теории самая пошлая метафизика» (там же, с. 377). В статьях и рукописях О. уделяется большое внимание роли математики в филос. представлениях о мире, значению математич. метода в науках, «...не исключая вопроса общественного...» (там же, т. 1, с. 697).

Для О. был характерен диалектич. взгляд на природу и общество. Изучая философию Гегеля, он воспринял его диалектику: О. рассматривал мир с т. зр. развития и движения, к-рые называл общим мировым законом. «Мир есть иммобилитет движения. То, что называется костью, есть только относительное равновесие» (там же, т. 2, с. 53). Понимая вместе с Герценом диалектику как «алгебру революции», О. приходил к выводу о неизбежности революц. преобразований обществ. жизни.

О. отчетливо видел два противоположных направления в философии — материализм и идеализм. Уже в 40-х гг. он высказывал мысль о партийности убеждений, заявлял, что выступает за партию в философии (см. там же, с. 399). «Под словом „философия“ обычно разумеются общие мировые основания или общие основания целой группы явлений, и потому философские вопросы составляют естественную потребность человеческого разума; только „метафизика“ решает их на свой лад, т. е. принимает за философское основание предполагаемые ею мысли, идеи, предшествующие фактам, и группирует факты сообразно им, между тем как положительное понимание из существующих фактов вводит общий закон их существования, который и есть уяснение, решение философского вопроса» (там же, т. 1, с. 696—97). О. называл идеализм «метафизикой», а материализм — позитивистским термином «положительное понимание» (вместе с тем О.

неоднократно критиковал позитивизм Конта). О. критиковал «философию откровения» Шеллинга, абсолютный идеализм Гегеля, в к-ром «...половина состоит из натянутых абстракций, неопределенных слов и играя мыслью» (там же, т. 2, с. 370), особенно — гегелевское оправдание консервативного социально-политич. строя Германии.

О. был атеистом; в религии он видел идеологич. опору самодержавия и крепостничества. Уже в 40-х гг. О. писал, что религия поддерживает в народе косность, рабскую робость, уничтожает самостоятельность человека, мешает изучению природы («Нар. политехнич. школа», там же, с. 7—15). Религия отвлекает людей от борьбы против самодержавно-крепостнического строя. «Действительно, мистицизм приводит к бездействию; упование на силы небесные мешает приводить в порядок дела земные» (там же, т. 1, с. 210).

Социологические воззрения. Оставаясь в пределах идеалистич. понимания истории, О. высказал ряд оригинальных мыслей в социологии. Он отвергал субъективистские взгляды бурж. социологов, утверждавших, что в истории нет объективных законов, критиковал концепцию провиденциализма Боссюэ и гегелевский взгляд на историю как развитие мирового духа. История, по О., развивается не под воздействием надмирных сил или божеств. предначертаний, а идет естеств. путем, «...своими неизбежными результатами из существующих обстоятельств» (там же, с. 747). Признавая обществ. прогресс гл. содержанием истории, О. делал критич. замечания по поводу теории круговорота Вико и идеи прямолинейного прогресса Кондорсе. Историч. прогресс, по О., есть винтообразное движение, т. е. развитие по спирали (см. там же, т. 2, с. 53). Неоднократно указывал О. на значение экономич. условий жизни общества. «...Материальные силы государства составляют основу его цивилизации...» (там же, т. 1, с. 94). Обществ. наука должна «...принять за свое существование средоточие экономические (хозяйственные) отношения общества» (там же, т. 2, с. 195). По эти материалистич. по своей тенденции идеи О. не представляли еще науч. социологич. концепции. Решающую роль в историч. прогрессе О. отводил все же распространению знания, просвещению.

С позиций революц. демократизма О. утверждал идею о роли нар. масс в истории. Неудачу выступления декабристов он видел в том, что «...народ остался к их делу равнодушным» (там же, т. 1, с. 653). Народу предстоит сыграть гл. роль в грядущей революции. «Перемену или, лучше сказать, переворот может сделать только тот, кто его в самом деле хочет, кому он в самом деле составляет потребность, т. е. народ, большинство, масса» (там же, т. 2, с. 235). Обществ. развитие не является плавным и постепенным, а осуществляется в столкновениях противоположных сил. Революции представляют собой закономерное явление, имеющее свою причину в обществ. жизни. «Во всей истории прошедшего (есть постепенность или нет ее — все равно) революция оказывается постоянным явлением, так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций» (там же, с. 212).

Эстетические взгляды. В статьях об иск-ве и литературе О. пропагандировал идеи реализма. В основе иск-ва, по О., лежит отображение жизни, «... искусство нераздельно с ее содержанием» (там же, т. 1, с. 294) — эта идея составляет гл. пафос ст. О. «Памяти художника», посвященной рус. живописцу А. А. Иванову. О. призывал писателей и художников к активной борьбе против самодержавно-крепостнич. строя, за свободу и светлое будущее народа. «Если старый мир гибнет..., вы еще найдете в себе пную силу, силу проклятия; вашей фантазии являются мощные образы,

которые потрясут даже это беспильное общество; большинство станет с ненавистью рукоплескать вам, и немало страдальцев с любовью протянут вам руку» (там же, с. 303). О. критиковал теорию искусства для искусства, осуждая ее как политически реакционную, как «... партию лимфы, золотушное дитя схоластических эстетик...» (там же, с. 299). Идее «чистого искусства» О. противопоставлял демократич. положение — искусство для народа. Рус. литературу 1-й пол. 19 в. он рассматривал под углом зрения ее роли в освободит. движении народа. Принципы своей эстетики О. стремился воплотить в собств. лит.-художеств. творчестве.

Борьба вокруг идейного наследия О. Имена «лондонских пропагандистов» — Герцена и О. — долгое время было запрещено упоминать в русской печати. В дореволюц. годы мировоззрение О. подвергалось извращению со стороны дворянско-бурж. историков и литераторов (П. Анненков, А. Вольнский, Ю. Айхенвальд, М. Гершензон), к-рые отрицали революц. демократизм О., изображая его бурж. либералом; игнорировали его политич. деятельность, рассматривая только как поэта-лирика; изображали не самостоятельным мыслителем, а лишь «бледным спутником яркого света» — Герцена. М. Гершензон в кн.: «История молодой России» (М., 1908) охарактеризовал О. как идеалиста по теории, убеждениям, мыслителя религ. типа, помещика-филантропа в обществ. деятельности и лирика-пессимиста в поэзии. В подобном духе писали об О. бурж. рус. газеты «Утро России», «Рус. ведомости» и др. в связи со 100-летием со дня его рождения. С этой буржуазно-кадетской оценкой по существу солидаризовался меньшевик-ликвидатор М. Неведомский (Минлашевский), опубликовавший статью в легальном журн. «Наша зоря» («К столетней годовщине Н. П. Огарева», 1913, № 10—11).

Оценку, противоположную этим либерально-бурж. измышлениям об О., и попытку марксистского освещения его взглядов мы находим в статьях Плеханова о Герцене (Соч., т. 23, М.—Л., 1926). Но Плеханов недооценивал революц. демократизм и филос. материализм Герцена и О. Определяющее значение для марксистской оценки мировоззрения О. имела статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» (1912). Большевицкая печать в ст. «Н. П. Огарев (к 100-летию со дня рождения)» («За правду», 1913, 28 ноября, № 46) охарактеризовала О. как революц. демократа, борца за освобождение угнетенного крестьянства.

До Великой Отечеств. войны неоднократно издавались стихотворения и поэмы О., публиковались архивные материалы, неизвестные статьи, письма. Интерес сов. философов, историков, литературоведов к мировоззрению и деятельности О. особенно обнаружился в послевоен. годы в связи с опубликованием новых архивных документов, полученных из-за границы («Пражская» и «Софийская» коллекции). На основании этих документов акад. М. В. Нечкина в своих статьях показала революц.-демократич. характер политич. программы О., его роль в освободит. движении конца 50—нач. 60-х гг. 19 в. (см. «Н. П. О. в годы революционной ситуации», «ИАН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. 4, № 2; «Новые материалы о революц. ситуации в России», в сб.: Лит. наследство, т. 61, М., 1953 и др.). В довоен. статьях Б. П. Козьмина об О., содержащих интересный материал по истории революц. движения 60-х гг., была нек-рая недооценка его революц. демократизма (см. «Н. П. Огарев», в кн.: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. 1, [М.], 1937; «Из публицистич. наследия Н. П. О.», в сб.: Лит. наследство, т. 39—40, М., 1941), к-рая была преодолена в его послевоенных работах.

Начальному периоду деятельности О., характеристике его социалистич. взглядов посвящены статьи Е. Рудницкой, М. Эстриной, Н. Минаевой. Филос. взгляды О. как материалиста были впервые освещены в статьях Н. Г. Тараканова (см. «Мировоззрение Н. П. О.», в кн.: Н. П. Огарев. Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 1, М., 1952; «Общественно-политич. и филос. взгляды Н. П. Огарева», в кн.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955).

Филос., социологич., политич. взгляды О. рассмотрены в книгах М. В. Яковлева «Мировоззрение Н. П. О.» (М., 1957) и М. Т. Иовчука «Филос. и социологич. взгляды Н. П. О.» (М., 1957). Исследованию лит. архивов О. посвящены работы Я. З. Черныяка «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве», М.—Л., 1933; «Н. П. Огарев. Жизнь и деятельность» (вступ. ст.), в кн.: Н. П. Огарев. Избр. стихотворения и поэмы, М., 1938; ряд статей в сб.: Лит. наследство, т. 61, 62, 63, М., 1953—56]. Характеристика лит. творчества и мировоззрения О. дана в работе В. А. Путьинцева «Н. П. Огарев» (М., 1963).

Лит. наследие О. в едином издании не собрано. Филос., политич., социологич. работы О. наиболее полно представлены в кн.: Избр. социально-политич. и филос. произв. (т. 1—2, М., 1952—56; см. также «Колокол», вып. 1—11, М., 1962—63; новые материалы и документы в статьях, в изд.: Лит. наследство, т. 39—40, 41—42, 61—64, М., 1941—58); Поэзия и проза, в кн.: Избр. произв. (т. 1—2, М., 1956). М. Яковлев, Москва.

ОГБОРН (Ogburn), Уильям Филдинг (29 июня 1886—29 апр. 1959) — амер. бурж. социолог. Проф. социологии Колумбийского (1919—27) и Чикаг. (1927—33) ун-тов. Руководил крупными гос. социологич. обследованиями.

Основу социологич. взглядов О. составляет его учение о причинах и формах социальных изменений. Он выдвинул «теорию отставания культуры» («cultural lag theory»), представляющую собой вариант теории технологич. детерминизма. По О., в ходе историч. развития человечества духовная культура отстает от материальной, сводимой им к развитию техники. Основу большинства социальных преобразований сегодня надо искать в материальной культуре. Преобразования в материальной культуре неизбежно приводят к изменениям в других элементах культуры, например в социальной организации и в обычаях. Эти же части культуры изменяются неодинаково быстро. Они отстают от изменений в материальной культуре. Поэтому мы живем в состоянии неприспособленности (см. «Social change...», N. Y., 1950, p. 200—201). В дополнение к теории «культурного отставания» О., под влиянием психоанализа, выдвинул реакц. теорию биологич. отставания. Суть ее в том, что биологич. природа совр. человека не приспособилась к цивилизации из-за короткого промежутка времени. Совр. человек, по О., обладает теми же инстинктами и той же мускулатурой, как и его предки, и должен поэтому страдать из-за отсутствия возможностей для проявления своих инстинктов и физич. действий, к-рых требует его обезьяноподобное тело. С этих ненауч. позиций О. пытался объяснить пороки капитализма (бедность, войны, преступления). Правильно отмечая нек-рые объективные закономерности и противоречия в развитии капиталистич. общества, О. слишком упрощенно трактовал воздействие техники на обществ. развитие, игнорируя экономич. отношения людей. Одним из первых применяя метод психоанализа в социологии, О. видел первооснову социальной жизни в равной мере как в материальных, так и в психологич. потребностях, объясняя с помощью последних существование бесполезных «пережитков» (напр., магич. обрядов), часто подавляющих развитие полезных начинаний. О. объявлял любопытство, беспокорство, страх, честолюбие и др. психологич. факторы осн. движущими силами социальной эволюции. В ответ на изменяющиеся материальные и психологич. потребности людей происходят изменения в социальной структуре (социальные изменения). Механизм их осуществления О. описывал с помощью четырех осн. процессов: 1) изобретения (материальные и социальные нововведения); 2) их экспоненциального накопления; 3) их распространения; 4) приспособления одной части общества к другой (напр., семьи к экономике).

В теории «культурного отставания» не указана общая причина расхождения в темпах развития материальной и духовной культур, социальных инстинктов. В каждом случае О. пытался найти особые причины. Ликвидацию культурного отставания следует искать, по О., в расширении научного знания; тем самым социальная эволюция отождествляется с прогрессом науч. мысли. О. полагал, что не труд, а язык и тенденция групповой жизни отличают человека от животного мира. Социальную жизнь он эклектически определял как «взаимодействие четырех факторов биологического организма, географического окружения, группового процесса и культурного наследия» [*Sociology*, 3 ed., N. Y., 1958, p. XI (совм. с M. F. Nimkoff)].

Соч.: You and machines, Chi., [1934]; Social characteristics of cities, [Chi.], 1937; Machines and tomorrow's world, [N. Y.], 1943; The social effects of aviation, Boston—[a. o.], [1946]; Technology and the changing family, Boston, 1955 (совм.).

с М. F. Nimkoff); Sociology, 4 ed., Boston, 1964 (совм. с М. F. Nimkoff); On culture and social change, Chi., 1964.
 Ред. и изд. сб.: Recent social trends in the United States, v. 1—2, N. Y.—L., 1933; Technological trends and national policy, Wash., 1937; Technology and international relations, Chi., [1949].
 И. Добронравов. Москва.

ОГРАНИЧЕНИЕ — процедура, обратная обобщению. В традиц. логике об О. говорят обычно в связи с образованием менее общих понятий из более общих (О., или конкретизация, понятия). О. понятия — это процедура сужения объема понятия, связанная с расширением его содержания; состоит в переходе от данного понятия к менее общему (подчиненному) понятию, т. е. к понятию, объем к-рого составляет лишь часть объема исходного (подчиняющего) понятия. О. понятия можно рассматривать как результат расширения содержания исходного понятия за счет введения в него определенных признаков, т. е. признаков, принадлежащих не всем предметам объема исходного понятия (в частности, признаков, не содержащихся, в явной или неявной форме, в признаках, по к-рым осуществлено выделение объема исходного понятия), но совместимых с этим понятием. Примером О. понятия может быть переход от понятия «исчисление» к понятию «логическое исчисление», к-рый связан с введением в содержание исходного понятия признака «логический»; в привычке процесс О. понятия может быть продолжен до получения единичного понятия, напр., такого: «логическое исчисление, пример к-рого приведен на с. 309 1-го тома Философской энциклопедии». Процедура, противоположная О. понятия, наз. в традиц. логике обобщением понятия; связь обеих процедур выражается в т. н. законе обратного отношения между содержанием и объемом понятий: по мере увеличения (в описанном смысле) содержания понятия уменьшается его объем и наоборот. См. также *Понятие*.

Лит.: Введенский А. И., Логика, как часть теории познания, 3 изд., П., 1917, гл. 4; Челпанов Г. И., Учебник логики, [М.], 1946, гл. 3; Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, гл. 4; Кондаков Н. И., Логика, М., 1954, гл. 12.
 Б. Бирюков, М. Новоселов. Москва.

ОГРАНИЧЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ПОНЯТИЯ, косвенный силлогизм (лат. determinatio terti, sillogismus obliquus), — умозаключение, к-рое в общем виде можно выразить схемой (1): «(Все) А суть В; следовательно, С (нек-рого) А есть С (нек-рого) В» или схемой (2): «(Все) А суть В, z находится в отношении R к (нек-рому) А; следовательно, z находится в отношении R к (нек-рому) В». О. т. п. рассматривается в учебниках логики не в общем виде, а гл. обр. в виде отд. примеров, иногда принимающих форму условного суждения (т. е. импликаций), а не умозаключения. Напр., у Аристотеля: «Если познание есть понимание, то объект познания есть объект понимания» (Тор. II, 8, 114a 15—20). Этим обуславливается возможность различных общих формулировок О. т. п.

Согласно традиц. т. зр., О. т. п. — непосредственное умозаключение, в к-ром субъект и предикат заключения строятся посредством ограничения к-л. третьего понятия соответственно субъектом и предикатом посылок. Напр., в умозаключении «Черепаха — животное; следовательно, голова черепахи есть голова животного» третьим (ограничиваемым) понятием является понятие «голова», а результатами его ограничения — понятия: «голова черепахи» и «голова животного». [К такому пониманию О. т. п. схема (1) ближе, чем схема (2), хотя в обеих схемах форма нек-рых суждений сложнее традиционной, особенно в (2), где указание на отношение R явно присутствует, а не скрыто за грамматич. связью между терминами С и А (или С и В), как в (1).] Средства традиц. силлогистики оказалось недостаточно для того, чтобы наиболее адекватным образом формализовать те объективные связи

между предметами, к-рые, будучи мыслимыми в виде отношений между соответствующими понятиями, лежат в основе О. т. п., гарантируя его логическую истинность. Правда, несводимость О. т. п. к традиц. силлогизмам не абсолютна. Напр., вышеприведенное умозаключение можно, используя предикат «иметь голову z», перестроить так, что оно сведется после этого к модусу datisi. Однако эта перестройка слишком искусственна для традиц. логики, тем более, что в последней предикаты такого вида, как правило, не встречаются. Упростить же указанный предикат, отбросив z, нельзя, т. к. тогда совсем утратится важная деталь, а именно: что, говоря и о голове черепахи, и о голове животного, мыслят одну и ту же голову. Недостаточно для адекватной формализации О. т. п. и средств логики классов, в к-рой формальным выражением ряда частных случаев О. т. п. можно было бы считать формулу (3): $[(a \subseteq b) \supset ((c \cap a) \subseteq (c \cap b))]$ (или результат замены в ней знака импликации « \supset » словом «следовательно»). Из сопоставления формулы (3) с вышепривед. примерами обнаруживается, что та операция ограничения одного понятия другим, к-рая в них используется, сложнее, чем используемая в (3) операция пересечения объемов понятий («голова черепахи», не то же самое, что «черепаха головы», хотя $c \cap a = a \cap c$).

С помощью средств предикатов исчисления О. т. п. можно выразить каждой из след. формул, выводимых в этом исчислении:

- (4) $((A(x) \supset B(x)) \supset ((R(z, x) \& A(x)) \supset (R(z, x) \& B(x))))$,
- (5) $(\forall x (A(x) \supset B(x)) \supset ((R(z, y) \& A(y)) \supset (R(z, y) \& B(y))))$,
- (6) $(\forall x (A(x) \supset B(x)) \supset (\exists y (R(z, y) \& A(y)) \supset \exists y (R(z, y) \& B(y))))$.

Объективные связи, лежащие в основе О. т. п., наиболее полно выявлены и адекватно формализованы в (6). Недостаточная же лаконичность формул (4)—(6) вызвана тем, что при переводе на язык исчисления предикатов теряется нек-рая гибкость и простота грамматич. форм естеств. языка за счет того, что возрастает способность точно выражать самые разнообразные логич. связи. Более лаконично О. т. п. выражается спец. средствами теории множеств, в к-рой срезом отношения R через множество \mathfrak{M} (обозначаемым $R(\mathfrak{M})$) наз. множество всех таких z, каждый из к-рых находится в отношении R к нек-рому элементу множества \mathfrak{M} . Заменяя в (3) операцию пересечения операцией среза, получаем след. формулу, выражающую О. т. п. более общо и точно:

$$((\mathfrak{M} \subseteq \mathfrak{B}) \supset (R(\mathfrak{M}) \subseteq R(\mathfrak{B}))).$$

Лит.: Котарбинский Т., Избр. произв., М., 1963, с. 462—63; Риге Ж., Бинарные отношения, замыкания, соответствия Галуа, [пер. с франц.], в кн.: Кибернетич. сб., [№] 7, М., 1963, с. 131—34; Whitehead A. and Russell B., Principia mathematica, 2 ed., v. 1, Camb., 1925, § 37; Freudenthal H., Logique mathématique appliquée, P., 1958, p. 32—33.
 А. Кузнецов, М. Новоселов. Москва.

ОДНОВРЕМЕННОСТЬ — отношение, к-рое совместно с порядком отношениями «раньше» и «позже» выражает временную структуру событий. Создание относительности теории коренным образом изменило понимание О., сложившееся в классич. дорелятивистской физике и господствовавшее в естествознании. В классич. физике признавалось существование абсолютных пространства и времени, свойства к-рых не зависели от материальных взаимодействий, от движения материи и к-рые являлись уникальными системами отсчета. Временной порядок событий определялся «течением» абсолютного времени. Отношение О. выра-

жалю принадлежность нек-рой совокупности событий к одной и той же «точке-мгновению» на «шкале» абсолютного времени. О. событий была абсолютной как в смысле уникальности, так и в смысле всеобщности этого отношения, т. е. каждому событию, произошедшему в данной точке пространства, соответствовало одно-единственное одновременное с ним событие в др. точке, а события, одновременные в одной системе отсчета, оставались таковыми в любой др. системе независимо от взаимного движения этих систем. В специальной теории относительности, согласно определению А. Эйнштейна, события считаются одновременными в том случае, если световые сигналы, идущие от них, встретятся точно посередине разделяющего их расстояния. В силу постоянства скорости света устанавливаемое данным определением отношение О. не является абсолютным в смысле всеобщности, т. е. события, одновременные в одной системе отсчета, в др. системах, находящихся в состоянии движения по отношению к данной, одновременными уже не будут. Определение А. Эйнштейна сохраняет абсолютную (в смысле уникальности) О. в рамках одной и той же системы отсчета, т. е. для событий неподвижных относительно друг друга. Это означает, что событию, произошедшему в одной точке пространства данной системы, в др. точке этой же системы будет соответствовать одно-единственное одновременное с ним событие. Однако эта абсолютная в смысле уникальности О. в рамках одной системы отсчета устанавливается, как отмечает Эйнштейн, по определению, т. е. имеет до известной степени условный характер. Оба положения специальной теории относительности, а именно, отрицание абсолютности отношения О. в смысле всеобщности, а также утверждение о возможности установления абсолютной в смысле уникальности О. только на основании определения вызвали продолжительную дискуссию вокруг их филос. интерпретации.

В релятивистской физике, к-рая отказывается от абсолютных пространства и времени, временные отношения между событиями определяются наличием или возможностью существования между ними материальных взаимодействий. Все те события, на к-рые данное событие воздействует или может воздействовать, происходят по отношению к нему абсолютно позже, те же события, к-рые воздействуют или могут воздействовать на него, происходят абсолютно раньше. С т. зр. специальной теории относительности для любого события, происходящего в к.-л. точке пространства, в любой др. точке пространства существует нек-рое множество последовательных событий, с к-рыми оно принципиально не может взаимодействовать вследствие наличия разделяющего их расстояния и конечной скорости передачи взаимодействия. Для таких событий временной порядок не определен: они происходят ли «до», ли «после» друг друга, и их естественно рассматривать как одновременные. Такие события иногда называют также «квазисовременными» или «потенциально одновременными». Т. о., отношение О. фактически теряет абсолютный характер не только в смысле всеобщности, но и в смысле уникальности. Это означает, что любому событию в данной точке пространства в др. точке будет соответствовать не одно-единственное одновременное с ним событие, а нек-рое множество одновременных с ним событий. Объем этого множества определяется такими факторами, как расстояние между точками пространства, в к-рых происходят рассматриваемые события, взаимная скорость материальных систем, если речь идет о событиях, происходящих в разных системах отсчета, и предельный характер скорости света. Определение Эйнштейна выбирает из этого множества объективно-одновременных событий одно-единственное, к-рое рассматривается как абсолютное (в смысле уникаль-

ности) одновременное по отношению к данному. Однако оно не отличается от др. событий этого множества в том смысле, что эти события так же, как и оно, принципиально не могут взаимодействовать с данным событием. Временной порядок конкретных физич. событий устанавливается в теории относительности уже на основании данного определения одновременности при условии выбора системы отсчета. Т. о., признание относительного характера О. в релятивистской концепции времени является неизбежным следствием понимания временных отношений как нек-рых свойств реальных взаимодействий между материальными системами и признания конечного характера скорости распространения этих взаимодействий.

Лит.: Эйнштейн А., К электродинамике движущихся тел, в сб.: Принцип относительности, [М.—Л., 1935]; его же, Сущность теории относительности, М., 1955; Фок В. А., Против невежественной критики совр. физич. теорий, «ВФ», 1953, № 1; его же, Теория пространства, времени и тяготения, М., 1961; Александров А. Д., Теория относительности как теория абсолютного пространства-времени, в сб.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; Штейнман Р. Я., Пространство и время, М., 1962; Рейхенбах Г., Направление времени, пер. с англ., М., 1962; Уитроуд Ж., Естественная философия времени, пер. с англ., М., 1964; Robb A., The absolute relations of time and space, [Camb.], 1921; Reichenbach H., The philosophy of space and time, N. Y., [1958].

Ю. Молчанов, Москва.

ОДНО-ОДНОЗНАЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ — см. *Взаимно-однозначное соответствие*.

ОДОЕВСКИЙ, Владимир Федорович [30 июля 1803 (по др. данным, 1804) — 27 февр. 1869] — русский философ, писатель, популяризатор науч. знаний, муз. критик. Обучался в Моск. университетском благородном пансионе (1816—1821). С 1823 — на гос. службе. В 1826 переселился в Петербург. С 1846 — пом. директора Публичной б-ки и директор Румянцевского музея. В 1823—1826, находясь во главе «любомудров», О. представлял в кружке консервативную социально-политич. линию. Порицая невежество и суетность высшего света, призывая человечество жить трудовой жизнью и достичь «золотого века» («Разговор двух приятелей», «Моск. телеграф», 1825, ч. 2, № 5; «Разговор двух покойников», там же, ч. 1, № 3, см. отрывки из неопubl. романа «Алцидор и Мария», в кн.: Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма..., т. 1, ч. 1, М., 1913, с. 214—19; «Два дня в жизни земного шара», 1825, напеч. под псевд. Каллидор в «Моск. вестн.», 1828, ч. 10, и др.), О. тем не менее считал естеств. и вечным социальное и экономич. неравенство, выдвигал утопию идиллич. крепостничества, где умный и добрый барин опекает благодарных крестьян. Поэтому неудивительно, что по получении известий о декабрьском восстании 1825 в Петербурге, О. распустил кружок.

В философии под влиянием, в частности, лекций Давыдова и М. Павлова О. стал сторонником нем. идеализма, гл. обр. Шеллинга (периода натурфилософии и «Системы трансцендентального идеализма») и Окена. Критикуя материализм, пропагандируя идеи Канта, Фихте, Шеллинга («Секта идеалистико-эзотическая», в сб. «Мнемозина», ч. 4, М., 1825), рассматривая философию («любомудрие») как науку, преодолевающую ограниченность опытного знания и придающую ему связность и единство, О. утверждал идею тождества идеального и реального на основе идеального — «абсолюта», или бога (см. «Афоризмы...», в сб. «Мнемозина», ч. 2, с. 82). Предметы внешнего мира, по О.,

есть лишь некая эманация всеобщего, осуществляющаяся по «экспансивной» силе; посредством силы «интенсивной» они восходят к всеобщему, что можно понимать также и как познание предмета (см. изложение неопубликов. соч. «Гномы XIX столетия» и «Сущие или существующее», в указ. кн. Сакулина, т. 1, ч. 1, с. 145—48). Восходя по ступеням к познанию абсолюта через познание вещей, человек движется к истине через ее ограниченное постижение, т. е. через заблуждение — «ложь и истина суть две стороны: ... мысли, или познания» (там же, с. 147).

В области эстетики О. в эти годы также стоял на позициях объективного идеализма: он критиковал классицистич. теорию подражания («Вестник Европы», 1823, апр., № 7, с. 224, прим.; «Мнемозина», ч. 1, с. 62—67, ч. 4, с. 161—62) и формулировал эстетич. концепцию (в неопубл. «Опыте теории изящных искусств...», отрывки см. в указ. соч. Сакулина), сознательно основываемую на философии Шеллинга. По этой концепции искусство развивается параллельно с развитием духа, поскольку «основание красоты не в Природе, но в духе человеческом, ... в акте духа, созерцающего самого себя в предмете» (цит. по кн.: Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма..., т. 1, ч. 1, с. 162). Анализируя виды искусства, как формы опредмечивания духа, О. впадал в плоский шеллингианский аналогизм (музыка — род, живопись — вид, поэзия — сущность и т. д.).

Однако О. стремился преодолеть цельно-филос. понимание иск-ва, характерное для нем. классич. и рус. эстетики (*Надеждын*, ранний П. *Киреевский* и др.). По мнению О., единая «теория изящного» едва ли возможна; нужно довольствоваться плутиным восприятием единичного, отд. произведений иск-ва. Свое прежнее представление о соотношении родов иск-ва О. как бы перевертывает: теперь высшим родом признается не поэзия, в к-рой «дух делается тождественным с предметом», а музыка, освобождающая дух от материальности. Тем не менее художественные взгляды О., поскольку они были направлены против известного схематизма философской эстетики, содержали в себе и много ценного: акцент на относительность идеи прекрасного; внимание к внутренней (в частности, психологической) природе эстетического чувства, стремление дифференцировать общее понятие о господствующем в искусстве «духе времени» и пр.

Идеалистич. воззрения О. периода «любомудрия» имели двойств. значение: реакционное, поскольку О. противостоял материализму, отвлекал рус. мысль от развития опытных наук, и прогрессивное, поскольку он подвергал критике метафизику, разрабатывал диалектику (идеи развития, историзма, единства противоположностей), стремясь диалектически обработать различные области философии, гл. обр. эстетику.

З. А. Каменский. Москва.

В 30—40-е гг. О. остро ощущает недостаточность «философии тождества» Шеллинга; однако, стремясь преодолеть ее, он отходит от принципа единства бытия и мышления. На первый план выдвигается теперь интуитивно-цельное, религ. знание; опорой философии признается «внутреннее чувство», независимое от внешнего опыта (см. «Рус. ночи», [М.], 1913, с. 315). Тем самым О. в известной мере самостоятельно пределывал тот путь, к-рым шел Шеллинг от «философии тождества» к «философии откровения» (это, кстати, подтвердилось во время их личной встречи в 1842); оба резко вставали против «гегелизма», к-рый, по выражению О., «приводит многих к бездне отрицания и никого не удовлетворяет», и противопоставляли ему теософию, ища при этом поддержки у Сен-Мартена, Ф. Баадера и др. мистиков (см. запись этой

беседы в кн.: П. Н. Сакулин, Из истории рус. идеализма..., т. 1, ч. 1, с. 385—87).

Являясь в России 30—40-х гг. одним из самых последоват. критиков бурж. идеологии, О. резко напал на классич. школу в политич. экономии (критика Адама Смита, Рикардо в «Рус. ночах», «Почь пятая»), на теорию «пользы» И. Бентама (повелла «Город без имени», 1839), на учение Мальтуса о несоответствии роста народонаселения росту материальных благ (повелла «Последнее самоубийство», 1844). Одновременно О. показывал теневые стороны капиталистич. цивилизации; критиковал систему бурж.-демократич. учреждений, предоставляющую гл. выгоды имущим; писал о «возмутительном рабстве негров и беспощадном самоуправстве южных американских плантаторов...» («Рус. ночи», с. 353). Собств. положит. идеал О. был расплывчат и сводился к идее гармонич. развития человечества. В ряде произведений О., прежде всего в «Эпиплоге» к «Рус. ночам», довольно отчетливо прозвучали славянофильские ноты, что вызвало возражения В. Г. Белинского (см. Полн. собр. соч., т. 8, 1955, с. 316 и сл.). Однако и в «Рус. ночах» — итоговом цикле О. — его взгляды не приобрели характера законченности и систематичности. Это создавало предпосылки для дальнейшей эволюции О.: в конце 50—60-х гг. он отдает предпочтение «опытному наблюдению», исключающему все авторитеты, «кроме авторитета фактов» (см. «Рус. архив», 1874, кн. 1, с. 334, 335), противопоставляет свои позиции славянофильской доктрине и т. д.

Филос. и науч. интересы О. определяли и его беллетристич. творчество. О. создал в рус. лит-ре особый тип повести, «предметом» к-рой является «...не участь одного человека, но участь общего всему человечеству ощущения» (Предисловие к «Рус. ночам», 1913, с. 26), в к-рой персонаж обрисован настолько, поскольку он представляет определенное мировоззрение, науч. взгляд или метод мышления. Плодотворной была и деятельность О. как редактора и критика. В 1836—37 он помогал Пушкину в редактировании «Современника», в 1839—48 участвовал в «Отечественных записках», в 1843—48 вместе с А. П. Заблочкиным-Десятковским издавал книжки для крестьян «Сельское чтение». С именем О. связана прощат. оценка мн. явлений рус. иск-ва: творчества Грибоедова, Пушкина, Гоголя (см., напр., отзыв О. о «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в кн.: «Литературоведение. Труды кафедры рус. лит-ры Львовск. гос. ун-та, 1958, вып. 2, с. 72), Островского и др. Особенно значительна деятельность О. как муз. критика, первого истолкователя творчества Глинки. Ю. Мам. Москва.

Соч.: Соч., СПб., ч. 1—3, 1844; Романтич. повести, вступ. ст. О. Цехновицера, Л., 1929; «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник... 1859—1869, в кн.: Лит. наследство, [т.] 22—24, М., 1935; Избр. нед. соч., вступ. ст. В. Я. Струминского, М., 1955; Муз.-лит. наследие, вступ. ст. Г. Б. Берянда, М., 1956; Повести и рассказы, вступ. ст. Е. Ю. Хин, М., 1959.

Лит.: Сумцов Н. Ф., Князь В. Ф. О., Х., 1884; Котляревский Н. А., Князь В. Ф. О., в его кн.: Старинные портреты, СПб., 1907, с. 133—53; Замотин И. И., Романтизм двадцатых годов XIX столетия в рус. лит-ре, 2 изд., т. 2, СПб., 1913; Гиппиус В., Узкий путь. Князь В. Ф. О. и романтизм, «Рус. мысль», 1914, кн. 12, с. 1—26; История рус. лит-ры, т. 6, М.—Л., 1953, с. 533—42; Заблочкин Р. Б., Неизд. статьи В. Ф. О. о Пушкине, в кн.: Пушкин. Исслед. и мат-лы, т. 1, М.—Л., 1956, с. 313—42; Галактионов А., Никандров П., История рус. философии, М., 1961, с. 155—58, 160.

ОЁМЭЙГАКУХА — япон. филос. школа последователей *Ван Ян-мина* (япон. Оёмэй). Основателем школы О. является *Накаэ Тодзю*; наиболее известными представителями — Кумадзаву Бандзю (1619—91) и Осло Хэйхитиро (1796—1837). Последний в основу философии кладет понятие «тайке» — великой пустоты как мировой субстанции и сущности разума. К школе О. принадлежали или находились под ее влиянием япон.

мыслители Сато Иссай (1772—1859), Сакума Дзодзан (1811—64), Матода Тоя (1812—91). Развивая учение Ван Ян-мина, представители этой школы, однако, оставались в рамках субъективного идеализма. В отличие от кит. первоисточника, учение Ван Ян-мина о «врожденном интуитивном знании» было использовано как обоснование морального долга, призывающего выступать с критикой феодальной администрации (Бандзан) и даже участвовать в вооруж. борьбе (Осю Хэйхатино). В целом же социально-политич. воззрения представителей О. не были едиными. Так, если Бандзан, Хэйхатино и Тюсай (к-рый известен как защитник прав человека и борец против произвола феодалов) принадлежали к прогрессивному лагерю, то Тоя выступал как охранитель идеол. основ существующего строя.

Лит.: Радуль-Затуловский Я. Б., Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947, с. 327—43; Нагата Хироси, Нихон тэцугакуси (История япон. философии), Токио, 1937; Иноуэ Тэцудзиро, Нихон ёмайгакуха-но тэцугаку (Философия япон. школы Ван Ян-мина), Токио, 1938; Чжу Цянь-чжи, Жизнь гусюэ цзи яминсюэ (Школы последователей учения Ван Ян-мина и классич. конфуцианства в Японии), Шанхай, 1962; Сhang C., Wang Yang-ming: Idealist philosopher of 16-17th century China, N. Y., 1962.

Ф. Быков, Москва, Я. Радуль-Затуловский, Ленинград.

ОЙЗЕРМАН, Теодор Ильич (р. 14 мая 1914) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1952), профессор (с 1953), член-корр. АН СССР (с 1966). Член КПСС с 1941. Окончил филос. фак-т МИФЛИ (1938). Преподает с 1938 (с 1940 — на филос. фак-те МИФЛИ). Выступает в печати с науч. работами с 1940. В 1949—51 — зав. сектором совр. бурж. философии и социологии Ин-та философии АН СССР. С 1954 — зав. кафедрой истории зарубежной философии филос. фак-та МГУ. Член редколлегии (п один из ведущих авторов) «Истории философии» (т. 1—6, М., 1957—65), а также «Краткого очерка истории философии», член редколлегии журналов «ВФ», «Филос. науки» (до 1958), «Вестник МГУ» (до 1965). Работает в области истории домарксистской и марксистской философии (гл. обр. 40-е гг. 19 в.), критики совр. бурж. философии и социологии.

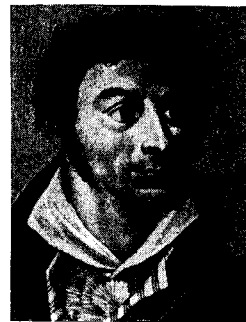
Соч.: Возникновение марксизма — революционный переворот в философии, М., 1948 (совм. с В. Сметловым); Филос. учение Р. Декарта, послесловие в кн.: Декарт Р., Рассуждение о методе, [М.—Л.], 1953; Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 года, М., 1955; Немецкая классическая философия — один из теоретич. источников марксизма, М., 1955; Философия Гегеля, М., 1956; Основные этапы развития домарксистской философии, М., 1957; Основные ступени процесса познания, М., 1957; Что такое материализм, М., 1957; Неотомизм — философия совр. реакц. буржуазии, М., 1959; Голос разума и совр. филос. иррационализм, «Коммунист», 1960, № 14; Об изменении предмета философии, в сб.: Проблемы истории филос. и социологии, мысли XIX в., М., 1960; Основной вопрос философии и вопросы критики совр. бурж. философии, «ВФ», 1960, № 8; Основные черты совр. бурж. философии, М., 1960; Чему учит и кому служит совр. бурж. социология, М., 1960 (совм. с А. Ф. Окуловым); Кризис бурж. идеологии на совр. этапе, «Коммунист», 1961, № 17; Прометеева ересь и антикоммунистич. история, «ВФ», 1961, № 12; Кризис совр. бурж. философии и фидеизм, в сб.: Современные религиозно-филос. течения в капиталистич. странах, М., 1962; Философия Фихте, М., 1962; Формирование филос. марксизма, М., 1962 (опубл. на нем., венгр., япон. яз.; награждена премией имени М. В. Ломоносова); Антикоммунизм — выражение кризиса бурж. идеологии, М., 1963; И. Кант — родоначальник классич. нем. философии (вступит. ст.), в кн.: Кант И., Собр. соч., т. 1, М., 1963; Об одной реакционной бурж. легенде, «ВФ», 1963, № 6; Экзистенциализм — философия кризиса, в кн.: Критика совр. бурж. идеологии, [Петрозаводск], 1963; Главный труд Канта (вступ. ст.), в кн.: Кант И., Соч., т. 3, М., 1964; Технофобия — болезнь социальная, «Коммунист», 1965, № 9; Социалистическая идеология и исторический опыт народов, «ВФ», 1965, № 4; Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме, М., 1965; Философия кризиса и кризис философии, в сб.: Совр. экзистенциализм, М., 1966; Некоторые вопросы истории философии как науки, в сб.: Методология, вопросы обществ. наук, [М.], 1966; Марксистско-ленинское понимание свободы, М., 1967; Zur Geschichte der vor-marxistischen Philosophie V., 1960; Die Entfremdung als historische Kategorie, В., 1965; Le problème de l'aliénation dans les travaux de jeunesse de Marx, в кн.: Philosophie soviétique, [P., 1963].

ОКЕН (Oken) (наст. фамилия — Оккенфус), Лоренц (1 авг. 1779—41 авг. 1851) — нем. естествоиспытатель-натурфилософ, ученик и последователь Шеллинга. После окончания медицинского ф-та и защиты докторской диссертации был с 1807 профессором в Йене. В 1828—32 — в Мюнхене, в 1832—1851 — в Цюрихе. О. занимался активной обществ. деятельностью, отстаивая свободу слова; создал и более 30 лет издавал журн. «Isis oder Encyclopädische Zeitung». В 1822 О. организовал первый съезд нем. естествоиспытателей и врачей. Задачей натурфилософии, изложенной в кн. «Учебник натурфилософии» («Lehrbuch der Naturphilosophie», Bd 1—3, Jena, 1809—11, 3 Aufl., Z., 1843), является, по О., изучение возникновения Вселенной (космогенеза), Земли (геогенеза) и органич. мира (органогенеза). Натурфилософия О. носит детич. характер: богу он приписал лишь создание первичной материи — эфира. Космогенеза и геогенеза О. сводится к представлению о том, что эфир (или «огонь») под действием полярных сил разделяется на легкую (космическую) и тяжелую (земную) материю, состоящую из элементов (водорода, кислорода и углерода). Эти представления О. несут на себе следы влияния первых успехов органич. химии и физиологии растений. В органогенезе О. содержатся наряду с фантастич. представлениями и смелые догадки, предвосхитившие науч. открытия последующего времени (углерод как основа живой материи; предвосхищение теории клетки и др.). Пророч. смысл этих фантазий О., а также близость О. к идее эволюции органич. мира отметил Энгельс (см. «Анти-Дюринг», 1966, с. 7, прим.; «Диалектика природы», 1964, с. 15, 175, 176, 177). Подобно своим современникам Тидеману и Меккелю, О. приблизился и к идее повторения в индивидуальном развитии высших животных последоват. ступеней организации низших. Пользуясь шеллингианским методом аналогий, О. создал фантастич. классификацию живых существ. Несмотря на фантастичность многих из этих аналогий, они сыграли известную положит. роль, в частности представление О. о том, что части черепа соответствуют позвонкам. Эту «позвоночную теорию» черепа, кроме О., отстаивал и Гётте; она впоследствии возродилась в учении о метамерии головы позвоночных. Давая оценку нем. натурфилософии и имея в виду прежде всего О., Энгельс писал, что она «... заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями... При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 304—05).

Большое влияние О. оказал на рус. философию нач. 19 в. (Велланского; М. Павлова; «любомудров» — Одоевского и Веневитинова; Максимовича; см. об этом в кн.: П. П. Сакулин, Из истории русского идеализма..., т. 1, ч. 1, М., 1913, гл. 2).

Соч.: Übersicht des Grundrisses des Systems der Naturphilosophie, Fr./M., 1804; Über das Universum..., Jena, 1808; Allgemeine Naturgeschichte für alle Stände, Bd 1—7, Stuttgart, 1833—41, Register, Stuttgart, 1842; Gesammelte Schriften, В., 1939; в рус. пер.— Обзорение главных содержаний филос. естествознания..., СПб., 1815; О свете и теплоте, как известных состояниях всемирного элемента, СПб., 1816; Всеобщая естественная история для всех состояний, т. 5, [СПб., 1836] (рец. в журн. «Сын отечества», 1836, ч. 182, и в газете «Северная пчела», 1836, № 285, 12 декабря).

Лит.: Лункевич В. В., От Гераклита до Дарвина, т. 3, М.—Л., 1943, гл. 3; Бляхер Л. Я., История эм-

риология в России с сер. XVIII до сер. XIX в., М., 1955, гл. 10; его же, От «позвоночной теории» черпа к учению о метамерии головы позвоночных, в сб.: *Анналы биологии*, т. 1, М., 1959; Гайсенович А. Е., К. Ф. Вольф и учение о развитии организмов, М., 1961; Кациельсон З. С., Клеточная теория в ее историч. развитии, Л., 1963; Ecker A., L. Oken. Eine biographische Skizze, Stuttg., 1880; Schuster J., Oken. Der Mann und sein Werk, В., 1922; Strohl J., L. Oken und G. Büchner, Z., [1936]; Pfannenstiel M., Zaunick R., L. Oken und J. W. Goethe, «Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und die Naturwissenschaften», 1938, Bd 31, N. 6; 1941, Bd 33, N. 3, 4; Pfannenstiel M., L. Oken. Sein Leben und Wirken, Freiburg im Breisgau, 1953. Л. Бляхер. Москва.

ОККАЗИОНАЛИЗМ (от лат. *causa occasionalis* — случайная причина) — направление в зап.-европ. философии 17 в., идеалистически решавшее поставленный дуализмом Декарта вопрос о взаимоотношении души и тела. Представителями О. являлись Клауберг, Гейлинкс, Мальбранш и др. Непоспособность картезианского дуализма объяснить факты воздействия души на тело и наоборот послужила исходным пунктом О. и была истолкована им как принципиальная невозможность взаимодействия души и тела. То, что в опыте представляется телесной причиной того или иного действия или какой-либо мысли, в действительности, по учению О., есть не более чем «повод» для деятельности истинной «действующей» причины, какой может быть только бог. Тем самым О. объявлял взаимодействие тела и духа результатом непрерывного «чужда» — прямого вмешательства божества в каждом отдельном психич. состоянии, возникшем под влиянием физических раздражений, или, наоборот, физических движений под влиянием ощущений, мыслей, чувств, желаний и т. п.

Идеалистич. переработку картезианства завершил Мальбранш, к-рый выступил с решит. утверждением невозможности влияния не только тела на душу, но и тела на тело. Тем самым он объявил бога единств. движущей силой не только при взаимодействии тела и духа, но и при взаимодействии тел. Т. о., от критики психофизич. причинности О. перешел к отрицанию естеств.-физич., материальной причинности вообще. Идеалистич. критика О. психофизич. и естеств. причинности стала одной из теоретических предпосылок, субъективно-идеалистич. критики причинности Юмом.

Лит.: Введенский А. И., Декарт и О., Берлин—П.—М., 1922; Быховский Б. Э., Философия Декарта, М.—Л., 1940, с. 138—48; Lenoire R., Mersenne ou la naissance du mécanisme, P., 1943 (отрывки из соч. окказионалистов и библи.); Fontana G., Studi su la filosofia dell'età cartesiana, Brescia, 1947; Valz A., Cartesian studies, N. Y., 1954; Giacomini C., La causalità nel razionalismo moderno, Mil., 1954; Callot E., Problèmes du cartésianisme..., Gardet—Annecy, 1956. В. Соколов. Москва.

ОККАМ (Occam), Уильям (ок. 1300—10 апр. 1349) — англ. схоластик, представитель позднего номинализма. Принадлежал к францисканскому ордену, до 1324 учился и преподавал в Оксфордском ун-те; привлеченный по обвинению в ереси к суду папской курии, провел 4 года в заточении в Авиньоне, бежал в Мюнхен к ппн. Людвигу Баварскому, ведшему борьбу с папой; написал здесь большинство своих филос. произведений. Будучи активным политиком-публицистом, О. решительно боролся против господства церкви над государством, был сторонником строгого разграничения сфер их юрисдикции, допускал, что собор и сам папа могут впасть в заблуждения и ересь. Эти взгляды О. прокладывали дорогу Реформации. О. был сторонником сословной монархии.

Универсалии, по О., не могут иметь существования вне человек. ума, ибо в этом случае они были бы единичными вещами, что противоречит самому определению универсалий как общих сущностей. Универсалий как идеальных образцов всего сущего нет и в божеств. уме. Значит, прогрессивную роль сыграла развитая

О. в этой связи критика схоластич. реализма, получившая название «бритвы О.» или «принципа бережливости», выраженного О. в словах: «Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости» (*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*), или «бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего» (*Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora*). Будучи одним из ранних лозунгов эмпиризма, «брита О.» требовала изгнания из науки многочисл. «субстанциальных форм», «натур», «скрытых качеств» и др. измышленных сторонников реализма. О. подверг также критике концепцию «интенциональных копий», или «видов» (*species*), игравших у Фомы Аквинского и др. схоластиков-реалистов роль посредников между материальным миром и нематериальной душой и делающих возможным познание человеком единичных вещей и общих отношений между ними («универсалий»). Как номиналист, О. утверждал, что предмет всякого познания — только единичное, индивидуальное, различая при этом познание интуитивное и абстрактное. Первое только констатирует существование того или иного предмета и является исходным пунктом опытного познания, а второе, отвлекаясь от вопроса о существовании или несуществовании реальных предметов, есть знание отношений между понятиями или, точнее, замещающими их терминами, играющими роль знаков по отношению к тем или иным понятиям (т. н. терминизм О.). Т. о., О. утверждал, что непосредств. предметом человек. познания являются слова и предложения и что науки различаются только специфич. характером последних. Учение О. о познании содержало зародыш субъективизма, усиливающегося также в связи с тем, что О. отвергал объективность отношений между вещами, к-рые схоласты-реалисты истолковывали как нечто отдельное от самих вещей. Реальное существование, согласно О., принадлежит только единичным субстанциям, обладающим теми или иными качествами, а все остальные аристотелевские категории не имеют никакого соответствия в самой действительности. Из этой номиналистич. позиции О. вытекало также отрицание объективного характера причинной зависимости, всемерно использованное номиналистами нового времени.

В. Соколов. Москва.

Предметом логики О. считал свойства знаков. Для О. характерно также сближение науч. методов, применяемых в логике, риторике и грамматике. Так, согласно О., «логика, риторика и грамматика суть по-разному познавательные руководства, а не спекулятивные дисциплины, так как они действительно управляют интеллектом в его деятельности». Этот тезис О. защищал в работе: «*Summa totius logicae*». Как и все ср.-век. логики-номиналисты, О. специально выделял т. н. соизначающие (*connotative*) имена (с грамматич. т. зр. — прилагательные и причастия). Так, напр., в объем понятия «треугольный» входят не только конкретные треугольники, но и предметы абстрактные («треугольность»). Заметен вклад О. в ср.-век. концепцию следования (*de consequentiis*). Он понимал уже самое следование в значении, очень близком тому, к-рое формализуется посредством материальной импликаци. О. выявлял правила следования: 1) из невозможного суждения следует все, что угодно, 2) необходимое суждение следует откуда угодно (см. «*Summa Logicae*», с. 70А, изложено по кн.: Prantl K., *Geschichte der Logik im Abendlande*, Bd 3, Lpz., 1867, S. 129—30). В области модальной силлогистики О. широко использовал всемогат. средства мнемоники. Так, напр., ему принадлежит спец. логический квадрат (подобный известному логич. квадрату Михаила Псефала) для обозрения взаимоотношения осн. функторов модальной силлогистики. О. внес известный вклад и

В решение проблемы об элиминации парадоксов семантических. Согласно О., причина появления парадоксов заключается в том, что термины, употребляемые для обозначения предложений, используются иногда для обозначения тех же самых предложений, куда эти термины входят в качестве составной части, что недопустимо (см. «Summa Logicae», III, 3, ch. 45, fol. 94). Т. зр. О. сводится, т. о., к запрещению возвратных определений (т. е. определенных с кругом). Здесь он руководствовался своей «бритвой» и считал свое решение предельно общим (в том смысле, что если его предписание соблюдено, то парадокс не возникает).

И. Стяжкин. Москва.

В развитии ср.-век. и последующей философии весьма прогрессивную роль сыграл взгляд О. на отношение веры и знания, ставший одним из наиболее влиятельных вариантов теории двойственной истины. Вера и знание радикально различаются, согласно О., как по предмету, так и по методу. Знание опирается прежде всего на опыт и содержит истины или очевидные, или выводимые из них, его предмет — телесная природа. Вера полностью иррациональна, не имеет никакого отношения к доказательству и разуму, целиком почерпнута из откровения, сфера ее действия — область «спасения», т. е. моральных постулатов человека. В этой связи О. не только отвергал доказуемость тех или иных догматов христ. вероучения, но и возможность доказательства самого существования бога, к-рое представляло гл. теоретич. интерес для схоластов-реалистов. Борьба О. за секуляризацию гос. власти в качестве своей теоретич. базы имела конценцию двойств. истины. В дальнейшем окканизм неоднократно осуждался папством и парижскими богословами (1339, 1340, 1346, 1474). О. оказал значит. влияние на развитие ср.-век. естествознания (парижские номиналисты — Буридан, Николай Орем, Николай из Отрекура). Влияние философских идей О. было еще очень значительно в 17 в. (Ф. Бэкон, Гоббс, Локк).

Соч.: Quodlibeta septem, [Stras.], 1491; Centiloquium theologium, Lugduni, 1495; Philosophia naturalis, Roma, 1637; Summa totius logicae, Oxoniae, 1665; The «De Sacramento altaris» of W. of Ockham, ed. T. V. Birch, Burlington (Iowa), 1930; The «Tractatus de successives», St. Bonaventure (N. Y.), 1944; The «Tractatus de praedestinatione et de praesentia dei et de futuris contingentiis», St. Bonaventure (N. Y.), 1945; Summa logicae, ed. by Ph. Boehner, v. 1—2, St. Bonaventure (N. Y.) — Louvain, 1951—54 (издание не закончено); Opera politica, v. 1, 3, Mancunil, 1940—56; Philosophical writings. A selection, [Edin.—N. Y.], 1957; Opera plurima, v. 1—4, L., 1962.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 476—79; История философии, т. 1, М., 1957, с. 292—93; Трахтенберг О. В., Вильям О. и предистория англ. материализма, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1944, т. 1, № 3; его же, Очерки по истории западно-европ. средневеков. философии, М., 1957, с. 487—211; Стяжкин И. И., Элементы алгебры логики и теории семантических антиномий в поздней средневековой логике, в сб.: Логич. исследования, М., 1959; Canella G., Il nominalismo e G. d'Occam, Padova, 1904; Muschietti C., Breve saggio sulla filosofia di G. d'Occam, Bellinzona, 1908; Kugler L., Der Begriff der Erkenntnis bei W. von Ockham, Breslau, 1913; Hochstetter E., Studien zur Metaphysik und Erkenntnislehre W. von Ockham, B.—Lpz., 1927; Abbagnano N., Guglielmo di Ockham, Lanciano, [1931]; Moser S., Grundbegriffe der Naturphilosophie bei W. von Ockham, Innsbruck, 1932; Moody E. A., The logic of W. of Ockham, L., 1935; Zuidema S. U., De philosophie van Occam..., Hilversum, 1936; Tognay S. C., The nominalism of W. of Ockham, Chi., 1936; Giamon C., G. de Occam, v. 1—2, Mil., 1944; Намман А., La doctrine de l'église et de l'état chez Occam, P., 1942; Scholz R., W. von Ockham als politischer Denker und sein «Breviloquium de principatu turannico», Lpz., 1944; Lagarde G. de, La naissance de l'esprit laïque au déclin du moyen âge. L'individualisme Occamiste, pt. 4—6, P., 1942—46; Gselluy R., Philosophie et théologie chez G. de Ockham, Louvain, 1947; Martin G., W. von Ockham, B., 1949; Baudry L., G. d'Occam, P., 1949; Menges M. C., The concept of univocity regarding the predication of God and creature according to W. Ockham, St. Bonaventure, 1952; Webering D., Theory of demonstration according to W. Ockham, St. Bonaventure (N. Y.), 1953; Vasoli G., G. d'Occam, Firenze, [1953]; Prantl C.,

Geschichte der Logik im Abendlande, Bd 3, V., 1957, S. 327—420; Baudry L., Lexique philosophique de G. d'Occam, P., [1958]; Boehner P., Collected articles on Ockham, St. Bonaventure (N. Y.) — Louvain—Paderborn, 1958.

В. Соколов. Москва.

ОККУЛЬТИЗМ (от лат. occultus — тайный, сокровенный) — мистич. учение, в основе к-рого лежит представление о существовании сверхъестеств. («оккультных») сил, с к-рыми якобы можно вступать в общение при помощи магии. Рассматривая человека как перархич. сочетание различных «планов бытия», О. считает, что с помощью спец. методов психич. тренировки и магич. воздействия на сверхъестеств. силы можно осуществить восхождение в т. н. «высшие планы бытия» и достичь «тайного знания», выходящего за пределы обычного человек. опыта.

Первым и осн. оккультным трактатом считается «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста (ок. 2 в. н. э.), по имени к-рого оккультные науки получили в дальнейшем название «герметических»; в александрийских школах 3 в. н. э. они были классифицированы на алхимию, астрологию и каббалу. В качестве осн. метода «оккультных наук» в «Изумрудной скрижали» устанавливается метод аналогии. В ср.-век. Европе широкое обращение к О. начинается с Луллия и Альберта фон Большетта. Луллий на основе древнеевр. каббалы дал комбинационную тео-онтологич. систему, объясняющую «все тайны вселенной». Его работы были продолжены Агриппой Неттесхеймским и Афанасием Кирхером (1602—80). Оккультные соч. Р. Бэкона, П. Фламея (конец 14 в.), Парацельса, Яна Баптиста Гельмонта полны головокружных символов и загадочных шифров. Период увлечения О. пережили Дж. Бруно, Коперник и Ф. Бэкон.

Развитие естествознания и материалистич. философии в 16—18 вв. подорвало веру в О.: химия, математика, астрономия вытеснили «герметич. науки». Во 2-й пол. 19 в. он возрождается среди мистически настроенной бурж. интеллигенции и развивается по двум линиям: с одной стороны — спиритизм и черная магия, с другой — слияние зап. и вост. систем О. Под влиянием буддизма и даосизма, а также философии йогов складывается теософия.

Е. Головин. Москва.

Наиболее влиятельным представителем О. в сер. 19 в. был франц. аббат А. Констан (1810—75), к-рый опубликовал под псевдонимом Э. Левн ряд книг по каббалистике, магии и т. п. Странники совр. О. считают, что науки разделяются на экзотерические, изучающие внешнюю форму явлений природы, и эзотерические, исследующие их внутр. сущность, доступную только посвященным. К. Дю Прель (1839—99), пытаясь соединить О. с дарвинизмом, объявил О. «новым естествознанием» (C. du Prel, Die Magie als Naturwissenschaft, B., 1899). Эти воззрения развивали глава виталистов Г. Дриш (H. Driesch, Der Okkultismus als neue Wissenschaft, 1923), психологи Т. Остеррейх (T. K. Oesterreich, Der Okkultismus im modernen Weltbild, 1921), П. Тиннер (R. Tischner, Der Okkultismus als Natur und Geisteswissenschaft, Stuttgart, 1926; Ergebnisse okkulter Forschung, Stuttgart, 1950) и др.

Распространение О. — свидетельство упадка и разложения бурж. культуры. В США, Зап. Германии, Франции, Англии имеется ок. 30 видов «оккультных наук»; особенно распространена «оккультная медицина» (см. разоблачение ее в сб. «Medizinischer Okkultismus. Paramedizin», Jena, 1962). В бурж. странах есть спец. издательства оккультной литературы, издаются журналы («Okkulte Welt» и др. — в ФРГ, «Prediction» — в Англии, «Neue Wissenschaft» — в Швейцарии). В США имеются учебные заведения: Американский колледж астральных наук, Колледж магов, Школа астрологии и оккультных наук.

В 1959 в Англии возникло «Общество в защиту магии». В 1962 в ФРГ в Вюрцбурге состоялась междунар. конференция оккультистов. О. использует веру в чудеса, слепое доверие к вымыслам мистиков древности, убеждение в том, что гл. источник познания — откровение и мистич. интуиция. Материалистич. философия и естествознание разоблачают О. как вредное суеверие.

М. Шахнович. Ленинград.
Лит.: Тухолька С., О. и магия, СПб, 1907; Аптосевский И. К., Библиография О., СПб, 1910; Аггирра Н. С., De occulta philosophia, [Cologne], 1533; Леві Е., Dogme et rituel de la haute magie, 2 éd., v. 1—2, P., 1861; Paris [Encausse G. A. V.], Traité élémentaire de science occulte, 10 éd., P., [1926]; Amadou R., De l'occultisme, P., 1950; Hutin S., L'Alchimie, P., 1951; Moser F., Der Okkultismus, Bd 1—2, Münch., 1935; Hartlaub G., Das Unerklärliche. Studien zum magischen Weltbild, 1952; Стротауа Н., La Kabbale, [2 éd.], P., [1957].

Критич. лит.: Цейтлин З. А., Философия и логика спиритуалистич. мышления (Магия и религия), «Воинствующий атеизм», 1931, № 5, 6, 10; Зыбковец В. Ф., О белой и черной магии, М., 1963; Шахнович М. И., Совр. мистика в свете науки, М., 1965; Lehmann A., Aberglaube und Zauberei. Von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, 3 Aufl., Stuttg., 1925; Zwergen G., Magie, Sternenglaube, Spiritismus, Lpz., 1956; Wünschelrute, Erdstrahler und Wissenschaft, Hrsg. von Otto Prokop, Lpz.—Jena, 1957.

ОКУЛОВ, Александр Федорович (р. 12 сент. 1908) — сов. философ, профессор (с 1958), д-р филос. наук (с 1958). Член КПСС с 1931. Окончил Ин-т журналистики (1937) и аспирантуру АОН при ЦК КПСС по кафедре истории философии (1950). В 1937—48 — на парт. работе. Зам. директора Ин-та философии АН СССР (1951—64). С 1964 — директор Ин-та науч. атеизма АОН при ЦК КПСС. Ведет науч. работу по истории марксистской философии, историч. материализму, науч. атеизму, по критике бурж. философии. Один из авторов и редакторов кн. «Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР», «История философии»; член редколлегии «Филос. энциклопедии».

Соч.: За глубокую науч. разработку совр. проблем атеизма, в сб.: Вопросы науч. атеизма, вып. 1, М., 1966; Окин-ев И. П. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», М., 1953; Научное предвидение — основа партийного руководства, «ВФ», 1953, № 2; В. И. Ленин об идеиных истоках и классовой сущности социал-демократизма, М., 1954; Творчество масс — источник неизбежности коммунизма, М., 1956; Борьба Г. В. Плеханова против неокантианской ревизии марксизма, «ВФ», 1956, № 6; Борьба В. И. Ленина против ревизионизма, за чистоту марксистской теории, там же, 1958, № 7; 40 let sovětské filosofie, «Filosofický časopis», 1958, № 2; Великое филос. произведение творч. марксизма, М., 1959 (совм. с В. В. Мшвениерадзе); Острейшее оружие в борьбе против ревизионизма, «Коммунист», 1959, № 6; Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма, М., 1959; Чему учит и кому служит совр. бурж. социология, М., 1960 (совм. с Т. Ойзерманом); Некоторые вопросы развития сов. философии после XX съезда КПСС, «ВФ», 1962, № 1.

ОЛАВИДЕ, О л а в и д е - Х а у р е г и (Olavide у Jauregui), Пабло Антонио Хосе де (1725—1802) — исп. обществ. деятель. Род. в Лиме (Перу), образованные получил в Испании, в ун-тах Алькала и Мадридском; д-р канонич. права (1741). Под влиянием франц. энциклопедистов стал сторонником деизма, критиковал и осмеивал церк. обряды. О. состоял в переписке с Вольтером, Дидро, Руссо, в его салоне в Мадриде собирались видные представители исп. Просвещения. В ноябре 1776 был арестован инквизицией и заключен в секретную тюрьму в Мадриде. В 1780 бежал в Венецию, затем в Париж, где был восторженно встречен в кругах энциклопедистов. Кошвен присвоил ему (1793) звание гражданина Франц. республик, однако в период якобинской диктатуры О. был арестован (1794) по обвинению в контрреволюц. деятельности и заключен в тюрьму. В его мировоззрении произошел резкий сдвиг вправо; еще в тюрьме он начал писать труд «Торжествующее евангелие, или История разочарованного философа» («El evangelio en triumpho, o historia de un filósofo desengañado», v. 1—4, Valencia, 1797—98; посл. изд.—Md, 1915), в к-ром отрекся от своих прежних убеждений, за что

получил прощение от инквизиции и в 1798 вернулся в Испанию.

Лит.: Александров Г., Из истории исп. философии, «ПЗМ», 1939, № 2; Diderot D., Don Pablo Olavidès, в кн.: Oeuvres complètes de Diderot, t. 6, P., 1875, p. 467—72; Lavallée y Arias de Saavedra J. A. de, Don P. de Olavide, Lima, 1859; 2 изд., в его кн.: Estudios históricos, Lima, 1935; Castañeda y Alcover V., Relación del auto de fe en el que se condenó a don Pablo de Olavide, Md, 1916. В. Афанасьев, Ленинград.

ОЛЕЙНИЧУК, Семен Никитов (1798—27 июля 1852) — крест. публицист, выразивший в своем творчестве идеи нар. свободомыслия 19 в. За рукописное соч. «Историч. рассказ природных или коренных жителей Малороссии Заднепровской...», явившееся смелым вызовом крепостничеству, О. был в 1849 арестован, заключен в Киевскую, затем Шлиссельбургскую крепость, где и умер. Не поднявшись до атеизма, О. ратовал за распространение в народе науч. знаний, высмеивал нек-рые религ. догматы (о троичности бога и др.). История рассматривалась О. как «зеркало веков и действий народов»; постигая ее смысл, народы извлекают «драгоценные уроки мудрости» (ЦГАОР, ф. III отд., 1 экз., д. 376, л. 106, 92 об., л. 67 об.). Природа и общество — не царство покоя, а «мир, наполненный противоположностями» (там же, л. 64).

Лит.: Щеголев П. Е., Историч. этюды, СПб, 1913; Коган Л. А., Связь филос. идей в рус. нар. свободомыслии XIX в. с традициями народной культуры, «ФН» (НДВНД), 1963, № 1. Л. Коган, Москва.

ОЛЕКСЮК, Мирослав Митронович (р. 6 июня 1925) — сов. философ, доктор филос. наук (с 1963). Член КПСС с 1944. Окончил филологич. фак-т Львовского ун-та (1950). Профессор Львовского ун-та, директор Ин-та обществ. наук (с 1964). Работает в области истории философии.

Соч.: Общественно-политич. взгляды Л. Украинки, Львов, 1954; Атеистичн. взгляды Лесі Українки, Львів, 1958; Філософсько-атеистичн. погляди С. Тудора, [Львів], 1962; С. Тудор и идеология. Борьба на Западной Украине в 20—30 гг. XX ст., К., 1963; Розвиток філософської думки на західноукраїнських землях в 20—30 рр. XX ст., в сб.: 3 історії філософської думки на Україні, К., 1963; Борьба материализму против идеализма в домарксистской философии, Львів, 1966.

ОЛЕНОВ, Михаил Ильич (29 апр. 1876 — 4 апр. 1957) — экономист и социолог. Окончил мед. фак-т Киевского ун-та (1904), студентом вступил в революц. движение (1899), в ссылке познакомился с марксистом. Критиковал экономич. и социологич. концепции либерального народничества, струвизма, зап. бурж. идеологов и ревизионистов (В. Зомбарт, Г. Шмоллер, Э. Бернштейн, Э. Давид и др.). В работе «Идеализм в обществ. науке» («Правда», 1904, т. 9), «Так называемый „кризис марксизма“» (СПБ, 1906), «Идеология рус. буржуа (О старом и новом либерализме)» (СПБ, 1906), «Народный или мешанский социализм?» («Совр. мир», 1907, № 1); «О типах бурж. революции» («Образование», 1908, № 1) и др. защищал марксизм от нападок его «критиков». Ленин положительно оценил выступление О. против рус. «критика» марксизма П. Маслова (см. Соч., т. 13, с. 272). С 1922 О. занимался преподават. деятельностью, принимал участие в работе Науч. об-ва марксистов; с 1925 заведовал кафедрами ленингр. вузов, проф. (с 1926) Коммунистич. и Гос. ун-тов, педагогич. и др. вузов Ленинграда. В 40-х гг. О. ратовал над темой «Нем. вульгарная политич. экономия и ее крах в фашизме» (не закончена).

Соч.: Борьба за рабочий день и революция, Л., 1926. В. Клаушн, Ленинград.

ОЛИМПИОДОР (Ὀλμπιόδωρος) М л а д ш и й из Александров (6 в.) — античный философ, представитель александрийского неоплатонизма, отходившего от неоплатонич. интерпретации Платона и Аристотеля. Написанная им «Жизнь Платона» («Vita Platonis», в кн.: Diogenes Laertii, De clarorum philosophorum

horum vitis..., P., 1878) является одним из осн. источников для биографии этого философа.

Соч.: Commentarii in Platonis Alcibiadem priorum, ed. F. Creuzer, in kn.: Initia philosophiae ac theologiae ex platonis fontibus ducta, p. 2, Francofurti ad Moenum, 1821; Scholia in Platonis Philibum, ed. Stallbaum, Lipsiae, 1826; Commentarii in Aristotelis Meteora, ed. G. Stüve, [s. l.], 1900; Prolegomena et in Categorias commentarium, ed. A. Busse, [s. l.], 1902; Olympiodori philosophi in Platonis Phaedonem commentaria, ed. W. Norvin, Lipsiae, 1913; Platonis in Corinthiam commentaria, ed. W. Norvin, Lpz., 1936.

Лит.: Zeller E., Die Philosophie der Griechen, 5 Aufl., Tl 3, Abt. 2, Lpz., 1923. А. Лосев. Москва.

ОЛЫМПИОДОР Старший из Александрин (5 в.) — античный философ, аристотелик, учитель Прокла.

Лит.: Diogenes Laertius, De clarorum philosophorum vitis... libri decem, recensuit C. G. Cobet et Ant. Westermann et Marini vita Procli..., P., 1878, IX; Zeller E., Die Philosophie der Griechen, 5 Aufl., Tl 3, Abt. 2, Hälfte 2, Lpz., 1923, S. 804. А. Лосев. Москва.

ОЛЬМИНСКИЙ (наст. фам. — Александров), Михаил Степанович (парт. псевд. — «Галерка», Витимский) (3 октября 1863 — 8 мая 1933) — пропагандист марксизма в России, публицист, историк, лит. критик. Род. в Воронеже в семье чиновника. С 1883 — студент юридич. фак-та Петерб. ун-та; примыкал к народольцам, одновременно по поручению *Благодеева* вел занятия в одном из с.-д. рабочих кружков. Подвергался арестам и ссылке. Марксистская лит-ра и совместная работа с социал-демократами сносились отходу О. от народнич. воззрений (см. листовку «От группы народольцев», 1892; передовую статью «Рабочего сборника», 1894). В 1898 О. вступил в РСДРП. В 1904 эмигрировал за границу. Вместе с Лениным работал по изданию газ. «Вперед» и «Пролетарий». Вернувшись в 1905 в Россию, активно участвовал в большевистских изданиях («Новая жизнь», «Вестник жизни», «Звезда», «Правда», «Просвещение» и др.), вел парт. работу в Баку, работал в с.-д. орг-циях Саратова и Москвы. В период Февральской бурж.-демократич. революции 1917 был кооптирован в бюро ЦК партии, работал в МК партии и в редакции «Правды». Делегат и пред. VI съезда партии. Активно участвовал в Великой Октябрьской социалистич. революции 1917. После революции руководил Истпаргом (с 1920), являлся (с 1921) редактором журн. «Пролетарская революция», вел активную публицистич. деятельность. В многочисл. статьях и брошюрах на политич. темы О. бросяще пропагандировал теорию, тактику и организац. принципы марксистско-ленинской партии. В. И. Ленин не раз поздравлял О. с удавшимися статьями (см. Соч., т. 19, с. 145; т. 35, с. 69), отмечал, что О. выступает «замечательно удачно», «чрезвычайно кстати», «... в краткой, но ясной форме превосходно» (там же, т. 35, с. 31). О. — один из первых рус. историков-марксистов. Опровергая идеалистич. теорию надклассового государства, он дал в целом правильный, несмотря на нек-рые ошибки, анализ собранного им обширного материала по истории российского гос-ва («Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России», II, 1910; 3 изд., М.—Л., 1925). Большую ценность представляют его работы по истории революц. движения в России («В тюрьме» и др.).

В своих лит.-критич. работах О. с позиций марксистско-ленинской философии критиковал субъективный идеализм и др. реакц. взгляды в эстетике [рецензия на книгу И. Гершензона «История молодой России», 1908 (см. «Обозрение», 1908, № 2) и на сборник «Вопросы теории и психологии творчества», 1907 (см. «Совр. мир», 1908, № 3)], разоблачал теорию «чистого искусства» («Преодоление эстетики», 1911; «О сборнике В. Башкина», 1907; «О Сергее Кречетове», 1907; «О Вербицкой», 1914; «По поводу одного рассказа», 1913), давал характеристику эстетич. воззрений Маркса и Энгельса (рецензия на книгу «К. Маркс и

Ф. Энгельс о литературе», 1933, не опубл.) и т. д. Анализируя лит. произведения, О. развивал положение марксистско-ленинской эстетики о связи иск-ва и лит-ры с жизнью, рассматривал осн. категории эстетики (см. «По литературным вопросам», 1932). О. подчеркивал, что художник — это «политический деятель», творчество к-рого проявляется не в отвлеч. политич. формулах, а в художеств. образе: «Не дело художника давать прямые советы и указания. Его область — главным образом область исследования тех психологических надстроек, которые не определяют... форм классовой борьбы, но зато одухотворяют, облачают плоть и кровью личност., через которую требования классовой борьбы получают свое осуществление» (Статьи о Салтыкове-Щедрине, 1934, с. 63). Разоблачая упаднич. тенденции в иск-ве («Куприн и Арцыбашев», 1912; «Беллетрист» В. Винниченко», 1911; «Искусство и Ф. Сологуб», 1913; «Леонид Андреев. (Два типа)», 1911; «По поводу одного рассказа», 1913), О. характеризовал формализм как проявление эстетич. нищеты, патологич. в иск-ве. О. высоко оценивал творчество передовых рус. писателей 19 в. («Как они работали. Пушкин о себе», 1927; «А. В. Кольцов», 1926; «Об А. Чехове и Овсянко-Куликовском», 1900; «Прошлое и настоящее», 1915). О. выступил пионером марксистского исследования творчества *Салтыкова-Щедрина*, он был составителем «Щедринского словаря». Отбивая нападки реакции на Горького («Поход против М. Горького», 1913), поддерживая Д. Бедного и др. пролетарских писателей, О. утверждал, что лишь иск-во социалистич. реализма «провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека» (ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 31, л. 3).

Соч.: Соч., т. 2, М., 1935; Из эпохи «Звезды» и «Правды», М., 1956.

Лит.: Лежава О. и Нелидов Н., М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность, М., 1962.

П. Волков. Москва.

ОМАР ХАЙЯМ (р. ок. 1048 — ум. ок. 1130) — философ, поэт, математик, классик тадж. и перс. лит-ры и науки, автор известных четверостиший (рубаи), филос. и математич. трактатов. К сожалению, тексты рубаи О. Х. еще не могут считаться окончательно установленными. О. Х. воспевае радости жизни, высмеивает мусульм. духовенство и религ. обряды. Лейтмотивом его поэзии является мысль о бренности бытия, о беспрестанном движении, о переходе одних вещей в другие.

Филос. трактаты О. Х. («Трактат о бытии и долженствовании», «Ответ на три вопроса», «Свет разума о предмете всеобщей науки», «Трактат о существовании» и «Трактат о всеобщности существовании») следует рассматривать как ответы О. Х. на обвинения в безбожии. В «Трактате о бытии и долженствовании» обсуждается вопрос о том, существует ли бог и нужно ли молиться пророку. Ответы даются положительные, но не на основе догм ислама, а на основе рационалистич. философии *Ибн Сины*. В «Ответе на три вопроса» обсуждаются вопросы о наличии зла в мире, о детерминизме и о долговечности; здесь О. Х. отказывается от детерминизма, являющегося существенным элементом философии *Ибн Сины*. В своих филос. трактатах О. Х. высказывается свободно только по вопросу о природе общих понятий, так как этот вопрос не был непосредственно связан с мусульм. теологией. В отличие от *Ибн Сины*, считавшего, что общие понятия существуют тройко: до вещей, т. е. в божеств. разуме, в вещах и после вещей (в разуме человека), О. Х. считал, что общие понятия существуют только в вещах и в человек. разуме: «...Существование относительно и распадается на два смысла... Эти два смысла — это... бытие в вещах, для которого среди людей название „существование“ более правильно для всех, и, во-вторых,

существование в душе» («Ответ на три вопроса...», в кн.: «Трактаты», М., 1961, с. 160). Такая точка зрения впоследствии получила в Европе название концептуализма и, как известно, сыграла важную роль в истории ср.-век. философии. Пятый трактат представляет собой краткое изложение основ метафизики и логики, предназначенное, по-видимому, для одного из вельмож.

Вопрос о мировоззрении О. Х. был предметом идейной борьбы между материалистами и идеалистами. В этой борьбе материалисты боролись против взгляда на О. Х. как на представителя суфийской мистики.

В своих математич. трактатах О. Х. сделал ряд крупных открытий: разработал способ извлечения корней любой степени из натур. чисел, дал полную классификацию кубич. уравнений и предложил геометрич. способ решения каждого уравнения; развил доказательство постулата *Эвклида*, сыгравшее существов. роль в подготовке открытия неэвклидовой геометрии, и т. д.

Соч.: Трактаты, вступ. статья и комментарии В. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961; Рубайят, пер. и вступ. ст. В. Дерявина, [Сост. и общ. ред. К. Айни], Душанбе, 1965. Лит.: Морочник С. Б. и Розенфельд В. А., Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый, [Душанбе], 1957; Розенфельд В. А. и Юшкевич А. П., Омар Хайям, М., 1965; Christensen A., Critical studies in the Rubā'iyāt of Omar-ī-Khayyām, Kbh., 1927.

С. Морочник, Душанбе, В. Розенфельд, Москва.

ОМЕЛЬЯНОВСКИЙ, Михаил Эразмович (р. 19 янв. 1904) — сов. философ, доктор филос. наук (с 1946), профессор (с 1946), академик Академии наук УССР (с 1948). Член КПСС с 1938.

Соч.: О докторской диссертации Маркса, «ПЗМ», 1935, № 1; Филос. основы теории измерения, Бийск, 1943 (Дисс.); Ленин о пространстве и времени и теория относительности Эйнштейна, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1946, т. 3, № 4; В. И. Ленин и физика XX века, М., 1947; Против субъективизма в квантовой механике, К., 1953; Против индетерминизма в квантовой механике, в кн.: Филос. вопросы совр. физики, К., 1956; Филос. вопросы квантовой механики, М., 1956; Диалектич. материализм и совр. физика, в кн.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1958, № 10; Ленин о причинности и квантовой механике, «Вестн. АН СССР», 1958, № 4; Диалектич. материализм и проблема реальности в квантовой физике, в кн.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; В. И. Ленин и филос. вопросы совр. физики, в кн.: Филос. проблемы совр. естествознания, М., 1959; Значение труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для критики «физического» идеализма, в кн.: Великое произв. воиствующего материализма, М., 1959; Филос. борьба вокруг проблемы причинности в квантовой физике, в кн.: Проблема причинности в совр. физике, М., 1960; Проблема наглядности в физике, «ВФ», 1961, № 11; Филос. эволюция копенгагенской школы физиков, «Вестн. АН СССР», 1962, № 9; Проблема элементарности частиц в квантовой физике, в кн.: Филос. проблемы физики элементарных частиц, М., 1963; Квантовая физика и превращаемость элементарных частиц, там же; Совр. физика и диалектич. материализм, в кн.: Диалектика в науках о неживой природе, М., 1964; Диалектич. материализм — методологич. основа совр. физики, «ФН» (НДВШ), 1964, № 6, 1965, № 1; Philosophische Probleme der Quantenmechanik, В., 1962; Die Idee des dialektischen Widerspruchs in der Quantenphysik, «Dtsch. Z. Philos.», 1965, [№] 1; редакция и статьи для рус. изд. книг: Холличер В., Природа в научной картине мира, пер. с нем., М., 1960; Рейхсбах Г., Направление времени, пер. с англ., М., 1962; Гейзенберг В., Физика и философия, пер. с нем., М., 1963; Уиттроу Дж., Естественная философия времени, пер. с англ., М., 1964.

ОМЛАДИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (от серб. омладина — молодежь) — обществ. течение, связанное с деятельностью лит.-просветительского об-ва («Объединение сербской молодежи»), к-рое оформилось на съезде в г. Нови-Сад (Австро-Венгрия) в 1866 и просуществовало до 1872. Несмотря на официально принятую культурно-просветительскую программу, об-во выступало как политич. организация, ставящая своей целью политич. единство сербских земель.

ОМОНИМИЯ (греч. ὁμωνυμία, от ὁμός — одинаковый и ὄνομα — имя) — выражение семантически не связанных друг с другом значений одним и тем же языковым знаком — словом или к.-л. др. лингвистич. образованием (напр., «лук» как расте-

ние и как оружие). От О. следует отличать полисемию, т. е. наличие у одного и того же языкового знака различных значений, между к-рыми имеется некая семантич. связь [напр., англ. room означает: 1) комната, 2) пространство, 3) место]. О. распространена в естеств. языках, где является результатом действия фонетич. законов языка, изменения значений слов и грамматиц. форм, проникновения в язык слов из других языков и др. Будучи стороной развития естественных языков, О. неустраима из них и не является к.-л. их недостатком (хотя и вызывает трудности при разработке алгоритмов машинного перевода с одного языка на другой); для мышления и общения людей она обычно не доставляет затруднений, т. к. значение омонимов естеств. языков обычно можно установить в контексте устной или письмен. речи, в практике языкового общения и т. п. Но в случаях невнимания к уточнению значений языковых выражений О. (и полсемия) может привести к логическим ошибкам, связанным с подменой понятий и т. п. «учетвернением терминов». Поэтому в языках науки стремятся устранить явление многозначности одного и того же выражения, чему служит использование точной терминологии и четких определений.

С логич. т. зр. можно различать О., относящуюся к предметному и к смысловому значению выражений (см. Знак). Первая — ее можно назвать О. на экстенсивном уровне — необходимо устраняется из языка науки. Вторая — О. на интенциональном уровне — в нем часто сохраняется в той мере, в какой язык допускает возможность одним и тем же терминам давать в разных контекстах различные определения (ср. «квадрат — равносторонний прямоугольник» и «квадрат — равноугольный ромб»). Для логич. языков (напр., для языка предикатов исчисления) в целях отождествления совпадающих по предметному значению, но интенционально различных (имеющих разный смысл) выражений иногда вводится соответствующая правила: *объемности принцип*, прием доказательства дедуктивного равенства (взаимной выводимости) предложенный (определенного вида), содержащих рассматриваемые выражения, и др.

Лит.: Асмус В. Ф., Учение логики о доказательстве и опровержении, М., 1954; Хомский Н., Синтаксические структуры, пер. с англ., в сб.: Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962; Шаумян С. К., Структурная лингвистика, М., 1965.

ОНТОГЕНЕЗ (от греч. ὄν, род. п. ὄντος — сущее и γένεσις — происхождение, развитие) — закономерные изменения, происходящие в организме (особи) от момента рождения до момента смерти; синоним выражения «индивидуальное развитие организма». Термином «О.» также обозначают генезис отд. органов. В психологии под О. понимают процесс формирования личности (индивид. психики, индивид. сознания). Исследование индивид. развития организма осуществляется в двух направлениях: с одной стороны, выявляются нек-рые эмпирич. закономерности, напр. *биогенетический закон*, сформулированный Геккелем (он же ввел в биологию и термин «О.»); с др. стороны, разрабатываются те или иные концепции развития организма, стремящиеся выявить характер происходящих в нем изменений, факторы, определяющие направление изменений и всеобщего в процессе О. В истории биологии сталкивались два взаимоисключающих представления о характере изменений в О.: *преформизм*, исходивший из того, что изменение есть простой количеств. рост, и концепция *эпигенеза*, считавшая, что изменения в организме образуют цепь качеств. (в т. ч. и структурных) преобразований. Факторами, обеспечивающими определ. направление развития в О., в различных концепциях выступают либо нек-рый материальный субстрат (напр., в совр. генетике — материальные носи-

тели информации — молекулы ДНК), либо нематериальные факторы — *ителехия*, «жизненная сила» и т. п., — противостоящие «телу» и организующие его (см. *Витализм*). Соотношение внешнего и внутреннего в О. в некоторых концепциях развития (преформизм, витализм и др.) фактически не рассматривается как проблема, поскольку организм считается в себе и для себя сущим. Др. концепции и направления (в частности, дарвинизм) исходят из того, что в процессе индивид. развития организм взаимодействует со средой, и стремятся раскрыть содержание О. через это взаимодействие. Проблема соотношения единичного и всеобщего в развитии, выступающая в биологии как соотношение О. и *филогенеза*, в самых различных аспектах стала разрабатываться после того, как Геккель сформулировал биогенетич. закон. В этом русле исследуются зародышное сходство и эмбрион. дивергенция, биогенетич. сходство и рекапитуляция, закономерности возникновения новых признаков в онто- и филогенезе. В последнее время закономерности О. начали изучаться с позиций молекулярной биологии, генетики и кибернетики. В этой связи исследуются иерархия различных структурных уровней организации в процессе О., соотношение различных форм управления и регулирования в биологич. индивиде и т. п. — т. е. становление организма как сложной живой системы.

В психологии термин «О.» употребляют для обозначения процесса становления, формирования личности. Понимание процесса становления личности как О. восходит к представлениям о человеке как «природном существе» (Руссо), обладающем «естественными свойствами» (Локк). В педагогике и психологии такое понимание выражалось как требование подражать при обучении «природе ребенка» (Коменский), учить «естественными методами» (Ратке). Позднее, под влиянием успехов биологии, к этому добавились другие, более биологизированные представления, такие, как психич. созревание ребенка, возрастные особенности, к-рые рассматривались как от природы данные, и, наконец, появился сам термин «О.» (О. психики).

Сов. психология исходит из того, что сущность человека не может быть раскрыта вне общества, что психич. свойства личности всегда обусловлены в конечном счете социальной средой. Поэтому О. личности — процесс становления психики — она рассматривает как взаимодействие формирующейся личности с социальной средой. В результате этого взаимодействия у человека появляются определ. социально-обусловленные способности, к-рые формируются на базе «присвоения» обществ.-историч. опыта, сохраняемого обществом в форме челоуеч. культуры. С этой т. зр. более точно говорить о формировании личности, индивидуальной психики.

Иногда говорят об О. психики в связи с филогенезом (т. е. историей челоуеч. культуры в самом широком смысле) и полагают, что О. повторяет логику филогенеза.

Лит.: Выготский Л. С., Развитие высших психич. функций, М., 1960; Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, [2 изд.], М., 1965; Bühler С. h., Hildesg a r d Н., Zur Geschichte der Kinderpsychologie, в кн.: Beiträge zur Problemgeschichte der Psychologie, Jena, 1929; Bühler С. h., Aufgaben und Methoden der Kinderpsychologie, «Psychologische Rundschau», 1956, Bd 7, H. 2.

Об О. в биологии см. лит. при ст. *Витализм*, *Преформизм*, *Эпигенез*, *Ителехия*. М. Веденов, В. Костоловский, Москва.

ОНТОЛОГИЯ (от греч. *όν*, род. п. *όντος* — сущее и *λόγος* — наука) — в ряде филос. систем так называют ту их часть, в к-рой излагается учение о бытии как таковом, независимо от субъекта и его деятельности. Понятие «О.» впервые было введено в 17 в. (Гоклениусом, а затем Х. Вольфом). По Вольфу, О. входит в состав *метафизики* паряду с «рациональной теоло-

гией» (доказательством бытия и всемогущества бога и бессмертия души), «космологией» (учением о пространстве и времени, случайности и необходимости, о свободе человека) и «рациональной психологией» (рассмотрением «метафизич. природы» души). Поскольку в О. предполагается рассматривать вопрос о сущности всякого бытия, «абстрактные определения сущности» (см. Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 70), она мыслится как основополагающая метафизич. дисциплина. Т. о., с одной стороны, статус О. зависит от решения более общего вопроса о метафизике, т. е. по сути дела — вопроса об изменяющейся функции философии в системе науч. познания всеобщих законов материального мира. С другой стороны, проблема О. имеет и свою собств. специфику: взаимоотношение филос. и конкретно-науч. подходов к познанию законов бытия здесь рассматривается в связи с внутр. членением самой филос. науки, в связи с изменением роли и взаимозависимости отд. частей филос. знания.

Причины возникновения обособленной О. таковы: 1) неразвитость теоретич. естествознания паряду со скудностью социологич. знаний, питавшая спекулятивное конструирование в духе «философии природы»; 2) слабость гносеологич. и логич. исследований, еще не освободившихся от пут схоластич. толкования «метафизич. природы души».

Понятие «О.» и ее специфич. место в системе метафизики определяются значительно позднее, чем возникает проблема бытия и еще не обособленное учение о бытии. Первонач. постановка этой проблемы обнаруживается еще у элейтов, в частности у *Пармениды*, различавшего чувственное и «истинное» бытие. *Платон* строит особое учение о сверхчувств. основах бытия, опираясь на различение «истинного» (идеального) и «неистинного» (мир материальных вещей) бытия и утверждая мир сверхчувств. сущностей — идей в качестве первоисточника и прообраза материального бытия. *Аристотель* хотя и восстает против резкости платоновского разделения двух миров и высказывается за философию как учение о бытии, отыскивающее сущности в самом материальном бытии, тем не менее оставляет возможность для учения о «последней» причине бытия, сверхчувств. «форме форм», божестве *ителехии*. Эту теоретич. возможность широко использовала в дальнейшем схоластическая философия.

Характерно, что как особое учение о сверхчувств. причинах бытия О. зарождается только тогда, когда возникает гносеология, и только в соотносительности с нею.

В ср.-век. схоластике разработка проблем О. осуществлялась в противоречивой форме. С одной стороны, в этой философии всякое учение о сущем должно было внутренним или (реже) внешним образом принимать теологич. форму. С другой стороны, схоластич. О. уже носит характер отвлеченного рассуждения о «чистых» формах бытия (в частности, в философии *Фомы Аквинского*).

Ориентированная против схоластич. философии нового времени уже на заре своего развития эмансипирует учение о бытии от теологич. его формы. Вопрос об О. во всей широте встает в 17 в., когда естествознание начинает реально обособляться от философии, а внутри самой философии происходит дифференциация на отд. отрасли. К этому времени теологич. теория бытия приобретает довольно сложную внутр. структуру; это реализуется в растущем обособлении учения о бытии, расслаивающегося на ряд подразделений («уровней» и т. п.). Напр., Х. Вольф нефилос., естеств.-науч. подходу противопоставляет космологию («метафизику физич. мира», в к-рую включены извлечения из физики — теории механич. дви-

жения, а также спекулятивные дополнения к ним в виде принципа «духовной», «перцептуальной» активности, в виде лейбницеанского принципа *monad*), «рациональную психологию» («метафизику души», проблемы к-рой впоследствии вошли в сферу либо гносеологии — ощущения, чувства, разум и т. п., — либо психологии) и надстраиваемое над ними учение об общих им принципах — О., к-рая, в отличие от др. сфер философии, ставит вопрос уже не о «палочных формах» бытия, а о глубинных его законах и принципах. Образец онтологич. рассуждения (по Вольфу): во всякой вещи определения, к-рые не зависят от др. вещи или друг от друга, составляют ее сущность; те определения, к-рые следуют из сущности вещи, образуют ее св-ва; те, что не следуют из сущности, но и не противоречат ей, образуют модусы; сущность сложного заключается в простом; есть простые вещи, не встречающиеся в опыте; они — субстанции; и т. д.

Т. о., О. была названа часть философии, к-рая в известном смысле должна была надстраиваться как над конкретным, так и над филос. знанием. Но в онтологич. обобщениях почти не разрабатывались специфически филос. проблемы, а чаще всего непосредственно заимствовались взятые в абстрактно-всеобщей форме положения к.-л. отрасли науки или культуры и вводились в универсальные «законы» и «принципы» бытия вообще. С этой т. зр. не было принципиальной разницы между «космологией» и О. Осн. противоречие традиц. (вольфовской) О. хорошо подметил Гегель: как и всякая метафизика, она являлась «... чистым рассудком в возрепием на предмет, постигаемые только разумом» (там же, с. 64—65). Свои положения О. не способна вывести и поэтому вынуждена их «... случайно перечислять; ответ на вопрос об их содержании мог быть основан лишь на представлении, на заверении и т. п., а иногда также и на этимологии» (там же, с. 71).

Декарт предпринял попытку объединить учение о бытии и учение о познании, предложив рассматривать бытие через призму теории познания. Однако это устремление находилось в противоречии с др. его идеями (в к-рых он продолжал традиции О.): с его дуализмом двух субстанций, с абс. противопоставлением «атрибутов мышления» «атрибутам протяжения». Декарт полагал, что дать человечеству «завершенный свод философии» значит не только рассмотреть «начала человеческого познания», но и включить в нее «все наиболее общее в физике» (см. Избр. произв., [М.], 1950, с. 422, см. также с. 466). Иными словами, одну из осн. задач философии Декарт видит в том, чтобы построить нечто вроде универс. «картины мира» как целого. Понятно, что всякая подобная попытка всегда исторически ограничена уровнем достигнутого знания и опирается на него. Поэтому те или иные положения, почерпнутые как из конкретных наук, так и из философии и составляющие элементы подобной картины, по мере развития познания неизбежно утрачивают свою универсальность и либо остаются достоянием соответствующих спец. наук, либо вообще утрачивают науч. значение. Однако это не снижает значения совершенного Декартом поворота к изучению познания для решения осн. задач учения о бытии. Его знаменитая формула *cogito ergo sum*, в к-рой сомнение, размышление объявляется исходным принципом философии, объективно была направлена против О. как стоящей выше учения о познании. Фактически эта формула открывала возможность сделать саму О. составной частью теории познания. Декартовскую О. можно в значит. мере рассматривать как начало подлинно филос. осмысливания природной действительности, как начало построения «картины мира» специфически филос. средствами, т. е. в опоре

на процесс познания. Лишь включенная в такой контекст, О. обнаруживает свою действит. функцию в развитии науч. познания: функцию специально построенного средства, при помощи к-рого исследователь «видит» мир как нек-рую расчлененную целостность, данную ему в определ. системе филос. категорий. Правда, на попытке Декарта (как и на ряде более поздних) отразилась та ограниченность, к-рую Маркс назвал «некритическим позитивизмом», — непосредств. возведение эмпирич. содержания конкретно-науч. и обыденного познания в ранг филос. принципов и, т. о., подмена этих последних. Но нельзя не учитывать также и того, что декартова О. для своего времени выполнила очень важную задачу построения «картины мира» и что под влиянием этой картины в течение длит. времени находилась практически вся европ. наука.

Декартовская традиция отразилась на последующих концепциях онтологии. *Лейбниц*, хотя и сохраняет задачу построения универсальной метафизики, включающей в себя О., вместе с тем подготавливает объединение О., космологии и рациональной психологии, ибо все они оказываются частными иллюстрациями к принципу монад с их «перцептивной» силой. Т. о., необходимость самостоят. О. еще не отрицается (что делает возможной вольфовскую систематику О.), но уже подрывается изнутри.

Критика *Кантом* прежней метафизики была, в частности, решит. критикой ее онтологич. устремлений. Естествознание нового времени, по его мнению, своими успехами обязано именно признанию активности познающего разума (*рассудка*), к-рый должен «... заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тапиться у нее словно на поводу...» (Соч., т. 3, М., 1964, с. 85). Более того, принципы природы, по Канту, оказываются лишь принципами самого разума. С т. зр. Канта нет и не может быть онтологич. учения вне и независимо от учения о принципах разума. О законах предметного бытия мы узнаем лишь через исследование законов разума и соответственно знания последних. О. и гносеология в этом смысле совпадают, но пока — ценой полного устраниения онтологич. задачи и онтологич. значения гносеологии и гносеологич. логики.

Это ложное устранение было спято *Гегелем*, к-рый понял логику как учение о бытии, совпадающее с учением о познании, как «гносеологическую онтологию», или «онтологическую гносеологию». С его т. зр. мышление есть исторически разворачивающаяся деятельность, подчиненная объективным, от индивида не зависящим законам. Высшими принципами такой деятельности могут быть только высшие законы бытия, составлявшие прежде предмет О. Старая О., по Гегелю, заблуждалась не в том, что пыталась ухватить осн. определения вещей, а в том, что не исследовала природы рассудка и разума; но только такое исследование способно дать понимание единства всеобщих форм мысли и всеобщих форм бытия.

Критикуя идеализм Гегеля, *Фейербах* видит его ошибку в том, что тот непосредственно навязывает бытию формы, открытые в разуме, наделенном самостоятельностью и взятом в отрыве от его действит. носителя — от человека, от человек. бытия. Но если мышление «... отмежевать от человека, оно окажется вне всякой связи и средства с миром» (Избр. филос. произв., т. 1, 1955, с. 199). Выход из идеалистич. тупика Фейербах усматривает в антропологич. «расшифровке» понятия бытия: «бытие как предмет бытия, есть существование, с о з е р ц а е м о е, о щ у щ а е м о е б ы т и е, бытие, которое можно л ю б и т ь... Бытие есть т а й н а созерцания, ощущения, любви» (там же, с. 184). За этим антропологизмом и психологизмом скрыта совершенно

повая проблематика, касающаяся реального человек., обществ. бытия. Однако онтологич. концепции оказались неадекватной формой постановки этой проблематики, лишь скрывающей неразвитость теоретич. социологии.

Выдвигая эту проблематику, диалектич. материализм критически переосмыслил филос. борьбу вокруг понятия О. и показал, что проблема О. не имела и не имеет самостоят. значения, что нельзя останавливаться на абстрактной паре понятий «бытие» и «мышление», пусть даже рассмотренных в их взаимодействии и единстве. Марксизм впервые последовательно проводит линию на снятие О. как обособленной части философии, т. е. как натурфилос. метафизики, преодолевая принцип абстрактной всеобщности и давая строго монистич. понимание соотношения мышления и бытия как конкретного тождества противоположностей, процессом осуществления к-рого является обществ.-историч. человек. деятельность. Отсюда следует, что никакие филос. вопросы не могут решаться в чисто онтологич. форме, т. е. внутри обособленного и замкнутого учения об абстрактных «чистых» определениях сущности бытия как такового вне и до исследования человек. деятельности, обществ. культуры, социальной природы познания и т. п. Марксизм не допускает какой бы то ни было подмены естеств. наук в решении ими задач познания природы. Было бы абсурдно отрицать или недооценивать способность их к широкому теоретич. обобщению и участию в формировании «картины мира». Именно такое отрицание или недооценка могут сегодня воскрешать идею О. природы. Равным образом недопустима и подмена философией положит. социальных наук. Ни те, ни др. науки не нуждаются в стоящей над ними О. — «науке наук», к-рая формулировала бы положения о «бытии вообще». Проблема же всеобщих определений бытия получает свое конкретное решение не в О., а в содержат., диалектич. логике, к-рая есть итог, сумма, вывод из истории освоения мира человеком, из истории познания. Ленин выразил это в принципе совпадения диалектики, логики и теории познания (см. *Истина*). Только на такой основе может строиться эффективно работающая «картина мира», понятого через систему филос. категорий. Осн. специфика этой «картины» состоит в том, что при ее построении данные конкретных наук не просто заимствуются философией, но особым образом перерабатываются, становясь филос. понятиями. Постоянно развивающаяся система таких понятий и дает в итоге развивающуюся «картину мира» — необходимое средство развития всякого науч. знания, средство «видения» мира исследователем, выступающее как одно из осн. условий построения предмета исследования.

Т. о., для марксизма проблема О. есть часть проблемы предмета философии и его развития: по своей функции в движении и развитии науки философия должна вырабатывать специфич. средства, при помощи к-рых как наука в целом, так и отд. ее отрасли строят адекватную данному уровню познания общую «картину мира». Поскольку эти средства опираются на достигнутый уровень знаний, сама «картина» всегда является исторически ограниченной. Поэтому движение филос. предмета состоит не в утверждении «вечных», абстрактных «принципов» бытия, а во все более глубоком исследовании самого познания как деятельности общества. При таком подходе «изображение» мира оказывается неотделимым от изображения деятельности, и именно такое единство наиболее полно выражает функцию филос. науки, позволяя снять традиционную О. Надо, однако, отметить, что в сов. филос. лит-ре проводится и иная т. зр., согласно к-рой в рамках философии существует самостоят. предмет — философия природы, т. е. О.

Хотя О., как исторически оправданный, но ограниченный способ решения филос. проблем, по существу преодолена ходом развития филос. мысли, тем не менее ряд факторов обуславливает ее возрождение в наст. время. Во-первых, человек. деятельность, познавательная в особенности, в условиях присущего капиталистич. миру *отчуждения* развивается в таких превращенных формах, к-рые ведут даже к усилению онтологич. устремлений и одновременно придают им нек-рую специфику. В совр. О. спекулятивные рассуждения о сущности бытия относятся гл. обр. к социальному, а не природному бытию, точнее — к тем его компонентам, к-рые, будучи продуктами человек. деятельности, выступают как самостоятельны, абс. «сущности». Созданные людьми обществ. институты, нормы, понятия приобретают форму внешнего, чуждого «бытия».

С др. стороны, в совр. познании резко возросли объем и значение оперирования с «готовым» знанием, к-рое нередко выступает в виде самостоят. объектов исследования. Крайне абстрактный характер этих «знаковых» объектов с необходимостью ставит вопрос об их отнесенности к действит. миру, об их «онтологич. статусе». Но непосредств. отнесение этих знаковых объектов к действительности осуществить не удается; для выполнения такого отнесения необходима особая логико-методологич. работа, смысл к-рой состоит в переработке накопленных совр. наукой знаний т. о., чтобы из них могла быть построена «картина мира», адекватная совр. уровню и задачам познания. Отказ от подобной переработки приводит с неизбежностью к фетишизации готового знания, к-рая и выражается в стремлении непосредственно онтологизировать это знание, изобразить «идеальные предметы» в качестве самостоят., «вечных» «сущностей».

Создатель наиболее разработанной онтологич. системы совр. бурж. философии Н. Гартман, усматривая возможность и необходимость метафизики в принципиальной незавершенности наук и сводя метафизику к О., выступает против как религиозной, так и традиц. филос. О., поскольку они видели подлинное бытие в царстве отделенных от мира абстрактных и идеальных сущностей. Задача совр. О., по Гартману, — в изучении действит. бытия. Но бытие как только противостоящее человек. существованию немислимо. Гартман настаивает на тотальном включении мышления и с ним всего познания в бытие. О. отправляется от идеи об онтологически двойств. природе принципов, к-рые являются одновременно принципами бытия и принципами познания. По отношению к бытию познание является подчиненной сферой: за познават. отношением, по словам Гартмана, всплывает глубокое, далеко простирающееся и охватывающее его отношение бытия.

Ясперс также пытается преодолеть как открыто теологическую, так и прежнюю филос. О., поскольку они отправляются от «раскола» бытия на субъект и объект. О. может сохранить, по Ясперсу, свое значение, если будет пересмотрено само понятие бытия. Оно есть неразделимое единство субъекта и объекта, лишь на поверхности выступающее в виде их раскола. Это бытие Ясперс называет *Umgreifende*, подчеркивая тем самым его всеобъемлющий характер и универсальность.

Гуссерль сознательно опирается на исследование готового знания как особого предмета, отказываясь от генезиса знания, и подлинной О. считает *феноменологию*, описывающую структуру готового знания и способы его «присвоения».

По Хейдеггеру, следующему в этом отношении замыслам позднего гуссерлианства, именно «фундаментальная онтология», как объясняющая «смысл бытия», призвана расшифровать всю уникальность

сферы Dasein, наличного человек. бытия. В форме «экзистенциальной аналитики бытия» изображается положение индивида в условиях отчуждения и пассивного и тревожного приспособления к априорному, чуждому, безличному миру. В этой связи у Хейдеггера онтологич. категориями становятся «страх», «забота», «покинность» и т. п. Здесь можно усмотреть преобразование прежней О., превращение ее в социологию, гл. обр. — социологию познания, но осуществленное без осознания своего предмета и потому выступающее в абстрактно-всеобщей форме. В сфере Sein, т. е., по Хейдеггеру, сфере подлинного бытия, строится т. н. «чистая субъективность», несовместимая с реальной деятельностью человека и наделяемая изначальной творч., «конституирующей» силой. Предполагается, что специфика этой субъективности может быть описана через «чистые», «априорные» онтологич. структуры. Эта конструкция субъективности способна, по мнению Хейдеггера, преодолеть раскол, разорванность, пассивность и т. п., превратить «чуждое» в «свое». Но она облечена в абстрактно-онтологич. форму и потому выступает как мифологизация реальной социальной проблематики.

Значит, часть онтологич. концепций в 20 в. развивается в русле религ. философии — неомизма и неохомизма. Представители такой О. — Ж. Марешаль, И. Гейзер, Ж. Маритен, Э. Жильсон, А. Сертийанж, Г. Мансер, И. Маусбах, М. Грабман и др. Их онтологизм связан с направленностью против характерного для неопозитивизма стремления исключить из философии традиц. проблемы «метафизики». Религ. философия неспособна отказаться от О., т. к. не может допустить, чтобы о сущности бытия судили положит. науки и опирающаяся на них философия. Отсюда — попытки сохранить «философию природы» и т. п. Все подразделения религ. О. (бытие как актуальное, возможное и потенциальное, бытие как единство и различие сущности — Sosein и существование — Dasein) имеют целью доказательство того, что в бытии бога, высшем бытии (Sein) эти моменты неразделимы. Бог как полное и совершенное бытие отличает себя от неполного и несовершенного бытия мира, где имеет место становление, бытие — в другом (в отличие от в-себе-сущего божеств., субстанционального бытия). Именно О. остается для религ. философии единств. средством создания видимости филос. анализа.

За онтологич. идеями Н. Гартмана, Гуссерля, Ясперса, Хейдеггера и др. стоит лишь марксизмом решаемая реальная проблема — проблема конкретного тождества, взаимопроникновения субъективного и объективного в социальном бытии, к-рое образовано человек. деятельностью и с т. зр. к-рого можно понять также и природное бытие. Однако онтологич. концепции совр. бурж. философии отказываются от такой постановки проблемы, поэтому в них учение о бытии сохраняет ограниченную форму О. и часто не свободно от мистич. религ. оттенка.

Лит.: Ильенков Э. В., Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии, в кн.: Дialectика — теория познания. Историко-филос. очерки, М., 1964; Wolff Ch., Philosophia prima, sive ontologia..., ed. nova, Francofurti—Lipsiae, 1736; Jacoby G., Allgemeine Ontologie der Wirklichkeit, Bd 1—2, Halle, 1925—32; Heidegger M., Sein und Zeit, 4 Aufl., Halle/S., 1935; Müller M., Sein und Geist. Systematische Untersuchungen über Grundprobleme und Aufbau der mittelalterlichen Ontologie, Tübingen, 1940; Le Senne R., Introduction à l'ontologie, avant-propos de L. Lavelle, 2 éd., P., 1947; Hartmann N., Zur Grundlegung der Ontologie, 3 Aufl., Meisenheim, 1948; ergo ж е, Neue Wege der Ontologie, 3 Aufl., Stuttg., 1949; Huber G., Das Sein und das Absolute..., Basel, 1955; Bennett J. G., The dramatic universe, v. 1—2, L., 1956—61; Del Negro W., Ontologie als Wissenschaft vom Seienden, «Z. philos. Forschung», 1957, Bd 11, H. 4; Diemer A., Einführung in die Ontologie, Meisenheim, 1959; Mora J. F., Sobre os primórdios da história da ontologia, «Revista brasileira de filosofia», 1963, v. 13, fasc. 50, p. 173—77; ergo ж е,

On the early history of ontologie, «Philosophy and Phenomenological Research», 1963, v. 24, № 1. Н. Мотрошилова. Москва.

ОПЕРАТОР АБСТРАКЦИИ, оператор функциональной абстракции, л-оператор, — логический символ [знак λ, после к-рого ставится переменная (переменные)], служащий для выражения операции абстрагирования функции (в т. ч. логич. функции, или предиката) как особого абстрактного объекта.

ОПЕРАЦИЙ ИССЛЕДОВАНИЕ (операционные исследования) — науч. метод выработки количественно обоснованных рекомендаций по принятию решений; т. о., область приложений О. и. в принципе распространяется на все виды деятельности, связанные с принятием решений (в частности, в экономике, юриспруденции, медицине, планировании и организации производства, военном деле и т. д.). Опираясь (в качестве науч. метода) на объективный анализ явлений, О. и. преодолевает укореившееся отношение к принятию решений как к «искусству», перенося точку приложения творч. усилий на разработку общих науч. принципов выработки решений в достаточно широких классах ситуаций. Поскольку с т. зр. О. и. эти решения должны быть количественно обоснованы, существ. часть О. и. составляют матем. методы и модели. Использование последних для целей О. и. — естественно и бесспорно, хотя в нек-рых случаях оно может представлять существ. трудности (гл. обр. ввиду затруднений со сбором информации о моделируемых явлениях, особенно, если они относятся к области экономики, социологии или военного дела, а также в силу чисто психологич. причин, если субъект, принимающий решение относительно нек-рого явления, сам оказывается участником этого явления).

В каждой проблеме О. и. могут быть выделены следующие составные части: 1) точное описание множества всех допустимых в данном случае решений; 2) точная формулировка цели, ради к-рой принимается решение; 3) указание матем. соответствия между каждым допустимым решением и поставленной целью (т. е. указание целесообразности решения); это соответствие описывается т. н. целевой функцией; 4) нахождение оптимального решения, обеспечивающего наилучшее значение целевой функции. Первые три из перечисл. частей составляют матем. формулировку задачи О. и. Уровень, детальность и даже сама адекватность формулировки задачи, как модели, определяются объемом и достоверностью информации о содержании проблемы. В частности, следует отметить принципиальные трудности, связанные с выбором функции (т. н. «проблема критерия» решения). Четвертая часть проблемы составляет ее матем. решение. Именно она определяет специфику матем. аппарата, используемого в О. и. или даже специально создаваемого для нужд О. и.

Выбор того или иного решения в качестве оптимального существенно зависит от множества допустимых решений и от целевой функции. Так, если сузить множество допустимых решений, то решение, бывшее в первонач. задаче оптимальным, может в новое, меньшее множество не попасть, и оптимальным решением (если таковое вообще будет существовать) окажется другое, как правило, худшее. Наоборот, если множество допустимых решений расширить, то может появиться новое, лучшее оптимальное решение. Точно так же решения, оптимизирующие различные функции, вообще говоря, являются различными. В компетенцию О. и. входят лишь нахождение оптимальных решений и выработка рекомендаций по их принятию. Само принятие решений и руководство их осуществлением выходит за рамки О. и. [В тех случаях, когда речь идет о выборе не обязатель-

по оптимального, а просто приемлемого решения, удовлетворяющего нек-рым предписанным условиям, проблема О. и. редуцируется к (1): определению множества допустимых решений. Такие задачи также иногда относят к О. и. Возможность найти решение, удовлетворяющее различным многочисл. условиям, отнюдь не означает возможности найти решение, одновременно оптимизирующее нек-рые целевых функций. Последнее может встретиться разве лишь как редкое исключение.]

Каждое решение принимается на основе информации (см. *Теория информации*), имеющейся в распоряжении субъекта в момент принятия им решения. Теоретико-информац. свойства процессов принятия решений дают основу для классификации соответств. матем. моделей. Так, по типу информации модели подразделяются на детерминированные, когда принимающий решение субъект располагает полной информацией о ситуации; стохастические, если эта информация является вероятностной (см. *Вероятность*), и теоретико-игровые (см. *Теория игр*), в к-рых решение принимается в условиях неопределенности. По характеру поступления информации можно выделить статические модели, в к-рых субъект в момент принятия решения располагает всей информацией и никаким дополнит. поступлений (или потерь) информации не предусматривается. В этом случае принятие решения рассматривается как мгновенно выполняемый однозначный акт. Статич. моделям противопоставляются динамические: в них субъект в период, отводимый ему для принятия решения, может как воспринимать дополнит. информацию, так и утрачивать уже имеющуюся. В динамич. моделях обычно целесообразно проводить принятие решений поэтапно (такие решения часто называют многоэтаповыми) или даже развертывать принятие решения в процесс, непрерывно протекающий во времени. Др. классификации задач принятия решений (и обслуживающих их матем. моделей) являются менее существенными с т. зр. О. и. Среди матем. теорий, разработка к-рых ориентируется преимущественно на приложения в области О. и., можно назвать различные разделы оптимального программирования, теорию игр, теорию вероятностей и матем. статистику. В каждой задаче О. и. наряду с аспектами, к-рые связаны с ее матем. формулировкой и анализом, существ. значение имеет аспект вычислительный, поскольку актуальность экстремальных расчетов, проводимых в О. и., проявляется в тех случаях, когда оптимальное решение приходится выбирать из весьма большого числа допустимых решений, сильно различающихся между собой. Поэтому О. и. как самостоятельная науч. дисциплина возникла и развивалась в соответствии с эволюцией счетной техники, к-рая в свою очередь прогрессирует под сильным влиянием со стороны О. и.

Проблемы О. и. освещаются в спец. периодич. изданиях и монографиях. Существует междунар. федерация обществ исследования операций (IFOPS), созывающая междунар. конгрессы (первый — в 1957 в Лондоне, второй — в 1960 в Экс-ан-Провансе, третий — в 1963 в Осло).

Лит.: Чернов Г., Мозес Л., *Элементарная теория статистич. решений*, пер. с англ., М., 1962; Вентцель Е. С., *Введение в исследование операций*, М., 1964; Кофман А., *Методы и модели исследования операций*, [пер. с франц.], М., 1966; K i t t e l C h., *The nature and development of operations research*, «Science», 1947, 7 Febr.; Stone M. H., *Science and statecraft*, там же, 16 May; L o o f b o u r o w J. R., *Operational analysis in relation to administration of government sponsored research*, там же, 8 Aug.; George A. L., *Communications research and public policy*, «World Politics», 1951, Jan.; E d d i n s o n R. T., *Social applications of operational research*, «Impact of Science on Society», 1953, Summer; H i n r i c h s G., *Toward a philosophy of operations research*, «Philosophy of Science», 1953, Jan.; C h u r c h m a n C. W.,

A s k o f f R. L., A r n o f f E. I., *Introduction to operations research*, N. Y., 1961; журналы: «Operational Research Quarterly» (с 1950); «Operations Research Society of America» (с 1956); «Naval Research Logistic Quarterly» (с 1954); «Revue française de recherche opérationnelle» (с 1959); «Journal of the Operations Research Society of America» (с 1952). *Н. Воробьев*, Ленинград.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ — одно из гл. направлений в т. н. философии науки. Впервые операционалистич. концепция была высказана в 1920 англ. физиком Н. Кэмпбеллом (см. N. Campbell, *Physics. The elements*, Camb., 1920). Как филос. направление О. развит в основном в трудах Бриджмена. Поэтому рождение О. обычно относят к 1927, когда вышла работа Бриджмена «Логика современной физики» (P. W. Bridgman, *Logic of modern physics*, N. Y., 1927).

О. возник как филос. реакция на важнейшие открытия в области физики в нач. 20 в., к-рые привели к радикальному пересмотру ее классич. концептуального аппарата, поскольку «соответствующие» классич. понятия и методы оказались непригодными для описания и объяснения новых экспериментальных фактов. Этот пересмотр завершился созданием теории относительности и квантовой механики. Осмысление того, что было неудовлетворительным в структуре и содержании подвергшихся пересмотру операций, породило одновременно потребность в анализе «природы» физич. понятий вообще, их «взаимоотношений» с экспериментом в частности. Потребовалось ответить на вопрос, возникший в связи с естеств. беспочвенностью за «непустоту» понятий, используемых в науч. описаниях физич. явлений: имеются ли такие средства определения этих понятий, к-рые гарантируют их от «ревизии» в случае обнаружения принципиально новых экспериментальных фактов? Казалось, что ответ на этот вопрос заключается в анализе различных способов формирования понятий и, в частности, таких, к-рые использовали создатели новых науч. теорий. Напр., в теории относительности значения временных переменных (в соответств. уравнениях) для двух событий, происходящих в разных точках пространства, считаются по показаниям «синхронизированных» часов, расположенных вблизи соответств. точек. Принципиально новым здесь оказывается понятие *одновременности* событий, к-рое определяется операционально, т. е. включает указание на последовательность операций, — действий наблюдателей, — по синхронизации часов, расположенных в разных точках, и кроме того, — для однозначного истолкования результатов этих операций, — указание на *систему отсчета*, в к-рой находятся приборы и наблюдатели. Т. о. очевидно, что экспериментальная процедура может выступать как средство выявления точного физич. смысла нек-рых понятий, для чего в их определении должен входить метод, позволяющий в каждом конкретном случае на основе (возможно мысленного) эксперимента решить, осмысленно ли (правильно ли) применение этого понятия в данном случае или нет. Иначе говоря, каждое такое понятие приобретает строгий смысл лишь в операциональном контексте, т. е. тогда, когда указана последовательность актуально (или потенциально) осуществимых операций (действий), фактич. выполнение к-рых (или мысленное его прослеживание) позволяет шаг за шагом выявить физич. смысл этого понятия и т. о. гарантировать его непустоту.

Идея операциональных определений — осн. идея О. — вытекает из нек-рых общих предпосылок развития науч. знания, лежащих вне философии. Сама по себе эта идея не является новой. Связь значения понятия с совокупностью действий, на основе к-рых формируется это значение, вытекает из повседневной человеческой практики. О. только подчеркнул особую теоретич. роль операциональных определений в естеств. науках в качестве

средства анализа исходных допущений, на основе к-рых строится их концептуальный аппарат. В этом положительное содержание О. Однако предположенная реализация осн. идеи выродилась в стремление придать ей феноменалистич. характер, создать на ее основе особую субъективно-идеалистич. теорию познания О. [рассматривая, напр., «понятие» как синоним соответств. ряда операций, а ряд операций — «опыт» как «индивидуальное» и «личное» и призывая явно или неявно отказаться от использования *абстракций* и опереться на непосредств. очевидность (проверяемость) данных индивидуального опыта]. Вместо важного с т. зр. науч. методологии поиска уточнений возможностей операциональных определений, условий и границ их применимости О. выступил с метафизич. декларацией их «абсолютности» и «универсальности», их независимости от дальнейшего прогресса науч. знания. [Может показаться, что универсальность термина и понятия «операция» (как «действия произвольной природы») служит основанием для такой т. зр. Однако тогда беспредметны (и безнадежны!) попытки придать по возможности «строгий» смысл термину «операциональное определение»: в общем случае этот термин должен оставаться неуточненным (объемно-неопределенным), а в каждом отд. случае уточняться (операционально?) лишь относительно (условий) этого случая. В связи с этим ясно также, что нет никаких «абсолютных» операциональных определений, хотя бы в силу вытекающей как раз из универсальности понятия операции потенциальной бесконечности их различных модификаций.]

Разумеется, т. зр. О. не является констатацией уже сложившейся в науке практики (иначе об О. не было бы и речи!), а скорее выдвигается как нормативное требование, как программа «единственно правильного» построения аппарата науч. понятий. Однако эта программа не содержит доказательства того, что операциональных контекстов достаточно для такого построения. В частности, согласно О. время (в физике) должно определяться операционально, т. е. сводиться к определ. операциям измерения. Можно ли при этом операционально определить и все то, что входит в условия «хорошего» измерения времени, включая, напр., понятие «хороших часов»? Удастся ли при определении этого понятия только в терминах экспериментальной процедуры избежать порочного круга, к-рому при обычных определениях удается избежать сылкой на практику построения «хороших часов», в основе к-рой лежат математические, т. е. «абстрактные», «идеальные» (не операциональные!) модели времени? В этом, по существу, состоит *instantia crucis* для операционалистич. гипотезы. Совр. экспериментальная практика измерения, проведенная на уровне требований О., т. е. на том же самом уровне, на к-ром О. допускает к.-л. решения, приводит нек-рых исследователей к выводу, что операционалистич. гипотеза еще «...защитимая в самых простых случаях, становится все менее защитимой по мере того, как анализ переходит к требованиям более высокой точности; ее законность исчезает наконец вовсе, когда достигается уровень точности современной хронометрии» (Gonseth F., *Le problème du temps*, Neuchâtel, 1964, p. 10).

Характерно, что требование «точности» науч. понятий — первостепенное для О., сведено им к уровню, вообще исключающему из рассмотрения осн. филос. проблему абстрактных моделей — их отношении к объективной реальности. Ограничение исключительно операциональным подходом попросту избавляет от необходимости высказываться на этот счет, давая во мн. случаях удовлетворит. решение на уровне экспериментального описания. Однако, по существу, физики всегда шли двумя одинаково плодотворными путями: путем

измерения и эксперимента и путем построения абстрактных матем. моделей. Не случайно науч. практикой последних лет на первый план выдвигается вопрос о существовании различных уровней описания (к-рые заведомо не являются все операциональными), каждый из к-рых предполагает «свое» понятие точности. Вне этого вопроса «точность» становится бессодержательным («пустым») понятием. Ведь фактически отнюдь не во всех случаях имеет смысл нечто уточнять, подобно тому как не всякое измерение целесообразно производить с максимально возможной точностью (напр., стремясь к «уточнению» длины стержня, можно прийти к молекулярному уровню, на к-ром теряет объективный смысл само понятие «длина стержня»). Можно сказать, что вообще любые науч. понятия (операционально или неоперационально определенные) точны лишь с т. зр. нек-рого, оправдываемого практикой, уровня описания и объяснения, что в науке всегда имели место понятия и теории, обладающие такой степенью точности, что принципиально невозможно (или нецелесообразно!) их дальнейшее уточнение. Причина этого, по-видимому, — в существовании качественно различных уровней (или областей) реальности, к-рую они описывают, в существовании нек-рой объективной границы, в к-рой теория или отд. понятие выступает как «законченное целое». Для любого осмысл. понятия или (непротиворечивой) теории всегда можно указать такой итервал вала абстракции (см. *Принцип абстракции*), в пределах к-рого это понятие или теория — (абсолютно) точны. Понятно, что если такой интервал указан, дополнительные (операциональные) уточнения не имеют смысла. В частности, с этой т. зр. проблема уточнения (операционального в собств. смысле слова) понятий классич. механики (напр., понятий «одновременность» или «абсолютное время») с помощью теории относительности не имеет смысла в области применимости классич. механики. Это, конечно, не означает, что понятия (теории) не должны иметь экспериментального или к.-л. иного практич. оправдания. Однако чаще всего это оправдание будет заключаться в отыскании или воспроизведении такой объективной ситуации, в рамках к-рой можно экспериментально обнаружить с точностью, удовлетворяющей условиям задачи, св-ва (отношения), входящие в их содержание.

Ф. Лазарев. Калуга, М. Новоселов. Москва.

Как и махисты, операционалисты, отвечая на осн. вопрос философии, первичным объявляют «опыт», включая в содержание этого понятия и ощущения, и эксперимент, и логич. действия, рассматривая все их как совокупность операций субъекта. При этом операции представляются не как средство обнаружения различных св-в объекта, а как единств. реальность. Ф. Франк, напр., считает, что «мы можем приписать „физическую реальность“ объектам новой механики при условии, если мы понимаем реальность в операционалистическом... смысле» («Foundations of physics, Introduction», Chi., 1947, p. 53), что мир «реален в операционалистическом смысле», но никоим образом нельзя говорить, что он «материален» (см. там же, p. 57). Поскольку О. сводит содержание понятий к различного рода операциям, постольку понятия для О. не являются результатом *отражения* в нашем мышлении общего в объекте. В конечном счете О. отрицает существование объективно-общего, представляя общее как субъективную «конструкцию» на основе наших действий, к-рой в природе ничего не соответствует. В более широкой трактовке, развитой Эддингтоном, О. предполагает, что не только общее, но и единичное предстает нашими действиями. Операционалисты в большинстве случаев не скрывают своего субъективизма. Бриджмен откровенно заявляет:

«Я стою один во вселенной с одними лишь интеллектуальными орудиями, которыми я обладаю... В известном смысле я лишь играю в захватывающую умственную игру с самим собой» («Reflections of a physicist», N. Y., 1950, p. 79, 191). Естественно поэтому, что предмет познания с т. зр. О. — не объективная реальность, а операция субъекта в процессе выработки той или иной идеи. Несмотря на критич. позицию по отношению к прагматизму (сложившуюся в 30-х гг. в качестве реакции на примитивизм прагматизма в решении гносеологич. проблем естествознания), О. в определен. смысле дополняет его: прагматисты интересуются практич. применением, полезностью, значимостью выработанных идей, операционалисты же занимаются исследованием того, как работает мысль, порождающая идею, т. е. прагматист исследует процессы применения готовых понятий, операционалист исследует процессы создания понятий. Безусловно, исследование деятельности познающего субъекта очень важно в процессе познания, однако в О. стирается требуемое науч. мышлением разграничение объекта и субъекта, исследование объективного содержания наших знаний подменяется отождествлением смысла предложенной с операциями их верификации (см. *Верифицируемости принцип*), к-рая одновременно выступает и в качестве критерия истины. Поскольку может существовать множество различных операций верификации, О., как и прагматизм, приходит к выводу о плюралистичности истины. Практику О. сводит к лабораторной, кабинетной практике ученого. Отношение человека к природе подменяет отношением экспериментатора к своим науч. целям.

Стремясь превратить О. во всеобщую филос. доктрину, операционалисты применяют свой метод и в социологич. исследованиях. Общество О. рассматривает как простую совокупность отд. человек. личностей (первичных элементов общества). Конечную проблему социологич. исследований О. видит в том, чтобы понять действия и мышление отд. личностей. Определить любую социологич. категорию (напр., «государство», «право», «мораль», «война» и др.) с т. зр. операционалиста значит описать, что произойдет, если субъект будет совершать к.-л. действия. Этич. идеал О. выражен в работе Бриджмена «Способ существования вещей» (P. W. Bridgman, *Way things are*, Camb., 1959), в учении о «минимальном коде» поведения людей, согласно к-рому не надо требовать от др. индивидуума делать для меня то, что сам я не могу ему дать взамен. Этим «кодом» должен руководствоваться каждый человек и в его отношении к обществу. Каждый человек не захочет взять от общества больше, чем он может сам ему дать, а так как невозможно отдать обществу точно столько, сколько у него взял, то каждый человек будет стремиться отдать обществу больше полученного. В этом Бриджмен видит источник обществ. прогресса. Провозглашая необходимость развития науки лишь для самой науки, Бриджмен считает, что ученые не несут ответственности перед обществом за плоды своих научных исследований, а эта ответственность существует лишь перед их собственным разумом.

Начиная с 1927 О. претерпел нек-рую эволюцию (в основном в связи с различным толкованием понятий «операция» и «операциональное определение»). Операционалистич. методология была не раз предметом дискуссий и осуждений (в 1945 и в 1954) на страницах науч. журналов, ее разделяли и разделяют мн. ученые, расценивающие требования О. как условия необходимой точности суждений. Применение операционалистич. метода встречается в работах неопозитивистов, напр. Фейля, Айера и др., в философии о б щ е й с е м а н т и к и у А. Рапопорта, одна из работ к-рого наз. «Операциональная философия»

(A. Rapoport, *Operational philosophy; integrating knowledge and action*, N. Y., 1953). Особенности распространения находят О. в *психологии*. Операциональные определения понятий восприняли психологи различных бихевиористских школ [Скиннер (представитель теории обусловливания), Спенс и Кендлер (представители теории промежуточных терминов), Толмен и др.], провозгласившие осн. задачей психологии описание, а не объяснение психич. деятельности.

И. Колобова. Москва.
Лит.: Пшелэнцкий М., О так называемых операциональных определениях, в кн.: *Studia logica*, t. 3, Warsz., 1955; Шаумян С. К., Операционные определения и их применение в фонологии, в кн.: *Применение логики в науке и технике*, М., 1960; Киселева Н. А., О современном состоянии операционализма П. Бриджмена, в кн.: *Философия марксизма и неопозитивизм*, М., 1963; Хилл Т. И., Современная теория познания, пер. с англ., М., 1965, с. 327—30; Lindsay R. B., A critique of operationalism in physics, «*Philosophy of Science*», 1937, v. 4, № 4; L u n d b e r g G. A., Operational definitions in the social sciences, «*American J. of Sociology*», 1942, v. 47, № 5; «*Psychological Review*», 1945, v. 52, № 1—6; В e r n s t e i n J., P. W. Bridgman, in revolt against formalism, «*Synthese*», 1950—51, v. 8, № 8—9; «*Scientific monthly*», 1954, v. 79, № 4, p. 209—31; P o z n a n s k i E., Operacjonalizm po trzydziestu latach, в кн.: *Fragmenty filozoficzne*, Warsz., 1959.

ОПЕРАЦИЯ (от лат. operatio — действие) — одно из осн. понятий дедуктивных наук. 1) В содержат. теориях термин «О.» часто употребляется как синоним термина «функция», т. е. понимается как однозначное отображение (соответствие) нек-рого множества A (элементы к-рого наз. о п е р а н д а м и, или аргументами) на нек-рое (вообще говоря, не совпадающее с A) множество B , элементы к-рого наз. р е з у л ь т а т а м и применения О. (или значениями функции, или образами элементов A при отображении). По числу операндов («аргументных мест») О. подразделяются на одноместные (унарные), двухместные (биннарные), трехместные (тернарные), вообще n -местные (n -арные для $n \geq 1$). Рассматриваются и О., определенные для бесконечных множеств в качестве операндов; пример: основная для матем. анализа О. взятия предела бесконечной последовательности (действительных или комплексных) чисел, применимая, разумеется, не к каждой, а только к фундаментальной (сходящейся) последовательности.

Результаты нек-рых О. часто обозначаются спец. терминами: «сумма» для О. сложения, «произведение» для О. умножения и т. п.; для операндов тоже часто употребляются «собственные» имена («слагаемые», «сомножители» и т. п.); в качестве синонима «О.» часто говорят «оператор» (если этот термин не используется для обозначения с и м в о л а О.); операторы, операндами к-рых служат (числовые) функции, а результатами — числа, наз. «функционалами».

2) Термин «О.» часто употребляется и в расшир. смысле, когда не требуется однозначности результата; так, О. извлечения корня n -ой степени из комплексного числа сопоставляет каждому значению операнда n различных значений корня (кроме тривиального случая $\sqrt[n]{0} = 0$). Множество результатов О. для данного набора операндов при таком расшир. толковании О. может быть и бесконечным; примером может быть О. интегрирования, сопоставляющая интегрируемой функции класс «первообразных», отличающихся друг от друга на произвольную аддитивную постоянную. Иногда, правда, и в таких случаях говорят об «однозначной» О., считая ее результатом весь получающийся класс (в последнем примере — «неопределенный интеграл»), а не отдельные его элементы.

3) Еще чаще понятие О. применяется в несколько суженном, по сравнению с понятием функции, смысле, когда область определения О. (множество операндов) и множество ее результатов предполагаются совпадающими — в таких случаях говорят об О., определенной

на данном множестве. Область, к каждой упорядоченной n -ке элементов k -рой применима данная n -местная O , причём результат также принадлежит этой области, наз. замкнутой относительно этой n -местной O .

Большую роль в математике и логике играет вопрос о выполнимости O . (применимости ее к любому набору операндов определ. вида), что связано с необходимостью разумного расширения предметных областей. Исторически ход последоват. расширения числовых областей в математике шел начиная с натурального ряда, замкнутого относительно O . сложения и умножения; требование выполнимости O . вычитания обусловило расширение натурального ряда до множества целых чисел (положительных, отрицательных и нуля), требование выполнимости O . деления (т. е. замкнутости по отношению к этой O .) — расширение области целых чисел до области рациональных чисел — и т. д. до областей действит. и комплексных чисел.

O . и их св-ва являются осн. объектом изучения алгебры, причём, по мере развития и расширения сферы приложения формального аксиоматич. метода (см. *Метод аксиоматический*), все большую роль стали играть не только формализации введенных ранее «содержательных» O ., но и абстрактные O . над абстрактными объектами алгебраич. теорий (групп, полей, колец и др.), определенных аксиоматически (заданием их св-в), различные интерпретации (*модели*) к-рых могут иметь различный смысл. В то же время в ряде случаев св-ва O . задаются не аксиоматически, а выводятся из их прямого описания в виде т. н. определяющих соотношений вида $a \star b = c$ (где a и b — операнды, \star — знак O ., c — результат).

Важный класс O . можно характеризовать как семантические (хотя задаются и определяют они обычно в синтаксич. терминах) — это т. н. «погружающие» O ., т. е. O ., переводящие формулы к.-л. формальной системы («погружаемой») в формулы др. системы, причём в результате такого перевода («погружения») сохраняется св-во доказуемости формул (или выводимости их из посылок). Понятие погружающей O ., использованное по существу впервые А. Н. Колмогоровым при рассмотрении проблемы интерпретации *интуиционистской логики* в виде т. н. *исчисления задач* и изученное затем Н. А. Шаниным и др. учеными, служит в первую очередь при решении вопроса об отношении *непротиворечивости* различных дедуктивных теорий, но может рассматриваться и как способ приписывания формулам (предложениям) к.-л. теории *смысла* (в терминах др. теории).

В совр. математике и логике существ. роль играет связь между формальными (абстрактными) n -местными O . в предметной теории (см. *Металогика*, *Метаязык*) и содержательными метатеоретическими (см. *Метатеория отношений*), также n -местными; важными примерами являются соответствие между двухместной O . *импликация* и двухместным отношением *следования* и между алгебрологич. операцией эквиваленции и металогич. отношением эквивалентности (равносильности) формул логических исчислений.

Независимо от различных дефиниций понятие O . близко к понятию «действия» в широком смысле, причём «действием» можно считать как аксиоматизированное описание формальных правил перехода от операндов к результатам, так и чисто содержат. приемы «действования», «оперирования» с к.-л. объектами, в т. ч. и такие, напр., как « O . перехода от системы к ее интерпретации», « O . подстановки (имени) предмета вместо символа», « O . измерения» и т. п. Терминам « O .» и «оператор» придается также часто смысл, специфичный для к.-л. более или менее широкой конкретной теории («операторное исчисление»,

«операторное программирование», «операционный анализ» и др.). См. также *Математика*, *Исчисление*. Ю. Гаснев. Москва.

ОПЗОМЕР (Opzoomer), Корнелиус Виллем (20 сент. 1821—23 авг. 1892) — нидерл. философ и юрист, основоположник *позитивизма* в Голландии. Проф. Утрехтского ун-та (с 1846), президент Королевской Академии наук (с 1861). O . пытался отделить область веры от области знаний, а «опытные данные», к-рые для позитивизма являются единств. предметом науки, определял как сумму человек. переживаний. O . занимался вопросами религ. философии. Пытался создать религ. нормы на основе этич. поведения людей, объясняя само формирование нравственности с теол. позиций. В области права дал подробное объяснение гражд. уложения Гааги и законодательства Голландии.

Соч.: *De waarheid en hare kenbronnen*, 2 druk, Amst., 1862; *De godsdienst*, Amst., 1864; *Het burgerlijk wetboek*, dl 1—3, Leiden—Amst., 1849—52; dl 1—11, [n. s.], 1865—87; *Onze godsdienst*, Amst., 1875.

Лит.: *Wijck B. H. C. K. vander*, *Mr. C. W. Opzoomer*, Utrecht, 1893; *Wynaendts Francken C. J.*, *C. W. Opzoomer*, «*Algemeen Nederlands Tijdschrift voor Wijsbegeerte en Psychologie*» (Assen), 1940, v. 34; *Smelleer Z. W.*, *Opzoomer en Fruin*, Amst., 1949. *T. Mameeva*. Москва.

ОПИСАНИЯ ОПЕРАТОРЫ (операторы дескрипции) — логич. операторы, посредством к-рых вводятся в рассмотрение т. н. описания (описательные определения) — языковые конструкции (выражения), играющие роль собств. имен (в дополнение к собств. именам, входящим в исходный словарь данного языка) или нарицательных (общих) имен (именных частей именных сказуемых) в дополнение к параметрам его исходного словаря. Поэтому O . п. можно наз. также *имяобразующими операторами*. В естеств. языках O . п. обычно выражается словосочетаниями двух типов: 1) «тот (та)..., который (ая)...» и 2) «такой (ая)..., что...», или артиклями (в тех языках, в к-рых они есть, напр. в англ., франц. и др.), определенными в первом случае (соответств. описания наз. *определенными*) и неопределенными во втором случае (соответств. описания наз. *неопределенными*). В логико-матем. формализованных языках O . о., вводящий определенные описания, обозначается, как правило, греч. буквой «йота» (в прямом «» или перевернутом «» написании), наз. *йота-оператором* (ι -оператором) и интерпретируется указанным выше словосочетанием 1-го типа. Он применяется к формулам (предикатам), содержащим по крайней мере одну свободную переменную, к-рую он связывает, преобразуя все выражение в обозначение единств. объекта, являющегося значением этой переменной. Напр., если $P(x)$ есть предикат $x = \log_3 7$, то $\iota x P(x)$ есть собств. имя того единств. значения x , при к-ром $P(x)$ истинно. Существование и единств. ественность этого объекта являются *непреременными* условиями применимости O . о. к данному выражению и соответственно условием осмысленности определ. описания. Если условие единственности не выполняется, то такое «определенное» описание естественно рассматривать как неточную формулировку неопред. описания, интерпретируемого словосочетанием 2-го типа. Точная формулировка неопределенных описаний связана с применением т. н. *эпсилон-оператора* (ϵ -оператора), к-рый, как и ι -оператор, тоже относит определяемый объект к некому св-ву или отношению и с помощью к-рого тоже можно из формул соответств. исчисления получать предметные имена (т. н. ϵ -термы) — с той лишь разницей, что для применения ϵ -оператора не требуется ни доказательств существования определяемого объекта [а только условное допущение такого существования; т. о., ϵ -оператор отличается от ι -оператора тем, что *вводимый*

им объект является, вообще говоря, у словным объектом], ни доказательства его единственности [т. о., ε -оператор отличается от τ -оператора неоднозначностью описания; и, конечно, ε -термы, в отличие от τ -термов, полученные из эквивалентных предложений, не удовлетворяют в общем случае аксиомам равенства]. Одновременно с присоединением к данному формализованному языку $O. o.$, для получающихся в результате формальных объектов, вводятся спец. *постулаты* (аксиомы), кодифицирующие дедуктивные правила обращения со вновь введенными символами (объектами) и имеющие вид (явных) определений. Вводимые посредством такого рода расширения (правил образования и преобразования) исчислений объекты при нек-рых естеств. условиях элиминируются (устраиваются) из расширенных исчислений для весьма широкого класса классических формальных систем [а в случае определенных описаний — и для интуиционистских, см. J. Johansson, Sur le concept de «le» (ou «ce qui») dans le calcul affirmatif et dans les calculs intuitionnistes, в кн.: Les méthodes formelles en axiomatique, P., 1953], так что присоединение $O. o.$ к системе, чрезвычайно удобное для практич. целей (и хорошо известное по неформализованному матем. теориям), оказывается в этом смысле несущественным. [Конечно, если при этом $O. o.$ не были введены для решения особой, так сказать, обратной задачи. Напр., ε -оператор был придуман Д. Гильбертом с целью доказательства того, что любому матем. рассуждению, использующему нек-рые абстракции (в частности, оперирующему с кванторами без к.-л. ограничений), можно поставить во взаимнооднозначное соответствие рассуждение без этих абстракций (в частности, рассуждение, в к-ром используемые формулы не содержат кванторов). С др. стороны, напр., Рассел и Куайн в использовании τ -оператора увидели подходящую возможность «избавиться» от собств. имен (в прямом смысле), считая категорию единичных терминов теоретически излишней. Исключение единичных терминов (путем использования τ -выражений с последующим их преобразованием в выражения, содержащие только кванторы) позволяет привести любое предложение (классической) логики к виду предложения о существовании и, что отвечает общей номиналистич. программе этих авторов, согласно к-рой в предложениях формализованной теории в качестве значений по крайней мере предметных переменных не должны появляться «несуществующие» предметы.]

Об $O. o.$ см. также *Предикатов исчисление*.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, [пер. с англ.], М., 1957, § 74; Карнап Р., Значение и необходимость, [пер. с англ.], М., 1959, § 7—9; Frege G., Grundgesetze der Arithmetik, Bd 1, Jena, 1893, S. 18—20; Whitehead A. N., Russell B., Principia mathematica, v. 1, Camb., 1910, p. 66, 173; Hilbert D., Bernays P., Grundlagen der Mathematik, Bd 1, B., 1934, S. 383—84; Quine W., Mathematical logic, Camb. (Mass.), 1951, p. 146; его же, From a logical point of view, Camb., 1953, p. 7; Blanché R., Introduction à la logique contemporaine, P., [1957]; Сузко Р., Zagry elementarnej składni logicznej, Warsz., 1957. Ю. Гаснев, М. Новоселов, Москва.

ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ (о посре до ва ни е) — существование или получение чего-либо посредством (с помощью) другого — опосредующего. Смысл термина « $O.$ » можно раскрыть, указав его типичные словоупотребления: напр., опосредованное знание (в противоположность непосредственному знанию), т. е. знание, получаемое через посредство др. знания (напр., логич. форм); опосредованный вывод (в противоположность непосредств. выводу). $O.$ можно рассматривать лишь в соотношении с непосредственным. В противном случае любой факт действительности или мышления с равным основанием может считаться как опосредованным (т. е. всегда можно найти нечто промежуточное, посредством к-рого этот

факт существует), так и непосредственным (поскольку можно обойтись без этого промежуточного члена). При таком рассмотрении $O.$ можно определить как трехчленную связь $A—C—B$ в противоположность двучленной связи $A—B$ как непосредственной. Отсюда следует, что характеристика чего-то как опосредованного есть относит. характеристика.

Иногда $O.$ имеет значение не относительной, а атрибутивной характеристики; напр., в логике говорят об опосредованном выводе, т. е. выводе, полученном с помощью определ. способов рассуждения.

Н. Хохлов. Новосибирск.
ОППЕНГЕЙМЕР (Oppenheimer), Франц (30 марта 1864—30 сент. 1943) — нем. бурж. экономист и социолог. В 1919—29 — проф. социологии и экономики ун-та во Франкфурте-на-Майне. Последние годы прожил в США. Целью экономич. и социологич. работ $O.$ являлось обоснование т. н. «либерального социализма». В работе «Система социологии», в значит. мере компилятивной, $O.$ использовал идеи Файхингера, Л. Нельсона, Гумпловича и в особенности Прудона и Дюринга. $O.$ метафизически противопоставлял экономику и политику. Отсюда его различение чистой и политич. экономии. Сущность экономии, деятельности, по $O.$, — труд и обмен его продуктами, сущность политики — эксплуатация чужого труда (см. «System der Soziologie», Bd 1, Jena, 1922, S. XII). Важнейшим социологич. и экономич. принципом он считал абстрактный «принцип наименьшего средства» и утверждал, что в основе рациональной человечес. деятельности лежит энергетич. императив Оставаля: «Не расточай энергию» (см. там же, S. XVI). «Вся экономика», по $O.$, может быть математически дедуцирована из «стремления к использованию наименьших средств» (там же, S. 289). Источник всех социальных зол капитализма $O.$ видел в существовании крупной земельной собственности, в монополии на землю. Возникновение крупной земельной собственности, а также связанное с ним возникновение классов и гос-ва $O.$ объявлял следствием завоевания, политич. насилия. «Примерно 5000 лет назад в связи с завоеванием неравенство проникло в тело человечества, и вся последующая история является попыткой справиться с этой болезнью» («Erlebtes, Erstrebtes, Erreichtes», B., 1931, S. 151). Гос-во, по $O.$, — это «правовой институт, насильственно навязанный одной группой людей — завоевателями — другой группе — завоеванным», с целью экономич. эксплуатации («System der Soziologie», Bd 3, Jena, 1923, S. 149). Теории, объясняющие возникновение классов и гос-ва внутр. факторами социального, экономич. развития, $O.$ объявил «источником всего социологического зла в теории и на практике» («Die Volkswirtschaftslehre der Gegenwart», Lpz., 1929, S. 102). Условием преодоления пороков капитализма $O.$ считал возможность для каждого стать собственником земли и выступать за постепенную ликвидацию крупной земельной собственности. «Либеральный социализм», по $O.$, стремится к синтезу принципов свободы (частная собственность, свободная конкуренция) и равенства (отсутствие эксплуатации, доход по труду). С этих позиций $O.$ выступал против марксизма. Т. о., учение $O.$ — попытка реформировать капитализм, сохранив его основу. Положительным в деятельности $O.$ является его борьба против мальтузианства, геополитич. теории и социал-дарвинизма.

Соч.: Das Grundgesetz der marxischen Gesellschaftslehre, B., 1903; Großgrundbesitz und soziale Frage, 2 Aufl., Jena, 1922; Die soziale Frage und der Sozialismus. Eine kritische Auseinandersetzung mit der marxistischen Theorie, Jena, 1925; System der Soziologie, Bd 1—4, Jena, 1922—35; Weder Kapitalismus noch Kommunismus, Jena, 1932; 3 Aufl., Stuttg., 1962. Я. Иорши, Москва.

ОПОРТУНИЗМ (в рабочем движении) (от лат. opportunus — удобный) — теория и прак-

тика, идущая вразрез с действит. интересами рабочего класса, толкающая рабочее движение на путь, выгодный буржуазии. О. прямо или косвенно, путем соглашательства и открытой капитуляции или посредством неоправданных и провокационных действий приспосабливает и подчиняет рабочее движение интересам его классовых противников.

О. появляется вместе с развитием революц. движения рабочего класса во 2-й пол. 19 в. Первоначально его идейной основой были различные формы домарковского социализма, а его тактика заимствовалась у либеральных реформистов, а также у различных анархистских революц. сект. В период деятельности 1-го Интернационала Маркс и Энгельс вели решит. борьбу против псевдосоциалистич. взглядов, пытавшихся прямо или косвенно подчинить развивавшееся революц. рабочее движение интересам буржуазии. Борясь за вовлечение в революц. движение масс трудящихся, Маркс и Энгельс подвергли критике оппортунистич. концепции и тактич. установки, с одной стороны, Лассаля, Бернштейна, Шрамма за их прямую капитуляцию перед буржуазией, а с другой — Бакунина, Бланки, толкавших рабочее движение на путь авантюризма, бессмысленных жертв и неминуемых поражений. После победы марксизма в рабочем движении О. меняет идеологию, облачение и уже, как правило, выступает, прикрываясь марксистскими фразами. Внутри марксистского революц. рабочего движения О. в теоретич. плане обнаруживает себя то как *ревизионизм*, то как *догматизм*; в организационном отношении он оказывается то ликвидаторством, то сектантством; по направлению своих воздействий на революц. движение он выступает то как правый, то как левый О. По своей классовой природе О. внутри революц. рабочего движения есть проявление мелкобурж. идеологии и политики. Рабочий класс не отгорожен китайской стеной от др. социальных групп; пополняя его ряды, включаясь в рабочее движение, различные слои мелкой буржуазии, крестьянства, служащих, мелких ремесленников привносят в движение свои методы действия, свои взгляды, выражением к-рых и является О. На протяжении всей истории революц. рабочего движения О. выступает в двух осн. формах: как правый и как левый О. Каждая из этих форм О. имеет свое теоретич. и политич. содержание, претерпела эволюцию и отражает настроение и психологию разных групп мелкой буржуазии, средних слоев.

Правый О. — это меняющаяся совокупность реформистских теорий и соглашательских тактич. установок, направленных на непосредств. подчинение рабочего движения интересам буржуазии. Несмотря на то, что в ходе истории идейные позиции правого О. изменялись, в основе всех его разновидностей, пытавшихся утвердиться внутри революц. движения, лежит фаталистич. концепция, к-рая подменяет трезвый учет объективных условий преклонением перед стихийным экономич. развитием, отрицает или принижает роль революц. борьбы масс, принимает мелкие реформы за постепенное осуществление социализма, уповает на автоматич. «трансформацию капитализма в социализм». Защита «сотрудничества» классов, отречение от идеи социалистич. революции и диктатуры пролетариата, от революц. методов борьбы, приспособление к бурж. национализму, превращение в фетиш бурж. легальности и бурж. демократии, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы — таковы идейные основы правого О. Чаще всего правый О. в революц. рабочем движении является отражением настроений тех слоев мелкой буржуазии или отд. групп рабочего класса — рабочей аристократии и бюрократии, к-рые имеют относительно сносные условия существования. Отражая психологию подобных

омещавшихся слоев трудящихся, правый О. чрезвычайно опасен для революц. движения, ибо он пытается ввести его требования в рамки «улучшения» капитализма, т. е. стремится примирить его с эксплуататорским строем.

Уже в конце 19 в. правый О. получил широкое распространение в революц. рабочем движении. Его характерной особенностью было то, что в качестве идейного знамени широко использовался ревизионизм Э. Бернштейна, а позже и догматизм К. Каутского и др. После смерти Маркса и Энгельса в крупнейших с.-д. партиях Европы, во 2-м Интернационале ключевые позиции постепенно захватили правые оппортунисты (Каутский, Гайндман, Кунов и др.). «Созрел, — писал Ленин, — целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который сросся со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и „приспособить“ эта буржуазия» (Соч., т. 21, с. 223). Ленин, большевики, революц. марксисты других стран на протяжении многих лет вели непримиримую борьбу против правого О. После краха 2-го Интернационала (1914) оппортунистич. крыло в с.-д. партиях окончательно стало на путь перерождения, явилось предтечей значит. части партий совр. *реформизма*.

С возникновением междунар. коммунистич. движения правый О. неоднократно пытался закрепиться в его рядах, вел борьбу против теории и практики ленинизма. В конце 50-х гг. 20 в. правый О., распространившись как ревизионизм, стал главной опасностью для междунар. коммунистич. движения. Прикрываясь флагом антидогматизма, «творческого развития марксизма-ленинизма», его представители (М. Джилас, И. Надь, Дж. Гейтс и др.) использовали в качестве идейных источников не только работы правых оппортунистов конца 19 и нач. 20 вв., но и совр. бурж. и социал-реформистскую идеологию. Декларация (1957) и Заявление (1960) совещаний представителей коммунистич. и рабочих партий призывали коммунистов всех стран развернуть активную борьбу против правого О. В результате развернувшейся острой борьбы к началу 60-х гг. правый О. внутри коммунистич. движения был разбит, его влияние резко упало.

Левый О. представляет собой весьма неустойчивую смесь ультрареволюц. теорий и авантюристич. тактич. установок, толкающих революц. рабочее движение на неоправданные действия, бессмысленные жертвы и поражения. Хотя на каждом историч. этапе революц. движения идейное содержание левого О. претерпевало изменения, его ядром всегда оставались волюнтаристич. концепции, спекулирующие на революц. энтузиазме масс, подменяющие революц. стратегию авантюристич. «вспышкоускательством», а социально-экономич. анализ — субъективизмом. Ставка на «революц. насилие» как на панацею от всех бед, отказ от исследования объективных условий социальной борьбы, игнорирование этапов общественно-экономич. развития, «подталкивание» революций и «кавалерийские атаки» в области экономики, националистич. угар, прикрываемый революц. фразеологией, — таковы идейные основы левого О. Волюнтаризм, отсутствие выдержки, подмена революц. теории революц. фразой, шарахание в крайности обусловлены тем, что левый О., как правило, выражает психологию и настроения тех групп мелкой буржуазии, крестьянства, к-рые под воздействием условий, под нашим безудержной эксплуатации или в обстановке трудностей социалистического строительства впадают в крайнюю анархич. революционность. Левый О. опасен для революц. движения: он пытается столкнуть его на авантюристич. путь, своими ошибочными

действиями, прикрываемыми революц. марксистской фразой, дискредитирует коммунизм и тем играет на руку буржуазии.

Когда начало формироваться междунар. коммунистич. движение, именно «левый коммунизм» был его одной из первых «детских болезней». Предупреждая против этой опасности, Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920) дал анализ сущности и различных форм проявления левого О. в коммунистич. движении. Одним из отрицат. последствий *культы личности* в междунар. коммунистич. движении было распространение левосектантских, левоопортунистич. взглядов. XX и XXII съезды КПСС нанесли решит. удар по культуре личности и связанному с ним левому О.

С нач. 60-х гг. опасность левого О. вновь возрастает; его отличит. чертой является то, что он начал складываться как догматизм. В наст. время в коммунистич. движении идет острая борьба между марксистами-ленинцами и левыми О. по важнейшим проблемам обществ. развития: сущности совр. эпохи, роли главных революц. сил, вопросов войны и мира, путей строительства социализма и расширения демократии и т. д. Совр. левый О. пытается подменить своими концепциями все три составные части марксизма, он рассчитывает расколоть содружество социалистич. стран и междунар. коммунистич. движение, стремится столкнуть коммунистов на авантюристич. путь. Борьба против левого О. является ныне актуальной задачей мирового коммунистич. движения.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., [Письмо] А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо»), 17—18 сент. 1879 г., Избр. письма, [М.], 1953; Ленин В. И., Марксизм и ревизионизм, Соч., 4 изд., т. 15; его же, Разногласия в европейском рабочем движении, там же, т. 16; его же, Исторические судьбы учения Карла Маркса, там же, т. 18; его же, Марксизм и реформизм, там же, т. 19; его же, Крах II Интернационала, там же, т. 21; В. И. Ленин против догматизма, сектанства, «левого» оппортунизма. Сб., М., 1964; В. И. Ленин против ревизионизма, М., 1958; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Ревизионизм — главная опасность, М., 1958; Бутенко А. П., Основные черты совр. ревизионизма (Критич. очерк), М., 1959; его же, Левый оппортунизм и его сущность, «Коммунист Украины», 1963, № 10. А. Бутенко. Москва.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, дефиниция (от *definitio* — определение), — логич. прием, позволяющий: 1) формулировать критерии отличия изучаемого объекта от др. объектов (спецификации объекта), специфич. способы его отыскания, построения, употребления; 2) формировать значение вновь вводимого знакового выражения или уточнять значение имеющегося выражения в к.-л. языке (естественном или языке идеографич. символизма, языке формул). Поскольку результаты изучения объекта отображаются в соответств. понятиях, О. можно рассматривать как формулирование (в явной и сжатой форме) содержания этих понятий. Окончат. результаты процесса О. фиксируются средствами к.-л. языка; с этой т. зр. О. есть предложение (или совокупность, конъюнкция предложений), отвечающее определ. логич. требованиям — правилам О. То, что определяется, наз. определяемым (*Definiendum*, сокращенно *Dfd*), то, с помощью чего определяется, наз. определяющим (*Definiens*, сокращенно *Dfn*). О. позволяют в различных контекстах (рассуждениях, доказательствах, описаниях) заменять определяемое соответствующим определяющим, и наоборот.

О. в различных науках. К О. предъявляются требования различной степени строгости в зависимости от характера науки. От большинства О. в математике и в матем. естествознании (во всяком случае от тех, к-рые записываются на языке формул) требуется, чтобы они позволяли строить или отыскивать определяемый объект (в матем. естествознании — вычислять

одни характеристики определяемого объекта на основе измерения других). На эмпирич. уровне анализа в естеств. науках возникает задача О. объектов по их существ. характеристикам. Образованные на основе этих О. понятия затем уточняются, конструктивизируются, в них вводятся элементы *идеализации*. Это обеспечивает применение к соответств. объектам матем. аппарата. В таком виде эти понятия и включаются в теории матем. естествознания, составляя важнейший компонент последних. На их основе формулируются различные законы, соотношения, принципы соответств. теории, ее осн. уравнения и т. п. В формализованных логико-матем. теориях к О. предъявляются прежде всего «формальные» требования. Это значит, что различие существенных и несуществ. характеристик определяемых объектов здесь не имеет смысла: в этих дисциплинах оперируют такими объектами, в к-рых существенное уже отделено от несущественного. В др. областях знания, особенно в обществ. науках (а также в естествознании и нередко в интерпретационных сферах матем. наук), особо важное значение имеет, наоборот, учет неформальных требований, предъявляемых к О. При этом часто возникают споры по поводу различных О., даваемых одному и тому же *Dfd*, проистекающие из различий в аспектах изучения *Dfd*, из недостаточной информации о нем и др. причин конкретно-науч. характера, а также из характера принимаемых мировоззренческих, идеол. установок тех, кто вводит то или иное О. (ср. ленинское и бухаринское О. класса, ленинское и каутскпанское О. империализма, О. социализма, войны и т. п. в марксистской и бурж. лит-ре). Во всех науч. теориях нек-рая совокупность исходных понятий, абстракций, идеализаций принимается без О.; их правомерность обосновывается (даже в точных матем. теориях), вообще говоря, уже не строго, за пределами теории.

Различные аспекты изучения определений. Определения изучаются как в формальной, так и в диалектич. логике. Первая формулирует общие требования к О., к-рые должны выполняться в любых сложившихся науч. теориях, описывает способы введения понятий в теории, к-рые строятся (на основе, разумеется, предшествующих результатов познания) «сразу», «во всей их законченности», исследует их структуру в связи с проблемами *дедукции* и т. п. Вторая анализирует процессы О. в связи с историей познания, формированием и развитием понятий, в связи с вопросами о существенном и несущественном в науке, об истине и лжи, о точном и неточном, в связи с анализом таких мыслит. средств, как абстракция, идеализация, обобщение и т. п. Традиц. формальная логика преим. занималась описанием явных О. типа « $Dfd \equiv Dfn$ », что обычно читается: «Определяемое равнозначно определяющему». При этом имелась тенденция все виды О. сводить к рассмотренным еще Аристотелем О. «через род и видовое отличие», в к-рых *Dfd* отличается от др. предметов нек-рой области, упоминаемой при этом явно в О. (род), через указание специфич. св-ва (видового отличия) *Dfd*. Напр., «Ромб есть четырехугольник (род), у к-рого стороны равны (видовое отличие)». Совр. формальная (математическая) логика изучает все виды О., учитывая при этом, что использование того или иного вида О. детерминировано характером изучаемых объектов, характером создаваемых науч. теорий, целями, уровнями и этапами познания.

Виды О. На начальных уровнях овладения языком большую роль играют т. н. *остенсивные* О.; они представляют собой О. значений слов путем непосредств. показа предметов, названия этих предметов и действия с ними. Остенсивные О. позволяют осуществлять передачу элементарного опыта человечества,

закрепленного в языке, на основе к-рого люди овладевают затем более богатыми сферами опыта, опираясь уже на вербальные O , т. е. O , посредством к-рых значения неизвестных выражений определяются через выражения, значения к-рых известны.

В зависимости от того, что определяется в первую очередь — знаковое выражение или вещь, им обозначаемая, — O подразделяют на номинальные и реальные. Первые — это O , с помощью к-рых: а) вводится новый термин (знак, выражение) как сокращение для более сложных выражений, описывающих Dfd (номинальное O в собств. смысле); такие O , формирующие значение вновь вводимых в теорию выражений, являются средством обогащения языка; б) поясняется, уточняется значение уже введенного в язык науки или в повседневный язык термина, слова, выражения (напр., в толковых, фразеологич. и др. словарях содержится разъяснение значений выражений естеств. языков; если такое разъяснение является однозначным описанием значения выражения, то оно может рассматриваться как его O). Реальные O — это O , в к-рых фиксируются спец. характеристики самих определяемых предметов; в них устанавливается, что предметы, обозначаемые терминами Dfd и Dfn, суть одни и те же предметы. Деление O на номинальные и реальные не связано, вообще говоря, с характеристикой их формальной структуры; обычно O можно представить и как реальное, и как номинальное (о реальных и номинальных определениях см. также в ст. *Пор-Рояля логика*).

Существенно различную роль в науках играют т. н. явные (эксплицитные) и неявные (имплицитные) O . Явными наз. O , в формулировке к-рых содержатся не только правила введения, но и правила удаления вводимых путем O терминов. Так, подавляющее большинство O позволяет удалить (из соответствующей теории, науч. рассуждения и т. п.) Dfd путем замены его на Dfn (правило удаления Dfd) и, наоборот, Dfn заменить, «сократить» Dfd (правило введения Dfd). К числу явных O относятся все указанные выше виды O . Неявными наз. O , по отношению к к-рым нельзя сформулировать правил удаления Dfd в рамках той или иной науч. дисциплины. Но такие правила удаления для исходных терминов и понятий, напр. в аксиоматически построенных дисциплинах, можно сформулировать, выйдя за пределы аксиоматики, чем обычно и пользуются при применении аксиоматич. теорий, при их интерпретации (если система формальна). Использование этих правил дает возможность убедиться в правомерности или неправомерности вводимых в теорию исходных абстракций, понятий, терминов. Неявные O бывают двух видов: а) O , в к-рых Dfd не дан непосредственно, но определен нек-рым контекстом, в к-ром он фигурирует. При этом имеется алгоритм, позволяющий определить значение Dfd в явной форме (так, решая уравнения, мы определяем, отыскиваем значение неизвестных: неявные определения превращаем в явные). Такие O часто наз. контекстуальными. Путем контекстуальных O могут быть, напр., определены функции \sin , $>$ через совокупность значений переменных в выражениях $\sin x$, $x > y$ (к-рые и играют роль контекста). Аналогично, сопоставляя различные контексты, в к-рых встречается знакомое выражение, мы можем определить его значение. Примером контекстуального O может быть и рекурсивное O ; б) В аксиоматич. O (или неявных O в собств. смысле) нек-рые исходные объекты определяются через аксиомы (подробнее об этом см. в ст. *Метод аксиоматический*).

В логике различают семантические и синтаксические O . Семантическими наз.

O , в к-рых Dfd — нек-рое выражение, а Dfn — нек-рый предмет (Dfd и Dfn — предметы различных уровней абстракции) и где устанавливается или уточняется значение выражения определ. языка посредством явного упоминания предмета, обозначаемого этим выражением (напр., «Слово „пятиугольник“ означает многоугольник с пятью сторонами»). С такими O мы часто встречаемся в толковых словарях. Синтаксич. O в собств. смысле наз. O языковых (знаковых) выражений не через описание их лексич. значений, а через правила оперирования с ними. Такие O постоянно встречаются в формальных системах. Синтаксич. O в широком смысле наз. O , в к-рых Dfd отличаются от др. предметов данной области не по своим св-вам, а через правила оперирования с ними, через способы и цели его употребления. С помощью этих O можно определять шахматные фигуры, профессии людей, выполняемые ими функции и т. п. К числу синтаксич. O в широком смысле можно отнести и т. н. генетические O , рассматривавшиеся в традиц. логике как особый вид O ; это такие O , в к-рых Dfd вводятся через описание способа его образования, построения, через инструкцию о его изготовлении и т. п. Разновидностью генетич. O можно считать т. н. продуктивные O .

В матем. естествознании (в особенности на эмпирич. уровнях исследования и при разл. приложениях теорий) широко используются т. н. операциональные O . К их числу относятся: а) O физич. величин путем описания видов операций, с помощью к-рых они измеряются (определяются); б) O св-в предметов посредством описания экспериментально осуществляемых воздействий на исследуемый предмет и получаемых при этом результатов. Примером (а) может быть определение длины предмета путем измерений, O одновременности в теории относительности; примером (б) может быть O кислотных св-в раствора на основе погружения в него лакмусовой бумажки. (а) и (б) могут рассматриваться как O , если описания операций однозначны (по крайней мере в рамках определ. теории) выделяют Dfd. В отличие от нек-рых явных реальных O через описание свойств Dfd, к-рые недостаточно конструктивны (в том смысле, что не содержат в своей формулировке эффективных, опытным путем осуществимых правил, предписаний для отыскания соответств. Dfd), операциональные O (как вид явных реальных O) выделяются конструктивностью. Этим и обусловлено их широкое применение в естеств. науках. Однако теории матем. естествознания обычно не удовлетворяются операциональными O , а стремятся на основе общей интерпретации теории определить Dfd, определенный операционально, также и через описание его существ. св-в (об операциональных O см. также *Операционализм*).

Правила O . Для правильности явных O необходимо соблюдение следующих правил:

а) **Правило переводимости**, или **элиминированности**: для реальных O Dfd и Dfn должны быть равнообъемны; для явных номинальных O Dfd и Dfn должны быть взаимозаменяемы, взаимопереводимы в любых контекстах (или по крайней мере в подавляющем большинстве контекстов данного языка).

б) **Правило однозначности**: в пределах данной теории каждому Dfn должен соответствовать один единственный Dfd, но не наоборот. Это означает, что O способствуют устранению *омонимии*; но синонимичные выражения постоянно фигурируют в языках науч. теорий. Это связано с тем, что один и тот же объект может определяться по-разному; в процессе O как раз и устанавливается синонимичность выражений для Dfd и Dfn ($Dfd \equiv Dfn$). Одной

из задач науки и является установление синонимичности различных выражений.

в) Требования отсутствия в O . порочного круга: Dfn не должен зависеть от Dfd (см. *Круг в доказательстве, Непредикативное определение*). В связи с правилом (а) в логике существует спор о т. н. «творческом» или «нетворческом» характере O . Сторонники первой т. зр. считают, что введенные определением (по схеме $Dfd \equiv Dfn$) термины всегда могут быть сведены к соответствующим терминам Dfn , а в составе строгой теории — к некоторым начальным объектам из исходного базиса теории. (При этом речь не идет об индуктивных определениях, с помощью к-рых строятся такие объекты, к-рые обладают новыми св-вами по сравнению с исходными и относительно к-рых формулируются такие теоремы, к-рые не имеют смысла по отношению к исходным объектам: их творческий характер очевиден). Сторонники другой т. зр. полагают, что сведение Dfd к Dfn не всегда возможно, что обосновывается указанием таких контекстов, в к-рых замена Dfd на Dfn превращает контекст из истинного в ложный.

Значение O . в науч. познании. В процессе науч. познания человек выделяет в окружающих его предметах общее, существенное, специфическое, закономерное, отвлекаясь от случайного и второстепенного, прибегая к упрощениям, схематизации предметов и ситуаций. Эти упрощенные, схематизированные объекты и вводятся в науку с помощью O . Такие объекты, а также соответствующие им понятия и термины включаются в содержание законов, принципов, тезисов, гипотез. Лишь на основе введения в науку таких упрощенных, схематизированных, идеализированных объектов и открывается возможность плодотворного применения к ним матем. аппарата. С помощью O . уточняется значение выражений естеств. языка, создается науч. терминология, что способствует установлению более глубокого взаимопонимания между людьми, создает необходимые условия для науч. прогресса. Лишь на основе уточненных путем O . значений терминов можно быть уверенным, что люди, их употребляющие, понимают их в одном и том же смысле. С помощью O . происходит синтез результатов анализа действительности, воссоздание предмета в его закономерных и необходимых связях (см. *Восхождение от абстрактного к конкретному*), получение алгоритма его построения, образования. O . дают возможность отыскивать необходимые предметы среди др. индивидуальных предметов данной области, отождествлять и различать их между собой, фиксировать их существ. характеристики. Что является существенным для определяемого предмета и что — нет, обуславливается в конечном счете обществ. практикой, а также конкретной постановкой задач, решаемых той или иной теорией. В. И. Ленин в связи с этим писал: «... вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» (Соч., т. 32, с. 72). Кроме того, O . являются средством сокращения сложных описаний, делая излишним в каждом случае сведение сложного (сложных понятий, сложных объектов науч. системы) к элементарному (к понятиям и объектам исходного базиса теории) и освобождая нас от необходимости при разъяснении значений термина каждый раз обращаться к исходным понятиям науч. теории. Это означает, что без использования даже номинальных O . типа простых сокращений наука встретилась бы с непреодолимыми трудностями: все пришлось бы описывать на основе терминов для объектов исходного базиса. Это привело бы к невообразимому усложнению описания и понимания написанного. Включение же таких описаний

в формулировки законов, тезисов, принципов, теории вообще уже не представляется осуществимым. Отмечая существенную роль O . в познании, классики марксизма-ленинизма одновременно указывали на ограниченность O . в том смысле, что они не отображают всего того содержания изучаемого предмета, к-рое описывается соответств. наукой. Фактич. изучение науч. теории не сводится к овладению суммой O ., к-рая в ней заключена. Д. Горский. Москва.

Рекурсивные и индуктивные O . Важной разновидностью генетич. O . являются т. н. и н д у к т и в н ы е O . абстрактных объектов (в особенности в арифметике и логике). Индуктивное O . (п. о.) к.-л. функции (или предиката) состоит из т. н. прямых пунктов, указывающих значение определяемой функции для объектов из области ее определения, и косвенного пункта, согласно к-рому никакие объекты, не поддающиеся под действие прямых пунктов данного O ., не удовлетворяют ему. И. о. подразделяются на фундаментальные O . некоторых предметных областей и нефундаментальные, с помощью к-рых из к.-л. определенной предварительной области выделяется некоторое подмножество. Примерами фундаментальных и. о. могут служить O . натурального числа [а) 0 есть натуральное число; б) если x есть натуральное число, то x' есть натуральное число (прямые пункты); с) никакой объект, не удовлетворяющий ни одному из пунктов а) и б), не является натуральным числом (косвенный пункт)] и O . формулы исчисления высказываний [а) элементарное высказывание есть формула; б) — е) если A и B — формулы, то $A \& B$, $A \vee B$, $A \supset B$ и $\neg A$ суть формулы; ф) никаких формул, кроме определенных согласно пунктам: а) — е), нет]. Примеры нефундаментальных и. о.: O . предиката «быть четным числом» [а) 0 — четное число; б) если n — четное, то и $n+2$ — четное; с) никакие (натуральные) числа, кроме определенных согласно а) и б), не являются четными] и O . понятия теоремы (доказуемой формулы) исчисления [а) каждая аксиома есть теорема; б) если A и $A \supset B$ суть теоремы, то и B есть теорема (и аналогично для др. правил вывода, если таковые есть в данном исчислении); е) никакие др. формулы теоремами не являются]. И. о. (обоих видов) оправдывают применение к определенным с их помощью объектам доказательства по математической индукции (в соответствии с этим тезис из прямых пунктов, к-рые явным образом задают примеры определяемых объектов, как пункт а) в приведенных выше примерах, наз. б а з и с н ы м и, а те, с помощью к-рых из ранее определ. объектов получаются новые объекты, — и н д у к т и в н ы м и пунктами).

Отличительной особенностью и. о. является их «видимая непредикативность» (см. *Непредикативное определение*) — определяющее выражение использует определяемый термин. Таковы уже приведенные O . натурального числа: « $N(x) \equiv_{df} [x = 0 \vee \exists k (N(k) \& x = k')]$ », четного числа: «Четн $(x) \equiv_{df} [x = 0 \vee \exists k (\text{Четн } k) \& (x = k + 2)]$ » и т. п. (дизъюнктивные члены соответствуют базисным и индуктивным пунктам п. о. при прочтении эквивалентности справа налево; косв. пункту соответствует прочтение слева направо). Однако квантор существования, входящий в определяющее выражение, не приводит на самом деле к непредикативности благодаря тому обстоятельству что (корректно сформулированное) и. о. «порождает» объекты в некотором порядке, и в каждом применении косв. пункта нам фактически требуется не вся определяемая область, а лишь (конечная) совокупность уже порожденных объектов, так что квантор оказывается по существу ограниченным (см. *Квантор*).

Особенно важны случаи, когда порядок порождения объектов с помощью и. о. является односторонним

н ы м (или может быть сделан таковым) — тогда и. о. можно преобразовать в т. п. рекурсивное O . (р. о.), или O . п. о. индукции, имеющее форму системы равенств (часть к-рых явным образом задает значения определяемой функции или предиката, а другие описывают способы получения новых значений из уже определенных посредством подстановок и различного рода «схем рекурсий» — см. *Рекурсивные функции и предикаты*). Иными словами, р. о. — это «эффективные представления» и. о. Область значений рекурсивно определенной функции (как и множество истинности рекурсивно определенного предиката) рекурсивно-перечислима (см. *Разрешимое и перечислимое множества*), хотя, вообще говоря, и не обще-рекурсивна (ср. *Разрешения проблемы*).

Описанные понятия допускают естеств. обобщения. Так, в и. о. может встретиться неск. базисных пунктов (так уже фактически было в приведенном выше O . теореме, поскольку речь шла не о единств. аксиоме) и неск. различных способов перехода («ведущих операций» — см. *Математическая индукция*) от определенных ранее значений, что, конечно, никак не исключает возможности наличия жестко определенного порядка порождения и связанной с этим «рекурсивизируемости» таких и. о. Аналогично предыдущему вводятся и р. о. функций и предикатов для конечных наборов аргументов из области, определенной предвзвешенно нек-рым фундаментальным и. о.

Р. о. и и. о. заслуживают самого пристального внимания с общефилософской т. зр., поскольку они являются превосходным примером исключительно важной для совр. науки реализации гносеологич. тенденции к «эффективности», «конструктивности» знания.

Ю. Гагеев. Москва.

О понятиях, родственных понятию O ., и особенно о роли O . в совр. дедуктивных науках см. *Математическая индукция, Метод аксиоматический, Множество, Непредикативное определение, Описание операторов, Определение через абстракцию, Определимость, Парадокс, Предикатов исчисление, Рекурсивные функции и предикаты* и лит. при этих статьях.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20; его же, Диалектика природы, там же; Аристотель в, Аналитики первая и вторая, пер. с греч., Л., 1952; Котарбинский Т., Избр. произведения, пер. с польск., М., 1963, с. 559—64, 627—37; Горский Д. П., О видах определений и их значениях в науке, в сб.: Проблемы логики науч. познания, М., 1964; Dubislav W., Die Definition, 3 Aufl., Lpz., 1931; Robinson R., Definition, Oxf., 1950; Ajdukiewicz K., Three concepts of Definition, «Logique et Analyse», 1958, Année I, № 3—4, p. 115—26; Materna P., Zu einigen Fragen der modernen Definitionslehre, Praha, 1959; Beth E. W., Formal methods, N. Y., [1962], ch. VI; Curry H., Foundations of mathematical logic, N. Y.—la. o. I., 1963, p. 106—10.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ АБСТРАКЦИЮ — способ выделения (абстрагирования) чувственно невоспринимаемых свойств предметов нек-рой конкретной области исследования путем установления между предметами этой области *отношений типа равенства*. Напр., через обменяемость товаров друг на друга (являющуюся как раз отношением такого типа) можно выделить абстрактное св-во их стоимости; через отношение *взаимно-однозначного соответствия* между множествами — абстрактное понятие о числе (число есть общее св-во всех таких множеств, между к-рыми можно установить взаимно-однозначное соответствие). Абстрактные свойства, выделяемые O . ч. а., не создаются этими определениями, а лишь обнаруживаются посредством них. В основе всех O . ч. а. лежит логический (теоретико-множеств.) закон, называемый *принципом абстракции*.

Лит.: Яновская С. А., О так называемых определениях через абстракцию, в кн.: Сборник статей по философии математики, М., 1936; Горский Д. П., Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961; его же, О видах определений и их значениях в науке, в сб.: Проблемы логики

научного познания, М., 1964; Субботин А. Л., Идеализация как средство научного познания, там же; Scholz H. and Schweitzer H., Die sogenannten Definitionen durch Abstraktion..., Lpz., 1935.

ОПРЕДЕЛИМОСТЬ — одно из осн. понятий методологии дедуктивных наук, связанное с особенностями и возможностями формализации. Различают обычно синтаксическое (см. *Синтаксис* в логике) и семантическое (см. *Семантика* в логике) понятия O . Первое равносильно возможности (формального, синтаксического) определения одних исходных терминов (термов, знаков операций, предикатов и т. п.) к-л. формализованной аксиоматич. теории через другие исходные термины той же теории, т. е. означает их взаимную зависимость (или же — в случае невозможности такого определения — взаимную *независимость*). [Т. о., связь терминов с т. зр. их взаимной (синтаксической) O . подобна связи между высказываниями с т. зр. их взаимной выводимости — в обоих случаях в рамках нек-рой данной формализации.] В случае явн. определений синтаксич. O . к-л. термина данной теории выражается посредством формулы (предложения), выводящей в данной теории (являющейся ее формальной теоремой) и имеющей вид эквивалентности, в к-рой по одну сторону знака эквивалентности записывается определяемый термин (definiendum) или выражение, содержащее этот термин, а по др. сторону — выражение этой же теории, определяющее (заменяющее) этот термин и не содержащее его (definiens). Если же речь идет о др. видах определений, то для строгой формулировки синтаксич. O . следует, конечно, оговорить допустимые для данной теории виды определений и определяющих схем; это относится, напр., к т. н. схемам рекурсии, используемым при рекурсивных определениях (см. в ст. *Определение* раздел Рекурсивные и индуктивные определения). [Такие уточнения обычно формулируются в терминах синонимов синтаксич. O . таних, напр., как введенное К. Гёделем понятие *п-образности* в нек-рой формальной системе, или понятие т. н. λ - O . (А. Чёрч), являющихся при соответств. уточнениях эквивалентами понятия общей рекурсивности — см. *Рекурсивные функции и предикаты*.]

Семантическая O . означает «выразимость» (причем именно этот термин во мн. конкретных теориях употребляется в качестве синонима или замены термина «семант. O .») средствами данной формальной теории тех предметов (в том числе и абстрактных: множество, отношений, свойств и т. п.), к-рые с помощью этой теории изучаются (др. словами семант. O . свидетельствует о существовании «языковой модели» для этих предметов). Напр., говорят, что *n*-местное отношение R определимо в данной формальной теории T , если на языке T можно записать такой *n*-местный предикат $\varphi(x_1, \dots, x_n)$ со свободными переменными x_1, \dots, x_n , к-рый для произвольных предметов (термов) a_1, \dots, a_n , взятых в нек-ром (произвольном) порядке, выполняется тогда и только тогда, когда между a_1, \dots, a_n , взятыми в том же порядке, имеет место отношение R . Аналогично можно говорить об O . свойств и множеств (рассматриваемых как одноместные предикаты). Понятие семант. O ., введенное А. Тарским (1931) и обобщенное впоследствии А. Мостовским и самим Тарским, играет важную роль в семантике. Особенно плодотворным оказалось оно при выяснении возможностей определения предиката истинности (см. *Логическая истинность*) для конкретных формальных систем. Осн. результатом в этой области служит теорема Тарского об истинности, согласно к-рой для широкого класса непротиворечивых формальных систем (во всяком случае включающего формальную арифметику и аксиоматич. теорию множеств и вообще все теории, удовлетворяю-

щие условиям теоремы К. Гёделя о неполноте — см. *Полнота дедуктивная, Метатеория*) понятие истинности предложения такой теории, так же как и множество всех ее истинных предложений, неопределимо в самой этой теории. Теорема эта, играющая важную роль в исследовании вопроса о взаимной силе (и относительной *непротиворечивости*) формальных систем, является следствием доказанной также Тарским теоремы о неопределимости, дающей общий метод построения широкого класса неопределимых выражений.

Ю. Гастев, М. Новоселов. Москва.

ОПРЕДЕМЧИВАНИЕ И РАСПРЕДЕМЧИВАНИЕ — категории марксистской философии, раскрывающие внутр. динамизм предметной деятельности, взятой в ее наиболее чистом виде — как всеобщий способ бытия человек. культуры, способ, каким люди производят всю свою обществ. жизнь, делают свою историю. О. и р. суть те противоположности, конкретное тождество к-рых и есть предметная деятельность. Опредемчивание — это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. Распредемчивание — это обратный переход предметности в живой процесс, в действующую способность: оно есть творч. начало освоения субъектом предметных форм культуры, а посредством их — также и природы. Категории О. и р. относятся не к натуралистич. системе (индивид — природа), где индивид — просто ее часть, а суть изначально социальные определения деятельности. Здесь человек — универсально-всеобщая, предметно-творч. сила природы, совокупность всех обществ. отношений, «мир человека» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 3 и т. 1, с. 414). Опредемчивание есть акт, совершаемый индивидом как воплощенном общественно-целого. О. всегда направлено не просто на природу, а на человек. предмет, на «предметное тело» культуры, следовательно, на самоизменение обществ. человека посредством изменения предмета. Соответственно, распредемчивание есть не просто ассимиляция вещества и энергии природы, но и включение ее в жизнь активных «сущностных сил» человека; это — не утрата предметности, а лишь ее погружение в деят. процесс, где «все, имеющее прочную форму, выступает лишь как мимолетный момент» (Marx K., Grundriße der Kritik der politischen Ökonomie..., В., 1953, S. 600). О. и р. образуют отношение не просто полярности (взаимно предполагают и исключают друг друга), но и подлинное диалектич. *противоречие*, непрестанно разрешающееся и воспроизводящееся.

Диалектика О. и р. не есть лишь «частный случай» диалектики: в качестве особенных законов предметной деятельности выступают именно сами универсально-всеобщие определения всей действительности, поскольку она превращается в культуру. Чистая форма, в к-рой эти определения функционируют как собств. законы предметной деятельности, — это форма категорий мышления. Предметная деятельность осуществляется не иначе, как производя *идеальное*, к-рое живет только непрерывно исчезая в определемчивании и столь же непрерывно возникая вновь из распредемчивания. Идеальное же требует для себя особого материала — предмета в языковой, знаковой функции. Поэтому деятельность имеет дело со своим предметом в двух аспектах: как с реально преобразуемым и как знаковым. При разделении деятельности эти аспекты могут наделяться самостоятельностью.

Раскрытие внутр. диалектики О. и р. предполагает проликование в ее превращенные формы, порождаемые разделением деятельности, ее *отчуждением* и т. д., и рассмотрение деятельности в ее целостности.

Когда в классовом обществе деятельность претерпевает расщепление и отчуждение, индивиды уже не распредемчивают всего того предметного содержания культуры, с к-рым они имеют дело, но лишь используют это содержание (см. *Овеществление*). Овеществление окутывает определемчивание превращенными, иррациональными формами проявления, подменяя определемчивание как способ универсального самоутверждения индивидов их самоотрицанием, созданием «не-человеческого» мира обществ. вещей, вещных структур и ролей. Поэтому всякое личностное достоинство представляется чем-то принципиально «неопредемчиваемым» и потому недействительным, существующим вне субъект-объектного отношения. Следует отличать О. и р. от реализации прошлого идеального плана-замысла и составления такового на будущее, а равным образом — от соотношения цели и результата: сам процесс выработки плана-замысла возможен лишь посредством его определемчивания в материале знаков, хотя предмет в знаковой функции никогда не может полностью заместить собой реально-преобразуемый предмет. Опредемчивание в знаковых предметах всегда необходимо, но никогда не достаточно.

Во всей истории домарксистской, а также совр. бурж. философии сказывается зависимость от превращенных форм предметной деятельности, от ее разделения и отчуждения. Реально-преобразоват. активность общества человека представлялась как оторванная от индивида и даже человечества. Способность к определемчиванию поэтому приписывалась лишь сверхчеловеч. силам — «идеям» (Платон), «форме всех форм» или «все порождающему» божеств. уму (Аристотель). Человеческое в человеке сводилось к мышлению, толкуемому созерцательно: «человек рожден для созерцания» (Анаксагор). Созерцательность (особенно стоич. традиция) закрывала путь к расшифровке диалектики О. и р. Созидание человечеством своего мира культуры было мистифицировано и изображено как творение мира «словом божьим», мощь определемчивания — как всемогущество «Логоса» (схоластика). Проблематику О. и р. выдвинул лишь классич. нем. идеализм, поскольку он «развивал деятельную сторону» (см. МEGA, Abt. 1, Bd 5, 1933, S. 533). Однако он не смог превратить эту «сторону» в суть дела. Кант, находясь в плену представления о человеке как о «копечном», был вынужден, чтобы не приравнять его к вещи, перенести его способность быть «свободной причиной» в сферу нравств. воли, а там — отодвинуть в дурную бесконечность. Способность налагать на мир печать своей активности противопоставлялась человеку как потусторонняя, результаты же освоения предметных форм культуры фиксировались как априорное достоинство. Активность познания оказалась не только изолированной от своего источника — предметно-преобразоват. деятельности, но и закованной в изначальную специфичность субъекта и ограниченной пассивностью созерцания. Стремясь к мимизму, Фихте принял в качестве субстанции бесконечное «Я», причем «сущность Я состоит в его деятельности» (Избр. соч., т. 1, [М.], 1916, с. 251). В процессе деятельности Фихте усмотрел необходимость полного взаимного перехода субъективного в объективное и обратно, угадывая в форме диалектики Я и не-Я диалектику О. и р. Именно воплощая себя в не-Я, само Я обретает «...высшую, а не проблематическую только значимость» (там же, с. 225). Однако он идеалистически предпосылал определемчиванию некую первичную «чистую деятельность Я». Абстрактность ее не позволяла «выковать» из нее конкретное содержание процесса О. и р. и оставляла цель-идеал отодвинутой в дурную бесконечность (см. там же, с. 405, прим.). Тем не менее в высшей степени ценно стремление Фихте понять человека как творца самого себя,

своего мира путем опредмечивания. Шеллинг в качестве «высочайшего» образца опредмечивания берет произведение иск-ва. В нем он обнаруживает наибольшую полноту объективирования той же силы, к-рая бессознательно творит и всю природу. Однако разрывывающая себя в истории природы и культуры творч. интеллигенция резюмируется лишь актом созерцания гения. Это закрывало путь к рациональному анализу распредмечивания. Наиболее глубокого в нем. идеализме понимания диалектики О. и р. достиг Гегель в «Феноменологии духа», величие к-рой Маркс усматривал именно в анализе сущности труда как взаимопроникновения О. и р. В труде Гегель увидел способ, каким человек «образует» свой предметный мир, себя самого (см. Соч., т. 4, М., 1959, с. 105). Он критикует идею изначальной специфичности чистой субъективности, обнаруживая ее пустоту. «Истинное бытие человека... есть его действие», «... лишь произведение следует считать его истинной действительностью...» (там же, с. 172). «Предметность не меняет самого действия, а только показывает, что оно есть...» (там же, с. 173). «Индивид поэтому не может знать, что есть он, пока действител. не претворил себя в действительность»; он — не психол. точка, а преобразованный деятельностью «мир индивида...» (там же, с. 212, см. также с. 164). В своем опредмечивании и только в нем человек есть «... сущее для других, всеобщая сущность...» (там же, с. 172), поскольку он благодаря ему «... вынес себя в стихию всеобщности...» (там же, с. 215). В удивляющем обществ. потребность труде индивида обществ. целое «становится его произведением», в к-ром он находит самого себя как принадлежащего всеобщности и обретает в своем единстве с другими свою субстанцию. Человек опредмечивает себя лишь для того, чтобы совершить «движение, восстанавливающее субъект». Он проходит заново всю богатую культурную историю в ее уплотненной в себе форме и должен при этом «... пробиться сквозь все это богатство... и перевернуть его», чтобы «... в совершенстве знать то, что он есть, свою субстанцию» (там же, с. 433), чтобы, многократно перестраивая себя вместе с миром культуры, наконец освоить его, «... заново вырастить себя из него...» (там же, с. 434). Извращение Гегелем подлинной диалектики О. и р. состояло в том, что деятельность изобразилась как впервые порождающая из абс. деп. свое содержание (см. там же, т. 3, М., 1956, с. 233), распредмечивание же — как снимающее предметность как таковую, наконец, в том, что опредмечивание отождествлялось с отчуждением, овеществлением и т. д. Идеализм здесь связан с недоуслитимой гипертрофией значения опредмечивания мышления в языке (см. там же, т. 4, с. 272—73; т. 3, с. 273).

Раскрытие диалектики предметной деятельности явилось таким принципиально важным моментом в революц. процессе становления марксизма, без к-рого невозможна обоснованная теория диалектики вообще. В ходе критич. переработки философии Гегеля и Фейербаха Маркс отыскивает под превращенными формами подлинно всеобщие определения деятельности, понятой как О. и р. «Люди создают... общественную сущность, которая... есть сущность каждого индивида, его собственная деятельность» (MEGA, Abt. 1, Bd 3, 1932, S. 536). Опредмечивание есть волюнтаризм индивидуальности и одновременно — обществ. потребности, а тем самым — создание жизненных проявлений других, их обществ. сущности, «зеркалом» к-рой для людей оказывается результат их труда (см. там же, S. 546—47). Предмет выступает как «опредмеченный человек» в его обществ. сущности (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произв., 1956, с. 593, ср. с. 560—66, 627—38). Общая картина О. и р. такова: человек как универсально-деятель-

ное существо, «... вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы...» (там же, с. 630).

Вполне строгая концепция О. и р. развита Марксом в его классич. произведениях 1850—60-х гг. Опредмеченный труд — одна из гл. категорий «Капитала», позволяющая вскрывать отношения людей за отношениями вещей. Как процесс «труд постоянно переходит из формы беспокойства в форму бытия, из формы движения в форму предметности», в к-рой он снимается: его целесообразность оставляет лишь свой след — целесообразную форму продукта (Marx K., Das Kapital, Bd 1, В., 1960, S. 189, 197; его же, Grundrisse..., S. 266). Но одновременно творч. деятельность заключает в себе и обратный момент — распредмечивание. Предметность включается в функционирование, соответствующее ее понятию, а поэтому перестает быть «внешней равнодушной формой» и превращается в «момент живого труда», в «отношение живого труда к самому себе в предметном материале» (там же), а тем самым — в содержание предметно-деятельной способности человека. Этим содержанием в кошечном счете исчерпывается все содержание субъекта. С помощью категории опредмечивания Маркс дал монистич. объяснение движению капитала с т. зр. его субстанции — абстрактного труда. Такой же монизм категории О. и р. призваны обеспечить в исследовании всей человек. культуры, ее судеб, в проблематике творчества, социальной природы познания, языка, образования и т. п.

Литт. см. при ст. *Практика*. Г. Батищев. Москва.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ — обоснование ложности чего-либо. Термин «О.» применяется как к формальным объектам (формулам к.-л. формализованного языка, формальным доказательствам и выводам, формальным системам в целом), так и к объектам, содержательно понимаемым (суждениям, гипотезам, системам взглядов и вообще, к любым совокупностям высказываний). В качестве исходного естественно исходить из понятия О. предложения (суждения, высказывания): О. предложения с логич. т. зр. есть доказательство его отрицания. Поскольку О. предложения есть доказательство, оно включает в себя все те аспекты, в к-рых рассматривается понятие доказательства (так, можно говорить о формальных и содержательных, дедуктивных и индуктивных, эмпирич. и теоретич. О., об О. на языке данной теории и об О. на уровне *метатеории*, т. е. в ее *метаязыке* и т. п.). Поскольку, с др. стороны, понятие отрицания допускает различные трактовки, это также отражается на разл. модификациях понятия О. Вообще, понятие О. и способы О. зависят от используемых логич. средств. [Это хорошо видно на примере весьма общего способа О., состоящего в показе того, что из опровергаемого предложения логически следует нек-рое заведомо ложное суждение, напр. логич. противоречие (см. *Доказательство от противного*); указанное следование всегда осуществляется по определ. логич. правилам.]

Термин «О.» обычно распространяют и на доказательства (или выводы). О. доказательства — это установление его ошибочности. Оно состоит: (1) либо в О. тезиса доказательства (О. тезиса означает О. доказательства, потому что ложь не может логически следовать из истинных посылок); (2) либо в О. аргументов (из лжи по правилам логики может выводиться как истинное, так и ложное заключение) или в установлении их недоказанности (если аргументы не доказаны, то недоказанным остается и тезис); (3) либо в указании ошибки в ходе доказательства (см. *Логические ошибки*). [В случае (1) для данного тезиса вообще не может быть доказательства; в случаях (2) и (3) опровергается лишь данное доказательство, вопрос же об истинности или ложности тезиса и, соответственно, о возможности или невозможности

его корректного доказательства, остается открытым.]

В методологии науки понятие О. применяют в еще более широком смысле и говорят об О. гипотез и теорий. О. теории естественно считать установление несоответствия ее осн. содержания тому фрагменту действительности, на отображение к-рого она претендует. Хотя в таком О. важную роль играет О. входящих в теорию суждений и доказательств, О. теорий не сводится к нему: О. теории может существенно опираться на обнаружение неудовлетворительности тех понятий, к-рые используются в опровергаемой теории. Кроме того, теория (представляющая всегда нек-рую систему суждений и доказательств, находящихся в определ. связях друг с другом) может быть опровергнута в указ. смысле несмотря на то, что в ней содержатся определ. элементы верного отображения действительности (напр., отдельные истинные суждения, особенно относящиеся к исходному фактич. материалу теории). Поэтому в отношении О. теорий нередко говорят об их «частичном» О. — опровержении, сохраняющем нек-рые их части.

О. — необходимая сторона познават. деятельности людей. О. суждений есть, напр., составная часть всех доказательств от противного (т. е. апагогич. косвенных доказательств). О. суждений и доказательств обычно присутствует в процессах проверки науч. гипотез, отбрасывания версий в судебном исследовании и т. п. При этом обнаруживается существ. различие между доказательством положит. тезисов и О. Это проявляется, в частности, в том, что эмпирич. доказательство положит. тезисов всегда вероятно (хотя эта вероятность и может быть близка к достоверности), в то время как эмпирич. доказательства отрицают тезисов — О. утверждений, гипотез и т. п. в естествознании — весьма часто вполне достоверны. Не случайно, поэтому, *конструктивное направление* отвергает (принятый в классич. логике) принцип равнозначности двойного отрицания высказывания самому этому высказыванию. См. *Доказательство, Отрицание, Доказательство от противного, Косвенное доказательство* и лит. при этих статьях.

Б. Вирюков. Москва.

ОПРБС — метод сбора первичной информации, применяемый в социальных исследованиях. Цель О. — получение информации об объективных и (или) субъективных (мнения, настроения и т. п.) фактах со слов опрошиваемого. О. начали применяться со 2-й пол. 19 в. при переписях населения и различных статистич. обследованиях. Большое значение О. при изучении закономерностей обществ. жизни придавали Маркс, Энгельс и Ленин, к-рые нередко прибегали к данным, полученным путем О. В социальных исследованиях обычно применяются выборочные О. населения (см. *Отбор, Репрезентативность*).

Методика и процедура проведения О. связаны с методологией исследования. Так, в бурж. эмпирич. социологии идеалистич. установки находят отражение и в конкретных приемах О., направленных в основном на субъективные проявления личности — мнения, чувства, желания, отношения и т. д. Нередко мнения людей принимаются за единств. информацию о реальных фактах социальной действительности. Однако нек-рые правила и приемы проведения О., используемые в бурж. социологии, при условии критич. подхода к ним могут применяться и в марксистских исследованиях. Марксистская методология требует четкого разграничения социальных фактов как объективных обществ. действий личности и фактов обществ. или индивидуального сознания.

О. применяются: на ранних стадиях исследования с целью выведения рабочих гипотез; в качестве одного из центр. методов для сбора данных (напр., при изу-

чении обществ. мнения, потребительского спроса населения и т. п.); для дополнения данных, полученных др. методами, — анализом статистич. материалов, офиц. и личной документации, наблюдением и т. п.

Методики О. можно свести к двум осн. типам: заочный О. — анкеты для самостоят. заполнения (распространяются по почте, через печать и т. п.); О. «лицом к лицу» (интервью) — беседа по заранее составленному плану, когда ответы заносятся исследователем в протокол сразу же или по окончании О., при этом используются и средства звукозаписи. Для изучения обществ. мнения группы лиц применяется групповое интервью, в к-ром неск. человек обсуждают поставленные интервьюером вопросы.

Различают неск. видов интервью: стандартизированное, в к-ром порядок и формулировки вопросов определены заранее; нестандартизированное, где интервьюер, руководствуясь общим планом беседы, формулирует вопросы в соответствии с конкретной ситуацией; полустандартизированное, в к-ром используется т. н. «путеводитель» интервью с перечнем как строго необходимых, так и возможных вопросов; смешанный вид О., когда опрошиваемый самостоятельно заполняет карточку О., а затем исследователь уточняет отд. детали.

Выбор той или иной формы О. зависит от уровня изученности проблематики, целей исследования и его программы в целом. Так, невозможно составить удовлетворит. вопросы для анкет или стандартизированного интервью, если нет ясного представления об осн. границах, в пределах к-рых находятся возможные ответы. Преимущество нестандартизированного интервью — получение более глубокой информации, гибкость О. Его недостаток — сравнит. узость охвата опрошиваемых. Массовый стандартизированный О. дает репрезентативные результаты, но в более узкой сфере проблем. Поэтому наилучший способ — сочетание обоих методов.

План О. обычно включает «открытые» (неструктурные) и «закрытые» (структурные) вопросы. Первые не дают опрошиваемому никакого руководства ни в отношении формы, ни в отношении содержания его ответов; вторые — предлагают сделать выбор лишь из числа предложенных вариантов ответов. Гл. преимущество «закрытых» вопросов — единообразие ответов, легко поддающееся ручной и особенно машинной обработке. Однако опрошиваемый может подчеркнуть тот или иной ответ, не вникая в его смысл. Достоинство «открытых» вопросов — возможность выявлять более обдуманное мнение, но и это может привести к ошибкам «неполноты информации» (дефекты памяти). Если проблема мало изучена, рекомендуется использовать «открытые» вопросы для последующей стандартизации на втором этапе исследования. Любая стандартизация возможных ответов должна исчерпывать объем вопроса, включая, согласно смыслу, позитивные и негативные варианты ответов и ответы типа «не знаю», «затрудняюсь сказать».

План О. предусматривает серию осн. и контрольных (обычно косвенных) вопросов для повышения достоверности информации. Контроль ее достоверности возможен двумя способами: соответствующей обработкой системы осн. и контрольных, прямых и косвенных вопросов, с помощью техники шкалирования вариантов ответа в неск. измерениях, повторными О. в *панельном исследовании*; путем сравнения с др. сообщениями или объективными данными, к-рые касаются рассматриваемых факторов (наблюдения, анализ продуктов деятельности, эксперимент и т. д.).

Лит.: Вопросы организации и методики конкретно-социологич. исследований, М., 1963; Социология в СССР, т. 1, М., 1965; С в е н ц и п к и й А. А., Интервью как метод конкретного социологич. исследования, «ФН» (НДВШ), 1965, № 4; Опыт и методика конкретных социологич. исследований,

М., 1965; Cantril H., Gauging public opinion, Princeton, 1944; Merton R. K. and Kendall P. L., The focused interview, «Amer. J. Sociology», 1946, v. 51, № 6; Likert R., The sample interview survey as a tool of research and policy formation, в кн.: The policy sciences, ed. by D. Lerner and H. D. Lasswell, Stanford, 1951; Goode W. J. and Hatt P. K., Methods in social research, N. Y., 1952; Johnson C. O., Questionnaires and interviews, Stockh., 1957; Massoby E. E., Massoby N., The interview: A tool of social sciences, в кн.: Handbook of social psychology, ed. by G. Lindzey, v. 1, L., 1959; Mass H. S., Polansky N. A., Collecting original data, в кн.: Social work research, ed. by N. A. Polansky, Chl.—L., [1960]; Sellitz C., Jahoda M., Deutsch M. and Cook S. W., Research methods in social relations, L., 1962; König R., Handbuch der empirischen Sozialforschung, Bd 1, Stuttg., 1962.

А. Свенцицкий. Ленинград.

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ (от лат. *optimus* — наилучший и *pessimus* — наихудший) — понятия, характеризующие ту или иную систему представлений о мире с т. зр. выраженного в ней позитивного или негативного отношения к сущему и ожиданий от будущего. В этом отношении проявляется общая духовная атмосфера эпохи, особенно в периоды социальных сдвигов, а также умонастроения обществ, групп и классов, идеология к-рых выражает их восхождение к господству и стремление переустроить общество на более справедливых началах или, наоборот, упадочные настроения классов, сходящих с историч. арены. О. и п. — это ценностная (см. *Ценность*) сторона мировосприятия, в ней мир осмысливается лишь с т. зр. соотношения в нем добра и зла, справедливости и несправедливости, счастья и бедствий. Это оценочный модус, общий тон и настрой, пронизывающий конкретное содержание представлений, но не обуславливающий его строго однозначно. Поэтому характеристики воззрений по принципу О. и п. всегда бывают схематичны и односторонни, особенно когда производятся в чисто ценностном плане.

О. и п. могут быть модусами как непосредств. чувств, мироощущения, так и мировоззрения, получившего форму идеологии. В первом случае это светлый или мрачный эмпот. тон восприятия жизни и ожидания будущего, радостное принятие существующего или настроения безысходности. Во втором — это учение о «сущности» мира, где добро и зло часто онтологизируются, изображаются как независимые друг от друга субстанции, начала мира, а борьба между ними — как внутр. пружина или смысл наличных явлений, происходящих событий, истории в целом.

О. Дробницкий. Москва.

Можно выделить два осн. типа О. и п. Первый изображает мир как относительно статичное, извечное состояние, в к-ром преобладает или господствует одно из начал, явно или в скрытом виде (выступающее на поверхности зло может быть обращено в добро в «высшем» смысле и наоборот). Второй тип О. и п. вводит историч. измерение, благодаря чему мир рисуется движущимся к окончат. победе добра над злом или наоборот. Оценке здесь подвергается не сама по себе наличная действительность, а перспектива ее «историч.» развития (по формулам «все идет к лучшему» или «все идет к худшему»).

Первые попытки мыслить о мире в целом неизбежно приобретают универсально-оценочный характер. Это диктуется жизненной потребностью человека осмыслить каждый болезненно переживаемый случай зла, связав его с общим порядком бытия; такое осмысление может происходить либо по формуле пессимизма — «страдание есть закон всего сущего» (даже столь, казалось бы, безотрадное объяснение может быть расцито на «утешительный» психологич. эффект, как это можно видеть в *буддизме*, в греч. моралистич. философии и т. п.), либо по формуле оптимизма — «вои страдания необходимы для мирового блага и в своей сущности сами суть блага». Обе формулы отнюдь не исключают одна другую.

Юнг наблюдал в Африке примитивное племя, вырабатывавшее две параллельные мифологич. системы: первая функционирует от восхода солнца до его заката и описывает мир в формулах наивного оптимизма, вторая вступает в силу после заката и имеет противоположное оценочное содержание (см. С. G. Jung, *Erinnerungen, Träume, Gedanken*, hrsg. von A. Jaffé, Z.—Stuttg., 1962, S. 271). При этом ранние формы пессимизма связаны с чрезвычайно интенсивным переживанием смерти (напр., в акадском эпосе о Гильгамеше, 22 в. до н. э.). Более глубокий пессимизм, выражающийся формулой «лучше умереть, чем жить», часто появляется в связи с негативной оценкой социального бытия человека; ср. в *Библии*, кн. Иова, гл. 3, 17—19, где герой тоскует о царстве мертвых: «Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков надсмотрщика; малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего».

Для др.-греч. мифологии и выросшей из нее антич. философии в основном характерны О. и п. первого (статич.) типа. Бытие физич. и социального *космоса* описывается здесь как бесцельное и вечно возвращающееся к исходной точке, наподобие смены времен года или движения небесных тел. *Гераклит*: «Путь вверх и вниз — один и тот же», «вечность — это дитя, играющее с камешками, — царство дитяти» (В, frg. 60, 52). Греч. космос есть борьба слепых сил, из к-рых ни одна не воплощает собой «зло» или «добро» в чистом виде: по Гераклиту, «война — всеобща, правосудие — борьба, и все рождается через борьбу и необходимость» (В, frg. 80); совершенно так же изображает социальное бытие людей греч. эпос («Илиада»). Гомеровские боги вмешиваются в земную жизнь не затем, чтобы положить начало чему-то устойчивому и вечному, но, напротив, их вмешательство всякий раз обусловлено своей беспоследственностью: так, боги удовлетворяют желания Ахилла именно потому, что он все равно обречен. Ни у мира, ни у истории нет «смысла». Такая картина мира могла переживаться в духе глубокого пессимизма, нашедшего выражение в т. н. «мудрости Силеня», согласно к-рой высшее благо — не рождаться, а следующее за ним — немедленно умереть (см., напр., Феогнид, ст. 425—428; Софокл, *Эдил в Колоне*, ст. 1224—1227 и др.). Постольку, поскольку антич. космос все же допускает эволюцию, это не *progress*, а *regress*: золотой век лежит не в будущем, а в прошлом. мысли всей антич. мысли от Гесиода до *Лукреция*. Но идея окончат. катастрофы, характерная для др. типов мифологич. мировоззрения (ср. др.-сканд. «Прорицание вельвы»), в греч. мифологии и философии заглушена: космос подвержен периодич. катастрофам (учение стоицизма о мировых пожарах, восходящее к Гераклиту), но они не могут поколебать его вечности и стабильности. Точно так же пессимистич. понимание мира как бессмысленной игры не отменяет антич. оптимизма, радостно принимающего именно самодовление мира: «Изобилуя во всем, жизнь многообразно творит все и не может удержаться от созидания все новых прекрасных и стройно оформленных живых игрушек» (Плотин, *Эннеады*, III, 2, 15). Т. о., для греч. мировоззрения космологич. оптимизм столь же характерен, как и историч. пессимизм.

Резкую противоположность этому составляет историч. оптимизм *иудаизма* и особенно *христианства*. Хотя и в Библии мы находим проявление космологич. оптимизма, когда каждая заново сотворенная часть мироздания положительно оценивается богом («И увидел бог, что это хорошо» — Быт. 1, 9; 1, 8 и др.), — не в этом лежит специфика иудейско-христ. оптимизма. Мало того, воспеваемая греч. философами и по-

этами циклич. стабильность космоса с его «вечными возвращениями» оценивается здесь иначе — как нечто безысходное и требующее прекращения в виде «конца мира». «Екклесиаст» (1,4—6) так говорит о консервативности природного миропорядка: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Свою опору иудейский оптимизм ищет в идее поступат. целесообразного движения, возможно только для личностной воли, будь то воля человека или божеств. воля Яхве. В повествовании Пятикнижия многократно повторяются благословения и обещания, даваемые Яхве Аврааму и его потомкам (см., напр., Быт. 22, 17—19), благодаря чему создается впечатление постепенно растущей суммы божеств. гарантий счастливого будущего. В кризисную эпоху пророков этот эсхатологич. оптимизм, умозаключающий от бедственности настоящего к благополучию будущего (Ис. 44, 3 — «Ибо Я пролью воды на жаждущее и потоки на песохшее»), приобретает вполне сложившийся облик, с к-рым он и переходит в раннее христианство.

Христ. оценка космоса и плоти сложна и антиномична. С одной стороны, христианство в борьбе с опасностью последовательно пессимистичного *манихейства*, безоговорочно осуждавшего весь материальный мир, настаивает на изначальном совершенстве «творения». «Полюби же и плоть, как скоро она сотворена таким Художником!» — восклицает *Тертуллиан* («О воскресении плоти», гл. 5, Migne, PL, II, col. 808 в). Но мировая гармония уже не доверяет себе, не соотносена с духовным абсолютом и получает свое утверждение лишь от него: «сочетание движения и покоя, осуществляющее себя в стройной упорядоченности, есть некая музыкальная гармония, из которой рождается... славословие той Силе, все это поддерживающей» (Григорий Нисский, Толкование на псалмы, гл. 3, Migne, PG, XLIV, col. 441—442). Христианство разделяет бытие на неравные пары категорий, из к-рых лишь одна мыслится безусловно благой, а вторая нуждается в оправдании через первую (бог и мир, дух и плоть, благодать и природа, церковь и человечество). «Природа» в результате грехопадения Адама временно оказалась ущербной и страдающей (см. Послание Павла к рим., 8, 20, 22), однако воплощение Христа открыло путь к возрождению человечества и всего космоса: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (там же, 8, 18). Т. о., гл. настроение христианства — уверенность в торжестве идеала, динамич. оптимизм эсхатологич. типа по формуле «все идет к лучшему».

Оптимизм Возрождения зиждется на идеализированном понимании «человеческой природы», к-рая сама по себе гарантирует совершенство общества. По словам *Лико дела Мирандола*, «человек есть счастливейшее из всех живых существ, достойное всеобщего восхищения» («De hominis dignitate», Firenze, 1942, p. 102). В более прозаич. форме эту же мысль выражает Рабле: «...Людей свободных...сама природа наделяет инстинктом и побудительной силой, которые постоянно направляют их на добрые дела и отвлекают от порока...» («Гаргантюа и Пантагрюэль», М., 1961, с. 151). При столкновении с действительностью этот антропологич. оптимизм легко оборачивался своей противоположностью, как это наглядно прослеживается в философии и лит-ре позднего Возрождения (знаменитые слова о человеке у Шекспира — «Гамлет», действие 2, явление 2).

С. Аверинцев. Москва.

Оптимизм был в целом присущ эпохе Просвещения. Систему космологич. оптимизма заново выразил *Лейбниц* в «Теодицее» (1710); по Лейбницу, бог создал мир, наилучший из всех возможных; сам термин «оптимизм» был введен именно для характеристики этой системы («Mémoires de Trévoux», 1710). Оптимизм этого типа, легко возвысившийся над нуждами эпохи и всем конкретным, был осмеян Вольтером в повести «Кандид, или Оптимизм». Типично просветительским был оптимизм (*зедемонизм*) *Шефтсбери*. От Лейбница традиция оптимизма перешла к Г. *Лессингу*, *Дидро*, раннему *Канту* и др. просветителям. Но статический (космологич. и антропологич.) оптимизм в общей структуре просветит. идеологии лишь оттеняет динамич. оптимизм, т. е. веру в преобразование мира к лучшему; такая вера была характерна для европ. мировоззрения уже в ср. века, но теперь она освобождается от религ. оболочки — эсхатологич. оптимизм сменяется историческим. Оптимизм этого типа особенно характерен для франц. просветительства (ср. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» *Кондорсе*, 1795). Просветительская концепция прямолинейного интеллектуального прогресса, который якобы автоматически влечет за собой моральный и социальный прогресс, переходит и в 19 в. (ср. «Прогресс, его закон и причина» *Спенсера*, 1857).

Реакцией на историч. оптимизм и эддемонизм просветителей были натуралистич. концепции пессимизма, пытавшиеся вывести нек-рый отрицат. баланс неприятных и приятных впечатлений и ощущений. Так, *Мопертюи* строил свой пессимизм на положении, согласно к-рому сумма неудовольствия превышает сумму благ. При этом удовольствие и неудовольствие понимались как психич. состояния. Эту тенденцию продолжали в 19 в. *Шопенгауэр*, впервые назвавший свою систему «пессимизм» (с 1844), а за ним Э. *Гартман*. Для этого типа пессимизма характерно недиалектич. противопоставление страдания и счастья, причем счастье оказывается отождествленным с удовольствием или наслаждением. Новым моментом учения Шопенгауэра была онтологизация оценок, благодаря чему мир в целом для него дурен и бессмыслен (это сближает пессимизм Шопенгауэра с архаич. типами мировоззрений, выжившими в буддизме, манихействе и т. п.). Эта иррационалистич. тенденция получила широкое распространение и в 20 в. (в частности, у *Хейдеггера*, к-рый о чело-веч. бытии говорит как о «бытии-к-смерти»). Психологич. трактовка оценки быстро привела к абсурду понятия О. и п. Уже *Ницше* в «Рождении трагедии...» (1872) говорит о «героическом пессимизме», к-рый означает у него «оптимизм, несмотря ни на что». Героич. оптимизм *Сартра* равнозначен стойч. приятию себя. поражений (человек стремится быть богом, хотя это ему не дано). Обнаружилось, что можно рассуждать по формуле «нечто плохо, и хорошо, что оно плохо», а иск-во конца 19 в. показало, что можно эстетизировать зло и вносить в оценки жизни любую относительность. Т. о., понимание ценности как психологич. состояния исчерпало себя: как тотальный пессимизм шопенгауэровского типа, так и онтологич. оптимизм обнаружили свою несостоятельность.

Ал. В. Михайлов. Москва.

Марксистское мировоззрение не имеет ничего общего с этими онтологич. и психологич. типами оптимизма. Науч. взгляд на историю не допускает подобного ценностного истолкования развития человечества, в к-ром историч. восхождение изображается как лишь внешнее проявление борьбы двух изначально существующих абс. начал — добра и зла. Представление о том, что мир в целом идет к лучшему, характерно для обыденного сознания. Предел этого движе-

ния (окончат. победа добра над злом) заключает в себе логич. противоречие, т. к. добро и зло — понятия соотносительные, и такое идеальное совершенство мира означало бы конец всякой истории. В действительности мысль о борьбе добра со злом имеет смысл только применительно к конкретному историч. моменту, и победа добра реально может означать только решение к.-л. социальной проблемы, переход от не удовлетворяющего человека состояния к «лучшему будущему», к-рое выступает как цель социального действия (революции, строительства нового общества). Понятие добра, говорит Ленин, означает, что «...мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его» (Соч., т. 38, с. 205). Понятие общества прогресса в марксистской науке имеет в виду историч. восхождение обществ. жизни, человек. жизнедеятельности ко всем более высоким (усложняющимся, более универсальным, свободным, сознательным и т. п.) формам, измеряющиеся не степенью осуществления раз и навсегда данных понятий справедливости, счастья, благоденствия или извечной сущности человека, а практич. решением задач, стоящих перед обществом в каждый историч. момент. Это движение бесконечно (коммунизм есть начало подлинной истории), и каждая его новая ступень относится к прошлой как разрешение ее противоречий и коллизий, т. е. как более совершенная. В этом смысле марксистское мировоззрение и называют оптимистическим. Этот оптимизм, требующий видеть в совр. действительности прежде всего противоречия и возникающие проблемы, рассматривать ее критически, с т. зр. раскрывающихся перспектив дальнейшего движения, в корне противоположен оптимизму казенному, утрачивающему эту перспективу и потому относящемуся к существующему положению вещей самоуспокоенно, некритически, апологетически.

Лит.: Грот Н. Я., О науч. значении пессимизма и оптимизма как мировоззрений, Одесса, 1884; Селли Дж., Пессимизм. История и критика, СПб., 1893; Грузенберг С., Пессимизм как вера и миропонимание, М., 1908; Plümacher O., Der Pessimismus in Vergangenheit und Gegenwart, Hdb., 1884; Hartmann E. von, Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus, 2 Aufl., Lpz., 1892; Häußler G., Schopenhauers und Nietzsches Pessimismus, Halle, 1910; Diels H., Der antike Pessimismus, B., 1924; Krauss I., Studien über Schopenhauer und den Pessimismus..., Bern, 1931; Tatariewicz W., Oszcześnie, [3 wyd.], Warsz., 1962.

О. Дробницкий. Москва.

ОПЫТ — компонент познават. деятельности, посредством к-рого обеспечивается непосредств. связь системы знания с познаваемым объектом. По своей психологич. форме О. выступает как непосредственное знание предметов и зависимостей, чувственно «данных» познающему субъекту. Логич. структура О. основывается на единстве непосредственного и опосредованного знания; то, что психологически выступает для отд. индивида как констатация непосредственно данного, логически и исторически является воплощением активной предметной деятельности обществ. субъекта.

В истории философии О. понимался по-разному. Для философов-материалистов О.— это отражение предметов, существующих независимо от сознания человека; для идеалистов-эмпириков действительность тождественна субъективному О. «...Толкование понятия опыт разделяло классических материалистов и идеалистов» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 136). В антич. и ср.-век. европ. философии проблема О. вставала в связи с решением общего вопроса о взаимоотношении и сравнит. ценности разума и чувственности в познании, а границы того и другого определялись не всегда достаточно четко (так, в философии Платона врожденные идеи, выводимые из чувственного О., считались тем не менее непосредственно воспринятыми душой тогда, когда она еще не соединя-

лась с телом). Эмпирич. философия 17—18 вв. утверждала тезис, что все знание происходит из О. Для нее выделение О. как констатации данного, в отличие от деятельности размышления, приобретает принципиальный характер: если все знание происходит из О., то получаемые в О. «идеи» есть те исходные элементы, результатом комбинации к-рых является система знания в целом. Попытки понять О. как чистую «данность» и отождествить содержательность знания с фиксацией этой «данности», начатые материалистом Локком, доводятся до логич. конца в философии идеалиста Юма, к-рый, подобно Локку, начинает с сенсуализма и эмпиризма, но в конечном счете приходит к выводу, что ничто нельзя осознать путем О. и наблюдения. Так метафизич. эмпиризм, делая все логич. выводы из своих посылок, приходит к самоотрицанию. Попытку возрождения субъективно-идеалистич. эмпиризма Беркли и Юма в 20 в. предпринял махизм в концепции «чистого О.», подвергнутой критике Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». В частности, Ленин раскрыл эклектичность употребления понятия О. махистами и показал, что в таком употреблении О. «...прикрывает и материалистическую и идеалистическую линию в философии, освящая их спутыванье» (там же, с. 135).

В 20 в. возникают и такие направления субъективно-идеалистич. эмпиризма, к-рые пытаются преодолеть психофизиологизм и разграничить логич. и психологич. элементы О. Дж. Мур и Рассел, используя аппарат математич. логики, формулируют т. н. концепцию «чувственных данных» (sense-data), понимая под последними не элементы О. как психологич. процесса, осуществляющегося в индивиде, а те внешние для познающего индивида содержания, к-рые он воспринимает и к-рые якобы не являются ни физическими, ни психическими по своей природе. При этом акцент делается уже не на анализе «чистого О.», а на логич. конструировании системы мира и знания из неких минимых чувственно логизированных сущностей — «чувственных данных». Логич. позитивизм пытается продолжить феноменалистскую программу Рассела, но в ряде пунктов он вынужден существенно отойти от эмпиризма, в частности отказаться от осн. понятия эмпирич. философии — понятия О. Вопрос о том, какова должна быть структура языка науки — будет ли это вещный язык или же язык чувственных данных, решается путем свободного выбора, подчеркивает Карнап (см. «Значение и необходимость», М., 1959, с. 301—02).

Эмпирич. концепция О. приводила к абсурдным следствиям, заставлявшим отрицать само понятие О. и по др. линии. Еще Локк обратил внимание на то, что познающему субъекту непосредственно в О. дан не только мир внешних ему предметов, но и факт переживания субъектом самого себя как чего-то внутреннего, отличного от внешнего объекта. Последний факт Локк назвал «внутренним» О., в отличие от «внешнего» О.— познания предметной действительности. Под влиянием Локка в зап.-европ. философии и психологии сложилась концепция, согласно к-рой во внутр. О. субъект и объект познания полностью совпадают, сливаются. Такого рода опытное знание является якобы совершенно непосредственным и в то же время совершенно достоверным, т. к. не может быть ничего достовернее знания субъектом своих свойств. Отличие психологии от остальных наук усматривалось в том, что она имеет дело именно с внутр. миром субъекта, исследуя его при помощи интроспекции. Однако развитие интроспективной психологии выявило невозможность достичь сколь-нибудь убедит. результатов на этом пути. Визуализм предложил отказаться от субъективистского изучения «внутр. мира» субъекта и заменить его «объ-

«активным» методом изучения внешних реакций организма на окружающие его условия, но реакция на «интроспекционизм» привела бихевиоризм к отказу от понятия О. вообще.

Т. о., развитие категории О. в философии метафизич. эмпиризма привело к ее устранению из логики и гносеологии и признанию ее чисто психологич. значения (Карнап), а эмпирич. психология (бихевиоризм) пришла к отрицанию и психологич. значения О.

Не более успешной была трактовка О. в метафизич. рационализме, для к-рого объективное знание тождественно математике и механике, а познание рассматривается как формальнологич. расчленение готового, давнего содержания, заложенного во «врожденных идеях» и не выводимого из О. То, что не укладывается в рамки механико-математич. науки, объявляется субъективным. Опытное знание трактуется как смутное, «имагинативное» и противопоставляется рациональному, ясному, исходящему из интуитивно очевидных истин. Но такое резкое принижение роли О. в познании оказывается в вопиющем противоречии с практикой развития эксперимент. естествознания, в к-ром с несомненностью обнаруживается логич. связь с О. самых абстрактных и непосредственно не данных в О. теоретич. понятий.

Первые шаги к правильному пониманию О. и его роли в познании были сделаны в нем. классич. философии, к-рая исследует познание как развивающийся многоуровневый процесс. При этом высшие уровни, возникая на основе ниже лежащих, не просто существуют рядом с последними, а взаимодействуют с ними, глубоко перестраивая их организацию. «Существенным для науки является не столько то, что началось в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также и первым» (Гегель, Соч., т. 5, М., 1937, с. 54).

Диалектич. материализм исходит из последоват. материалистич. *сенсуализма*, но в то же время подчеркивает, что развитие познания характеризуется не просто выявлением содержания, в готовом виде данного в *ощущениях*, а включением ощущений в более сложные познават. структуры и как результат — появлением такого познават. содержания, к-рое непосредственно в ощущениях не дано. Познание всегда осуществляется в формах, исторически выработанных человечеством, и прежде всего в определ. формах предметной деятельности и языка, к-рые и определяют характер «видения» мира познающим субъектом, характер логич. расчленения действительности в акте О. Будучи единством непосредственного и опосредованного знания, О. выступает как компонент познания всякий раз, когда происходит включение непосредственно данных ощущений в познават. структуры более высоких уровней: на одном этапе развития познания в качестве О. может выступать *восприятие*, на другом — *восприятие*, осмысленное в логич. категориях языка, и т. д. В совр. науч. познании О. выступает по крайней мере в двух различных формах: 1) как осмысление данных ощущения и восприятия в терминах обычного языка или в терминах, определяемых через термины обычного языка, т. е. как эмпирич. знание; 2) как осмысление данных ощущения и восприятия в теоретич. терминах. Что же касается т. н. «внутр. О.», то он является фикцией: осознание субъектом собств. переживаний, по видимости выступающее как непосредств. восприятие нек-рой «внутренней» данности, в действительности предполагает отнесение этих переживаний к реальному индивиду или к реальным внешним предметам как к их источнику. Непосредств. восприятие себя как «Я» есть результат оценки (часто неосознанной) индивиду себя и своих действий с т. зр. обществ. субъек-

та, выступающего обычно в виде некоего обобщенного «другого человека» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 62, прим.).

В обществ. науках термин «О.» нередко употребляется как характеристика деятельности общества, класса, социальной группы, отд. человека (О. классовой борьбы, О. решения определ. задач и т. п.). Понятие О. в этом смысле выражает строение и условия реализации того или иного вида, способа деятельности. В обществ. жизни изучение такого О. необходимо для успешного решения социально-политич. и экономич. задач. Специально обобщению О. революции, борьбы посвящены труды классиков марксизма-ленинизма. В жизни отд. человека приобретение и усвоение О. решения задач является одним из осн. механизмов формирования и развития личности. В филос. анализе О. в этом смысле включается в более широкое понятие *практики*.

Лит.: Локк Д., Опыт о челоуеч. разуме, [пер. с англ.], М., 1898; Юм Д., Исследование о челоуеч. разуме, пер. с англ., СПб., 1904; Кант И., Критика чистого разума, пер. с нем., 2 изд., П., 1915; Расселл Б., Челоуеч. познание, [пер. с англ.], М., 1957; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965. В. Лекторский. Москва.

«ОПЫТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕ» (1690) — гл. филос. соч. Локка.

«ОПЫТЫ» (1580) — осн. соч. Монтезя.

ОРБЕЛИАНИ, Сулхан Саба (1658—1725) — груз. мыслитель и обществ. деятель. Способствуя возрождению филос. знаний в Грузии, О. использовал и пропагандировал в своих книгах идеи Аристотеля, Иоанна Дамаскина, Галена, И. Петрици, Немесия и др. В «Толковом словаре грузинского языка» дал разъяснение осн. понятий философии и этики, используя при этом др.-груз. филос. лит-ру. О. притерпелся материалистических антирелигиозных взглядов. Полагая действительный мир предметом познания и разделяя учение Аристотеля о категориях, он отрицал мысль о том, что объектом познания является бог; развивая гуманистич. этику, выступал против религиозно-этич. традиции. О. защищал идею объединения всех груз. княжеств и создания единого, свободного гос-ва. Политич. идеал О. — просвещенный абсолютизм.

Соч.: Соч., т. 1—4, Тб., 1959—66; Проповеди, рукопись фонда Ин-та рукописей АН Груз. ССР — А—479; в рус. пер. — Мудрость вымысла, Тб., 1959. Г. Дедабришвили. Тбилиси.

ОРГАНИЗАЦИЯ (позднелат. *organizo* — сообщающий) — вид, устраивающий, от греч. *ὄργανον* — орудие, инструмент) — 1) упорядочение, налаживание, приведение в систему нек-рого материального или духовного объекта; 2) расположение, соотношение частей к-л. целого, его строение, взаимосвязь; 3) объединение, учреждение, социальный институт. Наиболее важны два первых значения понятия О., относящиеся как к объектам природы, так и к социальной действительности и характеризующие О. как взаиморасположение и взаимосвязь элементов нек-рого целого (предметная часть О.), их действия и взаимодействия (функциональная часть). Сущность О. раскрывается через ее *целостность*, а становление, развитие и деградация целостности обеспечиваются прежде всего различными типами *связей*, в особенности же — *связями управления*, переводящими О. из одного состояния в другое. Сообразно этому в О. выделяют две стороны — управленческую и исполнительскую. Характеристика О. нек-рой *системы* существенно отличается от характеристики ее поэлементного состава. Одни и те же элементы могут образовывать различные О. Поэтому элемент в О. характеризуется гл. обр. со стороны выполняемой им функции. Конечно, эта функция зависит от атрибутивных характеристик элемента, но эти последние образуют с т. зр. О. лишь ее основу. Благодаря связям О. получает и свои специфические свойства, неотделимые от нее как целого и несводимые

к свойствам ее элементов. Переход от одного уровня материи к другому, более высокому, связан с соответствующим повышением *О.*, т. е. с появлением новых типов связей, новых форм и способов функционирования и развития.

Методологич. база для исследования *О.* заложена в трудах классиков марксизма-ленинизма. Попытки построить теорию *О.* были начаты в конце 19 в. Одной из первых таких попыток в области *О.* производства явилась «система Тэйлора» (оценку ее реакц. социальной роли см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, с. 134—36). Пioneром теоретич. разработки вопросов *О.* явился А. А. Богданов (Малиновский), рассматривавший эти проблемы в труде «Всеобщая организационная наука (тектология)» (1913—22). Хотя в этой работе содержатся ошибочные положения, связанные с неверной трактовкой роли *О.* в развитии природы и общества, тем не менее она представляет значительный теоретич. интерес и в настоящее время, а некоторые ее идеи были позднее развиты кибернетикой. В 20-е гг. в СССР были развернуты широкие исследования по проблемам *О.*, к-рым уделял большое внимание Ленин. В этот период был опубликован ряд работ по *О.* (гл. обр. по научной *О.* труда — НОТ) А. К. Гастева, О. А. Ерманского, Н. М. Керженцева и др. Однако в 30-е гг. эти работы были свернуты; проблемы *О.*, особенно *О.* произ-ва, начали разрабатываться лишь в последнее время.

Зарубежные исследования по *О.* длит. время ориентировались гл. обр. на прикладные направления (Ф. Гилбрет, К. Барт, Г. Гаит, Г. Форд, Х. Эмерсон в США, А. Файоль во Франции и др.). Возрастающие требования жизни обусловили возникновение ряда теоретич. направлений в этих исследованиях; среди этих направлений наиболее значительны кибернетика, теория систем, системотехника, т. н. *менеджеризм*, методика «человеческих отношений» и др. По проблемам *О.* имеется обширная лит-ра. В США и ряде др. стран осуществляется подготовка специалистов по *О.* Над отд. вопросами теории *О.* работают в Польше («праксеология» Т. Котарбиньского) и Чехословакии («организационные модели»).

Определяя *О.*, ее обычно прежде всего характеризуют через у п о р я д о ч е н н о с т ь. Для измерения этой последней используются заимствованные из термодинамики понятия энтропии и неэнтропии, и на этой основе некие исследователи пытаются строить «исчисление *О.*». Однако упорядоченность является необходимым, но недостаточным условием организованности, к-рая предполагает определ. и а н р а в л е н н о с т ь упорядоченности; высокая упорядоченность может быть связана с низкой организованностью (ср., напр., формы строгой «упорядоченности» в древнем обществе и менее жестко упорядоченные, но более организованные и более эффективные формы позднейших обществ. формаций). Т. о., для *О.* необходима не максимальная, а о п т и м а л ь н а я, с т. зр. данной системы, упорядоченность. Отсюда следует, что, опираясь на упорядоченность, можно построить в лучшем случае лишь частичное исчисление *О.* Состояние совр. исследований по теории *О.* не позволяет пока говорить о построении полного исчисления такого рода — ему должен предшествовать содержат. анализ *О.*, к-рый и проводится в рамках различных научных направлений.

Проблемы *О.* занимают большое место в совр. социальных исследованиях. Специфическими здесь являются поиски оптимальных организац. структур и форм для различных видов и уровней человеческой деятельности.

Лит.: Ленин В. И., Великий почин, Соч., 4 изд., т. 29; с т о ж е, Как нам реорганизовать рабкрин, там же, т. 33; с т о ж е, Лучше меньше, да лучше, там же; Тейлор Ф. У., Науч. основы *О.* пром. предприятий, [пер. с англ.], СПб,

1912; Файоль А., Общее и пром. управление, М., 1923; Гастев А., Установка произ-ва методом ЦИТ'а. [Органическое внедрение], М., 1925; Чахотин С. С., Организация. Принципы и методы в произ-ве, торговле, администрации и политике, Берлин, 1923; 2 изд., Л., 1925; Богданов А. А., Всеобщая организационная наука (тектология), 3 изд., ч. 1, Л.—М., 1925; 2 изд., ч. 2—3, Л.—М., 1927—29; Форд Г., Сегодня и завтра, пер. с англ., М.—Л., 1927 (совм. с С. Краутером); Гастев А. К., Нормирование и *О.* труда, Л., 1929; Эмерсон Г., Двенадцать принципов производительности, пер. с англ., Л.—М., 1930; Фитб и У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959; Бирст, Кибернетика и управление производством, пер. с англ., М., 1963; Берг А. И., Избр. труды, т. 2, М.—Л., 1964; Науч. *О.* труда и управления, под общ. ред. А. Н. Щербаня, М., 1965; Stefanics A. I. I. t a u e r K., Allgemeine Organisationslehre, W., 1950; Schinute n h a u s O. R., Allgemeine Organisationslehre, B., 1951.
В. Боголюбов, А. Малиновский. Москва.

ОРГАНИЗМ — в узком смысле биологич. индивид, целостная живая система, упорядоченная в пространстве и времени, способная поддерживать самостоят. существование благодаря приспособит. взаимодействию со средой; в широком смысле — система, по способу организации подобная живому *О.*

Классич. биология рассматривала *О.* (а позже вид) как центр. единицу, осн. «кирпич» живой природы. Важнейшей была проблема разнообразия и целостности *О.* И то, и другое исследовалось гл. обр. в морфологич. и морфофизиологич. плане. В таком контексте *О.* понимался как совокупность морфологич., физиологич., а позже биохимич., генетич. и др. признаков, по совокупности к-рых осуществлялась классификация *О.* на множество дискретных групп — видов. Позднее такое представление было дополнено динамич. картиной эволюции *О.* в рамках вида. Изучение изменений *О.* с необходимостью поставило вопрос о взаимоотношении *О.* и среды. Зависимость *О.* от среды была осознана еще додарвиновской биологией, Дарвин же сознательно положил эту идею в основу теории эволюции. По этой теории среда является осн. источником изменений *О.* (в своем большинстве неадаптивных). Взаимодействие со средой, ведущее к адаптации в процессе естеств. отбора, проявляется в «сопоставлении» вновь возникших признаков с окружающей средой. Однако внешняя среда представлялась тогда не упорядоченным целым, а лишь простой суммой действующих на *О.* факторов.

С развитием биологии существенно изменились представления как о самом *О.*, так и о его отношениях со средой. Прежде всего в ряде отраслей биологии сам *О.* начал рассматриваться как целостная *система*, вне принадлежности к тому или иному виду. Идея *целостности* возникла как естеств. реакция на механистич. тенденции предшеств. периода. Стало ясно, что составляющие *О.* не подчиняются аддитивному сложению (эту мысль четко выразил еще Энгельс в «Диалектике природы» — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 528—29). Однако еще не был найден реальный принцип, позволяющий выразить эту неаддитивность и целостность. Поэтому целостность объяснялась идеалистич. принципами (жизненная сила, *энтелехия* и т. п.). Эта неспособность увидеть динамич. основы целостной организации была гл. причиной ошибочной интерпретации виталистами и холистами таких св-в *О.*, как устойчивость в условиях изменяющейся среды, способность к восстановит. процессам и сложным формам поведения, включая мышление.

Стремление преодолеть ошибки как механицизма, так и холизма привело (начиная со 2-й четверти 20 в.) к ряду попыток объяснить те специфич. стороны *О.*, к-рые делают его организованной, целостной системой. Среди этих попыток наиболее интересна концепция, связанная с именем австр. биолога Л. Бергаламфи (см. «Общая теория систем»), пытавшегося построить теорию биологич. *организации* и делавшего акцент на том, что любой *О.* построен на внутр. взаимодейст-

вии составляющих его «частей» (структур); оно и обуславливает те св-ва О. (устойчивость, регенерация, *поведение* и т. д.), к-рые не могла объяснить аналитич. биология, расчленившая О. на отд. составляющие. Идея целостности получила дальнейшее развитие в концепции О. как открытой динамич. системы, находящейся в подвижном равновесии с окружающей средой. На этой основе наметилось сближение биологии с термодинамикой, привлечение к биологии. исследованию идей и методов физики, химии, математики и кибернетики. Анализ О. с т. зр. понятий и методов кибернетики показал, что в основе динамич. организации О. лежат принципиально те же схемы обратных связей, что и в любых кибернетич. устройствах; внутр. (биохимич., физиологич.) механизмы эффективно описываются при помощи кибернетич. понятия *управления* и управляющих систем. Такой подход открыл принципиальную возможность технич. моделирования мн. функций О. и положил начало новой синтетич. науке — бионике.

Совр. биология сделала предметом детального анализа и различные стороны взаимодействия О. со средой. Роль внешних и внутр. факторов в наследственности и изменчивости изучается гл. обр. генетикой. Участие тех и др. факторов в «работе» О. рассматривается биохимией, физиологией, биокибернетикой и т. д. Особое место принадлежит экологии, анализирующей специфич. аспект внешних связей О. и среды. Для нее О. выступает как элемент более сложных природных систем. Напр., дерево может анализироваться и как состоящее из клеток, тканей, химич. веществ, и как часть леса, и как часть биосферы. Как часть леса оно взаимодействует с другими О. и является элементом сообщества, т. е. целостной организации более высокого по сравнению с О. ранга. В свою очередь, сообщество является элементом системы еще более высокого ранга — биогеоценоза (или экосистемы). Совокупность биогеоценозов образует биосферу Земли. Каждая из этих макросистем характеризуется специфич. для нее внутр. связями. Напр., в рамках сообщества это т. н. трофич. цепи (цепи питания); низшие О. объединены метаболическими межорганизменными связями; в сообществах высших животных развиты связи «хищник — жертва» и сенсорные системы связи. В рамках биогеоценоза О. включены в общий биологич. круговорот веществ и энергии. Т. о., совр. экология указывает рабочее место О. как индивида в системе функциональных связей живой природы.

Успехи, достигнутые биологией на суборганизменном и на супраорганизменном уровнях изучения жизни, привели к тому, что наряду с понятием О. появился целый ряд аналогичных по смыслу понятий, отражающих, соответственно, суборганизменные и супраорганизменные уровни в иерархии биологич. видов. В таких условиях биология встала перед альтернативой: либо расширить понятие О., включив в него как макромолекулярные индивиды, так и сообщества О., либо принять, что О. — лишь один из этапов, уровней развития биологич. индивидуальности. Практика показала, что принятие первой т. зр. с неизбежностью приводит к отрицанию науч. реальности таких понятий, как сообщество, биогеоценоз и т. д. Попытки включить в понятие О. условия его существования (предпринимавшиеся, в частности, Лысенко) не позволяют выявить специфику каждого из уровней биологич. организации. Подавляющее большинство биологов стало на путь отказа от «организмоцентризма», свойственного биологии классич. периода. С филос. и методологич. т. зр. крушение «организмоцентризма» существенно расширяет всю картину живой природы, ставит вопрос о выявлении специфики каждого из уровней организации живой

материи, требует новой постановки проблемы эволюции жизни (см. *Эволюционная теория* в биологии).

В более широком смысле понятие О. в науке прошлого использовалось гл. обр. философами и социологами в качестве своеобразного эталона уровня организации и органич. единства частей, составляющих целое. Так, Гегель противопоставлял О. механизму и химизму. Начиная с Платона и кончая Спенсером существовали многочисл. попытки рассматривать гос-во и др. социальные образования как организмические, т. е. состоящие из дополняющих друг друга органов. Но лишь создание понятия *формации общественно-экономической* подвело науч. базу под «организмический» подход к анализу общества, т. е. под выявление строения общества как сложной системы в ее целостности и в многообразии ее реальных связей.

В совр. науч. исследованиях, особенно в области теоретич. и технич. кибернетики, понятие О. употребляется как аналог соответств. биологич. понятия. Его широкое употребление связано с двумя осн. классами задач — конструированием искусств. систем, построенных по принципу О., и исследованием специфики функционирования и развития сложных объектов, каждый из к-рых образует органическое целое. В первом случае речь идет о теоретич. и технич. моделировании тех или иных функций природного О., т. е. построении искусств. аналогов (гл. обр. частных) О. Во втором случае понятие О. употребляется в значении органич. целого, обладающего имманентным функционированием и развитием. Такое употребление понятия О. опирается не только и не столько на биологич. аналогию, сколько на совр. представления о функцион. описании и расчленении объекта, о типах связей объекта, о специфич. механизмах, обеспечивающих жизнь сложных объектов.

Лит.: Шмалъгаузен И. И., О., как целое в индивидуальном и историч. развитии, М.—Л., 1942; его же, Факторы эволюции, М.—Л., 1946; Сукачев В. Н., Основы теории биогеоценологии, в кн.: Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Окт. социалистич. революции, ч. 2, М., 1947; Завадовский М. М., Динамика развития О., [М.], 1931; Odum E. P., Fundamentals of ecology, Phil.—L., 1954; Bertalanffy L., Problems of life, N. Y., 1960.

К. Хайлов. Севастополь.

ОРГАНИЗМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ — группа филос.-методологич. и естеств.-науч. концепций об органич. целостности и возникновении новых качеств или законов при повышении *организации*. Главные из О. т. — организизм, теория эмергентной (эмерджентной) эволюции, *гештальтпсихология*, холизм и органич. индетерминизм.

О. т. начали создаваться в 20-е гг. 20 в., когда накопленный наукой материал со все большей очевидностью доказывал, что организм — не простой агрегат атомов, молекул и клеток, а процессы жизнедеятельности — не механич. или аддитивные результаты элементарных физико-химич. взаимодействий. В этих условиях О. т. выступали как непосредств. реакция на неовиталистич. и механистич. объяснения строения и развития многоуровневых образований.

О. т. можно подразделить на две группы. В одной из них (организизм, органич. механицизм, холизм) гл. внимание уделяется проблеме органич. целостности. В концепциях второй группы (теория эмергентной эволюции, органич. индетерминизм, доктрина уровней) гл. место занимают проблемы, связанные с исследованием процессов возникновения существование нового при повышении уровней организованности в развитии материи. В процессе критич. осмысления материала О. т. рядом философов (Г. Браун, Р. Селлерс) и биологов (Дж. Паркер, Ч. Феррик, Г. Дженнингс, Дж. Нидем, В. Уилер, Р. Джерард, А. Б. Новиков) была выдвинута и в нач. 40-х гг.

оформлена теория интегративных уровней организации, получившая столь широкое признание, что теперь термины «организмич. подход» или «организмич. логика» применяются преимущественно по отношению к ней.

Организмизм занимает центр. место среди О. т. Термин был предложен (1918) физиологом Дж. С. Холдейном. Гл. влияние на представителей этого направления оказали взгляды Дж. Вуджера и Л. Бергаланфи. Гносеологич. положения организмизма, наиболее четко представленные в книге Вуджера «Биологические принципы» (1929), включают непоследоват. критику феноменализма, но в ряде пунктов близки к позиции А. Уайтхеда, воззрения к-рого, сформулированные в концепции «органич. механицизма», или «органич. философии», послужили одним из источников О. т. Гл. положения организмизма заключаются в следующем. Организованные системы различны. Для неживых организованных систем (напр., кристаллов или машин) типичны «случайно» возникающие отношения, а их части могут в том же виде существовать вне данного целого. Напротив, живые целые возникают и действуют на основе органических, не случайных взаимоотношений между телами, образующими данное целое, — таких, что часть вне данного целого утрачивает свойства, присущие ей в составе этого целого. В организмизме такого типа существует иерархия частей; их природа, уровни организации и относит. значение неодинаковы. Наряду с пространств.-временными, собственно-причинными и генетич. связями и факторами все большее значение приобретают особые «органические» или «телеологич.» отношения — сложные внутр. отношения между частями организма, благодаря к-рым он устойчиво сохраняется как «субстанциональная» вещь (т. е. по причинам, лежащим гл. обр. в ней самой) среди потока случайностей, происходящих во внешней среде, с к-рой организм образует «комплекс». Причинные, генетич. и органич. отношения, характерные для живого, определяют необходимость трех осн. методов биологии, названных Шакселем (1922) энергетическим, историческим и организмическим. По Вуджеру, ни один из этих методов не исключает остальные, а порознь они недостаточны. Бергаланфи, создавая «общую теорию систем», дополнил эту концепцию использованием ряда положений об организмах как открытых системах, находящихся в состояниях подвижного равновесия со средой.

Теория эмергентной (эмерджентной) эволюции сформулирована англ. философом-неореалистом С. Александером (1920) и детально разработана англ. зоопсихологом К. Ллойдом Морганом (1921—22). Центр. идея этой теории — истолкование понятия эмергенции (от англ. emergence — внезапное возникновение нового) в смысле признания перерыва материалистически понимаемой причинности и вмешательства в периоды эмергенций неознаваемой организующей силы, божественной по своей природе. Гносеологич. источники этой концепции — элементы гилозоизма и ограниченное понимание причинности (в духе тождества причин и следствий). Гл. положения теории, изложенной в книге Моргана «Эмергентная эволюция» (1923), состоят в следующем. Все физич. системы обладают чем-то психическим, оба атрибута неотделимы один от другого. В тех изменениях, к-рые приводят к созданию существенно нового, проявляется вмешательство некоего «низуса», устремленного от фундамента материи к ясно выраженной божественности, венчающей собою «пирамиду» последовательно восходящих уровней организованности материи. Результаты таких изменений, эмергенты, нельзя предвидеть, хотя познание типов эмергенций дает возможность познавать «естеств. план» эмергент-

ной эволюции. Осн. логич. ошибки Моргана (не говоря уже о признании божества) состоит в том, что отрицание возможности предсказывать высшие уровни по данным о низших несовместимо с предсказанием уровня божества, а признание (и даже гипотезирование) возникновения существенно нового несовместимо с отрицанием возможности возникновения психики как таковой заново. Эта концепция утратила свою популярность среди естествоиспытателей к нач. 30-х гг., а впоследствии и в философии в результате критики со стороны Селлерса, В. М. Уилера, Стаута и Прамта.

Х о л и з м (от греч. «холос» — целое) был выдвинут Я. Смэтсом (1927) и развит в особенности в работах А. Мейера (впоследствии — фон Мейера-Абиха). Широкая известность холизма не соответствует его действит. влиянию на умы естествоиспытателей и объясняется необычайной активностью его авторов. Гл. особенность холизма состоит в крайней степени его эклектичности. Более значит. место, чем в других О. т., занимает в холизме понятие поля, призванное преодолеть старые «контурные» представления о вещах. Именно в полях, по Смэтсу, действительно происходят события. Взаимное «общение», взаимопроникновение полей — это и есть то, что называют причинностью и творчеством. Призван сходство такого понятия поля с аналогичным понятием Уайтхеда и с понятием монады у Лейбница, Смэтс разработал, по его заявлению, более простую концепцию, согласно к-рой мир представляет собой серию целостных психофизич. структур различных уровней или ступеней сложности, окруженных полями, взаимодействующими с полями других целых. Положение о неразрывной связи объективного и субъективного не помешало Смэтсу то признавать, что клетка еще не имеет психики, то утверждать, что материя есть чувств. фокус, то заявлять о всепроникающей воле или активности мирового духа, присутствующего даже в недрах атомов; там дух находится как бы в плену, откуда его постепенно освобождает эволюция, истинная причина к-рой — «целое». Полная свобода духа достигается только в избранной Личности; она-то и открывает дверь, освобождая дух от уз, кандалов и из подземных темниц естеств. необходимости. Мейер-Абих дополнил эту концепцию принципом историзма биологических явлений, но историзм истолковывается им в смысле «телеологизации филогенеза».

О р г а н и ч е с к и й и н д е т е р м и н и з м был выдвинут в 1927—28 О. Рейзером, Ф. Уэлсом и разработан Р. Лилли как дополнение к остальным О. т., но впоследствии стал одной из центр. концепций всего этого направления. Его основа — объединение позитивистского истолкования микрофизич. соотношения неопределенностей, представлений о мутациях как случайных микрофизич. изменениях и организмич. понимания целостности. Гл. положения органич. индетерминизма состоят в следующем. Совр. квантовая механика доказала, что микрофизич. явления не подчиняются принципу причинности (понимаемому не в узком значении, а в смысле детерминизма вообще). В неорганич. мире индетерминизм единичных микрофизич. изменений обычно не выражен на уровнях макрофизич. тел, но в специфич. условиях организации протоплазмы и многоклеточных организмов даже единичные изменения биологически активных молекул могут существенно влиять на процессы, охватывающие все живое целое. Особенно значение имеют при этом различные формы усиления. Кроме мутаций, большое значение придается в этой концепции влияниям микрофизич. изменений, происходящих в организации нервной системы, где индетерминизм квантовых процессов выражается якобы в

«свободе воли» (понимаемой в смысле отсутствия детерминации). Т. о., понятие эмергенций, в к-рых, по Моргану, прерываются линии причинно-следств. связей, конкретизируется здесь как понятие случайностных микрофизич. изменений, усиливаемых в условиях «холодистических полей» клетки или многоклеточного организма. В дополнение к этим положениям привлекались теории, согласно к-рым процессы жизнедеятельности клетки или многоклеточного организма и прогрессивной эволюции противоречат термодинамич. вероятности или закону возрастания энтропии; отсюда делается вывод, что происхождение, сущность и прогрессивная эволюция жизни могут быть объяснены только вмешательством направляющих импульсов, психических по своей природе, неотделимых от физического и первичных по отношению к нему. Эти импульсы создают творч. направленность изменений, физич. упорядоченность и активное напряжение процессов жизни, проявляя свое господство посредством генных мутаций и каких-то молекул нервных клеток. Предполагается, что эти психич. импульсы возникают в недрах атомов. Атому приписываются свойства монады, окруженной физич. полем, в к-ром и проявляются непосредственно самые простейшие творч. импульсы, выражающие созидат. цель каждой монады. Рациональный момент этой концепции состоит в том, что она привлекала внимание к реально существующим формам биологич. процессов усиления, играющих чрезвычайно важную роль во всех проявлениях регулирования, отображения и программирования клеточных и надклеточных реакций живого. В наст. время процессы усиления регулирования плодотворно исследуются в теории автоматов и бионике, а также в работах, посвященных применениям теории информации в биологии (У. Эшби, 1949; А. А. Ляпунов, 1964).

Менее значит. влияние оказали концепции органического механицизма (А. Уайтхед, 1914; впоследствии эта концепция слилась с органицизмом), мнемизма (Блейлер, 1920) или мнемонизма (Э. Риньяно, 1920), и многочисленных другие выступления), доктрина уровней (Конгер, 1924; Крикорян, О. Рейзер).

Лит.: Холдичер В., Природа в науч. картине мира, пер. с нем., М., 1960; Богомолов А. С., Идея развития в бурж. философии XIX и XX веков, М., 1962; Афанасьев В. Г., Проблема целостности в философии и биологии, М., 1964; Вессель Г., Вирусы — чудо — противоречия, пер. с нем., М., 1965; Кремянский В. И., К теории осн. структурных уровней..., М., 1966 (авторф. канд. дисс.); Haldane J. S., The new physiology and other addresses, Phil., 1919; его же, The philosophy of a biologist, 2 ed., Oxf., 1936; Rittler W. E., Unity of the organism or the organismal conception of life, v. 1—2, Boston, 1919; Whitehead A. W., Concept of nature, N. Y., 1920; Sellars R. W., Evolutionary naturalism, Chi., 1922; его же, L'hypothèse de l'émergence, «Rev. de Métaphysique et de Morale», 1933, v. 40, № 3; Conger G. P., The doctrine of levels, «J. Philosophy», 1925, v. 22, № 12; Rignano E., Biological memory, N. Y., 1926; Morgan C. L., Emergent evolution, L., 1927; Rittler W. E., Bailey E. D., Organismal conception..., Berkeley, 1928; Herick C. J., Mechanism and organism, «J. Philosophy», 1929, v. 26, № 22; Woodger J. H., Biological principles, N. Y., 1929; Needham J., Sceptical biologist, N. Y., 1930; Bleuler E., Mechanismus — Vitalismus — Mnemismus, B., 1931; Bertalanffy L. von, Theoretische Biologie, Bd 1—2, B., 1932—42; его же, Problems of life, N. Y., 1952; Smuts J. C. H., Holism and evolution, N. Y., 1936; Wheeler W. M., Essays in philosophical biology, Camb., 1939; Lillie R. S., General biology and philosophy of organism, Chi., 1945; Novikoff A. B., The concept of integrative levels and biology, «Science», 1945, v. 101, № 2618; Russell E. S., Directiveness of organic activity, N. Y., 1945; Meyer A. B. von, Geistesgeschichtliche Grundlagen der Biologie, Stuttg., 1963; Glaser D. D., «Mind» as an organismic integration, в кн.: Theories of the mind, L.—N. Y., 1962; Glass B., The relation of the physical sciences to biology, в кн.: Philosophy of science, v. 1, N. Y.—L., 1963; General systems. Yearbook of the society for general systems research, v. 1—11, Ann Arbor—Michigan, 1956—66.

В. Кремянский, Москва.

ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА ТЕОРИЯ — оппортунистич. теория, утверждающая, что разви-

тие монополий, повышение роли гос-ва и растущее планирование капиталистич. экономики приведут к устраниению анархии произ-ва, конкуренции, кризисов и переходу к социализму. Родоначальники О. к. т. — Бернштейн, Каутский и Гильфердинг; она получила распространение среди правых с.-д., ревизионистов; осн. идеи этой теории воспроизводятся в концепциях «регулируемого капитализма», «планового капитализма» и др. Поскольку основу совр. капитализма составляет частная собственность на средства произ-ва и с ней связанные противоречия остаются и обостряются, постольку развитие капитализма и на совр. его уровне носит стихийный, анархич. характер. См. *Капитализм*.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ШКОЛА в социологии — одно из направлений бурж. социологии конца 19 — нач. 20 вв., отождествляющее общество с организмом и пытающееся объяснить социальную жизнь биологич. закономерностями. Сравнение общества с организмом проводилось мн. авторами (Платон, Гоббс). В дальнейшем были использованы открытия биологов (Шлейден, Шванн и др.), доказавших, что организм — это функциональное единство элементарных единиц (клеток или бионов), связанных между собой строго определ. отношениями. Коонт считал, что такая же органич. связь характерна для элементов, образующих общество. Спенсер подробно проследивал сходство общества с организмом, однако он не считал их тождественными.

В отличие от своих предшественников, считавших, что общество подобно организму, представители О. ш. (П. Ф. Лилленфельд, А. Шеффле, Р. Вормс, А. Эспинас) утверждали, что «общество и есть организм». Они подыскивали все новые аналогии, признавая (в разной степени) и доказывая (в различных вариантах) тождество общества и организма. Лилленфельд (1829—1903) рассматривал общество как сложное телеологич. единство различных клеток, образующихся из них тканей и органов. Первичной клеткой общества он считал индивида. Обществу приписывались все черты организма: единство, целесообразность, специализация органов, аккумуляция сил, неповторимость движений (в отличие от механизма). Роль кровообращения, напр., выполняет торговля, функции головного мозга — правительство. Заболевания общества подобны болезням организма. Поэтому, кроме анатомии и физиологии общества, должна существовать и социальная патология. Шеффле (1831—1903) особенно интересовался экономич. жизнью общества, к-рую рассматривал как обмен веществ в организме. Он пытался дополнить концепции О. ш. признанием борьбы за существование в обществе. Вормс (1869—1926) доходил до крайностей, рассуждая о половых различиях обществ. организмов, об их органах выделения и т. д., однако впоследствии изменил взгляды. Условно причисляются к О. ш. также А. Фулье (1838—1912) и А. Эспинас (1844—1922). В 20 в. концепции О. ш. постепенно утратили популярность. По сравнению с попытками рассматривать общество как продукт произвольного соглашения между индивидами, зарождение органич. подхода было известным шагом вперед. Нек-рые идеи О. ш. предвосхитили отд. положения совр. бурж. социологии, напр. структурно-функциональной школы. Однако в целом концепции О. ш. ненаучны. Их порок в том, что конкретн.-историч. изучение социальных явлений заменялось произвольными аналогиями. Вводимые понятия были расплывчатыми, социальные закономерности подменялись биологическими, целый ряд явлений обществ. жизни (конфликты, классовая борьба и т. д.) совершенно игнорировался. Ссылка на организмич. природу общества часто служила аналогией существовавших обществ. отношений.

Марксисты употребляют термин «социальный организм». Однако в марксизме эти аналогии не доходят до тождества и не подменяют конкретного изучения специфики и объективных законов обществ. жизни.

Лит.: Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же; Беккер Г. и Босков А., Совр. социол. теория, М., 1961; Коппи С., Позитивизм в социологии, Л., 1964; Schaffle A., Bau und Leben des sozialen Körpers, Bd 1, Tübingen, 1875; Fouillée A., La science sociale contemporaine..., P., 1880.

В. Ольшанский. Москва.

ОРГАНЫ ЧУВСТВ (от греч. *ὄργανον* — орудие, инструмент) — органы, служащие для отражения, информирования организма животного об изменениях в окружающей среде (экстерорецептивная система) или в самом организме (см. *Интерорецепция*). Традиционным является деление экстерорецептивной системы на 5 чувств — зрение, слух, обоняние, вкус и кожную чувствительность. Однако такое деление весьма условно, фактически можно считать значительно большее количество отд. чувствит. систем. Напр., в коже различают чувства давления, боли, холода, тепла. Работа О. ч. тесно связана с деятельностью целого организма. Сохранение жизни организма обеспечивается в том случае, если на изменение среды он отвечает адекватными действиями. Для осуществления этих рефлекторных действий организм располагает рабочими органами (эффекторная система). Специализированные О. ч. высокоорганизованных животных — результат эволюции простых и недифференцированных О. ч. низших животных. Этот процесс шел параллельно с увеличением возможностей их эффекторного (прежде всего локомоторного) аппарата и с формированием сложной центр. нервной системы.

Высокоразвитые О. ч. высших животных в своей деятельности неотделимы от соответствующего им афферентного нервного аппарата — нервных проводников и центров, расположенных в головном мозге (см. *Афферентация*). Сигналы, идущие в мозг от О. ч., несут закодированную информацию о соответствующих изменениях среды. Проблема кодирования информации в О. ч. — одна из центральных в совр. физиологии О. ч. Совокупность О. ч. и соответствующих нервных образований И. П. Павлов назвал анализаторами (трансформаторы, из к-рых каждый превращает в нервный процесс определ. вид энергии, и проводящие нервы и клеточные мозговые концы). Анализ воздействия среды начинается в периферич. части анализатора — рецепторе, где из всего многообразия воздействующих на организм видов энергии выделяется к.-л. один определенный. Но высший, тончайший анализ достигается только при помощи центр. конца анализатора — клеточных скоплений в *головном мозге*.

О. ч. не только посылают в мозг сигналы о различных воздействиях на организм, но и сами находятся под регулирующим воздействием центр. нервной системы (обратные связи). В осуществлении регуляции О. ч. участвует как совокупность афферентных сигналов, поступающих в мозг в данный момент, так и следы прошлого опыта («память») данного организма; это позволяет подготавливаться к действиям в той ситуации, к-рая в соответствии с этим опытом вероятнее всего наступит в след. момент (т. н. вероятностное прогнозирование). Такая преднастройка О. ч. является одним из условий, обеспечивающих активность организма в отборе получаемой информации (животное не просто видит, а смотрит, не просто слышит, а слушает). О. ч. находятся в постоянном взаимодействии друг с другом: возбуждение любого О. ч. изменяет функциональное состояние др. О. ч. Напр., слышимая громкость звука меняется при изменении освещения.

Явления взаимодействия можно наблюдать и внутри одного анализатора, напр. между палочковым и колбочковым зрением в зрительном анализаторе. Сигналы от О. ч. сопоставляются между собой, а также с сигналами «обратной афферентации» и с возбуждениями, имевшими место в прошлом опыте, формируя афферентный синтез, в соответствии с к-рым строится поведение человека и животных.

Соответствие между О. ч. организма и его афферентным аппаратом устанавливается в процессе жизнедеятельности организмов как результат приспособления к естеств. отбору. У человека за счет решающей роли социальных факторов в поведении и деятельности такое соответствие видоизменяется. Специфика обществ. развития такова, что получаемое непосредственно с помощью О. ч. знание об окружающей среде опосредствовано всем историч. опытом человечества, усваиваемым индивидом через систему обучения. Последняя, формируя деятельность человека, через нее «настраивает» и «доустанавливает» функционирование О. ч. человека в соответствии с содержанием его деятельности. Развитие социальной практики, в т. ч. науч. познания, все более часто сталкивает человека с такой информацией, для освоения к-рой он не имеет О. ч. (напр., информация о магнитном поле Земли). Получение такого рода информации невозможно без работы О. ч., к-рые и для человека остаются единств. каналом непосредств. связи с внешним миром. Поэтому развитие познания опирается не только на функциональное развитие О. ч., но и на создание новых искусств. аналогов О. ч. — приборов. О. ч. человека имеют не только биол. ч., но и социальную природу, от к-рой и зависит их развитие со времени возникновения человеч. общества. «Образование пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 594).

Лит.: Сеченов И. М., Рефлексы головного мозга, СПб., 1866; Эдриан Э. Д., Основы ощущений, пер. с англ., М., 1931; Андреев Л. А., Физиология О. ч., М., 1941; Бронштейн А. И., Вкус и обоняние, М.—Л., 1950; Кравцов С. В., Глаз и его работа, 4 изд., М.—Л., 1950; Павлов И. П., Полн. собр. соч., т. 3—4, М., 1951; Гранит Р., Электрофизиол. исследование рецепции, пер. с англ., М., 1957; Лазарев Н. П., Исследования по адаптации, Соч., т. 1, М.—Л., 1957; Проблемы физиол. акустики, т. 1—4, М.—Л., 1949—59; Проблемы физиологии оптики, т. 1—12, М.—Л., 1941—58; Анохин П. К., Внутреннее торможение как проблема физиологии, М., 1958; Соколов Е. Н., Восприятие и условный рефлекс, М., 1958; Леонтьев А. П., О механизме чувственного отражения, «Вопр. психологии», 1959, № 2; Выготский Л. С., Развитие высших психич. функций, М., 1960; Мэгуэн Г., Бодрствующий мозг, пер. с англ., М., 1960; Глезер В. Д., Цуккерман И. И., Информация и зрение, М.—Л., 1961; Анапьев В. Г., Теория ощущений, Л., 1961; Бернштейн Н. А., Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой, «ВФ», 1962, № 8; Гращенков Н. И. [и др.], Основ. вопросы структуры рефлекторного действия и их методол. оценка, там же, с. 36; Фейгенберг И. М., Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга, «Вопр. психологии», 1963, № 2, с. 59; Филос. вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963; Теория связи в сенсорных системах, сб. ст., пер. с англ., М., 1964; Фейгенберг И. М., Наши окна в мир (органы чувств и мозг), М., 1965; Школьник-Яррос Е. Г., Нейроны и межнейронные связи. Зрительный анализатор, Л., 1965. И. Фейгенберг. Москва.

ОРИГЕН (Ὠριγίνης) (185—253) — античный философ и теолог, представитель доникейской *патристики*, активный борец против язычества, автор первой сводки догматич. богословия О. использовал для целей догматики популярный в его время стоич. *платонизм*, связанный с чисто языческими традициями. Мученически погиб во время одного из гонений на христиан.

В области философии ему, как и его товарищу по филос. школе *Плотину*, принадлежит неоплатонич. учение об абсолютном единстве бога, превышающем

всякое расчленение и, следовательно, всякое познание, а также о необходимости раскрытия этой познаваемой «монады», или «отца», превышающего всякую сущность, в ее познаваемых проявлениях. Сходясь в этом учении с неоплатонизмом и христ. ортодоксией, О. расходился особенно с последней в трактовке отношения трех ипостасей. В то время как христ. ортодоксия, хотя и признавала раздельность в божге, но отрицала всякую неравноценность отдельных моментов этого разделения, т. е. обязательно признавала, как тогда говорили, полную единосущность ипостасей божества, О. третью ипостась поставил ниже второй, вторую — ниже первой. Получалось так, как если бы мы сказали, что материя в одних случаях есть движение, а в других — не есть движение, или что законы живой и неживой природы хуже, слабее и ниже законов человек. жизни. Еще дальше от христ. ортодоксии и ближе к языч. учениям О. оказался в области космологии: признавая извечность творения, он учил и о вечности материи, что считалось тогда уже ересью, отступлением от христианства. Противоречивость воззрений О. сказывается и в том, что христ. учение о грехопадении он соединял с традиц. языческой иерархией и эманацией космоса, переходившего от чистого огня и духа к постепенному охлаждению в душах и телах и к предельному охлаждению в злых духах тьмы. Вопреки христ. традициям О. признавал не единств. мир, но бесконечное множество возникающих друг за другом миров, относя традиц. учение о кончине мира, только к нынешнему его состоянию. В полном противоречии с церк. традицией О. не считал зло положительной силой, а только ослаблением божеств. эманации в мире, причем силой *логоса* это ослабление уничтожается, и всякое творение в конце концов восстановится в первоначальной чистоте и спасется. Этот «апокатастасис», т. е. окончательное восстановление всего и всех, несмотря на грехопадение и независимо от воли сотворенных существ (так что даже и Сатана спасется) было у О., можно сказать, полным, хотя и невольным разрывом со всей церк. традицией, отличаясь яркими чертами язык. пантеизма.

Таким образом, О. стремился совместить христ. учение о надмирном божестве как абсолютном и личном духе с учением стоич. платонизма о мировом огненном разуме со всеми его внутримировыми истечениями и даже с вечным круговоротом душ и тел; при этом даже для самого божества утверждалась необходимость субординации, т. е. наличия также и в нем неравноценных ступеней. Этот доникейский субординационизм, достигший своей окончательной формулировки в *арианстве*, был сурово и непримиримо осужден на Никейском соборе, и все ариане во главе со своим вождем Арием были преданы анафеме. Но О. не стал также и неоплатоником. Этому помешало как его стоич. платонизм, всегда отличавшийся больше натурализмом, чем диалектикой, так и его глубочайшая убежденность в истине христ. веры, еванг. истории и всей церк. догматики. Это навсегда удалило его от неоплатонизма и помешало воспользоваться его диалектикой.

Соч.: Migne, PG, t. 11—17; Origenes' Werke, Bd 1—11, Lpz., 1899—1937 (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte); в рус. пер.— Творения О., вып. 1—О началах, Каз., 1899; Против Цельса, ч. 1, Каз., 1912.

Лит.: Лебедев Н., Соч. О. против Цельса, М., 1878; Елсонский Ф., Учение О. о божестве сына божия и духа святого, СПб., 1881; Болотов В., Учение О. о св. Троице, СПб., 1879; Reden p. n. n. g. E. R., Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre, Abt. 1—2, Bonn, 1841—46; Denis J., De la philosophie d'Origène, P., 1884; Poschmann В., Die Sündenvergebung bei Origenes, Braunsberg, 1912; Faue E. d. c., Origène, sa vie, son oeuvre, sa pensée, v. 1—3, P., 1923—29; Miura-Stange A., Celsus und Origenes. Das Gemeinsame ihrer Weltanschauung...

Giessen, 1926; Bardy G., Origène, P., 1931; Völkner W., Das Vollkommenheitsideal des Origenes, Tübingen, 1931; Cadou R., Introduction au système d'Origène, P., 1932; Lieske A., Die Theologie der Logosmystik bei Origenes, Münster, 1938; Daniélou J., Origène, P., 1948; Hartl M., Origène et la fonction révélatrice du verbe incarné, [P., 1958]; Reincarnation. An East-West anthology, ed. by J. Head and S. Cranston, N. Y., 1961. А. Лосев. Москва.

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (франц. orientation, букв. — направление на восток, от лат. oriens — восток) — совокупность действий индивида, направленных на ориентировку в ситуации. Термин «О. д.» ввел И. П. Павлов, к-рый выделил ориентировочный *рефлекс* из др. рефлексов и раскрыл его биологическое, приспособит. значение и его содержание как рефлекса «что такое» или «исследовательского рефлекса». Павлов полагал, что без ориентировочного рефлекса было бы практически невозможно сохранение жизни животного, и высказал предположение, что этот рефлекс происходит из рефлекса «биологич. осторожности», являясь его активной формой. Это определяет его отношение к др. рефлексам: ориентировочный рефлекс затормаживает др. виды поведения, когда возникает опасность (а ею потенциально является все новое), и уступает им место, когда такая новизна проходит. С помощью ориентировочного рефлекса выделяется объективная связь между сигналом, реакцией и подкреплением и обеспечивается ее отражение в центр. нервной системе; выполнив свое назначение, ориентировочный рефлекс угасает — возбуждение идет по проложенному пути и вызывает условный рефлекс. У высших животных ориентировочный рефлекс получает такое развитие, что становится относительно самостоят. формой поведения. Это позволяет вырабатывать новые условные связи на одном «ориентировочном подкреплении».

Соображения Павлова об ориентировочном рефлексе выходят за рамки физиологич. учения о высшей нервной деятельности. Поэтому было предложено различать собственно ориентировочный рефлекс (настройка рецепторов на лучшее восприятие раздражителя) — предмет физиологич. исследования — и О. д. (исследование объекта и, более широко, все, что позволяет индивиду разобраться в ситуации) — предмет в первую очередь психологии. Рассмотрение исследования среды (а у человека — и науч. исследования) как ориентировки в окружающем позволяет наметить существенно новый подход к изучению *психики*.

Понимание психики как О. д. требует прежде всего различения психологич. ориентировки и ориентировки без участия психики (напр., ориентировочные процессы или механизмы в технике). Осн. элементами О. д., определяющими ее специфику, являются *образы* и идеальные действия. Идеальное воспроизведение предметных действий в новой конкретной ситуации имеет значение примеривания, результаты к-рого позволяют внести необходимые коррективы и приспособить наличные формы поведения к индивидуальным особенностям обстановки. Но ориентироваться в ситуации — значит не только (а) составить о ней то или иное представление; для этого нужно еще (б) определить ее значение для себя, (в) наметить план действий и (г) контролировать их исполнение. Эти задачи намечают осн. операции О. д. Они могут выполняться в форме как познавательной, так и эмоциональной и волевой деятельности.

Т. о., психич. деятельность в целом шире, чем О. д., т. к. включает ряд др. сторон — физиологическую, логич., историч., эстетич., этич. и др., изучаемые др. науками. Психология же исследует психику только со стороны ее функции по ориентировке *поведения*.

Экспериментальная психология фактически уже давно изучает психич. деятельность как ориентировку

поведения и именно на этом пути наиболее значительны ее достижения: доказательство разумности решения нек-рых задач у животных (В. Кёлер, затем Бойтендайн и др.), существование «латентного обучения» (Блоджейт, Р. Толмен), выявление своеобразия мышления детей (В. Штерн, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже), анализ условий перехода неощущаемых раздражений в ощущаемые (А. Н. Леонтьев), изучение непроизвольного запоминания (А. А. Смирнов, П. И. Зинченко) и др. Все эти исследования построены на объективном учете ориентировки испытуемых при выполнении заданий. Однако теоретическое значение О. д. как предмета психологии было осознано значительно позднее, в 50-х гг., когда исследования А. В. Запорожца и его сотрудников показали зависимость формирования действий и представлений от организации ориентировки в задании: чем выше эта организация, тем быстрее и лучше происходит формирование действий, представлений и понятий. Эти выводы были подтверждены исследованиями в области педагогич. психологии (Д. Б. Эльконин). В исследованиях П. Я. Гальперина и его сотрудников были уточнены две закономерности О. д.: ее поэтапное формирование и осн. типы ориентировки. Поэтапное формирование заключается в том, что сначала происходит образование материальных действий и лишь затем — их копий, идеальных действий, причем в конечном счете образуются такие сокращенные идеальные формы, к-рые в самонаблюдении представляются актами «чистой мысли». Типы ориентировки определяются (а) отношением между условиями, к-рые фактически используются, и условиями, необходимыми для правильного исполнения задания, и (б) отношением наличных условий (ориентировочной основы действий) к системе условий, обеспечивающих формирование этих действий с заданными качествами. В наст. время установлены три осн. типа ориентировки: 1) Ориентировка на те св-ва и отношения вещей, к-рые «сами бросаются в глаза»; она может давать (в пределе) тонко дифференцированные, но «чисто практич.» навыки с очень ограниченной зоной применения; 2) Ориентировка на признаки и отношения, подбираемые эмпирически и достаточные для правильного исполнения отд. заданий; она дает уже теоретич. знания и умения, но узко специального, «технич.» характера; 3) Ориентировка на существ. св-ва и отношения осн. единиц данной области; она дает знания и умения «широкого профиля». В наст. время в массовом обучении реализуется гл. обр. первый, наименее эффективный тип ориентировки. Поэтому построение методик школьного обучения на основе второго и тем более третьего типа ориентировки (экспериментально уже обоснованное) открывает возможности значит. рационализации обучения.

Лит.: Павлов И. П., Полн. собр. соч., 2 изд., т. 3, кн. 2, М.—Л., 1951, с. 162, 271; т. 4, М.—Л., 1951, с. 328—29; Анохин П. К., Роль ориентировочно-исследовательской реакции в образовании условного рефлекса, в сб.: Ориентировочный рефлекс и ориентировочно-исследовательская деятельность, М., 1958; Запорожец А. В., Роль ориентировочной деятельности и образа формирования и осуществления произвольных движений, там же; его же, Развитие произвольных движений, М., 1960; Гальперин П. Я., Развитие исследований по формированию умств. действий, в сб.: Психологич. наука в СССР, т. 1, М., 1959; Эльконин Д. Б., Детская психология, М., 1960. П. Гальперин, Москва.

ОРИУ (Haughton), Морис (17 авг. 1856—12 марта 1929) — франц. бурж. государствовед, профессор и почетный декан ун-та в Тулузе. Один из основателей т. н. институционализма. Признав одним из первых в бурж. юридич. науке зависимость гос-ва от гражд. общества, наличие классов и привилегированное положение класса собственников, О. вместе с тем объявлял частнособственнич. обогащение и обществ. неравенство необходимыми и естеств. атрибутами человеческого бытия. О. отрицал классовый характер бурж.

гос-ва; оно выступает как инструмент равновесия между частными и публичными интересами. Идея равновесия (equilibre) вообще занимает значит. место в предпринимаемых О. поисках путей стабилизации капиталистич. строя (равновесие между личной свободой и социальной необходимостью, между централизацией и децентрализацией и т. д.). В этих же целях О. выступил как сторонник идей корпоративистского и синдикалистского плана (создание «институтов — корпораций» и «интеграция» рабочих в бурж. гос-ве), требовал усиления активности гос-ва, в т. ч. в области «социального воспитания», обосновывал возможность отступления от демократич. принципов управления в случае «кризисов и болезней гос. режима». О. называл свое учение позитивной теорией. Однако откровенными политич. характеристиками, социологич. подходом к ряду обществ. ин-тов, использованием идеи естеств. права взгляды О. существенно отличаются от позитивизма т. н. юридич. школы. Учение О. (особенно идеи институционализма и корпоративизма) оказало влияние на развитие бурж. науки гос-ва и гос. права, а также политическую науку во Франции.

Соч.: Études constitutionnelles. La souveraineté nationale, P., 1912; Précis de droit administratif et de droit public..., 11 éd., P., 1927; Précis élémentaire de droit constitutionnel, 4 éd., P., 1938; в рус. пер.— Основы публичного права, М., 1929.

Лит.: Пашуканис Е., Обзор осн. направлений во франц. лит-ре гос. права, «Вестн. Ком. Академии», 1925, кн. 12; Левин И. Д., Совр. бурж. наука гос. права, М., 1960, гл. 2; История политич. учений, М., 1960, гл. 32. В. Туманов, Москва.

ОРС-И-РОВИРА (Ors y Rovira), Эухенио д' (псевд. — Хеннус; 28 сент. 1882—20 сент. 1954) — исп. бурж. эстетик, писатель и публицист, д-р философии (1913). С 1911 — ген. секретарь Ин-та наук Каталонии; с 1925 — проф. Школы социальных наук в Мадриде. О.-и-Р. — автор большого числа работ по эстетике, теории и истории иск-ва, многие из к-рых представляют собой т. н. глоссарии (своеобразная форма интеллектуального дневника), не имеющие строго определ. темы и содержащие суждения автора о самых разнообразных явлениях иск-ва и лит-ры прошлого и современности. В них, а также в работах, посвященных Гойе, Сезанну, Пикассо и др., О.-и-Р. развивал космополитич. взгляды и отстаивал субъективно-идеалистич. теорию иск-ва. Отправным пунктом философии О.-и-Р. является чувствующий и волящий субъект, направленность к-рого на мир (свобода, творчество) выражает, по терминологии О.-и-Р., «поэтич. функцию», а обратная направленность — мира на человека (необходимость, зависимость) — выражает «патетич. функцию». Первая осуществляется в культуре познания, умения и ценностей, вторая — в сфере биологии, космологии и религии. Связующим обе функции звеном является, согласно мистически-экспрессионистской концепции О.-и-Р., «ангел-хранитель». Причудливым воззрением О.-и-Р. соответствует метафорич. форма изложения. Для историч. взглядов О.-и-Р. характерна идеализация прошлого Испании, особенно периода ее колониальных захватов в Америке. В политич. публицистике выступил одним из основоположников идеи «европ. единства».

Соч.: Glosari, v. 1—4, 6, 9, Barcelona, 1907—15; El nuevo Glosario, v. 1—10, Md., 1921—30; L'art de Goya, P., 1928; Cézanne, Md., 1944; Teoría de los estilos, Md., 1945; Pablo Picasso, в кн.: Lo Barocco, Md., 1944; Nuevo glosario, v. 1—3, Md., 1947—49; El secreto de la filosofía, Barcelona, 1947. Лит.: Мариатеги Х. К., Семь очерков истолкования перуанской действительности, М., 1963, с. 232—33; Jardi E., La filosofía de E. d'Ors, «La lectura», 1914, Mayo; García Morente J., La filosofía de E. d'Ors, B. Aires, 1917; Vogel E., Xenius, der Sokrates des modernen Spaniens, «Allgemeine Rundschau», 1917, Apr.; Anseschi L., E. d'Ors e il nuovo classicismo europeo, Mil., 1945; Arango J. L., La filosofía de E. d'Ors, Md., [1945]; Murgueta J., Mayentica y Heliomaquia, Murcia, 1947; Iriarte J., E. d'Ors o la claridad mediterránea, «Razon y Fés», 1954, p. 432—45. В. Афанасьев, Ленинград.

ОРТЕГА-И-ГАСЕТ (Ortega y Gasset), Хосе (9 мая 1883—18 окт. 1955) — исп. философ, представитель философии культуры и филос. антропологии, обществ. деятель. Род. в Мадриде. Учился в Мадридском Центр. ун-те, затем в ун-тах Лейпцига, Берлина и Марбурга. В 1911—36 руководил кафедрой метафизики Мадридского ун-та. Вместе с Мараньоном и Айелой основал «Союз защиты республики» и в 1931 участвовал в свержении монархии. Эмигрировав из Испании (1936), О.-и-Г. публично выступал против фашизма. Возвратившись в Мадрид (1948), основал Ин-т гуманитарных наук.

Филос. деятельность О.-и-Г. начал как неокантианец (был учеником Когена). Его дальнейшее идейное развитие связано с влиянием философии жизни, прежде всего Ницше (в частности, в концепции «массовой культуры») и Дильтея, отождествившего понятия «жизнь» и «история» и создавшего на основе философии жизни т. н. историч. мировоззрение, на позиции к-рого встал О.-и-Г.

О.-и-Г. выражает характерную для философии истории 20 в. тенденцию к построению онтологии; он представляет то направление в философии, к-рое в противовес гносеологизму («методологизму») неокантианства с его исследованием специфики историч. знания и феноменализму позитивистского мышления стремилось возвратиться к рассмотрению самого предмета, т. е. ответить на вопрос, что такое историч. бытие. Неокантианский подход к истории О.-и-Г. критикует за противопоставление естеств. наук историческим, исходящее из метода, а не из предмета самих наук. Он осуждает «индивидуализирующий» метод Л. Ранке, противопоставляющий историю философии, доказывая, что всякий историч. факт требует истолкования, а это связано с определ. пониманием реальности, обнаруженном к-рой этот факт является. О.-и-Г. подвергает критике позитивизм, воспринимая историч. реальность по аналогии с природной. Фиксируя увеличение позитивистски настроенных историков заимствованными из естествознания методами статистики, О.-и-Г. подчеркивал неизбежную потерю контакта с той реальностью, с к-рой исследователь по существу должен иметь дело. Позитивизм, по мнению О.-и-Г., приводит к засилью методов, «механизирующих исследовательскую работу и позволяющих заниматься наукой людям, духовно ограниченным» (Gesammelte Werke, Bd 3, Stuttg., 1954, S. 375). О.-и-Г. уже в 1928 объявляет задачей философии истории исследование вопроса «... об онтологической структуре исторической реальности, об элементах, из которых она строится...» (S. 382). Однако на пути к этому стоит непримиримый в рамках философии жизни дуализм природного и исторического (духовного). Попытку преодолеть этот дуализм О.-и-Г. предпринимает в последний период своей деятельности, опираясь на новую теоретич. базу — феноменологию Э. Гуссерля и экзистенциальную онтологию Хейдеггера. Исходя из теоретич. предпосылки экзистенциализма (рассмотрения бытия «изнутри», из факта существования Я), О.-и-Г. переосмысливает роль и значение самой философии истории (философии человека) — он видит в ней ключ к решению вопроса о том, что такое бытие вообще; философия истории становится философией как таковой. Природа, по мнению О.-и-Г., перестала быть для совр. человека бытием, она оказалась умств. конструкцией, создаваемой наукой. Он оценивает науку с прагматических позиций, как производств.

силу, не имеющую никакого отношения к истине (см. «Toward a Philosophy of History», N. Y., 1941). «Техника — средство для реализации человеческого проекта. Но она не создает этот проект». Человеч. проект (здесь О.-и-Г. предвосхищает Сартра), или «жизненную программу», создают «поэты, философы, политики, основатели религий, открыватели ... Инженер (имеются в виду представители естеств. наук. — Ред.) зависит от них всех» (там же, S. 119-121). Подлинной реальностью оказывается реальность, к-рая дает смысл человек. бытию, и ее О.-и-Г. стремится обнаружить в истории. В качестве способа для достижения этой цели он предлагает рассмотреть историю как «специфически человеческую драму», покаяя, т. о., в логич. круг: ведь, согласно О.-и-Г., смысл человек. существования должен быть обнаружен в истории; само обращение к истории было предпринято именно для того, чтобы понять человека. Выйти из этого круга О.-и-Г. пытается путем анализа различных типов мировоззрений в надежде ухватить, с помощью внимательного всматривания в структуру той или иной историч. эпохи, то, что придает этим мировоззрениям смысл. Однако, несмотря на то, что О.-и-Г. подчас удается выявить логику развития и разложения того или иного типа мировоззрения, своей задачи он не решает: история культуры обнаруживает кладбище вымерших идеалов и верований — то, что давало им жизнь, остается невыясненным. В результате О.-и-Г. создает еще одну морфологию культуры, к-рая, хотя и отличается от других (напр., от шпенглеровской) своей формальной структурой (в ней антич. мир не отгорожен от западно-европейского, а, напротив, органически связан), но не принципиально: историч. формы культур выступают как последовательность сменяющих друг друга иллюзий.

В центре внимания О.-и-Г. — проблема «массового общества», «массовой культуры». В европ. обществе конца 19—20 вв. О.-и-Г. усматривает опасные тенденции «омассовления», к-рые превращают человек. личность в «усредненное», обезличенное индивида, мироощущение и поведение к-рого целиком определяется извне. В «массовом обществе» человек «действует в соответствии с сознанием имперсонального, неопределенного субъекта, который есть „все“ и „никто“» («El hombre y la gente, Md., 1957, p. 25») (ср. с учением о «man» Хейдеггера). В отличие от органич. обществ прошлого, где индивиды составляли народ, совр. «массовое общество», согласно О.-и-Г., представляет собой «механич. совокупность индивидов» — «толпу». Стандартизация обществ. жизни, нивелирование людей, классов и даже континентов (см. «La rebelión de las masas», Md., 1930, p. 33—34) ликвидирует, по мнению О.-и-Г., сословное деление и создает новую дифференциацию общества: на «массу» и «элигу» (духовную аристократию). Причины этого бедственного состояния совр. общества О.-и-Г. усматривает прежде всего в том, что смысловая реальность существования человека вытеснена эмпирико-технической, и, т. о., средство «земного устройства людей» превращено в цель их существования. «Техническая эра» обеспечила практич. могущество человека, к-рый, однако, не осознал, что такое он сам и поэтому, «оказываясь способным потенциально совершить все, он не знает, что он делает актуально» («Toward a Philosophy of History», p. 151). Выступая с критикой «массового общества», О.-и-Г. рассматривает его как благоприятную почву для тоталитарного режима, поскольку усредненный индивид, неспособный к самостоятельному мышлению, служит объектом манипулирования со стороны определ. социально-политич. группировок. О.-и-Г. с позиции аристократического, избранного меньшинства стремится защитить культуру от «масс, решивших управлять обществом без способностей к этому». Он по-

лагает, что социальная активность масс может привести человечество к катастрофе: «Если этот тип человека («человек-масса»). — *Ред.*) будет продолжать господствовать в Европе и решать ее судьбы, достаточно тридцати лет, чтобы наш континент вернулся к варварству» («La rebelion de las masas», p. 76—77). Сознавая опасность фашизма, О.-и-Г. стремится найти средство спасения от него в культурных ценностях, сохранять и развивать к-рые призвана духовная элита.

В осн. эстетич. работе «Дегуманизация искусства» («La deshumanizaci6 del arte», 1925) О.-и-Г. исходит из несовместимости обыденного переживания «жизненной реальности» и художеств. «созерцания», имеющего дело с вымышленными «ирреальными» образами. В этом плане О.-и-Г. сопоставляет традиц. «реалистич. иск-во 19 в. и «новое» иск-во, родоначальниками к-рого он считает Дебюсси, Малларме, Пикассо, Пикассо. Если традиц. иск-во стремилось уподобиться реальности, создать иллюзию существующего мира, то новое иск-во сосредоточивает внимание на «чисто эстетических элементах», подчеркивая условность, «нереальность» художеств. объекта. В этом и заключается «дегуманизация» иск-ва: отказываясь от «очеловечивания» своих созданий и «смело деформируя» заключенные в них элементы «человеческой реальности», художник самой структурой своих произведений делает невозможной проекцию в них обыденных «человеческих» переживаний. Популярность традиц. иск-ва 19 в., массовое восприятие к-рого основывалось на эффекте сопереживания, сменяется враждебной реакцией «непонимания» нового иск-ва массовым сознанием, к-рое не может встать на чисто эстетич. т. зр., свойственную художнику. Поскольку значение «дегуманизации» исчерпывается у О.-и-Г. демонстрацией неадекватности художеств. образа и жизненной реальности, иск-во теряет у него «трансцендентный смысл» и оказывается лишенным содержания.

Соч.: Obras completas, 4 ed., t. 1—6, Md., 1957—58; Gesammelte Werke, Bd 1—4, Stuttg., 1954—56; Ideas y creencias, Md., 1959; в рус. пер. — Дегуманизация искусства, в кн.: Совр. книга по эстетике, М., 1957.

Лит.: Тертерян И., Гуманизировать или погубить, «Вопр. лит-ры», 1961, № 6; Хюбшер А., Мыслители нашего времени, М., 1962; Карьева-Угринович В. В., Реакционность концепции человека в философии Хосе Ортега-и-Гассета, «ФН» (НДВШ), 1964, № 6; Гайденок П. П., Бурж. философия в поисках реального содержания истории, процесса, «Вопр. истории», 1966, № 1; Зыкова А. Б., в сб.: Совр. экзистенциализм, М., 1966; Давыдов Ю. Н., Искусство и элита, М., 1956; Marias J., La filosofia española actual, B. Aires, 1948; его же, José Ortega y Gasset and die Idee der lebendigen Vernunft, Stuttg., [1952]; его же, Ortega su circunstancia y vocacion, Md., [1960]; Sánchez Villaseñor J., Ortega y Gasset, existencialist, Chi., 1949; Hernández-Rubio J., Sociología y política en Ortega y Gasset, Barc., [1956]; Cassalés Ch., L'humanisme d'Ortega y Gasset, P., 1957; Ramírez S., La filosofía de Ortega y Gasset, Barc., 1958; его же, Ortega y el núcleo de su filosofía. El tema del hombre. Los primeros principios, Md., 1959; Niedermayer F., José Ortega y Gasset, B., [1959]; Borel J. P., Raison et vie chez Ortega y Gasset, Nchât., 1959; Vela F., Ortega y los existencialismos, Md., [1961]. П. Гайденок, Москва.

ОРУЭЛЛ (Orwell), Джордж (псевдоним Эрика Артура Блэра; Blair; 1903—21 янв. 1950) — англ. писатель и публицист. Представитель антиутопич. лит-ры, О. приобрел известность антикоммунистич. сочинениями и оказала серьезное влияние на формирование обществ. мнения в капиталистич. странах Запада, а также на совр. бурж. социологию.

О. родился в Индии, в семье англ. колониального чиновника, окончил Йтопский колледж в 1922; служил в брит. полиции в Бирме. Затем уехал в Европу, где бедствовал много лет. Поднял под влиянием троцкистов; в рядах их военной организации ПОУМ участвовал в гражд. войне в Испании; вскоре разочаровался в своих революц. и демократич. идеалах. В годы 2-й мировой войны О. служил в англ. ополчении, был рабочим на заводе; с 1943 — комментатор, а затем директор еженедельника «Tribune». Первые

произведения О. во многом автобиографичны и описывают жизнь и борьбу обездоленных и деклассированных слоев общества.

Известность О. принесли кн. «Ферма животных» («Animal farm» (1945), проповедующая бессмысленность борьбы угнетенных за свое освобождение, и позже «1984 год» (1949) — роман-антиутопия, описывающий ужасы тоталитарного гос-ва, к-рое идет на смену капиталистич. обществу и бурж. демократии. Этот роман представляет собой своеобразную интерпретацию и литературно-художеств. критику концепции Дж. Бёрнхэма о т. н. революции управляющих. Действие романа происходит в утопиях. Океании, одной из трех супердержав, поделивших между собой земной шар и ведущих непрерывную войну друг с другом с целью эксплуатации дешевой рабочей силы в тропич. странах и увековечивания власти новой олигархии над собств. народом. Будущее общество, по О., выглядит как кастовый, иерархич. строй, покоящийся на суровом полицейском режиме, изощренном духовном порабощении масс и полном попрании свободы и достоинства личности вплоть до пресечения любви и семейных привязанностей; это — общество материальных лишений, всеобщего страха и взаимной ненависти. В текст романа вплетены две главы — «Война — это мир» и «Невежество — это сила», в к-рых приводятся псевдотеоретич. обоснования подобного строя, а в приложении дан трактат «Принципы новоречи», своего рода руководство о том, как исключить всякую возможность появления еретич. мыслей в сознании людей посредством соответствующей трансформации языка.

На протяжении всего романа рассматривается целый ряд филос. и социол. проблем: происхождение и социальные корни *отчуждения*, свобода и необходимость, смысл политич. власти, социальные последствия научных и технич. открытий, роль идеологии и возможность манипуляции обществ. и личным сознанием, излагаются доводы в пользу субъективного идеализма, волюнтаризма в политике и необъективности нашего знания. Предостережение о нек-рых опасных тенденциях в обществ. развитии и протест против подавления свободы личности сочетаются с проповедью безысходности борьбы за лучшее будущее.

Обе книги О. были изданы миллионными тиражами, переведены на многие языки мира. Стараниями бурж. пропаганды они оставили серьезный след в мировоззрении мп. людей капиталистич. Запада. Мн. образы О. стали нарицательными, а его афоризмы превратились в «крылатые выражения» в бурж. журналистике и лит-ре. В наст. время к книгам О. постоянно обращаются во взаимной полемике как антикоммунистич., ультраправые элементы, так и либеральные деятели, напр. Фромм, к-рый видит «много... черт нашего теперешнего западного общества в оруэлловских описаниях 1984 года» (см. «1984», 26 th. ed., Afterworld, p. 266, (N. Y., 1962).

Соч.: Down and out in Paris and London, L., 1933; Burmese days, N. Y., 1934; The road to Wigan Pier, L., 1937; Homage to Catalonia, L., 1938; Coming up for air, L., 1939; Inside the whall, L., 1940; The Lion and the Unicorn. Socialism and the English genius, L., 1941; Critical essays, L., 1946; James Burnham and the managerial revolution, L., 1946; Shooting an elephant, L., 1950; Selected writings, L., 1958.

Лит.: Мортон А. Л., Англ. утопия, пер. с англ., М., 1956, гл. 7; Семенов Ю. Н., Обществ. прогресс и социальная филос. совр. буржуазии, М., 1965, гл. 2, § 2.

ОРФИКИ (греч. 'Орфизм, от 'Орфейс — Орфей) — представители религ.-филос. течения в Др. Греции, связанные с культом Диониса и Деметры. В деталях теогонии О. близки Гесиоду, их ритуалы во многом повторяют земледельч. магию. Это дает основание отнести орфизм к мировоззрению крестьянства. В Афинах О. обосновались во времена Писистрата во главе с популяризатором идей орфизма Ормакритом. Основание

орфизма приписывается полулегендарным Орфею и его ученику Мусею. Наибольшее историч. влияние имело учение О. о душе как добром начале, частице божества и о теле, как «темнице души» (Plato, Cratyl. 400 BC). После смерти человека душа, продолжающая существовать, должна претерпевать ряд изменений и перевоплощений, чтобы очиститься от осквернения телом. О. приписывается учение о метемпсихозе (переселении душ) в форме тройного испытания души телесной жизнью, однако свидетельства эти целиком восходят к позднейшим источникам (Пиндару и Платону). Весь этот комплекс идей о теле и душе впоследствии был воспринят и разработан *пифагорейством* отчасти Платоном, а через него — *неоплатонизмом* и *христианством*.

О. имели неск. вариантов теогоний и космогоний. По Дамаскию сначала было время, затем небо и пуста. Небо вылепило серебряное яйцо, из к-рого появился Фанет (свет или любовь — Эрос). Тот же Дамаский приводит еще одну версию: вначале вода и гюле (грязь), от них — земля. Вода и земля считаются первыми началами, а третья, рожденное водой и землей, — дракон с головой тавра и льва, но с лицом бога, с крыльями за плечами. Это третье называет себя Хроносом нестареющим и Гераклом (Damasc., 123—124, Diels). По Афиногору, верхняя и нижняя половины скорлупы яйца образуют небо и землю. Теогония и космогония О., находящие отражение в их культах, содержат диалектич. мотивы т. н. «генетической модели»: первичное единство, разделение, воссоединение разделенного в половой любви. В группе орфич. теогоний прослеживается общая центр. идея, эволюционирующая в ходе тысячелетней истории О. к *пантеизму*. В одних теогониях Зевс, в других Фанет или Гелиос, или Дионис содержат в собств. теле семена всего существующего и из этого состояния смеси в едином возникает мир. Процессы возникновения трактуются разделением противоположностей и их воссоединением. Мусею приписывают высказывание: «все из одного рождается и в него же разлагается» (Diog. L., I 3). Тот же тезис в конкретно-образной форме относит к Орфею: «Орфей пел и рассказывал, что некогда небо, земля и море были соединены в одно, но потом рассорились и разделились», — сообщает Аполлоний (Argonautica, I, 494—498; ср. также Аристофан, 693—697; Аристотель, Met. 1074 в 26 и 1094 в 4).

Лит.: Томсон Дж., Исследования по истории древне-греч. общества, т. 2 — Первые философы, пер. с англ., М., 1959; Eisliger R., Orphisch-Dionysische Mysterienge danken in der christlichen Antike, Bd 2, Tl 2, Lpz.—В., 1925; Lagrange M. J., Les mystères. L'orphisme, в кн.: Introduction à l'étude du Nouveau Testament, [v.] 4, P., 1937; Linforth I. M., The arts of Orpheus, Berk.—Los Ang., 1941; Cornford F. M., Principium Sapientiae, Camb., 1952; Guthrie W. K. C., Orpheus and Greek religion, 2 ed., L., 1952; его же, Orphée et la religion grecque, P., 1956; Moulinier L., Orphée et l'orphisme à l'époque classique, P., 1955.

ОСИПОВСКИЙ, Тимофей Федорович (22 янв. 1765—12 июня 1832) — рус. математик и философ. Род. в с. Осипово Ковровского уезда Владимирской губ. в семье сел. священника. Образование получил в Петерб. учительской семинарии (1783—86). Преподавал в Моск. гл. нар. училище (1786—1800) и Петерб. учительской семинарии (1800—03); профессор (1803—20) и ректор Харьковского ун-та (1813—20). Д-р философии (с 1807). О. — автор первого на рус. яз. «Курса математикл» (т. 1—3, СПб, 1804—23), признанного в его время одним из лучших руководств, а также ряда оригинальных трудов по астрономии, механике и физике, в к-рых высказал нек-рые идеи, опережавшие современный ему уровень знаний, в частности предвосхищавшие построение не существовавшей тогда теории упругости. Одним из первых О. с материалистич. позиций подверг критике идеализм

Канта и его последователей. Пространство и время, по О., не форма наглядных представлений и не независимая от вещей сущность, а «...суть условия бытия вещей, в самой природе и в них самих, а не в нашем только образе чувствования существующих» («О пространстве и времени», см. в кн.: «Русские просветители», т. 2, 1966, с. 154; 1 изд.—Х., 1807). Осн. пороки натурфилос. концепции Канта О. видел в ее априорном характере, в попытке оторвать силы от материи, антиатомистич. направленности. Но, отвергая целиком систему Канта, О. отбросил и заключавшиеся в ней диалектич. идеи. Динамической натурфилос. системе Канта О. противопоставил свою систему взглядов на строение вещества, основанную на материалистич. атомно-молекулярной гипотезе. В своем развитии О. шел от стихийного естеств.-науч. материализма и деизма (на позициях к-рого он стоял в конце 18 в.) к филос. материализму и борьбе против религ. обскурантизма. Реакц. круги расправились с прогрессивным мыслителем: в расцвете творч. сил О. был отстранен от преподавания в ун-те. О. оказал влияние на ряд естествоиспытателей 1-й пол. 19 в. (Н. И. Лобачевского, М. В. Остроградского, А. Ф. Павловского и др.).

Лит.: Кравец И. Н., Т. Ф. О. — выдающийся рус. философ-материалист и естествоиспытатель, «ВФ», 1951, № 5; его же, Т. Ф. О. — выдающийся рус. ученый и мыслитель, М., 1955; Бахмутская Э. Я., Т. Ф. О. и его «Курс математики», в кн.: Историко-матем. исследования, вып. 5, М., 1952; Прудников В. Е., Дополнительные сведения о Т. Ф. О., там же; Полак Л. С., Т. Ф. Осиповский, в кн.: Избр. произв. рус. естествоиспытателей первой пол. XIX в., М., 1959.

ОСИС (Ose), Якоб (1860—1920) — бурж. латыш. философ-персоналист. Изучал теологию, философию и естеств. науки в Юрьевском (Тартуском) ун-те. В Моск. ун-те защитил докторскую дисс. «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце» (опубл. Юрьев, 1896). С 1889 — профессор, в 1896—1905 — декан историко-филологич. фак-та Юрьевского ун-та. В области философии О. — ученик *Тейхмюллера*. Из элементов учений *Лейбница*, *Лотце* и *Тейхмюллера* О. образывал эклектич. концепцию, названную им «критич. персонализмом». Истинная реальность, согласно О., мыслима лишь как система психич. центров — монад. О. по существу отрицал познание явлений природы и общества. У О. учились мн. латыш. бурж. философы. Систематич. изложение его взглядов осталось в рукописи.

Соч.: Zu Platons Charmides, Fellin, 1886; Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibniz, Dorpat, 1888.

П. Валескалн. Рига.

ОСИФЛЯНЕ — см. *Иосифляне*.

ОСНОВАНИЕ — исходное условие, предпосылка существования нек-рого явления или системы явлений. В сфере познания поиски О. нек-рой теории осуществляются через процесс *обоснования*. Поисками «последних О. бытия» (к-рые часто называют *принципами*) отмечена вся история философии. У древних греков такие О. отыскивались как в материи (*Фалес*, *Гераклит*, *Демокрит*), так и в мире нематериальных сущностей (*Платон*). Во многих филос. системах Древнего Востока в качестве О. нередко выступали этич. категории — добро, зло и т. п. *Аристотель* расширяет круг проблем и говорит уже не об одном начале, а о четырех причинах всех вещей. В мистич. ср.-век. философии (*Экхарт*, *Бёме*) поиски О. всего сущего связывались с разработкой содержания категории *ничто*. *Лейбниц* впервые различил О. (ratio) и причину (causa). Он установил принцип достаточного О. для понимания истины факта, к-рые в эмпирич. философии объяснялись действующими причинами. У *Х. Вольфа* О. есть то, через что можно познать, почему нечто существует. *Круциус* первый различил О. бытия и О. познания. *Кант* логическим называет О., к-рое тождественно со следствием (аналитич.

суждение), а реальным — О., в котором есть некое иное содержание, чем в следствии (синтетич. суждение). Детальную разработку категории О. дал Гегель, который рассматривал его как момент в диалектич. развитии понятия, когда противоречия сущности разрешены в единстве положительного и отрицательного. Сущность, по Гегелю, определяет себя как О.: «основание есть внутри себя сущая сущность...» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 207). После Гегеля категория О. рассматривалась гл. обр. в логич. аспекте (Шопенгауэр, Вундт, Зигварт, Иерусалем, Витгенштейн и др.), причем обычно указывалось, что принципу «все имеет свою причину» в реальности соответствует логич. принцип «все имеет свое О.». У Шопенгауэра, напр., закон достаточного О. дает необходимую связь различным представлениям, но сам как логич. закон обоснованию не подлежит.

В диалектич. материализме категория О. приобретает особое значение в связи с материалистич. пониманием истории и раскрытием объективных О. развития общества. Содержание категории О. раскрывается через категории *материи* (как О. всех вещей), *отражения* (как О. познания) и его законов, а также *практики*.

В формальной логике под О. понимают: 1) *антецедент* (см. *Консеквент и антецедент*) условного суждения; 2) *аргумент*; 3) одну из составных частей доказательства (см. *Доказательство* в формальной логике, *Достаточного основания принцип* и лит. при этих статьях).

Лит.: Маркс К., *Капитал*, т. 1, М., 1955, с. 66, 88, 143, 193, 223, 341, 387, 492, 515; Ленин В. И., *Философские тетради*, Соч., 4 изд., т. 38, с. 117—36; Шопенгауэр А., *О четверояком корне закона достаточного основания...* пер. с нем., М., 1902; Шпет Г. Г., *Проблема причинности* у Юма и Канта, К., 1907; Церетели С. В., *О природе связи основания и следствия*, «ВФ», 1957, № 1; Эмдин М. В., *О категориях основания и обоснованного*, «Вестн. ЛГУ. Сер. экон., филос. и права», 1959, № 23, вып. 4; Бунге М., *Причинность*, пер. с англ., М., 1962, § 9; Асмус В. Ф., *Проблема интуиции в философии и математике*, М., 1963; Кант И., *Новое освещение первых принципов метафизич. познания*, Соч., т. 1, М., 1963.

В. Карпачев, Свердловск, В. Костеловский, Москва.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ — вопрос об отношении мышления к бытию. «Философы разделились на два больших лагеря соответственно тому, как отвечали они на этот вопрос» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 283), — лагерь *материализма* и лагерь *идеализма*. Материалистич. решение О. в. ф. применительно к пониманию истории Ленин выразил так: «Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия» (Соч., т. 21, с. 38—39).

Формулируя О. в. ф., Энгельс указывает, что этот вопрос имеет еще и другую сторону — вопрос о познаваемости мира (см. *Теория познания*). В зависимости от ответа на этот вопрос философы делятся на тех, кто признает и тех, кто отрицает принципиальную познаваемость мира (см. *Агностицизм*). Развивая учение об О. в. ф., Ленин сформулировал положение о социальных и гносеологич. корнях ложного решения О. в. ф. Это положение ориентирует на раскрытие теоретико-познават. причин неверного решения самого О. в. ф. или его другой стороны тем или иным филос. направлением, а вместе с тем и на выявление конкретной социальной базы воспроизведения как агностицизма, так и идеализма.

О. в. ф. связан — непосредственно или опосредствованно — с проблематикой науки. Эта связь обнаруживается особенно в переломные периоды истории науки. О. в. ф. имеет огромное значение в методологии познания. От характера его решения в конечном счете

зависит рассмотрение не только всех без исключения проблем самой философии, но и мировоззренческих проблем любой конкретной науки, а также практич. вопросов *политики*, проблем морали, иск-ва, воспитания, юридич. практики и т. д. К тому или иному решению О. в. ф. в области *социологии* восходят в конечном счете все проблемы, связанные с истолкованием истории человечества и ее движущих сил, соотношения определяющих и определяемых структурных элементов *общества*. Применительно к науч. теориям и концепциям оценка их с т. зр. решения О. в. ф. служит методологич. основанием для проведения принципа *партийности* в философии и, более широко, в мировоззрении. Иными словами, филос. предпосылки той или иной науч. теории, прежде всего решение О. в. ф., на котором основывается эта теория, определяют место этой теории в общей линии борьбы противоположных мировоззрений, пронизывающих историю не только науки, но и всей духовной жизни общества (см. *Материализм*).

В любой науке выделяется неск. осн. вопросов, существенных для нее на каждом этапе развития. Напр., в совр. биологии — это вопросы о природе вируса, сущности анабиоза, передаче генетич. информации и др. Но ни в биологии, ни в физике, ни в к.-л. другой спец. науке нет такого единств. вопроса, к-рый определял бы все др. вопросы. Для философии же всегда существует именно один-единственный осн. вопрос. Ответ на него — это некая предпосылка, результат мировоззренч. выбора. Конкретные формы решения О. в. ф. исторически видоизменялись. Вместе с тем особенностью этого вопроса является наличие в нем некоего историч. инварианта.

Сущность и значение О. в. ф. для развития философии раскрывается при исследовании коренящихся в его решении проблем (проблемы материального, идеального, истины). Исследованию этих проблем должно сопутствовать разграничение двух различных, хотя и взаимосвязанных, аспектов отношения мышления к бытию, сознания к материи. Первый аспект — онтологический; в нем рассматривается происхождение сознания как свойства или функции материи (материализм) или существование сознания как духовной субстанции (идеализм). Второй аспект — гносеологический; в нем рассматривается отношение результатов познания к самому источнику, оригиналу-объекту, при отвлечении от условий и способов материального существования знания и процесса познания. Оба аспекта раскрываются как в решениях самого О. в. ф., так и в решениях его другой стороны. При этом если в онтологич. аспекте материалистич. решения самого О. в. ф. противопоставление сознания и материи является относительным, то в гносеологич. аспекте это противопоставление абсолютно (см. там же, т. 14, с. 134—35, 233).

Др. сторона О. в. ф. акцентирует внимание на гносеологич. аспекте отношения мышления к бытию, вырастая в учение о путях, средствах, формах познания окружающего мира. Но и здесь можно выделить онтологич. аспект в виде конкретно-науч. обоснования познаваемости мира (напр., с точки зрения фундаментальных св-в материи — причинности, необходимости, общего св-ва отражения, психофизиологич. св-в и механизмов чувств и логич. познания). Взаимосвязь указ. аспектов решения О. в. ф. можно выразить положением — нет онтологии без гносеологии.

Осознание значения осн. гносеологич. вопроса исторически обусловлено различием мировоззренч. и идеологич. вопросов. Вопрос «каково отношение человека к окружающему его миру?» — самый общий вопрос *мировоззрения* — шире, чем О. в. ф. У мировоззрения как системы взглядов есть определ. тео-

ретиц. ядро (мировоззренч. стержень), с нек-рого историч. момента оформляющееся в философии. В центре *идеологии* стоит отношение человека к обществ. жизни, конкретизированное в определ. жизненных задачах и целях. В домарксистской мысли эти последние (как и нек-рые частные вопросы мировоззрения) иногда отождествлялись с О. в. ф. Так, Гельвеций считал гл. вопросом философии вопрос о сущности человек. счастья, Руссо — вопрос о социальном неравенстве и путях его преодоления, Бэкон — вопрос о расширении могущества человека над природой посредством изобретений и т. д. В марксистской мысли важнейший вопрос идеологии четко отличен от О. в. ф.

Постановка О. в. ф. не всегда непременно связана с зафиксированной формулировкой этого вопроса. Если постановка О. в. ф. содержится в самом появлении второго ответа на этот вопрос, т. е. в появлении альтернативы-опровержения, то формулировка этого вопроса вызревает после более или менее длит. сосуществования двух противоположных ответов на него. По-видимому, зачинателем традиции историч. противопоставления друг другу полярных филос. учений является Платон. Довольно четкую формулировку этого противопоставления мы находим в его «Тимее»: «Но все небо, или космос, или как бы ни назвали его... относительно его должно прежде всего последовать..., было ли оно всегда, так что в своем бытии не имело вовсе начала, или оно произошло, исшедши из какого-то начала» (Тим, 28, В). Формулировку О. в. ф. можно извлечь из неск. мест поэмы Лукреция (см. «О природе вещей», V 1207—1212; I 112—117). Есть формулировки этого вопроса у Лактанция, к-рый считает его «первым по природе», у Беркли (см. «Три разговора между Гиласом и Филонусом», М., 1937, с. 97), у др. идеалистов. Прямую формулировку О. в. ф. давали франц. материалисты 18 в.

Первой классич. формулировкой О. в. ф. можно, очевидно, считать гегелевскую, согласно к-рой философия «... распадается на две основные формы разрешения этой противоположности (между мышлением и бытием. — *Ред.*) — реалистическую и идеалистическую философию...» (Гегель, Соч., т. 11, М.—Л., 1935, с. 208). Фейербах в «Лекциях о сущности религии» отмечает, что «вся история философии вращается вокруг вопроса ... об отношении духовного к чувственному» (Избр. филос. произв., т. 2, М., 1955, с. 623). Ни Гегель, ни Фейербах не выделяют, однако, вопрос об отношении мышления к бытию как основной среди всех филос. вопросов. На это впервые указал Энгельс в «Людвиге Фейербахе». Решение О. в. ф. определяет характер филос. системы и смысл рассматриваемых ею вопросов (напр., вопросы о бессмертии души, о сотворении мира и др. для материалиста являются псевдопроблемами), намечает общие положения учения о специфике познавательной деятельности и самую общую линию подхода к познанию общественной жизни, обуславливает то или иное понимание процесса развития философии, т. е. характер историко-философских исследований.

В совр. бурж. философии есть тенденция преодолеть две осн. партии в философии и конституировать третью линию, то признающую философию нейтральной, то пытающуюся устранить О. в. ф., квалифицируя его как «псевдопроблему» (Рассел, Шлик, Витгенштейн, Карнап). В какой-то степени это характерно не только для неопозитивизма, но и для экзистенциализма, прагматизма, неотомизма. Но такой подход к проблеме не учитывает, что О. в. ф. — это вопрос-дилемма, ответ на к-рый (прямо или косвенно) содержится в любой филос. системе. При этом проблематика философии коренится отнюдь не

в самом О. в. ф. или его др. стороне, а именно в решениях этого вопроса. Не сами дилеммы, а лишь вопросы, поставленные после решения этих дилемм, могут содержать как подлинно науч. проблемы, так и псевдопроблемы. Поэтому третья линия является не устранением, а завуалированным идеалистич. решением О. в. ф. партий середины, «...шатанием между материализмом и идеализмом» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 54, см. также с. 323, 325). Иногда выдвигается тезис о том, что постановка О. в. ф. не имеет под собой достаточных оснований, что противопоставление духа и материи утратило основополагающее значение в совр. философии, для к-рой главными стали иные проблемы, напр. проблема *человека*. Такую позицию нельзя считать правильной: как бы ни изменялся конкретный вид филос. проблематики в ту или иную эпоху, эта проблематика всегда сводится к или иначе к проблеме *истины*, т. е. к основополагающим предпосылкам всякого мышления и, следовательно, к О. в. ф. В частности, при всей важности проблемы человека, нельзя не учитывать, что сама эта проблема может рассматриваться на основе либо материалистического, либо идеалистич. (как, напр., в *экзистенциализме*) решения О. в. ф., причем это решение определяет и принципиальный подход к проблеме человека.

Лит.: Сидонский Ф., Введение в науку философии, СПб., 1833; Линицкий П. И., Осн. вопросы философии, К., 1904; Юшкевич П. С., О сущности философии, Одесса, 1921; Георгиев Ф. И., Философия как форма обществ. сознания, «Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук», 1950, вып. 4, № 11; Горский Д. П., Бурхард А. И., Решение неопозитивизмом О. в. ф., «ВФ», 1956, № 3; Брутян Г. А., Решение семантиками О. в. ф., «Изв. АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1958, № 9; Келле В. и Ковальзон М., Философия как форма обществ. сознания. Лекция, М., 1958; Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, пер. с нем., М., 1958, с. 44; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959, с. 301, 308—309, 311, 315; Рассел Б., История зап. философии, пер. с англ., М., 1959; Архипцев Ф. Т., Понятие материи и О. в. ф., «ВФ», 1959, № 12; Ойзерман Т. И., Осн. филос. вопрос и критика совр. идеализма, там же, 1960, № 8; Нарский И. С., К оценке неопозитивистского учения о предмете философии, «ФН» (НДВШ), 1960, № 1; Хидашели Ш. В., К характеристике осн. вопроса средневеков. философии, там же, 1961, № 2; Ляховецкий Л. А., Об О. в. ф. М., 1966 (автореф. канд. дисс.); Schlick M., Allgemeine Erkenntnislehre, 2 Aufl., В., 1925, S. 307; Grisehn A., Die nature of philosophy, Calcutta, 1955; Brunner A., Die Grundfragen der Philosophie, 4 Aufl., Freiburg, 1956; Gröpp R. O., Die Grundfrage der Philosophie, Lpz., 1958.

Л. Ляховецкий, В. Трюхтин, Москва.
«ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МАРКСИЗМА» — филос. труд Плеханова. Написан в ноябре — декабре 1907, впервые опубликован в Петербурге отд. брошюрой в мае 1908.

В «О. в. м.» дан сжатый очерк формирования и развития философии марксизма, раскрываются ее важнейшие положения, ведется страстная полемика против разного рода «опровергателей» и «критиков» марксизма (Бернштейн, Штаммлер, Элевтеропулос и др.). Плеханов показал, что марксизм является закономерным наследником предшествующих форм материализма, что Маркс и Энгельс утвердили диалектич. взгляд Гегеля на неизбежность скачков в процессе развития на материалистич. фундаменте (см. Избр. филос. произв., т. 3, 1957, с. 147, 149). Вместе с тем Плеханов ошибочно сближал теорию познания марксизма с гносеологией представителей домарковского материализма (Спиноза, Фейербах) (см. там же, с. 135, 137).

В «О. в. м.» дана известная «пятичленная формула», выражающая, по мнению Плеханова, взгляд Маркса — Энгельса на отношение базиса к надстройке: «...1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“; 4) определяемая частью непосредственно эко-

номикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общества и того человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» (там же, с. 179—80). Эта формула, в основном правильно отражающая взаимосвязь главнейших сторон общества, развития, нуждается, как это показано в сов. филос. лит-ре, в существенных дополнениях и уточнениях. В этой схеме отсутствует классовая борьба (хотя в «О. в. м.» подчеркивается ее роль как движущей силы развития общества); расчленены производит. силы и производств. отношения, являющиеся лишь двумя сторонами способа произ-ва.

В «О. в. м.» содержатся ценные мысли по вопросам истории философии. Плеханов, в частности, решительно отвергал антинауч. попытки противопоставить взгляды «ранних» и «зрелых» Маркса и Энгельса.

«О. в. м.» выдержали более 50 изданий (с 1908 по 1964) на разных языках. Ленин относил «О. в. м.» к числу книг, содержащих лучшее изложение философии марксизма (см. Соч., т. 21, с. 69).

Л. Якобсон. Москва.

«ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ БУДУЩЕГО» (1843) — одно из гл. соч. Фейербаха, в к-ром изложена его материалистич. философия.

ОСОБЕННОЕ — филос. категория, соотносительная с категориями *всеобщего* и *единичного*. В диалектич. логике последние две категории рассматриваются как одна из форм раздвоения единого (предмета) на противоположные определения, условием познания к-рых является исследование единства этих противоположностей. В категории же *О.* фиксируется момент именно этого единства всеобщего и единичного, и *О.* выступает как такой член отношения единичное — всеобщее — *О.*, в к-ром снимается односторонность двух первых определений. *О.* нередко рассматривается как промежуточное звено между всеобщим и единичным. При этом предполагается, что всеобщее по своему объему шире *О.*, к-рое в свою очередь шире единичного. Этот в значит. степени количеств. (объемный) подход в основном повторяет формальнологич. отношение рода, вида и индивида. В результате этого собственно *О.* исчезает как относительно самостоят. категория и рассматривается как «более или менее всеобщее», т. е. как всеобщее по отношению к единичному в одной системе отношений и как единичное по отношению к всеобщему в другой. Это исчезновение проходит практически через всю историю философии. По существу первую попытку анализа *О.* предпринял Кант, сделавший центр. проблемой философии выяснение природы общих понятий. Однако ему не удалось раскрыть подлинной природы всеобщего, а поэтому и категория *О.* не приобрела у него самостоят. значения. Глубокое решение проблемы было предложено Гегелем, к-рый сумел преодолеть формальную (количеств.) трактовку всеобщего, *О.* и единичного, исследовать их содержание, характер и показать их отношение как внутр. отношение одного и того же понятия. При этом *О.* было понято как о п р е д е л е н н о е в с е о б щ е е. Слабость гегелевской концепции состоит в том, что мир действит. вещей выступает здесь как нечто ничтожное само по себе и имеющее смысл только в качестве отражения и реализации всеобщего; факт берется не как таковой, а как мистич. результат отчужденного от него всеобщего. Это происходит потому, что в основу единства этих категорий Гегель кладет всеобщее. Именно оно развертывается на *О.* и единичное и в конечном счете выступает как демург действительности. Резко выступив против гегелевской идеалистич. конструкции в «Критике гегелевской философии права» и «Святом семействе», Маркс показал, что не

существует общего, сущности, закона до самих вещей; падеяя общее самостоят. бытием и превращая его в субъект, Гегель тем самым низводит реальное бытие на уровень феномена. Вместе с тем Маркс вскрыл и тот далеко не случайный факт, что филос. концепция единичного, *О.* и всеобщего является у Гегеля логич. основанием для реакц. выводов в теории гос-ва и права, и показал, т. о., что проблема соотношения единичного, всеобщего и *О.* является отнюдь не только теоретич. проблемой.

Материалистич. диалектика рассматривает всеобщее и единичное как абстрактно противоположные моменты бытия вещей. Их действит. бытие есть не единичность, не всеобщность, а единство того и другого. Это единство и фиксируется в категории *О.*, к-рая выступает как определенно всеобщее и не исключенное из реальной связи вещей единичное. В таком понимании *О.* включает в себя и эмпирич. единичность данного и теоретич. необходимость закона. В соответствии с этим реальный предмет как таковой, взятый в его конкретной целостности, есть прежде всего особенный предмет, многосторонне отличный от др. предметов и столь же многосторонне связанный с ними. Лишь абстракция представляет его в его необходимости и всеобщности или в его изолированности и единичности. И если эти абстракции являются необходимым условием познания, то подлинный смысл они получают лишь в их единстве. Поэтому недооценка взаимной необходимости эмпирии — с ее ориентацией на факт — и теории, ориентирующейся на закон, приводит к тому, что сам по себе предмет может остаться исчезающе неуловимым в своей реальной особенности.

Включая в свое содержание многостороннее единство абстрактно-противоположных определений, *О.* является, т. о., важнейшим моментом в движении познания.

Лит. см. при статьях *Всеобщее* и *Единичное*.

И. Трубищев. Москва.

ОССОВСКАЯ (Ossowska), Мария (р. 16 янв. 1896) — польский философ и этик. Ученица Котарбиньского. В 1945—48 — проф. ун-та в Лодзи, с 1948 — проф. Варшавского ун-та, с 1956 — руководитель Отдела истории и теории морали Ин-та философии и социологии Польской АН. *О.* исследует развитие науки о морали (описание и анализ морали различных обществ, господствующих в них этич. систем, а также исследование источников, структур и функций морали). Наука о морали, по *О.*, включает три группы проблем: методологич. анализ характера, специфики и способа обоснования моральных оценок и норм, психологию морали и социологию морали. Первой группе проблем *О.* посвятила работу «Основы науки о морали» («Podstawy nauki o moralności», Warsz., 1947, 3 wyd., Warsz., 1963). В «Мотивах поведения» («Motywy postępowania», Warsz., 1949, 2 wyd., [Warsz.], 1958) рассмотрена психология оценки и поведения, психогенез морали, а также моральная типология. Третьей группе проблем посвящена работа «Буржуазная мораль» («Moralność mieszczańska», Łódź — Wr., 1956), в к-рой бурж. мораль подразделяется на нек-типов в соответствии с классовой структурой бурж. общества. В работе «Социология морали» («Sociologia moralności», Warsz., 1963) *О.* исследует дифференциацию морали в связи с социальной средой, зависимость морали от климатич., демографич., экономич. и политич. факторов.

Соч.: O dwóch rodzajach ocen, «Kwartalnik Filozoficzny», 1947, t. 16, z. 2—4; Oceny i normy, там же, 1949, t. 18, z. 3—4; O pewnych przemianach etyki walki, Warsz., 1957; Zagadnienie powszechnie uznanych norm moralnych, «Studia Filozoficzne», 1957, № 3.

В. Крыжевский. ПНР.

ОССОВСКИЙ (Ossowski), Станислав (22 мая 1897—7 нояб. 1963) — польский философ и социолог. Уче-

ник *Котарбиньского* и С. Чарновского. С 1935—доцент Варшавского ун-та, в 1945—47— проф. ун-та в Лодзи, с 1947— проф. Варшавского ун-та, с 1956—руководитель Отдела культуры и социальных изменений Ин-та философии и социологии Польской АН. В 1959—62 О. — вице-президент Междунар. социологич. ассоциации, председатель Польского социологич. об-ва.

В начальный период науч. деятельности О. занимался эстетикой, в последующем социологией, теорией культуры и методологией обществ. наук. Под влиянием лвовско-варшавской школы он уделял особое внимание анализу понятий. В эстетике О. связывал исследования типов эстетич. ценностей, оценок и переживаний с общими проблемами культуры. В работе «Социальная связь и наследие крови» («Więź społeczna i dziedzictwo krwi», Warsz., 1939, 2 wyd., Warsz., 1948) О. подверг критике расистское антропологич. направление в социологии и дал глубокий анализ социальных механизмов, посредством к-рых «мифы крови и расы» функционируют в обществе, становясь основой расизма. В период гитлеровской оккупации Польши он конспиративно издал работу «К новым формам обществ. жизни» («K nowym formom życia społecznego», Warsz., 1947, 2 wyd., Warsz., 1956), в к-рой указывал на необходимость обществ. преобразований в Польше. В работе «Классовая структура в общественном сознании» («Struktura klasowa w społecznej świadomości», Łódź, 1957) О., опираясь на результаты сравнительно-историч. исследований, провел систематизацию осн. способов интерпретации классовой структуры общества. Характеристику структуры и специфики обществ. наук, в особенности социологии, а также анализ направленный в социологии и социологич. школ он дал в работе «Об особенностях общественных наук» («O osobliwościach nauk społecznych», Warsz., 1962).

Свои науч. интересы О. тесно связывал с преподавательской работой и с передовыми общественными взглядами, высказываясь в пользу социалистической идеологии.

Соч.: *Prawa historyczne w socjologii*, «Przegląd filozoficzny», 1935, rocznik 38, z. 1—2; *Analiza socjologiczna pojęcia odczynny*, «Mysl współczesna», 1946, № 2; *U podstaw estetyki*, 3 wyd., Warsz., 1958; *Marxizm i twórczość naukowa w społeczeństwie socjalistycznym*, Warsz., 1957.

В. Крышевский. ПНР.

ОСТАТКОВ МЕТОД — см. *Методы исследования причинных связей*.

ОСТВАЛЬД (Ostwald), Вильгельм Фридрих (2 сент. 1853—4 апр. 1932) — нем. химик и философ. Род. в Риге, преподавал в Рижском политехникуме, откуда перешел на первую кафедру физич. химии, открытую в Лейпцигском ун-те. Доктор химич. наук (с 1878); проф. (с 1881); член-корр. Петерб. АН (с 1896); лауреат Нобелевской премии по химии (1909). В сотрудничестве с Менделеевым и Н. Меншуткиным О. организовал (1886) первый науч. журнал по физич. химии («Zeitschrift für physikalische Chemie»). После смерти Геккеля возглавил нем. атеистич. «Союз монистов». Положил начало изданию «Классики точных наук» («Ostwald's Klassiker der exakten Wissenschaften», с 1889 и до наст. времени). Редактировал журн. «Annalen der Naturphilosophie». Успехи классич. термодинамики, основанной на рассмотрении различных процессов превращения энергии, и осознания уже тогда большинством ученых несовместимости старых метафизич. представлений о материи с новыми науч. данными натолкнули О. на мысль о том, что именно энергия, а не материя (вещество) является «единственной субстанцией мира», к изменениям к-рой должны быть сведены все вообще (в т. ч. психич. и социологич.) явления.

(Об этой т. н. «энергетической философии», или «энергетике», О. см. *Энергетизм*). Против «энергетики» О. выступали нем. ученые Й. Больцман, М. Планк, рус. физик А. Г. Столетов и др. Развернутую и глубокую филос. критику «энергетики» (с т. зр. марксистского понимания *материи*) дал Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм», в к-ром он оценивал О. как «...очень крупного химика и очень путаного философа...» (Соч., т. 14, с. 155).

Соч.: *Theorie des Glückes*, «Annalen der Naturphilosophie», 1905, Bd 4, H. 4; *Grundriß der Naturphilosophie*, Lpz., 1908; 2 Aufl., Lpz., 1913; *Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaften*, Lpz., 1909; *Monistische Sonntagspredigten*, Reihe 1—5, Lpz., 1911—16; *Die Philosophie der Werte*, Lpz., 1913; *Auguste Comte. Der Mann und sein Werk*, Lpz., 1914; *Moderne Naturphilosophie*, [Bd] 1—, Lpz., 1914—; *Goethe, Schopenhauer und die Farbenlehre*, Lpz., 1918; *Die Pyramide der Wissenschaften*, Stuttg.—B., [1929]; *Wissenschaft contra Gottesglauben. Aus den atheistischen Schriften des großen Chemikers*, Lpz.—Jena, [1960]; в рус. пер.— *Несоостоятельность научного материализма*, СПб, 1896; *Философия природы*, СПб, 1903; *Искусство и наука*, в кн.: Уэльдстич Ч., *Искусство XIX в.*, СПб, 1905; *Энергетический императив*, СПб, 1913.

Лит.: К и с т я к о в с к и й В. А., В. Оствальд. [Некролог], «ИАН СССР. Отд. матем. и естественных наук», 1934, сер. 7, № 4; G ü n t h e r P., W. Ostwald, В., [1932].

И. Кузнецов, В. Семенчев. Москва.

ОСТРОРОГ, Остро р о г (Ostroróg), Ян (ок. 1436—1501) — теоретик светского правоправедения, дипломат, сенатор и воевода, один из провозвестников польской политич. мысли эпохи Возрождения, составитель «Мемориала об устройстве Речи Посполитой» (Monumentum pro Republicae ordinatione). На первое место в программе реформы политич. строя О., как и современные ему франц. законоведы, ставил требование об усилении власти короля и о централизации гос-ва. Не порывая открыто с католич. церковью, О. критиковал с позиций, близких к гусизму, многие из ее учреждений, осуждал служителей культа (верховную католич. иерархию, включая самого папу) за аморальность и корыстолюбие. Для О. как просветителя и рационалиста разум был абс. мерой: социальные и политич. отношения должны быть изменены в соответствии с требованиями разума. Продолжателем идей О. был *Моджевский*.

Лит.: *История Польши*, 2 изд., т. 1, М., 1956, с. 203; *В о б р з у њ с к і М.*, Jan Ostroróg Studium z literatury politycznej XVI stulecia, в кн.: *В о б р з у њ с к і М.*, Szkice i studia historyczne, т. 2, Kr., 1922; *Piekarczyk St.*, Walka Jana Ostroroga o suwerenność władzy królewskiej, «Nowe Drogi», 1953, № 2; *V o i s é W.*, Doktryna politycznoprawna Jana Ostroroga, «Państwo i Prawo», 1954, zes. 100(6); *S o b o c i њ s k i W.*, Memoriał Jana Ostroroga a początki reformacji w Polsce, в кн.: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, т. 3—4, Warsz., 1958—59; *S t r z e l e c k a A.*, Uwagi w sprawie daty powstania oraz genezy Monumentum Ostroroga, в кн.: *Prace z dziejów Polski feudalnej ofiarowane Romanowi Grodeckiemu w 70 rocznicę urodzin*, Warsz., 1960.

В. Вуяз. ПНР.

ОСТРЯНИН, Даниил Фомич (р. 30 дек. 1906) — сов. философ, профессор, д-р филос. наук (с 1953), чл.-корр. АН УССР (с 1957). Чл. КПСС с 1927. Окончил Ин-т коммунистич. образования (1929). С 1930 — на преподавательской работе в вузах. В 1931—52 — зав. кафедрами философии в вузах г. Харькова. Был (1952—62) директором Ин-та философии АН УССР. Зав. кафедрой диалектич. и историч. материализма Киевского ун-та (с 1962). Разрабатывает вопросы истории филос. мысли в России и на Украине, истории борьбы за материализм в естествознании, философские вопросы естествознания. Один из авторов кн. «З історії філософської думки на Україні», К., 1963, «История философии», т. 4—5, М., 1959—61, «Развитие науки в Украинской ССР за 40 лет», К., 1957 (на укр. яз.), и др.

Соч.: *Мировоззрение И. И. Мечникова*, Х., 1948; *Борьба за материалистичні ідеї у вітчизняній біології в першій половині XIX століття*, К., 1952; *Світогляд О. М. Радичева*, К., 1953; *І. І. Мечников у боротьбі за матеріалізм у природознавстві*, К., 1954; *Філософські погляди І. Я. Франка*, «Вісник АН УССР», 1956, № 8; *Г. В. Плеханов — видатний теоретик і пропагандист марксизму*, там же, № 11; *Перемога великої жовтневої соціалістичної революції — торжество марксизму*

ко-леніського світогляду, в кн.: Розвиток науки в Українській РСР за 40 років, К., 1957; Філософське значення наукової діяльності А. М. Бекетова, «Наукові записки АН УРСР. Інститут філософії», К., 1959; Великий вклад у марксистську філософію, К., 1959; Філософське значення наукової спадщини А. М. Бекетова, в кн.: З історії вітчизняної філософської та суспільно-політичної думки, К., 1959; Світогляд М. О. Максимовича, К., 1960; Ідейне насліддя Т. Г. Шевченка і сучасність, «ВФ», 1961, № 3.

ОТБОР — процедура, применяемая в статистике для получения выборки. Совокупность единиц (людей, предметов, событий и т. п.), объединенных к.-л. характеристикой, наз. генеральной (напр., население страны или его определ. часть — сел. население, городское и т. д., все возможные значения параметров к.-л. процесса — заработная плата рабочих, скорость движения транспорта и т. д.). Когда наблюдению подвергается часть генеральной совокупности, она наз. выборочной, а само обследование — выборочным. Для обеспечения репрезентативности выборки О. совершается в соответствии с определ. правилами, к-рые зависят от целей исследования и характера генеральной совокупности. По правилам выполнения процедуры выделяются следующие типы О.: а) собственно случайный, б) направленный, в) смешанный (сочетание двух первых типов), г) возвратный, д) безвозвратный.

Собственно случайный О. — процедура, обеспечивающая всем единицам совокупности равную возможность попадания в выборку (к-рая называется случайной) с помощью различных методов: жеребьевка, О. с помощью таблицы случайных чисел и О. по запискам.

Направленный О. — способ, при к-ром в соответствии с нек-рым избранным принципом допускаются сознат. отклонение от собственно случайного О. Существует неск. осн. способов направленного О. Первый из них — типич. (стратифицированный) О. по одному или неск. признакам с одинаковой долей О. Генеральная совокупность вначале подразделяется на неск. групп (страт) по одному или неск. признакам. Одинаковая доля каждой страты входит в выборочную совокупность. С помощью стратифицированного О. можно достичь большей репрезентативности выборки. При этом возрастает возможность субъективных ошибок. Второй способ — типич. О. — по одному или неск. признакам с переменной долей О. Переменная доля может существенно увеличить репрезентативность, если доля будет меняться пропорционально изменению колеблемости изучаемого признака.

Смешанный О. — способ, при к-ром вначале единицы генеральной совокупности разбиваются на неск. групп, а затем из каждой группы отбирается нек-рое количество единиц с помощью собственно случайного О.

Возвратный О. — процедура, при к-рой единица генеральной совокупности, попавшая в выборку, после наблюдения возвращается (или считается возвращенной) в генеральную совокупность. Напр., при изучении половозрастного состава посетителей к.-л. учреждения (столовой, кинотеатра, магазина и т. д.) опросу может подвергаться каждый второй, третий и т. д. посетитель независимо от того, в к-рый раз он посещает данное учреждение за период наблюдения.

Безвозвратный О. — способ получения выборки, когда единица генеральной совокупности после наблюдения не возвращается (или считается невозвращенной) в генеральную совокупность. Напр., при изучении распределения семей по уровню дохода обследованная семья в течение данного исследования больше не обследуется.

Лит. см. при ст. *Репрезентативность*.

Ф. Бородин. Новосибирск.

ОТДЕЛЬНОЕ — см. *Единичное*.

ОТКРОВЕНИЕ — в представлениях монотеистич. религий непосредств. волеизъявление трансцендентного божества или исходящая от него информация как абс. критерий человек. поведения и познания.

Стаповление идеи О. Первой предпосылкой концепции О. является распространение уже на примитивных ступенях *политеизма* представление о том, что особые избранники — колдуны, шаманы, духовидцы, сивиллы и т. п. — в состоянии транса могут говорить от лица высшей силы, временно вытесняющей их личность. Из этой архаич. практики развивается пророчание, у языч. культурных народов принимающее весьма сложные и регулярные формы (напр., оракулы в Греции). Однако в рамках политеизма понятие О. было еще невозможным. В языч. мифологии божество есть интегрирующая часть космоса, хотя и наделенная в избытке природными силами, но ограниченная и подвластная космич. закономерности. Внушаемые таким божеством пророчания хотя и более авторитетны, чем заурядные источники человек. знания, но принципиально от них не отличаются: во-первых, сфера божеств. внушения не отделена от сфер чисто человек. активности (напр., поэтик. творчество в раннюю эпоху осмыслялось как результат такого внушения, что не находилось в противоречии с мирским характером греч. поэзии), от области простого гадания и т. п., во-вторых, для язычества характерно представление, что бог может намеренно солгать (ср. сон Агамемнона у Гомера, «Илиада», кн. 2, и слова Муз у Геспода, «Теогония», ст. 27), а если и захочет открыть истину, должен считаться с запретами судьбы (ср. Геродот I, 91, 2); слова этого бога неизменно двусмысленны, он, по выражению *Гераклита* (В 93), «не высказывает и не утаивает, но намекает». В всем протяжении греко-римской полисной классики содержание предсказаний оракулов оставалось в рамках чисто утилитарных вопросов и чуждалось умозрит. проблематики (ср. Плутарх, *De Pythiae orac.* гл. 26—28).

След. необходимая предпосылка концепции О. — идея сверхчувств. реальности, требующей столь же внечувственного, внеэмпирич. познания. Эта тема развита в тех областях др.-греч. (элеаты, традиция *Платона*) и др.-инд. (традиция *веданты*) философии, где имеет место спекулятивная работа над понятием абс. бытия («истинно-сущее» — греч. τὸ ἄντως ὄν, санскр. satyasya satyam), сравнительно с к-рым мир чувств. опыта (а также миф древней мифологии, не отмежеванный от эмпирии) оказывается «кажностью», «заблуждением» (*δῆμος Ксенофана*, *avidya веданты*). Для того чтобы выйти за пределы окружающей человека «кажмости» и достичь знания об истинно-сущем, необходимо исключить озарение (*Парменид* облакает эту мистифицированную гносеологию в форму поэтик. мифа о странствии философа за пределами космоса). Само понятие истины трансформируется: внеэмпирич. «истина» должна раскрыться в напряженном самоуглублении. На идее сверхчувств. познания зиждется и *буддизм*. Однако все это еще не есть О.; «сущее» элеатов, Платона, веданты безлично и потому пассивно; если человеку и удастся прорвать эмпирич. «иллюзию» и познать «истину», то он обязан этим собств. самоуглублению или же учителю, личность к-рого, какой бы сверхчеловеческой она ни мыслилась, все же не тождественна самому абс. бытию.

Для того чтобы идея О. получила завершение, необходимо, чтобы это «истинно-сущее» бытие приобрело личностное осмысление: оно должно не только быть объектом «исканий» для человека, но и само активно «искать» его и «открываться» ему (ср. слова *Бернара Клервоского* об отношениях бога и человек. души: «Ты не искала бы, если бы тебя самое

прежде не искали). Этот шаг был впервые сделан в *иудаизме*: ветхозаветный бог — это не столько «сущий», сколько «живой», «действующий» бог, не столько объект созерцания, сколько субъект воли, нек-рое «Я» (это определяется отчасти уже специфической значенной др.-евр. глагола *hjh*, употребленного в знаменитой самохарактеристике Яхве—Исх., 3, 14 сравнительно с др.-греч. глаголом *εἶμι* — «быть»). Именно эта персональность иудейского бога делает возможной идею О.: бог «открывает» (*glh*) человеку тайны мира и свою волю в акте личностной «милости» (*hn*) и человек обязан в ответ на это «уверовать» (*h'min*). Наибольшей четкостью понятие О. достигает в позднем (т.н. «раввиническом») иудаизме; в талмудич. трактате «Сангедрин» дана четкая формула святости «писания» (X, 1), говорится о том, что содержание О. всегда одно и то же, но варианты вносятся личностью воспринимающего О., т.е. пророка и т.п. Из иудаизма сложившееся понятие О. переходит в *христианство* и *ислам*. Для христианства высшее О. есть сам Христос, в личности к-рого непосредственно раскрыты как абс. бытие, так и абс. истина этого бытия, как бы его смысловая формула, *логос* (см. Ио 14, 6: «Я есмь... истина»).

Структура идеи О. В соответствии с общим иерархич. мировоззрением ср.-век. теологии в О. также различается неск. уровней. Высшая реализация О. — «писание» (соответственно Ветхий завет, *Новый завет* и *Коран*), причем даже в пределах канона «писания» возможна субординация: в христианстве Новый завет оценивается как О. высшего уровня сравнительно с Ветхим заветом. Но к «писанию», по ортодокс. ср.-век. учениям, невозможно подойти, минуя низшую ступень О. — «предание» [в иудаизме — *Талмуд*, в христианстве — тексты «отцов церкви» (см. *История*), в исламе — *сунна*]. В противоположность этому пониманию О., оппониз. группы или отрицают «предание» и требуют возвращения к «писанию» (в иудаизме — карAIMы, в исламе — различные секты и весь *шиизм*, в христианстве — *ереси*, подготовившие *Реформацию*), или толкуют О. как незамкнутый, длящийся диалог бога с людьми, как процесс (так, *Иоанн Флорский* учил о «вечном евангелии», к-рое будет высшей формой О. и отменит «писание» обоих заветов). Незамкнутая концепция О. предполагает, что любой человек способен, помимо канонич. «писания» и охраняющей его церк. иерархии, общаться с богом и получать от него О. Обе эти идеи проходят красной нитью через учения ср.-век. сектантства и получают затем выражение в *протестантизме* с его подчеркнутой ориентацией на Библию и в то же время с его учением о том, что бог всегда может непосредственно обратиться к душевным глубинам человека, минуя все внешние инстанции.

Вопрос об отношении О. и разума в религ. философии. Когда идея О. вместе с христианством проникла с Востока в сферу греко-рим. культуры, она сразу же оказалась в резком противоречии с антич. интеллектуализмом: по словам, приписываемым апостолу Павлу (1 посл. к коринф., 22 сл.), для «эллингов», к-рые «ищут мудрости», христ. проповедь об О. есть «глупость». Перед христианами, уже принявшими идею О., встал вопрос: не делает ли О. дальнейшие филос. искания ненужными? Ряд христ. авторов отвергает всякий контакт между верой и филос. рационализмом: «Что общего у Афин и Иерусалима? У академии и церкви?» — вопрошает *Тертуллиан* (*De praescr. haeret.*, 7). Ввиду неконструктивности этого подхода *Ориген* предлагает др. решение: О. должно быть как бы суммой аксиом для рационалистич. рефлексии, и принятие этого О. на веру не завершает, а открывает путь познания: «есть огромная разница между осмысленной верой и

голой верой» (In Ioan. XIX, 1). Этот же подход характерен и для ср.-век. теологич. рационализма: для *Ансельма Кентерберийского*, напр., О. есть предпосылка науч. познания: «Я не стремлюсь понять, чтобы уверовать, но верую, чтобы понять» (*Proslogion*, 1). По словам *Фомы Аквинского*, «как теория музыки принимает на веру основоположения, преподаваемые ей математикой, совершенно так же теология принимает на веру основоположения, преподаваемые ей богом» («*Summa theologiae*», Qu I, art. 2). Выступая против т.н. *двойственной истины* теории, Фома решительно отрицает возможность к.-л. противоречия между тезисами О. («сверхразумные истины») и тезисами рационалистич. умозрения («разумные истины»), к-рые призваны дополнять друг друга. Более радикальная т. зр., согласно к-рой все содержание О. может быть выведено путем логич. конструирования (*Иоанн Скот Эриугена*, Беренгар Турский, *Абеляр*), обычно расценивалась как еретическая.

В новое время протестантизм резко выступил против теологич. рационализма *схоластики*; если протестантские концепции до нек-рой степени эмансипируют разум от О., то тем в большей степени они эмансипируют О. от разума (ср. слова Лютера о теологизирующем разуме как «блуднице дьявола»). Рационализм 17 в. (особенно *Спиноза*) и просветительство 18 в. подвергли самый принцип О. уничтожающей критике. Понимание О. как радикального упреждения всех основ рационализма было снова принято *Кьеркегором*, однако в целом для рационалистич. бурж. религиозности 19 в. характерно растворение О. в общей сумме «духовных прозрений человечества» — по типу гегелевского тезиса о человек. истории как самораскрытии абсолюта. Непопулярной на протяжении 19 в. оставалась и «философия О.» позднего *Шеллинга*, с резкой критикой к-рой выступил молодой Энгельс в памфлете «Шеллинг и откровение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произв., 1956, с. 394—445).

Совр. *иррационализм* обнаруживает сильное тяготение к идее О. Кьеркегоровская концепция О. получила широкое распространение в сфере протестантской теологии (т.н. диалект. теология): «неортодоксы» характеризуют О. как абсолютно несоизмеримое ни с какими человек. критериями и ценностями (ранний К. *Барт*), а восприятие О. человеком описывают как «диалектическое» противоречие, не поддающееся объяснению (Э. Бруннер, потративший много сил на борьбу с затуманыванием понятия О. в либеральном протестантизме, в частности у Ричля). Теологи, тяготеющие к *экзистенциализму*, понимают О. как психологич. процесс «выбора» и «самоосуществления» человека (протестант Р. Бультман, католик Г. *Марсель* и др.). В противовес этому *неосхоластика* подчеркивает объективный и социальный характер О., позитивное отношение христианства как религии О. к социальным и культурным ценностям, к «гуманизму» и к разуму, а также активную роль человека как «адресата и партнера О.» (Г. Фриз, У.Ф. Бальтазар и т.п.). В попытках завоевать для католицизма науку возрождается старый тезис Фомы Аквинского о гармонич. соотношении между «сверхразумными» и «разумными» истинами. Весьма распространено (особенно в протестантских кругах) признание истории. ограниченности Библии как одного из ее «измерений», «диалектически» сосуществующего с др. «измерением», в к-ром Библия есть выражение О. «Рабский образ носит и Библия, эта скомпилированная, неоднократно переработанная, устаревшая, составленная заблуждавшимися людьми книга, в которой, однако, записано святое, беспримесное, непогрешимое, вечно новое слово божье» — читаем мы у одного последова-

теля К. Барта в ГДР (Herzsch E., Die Wirklichkeit der Kirche, Bd 1, Halle, 1956, S. 14).

Специфически американским явлением остается *фундаментализм*, к-рый в своей апологии ищет О. требует принятия на веру всего содержания Библии в возможно буквальном смысле. Но в целом теологизирующая философия Запада ищет более уточненный подход к проблеме О., постулируя для О. особый уровень, в пределах к-рого оно избавляется от возможности столкновения с критическим разумом.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., О религии, М., 1955; Bultmann R., Der Begriff der Offenbarung im Neuen Testament, Tübingen, 1929; Guardini R., Die Offenbarung als Geschichte, Würzburg, 1940; Brunner E., Offenbarung und Vernunft, Z., 1941; Schreyer H.-H., Existenz und Offenbarung, Tübingen, 1947; Niebuhr H. R., The meaning of revelation, N. Y., 1953; Balthasar H. U. von, Herrlichkeit, Bd 1—2, Einsiedeln, 1961—62.

С. Аверинцев. Москва.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ИСТИНА — историч. обусловленность истинного знания, его зависимость от различных условий и средств познания и вытекающая отсюда неполнота истины, ее приблизительность.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗА (гипотеза Сепира — Уорфа) — гипотеза о зависимости типа мышления и поведения членов языкового коллектива от типа языка. Исследуя языки и культуры различных индейских племен, амер. лингвист и этнограф Э. Сепир и его последователь Б. Ли Уорф обнаружили известное типологич. средство между ними, к-рое может быть противопоставлено такому же типологич. средству европ. языков и культур. Из этого Сепир, а затем Уорф сделали след. выводы: 1) типология обществ. жизни и обществ. произ-ва, как типология поведения, определяется всеми институтами культуры, в т. ч. языком; 2) язык среди др. институтов культуры занимает место посредника между мышлением и обществ. жизнью и обществ. произ-вом, а потому тип языка определяет тип мышления и тип поведения языкового коллектива. Исходя из этих выводов, Уорф сформулировал след. гипотезу (см. его ст. Лингвистика и логика в сб. «Новое в лингвистике», вып. 1, М., 1960): совр. мировая культура развилась, опираясь на европ. языковой тип, к-рый определил тип нормативного, с европ. т. зр., поведения и мышления. Напр., в мировой культуре возобладала европ. концепция времени и европ. логика, предопределенные формами европ. языкового типа. Если допустить, что совр. мировая культура развилась бы на иной лингвистич. основе, то, по-видимому, создались бы иные правила мышления и т.п. Хотя рассуждение здесь проведено не вполне корректно (напр., не учтено, что европ. языки, в отличие от индейских, располагают не только звуковым, но и письм. знаковыми системами, а также книгопечатанием; это, конечно, само по себе меняет тип развития культуры и подрывает базу под сравнением Уорфа), тем не менее О.л.г. сохраняет ценность в семиотике как одно из средств объяснения механизмов и источников развития культуры.

Ю. Рождественский. Москва.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ТЕОРИЯ — теория пространства и времени, согласно к-рой они суть лишь относит. «стороны» единой формы существования материи — пространства-времени. Различают частную (или специальную) и общую О. т. (ОТО). Общая О. т. есть теория пространства-времени, объясняющая через его структуру всемирное тяготение (поэтому ее называют также теорией тяготения).

Предпосылки О. т. Учение о пространств. формах и отношениях сложилось в древности и было математически оформлено в виде евклидовой геометрии. Физика восприняла ее в готовом виде. Время вошло в общие законы механики, сформулированные Галилеем и Ньютоном. Представления классич. фи-

зики о пространстве и времени отражали прежде всего общие законы взаимного расположения и движения твердых тел. В частности, представление об абсолютном, всюду одинаково текущем времени вполне им отвечало. Согласно второму закону Ньютона, в принципе нет ограничений для скорости, к-рую можно придать телу. Поэтому координация во времени путем передачи воздействий («сигналов») устанавливается с любой точностью (можно в принципе сверять времена в разных телах с любой точностью), откуда и следует, что время всюду течет одинаково (распространенное мнение, что для этого необходима мгновенная, т. е. с бесконечной скоростью, передача сигналов, ошибочно). Законы механики Галилея — Ньютона формулируются для т. н. инерциальных систем отсчета. В ньютоновской механике выполняется принцип относительности Галилея, согласно к-рому законы мехашщ. явлений одинаковы по отношению ко всем инерциальным системам. Вообще, для нек-рого класса явлений P и для нек-рого класса систем S' выполняется принцип относительности, или, др. словами, эти системы равноправны в отношении данных явлений, если законы явлений P одинаковы в системах S , т. е. когда в двух системах S', S'' для явлений P', P'' одного типа осуществлены одинаковые (относительно этих систем) условия, то эти явления будут течь относительно этих систем совершенно одинаково. Математич. выражение законов этих явлений в этих системах одно и то же, т. е. оно инвариантно (неизменно) относительно перехода от одной системы к другой, выражающегося соответствующим преобразованием координат и др. величин. После того как Максвелл в 60-х гг. 19 в. сформулировал осн. законы электромагнитных явлений, возникла проблема выявления законов электродинамики движущихся тел по отношению к любой инерциальной системе отсчета. Опыты приводили к результатам, противоречащим тому, что следовало ожидать. Особенно важную роль сыграл опыт Майкельсона (1881—87), не обнаруживший ожидаемой зависимости скорости света от направления его распространения по отношению к направлению движения Земли. Математич. выражение противоречия дал Лоренц (1904), показав, что уравнения Максвелла инвариантны по отношению к преобразованиям (т. н. преобразованиям Лоренца), отличным от преобразований Галилея, относительно к-рых инвариантны законы ньютоновской механики. Разрешение противоречия было осуществлено Эйнштейном в работе «К электродинамике движущихся тел» (A. Einstein, Zur Elektrodynamik bewegter Körper, 1905) путем построения новой теории пространства и времени — частной О. т. и, соответственно, новой механики — «релятивистской», в отличие от ньютоновской — классической. Независимо к тем же в основном результатам пришел А. Пуанкаре.

Частная О. т. Эйнштейн основал свою теорию на след. положениях (к-рые приводятся в несколько дополненной формулировке): I. Существуют инерциальные системы отсчета. II. Геометрия пространства евклидова. III. Принцип относительности: все инерциальные системы равноправны в отношении всех физич. явлений. IV. Закон постоянства скорости света: относительно всех инерциальных систем свет распространяется с одинаковой скоростью c . Первые три положения заимствованы из классич. теории, только принцип относительности понимается обобщенно; четвертое является обобщением данных опыта (опыт Майкельсона и др.) и вполне согласуется с теорией электромагнетизма. Из положения II, IV чисто математически вытекает, что для любых инерциальных систем S, S' координаты x, y, z, x', y', z' и времена t, t' связаны преобразованием Лоренца. В част-

ности, если оси координат x, x' в системах S и S' параллельны и ось x направлена по движению S' относительно S , то (при соответствующем выборе масштабов) разности координат и времени в системах S и S' для любых двух событий — мгновенно-точечных явлений P_1, P_2 связаны формулами:

$$\begin{aligned}x'_{12} &= \frac{x_{12} - vt_{12}}{\sqrt{1 - (v/c)^2}}, & y'_{12} &= y_{12}, & z'_{12} &= z_{12}, \\t'_{12} &= \frac{t_{12} - (v/c^2)x_{12}}{\sqrt{1 - (v/c)^2}},\end{aligned}\quad (1)$$

где v — скорость S' относительно S . Из этих соотношений вытекают след. выводы: (1) Системы могут двигаться друг относительно друга со скоростью, меньшей скорости света (т. к. при $v \geq c$ формулы теряют смысл). (2) Два события, одновременные в S ($t_{12} = 0$), но происходящие в точках с разными координатами x ($x_{12} \neq 0$), не одновременны в S' ($t'_{12} \neq 0$). Более того, событие P_1 , предшествующее P_2 относительно системы S , может следовать за ним относительно S' . Именно, если $t_{12} > 0$, но меньше $\frac{v}{c^2} x_{12}$, то $t'_{12} < 0$. Т. о., *одновременность* и *последовательность* событий во времени, вообще говоря, относительны. Тут нет противоречия с причинностью, т. к. по О. т. никакое воздействие не передается со скоростью, большей c , и потому, как следует из формул (1), если событие P_1 воздействует на P_2 , то в любой системе отсчета оно предшествует P_2 . (3) Если в точке, неподвижной относительно S , происходит процесс, длящийся время t , то его длительность в S' больше: $t' = t/\sqrt{1 - (v/c)^2}$. В этом смысле длительность процессов относительна. (4) Если в системе S' имеется неподвижный относительно нее отрезок длины l , параллельный оси x , то в системе S расстояния между одновременными (относительно S) положениями его концов (т. е. при $t_{12} = 0$) будет меньше: $x = l\sqrt{1 - (v/c)^2}$ (т. н. «лоренцово сокращение»). (5) Для любых событий P_1, P_2 , расстояние и промежуток времени между к-рыми в S и S' суть соответственно $r_{12}, t_{12}, r'_{12}, t'_{12}$, верно равенство: $r_{12}^2 - c^2 t_{12}^2 = r'^2_{12} - c^2 t'^2_{12}$, т. е. эта величина не зависит от системы отсчета. Она наз. интервалом между событиями P_1, P_2 . Вместе с тем, вообще говоря, $r_{12} \neq r'_{12}$ и $t_{12} \neq t'_{12}$. (6) Всякой точке — малому телу K , движущемуся произвольным образом, можно сопоставить т. н. собств. время. При этом, если P_1, P_2 — два события в K , то собств. время τ_{12} между ними всегда меньше промежутка времени t_{12} между ними по отношению к любой инерциальной системе S (кроме, конечно, того случая, когда K неподвижно относительно S). В частности, событием P_1 может быть вылет тела из данного места, а P_2 — возвращение его в то же место. От вылета до возвращения в теле K протечет меньше времени, чем в системе S (т. н. парадокс Ланжевена). В целом из преобразований Лоренца вытекает вся «релятивистская» кинематика, существенно отличная от классической. Однако это отличие становится заметным лишь при скоростях, близких к скорости света.

Все приведенные выводы основываются только на положениях II, IV о евклидовости пространства и постоянстве скорости света. Положение I о существовании инерциальных систем означает, что эти выводы имеют физич. смысл. Согласно принципу относительности, все инерциальные системы равноправны, поэтому физич. законы должны быть инвариантны при преобразованиях Лоренца. В отношении уравнений Максвелла это действительно так. Уравнения же ньютоновской механики этим св-вом не обладают. По-

этому Эйнштейн построил новую механику. Ее законы лоренц-инвариантны и при малых скоростях (приближенно) дают законы механики Ньютона. Второй закон Ньютона — пропорциональность изменения импульса (количества движения) силе — и законы сохранения импульса и энергии остаются, но зависимость импульса p и энергии E от скорости v другая:

$$p = \frac{m_0 v}{\sqrt{1 - (v/c)^2}}, \quad E = \frac{m_0 c^2}{\sqrt{1 - (v/c)^2}}. \quad (2)$$

Если в (2) положить $m = m_0/\sqrt{1 - (v/c)^2}$, то $p = mv, E = mc^2$, т. е. ньютоновское выражение для импульса сохраняется, если принять за массу не m_0 , а величину m , зависящую от скорости. В этом смысле говорят, что масса зависит от скорости. Формула $E = mc^2$ показывает, что с массой m связана пропорциональная ей энергия и, в частности, при $v = 0, E = m_0 c^2$, т. е. тело, находящееся в состоянии относ. покоя, также обладает соответствующей энергией. Эти соотношения обобщаются на электромагнитные колебания, т. к. последние обладают импульсом и энергией. Дальнейшее развитие физики показало, что связь массы и энергии, открытая Эйнштейном, имеет всеобщий характер (см. *Сохранения законы*). О. т. повлекла пересмотр всех осн. законов физики с т. зр. их лоренц-инвариантности. Теории, где это требование выполнено, называют релятивистскими в противоположность «классическим».

Пространство-время и причинность. Согласно О. т. пространственные и врем. отношения и в этом смысле сами пространство и время зависят от системы отсчета, по отношению к-рой они определяются. Г. Минковский показал, что вместе с тем они объединяются в единую форму существования материи — пространство-время. Каждое событие определяется среди других четырьмя координатами x, y, z, t , т. е. множество всех событий четырехмерно. Взятое в отвлечении от конкретных свойств событий, оно и представляет четырехмерное многообразие — пространство-время. Преобразования Лоренца выражают, что структура его настолько однородна, что все соотношения в нем сохраняются при любых таких преобразованиях (подобно тому, как геометр. соотношения на плоскости сохраняются при движении). Пространственно-врем. отношения и св-ва тел и процессов не зависят от системы отсчета, но лишь различно проявляются в разных системах. Вообще, физич. величины, зависящие от системы отсчета, являются своего рода проекциями более общ. величин, к-рые от систем отсчета уже не зависят. Соответственно, Минковский дал «четырехмерную» формулировку законов релятивистской механики и электродинамики. Он указал, что название «постулат относительности» (теория относительности) несовершенно: не относительность, а абсолютное, но не в старом, а в новом, «четырехмерном» пространств.-врем. смысле, составляет настоящую сущность теории. Т. о., открывается не только более глубокая филос. т. зр., но вносится большая ясность в математич. аппарат и физич. содержание теории.

Дальнейшее углубление понимания сущности О. т. состояло в открытии связи структуры пространства-времени и *причинности* (прл. физик А. Робб и др.). Каждому событию отвечает множество событий, на к-рые оно воздействует (в принципе может воздействовать), — «область его воздействия» в четырехмерном многообразии событий. При этом скорость передачи воздействия ограничена скоростью света. Математически доказывается, что эти области определяются «геометрией» пространства-времени и, обратно, геометрия пространства-времени полностью определяется структурой совокупности этих

областей. Коротко говоря, свойства пространства-времени определяются отношениями воздействия одних событий на другие. Это приводит к след. определению самого пространства-времени: пространство-время есть множество всех событий в мире, отвлеченно от всех свойств, кроме тех, к-рые определяют отношения воздействия одних событий на другие. Этим устанавливается единство пространств-врем. и причинно-следств. структуры мира, т. к. воздействие есть элемент причинно-следств. связи. Т. о., структура движущейся материи, определяемая связью ее элементов через воздействие и взятая только с т. зр. формы (системы отношений), и есть пространств-врем. структура материи.

Общая О. т. Включение в частную О. т. всемирного тяготения представляло трудности, к-рые были преодолены Эйнштейном путем построения ОТО (1915). Работы Эйнштейна, В. А. Фока и др. привели к след. пониманию ее основ. 1) Структура пространства-времени оказывается такой же, как в частной О. т., только приближенно и локально (в достаточно малых областях пространства, в течение достаточно короткого времени). В больших областях пространство-время имеет более сложную структуру (математически оно является римановым или, по др. терминологии, псевдоримановым пространством). Соответственно, все выводы частной О. т. верны лишь приближенно и локально. 2) Отличие структуры пространства-времени от принимаемой в частной О. т. определяется распределением и движением масс материи. Точно это выражается уравнением Эйнштейна, связывающим величины, характеризующие указ. отличие («тензор кривизны»), с величинами, характеризующими распределение и движение масс («тензор материи»). Отсюда математически выводится, что массы материи должны двигаться так, как если бы между ними действовали силы тяготения по закону, к-рый в первом приближении совпадает с законом тяготения Ньютона. Т. е. массы материи, определяя структуру пространства-времени, определяют через это и свое собств. движение. Поле тяготения есть не что иное, как отличие структуры пространства-времени от однородной, принятой в частной О. т. Тело, на к-рое не действует никакое др. поле и собств. влиянием к-рого на структуру пространства-времени можно пренебречь, движется по инерции, но из-за изменений в структуре пространства-времени, вызванных посторонними массами, движение это будет сложным, что классич. физика толковала как влияние сил тяготения. С точки зрения О. т. тут действуют не особые силы, а происходит движение по инерции в неоднородном пространстве-времени (представляющемся в нем геодезической, т. е. «прямейшей» линией). Применение ОТО к большим частям Вселенной и даже ко Вселенной в целом привело к важным результатам, но оно зависит от выдвигаемых гипотез, что делает выводы спорными, не говоря уже о спорности применения любой теории ко Вселенной в целом (см. *Космология*).

Подтверждения и обоснования О. т. Частная О. т. имеет многочисл. подтверждения, из к-рых упомянем следующие. (1) Данные, послужившие источником О. т., как, напр., опыт Майкельсона и др. (2) Закон взаимосвязи массы и энергии, всеобщий характер к-рого установлен несомненно, особенно результатами атомной физики. (3) Эйнштейновская зависимость импульса от скорости, проверенная с большой точностью в многочисл. опытах (ускорители заряженных частиц, космич. лучи и др.). (4) Относительность длительности подтверждается измерением «продолжительности жизни» космич. частиц по отношению к Земле и спец. опытами (релятивистский Допплер-эффект). (5) Заключаю-

щаяся в О. т. утверждение о лоренц-инвариантности физич. законов привело к соответствующей формулировке уравнений квантовой механики. Так, появилась, в частности, теория Дирака, к-рая нашла блестящее подтверждение, а вместе с ней получила, хотя и косвенное, но столь же блестящее подтверждение частная О. т. В связи с атомной техникой частная О. т. приобрела практич. значение, инженерные расчеты ускорителей и атомных установок опираются на ее результаты. В целом частная О. т. является бесспорно верной теорией, насколько вообще может быть верной физич. теория (уже ОТО показала, что частная О. т. должна считаться только приближенной).

Подтверждением ОТО служит прежде всего то, что она дает закон тяготения в полном согласии с опытом. До ОТО не существовала собственно теория тяготения: закон тяготения Ньютона не был связан с законами механики, основанная на нем теория была чисто феноменологической. ОТО, открыв органич. связь структуры пространства-времени, осн. законов механики и тяготения, тем самым объяснила это последнее. Поэтому неправильно мнение, что подтверждением ОТО служат только сравнительно небольшие эффекты, к-рые она объяснила или предсказала в отличие от того, что следовало из закона Ньютона. Закон тяготения Эйнштейна точнее закона Ньютона, как показала астрономия; предсказанное О. т. влияние тяготения на распространение света и его частоту также подтверждается. Как теория тяготения ОТО является достаточно обоснованной. Применение ее к большим частям Вселенной объясняет ряд фактов (напр., *красное смещение*).

Толкования О. т. Относительности теория встречала различные возражения и неверные толкования, основанные на непонимании ее содержания в соединении с филос. ошибками. Возражения по поводу ее необоснованности или парадоксальности ее выводов опровергнуты многочисл. экспериментальными и теоретич. результатами. Попытки заменить О. т. теорией, к-рая сохраняла бы старые представления о пространстве и времени, объясняя подтвержденные опытом результаты О. т. спец. механизмами взаимодействия, ничего не дали. Философски они неудовлетворительны, т. к. отрывают пространство и время от материи. Выказывавшиеся мнения, что О. т. идеалистична, нелепы. Во-первых, теория, настолько точно соответствующая действительности, не может быть идеалистической. Филос. ошибки или неточности в ее толковании не могут сделать идеалистическим ее содержание. Во-вторых, в ее построении сам Эйнштейн исходил из материалистич. принципа, выводя законы пространства и времени из законов движения материи на новом уровне их познания. Если классич. представления о пространстве и времени отвечали законам механики Ньютона, то представления, данные Эйнштейном, опирались на законы электромагнетизма [ср. замечание Ленина: «это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно „механическую“, а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира...» (Соч., т. 14, с. 267)]. Возражения против равноправности инерциальных систем (что, напр., система, связанная с Землей, неравноправна системе, связанной с частицей) основаны на непонимании абстракции. Инерциальные системы равноправны не как конкретные физич. системы, но в смысле проявления относительно них общих физич. законов. Система отсчета трактуется иногда как «т. зр. наблюдателя», связанные с ней системы координат объявляются только способом описания явлений, они якобы «фиктивны и не имеют отношения к реальному строению мира». Соответственно, принцип относительности трактуется как зависимость законов от способа описания.

Все это неверно. Координация в пространстве и времени по отношению к системе отсчета осуществляется объективно, т. е. отвечает строению мира. Способы же описания и «точки зрения» лишь постольку имеют реальный смысл, поскольку отвечают объективной действительности. Независимость законов от способа описания есть тривиальность, т. к. объективное не может зависеть от описания. Принцип же относительности есть физич. закон и, кстати, он верен лишь приближенно, как показала ОТО.

Более глубокими являлись след. возражения и толкования.

1. Т. н. релятивистские эффекты — относительность длительности, расстояния, массы и т. п. — подвергались ошибочным толкованиям. Напр., говорят, что движущийся стержень сокращается, и даже ставился вопрос об исследовании молекулярных сил, вызывающих такое сокращение. Однако лоренцово сокращение состоит в другом. В системе S , по отношению к к-рой стержень движется, отмечается одновременное (относительно S) положение его концов. Расстояние между ними (измеренное в S) оказывается меньше длины стержня (определяемой обычным путем в системе, в к-рой стержень неподвижен). Стало быть, стержень вовсе не сокращается, с ним самим вообще ничего не происходит. Только отношение его к системе S отлично от отношения к системе S' , в к-рой он неподвижен. Присущие стержню св-ва, в частности длина, проявляются в S иначе, чем в S' , в др. системе S'' они проявляются еще иначе, и т. д. Говорить о силах, вызывающих лоренцово сокращение, то же, что говорить о силах, удлиняющих тень к вечеру. То же можно сказать и об относительности массы. Таков общий смысл «относительности». Предметам и процессам присущи определ. св-ва, к-рые различно проявляются в разных отношениях. Такое проявление зависит не только от самого предмета или процесса, но и от той системы, по отношению к к-рой эти св-ва проявляются. Но как св-ва объективны, так и проявления их в разных отношениях столь же объективны. Метафизич. противопоставление св-в и отношений, абсолютного и относительного ошибочно, как ошибочно смешивать относительное с субъективным, относительность — с точкой зрения наблюдателя. О. т., обнаружив относительность величин, считавшихся до того безотносительными, присущими самому предмету, открыла вместе с тем более сложные св-ва предметов, проявлениями к-рых оказываются эти величины.

2. В исходных положениях частной О. т. пользуются координатами x, y, z и временем t в инерциальной системе отсчета. Но эти понятия требуют определения. Соответственно Эйнштейн дал определение одновременности пространственно разделенных событий посредством световых сигналов. На той же основе можно дать определение координат x, y, z и времени t . Утверждалось, что определения их условны и не объективны. Это неверно, т. к. испускание и отражение электромагнитных колебаний (сигналов) происходит в природе без всяких наблюдателей и условных соглашений, устанавливая объективную взаимную координацию явлений. Закон постоянства скорости света есть вместе с тем закон этой координации, так что указ. определение x, y, z, t и этот закон есть два выражения одного и того же объективного универс. факта. Др. определения координат и времени, напр. откладыванием масштабов и часами, сверяются с этим. Представление же об условности таких определений основано на поверхностном взгляде на основы О. т. и противопоставлении определений физич. понятий, как якобы условных, — законам. Но определение понятия имеет смысл лишь постольку, поскольку ему соответствует нечто в действительности. А утверждение о существовании этого «нечто» выражает соот-

ветствующий закон природы, так что реальные определения и законы всегда взаимосвязаны. Остающаяся же степень условности не больше, чем условный выбор единиц измерения.

3. Зачастую сущность О. т. видят не столько в представлениях о структуре пространства-времени, сколько в отнесении явлений к системам отсчета; гл. отличие общей О. т. от частной усматривают в том, что в ней допускаются любые системы отсчета и что все они равноправны, т. е. выполняется т. н. «общий принцип относительности». Утверждают, в частности, равноправность систем Коперника и Птолемея. Этот общий принцип относительности отождествляется с «принципом общей ковариантности», состоящим в требовании, чтобы общие законы выражались в форме, верной для любых пространств-врем. координат. Эти взгляды ошибочны. Общая О. т. отличается от частной не общностью «допускаемых» координат, а представлениями о структуре (метрике) пространства-времени. Всякая теория «допускает» любые координаты (стоит лишь подставить вместо координат, в к-рых первоначально написаны уравнения теории, произвольные функции других возможных координат). При этом уравнения будут содержать величины, характеризующие ту или иную координатную систему (в О. т. — это составляющие g_{ik} метрич. тензора), и будут соответственно преобразовываться при переходе от одной системы к другой. Отсюда название «ковариантность» — сопрягаемость. Т. о., ковариантность есть всегда выполнимое математич. требование, к-рое применимо и в общей, и в частной О. т., и в классич. теории. Принцип же относительности математически сводится к тому, что в системах отсчета, к к-рым он относится, уравнения не содержат величин, различающих эти системы, т. е. уравнения инвариантны, а не просто ковариантны. Так, согласно «частному» принципу относительности, уравнения в инерциальных системах не содержат их скоростей. Но уравнения, напр., во вращающейся системе содержат ее угловую скорость, т. е. законы физич. явлений в системах, вращающихся с разными скоростями, различны, что обнаруживается на опыте. Поэтому утверждение о равноправности системы Коперника (невращающейся) и Птолемея (вращающейся) неверно независимо от какой бы то ни было теории, т. к. противоречит опытным фактам. То же, что любые координаты пригодны для описания явлений, есть тривиальность, очевидная и без О. т. Предполагаемая в ОТО сложность структуры пространства-времени приводит к тому, что, вообще говоря, не существует строго равноправных систем отсчета (координат), тогда как в частной О. т. инерциальные системы равноправны. Математически доказывается, что в пространстве-времени с к.-л. метрикой (псевдоримановой, как в ОТО) вообще невозможно равноправие системы координат более общее, чем в частной О. т., т. е. в этом смысле (а не в смысле ковариантности) невозможен никакой принцип относительности, более общий, чем частный. Считать все системы координат равноправными можно, если отвлечься от метрики, рассматривая ее не как неотъемлемо присущую пространству-времени, а как физическое поле в нем. В отвлечении от метрики пространство-время оказывается просто четырехмерным (топологич.) многообразием и в нем все координаты действительно равноправны просто потому, что без метрики нет никаких оснований для их неравноправности. В частности, без метрики нельзя определить скорость, ускорение и пр., так что сами понятия ускоренной или неускоренной системы теряют смысл. Метрика при этой т. зр. входит в спец. физич. условия протекания явлений. Но если в двух системах все условия, включая и метрику, одина-

ковы, то, конечно, явления должны течь одинаково. Т. о., равноправность любых систем — общий принцип относительности — оказывается логич. следствием отвлечения пространства-времени от метрики и совпадает с возможностью одинаково пользоваться любыми координатами, т. е. с «принципом общей ковариантности». Но т. к. это возможно в любой теории, то «общий принцип относительности», отождествленный с «принципом ковариантности», не является специфич. чертой ОТО и как физич. закон не выражает ничего, кроме того, что пространство-время есть четырехмерное многообразие, что одинаково признается и в частной О. т. и в классич. теории. Но в двух последних теориях структура пространства-времени фиксирована и существуют естественно связанные с ней системы отсчета (инерциальные). Поэтому ни отвлекаться от метрики, ни вводить общие координаты в них нет надобности, хотя это и возможно. В ОТО же метрика пространства-времени различна в разных условиях, так что выделить системы координат, преимущественные при любых условиях, невозможно. Поэтому ОТО и формулируется в произвольных координатах, в общей ковариантной форме, и пространство-время в ней рассматривается априори без фиксированной метрики. Но это не особый физич. принцип теории, а математич. прием ее формулировки. Смещение этого приема с самим физич. содержанием ОТО связано с использованием координат, из-за чего абсолютное — не зависящее от системы координат — сплетается с относительным — зависящим от нее (так, g_{ik} определяют метрику как нечто независимое от координат, но сами зависят от них). Обобщение принципа относительности видят в т. н. принципе эквивалентности, согласно к-рому ускоренная система равноправна системе, покоящейся в соответствующем поле тяготения: силы инерции в первой эквивалентны силам тяготения во второй. Но это верно не для любых систем и имеет смысл лишь с т. зр. классич. теории, в ОТО же, строго говоря, теряет смысл. Поле тяготения, как нечто абсолютное, есть поле «кривизны» пространства-времени; то же, что формально играет роль «сил», зависит от системы координат и по чисто математич. теореме может быть всегда исключено вдоль любой «мировой линии». Т. о., послужив Эйнштейну при обосновании ОТО, принцип эквивалентности как бы растворился в ее осн. положениях. Силетение абсолютного и относительного обнаруживается еще в вопросе об энергии поля тяготения. Величины, характеризующие ее плотность, всегда можно обратить в нуль в данной точке при подходящем выборе координат, т. е. это не есть абс. физич. величины. В связи с этим возникают трудности в формулировке закона сохранения энергии, дискуссии о природе энергии поля и излучения гравитац. волн. Заранее отделить абсолютное (прежде всего саму по себе структуру пространства-времени) от относительного можно при соответствующей математич. формулировке теории, но пока это не осуществлено в полном объеме. При всех условиях только ясное понимание того, что суть О. т. состоит в представлении о структуре пространства-времени, а не в выборе тех или иных координат, позволяет верно понять ее.

О. т. и философия. О. т. преобразовала представления о мироздании и внесла существенно новое в понимание таких категорий, как пространство, время, движение, энергия и др. Возникновение и развитие О. т. неразрывно связано с рядом гносеологич. проблем: определение осн. физич. понятий, относительное и абсолютное и др. В связи с последним на понимание О. т. оказала заметное влияние субъективно-идеалистич. философия, т. к. физики не владели материалистич. диалектикой. Сам Эйнштейн,

руководствуясь в основном материалистич. методологией, не избежал этого влияния. В результате вместе с критикой старых понятий появились и укоренились указ. неверные толкования осн. понятий О. т., недооценка выявленного Минковским содержания О. т. как теории абс. пространства-времени. Представители метафизич. материализма (хотя некоторые из них и выступали якобы от лица марксистской философии) тоже не могли дать верного толкования О. т. и, критикуя позитивизм, напали на самую О. т. Верное понимание О. т. с позиций диалектич. материализма было развито сов. учеными, особенно В. А. Фоком, давшим первое систематич. изложение О. т. с этих позиций.

Важнейшими филос. выводами из О. т. являются: 1) подтверждение и развитие учения диалектич. материализма о пространстве и времени как формах существования материи; 2) соединение пространства и времени в единую форму существования материи — пространство-время, так что самая формула: «Пространство и время суть формы существования материи» должна быть заменена новой — пространство-время есть форма существования материи, в к-рой пространство и время суть ее относит. стороны; 3) установление единства пространств.-врем. и причинно-следств. структуры мира; 4) открытие (в ОТО) конкретной зависимости структуры пространства-времени от распределения и движения материи; 5) установив неразрывную связь массы и энергии, взаимную обусловленность структуры пространства-времени — поля тяготения и движения тел в этом поле, О. т. углубляет представление о неразрывности материи, ее движения и форм существования (так, масса — «мера косности материи» — оказывается вместе с тем мерой энергии, мерой «активности материи», мерой наличного или возможного ее движения); 6) открыв относительность разнообразных характеристик тел и явлений как проявление более общих безотносит. св-в, О. т. раскрывает объективную диалектику абсолютного и относительного, св-в и отношений; 7) ОТО открыла новые возможности для научно обоснованных суждений о строении и развитии Вселенной; 8) анализ и критич. пересмотр ряда осн. понятий физики, неразрывно связанных с возникновением и развитием О. т., вносит существ. вклад в методологию науки и теорию познания. В создании О. т. Эйнштейн руководствовался, в частности, следующим филос. принципом: всякое понятие имеет смысл лишь постольку, поскольку оно отражает нечто материальное, доступное, хотя бы в принципе, эксперименту. На этой основе было пересмотрено понятие одновременности, отвергнуты ньютоновские абс. пространство и время. Данные Эйнштейном формулировки этого принципа недостаточно подчеркивают его материалистич. содержание, и это создало почву для его толкования в духе чистого *операционализма*, хотя в сущности речь идет о материалистич. положении (ср. «Тезисы о Фейербахе» Маркса). О. т. в наст. время прочно установлена и пока нет достаточных оснований для новой, более глубокой теории пространства-времени, хотя попытки наметить такую теорию в связи с квантовой физикой делались и делаются.

А. Александров. Новосибирск.

Современные проблемы О. т. Если в отношении смысла и содержания спец. О. т. выработалась довольно определен. т. зр., разделяемая значит. большинством ученых, то ОТО продолжает интенсивно развиваться, и до сих пор существует различие мнений почти по всем ее осн. вопросам. Среди этих вопросов центр. место в наст. время занимает проблема энергии гравитац. поля. Согласно ОТО, поле тяготения проявляется в искривлении и только в искривлении пространства-времени. Величины, описывающие энергию

и импульс гравитац. поля, не имеют в осн. уравнении ОТО тензорного характера; это положение истолковывается как невозможность локализации гравитац. поля, в связи с чем возникает философски важная проблема природы гравитац. поля — представляет ли оно собой вид материи или тождественно с пространств.-врем. характеристиками материи, не обладая субстанциональностью. Несмотря на большое количество предложенных вариантов локализации поля гравитации, проблема энергии еще не может считаться решенной.

С проблемой энергии тесно связана проблема гравитац. волн: большинство ученых исходит из признания реальности гравитац. излучения, несущего энергию, но некоторые указывают на принципиальные трудности, связанные с нелокализацией энергии поля тяготения. Поскольку гравитац. излучение может быть порождено или уничтожено простым преобразованием системы координат, его нельзя считать, по их мнению, реальным (Л. Инфельд). Ряд исследователей пытается решить задачу в некоторых спец. координатах, но подавляющее большинство ученых считает, что привилегированных систем координат в ОТО ввести нельзя без нарушения общего принципа относительности. Исключение в этом отношении представляет позиция В. А. Фока, к-рый, подвергнув пересмотру осн. принципов ОТО в том виде, как они были сформулированы Эйнштейном, защищает привилегированный статус гармонич. координат (см. «Теория пространства, времени и тяготения», 1961, с. 468—76).

Существует ряд попыток разрешить трудности, связанные с нелокализацией поля тяготения, путем видоизменения математич. аппарата теории. Некоторые авторы вводят в рассмотрение наряду с искривленным римановым пространством плоское пространство Минковского (см. И. И. Пугачев, Использование плоского пространства в теории гравитац. поля, в журн.: «Изв. ВУЗов. Физика», 1959, № 6, с. 152). Одна из наиболее удачных попыток в этом направлении была осуществлена Ю. А. Рыловым, к-рый сумел, не нарушая принципа эквивалентности, перейти от описания поля тяготения в римановом пространстве к его описанию в плоском пространстве, касающемся риманова пространства в нек-рой опорной точке (см. «Об относительности локализации гравитац. поля», в журн.: «Вестник МГУ», сер. 3, 1962, № 5, с. 70, и его же, «Нормальные координаты и общий принцип относительности» — там же, 1963, № 3, с. 55).

Широкой распространенностью пользуется т. н. тетрадная формулировка ОТО, к-рая отличается от обычной (метрической) тем, что осн. средством описания гравитац. поля в ней служат не 10 компонент метрич. тензора $g_{\mu\nu}$, а 16 компонент поля тетрад (тетрада представляет собой совокупность четырех ортогональных друг другу единичных векторов, заданных в каждой точке риманова пространства). Наличие дополнительных 6 степеней свободы по сравнению с метрич. формулировкой позволяет надеяться, что трудности с нелокализацией энергии гравитац. поля могут быть в ней преодолены (см. С. Pellegrini, J. Plebański, Tetrad fields and gravitational fields, Kbh., 1963).

Все эти подходы, связанные с модификацией математич. аппарата ОТО, ставят исключительно важную методологич. проблему исследования зависимости физич. содержания теории от конкретного вида ее математич. аппарата.

Ряд проблем связан с попытками распространения идей ОТО на изучение др. видов полей, а не только гравитационного. Среди них в первую очередь должны быть отмечены т. н. единые теории, связанные с попытками истолкования электромагнитного и других полей в геометризованном духе (см. М. А. Тоннела, Основы

электромагнетизма и теории относительности, М., 1962, с. 368; П. Г. Бергман, Введение в теорию относительности, М., 1947, с. 325). Одна из последних попыток в этом направлении принадлежит Дж. Уилеру. Его «геометродинамика» вводит «геонную» модель для массы, построенную из полей, имеющих нулевую массу покоя, и дает чисто геометрич. модель для электричества в рамках топологии многосвязного пространства (см. Дж. Уилер, Гравитация, нейтрино и Вселенная, пер. с англ., М., 1962). Многочисл. проблемы связаны с попытками квантования гравитац. поля, приводящими к существованию гравитонов — частиц со спином 2, являющихся переносчиками гравитац. взаимодействия.

Значит. часть работ посвящена применению идей ОТО в космологии и астрофизике (см. Я. Б. Зельдович и И. Д. Новиков, Релятивистская астрофизика в журн.: «Успехи физ. наук», 1964, т. 84, с. 377; 1965, т. 86, с. 447), в частности попыткам связать космологич. характеристики с характеристиками микромира.

Лит.: Эддингтон А., Теория относительности, пер. с англ., Л.—М., 1934; Лоренц Г. А. [и др.], Принципы относительности. Сборник работ классиков релятивизма, [Л.—Л.], 1935; Паули В., Теория относительности, пер. с нем., М.—Л., 1947; Мандельштам Л. И., Лекции по физич. основам теории относительности (1933—1934 гг.), Полн. собр. трудов, т. 5, М., 1950; Эйнштейн А., Сущность теории относительности, пер. с англ., М., 1955; Вавилов С. И., Экспериментальные основания теории относительности, Собр. соч., т. 4, М., 1956; Александров А. Д., Теория относительности как теория абс. пространства-времени, в кн.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; Зельманов А. Л., К постановке вопроса о бесконечности пространства в общей теории относительности, «ДАН СССР», 1959, т. 124, № 5; Фок В. А., Теория пространства, времени и тяготения, 2 изд., М., 1961; Петров А. З., Пространства Эйнштейна, М., 1961; Мак-Витти Г. К., Общая теория относительности и космология, пер. с англ., М., 1961; Новейшие проблемы гравитации. Сб. ст., М., 1961; Вебер Дж., Общая теория относительности и гравитац. волны, пер. с англ., М., 1962; Синг Дж. Л., Общая теория относительности, пер. с англ., М., 1963; Борн М., Эйнштейновская теория относительности, пер. с англ., М., 1964; Эйнштейн А., Инфельд Л., Эволюция физики, пер. с англ., 3 изд., М., 1965; Поликарпов А., Относительность и кванты, пер. с болг., М., 1966; Робб А. А., The absolute relations of time and space, Camb., 1924; Рейхенбах Н., The philosophy of space and time, N. Y., [1958]; Grünbaum A., Philosophical problems of space and time, [N. Y.], 1964. И. Алексеев. Новосибирск.

ОТНОШЕНИЕ — одна из осн. логико-филос. категорий, отражающая способ (род) бытия (и познания). Именно в этом или близком к этому смысле термин «О» был введен в философию Аристотелем.

Понятие об О. возникает как результат сравнения любых двух предметов (наз. субъектами или членами О.) по выбранному (или заданному) основанию сравнения (признаку). Напр., сравнение по величине порождает понятие о числовых О.; сравнение по времени появления или исчезновения — понятие о временных О.; сравнение по участию в материальном произве — понятие о производств. О. Аналогично складываются понятия о любых О. Имеется множество различных оснований сравнения (в частности, основанием сравнения может быть и к.-л. О., что приводит к понятию своего рода иерархии О.). Соответственно имеется и множество различных О.: «Отношение является по отношению двойного к половинному, тройного к третьей части и вообще кратного к кратной части, превосходящего к превосходимому, то отношением нагревающего к нагреваемому, режущего к разрезаемому и вообще действующего к страдающему; далее, отношение измеряющего к мере, познающего к познанию и чувствующего к чувственному восприятию» и т. д. (Аристотель, цит. по кн.: «Начала Евклида», кн. 1—6, М.—Л., 1950, с. 368).

Осн. филос. проблемой О. со времен схоластики является вопрос об онтологич. статусе О., к-рый формулируется примерно след. образом: если существуют предметы *a* и *b*, находящиеся между собой в отношении

R , то существует ли само R и в каком смысле можно говорить, что R существует? Лейбниц считал, «...что отношением... в действительности находится вне субъектов и что оно должно быть чем-то чисто идеальным, поскольку не является ни субстанцией, ни акциденцией...» (Hauptschriften, «Phil. Bibl.», Bd 107/108, I, S. 185). Это вообще т. зр. объективного идеализма (платонизма). Однако реальность O . можно понимать и иначе, а именно в том смысле, что если основание сравнения не произвольно (если, так сказать, оно коренится в самих сравниваемых предметах), то и O . как результат сравнения по данному основанию также не произвольно, его онтологич. статус в данном случае выражается в существовании основания (при этом само O . можно рассматривать как св-во этого основания). Здесь, говоря о реальности (или существовании) к.-л. O ., конечно не приходится подразумевать при этом, что оно «в действительности находится вне субъектов» (членов O .).

С диалектико-материалистич. т. зр. понятие об « O . вообще» возникает как результат абстракции от конкретных O . между вещами, а эти последние никогда не познаются изолированно. « O телам, — говорил Энгельс, — вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать» (Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, 1953, с. 283). Диалектич. понимание единства вещи и O . приводит к необходимости считать, что вещи не более реальные, чем O ., поскольку реальная природа св-в вещи может проявиться лишь в O ., во взаимодействии, в связи с др. вещами. O . существуют как O . вещей, но и вещей нет вне O . Только в абстракции это «...единство в вещи и отношении... раздваивается на: 1) вещи и 2) отношения. Для выделения последних в чистом виде нельзя устранить, однако, вещи, а нужно сделать их (вещи. — *Ред.*) переменными» (Яновская С. А., Идеализм и математика, см. Сб. статей по философии математики, 1936, с. 65). В замене постоянных переменными и в выделении (абстрагировании) O . состоит, по существу, один из осн. познават. процессов — процесс обобщения, или (если выделяются существ. O . — связи) процесс познания законов.

С т. зр. объективного идеализма, выделенные в виде законов (логич., математич., физич. и др.) O . как бы выражают не только род существования удовлетворяющих им объектов, но и род (априорной) необходимости, образуя мир т. н. «вечных истин» (по Лейбницу; см. *Логическая истинность*). Однако идеалистич. постулирование особой реальности O . — их «надвещности» лишается смысла (так же, впрочем, как и номиналистич. отрицание к.-л. их реальности, см. об этом в ст. *Номинализм* в философии математики), если помнить, что категории вещи, св-ва и O . отражают гносеологич. факт нашего представления о структуре мира в соответствии с нашей практикой и являются результатами абстракции. В пределах этой абстракции можно говорить о реальности O . в том же смысле, в каком мы говорим обычно о реальности «конкретных св-в» и «конкретных вещей». М. Новоселов. Москва.

В содержаниях формулировок естеств. языков O . выражаются обычно сказуемыми фраз, имеющих более одного подлежащего (или подлежащее и одно или неск. дополнений). В зависимости от числа этих подлежащих (или подлежащих и дополнений) различают бинарные (двуместные, двучленные), тернарные (трехместные, трехчленные), вообще n -арные (n -местные, n -членные) O . Эти содержания представляют реализуются в точных терминах на различных уровнях абстракции и формализации. Простейший из них — теоретико-множественный. В терминах теории множеств бинарным (n -арным) O . наз. множество упорядоченных пар (соответственно n -ок); если упорядоченная пара $\langle x, y \rangle$ принадлежит O . R , то говорят

также, что x находится в O . R к y [символически: $R(x, y)$ или xRy]. Множество первых элементов, входящих в к.-л. O . R упорядоченных пар, наз. областью (определения) R , множество вторых элементов — конверсной областью (или областью значения); объединение этих двух множеств наз. полем данного O . Аналогичные понятия вводятся и для n -местных (n -членных) O .

С т. зр. (математической) логики O . суть не что иное, как n -местные предикаты (одноместные предикаты — это свойства отд. предметов), т. е. пропозициональные функции от n ($n \geq 2$) переменных, или, в др. терминах, пропозициональные формы, обращающиеся при подстановке на их пустые места имен (названий) предметов из нек-рой фиксированной для данного контекста области предметов в предложения, каждое из к-рых принимает одно и только одно из двух истинностных значений (истина и ложь).

Понятие O . служит исходным для определения нек-рых др. важных для математики и логики понятий, в первую очередь — понятия функционального отношения ($n+1$) местным функциональным O . или n -арной операцией, или n -местной функцией (отображением) наз. однозначное ($n+1$)-местное O ., т. е. такое O . R , для к-рого из $R(x_1, x_2, \dots, x_n, y)$ и $R(x_1, x_2, \dots, x_n, z)$ следует $y=z$; при этом y наз. значением функции для данного набора значений аргументов x_1, x_2, \dots, x_n , что обозначается, напр., через $y=f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. Для бинарного O . R отношение Q , имеющее место для всех тех и только тех упорядоченных пар $\langle y, x \rangle$, для к-рых имеет место [для соответств. пар $\langle x, y \rangle$] O . R , наз. обратным к R (или конверсным к нему) и обозначается часто через $R^{-1}(x, y)$; $R(x, y) \equiv R^{-1}(y, x)$ (в др. обозначениях: $xRy \equiv yR^{-1}x$). Если O ., обратное к нек-рому бинарному функциональному O . R , является однозначным (т. е. также является функциональным), то его, в соответствии с общепринятой матем. терминологией, наз. функцией (отображением), обратной (-ым) к R . Само O . R (так же, как и R^{-1}) наз. в этом случае взаимно-однозначным отображением, или взаимно-однозначным соответствием. Легко видеть, что область (определения) R служит областью значений R^{-1} (и обратно), так что введенная выше терминология представляется совершенно естественной и привычной. Аналогичным образом определяются понятия обратных функций для функций с более чем одним аргументом, а также являющиеся естеств. обобщением понятия однозначной функции понятие многозначной функции. [Следует отметить, что терминология, связанная с теорией O ., весьма разнообразна и разноречива; обычно — как и в связи с др. матем. и логич. вопросами — в употреблении и понимании терминов уславливаются в начале изложения; см., напр., по этому поводу цитируемую ниже литературу.]

Описанное здесь понятие (взаимно) обратных O . является примером O . между O . (т. е., так сказать, O . 2-го порядка; здесь естеств. образом возникает иерархия O ., подобная, напр., той, к-рая связана с понятиями класса или предиката; ср. *Теория типов*). Для O . также определяются разл. операции, напр. понятие дополнения и значений к-рого совпадают (в таких случаях говорят просто об O ., определенном на нек-ром множестве — поле этого O .), т. е. O ., имеющего место для тех и только тех пар предметов из поля исходного O ., для к-рых исходное O . не имеет места; суммы O ., т. е. для данных O . R и S такого O . Q , что $Q(x, y) \equiv R(x, y) \vee S(x, y)$; произведения O . $P(x, y)$, т. е. для данных R и S такого O . T , что $T(x, y) \equiv \exists z\{R(x, z) \& S(z, y)\}$ и т. д. Рассматри-

вающая такого рода операции над O , св-ва O и O , определенные над O , «алгебра O » (или *логика отношений*) есть, по существу, аналог алгебры классов и частный случай логики предикатов (ср. *Алгебра логики*), но в силу своей важности для мн. разделов математики и логики она сохраняет и самостоятел. значение (поскольку чрезмерная общность, связанная с рассмотрением исчисления O как частного случая *предикатов исчисления*, делает непосредств. приложения этих понятий неоправданно громоздкими).

Теория O , особенно ее (полу)формализованное изложение в виде т. н. исчисления O , была объектом пристального внимания мн. логиков. Первые ее систематич. изложения принадлежат O . де Моргану и Ч. С. Пирсу, наиболее полное — Э. Шрёдеру.

О конкретных св-вах O и важных O спец. видов см. *Рефлексивность, Симметричность, Транзитивность, Равенство* (в логике и математике), *Тождество, Порядок отношения, Изоморфизм, Обращение*. См. также *Операция, Функция*. Ю. Гаснев. Москва.

Лит.: Аристотель, Категории, М., 1939, гл. 5; Тарский А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 5; Чёрч А., Введение в матем. логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, § 03—06; Локк Дж., Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, § 03—06; Локк Дж., Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961; Уёмов А. И., Вещи, свойства и отношения, М., 1963; Лаварев Ф. В., Сама вещь и ее отношения, в сб.: Ленин об элементах диалектики, М., 1965, гл. 2, § 1; Шиханович Ю. А., Введение в современную математику, М., 1965, гл. 5—7.

ОТНОШЕНИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ (отношение именования, отношение называния) — отношение между именем и обозначаемым этим именем предметом. Понятие об O о. принадлежит к числу важнейших понятий *логической семантики*. См. *Имя, Значение, Взаимозаменяемость отношения* и лит. при этих статьях.

ОТНОШЕНИЯ ТИПА РАВЕНСТВА — отношения, обладающие одновременно св-вами *рефлексивности, симметричности и транзитивности*. Подробнее об O . т. р. см. в ст. *Равенство* (в логике и математике) и *Правило замены равного равным*.

ОТРАЖЕНИЕ (как всеобщее свойство материальных объектов) — реакция (изменение, отпечаток, след) любой вещи (явления), взаимодействующей с др. вещью: эта реакция всегда находится в определенном соответствии или сходстве с к.-л. стороной воздействующей на нее вещи. В основе этого соответствия лежат законы взаимодействия вещей. Вследствие взаимодействия вещей отношение между ними носит характер взаимоотражения: любая из них объективно является одновременно отражаемой и отражающей по отношению к др. При определ. условиях возникают реакции особого типа — не на абс. величину вещественно-энергетич. стороны воздействий, а на их относит. величину и упорядоченность (*организацию, структуру*); при этом на первый план выступает одно-стороннее отношение одной вещи (как первичной, независимой) к другой, вторичной, зависимой от первой. Это — явления O в собств. смысле слова. Они реализуются на высоком уровне организованности материальных систем, способных к самосохранению своей качеств. определенности, целостности в изменчивой среде. В условиях Земли в число таких систем входят все живые существа.

Стороны рассмотрения O . O может исследоваться в пределах отдельно взятого акта взаимодействия отражаемого и отражающего тела или же в системе актов взаимодействия, представляющих собой тот или иной этап развития. В свою очередь, в каждом из этих случаев O может рассматриваться либо с процессуальной стороны, либо в результиративном плане. O может быть рассмотрено и с т. зр. различных уровней организованности его структуры. Во всяком O можно выделить две гл. стороны — содержание O , или

отображение, и форму, т. е. способы существования и выражения отображения. Возможны и др. линии анализа O . Важное значение имеет различение двух осн. аспектов рассмотрения O . — естеств.-научного и гносеологического. Естеств.-науч. анализ связан с исследованием материального субстрата O . В гносеологич. аспекте O рассматривается как нематериальное (идеальное) отображение, образ, в котором не содержится ни грана вещества ни отображаемого, ни отображающего тела. Задачей гносеологич. анализа является сопоставление изменений, следов, запечатленных в отражающей вещи, с отражаемой для установления сходства (или соответствия) их структур. Однако науч. гносеология не ограничивается гносеологич. аспектом O , она решает и задачи обоснования гносеологич. выводов на основе научных данных. Способность вещей изменять свою структуру под воздействием др. вещей и частично сохранять эти изменения создает возможность для выделения отображения из носителя O . Это выделение осуществляется познающим субъектом, а в более элементарном виде — всеми живыми существами.

Типы O . По уровню организованности O может быть разделено на след. типы и входящие в них классы и виды:

O , выступающее как свойство вещей (предметов) неживой природы и составляющее элементарную основу O более высоких уровней. В этом последнем качестве оно присуще вещам любой природы. Его роль определяется след. моментами: во-1-х, св-во O является генетич. основой всех видов O ; во-2-х, оно является основой функционирования всех этих видов, т. е. включается в них как фундамент. свойство; в 3-х, учет этого св-ва имеет важное познават. значение, позволяя определять информационные возможности более высоких типов O и на этой основе решать такие проблемы, как, напр., оптимальный выбор носителя O , физич. условия и способы преобразования сигналов и т. п. Именно универсальность, всеобщность св-ва O является естеств.-науч. основанием принципа познаваемости — важнейшего в диалектико-материалистич. теории познания.

О живой природе. В этом типе O необходимо выделять: а) O , существующее в виде генетич. информации, раздражимости простейших одноклеточных и растений, возбудимости нервной ткани при регуляции внутриорганич. реакций у животных и человека; б) психич. O на уровне животных, обеспечивающее регуляцию их поведения.

О на социальном уровне организации, включающее: а) сознат. O индивида, регулирующее его деятельность; б) науку, иск-во и др. формы обществ. сознания, а также любые другие продукты деятельности человека, отражающие жизнь общества; в) особое положение занимает O в технике связи и управления, где человек создает искусств. системы, использующие естеств. св-во O , присущее всей природе.

Этот порядок расположения типов и классов O не совпадает в точности с их генетич. преемственностью. Проблема генезиса форм отражения — сложный и еще мало исследованный вопрос. Существующие в наст. время виды O с относительно простой организацией не обязательно являются «предками» более сложных видов O .

Принципы познания и O . Марксистская гносеология изучает гл. обр. формы человек. познания, что предполагает и знание предьстории познания. В этой связи возникает необходимость изучения тех свойств, к-рые являются общими для всех уровней и форм O , начиная от элементарных форм в живой природе. При этом именно элементарные формы O должны рассматриваться прежде всего. Это, а также свойство

О., присущее всей природе, составляет предмет теоретической О., которая представляет стержень теории познания. Развитие Лениным круга проблем, относящихся к теории О., носит название ленинской теории О. Принципы марксистской теории познания получают в теории О. обобщенный вид, приспособленный к анализу всех форм О. Исходным принципом диалектико-материалистич. теории познания является положение о вторичности образа, отображения, копии, знания по отношению к их источнику, объекту, оригиналу. Это положение противостоит принципам тождества в гносеологии объективного и субъективного идеализма. Гносеологич. отношение образа и предмета имеет свое естественнонауч. обоснование, в котором, в частности, используются данные о происхождении и развитии психич. О., об условиях и механизмах реализации образа в ходе взаимодействия субъекта с объектом и т. д. При анализе элементарных видов О. этот принцип может быть расширен до понимания продуктов О. как следствий, структура которых является преобразованием структуры отображаемых тел как причин.

Из принципа познаваемости в теории О. вытекают задачи анализа познават. роли исходных форм познания (*ощущений, восприятий*), их естеств.-науч. обоснования, а также роли всеобщего свойства О.

Принцип применения диалектики к процессам О. позволяет последовательно проводить материализм при анализе всех форм и уровней О.

Принцип единства теории и практики может быть расширен применительно к более элементарным видам О.: его можно выразить как единство сигнализации (восприятие, передача и переработка информации посредством сигналов) и управления. В таком виде он охватывает деятельность живых организмов, человека, человек. коллективов, автоматич. устройств в технике. Этот принцип лежит в основе понимания, с одной стороны, природы О. на различных его уровнях, а с др. — сущности управления, предметной деятельности животных и практики человека.

Для понимания О. важен также принцип выделения (извлечения) информации, выражающий тот факт, что содержание О. выделяется из суммарного продукта взаимодействия субъекта и объекта, выступает как информация об источнике-объекте, как представление о структуре этого объекта, извлекаемое из продукта взаимодействия источника с носителем О., в частности с отражат. аппаратом субъекта. Со стороны материальных условий и механизмов осуществления такое выделение связано с употреблением сигналов — знаков и знаковых систем, прежде всего — языка. Язык позволяет оперировать не самими вещами, а их отображением. Психологич. механизмы и условия реализации принципа выделения еще мало изучены. Более ясно его действие в сфере собственно познават. деятельности. Когда, напр., при решении ряда задач по известному результату взаимодействия тел находят характеристики одного из них, принятого за источник О. (зная при этом состояние другого и закон их взаимодействия), то здесь само взаимодействие оказывается источником и средством, при помощи которого извлекается информация. На уровне отражат. деятельности животных принцип извлечения действует еще в значительном виде. В области неживой природы он существует только в возможности.

Содержание О. и его осн. характеристики. Значения таких термипов, как «образ», «копия», «отображение», «сообщение», а также «информация» (в обычном смысле) равносильны значению термина «содержание О.». Термин «отображение» в гносеологии равносильен термину «образ»; но в математике под отображением обычно понимается сама функция перехода от оригинала (прообраза) к образу,

определяющая характер соответствия между ними. Специальное понятие информации, соответствующее его количеств. мере в статистич. теории информации, фиксирует одну важную сторону содержания О. — разнообразие, различие объектов (см. У. Р. Эшби, Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959, гл. 8 и 9) и соответствующую сторону формы О., т. е. разнообразие, относящееся к совокупности стандартных символов, которыми закодировано данное сообщение.

Одной из осн. характеристик отображения является его модальность или качеств. разнородность информации, которая соответствует качеств. многообразию действительности и ее законов и проявляется в непосредств. несопоставимости (или весьма огранич. сопоставимости) разнородной информации. При чувств. О. модальность отображения выражается в том, что восприятие разнородных воздействий и соответствующих им св-в или форм движения осуществляется различными органами чувств животных и человека. Вследствие различия между физич. природой источника информации и отображающего тела модальность отображения имеет характер соответствия, а не тождества (физич. подобия). При неправильном понимании этой проблемы возникали концепции, противопоставляющие *первичные качества*, как объективные, вторичным, как якобы лишь субъективным, концепции физиологич. идеализма, а ощущения иногда признавались символами или условными знаками вещей (см. «*Неролифов теория*»).

Др. характеристика — количеств. сторона отображаемых объектов (число элементов, величина интенсивности свойств и т. д.). Некоторые количеств. стороны свойств вещей отображаются в ощущениях (интенсивность звукового, светового, теплого и др. раздражителей). Измерит. приборы, являющиеся как бы продолжением органов чувств, повышают точность отображения интенсивности св-в и расширяют их количество. Мн. св-в и их количеств. характеристики воспроизводятся путем сложной теоретич. переработки опытных данных (напр., определение св-в элементарных частиц).

Центр. характеристику содержания О. составляет структура объекта, которая раскрывается с помощью законов науки.

Необходимо выделить еще одну характеристику отображения — вид соответствия или сходства между отображением и оригиналом. С формально-структурной стороны отображение можно рассматривать как преобразование одной структуры в др. С этой т. зр. надо указать его вид (закон), инвариантные св-ва и условия (ограничения). Само преобразование представляет собой функцию. зависимость, в которой соответствие между функцией и аргументом может быть как многозначным, так и однозначным, в частности взаимнооднозначным. Для гносеологии особый интерес представляют такие виды последнего, как *изоморфизм* и *гомоморфизм*. Частными случаями изоморфизма (гомоморфизма) являются различные виды подобия, в т. ч. геометрические. Важными видами математич. отображений, широко применяемыми в различных науках, являются отношение автоморфизма, т. е. отображение данного множества на себя, а также гомология (две структуры гомологичны, если они имеют общее происхождение, т. е. получены из одной и той же структуры путем соответствующих преобразований). Математич. гомология находит приложение в структурной лингвистике, биологии, антропологии и др. науках, изучающих происхождение, генезис объектов. Существует также ряд видов геометрич. отображений. Структуры логич. отображений (преобразований) специально изучаются в математич. логике.

Специфич. характеристикой отображения, образа является, по терминологии Сеченова, предмет-

ность (объективированность) чувств. образа или смысловая сторона (т. н. семантич. информация) понятий, теоретич. построений. В самом результате отражат. процесса непосредственно не дана связь, переход структуры оригинала в структуру образа. Эта связь осталась в прошлом, т. е. является потенциальной. Предметность же есть вторичная связь, направленная от образа к оригиналу-объекту, т. е. она представляет собой обратное проецирование отображения на оригинал. В чувств. отображении непосредственно дан эмпирич. объект, поэтому предметность имеет здесь неформальный характер. Когда же мы имеем дело с взаимными интерпретациями формальных знаковых систем, то здесь уже нет непосредств. соотношения с материальными вещами. Но в конечном счете, через ряд опосредствований смысловая сторона формальной системы так или иначе связана (по происхождению) с миром вещей.

Специфич. характеристикой содержания О. является ценность информации (применительно к биологич. системам предпочтительнее говорить о полезности информации), т. е. ее роль для индивида или группы индивидов. Этот аспект информации называют ее прагматич. стороной или просто прагматич. информацией.

В проблеме оценки адекватности, истинности отображения необходимо выделить два момента: достоверность отображения, в частности доказательность знаний, к-рой соответствует понятие объективной истины, т. е. степень точности отображения, к-рая важна при рассмотрении истины как процесса; глубина, или степень существенности отображения (напр., знание о законах объекта более существенно, чем данные о его внешних свойствах и отношениях). Можно указать и др. характеристики отображения, но они в большинстве своем будут производными от перечисленных.

Рассмотренные осн. характеристики отображения находятся между собой в сложных и многообразных отношениях, к-рые нуждаются в спец. исследованиях, в частности с применением формальных методов. Но при этом надо иметь в виду, что различные аспекты О. поддаются формализации в разной степени и фактически в этом направлении сделаны пока лишь первые шаги.

Объективная форма отображения и ее осн. характеристики. Любое содержание О. имеет объективный способ (форму) своего существования (выражения), не зависящий от субъекта, в деятельности к-рого строится сложный образ объекта. Осн. компонентами этой формы О. являются: 1) материальный агент (носитель) информации (напр., электрич. возбуждение нервной ткани); 2) способ материального преобразования и выражения информации (напр., колебания электрич. тока могут быть использованы по его амплитуде, частоте, фазе); 3) способ формального преобразования информации (логико-математич. способы, способы кодирования информации). Одно и то же содержание может быть выражено в различных формах О. Зависимость от содержания и, с др. стороны, относит. самостоятельность формы О. состоит в выборе формы, оптимальной с т. зр. содержания и целей О. (напр., выбор оптимального кода для программирования на электронных вычислит. машинах). Во всех случаях поиск наиболее соответствующей данному содержанию формы его выражения тем плодотворнее, чем полнее учитываются измерения как содержания, так и формы О.

Отношение понятий модель, сигнал, знак к образ. Понятия модель, сигнал и знак относятся к таким материальным образованиям, в структуре процессов, состояний к-рых заложена информация о др. объектах. В лит-ре термин «модель»

употребляется в узком и в широком смысле. Модель в узком смысле является зависимым, производным продуктом по отношению к психич. О., служит посредником между познающим субъектом и познаваемым (или управляемым) объектом. Понятие модели в широком смысле распространяется и на психич. О. С этой т. зр. восприятия и мысли есть модели, реализуемые в самом субъекте. Такое расширение понятия модели позволяет выработать единый подход к психич. О. и технич. моделированию, дает возможность применить к психич. О. точные понятия и методы теорий подобия, моделирования, теорий связи, следящих систем и т. п.

Отд. сигнал есть элемент, необходимый для построения модели целостного объекта. Система сигнала, изоморфная (гоморфная) оригиналу-объекту, представляет собой его динамич. модель. Иными словами, сигнал характеризует процессуальную сторону модели. Благодаря этой особенности он используется в технике в функции управления. Сигналы можно разделить на два вида: сигналы-изображения, полученные в результате воздействий источника-объекта на воспринимающие системы (органы чувств у животных и человека, датчики в технич. устройствах), и сигналы в виде отд. знаков и знаковых моделей. В процессе познания деятельности человека оба вида сигналов тесно взаимодействуют.

Об отношении О. к образам и знакам см. ст. ст. *Знак и Образ*.

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же. Философские тетради, там же, т. 38; Александров П. С., Введение в общую теорию множеств и функций, М.—Л., 1948; Павлов Т., Теория О., 2 изд., М., 1949; Сеченов И. М., Впечатления и действительность, в кн.: Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Я., Физиология нервной системы, Избр. труды, вып. 1, М., 1952; его же, Предметная мысль и действительность, там же; его же, Первая лекция в Моск. ун-те (6 сент. 1889 г.), там же; Павлов И. П., Лекция о работе больших полушарий головного мозга, М., 1932; Павлов В. А., Раздражимость в форме ее проявления, М., 1954; Харкевич А. А., Очерки общей теории связи, М., 1955; Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; Винер Н., Кибернетика, Пер. с англ., М., 1958, гл. 3, 5, 8; Полетаев И. А., Сигнал, М., 1958; Бриллиген Л., Наука и теория информации, пер. с англ., М., 1960, гл. 1, 12, 17, 20; Яглом А. М., Яглом И. М., Вероятность и информация, 2 изд., М., 1960; Пономарев Я. А., Психология творч. мышления, М., 1960, с. 37—124; Спиркин А., Происхождение сознания, М., 1960; Украинцев Б. С., О сущности элементарного отображения, «ВФ», 1960, № 2; Леонтьев А. Н., О социальной природе психич. человека, там же, 1961, № 1; Веккер Л. М., Ломов Б. Ф., О чувств. образе как изображении, там же, № 4; Бернштейн Н. А., Пути и задачи физиологии активности, там же, № 6; Анарьев Б. Г., Теория ощущений, Л., 1961; Украинцев Б. С., О возможностях кибернетики в свете свойства отображения материи, в сб.: Филос. вопросы кибернетики, М., 1961; Шорова Е. В., Проблема сознания в философии и естествознании, М., 1961; Поликарпов А., Материя и познание, София, 1961; Георгиев Ф. И., Принцип О. и рефлекторная теория, «ФН» (НДВШ), 1963, № 5; Глушков В. М., Мышление и кибернетика, «ВФ», 1963, № 1; Бродский И. Н., Причинность и информация, «Вестн. ЛГУ», 1963, № 17, вып. 3; Тютхин В. С., О природе образа, М., 1963; Штоф В. А., Роль моделей в познании, Л., 1963; Крестьянский В. И., Типы О. как свойства материи, «ВФ», 1963, № 8; Медведев Н. В., Теория О. и ее естеств.-науч. обоснование, М., 1963; Кибернетика, мышление, жизнь [Сб. ст.], М., 1964, разд. 3; Пономарев Я. А., Проблема идеального, «ВФ», 1964, № 8; Тютхин В. С., «Клеточка» О. и О. как свойство всей материи, там же, № 2; Урсул А. Д., О природе информации, там же, № 3; Бурбак Н., Элементы математики, пер. с франц., ч. 1, кн. 1, М., 1965, гл. 1—4; Георгиев Ф. И. [и др.], Чувств. познание, [М.], 1961; Глиński В. А. [и др.], Моделирование как метод научн. исследования, [М.], 1965; Штоф В. А., Моделирование и философия, Л., 1966; Josef de Vries, Die Erkenntnistheorie des dialektischen Materialismus, Münch.—[u. a.], 1958, S. 147, 155, 162; Cackowski Z., Treść poznawcza wrażeń zmysłowych, Warsz., 1962.

В. Тютхин, Я. Пономарев. Москва.

ОТРИЦАНИЕ — определ. момент процесса развития, выражающий диалектич. связь двух последоват. стадий (состояний) развивающегося объекта. Суть О.

состоит в том, что утверждение последующей стадии развития предполагает в качестве своего условия исчезновение, разрушение предыдущей и вместе с тем сохранение, удержание нек-рых ее существ. элементов, составляющих. Так понимаемое О. называют диалектическим, в отличие от обыденного его понимания как простого уничтожения, отбрасывания (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 218—19), также встречающегося в философии и обозначающего просто действие, в к-ром отвергается существование, необходимость, обязательность чего-либо.

Указание на существенность О. в самой природе имело уже у Гераклита. Диалектич. идеи относительно О. высказывались Спинозой, Кантом (см., напр., «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин», в кн.: Соч., т. 2, М., 1964, с. 79—123). Категория О. играет фундамент. роль в философии Гегеля: в учении о бытии О. выступает как переход одного в др., в учении о сущности — как имманентный момент саморазвития, в учении о понятии — как всеобщая форма диалектич. процесса развития.

В марксизме категория О. освобождается от гегелевской мистики и выступает как проявление критически-революц. характера материалистич. диалектики. Здесь О. есть необходимый момент любого действит. развития (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 296—97). Диалектич. О. есть прежде всего самоотрицание старого, а не «извне» О., т. е. оно определяется имманентными законами развития самого объекта. Та или иная конкретная форма О. зависит от внутр. природы развивающегося объекта и условий, в к-рых он находится (см. Ф. Энгельс, там же, т. 20, с. 146). Однако при любом конкретном способе диалектич. О. неотделимо от *преemptивности*. Это особенно важно учитывать при анализе развития общества и истории науки, где диалектич. характер развития проявляется в том, что старые теории не просто отбрасываются, а снимаются (см. *Снятие*).

Лит. см. при ст. *Отрицания отрицания закон*.

В. Семенцев, В. Костеловский. Москва.

Отрицание в логике — одна из первичных логич. операций. Всегда следует тщательно следить за тем, к какому предложению она применяется, и уметь различать предложения вида «не-А», «принято не-А», «не принято А» и т. п. В естеств. языках имеются различные способы выражения для О., напр. «неверно, что А», или просто употребление частицы «не» перед сказуемым и т. п. Иногда О. выражается при помощи антонимов: «она некрасива» служит О. для «она красива», но в др. случаях первое из этих утверждений считается более сильным, чем О. второго (фразу «снег черен» никоим образом не следует считать О. фразы «снег бел», хотя из нее следует такое О.). Коль скоро принято нек-рое предложение и его О. (причем это предложение отождествлено в обоих случаях), налицо — противоречие. Роль противоречия в рассуждении состоит в том, что оно дает право опровергнуть хотя бы одну из исходных посылок; иногда это право неск. расширяется, но, с др. стороны, не является ошибкой продолжение рассуждения, несмотря на уже обнаруженное в нем противоречие. При этом «опровергнуть» посылку означает заменить её отрицанием. Это выражается логич. законом $(A \supset B) \supset ((A \supset \neg B) \supset \neg A)$ (где \neg — знак О., \supset — знак импликации, А и В обозначают любые высказывания), к-рый принят во всех осн. системах логики, содержащих О. В т. н. *положительной логике* высказываний (при соответств. расширении ее языка посредством введения О.) этот закон равносложен *контрапозиции закону* в форме $(A \supset \neg B) \supset (\neg B \supset \neg A)$ и неск. сильнее др. формы закона контрапозиции: $(A \supset B) \supset (\neg B \supset \neg A)$. Его присоединение к положительной

логике высказываний приводит к *минимальной логике* высказываний, дальнейшее присоединение закона $A \& \neg A \supset B$ (из противоречия следует любое предложение, «&» — знак конъюнкции «и») или $\neg A \supset (A \supset B)$ — к *интуиционистской логике* высказываний, а дальнейшее присоединение закона снятия двойного отрицания $\neg\neg A \supset A$ или закона исключенного третьего $A \vee \neg A$ (где \vee — знак *дизъюнкции* «или») — к классич. логике высказываний. $\neg\neg(A \vee \neg A)$ доказуемо в интуиционистском, а фактически даже в минимальном исчислении высказываний, поэтому присоединение к последнему закона $\neg\neg A \supset A$ дает и $A \vee \neg A$, и, как легко доказать, также $A \& \neg A \supset B$ и тем самым классич. исчисление высказываний, — но присоединение $A \vee \neg A$ к минимальному исчислению приводит к более слабой системе «спящего отрицания» (термин Фитча), не содержащей законов $\neg\neg A \supset A$ и $A \& \neg A \supset B$. Закон $A \supset \neg\neg A$ имеет место в минимальном — и по-прежнему в интуиционистском и в классич. исчислениях. Из него, в каждом из этих исчислений, следует $\neg\neg A \supset A$, а значит (ввиду $B \supset \neg\neg B$) и $\neg\neg A \equiv A$ (где \equiv — знак эквиваленции). Коль скоро нек-рое предложение считается истинным, О. его считается ложным, но обратное заключение справедливо лишь в рамках рассуждений, основанных на классич. логике. В любой логич. теории роль О. неразрывно связана с ролями др. логич. операций, а потому являющиеся натяжкой встречающиеся иногда характеристики указанных выше логич. законов (или только одного, или нек-рых из них) как «основных законов О.». В логике вообще нет законов, в формулировку к-рых входило бы только О.

Иногда $\neg A$ отождествляют с импликацией $A \supset f$, где f — нек-рое фиксированное ложное высказывание. В таком случае О. «сводится» к импликации, а точнее — к импликации и употреблению константы f . Для естеств. истолкования этой константы как «ложки» неизбежно используется О. в качестве одной из первоначальных операций логики (и в качестве таковой О. используется во всяком известном истолковании интуиционистского исчисления высказываний). Во то же время для минимального исчисления имеется истолкование, при к-ром $\neg A$ рассматривается как $A \supset f$, причем f — произвольное (не обязательно ложное) высказывание. Для классич. исчислений (высказываний и предикатов) характерен способ преобразования О., связанный с законом *двойственности*; к интуиционистским исчислениям этот способ применим лишь в нек-рых частных случаях. Примеры преобразования по этому способу: $\neg\neg xA \equiv \forall x\neg A$ (это верно и в минимальном исчислении предикатов; \exists и \forall — *кванторы* существования и общности), $\neg\neg xA \equiv \exists x\neg A$ (только классически — хотя импликация справа налево верна и в минимальном исчислении). См. также *Законы де Моргана*.

В *модальной логике* иногда выражают необходимость через возможность и О. или возможность через необходимость и О., но за пределами специальных теорий к таким отождествлениям следует относиться с большой осторожностью, в частности — во избежание ошибки, при к-рой «либеральный режим», характеризующийся правилом «все незапрещенное разрешается», смешивается с «деспотическим режимом», правило к-рого — «все незапрещенное запрещается». Но запрещение, по-видимому, все же можно без ошибки рассматривать как «приказание бездействия» — причем если действие описывается предложением с глаголом в инфинитиве, то соответств. бездействие описывается предложением, получаемым из него посредством О. Бездействие надо уметь отличать от отказа, или воздержания от действия. В естеств. языках имеется широко распространенная нерегулярность в употребле-

лении О., особенно в сочетании с модальностями (напр.: «Вы не должны опаздывать» вместо «Вы должны не опаздывать»), к-рую надо уметь преодолевать посредством логич. анализа. (См. также ст. *Двойного отрицания закона*). А. С. Москва.

ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ ЗАКОН — один из осн. законов развития природы, общества и мышления. Согласно этому закону, развитие складывается из определ. циклов, в рамках к-рых разрешаются свойственные каждому из них *противоречия*. Специфич. способом и вместе с тем содержанием перехода от одной ступени развития к другой в рамках такого цикла является *отрицание*, а цель отрицаний, особым образом взаимосвязанных, и образует содержание развития. О. о. з. раскрывает роль каждого отрицания в развитии, связь между ними, а также результат двойного отрицания — осн. тенденцию, направление развития.

О. о. з. впервые был сформулирован *Гегелем*, хотя отд. черты этого закона (диалектич. характер отрицания, важная роль *преемственности* в развитии, нелинейный характер направления развития) зафиксировались и в предшествующей истории философии. В системе гегелевской диалектики развитие есть возникновение логич. противоречия и снятие его в дальнейшем; в этом смысле оно есть зарождение внутр. отрицания предыдущей стадии, а затем и отрицание этого отрицания, снятие отрицательного (см. Гегель, Соч., т. 6, М., 1939, с. 309—10). Поскольку отрицание предыдущего отрицания происходит путем снятия, оно всегда есть в известном смысле восстановление того, что отрицалось, возвращение к уже пройденной стадии развития. Однако это не простой возврат к исходной точке, а «...новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит в себе старое понятие, но содержит в себе более, чем только это понятие, и есть единство его и его противоположности» (там же, т. 5, М., 1937, с. 33). О. о. з. оказывается, т. о., всеобщей формой раздвоения единого и перехода противоположностей друг в друга или, иными словами, всеобщим проявлением закона *единства и борьбы противоположностей* со стороны его формы. Важная заслуга Гегеля состояла также в обосновании того, что результат развития синтезирует в себе целый ряд разрешенных противоречий, а не к.-л. одно из них. Вместе с тем общая ограниченность гегелевской диалектики отразилась и на понимании им О. о. з.: Гегель гипертрифировал значение *триады* как формы действия О. о. з., стремился «подвести» под нее все процессы изменения и развития (см., напр., его рассуждение об упругости — там же, т. 2, М.—Л., 1934, с. 180); главное же состоит в том, что О. о. з. есть у Гегеля закон развития абс. духа, по отношению к миру выступающий как извне ему навязанный.

В материалистич. диалектике О. о. з. рассматривается как закон развития самих явлений материального мира и его отражения в познании. При этом, если закон единства и борьбы противоположностей вскрывает источник развития, а закон *перехода количественных изменений в качественные* — механизм развития, то О. о. з. схватывает развитие в его направлении, форме и результате. В соответствии с этим единство и борьба противоположностей, переход количества в качество могут характеризовать как определ. процесс развития в целом, так и его отд. компоненты, стадии. Специфика же О. о. з. состоит в том, что его действие полностью обнаруживается лишь в целостном, относительно завершенном процессе развития, через цепь взаимосвязанных переходов, когда можно зафиксировать более или менее законченный (с т. зр. направления развития)

его результат. На каждой отд. стадии этот закон обнаруживается обычно лишь как тенденция, а потому далеко не всегда полно и очевидно.

В раскрытии содержания О. о. з. гл. роль играет понятие диалектич. отрицания, учитывающее момент связи *нового* со старым, существование преемственности. В форме О. о. з. эта связь выражается наиболее глубоко и выступает как «...повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и ...возврат якобы к старому...» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 214—15). «Возврат якобы к старому» выражает прежде всего тот факт, что в определ. цепи развития в качестве источника этого последнего действует некое осн. противоречие, на каждой стадии процесса находящее лишь частичное разрешение. И поскольку на разных стадиях сохраняется действие этого противоречия, сохраняется и основание для повторения известных черт предыдущей стадии; поскольку же противоречие движется, разворачивается, процесс выступает именно как процесс развития, а не простого воспроизведения ранее пройденных состояний.

Отрицание (или даже определ. цепь последоват. отрицаний) имеет место в каждом процессе изменения; двойное отрицание в таких процессах может привести к воспроизведению исходного состояния объекта. Формально к подобному процессу можно «приложить» О. о. з., однако по существу такое приложение лишно бы этот закон глубокого диалектич. смысла: «отрицая» воду, можно получить пар или лед, а «отрицание» этих последних снова даст воду. Но в этом и др. аналогичных случаях нет никакого развития, а потому к ним неприменим О. о. з. Именно с учетом характера О. о. з. как закона развития Ленин говорит о возврате якобы к старому. Блестящий образец анализа такого рода возврата дает Маркс в 24-й главе 1-го тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 23, с. 770—73), исследуя движение собственности от докапиталистических к социалистич. формам. Марксов анализ охватывает целостный процесс развития, в рамках к-рого возникает и разрешается противоречие между характером произ-ва и формами собственности. Переход к социализму с этой т. зр. означает не только возврат якобы к старому, т. е. повторение нек-рых существенных его моментов на иной, значительно более высокой развитой основе, но и завершение определ. цикла развития, переход к новому циклу с существенно иными внутр. противоречиями и законами движения.

Последовательность циклов, составляющую цепь развития, можно образно представить в виде спирали: «...Развитие путем противоречия, или отрицания отрицания, — спиральная форма развития» (Энгельс Ф., там же, т. 20, с. 343). «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не прямой линии» (Ленин В. И., Соч., т. 21, с. 38). При таком изображении каждый цикл выступает как виток в развитии, а сама спираль — как виток над витками, т. е. цепь циклов. Хотя спираль и является лишь образом, выражающим связь между двумя или более точками в процессе развития, но этот образ удачно схватывает общее направление развития, осуществляемого в соответствии с О. о. з.: возврат к уже пройденному является не полным; развитие не повторяет проложенных путей, а отыскивает новые, сообразные с изменением внешних и внутр. условий; повторение известных черт, св-в, уже имевших место на прежних этапах, всегда является тем более относительным, приближительным, чем сложнее процесс развития. В принципе развитие можно представить и в виде замкнутой кривой, и в виде прямой. Такие представления широко распространены в истории филос. и со-

циологич. мысли («мировой год» пифагорейцев, идея цикличности у Эмпедокла, у франц. материалистов 18 в., совр. англ. историка и социолога Тойнби и др.). О. о. з. преодолевает односторонность обоих этих подходов, противопоставляя им понимание развития как спиралевидного процесса.

Спиралевидность характеризует не только форму процесса развития, но и темпы этого процесса: с каждым новым витком спирали преодолевается все более значит. путь, поэтому можно говорить о том, что процесс развития всегда связан с ускоренным темпом, с непрерывным изменением внутр. масштаба времени развивающейся системы. Эта закономерность обнаруживается как в развитии общества и природы, так и в развитии науч. познания.

История науки показывает, что и познание подчиняется в своем развитии действию О. о. з. Однако здесь особенно важным является учет того обстоятельства, что О. о. з. обнаруживается лишь в целостных процессах развития. Одной из конкретных форм проявления О. о. з. в науч. познании является *соответствия принцип*.

С т. зр. специфики действия О. о. з. в обществ. развитии наиболее науч. и практич. значение имеет выявление особенностей формы социального прогресса в условиях коммунистич. формации. Если при капитализме непрямолинейность развития усугубляется наличием классовых антагонизмов, к-рые тормозят переход ко второму отрицанию, то при социализме время, затрачиваемое на осуществление полного цикла развития того или иного явления, т. е. двойного отрицания, имеет тенденцию к сокращению до пределов объективно необходимого минимума. Др. особенность второго отрицания в развитии антагонистич. формаций состоит в том, что здесь оно, как правило, осуществляется за пределами той формации, в к-рой было осуществлено первое отрицание. В этом одна из гл. причин односторонности прогресса в условиях классовых антагонизмов. Коммунистическая же формация сама выступает как отрицание отрицания и снимает оковы односторонности с обществ. прогресса.

О. о. з. подвергался и подвергается нападкам со стороны разного рода критиков марксизма. Некоторые из них отождествляют понимание этого закона Марксом и Гегелем и на этой основе пытаются приписать Марксу трактовку О. о. з. как простого орудия конструирования доказательств (Дюринг, Михайловский). Другие (напр., Мерло-Понти) жестко связывают О. о. з. с телеологией Гегеля и приписывают Марксу взгляд на коммунизм как на конец истории либо пытаются найти противоречие в его концепции прогресса (А. Нильс). В такого рода «критике» не учитывается, что материалистич. диалектика не абсолютизирует снятие противоречия, а понимает его как замену одного противоречия другим, т. е. как относительное снятие.

Лит.: Кедров Б. М., О повторяемости в процессе развития, М., 1961; Мороз К. В., Закон отрицания отрицания, М., 1957; Воробьев М. Ф., Закон отрицания отрицания, М., 1958; Руткевич М. Н., О сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия, «ФН» (НДВШ), 1958, № 4; Лебедев С. П., К вопросу о содержании закона отрицания отрицания, «ВФ», 1958, № 7; Мелюхин С. Т., О диалектике развития неорганич. природы, М., 1960; Борджани К., О науч. характере понятия прогресса, в сб.: Проблемы философии, пер. с рум., М., 1960; Багиров З., Закон отрицания отрицания, Баку, 1960; Морозов В. Д., Закон отрицания отрицания, Минск, 1960; Домрачев Г. Е., Фимов С. Т., Тимофеев А., Закон отрицания отрицания, М., 1961. См. также лит. при ст. Прогресс, Развитие, Соответствия принцип.

И. Исаев (Хабаровск), В. Семенчев (Москва), С. Шалютин (Курган), А. Минасян (Ростов-на-Дону).

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ — см. *Суждение*.
ОТЧУЖДЕНИЕ — филос.-социологич. категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоят. силу, господ-

ствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект обществ. процесса. О. характеризуется как исторически определ. характер деятельности человека, отношение его к продуктам деятельности и к обществу, так и разрушающее влияние социальной жизни антагонистич. формаций на личность человека. О. является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистич. обществе (см. *Опредмечивание и распределмечивание*). О. связано с овеществлением, фетишизацией обществ. связей, с опосредованием отношений между людьми институционально-«вещными» организациями. Истоки О. — в *разделении труда*.

Проблема О. в истории домарксистской философии. Постановка проблемы О. связана с возникновением бурж. отношений. Теоретики обществ. договора (Гоббс, Руссо и др.), фиксируя юридич.-правовую форму товарных отношений, рассматривали О. как акт передачи прав личности политич. организму. Руссо отмечает отчужденность обществ. воли устремлениям отд. человека, ее безличность и авторитарный характер. В результате обществ. договора «...из свободного и независимого, каким был человек первоначально, он превратился как бы в подвластного всей природе, особенно же ему подобным, рабом которых до некоторой степени он становится, даже становясь их господином» («О причинах неравенства», СПб, 1907, с. 82). Люди, скрывая свои подлинные намерения, предстают друг перед другом в масках, общество превратилось в «...собрание искусственных людей с деланными страстями...»; совр. человек живет «...всегда вне самого себя; он может жить лишь во мнении других, и одно только это мнение дает ему, так сказать, ощущение его бытия» (там же, с. 106, 107).

В нем. классич. философии проблема О. была связана с идеалистически интерпретируемой активностью, деятельностью человека. Поскольку человек рассматривается в нем. классич. философии как *самосознание*, постольку любая форма его объективации предстает как О., отождествляемое с опредмечиванием. Согласно Фихте, самосознание, чистое «Я» отчуждает, противопоставляет в своей деятельности предмет, «не-Я», а затем снимает его, возвращаясь к самому себе. Полагание предметности Фихте и обозначает «...как своего рода отчуждение и е» (см. Избр. соч., т. 1, М., 1916, с. 142). Продолжая традиции мыслителей Просвещения, нем. классич. философия фиксирует враждебность человеку бурж. прогресса. Ф. Шиллер, отмечая расколотость человека, его способностей, усматривает причины этого в разделении труда. Он уподобляет совр. общество «...искусному часовому механизму, в к-ром из соединения бесконечного множества безжизненных частей возникает в целом механическая жизнь... Вещно прикованный к отдельному малому обрывку целого, человек сам становится обрывком; ...Постепенно уничтожается отдельная конкретная жизнь ради того, чтобы абстракция целого могла поддержать свое скудное существование...» («Статьи по эстетике», М.—Л., 1935, с. 213, 214). Критика Шиллером совр. цивилизации покинута на эстетич. философии истории, согласно к-рой иск-во может преодолеть раздробленность человека, восстановить его целостность. Эта социальн.-критич. и эстетич.-утопич. тенденция в истолковании О. была продолжена затем нем. романтиками (см. *Романтизм*).

Проблема О. — одна из центральных в философии Гегеля. Она выступает у него, во-первых, как проблема объективации абс. духа в природе и истории, связанная с деятельным отношением субъекта к объекту, и, во-вторых, как специфич. проблема бурж.

общества. В ранних произв. Гегель фиксирует авторитарный, «позитивный» характер христ. религии, к-рой он противопоставляет неотчужденную религию античности (см. «Hegels theologische Jugendschriften», Tüb., 1907, S. 3). Позднее в «Феноменологии духа» проблема позитивности перерастает в проблему О. духа, к-рый в процессе своей деятельности отчуждает себя от самого себя для того, чтобы познать себя в этом инобытии. Развертывание духа происходит в отчужденных формообразованиях — от морали до гос-ва, где «...субстанциальность теперь больше уже не представляет собою лишь особое достоинство того или другого индивидуума, а существует сама по себе и развита всеобщим и необходимым образом во всех своих сторонах до мельчайших деталей» (Соч., т. 12, М., 1938, с. 186—87). Снятие О. тождественно самопознанию духа, воспоминанию его о своей внутр. сущности.

В рамках идеалистически-спекулятивного понимания О. Гегель поставил проблемы активности познающего субъекта, объективной закономерности историч. процесса, к-рая прокладывает себе дорогу в деятельности отд. людей, движимых частными интересами; она — результат их действий, «...нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» (там же, т. 8, М.—Л., 1935, с. 27). В «Феноменологии духа», в «Философии права» и в «Эстетике» Гегель обращает внимание на различия историч. форм О. в условиях рим. общества, крепостничества и совр. бурж. правового состояния. Описывая разложение греч. непосредств. нравственности, ее превращение в абстрактную систему права, Гегель рассматривает юридически-правовое О. как первую, простейшую форму О., характерную для гражд. общества. Правовое состояние есть «лишенная духа общественность», всеобщее, раздробленное на атомы, где каждый индивид предстает как самодовлеющая сущность, как «...отделенная от этой множественности одинокая самость...» (там же, т. 4, М., 1959, с. 259). Действительность, хотя она и создана индивидом, для него «...есть нечто непосредственно отчужденное и имеет для него форму непоколебимой действительности»; самосознание «...создает свой мир и относится к нему как к некому чуждому миру, так что отныне оно должно завладеть им» (там же, с. 264, 263). О. становится здесь всепронизывающей характеристикой бурж. общества — мира «отчужденного от себя духа». Иллюзия Гегеля заключается в том, что реальное О. он истолковывает как О. духа, а преодоление О.—как теоретич. осознание неистинности предмета (и в этом заключается, по словам Маркса, его «некритический позитивизм»).

Фейербах использует категорию О. в критике религии и идеализма. В религии человек отчуждает от себя свою реальную предметно-чувств. сущность, наделяя ею иллюзорное существо—бога. «Теология раздвигает и отчуждает человека, чтобы эту отчужденную сущность опять с ним отождествить» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1955, с. 117). Собств. силы человека предстают как сверхъестеств. божеств. силы, господствующие над ним (см. там же, т. 2, М., 1955, с. 56). Причину О. человека Фейербах видит в психологич. состояниях — чувстве зависимости, страха, экстаза и т. д. Идеалистич. философия — также форма О. человек. сущности, рациональное выражение религии. Чувственность рассматривается Фейербахом как «неотчужденный» фундамент человека; «неистинному» отчужденному миру он противопоставляет человек. мир любви. Гесс также противопоставляет «ложной» отчужденной собственности истинную» собственность патриархального общества, основанного на натуральном х-ве (см. «Sozialistische Aufsätze», В., 1921, S. 153). О. человека он связывает с разви-

тием денежных отношений: «Деньги — это продукт взаимно отчужденных людей, это отчужденный человек» (там же, S. 167).

Проблема О. в новейшей бурж. философии и социологии. Бурж. филос.-историч. и социологич. мысль 2-й пол. 19 — нач. 20 вв. описывает многие феномены О., мистифицируя в то же время сам процесс О. Ницше фиксирует О. человека в форме морали и прежде всего в форме христ. морали любви к ближнему, в к-рой выражается инстинкт отрицания жизни, «отвращение от воли к бытию» (см. Соч., т. 9, М., 1910, с. 11). Преодоление О. адекватно у Ницше отрицанию морали («необходимо уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь» — там же, с. 137), сливается с утверждением эстетич. имморализма, аристократич. элитарной концепции. Теннис в своем противопоставлении «общины» и «общества» отмечает сложность и запутанность институциональной структуры совр. общества. Шпенглер проводит идею о том, что европ. культура, умирая, превращается в цивилизацию, для к-рой характерны различные механизмы социальной связи. Зиммель связывает трагедию совр. культуры с разделением труда, к-рое «отрывает продукт от каждого из припимающих в работе участие», так что объективность, создаваемая в частичной деятельности, лишена «...внутренней одушевленности, которую только целый человек может вдохнуть в целое произведение» («Логос», 1911—12, кн. 2—3, с. 24). Созданные человеком и предназначенные для него предметы культуры «...проходят как бы промежуточную форму объективности, где и следуют имманентной логике ее развития, отчуждающей их как от их происхождения, так и от их назначения» (там же, с. 20). Фрейд обратил внимание на связь феномена О. с патологией личности. Развитие цивилизации предстает у Фрейда как процесс О. от непосредств. жизненных влечений человека, а культура — как нечто чуждое и враждебное его естеств. устремлениям. «Всякая культура... построена на принуждении и на отказе от влечений» («Будущность одной иллюзии», М.—Л., 1930, с. 9). Самоотчуждение человека, связываемое Фрейдом с развитием культуры, находит выражение в неврозе, в потере своего «Я» (деперсонализация) и чувстве чуждости окружающего мира (дереализация).

Гл. особенностями анализа О. в совр. бурж. лит-ре являются: 1) антиисторизм в понимании О.; 2) поиски причин О. в технике, а не в социальных отношениях; 3) отождествление опредмечивания и О.; 4) психологизация О. Так, для Бердяева любое материализованное бытие есть отчужденное бытие (см. «Смысл творчества», М., 1915, с. 45). Полемизируя с марксистским расчленением опредмечивания и О., Сартр и Инполит полагают, что «объективация есть отчуждение» (см. J. P. Sartre, Critique de la raison dialectique, P., 1960, p. 234—36; см. также J. Huppolite, Études sur Marx et Hegel, P., 1955, p. 10). Бердяев связывает О. человека и кризис гуманизма с возникновением машинной техники, разрушающей органическое отношение между человеком и природой. «Буржуазная цивилизация есть предел некосмичности мира. В ней гибнет внутренний человек, подменяется внешним автоматическим человеком. Цивилизация развила огромные технические силы... Но технические силы цивилизации властвуют над самим человеком, делают его рабом, убивают его душу» («Смысл творчества», М., 1915, с. 285). Для экзистенциализма также характерна фетишизация техники. Ясперс техника представляется «самостоятельной силой, увлекающей все за собой», так что общество «превращается в единую большую машину» (см. «Vom Ursprung und Ziel der Geschichte», Münch., 1949, S. 158—59). Ф. Хейнеман пишет о новой фазе «человеческого самоотчуждения» в 20 в., обусловленной влиянием техники:

«средства труда и машины обладают действенной тенденцией сделаться независимыми от своего создателя и развиваться по своим собственным законам. Это техническое отчуждение становится центральным» («Existenzphilosophie: lebendig oder tot?», Stuttg., 1954, S. 21). Мн. представители совр. бурж. социологии также видят истоки О. в технике, напр. Арвон (см. «La philosophie du travail», P., 1961, p. 82, 86), П. Навиль (см. «Le nouveau Leviathan», P., 1957, p. 151) и др.

С фетишизацией техники, непониманием социальнo-историч. обусловленности О. тесно связана и психологизация О. Сартр видит в О. «следствие однозначного внутреннего отношения, к-рое соединяет человека как практическое существо с его окружением» («Critique de la raison dialectique», P., 1960, p. 236). Для Хейдеггера О.— это способ бытия в условиях общественности, в мире повседневных забот; обезличивание человека, превращение его в функциональную единицу общества он описывает как растворение человек. «экзистенции» в Ман — отчужденных обществ. нормах поведения и образа мыслей. «Используя общественные средства сообщения, используя связь (газеты), каждый уподобляется другому... Мы наслаждаемся и развлекаемся так, как наслаждаются другие, мы читаем, смотрим и высказываем суждения о произведениях литературы и искусства так, как смотрят и высказывают суждения другие; но мы сторонимся также „толпы“ так, как сторонятся другие; мы „возмущаемся“ тем, чем возмущаются другие. Способ бытия повседневности предпосылает Ман, которое не является чем-то определенным и которым является все...» («Sein und Zeit», Tüb., 1953, S. 126—27). Психологизация О. присуща и совр. социологии. Так, Ж. Фридман определяет «отчужденный труд как всякий труд, ощущаемый как нечто чуждое тем, кто его выполняет» («Traité de sociologie du travail», P., 1960, p. 15).

Вместе с тем некоторые направления бурж. филос.-социологич. мысли связывают психологич. проявления О. с объективными социальными процессами. Фромм, один из крупнейших представителей неопрейдизма, отмечая, что совр. человеку угрожают «могущественные сверхчеловеческие силы — капитал и рынок» (см. «Escape from freedom», N. Y., 1941, p. 62—63), рассматривает психич. феномены О. как следствие определ. социальных причин: капитализм формирует в человеке импульсивную мотивацию (в капиталисте — садизм, иррациональную жажду власти; в рабочем — мазохизм), к-рая, возникнув, превращается в одно из условий функционирования и развития буржуазного общества.

Анализируя различные проявления О., совр. бурж. социология рассматривает О. как единственно возможный способ организации человек. отношений. Так, в микросоциологии возможность преодоления О. связывается только с малыми группами и утверждается неизбежность О. для др. социальных образований. В институциональной социологии изучаются различные типы отчужденных социальных ин-тов (гос-во, право, семья и т. д.), в социального действия теории изображается положение и поведение человека в чуждых ему бюрократич. ин-тах (человек как актер, исполняющий роль, ориентирующийся на ситуацию и институциональные ценности) и т. д. Принципиально-методологич. значение проблема О. имеет для представителей т. н. «социальной критики» (Миллс, Рисмен и др.). Миллс, анализируя механизм обезличивания социальных связей, превращения активной общественности в пассивную, манипулируемую массу, отмечает значение элитарных социальных ин-тов. «Работа, выполняемая людьми в различных иерархически построенных экономических институтах, ... распадается в силу разделения труда на множество более или менее узких и ограниченных зон и звеньев, а

позиции, с которых можно обозревать процесс производства в целом, централизованы; таким образом, люди лишены не только продуктов и орудий своего труда, но и понимания общей структуры и общей связи производственных процессов» («Властвующая элита», М., 1959, с. 429).

В целом бурж. мысль фиксирует лишь поверхностные формы превращенных социальных связей, она не понимает подлинных причин и реального процесса О., описывая часто его феномены с позиций самого О.

Создание и развитие марксистской концепции О. Марксистское понятие О. выражает сущность исторически преходящих обществ. отношений, основанных на разделении труда и частной собственности. В работах 1842—43 Маркс и Энгельс исследовали сначала О. в сфере духовной жизни (религия, идеалистич. философия и т. д.), а затем в области политич. жизни (напр., анализ бюрократизации гос-ва в работе Маркса «К критике гегелевской философии права» — см. Соч., 2 изд., т. 1, с. 269—73). В «Экономическо-философ. рукописях 1844 г.» исходным пунктом понимания О. становится проблема отчужденного труда. Маркс отмечает, что в условиях антагонистич. обществ. отношений рабочий относится к труду, к акту произ-ва как к принудит. внешнему процессу: в нем он «...не развёртывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 563). Человек ощущает себя свободным не в процессе труда, а лишь в том бытии, к-рое не отличает его от животного. Отношение рабочего к своей деятельности определяет и отношение его к предметам и продуктам своего труда, к-рые принадлежат не ему, а либо отд. частному собственнику, либо всеобщему капиталисту — гос-ву и выступают по отношению к рабочему как чуждые, враждебные ему сущности, во власть к-рых он все более попадает (см. там же, с. 561). В «Святом семействе» Маркс и Энгельс отмечают различие в отношении эксплуататора и эксплуатируемого к процессу О.: буржуа «...чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворённым и утверждённым», а пролетарий «...чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным...» (Соч., 2 изд., т. 2, с. 39).

В «Экономическо-филос. рукописях 1844 г.» Маркс выводит О. из отношения рабочего к своему труду, к-рое как результат определ. социальных процессов само должно быть объяснено. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс развивают свое понимание О. Критикуя М. Штирнера, к-рый сводит проблему «...только к тому, чтобы все действительные отношения, а равно и действительных индивидов заранее объявить отчуждёнными...», чтобы свести их к совершенно абстрактной фразе об отчуждении..., они ставят перед собой задачу — «...изобразить действительных индивидов в их действительном отчуждении и в эмпирических условиях этого отчуждения...» (там же, т. 3, с. 270—71) и фиксируют след. моменты процесса О.: 1) О. частной собственности; 2) О. гос-ва, когда общий интерес «...принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных — интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности» (там же, с. 32); 3) О. социальной деятельности, к-рая превращается в «отрицательную форму самодетельности» — труд. Существенно новым в «Немецкой идеологии» является то, что О. связывается здесь с разделением труда и рассматривается как его следствие. Обращая внимание на стихийный характер совокупной социальной деятельности в условиях разделения труда и антагонистич. обществ. отношений, Маркс и Энгельс отмечают, что О., «закрепление социальной деятельности», «консолидирование нашего собственного продукта» в некую вещную

силу, «... господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую в разрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчёты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» (там же).

Теоретически завершённый вид концепция О. приобретает в классич. работах Маркса и Энгельса 50—60-х гг.: экономич. рукописях 1857—58-х гг., «Капитале», «Пронсхождении семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринге» и др.

Общая структура О. фиксируется Марксом в соподчинении категорий *Veräußerung*, *Entäußerung*, *Entfremdung*, *Fremdartigkeit*, *Versachlichung*, *Verdinglichung*, выражающих различные стороны О. Категории *Veräußerung*, *Entäußerung*, *Entfremdung* выражают углубление процесса О. по мере развития товарно-денежных отношений. «*Veräußerung*» характеризует факт передачи, О. товара одним товаровладельцем другому, т. е. изображает отношения простого товарного обмена; капиталистич. отношения эта категория описывает с их внешней, обменно-правовой стороны. Теоретики обществ. договора фиксировали преим. это юридич. выражение экономич. отношений капиталистич. общества. Категория *Entäußerung* (О. во внешнем бытии) даёт более глубокую характеристику превращённых социальных отношений: она выражает овеществление социальных отношений в деньгах — вещном носителе абстрактного богатства. Наконец, категория *Entfremdung* носит наиболее всеобщий и глубокий характер, выражая О. всего социального мира, создаваемого человеком, превращение его в чуждый человеку мир капитала. При этом и юридич. О. (*Veräußerung*), и О. во внешнем бытии (*Entäußerung*) являются внешними формами процесса О. (*Entfremdung*). Если бурж. идеологи ограничиваются описанием чуждости (*Fremdartigkeit*) предметного мира, создаваемого человеком, фиксируют «отчужденность», состоящие О., то Маркс анализирует самый процесс О., вскрывает за внешней оболочкой исторически определённые обществ. отношений. Именно в «Капитале» выявляется специфика этих сторон О., что позволило связать теорию О. с теорией *фетишизма*, в частности товарного фетишизма: овеществление (*Verdinglichung*, *Versachlichung*) обществ. отношений и персонификация вещей есть одно из проявлений О.

Основные моменты О. 1) О. деятельности человека, к-рый выходит из процесса труда обедненным и опустошённым, поскольку творч., продуктивные силы человека противостоят ему как чуждые, господствующие над ним силы капитала. В бурж. обществе «всестороннее проявление человеческой сущности предстает как полное опустошение, универсальное опредмечивание как тотальное отчуждение, уничтожение всех определяемых односторонних целей как принесение в жертву самоцели неким совершенно внешним целям» (Маркс К., *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie...*, В., 1953, S. 387). Трудящийся превращен в придаток, в рабочий орган машины. Его труд раздроблен на мельчайшие операции и не требует обнаружения целостности его социальных св-в, превращая рабочего в частичного человека. Из процесса труда исключено всякое эстетич. и интеллектуальное содержание. Труд рабочего «все более и более превращается в чисто абстрактную деятельность, чисто механическую, поэтому равнодушную, индифферентную по отношению к ее особым формам деятельности» (там же, S. 204). Наемный труд — это «отчужденный от самого себя» труд, к-рому «... созданное им богатство противостоит как чуждое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующего над ним» (Маркс К.,

см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 3, с. 268). О. не тождественно эксплуатации. Эксплуатация наемного труда — это действительное обнаружение процесса О., его «действительное проявление» (см. там же, с. 520).

2) О. условий процесса труда и его результатов. Между рабочим и предметными условиями труда устанавливаются отношения полного безразличия, обособленности и отчужденности. «Объективные условия труда приобретают... по отношению к живому труду громадную, все более увеличивающуюся самостоятельность...» (Маркс К., *Grundrisse...*, S. 715—16).

3) Извращение отношения между субъектом и объектом: человек становится объектом производств. процесса, а отчужденная вещь, капитал, получает самостоят. активное существование. Происходит то субъективирование вещей и овеществление субъектов, к-рое Маркс вскрыл в учении о фетишизме. Капитал из отношения превращается в вещь, но «... в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 3, с. 507). Средства произ-ва, приобретшие форму капитала, становятся средством высасывания живого труда: не рабочий потребляет их как веществ. элементы своей производит. деятельности, а они потребляют его как фермент их собств. жизненного процесса. Человек становится лишь персонификацией овеществл. обществ. сил: капиталист — персонификацией капитала, рабочий — персонификацией наемного труда. Все отношения между людьми складываются как отношения между исполнителями частичных социальных функций. Их деятельность утратила подлинно человеческое, целостное содержание и превратилась в роль, смысл к-рой предписывается безличным социальным институтом.

О. и социальные институты. Хотя все социальные институты как совокупность образований, призванных регулировать жизнь людей, возникают в процессе человек. деятельности и не заключают в себе никакой материи, кроме этой деятельности, они приобретают независимый от человека вещный характер и становятся посредниками между людьми; как превращенные формы организации общества они связаны с О. от реального процесса обществ. жизни.

Разделение труда как социальный институт есть торж. форма распределения масс живого и опредмеч. труда. Обществ. богатство рассматривается здесь лишь с количеств. стороны, его распределение регулируется стихийным образом, целостная деятельность человека расчленяется на частичные, односторонние операции. Разделение труда превращает специализацию, вытекающую из качеств. неоднородности различных типов человек. деятельности, в профессионализацию — пожизненное выполнение рабочим своей частичной функции.

Классовое гос-во как социальный институт, в к-ром общественно-политич. жизнь отчуждается от жизнедеятельности самих индивидов, — наиболее концентрированное выражение «мнимой коллективности» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, там же, т. 3, с. 75), «суррогат коллективности». Анализируя генезис гос-ва, его зависимость от экономич. базиса и от воли господств. класса, Маркс, Энгельс и Ленин отмечают, что в процессе историч. развития углубляется О. классового гос-ва от действит. индивидов (см. В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 357—73, 429—46) и одновременно создаются объективные условия для преодоления этого О., для отмирания гос-ва. Превращение социальных институтов в сложные рационализированные бюрократич.

системы, построенные по иерархич. принципу, является одним из следствий О. Бюрократизация социальных институтов связана с пассивностью нар. масс, к-рые из подлинных творцов историч. развития превращаются в объект политич. управления со стороны господств. класса.

О. и культура. О. характеризует не только материальную, но и духовную жизнь классово-антагонистич. общества. Формируются специфич. формы ложного идеологич. сознания (от религии в собственном смысле до «светской» авторитарной идеологии). Классовое сознание превращается в институцион. идеологию, к-рая адекватно выражает волю господств. класса, враждебного народу и демократич. интеллигенции, но превратно отражает самую социальную реальность. Увеличивается власть политич. институтов над культурой (господство цензуры, консолидация органов печати в руках небольшой группы политиков и т. д.), а также разрушит. влияние средств массовой коммуникации и пропаганды (печать, радио, телевидение и пр.), с помощью к-рых осуществляется психологич. обработка масс, навязываются идеол. штампы, стереотипы мысли и поведения.

Возникает разобщенность внутри самой культуры: формируется т. н. «массовая культура», ориентирующаяся на эстетич. неразвитость обиденного сознания и закрепляющая ее, и элитарное искусство, находящееся в негативной зависимости от критикуемой им «массовой культуры». Господство в позднебурж. обществе иррацион. вещных сил, утративших свою видимую связь с жизнью самого человека, обуславливает тот факт, что перед взором многих мыслителей, писателей и художников 20 в. это общество предстает как мир абсурда и алогичности (см. *Иррационализм*). Но, изображая О. с позиций самого О., искусство вместе с тем осуществляет свое дефетишизирующее призвание. Оно раскрывает парадоксы фетишистского сознания и, разламывая мертвую предметность, разрушает само вещное отношение человека к реальности.

О. вместе с разделением труда проникает и в науку. В совр. науке, организованной по образу и подобию материального произ-ва, растет число исследователей, не понимающих цели своей деятельности, не постигающих целостного процесса исследования и выполняющих вспомогательно-вычислительные, формальные операции. Дегуманизация науки особенно ярко проявляется в том, что ее открытия ставятся на службу разрушит. военным целям, используются для создания средств массового уничтожения.

Преодоление О. — сложный, противоречивый и долг. процесс, связанный с уничтожением эксплуатации и социального разделения труда, прикреплению человека к частичной обществ. функции, с отмиранием гос-ва и становлением коммунистич. отношений. Идея о снятии О. отражает тенденции социального развития. Автоматич. произ-во, являющееся технич. базой коммунистич. общества, создает возможность для изменения всего облика труда: рабочий перестает быть гл. агентом произ-ва, а его деятельность превращается «во все усиливающуюся деятельность по наблюдению и регулированию» (см. К. Марх, *Grundrisse...*, S. 592). Уничтожение разделения труда и профсоюзализации не означает уничтожения специализации, т. е. специфики различных типов деятельности. Точно так же отмирание социальных институтов, связанное с уничтожением О., означает не исчезновение организации общественной жизни, а изменение ее форм: совокупная обществ. деятельность будет регулироваться сознательным и планомерным распределением труда пропорционально обществ. потребностям. Коммунизм — это общество реального гуманизма. Мерой обществ. богатства становится здесь всестороннее развитие человека.

Бурж. истолкователи марксовой концепции О. противопоставляют работы молодого Маркса (в особенности «Экономическо-филос. рукописи 1844 г.») его поздним произв., в к-рых у Маркса якобы исчезает проблема О. (П. Бинго, Э. Тир и др.). Марксизм превращается ими в разновидность антропологии, близкой экзистенциализму, концепция О. у Маркса сближается с истолкованием О. у Гегеля или Фейербаха (Г. Лейх, Г. Диле, Р. Хаис и др.), интерпретируется как романтит. «реакция против технического мира и технического человека» (см. П. Popitz, *Der entfremdete Mensch*, Basel, 1953, S. 134). Мн. протестантские (Тиллих, Г. Шрай, Ф. Делекат, П. Фетчер и др.) и католические (П. Бинго, Кальвез, *Ventner*) критики марксизма ищут теологич. содержание в марксовом понятии О., сближая его с христ. концепцией грехопадения человека.

В работах сов. ученых подвергается резкой критике бурж.-ревизионистская интерпретация марксова понимания О., истолкование О. в экзистенциализме, во фрейдизме, в совр. бурж. социологии, а также освещается становление проблемы О. в домарксистской философии, формирование и развитие этой проблемы в работах Маркса, Энгельса, Ленина, анализируется связь проблемы О. с явлениями фетишизма, социального разделения труда, бюрократизации, с идеологич. формами сознания, дискутируется вопрос о существовании и формах О. при социализме и путях его преодоления.

Хотя тенденция к преодолению О. является ведущей в социалистич. обществе (уничтожение капиталистич. эксплуатации и частной собственности на средства произ-ва, поиски путей обществ. самоуправления и др.), последнее, будучи лишь первой фазой коммунизма, сохраняет еще различные формы О. (идеология и практика *культы личности*, бюрократич. и религ. пережитки и т. п.). Общими путями преодоления О. для стран, строящих социализм, являются всемерное развитие обществ. богатства, преодоление противоположностей между умств. и физич. трудом, между городом и деревней, активное привлечение широких нар. масс к управлению обществом, высокое развитие коммунистич. сознания, науки и культуры, демократизация всей жизни социалистич. общества.

Лит.: Проблема О. в истории домарксистской философии. Лукач Г., *Материализация и протест. сознание*, «Вестн. Соц. Академии», 1923, кн. 4—6; Асмус В. Ф., *Противоречия специализации в бурж. сознании*, «ПЗМ», 1926, № 9—10; Давыдов Ю., «Феноменология духа» и ее место в истории филос. мысли, в кн.: Гегель, *Соч.*, т. 4, М., 1959, с. V—XLV; Нарский И. С., *Об историко-филос. развитии понятия «О.»*, «ФН» (НДВШ), 1963, № 4; Lukacs G., *Der junge Hegel*, Z.—W., 1948; Löwith K., *Von Hegel zu Nietzsche*, 4 Aufl., Stuttg., 1958; Franklin M., *On Hegel's theory of alienation and its historic forces*, в кн.: *Studies in Hegel*, v. 9, New Orleans, 1960; Rohmoser G., *Subjektivität und Verdinglichung. Theologie und Gesellschaft im Denken des jungen Hegel*, [Gütersloh], 1961; Gauvin G., «Entfremdung» et «Entäußerung» dans la Phänomenologie de l'esprit de Hegel, «Archiv Philosophie», 1962, № 25.

Проблема О. в совр. бурж. философии. Бердяев П., *Кризис искусства*, М., 1918; Heidegger M., *Über den Humanismus*, Fr./M., [1947]; Kofler L., *Geschichte und Dialektik*, Hamb., 1955; Lefort C., *L'aliénation comme concept sociologique*, «Cahiers internationaux de sociologie», 1955, v. 18; Ortega y Gasset J., *Inselbstversenkung und Selbstentfremdung*, в его кн.: *Gesammelte Werke*, Bd 4, Stuttg., 1956; его же, *Der Aufstieg der Massen*, там же, Bd 3, Stuttg., 1956; Bell D., *The meaning of alienation*, «Thought», 1959, v. 14, № 38—39; Döring P., *Verfremdete Welt und Wirklichkeit in der modernen Dichtung*, Dortmund, [1959]; Pappenheim F., *The alienation of modern man. An interpretation based on Marx and Tönnies*, N. Y., 1959; Thompson W. and Horton J., *Political alienation as a force in political action*, «Social Forces», 1960, v. 38, № 3; Fulton R., *Original marxism estranged offspring*, Boston, 1960; Axelos K., *Marx penseur de la technique. De l'aliénation de l'homme*, [P.], 1961; Fromm E., *Marx' concept of man*, N. Y., 1961; Tucker R., *Philosophy and myth in K. Marx*, [Camb.], 1961; Malterre J., *L'aliénation de l'homme dans la civilisation industrielle 1961*, «Christianisme social», 1961, № 1—2; Gabel J., *La reification*, P., 1962 (имеется подробная библиография франц. лит-ры); König R., *Freiheit*

und Selbstentfremdung in soziologischer Sicht, в кн.: Freiheit als Problem der Wissenschaft, В. [1962]; Man alone: alienation in modern society, ed. E. and M. Josephson, N. Y., 1962 (имеется подробная библиограф. лит-ры); Rotenstreich N., On the ecstatic sources of the concept of 'alienation', «Review of metaphysics», 1963, № 3; сго же, Alienation, transformation of a concept, Jerusalem, 1963; Langslet L. R., Den unge Karl Marx of menneskets «fremmedgjærelse», Oslo, 1963; Blauner R., Alienation and freedom. The factory worker and his industry, Chi.—L., 1964; Brun J., Technique et aliénation, «Revue d'histoire et de philosophie religieuses», 1964, № 2; The new sociology. Essays in social science and social theory of in honor of C. Wright Mills, N. Y., 1964; Topitsch E., Entfremdung und Ideologie, в кн.: Hamburger Jahrbuch für Wirtschaft- und Gesellschaftspolitik, Tübingen, 1964; Birou A., Forces d'aliénation et chemins de la liberté, «Economic et humanisme», 1965, mars—avr., № 159.

Марксизм и проблема О. Рубин И., Очерки по теории стоимости Маркса, М.—Л., 1928; Розенберг Л. И., Очерки развития экономич. учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX в., М., 1954; Гароди Р., О понятии «О.», «ВФ», 1959, № 8; сго же, Марксистский гуманизм, пер. с франц., М., 1959; Корню О., К. Маркс и Ф. Энгельс, пер. с нем., т. 1—2, М., 1959—61; Пажитов Л. Н., У истоков революц. переворота в философии. «Экономическо-филос. рукописи 1844 г.», К. Маркса, М., 1960; Замощки Ю. А., Бюрократизация бурж. общества и судьбы личности, «ВФ», 1961, № 4; Маркуш Д., К анализу «Экономическо-филос. рукописей» К. Маркса, «ФН» (НДВП), 1961, № 1; Батинев Г. С., Противоречие как категория диалектич. логики, М., 1962; Давыдов Ю. Н., Труд и свобода, М., 1962; Ойзерман Т. И., Формирование философии марксизма, М., 1962; Великовский С., Приглашение поразмыслить (К проблеме «О.»), «Вопр. лит-ры», 1965, № 9; Левада Ю. А., Социальная природа религии, М., 1965, с. 24—37; Наумова Н. Ф., Социальные аспекты разделения труда. Разделение труда и О. труда, в кн.: Рабочий класс и технич. прогресс, М., 1965, с. 26—49; Огурцов А. П., Проблема О. в работах К. Маркса, «Труды ин-та (Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова)», 1965, вып. 31; Jahn W., Der ökonomische Inhalt des Begriffs der Entfremdung der Arbeit in den Frühschriften von K. Marx, «Wirtschaftswissenschaft», 1957, Jg. 5, H. 6, Aug.—Sept.; Kurella A., Der Mensch als Schöpfer seiner Selbst, В., 1958; Petrovic G., Marksova teorija alienacije, «Filozofija», 1959, № 3—4; Sur le jeune Marx, [P.], 1960; Fischer E., Entfremdung, Dekadenz, Realismus, «Sinn und Form», 1962, H. 5—6; Kogač V., Marks i savremena sociologija, Beograd, 1962; Gauguier R., K. Marx, [P.], 1964; Entfremdung und Humanität. Marx und seine klerikalen Kritiker, В., 1964; Hefter M., Bürokratie und Entfremdung, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena—Thüringen. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe», 1964, H. 3; Panasiuk R., Problem biurokracji we wczesnej twórczości Marksa, «Studia filozoficzne», 1964, № 1 (36); Surenk R., Teorija otuđenja i sociologija, «Sociologija», 1964, № 1—2; Marks i savremenost, t. 1—2, Beograd, 1964; Vranicki P., Socijalizam i problem alijenacije, «Praxis», 1964, nov.—dec., № 2; Heise W., Über die Entfremdung und ihre Überwindung, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1965, № 6; Weltschlopf E. Ch., Entfremdung, historisch gesehen, там же; Hlavček A., Problémy socialismu a odcudzenie, «Otázky marxistické filozofie», 1965, № 1.

Марксистская критика бурж.-реформистского истолкования О. Ойзерман Т. И., Фальсификация филос. учения Маркса с позиций иррационализма, «ВФ», 1958, № 3; Огурцов А. П., Критика бурж. и ревизионистских фальсификаторов работы К. Маркса «Экономическо-филос. рукописи 1844 г.», в кн.: Науч. труды Моск. технологич. ин-та легкой пром., сб. 17, М., 1960 (имеется библиограф.); Попович М. В., Поход проти розуму, Б., 1960; Ситников Э. М., Проблема «О.» в бурж. философии и фальсификаторы марксизма, М., 1962; Давыдов Ю. И., А. Лефевр и его «концепция О.», «ВФ», 1963, № 1; Наумова Н. Ф., Бурж. социология о разделении труда, «ВФ», 1965, № 2; Lukacs G., Die Zerstörung der Vernunft, В., 1955; Marinkovic J., Pojam Otudivanja u Radovina G. Friedmana, «Filosofija», 1964, № 4.

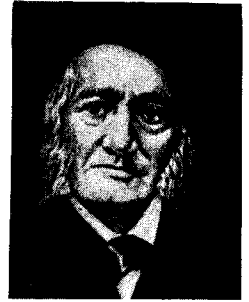
Обзорная лит-ра. Лапин Н. И., Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса, М., 1962; Habermas J., Zur philosophischen Diskussion um Marx und den Marxismus, «Philosophische Rundschau», 1957, H. 3/4; Lieber H. J. und Ludz P., Zur Situation der Marxforschung, «Kühler Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie», 1958, H. 3. А. Огурцов. Москва.

ОУЭН (Owen), Роберт (14 мая 1771—17 ноября 1858) — англ. утопич. социалист. Сын ремесленника. К 20 годам О. стал предпринимателем, с 1799 по 1829 управлял бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лепарке. Размышляя над причинами жестоких бедствий трудящихся классов Англии и способами их устранения, О. пришел к убеждению в необходимости переустройства общества на социалистич. началах (1817—20). Заслугой О. явилось стремление связать

социализм с рабочим движением, что он пытался осуществить в 1829—35. Деятельность О. способствовала просвещению рабочих, побудила к проведению нек-рых мер в интересах рабочего класса. Педагогические идеи и опыт О. обогатили теорию и практику педагогики.

Филос. воззрения О. — метафизич. материализм в форме своеобразного пантеизма. О. допускал существование некоей «скрытой неистощимой силы», к-рую именовал богом. Она действует, по О., только в природе и через природу и является источником движения и изменения во Вселенной. Человек, подобно др. существам, создан действием той же силы из атомов — вечных элементов Вселенной. Характер человека — результат взаимодействия его природной организации и социальных условий. Это положение, выдвинутое французским материализмом 18 в., О. расценивал как основной закон человеческой природы и как величайшую истину, открывающую путь к разумному устройству общества. О. делал из него критич. выводы: если человек — продукт среды, то в недостатках и пороках людей и во всех социальных бедствиях повинна социальная среда, т. е. капитализм, а для устранения этих бедствий необходимо заменить капитализм социализмом. Раскрывая это положение, О. обратился к анализу экономич. отношений капитализма и тех экономич. условий, к-рые сложились в Англии в связи с пром. переворотом. Он выдвинул на первый план значение экономич. отношений в их определяющем влиянии на сознание людей, углубив тем самым понятие «социальной среды», формирующей взгляды человека. О. подверг критике существенные черты капиталистич. строя: частную собственность, уродующее работников разделение труда, конкуренцию, жажду наживы, кризисы перенроиз-ва и др. Крупнейшей заслугой О. является то, что он оценил историч. значение роста производит. сил в эпоху пром. революции, указав на него как на материальную основу и предпосылку обществ. преобразования. В этой части своего учения О. приблизился к мысли об историч. необходимости, связанной с развитием произ-ва. Но эти глубокие мысли не изменяли общего строя историч. концепции О., к-рая оставалась метафизической и идеалистической. Как и передовые мыслители 18 в., О. делил обществ. порядки на разумные, отвечающие человек. природе, и неразумные, не соответствующие ей. Всю протекшую историю О. оценивал как неразумный период человек. существования, обусловленный невежеством людей, не понимавших своей природы, не знавших закона, по к-рому обстоятельства определяют характер человека. Отсюда проистекли, как писал О. в оуэннской газете «The New Moral World» (Book 6, L., 1849, p. 45), в к-рой сотрудничал Ф. Энгельс, «три основных заблуждения: будто человек сам создает себя, будто он обладает властью верить или не верить, как ему заблагорассудится, и любить или ненавидеть... как ему того захочется». Этим заблуждениям соответствует «троец зла» — три главных препятствия на пути к общественному переустройству: частная собственность, религия и господствующая форма брака и семьи.

С созданием науки о влиянии обстоятельств появилась, согласно О., возможность построить социалистич. общество, основанное на истинных и разумных принципах, согласных с природой человека. Пути осуществления социализма, предлагаемые О., были

утопическими; по словам Ленина, «...фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна», состояла «в том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров» (Соч., т. 33, с. 433).

Учению О. присущи не осознаваемые им антиномии; человек со своими взглядами есть продукт среды и в то же время среда есть продукт взглядов человека: чтобы изменить людей, надо изменить обстоятельства их жизни, но чтобы изменить обстоятельства, надо сначала перевоспитать людей; социалистич. общество может возникнуть только на той материальной основе, к-рая создана пром. революцией, однако создание такого разумного общества зависит прежде всего от открытия вечной и неизменной истины и природе человека, т. е. от деятельности сознания, а потому могло быть давно осуществлено. Эти и др. антиномии были своеобразным выражением реальной диалектики общественной жизни, постановкой проблем, подлежащих решению. Их решение было дано марксизмом.

Влияние О. испытали в большей или меньшей мере др. представители англ. утопич. социализма 1-й пол. 19 в. — У. Томпсон, Дж. Грей, Д. Ф. Брей, Т. Годскин. Маркс и Энгельс высоко оценивали практич. и теоретич. деятельность О., считая его «родоначальником английского социализма», «действительно естественной натурой» (см. Соч., 2 изд., т. 2, с. 459; т. 30, с. 434).

В России О. стал известен еще в 20-х гг. 19 в. (см. А. И. Володин, Начало социалистич. мысли в России, 1966, с. 21—22). О нем писали *петрашевцы* (статья «Овеннизм» в «Карманном словаре иностранных слов...», СПб, 1845, см. «Филос. и обществ.-политич. произв. петрашевцев», М., 1953), А. И. Герцен («Былое и думы», Собр. соч., т. 11, М., 1957, гл. XI), Н. А. Добролюбов (статья «Роберт Овен...», 1859, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1937). С большим уважением характеризуюя О., его учение и деятельность, рус. мыслители в то же время не принимали веры О. в готовность господств. классов отказаться от своей собственности и привилегий во имя будущего «разумного» общества.

Соч.: «Новый взгляд на общество, или Опыты о принципе образования человеческого характера» («A new view of society; or essays on the principle of the formation of the human character...») — первое крупное соч. О., написано в до-социалистич. период его развития. Излагает его взгляды на доминирующую роль воспитания в решении социальных проблем, его педагогику, идеи и опыт. Составит из 4 очерков. Первый написан в 1812, опублик. в 1812 (очень небольшим тиражом), затем 2 изд., Л., 1816. Есть многочисл. переиздания. Лучшее издание в кн.: «A new view of society and other writings», L.—fa. o., 1927. На рус. яз. впервые изд. под назв. «Образование человека, характера» (П., 1865), затем под назв. «Об образовании человека, характера» (СПб, 1884, и М., 1893); неполное изд. в 1909 (под назв. «Образование характера. Новый взгляд на общество»). Орывки напечатаны в кн.: «Педагогич. идеи Р. О.» (М., 1940); имеются также пер. на нем. яз.—Übers. und erklärt von O. Collmann, Lpz., 1900; на болг.—(Шумен, 1895); на польск., в кн.: O w e n R., Wybór pism, [Warsz., 1959, на венг. в кн.: O w e n R., Nevelés és társadalom, Bp., 1957.

Report to the county of Lanark of a plan for relieving public distress and removing discontent, L., 1821; Lectures on an entire new state of society, L., 1830; The book of the new moral world, L., 1836—44; Socialism or the rational system of society, L., 1840; The revolution in the mind and practice of the human race, L., 1849; The future of the human race, L., 1853; The new existence of man upon the earth, L., 1854—55; The life of Robert Owen, written by himself, with selections from his writings and correspondence, v. 1—2, L., 1857—58; на рус. яз.—Избр. соч., т. 1—2, М., 1956 (имеется библиограф.).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, 3, 4, 18, 19, 23, 24 (по именованию указат.); Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 2, с. 191, 221—23; т. 4, с. 105; т. 5, с. 343; т. 33, с. 433; Плеханов Г. В., Утопич. социализм XIX в., Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; Бут А., Биография и деятельность Р. О., основателя социализма в Англии, пер. с англ., СПб, 1870; Волкова Е., Пророк «разумного об-

щества». Р. О. Его жизнь и деятельность, 4 изд., X., 1919; Либкнехт В., Р. Оуэн, М., 1919; Бер М., История социализма в Англии, пер. с нем., М.—И., 1923; Долеанс Э., Роберт Оуэн, X., 1923; Волгин В. П., История социалистич. идей, ч. 2, М.—Л., 1931; Колл Д. Г., Р. Оуэн, М.—Л., 1931; Ан Арк., Р. Оуэн, М., 1937; Макаровский А., Социалист-утопист Роберт О., «ПЗМ», 1940, № 9; История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 514—69; История философии, т. 2, М., 1957, с. 179—83; Тумим-Альмединген Н. А., Педагогич. опыты и взгляды Р. О., М., 1960; Кан С. Б., История социалистич. идей, М., 1963; Реуэлъ А. Л., Западноевроп. утопич. социализм, М., 1963; S a r g a t W. L., Robert Owen and his social philosophy, L., 1860; W e b S., Socialism in England, L., 1899; J o n e s L., The life, times and labours of Robert Owen, [3 ed.], L., 1900; D a v i e s R. E., The life of Robert Owen, L., 1907; M e s c a b e J., Robert Owen, v. 1—2, L., 1923; P o d m o r e F., Robert Owen: a biography, v. 1—2, L., 1923; S i m o n H., Robert Owen, Jena, 1925; H a r v e y R. H., Robert Owen social idealist, Berk.—Los Ang., 1949; M o r t o n A. L., The life and ideas of R. Owen, L., 1962; A biography of Robert Owen, The socialist 1771—1859, 2 ed., Aberystwyth—L., 1925. А. Макаровский. Москва.

ОЩУЩЕНИЕ — исходный, простейший элемент процесса *отражения*, элементарный результат воздействия внешнего мира на органы чувств. Проблема О. рассматривалась уже в антич. философии. *Эмпедокл*, а за ним *Демокрит* и *Эпикур* говорили об «истечениях» (у Демокрита — «эйдосы»), отделившихся от вещей и действующих на органы чувств. У *Платона* О. понималось как нечто связывающее душу с миром идей. Стоики полагали, что О. представляют собой впечатления, получаемые от вещей внешнего мира. В новое время проблему О. рассматривали Ф. *Бэкон*, высказавший, в частности, верное положение о зависимости цвета от света (позднее это экспериментально доказал Ньютон), и *Локк*, к-рый ввел различение всех воспринимаемых св-в вещей на *первичные качества* и *вторичные качества* и заложил основу для различения О. и *восприятия* (Г. Рид). Беркли указал на связь зрит. и осязат. О., связь между видимой величиной предметов и расстоянием до них, а его идея о *minimum visibile* предвосхитила понятие порога О. Однако данное им филос. истолкование О. носило субъективно-идеалистич. характер. В нем. классич. философии проблема О. рассматривалась мало в связи с общей направленностью в сторону *рационализма* и недооценкой чувств. ступени познания. Субъективно-идеалистич. концепцию О. как «элементов» мира породил в новейшее время эмпириокритицизм, подвергнутый материалистич. критике Лениным в работе «*Материализм и эмпириокритицизм*».

Диалектич. материализм рассматривает О. как единств. источник знаний человека о мире, как «субъективный образ объективного мира» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 106). Всякое познание, в т. ч. научное, в конечном счете основывается на О. На базе О. строятся восприятия и *представления*, к-рые, в свою очередь, служат материалом для образования *понятий*. Диалектико-материалистич. концепция О. опирается на данные совр. естеств.-науч. анализа О.

С середины 19 в. О. становится предметом изучения ряда естеств. наук (психологии, физиологии, психофизики и др.), к-рые стремятся раскрыть механизмы О. и роль О. в *ориентировочной деятельности* животных и человека. В естеств.-науч. анализе О. рассматриваются как формы непосредств. информации организма о состоянии внешней и внутр. среды. В зависимости от источника информации строятся и классификация О. (*экстерорецепция*, *интерорецепция*, *проприорецепция*). Совокупность всех возможных О. к-л. вида называется *модальностью*; О. различных модальностей не сравнимы между собой. Механизмы О. рассматриваются психофизикой, создателями к-рой явились Э. Вебер (1795—1878) и Г. Фехнер (1801—87). Психофизика изучает зависимость О. и др. сенсорных реакций от действия внешних раздражителей. Минимальная интенсивность действия раздражителя, необходимая для создания О., назы-

вается нижним абсолютным порогом. Существует и верхний порог чувствительности — такая величина интенсивности раздражения, при которой вместо О. той или иной модальности возникают болевые О. Психопсихика фиксирует также пороги различия — такие соотношения величин интенсивности двух раздражителей, при которых возникают различия в О. Связь чувствительности с интенсивностью действия раздражителя подчиняется осн. психопсихич. закону Вебера—Фехнера, согласно которому чувствительность органов чувств растет в арифметич. прогрессии, при росте интенсивности действия раздражителей — в геометрической. Этот закон верен лишь для средних значений интенсивности раздражителей, т. к. пороги могут изменяться в зависимости от условий. Закон показывает, что для воспринимающего субъекта наибольшее значение имеет отношение между раздражителями, а не их абсолютная величина. Данные психопсихики нередко служили для идеалистич. филос. выводов (напр., в «физиологическом идеализме»).

Поскольку среда обитания организма гетерогенна и потому питат. вещества распределены в ней неравномерно, у организмов в процессе эволюции выработалась способность реагировать на такие свойства факторов среды, которые сами по себе не имеют биологич. значения, но находятся в определ. связи с веществами, непосредственно участвующими в обмене. Результатом такой реакции является не непосредственное ответное действие, направленное на внешний объект, а некое внутр. состояние организма — О., выступающее в роли «представителя» этого объекта, сигнала о нем. Напр., внешняя форма молекулы химич. вещества, сама по себе безразличная организму, вызывает О. определ. запаха, сигнализирующего о необходимом питат. веществе.

Физиологич. механизм возникновения О. является анализатор. Специфика и степень развития анализаторов у различных биологич. видов детерминирована условиями среды и потребностями организма. То же относится и к диапазону воспринимаемых свойств раздражителя. Напр., теплокровные животные не воспринимают инфракрасных лучей потому, что их глаза были бы ослеплены собств. тепловым излучением глаза. С т. зр. информационной пропускной способности у человека на первом месте стоят зрение и осязание, затем идут слух, вкус, обоняние и органич. О.

Для понимания специфически человек. О. и их роли в процессе познания необходимо учитывать не только высокое развитие и сложное строение анализаторов у человека, но прежде всего тот факт, что «...чувства общественного человека суть иные, чем чувства у необщественного человека» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произв., 1956, с. 593). Это значит, что формирование свойств. человеку аппарата О. происходит в решающей степени под воздействием социальных факторов и условий и, в свою оче-

редь, О. человека служат не только и не столько биологическим потребностям, сколько специфически социальным.

Что касается отношения О. к предметам внешнего мира (в смысле сходства и различия), то здесь возможны две постановки вопроса. Одна из них совпадает с поставленной Демокритом и Локком проблемой первичных и вторичных качеств. Другая постановка вопроса, свойственная совр. теории познания, состоит в установлении функциональной связи между О. и их физико-химич. внешними причинами. Согласно эксперимент. данным, эта связь является гомоморфной, в частности одномногочленной: одному и тому же О. могут соответствовать разные св-ва предметов объективного мира (напр., О. белого цвета вызывается действием на глаз смеси электромагнитных волн всех длин видимого спектра, а также любой пары дополнит. цветов — красного и сине-зеленого, желтого и фиолетового). Из этих же данных можно получить косвенный ответ на вопрос о характере «вторичных качеств». По-видимому, нельзя рассматривать белый цвет как объективно присущий электромагнитной волне, ибо нет такой волны, к-рой он мог бы быть присущ. Если же считать цвет присущим не волне, а самому предмету, то неясно, как быть с черным цветом: причина его — отсутствие к.-л. электромагнитных волн, поэтому волна не может передать нам информацию о черном цвете, «присущем» самому предмету. Если даже все предметы, имеющие одинаковую окраску, объективно содержат в себе некое общее свойство, то отсюда еще не следует, что оно красное, зеленое и т. п. Тем не менее ряд исследователей считает цвет (как и др. вторичные качества) физич. св-вом тела, заключающимся в поглощении одной части спектра и отражении другой.

Отношение О. к св-вам предметов объективного мира определяет его роль в процессе познания. Отд. О. выполняет функцию сигнала (цвет сигнализирует о температуре раскаленного тела). С др. стороны, О. выступают как элементы восприятия, причем связь между О. в составе восприятия в принципе изоморфна связи отдельных макроэлементов материального предмета. Такая природа связи О. в составе восприятия и позволяет им быть исходными данными для познания.

Лит.: Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; Гельмгольц Г., Филос. и науч. исследование зрения, СПб., 1896; Кравков С. В., Цветовое зрение, М., 1951; Сеченов И. М., Избр. произв., М., 1953; Гуртовой Г. К. и Спиркин А. Г., Вопросы психофизиологии и ленинская теория отражения, в сб.: Филос. записки, т. 5, М.—Л., 1955; Ананьев Б. Г., Теория О., Л., 1961; Вавилов С. И., Глаз и солнце, М., 1961; Ведин Ю. П., Роль О. и восприятий в процессе познания, Рига, 1964; Георгиев Ф. И. [и др.], Чувств. познание, [М.], 1965; Fechner G. T., Elemente der Psychophysik, 3 Aufl., Tl 1—2, Lpz., 1907; Boring E. G., Sensation and perception in the history of experimental psychology, N. Y.—L., [1942]; Piéron H., La sensation, P., 1953; его же, Aux sources de la connaissance. La sensation guide de vie, 3 éd., [P., 1955]; Cackowski Z., Treść poznawcza wrażeń zmysłowych, [Warsz.], 1962. В. Дубовской. Москва.

П

ПАВЕЛ САМОСАТСКИЙ (Παύλος ὁ Σαμοσατεύς) — христианский богослов 3 в., сторонник сближения церкви с гос-вом, сочетал должность наместника (дуценария) Антиохии с постом антиохийского епископа (с 260). Выразитель сепаратистских устремлений сирийского населения. В 272, после завоевания Антиохии рим. войсками, был изгнан из города.

П. С. придерживался монархизма, т. е. представления о боге как о единой сущности и, следовательно, отрицал особое существование (ипостась) как бога-слова (Логос), так и св. духа. Логос, по П. С., — свойство бога, безличная сила, действующая через Моисея, пророков и особенно через Христа. Т. о., П. С. не отождествлял Христа с Логосом, считал его «равным нам», «земным» человеком, к-рый посредством своей любви и воли достиг вечного единения с богом. Он стал богом как благодаря благодати (вселению в него Логоса), так и благодаря собственным делам, ибо, будучи подверженным греху, как все люди, смог остаться вне греха. П. С. отвергал как тезис о тождестве Христа и бога-отца, так и мистич. единство божественного и человеческого в Христе. Он упразднил гимны, где упоминалась божество сущность Христа. Подчеркнуто светский образ жизни П. С. (епископ окружил себя телохранителями, жил в роскоши) соответствовал его тенденциям к секуляризации евангельского мифа. Три антиохийских поместных собора 264—68 были направлены против учения П. С. Он был обвинен в ереси и низложен. Его последователем в Антиохии был Лукиан, учение к-рого послужило одним из идейных корней *арианства* и *несторианства*.

Лит.: Спасский А., История догматич. движений в эпоху вселенских соборов, т. 1, Сергиев Посад, 1906, с. 161—71; Гарнак А., История догматов, в кн.: Общая история европейской культуры, т. 6, СПб., [б. г.], с. 298—301; Kelly J. N. D., Early Christian doctrines, 2 ed., L., 1960, p. 117—19; 158—59; Quast J., Patrology, v. 2, Utrecht—Antwerpen, 1953, p. 140—42. А. Каждан. Москва.

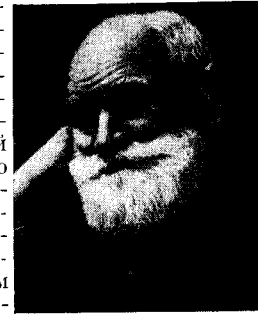
ПАВЛИКИАНСТВО (греч. Παυλικιανισμός, предположительно, от имени апостола Павла) — антифеод. религ.-политич. движение, возникшее в 7 в. в Армении и Византии и принявшее форму религ. ереси. Наибольшего развития достигло в 8—9 вв., когда образовалось независимое павликианское гос-во с центром в Теффрике (на востоке Византии). В 872 павликиане были разбиты визант. имп. Василием I; в 10 в. часть их была переселена во Фракию, где они упоминаются под назв. попеликяне. Наиболее видные вожди П. в 9 в. — Сергий Карвей и Хрисохир. Учение павликиан, опиравшееся на манихейские традиции (см. *Манихейство*), носило дуалистич. характер. Оно исходило из признания двух начал: злого бога — создателя, демиурга мира — и «отца небесного», к-рому якобы будет принадлежать власть в будущем. По учению павликиан, весь мир пронизан злом; земные порядки не созданы «небесным отцом» и могут рассматриваться как порочные. В соответствии с этим П. осуждало церк.

иерархию, пышность церк. церемониала, монашество. П. отвергало Ветхий завет и из «священных книг» христианства признавало лишь евангелия, послания и деяния апостольские. П. отбрасывало православное учение о богородице, таинствах и крестном знамении. Проводя равенство, павликиане создавали общины, члены к-рых пользовались равными правами. В целом оно было направлено против социальных порядков и идеологии феод. строя. Учение павликиан оказало идейное влияние на *богомилство* и некоторые более поздние зап.-европ. еретич. движения. В отличие от богомилства, П. не призывало к аскетизму. Павликианская лит-ра почти не сохранилась.

Лит.: Липшиц Е. Э., Павликианское движение в Византии в VIII и первой пол. IX вв., в сб.: Византийский временник, т. 5, М., 1952, с. 49—72; Юзбашьян К. Н., К истории павликианского движения в Византии в IX в., в сб.: Вопросы истории религии и атеизма, вып. 4, М., 1956, с. 246—79; Бартиян Р. М., Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961; Тер-Мкртчян К., Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien, Lpz., 1893; Loos M., Le mouvement paulicien à Byzance, «Byzantinoslavica», 1963, v. 24, № 2, p. 258—86, 1964, v. 25, № 1, p. 52—68. А. Каждан. Москва.

ПАВЛОВ, Иван Петрович [14(26) сент. 1849—27 февр. 1936] — рус. физиолог. Акад. (с 1907), лауреат Нобелевской премии. Окончил Петерб. ун-т (1875) и Медико-хирургич. (позднее Военно-мед.) академию (1879), в к-рой начал науч. деятельность, работая одновременно в лаборатории при клинике С. П. Боткина. В 1890—1925 — проф. Военно-мед. академии; с 1891 и до конца жизни заведовал физиологич. отделом Ин-та экспериментальной

медицины, организованного при его участии. П. — основоположник объективного экспериментального изучения высшей нервной деятельности животных и человека методом условных *рефлексов*. Он развил учение И. М. Сеченова о рефлекторном характере психич. деятельности. Свой подход к объяснению рефлекса как фактора взаимодействия организма с внешним миром П. выразил в трех положениях: детерминизм, связь динамики с конструкцией, единство анализа и синтеза. Стремясь к исследованию организма как целостной системы в естеств. условиях, П. создал новые методы исследования, в частности ввел в практику т. н. метод хронич. опыта, позволяющий свести к минимуму влияние посторонних условий эксперимента на его результат. В ранний период науч. деятельности П. исследовал кровообращение и впервые показал механизм нервной регуляции сердечной деятельности («Центробежные нервы сердца», 1883). Это позволило ему сделать вывод о наличии у нервной системы тро-

фич. функций. Перейдя к исследованию пищеварения, П. доказал, что деятельность пищеварит. тракта находится под регулирующим воздействием коры головного мозга («Лекции о работе гл. пищеварит. желез», 1897; Нобелевская премия, 1904). Многолетние экспериментальные исследования были обобщены П. в учении о *высшей нервной деятельности*, изложенном в трудах «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы» (1923) и «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» (1927). В этом учении было показано, что в коре больших полушарий головного мозга животных и человека образуются временные связи. Они формируются в результате индивидуального жизненного опыта и прочно удерживаются благодаря их постоянному подкреплению к.-л. жизненно важной функцией организма. Важным условием целесообразности рефлекторного акта является то, что организм всегда имеет афферентные сигнализации о том, в какой степени эффективно для организма в целом развернулось данное конкретное рефлекторное действие. Тем самым П. способствовал критике *целесообразности* в поведении организма как проявления каких-то нематериальных сил и развил дарвиновский принцип *детерминизма* в объяснении поведения организма. Явления «психического слепотоделения» и многочисл. экспериментальные исследования П. послужили ему основанием для вывода о сигнальной функции психического. Именно на основе принципа сигнализации были сформулированы все осн. положения учения о высшей нервной деятельности. Существо принципа сигнализации состоит в том, что он определяет такие формы приспособления организма, когда последний в своих ответных действиях предвосхищает течение будущих событий. Существенное филос. значение имеет концепция П. о второй сигнальной системе как физиологич. базисе абстрактного мышления (см. *Сигнальные системы*). «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестетические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов» (Полн. собр. соч., т. 3, кн. 2, 1951, с. 232). В концепции о двух сигнальных системах П. с позиций физиологии репал проблему соотношения природного и социального в отражат. деятельности человек. мозга.

П. сформулировал положение о возможности органич. «слития» субъективного и объективного, психического и физиологического, что порой давало повод для ошибочного вывода о недооценке П. значения психического. Между тем П. имел в виду подчеркнуть единство физиологического и психического, исключая возможность отрыва и абсолютизации психического как некоей самодовлеющей сущности, что характерно для идеализма. «...Глухо было бы отрицать субъективный мир. Само собою разумеется, он, конечно, есть... Конечно, психологический анализ нужно считать недостаточным ввиду его тысячелетних бесплодных усилий изучить и анализировать высшую нервную систему. Но психология, как изучение отражения действительности, как субъективный мир, известным образом заключающийся в общие формулы,— это, конечно, необходимая вещь. Благодаря психологии я могу себе представить сложность данного субъективного состояния» («Павловские среды», т. 2, 1949, с. 415—16).

П. выступал как воинствующий материалист, напр., в полемике с Шеррингтоном, а также с Г. Дришом и др. Учение П. в целом служит естественнонауч. основой для диалектико-материалистич. разработки вопросов психологии. Оно способствовало освобождению пси-

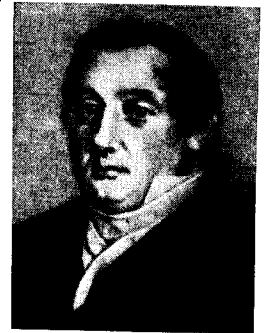
холологии от интроспекционизма (см. *Интроспективная психология*) и внедрению объективных методов науч. исследования психики. Работы П. имеют существ. значение для разработки также диалектико-материалистич. теории *отражения*. Теоретические и экспериментальные исследования П. и его школы нанесли удар по религ. и идеалистич. мировоззрению.

Результаты исследований П. и его учеников и последователей были использованы в последние годы при разработке и создании кибернетич. систем, моделирующих нек-рые аспекты работы мозга. Попытки канонизировать все без исключения высказывания П., в т. ч. и чисто гипотетические, как, напр., прямое деление людей только на мыслительные и художественные типы, стремление рассматривать физиологич. механизмы отражения в качестве сущности самой *психики*, недоучет социально-историч. природы *сознания* и вообще некритич. подход к ряду положений оказывали одно время неблагоприятное влияние на разработку нек-рых фундаментальных проблем философии, психологии и психиатрии. При оценке значения, к-рое имеет разработанная П. теория мозговой деятельности для совр. нейрофизиологии, необходимо учитывать, что отд. ее частные положения (напр., представления о движении тормозного процесса по коре больших полушарий и нек-рые др.) являются устаревшими. Более же общие ее утверждения (напр., концепция взаимоотношения корковых и подкорковых образований, идея подкрепления как основы условно-рефлекторной регуляции мозговой деятельности и др.) полностью сохраняют свое значение методол. основы объективного подхода к коренным вопросам работы мозга. Как и всякая естеств.-науч. теория, учение П. не может рассматриваться во всех своих частях как абс. истина; само его применение предполагает его дальнейшее развитие.

Соч.: Полн. собр. соч., 2 изд., т. 1—6, М.—Л., 1951—52. Лит.: У х т о м с к и й А. А., Великий физиолог. [Некролог], «Природа», 1936, № 3; И. П. Павлов (1849—1936), М.—Л., 1949; А н о х и н П. К., И. П. Павлов. Жизнь, деятельность и науч. школа, М.—Л., 1949; А с р а т я н Э. А., И. П. Павлов. Жизнь и науч. творчество, М.—Л., 1949; Б а б с к и й Р. Б., И. П. Павлов. Жизнь и деятельность, М., 1949 (библ.); Б ы к о в К. М., Жизнь и деятельность И. П. Павлова, М.—Л., 1949; Р у б и н ш т е й н С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; Филос. вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963.

ПАВЛОВ, Михаил Григорьевич (1793—3 апр. 1840)— рус. философ, физик и агробиолог. Окончил Моск. университет (1816) и был его профессором (1820—40). Издавал журнал «Атеней» (1828—30) и «Рус. земледelec» (1838—39).

В философии выступил первоначально как метафизич. материалист («О пустоте в природе», «Вестн. Европы», 1817, № 5). Познакомившись с нем. философией, особенно с натурфилософией Шеллинга — Океана, П. перешел на позицию идеализма («О поляриатомич. теории в химии». «Новый магазин естественной истории...», 1821, ч. 2, № 3—4; «О способах исследования природы», в сб.: «Мнемозина», ч. 4, М., 1825), развивая на этой филос. основе диалектику (идея универсальности движения, взаимосвязанности и заковособразности явлений, их противоречивости, единства природы и сил, лежащих в ее основе). В гл. натурфилос. труде — «Основания физики» (ч. 1—2, М., 1833—36) — П. рассматривал науку как систему понятий, объясняющую действительность, дающую руководство для овладения природой и целесообраз-

ного использования ее сил, а также формирующую познават. способность человека. Науки Н. классифицировал по предмету (о боге, о природе, о познании) и по методу познания (откровение, опыт, умозрение). Философию Н. считал «наукой о возможности предметов нашего познания», единственной «умозрительной» наукой (см. «Атенеи», 1828, № 2, с. 48, см. также с. 12), он подчеркивал ее тесную связь с конкретными науками, отстаивал идею единства теории и практики. Различая три познават. способности — чувства (опыт), разумение (функция разума) и умозрение (функция ума) (см. «О способах исследования природы»), Н. считал, что умозрение свободно от эмпирии, движется от безусловного (идеального) к обусловленному (материальному) и формой этого движения являются идеи; умозрение априори постигает идеальную, внутреннюю, сущностную сторону предмета (см. там же, с. 33); разумение же есть деятельность интеллекта в связи с эмпирией и поэтому движется по тому же пути, что и опыт, эмпирия — от обусловленного к безусловному, от единичного к общему. Взятое в общем виде, движение разумения, выражающееся в понятии, суждении и заключении, изучается спец. наукой — логикой. Н. настойчиво пропагандировал идею связи чувственного и рационального познания, критиковал абсолютизацию как чувственного, так и разумного познания. Опытность представлялась ему важнейшей гносеологич. функцией, действующей в формах «наблюдения» (*observatio*) и «опыта» (*experimentum*) и сообщающей человеку а posteriori сведения о явлениях (см. «Основания физики», ч. 1, М., 1833, с. 14, 16—17). Свои идеалистич. учение об умозрении Н. в полемике с материализмом обосновывал с позиций религ.-идеалистич. онтологии. Общая «теория вещества» (материи) Н. носила натурфилос. характер в духе Шеллинга — Окена (см. там же, с. 286—302). В области эстетики Н. своеобразно сочетал теорию подражания с эстетикой объективного идеализма.

Педагогич. и журналистская деятельность Н. оказала плодотворное влияние на молодое поколение России конца 20—30-х гг. (о чем свидетельствовали Герцен, Белинский, Станкевич, Надеждин, Максимович, Двигубский и др.). Большое впечатление оставили у современников также полемич. выступления Н. по филос. и др. вопросам (полемика с бр. Полевыми, вокруг «Оснований физики» П., с Ленцем и др.).

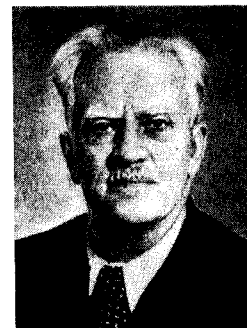
Лит.: Рудь К., [Некролог] П., в кн.: Речи, произнесенные в Торжеств. собрании Имп. Моск. ун-та..., М., 1840, с. 16—20; А н н о в П. В., Н. В. Станкевич, М., 1857, с. 35—36; Б о б р о в Е., Философия в России. Материалы, исследования и заметки, вып. 2—4, Каз., 1899—1902, вып. 2, с. 106—219, 235—43, вып. 4, с. 18—42, 228—33; Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г., Очерки гоголевского периода рус. лит-ры, Полн. собр. соч., т. 2, СПб., 1906; С а к у л и ч П. Н., Из истории рус. идеализма, т. 1, ч. 1, М., 1913, с. 115—27 и др. по указат.; К о л у б о в с к и й И. Я., Рус. лит-ра о Шеллинге, в кн.: Шеллинг Ф. В. Ш., Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, с. 430—32, 434; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 340—42; В л я х е р Д. Я., История эмбриологии в России, М., 1956, с. 97—100; М и к у л и н с к и й С. Р., Павлов М. Г., в кн.: Избр. произв. рус. естествоиспытателей первой пол. XIX в., М., 1959; е г о ж е, Развитие общих проблем биологии в России, М., 1961, с. 124—30, 296—97 и др.; А б р а м о в М. М. и Р у б ц о в И. Е., Роль рус. биологов первой пол. XIX в. в подготовке диалектик. взгляда на природу, Горький, 1961, гл. 1; Г а л а к т и о н о в А. и Н и к о л а н д р о в П., История рус. философии, М., 1961, с. 152—55; К а м е н с к и й З. А., О развитии диалектич. идей в рус. философии начала XIX в., «ВФ», 1964, № 8.

З. Каменский, Москва.

ПАВЛОВ (псевд.— П. Д о с е в), Тодор Димитров (р. 14 февр. 1890) — болгар. философ-марксист, эстетик, лит. критик, педагог и обществ. деятель; акад. (с 1945), президент Болг. АН (1947—62). Чл. Политбюро ЦК ВКП (с 1966). Директор Ин-та философии Болг. АН (1949—52 и с 1960); ныне почетный президент Болг. АН, чл. академии наук мн. стран. Награж-

ден четырьмя орденами Георгия Димитрова, орденом Ленина, дважды Герой Социалистич. Труда НРБ.

П. род. в г. Штип в Македонии, с 1900 жил в Софии, там закончил философский и педагогический факультеты Софийского университета. В 1922 — редактор газ. «Младеш» («Молодежь»), органа Болгарского коммунистич. молодежного союза; в период 1925—29 подвергался репрессиям за коммунистич. деятельность. В 1924 выбран чл. ЦК ВКП; П. выступил одним из инициаторов создания Болг. рабочей партии, был редактором газ. «Знаме на труда» («Знамя труда»), «Отзв», «Труд» и др. В 1932—36 П. — в Москве декан филос. факультета Ин-та истории, философии и литературы, проф. диалектич. материализма Ин-та Краевой профессуры и Ин-та философии при Коммунистич. академии.

В 1936 П. вернулся в Болгарию. Во время 2-й мировой войны принимал активное участие в борьбе против фашизма, за что был заключен фашистским прав. Болгарии в концлагерь (1941—43). После освобождения П. — регент Болгарии (1944—46). В 1948—1952 — проф. Софийского ун-та, зав. кафедрой диалектич. материализма. Активный борец за мир, П. принимает большое участие в Междунар. конгрессе защиты мира.

С 20-х гг. выступает как автор работ, посвященных осн. проблемам диалектич. и историч. материализма, эстетики, языкознания, истории болгар. обществ. и филос. мысли. В своем гл. труде «Теория отражения» (1936) П. рассматривает центр. проблемы марксистско-ленинской гносеологии: единство материи и сознания, предмета и образа, теории и практики и др. П. доказывает, что онтологич. вопрос, решенный с науч. последовательностью, непременно перерастает в гносеологический, а последовательное решение гносеологич. вопроса неизбежно ведет к материалистич. т. зр. — к утверждению первичности бытия по отношению к сознанию. На конкретном материале П. обосновывает ленинское «логическое предположение» об отражении как свойстве всей материи. Анализируя это положение, П. показывает его методологич. значение для науч. понимания генезиса сознания. Поскольку сознание принимается за высшую форму отражения, то полный и до конца последоват. науч. анализ сознания необходимо предполагает науч. анализ и низших — биологич., химич., физич., механич. — форм отражения. Качество своеобразия высшей формы отражения требует понимания низших «родственных» форм как своеобразного внутр. состояния материи, в отличие от ее внешних действий и взаимодействий. Вместе с тем различные формы отражения диалектически связаны между собой, т. е. помимо не только преемственность, «что-то общее», но в то же время и качеств. различия, переходы. С этих позиций П. подверг принципиальной критике как идеализм, абсолютизирующий действительную силу сознания, так и различные проявления механцизма. Обоснование П. единства предмета и образа является вкладом в дальнейшую разработку осн. ленинского положения об идее как субъективном образе объективных вещей. Между предметом и образом нет метафизич. и абс. тождества, в то же время они не являются абсолютно разрываемыми и противопоставляемыми. В противоположность интуитивистам (Бергсон, Лосек и др.) в «Теории отражения» подчеркивается опосредованный характер познания, а

в противоположность агностикам и субъективистам — его непосредственность. Момент непосредственности, «определенной интуитивности» не превращает, по П., познание в мистич. интуицию, а его дискурсивность не означает субъективизма и агностицизма. Гносеол. образ — это единство объективных и субъективных элементов, непосредственности и опосредованности.

П. исследовал проблемы соотношения между философией и частными науками. Согласно П., недостаточно определить философию только как общую и самую общую науку, и математика, напр., занимается исследованием общих и самых общих вещей. Частные науки исследуют или бытие, или сознание, раскрывают их структуру и структурные закономерности, внутр. законы их развития. Предметом же философии является отношение между бытием и сознанием. Только так понимаемая философия (как общий метод по отношению к частным наукам) является в то же время развивающейся, относительно самостоятельной, самой общей теорией. «Научный метод — это внутренняя (имманентная) закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение объективного мира, или, что одно и то же, как „пересаженная“ или „переведенная“ в человеческое сознание объективная закономерность, используемая сознательно и планомерно как орудие для объяснения и изменения мира» («Теория на отраженности», в кн.: Избрания произв., т. 5, София, 1962, с. 480). Много внимания П. уделяет исследованию конкретности истины, соотношению абс. и относит. истин.

П. разработал и осн. вопросы эстетики: взаимоотношение между философией и эстетикой, между философией и искусством, искусством и моралью (см. «Общая теория на искусствов», С., 1937; «Основные вопросы эстетики», С., [1949], рус. пер., М., 1952). Специфику художеств. образа П. связывает с принципиальными положениями теории отражения, к-рые конкретизируются в частной науке — эстетике. П. выводит три закона иск-ва: закон изображения типичных характеров и явлений, закон идейной насыщенности и закон эстетич. эмоциональности. Специфика иск-ва состоит в диалект. единстве этих трех законов, в их связи с конкретной общественной практикой. П. утверждает, что между мировоззрением и художеств. методом существует диалект. связь. Он подвергает критике бурж. теоретиков иск-ва, отрицающих познать и обществ. роль художеств. творчества; выступает как защитник социалистич. реализма. П. принадлежит работы об эстетич. взглядах Гегеля и Дидро, Канта и Бергсона, Платона, Аристотеля, Шиллера, Спенсера, Чернышевского, Толстого, Горького и др. Лит.-критич. исследования П. посвящены как болг. писателям (Ботеву, Вазову, Славейкову, Яворову и др.), так и классикам мировой литературы (Шекспиру и Ибсену, Пушкину и Толстому, Горькому и Маяковскому).

Особое внимание П. обращает на методологич. вопросы истории; историч. материализм он рассматривает как философию или логику общественно-историч. развития, а социологию как науку о структуре общества считает частной, а не филос. наукой. П. доказывает, что история — не просто иллюстрация к общетеоретич. положениям; история логична по содержанию и исторична по форме. Историзм логики заключается не в примерах и иллюстрациях, а в ее содержании (см. «За съдържанието и формата на историческия процес», «Философска мисъл», 1954, кн. 3). Многие методологич. выводы являются результатом исследований П. конкретных проблем болг. истории (см. «За марксистска история на България», С., 1954; «Характер и значение на социалистическата революция в България», С., 1958).

В области педагогики П. начал свою деятельность еще в нач. 30-х гг.; он выступал за трудовую политехнич. школу. В своей работе «Педагогический анархизм» («Педагогическият анархизъм», С., 1922) и во мн. статьях он борется против бурж. педагогич. теорий — Кершенштейнера, Дьюи и др.

Воинствующий марксист-ленинец, П. ведет многолетнюю борьбу против идеалистич. течений — против философии *Ремке*, *Фрейдизма*, *позитивизма*, *иррационализма* и др., за торжество марксистской философии (см. «Ремкеанство и материализм», С., 1930; «Равносетка на една идеалистическа реакционна философия», С., 1953).

Соч.: Избрания произв., т. 1, С., 1957 (изд. продолжается). Лит.: Заимов И., Велинова Л., Тодор Дмитров Павлов. Библиография, С., 1957; Попов Н., Петров З., Т. Павлов, С., 1958; Калошии Ф. П., Т. Павлов, М., 1960; Вопросы на диалектическия материализъм и на частните науки. Сб. ст., посветени на академик Т. Павлов по случай неговата седем — десетгодишнина, С., 1961.

ПАДУАНСКАЯ ШКОЛА *аверроистов* — направление в философии 14—16 вв., сложившееся в городах Сев. Италии с гл. центром в Падуе, а также в ун-тах Мантуи, Феррары, Болоньи. В противоположность *томизму*, приспосабливавшему взгляды *Аристотеля* к догмам христ. богословия, П. ш. представляла радикальную тенденцию ср.-век. аристотелизма, связанную с бюргерской оппозицией феод. строю и католич. церкви, и развивала идеи *Ибн Рушда* и *аверроизма* (идею вечности бога и мира, т. е. несотворенности мира; теорию *двойственной истины*; учение об интеллекте как несотворенной, вечной духовной субстанции). На этих основаниях П. ш. отвергала схоластич. определение материи как «почти ничто» (*prope nihil*) и пришла к выводу о зарождении форм в недрах самой материи, обладающей, т. о., творч. способностью. Ощущения, образы внешнего мира поставляют разуму человек с его органами чувств. Поэтому для своего существования разум необходимо нуждается в вечном существовании человечества. Разум един для всего человек. рода. Из этого следовали выводы о вечности и несотворенности человечества, о духовном единстве всех людей, о смертности индивидуальной души. Этич. учение П. ш. противостояло томистскому взгляду на недостижимость счастья и в земной, земной жизни человека, на божестве. благодать как единств. источник блаженства. По мнению аверроистов из П. ш., предназначение человека заключается в достижении высшего науч. и филос. познания мира, осуществимого в земной жизни, без сверхъестеств. вмешательства. В противоположность богословскому толкованию свободы воли, аверроисты считали, что в своем выборе человек руководствуется разумом. Выступив против учения о божеств. предопределении, П. ш. разработала учение о естеств. необходимости, всеобщей причинности в природе, отказавшись признать существование чудес; проявлением власти естеств. законов мн. аверроисты считали подчинение событий земной жизни движению небесных светил. Эти астрологич. представления, при всей их пенаучности, свидетельствовали о попытке дать естественное (в противоположность теологическому) объяснение явлений природы и историч. событий; при этом под властью естеств. законов оказывалась и судьба религий, в т. ч. христианской. Падуанские аверроисты уделяли большое внимание естеств. наукам, прежде всего медицине и астрономии.

Основателем П. ш. считается *Пьетро д'Абано*, к-рый, хотя и не принял учения о единстве интеллекта, способствовал пробуждению в итал. ун-тах интереса к аристотелизму, к араб. философии и к естеств. наукам. К П. ш. примыкали также *Марсилио Падуанский* (благодаря к-рому П. ш. включила в свою проблематику социально-политич. вопросы: идеи секуляриза-

ции политики, освобождения ее от религ. догматизма), его друг, проф. Парижского ун-та Жан Жанден (ум. 1328), прозванный «обезьяной Аверроэса» и представлявший, вслед за *Сигером Брабантским*, радикальное крыло зап.-европ. аверроизма. Представителями П. ш. являлись также профессор Падуанского и Болонского ун-тов: Анджело д'Ареццо (1-я пол. 14 в.), Паоло Венето (1372—1429), Бьяджо Пелакани (ум. 1416), Газзано да Тьене (ум. 1465), Николетто Верниа (1420—1499), Пьетро Транолино (1451—1509), Марко Антонио Зимара (1460—1523), Алессандро Акилини (1463—1512), *Нифо*, Джеронимо Тайашстра (нач. 16 в.) и преподаватель падуанской евр. коллегии Дана дель Медико (ок. 1450—ок. 1493). Помимо создания многочисл. филос. и естеств.-науч. трудов и курсов лекций (часть к-рых до наст. времени не опубликована), П. ш. осуществила издания произведений Аристотеля и Ибн Рошда. Натуралистическо-материалистич. тенденции П. ш. оказали значит. влияние на филос. взгляды *Помпонazzi*, *Пико делла Мирандола*, *Бруно*, *Ванини*. Воззрения П. ш. вызвали враждебные выступления деятелей церкви и инквизиции; в 1489 пропаганда аверроизма была запрещена эдиктом падуанского епископа. Под влиянием преследований нек-рые аверроисты отказались от своих взглядов (Верниа, Нифо) и пытались приносить их к церк. вероучению. Во 2-й пол. 16 в. в результате развития опытного естествознания и борьбы против аристотелевской традиции, в связи с крушением аристотелевской физики, падуанский аверроизм пришел в упадок; на смену ему пришла *натурфилософия* эпохи *Возрождения*.

Лит.: Ренан Э., Аверроэс и аверроизм, пер. с франц., К., 1903; Fiorentino F., Pietro Pomponazzi. Studi storici su la scuola bolognese e padovana del secolo XVI..., Firenze, 1868; Ragnisco P., Nicoletto Vernia: studi storici sulla filosofia padovana nel secolo XV, Venezia, 1891; Werner K., Der Averroismus in der christlich-peripatetischen Psychologie des spätem Mittelalters, W., 1881; MacClintock St., Perversity and error. Studies on the «Averroist» John of Jandun, [Bloomington (Ind.)], 1956; Histoire littéraire de la France, t. 33, P., 1906, p. 528—623; Morigliano F., Paolo Veneto e le correnti del pensiero religioso e filosofico nel suo tempo, Torino, 1907; Saitta G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. 1—3, Bologna, 1949—51; Nardi B., Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV al XVI, Firenze, [1958]; Manoscritti e stampe Venete dell'Aristotelismo e Averroismo (secoli X—XVI), Venezia, 1958; Aristotelismo padovano e filosofia aristotelica, Atti del XII Congresso internazionale di filosofia, v. 9, Firenze, 1960. А. Горфункель. Ленинград.

ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИЙ (1722—98) — деятель болг. Возрождения, идеолог болг. национально-освободит. движения (см. *Болгарская философская и общественная мысль*), монах Хилендарского, затем Зографского монастыря. П. Х. принадлежит «История славено-болгарска» (написана в 1762, опубли. в 1844), в к-рой он призывает болг. народ к борьбе за нац. независимость.

ПАЛАМА (Παλαμᾶς), Григорий (1296—14 ноября 1359) — визант. богослов, ученик *Григория Синаита*. Защищал *исихазтов* от критики *Варлаама*. В 1351 паламизм был признан офици. доктриной визант. церкви. В системе идей П. аристотелианская диалектика сущности и энергии своеобразно сочеталась с иррационализмом монашеской мистики. Антропология П., в целом подчиненная потребностям аскетич. самоконтроля, включала сложные психологич. наблюдения. Наиболее позитивным моментом учения П. являлась высокая оценка телесной стороны человек. бытия: П. настаивал на соучастии тела в высших проявлениях духовной жизни человека, к-рому именно телесность дает первенство над бестелесными ангелами.

Соч.: Migne, PG, v. 150; в рус. пер. — Десять бесед, М., 1785; [Отрывки из соч. П. и замечания о его произв.], в кн.: Порфирий Успенский, Восток Христианский. Афон, ч. 3, отделение 2, вып. 1—2, СПб., 1892, с. XXVII—XLIV, 688—91; Три творения, [изд. и пер.] Арсений [Стадицкий], Новгород, 1895.

Лит.: Кривошеин В., Аскетич. и богословское учение св. Г. П., в сб.: Seminarium Kondakovianum, VIII, Praha, 1936, с. 99—154; Meyendorff J., St. Grégoire Palamas et sa mystique orthodoxe, [P.], 1959; его же, Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, [P.], 1959.

ПАЛАЦКИЙ (Palacký), Франтишек (14 июня 1798—26 мая 1876) — чеш. мыслитель, историк, политич. деятель бурж.-демократич. направления. Претерпел эволюцию от Канта к Гегелю; развитие рассматривал как результат борьбы противоположностей. Так, в основе человек. жизни П. видит прежде всего конфликт между высшей и нижней природой, между духовным и физическим. Та же идея борьбы противоположных начал лежит, по П., в основе истории, конечной целью к-рой является достижение «божественности», т. е. высшей человечности. В духе Гердера П. выражает идею бесконечного совершенствования человек. рода. П. исходит из якобы первоначально существовавшего у славян демократич. строя и рассматривает чеш. историю как постоянную борьбу славы демократии с Германией и Римом — носителями феод. принципов. Гусизм П. рассматривает как вершину борьбы против герм. и папского влияния, хотя позднее П. несколько меняет свою концепцию, подчеркивая религ. сторону гусизма и его связь с *протестантизмом*. Как политик П. стремился к примирению классовых противоречий, к осуществлению бурж. реформ в сотрудничестве с дворянством и монархией. П. отвергал проникавшие в Чехию социалистич. идеи.

Соч.: Počátkově českého básnictví, obzvláště prozodje, Praha, 1818 (совм. с P. J., Safárik); Přehled dějin krásovědy a její literatury, «Krok», 1823; Krasověda, «Časopis Společnosti vlasteneckého museum v Cechách», 1827; Idea státu Rakouského, Praha, 1865; Dějiny národu českého v Cechách i v Moravě, dl 1—3, Praha, 1848—76, dl 1—6, Praha, 1939. М. Талыца. СССР.

ПАЛЕВИЧ, Милда Генриховна (р. 1889) — сов. философ и эстетик. За участие в революц. движении в Прибалтике была арестована (1908). После освобождения эмигрировала во Францию, где окончила филос. ф-т Сорбонны. Д-р философии Сорбонны (с 1924). С 1920 занимается преподават. деятельностью в Риге. Автор многочисл. статей по вопросам эстетики, теории и истории иск-ва, социологии, философии и психологии.

Соч.: Essai sur les tendances critiques et scientifiques de l'esthétique allemande contemporaine, [P.], 1926; Aistētikas problēmas. Apceres un escajas, [Rīgā], 1936; Сущность понятия эстетического, «Изв. АН Латв. ССР», 1956, № 3 (104).

«ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА» — статья В. И. Ленина, написанная в связи со столетием со дня рождения А. И. Герцена. Опубликована 25 апреля 1912 в газ. «Социал-демократ» (Париж). В статье дана оценка Герцена как дворянского по происхождению и крестьянского, мелкобуржуазного по сущности отстаиваемых идей революционера-демократа, как социалиста-утописта — основоположника *народничества*, как крупного мыслителя, развивавшегося в направлении к диалектич. материализму. Охарактеризована и практич. деятельность Герцена (создание вольной рус. печати, революц. агитация). Ленин рассмотрел также отношение к Герцену со стороны различных классов и партий. Все это вместе взятое дало Ленину возможность подтвердить и конкретизировать выдвинутое им еще в работе «Что делать?» положение о том, что Герцен является одним из предшественников рус. социал-демократии.

За исходный пункт при оценке Герцена Ленин брал его отношение к важнейшим событиям эпохи: революции 1848—49, крест. реформе 1861 и связанным с ней восстаниям крестьян и выступлениям разночинцев, польскому восстанию 1863. Выявление этого отношения характеризует Герцена как критика либерализма — западноевропейского и русского, что позволяет определить его как демократа, вопреки противоположному мнению рус. легальной — либеральной прессы 20 в. «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х

годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии, против либерализма... Он поднял знамя революции» (Соч., т. 18, с. 14).

Обращаясь к анализу отношения Герцена к зап.-европ. действительности, Ленин разоблачил ложь либерального отождествления контрреволюц. кадетского «скептицизма» и скептицизма Герцена, обусловленного незрелостью пролетарской революционности в его время. Этот скептицизм Ленин назвал «...формой перехода от иллюзий „надклассовой“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» (там же, с. 11).

Ленин писал о Герцене как о мыслителе, к-рый в крепостной России 40-х гг. 19 в. «...сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом» (там же, с. 9—10).

В ст. «П. Г.» сформулировано положение о трех этапах развития рус. революц. движения, развернутое затем в ряде др. произведений. Рассматривая освободит. движение в России как развитие единого рус. революц. процесса, Ленин показал, что задачи общедемократич. преобразований находили свое выражение в политич. деятельности и теориях представителей различных классов рус. общества. Сначала это — немногочисл. выходцы из дворянства, затем представители различинной демократии и, наконец, пролет. революционеры. Дело, за к-рое боролись декабристы, Герцен, Чернышевский, народники 70-х гг., было еще не завершено к моменту столетнего юбилея Герцена, чем прежде всего и объяснялась острота борьбы вокруг его имени в 1912.

Лит.: З е л д о в и ч М., К истории статьи В. И. Ленина «П. Г.», «Вопр. лит-ры», 1957, № 3; В о л о д и н А. И., Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «П. Г.», «Ист. записки», 1960, т. 67; Р е й с е р С., Против кого направлена статья В. И. Ленина «П. Г.», «Рус. лит-ра», 1962, № 2.

А. Володин. Москва.

ПАМЯТЬ — форма психич. отражения действительности, заключающаяся в закреплении, сохранении и последующем воспроизведении человеком данных своего опыта. Физиологич. основа П. — образование, сохранение и актуализация нервных связей в коре головного мозга. В зависимости от того, что запоминается и воспроизводится, различают 4 вида П. — двигательную, образную, словесно-логическую и эмоциональную. Двигат. П. связана с запоминанием и воспроизведением движений. Содержание образной П. составляет запоминание и воспроизведение чувств, образов предметов, явлений и их св-в. В зависимости от того, какими анализаторами воспринимаются и запечатлеваются объекты, образную П. делят на зрительную, слуховую, осязательную и т. д. Словесно-логическая, специфически человек. П. включает в себя мысли, понятия, суждения, умозаключения; она занимает ведущее место в процессе обучения. Эмоц. П. связана с запоминанием и воспроизведением чувств совместно с вызывающими их объектами.

Осн. процессами П. являются запоминание, воспроизведение и забывание. Главней среди них — запоминание, к-рое определяет полноту и точность воспроизведения материала, прочность и длительность его сохранения. Осн. условия продуктивности запоминания связаны с тем, протекает ли оно в форме произвольного или произвольного процесса. Произвольное запоминание является продуктом деятельности человека, направленной на практич. или поз-

нават. цели, а не на собственно запоминание. Произвольное запоминание связано с постановкой цели запоминания и употреблением спец. способов и приемов ее достижения. В целом произвольное запоминание более продуктивно, чем произвольное, но в условиях, не благоприятных для первого (трудность понимания материала, недостаточное овладение способами логич. запоминания и др.), произвольное запоминание может быть более продуктивным. На всех своих этапах запоминание связано с пониманием, является смысловым. Случаи механич. запоминания, не связанного с пониманием, вызываются особенностями материала, трудностью его понимания. Механич. запоминание не является неизбежным, тем более — ступенью в развитии П.

Использование человеком приобретенного опыта осуществляется посредством воспроизведения. Наиболее простой его формой является узнавание, осуществляемое в условиях повторного восприятия объектов, закрепившихся ранее в П. Более сложным является собственно воспроизведение, когда воспроизводятся такие объекты прошлого опыта, к-рые в данный момент не воспринимаются нами. Узнавание и собственно воспроизведение также может быть произвольным и произвольным.

Забывание проявляется по-разному — от отд. ошибок в припоминании и узнавании до невозможности не только припомнить, но и узнать. Забывание может быть устойчивым, длительным и временным.

Индивидуальные особенности П. выражаются в различной быстроте, точности и прочности запоминания. По тому, какой материал — наглядный или отвлеченный — запоминается лучше, различают наглядно-образный, словесно-логический и промежуточный (средний) типы П.

В последние годы в связи с задачами инженерной психологии введены понятия кратковрем. и долговрем. П. Под кратковрем. П. понимают способность запомнить и воспроизвести определен. объем материала после одного кратковременного его предъявления. Объем этой П. ограничен и равен 7 ± 2 элементов запоминаемого ряда букв, чисел, слов и пр. (Дж. А. Миллер). К долговрем. П. относят все случаи, когда на запоминание материала затрачивается больше чем одно повторение. В инженерной психологии введено также понятие оперативной П., под к-рой понимают процессы П., включенные в конкретные действия в качестве их способов, направленных на достижение целей этих действий и составляющих одно из условий их успешности.

Особое направление в исследовании П. составляет выявление ее структуры на физиологич. уровне (нейронные и биохимич. механизмы П., возможность ее локализации — проблема природы т. н. «следов П.» и т. д.).

И. Зимченко. Харьков.

Проблема П. в истории философии. Для Платона и его последователей П. — одно из важнейших условий достоверности познания (см. Theaet. 190c—194 v; рус. пер., М.—Л., 1936), поскольку его гносеология основывается на концепции «воспоминания». Эта сторона учения Платона о П. получила затем особое развитие в гносеологии Платона. От Платона идет известная идея «восковых таблиц П.» — модель П., от к-рой полностью не отказалась и наука нашего времени. У Аристотеля П. посвящено соч. «П. и воспоминание» (франц. пер. Aristoteles, Psychologie, Opusculum, tr. J. Barthelemy—Saint-Hilaire, P., 1847). Он предугадал мн. совр. представления о природе П.: возрастные изменения, характерологич. особенности, дефекты П., активность, связь с идеями времени. Все процессы П. Аристотель делил на собственно П. и воспоминание, к-рое, в отличие от П., принадлежит исключительно человек.

духу и представляет собой не только осознание образа в его отношении к прошлому восприятию, но и результат усиления, с помощью которого мы преодолеваем нечеткое и неясное представление — реминисценцию. Положения Аристотеля о П. были впоследствии частично (и по-разному) продолжены стоиками и эпикурейцами, а в новое время — Гегелем.

Для традиции эмпиризма характерно отождествление законов ассоциации и П. (у Гоббса, напр., П. по существу выступает как иное обозначение *опыта*). При таком подходе проблематика исследования П. суживалась до уровня индивидуальных отклонений в воспоминаниях от первонач. впечатления (см., напр., Д. Юм, Трактат о человец. природе, кн. 1, ч. 1, Юрьев, 1906, § 3). Филос. положения эмпиризма легли в основу первых экспериментально-психологич. исследований П. (*Эббингауз*).

Для рационализма проблема П. выступала как второстепенная. Декарт рассматривал П. как результат изменений в порах мозга, через к-рые проходят «жизненные духи». Под влиянием рационализма интерес к проблеме П. в последующей истории философии сводится лишь к вопросу о предпосылках искажений и ограниченности индивидуального опыта.

Как реакцию на ассоциационизм следует рассматривать концепции П. в ряде различных идеалистич. направлений, к-рые отрицали материальные основы П., стремясь объяснить ее полностью как проявление духа, в согласии с концепциями Платона и Августина. Противниками ассоциационистской концепции П. выступили также В. Вундт и представители *юрцбургской школы* психологии мышления. Вундт подчинил законы ассоциаций более общим законам апперцепций — волевым актам, ставящим ассоциации в определен. отношения друг к другу; точно так же для юрцбуржцев над воспоминаниями (как и над мышлением) господствуют «детерминирующие тенденции», определяющие направленность процессов П., устойчивость их результатов, легкость их появления (О. Кюльпе). Против ассоциационизма направлена и концепция П. в интуитивизме Бергсона (см. Материя и П., рус. пер., СПб, 1914), согласно к-рой существует два различных, не сводимых друг к другу вида П. — двигательная («П.-привычка»), общая по своей природе с другими, в основе своей физиологическими, функциями организма, и «истинная», или «образная» П., для к-рой мозг есть лишь орудие проявления, само по себе неспособное ни породить образов воспоминаний, ни изменить их природу. Концепция Бергсона легла в основу нек-рых совр. теорий П., в т. ч. в феноменологии и экзистенциализме.

В конце 19 в. проблемы П. начали рассматриваться в связи с теорией личности. Исторически это осуществлялось на пути критики интеллектуализма и элементаризма вундтовской психологии во *фрейдизме* и реакции на ограниченность ассоциационизма Эббингауза. Для *психоанализа* П. — это та часть психич. жизни, к-рая выталкивается на поверхность сознания, результат игры *подсознательного*. По Фрейду, материал, к-рым располагает П., под влиянием личностных факторов подвергается двойного рода воздействию — сгущению и искажению. Фрейдизм акцентирует внимание лишь на эмоц. аспектах П. Однако субъективизм психоанализа, односторонний отбор им фактов и произвольная их трактовка привели к резкому падению влияния его теории П. на рубеже 19—20 вв. Наиболее явно трактовка П. как предмета теории личности выступает в работах Ф. Барлетта, к-рый считал, что П. не есть частная способность, объяснение к-рой следует искать лишь внутри ее самой. Наоборот, это — «результат бесконечной борьбы по овладению окружающим миром и его познания» (см. «Remembering», Camb., 1950, p. 314). Экспериментальным

путем Барлетт показал, что при запоминании удерживается нек-рая основа воспринятого и связанный с ней эмоц. тон; остальное подвергается нек-рой переработке в сторону упрощения, схематизации. Каждое воспоминание включается в более общую схему, благодаря чему оно обязательно содержит элемент обобщения, основанного на прошлом опыте, т. е. в конечном счете обусловлено личностью. Т. о., воспоминание, по Барлетту, есть не репродукция, а реконструкция элементов прошлого опыта; психологическая же сущность процессов П. оказывается ближе всего к творч. воображению.

Социально-психологич. концепции П. ведут свое начало от ученика *Дюркгейма* М. Хальбвакса, к-рый выдвинул тезис о том, что мы не можем мыслить к.-л. связанный с нами в прошлом объект иначе, как отнесенный к к.-л. социальной — этнич. или религ. группе, и, следовательно, субъективное прошедшее восстанавливается только благодаря соотносению с фактами социальной жизни (см. M. Halbwachs, Les cadres sociaux de la mémoire, P., 1925). Наиболее известная и оригинальная общая концепция П. в зарубежной психологии и философии принадлежит П. Жане. Стремясь преодолеть интроспекционизм и индивидуализм предшеств. теорий, Жане указывает, что изолированный индивид не обладает П., т. к. он в ней не нуждается (см. P. Janet, L'évolution de la mémoire et de la notion du temps, v. 1, P., 1928, p. 219). П., по Жане, есть не что иное, как социальная реакция на отсутствие и вместе с тем попытка приспособления к тем трудностям, к-рые преподносит нам время. Следует, однако, отметить, что само понятие социального имеет у Жане ограниченный характер, означая по существу коллективно-психологическое.

Для сов. психологии наиболее характерным является стремление вскрыть специфич. особенности человек. П. в ее онтогенезе. Осн. теоретич. положения о П. в сов. психологич. лит-ре были выдвинуты А. Н. Леонтьевым, П. И. Зинченко и А. А. Смирновым. П. понимается в неразрывной связи с трудовой деятельностью человека. Один из гл. тезисов при этом состоит в том, что использование средств П. для регулирования поведения есть отражение в духовной сфере тех процессов, к-рые уже реализовались в материальной сфере. Различие между орудием труда и «...тем средством — инструментом, которое изготовляет первобытный человек для своей памяти, заключается лишь в том, что в то время, как первое всегда направлено на внешнюю природу, с помощью второго он овладевает своим поведением» (Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, М., 1959, с. 321). Первонач. роль средства запоминания выполняли к.-л. случайные стимулы. Затем эту функцию перенимают создаваемые в процессе общения знаки и системы знаков (прежде всего язык). Последнее и определяет преимущест. характер человек. П. как П. логической. Наконец, с этой т. зр. раскрывается значение мн. факторов культуры (мифологии, обычаев и т. д.) как мнемонич. средств.

Лит.: Леонтьев А. Н., Развитие П. Эксперимент. исследование высших психологич. функций, М. — Л., 1931; Блонский П. П., П. и мышление, М., 1935; Занков Л. В., П. школьника, ее психология и педагогика, М., 1944; его же, Память, М., 1949; Зинченко П. И., Вопросы психологии П., в сб.: Психологич. наука в СССР, т. 1, М., 1959; его же, Непроизвольное запоминание, М., 1961; Смирнов А. А., Психология запоминания, М., 1943; Шемякин Ф. Н., «Автоматизмы» П. и мышление, «Изв. АПН РСФСР», 1956, вып. 81; Проблемы инженерной психологии, вып. 3 — Психология П., Л., 1963; Вулдридж Д., Механизмы мозга, пер. с англ., М., 1965. М. Роговин, Москва.

Машинная П. Под машинной П. понимается комплекс устройств вычислит. машин, предназначенных для хранения информации различного назначения: входных данных, результатов вычислений, а также (для вычислительных машин с программным управ-

лением) закодированных отд. приказов программ (команд) и самих программ. Вычислит. машины простейшего типа — арифмометры, настольные клавишные вычислит. устройства — обычно имеют П. для кратковрем. хранения вводимой в них числовой информации и результатов вычислений (т. н. регистры). Наиболее сложной структурой П. обладают цифровые электронные вычислит. машины — ЦВМ, устройства к-рых обычно наз. запоминающими устройствами (ЗУ). Большинство ЗУ предназначено для хранения информации, записанной в натуральном двоичном коде (см. *Кодирование*), являющемся осн. языком ЦВМ. Конструкции устройств машинной П. отличаются большим разнообразием. Для ввода данных обычно используют ЗУ, в к-рых носителем информации являются бумажные карты и ленты с нанесенной на них системой отверстий (т. н. перфокарты и перфоленты). Вводимая информация, как правило, печатается на бумаге и реже выдается на специальные индикационные регистры. Значительно разнятся по типу устройства машинной П., предназначенные для хранения информации, циркулирующей в процессе ее обработки внутри ЦВМ. Здесь различают оперативные ЗУ (ОЗУ) и ЗУ с долговрем. хранением информации (ДЗУ). Первые используются для хранения информации, непосредственно участвующей в обработке, а также для хранения самих программ обработки, вторые — для более длит. хранения программ и информации, к-рые будут использоваться в дальнейшем.

Одно из важнейших качеств. различий между П. человека и существующих устройств машинной П. заключается в том, что процесс выборки информации из П. человека носит ассоциативный характер, в то время как у технич. ЗУ такой выбор носит т. н. адресный характер, основанный на том, что каждое из слов, записываемых в ЗУ, определяется с помощью своего адреса, т. е. номера ячейки ЗУ, в к-рую оно помещается (каждое слово размещается в ЗУ в наименьшей дискретной единице П. — ячейке). Принцип адресности приводит к противоречию между большой емкостью и быстродействием ЗУ, т. к. при большой емкости ЗУ приходится усложнять их адресную часть, что приводит к увеличению времени обращения к ЗУ, т. е. к снижению его быстродействия. В наст. время ведутся работы по созданию машинной П. ассоциативного типа. В таких ЗУ поиск информации осуществляется не по заданному адресу ее местонахождения, а по нек-рым признакам самой информации. Механизм выборки по ассоциациям позволяет значительно облегчить и ускорить процесс поиска информации, приблизив работу машинной П. к работе П. человека.

Лит.: Крайзер Л. П., Устройства хранения дискретной информации, М., 1961; Субье-Ками А., Двоичная техника и обработка информации, пер. с франц., М., 1964. Ю. Варабошкин, Москва.

ПАНЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ — особый вид социального (экономич., социологич., социально-психологич., педагогич. и др.) исследования, к-рый предполагает неоднократное изучение одного и того же социального объекта (напр., одной и той же совокупности лиц) с определ. временными интервалами по одной и той же программе исследования. Гл. цель П. и. — изучение тенденции развития или изменения нек-рого социального процесса или явления во времени. Типичный пример П. и. — периодич. сплошные и выборочные переписи населения.

Социологич. П. и. могут быть использованы для изучения изменений в социальной структуре общества, обществ. отношениях, обществ. сознания и т. п. Специфич. трудности возникают при организации выборочных П. и. Во-первых, неизбежны нек-рые потери в первоначально отобранной совокупности: лица, подлежащие обследованию на первом этапе, к мо-

менту повторного обследования могут переменить место жительства, работы и т. д. Анализ причин сокращения первонач. совокупности на основе материалов первого обследования показывает, является ли сокращение случайным или же в нем содержится нек-рая закономерность. Объем выборки при П. и. должен предусматривать эти возможные потери и поэтому рекомендуется увеличивать его на 20—25% против статистически обоснованного. Во-вторых, изменения, зафиксированные в последующих обследованиях, частично могут быть вызваны внешними причинами, не вытекающими из специфики данного объекта. Для определения степени влияния внешних причин рекомендуется проводить П. и. на основных и контрольных объектах, выравненных по существ. характеристикам. Если в исследовании применяется метод *опроса*, желательно иметь неск. контрольных объектов по количеству повторных опросов с тем, чтобы определить величину ошибки, вызываемой неоднократным опросом одних и тех же лиц по одинаковой программе (повторные опросы могут вызвать специфическую реакцию опрашиваемых, связанную с тем, что при первом опросе возникает определенная «установка», а не тем, что изменяется содержание информации как таковое). Следует каждый раз брать новый контрольный объект, сопоставляя полученные данные с материалами повторных обследований осн. объекта. Количество повторных обследований и временные материалы между ними целиком определяются содержанием изучаемой проблемы.

Лит.: Lazarsfeld P. F., Use of panels in social research, «Proceedings of the American Philosophical Society», 1948, v. 92, № 5; Festinger L., Katz D., Research methods in the behavioral sciences, N. Y., 1953, ch. 2; Lazarsfeld P. F., Rosenberg M., The language of social research, [Glencoe (Ill.), 1962], ch. 5—7; Research methods in social relations, revised one-volume ed. [by] C. Seltitz, M. Jahoda, M. Deutsch, S. W. Cook, L., [1962].

В. Ядов, Ленинград.

ПАНЕЦИЙ (Παναίτιος) Родосский (ок. 185—110/9 до н. э.) — др.-греч. астроном, географ, историк, историк философии и религии, философ, реформатор стоицизма, смягчивший его первоначальный ригоризм, предначертатель рим. стоицизма. Учитель Цицерона. П. исключил из стоицизма кинич. опрощенство, связал стоицизм с Сократом, Платоном, Аристотелем, Ксенократом, Теофрастом и Дикеархом. В отличие от первых стоиков, много занимавшихся вопросами космологии и логики, его интересовала по преимуществу проблема целесообразности в природе, красоты в ней и в человеке (Cic. De nat. deor. II, 29, 73; 61, 153; A. Schmeling, Die Philosophie der mittleren Stoa in ihrem geschichtlichen Zusammenhang, В., 1892, S. 187; Cic. De off. I 4, de fin. III 22, 75; Epist. 115, 3.4; De nat. deor. II 45, 115). Для П. человек является единым и прекрасным, вполне гармоничным организмом. Если он умирает, то продолжает жить в своем потомстве благодаря всегд. действую. мируму разума (Cic. De off. I 4, 11). Картины вечного возрождения человечества, несмотря ни на какие катастрофы природы и общества, в силу вечной закономерности всего существующего по П. рисует *Полибий*. Даже теоретическое признание судьбы не мешало П. проповедовать самостоятельность и самоопределяемость человеческой личности, связывая это воззрение нерушимым образом с учением об «обязанностях» (Cic. De off. I 4, 41). Отсюда меньшая, чем у первых стоиков, строгость учения о бесстрастности мудреца, привлечение удовольствия как живого принципа моральной жизни наряду с долгом и обязанностями, толкование естеств. потребностей как необходимых для достижения высшего блага (Clem. Alex. Strom. II 21, 129, St.-Frucht.). Стоич. *логос* везде у П. на первом месте (ср. Cic. De off. I 30, 107; De leg. I 7, 21 c). Вместе с ним П. при-

знавал, по-видимому, только звездных богов, в то время как все прочие боги являлись для него только поэтич. выдумками (см. A. Schmekel, *Die Philosophie der mittleren Stoa...*, В., 1892, S. 190). Однако бог-логос не действует у него, как у древних стоиков, выше и свыше, он постепенно вырастает в человеке в результате гармонизации естеств. аффектов (Cic. *De off.* I 4, 14; 33, 120; III 8, 35) и постепенного приближения к идеалу-логосу. П. старался заботиться о простых смертных, к-рые еще далеки от «мудрости», но хотят стремиться к ней, и предписывал им вместо абс. морали терпеливое исполнение «обязанностей» (там же, III 3, 13; Sen. *Epist.* 116, 5). Это не было полным разрывом с этикой Древн. Стои, а только нек-рым ее смягчением, т. к. П. проповедовал и вполне стоич. строгости (ср., напр., Cic. *De off.* II 24, 51; 17, 60). Мораль и польза для П. совершенно одно и то же, и быть в противоречии между собой они могут только при неправильном их понимании (там же, III 7, 34), что каждый раз требует особого рассуждения (там же, III 2, 7) и, конечно, с опорой на разум (там же, I 29, 90). П. не страшат ни болезни, ни страсти, т. к. он умеет находить в них разумную сторону и то, с чем необходимо бороться (Aul. Gell. 12, 5). При всех страданиях и неприятностях жизни П. предлагал подражать Анаксагору, к-рый при известии о смерти сына сказал, что смертность его сына была ему давно хорошо известна (Plut. *de coh. ira*, 16). П. вслед за Аристотелем ввел различие теоретич. и практич. добродетелей (Diog. L. VII 92). Здесь П. тоже учил о следовании природе (Aul. Gell. XII 5), но как стоик он, конечно, различал естеств. и противоестеств. удовольствия (Sext. *adv. math.* XI, 73), признавая за благо, кроме самоудовлетворяющей добродетели, также и здоровье, силу и способности (Diog. L. VII 128), а единой целью всех добродетелей — счастье, к-рому каждая добродетель идет по-своему (Stob. *Ecl.* II, p. 63, 26, Wachsm.). В своем учении о гос-ве различал разные формы власти, синтезируя по-аристотелевски демократию, монархию и аристократию (Diog. L. VII 131) вместо абсолютного монархизма древних стоиков. Индивидуальное бессмертие души он едва ли признавал, потому что под душой он, как и древние стоики, понимал теплое дыхание, уходящее в небо (Cic. *Tusc.* I 18, 42), а Гомера и Платона он критиковал за их учения о бессмертии души, исходя из смертности всего существующего (там же, I 32, 79). Под человек. личностью он понимал совокупность всех природных данных как самого человека, так и влияющей на него внешней среды.

В своей трактовке религии он шел гораздо дальше древних стоиков. Не отвергая целиком мантики и астрологии, он во всяком случае в них сомневался (Cic. *De div.* I 3, 6; Diog. L. VII 149), а подразделяя религию на философскую, государственную и поэтическую (деление это было, по-видимому, принято в Стое, ср. *Doxogr. Graec.* 295, а 6—14 Diels³), резко нападал на поэтов как бесплодных фантазеров и обманщиков. В философии он признавал только аллогоризм с безусловным исключением мифологии в чистом виде. Однако и филос. религия, согласно П., не имеет особой ценности, к-рую он признавал только за гос. религией, необходимой для воспитания граждан, для организации их обществ. жизни.

Соч.: *Panaetii et Hecatonis librorum fragmenta*, collegit H. N. Fowler, Bonn, 1885; *Panaetii Rhodii fragmenta*, ed. M. van Straaten, Leiden, 1952; 1962.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 307, 335, 336; История философии, т. 1, М., 1957, с. 152; Besançon A., *Les adversaires de l'Hellénisme à Rome*, [Lausanne], 1910 (thèse); Me y l a n L., *Panaetius et la pénétration du stoicisme à Rome*, «Revue Theologique», 1929; T a t a k i s B. N., *Panaetius de Rhodes*, P., 1931; L a b o w s k i L., *Die Ethik des Panaetios*, Lpz., 1934; T a t a k i s R. N., *Pohlenz M., Antikes Führertum. Cicero «De officiis» und das Lebensideal des Panaetios*, Lpz., 1934; B r é h i e r É., *Sur une des origines de*

l'humanisme moderne, в его кн.: *Études de philosophie antique*, P., 1955, p. 131—34; G r i l l i A., *Studi paneziani*, «Studi italiani di filologia classica», 1957, v. 29; S c h u h l P.-M., *Panaetios et la philosophie active*, «Revue philosophique de la France et de l'étranger», 1960, № 2, p. 232—33.

А. Лосев. Москва.

ПАНИНИ (ок. 4 в. до н. э.) — инд. языковед, автор древнейшей грамматики санскрита — «Аштадхьяи» («Восьмикнижне»). Грамматика П. по существу является первым в языкознании примером системного подхода к анализу языка, поскольку П. всю множественность конкретных языковых фактов свел к относительно ограниченному набору психодных элементов, из к-рых по определ. правилам (типа правил порождения) строится все множество явлений языка. П. ввел в языкознание понятие нулевой формы (вновь открытой в конце 19 в. Соссюром, Суитом, Фортунатовым) и близко подошел к пониманию класса лингвистич. единиц и их места внутри класса. П. предложил чрезвычайно экономное описание санскрита, применив для этого особый условный язык описания, выступающий в качестве метаязыка по отношению к описываемому языку. Этот метаязык, построенный отчасти по алгебраич. принципу, явился весьма совершенным инструментом формального описания; по его примеру в наст. время пытаются строить информационный язык лингвистики. Эти особенности описания языка позволили П. дать необычайно полный анализ санскрита всего лишь в 4000 сурах (правилах), каждая из к-рых обычно состоит из нескольких слогов. Уже в древности грамматика П. была хорошо известна и вызвала ряд подражаний в Индии и за ее пределами (в частности, в Китае). Она послужила образцом для ряда работ в 19 в. В 20 в. влияние грамматики П. на развитие лингвистич. мысли в Европе и Америке продолжает возрастать. Значение грамматики П. не исчерпывается языкознанием, охватывая широкую область методологии наук (проблемы различия инварианта и варианта, дистрибутивного анализа элементов, нуля как значимое отсутствие, метаязык в отношении к языку-объекту и проблема формальной записи и т. д.) и семиотики (проблема знака, автономного употребления слов и т. п.).

Соч.: Acht Bücher grammatischer Regeln, hrsg., übersetzt und erläutert von O. Böhtlingk, Bd 1—2, Lpz., 1887; *The Aṣṭādhyāyī*, trans. into English by Śūśī Chandra Vasu, v. 1—4, Allahabad, 1891—98; *La grammaire...*, avec des extraits des commentaires indigènes par L. Renou, fasc. 1—3, P., 1947—54.

Лит.: Го п о р о в В. Н., О некоторых аналогиях к проблемам и методам совр. языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков, в сб.: *Сборник памяти Ю. Н. Периха*, М., 1961; G o l d s t ü c k e r T., *Pāṇini: his place in Sanskrit literature*, L.—В., 1861; new ed., Allahabad, 1914; L i e b i c h V., *Pāṇini*, Lpz., 1891 (ср. также другие многочисленные работы Либиха по древнеиндийским грамматикам); T h i e m e P., *Pāṇini and the Veda*, Allahabad, 1935; F a d d e g o n V., *Studies on Pāṇini's grammar*, Amst., 1936; A g r a w a l a V. S., *India as known to Pāṇini*, [Lucknow], 1953; A l l e n W. S., *Zero and Pāṇini*, «*Indian Linguistics*», 1955, v. 16; M e n e a u M. B., *India and linguistics*, «*Journal of the American Oriental Society*», 1955, v. 75, № 3; T h i e m e P., *Pāṇini and the Pāṇiniyos*, там же, 1956, v. 76, № 1; M a s t e r A., *Jones and Pāṇini*, там же, № 3; R e n o u L., *Études védiques et pāṇinienes*, t. 1—13, P., 1955—64; B e r w é R., *Der Ganapāna zu den Adhyāyas IV und V der Grammatik Pāṇinis*, Wiesbaden, 1961.

В. Топоров. Москва.

ПАНЛОГИЗМ (от греч. πᾶν—все и λογισμός—разум)— идеалистич. и рационалистич. воззрение, согласно к-рому бытие есть воплощение логического, идеи, а логич. законы определяют законы бытия. Наиболее отчетливо это учение выступает в философии Гегеля, для характеристики сущности к-рой это понятие и было впервые введено Й. Э. Эрдманом (см. «*Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neueren Philosophie*», Bd 3, Lpz., 1853, S. 853).

Диалектич. материализм отвергает П., считая, что логическое и законы логического есть лишь отражение бытия и законов бытия. В учении П., особенно в его гегелевском, объективно-идеалистич. варианте, высказана мысль о связи законов бытия и мышления,

мысль, к-рая в диалектич. материализме в «перевернутом с головы на ноги» виде, т. е. в материалистич. переработке, развита как концепция отражения бытия в логическом.

В. Соколов. Москва.

ПАНТЕИЗМ (от греч. *παν* — всё и *θεός* — бог) — филос. учение, объединяющее бога и мир, а иногда и отождествляющее их. В истории домарксистской философии в пантеистич. концепциях часто скрывались натуралистич. тенденции, полностью растворявшие бога в природе и нередко подводившие к материализму и потому представлявшие собой форму оппозиционного по отношению к господствовавшему религ.-идеалистич. мировоззрению учения. Иногда же в эту форму облекались различные религ.-мистич. стремления, растворявшие природу в боге. Известны примеры весьма причудливого переплетения элементов обоих этих типов П. в мировоззрении одного и того же мыслителя. Пантеистич. идеи развились уже в *индийской философии* (в особенности в *браманизме*, *индуизме* и в *веданте*), в *китайской философии* (*даосизм*), *древнегреческой философии* (*Фалес*, *Анаксимандр*, *Анаксимен*). Однако поскольку в эту эпоху политеистич. религ. представлений еще не было понятия бога как единого мирового духа, указанные воззрения были одним из проявлений гилозоистич. одушевления всего мира, возникшего еще во времена первобытного общества и господствовавшего в течение всей античности. Значительно больше оснований имеется для оценки в качестве пантеистического воззрения *Ксенофана*, объявлявшего (в условиях господства антропоморфных представлений о богах) богом единую природу, постигаемую не чувствами, а умом. Этот П. означал дезантропоморфизацию понятия «бог» и привел Ксенофана к утверждению, объективно имевшему атеистич. значение: боги создаются людьми по своему образу и подобию. В дальнейшем пантеистич. характер имели натуралистич. и отчасти этич. концепции *стоицизма*. Их П. заключал в себе значительные материалистич. положения.

После возникновения *христианства* и *ислама*, с определяющим для них монотеистич. пониманием бога как личности, абсолютно возвышающейся над природой и человеком, и развитием ср.-век. религ.-филос. мысли возрастает и прогрессивная роль П. (обычно теоретически восходящая к филос. системе *неоплатонизма*). П. противопоставлял религиям учение о безличном мировом духе, скрывающемся в самой природе. Пантеисты европ. и ближневост. средневековья в особенности опирались на присущий неоплатонизму принцип эманационизма, а также на связанный с концепцией «отрицательной теологии» мистич. принцип непосредств. «сверхразумного «постижения» бога. В противоположность монотеистич. креационистским представлениям о творении личным богом природы и человека из «ничего» пантеисты средневековья развивали концепции вечного вневременного «порождения» их безличным богом. На этом пути они, с одной стороны, приходили к натуралистич. трактовке бога, растворявшей его в природе, с другой — опираясь на принцип непосредств. «постижения» бога, мистически растворяли природу в боге, утверждали тождество бога и человека. Религ. П. с элементами натурализма ярко представлен в системе *Иоанна Скота Эриугены*. В дальнейшем элементы натуралистич. П. встречаются у *Абеляра* и у нек-рых представителей *шартрской школы*. Одну из первых материалистич. формулировок П. дал *Давид Динанский*, утверждавший, что материя, разум и бог — одно и то же. Оппозиционные по отношению к господствовавшим в Зап. Европе католич. церкви и феод. строю этич. и социальные выводы из пантеистич. воззрений, восходящих к Эриугене, сделали в нач. 13 в. *амальрикане*. Антиерархич. возможности П., теоретически

сформулированные еще Эриугеной, проявились у амальрикан как прямые социальные выводы, отрицавшие всякую власть, церк. и обществ. порядки и т. п. Религ.-мистич. П. (см. *Мистицизм*) с присущим ему субъективным пониманием безличного бога нашел свое наиболее типичное выражение в воззрениях *Экхарта*, к-рый делал бога всем одинаково близким и доступным и приходил к отрицанию руководящей роли христианско-католич. церкви в деле «спасения» верующих. Эта разновидность П. стала гл. идейной базой крестьянско-плебейских еретич. движений в их борьбе против системы феод.-церк. эксплуатации. Если внеприродный христианский бог благославлял классово-ерархич. структуру об-ва, то пантеистич. понимание бога, подчеркивавшее абсолютное равенство всех людей перед лицом смерти, разрушило ее и обосновывало уравниТЕЛЬСКИЕ и коммунистич. стремления крестьянско-плебейских масс.

Натуралистич. тенденции П. со все большей силой начали проявляться в эпоху *Возрождения*, когда в огромной, по сравнению со средневековьем, степени возрос интерес к природе.

Одним из первых пантеистов этой эпохи был *Николай Кузанский*, рассматривавший бога как «бесконечный максимум» и приближавший его к природе как «ограниченному максимуму». Изводя бесконечность бога в природу, Николай Кузанский сформулировал идею бесконечности Вселенной в пространстве, что стало важнейшим симптомом начинающегося крупнения теологич.-схоластич. мировоззрения с основоположным для него представлением о конечности в пространстве некогда созданного богом мира.

Расцвет пантеистич. концепций в Зап. Европе относится к 16—нач. 17 вв., когда П. стал важнейшей методологич. базой большинства натуралистич. учений, противостоявших *креационизму* господствовавших монотеистич. религий, в особенности у *Кардано*, *Патрици*, *Кампанеллы*, *Бруно*. В этих учениях бог, оставшийся бесконечным незримым абсолютном, все полнее сливался с природой, пока не стал по существу ее псевдонимом у Бруно. П. последнего с его тезисом «...природа... есть не что иное, как Бог в вещах» («Изгнание торжествующего зверя», СПб, 1914, с. 162) и учением о единой субстанции, лежащей в основе как материальных, так и духовных явлений, следует расценивать уже как материализм.

С др. стороны, мистич. П., сочетающийся с высокой оценкой разума и «...местами соприкасающийся даже с атеизмом» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7, с. 370), составил основу мировоззрения вождя народной Реформации в Германии *Мюнцера*, а также *анабаптистов*, его ближайших союзников. В дальнейшем, когда в ряде стран Зап. Европы победили различные протестантские вероисповедания, мистич. П. продолжал оставаться основным руслом, по к-рому направлялось недовольство омертвевшими формами религиозности со стороны наиболее развитых представителей мелкой буржуазии, плебейства и крестьянства. В Германии 16—17 вв. наиболее выдающимися из мистич. пантеистов были *С. Франк*, *В. Вейгель*, *Бёме* и поэт-философ Иоганн Шеффлер. Но почти у всех (особенно у Бёме) пантеистическо-гностические построения причудливо переплетались с натуралистич. положениями и космогонич. фантазиями.

В период англ. буржуазной революции сер. 17 в. мистич. П., к-рого придерживались и глава левеллеров Лилберн и вождь диггеров *Уинстэнли*, играл первостепенную роль, обосновывая эгалитарные и коммунистич. устремления революц. масс англ. народа. В Нидерландах той же эпохи существовало много направлений и сект мистич. П. Наиболее влиятельными из них были меннониты и коллегиянты. К пос-

ледним был близок Спиноза, который, опираясь на пантеистическую традицию, разработал грандиозную материалистическую философскую систему. В этой системе понятия «бог» и «природа» тождественны. В ней оригинально сочеталось целостно-гиллозонистическое понимание мира с его механистическим истолкованием.

В 18 в. пантеистич. воззрения развивали под влиянием Спинозы Гётте и Гердер, к-рые, в противоположность материализму ряда франц. материалистов 18 в., стремились разработать органическо-гиллозонистич. элементы спинозизма и высказали идею диалектич. развития природы. Филос. системы таких нем. идеалистов, как Шеллинг, Гегель и др., по словам Энгельса, «... все более и более напоянялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи. В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» (там же, т. 21, с. 285). Для оценки П. важен также тот факт, что ватиканский собор 1870 проклял пантеистов как безбожников. В нек-рых направлениях совр. бурж. идеализма, напр. в персонализме, элементы П., напротив, используются в целях борьбы против материализма и атеизма. Автор термина «пантеист» — Толанд (J. Toland, Socinianism truly stated, L., 1705, затем «Pantheisticon», [L., 1720]), а термина «пантеизм», вскоре ставшего синонимом свободомыслия, — его противник нидерландский теолог Й. Фаи (1709). В 1828 Краузе для обозначения своей идеалистич. системы и для того, чтобы отличить ее от системы натуралистич. и материалистич. П., ввел термин «пантеизм» (от греч. pan en theo — все в боге).

Лит.: Соколов В. В., К историч. характеристике пантеизма в западноевроп. философии, «ФН» (НДВН), 1960, № 4; его же, Философия Спинозы и современность, М., 1964; J ä s c h e G. B., Der Pantheismus nach seinen verschiedenen Hauptformen, seinem Ursprunge..., Bd 1—3, B., 1826—32; [P l u m p t r e C. F.], General sketch of the history of pantheism, v. 1—2, L., 1878—79; S c h u l e r G. M., Der Pantheismus, Würzburg, 1884; D i l t h e y W., Der entwicklungsgeichtliche Pantheismus nach seinem geschichtlichen Zusammenhang mit den älteren pantheistischen Systemen, «Arch. Geschichte Philos.», 1900, Bd 13, H. 3, 4; P i c t o n J. A., The religion of the universe, L., 1904. В. Соколов. Москва.

ПАИЦХАВА, Илья Диомидович (р. 1907) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1944), профессор (с 1945). Окончил социально-экономич. фак-т Тбилисского ун-та (1928) и аспирантуру РАИОНа (1931). Науч.-педагогич. работу ведет с 1931. Зав. кафедрой истории и теории атеизма МГУ. Работает в области истории философии, диалектич. и историч. материализма, атеизма и эстетики. П. принадлежит переводы на рус. яз. филос. соч. Платона «Рассмотрение Платоновской философии и Прокла Динадоха» (Тб., 1942), речей Губаза, Айэта, Портадзе и др. представителей коллидской школы.

Соч.: Элементы диалектики в груз. философии XI—XII вв., Тб., 1937; Филос. мысль в Грузии IV—XII вв., «ПЗМ», 1938, № 4; Коллидская риторич. школа и ее значение в развитии обществ. мысли древней Грузии, «Уч. зап. МОПИ. Тр. каф. истории др. мира», 1953, т. 28, вып. 2; Отражение закономерностей обществ. развития в художеств. лит-ре, «Уч. зап. МОПИ. Тр. каф. философии», 1956, т. 42, вып. 3; Материал к лекции на тему: Категории материалистич. диалектики, М., 1957; Диалектич. материализм, М., 1958; Атеизм в прошлом и настоящем, М., 1958; Значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в борьбе с бурж. философией, М., 1959; Ленинский этап в развитии марксистской философии, М., 1960; Марксистский атеизм — высшая форма атеизма, М., 1960; Смертность и бессмертие человека, «ФН» (НДВН), 1963, № 6; Под редакцией и с участием П. изданы: Материализм и религия, М., 1958; Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», важнейший этап в развитии марксистской философии, [М.], 1959; Осп. вопросы науч. атеизма, М., 1962; История и теория атеизма, М., 1962.

ПАРАДОКС (от греч. παράδοξος — неожиданный, странный) — рассуждение, доказывающее как истин-

ность, так и ложность некоторого предложения (или, что то же, доказывающее как это предложение, так и его отрицание). Ввиду некоторой расплывчатости или относительности значения термина «доказательство» (а значит и «доказывать», «доказывающее» и т. п.), понятие П. также оказывается расплывчатым и не всегда обозначает «абсолютное» противоречие в наиболее строгом значении этого слова, т. е. противоречие, в получении к-рого не используются никакие исходные допущения. Если такие допущения используются, то вывод противоречия доказывает лишь несовместимость (см. *Совместимость*) этих допущений, что само по себе не является П. Анализ любого рассуждения показывает, что оно опирается на нек-рые (явные или скрытые) допущения. Уже то обстоятельство, что слова, используемые при изложении рассуждения, что-то означают, равно как и то, что лицо, воспринимающее рассуждение, в конце этого рассуждения правильно помнит его начало, оба эти обстоятельства, как и нек-рые другие, зависят от нек-рых допущений. Поэтому в принципе всегда есть возможность избавиться от любого П. — для этого достаточно проанализировать рассуждение, выявить используемые в нем допущения и отказаться от любого из них.

П. как абсолютное противоречие легко может возникнуть в теории, если логические основы этой теории недостаточно изучены и выявлены не полностью. Отрицат. роль П. состоит в том, что он обнаруживает несостоятельность той теории, в к-рой он получен, т. е. попросту то, что совокупность ее исходных допущений должна быть отвергнута. Кроме того, логич. правила чаще всего позволяют вывести из противоречия любое предложение теории или, по крайней мере, отрицание любого предложения, что обесценивает само понятие доказуемости в теории. Поэтому в связи с каждой теорией, представляющей логич. интерес, возникает задача — освобождение теории от П., т. е. придания ей такой формы, в к-рой они не могут возникнуть (доказательство этого факта представляет собой доказательство *непротиворечивости* теории), или, по крайней мере, такой формы, при к-рой п р а к т и ч е с к и не удастся получить противоречие (ввиду трудности нахождения доказательств непротиворечивости часто довольствуются этим вторым видом решения задачи освобождения теории от П., хотя нервный, конечно, предпочтительнее). Т. о., решение этой задачи, поставленной для произвольно выбранной теории, может включать в себя (и обычно включает) предварит. замену этой теории на другую, достаточно близкую к ней по своей цели или содержанию, но с более или менее отработанными логич. основами (ибо в своем первоначальном варианте любая сколь угодно сложная теория обычно далека от логич. совершенства и приближается к нему в значит. мере как раз благодаря попыткам устранения П.; в этом, кстати, состоит положит. значение П. в логич. развитии теории). Коль скоро исходные допущения теории (часто именуемые ее *постулатами* или *аксиомами*, хотя строгая теория и не обязательно должна строиться согласно *методу аксиоматическому*) в достаточной мере выявлены, от нек-рых из них приходится часто отказываться в целях избежания П. Ввиду того, что полный отказ от исходных допущений привел бы и к полному разрушению теории, отказ от нужных допущений обычно сопровождается принятием др. допущений, способных играть по возможности ту же полезную роль, к-рую играли бы в теории отбрасываемые допущения. Т. о., под влиянием обнаруживаемых П. наши теории уточняются. Уточняется и само понятие доказательства — так что рассуждения, приводившие к П. на ранней стадии развития теории, уже не приводят к ним на позднейших стадиях этого раз-

втия. Ввиду этого слово «П.» часто употребляется условно или в переносном смысле.

Нек-рые П. были известны уже в древности. *Евбулиду* приписывается П. «лжец», к-рый можно изложить след. образом: рассмотрим вопрос об истинности высказывания «я лгу». Если, сказав «я лгу», я сказал истину, то значит я при этом солгал (т. е. сказал неправду), что противоречиво, следовательно, произнося это высказывание, я сказал неправду, т. е. солгал. И так, доказано, что, произнося это высказывание, я солгал, а так как именно это я и утверждал, произнося это высказывание, то я, тем самым, сказал при этом истину, т. е. доказано и то, что я (в том же случае) сказал истину. В этом противоречии и состоит П. Следует подчеркнуть, что он был получен без помощи *принципа исключенного третьего*. (Распространенный предрассудок, что этот принцип играет существ. роль в П. рассматриваемого вида, был связан лишь с выбором более удобной в просторечии формы их изложения. Первым на несущественность роли этого принципа в возникновении П. обратил внимание, по-видимому, Керри, в связи с парадоксом Рассела.) Анализ П. «лжец» показывает, что в нем используется допущение об осмысленности того, что предложение «я лгу» является истинным (без этого допущения рассматриваемый П. может представлять собой просто набор слов, хотя и составленный по нек-рым логич. правилам, но не имеющий смысла, а поэтому и значения доказательств противоречия). Др. П., также известный в античности. — П. «куча»: одно зерно не может образовать кучи; если n зерен не могут образовать кучи, то не может образовать ее и $n+1$ зерно. Следовательно, куча зерна невозможна. Вместе с эмпирич. допущением того, что куча зерна возможна, это рассуждение образует противоречие. Анализ этого П. показывает, что в нем используется *математическая индукция* от n к $n+1$, или точнее допущение о применимости ее в этом случае. Важнейшей для оснований математики проблемой является разработка свободной от противоречий теории, трактующей вопрос о границах законности математич. индукции. Исследования в этом направлении приводят к развиваемой автором так называемой ультраинтуитивистской программе обоснования математики (см. статью *Le programme ultraintuitionniste des fondements des mathématiques*, в сб.: *Infinistic methods*, Warsz., 1961). (Следует заметить, что во многих вопросах естествознания — практически всюду, где встречается бесконечность, — возникает надобность в исследованиях этого рода. Напр., в разъяснении нек-рых П. космологии естественным представляется отказ от допущения о том, что идею бесконечности Вселенной следует связывать с традиц. матем. представлениями о натуральном ряде, в к-ром функции умножения и возведения в степень определены для любых чисел. Из этого допущения вытекает, что в натуральном ряде должно иметься любое «астрономическое» число, напр. 10^{100} , по обосновать такое допущение для произвольного натурального ряда невозможно, а естеств. попытки «доказательства» терпят неудачу из-за порочного круга.)

Возможны, впрочем, и др. способы избавления от П. «куча», напр. путем отказа от допущения об осмысленности понятия «куча». Традиц. математика идет именно по этому пути, не располагая, впрочем, доказательствами того, что аналогичные П. в ней не могут возникнуть. (Все видимые «доказательства» этого рода содержат порочный круг; о понятии последнего см. *Круг в доказательстве*.) Не менее известен древний П. об Ахиллесе и черепахе *Зенона Элейского*. Ахиллес, идя за черепахой в десять раз быстрее ее, никогда ее не догонит, поскольку к тому моменту, как он дойдет до места, на к-ром черепаха

первоначально находилась, она уйдет вперед на $1/10$ этого расстояния, а когда Ахиллес пройдет эту $1/10$, черепаха уйдет вперед еще на $1/100$ и т. д., так что к моменту, когда Ахиллес ее догнал бы, закончился бы бесконечный процесс, событиями к-рого служат прохождения Ахиллесом этих последоват. промежутков. И для этого П. известно много способов разьяснения, т. е. выявления используемых в нем посылок, от к-рых затем отказываются. Часто (как это предлагал еще Аристотель) отказываются от посылки о том, что физич. пространство делимо до бесконечности, подобно математическому. Такое решение задачи логически безукоризненно, но имеет тот недостаток, что несовместимо с приложениями математики к явлениям природы (для последних можно привести аналогичные формы этого П., «доказывающие» невозможность движения). Др. решение состоит, напр., в отказе от допущения о том, что молчаливо используемая Зеноном идея «совпадения» имеет смысл, к-рым можно пользоваться в этом П. Имеется в виду то, что в изложенном П. отождествляются и считаются совпадающими два процесса — физич. движение и возникновение в нашем сознании его последоват. частей. Полного тождества здесь, конечно, нет — мы ведь прекрасно умеем и различать эти вещи, так что в рассуждении Зенона участвуют отождествления умозрительно представляемых частей d_i физич. процесса с частями c_i этого процесса, имеющими место в действительности. С учетом того, что отождествление происшедшего с непроизшедшим очевидным образом вызывает формальное противоречие и должно быть поэтому отвергнуто, при построении непротиворечивой теории указ. выше отождествления следует мыслить не иначе, как в форме процесса отождествлений, возникающих по мере возникновения отождествляемых объектов. Так как умозрительно представляемые части рассмотренного физич. процесса по условию его задания образуют бесконечный процесс, то и соответств. процесс отождествлений (предполагающих в каждом случае возникновение соответств. событий d_i) должен быть бесконечным. Между тем при попытке получить рассматриваемый П., отказываясь от допущения об осмысленности понятий «совпадение» и заменяя его разрешением считать «совпадающими» только ранее отождествляемые объекты, противоречия не возникает, если, разумеется, не предположить указ. процесс отождествлений оконченным (что фактически вернуло бы понятию «совпадение» в этом П. его не критически воспринимаемое значение и привело бы к восстановлению П.; но при таком рассмотрении противоречивость исходных допущений очевидна с самого начала). Этот анализ указ. Зеноном П. приобретает фундаментальное значение в связи с упомянутой ультраинтуитивистской программой, проведение к-рой требует тщательного исследования проблемы отождествлений.

В ультраинтуитивистских теориях приходится рассматривать кажущиеся противоречия, т. е. доказательства теорем вида $A \rightarrow \neg A$, в к-рых не участвуют отождествления A в обоих этих вхождениях. Присоединение такого отождествления возможно бы за собой, по правилам этих теорий, появление «непреодолимого препятствия» к осуществлению нек-рого шага доказательства.

Можно считать, что все такие препятствия имеют вид зацеплений, т. е. состоят в следующем: пусть $a_0, a_1, \dots, \dots, a_i, \dots$ и $b_0, b_1, \dots, b_i, \dots$ — две последовательности, из к-рых путем чередования образуем смешанную последовательность $a_0, b_0, a_1, b_1, \dots, a_i, b_i, \dots$. Тогда, если во второй последовательности имеется член b_n , для к-рого в первой не будет соответствующего a_n , то b_n не появится в смешанной последовательности. Задача: «получить b_n в смешанной последовательности» встречает препятствие в виде «зацепления» за первую последовательность $a_0, a_1, \dots, a_i, \dots$. Следует заметить, что если имеются два вхождения конечной последовательности b_0, b_1, \dots, b_n , то для этой конечной последовательности возможно «структурное» отождествление в этих вхождениях, к-рое включает в себя отождествления для соответствующих членов b_i обоих этих вхождений, а также «констатацию» того, что эти

отождествления b_i исчерпаны. Но если для одного из этих вхождений имеется задание: отождествить b_i после его появления в смешанной последовательности с b_j в его вхождении через b_0, b_1, \dots, b_n и первое вхождение b_0, b_1, \dots, b_n рассматривается вместе с этим заданием, то в него этим заданием «вносится бесконечность», и это задание не может быть полностью выполнено из-за отсутствия последнего b_i (где $i = n$) в смешанной последовательности. «Структурное» отождествление b_0, b_1, \dots, b_n оказывается невозможным, если для одного из вхождений b_0, b_1, \dots, b_n требуется, чтобы каждое b_i из смешанной последовательности было отождествлено с b_j в этом вхождении. Допущение о том, что такое отождествление выполнено, совершенно сходно с тем, к-рое было выше обнаружено при анализе П. об Ахиллесе и черепахе. Между тем в ультраинтуитивистских доказательствах могут рассматриваться натуральные ряды, один из к-рых длиннее другого, и тогда может встретиться ситуация вида той, к-рая сейчас была указана для $a_0, a_1, \dots, a_i, \dots$ и b_0, b_1, \dots, b_n . «Структурное» отождествление того вида, невозможность к-рого сейчас была отмечена, может потребоваться для выполнения отождествления обоих A в $A \wedge \neg A$ по правилам ультраинтуитивистских теорий. Поэтому в последних доказательствах как A , так и $\neg A$ не обязательно рассматриваются как П.

В философии Кантом был указан ряд П. (см. Соч., т. 3, М., 1964, с. 404—31), к-рые он называл «антиномиями» (этот термин, как и другой — «апория», часто употребляется как синоним слова «П.» в его рассматриваемом здесь значении). Хотя эти антиномии легко разъясняются, они оказали на развитие науки серьезное влияние, т. к. способствовали обособлению математики в период выяснения ее логич. основ в 19 в. С др. стороны, они способствовали и появлению гегелевской диалектики.

Известные трудности, ощущавшиеся в основаниях математики после открытия дифференциального и интегрального исчисления, казалось, были преодолены путем построения математики на основе теории множеств Кантора. Но уже сам Кантор обнаружил П., или антиномию, в своей теории. Исторически это обстоятельство заставило обратиться к изучению аксиоматич. систем и к *математической логике*. В то же время развитие математич. логики и в особенности логич. семантики привело к необходимости выделения в особую группу т. н. семантич. П. Эти П. характеризуются тем, что в них явно участвует или, отношение семантики — отношение называния, или денотации, имеющее место между именем (предложением и т. п.) и тем, что оно обозначает. Так, в рассмотренном выше П. «лжец» участвует это отношение между предложением «я лгу» и его смыслом. Др. известный пример семантич. П. принадлежит Дж. Берри: имеется лишь конечное число сочетаний типографских знаков, напр., рус. языка, содержащих менее 1000 вхождений знаков. Каждое такое сочетание может служить определ. именем не более чем для одного натурального числа, а потому — ввиду бесконечности ряда натуральных чисел — должны иметься натуральные числа, не имеющие определ. имени этого вида, и среди них — наименьшее такое число. Сочетание знаков: «Наименьшее натуральное число, не имеющее определ. имени, составленного менее чем из 1000 вхождений типографских знаков русского языка», называется поэтому нек-рое определ. натуральное число и притом это название составлено менее чем из 1000 вхождений типографских знаков рус. языка, что противоречит определению этого числа. Имеется неск. решений этого П. Наиболее распространенное состоит в отказе от допущения об осмысленности понятия «число, имеющее определ. имя, составленное менее чем из 1000 вхождений типографских знаков рус. языка». Именно, поскольку все сочетания знаков этого рода не были рассмотрены, нет оснований считать, что каждое из них является или не является определ. именем нек-рого числа. Если же рассмотреть все такие сочетания, то можно определить нек-рое натуральное число, указанное при помощи фразы, взятой в кавычки выше в этом абзаце, но для того, чтобы это определение было полным, оно должно

включать в себя рассмотрение всех упомянутых сочетаний и требовать для своего выражения более чем 1000 вхождений типографских знаков. Др. возможное решение П. состоит в отказе от допущения о том, что в классе натуральных чисел, не допускающих обозначений посредством менее 1000 типографских знаков, должно иметься (в случае непустоты этого класса) наименьшее число или, что то же, в отказе от индукции от n к $n+1$, применяемой по отношению к св-ву F : «иметь определ. имя, составленное менее чем из 1000 вхождений типографских знаков» (ибо только при помощи такой индукции выделяется наименьшее из чисел, не имеющих определ. имен рассматриваемого вида). Более тщательное рассмотрение этого вопроса показывает, что второе решение связано с первым. Парадокс Берри схож с тем, к-рый был указан в 1906 франц. математиком Ж. Ришаром. Часто парадоксами Ришара называют все семантич. П. рассмотренного вида. Их можно варьировать, но решение во всех случаях может состоять в отказе от допущения об осмысленности рассматриваемого отношения денотации.

Наиболее известный из П. теории множеств Кантора принадлежит Расселу: рассмотрим множество R всех множеств, не являющихся своими элементами. Тогда R является собств. элементом в том и только в том случае, если R не является собств. элементом. Поэтому допущение о том, что R является собств. элементом, приводит к противоречию — и R не является собств. элементом, а значит (в силу предыдущей фразы), R является собств. элементом. Следует отметить, что парадокс Рассела, как и семантич. П., не зависит от принципа исключенного третьего (хотя часто ему без надобности придают такую форму, в к-рой такая зависимость проявляется), и, значит, он (как и рассмотренные выше семантич. П.) сохраняет силу и для теории множеств, основанной на *интуитивистской логике* и даже *минимальной логике*. С др. стороны, представляет интерес, что в трехзначной логике Лукасевича эквивалентность предложения A его отрицанию не приводит к противоречию и парадокс Рассела, в его рассмотренной форме, снимается (что, однако, не является пренебрежением к получению разновидности этого П., обнаруженной Кёрри). Поэтому сов. логик Д. А. Бочвар предложил решение парадокса Рассела и подобных ему П., основанное на отказе от двузначной логики (см. Матем. сб., т. 4 (46), № 2, М., 1938, с. 287, 308; там же, т. 15 (57), № 3, М., 1944, с. 369—384). Этим вопросом занимались в последние годы Сколем и Чан. Выяснилось, что в теории множеств, основанной на любой конечнозначной логике, появляются нек-рые разновидности парадокса Рассела, но в случае бесконечнозначной логики Лукасевича можно без противоречий рассматривать любые аксиомы о существовании множеств вида $\exists y \forall z (z \in y \equiv \varphi(z))$ коль скоро $\varphi(z)$ — формула теории множеств, не содержащая y и *кванторов* (Сколем, 1957). Чан (1963) показал также, что $\varphi(z)$ при этом может и содержать кванторы, если аксиома, о к-рой идет речь, не содержит свободных переменных или удовлетворяет некоторым другим условиям.

Связь между парадоксом Рассела и семантич. П. нетрудно усмотреть в том, что понятие класса (множества) можно отождествить с понятием неопредел. имени элементов этого класса. Отношение принадлежности при этом сводится к отношению «значение определ. имени является одним из значений данного неопредел. имени». (Термин «определенное имя» имеет при этом лишь относит. значение, связанное с контекстом, т. к. однозначность значения имени зависит от способа отождествлений; обычно мы отыскиваемся от нек-рой возможной неопределенности, как несущест-

венной для целей наших рассуждений; фиксированные значения неопредел. имен, или параметра, есть операция, очень часто явно зависящая от др. неопредел. имен, или параметров.) Теория множеств содержится, с этой т. зр., в теории имен, и все ее П. являются семантическими. Помимо парадокса Рассела, в теории множеств известно неск. др. П., связанных с нек-рыми теоремами этой теории. Кантор в 1895 открыл П., найденный вскоре (1897) итал. математиком Бурали-Форти. Этот П. состоит в противоречивости порядкового числа множества всех порядковых чисел. В 1899 Кантор нашел более простой П., носящий теперь его имя (этот П. был впервые опубликован только в 1932 и связан с рассмотрением мощностей множества всех множеств и множества подмножеств этого множества; имеется аналогичный П., связанный с противоречивостью мощности множества всех мощностей; см. С. К. Клини, Введение в метаматерику, М., 1957, с. 39—40).

Имеется неск. известных систем аксиом для теории множеств, в к-рых эти П. не возникают. Общая черта этих решений состоит в (частичном) отказе от допущения о том, что для всякого св-ва существует множество предметов, обладающих этим св-вом. Это допущение наз. п р и н ц и п о м (или постулатом) с в е р т ы в а н и я (см. также *Принцип абстракции*). Полный отказ от этого принципа во всех случаях означал бы на практике ликвидацию теории множеств, т. к. множества вводятся в рассмотрение именно посредством этого принципа. Поэтому в каждой аксиоматической теории множеств аксиомами свертывания считаются в этих теориях не всевозможные формулы, соответствующие принципу свертывания для каких-либо конкретных св-в, а только нек-рые из них. Одна из наиболее ранних аксиоматич. теорий множеств известна под названием *типов теории* и принадлежит Б. Расселу. Др. аксиоматич. системы для «классич.» теории множеств сильнее теории типов, т. е. фактически они накладывают на принцип свертывания более слабые ограничения. Так, в системе Куайна логика имеет только один алфавит переменных, хотя и требуется, чтобы аксиомы свертывания получились из аксиом свертывания теории типов уничтожением индексов, указывающих типы переменных. В системе нем. математика Э. Цермело принцип свертывания расширяется лишь на такие св-ва предметов, из к-рых вытекает, что этот предмет принадлежит нек-рому произвольному множеству, и, кроме того, согласно этому принципу, допускается только образование пары любых двух множеств, объединения и множества всех подмножеств произвольного множества, а также постулируется осуществление нек-рого бесконечного множества; часто рассматривают также усиление системы Цермело, принадлежащее А. Френкелю (1890—1966), а именно, постулируется, что однозначный образ множества есть множество. Св-во «не принадлежать самому себе» не удовлетворяет этому ограничению, равно как и те св-ва, для к-рых соответствующие им по принципу свертывания множества участвуют в др. П. Вместо этой системы иногда рассматривают близкую к ней с двумя видами предметов — «множествами» (или «предметами» в собств. смысле) и «классами». Элементарные «классы» могут служить только «множествами» (или «предметами»). В таких случаях доказуемо существование класса всех множеств, а также класса всех множеств, не являющихся своими элементами, класса всех мощностей, или всех порядковых типов, — и известные П. означают для этих систем лишь наличие теорем о том, что эти классы не являются множествами. Каждая из этих аксиоматич. систем сама по себе даст избавление лишь от известных П.; вопрос о ее непротиворечивости этим не решается, так как не

исключено, что в любой из этих теорий можно отобразить какой-нибудь из еще неизвестных П. теории множеств. Вообще очень важная сама по себе проблема непротиворечивости должна была бы возникнуть для теории множеств и в том случае, если бы не были открыты П. Известная вторая теорема Гёделя (см. *Метатеория*) показывает, что для решения этой проблемы необходим выход за пределы (соответствующей) теории множеств.

С аксиоматич. теорией множеств связан еще т. н. парадокс *Сколема*, состоящий в том, что аксиоматич. теория должна иметь (по теореме Левенштейна — Сколема) счетную модель и в такой модели для аксиоматич. теории множеств все множества должны быть счетны, в то время как в теории множеств имеется теорема о существовании несчетных множеств. Однако это положение кажется П. только до тех пор, пока понятие «счетности» не подвергается внимат. рассмотрению. Так как «счетность» означает «существование» функции нек-рого рода, то имеется решение парадокса Сколема, согласно к-рому функция, осуществляющая пересчет элементов несчетного множества, не является объектом модели. Это решение следует отнести к любой теории, в к-рой рассматривается этот П., поэтому он фактически является не П., а только доказательством относительности понятия счетности.

П. теории множеств исчезли в аксиоматич. теориях, хотя непротиворечивость этих теорий до последнего времени оставалась недоказанной. Упомянутая выше ультраинтуитционистская программа обоснования математики предлагает доказательство непротиворечивости важнейших из них (системы Цермело — Френкеля и др., но не Куайна) и тем самым доказательство невозможности П. в этих теориях (см. ст. К обоснованию теории множеств, в сб.: Применение логики в науке и технике, М., 1961).

В логике иногда говорят о П. теории импликации. Но в этих случаях нет П. в том смысле, в каком они рассматривались выше. Напр., неожиданность того, что импликация $A \supset (B \supset A)$ следует считать истинной, объясняется тем, что импликация $F \supset G$ обладает непосредств. интуитивной ясностью лишь до тех пор, пока F и G не содержат импликаций. В модальной логике имеется следующий П. (\square всюду означает «необходимо»): 1. $x=y \supset (\square x=x \supset \square x=y)$ (аксиома равенства); 2. $\square x=x \supset (x=y \supset \square x=y)$ (из 1 путем перестановки антецедентов); 3. $x=y \supset \square x=y$ (из 2 и аксиомы $\square x=x$ по *modus ponens*). 3 противоречит тому, что равенство двух объектов может иметь место случайно. (Напр., если x и y — случайно совпавшие возраста двух собеседников, то в силу 3 имеется необходимость в том, чтобы их возраста совпадали, в то время как а priori эти возраста могут быть различными). В др. форме (\diamond обозначает «возможно») этот П. производит еще более странное впечатление: 1. $x=y \supset (\neg \diamond \neg x=x \supset \neg \diamond \neg x=y)$; 2. $\neg \diamond \neg x=x \supset (x=y \supset \neg \diamond \neg x=y)$; 3. $x=y \supset \neg \diamond \neg x=y$ (из 2, ибо $\neg \diamond \neg x=x$ считается аксиомой, или теоремой); 4. $\neg \diamond \neg x=y \supset \neg x=y$ (из 3 путем контрапозиции). В силу 4. из возможности различия двух объектов вытекает их фактич. различие (чем исключается возможность их совпадения и потому из 4 следует, что совпадение, как и различие, объектов не может быть случайным). Наиболее простое решение этого П. состоит в отказе от допущения 1 (в обоих случаях). Между тем, это допущение имеет вид $x=y \supset (F(x) \supset F(y))$ обычных аксиом равенства, от к-рых в обычных, т. е. немодальных, логиках не отказываются. Они получаются из таких аксиом для атомарных (не содержащих логич. операторов) формул путем выводов, выражающих св-ва *монотонности* логич. операций, и отказ от 1 означает поэтому отказ от этого св-ва для модальностей. Именно, в модальной логике не может

быть (согласно предлагаемому решению П.) теорем вида $(A \supset B) \supset (\Box A \supset \Box B)$ или $(A \supset B) \supset (\Diamond A \supset \Diamond B)$ (т. к. с помощью аксиом этого вида можно получить формулу вида 1, использованную в П. — так, как это обычно делается при выводе общего случая формулы $x = y \supset (F(x) \supset F(y))$ из ее частных случаев для атомарных $F(x)$). Этот П. иногда называют П. «утренняя звезда» (из того, что эта «звезда» может оказаться Венерой, делается парадоксальный вывод о том, что она должна быть Венерой).

В этике встречается П., связанный с понятием *свободы воли*, если «свободным» считают такое поведение человека, при котором он делает все то, и только то, что хочет. При этом под «поведением» понимается класс всевозможных деяний (действий или бездействий), о которых только можно подумать, в частности хотений. Из такого понимания свободы вытекает, что свободное поведение невозможно, ибо, согласно этому пониманию, прежде чем совершить (в рамках свободного поведения) некое деяние, надо этого «захотеть», а так как «захотеть» тоже есть деяние, то надо сперва «захотеть захотеть» совершить это деяние, и т. д. Этот результат противоречит тому, что свободное поведение человека возможно. Решение этого П. можно видеть как в отказе от использованного в нем допущения о невозможности бесконечной последовательности уходящих «вглубь» хотений, так и в отказе от допущения о том, что «свободное поведение» означает такое, при котором субъект делает только то, что он хочет. Логически возможны оба решения, но при первом совершается отказ от такого допущения, которое полностью соответствует нашей интуиции в рассмотренном вопросе. Кроме того, этот П. явно зависит от различия активного и пассивного залогов: он исчез бы, если бы в определении «свободного поведения» слова «он хочет» были заменены оборотом «ему хочется» (т. к. хотение в этом смысле нельзя отнести к поведению субъекта). Смещение активного и пассивного залогов легко приводит к П.

Вообще, для решения вопроса о том, какое из неск. решений П. следует предпочесть, приходится обращаться к категории цели или к рассмотрению нашего способа предпочтения одних вещей другим (т. е. того способа, к-рому мы следуем, в частности при выборе наших целей или желаний). Необходимо также помнить, что мн. слова имеют различные значения и в каждом конкретном случае только анализ смысловых связей позволяет отбросить те, к-рые являются посторонними. В повседневной речи мы часто игнорируем некие связанные с этим требования точности, что может привести к П. Напр., признаются верными положения: каждый человек смертен (т. е. может умереть) и: каждый человек может умереть только один раз. Но слово «человек» может обозначать как живого, так и мертвого человека, что приводит к П.: признается верным то, что (человек) Наполеон умер. Следовательно, он не может умереть и потому он не смертен, что противоречит первому из приведенных ранее положений. Решение этого П. достигается уточнением смысла слова «человек» в первом из этих положений: каждый неумерший человек смертен. С т. зр. упомянутой ультрантуitionalистской программы, вопрос о проследивании смысловых связей и о «посторонних» значениях слов должен быть включен в разработку вопросов оснований математики (см. *Связь*); он и все П., о к-рых сейчас шла речь, относятся к основаниям теории множеств.

Лит.: Френкель А. А., Бар-Хиллел П., Основания теории множеств, пер. с англ., М., 1966, гл. 1 (имеется подробная библиография).

ПАРАДОКСЫ СЕМАНТИЧЕСКИЕ — парадоксы (антиномии), обусловленные неограничиваемым употреблением неких лингвистич. и семантич. понятий,

напр. «истинный», «самоприменимый» или «самоотносимый», «определяемый» и др. П. с. называются также иногда синтаксическими или эпистемологическими. Термин «П. с.» был введен англ. логиком Ф. Н. Рамсеем в 1926. Систематич. исследования причин, вызывающих П. с. (как и вообще парадоксы), и соответствующие этим исследованиям выводы, имеющие важное значение для методологии науки, относятся к нач. 20 в., хотя, по существу, парадоксы этого рода были широко известны еще в античности (Евбулид, 4 в. до н. э.) и неоднократно описывались в ср. века не только логиками, но и в религиозной («Послание к Титу», где, по существу, упоминается т. н. парадокс Эпименида) и художеств. литературе («Дон Кихот» — одна из загадок, заданных «губернатору» Санчо Пансе). Классич. образец и прообраз большинства этих парадоксов — знаменитый парадокс о «лгушем критянине» (или в неск. др. версии — просто «лжец»). Подробнее о П. с. см. ст. *Парадокс*, а также *Гетерологичности парадокс*.

ПАРАЛИНГВИСТИКА (от греч. *пара* — около) — направление в науке, возникшее на рубеже лингвистики, психологии, этнографии, медицины и культурной антропологии в начале 50-х гг. 20 в. в США. Его представители — Дж. Трегер, Г. Смит, И. Хокет, Т. Себек и др. П. изучает явления, сопровождающие языковое общение людей и несущие при этом информацию, истолковываемую определ. образом (тембр голоса, интонации, кашель, жесты, манера говорить и т. д.). Из различных аспектов знаковой теории П. ближе всего стоит к *прагматике*, изучающей реакцию воспринимающего на знаковое высказывание.

Предмет П. в наст. время только формируется, поэтому его трудно четко и строго соотносить с предметами др. смежных наук. Существуют различные понимания области, исследуемой П.: в узком смысле она включает звуковые явления, сопровождающие звуковое высказывание; в более широком — всякие (необязательно звуковые) сопровождения устного человека, общения; наконец, при самом широком подходе (когда язык не связывается с определ. субстанцией) П. охватывает вообще всякие явления, сопровождающие языковую деятельность — звуковую, графическую, кинетическую и т. д. В последнем случае в П. включается и *п а р а к п е с и к а* — явления, сопровождающие жестовую коммуникацию. К П. относятся также особенности письма, свидетельствующие о графич. навыках пишущего, о его физич. и душевном состоянии.

Паралингвистич. явления представляют собой побочный продукт *коммуникации* и, в отличие от собственно языковых высказываний, обычно не строятся говорящим сознательно, однако они воспринимаются и интерпретируются участниками общения. Различаются *обязат.* и *факультативные* паралингвистич. явления: к первым относятся окраска голоса, темп речи, манера письма и т. д., ко вторым — звуки тина каня, рыданий, причмокиваний, а также жестовые сопровождения *речи*. Будучи бессознательными, эти явления могут сознательно имитироваться (с целью выразить то или иное душевное состояние или — в случае письменной коммуникации — имитировать чужой почерк). Актерская имитация паралингвистич. феноменов может быть реалистической или стилизованной (таково учение о выразительности жестов и мимики, разработанное в театре Востока).

При изучении паралингвистич. явлений существенно выяснить, насколько они условны или, напротив, естественны; насколько они ориентированы на воспринимающего или являются полностью произвольным самовыражением говорящего; насколько они самостоятельны от собственно языковых высказываний, к-рые ими сопровождаются, — т. е. насколько они организованы в систему и насколько эта система под-

дается существующим методам исследования или требуют новых методов. Предполагается, что паралингвистич. явления не образуют самостоят. системы и их системное рассмотрение возможно лишь в более широком контексте, когда они выступают как элементы языкового сопровождения. Что касается методов исследования П., то здесь ощутимы серьезные трудности, поскольку аппарат лингвистики недостаточен для этих целей, а спец. аппарат до сих пор в удовлетворит. виде построить не удалось.

Важность развития П. осознана в связи с потребностями практики и ряда наук, смежных с *языкознанием*. Напр., при преподавании иностр. языков выявилось, что изучение собственного языка недостаточно для полного понимания носителей изучаемого языка из-за наличия таких паралингвистич. явлений, к-рые обусловлены нац. или культурной спецификой (манера выражать эмоции, жестикულიровать, вступать в словес. контакты). В сфере междунар. общения пренебрежение паралингвистич. элементами может привести к недоразумениям (один и тот же жест — напр., кивок головой — у разных народов может быть истолкован как отказ или как согласие). В области искусства непонимание паралингвистич. функций языкового сопровождения может привести к неправильному изображению поведения людей др. эпох или стран. Адекватная интерпретация паралингвистич. явлений существенна для медицины, где соответствующие специфич. признаки (дрожание голоса, нервные движения рук во время речи, замедленный или учащенный темп речи и т. д.) могут служить симптомами определ. заболеваний. Паралингвистич. элементы важны и для криминалистики (определение личности преступника по характерному написанию букв, по специфике голоса, жестового сопровождения и т. п.).

В человек. общении интерпретация паралингвистич. элементов воспринимающим состоит в перекодировании информации, полученной от говорящего, в знаки др. кода, известного воспринимающему (напр., врач перекодирует, «прочитывает» паралингвистич. явления, сопровождающие речь больного, в виде симптомов заболевания). Т. о., умение воспринимать и интерпретировать паралингвистич. явления требует специального знания — тем более специального, чем сложнее данные паралингвистич. элементы.

Лит.: Хаймз Д. Х., Общение как этнолингвистич. проблема, «Вопр. языкознания», 1965, № 2; T r a g e r G. L., Paralangage: a first approximation, «Studies in Linguistics», 1958, v. 13; ег о ж е, Taos III, Paralangage, «Anthropological Linguistics», 1960, № 2; В i r d w h i s t e l l R., Paralangage — 25 years after Sapir, в кн.: Lectures on experimental psychiatry, Pittsburgh, 1961; Approaches to semiotics. Cultural anthropology, education, linguistics... Transactions of the Indiana University Conference on paralinguistics and kinesics, The Hague, 1964; Darwin Ch., The expression of the emotions in man and animals, L., 1872. Т. Николаева, Москва.

ПАРАЛОГИЗМ (греч. *παράλογος*) — *логическая ошибка*, совершенная в рассуждении (в доказательстве, в споре и т. п.) без явного намерения ввести собеседника в заблуждение. П. обычно отличают от *софизма* — преднамеренной логич. ошибки.

ПАРАПСИХОЛОГИЯ — область психологич. исследований, изучающая в основном: 1) формы чувствительности, обеспечивающие способы приема информации, не обесценимые деятельностью известных органов чувств; 2) соответствующие формы воздействий одного живого существа на другое. Большинство представителей совр. П. обозначают объект своего исследования как «сверхчувств. восприятия» (ESP — Extrasensory perception) и относят к ним телепатию — «чувствование» состояния другого живого существа; «сверхчувственное» восприятие объективных событий (clairvoyance); предсказание или предвосхищение, не могущее быть основанным на суждениях разума. До сего времени мн. ученые сомневаются в правомерности отнесения П. к категории науч. дисциплин.

Скептицизм основан на том, что явления П. не удается объяснить в рамках совр. науки. Это дает повод, с одной стороны, к их спиритуалистич. и мистич. трактовке, с другой — к обвинению сторонников П. в слепой вере в чудеса, в признании сверхъестественного. Недоверие к П. усиливается еще и потому, что не столь уж редки случаи мистификации и обмана при демонстрации парапсихологич. явлений. Исследования этих явлений неизменно поднимает общий вопрос о достоверности науч. знания. Известно, что на определ. этапах развития науки допустима уверенность в существовании явлений, к-рые экспериментально еще не научились воспроизводить (напр., никто не сомневается в существовании сновидений).

Как правило, явления П. невоспроизводимы или воспроизводимы с трудом. Это также одна из причин недоверия к П. со стороны тех ученых, к-рые считают подлинными и достоверными лишь факты, могущие быть воспроизводимыми при воспроизведении условий опыта. Трудность постановки экспериментов в области П. обусловлена в первую очередь своеобразием парапсихологич. феноменов. Они возникают при особых состояниях и их нелегко искусственно вызвать к жизни. Состояния, при к-рых появляются феномены П., крайне лабильны, неустойчивы: они исчезают, как только к-л. внешние или внутр. условия оказываются для них неблагоприятными. Высказывается взгляд, что далеко не все люди способны приобретать то особое состояние, при к-ром создается почва для парапсихологич. явлений. Как полагают представители П., даже при соблюдении благоприятных условий не удается длительно сохранять те состояния, при к-рых возможно проявление парапсихологич. феноменов.

Начало более или менее систематич. наблюдений за парапсихологич. феноменами можно отнести к янв. 1882, когда в Лондоне было создано «Общество для изучения психических явлений» (SPR — Society for Psychical Research). Этому предшествовал долгий донауч. период собирания передаваемых устно сведений и наблюдений, достоверность к-рых покоилась лишь на рассказах людей, испытавших особые состояния с явлениями телепатии и др., а также на показаниях свидетелей и очевидцев. Поэтому первые шаги общества SPR были направлены на постановку контролируемых наблюдений и экспериментов над субъектами, обнаружившими способности к «чтению мыслей». В результате часть способностей такого рода удалось объяснить идеомоторными явлениями. Ученые, причастные к естеств. наукам, обратили внимание на особое значение самого способа контакта, к-рый устанавливался между людьми, участвовавшими в опытах с «отгадыванием мыслей» (сейчас их принято называть индуктором и перцепиентом). В этой связи стали придавать большую роль «мускульному чувству». Однако в ряде случаев между индуктором и перцепиентом не возникал чувств. контакт, и гипотеза «мускульного чувства» оказывалась уязвимой. Поэтому возникла тенденция приписывать такие способности действую сфeрe *подсознательного*. Осн. факты, к-рыми оперировали приверженцы П. на раннем этапе ее развития, когда термин «П.» и понятие ESP еще не было, сводились к следующему: 1) нек-рые люди умеют выполнять действия, задуманные др. лицами, при гарантированной условиях опыта невозможности сознат. подсказки или иного способа нарочитой передачи информации; 2) возможна мысленная передача ощущений — болевых, вкусовых и др., причем воспримщик этих ощущений (перцепиент) воспроизводит не только характер ощущений, но и их локализацию (напр., в случае болевых ощущений); 3) возможно воспроизведение перцепиентом зрит. образов — цвета, формы, числа, рисунка и др., задумываемых индуктором, как

в состоянии бодрствования, так и в гипнотич. состоянии перципента; 4) возможны явления синхронного сосредоточивания отделенных большим расстоянием двух субъектов, т. е. спонтанное возникновение сходных эмоч. состояний и их взаимодействие. Большинство приверженцев П. склонялось к спиритуалистич. трактовке этих фактов, хотя многие из них декларировали верность естеств.-науч. позиции.

Одним из инициаторов активного изучения явлений П. был рус. ученый *Бехтерев*, широко осветивший проблему «мысленного» воздействия в контексте своего учения о роли внушения в медицине и в обществ. жизни и значительно углубивший исследования своего предшественника *Тарханова*, автора первых рус. работ по П. Не отвергая в принципе возможности необычных способов приема и передачи информации от одного человека к другому, Бехтерев резко возражал против спиритуалистич. объяснения этих явлений. Он подчеркивал, что способность передавать мысли от человека к человеку или к к.-л. живому существу обнаруживается обычно в особом состоянии человека — гипнотическом, для к-рого характерна особенно повышенная восприимчивость по сравнению с состоянием бодрствования (совр. исследования во многом подтверждают т. зр. Бехтерева). Лично и в сотрудничестве с В. Дуровым Бехтерев экспериментально изучал мысленное внушение у животных. Предполагая, что животное может «угадать» задание по выражению лица индуктора, он в ряде опытов применял искусство прием. индуктор (В. Дуров) придавал своему лицу выражение, явно не соответствующее смыслу приказа; в др. опытах на глаза индуктора надевалась повязка. Для совр. П. особый интерес представляют выводы Бехтерева о способах мысленного внушения, о содержании сознания и направленности внимания индуктора в момент, когда процесс внушения достигает кульминации, разрешающей мысленным приказом животному. Хотя ст. зр. требований, принятых в совр. П., опыты Бехтерева не могут считаться убедительными, т. к. в них не полностью была исключена возможность бессознат. чувственного воздействия на подопытных животных, все же выводы, к к-рым пришел Бехтерев, стали основой, на к-рой впоследствии строили свои исследования сторонники эксперимент. П., его ученики и продолжатели как в СССР, так и в др. странах. Переноса полученные на животных данные на область межчеловеч. отношений, Бехтерев высказал предположение о возможном участии какого-то вида лучистой энергии в осуществлении мысленного воздействия одного индивида на другого (см. его ст. в журн. «Обзорные психиатрии», 1904, № 8 и его кн. «Психика и жизнь», 2 изд., СПб. 1904). Линия исследований Бехтерева в области П. была продолжена сов. физиологом И. М. Васильевым.

Зарубежная литература по П. насчитывает несколько названий. В ряде стран выходят периодич. издания, отражающие, как правило, деятельность спец. штатов по П. Если не говорить об ученых, уморно отрицающих за П. право называться наукой, и о спиритуалистич. направлении П., то совр. состояние позитивных исследований в этой области знания можно охарактеризовать неск. тенденциями: 1) Готовность признать описываемые в П. явления реально существующими, но не поддающимися науч. исследованию совр. методами; отсюда вывод о бесполезности и бессмысленности затраты времени и усилий на такие исследования; 2) Попытки выделить из всего круга явлений П. только такие, к-рые доступны науч. анализу и находят хотя бы гипотетич. объяснение в рамках совр. естеств.-науч. представлений; 3) Отнесение явлений П. к категории еще не изученных физич. процессов.

Из попыток, направленных на поиски объяснений явлений П. с позиций совр. физики, в частно-

сти радиофизики, заслуживают упоминания работы польского ученого С. Мапчарского, склоняющегося на основании собств. исследований и анализа работ др. ученых к выводу, что т. н. паранормальные феномены — это обычные физич. явления, основанные на перенесении электромагнитной энергии, и что, несмотря на свою незначит. величину, эта энергия поддается расчетам и измерениям (см., напр., ст. «Новые возможности воздействия на органы чувств человека» в журн. «Зарубежная радиоэлектроника», 1964, № 7).

В совр. эксперимент. П. наметились свои особые методич. приемы. Один из них состоит в мысленной передаче индуктором перципенту импульса или готовности к выбору одной из предопредел. фигур из пяти возможных (круг, крест, квадрат, волнистые параллельные линии, пятиконечная звезда). Сам индуктор извлекает одну карту из пачки тщательно перетасованных карт (т. н. карты Зеннера). Изображенная на карте фигура мысленно внушается на расстоянии перципенту. В одном эксперимент. сеансе осуществляются 25 мысленных внушений. Опыт считается результативным, если число «угаданных» фигур заметно превосходит 20% совпадений, т. е. процент возможных случайных совпадений. Др. распространенный метод — мысленное внушение зрит. образа или определ. цвета с предварт. введением перципента в гипнотич. состояние, при к-ром, как известно, обостряются все виды чувствительности. В последние годы в П. начали применяться методы биофизики, электрофизиологии, радиоэлектроники и др.

При всей спорности вопросов, возбуждаемых П., едва ли правомерно рассматривать эту область психологии исследований как враждебную филос. материализму только на том основании, что П. допускает существование не известных еще форм чувствительности и, следовательно, возможность расширения средств познания деятельности, к-рые в конечном счете, по убеждению представителей естеств.-науч. направления П., уходят своими корнями в сферу чувств. познания.

Лит.: Тьюк Х., Дух и тело, действие психики и воображения на физич. природу человека, пер. с англ., М., 1888; Герней Э., Майерс Ф., Подмор Ф., Прижизненные призраки и другие телепатич. явления, пер. с англ., СПб., 1893; Бехтерев В. М., Внушение и его роль в общественной жизни, СПб., 1908; его же, Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных, «Вопр. изучения и воспитания личности», 1920, № 2; Тарханов И. Р., Внушение, гипнотизм и чтение мыслей, СПб., 1905; его же, Телепатия и беспроводный телеграф, «Знание и жизнь», 1905, № 4; Лосский Д., Восприятие чужой духовной жизни, «Торос», 1914, т. 1, вып. 2; Лазарев П. П., Физико-хим. основы высшей нервной деятельности, М., 1922; Петровский И. А. А., Телепсихич. явления и мозговые радиации, «Телеграфия и телефония без проводов», 1926, т. 7, № 1(34); Васильев И. М., Эксперимент. исследования мысленного внушения, Л., 1962; его же, Тайств. явления человек. психики, М., 1963; Cazzamalli F., Les Ondes..., Comptes rendus du III-e congrès International de Recherches Psychiques, P., 1928; [International] Journal of Parapsychology, Parapsychology Foundation, Durham, 1937; Schrenck-Notzing A., Grundfragen der Parapsychologie, Stuttg., 1962; Soal S. G. and Bateman F., Modern experiments in telepathy, L., 1954; Amadou R., La parapsychologie (Essai historique et critique), P., 1954; West D. J., Tests for extrasensory perception. An introductory guide, L., 1954; Zograf G., Bibliography of parapsychology, N. Y., 1957; Proceedings of four conferences of parapsychological studies, Parapsychology foundation, N. Y., 1957; Rhine J. B., Pratt J. G., Parapsychology, Springfield (Ill.), 1957; Rhine J. B., Pratt J. G., Hidden channels of the mind, N. Y., 1961; Pratt J. G., Parapsychology, [N. Y.], 1964. С. *Геллерштейн*, Москва.

ПАРАЦЕЛЬС (Paracelsus) (наст. имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; П. — прозвище, к-рое он дал себе сам, передвигая на греко-лат. лад имя Гогенгейм) (24 ноября 1493—24 сент. 1541) — медик и алхимик. Швейцарец по происхождению. Скитался почти по всей Европе в качестве практикующего врача, общаясь с народом, изучая целебные источники, травы и минералы. Свои сочинения П. писал не по-латыни, а на коло-

ритном нем. яз. Историч. значение П. заключалось в сближении медицины и химии, в тенденции преодоления алхимии изнутри. Сам П. ввел в практику ряд химических медикаментов, положив начало т. п. ятрохимии.

В философии П. видел один из «столпов» своего учения, понимая под философией совершенное познание природных вещей. Первома́терия создана богом. Между природой (макрокосмом) и человеком (микроскосмом) существует полное соответствие, поэтому познание обоих представляет неразрывное целое. Осн. источник познания П. усматривал в самой природе и придавал большое значение опыту, решительно восстаивая против вековых авторитетов.

Начав на «вульгарных» заклинателей и «вызывателей духов», П. сохранил веру в «натуральную» магию как основу своего учения. Вся природа, по П., одушевлена и населена духами. Наряду с четырьмя традиц. стихиями древних (огонь, воздух, вода, земля) П. признавал вслед за араб. алхимиками существование трех «начал» (ртуть, сера и соль).

Парацельсизм получил широкое распространение среди

медиков и алхимиков во 2-й пол. 16 и в 17 вв. Ряд соч., вышедших под его именем, не принадлежали ему. Такова, напр., «Химическая псалтирь», переведенная на рус. язык в масонских кругах (М., 1784).

Соч.: Sämtliche Werke, hrsg. von K. Sudhoff und W. Matthiessen, Bd 1—14, Münch.—B., 1922—33; пер. на совр. нем. яз. В. Aschner, Bd 1—4, Jena, 1926—32; Four treatises, ed. with a preface by H. E. Sigerist, Balt., 1941.

Лит.: Проскураков В., Парацельс, М., 1935; Левен В. Г., Проблема материи у Теофраста П., «ФН» (НДВШ), 1959, № 3; его же, Общественно-политич. мысль Германии в XVI в. (Теофраст П.), «Уч. записки (Рязанский гос. пед. ин-т)», 1961, т. 29; Gundolf F., Paracelsus, 2 Aufl., B., 1928; Нооукаас R., Die Elementenlehre des Paracelsus, «Janus», 1935, 39 année, sept., oct.; Sudhoff K., Paracelsus, Lpz., [1936]; Metzke E., Paracelsus' Anschauung von der Welt und vom menschlichen Leben, B., 1943; Goldammer K., Paracelsus, Hannover, 1953; Culcer A., De la Paracelsus la Pavlov, București, 1959; Sudhoff K., Bibliographia Paracelsica, Graz, 1958; его же, Paracelsus Handschriften, Hälfte 1—2, B., 1898—99; Acta Paracelsica, N. 1—5, Münch., 1930—32 (доп. к библиографии Зудхофа); Weimann K.-H., Paracelsus-Bibliographie 1932—1960. Mit einem Verzeichnis neu entdeckter Paracelsus-Handschriften (1900—1960), Wiesbaden, 1963. [В. Зубов.] Москва.

ПАРЕ́ТО (Pareto), Вильфредо (15 июля 1848—20 авг. 1923) — итал. бурж. социолог и политэконом. В 1893—1906 — проф. политич. экономии Лозаннского ун-та.

В социологич. концепции П. противоречиво соединены логически-эксперимент. методология, направленная против оценочно-психологич. и умозрительного подхода к обществ. явлениям, и тезис о том, что источник обществ. развития — психология человека. Все филос., моральные и политич. предпосылки, по П., должны исключаться из социологии, равно как и претензия на абсолютность науч. истины.

Для П. характерно отрицание монистич. причинного подхода. Социология и политич. экономия, с его т. зр., как и любая точная наука, имеет дело только с выяснением функциональной зависимости между явлениями, к-рые все выступают как равнозначные. П. выдвинул требование вскрыть за сплетением идей реальные силы, определяющие поведение людей. Он считал, что человек не поступает так, как он думает, а думает так, потому что он так поступает; для него первично не мышление, а поступки. Последние делаются П. на логические и нелогические; первые опре-

деляются осознанными целями, вторые — неосознаны, иррациональны. По П., обществ. развитие обусловлено нелогич. действиями. Каждый нелогич. поступок П. разлагал на три элемента: внешнее протекание действия, обоснование поведения, имеющееся у действующего, и фактич. психич. состояние действующего, определяющее осуществление действия. Комплекс побудит. инстинктов, стремлений, чувств и интересов составляет, по П., относительно устойчивую психич. константу любого нелогич. действия, к-рую он назвал остатком (residue). Вторым осн. элементом нелогич. действий являются изменчивые интерпретации этих остатков, к-рые объясняют их, но в то же время и маскируют. Этот тип явлений П. называл производными (derivazioni) и связывал их с тем, что человеку, как существу чувства, веры, а не разума, изначально присуща потребность в логическом или, вернее, псевдологическом обосновании post factum своего иррационального поведения. Человек, как правило, верит в истинность этого обоснования. Возрастая и охватывая массы, «производные» могут достигать уровня идеологий, религ. представлений. В основу объяснения всех обществ. явлений П. положил определ. классификации «остатков» и «производных», к-рые, вступая во взаимодействия друг с другом, и определяют конкретно тот или иной социальный процесс или явление. Исходя из этой искусственной и псевдонауч. схемы, П. строил объяснение механизмов обществ. жизни. Общество, с его т. зр., является системой, находящейся в равновесии, поскольку выступает как результат взаимно парализующих друг друга антагонистич. интересов отд. слоев и классов. Антагонизм вызывается социальным неравенством людей, связанным с неравномерным распределением «остатков» среди них. В частности, способностью руководить обладают лишь немногие (элита).

П. выдвинул идею, согласно к-рой история является ареной постоянной борьбы элит за власть. Процесс смены элит («циркуляция элит») связан с комбинациями «остатков» у правящего слоя. Согласно П., любой обществ. процесс распадается на три цикла: политический, экономический и идеологический. Каждый цикл определяется двумя осн. типами элит — в политике это «львы» и «лисы», в экономике — «рантье» и «спекулянты», в идеологии — «оптимисты» и «скептики». Соответственно типу элит, обществ. развитие то ускоряется, то замедляется. «Львы» — политич. вожди, убежденные в абсолютности своей веры в идеальные цели, — используют власть для их осуществления. Для этого типа элит характерен консерватизм в правлении. Правящий класс со временем вымирает и пополняется отд. представителями из неправящего класса. Этот процесс ведет к перераспределению остатков, в результате чего возникает второй тип элит — «лисы» — вождей, не верящих в абсолютность своих целей и использующих для достижения власти обман и политич. спекуляцию. Каждый тип не удовлетворяет вечным проблемам руководства; поэтому необходима постоянная смена элит, к-рая осуществляется с помощью насилия. Творч. сила элит, по П., — основа всех обществ. процессов. «Производные» в форме социальных теорий и философско-историч. концепций являются лишь средством в борьбе элит и служат тому, чтобы принудить массы к согласию и повиновению. Для совр. капиталистич. общества, по П., характерна фаза господства элиты «лис» (к-рую он назвал «демагогич. плутократией»). Резко враждебно относился к марксизму и революц. движению рабочего класса и повторяя «обвинения» против марксизма в переоценке экономич. фактора, П. в то же время враждебно относился и к идеалам бурж. демократии, что впоследствии было использовано идеологами фашизма. (Муссолини на-

зывает П. своим учителем; сам П. относился к фашизму резко отрицательно). Наивысшим принципом политич. жизни П. считал власть, безотносительно к способу ее достижения.

Идеи П., особенно теория элиты, оказали большое влияние на бурж. социологов. Однако начиная с 40-х гг. растет число социологов, критикующих реакц. направленность и антиинтеллектуализм социологии П., ее схематичность и абстрактность.

См. о ч.: Cours d'économie politique, v. 1—2, Lausanne, 1896—1897 (пер. на итал. яз. — Torino, 1961); Le péril socialiste, [P.], 1900; Corrispondenza, Padova, 1948; Forma ed equilibrio sociale..., Bologna, 1959.

Лит.: Беккер Г., Босков А., Совр. социология, теория, пер. с англ., М., 1961; Eisermann G., V. Pareto als Nationalökonom und Soziologe, Tübingen, 1961.

П. Добролюбов. Москва.

ПАРК (Park), Роберт Эзра (14 февр. 1864—5 февраля 1944) — амер. бурж. социолог. Учился в США и Германии (у Зиммеля и Виндельбанда). В 1914—33 — проф. Чикаг. ун-та, где П. создал крупнейший центр социологич. исследований (т. н. чикагская школа).

Кн. П. «Введение в науку социологии» («An introduction in the science of sociology», Chi., 1921, соав. с E. W. Burgess) ознаменовала (наряду с работой Толмаса и Знанецкого) появление эмпирич. бурж. социологии. Социологию П. рассматривал как естеств. науку о поведении людей. Свойственный ему натурализм дополнялся применением понятий биологии к изучению обществ. жизни. По аналогии с зоологией П. развивал социальную экологию как науку о влиянии на поведение людей «естеств. района», в к-ром они живут (на материале Чикаго и др.). При этом П. игнорировал закономерности всего капиталистич. хоз-ва.

Отправляясь от Зиммеля и Смолла, П. рассматривал социальный процесс в аспекте четырех типов взаимодействия: соревнования, конфликта, приспособления и ассимиляции. Соревнование — человек. форма борьбы за существование, оно является подсоциальным, в основном бессознательным и превращается в конфликт, если относится к сознат. действиям людей. Конфликты переходят в приспособление и завершаются ассимиляцией — взаимопроникновением социальных групп и глубокими контактами между ними. В работах о расовой проблеме П. выдвинул понятие «социальной дистанции», трактуемой чисто психологически (напр., стеньга отращения одной социальной группы к другой) и «маргинального человека», стоящего на границе различных социальных групп (применял к мулатам). Эту систему понятий П. рассматривал как инструмент исследования, а не законченную теорию общества, но по существу создал анологич. концепцию, отрицающую существование классов в амер. обществе, в к-ром «различия носят чисто индивидуальный или личный характер». П. выдвинул идею «священного» и «светского» общества — абстрактных типологич. категорий для характеристики отношения общества или социальной группы к изменению существующих порядков (сопротивление изменениям или стремление к ним).

П. оставил заметный след в бурж. социологии и дал толчок многочисл. конкретным исследованиям (обществ. мнение и др.), начал в США разработку технич. полевых исследований.

См. о ч.: The city, Chi., [1925] (соавтор); The collected papers of R. E. Park, ed. by E. Ch. Hughes, v. 1—3, Glencoe, 1950—55. А. Завидье. Москва.

ПАРМЕНИД (Παρμενίδης) из Элея в Юж. Италии (р. 540/39 или 515 до н. э.) — древнегреч. философ, представитель элейской школы. П. был идейно связан через Ксенофана (28 А 7, Diels⁹) с Анаксимандром и через пифагорейца Аминия с пифагорейством. Кроме философии, занимался еще и законодательством (ср. А 12). По Проклу и Ямвлиху (А 4), П.

и его ученик Зенон Элейский были членами пифагорейского союза. В древности говорили также о зависимости Эмпедокла (А 9—10) и даже атомистов (А 8) от П.

Существование филос. позиции П. заключалось в новом для того времени и оцениваемом как освобождение мышления «от обмана воображения» (А I-Diog. L. IX 23) различении мышления и чувственности, а соответственно мыслимого мира и мира чувственно познаваемого. К принципиальному противопоставлению мыслимого и чувств. бытия подходил уже Ксенофан, но сформулировал его П. Для П. существуют две философии — истины, основанной на мышлении, и мнения, основанного на чувственности (А I-Diog. L. IX 22).

Мышление и соответствующий ему мыслимый (умопостижимый) мир есть для П. прежде всего «единое», к-рое он характеризовал также и как бытие, вечность и неподвижность, однородность, неделимость и законченность (В 8), противопоставляя его становлению и кажущейся текучести (А 22). Для богов нет ни прошлого, ни будущего, а существует только настоящее (А 30, В 8). Такому бытию соответствует и мышление, так что «мыслить и быть есть одно и то же», т. е. одно и то же по своему содержанию (В 5). П. дает одну из первых формулировок идеи тождества бытия и мышления: «одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется» (В 8). Такое бытие, по П., никогда не может быть небытием, поскольку это последнее П. характеризует как нечто слепое и непознаваемое: бытие всегда, повсюду и одинаково есть, небытие же никогда и ни в чем не существует (В 4.6—8). Бытие ни в каком смысле не может и происходить из небытия или каким-нибудь образом содержать его в себе (В 8). П. подчеркивал здесь постоянство, устойчивость, самостоительность мыслимого предмета и, значит, мышления о нем, хотя и не избегал идеи становления.

Вопреки сложившемуся еще в древности мнению (Теофраст А7, Ипполит А23, Аристотель А26, Азций А29), П. вовсе не отрицал чувств. мира, а только доказывал, что для его филос. и науч. осознания мало одной чувственности, но необходимо еще и абстрактное мышление. Считая критерием истины разум, он отвергал ощущения из-за их неточности (А 1-Diog. L. IX 22). Плутарх же и Симпликий прямо утверждали, что П. совершенно одинаково принимал свои оба принципа — мыслимое бытие и чувств. становление — и только пытался указать каждому из них свое место (А 34). Чувств. мир П. трактовал в духе всей ранней, стихийно-материалистич. древности, как смешение огня и земли, светлого и темного, теплого и холодного, тонкого и плотного, легкого и тяжелого (что и было для него конкретным воплощением принципов тождества и различия, В 8).

Кто в древности говорил о физиках, тот в первую очередь вспоминал Эмпедокла и П. (А 4); и вообще в древности всегда рассматривали П. в контексте этой древнейшей натурфилософии (А 11. 14. 20), и даже атомизм рассматривался как разновидность элейского учения об «едином», потому что атом у Левкиппа и Демокрита отличался теми же самыми абсолютными качествами, но только данными в своей бесконечно разнообразной индивидуальности (А 8), когда атомы становились маленькими единичными, т. е. маленькими единичностями. В натурфилософии П. содержится также учение о космич. вепцах, к-рое, хотя и непонятно в деталях, но в основном едва ли чем-нибудь резко отличается от такого же учения Анаксимандра (А 37—44). Здесь имеется учение об огненном центре Вселенной на манер пифагорейцев, а также о вепцах вокруг этого огня, пребывающего в глубине небес. Типичными для всей ранней натурфилософии являются у П. такие учения, как, напр., учение об огненности

души (А 45), о разумности всех животных (там же), о зависимости познания от физич. соприсковенности органов чувств с вещами (А 48) и от преобладания в человеке тех или иных физич. стихий (В 16), а также и вообще учение о том, что «ощущение и мышление тождественны» (А 46), не говоря уже о зависимости ощущений от состояния организма (А 47). Все это заставляло П. вместе с Пифагором, Эмпедоклом, Ксенофаном и Мелесом учить также и о ложности ощущений (А 49). Вопросы происхождения живых существ, половой жизни и эмбриологии занимали у П. значит. место (А 50—54, В 17—18), что также типично для ранней натурфилософии.

Соч.: «О природе», в кн.: C o r n f o r d F. M., Plato and Parmenides. Parmenides' way on truth and Plato's Parmenides, L., 1939; рус. пер. Г. Ф. Церетели в приложении к кн.: Т а н и е р и П., Первые шаги древнегреч. науки, СПб., 1902; пер. А. Макавельского, в его кн.: Досократики, ч. 2, Каз., 1915, с. 33—49; пер. М. А. Дынича, в кн.: Античные философы (тексты), М., 1935.

Лит.: М а н д е с М. П., Элеаты. Филологич. разыскания в области истории греч. философии, О., 1911; Дынича М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, с. 86—90; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указ.); История философии, т. 1, М., 1957, с. 85—88; В а у м к е г С. I., Die Einheit des Parmenideischen Seienden, «Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik», 1886, Bd 133, H. 8, 9; D ö r r i n g A., Das Weltssystem des Parmenides, «Z. für Philosophie und philosophische Kritik», 1894, Bd 104, S. 161—77; D i e l s H., Parmenides, «Hermes», 1900, Bd 35; R e i n h a r d t K., Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie, Bonn, 1916; K r a n z W., Über Aufbau und Bedeutung des Parmenideischen Gedichtes, «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1916, № 45—47; M o r r i s J. S., Parmenides and Er, «J. of Hellenic Studies», 1955, v. 75; T o t o k W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 120—23. А. Лосев. Москва.

ПАРСОНС (Parsons), Толкотт (р. 13 дек. 1902) — амер. бурж. социолог-теоретик. Уроженец США, образование получил в Лондоне (Лондонская школа экономики, где слушал лекции Хобхауса и Гинсберга) и в Гейдельберге (степень доктора социологии за дисс. «Понятие капитализма у М. Вебера и В. Зомбарта» — «Capitalism in recent German literature: Sombart and Weber», 1927, опубл. в «Journal Political Economy», 1928, v. 36; 1929, v. 37). С 1944 — профессор и в 1944—46 — руководитель социологич. отделения, а с 1946 — отделения социальных отношений Гарвардского ун-та, ставшего центром теоретич. социологии в США.

П. принадлежит большое число работ по теоретич. социологии, а также по эмпирич. исследованию социальной стратификации, социологии профессий и др. Он перевел на англ. яз. работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» («Protestant ethic and spirit of capitalism», N. Y., 1930).

Концепции, развиваемые П., группируются по двум направлениям. 1) Попытка разработать теоретич. схему «социального поведения» (см. «Поведения социального» концепция), в «социального действия теории», приводящая к психологизации социологич. проблем. 2) Разработка общеметодологич. принципов и понятийного аппарата социологии. Гл. проблема, к-рую пытается решить П., — это проблема удержания общества в данном стабильном состоянии. Вслед за Спенсером и Парето, П. считает центральным в социологии понятие «равновесия». Его концепции не чужд телеологизм: общество, по П., всегда стремится к состоянию некоего «абс. равновесия», а социальные конфликты и борьба тенденций представляют явления «болезни» общества. П. развивает эти идеи на основе принципов функционализма в социологии, согласно к-рым существо каждого элемента и явления в жизни общества определяется его ролью в поддержании «равновесия». В связи с этим П. формулирует т. п. «функциональные предпосылки» общества: удовлетворение биологич. и психологич. нужд достаточной части членов данного общества; эффективная деятельность органов «социального контроля», воспитываю-

щих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами; соответствие индивидуальных мотиваций членов общества этим нормам, в связи с чем данные индивиды выполняют предписанные им обществом роли и задачи. Консервативная идейная направленность концепций П. на сохранение существующего в обществе порядка, status quo препятствует науч. проведению принципа функционального рассмотрения явлений и процессов обществ. жизни. В учении П. также затухивается, а в большинстве случаев прямо отвергается функциональный подход для установления путей изменения общества и соотношения различных его элементов в процессе этого изменения. Рассмотрение П. таких проблем, как «социализация», т. е. приобретение индивидом норм и ценности данного общества, «социальный контроль», «социальное изменение», «социальное отклонение» (нарушение индивидом норм данного общества), характеризуется последоват. проведением позиции консерватизма. Рассматривая «социальную структуру», П. делает центром внимания проблему поддержания существующего социального деления. В учении о «социальной стратификации» П. не выходит за рамки существующих бурж. теорий, выдвигая в качестве «специфически-социологич.» понятия социального расслоения деления общества на «группы престижа», «группы уважения» и т. д., вместо социально-экономич. групп. П. выступает в качестве одного из ведущих представителей «социологии институтов», уделяя гл. внимание рассмотрению экономич. институтов, семьи и политич. институтов.

Согласно П., в основе всех закономерностей в жизни общества лежат те или иные изменения в форме обществ. сознания, прежде всего психологии, и этнич. явлений — изменения ценностей, норм, обычаев и т. д. Их структуру П. объявляет существом структуры «социальных институтов». Так, существование собственности — результат наличия в обществе ценностей, признающих ее «естественность». Представления П. о явлениях распределения власти, классов и т. д. в амер. обществе лежат в рамках «теории технократии»: согласно П., власть в США сосредоточена в руках «специалистов», отнявших в результате «мирной революции» власть у собственников.

Теории П. представляют собой последоват. апологию капиталистич. общества. Выступаая сторонником «социального порядка» и обосновывая его как «естеств. форму» общества, П. тем самым санкционирует господствующие в США формы бюрократич. организации общества.

Соч.: The structure of social action, N. Y.—L., 1937, 2 ed., Glencoe (Ill.), 1949; Essays in sociological theory pure and applied..., Glencoe (Ill.), 1949, 2 ed., Glencoe (Ill.), 1954; Toward a general theory of action (ed. with E. A. Shils), Camb., 1951; The social system, Glencoe (Ill.), 1952; Working papers in the theory of action, Glencoe (Ill.), 1953 (совтор); Psychology and sociology, в кн.: В е с к е r H. la. o.], For a science of social man. Convergences in anthropology, psychology and sociology, ed. J. P. Gillin, N. Y., 1954; Family socialization and interaction process, Glencoe (Ill.), 1955; Economy and society, Glencoe (Ill.), 1956 (совм. с N. J. Smelser); An approach to psychological theory in terms of the theory of action, в кн.: Psychology. A study of a science, ed. S. Koch, N. Y.—Toronto—L., 1959; Structure and process in modern societies (A collection of essays) Glencoe (Ill.), 1960; Theories of society, ed. T. Parsons la. o.], v. 1—2, Glencoe (Ill.), 1961; Social structure and personality, N. Y., 1964; в рус. пер. — Общетеоретич. проблемы социологии, в кн.: Социология сегодня, М., 1965; Многочисл. ст. в журн.: «American Sociological Review»; «American Journal of Sociology»; «Social Forces»; «Psychiatry» и др.

Лит.: Н о в и к о в Н. В., Совр. амер. капитализм и «теория социального действия» Т. П., «ВФ», 1963, № 3; З д р а в о м ы с л о в А. Г., Проблема интереса в социологич. теории, Л., 1964; S o r o k i n P., Fads and fobles in modern sociology and related sciences, Chi., 1956; M i l l i s C. H. W. r., The sociological imagination, N. Y., 1959; The social theories of Talcott Parsons, ed. by M. Black, N. Y., 1961; В а у м а n Z., Parsons czyli konserwatywizm skodyfikowany, в кн.: Filozofia i socjologia XX wieku, pod red. B. Baczkow, Warsz., 1962. Н. Новиков. Москва.

ПАРТИЙНОСТЬ (от лат. *pars* — часть) в философии — объективно-закономерная и исторически-определенная социальная, в классовом обществе — классовая, направленность всякого мировоззрения как по его предметному содержанию, так и по реальной роли в противоречивом процессе обществ. развития. Философия либо идеологически воспроизводит эту направленность — иногда сознательно, иногда бессознательно, в превращенной форме «беспартийности», — либо критически осваивает ее и встает на т. зр. той направленности, к-рая вытекает из решения ею своих собств. проблем. Решение мировоззренч. проблем всегда партийно, а не нейтрально по отношению к борьбе прогресса и реакции, творч. сил обновления мира и косных сил традиции. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 313). Стремление утвердить «надпартийное» мировоззрение потребовало бы на деле либо утонич. попытки бегства из общества, либо попытки абс. подавления всех противоречий и учреждения моноотной «непротиворечивости» вместо прогресса человек. культуры в ее диалект. многообразии. П. философии коренится в глубочайшей диалектике социального прогресса. Марксизм научно объяснил П. в ее различных формах и выдвинул в корне отличный как от субъективизма, так и от объективизма науч. принцип П.

Главные формы П. По роли в обществе важно различать П. прогрессивную и реакционную. В классовом обществе размежевание классовых сил накладывает свою печать даже на те области, к-рые хотя и нейтральны по их собств. содержанию, но все же становятся средством в борьбе за классовые цели. Однако размежевание внутри философии нельзя изображать как простую проекцию классового размежевания на филос. проблематику. Толкование классовости в духе такого проецирования характерно для *вулгарного социологизма*, для «материализма примитивного» (см. там же, т. 38, с. 486—502). История философии пронизана борьбой материализма и идеализма, диалектики и метафизики, монизма и дуализма, эмпиризма и рационализма, рационализма и иррационализма, атеизма и теизма и т. п., но их отношение к классовому размежеванию сложнейшим образом опосредствованное и не однозначное. Ценнейшие завоевания филос. мысли делались не только представителями материализма, атеизма и т. п., но иногда даже более успешно также и их противниками — представителями «умного идеализма» (к-рый, в меру постижения диалектики, «... ближе к умному материализму, чем глупый материализм», там же, с. 271). Такие завоевания делались отнюдь не вопреки П. этих мыслителей, но благодаря той П., к-рая не диктовалась им извне, а была присуща самим открытым ими принципам и целям, полученным внутри философии выводам и оценкам.

По генезису и механизму действия следует различать, с одной стороны, субъективистскую П., к-рая означает привнесение в философию извне готовых (в т. ч. взятых из обыденного сознания) предпосылок, подлежащих лишь «выражению» и идеол. разработке, и к-рая низводит философию до роли служанки религиозных, политич., юридич. и иных идеол. сил и институтов; с др. стороны — объективную П., т. е. направленность решения мировоззренч. проблем, обусловленную только предметом филос. анализа. Именно объективную П. марксизм возвел в свой принцип. Первая — это П. предвзятого, пристрастного искажения объективной логики предмета; вторая — П. непредвзятого, беспристрастного проведения логики вплоть до конечных результатов. Первая означает навязывание теории заранее требуемых выводов и оценок; вторая —

получение и отстаивание только тех выводов и оценок, к к-рым обязывает само исследование. Первая — это П. беспринципности, «полная оглядка»; вторая — П. принципиальности, обязывающая «... исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 6). Первая старается «... приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами...», это — «низость в отношении к науке» (там же, т. 26, ч. 2, с. 125); вторая есть П. самой науки. Первая превращает философию в удобное средство внешних целей; вторая означает открытие целей суверенным филос. исследованием. Первая рассматривает весь мир только с т. зр. его полезности или вредности для догмы; вторая всегда ставит объективную диалектику творч. поиска истины выше субъективных соображений целесообразности с т. зр. однажды выработанных принципов. И та и другая П. имела место в философии на протяжении всей ее истории. Но если первая тяготела к реакц. содержанию, то вторая — к прогрессивному. Чем в более острый конфликт с силами прогресса вступают защитники отживающего общества, тем неистиннее становится их сознание, тем резче их субъективизм, «тем больше прежние традиционные представления ... опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз... Но чем больше их лживость разоблачается жизнью... — тем решительнее они отстаиваются, тем всё более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества» (там же, т. 3, с. 283—84). Такова идеология кризиса и заката антагонистич. общества.

Особое место в истории духовной культуры занимают утонич. концепции с их субъективным методом. Их субъективистская П. исходила из дуалистич. противопоставления действительности — идеала, должного, предпочитаемого, «страстей» и т. п. Напр., у сен-симонистов возвещаемый ими «закон» — «... весь сотканный из обетований и надежд...» («Изложение учения Сен-Симона», М.—Л., 1947, с. 159). Трагич. парадокс в том, что чем радикальнее такой претендующий спасти мир романтич. и профетич. субъективизм, тем дальше он заходит по пути иерархизации, культa элиты и вождей, «героев», сектанства, авантюрных попыток навязать историю произвол, выдаваемой за ее собств. фатальный закон, по пути авторитаризма.

Филос. обоснование «невозможности» объективной П. неизбежно опирается на дуалистич. разрыв *объекта* и *субъекта*, *необходимости* и *свободы*, рациональности и творчества, науки и нравственности, деятельности и ценностей. Этот дуализм влечет также расщепление самого субъекта на гносеологический и оценивающий, разрыв мыслит. способности на познавательную и оценивающую, якобы несоизмеримые друг с другом. Это позволяет утонично оправдывать конформизм, некритически принимающий нормы бурж. общества, т. е. науку ограничивают служебными функциями.

Первейшее условие объективной П. — филос. *материализм*. Поэтому идеи, послужившие в некоторых моментах истории предтечей марксистского принципа П., были выдвинуты самым монистич. и диалектич. философом до Маркса — Гегелем. Отчетливее всего они выступают в трактовке им метода историко-филос. исследования. Обнаружив несостоятельность поисков спасения от субъективизма и произвола в «обычном» требовании беспартийности, Гегель сравнивает исследователя с судьей: непредвзятое отношение

судьбы к спорящим определяется «партийным отношением к праву». Его следует «отличать от партийности субъективной» (см. Соч., т. 3, М., 1956, с. 330). Показывая, что «беспартийность» лишь протаскивает худшую П.— «П. мнений», Гегель требует объективной П., черпаемой из объективной закономерности и дающей истинный критерий для оценки. В борьбе различных филос. концепций он впервые сумел увидеть не блуждания, к-рые надо отбросить, когда будет «...наконец, найдено истинное учение», а живой диалектич. процесс, в ходе к-рого эти концепции снимают друг друга: «... многообразие философских систем не только не наносит ущерба самой философии ..., наоборот, ... было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии ...» (там же, т. 9, Л., 1932, с. 23, 25). Но, вопреки своему же тезису, Гегель считал, будто «завершили» историю философии, сделав излишней дальнейшую партийную борьбу идей. Его идеализм, возведший в абсолют отчужд. форму развития культуры, был препятствием на пути к науч. принципу П.

Создание и развитие научного принципа партийности Марксом и Энгельсом. Этот принцип был сформулирован вместе с созданием диалектико-материалистич. мировоззрения, когда возникла такая всемирно-историч. задача, к-рая могла быть только открыта чисто науч. путем (см. В. И. Ленин, Соч., т. 5, с. 347—48; т. 6, с. 143),— задача коммунистич. преобразования мира. Первым шагом на этом пути было требование революц. действительности философии и превращение «дейтельной стороны», лишь в огранич. степени развитой классич. нем. философии, в суть дела. Призыв Маркса и Энгельса к «... беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими»,— был теоретич. осмыслением глубочайших противоречий самой истории, бурж. действительности. Их теория ориентировала на то, чтобы связать ее «... с критикой политики, с определённой партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить ... критику с действительной борьбой». Задача теории — дать «истинный лозунг борьбы», выведенный строжайшим, объективнейшим исследованием действительности (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 379, 381, ср. с. 423). Сама действительность должна быть понята как подчиненная диалектике, согласно к-рой «без партий нет развития, без разделения нет прогресса» (там же, с. 113). Однако принцип П.— не пассивное отражение некоей фатальной диалектики; напротив, он вытекает из того, что объективные законы истории суть законы человеческой предметной деятельности. Принцип П. резюмирует противоположность марксизма всем созерцат. концепциям, не видящим, что даже отчужд. силы (см. *Отчуждение*) есть результат, создаваемый и воссоздаваемый человек. деятельностью. Только т. зр. деятельности, в к-рой обществ. человек есть творец истории и (в этом смысле) самого себя, преодолевает превращение объяснения в оправдание.

Критичность теории и критичность практики взаимно предполагают друг друга. Теория лишь потому верно объясняет мир, что открывает путь его изменения (см. К. Маркс, там же, т. 3, с. 3—4). Претензии Гегеля на «беспредпосылочность» мышления — «лишь благочестивое пожелание». Догматич. предпосылки и субъективистский, «идеологический» метод навязываются всякому мыслителю до тех пор, пока он не возьмет в качестве предпосылок процесс изменения действительности, совпадающий с изменением «самого

себя» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, там же, с. 436, 458, 201). Корни мнимой «надпартийности» — в том, что в классовом обществе «... всякий новый класс ... вынужден представить свой интерес как общий интерес всех классов общества, т. е. ... придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые (там же, с. 47, ср. с. 280). Коммунистич. П.— это претворенная в действие диалектика, к-рая «... ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (там же, т. 23, с. 22). Она есть не что иное, как «... дух ни перед чем не остававшийся теоретического исследования» (там же, т. 21, с. 316—17).

Развитие принципа партийности Лениным. Ленин вел борьбу как против субъективизма, так и против объективизма и концепции «беспартийности» философии. Критикуя «субъективный метод» в социологии народников (см. Соч., т. 1, с. 119 и др.), гносеологич. субъективизм, субъективистскую П. «примитивного материализма» В. Шулятикова (см. там же, т. 38, с. 494), субъективистскую узость пролеткультовцев и т. п., Ленин показал, что марксизм не присоединяет революционность к научности познания, но «... соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (там же, т. 1, с. 308). Критикуя объективизм за бурж. ограниченность, узость, абстрактность, Ленин показал, что марксизм обязывает к более глубокому исследованию, которое само приводит к партийным выводам. Марксист не привносит готовую, вне науки взятую т. зр., но всецело внутри нее «... определяет свою точку зрения» (там же, с. 380). Если бы историч. необходимость понималась объективистски-фаталистически, как «непреодолимая» тенденция, то это вело бы к идее служения слепому диктату Истории и превращению людей в ее орудия. Но эта необходимость, по Ленину, есть лишь объективная закономерность деятельности реального субъекта истории — людей, социальных групп, классов. Поэтому принципиально важно установить, «... какой именно класс определяет эту необходимость» (там же). Социальная действительность не строится сама собой, как полагает объективистская апологетика (см. там же, т. 18, с. 302). Именно понимание действительности как производимой человек. деятельностью позволяет не эклектически соединять объективизм и субъективизм, фатализм и волюнтаризм, «суммируя» факторы и т. п., но давать монистич. выведение П. Вот почему марксизм «... включает в себя ... партийность: он — не наука плюс П., а «партийная наука» (там же, т. 1, с. 380; т. 14, с. 328). Не случайно Ленин выделил «объективную» в качестве первой черты диалектики (см. там же, т. 38, с. 213). Полнота правды — такова высшая забота: «... правда не должна зависеть от того, кому она должна служить» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 54, с. 446).

В основе борьбы за принцип П. лежит борьба за филос. монизм, к-рый исключает уступки эклектизму, «партии середины» и обязывает марксиста вести единую линию строго науч. анализа вплоть до политики, прибегая лишь к таким средствам, к-рые сами достойны высших принципов: «... политическая линия марксизма ... неразрывно связана с его философскими основами» (Соч., т. 15, с. 374).

Принцип П. ориентирует марксистскую критику бурж. идеологии и науки на последоват. проведение содержат. проблемного исследования, лишь итогом к-рого служат оценки. При этом, даже имея дело с темп, кто стоит на т. зр. субъективистской бурж. П., марксисты призваны «... суметь усвоить себе и переработать ...» их завоевания (там же, т. 14, с. 328). Принцип П. есть принцип «воинствующего материализма».

лизма», отстаивающего научность в борьбе против «натиска буржуазных идей» (см. там же, т. 33, с. 208, 207). Помощь философии др. наукам не имеет ничего общего с комапдованием, «директивно-декретным» вмешательством в их дела (см. там же, с. 213; т. 32, с. 124). Напротив, принцип П. противостоит всякому сковыванию науч. мышления, всякой догматизации: «не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом...» (там же, т. 1, с. 280; ср. т. 19, с. 3).

Совр. значение науч. марксистского принципа партийности. Марксисты призваны вести активную критику всей бурж. культуры. Они должны ни одной реальной проблемы не оставлять идейному противнику, всякий вопрос трактовать материалистически, соотнося его со всей системой диалектико-материалистич. мировоззрения как единого целого. В условиях социализма марксистский принцип П. ориентирует на преодоление элементов субъективизма, как практического, подменяющего реальное решение реальных проблем администрированием, так и идеологического, подменяющего компетентный науч. анализ суесловием. Чуждый социализму субъективизм, ратуя на словах за принцип П., на деле маскировал ссылками на него субъективистский произвол. Этому соответствовало извращенное истолкование также и самого принципа П. в философии.

Верный тезис о совпадении П. с научностью субъективизм, поскольку он имел место, перевертывал с ног на голову. Получалось, будто боевитость дает гарантию объективности в науке, будто субъективная уверенность в служении интересам коммунизма и даже словесно декларированная приверженность им сами по себе обеспечивают правоту в споре и верную позицию в решении любой проблемы. Однако на деле подлинная коммунистич. П. никому не дает права беззаботно пребывать на однажды занятых позициях, сколь бы верными они не были, никому не дает гарантии непогрешимости. Более того, она несравненно усиливает необходимость вести объективнейшее исследование развивающейся, противоречивой действительности. Только непрерывное продолжение науч. поисков, только решение новых проблем делает П. по-прежнему совпадающей с объективностью. Коммунистич. П. — это П. самой вечно живой науки и, чтобы стоять на ее позициях, надо от начала и до конца стоять на т. зр. строжайшей научности.

Верное требование согласия с принципами мировоззрения, поскольку они истинны, субъективизм подменял догматич. требованием согласия с принципами самими по себе. Истинные науч. результаты омертвлялись и превращались в канонизированные тексты. Получалось, будто знание принципов есть единств. принцип знания, а потому может заменить конкретное понимание. Всякая догматизация и фанатизм убивают истину. Требование объективной П. таково: не только верность принципам, но и верность принципам. А принципы остаются верными лишь тогда, когда их проверяют, исправляют и обновляют в процессе революц.-критич. преобразования и обновления действительности.

Верный тезис, согласно которому развитие возможно лишь через развертывание и разрешение противоречий, субъективизм фактически толковал узко, ограниченно. Получилось, будто именно во имя П. при всяком различии трактовок проблем внутри предел. науки (напр., в естествознании) надо выбирать одну и только одну трактовку в качестве достойной поддержки и санкции, а другие объявлять чуждыми, враждебными, подлежащими политич. осуждению. Это приводило к искусств. подавлению неразрешенных имманентных противоречий в развитии науки

(и культуры вообще), к монополизации определ. школами целых ее отраслей. Отсюда — тенденция к недопустимым приемам, к милитаризации средств и языка полемики. Напротив, коммунистич. П. исходит из собств. диалектики прогресса культуры. Она нацелена против такого «многобразия» точек зрения, к-рое порождено наличием антагонистич. отчужд. сил, враждебных творчеству. Но вместе с тем она требует подлинного многообразия, к-рое есть внутр. всеобщее условие развития культуры и выражение богатства его результатов и к-рое не только не исключает единственности социалистич. идеологии, но дает ей более развитую основу. Будучи П. самой науки, она нацелена на утверждение отпощений, наиболее адекватных природе науч. творчества, — коммунистич. отношений.

Принцип П. ориентирует коммунистич. партии на обесечение всецело науч. содержания и науч. методов разработки социалистич. идеологии, против всякой кустарщины, стихийности, произвола, субъективизма, суесловия и формализма. Принцип П. направлен против выступающего иногда в облике объективизма бытового безразличия или шигализма к филос. проблемам. Он требует высшей обществ. активности и глубочайшей культуры, подлинной интеллигентности, к-рую предполагает творч. марксизм. Он требует от каждого всей полноты ответственности и воспитывает потребность в ней. Он резюмирует самое последовательное, революционно-критич., творч. отношение к действительности.

П. в совр. условиях требует особенно четкой ориентации в сложной обществ. борьбе сил коммунизма и сил, враждебных ему, требует недвусмысленной, научно обоснованной и ответственной оценки этих сил. В этой борьбе нет и не может быть сил «нейтральных», беспартийных.

Отождествление П. с субъективизмом ведет к ее извращению (догматизм) или отрицанию (религиозизм).

Марксистская П. — это П. материалистич. науки, диалектич. разума против всякой антинауч. идеологии, против всех темных сил, П. прогресса культуры против реакции и варварства, П. свободы и гуманизма против отчуждения, эксплуатации, угнетения, П. мира и солидарности против антагонизма и войны, П. коммунистич. будущего истории против ее классового прошлого.

Лит.: Маркс К., Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; е го же, Тезисы о Фейербахе, там же, т. 3; е го же, Теория прибавочной стоимости, там же, т. 26, ч. 2, гл. 9; Энгельс Ф., [Письмо] А. Бебело от 19 ноября 1892 г., там же, т. 38, с. 441—42; Магх К., Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, Moskau, 1939; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1, с. 119—70 и приложение № 3; е го же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же, гл. 2 и 3; е го же, От какого наследства мы отказываемся?, там же, т. 2; е го же, Некритическая критика, там же, т. 3; е го же, Что делать?, там же, т. 5, гл. 2; е го же, Письмо «Северному союзу», там же, т. 6; е го же, Учитесь у врагов, там же, т. 10; е го же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14, гл. 6, § 6; е го же, Об отношении рабочей партии к религии, там же, т. 15; е го же, О политической линии, там же, т. 18; е го же, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; е го же, Философские тетради, там же, т. 38, с. 83, 157—58, 170, 210, 243, 253; Плеханов Г. В., К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю, Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956; е го же, Критика наших критиков, там же, т. 2, М., 1956; Толъятт и П., От Гегеля к марксизму, «ВФ», 1955, № 4; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М. — Л., 1933; Селектор М. З., Принципы коммунистич. П. в идеологии, «ВФ», 1957, № 5; Келле В. Ж. и Ковальзон М. Я., Идеология и наука, «Коммунист», 1958, № 18; Кон И. С., Философский идеализм и кризис бурж. историч. мысли, М., 1959; За ленинскую П., философия (Тезисы филос. комиссии при ЦК ВКП(б)...), «ВФ», 1960, № 12; Бовин А., Наука и мировоззрение, «Коммунист», 1960, № 5; Румянцев А., Партия и интеллигенция, «Правда», 1963, 21 февр., № 52; е го же, О П. творческого труда советской интеллигенции, там же, 9 сент., № 252; К 60-летию статьи В. И. Ленина «Партийная организация и

партийная литература», «Новый мир», 1965, № 11; Константин Ф. В., Ленинская П. в философии и современности, «Коммунист», 1966, № 1; Lukács G., Geschichte und Klassenbewusstsein, В., 1923; Hirsowitz M., Ideologia a nauka, «Mysl filozofická», 1956, № 6 (26); е е ж е, Ideologia i nauka — próba wstępnej analizy, «Studia filozoficzne», 1959, № 4 (13); Wiątr J., Socjologia a ideologia, там же, 1958, № 4(7); Důbská I., K problematice stranickosti a vdeckosti marxisticko-leninské filosofie, Praha, 1960 (имеется библи.); Kosík K., Dialéktika konkrétního, P. Батицев. Москва.

ПАРТИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ — политич. организация, объединяющая наиболее активных представителей обществ. класса или социальной группы, выражающая их интересы и руководящая ими в политич. борьбе. В результате победы социализма и упрочения общества без антагонистич. классов впервые в истории создаются условия, когда партия рабочего класса выступает в качестве выразительницы и защитницы интересов всего народа, его передового отряда, организатора и политического вождя. Возникновение и развитие П. п. и парт. систем связано с расколом общества на классы, с историей классовой борьбы, в особенности борьбы за обладание политич. властью. «В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий» (Ленин В. И., Соч., т. 10, с. 64).

В отличие от стихийного процесса формирования классов, возникновение П. п. может происходить лишь в связи с осознанием классовых интересов мыслящими представителями класса и их выражением в форме определ. идеологии, политич. программы. П. п. просвещает и консолидирует класс или социальную группу, придавая их действиям организованный характер. Идеология в значит. мере определяет руководящие принципы политики, а также организацию и практич. деятельности П. п., к-рые конкретизируются в программе (а часто и уставе) партии.

П. п. в рабовладельч. и феод. гос-вах представляли собой своеобразные сословные политич. группировки, выражавшие интересы различных прослоек господствующих классов. Трудящиеся классы рабовладельч. и феод. общества, в силу экономич. разобщенности и духовной придавленности, не могли создать самостоят. П. п. Их интересы в известной мере выражали прогрессивные политич. группировки имущего класса, заинтересованные в нар. поддержке в борьбе против реакц. сил (напр., якобинцы во Франции). В условиях капитализма борьбу за политич. господство буржуазия и пролетариат осуществляют через свои П. п. Парт. система становится органич. составной частью механизма бурж. гос. власти. Характер же этой системы зависит в конечном счете от соотношения классовых сил, предопределяющего формы и методы, посредством к-рых буржуазия осуществляет свою диктатуру. При сохранении конституционных основ бурж. демократии (свобода мировоззрения, свобода объединений, парламентский режим) закономерно существование различных П. п. Многопартийность отражает как наличие нескольких классов, так и существование различных фракций и группировок внутри одного класса.

Согласно теориям большинства бурж. социологов и государствоведов, П. п. являются выразителями воли народа. Многопартийность рассматривается ими как один из основополагающих принципов свободного демократич. строя. Они утверждают, что усиление роли П. п. означает новый этап в развитии бурж. гос-ва, когда место прежней «либерально-парламентской» демократии занимает «плебисцитарная массовая демократия партийного государства» (Лейбхольц, Бурдо, Файер, Даль). Фактич. господство партий

монополистич. верхушки разоблачают бурж. теорию многопартийности. Наряду с либерально-демократическими на Западе распространяются реакц. теории, согласно к-рым деятельность разнообразных П. п. подрывает функционирование демократич. институтов. Эти теории служат идейному обоснованию открытой диктатуры.

Программные документы бурж. партий отражают их истинные цели в завуалированной форме (идея «экономич. либерализма», «свободного рыночного хозяйства» и т. п.). В них широко используется бурж. национализм, религ. идеология, провозглашается приверженность к демократии, свободе, защите неотъемлемых прав человека. Для того чтобы обеспечить свободу маневрирования, мн. партии вообще отказываются от выработки программ, ограничиваясь публикацией предвыборных платформ и воззваний. Истинным критерием сущности П. п. являются не провозглашаемые ими лозунги, а их политич. практика (см. там же, т. 18, с. 29).

Для организац. структуры бурж. партий характерен бюрократич. централизм. Независимость парт. руководства от массы членов П. п. и его фактич. бесконтрольность обеспечиваются предельным ограничением прав выборных и коллегияльных парт. органов и сосредоточением важнейших функций в узком по составу руководящем «штабе», к-рым, как правило, является правление партии с группой парт. лидеров внутри него. Партийная верхушка одновременно занимает важнейшие посты в гос-ве. Со стремлением закрепить и расширить влияние в массах связано все более широкое распространение бурж. партий с оформленным членством, а также формирование прилегающих к партии молодежных, женских, студенч. и др. орг-ций.

Осн. тенденция развития парт. систем в совр. бурж. гос-ве состоит в приспособлении их к нуждам диктатуры монополий путем сокращения общего числа партий, выступающих в обществ. жизни. Консолидация сил монополистич. капитала в рамках одной партии с выдвинутым ее на роль единственно господствующей угрожает основам бурж. демократии. Крайним выражением этой тенденции вышло установление монополий диктатуры фашистских партий в Германии, Италии и других гос-вах до 2-й мировой войны. В наст. время процесс приспособления парт. систем к нуждам монополий идет, как правило, в рамках парламентского режима, сочетаясь с запретом и преследованием в ряде гос-в демократич. партий (напр., в США, ФРГ).

Острота противоречий между монополистич. верхушкой и всем остальным обществом ведет к созданию в старых бурж. гос-вах антиимпериалистич. партий на широкой социальной основе, выдвигающих общедемократич. требования. Во мн. гос-вах, освободившихся от колониальной зависимости, образуются антиимпериалистич. партии, представляющие широкие массы сел. и гор. населения, объединенные под лозунгами нац. освобождения.

Серьезной политич. силой во многих бурж. гос-вах являются с.-д. партии (Англия, ФРГ, Австрия, Бельгия, скандинавские страны и др.). Социал-демократия в этих странах ведет за собой значит. часть рабочего класса. В понимании социалистич. цели, методов и темпов ее достижения правые социал-демократы далеки от науч. социализма. Принятые в ряде стран с.-д. программы открыто отрекаются от марксизма, пропедевду эволюционный путь к социализму, примирение классовых противоречий и приверженность к бурж. демократии. Противоречия между массой членов с.-д. партий и реформистскими лидерами побуждают последних к организации внутрипарт. жизни на основах бюрократич. централизма. Социал-демокра-

ты неоднократно находились у власти самостоятельно (Англия, скандинавские страны) или в составе коалиц. пр-в (скандинавские страны, Франция, Италия, Австрия). Однако их правление не поколебало устоев капитализма. Единство коренных интересов всех трудящихся диктует необходимость установления контактов и сотрудничества между коммунистами и социал-демократами, что послужит предпосылкой для достижения единства всех антимонаполистич. сил.

Для успешного осуществления рабочим классом своей историч. миссии необходимо организация его самостоят. П. п. (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 69). Партия рабочего класса коренным образом отличается по своему характеру, идеологии, организац. формам, методам деятельности от П. п. всех остальных классов. Ее идеология, программа и тактика базируются на науч. мировоззрении марксизма-ленинизма. Она выступает как передовой отряд, объединяющий и организующий рабочий класс в борьбе за общеклассовые интересы. П. п. рабочего класса должна обеспечить единство его цели, воли и действий. Историч. роль, задачи и принципы построения П. п. рабочего класса выяснены Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистич. партии» (1848).

В доимпериалистич. эпоху рабочие партии в ряде стран складывались преимущественно как политич. представительство пролетариата в рамках бурж. демократии, уделявшие осн. внимание парламентской деятельности. Первое междунар. объединение рабочих партий — 1-й Интернационал (1864—76) — сыграло важную роль, заложив фундамент междунар. орг-ции рабочих для подготовки их революц. натиска на капитал. 2-й Интернационал (1889—1914) был междунар. организацией, сыгравшей положит. роль в тот период, когда рост пролет. движения пошел вперед. Это «...не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала» (Ленин В. И., Соч., т. 29, с. 280).

В новую историч. эпоху, когда социалистич. революция стала непосредств. задачей, возникла необходимость создания рабочих партий нового типа. Такая партия впервые была создана рус. коммунистами во главе с Лениным (1903). В дальнейшем развернулся процесс образования коммунистич. партий в большинстве капиталистич. стран.

Принципами, на к-рых основаны организация и деятельность коммунистич. партии, являются верность марксизму-ленинизму и непримиримая борьба со всеми попытками право- и левооппортунистич., ревизионистского и догматич. извращения его программных, тактич. и организац. установок; верность пролет. интернационализму и решит. борьба против всех проявлений национализма, демократической централизм, как основа построения партии, обеспечивающий единство воли и действий партии при максимальной активности и самостоятельности всех ее членов; органич. связь с массами, учет опыта масс при выработке тактики, обучение масс на их собствен. опыте; коллективность руководства, обеспечивающая выработку правильной политич. линии, «...правильное соотношение между руководящей, коммунистической партией, революционным классом, пролетариатом, — и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых» (там же, т. 31, с. 163); пресечение условий, могущих породить несовместимые с марксизмом-ленинизмом идеологию и практику *культ личности*; твердость в проведении осн. принципов при максимальной гибкости в отношении тактич. средств и методов деятельности на основе науч. анали-

за с учетом своеобразия конкретных внутр. и междунар. условий; самокритич. отношение к собствен. деятельности, открытое признание собствен. ошибок и практич. исправление их. «Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы» (там же, с. 39).

Коммунистич. и рабочие марксистско-ленинские партии являются наиболее последоват. выразителями интересов трудящихся масс. Они выступают организующей и руководящей силой в борьбе за демократию, мир, нац. независимость и социализм. После победы социалистич. революции марксистско-ленинские партии становятся руководящей политич. силой в гос-ве. Конкретные историч. условия, в к-рых происходила Окт. революция, привели к тому, что руководством строительством социализма в СССР осуществляла одна партия пролетариата. Опыт стран нар. демократии свидетельствует об успешном использовании в интересах строительства социализма многопарт. системы, при к-рой различные партии сотрудничают в рамках Пар. (Нац., Отечеств.) фронта под руководством коммунистич. партии. Коммунистич. партии в капиталистич. странах стремятся к союзу со всеми прогрессивными силами с целью обуздания и свержения тем или иным путем власти монополистич. буржуазии, завоевания и укрепления нац. независимости, в борьбе за мир и мирное сосуществование. В ходе обществ. развития развиваются и сами пролет. партии. Так, в результате победы социализма в СССР, укрепления единства сов. общества Коммунистич. партия рабочего класса стала представлять собой авангард всего сов. народа. При этом КПСС остается выразительницей коммунистич. идеалов рабочего класса, его передовой роли в построении высшей фазы коммунистич. общества. Эпоха строительства коммунизма характеризуется возрастанием руководящей роли коммунистич. партии.

Как политич. орг-ция коммунистич. партия прекращает свое существование с построением и упрочением развитого бесклассового коммунистич. общества. В коммунистич. обществе управление обществом утратит политич. характер. Однако управление экономикой, культурой, науч. исследованиями потребует существовавшая орг-ция, но политич. по своему характеру, но объединяющей наиболее опытных, знающих и авторитетных людей. В резолюции II конгресса Коминтерна «Роль коммунистич. партии в пролет. революции» (1920) (см. Коммунистич. Интернационал в документах. 1919—32, М., 1933) было выдвинуто предположение о возможном постепенном превращении в ходе строительства коммунизма трех осн. орг-ций трудящихся — партии, советов, профсоюзов — в единый тип орг-ции. Эта мысль получила отражение и в Программе КПСС. Только практика покажет конкретные пути этого процесса.

Лит.: Маркс К., Учредит. Манифест Междунар. Товарищества Рабочих, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16; Энгельс Ф., Принципы коммунизма, там же, т. 4; е г о ж е, О политич. действия рабочего класса, там же, т. 17; е г о ж е, Партия рабочих, там же, т. 19; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, вын. III, Соч., 4 изд., т. 1; е г о ж е, Проект и объяснение программы с.-д. партии, там же, т. 2; е г о ж е, Что делать?, там же, т. 5; е г о ж е, Шаг вперед, два шага назад, там же, т. 7; е г о ж е, Две тактики социал-демократии в демократич. революция, там же, т. 9; е г о ж е, Тактич. платформа к Объединит. съезду РСДРП. Отношение к бурж. партиям, там же, т. 10; е г о ж е, Опыт классификации рус. политич. партий, там же, т. 11; е г о ж е, Первый важный шаг, там же, т. 12; е г о ж е, Политич. партии в России, т. 18; е г о ж е, Итоги и значение президентских выборов в Америке, там же; е г о ж е, Новейшие данные о партиях в Германии, там же, т. 19; е г о ж е, Пролет. революция и ренегат Каут-

ский, там же, т. 28; е го же, Третий Интернационал и его место в истории, там же, т. 29; е го же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; С те в л о в Ю., Политич. партии (их организация, состав, сила и деятельность), СПб., 1905; В а с и л е в с к и й Л. М., Политич. партии на Западе и в России, [вып.] 1—2, 2 изд., СПб., 1906; К о в а л е в с к и й М. М., От прямого цароуправства к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. 1—3, М., 1906; Л е й б з о н Б. М., Ленинское учение о партии и сов. коммунистич. движение, М., 1963; Партии в системе диктатуры монополий, М., 1964; Коммунизм и демократия. Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», Прага, 1964; Ж о а н н е с В., Многопартийность и борьба за социализм, «Проблемы мира и социализма», 1965, № 2; В l u n t s c h l i I. K., Charakter und Geist der politischen Parteien, Nördlingen, 1869; M i c h e l s R., Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie, 2 Aufl., Lpz., 1925; C a l k e r F. v a n, Wesen und Sinn der politischen Parteien, 2 Aufl., Tübingen, 1930; D u v e r g e r M., Les partis politiques, 2 ed., P., 1954; К е у V. O., Politics, parties and pressure groups, 4 ed., N. Y., 1958; B u r d e a u G., Droit constitutionnel et institutions politiques, 8 ed., P., 1959; B a i l e y S. K., The condition of our national political parties, [N. Y., 1959]; T o g h i a t t i P., Il partito, [Roma], 1964.

А. Айзикович, Ю. Урьяс. Москва.

ПАСКАЛЬ (Pascal), Блез (19 июня 1623 — 19 авг. 1662) — франц. математик и физик, религ. философ. Он заложил теорию вероятностей, изобрел первую счетную машину, предвосхитил нек-рые идеи дифференциального исчисления, создал гидростатику, как науку.

П. — один из творцов науки нового времени. В своих науч. трудах П. выступал против преклонения перед авторитетом, обосновывал методы экспериментального естествознания и, следуя за Декартом, — рационалистич. метод доказательства и проверки истины. Соображения П. о методе оказали влияние на *Пор-Рояльскую логику*. В противоречии с научной деятельностью П. находились его религиозно-мистические настроения, усилившиеся после знакомства с *яansenизмом* и принявшие уродливо-фанатическую форму в условиях обострившегося нервного заболевания. В 1655 П. поселился в аббатстве Пор-Рояль, ведя жизнь отшельника-аскета, упражняясь в христ. благочестии и заставляя себя не думать о науке. Религ. фанатизм убил в П. ученого.

Включившись в борьбу яansenистов против иезуитов, П. написал блестящий памфлет против иезуитов — «Письма к провинциалу» («Les lettres... à un provincial...», 1657). В то же время П. боролся с вольнодумцами и атеистами.

Как философ П. интересовался только религ.-этич. проблемами, рассмотрение им нек-рых онтологич. и гносеологич. вопросов носило подчиненный характер. Двойственность природы человека — таково первое осн. положение П. В онтологич. плане человек, по П., — соединение двух различных субстанций — души и тела. В моральном плане он представляет собой соединение доброго и злого. Только христ. религия с ее учением о грехопадении и преемственности греха дает, согласно П., удовлетворит. объяснение двойственности человека, и это является аргументом в пользу ее истинности (см. «Мысли», М., 1905, с. 115). Второе осн. положение П. состоит в утверждении непорочности, ограниченности, ничтожности человека. Ничтожность эта ирравляется прежде всего в его неспособности постичь мир. П. широко использовал скептич. аргументы *Пиррона*, *Монтеня*, *Декарта* для развенчания претензий разума на познание действительности. Не понимая диалектики конечного и

бесконечного, а также абсолютной и относительной истины, П. делал ложный вывод, что человек, как ограниченное и конечное существо, не в состоянии познать бесконечную Вселенную. Эта же агностич. тенденция вытекала и из метафизич. интерпретации П. тезиса о всеобщей взаимосвязи: для познания одной вещи необходимо знать все другие, что невозможно, т. к. человек актуально не в силах охватить бесконечное мировое целое. До полного *скептицизма* П., однако, не доходил, т. к. признавал достоверным орудием постижения реальности чувство («сердце» и инстинкт). Чувство свидетельствует об объективном существовании внешнего мира, первых принципах бытия — пространства, времени, движения (там же, с. 118). Но чувство оставляет человека в неведении относительно всей полноты бытия.

Человек ничтожен, и как моральное существо он исполнен «...гордости, честолюбия, похоти, слабости, духовной пищи и несправедливости...» (там же, с. 136). Наконец, страдания и неизбежность смерти — величайшие проявления «ничтожности» человека.

П. высказывал крайне пессимистич. взгляд на человек. жизнь, к-рую сравнивал с существованием осужденных на смерть узников, ежедневно видящих, как гибнут др. узники, ожидающих часа своей гибели, но не знающих, когда он наступит. Человек должен иметь силу осознать трагизм своего положения и искать выход в христ. вере: лишь на пути соединения с богом человек избавляется от отчаяния, обретает счастье и надежду на спасение и вечное блаженство. Проповедуемая П. мораль — аскетизм; чувство любви к др. людям рассматривается П. как грех, поскольку единственно достойное любви существо — это всеоппершенный бог. В вопросе о доказательстве истины религии П. занимал откровенно фидеистич. и иррационалистич. позицию. Рациональные аргументы могут лишь подготовить человека к принятию религии: «Вся суть веры в том, что Бог постигается сердцем, а не разумом» (там же, с. 108).

Историч. значение идей П. противоречиво, как противоречивы его деятельность и его мировоззрение. Если его науч. работы, разработка рационалистич. метода, борьба против иезуитов, инквизиции и папства сыграли большую прогрессивную роль, способствуя развитию антифеод. идеологии третьего сословия, то как религ. философ П. объективно помог клерикальной реакции, развернувшейся во Франции во 2-й пол. 17 в. и представлявшей орудие королевского абсолютизма в борьбе с новыми, более радикальными оппоз. силами, чем яansenисты. Мировоззрение П. подверглось острой критике со стороны просветителей 18 в. — *Дидро*, *Д'Аламбера*, *Кондорсе*. *Вольтер* неоднократно полемизировал с П., результатом чего явился критич. комментарий к «Мыслям» («Pensées» [publié avec les notes de Voltaire], L., 1776). Впоследствии на идеи П. опирались мн. философы-идеалисты и откровенные защитники религии. В обстановке страха и неуверенности, характерной для капиталистич. стран, пессимистич. философия П. вызывает большой интерес. Совр. экзистенциалисты считают П., наряду с *Кьеркегором*, основоположником своей философии. Действительно, мн. осн. темы *экзистенциализма* вполне отчетливо представлены уже у П. (человеч. существование как исходный пункт философствования, заброшенность человека в мире, тоска и отчаяние человека перед действительностью как проявление его сущности, смерть как одна из гл. филос. категорий, иррационализм), хотя полное отождествление взглядов П. с экзистенциализмом является неправомерной модернизацией.

С о ч.: «Мысли» («Pensées») — осн. филос. произведение П., над к-рым он работал в 1656—62 и к-рое осталось незаконченным. В 1658 П. произвел лишь классификацию собранных материалов и дал заглавия ряду разделов. Первое издание (из-

дание «*originale*», т. е. вышедшее «ранее первого») было осуществлено в 1869 под названием «Мысли Паскаля о религии и некоторых других предметах» («*Pensées de M. Pascal sur la religion et sur quelques autres sujets*», P.). Текст издания значительно отличается от оригинала: был опущен ряд мест, в которых П., особенно резко нападал на иезуитов; текст подвергся большой стилистике, переработке. Первое исправленное издание было осуществлено Фожером (M. P. Faugère, v. 1—2, P., 1874). Лучшее совр. издание принадлежит Ж. Лафума (J. Lafuma, v. 1—3, P., 1951); в его основу положена первая опись бумаг П., найденных после его смерти.

Писались три вер. на рус. яз.: И. Бутовского (СПб., 1843); И. Перлова (СПб., 1888; 2 изд., М., 1899; 3 изд., М., 1905); С. Долгова (М., 1892; 2 изд., М., 1902). Пер. на англ. яз.—L., 1688; L.—Toronto—N. Y., 1931; Cleveland, 1955; в США—Andover, 1845; N. Y., 1906; [N. Y., 1950]; на нем. яз.—Augsburg, 1701; Hdlb., 1946; Lpz., 1948; Bremen, [1955]; на исп. яз.—Md., 1805; [P.] 1917; B. Aires—Mdx., [1940]; на голл. яз.—Amst., 1686; Haarlem, 1889; на итал. яз.—Torino, 1767; Mil., 1911; Bari, 1941; на дат. яз.—Kbh., 1866; на польск. яз.—Warsz., [1931]; на норв. яз.—Oslo, 1947; на шведск. яз.—bd 1—2, Stockh., 1929; на венг. яз.—Bdpest, 1890; на чеш. яз.—Praha, 1909; на лат. яз.—Wircsburg, 1741. Лит. о «Мыслях»: Гуляев А. Д., Этнич. учение в «Мыслях» П., Каз., 1906; Cousin V., Des «Pensées» de Pascal, P., 1843; Strowski F., Les Pensées de Pascal, P., [1931]; Tourneur Z., «Beauté poétique», Melun, 1933; Amoudru B., Des «pascalins» aux «pascalisants». La vie posthume des Pensées, [P., 1936]; Lafuma J., Recherches pascaliennes, P., 1949; его же, Histoire des Pensées de Pascal, P., 1954; Goldmann L., Le dieu caché. Étude sur la vision dans les Pensées de Pascal, 5 éd., P., 1955; Francis R., Les pensées de Pascal en France de 1842 à 1942, P., 1959.

Oeuvres publ. par L. Brunschvicg, R. Boutroux et F. Gazier, v. 1—11, P., 1908—14; в рус. пер.—Письма к провинциалу, СПб., 1898; Начала гидростатики. Архимед. Стэвин. Галилей. Паскаль, М.—Л., 1932.

Лит.: Бутовский И., О жизни П. и его сочинениях, в кн.: Паскаль Б., Мысли, СПб., 1843; Филиппов М. М., Паскаль, его жизнь и научно-филос. деятельность, СПб., 1891; Орлов А. И., Франц. мудрец Влас Паскаль, [3 изд.], М., 1914; Кокосов В., Паскаль, [Горький, 1935]; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 142—43; История франц. лит-ры, т. 1, М., 1946; Cousin V., Etudes sur Pascal, 5 éd., P., 1857; Joüy E., Etudes pascaliennes, v. 1—9, P., 1927—36; Sainte-Beuve C.-A., Les Grands écrivains français, [t. 5]—XVII siècle, P., 1928; Brunschvicg L., Pascal, P., 1932; Eastwood D. M., The revival of Pascal, Oxf., 1936; Rideau E., Descartes, Pascal, Bergson, P., [1937]; Benzécri E. D., L'esprit humain selon Pascal, P., 1939; Finch D., La critique philosophique de Pascal au XVIII siècle, Phil., 1940; Waterman M., Voltaire, Pascal and human destiny, N. Y., 1942; Tourneur Z., Une vie avec B. Pascal, P., 1943; Brunschvicg L., Descartes et Pascal, lecteurs de Montaigne, Nohat., 1945; Sciasca M. F., Pascal, Brescia, [1946]; Baudin E., Etudes historiques et critiques sur la philosophie de Pascal, v. 1—3, Nohat., 1946—47; Humbert P., L'oeuvre scientifique de B. Pascal, P., 1947; Daniel-Rops, Pascal et notre cœur, P., 1948; Chénard G., En lisant Pascal, Lille, 1948; Russier J., La foi selon Pascal, v. 1—2, P., 1949; Truc G., Pascal, son temps et le nôtre, P., 1949; Lefebvre H., Pascal, v. 1—2, P., 1949—54; Laporte J. M. F., Le cœur et la raison selon Pascal, P., [1950]; Adam A., L'époque de Pascal, P., 1951 (Histoire de la littérature française au XVII siècle, t. 2); Guardini R., Pascal, ou le drame de la science chrétienne, P., [1951]; Guittion J., Pascal et Leibnitz, P., 1951; Journet Ch., Vérité de Pascal, Saint-Maurice, [1951]; Béguin A., Pascal par lui-même, P., 1952; D'Angers J. E., L'apologétique en France de 1580 à 1670. Pascal et ses précurseurs, P., [1954]; Goldmann L., Le dieu caché. Étude sur la vision tragique dans les Pensées de Pascal et dans le théâtre de Racine, 5 éd., P., 1955; Des «Pensées» de Pascal à «L'Apologie», textes commentés et annotés par J. Mantoy, P., 1955; Spoerri Th., Der verborgene Pascal, Hamb., [1955]; Valensin A., Pascal, в его кн.: Regards, t. 1, P., 1955; Brunet G., La «Parie» de Pascal, P., [1956]; Cresson A., Pascal, sa vie, son oeuvre, P., 1956; Jephagnon L., Pascal et la souffrance, P., [1956]; Pascal B., L'homme et l'oeuvre, [P., 1956]; Simonetti M., Studi Pascaliani, Roma, 1956; Le Roy G., Pascal, savant et croyant, P., 1957; Lacombe R. E., L'apologétique de Pascal, P., 1958; Lonnig R. F., Tro og tanke efter B. Pascal, [Oslo, 1958]; Mortimer E., B. Pascal, L., [1959]; Baudouin Ch., B. Pascal ou l'ordre du cœur, [P., 1962]; Pascal e Nietzsche. Scritti di E. Castellino, a. l. Padova, 1962; Pascal présent, 1662—1962, Clermont-Ferrand, [1962]; Maire A., Bibliographie générale des oeuvres de B. Pascal, t. 1—5, P., 1925—27. В. Кузнецов, Москва.

ПАТОЧКА (Ратоўка), Ян (р. 1 июня 1907) — чеш. философ. Зав. отделом Ин-та философии АН ЧССР. Находился под влиянием феноменологии Гуссерля, выступал против позитивизма. П. принадлежит исследование по истории, а также античной, нем., франц. и отечеств. философии. В последнее время П.

изучает труды Гегеля и Коменского, руководит изданием классиков философии.

Соч.: Přirozený svět jako filosofický problém, Praha, 1936; Bolzanovo místo v dějinách filosofie, в кн.: Filosofie v dějinách českého národa, [Praha], 1958. Л. Свобода, ЧССР.

ПАТРИАРХАТ (от греч. *πατήρ* — отец и *ἀρχή* — начало, власть) — совокупность экономич., обществ. и идеол. отношений, характеризующихся преобладающей ролью мужчины в семье и обществе. П. возникает в период разложения первобытнообщинного строя; те или иные его элементы в трансформированной форме длительное время сохраняются в классовом обществе. Некоторые исследователи считают П. универсальным этапом в истории родового общества (М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953). По мнению других, П. является наиболее распространенной, но не универсальной формой разложения первобытнообщинного строя, т. к. переход к классовому обществу может совершаться и через поздний, развитый матриархат (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе, как основа периодизации его истории, «Сов. этнография», 1955, № 4). В этом случае такие элементы П., как господство мужчины в семье, счет родства по мужской линии и т. д., возникают лишь на рубеже классового общества или в начальный период его развития. Археологически П. охватывает период от конца неолита до раннежелезного века.

В историографии первобытной истории большое значение получил вопрос об историч. соотношении П. и *матриархата*. Уже в античное время Платоном и Аристотелем была выдвинута идея о том, что человеч. общество изначально было патриархальным. При этом с античности и до сих пор примат П. над матриархатом всегда трактовался сторонниками патриархальной теории как доказательство извечности частной собственности и др. элементов и черт классового общества, моногамной семьи, неравноправия полов.

Позднее эта т. н. патриархальная теория развивалась Фомой Аквинским («De regimine principum», P., 1509), Ж. Боденом («Le six livres de la république», P., 1576), Р. Филмером («Patriarcha, or the natural power of kings», L., 1680) и др. Эти авторы выводили из изначального П. происхождение гос-ва и теорию «божеств. права королей».

В 19 в. англ. историк ирера Г. Мэн связал П. с родом. По его мнению, развитие идет от патриархальной семьи через патриархальный род и племя к гос-ву («Lectures on the early history of institutions», L., 1875). Другими наиболее известными представителями патриархально-родовой теории в 19 в. были Фюстель де Куланж («La cité antique. Étude sur la culte le droit, les institutions de la Grèce et de Rome», P., 1864), А. Шикте («Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs...», v. 1—2, P., 1859—63), Э. Тайлор («Primitive society», в журн. «Contemporary Review», 1873, v. 21—22), Шемель («Völkerkunde», Lpz., 1874). В 1877 вышла книга Л. Г. Морган «Древнее общество» (рус. пер. 1900), в к-рой показывается, что патриархально-родовой строй не был изначальным, а закономерно следовал за периодом господства материнского рода. Однако Морган недооценивал значение перехода от материнского рода к отцовскому, видя в нем гл. обр. изменение счета родства, вызываемое развитием индивидуальной собственности и моногамной семьи.

В конце 19 в. и в нач. 20 в. подавляющее большинство бурж. этнографов, стремясь опровергнуть идеи об изначальности и универсальности матриархата, развивали теории о двух путях первоначального развития человечества (матриархальном и патриархальном) или пытались доказать, что патриархат предшествует

матриархату. Наиболее известными представителями этих течений являются К. Н. Старке («Первобытная семья, ее возникновение и развитие», пер. с франц., СПб, 1901), Э. Вестермарк («The history of human marriage», Helsingfors, 1889), В. Шмидт и В. Кошпер («Gesellschaft und Wirtschaft der Völker», Regensburg, 1924), Р. Лоун («Primitive society», N. Y., 1920). Подобные взгляды до сих пор господствуют в бурж. этнографии. лит-ре (J. Steward, Theory of culture change; the methodology of multilinear evolution, Urbana, 1955).

Марксистская теория П. была сформулирована Энгельсом («Происхождение семьи, частной собственности и гос-ва»). Согласно ей, переход от матриархата к П. совершается в результате развития производит. сил и увеличения производительности труда в земледелии, скотоводстве, охоте и рыболовстве. Меняется характер разделения труда. Труд женщины ограничивается работой по дому. Осн. участником обществ. произ-ва становится мужчина. Соответственно меняются и социальные отношения: материнское право сменяется отцовским, парный брак — моногамией, «а это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожает противостоит роду» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 162). Род теряет хоз. единство, осн. экономич. ячейкой становится большая семья. Растет имуществ. дифференциация, возникает патриархальное рабство, зарождается деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Лит.: Маркс К., Конспект книги Л. Г. Моргана «Древние общества», Архив Маркса и Энгельса, т. 9, [М. — Л.], 1941; Ковалевский М., Первобытное право, вып. 1, М., 1886; Ольдерогге Д. А., Энгельс и проблема происхождения отцовского рода, в сб.: Вопросы истории доклассового общества, М.—Л., 1936; Косвен М. О., Переход от матриархата к патриархату, в сб.: Родовое общество. Этнографич. материалы и исследования, М., 1951.

Л. Файнберг. Москва.

ПАТРИОТИЗМ (от греч. πατριότης — соотечественник, лат. patria — отечество) — любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам; «...одно из глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» (Ленин В. И., Соч., т. 28, с. 167). Зачатки П. возникли в первобытном обществе, где они основывались на чувстве кровной связи между всеми членами рода или племени. С разложением первобытнородового общества чувство естеств. привязанности к родной земле, родному языку и т. п. соединяется с осознанием гражд. обязанностей по отношению к усложнившемуся обществ. целому. П. выражается в стремлении людей к экономич., социальному и культурному развитию родной страны, к защите ее от чужеземных захватчиков. В эксплуататорских обществах чувство П. сочетается у трудящихся с возмущением несправедливостью существующих обществ. порядков.

В добурж. эпоху П. не был оформлен идеологически, оставаясь гл. обр. элементом социальной психологии. П. складывается в идеологию в связи с образованием наций и нац. гос-в. Бурж. революционеры, борющиеся с феод.-сословными порядками, выступали от имени отечества, скрывая от самих себя за общенац. лозунгами классово ограниченное содержание своей борьбы. По мере развития капитализма и выявления антагонистич. характера буржуазных обществ. отношений в пролет. среде вырабатывается все более враждебное отношение к экономич. и политич. устоям бурж. отечества. Первый программный документ марксизма «Манифест Коммунистической партии» выразил это в словах: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 444). В эпоху империализма с обострением классовой борьбы внутри бурж. оте-

честв прежняя, национальная идеология буржуазии сменяется национализмом и космополитизмом. П. трудящихся, особенно крестьянства, становится для буржуазии объектом шовинистич. спекуляции. Пролетариат, борясь за революц. переустройство общества и построение социализма, наиболее последовательно выражает коренные интересы своей страны, всего народа. В статье «О национальной гордости великороссов», написанной в годы первой мировой войны, в обстановке шовинизма, Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» (Соч., т. 21, с. 85).

Отд. представители и группы буржуазии, особенно в условиях нац.-освободит. движения, участвуют в совр. эпоху в патриотич. борьбе народов за нац. независимость и мир. Но позиция буржуазии весьма противоречива и двойственна в этой борьбе, в конце концов свои эгоистич. классовые интересы буржуазия ставит выше интересов отечества, родины. Напротив, пролетариат в справедливых, нац.-освободит. войнах защищает и бурж. отечество: ему не безразлично, в каких обществ.-политич. условиях он борется за свое освобождение — в условиях бурж. республики или империалистич., колониального угнетения и деспотизма. Но, защищая бурж. отечество, пролетариат защищает прежде всего права и свободы народа, его родину и культуру, а не власть и господство буржуазии. В этом смысле понятия «отечество» и «родина» у рабочего класса и трудящихся в антагонистич. обществе не совпадают: понятие родины фиксирует лишь страну и ее культуру, созданную народом, тогда как в понятие отечества включается и обществ.-политич. строй, т. е. господство одного класса над другим. Однако в условиях социализма эти понятия сливаются и полностью совпадают: П. как чувство естеств. любви к своему народу сливается с преданностью обществ. и политич. строю страны.

Высшая форма П. — социалистич. П. Поскольку в ходе социалистич. преобразований складывается единый народ, состоящий из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, спаянных общностью целей борьбы за коммунизм, социалистич. П. становится всенародным. Он основан на высокой сознательности масс и носит активный, действенный характер; характерной чертой его является распространение на область повседневного труда нар. масс, что нашло свое яркое выражение в социалистич. соревновании. Социалистич. П. органически сочетается с пролет. интернационализмом. Об этом свидетельствует дружба между народами Советского Союза и та большая помощь, к-рую оказал и оказывает сов. народ народам др. стран в их освободит. борьбе против империализма и в строительстве новой жизни. С возникновением мировой системы социализма расширилось само социалистич. отечество трудящихся, обогатилось и содержание понятия социалистич. П. «... С образованием мировой системы социализма патриотизм граждан социалистического общества воплощается в преданности и верности своей Родине, всему содружеству социалистических стран» (Программа КПСС, 1961, с. 120). Воспитание всех сов. людей в духе органического сочетания социалистич. П. и пролетарского интернационализма КПСС считает первоочередной задачей своей идеол. работы.

И. Губанов. Москва, П. Рогачев, М. Свердлов. Волгоград.

ПАТРИСТИКА (от лат. patres — отцы, подразумевается «церкви») — термин, обозначающий учения первых христ. теологов, т. н. отцов церкви. Возникнув во 2 в. н. э., П. формировалась в борьбе против гности-

цизма и традиц. языч. мировоззрения, находясь в сложном взаимодействии с позднеантич. идеализмом, в частности с *неоплатонизмом*. Со 2-й пол. 5 в. до 7—8 вв. П. выступает уже как философия раннефеод. общества, переходя в *схоластику*.

Периодизация и классификация патристич. лит-ры. Дофилософский (по традиц. терминологии — «апостольский») период христ. лит-ры кончается ок. сер. 2 в. С этого времени открывается эпоха т. н. *апологетов* — писателей-полемистов, защищавших христианство в обстановке репрессий властей и нападков философов. Движение апологетов создало обильную лит-ру с преобладанием риторич. пропаганды у его латинских представителей: Минуций Феликс (2—3 вв.), Тертуллиан, Арнобий (ум. ок. 326), позднее Лактанций (ок. 250—325), и филос. умозрения — у греческих: Юстин (казнен ок. 166), Афинагор (ум. ок. 177) и особенно философы александрийской школы — Климент Александрийский, Ориген, Дионисий (р. в конце 2 в. — ум. 264/265). Переход христианства на права гос. религии в 4 в. и первая попытка его догматич. конституирования в 325 (Никейский собор) приводит к тому, что полемический фрагментарное философствование апологетов сменяется работой над целостной систематизацией догмы, опирающейся на филос. спекуляцию. Начинается расцвет П., достигающий кульминации в деятельности кружка «каппадокийцев» — Василий Великий (ок. 330—379), Григорий Богослов (ок. 329—390) и особенно Григорий Нисский (ок. 335—394) на Востоке и Августин на Западе, и завершающийся со смертью последнего (430). Закл. период, характеризующийся окостенением догмы, угасанием спекулятивной диалектики и энциклопедич. кодифицированием наук под эгидой теологии [Леонтий (ок. 475—543) на Востоке, *Бозций* на Западе], заканчивается с появлением трудов Иоанна Дамаскина и Иоанна Скота Эриугены, закладывающих основы вост. и зап. схоластики.

Географич. деление «отцов церкви» на западных (Италия, романизованная Европа и Сев. Африка), писавших на лат. яз., и восточных (Греция, Ближний Восток и Египет), писавших по-гречески, не всегда можно последовательно провести (так, Тертуллиан, представитель лат. апологетики, свои ранние произв. писал по-гречески); однако этот классификац. принцип оправдан заметным уклоном греч. «отцов церкви» (от александрийских апологетов до автора *Ареопагитик*) к онтологич. спекуляции, а латинских — к моралистич. психологизму и субъективизму. Характерно, что Запад не проявил филос. интереса к полемике по тринитарному вопросу (ис толкование догмата о триничности божества), а Восток — к пелагианским спорам (см. *Пелагий*) о соотношении воли и благодати. Это различие коренится в антич. культурных традициях Греции и Рима.

Отношение П. к античной культуре. Первостепенной проблемой для П. с самого начала стало выяснение отношения к языческой культурной, в частности философской, традиции. На первом этапе речь шла о выборе между условным признанием и полным отрицанием антич. философии. Оба возможных решения намечены уже в *Посланиях Павла*. Апологетич. лит-ра полна контрастов (плетет перед эллинской образованностью у большинства греч. представителей П., яростные нападки на нее у Татиана, Тертуллиана и Арнобия). Однако эти противоречия не следует переоценивать: самые «либеральные» и интеллектуалистически ориентированные писатели (вроде Оригена) резко отделяли себя от антич. философии признанием авторитета *откровения*, самые ярые ниспровергатели антич. культуры в содержании своей критики исходили из кинич. традиции опрощения, апелляции к природе и здравому смыслу и т. д. (Тертуллиан),

в ее оформлении — из риторич. норм (Татиан, Тертуллиан). Культурный нигилизм вскоре оказывается несомненным с универсалистскими притязаниями христианства, и вопрос об отношении к антич. традиции к концу периода апологетов ставится уже иначе: какое место принадлежит эллинской образованности в процессе «спасения» человечества? На заре апологетики Юстин пытается интерпретировать греч. культуру как культуру богоискательства, а христианство — как завершение развития этой культуры. Более сложной является концепция Климента Александрийского: греч. образованность должна была послужить предварит. ступенью в процессе воспитания человечества богом. Взгляд на «эллинство» как на замкнутый и пройденный этап в развитии человечества формулируется у Аристида (2 в.) и детализируется у эпигона апологетов Епифания Кипрского (4 в.). Своей вершины патристич. осмысление истории достигает у Августина («О граде божием»). Третья фаза в постановке проблемы язык. культурной традиции — вопрос об отборе «пригодного» для новой мировой идеологии из сокровищницы греко-римской образованности. В продолжение периода апологетов и эпохи расцвета П. происходит столкновение конкурирующих программ этого отбора. Различные группы церковных и «еретич.» мыслителей в своей борьбе апеллируют к различным течениям антич. философии. Так, Тертуллиан в интересах полемики против гностич. спекуляции обрушивается на платонизм, перипатетизм и древнюю Стою, в то же время отстаивая стоич. сенсуализм и особенно практич. морализм в духе Сенеки. Антитринитаристы (*Павел Самосатский*, Арий) опирались на аристотелевскую логику и математич. метод Эвклида, борющиеся с ними приверженцы Никейского символа веры — на неоплатонич. диалектику.

Из отд. филос. ученых античности идеализм Платона импонировал большинству деятелей П., особенно греческой, однако широкое восприятие идеалистич. диалектики Платона исторически ограничено периодом каппадокийского кружка и Августина и затем наблюдается только в «Ареопагитиках» и связанной с ними традиции (Максим Исповедник и т. п.). У Аристотеля была взята концепция бога как первой причины и цели мира, а также теологически отпрепарированный логич. метод, к-рый к концу П. окончательно вытесняет приемы платонизма. Сложными были взаимоотношения П. и неоплатонизма. Неоплатонич. учение при всем его трансцендентализме, мистицизме и аскетизме было слишком насыщено пантеизмом, чтобы его ассимиляция могла стать безболезненной. Из неоплатонич. кругов выходили виднейшие критики христианства (*Порфирий*) и борцы против него (император *Юлиан*). В то же время пути П. и неоплатонизма пролегли слишком близко для того, чтобы вновь и вновь не предпринимались попытки христианизации неоплатонизма (Григорий Нисский, «Ареопагитики»). *Стоицизм* с его этикой, критикой несообразностей традиц. язык. религии и просветит. космополитизмом импонировал преим. апологетам; Тертуллиан нашел возможным принять даже стоич. учение о материи («вещественности», *субстанция*) как субстанции всего сущего, включая человек. душу и даже бога. Спиритуалистич. тенденциям «классической» П. 4—5 вв. стоицизм в целом уже не соответствовал; впрочем антионтологич., моралистич. направленность поздней Стои сохраняется в лат. П. и переходит в зап. схоластику. Влияние кинизма также достигло своей кульминации в эпоху апологетов (нигилистич. ниспровержение культуры и цивилизации у Тертуллиана и особенно Арнобия), но продуктивным было только усвоение П. тезиса кинич. этики о необходимости «безразличия» человека к внешнему

миру. Материалистич. направления и материалистич. элементы антич. философии встречали со стороны деятелей П. резко враждебное отношение. Полемика шла по линии критики антитеологизма Демокрита и Эпикура, их учения о мире как продукте «случайного» сочетания атомов и о материи как несозданной субстанции. При этом как раз наиболее «либеральные», обладавшие наибольшим филос. кругозором деятели П. наиболее остро ощущали непримиримость своего мировоззрения с материализмом (Климент Александрийский, Дионисий) и особенно последовательно ориентировались на спиритуализм (Ориген, Григорий Нисский).

Основные проблемы патристич. философии. Фактором, резко отделяющим П. от свободного философского исследования, каким его знала античная философия, является идея откровения. Уже в 1-м послании Павла к коринфянам содержится мысль о том, что откровение упраздняет «мудрость мира сего»; в наиболее парадоксальных формулировках это противопоставление фидензма интеллектуализму высказано у Тертуллиана. Последоват. проведение этих взглядов сделало бы невозможным существование П. как сферы идеалистич. филос. спекуляции. Однако сама церковь, канонизировав текст Нового завета как средоточие откровения, была вынуждена потребностью в филос. оформлении своего учения поощрять спекуляцию, далеко отходящую от буквы «Писания» (достаточно сказать, что текст Никейского символа веры содержит спец. термины псидеантич. идеализма, чуждые лексике Нового завета, на что с неодобрением указывали традиционалисты). Ориген в поисках свободы для своих интеллектуалистич. устремлений выдвинул важный для антицерк. мистики всех времен тезис о примате неписаного «вечного евангелия» над «Писанием». Такие взгляды были для церкви неприемлемыми; более терпимо она относилась к вольной мистико-аллегорич. интерпретации «Писания» (Григорий Нисский, «Ареопагитики»). Расцвет относительно мало связанной «откровенным» филос. спекуляцией во 2—5 вв. скоро заканчивается и приводит к канонизации наряду с «Писанием» столь же авторитарного «предания».

Онтологич. проблемы разрабатывались преим. греч. П. Среди них особой интерес вызвала теологич. проблема (проблема бога). Осн. идеи патристич. теологии: монотеизм (против языч. политеизма и гностич. дуализма), супранатурализм и креационизм — сверхъестеств. природа и трансцендентность бога, его абс. свобода и абс. власть над созданным им из ничего миром (против исконного языч. пантеизма, философски оформленного в стоицизме и неоплатонизме), абс. благость и справедливость (против мифологич. образов греко-рим. традиц. богов и гностич. образа несовершенного демурга). Когда в эпоху после Никейского собора эти представления о боге стабилизируются и их защита становится неактуальной, в эзотерич. кругах ученых мистиков происходит дальнейшее углубление идеи потусторонности бога, пользующееся неоплатонич. методами и приводящее к т. н. апофатической (отрицательной) теологии: бог не имеет атрибутов и не поддается определению, ибо он находится за пределами бытия и качественности. Апофатизм впервые выступает еще у Филона, затем у неоплатоников и предвосхитившего их Оригена, развивается Григорием Нисским и достигает апогея в «Ареопагитиках». Отношение церкви к апофатизму было двойственным: ей импонировала працационализация идеи бога, но в своем развитии апофатизм грозил подорвать представление о личном боге как носителе воли и промысла [как это было в ср. века и новое время у апофатиков *Экхарта*, *Бёме*, *Шеффлера* (Ангелуса Сплезнуса) и др.]; не случайно «Ареопа-

гитики» пользовались огромной популярностью в антифеод. еретич. кругах средневековья (в частности, на Руси). Деперсонализируя божество, апофатизм открывал дорогу натуралистически-пантеистич. его истолкованию. В то же время церковь не могла окончательно осудить апофатизм, ибо нуждалась в нем для построения своей «правовой» мистики.

Христ. теология разделяет пропасть бога и человека, заполнить эту пропасть призвана христология. Для обоснования своего авторитета как земной реализации небесного царства благодати, и притом реализации единственной, церковь нуждалась в учении об абс. адекватности воплощения бога в человеке, о полной реальности этого «вочеловечения», о совершенной исключительности и неповторимости богочеловечества Христа и, наконец, об осуществлении этого воплощения не «снизу», волевым усилием добродетельного человека, достигающего божеств. высоты (как учил Павел Самосатский и др.), и не посредством натуралистически-непроизвольной «эманации» божеств. начала (такие выводы можно было сделать из учения Оригена и арианства), а путем нисхождения божества (кеносис). С самого начала церкви пришлось столкнуться с двойкой опасностью. С одной стороны, гностич. спиритуализм не мог принять идею о материальной реальности божеств. воплощения и содержавшейся в ней частичной реабилитации чувств. мира (между тем церковь как раз в этой частичной реабилитации и нуждалась, если она хотела освящать гос-во, собственность и всю жизнь своей настью вплоть до брака и т. п.); так возник *докетизм* — учение об иллюзорной телесности Христа. С другой стороны, евангельский расказ, подчеркивающий человеческие черты Иисуса как праведного учителя, естественно, вел к представлению о том, что Иисус был только лучшим из людей, удостоившимся «усыновления» богом, причем теоретически этого усыновления может добиться для себя любой человек, к-рый достигнет такой же высоты в своем нравств. самосовершенствовании (отголоски стоич. учения о том, что мудрец волевым усилием делает себя равным богам; концепция Иисуса-человека в виде т. н. «эбионитизма» существовала с незапамятных времен, была спекулятивно оформлена в кругах феодотиян и сторонников Павла Самосатского и получила широкое распространение благодаря арианству). Отрицание обожествления человека, природы в Христе шло в разрез с приятием церкви на «освящение» человек. жизни; учение о том, что это обожествление было свободно достигнуто человек. волей, уничтожало необходимость в таком освящении. Вопрос о соотношении двух «природ» в личности Христа был обусловлен и стремлением обосновать совместимость божеств. и человеческого, земного и небесного, что привело к марпологии — учению о том, что дева Мария, представляющая средоточие освященного человечества, явилась родителем богочеловека Христа во всей полноте его божеств. и человек. природ (по Иоанну Дамаскину, «имя „богородица“ содержит в себе всю тайну вочеловечения»).

П. должна была решить и тринитарную проблему — вопрос о соотношении ипостасей отца, сына и св. духа. Субординационизм, т. е. объявление ипостасей духа и, главное, сына низшими и подчиненными, был неприемлем, ибо ставил под сомнение полноту и адекватность воплощения бога и позволял интерпретировать порождение ипостасей как безлично-естеств. процесс эманации. Отстаивание парадоксальных положений о триединстве божества и о двух природах Христа в эпоху расцвета П. базировалось на довольно уточненном диалектич. антиномизме, к-рый, однако, вскоре был вытеснен доктринерским фидензмом.

Та же постановка вопроса (если мир и человечество не могут быть оправданы и освящены, то церковь с ее учением и таинствами не нужна, ибо бессильна; если мир и человечество чисты и могут сами достичь святости или обладают ей, церковь не нужна, ибо излишня) определяет суть патристич. антропологии (учения о человеке) и космологии. Человек осквернен «первородным грехом», и его «плоть и кровь», его телесная природа — бесконечный источник скверны. С др. стороны, в полемике с пессимизмом гностиков (учивших, что плоть — создание несовершенного демиурга) и спиритуализмом неоплатоников (учивших, что плоть, как всякая материя, не обладает сущностной реальностью) церковь неустанно настаивает на спасении и даже обожествлении человек. тела (этот мотив особенно силен у Иринея: «Плоть не лишена причастия силы божией», «Христос пришел оживотворить плоть»). В соматологии — учении о теле — соприкасались христология, дававшая прообраз апофеоза человек. тела в культе Христа, и антропология, обещавшая такой же апофеоз во плоти для всех, кто его «удостоится»: «Сын божий сделался тем же, чем и мы, дабы сделать нас тем, что есть он». В этих идеях еще живет отголосок плебейско-вещественной эсхатологии раннего христианства, чуждый аристократич. спиритуализму мыслителей типа Григория Нисского. Наиболее четкое и законченное выражение вост. онтологич. антропология нашла в соч. Немесия Эмесского (жил ок. 400) «О природе человека», где интерес к «плоти» выражается в широкой реценции ходовых анатомич. и физиологич. учений античности, превращающих этот труд в своеобразный компендиум.

Однако доминирующим в патристич. антропологии был тезис о бессмертии души, без которого немислима христ. идея окончат. раскрытия моральной судьбы человека в потусторонней жизни. Понимание бессмертия души было ориентировано на традицию антич. идеализма, но пифагорейско-платоновское представление о предсуществовании человек. душ оказалось несовместимым с христ. креационизмом (оно было окончательно осуждено церковью в 553). То же относится к идее переселения душ (метемпсихозе), диссонирующей с христ. абсолютизацией моральной значимости единичной и неповторимой человек. жизни.

Космос в понимании П. также есть «тварь» и потому стоит бесконечно ниже своего «творца»; материя была создана и будет разрушена. С др. стороны, в противовес гностич. и манихейскому пессимизму в П. защищается мир как благое и прекрасное творение бога, полное целесообразности. Ведущие мотивы патристич. космологии: креационизм, телеологизм, положение об универсальной гармонии и аккомодации, строгая логич. и иерархич. система космоса, эстетич. оправдание мира. Наиболее ярко эти идеи выражены в «Шестоднев» Василия Великого, на Западе переработанном Амвросием Медиоланским (ок. 339—397), у Григория Нисского и у Августина. «Ареопагитики» дают эстетически переживаемую картину мира как иерархии света (своеобразное отражение становления церк. субординации).

Моралистико-психологич. проблемы (бог и человек не как онтологич. объекты, а как субъекты воли) разрабатывались преим. на Западе. Там церковь обоживала свою необходимость для «спасения» человечества не умозрит. тезисами о соотношении «двух естеств» в Христе, но учением об изначальной ущербности человек. воли, к-рая не может пойти себя и обрести цельность без вмешательства «благодати»; спасение «даруется» человеку, а не «заслуживается» им. Этот тезис защищал Августин против богословов Пелагия и Юлиана. Однако для позднейшего католицизма учение Августина оказалось неприемлемым,

так как открывало возможность индивидуалистич. понимания спасения и не оставляла места для таких «заслуг», как исполнение церк. предписаний. Юридич. культура Древнего Рима в сочетании с политической рим. церкви породила не привившаяся на Востоке учение о «крестной жертве» Христа как юридич. операции, в процессе к-рой в возмещение за грехи людей было внесено «удовлетворение», намного превышавшее «долг», в результате чего образовалась сумма благодати, предоставленная в распоряжение церкви. Моралистич. интерес к личной психологии породил «Исповедь» Августина, моралистич. интерес к истории — его же «О граде божием».

Переход к феод. способу произ-ва и оформлению осн. догм церк. ортодоксии знаменуют конец патристич. периода христ. религ. философии. Осн. проблемы зап. и вост. П. наследуются католич. и православной схоластикой; так, христологические споры Востока непосредственно продолжаются в иконоборческих (8—9 вв.) и паламитских (14 в.) спорах; в католической теологии августиновско-пелагинская проблема воли и благодати остается актуальной не только на протяжении схоластического периода, но и позднее (антилютеранская полемика, яansenизм и пезуиты в 17 в.).

Источники: Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, v. 1—77—, Vindobonae—Lipsiae, 1867—1961—; Migne J.-P., PG, v. 1—166; его же, PL, v. 1—221.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс о религии, М., 1955; Болотов В. В., Лекции по истории древней церкви, т. 1—4, СПб., 1907—18; Гарнак А., История догматов, в кн.: Общая история европейской культуры, т. 6, СПб., [1911]; Спасский А. А., История догматических движений в эпоху вселенских соборов, т. 1 — Тринитарный вопрос, 2 изд., Сергиев Посад, 1914; Stöckl A., Geschichte der christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter, Mainz, 1891; Tixeront J., Histoire des dogmes, v. 1—3, P., 1906—12; Corbière Ch., Le christianisme et la fin de la philosophie antique, P., 1921; Gilsen E., Böhner Ph., Die Geschichte der patristischen Philosophie, Paderborn, 1936; Ellis G. L., Attitude of the early Christian Latin writers toward pagan literature and learning, Wash., 1949; Realexikon für Antike und Christentum, hrsg. von Th. Klauser [u. a.], Bd 1—6—, Stuttg., 1950—64—; Quasten J., Patrologie, v. 1—3, Utrecht—Brux., 1950—60—; Schneidder K., Geistesgeschichte des antiken Christentums, Bd 1—2, Münch., 1954; Spangenberg M., Stoicisme des Pères de l'église, P., 1957; Beck H.-G., Kirche und theologische Literatur in Byzantinischen Reich, Münch., 1959; Altaner B., Patrologie, 6 Aufl., Freiburg—Basel—W., 1960; Dempf A., Der Platonismus des Eusebius, Victorinus und Pseudo-Dionysius, Münch., 1962; Studia Patristica (Papers presented to the International conferences on patristic studies, Oxf., 1955—1959), ed. by K. Aland and F. L. Cross, v. 1—6, B., 1957—1962 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd 63—64, 78—81).

С. Аверинцев, В. Соколов. Москва.

ПАТРИЦИ (Patrizi), Франческо (1529—97) — итал. натурфилософ. Род. в Далмации, преподавал платоновскую философию в Ферраре, в последние годы своей жизни — в Риме. Неоплатоновский в своей основе пантеизм П. развивал в натуралистич. духе. Если в неоплатонизме материя и природа рассматривалась как порождение сверхъестеств. божеств. эманации, как нечто совершенно неразумное и абсолютно злое, то у П. как одного из представителей бурж. идеологии жизнерадостного Возрождения они выступали как полное и живое выражение божества. П. одновременно с Бруно пантеистически растворял бесконечного бога в природе, учил о бесконечности последней. П. усвоил диалектич. т. зр. неоплатонизма, согласно к-рой все существующее представляет собой единство бытия и небытия, божеств. света и материальной темы — осн. космич. противоположностей. Однако пантеистически сближая бога и природу, П. стал рассматривать свет не как гл. проявление сверхъестеств. божеств. силы, а как гл. начало оживления и одушевления природы, разделяя общую для натурфилософов своей эпохи органистически-гиллозоистич. истолкование ее. Понимание бытия П. оказало значит. влияние на возрождения Кампанеллы.

Соч.: Della historia dieci dialoghi, Venetia, 1560; Della retorica dieci dialoghi, Venetia, 1562; Discussionum peripateticarum, 2 ed., Basel, 1581; Della poetica, Ferrara, 1586; La città felice (утопич. соч.), в кн.: Utopisti e riformatori sociali del cinquecento, a cura di C. Curcio, Bologna, 1941.

Лит.: Fiorentino F., Bernardino Telesio, v. 1—2, Firenze, 1872—74; Donazzolo P., F. Patrizio di Cherso в серии: Atti e memorie della Società istriana di archeologia e storia patria, 1912, v. 28, p. 1—147; Croce B., Problemi di estetica, 2 ed., Bari, 1923; Crespi L. A., La vita e le opere di F. Patrizio, Milano, 1931; Cassirer E., Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance, B.—Lpz., 1927; Arca P. M., Il pensiero politico di F. Patrizio da Cherso, Roma, 1935; Brickman B., An introduction to F. Patrizio's «Nova de universis philosophia», N. Y., 1941; Saitta G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. 2, Bologna, 1950, p. 521—67; Firpo L., Filosofia italiana e contoriforma, Riv. Filos., 1950, v. 41, p. 150—73; Menarace B. R. L., La retorica di F. Patrizio e del platonico antiristotelismo, «Aevum», 1952, anno 26, fasc. 5, p. 434—61; Gregory T., L'«Apologia ad censuram» di F. Patrizio, «Rinascimento», 1953, anno 4, № 1, p. 89—102. В. Соколов. Москва.

ПАУЛИ (Pauli), Вольфганг (25 апр. 1900—15 дек. 1958) — швейц. физик-теоретик. Окончил Мюнхенский ун-т (1921). С 1928 до конца жизни (исключая воен. годы, проведенные в Принстоне) — зав. кафедрой теоретич. физики Высшей технич. школы в Цюрихе. Лауреат Нобелевской премии (1945). Его работы оказали влияние на мн. разделы совр. физики. Особая заслуга принадлежит ему в разработке осн. вопросов квантовой механики и квантовой теории электромагнитных полей. П. подготовил почву для разработки релятивистской теории электрона, созданной Дираком. В 1924 он сформулировал один из важнейших принципов совр. физики, т. н. принцип *за и рета* (принцип П.): в одном и том же квантовом состоянии физич. системы может находиться не более одного электрона; когда обнаружилось явление β -распада и нек-рые физики усомнились в справедливости *сохранения законов*, в частности закона сохранения энергии, П. высказал (1931) гипотезу о существовании нейтрино, подтверждение к-рой развеяло эти сомнения. Мн. работы П. посвящены вопросам истории, методологии и философии науки, а также теории познания. Хотя сам П. не причислял себя к к.-л. определ. филос. направлению, однако его взгляды были весьма близки к *позитивизму*, сочетавшемуся в ряде случаев со стихийной диалектикой. Преувеличивая роль субъективной стороны в познании, П. отказывался говорить о явлениях в физике, «изолируясь от данных восприятия, от рациональных и организуемых принципов» (см. «Phänomen und physikalische Realität», в журн. «Dialectica», 1957, v. 2, № 1/2, p. 37). «Изолированные» явления, такие, «... как, например, сознание других людей, оборотная сторона Луны, история Земли до существования живых существ...», он называл «... относительно трансцендентными...» (там же). Процесс познания он трактовал в духе Платона. Большое значение придавал П. физич. *интерпретациям* матем. формализма. П. придерживался т. н. копенгагенской интерпретации квантовой механики (см. *Микрочастицы*). Выступая против детерминизма (лапласовского типа) в квантовой механике, П. в ряде случаев вообще отрицал применимость классич. понятия *причинности*, хотя в др. случаях ограничивался требованием его пересмотра и обобщения.

Подробную библиографию работ П. см. в сб. «Теоретическая физика 20 века» (М., 1962).

Лит.: Гейзенберг В., Филос. проблемы атомной физики, М., 1953; Борн М., Физика в жизни моего поколения. (Сб. пер. ст.), М., 1963. К. Морозов. Москва.

ПАУЛЬСЕН (Paulsen), Фридрих (16 июля 1846—14 авг. 1908) — нем. философ, автор работ по истории философии, этике и педагогике. Проф. Берлинского ун-та (с 1878). Определяя смысл и задачи философии, П. выступал против позитивистского отрицания ее и сведения к гносеологии. Вслед за Лотце, Э. Гартманом, Вундтом он пытался возродить философию

как метафизику, как общую теорию действительности, как «... постоянно повторяющуюся попытку достигнуть цельного единства представлений и мыслей о форме и связи, о смысле и значении всех вещей» («Введение в философию», М., 1908, с. 3). Философия, по П., должна решать онтологич. и космологич. проблемы, т. е. проблемы о природе действительности как таковой и о взаимной связи всех вещей. Истолковывая философию как всеобъемлющую, синтетич. и универсальную систему знания о мире, П. превращал ее в науку наук. «... Все науки — принадлежат философии» (там же, с. 19), они входят в нее как ее необходимые звенья; стремление к универсальному познанию единой действительности объединяет философию и религию. Решительно выступая против атеизма — «догмата социал-демократии», П. пытался «... сделать религиозное мирозерцание и научное объяснение природы совместимыми друг с другом» (там же, с. V). Свою философию он определял как идеалистический пантеизм (см. там же, с. 242), суть к-рого заключается в истолковании действительности как обнаружения «единой духовной Вселенной» (см. там же, с. VII). Бытие и сущность природы и общества — в этом духовном, всеедином, раскрывающем себя в многообразных телесных и духовных модификациях. Развивая концепцию всеобщего одушевления, П. видел в каждой телесной системе только проявление внутр. психич. жизни, а мир рассматривал как тело всеединого, Бога. Примыкая к Шопенгауэру и Фегнеру, П. видел основу духовного в воле, к-рая есть «...первоначальный и в известном смысле постоянный фактор душевной жизни» (там же, с. 120). Объективный мир — лишь реализация действующей воли, Бога. Методологической основой панпсихической натурфилософии П. служит стирание граней между простейшими формами отражения и психическими явлениями, отрицание скачка в развитии психики. «Это, — по словам Ленина, — самая уязвимая пята его философии» (Соч., т. 38, с. 39). Система П. — пантеизм в откровенно идеалистической форме, сочетаемый с иррационалистическим волюнтаризмом.

В этике П. выдвигает концепцию *энергетизма*, противопоставляя ее *гедонизму*. Для энергетизма высшее благо — сама жизненная деятельность, претворяющая цели в жизнь. Сущность счастья не в удовольствиях, а в самом процессе деятельности. П. видит цель этики в определении совершенного жизненного утверждения человека как «...члена высшего целого — человечества» («Основы этики», М., 1900, с. 276). Исходные пункты этики энергетизма связаны с общепилос. принципами, с волюнтаристской трактовкой П. психич. явлений. «Воля к жизни», к-рая «...в человеке приходит к сознанию самой себя» (там же, с. 266), воля к нормальному выполнению жизненных функций, заключенных в природе человека и реализующаяся в его действиях, — центр. тезисы этич. системы П.

Соч.: Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnistheorie, Lpz., 1875; Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre, Stuttg., 1898; в рус. пер.— Педагогика, М., 1913.

Лит.: Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 38—40; Хвостов В. М., Очерк истории этических учений, 2 изд., М., 1913. Д. Завадье, А. Огурцов. Москва.

ПАФОС (греч. πάθος — страдание, страсть, возбуждение) — в общепотребительном смысле слова приподнятое и восторженное состояние человеч. духа в моменты общения (реального или фиктивного) с высшими и значит. предметами.

В антич. эстетике П. означал то или иное претерпевание, препм. болезненного характера, вызывавшее в состоянии, связанное со страданием. *Аристотель* в

«Поэтике», относя П. наряду с перипетией и узнаванием к числу необходимых элементов трагедии, характеризует его как «... действие, причиняющее гибель или боль...» («Поэтика», 11, 1452 в; рус. пер., М., 1957). В «Метафизике» (IV, 21) он понимает П. как возможность перехода от одного состояния к другому или даже как чувствительность, а в «Риторике» определяет его как «все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, страдание, страх и все этим подобные и противоположные им чувства» (II, 1; рус. пер., СПб, 1894). В этом смысле П. как душевное переживание противопоставлялся в антич. эстетике *этосу* как устойчивому нравств. характеру человека, проявляющемуся в действии. Так, Аристотель, говоря о разных св-вах стиля, разграничивает П. (чувство) и этос (характер): «Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (*παθητική*), если он отражает характер (*ἠθική*) и если он соответствует истинному положению вещей» (там же, III, 7). Противопоставление П. и этоса мы находим у Дιονисия Галикарнасского в «Риторике», где он пишет об этич. стиле Геродота, рисующего нравы людей, и патетич. стиле Фукидида, изображающего страстных героев. Лонгин в трактате «О возвышенном» (гл. 29) пишет о том, что «нафос причастен возвышенному настолько, насколько этос причастен удовольствию». Аналогичное противопоставление П. и этоса мы встречаем и у Квинтилиана (VI, 2).

В эстетике нового времени категория П. и патетического была развита прежде всего Ф. Шиллером («О патетическом», 1793, и др.) в тесной связи с понятием *возвышенного*. Для П. и патетического в иск-ве, по Шиллеру, необходимо изображение не только глубокого и сильного страдания, но и сопротивления ему, так чтобы из борьбы морального «Я» человека с этим страданием обнаруживалась бы внутр. свобода человек. духа. «... При всяком нафосе чувства должны быть привлечены страданием, дух же — свободой. Если в патетическом изображении отсутствует картина страдающей природы, то оно лишено эстетической силы, и наше сердце остается холодным. Если ему не хватает эстетической основы, то при всей чувственной силе, оно никогда не может быть патетическим и неизбежно возмущает нас. Сквозь всякую свободу души должен всегда сквозить страдающий человек, сквозь всякое человеческое средство должен просветлять самостоятельный или способный к самостоятельности дух» (Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 211—12). Т. о., П. — это возвышенная свобода духа, возникающая в результате победы его над чувств. страданием.

Гегель, характеризуя П. как «... всеобщую движущую силу человеческого сердца...» (Соч., т. 12, М., 1938, с. 238), видит его отличие от случайной страсти в его разумном содержании: П. — это всеобщие «субстанциальные» силы мира, ставшие внутр. движением человек. души, центром, к-рый определяет собой все человек. чувствования и поступки. В этом смысле П. составляет «подлинное средоточие, подлинное царство искусства» (там же, с. 237).

Лит.: Гегель, Соч., т. 12, М., 1938, с. 236—40; Шиллер Ф., Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 193—97, 197—223.

А. Лосев, Москва.

ПА́ЧИ (Paci), Энцо (р. 18 сент. 1911) — итал. философ, ученик Банфи. В своей идейной эволюции П. прошел ряд этапов. Вместе с Аббаньяно был одним из выразителей идей т. н. позитивного *экзистенциализма*; в наст. время в его филос. взглядах преобладают феноменологич. тенденции, связанные гл. обр. со взглядами позднего Гуссерля, к-рые П. пытается соединить с нек-рыми марксистскими положениями.

Философия, по мнению П., имеет смысл только в том случае, если она служит делу коренного преобразования действительности. П. критикует капитализм как источник духовного кризиса совр. мира, выход из к-рого он видит в борьбе за радикальное изменение обществ. отношений. Человечество, по убеждению П., в конечном счете, придет к коммунизму («Funzione delle scienze e significato dell'uomo», 2 ed., Mil., 1964, p. 335, и др.)

Соч.: Principii di una filosofia dell'essere, Modena, 1939; Pensiero, esistenza e valore, Mil.—Messina, 1940; Esistenza ed immagine, Mil., 1947; Studi di filosofia antica e moderna, Torino, 1950; Il nulla e il problema dell'omo, Torino, 1950; Esistenzialismo e storicismo, Mil., [1950]; Tempo e relazione, Torino, 1954; Ancora sull'esistenzialismo, Torino, [1956]; Tempo e verità nella fenomenologia di Husserl, Bari—Laterna, 1961; Diario fenomenologico, Mil., [1961]. С. Фурков, Москва.

ПЕАНО (Peano), Джузеппе (27 авг. 1858—20 апр. 1932) — итал. математик и логик. Проф. математики в Туринском ун-те (1890—1932). Известен важными результатами в матем. анализе, теории дифференц. уравнений (где ему принадлежит классич. формулировка осн. теоремы о существовании решения), геометрии (знаменитый пример «кривой П.» — непрерывной кривой, заполняющей все точки нек-рого квадрата), разработкой междунар. языка на основе латыни (*Latino sine flexione*), а также работами в области логич. основания математики. П. впервые поставил задачу применения символич. логики для дедуктивно-аксиоматич. построения всей математики. Крутым вкладом П. в развитие *метода аксиоматического* была его система аксиом для арифметики натуральных чисел («Arithmetices principia, nova methodo espositi», Turin), частично заимствованная им у Р. Дедекинда. С 1891 П. (совм. с Дж. Вайлати, Ч. Бурали-Форти, У. Кассина, А. Падоа и др.) издает «Rivista di matematica» (впоследствии выходящий как «Revue de mathématiques» и «Revista de mathematica»; до 1916 вышло 8 тт.), а в 1895—1908 выходит его «Formulaire de mathématiques» publié par la „Rivista di matematica“ — 5-томное энциклопедич. издание, в к-ром разделы логики и математики излагаются на разработанном им символич. языке в виде формальной системы. Продолжая идеи Лейбница, П. создал логич. идеографию — символич. язык, к-рый под влиянием работы А. Уайтхеда и Б. Рассела «Principia Mathematica», заимствовавшей в основном язык П., стал общепотребительным.

П. провел различие между отношением включения класса в класс (\subseteq) и отношением принадлежности элемента к классу (\in), между единичным классом и единственным элементом этого класса, а также внес вклад в разработку теории *определений через абстракцию* (введя, в частности, понятие образования класса через абстракцию). Кроме того, П. проанализировал взаимосвязь исчисления классов (см. *Логика классов*) с *предикатов исчислением* и предложил прием перехода от первого ко второму. Логич. идеи П. послужили переходным звеном в цепи историч. развития от старой *алгебры логики* (в той форме, какую ей придали работы Буля, Жевонса, Порецкого, Э. Шрёдера и др.) к совр. форме *математической логики*.

Соч.: Opere scelte, v. 1—3, Roma, 1957—58.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1964, с. 668—69; Стяжкин Н. И., Становление идей математич. логики, М., 1964, с. 268—74; Collection de scripto in honore de prof. G. Peano in occasione de suo 70° anno..., Mil., 1928; Cassina U., L'oeuvre philosophique de G. Peano, «Revue de métaphysique et de morale», 1933, № 4; ег о ж е, L'opera scientifica di G. Peano. «Rendiconti del Seminario matematico e fisico di Milano», 1933, v. 7, p. 323—89; In memoria di G. Peano. Studi di B. Levi [e. a.] raccolti da A. Terracini, Cuneo, 1955.

М. Солодухина, Москва.

ПЕГІЙ (Péguy), Шарль Пьер (7 янв. 1873—5 сент. 1914) — франц. философ-мистик, поэт и публицист. В ранние годы писал под псевд. Pierre Baudouin и Pierre Deloire. Род. в Орлеане в семье бедных реме-

сленников. Образование получил в Высшей нормальной школе и Сорбонне. Убит в чине лейтенанта в битве на Марне. Испытал влияние философии Паскаля и особенно Бергсона (учеником к-рого себя считал), а также Леру и Ламенне. П. написал две филос. работы: «Заметки о Бергсоне и бергсоновской философии» («Note sur M. Bergson et la philosophie bergsonienne», P., 1914), в к-рой подчеркивает исключительную для него ценность бергсоновской трактовки «свободы» и «реальности», и «Обобщенные заметки о Декарте» («Note conjointe sur Descartes», P., 1924).

П. известен больше как публицист и поэт. Широкую популярность творчество П. получило после его смерти, особенно в годы 2-й мировой войны и Сопротивления. В поэзии П. преобладают героич. и религиозно-мистич. тона, своеобразно сочетающиеся с социал. убеждениями. Эти идеи нашли наиболее полное выражение в драме «Жанна д'Арк» («Jeanne d'Arc», P., 1897) и ее более позднем, расширенном варианте — «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» («Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc», P., 1910), где П. создает возвышенный образ героини и святой, в то же время сохраняя в ее облике реалистич. черты трудолюбивой франц. крестьянки. Религиозно-мистич. пафосом проникнуты и наиболее известные сборники его стихов «Ковер святой Женевиевы и Жанны д'Арк» («La tapisserie de Sainte-Geneviève et de Jeanne d'Arc», P., 1912), «Ковер Богоматери» («La tapisserie de Notre Dame», P., 1913) и поэма «Ева» («Ève», P., 1913). В начале своей лит. деятельности П. находился под влиянием социал. идей и сам называл себя социалистом. В 1895 он организует в Орлеане социал. группу — «Groupe d'études sociales d'Orléans». В 1897 в журн. «Revue socialiste» (№ 152) выходит его первая статья «О социал. гос-ве» («De la cité socialiste»). Как представитель левой публицистики он активно выступал в рядах защитников Дрейфуса. В 1898 П. открыл в Париже книжную лавку «Librairie socialiste», в 1900 основал журн. «Cahiers de la Quinzaine» («Двухнедельные тетради»), в к-ром сотрудничали Ж. Жорес, Р. Роллан, А. Сюарес, Д. Галеви и др. и где сам П. опубликовал почти все свои работы. «Тетради» проповедовали интернационалистич. идеи и братство народов. Позднее, утвердившись на позициях религ. мистицизма, П. исползует журнал для борьбы против антиклерикального социализма и ортодоксального католицизма. П. шел к социализму не от учения Маркса, а от утопизма Фурье. Он мечтал о создании гармоничного гос-ва как высшей стадии организации общества, путь к к-рому лежит через социал. гос-во как его необходимый этап. Однако «социализм» П. неразрывно связан с его религиозно-мистич. мировоззрением. Борьба П. против политики и офиц. церкви за религ. безкомпромиссов, против мира денег за гармоничное гос-во легли в основу совр. франц. персонализма и оказали большое влияние на главу этого течения Мунье.

Соч.: Oeuvres choisies. 1900—1910, [4 éd., P., 1915]; Oeuvres complètes, t. 1—20, P., 1916—55; Lettres et entretiens, [t. 1], P., 1954; Une amitié française. Correspondance entre Ch. Péguy et Romain Rolland, présentée par A. Saffrey, P., 1955; Oeuvres poétiques complètes, [P., 1957]; Oeuvres en prose. 1909—1914, [P., 1957]; Notes politiques et sociales, P., 1957; Oeuvres en prose 1898—1908, [P., 1959]; Correspondance [entre Ch. Péguy et A. Suarès], présentée par A. Saffrey, P., 1961.

Лит.: Селибер Г., Ш. Пегу, «Рус. мысль», 1915, кн. 10; Рыкова Н. Я., Совр. франц. лит-ра, Л., 1939; Яхонтова М. А., Черневич М. Н., Штейн А. Л., Очерки по истории франц. лит-ры, М., 1958; Poché F. r., Péguy et les Cahiers, P., 1914; S u a g è s A., Péguy, P., 1915; B o u d o n V., Avec Ch. Péguy de la Lorraine à la Marne, [P.], 1916; T h a g a u d J. e t J., Notre cher Péguy, P., 1926; P é g u y M., La vocation de Ch. Péguy, P., [1926]; егo же, Le destin de Ch. Péguy, P., 1946; M o u n i e r E., P é g u y M., I z a r d G., La pensée de Ch. Péguy, P., [1931]; H a l é v y D., Péguy et les Cahiers de la Quinzaine, P., [1941]; S e c r é t a i n

R., Péguy, soldat de la vérité, 5 éd., P., [1943]; M a b i l l e de P o n c h e v i l l e A., Jeunesse de Péguy, P., [1943]; егo же, Vie de Péguy, [P., 1944]; R o l l a n d R., Péguy, v. 1—2, P., 1944; G i l l e t L., Claudel. Péguy, P., [1946]; F o s s i e r A., Tables analytiques des oeuvres de Péguy, P., [1947]; G u y o n B., L'art de Péguy, [6 éd.], [P., 1948]; (з сери: Cahiers de l'amitié Ch. Péguy, № 2); егo же, Péguy, P., [1960]; J o h a n n e t R., Vie et mort de Péguy, P., [1950]; S u i r e P., Le tourment de Péguy, P., [1956]; O n i m u s J., Péguy et le mystère de l'histoire, P., 1958 (в сери: Cahiers de l'amitié Ch. Péguy, № 12); D e l a p o r t e J., Connaissance de Péguy, [2 éd.], [t. 1—2, P., [1959]; I s a a c J., Expériences de ma vie, [t. 1], P., [1959]; N e l s o n R. J., Péguy poète du sacré. Essai sur la poétique de Péguy, P., 1960; B a r b e r i s P., Péguy: actualité et signification, «Nouvelle critique», 1963, № 144; Q u i l l e m i n H., Malheureux Péguy, «Europe», 1964, № 419—420—425; Péguy reconnu, «Esprit», 1964, № 330; Péguy, «Table ronde», 1964, № 202; D u p l o y é P., La religion de Péguy, P., 1965.

Т. Сихарова. Москва.

ПЕДОЛОГИЯ (от греч. παις — дитя и λόγος — наука) (в англ. лит-ре child study, в нем. — Kinderforschung) — течение в психологии и педагогике, возникшее на рубеже 19—20 вв., обусловленное проникновением эволюц. идей и развитием прикладных отраслей психологии и эксперимент. педагогики. Основатели П.—С. Холл, Болдуин, Киркпатрик, Мейман, Прейер и др. Содержание П. составила совокупность психологич., анатомо-физиологич., биологич. и социологич. подходов к развитию ребенка, однако эти подходы оказались связанными между собой чисто механически. В России П. получила широкое распространение еще в дооктябрьский период (Бехтерев, Россолимо, Печав, Румянцев и др.), а после Октябрьской революции, к концу 20-х гг., она даже пыталась монополизировать право на изучение ребенка, отгеснить и поглотить психолого-педагогич. дисциплины.

Предмет П., несмотря на многочисл. дискуссии и теоретич. разработки ее руководителей (А. Б. Залкинд, Блонский, М. Я. Басов, С. С. Моложавый и др.), определен не был и попытки найти специфику П., не сводимую к содержанию смежных с ней наук, успеха не имели. Теоретич. содержание П. составляли различные концепции развития ребенка. Биогенетич. концепция (Блонский, Аркин) опиралась на биогенетич. закон, трактуемый как теория «рекапитуляции», наследственно обусловленной автоматич. смены стадий развития ребенка, повторяющих осн. линии филогенеза. Социогенетич. концепция (Залкинд, Моложавый, Залужный) осн. фактором развития считала приспособление ребенка к социальной среде.

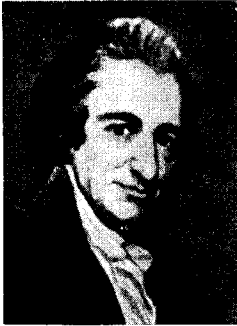
Ошибочные методологич. и практич. установки П. в 30-х гг. были подвергнуты критике. Однако эта критика, хотя и содержала много справедливого, отличалась в условиях культ. личности тенденциозностью и нередко сопровождалась отрицанием всего положительного, что было сделано сов. учеными (Блонским, Выготским и др.), так или иначе связанными с П.

Лит.: «О педологических извращениях в системе наркомиссов». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936, в сб.: Постановления партии и правительства о школе, М., 1939; Чемберлен А. Ф., Дитя. Очерки эволюции человека, пер. с англ., [М., 1911]; Болдуин Д. М., Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода, [пер. с англ.], т. 1]—2, [М., 1911—12]; Холл С., Собр. статей по П. и педагогике, [М., 1912]; Блонский П. П., Педология, М., 1925; егo же, Педология, М., 1934; Киркпатрик Э., Основы П., 4 изд., М., 1926; Залкинд А. Б., Осн. вопросы П., [М.], 1930; Басов М. Я., Общие основы П., 2 изд., М.—Л., 1931; Петровский А. В., На путях к марксистской психологии, в сб.: Вопросы теории и истории психологии, М. 1964; егo же, История сов. психологии, М., 1967.

А. Петровский. Москва.

ПЕЙН, Пэн (Paine), Томас (29 янв. 1737—8 июня 1809) — англо-амер. революц. демократ, активный участник франц. бурж. революции и войны за независимость сев.-амер. колоний против Великобритании, крупнейший представитель радикального крыла амер. бурж. философии, антирелиг. мыслитель. Род. в Англии в семье ремесленника. В 1774 с рекомендательным письмом, полученным в Лондоне от

Франклина, уехал в Америку, где работал в филаделфийском журнале «Pennsylvania Magazine». Изданный им (анонимно) в 1776 политич. памфлет «Здравый смысл» («Common sense»), содержавший критику англ. монархии и призыв к непримиримой борьбе за освобождение Америки от колониальной зависимости, сыграл огромную роль в идеол. подготовке нац.-освободит. войны. В течение одного месяца вышли издания памфлета тиражом 120 тысяч — популярность совершенно необычайная для того времени. В годы освободит. войны П. служил в армии генерала Грина и в это время опубликовал серию из 16 боевых памфлетов под общим названием «Американский кризис» («The American crisis»), способствовавших развитию нац. самосознания и укреплению боевого духа

армии, к-рая вела тяжелую, справедливую войну.

По окончании войны П. вернулся на родину, где вступил в активную идейно-политич. борьбу против англ. реакционеров, стремившихся опорочить павшую франц. бурж. революцию и призывавших к ее подавлению. В 1791 в Лондоне вышла из печати первая часть политич. трактата П. «Права человека» («The rights of man»), посвященного им первому президенту США Дж. Вашингтону. Трактат заключал в себе резкую отповедь *Бёрку*, его памфлету, враждебному франц. революции, и яркую апологию бурж.-революц. политич. принципов. Для социол. взглядов П. характерно четкое различие общества и гос-ва, а также естеств. и гражд. (основанных на *общественном договоре*) прав, в числе к-рых право частной собственности. Признавая политич. равноправие всех граждан и принцип народоправия («суверенности народа»), П. вместе с тем идеализировал бурж. демократию. Он осуждал захватнич. войны и верил, что со временем война исчезнет как средство разрешения споров между гос-вами, по оправдывал справедливую борьбу народов за независимость. П. смело боролся против колониального гнета и, один из первых в США, выступил против рабства негров. Первый тираж книги П. в Англии был сожжен, а сам он, находясь уже в то время в революц. Франции, где был встречен с триумфом, заочно осужден.

Во Франции П. включился в активную революц. деятельность. Будучи выдвинут в четырех департаментах кандидатом в Конвент, он был избран в 1792 депутатом от Кале и принял участие в разработке проекта конституции франц. республики. Однако П., неверно оценивший политич. обстановку и примкнувший к жирондистам, в период якобинского господства был подвергнут тюремному заключению и провел 10 месяцев в Люксембургской тюрьме. Выйдя из тюрьмы после гибели *Робеспьера*, он остался верен своим революц. убеждениям и решительно выступал против термидорианской реакции.

В годы пребывания во Франции П. создал свое осн. филос. произведение (вторая часть написана в люксембургской тюрьме) — воинственный антирелиг. трактат «Век разума» («The age of reason», pt 1—2, P.—N. Y.—L., 1794—95). Трактат П. призывал к «... революции в системе религии» (см. в кн.: Избр. соч., М., 1959, с. 248), решительно противопоставляя силу разума религ. заблуждениям, знание — вере. «Все национальные церковные учреждения, — пишет П., — будь то еврейские, христианские или турецкие представляются мне не чем иным, как человеческим изобретением, предназначенным для того,

чтобы запугивать и поработать человечество, монополизировать власть и доходы» (там же, с. 247). П. не был атеистом, признавал бога и бессмертие души, однако, в отличие от англ. деистов, его *деизм* не являлся мягкой и удобной формой преодоления религии, а имел непримиримый, боевой характер, близкий по духу к франц. материализму. Он отвергал достоверность мифов «Священного писания», уподобляя их измышлениям Гомера и басням Эзона и противопоставляя им подлинные истины, подобные изложенным в геометрии Эвклида. Подвергнув обстоятельную критику книги Ветхого и Нового завета, П. приходил к обоснованному выводу, что все их содержание «обман и подделка» (см. там же, с. 380). Он доказывал не только полную несовместимость библейских рассказов с требованиями разума, но и с требованиями морали. «Итак, — заключал П. свой анализ, — я прошел через всю Библию, как человек с топором проходит лес, валя деревья. Вот они лежат ...» (там же, с. 347).

Филос. позиция самого П. — непоследовательный метафизич. материализм. Допуская божеств. перво-причину, он твердо уверен в объективной реальности материального мира и в непреложности царящих в нем вечных физич. законов, не допускающих никаких чудес. П. глубоко убежден в безграничной способности человек. разума к объективному познанию существующих вещей: «Человек не может создать эти принципы (существования вещей. — *Ред.*); он может только открыть их» (там же, с. 269).

В 1802 П. вернулся в США. Его политич. радикализм и особенно антирелиг. деятельность вызвали недоброжелательное к нему отношение и даже преследования со стороны правящих кругов амер. буржуазии.

Соч.: The writings, v. 1—4, N. Y., 1894—96; The complete writings, ed. Ph. S. Foner, v. [1—2], N. Y., [1945].

Лит.: История философии, т. 2, [М., 1944, раздел 5; Бак и н М. П., Философия амер. просвещения, М., 1955; В о р о н о в В. В., Социол. и социально-политич. и филос. взгляды Т. П., в кн.: Труды кафедры обществ. наук [Пермский гос. медицинский ин-т], вып. 1, т. 2, Пермь, 1959; е г о ж е, Прогрессивные тенденции социол. воззрений Т. П., «ФН» (НДВШ), 1959, № 3; е г о ж е, Т. П. — враг войны и колониализма, «ВНИИ», 1960, № 3; Г о н ч а р о в Л. Н., Общественно-политич. идеи Т. П., Фрунзе, 1959; Г р о м а к о в Б. С., Политич. и правовые взгляды Т. П., М., 1960; Г о л ь д б е р г Н. М., Критика религии Т. П., в сб.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, [т.] 4, М.—Л., 1960; е г о ж е, Свободомыслие и атеизм в США XVIII—XIX вв., М.—Л., 1965, гл. 4; С а б и р о в Х. Ф., Амер. просветители и их совр. фальсификаторы, в сб.: Критика совр. бурж. философии и социологии, М., 1961; е г о ж е, Социальная философия амер. просветителей и ее значение в совр. идеологии. Борьбе в США, М., 1961 (автореф. дисс.); Ч а р л и н г т о н В. Л., Основные течения амер. мысли, т. 1, М., 1962; С o n w a y M. D., The life of Th. Paine, v. 1—2, N. Y., 1892; F a y B., L'esprit révolutionnaire en France et aux États-Unis à la fin du XVIII siècle, P., 1925; B e s t M. A., Th. Paine, prophet and martyr of democracy, N. Y., [1927]; M o r a i s H. M., Deism in eighteenth century America, N. Y., 1934; P e a r s o n H., Th. Paine, friend of mankind, N. Y.—L., 1937; W o o d w a r d W. E., Th. Paine, N. Y., 1945; A l d r i d g e A. O., Man of reason. The life of Th. Paine, Phil.—N. Y., [1959]; A p t h e k e r H., The American revolution, N. Y., 1960; F e n n e s s y R. R., Burke, Paine and the rights of man, The Hague, 1963. *Б. Выхоский*, Москва.

ПЕЛАГИЙ (наст. имя—*М о р г а н*) (р. ок. 360—ум. 418)—религ. деятель. Вместе с Целестинем выступил с моральным учением, к-рое было признано церковью еретическим. П. и его единомышленники отрицали наследственность первородного греха (грех Адама причинил вред только ему одному, но не человек. роду; поворожденные дети находятся в том же состоянии, в каком Адам был до грехопадения) и признавали возможность совершенствования человека без содействия божеств. силы («благодать»). Возрождая антич. (премп. стоическ.) взгляды на моральную природу человека, пелагианство встретило наиболее решит. противодействие в лице *Августина* и др. епископов Сев. Африки. После нек-рых колебаний папа Зосима пригнул к

их мнению и осудил пелагианство (418). Это осуждение было подтверждено Вселенским собором в Эфесе (431). Отрицат. позицию по отношению к августицизму заняло т. н. полупелагианство, или семипелагианство, возникшее в 20-х гг. 5 в. в Юж. Галлии (Иоанн Кассиан, Викентий Леринский, Фавст из Регия). Споры продолжались на протяжении целого столетия; только на соборе в Оронте (529) учение Августина было утверждено как правильное. Тесно связанные со спорами о свободе человека и божеств. предопределении, вопросы, поднятые П., продолжали дискутироваться и позднее. В 1344 Фома Брадвардин написал большое соч. против Пелагия, имея в виду современных ему «пелагиан». Те же споры в новой форме возродились в эпоху Реформации.

Осн. источниками для суждения о П. являются соч. его противников, т. к. подлинные соч. П. сохранились лишь в незначит. отрывках.

Источники: Соч. Августина, Иеронима и Павла Орозия, см. Migne, PL, t. 17, 20, 22, 23, 30, 40, 44, 45, 51, 91.

Лит.: Лебедев П., Пелагианство, [М.], 1886; Кремельевский Я. А., История пелагианства и пелагианская доктрина, Каз., 1898; Врукснер А., Quellen zur Geschichte des pelagianischen Streites, Tübingen, 1906; Plinval G., de, Pélagus, ses écrits, sa vie et sa réforme, Lausanne, 1943; Ferguson J., Pelagius, Camb., 1956; Leff G., Bradwardine and the Pelagians, Camb., 1957; [Mansi J.D.], Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, [v.], 3—10, Graz, 1960—62.

[В. Зубов] Москва.

ПЕРВАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА — см. *Сигнальные системы*.

ПЕРВИЧНАЯ ГРУППА — термин, введенный Кули для обозначения такой реальной группы взаимосвязанных людей, к-рая характеризуется: а) личностными, интимными, аффективными связями; б) непосредственным, «лицом к лицу», общением; в) относит. устойчивостью; г) малым размером. Первый признак является основным. В П. г. (семья, группа соседей, компания подростков, группа близких друзей и т. п.) отношение к человеку определяется уникальными особенностями его личности. Отсюда — большая роль личных симпатий, отсутствие шаблона и формализма, неформальный контроль. В отношениях с др. группами члены П. г. обычно выступают как единое целое — «Мы», идентифицируя себя друг с другом. В других социальных группах и образованиях (гос-во, армия, большой город, политич. партия и т. д.) к человеку подходят как к представителю определ. социального стереотипа. Отношение к нему носит односторонний характер, определяясь к.-л. объективным признаком: занимаемой должностью, или расой, или полом, или размером дохода и т. п. Здесь связей между людьми больше, но они безличны, поверхностны, неустойчивы во времени и пространстве и часто не требуют личного контакта. Пытаясь конкретизировать понятие П. г., нек-рые последователи Кули предлагают различать традиционные (примордиальные) П. г., дружеские или личностные (сформированные по взаимной симпатии) П. г. и идеологич. П. г. (возникшие на основе сильно переживаемых общих ценностей). Критикуя Кули, многие бурж. социологи отмечают, что на практике П. г. «в чистом виде» встречаются крайне редко. Поэтому предлагается различать интимные (аффективные, основанные на симпатиях) группы и группы утилитарные; группы прямого контакта (группы присутствия) и группы, не связанные непосредств. общением; оригинальные группы и производные и т. д. Мн. совр. социологи говорят о первичных и вторичных отношениях, представляя их как полюса нек-рого абстрактного континуума, по к-рому раскладываются реальные отношения людей в зависимости от того, воспринимаются ли партнеры как уникальные личност. личности или же только как носители определ. социальных функций.

В социологии и социальной психологии П. г. рассматривается как важнейшее орудие социализации и социального контроля. П. г. потому прежде всего и названа первичной, что именно здесь индивид впервые знакомится с обществом, усваивает осн. ценности, нормы поведения и т. п. Здесь же формируется и подкрепляется его представление о собств. «я». Эмпирически установлено, что ослабление «первичных» связей коррелируется с ростом психич. расстройств, преступности, самоубийств, алкоголизма, дезертирства (из армии, а также из семьи, с произ-ва и т. д.) и т. п. Распад связей «первичного» типа — одна из центр. проблем бурж. социологии.

Кули считал, что П. г. первична не только для индивида, но и для общества, поскольку социальные институты вырастают на базе идей, заложенных в П. г. Вытеснение «первичных» отношений «вторичными» одни бурж. социологи объясняют психологич. причинами, другие — ростом индустриализации и разделением труда. Объединяет их непонимание того факта, что решающее воздействие на отношения между людьми оказывает экономич. базис общества. Именно в условиях капитализма в отношениях людей друг к другу не остается ничего, «...кроме голого интереса, бессердечного „чистогиана“» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 426). Любовь и дружба, семья и соседство не могут избежать этого влияния. Вот почему П. г., если ее понимать как нек-кий внеисторич. идеал, оказывается безжизненной абстракцией.

В сов. лит-ре отмечается, что «... непосредственного перехода от целого коллектива и личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива...» (Макаренко А. С., Соч., т. 5, 1958, с. 164). «На нем лежит первая ответственность перед обществом, он несет на себе первый долг перед всей страной, только через коллектив каждый его член входит в общество» (там же, с. 355). Первичный коллектив является «ячейкой», «клеточкой» общества, подверженной действию общих законов социального организма. Однако большую роль здесь играют и межличностные связи. Видимо, дальнейшее изучение первичного коллектива потребует вычленения в нем различных типов связей и форм контроля и соответственно введения нек-рых дополнит. категорий.

Лит.: Залужный А. С., Учение о коллективе. Методология, М.—Л., 1930; Шнирман А. Л., Черты первичного коллектива учащихся в средней школе, Л., 1955 (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 12. Кафедра психологии); Макаренко А. С., Семья и воспитание детей, Соч., т. 4, М., 1957; его же, Методика организации воспитания, процесса, там же, т. 5, М., 1958; его же, Мои педагогич. воспоминания, там же; его же, Проблемы воспитания в сов. школе, там же; его же, Цель воспитания, там же; Морено Д., Социометрия, пер. с англ., М., 1958; Беккер Г. и Босков А., Совр. социологич. теория в ее преемственности и изменении, пер. с англ., М., 1961; Коллектив и развитие личности школьника, Л., 1962 (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 232); Харчев А. Г., Брак и семья в СССР, М., 1964; Кон И. С., Позитивизм в социологии, Л., 1964; Социология в СССР, т. 1, М., 1965, разд. 4; Cooley C. H. H., Human nature and the social order, N. Y.—Chi.—Boston, [1902]; его же, Social organization, N. Y., 1909; его же, Social process, N. Y., 1918; Freud S., Massenpsychologie und Ich-Analyse, Lpz.—W., 1921; Mayo E., The human problems of an industrial civilization, N. Y., 1933; Mead G., Mind, self and society, Chi., 1934; Homans G. C., The human group, N. Y., [1950]; Shils E. A., Primary groups in the American army, in кн.: Continuities in social research. Studies in the scope and method of «The American soldier», ed. by R. Merton and P. F. Lazarsfeld, Glencoe (Ill.), 1950; его же, Primary groups, in кн.: The policy sciences recent developments in scope and method, ed. by D. Lerner and H. D. Lasswell, Stanford, 1951; Rohrer J. H. and Sherif M., Social psychology at the crossroads, N. Y., 1951; Parsons T., The social system, Glencoe, 1952; Research methods in the behavioral sciences, ed. by L. Festinger and D. Katz, N. Y., 1953; Gross E., Some functional consequences of primary controls in formal work organization, «American Sociological Review», 1953, № 18; Small groups, ed. by P. A. Hare, E. F. Borgatta, R. F. Bales, N. Y., 1955; Parsons T., Bales R. F., Family, socialization and interaction process, Glencoe (Ill.), 1955; Sargent S. and Williamson R., Social psychology, 2 ed., N. Y., 1958; Ogburn W. and

Nimkoff M., *Sociology*, 3 ed., Boston, 1958; Shibutani Y. T., *Society and personality*, N. Y., 1961; *Group dynamics, research and theory*, ed. by D. Cartwright and A. Zander, 2 ed., Evanston (Ill.), 1962. В. Ольшанский. Москва.

ПЕРВИЧНЫЕ КАЧЕСТВА — термин теории познания механистического материализма, введенный Р. Бойлем и распространённый Локком, ранее встречался еще у Аристотеля, а затем у ср.-век. схоластов, напр. Альберта фон Больштедта, означая «чувственно-осознательное».

Локк понимает под П. к. св-ва материальных тел, не отличающиеся в принципе от *ощущений* этих св-в. К числу П. к. он относит протяженность, величину, фигуру, сцепление и взаиморасположение частиц, непроницаемость, положение, количеств. характеристики вообще, толчок, механич. движение, покой, длительность (см. «Опыт о человек. разуме», в кн.: Избр. филос. произв., т. 1, М., 1950, с. 155). Понятие П. к. Локк употреблял соотносительно с понятием *вторичных качеств*, к к-рым он относил цвет, звук, вкус, запах и др. Ставя под сомнение сходство вторичных качеств со св-вами внешних объектов, Локк (как и Лейбниц — см. «Новые опыты о человек. разуме», М.—Л., 1936, с. 116) полагал, что они вызываются в органах чувств «силами», коренящимися во внешних объектах.

Мысль о делении качеств на первичные и вторичные в значении, принятом Локком, возникла еще у *Демокрита*, различавшего знание «по истине», т. е. постигаемую разумом атомарную структуру тел и перемещений атомов, и знание «по мнению», т. е. существующее в форме ощущений. В дальнейшем учение о П. к. развивалось параллельно с развитием атомистич. и механистич. представлений о мире (ср. Лукреций, *О природе вещей*, М.—Л., 1947, с. 114—15). *Кампанелла*, *Галилей*, *Декарт*, *Гассенди* и *Гоббс* считали, что П. к. открываются в вещах лишь человек. разумом. Галилей («Il Saggiatore», II, 340) отнес к достоверно существующим качествам лишь те, к-рые выразимы геометрически. Его тезис об ограниченности числа П. к. был направлен против представлений схоластов о т. н. «скрытых качествах», ссылка на к-рые использовалась для чисто словесного, спекулятивного объяснения любых явлений. Декарт в «Началах философии» (I, 68—69) и Гоббс в «Основах философии» (De Corpore, II, 8, 24 и IV, 25, 10) перечисляют почти все П. к., указанные Локком, но при этом Гоббс относит к изначальным П. к. лишь две акциденции — пространств.-временные протяженность и движение; все остальное — лишь их следствия или же пустые имена («Левифан», 1,9; «Human Nature», II, 9 и 10).

Слабая сторона учения о П. к. — его неспособность объяснить с помощью понятий механики многокачественность явлений, специфику жизни, сознания — использовалась субъективными идеалистами и агностиками. Так, *Беркли* по существу отверг деление качеств на первичные и вторичные и объявил их все чисто субъективными. Эти идеи спустя 200 лет были возрождены в махистской, имманентной, неопозитивистской и неореалистической теориях познания.

В юмистско-кантианской линии *агностицизма* субъективистское понимание вторичных качеств также было в той или иной мере перенесено на П. к. По *Канту*, П. к. коренятся в организации субъекта, будучи априорными формами его чувств. созерцания (пространство, время), а вторичные качества носят индивидуальный, эмпирич. характер («Критика чистого разума», 1, ч. 1, гл. 1, § 3 и 2, § 7 и ч. 2, отд. 1, кн. 2, гл. 2, разд. 3, § 2). Этому сопутствовало предположение о некоем объективном возбудителе качеств (см. Д. Юм, *Трактат о человек. природе*, кн. 1, 4, § 3—4). Г. *Спенсер* в концепции т. н. «преобразова-

ного реализма» считал ощущения всех качеств лишь символами. Такую же позицию занимал Г. *Гельмгольц*, к-рый отрицал к.-л. сходство между ощущениями и св-вами вещей, т. к. не выполнялось выдвигаемое им метафизич. требование о тождестве физич. природы вещей и ощущений.

Отрицание объективности вторичных качеств при одноврем. признании объективности П. к. было характерно для ряда метафизич. материалистов, к-рые в той или иной мере следовали в этом вопросе за Локком (напр., механицисты 20-х гг. 20 в. *Аксельрод*, В. *Сарабьянов*). Нек-рые отклонения от последовательного диалектико-материалистич. решения вопроса были в т. н. «иероглифизме» *Плеханова*.

Нек-рые материалисты (напр., Толанд) отрицали деление качеств на вторичные и первичные, перенося в той или иной мере на вторичные качества гносеологич. характеристики П. к. как якобы совершенно точно познаваемых. По сути дела это были безуспешные поиски несуществующих чувств. сущностей в объекте («синее в себе», «прохладное в себе» и т. д.). Такая т. зр. выражается иногда и в совр. литературе (см., напр., П. Пресняков, Д. Кантемиров, *Теория познания диалектич. материализма и учение о первичных и вторичных качествах*, А.-А., 1959). Подобная абсолютизация тезиса об адекватности св-в вещей и ощущений ведет к стиранию противоположности между материалистич. теорией познания и наивным *реализмом*, открывая путь либо *гнозологии*, либо учению о принципиальной координации субъекта и объекта и др. ложным теориям.

Деление качеств на первичные и вторичные большинство сов. философов считает несостоятельным, хотя ряд авторов полагает, что оно продолжает сохранять реальный смысл и гносеологич. значение. Чувств. отображения св-в (качеств) вещей различны по своему характеру и точности, что связано с их различной ролью в жизнедеятельности субъекта и степенью развитости (дифференцированности) разных *органов чувств*. Но отсюда не следует, что отображаемые качества делятся на первичные и вторичные, в смысле Локка, ибо этим фактически подрывалась бы и даже отрицалась познават. ценность тех св-в, к-рые признаются вторичными. Учитывая неисчерпаемость мира «вглубь», в особом, но относит. смысле можно говорить о «первичности» качеств, присущих фундамент. структурным уровням материи, изучаемым прежде всего совокупностью физич. дисциплин. Диалектич. материализм исходит из признания объективного характера чувств. отображения, из того, что предметная и практич. деятельность служит основой как формирования чувств. способностей, так и адекватности отображения св-в (качеств) вещей. Ощущение, будучи результатом взаимодействия отражат. аппарата субъекта с объектами, по форме отображения объективного содержания зависит от характера организации субъекта, от строения его деятельности и индивидуального опыта. Субъективность формы, находящая выражение в специфике *образа*, имеет место в отображении всех св-в (качеств) — не только вторичных, но и первичных. Как показывают данные совр. естествознания, физич. природа св-ва выражена («закодирована») на языке первых процессов. Но этот «кодовый» характер отображения св-в в ощущениях не создает непреодолимого разрыва между теми и другими. Отображение св-в вещей, не будучи тождеством физич. природы отображения и отображаемого, вполне достаточно для перехода к отображению скрытых, глубинных, существ. св-в и отношений объективного мира. Ощущения не совпадают (в смысле «быть тем же самым») со свойствами вещей, но соответствуют им. «Предметы наших представлений отличаются от наших

представлений...» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 106, см. также с. 101—02).

Лит.: Павлов Т. [Досев], Теория отражения, М.—Л., 1936, ч. 3; Резников Л., Теория отражения и вопрос о «первичных» и «вторичных» качествах, «ИЗМ», 1937, № 7; Сеченов И. М., Впечатления и действительность, в его кн.: Избр. филос. и психологич. проза, [М.], 1947; с г о ж е, Предметная мысль и действительность, там же; Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, М., 1957, гл. 2, § 3; Апаньев Б. Г., Теория ощущений, Л., 1961; Трюхтин В. С., О природе образа (Психич. отражение в свете идей кибернетики), М., 1963; Усов А. И., Вещи, свойства и отношения, М., 1963, ч. 1, гл. 4; Орлов В. В., О познавательной роли ощущений, «ФН», 1964, № 3; Нарский П. С., Диспозиционные предикаты в логике и проблема «вторичных» качеств, там же, 1965, № 5; Георгиев Ф. И., Инд. л. Чувственное познание, М., 1965; Ваушкер С., Zur Vorgeschichte zweier Lockescher Begriffe, «Arch. Geschichte Philos.», 1907/08, Bd 21, H. 3; Неймголтц Н., Handbuch der physiologischen Optik, 3 Aufl., Bd 3, Hamb.—Br., 1910; Саеко wski Z., Treść poznawsza wrażeń zmysłowych, Warsz., 1962; Краже wski Wł., Wrażenia zmysłowe a rzeczywistość, в его кн.: Szkice filozoficzne, Warsz., 1963; Петров С., Понятия за объективно и субъективно, С., 1965, гл. 7.

ПЕРВОБЫТНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СТАДО —

первонач. человек. коллектив, непосредственно смеющийся зоологич. объединение ближайших предков человека — предлюдей. Основой превращения стада животных предков человека в П. ч. с. было зарождение и развитие производств. деятельности. П. ч. с. — переходная форма между зоологич. объединением и первобытной родовой коммуной, сочетавшей в себе черты как первого, так и второй. Временем существования и развития П. ч. с. был ранний, или нижний, палеолит, к-рый охватывает почти миллион лет. На границе раннего и позднего палеолита произошло смена П. ч. с. сформировавшимся обществом. Развитие П. ч. с. шло необычайно медленно. Развивавшаяся производств. деятельность приходила в противоречие с во многом еще животной морфофизиологич. организацией первых людей, требовала ее перестройки. В процессе становления человек. общества происходила борьба социального и биологического, обуздание «зоологич. индивидуализма» становившимся производств. отношениями и формирующейся как их концентрированное выражение коллективной волей, моралью. В течение раннего палеолита произошло превращение людей типа питекантропов в неандертальцев, а эти последние на границе раннего и позднего палеолита превратились в людей совр. физич. типа (Homo sapiens). Эпоха П. ч. с., являясь периодом становления общества (социогенеза), одновременно была периодом становления человека (антропогенеза), эволюции человека как биологич. вида. В этом качеств. отличие П. ч. с. от сложившегося общества, в к-ром переход от одной общественно-экономич. формации к другой не предполагается и не требует изменения физич. типа человека.

В эволюции П. ч. с. предположительно можно выделить два осн. этапа, первый из к-рых охватывает дошель, шель, ранний ашель — время питекантропов и сходных с ними форм, а второй — поздний ашель и мустье — время неандертальцев. Переход от первого ко второму характеризуется сдвигом в развитии каменной техники, возрастанием роли охоты, превратившейся в гл. источник существования формирующихся людей, овладением способами добывания огня, изменением физич. типа человека и соответственно крупным переломом в становлении обществ. отношений. Перелом этот выразился, в частности, в ограничении промискуитета. Имеются основания полагать, что с переходом ко второму этапу в П. ч. с. возникает и укрепляется сначала запрет каннибализма, а затем и вообще убийства членов своего коллектива. Наряду с запретами, табу, появляются и получают развитие позитивные нормы поведения, в частности предписывающие заботу

о всех членах коллектива и уравнил. распределение пищи. Происходит осознание единства всех членов П. ч. с., причем скорее всего в форме тотемизма. К этому же времени, вероятно, относится появление зачатков магии.

В ходе дальнейшего развития П. ч. с. социальные отношения все в большей степени вытесняли оставшиеся беспорядочными половые отношения из коллектива. Возникают системы, состоящие из двух взаимнобрачащихся первобытных стад — дуально-стадные организации. Каждое из стад становится коллективом, между членами к-рого половые отношения воспрещены, т. е. экзогамным коллективом, *родом*; соответственно, дуально-стадная организация превращается в дуально-родовую. Род является первым коллективом, в основе к-рого лежали лишь социальные отношения.

По вопросу о месте П. ч. с. в истории человечества в сов. науке существуют две т. зр. Господствующим является взгляд на эпоху П. ч. с. как на начальный этап первой — *первобытнообщинной формации*. В последние годы отд. ученые, исходя из установленного наукой факта, что эпоха П. ч. с. является периодом формирования человек. общества, пришли к выводу, что качеств. грань, отделяющая П. ч. с. от родового общества, является более глубокой, чем рубежи между общественно-экономич. формациями. История человечества в соответствии с такой т. зр. делится на историю П. ч. с. (период формирования общества) и историю уже сформировавшегося общества, а первой общественно-экономич. формацией является родовое общество.

Лит. см. при ст. *Первобытнообщинная формация*.

Ю. Семенов. Рязань.

ПЕРВОБЫТНООБЩИННАЯ ФОРМАЦИЯ —

первая в истории общественно-экономич. формация, охватывающая время от появления первых людей — питекантропов, до возникновения классового общества. Внутри этого периода выделяются три осн. этапа: 1) эпоха первобытного человек. стада; 2) эпоха расцвета родового общества; 3) эпоха превращения родового общества в классовое. В последние годы нек-рые исследователи выступили с т. зр., согласно к-рой эпоха первобытного человек. стада как период становления общества должна противопоставляться всей последующей истории человечества, представляющей собой период развития сформировавшегося человек. общества (см. *Антропогенез, Первобытное человеческое стадо*). Соответственно как первую обществ.-экономич. формацию они рассматривают родовое общество. Ленин подчеркивал, что первобытной коммуне предшествовало первобытное стадо (см. Соч., т. 35, с. 93), в то же время как на первую формацию указывал на «первобытный родовой коммунизм» (там же, т. 4, с. 33; т. 29, с. 437). Несомненно, однако, независимо от т. зр., что история первобытного человек. стада качественно отличается от всей последующей истории доклассового общества.

В истории собственно родового общества выделяются две осн. фазы. Первая из них охватывает поздний палеолит, вероятно, весь мезолит и, может быть, начало неолита. Наряду с каменными средствами труда в эту эпоху использовались орудия из кости, рога, дерева. Осн. занятием людей и гл. источником средств существования были охота и рыболовство. Дополнением к ним служило собирательство. Низкий уровень развития производств. сил, при к-ром люди с трудом обеспечивали свое существование, обуславливал определ. организацию обществ. произ-ва. Единств. хозяйств. ячейкой общества в ту эпоху был материнский род. На первом этапе родового общества материнский род был первобытной коммуной, отношения собственности в к-рой были все-

цело коллективистскими, что определяло коллективный характер произ-ва и потребления. Распределение было уравнивательным. В родовой коммуне не было никакой власти, отделенной от коллектива и стоящей над ним, было равноправие всех ее членов — мужчин и женщин. Единств. регулятором поведения членов рода была воля коллектива, родовая мораль, выражавшаяся в обществ. мнении и закреплявшаяся в традициях и обычаях. Род был единств. производств. ячейкой общества и соответственно осн. единицей всего социального устройства.

Будучи экзогамным коллективом, род не мог существовать изолированно. Его возникновение было одновременно появлением системы, состоявшей из двух взаимнобрачащихся родов, — дуально-родовой организации. Брачные союзы возникли как отношения не между индивидами, взятыми сами по себе, а между коллективами, родами. Первоначально брак был групповым, точнее дуально-родовым, и, вероятно, дислокальным: половые партнеры принадлежали к разным хоз. коллективам и жили раздельно. С распадением первоначальных родов на дочерние дуально-родовая организация превратилась в дуально-фратриальную. Экзогамия рода предполагает его уникотеральность — принадлежность к роду может считаться либо только по матери (материнский род), либо только по отцу (отцовский род). Первоначальный род был материнским. До конца не решенным является вопрос о существовании в ту эпоху племени.

Переход от первой фазы родового общества ко второй, характеризующейся вызреванием предпосылок для перехода к классовому обществу, связан с появлением прибавочного продукта. Можно допустить, что в историч. развитии человечества появление прибавочного продукта относится ко времени безраздельного господства охоты и рыболовства. Но прочная основа для регулярного произ-ва прибавочного продукта была заложена лишь с появлением земледелия и скотоводства в середине неолита. Ранее человек при помощи орудий лишь присваивал жизненные средства, к-рые находил в природе в готовом виде. Возникновение земледелия и скотоводства означало, что человек начал производить средства к существованию, начал подчинять и контролировать природные процессы. Появление прибавочного продукта вызвало к жизни обмен, в процессе к-рого естеств. разделение труда между коллективами постепенно превратилось в общественное. Первой формой обществ. разделения труда было, т. о., разделение труда между коллективами. Наряду с коллективной собственностью возникла и получила постепенное развитие и личная, индивидуальная. Принципы уравнил. распределения начал во все большей степени дополняться новым, согласно к-рому непосредств. производитель имел больше прав на продукт своего труда, чем все остальные сородичи. К этой эпохе относится появление парного брака. Первоначально парный брак, как и групповой, носил, по всей вероятности, дислокальный характер. Упрочение хозяйств. и иных связей между супругами привело к их совместному поселению. Появление парного брака и парной семьи означало возникновение между людьми, принадлежащими к разным родам, новых социальных отношений, причем не коллективных, а индивидуальных, возникновение первой социальной ячейки, состоявшей из индивидов, принадлежащих к разным родам, и поэтому находившей вне рода. Энгельс связывал появление парной семьи «... с развитием экономических условий жизни, ... с разложением древнего коммунизма...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 56) и подчеркивал, что «... различные фор-

мы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов» (Маркс К., там же, т. 23, с. 364, прим.). Как правило, род продолжал оставаться материнским, хотя в определ. условиях возможно было его превращение и в отцовский (австралийцы, палуасы). Но и перестав быть первобытной коммуной, род еще долгое время оставался осн. единицей социального устройства. У него сохранились мн. экономич. функции, не говоря уже о публично-правовых. Появление производств. коллективов, состоявших из представителей разных родов, порождает тенденцию к образованию более или менее широких надродовых, а затем и неродовых объединений. На этой стадии развития несомненно существование племени. Делокализация родов способствует появлению соседских связей, постепенно приобретающих все более важное значение.

За второй фазой родового общества следует переходная эпоха превращения родового общества в классовое. Возможность эксплуатации человека человеком возникла с появлением прибавочного продукта. Но она смогла превратиться в действительность лишь тогда, когда начавшееся превращение личной собственности в частную породило стремление к накоплению богатств, дало стимул к индивидуализации произ-ва, что способствовало проциклованию обмена внутри производств. коллективов, вызвало к жизни имуществ. дифференциацию. На этой стадии военнопленных, к-рых раньше либо уничтожали, либо принимали в род, начали обращать в рабов. Возникнув, рабство в огромной степени способствовало становлению частной собственности, индивидуализации произ-ва, развитию обмена. Возникают зачатки обществ. разделения труда между индивидами, семьями. На этой стадии развития осн. экономич. ячейками общества были, как правило, большие семьи, в рамках к-рых парные семьи постепенно превращаются в моногамные. Господство в семье и обществе переходит к мужчине, возникает *патриархат*. Между большими и малыми семьями крепнут соседские связи — возникает постепенно соседская община. Род на этой стадии столь же постепенно теряет свои экономич. функции и становится лишь надстроечным явлением. Чаще всего он превращается из материнского в отцовский. Известен и такой вариант развития, когда материнский род исчезает, а отцовский не возникает. Его функции выполняет соседская община (эскимосы, некоторые племена бассейна р. Амазонки). В определ. конкретных условиях формой, в к-рой происходит превращение родового общества в классовое, является матриархат (Ашанти, Дагомея и др.).

Эксплуатация рабов сделала возможным быстрое накопление значит. богатств в руках отд. лиц и выделение родовой знати. Авторитет человека все в большей степени начал определяться не его личными достоинствами, а размерами принадлежащего ему богатства. В руках богатых людей оказались посты родовых старшин и племенных вождей.

С появлением частной собственности войны, гл. целью к-рых являлся захват рабов и имущества, стали играть огромную роль. Большая часть добычи доставалась родовой знати, что способствовало укреплению ее власти. Т. о., формирование рабовладельч. родовой аристократии неизбежно повлекло за собой начало становления публичной власти, стоящей над обществом. На этой стадии развития родовые сородичи и соплеменники образовывали аппарат насилия, опираясь на к-рый родовая знать эксплуатировала все новые массы рабов и держала их в повиновении. Становление гос-ва происходило в форме *военной демократии*. Войны были фактором, уско-

рившим подготовленный предшествующим развитием процесс возникновения новых социальных образований — союзов племен. Общность практич. деятельности, возникавшая между племенами, входившими в состав союза, была основой консолидации племен в первичную *народность* (напр., франки, бавары, древляне, поляне и др.). Образование союзов племен, возглавляемых родовой знатью во многом уже политич. объединений, способствовало развитию процесса становления классов и гос-ва.

Выделение рабовладельч. верхушки с самого начала сопровождалось обнищанием рядовых членов общества, что выражалось и в появлении наряду с людьми, ведущими самостоятельно хозяйство, лиц, уже потерявших такую возможность, к-рые становятся объектом эксплуатации. Общество окончательно раскалывается на классы, между к-рыми развертывается борьба. Класс эксплуататоров в таких условиях уже не может навязывать свою волю обществу, без особого аппарата принуждения, насилия. С образованием такого аппарата завершается процесс становления гос-ва и тем самым классового общества.

Возникновение классового общества у разных народов относится к различным эпохам. В долине Нила и междуречье Тигра и Евфрата оно возникло в эпоху медного века (4—3-е тысячелетия до н.э.), на территории Индии, Китая, в вост. Средиземноморье — в эпоху бронзового века (3—2-е тысячелетия до н.э.), у греков классич. периода, древних римлян и целого ряда др. народов — в эпоху раннего железного века (1-е тысячелетие до н.э.), у германцев, славян и мн. др. этнич. групп — в эпоху среднего железного века (1-е тысячелетие н.э.).

Согласно господствующей в марксистской науке т. зр., первой антагонистич. формацией является рабовладельческая, хотя в последнее время некоторые исследователи-марксисты стали склоняться к т. зр., что в странах Др. Востока существовала особая антагонистич. формация («азиатская»), отличная от рабовладельческой и исторически ей предшествующая.

Многие из народов, у к-рых классовое общество возникло в более позднюю историч. эпоху (1-е и 2-е тысячелетия), перешли к феодализму, минуя рабовладельч. формацию. Часть ученых объясняет это влиянием высоко развитых классовых обществ, в к-рых рабовладельч. способ произ-ва уже успел к этому времени изжить себя. Другие исследователи прежде всего обращают внимание на то обстоятельство, что у народов, перешедших прямо к феодализму, производит. силы, в связи с более поздним образованием у них классового общества, были значительно больше развиты. В процессе практич. деятельности людьми родового общества было накоплено немало знаний об окружающем мире и о себе, в к-рых, однако, было много неверного, иллюзорного. Возникает *религия* как порождение определ. ступени обществ. развития. В эту эпоху существовали такие формы религии, как *магия*, *фетишизм*, *тотемизм* и *демонизм*, одной из разновидностей к-рого был *анимизм*. Археологич. и этнографич. материал свидетельствует о существовании в это время различного рода охотничьих и иных плясок и танцев, развертывавшихся иногда в настоящие инсценировки, о появлении примитивных музыкальных инструментов. В родовом обществе существовала родовая мораль.

Процесс разложения родового строя и превращения его в классовое нашел отражение в обществ. сознании. Последнее приобрело классовый характер. Единая мораль родового общества постепенно исчезала, уступив место классовой морали. С возникновением гос-ва воля класса угнетателей находило свое проявление не только в морали, но и в праве.

Лит.: Маркс К., Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 9, М.—Л., 1941; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20; ег о ж е, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; Маркс К., Капитал, т. 1, 3, там же, т. 23, 25, ч. 1, 2; Лени н В. И., Рецензия А. Богданов. Краткий курс экономической науки, Соч., 4 изд., т. 4; ег о ж е, Государство и революция, там же, т. 25; ег о ж е, [Письмо] А. М. Горькому, декабрь 1913 г., там же, т. 35; М о р г а н Л. Г., Древнее общество, Л., 1935; Вопросы истории докалассового общества, М.—Л., 1936; Р а в д о н и к а с В. И., История первобытного общества, ч. 1—2, Л., 1939—47; Ч а й л д Г., Прогресс и археология, пер. с англ., М., [1949]; Т о л с т о в С. П., Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1935, № 7—8; ег о ж е, Древний Хорезм, М., 1948; ег о ж е, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных совр. и историч. этнографии, «Вопр. истории», 1961, № 11; Родовое общество, М., 1951 (Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия, т. 14); Е ф и м е н к о П. П., Первобытное общество, К., 1953; Л и п с Ю., Происхождение вещей, пер. с нем., М., 1954; Всемирная история, т. 1, М., 1955; Б о р и с к о в с к и й П. И., Древнейшее прошлое человечества, М.—Л., 1957; К о с в е н М. О., Очерки истории первобытной культуры, М., 1957; Т о к а р е в С. А., Происхождение общественных классов на островах Тонга, «Сов. этнография», 1958, № 1; Проблемы истории первобытного общества, М.—Л., 1960 (Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия, т. 54); Д и к ш и т С. К., Введение в археологию, пер. с англ., М., 1960; А в е р к и е в Ю. П., Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев сев.-зап. побережья Сев. Америки, М., 1961 (Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия, т. 70); З а м я т и н С. Н., Очерки по палеолиту, М.—Л., 1961; С е м е н о в Ю. И., «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. данные этнографии, «ВФ», 1959, № 7; ег о ж е, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962; ег о ж е, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5; Р о г и н с к и й Я. Я., Л е в и н М. Г., Антропология, 2 изд., М., 1963; У н е т о в ч е л о в е ч е с т в а (Осн. проблемы антропогенеза). [Сб. ст.], М., 1964; З о л о т а р е в А. М., Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964; Д а н и л о в а Л. В., Дискуссия по важной проблеме, «ВФ», 1965, № 2; C h i l d e V. G., Social evolution, L., 1951; W h i t e L. A., The evolution of culture, N. Y.—[a. o.], [1959]; S e l l e n o w I., Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte, В., 1961; Social life of early man, N. Y., 1961; Courses toward urban life, N. Y., 1962.

Ю. Семенов. Рязань.
ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ — см. *Первобытнообщинная формация*.

ПЕРЕВОЩИКОВ, Василий Матвеевич (1 апр. 1785—6 окт. 1851) — рус. философ, проф. Казанского (1814—20) и Дерптского (1820—30) ун-тов, переводчик латинских (Саллюстий, Тацит, Ливий) и немецких (*Гердер* и др.) писателей, член Российской академии. Исходя из признания человека естеств. существом и требуя, чтобы наука строилась на анализе «естества человека», П. в гносеологии приходил к *сенсуализму*, с позиций к-рого критиковал как франц. материализм (впрочем, принимая эмпиризм Ф. *Бэкона*), так и идеализм, особенно кантианский; отвергал теорию *врожденных идей*. В этич. учении анализ «естества человека» приводил П. к теории «самолюбия», к-рое он объявлял «... истинной пружиной дел человеческих» («Опыт о возбуждении и утолении страстей», см. «Вестн. Европы», 1816, ч. 87—88, № 12—13, с. 282). С этих натуралистич. позиций П. критиковал этику Канта. В области эстетики принцип естеств. человека и требование основывать ее «истины» «на естестве человеческом» (см. «Опыт об убеждении разума», там же, 1816, ч. 89, № 17—18, с. 56) приводил П. к мысли о том, что «нужда и стремление к совершенству породили все искусство» («Опыт о средствах пленять воображение», в журн. «Российский музей», 1815, ч. 2, с. 17—18). Предмет эстетики — «изящное вообще... до ныне не определен» (там же, с. 18), для доказательства чего П. дал обзор истории эстетики от античности до конца 18 в.

Сыграв известную роль как пропагандист передовых для своего времени филос., этич. и эстетич. идей и критик кантианства, П. в последующем перешел на позиции офиц. идеологии («Слово о превосходстве самодержавного правления», Дерпт, [1826]),

принадлежал к реакц. лит. группировке «шишко-вистов».

С о ч.: Опыты, Дерпт, 1822. З. Каменский. Москва.

ПЕРЕДЕРИЙ, Виталий Феофанович (р. 24 марта 1928) — сов. философ, доктор филос. наук (с 1965), профессор (с 1965). Член КПСС с 1947. Окончил филологич. фак-т Киевского педагогич. ин-та им. Горького (1948). С 1951 преподает философию в вузах. С 1961 — зав. кафедрой марксизма-ленинизма Киевской консерватории им. П. И. Чайковского. Область науч. исследований П. — история эстетич. учений, укр. эстетич. мысль, марксистско-ленинская эстетика.

С о ч.: Світгляд І. Я. Франка, «Наукові зап. Київський Державний Педагогіч. Інст.», 1956, т. 22; Чудесная дружба, «Сов. Украина», 1962, [№ 7] (совм. с З. Дашак); Животворный родник, там же, 1963, [№ 2]; Про естетичне виховання, К., 1963; Великая поэтесса Украины (К 50-летию со дня смерти Леси Украинки), М., 1963 (совм. с Н. И. Жуком); Сов. искусство — искусство новаторское, «Коммунист Украины», 1963, № 12 (совм. с А. Боярицевым); О чем говорят философы мира, К., 1964 (совм. с П. В. Копинным); Українська революційно-демократична естетика (кінець ХІХ—початок ХХ століть), [К.], 1964; Іван Франко про процес художньої творчості, в сб.: Боротьба між матеріалізмом та ідеалізмом на Україні в ХІХ ст., К., 1964; Завжди з народом, К., 1965.

ПЕРЕЖИТКИ — категория для обозначения явлений обществ. жизни, элементов культуры, унаследованных от предыдущих эпох. Первоначально эта категория получила распространение в конце 19 в. в социологич. и этнографич. лит-ре (в связи с проникновением в обществоведение эволюц. идей и занимала видное место в концепции обществ. развития «психологически-эволюционной» школы (Тайлор, Фрейзер, а в России — Л. Я. Штернберг). Эволюция общества рисовалась ее сторонниками как совокупность процессов изменения отд. «элементов» в рамках единого «общества». Открытие в различных явлениях культуры (обычаях, верованиях и т. д.) «наследий» предшествующих эпох во многом способствовало распространению такой формы эволюционизма. Однако, обнаруживая в явлениях культуры их древнейшую первооснову, этот метод не позволял понять совр. действит. значение этих явлений. Вульгарно-эволюционистские концепции не учитывали внутр. организованности, системности обществ. процесса, взаимобусловленности отд. сторон жизни общества.

Резкой и во многом обоснованной критике подвергли теорию П. представители функционалистских течений (в частности, Дюркгейм, Б. Малиновский, К. Клакхон). Их работы подтвердили, что в обществе системе нет «мертвых элементов прошлых эпох»: каждое явление, элемент культуры уже по одному тому, что он существует, играет какую-то роль в наличной обществ. системе. Односторонность подобных суждений определяется общей слабостью функциональных представлений об обществе: они не принимали в расчет неустойчивость социальных систем, неодинаковую значимость их функциональных компонентов. Эта ограниченность может быть преодолена в социологич. теории лишь при введении в социальную модель представлений о различных уровнях организованности обществ. систем. В науч. обиходе термин «П.» иногда употребляется в двух смыслах: а) для обозначения явлений, берущих начало от более ранних по сравнению с рассматриваемой эпохой культурного развития; б) для характеристики отд. явлений как малосущественных для данной системы.

В сов. филос. и политич. лит-ре термин «П.» используется для оценки отд. явлений обществ. жизни, к-рые по своему происхождению связаны с прошедшими этапами обществ. развития (П. капитализма, П. феод. патриархальных отношений, П. общинно-родовых порядков и традиций, П. мелкобуржуазнич. х-ва, П. методов управления и воспитания, свойственных начальным фазам социалистич. общества, и т. д.).

В процессе революц. ломки старых порядков и формирования социалистич. отношений «пережиточные» явления в различ. сферах обществ. жизни (быта, нац. и идеологич. отношений, художеств. вкусов и др.) противостоят сознат. преобразующей деятельности, осуществляемой под руководством коммунистич. партий, как стихийная, косная сила «старого». Иногда в трактовке П. ограничиваются рассмотрением их как чуждых природе социалистич. строя и истинным потребностям сов. людей, а их существование связывают лишь с «отставанием сознания», влиянием зарубежной бурж. идеологии. Эта т. зр. не способствовала анализу конкретных социальных условий и совр. социального значения «пережиточных» явлений и тормозила выработку эффективных методов их преодоления, вела к переоценке адм. мер, методов индивидуального воздействия.

Науч. анализ «пережиточных» явлений предполагает учет реальной разнородности, разнопорядковости относимых к ним моментов обществ. жизни. Так, нельзя не различать: а) круга явлений, обусловленных действием старых социальных институтов, утративших свое офиц. положение в обществе жизни (религия, патриархально-родовые порядки в нек-рых р-нах); б) негативных моментов, связанных с деятельностью новых, общественно необходимых социальных институтов (бюрократич. извращения в методах работы гос. и обществ. аппарата, нек-рые стороны влияния совр. товарно-денежных отношений и соответствующих форм распределения); в) явлений, связанных с разложением и предел. звеньев обществ. (правового, морального) порядка — преступность, пьянство, хулиганство и т. д. Эта типология не полна и не предполагает абсолютного разграничения указанных групп явлений. Можно отметить непосредств. преемственность определ. старых традиций и взглядов (напр., в нац. или семейных отношениях), но для объяснения этого часто требуется конкретный анализ тех социальных групп и тех социальных и культурных условий, в к-рых возможны устойчивость и передача из поколения в поколение соответствующих традиций, несмотря на противодействующие влияния новых обществ. условий коммунистич. идеологии и политики.

За последние годы в сов. науч. лит-ре накоплен опыт социологич. исследования и интерпретаций нек-рых черт пережиточных явлений, правильный подход к к-рым играет важную роль в дальнейшем развитии общества (статистич. изучение преступности, состояния семейных отношений, распределения свободного времени и др.).

Лит.: Ленин В. И., Очередные задачи Советской власти, Соч., 4 изд., т. 27; его же, Задачи союзной молодежи, там же, т. 31; Фрейд З., Тотем и табу, М.—П., [1923]; Леви-Брюль Л., Первобытное мышление, пер. с франц., М., 1930; Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936; Тейлор Э., Первобытная культура, пер. с англ., М., 1939; Снесарев Г. П., О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 2; Ковалев С., Пережитки капитализма в сознании людей при социализме и пути их преодоления, «Коммунист», 1957, № 3; Вопросы предупреждения преступности, вып. 1—2, М., 1964—65; Герцензон А. А., Введение в сов. криминологию, М., 1965; Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков, М., 1966; Левада Ю., Социальная природа религии, М., 1966; Malinowski B., Szkice z teorii kultury, Warsz., 1958; Lévi-Strauss C., Anthropologie structurale, P., 1958; Jung C. G., Psychology and religion, New Haven, 1960. Ю. Левада. Москва.

ПЕРЕКРЕЩИВАЮЩИЕСЯ ПОНЯТИЯ — понятия, в объемах к-рых имеются общие (для этих понятий) элементы и элементы, не являющиеся общими для них; или иначе, понятия А и В наз. П. н., если и только если: 1) существует предмет х, обладающий свойствами (признаками), составляющими содержание понятий А и В [символически: $\exists x(A(x) \& B(x))$], где

$A(x)$ — высказывание о наличии у предмета x свойств, составляющих содержание понятия A ; $B(x)$ имеет аналогичный смысл для понятия B], 2) существует предмет x , обладающий свойствами, составляющими содержание A , и не обладающий свойствами (совокупностью свойств), составляющими содержание B [символически: $\exists x(A(x) \& \neg B(x))$], и 3) существует предмет x , не обладающий свойствами, составляющими содержание A , и обладающий свойствами, составляющими содержание B [$\exists x(\neg A(x) \& B(x))$]. В таком случае говорят, что между понятиями A и B имеется отношение перекрещивания. Это отношение является частным случаем совместимости понятий. Графически оно изображается в виде пересекающихся кругов.

Е. Войшилло. Москва.

ПЕРЕМЕННАЯ (переменино) — в классич. «высшей» математике (начиная с 17 в. — Ферма, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др.) величина, могущая принимать в процессе своего изменения различные значения. Понятие П. в его первонач. формулировках явилось основой для всех др. понятий матем. анализа. Однако в дальнейшем (в ходе логич. обоснования анализа) все отчетливее проявлялась тенденция освободиться от нечетких («внематематических») представлений о «процессах» и «изменении» каких бы то ни было «величин» и свести их к стационарным, «устойчивым» («жестким») понятиям предметной области (областей) и П. как обозначению для произвольного элемента из рассматриваемой области предметов (родового имени). Этот т. н. теоретико-множеств. подход, при всех своих кажущихся достоинствах, естественности и простоте, на самом деле явился не столь уже простым, поскольку вместе с ним в математику была вовлечена абстракция актуальной бесконечности (во всех сколько-нибудь нетривиальных случаях П. «пробегает» бесконечные области), с к-рой связаны трудности принципиального характера (см., напр., *Парадокс, Математическая бесконечность*). В наст. время наблюдается известного рода «возвращение» к концепции «П. величины», связанное с принятием, в качестве основной, абстракции потенциальной осуществимости: П. понимается как потенциально бесконечная последовательность «значений», не связываемая, впрочем, ни с какой конкретной (или даже мыслимой) «шкалой времени». [Следует, однако, отметить, что в нек-рых совр. направлениях в основании математики и логики понятие процесса (в частности, процесса «изменения П.») играет полноправную — и даже центральную — роль.]

В исчислениях (формальных системах), рассматриваемых в математической логике, понятию П. — равно как и любым др. понятиям — не приписывается самому по себе никакого «смысла»: по определению, П. наз. символы строго фиксированного вида, могущие — по правилам образования и правилам вывода данного исчисления — заменяться, при определ. условиях, выражениями данного исчисления [примером чего могут служить правило переименования «связанных» П. в формулах логики и математики и спец. правила подстановки на места вхождений «свободных» П. (термов, предикатов, функций), формул — в зависимости от рода П.]; подробнее об этом см. *Квантор, Предикатов исчисление*. Т. о., П. можно содержательно понимать как «пустое место» в формуле, слабешное указание, какого именно рода конкретные символы могут подставляться на это место; П. — это своего рода «тара под определенный товар». В зависимости от интерпретации элементов рассматриваемой предметной области (индивидные) П. наз. числовыми, множественными, функциональными и т. п. Такое словоупотребление коренится еще в привычном для классич. математики способе выражения: «П. число», «П. множество»,

«П. функция», подразумеваемом «возможность изменения» рассматриваемой «величины». Фактически же, в соответствии с совр. трактовкой понятия П., во всех таких случаях имеется в виду «П. для чисел» (т. е. символ, вместо к-рого можно подставлять конкретные числа) и аналогично «П. для множеств», «П. для функций» и т. п.

Свободные вхождения П. в выражения содержательных науч. теорий (соответствующие употреблению неопредел. местоимений в разговорной речи) и соответственно в формулы формализованных логико-матем. языков допускают различные интерпретации. Формула $A(x_1, \dots, x_n)$ к-л. системы со свободными П. x_1, \dots, x_n может прежде всего интерпретироваться как нек-рый (n -местный) предикат. Тогда говорят, что x_1, \dots, x_n обладают предикатной интерпретацией. Такова, в частности, интерпретация формул со свободными П. при формулировке правил образования системы (если вообще требовать в этом случае какой бы то ни было интерпретации формул). Формулы (или выражения неформализов. теорий) со свободными П. могут интерпретироваться также как предложения. При этом свободным П. могут приписываться нек-рые значения, постоянные в пределах данной формулы или же нек-рой части рассматриваемого контекста. В первом случае (к-рый имеет место, напр., при формулировке аксиом к-л. исчисления в виде формул со свободными П.) говорят, что имеет место интерпретация всеобщности для свободных П. — формула $A(x_1, \dots, x_n)$ интерпретируется как предложение, получаемое из нее замыканием всеобщности по всем свободным П. x_1, \dots, x_n , т. е. как $\forall x_1 \dots \forall x_n A(x_1, \dots, x_n)$. В тех же случаях, когда свободным П. приписываются значения, постоянные (фиксированные) в пределах к-л. контекста (напр., вывода из данной совокупности формул; такие П. обычно наз. параметрами, относящимися к данному контексту), говорят, что x_1, \dots, x_n имеют условную интерпретацию в этом контексте. Примером предикатной интерпретации свободных П. может служить обычное понимание П. x в выражении $\sin x$, примером интерпретации всеобщности — ее же трактовка в тождественном равенстве $\sin^2 x + \cos^2 x = 1$, условной интерпретации — интерпретация x в уравнении $\sin x = 1$ (в процессе решения этого уравнения).

В содержат. матем. теориях термин «П.», как правило, отражает пришедшие из физики представления о «процессах изменения П. величин», но по существу ни одна из чисто математических (не говоря уже о логич.) теорий не нуждается в подобных представлениях. И именно в силу возможности принципиального устранения такого рода представлений фактически оно обычно не проводится, хотя использование понятия П. в любой из классич. матем. теорий может быть без труда проведено в рамках описанного выше логич. понимания.

См. также ст. *Математика, Алгебра логики, Предикатов исчисление, Квантор* и литературу при этих статьях.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 31, 32, 45; Черч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, § 62, 64, 66.

Ю. Гаснев. Москва.

ПЕРЕМЕННЫЕ И ПОСТОЯННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ — см. *Константа, Переменная*.

ПЕРЕХОД ПОСТЕПЕННОСТИ — резкое изменение характера развития, переход от накопления количеств. изменений к скачку, к качеств. преобразованиям. См. *Переход количественных изменений в качественные*.

ПЕРЕСВЕТОВ, Иван Семенович (гг. рожд. и смерт. неизв.) — рус. мыслитель и политич. деятель. Происходил из мелкопоместного западнорус. дворян.

ства Великого княжества Литовского. Ок. 1538—1539 он выехал в Россию, приняв перед этим участие в ряде воен. походов польского короля и побывав в Польше, Венгрии, Чехии и Молдавии. Перу П. принадлежат «Повесть об основании и взятии Царьграда», «Сказание о царе Константине», «Малая и Большая челобитные». В своих сочинениях, поданных осенью 1549 Ивану IV Грозному, П. изложил проект гос., военных и судебных реформ, в основе к-рых лежала мысль о дальнейшей централизации Русского гос-ва и создании сильной самодержавной власти, опирающейся на постоянную дворянское войско. Для достижения этих целей П. призывал к самым жестоким формам подавления любого противодействия государю.

В сочинениях П. заметна тенденция к постепенной секуляризации обществ. мысли, к-рая выражается в противопоставлении ср.-век. теократич. идеям идеала светского гос-ва, возглавляемого «мудрым» монархом, действующим в интересах дворянства и руководствующимся принципом выдвижения и награждения не по «породу», а по «выслуге», т. е. по личным качествам и способностям. Идеал П. — «мудрый» и сильный государь, любящий «книжное знание» и приближающий к себе «докторов» и ученых философов. П. настаивал на первенстве «правды» над «верою» («бог не веру любит — правду»).

Соч.: Соч., текст подготовил А. А. Зимин, М.—Л., 1956. Лит.: Полозин И. И., О челобитных П., «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР», 1946, т. 35, вып. 2, с. 25—55; Б уд ов и ц и И. У., Рус. публицистика XVI в., М.—Л., 1947; С а к к е т т и А. Л., Политич. программа И. С. П., «Вестник МГУ. Серия обществ. наук», 1951, № 1, с. 107—17; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 34—36; З и м и н А. А., И. С. П. и его современники, М., 1958 (имеется библиография); К л и б а н о в А. И., Реформац. движение в России в XIV — первой половине XVI в., М., 1960 (имен. указ.); С и х а р о в А. М. и М у р а в ъ е в А. В., Очерки рус. культуры IX—XVII вв., М., 1962, с. 209—14.

В. Корецкий. Москва.

ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ (кратко — переход количества в качество) — закон материалистич. диалектики, раскрывающий один из наиболее общих механизмов развития в природе, обществе и познании. Согласно этому закону, изменение качества (специфики, природы) данной вещи или явления, т. е. переход, или скачок, от старого качества к новому совершается тогда, когда накопление количеств. изменений достигает определ. величины, или границы меры. Этот закон на идеалистич. основе был впервые в полном виде сформулирован Гегелем. Содержание закона материалистически переработали Маркс и Энгельс.

Осп. категория закона — качество, количество, мера. Категория качества применяется для отображения единства таких характеристик, как относит. устойчивость вещей, их структурность, целостность, черты различия и сходства между ними. Понятие о качестве определенности приложимо к уровням и видам материи, к формам движения материи, к определ. состояниям тел (напр., агрегатные и аллотропич. состояния веществ), к этапам развития объекта (напр., две стадии капитализма). В процессе познания любая вещь выступает соответствующей стороной в виде качественно определ. объекта или предмета исследования. Качеств. определенность объекта проявляется для познающего субъекта в совокупности свойств, к-рые обуславливаются как внешними, так и внутр. связями и взаимодействиями объекта и среди к-рых субъект выделяет существ. св-ва, объединяет их в учорядоченную совокупность.

Категория количества исторически возникла на основе сравнения качественно однородных св-в или частей целого и их отношения друг к другу или к целому; в математике понятие количества и коли-

честв. отношений выражается с помощью понятий числа, величины, множества, функции (см. Количественное в математике). Количеств. формы и отношения в познании могут полностью отвлекаться от качества вещей; в силу этого одни и те же формы могут применяться в изучении самых различных качеств. образований. Однако сами количеств. формы и отношения содержат в себе качеств. моменты и определения.

Более глубоко связь качества с количеством выражается в категории меры. Определение меры включает в себя два момента, связанные с двумя аспектами рассмотрения качества. Во-первых, качество может рассматриваться в готовом, ставшем виде; тогда оно описывается с помощью системы количеств. зависимостей, математич. отношений, напр. в виде определ. системы уравнений. Мера в этом смысле представляет собой соответствие системы закономерных связей, выражаемых с помощью математич. отношений, тому или иному качеству. Эта система математич. отношений (или законов) характеризует структуру вещи. Второй момент в определении меры относится к процессам образования качества, т. е. к переходам от старого качества к новому. В этих случаях мера вещи представляет собой тот интервал количеств. изменений их св-в (параметров), в пределах к-рого сохраняется вещь, ее качеств. определенность, ее структура. В физике эти границы меры фиксированы в виде констант. Энгельс писал, что «...константы физики в значительной своей части суть не что иное, как обозначения узловых точек, где количественное прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, — где, следовательно, количество переходит в качество» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 387). Особый интерес для познания представляют те процессы перехода к новому качеству, содержанием к-рых является развитие. Таким процессам присущи черты необратимости, диалектич. отрицания, появления новых возможностей изменения объекта. Наиболее характерны такого рода переходы для биологич. эволюции (процессы видообразования) и социального развития; для последнего точками меры являются моменты революц. ситуации.

Указанное понятие меры вплотную подводит к пониманию качества с т. зр. системно-структурного подхода. В этом случае качеств. определенность вещи выражается в ее динамической (или статич.) структуре, к-рая, в свою очередь, выражается с помощью системы законов. Наиболее адекватное познание структуры достигается тогда, когда она может быть выражена через аппарат и методы математики.

Процесс перехода (скачок) от старого качества к новому. Многообразные скачков. Достигнув определ. пороговой величины (границы меры), количеств. изменения объектов приводят к процессу перестройки их внутр. структуры, в результате чего образуется качественно новая система, характеризующаяся, кроме общих (сходных) со старой, новыми закономерностями своего строения, функционирования и развития, т. е. новой относительно устойчивой динамич. структурой. Процесс перехода к новому качеству есть поэтому переход от системы одного рода устойчивости и характера организации к другой, он включает в себя как перестройку связей между компонентами (и подсистемами) системы, так и изменения в составе элементов системы или и то и другое вместе. Новое качество, характерное для новой системы, обладает новой мерой, новыми возможностями количеств. изменений.

Внутр. содержанием процесса П. к. и. в к. является взаимодействие попарно противоположных (полярных) сил, сторон, св-в, процессов и тенденций изменения. В точках перехода взаимодействие противоположных (по отношению к сохранению или изменению объекта) сил достигает крайней остроты, предела, за к-рым нарушение устойчивости ведет к процессам разрушения системы, перестройки ее в качественно новую. Типы, формы и динамика взаимодействия («борьбы») противоположно направленных сил зависят от изменения внешних и внутр. условий. Внешние условия по-разному влияют на это взаимодействие в зависимости от степени устойчивости и относит. самостоятельности (изолированности) той или иной конкретной системы. В одних случаях качеств. преобразования системы происходят в результате энергетич. воздействий извне (напр., при бомбардировке нейтронами атомов и молекул, при повышении интенсивности их теплового движения). В др. случаях эти преобразования являются результатом изменения структуры внешних связей; таковы качеств. изменения живых организмов при изменении условий их существования или изменения, происходящие с человеком при изменении социальной среды. Один из осн. механизмов, обуславливающих приведение данной системы к состоянию наименьшей устойчивости, т. е. к границе меры, состоит в том, что у различных элементов и подсистем различных уровней данной системы существуют различные точки меры, т. е. «мерность» системы оказывается внутренней различной и иерархизированной.

Характеру противоборствующих сил, тенденций и противоположно направленных св-в данного объекта соответствуют существ. величины (параметры) количеств. изменений, обуславливающих характер или вид скачка; знание их позволяет определять наиболее эффективные методы и средства осуществления П. к. и. в к. в обществ. жизни, в частности методы революц. переустройства общества или искусств. преобразования объектов в процессе материального произ-ва (превращение веществ в химич. производстве и т. п.). В неживой природе существ. величинами («характеристич. параметрами») являются физич. величины, прежде всего величины массы и энергии связи. В живой природе по мере ее усложнения, помимо физич. взаимодействий, все больший удельный вес приобретают отражат. процессы — процессы передачи и переработки информации. Еще более значит. роль процессы обмена информацией (опытом прошлых и живущих поколений), ее переработки играют в обществе; уровень обществ. развития определяется не только уровнем развития производит. сил, но и организацией обществ. отношений, включающих духовную жизнь общества (к-рая может рассматриваться как получение, хранение, передача, переработка информации). Т. о., в понятие качества в живой природе и обществе входят не только физич. величины, но и характеристики, производные от понятий *отражения* и информации. А это существенно отличает природу скачков в живой природе и обществе от скачков в неорганич. природе.

Скачки могут классифицироваться по многим основаниям (по характеру противоречий, по механизму скачков, по способам и средствам их осуществления и т. д.). С т. зр. механизма П. к. и. в к., наиболее существенно различие скачков двух типов, к-рые условно называют скачками «взрывного» типа и постепенными скачками. При первом типе П. к. и. в к. имеет место резко выраженная граница между подготовит. фазой количеств. изменений и фазой самого скачка, обнаруживающаяся в большей интенсивности, скорости процессов, в значит. величине неустойчивости состояний второй фазы. Этот тип перехода

отличается тем, что процесс перестройки организации системы протекает не путем поочередного изменения ее подсистем, а охватывает всю систему в целом, включая все ее подсистемы определ. уровня. К таким переходам относятся процессы образования новых химич. соединений и превращения сложных веществ, переходы тел из некоторых физич. состояний в другие, являющ. атомного взрыва, политич. революции в обществе и др. Такие скачки могут включать в себя и скачки в пределах подсистем данной системы; существ. характеристики этих подчиненных скачков отличны от характеристик скачка системы в целом. В этой связи Ленин отмечал, что следует «...отличать кусочек от целого», «...противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаниям, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути» (Соч., т. 9, с. 342). Второй тип переходов характеризуется более тонким и сложным отношением между качеств. и количеств. изменениями. Превращение старой системы в новую совершается здесь в процессе накопления количеств. и качеств. изменений ее отд. подсистем и элементов при изменении общего направления развития системы под влиянием внутр. и внешних условий; нек-рые св-ва постепенно усиливаются, перерастая из несущественных в существенные для всей системы. Точечный характер, нередко охватывая нек-рую область значений. Др. особенность этого типа скачков — наличие промежуточных стадий и форм, имеющих между собой черты, общие для старой и новой систем. Напр., в условиях России после 1917 г. нельзя было «...сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества» (там же, т. 27, с. 374), переходный период от капитализма к социализму «...распадается на ряд еще более мелких переходов» (там же, т. 30, с. 307). Переход от социализма к коммунизму занимает целую историч. эпоху. При естеств. отборе из множества отклонений св-в и признаков индивидуального организма в последующих поколениях закрепляются те, к-рые более соответствуют новым условиям существования. Момент расхождения (расщепления) генеалогич. ветви и является началом скачка, образования нового биологич. вида. Постепенный переход путем изменения направления развития имел место и в процессе *антропогенеза*.

Закон П. к. и. в к. обуславливает ряд методологич. требований к науч. познанию. Это прежде всего требование рассматривать количеств. и качеств. изменения в единстве, в неразрывной связи. В противном случае скачки и возникновение новых качеств становятся необъяснимым «чудом», считаются божеств. откровением (см., напр., работу англ. философа-неореалиста С. Александра — S. Alexander, *Space, time and deity*, v. 1—2, L., 1920; [2 ed.], v. 1—2, L., 1927). С др. стороны, количеств. и качеств. изменения нельзя метафизически отождествлять друг с другом. Такого рода отождествление можно, напр., обнаружить в выдвигаемых совр. правыми социалистами доктринах «врастания капитализма в социализм» и «социализации капитализма», в к-рых процесс перехода от капитализма к социализму представляется в виде частичных преобразований, реформ, оставляющих неприкосновенными капиталистич. строй и его экономич. основу — частную собственность на средства произ-ва. Поводом для смешения качеств. превращений и количеств. изменений нередко служит их нек-рая относительность, особенно в многоуровневых системах. В таких системах при сохранении качества системы в целом практически непрерывно происходят скачки более мелкого масштаба, относящиеся к ее подсистемам и элементам. Примером скачка подчиненного порядка является постепенный переход от пер-

вой стадии капиталистич. развития (свободной конкуренции) к монополистич. стадиям. По отношению к осн. качеству скачки подчиненного порядка выступают в виде количеств. изменений, ибо св-ва (параметры) системы остаются при этом неизменными. Именно с такого рода относительностью (имеющей характер конкретной истины) связано отсутствие «абсолютных разграничительных линий» между самими качеств. различиями.

Др. методологич. требование, вытекающее из закона П. к. и. в к., состоит в том, что науч. познание должно учитывать несводимость качества целостного предмета к качеству составляющих его частей, подсистем, элементов. Правда, это не исключает возможности и необходимости применения логич. и математич. операций сведения и выведения, когда преследуется цель объяснить нек-рые св-ва новой системы (напр., для объяснения устойчивости лек-рых биохимич. соединений в клетке привлекают данные квантовой химии). Но смешение понятий методологич. сведения с логич. и математич. приемами сведения и выведения приводит к различным недоразумениям и ошибкам.

Большой науч. интерес представляет выявление специфики действия закона П. к. и. в к. в сфере познания деятельности. В пределах чувств. отражения и эмпирич. уровня познания существуют многочисл. качеств. переходы, определяемые движением по предмету исследования. Наиболее существенны здесь переход от ощущений к мысли, от эмпирич. уровня познания — к теоретическому, от эмпирич. данных — к выдвинутой гипотезе, от гипотез — к теориям; все эти переходы можно рассматривать как диалектич. скачки. Скачками являются, конечно, науч. открытия, революц. перевороты в науч. мысли. В различных науках на начальных этапах исследований применяются т. н. качеств. методы, к-рые позволяют определить качеств. различия и специфику предметов исследования глобально, без точного знания их количеств. соотношения. Таковы методы качеств. анализа в химии и физике. Качеств. методы широко применяются в различных разделах совр. математики (напр., качеств. теория дифференц. и интегро-дифференц. уравнений в математич. анализе). Дальнейшее движение познания состоит в том, что качество все более глубоко и точно начинает исследоваться количеств. методами с применением аппарата математики. Эффективность применения математики зависит как от степени теоретич. зрелости спец. наук, так и от совершенствования самих математич. методов, позволяющих отобразить все более сложные свойства и закономерности качественно многообразных явлений.

Закон П. к. и. в к. имеет огромное науч. и практич. значение в связи с анализом проблемы перехода от социализма к коммунизму. Сам по себе этот переход представляет скачок всемирно-историч. масштаба и в своем результате охватывает все осн. стороны жизни совр. общества. В свою очередь, осуществление этого скачка предполагает целую совокупность скачков меньшего масштаба, различающихся как по сферам обществ. жизни, к-рым они относятся (переход к коммунистич. материальной базе произ-ва, формирование гармонически развитой личности, расширение социалистич. демократии и т. д.), так и по уровням социальной системы, на к-рых реализуются эти скачки (скачки междунар. масштаба, связанные с укреплением мировой социалистич. системы; скачки в масштабе гос-ва, в масштабе отд. социальных групп и т. д.). Науч. руководство обществ. развитием требует учета и анализа всех этих разнообразных скачков и отыскания оптимальных форм и способов их реализации. Теоретич. анализ перехода от социализма к коммунизму опирается на два ряда

обстоятельств: он учитывает реально существующие противоречия обществ. развития и отыскивает такие пути и формы перехода, к-рые обеспечивают разрешение этих противоречий; во-вторых, общая линия перехода к коммунизму опирается на сознательно формулируемые обществом цели движения. Общее решение всех этих проблем предполагает построение целостной модели социального организма в двух планах: как модели актуально существующей социальной системы и как модели общества будущего. Совокупность этих моделей и создает теоретич. базис науч. управления обществом. Такие модели должны строиться совокупными усилиями всех обществ. наук.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 37, 44, 128—32; его же, Диалектика природы, там же, с. 360, 385—90, 547—48, 564, 567—71, 573—74, 600, 608—09; Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 97, 111, 279, 358; Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956, с. 388; т. 2, М., 1956, с. 610; Гегель Г. В. Ф., Энциклопедия филос. наук, Собр. соч., т. 1, М.—Л., [1929], с. 144—90; Асмус В. Ф., Очерки истории диалектики в новой философии, 2 изд., М.—Л., 1930; Кедров Б. М., О количеств. и качеств. изменениях в природе, [М.], 1946; Дудель С. П., Законы материалистич. диалектики, М., 1958; Свидерский В. И., К проблеме многокачественности явлений, «Вестн. ЛГУ. Серия экономики, философии и права», 1958, № 17, вып. 3; Лем Г. П., О переходе от старого качества к новому в обществе, развитии, М., 1958; Зародов К. И., О формах перехода различных стран от капитализма к социализму, М., 1959; Мелюхин С. Т., О диалектике развития неогранич. природы, М., 1960, гл. 3; Овчинников Н. Ф., Качество и свойство, «ВФ», 1960, № 6; Пахомов В. Я., О характере качеств. изменений, «ФН» (НДВН), 1962, № 4; Уемов А. И., Вещи, свойства и отношения, М., 1963, гл. 1, § 6, 7, гл. 2, § 1; Розенталь М. М., Ленин и диалектика, М., 1963; Украинцев Б. С., Ковальчук А. С., Чертков В. П., Диалектика перерастания социализма в коммунизм, М., 1963; Тухтин В. С., Закон перехода количества в качество в свете данных совр. науки, в сб.: Проблемы науч. метода, М., 1964; Буслинский В. А., О своеобразии скачка при переходе от социализма к коммунизму, М., 1964; Пахомов Н. К., Законы диалектики — законы познания, М., 1966, гл. 4. В. Тухтин. Москва.

ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА — ученики и последователи Аристотеля, к-рый имел обыкновение во время чтения лекций прогуливаться в Липце со своими слушателями (греч. *περιπατέω* — прохаживаюсь). Хронологически можно различать несколько периодов перипатетизма. В первый период (4—1 вв. до н. э.) главой школы был сначала Теофраст, в нее входили Эвдем Родосский, Аристоксен Тарентский, Дикеарх Мессенский. Учениками Теофраста были Деметрий Фалерейский, Дурис, Хамелеон, Праксифан. После Теофраста главой П. ш. был Стратон из Лампсака. Дальнейшими руководителями школы последовательно были Ликон, Аристон Кеосский, Критолай Инкийский, Диодор Тирский, Эрмийей. П. ш. этого периода свойственны довольно слабые тенденции развивать Аристотеля в области теоретич. философии и более заметная склонность к занятиям отдельными науками как философскими, так и нефилософскими. Теофраст, напр., сделал кое-что в области логики и оставил дошедшие до нас труды по ботанике. Аристоксен занимался теорией музыки, занимствуя многое у лифгорейцев. Нек-рые ученики Аристотеля в эту эпоху становились естествоиспытателями, историками, географами, теоретиками и историками литературы. Во второй период перипатетизма (1 в. до н. э.) выступают Андроник Родосский, Боэт Сидонский, Ксенарх, Стасий Неапольский, Аристон Александрийский, Николай Дамасский. Это были по преим. издатели и редакторы аристотелевских сочинений, а также и их комментаторы. Такими же чертами характеризуется перипатетизм третьего периода (1—2 вв.), хотя мы плохо осведомлены о степени оригинальности и о методах комментирования соч. Аристотеля этими перипатетиками — Александром Эгским, Сотнионом, Адрастом, Гермипом, Аристоклом Мессенским,

Сосигеном, *Александром Афродизийским*, о котором знаем больше, чем о других. Следы аристотелизма прослеживаются у платоников, пифагорейцев и стоиков, к-рых обычно именуют эклектиками или средними платониками и к-рые участвовали в подготовке *неоплатонизма*. См. также *Эклектизм*, *Платонизм*, *Стоицизм* и *Римская философия*.

Источ.: Wehrli F., Die Schule des Aristoteles, Bd 1—10, Basel—Stuttg., 1944—59.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 258—68; Zeller Ed., Die Philosophie der Griechen, Tl 2, Abt. 2, 4 Aufl., Lpz., 1924, S. 806—946; Tl 3, Abt. 1, 5 Aufl., Lpz., 1923, S. 804—31. А. Лосев. Москва.

ПЕРОХО-И-ФИГЕРАС (Perejo у Figueras), Хосе (1852—1908) — кубинский публицист, философ и обществ. деятель, живший гл. обр. в Испании. Учился в Германии у К. Фишера. Выступал против распространения тогда в Испании учения Краузе. Пропагандировал *неокантианство* («Очерк об интеллектуальной жизни Германии» — «Ensayos sobre el movimiento intelectual en Alemania», 1875) и отстаивал в борьбе со схоластикой право филос. и науч. мысли на самостоят. существование («Испанская наука под гнетом инквизиции» — «La ciencia española bajo la Inquisición», 1877). Как депутат кортесов (1886, 1893, 1898, 1905), П.-и-Ф. выступал за предоставление исп. колониям, в частности Кубе, широкой автономии.

Соч.: Haecel juzgado por Hartmann (1876); Ensayos sobre educacion (1907); Cuestiones de España en las Repùblicas hispano-americanas (1892); Kant y los filosofos contemporàneos (1875); A. Schopenhauer (1875); Objeto de la filosofia en nuestros tiempos (1875). Р. Мартинес. Москва.

ПЕРРИ (Perry), Ралф Бартон (1876—1957) — амер. философ-неореалист. Проф. Гарвардского ун-та (1913—46), ученик и биограф Джемса («Мысль и характер У. Джемса» — «The thought and character of W. James», v. 1—2, Boston, 1935); принадлежал к группе «шести реалистов». Начал филос. деятельность с критики идеализма Ройса (1901—02). В кн. «Философские тенденции настоящего времени» («Present philosophical tendencies», N. Y., 1912) формулирует осн. положения теории познания *неореализма*: теорию «имманентности независимого» (познаваемая вещь непосредственно «входит» в сознание, не завися в то же время от этого в отношении своего существования или природы) и «нейтральный монизм» (физическое и психическое различаются лишь функционально, но не по природе входящих в них элементов). От теории «нейтральных элементов» Маха это положение П. отличается введением в число таковых логич. отношений. П. критикует аргументацию субъективных идеалистов, исходящих из «эгоцентрического затруднения» («The ego-centric predicament», J. of Phil., Psych. and Sci. Methods, 1910, v. 7, № 1), т. е. из утверждения, что человек не может мыслить независимую от сознания вещь, поскольку, мысля ее, он превращает ее в идею. Это положение есть, по П., тавтология, не доказывающая тезиса идеализма о том, что существуют лишь «идеи». Процесс познания объекта, связанный с обязат. наличием познающего субъекта, отнюдь не является свидетельством зависимости объекта от субъекта; «быть познанным» — это случайное для объекта отношение, в к-рое он может вступать или не вступать.

Начиная с сер. 20-х гг. П. разрабатывает в основном этич. и политич. проблемы. Его теория ценностей сводится к утверждению, что «ценности суть функции интереса» (см. «General theory of value», Toronto, 1926, p. 693), они концентрируются в областях науки, сознания, иск-ва, пром-сти, гос-ва и церкви, образуя соответствующие «царства ценностей». Причем основу ценностей П. видит в общих типах и структурах интереса, независимых от исторически сложившихся форм общества (см. «Realms of value», Camb., 1954). Религию П. определяет как «... гл у-

б о ч а й ш е е б е с п о к о й с т в о ч е л о в е к а о с у дьбе того, что он считает наиболее ценным» («General theory...», p. 463), и отстаивает ее вечность. По социально-политич. взглядам П. — бурж. демократ, считающий, что наиболее согласная с демократией экономика — это «регулируемый капитализм», сочетающий «равенство» и «свободу» и приспособленный к достижению «высших моральных целей» (см. там же, p. 294). П. — активный сторонник защиты мира и мирного сосуществования с социалистич. странами.

Соч.: The approach to philosophy, L.—N. Y., 1905; The present conflict of ideals, N. Y., 1918; Philosophy of the recent past, N. Y., 1926; A defence of philosophy, Camb., 1931; In the spirit of W. James, New Haven, 1938; Shall not perish from the Earth, N. Y., 1940; On all fronts, N. Y., 1941; Our side is right, Camb., 1942; Puritanism and democracy, N. Y., 1944; One world in the making, N. Y., 1945; Characteristically American, N. Y., 1949; Citizen decides, Bloomington, 1951; The humanity of man, N. Y., 1956.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961; Богомолов А. С., Философия англо-американского неореализма, М., 1962; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 99—107; Насан З., Realism, Camb., 1928; Rogers A. K., English and American philosophy since 1800..., N. Y., 1928; Воман Л., Criticism and construction in the philosophy of American new realism, Stockh., 1955; Passmore J., A hundred years of philosophy, L., 1957. А. Богомолов. Москва.

ПЕРСОНАЛИЗМ (от лат. persona — личность) — теистич. направление совр. бурж. философии, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творч. активности верховной личности — бога. П. сформировался в конце 19 в. в России и США, затем в 30-х гг. 20 в. во Франции и др. странах. В России идеи П. развивали Бердяев, Шестов, отчасти Лосский, Булгаков, А. Белый, Вяч. Иванов и др. Основоположниками амер. П. явились Боун, Ройс; их последователи — Хокинс, Калкинс, Брайтмен, Э. Кент, Д. Райт, П. Шиллинг, Флюэллинг, объединившиеся вокруг журн. «Personalist», осн. в 1920 Флюэллингом. Франц. персоналисты (П. Ландберг, Недонсель, Г. Мадинье, П. Рикёр и др.) группировались во главе с Мунье и Ж. Лакруа вокруг журн. «Esprit», осн. в 1932. В Англии П. нашел последователя в лице Б. Коутса, в Германии — Штерна и др.

Представители П. отрицают обособленность этого филос. течения, считая его одной из коренных тенденций развития философии на протяжении всей ее истории. «Человек в своем стремлении к стабильности и прогрессу, — утверждает Флюэллинг, — направляет свои усилия на построение строго определенных государственных, социальных, административных, интеллектуальных и религиозных систем. Но так как эти внешние структуры оказывались иллюзорными или не приносили ожидаемых результатов, человек каждый раз возвращался назад к своим собственным личным истокам» (см. «Twentieth century philosophy», N. Y., 1947, p. 327).

В действительности же П. — своеобразный результат разложения объективного идеализма, с одной стороны, и критики естеств.-научного, механич. материализма — с другой. Собственно теоретич. причины интенсивной разработки П. коренятся в поисках связи безличного характера знания — его инвариантности с содержанием сознания и волей — с совокупностью эмоц. проявлений отдельного, конкретного индивида и в выявлении беспомощности объективного идеализма найти эту связь. Принципу идеалистич. монизма и панлогизма Гегеля противопоставляется *плюрализм* — множественность существований, сознаний, воли, личностей, а разуму — интуиция. При этом удерживается принцип *теизма*, т. е. творения мира Верховной персоной (богом) и наделяения его способностью развития. Это, согласно П., способствует преодолению материалистич. взглядов на раз-

вите как на механич. результат действия внешних сил косной материи и позволяет понять действит. изменения мира как развитие изнутри.

Персоналисты выступают с требованием заменить познающего субъекта классич. философии, т. е. «гносеологического субъекта вообще», выявлявшего истину, всеобщие сущест. связи независимо от эмпирич. содержания сознания, человеком во всей полноте его конкретных проявлений, в его антропологич. тотальности, иначе говоря, активным субъектом, ибо согласно персоналистич. принципу, познает только этот индивидуальный, единичный, неповторимый человек. Личность превращается в фундаментальную онтологич. категорию, осн. проявление бытия, в к-ром волевая активность, деятельность сочетается с непрерывностью существования. Поэтому личность и ее опыт суть единственная реальность, — утверждает представитель раннего поколения амер. персоналистов Боун (см. «Personalism», Boston, 1908, p. 107). Но истоки личности коренятся не в ней самой, а в бесконечном едином начале, боге и являются достаточным основанием любой активности. Уместна аналогия между этими принципами П. и монадологией Лейбница, развившейся в конечном счете в классич. форме христ. теодицеи.

Наука с ее понятийным аппаратом, дискурсивное мышление не могут с т. зр. П. претендовать на достижение богатства мира. «Персоналисты... убеждены, что есть некоторые вопросы, которых не ставит никакая наука и никакое сочетание наук, но которые должны быть поставлены», — утверждает Брайтмен («Nature and values», N. Y., 1945, p. 114). Задача ориентации человека в мире возлагается на религ. философию, как на нечто принципиально отличное от науки. Назначение философии в том, чтобы исследовать мир; ее пафос в нахождении смысла существующего с т. зр. свободы человека, его волеизъявления в соответствии с высшим началом, богом.

Распространение П. — теоретико-социальный симптом кризиса позитивистского мировоззрения и усиления тенденций иррационализма. В России П. разрабатывался в русле филос.-лит. идеалистич. движения начала 20 в. — «русского духовного ренессанса», — представители к-рого считали, что в новый историч. период, после вторжения в гуманистич. культуру Европы машины и техники и крушения традиционных устоев и ценностей, единств. спасение человека и культуры можно найти через разработку учения о человеке. Осн. проблемой эпохи провозглашалась судьба человека. В борьбе с развитием самосознания рабочего класса и его философией личность была объявлена единств. субъектом истории и единств. носителем культуры в противоположность нар. массам.

Рус. персоналисты выступили одними из первых теоретиков «массовой культуры» и «массового общества»: «Личность, как свободный дух, была противопоставлена обществу и его притязаниям определять всю жизнь личности. Судьба личности была противопоставлена теории прогресса» (Бердяев Н., Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь», см. журн. «Путь», 1935, № 49, с. 4). Теоретич. базой развития идей П. в России явилась попытка найти «третью линию» в философии, снимающую противоположность материализма и идеализма, субъекта и объекта. Противоположение последних, согласно персоналистич. т. зр., разрушало целостность человеч. сущности. На место субъекта, рационализирующего иррациональный мир, по мысли Бердяева и Шестова, должен быть поставлен человек как последний принцип философии, не абстрактный, понятий как разумное существо человек, но конкретный, чувственно-телесный, существующий человек. Единственно достоверный и

изначальный факт бытия — человек. существование, но оно само творение бога по его образу и подобию. Именно поэтому человек обладает возможностью творить, создавать нечто новое. Истинным может быть только религ. учение о человеке, все же остальные трактовки человека недостаточны, ибо предполагают рассмотрение человека в соотношении с природой или обществом, а не самого по себе. «Понять человека можно лишь в его отношении к богу. Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно лишь из того, что выше его. Поэтому проблема человека во всей глубине ставится лишь в религиозном сознании» (Бердяев Н., Slavery and freedom, N. Y., 1944, p. 44). Более того, согласно П., существование индивида, вилетенное в сложную сеть обществ. отношений, подчиненное социальным изменениям, исключает для него возможность утвердить свое собственное, неповторимое «Я». Поэтому необходимо различать понятия индивида и личности. Человек как часть рода (Homo Sapiens), как часть общества суть индивид. О таком человеке — биологическом или социальном атоме — ничего не известно. Он аноним (по выражению Кьеркегора) — лишь элемент, часть, определяемая соотношением с целым. Человек как личность может утвердить себя только путем свободного волеизъявления, посредством воли, к-рая преодолевает и конечность жизни человека, и социальные перегородки как бы изнутри человека. Т. о., в основе учения П. о личности лежит тезис о *свободе воли*. В сфере идей П. развивается тенденция, к-рая затем станет заповедью *экзистенциализма* — утверждение о принципиальной враждебности общества и личности. С позиций рус. П. вопрос о закономерности социального развития, о том, в каком смысле существуют коллективные общности, не может быть решен рациональным познанием. Решение всегда персоналистично, исходит из личности, предполагает направление воли, выбор, нравств. оценку. Если социальный прогресс — игра иррациональных обществ. сил, поработкающих человека, то любое социально значимое действие, социальный институт — формальный и бессмысленны. «... Вся глубина проблемы не в достижении такой организации общества и государства, при которой общество и государство давало бы свободу человеческой личности, а в утверждении свободы человеческой личности от неограниченной власти общества и государства...» (Бердяев Н., Судьба человека в совр. мире, Париж, 1934, с. 25).

Принцип деятельного волевого индивида в конце 19 в. привлекает внимание философов США. В развитии проблемы человека представители раннего поколения амер. персоналистов (А. Сет, Боун, Дж. Хауисон, Калкинс) отправлялись от критики гегельянства и выступили против распространенного в США и Англии абс. идеализма, против подчинения личности безличному космич. порядку и понимания ее как «феноменального» дополнения «абсолюта». В дальнейшем Брайтмен развил положение о «мире личности» во всем объеме ее ощущений и сознания, к-рый «больше» мира природы и является ареной всех возможных конфликтов. «Личный мир есть мир конфликта и внутреннего, и внешнего. Личности и общества находятся в смертельном конфликте друг с другом» (Brightman E. S., Nature and values, N. Y., 1945, p. 66); 20 век вообще является «веком конфликта ценностей». Источник конфликта заложен в самой структуре личности: это, во-первых, «рационально данное» — «царство рациональных норм» — логич., эстетич. и религ. «ценностей»; во-вторых, «иррационально данное» — «удовольствия и страдания, зеленые клочки и точки и необъятное разнообразие качеств и чувств». Борьба между ними и является источником конфликтов и напряженности современнос-

ти. Из нее нет выхода, т. к. «совершенное и конечное единство не может быть найдено человеком. Только абсолютное абсолютно» (Brightman E. S., *Personality and reality*, N. Y., 1958, p. 65).

Во франц. П. интенсивно разрабатывается концепция личности, близкая рус. П. Вслед за Бердяевым Мунье объявляет христ. учение о личности революц. переворотом в жизни человечества, ибо оно впервые объяснило смысл активности, деятельности человека. В этой связи Лакруа рассматривает личность как жизненный порыв или спиритуальную энергию, стремящихся к богу.

Подобно русскому франц. персонализм развивает общий с христианством принцип сопряжения активности человека с богом. Личность также наделяется определ. чертами или св-вами — сосредоточенность, интимность, деятельность и др., позволяющими создавать некое «общество личностей», подобное христ. общине. Поскольку личность находится во враждебных отношениях с действительностью, то «жизнь личности начинается со способности ломать контакт со средой, с нового овладения самой собой, с нового самоовладения, для того, чтобы сосредоточиться» (Mounier E., *Le personnalisme*, P., 1965, p. 52). Личность должна уйти в себя, или вернуться к себе, чтобы «сосредоточиться»; по этой же причине ее жизнь «...по своей природе связана с определенной тайной» (там же, p. 53). Люди, чтобы защитить и предохранить себя, часто пользуются такими средствами *коммуникации*, как ирония, юмор, парадокс, миф, символ, притворство и т. п. Внутр. св-ва личности, «призвание», «интимность» должны, по замыслу персоналистов, предохранить личность и общество как от тоталитаризма, так и от индивидуализма, соединить личности так, чтобы это было нечто среднее между личной жизнью и жизнью общественной, между единством и разобщенностью. Персоналисты настаивают на «неподлинности» земного существования человека. «Личность» существует лишь ценой потери. Ее богатство, это то, что ей остается, когда она лишается всего, чем она обладает, то, что ей остается в час смерти» (там же, p. 59). Это своеобразная интерпретация христ. понимания смерти: смерть есть «просветление», путь к истинному существованию души и ее обогащению. Гл. способом самоутверждения личности выступает внутр. самоусовершенствование, саморазвитие.

В понимании социальных проблем имеется определ. различие между англо-американским, с одной стороны, и русским и франц. П., — с другой. Первое направление остается в основном в рамках констатации кризиса совр. мира, общества и человека и возлагает надежды на жизнеспособность зап. культуры (R. T. Flewelling, *The survival of western culture*, N. Y., 1943), подменяя социальную проблематику задачей самоусовершенствования личности. Франц. же П. акцентирует внимание именно на социальной доктрине [Мунье, «Персоналистская и общинная революция» (E. Mounier, *Révolution personnaliste*, P., 1935); «Манифест персонализма» (*Manifeste au service du personnalisme*, P., 1936); «От капиталистической собственности к собственности человеческой» (*De la propriété capitaliste à la propriété humaine*, P., 1936) и др.], проповедуя идеал ср.-век. общины как антипода урбанистич. цивилизации. Для франц. П., окрашенного пессимистически, характерна антикапиталистич. направленность. Мунье писал о всеобщем кризисе капитализма, к-рый приведет его к гибели; призывал к социальному обновлению, к персоналистской и общинной революции. Эта революция, по его мнению, должна быть одновременно и духовной, и экономической, создать условия для расцвета личности и бесконфликтности в обществе,

явиться результатом распространения персоналистского учения среди людей, признающих самостоят. значение чело-веч. личности в совр. мире.

П. является попыткой конкретизировать христ. идеал личности в условиях совр. капиталистич. общества, при наличии *отчуждения*, где над человеком довлеют и порабащают его враждебные, иррациональные обществ. силы.

Лит.: Бердяев Н., Персонализм и марксизм, «Путь», 1935, № 48; Мельвиль Ю. К., Философия мистики и реакции, «ВФ», 1953, № 4; Боднар Я., О совр. философии США, М., 1959; Кузнецов В. Н., Франц. персонализм, в кн.: Совр. объективный идеализм, М., 1963; Шершенко Л. А., Амер. персонализм, там же; Володин В. Н., Мистификация личности в философии франц. персонализма, «ВФ», 1964, № 10; Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Stern L. W., *Person and Sache*, Lpz., 1906; Bowne V. P., *Personalism*, L.—Boston—N. Y., 1908; Flewelling R. T., *Creative personality*, N. Y., 1926; Kudson A. C., *The philosophy of personalism*, N. Y., 1927. И. Балакина, К. Доагов. Москва.

ПЕССИМИЗМ — см. *Оптимизм и пессимизм*.

ПЕСТЕЛЬ, Павел Иванович (24 июня 1793—13 июля 1826) — рус. революционер и мыслитель, один из руководителей *декабристов*. Род. в Москве. Первоначальное образование получил в Германии (1805—1809). В 1811 окончил Пажеский корпус. Участник Отечеств. войны 1812 и заграничных походов 1813—14. Антикрепостнич. взгляды, сложившиеся у П. во время войны и в первые послевоен. годы, привели его на путь революц. деятельности. Вступив в 1816 в «Союз спасения», он сразу же занял в нем руководящее положение. В 1817 П. написал для этой организации устав, а затем проект конституции, к-рая провозглашала отмену крепостного права и ограничение самодержавия. Однако уже в 1820 П. выступил на собрании членов «Союза благоденствия» с докладом, в котором доказывал преимущества республиканской формы правления перед конституционно-монархической и обосновывал необходимость решительных революционных действий. В 1821, после роспуска «Союза благоденствия», П. организует Южное общество, пишет для него республиканско-демократическую программу под названием «Русская правда» и в период 1821—25 предпринимает попытки к созданию единой организации дворянских революционеров. 13 декабря 1825, в самый канун восстания на Сенатской площади, П. был арестован (в Тульчине). Вместе с др. руководителями декабристского движения казнен в Петербурге.

По признанию современников, П. был человеком выдающихся способностей и отличался редкой образованностью (см. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 8, 1958, с. 17; «Записки декабриста Н. И. Лорера», 1931, с. 74). Однако подавляющее большинство историков, на основании к-рых можно судить о воззрениях П., было уничтожено или самим П. перед арестом, или его ближайшими друзьями. Сохранились только «Русская правда» и показания во время следствия, в к-рых нашли отражение гл. обр. обществ.-политич. и отчасти социологич. взгляды П.

В «Русской правде» П. подверг всесторонней критике самодержавно-крепостнич. порядки в России, теоретически обосновывая неизбежность их гибели, доказывал, что уничтожить их можно только революц. путем. Для утверждения нового общества, считал П., необходим переходный период сроком в 10—15 лет, период диктатуры врем. Верховного правления. Центр. место в «Русской правде» занимает агр. вопрос

и проект будущего политич. строя России. Указывая на опыт историч. развития Зап. Европы, П. развивал ту идею, что перемена в ходе революции формы гос-ва не изменит положение народа. Только наделение крестьян землей при их освобождении даст им действит. свободу. Весь земельный фонд послереволюц. России П. предлагал разделить на две части — общественную и частную. Первая предназначается для бесцельной раздачи в пользование всем нуждающимся и служит средством для производства необходимого продукта; создать ее предполагалось за счет отторжения значит. части помещичьих владений. Введение обществ. собственности на землю, по замыслам П., должно обеспечить всех немущих средствами к существованию, создать экономич. преграды господству капитализма, гарантировать гражданам полную независимость в политич. жизни. Земля частная могла служить предметом купли-продажи и предназначалась, как утверждал П., для производства избытка. Т. о., в «Русской правде» сделана утопич. попытка примирить два несовместимых принципа — общественной и частной собственности. Перед П. как экономистом и политич. деятелем встал чрезвычайно сложный вопрос. С одной стороны, он видел всю гнилость феодально-крепостнич. строя, характеризовал его как «гнусный и нестойкий распорядок вещей», подлежащий немедленному уничтожению; с другой стороны, сознавал, что господство буржуазии на Западе не принесло народу выгод ни в экономич., ни в политич. отношении. Каким путем должна пойти Россия? Этот вопрос волновал рус. революционеров на протяжении всего 19 столетия. Герцен, Чернышевский и народники ответили на него своей теорией крест. социализма. П. не был социалистом, но, признав в «Русской правде» необходимость обществ. собственности на землю наряду с частной, он сделал известный шаг в этом направлении.

В политич. отношении программа П. отличалась демократизмом, к-рый выразился в безоговорочном провозглашении республиканизма и в отстаивании всеобщего, равного для всех (за исключением женщин) избират. права.

В основе воззрений П. на общество лежала теория *естественного права*, из к-рой выводились природное равенство людей, их одинаковые гражд. права и обязанности. По существу, продолжая намеченную Радищевым линию, П. вкладывал в эту теорию революц. содержание. Доказывая, что общество возникло в результате добровольного соглашения людей, поступившихся частью естеств. прав в пользу одного или нескольких лиц, к-рым было предоставлено право распоряжаться общими делами, П. подчеркивал, что пр-во существует для блага народа. Лишение народа прав и переложение на его плечи одних только обязанностей неизбежно влечет за собой расторжение *общественного договора* и ниспровержение существующего строя. Понимая, что общество разделяется на бедных и богатых, П. сделал попытку вскрыть причину этого обществ. неравенства. «Бедный...» — писал он, — живет лишь от своего труда. Богатый — от его имущества, от своих капиталов». В условиях капитализма бедный не имеет ничего, кроме своих рабочих рук и «умирает с голоду, если у него нет работы». Пользуясь этим, капиталист всегда может «...покусить бедняка принять любые условия, какие ему вздумается поставить бедному с тем, чтобы последний отдал ему свой труд» («Восстание декабристов», т. 7, 1958, с. 301). Имуществ. неравенство лежит и в основе классовой борьбы, к-рую П. считал одной из характерных черт истории. «Мне казалось, — говорил он во время следствия, — что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах на-

следственных основанными» (Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 2, 1951, с. 166).

Филос. взгляды П., за отсутствием источников, трудно определить точно. Отдельные отрывочные положения в «Русской правде», свидетельства современников и семейная переписка дают нек-рое основание для того, чтобы говорить о тяготении П. к материализму.

Лит.: Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов, т. 4, М.—Л., 1927, т. 7, М., 1958; Никандров П. Ф., Мировоззрение П. П. П., Л., 1955; Карташев Б. И. и Муравьев В. Б., Пестель, М., 1958; Движение декабристов. Указатель лит-ры. 1928—1959, М., 1960, с. 243—46. П. Никандров. Ленинград.

ПЕТЁФИ (Petöfi), Шандор (1 янв. 1823—31 июля 1849) — венг. поэт и революц. демократ, имя к-рого неразрывно связано с революцией 1848, с идеологич. борьбой 40-х гг. 19 в. в Венгрии. П. участник революции, ее певец и вдохновитель. Пал смертью героя, сражаясь в рядах революц. армии. Большое влияние на мировоззрение П. оказали идеи франц. Просвещения и нем. левогегельянства. Идея мировой свободы проявляется у П. прежде всего как обоснование борьбы за освобождение народа. Революция для П. — средство социального и нац. освобождения народа, его неотъемлемое право. В понимании П. народ — это грозная и могучая сила, наделенная неисчерпаемой мощью и талантом. Осн. эстетич. принципы, выдвинутые П., — народность, реализм, простота. «Что правдиво, — то естественно, что естественно, то и хорошо и, по-моему, красиво: вот моя эстетика» (Собр. соч., т. 4, М., 1953, с. 247). Гражданский долг поэта состоит в просвещении народа, в том, чтобы указать ему пути к освобождению. Принцип народности П. считает сознательной подготовкой гегемонии народа: «Если народ будет господствовать в поэзии, он приблизится к господству в политике...» (там же, с. 241). Реализм в изображении жизни, народность творчества П., новая аудитория, к к-рой поэт обращался, потребовали от него и новых средств художеств. изображения; П. выступил и как реформатор венг. лит. яз.

Лит.: Кун Б., Ш. П. — поэт мировой свободы, «Иностранец», 1958, № 3; Гидаш А., Ш. Петёфи, М., 1960; Révai J., Petöfi, Bdpst, 1949; е р о ж е, A reformkorszak. A pesti nép a 48-as forradalomban — Táncsics, Petöfi, Kossuth, 1848 időszéri tanulságai, Bdpst, 1949; е р о ж е, Irodalmi tanulmányok, Bdpst, 1950; I l l y é s G., Petöfi, [Bdpst], 1952; H a t v a n y L., Így élt Petöfi, köt. 1—5, Bdpst, 1955—57; T u r ó c z i - T r o s t l e r J., Petöfi világródmái jelentőségéhez, Bdpst, 1955; P a n d i P., Petöfi, Bdpst, 1956. М. Хевеши. Москва.

ПЕТР ИСПАНСКИЙ (Petrus Hispanus) (р. во 2-м десятилетии 13 в. — ум. в 1277) — медик и философ. Род. в Лисабоне. В 1276 был избран папой под именем Иоанна XXI. Автор учебника по логике «Summulae logicales» [Venezia, 1603; пер. на англ. яз. — Notre Dame (Ind.), 1945; отрывки на нем. яз. в кн.: M. Grabmann, Handschriftliche Forschungen und Funde zu den philosophischen Schriften des Petrus Hispanus des späteren Papstes Johannes XXI, Münch., 1936 (Sitzungsberichte der Bayer. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt., H. 9)], пользовавшегося широким распространением на протяжении 13—16 вв. (после изобретения книгопечатания вышло ок. 150 печатных изд.). В семи частях этого учебника изложены основы аристотелевской логики, охватывавшей т. н. «старую» логику («Категории» и «Об истолковании») и «новую» логику (остальные книги «Органонов»), а также основы «новой» логики (logica modernorum), т. е. учение «о свойствах терминов», включая теорию суппозиции и синкатегоремат. *Георгий Шолларский* перевел учебник П. И. на греч. яз. Этот перевод долгое время ошибочно приписывался *Михаилу Пселлу*. П. И. во многом был обязан своему учителю, англ. логику Уильяму Шервуду. В учебнике П. И. большое место занимал трактат «De terminorum proprietati-

bus» («О св-вах терминов»), где, в частности, анализируются слова, играющие в обычной речи роль, сходную с той нагрузкой, к-рую в формальной логич. системе несут *кванторы* «всякий» (omnis), «никакой» (nullus), «оба» (uterque), «ни тот, ни другой» (neuter) и т. п. П. И. рассматривал и такие логич. понятия, как «наименование» (операция присвоения имени предмету: appellatio), «ограничение» (restrictio), «расширение» (distributio), «распространение» (ampliatio) и др. В учебнике П. И. приводится множество мнемонически оформленных логич. правил, многие из к-рых в точности соответствуют смыслу совр. правил в узком исчислении предикатов. Особое место занимает учение П. И. о т. н. суппозициях (допустимых подстановках значений терминов). Различаются, напр., формальная и материальная суппозиции. Суппозиция именуется формальной, если выражение (dictio) обозначает значение самого этого выражения (напр.: «человек — животное», здесь слово «человек» употреблено в модусе формальной суппозиции). Пример материальной суппозиции: «„человек“ состоит из трех слогов». Здесь слово «человек» обозначает не соответствующий реальный объект, а лишь его словесное наименование. Прямой связи между всеми суппозициями П. И. и совр. точными логич. понятиями установить, по-видимому, нельзя, хотя и можно было бы подыскать семантич. аналоги для употребления терминов в модусе материальной суппозиции. Часть суппозиций имеет, скорее всего, семантич. природу.

Лит.: Roedt, Commentarii in omnes parvos tractatus Parvorum logicalium Petri Hispani, Colon, 1493; Prantl K., Michael Psellus und Petrus Hispanus, Lpz., 1867; Berger A. M., Die Ophthalmologie (Liber de oculo) des Petrus Hispanus... zum ersten Mal herausgegeben..., Münch., 1899; Grabmann M., Ein ungedrucktes Lehrbuch der Psychologie des Petrus Hispanus, «Spanische Forschungen der Goeresgesellschaft», [Bd] 1, Münster, 1928, S. 166—73; его же, Mittelalterliches Geistesleben, Bd 2, Münch., 1936, S. 124—28; Oeuvres complètes de Gennade Scholarios, t. 8, P., 1936; Die Lehre vom Intellectus possibilis et Intellectus agens im «Liber de anima» des Petrus Hispanus, «Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age», année 1937—1938, P., 1938, p. 167—208.

[В. Зубов], Н. Стяжкин. Москва.

ПЕТР ЛОМБАРДСКИЙ (Petrus Lombardus) (нач. 12 в.—1164) — ср.-век. философ и богослов. Учился в Болонье и Париже, где слушал лекции *Абеляра*; преподавал теологию в школе при соборе Парижской богородицы; в 1159—60 — архиепископ Парижский. В гл. соч. «Сентенции» («Sententiarum libri quatuor», Migne, P L, v. 191—192; от назв. этого соч. — прозвище «Магистр Сентенций») П. Л., основываясь на авторитете Библии и «отцов церкви», дал систематич. изложение католич. богословия. Филос. взгляды П. Л. лишены оригинальности и восходят гл. обр. к воззрениям *Августина*. Философия для П. Л. — служанка богословия и играет в его системе прикладную роль, будучи призвана объяснять и обосновывать догматы веры. В основе его онтологич. и космологич. представлений лежит учение религии о сотворении мира богом «из ничего» и о божеств. провидении как первопричине всего происходящего в мире. В вопросе о сотворении души П. Л. полемизировал с еретич. течениями своего времени, отстаивая *креационизм*. В споре об *универсалиях* являлся последоват. сторонником *реализма*. Но даже робкие попытки П. Л. использовать в аргументации элементы *рационализма*, включение в «Сентенции» дискуссионных вопросов христ. богословия и изложение (хотя бы и в полемич. целях) еретич. воззрений (в частности, взглядов *Абеляра*, ведущих к отрицанию человек. природы Христа) вызвали осуждение «ложных толкований» П. Л. на Латеранском соборе 1179. Позднее, однако, одобренные Латеранским собором 1215 «Сентенции» широко использовались в борьбе церкви против еретич. движений и являлись самым авторитетным и наиболее часто комментируемым памятником схоластич.

богословов вплоть до нач. 16 в., когда они были вытеснены «Сводами» *Фома Аквинского*. При этом авторы комментариев и «вопросов» (questiones) к «Сентенциям», трактуя новые проблемы философии и естествознания, часто выходили за пределы первоначального текста П. Л.

Лит.: Лей Г., Очерк истории средневекового материализма, М., 1962 (по имен. указ.); Espenberger J. N., Die Philosophie des Petrus Lombardus und ihre Stellung im zwölften Jahrhundert, Münster, 1901 (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 3, H. 5); Stegmüller F., Repertorium commentariorum in Sententias Petri Lombardi, Bd 1—2, Heriboli [Würzburg], 1947; Grabmann M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 2, B., 1957. А. Горфункель. Ленинград.

ПЕТРАЖИЦКИЙ, Лев Иосифович (1867—1931) — рус. бурж. правовед и социолог, основатель и виднейший представитель психологич. школы права. Окончил юридич. фак-т Киевского ун-та, затем учился в Берлине. Доктор юридич. наук (с 1897). В 1898—1918 занимал кафедру энциклопедии и философии права в Петерб. ун-те. По политич. убеждениям — правый кадет (см. В. И. Ленин, Соч., т. 11, с. 82, 84); депутат 1-й Гос. думы. После Октябрьской революции 1917 — эмигрант, занимал кафедру социологии Варшавского ун-та. По филос. воззрениям П. — идеалист, близкий *эмпириокритицизму* и имманентной школе. По П., реально существуют лишь психич. процессы, остальные социально-историч. образования суть их внешние проекции, т. е. «эмоциональные фантазмы» (см. «Теория права и государства...», т. 1, СПб, 1909, с. 42, 43, 46, 49 и др.). В то же время, классифицируя науки по видам высказываний (когда суждения о сущем составляют основу наук теоретических, а суждения о должном — практических), П. склонялся к *неокантианству*.

П. полагал, что науки о х-ве, праве, гос-ве, нравственности должны опираться на анализ психич. явлений. Считая неудовлетворительным деление психич. явлений на познание, чувство и волю (где первые два феномена — пассивны, а третий — активен), П. ввел понятие эмоций, несущих якобы двусторонний, активно-пассивный характер (напр., переживания голода, жажды и т. п.). Эмоции, по П., — «истинные мотивы, двигатели» человек. поведения (здесь очевидна антиинтеллектуалистич. тенденция теории П.). Среди различных эмоций особую роль играют эмоции этически-моральные и правовые. Моральные эмоции императивны, т. е. обязательны, правовые — императивно-атрибутивны, обладают обязательно-притязат. свойством: не только к-л. лицо обязано что-то делать, но другое вправе требовать от него выполнения данных обязанностей. Развитие права, морали, эстетики и даже переход от правовой системы рабства к праву «свободного» труда и конкуренции — следствия и продукты «прогресса народной психики» (см. там же, т. 2, СПб, 1910, с. 754—55). Наиболее сильное обратное воздействие на общество оказывает право, к-рое П. разделяет на интуитивное и позитивное. Отсюда особое значение т. н. политики права, призванной очищать психику людей от анти-социальных склонностей и направлять их поведение в сторону общего блага посредством разработок «...начал желательного, рационального права в законодательстве» (там же, с. 475). Именно политика права сознательно ведет человечество вперед в том направлении, куда оно движется бессознательно эмпирически. Гос-во (как и все др. обществ. отношения, включая собственность) служит, по П., праву (т. е. общему благу), обеспечивает осуществление определ. системы правовых норм и изменяется в соответствии с ее потребностями.

Несостоятельность концепции П. заключается в том, что она покоится на догматич. предпосылке об определяющей роли психич. фактора (и прежде все-

го эмоций) в жизни общества; она не объясняет ни происхождения эмоций, ни конечных причин их эволюции. Отсутствие классового подхода к социальным отношениям, абстрактность и антимарксистская направленность сделали психологизм одним из осн. течений в бурж. социологии и юриспруденции.

Соч.: *Очерки философии права*, вып. 1, СПб, 1900; *О мотивах человек. поступков...*, СПб, 1904; *Введение в изучение права и нравственности. Эмоц. психология*, 3 изд., СПб, 1908.

Лит.: Саидлер Г. Л., *Юридич. доктрины империализма*, пер. с польск., М., 1959, с. 47—74 (имеется обширная лит-ра). А. Поляков. Москва.

ПЕТРА́РКА (Petrarca), Франческо (1304—74) — итал. поэт и философ-моралист, родоначальник итал. и европ. гуманизма. В произведении «О моем собственном невежестве...» («De sui ipsius et multorum aliorum ignorantia», 1367—68, опубл. 1492) и др. П. критиковал падуанскую школу аверроистов. Вместе с тем, вступая в противоречие с догмами христианско-католич. вероучения, согласно к-рым счастье человека возможно лишь в потустороннем мире, он отстаивал право человека на счастье в реальной, земной жизни. Глубокий интерес П. к изображению переживаний собств.

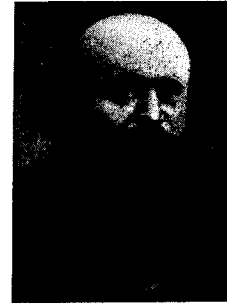

«Я», к потребностям личности, отразившийся в его лирике, а также к антич. культуре, в том числе к антич. философии, к-рую он противопоставлял схоластике, послужил одним из исходных пунктов гуманистич. движения. Интересы П. к проблемам морали нашли отражение в соч. «О презрении к миру» («De contemptu mundi», 1342, опубл. ок. 1472); «Об уединенной жизни» («De vita solitaria», 1346—66, опубл. ок. 1472; нов. изд., Napoli, 1943); «О средствах против страданий и радостей» («De remediis utriusque fortunae», 1358—66, опубл. 1471). Один из первых гуманистов, обратившихся к произведениям Цицерона и Сенеки, П. видел гл. цель своих размышлений в разработке «искусства жизни». Отвечая на вопрос, как достичь полной независимости, самообладания и душевного покоя при наличии смущающих человека страстей и при постоянной борьбе с окружающим миром, П. обнаружил духовный аристократизм, характерный и для мн. др. гуманистов Возрождения и отражавший возрастание бурж.-аристократич. индивидуализма. Эстетич., науч., морально-совершенство личности, по убеждению П., возможно лишь в условиях обособления художника или философа от масс, противопоставления просвещенных деятелей литературы и философии «невежественной черни». В соч. «О республике...» («De republica...», 1373, являющемся 1-м письмом из 14-й кн. его соч. «Epistole sinele», Верона, 1602) П. сформулировал свой идеал гос-ва, основывающегося на высокой морали граждан. П. был горячим патриотом своей родины, ратовавшим за объединение Италии и восстановление ее могущества.

Соч.: Opera, Basileae, 1496; Basileae, 1554; Basileae, 1581; [Отрывки] «О презрении к миру» и «О средствах против всякой фортуны», в кн.: Хрестоматия по зарубежной лит-ре. Эпоха Возрождения, т. 1, М., 1959, с. 10—15.

Лит.: Монье Ф., Опыт лит. истории Италии XV в. Кваттроченто, пер. с франц., СПб, 1904; Корелли и М., Ранний итал. гуманизм и его историография, [2 изд.], т. 2, СПб, 1914; Саггини А., *Il pensiero filosofico religioso di F. Petrarca*, Jesi, 1904; Nollha C. P. de, *Petrarque et l'humanisme*, nouv. éd., t. 1—2, P., 1907; Viondoli F., *Per la religiosità di F. Petrarca*, Roma, 1913; Tatham E. D. H. R., *Francesco Petrarca*, v. 1—2, L.—[a. o.], 1925—26; Razzoli E., *Agostinismo e religiosità del Petrarca*, Roma, 1937; Whiffeld J. H., *Petrarch and renaissance*, N. Y., 1943; Piglioli F., *Il pensiero religioso di F. Petrarca*, Alba, 1952. В. Соколов. Москва.

ПЕТРАШЕ́ВСКИЙ (правильнее Бута ш е в и ч П е т р а ш е в с к и й), Михаил Васильевич (1 ноября 1821—7 дек. 1866) — деятель российского освободит. движения сер. 19 в., организатор и руководитель первого в России социалистич. кружка (петрашевцев). Род. в семье врача. В 1832—39 учился в Царскосельском лицее. С 1840 П. служил переводчиком в департаменте внутр. сношений Министерства иностранных дел.

В начале 40-х гг. филос. искания П., нашедшие отражение в самом раннем из сохранившихся его произведений «Мои афоризмы» (1840—41), развивались в духе объективного идеализма. К этому же времени П. изучил большую часть произведений Фурье и Сен-Симона. Его волновали социально-экономические проблемы, поставленные Радищевым, декабристами и особенно Белинским.

К сер. 40-х гг. П. становится на позиции материализма: «... в мироздании... нет ничего сверхъестественного, такого, чего бы не заключалось в его природе и из нее не развивалось» (Филос. и обществ. политич. произв. петрашевцев, 1953, с. 320). П. отстаивает мысль о том, что «... всякое явление природы имеет узаконенную продолжительность, свое начало и конец» и вместе с тем все возникает, развивается и «... исчезает в бесконечности...» (там же, с. 308, 383). Гл. задачу познания П. видел в раскрытии законов природы, в применении открытых законов к практич. деятельности человека, в освобождении его от суеверий и религ. догм. Материализм П. глубоко атеистичен.

В решении вопросов социальной жизни П. не вышел за пределы историч. идеализма.

Статьи П. в «Карманном словаре», его «Проект об освобождении крестьян» (1848), выступления на происходивших по инициативе регулярных собраниях петрашевцев свидетельствуют о новом этапе в развитии антикрепостнич. взглядов П. и переходе его на позиции революц. демократизма и утопич. социализма в области политич. и экономич. преобразований, что было связано с углублением кризиса крепостного строя, ростом крест. выступлений в России во 2-й пол. 40-х гг., назреванием и развертыванием бурж. революций на Западе.

В отличие от декабристов, П. в это время ставит задачу вовлечения в освободит. движение нар. масс, признает историч. закономерность крест. войн в России и в Европе. В этом его взгляды совпадают со взглядами Спешнева, Головинского и др. революц. петрашевцев. Но П. разошелся с ними в оценке роли различных социальных сил в борьбе за преобразование России и особенно в оценке степени классового самосознания крепостного крестьянства, в понимании характера крестьянской революции. П. указывал на то, что «... в крестьянах самосознание своего положения совсем не так велико, как утверждает Головинский...» («Дело петрашевцев», т. 3, 1951, с. 427). П. предлагал своим единомышленникам развернуть агитацию и пропаганду новых идей в городских слоях населения, «действовать на ремесленный класс народа» как более способный к организации и политич. борьбе. Политич. просвещению П. отводил решающую роль. «Главная цель состоит в том, — говорил он, — чтобы идеи и желания укоренились в массах народа, а когда будет чего желать целый народ, тогда против него ничего не может войско» (там же, с. 409). Не находя в тогдашней России сил для победоносной революции, свои надежды П. возлагал на реформу, видя в ней начало ликвидации крепостнических

отношений, которую в будущем завершит народная революция.

П. был выдающимся представителем рус. социалистич. мысли в 1-й пол. 19 в. «Социализм не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, ... — он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться» (Филос. и общественно-политич. произв. петрашевцев, с. 423). Возникновение социализма Фурье, Сен-Симона и Р. Оуэна он прямо связывал с развитием противоречий капиталистич. об-ва, ростом нищеты трудящихся. Разумеется, утопич. социалист П. был далек от того, чтобы рассматривать социализм как движение раб. класса, но, будучи революционером, осуществление социализма он связывал с борьбой нар. масс за установление своей советв. власти.

Поборник передовых общественно-политич. и филос. идей своего времени, П. объединил вокруг себя сторонников уничтожения крепостничества и установления респ. строя в России, создал крупнейшую для того времени библиотеку запрещенной лит-ры, развернул пропаганду идей утопич. социализма. В 1848—49 вместе с Н. А. Спешневым, Н. А. Момбелли и др. П. пришел к идее о необходимости создания тайного общества, к-рое должно было сплотить революц. силы страны. В апреле 1849 вместе с другими членами кружка П. был арестован. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «первый возымел замысел на испровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на безначалии». В декабре 1849 П. был приговорен к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. Отбывал каторгу на Шилкинском и Александровском заводах в Вост. Сибири. В 1856 П. был переведен на поселение в Иркутск. До конца своей жизни П. оставался непримиримым врагом самодержавно-крепостнич. строя и глубоко убежденным социалистом. На каторге и в ссылке поддерживал дружеские отношения с др. политич. ссылками, в т. ч. с декабристами; добивался пересмотра всего дела петрашевцев. В 1860 П. был выслан в с. Шушенское Минусинского округа, а затем в еще более далекое с. Бельское Енисейского округа, где и умер.

Соч.: Мои афоризмы или обрывочные понятия мои обо всем, мною самим порожденные; Запас общепользующего, в кн.: Дело петрашевцев, т. 1, М.—Л., 1937, с. 546—49, 552—58; О значении образования в отношении благосостояния общественного; Карманный словарь иностр. слов, вошедших в состав рус. яз.; Проект об освобождении крестьян; Письмо к П. А. Кузьмину; Черновик письма К. И. Тимковскому (в чужой монастырь с своим уставом не ходят); Как следует поступать по этому делу, по моему мнению? [Объяснение о системе Фурье и о социализме]; [Показание] и отрывки из некоторых писем, в кн.: Филос. и общественно-политич. произв. петрашевцев, М., 1953.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 7, с. 26; Арефьев В. М., В. Буташевич-Петрашевский в Сибири, «Рус. старина», 1902, т. 109, [№ 1]; [Энгельсон В. А.], П., в кн.: А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. 6, П., 1919, с. 502—19; Семевский В. И., М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1, М., 1922; Бешкин Г. И., Идеи Фурье у П. и петрашевцев, М.—П., 1923; Беркин-Флеровский В., Записки революционер-мечтателя, М.—Л., 1929, с. 12—19; Никитина Ф., Обществ.-политич. и филос. взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского, в сб.: Из истории рус. философии XVIII—XIX вв., М., 1952; Огарев Н. П., Предисл. [к сборнику «Рус. потаенная лит-ра XIX века»], в его кн.: Избр. социально-политич. и филос. произв., т. 1, М., 1952; Герцен А. И., Собр. соч., т. 1—30, М., 1954—65 (см. указат.); Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского. Публикация В. Р. Лейкиной-Свириной, в кн.: Лит. наследство, т. 63, М., 1956; [Мартиновская В. С.], Социально-экономич. воззрения петрашевцев, в кн.: История рус. экономич. мысли, т. 1, ч. 2, М., 1958, гл. 15; Волк С. С., Петрашевцы, БСЭ, 2 изд., т. 32, [М., 1955].

В. Еврафов. Москва.
ПЕТРАШЕВЦЫ — участники кружков передовой рус. интеллигенции (Петербург, 1845—49), ставившие

своей целью борьбу против царизма на основе принципов демократии и идей утопич. социализма. Ленин считал, что революц. социалистич. интеллигенция России ведет свое начало примерно «от кружка петрашевцев» (см. Соч., т. 7, с. 26, прим.).

Центр. кружок П. — кружок *Петрашевского* — возник в 1845. В разное время «пятницы» Петрашевского посещали литераторы — М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, братья В. Н. и А. П. Майковы, А. А. Григорьев, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм; чиновники — братья И. М. и К. М. Дебу, А. П. Баласогло, В. А. Головинский, Д. Д. Ахшарумов, Н. Я. Данилевский, П. И. Кайданов; офицеры — Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов, Н. П. Григорьев, П. А. Кузьмин; экономисты — И. В. Вернадский, В. А. Милютин, будущий географ и путешественник П. П. Семенов; учителя — Ф. Г. Толь, И. Л. Ястржембский; студенты — А. В. Ханьков, П. П. Филиппов и др. Собрания П. проходили также у Момбелли, Н. С. Кашкина, Плещеева, Дурова и Пальма, на квартире *Спешнева*. Кружки П. существовали также в Москве, Ревеле, Казани, Ростове Ярославском.

Часть петрашевцев была настроена в либерально-бурж. духе и в своих политич. идеалах не шла далее конституц. монархии. По общий тон в кружках П., их обществ. лицо и историч. значение определяли деятели, либо уже ставшие революц. демократами, либо находившиеся на пути к революц. демократизму в дворянский период освобожд. движения России. В своих предположениях и требованиях в области социально-экономич. и политич. преобразований П. пошли значительно дальше декабристов. В условиях политич. реакции 40-х гг. П. пропагандировали идею республики в ее демократич. форме, выдвинули требования освобождения крестьян с землей без какого бы то ни было выкупа, радикальной судебной реформы, отмены цензуры и др. Критикуя заговорщическую тактику декабристов, П. пришли к мысли «о возможности и близости у нас революции» в форме крест. войны.

Важное значение для развития революц. мысли в России в сер. 19 в. имел составленный П. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Первый его выпуск (в подготовке к-рого принял участие В. Майков, Петрашевский, Р. Р. Шрандман и др.) вышел в свет в Петербурге в апреле 1845. Белинский дал «Словарию» положительн. оценку и советовал запастись им «всем и каждому» (см. Полн. собр. соч., т. 9, 1955, с. 62). Все осн. статьи второго выпуска (1846), определявшие политич. и мировоззренч. направление словаря, были написаны Петрашевским. «Петрашевцы, — писал Герцен в „Былом и думам“, — ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию „Словарем иностранных слов“» (Собр. соч., т. 10, 1956, с. 344).

В апреле 1849 большая группа П. была арестована и посажена в Петропавловскую крепость. 22 человека были преданы воен. суду, 21 — приговорен к расстрелу (Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Ханьков, братья Дебу, Львов, Н. Григорьев, Ястржембский, Головинский, Филиппов, Толь, Тимковский, Д. Ахшарумов, А. Европеус, Пальм, Дуров, Плещеев, Ф. Достоевский, Кашкин, П. Шапошников). На эшафоте была зачитана конфирмация, по к-рой расстрел был заменен ссылкой на каторжные работы, в арстантские роты, в линейные батальоны действующих на Кавказе войск и т. д.

Филос. взгляды П. получили наиболее полное выражение в произведениях Петрашевского, Спешнева, Ханькова, Баласогло, Д. Ахшарумова, Кашкина, Толя и Львова. Формирование их мировоззрения происходило под воздействием восстания декабрист-

тов, революции 1848—49 в Европе, нараставшего крест. и нац.-освободит. движения. Филос. и социол. воззрения П. складывались под воздействием произведений франц. просветителей-материалистов, Фейербаха, социалистов-утопистов и особенно теории Фурье. Решающую роль в становлении мировоззрения П. в целом сыграли произведения *Белинского* и *Герцена*. В 6-ке П. имелись произведения Маркса «Ничтога философии» и Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; однако П. еще не выделяли науч. социализм из др. социалистич. учений.

Филос. воззрения П. не были единообразными. Братья Достоевские, Дашлевский, Беклемишев, Дуров и нек-рые другие были людьми глубоко религиозными. Петрашевский, Спешнев, Толя, Кашкин и другие П. были убежденными материалистами и атеистами. В статьях «Идеализм» (в 1-м вып. «Словаря») и «Материализм» (во 2-м вып.) ясно проводилась мысль о противоположности материализма и идеализма. В «Карманном словаре» и особенно в бесцензурных работах Петрашевского, Спешнева, Кашкина и нек-рых других П. даются резкая критика идеализма, идеалистич. метафизики. Спешнев объявил «абсолютный дух» Гегеля выдумкой идеалистич. философии, предметом веры, а не науки. В своей «Речи о задачах обществ. наук» (1848) Кашкин, опираясь на тексты из работы Герцена «Дилетантизм в науке», выступил против стремления Капта и философ.-идеалистов вообще «поставить разум человека выше законов природы...» (Филос. и обществ.-политич. произв. петрашевцев, 1953, с. 657). Спешневу принадлежит глубокий критич. разбор — т. н. антропозизма в философии Фейербаха.

В статьях «Карманного словаря» отчетливо проводилась идея об объективном характере природы и законов ее развития. Спешнев назвал эту идею осн. принципом «нового времени». Петрашевский считал романтиками людей, мечтающих «...как-нибудь вернуться из-под законов природы...» (там же, с. 381); он дал оригинальную критику идеалистич. позиции гегельянцев в этом вопросе (см. там же, с. 402, а также с. 479, 496). Но эти утверждения не означали признания П. фатального действия законов природы. Петрашевский доказывал, что человек «...и со временем чрез сознание мировых законов, должен вполне сделаться властелином и устройтелем всей видимой природы...» (там же, с. 342).

В трактовке П.-материалистами объективных законов природы имелись элементы диалектики. подхода. В опубликованной в словаре П. ст. «Оппозиция» говорилось о действии в мире «...общего закона противодействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе» (там же, с. 297). В словарной статье «Неология» движение в природе, ее развитие и жизнь определялось П. как процесс обновления, как «общий закон преобразования форм» (см. там же, с. 215), действующий не только в природе, но и в сфере человеческого мышления и творчества. Но, сделав большой шаг к пониманию отд. сторон диалектич. развития природы, П. не смог порвать с нек-рыми осн. принципами механистического материализма.

В «Карманном словаре», в произведениях Петрашевского, Спешнева, Толя, Львова и нек-рых др. П. отстаивались принципы материалистич. теории познания. Прикнв к материалистически толкуемому сенсуализму, Петрашевский, Спешнев и др. отмечали вместе с тем громадное значение науч. обобщений, проверки и сопоставления добытых фактов, их систематизации, обнаружения их сущности. В свою очередь развитие разума П. ставили в зависимость от

опыта, полагая, что «...знания в буквальном смысле нет a priori, а только a posteriori...» и что «...практика является предшественницей теории и обобщительницей частных фактов и явлений» (там же, с. 321).

Социологич. воззрения П. Ключом к «философии истории» П. является учение о «природе человека». Гл. причину ненормальности всех предшествовавших обществ, как и совр. бурж. общества, П. вслед за Фурье видели в том, что в них «природа человека» не принималась во внимание, более того, подавлялась неправильной организацией х-ва, неразумным политич. устройством и др. факторами. П. полагали, что устройство об-ва, к-рое по самой своей природе подвержено изменению, необходимо «приладить» к неизменной (или почти неизменной) «природе человека», найти с помощью разума такое обществ. устройство, при к-ром человек. страсти не только не противоречили бы друг другу и не приходили бы в столкновение с разумом, но превращались бы из источников страдания в источники наслаждения, в движущие силы прогресса. В конечном счете активные ипоски П. закономерностей развития общества привели их к признанию в качестве осн. и определяющей причины обществ. развития разума человека, эволюции его сознания. Все П. с сочувствием относились к судьбе нар. масс. По взгляды их на роль народа в обществ. прогрессе были различны и порой даже противоположны. Выражая т. зр. либералов, Беклемишев видел в народе лишь разрушит. силу, направленную против «обществ. порядка». По другому смотрели на народ П.-демократы. Нек-рые из них, напр. Ахшарумов, проявляли колебания в этом вопросе, не доверяя полностью народу на том основании, что из-за тяжелой жизни многие простолудины ленивы и дики, что «...куча пьяниц, воров и даже убийц — это все жертвы нашего общества», что «от них можно всего ожидать...» (там же, с. 676). Но при всех этих колебаниях решение вопроса о судьбах обществ. прогресса П. связывали с интересами, волей и активностью нар. масс.

П. высказали ряд оригинальных мыслей о роли личности в истории. Петрашевский неоднократно подчеркивал, что мыслящий человек, понимая зависимость людей от объективных законов, не приписывает отд. личности «чрезвычайного значения» и «особой важности». Вместе с тем он признавал за выдающимися личностями роль новаторов, борцов за новое против старого в обществ. жизни.

Отд. П. приближались к пониманию классовой борьбы как одной из важнейших закономерностей развития общества. В этом смысле о классовой борьбе говорил Ханыков: «Один закон, выражающий эти отрицания, идет чрез всю историю в различных видах, — это закон победителей и побежденных, проявившийся на Востоке борьбою каст, в Греции — борьбою дематов с эвпатридами, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — разнообразной борьбою освобожденной личности с авторитетом, борьбою расколов, партий, сословий новых, образовавшихся в то время, характеристическою, наконец, борьбою крестьян, промышленных коммюн с вассалами и в наше время — борьбою пролетариев с капиталистами» (там же, с. 508—09).

Изучение конкретного историч. опыта борьбы угнетенных народов и практич. применение принципов теории естеств. права к вопросу о нациях и нац. отношениях позволили Петрашевскому сформулировать важный тезис о праве каждого народа на независимое нац. существование. Самостоятельность нации П. не возводили в абсолют, как это делали идеологи «официальной народности» и славянофилы, а отстаивали идею равенства и дружбы между всеми народами. Они осуждали колонизаторскую политику

Англии и др. гос-в в отношении отсталых стран Азии, Африки и Америки. Касаясь вопроса о будущем наций, Петрашевский, Баласогло, Ханьков, Ястржембский и др. П. считали, что в очень отдаленной перспективе исчезнут не только вражда, но и различия между нациями.

Возникновение и усиление элементов реализма в социологич. воззрениях П. связано с их революц. демократизмом в политике, к-рый был слит с их утопич. социализмом. П. были противниками не только феод. рабства, но и всякого рабства и угнетения, в т. ч. и буржуазного. «Социализм требует устранения этих явлений из жизни общественной» (там же, с. 429). По убеждению Головинского, европ. бурж. общество не только не устранило классово-сословной борьбы, наблюдавшейся в прежней истории, но еще более обострило ее, поставив трудящихся перед выбором: смерть от голода или борьба за лучший обществ. строй. «Социализм — это протест голода» («Дело петрашевцев», т. 3, 1951, с. 224).

На формирование социалистич. мысли П. оказали очень большое влияние социалисты-утописты Сен-Симон, Р. Оуэн и особенно Фурье. П. горячо восприняли положение Фурье о социализме как великой реорганизации обществ. произ-ва, новой организации человек. труда. Все П.-социалисты, как сторонники революц. преобразований, так и их противники, были убеждены, вслед за Фурье, в возможности увеличения произ-ва до размеров, обеспечивающих всем не только довольство, но даже роскошь (см. там же, т. 2, 1941, с. 298). Вслед за Фурье П.-социалисты были убеждены в том, что превращение труда из тягостной обязанности в источник непосредств. наслаждения жизнью приведет к резкому увеличению числа людей, занятых производит. трудом, ибо в сфере произ-ва перейдут все люди, ведущие паразитич. образ жизни, и все прислуживающие им; сюда же перейдет значит. часть торг. сословия; ненужным окажется войско, таможенная стража, сборщики акцизов и податей. Организация труда на основе ассоциации откроет широкие возможности для вовлечения в крупное произ-во женщин, для соединения школьного образования с производственным обучением детей.

Вместе с тем большинство петрашевцев-социалистов не считало социалистич. взгляды своих зап.-европ. учителей безупречными. Многие из них не разделяли предложенный Фурье принцип распределения богатств в фаланстере ($\frac{4}{12}$ — на капитал, $\frac{5}{12}$ — на труд и $\frac{3}{12}$ — на талант), считая неправомерным передачу какой-либо части дохода капиталу. Им казалась также несбыточной мысль, чтобы предлагаемый Фурье и Оуэном социалистич. опыт в малом размере мог привести к распространению всеобщего благоденствия, а самое главное, что осуществление социалистич. хоз-ва возможно без политич. борьбы и ревлюц. преобразований в обществе.

Вопрос о путях осуществления социалистич. учения в России был очень трудным для П. Самым большим препятствием для осуществления социализма, а равно и демократич. обществ. преобразований П. считали «...наше глупое, злое... правительство» (Ахшарумов Д. Д., см. Филос. и обществ.-политич. произв. петрашевцев, с. 674), царское самодержавие. Задача ликвидации крепостного строя и свержения царизма признавалась главной в их практич. деятельности. Но вместе с тем, наиболее дальновидные из П. полагали, что только современная, т. е. капиталистич. цивилизация должна подготовить «материалы и способы для будущего благосостояния всего человечества».

Разумеется, не все П.-демократы достаточно критически относились к учению Фурье. Так, Ханьков

разделял, хотя и в особенной трактовке, космологич. учение Фурье. Ахшарумов, вслед за Фурье, придерживался взгляда, что большие города есть зло в обществ. жизни и полагал, что в социалистич. обществе они должны погибнуть.

Знаменательно, что в сознании ряда П. зарождались идеи рус. крест. социализма. Автор «Солдатской беседы» Григорьев показал, что община, крест. артель есть «изобретение русского ума, давно поставившего социализм на должное ему место». При обсуждении на собраниях П. вопрос о роли крест. общины поднимался неоднократно в выступлениях Головинского, Ханькова, Баласогло и самого Петрашевского.

Этич. взгляды П. В области этики, как и в социологии, П. исходили «из опытного исследования природы человеческой». Для создания счастья их этика вменяла в священную обязанность всякому человеку бороться за свободное, всестороннее и гармонич. развитие всех своих способностей и удовлетворение своих потребностей. Этика П. была направлена не только против старой крепостнической, но и против ханжеской бурж. морали, основанной на религии и гоббсовском принципе «вражды всех противу каждого» (см. там же, с. 187).

В области эстетич. воззрений часть П. (М. М. Достоевский, А. Майков и др.) придерживалась концепции «иск-ва для иск-ва»; в противоположность им Петрашевский, Плещеев, Баласогло и др. отстаивали важнейшие положения эстетики Белинского с ее требованиями народности, реализма и высокой идейности художеств. произведений.

Теоретич. деятельность П., организованная ими пропаганда материалистич. и диалектич. идей в философии, идей утопич. социализма и прогрессивных социологич. теорий, отстаивание ими принципов морали и эстетики, проникнутых духом революционно-демократич. гуманизма, отвечали насущным потребностям освободит. борьбы против царизма, знаменовали начало поисков передовой обществ. мыслью России правильной революц. теории.

Документы и соч. см. в кн.: Карманный словарь иностр. слов..., вып. 1—2, СПб, 1845—46; Петрашевцы в воспоминаниях современников, [т. 1], М.—Л., 1926; Петрашевцы. Сб. материалов, т. 2—3, М.—Л., 1927—28; Дело петрашевцев, т. 1—3, М.—Л., 1937—51; Филос. и обществ.-политич. произведения петрашевцев, М., 1953.

Лит.: Арефьев В. М. В. Бутаевич-Петрашевский в Сибири, «Рус. старина», 1902, т. 109, [№ 1]; Войнов В., Петрашевский-Бутаевич Михаил Васильевич, в кн.: Рус. биографич. словарь, [т. 13], СПб, 1902; Герцен А. И., Петрашевский, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. 6, П., 1919; Семевский В. И., М. В. Бутаевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1, М., 1922; Бешкин Г., Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев, М.—П., 1923; Нифонтов А. С., Россия в 1848 г., М., 1949; Никитина Ф., Обществ.-политич. и филос. взгляды М. В. Бутаевича-Петрашевского, в сб.: Из истории рус. философии XVIII—XIX вв., М., 1952; Огарев Н. П., Предисл. к сборнику «Рус. потаенная литература XIX в.», в его кн.: Избр. соц.-политич. и филос. произведения, т. 1, М., 1952; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, гл. 17; Герцен А. И., Собр. соч. в 30 томах, т. 10, М., 1956, с. 343—44; т. 17, М., 1959, с. 106—107; т. 18, М., 1959, с. 243—44; т. 19, М., 1960, с. 193, 230; т. 25, М., 1961, с. 46, 67, 138; [Мартиновская В. С.], Соц.-экономич. мировоззрения петрашевцев, в кн.: История рус. экономич. мысли, т. 1, ч. 2, М., 1958; Богатов В. В., Осн. черты мировоззрения выдающихся представителей движения П., М., 1958; Усакина Т. И., Петрашевцы и лит.-обществ. движение сороковых годов XIX в., Саратов, 1965; Лейкина-Свиридая В., Петрашевцы, М., 1965.

В. Егграфов. Москва.

ПЕТРИЦИ, Иоанн (11—12 вв.) — ср.-век. груз. философ. Деятельность П. протекала вначале в Константинополе, где он был связан с филос. кружком Иоанна Итала, затем в Петрици (Бачково) — центре просвещения груз. молодежи, созданном в Болгарии, и завершилась на родине — в Гелатской академии, положившей начало груз. филос. ренессансу.

Филос. взгляды П., сложившиеся под влиянием Прокла («Элементы теологии» к-рого были перевер-

дены П. на груз. язык с обширными комментариями), могут быть охарактеризованы как разновидность *неоплатонизма*. Цель своей деятельности П. видел в борьбе против невежества, в насаждении знания, в определении и правильном толковании осн. понятий философии. Предметом филос. исследования П. считал «лежащее в основе всего непознаваемое единое», т. е. бога. Единое есть абс. реальность, благо и красота. Действительность в целом — это система ступеней *эманации*, нисхождения единого (по ступеням: единое — разум — душа — мир), поступат. утрата реальности, благодати и красоты. Однако независимо от степени удаления от абсолютного, «божеств. свет» присутствует в каждой из ступеней, вплоть до конкретных явлений действительности. Осн. вопрос ср.-век. философии — создан ли мир богом во времени или он существует от века? — П. решал антидогматически, в духе *пантеизма*, за что подвергался гонениям со стороны визант. и груз. церк. кругов. Пантеистич. идеи П. оказали благотворное влияние на дальнейшее развитие *грузинской философии* и, в частности, на духовное развитие Ш. *Руставели*.

Соч.: Труды..., т. 1—2, Тб., 1937—40 (на груз. яз.); Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадохса, пер. и исследование И. Д. Панцхава, Тб., 1942.

Лит.: Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 4, М., 1955; Хидашели Ш., Иоани Петрици, Тб., 1956 (на груз. яз.); Н у н у б и д з е Ш., История груз. философии, Тб., 1960. Ш. *Хидашели*. Тбилиси.

ПЕТРИЦИ (Petrcy), Себастьян, из Пильзна (1554—1626) — польский философ и врач. Образование получил в Падуе, где воспринял идеи *падуанской школы* аверроистов. Проф. Ягеллонского ун-та в Кракове; представитель ренессансного аристотелизма в Польше. Перевел на польский яз. «Этику» и «Политику» Аристотеля, а также псевдоаристотелеву «Экономику», сопроводив их обширным комментарием, в к-ром выразил свои филос. и правовые взгляды. В истолковании этики Аристотеля П. проводил идеи *стоицизма*. В обществ.-политич. области выступал в защиту умеренной программы реформ. Влияние падуанской школы особенно сказалось в области медицины, в частности в стремлении П. объединить дедуктивные рассуждения с наблюдением и опытом.

Соч.: Добавления к «Этике», «Экономике» и «Политике» Аристотеля, в сб.: Польские мыслители эпохи Возрождения, М., 1960, с. 228—67; Pisma wybrane, oprac W. Wasik, wstęp K. Grzybowski ..., т. 1—2, Кр., 1956 (Biblioteka klasików filozofii. Pisarze polscy); Sebastian Petrcy. Uczony doby Odrodzenia, red. H. Barycz, Wr., 1957. П. *Чарторьский*. ИИР.

ПЕТРОСЯН, Мария Исааковна [р. 25 марта (7 апр.) 1911] — сов. философ, д-р филос. наук, профессор (1965). Чл. КПСС с 1940. Окончила юридич. ф-т азерб. Ин-та сов. строительства и права (1932) и аспирантуру филос. ф-та МИФЛИ (1934). Преподала философию в вузах с 1933. Ст. науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР. Ведет исследоват. работу в области истории философии, всториц. материализма и этики, в основном по проблемам гуманизма, личности и общества.

Соч.: О материализме Фейербаха, «Фронт науки и техники», 1937, № 3; Томас Гоббс, там же, 1938, № 4—5; Гоббс о религии, «ИЗМ», 1938, № 6; Реакц. сущность совр. бурж. лжегуманизма, «Труды сектора философии АН Арм. ССР», 1950, т. 1; Марксизм и гуманизм, «ВФ», 1953, № 3; Социализм и гуманизм, «ВИМК», 1957, № 5; Нек-рые вопросы этики и ревизионизм, «ФН» (НДВШ), 1958, № 4; Коммунизм — полное воплощение реального гуманизма, «Коммунист», 1959, № 7; О марксистском понимании сущности человека, «ФН» (НДВШ), 1963, № 4; Гуманизм, М., 1964.

ПЕТЦОЛЬДТ (Petzoldt), Йозеф (4 нояб. 1862—1 авг. 1929) — нем. философ-эмпириокритик, основатель «Общества позитивистской философии» (1912). П. популяризовал концепцию «чистого опыта» *Авенариуса* и стремился объединить ее с имманентной философией *Шуппе*. В книге «Введение в философию чистого опыта» (рус. пер., т. 1, СПб, 1910) П. критиковал материалистическую концепцию причинно-

сти, заменяя ее функциональной зависимостью, которая свидетельствует «... о процессах, не следующих друг за другом во времени, а одновременных и тем не менее друг от друга зависящих» (указ. соч., с. 38). Поскольку причинно-следственная связь неотторжима от движения во времени (что затрудняет выявление начала действия причины и ее завершение), постольку, по П., этот тип зависимости неопределен. В соответствии с общей концепцией однозначности П. проводил т. зр. *психофизического параллелизма*. Развивая махистский принцип экономии мышления, П. считал, что самый существенный признак всех целей нашего мышления и творчества является устойчивостью (см. «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung», Bd 2, Lpz., 1904, S. 72). На основании этого принципа он пытался построить гносеологию, этику и эстетику.

В кн. «Проблема мира с точки зрения позитивизма» (рус. пер., СПб, 1909) П. выступал с критикой материализма по вопросу о субстанции, развивая понятие *интродекции* Авенариуса. Согласно П., тенденция мышления к устойчивости приводит к попытке обнаружить за изменчивостью вещей нечто постоянное — сущность, противопоставленную миру явлений. Такое удвоение мира и есть интродекция, «вкладывание» несуществующей субстанции в вещи: ощущение и есть сама вещь. Отрицая субстанциальность вещей, П. развивает концепцию принципиальной координации субъекта и объекта. Поскольку мир для П. существует лишь как ряд чувств. образов, к-рые для различных субъектов различны, он в конечном счете приходит к *релятивизму* и, — несмотря на словесное признание объективной реальности, — к *солипсизму*. Гносеология у П. сведена к психологии. «Мы знаем теорию познания в более узком смысле этого слова, как психологию познания...» («Проблема мира...», с. 192). При чем субъект познания для П. — это изолированный, вырванный из социальных связей индивид.

Историю философии П. рассматривал как историю мучений, которые причиняло мыслителям полное ничто, выдуманная вещь, субстанция (там же, с. 213). Лишь благодаря *Юму*, критиковавшему понятия причинно-следственной связи и субстанции, создается, по мнению П., возможность возникновения науч. философии. Филос. взгляды П. были подвергнуты обстой. критике в кн. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Соч., т. 14, с. 149).

Соч.: Maxima, Minima und Ökonomie, Altenburg, 1891; Das Gesetz der Eindeutigkeit, «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», 1895, Jg 19, H. 2; Die Stellung der Relativitätstheorie in der geistigen Entwicklung der Menschheit, 2 Aufl., Lpz., 1923; Das Verhältnis der Mätschen Gedankenwelt zur Relativitätstheorie, в кн.: М а с h E., Die Mechanik in ihrer Entwicklung, Lpz., 1921.

Лит.: Н е r r m a n n Ch., J. Petzoldt, «Kant-Studien», 1929, Bd 34, H. 3/4. А. *Огурцов*. Москва.

ПЕЧЕРИН, Владимир Сергеевич (15 июня 1807—17 апр. 1885) — рус. мыслитель. В нач. 30-х гг. испытал серьезные респ. увлечения и сильное воздействие идей *Ламенне*. В духе *христианского социализма* написал ряд произведений (неоконч. трагедия «Вольдемар», аллегорич. поэма «Торжество смерти», опубликованы Герценом в сб. «Рус. потаенная лит-ра XIX столетия», Лондон, 1861). Эмигрировав, будучи оппозиционно настроенным по отношению к самодержавию (1836), П. установил связи с швейцарскими и итал. революционерами. Но вскоре он разочаровался как в их революц. теориях, так и в утопическом социализме: несовершенство социально-освободит. идей выступило перед П. как их ложь. Поиски цельного мировоззрения привели П. к принятию *католицизма* (1840) и вступлению в монашеский орден редemptористов. Однако в католичестве П. не нашел ответа на волновавшие его вопросы о смысле жизни; П. все больше

разочаровывается в католицизме. Значит, роль в этом процессе сыграло воздействие Герцена на П.: они встречались в 1853, поддерживали переписку. П. познакомился с изданиями Герцена, П. В. Долгорукова, П. Лаврова, атеистич. работами Бюхнера, Фейербаха, Штрауса. До конца дней своих П. находился в трагич. состоянии острого духовного кризиса.

Соч.: Взгляд на трагедии Софокла: «Антигона и Аякс», «Сын Отечества и Сев. архив», СПб, 1831, т. 18, с. 151—61; переводы из Шиллера, в кн.: Е. Боров, Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 4, Каз., 1902; Замогильные записки, Тверь, 1932; Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым, в кн.: Лит. наследство, т. 62, М., 1955.

Лит.: Герцен А. И., Pater V. Petcherine, Собр. соч., т. 11, М., 1957, с. 391—403; Огарев Н. П., Избр. соч.-политич. и филос. произведения, т. 1, [М.], 1962, с. 456—57; Гершензон М., Жизнь В. С. П., М., 1910; Штрайх С., В. С. П. за границей в 1833—35 гг., в кн.: Рус. прошлое. Ист. сб., [кн.] 3, П.—М., 1923; Сакулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, ч. 1, М., 1924; Володин А. И., Начало социалистич. мысли в России, М., 1966; Lipski A., Pecherin's quest for meaningfulness, «Slavic Rev.», 1964, v. 23, № 2.

ПИАЖЕ (Piaget), Жан (род. 9 авг. 1896) — швейц. психолог, специалист в области общей психологии, психологии мышления и детской психологии; создатель т. н. «генетической эпистемологии». С 1929 руководит Институтом Ж. Ж. Руссо; с 1940 заведует кафедрой экспериментальной психологии и психологич. лабораторией в Женевском ун-те. В 1955 создал «Международный центр по генетической эпистемологии».

В первом цикле эксперимент. работ (1921—25) П. исходит из того, что мысль происходит от действия, но при этом необоснованно считает, что речь непосредственно отражает действие, и полагает, что для понимания логики детей достаточно анализа одной их речи. В 30-е гг. П. приходит к выводу, что между речью и мышлением ребенка не существует строгого соответствия. В ранних работах П. делает упор на «социализацию» как на главный фактор интеллектуального развития (в этом пункте взгляды П. тесно сближаются с идеями французской социологической школы — Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль и др.). Однако попытка непосредственно связать генезис интеллекта с эволюцией социальных образований и вывести первое из второго не увенчалась успехом. В связи с этим основным для него в проблеме взаимоотношения социальной действительности и индивидуального психич. развития становится исследование систем операций интеллекта, являющихся одновременно логическими и социальными.

В 30-е и 40-е гг. П. сформулировал осн. положения т. н. операциональной концепции интеллекта (см. «La psychologie de l'intelligence», P., 1946). Исходным в ней является положение, что развитие и функционирование психики, с одной стороны, есть ассимиляция данного материала имеющимися у индивида схемами поведения, а с другой — аккомодация (приспособление) этих схем к определ. ситуации. Адаптация организма к среде рассматривается как уравнивание субъекта и объекта. Высшая форма уравнивания — образование операциональных структур; поэтому центральным в концепции П. является понятие операции — внутр. действия субъекта, генетически производного от внешнего предметного действия и скоординированного с др. операциями так, что они образуют структурное целое, *систему*. Для системы операций характерна обратимость, т. е. наличие для каждой прямой операции ей обратной,

к-рая восстанавливает по результату первой операции исходное состояние.

П. выделяет четыре осн. стадии развития интеллекта: senso-моторный интеллект (до 2-х лет), когда имеется лишь тенденция к обратимости действий; дооперациональный интеллект (2—7 лет), когда формируются речь и представление; стадия конкретных операций (7—12 лет), когда операции становятся обратимыми, но выполняются лишь на реальных предметах, в силу чего дети не могут логически правильно строить речь независимо от реальных действий; стадия формальных операций (с 12 лет), на к-рой появляется теоретич. мышление — «чистое» мышление, не зависимое от предметных действий. На основе операциональной концепции П. рассматривает генезис эмоцион. деятельности ребенка, функции выражения (см. «La formation du symbole chez l'enfant», Nchât.—P., 1945), а также развитие восприятия (см. «Le développement des perceptions», P., 1960).

Методологически очень важной является идея П. о единстве психологич. и логич. методов исследования мышления. Алгебра логики, аппарат к-рой применяется им для описания операциональных структур, понимается как аксиоматика мышления, а психология — как соответствующая ей эксперимент. наука. Логика как идеальная модель мышления не нуждается в апелляции к психологич. фактам. По между логикой и психологией должно быть определ. соответствие (хотя и не параллелизм), поскольку психология анализирует конечные положения равновесия, к-рых достигает развитый интеллект (см. «Traité de logique», P., 1949; «Logic and psychology», Manch., 1953). Синтез психологич. и логич. воззрений П. нашел выражение в концепции генетической эпистемологии, в основе к-рой лежит принцип возрастания инвариантности знания субъекта об объекте под влиянием изменения условий опыта. Генетич. эпистемология разрабатывает общие вопросы методологии и теории познания, исходя из результатов экспериментальных психологич. исследований и широко используя аппарат совр. логики и математики.

Важнейшие достижения П. относятся к индивидуальной психологии. Однако полученные им результаты показали ограниченность индивидуального подхода к психике и необходимость ее общественно-историч. понимания. Сняв проблему овладения индивидом миром социальной культуры, П. не смог вывести объективное содержание знания из деятельности индивидуального субъекта. Поэтому у П. тезис о взаимодействии субъекта и объекта нередко подменяется другим, производным от него — взаимоотношением субъективного и объективного в знании.

П. и его сотрудники и в наст. время продолжают разработку операций. концепции на основе синтеза методов различных наук (логики, психологии, социологии и т. д.). Результаты этих исследований публикуются в серии «Études d'épistémologie génétique», основателем (1957) и гл. ред. к-рой является П.

Соч.: Recherche, Lausanne, 1918; La naissance de l'intelligence chez l'enfant, Nchât.—P., 1936; La construction du réel chez l'enfant, Nchât.—P., 1937; La représentation de l'espace chez l'enfant, P., 1948 (совм. с В. Инхельдер); La genèse du nombre chez l'enfant, P.—Nchât., 1950 (совм. с А. Szeminska); Introduction à l'épistémologie génétique, v. 1—3, P., 1950; Essai sur les transformations des opérations logiques, P., 1952; De la logique de l'enfant à la logique de l'adolescent, P., 1955 (совм. с В. Инхельдер); в рус. пер.— Речь и мышление ребенка, М.—Л., 1932; Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация, М., 1963 (совм. с В. Инхельдер); Роль действия в формировании мышления, «Вопр. психологии», 1965, № 6; Психология, междисциплинарные связи и система наук, «ВФ», 1966, № 12.

Лит.: В н г о т с к и й Л. С., Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж. П., в кн.: П и а ж е Ж., Речь и мышление ребенка, М.—Л., 1932; Р о м м А. Г., Проблемы психологии интеллекта в трудах Ж. П., «Вопр. психологии», 1957, № 1; Н е п о м и я щ а я Н. И., Анализ неких понятий психологич. концепции Ж. П., там же, 1961, № 4; С а д о в с к и й В. Н.,

Юдин Э. Г., Ж. П. — психолог, логик, философ, там же, 1966, № 4; Лекторский В. А., Садовский В. Н., Генезис и строение интеллектуальной деятельности в концепции Ж. П., в кн.: Осн. направления исследований психологии мышления в капиталистич. странах, М., 1966; Thought in the young child, ed. by W. Kessen and C. Küblman, «Monographs of the Society for Research in Child Development», 1962, serial № 83, v. 27, № 2; Flavell J., The developmental psychology of Jean Piaget, N. Y., 1963.

В. Лекторский, В. Садовский. Москва.

ПИЕТИЗМ (от лат. pietas — благочестие) — направление в нем. протестантизме конца 17—нач. 18 вв. П. противопоставил себя ортодокс. богословию и церк. жизни как возрождение первонач. идей Реформации и Лютера. Будучи реакцией на рационализацию протестантского богословия, П. представлял собой типичное религ. движение, стремившееся к пробуждению и обновлению религ. чувства и по своим внутр. тенденциям тяготел к традиц. мистицизму, реализуя его в рамках и формах протестантизма. В то же время П. был нем. вариантом религ. движения, прошедшего в 17—18 вв. по всей Европе вне конфессиональных границ и стремившегося к углублению веры (учения Молиноса, Ж. де Лабеди, методизм в Англии и т. д.).

Осн. линия развития П. (в лютеранстве) связана с именами Ф. Я. Шпенера («Pia desideria», Fr./M., 1675) и А. Г. Франке. На начальной стадии П. выступал в основном как религ.-практич. течение, не касающееся существа богословских догм, со след. особенностями: 1) упором на эмоц. личное переживание связи с божеством в противовес рационалистич. вероучению ортодокс. теологов — отсюда культ чувства в П. и внимание к человек. психологии; 2) призывом к практич. следованию принципам христ. морали; 3) возвращением к ранне-лютеровскому положению о «всеобщем священстве» в противовес резкому отделению духовенства от массы верующих. С деятельностью Франке в Галле, ставшем центром П., наступил период догматич. заострения П. и систематизации его осн. принципов. След. положения П. (как они выявились в полемике проф. А. Ланге из Галле и ортодокс. богослова В. Э. Лёшера) противоречили офиц. вероучению: истинно только богословие возрожденных (П. подчеркивал необходимость для обретения благодати наряду с крещением и личного возрождения); для оправдания веры нужны добрые дела; перфектизм — вера в возможность достичь отнosit. совершенства; *хилиазм*; отвержение нравственно-безразличных дел, что вело к осуждению развлечений, театра и т. п.

В стороне от осн. направления П. находилось учение Г. Арнольда, давшего в своей «Непартийной истории церкви и еретиков» (G. Arnold, Unparteyische Kirchen und Ketzerhistorie, Tl 1—4, Fr./M., 1729) резкую критику церк. жизни, впервые пересмотревшего историю церкви с недогматич. правств. позиций и отчетливо выразившего демократич.-социальную сторону П.: стремление к социальному равенству, идею полной религ. терпимости, сведенные на нет галльской кодификацией П.

П. вместе с сопутствующими ему мистикой и теософией 18 в. противостоял рационалистич. философии Просвещения. Пиетистами были И. Я. Мозер, Гаман, Лафатер. П. оказал известное влияние на Гердера и Гёте (понимание мира как органического целого) и был одним из течений, подготовивших нем. романтизм. П. восприняли Ваккенродер, Новалис; идею личной религии развивал Шлейермахер. Как течение П. перестал существовать в конце 18 в. Возрождавшийся в виде отд. очагов в 19 в. (особенно в Вюртемберге) П. имел мало общего с П. 17—18 вв.

В целом П. с его противопоставлением внешней, догматич. стороне религии ее субъективной, эмоц. стороны, акцентированием роли индивидуального

переживания в религии явился своеобразной формой религ.-этич. приспособления личности к сложившейся системе бурж. обществ. отношений, чем и определяется его консервативный характер.

Лит.: Печаяев П., П. и его историч. значение, М., 1873; Schmidt H., Die Geschichte des Pietismus, Nördlingen, 1863; Ritschl A., Geschichte des Pietismus, Bd 1—3, Bonn, 1880—86; Jüngst J., Pietisten, Tübingen, 1906; Pietismus und Nationalismus, hrsg. von M. Beyer—Fröllich, Lpz., 1933 (Deutsche Selbstzeugnisse, Bd 7); Pison K. S., Pietism as a factor in the rise of German nationalism, N. Y., 1934; Salomies J., Der Hallesche Pietismus in Rußland zur Zeit Peters des Großen, Hels., 1936.

Ал. В. Михайлов. Москва.

ПИ-И-МАРГАЛЬ (Pi u Margall), Франсиско (29 апр. 1824—29 нояб. 1901) — исп. революц. демократ и политич. деятель, историк, социолог и литератор. П. — участник революции 1854—56, руководитель революции 1868—74; в 1873 был президентом и премьер-министром Исп. республики.

Соц.-политич. и историч. взгляды П.-и-М. сложились под влиянием Руссо, Сен-Симона, Прудона, Оуэна и позитивистской философии. Он остро критиковал капиталистич. эксплуатацию, был убежден в необходимости и неизбежности установления социализма, но путь к осуществлению социалистич. идеала видел в создании внеклассового гос-ва «чистой» демократии. Однако П.-и-М. приблизился к пониманию роли рабочего класса в истории: «Среди официальных республиканцев, — писал Энгельс, — Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 461). Центр. место в системе соц.-политич. взглядов П.-и-М. занимает идея федеративной республики («О федерации и единстве в Италии» — «De la federación y de la unidad en Italia...», 1862, не опубл. и др.). П.-и-М. много занимался историей исп. обществ. движения, обществ. и религ. мысли, выступал с критикой христианства с рационалистич. позиций (см. «Реакция и революция» — «La reaccion y la revolución», Md, 1854, nueva ed., Barc., 1932, и «Очерк философии христианства» — «Estudio filosófico del cristianismo», Md, 1872).

Соч.: Historia de la pintura en España, Md, 1851, nueva ed., Md, 1913; El cristianismo y la monarquía, Md, [s. a.]; La República de 1873..., Md, 1874; Las nacionalidades, Md, 1876, nueva ed., Md, 1929; Juan de Mariana, Md, 1888; Artículos, Barc., 1908; Cartas íntimas, Md, 1911; Opúsculos Amadeo de Savoia, Md, 1914; Páginas selectas, Barc., 1917; Diálogos y artículos, Barc., 1952; Lecciones de Federalismo, Md, 1917, nueva ed., Barc., 1931; Las grandes conmociones políticas del siglo XIX en España, v. 1—2, Barc., 1932.

Лит.: Энгельс Ф., Бакуинисты за работой, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18; Майский И. М., Испания. 1808—1917, М., 1957; Гонсалес А., История исп. секции Международ. Товарищества Рабочих, 1868—1873 гг., М., 1964; Vera y González E., Pi u Margall y la política contemporánea, v. 1—2, Barc., 1886; Sánchez Pérez A., Pi u Margall, Barc., 1917; Digo y Mestre, El profundo humanitarismo de Pi u Margall, «Revista Bimestre Cubana», 1933, January.

В. Афанасьев. Ленинград.

ПИКЕР-И-АРРУФАТ (Piquer u Arrufat), Андрес (6 нояб. 1711—3 февр. 1772) — исп. врач и естествоиспытатель, д-р медицины (1734). Окончил ун-т в Валенсии, в 1742—51 занимал там же кафедру анатомии. С 1751 и до конца жизни — лейб-медик. Был вице-президентом мадридской Медицинской академии. Автор трудов по медицине, истории медицины (в частности, перевел на исп. яз. гл. соч. Гиппократов, v. 1—3, Md, 1757—63), физике. Соч. П.-и-А. «Новейшая логика, или Искусство говорить правду и совершенствовать разум» («Lógica moderna o arte de hablar la verdad u perfeccionar la razón», Valencia, 1747, Md, 1781) — одна из важнейших в 18 в. работ по логике. В филос. трудах — «Моральная философия для испанского юношества» («Philosophia moral para la juventud española», Md, 1755; 3 ed., Md, 1787) и «Речь о применении фило-

софии к вопросам религии» («Discurso sobre la aplicación de la philosophia a los asuntos de religión para la juventud española», Md, 1757, Md, 1805), выступил против схоластики и церк. догм с позиций стихийного материализма. Уделял внимание вопросам этики, в т. ч. врачебной, П.-и-А. не был чужд суеверий; он верил во влияние Солнца и Луны на болезни, считал источником мн. заболеваний воздух и т. д.

Соч.: Obras póstumas, Md, 1785; La medicina de los Arabos, Md, 1935.

Лит.: Ferrer del Rio A., Historia del reinado de Carlos III en España, t. 4, Md, 1856; Solemne sesión apologetica celebrada por la Facultad de Medicina de Valencia para honrar la memoria de sus antiguos catedráticos los doctores Plaza, Collado y Piquer, Valencia, 1895.

ПИКО ДЭЛЛА МИРАНДОЛА (Pico della Mirandola), Джованни (24 февр. 1463—17 нояб. 1494) — итал. философ-гуманист. Примыкал к Академии платоновской. Находился под влиянием Платона, неоплатонизма,

а также Аристотеля и Ибн Рошда. Защищал идею, согласно к-рой единая религ. «истина» не является еще полностью откристилизованной и существующие религ. вероисповедания — лишь этапы на пути к ее полному познанию, чем вносил элементы историзма и рационализма в понимание религии и элементы скептицизма по отношению к господств. религиям. Стремился разработать подобную синкретич. «философскую религию» (гл. обр. на основе Каббалы, понимаемой как средство аллегорич. толкования Библии, и филос. принципов неоплатонизма), П. д. М. в 1486 выставил на диспут 900 тезисов, трактующих «обо всем, что познаваемо» (Conclusiones philosophicae, cabalisticae et theologicae), к-рые собирался защищать в Риме перед философами всей Европы. Тезисы содержали как собств. положения П. д. М., так и почерпнутые из филос. систем античности и средневековья. Тринадцать из этих тезисов были признаны еретическими комиссией папской курии. П. д. М. выступил с «Апологией» («Arologia» [Naroli, 1487]) осужденных тезисов. Тогда папа Иннокентий VIII объявил еретическими все 900 тезисов П. д. М. и запретил проведение диспута. В составленной П. д. М. для открытия предполагавшегося диспута «Речи о достоинстве человека» («Oratio de hominis dignitate», Napoli, 1487, нов. изд.: «De hominis dignitate...», a cura di E. Garin, Firenze, 1942; первый итал. пер.—1555, нов. пер. 1942; первый франц.—1579, новый пер. в кн.: Cordier P. M., Jean Pico de la Mirandole; ou la plus pure figure de l'humanisme chrétien, P., 1957; нем. пер.—Jena, 1905, нов. пер.—Lpz., 1940; англ. пер. в кн.: The Renaissance philosophy of man, ed. by E. Cassirer, P. O. Kristeller, J. H. Randall [a. o.], Chi., 1948; неполн. рус. пер. в кн.: История эстетики, т. 1, М., 1962, с. 506—14) П. д. М. исходил из идеи платонизма и неоплатонизма о «срединном» положении человека между миром земным, материальным и божественным. Человек — микрокосм, соединяющий в себе начало земное (состоящее из 4 традиц. элементов — земли, воды, воздуха и огня), животное и божественное. Человек, созданный богом, способен поэтому снизойти до животного и возвыситься до богоподобного существа; обладая свободной волей, он может стать «своим собственным скульптором и творцом». В идеалистичеко-теологич. форме П. д. М. выражал здесь одну из осн. истин гуманизма Возрождения: человек сам творит свою судьбу, он способен к безграничному совершенствованию своей природы. Онтологич. основа

этих воззрений П. д. М. — неоплатоновский по своему происхождению пантеизм, характерный для его филос. трактатов «Гептапл» («Heptaplus de septiformi sex dierum Geneseos enarratione», Firenze, 1490, нем. пер.—1905, итал.—1942) и «О сущем и едином» («De Ente et Uno», впервые опубл. в Opera, Venetias, 1496, англ. пер.—Milwaukee (Wis.), 1943). Трактат оказал значит. влияние на Бруно. Будучи идеалистом и разделяя мн. суеверия своей эпохи, П. д. М. вместе с тем в своем соч. «Рассуждения против божеств. астрологии» («Disputationes adversus astrologiam divinatricem», Bononiae, 1495; нов. изд., v. 1—2, a cura di E. Garin, Firenze, 1946—52) утверждал, что не существует и не может существовать никаких сверхчувств. воздействий, исходящих от светил; в природе действуют только естеств. силы, все происходит согласно ее правилам. П. д. М. — предшественник нем. гуманистов-реформаторов и их историч. критики Библии.

Соч.: Opera omnia, Basilea, 1601.
Лит.: История философии, т. 2, М., 1941, с. 26—28, 34; К л и б а н о в А. И., Реформац. движение в России в XIV—первой пол. XVI вв., М., 1960 (по указат. имен); Б р а г и н а Л. М., Этич. взгляды Д. П. делла Мирандола, в сб.: Ср. века, вып. 28, М., 1965; D o r e z L. et T h u a s n e L., Pico de la Mirandole en France (1485—1488), P., 1897; M a s s e t a n i G., La filosofia cabbalistica di Giovanni Pico della Mirandola, Empoli, 1897; L e v i A., Die Philosophie G. Picos della Mirandola, B., 1908; A n a g n i n e E., Pico della Mirandola, sintetismo religioso-filosofico. 1463—1494, Bari, 1937; G a r i n E., Giovanni Pico della Mirandola. Vita e dottrina, Firenze, 1937; D u l l e s A., Princeps concordiae Pico de la Mirandola and the scholastic tradition, Camb. (Mass.) — L., 1941; S a i t a G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. 1, Bologna, 1949, p. 577—622; M o n n e r j a h n E., Giovanni Pico della Mirandola. Ein Beitrag zur philosophischen Theologie des italienischen Humanismus, Wiesbaden, 1960.

В. Соколов. Москва.

ПИ́ПЕР, Леонид Орестович (29 марта 1897—7 апр. 1941) — сов. философ, профессор (с 1928) Одесского и Ленингр. ун-тов. Член КПСС с 1918. С 1921 — на педагогич. работе. Редактировал журн. «Просвещение и культура». Окончил юридич. ф-т Одесского ин-та нар. х-ва и филос. отд. ИКП (1933). Разрабатывал проблемы истории рус. филос. мысли. С 1935 работал над темой «Русская философия эпохи империализма». В обстановке культа личности был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Концепция права у классикв марксизму, в сб.: Государство та право. Зап. Одесского институту народного государства, т. 2, О., 1929; Диалектич. материализм и его борьба с идеалистич. и механистич. концепциями, «Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП», 1930, № 8; Мировоззрение Герцена. Историко-филос. очерк, М.—Л., 1935.

ПИ́УНЫ́РОВ, Пантелеймон Николаевич (22 дек. 1902—18 февр. 1959) — сов. философ и логик, доктор филос. наук (с 1952), профессор (с 1929). Окончил Психоневрологич. академию (1924). С этого времени вел научно-педагогич. работу в вузах страны. Область науч. интересов П. — проблемы психологии, педагогики, филос. проблемы физиологии высшей нервной деятельности, вопросы теории познания и логики.

Соч.: Основы поведения человека, Никольск, 1925; Биологич. природа личности в свете рефлексологии, «Сибирский медицин. журнал», 1927, № 1; Основы педологич. теории, Сыктывкар, 1933; К проблеме развития ребенка в работах Маркса — Энгельса, М., 1934; Борьба И. П. Павлова с бурж. идеалистич. психологией, «Сов. педагогика», 1952, № 1; Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах и марксистско-ленинская теория познания, Л., 1954; Возникновение и развитие познават. деятельности человека, Л., 1958.

ПИ́РРО́Н (Πύρρων) из Элиды (род. ок. 365—ум. ок. 275 до н. э.) — основатель древнегреч. скептицизма. Имеются сведения об его участии в походах Александра Македонского, об его дружбе с демокритовцем Анаксархом, об учреждении им своей школы в Элиде и о всеобщем уважении к нему не только эллицев, поставивших его статую среди Элиды, но и афинян, преподнесших ему почетное афинское гражданство (Diog. L. IX 61—65.67). Имеются сведения и об его отношении в Азии к инд. святыми, аскетами

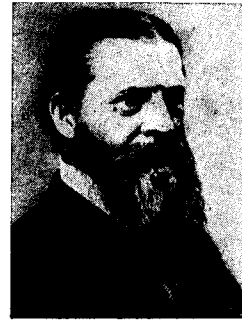
и магами (там же, IX 61). Несомненно идейная связь П. с Протагором и Аристиппом, а также с эллистической школой и мегарской школой (Diog. L., IX 61). Оказал влияние на П. и Демокрит своим учением о чувств. качествах (там же, IX 67), в к-ром тоже общезвестен релятивистский элемент. Сам П. ничего не писал и воззрения его известны по записям его учеников, особенно Тимона из Флиунта, и по изложению Евсевия (Граер. evangel. XIV 18,2), к-рый формулировал три осн. вопроса Тимона: какова природа вещей, как мы должны к ним относиться и что должно происходить для нас из этого отношения? На первый вопрос П. и Тимон отвечали, что ни о каких вещах мы совершенно ничего не знаем и что о каждой вещи можно сказать не больше одно, чем другое (Diog. L. IX 61.78). Отсюда же вытекал и ответ на второй вопрос: мы должны воздерживаться от всякого суждения о чем бы то ни было, т. к. всякое наше суждение не связано ни с каким объективным миром и свидетельствует только о нашем субъективном состоянии. Это «воздержание» — один из осн. принципов П. Ответ на третий вопрос ярко характеризует собой социально-историч. место П., как и всего скептицизма: нужно пребывать в полной духовной независимости от всего того, что кажется объективным; а если возникает необходимость действовать, то следует действовать согласно обычаям, законам и нравам своей страны (там же). Эта знаменитая «невозмутимость», или *атараксия*, это «безразличие» ко всему существующему и даже полное «бесстрашие» (*apatia*) свидетельствуют о небывалом еще в античности отказе от всякой личной самостоятельности, о небывалом примиренчестве с окружающей средой и о безропотной покорности природным и берущим верх над личностью обществ.-политич. силам. В этом отношении характерен рассказ Диогена Лаэртского (IX 66.68) о том, как однажды, находясь на корабле во время бури и наблюдая смятение пассажиров, П. указывал на свинью, мирно пожиравшую в тот момент свой корм, как на прекрасный пример атараксии, к-рому нужно следовать. С большой силой пирронизм вновь стал проявлять себя в лице *Энесидема* и еще во 2 в. н. э. создал такую большую фигуру, как *Секст Эмпирик*, к-рого можно считать завершителем пирронизма.

Лит.: Рихтер Р., Скептицизм в философии, пер. с нем., т. 1, СПб., 1910, с. 60—75; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 305—06; История философии, т. 1, М., 1957, с. 137—138; Zimmern D., Darstellung der pyrrhonischen Philosophie, Erlangen, 1841; Maassol N., The Greek sceptics from Pyrrho to Sextus, L., 1869; Waddington C., Pyrrhon et le Pyrrhonisme, P., 1877; Wilamowitz-Moellendorf U. von, Antigonos von Karystos, B., 1881 (Philosophische Untersuchungen, hrsg. von A. Kiessling und U. von Wilamowitz-Moellendorf, H. 4); Hirschel R., Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften, T 3, Lpz., 1883; Natogr P., Forschungen zur Geschichte des Erkenntnisproblems in Alterthum, B., 1884; Parphenheim E., Die Tropfen der griechischen Skeptiker, B., 1885; Bouchard V., Pyrrhon et le scepticisme primitif, «Rev. philosophique de la France et de l'étranger», 1885, v. 19, с. 517—32; Caldi G., Le scetticismo critico della scuola Pirroniana, Udine, 1896; Robin L., Pyrrhon et le scepticisme grcc, P., 1944. См. также лит. в ст. *Секст Эмпирик*, *Скептицизм*, *Энесидем*. А. Лосев. Москва.

ПИРС (Peirce), Чарлз Сандерс (10 сент. 1839—19 апр. 1914) — амер. философ, логик, математик и естествоиспытатель; родоначальник осн. идей *прагматизма* и *семiotики*. Учился в Гарвардском ун-те, в 1869—1872 читал лекции по логике, истории и философии науки в Гарварде, Балтиморе и Бостоне. Чл. Амер. академии наук и искусств (1877) и Национальной академии наук. В философии П. совмещены две противоположные тенденции: эмпирическая, позитивистская и объективно-идеалистическая, связанная, прежде всего, с Платоном и Шеллингом. В трактовке нек-рых проблем (напр., проблемы классификации знаков) в воззрении П. обнаруживается

материалистич. тенденция. Исходным пунктом для рассмотрения онтологич. построений П. служит учение о трех фундамент. структурных категориях бытия (фанероскопия): первичности (firstness), вторичности (secondness) и третичности (thirdness). Первая категория выражает идею качества, взятого самого по себе. Но это не актуальное качество, а лишь возможное — в смысле вневрем. и вечногo объекта. Сам П. иногда отождествлял область первичного с миром платоновских идей или схоластич. неактуализированными сущностями. Категория первичного у П. предполагает изначальное неогранич. разнообразие качеств как фундамент. свойство бытия. Однако это качество многообразия мира абсолютно случайно, вызвано неограниченной свободой духа, являющегося источником новизны и разнообразия. Вторичность — индивидуальное существование или существование «здесь и теперь», упрямый факт, сопротивляющийся нашим усилиям и определяющий наши восприятия, а через них и мысли. Осн. признак вторичности — находиться в отношении к чему-то другому, активно реагировать, противостоять, взаимодействовать. Эта категория выступает как проявление объективного существования «материальной или физической субстанции или тела, а не психического субъекта», а вся область вторичности — как объективный внешний мир (в к-ром воплощаются чистые возможности первичного). Третичность — это опосредование, связь двух первых сфер, то, благодаря чему последние получают всеобщность, связность и закономерность. Мир третичного — мир общих понятий, познания сознания действительность, выраженная в универсалиях. Третичность аналогична второй интенции у схоластов; П. называл ее также «интерпретацией в самом широком смысле». Исходя из учения о категориях, П. решал проблему универсалий; он считал, что «не все общие объекты реальны, а лишь некоторые» («Collected papers», v. 5, Camb. (Mass.), 1934, § 430), причем в духе *Иоанна Дунса Скота* он подчеркивал творящий смысл существования универсалий: как чистой возможности (до вещей), в вещах (как их сущность) и в сознании (как общих и абстрактных понятий, абстрагированных от сущности вещей). В целом онтологич. схема П. близка *неоплатонизму* и может быть выражена тезисом П.: «дух есть первое, материя — второе, эволюция — третье» [там же, v. 6, Camb. (Mass.), 1956, § 32].

Учение П. о космич. эволюции (космологии) основывается на трех доктринах: тихизме (от др.-греч. τῆχη — случай), агапизме (от др.-греч. ἀγάπη — любовь) и синехизме (от др.-греч. συνεχής — непрерывность). В тихизме П. отмежевывается от философской концепции фаталистического представления об изначальной необходимости в природе. Определяя случай как то, что обуславливает разнородность и разнокачественность Вселенной, ее спецификацию и саморазвитие (см. там же, § 57, 69), П. сводил закон к вторичному, производному от случая, к-рый выражает собой спонтанность и свободу духа. Для П. движущей и направляющей силой эволюции является любовь, идея любви, как царящего во Вселенной духовного принципа, в силу к-рого все объекты стремятся друг к другу и совершенствуются. Эта идея развита в доктрине, названной им агапизмом. Учение о непрерывности сущего — синехизм — означает, по П., что развитие определяется как переход от несус-

шествующего к существующему, от хаоса, случайности и беспорядка к любви, порядку и закону; непрерывность характеризует абс. тенденцию всего существующего к возрастающей разумности [см. там же, в. 1, Camb. (Mass.), 1931, § 590]. Фактически процесс эволюции сводится к телеологич. развертыванию чистых идеальных форм.

Противоречие взаимоисключающих тенденций философии П.: с одной стороны — критика *агностицизма* [П. неоднократно заявлял, что непознаваемая, но существующая вещь в себе является внутренне противореч. явлением (см. там же, в. 5, § 223), что всякому познанию противостоит непознаваемая, но познаваемая действительность (см. там же, § 257, 265)] и, с другой — отрицание достоверности знания — проявилось в его т. н. фаллибилизме (от англ. fallible — ошибочный). Осн. тезис этой теории: «все наше знание плавает в континууме недостоверности и неопределенности» (там же, в. 1, § 171).

П. разработал ряд основополагающих идей как общей, так и *математической логики* (понятие степени подтверждения, классификация суждений и типов доказательств, природа логики и ее взаимоотношение с философией и математикой, пределы и возможности формализации и т. д.). Он сформулировал принципиальные положения семиотики, к-рую он определял как науку, изучающую любые системы знаков, применяемых в человеч. коллективе (включая и такую, в к-рой знаком является человек), дал определения осн. ее терминов и наметил классификацию знаков, к-рая основывается, во-первых, на понимании знаков как средств *коммуникации*, а во-вторых, на учете взаимоотношений знаков с объектами. Существ. влияние на последующее развитие логич. *семантики* и семиотики оказала идея П. о различении «информационной широты» одного из видов знака — *символа* (т. е. того, в каком отношении символ находится к своему объекту), его «информационной глубины» (т. е. того, в какой мере символ выражает природу реальных объектов) и «информационной длины» (т. е. того, в какой степени символ несет информацию о себе, о своих синтаксич. и логич. свойствах). Определяя функции знака — в отличие от Гуссерля — не только в процессе «чистой мысли», но и в процессе общения людей, П. все же недооценивал социальные аспекты человеч. общения и в некоторых случаях принимал биологич. интерпретацию, к-рая сближала его с *биохевиоризмом*. П. исследовал также и проблемы *прагматики*, уделяя особое внимание проблеме возникновения и природы сознания и мышления.

П. был первым амер. представителем математической логики. Он употреблял как аналоги совершенной дизъюнктивной норм. формы, так и двойств. ей соврш. конъюнктивной формы (разумеется, в несколько отличных от совр. обозначениях). Наряду с материальной *импликацией* П. допускал содержат. трактовку логич. следования, что позволяет считать его в известном смысле предшественником теории строгой импликации К. И. Льюиса. П. ввел табличную разрешающую процедуру в качестве общего метода решения проблемы разрешения в логике предложений. Он внес ряд плодотворных идей и в *исчисление высказываний*; в частности, высказал мысль о возможности положить в основу исчисления высказываний лишь одну единств. операцию (отрицание неразделит. дизъюнкции). Эта идея предвосхищает известный результат М. Х. Шеффера. П. оставил яркий след и в *логике отношений*. Используя табличное задание отношений с помощью матриц, состоящих из нулей и единиц, П. разрабатывает оргин. методы в алгебре отношений, многие из к-рых предвосхищают соответствующие методы Э. Шрёдера.

П. занимался и проблемой логич. парадоксов. Согласно П., допущение предложений, утверждающих свою собств. ложность, находится в явном противоречии с аристотелевским истинным критерием (суть к-рого в том, что каждое предложение выражает свою собств. истинность).

П. впервые была осознанно поставлена задача уяснения и четкой формулировки логич. структуры методов и рассуждений, применяемых ученым в своей деятельности (т. н. логика науч. рассуждения). Сам П. в этой области первостеп. значение придавал двум проблемам, к-рые он тесно связывал друг с другом: проблеме формирования науч. знания и мнения (*belief*) и проблеме надежности и обоснованности знания и мнения, при рассмотрении к-рой он формулирует принципы прагматизма. При анализе первой П. разработал учение об абдукции (гипотезе), согласно к-рому последняя является единств. логич. операцией, вводящей новое знание. В сущности это учение не выходит за рамки *индукции*. Попыткой найти решение второй проблемы является учение П. о прагматическом понимании значения [*«Обоснование мнения»* («The fixation of belief», 1877), «Как сделать наши мысли ясными» («How to make our ideas clear», 1878)]. Заявляя, что единств. итогом науч. исследования является установление определ. мнения, иначе — утверждая, что единств. функцией мышления является преодоление сомнения и установление устойчивого мнения (верования), П. в этих работах отрицает познават. задачи мышления и снимает вопрос об истинности знания. П. вычленяет четыре метода достижения всеобщего и надежного («устойчивого» в терминологии П.) мнения (или убеждения): метод слепого упорства, метод авторитета (когда индивидууму навязываются мнения с помощью какого-либо могуществ. аппарата, напр. гос-ва или церкви), метод априори (любимый метод метафизиков) и метод науки. Уточняя осн. условие формулировки мнений при применении метода науки, П. приходит к заключению, что им является истолкование значения исключительно в терминах результатов (т. н. принцип П.): «Обдумаем, какие последствия, которые вообще могли бы иметь практическое значение, будут, по нашему представлению, иметь рассматриваемый нами объект. Наше представление об этих последствиях и есть наше полное представление о данном объекте» (там же, в. 5, § 402). Несмотря на то, что сам П. трактовал в целом свою концепцию значения не как учение об истине, а как метод рассуждения, имеющий своей целью уяснение мыслей» (там же, § 13), т. е. как логич. принцип, допускающий введение в язык науки только обоснованных и проверяемых суждений, эта его концепция стимулировала последний шаг (сделанный *Джемсом*) к отождествлению истинности с практич. результатами.

См. также: Chance, love and logic, N. Y., 1949; The philosophy of Ch. S. P. Selected writings, ed. by J. Buchler, N. Y., 1940 [перевод в 1963, Gloucester (Mass.) под назв. — Philosophical writings]; Values in a universe of chance. Ed. with an introduction and notes by P. Wiener, N. Y., 1958.

Лит.: Мельвилль Ю. К., Философия Ч. С. П., М., 1964; Стяжкин Н. И., Становление идей математической логики, М., 1964; Feibleman J., An introduction to P.'s philosophy, N. Y.—L., [1946]; Dewey J., P.'s theory of linguistic signs, thought and meaning, «J. Philos.», 1946, v. 43, № 4, p. 85—95; Wiener Ph., The P.—Langley correspondence and the P.'s manuscript on Hume and the laws of nature, «Proc. of the Amer. Philos. Society», 1947, v. 91, № 2, p. 201—28; Thompson M. H., The logical paradoxes and P.'s semiotic, «J. Philos.», 1949, v. 46, p. 513—36; Goudge T. A., The thought of Ch. S. P., [Toronto], 1950; Gallie W. B., P. and pragmatism, Harmondsworth, [1952]; Wiener Ph., P., Young F. H. (eds), Studies in the philosophy of Ch. S. P., Camb., 1952; Kempsk J., Ch. S. P. und der Pragmatismus, Stuttg., 1952; Perry R. C., Some observations concerning the philosophy of Ch. S. Peirce, «Philos. Quarterly», 1959, v. 9, № 35, p. 131—41; Moore E. C., American pragmatism, P., James and Dewey, N. Y., 1961; Rivetti Barbó F., L'antinomia del mentire nel pensiero contemporaneo. Da P.

a Tarski. Studi, testi, bibliografia. Mil., [1961]; Bolet J. F., Ch. P. and scholastic realism. A study of P.'s relation to John Duns Scotus, Seattle, 1963; Thompson M., The pragmatic philosophy of Ch. S. P., [Chi.], 1963; Haas W. P., The conception of law and the unity of P.'s philosophy, Notre Dame (Ind.), 1965; Dobrosielski M., O P.'owskiej koncepcji watpienia i przekonania, «Studia filozoficzne», 1966, № 2 (45).

ПИРСОН (Pearson), Карл (Чарлз) (27 марта 1857 — 17 апр. 1936) — англ. философ-позитивист, математик и биолог. Учился в Кембридже, Гейдельберге и Берлине. С 1884 — проф. математики, а затем естественки Лондонского ун-та. По филос. воззрениям — субъективный идеалист. «С материализмом... Пирсон воюет самым решительным образом...» (Ленин и В. И., Соч., т. 14, с. 40). Осн. филос. произв. П. — «Грамматика науки» («Grammar science», 1892, рус. пер., СПб, [1911]), представляющее собой «...критику основных понятий современной науки...» (указ. соч., с. 10). П. объявил метафизикой всякое признание объективного существования вещей за пределами чувств. восприятий. Продолжая линию Беркли и Юма, П. настаивал на тезисе, что человеку доступен лишь мир чувств. восприятий. Внешний мир — проекция во вне мира сознания, он является «...чистым продуктом нашей рассудочной способности» (там же, с. 216). Наука, согласно П., это идеальное описание и классификация наших восприятий, теория символов, экономизирующих мышление, а «...не объяснение чего бы то ни было» (там же, с. 245). Это стремление П. свести науку к описанию восприятий сливается с движением к «описательной физике», представленным Клиффордом, Герцем и др. Понятия, к-рым оперирует наука, — материя, закон, причинность, атом, пространство и т. д., — по П., лишь конструкции, создаваемые для описания и классификации наших ощущений. Объективные законы действительности превращаются, т. о., лишь в отражение совств. логики человека. Решит. критике филос. концепцию П. подверг Ленин. Проводя мысль о том, что реальность — это лишь проекция чувств. восприятий, П. вместе с тем не сомневался в связи мышления с мозгом как материальным субстратом. «И противоречие между этим тезисом (единственно соответствующим науке) и исходным пунктом его философии осталось обнаженным, бросающимся в глаза» (Ленин и В. И., Соч., т. 14, с. 80). Столь же противоречиво и доказательство П. реального существования других людей: «...раз реально чужое сознание, значит, допускается существование и других людей вне меня» (там же, с. 84). Этот вывод П. никак не соотносится с его солипсизмом.

Отвергая христ. мораль, как основанную на слепом религ. чувстве, П. полагает, что нравств. поведение и приближение к нравств. идеалу возможно лишь на основе науч. познания и интеллектуального прогресса. П. пропагандировал под видом социализма моральное совершенствование людей, связанное с евристическим улучшением человек. рода.

Соч.: The ethics of free thought, L., 1888; The chances of death and other studies in evolution, v. 1—2, L., 1897; Natural life from the standpoint of science, L., 1901; The life, letters and labours of Francis Galton, v. 1—4, Camb., 1914—30.

ПИСАРЕВ, Дмитрий Иванович [2(14) окт. 1840—4(16) июля 1868] — рус. революц. публицист-демократ, лит. критик, философ-материалист. Род. в с. Знаменском Елецкого уезда Орловской губ. в семье дворянина. С 1851 — в Петербурге, учился в гимназии, с 1856 — в ун-те. Лит. деятельность начал составлением библиографич. заметок для журн. «Рассвет». В 1861 окончил ун-т, защитив дисс. об Аполлонии Тианском. Тогда же стал постоянным критиком и идейным руководителем журн. «Рус. слово». В 1862—1866 находился в заключении в Петропавловской крепости за выступление в защиту Герцена от нападок

царского агента Фиркса (Шедо-Ферротти). После закрытия «Рус. слова», уже выйдя из заключения, сотрудничал в сб. «Луч», в журн. «Дело» и «Отечеств. записки». Погиб во время купания в Дуббельне (Балтийское побережье). Похоронен в Петербурге.

Творчество П. относится к сложному этапу развития рус. демократич. мысли периода подъема (1861) и спада (1863) революц. волны в обществ. движении России. Посредством ряда уступок (прежде всего бюрократической проведенной крест. реформы), с одной стороны, и усилением репрессий — с другой, правящим классам удалось ликвидировать состояние революц. ситуации, обезглавить и распылить пока еще не достаточно сильные революц. силы. Надежды рус. демократов на победу крестьянской революции, как и надежды,

связанные с западноевропейским освободительным движением, оказались тщетными. Творчество П., ярко отражающее весь трагизм положения сил рус. революции в 60-х гг. 19 в., совпадая по осн. идейной направленности с выступлениями руководителей «Современника» (Чернышевский и Добролюбов) и «Колокола» (Герцен и Огарев), имеет вместе с тем своеобразные черты. Глубже, чем кто-либо другой из шестидесятников, П. разработал критич. сторону рус. революц. идеологии сер. 19 в. Он действовал в условиях, когда стремление молодых сил революц. демократии к преобразованию общества на демократич. основах не могло найти своего практич. воплощения (неомерный гнет гос. власти, цензурный деспотизм, система доносов и т. п.). В этих обстоятельствах для демократически настроенных разночинцев, в значит. степени разочарованных в результатах дворянской культуры, единственно реальной задачей оставалась резкая и решит. расчистка поля для последующей борьбы, расшатывание коренных устоев существующего общества, борьба с нарождающимся бурж. мещанским «обществ. мнением». Этими обстоятельствами и объясняется содержание того кредо, к-рое П. называл «ультиматумом нашего лагеря»: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (Соч., т. 1, 1955, с. 135). В своей гл. сути этот призыв П. выражал не только непримиримость рус. революц. демократов 60-х гг. к самодержавно-крепостнич. порядкам и освящающей их охранит. идеологии, но и их ненависть к различным формам социального неравенства и либерального приспосабливательства: к соглашательству в политике, бесплодному обличительству в лит-ре, чиновничьему карьеризму на службе, лицемерию в быту, уходу в «чистую» науку и «чистое» иск-во и т. п. Вместе с тем идейное творчество П. было в определ. мере обращено и против нек-рых иллюзий, разделявшихся представителями революц. демократии конца 50—60-х гг.

Антикрепостнич. революц. взгляды П. окончательно складываются к концу 1861. Правда, заявляя о своей солидарности с лагерем «Современника» («Схематика XIX века», 1861), П. все же занимал в идейной борьбе того времени несколько особую позицию; он подмечал нек-рые слабые стороны лит., филос. и публицистич. манифестов лагеря «Современника».

Вершина политич. радикализма П. — нелегальная прокламация, направленная против Шедо-Ферротти (1862; впервые полностью опубл. в 1923). В ней П.

заявляет о преступном характере деятельности правящего режима, развенчивает иллюзии, будто царь может поломать систему бюрократически-феод. произвола, прямо говорит о неизбежной гибели, обреченности существующих порядков. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (там же, т. 2, 1955, с. 126).

В дальнейшем социально-политич. взгляды П. переживают известную трансформацию. Спад поднявшейся в 1859—61 нар.-освободит. волны убеждает П. в отсутствии в России условий, необходимых для совершения революции в пользу «голодных и раздетых». Пр-во в силу самой своей природы не может сделать в этом направлении ни одного решит. шага; забытое и невежест. крестьянство не способно само освободить себя и построить новое общество. Смысл деятельности всех сил прогресса и направление своей собств. деятельности П. усматривает в длит. подготовке социального переворота, заключающейся прежде всего и гл. обр. в просвещении трудового народа посредством приобщения его к науке, особенно к естествознанию. Это возможно, по П., только при том условии, если массы будут иметь досуг, необходимый для образования; этот досуг они могут получить лишь вследствие ослабления гнета эксплуатации, что необходимо связано с развитием пром-сти, торговли, с внедрением в рус. экономику капиталистич. приемов труда. С др. стороны, необходима коргорта «мыслящих реалистов», к-рые будут вести дело просвещения масс в нужном направлении. Отсюда известная противоречивость осн. тезисов политич. программы П. 1864—68: признавая за благо развитие капитализма в России, он в то же время защищает социалистич. идеал, поддерживает деятельность Рахметовых и не отказывается в принципе от допущения насильств., «механических» средств борьбы, если нар. массы стихийно поднимутся-такн против самодержавия.

Рассматривая рус. социально-экономич. развитие как часть мировой истории, П. связывал свои оценки перспектив политич. борьбы в России с темп процессами, к-рые имели место в современной ему и прошлой истории стран Зап. Европы. Его теория политич. «реализма» опиралась в значит. степени на те выводы, к-рые он делал из анализа событий, происходивших во Франции и других западноевроп. странах. Статьи П. «Меттерних» (1861), «Историч. эскизы» (1864), «Популяризаторы отрицат. доктрин» (1866), «Дени Дидро и его время», «Франц. крестьянин в 1789 году» (1868) и др. свидетельствуют о настойчивых попытках П. использовать опыт обществ.-политич. развития в Зап. Европе для оценки перспектив рус. освободит. движения и для определения своей собств. позиции в происходящей борьбе. Этот анализ привел П. к выводу, что борьба бывает успешной только после надлежащей ее подготовки, что она только тогда дает существенные результаты, когда в нее втянуты массы, умеющие действовать в соответствии со своим правильно понятым интересом. Поскольку российский трудовой люд еще далек от верного осознания своего положения, постольку условий для переворота в России еще нет и все дело заключается в том, чтобы посредством постепенных социальных изменений повысить производительность труда и улучшать условия жизни масс, от которых только и зависит коренная «перестройка общественных учреждений».

Существенной стороной социологич. идей П. является его анализ совершающегося в живой истории взаимодействия между «низамы» и «верхами» общест-

ва. Рассматривая проблему «народа» (от него П. отличал «толпу», «собрание неделимых», не имеющих собств. сознания), фиксируя антагонистич. характер историч. движения, П. считал, что жертвы, приносимые нар. массами в их борьбе, не окупаются теми незначит. улучшениями, к-рые они завоевывают. В этом смысле П. не видел существенного прогресса в предшествующей истории. Она, по его мнению, и дальше будет такой же бессмысленной — до тех пор, пока нар. массы не приобретут, наконец, сознания своих собств. интересов. Тем не менее, по мнению П., «история должна быть осмысленным и правдивым рассказом о жизни массы; отдельные личности и частные события должны находить в ней место настолько, насколько они действуют на жизнь массы и служат к ее объяснению» (Полн. собр. соч., т. 3, СПб, 1901, с. 114). С др. стороны, разбирая вопрос о сущности политич. власти, гос-ва, П. выдвигает ряд оригинальных положений, близких по сути к идеям «Писем без адреса» Чернышевского: в гос-ве П. видел эксплуататора общества, живущего по своим собств. законам, к-рые не может поломать даже правитель, желающий это сделать (характерны в этом отношении рассуждения П. по поводу Петра I, Меттерниха, Людовика XVI, связанные с уяснением вопроса о том, куда пойдет рус. самодержавие).

Гл. силу обществ. развития П. видел в науке. Он провозглашал необходимость «...связать науку с жизнью...», чтобы везде практика была осмыслена наукою, и чтобы наука, с своей стороны,... сама опиралась на опыт и принимала в расчет его указания» (там же, т. 1, СПб, 1894, с. 157). При этом П. подчеркивал более всего социальные функции науки, недооценивая подчас теоретико-познават. проблем науч. исследования.

Своеобразие подхода П. к филос. проблематике заключалось прежде всего в его резкой, непримиримой борьбе против религии и разного рода «узкого мистицизма» в науке, отвлекающих человечество с пути разумного прогресса и полностью отрицающих «...самые элементарные свидетельства опыта...» (см. «Идеализм Платона», 1861, там же, с. 262 и др.). «... Теория хороша только до тех пор,— писал П.,— пока она вполне согласна с фактами и объясняет их совершенно удовлетворительно и без малейшего насилия» (там же, т. 3, с. 384). Противовес религии и идеализму П. видел в естеств.-науч. и филос. материализме. Еще работая в журн. «Рассвет», он всячески подчеркивал значение естеств.-науч. знаний. В нач. 60-х гг. значит. внимание он уделял популяризации филос.-материалистич. идей т. н. «вульгарных материалистов» — Фохта, Молешотта («Физиологич. эскизы Молешотта», 1861; «Процесс жизни», 1861; «Физиологич. картины», 1862). В трудах этих философов П. привлекало прежде всего то, что «...они отрицают всякие предвзятые теории, освобождаются от всяких преубеждений» (там же, т. 1, с. 314). Задаче борьбы с мистицизмом в науч. сознании была подчинена и блестящая пропаганда П. дарвинизма («Прогресс в мире животных и растений», 1864).

Решит. критик идеализма и метафизики, П., однако, не понимал и не умел оценить того рационального, что содержалось в прошлых и современных ему идеалистич. теориях. В идеалистич. философии (в частности, гегелевской) он усматривал в лучшем случае только диалектич. фокусы, ничего не дающие реальной жизни спекуляции; в идеализме он видел теоретич. оправдание эксплуатации. Говоря о диалектике, П. почти всегда употреблял это слово как синоним абстрактного способа рассуждения, «фразерства», «споров на словах». Поэтому естественно, что, игнорируя сложный, диалектич. характер познания, фиксируемый идеализмом 19 в., при рассмот-

рени гносеологич. проблем П. склонялся к сенсуализму, полагая чувства критерием бытия или небытия предмета.

Издвываясь над мечтаниями маниловского характера, выступая против действий, основывающихся на «авось», П. одновременно критиковал безмозглых «цеховых ученых», погрязших в плоском эмпиризме и не понимающих обществ. назначения науки («Промахи незрелой мысли», 1864). Он указывал на созидат. роль творч. мечты, фантазии в деятельности ученого (эти его рассуждения высоко ценит В. И. Ленин, см. Соч., т. 5, с. 476; т. 38, с. 370).

В области этики П. выступил наряду с Чернышевским одним из ярких представителей концепции разумного эгоизма. «Когда каждый человек будет относиться к каждому другому человеку совершенно разумно, тогда из этих разумных отношений вырабатывается такая сила, которая победит навсегда всякие враждебные влияния природы» (Полн. собр. соч., т. 3, с. 193). Выступая за подчинение нравств. идеала требованиям разума, П. видел гл. свою цель в разрушении традиц. моральных принципов, в расшатывании нравств. оков совр. ему общества, посредством к-рых правящий класс пытался сохранить свое господство над обществ. сознанием.

Разоблачая эксплуататорскую сущность зап.-капиталистич. порядков, выступая против частной собственности — «элемента присвоения», к-рая «...присваивает во всех существующих обществах, везде и всегда искажает природу человека и во всех бедствиях частной и общественной жизни является единственной причиной страданий и преступлений» (там же, т. 2, СПб, 1894, с. 559), П., однако, видел утопичность многих социалистич. проектов. Веря в конечное торжество социализма как строя социального равенства, строя разумных человек. отношений («... упадет когданибудь и тираническое господство капитала»), он не верил в скорое его осуществление; он был далек от народнич. идей о социалистич. природе рус. крестьянства, о патриархальной общине как опорном пункте социализма.

Убежденный сторонник реализма во всем (П. так и называл свое мировоззрение: «реализм»), П. остро полемизировал с представителями «чистого иск-ва» и утверждал воспитат. задачи художеств. творчества. Правда, и в этой своей полемике (как и в борьбе против философии Гегеля, как и в случае восстания против обществ. нравственности) П. доходил иногда до крайностей, до провозглашения «строжайшей утилитарности» иск-ва и рассмотрения художеств. творчества как одного из тормозов науч. прогресса, до отрицания принципа художественности и ниспровержения Пушкина («Разрушение эстетики», 1865; «Пушкин и Белинский», 1865). Ваяние, балет, музыку и нек-рые др. виды иск-ва П. считал бесполезными для человечества.

Несомненная парадоксальность идей и творчества П., его внешняя непричастность ни к одному из обществ.-политич. направлений 60-х гг. и своеобразие его позиции внутри демократич. лагеря в значит. степени обусловили судьбу его идейного наследия в последующей идеологич. борьбе. Характерная черта этой судьбы состояла в том, что П. был зачислен в родоначальники т. н. рус. нигилизма, под к-рым понималось бездумное отрицание каких бы то ни было обществ. ценностей (семьи, нравственности, красоты, иск-ва, философии, идеалов и т. п.). Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что некоторые последователи Чернышевского, руководившие «Современником» после его ареста (Антонович и др.), не смогли понять позиций П., смысла и содержания его добавлений к прежней политич. программе, его настаивания на необходимости уточнения и конкрет-

тизации революц.-демократич. идей в новых условиях. Оценка П. как отца рус. нигилизма стала почти господствующей в рус. литературоведении и историко-графии вплоть до конца 19 в. Первый серьезный отпор этого рода взглядам с марксистских позиций был дан В. И. Засулич («Писарев и Добролюбов»), к-рая, с одной стороны, показала необходимость определенных различий внутри демократич. идеологии 60-х гг., а с другой, — охарактеризовала взгляды П. как дальнейшее развитие идей Добролюбова, подчеркнула те идейные нити, к-рые связывали творчество П. с русской социал-демократией. В. И. Ленин назвал статью Засулич о П. (см. Соч., т. 37, с. 217) превосходной. Дальнейшим развитием марксистской оценки П. были статьи В. В. Воронского («Базаров и Санин. Два нигилизма», 1909).

Систематич. науч. изучение биографии и воззрений П. началось после революции 1917 (Е. Казанович, Д. И. Писарев, П., 1922; В. Черверезев, Нигилизм П. в социологич. освещении, «Красная Новь», 1926, № 6; Б. П. Козьмин, Д. И. П. и социализм, «Лит-ра и марксизм», 1929, кн. 4—6; его же, «Раскол в нигилистах», там же, 1928, кн. 2; В. Я. Кириотин, Радикальный разночинец Д. И. Писарев, Л., 1929; Л. А. Плоткин, П. и лит.-обществ. движение 60-х гг., Л.—М., 1945, и др.). В послевоен. годы были подвергнуты детальному исследованию филос. взгляды П. После XX съезда КПСС были созданы условия для нового, свободного от предвзятых схем, многостороннего рассмотрения идейного творчества П. с учетом его своеобразия и оригинальности.

Соч.: Полн. собр., т. 1—6, 5 изд. Ф. Павленкова, СПб, 1909—13; Соч., т. 1—4, М., 1955—56; Две статьи Д. И. П. Публ. Ф. Ф. Кузнецова, в сб.: Из истории рус. журналистики, М., 1959; Намеки природы, «Рус. лит-ра», 1959, № 2; Смирский Б., Неизвестный список стихотворения Д. И. П. «Она на памятник императора Николая», там же, 1960, № 4; Розенберг Э. И., Неопубл. заметки Д. И. П., «О жизни Игумена Даниила», «Тр. Новосибир. пед. ин-та», 1962, вып. 3.

Лит.: Шелгунов Н., Бессилье мысли и сила жизни, «Дело», 1870, № 5; Михайловский Н. К., Из лит. и журн. заметок 1874, Полн. собр. соч., 4 изд., т. 2, СПб, 1907; Водозовов Н. Д. И. П., как экономист, в кн.: Экономич. этюды, СПб, 1907; Соловьев Е. А., Д. И. П., Берлин — П., 1922; Неизданная ст. Н. В. Шелгунова, о добролюбовах и писаревцах, публ. Г. Прохорова, в кн.: Лит. наследство, № 25—26, М., 1936; Мещеряков Н. Л., Эволюция миросозерцания Д. И. П., «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1941, № 1; Беляев М. Ф., Д. И. П. об интересе, Иркутск, 1950; Проккофьев В. И., Обществ.-политич. и филос. взгляды Д. И. П., М., 1952; Шварцман А. Л., Д. И. П. и рус. естествознание, М., 1955; Мир-Бабеева Л. Х., Д. И. П. и «Современник», Ер., 1956 (Автореферат дисс.); Юшко А. Ф., Материализм Д. И. П., «Уч. зап. Харьк. ун-та», 1957, т. 96; Ларионов Л. И., К вопросу о социологич. взглядах Д. И. П., «Тр. Магнитогор. пед. ин-та», 1959, вып. 1; Маслин А. Н., Материализм и рев.-демократич. идеология в России в 60-х гг. XIX в., М., 1960; Логачев Г. В., Д. И. П., Липецк, 1960; Галактионов А. И. и Никандров П., История рус. философии, М., 1961; Плоткин Л. А., Д. И. П., М.—Л., 1962; Каллер А. П., Этнич. взгляды Д. И. П., М., 1962; Станис Л. Я., Основ. черты мировоззрения Д. И. П., М., 1963; Попов И. В., Д. И. П. перед судом либералов и охранителей, «Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та», 1964, вып. 46; Голубев А. Н., К вопросу о формировании материалистич. взглядов Д. И. П., «ФН» (НДВШ), 1964, № 2; Ильин В. В., П. и Добролюбов, «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та», 1964, № 213; Кузнецов Ф., Журнал «Русское слово», М., 1965; Демидова Н. В., Д. И. П. и нигилизм 60-х гг., «Вестн. ЛГУ», 1965, № 5, вып. 1; Виленинская Э., Революц. подполье в России (60-е годы XIX в.), М., 1965; Варустин Л. Э., Журн. «Русское слово», Л., 1966; Coquar A., D. Pisarev, P., 1946; Russian thought and politics, Camb. (Mass.), 1957.

Библи.: Бухштаб Б. Я., Д. И. П. Указатель осн. лит-ры, Л., 1940; История рус. лит-ры XIX в. Выбл. указатель, М.—Л., 1962, с. 539—44. А. Володин, Москва.

«ПИСЬМА К СЕРЕНЕ» (1704) — одно из осн. филос. соч. Толанда.

«ПИСЬМА ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ К ДРУЗЬЯМ. Писанные в 1773-ем году от октября по март 1774 года» — рукописный памятник рус. филос. литературы 2-й пол. 18 в. Хранится в ЦГАДА СССР. Стоя на позициях пантеизма, аноним-

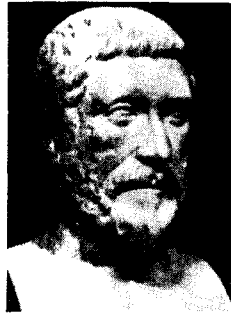
ный автор утверждает, что «бог», «природа» и «все» — суть лишь различные названия бесконечного бытия. В теории познания большую роль автор отводит чувствам: «Чувства наши суть телесные, и таковы же должны быть все вещи, которая посредством оных можем ощущать...» (ЦГАДА, ф. 196, № 1086, там же, с. 23). Вопрос о происхождении духовной сущности человека решается в теологич. духе. В учении о соотношении духовного и телесного, в вопросах космогонии автор прибегает к терминологии и символике, свойственной *масонству*. Вместе с тем автор отрицает идею всемогущества бога, божеств, природу Иисуса Христа, подлинность библейских книг. В «Письмах...» впервые в рус. антирелиг. лит-ре поставлен вопрос о социальной роли религии как защитницы «государственной» пользы. Критикуя традиц. изображение ада и рая, автор пишет: «Нет! друзья мои, нет! Таковой ад и таковой рай вымышлены простотою и злобною человеческою..., частью для Государственной мнимой пользы, частью для других причин выдумали такие места, кои бы могли народ иногда устрашать, иногда утешать» (там же, с. 152).

Автор «Писем...» хорошо знаком с моральными и политич. концепциями своего времени. Он критикует теорию «просвещенной монархии», выступает против грабительских войн. Вместе с тем сам он ограничивается призывами к улучшению нравов, проповедью любви к ближнему, что напоминает этич. программу масонов. Ю. Я. Коган («Очерки по истории рус. атеистич. мысли XVIII в.», М., 1962, гл. 7) высказывает предположение, что «Письма...» принадлежат перу В. П. Лукина (1737—94), входившего в масонскую ложу «Урашия».

Лит.: Голодко А. И., Мысли под запретом, «Наука и религия», 1961, № 6; е го же, Из истории рус. обществ. мысли XVIII в., в сб.: Тр. Моск. ин-та тонкой химич. технологии им. М. В. Ломоносова. Кафедра марксизма-ленинизма, вып. 3, М., 1962; е го же, Из истории русского атеизма конца XVIII—нач. XIX вв., в сб.: Вопросы научного атеизма и атеистического воспитания, М., 1964. А. Голодко. Москва.

«ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ» — осн. филос. произведение Герцена 40-х гг., раскрывающее понимание мыслителем проблемы единства бытия и мышления, естествознания и философии, эмпирического и разумного (см. *Герцен*).

ПИФАГОР (Πυθαγόρας) С а м о с с к и й (2-я пол. 6 в. до н. э.) — полумифич. основатель др.-греч. религ.-филос. школы, получившей название по его имени. П. и его школа проповедовали аскетич. образ жизни, учение о числах, акустику, гармонию небесных сфер и переселение душ. Смутное состояние и противоречивость источников (прежде всего *Диоген Лаэртский*, *Порфирий* и *Ямвлих*) и твердая антич. тенденция превратить П. в миф чрезвычайно затрудняют реконструкцию его учения, поэтому лучше говорить не столько о нем, сколько о *пифагореизме*, к-рое представлено целым рядом историч. имен и засвидетельствовано множеством фрагментов.

Источники: греч. текст и нем. пер. в кн.: *Fragmente der Vorsokratiker, griech. und deutsch von H. Diels, hrsg. von W. Krauz, 9 Aufl., Bd 1, V.* — Neukölln, 1960, Kap. 14; рус. пер. А. Марковельского, в его кн.: *Досократики, ч. 1, Каз.*, 1914, гл. 14; *Diogenes Laertius, Lives of eminent philosophers, with an Engl. transl. by R. Hicks, v. 2, L.* — Camb. (Mass.), 1958, кн. VIII, § 1—50.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 1, с. 32, т. 20, с. 502—504, 570; Ленин В. И., *Соч.*, 4 изд., т. 38 (по имен. указат.); Голицыны Н. Н., *Историч. этюды Др. Греции. Пифагор*, «Москвитини», 1855, № 19—20, кн. 1—2; Новицкий О., Постепенное развитие др. филос.

учений..., ч. 2, К., 1860, с. 101—241; Шредер Л., П. и индийцы. Исследование о происхождении пифагорейского учения, «Журн. М-ва нар. просвещения», 1888, ч. 259—260; Трубецкой С. Н., П. и пифагорейцы, «Вопр. философии и психологии», 1905, кн. 2 (77), с. 303—25; Дынкин М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, с. 41—43; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); История философии, т. 1, М., 1957 (по имен. указат.); Zeller E. d., Pythagoras und die Pythagorassage, в его кн.: *Vorträge und Abhandlungen...*, Lpz., 1865, S. 30—50; е го же, *Über die ältesten Zeugnisse zur Geschichte des Pythagoras*, в его кн.: *Kleine Schriften, Bd 1, V.*, 1910, S. 458—72; Lévy I., Recherches sur les sources de la légende de Pythagore, P., 1926; Керényi K., Pythagoras und Orpheus, 3 Aufl., Z., 1950; Totok W., *Handbuch der Geschichte der Philosophie*, Bd 1, Fr. M., 1964, S. 115—18.

А. Лосев. Москва.

ПИФАГОРЕИЗМ — религ.-философское учение в Древней Греции 6—4 вв. до н. э., исходящее из представления о числе как об основном принципе всего существующего. Свое название оно получило от *Пифагора*.

Вначале пифагорейское учение передавалось только устно. Первое письменное изложение пифагорейской доктрины дал *Филолай*, от к-рого, как и от Иона Хлосского, остались не очень значит. фрагменты. С конца 5 в. П. стал мало-помалу сближаться с сократо-платоновской философией, так что сам *Платон* в конце своей деятельности оказался пифагорейцем. Окончательное оформление П. нужно относить именно к позднему Платону и древней *Академии платоновской*. Последними учениками Филолая были Эврит, Ксенофил, Фантон, Эхекрат, Диокл и Поллминаст. Ксенофил был учителем перипатетика Аристоксена, много писавшего о П. Философ и ученый 1-й пол. 4 в. Архит Тарентский был последним крупным представителем П. Спустя примерно триста лет после этого идеи П. стали отправным пунктом развития *неопифагореизма*. Сначала, по-видимому, П. мало чем отличался от древнейшей натурфилософии. Он учил о вдыхании в себя космосом окружающего беспредельного воздуха (58 В 30, Diels⁹). У пифагорейца Гиппона, так же как и у *Фалеса*, началом является вода (38 А 4, ср. 5.6.8), а у Гиппаса, как и у *Гераклита*, — все из огня (гл. 18, 7.8). Тем не менее общее учение пифагорейцев выводит все из чисел, а *Аристотель* прямо считал пифагорейские числа своеобразной материей (58 В 5), так что, напр., небо у пифагорейцев было число (58 В 4.5). Космос тоже трактовался у них состоящим из одних чисел без использования мифологии (ср. объяснение млечного пути, гл. 41, 10) и не без детских наивностей, как, напр., при объяснении движения комет (гл. 42, 5). Сначала душа была огненная (Гиппас 9), или водяная (Гипсон 3.10), или из пылинок (58 В 40); а затем стали говорить, что душа есть гармония и, именно, гармония противоположностей тела (44А 23; 58 В 41), что она есть числовое устройство (44 В 11), что она бессмертна и бестелесна (В 22, 26 В 4) и даже что она только ради наказания прикреплена к телу (44В 14).

Т. о., П. за 200 лет своего существования прошел все оттенки философии, начиная от материализма *ионийской школы* и кончая самым настоящим идеализмом *платонизма*.

Осн. филос. направленность П. состояла в философии числа. Этим он резко отличался от учения *панийской школы*, стремившейся свести все существующее к той или иной материальной стихии. П. обращал осн. свое внимание не на самые стихии, но на их оформление, на их арифметически-геометрич. структуру (ср. 47 А 6), к-рую он тут же соединял с акустичкой и астрономией, делая в этих областях открытия (гл. 41, 7; 44 А 6; 58 В 2.3.20) и подчиняя музыке даже и грамматику (47А 19 б). Это — величайший вклад в сокровищницу мировой философии и науки, потому что возникновение математич. естествознания в новое время философски было связано с идеями П.

Числа у пифагорейцев вначале вообще не отличались от самих вещей и, следовательно, были просто числовым образом размерными вещами (58 В 9.10.26, 28), при этом числовым образом понимались не только физич. вещи, но и вообще все существующее, как, напр., добро (58 В 27) или добродетель (В 4), затем они стали трактоваться как сущности, принципы и причины вещей, более или менее отделенные от них (В 5.8.13.22.25). Эврит же даже понимал числа структурно, называя числом, напр., человека, составленного из определенного количества камешков и образующего тот или иной определенный контур (гл. 43,4; 44 А 13; 47 А 17; 58 В 27), тогда, несомненно, действовало у них уже скульптурное представление о числах. Числа, к-рым Поликлет (40В 1—2) характеризовал свой статуй, тоже суть упорядоченные множества. Филолай же трактовал и звук как трехмерное тело (44 А 26). В дальнейшем же числа понимались и попросту как платоновские идеи и божеств. существа (В 12), а Гипсас учил даже, что «число — первый образец творения мира» и что оно — «орган суждения творца мира — бога» (гл. 18,11). «Число — самое мудрое из всех (вещей)» (58 С 2). В учении П. о числе с самого начала было много мистического, потому что сам пифагорейский союз был основан как братство, стремившееся осуществлять чистую жизнь после дионисийского оргиазма с переводом экзотич. состояний в филос. концепции. О богах учили здесь в связи с математич. и астрономич. построениями (44 В 19; А 14; гл. 41,7), не говоря уже об общем религ. характере «пифагорейского образа жизни» (58 D 2.3; о связи П. с орфиками, т. е. с религией Диониса и Аполлона, см. E. Rohde, P. Psyche, Tübingen, 1925, 9—10 Aufl., с. 106, прим. 2). Оргиазм и число имели между собой то общее, что оба они были безличны и не содержали никаких теорий качеств. наполнения предмета (о пифагорейской диалектике оргиазма и числа — см. А. Ф. Лосев, История антич. эстетики, 1963, с. 263 сл.).

Когда же П. перешел к учению о содержании или о качестве бытия, то он уже не удовлетворялся внешними материальными стихиями, но создавал учение о душе как о нематериальном начале. П. втягивал свою концепцию души в общее учение о круговороте вещества, откуда и возникло знаменитое пифагорейское, или, точнее сказать, орфико-пифагорейское (см. *Орфики*), учение о переселении душ в разные существа и предметы, или концепция вечного круговорота душ (гл. 14,8). Вместе с открытием душ как самостоятельного начала появилось и чувство связанности души телесным началом, чувство грехопадения, жажды преодолеть телесное начало и такого возмездия за грехи, в результате к-рого можно было бы надеяться на полное очищение. Т. о., П. и связанный с ним платонизм были отдаленными предшественниками *христианства*, правда, еще в пределах чисто языч. *политеизма*. Для безличного понимания души в П. характерна концепция души у Филолая как самодвижного числа, откуда делается понятной и связь концепции души и числа в П. (гл. 18,11).

На почве осн. учения о числе возникла в П. и весьма оригинальная арифметика, придававшая пластич. и жизненный смысл решительно каждому числу: единица трактовалась как абсолютная и неделимая единичность, двойка — как уход в неопределенную даль, тройка — как оформление этой бесконечности при помощи единицы, т. е. как первое оформление вообще, четверка — как первое телесное воплощение этой триадич. формы и т. д. (Теофраст 58 1В

14; Эврит гл. 45, 2; Аэций В 15; Аристотель В 17 и т. д.). Все эти открытия вызвали немалый восторг, доходивший до мистич. ощущений. Там же, где не было откровенной мистики, появлялась эстетика: «из форм тел самое прекрасное — шар, из форм плоскостей — круг» (58 С 3). Вполне понятно, что у пифагорейцев вызвали восторг первые операции над числами, понятия чёта или нечёта, суммирование первых четырех чисел в виде десятки, и потому священность декады (44 А 13), соотношение чисел в виде разного рода пропорций (гл. 18, 15; 44 А 24; 48 В 2) и пр. Наблюдения пифагорейцев имели огромное значение и для развития тогдашней *натурфилософии*. Уже Пифагору приписывали открытие т. н. пифагоровой теоремы (58 В 19), установление суммы углов треугольника (В 21), открытие пяти правильных геометрич. тел (44 А 15). Пифагорейцам приписывали открытие вращения земли и движения ее вокруг мирового огненного центра (44 А 1.21; гл. 51, 1.5; 58 В 37 ср. 36). Ранние пифагорейцы, по преданию, при помощи наблюдения над металлич. пластинками разных размеров или сосудов с разным наполнением водой установили числовые отношения, характерные для кварты (4/3), квинты (3/2) и октавы (2/1), к-рые тут же объединялись с общезвестными материальными стихиями или с правильными геометрич. телами (гл. 18, 12.14; 47 В 1.2; 58 В 18). Тоны, полутоны и еще меньшее деление тона были осознаны у пифагорейцев со всей точностью, превышающей даже точность современн. акустики (44 В 6; 36 В 5; 47 А 16. 19а). Мало того, эта физически-арифметически-акустич. концепция распространялась и на весь космос (47 В 1), так что этот последний мыслился состоящим из десяти небесных сфер (44 В 16; гл. 50. 1), из к-рых каждая издавала свой характерный звук (58 В 35), состояла из определенной комбинации правильных геометрич. тел (44 В 12) и выявляла те или иные материальные стихии с той или иной их структурой, пропорцией и с той или иной точностью их констатации.

Рассуждения пифагорейцев о противоположностях носили диалектич. характер. Аристотель перечислял 10 осн. пифагорейских противоположностей: беспредельное (бесконечное) и предел (конечное), нечетное и четное, одно и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, доброе и злое, квадратное и продолговато-четыреугольное (58 В 5). Филолай называет единство этих противоположностей гармонией (44 В 10). Центральной здесь остается противоположность конечного и бесконечного, или предела и беспредельного. Пифагорейцы демонстрировали эту противоположность путем чертежа замкнутой кривой на неопределенном и безграничном фоне (А 9; В 1—3.6). Учение о пределе и беспредельном возникло в П. не без влияния *Анаксимандра*.

Наконец, П. проповедовал аскетизм, но аскетизм в антич. смысле слова: здоровая душа требовала здорового тела, а то и другое — постоянного музыкального воздействия, сосредоточивания в себе и восхождения к высшим областям бытия (58 С 3.4; D 1.6.8; 57,3), так что музыка, философия и медицина здесь почти отождествлялись.

Относительно политич. настроения пифагорейцев существует традиционное и неправильное представление об их аристократизме. Дж. Томсон (см. «Исследования по истории древнегреческого общества», т. 2—Первые философы, М., 1959, с. 242—51) убедительно показал, что пифагорейцы не были идеологами крупного землевладения и что, скорее всего, они были умеренно-прогрессивными демократами. Это видно, напр., из их предвосхищавшего христианство учения о равенстве всех душ перед вечностью. Знаменитое

сожжение пифагорейского дома в Кротоне было совершено вовсе не демократами, но аристократом Килоном (гл. 14, 16; 44 А 4а). Архита Тарентского Страбон прямо называл вождем демократии (47 А 4), а об его демократич. поведении читаем пространное сообщение у Атеней (А 8). И вообще уединенный и сосредоточенный образ жизни пифагорейцев несколько не мешал им участвовать в политике, и это, — начиная с самого Пифагора (гл. 14, 8, 16) и кончая Архитом (кроме указанных только что фрагментов, А 1.2).

Идеи П. оказались чрезвычайно живучими не только в пределах самого античного мира, но и во всех последующих культурах, вплоть до совр. *теософии* и антропософии.

Фрагменты в рус. пер. А. Маковельского, в его кн.: Досократики, ч. 3, Каз., 1919.

Лит.: Ленин В. И., Философские тетради, Соч., 4 изд., т. 38, с. 233—34; Дынкин М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, гл. 2; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 40—48; История философии, т. 1, М., 1957, с. 82—85; Ritter H., Geschichte der pythagoreischen Philosophie, Hamb., 1826; Sobczuk P., Das pythagoreische System in seinen Grundgedanken entwickelt, Breslau, 1878; Bauer W. von, Der ältere Pythagoreismus, Bern, 1897; Delatte A., Essai sur la politique pythagoricienne, Liège—P., 1922 (Diss.); Méautis G., Recherches sur le Pythagorisme, Nohat., 1922; Willmann O., Pythagoreische Erziehungsweisheit, hrsg. von W. Pohl, Freib., 1922; Zeller E. d., Die Philosophie der Griechen., 7 Aufl., Tl. 1, Hälfte 1, hrsg. von W. Nestle, Lpz., 1923, с. 445—617; Totok W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 115—118.

А. Лосев. Москва.

ПЛАНК (Planck), Макс Карл Эрнст Людвиг (23 апр. 1858—4 окт. 1947) — нем. физик-теоретик, основоположник совр. квантовой теории. С 1894 — чл. Берлинской Академии наук, с 1912 — ее бессменный секретарь.

Лауреат Нобелевской премии по физике (1918). Науч. деятельность П. охватывает обширный круг проблем, относящихся к ряду разделов физики — электромагнетизму, акустике, оптике, кинетич. теории и др. П. внес значит. вклад в разработку «первого» и «второго» начал термодинамики, дав глубокий анализ понятия энергии. Ему же принадлежат замечат. исследования по термодинамике излучения, в ходе к-рых П. пришел к от-

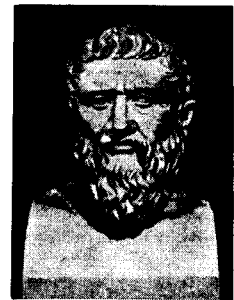
крытию кванта действия (о понятии кванта действия см. *Микрочастицы*). В своей научной деятельности П. сознательно стремился проводить основные материалистические принципы (признание независимой от сознания объективной реальности, ее познаваемости, господства в природе объективной закономерности и причинности). П. неоднократно выступал в защиту принципа причинности против индетерминизма. Под этим методологич. девизом шли работы П. по *относительности теории*, при формулировке задач к-рой П. особое внимание уделял объективному пониманию принципа наименьшего действия, давая ему причинное, а не телеологич. толкование, а также по термодинамике — центр. области его интересов. Филос. проблемами науки П. занимался на протяжении всей своей жизни. Он постоянно подчеркивал важную роль мировоззрения в творческой деятельности ученого, призывал к тесному единению естествознания и философии. В работе «Физическая закономерность в свете новых исследований» он, напр., указывал, что «... естественные науки не могут обойтись без философии» («Успехи физ. наук», 1926, т. 6, вып. 3, с. 199). При этом он имел в виду ту философию, к-рая исходит из признания объективности окружающего нас мира и действующих в нем законов. П. болролся с филос. воззрениями *Маха*, *Оствальда* и более

поздними течениями *позитивизма*. Активная борьба П. против «физического» идеализма на рубеже 19 и 20 вв. сыграла важную роль в истории развития познания. К критике позитивизма П. возвращался вплоть до сер. 40-х гг. 20 в. (см. его «От относительного к абсолютному», рус. пер., Вологда, 1925; «Позитивизм и реальность» — «Positivismus und reale Außenwelt...», Lpz., 1931). Ряд работ П. посвящен рассмотрению филос. проблем, поставленных развитием квантовой механики, в частности анализу смысла *неопределенностей соотношения*, проблеме измерения в микромире и т. п. (об этих филос. проблемах квантовой механики см. ст. *Микрочастицы*). Его внимание привлекали закономерности науч. познания, процесс развития науч. картины мира; он отразил ряд важных моментов диалектики познания. Однако в целом П. не смог подняться выше созерцат. *материализма*, не сумел полностью преодолеть влияния *Канта*; в вопросах этических П. приходил к оправданию существования религии; непоследовательно решал вопрос о соотношении законов мира и свободы воли человека.

Соч.: Физические очерки, М., [1925]; Введение в теоретич. физику: ч. 1, Общая механика, 2 изд., М.—Л., 1932; ч. 2, Механика деформируемых тел, 2 изд., М.—Л., 1932; ч. 3, Теория электричества и магнетизм, 2 изд., М.—Л., 1934; ч. 4, Оптика, М.—Л., 1934; ч. 5, Теория теплоты, М.—Л., 1935; Принцип сохранения энергии, М.—Л., 1938.

Лит.: Лоренц Г. А., М. П. и теория квантов, «Успехи физ. наук», 1926, т. 6, вып. 2; Макс Планк. 1858—1958, М., 1959; М. П. и философия, пер. с нем., М., 1963; Кузнецов И. В., Основные идеи в творчестве М. П., в сб.: Филос. вопросы совр. физики, М., 1959; П о л а к Л. С., Возникновение квантовой физики, в сб.: Очерки развития основных физ. идей, М., 1959; М. П. и философия, пер. с нем., М., 1963; Max Planck zum Gedenken, В., 1959. И. Кузнецов, В. Семенчев. Москва.

ПЛАТОН (Πλάτων) Афинский (428/7—348/7 до н. э.) — др.-греч. философ, основатель европ. идеализма (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 117), идеолог рабовладельческого государства периода крушения классического полиса, доведший объективный идеализм до реставрационной социально-политич. утопии. Род. в Афинах (или может быть на Эгине) в семье, имевшей высокое аристократич. происхождение. Одним из ранних его учителей называют *Кратила*, Ок. 407 П. познакомился с *Сократом* и стал одним из его самых восторженных учеников. После смерти Сократа уехал в Мегару, вероятно ввиду неблагоприятной для него политич. обстановки в Афинах. Имеются полудендарные сведения о посещении им Кирены (где он якобы учился у известного математика Феодора) и Египта, где он будто и набрался математич. и астрономич. мудрости. О путешествиях П. в источниках существует большая путаница. Исторически доказанным можно считать его путешествие в 389 в Юж. Италию и Сицилию. Здесь он, несомненно, имел науч., филос. и религ. общение с пифагорейцами. В Афинах П. основал собств. школу — *Академию платоновскую*. В 367 и 361 совершил еще два путешествия в Сицилию, причем последнее — по приглашению тирана Сиракуз Дионисия Младшего, имевшего якобы намерение проводить в своем гос-ве идеи П. Остальную часть жизни философ провел в Афинах, много писал, читал лекции, имел множество как друзей и учеников, так и врагов. О П. писали уже ближайшие его ученики, а также известный ученик Аристотеля Аристоксен. Вся эта и последующая биографич. литература о П. погибла, первая обширная биография П., дошедшая до нас от античности, принадлежит только *Диогену Лаэртскому* (III 1—45). Имеют

значение письма П. (к-рые часто в порядке гиперкритики объявлялись неподлинными), отрывки из эпикурейца *Филодема*, трактат Апулея «О Платоне и его учении», фрагменты *Порфирия*, биографич. очерк *Олимпиодора* Младшего, а также многие сведения из *Цицерона*, *Плутарха*, *Элиана*, *Атенея* и статья о П. в визант. словаре *Свиды*.

Сочинения. Под именем П. до нас дошли следующие соч.: речь «Апология Сократа», 23 подлинных диалога, 11 в разной степени сомнительных, 8 неподлинных произведений, к-рые не входили в список произведений П. даже в древности, 13 писем, многие из к-рых безусловно подлинные, и «Определения», единогласно всегда принимавшиеся за неподлинные.

Ранний период (приблизительно 90-е гг. 4 в. до н. э.): «Апология Сократа», «Критон», «Эвтифрон», «Лахет», «Лисий», «Хармид», «Протагор», 1-я кн. «Государства». Все эти произведения П. отличаются чисто сократовским методом анализа отд. понятий и попытками найти их родовую сущность с упором по преимуществу на моральную проблематику.

Переходный период (80-е гг.): «Горгий», «Менон», «Эвтидем», «Кратил», «Гипсий меньший», «Ион», «Гипсий больший», «Менексен» (подлинность трех последних предположительна). В этом периоде уже намечается концепция субстанциально понимаемых идей, с т. зр. к-рой критикуются релятивизм *софистов* («Горгий», «Эвтидем»). В сферу внимания П. попадает досократовская философия (критика *Гераклита* в «Кратиле») и орфико-пифагорейские учения о предсуществовании и бессмертии душ («Горгий», «Менон»). Кроме сократовского рационального анализа понятий, заметны также поэтично-мифологич. и даже мистич. мотивы. Эти диалоги характеризуют страстная политич. направленность против разложившейся демократии в защиту аристократич. образа мыслей.

Зрелый период (70—60-е гг.). Диалоги этого периода можно разделить на две группы: 1) «Федон», «Пир», «Федр», П—X кн. «Государства». Центральным является здесь учение об идеях как о самостоятельно существующей субстанциальной действительности, определяющей и всю материальную действительность; 2) «Тезетет», «Парменид», «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей» и «Критий». От предыдущей группы диалогов эта группа отличается конструктивно логич. характером, интересом к материальному миру. Содержание касается либо критики голого эмпиризма («Тезетет»), либо изложения диалектики категорий («Парменид», «Софист»), либо диалектики космоса («Тимей»). В этих диалогах П. много спорил с разными философами, часто не называя их имен. Поэтично-мифологич. мотивы здесь редки.

Последний, или поздний, период: «Законы» (писавшиеся уже в 50-е гг.) и «Послезаконие» (вероятно написанные кем-либо из учеников П.). «Законы» ставят своей целью изобразить не абсолютно идеальное, а сниженное и доступное реальным человеком силам гос-во. Они содержат много различных противоречий в концепциях и терминологии.

Диалоги сомнительного происхождения и неустановленного времени: «Алкивиад I», «Гиппарх», «Клитофонт» и «Минос».

Диалоги безусловно неподлинные: «Алкивиад II», «Соперники», «Феаг», «Демодок», «Сизиф», «Алкей», «Эриксий», «Аксиох», «О справедливости», «О добродетели», «Определения».

Произведения П. представляются для совр. историка философии скорее обширной лабораторией мысли, чем определенного рода системой, отличающейся строго продуманной филос. последовательностью. Центральное для П. учение об идеях нигде не изложено у П. систематически, его приходится реконстру-

ировать. Это не помешало, однако, П. продумать осн. принципы идеализма очень последовательно и глубоко, а главное, очень откровенно. Едва ли у какого-нибудь др. философа проводится так упорно и так безоговорочно мысль о примате сознания над бытием и едва ли какой-либо др. идеалист столь последовательно продумал все выводы из этого примата, какой бы нелепостью они не отличались.

Учение о триаде. Важнейшей частью философии П. является учение о трех осн. онтологич. субстанциях (триаде): «едином», «уме» и «душе». Это учение разработано по отд. диалогам, не систематизировано, только в сомнительных «Письмах» имеются нек-рые намеки на эту триаду (см. II 312 E; VI 322 D; VII 342 B). К этому учению примыкает также и учение о *космосе*.

Основой всякого бытия и всей действительности является, по П., «единое» (ἓν). Будучи взято само по себе, «единое» лишено всяких признаков: оно не имеет частей, т. е. не есть целое, а это значит, что оно не имеет ни начала, ни конца, поскольку начало и конец были бы уже его частями. Но, не имея никаких частей, оно, очевидно, не есть и какая-нибудь фигура, т. е. оно не занимает никакого пространства, а также не может и двигаться, поскольку для движения необходимо изменение, т. е. множественность; к нему неприменимы никакие признаки тождества, различия, подобия и т. д. Оно, следовательно, вообще не есть бытие, т. е. оно есть ничто. Но, собственно говоря, его нельзя назвать и «ничем», т. к. это «ничто» тоже есть нек-рое высказывание. О нем вообще ничего нельзя сказать, оно выше всякого бытия, выше всякого ощущения и выше всякого мышления. Такова, по П., основа бытия и исходный пункт всякой действительности (Parm. 137 C — 142 B). С др. стороны, «единое» трактуется как «благо» (R. P. VI 505 AB), как беспредпосылочное начало, к-рое «трансцендентно сущности» (509 B) и к-рое, не будучи мыслимым, является принципом всего мыслимого. Оно есть Солнце, поскольку оно дает возможность всему существующему видеть и быть видимым (508 A — 509 D). В этом источнике скрываются не только идеи вещей, но и сами вещи, само их становление (510 B, 533 CD). Не только все красивые вещи предполагают единую и самотождественную идею красоты (507 B, X 596 A), но прекрасное и безобразное тоже восходят к одному принципу (V 476 A, 479 A), как и вообще всякое многообразие предполагает абсолютно единую и самотождественную раздельность (VII 524 E, 525 E, 526 A, ср. также о «едином» в «Государстве» VII 524 E — 526 A, особенно 524 E, 525 E, 526 A, ср. V 476 A, 479 A, VI 507 B. — D; Phaedr. 249 B, 265 D, 266 B; Theaet. 147 D, 184 D, 203 CE, 205 CD; Phaed. 78 D, 80 B, 101 C; Parm. 132 A, 157 D, 159 C; Phileb. 15 AB — D, 16 CD, 19 B, 23 C, 25 CD; Tim. 35 A, 36 C; Soph. 242 DE, 245 A).

Вторая субстанция — «ум» (νοῦς) — является, по П., бытийно-световым порождением «Блага-Солнца», поэтому «ум», будучи раздельным и противоположным неразличимому «единому» — «благу», всегда трактуется у П. как родственный этому последнему и как происходящий от него (R. P. 490 B, 611 E.; Phaed. 79 B; Tim. 90 A — C). П. всегда старался подчеркивать чистоту «ума», тщательно его отграничивая от всего материального, вещественного и становящегося. На этом основана концепция «ума» как одной из способностей души (R. P. IV 435 A. — 443 D). «Ум» не есть только рассуждение, поскольку рассуждение дискурсивно, а «ум» интуитивен и своим предметом имеет сущность вещей, но не их становление (R. P. VI 509 D — 514 E, 529 E, 533 D; Phaed. 79 A; Phileb. 29 D, 59 BD, 65 D). Может быть наилучшая картина чистого и несмешанного «ума» набросана в «Федре»,

где мы читаем о мысли (διάνοια) бога, питающей «умом» и несмешанным знанием (ἐπιστήμη) (247 D и вообще 246 E — 247 E). Желая всячески возвысить «ум» над всем существующим, П. часто приписывал ему царское достоинство, называя «царем неба и земли» (Phileb. 28 C), «царственным» (там же, 30 D), «вождем» (Legg. X 11 963), «причастным богам» (Tim. 51 E).

Рассматривая «единое» не в его абсолютной неразличимости, а в его различимости и разделенности или, как точнее нужно было бы сказать, в его единоразделенности (Parm. 142 B — 157 D), П. характеризовал диалектику «ума». Стоит только допустить, говорил П., что «единое» есть, как оно уже получает категорию бытия; «одно есть» является тем целым, в к-рое «одно» и «есть» входят как части и т. д. Мы получаем всю систему категорий, необходимую для осмысленного существования «единого», т. е. весь «ум». Эта гносеологич. и диалектич. концепция «ума» у П. завершается концепцией космологической. «Ум» есть мысленное родовое обобщение всех живых существ, живое существо, данное предельно обобщенно, предельно упорядоченно и совершенно, предельно прекрасно (Tim. 29 D — 31 B). «Ум» и жизнь вообще не различаются у П., потому что «ум» тоже есть жизнь, только ваятая в предельном обобщении (Soph. 249 AB; Phileb. 21 D). Этот «ум» воплощен в «космосе», а именно в правильном и вечном движении неба, и это небо мы видим своими глазами (Tim. 47 B — 48 A; Politic. 269 C — 270 A; Legg. X 898 B). Зрительная природа «ума» является его наиболее конкретным воплощением. В том, что «ум» устрояет и поддерживает все существующее (Legg. X 11 966 E, 967 B, ср. X 889 C) П. несколько не возражал Анаксагору (Crat. 400 A. 413 C; Phaed. 97 C, 98 C), хотя в полемике с ним отрицал веществ. природу «ума» и его веществ. функции.

Что касается третьей осн. онтологич. субстанции — «мировой души» (ἡ τοῦ κόσμου ψυχή), то П. дал такую концепцию, к-рая навсегда осталась во всем платонизме и неоплатонизме. Противопоставив «ум» вместе с идеями, его составляющими, телесному миру, П. по необходимости должен был формулировать начало, к-рое объединяло бы и то, и другое. Таким началом и явилась у него «душа», принцип самодвижения, к-рый отличается от «ума» именно этой вечной подвижностью, хотя и получает от него законы своего движения. «Ум» отличается от тел своей бестелесностью и бессмертием, хотя и находит свое конечное осуществление именно в телах (Phaedr. 245 CE; Phileb. 30 AB). «Душа» есть и в каждой вещи и во всем «космосе» одновременно и как принцип «гождества», и как принцип «различия», прикрепляя то и другое к «сущности», откуда «душа» по необходимости является между двумя мирами, к-рые она объединяет чем-то прекрасным, пропорциональным и гармоничным, будучи сама бессмертной, а также причастной истине и вечным идеям (Tim. 36 D — 37 C; Men. 81 B, 86 AB; Phaedr. 245 C — B; Phaed. 65 B — 68 A, 78 B — 80 B, 105 B — E; 106 D; Phileb. 30 A — D; Tim. 30 D, 41 DE, 69 C). Ища причину движения одной вещи в другой, а другой в третьей, мы в конце концов должны придти к такой вещи, к-рая сама движет себя. Это и есть «душа» (Legg. X 896 AB). Она старше и первичнее всякого тела (892 AB, 894 D, 895 B), являясь настоящей и подлинной «природой» (892 C, ср. о космич. функциях «души» — Tim. 37 C — 47 E).

Наряду с теорией «мировой души» П. развил концепцию индивидуальной «души», являющейся лишь истечением мировой (Phileb. 30 A; Tim. 41 DE, 69 CD). П. говорил о бессмертии или, вернее, о вечном возникновении также и тела вместе с «душой». Смерть тела есть только его переход в другое состояние. Тело и «душа» богов «соединены между собою на вечные времена» (Phaedr. 246 D), по всякая «душа» должна

быть судима в подземном мире после ее отрешения от тела. Следовательно, с т. зр. строгого платонизма, смертно не тело, но та или другая его форма, а смена этих телесных форм прекрасна, как и весь космос.

Космос совершеннейшим образом воспроизводит вечный и нестаревающий первообраз или образец (παράδειγμα), он прекраснее всего (Tim. 28 C — 29 B). П. достаточно отчетливо формулировал сущность прекрасного также и в идеальном мире. Здесь мы имеем вечный первообраз совершенного демиурга и то, что появляется в идеальном мире как результат его деятельности. Это есть уже не просто неподвижная идея и не просто возможность тех или иных ее воплощений, но такое ее воплощение, к-рое является пределом всех возможных частичных воплощений, тем самым превосходящая их в себе смысловым образом. Но тогда должно быть какое-то становление и в области самой идеальности, отличное от того становления, к-рым характеризуются материальные вещи, то возникающие, то погибающие. Это есть живое в себе (αὐτὸ τὸ ζῶον 39 E), т. е. своего рода организм идеи, или, точнее, идея как организм. Дальнейшее диалектич. развитие первого образа приводит к уму «космоса», душе «космоса» и телу «космоса», что впервые и создает красоту в ее окончат. виде (30 AD). Своими космологич. категориями П., в сущности, выражал здесь ту мысль, что все прекрасное, во-первых, видимо и слышимо, внешне или телесно, что, во-вторых, оно оживлено своей внутр. жизнью и что, в-третьих, оно содержит в себе тот или иной смысл. Такая абсолютная взаимопронизанность тела, души и ума и является, по П., красотой. К этому учению примыкает платоновское учение о космич. пропорциях, принцип к-рых дан в очень ясной форме как определенного рода точное объединение двух связуемых моментов при помощи среднего связывающего (31 C, ср. Politic. 284 DE).

Т. о., «ум» у П. является первичной красотой, а соединение его с «душой» и «космосом» — окончат. красотой. Однако платоновского демиурга нельзя понимать монотеистически, а лишь как одну из категорий «ума», а именно как активную направленность «ума», что мы и находим в последующей истории антич. платонизма, а именно в неоплатонизме.

Материальный мир (материя и идеи). Осн. триада осуществляется в материальном мире. Последовательный абсолютный идеалист, П. утверждал первичную сущность идеи и непрерывность, несущность материи. Материя есть для него лишь принцип частичного функционирования идеи, ее сокращения, уменьшения, затемнения, как бы та «восприемница» и «кормилица» идей, к-рая не может воспринять их целиком, а воспринимает только «по возможности», только в известной степени начиная от максимально устойчивого их воплощения в виде мира неподвижных звезд, переходя к неустойчивому их воплощению в планетных сферах и кончая миром земных вещей, к-рые постоянно то возникают, то исчезают (Tim. 47 E — 69 A). Материя, взятая сама по себе, абсолютно бесформенна, т. к. иначе она не могла бы в совершенной форме воплощать в себе идеи, а привносила бы в это воплощение нечто еще и от себя самой (50 DE). Поэтому она не есть ни земля, ни вода, ни воздух, ни вообще какая-нибудь из физич. стихий. Материю П. нужно понимать как чистое иное и иное в отношении той или другой идеи, чистую инаковость. Сущее есть только идея, а материя есть только не-сущее.

П. подверг резкой критике разрыв идей и вещей и формулировал те самые аргументы, к-рые Аристотель задним числом направил против якобы платоновского дуализма, заимствуя их вероятнее всего из того же П. (Parm. 130 A — 135 C). Возможно, однако, что

Аристотель в своей критике идей меньше всего имел в виду П., а скорее, как и сам П., *мегарскую школу*. тем более, что и сам Аристотель учил о надкосмич. «нусе» — уме, «форме форм», к-рая, будучи совокупностью всех идей, управляет, как и у П., всем материальным миром. В наст. время трудами ряда ученых (М. Hartmann, G. Schneider, G. Teichmüller, O. Siebeck, Th. Gomperz, R. Bury, K. Praechter и др.) доказано заимствование Аристотелем своего метафизич. учения о четырех причинах в основном из платоновского «Филеба». При всем разнообразии и эволюции взгляда П. на идею, начиная с «Федона» (102 В, 104 В; см. об идее в диалогах Soph. 254 В — 260 А; Parm. 137 С — 166 С; Politic. 271 С — 272 D, 273 Е — 274 А; Tim. 29 D — 37 С; 90 А и мн. др.), осн. концепция П. состоит в том, что подлинным бытием является идеальное бытие, к-рое существует само по себе, а в материи только «присутствует» (παρουσία — «присутствие», Phaed. 100 D; Soph. 247 А). Материя же впервые получает свое существование оттого, что подражает ему, приобщается к нему или «участвует» (μετέχου — «участие») в нем (Parm. 132 D, 141 D, 151 Е; Soph. 256 В, 259 А). Другими словами, для П., как для абсолютного идеалиста, только и существует одно идеальное бытие с абсолютной концентрацией и завершением его в «едином» или «блага» и с абсолютным распылением его в неопределенно-множественной материи.

В последние годы жизни объективный идеализм П., его учение об идеях подвергалось пифагорейской обработке. П. хотел найти источник для своих идей, который он и увидел теперь в «идеальных числах». Предпосылки этого учения содержались в его концепции «единого»; дробление этого «единого» само собой должно было приводить к числам, а идеи оказывались уже качественно заполненные числами. Это промежуточное положение идеальных чисел между «единым» и «умом» будет играть колоссальную роль в неоплатонизме. На этой последней ступени своего учения об идеях П. намекал на два рода материи, поскольку выдвигаемая им теперь «неопределенная двойца» является наивысшим обобщением материи в сравнении с более ранним учением «о беспредельном».

Гносеология, логика, диалектика. Гносеология П. строилась так, что руководящим принципом познания оказывалась именно идея, а не чувств. знание. Это проявилось в том, что любовь к идее становилась основой всей теории познания, так что любовь и познание оказывались неразрывным целым, и П. в яркой художеств. форме рисовал восхождение от телесной любви (т. е. к отдельным вещам и телам) к любви в области душ, а от этих последних — к области чистых идей. Этот синтез любви и познания он понимал как особого рода неистовство и экстаз, когда познание есть чистая любовь, а любовь есть чистое познание (см. Пир 203 А — 212 А; Phaedr. 244 А — 257 В, а также весь «Теэтет»). В мифологич. форме это познание при помощи идей трактовалось у П. как воспоминание о небесной родине душ, где эти души воспринимали всякую идею непосредственно лицом к лицу, в то время как после переселения в грубую земную действительность у них осталось только воспоминание об идеальном мире, затрудненное темнотой и тяжестью материи. Однако в этой концепции отнюдь не все мифологично. Здесь содержится и чисто филос. априоризм, причем под «априори» понимается здесь не субъективная предпосылка человек. сознания, но объективная действительность идеального мира. В учении об идеях проводился тот принцип, к-рый П. сам называл (ἀφ᾽ ἑαυτοῦ) «смысловой предпосылкой», «основанием», «основным принципом», «совокуположением». Идея, по П., вовсе не оторвана

от вещи, но является основанием осмысленного существования вещи и ее структуры. Это и есть ипотеза, буквально — «подположение», «положение в основе самой вещи» (Phaed. 92 D, 93 D, 94 В, 101 D, 101 Е, 107 Е; R. P. VII 510 С, 531 Е, 534 В; Men. 86 Е, 87 AD, 89 С; Parm. 127 D, 136 AB, 137 В, 142 D, 160 В, 161 А; Phileb. 16 D; Soph. 253 DE и др.). На основании этого П. давал теорию наук, из к-рых основными являются у него арифметика, геометрия, астрономия и музыка (R. P. VII 525 В — 531 С). Представителей этих наук он упрекал в голом эмпиризме и требовал обоснования этих наук при помощи теории идей.

Однако осн. наукой, определяющей собой все прочее, является для П. диалектика, к-рая именно и состоит в рассмотрении самого принципа наук или в «давании и требовании смысла» для чувств. вещей (531 D — 537 С, Ср. I 344 D; Lach. 187 DE; Theaet. 169 А, 177 В; Phaed. 76 В, 101 CD; Conv. 202 А; Politic. 286 А; Phileb. 26 В). Поэтому диалектика у П. есть метод четкого разделения единого на многое, сведение многого к единому и структурное представление целого как едино-раздельной множественности (Phaedr. 249 В, 265 DE, 266 С). Следовательно, теория диалектики у П. тоже есть неспровержение всякого дуализма.

Более конкретно П. представлял диалектику следующим образом: 1) диалектика, вступающая в область снотанных вещей, расчленяет их так, что каждая вещь получает свой собственный смысл или свою идею. 2) Найденный смысл, или идея вещи, берется не в отрыве от вещи, но как ее принцип, как ее ипотеза, как ее закон, поскольку у П. общее обязательное является законом для подпадающих под него единичностей. Именно так понимается у П. λόγος. В том же смысле он употреблял и термин νόμος, т. е. «закон», ведущий от рассеянной чувственности к упорядоченной идее и обратно (R. P. VII 532 А). 3) Диалектика поэтому является у П. установлением мысленных оснований для вещей, своего рода априорных категорий или форм, но априорных не субъективно, а объективно, т. е. представляющих собой смысловое отражение самой же действительности. 4) Эти логос — идею — ипотезу — основание диалектика понимает еще и как предел чувств. становления. У П. часто употребляется термин «цель» (τέλος) там, где мы употребили бы термин «предел», т. е. «предел чувственно-материального становления». Такой всеобщей целью является благо в «Государстве» (VI 505 DE, VII 519 С), «Филебе» (54 С), «Горгии» (467 С — 468 В, 499 Е, 507 D) или красота в «Пире» (210 Е, 211 С). Этот предел становления вещи содержит в себе в сжатом виде все становление вещи и является как бы его планом, его структурой. Учение о бессмертии души вообще невозможно без понятия предела (Phaed. 102 А — 107 А; R. P. X 608 С — 611 В). 5) В связи с этим диалектика у П. является учением о неделимых цельностях, о чем П. говорил множество раз и особенно в учении о синтезе предела и беспредельности (Phileb. 16 D) и в учении об элементах идеи, несущих на себе цельность этой последней, в отличие от ее вполне дискретных частей (Soph. 253 DE). 6) Будучи наукой о целостности, эта диалектика сразу и дискурсивна и интуитивна, потому что в отличие от неподвижных ипотес «диалектик. метод» может раскрыть познават. сущность ипотес (R. P. VII 533 CD) и поэтому в сравнении с ней прочие осн. науки только «грезят» о сущем, но не усматривают его «наяву» (533 А—С), а она — «венец наук» и нет никакой науки выше, чем она (534 Е — 535 А). Производя всевозможные логич. разделения, диалектика в то же самое время умеет и все сливать воедино (531 DE, 537 С). Диалектик, по П., тот, кто обладает «совокупным видением» (σύνοψις) наук, так что

диалектик тот, кто «видит все сразу» (συνοπτικός) (там же). 7) Поэтому диалектика есть не только умение беседовать (Crit. 53 C; Prot. 348 CD; Gorg. 471 D; Conv. 194 D; R. P. I 328 BD, VII 526 A), не только умение спрашивать и отвечать (Prot. 329 AB; Gorg. 461 A; Theaet. 151 C; Phaed. 75 D; R. P. I 336 C 343 A, VI 487 B, VII 534 E; Crat. 390 CD) и даже не просто умение среди смутных споров находить истину (Theaet. 161 E, 167 E, 169 C) или применять ее практически (Euthyd. 290 C), но умение и вообще мыслить логически (Phaed. 90 B), и получать искомый предмет в расчлененном, единораздельном виде (Phileb. 17 A), так что при помощи такой диалектики знание становится максимально истинным (Phileb. 57 E, 58 A) и все прочее оказывается «вторичным и позднейшим» (Phileb. 59 C). Другими словами, диалектически развиваемая гипотеза сообщает мышлению и познанию единораздельный, т. е. структурный, характер.

Т. о., П. называл диалектикой науку о разыскании принципа каждой вещи, в к-ром предельно предвосхищено все возможное становление этой вещи, так что он является смысловым методом ее существования, содержа в себе весь план этого последнего структурно и единораздельно. Что же касается самого «ядра» диалектики в современном ее понимании, а именно, учения об единстве противоположностей, то оно вытекает из суждений П. о диалектике и виртуозно проведено им фактически во мн. диалогах, особенно в «Пармениде» и «Софисте» (о диалектике категорий у П. — см. А. Ф. Лосев, Очерки антич. символизма и мифологии, т. 1, 1930, с. 497—500). В целом логика, диалектика, теория познания и онтология выступают у П. как нечто единое и нераздельное, хотя осн. бытием у него всегда является бытие идеальное.

Психология, этика и политика. Эти разделы учения П. трактуются им последовательно идеалистически. Индивидуальная душа есть, по П., не что иное, как образ и истечение универсальной «мировой души» (Phileb. 30 A; Tim. 41 DE, 69 CD) и обладает тремя способностями: идеально-умственной, целесообразно-волевой и инстинктивно-аффективной, с приматом первой способности над всеми остальными (R. P. IV 435 A — 443 D). В этом состоит смысл также и знаменитого образа «души» в виде крылатой колесницы, двух коней и возничего (Phaedr. 246 AB).

В этике этому соответствуют три добродетели — мудрость, мужество и просветленное состояние аффектов. Эти три добродетели объединяются в одну цельную добродетель, представляющую их равновесие, — справедливость. Это учение о четырех добродетелях основано на «здоровье», «красоте» и «благообразии» души, будучи вполне противоположно квазидуалистич. учению «Федона» (64 A — 67 D) о теле как могиле души. Хотя только дух, чистая мысль, благо и божество делают нас счастливыми (Gorg. 504 A — D; R. P. I 353 A — 354 B, IV 443 BE, IX 583 D, X 609 B; Theaet. 176 E — 177 A), и само гос-во у П. существует только для филос. добродетели (Gorg. 464 B, 521 D; Politic. 309 CD; R. P. VI 500 DE), все же весь «Филеб» посвящен учению о синтезе разума и удовольствия (Phileb. 61 B — E), да и в «Государстве» (напр. X 603 E — 604 D) осн. принципом этики считается мудрое равновесие всех человек. способностей, поскольку тело воспитывается здесь гимнастикой так же, как душа музыкой, т. е. в общей этич. синтез добродетели входит также и тело. Т. о., этика П. также претерпела эволюцию. Если в ранних диалогах П., подобно Сократу, трактовал всякую добродетель как знание, то в «Пире» и в «Федре» это знание уже неотделимо от любви, в «Государстве» — от телесного благосостояния, а в иных местах трактуется как умиротворенное, мудрое, упорядоченно-законное и блаженное состоя-

ние всех естеств. человек. способностей (Gorg. 504 A — B; Theaet. 176 E — 177 A; R. P. I 353 A — 354 B, IV 443 B — E, IX 583 B — 576 E, X 609 BD).

Такое же тройное деление П. проводил и в политике, давая теорию трех сословий: философов, к-рые на основании созерцания идей управляют всем гос-вом (V 471—480 A, VI 484 A — 487 A); воинов, осн. цель к-рых охранять гос-во от внутр. и внешних врагов и о музыкально-гимнастич. воспитании к-рых у П. имеется целая теория (II 372 A — 375 E); и работников, т. е. крестьян и ремесленников, к-рые поддерживают гос-во материально (II 369 A — 372 A). Гос-во, по П., появляется в результате врожденных людям социальных потребностей, и самые классы гос-ва возникают в результате развития естеств. потребностей человека. Так появляются такие группировки людей, как сословие воинов или мастеров (372 A — 375 E). П. устанавливал три осн. формы правления — монархию, аристократию и демократию. Каждая из них также делится на две формы. Монархия есть владычество одного и может быть законной (царь) или насильственной (тиран). Аристократия есть владычество немногих и может быть владычеством лучших или худших (олигархия). Демократия есть владычество всех и может быть законной или незаконной, насильственной (Politic. 291 C — 297 B). Все шесть форм гос. власти П. подвергал жесточайшей критике (302 B — 303 C) и выдвигал утонич. план гос. и обществ. устройства, плохо различая понятия гос-ва и общества. Утопия П. в «Государстве» является реставрационно-рабовладельческой: греки не могут быть рабами в отношении друг друга, варвары являются врагами греков «по природе» (V 469 C — 471 C); цари должны философствовать, а философы царствовать (V 473 CD, ср. Politic. 292 B — E). П. выступал против злой и необузданной черни в то время как подлинными философами и правителями, думал он, могут быть только немногие созерцатели истины (R. P. IV 428 D — 429 A; Politic. 292 D — 293 B). Давая подробную теорию обществ. и личного воспитания философов и воинов (R. P. II 375 E — 380 E; VI 489 D — 495 A, 498 C — 504 E), П. не относил ее к третьему сословию, единств. функцией и добродетелью к-рого считал повиновение философам-правителям и доставление жизненных ресурсов для всего гос-ва (IV 416 E, VII 547 C). Эту реакц. утопию Маркс характеризовал как «... афинскую идеализацию египетского кастового строя» («Капитал», т. 1, 1955, с. 375). Реакционность этой утопии не снимается и тем, что П. проповедовал уничтожение частной собственности, общность жен и детей (V 449 A — 461 E), гос. регулируемость браков, обществ. воспитание детей, к-рые не должны знать своих родителей. Хотя П. обосновал, т. о., учение о законности обществ. неравенства, все же его концепция имела мало общего с рабовладельч. аристократией. Земледельцы и ремесленники у него не рабы, но свободные; философы и воины не аристократы, но носители и претворители в жизнь общего идеала вечной мудрости. В произведениях П. (Theaet. 175AE) содержится даже злое издевательство над теми, кто кичится своей родовитостью, перечисляет своих предков и на этом основании отделяет себя от других. Политич. убеждения П. эволюционировали (это нашло отражение в различии точек зрения П. в диалогах «Политик», «Государство» и «Законы») от идеологии реставрации молодого рабовладельч. полиса к восхвалению полицейско-монархич. гос-ва периода эллинизма.

Эстетика. П. всячески старался отграничить эстетическую область, как область прекрасного. Прекрасные предметы не есть прекрасное само по себе, ибо они могут быть и безобразными. Настоящее прекрасное и вне отдельных предметов, но в то же самое время

к нему приобщены все прекрасные предметы (Hipp. mai. 301 E — 303 A). Это прекрасное, как всеобщая категория, вполне специфично, требуя для себя также и специфич. путей познания. Вещи, к-рые изображаются у поэта, в своем существ. значении и практич. применении известны гораздо лучше не поэтам, а тем, кто реально умеет их производить. И не этими вещами как таковыми интересуется поэт, но той стихией красоты, к-рая исходит свыше на эти вещи и делает их прекрасными. Специфика красоты (изложение этого вопроса дано П. в диалог.х Пир 203 B — 212 C и Phaedr. 244 A — 253 C) сводится к следующему: познание здесь не отделяется от любви, а любовь — от красоты, так что познание трактуется как вечное рождение прекрасного. Мир идей у П. есть мир вечной красоты. Т. о., в сфере красоты имеется субъект, переживающий эту красоту, и объект, существующий независимо от субъекта. Но, чтобы возникла красота, необходимо слияние субъекта и объекта и не просто слияние, а еще и любовь субъекта к объекту, и не просто любовь, но некоего рода вступление в брак субъекта и объекта и даже некое порождение в результате этого брака. В этом порождении, конечно, нек-рым образом существуют и субъект и объект, его породившие, но само порожденное уже не есть ни только субъект, ни только объект. Наконец, это порожденное уже не допускает применять к себе категории времени и пространства. Оно — вне времени и пространства, как, напр., к любому арифметич. числу тоже было бы бессмысленно применять категории времени и пространства. П. на все лады расписывал неприменимость к красоте всякого рода вешеств. характеристик (Conv. 211 AB), говоря здесь не просто о красоте, но об ее смысле, об идее. Только когда упомянутое порождение понимается в своей смысловой данности, т. е. как чистая идея, только тогда она становится у П. красотой. Внутр. или жизненная сторона иск-ва превратилась у П. в божеств. первообраз, в небесную действительность, а внешняя и чувств. сторона, осмысляемая этим первообразом, превратилась в неистовство, в экстаз, в эротич. энтузиазм. И такого рода красота оказалась у него правителем и вообще источником жизни для всего живого. Т. о., красота для П. есть, вообще говоря, слиянность идеи и материи, или что то же, разумности и удовольствия, а принципом этой слиянности является мера.

Красота жизни и красота реального бытия для П. гораздо выше красоты иск-ва. Бытие и жизнь есть подражание вечным идеям, а иск-во есть подражание бытию и жизни, т. е. подражание подражанию, или так сказать, подражание второго сорта. Поэтому П. изгонял Гомера из своего идеального гос-ва (R. P. III 398 A), поскольку это последнее, с его т. зр., есть творчество жизни, а не творчество пусть хотя бы и красивых вымыслов (X 605 D — 607 B), тем более, что народные и поэтич. мифы часто весьма далеки для П. от подобающей человеку морали (II 377 B — 378 E). П. изгонял из своего гос-ва плаксивую, печальную, разнеживающую или застольную (т. е. надо полагать, буйную и пьяную) музыку. В идеальном гос-ве он оставлял только военную или вообще мужеств. музыку и мирно деятельную, к к-рой относил молитвы и пропикновенно человек. мотивы (III 398—399 C). Изгоняются все инструменты, кроме лиры и цитры, т. к. даже флейта расценивалась как слишком возбуждающий инструмент. Только пастухам разрешается пользоваться свирелью (399 D). Благонаравие и приличия являются необходимым условием красоты (399 D—403 C). Это не мешало П. ставить Гомера выше всех поэтов Греции с чисто поэтич. т. зр. (X 595 C; 606 E — 607 D).

Религия и мифология. П. подверг настоящему разгрому всю традиц. греч. мифологию, считая опас-

ным и недопустимым для восприимчивого детского возраста ознакомление с большинством мифов. П. не отвергал богов традиц. мифологии, но требовал филос. очищения от всего того грубого, безнравственного и фантастического, что в этой области накопилось за многие века в народе и в поэзии. Больше того, П. обрушивался против всяких безбожников или против тех, к-рые признавали богов, но не признавали их управителями мира. П. при этом исходил из учения о том, что все должно иметь свою причину, т. е. свою душу и это прежде всего касается мира в целом (Legg. X 888 E — 899 D). Особенно много от П. достается дедам (899 E — 903 B). Гос. люди, во всяком случае, должны быть глубоко и сознательно верующими (XI 966 D).

Религия и мифология у П. являлись философскими. Подлинные боги для П. — это идеально обобщенные или максимально одушевленные идеи. Платонич. «единое» могло бы считаться наивысшим божеством, если бы оно не включало в себя также и все внебожественное. Поскольку же оно всеобщее и неразличимое тождество, то «ум» есть высшее божество (Phileb. 30 C), будучи синтезом всех отдельных и единичных богов, или идей — душ. Правда, вся эта философия мифологии находится у П. пока еще в зародыше и расцветает только в неоплатонизме. Но Зевс уже определенно трактуется у П. как «мировая душа» — «ум» (Phileb. 30 D). Он — гл. устроитель всего существующего и в таком виде изображается у П. много раз (Phaedr. 246 E; тексты о демиурге — Tim. 28 C, 29 E, 34 A, 37 C, 41 A, 92 B; о вложении разумной души в космос — Politic. 269 E; ср. Soph. 265 C). Кроме этого гл. бога, говорится еще о многих богах, связанных с отд. областями или функциями космич. жизни, и о демонах, к-рые занимают середину между божеством и смертным (Conv. 202 E). Миф, по П., — символ, к-рый иной раз даже трудно отделить от объективно-онтологич. рассуждения. Поскольку для П. мир идей отождествляется с воздействием его на материальный мир в виде души, то для него существуют не столько идеи, сколько идеи души. Но всякая идея-душа есть только логич. структура живого существа. Поэтому платоновские мифы, рассказывающие об идеях-душах, есть рассказы о тех или иных живых существах, глубоко вскрывающих природу действительности. Так, П. в мифологич. форме трактовал о периодах и возрастах всего космоса (Politic. 269 C — 274 E), о космич. движении богов и всяких душ вообще (Phaedr. 246 B — 249 D), о числовом образе возникающей в гос-ве смуты (VIII 545 E — 547 B) и т. д. П. признавал идею судьбы и трактовал ее как божественную (Phaedr. 248 B C; Legg. X 904 C; Gorg. 512 E; Phaedr. 113 E, ср. 58 E; Apol. 33 C; Tim. 89 C). Однако он не отрицал и свободы воли, признавая ее как для каждого человека (Legg. X 904 B), так и для души (R. P. X. 617 E — 620 E).

Выводы, историческое значение философии П. Философия П. была самым откровенным безоговорочным идеализмом. С небывалой до того времени решительностью П. учил о том, что материя есть отражение и истечение идей. Итак, философия П. есть абсолютный идеализм. Идеи П. понимал не только субъективно-человечески, но и как объективно существующую вне и независимо от человека идеальную действительность. Идеи образуют особый мир, где каждая идея является абсолютизированным смыслом каждой и вообще всех вещей. Отражением этого мира идей, его воспроизведением и осуществлением как раз и является весь чувств. космос с заключенными в нем природой и обществом. Следовательно, философия П. есть не только идеализм, но и объективный и идеализм. Вместе с тем П. никогда не переставал быть греком, т. е. человеком антич. культуры, и потому

П., противопоставивший идеальный мир чувственному, не мог остаться при таком дуализме. Материя оказалась у него в конечном счете прекрасно, идеально организованным чувств. космосом, а идеальный мир — наполненным теми же вещами, людьми, природными и обществ. явлениями, но только данными в виде предельно точно сформированных первообразов, вечно неподвижных, но зато вечно изливающих свое осмысление на всю материальную действительность. Идеальный мир у П. находится очень далеко от земли и очень высоко в небе, но отнюдь не бесконечно далеко и высоко. Расстояние это вполне конечное и не один герой понадал в эти идеальные небеса в своем живом и телесном виде. Итак, философия П. является не только объективным идеализмом, но еще и а н т и ч н ы м объективным идеализмом. Нанвысшей действительностью является у него «единое», к-рое есть не что иное как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из к-рого только путем его дробления возникает идеальное и материальное. С другой стороны, стремясь понимать идеальный мир максимально реально, П. ввел ограничения для идеального мира не только сверху, в виде «единого», но и снизу, в виде «мировой души». Если идеальный мир вечно неподвижен, а материальный вечно движется, то такое противопоставление возможно для П. только потому, что имеется начало одинаково и неподвижное, и вечно движущее. Это и есть душа космоса и душа всего, что в него входит, она и есть такое идеальное, к-рое дает способность двигаться и жить всему живому и неживому. Самым прекрасным, самым возвышенным и благородным порождением идеального мира с его «единым» и с его душой является у П. обыкновенный чувств. космос и гармонич. движение небесных светил. Эти концепции «единого» и «мировой души», идеально осуществляющих себя в материальном, чувств. космосе, резко отличают идеализм П. от подавляющего большинства идеалистич. систем нового времени. Разработанный т. о. объективный идеализм не знает ни бесконечного пространства новейш. науки (вместо этого здесь огромный, но все же конечный и чувственно обозримый космос), ни абстрактной метафизики идей, будь то *монады* Лейбница, *категории* Гегеля или законы природы в математич. естествознании (вместо этого у П. живые идеальные существа, близкие к богам, демонам и героям древней мифологии), ни пренебрежения к человеку, телу, воспитанного на духовноличностных идеалах средневековья или на субъективистском самоууглублении периода господства буржуазии (вместо этого у П. проповедуется вечность тела, к-рое вместе со своей душой входит в общий круговорот вещества в природе, переходя от более тонких к более грубым формам и наоборот). Идеи П., осуществляющие собой в бесконечно разнообразных формах единое и насыщенные душевно-жизненной подвижностью, являются не чем иным, как просто традиц. греч. богами, но только разработанными при помощи диалектич. метода, а всю философию П. можно будет вообще назвать д и а л е к т и к о й м и ф о л о г и и, правда пока еще в принципиальном виде, очень далеко от ее систематич. разработки в неоплатонизме. Философия П. является философией р е с т а в р а ц и и. Такого рода синтетич. философия всегда могла служить как целям реакц. и консервативного мировоззрения, так и целям свободомыслия и прогресса. В философии П. явился родоначальником линии идеализма, противостоявшей на всем протяжении истории философии линии материализма. Его идеи еще и до сих пор питают идеалистич. системы, в т. ч. и в физике (см. ст. *Неоплатонизм, Реализм*). В то же время философия П. становилась и теоретическим источником *пантеизма*. Поэтому в эпоху *Возрождения* передовая философия

боролась со схоластикой и феодализированным Аристотелем с позиций пантеистического платонизма. В силу своей объективности и пантеистич. тенденций платонизм играл большую роль и в формировании всякого рода уравнил. социальных концепций, особенно в *ересах* эпохи средневековья и перехода к новому времени: перед высшим, объективным началом уравнивались все люди. Поскольку же П. разрабатывал учение о тождестве идеального и материального, то в новое время это приводило к слиянию естественнонаучного наблюдения и эксперимента, с одной стороны, и априорных (на первый взгляд) идеальноматематических построений, с другой. Поэтому философия П. вместе с основанным на ней неоплатонизмом в новое время имела большое значение для математического естествознания, прежде всего дифференциально-интегрального исчисления вместе с основанной на них механикой *Ньютона* и *Лейбница*.

С о ч.: Opera quae extant omnia..., excudelat H. Stephanus, v. 1—3, Gen., 1578; Platonis dialogi..., post C. F. Hermannum, recognovit M. Wohlrab, v. 1—6, Lpz., 1921—27; в рус. пер.— Творения велемудрого П., переложенные с греч. яз. И. Сидоровским и М. Пахомовым, ч. 1—3 (кн. 1—4), СПб., 1780—85; Соч., пер. Карпова, 2 изд., ч. 1—4, СПб., 1863; ч. 5—6, М., 1879; Творения П., пер. В. Соловьева [и др.], т. 1—2, М., 1899—1903; Полн. собр. творений П. в 15 тт., под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова, т. 1, 4, 5, 9, 13, 14, П., 1923—29; Платоновы разговоры о законах, пер. В. Оболеского, М., 1827; Тимей, диалог П. о «природе вещей», пер. Г. В. Малеванского, К., 1882; Диалог П. «Протагор», пер. А. Добыша, К., 1890; Диалог П. «Феатет», пер. А. Добыша, К., 1891; Федон, разговор П., пер. Д. Жебелева, 2 изд., М., 1896; Творения П. Федр, пер. Н. Мурашова, М., 1904; Софист. Диалог П., пер. с историко-литер. введением С. А. Ананкина, К., 1907; Тезет, пер. В. Серезникова, М.—Л., 1936; Избранные диалоги, [Сост., вступ. статья и комментарии В. Асмус], [М., 1965].

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956 (по имен. указат.); и х ж е, Соч., 2 изд., т. 1, с. 117; т. 2, с. 197; т. 3, с. 129; Маркс К., Капитал, т. 1, [М.], 1955, с. 373—75; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1952, с. 215; Лени н В. И., Соч., 4 изд., т. 38 (по имен. указат.); К о з л о в А. А., Филос. этюды, к. 2—Метод и направление философии П., К., 1880; Г р о т Н. Я., Очерк философии П., М., 1896; В и н д е л ь б а н д А. В., Платон, пер. с нем., 2 изд., СПб., 1904; М и ш у л и н А. В., П. против Маркса, «Революция и культура», 1930, № 21—22; Д ы н и н К. М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, гл. 8; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 152—78; П и с а р е в Д. И., Идеализм П., Соч., т. 1, М., 1955; История философии, т. 1, М., 1957, с. 105—10; А с м у с В. Ф., История античной философии, М., 1965, гл. 4.—Платон; F o u i l l e t A., La philosophie de Platon, 2 ed., v. 1—4, P., 1888; R i t t e r C., Platon. Sein Leben, seine Schriften, seine Lehre, Bd 1—2, Münch., 1910—23; W u n d t M., Platon's Leben und Werk, Jena, 1914; W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f U. von, Platon, 2 Aufl., Bd 1—2, B., 1920; Z e l l e r E d., Die Philosophie der Griechen..., 5 Aufl., Tl 2, Abt. 1, Lpz., 1922, S. 389—982; F r i e d l ä n d e r P., Platon, Bd 1—3, B., 1954—60.

Х р о н о л о г и я. Подлинность соч. П. [С о л о в ь е в В.], Жизнь и произв. П., в кн.: Творения П., пер. В. Соловьева, т. 1, М., 1899, с. 1—30; S u s e m i h l F r., Die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie, Tl 1—2, Lpz., 1855—60; V o n i t z H., Platonische Studien, H. 1—2, W., 1858—60, 3 Aufl., B., 1886; U e b e r w e g F r., Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge Platonischer Schriften und über die Hauptmomente aus Platon's Leben, W., 1861; S c h a a r s c h m i d t C., Die Sammlung der Platonischen Schriften zur Scheidung der echten von der unechten untersucht, Bonn, 1866; S i e b e c k H., Zur Chronologie der platonischen Dialoge, в кн.: Untersuchungen zur Philosophie der Griechen, Halle, 1873, 2 Aufl., Freib., 1888; R i t t e r C., Untersuchungen über Plato, Stuttg., 1888; е г о ж е, Platons Dialoge. Inhaltsdarstellungen. I. Der Schriften des späteren Alters, Stuttg., 1903.

Г н о с е о л о г и я, л о г и к а, д и а л е к т и к а. Ю р к е в и ч П., Разум по учению П. и опыт по учению Канта, М., 1865; С к в о р ц о в Н., Платон о знании в борьбе с сенсуализмом и рассудочным эмпиризмом. Анализ диалога Феатет, М., 1871; С т р у в е Г. Е., О логике П. в связи с хронологией и стилометрией его сочинений, «Вопр. философии и психологии», 1898, кн. 43 (3), май—июнь; С о к о л о в Л. П., Борьба между Демокритом и П. по вопросу о категориях единичного, особенного и всеобщего, «Уч. зап. Шадриинский гос. пединститута», 1959, вып. 3; G u l l e y N., Plato's theory of knowledge, L., [1962]; L u t o s l a w s k i W., The origin and growth of Plato's logic, with an account of Plato's style and of the chronology of his writings, L., 1897; H a r t m a n n N., Platos

тина и Оригена. Против стоич. П. выступило направление, к-рое тяготело к Аристотелю и к 3 в. одержало решит. победу со своим рационализмом и диалектикой над мифологией стоич. П. (см. П. П. Блонский, *Философия Плотина*, М., 1918, с. 11—27). Именно уже *Антиох* из Аскалона успешно боролся со стоич. этикой в пределах Академии, Гай (платоник 1-й пол. 1 в. н. э.) со своим учеником Альбином, а также при участии Апулея, Кальвистия Тавра, Аттика и вообще пифагорействующих аристотеликов этого века постепенно изгоняли стоицизм из стоич. П. *Аммоний Саккас* создал учение об идеальном мире в стиле Платона и Аристотеля и освободил также и учение о душе от методов стоич. натурализма. Нумений тоже стоял на путях этого синтетизирования П. с аристотелизмом, но ему мешала в этом связанность с иудейскими и инд. богословием. Т. о., начиная с 1 в. до н. э. платоники, используя Аристотеля и пифагорейцев, стали решительно бороться со всеми элементами натурализма, к-рые в известной степени, остались еще у самого Платона и весьма окрепли в век эллинизма благодаря деятельности стоиков, эпикурейцев и скептиков. В результате этой почти трехвековой борьбы в 3 в. н. э. появляется неоплатонизм — тщательно разработавший систему Платона. В дальнейшем П. фигурировал гл. обр. именно в виде неоплатонизма.

Лит.: Гилларов А., Платонизм как основание совр. мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбе философии, М., 1887; История философии, т. 1, [М.], 1940, с. 249—258; Höfer P., Die Bedeutung der Philosophie für das Leben nach Platon, Gött., 1870; Stein H. von, Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus, Tl 1—3, Gött., 1862—75; Keller L., Die Akademien der Platoniker im Altertum, nebst Beiträgen zur Geschichte des Platonismus in den christlichen Zeiten, «Monatshfte der Comeniusgesellschaft», B., 1899; Archer-Hind R. D., Some remarks on the later Platonism, «J. of Philology», 1904, v. 29, № 58; Glawe W., Die Hellenisierung des Christentums, B., 1912; Frankl W. M., Platonismus, «Arch. für Geschichte der Philosophie», 1910, Bd 23, H. 4; Adam J., The vitality of Platonism and other essays, Camb., 1911; Leisegang H., Die Begriffe der Zeit und Ewigkeit im späteren Platonismus, Münster, 1913; Duhamel P., Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic, t. 1, P., 1913; More P. E., Platonism, Princeton, 1917; Billings Th., The Platonism of Philo Judaeus, Chi., 1919; Burnet J., Platonism, Berk. (Calif.), 1928; Shorey P., Platonism ancient and modern, Berk. (Calif.), 1938; Moreau J., La construction de l'idéalisme platonicien, P., 1939; Méautis G., Platon vivant, P., 1950; Merlan P., From Platonism to Neoplatonism, The Hague, 1953; Vogel C. J. de, Problems concerning later Platonism, «Mnemosyne», 1949, ser. 4, v. 2, fasc 3; Dörrie H., Die Frage nach dem Transzendenten im Mittelplatonismus, в кн.: Les sources de Plotin, Gen., 1960; Hoffmann E., Platonismus und christliche Philosophie, Z.—Stuttg., 1960. См. также лит. при ст. *Неоплатонизм* и *Платон*. А. Лосев. Москва.

ПЛАТОНОВ, Георгий Васильевич (р. 8 марта 1918) — сов. философ, д-р филос. наук (1954), проф. (1956). Член КПСС с 1942. Окончил С.-х. академию им. К. А. Тимирязева (1939) и аспирантуру Ин-та философии АН СССР (1948). В 1959—65 — зав. кафедрой марксистско-ленинской философии естеств. фак-тов Моск. ун-та. Член редколлегии журн. «ФН» (НДВШ). Осн. проблематика науч. работы — филос. проблемы и история биологии, а также борьба за материализм в биологии. Гос. премия СССР (1952) за кн. «Мировоззрение К. А. Тимирязева» (2 изд., М., 1952). Премия им. М. В. Ломоносова (1963) за кн. «Дарвин, дарвинизм и философия» (М., 1959).

Соч.: В. И. Ленин и развитие биологич. науки, «Журн. общей биологии», 1954, т. 15, № 1; Некоторые философские вопросы дискуссии о виде и видообразовании («ВФ», 1954, № 6; К. А. Тимирязев, М., 1955; Принципы детерминизма в мичуринском учении, «ИАН СССР. Сер. биологич.», 1956, № 3; Дарвинизм и религия, М., 1956; Атеистич. значение учения И. В. Мичурина, в сб.: Естествознание и религия, М., 1956; Всеобщая связь и развитие в природе и обществе, М., 1957; Значение диалектического материализма для борьбы с идеализмом и метафизикой в естествознании, в кн.: Диалектический материализм и современное естествознание, М., 1957; Борьба против идеализма в совр. биологии, в сб.: Наука и религия, М., 1957; Марксизм и дарвинизм, М., 1958; Филос. вопросы учения о видообразовании, «ФН» (НДВШ), 1958, № 1; Филос. значение теории Ч. Дарвина, в сб.: Дарвинизм живет

и развивается, М., 1960; Диалектич. материализм и вопросы генетики, М., 1961; Генетика и философия, «ФН» (НДВШ), 1961, № 2; Коммунизм и наука, М., 1962; Детерминизм и индетерминизм в учении об изменчивости организмов, «ФН» (НДВШ), 1963, № 4; О диалектике природы как философской науке, «ВФ», 1963, № 3 (совм. с М. Н. Руткевичем); О месте и роли диалектики природы в системе марксистской философии, «ФН» (НДВШ), 1964, № 6; Догмы старые и догмы новые, «Октябрь», 1965, № 8; Ред. и соавтор: Очерк диалектики живой природы, М., 1963; Филос. вопросы совр. биологии, М., 1951; Нек-рые филос. вопросы естествознания, М., 1957; Филос. вопросы естествознания, т. 1, 3, М., 1958, 1960.

ПЛЕМЯ — тип этнич. общности и социальной организации доклассового общества. П. в зачаточном виде возникает одновременно с *родом*, т. к. экзогамность последнего требует постоянных связей по меньшей мере между двумя родовыми коллективами. Археологически же возникновение П. обычно фиксируется только в мезолите, когда заканчивается его формирование как социальной и этнич. общности.

Осн. черты П., как этнич. общности, и его социального строя научно охарактеризованы Энгельсом на основе работ Л. Моргана и др. исследователей. В 1950-х гг. под влиянием высказывания Сталина о родовых языках нек-рое распространение получила теория о более позднем появлении П. по сравнению с родом (см. дискуссию в журн. «Сов. этнография», 1951, № 2). Однако в дальнейшем эта т. зр. не подтвердилась (см. С. А. Токарев, Проблема типов этнич. общности, «ВФ», 1964, № 11).

Характерными чертами сформировавшегося П. являются: наличие племенной территории, обычно отграниченной от территории соседних племен естеств. рубежами; определ. экономич. общность и взаимопомощь соплеменников, выражающаяся, напр., в коллективных охотах; единый племенной язык; племенное самоназвание и самосознание и т. д. В отличие от последующих типов этнич. общностей (*народность, нация*), П. основано на общем происхождении входящих в него родов, на кровнородств. связях между его членами. Именно кровнородств. связь, объединяющая два или неск. родов, делает их П.

Развитые П. конца эпохи первобытнообщинного строя имели племенное самоуправление, состоящее из племенного совета, военного и гражд. вождей. Постепенно в П. развивается имущество, расслоение, выделяются богатые и бедные роды, появляется племенная знать, растет роль воен. предводителей, к-рые нередко захватывают и гражд. власть в П. Появляются союзы П., в к-рых, по словам Энгельса, «...органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел она превращается в организацию для грабежа и угнетения соседней, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 164—65). В пережиточных поздних формах племенная организация может сохраняться и в классовом обществе, переплетаясь с рабовладельч. и даже капиталистич. отношениями (племена кочевников Аравийского п-ова, бедуинов Сев. Африки, и др.).

Лит.: Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Формозов А. А., О времени и историч. условиях сложения племенной орг-ции, «Сов. археология», 1957, № 1; Золотарев А. М., Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964. Л. Файнберг. Москва.

ПЛЕХАНОВ, Георгий Валентинович [29 нояб. (11 дек.) 1856 — 30 мая 1918] — деятель русского и междунар. социалистич. и рабочего движения, философ-марксист, один из пионеров науч. социализма в России и основателей росс. социал-демократии. Род. в с.

Гудаловка Тамбовской губ. в мелкопоместной дворянской семье. Окончил воен. гимназию в Воронеже, в 1874 поступил в петерб. Горный ин-т, из к-рого ушел в 1876. С 1875 — участник революц.-народнич. движения, вел пропаганду среди рабочих Петербурга. После раскола народнич. организации «Земля и

воля» (1879) стал одним из руководителей революц.-народнич. группы «Черный передел». С янв. 1880 до Февр. революции 1917 жил в эмиграции (Швейцария, Италия, Франция и другие страны Западной Европы).

Рост рабочего движения в Зап. Европе и в России, глубокое изучение трудов Маркса и Энгельса вызвали переворот во взглядах П. В 1882—83 у П. складывается марксистское мировоззрение; он преодоле-

вает влияние идеологии народничества, становится убежденным и решительным ее критиком, первым пропагандистом и теоретиком марксизма в России. В 1883 в Женеве П. создал первую российскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда» (ее членами были также П. Б. Аксельрод, Засулич, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Члены группы перевели на рус. язык и издали ряд произведений Маркса и Энгельса. П. принадлежат переводы работ «Манифест Коммунистической партии», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Тезисы о Фейербахе», части книги «Святое семейство» и др.). Благодаря произведениям П. «Социализм и политич. борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «Проект программы рус. социал-демократов» (1-й вариант — 1883, 2-й вариант — 1885), «Рус. рабочий в революц. движении», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и др. был нанесен сильный удар идеологии народничества, значительно ослабивший ее влияние в рус. революц. движении.

С сер. 90-х гг. (1895), когда П. встретился с приехавшим в Швейцарию Лениным, произошло сближение группы «Освобождение труда» с рос. рабочим движением, началась совместная с рус. марксистами-ленинцами борьба против «экономизма», бернштейнианства, «легального марксизма» и др. оппортунистич. течений. С 1900 П. принял активное участие в созданной Лениным социал-демократич. газ. «Искра», был одним из ее редакторов и автором проектов Программы РСДРП, а также одним из редакторов марксистского журн. «Заря». Однако уже в 1900—03 проявились первые расхождения между последовательно-революц. позицией Ленина, его творч. подходом к решению проблем рабочего движения и позиций П., к-рый не понял до конца особенностей развития рус. капитализма и роли рабочего класса как руководителя крестьянства и всего демократич. движения в России. Совместными усилиями Ленина, П. и др. деятелей «Искры» была подготовлена первая программа партии, принятая II съездом РСДРП (1903). На II съезде партии П. выступал совместно с Лениным, но после съезда отступил в сторону меньшевизма. В этот период деятельности П.-марксиста (1903—17) в его мировоззрении проявилось существенное противоречие: с одной стороны, П.-меньшевик встает на путь тактич. оппортунизма и выступает против ленинского курса на социалистич. революцию в России; с др. стороны, в философии П. — воинствующий материалист-марксист, ведет борьбу против бурж. идеалистич. философии, ревизионистов в философии. «...Крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма, — человек,

ошибки коего в тактике 1903—1907 годов не помешали ему в лихолетье 1908—1912 гг. воспевать „подполье“ и разоблачать его врагов и противников...» (Ленин В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 48, с. 296). Меньшевизм П. оказывал отрицат. влияние на его филос. работы (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 340).

В годы реакции П. выступил как противник открытого ликвидаторства (Потресов и др.) и ликвидаторства «наизнанку» с его махистскими и богостроительскими концепциями (Богданов, Луначарский и др.). В годы войны 1914—17 П. разделял оппортунистич. социал-шовинистич. платформу. После Февр. революции 1917 П. вернулся в Россию. Возглавляя примиренч. с.-д. группу «Единство» (созданную в 1914), он поддерживал бурж. Временное пр-во, его политику «войны до победного конца», выступал против большевиков и ленинского курса на социалистич. революцию в России. Отрицательно встретив Октябрьскую революцию, П., однако, отказался поддержать контрреволюцию. Умер от туберкулеза в санатории Питкееври близ Петрограда, похоронен в Петрограде.

Лит. наследие П. по инициативе Ленина стало предметом исследования. По решению Сов. правительства было выпущено издание «Г. В. П. Сочинения» (т. 1—24, М., 1923—27), его б-ка и архив, находившиеся за границей, собраны и перевезены в Ленинград, в созданный там Дом Плеханова (в составе Гос. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), предпринято издание «Лит. наследия Г. В. П.», сб. 1—8, М., 1934—40 (ныне продолжается под назв. «Филос.-лит. наследие»).

Роль П. в истории рабочего движения и марксистской философии определена Лениным: «...Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (там же, т. 15, с. 19); «...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (там же, т. 32, с. 73); статьи П. по философии должны войти в «...серию обязательных учебников коммунизма» (там же, с. 73, прим.).

Проблемы диалектич. и историч. материализма в трудах Плеханова. В трудах «Очерки по истории материализма» (на нем. яз. — Stuttgart, 1896; на рус. яз. — М., 1922), «К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю» (1895), «О материалистич. понимании истории» (опубл. в журн. «Нов. слово», 1897, № 12, под псевд. Н. Каменский), «К вопросу о роли личности в истории» (опубл. в журн. «Научн. обозрение», 1898, № 3—4, под псевд. А. Кирсанов), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891), «Н. Г. Чернышевский» (1890—92) и др. П. выступил как воинствующий материалист-диалектик, подвергнув критике как предшествующие марксизму идеалистич. и метафизич. учения, так и бурж. и мелкобурж. филос. и социологич. концепции, направленные против марксизма (неокантианство, позитивизм, субъективную социологию народников и анархистов и т. д.). В этих работах П. талантливо защищал материалистич. и диалектич. традиции зап.-европ. и рус. философии, пропагандировал и разрабатывал филос. учение марксизма и прежде всего материалистич. понимание истории. Борясь против ревизионистских попыток «обновления» марксизма, П. доказывал, что «появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» (Избр. филос. произв., т. 2, 1956, с. 450), что «...все стороны мирозерцания Маркса самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу

удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого миросозерцания» (там же, т. 3, 1957, с. 198), что только диалектич. и историч. материализм представляет собой филос.-теоретич. фундамент науч. социализма, его логич. основание.

В своих произведениях П. раскрывал преемственную и неразрывную связь марксизма с лучшими традициями филос. и обществ. мысли прошлого. Материализм для П. — продукт длит. развития, связанного с социальными битвами и прогрессом науки. Высоко ценил П. роль диалектики Гегеля в историч. подготовке марксизма и развитии философии и обществ. мысли. Между социальными науками, говорил он, «...нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и в высшей степени плодотворного влияния гегелевского гения» (там же, т. 1, 1956, с. 422).

Критикуя идеализм и агностицизм Канта и неокантианцев, П. подчеркивал познаваемость мира (см. там же, т. 3, с. 502), хотя у него и были отд. неточные формулировки по этому вопросу (напр., некритич. отношение к «теории иероглифов», см. «*Иероглифов теория*» и др.).

В работах, направленных против махистского поветрия и религ. исканий в России, П. писал, что «...махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века“» (там же, с. 261). Однако П. не раскрыл связи махизма, неокантианства и др. идеалистич. течений с кризисом в новейшей физике. В «Филос. тетрадах» Ленин замечает: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку у него лишь а limine (с порога. — *Ред.*) отвергает их рассуждения, а не и с и р а в л я е т (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» (Соч., т. 38, с. 170).

П. утверждал, что, «без диалектики неполна, односторонняя, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания» (Избр. филос. произв., т. 3, с. 83). Вместе с тем он не обратил должного внимания на развитие диалектики как логики и теории познания.

П. применял диалектич. метод гл. обр. к познанию обществ. жизни. Из диалектики, понимаемой как «алгебра революции», П. делал вывод о закономерности и неотвратимости социальной революции (см. там же, т. 2, с. 604). Анализируя историю учений об обществе, П. на большом историческом материале доказывал, что только диалектический материализм ставит познание жизни общества на науч. рельсы, раскрывает закономерный характер обществ.-историч. процесса (см. «Лит. наследие Г. В. Плеханова», сб. 5, 1938, с. 4—5).

П. стремился раскрыть структуру обществ. жизни и взаимодействие ее сторон; это нашло выражение в известной пятичленной формуле П., к-рая не свободна от нек-рого схематизма. С точки зрения П. марксистский социологич. анализ служит обоснованием закономерности классовой борьбы пролетариата, создает основу науч. предвидения гл. направлений обществ. развития. «Социологическое предвидение отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов» (Избр. филос. произв., т. 3, с. 50).

П. конкретизировал и творчески развил марксистское учение о роли народных масс и личности в истории, развенчал субъективно-идеалистич. и волюнта-

ристские концепции героев—делателей истории, доказывая, что «...народ, вся нация должна быть героем истории» (Соч., т. 8, 1923, с. 11). П. дал анализ процесса формирования и развития социально-политич. идеологии, права, религии, морали, искусства, философии и др. форм идеологич. надстройки; подверг критике вульгарно-материалистич., метафизич. концепций (Богданова, Элевтеропулоса, Шулятикова и др.), игнорирующих значение обществ. сознания и политич. строя в обществ. развитии. «Движение человечества,— писал П., — ...никогда не совершается в плоскости одной эконо м и к и... Экономика почти никогда не торжествует сама собою..., а всегда только через посредство надстройки, всегда только через посредство известных политических учреждений» (Избр. филос. произв., т. 2, с. 216). Идей не являются простым следствием экономич. и др. социальных отношений, а обладают относит. самостоятельностью. Особое место П. отводил социальной психологии в ее роли в общественной жизни, в исторических событиях.

Большое внимание П. привлекали вопросы эстетики. Являясь преемником и продолжателем лучших традиций материалистич. эстетики Белинского, Чернышевского, Добролюбова и др., П. писал, что «отныне критика (точнее, научная теория эстетики) в состоянии будет подвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории» (там же, т. 5, 1958 с. 312). Исходя из этого, П. рассмотрел многие проблемы эстетич. отражения действительности, истории искусства и эстетич. мысли. Он впервые в марксистской лит-ре подверг критике биологич. концепции происхождения иск-ва. На огромном материале истории иск-ва П. доказал, что иск-во рождается в результате трудовой деятельности обществ. человека, что эстетич. чувства и понятия возникают в ходе обществ. развития на основе практич. деятельности людей. Иск-во не есть лишь сфера индивидуального творчества художника, хотя индивидуальные особенности художника накладывают свой отпечаток на содержание и особенно на форму произведений иск-ва; иск-во представляет собой специфич. художественную, образную форму отражения обществ. бытия людей в сознании представителей тех или иных классов общества. В оценке художеств. произведения критерий идейности, жизненной правды должен сочетаться с критерием художественности. П. остро критиковал бурж. иск-во.

Несмотря на отд. ошибочные положения эстетич. работ П. (оценка произведения М. Горького «Мать», схематич. разграничение М. Толстого как мыслителя и как художника и т. д.), эстетич. работы П. продолжают сохранять свое значение в совр. борьбе за реализм, идейность и высокую художественность иск-ва.

П. внес крупный вклад в марксистскую историю философии и обществ. мысли. Исходным методологич. принципом истории философии, как и всей истории идеологии, для П. является марксистский принцип обусловленности обществ. сознания развитием обществ. бытия. Вместе с тем П. требовал глубокого познания специфики филос. мысли и закономерностей ее развития (см. там же, т. 2, с. 35).

П. подверг критике идеалистич. концепцию «филанции идей» применительно к истории философии и обществ. мысли, доказывая, что эта история в конечном счете обусловлена поступат. движением обществ. жизни, борьбой классов, связана с прогрессом науки и иск-ва. П. показывал, что могут быть и нередко бывают противоречия между филос. и социально-политич. воззрениями одного и того же мыслителя, что между ними нет автоматич. соответствия («Гром не из тучи», 1901, и др.). П. дал критику вульгарно-матери-

алистич. и нигилистич. извращений филос. наследия, попыток вывести все неверные взгляды и заблуждения из классово-корыстных интересов мыслителей (см. там же, т. 1, с. 651, а также т. 3, с. 322). Критику буржуазно-объективистскую историко-филос. концепцию Ибервега, П. формулировал нек-рые методологич. требования историко-филос. исследования: 1) выяснение зависимости филос. идей от социального развития; 2) выяснение зависимости развития естествознания, психологии, истории лит-ры и иск-ва, обществ. наук, оказывающих влияние на филос. идеи, от социального развития на различных этапах истории; 3) выяснение неравномерности социально-историч. развития на различных ступенях истории, его особенностей в различных странах, что в одних случаях вызывало борьбу науки и религии, в других — временное их примирение.

П. отстаивал материалистич., атеистич. традиции в философии, революц. и просветит. традиции рус. и зап.-европ. обществ. мысли. Правда, порой П. больше подчеркивал то, что сближает марксистскую философию и социологию с домарксистскими учениями, не показывая в должной мере то, что их различает, несколько преувеличивая роль влияния зап.-европ. философии и обществ. мысли на русскую, не раскрывая должным образом (особенно во 2-м изд. книги «Н. Г. Чернышевский», 1910) революц.-демократич. характера передовой рус. философии 19 в., обращая осн. внимание на ее просветит. и утопич. стороны; но все это не умаляет науч. ценности работ П. по истории философии и обществ. мысли.

В трудах П. научно разрабатывались также проблемы *этики, атеизма, религии* и др.

М. Иовчук. Москва.

Идейная борьба вокруг филос. наследия Плеханова. Лит-ра о Плеханове. Первые произведения П., написанные им с позиций науч. социализма, получили высокую оценку Энгельса (см. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 1951, с. 309). О работе П. «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» Энгельс писал К. Каутскому: «Статьи Плеханова превосходны» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 38, с. 205). Большой интерес вызвала у Энгельса работа П. о Чернышевском (см. «Переписка...», с. 322).

Ленин многократно подчеркивал огромную роль, к-рую сыграли работы П. в становлении марксистской партии в России, в борьбе с народничеством и ревизионизмом (см. Соч., т. 4, с. 242; т. 15, с. 19; т. 20, с. 333). О работе П. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Ленин писал, что на ней «...воспитывалось целое поколение русских марксистов...» (там же, т. 16, с. 243, прим.).

Борьба вокруг марксистских работ П. с самого начала приняла резкие формы. В течение мн. лет (до 1905) его произведения были запрещены царской цензурой, а те из них, к-рые все же удалось опубликовать легально в России, выходили под разными псевдонимами. Идейные противники П. — либеральные народники, «легальные марксисты», «экономисты, ликвидаторы» и т. п. — яростно нападали на произведения П. Особенно резкие нападки вызвала книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (см. [Н. Ф. Даниельсон], Что же значит «Экономич. необходимость?», «Рус. богатство», 1895, № 3; Н. К. Михайловский, Отклики, т. 1, СПб, 1904; П. И. Карев, Критика экономич. материализма, СПб, 1913). В последующие годы А. А. Богданов и др. пытались очернить марксистские труды П. под предлогом критики его тактич. меньшевизма («Приключения одной филос. школы», СПб, 1908, с. 35), *Базаров, Юшкевич* и др. обвиняли П. в догматизме и нетерпимости, понимая под этим его борьбу против искажения марк-

стской философии (см. Я. Берман, Диалектика в свете совр. теории познания, М., 1908; П. Юшкевич, О филос. направлениях в марксизме, «Новая книга», 1907, № 2—3, 7, 10; В. Базаров, Мистицизм и реализм нашего времени, в сб.: Очерки по философии марксизма, СПб, 1908; П. Юшкевич, Новые веяния, СПб, 1911, с. 109). Ликвидаторы всячески принижали значение борьбы П. за чистоту марксистской философии (см. А. Потресов, Критич. наброски..., в журн.: «Наша заря», 1910, № 2, с. 61).

В большевистской печати филос. труды П. получали высокую оценку [см. А. В. Луначарский, Памяти Г. В. П., «Пламя», 1918, 16 июня, № 7; его же, П. как искусствовед и лит. критик, «Лит. критик», 1935, № 7; С. Г. Шаумян, Доклад на чрезвычайном заседании Бакинского Совета. 15 июня 1918 г., Избр. произв., т. 2, М., 1958, с. 299—300; М. И. Калинин, (Некролог), «Изв. Петроградского гор. обществ. управления», 1918, № 40; В. В. Воровский, К истории марксизма в России, М., 1923, с. 27—28; см. также П. Н. Лепешинский, Наш марксистский первоучитель, «Огонек», 1928, № 23(271); Н. К. Крупская, К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», «ПЗМ», 1934, № 4; ее же, О Ленине. Сб. ст., М., 1965].

Сов. наука, следуя ленинским оценкам деятельности П., много сделала для исследования его филос. наследия. Однако до сер. 50-х гг. в этом вопросе допускались серьезные ошибки. В 20-х — нач. 30-х гг. произведения П. односторонне истолковывались, с одной стороны, философами, пытавшимися опереться на отд. ошибочные положения П. для обоснования подмены марксистской диалектики механицизмом [Л. Аксельрод (Ортодокс), Предисл., в кн.: Г. В. П., Осн. вопросы марксизма, Курск, 1925; ее же, В защиту диалектич. материализма, М.—Л., 1928], а с др. стороны — группой *Деборина* [А. Деборин, Механисты в борьбе с диалектикой (Ответ К. А. Тимирязеву), «Вестник Ком. Академии», 1927, № 19; Н. Карев, Проблема философии в марксизме, «ПЗМ», 1925, № 8—9; его же, Вместо статьи к пятилетию журнала, там же, 1926, № 12; его же, Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму, там же, 1928, № 9—10 и др.]. У ряда авторов наблюдалась тенденция рассматривать П. как непогрешимого теоретика, противопоставлять Плеханова как философа Ленину.

До 1941 вышел ряд работ, посвященных анализу мировоззрения П., в к-рых давалась в общем правильная оценка его филос. трудов (Г. Александров, П. как историк философии, «ПЗМ», 1938, № 5; П. Ф. Юдин, Классич. произв. марксистского филос. материализма, М., 1939; М. Т. Иовчук, О произведении Г. В. П. «К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю», М., 1940, и др.). В эти же годы были переизданы массовыми тиражами осн. произведения П.

Под влиянием *культы личности* Сталина усилилась существовавшая и ранее тенденция, вопреки указаниям В. И. Ленина об отношении к марксистским филос. трудам П., раздувать отд. содержавшиеся в них ошибки, забывая о заслугах П. в защите и разработке марксистской философии (см. всгущит. ст. В. Вандека и В. Тимоско, в сб.: Г. В. Плеханов, Против филос. ревизионизма, М., 1935, с. 6), где П. обвинялся в ревизионизме. Критику подобной тенденции — см. С. Баттисев, Г. В. П. «Против филос. ревизионизма» (рец. «ПЗМ», 1936, № 5).

В результате односторонне отрицат. оценки Сталиным П. и его работ в «Кратком курсе истории ВКП(б)», наряду с правильной оценкой марксистских работ П., направленных против народничества, была обойдена борьба П. против бернштейнизма, «легального марксизма», «экономизма», а борьба с махизмом и ликвидаторством «слева» была охарактеризована с отри-

пат. стороны. Под влиянием этих ошибочных взглядов отд. авторы, писавшие о П., недооценили его заслуги в разработке ряда проблем марксистской философии и осн. внимание обратили на критику его ошибок (см., напр., М. И. Сидоров, Критика Лениным меньшевистских взглядов П. на историю рус. общественной мысли, «Уч. зап. АОН. Кафедра истории философии», 1952, т. 15; А. А. Галактионов, Критика методологии Г. В. П. в его работах по истории рус. материалистич. философии 19 в., «Уч. зап. ЛГУ. Серия филос. наук», 1955, № 168, вып. 5). В книге В. А. Фоминой «Филос. взгляды Г. В. П.», где дается в общем правильная оценка мировоззрения и деятельности П., в ряде мест принижается значение его работ; автор, например, неправильно считает, что взгляд П. на возникновение марксизма может быть охарактеризован как «...ревизионистское растворение марксизма в буржуазном мировоззрении...» (указ. соч., 1955, с. 280).

В связи со 100-летием со дня рождения П. было принято решение ЦК КПСС от 16 октября 1956, где дана ленинская оценка деятельности и творчества П. как первого выдающегося пропагандиста марксистских идей в России (см. «Справочник парт. работника», М., 1957). Это постановление послужило основой для восстановления ленинского отношения к П. и всестороннего изучения его мировоззрения. Появился ряд работ, в к-рых в общем правильно, с марксистско-ленинских позиций, рассматриваются филос. взгляды П. [В. А. Фомина, Филос. наследие Г. В. П., М., 1956; Б. А. Чагина, Защита, обоснование и развитие Г. В. П. марксистской философии, Л., 1957; М. Б. Митин, Историч. роль Г. В. П. в рус. и междунар. рабочем движении, М., 1957; М. И. Сидоров, Г. В. П. и вопросы истории рус. революц.-демократич. мысли XIX в., М., 1957; М. Т. Иовчук, Роль Г. В. П. в истории марксистской философии, в сб.: Проблемы истории филос. и социол. мысли XIX века, М., 1960, и др.].

В 1956—58 были изданы «Избр. филос. произведения» Г. В. П. в 5 тт. со вступит. статьями В. А. Фоминой, Б. А. Чагина, А. Н. Маслина, М. Т. Иовчука, В. Р. Щербини и комментариями Е. С. Коц, И. С. Беленького, С. М. Фирсовой, Б. Л. Якобсона. В конце 50-х — 1-й пол. 60-х гг. продолжали выходить новые исследования о различных сторонах филос. взглядов П. [главы о П. в 4-м и 5-м томах «Истории философии», М., 1959—61; Д. Черкашин, Эстетич. взгляды Г. В. П., X., 1959; М. Т. Иовчук, Г. В. П. и его труды по истории философии, М., 1960; Я. З. Хайкин, Вопросы этики в трудах Г. В. П., «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1961, вып. 111; Б. А. Чагин, Г. В. П. и его роль в развитии марксистской философии, М.—Л., 1963, и др.]. Произведения П. и работы о нем печатаются на языках народов СССР [Б. Бахтадзе, Г. В. П. и рус. революц. демократы XIX, «Мнатоби», 1958, № 5 (на груз. яз.); А. Е. Мурнеу, Абарона Г. В. П. материялістичнага разумення права палітыкі і маралі, «Весті АН БССР. Сер. грамад. навук», 1960, № 4; М. Зейналов, Обоснование и защита Г. В. П. марксистского диалектич. метода, Баку, 1962 (на азерб. яз.)].

Идейное наследие П. привлекало и привлекает внимание зарубежных авторов. Работы П., направленные против ревизионистов, получили высокую оценку деятелей междунар. рабочего движения. А. Бебель писал П. 30 окт. 1898: «Дорогой товарищ! Прежде всего мне хотелось бы горячо познать вам руку за ту расправу, которую вы в своих статьях в „Neue Zeit“ учинили над Бернштейном и Конрадом Шмидтом» (цит. по кн.: «Лит. наследие Г. В. Плеханова», сб. 5, 1938, с. 269). С др. стороны, Бернштейн в брошюре «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben

der Sozialdemokratie» (Stuttg., 1899) пытался опровергнуть доводы П. о том, что критика филос. и экономич. основ марксизма приводит к измене социал-демократии. С критикой произведений П. выступил и Т. Масарик («Филос. и социологич. основания марксизма», пер. с нем., М., 1900; его же, «Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie...», Bd 1—2, Jena, 1913).

В послевоен. годы в странах нар. демократии и в прогрессивных изд-вах ряда капиталистич. стран были изданы лучшие марксистские произведения П. О филос. трудах П. пишут в своих работах: Т. Павлов (Избр. произв., т. 1—4, М., 1961—63), С. Гаповски (П.—бележит марксист и революционер, «Ново време», 1956, № 11), Ив. Киприлов (Значенето на Г. В. П. за развитието на марксистската философия, «Филос. мисъл», 1957, № 2) и др. болгарские марксисты. Идейно-филос. наследие П. посвящены также работы: А. Bemann, Lehrer einer Generation von Marxisten. Zum 100. Geburtstag G. W. Plechanows, «Neues Deutschland», 1956, 11. Dezember; L. Sochor, Několik poznámek k vydávání a studiu filozofických děl G. V. Plechanova, «Nová mysl», 1957, № 1; G. Sztrányeczki, Plechanov harca az orosz szubjektív szociológia ellen, «Studia Univ. Victor Sabels et Bolyai», 1958, ser. 3, t. 3, № 1; Z. Cackowski, O stosunkach poglądów gnoseologicznych Lenina i Plechanowa, «Studia filozoficzne», 1960, № 1 (16); Д. Якоч, Учение Г. В. П. о роли ложных идей в искусстве и литературе (Г. Ибсен, К. Гамсуи), в кн.: Dissertationes Slavicae, Slavistische Mitteilungen, Szeged, 1962, s. 49—56. В Югославии вышла на хорватском яз. интересная, хотя во многом спорная, книга Г. Петровича о филос. взглядах П. (G. Petrović, Filozofski pogledi G. V. Plehanova, Zagreb, 1957). П. и его филос. труды посвящен ряд статей в марксистских журналах капиталистич. стран (U. Cerroni, G. V. Plekhanov, La funzione della personalità nella storia, «Rinascita», 1956, № 12; G. Cogniot, G. Plekhanov, penseur marxiste éminent, «Cahiers du Communisme», 1956, № 12; M. Caving, G. Plekhanov philosophe militant, «La Pensée», nouvelle série, 1958, № 79; J. Gacon, Actualité de Plekhanov, там же).

Бурж. философы и историки в своих работах пытаются противопоставить Плеханова Ленину, подчеркивают все то, что отделяло П. от Ленина, большевиков, стремятся раздуть ошибки П. и исказить его взгляды, приписывая П. фатализм, агностицизм, метафизику и т. п. (G. A. Wetter, Il materialismo dialettico sovietico, [2 ed., Torino], 1948; N. O. Losskii, History of Russian philosophy, N. Y., [1951]; В. В. Зеньковский, История русской философии, т. 2, Париж, 1950; D. Joravsky, Soviet marxism and natural science. 1917—1932, [N. Y.], 1961, и др.). Даже те бурж. ученые, к-рые не преследуют цель фальсифицировать мировоззрение П., допускают в ряде случаев искажение его взглядов, умалют значение П. как философа (S. Baron, Plekhanov: the father of Russian marxism, Stanford, Calif., 1963; A. Koyré, Études sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie, P., 1950; Ш. Эншлен, Происхождение религии, пер. с франц., М., 1954).

Критикуя реакц. извращения филос. наследия П., марксисты-ленинцы продолжают его всестороннее исследование.

Соч.: Избр. филос. произв., т. 1—5, М., 1956—58; Лит-ра и эстетика, т. 1—2, М., 1958; Литературное наследие Г. В. П., сб. 1—8, М., 1934—40; Группа «Обсуждение труда» (Из архивов Г. В. П., В. И. Засулич и Л. Г. Дейча), сб. 1—6, М.—Л., 1924—28; Переписка Г. В. П. и П. Б. Аксельрода, т. 1—2, М., 1925; Документы Г. В. П., «Историч. архив», 1956, № 6; Письма [П.] к В. И. Ленину и В. И. Засулич, в кн.: Ленинский сборник 2 изд., [т.] III, IV, VII, М.—Л., 1925—28; Каталог библиотек Г. В. П., вып. 1—4, Л., 1965.

И. Н. Курбатова. Ленинград.

ПЛИФОН (Πλάτων; в другом произношении Плетон), Гемист Георгий (р. ок. 1355 — ум. 1452) — визант. философ-платоник, ученый и политич. деятель, энтузиаст возрождения античной культуры. Преподавал философию в Мистре (Пелопоннес). Разработал проекты широких политич. реформ (централизация управления, меры против засилья монастырей и т. д.), призванных вывести Грецию из кризиса визант. государственности и вернуть ее к исконным, античным началам (в рус. пер. см. «Речи о реформах», пер. и предисл. Б. Т. Горянова, «Визант. временник», 1953, т. 6). В 1438—39 П., участвуя в работе Феррарско-Флорентийского собора, использовал пребывание в Италии для сближения с гуманистами и активной пропаганды греч. философии (*платонизма*) и науки. Его влияние породило замысел создания *Академии платоновской* во Флоренции. По возвращении в Мистру продолжал возглавлять филос. кружок.

Оставаясь по тону своего мышления на почве схоластич. методологии, П. стремился сконструировать новую универсальную религ. систему, к-рая противостояла бы существующим монотеистич. вероисповеданиям (прежде всего *христианству*) и в своих важнейших чертах совпадала бы с греко-рим. язычеством. Христианской концепции благодати П. противопоставлял резко выраженный натурализм и *детерминизм*, доходящий до *фатализма*. С наибольшей откровенностью П. выразил свои антихристианские идеалы в религ.-политич. утопии «Законы» (отрывки см. — «Traité des lois...», [éd.] par C. Alexandre, P., 1858), где предусмотрены богослужения Зевсу и др. божествам греч. пантеона. В 1460 это сочинение было сожжено патриархом *Георгием Схоларским* как безбожное.

П. выступил с критикой Аристотеля в трактате «О проблемах, по которым Аристотель расходится с Платоном» (изд. на греч. яз. В. Donati, Venetiis, 1540; на лат. яз. — De Platonicae atque Aristotelicae philosophiae differentia libellus, Basileae, 1574; напечатано также в кн.: Migne J.-P. [ed.], PS, t. 160, P., 1866). По своему содержанию это «критика справа», с позиций крайнего идеализма. П. нападал на Аристотеля за деперсонализацию представлений о божестве, за отказ от недвусмысленного признания бессмертия души и т. п. С другой стороны, в конкретной ситуации эпохи выступление против Аристотеля и в защиту неоплатонически интерпретированного Платона имело дополнит. антисхоластич. смысл. П. опирался на длительную традицию обновленного *Михаилом Пселлом* визант. *неоплатонизма*, но доводил до предельного обострения его волюнтаристич. тенденции. С него берет начало длинный ряд мыслителей, выдвигавших пересмысленный платонизм в качестве альтернативы к официальной религии (*Фичино*, *Пико делла Мирандола* и др., вплоть до *Бруно* и *Гёте*).

Лит.: Попов Б. С., Георгий Гемист Плифон, его политич. деятельность и мировоззрение, М., 1946—47 (Дисс.); Татакис В. Н., La philosophie byzantine, P., 1949; Schultze F., Geschichte der Philosophie der Renaissance, Bd 1, Jena, 1874; Masai F., Pléthon et la platonisme de Mistra, P., 1956. С. *Аверинцев*, Москва.

ПЛОТИН (Πλωτῖνος) (203/4 или 204/5—269/70) — античный философ-идеалист, основатель *неоплатонизма*. Род. в Ликополе (Египет). Философией стал заниматься в Александрии, где под влиянием *Аммония Саккаса* встал на путь примирения *Платона* с *Аристотелем*. Переселившись в Рим, в 243/4 начал здесь широкую преподавательскую деятельность. В отличие от *Оригена* и своего сотоварища по школе Аммония Саккаса, П. подверг критике стоич. *платонизм* и был совершенно непричастен к христ. богословию. Вместе с тем, в противоположность егип. *гностицизму*, для П. была неприемлема фантастика мифоло-

гич. образов и полухристианские, полуязыч. богословские тенденции. Перед смертью П. завещал своему ученику *Порфирию* проредактировать, привести в порядок и издать записанные самим П. лишь отрывочные лекции, что Порфирий и сделал. Порфирий разделил все трактаты П. (мы бы теперь сказали, все статьи П.) на шесть отделов в соответствии с осн. тематикой философии своего учителя. Каждый отдел Порфирий разделил на девять частей, вследствие чего каждый отдел получил у него название «Энеады», т. е. «Девятки», и все шесть отделов тоже получили с тех пор общее название «Энеады». Т. о., в наст. время под названием «Энеады» объединены 54 трактата П. Трактаты, на к-рые делилась у Порфирия каждая «Энеада», были расположены в порядке возрастающей трудности. Первая «Энеада» была посвящена по преимуществу этике, вторая — космологии, третья — натурфилософии, четвертая — психологии, пятая — учению об «уме» и шестая — учению о категориях (трактаты 1—3), о целостности сущего (4—5), о числе (6) и об «едином» в собственном смысле слова (7—9). Каждый трактат Порфирий снабдил спец. заголовком.

Философия П. в целом носила спекулятивно-теоретич. характер, чем резко отличалась от систем большинства др. неоплатоников. П. направил свое гл. внимание на три проблемы — «единое», «ум» и «душу», причем эти три осн. онтологич. субстанции (или, как он выражался по-гречески, ипостаси) являются у него глубоко продуманной диалектич. триадой. В отличие от Платона, у к-рого эта триада не рассматривалась систематически, П. дал четкое и вполне сознательное ее рассмотрение как осн. проблемы всей своей философии (V 1; V 2). Диалектика у П. есть смысловое расчленение общности и объединение расчлененного на фоне этой общности (I 3; 4—5; специально о диалектике трех ипостасей — V 1—2 и др.).

Натурфилософия и космология разработаны у П. гораздо слабее (в основном по платоновскому «Тимею»). Еще меньше места отведено демонологии и мифологии, хотя спекулятивно-теоретически ясно вытекают из всех рассуждений философа-идеалиста (III 4).

Наиболее оригинальной частью системы П. является учение о первой ипостаси — «едином» как трансцендентном первом начале, к-рое выше всяких категорий и всего познания. С ним связана и др. осн. тема философии П. — концепция восхождения «души» от чувств. состояния к сверхумств. экстазу. Эта концепция составляет основу *мистицизма* П. «Единое» не есть что-нибудь из сущего, ни идея, ни ум (VI 9, 2), ни какой-нибудь род сущего (VI 2, 8) и не может быть предципровано об идее (VI 2, 10) и вообще предшествует сущему (VI 6, 8). Всякая вещь, созерцаемая как таковая, обязательно отлична от всего иного, т. е. она есть некое одно, противопоставляемое всему иному, и потому «единое» неразлично и нераздельно соприсуще всему фактически существующему и всему мыслимому (VI 6, 13) и сущему (V 3, 12), так что оно есть также и все сущее, взятое в абсолютной единичности (VI 5, 2), не допускает в себе никакого различия (VI 2, 9; 5, 6; 9, 4—5), включая жизнь космоса и человек. ума (VI 7, 13—14), являясь принципом всего существующего (VI 9, 4—5), хотя и ни в чем не нуждается (VI 9, 6) и недоступно никакому исчислению (V 5, 3). Сколько бы мы ни делили «единое» и как бы мы ни превращали его во множественность, каждая полученная часть все равно будет чем-то одним, т. е. «единое», вообще говоря, совсем никак не дробится (VI 6, 14), существуя и везде и нигде (III 9, 1; V 2, 1), и обнаруживает себя только в моменты приобщения к нему чего-нибудь иного (VI 1, 26). Такова, по П., диалектика едино-множеств. мира (см. особенно в V 2, 1—2). Вслед за Платоном и в

отличие от многих других платоников (напр., от *Спевсиппа*), П. очень интенсивно трактовал свое «единое» как благо (II 9, 1; III 8, 1; VI 7, 38; VI 7, 17. 25. 31. 35 и мн. др.), как свет и излучение (I 1, 8; V 1, 6; VI 7, 5), как «родителя» сущего и «первое рождение» (V 2, 1), хотя эпитет «отец» применяется у П. и к уму (I 6, 8; II 9, 2; V 1, 1. 8; VI 9, 5), причем все «из него изливается», «произрастает» (III 2, 2; V 2, 1) без убыли породителя (V 1, 3) и без его сознат. волеизлияния (ибо он безличен), но исключительно по необходимости его природы (III 2, 2; IV 8, 6; V 2, 1). Промежуточную ступень между первой и второй ипостасями занимают у П. (как и у Платона) числа (к-рым у него посвящен спец. трактат — VI 6). По П., числа не есть ни чувств. вещь (VI 6, 4), ни психич. акт (6), ни просто количество (16), ни просто спутник «ума» (5), но они являются принципом мыслит. категоричности (8. 10. 11), не будучи дурной бесконечностью (2—3), но будучи принципом каждой вещи и всего невещественного (15), а также имея специфич. отношение к трем осн. ипостасям (9). Число, т. о., само есть своеобразная ипостась и, как принцип конструирования, красота (1).

Неразличимое «единое», приходя к различению при помощи числа, достигает качественно-смыслового различения во второй ипостаси — «уме» (V 1, 4. 7; V 6, 1; V 9, 5). «Единое», переполняясь самм собой, требует перехода в иное, а поскольку оно остается постоянным и не убывает, иное только отражает его, т. е. является «видом» и «умом», т. е. «умопостижимым космосом» (V 9, 9), его зеркалом (I 1, 8; V 3, 6; VI 4, 10). В учении об «уме» и «душе» обращают на себя внимание очень острые рассуждения о тождестве субъекта и объекта в «уме», т. е. о том, что предметы ума «не вне» самого «ума» (V 5; III 8, 9; V 1, 4); учение о синтезе индивидуального и общего в «уме» (V 7, 9) и в «душе» (IV, 9). Подробные трактаты посвящены умопостижимой красоте (V 8), к-рая понимается в виде умств. скульптуры богов (V 8, 5—7. 9), и соотношению «ума», «идеи» и «сущего» (V 9).

Третью ипостась — «душу» П., сколько не выходя за пределы учения Платона, разработал тоже весьма подробно и систематически. «Душа» для него, как ни дробить ее по отдельным ее способностям, представляет собой нечто единое и неделимое. Она есть субстанция, а не только вечно дробящееся становление (IV 7, 13), т. е. она в своей основе неаффицируема (III 6, 1—5) и бестелесна (6, 6—19). Ее нельзя представлять атомистически, т. е. как простую множественность психич. состояний (IV 7, 2—3; 3, 2). Здесь, несомненно, П. боролся со стоиками, к-рые признавали и делимость «души», и ее пневматич. происхождение (2, 2; 7, 4. 10—11), и вообще со всяким материализмом, не умеющим, с его т. зр., объяснить ни чувств. ощущений, ни их объединения в более сложные переживания; другими словами, П. всячески отказывался свести сознание на материальные процессы (7, 5—8), поскольку оно представляется ему лишенным всякой материальности (7, 9). Особенно отчетливо П. говорил о диалектике делимости и неделимости «души» (2, 1; 3, 3. 19). В целом «душа» есть для П. то или иное смысловое функционирование «ума» за его пределами или, как говорил П., «логос ума» (3, 2. 5). Соответственно с этим подробно рассматривалось и взаимоотношение «души» и тела (3, 20—23; IV 7, 18). Поскольку ни одна индивидуальная «душа» не может существовать самостоятельно от всех др. «душ», все индивидуальные «души» охватываются «мировой душой» (3, 4). Везде в этих вопросах П. неизменно следовал Платону (3, 7), включая учение о нисхождении «души» с неба на землю (3, 9—17; 8, 1. 4. 5. 7—8) и об ее обратном уходе на небо (3, 24). Вполне платонично также и общее учение П. о бес-

смерти «души» (7, 14—20). Подробно разрабатывается учение о знании как припоминании (4, 1—5), о душах небесных светил и Земли, об их отношении к «мировой душе», а также к человеку (4, 6—30).

Как и Платон в «Федоне», П. критиковал пифагорейское учение о «душе» как о гармонии тела, отвергал концепцию аристотелевской энтелехии, т. к. эта концепция для него слишком биологична. Стоич. учение о *пневме* и об истечении первоогня П. критиковал еще более резко. Не устраивали его и те платоники, к-рые в его время или склонялись к прямому дуализму психологии и соматологии или не умели понять динамики становящейся природы *эйдоса*, лежащего в основе души. П. дал чисто платоновскую концепцию, добавляя к ней разве только аристотелевскую концепцию потенции и энергии. Эта эйдетич. теория энергии «ума», становящейся вне «ума» как его жизнь, упорно и последовательно проводилась у П. с применением всего имеющегося в его руках диалектич. аппарата единства противоположностей.

П. систематизировал платоновское учение о воплощении триады в природе и космосе. Как абсолютный идеалист, П. понимал материю только как «восприимчивую эйдосов»; поэтому сама она ни в каком случае не является эйдосом. Она лишена качества, количества, массы и пр., т. к. все это есть уже так или иначе оформленная материя. В чистом виде материя есть субстрат изменений, бесконечная неопределенность, не-сущее, неощутимое, непознаваемое и вечный переход от одного к иному, т. е. инаковость в чистом виде. Она может только воплотить в себе нечто идеальное, но это и значит, что идеальное начнет вечно и вечно меняться и изменений этих будет бесконечное количество, начиная от идеального и совершенного подражания идее и кончая полным распылением его в темной и непознаваемой бездне перво-материи. Поэтому материя для П., не будучи потенцией, всегда вечно потенциальна. Она есть, в сравнении с вечно сущими эйдосами, принцип их разрушения и потому она — зло. Она есть только то отношение, в к-рое попадает идея, взятая в ее ипобитии, к идее в чистом виде. Поэтому материя не есть что-нибудь, а всегда только то или иное отношение к чему-нибудь (*τὸ πρὸς τι*). То, что материя для П. является злом, а весь материальный мир «украшенным трупом», есть яркое свидетельство упадочного характера философии П.

При таком учении о материи чувств. космос приобретал у П. иерархич. строение. Больше всего и глубже всего материя воспринимает в себе идеальный мир в том случае, когда она создает космос в целом с его миром неподвижных звезд. Идя от этого высшего неба к земле, мы встречаем все более и более слабое материальное воплощение эйдосов, покамест не дойдим до земли, где все материальное совершенно неустойчиво, каждое мгновение переходит все новые и новые и где рождение и гибель не отличаются друг от друга. В этом учении о природе и космосе особенно обращают на себя внимание две концепции. Первая — это концепция времени и вечности. Времени как становлению предшествует нестановящаяся вечность. Однако эта последняя пребывает в вечном покое только в сравнении с чувств. становлением; в сравнении же с чистым эйдосом она тоже есть вечное и притом никогда не убывающее становление. Она — живая вечность или вечная жизнь (III 7, 2—6). Что же касается времени, то оно не есть ни просто движение, т. к. движение его уже предполагает (7, 8), ни число или мера движения, т. к. взятые сами по себе, они вне времени (7, 9), ни прочие атрибуты движения (7, 10). Время только проявляется в пространстве, но само не есть пространство. Оно есть вечность, поскольку вечность есть без убыли становящаяся

жизнь; но вечность не есть таковая сама по себе, а инобытие вечности, воплощение вечности в плнм, подвижный образ вечности, или вечная энергия «мировой души» (7, 11—13). Др. важная концепция П. в учении о природе и космосе — это учение о тождестве самосозерцания и активной самодеятельности. Восходя от низших материальных сфер к более высоким и к космосу в целом, от космоса к «душе» и далее, к «уму» и к «единому», мы и во всей природе, и во всем космосе находим в ослабленном виде ту же самую активность, что и в «душе», и то же самое созерцание себя, что и в «уме», и то же первичное и нераздельное бытие, что и в «едином». Вся природа и космос есть, т. о., иерархия самосозерцания или, что то же, творческой активности. Большой известностью в этом отношении пользуется трактат П. III 8, из к-рого укажем на главы о действии и созерцании (3), о телеологич. сущности «души» (4—6), о том, что творить могут только эйдосы (7), и о самосозерцании «ума» как ближайшем результате всеобщей и единой причины, или «единого» (8—11).

Чрезвычайно важной проблемой в философии П. является учение о категориях — родах сущего. П. резко критиковал понимание категорий Аристотелем (VI 1, 1—24) и стоиками (1, 25—30). В основном эта критика сводилась к тому, что Аристотель и стоики не различают идею и носителя идеи. Сам П. различал умств. категории, к-рые он по примеру Платона понимал как сущности, движение, покой, различие и тождество (2, 4—8). Что же касается чувств. категорий, к-рые необходимо отличать от умственных для того, чтобы не смешивать носителя идеи с самой идеей, то П. формулировал их вполне аналогично пяти умств. категориям, поскольку чувственность есть только носитель идеально-умственного и подражание ему: сущность, отношение, качественное, количественное, движение (3, 3). Каждая из этих категорий тоже подвергается подробному анализу: сущность (3, 4—10), количество (3, 11—15), качество (3, 16—20), движение (3, 21—27), отношение (3, 28).

Выдающееся место среди трактатов П. занимают трактаты о потенции и энергии (II 5), о субстанции и качестве (II 6), об едино-раздельной целостности бытия (VI 4—5), о красоте (I 6; V 8), о воле и свободе первоединого (VI 8) и, наконец, о субъективном восхождении к чистому уму и к сверхумному единому (VI 9).

Историч. место философии П. Философия П. должна быть истолкована как цезареанская философия. То, что неоплатонизм в качестве второй и третьей ипостаси выдвигал «ум» и «душу», есть филос. выражение того факта, что весь платонизм и больше всего П. исходили еще из социально-историч. опыта того или иного окружения рим. императоров, может быть сенаторского сословия и ближайших исполнителей воли цезаря. П. стремился возвысить и реставрировать древнюю, давно уже отжившую мифологию. Он пытался укрепить престиж и мировой авторитет Рим. империи, к-рую он хотел поставить выше отдельных, входящих в нее и уж тем более не входящих в нее местных народностей. Философия П. есть результат и символ развала рабовладельч. формации, ее культуры, символ бесконечного уныния, тоски, социально-политич. отчаяния и бегства от реальной жизни в иллюзорное прошлое. В этом и состоит социально-политич. сущность всей этой виртуозной диалектики мифа у П., глубокую характеристику к-рой дал в свое время Маркс: «Смерть и любовь являются мифами отрицательной диалектики... Поэтому Плотин называет её средством, ведущим к „упрощению“ души, т. е. к её непосредственному единению с богом, — выражение, в котором смерть и любовь, и в то же время

„теоретическое познание“ Аристотеля соединены с диалектикой Платона. Но так как эти определения, так сказать, предопределены у Платона и Аристотеля, а не развиты в силу имманентной необходимости, их погружение в эмпирически индивидуальное сознание проявится у Плотина как состояние, а именно — состояние экстаза» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 203). Диалектика и мифология, безвыходное отчаяние и острейшие восторги, любовь и смерть — вот те символы гибели мировой рабовладельч. Рим. империи, к-рые лежат в основе философии П.

Соч.: Opera omnia... Cum M. Ficini commentariis et eisdem interpretatione castigata, ed. G. H. Moser et F. Creuzer, v. 1—3, Oxonii, 1835; Ennéades, ed. R. Volkmann, v. 1—2, Lipsiae, 1883—84; Ennéades. Texte établi et traduit par E. Bréhier, v. 1—6, P.—Brux., 1924—38; Opera, t. 1—2, Ennéades I—V, ed. P. Henry et H. R. Schwyzer, v. 1, Oxf., 1951, переизд. в 1964; v. 2, P.—Brux., 1959 (изд. продолжается); Schriften, übers. von R. Harder, Bd 1—5, Lpz., 1930—37; Schriften in chronologischen Reihenfolge, Bd 1—5, Hamb., 1956—64 (изд. продолжается); в рус. пер.— Избр. трактаты П., пер. Г. В. Малеванского (Эннеады V 1—6, 8—9; VI 4—5, 7—9); «Вера и разум», 1898, № 8, 9, 11, 13, 14, 17, 19; 1899, № 2, 6, 11—15; 1900, № 18—21; Эннеады II 3—6, III 7, 9, V 8, в кн.: Браш М., Классики философии, т. 1, СПб., 1913, с. 435—82; Эннеады V 2, в кн.: Блонский П. П., Философия П., М., 1918, с. 184—86; Эннеады I 3, 4—5, 6, 9; II 2, 1—3; 4, 2—8, 13—16; 5, 1—3; 6, 1—3; 7, 1—3; III 7, 2—6, 8—11; 8, 10; 9, 3; V 8, 5; VI 2, 8, 15, 19—22; 7, 13, в кн.: Лосев А. Ф., Антич. космос и совр. наука, М., 1927; Эннеады VI 6, в кн.: Лосев А. Ф., Диалектика числа у П., М., 1928; Эннеады I 6, в сб.: Античные мыслители об искусстве, под ред. В. Ф. Асмуса, М., 1938, с. 244—53; Эннеады V 8, История эстетики, под ред. М. Ф. Овсянникова [и др.], т. 1, М., 1962, с. 224—35 (пер. А. Ф. Лосева).

Лит.: О б щ и е р а б о т ы о П., О философии П., «Журн. М-ва нар. просвещения», 1835, ч. 8, окт., с. 1—17; Владиславлев М. И., Философия П., основателя новоплатоновской школы, СПб., 1868; Блонский П. П., Философия П., М., 1918; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); История философии, т. 1, М., 1957 (по имен. указат.); D r e w s A. v o n, Plotin und der Untergang der antiken Weltanschauung, Jena, 1907; I n g e W. R., The philosophy of Plotinus, L., 1948; W u n d t M., Plotin. Studien zur Geschichte des Neuplatonismus, H. 1, Lpz., 1919; H e i n e m a n n F., Plotin Forschungen über die plotinische Frage, Plotins Entwicklung und sein System, Lpz., 1921; B r é h i e r É., Sur le problème fondamental de la philosophie de Plotin, «Bulletin de l'association G. Budé», 1924, avril, p. 25—33; е г о ж е, La philosophie de Plotin, P., [1928]; е г о ж е, Etudes de philosophie antique, P., 1955, p. 218—25; J e n s e n P.-J., Plotin, Kbh., 1948.

Гносеология, логика и диалектика. Куплетский А., Учение П. о мысли и бытии, «Вопр. философии и психологии», 1909, кн. 98 (3), с. 477—93; Ланд Г., Момент спекулятивного трансцендентализма у П., «Журн. М-ва нар. просвещения. Нов. серия», 1914, янв., с. 84—138; O v e r s t r e e t H. A., The dialectic of Plotinus, Berk., 1909.

Единое, число, бытие и ум. Лосев А. Ф., Диалектика числа у П., М., 1928; A r m s t r o n g A. H., «Emanation» in Plotinus, «Mind», 1937, v. 46, № 181; е г о ж е, The architecture of the intelligible universe in the philosophy of Plotinus, Camb., 1940; е г о ж е, The background of the doctrine «that the intelligibles are not outside the intellect», в кн.: Les sources de Plotin. Entretiens sur l'antiquité classique, v. 5, Vandoeuvres—Gen., 1957, p. 391—414.

Душа и космос. Орлов М. А., Учение П. о душе, О., 1885; Владиславлев М., Психология П., «Журн. М-ва нар. просвещения», 1868, ч. 139, [июль], с. 1—54.

Этика. Безобразова М. В., Об этике П., в кн.: Филос. этюды, М., 1892, с. 5—21; P i s y n o s A. H., Die Tugendlehre des Plotin mit besonderer Berücksichtigung der Begriffe des Bösen und der Katharsis, Lpz., 1895; M ü l l e r H. F., Plotinos über Notwendigkeit und Freiheit, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 1914, v. 33, S. 462—88.

Эстетика. Историч. обзор учений о красоте и искусстве. Из академич. чтений Е. В. Амфитеатрова. Учение о красоте и искусстве в неоплатонич. философии. Плотин, «Вера и разум», 1889, № 17; А н а н и н С. А., Учение П. о прекрасном, там же, 1903, № 2, 3; L u t o s l a w s k i W., L'esthétique de Plotin en relation avec la conception classique du beau, «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Krakau», 1903, S. 79—86; H o r s t C., Plotins Ästhetik, в кн.: Vorstudien zu einer Neuuntersuchung, I, Gotha, 1905; C i l e n t o V., Mito e poesia nelle Enneadi di Plotino, в кн.: Les sources de Plotin. Entretiens sur l'antiquité classique, v. 5, Gen., 1957, p. 243—323.

Религия и мифология. Куплетский М. А., Неоплатонизм и христианство, вып. 1, Каз., 1881; R o s c h o l l E., Plotin und das Christentum, Jena, 1898 (Diss.).

Социально-политич. идеи. Кац А. Л. Социально-политич. мотивы в философии П. по данным Эннеад, «Вестн. др. истории», 1957, № 4.

Библи.: T o t o k W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 335—43. А. Лосев. Москва.

ПЛУТАРХ (Πλούταρχος) из Херонеи (ок. 46—ок. 127) — греч. писатель и философ-моралист. Принадлежал к Академии платоновской и исповедовал культ Платона, отдавая дань многочисл.

стоич., перипатетич. и пифагорейским влияниям в духе характерного для того времени *электизма*. Его интерпретация Платона продолжала линию *Посидония* и подготовляла неоплатонич. истолкование Библии. Полемицирует стоич., натурализм и пантеизм, П. часто склонялся к пониманию материи как космич. начала несовершенства, дуалистически противостоящего трансцендентному богу. Посредники между миром и богом —

демоны (гении); демонология дает П. возможность примирить философский *монотеизм* с традиционной греческой *мифологией*. Философия для П. — не систематич. дисциплина, а орудие самовоспитания универсально развитого дилетанта. Это рождает П. с совр. унив. антич. вульгарной философией; отличие в том, что если для моралистов стоич., кирич. и эпикурейского типа характерен пафос резкого противопоставления критикующей за тотальное неразумие действительности и спасительной проповеди (затем этот пафос переходит в христианство), то П. постоянно апеллировал в своей этике к исторически сложившимся данностям человек. отношений. Отсюда его отвращение к доктринерству, узости, неизлечимому ригоризму (напр., в полемике против стоиков) и в то же время обывательское почтение ко всему общепринятому: его защита традиц. религии от эпикурейской критики вызвала возмущение молодого Маркса. Этич. норма для П. — не утопич. теория, а идеализированная практика старой полисной Греции, поэтому он прибавлял к моральным трактатам и диалогам дополняющий их цикл «Параллельных жизнеописаний» знаменитых греков и римлян прошлого, где моральный идеал выясняется на конкретном историч. материале. Историч. повествование в биографиях П. всецело подчинено моральной проблематике. Во имя реставрации полисной классики П. резко осуждал индивидуализм и асоциальный дух новейших филос. и религ. учений, хотя сам в условиях рим. владычества (к к-рому относился абсолютно лояльно) не мог не отдавать дань индивидуализму (история препарируется П. под углом зрения культа «великих людей»). В центре морали П. стояли понятия «ταπεινά» («образованная», «просвещенная», т. е. эллинской духовной культуры) и φιλανθρωπία («человеколюбия», т. е. эллинской гуманности).

Сильный морально-педагогич. уклон имеет эстетика П., реставрирующая аристотелевскую теорию *поэтики* (см. также *Мимесис*).

Разработанный П. идеал антич. гуманности и гражданственности широко использовался в раннебурж. идеологии. *Монтеню* импортирует враждебность П. аскетизму и доктринерству, *Руссо* — его внимание к «естественным» черточкам человек. психологии и свободолюбие; гражданственность создает П. огромную популярность у идеологов франц. революции конца 18 в. Морализм П. пытался реставрировать *Эмерсон*.

Соч.: Moralia, v. 1—2, N. Y.—L., 1927—28; Vitae parallelae, recognoverunt Cl. Lindskog et K. Ziegler, v. 1—4, Lpz., 1914—39; 2 ed., v. 1, Lpz., 1957 (изд. продолжается); в рус. пер. — О происхождении мировой души по «Тимею» Платона.

Пир семи мудрецов, в кн.: Браш М., Классики философии, т. 1, СПб., 1907, с. 378—422; О музыке, вступ. ст. Е. М. Браудо, с приложением биографии Плутарха А. И. Маленина, П., 1922; Фрагменты [против теологии Эпикура], в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 1, [М.], 1938, с. 88—92; Застольные беседы [и др.], в кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 1, [М.], 1962; Сравнительные жизнеописания, т. 1—3, М., 1961—64 (ст. С. И. Соболевского).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 127; Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956 (по имен. указат.); Манделс. М. П., К Плутарху. «Филологич. обозрение», 1895, т. 8, с. 111; Маленин А., Жизнь и соч. П., в кн.: Плутарх, О музыке, П., 1922; Лурье С. Я., П. и его время, в кн.: Плутарх, Избр. биография, М.—Л., 1941, с. 5—18; Болдырев А. В., Плутарх, в кн.: История греч. лит-ры, т. 3, М., 1960, с. 173—86; H i r z e l R., Plutarch, Lpz., 1912; G e i g e n m u l l e r P., Plutarchus Stellung zur Religion und Philosophie seiner Zeit, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 1921, Bd 47; T h o r n d i k e L., A history of magic and experimental science, v. 1, [L.]—N. Y., 1923, p. 200—220; B a s s i D., Pensiero morale, pedagogico, religioso di Plutarco, Firenze, 1927; Z i e g l e r K., Plutarchos von Chaironeia, Stuttg., 1949; B r o e s c k e H., Animadversiones ad Plutarchi libellum Peri ευθυμίας, Bonn, 1954; W e s t m a n R., Plutarch gegen Kolotes. Seine Schrift «Adversus Colotem», als philosophiegeschichtliche Quelle, Helsingfors, 1955; W e b e r H., Die Staats- und Rechtslehre Plutarchs von Chaironeia, Bonn, 1959; B e r g y E. G., Emerson's Plutarch, Camb., 1961; T o t o k W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 324—28.

С. Аверинцев, Ф. Кесслер. Москва.

ПЛЮРАЛИЗМ (от лат. pluralis — множественный) — концепция, согласно которой существует несколько или множество не зависимых друг от друга субстанциальных начал или видов бытия. П. противопоставит *монизму*. По своей сущности П. — идеалистич. направление, он исторически возникал либо как трансформация *дуализма*, либо как попытка электич. разрешения противоречий идеалистич. монизма.

Классич. примером П. была монадология *Лейбница*, по к-рой мир состоит из бесчисленного множества духовных субстанций. В последующих системах идеализма П. в ряде случаев приобретал форму тезиса о том, что мир состоит из отдельных существ (личностей). П. получил широкое распространение с сер. 19 в. начиная с *Шрудона*, *Ренувье* и *Бутру* и кончая *Ройсом*, *Расселом* и *Витгенштейном*. Концепции П. проникли в большинство идеалистич. филос. построений. П. свойствен филос. учениям *Гербарта*, *Лотце*, *Яковенко* и др. Наиболее типичным видом П. в 20 в. является философия *персонализма* (*Боуи*, *Брайтмен* и др.). К онтологич. П. тяготеет *неореализм* П. *Гартмана* и *Александера* с их учениями о качественной разнородности «слоев», или «уровней», бытия, а также критич. реализм *Сантьяни* с его концепцией четырех «ядер» бытия. Странники П. пытаются изобразить свое учение как якобы возвышающееся над противоположностью материализма и идеализма.

В совр. бурж. философии нередко употребляют термин «П.» в широком значении. В агностиц. и релятивистских теориях познания возникла своя гносеологическая разновидность П. — в виде утверждения об отсутствии объективной истины. Гносеология П., отрицающая объективную истину, характерен для *прагматизма*, *философии жизни*, *экзистенциализма* и *неопозитивизма*. За мнимой апологией активности человека в теориях этого рода кроется пессимистич. неверие в познават. возможности человечества. К выводам в духе П. пришел *конвенционализм*, ложно истолковывавший возможность множества изоморфных интерпретаций для теоретич. построений. Термин «П.» получил распространение и в бурж. социологич. лит-ре, где используется для обозначения различных концепций множественности факторов. Электич. методологич. основу этих концепций подвергли критике с позиций историч. материализма Маркс, Энгельс, Ленин. Маркс, в частности, подверг критике П. представителей вульгарной политэкономии. Бурж. теоретики развивают концепции различных «возможных путей» развития человечества, также ха-

рактируя их как социологию. П. В ряде случаев П. стал выражением углубляющегося распада бурж. сознания и потерей перспектив историч. развития. «...Единственное, что есть у вещей общего, — это то, что у них нет никакой взаимосвязи» (Schlegel H. H., *Weltbild und Glaube im 20. Jahrhundert*, Gött., 1956, S. 6).

Несостоятельными являются утверждения, будто П. органически присущ раннему или, наоборот, более развитому материализму. Эта т. зр. ошибочно истолковывает историч. роль наивных материалистич. концепций Ван Чуна, чарваков, Эмпедокла, Чжоу Яня и др., учивших о двух, четырех, пяти и более материальных началах бытия, а также подводит под рубрику П. все историч. виды материалистич. атомистики, замалчивая тезис материалистов о единстве мира и односторонне трактую их положения о дискретности материи, многообразии способов и форм ее существования. Поскольку домарксистским материализмом не была выявлена диалектика материи и сознания, его представители не всегда достаточно последовательно могли провести монистич. т. зр. Если они и проводили ее, то упрощенно, иногда примитивно, вульгарно. Однако это не превращало их в плюралистов. В указанных утверждениях софистически интерпретирован также факт признания диалектич. материализмом специфичности сознания и социальных явлений, отнюдь не означающей, что таковые сами по себе являются «разновидностью» материи.

Совр. П. софистически истолковывает все более открывающуюся человек. познанию диалектич. непечерпаемость многообразия свойств и явлений действительности, изображая ее как переплетение, а иногда как хаос разнородных событий, фактов, состояний сознания и т. п. По своей сущности это метафизич. концепция, враждебная диалектич. и историч. материализму.

Лит.: Джемс В., *Вселенная с плюралистической точки зрения*, М., 1911; Делограматик М. И., *Методология П. и кризис совр. бурж. социальной теории*, «ФН» (НДВШ), 1963, № 2; Ланг Р., *Pluralismus oder Monismus*, В., 1905; Маркс К., *Die Philosophie des Monoplatonismus*, В., 1907; Уайлс Дж., *Les philosophies pluralistes d'Angleterre et d'Amérique*, Р., 1920 (Thèse); Яковенко В., *Vom Wesen des Pluralismus*, Bonn, 1928. П. Нарский, Москва.

ПНЕВМА (греч. πνεύμα, осн. значение — дух) — понятие о тончайшем и легчайшем веществе, мыслившемся как своеобразная переходная ступень от материального к духовному. Учение о П., наполняющей Вселенную, было разработано стоицизмом и служило основой средством объяснения взаимодействия вещей, в частности процессов восприятия; так, зрительное восприятие объяснялось особым состоянием или напряжением («тоносом») П., находящейся между глазом и предметом. Врачи александрийской школы Герофил и Эрасматрат (4—3 вв. до н. э.) полагали, что артерии наполнены вместе с воздухом тончайшей П. Представления о П. служили также средством объяснения нервного возбуждения. В алхимии термином «П.» (и соответствующим лат. spiritus) обозначались летучие вещества («спирты» и т. п.). У христ. писателей первых столетий н. э. греч. термин «П.» («дух») получил значение нематериального начала, противоположного материи. В новое время даже после того, как установились более правильные представления о кровообращении, в физиологии и медицине продолжало сохраняться представление о «животных» или «животных духах» (spiritus vitales, spiritus animales), находящиеся в крови и особенно в нервах (Везалий в 16 в., Декарт в 17 в.). См. также *Дух*.

Лит.: Siebeck H., *Geschichte der Psychologie*, Tl 1, Abt. 1—2, Gotha, 1880—84; Goffart A., *Les «esprits animaux»*, «Rev. Néo-scholastique de Philosophie», 1900, mai, p. 154—72; Leisegang H., *Pneuma Hagion. Der Ursprung*

des Geistbegriffs der synoptischen Evangelien aus der griechischen Mystik, Lpz., 1922; Reinhardt K., *Kosmos und Sympathie*, Münch., 1926; McKerron J. C., *An introduction to pneumatology*, L., 1932; Rüsche F., *Das Seelenpneuma. Seine Entwicklung von der Hauchseele zur Geistesseele*, Paderborn, 1933; Hofsten N. von, *Leivsluften. Till den antika pneumatikans historia*, «Lychnos», 1937, p. 341—63; Verbeke G., *L'évolution de la doctrine du pneuma du stoïcisme à St. Augustin; étude philosophique*, P.—Louvain, 1945; Samursky S., *The physical world of the Greeks*, L., [1956]; егo же, *Physics of the stoics*, L., 1959.

В. Зубов. Москва.

ПНИН, Иван Петрович (1773—17 сент. 1805) — рус. просветитель, поэт и публицист. Учился в Благородном пансионе при Моск. ун-те, затем (с 1787) в Артиллерийском инженерном шляхетском кадетском корпусе в Петербурге; с 1789—97 был в армии. Вместе с А. Ф. Бестужевым издавал «Санкт-Петербургский журнал» (1798); с 1802 — член «Вольного об-ва любителей словесности, наук и художеств», незадолго до смерти был избран его президентом (1805).

На формирование мировоззрения П. сильное влияние оказал Радищев (с к-рым П. дружил), а также сочинения франц. просветителей 18 в. П. перевел и опубликовал извлечения из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха (опубл. в «Санкт-Петербургском журн.», 1798, ч. 1), отрывки из «Духа законов» Монтескье (опубл. там же), из экономич. трудов П. Верри, А. Тома и др. В «Опыте о просвещении относительно к России» (СПб., 1804, конфисковано по распоряжению пр-ва), а также в ряде поэтич. произведений П. критиковал господствовавшие в России крепостнич. порядки. «Как можно, — писал он, — чтобы участь только полезнейшего сословия граждан (т. е. крепостных крестьян. — *Ред.*), от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человек, — человек, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, — поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию гражданских обществ, как согласить тебя с правосудием, долженствующим служить оным основанием?» (Соч., 1934, с. 132). В отличие от Радищева, П., однако, не дошел до революц. выводов. Гл. надежды П. возлагал на просвещение и «доброе» законодательство.

П. разделял материалистич. воззрения на природу и человека («Время», 1798; «Солнце неподвижно между планетами», 1798; «Человек» и «Бог» (1805, перепзд. в кн.: Рус. просветители, т. 1, М., 1966)). Однако его материализм был непоследовательным; будучи деистом, П. допускал бога в качестве «созидателя» Вселенной. Природа рассматривалась им как своего рода «Зерцало истины превечной», как «бытий всех зримых обща мать» (см. там же, с. 65). Солнце мыслитель объявлял «источником всех благ» и «душой Вселенной», а человека — «царем Вселенной», «лучшим созданием природы», наделенным разумом, к-рый отличает его от всех остальных живых существ.

Лит.: Сухомлинов М. П., *Исследования и статьи по рус. литературе и просвещению*, т. 1, СПб., 1889; Поляков А. С., Пушкин и Пнин, в кн.: Пушкин и его современники, вып. 17—18, СПб., 1913; Луишол П. К., *Историко-филос. этюды*, М.—Л., 1935; Орлов В., *Рус. просветители 1790—1800-х годов*, 2 изд., М., 1953. П. Шипанов, Москва.

ПОБЕДОНОСЦЕВ, Константин Петрович (21 мая 1827 — 10 марта 1907) — рус. реакц. социолог, правовед, политич. деятель, идеолог самодержавия. Обер-прокурор Синода (1880—1905). Исполняя отдельные положения славянофильства и идеи французской социологической школы Ле Пля, Каруса, Карлейля, П. с крайне реакц. позиций идеализировал духовную инертность человечества, утверждал фидеизм, иррационализм и алогизм (см. «Моск. сборник», М., 1896). За наукой и философией П. признавал лишь статус

«вероятного предположения»: «теория и формула... не могут заключать в себе безусловное», каждая из них — «нечто неполное, сомнительное, условное и лживое»; абс. истину («истинный разум фактов») «народ чует душой», веруя в бога. П. выступал с критикой англ. и франц. материалистов, Руссо, «лучшей диалектики современных просветителей», дарвинизма («очень выгодное» учение для «аргументации нового материализма»), а также «идеалов неверия» Канта, позитивизма (Спенсера, Дж. Милля и др.); в этих последних учениях П. возмущали уступки материализму. П. пытался развенчать идеалы бурж. демократии («великая ложь нашего времени»), используя объективные противоречия капитализма в реакц., антинар. целях.

Соч.: Историч. исследования и статьи, СПб, 1876; Ле-Пле, М., 1893; Победа, победившая мир, М., 1895; Курс гражд. права, ч. 1—3, СПб, 1896; К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. 1, полутом 1—2, П., 1923.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., см. Справочный том, ч. 2, с. 230; Слонимский Л., О великой лжи нашего времени. К. П. Победоносцев и князь В. Н. Мещерский. Критич. этюд, СПб, 1908; Феоктистов Е. М., Воспоминания. За кулисами политики и лит-ры, Л., 1929; Пантелеев Л. Ф., Воспоминания, [М.], 1958 (см. указат. имен).

ПОВАРНИН, Сергей Иннокентьевич (1870—1952) — рус. и сов. логик; работал в области филос. вопросов, теории и истории *формальной логики*. В начале своей деятельности испытал воздействие гносеологич. логики *Введенского*. Отмечая односторонность традиц. логики, П. выступил с требованием дать общую теорию *несиллогистических умозаключений*. В частности, следуя *Гроту* и *Сеченову*, П. исследовал суждения об отношениях. Несмотря на нек-рую оригинальность подхода, ему не удалось все же дать удовлетворит. построения *логики отношений*, в силу известной неопределенности вводимых им понятий и отсутствия в его теории четких формальных правил вывода и даже удобных мнемонич. средств. П. настаивал на систематическом изучении заблуждений (с логич. т. зр.) и на создании на этой основе «практической логики». Он резко и справедливо критиковал интуитивизм *Лосского*.

Соч.: Об «интуитивизме» Н. О. Лосского, СПб, 1911; Логика. Общее учение о доказательстве, П., 1916; Логический задачник, П., 1916; Логика отношений. Ее сущность и значение, П., 1917; Спор. О теории и практике спора, П., 1918; Введение в логику, П., 1921; Искусство спора, 2 изд., П., 1923; О формальных законах мысли, «Уч. зап. ЛГУ. Серия филос. наук», 1947, вып. 1, № 100.

Лит.: Лапшин И. И., Гносеологич. исследования, вып. 1 — Логика отношений и силлогизм, П., 1917; Суханов К. Н., С. И. П. о предмете и задачах традиционной логики, в сб.: Очерки по истории логики в России, [М.], 1962, с. 232—41; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д., Краткий очерк истории общей и математич. логики в России, М., 1962, с. 37—38.

ПОВЕДЕНИЕ — система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых к.-л. сложным (обладающим нек-рой организацией) объектом; эта система подчиняется определ. логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой. В широком смысле термин «П.» употребляется применительно к объектам любого уровня организации (в этом смысле говорят о П. электрона в магнитном поле, о П. той или иной *самоорганизующейся системы*), причем имеют в виду П. как отд. индивида, так и нек-рой группы индивидов (П. биологич. вида, П. социальной группы и т. п.). В нек-рых случаях термином «П.» характеризуют систему поступков человека, представляющих собой реализацию определ. нравств. установок. Однако чаще всего под П. понимают систему действий по поддержанию своего существования, осуществляемых биологич. индивидом любого уровня организации. В этом понимании П. исследуется гл. обр. физиологией и психологией, к-рые рассматривают его как

нек-рую целостную характеристику психич. деятельности.

Расчлененные представления о П. сложились в науке по существу лишь в 20 в. При этом базой для исследований послужила рефлекторная теория, развитая на основе трудов *Сеченова*, И. П. *Павлова*, а также Шеррингтона. Рефлекторная схема составила, в частности, и основу концепции *бихевиоризма*, к-рый провозгласил П. главным предметом анализа и рассматривал систему «стимул—реакция» как осн. единицу П. Однако уже в нач. 30-х гг. обнаружилась явная недостаточность подобной схемы. Ее гл. слабость состояла в том, что она оставляла в стороне те звенья системы П., к-рые лежат между стимулом и реакцией и формируют П. К наст. времени сделано много различных попыток заполнить этот вакуум, но все они носят гипотетич. характер. В сов. физиологич. исследовании П. велось гл. обр. по линии усовершенствования и развития теории *рефлекса*. В результате этих исследований (в частности, работ Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина) схема рефлекторной дуги была переработана в более эффективную схему рефлекторного кольца, к-рая, кроме всего прочего, позволила привлечь к нейрофизиологич. исследованиям аппарат кибернетики. В ряде работ Н. А. Бернштейна подвергал критике классич. рефлекторную теорию, считая недостаточными ее объяснения П. (см., напр., его ст. «Проблемы моделирования в биологии активности», в сб.: Математич. моделирование жизненных процессов, М., 1966). Согласно совр. физиологич. представлениям, П. есть сложная иерархич. структура, складывающаяся и реализующаяся одновременно на ряде уровней (напр., П. как последовательность мышечных сокращений, как последовательность движений конечностей, как последовательность целенаправл. действий и т. д.). Представление о различных структурных уровнях П. восходит к *Толмену*, различавшему т. н. «молекулярные» и «молярные» (т. е. мелкие и более крупные) единицы П. Однако до наст. времени нет единой общепринятой иерархии структурных уровней П.

Развитие исследований П. в последние десятилетия привело к широкому взаимопроникновению физиологич. и психологич. методов анализа, причем по ряду причин в наст. время более развиты физиологич. методы. Поэтому иногда оказывается затруднительным указать тип того или иного исследования. Тем не менее различие в подходах к П. сохраняется. В общем виде его можно сформулировать след. образом. Физиологич. исследования выявляют «субстратную» основу П., т. е. те механизмы высшей нервной деятельности, к-рые обеспечивают его реализацию; физиология ориентирована на элементарные, исходные структурные уровни П. и специфич. средства их реализации. Специфика же П. как особым образом организованной психич. деятельности составляет предмет психологич. исследований; психология рассматривает высшие формы П. животных и человека и специфич. средства их построения. При этом центр. место в психологии занимает исследование П. человека. Что же касается П. животных, то одним из наиболее развитых направлений его исследования является в наст. время *этология*. При рассмотрении П. с психологич. т. зр. в нем выделяют два осн. аспекта — аффективный (эмотивный) и когнитивный (интеллектуальный). Проблема соотношения этих аспектов является дискуссионной. Но обычно аффективной стороне П. приписывают роль источника энергии и — в той или иной степени — роль ценностного регулятора. П. *Жане* различал «первичное действие» — отношение между субъектом и объектом (интеллект) и «вторичное действие» — реакцию субъекта на свое собств. действие, к-рая образует эле-

ментарные чувства и выполняет функцию регуляции первичных действий, обеспечивая выход избыточной внутр. энергии (см., напр., L' évolution de la mémoire et de la notion du temps, v. 1—3, P., 1928). Жане одним из первых в психологии сформулировал идею структурных уровней П. (см. об этом М. Роговин, Пьер Жане, «ВИМ», 1960, № 6). Согласно *Клареду*, чувства предписывают П. цель, а роль интеллекта ограничивается тем, что он предоставляет П. средства. Одну из интересных концепций П. предложила *гештальт-психология*, в частности в лице *К. Левина*. Он представил П. в виде целостного «поля», охватывающего субъект и объект; динамику этого поля образуют чувства (к-рые выступают как факторы, регулирующие у субъекта обмен энергией с внешней средой; в этой связи они выполняют функцию реальных или фиктивных «ценностей»), а структурируется это поле при помощи восприятия, моторной функции и интеллекта. Несомненное достоинство этой концепции состоит в том, что она впервые отчетливо разграничивает структурный и динамич. аспекты П. и кладет начало анализу П. как *системы*. Дальнейшее развитие системный подход к П. нашел в концепции *Пиаже* (см., напр., J. Piaget, La psychologie de l'intelligence, P., 1952). Приняв предложенное *Левиним* различение двух аспектов П., *Пиаже* дополнил его принципом генетизма, т. е. положением, согласно к-рому чувства и когнитивные формы зависят не только от актуального существующего «поля», но и от предшествующей истории действующего субъекта. При этом ни чувства, ни интеллект, согласно *Пиаже*, не имеют примата в П.: чувства выступают как энергетич. и волевой источник П. (воля понимается как своеобразная игра чувств. операций, направленных на создание высших ценностей и на то, чтобы сделать эти ценности обратимыми и сохраняемыми); в то же время с необходимостью существует нек-рая форма или структура, определяющая возможные пути реализации П., — это и есть когнитивная сторона П. Т. о., всякий обмен со средой предполагает и наложение структуры, и создание ценностей. Поэтому даже в сфере чистой математики нельзя рассуждать, не испытывая никаких чувств, и, наоборот, невозможно существование к-л. чувств без нек-рого минимума понимания или различения.

Сов. психологии принадлежит заслуга выявления специфики человек. П. и его форм, специфики, вытекающей из социальной природы человека и его деятельности. Наиболее значит. вклад в теоретич. анализ П. в сов. психологии внесла школа *Л. С. Выготского*. Особенно интересны в этом отношении два ее тезиса: идея социально-историч. обусловленности П. человека и выделение в этой связи роли социальных факторов и социального опыта в построении и реализации П., а также исключительно плодотворная мысль о важной роли знаков и знаковых систем как структурных компонентов П. Т. н. знаковое П. индивидов стало предметом изучения в лингвистике и семиотике.

В последние десятилетия развернуты социологич. исследования П., направленные на анализ тех его аспектов, к-рые значимы в рамках социальных групп того или иного уровня.

В целом в наст. время исследования П. подошли к тому уровню, когда необходимо комплексное изучение П. социального человека в его социологическом, психологическом, логическом, нравственном, аксиологическом и эстетич. аспектах.

Развитие кибернетики и создание сложных совр. технич. систем сделало П. объектом изучения в ряде дисциплин, так или иначе связанных с теоретич. кибернетикой. Осн. цель этих исследований состоит в создании таких технич. систем, к-рые бы обладали собственным управляемым П. Интересы исследовате-

лей направлены здесь гл. обр. на две проблемы: выявление принципиальных структурных схем П. (т. е. выделение и анализ строения тех компонентов системы, к-рые «ответственны» за П., обеспечивают управление им) и анализ динамики П., т. е. конкретных форм и способов его развертывания, реализации. В самое последнее время (см., напр., сб. Principles of self-organization, N. Y.—[a. o.], 1962) все большее внимание обращается на логику П., т. е. на те закономерности его строения и реализации, к-рые делают П. целенаправленным процессом широкого взаимодействия со средой и позволяют как подразделять осн. цель на ряд промежуточных, так и видоизменять, в зависимости от обстановки, промежуточные цели и способы их достижения.

Лит.: Уотсон Дж. Б., Психология как наука о П., пер. с англ., М.—Л., 1926; Войтонис Н. Ю., Предистория интеллекта, М.—Л., 1949; Леонтьев А. Н., Очерк развития психики. Об историч. подходе в изучении психики человека, в его кн.: Проблемы развития психики, 2 изд., М., 1965; Рубинштейн С. Л., Махизм и кризис психологии. Проблема сознания и П. в истории зарубежной психологии. Проблема сознания и деятельности в истории сов. психологии, в его кн.: Принципы и пути развития психологии, М., 1959; Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К., Планы и структура П., пер. с англ., М., 1965; Вулдридж Д., Механизмы мозга, пер. с англ., М., 1965; Шовен Р., От пчелы до гориллы, пер. с франц., М., 1965. Э. Юдин, Москва.

«ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО» КОНЦЕПЦИЯ — господствующее в совр. бурж. социологии в США понимание предмета и задач социологии, являющееся общетеоретич. основой большинства эмпирич. исследований. Начало «П. с.» к. положили Р. Парк и Э. Бёрджесс; ее совр. сторонники — Мертон, Парсонс, Ландберг, Лазарсфельд и др.

Понимание социологии как «науки о социальном поведении» связано с претензиями на создание «деидеологизированной», «точной» социологии в противовес «социальной философии» 19—20 вв. Под социальным поведением имеют в виду определ. конструкцию деятельности и отношений индивидов и социальных групп, когда психич. отношения людей (коммуникация) рассматриваются как «специфически-социальный» фактор. В результате социология сводится к изучению «межличностных отношений» (interpersonal relations); акт психич. взаимодействия между двумя или неск. индивидами выделяется в качестве клеточки, в к-рой, как в коконе, заключена вся специфика социальных процессов (см. N. S. Timasheff, Sociological theory. Its nature and growth, N. Y., 1955, p. 294). «П. с.» к. существует в виде двух нелегитимизируемых между собой вариантов — «социального бихевиоризма» и различных теорий, исходящих из идей «динамич. психологии», прежде всего *психоанализа*. Последователи «социального бихевиоризма» (гл. пропагандист к-рого с 30-х гг. — Ландберг), применяя принцип «стимул — реакция» к изучению поведения человека в социальной среде, отождествляют изучение актов обществ. сознания с изучением реакций («открытого поведения» — overt behaviour) групп, коллективов. Этот подход осуществляется в области социологии малых групп, социологии лидерства, социологии политич. отношений (прежде всего в исследованиях процессов обществ. активности, напр. выборов) и характеризуется гипертрофированным использованием в исследованиях количеств. методов, в т. ч. математических. Большинство крупных бурж. социологов, занятых проведением эмпирич. исследований (П. Лазарсфельд, С. Стауффер, Б. Берельсон и др.), стоит на платформе «социального бихевиоризма», а его гл. принципы лежат также в основе различных вариантов «математич. социологии» (*Рашевский*, *Додд* и др.).

Второе направление социологии как «науки о социальном поведении» связано с упором на изучение мотивов, влечений, ценностей, целей и др. факторов

сознания людей как объективно существующих явлений индивидуальной психики и социальной психологии. Позицию этого направления наиболее полно выражает *социального действия теория*. Среди его представителей большое количество противников «социологич. неопозитивизма» и сторонников «качеств. методологии». В эмпирич. исследованиях, проводимых в рамках этого направления — в *индустриальной социологии*, социологии семьи, социологии расовых и этнич. отношений, в качестве теоретич. базы используются идеи психоанализа о структуре личности, факторах личностного конфликта и путях его преодоления. Установки этого варианта «П. с.» к. являются основой теории «человеческих отношений». По сравнению с программой «социального бихевиоризма», второе направление является в наст. время в бурж. странах более популярным вследствие изменения задач, к-рые ставятся перед социологией в области манипулирования людьми в интересах правящей верхушки. Усматривая источники противоречий бурж. общества в области взаимодействия взглядов, верований и эмоций людей, представители различных направлений «П. с.» к. предлагают различные способы их разрешения. «Социальный бихевиоризм» дает рекомендации относительно манипулирования «открытым поведением», т. е. поступками людей. В конечном счете он обосновывает ту или иную практику командования людьми со стороны властей. Господствующие классы в совр. капиталистич. обществе переходят к все более изощренным способам руководства массами и прежде всего к таким, к-рые направлены на выработку у них сознат. предпочтения существующих социальных порядков. Тенденции бюрократич. манипулирования личностью в бурж. обществе все более принимают форму руководства убеждениями, мотивами, ценностями, принципами людей. Антибихевиористские школы в социологии, основанные на программе изучения психики людей и выработке влияния на ее наиболее глубинные процессы, выступают в качестве теоретич. обоснования и разработки методов и средств подобного манипулирования.

Лит.: Lundberg G., Foundations of sociology, N. Y., 1939; его же, Sociology, N. Y., 1934; Angell R. C., The integration of American society, N. Y., 1941; Elliott M. A., Merrill F. E., Social disorganization, N. Y., 1941; Farris R. E. L., Social disorganization, N. Y., 1948; Lewis K., Resolving social conflicts, N. Y., 1948; Analyzing social problems, ed. J. E. Nordskog, E. C. McDonagh, M. J. Vincent, N. Y., [1950]; Green A., Sociology. An analysis of life in modern society, N. Y., 1952; Gittler J., Social dynamics..., N. Y., 1952; For a science of a social man, ed. J. Gillin, N. Y., 1954; Horton P., Leslie G., The sociology of social problems, N. Y., 1955; Common frontiers of the social sciences, ed. M. Komarovsky, N. Y., 1957; Bernard J. S., Social problems at midcentury..., N. Y., 1957. *И. Новиков*, Москва.

ПОГОДИН, Михаил Петрович (11 ноября 1800 — 8 дек. 1875) — рус. историк и публицист, один из идеологов «официальной народности». Сын крепостного. Окончил Моск. ун-т (1821). В 1826—44 — проф. Моск. ун-та (сначала всеобщей, а с 1835 — рус. истории). С 1841 — академик. В 1827—30 издавал журн. «Моск. вестник», в 1841—56 вместе с Шевыревым — журн. «Москвитянин», в 1867—68 — газ. «Русский».

В 20—30-х гг. П. выступал как либерально-дворянский писатель («Черная немочь», 1829; «Повести», ч. 1—3, М., 1832; «Новости на ярмарке», 1832, и др.). Как историк П. занимался преим. древним периодом рус. истории. Начав с критики офици. историографии Карамзина, он вскоре сам перешел на позиции, аналогичные по отношению к дворянско-крепостнич. монархии. Одним из первых в России П. пытался осмыслить историч. процесс, используя идеи шеллингианства («Историч. афоризмы», М., 1836). Основа историч. взглядов П. — признание самобытности рус.

историч. процесса: «вечное начало, русский дух» лежит, по П., в основе рус. истории; в ней полностью отсутствует внутр. борьба. Наличие этой борьбы — осн. черта обществ. жизни стран Зап. Европы (в вопросах всеобщей истории П. в основном солидаризировался с Гизо). Считая невозможным до конца осмыслить рус. историч. процесс (поскольку он не может быть подведен под ту или иную теорию), П. видел гл. задачу рус. истории в том, чтобы она сделала «...охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия...» («Взгляд на рус. историю», т. 1, М., 1842, с. 16). Публицистика П. преследовала те же охранит. цели и проповедовала формулу «православия, самодержавия, народности». По ряду вопросов взгляды П. были близки к воззрениям *славянофилов*.

Соч.: О происхождении Руси, М., 1825; Исследования, замечания и лекции о рус. истории, т. 1—7, М., 1846—57; Историко-критич. отрывки, 2 изд., ч. 1—2, М., 1867; Древняя рус. история от монг. ига, т. 1—2, М., 1872; Простая речь о мудреных вещах, М., 1873; Сборник, служащий дополнением к «Простой речи о мудреных вещах» М. П. Погодина, М., 1875; О модных у нас филос. толках (Для наших нигилистов и нигилисток). Из 3 изд. «Простой речи о мудреных вещах», М., 1875.

Лит.: Плеханов Г. В., М. П. П. и борьба классов, Соч., т. 23, М.—Л., 1926; Барсуков Н., Жизнь и труды М. П. П., т. 1—22, М., 1888—1910; Милюков П. Н., Гл. течения рус. историч. мысли, т. 1, 3 изд., М., 1913; Рубинштейн Н. Л., Рус. историография, М., 1948.

И. Пирумова, Москва.

ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ (нем. Grenzsituation) — категория философии *экзистенциализма*, введенная Ясперсом, означающая моменты глубочайших потрясений (страх, страдание, борьба, смерть и др.), в к-рые человек познает себя как нечто безусловное.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — ежемесячный филос. обществ.-экономич. журнал. Выходил с января 1922. Программа работы журнала была определена Лениным в ст. «О значении воинствующего материализма», написанной в марте 1922 после выхода 1—2 номеров журнала. Ленин писал, что журнал должен стать органом воинствующего материализма, вести борьбу против всяческих форм идеализма и фидеизма, укреплять союз философов с представителями совр. естествознания, продолжать материалистич. и диалектич. традиции филос. мысли, разрабатывать марксистскую диалектику на основе опыта новейшей истории, революц. движения и развития естествознания. Особое внимание журнала, писал Ленин, должно быть сосредоточено на изучении и материалистич. истолковании диалектики Гегеля, «... т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем „Капитале“ и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — ... все больше и больше подтверждает марксизм... Группа редакторов и сотрудников журнала... должна быть, на мой взгляд, своего рода „обществом материалистических друзей гегелевской диалектики“» (Соч., т. 33, с. 207—08). В 1923—30 журнал выходил под руководством редакц. коллегии: А. М. Деборин (ответств. редактор с 1926), Н. И. Карев, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов и др. Пек-рос время в редакцию входил В. И. Невский, ряд лет — Я. Э. Стэн и др. После постановления ЦК ВКП(б) от 25 янв. 1931 «О журнале „Под знаменем марксизма“» была сформирована новая редакция в составе: В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман, А. А. Максимов, М. Б. Митин (ответств. редактор), М. Н. Покровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин, М. Н. Корнеев. С 1942 журналом руководила редакция в составе: М. Б. Митин (ответств. редактор), П. Н. Федосеев, А. Леонтьев, С. М. Кружков,

Л. А. Орбели, В. П. Потемкин, П. Ф. Юдин, С. И. Вавилов и др. С 1944 ответств. редактор журнала — М. Т. Иовчук. Журнал имел отделы: Ленин и ленинизм (с 1924), актуальные проблемы философии диалектич. материализма, историч. материализм, история материализма, новое в естествознании, история социализма, критика и библиография. В «П.з.м.» публиковались материалы из архива Маркса и Энгельса, статьи по вопросам иск-ва, лит-ры, теоретич. экономии, переводы работ выдающихся материалистов прошлого, популярные статьи, консультации и др. Журнал ставил своей задачей освещение актуальных теоретич. вопросов, обобщение опыта социалистич. стр-ва, разработку и обсуждение новых теоретич. проблем. В журнале разрабатывались осн. вопросы теории марксизма-ленинизма, диалектико-материалистич. метода, историч. материализма, вопросы истории философии, истории и теории естествознания, теории лит-ры и иск-ва, теории и истории атеизма, велась борьба с реакц. бурж. идеологией, ревизионизмом, вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Журнал отражал все изменения, происходившие в идейно-теоретич. жизни страны. В первые годы деятельности «П.з.м.», развертывая пропаганду материализма, отстаивал право на существование самой философии в борьбе с ее отрицателями (Минин, Елчмен и др.). Несколько позднее развернулась борьба за материалистич. диалектику против воззрений «механистов». В этой борьбе «П. з. м.» имел известные достижения. Однако в теоретич. работе журнала были допущены серьезные ошибки, к-рые заключались в отрыве его работы от задач социалистич. строительства в СССР, в непонимании ленинского этапа как новой ступени в развитии философии, в отрыве теории от практики.

После 1931 «П. з. м.» работал над реализацией программы, определенной постановлением ЦК ВКП(б). В качестве центр. задачи «П. з. м.» была выдвинута задача исследования ленинского филос. наследия, борьба за ленинизм. Журнал более тесно связывал свою деятельность с политич. жизнью страны, с актуальными проблемами социалистич. строительства, вел борьбу с бурж. идеологией, с антиленинскими установками в философии. Однако с 30-х гг. на деятельности «П. з. м.» начало сказываться отрицат. влияние *культ личности* Сталина.

За годы своего существования журнал немало сделал для развития филос. культуры в стране, для подготовки многочисл. кадров сов. философов, для обогащения марксистской философии. В его работе принимали деятельное участие видные естествоиспытатели, представители обществ. наук, деятели культуры.

В 1944 «П. з. м.» был закрыт по указанию Сталина и до открытия «Вопросов философии» (1947) в СССР не было филос. журнала.

Лит.: История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965, с. 77—78, 142—43, 159—61; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистич. странах. Историко-филос. очерки, М., 1963. *В. Богданов*, Москва.

ПОДРАЖАНИЕ (в эстетике) — понятие домарксистской эстетики, употреблявшееся для обозначения сущности и названия искусства как средства познания и воспроизведения действительности. Для античного учения о П. (*мимесиса*), встречающегося уже у пифагорейцев и систематически развитого Платоном и Аристотелем, характерно представление об иск-ве как о реализации чего-то уже имеющегося в природе. Идея творения вообще чужда антич. философии. Согласно Аристотелю, продукты искусства являются результатом соединения изначально существующей формы и материи; художник не творит самих форм и вообще не создает ничего такого, чего не было бы в природе, он лишь подражает красоте космоса. «Де-

лать медь круглой это не значит делать круглое... по (делать) нечто другое, именно (реализовать) эту форму в другом» (Met., VII, 8, 1033a). Новое понимание художеств. П. вырабатывается на закате антич. мира эстетикой *неоплатонизма*. Платон рассматривает мировое божество как демиурга, творящего прообразы и формы (эйдосы) всех вещей; поэтому иск-во подражает у Платона не природе, не видимым вещам, а идеальным эйдосам, мировому уму или деятельности демиурга. «Почему оно (небо) движется по кругу? Потому что оно подражает уму? И чему присуще движение, (первоначально) душе или телу Неба? (Конечно душе) («О движении неба», II 2,1). В ср.-век. христ. эстетике, рассматривающей иск-во как несовершенный чувств. отблеск идеальной божеств. красоты мира, преобладает аллегорич. и символич. толкование иск-ва. Подобно Платону и неоплатоникам, ср.-век. философы видят в иск-ве П. не «прекраснейшему космосу», а рационально познаваемому божеств. началу, или идеальному «архетипу» вещей. Природа, в понимании ср.-век. философии, — собрание мертвых, лишенных жизни и деятельности форм; истинным творцом всей природы является бог, а художник лишь слепо подражает его деятельности или его символич. атрибутам — свету, напр., как в «Ареопагитиках», или идеальным числам, как у Августина. Фома Аквинский, как и антич. философы, считает, что формы не изобретаются художником, а изначально содержатся в его душе. Он развивает высказанную Аристотелем мысль о деятельности художника или ремесленника как о приложении готовой формы к материи. «Форма предшествует умопостижаемому бытию, как это бывает у тех, кто действует своим интеллектом; так подобие дома заранее существует в мысли зодчего. И это можно назвать идеей дома, ибо мастер намеревается уподобить дом той форме, которую он задумал в мысли» («Summa theologiae», I 15, 1).

Философы эпохи Возрождения в борьбе против ср.-век. эстетич. теорий возродили антич. представление об иск-ве как П. природе на основе пантеистич. истолкования природы как активного, деятельного начала, заключающего в себе принцип самодвижения и развития. Представление об иск-ве как «зеркале» природы получает широкое развитие у всех крупнейших мыслителей и художников Возрождения — Л. Б. Альберти, Дюрера и др. В отличие от антич. и ср.-век. эстетики, эстетика Возрождения впервые истолковала принцип П. как принцип творчества: художник не прилагает готовую форму к материи, а сам творит все формы вещей. В противоположность Аристотелю и Фоме Аквинскому философ-неоплатоник Марселино Фичино понимает создание дома прежде всего как изобретение, творчество самой формы, идеи дома. «Вначале архитектор зачинает в душе... план здания и как бы его идею. Затем в меру сил он сооружает дом таким, каким он его замыслил. Кто будет отрицать, что дом — тело и что, вместе с тем, он похож на бестелесную идею мастера, по подобию которой он создан?» (цит. по кн.: «Наматники мировой эстетич. мысли», т. 1, М., 1962, с. 503). Но человек творит не только формы вещей — даже свою собственную форму он создает сам. По словам итал. философа-гуманиста Пико della Мирандолы, человек — «свободный и славный» мастер своей формы; он, как скульптор, создает свой образ. Художник подобен богу, он как бы заново творит все формы вещей, всю природу, придавая ей идеальный образ гармонии и меры.

Эстетика Возрождения чрезвычайно широко понимает принцип П., связывая его с «божественным» энтузиазмом, с вдохновением, фантазией, выступающей как орган художеств. П. Именно благодаря фантазии,

творящей идеальные формы вещей, живопись достигает верховного положения в системе др. иск-в и знаний. «... Живопись, — говорит *Леонардо да Винчи*, — должна быть поставлена выше всякой деятельности, ибо она содержит все формы как существующего, так и несуществующего в природе» (цит. по кн.: «Мастера иск-ва об иск-ве», т. 1, М., 1939, с. 31). П. становится универсальной категорией и рассматривается как сущность всякого иск-ва вообще — не только живописи, но, в частности, поэзии и музыки. Взгляд на поэзию как на П. развивает Боккаччо в своей знаменитой «Апологии поэзии». «Этот термин (подражание природе), возможно, вызовет меньше возражений (чем подражание философии), поскольку поэт всячески старается отразить в благозвучных стихах либо влияние самой природы, либо ее вечные и неизменные проявления — формы, привычки, речи и действия всех одушевленных вещей, движение неба и звезд, разрушительную силу ветра, шум и потрескивание пламени, грохот морского прибоя, высокие горы, тенистые роши и течение реки...» (цит. по кн.: Гилберт К. и Кун Г., История эстетики, М., 1960, с. 199). Авторы многочисл. трактатов, посвященных поэзии и музыке, — Сперони, Триссони, Кастельверто, Скалигер, Салинас, Царлино, Галилей — возрождают аристотелевское учение о поэзии и музыке как П., дают обширные толкования сущности, средств и форм П. Однако уже к 16 в. относятся первые критич. нападки на теорию П. В 1586 итал. философ *Патрици* опубликовал два тома «Поэтики», в к-рой в духе субъективистских идей маньеризма противопоставил понятия «подражание» и «выражение», считая, что именно выражение внутр. духовного мира художника является отличит. особенностью поэзии и иск-ва вообще. Это противопоставление П. и выражения выдвигалось в 17 в. в эстетике барокко, а в дальнейшем — эстетикой «Бури и натиска» в Германии и эстетикой *романтизма* в Германии и Франции.

Широкое распространение принцип П. получает в эстетике *классицизма*, к-рая понимала его как П. рационалистически трактованной природе, ограничивая роль фантазии и воображения в иск-ве. Известный франц. художник-классицист Пуссен, утверждая, что сущность иск-ва заключается в «подражании всему, что находится под солнцем» (Письма Пуссена, М.—Л., 1939, с. 195), говорил: «искусство не отличается от природы, не может выйти за ее пределы» (цит. по кн.: «Мастера искусства об искусстве», т. 1, М., 1937, с. 581). *Баттё* в работе «Изящные искусства, сведенные к единому принципу», считал, что этим единым для всех видов иск-в принципом является П. Однако посредством П. иск-во не создает ничего нового, оно порождает лишь фикции, вымышленные образы вещей. «Что такое живопись? — спрашивает Баттё. — Подражание видимым предметам. В ней нет ничего реального, истинного, все в ней призрачно и ее совершенство зависит от степени сходства с действительностью» (цит. по кн.: «Памятники мировой эстетич. мысли», т. 2, М., 1964, с. 380). П. природе не должно быть непосредственным. «... Необходимо такое подражание, — говорит Баттё, — где видна природа, но природа, какой она должна быть и какой ее может себе представить разум» (там же, с. 381). Т. о., классицистич. теория П. фактически подчиняла иск-во нормативным правилам «хорошего вкуса».

В англ. эстетике 18 в. принцип П. наиболее отчетливо формулируется Э. Бёрком, согласно к-рому П. наряду с симпатией составляет одну из гл. социальных страстей. «Подражание, — пишет Бёрк, — несравненно больше, чем наставление, дает нам возможность все познать... Оно определяет наши привычки, наши мнения, наш образ жизни. Оно служит одной из са-

мых сильных связей внутри общества; является своего рода взаимной уступчивостью, которую люди проявляют в отношении друг к другу... Именно в подражании заключено одно из главных искусств» («A philosophical inquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful», L., 1958, p. 49).

В Германии идею П. природе развивали *Баумгартен*, *Зульцер*, *Винкельман* и др. *Лессинг* ставит проблему границ и взаимоотношения различных видов иск-в как проблему специфики предмета и форм П. в живописи и поэзии. Вместе с тем он выступает против ограниченной классицистич. трактовки П. — «... или подражание природе не должно быть принципом искусства, или, если ему следуют, искусство перестает быть искусством...» (Избр. произв., М., 1953, с. 563) — и пытается дополнить принцип П. принципом воспроизведения природы. Идея П. в нем. эстетике 18 в. рассматривается по отношению не только к живописи и поэзии, но и к театру (см. J. Schlegel, *Von der Nachahmung*, 1745).

Принцип П. подвергается глубокой критике в эстетике нем. классицистич. идеализма. Кант, Фихте, Гегель отвергают концепцию иск-ва как П. природе. «Каждый согласится с тем, — писал Кант, — что гениальность вполне противоположна духу подражания» («Критика способности суждения», СПб, 1896, с. 180). *Шеллинг* считал, что не иск-во подражает природе, а, напротив, сама природа строится на тех же закономерностях, к-рые обнаруживаются в художеств. деятельности.

В рус. эстетич. лит-ре представление об иск-ве как «подражании естеству» развивали теоретики классицизма (Тредиаковский, *Карамзин*, Александровский, *Мерзляков* и др.). Согласно этим представлениям, П. природе врождено человек. натуре и различается по своей форме и средствам. Рус. революц.-демократич. эстетика подвергла критике П. природе «по идеалу» и выступила с обоснованием реалистич. принципа «воспроизведения» природы (см. Н. Г. Чернышевский, *О поэзии*. Соч. Аристотеля, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1949).

Марксистская эстетика, понимая иск-во как форму отражения действительности, рассматривает процесс художеств. отражения в связи с обществ.-историч. практикой, с творч. деятельностью человека «по законам красоты». С этой т. зр. концепции П., хотя и содержат в зародыше элементы диалектич. понимания художеств. отражения, в целом характерны для созерцат.-материалистич. взглядов на иск-во.

Лит.: Аристотель, *Поэтика*, М., 1957; Асмус В. Ф., Иск-во и действительность в эстетике Аристотеля, в сб.: Из истории эстетич. мысли древности и средневековья, М., 1961; История искусствознания, М., 1963; Schenker M., Charles Batteux und seine Nachahmungstheorie in Deutschland, Lpz., 1909; Landsberger F., Die Naturnachahmung in der italienischen Renaissance, «Zeitschrift für bildende Kunst», 1915, Bd 26; Panofsky E., «Idea», Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte der älteren Kunsttheorie, Lpz.—B., 1924; Serauky W., Die musikalische Nachahmungsästhetik in Zeitraum von 1700 bis 1850, Münster, 1929; Ullitz E., Geschichte der Ästhetik, B., 1932, S. 17—21; Gilbert K. E., Aesthetic imitation and imitators in Aristotle, «The Philosophical Review», 1936, v. 45; Verdenius W. J., Mimesis. Plato's doctrine of artistic imitation and its meaning to us, Leiden, 1949; Natha w a y B., The age of criticism. The late renaissance in Italia, Ithaca (N. Y.), [1962]; Tubach F. C., Die Naturnachahmungstheorie: Batteux und die Berliner Rationalisten, «Germanisch-romanische Monatsschrift», 1963, Bd 13, H. 3.

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ — в психологии термин для обозначения совокупности психич. процессов и состояний, лежащих вне сферы сознания и недоступных для непосредств. субъективного опыта. Термин «П.» (Unterbewußtsein) впервые появился в Philosophische Aphorismen Э. Платнера (1776). П. выступает часто как синоним *бессознательного*, причём сам этот терминологич. дуализм отражает двойств. трактовку П., обозначающего как св-ва психич. процессов,

так и сферу действия бессознат. явлений, особую область психич. аппарата (П. как психич. субстанция). Более спец. значение термин «П.» приобретает в рамках отд. филос. и психологич. теорий (Морган Принса, М. Дессуара, М. Шелера и др.). В физиологич. теориях П. отождествляется с физиологич. механизмами поведения; при этом обычно обращаются к простейшим формам П., в к-рых прослеживаются каузальные связи с биологич. процессами, и игнорируют более развитые психич. феномены П.

Зарождение общей идеи о П. восходит к учению Платона об анамнезе — познании-воспоминании, из к-рого непосредственно следовало представление о наличии в душе скрытых знаний, о к-рых сам человек может ничего не подозревать («Менон»). Идея П. довольно четко выражена у Августина (Исповедь, X. 8). Область воспоминаний он сравнивает с неограничим внутр. помещением, границ к-рого человек не в силах достичь. В ср. века представление о П. выступает в традициях платонизма и нередко в смутных мистифициров. формах в учениях мистич. толка, связывавших идею бога с глубиной человек. существа («царство божие внутри нас»). Х. Вивес первым в новое время указал на роль психич. ассоциаций как на способ открытия бессознательно воспринятых идей; позднее это было широко использовано романтизмом как основание для установления источника поэтич. интуиции (П. П. Рихтер, Герлер, Новалис), а также в системах Шопенгауэра и Ницше. Однако развитие подобных зачаточных представлений затормозилось в период господства картезианства, расчленившего сферы материи и духа и отождествившего последний с сознат. мышлением. В попытках преодоления картезианского дуализма П. начинают рассматривать как звено, соединяющее обе сферы. В системе Лейбница уже содержится четкое представление о роли П. в сфере восприятия и процесса познания. Обычные восприятия, по Лейбницу, представляют собой сумму бесчисленных малых бессознат. перцепций, наши осознанные представления — «острова, поднимающиеся из океана темных перцепций». Кант, продолжая эту линию, писал о существовании области восприятий и чувств, к-рых мы не осознаем, хотя и можем прийти к выводу об их существовании; это — «... т е м н ы е представления в человеке, число которых безгранично, тогда как ясные представления занимают бесконечно малое место. На огромной карте нашего духа существует как бы лишь несколько освещенных точек» («Антропология», см. Werke, Bd 7, V., 1907, S. 135). Развернутое учение о П. дал нем. философ и психолог Г. Карус, для к-рого П. — ключ к объяснению явлений сознания (см. С. G. Carus, Psycho, Pforzheim, 1846). У Каруса проступают уже черты своего рода культа П. Овладевшие силами П. мыслится как путь к освобождению человека. Высшим пунктом филос. идеалистич. интерпретации П. явилась система Э. Гартмана («Философия бессознательного», 1869, рус. пер., М., 1873—75), где бессознательное возводится в ранг универс. метафизич. принципа, соединяющего бессознат. волю с бессознат. идеями. Гартман насчитывает уже 26 аспектов П., охватывающих не только область духа, но и процессы органич. жизни. На основе концепции бессознательного Гартман «психологизирует» материю, приходя в конечном счете к панпсихизму.

Ф. Brentano (1874) и следовавший за ним Гуссерль начинают новую линию в интерпретации П., отождествляя его с интенциональным. Параллельно с этим возрастает роль П. в психологич. концепциях. Гербарт (1824) говорит о бессознат. «идеях», т. е. представлениях, «населения» П. активными психич. агентами, представляющими те или иные жизненные тенденции. Он вводит динамич. характеристику П.

Несовместимые идеи способны вступать в конфликт друг с другом, причем более слабые изгоняются из сознания. Изгнанные из сознания идеи, однако, не теряют своих динамич. св-в и продолжают активно воздействовать на сферу сознания. В принципе такую же позицию занимал и Ф. Бенеке, различавший потенциальные и актуальные состояния психики. Фехнер вводит понятие порога сознания и концепцию психич. энергии. Ему принадлежит известная метафора о душе как айсберге, большая часть к-рого скрыта под водой и к-рый управляется подводными течениями. К тому же направлению примыкают работы Гельмгольца о бессознат. мыслит. операциях (бессознат. заключение по аналогии). Вундт в ранних работах полагал, что психич. деятельность, как правило, вообще бессознательна и осознается лишь в связи с ее нарушениями благодаря сопоставлениям и конфликтам. Несмотря на большое число подобных работ, представления о П. оставались в психологии довольно неопределенными, поскольку не было установлено позитивное содержание понятия и определены давалось чисто негативно (отсутствие сознания), а резкое качеств. различие двух форм психич. деятельности не проводилось. Новый стимул в изучении П. дали работы в области психопатологии, где в целях терапии были разработаны специфич. методы воздействия на П. Первым методом такого рода явился гипноз, использование к-рого в медицине начинается в конце 18 в. с опытов Месмера, но на серьезной науч. основе этот метод стал применяться лишь в 19 в. франц. психиатрич. школой (Шарко, Либо, Бернхейма и др.). Работы Шарко в области истерии показали, что истерич. симптомы имеют часто психич. источник (самовнушение, истерич. мифология). Это также привело к выводу о существовании психич. деятельности патогенного характера, не осознаваемой пациентом и отличной от сознательной. С помощью техники гипноза, разработанной пансийской школой Бернхейма, стало возможно демонстрировать путем эффективных опытов воздействие П. на сознат. действия (особенно в опытах с постгипнотич. внушением). Исходя из этих представлений, Жане трактовал бессознательное как продукт слабости сознат. «Я», результат психич. диссоциации, наступающей при ослаблении координац. способности сознания, напр. в результате болезни. П. здесь выступало как продукт своего рода психич. деградации (П. Жане, Психич. автоматизм, Р., 1889, рус. пер., М., 1913). Значительно дальше Жане пошел в разработке теории П. Фрейд, первоначально также психодивингши из работ франц. психиатрич. школы. Фрейд прежде всего установил существование прямых связей между невротич. симптомами и воспоминаниями травматич. характера. Последние изгоняются из сознания под действием особого защитного механизма сознания, названного вытеснением. П. и есть та особая психич. область, все элементы к-рой пребывают в состоянии вытеснения. Если вытеснение не было полным, наступает частичное «возвращение вытесненного», результатом чего оказываются компромиссные образования — симптомы, следствие частичного прорыва П. в сферу сознания. Психич. нарушения рассматриваются как результат динамич. взаимодействия сознат. и бессознат. психич. сил, результат внутриспсихич. конфликта. Способ существования П. мыслится в духе гербартянской психологии идей или дискретных психич. единиц, наделенных различным количеством психич. энергии. Последняя в сфере П. легко перемещается на др. идеи или представления. Так, страх перед к.-л. внешним авторитетом преобразуется в фобию животных, играющую здесь роль замещающего представления (таково, по Фрейду, и происхождение тотемизма). Фрейд называет П. первичной психич.

реальностью в том смысле, что оно способно детерминировать сознат. поведение. В то же время по отношению к сознанию это нечто объективное, к-рое должно изучаться, как и др. явления внешнего мира. П. — сфера детерминации сознат. поведения, определяемого объективными силами, в конечном счете — биологич. потребностями индивида. Бессознат. идея, чтобы достигнуть сознат. уровня, должна быть вербализована. Поэтому невозможно воспоминание инфантильного опыта, имевшего место до развития языка. К собственно бессознательному относятся продукты вытеснения и инфантильный опыт, не поддающийся вербализации, как осн. форме осознания. Выявление бессознательного требует особых техник. Приемов (техника психоанализа) и связана с преодолением барьера сопротивления. Выдвинутая Фрейдом гипотеза о строении психич. аппарата (окончательно сформулированная в работе «Бессознательное», 1915) получила название «топографической», поскольку П. рассматривается в ней как некое внутриспсихич. пространство или «помещение». В дальнейшем в работах Фрейда 20-х гг. она претерпела серьезные изменения: как бессознательное стало рассматриваться не только вытесненное, но и сам процесс вытеснения, а также ряд др. психич. процессов (сублимация, регрессия, реактивное образование и др.). В этих условиях П. уже не могло рассматриваться как субстанция, а оставалось лишь как одно из качеств, присущих различным психич. процессам.

Послефрейдовские теории П. или развивали отд. стороны его учения, или противопоставлялись ему. Первая попытка радикального пересмотра этого учения принадлежит А. Адлеру, выдвинувшему принцип психич. компенсации, исходя из к-рого он пытался представить всю психич. деятельность как результат борьбы (на бессознат. уровне) «чувства неполноценности» и «воли к власти». Юнг полагал, что за личным бессознательным простирается более глубокий слой сверхличного или коллективного бессознательного. Первое способно усваиваться сознанием в процессе развития или «индивидуации»; напротив, второе чужеродно сознанию и может восприниматься лишь в форме образов-символов, или архетипов. Оно «демонично», т. е. способно врываться в сознание, затопляя его и вызывая психич. заболевания. Его типичные проявления — мифология и религ. символы, напр. ангелы, буддийская мандала, «царство света» гностиков, «небесная иерархия» и т. д., что придает ему определенно мистич. оттенок. С др. стороны, лидер неофрейдизма Фромм выдвинул концепцию социального бессознательного, связующего звена между социально-экономич. структурами общества и сознат. представлениями индивида. Социально бессознательное, по определению Фромма, есть область вытеснений, присущих большинству членов данного общества. Каждое общество определяет, каким мыслям и чувствам разрешено достигать сознат. уровня, а какие столь опасны для его функционирования, что должны подавляться. Наряду с этим Фромм допускает индивидуальное бессознательное, включающее материал, вытесненный в силу индивидуальной жизненной ситуации. Содержание бессознательного определяется только структурой общества, и никакие обобщения здесь невозможны. Так, у канибалов вытесняется отвращение к поеданию человек. мяса, идущее вразрез с установками племени. В крайне регрессивных обществах, напр. в фашистском, многие примитивные влечения осознаны, а все стремления подняться над животным уровнем подавлены. Подавление части человек. опыта определяет прац. аспекты данного общества. Те провалы в сознании, к-рые возникают при этом, заполняются формами ложного сознания или идеологии.

В конечном счете различия теорий Фрейда, Юнга и Фромма определяются различием их общечеловеческих филос. установок, взглядом на человек. природу, с к-рой учение о П. связывается самым тесным образом — т. е. биологич., метафизич. и социальной концепцией человека.

Лит.: Новые идеи в философии, сб. 15 — Бессознательное, СПб, 1914; Суханов С., Подсознательное и его патология, «Вопр. филос. и психол.», 1915, кн. 128, с. 362—77; Фрейд З., Бессознательное, в его сб.: Основные психологич. теории в психоанализе, М.—Л., 1923, с. 125—59; Miller J., Unconsciousness, N. Y., 1942; Brun J., La conscience et l'inconscient Textes choisis, [P., 1955]; Mac Intyre A., The unconscious. A conceptual analysis, L.—N. Y., 1938; Bellak L., The unconscious, «Annals of the New York Acad. of Sciences», 1959, v. 76, art. 4, p. 1066—81; Whyte L., The unconscious before Freud, N. Y., [1960]; Laplanche J., Leclair S., L'inconscient. Une étude psychanalytique, «Les Temps Modernes», 1961, v. 17, № 183, p. 81—129; Filloux J.-C., L'inconscient, P., 1961; Ehrenzweig A., Unconscious mental imagery in art and science, «Nature», 1962, v. 194, № 4833, p. 1008—12; Edel A., The concept of the unconscious: some analytic preliminaries, «Philosophy of Science», 1964, v. 31, № 1, p. 18—33; Martin M., The explanatory value of the unconscious, там же, v. 31, № 2, p. 122—32; Whallion R. E., Unconscious mental events, «Philosophy and Phenomenological Research», 1965, v. 25, № 3, p. 400—03.

ПОДШИВАЛОВ, Федор Иванович (1799 — г. смерти неизв.) — рус. крепостной, вольнодумец, заточенный в 1830 по приказу Николая I на 9 лет в Соловецкий монастырь, а затем сосланный в Сибирь. Автор антикрепостнич. рукописных соч. «Родословная» и «Новый свет и законы его», в к-рых отстаивал идею естеств. равенства: «все равны и подобны друг другу как братья родные» (ЦГАОР, Ф. III отд. 1 экзп., ед. кр. 55). Отсюда П. делал вывод о праве крепостных отвечать насилем на издевательство помещиков. Намеченные П. обществ. реформы включали отмену крепостного права (в необходимости к-рой П. надеялся убедить царя), равный раздел земли, уничтожение сословных привилегий, демократизацию права, армии и т. д. Не отвергая существования бога, П. не считал его, однако, единств. «столпом» существующего; такими «столпами» являются также «натура» (природа) и истина. П. отрицал божественность Иисуса Христа, высмеивал легенды о бессмертии души, потустороннем воздаянии и т. д. Считая высшим благом земную человек. жизнь, П. призывал «не верить больше Иисусу и его святым и матерям божьим, аду и раю и сатане, который изсушал род человеческий, ибо покудова человек не перестанет в них веровать, до тех пор и свободен быть не может телом и душой» (там же).

Лит.: Колчин М., Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв., М., 1908; Коган Л. А., Крепостной вольнодумец Ф. П., «ВФ», 1958, № 10.

ПОЗДНИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ — представители мистико-идеалистич. направления обществ. мысли России 2-й пол. 19 в. Группировались вокруг «Моск. ведомостей», «Рус. вестника», «Дня», «Рус. мира», «Зари». Гл. идеологи — Данилевский, К. Леонтьев и в 70—80-х гг. — Страхов. П. с. поддерживали политику самодержавия, отрицали возможность следования России по пути «европейской цивилизации», отстаивали тезис об «особых началах» рус. истории. Стремясь доказать «богоизбранность» России, считая ее чуждой «социальных распрей» и «революционизма», они утверждали, что только религ.-этич. начало (православие) и сильная императорская власть (самодержавие) являются залогом спасения России от «пагубного» влияния «гниющего Запада». П. с. отрицали принцип эволюции, выступали против идей франц. материалистов и рус. революц. демократов, критиковали Ламарка и Дарвина, Бекетова и Менделеева, Сеченова и Тимирязева. Преобладавший во взглядах П. с. тезис сочетался с элементами позитивизма и неокантианства. Идеи П. с. были подвергнуты резкой

критике Чернышевским, Писаревым, Салтыковым-Щедриным, К. Тимирязевым, Шелгуновым и др. представителями революц.-демократич. лагеря.

Лит.: Миллюков П., Разложение славянофильства, «Вопр. философии и психологии», 1893, кн. 3(18); Тимирязев К. А., Чарльз Дарвин и его учение, М., 1940, с. 150—93; Галактионов А., Никандров П., История рус. философии, М., 1961, с. 308—12; см. также лит. при ст. Данилевский, Леонтьев К., Страхов. П. Шкуринов. Москва.

ПОЗИТИВИЗМ (от лат. *positivus* — положительный) — филос. направление, исходящее из тезиса о том, что все подлинное, «положительное» (позитивное) знание может быть получено лишь как результат отд. спец. наук или их синтетического объединения и что философия как особая наука, претендующая на содержание исследования реальности, не имеет права на существование.

П. оформился в особое течение в 30-х гг. 19 в. и за свою более чем вековую историю эволюционировал в направлении все более четкого выявления и доведения до логич. конца присущих ему с самого начала принципиальных утверждений (что выразилось в его тенденции к субъективному идеализму), но в первых формах П., выраженных недостаточно последовательно и нередко заслонявшихся другими, противоречившими им положениями. «... Суть дела, — указывал Ленин, — состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, в н у т р и которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом» (Соч., т. 14, с. 192).

Развитие науки в новое время поставило перед зап. философией ряд таких проблем, на к-рые традиционная для Европы спекулятивная метафизика (т. е. философия) не в состоянии была ответить. Специфич. особенность философии нового времени состояла в приятии науки и науч. способа исследования в качестве идеального ориентира всякой познават. деятельности, в т. ч. и деятельности по исследованию традиционной философской метафизической проблематики. Двухсотлетние попытки зап.-европ. философии выработать такой филос. метод, к-рый вооружил бы науч. исследование адекватным сознанием его результатов и способов деятельности, завершились созданием Марксом и Энгельсом философии диалектич. материализма. Незадолго до появления марксизма с претензией на роль науч. философии выступил П.; создатель его — Конт провозгласил решит. разрыв с филос. традицией. Позитивистская философия Конта находится в определ. связи с философией франц. *Просвещения* 18 в. Вместе с просветителями Конт высказывает убеждение в способности науки к бесконечному развитию и в неограниченности действия науч. способа мышления, выступает против традиц. религии и метафизики. Вместе с тем контовский П. примыкает не к последовательно материалистич. ветви франц. *Просвещения*, а к его агностич., скептич. разновидности (*Тюрго* и *Д'Аламбер*).

Провал всех имевших место попыток «приспособить» метафизич. проблематику к духу научности позволяет, по Конту, сделать вывод, что наука не нуждается в какой-либо стоящей над ней философии. Это не исключает существования нек-рой общей науки, осуществляющей синтез науч. знания, за к-рой можно сохранить старое название «философии». В этой науке должна продолжаться та работа, к-рая совершается в спец. науках. Качеств. границы между подобной философией и отд. науками не существует. Философия сводится к общим выводам из естеств. и обществ. наук. Поскольку науч. философия, по Конту, не имеет дела с «метафизич.» проблемами, она отвергает как идеализм, так и материализм. Пережитки метафизики, к к-рым относятся претензии на раскрытие причин и сущностей, должны быть удалены из науки.

Поэтому следует признать, что наука не объясняет, а лишь описывает явления и отвечает не на вопрос «почему», а на вопрос «как». Последний тезис Конта имеет очевидный феноменалистский характер, и последовательное его развитие ведет к т. зр. субъективного идеализма Юма. Однако наряду с субъективно-идеалистич. тенденцией контовский П. все еще сохраняет мн. элементы естественно-науч. материализма, идущего от традиций *Просвещения*.

Дальнейшее развитие П.шло по линии все более четкого выявления его феноменалистич., субъективно-идеалистич. тенденций (см. Дж. С. Милль, *Спенсер*, *Лаверов*, *Михайловский*). Спенсер, используя в своих «синтетич.» обобщениях новые открытия естествознания 2-й пол. 19 в. и исследуя проблемы классификации наук, развивает агностич. учение о непознаваемости объективной реальности и утверждает мысль о проникновении в сущность реальности посредством религии, а не с помощью науки.

В конце 19 в. П. в своей первой «классической» форме (Конт, *Литтре*, *Вирубов*, П. Лафитт, *Тэн*, *Ренан* — во Франции; Дж. С. Милль, Спенсер — в Англии) переживает кризис, вызванный, во-первых, прогрессом естеств.-науч. знания, обесценившим многое из тех «синтетич.» обобщений, к-рые рассматривались самим П. как вечное и неоспоримое приобретение науки; во-вторых, коренной ломкой понятий в физике на рубеже 19 и 20 вв., а также интенсивным развитием психологич. исследований, заставлявшим предпринимать анализ тех самых «предельных» вопросов знания, к-рых всячески избегал П., и, наконец, в-третьих, неудачей всех попыток П. доказать объективную обоснованность предлагаемых им эthic. идеалов и системы ценностей в рамках механистич. и метафизич. социологии (ибо, сохранив позитивистский критерий научности, оказалось невозможным включить область ценностей в сферу науч. исследования, вывести «должное» из «сущего»). Все это заставляет снова поставить вопрос о месте философии в системе наук. П. вступает в новый этап — появляется *махизм* (эмпириокритицизм).

На стадии махизма П. продолжает сохранять определ. связь с реальными методологич. вопросами науки, весьма актуальными на рубеже 19—20 вв. в период революции в естествознании. (Так, *Мах* в «Механике» дал критику представлений *Ньютона* об абсолютности пространства и времени и пытался раскрыть логич. содержание понятий массы, системы отсчета и др.). В отличие от прежнего П., махизм формулирует задачу философии не как построение «синтетич.» системы, систематизирующей общие выводы всех наук, а как создание теории науч. познания; в этом он смыкается с линией отрицания метафизики, представленной *неокантианством*. В психологич. махизма в явной форме выступает связь его с субъективным идеализмом Беркли и Юма. В дальнейшем эти тенденции получают свое развитие в *неопозитивизме*, появившемся к-рого относится к 20-м гг. и к-рый является современим, третьим, этапом в эволюции П.

Первый и осн. вариант неопозитивистской философии — *логический позитивизм*, или логич. эмпиризм, разработанный «Венским кружком» (*Шлик*, *Карнап*, *Рейзенбах* и др.), выражает дальнейшее усиление негативизма по отношению к осн. филос. проблематике. Логич. П. заявляет, что предметом философии не может быть даже и теория познания, к-рая имеет все еще слишком метафизич. характер. Философия вообще не наука о какой бы то ни было реальности, а деятельность, заключающаяся в анализе естеств. и искусств. языков, преследующая две цели: 1) элиминировать из науки все не имеющие познават. смысла рассуждения и псевдопроблемы; 2) обеспечить в результате анализа построение идеальных логич. мо-

делей осмысленного рассуждения. Вопросы, озадачивающие метафизиков (т. е. по существу все традиц. филос. проблемы), относятся к числу псевдопроблем, лишены науч. смысла. В качестве идеального средства аналитич. филос. деятельности логич. П. принимает разработываемый в 20 в. аппарат *математической логики*, отказываясь от махистского биологизма и психологизма в истолковании познания. В концепции логич. П. задача полного размежевания метафизики от науки была поставлена в наиболее острой форме за всю историю П. Именно здесь доводится до логич. конца принятое П. положение, определяющее научность как описание эмпирич. данности. Будучи в этом смысле наиболее зрелым этапом позитивистской истории, логич. П. выдает тайну всякого П., и его крах означает крах П. вообще.

Между тем формулирование П. своих претензий в логически последовательной, строгой форме, достигнутое в философии логич. П., помогло убедительно продемонстрировать банкротство позитивистских принципов: невозможность осуществления редукции теоретич. уровня знания к эмпирическому, несостоятельность принципа верификации (см. *Верифицируемости принцип*) в качестве критерия осмысленности; невозможность резкой дихотомии аналитич. и синтетич. суждений и противопоставления научно осмысленных высказываний метафизическим. Несоосуществимость филос. программы, выдвинутой логич. П., теперь признана представителями совр. аналитической философии (см. *Философия анализа*), в т. ч. и его бывшими сторонниками. В наст. время логич. П. как самостоят. школа утратил серьезное влияние, будучи вытеснен (в 50-х гг.) др. направлениями неопозитивистской аналитич. философии: в США в основном логич. прагматизмом (*Куйлн*, М. Уайт, *Гудмен* и др.); в Англии — школой лингвистич. анализа (*Райл*, Дж. Уайсдом и др.). Подвергнув критике за метафизичность наиболее радикальную позитивистскую элиминацию всякой метафизики, сформулированную логич. П., новейшие направления аналитич. философии логически неизбежно приходят к частичной реабилитации метафизики, с к-рой столь упорно и безуспешно вел борьбу логич. П. Оставаясь в рамках П., совр. аналитич. философия отвергает его принцип верификации и более либерально относится к возможности метафизики классич. типа. Так, оксфордские «аналитики» заявляют, что все филос. школы и точки зрения оправданы в той мере, в какой они делают ясным некоторые из различий, не бывших ясными до них, и что не существует никакой границы для философствования и никакого единого истинного филос. метода. Т. о., в совр. аналитич. философии П. доходит до своего логич. конца, до той черты, за к-рой он начинает отрицать сам себя. (Социологич., этич. и эстетич. концепции П. см. соответственно в статьях *Социология*, *Этика* и *Эстетика*).

Лит.: Л [авров] П., Задачи П. и их решение, «Совр. обозрение», 1868, № 5, с. 117—54; Гёксли П. и совр. наука. Науч. сторона П., «Космос», 1869, втор. полуг., № 5, с. 75—108; Соловьев В. л., Кризис зап. философии. Против позитивистов, М., 1874; Лесевич В., Опыт критич. исследования оснований позитивной философии, СПб., 1877; Льюис Д. Г., История философии, 2 изд., СПб., 1892; Милль Д. С., Огюст Конт и П., М., 1897; Конт О., Общий обзор П., в сб.: Родоначальники П., вып. 4—5, СПб., 1912—13; Нарекий И. С., Очерки по истории П., М., 1960; T i s s a n d i e r J.-B., Origines et développement du positivisme contemporain, P., 1874; Laas E., Idealismus und Positivismus, Tl 1—3, B., 1879—84; Robinet [J.-F.-E.], La philosophie positive. A. Comte et P. Laffitte, P., 1881; Brütt M., Der Positivismus nach seiner ursprünglichen Fassung dargestellt und beurteilt, Hamb., 1889; Grüber H., Der Positivismus vom Tode August Comte's bis auf unsere Tage, Freiburg, 1891; Masaryk Th. C., Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, W., 1899; Schmekel A., Die positive Philosophie in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Bd 1—2, B., 1914—38; Schlick M., Positivismus

und Realismus, «Erkenntnis», 1932, Bd 3, H. 1; Dügg K., Der logische Positivismus, Bern, 1948; Fischl J., Materialismus und Positivismus der Gegenwart, Graz — [u. a.], [1953]; Passmore J., A hundred years of philosophy, L., [1957]; Heyde J. E., Entwertung der Kausalität. Für und wider den Positivismus, Stuttgart., 1957. См. также лит-ру при статьях: Конт, Милль, Спенсер, Авенариус, Мах, Эмпириокритицизм, Неопозитивизм, Логический позитивизм, Логическая философия. В. Лекторский. Москва.

ПОЗНЕР, Виктор Маркович (8 ноября 1877—31 марта 1957) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1935), профессор (с 1923). После окончания Петерб. ун-та (1903) активно участвовал в революц. движении. Член КПСС с февраля 1917. В 1917—19 — член коллегии Наркомпроса; с 1921 — ректор Рабоче-делканского коммунистич. ун-та в Ташкенте; в 1926—1931 — проф. Коммунистич. ун-та им. Свердлова, Саратовского ун-та, ИКП 2-го МГУ. В 1931—39 — зав. сектором истории философии в Ин-те философии АН СССР, с 1939—57 — редактор и старший науч. сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС. Подготовил к изданию филос. труды В. И. Ленина («Материализм и эмпириокритицизм», «Филос. тетради»), провел редакцию переводов ряда филос. работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Работал над вопросами истории марксистско-ленинской философии, а также отд. проблемами диалектич. материализма и истории философии.

Соч.: Век монизма, «Новая жизнь», 1912, № 6; Единая трудовая школа, М., 1918, Красная армия просвещения, М., 1919; Феноменализм и реализм в совр. естествознании, «Спутник коммуниста», 1922, № 18; Причинность и целесообразность в учении Спинозы, в кн.: Историко-филос. сб., М., 1925; О границах познания в филос. системе Канта, «Уч. зап. Саратовского ун-та», 1927, т. 6, вып. 3; Беседы по естествознанию, ч. 1, М.—Л., 1927, 2 изд., М.—Л., 1928; Гегель и естествознание, в сб.: Гегель и диалектич. материализм, М., 1932; Диалектич. материализм — философия пролетариата, М.—Л., 1933; Философия марксизма и социал-фашизм, «ПЗМ», 1933, № 3; Ленинский этап в развитии диалектич. материализма, «Фронт науки и техники», 1936, № 1; Философия Лейбница, там же, 1936, № 9; К вопросу о ленинском понимании истории философии как науки, «ПЗМ», 1937, № 11—12; Очерк диалектич. материализма (По кн. В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»), [М.], 1936, 2 изд., [М.], 1939]; Субъективный метод в социологии, БСЭ, т. 53, М., 1946; О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», М., 1948; Формирование теоретич. основ «Коммунистического манифеста» в ранних работах Маркса, «ИАН СССР. Серия истории и философии», 1948, т. 5, № 6; Ленин о филос. и физич. понятии материи, «Наука и жизнь», 1949, № 1; Материальность мира и закономерности его развития, в сб.: Вопросы диалектич. материализма, М., 1951.

ПОКОЙ — состояние, являющееся антиподом движения. В зависимости от содержания, вкладываемого в термин «движение», П. может пониматься либо в узком смысле слова, как неподвижность в пространстве (если движение трактуется как механич. перемещение), либо в широком смысле, как неизменность вообще — если движение трактуется как изменение вообще. В последнем случае к понятию П. близки по содержанию такие понятия, как постоянство, устойчивость, сохранение. В *древнегреческой философии* состояние П., считавшееся (в отличие от движения) само собой понятным и не требующим объяснения, выступало (для большинства древнегреч. философов) как атрибут, к-рому по сравнению с атрибутом движения приписывалась более существ. роль. Это проявлялось и в онтологич. плане (проблема вечного и качественно неизменного первоначала у милетцев, вечность и неизменность идей у Платона и атомов у Демокрита, неподвижность аристотелевского перво-двигателя), и в морально-этическом (*атараксия*), и в логическом (требование объяснить движение с помощью П. в апориях Зенона *Элейского*). По мере развития философии и науки привилегированный статус П. по сравнению с движением постепенно утрачивался, а сама проблема «движение — П.» все более концентрировалась в рамках механики, отпочковываясь от тесно связанных с ней проблем единого и многого, тождества и различия, общего и единичного, непрерывного и дискретного, бесконечного и конеч-

ного. Уже у Декарта движение и П. онтологически равноправны как качества. Галилеевский принцип относительности фиксирует равноправие состояний П. и равномерного прямолинейного движения более четко, открывая путь для трактовки П. и движения не как характеристик тела, а как характеристик отношения тела к др. телам. Матем. аппарат ньютоновской механики (дифференциальное исчисление), специально созданный для решения задач, связанных с механич. перемещением, доставил средства, позволяющие переходить от описания состояния П. к описанию состояния движения и обратно в обход логич. трудностей, зафиксированных в апориях Зенона, и подготовил условия для придания понятию движения логич. первичности по сравнению с понятием П., а движению — онтологич. первичности по сравнению с П. Это было затем зафиксировано в известном положении диалектики об абсолютности движения и относительности П. Если считать состояние движения первичным, то П. как характеристика отношения между телами легко объясняется с помощью движения: два тела покоятся друг относительно друга, если они одинаковым образом движутся относительно некоего третьего тела, выступающего в роли *системы отсчета*. Понимание П. и движения как характеристик отношения материальных объектов к некой системе отсчета сохраняется и в совр. физич. теориях (спец. и общей относительности теории, механики квантовой, квантовой теории поля), филос. проблемы к-рых, связанные с понятием П., группируются вокруг уже отмеченных выше понятий устойчивости, сохранения инвариантности.

Лит.: Энгельс Ф., *Диалектика природы*, М., 1964, с. 70, 213; Аристотель, *Физика*, М., 1937, с. 52, 120—23, 131, 141—43, 168, 172—75; Гегель Г., *Соч.*, т. 2, М.—Л., 1934, с. 64—65, т. 6, М.—Л., 1939, с. 171—80; Декарт Р., *Избр. произв.*, М., [1950], с. 199, 477, 479, 497; Локк Дж., *Избр. филос. произв.*, т. 1, М., 1960, с. 153, 155, 160, т. 2, М., 1960, с. 469; Григорьев А. Т., *Зубов В. П.*, *Очерки развития основных понятий механики*, М., 1962, с. 19—59; Кант И., *Соч.*, т. 1—2, М., 1963—64 (см. предм. указат.); Гоббс Т., *Избр. произв.*, т. 1, М., 1964 (см. предм. указат.).

И. Алексеев. Новосибирск.

ПОКРОВСКИЙ, Михаил Николаевич [17 (29) авг. 1868 — 10 апр. 1932] — сов. историк и социолог, парт. и гос. деятель, академик (с 1929). В 1891 окончил историко-филологич. фак-т Моск. ун-та. В 90-х — нач. 900-х гг. — преподаватель русской истории в женских средних уч. заведениях и на педагогич. курсах в Москве. В 1903—04 примыкал к бурж.-либеральному движению «освобожденцев». В апр. 1905 вступил в партию большевиков. В 1906—07 — член Моск. комитета большевиков, делегат V съезда РСДРП, избравшего его членом ЦК. В 1908—17 — в эмиграции, занимался лит. и политич. деятельностью. В 1909—11 примыкал к группе «Вперед». Участник Октябрьской революции 1917 в Москве, пред. Моск. совета с ноября 1917 по март 1918. Во время брестских переговоров входил в группу «левых коммунистов» — противников подписания мирного договора. С 1918 и до конца жизни работал зам. нар. комиссара просвещения РСФСР. Оценивая деятельность П. на этом посту, В. И. Ленин называл его «...обязательным советником (и руководителем) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще» (*Соч.*, т. 32, с. 102—103). П. возглавлял науч. учреждения и занимал посты: пред. Президиума Социалистической (с 1924 Коммунистической) академии, директор Ин-та истории Коммунистической академии (с 1929), ректор Ин-та красной профессуры (с 1921); ответств. редактор журн. «Красный архив» (с 1925), «Историк-марксист» (с 1930), «Борьба классов» (с 1931). Делегат ряда съездов Коммунистич. партии и съездов Советов СССР и РСФСР, неоднократно избирался членом ЦИК СССР

и ВЦИК, в 1930 избран членом Президиума ЦКК ВКП(б).

Труды П. отражают сложный путь развития его филос. и социологич. взглядов от идеализма к марксизму-ленинизму. Мировоззрение молодого П. сложилось в духе *позитивизма* под влиянием учителей П. — П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского. Это позитивистское направление проявилось в работах П. 90-х — нач. 900-х гг. Вместе с тем в произведениях П. конца 90-х гг. уже видно влияние марксизма, к-рый был воспринят им тогда в духе «легального марксизма» как «экономический материализм».

Революция 1905—07, активная деятельность в партии большевиков помогли П. перейти на позиции марксизма. Еще в 1904 в большой статье в моск. легальном марксистском журн. «Правда» он критически разобрал только что изданную в рус. переводе книгу Риккертса «Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки». В др. статье, опубликованной там же, он подверг критике «Курс рус. истории» (ч. 1) Ключевского за эклектизм его методологии и бурж.-идеалистич. понимание взаимоотношения политич. и экономич. факторов. Однако на этих статьях П. сказалось влияние *эмпириокритицизма*, поскольку идейным руководителем журн. «Правда» был *Боданов*, к-рый как раз в эти годы начал отходить от филос. позиций марксизма. В 1906 в брошюре «Экономич. материализм» (посл. изд., [X.], 1924) П. излагал «революционный исторический материализм, в отличие от мирного, эволюционного экономизма многих буржуазных писателей» (указ. соч., с. 4) и критиковал историков-идеалистов, указывая на решающее значение классовой борьбы в обществе.

В период после поражения революции 1905—07 до 1-й мировой войны П. создал свои наиболее известные марксистские труды по рус. истории. Статьи П., печатавшиеся в 1907—11 в 9-томной «Истории России в XIX веке», были первой в рус. историч. лит-ре попыткой (после отд. принципиальных методологич. положений Маркса, Энгельса и Ленина) показать некоторые аспекты внешней политики царского пр-ва как политики, определяемой внутр. интересами господствующего класса. Однако классовый характер внешней политики определялся П. несколько схематично, без должного конкретно-историч. рассмотрения определивших ее условий. «Рус. история с древнейших времен» П. (т. 1—5, М., 1910—13; посл. изд., т. 1—4, М., 1933—34) была первым систематич. науч. изложением истории России с материалистич. т. зр. Труд П. был направлен против наиболее популярного в бурж. историографии «Курса рус. истории» Ключевского (ч. 1—5, М., 1904—21). На большом материале П. показал, что историч. развитие России прошло, хотя и с особенностями, через те же этапы, что и развитие др. стран Европы. П. последовательно раскрыл политику господствующих классов России — помещиков, кулаков, капиталистов. Работы П. 1907—14 свидетельствуют, что П. выступал в них как талантливый историк-марксист, при этом каждая из названных работ показывает все большее овладение автором марксистской методологией. Их недостатки объясняются гл. обр. влиянием не изжитых до конца идей «легального марксизма», а также исключит. сложностью создания первых обобщающих марксистских трудов, всесторонне освещающих историю России, ее своеобразие.

После Октябрьской революции 1917 П. была сделана попытка создать краткую общую марксистскую историю России. В 1920 вышла его книга «Русская история в самом сжатом очерке» (ч. 1—3, М., 1920—23, 5 изд., посмертно, ч. 1—3, [М.], 1934), освещающая историю России до 2-й пол. 19 в. В ней П., стремясь

показать постоянную революц. борьбу трудящихся масс против угнетателей, рассматривал рус. историю как историю последоват. революций, начиная с «киевских революций XI — XII веков». Книга была высоко оценена В. И. Лениным, к-рый в своем письме к П. поздравил его с успехом: «...чрезвычайно понравилась мне Ваша книга: „Русская история в самом сжатом очерке“. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по моему, перевести на европейские языки» (Соч., т. 36, с. 488).

Особое значение имели работы П., посвященные борьбе с бурж. историографией. В них он показывал классовую сущность бурж.-дворянской историч. лит-ры, подчиненность концепций бурж.-дворянских историков интересам эксплуататорских классов: «...История, писавшаяся этими господами, — говорил П., — ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет» [«Вестн. Коммунистич. акад.», 1928, кн. 26 (2), с. 5—6]. В ряде случаев П. первым выступал против современных ему немарксистских историч. работ: *Милюкова* и др. В своих трудах «Русская история с древнейших времен» и «Очерки истории русской культуры» (1-я часть вышла в 1915) П. изложил свою концепцию истории России, стремясь показать прежде всего роль экономич. фактора в обществ. жизни. Но влияние экономики понималось П. неск. упрощенно: «экономическая действительность командовала людьми». В развитии экономики П. превеличивал значение торговли, отсюда — его утверждение об установлении в России 17 в. «торгового капитализма», имевшего «громадное влияние на внешнюю и внутреннюю политику» пр-ва. В 1922—25 П. в ряде статей, в частности в очерке «Окт. революция в изображении современников» (опубл. в журн. «Историк-марксист», 1927, т. 5), раскрыл извращение Троцким истории Октябрьской революции.

Много сил П. отдавал тому, чтобы историч. наука служила идеол. оружием партии. Однако в его методол. взглядах чувствовалось упрощенное понимание марксистского учения о единстве объективной закономерности развития общества и принципа партийности. По работам П. «Ленин и Маркс как историки» («Правда», 1926, 22 апр., № 92), «Ленинизм и рус. история» [«Пролетарская революция», 1929, № 11(84)], «Ленин и история» (X., 1931) и др. видно, как настойчиво изучал он марксистскую философию и взгляды Маркса и Ленина на историю. В конце 20-х — нач. 30-х гг. он признал ошибки своих прежних работ; вместе с общим развитием сов. историч. науки он совершенствовал свои взгляды как на отд. историч. события, так и на общее развитие рус. истории.

В сов. историографии имели место различные суждения об идейно-методол. принципах историч. трудов П. В 20-х — нач. 30-х гг., наряду с признанием действит. заслуг П., имело место преувеличение значения его произведений, бывших вполне марксистскими уже в конце 90-х, а тем более в 900-х гг. В обстановке культа личности Сталина произведения П. неправильно рассматривались как антимарксистские и антиленинские (см. сб.: Против исторической концепции М. Н. П., ч. 1, М. — Л., 1939; Против антимарксистской концепции М. Н. П., ч. 2, М. — Л., 1940); П. обвинялся в ликвидации истории как науки, ему неосновательно приписывали взгляды на марксистско-ленинскую историческую науку как на «политику, опрокинутую в прошлое». Науч.-объективное историографич. изучение трудов П. началось в 60-х гг.

Соч.: Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. ст., М., 1923; Очерки рус. революц. движения XIX и XX вв., М., 1924; Окт. революция 1917—1927. Сб. ст., [М.], 1929; Империалистич. война. Сб. ст., 2 изд., [М.], 1931; Историч. наука и борьба классов, вып. 1—2, М. — Л., 1933; Избр. соч., кн. 1—2, М., 1965—66 (изд. продолжается).

Лит.: Ленин В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 11, с. 177, т. 19, с. 317—18; т. 35, с. 418—19; На босвом посту марксизма, М., 1929; Памяти М. Н. П., М., 1932; Дубровский С. М., Академик М. Н. П. и его роль в развитии сов. историч. науки, «Вопр. истории», 1962, № 8; его же, М. Н. П. и его роль в марксистской разработке истории России, в кн.: Очерки истории историч. науки в СССР, [т.] 3, М., 1963, гл. 3; Найденов М. Е., М. Н. П. и его место в сов. историографии, «История СССР», 1962, № 3; Соколов О., Об историч. взглядах М. Н. П., «Коммунист», 1962, № 4; его же, В. И. Ленин и формирование большевистских взглядов М. Н. П., «Вопр. истории», 1963, № 8; Лудкин Е. А., Развитие историч. концепции М. Н. П., в сб.: История и историки. Историография истории СССР, М., 1965; Библиография П. см. в журн. «Историк-марксист», 1932, № 1—2.

Е. Луцкий. Москва.

ПОЛЕ ФИЗИЧЕСКОЕ — одно из осн. понятий физики, возникшее во 2-й пол. 17 в. [хотя термин «П. ф.» был введен в физику значительно позднее англ. физиком Дж. К. Максвеллом; в математике появление термина «поле» связано с работой англ. математика У. Р. Гамильтона «О кватернионах» (W. R. Hamilton, Lectures on quaternions, Dublin, 1853)]. С этого времени понятие П. ф. неоднократно изменяло свой смысл, сохранив, однако, на всех этапах этого изменения тесную связь с понятием пространства, выражающуюся в использовании понятия П. ф. для характеристики пространственно непрерывного распределения физич. величин. Представления совр. физики о П. ф. разветвляются по двум существенно различным линиям — классической и квантовой.

Классическая линия развития понятия П. ф. Эта линия начинается с установления Ньютоном закона всемирного тяготения (1687), который позволил вычислять П. ф. сил тяготения. Она продолжается в гидродинамич. работах Эйлера (50-е гг. 18 в.), рассматривавшего распределение скоростей в пространстве, заполненном движущейся идеальной жидкостью (поле скоростей). Наибольшие заслуги в становлении понятия П. ф. принадлежат англ. физику М. Фарадею (30-е гг. 19 в.), детально разработавшему понятие о силовых линиях П. ф. Классич. линия развития понятия П. ф. разветвляется на две. Главная ветвь связана с изучением П. ф. электрических и магнитных сил (закон Кулона, 1785), к-рые считались сначала независимыми, но благодаря работам дат. физика Х. Эрстеда (1821), франц. физика А. Ампера (1826) и Фарадея (1831) они стали рассматриваться совместно — как компоненты единого электромагнитного П. ф. В этот период смысл понятия П. ф. зависел от представлений о природе действия сил. В концепции дальнего действия, восходящей к Ньютону, понятие П. ф. играло вспомогат. роль, оно служило лишь сокращенным обозначением области пустого пространства, в к-ром могут проявиться далекодействующие силы. Зная потенциал П. ф., можно было вычислить в каждой точке пространства силу, действующую на помещенное туда тело, не обращаясь к закону взаимодействия тел. Носителями атрибутов физич. реальности (массы, энергии, импульса, заряда, силы) в этой концепции были тела, взаимодействующие на расстоянии без помощи к.-л. посредствующих агентов. При отсутствии хотя бы одного из взаимодействовавших тел отсутствовали и силы, т. е. П. ф. не имело самостоят. существования. В концепции ближнего действия, берущей начало от Декарта, взаимодействие осуществлялось посредством изменения состояния промежуточной среды — эфира, заполняющего все пространство. Носителями энергии в этой концепции были не только взаимодейств. тела, но и окружающий их эфир, так что наряду с полем сил можно было говорить о поле энергии. При этом как в механ. теориях, объяснявших возникновение сил механ. перемещением и упругим натяжением эфира, так и в чисто электромагнитных теориях, оставлявших эфир неподвижным и недеформируемым, П. ф. было по-прежнему лишено самостоят. существования. Будучи харак-

теристикой изменения состояния эфира — *субстанции*, обладавшей первичной реальностью, П. ф. имело онтологич. статус его *атрибута*, т. е. обладало только вторичной реальностью. Изменение это вызывалось дискретными источниками П. ф. — токами и зарядами, так что П. ф., неразрывно связанное с ними, в свободном от источников П. ф. эфире не существовало. Следующий шаг в развитии классич. понятия П. ф. связан с достижениями теории свободного динамич. электромагнитного П. ф. (электромагнитных волн, частным случаем к-рых является свет), к-рое, будучи создано, может существовать вне зависимости от породивших его источников (Максвелл, 1864; Герц, 1888). Благодаря этому стало возможным приписать П. ф. импульс. Однако поскольку эфир продолжал выполнять функцию материального носителя и для динамич. П. ф., последнее по-прежнему было лишено самостоят. существования, так что импульс П. ф. (равно как и его энергия) фактически был характеристикой не П. ф., а эфира. Вследствие этого выражение «энергия поля» следовало понимать не в его буквальном смысле, а как «поле энергии». Классич. теория электромагнитного П. ф. была завершена работами А. Эйнштейна по спец. *относительности теории* (1905). Лишение эфира функции быть абс. системой отсчета создало возможность для приписывания П. ф. самостоят. существования. Хотя такое решение и не диктовалось необходимостью, оно все же было принято большинством физиков. Превратившись из состояния материальной субстанции (эфира) в самостоят. материальную субстанцию, электромагнитное П. ф. разделило с веществом функции носителя энергии, импульса и массы. Энергия и импульс продолжают оставаться характеристиками движения. [Иногда статус материальной субстанции приписывают не П. ф., а энергии. Тем самым движение (энергия) (см. Ф. Энгельс, Дialeктика природы, 1964, с. 45, 78, 168) превращается из атрибута в субстанцию. В этом случае П. ф. по-прежнему не имеет самостоят. существования, а служит характеристикой непрерывного распределения энергии в пространстве, что опять делает более правильным выражение «поле энергии», а не «энергия поля». Направление, приписывающее энергии статус субстанции, иногда отождествляется с *энергетизмом*.]

Вторая ветвь классич. линии развития понятия П. ф. связана с достижениями в области теоретич. исследования П. ф. сил тяготения (гравитационного П. ф.). Начиная с Ньютона и вплоть до работ Эйнштейна по общей теории относительности (10-е гг. 20 в.) тяготение трактовалось на основе представления о дальнедействующих силах и не поддавалось включению в рамки концепции близкодействия. Опираясь на факт равенства инертной и тяжелой массы, Эйнштейн сформулировал релятивистскую теорию гравитац. П. ф., в к-рой как гравитационное П. ф., так и геометр. св-ва пространства описываются одной и той же величиной. Это позволяет сделать новый шаг в развитии понятия П. ф. по сравнению с тем, что было достигнуто в классич. релятивистской теории электромагнетизма. Спец. теория относительности впервые вскрыла фундаментальную роль электромагнитного П. ф. в установлении метрических характеристик *пространства и времени*, зависящих, как оказалось, от скорости света. Но в ней пространственно-временной *континуум* по-прежнему оставался независимым элементом физич. реальности, служа лишь ареной взаимодействия П. ф. и вещества. Его можно было рассматривать как нечто абсолютное, ибо П. ф. и вещество существовали в пространстве — времени. В общей теории относительности пространственно-временной аспект реальности полностью выражается гравитац. П. ф., зависящим от четырех координат-параметров (три пространственных и одна временная). «...Он есть свойство этого поля.

Если мы представим себе, что поле удалено, то не останется и „пространства“, т. к. пространство не имеет независимого существования» (Эйнштейн А., Сущность теории относительности, М., 1955, с. 147). То же самое, очевидно, можно сказать и о времени.

Наличие в классич. физике двух видов физич. реальности, коренным образом различающихся по своей пространственной структуре (П. ф. и вещества), а также двух качественно различных типов П. ф. (электромагнитного и гравитационного) породило многочисл. попытки построить последовательную единую теорию П. ф., в к-рой гравитация и электромагнетизм, с одной стороны, должны быть не логически разобщенными видами П. ф., а различными аспектами одного, единого П. ф.; с др. стороны, частицы вещества должны трактоваться в ней как особые области П. ф., так что П. ф. и его источники, трактуемые как особые точки (сингулярности) П. ф., были бы единств. средством описания физич. реальности. Однако отсутствие успехов в последоват. и убедит. выполнении такой программы породило сильный скептицизм по отношению к ней, так что в наст. время она имеет не много сторонников.

Квантовая линия развития понятия П. ф. Эта линия, продолжающаяся и в наст. время, возникла в связи с потребностью интерпретировать результаты опытов по изучению фотоэффекта. Вплоть до работ Л. де Бройля (1924) представление о свете как потоке пространственно-дискретных частиц (фотонов), введенное Эйнштейном в 1905 для объяснения этих опытов, казалось несовместимым с классич. представлением о свете как пространственно непрерывном П. ф. Де Бройль предполагал, что с каждой частицей (а не только с фотоном) связано волновое П. ф. Корпускулярно-волновой дуализм стал существенной чертой и в релятивистской квантовой механике. Однако ψ -поле в ней не так прямолинейно онтологизируется, как у де Бройля и развивавших его идеи Э. Шрёдингера (1926, 1952) и Д. Боме (1952). Согласно копенгагенской интерпретации квантовой механики, разделяемой в наст. время подавляющим большинством ученых, ψ -поле представляет собой т. н. поле вероятностей (см. *Микрочастицы*). В релятивистской квантовой теории на совр. этапе ее развития квантовая теория волновых П. ф. является единств. способом описания элементарных частиц и их взаимодействий. В ее рамках понятие П. ф. претерпевает дальнейшее развитие. Благодаря волновым св-вам любых элементарных частиц и квантовым (корпускулярным) св-вам всех П. ф., каждое П. ф. (в прежнем, классич. смысле) является в то же время коллективом частиц, а каждый набор частиц (в прежнем, классич. понимании) представляет собой П. ф. Т. о., релятивистская квантовая теория на новой основе возвращается к онтологизации корпускулярно-волнового дуализма, трактуя ψ -поле Шрёдингера как классич. П. ф. материи (см. Э. Хенли и В. Тирринг, Элементарная квантовая теория поля, М., 1963, с. 19). Существенно, что онтологич. равноправие частиц и П. ф. имеет место лишь при учете т. н. виртуальных частиц. Если же учитывать только реальные частицы, то П. ф. оказывается онтологически более существенным, ибо оно имеет вакуумное состояние, в к-ром отсутствуют реальные частицы (но имеется неопределенное переменное количество виртуальных частиц, существование к-рых проявляется во флуктуациях вакуумного состояния П. ф.). Нередко проводят различия между П. ф. частичек и *взаимодействием* и П. ф. *частичек-переносчиков взаимодействия*. Это связано с трактовкой взаимодействия между частицами-источниками как обмена виртуальными квантами П. ф., служащего переносчиком взаимодействия. При достаточной интенсивности взаимодействия (мерой интенсивности служит энергия) виртуальные кванты могут превращаться в реальные, давая начало существованию т. н. свободных П. ф. Свободные П. ф., описывающие состояние частиц до и после взаимодействия, не являются наблюдаемыми, ибо наблюдение в

квантовой механике неотъемлемо от взаимодействия. Последнее же, с т. зр. квантовой теории П. ф., есть не что иное, как превращение одного определ. состояния П. ф. (совокупности частиц) в другое. Взаимодействие П. ф. обычно интерпретируют на основании представления о поглощении и испускании частиц. Эти частицы могут быть как реальными, так и виртуальными. У виртуальных частиц энергия и импульс подчиняются законам сохранения лишь с точностью до *неопределенностей соотношения*, поэтому на малых расстояниях может происходить обмен очень большим количеством виртуальных частиц. Это приводит к тому, что при наличии взаимодействий теряется отмеченная выше простая связь между частицами и П. ф. Взаимодействующие частицы (а также одна реальная частица, в отсутствие других взаимодействующая с вакуумом, а также со своим собств. П. ф., источником к-рого она сама является) окружены облаком виртуальных частиц. Строго говоря, с реальной частицей нельзя больше сопоставлять одно отд. П. ф. Др. словам, в ее образ входят в той или иной мере П. ф. всех др. элементарных частиц.

Осп. трудности совр. квантовой теории П. ф. заключаются в отсутствии методов точного решения уравнений взаимодействующих П. ф. В квантовой электродинамике (теории взаимодействия электромагнитного и электронно-позитронного П. ф.) приближительное решение таких уравнений облегчается малостью силы взаимодействия, что позволяет использовать упрощенную *модель* взаимодействия (теорию возмущений). В теории же сильных взаимодействий, где квантовая теория П. ф. представляет собой лишь схему, до сих пор не решено строго ни одной задачи без предположения о малости взаимодействия.

Необходимость привлечения всех П. ф. (в т. ч. и гравитационного, к к-рому также применим квантовый подход) для точного описания взаимодействий элементарных частиц породила стремление построить единую квантовую теорию П. ф., к-рая не брала бы из опыта весь спектр масс и спинов элементарных частиц, а получила бы его автоматически. Наиболее известная попытка в этом направлении принадлежит *Гейзенбергу* (теория единого нелинейного спинорного П. ф. — «шрамагерии»), к-рая, однако, пока не принесла ощутимых физич. результатов. Упомянутые трудности квантовой теории П. ф. вызвали к жизни идею заменить попытки решения уравнений для операторов П. ф. построением такой системы уравнений, к-рая бы опиралась только на общие св-ва матрицы рассеяния (*S*-матрицы), непосредственно связывающей состояние свободного П. ф. до и после взаимодействия и не претендовала бы на детальное пространственно-временное описание процессов взаимодействия. На этом пути в наст. время нек-рыми учеными выдвигаются радикальные требования вообще отказаться от применения понятия П. ф. Это делается на основании допущения, что понятие пространственно-временного континуума не имеет физич. смысла в совр. микрофизике и по своему статусу похоже на понятие эфира в физике 19 в. (см. G. F. Chew, *The dubious role of space-time continuum in microscopic physics*, в журн.: «Science Progress», 1963, v. 51, № 204, p. 529). При этом отказ от использования пространственно-временных представлений (и вместе с ним представления о П. ф.) в микрофизике, разумеется, никоим образом не означает отказа от использования их в макрофизике (см. там же и E. I. Zimmerman, *The macroscopic nature of space-time*, в журн.: «American Journal of Physics», 1962, v. 30, p. 97). Однако большинство ученых по-прежнему считает необходимым использовать понятие П. ф. (а вместе с ним, естественно, и пространственно-временное представление) в качестве онтологич. основы для описания взаимодействия элементарных частиц.

На этом пути в теории П. ф. возникает, в частности, интересная идея о существовании в природе т. н. *к о м п е н с и р у ю щ и х* П. ф., каждое из к-рых ответственно за сохранение той или иной фундаментальной физич. величины при взаимодействиях.

Комплексе методологич. проблем, возникающих в связи с совр. представлениями о П. ф., чрезвычайно многогранен. Он включает проблему *интерпретации* крайне абстрактного математич. аппарата совр. теории П. ф. (в частности, сюда относится вопрос об онтологич. статусе виртуальных частиц) и проблему приема описания взаимодействия (гамильтонов формализм или *S*-матрица?). Последняя проблема аналогична старой проблеме выражения движения в логике понятий, зафиксированной в афоризме *Зенона Элейского*: как описывать взаимодействие — через его результаты (*S*-матрица) или через его пространственно-временное протекание (гамильтонов формализм). Сюда же относится и проблема адекватности описания взаимодействия на основе отд. представлений о П. ф. и о его источнике, поставленная *Паули* еще в 30-х гг. Дискуссии по всем этим и многим др. методологич. проблемам теории П. ф. продолжают и еще далеки от своего завершения.

Лит.: Максвелл Д. К., Избр. соч. по теории электромагнитного поля, пер. [с англ.], М., 1954; Эйнштейн А., Инфельд Л., Эволюция физики, пер. с англ., 2 изд., М., 1956; О в ч и н н и к о в Н. Ф., Понятие массы и энергии в их истории, развития и филос. значения, М., 1957, с. 177; Марков М. А., Гипероны и К-мезоны, М., 1958; е г о ж е, О совр. форме атомизма, «ВФ», 1960, № 3, 4; Штейнман Р. Я., Пространство и время, М., 1962, с. 68, 143; Кузнецов Б. Г., Развитие физич. идей от Галилея до Эйнштейна в свете совр. науки, М., 1963, тт. 2, 3, 4; W h i t t a k e r E., The history of the theories of aether and electricity. The classical theories, L.—[a. o.], 1931. *И. Алексеев.* Новосибирск.

ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ — социальное исследование, специфика к-рого в непосредств. и всестороннем изучении отд. объекта или ограниченного числа объектов в реальных социальных условиях. В этом смысле П. и. отличается от лабораторного (напр., социально-психологич. эксперимента) или массового социального обследования (напр., *опроса*).

Разновидности П. и. а) Полевой (или естеств.) эксперимент (экономич., социологич., психологич., педагогич. и др.), в котором проверяются в естеств. условиях заранее выдвинутые гипотезы. Напр., в экономич. эксперименте опробуются различные способы материального и иного стимулирования работников. **б)** Монографич. П. и. — изучение нек-рого социального объекта (напр., производств. коллектива или гор. поселения, этнографич. группы) с целью всестороннего и непосредств. анализа его деятельности. Монографич. П. и. предпринимается либо для уточнения задач, программы, гипотез и методик предстоящего массового обследования; либо для углубления информации, полученной из массового обследования; либо для самостоят. исследования объекта. П. и. может рассматриваться и как метод сбора первичной информации в массовом обследовании путем прямого наблюдения и интервью. В этом случае обычно применяют термин «полевая стадия» или «полевой этап» сбора информации.

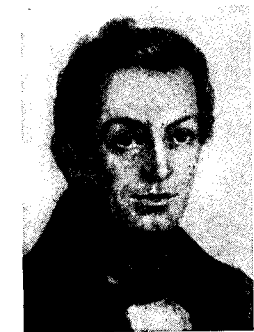
Особенности П. и. Полевой эксперимент, в отличие от лабораторного, устраняет искусственность ситуации, но затрудняет выявление «чистого» эффекта экспериментальных факторов. Поэтому наиболее разумно (там, где это возможно) сопоставление данных лабораторного и полевого экспериментов. Монографич. П. и., в отличие от массового обследования, позволяет всесторонне изучить объективные и субъективные факторы по программе исследования; не предъявляет столь жестких требований к самой программе и методам сбора материала, т. е. дает возможность гибко менять программу в зависимости от поступле-

ния новых данных; позволяет использовать максимальный диапазон всех методов сбора информации (документы, наблюдения и опросы всех типов). Благодаря этим особенностям П. и. этого типа наиболее удобно на первых стадиях исследования более широкого плана.

Наибольшую трудность представляет оценка *репрезентативности* объекта П. и. Репрезентативность полевого эксперимента обычно проверяется серией контрольных экспериментов, проводимых в идентичных условиях. Монографич. П. и. требует выбора типич. объекта, т. е. наиболее распространенного в данном классе явлений, либо исключит. (немассовидного) объекта, представляющего особый интерес. В этих случаях объект может либо выражать передовые или негативные тенденции изучаемого массовидного явления, либо представлять специфику (этнографич., лингвистич., психологич., социологич. и др.) интерес.

Лит.: Социология в СССР, т. 1—2, М., 1965; Experiments in social process. A symposium on social psychology, ed. by J. G. Miller, N. Y.—[a. o.], 1950, ch. 5; K e n d a l l P. L., L a z a r s f e l d P. F., Problems in survey analysis, в кн.: Continuities in social research, ed. by R. K. Merton, P. F. Lazarsfeld, Glencoe, 1950; F e s t i n g e r L., K a t z D., Research methods in the behavioral sciences, N. Y., [1953]. В. Яков. Москва.

ПОЛЕВОЙ, Николай Алексеевич (22 июня 1796 — 22 февр. 1846)—рус. журналист, писатель и историк. С 1825 издавал журн. «Московский телеграф». Бурж. либерал, П. отстаивал идеи просвещения, пром. развития страны, усиления роли купечества, его равноправия с дворянством («Речь о невещественном капитале...», М., 1828, «Речь о купеческом звании...», М., 1832, и др.). П. развернул широкую критику обществ. пороков, «злоупотреблений» и предрассудков. При этом П. полагал, что обществ. прогресс должен совершаться под руководством твердой монархич. власти и при мирном сотрудничестве всех «сословий». П. отрицательно относился к *утолическому социализму*, в частности к учению *Сен-Симона*. В 1837 П. стал сотрудничать в реакц. изданиях, где отстаивал идеи «официальной народности». Первонач. симпатии П. к нем. классич. философии скоро сменились разочарованием в ней. Диалектику Гегеля и рус. «гегелистов» П. воспринимал как пустую схоластику (см. «Сын отечества», 1840, т. 1, с. 438). Наиболее плодотворной философией П. считал «эkleктизм» Кузена. Но все же в работах П. проявились элементы диалектич. подхода к явлениям. В 1829, выступив с резкой критикой «Истории государства Российского» Карамзина, П. подчеркнул, что в ней нет «одного общего начала», отсутствует поиск историч. закономерности. П. отмечал также, что труд Карамзина, «это, собственно, История Государей, а не государства и не народа...» («История рус. народа», т. 1. М., 1829, с. XXXVI).

Переход к науч.-эстетич. критике и историзм имели место и в работах П. о Г. Р. Державине, А. Ф. Мерлякове, В. А. Жуковском, произведениях к-рых он стремился исследовать «... не по безотчетному чувству: нравится, и не нравится, хорошо, худо, но по соображению историческому века и народа, и философскому важнейшим истинам души человеческой» («Моск. телеграф», 1831, ч. 37, № 3, с. 381). В основе эстетич. концепции П. лежала мысль о двух противоположных формах поэзии: *классицизме* и *романтизме*, борьбе к-рых он стремился дать социальное истолкова-

ние. Победу нового искусства (романтизма) над старым (классицизмом) П. объяснял «грозной политической бурей», потрясшей здание феодализма (см. «Очерки рус. литературы», 1839, ч. 1, с. 109). Эстетич. взгляды П. не были свободны от антиисторизма, выросшего на почве усвоения нек-рых идей идеалистич. эстетики романтизма; с одной стороны, целые периоды истории лит-ры (рус. и франц. классицизм и т. д.) отвергались им за сервиллизм и подражательность, с другой — романтизм приобретал у него черты вне-временного, идеального искусства, к-рое свободно творит «... по неизменным законам духа человеческого» («Моск. телеграф», 1832, ч. 43, № 3, с. 372). Антиисторич. была и трактовка П. природы художеств. творчества: деятельность поэта, по мнению П., это «безотчетный восторг», а сам поэт — человек «не от мира сего», находящийся в вечной «ссоре» с соотечественниками (представление П. о художнике и гении получило, в частности, воплощение в его повестях «Блаженство безумия», М., 1833, «Живописец», М., 1834, и др.). Романтич. концепция искусства не дала П. возможности правильно оценить реалистич. произведения Пушкина («Евгений Онегин», «Борис Годунов» и др.) и Гоголя («Мертвые души»), к-рого он осуждал за «фарсы», «карикатуры» и «небывальные преувеличения».

Лучшие работы П., в к-рых он выступал против классицизма, горячо отстаивал идею европеизации страны, наряду с произведениями *Надеждина* подготовили деятельность Белинского, к-рый оценил П. как «... одного из замечательнейших деятелей русской литературы...» (Полн. собр. соч., т. 9, 1955, с. 696).

Лит.: Белинский В. Г., Очерки рус. лит-ры. Соч. Н. П., Полн. собр. соч., т. 3, М., 1953; его же, Н. А. Полевой, там же, т. 9, М., 1955; Чернышевский Н. Г., Очерки гоголевского периода рус. лит-ры, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947; Миллюков П., Главные течения рус. историч. мысли, т. 1, М., 1898; Майков В. Н., Обзорение рус. истории до единодержавия Петра Великого. Соч. Н. Полевого, Соч., т. 1, К., 1901; Козмин Н. К., Очерки из истории рус. романтизма. Н. А. Полевой как выразитель лит. направлений совр. ему эпохи, СПб, 1903; Н. Полевой. Материалы по истории рус. лит-ры и журналистики 30-х годов. Ред., вступ. ст. и комментарий В. Л. Орлова, Л., 1934; Очерки по истории рус. журналистики и критики, т. 1, Л., 1950, с. 256—300; Брезина В. Г., Н. А. Полевой в «Московском телеграфе», «Уч. зап. ЛГУ», 1954, вып. 20, № 173; История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958; Татаринова Л. Е., Журнал «Московский телеграф» (1825—1834), М., 1959; Брезина В. Г., Деметриев А. Г. (и др.), История рус. журналистики XVIII—XIX вв., М., 1963, с. 175—86; Гуляев Н., Литературно-эстетич. взгляды Н. А. Полевого, «Вопр. лит-ры», 1964, № 12; Брезина В. Г., Рус. журналистика 2-й четверти 19 в. (1826—39 гг.), Л., 1965. Ю. Манн. Москва.

ПОЛЕНОВ, Алексей Яковлевич (1738—1816)—рус. просветитель-экономист и законовед. Род. в дворянской семье в Костроме. Образование получил в гимназии при Петерб. АН, а затем в Страсбургском ун-те. Перевел на рус. яз. ряд произв. зап.-европ. мыслителей: «Размышления о причинах величества римского народа и его узника» Монтескье (1769), «О свойстве нравов человеческих» Теофраста (1772) и др. На объявленный в 1766 Вольным экономич. об-вом конкурс на тему: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или только движимое имущество, и сколь далеко его права на то или другое имущество простирались должны» П. представил соч. «Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России» (1767), в к-ром подверг резкой критике сложившееся в стране крепостнич. порядки. П. указывал, что крепостничество разоряет народ, хищнически расточает его силы и богатства (см. Избр. произв. рус. мыслителей второй пол. XVIII в., т. 2, 1952, с. 15—16), и предлагал осуществить ряд мер по улучшению имуществ. и правового положения крепостных: установить за крестьянами право владеть земельной собственностью (без права продажи ее и передачи

по наследству, кроме как старшему сыну) и движимым имуществом без всяких ограничений; организовать выборные крест. суды; всемерно развивать нар. просвещение и др. Типичный просветитель-реформист, П. мыслил осуществить улучшение положения крестьян в рамках самодержавно-крепостнич. строя, полагаясь на моральные качества и «человеколюбие» помещиков.

Хотя сочинение П. было в числе пяти, одобренных Вольным экономич. обществом и удостоенных награды, оно не было допущено к печати цензурой; напечатано впервые в 1865 в журн. «Рус. архив».

Лит.: Б а к И. С., А. Я. Поленов (Филос. общественно-политич. и экономич. взгляды), «Историч. записки», 1949, т. 28; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, гл. 9; История рус. экономич. мысли, т. 1, М., 1955, с. 534—44; Б е л я в с к и й М. Т., Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 гг., в сб.: Археографический ежегодник за 1958 г., М., 1960, с. 396—402, 414—30. *Л. Светлов.* Москва.

ПОЛИБИЙ (Πολύβιος) (р. припл. 207—ум. 120 до н. э.) — др.-греч. историк и политический деятель. П. полагал, — и в этом его заслуга в истории социологич. мысли, — что все обществ. явления причинно обусловлены и взаимосвязаны даже при пространств. отдаленности друг от друга. Во «Всеобщей истории», дошедшей до нас неполностью (первое изд. на лат. яз., [кн. 1—5], Rome, 1473; первое изд. на греч. и лат. яз., pt. 1—2, Haganae, 1530; наиболее полное изд., v. 1—9, Lipsiae, 1789—95; последнее изд. на греч. и англ. яз., v. 1—6, L.—N. Y., 1922—27, рус. пер., т. 1—3, М., 1890—99), П. рассматривал процесс подчинения Римом др. стран в связи с их историей. История, по его мнению, прагматич. наука, позволяющая извлекать уроки на будущее. Поэтому в его труде история разных стран рассматривается синхронистически. Однако связи эти внешни и определяются у него желаниями и страстями людей, борющихся против власти судьбы. Историч. процесс телеологичен и насильственно направлен судьбой к определенной цели. Поэтому П. признавал его единство и закономерность. Последняя состоит в повторяющейся смене политич. форм — монархии, аристократич. правления и демократии с промежуточными между ними извращенными формами — тиранией, олигархией и анархией. После анархии круг повторяется без каких бы то ни было отличий. П. придавал большое значение личности, роль к-рой в историч. процессе состоит в способности задержать или ускорить падение правильной формы гос-ва, сократить или удлинить период существования извращенной формы. Он придавал значение и географич. условиям, определяющим нравы и занятия людей. Анализируя историч. события, П. интересовался и экономич. их причинами, напр. источник войн он усматривал в столкновении торговых интересов. П. оказал сильное влияние на историографию и социологию *Возрождения*, в частности на *Макиавелли*.

Лит.: Otto C., Polybius und sein Werk, Lpz., 1902; Herod R., La conception de l'histoire dans Polybe, Lausanne, 1902; Sanctis G. de, Composizione e economia delle Storie di Polibi, в кн.: Storia dei Romani, v. 3, pt. 1, Mil., 1907; Mioni E., Polibio, Padova, 1949; Fritz K., The theory of the Mixed constitution in antiquity. A critical analysis of Polybius' political ideas, N.Y., 1954; Maersberger A., Polybios-Lexikon, Bd 1, B., 1956; Sasso G., Machiavelli e la teoria dell'anacyclosis, «Rivista storica Italiana», 1958, fasc. 3, p. 333—75. *И. Лернер.* Москва.

ПОЛИКАРОВ, Азари Призент (р. 9 окт. 1921) — болг. философ-марксист, чл. БКП (с 1944). Окончил физич. фак-т МГУ (1951), доктор филос. наук, проф. (с 1962); зав. сектором философии и естествознания Ин-та философии Болг. Академии наук, чл. редколлегии журн. «Философска мисъл». Занимается филос. вопросами совр. физики, теории познания и критикой «физического» идеализма. В гл. работе «Относитель-

ность и кванты» (С., 1963, рус. пер., М., 1966) П. анализирует методы исследования науч. проблем и выдвигает идею классификации всех возможных решений той или иной проблемы. В связи с исследованием теории относительности П. дает, в частности, классификацию возможных решений проблемы взаимосвязи массы и энергии. Количество возможных толкований известного соотношения $E=mc^2$ достигает по схеме П. неск. сотен случаев; в качестве истинного метода предлагается идея количеств. и качеств. эквивалентности массы и энергии.

С о ч.: Постижения на съвременната физика в нейното полувеково развитие. 1895—1945, с встъпителна ст. от акад. С. И. Вавилова, С., 1945; В защита на науката, С., 1945; Атомът и вселената, ч. 1—2, С., 1947—48; Диалектическият материализъм и съвременната физика, С., 1950; Из истории идеологической борьбы вокруг теории относительности, в сб.: Философские вопросы современной физики, М., 1959; Материя и познание, С., 1961; Върху методологическото значение на диалектическия материализъм за естествознанието, в сб.: Въпроси на диалектическия материализъм и на частите науки, С., 1961; Обща характеристика совр. идеализма и направлений его критики, «ФН» (ИДВН), 1961, № 3.

ПОЛИСИЛЛОГИЗМ (от греч. πολός — много) — сложный *силлогизм*, представляющий собой определ. последовательность (цепь) простых силлогизмов, в к-рой заключения предшествующих силлогизмов (называемых *пр о с и л л о г и з м а м и*) являются посылками последующих силлогизмов (называемых *э п и с и л л о г и з м а м и*). Хотя определения П. и нет в «Аналитиках» *Аристотеля*, можно предположить, что Аристотель по существу так понимал то, что он называл сложным силлогизмом. Описание сложного силлогизма, аналогичное данному определению, содержится в «Даниш-намэ», где Ибн Сина излагает логику, в основном следуя Аристотелю. Различают неск. видов П. Если в П. каждому эписиллогизму предшествует только один просиллогизм, то такой П. наз. *л и н е й н ы м*. В зависимости от того, является ли заключение просиллогизма, большей или же меньшей посылкой эписиллогизма соответственно различают *п р о г р е с с и в н ы е* и *р е г р е с с и в н ы е* П. Если же в П. эписиллогизмам предшествуют по два просиллогизма, заключения к-рых составляют соответственно как большую, так и меньшую посылки эписиллогизма, то такой П. наз. *к а с к а д н ы м*. В логике формулируются некоторые общие условия, характеризующие правильность различных видов П. и исследуется строение П. различных видов.

Лит.: *А р и с т о т е л ь*, Аналитики первая и вторая, [М., 1952]; *И б н - С и н а*, Даниш-намэ, Душанбе, 1957; *Ч е л п а н о в Г. И.* Учебник логики, [М.], 1946; *С у б б о т и н А. Л.*, Теория силлогистики в совр. формальной логике, М., 1965. *А. Субботин.* Москва.

ПОЛИТЕИЗМ (от греч. πολός — много и θεός — бог), *м н о г о б о ж и е*, — форма религии, сложившаяся у большинства народов на стадии перехода от доклассового к классовому обществ. строю. В возникших в эту эпоху сложных образах племенных богов, отражавших власть вождей и царей, часто сохранялись черты древних тотемов (Великая Змея, Великий Ворон и др.), но в то же время эти образы нередко олицетворяли силы и явления природы (гроза, дождь, солнце, небо, море и пр.). Подобные образы племенных богов, в большинстве с натурфилософич. св-вами, известны и сейчас у мн. народов Африки и Полинезии. При объединении племен объединялись и их боги. Ранняя форма такого объединения известна в Индии в «ведическую» эпоху (ок. 1000 до н. э.), когда иерархия богов еще не установилась (период т. н. *гнотеизма*). В рабовладельческих и раннефеод. гос-вах из племенных и местных богов складывается «пантеон» богов. Один из богов рассматривался как главный, верховный бог (обычно бог самого сильного племени); он нередко поглощал образы и черты др.

богов, превращавшихся в простые его атрибуты. Такой развитый П. известен в Древнем Египте, Вавилонии, Греции, Риме и др. древних гос-вах; до наших дней он сохранился в религиях Индии (индуизм), Китая (даосизм), Японии (шинтоизм).

С. Токарев. Москва.

ПОЛИТИКА (греч. *politikos* — государственный, от *polis* — гос-во) — сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и др. социальными группами, ядром к-рой является проблема завоевания, удержания и использования гос. власти. Самое существенное в П. — это «устройство государственной власти» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 19, с. 98); «...политика есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...» (Ленинский сб. XXI, 1933, с. 14). Содержание П. определяется интересами данного класса или союза классов. Любая обществ. проблема приобретает политич. характер, если ее решение, прямо или опосредованно связано с проблемой власти (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 360).

Неразрывная связь человека и П. — такова аксиома античной политич. мысли. Человек — существо политическое — этот тезис Аристотеля лежал в основе большинства философско-политич. концепций древности. Для Аристотеля задача изучения политич. институтов состояла в том, чтобы найти форму, наиболее соответствующую политич. природе человека и целям общежития. Характерная черта политич. мышления античности — переплетение умозрит. схем с конкретным изучением существующих политич. институтов и политич. практики. «Политика» Аристотеля опирается на анализ гос. строя и политич. жизни более полустора гос-в, а П. рассматривалась им прежде всего как практич. наука об искусстве управления. В период средневековья человек из существа политического был превращен в существо религиозное. «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами...» (Энгельс Ф., там же, т. 7, с. 360). Рационалистич. подход к политике возрождается со становлением бурж. общества (*Максвелл*). Рождение собственно бурж. политич. мысли в борьбе с политич. идеологией и практикой феодализма связано с именами *Бодена* и *Спинозы*, *Гоббса* и *Локка*, *Монтескье* и *Руссо*. «Философия сделала в политике то же, — писал Маркс, характеризуя взгляды равных идеологов буржуазии, — что физика, математика, медицина и всякая другая наука сделала в своей области». Эти философы «...стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» (там же, т. 1, с. 141). Политич. институты и политич. деятельность в 17—18 вв. рассматривались гл. обр. с позиции теории *естественного права*. 19 в. внес много нового и в политич. реальность, и в теоретич. представления о ней. Происходила резкая поляризация политич. теорий. На одном полюсе усиливалась тенденция критич. отношения к бурж. действительности, ведшая к поискам существенно иных политич. структур, к признанию исторически преходящего характера политич. учреждений. В начале века эта тенденция была представлена социалистами-утопистами. Свое завершение она получила с возникновением марксизма, к-рый заложил основы науч. объяснения политич. деятельности и науч. П. На другом полюсе политич. теории шел процесс ее превращения в апологетику. Человек — существо коммерческое — этот тезис стал теоретич. фундаментом политич. концепций *Б. Константа* и *И. Бенгтама*, к-рые провозгласили «независимость» человека от П., требовали «невмешательства» гос-ва в гражд. жизнь. Следующий шаг в этом же направлении был сделан позитивистами (*Конт*, *Спенсер*),

к-рые стремились рассматривать П. как один из элементов сложного социального целого. Они выступали за рациональный подход к социологии вообще и к П. в частности. Практически это означало подчинение «позитивной» П. интересам сохранения существующих порядков. В конце 19 в. зарождается политич. социология, призванная, по идее ее создателей, рассмотреть П. в общем социальном контексте эпохи. В работах *Дюркгейма*, *М. Вебера*, *Парето* начинается переход от отвлеченного теоретизирования к эмпирич. анализу политич. деятельности. В 20-х гг. 20 в. из общего комплекса социологических и правовых исследований выделяется *политическая наука*, ориентирующаяся на изучение политич. практик в сугубо практич. и апологетич. целях.

Методология марксизма позволяет раскрыть существо П., объяснить политич. деятельность и тем самым создать основу науч. П. Субъектами политич. деятельности, носителями политич. интересов и борцами за их реализацию выступают прежде всего *классы и нации*. По мере усложнения социальной жизни, осознания классами и другими обществ. группами своих интересов формировалась политич. надстройка общества, возникали разного рода организации и учреждения, в рамках к-рых по преимуществу осуществляется политич. деятельность — прежде всего гос-во, позднее политич. партии. В политич. деятельности принимают участие и другие, формально неполитич. организации — профсоюзы, религ. общины и т. п.

Неотъемлемой составной частью П. является определение целей и задач, к-рые ставит перед собой та или иная обществ. группа в борьбе за свои интересы. В зависимости от характера и содержания конкретных целей различаются внешняя и внутр. П., хотя это деление условно; «...противопологать внешнюю политику внутренней, — писал Ленин, — есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль» (Соч., т. 23, с. 31). Единство внешней и внутр. П. определяется тем, что в обоих случаях гл. задачей политич. деятельности гос-ва остается сохранение и упрочение существующего типа обществ. отношений. В конечном счете внешняя П. определяется внутренней, однако в рамках этой общей зависимости внешнеполитич. деятельность обладает своей спецификой. Ее содержанием являются отношения между гос-вами. Внутр. П. охватывает осн. направления деятельности гос-ва, правящих партий. В зависимости от той сферы обществ. отношений, к-рая является объектом политич. воздействия, можно говорить об экономич. политике, П. в области лит-ры и иск-ва, карат. П. и т. д. Борьба за власть и политич. господство между классами-антагонистами, а также между различными группами господствующего класса составляет стержень обществ. жизни в любом антагонистич. обществе. В условиях социализма, после ликвидации эксплуататорских классов, центр тяжести П. — в борьбе за упрочение, совершенствование политич. организации, за постепенное преобразование всей системы обществ. отношений. Поскольку в мире существует капиталистич. общество, постольку борьба за сохранение политич. власти трудящихся продолжает носить четко выраженный классовый характер — это борьба против междунар. буржуазии. Что же касается внутр. аспектов П. социалистич. гос-в, то по мере становления социализма они утрачивают классово-антагонистич. характеристики. Разумеется, и при социализме существует борьба мнений, отражающая существующие противоречия и разный подход к решению тех или иных конкретных вопросов. Открытое, творч. сопоставление взглядов и оценок, широкое обсуждение актуальных обществ.-политич. проблем — важное условие дальнейшего упрочения и развития социализма. Реальность политич. задач и целей, их

осуществимость, в конечном счете, определяется тем, насколько они соответствуют общему направлению социального прогресса, реальному соотношению социальных сил.

П. включает в себя не только определение целей, но и выработку средств и методов, достижения данных целей. Так, во внешней П. осн. средствами решения поставленных задач до сих пор служили войны, экономич. и политич. давление, разного рода маневры и переговоры. Во внутр. П. средства политич. воздействия также варьируются от прямых принудит. акций до глубокого маневрирования, создания благоприятных условий, в к-рых желаемая цель осуществляется как бы «сама собой», без видимого воздействия со стороны заинтересованных организаций. Марксизм-ленинизм решительно отвергает аморальный тезис: цель оправдывает средства. Политич. опыт показывает, что успех, к-рый может быть достигнут путем применения бесчеловечных средств для достижения человеческой цели, носит эфемерный характер и достигается за счет оскудения, обезчеловечивания самой цели.

Политич. обществ. отношения (между классами, между нациями, между иными социальными группами) не статичны. Они осуществляются в массовой деятельности, в борьбе и сотрудничестве обществ. групп. Науч. анализ П. предполагает определение места П. в системе материальных и духовных процессов, составляющих в совокупности целостный социальный организм. П. (и как практич. политич. отношения и как политич. идеология) детерминирована движением экономич. процессов и выступает как надстройка над экономич. базисом общества. В политич. отношениях и в политич. идеологии непосредственно отражаются и выражаются экономич. интересы классов и др. социальных групп. Эти интересы в конечном счете выступают как социальная причина политич. действий. Характер взаимоотношений П. и экономики рельефно выражен в классич. ленинских формулах: «политика есть концентрированное выражение экономики» и «политика не может не иметь первенства над экономикой» (там же, т. 32, с. 62). Первая формула, исходя из определяющего значения экономич. отношений по сравнению с политическими, подчеркивая необходимость политич. борьбы за осуществление экономич. интересов, обращает внимание на общечеловечность политич. образа экономич. реальности. П. — не зеркальное отражение экономики. Сложное и противоречивое многообразие экономич. интересов в политич. требованиях и решениях очищается от случайного и неустойчивого. Этот процесс может протекать стихийно, неосознанно, что во многих случаях деформирует политич. отражение экономич. связей и интересов. Только научный подход к соотношению П. и экономики дает возможность найти адекватные политич. формы отражения экономич. потребностей, что становится возможным на определ. историч. этапе обществ. развития. Вторая ленинская формула подчеркивает, что решение экономич. проблем должно быть подчинено главной и осн. задаче — сохранению и упрочению политич. власти. «...Без правильного политического подхода к делу, — писал Ленин, — данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачей» (там же, с. 62—63). Правильный политич. подход заключается, в частности, в том, чтобы рассматривать производств. задачи во всем контексте социальных проблем, характерных для данного историч. этапа.

Политич. деятельность, будучи производной по отношению к деятельности экономической, обладает большой степенью самостоятельности. Это открывает путь для политич. акций, противоречащих требова-

ниям экономики или, что встречается гораздо чаще, учитывающих лишь частичку этих требований. В известных и довольно узких рамках такие акции могут иметь успех, о чем, в частности, свидетельствует опыт практич. применения кейнсианских рецептов совр. империалистич. гос-вами. Однако в перспективе подобные политич. действия обречены на провал, ибо они идут вразрез с общим направлением социального прогресса. Вместе с тем относят. самостоятельность П. дает широкие возможности и для прогрессивных политич. воздействий на ход истории. Известно, что Маркс называл *насилие* — это крайнее выражение политич. воздействия — повивальной бабкой истории. Если же говорить не о критич. моментах истории, когда насилие необходимо и неизбежно, а о ее спокойном течении, то и в этом случае политич. действия, отражающие назревшие потребности общества, и прежде всего экономич. развития, выступают как мощный ускоритель социального процесса. Именно такой характер носит П. коммунистич. партий и социалистич. гос-в.

П. тесно связана и с правом. Указывая на их тесную связь, Ленин писал: «Закон есть мера политическая, есть политика» (там же, т. 23, с. 36). Если П. — это концентрированное выражение экономики, то *право* вполне можно назвать концентрированным выражением П.

Чем острее классовая борьба, тем шире круг вопросов, имеющих непосредственно политич. характер. Поэтому, естественно, что в переходные историч. эпохи, когда в мировом масштабе идет процесс революц. смены одной общественно-экономич. формации другой, происходит всеобъемлющая «политизация» социальной жизни. Наиболее критич. проблемы, стоящие ныне перед человечеством, имеют политич. характер.

Огромное значение политической деятельности для победы социализма, для построения коммунизма, науч. характер П. социалистич. гос-в и коммунистич. партий настоятельно требует дальнейшего развития марксистско-ленинской политич. науки, «материалистической теории политики» (см. там же, т. 17, с. 497). Политич. теория призвана изучать политич. деятельность, анализировать структуру и характер функционирования политических организаций и учреждений.

В трудах Маркса, Энгельса, Ленина разработаны осн. принципы науч. П. и политич. деятельности. Анализ фактов служит как исходным материалом для принятия политич. решений, так и основой их последующей корректировки, проверки правильности избранного пути. Изучение того, как решение осуществляется, какие изменения (желательные или нежелательные) в обществе вызывает, как оно воспринимается массами, словом, использование механизма «обратной связи» — важнейшее условие науч. П.

«Принципиальная политика, — писал Ленин, — самая лучшая политика» (там же, т. 12, с. 7). Критикуя оппортунистич. крыло рус. социал-демократии, Ленин говорил, что «оно забывало, что, кто борется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натывать“ на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и бесперспективность» (там же, с. 438). Принципиальная П. отнюдь не означает отрицания компромиссов. Все дело в том, чтобы не забывать той грани, за к-рой разумное соглашение превращается в бесперспективное соглашательство (см. там же, т. 25, с. 282).

Ленин призывал «...смотреть правде прямо в лицо. В политике это всегда самая лучшая и единственно правильная система» (там же, т. 20, с. 252). Марксизм

исходит из того, что принципиальная П. несовместима с лицемерием, с демагогией, с сокрытием правды от масс. «Честность в политике — есть результат силы, лицемерие — результат слабости» (там же, т. 17, с. 138). Указывая критерий, позволяющий отделить П. от демагогии, Ленин подчеркивал: «...искренность в политике есть вполне доступное проверке соот- ветствие между словом и делом» (там же, т. 24, с. 533). Для Ленина было характерно решит. отрицание политиканства, прикрывающего фразами о «высшей государственной мудрости» уход от прямого ответа на вопросы, выдвигаемые политич. практикой. В этой связи Ленин подчеркивал, что коммунисты должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны, как отмечал Ленин, встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Необходимо исправление их ошибок. Классы обмануть нельзя. Ленин видел в самокритике, в умении и мужестве признавать и исправлять ошибки один из решающих критериев зрелого, науч. характера политич. деятельности. «Честное признание политической ошибки, — учил он, — приносит очень большую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии...» (там же, т. 28, с. 166).

Политич. теория, давая общую ориентировку политич. деятельности, не может охватить всего многообразия событий, не может очертить всей совокупности возможных следствий из данной (ни в коем случае не исчерпанной до конца) совокупности причин. Поэтому политич. прогнозирование — решающее звено науч. П. — столь же искусство, сколь и наука. Тем более, что П. оказывается широко подверженной влиянию личных качеств политич. деятелей, к-рые накладываются на политич. деятельность и способны серьезно воздействовать на ее направление. Поэтому одна и та же объективная, допустим, экономич. потребность может быть выражена в разных политич. решениях, содержание к-рых во многом будет зависеть от усмотрения лиц, правомочных это решение принять. Разумеется, указанный диапазон отклонений, вызванных действиями субъективных факторов, объективно ограничен. Но он вполне достаточен, чтобы привести к неоднозначности политич. выводов и действий.

В условиях социалистич. общества, когда у руководства находятся коммунистич. партии, опирающиеся в своей деятельности на марксистско-ленинскую теорию, создаются предпосылки для того, чтобы подготовка к принятию политич. решений была поднята на уровень требований передовой обществ. науки. Это предполагает подлинно демократич. контроль масс за деятельностью руководителей, гласность в работе парт. и гос. органов, выборность и сменяемость должностных лиц. В решении этих проблем КПСС отстаивает ленинские традиции, строит свою П. исходя из назревших реальных потребностей общества, из интересов народа.

П. относится к числу тех проявлений обществ. жизни, к-рые имеют исторически переходящий характер. В течение тысячелетий прогресс цивилизации был неразрывно связан с развитием политич. форм. Эта связь казалась столь естеств. и нерасторжимой, что политико-правовая оболочка общества рассматривалась как основа, ядро социальных связей, как атрибут общества на всех ступенях его развития. Марксизм доказал переходящий характер гос.-правовых институтов. Политич. аспект социальной жизни является свидетельством неразвитости обществ. отношений и неизбежно уходит в прошлое, когда связи между людьми очистятся от всех наслоений, вызванных господством

неравенства и эксплуатации. По мере развития коммунистич. обществ. отношений оболочка, внутри к-рой до сих пор осуществляется социальный прогресс, будет становиться все тоньше, пока совершенно не растворится в обществ. коммунистич. самоуправлении. Связь между людьми, руководство делами общества утратит политич. характер. Установление социальной однородности человечества будет означать конец П. как специфич. формы человек. деятельности.

Лит.: Маркс К., К критике гегелевской философии права, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1; ег о ж е, Политические партии и перспективы, там же, т. 8; Энгельс Ф., Позиция политических партий, там же, т. 1; Ленин В. И., По поводу одной статьи в органе Бунда, Соч., 4 изд., т. 11; ег о ж е, Выборная кампания социал-демократии в Петербурге, там же, т. 12; ег о ж е, Отношение к бурж. партиям, там же; ег о ж е, Полемиические заметки, там же, т. 17; ег о ж е, Блок кадетов с прогрессистами и его значение, там же, т. 17; ег о ж е, О либеральном и марксистском понимании классовой борьбы, там же, т. 19; ег о ж е, Еще о политическом кризисе, там же, т. 20; ег о ж е, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», там же, т. 23; ег о ж е, Над кем смеетесь? Пад собой смеетесь!, там же, т. 24; ег о ж е, Из дневника публициста, там же, т. 25; ег о ж е, Доклад о войне и мире 7 марта [VII съезд РКП(б)], там же, т. 27; ег о ж е, Ценные признания Питирима Сорокина, там же, т. 28; ег о ж е, Заметки публициста, там же, т. 30; ег о ж е, Детская болельщица «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; ег о ж е, Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта [IX съезд РКП(б)], там же, т. 32; ег о ж е, Письмо И. Арманд 6 (19) янв. 1917, там же, т. 35; Стронин А., П. как наука, СПб., 1872; Гумплович Л., Социология и П., М., 1895; Чичерин Б., Курс гос. науки, ч. 3, М., 1898; Столович Л., Ленин об искусстве и П., «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тр. по философии», 1960, [т. 13, вып. 89; Костантин Ф. В., Социология и политика, «ВФ», 1962, № 11; Глезерман Г., В. И. Ленин о взаимоотношениях экономики и П. в строительстве нового общества, «Коммунист», 1963, № 7; Струмов Г. С., Соотношение правового и политич. сознания, «ВФ», 1964, № 5; Безубов Н. В., Основы марксистско-ленинского учения о соотношении экономики и П., «Уч. зап. Песковского гос. пед. ин-та», 1964, вып. 25; Чигринский И. М. С., О П. как науке и искусстве, в кн.: Научные сообщения за 1963 Ростовского гос. ун-та. Серия гуманитарных наук, Ростов и Д., 1964; Аверин В. М., Проблемы взаимодействия П. и морали в трудах В. И. Ленина (в годы реакции), «ФН» (НДВШ), 1965, № 2. А. Бовин. Москва.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ — в широком смысле слова понятие, характеризующее социальное положение и роль ряда обществ. наук, их партийность и классовую ориентацию; в узком смысле — отрасль науки, изучающая политич. организацию общества и входящие в ее состав институты, политич. отношения (в т. ч. власти), государственные и иные формы политики и т. д.

Марксизм-ленинизм впервые вскрыл сущность политич. институтов и отношений, показал их неразрывную связь с экономич. и классовым строем общества, выработал важнейшие понятия П. и, как, напр., политич. надстройка, политич. организация общества, тип гос-ва, раскрыл содержание таких важнейших политич. явлений, как политика, демократия, власть. Марксизм-ленинизм не только показал общие закономерности и движущие силы политич. развития общества, но и дал блестящие образцы конкретного анализа политич. организации и политич. движений в важнейших странах. Политич. теория марксизма-ленинизма явилась одной из науч. основ создания и развития политич. организации социалистического общества.

Политич. отношения и институты изучаются рядом отраслей марксистской обществ. науки: историч. материализмом, науч. коммунизмом, политич. экономией, юридич. наукой и др. Вместе с тем в совр. условиях важное значение имеет комплексная разработка в рамках единой П. п. важнейших аспектов развития политич. организации социалистич. общества, соотношения ее звеньев, форм и методов деятельности государственных, партийных и др. обществ. органов, процесса принятия политич. решений и форм их реализации, политич. активности населения и тен-

денций развития обществ. мнения, политич. форм нац. отношений, внешнеполитических, прежде всего гос., парт. отношений и др. Значит. роль в этой комплексной разработке принадлежит конкретным социологич. исследованиям; она характеризуется также изучением политич. отношений и институтов в их динамике. Важной задачей П. н. является также всесторонний анализ политич. движений и механизма осуществления политич. власти в совр. капиталистич. обществе, а также в странах, освободившихся от колониальной зависимости. В марксистской литературе дискутируется вопрос о предмете П. н., их взаимоотношении с др. обществ. науками.

Возникновение на стыке юриспруденции и социологии бурж. П. н. (в США в 1-й четв. 20 в., в Зап. Европе по преимуществу после 2-й мировой войны) является одной из форм реакции бурж. идеологии на рост влияния марксизма-ленинизма. Развивавшаяся в течение длит. времени главным образом как правовая бурж. идеология стремится противопоставить политич. теории марксизма-ленинизма свою П. н., якобы преодолевшую крайность и односторонность либерализма, с одной стороны, и марксизма, с другой (см. М. Debré, *Science politique et action politique*, «Rev. française de Science Politique», 1961, v. 11, № 4). Проблематика П. н. отражает процесс возрастания экономич. и политико-идеологич. роли механизма политич. власти монополий и прежде всего гос-ва, рост политич. активности нар. масс и в известной мере также расхождение юридич. формы и политич. содержания бурж.-демократич. конституционных установлений и практики органов гос-ва в условиях общего кризиса капитализма. Бурж. П. н. пытается охватить широкий круг проблем внутриполитич. и внешнеполитич. жизни (представление о нем дают, в частности, проблемы, обсуждавшиеся на междунар. конгрессах по П. н., — см. *Политической науки ассоциация международная*). Ряд исследований призван непосредственно обслуживать политич. практику (в частности, организацию, проведение и прогнозирование выборов). Гл. методом бурж. П. н. (особенно в США) был провозглашен «эмпирич. подход», конкретно-фактологич. анализ политич. процессов и институтов. Несмотря на то, что ее представители собрали известный фактич. материал, раскрывающий нек-рые характерные черты бурж. политич. институтов, в целом бурж. П. н. далека от показа действит. сущности и закономерностей развития, движущих сил политич. жизни и организации совр. капиталистич. общества. Многие ее конструкции носят откровенно апологетич. характер. «Эмпирич.» метод, противопоставленный теоретич. обобщениям и выяснению закономерных процессов, по признанию самих же бурж. ученых, привел П. н. к кризису, выразившемуся в «разводе конкретных исследований и политической теории» (Б. де Жувениль), «гиперфактуализме» (М. Дюверже), «ностальгии по теории» (Р. Арон). Отсюда наметившийся в последние годы поворот от «эмпирической» к «теоретической» П. н., поиски «новых» методологич. путей (напр., «интуитивный метод» Ж. Бурдо, «философско-синтетич. метод» К. Фридриха, «психологич. метод» Г. Гатлина и др.), не выходящих за рамки идеалистич. представлений.

Лит.: Константинов Ф., Политич. теории и политич. практика, «Коммунист», 1958, № 16; Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии. Сб. ст., под ред. Ю. П. Францева, М., 1960; Розмарин С., Бурж. «П. н.», пер. с польск., в сб.: Против совр. правовой идеологии империализма, М., 1962; Шабад Б. А., Политич. философия совр. империализма, М., 1963; Дискуссия о П. н., «ВФ», 1965, № 10, с. 164—66; «Сов. гос-во и право», 1965, № 7, с. 148—51; W a l d o D., Political science in the United States of America. A trend report, [P., 1956]; W a g e n t s I., Political science in Western Europe. A trend report, L., 1961. В. Туманов. Москва.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА — система всех политич. учреждений данного классового общества. Наряду с гос-вом (осн. звено) П. о. о. включает в себя и все др. орг-ции (напр., партии, профсоюзы, церковь), оказывающие воздействие на политич. жизнь общества. Понятие П. о. о. раскрывает взаимосвязь и соотношение учреждений, входящих в политич. надстройку. Политич. характер организации общества исторически приобретает с возникновения классов (см. *Политика*). В ходе истории П. о. о. усложняется. Доминирующую роль в политич. организации классово-антагонистич. общества играет механизм диктатуры господствующего класса, к-рый в условиях совр. капиталистич. общества охватывает: гос-во, бурж. партии, различного рода предпринимат. союзы, «группы давления», церк. учреждения, реакц. профсоюзы, различные общества, преследующие политич. цели. Системе классовой диктатуры буржуазии рабочий класс и др. трудящиеся противопоставляют свои политич. орг-ции и прежде всего коммунистич. и рабоче партии, профсоюзы и др. В политич. организацию социалистич. общества входят: коммунистич. партия как ее руководящая и направляющая сила; система органов гос. власти и управления; профсоюзы, молодежные орг-ции, кооперация, творч. союзы и др. В конкретно-историч. условиях той или иной социалистич. страны политич. организация может иметь и свои особенности. Так, напр., в нек-рых странах нар. демократии в состав П. о. о. входит неск. партий, такие специфич. органы, как народный (национальный) фронт и т. п. (см. *Народно-демократическое государство*). В переходный от капитализма к социализму период политич. организация выступает как система диктатуры пролетариата. Между ней и П. о. о. периода полной и окончат. победы социализма и строительства коммунизма существует преемственность. Вместе с тем в П. о. о. происходит существ. изменение, к-рые касаются как ее отд. составных частей, так и взаимоотношений между ними. Так, коммунистич. партия, возникшая как партия рабочего класса, превращается в партию всего народа, а гос-во диктатуры пролетариата — в общенародное государство. Усиливается взаимодействие различных звеньев П. о. о., сближение между ними как с т. зр. организац. принципов, так и методов работы. Усиливается роль и значение негос. звеньев П. о. о. Осн. закономерность развития политич. организации социалистич. общества — это последоват. совершенствование и развитие социалистич. демократии.

Развитие политич. организации социалистич. общества, строящего коммунизм, постепенно приведет к ее преобразованию в *общественное самоуправление коммунистическое*.

Многозвенность политич. организации совр. капиталистич. общества послужила поводом для распространения в бурж. и реформистской литературе утверждения о «диффузии власти» (см., напр., J. Strachey, *Contemporary capitalism*, L., 1956), согласно к-рому в бурж. обществе осуществляется нечто вроде коллективного властвования различных орг-ций (в т. ч. и рабочих), якобы уравнивающих друг друга. В действительности политическое господство монополистического капитала обеспечивается тем, что ему подконтрольно государство, взаимодействующее с другими политическими организациями господствующего класса.

Победа социалистич. революции ведет к образованию П. о. о., в к-рой отсутствуют классово-антагонистич. противоречия между составляющими ее звеньями.

Лит.: Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Платковский В., П. о. о. при переходе к коммунизму, М., 1962; Чесноков Д. И., Историч. материализм, М., 1964, с. 245—49. В. Туманов. Москва.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ — область бурж. социологии, исследующая роль и место политики, политич. идей и действий, а также различных политич. институтов в обществе. Начала выделяться в отд. социологич. дисциплину в 30-х гг. 20 в. Наибольшее внимание уделяется проблемам концентрации экономич. власти и ее влияния на процесс принятия политич. решений; поведению во время избират. кампаний, процессам формирования политич. установок и обществ. мнения; идеологии политич. движений и орг-ций; политич. партиям и др. объединениям (структура, роль, проблема взаимоотношения лидеров и остальных членов, политич. лидеров и широких масс и т. д.); гос-ву и пр-ву и проблеме бюрократии. П. с. входит в качестве составного элемента в бурж. политическую науку.

Лит.: Социология сегодня, пер. с англ., М., 1965; Wendix R., Lipsset S. M., Political sociology. An essay with special reference to the development of research in the USA and Western Europe, «Current Sociology», 1957, v. 6, № 2. См. также лит. при ст. Политические науки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ — наука о законах, управляющих производством, распределением и обменом материальных жизненных благ в человек. обществе на различных ступенях его историч. развития, «...наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых соответственно этому, в каждом данном обществе, совершается распределение продуктов...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 153—54). Ленин характеризовал П. э. как науку о развивающихся исторически укладах обществ. произ-ва, дающую представление о его различных системах и о коренных чертах каждой системы (см. Соч., т. 4, с. 33). «Предмет исследования — это прежде всего материальное производство», — писал Маркс, поясняя, что речь идет об общественно-определенном произ-ве (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 709). Ленин указывал, что предмет П. э. «...вовсе не „производство материальных ценностей“, как часто говорят (это — предмет технологи), а общественные отношения людей по производству» (Соч., т. 2, с. 181—82).

На основе изучения П. э., как отмечал Энгельс, возникло все содержание теории пролет. партии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 13, с. 490; см. также В. И. Ленин, Соч., т. 21, с. 34 и 43). Марксизм произвел революц. переворот в П. э., превратив ее из социальной науки буржуазии в пролетарскую, подлинно научную П. э., создав на месте П. э. собственности П. э. труда (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 9).

П. э. как самостоят. область знания возникла в конце 16 в., на заре капиталистич. эпохи. Представители бурж. классич. П. э. стремились вскрыть внутр. структуру капиталистич. произ-ва. Историч. заслуга А. Смита и Д. Рикардо заключается в том, что они положили начало трудовой теории стоимости. Представители бурж. классич. П. э. выявили целый ряд «естеств. законов» капитализма, но они не понимали его исторически преходящего характера и не видели классовой борьбы внутри бурж. общества. С установлением господства буржуазии, выступлением рабочего класса на историч. арену и обострением классовой борьбы бескорыстные исследования в бурж. П. э. уступили место предвзятой апологетике. Вулгарная П. э., по характеристике Маркса, в действительности «...не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства», педантски систематизирует «...затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства

о их собственном мире как лучшим из миров и объявляет эти представления вечными истинами» (там же, т. 25, ч. 2, с. 383 и т. 23, с. 91, прим.). На всем дальнейшем пути развития капитализма бурж. П. э. остается апологетической по характеру объяснения обществ. отношений и тенденций развития капитализма. Вместе с тем бурж. П. э. обслуживает потребности хозяйствования монополий и экономич. политики капиталистич. гос-в (конкретные исследования, применение математич. методов и т. д.).

Маркс писал, что превратить П. э. в положит. науку можно лишь тем путем, что вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действия, противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм (см. там же, т. 32, с. 145). Критика, к-рой Маркс подверг предшествовавшую П. э., была в полном смысле слова творческой критикой, выяснившей место и значение каждой из школ бурж. П. э. в поступат. ходе развития науки и представлявшей собой образец творч. преодоления «бурж. наследства».

П. э. — наука классовая, партийная. Ленин считал, что ни одному бурж. экономисту, способному давать самые ценные работы в области фактич. спец. исследований, нельзя верить ни в одном слове, когда речь заходит об общей теории П. э. (см. Соч., т. 14, с. 328, т. 33, с. 372 и т. 19, с. 3).

Тем рычагом, при помощи к-рого марксизм революционизировал П. э., являлась материалистич. диалектика в целом и материалистич. понимание истории в особенности. Методологич. основой марксистско-ленинской П. э. служит диалектический материализм и исторический материализм. По характеристике Ленина в марксизме философия и П. э. «...связаны в цельное материалистическое мирозерцание» (там же, т. 20, с. 173).

Революц. переворот в П. э. охватил все содержание этой науки начиная с понимания ее предмета. Предшественники Маркса ставили своей задачей исследование «богатства». Источниками богатства поочередно объявлялись те или иные особые виды труда: земледелие, мануфактура, мореплавание, торговля и т. д., пока А. Смит не провозгласил единств. источником материального богатства «...труд вообще, и притом в его общественной совокупности, как разделенный труд...» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 45). В отличие от своих предшественников Маркс поставил целью П. э. открытие экономич. закона движения бурж. общества. Представители бурж. классич. П. э., придерживаясь рационалистич. философии, пытались вывести экономич. законы из природы «хозяйствующего человека», вступающего в экономич. отношения с другими, подобными ему одиночками. Марксизм показал, что произ-во всегда носит обществ. характер и исходным пунктом П. э. должно служить общество, а не отд. индивид. Маркс осуществил конкретное исследование обществ. строя произ-ва, к-рый определяет психику, волю, сознание и действия людей. Там, где представители бурж. П. э. видели отношения между вещами, марксизм вскрыл отношения между людьми — товаро-производителями. Уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала заключено овеществление обществ. определений произ-ва и субъективизация материальных условий произ-ва, товарный фетишизм, характеризующий весь капиталистич. способ произ-ва (см. К. Маркс, там же, т. 25, ч. 2, с. 453).

Т. о., было выяснено, что предметом П. э. являются производственные отношения в их противоречивом единстве с производительными силами. Экономич. категории суть теоретич. выражения производств. отношений людей. Совокупность производств. отно-

шений данного общества составляет его экономич. строй, или экономич. структуру. Анализ производств. отношений дал возможность обобщить порядки разных стран в одно осп. понятие общественно-экономич. формации и установить, что развитие и смена таких формаций является естественн-историч. процессом, протекающим по определ. объективным, т. е. не зависящим от воли и сознания людей, законам. В противоположность предшествовавшим экономистам, рассуждавшим об «обществе вообще», Маркс дал в «Капитале» анализ законов функционирования и развития самой сложной общественно-экономич. формации — капиталистической, по материалистич. методу.

Марксизм выяснил, что капиталистич. способ произ-ва есть исторически определ. форма обществ. процесса произ-ва. Обществ. процесс произ-ва представляет собой одновременно и процесс произ-ва материальных условий существования челоуеч. жизни, и протекающий в специфич. историч. условиях процесс произ-ва и воспроизводства самих производств. отношений. Как материальные условия произ-ва, так и обществ. отношения людей в процессе произ-ва представляет собой, с одной стороны, предпосылки, а с другой стороны — результаты и продукты определ. процесса произ-ва, в ходе к-рого они все вновь производятся и воспроизводятся.

До возникновения марксизма П. э. была ограничена почти исключительно генезисом и развитием капиталистич. способа произ-ва, т. к. предшественники Маркса считали капитализм вечным и естеств. состоянием общества.

Марксизм показал, что П. э. по самому существу своему историч. наука, так как она имеет дело с историч., т. е. постоянно изменяющимся, материалом. П. э. является наиболее глубоким теоретич. обобщением историч. неизбежности революц. смены капитализма новым, высшим строем — социализмом. Эту неизбежность марксизм выводит всецело и исключительно из экономич. закона движения бурж. общества. П. э. раскрывает законы движения социализма, его функционирования и перерастания в коммунизм.

П. э. как историч. наука выясняет исторически преходящий характер производств. отношений и выражающих эти отношения экономич. категорий. Изучая последовательно сменявшиеся в истории общественно-экономич. формации, П. э. исследует прежде всего особые законы каждой из них и лишь в результате этого исследования выясняет немогие законы, общие для всех или неск. формаций. Попытка подвести под одни и те же законы экономику различных по своему характеру и строю обществ не может дать ничего, кроме самых банальных общих мест (см. Ф. Энгельс, там же, т. 20, с. 150—51).

П. э. изучает обществ. отношения произ-ва, к-рые определяют также др. стороны экономич. жизни общества: распределение, обмен (обращение) и потребление (с его обществ. стороны). В каждом данном обществе характер производств. отношений определяет формы распределения, обмена и потребления. Принцип примата произ-ва служит водоразделом между марксистско-ленинской П. э. и различными течениями бурж. П. э., к-рые, выдвигая на первый план отношения распределения, обмена или потребления, не могут дать науч. объяснения капиталистич. действительности.

В обществе, разделенном на классы с противоположными интересами, производств. отношения представляют собой, в конечном счете, отношения между *классами*. Отношение классов к средствам произ-ва закрепляется и оформляется в законах в виде той или иной формы собственности на средства произ-ва. Отношения *собственности* являются юридич. выра-

жением существующих производств. отношений, к-рые представляют собой их реальное содержание.

Классовое деление общества Ленин рассматривал как «основу хозяйственного строя» всякой антагонистич. общественно-экономич. формации (см. Соч., т. 20, с. 179). В каждой такой формации конфликт между производит. силами и производств. отношениями находит свое выражение в *классовой борьбе*, являющейся главной движущей силой развития антагонистич. обществ.

П. э. выясняет объективный характер раскрываемых ею экономич. законов, существ. отличия в способе их действия на различных ступенях историч. развития общества.

В каждой общественно-экономич. формации производств. отношения образуют определ. единство, систему, к-рой соответствует определ. система экономич. категорий. Категории П. э. представляют собой теоретич. выражение самых основных, коренных, массовых производств. отношений. П. э. ведет анализ с т. зр. массовых экономич. явлений, всей совокупности данных об экономич. развитии общества, а не с т. зр. отд. случаев или внешних, поверхностных явлений хоз. жизни. В П. э. речь идет «...о направлении развития в общем и целом. отнюдь не о частностях и поверхностных явлениях, которые не могут быть учтены во всем своем разнообразии и к а к о й теорией» (там же, т. 4, с. 179). Исследуя производств. отношения того или иного способа производства, П. э. пользуется методом науч. абстракции (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 6). Среди бесконечного разнообразия свойств и черт, присущих экономич. явлениям, П. э. выделяет существ., необходимые отношения, играющие определяющую роль для этих явлений. Абстрактные категории П. э., представляя собой отражение в сознании реально существующих отношений и связей, служат орудием все более глубокого познания действительности, раскрывают сущность экономич. явлений и процессов. Восходя от абстрактного к конкретному, П. э. не отходит от истины, а подходит к ней. П. э. таким путем воспроизводит в мышлении картину реальной действительности, выясняет способ проявления экономич. законов. Как и всякая наука, П. э., по словам Ленина, «...показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений» (Соч., т. 20, с. 181).

Характеризуя применение Марксом материалистич. диалектики к П. э., Ленин определил содержание «Капитала» словами: «История капитализма и анализ о н я т и й, резюмирующих ее» (там же, т. 38, с. 315). В марксистско-ленинской П. э. теоретич. исследование воспроизводит в обобщенном виде, очищенном от случайностей и несуществ. моментов, историч. ход развития. Каждый шаг анализа, переход от рассмотрения одной категории к рассмотрению другой воспроизводит обширный историч. материал и соответствует определ. этапам развития экономич. жизни общества. Т. о., *логический метод исследования*, применяемый П. э., представляет собой не что иное, как отражение историч. процесса в абстрактной и теоретически последоват. форме. Законы, раскрываемые П. э., представляют собой законы движения данного способа произ-ва. Выяснение этих законов служит ключом к пониманию процессов развития во всей их сложности и противоречивости. Маркс указывал, что «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 499). Основы марксистской П. э. были заложены Марксом в «Капитале» и в др. трудах, в работах Энгельса. Экономич. учение марксизма было всесторонне развито и обога-

щено Лениным на основе нового опыта историч. развития. Глубоко исследовав и обобщив развитие капитализма за полвека, пропелдшие со времени появления «Капитала» (1867), Ленин создал марксистскую теорию империализма. На основе опыта социалистич. революции в России Ленин разработал принципиальные положения П. э. социализма: изменение цели произ-ва и характера труда в результате ликвидации эксплуатации и установления обществ. собственности на средства произ-ва, планомерный характер развития экономики при наличии стоимостных отношений и хоз. расчета, основы демократич. централизма в социалистич. хозяйствовании, принципы социалистич. организации труда и материальной заинтересованности, сочетание материальных и моральных стимулов к труду и др. Дальнейшее развитие П. э. совр. капитализма и П. э. социализма содержится в решениях и документах КПСС, братских коммунистич. партий и междунар. коммунистич. движения, в Программе КПСС, в документах совещаний представителей коммунистич. и рабочих партий, в работах сов. экономистов, экономистов-марксистов др. стран.

Лит.: Маркс К., Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.), Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12; его же, К критике политической экономии, там же, т. 13; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19; его же, Капитал, т. 1, 2 и 3, там же, т. 23, 24, 25, ч. 1 и 2; его же, Теория прибавочной стоимости, там же, т. 26, ч. 1, 2 и 3; Энгельс Ф., [Рецензия], Карл Маркс «К критике политической экономии», там же, т. 13; его же, Анти-Дюринг, там же, т. 20; его же, Закон стоимости и норма прибыли, там же, т. 25, ч. 2; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же; его же, К характеристике экономического романтизма, там же, т. 2; его же, Рецензия [на кн.] А. Богданов. Краткий курс экономической науки, там же, т. 4; его же, Карл Маркс, там же, т. 21; его же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 22; его же, Очердные задачи Советской власти, там же, т. 27; его же, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30; его же, О продовольственном налоге, там же, т. 32; его же, Философские тетради, там же, т. 38.

Л. Леонтьев. Москва.

ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ (МАПН) — междунар. науч. орг-ция, действующая под эгидой ЮНЕСКО. Осн. цель МАПН, в соответствии с ее Уставом, содействовать развитию политич. науки во всем мире, расширять науч. контакты и обмен информацией между ее представителями в различных странах. Осн. в 1949. В ассоциации представлены 43 страны (1965), в т. ч. СССР, Венгрия, Польша, Югославия, Англия, Франция, Италия, США, Аргентина, Бразилия, Канада, Индия, Индонезия, Япония, Австралия, Ливан, Уганда, Камерун и др. Членами МАПН являются нац. ассоциации политич. наук (27), ассоциированные члены (68) и индивидуальные члены (420). Осн. форма деятельности МАПН — проведение междунар. конгрессов (один раз в три года) и ежегодных конференций «Круглого стола».

На 1-м междунар. конгрессе (1950, Цюрих, 80 участников из 21 страны) обсуждались темы: избират. системы и политич. жизнь; роль гражданина в обществе с планируемой экономикой; союзы между гос-вами. На 2-м конгрессе (1952, Гаага, 200 участников из 31 страны) темы: влияние идеологии на политич. развитие; роль женщин в политич. жизни; местное самоуправление и демократия; о преподавании политич. науки. На 3-м конгрессе (1955, Стокгольм, 275 участников из 36 стран, в т. ч. СССР) темы: управление в крупных городах; политич. партии; бюрократия; большие и малые гос-ва в междунар. орг-циях; сравнит. правоведение. На 4-м конгрессе (1958, Рим, 350 участников из 30 стран, в т. ч. СССР) темы: политич. теория и политич. практика; «группы давления»; соотношение законодат. и испол-

нит. власти; местное самоуправление в молодых гос-вах; контроль над гос. предприятиями; междунар. конфликты. На 5-м конгрессе (1961, Париж, 480 участников из 46 стран, в т. ч. СССР) темы: техно-кратия и гос. управление; взаимоотношение гражд. и военных властей в области внешней политики; адм. проблемы, связанные с использованием атомной энергии. На 6-м конгрессе (1964, Женева, 494 участника из 42 стран, в т. ч. СССР) темы: проблемы федерализма, политич., экономич. и адм. децентрализации; молодежь и политич. жизнь; понятие прав человека в политич. теории.

МАПН издает «International Political Science Abstracts» (с 1954, содержит аннотации на работы в области политич. наук, опубликованные в периодич. изданиях различных стран), а также ежегодник «International Bibliography of Political Science» (с 1952). С 1964 на МАПН возложена подготовка издания «Documentation Politique Internationale». Под грифом ассоциации издано значит. число книг в области политич. науки.

Руководящие органы МАПН: создаваемый конгрессом Совет избирает тайным голосованием президента, вице-президентов и членов Исполкома. На 6-м конгрессе президентом МАПН избран Ж. Фреймон (Швейцария), вице-президентами: С. Эрлих (Польша), Ж. Лаво (Франция), К. Фридрих (США), ген. секретарем С. Юртинг (Франция).

Коллективным членом МАПН от СССР является сов. ассоциация политич. наук (св. 400 чл.). Сов. ассоциация проводит ежегодные собрания, готовит издания в области политич. науки. Руководящие органы — Совет и Исполком. В 1965 президентом сов. ассоциации избран В. М. Чхиквадзе. В. Туманов. Москва.

ПОЛИТЦЕР (Politzer), Жорж (1903—23 мая 1942) — франц. философ-марксист, член ЦК Франц. коммунистич. партии, активный участник Движения Сопротивления. Род. в Венгрии. В 30-е гг. П. совм. с др. прогрессивными деятелями создал в Париже Рабочий (ныне Новый) ун-т, где изучается марксизм. В 1935—36 П. прочел в этом ун-те курс лекций по диалектич. материализму, к-рый лег в основу вышедшей посмертно книги П. «Элементарные основы философии» («Principes élémentaires de philosophie», P., 1946). Находясь с начала 2-й мировой войны в подполье, П. вел активную борьбу против фашизма. В 1941 он выпустил в подпольном издании памфлет «Революция и контрреволюция XX века» («Révolution et contre-révolution au XX siècle», P., 1947), переизданный затем Социальным издательством, — гневный ответ на брошюру фашистского идеолога А. Розенберга «Золото и кровь» (A. Rosenberg, Gold und Blut, Münch., 1941). В мае 1942 П. был арестован при-вом Випи, выдан немцам и расстрелян.

Филос. работы и лекции П. — одна из первых во Франции попыток освещения важнейших проблем философии с позиций диалектич. материализма. Так, в работе «Бергсонизм — филос. мистификация» («Le Bergsonisme. Une mystification philosophique», P., 1947; первое изд. опубли. в 1929 под псевдонимом Ф. Аруэ с назв. «Конец философского парада: бергсонизм» — Arouet F., La fin d'une parade philosophique: le bergsonisme, рус. пер. в сб.: Франц. коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию, М., 1953) П. критиковал филос. и психологич. взгляды Бергсона, его интуитивизм. В полемике с идеализмом П. защищал прогрессивные традиции в истории франц. философии, прежде всего — рационализм Декарта.

Глубоко интересуясь психологич. проблемами, П. сделал попытку создать новую, «конкретную», психологию, к-рая бы принципиально отличалась от традиц. идеалистич. психологии. В 20-е гг. П. испытал значит. влияние фрейдистского психоаналитич. метода, к-рый

привлек его своей тенденцией изучать целостного живого человека, а не его отд. психич. функции. Вскоре П. понял реакц. сущность фрейдизма и в труде «Критика основ психологии» («Critique des fondements de la psychologie», P., 1928), а также в отд. статьях подверг его острой критике. С целью привлечения прогрессивных психологов к созданию психологии на материалистич. основе П. в 1923 основал журнал «Revue de psychologie concrète» («Журнал конкретной психологии», вышло всего два номера); в первом была опубликована статья П. «Мифологич. и науч. психология» («Psychologie mythologique et psychologie scientifique»), во втором — «Куда идет конкретная психология?» («Où va la psychologie concrète?»); позже опубл. как вторая гл. в кн. П. «La crise de la psychologie contemporaine», P., 1947). В своих попытках научно обосновать материалистич. психологию П. допускал ошибки. Однако его борьба против бихевиоризма и фрейдизма, стремление подчеркнуть социальную значимость личности являются несомненным вкладом в науч. психологию.

С о ч.: Les grands problèmes de la philosophie contemporaine, v. 1 — La pensée française et le marxisme, P., 1938; Les grands problèmes de l'économie politique contemporaine, P., 1938; La philosophie et les mythes, «La Pensée», 1939, № 1; Qu'est-ce que le rationalisme?, там же, № 2; Principes fondamentaux de philosophie, P., 1954 (совм. с G. Besse и M. Caveing); в рус. пер. — «Философия просвещения» и совр. мысль, в сб.: Франц. коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию, М., 1953. Лит.: З а в а д с к а я Н. В., Франц. коммунист Ж. П. о кризисе психологии во Франции, «ВФ», 1949, № 1; е е же, К выходу в свет нового учебного пособия по марксистской философии во Франции, там же, 1956, № 1; А н ц и ф е р о в а Л. И., Памяти Ж. П., «Вопр. психологии», 1962, № 3; К у з н е ц о в В. Н., Развитие марксистской философии во Франции после второй мировой войны, М., 1962; N a v i l l e P., Psicologia per l'uomo moderno, seguita da l'intellettuale comunista, Mil., 1959, p. 247—70; С h o m a r a t G., G. Politzer aujourd'hui. Le sens d'un sacrifice, «La Pensée», 1961, № 98; R o e l e n s R., Une recherche psychologique méconnue, там же, 1962, № 103. Т. Сахарова, Москва.

ПОЛНОТА — свойство формальных систем (*исчисления*), характеризующее достаточность для к.-л. определ. целей, их выразительных и (или) дедуктивных средств. П. в первом смысле наз. обычно *функциональной*, во втором — *дедуктивной*. Впрочем, вместо «дедуктивная П.» (в ее различных модификациях, см. *Полнота дедуктивная*) часто говорят просто «П.». Понятие (дедуктивной) П. по своему происхождению носит *семантический* (см. *Семантика* в логике) характер: дедуктивная теория (формальная система) наз. (семантически) *полной* (относительно к.-л. фиксированной *интерпретации*), если каждое выражимое ее средствами истинное (при данной интерпретации) предложение доказуемо в ней; в противном случае система наз. *неполной*. Более общо: система наз. *полной* по отношению к нек-рому св-ву, если все ее формулы, обладающие этим св-вом, доказуемы (это понятие сводится к предыдущему, если в качестве рассматриваемого св-ва формул иметь в виду истинность выражаемых ими при нек-рой интерпретации предложений). Для широкого класса формальных систем (в частности, для прикладных исчислений предикатов первого порядка с равенством — см. *Предикатов исчисление*) указанные (и родственные им) семантич. понятия допускают и чисто *синтаксическую* (см. *Синтаксис* в логике) переформулировку. Напр., формальная система наз. (формально) *полной*, если присоединение к ней любой недоказуемой в ней формулы (выразимой на языке нерасширенной теории) приводит к ее противоречивости (см. *Непротиворечивость*). Для широкого класса исчислений из их П. в указ. смысле следует их разрешимость (см. *Разрешения проблемы*). Т. о., проблема П. формальной системы, означающей по существу П. (в самом буквальном смысле слова) отображения формально-ак-

сиоматич. средствами соответств. содержат. область (научного) знания (см. *Формализация, Метод аксиоматический*), становится в ряде случаев предметом точного (пользующегося матем. методами) рассмотрения в рамках спец. матем. дисциплины, названной Д. Гильбертом *метаматематикой*, или теории доказательства (см. *Метатеория*). (Следует, впрочем, отметить, что не всякое понятие П. может быть выражено — не говоря уже о решении — метаматем. средствами; это относится, напр., к такому «неэффективному» по своему заданию понятию, как «П. относительно произвольной интерпретации».) В ходе метаматем. исследований был получен ряд важнейших результатов о П. различных логич. исчислений (Э. Пост, К. Гёдель). С др. стороны, ряд результатов, важнейшим из к-рых безусловно является теорема Гёделя о неполноте (и неполнотности) формальной арифметики (в этой связи весьма важны также результаты Чёрча и Тарского), послужили одним из стимулов к поискам более широких средств формализации науч. теорий и более сильных дедуктивных средств. Следует также отметить, что П. отнюдь не является необходимым условием плодотворности конкретной формализации науч. теории; более того, именно неполные теории, в силу возможности неизоморфных их расширений (см. *Изоморфизм, Категоричность системы аксиом*), имеют разнообразные приложения, чем и определяется их науч. ценность.

Лит. см. при ст. *Полнота дедуктивная*, Ю. Гастев, Москва.

ПОЛНОТА ДЕДУКТИВНАЯ — свойство формальной системы (*исчисления*), характеризующее достаточность его дедуктивных средств с т. зр. нек-рых фиксированных критериев (содержательных или формальных). В зависимости от характера выбранного критерия приходят к той или иной модификации понятия П. д. (эти различные модификации обозначают различными терминами, прямо или косвенно указывающими на выбранный критерий, так что эпитет «дедуктивная» при характеристике родового понятия полноты, как правило, опускают, поскольку нет опасности смешения с др. понятиями, в частности с понятием *полноты функциональной*). Содержательным критериям П. д. может быть придана как положительная, так и отрицательная форма. В первом случае имеется в виду, что система *полна*, если ее *постулаты* (правила преобразования) дают все, что нужно для нек-рой цели. Если, напр., задано нек-рое свойство формул рассматриваемой системы (или к.-л. их *интерпретация*), то система наз. *полной* по отношению к данному своему свойству (или интерпретации), если все формулы, обладающие данным свойством (или соответственно выражающие предложения, истинные при данной интерпретации), доказуемы в этой системе. Отрицательные формулировки критериев полноты указывают на нек-рый нежелательный результат, к-рый наступает, если к *полной* системе формул присоединить недоказуемую в этой системе формулу. Простейшим примером такого нежелательного результата может служить противоречивость расширенной таким путем системы.

Поскольку указанные критерии П. д. связаны с нек-рыми семантическими понятиями (истинностью, интерпретациями и т. п.), получающиеся на их основе понятия также носят семантич. характер. Однако в ряде случаев такого рода критериям удается придать чисто *синтаксическую* (см. *Синтаксис* в логике) формулировку и, т. о., перейти от понятия семантич. полноты к т. н. формальной («синтаксич.») полноте. Примером понятия формальной полноты может служить уже упомянутое свойство формальной системы, заключающееся в том, что присоединение к ней недоказуемой в ней формулы этой системы в качестве *аксиомы* (или — если первоначальная

система строилась с помощью *схем аксиом* — в качестве схемы аксиом) нарушает ее (простую) *непротиворечивость*. Это, вообще говоря, более сильно по сравнению со свойством полноты относительно (тождественной) истинности (к-рую часто наз. полнотой в широком смысле) понятие наз. также полнотой в узком смысле, или абсолютной полнотой. [Если же в этом случае непротиворечивость понимается в смысле определения Э. Поста (1921; тогда же им была установлена П. д. исчисления высказываний), т. е. как недоказуемость ф-лы f (где f — пропозициональная переменная), то приходят к понятию полноты в смысле Поста.]

Понятие П. д. носит существенно различный характер для разных категорий формальных систем. Если, напр., понятие П. д. (в широком смысле) для исчисления высказываний может быть охарактеризовано как синтаксич. понятие в т. н. финитных терминах (см. *Метатеория*), то для *предикатов исчисления* соответствующее понятие полноты относительно произвольной интерпретации предметной области оказывается уже существенно неконструктивным (не выражаемым в терминах финитизма), так что установление П. д. в широком смысле для исчисления предикатов (К. Гёдель, 1930) выходит за рамки метаматематики в гильбертовском смысле. (В узком смысле исчисление предикатов неполно.)

Для прикладных логико-матем. исчислений [т. е. для систем, содержащих предметные и (или) предикатные константы], напр. для формальной арифметики, вводится понятие т. н. простой полноты: система наз. просто полной, если каждая ее замкнутая формула является формально разрешимой (т. е. доказуемой или опровержимой — см. *Неразрешимая формула*), и просто неполной в противном случае. Если такая система непротиворечива по отношению к к.-н. интерпретации, то ее простая полнота и полнота по отношению к данной интерпретации являются эквивалентными понятиями. Если любое непротиворечивое усиление (расширение) формальной системы (т. е. система с тем же алфавитом и правилами образования формул, в к-рой доказуема всякая формула исходной системы) (просто) неполно, то такая система наз. *неполной*. Неполнотность аксиоматич. арифметики, доказанная К. Гёделем, — один из принципиальнейших результатов в области оснований математики, установивший пределы возможности как гильбертовской концепции формализации математики, так и метода формализации вообще (о его гносеологич. значении см. *Метод аксиоматический, Метатеория, Формализация*).

Наряду с упомянутыми понятиями П. д. и их многочисл. модификациями в *математической логике* большую роль играет понятие т. н. *ω-полноты* (А. Тарский, 1933). Формальная система, среди термов к-рой имеются обозначения для натуральных чисел, наз. *ω-полной*, если для каждой ее формулы $\varphi(x)$ со свободной переменной x из доказуемости всех формул $\varphi(0), \varphi(1), \varphi(2), \dots$ следует доказуемость формулы $\forall x\varphi(x)$; в противном случае система наз. *ω-неполной*. Понятие *ω-полноты* существенно сильнее понятия (простой) полноты: существуют полные, но *ω-неполные* системы. Разумеется, присоединение к системе «нонфинитного» правила *бесконечной индукции* в качестве постулированного правила вывода приводит к эквивалентности понятий полноты и *ω-полноты*.

Понятие формальной полноты для т. н. элементарных теорий, т. е. для теорий, основанных на исчислении предикатов первого порядка с равенством и включающих конечное число аксиом, совпадает с понятием категоричности (см. *Категоричность систе-*

мы аксиом): все модели полной элементарной теории изоморфны (см. *Изоморфизм*).

Различные варианты понятия полноты определяются также для отд. классов формул, в т. ч. специально для систем постулатов (нелогич. аксиом).

См. также *Полнота, Предикатов исчисление*.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 29, 37, 42, 72 (есть библи.); Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, § 18, 32, 54, 55 (есть библи.); Новиков П. С., Элементы математической логики, М., 1959, гл. 2, § 10, гл. 3, § 7, гл. 4, § 6, 17, 19; Френкель А., Бар-Хилдл И., Основания теории множеств, пер. с англ., М., 1966, гл. 5, § 4 (есть библи.); Гильберт Д., Аккерман В., Основы теоретической логики, пер. с нем., М., 1947, гл. 1, § 13, гл. 3, § 10; Гудстейн Р. Л., Математическая логика, пер. с англ., М., 1961, гл. 1, 2, 4. Ю. Гаснев. Москва.

ПОЛНОТА ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ — характеристика выразительных возможностей класса функций или формальных выражений («словаря», или «алфавита») и системы правил комбинирования элементов этого класса («грамматики»), играющая важную роль в *математике, математической логике* и ее приложениях. Напр., семейство функций, принадлежащих некому классу функций, наз. полным относительно этого класса (и относительно некого заданного запаса допустимых операций над функциями), если любую функцию этого класса можно выразить через функции данного семейства (с помощью допустимых операций над ними). Иными словами, функционально полная система образует «базис», исходя из к-рого можно построить любую функцию некого класса с помощью определенных заранее операций. («Функциональная» терминология здесь не столько обусловлена существом дела, сколько свидетельствует о «теоретико-функциональном» происхождении понятия П. ф. или связана с этимологией самого слова «функция» — «назначение»; понятие П. ф. носит скорее лингвистический — в достаточно широком смысле этого слова, — нежели специально матем. характер.) В качестве таких операций часто выбирают одну единств. операцию — суперпозицию (т. е. последоват. применение) данных функций (или, в «языковой» формулировке, сочленение, т. е. последоват. выписывание исходных «слов»).

П. ф. служит весьма существ. характеристикой выразит. возможностей логич. системы; так, П. ф. к.-л. системы *логики высказываний* служит гарантией того, что любая пропозициональная функция выразима формулой такой системы. Примеры полных систем логич. функций (операций) логики высказываний можно найти в ст. *Алгебра логики*. В технич. приложениях двузначной логики (и более сложных систем, напр. трехзначных логик — см. *Многозначная логика*) П. ф. чрезвычайно существенна: набор функциональных элементов, из к-рых собирается к.-л. автоматич. система, моделирующая, напр., некие определ. св-ва и функции нервной системы человека, должен быть функционально полным относительно этих моделируемых св-в и функций, т. е., попросту говоря, его должно «хватать» для выполнения поставл. задачи. (Таковы, в частности, в силу практич. необходимости, наборы функциональных элементов электронно-вычислит. машин по отношению к широкому классу программируемых и решаемых на них задач.) Не менее важна и теоретико-познават. сторона дела — на вопрос «А хватит ли выбранного базиса для того, чтобы выразить все, что нас интересует?» положит. ответ может быть дан только в форме *доказательства* П. ф. выбранного базиса относительно точно охарактеризованного класса «всего того, что нас интересует». Т. о., П. ф. — это полнота средств выражения, достаточность языка (для определ. целей). Для формальной системы (исчисления), предназначенной для формализации к.-л. теории, П. ф. множества элементарных

правил формул и правил образования относительно записей предложений этой теории есть первое необходимое условие пригодности этой системы для поставл. цели. В то же время П. ф. ничего не говорит о возможности вывода в системе сформулированных в ней предложений — соответствующая характеристика «логической силы» дается понятием *полноты дедуктивной*.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 29; Н о в и к о в П. С., Элементы математической логики, М., 1959, гл. 1, § 5. Ю. Гаснев. Москва.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЛОГИКА — логика без отрицания; точнее — *логическое исчисление*, в языке к-рого отсутствует операция отрицания (и вообще нет средств для выражения логич. отрицания в любой его форме), так что в содержат. дедуктивной логике, являющейся моделью такого исчисления, разрешается «принимать» утверждения (но соответств. правилам исчисления), но не разрешается (правилами этого исчисления) к.-л. утверждение «опровергнуть». (Подразумевается, что «опровергнуть» утверждение A равносильно тому, что «принять» утверждение $\neg A$, где \neg — знак отрицания.)

Тем не менее часто считается, что если в числе осн. логич. связей к.-л. исчисления имеется \neg и \rightarrow и \wedge и \vee , «акт» отрицания в нем заведомо выразим в своего рода «положительной» форме, а именно в форме определения: 1.1) $\neg A =_{df} A \supset f$, где f — к.-л. ложное предложение. Но если при этом исходить из распространённого мнения, что истолкование предложения как ложного невозможно без использования отрицания (сказать « A — ложно» есть лишь др. способ утверждать «не- A »), то кажется, что в истолковании f фактически еще до определения предполагается идея (акт) отрицания, вводимого посредством 1.1), т. е. имеется очевидное *petitio principii*. [Сказанное не относится, конечно, к характерному для *минимальной логики* (в той ее формулировке, согласно к-рой используется только 1.1) в дополнение к аксиоматике П. л.) случаю истолкования f как пропозициональной константы (или, по И. Йоганссону (Йогансону), как *переменной* без права подстановки вместо нее).]

Вариант положит. исчисления может быть описан в терминах узкого *предикатов исчисления*, напр. с помощью след. *схем аксиом*:

- 1.2) $A \supset (B \supset A)$,
- 1.3) $(A \supset (A \supset B)) \supset (A \supset B)$,
- 1.4) $(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$,
- 1.5) $A \& B \supset A$,
- 1.6) $A \& B \supset B$,
- 1.7) $(A \supset B) \supset ((A \supset C) \supset (A \supset B \& C))$,
- 1.8) $A \supset A \vee B$,
- 1.9) $B \supset A \vee B$,
- 1.10) $(A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset (A \vee B \supset C))$,
- 1.11) $\forall \alpha A(\alpha) \supset A(\beta) \supset \exists \alpha A(\alpha)$,

правила *modus ponens* и правил для *кванторов*

$$1.12) \frac{C \supset A(\beta)}{C \supset \forall \alpha A(\alpha)}; \quad 1.13) \frac{A(\beta) \supset C}{\exists \alpha A(\alpha) \supset C}$$

полагая, что α обозначает связанную переменную, а β — отличную от α свободную переменную, к-рой для правил 1.12) и 1.13) не содержится ни в $A(\alpha)$, ни в C .

Кроме положит. исчислений, в формулировку *аксиом* (схем аксиом) и (или) *правил вывода* к-рых входят *конъюнкция*, *дизъюнкция*, *импликация* (и, возможно, *эквиваленция*), рассматривают т. н. *импликативные положительные исчисления* с единственной логической операцией —

импликацией. Импликативная П. л. высказываний может иметь, напр., только две аксиомы: 2.1) $A \supset (B \supset A)$ и 2.2) $(A \supset (B \supset C)) \supset ((A \supset B) \supset (A \supset C))$ (т. н. аксиомы Лукасевича); или два правила вывода (и никаких аксиом): правило введения импликации (аналог *теоремы о дедукции*) и правило *modus ponens*, к-рые образуют импликативное положительное *натуральное исчисление* высказываний, эквивалентное исчислению, основанному на аксиомах Лукасевича (этот результат получен польским логиком С. Яськовским в 1934). Присоединение к импликативной П. л. высказываний аксиомы $(A \supset B) \supset ((A \supset B) \supset A)$, или соответствующего ей правила *reductio ad absurdum*, дает минимальную логику Колмогорова, а аналогичное добавление к аксиомам 1.2) — 1.10) — минимальную логику Йоганссона. [Различие обеих логик существенно, поскольку в интуиционистских исчислениях связи $\&$ и \vee не определяются (см. *Определимость*) в терминах \supset и \neg .]

Очевидно, что утверждения, содержащие отрицание, неформализуемы и недоказуемы в П. л. Напротив, все утверждения П. л. имеют силу в интуиционистской и классич. логике. Поэтому положит. исчисления обычно рассматривают как «частичные системы» (как подсистемы) более сильных логич. исчислений, получающихся из исчислений П. л. путем последоват. добавления соответств. аксиом (см. об этом в ст. *Отрицание*).

Иногда рассматривают и др. (частичные) системы. Напр., исчисление, соответствующее логике, основанной на единств. логич. операции — *сравнении* и (эквивалентности), может состоять всего из одной аксиомы: $((A \equiv B) \equiv ((B \equiv C) \equiv (A \equiv C)))$ и обладает следующей особенностью: каждая формула этого исчисления, имеющая четное число вхождений каждой ее переменной, является теоремой. Указанное исчисление является «частичным» по отношению к классической (по не интуиционистской) логике.

П. Верайне исследовал систему *натурального вывода* с двумя логич. операциями: \supset и $\&$, в к-рой предполагается своего рода иерархия смыслов понятия предложения, а именно $A \supset B$ есть предложение в др. смысле, чем его составляющие A и B . Возможна двойственная система с \supset и \vee , а также система только с $\&$ и \vee , в к-рой, как показал Х. Керри, определяема импликация, если предполагать *дистрибутивность* $\&$ и \vee .

Идея П. л., принципиально отличной от рассмотренных выше частичных систем, принадлежит голл. математику Г. Ф. К. Гриссу, предложившему программу интуиционистской математики без отрицания (1944). Вообще говоря, уже *интуиционистскую логику* можно было бы назвать положительной, правда не в том смысле, что она не использует отрицания, а в том, что она стремится придать понятию отрицания положит. смысл на основе т. н. *принципа позитивности* (А. Гейтинг): каждое матем. или логич. предложение должно быть результатом построения (конструкции). В соответствии с этим принято считать, что отрицат. предложения (предложения о несуществовании) в интуиционистской математике вводятся только путем построения *противоречия*, используя правило *доказательства от противного* (*reductio ad absurdum*), т. е. в общем случае $\neg A$ будет интерпретироваться след. образом: допустив A , мы вывели противоречие. Но именно против *reductio ad absurdum* как правила, не соответствующего «позитивной» программе Брауэра, и направлена критика Грисса. Это несоответствие состоит, по его мнению, в том, что *reductio ad absurdum* требует введения не *реализуемых* (не осуществимых) допущений. Напр., допустив $x=2$ для дробных значений x , мы, конечно, приходим к противоречию, ибо для каждого такого x первый член уравнения отличен от второго (пример Грисса). Но полагать осуществленные (считать осуществленными) построения и доказательства и выводить отсюда противоречие — это в общем случае, по мнению Грисса, не согласуется ни с очевидностью, ни с конструктивной интуицией, на основе к-рой строятся матем. объекты. В строгом

смысле, допущения тоже должны быть «позитивными», и их можно разрешать только в тех случаях, когда установлено существование объектов (матем. сущностей), удовлетворяющих этим допущениям. Соответственно имеют смысл только такие системы аксиом, для которых заведомо установлено существование *моделей* (*интерпретации*). Отказ от *reductio ad absurdum* ведет к отказу от всех рассуждений посредством отрицания (ибо, строго говоря, это единств. правило «введения» отрицания в интуиционистской логике). Вместо отрицания, — в качестве основного (наряду с тождеством) понятия «интуиционизма без отрицания», — Гресс вводит понятие различия. По существу это введение обусловлено двумя фундаментальными актами нашей мыслительной деятельности: тождеством и различием объектов; актами, которые протекают всецело на интуитивном уровне (в плане т. н. наличного бытия, «обстояния») или в конечном счете сводятся к таковому. Поэтому даже истолковывая термин «различный» как «нетождественный», мы не вводим отрицание в собств. смысле слова, как это имеет место в случае принятия несущественных допущений.

В этой связи и термину «противоречие» можно придать очень узкий смысл, понимая под этим, напр., возможность вывести $1=2$ (т. е. утверждение о тождестве заведомо различных объектов) в конечном (практически осуществимое) число шагов. Для констатации указанного противоречия не требуется понятия отрицания, но если бы мы захотели его определить как $\neg A = A \supset 1=2$, не принимая больше никаких аксиом и правил для отрицания (Н. Феврие), знак \neg получил бы вполне «положительный» (в духе интуиционизма) смысл (такое отрицание можно было бы назвать *мипималъным*). Однако с т. зр. Гресса, гл. вопрос: *реализуемо ли нереализуемо A* (в смысле приведенного выше примера), и поэтому указанное определение только по видимости осмысленно (что, кажется, оградает позицию Гресса от той критики, к-рая содержится (со ссылкой на П. Гилмора) в кн.: А. Френкель, И. Бар-Хиллел, Основания теории множеств, М., 1966, гл. 4, § 4).

Отказ от отрицания в свою очередь влечет ряд следствий для интуиционистской теории множеств («видов»). В частности, Гресс отказывается от «пустых» (см. *Пустое*) множеств. Соответственно теоретико-множеств. произведение определяется только для таких множеств, которые имеют хотя бы один общий элемент. Истолкование логич. операций в П. л. Гресса определяется смыслом соответств. теоретико-множеств. операций, поскольку первые для него являются производными от вторых.

Литт.: Черч А., Введение в матем. логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, § 26; Гейтинг А., Интуиционизм, пер. с англ., М., 1965, с. 149—51; Griss G. F. C., Negatieve intuitionistische wiskunde, «Verslagen Ned. Akad. Wetenschappen», 1944, v. 53, № 5, p. 261—68; его же, La mathématique intuitioniste sans négation, «Nieuw arch. wiskunde», 1955, № 3; Destouche F.-Février P., Esquisse d'une mathématique intuitioniste positive, «Compt. rendus des séances de l'Acad. des sciences», 1947, t. 225, № 25; Rasiowa H. and Sikorski R., The mathematics of metamathematics, Warsz., 1963, p. 460—88. М. Новоселов. Москва.

ПОЛОЦКИЙ, Симеон (1629—80) — белорус. и рус. писатель, ученый, обществ. деятель. См. *Симеон Полоцкий*.

ПОЛЬСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ. Традиции польской филос. мысли восходят к 13 в., когда в Зап. Европе появились первые ученые и философы польского происхождения, напр. Вителло из Силезии (ок. 1225—1290), оптик и философ, произведения к-рого приобрели общевроп. известность; предпринимаемая попытка положить в основу философии естественнонауч. исследования, он развил философию природы, продолжавшую концепции араб. неоплатоников и близкую по

своим осп. тенденциям к оксфордской школе. Интенсивное развитие филос. и обществ. мысли на польских землях берет свое начало на рубеже 14 и 15 вв., причем академич. философия, связанная с Краковской академией (осн. в 1364 и восстановл. в 1400), формировалась почти одновременно с проникающей в Польшу идеологией плебейских сектантских движений, особенно гусизма, а также — гуманистич. идей эпохи Возрождения, нашедших здесь достойных выразителей. В рамках академич. философии боролось два гл. течения поздней *схоластики*: *via antiqua*, включавшее томистов и последователей *Иоанна Дунса Скота* [Михал из Быстрикова (1450—1520) и его ученик Ян из Стобницы (1470—1530); среди реалистов Ян из Глогова (1445—1507), Якуб из Гостынина (ум. 1506) и Михал из Вроцлава (ум. 1534)], и *via moderna*, охватывавшее номиналистов, гл. обр. сторонников *Оккама* [Станислав из Скарбимежа и Якуб из Парадыжа (1380—1464), определ. идеи номинализма нашли также отклик во взглядах *Матеуша* из Кракова]. В 1-й пол. 15 в. в филос. концепции краковских представителей *via moderna* стали исходным пунктом новаторских политико-правовых теорий, содержавших, в частности, идею реформы церкви, принципов суверенности королевской власти по отношению к римской курии, а также требование различения захватнических и справедливых войн как правовой основы войны и мира. Параллельно академич. философии в Польше развивалась радикальная гуситская мысль, выдающимся представителем к-рой был Енджей Галка из Добчица (ок. 1400—51). Распространение гуманистич. идей Возрождения во 2-й пол. 15 в. связано с именами *Гжегожа* из Санока и Филиппа Каллимаха (1437—96), итальянского гуманиста, поселившегося в Польше.

Расцвет филос. мысли эпохи Возрождения, наступившей в Польше с конца 15 в. и в 16 в. (названном «золотым веком» польской культуры), был связан с прогрессом естеств. наук, с возрождением античной философии, развитием общественно-политич. и этич. лит-ры, а также с реформационным движением. Все это стало возможным на базе изменившейся социально-экономич. структуры страны. Кульминац. достижением польской мысли эпохи Возрождения была гелиоцентрич. теория *Коперника*, послужившая началом великого переворота в мышлении того времени и в общем взгляде на мир; правда, в Польше она не имела таких радикальных науч. и филос. последствий, как в Зап. Европе (*Бруно*, *Галилей* и др.), однако и здесь ося содействовала освобождению естествознания от гнета теологии и схоластич. философии. Вначале возрождение антич. философии нашло выражение в характерном для эпохи Ренессанса развитии *эпикуреизма* (*Гжегож* из Санока, Филипп Каллимаха) и *платонизма* (*Адам* из Ловича, ум. 1514), а позже — в развитии *стоицизма*, к-рый явился основой антисхоластич. деятельности Якуба Гурского (ок. 1525—85) и Адама Бурского (ок. 1560—1611), провозгласившего еще до Ф. *Бэкона* создание новой логики науч. исследований, осн. на опыте и индуктивном рассуждении. Аристотелизм также приобрел в Польше облик, типичный для эпохи Возрождения, в осп. благодаря деятельности С. *Петрици*, переводчика и комментатора произв. Аристотеля, относящихся гл. обр. к т. н. практич. философии (этике, политике и экономике). Происходившие в 16 в. социально-экономич. изменения, связанные, с одной стороны, с началом капиталистич. накопления, с другой — с развитием шляхетских поместий и отношения крепостной зависимости в деревне, нашли отражение в богатой социально-политич. лит-ре того периода [напр., соч. *Осторога* «*Monumentum*», содержащее острую критику папского Рима и прогрессивную программу гос. и обществ. реформ, трактаты

Коперника и экономиста Людвика Децпуша (ок. 1485—1545) о деньгах, сочинения Шпмона Марциуса из Шильна (1515—74) об организации школьного дела). Крупным представителем обществ.-политич. мысли того периода был *Моджевский*, один из пионеров государственного нового времени, требовавший уравнения всех сословий перед лицом судебного права и отстаивавший идеи веротерпимости.

С сер. 16 в. творческая и прогрессивная филос. и обществ. мысль в Польше развивалась гл. обр. в русле реформации, социальной почвой к-рой служила гор. буржуазия, а также шляхта, стремившаяся в борьбе с магнатами и церковью занять господств. положение в гос-ве. С реформацией была связана как передовая общественно-политич. лит-ра, так и науч. и филос. деятельность иноверч. школ, и прежде всего — интеллектуальных кругов, сосредоточенных вокруг гимназии *Чешских братьев* в Лешне, где протекала деятельность, в частности, *Коменского* (нашедшего здесь убежище в 1628—56) и врача и естествоиспытателя *Йонстопа*, а также — в Ракове вокруг академии *Польских братьев*, нек-рые из к-рых пришли к идеям утопич. коммунизма. К традициям этого течения позже обращались польские демократич. движения. Католицизм, связанный с контрреформацией, усилился после Тридентского собора (1545—63). Выражением взглядов и стремлений контрреформации была политич. и филос. публицистика Станислава Ожеховского (1513—66), выдвинувшего теократич. программу подчинения гос-ва церкви. С конца 16 в. орден иезуитов подчинил себе всю систему школьного образования; процветавшие иноверческие интеллектуальные центры (особенно в Лешне и Ракове) были ликвидированы, а Польские братья в 1658 были изгнаны. Подавление реформационного движения, насчитывавшего в своих рядах мн. крупных мыслителей и писателей, ускорило процесс упадка культуры в стране. Под воздействием католич. контрреформации в академич. школах (особенно в Ракове и в академии иезуитов в Вильно) началась реставрация схоластики (преимущественно томистской), что вызвало почти полный застой академич. философии в Польше. В течение 17 и 1-й пол. 18 вв. эта философия (за исключением логики, к-рая достигла определ. успехов в области систематизации) занималась бесплодными спекуляциями. Упадок духовной жизни в Польше и интеллектуальный маразм шляхты еще более усугубился в т. н. саксонский период (1697—1763). Лишь в середине 18 в. перед лицом непосредств. угрозы для независимости страны со стороны Австрии, Пруссии и России (к-рые позже произвели разделы Польши), нек-рым наиболее просвещенным кругам магнатов и шляхты стала очевидна необходимость экономических, социальных и политич. реформ. На фоне безраздельно господствовавшей до тех пор схоластич. философии стали проявляться устремления, открывающие в польской мысли эпоху *Просвещения*, к-рая продолжалась до 20-х гг. 19 в. Совокупность экономич., политич. и духовных изменений, связанных с польским Просвещением, была детерминирована политич. ситуацией Польши и ходом историч. событий (разделы 1772, 1793, 1795), положившим конец существованию независимого польского гос-ва. Постоянно возрастающая угроза потери независимости и отчаянные попытки вывести Польшу из острого политич. и экономич. кризиса превратились в гл. факторы, формирующие интересы и тематику филос. творчества представителей польского Просвещения. Помимо этого, польскую филос. мысль этого периода существенно отличает от др. нац. разновидностей философии Просвещения осознание необходимости выхода польской духовной культуры из депрессии «саксонского периода» и возобновления прерванных контактов с европ.

наукой и философией. Практич. выражением просветит. стремлений в 70—80-х гг. 18 в. была деятельность Комиссии нац. просвещения (первого в Европе министерства просвещения), к-рая произвела глубокую реформу школ всех ступеней. В 80-х гг. 18 в. борьба за политич. и социальные реформы стала гл. сферой интересов польской просветит. мысли. Центром просветит. мысли того периода являлась «Кузница Коллонтая» (группа писателей и публицистов, сосредоточенных вокруг *Коллонтая*), проповедовавшая идеологию т. н. польского якобинства. Философия польского Просвещения нашла наиболее полное отражение в трудах ее гл. представителей: Коллонтая, С. Сташца (1755—1826), Я. *Снядецкого*, Е. *Снядецкого*. Их объединял отказ от схоластич. философии и метафизич. спекуляций и стремление создать новую филос. картину мира, осн. на результатах науч. исследований. В принципиальных своих чертах эта картина имела детерминистический, натуралистический, в основном материалистич. характер. В трудах Коллонтая и Сташца нашел выражение своеобразный просветит. историзм, к-рый явился исходным пунктом новой историч. концепции, развитой в 19 в. *Лелевелем*. С начала 19 в. в польской просветит. философии стали обнаруживаться черты кризиса, возникло польское кантанство [Юзеф Каласанты Шанявский (1764—1843), Феликс Яроньский (1777—1827)] и «философия здравого смысла» *шотландской школы*. Философия Просвещения оказалась не в силах решить проблемы наступающей эпохи. Это особенно явно сказалось в период Королевства Польского, когда в центр филос. интересов выдвинулись проблемы прогресса и революции.

Развитие польской обществ.-политич. и филос. мысли в 1-й пол. 19 в. было тесно связано с нац.-освободит. борьбой, а также с социальными изменениями, происходившими в Польше (разложение феод.-крепостнических и формирование капиталистич. производств. отношений). В специфич. условиях нац.-гнета центр. обществ.-политич. проблемой было объединение борьбы за независимость с борьбой за ликвидацию феодально-крепостнич. угнетения. Поэтому развитие прогрессивной польской обществ. и филос. мысли было тесно связано с последоват. решением этой проблемы и эволюцией польского революц. движения от дворянско-революционного к революционно-демократическому. Первые десятилетия 19 в. (до нояб. восстания 1830) были периодом зарождения и развития дворянско-революц. движения, идеология к-рого была тесно связана с романтич. лит-рой (филматы, *Могнацкий*, нем. *романтизм*) и с философско-историч. концепцией Лелевеля. Политич. платформа дворянского движения проредела коренную эволюцию: от реформ к революц. борьбе за независимость. Ноябрь. восстание и его поражение явились необходимым пунктом дальнейшей обществ.-политич. радикализации прогрессивного крыла польского нац.-освободит. движения. В нем оформились два течения: дворянско-демократическое, провозгласившее широкую демократич. программу обществ. изменений, но искавшее мягких, либеральных средств разрешения существ. социальных конфликтов, и революц.-демократическое, выдвинувшее программу аграрной революции как условие нац. освобождения Польши и видевшее путь к этому освобождению в самостоятельной и непосредств. революц. деятельности нар. масс [в эмиграции — идеологией громада «Люда Польского» Тадеуш Кремповецкий (1798—1847), Станислав Ворцель (1799—1857), в стране — Петр Сцегеный (1800—90) и *Дембовский*, наиболее последовательные из польских революц. демократов 1-й пол. 19 в.]. В 60-х гг. 19 в. революц.-демократич. программу развивали, в частности, герои Парижской Комму-

ны Ярослав Домбровский (1836—71) и Валерий Врублевский (1836—1908). Сущест. чертой всей польской демократич. мысли в 1-й пол. 19 в. было развитие идей *утопического социализма*, тенденции к к-рому проявлялись в обоих течениях: в Польском демократич. об-ве — у Хенрика Каменьского (1812—1865), у Людвика Круликовского (1794—1883) и у идеологов громад «Людэ Польского». В развитии социалистич. идеалов важную роль сыграл франц. утопич. социализм, а в формировании революц. позиций — контакты с рус. революционерами: декабристы, Герцен, Огарев, Чернышевский.

Консервативная и умеренная обществ.-политич. мысль в Польше в 1-й пол. 19 в. была представлена традиционно-католическим [Ян Павел Воронич (1757—1829), Хенрик Жевуский (1791—1866), Элеонора Земенцкая (1819—69) и др.] и консервативным направлениями [Шанявский, Юзеф Голуховский (1797—1858), Александр Велёпольский (1808—77)], отрицательно относившимися к нац.-освободит. движению; либерально-помещичьим, для к-рого было характерно отделение нац.-освободит. борьбы от революц. обществ. изменений (согласно лозунгу «прежде — быть, а затем — как быть»).

В связи с тем, что в центре идеол. борьбы стояли прежде всего проблемы общественного, в частности нац., развития, особое мировоззренч. значение в тот период имели филос.-историч. концепции (в частности, концепция Лелевеля). Специфическую для польской филос. мысли 19 в. форму приобрело понимание нац. проблематики в польском *мессианизме*, приписывавшем польской нации призвание спасения человечества. Польский мессианизм был неодроден как в генетич. и идейно-политич. отношении, так и с т. зр. теоретич. позиций. Наиболее широкое идеол. влияние имела та его форма, в к-рой он выступил в польской поэзии «Великой эмиграции», особенно в произв. Юлиуша Словацкого (1809—49); здесь мессианизм соединялся с революционно-демократич. тенденциями и требованием солидарности народов. Иной вид он приобретал в соч. *Мицкевича* и Анджея Тoviaнского (1799—1878), нашедшего «спасителя» человечества в своем лице, и в теоретич. деятельности Юзефа Вроньского-Хёне, к-рый видел особую создат. силу в собств. философии. Специфич. форму, связанную с признанием исконч. характера польской философии как принадлежащей «избранной нации», польский мессианизм приобрел в т. н. национальной философии, представленной А. Цешковским (1814—94), Брониславом Трентовским (1808—69), *Либельтом* и *Креммером*; поэтич. выразителем мессианистич. идей был Зыгмунт Красиньский (1812—59). Согласно «национальной философии», историч. миссия польской нации должна была состоять в том, чтобы связать нац. освобождение с избавлением Европы от надвигающейся революции и направить ее на путь «истинь» и «социальной гармонии». В противовес «национальной философии» в Польше сформировалось наиболее зрелое течение демократич. филос. мысли, представителями к-рого были *Каменский* и *Дембовский*. От Гегеля они восприняли принцип отрицания и диалектич. концепцию историч. развития как основу для понимания антагонистич. характера социального прогресса и роли революции в преодолении этих антагонизмов; они синтезировали гегелевский историзм с франц. социализмом. В последний период филос. эволюции Дембовского его взгляды содержали зачатки диалектико-материалистич. мировоззрения.

С 50-х гг. 19 в. в польской философии все чаще стали выражаться позитивистские идеи [Михал Винневский (1794—1865), Адриан Кшижановский (1788—1852), Доминик Шульц (1797—1860), Юзеф Сунь-

ский (1804—93)]. Неудача январского восстания 1863, утрата политич. надежд привели к тому, что *позитивизм* как филос. концепция, связанная с развитием капиталистич. строя, с апологией «органического труда», стал все шире проникать в круги польской интеллигенции. Гл. его представители — Францишек Крупиньский (1836—98), Владислав Козловский (1832—99), Юлиан Охорович (1850—1917), *Марбург*.

Дальнейшее развитие капитализма, а вместе с ним развитие рабочего класса и зарождение польского рабочего движения в 70-х гг. 19 в. явились историч. предпосылками для зарождения в Польше марксизма. В 1878—86 появилось первое поколение польских марксистов: Людвик Варыньский (1856—89), Шимон Дикштейн (1858—84), Бронислав Бялоблочки (1861—1888), *Крусиньский*, а также *Крживицкий* (Кшивицкий) — видный представитель историч. материализма в Польше. Последующее развитие марксистской идеологии привело к образованию в ней двух тенденций: революционной, связанной с с.-д-тией Польши и Литвы (гл. теоретики *Мархлевский* и *Люксембург*) и правой социал-демократической, связанной с националистич. группировками Польской социалистич. партии (гл. теоретик — *Келлес-Крауз*). Марксизм оказал влияние на формирование взглядов *Абрамовского* и *Бжозовского* в первый период их творчества. Параллельно с марксизмом развивался *стихийный материализм* [Мария Скловская-Кюри (1867—1934), М. Смолуховский (1872—1917), Марцелл Ненцкий (1847—1901), Леон Мархлевский (1868—1946)]. На стыке материализма и позитивизма находились врач Владислав Беганьский (1857—1917) и психофизиолог Владислав Хейнрих (1868—1957). Новый этап в развитии польской философии открыл своей науч. и педагогич. деятельностью *Твардовский*, к-рый создал школу аналитич. философии, определившую развитие П. ф. м. в последующие десятилетия.

После получения Польшей независимости (в 1918) философия приобрела характер прежде всего академич. дисциплины и филос. движение сконцентрировалось гл. обр. в ун-тах, а также вокруг журналов «Przegląd filozoficzny» (с 1898), «Ruch filozoficzny» (с 1911), «Kwartalnik filozoficzny» (с 1922) и «Studia philosophica» (с 1935). Психология и социология выделились в самостоят. дисциплины. Гл. представителями историч. философии были в этот период ксендз Константин Михальский (1870—1947), Александр Биркенмайер (р. 1890), *Татаркевич*, Адам Жултовский (1881—1958), Людвик Хмай (1888—1959), Богдан Суходольский (р. 1903). Философию естествознания изучали с близких к позитивизму позиций Зыгмунт Заверский (1882—1948) и Иоахим Метальман (1889—1942). В области логико-семантич. исследований мировую известность получила *Львовско-варшавская школа* (*Лукасевич*, *Лесьневский*, *Айдукевич*, *Котарбиньский* и *Хвистек*). В философии и методологии обществ. наук преобладало психолого-эмпирич. направление, гл. представителями к-рого были философ права Леон Петражицкий (1867—1931) и социолог *Знаецкий*. Во взглядах польских философов нашли отражение все важнейшие филос. направления межвоенного периода. К *неопозитивизму* и англ. аналитич. философии (см. *Логического анализа философия*) приближались взгляды нек-рых представителей львовско-варшавской школы; *феноменология* нашла своего представителя в *Ингардене*; *неототизм* имел свои центры на теол. фак-тах Варшавского и Краковского ун-тов, а также в Люблинском католич. ун-те. Собственные филос. концепции выдвигали, в частности, Котарбиньский (реизм) и Айдукевич (т. н. радикальный *конвенционализм*, ставший одним из неизменных элементов *логического позитивизма*).

Марксистская философия развивалась гл. обр. за пределами ун-тов, прежде всего в трудах и деятельности теоретиков Польской коммунистич. партии; она находила также мн. сторонников среди радикально настроенной академич. молодежи.

Этот период знаменуется значит. развитием социологии. исследований. Надо отметить, что первые попытки изучения обществ. явлений, представляющие зачатки будущей социологии в Польше, содержатся в теориях мыслителей Возрождения (Моджевский), а позже — эпохи Просвещения (Станиц и Коллонгай). Разрабатывая проекты обществ. реформ, они создали общие теории, стоящие на стыке философии истории и социологии. Определ. влияние в этом направлении, в частности на Каменьского, оказали также *гегельянство* и *сен-симонизм*. В 1-й пол. 19 в. обществ. мысль в Польше развивалась в тесной связи с борьбой за независимость, что нашло прежде всего выражение в программах Польского демократич. об-ва и «Люда Польского». Однако широкое распространение социол. проблематики началось лишь после 1880. Важную роль в нач. период развития социологии сыграл Крживицкий — ученый с широким кругом интересов (социология, политич. экономия, антропология, этнография). Социологией занимались также Абрамовский, Келлес-Крауз, Болеслав Липмановский (1835—1935). Социол. анализ занимал значит. место в публицистике позитивистов, особенно Александра Свентоховского (1849—1938). После получения Польшей независимости сформировались два гл. социол. центра — в Познани и в Варшаве. Создателем познанского центра был Знанецкий; варшавский центр сформировался гл. обр. вокруг Крживицкого и Стефана Чарповского (1879—1937), руководивших кафедрами ун-та. Среди др. социол. центров в Варшаве можно назвать кафедру социологии Варшавского ун-та [Ян Станислав Быстронь (1892—1964)], Свободный Польский ун-т (Wolna Wszechnica Polska) и созданный в 1936 Гос. ин-т культуры деревни, руководимый Юзефом Халасиньским. В социологии в тот период закладывалась основа для будущих конкретных исследований; в этой области работали Казимеж Добровольский (род. 1894), Владислав Грабский (1874—1938), Александр Херц (род. 1895), *Оссовский*, Станислав Рыхлинский (1903—44), Тадеуш Щуркевич (род. 1896). Проблемы, разрабатывавшиеся в многочисл. публикациях того времени, касались деревни и крестьянских слоев, рабочего класса, польской эмиграции в др. странах; мн. внимания уделялось также социологии города; интенсивно развивались социология воспитания; изучались обществ. и политич. движения и проблемы, связанные с социологией власти; проводилось изучение социологии культуры, искусства и религии; с бурж.-демократич. т. зр. анализировались вопросы расизма и фашистской идеологии. Был также начат сбор биографич. материалов, к-рые частично были опубликованы *in extenso* (в частности, «Записки безработных», «Записки крестьян», «Записки эмигрантов»). С 1930 начинает издаваться журн. «Przeгляд socjologiczny», осн. Знанецким. Развитие польской философии было прервано 2-й мировой войной; социол. центры были уничтожены, а мн. философы погибли в гитлеровской оккупации.

После 2-й мировой войны П. ф. м. вступила в новый этап развития, к-рый связан с перестройкой гл. филос. дисциплин на теоретич. и методол. осн. основах марксизма. В период двадцатилетия нар. Польши марксистская философия, развиваясь в полемике с др. филос. направлениями (в особенности с господствовавшей в довоенной философии львовско-варшавской школой и связанными с ней неопозитивистскими влияниями, а также с католич. философией, пользовавшейся большим влиянием во внеакадемич. среде),

упрочила свои позиции и заняла господств. положение в ун-тах. Дискуссия с львовско-варшавской школой и неопозитивизмом сыграла важную роль в формировании самосознания польской марксистской среды, выдвинув ряд гносеол. проблем, к-рые позже стали предметом позитивного изучения: в области теории истины, теории отражения, семантики, отношения языка познания [Шафф, Х. Эйльштейн, В. Краевский (р. 1919) и Р. Сушко (р. 1919)], в области чувств. познания, абстракции (Ч. Новиньский) и диалектики процесса познания (К. Мартель). В центре интересов философии естеств. наук была разработка диалектико-материалистич. подхода к проблеме причинности, к спору между детерминизмом и индетерминизмом в классической и совр. физике, интерпретации понятий возможности и вероятности, биол. целесообразности и др. проблемам закономерной структуры мира (Краевский, Эйльштейн, З. Аугустынек, С. Амстердамский и др.).

В теории общества польские исследователи, исходя из историч. материализма как теоретич. основы и комплекса методол. требований к исследованию общественно-историч. процессов и изучению социальной практики, сконцентрировали свое внимание на проблемах закономерности обществ. развития, теории общественно-экономич. формаций, теории классов и классовой структуры общества [О. Ланге (1904—65), Шафф, Ю. Лохфельд (р. 1911), Оссовский, З. Бауман и др.]. На основе марксистской теории общества развивалась также теория культуры и воспитания, проводились исследования закономерностей и тенденций развития культуры в нар. Польше [С. Жулкевский (р. 1911), Б. Суходольский]. В последние годы особое внимание польских философов-марксистов привлекали проблемы философии человека; исследователи подчеркивают, что их разработка раскрывает гуманстич. характер марксистской мысли и имеет большое этич. и практически-воспитат. значение (Шафф, Суходольский и др.).

Исследования марксистской этики, к-рая в нар. Польше находится еще в начальной стадии развития, ведутся в трех осн. направлениях, имеющих целью на осн. этич. идей классиков марксизма разработку нормативной марксистской этики, анализ совр. направлений нормативной этики и метаэтики (см. *Мета-теория*) [М. Фрицханд (р. 1913) и коллектив его соавторов]. Весьма важную роль в развитии этич. исследований в народной Польше сыграли Котарбиньский (попытка к-рого заложить основы т. н. независимой этики имеет большое теоретич. и практич. значение) и *Оссовская*.

Польская академич. эстетика в первые послевоенные годы продолжала разрабатывать те же проблемы, что и в довоенный период (Татаркевич, Ингарден, Оссовский), исследования же в области марксистской эстетики развивались вначале за пределами ун-тов, а затем стали развертываться в варшавском центре [С. Моравский (р. 1921)]; они были сосредоточены преимущественно на вопросах истории эстетики, художеств. реализма, функции искусства, а также эстетич. ценности и критериев оценки. Эти вопросы поднимались также теоретиками лит-ры (Жулкевский, Маркевич и др.), музыки (З. Лисса) и историками искусства (Я. Бялостоцкий).

История философии и обществ. жизни, разрабатываемая с марксистских позиций, в период двадцатилетия стала одной из наиболее динамичных и перспективных филос. дисциплин. По сравнению с предвоенным периодом значительно расширились объем и проблематика историко-филос. исследований; в этой сфере сосредоточилось большое число молодых ученых, проявивших себя способными исследователями; серьезно обогатилась документальная база и техника

исследования. Исследования, проведенные в области ср.-век. философии [Я. Легович (р. 1909) и его сотрудники] и новой и новейшей истории философии и обществ. мысли [Н. Ассородобрай (р. 1908), Б. Бачко (р. 1924), Л. Хмай (1888—1959.) Т. Кроньский (1907—1958), Л. Колаковский (р. 1927) и др.], в целом имели характер коллективных начинаний и были связаны прежде всего с изучением отечеств. культуры. Исследования по истории ср.-век. философии концентрируются на подготовке монографий по истории философии этого периода в Польше и на изданиях текстов мыслителей средневековья. Работы по истории новой и новейшей философии охватывают весьма широкий круг проблем, разрабатываемых отд. группами специалистов (напр., группа философии и религ. мысли 17 в., философия Просвещения, польской философии 18 и 19 вв. и др.). По этой проблематике опубликован ряд монографич. работ и антологий. Ведутся также исследования религ. мысли, в особенности периода польской реформации 16 в. (Польские братья). Среди больших коллективных трудов выделяется «Библиотека классиков философии», являющаяся плодом совместных усилий почти всех польских философов. Более 100 томов этой библиотеки, содержащих — помимо переводов — результаты серьезной исследовательской и интерпретаторской работы польских философов, представляют солидную основу для дальнейшего развития филос. культуры в Польше. Подобную же роль играет «Библиотека социалистической мысли», к-рая показывает марксизм в его историч. перспективе как живое динамич. течение с богатой многосторонней проблематикой. Кроме того, серьезные успехи достигнуты в подготовке обобщающих трудов по истории польской философии и двух биографич. историй, один из к-рых будет посвящен всеобщей, а другой — польской философии.

Наряду с марксистской философией как господств. течением в Польше существуют также и др. филос. направления, напр. феноменология (Ингарден) и католич. философия (С. Свежавский).

Для нынешнего состояния польской логики, имеющей старые традиции, характерно особое внимание к *математической логике*. В тесной связи с логич. проблематикой проводятся исследования в области прагматологии (Котарбинский) и логики науки (Айдукевич и др.). Наиболее сильный логич. центр, ведущий работу во всех осн. сферах этой дисциплины, сформировался в Варшаве [Айдукевич, Котарбинский, Я. Котарбиньска (р. 1904), Р. Сушко, А. Мостовский (р. 1913)]. Общую теорию дедуктивных систем и проблемы общей семантики и методологии эмпирич. наук разрабатывают вроцлавский и познанский центры (М. Кокошиньска-Лутманова, Я. Слуцкий), историю логики — торунский (Т. Чеховский), краковский (К. Пасенкевич) и любаньский (П. Лубицкий) центры.

Гл. филос. центрами в Польше являются: Ин-т философии и социологии Польской академии наук (ПАН), кафедры философии ун-тов, а также Высшей школы обществ. наук при ЦК ИОРП. Организационно философы объединены в Польском филос. об-ве. Гл. постоянные журн. и продолжающиеся изд.: «Studia filozoficzne», «Ruch filozoficzny», «Archiwum historii filozofii i myśli społecznej», «Studia logica», «Estetyka» и «Mediaevalia philosophica polonorum». Библ. польской филос. литературы содержится в изд.: «Bibliografia filozofii polskiej» (издающаяся Ин-том философии и социологии ПАН; т. 1, охватывает 1750—1830 годы, Warsz., 1955; т. 2, охватывает 1831—64 годы, Warsz., 1960). После 2-й мировой войны на кафедрах почти всех ун-тов развернулась социол. работа. Гл. центры: варшавский [Оссовский, Ассородобрай, Хохфельд, С. Новаковский (р. 1912)], лодзинский

[Ю. Халасицкий (р. 1904), президент Междунар. социол. ассоциации Я. Щепанский (р. 1913)], краковский [К. Добровольский (р. 1894), П. Рыбницкий (р. 1902)]. В 1952—56 большинство социол. центров в Польше либо концентрировало свои исследования вокруг чисто историч. проблематики, либо же целиком прервало свою деятельность. Развитие польской социологии после 1956 характеризуется значит. оживлением марксистской теоретич. мысли, что привело к созданию основ для разработки совр. проблематики, связанной с широким развитием эмпирич. исследований, необходимых для обществ. практики. Наряду с активизировавшимися прежними социол. центрами, связанными с ун-тами, возник ряд новых, таких, как секторы исследований при Силезском науч. ин-те в Катовице и при Западном ин-те, Лаборатория социологии деревни Ин-та экономики с. х-ва, Социол. лаборатория Центр. ин-та охраны труда, Ин-т обществ. хозяйства и Центр исследования обществ. мнения при Польском радио. Осн. социол. исследования концентрируются в отд. учреждениях и лабораториях Ин-та философии и социологии Польской АН. Эти исследования касаются прежде всего развития индустриализации, изменений в социальной структуре, культурных преобразований, в особенности развития массовой культуры, проблем миграции и процессов, происходящих на Зап. и Сев. землях, социологии труда и промышленности, а также социологии политич. отношений. Кроме того, при Польской АН работают: Комитет исследований современной культуры (Жулковский) и Комитет исследований индустриализованных районов, которые выступают также как центры дискуссий между представителями различных областей обществ. наук. Социологи объединены в Польском социол. об-ве. Социол. журн.: «Studia socjologiczno-polityczne», «Przegląd socjologiczny», «Studia socjologiczne», «Kultura i społeczeństwo».

Лит.: Кареев Н., Очерк истории реформ. движения и католич. реакции в Польше, М., 1886; Любич Н., Обществ. роль религиозных движений, Варшава, 1880; его же, Начало католич. реакции и упадок реформации в Польше, Варшава, 1890; Массониус М., Философия у поляков, в кн.: Ибергер-Гейндце, История новой философии в скатом очерке, пер. с нем., 2 изд., вып. 2, СПб., 1899; Нарский И. С., Из истории общественно-политич. и филос. мысли в Польше XVIII—XIX вв., М., 1956; История философии, т. 1, М., 1957, с. 657—63; т. 2, М., 1957, с. 433—53, т. 4, М., 1959, с. 300—12, т. 5, М., 1961, с. 416—29; Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европ. социалистич. странах, М., 1965, с. 468—86; Struve H., Historia filozofii w Polsce, Warsz., 1900; его же, Historia logiki jako teorii poznania w Polsce, Warsz., 1911; Straszewski M.; Dzieje filozoficznej myśli polskiej... t. 1, Kr., 1912; его же, Myśl filozoficzna polska, в кн.: Polska w kulturze powszechnej, Kr., 1918; Lutolski W., Die polnische Philosophie, в кн.: Ueberweg F., Grundriss der Geschichte der Philosophie, Tl 5, 12 Aufl., B., 1928, S. 299—334; Stoelckl A., Weinberger G., Historia filozofii w zarysie, Kr., 1930; Kultura staropolska, [Kr.], 1932; Tatarakiewicz W., Zarys dziejów filozofii w Polsce, Kr., 1948; его же, Historia filozofii, t. 3, Warsz., 1950; Lempiński S., Renessans i humanizm w Polsce, Kr., 1952; Odrodzenie w Polsce, [t. 1—2, Warsz.], 1955—56; Bibliografia filozofii polskiej. 1750—1830, Warsz., 1955; Z dziejów polskiej myśli filozoficznej i społecznej, t. 1—Wiek XV—XVII, [Warsz., 1956]; Wasiłk W., Historia filozofii polskiej, t. 1, [Warsz., 1958]; Legowicz J., Zarys historii filozofii, Warsz., 1964. Ин-т философии АН ИОРП.

ПОЛЬСКИЕ БРАТЬЯ — религ. группировка, возникшая в 70-х гг. 16 в. в результате раскола среди польских кальвинистов. Отличит. чертой П. б. является религ. радикализм, к-рый проявлялся прежде всего в отрицании догмата Троицы и божественности Христа (поэтому П. б. назывались также арианам, см. *Арианство*). Первоначально среди П. б. преобладали илебейские элементы (Петр из Гонепдза, С. Будный и др.), к-рые с религ. радикализмом, носившем иррационалистич. характер, соединяли обществ.-политич. идеи (отмена барщины и крепостной зависимости, всеобщее братство, осуждение войны и т. д.).

В более поздний период под влиянием эмигранта из Италии Фауста Социна (1539—1604) формируется рационалистич. направление польского арианства (см. *Социнианство*); его представители — Я. Крель, С. Пшипковский, Е. Шлихтынг, *Вишоваты*, религ. позиция к-рого является в своей основе скрытым деизмом, и др. В 1658 постановлением сейма ариане были изгнаны из Польши.

Источн. в рус. пер.: Польские мыслители эпохи Возрождения, М., 1960, с. 129—92, 292—310.

Лит.: Кареев Н., Очерк истории реформационного движения и католич. реакции в Польше, М., 1886; Будри и Е., Антиринитари шестнадцатого века, вып. 2, Каз., 1886; Любович Н., История реформации в Польше. Кальвинисты и антиринитари, Варшава, 1883; его же, Начало католич. реакции и упадок реформации в Польше, Варшава, 1890; O g o p o w s k i Z., Racjonalizm w polskiej myśli arińskiej i Jego oddziaływanie na Zachodzie, в кн.: Odrodzenie i reformacja w Polsce, t. 1, Warsz., 1956; Chm a j L., Bracia polscy, Ludzie, Idee, wpływy, Warsz., 1957; Literatura arińska w Polsce XVI w., [Warsz.], 1959; Studia nad arianizmem, Warsz., 1959; Studia z dziejów ideologii religijnej XVI i XVII w., 1960 (Archiwum historii filozofii i myśli społecznej, t. 6).

ПОЛЯРНОСТЬ (позднелат. *polaris* — полярный, от греч. *πόλος* — полюс) — отношение, выражающее попарную противоположность нек-рых сторон объекта (признаков, свойств, тенденций развития), называемых полюсами. Полюсы, будучи противоположными, в то же время не могут существовать друг без друга, не нарушая единства, целостности вещи или явления. Отражением этого объективно существующего отношения П. является полярный (парный) характер понятий, с помощью к-рых выражаются противоречия объектов. С помощью полярных понятий выражается также диалектика познават. процесса (эмпирическое — теоретическое, анализ — синтез, абстрактное — конкретное и т. д.). В науч. теориях П. описывается с помощью различных абстрактных образов. Напр., в физике — с помощью понятий положит. и отрицат. зарядов, северного и южного магнитного полюсов, электрич. или магнитных диполей и т. д. Понятие П. в физике является век-рым частным случаем более общего понятия анизотропии — неоднородности физич. характеристик объекта в различных направлениях и разных точках пространства. Фундаментальную роль в описании отношения П. физич. объектов играет понятие антисимметрии. В теории элементарных частиц можно проследить значение понятий антисимметрии и П. на примере античастиц в абстрактных пространствах заряда и изотонич. спина. С понятием П. вводится векторная антисимметрия, т. е. противоположность св-в, лежащих в разных направлениях оси, задаваемой вектором. Исходя из физич. понятия П. и соответствующих ему матем. методов можно филос. категорию П. интерпретировать с помощью матем. понятия абстрактного пространства, точками к-рого будут св-ва того или иного объекта. Тогда П. будет характеризоваться векторной антисимметрией нек-рого объекта в абстрактном пространстве его св-в. Задавая вектор в этом абстрактном пространстве, мы тем самым выделяем направление оси; и если точки пространства, т. е. св-ва объекта, лежащие на этой оси, обладают св-вами антисимметрии, то мы говорим об их П. Такое определение П. позволяет применять соответствующие матем. методы в области биологич. и социальных объектов, предварительно выделив отношения П. на основе специфич. средств данной науки. Применительно понятия абстрактного пространства можно проиллюстрировать на примере проблемы распознавания образов в кибернетике. Для ее решения вводится понятие об абстрактном пространстве признаков объекта (см. А. Г. Аркадьев и Э. М. Браверман, Обучение машины распознаванию образов, М., 1964). При этом процессы ограничения и обобщения, различения и отождествления выступают как полярные. Исследования поляр-

ных св-в и выделение среди них существенных дают один из подходов конкретного применения закона единства в борьбе противоположностей в познании мира.

С. Палладино, Москва.

ПОМПОНАЦЦИ (Pomponazzi), Пьетро (16 сент. 1462—18 мая 1525) — итальянский философ, проф. философии и медицины в ун-тах Падуи, Феррары и Болоньи. Глава т. н. школы александристов — последователей Александра Афродизийского в эпоху Возрождения.

В своем соч. «О бессмертии человеческой души» (*Tractatus De immortalitate animae*, Bononiae, 1516; лат. текст и перевод на итал. яз., Bologna, 1954; англ. пер. в кн.: *The Renaissance philosophy of man*, ed. by E. Cassirer [a. o.], Chi., [1948]; 3ed., Chi., 1954) П. опровергал мнение Ибн Рошда и аверроизма вообще об объективном существовании коллективного челоуеч. разума. Выступая под влиянием номинализма против платоновской традиции, П. доказывал, что Ибн Рошд отклонился от Аристотеля, поскольку превращал принадлежавшее лишь к области понятия единство челоуеч. разума в особую, объективную сущность. Не оспаривая факта единства челоуеч. разума, П. отвергал идею существования его вне отд. людей. Хотя душа, утверждал П. вслед за Аристотелем, — форма тела (его энтелехия), однако смертность последнего означает и распад его формы, следовательно, смертность души. Если и можно говорить о бессмертии души, утверждал П., то лишь в смысле отличия челоуеч. души от души животных. Первая способна размышлять о самой себе, способна к логич. дискурсивному мышлению в общих понятиях. Поскольку же душа вынуждена постоянно возвращаться от общих понятий к чувств. представлениям, по своей природе она и материальна и смертна. Отвечая на возражения защитников церк. морали, будто отказ от идеи субстанциального бессмертия души должен привести к утрате понятия высшего назначения челоуечка, П. подчеркивал, что только такой отказ и соответствует подлинной природе челоуечка, т. к. цели челоуеч. деятельности находятся не в поустороннем, а в поустороннем, земном мире. Книга П. вызвала бурю протестов гл. обр. среди церковников-томистов (монаха доминиканца Б. Спины, епископа Амброзио Франсиско, *Нифо*, перешедшего к этому времени на томистские позиции) и была публично сожжена в Венеции. Против нее был направлен ряд полемич. сочинений, написанных гл. обр. с позиций ортодокс. томизма. П. отвечал на них в «Апологии» (*Apologia*, Bononiae, 1518) и «Защите» (*Defensorium...*, Bononiae, 1519). Из последующих произведений наибольший интерес представляют «О волшебстве» (*De naturalium effectuum causis, sive De incantationibus*, 1520, опубл. Basileae, 1556; франц. пер. — «Les causes des merveilles de la nature...», P., 1930) и «О судьбе, свободе, предопределении и божественном провидении» (*De fato, libero, arbitrio, et de praedestinatione, providentia Dei*, 1520, опубл. 1567; нов. изд., P., 1957). Первое из этих произведений интересно натуралистич. точкой зрения относительно процессов природы и явлений челоуеч. жизни. Как аристотелик и челоуек своей эпохи, П. не отрицал существования внеприродного бога, однако считал, что природа и челоуеч. общество развиваются без его вмешательства. Идея судьбы сближается здесь с идеей естеств. необходимости, к-рая, однако, в соответствии с астрологич. суевериями эпохи, отождествлялась с воздействием небесных светил на природу и

человека. П. отрицал чудеса и требовал объяснения всего происходящего естеств. причинами. Даже возникновение и развитие религий зависит, по П., от влияния небесных светил. В этой связи П. говорил об упадке христианства и предсказывал его близкий конец. Он смело выступал также против обвинений людей в волшебстве в эпоху, когда процессы по таким обвинениям были обычным явлением. Во втором из названных произведений П. пытался примирить человека, свободу с идеей судьбы как осуществления божеств. провидения и приближался здесь к тому решительному вопросу, которое в древности развивалось *стоицизмом*.

П. как один из гл. представителей теории *двойственной истины* в эпоху Возрождения указывал, что все его утверждения следует понимать лишь с филос. т. зр. Как философ П. рассуждал иногда в тоне глумления над христ. религией, не верил в бессмертие человек. души, а как христианин он верил в него и готов был признать ошибочным все свои филос. рассуждения. П. также указывал, что теории двойственной истины не следует опасаться потому, что науч. истина доступна лишь небольшому кругу философов. П. считал, что вера в загробный мир, в к-рой не нуждаются философы, необходима тем не менее как духовная узда для народа. П. оказал значит. влияние на ряд итал. мыслителей 16 в., а также на франц. вольнодумцев 17 в.

Соч.: *Tractatus acutissimi, utilissimi et mere Peripatetici, Venetii, 1525* [включает 8 трактатов]; *Opera, Basileae, 1567*.
Лит.: Ренан Э., *Аверроэс и аверроизм*, пер. с франц., К., [1903], с. 201—08; *История философии*, т. 2, [М.], 1941 (по имен. указат.); *Fiorentino F., P. Pomponazzi, Firenze, 1868*; *Ferri L., La psicologia di P. Pomponazzi, Roma, 1877*; *Argigo R., P. Pomponazzi, 2 ed., Mantova, 1879*; *Douglas A. H., The philosophy and psychology of P. Pomponazzi, Camb. (England), 1910 (Diss.)*; *Betzendörfer W., Die Lehre von der zweifachen Wahrheit bei P. Pomponatius, Tübingen, 1919 (Diss.)*; *Weil E., Die Philosophie des P. Pomponazzi, «Arch. Geschichte Philos.», 1932, Bd 41*; *Saitta G., Il pensiero italiano nell'Umanesimo e nel Rinascimento, v. 2, Bologna, 1950*; *Nardi B., Le opere inedite del Pomponazzi, «Giornale Critico della Filosofia Italiana», 1950—1958, anno 29—37, ser. 3, v. 4—12.* В. Соколов, Москва.

ПОНИМАЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ (*Verstehende Psychologie*) — идеалистич. направление в философии и психологии (гл. обр. немецкой), получившее распространение в 1-й четв. 20 в. Термин «П.и.» предложен *Шпрангером*. П. п. исходит из гетерогенности низших (чувственных) и высших (рациональных) форм познания. В основе П. п. лежит тезис *Дильтея* о разделении наук на «науки о духе» и «науки о природе» и о принципиальном различии двух методов познания — *причинно-следств. объяснения* в естеств. науках и «*понимания*» — непосредств. интуитивного постижения созданных культурой ценностей — в науках гуманитарных. У Дильтея «понимание» трактуется как «*вчувствование* в объект познания». Шпрангер, полемизируя с этим тезисом, выводит «понимание» из индивидуальных сущностей, прежде всего — из истории культуры. Подробнее об этом см. в ст. *Шпрангер*.

Лит.: Дильтей В., *Описательная психология*, пер. с нем., М., 1924; Выготский Л. С., *Развитие высших психич. функций*, М., 1960; Störring G., *Die Frage der geisteswissenschaftlichen und verstehenden Psychologie*, Jpz., 1928; Spranger E., *Lebensformen*, 8 Aufl., Tübingen, 1950; Jaspers K., *Allgemeine Psychopathologie*, 8 Aufl., B., 1965; Grubbe H. W., *Verstehende Psychologie*, Stuttgart, 1948. М. Роговин, Москва.

ПОНОСОВ, Петр Иванович (1816—г. смерти неизв.) — рус. крепостной вольнодумец. В 1836 организовал на Урале тайную антикрепостнич. группу из простолюдинов — «Об-во вольности», участники к-рой вскоре были арестованы. На следствии П. показал, что к идее создания об-ва он пришел сам, под влиянием прочитанной лит-ры. Гл. роль в пробуждении самосознания П. сыграли рабочие волнения и восстание *декабристов*.

Отвергая попытки оправдания крепостного права «божественной» санкцией, П. писал: «Какая же причина такового невольничества?... Кто дал дворянам право поступать так с подобными себе? Многие скажут: бог, ибо без воли его ничего быть не может! Совсем нет...» («Положение об организации „Тайного общества для уничтожения власти помещиков над крестьянами“», в кн.: «Рабочее движение в России в XIX в.», т. 1, ч. 2, 1955, с. 164). Необходимым условием величия государств является, по П., свобода граждан, к-рая может быть обретаема лишь в борьбе (см. там же).

Лит.: Са в и ч А. А., *Тайное «Об-во вольности» на Чермо́зском вотчинном (Лазаревском) заводе 1836 г.*, в сб.: *К 10-летию Пермского ун-та. 1916—1926. Пермский краеведч. сб.*, вып. 2, Пермь, 1926; У ш а к о в П. Ф., *К вопросу о возникновении Чермо́зского тайного об-ва «Верных приверженцев свободы»*, «Уч. зап. Выборгского гос. пед. ин-та», 1957, т. 1, вып. 1; К о г а н Л. А., *Связь филос. идей в рус. нар. свободомыслии XIX в. с традициями передовой культуры, «ФН» (НДВШ), 1963, № 1*; е г о ж е, *Идея равенства в рус. нар. свободомыслии второй пол. XVIII — начала XIX в.*, там же, 1964, № 1. Л. Коган, Москва.

ПОНЯТИЕ — узловая форма движения мышления, отражающая конкретно-всеобщую природу или «общий тип» определ. круга (рода) явлений; синоним «понимания сути дела», — т. е. имманентного данному типу явлений закона их существования, их конкретного (многократно и закономерно расчлененного внутри себя) единства в составе некого объективно-выделенного целого. П. обретает свою полную и законченную форму лишь в процессе развития *определенной*, лишь в составе развернутого теоретич. изображения известного комплекса явлений. Отд. абстрактные определения составляют лишь моменты П., и П. выражается только через их единство. «Определением П.» выступает поэтому не фиксированное в др. знаках определение «смысла» или «значения» знака, термина, слова, а только выраженное через совокупность знаков, терминов, слов объективное единство различных моментов той особенной сферы явлений, к-рая составляет объект (предмет) данного П. Поэтому Маркс употребляет выражение «П.» как полный синоним общей природы или «общего типа» определ. круга явлений (см. «Капитал», т. 3, 1955, с. 149).

Термин «П.» введен стоиками. Основоположник стоич. школы *Зенон* из Китиона на Кипре разумел под П. (*κατάληψις*) постигнутое представление, т. е. представление, в к-ром сознается его согласование с объектом.

В подходе к П. в истории философии обнаруживаются две линии — линия Демокрита и Локка (большее или меньшее сращение *номинализма, эмпиризма* и психологизма, сведение П. как всеобщего к индивидуальному) и линия Платона, Спинозы и Гегеля (*реализм* в тех или иных модификациях, априоризм, спекулятивность, выведение *особенного* из *всеобщего*, понимание *особенного* как модификация всеобщего П., понимание П. как синтеза, как продукта духовного созидания, конструирования). Временное примирение этих двух направлений (напр., у Аристотеля) привело впоследствии к еще большей их поляризации. (Следует, однако, иметь в виду, что исходные П. первого направления — напр., П. атома как филос. принципа — очерчены отнюдь не непосредственно из эмпирии).

Способы понимания П. в истории философии. Теорию П. можно рассматривать в двух аспектах: 1) как учение о постижении в П. явлений, сторон объективной действительности, 2) как учение о постижении самого П. в П., или как проблему П. о П. Первое получило широкую разработку во всей истории философии (равно как и в формально-логич. учениях), второе — лишь в нем. классич. философии. Первоначально к П. подходят как к уже готовому, зафиксированному в слове сгустку знания.

Мысль, проникающая за пределы эмпирически данного, остается по форме чувственно-образной, и на этой образно представляемой основе покоится определенность всеобщих абстракций, определенность влогической, не адекватная форме мысли и форме П., ибо П. присуща логич. определенность.

Демокрит первым вплотную подошел к проблеме определения П. (см. *Аристотель*, О частях животных, I, 642 а; рус. пер., [М.], 1937). Он заложил основы логики атомизма, в к-рой П. войска определяется числом его солдат, П. повозки — суммой ее частей, слог — суммой букв (см. *Платон*, *Тезет*, 204). Однако первоэлементы, к-рыми все объясняется, сами оказываются неопределимыми.

Сократ принял в качестве объективного начала, открывающегося в человеке, такое П., или определенное, через к-рое познается сущность вещей. Следуя *Сократу*, *Платон* признал, что определения имеют своим предметом не чувств. вещи, а нечто иное. В его философии предметом анализа сделалась уже не чувственно воспринимаемая действительность как таковая, а исходные принципы, «начала». Процесс конструирования П. (идеи) предстает у него как диалог мышления с самим собой. Всеобщие П., реализуемые в речи, для Платона уже не просто слова, обозначающие чувств. достоверность, но по сути дела выражение тех общественно признанных норм, к-рые определяют место отд. людей и вещей. В отличие от мира чувств. вещей, мир «идей» можно воспринимать только в П.

По *Аристотелю*, П. может быть лишь П. об общем, а не о единичном. Оно есть «вторая сущность» — род или вид, в отличие от первых сущностей — единичных вещей. То, что у Гегеля называется П., у *Аристотеля* выступает как «*κοινόν*» — сущность, *субстанция*. Слова, наименования, названия у *Аристотеля* являются терминами, непосредственно обозначающими и выражающими общие формы вещей, а не П. «Значение» термина и П., к-рое он выражает, непосредственно сливаются, совпадают с предметом «высказывания». О первых сущностях мы знаем по чувств. восприятию, о вторых же — по их П. П. о вторых сущностях есть прежде всего П. о виде, к-рое создается из ближайшего рода и видообразующего различия (см. *Met.*, V, 6; рус. пер., М.—Л., 1934). Полагая, что «...все противоположные определения всегда восходят к некоторому субстрату, и ни одно из них не может существовать отдельно» (там же XIV, 1), *Аристотель* не только указывал на онтологич. сторону единства противоположностей, но и умел удерживать это единство в мысли в положит. форме (в отличие от скептиков). Противоположности принадлежат одному и тому же роду и входят в определение сущности (см. «Вторая аналитика», I, 4; рус. пер., М., 1952, а также «О душе», I, 5, 411 а; рус. пер., М., 1937). Тем самым *Аристотель* разрешает проблему, к-рая ставилась греч. философией как до, так и после него: переход от абстрактного общего представления к П., т. е. механизм скачка в познании. По *Аристотелю*, и определенность различия двух абстрактных представлений, и определение этих представлений возникают вместе, одновременно. Т. о., появляется не одно, а сразу неск. взаимосвязанных П., и они, следовательно, с самого начала представляют из себя с и с т е м у П. Двойственность, существовавшая у *Аристотеля* в определении категорий (с одной стороны — это высшие роды «высказывания», а с другой — реальные роды бытия), уже заключала в себе противоположность номинализма и реализма.

У стоиков опосредствующим звеном между словесным знаком и вещью стало субъективное состояние души. Слово у них обозначает уже не вещь, а только способ переживания вещи индивидом, то изменение, к-рое происходит во внутр. состоянии души индивида

при воздействии вещи. Для них важна не предметная отнесенность слова, а тот смысл (*λεχτά*) его, к-рый с этим словом связывается в душе. Открытие «смысла слова» — того промежуточного звена между словесным обозначением и вещью, к-рое не было известно *Аристотелю*, — переводит проблему П. из всеобщелогич. плана рассмотрения в психологич. и семантич. план.

Скептицизм, в отличие от *Аристотеля*, субъективизирует П., т. е. делает предметом рассмотрения сами мысли в их языковом выражении, и владеет П. противоречивым образом: во-первых, он требует единства различных моментов, тождества их, во-вторых, он находит между ними противоречие и оставляет это единство в обостренной разрозненности. Стремясь обнаружить антиномичность абстрактных представлений, антич. скептицизм нашел в них противоречивые моменты, но не дошел до единства этих моментов, — до их опосредствования «третьим», — т. е. до П., и остановился лишь на отрицат. диалектике, имеющей своим результатом «ничто». Это был шаг назад по сравнению с *Аристотелем*.

Для целого ряда англ. мыслителей нового времени (*Гоббса*, *Локка*, *Беркли*, *Юма*) П. выступает как имя, термин, или же «идея», впечатление, представление. *Локк* первый дал широкую и систематич. разработку эмпирич. теории П. По его мнению, определить можно только названия составных идей, простые идеи неопределимы, это своего рода «атомы мышления». К ним относятся и самые широкие абстракции общности — «универсалии»: «субстанции», «причинность» и т. п., к-рые оказываются наиболее бессодержат. «именами» (поэтому *Беркли*, последовательно развивая эту т. зр., устраняет П. субстанции как излишнее).

Наряду с подобными абстрактными универсалиями, выражающими простые сходства или различия мн. единичных вещей, у *Спинозы* появляется уже нечто новое: *Notiones Communes* — П., выражающие действительно всеобщую природу вещи (см. *Избр. произв.*, т. 1, М., 1957, с. 436). Эмпирич. синтез признаков, свойств, отношений, лишенных внутренне необходимой связи, не есть синтезирование П., к-рое должно выразить внутр. сущность предмета, а она не есть абстракт, присущий отд. вещи. *Спиноза* требует такого П., или определения, чтобы из него, при рассмотрении вещи самой по себе, можно было вывести все ее свойства (см. там же, с. 352). «...Постоянные и вечные вещи, хотя они и единичны, все же, вследствие своего присутствия везде и своей величайшей мощи (*potentia*) будут для нас как бы общими (абстрактными) понятиями (*universalia*) или родами в определении единичных изменчивых вещей и ближайшими причинами всех вещей» (там же, с. 354). В отличие от «сотворенных» вещей, «несотворенная» вещь как *causa sui* требует, чтобы определение ее «...исключало всякую причину, т. е. чтобы его объект для своего объяснения не пуждался ни в чем другом, кроме своего бытия» (там же, с. 353).

Согласно *Лейбницу*, уже в смутных бессознат. представлениях в человеке «дремлют» П. Хотя *Лейбниц* и признает существование простых идей, определения к-рых дать невозможно (см. *Избр. филос. соч.*, М., 1908, с. 348), однако он намечает выход за пределы атомизма, указывая, что даже в простой субстанции (монаде) «...должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет» (там же, с. 341). Т. о., намечается переход от понимания простого как вещи (материальной или духовной) и пониманию его как отношения.

Кант различает три вида П.: 1) «общие», дискурсивные П. в «общей логике», 2) рассудочные П., или категории, 3) «рациональные» П., или идеи, — в трансцендентальной логике. П. в общей логике есть «...общее представление или представление того, что общее многим объектам...» (см. «Логика», П., 1915, с. 83, а также

Соч., т. 3, М., 1964, с. 131). Здесь Кант трактует П. номиналистически, поскольку общая логика является для него формальной наукой, безразличной к содержанию знания, не интересующейся — в отличие от трансцендентальной логики — происхождением знания, его отношением к предмету. В трансцендентальной логике рассудочные П., или категории, это — априорные формы *рассудка*. Они являются определениями, характеристиками не предметов самих по себе («вещей в себе»), а познающего (трансцендентального) субъекта, т. е. связаны с одинаковой для всех людей структурой сознания. Категории — это формы, при помощи к-рых происходит дальнейшее объединение материала познания — многообразия ощущений, уже объединенного с помощью априорных форм чувственности. Наложение категорий, обладающих одинаковой значимостью для всех людей, создает необходимость и общезначимость связи многообразного, т. е. делает возможным «знание», придает этой связи «объективный» характер, характер «предмета». Категории — только формы, в к-рые должно отлиться многообразное содержание, доставляемое им пассивно чувственностью; сами категории создать это содержание не могут. Отсюда следует, что логика не может быть содержательной.

Но у Канта также сильно антиэмпирическая тенденция. Фактически он разрабатывает проблематику содержания логики, но не связывает ее с П., т. к. трансцендентальная логика занимается вопросом о том, как не предметом, а субъектом порождается знание о предметах, она есть логика продуцирования, создания предмета, но только формы предмета. Иными словами, в трансцендентальной логике речь идет о формализме деятельности, функционирования.

Кант фактически соединяет содержательный и формальный моменты познания в схематизме чистых рассудочных П. Трансцендентальная схема является посредником при синтезе разнородных способностей (чувственности и рассудка), т. е. при подведении явлений под категории, и сама оказывается соединением их, наглядно представленной категорией, «чувств. П.».

Уже сам принцип априоризма приводит Канта к необходимости нового типа знания — знания, построенного на основе определяющей роли целого, не сводимого к сумме частей, т. е. на основе, противоположной эмпирической индукции при образовании «общих» П. Априорные формы чувственности как условия возможности опыта должны предшествовать многообразию (см. Соч., т. 3, с. 415, 266). Эта проблематика наиболее полно воплощена в «рациональных П.», или идеях чистого *разума*, к-рые должны создавать единство правил рассудка, систематичность знания (см. там же, с. 553—54).

Определ. интерпретация кантовской системы дала возможность *Фихте* создать новый принцип образования П. Переосмысление философии Канта идет в направлении выявления и более последоват. разработки действительно ценного у Канта — его постановки вопроса о спонтанном характере деятельности субъекта. Поэтому устраняется трансцендентная вещь в себе как один из двух факторов (паряду с деятельностью субъекта), создающих мир опыта. Для создания содержания самим субъектом *Фихте* вынужден пользоваться приемом, запрещенным Кантом, — рассматривать категории, к-рые у Канта могут быть только формами для объединения многообразия, как создающие и само содержание, т. е. как мысленные сущности (за это Кант назвал философию *Фихте* логикой). С уничтожением трансцендентной «вещи в себе» устраняется и значение сферы практического как «трансцендентного, созданного разумом», как «вещи в себе». Идеи практич. разума рассматриваются как «цели» и становятся телеологич. принципом образования П.

Многообразие и объединяющее его П. ставятся в отношении средства и цели. Проблема определяющей роли целого, общего, телеологич. соотношения целого и частей связывается с принципом образования П.

Фихте, как и Кант, считает, что философия должна дать обоснование опыта. Но своеобразное понимание этого обоснования приводит *Фихте* к новому, по сравнению с Кантом, соотношению П. и объединяемого им многообразия. Опыт и априори ставятся у *Фихте* в отношении обосновываемого и основания (средства и цели), одно порождается другим, генетически выводится из него. Тем самым опыт и априори, многообразное и П. оказываются соотнесенными друг с другом, сопоставленными, связанными именно как два полюса магнита (см. *Nachgelassene Werke*, Bd 2, Bonn, 1834, S. 137—38). Оба полюса возникают в едином акте противопоставления, противоположения и не существуют как данные до этого акта, как это было у Канта, для к-рого проблема их синтеза представляла особенную трудность. *Фихте* приходит к необходимости предположить первоначально нерасчлененное, неформальное целое, уже содержащее кантовский синтез априори, единство противоположностей, предположить ту «клеточку», раздвоением к-рой, разведением на противоположные моменты и будет осуществляться развертывание П. системы. Один из полюсов противопоставления — априори (через к-рое и становится возможным многообразие), есть как раз П., «одно через другое» и составляет существо П. (см. там же, S. 154—55). Метод движения П. — подыскивание нового основания для обосновываемого, нового П. для многообразного, новое противопоставление, целый ряд их. Это требует относительности, гибкости П. «основание» и «обосновываемое», «априори» и «апостериори»; основание само может оказаться обосновываемым с т. зр. нового основания. Понимание кантовского трансцендентального метода как противопоставления приводит *Фихте* к подхваченной Шеллингом и Гегелем диалектике движения П.

Шеллинг является последним представителем нем. классич. философии, основывающимся на понимании исходного П. как абстрактного тождества (Я-Я, или А-А). Переход к движению П. не получает у него рационального, логич. обоснования (это впервые было сделано Гегелем). По Шеллингу, рассудок владеет П. как «теньями реальности», он руководствуется П., но не осознает этого. Лишь трансцендентальное мышление осознает П. как акт мышления, возвышается до П. о П. Рассудок оказывается производным, он «...сам предполагает нечто высшее, что уже не является отображением чего-то внешнего и развертывается само из себя с изначальной силой» («Система трансцендентального идеализма», Л., 1936, с. 130). Это высшее — абс. абстракция — начало всякого сознания, и оно объяснимо только при помощи самоопределения или воздействия интеллигенции (совокупности всего субъективного) на самое себя. Абс. абстракция рождается в акте превращения мышления в объект для самого себя. Впервые открывающееся П. (как самосознание «Я») играет у Шеллинга ту же роль, что и «субстанции» у Спинозы. В точке возникновения самосознания — «Я» — мы имеем «...исконную тождественность мышления и объекта...» (там же, с. 47). До акта рефлексии П. совпадает со своим объектом, поэтому «с трансцендентальной точки зрения... не имеет смысла спрашивать, как эти наши понятия согласуются со своими предметами...» (там же, с. 228). П. «...является ни чем иным, как самим актом мышления, и в отвлечении от этого акта оно ничто» (там же, с. 46). П. как действие, как деятельность противоположно ощущаемому, но П. (к-рое совпадает с самосознанием, с «Я») само создает эту противоположность. П. является определяющим, объект — определяемым. С т. зр. Шеллинга,

П. — это «...вовсе не всеобщее...», но скорее правило, момент ограничения наглядности, и если понятие можно назвать чем-то включающим в себя неопределенность, то только в силу того, что в нем нужно видеть не определенное, но определяющее» (там же, с. 235). Созерцание в отрыве от П. становится «...чем-то совершенно и во всех отношениях неопределенным» (там же, с. 236). Оно определяется в суждении, к-рое есть сопоставление П. с созерцанием. Поскольку суждение отождествляет созерцаемое (субъект) с П. (как предикатом), то они полагаются чем-то равноценным. Для объяснения этого Шеллинг прибегает к кантовской «схеме», правилу, как основанию их тождества.

Шеллинг осознавал, что всякое подлинное познание является синтетическим и выходит за пределы абстрактного тождества, но принцип этой нетождественности он видел лишь за пределами мышления. Гегель в само мышление вносит принцип *противоречия*. П. является для него живым противоречием и по содержанию и по форме. Для Гегеля все определения суть П. и тем самым определенные П. (см. Соч., т. 6, М., 1939, с. 49). Неопределенное П. есть просто слово или представление. «...Представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе различные стороны в единстве...» (там же, т. 12, М., 1938, с. 111). П. абстрактны в том смысле, что они принадлежат к области мышления, но они также и конкретны в том смысле, что это не «пустые» абстракции, — они имеют содержание. Это не есть субъективно приписываемое содержание — П. в самом себе несет принцип своих различий и определений. П. обладает независимой от человека идеальной мощью, пребывая в вещах и делая их тем, что они есть. Определенность локковских абстрактных идей является внешней определенностью. Гегелевская «конкретная идея», родовое П., сама себя создает и оформляет. Род оказывается той определенностью, к-рая является принципом видовых различий, служащих основанием для отделения одного вида от других (см. там же, т. 6, с. 262). Виды образуются, как и у Аристотеля, через противоположение, так что «...всякое понятие есть единство противоположных моментов...» (там же, т. 5, М., 1937, с. 205), и в силу этого единства род является целостностью своих видов. Гегелевское П. настолько пронизано органич. целостностью, что в нем уже нет частей, элементов, а есть лишь стороны, моменты, к-рые существуют лишь в отношениях и связях с др. моментами. «Составное» П. есть для него не более как «деревянное железо». Гегель освободил П. от средневековой окостенелости и понял его как процесс. Отсюда следовало, что его содержание и определение может быть установлено исключительно посредством его генезиса. Определениями П. в узком смысле, принадлежащими П. по самой его природе, являются единичное, особенное и всеобщее. Это не «виды», а скорее «моменты» П., — категории, развитые из тождества, различия и основания (см. там же, т. 1, М., 1929, с. 270).

П. по форме непосредственно развивается в суждение, к-рое обнажает скрытое противоречие П. Понятие как таковое еще не полно; оно возводит себя в идею, к-рая есть единство П. и реальности.

Качественно новый уровень, на к-ром оказалась наука в конце 19 — нач. 20 вв., в особенности аксиоматизация математики, обусловили направление, в к-ром шло переосмысление системы Канта неокантовцами *марбургской школы*. Принцип *Ursprung* Г. Когена — выведение из мысленных первоначал — означает создание самой мыслью, понятием предмета (правда, предмета науч. познания, а не существующего в действительности), элиминирование «вещи в себе» Канта. Соотношение многообразного и П. для неокантовцев телеологично, что связано с рассмотре-

нием имп кантовских идей чистого разума как «целей» и превращением их в методологич. принципы образования П. Марбургцы понимают трансцендентальный метод Канта как ориентирование П. в фактах науки. Тем самым П. и факты оказываются соотносенными, связанными (П., по *Напорну*, есть кантовское «синтетическое единство многообразного»), возникающими одновременно, в едином акте разведения первоначально неопределенного. Между ними нет теоретико-познават. пропасти. Это сближает неокантовцев с Фихте. По *Кассиреру*, противопоставление П. и фактов может происходить многообразно, соответственно различным способам видения мира разными науками. Рассматривая соотношение многообразия и единства в П., Кассирер трактует П. как функцию, т. е. как «порождающий» многообразия закон (этим определяется ведущая роль общего) и одновременно как то, что содержит в себе все богатство частных случаев. В этом свете П. выступает как «конкретная общность» (см. «Познание и действительность», СПб, 1912, с. 33—34). Функцион. характеристика П. позволяет Кассиреру резко провести осн. тезис критич. теории познания — о том, что предметы должны согласовываться с познанием, а не наоборот, как полагает в своих гносеологич. основаниях формальная логика. Кассирер берет от Канта характеристики П. как априорных форм. Они являются «условием возможности опыта», способом создания его единства, инструментом познания, той т. зр., с к-рой возможно объединение многообразного в систему. Этот инструмент должен быть устойчивым (иначе он «раскрошился» бы при первом же применении) и в то же время гибким — через смену П. только и происходит развитие знания. Это специфич. «релятивизирование» априорных принципов отличает неокантовцев и Фихте от Канта.

Антиинтеллектуалистич. тенденции в совр. бурж. философии получают отчетливое выражение в критике П. Так, *Бергсон* усматривает ценность П. не в том, что оно истинно, а лишь в его полезности. П. абстрактны, отвлечены, имеют назначением лишь внешнее упорядочивание восприятий и представлений. Их обобщенный характер препятствует постижению индивидуального, они не могут выразить специфич. сущности предмета. *Гуссерль* также считает, что «сущность» может постигаться только в особом интуитивном акте и отвергает локковскую модель абстракции и всеобщего. В его концепции к непосредств. «введению», «постижению», «схватыванию» сущности можно придти лишь посредством «эйдетич. редукции». Согласно т. зр. *экзистенциализма*, всякое П., к-рым пользуется каждый отд. человек, носит его своеобразную и личностную окраску. По своему содержанию и объему П. находится в зависимости от того, что совершается в мышлении данного человека и какое место в сфере его мышления занимает данное П. Экзистенциальный мыслитель нуждается в особых формах выражения, потому что личное существование не может быть выражено обычными, «объективными» П. Поэтому он пользуется или парадоксом (Кьеркегор), или оракулой (Ницше), или смесью психологич. и онтологич. терминов (Хейдеггер), или религ. символами, или представлениями и мимолетными П. Все экзистенциалисты бьются над проблемой личного, или «не-объективного» мышления и над выражающими его П. Эти П. должны быть «необъективирующими», они не должны превращать людей в вещи, но в то же время они не должны быть просто субъективными. Поэтому выбираются психологич. П. с психологич. значением. Собств. определенность вещей выпадает из сферы рассмотрения экзистенциализма. «Вещи таковы, — говорит Сартр, — какими определил им быть человек» («Existentialism», N. Y., 1947, p. 37). Экзистенциалисты подвергают критике вульгарный метод

подмены реальных явлений и личностей абстрактными категориями.

В отличие от экзистенциалистов, к-рые стремятся «очеловечить» абстракции, придать им эмоц. субъективную окрашенность, *неопозитивизм* берет на вооружение идеи неделимости первоэлементов и соотношения части и целого и применяет их к знанию и языку. С т. зр. раннего *Витгенштейна*, объекты, образующие мир, просты, неизменны, изменяется лишь их конфигурация. Поэтому объекту нельзя дать определение. Предложение может только указать, как существует предмет, но не что он такое. Имена суть простые символы, не разлагаемые никаким определением. Ранний *Рассел* рассматривает общие П. в номиналистич. плане, считая их фикциями, — это слова, условные знаки для обозначения единичных фактов. Говоры о множестве людей, чисел и т. п., мы по существу говорим о составляющих их элементах (см. «*Unser Wissen von der Aussenwelt*», Lpz., 1926, S. 77). Общие П.— абстрагирования от непосредственных данных опыта — являются, с т. зр. неопозитивистов, лишь «сокращениями речи».

Как атомизм вообще, так и представленный неопозитивистской концепцией логич. атомизм не может быть универс. принципом, пригодным для постижения любого фрагмента действительности. Он пригоден лишь там, где сам рассматриваемый предмет организован по соответствующей атомизму мерке. Развитие самого предмета, а также развитие способов познания приводят к тому, что атомизм в высшей своей точке преодолевается.

В марксизме П. рассматривается как итог познания, в к-ром резюмируется определ. совокупность знаний. Это относится и к наиболее общим П.— категориям, к-рые являются узловыми пунктами познания, «ступеньками», моментами познания природы человеком. Но они не представляют собой одно лишь застывшее знание: «...если в с е развивается, то относится лишь к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» (*Ленин В. И.*, Соч., т. 38, с. 251).

По сравнению с созерцанием и представлением П. удалено от непосредств. реальности, но оно ближе к ней в том смысле, что оно схватывает сущность явления и в своем развитии приближается к явлению. Когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются как находящиеся в процессе изменений, «...то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования» (*Энгельс Ф.*, в кн.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., 2 изд., т. 25, ч. 4, с. 16). С этой т. зр. дефиниции уже не имеют самоудовлетворяющего значения в науке, ибо единств. реальным определением является изложение развития самой сущности исследуемого процесса. Т. о., определения и П. возводятся на новую, более высокую ступень. Понять явление — значит не просто дать определение, а «...выразить в логике понятий» (см. *В. И., Ленин*, Соч., т. 38, с. 252). П. рассматривается не как мертвое, окостенелое, а как переход, момент связи, каковым оно и является по своей природе. К П. предъявляется требование пластичности, они должны быть «...обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (там же, с. 136).

Упрек в огрублении действительности справедлив лишь к отд. П., взятому изолированно. Оно действительно не может отразить реальности. Но П. существуют не уединенно, а связаны со всеми другими П. переходами, переливами в противоположные П., они

находятся в вечном движении, развитии, и бесконечная сумма общих П. в процессе, в тенденции совпадает с объективной истиной и дает конкретное в его полноте. Ленин рассматривает отношения, переходы, противоречия П. как «главное содержание логики» (см. там же, с. 188), причем через эти П. (и их отношения, переходы, противоречия) просвечивает «...именно такое отношение вещей, природы» (там же); диалектика вещей создает диалектику П., а не наоборот.

Всеобщим П. присущ момент всеобщности. Если принять всеобщность за то, что общее многим, то пришлось бы сказать, что не все П. всеобщы, иначе из области постижения в П. выпали бы неповторимые личности, самобытные произведения иск-ва, уникальные историч. факты. Но всеобщность в П. относится не к числу экземпляров, не к множеству однородных предметов, а к самой природе П. Всеобщность в П. есть не только и не столько частичка П. наряду с другими, она есть организующий принцип, узловой пункт связи моментов П.

Оттого, что П. лишь приблизительно соответствует действительности, оно не может быть признано просто фикцией. Феодализм, говорил Энгельс, лишь в одной стране, да и то непродолжительное время, соответствовал П. о нем. Но это еще отнюдь не говорит о ложности этого П. Научное, теоретич. мышление, после того как эмпирич. материал набран и обработан, исходит уже не из эмпирии, а из П., и рассматривает явление под углом зрения их П., их природы, сущности, принципа, к-рому они подчиняются. Сформировавшиеся П. становится «меркой» рассматриваемого явления, а явление признается истинным постольку, поскольку оно соответствует П., поскольку оно выражает свой собств. общий тип. Если в пределах эмпирич. мышления признается — и вполне справедливо — что «плода вообще» в действительности не существует, а существуют лишь яблоки, груши и т. д., к-рые невозможно вывести из «плода вообще», то с переходом в область теоретич. мышления П. претерпевают известные преобразования. благодаря чему, напр., труд вообще (абстрактно-всеобщий труд) существует в действительности (в среднем труде), «...это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно» (*Маркс К., К критике политич. экономии*, 1953, с. 15); или прибавочная стоимость как таковая принимает превращенные формы прибыли, ренты, процента и т. д., формы, к-рые только и можно понять путем выведения из нее.

По своему формальному содержанию П. является единством единичности, особености и всеобщности, т. е. конкретно-всеобщим; это и позволяет П. развиваться в др. формы мышления — *суждения, умозаключения*; разворачивание понятийной формы приводит к *теории*; содержание к-рой является более конкретным (т. е. богаче определениями, шире и многообразнее) по сравнению с П.

П. не только добываются в процессе практически преобразующей деятельности человека, но и направляются на преобразование человек. мира. П. опредмечиваются не в одной языковой форме, но и в творениях человека, в действии, в к-ром они объективируются. Процесс «...познания и действия превращает абстрактные понятия в законченную объективную сущность» (*Ленин В. И.*, Соч., т. 38, с. 187).

Лит.: *Маркс К.*, Замечания на кн. А. Вагнера «Учебник политич. экономии», *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., 2 изд., т. 19; *Энгельс Ф.*, *Анти-Дюринг*, там же, т. 20; *Энгельс Ф.*, *Диалектика природы*, там же; *Архив Маркса и Энгельса*, т. IV, М., 1935, с. 59, 77; *Ленин В. И.*, *Филос. тетради*, Соч., 4 изд., т. 38 (см. указат.); *Борисов В. Н.*, *О логич. форме П.*, «Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та», 1954, т. 17, вып. 1; *Ветров А. А.*, *Расчлененность формы как осн. свойство П.*, «ВФ», 1958, № 1; *Мировоззренч. и методологич. проблемы науч. абстракции*. [Сб. ст.], пер. с польск., М.,

1960; Ильенков Э. В., Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, [М.], 1960; Подкорытов Г. А., О форме П. и форме конкретного знания, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук», 1960, № 285, вып. 17; Розенталь М. М., Принципы диалектик. логики, М., 1960, гл. 5; Горский Д. П., Вопросы абстракции и образование П., М., 1961; Копнин П. В., Диалектика как логика, Киев, 1961; Сагатовский В. Н., От представления к П., в кн.: Проблемы методологии и логики наук, Томск, 1962; Курсапов Г. А., Диалектич. материализм о П., М., 1963.
А. Краченко, В. Лазарев. Москва.

В формальной логике П. трактуется обычно как мысль, представляющая собой результат обобщения и выделения предметов (или явлений) нек-рого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Обобщение осуществляется за счет отвлечения от всех особенностей отд. предметов и групп предметов в пределах данного класса. П. есть всегда в той или иной мере абстрактное отражение предметов, обладающих нек-рым определ. качеством. Класс обобщаемых в П. предметов называется объемом данного П., а совокупность признаков, по к-рым обобщаются и выделяются предметы в этом П., — содержанием П.

П. выражаются в знаковых формах. В обычных (разговорных) языках таковыми являются общие имена. В пределах данного языка (и тем более в различных языках) одно и то же П. может иметь различные формы выражения; П. можно рассматривать как с м ы с л знаковой формы, общий для всех форм, выражающих одно и то же П.

Выделение и обобщение предметов и явлений тех или иных классов в П. — необходимое условие познания (и выражения познанного в языке) их общих связей и отношений с др. предметами, раскрытия относящихся к ним законов природы. В процессе мышления, в том числе в процессе образования П., всегда оперируют к-л. уже сложившимися П. Понятия являются элементами суждений и умозаключений.

При образовании П. в качестве основы для обобщения предметов обычно стремятся выделять признаки, наиболее существенные для данных предметов, или существенные в том или ином отношении, связи этих предметов с др. предметами. В силу этого само П. определяется часто как отражение предметов по существенным признакам. Представление о признаке, существенном для нек-рого предмета (или предметов нек-рого класса), предполагает наличие определ. взаимосвязей между признаками. В содержании П. о предметах нек-рого класса стремятся выявить осн. существенные признаки, обуславливающие все др. известные, не случайные (производные от основных) признаки этих предметов и определяющие в силу этого их качеств. специфику. Выявить осн. существенные признаки — значит познать сущность предмета. Очевидно, что сущность в этом смысле не есть некая «абсолютная субстанция», к-рую имели в виду мн. философы древности и средневековья. Вместе с углублением знания происходит и развитие П.: с каждым переходом знания от менее глубокой к более глубокой сущности происходит изменение содержания П.

Формирование науч. П., отражающего сущность предметов, представляет собой сложный процесс, включающий также приемы познания, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование и идеализацию, обобщение, эксперимент и др. П. возникает как итог ряда суждений и умозаключений. Обобщаемые в П. предметы не всегда доступны восприятию; исходными для образования П. часто являются внешне проявляющиеся их свойства, связей закономерностей. Сами объекты в этом случае обычно вводятся гипотетически, П. о них буквально конструируются т. о., чтобы найти объяснение наблюдаемых явлений. При построении абстрактных теорий — более или менее упрощенных

моделей нек-рых процессов — создаются П., представляющие собой теоретич. конструкты, связь к-рых с действительностью, выявляемая через *интерпретацию* систем, является весьма опосредствованной.

Обобщаемые в П. предметы всегда выделяются в пределах нек-рого более широкого класса (как качественно особый вид предметов нек-рого рода). Поэтому в содержании П. различают признаки, характеризующие предметы указанного более широкого класса (рода) — родовые признаки данных предметов, и признаки, выделяющие обобщаемые предметы в пределах этого класса — видовые признаки (или признаки, составляющие в совокупности видовое отличие). В объеме П. различают элементы объема (отд. предметы, индивиды — носители признаков, составляющих содержание П.) и правильные (несовпадающие с объемом понятия) его подклассы, — виды обобщенных в данном П. предметов; эти виды — особые (частные) формы существования в действительности того общего, что отражается в содержании П. (В свою очередь, каждый вид также представляет собой нечто абстрактно общее, существующее лишь в нек-рых конкретных формах, а в конечном счете — в индивидах).

Предметами П. (элементами его объема, объектами данной мысли) могут быть как конкретные предметы, явления, процессы действительности или сознания (конкретные П.), так и отд. их стороны, свойства, отношения, отвлеченные от предметов и превращенные в самостоятельные объекты мысли (абстрактные П., см. *Конкретные и абстрактные понятия*). Содержание абстрактных П. составляют признаки (свойства) свойств, отношений и т. д., являющихся элементами объема (конкретных) П., т. е. признаки более высокого уровня абстракции в сравнении с признаками, составляющими содержание конкретных П. Точно так же к более высокому уровню объектов относятся и предметы абстрактных П.

В логике различают П. с нулевым объемом [П., объем к-рого есть пустой (см. *Пустое*) класс], единичные П. (объемы к-рых содержат лишь по одному элементу, напр. «столица Англии», «естеств. спутник Земли») и общие П. [содержащие в своем объеме более одного элемента — «растение», «животное», «движение» (см. *Класс*)]. В логике прошлого часто не проводилось различий между отд. предметом и единичным классом, в силу чего единичные имена (имена отдельных предметов), неправильно рассматривались как выражения единичных П. Всякое П. (в том числе и единичное) представляет собой по форме обобщение, в силу чего оно может быть предикатом суждения, что является одной из важнейших функций П. в мышлении. По характеру элементов объема П. делят также на собирательные и несобирательные (см. *Собирательные понятия*). Различия среди П. проводятся также по характеру признаков, составляющих видовое отличие обобщаемых в них предметов. Так, различают положительные и отрицательные П. (в зависимости от того, служит ли признаком наличие нек-рого свойства или отношения у предметов, как в П.: «четное число», «элемент, соединяющийся с кислородом», или отсутствие таковых — «нечетное число», «элемент, не соединяющийся с кислородом»); относительные П. (в к-рых предметы обобщаются по наличию или отсутствию у них нек-рого отношения к др. предметам, напр. «число, большее 5») и безотносительные (в к-рых предметы обобщаются по принадлежащим им свойствам). Но эти подразделения недостаточно определены для П. с более или менее сложными содержаниями. Мн. положения теории П. в традиц. логике недостаточно ясны из-за отсутствия точных способов выражения П. Неудовлетворительной во мн. отно-

шениях является характеристика содержания П. как совокупности признаков.

Существ. значение для объяснения ряда операций с П. (напр., обобщения и ограничения П.), а также для анализа отношений между П. имеет т. н. закон обратного отношения между объемами и содержаниями П., согласно к-рому, чем шире объем П., тем уже его содержание, и наоборот. Объем одного П. шире, чем объем другого, если второй составляет правильную часть первого (объем второго П. в таком случае уже, чем объем первого). Аналогично понимаются отношения «шире» и «уже» в применении к содержаниям П. (именно, имеются в виду отношения между множествами признаков, составляющими содержания П.). Однако с этой т. зр. трудно объяснить отношения между объемами и содержаниями уже, напр., таких простых П., как (1) «число, оканчивающееся на 4» и (1') «число, оканчивающееся на 5 или на 0», или (2) «число, меньшее 5» и (2') «число, к-рое меньше к-л. числа». Имеется немало примеров, по видимости опровергающих закон обратного отношения, что служит для ряда авторов основанием для отрицания его правомерности вообще. Существует, напр., мнение, что общие П. математики (в частности, аналитич. геометрии) включают особые и даже индивидуальные черты обобщаемых в них объектов (поскольку менее общие П. выводимы из них логически, как частные случаи) (см. Э. Кассирер, *Познание и действительность*. СПб, 1912, с. 31—34). Так, полагают, напр., что (3) П. кривой 2-го порядка, выражаемой уравнением $ax^2 + by^2 = 1$ (кривая эллипсич. и гипербол. типа с центром в начале координат), имеет более широкое содержание (и, конечно, более широкий объем), чем (3'), П. кривой $x^2 + y^2 = 1$ (окружность с центром в начале координат и с радиусом, равным 1), т. к. включает последнее как частный случай (см. Г. Клаус, *Введение в формальную логику*, М., 1960, с. 214).

В качестве более точного средства для выражения П. может быть применен язык логики предикатов. Каждый признак предмета можно тогда представить в форме высказывания-предиката (см. об этом *Предикатов исчисление*). Для П. вида «предмет (нек-рого класса K), имеющий признак A » естественно принять запись « $x A(x)$ », где x — предметная переменная, множеством возможных значений к-рой (и областью определения предиката $A(x)$) является класс K . Напр., П. «целое число, оканчивающееся на 5 и делящееся на 3» запишется в виде: x (Оканчивается $(x, 5)$ & Делится $(x, 3)$), где множеством значений x является класс целых чисел (читается «Целое число x такое, что оканчивается на 5 и делится на 3»).

Область значений x в выражении П. $x A(x)$ есть тот род предметов, в к-ром выделяется (как вид) класс предметов, обобщаемых в данном П., а предикат $A(x)$ — видовое отличие этих предметов (родовые признаки составляет характеристика области значений x). Объем П. $x A(x)$ есть множество предметов x , обладающих признаком $A(x)$, что может быть записано в форме $W x A(x)$, где W — оператор, посредством к-рого из П. $x A(x)$ образуется имя класса предметов, обобщаемых в этом П.; др. обозначение: $\dot{x} A(x)$. В качестве средства для выделения какого-то из элементов объема П. $x A(x)$ могут быть использованы определенные (или) неопределенные описания (см. *Описания операторы*), причем, в отличие от первых, выражение $x A(x)$ есть обозначение произвольного, а в отличие от вторых — фиксированного предмета из $W x A(x)$ (что и означает, что П. обобщенно представляет нек-рый класс предметов); по существу — это своеобразная переменная с областью значений $W x A(x)$. Такая трактовка соответствует смыслу, к-рый имеют общие имена (как формы выражения П.) в обычном языке. Так, «металл»

естественно понимать как «какой-то (произвольный) из металлов», т. е. «вещество (x), обладающее свойствами, по к-рым выделяются металлы». Этим объясняется возможность применения в обычном языке кванторных слов «всякий», «нек-рые», как, напр., в предложениях «Всякий металл — проводник», «Нек-рые металлы соединяются с кислородом». (При принятом выше способе выражения П. эти предложения выражаются в виде « $\forall x$ Металлы (x) Проводник (x)», « $\exists x$ Металлы (x) Соединяется (x , Кислород)»; кванторы \forall и \exists относятся здесь к переменной x Металлы (x), представляющей собой аналог общего имени «металлы» разговорного языка). На языке обычного исчисления предикатов суждения типа $\forall x A(x) B(x)$ и $\exists x A(x) B(x)$ записываются соответственно в виде $\forall x(A(x) \supset B(x))$ и $\exists x(A(x) \& B(x))$. Субъекты суждений в таких случаях представляет переменная x с подразумеваемой характеристикой ее предметной области. (Это обстоятельство мы будем отмечать заключением переменной, стоящей непосредственно после квантора, в скобках.) Поскольку эта характеристика не выражается явно в записи суждений, то исключается явное употребление П. Это существенно отличает упомянутый язык логики от естественных. В соответствии с данной трактовкой общего имени предложение типа « t есть P » (в к-ром предмет подводится под понятие P) естественно истолковаться как « t есть какой-то из предметов P », или на языке логики предикатов (с равенством): $\exists x(P(x) \& t = x)$; учитывая свойства равенства, нетрудно доказать, что это эквивалентно $P(t)$. Высказывание « t есть P » можно также интерпретировать как утверждение о принадлежности t объему понятия P . Учитывая это, для любого понятия $x A(x)$ имеем: [1] $t \in W x A(x) \equiv A(t)$, где « \equiv » означает эквивалентность высказываний; $A \equiv B$ можно считать сокращенной записью конъюнкции высказываний $A \supset B$ и $B \supset A$; t есть имя определ. предмета или предметная переменная (терм). Утверждение «объем П. $x A(x)$ является частью объема П. $x B(x)$ » выражается через $W x A(x) \subset W x B(x)$, где \subset — знак включения класса в класс; согласно обычному определению этого отношения, имеем: [2] $W x A(x) \subset W x B(x) \equiv \forall(x)(x \in W x A(x) \supset x \in W x B(x))$. Используя эквивалентность (1) (и правило замены эквивалентных), получаем: [3] $W x A(x) \supset W x B(x) \equiv \forall(x)(A(x) \supset B(x))$.

Для П., элементами объемов к-рых являются свойства и отношения (абстрактные П.), получаются аналогичные формы выражения. Однако их содержания должны представляться предикатами со свободными переменными для свойств и отношений (предикаторные переменные). (Сами эти предикаты в таком случае выражают свойства свойств или отношений.) Напр., П. «свойство (P), общее для всех металлов» — $P \forall(x)$ (Металл (x) $\supset P(x)$); «рефлексивное отношение» — $R \forall(x) R(x, x)$ («отношение R такое, что любой предмет x из области определения этого отношения находится в этом отношении к самому себе»).

Существ. значение в науках имеют П., элементами объема к-рых являются упорядоченные нары, тройки и т. д. (вообще n -ки предметов), находящиеся в определ. отношении (напр., «изотопы», «подобные фигуры», и т. п.). Форма таких П. имеет вид: $(x_1, \dots, x_n) A(x_1, \dots, x_n)$ (где $A(x_1, \dots, x_n)$ есть n -местный предикат со свободными переменными x_1, \dots, x_n). Так, для П. «точка кривой $x^2 + y^2 = 1$ » (при условии, что каждая точка характеризуется как пара действит. чисел x и y , составляющих ее координаты) получается выражение $(x, y) (x^2 + y^2 = 1)$ (а сама кривая, как множество точек данного вида, есть $W(x, y) (x^2 + y^2 = 1)$). В качестве П. этого типа могут рассматриваться абстрактные математич. системы; напр. система, определяемая аксиомами: $x R x, (x R y \& y R x) \supset x = y, (x R y \& y R z) \supset x R z$, к-рые мы обозначим соответственно через $A(x)$,

$B(x, y), C(x, y, z)$, представляет собой П. $(K, R)\forall(x)\forall(y)\forall(z)(x, y, z \in K \supset (A(x) \& B(x, y) \& C(x, y, z)))$ («классе предметов K с отношением R таких, что для всяких элементов x, y, z класса K верно $A(x), B(x, y)$ и $C(x, y, z)$). Элементами объема данного П. являются отдельные нары (K, R) — модели данной абстрактной системы; объем его составляет множество всех возможных моделей.

Установленные выше (для конкретных П.) эквивалентности [1]—[3] могут быть обобщены на П. др. видов. Для этого вместо предметной переменной x должна быть взята переменная ϵ , область значений k -рой представляет собой упорядоченные n -ки нек-рых объектов (с допущением возможности $n=1$), а под t подразумевается к.-л. определ. последовательность объектов. (В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением П., элементами объемов k -рых являются индивиды.)

Поскольку содержание П. представляется в виде высказывания-предиката, оно может быть истолковано как нек-рая информация (на основе k -рой и выделяются предметы в данном П.). Это позволяет уточнить отношение «быть частью» между содержаниями двух П. Естественно считать (как это обычно и делается в теориях семантич. информации), что информация, k -рую содержит высказывание B , составляет часть информации высказывания A , если B есть логич. следствие A ; обозначим это отношение через $A \dashv B$ (при этом мы можем считать, что данное отношение имеет место, если B выводимо из A по правилам вывода к.-л. из классич. систем исчисления предикатов). Однако при этом полезно различать логическое и фактическое содержание П. (и, соответственно, отношения между логическими и фактич. содержаниями). Логич. содержанием П. $x A(x)$ является информация, k -рую представляет предикат $A(x)$ сам по себе, без учета к.-л. связей между имеющимися в его составе дескриптивными терминами (терминами, обозначающими предметы, свойства, отношения между предметами, а также предметными функциями) — кроме тех из них, k -рые выражены в самой знаковой форме П., — а также связей этих терминов с др. терминами. Фактич. содержание того же П. — это информация, k -рую несет $A(x)$ с учетом возможных связей указанного рода (известных из теории, к k -рой относится данное П.). Фактич. содержание П. нек-рой теории зависит от совокупности истинных утверждений этой теории и, следовательно, может меняться в зависимости от расширения или сужения этой совокупности; логическое же содержание остается постоянным, пока не изменяется та совокупность признаков, по k -рым осуществляется обобщение и выделение мыслимых в П. предметов (изменение этой основы обобщения означает по существу переход к другому — как правило, более глубокому — П. об этих предметах). Логическое содержание П. $x B(x)$ составляет часть логического содержания П. $x A(x)$, если $A(x) \dashv B(x)$ для каждого фиксированного x . Фактическое содержание П. $x B(x)$ составляет часть фактического содержания П. $x A(x)$, если существует (в теории, к k -рому относятся данные П.) множество истинных высказываний Γ , таких, что $\Gamma, A(x) \dashv B(x)$. Это эквивалентно тому, что высказывание $\forall(x)(A(x) \supset B(x))$ — логически или фактически истинно. Очевидно, что если логич. содержание одного П. составляет часть логич. содержания другого, то это же отношение имеется между их фактич. содержаниями. Если же $\Gamma, A(x) \dashv B(x)$, но неверно, что $A(x) \dashv B(x)$, то имеет место отношение только между фактич. содержаниями П. Аналогично следует различать логич. и фактич. объемы П. и соответственно отношения между объемами. Обобщая указанные отношения, можно говорить просто об отношениях между содержаниями и объемами П. Закон обратного отношения между объемами и содержаниями двух П. $x A(x)$ и $x B(x)$ можно теперь сформулировать

(в более общей форме по сравнению с традиц. его формулировкой) так: если содержание одного П. составляет часть содержания др. П., то объем второго П. составляет часть объема первого, и наоборот. Это именно и выражает эквивалентность [3]. Нетрудно, напр., установить, что содержание П. (1)' составляет часть содержания П. (1), т. к. $A(x) \dashv A(x)\forall B(x)$; объем П. (1), наоборот, составляет часть объема П. (1)'; содержание П. (2)' $x \exists(y)$ Меньше (x, y) является частью содержания П. (2) x Меньше $(x, 5)$, т. к. Меньше $(x, 5) \dashv \exists y$ Меньше (x, y) (по соответствующему правилу логики предикатов). Для отношения объемов данных П. (опять-таки в согласии с законом обратного отношения) имеется обратное отношение. Содержание (фактическое) П. «число, делящееся на 5» составляет часть (фактического) содержания П. (1), т. к. верно высказывание «Всякое число», оканчивающееся на 5, делится на 5», т. е. $\forall(x)$ (Оканчивается $(x, 5) \supset$ Делится $(x, 5)$). Очевидно, что (3) и (3)', k -рые запишутся, соответственно, в виде: $V \exists x_1 \exists x_2 (V \dashv \exists y (x_1 x_2 + x_2 y^2 = 1) \wedge V (V \dashv W x y (x^2 + y^2 = 1)))$, также подчинены закону обратного отношения.

Закон обратного отношения лежит в основе операцией обобщения и ограничения П. Обобщением П. вида $x(A(x) \& B(x))$ является П. $x A(x)$ (или $x B(x)$). Содержание обобщенного П. получается в данном случае и из содержания исходного П. по правилу вывода $A \& B \dashv A$ (соответственно: $A \& B \dashv B$). По существу здесь имеется ввиду лишь одна из мн. возможных форм обобщения (как и ограничения). Вообще, П. $x B(x)$ является обобщением П. $x A(x)$ (имеется в виду обобщения П. по логическому содержанию, если $A(x) \dashv B(x)$, но неверно, что $\forall(x)(B(x) \supset A(x))$). Переходы в противоположном направлении дают нам ограничение. Осн. формы обобщения и ограничения (соответствующие осн. правилам вывода в *натуральном исчислении* предикатов): $x A(x)$ (или $x B(x)$) есть обобщение П. $x(A(x) \& B(x))$ (традиц. форма); $x A(x) \forall B(x)$ есть обобщение П. $x A(x)$ (или $x B(x)$); $x A(x, a)$ есть обобщение П. $x \forall(y) A(x, y)$ (a — имя нек-рого определ. предмета); $x \exists(y) A(x, y)$ есть обобщение П. $x A(x, a)$. Переход в обратном направлении: от форм, стоящих справа, к соответствующим формам, стоящим слева, дает нам ограничение П.

Лит.: Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, гл. 3; Войши и др. Е. К., Опыт построения исчисления предикатов, приближенного к естественному языку, в сб.: Логическая структура научного знания, М., 1965; его же, Понятие, М., 1967. Е. Войшилло. Москва.

ПОПЕЛОВА-ОТАГЛОВА (Popelová-Otaahlová), Иржина (р. 29 сент. 1904) — чеш. философ-марксист, доктор философии (с 1958). В первый период своей деятельности испытала влияние совр. идеализма. Позже переходит на позиции марксизма. В 1949—53 П. — ректор ун-та им. Палацкого в г. Оломоуце, в 1953—59 — руководитель кафедры истории философии в Пражском ун-те. Занимается исследованием в области культурной революции, педагогики, этики, истории философии, классификации наук.

Соч.: Poznání kulturní skutečnosti, Praha, 1936; Tři studie z filosofie dějin, Praha, 1947; Studie o současné české filosofii, Praha, 1946; Dějiny ruské filosofie, Praha, 1954; K filosofické problematice Marxova Kapitalu, Praha, 1954; J. A. Komenského cesta k všehápravě, Praha, 1958; в рус. пер. — Этика, М., 1965.

Попов.: Sborník k sedesátým narozeninám prof. phDr. Jiřiny Popelové, Praha, 1964. М. Маховец, ЧССР.

ПОПОВ, Алексей Яковлевич (р. 1924) — сов. философ, доктор филос. наук (с 1961). Член КПСС с 1945. Окончил Ин-т междунар. отношений (в 1948) и аспирантуру того же ин-та (в 1951). В 1955—59 — старший науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР. С 1955 — зам. зав. Отделом печати МИД СССР. Область науч. деятельности — критика совр. бурж. философии и социологии, история междунар. отношений.

С о ч.: Совр. мальтузианство — человеконенавистническая идеология империалистов, М., 1953; Совр. мальтузианство, М., 1960.

ПОПОВ, Сергей Иванович (р. 7 ноября 1923) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1964). Член КПСС с 1946. Окончил филос. ф-т МГУ (1952) и аспирантуру там же (1955). Ведет преподават. работу с 1953; в 1955—64 — на филос. ф-те МГУ, зам. гл. ред. журн. «Филос. науки» (1962—64), с 1964 — зам. руководителя кафедры философии и профессор ВИШ при ЦК КПСС.

С о ч.: Софистика и эклектика как характерные черты методологии совр. ревизионизма, «Вестн. Моск. ун-та. Серия экономики, философии и права», 1958, № 4; К вопросу о роли закона единства и борьбы противоположностей в диалектич. логике, в сб.: Проблемы диалектической логики, [М.], 1959; Против неотомистской фальсификации диалектич. материализма, «ФН» (НДВШ), 1959, № 3; Борьба В. И. Ленина против неокантианской ревизии марксистской философии и значение этой борьбы для современности, в сб.: Очерки по истории философии в России, [М.], 1960; Развитие марксистско-ленинской мысли в Германии в борьбе с пеформизмом и ревизионизмом, (1918—59), [М.], 1960; Кант и кантианство, М., 1961; О марксистско-ленинских принципах критики правосозиалистич. идеологии, «ФН» (НДВШ), 1961, № 3; Борьба нем. марксистов с правосозиалистич. идеологией, в кн.: Из истории марксистско-ленинской философии после второй мировой войны, М., 1961; Идеологический банкротство бурж. и ревизионистских критиков научного коммунизма, в сб.: Закономерности перехода от социализма к коммунизму, М., 1961; Идеологический банкротство совр. реформизма (Критика филос. и социологич. концепций западн.-герм. правых социалистов), М., 1963; Борьба против социал-реформистской идеологии, ее филос. и социологич. концепций, в кн.: История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965; Категории ценности и оценки и марксистская философия, «ФН» (НДВШ), 1965, № 5.

ПОПОВИЧ [Попович], Душан (25.XII. 1884—18.XI.1918) — пропагандист марксизма, один из организаторов революц. рабочего движения в Сербии, секретарь Серб. с.-д. партии. Вместе с Тушовичем основал теоретич. журн. «Борба». Переводил труды Маркса, Бебеля и др.

Боролся против ревизионистов марксизма, активно отстаивал и популяризировал марксизм. Революц.-критич. деятельность, классовая борьба — это, по П., фундаментальный принцип марксистской философии и социологии (см. Душан Попович, Избранный список, Београд, 1951, с. 164). В работе «Теория и практика» (1910) П. подвергал критике метафизич. и идеалистич. (в частности гегелевской) понимание взаимоотношения теории и практики. П. утверждал, что марксистская теория, будучи выражением реальных отношений, сама превратится в фактор историч. развития, как только станет достоянием масс. «Люди являются не только м а т е р и а л о м истории, но и историческим ф а к т о р о м; они не только о б ъ е к т истории, но в то же время и е е с у б ъ е к т... Наша теория... не хочет быть только мертвой буквой, она стремится войти в общественную жизнь, стать ее составной частью» (там же, с. 102). П. был последоват. интернационалистом; он выступал против империалистич. войны, подвергал критике социал-шовинизм.

ПОПОВСКИЙ, Николай Никитич (ок. 1730—60) — рус. философ-просветитель, проф. Моск. ун-та. Род. в Москве в семье священника. Учился (с 1748) в ун-те при АП в Петербурге. В 1755 назначен по представлению Ломоносова, любимым учеником к-рого П. был, проф. красноречия и философии Моск. ун-та. Автор ряда филос. стихотворений; переводил филос. произведения зап. мыслителей («Мысли о воспитании» Локка под назв. «О воспитании детей», М., 1759, и «Опыт о человеке» Попа, М., 1802). Основатель одной из двух издававшихся в 18 в. в России газет «Московских ведомостей» (1756).

По филос. воззрениям — деист. Перед философией П. ставил задачу познать прежде всего законы природы, открыть возможность устроить счастье и благополучие людей. Он рассматривал философию как мать всех наук и художеств, как науку, к-рая «...рассуждает о всем, что ни есть в свете», пытается объяснить

законы природы и предписать «...общие пути и средства всему человеческому благополучию...» (Избр. произв. рус. мыслителей второй половины XVIII в., т. 1, 1952, с. 90). Первым в России он стал читать курс философии в Моск. ун-те на рус. яз. П. призывал рус. ученых стремиться прославить Россию развитием наук и иск-в. Он высказал ряд прогрессивных педагогич. мыслей (см. «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», опубли. в журн. «Живописец», 1772, лист 8; вошло в «Избр. произв. рус. мыслителей второй половины XVIII в.», т. 1, М.—Л., 1952). Многие произведения П. до нас не дошли: перед смертью он сжег свои рукописи.

Лит.: Якушкин В. Е., Из первых лет жизни Моск. ун-та, М., [б. г.]; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, гл. 9; История Московского университета, т. 1, М., 1955; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 9; Московский университет и развитие филос. и общественно-политич. мысли в России, М., 1957.

Л. Светлов. Москва.

ПОПОРАНИЗМ (от рум. порог — народ) — идеологич. течение в Румынии конца 19—нач. 20 вв., близкое к рус. либеральному народничеству. См. Румынская философская и общественная мысль.

ПОППЕР (Popper), Карл Раймунд (р. 28 июля 1902) — англ. философ, логик и социолог. Род. в Вене, был активным деятелем Венского кружка. С 1945 живет в Англии, проф. логики и науч. метода в Лондонском ун-те (с 1949), декан ф-та философии, логики и науч. метода в Лондонской школе экономики и политич. науки (с 1945). По своим филос. взглядам П. — представитель логического позитивизма, хотя он критически относится к ряду его осн. положений. Осн. цель философии П. видит в изучении развития науч. знания, в особенности науч. космологии (см. «The logic of scientific discovery», L., [1959], p. 15). По его мнению, философия не имеет особого метода: ее методом является метод всякой «рациональной дискуссии», четкая постановка проблемы и критич. анализ различных предполагаемых решений. Взгляды П. на природу науки противоречивы: критикуя те концепции, к-рые рассматривают универс. закон и теорию лишь как правило или совокупность инструкций для выведения единичных высказываний из др. единичных высказываний, и заявляя, что наука способна к реальным открытиям, что она обязательно должна быть связана с действительностью, т. к. имеет дело с объективными (трансубъективными) явлениями (см. «Logik der Forschung», W., 1935, S. 16, 55—56), П. в то же время выступает против тех концепций, к-рые полагают, что наука описывает сущность вещей (см. «Three views concerning human knowledge», в кн.: P. D. Lewis (ed.), Contemporary British philosophy, L.—N. Y., 1956, p. 366).

Как и большинство совр. философов науки, П. полагает, что традиц. индукция непригодна для обоснования науч. знания, универс. законов, в к-рых нуждается наука, поскольку универс. высказывания не верифицируемы и, следовательно, верифицируемость не может служить критерием принадлежности высказываний к эмпирич. науке (см. Верифицируемости принципов). Таким критерием (в той мере, в какой он необходим) является, по мнению П., фальсифицируемость: подлинными науч. высказываниями могут быть только те, к-рые можно опровергнуть опытом (см. «Logik der Forschung», S. 12—13). Наука развивается за счет выдвижения смелых гипотез, к-рые затем разными способами пытаются опровергнуть. Чем больше из гипотезы можно вывести следствий, способных опровергнуть ее на опыте, тем богаче по своему содержанию данная гипотеза. Опираясь на принцип фальсифицируемости, П. указывает на узость всех выдвинутых до этого критериев значения, с помощью к-рых нельзя доказать бессмысленность к.-л. высказываний, а

в лучшем случае можно лишь забраковать некоторые высказывания как «не относящиеся к эмпирич. науке». Поэтому он выдвигает задачу не разработки критерия значения, а нахождения метода разграничения между наукой и метафизикой (к-рая может иметь ценность для эмпирич. науки). Вместе с тем принцип фальсифицируемости, задуманный как широкий методологич. принцип, фактически сводится к строгому и крайне узкому логич. приему, поскольку в конечном счете все зависит от решения осн. методологич. проблем: что понимать под истинностью, опровержением и т. д. Решая эти проблемы и исходя при этом из принципиальной фальсифицируемости любого эмпирич. высказывания (поскольку оно требует дальнейших проверок), П. останавливает эту бесконечную редукцию крайне непоследовательно: он заявляет, что нефальсифицируемыми (базисными) являются такие предложения, к-рые компетентными наблюдателями признаются настолько обоснованными (гл. обр. наблюдением), что дальнейшая проверка не требуется.

В области формальной логики и логики науки П. разрабатывает проблемы *вероятностной логики*. Он резко выступает как против карнаповской интерпретации понятия степени подтверждения как относительности, так и против попыток снять все методологич. трудности индукции «обращением к идее вероятности»; предлагаемое П. определение степени подтверждения основывается на принципе фальсифицируемости. В работах по теории выводимости (см., напр., «New foundations for logic», в журн.: «Mind», 1947, в. 56, р. 193—225) П. доказывает, что необходимая для науч. познания формальная логика основывается не на формализованной системе аксиом и теорем, а на тривиальных моментах теории выводимости, в к-рой вывод достоверен, если в любой интерпретации, в к-рой истинны его посылки, истинно и его заключение.

В области социологии П. исходит из принципиального тождества естеств. и обществ. наук и полагает, что знание законов обществ. жизни можно получить только в терминах ограниченных гипотез, к-рые можно проверять индивидуально. В этой связи он резко выступает против детерминизма как науч. метода социологии (см. «The open society and its enemies», в. 2, Л., [1957], р. 84—85) и против историзма в социологии, особенно против марксистского историзма. Ключевой вывод П. состоит в том, что «научной теории исторического развития, на которой могло бы основываться историческое предвидение, не может существовать» («Misère de l'historicisme», Р., [1956], р. IX—X; см. также «Prediction and creation in social sciences», в кн.: «Theories in history», Л., 1959, р. 280).

П. является апологетом бурж. демократии, выдавая ее принципы за абсолютные, рассматривая бурж. общество как «открытое», гуманное и противопоставляя его др. обществам, «закрытым», стремящимся, по его утверждению, определить все поведение личности.

Соч.: On the sources of knowledge and of ignorance, Л., 1960; Conjectures and refutations, N. Y.—L., 1963.

Лит.: Бергшвильд А. Ф., К. П. — «Критик» Маркса, «ВФ», 1958, № 3; Добряннов В. С., Антиисторизм неопозитивиста К. П., в сб.: Критика совр. бурж. философии и социологии, М., 1963; Кон И. С., Позитивизм в социологии, Л., 1964, с. 140—53; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 418—20; Данилова Л. Н., Фальсификация учения К. Маркса в духе платонизма, «ВФ», 1966, № 5.

ПОПУГАЕВ, Василий Васильевич (р. 1773 или 1779—умер, предположительно, в 1816) — рус. писатель-просветитель. Выходец из разночинной среды. Один из организаторов «Вольного об-ва любителей словесности, наук и художеств» (1801). В стихотворениях и публицистич. статьях развивал реформаторские, конституционные и респ. идеи. В 1802 преподавал Александру I труд «О благополучии народных

тел». Этот труд не был опубликован. В 1807 П. анонимно издал филос. трактат «О благоденствии народных обществ». Рассматривая вопросы о происхождении общества и обществ.-историч. прогрессе, П. исходил из теории *естественного права* и *общественного договора*: физич. и нравств. слабость, с одной стороны, «первобытное разделение нужд, заключающихся в произведениях природы и искусственности», с другой, привели к соединению людей в гос-во и породили торговлю. Придерживаясь теории договорного происхождения гос-ва, П. делал из нее демократич. выводы, он резко осуждал абсолютистские и деспотич. правления, династич. и грабительские войны. П. ратовал за «благонамеренные конституции», мудрые гуманные законы и твердое их исполнение, разумное равновесие между силой народа и политич. властью, идеализируя при этом респ. строй Древней Спарты. В развитии общества П. решающее значение отводил просвещению, торговле и промышленности. Гл. препятствием на пути просвещения и прогресса является, по П., рабство (куда он относил и крепостное право). «Человек, тем более народ не должен рабствовать. Соединяясь в общество, имеем мы целью благополучие наше, но раб может ли быть благополучен?!» («О благополучии народных тел» (см. «Рус. просветители», Собр. произв., т. 1, 1966, с. 286).

Соч.: Достоинство старого воспитания в России, в сб.: Периодич. издание Вольного об-ва любителей словесности, наук и художеств, СПб., 1804; там же; История об-ва Любителей словесности, наук и художеств, там же; Речь на день чрезвычайного собрания июля 15 дня 1802, там же; Краткая история об-ва Любителей наук, словесности и художеств, там же; Негр, там же; О рабстве и его начале и следствиях в России, 1815, опублик. в «ИАН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1959, т. 18, вып. 1; Поэты-радищевцы, Л., 1961, с. 149—82; Рус. просветители. Собр. произв., т. 1, М., 1966, с. 271—356.

Лит.: Орлов В., Рус. просветители 1790—1800-х годов, 2 изд., М., 1953. Ш. Щипачов, Москва.

ПОПУЛЯРНАЯ ИНДУКЦИЯ — умозаключение, в к-ром обобщающее заключение (индуктивное обобщение) о принадлежности к.-л. св-ва *A* всем предметам данного класса \mathcal{A} делается в силу того, что установлена принадлежность св-ва *A* нек-рой части предметов класса \mathcal{A} , а именно тем предметам из \mathcal{A} , к-рые рассматривены в ходе индукции; П. и. — вид *неполной индукции*. Убеждение в правильности П. и. обычно основывается на том, что в исследовании не встретился предмет из \mathcal{A} , не имеющий св-ва *A*. Поэтому Ф. Бэкон называл П. и. индукцией через простое перечисление, в к-ром не встречается противоречащего случая; обнаружение противоречащего случая опровергает индуктивное обобщение. Заключение в П. и. носит вероятностный характер, причем степень вероятности заключения в П. и., вообще говоря, растет по мере увеличения числа рассмотренных предметов класса \mathcal{A} . П. и. широко распространена в практике повседневного мышления. В науке П. и. чаще рассматривается как источник предположит. суждений, к-рые затем проверяются иными средствами (напр., статистическими). Однако существует т. зр. (см. Z. Czerwiński, Enumerative induction and the theory of games, «Studia logica», 1960, т. 10), согласно к-рой П. и. является достаточно хорошим правилом умозаключения, к-рое в состоянии «конкурировать» с т. н. статистич. правилами умозаключений. Эта т. зр. оправдывается анализом общей схемы нахождения оптимального правила умозаключения (из ряда альтернативных правил, каждое из к-рых определяет выбор гипотезы — индуктивного обобщения — по результату эксперимента) на основе критерия *минимума потерь*, заимствованного из *теории игр*. Др. словами, при сведении проблемы выбора оптимального правила умозаключения к проблеме нахождения решения игры и в тех случаях, когда П. и. может использоваться в качестве одного из альтерна-

тивных правил, можно обосновать существование (при определенных ограничениях) практически реализуемого критерия, оправдывающего поиски примеров, подтверждающих П. п.

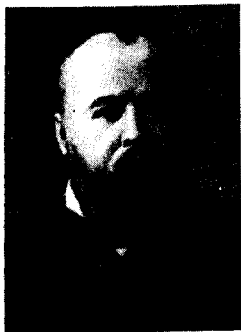
Лит.: Асмус В. Ф., *Логика*, М., 1947, с. 255—56; Косзюńska М., О «dobrej» i «złej» indukcji, «Studia Logica», 1957, т. 5; Czerwiński Z., Zagadnienie probabilistycznego uzasadnienia indukcji enumeracyjnej, там же. См. также лит. к ст. *Неполная индукция*.

Б. Вирюков, М. Новоселов. Москва.

«ПОПУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ» — одно из направлений немецкой философии эпохи Просвещения. Ее представители — Мендельсон, Николаи, Х. Гарве, Т. Абт и др. — видели свою задачу в борьбе с суеверием и религ. предрассудками, в популяризации знания. Придерживаясь различной филос. ориентации, деятели этого направления в общедоступной форме излагали свои филос., психологич. и этнич. учения, представлявшие собой эклектич. соединение взглядов Локка, Х. Вольфа, Бонне.

А. Гулыга. Москва.

ПОРЕЦКИЙ, Платон Сергеевич (1846—1907) — рус. математик, астроном и логик. Окончил физико-математич. фак-т Харьковского ун-та. В 1876 П. избран астрономом-наблюдателем Казанского ун-та;

с 1886 — доктор астрономии, приват-доцент. П. внес значительный вклад в *алгебру логики*, его работы существенно обобщают и развивают нек-рые результаты Буля, Девонса, Э. Шрёдера. Впервые в России П. начал читать лекции по *математической логике* и ее приложению к теории *вероятности*. Изучая формально-логич. правила вывода, он исходил из единства формы и содержания, о чем, в частности, свидетельствует понимание П. логич. закона. Согласно П., зако-

ны логики зависят от свойств предметной области, исследуемой той или др. наукой. Закон логики есть поэтому «... истина, заключающая в себе какое-либо определение с указанием на самую природу изучаемого материала» (см. его работу «О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики», в кн.: «Собр. протоколов заседаний секции физико-математич. наук Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те», т. 2, Каз., 1884, с. XXII). Основой исследований П. в области логики явились его теория логич. равенств (П., как и нек-рые др. логики 19 в., через отношение равенства определяет все др. отношения между логич. классами — объемами понятий. См. *Принцип замещения*), одна из центральных проблем к-рой состоит в решении (путем построения спец. таблиц) вопроса о выводе следствий из данных посылок (и, обратно, в нахождении тех посылок, из к-рых данное логич. равенство выводится в качестве следствия) и оригинальная трактовка канонич. выражений алгебры логики. П. использовал в своем исчислении т. н. упрощенную канонич. форму для логич. выражений, обобщив тем самым классич. теорию *нормальных форм*. Приемы П. были восприняты и развиты амер. математиком и логиком А. Блейком (1938). П. принадлежит также одно из обобщенных классич. теорий силлогизма (см. «Théorie des égalités logiques à trois termes, a, b et c», «Bibliothèque du Congrès International de Philosophie», 1904, v. 3), работы в области аксиоматики, теории чисел, применения логики к теории вероятностей и др. По своим филос. взглядам П. был материалистом.

Соч.: Решение общей задачи теории вероятностей при помощи математич. логики, в сб.: Собрание протоколов заседаний секции физ.-мат. наук Об-ва естествоиспытателей при

Казанском ун-те, т. 5, Каз., 1887, с. 83—108; Закон корней в логике, «Научн. обозрение», 1896, № 19; Из области математич. логики, М., [1902]; Sept lois fondamentales de la théorie des égalités logiques, «Изв. Физ.-мат. об-ва при Казанском ун-те», 1898, 2 серия, т. 8, № 2—4; Théorie des non-égalités logiques (Supplément aux deux traités: «Sept lois fondamentales de la théorie des égalités logiques» et «Quelques lois ultérieures de la théorie des égalités logiques», там же, 1903, 2 серия, т. 13, № 3—4; Théorie conjointe des égalités et des non-égalités logiques, там же, 1908, 2 серия, т. 16, № 1—2.

Лит.: С т я ж к и н И. И., Упрощение П. С. П. некоторых алгоритмов классич. исчисления высказываний, в сб.: Логич. исследования, М., 1959; е г о ж е, Логич. наследство П. С. П., в сб.: Очерки по истории логики в России, М., 1962; В л а к е А., Canonical expressions in Boolean algebra, Chi., 1938.

Н. Стяжкин. Москва.

ПОР-РОЯЛЯ ЛОГИКА — логич. учение, основанное на принципах философии Декарта и Паскаля. Систематически изложено в книге Арно и Николая «Логика или искусство мыслить» («La logique ou l'art de penser», Р., 1662). Согласно П.-Р. л., главная цель *логики* — формулировка суждений наиболее строгим образом (с тем, чтобы способствовать различению истинны и лжи). Т. к. на это должны быть направлены осн. усилия в любых науч. исследованиях, то все др. науки следует оценивать с т. зр. логики. В ответ на критику, вероятно имевшую место еще при распространении рукописного варианта П.-Р. л., в частности на упреки в том, что в логич. сочинении неоправданно много места уделяется риторике, физике, геометрии и др. наукам, во введении к своей книге (втором) авторы особо подчеркивают прикладное и методологич. значение логики, возражая тем, кто «закрывает логику в логике» вместо того, чтобы использовать ее как рабочий инструмент др. наук и практики. Касаясь вопроса о преемственности или о связи П.-Р. л. с уже известными учебниками по логике, авторы отмечают, что они изложили все полезное, что имеется в этих книгах (напр., правила фигур силлогизма, учение о терминах и понятиях, частично о предложениях и др.), а также, уступая традиции, и нек-рые бесполезные, на их взгляд, учения, напр. учение о *категориях*, к-рые приносят больше вреда, чем пользы, по крайней мере, по двум причинам: в о п е р в ы х, в силу укоренившегося представления о категориях как о чем-то абсолютном и безусловно-истинном (такое представление о категориях таит в себе, по их мнению, опасность мистификаций; в связи с этим любая система категорий рассматривается в П.-Р. л. как произвольно установленная система осн. понятий, к-рая, в зависимости от филос. позиции мыслителя, с одинаковым правом может быть заменена к.-л. др. системой понятий); в о в т о р ы х, учение о категориях опасно потому, что оно причащает людей притаться за слова и воображать, что они знают, о чем говорят, когда произносят общие фразы, лишены ясного и отчетливо воспринимаемого смысла. Тем не менее авторы П.-Р. л. отмечают, что их критика нек-рых положений логики и философии Аристотеля не имеет целью принизить значение философа, к-рому принадлежит приоритет в открытии почти всех известных правил логики и у к-рого они больше всего заимствовали при написании своей работы. Определ. шагом вперед в разработке логич. теории явилось введенное в П.-Р. л. употребление терминов «содержание» и «объем» по отношению к общим понятиям (*именам*), причем под содержанием понятия понималась совокупность существенных признаков рассматриваемого понятия (напр., в содержание понятия «треугольник» включались признаки: фигура на плоскости, три стороны, равенство трех углов двум другим и др.), а под объемом понятия понимались предметы, соответствующие этому понятию (т. е. такие предметы, к-рые в качестве субъектов суждений, предикатов к-рых является рассматриваемое понятие, сохраняют их истинности; в совр. терминологии — образующие к л а с с е истинности рассматрива-

евого понятия). Придавая большое значение борьбе с логическими ошибками, возникающими из-за неопределенного (нечеткого) употребления слов обычного языка, авторы П.-Р. л. указывают, что лучшим средством избавления от таких ошибок является построение нового языка, слова которого будут иметь только тот смысл, к-рый хотят им приписать. Таким языком может служить, по их мнению, и обычный разговорный язык при условии, что его слова рассматриваются как не имеющие первоначально никаких значений, — в дальнейшем их значения устанавливаются по определению. Эта концепция языка авторов П.-Р. л., по-видимому, тесно связана с их (заимствованной у Паскаля) теорией определений, согласно к-рой следует строго различать номинальные определения (определения имени, лат. *definitio nominis*) и реальные определения (определения вещи, лат. *definitio rei*). В реальном определении мы сохраняем за определяемым термином его обычный (общепринятый) смысл, но только раскрываем (разъясняем) его посредством определяющих терминов (аналогично пояснительным определениям в математической логике — см. А. Черч, Введение в математич. логику, М., 1960, с. 388). В номинальном определении определяемый термин первоначально не имеет никакого смысла и получает его посредством определения, причем получает только тот смысл, к-рый ему приписывается определяющими терминами; др. словами, смысл определяющего переносится на определяемое. Авторы П.-Р. л. указывают также на чисто синтаксическую роль номинальных определений как полезных сокращений (аналогично определениям-сокращениям в матем. логике — см. там же, с. 71, 388). Отсюда делается вывод: 1) что определение имени, в отличие от определения вещи, совершенно произвольно и потому ни истинно, ни ложно; 2) что в силу своего произвольного характера оно, в отличие от определения вещи, не может быть оспорено; 3) что в силу (2) любое номинальное определение можно принять в качестве исходного принципа (аксиомы), чего нельзя сказать о реальном определении, являющемся, по существу, предложением, к-рое нуждается в доказательстве; 4) что принятие номинальных определений в качестве исходных принципов вовсе не означает при этом постулирования утверждений о к.-л. реальности, ибо в этих определениях не содержится никакого задания на существование в качестве реальной вещи того, что с их помощью определяется (напр., мы можем определить «химеру» как то, из чего вытекает логич. противоречие, не считая, однако, химеру объективно существующей вещью). Развиваемая в П.-Р. л. конвенциональная концепция языка кратко подытоживается следующими словами: «... для выражения своих мыслей каждый может пользоваться таким языком, который ему нравится, лишь бы он известил об этом... каждый имеет право создавать для себя собственный словарь, но никто не имеет права навязывать свой словарь другим, ни истолковывать значений слов чужого словаря на основе тех частных значений, которые он для себя выбрал» («La Logique...», Р., 1775, р. 71).

Особое место в П.-Р. л. занимает учение о методе, к-рое, по мнению ее авторов, является самой полезной и самой важной частью логики: «... существуют два вида методов; один, который мы называем анализом, или методом решения, и который можно также назвать методом познания, служит для открытия истины; другой, который мы называем синтезом, или методом композиции, и который можно также назвать теоретическим методом, служит для

передачи другим уже открытых нами истин» (там же, р. 353). Резюмируя содержание раздела об аналитич. методе, авторы указывают, что, по существу, этот метод «... скорее заключается в пронципальности и способности ума правильно оценивать вещи, чем в особых правилах» (там же, р. 361). Тем не менее они приводят четыре правила (о методе) Декарта, к-рые, по их мнению, помогают избежать ошибок в поисках истины, хотя, вообще говоря, являются общими для обоих методов, а не только для анализа. Наиболее важным является синтетич. метод, поскольку именно этим методом пользуются при теоретич. изложении любой науки. Он состоит в переходе от самого общего и самого простого к менее общему и более сложному. В качестве примера хорошего метода приводится тот, к-рым пользуются геометры, но с добавлением нек-рых правил. Этот обобщенный метод наз. науч. методом. Он сводится к следующим правилам — для определения: 1) не оставлять никаких неясных или двусмысленных терминов без определения; 2) использовать в определениях лишь хорошо известные или уже объясненные термины; для аксиом: 1) принимать в качестве аксиом только вполне очевидные положения; 2) принимать как очевидное только то, что требует лишь небольшого внимания для признания его истинным; для доказательства: 1) доказывать все сколько-нибудь неочевидные предложения, используя при этом только прежде введенные определения и принятые аксиомы или уже доказанные предложения; 2) никогда не злоупотреблять многосмысленностью терминов, прибегая в случае затруднений к определениям, к-рые ограничивают и одновременно объясняют их значения; для метода: 1) насколько возможно излагать вещи в их естеств. порядке, начиная с более общего и более простого; прежде чем переходить к видовым особенностям, объяснить все, принадлежащее природе рода; 2) подразделять, насколько это возможно, каждый род на все его виды, каждое целое на все его части, каждую задачу на все ее случаи (см. там же, р. 398—99). Нек-рые из этих правил отмечены чрезмерным доверием к интуиции, к здравому смыслу. Это привело, в частности, к требованию со стороны авторов П.-Р. л. ограничить класс доказываемых положений (геометрии) лишь неочевидными утверждениями и к упрекам в адрес геометров, что они зря доказывают то, что нет необходимости доказывать. Это же, по-видимому, послужило основой для поиска ряда содержат. критериев правильности силлогистич. вывода взамен формальных.

Спец. место в П.-Р. л. уделяется вопросам об образовании (составлении) сложных предложений из простых и о разложении сложных предложений на простые. Систематизации и критич. рассмотрению подвергаются схоластич. учение о проведении диспутов (т. н. «разделы об аргументации», лат. *loci argumentorum*, или методы отыскания аргументов, к-рые авторами П.-Р. л. подразделяются на грамматические и логические и метафизические) и др. традиц. вопросы. В целом же П.-Р. л. отнюдь не представляет собой продолжения традиционной (схоластической) логики; в большей мере она является критикой этой логики, критикой, к-рая зачастую оставляет в стороне мн. интересные и важные (как выяснилось в связи с появлением математической логики) ее проблемы, но которую, однако, именно с т. зр. последующего развития математики и логики следует считать в основном полезной и плодотворной.

Лит.: Владиславлев М. И., Логика, СПб., 1872; Попов П. С., История логики нового времени, М., 1960, с. 32—3; Котарбинский Т., Избр. произв., пер. с польск., М., 1963, с. 429—42; Keale W. and Keale M., The development of logic, Oxf., 1962. См. также лит. при ст. Арно и Николь. М. Новоселов. Москва.

ПОРТЕР (Porter), Ноа (14 дек. 1811—4 марта 1892) — амер. философ-идеалист, влиятельный представитель *шотландской школы* в США. Профессор (с 1846) и президент (с 1871) Йельского ун-та.

Приверженец кальвинистской теологии, П., не будучи оригинальным мыслителем, отстаивал и распространял религиозно-идеалистическую философию. Определяющее влияние на воззрения П. имели нем. идеалистич. философия (кантианство), учение Гамильтона и Тренделенбурга, к-рому посвящено гл. произведение П. «Элементы интеллектуальной науки» («Elements of intellectual science», N. Y., 1871). Основы своих воззрений П. формулировал следующим образом: «Вселенная есть мысль, также как и вещь... Мы признаем, что Абсолютное существует, благодаря чему возможны мышление и наука... Мы не доказываем бытия бога, однако же каждый человек должен с необходимостью признать его бытие» (указ. соч., р. 555). Интуитивное познание «необусловленного», защищаемое Гамильтоном, П. толковал как познание абсолютного, используя при этом кантовский априоризм. П. подверг критике справа не только материализм, но также и эмпиризм, *позитивизм*, *агностицизм*, неоднократно выступая против взглядов Милля, Стенсера, Бэна, а также против объективного идеализма Колриджа. Этич. учением, основанным на эволюц. натурализме, П. противопоставлял этич. априоризм, заимствованный у Канта и сближаемый с религ.-этич. доктриной *кальвинизма*.

Соч.: The human intellect, N. Y., 1868; The sciences of nature versus the science of man, N. Y., 1871; Science and humanity, N. Y., 1882; The elements of moral science, N. Y., 1885; Kant's ethics, Chi., 1886.

Лит.: D w i g h t T., N. Porter..., New Haven, 1892.

Б. Выховский. Москва.

ПОРФЫРИЙ (Πορφύριος) (р. 232/233 — ум. между 301 и 304) — античный философ, представитель *неоплатонизма*, ученик Плотина. Известно о его 77 трактатах, из к-рых до нас дошло 18. Четыре посвящены филос. проблемам. 1) «Исходные пункты для восхождения к умопостижимому» (содержит четкие формулировки осн. учений неоплатонизма; отсутствует общеплатонич. учение о «Едино»). 2) «Введение в Категории Аристотеля», или под др. названием «О пяти звучаниях». Это знаменитый трактат, имевший огромную популярность как для последующего неоплатонизма, так и для всего средневековья, когда он много раз переводился и комментировался на Востоке, в Византии и на Западе. Пять «звучаний» — это то, что в логике наз. признаками понятия, т. е. род, вид, видовое различие, собств. признак и несобственный (случайный) признак. 3) «Комментарии на Категории Аристотеля» — др. соч. на ту же тему в диалогич. форме. 4) «О воздержании от употребления в пищу одушевленных существ», содержащий традиционные орфики-пифагорейские аскетич. наставления. Два трактата посвящены истории философии — «Жизнеописание Плотина» и «Жизнеописание Пифагора» (часть не дошедшей до нас и доведенной до Платона «Истории философии» в 4 кн.). Остальные трактаты касаются естеств.-науч. и этич. тематики, а также религ.-мифологич. вопросов (к числу трактатов на эту тему относятся, напр., «О пещере нимф» — одна из первых неоплатонич. конструкций космоса, а также «Против христиан» — соч., основанное на критике Библии и сожженное в 488).

До нас не дошли комментарии П. к лекциям Плотина, к платоновским «Тимею», «Кратилу», «Софисту», «Пармениду», «Филебу», «Федону», «Государству», «Пирру», ряд трактатов о Платоне и Аристотеле и др. Будучи в основном комментатором соч. Платона и Аристотеля, П. более или менее самостоятельно трактовал (в соч. «Исходные пункты») проблему отличия духовного от телесного, повторяя во всем прочем

Плотина. Зато у него гораздо больше, чем у Плотина, интереса к практич. философии, к-рую он понимал как учение о добродетелях политических (*метриопатия*), катартических (*апатия*, очищение от аффектов ради угодления богу), душевных (обращение к уму) и парадегматических (когда ум становится образцом для всей духовной жизни). П. признавал также и мистич. практику включая астрологию, и вообще магию (предсказание будущего, гадание), и теургию. По-видимому, П. расценивал всю эту область как известную необходимую ступень в чело-веч. развитии и потому оставлял ее либо для мало-развитых масс, либо как предварительную ступень для филос. умозрения. Сам же для себя и для подобных себе П. все-таки оставлял путь чистого умозрения, подчиняя и все религ. обряды и всю практич. мораль чисто духовному восхождению (см. Августин, De div. dei). Тут он не уходил далеко от Плотина, сходясь с ним также и в учении о вечности мира, к-рому выводил из платоновского «Тимея» вместе с Древней академией (см. *Академия платоновская*), вопреки многочисл. платоникам 1—2 вв. н. э. и прежде всего Плутарху и Атикку. Ср. ст. «Древо Порфирия».

Соч.: Porphyrii philosophi Platonici opuscula selecta, iterum recognovit A. Nauck, Lipsiae, 1886; Porphyrii de philosophia ex oraculis haurienda. Librorum reliquiae, ed. G. Wolff, Beroloniae, 1856; Epistola ad Anebonem Aegyptium. Jamblichii de Mysteriis liber, rec. G. Parthey, Berolini, 1837; Porphyrii, Isagoge et in Aristotelis Categorias commentarium, ed. A. Busse, Berolini, 1887 (Commentaria in Aristotelem Graeca, v. 4, pars 1); Porphyrii quaestiones Homericarum ad Odysseum pertinentium reliquias, ed. H. Schrader, Lipsiae, 1890; Porphyrii sententiae ad intellegibilia ducentes, rec. B. Mommert, Lipsiae, 1907; фрагменты см. в кн.: B i d e z J., Vie de Porphyre le philosophe néoplatonicien, Gand—Lpz., 1913; U c b e r w e g F r., Grundriss der Geschichte der Philosophie, Tl 1 — Die Philosophie des Altertums, 12 Aufl., B., 1926, S. 598—99.

Лит.: История философии, т. 4, [М.], 1940 (по имен. указат.); K l e f f n e r A. J., Porphyrius, der Neuplatoniker und Christenfeind, Paderborn, 1896; B ö r t z l e r F r., Porphyrius' Schrift von den Götterbildern, Erlangen, 1903; J ä g e r H., Die Quellen der Pythagoras-Biographie des Porphyrios, Z., 1919 (Diss.); P r a e c h t e r K., Porphyrios in Aristotelis Categorias, «Hermes», 1921, Bd 56; T o f o k W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1964, S. 343—44. А. Лосев. Москва.

ПОРЯДКА ОТНОШЕНИЕ — бинарное (двуместное, двучленное) *отношение*, обладающее свойствами и *рефлексивности* (см. *Рефлексивность*) и *транзитивности* (из чего следует также его *антисимметричность*, см. *Симметричность*). П. о. «упорядочивает» элементы множества, на к-ром оно определено: если $\langle \rightarrow \rangle$ — символ П. о., то пишут $x \rightarrow y$, когда хотят сказать, что x предшествует y в смысле данного П. о., а y следует за x . [Термины «порядок», «предшествующий», «следующий» и т. п. применяются как в тех случаях, когда они непосредственно выражают свойства упорядочиваемого множества, соответствующие некоему интуитивному представлению о «порядке» и «следовании» — как, напр., в случае «естественного» упорядочения числовых множеств по величине отношением $<$, так и тогда, когда «упорядочение» к.-л. (абстрактного) множества вводится чисто формально посредством определения.] Множество, на к-ром определено П. о., наз. *частично упорядоченным*. Если для любых не равных между собой элементов x и y такого множества имеет место либо $x \rightarrow y$, либо $y \rightarrow x$ (т. е. П. о. всюду определено или, как говорят, *связано* на этом множестве), то оно наз. *простым упорядоченным* (или *линейно упорядоченным*). Непустое упорядоченное множество, каждое подмножество к-рого имеет первый (т. е. предшествующий) всем остальным в смысле данного упорядочения элемент, наз. *вполне упорядоченным*. Частично упорядоченные множества со всюду определенными на них бинарными операциями взятия общей нижней грани двух элементов (т. е. некоего третьего

элемента, предшествующего в данном упорядочении обоим данным) и, аналогично, общей верхней грани наз. с т р у к т у р а м и (англ. lattice). Часто данное выше определение П. о. («П. о. в узком смысле») несколько обобщают, заменяя условие пререксивности на условие рефлексивности. Такое обобщение («П. о. в широком смысле», или «отношение квази-порядка») (напр., замена отношения $<$ на \leq или строгого включения множества в множество \subset на нестрогое включение \subseteq), несколько расширяющее интуитивное понимание термина «предшествует», позволяет освободиться от стеснительного и неестеств. ограничения, согласно к-рому общая нижняя (верхняя) грань двух элементов структуры должна непременно быть отличной от каждого из них. Для каждого из этих понятий П. о. имеет место т. н. д о й с т в е н н о с т ь, состоящая в том, что отношение, обратное П. о. в широком (узком) смысле, само является П. о. в широком (соответственно узком) смысле (напр., \leq и \geq , $<$ и $>$). Отношение же, являющееся отрицанием любого П. о. в широком (узком) смысле, есть П. о. в узком (соответственно широком) смысле (напр., \leq и $>$ или $<$ и \geq). Разнообразнейшие и важные примеры структур представляют собой всякого рода иерархии (реальных и воображаемых) объектов, имеющие, вообще говоря, вид «деревьев». Аналогия между наглядными представлениями, связываемыми с (линейной) упорядоченностью точечных (пространственных) множеств, и временными (а также причинно-следственными) связями в физике и др. естеств. науках позволяет говорить об *изоморфизме* различных физич. и геометрич. систем относительно их (временного и пространственного) упорядочения. Но между этими двумя «естественными» упорядочениями имеется и серьезное различие: отношение предшествования — следования во времени (играющее роль П. о. для реальных физич. процессов) обуславливает естественную и (по-видимому) однозначную «положительную» «направленность» от прошлого к будущему (по поводу филос. аспектов проблемы «направления времени» и связи ее с понятием причины см. *Причинность, Пространство и время*); упорядочение же точек геометрич. прямой отнюдь не дает к.-л. «естественных» оснований для априорного предпочтения (выбора) одного из противоположных (двойственных в определенном выше смысле) направлений в качестве «положительного», а выбор одного из этих направлений (и соотнесение его «естественному» и «однозначному» порядку событий во времени) есть дело соглашения. Вместо одновременного рассмотрения двух взаимно-двойств. П. о. на прямой и условной фиксации одного из них в качестве «положительного» часто вообще бывает удобнее трактовать П. о. как тернарное (трехместное) отношение «между», симметричное относительно своих крайних членов. В тех случаях, когда сущест. образом проявляется неравноправие двух возможных «естественных направлений» упорядочивания, выбор одного из них в качестве «основного» П. о. определяется индивидуальным строением упорядочиваемого множества. (Здесь речь идет, конечно, лишь о «естественных» упорядочениях — если таковые имеются; напр., конечное множество из n элементов допускает а priori $1 \cdot 2 \cdot \dots \cdot n = n!$ различных упорядочений.) Если, напр., из двух натуральных чисел предшествующим считать меньшее, то натуральный ряд оказывается не только упорядоченным, но и вполне упорядоченным; если же предшествующим считать большее число, то имеет место лишь линейная упорядоченность натурального ряда. «Несимметричность» вполне упорядочиваемых дискретных совокупностей, очевидно, тесно связана с рассмотрением их как «становящихсяся» в ходе определяющей их к о н с т р у к ц и и. Т. о., понятие времени (олицетворяю-

щее в известном смысле несимметричность возможных упорядочиваний событий реального мира), изгнанное в явном виде из математики в связи с принятием *абстракции актуальной бесконечности* (см. *Математическая бесконечность*), вновь — хотя и не в непосредственно наглядной форме — проникает в математику, коль скоро мы отказываемся от этой абстракции и пользуемся лишь *абстракцией потенциальной осуществимости* (см. также *Интуиционизм, Конструктивное направление*); такое генетич. рассмотрение вполне упорядоченных совокупностей (в частности, числовых) обуславливает возможность применения к ним (в качестве осн. метода определения и доказательств) *математической индукции* и ее аналогов. Обобщения этого метода применимы и по отношению к таким частично упорядоченным множествам, каждое линейно упорядоченное множество к-рых вполне упорядочено. Важными примерами таких множеств служат структуры п р е д л о ж е н и й (или формул некого исчисления) [упорядоченные посредством отношения (логического) следования (соответственно выводимости в данном исчислении)], к к-рым применима «индукция по построению формулы».

Лит.: Б и р к о ф Г. Теория структур, пер. с англ., М., 1952; Р с й х е н б а х Г. Направление времени, пер. с англ., М., 1962; Ш и х а н о в и ч Ю. А., Введение в современную математику, М., 1965, гл. 7, § 5. Ю. Гастев. Москва.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛА — см. Число.

ПОСИДОНИЙ (Ποσειδώνιος) из Апамен (Сирия) (ок. 135—51 до н. э.) — древнегреч. философ, реформатор стоицизма, опиравшийся на платоно-пифагорейскую традицию, ознаменовавший собой переход в философию от раннего эллинизма к позднему, от раннего стоицизма через стоич. *платонизм* к *неоплатонизму*. П. относят обычно к т. н. Средней Стое. До нас не дошел ни один его трактат, а имеется только небольшое количество фрагментов. Тем не менее филологи конца 19— начала 20 вв. установили большое значение в истории античной философии П., к-рого они сравнивали и с Платоном по глубине мысли и с Аристотелем по энциклопедизму. П. писал не только по всем разделам философии, но и о религии, этике, космологии, географии, астрономии, математике, истории, риторике. В его учении элементы мистики несколько не снижали значимость науки.

В с о б с т в е н н о ф и л о с. о б л а с т и П. разрабатывал принципы стоич. платонизма.

1) П. учил не просто о божественно-огненной и пневматич. целесообразности мира (Clem. Alex. Strom. II 129, 4; Stob. Ecl. I 34, 26 слл.; ср. Cic. De nat. deor. II 2, 4; Sext. Emp. Adv. math. IX 60 слл.), но и о мировом «уме», к-рый является и всезнающим (Sext. Emp. Adv. math. VII 94) и приводящим все в движение божеством (Cic. De nat. deor. II 11, 31; 9, 23; 16, 43; Sext. Emp. Adv. math. IX 76), миром идей и чисел (Sext. Emp. Adv. math. VII 93), и огненной *пневмой* одновременно, из к-рой истекают и расходятся по всему миру отдельные огненные зародки всех вещей, определяющие всякую вещь и по ее материи и по ее смыслу (Diog. L. VII 138. 142. 149). Это — т. н. семенные смыслы (λόγοι σπέρματικοί) стоиков. Божество есть мыслящее, огненное дыхание, к-рое не имеет никакого образа (ср. Stob. Ecl. I, p. 133, 8 слл.), но может превращаться во что оно хочет и все делать себе подобным (Aet. I 6, 1), творить и организовывать (Sen. Quaest. nat. II 1). В этом смысле первичная, божественная и разумная пневма как бы расчленяется в мире на действующую сущность и пассивную материю (Diog. L., VII 134), т. о. платонически-пифагорейские идеи и числа выступали здесь натуралистически в виде стоич. огненной пневмы (ср. Cic. De nat. deor. II 9, 24), а мировой огонь стоиков завершался платонич. царством идей и чисел, т. е. натурализм переходил в теорию абсолютизированных понятий. Эта концеп-

ния является эклектической, но ее тенденция будет неизменно углубляться, пока не достигнет своего завершения в неоплатонизме. Она заключается в том, что платоновские идеи перестают быть только чем-то запредельным и занебесным, но начинают конкретно и интимно ощущаться, поскольку истекающая из них огненная пневма есть не что иное, как теплое дыхание, т. е. человек (да и вся природа) как бы дышит этими идеями (ср. Sext. Emp. Adv. math. VII, 119). Можно сказать, что на путях разрушения платоновского дуализма стоики сыграли огромную роль своей концепцией пневматич. истечений (будущих эманаций неоплатонизма) и — что то же самое — сперматич. логосов (будущих энергийных *эйдосов* того же неоплатонизма), и наибольшая роль в этом принадлежит П.

Теория всеобщей связи приводила П. к *фатализму*. Т. к. у П. все пронизывается всем и он учит о мировой «симпатии» (Cic. De nat. deor. II 7, 19; De divin. II 14, 33 слл.; Sext. Emp. Adv. math. IX 78—85), т. е. о полной связанности малейшей части космоса со всем космосом (Cic. De nat. deor. II 45, 115), то идея судьбы вытекает отсюда сама собой (Cic. De divin. I 55, 125; De fato 3; Diog. L. VII 149; Stob. Ecl. 1, p. 78, 15 слл.; Cic. De nat. deor. II 22, 58; 65, 162 и — слл.). Это же самое является и законом природы, оно же воплощается и в человеке как его воля (Sen. Epist. 87, 31; 113, 28). Эта сила воли в человеке, его «господствующее», или «ведущее», — есть залог его полной свободы (Sen. Epist. 87, 31; 113, 28; Cic. De divin. I 55, 126; De nat. deor. II 12, 32; Sext. Emp. Adv. math. IX 76). Она основана на разуме, т. е. добродетель вполне изучима (Diog. L. VII 91), а судьба хотя и всемогуща, но не обладает никаким оружием, оружие же против судьбы принадлежит знающему и добродетельному мудрецу (Sen. Epist. 113, 22). Правда, для этого требуется весьма длительное и тщательное воспитание (кроме указанного текста Sen. Epist. 113, 28, см. также 95, 65).

2) Другим элементом платонизма философии П. является учение о гармонии сфер, о космич. музыкальных тонах и правильных геометрич. телах с превращением всего космоса в огромный инструмент не только оформленный музыкально и геометрически, но и сконструированный как универсальное живое и разумное существо (Nemes, 43, 13). Для построения этого учения П. использовал платоновский «Тимей». Этим П. также закладывал основу неоплатонизма. Пифагорейско-платонич. космологию П. объединял с огненным пневматизмом стоиков, так что здесь получался круговорот огненного вещества, становящийся гармонией сфер, т. е. космос, целесообразно устроенный при помощи чисел, музыкальных тонов и определенного рода геометрич. тел.

3) Третьим платонически-пифагорейским пунктом философии П. является учение о переселении и перевоплощении душ, совершающих круговорот рождений вместе с периодич. воспламенением вселенной. Согласно этому учению, душа, после оставления ею тела, попадает в надлунный мир, где происходит очищение от земной скверны; после этого она поступает в высшие сферы, где в соответствии со своей природой она проводит время в созерцании идей и вкушает блаженство, пока не наступит период воспламенения всего мира и воспламенный мир вновь не разделится на те или иные сферы и она вновь не найдет в них свое очередное тело. Мотивы из Филолая и Платоновского «Федона» переплетаются здесь с огненной пневматологией древних стоиков и с конструкциями платоновского «Тимея».

Итак, если стоицизм П. заключался в учении о первоогне и его превращениях, то платонизм П. выражался в доведении первоогня до степеней «ума» (*Нуса*) как

мира идей и чисел, в музыкально-геометрически-числовой теории космоса и в учении о мировом круговороте душ.

Свой стоич. платонизм П. интерпретировал также и мистически, вводя в свою философию учение о демонах, магии (гадании, искусстве предсказывать будущее), астрологии. Новое у П. в демонологии и магии по сравнению с предшест. религией греков заключалось в том, что они становятся у него предметом филос. рассуждения, определения и классификации, технически тренированной субъективно-человеч. воли. Демон понимался здесь как некое огненное или эфирное тело (что вполне соответствовало старинной мифологии) со всей той максимальной чувств. конкретностью, к-рая требовалась для демона, и с необходимым для него внутреннесмысловым содержанием.

Из своей теории вездесущего и всепроникающего мирового огня стоики сделали вывод о мировой «симпатии», т. е. о проникновении единого начала во все мельчайшие вещи и явления в мире и о возникающем отсюда наличии всего во всем. Этот взгляд, как и стоич. учение о всеобщем законе и судьбе, обосновывал теорию магии П., поскольку здесь оказывалось возможным по отдельным частным явлениям судить обо всем в целом и потому о любых др. частных явлениях. На подобных учениях о мировой симпатии и роке у П. получила обоснование и астрология, к-рая уже по одному этому была совершенно чужда классич. мысли Греции и к-рая явилась одним из самых ярких продуктов именно эллинистического мышления.

В философии истории П. пытался объединить две филос.-историч. концепции — Гесиода, учившего о золотом веке первобытного человечества, об его постепенном вырождении, и Демокрита, Эпикура и Лукреция, говоривших о прогрессе человечества. П. объединил эти концепции в том смысле, что полуживотное состояние человека он трактовал как невинное и наиболее близкое к божеств. огню, т. е. как золотой век, который к тому же является и царством философов. В дальнейшем начинается развитие наук, ремесел и искусств, — и тут П. повторял то, что нам известно из демокрито-эпикурейской традиции, — но одновременно с этим происходит и падение нравов, так что роль философов становится существенно иной, поскольку они теперь должны воспитывать людей при помощи законов, стараясь пробудить в каждом человеке огрубевшего в нем демона.

Являясь защитником истории, прогресса в области наук, ремесел и искусств (см. письма Сенеки, особ. 90-е, а также *Quaestiones naturales*, особенно VII 24 и Цицерон, *Tusculanские беседы*, V 7—11 I 62), П. считал, что во время периодич. мировых пожаров погибают и все возможные миры, и все возможные в них живые существа. Т. о., П. синтезировал идеи греч. мифологии и философии *досократиков*, Платона, Аристотеля, пифагорейцев и стоиков, что, в соответствии с историч. императивом той эпохи, необходимо означало сакрализацию раннеэллинистич. просветительства; и то, что не успел сделать П. на этом пути, с успехом продолжили платоники последующих двух столетий, пока весь этот синтетизм и сакрализация не достигли своего завершения в системе неоплатонизма.

Фрагм. в кн.: De Vogel C. J., *Greek philosophy*, v. 3, Leiden, 1959, p. 247—74; нем. пер. в кн.: Nestle W., *Die Nachsokratiker*, Bd 2, Jena, 1923, S. 86—144; историч. фрагм. в кн.: Jacoby F., *Die Fragmente der Griechischen Historiker*, Tl II, A, 87, Leiden, 1961.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 29; Зелинский Ф. Ф., Религия эллинизма, П., 1922, гл. 9; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); Досев А. Ф., Посидоний, в кн.: История греч. лит-ры, т. 3, М., 1960, с. 374—37; Schühlein F., Untersuchungen über das Posidonius Schrift, *περὶ Ὀρεσζυῶν* Freising, 1901 (Diss.); Arnold M., *Quaestiones Posidonianae*, Lpz., 1903 (Diss.); Heilmann L., *Posidonius' me-*

taphysische Schriften, Bd 1—2, Breslau, 1921—28; Reinhardt K., Poseidonios. Münch., 1921; Edelstein L., The philosophical system of Posidonius, «Amer. J. of Philology», 1936, v. 57, № 227.

ПОСЛАНИЯ ПАВЛА апостола — 14 входящих в *Новый завет* эпистолярно оформленных религ.-философских сочинений. П. П. формально адресованы христ. общинам различных городов и стран или отд. лицам и приписываются церк. традицией легендарному религ. деятелю 1 в. н. э., с именем к-рого связывается эмансипация христианства от *иудаизма*. Как установлено библейской критикой, цикл П. П. объединяет тексты различных эпох. Наибольшее историко-филос. значение имеют: «Послание к римлянам», «Послания к коринфянам» (I и II), «Послание к галатам» (по-видимому, самые ранние). Особняком стоит позднее «Послание к евреям», в к-ром используются методы мистико-аллегорич. толкования Библии в духе *Филона*. П. П. — памятник интенсивного усвоения христианством идей, представлений и образов из самых разнородных источников: из стогической окрашенной греч. популярной философии, из иудейской теологич. и моралистико-казуистич. учености (не случайно предание рисует автора П. П. высокоэрудированным выучеником фарисеев), язык. мистерий и вост. апокалиптики. Эти заимствования не приводят в П. П. к эклектич. распычатости и терпимости, но создают острое напряжение между различными мировоззренч. элементами: для П. П. характерно мышление парадоксами, антитезами, антиномиями. Мир П. П. динамичен, и это — алогическая, иррационалистич. динамика, «безумие божье».

В центре этики П. П. стоит антиномия «закона» и «свободы». «Закон» (т. е. иудаистская система морально-религ. заповестей; как ее низший дублет рассматривается традиц. мораль языч. народов) исторически необходим и дан богом, но сам по себе может только породить моральное зло, «умножать грех». Христианство эсхатологически осмысливается как выход из мира внешней принудительности «закона» в мир «свободы», характеризующей след. комплексом понятий: «благодать» — воздействие бога на человек. волю, выводящее ее из инерции зла, «духовность», мистич. «познание», «вера», «любовь». Все это ставит человека выше «закона»: «совершенному нет закона». Именно в этом снятии «закона» — его оправдание: он был необходим как воспитатель человечества для «свободы». П. П. высоко ставит индивидуалистич. спекуляцию: «Дух все испытует, даже глубины божьи»; в то же время несомнестич. оценка человека и его разума и подчеркивание алогич. сути христианства приводят к резким антиинтеллектуалистич. выпадам. «Свобода» П. П. — это не *свобода воли* (ее исключает концепция «благодати»); еще менее это социальное понятие: именно в П. П. демократические хилиастические чаяния раннего христианства окончательно переводятся в спиритуалистико-моралистич. план, а в отношении к гос-ву торжествуют охранительные тенденции: «всякая душа да повинуется властям предержащим».

П. П. положили начало христ. религ. философии и продолжали оказывать на нее огромное воздействие. Стиль психо-логич. самоуглубления П. П., характеризующий пессимизмом, *иррационализмом*, катастрофич. пониманием внутр. динамики человек. воли, создал в европ. идеализме традицию, идущую через *Августина* к *Люттеру*, *Паскалю* и *Кьеркегору*.

Лит.: Энгельс Ф., К истории первонач. христианства, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 479—80; Глубоковский Н., Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу, т. 1—3, СПб., 1906—12; Гарнак А., История догматов, в кн.: Общая история европейской культуры, под ред. И. М. Гревса, т. 6, СПб., 1910; Жебелев С. А., Апостол Павел и его послания, П., 1922; Виннер Р. Ю., Возникновение христ. лит-ры, М.—Л., 1946; Робертсон А., Происхождение христианства, пер. с англ., М., 1959; Ленцман Я. А.,

Происхождение христианства, М., 1960; Bultmann R., Der Stil der paulinischen Predigt und die kynischstoische Diatribe, Gött., 1910; Schweitzer A., Die Mystik des Apostels Paulus, Tübingen, 1930; Schneiders K., Geistesgeschichte des antiken Christentums, Bd 1—2, Münch., 1954; Wikenhauser A., Die Christumystik des Apostel Paulus, 2 Aufl., Freib., 1956; Bultmann R., Theologie des Neuen Testaments, 4 Aufl., Tüb., 1961; Hegermann H., Die Vorstellung vom Schöpfungsmittler im Hellenistischen Judentum und Urchristentum, B., 1961; Larsson E., Christus als Vorbild. Eine Untersuchung zu den paulinischen Tauf und Eikontexten, Uppsala, 1962; Spicq C., Les éléments hellénistiques dans saint Paul, в кн.: Da Tarso a Roma: conferenza in occasione del XIX Centenario della venuta di san Paolo a Roma, Mil., 1962, p. 37—60.

С. Аверинцев. Москва.

ПОСТУЛАТ (от лат. postulatum — требование) — 1) У *Эвклида* П. (греч. αἰτήματα) — осн. положения геометр. метода наряду с определенными п. аксиомами. По *Проклу*, П. относятся к аксиомам как задачи к теоремам, они утверждают возможность определ. построений (с помощью циркуля и линейки), обуславливающих в свою очередь существование рассматриваемых в определенных геометр. объектов (как результатов этих построений). В аксиомах же утверждаются без доказательства свойства объектов, существование (возможность построения) к-рых постулировано или доказано. 2) То же, что *аксиома* (или менее очевидная аксиома). Такое употребление термина «П.» сложилось в 17 в. Оно характерно, в частности, для авторов *Пор-Рояля логики*, хотя еще в 18 в. аксиомы, как правило, отделяются от П. 3) В совр. науч. терминологии при дедуктивном построении к.-л. науки, содержательной теории \mathfrak{I} обычно наз. П. осн. положения (аксиомы) нелогического характера, к-рые выражают отношения между осн. понятиями теории \mathfrak{I} и из к-рых остальные ее положения (теоремы) выводятся средствами соответств. *логического исчисления* \mathfrak{L} , на базе к-рого формализуется теория \mathfrak{I} . При дедуктивном построении \mathfrak{I} выделяется нек-рое множество P ее осн. положений, к-рое затем расширяется до множества P^* , включающего все выражения из P , все теоремы и аксиомы \mathfrak{L} , а также правила (*правила вывода*), позволяющие устанавливать (логически) принадлежность к P^* новых выражений (теорем) на основе выражений, уже принадлежащих к P^* . (P^* является формализацией \mathfrak{I} средствами \mathfrak{L} и в общем случае $P^* \neq \mathfrak{I}$ в силу теоремы Гёделя о неполноте.) Согласно (3), постулатами P^* наз. только выражения из P (см. А. Черч, Введение в матем. логику, М., 1960, с. 55). 4) Часто, расширяя понятие П., определенное в (3), наз. П., кроме выражений из P , аксиомы \mathfrak{L} и правила получения теорем P^* (см. С. К. Клини, Введение в метаматематику, М., 1957, с. 31, 77, 425). Независимо от того, понимаются ли П. в смысле (3) или в смысле (4), в отношении каждой системы П. ставятся обычные для метатеоретич. исследований (см. *Метатеория*) вопросы о *независимости*, *непротиворечивости* и *полноте*. При отделении, согласно (3), П. от логич. аксиом говорят даже об *особой теории П.* (см. А. Черч, Введение в матем. логику, с. 307—19). Помимо отмеченных в (1)—(4) случаев (и, вообще говоря, в известном смысле в соответствии с ними) наз. П. также: 5) с п о р н о е метатеоретич. положение, исключение к-рого из числа исходных принципов или, напротив, включение к-рого в число таких принципов не приводит к противоречию, так что принятие этого положения носит, по существу, условный (конвенциональный) характер. Напр., П. в смысле (5) будет *принцип исключенного третьего* (понимаемый, конечно, не как теорема классич. логики, а как определ. утверждение о логике). 6) Положение, хотя и не очевидное, однако с т. зр. поставл. целей обладающее определ. преимуществами перед др. положениями и потому принимаемое за исходное. 7) Положение, принимаемое без доказательства в данном контексте, хотя и доказуемое (возможно) в нек-ром др. контексте. 8) Очевидное положение, к-рое именно

в силу своей очевидности не нуждается в доказательстве.

Лит.: Начала Евклида, пер. с греч., кн. 1—6, М.—Л., 1950, с. 14—15, 237—41; Энциклопедия Философии, Начала геометрии, в кн.: Новые идеи в математике, сб. № 9, СПб., 1914, с. 1—2. М. Новоселов. Москва.

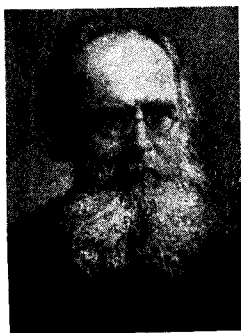
ПОСЫЛКА — 1) В логике Аристотеля — «...высказывание, утверждающее или отрицающее что-нибудь о чем-нибудь» («Аналитики...» I, 1, 24a, 16; рус. пер., М., 1952). Термин «П.» (греч. *πρότασις*) в этом случае как будто обозначает то, что позднее (напр., в ср.-век. логике) стали наз. просто высказываниями, предложениями (или суждениями); однако у Аристотеля он носит, по-видимому, технич. характер, обозначая, как правило, предложение *силлогизма*. 2) В традиц. логике П. стали наз. также данными предложения (лат. *praemissae*) силлогизма, из к-рых по соответств. правилам силлогизма получают новое предложение — заключение (лат. *conclusio*). П., содержащую больший термин, стали наз. *большей П.*, а содержащую меньший термин — *меньшей П.* 3) В совр. формальной логике П. наз. обычно любые предложения (формулы), на основе к-рых делается (логический) вывод и к-рые в рамках данного вывода не обосновываются. Это могут быть логически осн. предложения (*аксиомы*) или предложения-гипотезы, к-рые устраняются на более поздних шагах *дедукции*. Если эти шаги состоят в применении т. н. фигур дедукции (правил вывода), имеющих вид:

$$\frac{\alpha_1, \dots, \alpha_n}{\beta}$$

где $n \geq 1$, $\alpha_1, \dots, \alpha_n, \beta$ — формулы, причем $\alpha_1, \dots, \alpha_n$ наз. верхними формулами, а β — нижней формулой фигуры, то П. естественно наз. все верхние формулы данной фигуры дедукции (среди к-рых могут быть как формулы-гипотезы, так и аксиомы). Этим определением термину «П.» придается относительный характер: в данном выводе формула может быть заключенной (нижней формулой) одной фигуры дедукции и П. (верхней формулой) др. фигуры (при условии, конечно, что графически равные формулы, встречающиеся в разных местах вывода, не считаются различными). Все же в исчислениях логич. типа, основанных на аксиомах, последние играют в определ. смысле роль «абсолютных» П., поскольку процедура вывода должна начинаться обязательно с них. Исчислениями без «абсолютных» П. являются *натуральные исчисления* (доказательства в к-рых опираются на известные еще в древности т. н. доказательства *ex suppositione*).

М. Новоселов. Москва.

ПОТЕБНИЙ, Александр Афанасьевич [10 (22) окт. 1835—29 нояб. (11 дек.) 1891] — укр. и рус. языковед, создатель филос.-лингвистич. концепции «потребности». В 1856 окончил Харьковский ун-т и с 1860 преподавал в нем. С 1875 — проф. Харьковского ун-та; чл.-корр. Петерб. АН (с 1877). Центр.

труд П. «Из записок по русской грамматике» сыграл выдающуюся роль в обосновании историч. языкознания, в развитии грамматич. теории рус. языка. П. одним из первых в России поставил на почву точного фактологич. исследования разработку вопросов истории мышления в его связи с языком, пытался установить общие семантич. принципы осознания человеком осн. категориальных отношений действительности. Рассматривая речевые единицы как акт мысли, в к-ром языковая форма выступает «ссылкой на значение», П. (см. «Мысль и язык» и др. работы) обосновывает учение о «внутр. форме» слова. Согласно этому учению, ряду

до знаковой оболочкой и абстрактным значением, слово имеет «внутр. форму», т. е. представление, образ этого значения, подобно тому как термин «окно», помимо четырехбуквенного сочетания знаков и понятия о застекленном проеме стены, содержит образ этого значения — представление об «оке» (глазе). Внутр. противоречие между такими чувств. образами и абстрактными значениями определяет, по мнению П., генезис рече-мыслит. деятельности. Разрабатывая учение о роли языка в психич. деятельности, П. указывает, что представление значения речевого сигнала, т. н. «интерцепция в слове» выступает как предпосылка *самосознания*. В работе «Из записок по русской грамматике» П. анализирует чувств. образ в слове как «внутр. знак» его семантики и рассматривает в функции «внутр. формы» ближайшее значение слова, к-рое носит общенар. характер и является условием понимания речи. Анализируя образ и значение как осн. компоненты иск-ва, П. подчеркивает полнсемантичесость его языка, вводит т. н. «формулу поэтичности»: А (образ) < X (значения), возводящую неравенство числа образов множеству их возможных значений в специфику искусства (см. «Из записок по теории словесности», X., 1905, с. 101). Соотношение образа и значения в слове носит, по мнению П., историч. характер; оно очерчивает специфику как мфологич. сознания (характеризующегося нерасчлененностью образных и понятийных сторон своего языка), так и смеяющих его форм художеств.-поэтич. мышления (в к-ром значение преломляется через образ) и науч. мышления (характеризующегося приматом значения над образом). Исследуя генезис грамматич. и логич. категорий, П. вскрыл категориальную специфику первобытного мышления, связанную с архаич. нерасчлененностью представлений о субстанции и атрибутах, и рассматривал путь ее преодоления. В связи с анализом историч. мышления и его категорий П. развивает идеи эмпирич. обоснования логики. Ценные результаты получены П. и в области литературоведения, фольклористики, славяноведения, изучения укр. языка. В целом потебнианству, развивавшемуся не только в русле языкознания, но и философии, присущи колебания между материализмом и идеализмом.

Материалистич. линия у П. была связана с анализом объективных истоков языка и мышления, продуктов поэтич. и науч. деятельности, с освещением мфологич. характера понятия бога, с отставанием идеи примата природы по отношению к человеку. Вместе с тем П. утверждал, что объективны лишь конкретные вещи, а общие заключения о них — продукт «личной мысли». Отсюда концепция П. об антропоморфности категорий мышления и ряд идеалистич. (в духе Канта и Лотце) высказываний. Однако при решении нек-рых конкретных вопросов П. отходил от этой концепции. Обществ.-политич. взгляды П. характеризуются утверждением идей демократич. преобразования общества на принципах политич. и нац. равенства, критикой идеологии национализма и шовинизма.

Соч.: Объяснения малорус. и сродных народных песен, т. 1—2, Варшава, 1883—87; Из записок по русской грамматике, [т.] 1—2, 2 изд., X., 1888, нов. изд., М., 1958; т. 3, X., 1899; т. 4, М.—Л., 1941; Основы поэтики (По лекциям, читанным А. А. Потемным в конце 80-х гг. . .), [сост. В. Харциевым], в изд.: Вопр. теории и психологии творчества, т. 2, вып. 2, СПб., 1910; Психология поэтич. и прозаич. мышления. (Из лекций А. А. Потемни. Ст. сост. по студенческим запискам лекций . . . Б. Лезиным), там же; Черновые заметки . . . о Л. Н. Толстом и Достоевском, там же, т. 5, X., 1914; О нек-рых символах в славянской народной поэзии . . . , 2 изд., X., 1914; Мысль и язык, 5 изд., Полн. собр. соч., т. 1, [О.], 1926; Из лекций по теории словесности, 3 изд., X., 1930.

Лит.: Белый А., Мысль и язык (философия языка А. А. Потемни), «Логос», 1910, кн. 2; Булаховский Л. А., А. А. Потемни, К., 1952; Александр Опанасович Потемни, К., 1962 (имеется библиограф. труды П.). С. Крымский. Киев.

ПОТРЕБНОСТЬ — состояние организма, человека, личности, социальной группы, общества в целом, вы-

ражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности.

Специфика человек. П. определяется социальной природой деятельности человека, прежде всего трудом.

П. социальных групп, классов, общества есть возникающая в ходе развития необходимость в осуществлении и изменении или преобразований отд. элементов общества или всей обществ. системы.

Исходным пунктом анализа человек. П. является общество как конкретно-историч. система, обуславливающая формирование и развитие разнообразных П., содержание, способы и формы их удовлетворения. Изучение системы и уровня П. различных социальных групп, степени их удовлетворения и выявление тенденций их изменения имеет важное значение для науч. планирования развития общества. П. социальных групп и классов служат основой их интересов (см. *Общественные интересы*). О. Юровицкий. Куйбышев.

Психологич. формой активности личности, выражающей П., является мотивация ее поведения. Проблема П. как исходной характеристики активности личности начала разрабатываться в связи с преодолением концепции психологич. «атомизма» ассоцианистов и с возникновением динамич. теорий личности. Ассоцианистская психология представляла личность аддитивной суммой элементов душевной жизни. Такой взгляд предполагал признание непроеизводными, атомарными этих элементов и чисто пассивного характера восприятия в этих элементах внешних воздействий.

Динамич. теория личности возникла в связи с изменением принципов трактовки личности в бурж. философии конца 19— начала 20 вв., когда классич. робинзонада была заменена иррационалистич. концепцией истории как жизненного потока (личность — переходящий момент этого потока; основание его единства иррационально). Такая позиция вызвала на рубеже века парадоксальное содружество идей эволюц. биологии и волюнтаризма в системах Шопенгауэра и Э. Гартмана. Рационалистич. душа растворилась в мировой воле, в «горме», в «жизненном порыве», а ее индивидуализация стала толковаться как процесс обнаружения неких первичных потенций, представленных в виде биологич. сил — влечений, П., чувств и т. п. Эти силы и заменили ассоцианистские элементы психич. жизни.

Одна из первых теорий такого рода — *гормическая психология Мак-Дугалла*. У него первичные мотивации оказываются далее не разложимыми, первоначальными (и в этом смысле метафизическими) детерминантами всякой жизненной активности. П. и мотивы отождествляются как первичное определение жизненной энергии. Отношение организма (субъекта) к объекту определяется этими первичными мотивами (П., инстинктами), к-рые концентрируются вокруг объекта и определяют систему. Эта система и выступает как предмет П., или жизненной энергии организма. Строго говоря, по тому же принципу построено понятие П. во *фрейдизме* и *неофрейдизме*, в индивидуальной психологии, системе Юнга и др. Отношение субъекта и объекта определяется здесь непосредственно психич. влечениями, к-рые и есть элементарные, первичные мотивации. Т. н. жизненный опыт надстраивается над последними как опосредствующий механизм. Структура этих опосредствований имманентно детерминруется первичными мотивациями и поэтому служит схемой конструирования личности, к-рая, т. о., оказывается проекцией влечений на жизненный опыт. В этом пункте теории влечений максимально сближаются с *бихевиоризмом*.

Проблема мотивации ставится в нем так, что в качестве первичных мотивов поведения рассматривают-

ся физиологич. отправления организма, толкуемые с т. зр. гомеостаза (напр., теория Янга, Олпорта). Трактовка П. как функциональных характеристик действия физиологич. механизмов лишает П. предметных определений. Эта «беспредметность» бихевиоризма, бесхитро обнажившаяся в теории Уотсона, вызвала относительно ранний процесс его преобразования. Появившийся в нач. 20-х гг., он уже в 30-х гг. оказался существенно модифицированным. Одна из модификаций пошла по пути *операционализма*, превратив описательный характер уотсоновского бихевиоризма в принцип построения теории поведения. Так, Скиннер определяет П. просто через операцию измерения времени после предшествующего подкрепления, т. е. даже не в биологич. терминах. В необиохевиоризме Толмена описательный характер концепции Уотсона как будто преодолевается введением целевого момента. Однако последний имеет в построении Толмена формальный смысл: он определяется просто как факт направленности, свойственной всякой поведенческой ситуации вообще. Поэтому П. выступает как одна из т. н. «промежуточных переменных», т. е. опосредствующих механизмов отношения между организмом и стимулом, а именно как механизм «готовности» организма по отношению к значимому объекту. Принципиально так же обстоит дело в теориях Халла, Газри, Вудворса, но крайнее выражение эта позиция получила в гештальттеории К. Левина последнего (американского) периода его деятельности.

Теории такого рода, в к-рых личность определяется системой словесных отношений («психического поля» (как бы оно ни называлось), занимают господств. положение среди теорий мотивации в совр. бурж. психологии. Они получили название теорий «обусловленности». Методологически плодотворный принцип системной обусловленности организма, применяемый ими абстрактно, лишается конкретно-историч. содержательности. Поэтому такие несомненные достижения совр. бурж. психологии, как системные исследования в социальной психологии, как этологическое направление в зоопсихологии, все же не преодолевают антисторизма и поэтому в своих основаниях остаются искусств. схемами.

Если очевидный факт наличия естеств. нужд у всякого живого организма рассмотреть исторически, то он перестает представляться первично данным, а превращается в проблему происхождения этих нужд. В истории человек. общества П. людей в качестве функций их деятельности выступают следствием производства. Природная вещь перестает быть просто добычей, т. е. предметом, имеющим лишь биологич. смысл пищи. С помощью орудий человек способен видоизменять ее, приспосабливая к собств. П. Тем самым и П. людей получают возможность к развитию, т. е. вовлекаются в историю, становятся ее элементом. Производство связано с субъектом не непосредственно, а через посредство П. Животные, органич. П. преобразуются в человеческие, «надорганические», опосредствованные предметной деятельностью. П. — и предпосылка, и результат не только собственно трудовой деятельности людей, но и познания процессов. Именно поэтому они выступают как такие состояния личности, посредством к-рых осуществляется регулирование поведения, определяется направленность мышления, чувств и воли человека.

П. человека опосредствованы процессом его воспитания в широком смысле, т. е. приобщения к миру человек. культуры, представленной как предметно (материальные П.), так и функционально (духовные П.). Различие обеих этих форм человек. культуры (как и различие материальных и духовных П.) относительно и порождается самим содержанием развития производства. Удовлетворение П. человека есть

в сущности процесс присвоения им определяемой обществ. развитием формы деятельности, представленной предметно. Поэтому «...сама удовлетворённая первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретённое орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 27). Производными от этой структуры трудовой деятельности являются и обществ. характеристики человек. П.

П. являются источником активности личности. У человека процесс удовлетворения П. выступает как целенаправленная деятельность. Осознавая *цель* субъективно — как П., человек убеждается, что ее удовлетворение возможно лишь через осуществление цели. Это дает ему возможность соотносить свои субъективные представления с ее объективным содержанием путем отыскания средств овладения целью как объектом. Динамика П. — в переходе от осознания цели (как предпосылки деятельности) к мобилизации средств, при помощи которых происходит овладение этой же объективированной целью. В рождении П. роль формирующего начала играет конфликт между усвоенным опытом (привычки, навыки, характер) и предметной актуализацией этого опыта, выражающейся в предметном действии. Иными словами, П. — это динамич. формула включения предмета в личностный контекст.

Психология изучает, как П. обнаруживаются в мотивах, побуждающих к деятельности и стоящих в форме проявления П. Объекты П., преломляясь через сознание, выступают в качестве мотивов (влечения, желания и т. п.), предполагающих более или менее осознанную цель деятельности. Отношение между П. и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Рассматривая отношение П. к мотивам как отношение сущности к явлениям, можно найти адекватный подход к проблеме мотивации. Специфич. трудности этой проблемы связаны с тем, что мотивы поведения даны непосредственно, тогда как П. в качестве сущности скрыта. Представленная в П. зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как форма кажущейся спонтанности поведения индивида. Если в П. деятельность человека по существу зависима от ее предметно-обществ. содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде совств. активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности система мотивов богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем П., составляющая ее сущность. Подлинная зависимость мотивов от П. обнаруживается и в самом факте их расхождения, свойственным поведению личности в обществ. условиях *отчуждения*. Коммунистич. снятие отчуждения распределяет П., делая прозрачным самый процесс их формирования в обществ. деятельности индивида. Это распределение осуществляется, конечно, не лишением П. предметности, но снятием противопоставления предмета деятельности и ее процесса. Как результат этих новых отношений предмета деятельности и ее процесса коммунистич. труд становится нервной жизненной П. Развитие, отбор и воспитание П., приведение их к той правде, высоте, к-рая должна быть свойственна человеку коммунистич. общества, становится одной из центр. задач формирования личности. См. также *Мотивы, Общественные интересы, Сознание, Мышление*.

Лит.: Лежнев В. Т., Учение о П. в совр. психологии, «Уч. зап. МГУ им. В. И. Ленина», 1939, вып. 1; Фортунатов Г. А., Петровский Я. А. В., Проблема П. в психологии личности, «Вопр. психологии», 1956, № 4; Мясницев В. Н., Проблема П. в системе психологии, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук», 1957, вып. 11, № 244; Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, 2 изд., М., 1963; Туровский М. Б., Труд и мышление, М., 1963; Ковалева А. Г., Психология личности, 2 изд., М., 1965; Кикнад-

зе Д. А., П., как факт поведения человека, «ВФ», 1965, № 12; Психология мышления. Сб. пер. с нем. и англ. яз., М., 1965; Lewin K., Vorsatz, Wille und Bedürfnis, В., 1926; его же, A dynamic theory of personality..., N. Y.—L., 1935; McDougall W., The energies of men, N. Y., 1933; Skinner B. F., The behaviour of organisms, N. Y., 1938; Tolman E. C. [a. o.], Toward a general theory of action, Camb., 1951.

А. Петровский, М. Туровский. Москва.

«ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГЛУПОСТИ» (1509) — гл. работа Эразма Роттердамского.

ПОЧВЕННИЧЕСТВО — идеалистич. направление рус. социально-филос. мысли 60-х гг. 19 в., представители к-рого проводили идею о «нац. почве» как основе и форме социального и духовного развития России. Основополагающие принципы П. были сформулированы на страницах журн. «Время» (1861—63) и «Эпоха» (1864—65). Гл. идеологи — А. Григорьев, братья М. и Ф. Достоевские, Н. Страхов. П. отвергало и крепостничество («кошмарное прошлое»), и строй бурж. демократии («чуму буржуазную»). Идеологи П. были против «крайностей» офиц. политики самодержавия, но боялись также и «крайне левых» революц.-демократич. идей «Современника» Чернышевского и «Рус. слова» Писарева. Стремясь выработать «нейтральную» идейную платформу, представители П. желали объединить все обществ. течения на базе идей о самостоятельном пути России. «Нетронутые» бурж. цивилизацией основы «нар. быта», «нар. духа», «нар. культуры» и «христианская связь в среде народной», измышляемые «почвенниками», объявлялись ими реальной «почвой» этого пути, гарантом будущего рус. нации. Организац. формой «слияния» «просвещенного общества» с народом «почвенники» считали общину и земство, а духовной — «русскую идею» (см. «Время», 1860, № 1, с. 12). Религ. чувство смирения, самоотречение, стремление к царству божьему на земле выдавались П. за необходимые элементы «рус. духа», или «рус. идеи». В прямой связи с этими положениями П. находились идеи об особой миссии рус. народа, к-рый «призван спасти человечество».

Революц.-демократич. программа «Современника» П. противопоставляло программу «постепенства и малых дел». Не лишенный мелкобурж. иллюзий распылчатый обществ. идеал П. включал в себя некоторые реформаторские требования. В области философии взгляды представителей П. отличал эклектизм, в к-ром преобладали субъективно-идеалистич. идеи.

П. было объектом резкой критики со стороны Чернышевского, Антоновича, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Танеева и Шелгунова. Совр. философствующие богословы, неотомисты и христ. экзистенциалисты возмущают П., пытаются доказать, будто оно являлось «истинной формой рус. духа» и «рус. нац. самосознания».

Лит.: Достоевский Ф. М., Записные тетради, М.—Л., 1935; Ермилов В. Ф. М. Достоевский, М., 1956, с. 88—150; Галактионов А., Никандров П., История рус. философии, М., 1961, с. 309—12; Гроссман Л., Достоевский, М., 1962, гл. 9, 11. П. Шмурилов. Москва.

«ПӨЙТІКА» (Poëtica, первый лат. пер. с греч. оригинала издан в 1498) — соч. Аристотеля.

ПРАВИЛО — в простейших случаях это предложение вида: (при таких-то условиях) разрешается (или требуется) совершить (или не совершить) такое-то действие (или поступок, т. е. действие или бездействие). Эти «простейшие П.», или предписания, называются, соответственно, разрешениями или требованиями (приказаниями); требование не совершить поступок наз. запрещением этого поступка. Сложные П. получают путем тех или иных предписаний, примененных к др. предписаниям или их спискам. Примерами таких П. являются обычные правила грамматики; порождая (вместе с нек-рой лексич. базой) язык, они создают возможность формулировать все более-более широкие классы условий (ситуаций) и поступков и тем самым все более и более широкие классы П. Всякий м е т о д,

или способ, можно рассматривать как систему (спусок) Π , учитывающую, в случае надобности, и характер изменения этого способа в процессе следования ему. Последнее обстоятельство естественно приводит к некой иерархии методов. Частным случаем методов являются алгоритмы. Требования являются ограничительными предписаниями; только требования, но не разрешения могут быть нарушены, а следовать можно тем и другим. Иногда требования выражают посредством повелительного наклонения. Систематич. изучение Π составляет предмет деонтической, или *нормативной логики*. Терминология в этой области до сих пор не установилась. Естественно называть нормой пару, состоящую из Π и др. Π , представляющего собой гарантию соблюдения первого (обычно — в виде предписания на тот случай, если оно будет нарушено; именно такой вид имеют уголовные законы, санкционирующие наказание за преступление). Эти гарантии обычно относятся к классу поступков, отличных от тех, к-рые предписываются первым Π ; часто они выражаются средствами, выходящими за пределы того языка, к-рый необходим для формулировки первого Π . В силу сказанного выше о связи понятий метода и правила Π играют роль во всех сферах человеч. деятельности, но особенно заметна их роль в таких науках, как логика, математика, грамматика, этика и юриспруденция. А. С. Москва.

ПРАВИЛО ВЫВОДА (правило преобразования) — разрешение переходить от утверждений таких-то и таких-то видов, называемых *посылками*, к утверждению такого-то вида, наз. заключением. Напр., от утверждений вида « A » и «если A , то B » Π в., наз. *modus ponens*, разрешает перейти к утверждению вида « B ». *Аксиомы* (а также *схемы аксиом*) можно рассматривать как Π в. из пустого (см. *Пустое*) множества посылок. Π в. делят на т. н. «правила прямого вывода» (п.п.в.) и «правила косвенного вывода» (п.к.в.). П.п.в. устанавливают, какие утверждения могут считаться выведенными из данных посылок: это, напр., утверждение, совпадающее с одной из посылок, совпадающее с одной из аксиом, получено из ранее выведенных в данном рассуждении утверждений по к.-л. Π в. П.к.в. устанавливают, что если проведены такие и такие-то рассуждения, то может считаться проведенным и такое-то рассуждение. Примерами п.к.в. могут служить правила, лежащие в основе *доказательства разбором случаев, доказательства от противного, теоремы о дедукции* и др. При описании к.-л. исчисления (формальной системы) Π в., формулируемые на *метаязыке* данного исчисления, представляют собой содержательно понимаемые правила перехода от одних формальных выражений предметного языка к другим. Если посылки Π в. являются теоремами, то таковым будет и заключение; если же о доказуемости посылок ничего не известно, то говорят просто о выводе из посылок (гипотез). На совокупность Π в. данной формальной системы а priori не накладываются никаких ограничений, кроме их *совместимости* (или *непротиворечивости*), и в этом смысле они ничем принципиально не отличаются от др. *постулатов* — аксиом в собств. смысле слова (являющихся формулами предметного языка, а не высказываниями о таковых). Аналогичным же образом для Π в. ставятся проблемы *независимости* и *полноты*. В то же время для Π в. особенную важность и остроту приобретает вопрос об их семантическом «оправдании» (обосновании), поскольку Π в. конкретных исчислений в той или иной мере претендуют на «адекватное» отображение «норм правильного мышления». «Допустимость» («правильность») Π в. означает не что иное, как соответствие их нек-рым семантическим требованиям (см. *Семантика* в логике). Примером такого рода требований может служить соответствие одному из след.

трех определений: (1) из A_1, \dots, A_n логически следует B тогда и только тогда, когда для всякой непустой области для любого набора значений свободных переменных, при к-ром формулы A_1, \dots, A_n принимают значение «истина», B также принимает значение «истина». (2) Из A_1, \dots, A_n слабо следует B тогда и только тогда, когда для всякой непустой области, если A_1, \dots, A_n в ней общезначимы (т. е. принимают значение «истина» для всех наборов значений свободных переменных из этой области), B также общезначима в этой области. (3) Формула B на следует св-во универсальной общезначимости системы формул A_1, \dots, A_n тогда и только тогда, когда из универсальной общезначимости A_1, \dots, A_n следует универсальная общезначимость (общезначимость во всех непустых областях) формулы B .

Соответственно введенным трем семантическим отношениям между формулами можно ввести понятие допустимого Π в. первого, второго и третьего типов: $\frac{A_1, \dots, A_n}{B}$ есть допустимое Π в. первого типа, если из A_1, \dots, A_n логически следует B ; аналогично для второго и третьего типов. Так, $\frac{\forall x A(x)}{A(y)}$ есть допустимое Π в. первого (а тем самым второго и третьего) типа, по $\frac{A(y)}{\forall x A(x)}$ не есть допустимое Π в. первого, а только

второго (и тем самым третьего) типа.

Были построены исчисления, в рамках к-рых удалось полностью формализовать св-во универсальной общезначимости формул логики предикатов первого порядка — таковым является исчисление предикатов первого порядка. Более того, Π в. узкого исчисления предикатов, сформулированные для формализации св-ва универсальной общезначимости, формализуют и отношение слабого следования (т. е. они оказываются допустимыми Π в. не только третьего, но и второго типа: из A_1, \dots, A_n слабо следует B тогда и только тогда, когда существует формальный вывод B из A_1, \dots, A_n).

Если не налагать на определения Π в. никаких ограничений, то неизвестно, можно ли формализовать на их основе отношение логич. следования. Во

всяком случае т. н. правила Бернаиса $\frac{C \supset A(x)}{C \supset \forall x A(x)}$ и $\frac{A(x) \supset C}{\exists x A(x) \supset C}$ или их эквиваленты не воспроизводят

полностью отношения логич. следования. Но полная формализация логич. следования может быть осуществлена путем наложения на применение Π в., не являющихся Π в. первого типа, т. е. правил Бернаиса, нек-рых ограничений (см. *Предикатов исчисление*).

См. также ст. *Вывод, Исчисление, Натуральное исчисление*.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 19, 23, 77; Черч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, § 07; Смирнов В. Д., Формализованные языки и логическая форма, в сб.: Логическая структура научного знания, М., 1965; Слупенский Е., Борковски и Л., Элементы математической логики и теории множеств, пер. с польск., М., 1965; Логенз Р., Einführung in die operative Logik und Mathematik, В.— [u. a.], 1955. В. Смирнов. Москва.

ПРАВИЛО ЗАМЕНЫ РАВНОГО РАВНЫМ — правило, согласно к-рому в случае, если два выражения p и q равны, во всяком истинном высказывании, содержащем p или q , можно одно из них заменить на другое, не нарушая истинности этого высказывания. Выражение « p и q равны» следует понимать в том смысле, что p и q связаны между собой *отношением типа равенства*. Это отношение должно быть рефлексивным

с п и м м (т. е. должно быть верно, что $p = p$), с и м м е т р и ч н ы м (из $p = q$ должно следовать $q = p$) и т р а н з и т и в н ы м (из $p = q$ и $q = r$ должно следовать $p = r$). Кроме того, оно должно обладать свойствами *монотонности*, т. е. если p входит как составная часть (как компонент) в нек-рое выражение $A(p)$ и $p = q$, то $A(p) = A(q)$, где через $A(q)$ обозначено выражение, получающееся из $A(p)$ заменой нек-рого вхождения p на q . П. з. р. р. и выражает эту монотонность отношения типа равенства.

Когда речь идет о двух объектах p и q , то обычно предполагается, что p и q — различные объекты. В таком случае высказывание « p равно q » означает, что к различным объектам p и q применяется абстракция отождествления. При этом два объекта, к-рые считаются равными в одном случае, могут не быть равными в другом. Напр., формулы $A \supset A^*$ и $\neg A \vee A$ равны, если, рассматривая их как формулы классич. алгебры логики, равенство понимать в смысле совпадения их истинностных значений или если считать две формулы \mathfrak{A} и \mathfrak{B} равными в том случае, когда в классич. исчислении высказываний выводима формула $\mathfrak{A} \equiv \mathfrak{B}$ (где \equiv есть знак операции эквиваленции). Но если считать две формулы равными тогда, когда они графически совпадают друг с другом, то формулы $A \supset A$ и $\neg A \vee A$ не будут равны. Не будут эти формулы равными и в том случае, когда под равенством формул понимают выводимость их эквиваленции в интуиционистском исчислении высказываний.

П. з. р. р. издавна употребляется в математике при тождеств. преобразованиях. Оно, по существу, содержится у Лейбница в его определении равенства. Именно Лейбниц определяет равенство посредством аксиомы $(x=y) \equiv (A(x) \supset A(y))$ (знак \supset означает «влечет»). Если в этой формуле рассматривать A как предикатную переменную, то средствами *предикативного исчисления* (включая правило подстановки вместо предикатных переменных) из этой аксиомы получается рефлексивность, симметричность и транзитивность равенства. Сама же эта аксиома выражает монотонность равенства.

Обычно в дедуктивных теориях употребляется более слабое определение равенства, чем то, к-рое было предложено Лейбницем. В определении Лейбница на место предикатной переменной подставляются произвольные предикаты, но определение произвольного предиката представляет большие трудности. Поэтому в теориях, где все предикаты строятся, исходя из нек-рых элементарных предикатов, монотонность обычно требуется только для последних, а остальные предикаты стараются определить так, чтобы монотонность имела место и для них. Теории, в к-рых все предикаты обладают св-вом монотонности, наз. э к с т е н с и о п а л ь н ы м и. Теории, в к-рых допускаются предикаты, не обладающие этим св-вом, наз. и н т е н с и о п а л ь н ы м и. Впрочем, изменяя определение равенства, интенциональную теорию удается превратить в экстенциональную (при этом надо указывать по отношению к какому виду равенства теория является интенциональной, а по отношению к какому — экстенциональной).

П. з. р. р. получило дальнейшее развитие в математич. логике (в частности, у *Джеворна*, см. *Принцип замещения*). Если в классич. или интуиционистской логике считать две формулы \mathfrak{A} и \mathfrak{B} равными в том случае, когда доказуема формула $\mathfrak{A} \equiv \mathfrak{B}$, то П. з. р. р., к-рое принимает в этом случае вид правила замены эквивалентными, справедливо как в классич., так и в интуиционистской логике.

П. з. р. р. применяется в общем случае и к равенству по определению; если p равно q по определению, то в выражении, содержащем p , можно заменить p на q . При этом следует иметь в виду, что результат

замены определяемого выражения определяющим его выражением дает не просто выражение, равное или эквивалентное первому, а раскрывает смысл первого выражения. С П. з. р. р. связаны нек-рые логич. ошибки и парадоксы в тех случаях, когда это правило применяется без учета тех отношений, в к-рых равные объекты могут быть отличны друг от друга. Так, выражение «4» и «6—2» обозначает одно и то же число, и в этом смысле $4 = 6 - 2$. Однако из этого не следует, будто все, что можно утверждать о выражении «4», можно утверждать о выражении «6—2» (напр., что выражение «4» содержит знак «—») (см. также *Взаимозаменимости отношение*).

Лит.: Жегалкин П., Трансфинитные числа, М., 1907, гл. 1; Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, гл. 6, 7; Карнап Р., Значение и необходимость, пер. с англ., М., 1959; Leibnitz G. W., Opera philosophica..., В., 1840; Jevons W. S., The substitution of similars, the true principle of reasoning..., L., 1869.

В. Донченко. Москва.

ПРАВО — совокупность устанавливаемых или санкционируемых гос-вом общеобязат. правил поведения (норм), соблюдение к-рых обеспечивается мерами гос. воздействия, включая принуждение. С помощью П. класс или классы, держащие в руках гос. власть, определ. образом регламентируют отношения и поведение людей и их коллективов, закрепляют в качестве обязательного, охраняемого законом тот строй общественных отношений, который отвечает интересам этих классов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 322). В развитом гос. обществе сфера действия П. охватывает прежде всего область произ-ва, распределения и обмена; П. закрепляет существующие отношения собственности и выступает как регулятор меры и форм распределения труда и продуктов между членами общества (гражд. П., трудовое П.). П. закрепляет, далее, формы правления, гос. устройства, регламентирует организацию и деятельность гос. механизма, определяет правовое положение граждан (конституционное П., адм. П.). Наконец, П. устанавливает меры борьбы с посягательствами на гос. строй и существующие обществ. отношения (уголовное П.). Особая роль и специфика у междунар. П., создаваемого путем соглашений между гос-вами и регулирующего отношения между ними в процессе борьбы и сотрудничества. П. неразрывно связано с гос-вом. Не может быть гос-ва без системы установленных им законов и др. юридич. норм. В свою очередь, П. «... есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин В. И., Соч., т. 25, с. 442). Каждому историч. типу гос-ва соответствует аналогичный тип П. Неразрывная связь с гос-вом является одним из специфич. признаков, отличающих П. от правил поведения в бесклассовом, безгос. обществе, а также от всех иных социальных норм (моральных, этических и т. д.) классового общества.

П. не является произвольным порождением гос-ва, оно обусловлено экономич. строем общества, характером существующих производств. и классовых отношений.

Вместе с тем П. обладает относит. самостоятельностью. Оно не является простым слепком с экономики, к-рая обуславливает его лишь в конечном счете. П. неизбежно испытывает также влияние политич. и историч. факторов, господствующей идеологии, религии и т. д. В развитом обществе гос-во вынуждено считаться с уже сложившейся системой П. В силу всех этих факторов П. отражает экономич. условия не только непосредственно, но и в опосредствованном, а нередко даже в искажающем действии. социальное содержание в виде.

Наличие в обществе П. означает, что большой круг обществ. отношений принял характер правоотношений, т. е. таких отношений, участники к-рых выступают как

поспелости юридич. прав и обязанностей. Совокупность этих правоотношений образует общественный правовой порядок.

В революц. эпохи политика и правосознание пришедших к власти классов нередко придают обществ. отношениям правовой характер еще до того, как в законодат. порядке сформулированы соответствующие нормы П.

П. оказывает существ. воздействие на ход обществ. развития. П. может действовать в том же направлении, в каком идет обществ. развитие, но может и препятствовать ему. Исторически, однако, рамки действия П., тормозящего социальное развитие, или же, наоборот, стремящегося перешагнуть через необходимые этапы развития, оказываются весьма ограниченными, ибо П. не может упразднить действие объективных закономерностей. Роль П. в жизни общества выражается и в его идеологич. воздействии на сознание и психологию людей.

В бурж. науке широко распространен тезис «нет общества без права». П. всегда было и, следовательно, всегда будет (*Ibi societas ubi jus*). В действительности П. — это порождение и атрибут лишь классового общества. С расколом общества на классы складываются нормы, закрепляющие различные виды имущества и др. виды неравенства, обеспечиваемые применением принуждения. Первый историч. тип П. — рабовладельч. П. Его доминирующие черты — превращение рабов в собственность рабовладельца (раб — объект, а не субъект П.), охрана с помощью самых жестоких санкций частной собственности, политич. всевластия рабовладельцев в гос-ве, власти отца в семье. Феод. П. также открыто закрепляло неравноправие людей в форме сословных привилегий и повинностей и не ставило по существу никаких рамок неогранич. власти феодала (позднее абс. монарха). Капиталистич. отношения потребовали создания развитых, детально разработанных правовых систем. Бурж. П. был провозглашен ряд демократич. положений, прежде всего принцип равенства граждан перед законом. Однако в условиях капиталистич. общества за этим принципом скрывается фактич. экономич. и социальное неравенство людей. Бурж. П. закрепляет и охраняет экономич. и политич. господство капитала. Развитие классовой борьбы пролетариата находит в бурж. П. двойное отражение. С одной стороны, пролетариату и др. трудящимся удалось добиться осуществления ряда своих правовых требований (напр., социального законодательства, всеобщности избират. права и др.), хотя они нередко сводятся на нет практикой органов бурж. гос-ва и в целом не меняют природы бурж. П. С другой, в бурж. П. значит. место занимает реакц. законодательство, носящее зачастую открыто антиконституционный характер (напр., закон Маккарена, преследующий коммунистич. партию США, антипрофсоюзные законы и др.). С обострением классовой борьбы империалистич. буржуазия в целях сохранения своего господства все чаще вообще выходит за рамки П. и законности («свобода административного и судейского усмотрения», вытеснение закона актами исполнит. власти и т. п.). Эта тенденция все большей опоры на непосредств. деятельность гос. аппарата связана также с развитием гос.-монополистич. капитализма. Бурж. учения о сущности П. носят по преимуществу идеалистич. характер и основаны на гипертрофированном изображении того или иного элемента правовой надстройки (норм П., судебной деятельности, правовых чувств и т. д.). С приходом буржуазии к власти теряет значение доктрина *естественного права*, а также историч. школа П. (см. *Савиньи*); утверждается юридич. позитивизм, к-рый объявил бурж. П. высшим началом, не нуждающимся в экономич., политич. или ином обосновании. Формально-догматич. метод, провозглашенный юри-

дич. позитивизмом, стал доминирующим методом бурж. юридич. науки (см. *Кельзен*). Позднее возникают учения, выводящие П. из идеального начала (напр., неокантианство в П., феноменологич. школа и др. — см. *Философия права*) или же объявляющие его порождением человек. психики. Идеи экономич. либерализма 19 в., подчеркивая роль П., отводили гос-ву роль «ночного сторожа». В 20 в. получают широкое распространение различного рода «социологич.» и «реалистич.» учения, ставящие во главу угла непосредств. деятельность гос. машины (П. как деятельность, «живое П.», свобода усмотрения и т. п. — см. *Социология права*). В совр. бурж. правовой идеологии заметно влияние клерикализма и особенно *неотомизма*. Нек-рые изменения в бурж. П., связанные с развитием гос.-монополистич. капитализма, послужили основанием для различного рода концепций о «трансформации» и «социализации» этого П., выдержанных в духе идеологии «государства всеобщего благоденствия».

С победой пролет. революции возникает новый социалистич. тип П. Его осн. положения: 1) запрещение частной капиталистич. собственности на средства произ-ва, эксплуатации человека человеком и др. форм нетрудового обогащения; 2) последоват. охрана обществ. социалистич. собственности как основы социалистич. системы х-ва; 3) закрепление полновластия трудящихся и демократич. принципов гос. управления; 4) полное равноправие граждан вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, пола; развитие социально-экономич., политич. и иных прав и свобод граждан; 5) обязательность принципа законности для деятельности всех гос. и обществ. орг-ций, должностных лиц и граждан; 6) решит. борьба со всеми посягательствами на социалистич. строй со стороны классовых противников, преступных элементов, туземцев. П. той или иной социалистич. страны или группы стран может обладать определ. особенностями, обусловленными ходом развития социалистич. революции, уровнем социалистич. преобразований и т. д. Такими особенностями обладают, напр., системы П. *народно-демократических государств*.

Экономич. предпосылки необходимости П. при социализме — это прежде всего распределение по труду, к-рое требует гос. нормирования меры труда и вознаграждения, т. е. использования правового масштаба. Без П. невозможна товарно-денежная форма в произ-ве, распределении, обмене, а также реализация принципа *материальной заинтересованности*. Хозяйственно-организаторская функция социалистич. гос-ва предполагает наличие народнохоз. плана, утвержденного как обязат. закон, а его выполнение требует правовой регламентации деятельности социалистич. орг-ций. Идеологич. предпосылки необходимости П. при социализме связаны с наличием пережитков капитализма в сознании людей, живучестью преступности и др. форм правонарушений. В период перехода от капитализма к социализму по своей классовой сущности П. выступало как возведенная в закон воля рабочего класса и возглавляемых им трудящихся масс. С победой социализма и перерастанием гос-ва *диктатуры пролетариата* в общенар. гос-во в П. находят свое отражение социально-политич. и идейное единство общества и оно выступает как общенар. П. В конкретно-историч. условиях СССР на этот процесс отрицат. воздействие оказали ошибки, связанные с *культуrom личности* — неоправданное умаление роли П. в жизни социалистич. общества, отказ от ряда демократич. принципов социалистич. П., грубое нарушение законов, волюнтаризм в законодательстве. В трактовке А. Я. Вышинского социалистич. П. было сведено лишь к мерам принуждения. На социалистич. П. были автоматически перенесены чуждые его природе черты, принижена воспитат. и организа-

торская роль П. Подобная трактовка социалистич. П. была тесно связана с ошибочным и вредным тезисом Сталина об обострении классовой борьбы после победы социализма. Правильное положение о П. как орудии политики было вульгаризаторски истолковано как возможность проведения политич. мероприятий с нарушением принципа законности.

На основе решений XX и XXII съездов КПСС был проведен ряд важных мероприятий по укреплению социалистич. законности и развитию П., в т. ч. новая кодификация осн. отраслей законодательства. Характерные черты П. в период строительства коммунизма — его дальнейшая демократизация, возрастание роли общественности в правотворч. деятельности (всенар. обсуждения важнейших законопроектов), в процессе применения П. (напр., деятельность товарищеских судов), а также в контроле за соблюдением социалистич. законности. Место гос. принуждения как средства охраны правопорядка в широком масштабе занимают меры убеждения, а также морального воздействия.

С победой коммунизма вместе с гос-вом отомрет и П. Коммунизм невозможен без обязательных для всех его членов правил общежития, но для людей коммунистич. общества соблюдение социальных норм станет естеств. привычкой, а возможные эксцессы будут легко подавляться быстрой и единодушной реакцией окружающих. Процесс отмирания П. представляет собой, с одной стороны, отпадение части его норм, становящихся ненужными по мере утверждения коммунистич. отношений, а с другой — переработку ряда норм в преобразованном виде в составную часть правил поведения.

Фальсифицируя учение об отмирании П., совр. антикоммунизм пытается изобразить его как якобы отрицают. отношение марксизма-ленинизма к П. вообще, как принципиальную «несовместимость» социализма и П. В действительности отношение об отмирании П. есть его оценка с т. зр. историч. перспективы, к-рая отнюдь не умаляет роль П. и законности в ходе коммунистич. строительства.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистич. партии, Соч., 2 изд., т. 4, с. 443; Маркс К., Процесс против рейнского окружного комитета демократов, там же, т. 6, с. 259; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19, с. 18—20; Энгельс Ф., К жилищному вопросу, там же, т. 18, с. 272—74; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21; Энгельс Ф. и Каутский К., Юридический социализм, там же; Ленин В. И., Гос-во и революция, Соч., 4 изд., т. 25; его же, О «двойном» подчинении и законности, там же, т. 33; Кедров С. Ф., Правоотношения в социалистич. обществе, М., 1958; Аржанов М. А., Гос-во и П. в их соотношении, М., 1960; Керимов Д. А., Свобода, П. и законность в социалистич. обществе, М., 1960; Чхиквадзе В. М., Вопросы социалистич. П. и законности в трудах В. И. Ленина, М., 1960; Теория гос-ва и П., под ред. П. С. Романкина, М. С. Строговича, В. А. Туманова, М., 1962; Пинотковск и й А. А., К вопросу об изучении общенар. П., «Сов. гос-во и право», 1962, № 11; Основы теории гос-ва и П. (под ред. Н. Г. Александрова), М., 1963; Сабо И., Социалистич. П., пер. с венг., М., 1964. В. Туманов, Москва.

ПРАВОГЕГЕЛЬЯНСТВО (с т а р о г е г е л ь я н с т в о) — реакц. направление в нем. философии 30—40-х гг. 19 в. См. Гегельянство.

ПРАВОСЛАВИЕ (калька, греч. ὀρθόδοξος — правоверие) — одно из трех осн. вероисповеданий христианства, исторически сложившееся и развивавшееся в рамках Византийской империи и областей ее культурного влияния (южное славянство, Россия). В наст. время распространено преим. в СССР, Румынии, Югославии, Болгарии, Греции, на Кипре.

Первоначально вся господствующая христ. церковь именовала себя православной (ортодоксальной) и католической (всеобщей, «соборной») в отличие от еретич. группировок. После раскола (схизмы) в 1054 название «католическая» осталось за западной (римской), «православная» — за восточной (византийской) церковью (впрочем, термин «греко-католическая церковь» был

удержан ею как офиц. самоназвание и лишь вышел из живого употребления).

Типологич. особенности П. Как и католицизм, П. сформировалось в начале ср. веков; общими чертами их мировоззрения являются: чрезвычайно конкретное, магически окрашенное представление об «освящении», «оправдании» человечества; перенесение центра тяжести с индивид. религ. жизни на сверхличную всеобщность («соборность») церкви; строгое разделение всего человечества на проф. представителей религии (в католичестве в центре стоит клирик, в П. его отчасти вытесняет монах-подвижник, «старец») и «мирян»: вторые могут спастись лишь благодаря первым, обществ. функция к-рых — молиться «за всех»; в связи с этим — высокая оценка аскетизма и двойная этика — для аскета и для мирянина; магич. понимание каждой реалии культа как не только символа, но также и вещества носителя святости. Отсюда следуют формальные особенности, отличающие как П., так и католицизм от протестантских религ. систем: утверждение авторитета церк. «предания» как обязат. дополнения к авторитету «писания»; институт монашества; культ богородицы, святых, ангелов и реликвий, вносящий интенсивную магич. струю в религ. жизнь обоих вероисповеданий.

Однако наряду с этим между П. и католицизмом существуют глубокие мировоззренч. различия, наметившиеся еще до разделения церквей (см. Патристика) и обусловленные как разницей социальных условий Византии и Зап. Европы, так и воздействием культурных традиций антич. Греции (для П.) и Рима (для католицизма).

Базой для теологич. конструкций П. была непосредственно воспринятая традиция греч. идеалистич. философии (прежде всего неоплатонизма) с ее культурой объективно-онтологич. спекуляции и, что особенно важно, с ее опытом такой организации религ. переживания, при к-ром мистика и экстаз теснейшим образом связаны с мифологически-интуитивным восприятием логич. категориальных конструкций. Без этого платоновско-неоплатонич. опыта была бы невозможна православная христология с ее интуитивно-чувственным, почти наглядным продумыванием категориальных соотношений «ипостасей» в структуре триницистич. и «естеств.» (и соответствующих им воле) в структуре богочеловечества. В зап. богословии онтологич. проблематика выступает гораздо бледнее. На его стиль оказала решающее воздействие иная филос. традиция — рим. эклектизм с его субъективистским подходом, в рамках к-рого этактистско-юридич. прагматизм (Цицерон) и рефлектирующий психологизм (Сенека) дополняют друг друга. Поэтому мировоззренч. стиль зап. теологии более историчен («О граде божьем» Августина), стиль вост. теологии — более космологичен (Ареопагитики).

Ввиду этого для католич. теологии бог и человек суть прежде всего субъекты воли, для П. — объекты онтологич. процессов. Для первой важнее всего найти гармонию между двумя волями либо в рационалистическо-юридич. плоскости (схоластика), либо на путях сентимент. переживания, с установкой на индивидуалистич. субъективизм (мистика); осп. теоретич. проблема католицизма — соотношение свободной воли человека и предопределяющей воли бога. В этом отношении как для католицизма, так и для протестантизма конститутивно важна (позитивно или негативно) теория предопределения, совершенно безразличная для П. Последнее ищет возможность совершенно объективного, сущностного приобщения человеческой природы к божественной (учение Афанасия Александрийского об «обожении» — *θεοποίησις*, определяющее собой весь стиль православной мистики). Осн. теоретич. проблема П. — онтологич. соотношение человек. и

божеств. природ в богочеловеке. Стиль католицизма конституировался в пелагианских спорах о воле и благодати (см. *Пелагий*), не нашедших понимания на Востоке; для П. такую же роль сыграли христологич. споры 4 в.

В П. гораздо непосредственнее и интенсивнее выразилось характерное для христ. мышления вообще утверждение адекватного раскрытия абсолюта через его вещев. проявление. В католицизме этот момент выступает ослабленно. Во-первых, зап. теология вносит в понимание триединства эманационистские и субординационистские черты, благодаря к-рым второе и особенно третье лицо троицы могут восприниматься как божество низшей категории; между тем именно с этими лицами связывается идея об общении божества с человеком. П. настаивает на том, что в воплотившемся божестве и ниспосланном церкви св. духе верующий реально обладает всей полнотой божества без какого-либо изъятия. Во-вторых, католич. догматика ставит между богом и человеком еще и категорию благодати, интерпретируя ее (с огромной формально-логич. разработанностью) как чисто феноменальное проявление божества, внешнее по отношению к его нумеральной сущности (ср. соотв. определения в булле Климента VI «*Filius Dei unigenitus*», 1343 и постановлениях Тридентского собора, 1545—63); этим идея абсолюта подвергается еще большему опосредованию и отдалению. Напротив, П. мыслит благодать как непосредств. раскрытие божеского в человеческом, применительно к к-рому не может идти речь о грани между нумеральным и феноменальным. В «энергии» (ἐνέργεια — аристотелианский термин) божества присутствует его сущность (οὐσία) — таков приговор вост. церкви в паламптских спорах 14 в. (см. *Палама*).

Поэтому в религ. философии П. важную роль играет представление об обоженной матери. Обоженная материя происходит через «усвоение» (οἰχεισμός, μετέχσις) божеств. эйдоса; причем, в отличие от неоплатонизма, П. учит о сущностном «взаимпроникновении» этих двух начал (εἰς ἀλλήλα τὸν μέρον περιχώρησις, термин *Иоанна Дамаскина*). Вост. теология склонна рассматривать освящение, очищение, к-рые происходят только в духовной, идеальной сфере и не получают так или иначе вещев. подтверждения, как недостовверные. Обожающее преобразование материи, в понимании П., не только однажды имело место применительно к плоти богочеловека (и регулярно воспроизводится в евхаристии), но тем самым оказалось возможным и в др. сферах, — напр., в иконе. В последней П. видит не условное изображение, призванное вызывать сентимент. религ. эмоции, но предметное раскрытие сверхчувственного (такое понимание выкристаллизовалось в процессе иконоборч. споров — см. *Иконоборчество*). То же относится в той или иной степени ко всем культурным реалиям, в к-рых традиц. П. усматривает вещев. залюги, гарантирующие подлинность связи с божеством (влияние исконной традиции греч. языка с его культом кумиров — «палладумов»). Отсюда интенсивный магико-теургич. тон литургич. текстов православной церкви, в к-рых многократно говорится о непосредств. присутствии и соучастии «небесных сил» в земном богослужении.

С такой оценкой материи связано специфич. отношение П. к человек. плоти. Вост. теология неоднократно приходила к мысли (ср., напр., «Прение души с телом», приписываемое Григорию Паламе), что телесность, отличающая человека от ангелов, изначально придает ему важнейшее религ. преимущество перед ними и лишь в силу грехопадения приобрела также негативные аспекты, по сути своей вторичные. Последние с т. зр. П. могут и должны быть реально

преодолены уже в земной жизни. Святость понимается здесь не только как психологич. факт: она должна распространиться и на тело аскета, сообщая ему новое органич. состояние (в легендах животные узнают святого по запаху). Отсюда — специфич. стиль аскетизма в П. (т. н. «умное делание» — самый термин закрепляет императив конкретной активности, исключая установку на сентимент. отвлеченность). Согласно традиции исихазма, навсегда оставшегося для П. классич. нормой, дух («ум», греч. νοῦς) не должен «выйти из тела» в экстаич. устремлении в потустороннее; напротив, он должен при молитве замкнуться в теле, «сойти в сердце», обеспечивая возможно более полный контроль над такими органич. процессами, как дыхание, сердцебиение и т. п. При этом сентимент. порывы, экзальтированная игра воображения и напряженная психологич. динамика, столь характерные для католич. мистики (галлюцинаторное визионерство с остро чувственной, нередко эротич. окраской, стигматы и т. п.), отвергались: стремление к строгой объективности и адекватности мистич. переживания торжествует здесь над субъективизмом и психологизмом. Выпущенные к физиологич. реальности сочетает в себе отголоски интуиции тела в греч. классике с влиянием вост. технологии экстаза.

Мистико-аскетич. сторона П. благодаря своей разработанности оказывала в разное время огромное влияние на религ. философию Запада, к-рое началось задолго до разделения церквей (напр., влияние мистики Ареопагитик на пантеизм *Иоанна Скота Эриугены* — см. А. Бриллиантов, Влияние вост. богословия на западное в произв. Иоанна Скота Эриугены, СПб., 1898), но интенсивно продолжалось и после раскола (вост. мотивы в индивидуалистич. мистике *Бернара Клервоского* и др. мистич. течений вплоть до 16—17 вв.). Мотивы мистич. метафизики имени, тела, света и т. п. в зап. теологии косвенно восходят к теориям вост. богословия (и через них — к неоплатонизму, но с важнейшей поправкой в оценке материи). Поздний зап.-европ. идеализм также иногда проявлял интерес к П. и его мистике, как это можно видеть, напр., у *Баадера* (ср. также E. Benz, Die Bedeutung der griechischen Kirche für das Abendland, Wiesbaden, 1959).

Перечисленные типологич. отличия зап. и вост. теологии оформляются в догматич. разногласиях. П. отвергает зап. добавление к символу веры filioque (исхождение св. духа не только от отца, но и от сына), к-рое порождено восходящим к Августину субординационистским пониманием структуры триединства, неприемлемым для П. П. осталась чуждой юридич. концепция первородного греха как правовой ответственности, переходящей от предков на потомков: в понимании П. грех Адама вызвал только сущностную деградацию человек. природы, наследств. предрасположенность к злу, но юридической ответственности за деяние Адама человек не несет. Поэтому в П. нет догмата о рождении девы Марии в результате «непорочного зачатия» (то есть такого, при к-ром наследств. ответственность за первородный грех оказалась бы снятой); неюридич. понимание греха в П. исключает и концепцию чистилища как временного удовлетворения.

Организац. особенности П. определились в значит. мере спецификой политич. строя визант. империи. Клер в П. не так резко отделен от мирян (причащение под обоими видами для мирян, нет безбрачия духовенства); отсутствует централизованная организация (нац. церкви на деле вполне автономны по отношению к вселенскому патриарху, авторитет к-рого и теоретически ниже авторитета соборов); допускается богослужение на нац. языках. Все это не дало принять П. такого космополитич. характера, к-рый свойствен

католицизму, и создало на рус. почве предпосылки для соединения принципа П. с «русской идеей» (теория «третьего Рима» в 16 в., славянофильство и т. п.).

Религ. философия П. в России. С 14 в. на Руси усваиваются идеи визант. *исихазма* (кружок Сергия Радонежского, *Нил Сорский* и т. п.). При этом, в отличие от визант. П., абстрактно-онтологич. тема отступает на задний план, но характерный для П. наивный реализм проявляется с особенной колоритностью (напр., в спорах 14 в. о материальности рая, — см. «Послание архиепископа Новгородского Василия ко владыке Тверскому Феодору», в кн.: *Поли. собр. рус. летописей*, т. 6, СПб, 1833). В 15—16 вв. рус. П. выдерживает борьбу с рядом еретич. движений (см. А. И. Клибанов, *Реформац. движения в России в XIV—первой половине XVI вв.*, М., 1960), а в рамках ортодоксн. клерикал. этицизма *исихазма* оттесняет более «духовные» и философски содержательные тенденции *нестяжателей*. С 16 в. особое значение приобретает религ. осмысление возникающей централизованной монархии как «третьего Рима»; отныне рус. П. приобретает характер мессианич. неклеуричности, к-рый оно сохраняет и впоследствии (христианство почти отождествляется с рус. державой, правоверие даже греков, не говоря уже о католич. и протестант. народах, оказывается под подозрением). С этой же проблематикой связаны и споры 17 в., приведшие к расколу (см. *Старообрядчество*): в них речь шла об отношении к религ. традиции рус. национальности и о социальной позиции церкви.

После реформ Петра I, приведших к резкому размежеванию общекультурной и церк. жизни, богословие принимает вульгарно-схоластич. характер и культивируется в замкнутом кругу, за пределами к-рого получают распространение идеи антиклерикал. просветительства. В рамках церк. богословствования черты П. стираются под натиском зап. влияния; так, образцом для догматич. трактата Феофана *Прокоповича* — на лат. языке — служила протестантская догматика И. Герарда, образцом для гл. соч. Стефана *Яворского* «Камень веры...» — труды иезуита Беллармина (см. Н. Koch, *Die russische Orthodoxie im petrinischen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken*, Breslau — Oppeln, 1929). Борьбу за реставрацию исихастской мистики ведет Паисий *Величковский* (1722—94) (перевод аскетико-мистич. визант. лит-ры — т. н. «Добротолюбие...», ч. 1—3, М., 1793; ср. А. И. Яцимирский, *Возрождение визант.-болг. религ. мистицизма и слав. аскетич. лит-ры в XVIII в.*, Х., 1905). Когда в нач. 19 в. правительство. политика под влиянием архимандрита Фотия пытается реставрировать «веру отеческую, православную», это казенное П. не получает никакого морального авторитета в кругах интеллигенции. Митрополит Филарет (Дроздов) стремился придать П. такую структуру, к-рая не оставляла бы места для религ.-филос. исканий (он настаивал, в частности, на теории неизменности догматов).

К концу 30-х гг. 19 в. за пределами клерикально-цехового богословствования, в отталкивании как от материалистич. и атеистич. учений, так и от официозных тенденций складывается славянофильство, связывавшее идею П. с т. н. русской идеей, т. е. консервативно понятой «народностью» и с патриархальными, ср.-век. формами обществ. жизни. При этом у *славянофилов* осталось неясным соотношение между П. и националистич. мессианизмом: если видеть в П. некий общечеловеч. принцип (что не соответствует историч. судьбам П.), то «народность» может иметь значение только в своем отношении к этому принципу, если же переносить акцент на «народность», то П. — лишь «веры племенной богатство» (*Хомяков*), т. е. случайный

атрибут народности. Внутр. противоречие между понятиями абс. бога и этнич. бога, присущее всякому религ. *мессианизму*, выявилось в дальнейшем развитии славянофильства. В монашеских кругах это время отмечено оживлением интереса к архаич. аспектам исихазма (физиологич. техника молитвы, см. Игнатий Брячанinov, *Аскетич. опыты*, ч. 1—2, СПб, 1865), постепенно сосредоточивающегося в Оптиной пустыни.

Заявки славянофильства на создание оригинальной религ. философии были в систематич. форме реализованы в творчестве В. *Соловьева*. Настаивая на ортодоксальности своего учения (единств. цель его — «оправдать веру отцов»), Соловьев напряженно искал в то же время невозможного по сути своей преобразования ортодокс. П. в духе либерального идеала терпимости, свободы мысли, интеллектуального прогресса, что привело его к столкновению как с эпигонами славянофильства, так и с офиц. церковью. С этими же тенденциями связано возрождение этики П. у *Достоевского*, испытавшего влияние мистич. психологизма в духе Исаака Сириянина и исихазма; в «Братьях Карамазовых» Достоевский антиномический расщепляет идею П.: старец Ферапонт — это эмпирич. П. с его грубостью, обскурантизмом и тираничностью, старец Зосима — это идеализируемое «чистое» П. с вековыми традициями утонченной «духовности».

Если Хомяков и особенно Соловьев и Достоевский стремились предельно расширить мировоззренч. структуру П., то на правом фланге религ. философии возникает стремление резко замкнуть ее и агрессивно противопоставить просветит. гуманизму. Эта тенденция характерна для *Леонтьева* (ср. его критику Достоевского в брошюре «Наша новая христиане», 1882), подожившего начало аморалистич. эстетизации П. (типичной для позднебурж. мироощущения); с еще большей остротой это проявляется у *Розанова* («Около церк. стен», т. 1—2, СПб, 1906; «Рус. церкви и др. статьи», Париж, 1906), сопровождаемая разгромной критикой этич. основ христианства («Люди лунного света», СПб, 1911). Также и для *Флоренского*, перенесшего в клерикал. науку изощреннейшие приемы интеллектуального декаданса, характерно парочитое подчеркивание именно тех моментов П., к-рые своей суровой архаичностью в наибольшей степени эпатируют совр. сознание («О духовной истине. Опыт православной феодииции», М., 1913 — здесь анализ П. как замкнутой мировоззренч. структуры достигает филигранной разработанности).

В русле П. развивалась этич. философия В. И. Несмелова (1863—1920) и И. М. Тареева (1866—1934), в нек-рых отношениях превосхитившая зап. религ. *экзистенциализм*. С. *Аверинцев*. Москва.

Несмотря на массовый отход верующих от религии, вызванный коренными преобразованиями в России после Окт. революции, рус. П. продолжает еще оказывать влияние на нек-рые слои сов. граждан, особенно в Росийской Федерации, на Украине, в Белоруссии и Молдавии [по данным социологич. исследований, приверженцы П. в центр. областях РСФСР составляют 15—17% взрослого населения; средний процент верующих (православных и католиков) в БССР равен 16 в городах и 39,6 — в сельской местности]. Совр. православная церковь, находясь в новых социальных условиях, применяет разнообразные формы религ. воздействия на массы, модернизирует свое вероучение и культ (отказ от отд. обрядов и обычаев или видоизменение их, напр. замена индивидуальной исповеди общей и т. п.), пытается обосновать мнимое «единство» социальных позиций христианства и коммунизма. Приспособление рус. православной церкви к современности — яркое проявление ее глубокого кризиса,

связанного с общими процессами секуляризации обществ. жизни в условиях социалистич. строительства. Борьба с влиянием религ. идеологии, в частности идеологии П., является составной частью коммунистического воспитания, ставящего своей целью усвоение нар. массами науч., материалистич. мировоззрения. Многостороннее социологич. изучение форм религиозности, бытующих в социалистич. обществе, имеет важное значение для повышения действительности научно-атеистич. работы. См. *Атеизм, Религия*.

П. Курочкин. Москва.

Лит.: Зарин С., Аскетизм по православно-христ. учению, т. 1, кн. 1—2, СПб., 1907; Попов И. В., Идея обожения в др.-вост. церкви, М., 1909; Успенский Ф. П., Оси. характер греко-вост. П., Каз., 1911; Милин П., Гл. направления др.-церк. мистики, Сергиев Посад, 1915; Никольский И. М., История рус. церкви, 2 изд., М.—Л., 1931; Уткин Г. Т., П., М., 1961; Курочкин П. К., П. и гуманизм, М., 1962; Гордиенко Н. С., Носович В. И., Харахоркин Л. Р., Совр. П. и его идеология, М., 1963; Heiler F., Urkirche und Ostkirche, Münch., 1937; Arseniew N., Ostkirche und Mystik, 2 Aufl., Münch., 1943; Onasch K., Geist und Geschichte der russischen Ostkirche, B., 1947; Schaefer H., Müllerer L., Schneider R., Die Ostkirche und die russische Christenheit. Hrsg. von E. Benz, Tübingen, 1949; Janin R., Les églises orientales et ritcs orientaux, 4 éd., P., [1955]; Benz E., Geist und Leben der Ostkirche, Hamb., [1957]; Boulgacoff S., L'orthodoxie, P., 1958; Gordillo M., Theologia orientalium cum latinorum comparata, t. 1, Romae, 1960; Lossky V., Théologie mystique de l'église d'Orient, [P., 1960]; Onasch K., Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen, B., 1962; Koch H., Kleine Schriften zur Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1962.

Библи.: Attwater D., A list of books about the Eastern churches, Newport, 1960.

ПРАВСОЗНАНИЕ — совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным, одна из форм обществ. сознания. Концентрированным выражением П. является правовая идеология, система правовых взглядов, основывающаяся на определ. социальных и науч. позициях. Психологич. сторону П. составляют привычки и чувства людей в отношении правовых явлений (напр., чувство справедливости, отвращение к беззакониям, преступлениям и т. п.).

П. подчинено общим закономерностям, характеризующим обществ. сознание в целом. Оно выступает как специфич. отражение экономич. и иных обществ. отношений в виде представления о правах и обязанностях участников этих отношений. Сложившиеся господствующие взгляды находят затем свое выражение в праве и практике его применения. В свою очередь, сложившаяся система права оказывает большое влияние на дальнейшее развитие П.

В гос.-организованном обществе возможна лишь одна система права, однако при наличии антагонистич. классов не существует единого для всего общества П. П. господствующего класса, выраженному в праве, противостоит П. др. классов, оценивающих обществ. отношения, правовые и политич. институты с иных социальных позиций. Это не исключает того, что в П. разных классов есть совпадающие оценки общечеловеч. содержания (напр., осуждение тяжких уголовных преступлений). Возможны также известные различия в П. отд. групп одного и того же класса.

П. тесно связано с другими формами обществ. сознания и прежде всего с политич. сознанием. Правовые взгляды класса выражают и конкретизируют те его политич. установки и требования, к-рым он стремится придать «... всеобщую силу в форме законов» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 515). Равным образом и характер П. конкретных лиц определяется прежде всего их социальным положением и политич. ориентацией. П. также тесно связано и с моралью. Вместе с тем мораль и П. имеют и ряд различий как по кругу оцениваемых ими отношений, так и по характеру оценочных категорий.

Отчетливо выраженный характер особой самостоят. формы обществ. сознания П. (ранее неотдифференцированное и тесно переплетенное с религ. мировоззрением) приобретает с утверждением капиталистич. отношений, развитие к-рых сопровождалось возрастанием роли права, законности, правопорядка в жизни общества. Закрепляя свою экономич. и политич. власть, буржуазия не только выработала развернутую систему взглядов на роль и содержание права, но и придала всему своему мировоззрению преимущественно правовой характер. (см. там же, с. 496). Бурж. П. фетишизировало правовые формы, скрывая их расхождение с экономич. и политич. действительностью капиталистич. общества. В период империализма и особенно общего кризиса капитализма бурж. мировоззрение в весьма существ. степени теряет характер «юридич. мировоззрения». В политич. взглядах и П. империалистич. буржуазии все большее место занимают идеи авторитаризма и неогранич. «сильной власти», отражается недоверие к правовым методам руководства обществом и законности как составной части демократии.

Капиталистич. общество характеризуется отчетливой классовой поляризацией П. В ходе классовой борьбы пролетариат вырабатывает социалистич. революц. П., к-рое находит выражение в политич. и правовых требованиях нар. масс, в их выступлениях против существующих порядков, в программах рабочих партий и т. д.

С победой пролет. революции социалистич. П. приобретает важную роль в становлении социалистич. государства. Построение социализма и ликвидация эксплуататорских классов создают все условия для упрочения единого социалистич. П., в к-ром выражается социально-политич. и идейное единство рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Основопологающие идеи социалистич. П. — законность и справедливость, уважение к обществ. собственности и труду, народовластие и последоват. демократизм, интернационализм, подлинное равноправие, развитие прав и свобод в их неразрывной связи с обязанностями перед обществом. Господство в обществе единого социалистич. П. не исключает возможности отклонения от его требований индивидуального П., к-рое может иметь свои особенности, определяемые конкретными условиями жизни человека, уровнем его политич. сознательности и культуры и т. п. Однако в целом для социалистич. П. характерно совпадение его ведущих идей с индивидуальным П. и правовой психологией.

Дальнейшее развитие П. в социалистич. обществе должно привести к тому, чтобы каждый его член следовал социальным правилам поведения исключительно в силу внутр. потребности, а не под страхом принуждения. Это необходимая предпосылка отмирания права.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Энгельс Ф., Каутский К., Юридический социализм, там же, т. 21; Лукашев Е. А., П. и укрепление законности в СССР, М., 1957; Келле В. и Ковальзон М., Формы обществ. сознания, М., 1959; Фарбер И. Е., Проблемы социалистич. П. в свете решений XXII съезда КПСС, «Сов. гос-во и право», 1962, № 2. В. Туманов. Москва

ПРАГМАТИЗМ (от греч. πράγμα — дело, действие) — позитивистское филос. учение, рассматривающее значение понятий, суждений и пр. в терминах практич. последствий основного из них действия, успешность к-рого составляет единств. критерий истинности и отождествляется с нею. Оси. идеи П. были высказаны Пирсом в 70-х гг. 19 в., но лишь с конца 90-х гг. благодаря работам Джемса он получил популярность и быстро вошел в моду. Тогда же к П. примкнул Дьюи, к-рый, начав с прагматической интерпретации логики и

теории познания, дал в последующие десятилетия всестороннюю разработку П. в его инструменталистском варианте (см. *Инструментализм*), превратив его в универс. метод мышления, в «почти официальную философию» США, где П. представляют также *Мид*, Г. Кэллен, Хук, К. И. Льюис. Среди наиболее известных прагматистов могут быть названы: в Англии — Ф. К. С. Шиллер, в Италии — Пашини и Преццоллини, в Китае — Ху Ши.

В русле П. на общей субъективно-идеалистич. основе развиваются различные его варианты. Пирс обычно стремился трактовать П. как логич. теорию значения, хотя и не смог избежать смещения логич. и психологич. моментов. У Джемса П. носит более субъективистский характер; его теория познания строится на понятии непосредственного чувств. опыта, функция познания и истины сводится к успешному «вождению» от одной совокупности переживаний к другой, а ценность понятий определяется их отнесенностью к ощущениям. Дьюи разрабатывает П. как универсальный метод («логику») решения проблематич. ситуаций, особенно социальных, выдвигая на первый план в теории познания инструментальную функцию понятий. В волюнтаристском «гуманизме» Шиллера, исходящего из релятивистского тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей, П. подводится к грани *солипсизма*, *алогизма* и *фикционализма*.

«Реконструкция в философии», но выражению Дьюи, осуществленная П., состоит в трактовке процесса мышления и науч. познания вообще лишь как средства биологич. и психологич. удовлетворения. Так, согласно Пирсу, единственная функция мышления состоит в преодолении беспокойного и неприятного состояния сомнения и в достижении состояния устойчивой веры, на основании к-рой человек мог бы действовать без колебаний, ибо верование или убеждение (*belief*) это и есть готовность, или иначе, осознанная привычка действовать определенным образом при соответств. обстоятельствах.

Сходным образом Джемс еще в 1890 в работе «Принципы психологии» («*The principles of psychology*», v. 1—2, L., 1890, переизд., N. Y., 1904) связывал наличие сознания с действием и выбором средств для достижения цели этого действия. Впоследствии он настаивает на том, что теория — это не «ответы на загадки», но орудия и программы для дальнейшей работы. Согласно Дьюи, мышление начинается лишь в такой ситуации, когда действие человека наталкивается на неожиданное препятствие и застопоривается. Вся деятельность мышления сводится к подбору средств и способов для наиболее успешного решения проблематич. ситуации, для преобразования ее в определенную, решенную ситуацию.

Др. новшество, предложенное П., — это теория значения. Пирс был, возможно, первым мыслителем, к-рый попытался ввести понятие значения в философию, придав ему строгий логич. смысл. Суть прагматического понимания значения выражена в т. н. принципе Пирса: «Рассмотрите, каковы те практические последствия, которые, как мы полагаем, могут быть произведены объектом нашего понятия. Понятие о всех этих последствиях и есть полное понятие объекта» [Collected papers, v. 5, Camb. (Mass.), 1960, § 18].

Из прагматической теории мышления (принцип сомнения — веры) и теории значения вытекает концепция истины. Поскольку мышление трактуется лишь в плане приспособления как выработка психологически устойчивого состояния верования, к-рое достигается в результате нахождения типа действия, вопрос об истинности убеждения в смысле соответствия его объективной реальности снимается. Но тем самым

в системе П. происходит подмена понятия истины, к-рая по существу отождествляется с успешностью. «...Истина состоит в будущей полезности для наших целей» (Peirce, Values in a universe of chance, N. Y., 1958, p. 381). Для Джемса истинное — это «...просто выгодное в образе нашего мышления» («Pragmatism», N. Y., 1963, p. 98). Дьюи стремится заменить понятие истины выражением «оправданная утверждаемость», где под оправданностью идеи понимается ее работоспособность, пригодность для достижения поставленной цели. Поскольку П. устраняет вопрос о соответствии наших представлений (убеждений) реальности, он выступает как одна из разновидностей *позитивизма*. Пирс, стремясь приблизить прагматистскую трактовку истины к концепции объективной истины, определяет истину как такое верование, к-рое должно быть принято сообществом ученых, если процесс исследования будет продолжаться бесконечно; в этом смысле истина есть «окончательное принудительное верование». Однако, поскольку характер и причины принудительности самого верования остаются нераскрытыми, общезначимость не совпадает с объективностью. Сами реальные объекты, согласно «принципу Пирса», представляют собой не более как совокупность тех практич. последствий, к-рые могут быть вызваны этими объектами. Так, согласно Пирсу, твердость алмаза означает не свойство, объективно присущее кристаллич. углероду, но лишь тот факт, что нам не удается поцарапать его ножом, иначе говоря, реальность сводится к чувственным впечатлениям, переживаниям и к совокупности различных реакций, действий и операций, к-рые необходимо производить, чтобы эти чувств. впечатления получить. «Человек настолько полно заключен в пределах своего возможного практического опыта, его ум настолько сведен к тому, чтобы быть инструментом его нужд, что он не может ни в малейшей степени и меть в виду что-либо выходящее за эти пределы» (Collected papers, v. 5, § 536). Пирс определял реальность как объект истинного, то есть «окончательного» верования, признавая, что хотя реальность не зависит от мнения или мысли каждого отдельного ученого, она отнюдь не является независимой от мысли вообще. Для Джемса, значительно упрощающего извилистый ход рассуждений Пирса, реальность — это просто объекты верования, реально то, в реальности чего мы верим. При таком понимании реальности она становится не отличимой от того, что прагматисты называют истиной. Совпадение истины и реальности было еще более открыто признано Шиллером, к-рый объявил, что истина и реальность «делаются» или создаются нашими познавательными усилиями. Т. зр. Дьюи отличается от этого взгляда только словесной формой. Отвергая «предшествующую реальность», то есть реальность, существующую до и независимо от «исследования», Дьюи соглашается признать реальность лишь как результат исследования, т. е. как ситуацию, преобразованную им из проблематической в решенную. Так, например, вода как «H₂O» становится реальностью лишь как продукт исследования. В то же время H₂O есть удовлетворительное решение проблемы химич. состава воды и в этом смысле представляет собой истину. Так истина переходит в реальность, а реальность в истину, и обе оказываются созданием процесса исследования. Т. о., в трактовке П. реальности позитивистские позиции смыкаются с субъективизмом и идеализмом. Не случайно принцип практич. последствий Пирс расценил как «родлогического евангелия, представляющего несформулированный метод, которому следовал Беркли» [Collected papers, v. 6, Camb. (Mass.), 1960, § 482].

В отличие от др. форм субъективного идеализма, опыт и значение толкуются П. в духе *утилитаризма* и *антропоморфизма* и рассматриваются в терминах переживаний и приспособительных реакций.

Хотя Пирс пытался удержать П. в пределах метода установления значений, в дальнейшем его поспешили применить к морали, религии, социологии, эстетике, педагогике и т. п. Так, Джемс провозгласил тезис о «воле к вере», т. е. о праве человека верить в бога, в бессмертие души и пр. независимо от каких-либо рациональных оснований, исходя исключительно из внутр. чувства, из потребности преодолеть религ. сомнения. Ленин остро критикует П., выводя его внутр. противоречивость: «Прагматизм высмеивает метафизику и материализм и идеализм, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику... и ...преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, без всякого выхода за пределы опыта...» (Соч., т. 14, с. 327, прим.). Но используя для обоснования религии прагматистский принцип — «гипотеза о боге истинна, если она служит удовлетворительно» («Прагматизм», СПб, 1910, с. 182), — Джемс тем самым фактически аннулирует религию, ибо без трансцендентного (бога) она становится столь же иллюзорной, сколь и истина — без реальности. Этич. *релятивизм* Джемса усугубляется Дьюи, распространившим на этику логику ситуаций, подчиняющую нравств. оценки потребностям текущего момента. Подобно истине, моральное «благо» всегда привязано к данной (моральной) ситуации и уникально в себе. Оно представляет собой просто наиболее успешное решение проблемы.

Применение инструментализма к социальным областям было прежде всего использовано для борьбы против марксизма. Инструментализм означает отрицание сколько-нибудь последовательной теории и принятие плюрализма истин социальных концепций, выдвинутого в противовес идейному единству марксизма. Монизму материалистич. понимания истории Дьюи противопоставил учение о множестве якобы равноправных факторов, определяющих социальные изменения. На место изучения законов обществ. развития и прогресса Дьюи пытался поставить исследование единичных социальных ситуаций и поиски решений отд. частных проблем, якобы способствующих совершенствованию социального опыта. П. в политике, с одной стороны, ведет к оправданию любой акции господствующего класса, если она ему выгодна, с др. стороны, отрицая возможность науч. предвидения обществ. развития, отрицая конечные цели и идеалы рабочего класса, он проповедует теорию малых дел и медленного постепенного улучшения жизни. П., т. о., оказался идеальной теоретич. основой оппортунизма в американском рабочем движении.

Идеи П. получили в США распространение благодаря тому, что они оказались полностью созвучными умонастроению бурж. обывателя с его слабой филос. культурой, нелюбовью к абстракциям, с его гипертрофированным практицизмом и культом успеха. Выдвинутая Джемсом моральная заповедь П. «делать то, что окупается» импонировала амер. буржуа близким ему духом делячества. Даже далекий от прагматизма Пирс хорошо понимал социальное значение созданного им учения: «Если бы я стал входить в практические дела, то преимущества прагматизма при рассмотрении важных практических вопросов стали бы еще более очевидными. Но здесь прагматизм обычно применяется преуспевающим людям. Фактически, род удачливых людей отличается от неудачливых, главным образом, именно этим» (Collected papers, v. 5, § 25).

В нач. 40-х гг. влияние П. в США ослабевает в связи с распространением *неопозитивизма* и др. филос. течений. Однако П. остается по-прежнему одним из ведущих направлений в амер. философии — к нему обращаются, в частности, как к средству филос. обоснования решения нек-рых логич. проблем: напр., проблемы существования абстрактных объектов в логике и математике (Куайн, К. И. Льюис, Гудмен, Нагель и др.).

Лит.: Эбер М., П., пер. с франц., СПб, 1911; Франк С., П. как гносеологич. учение, в сб.: Новые идеи в философии, сб. 7, СПб, 1913, с. 115—57; Квитко Д. Ю., Очерки совр. англо-амер. философии, М.—Л., 1936; Шафф А., Нек-рые проблемы марксистско-ленинской теории истины, пер. польск., М., 1953; Лингарт И., Амер. П., пер. с чеш., М., 1954; Уэллс Г., П.—философия империализма, пер. с англ., М., 1955; Корнфорт М., Наука против идеализма, пер. с англ., М., 1957; Мельвилль Ю. К., Амер. П., М., 1957; Совр. субъективный идеализм, М., 1957; Козин М. Р., Амер. мысль, пер. с англ., М., 1958; Курсанов Г. А., Гносеологич. совр. прагматизма, М., 1958; Боднар Я. А., О совр. философии США, [пер. со словац.], М., 1959; Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Ермоленко Д. В., Совр. бурж. философия в США, М., 1965; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 281—359; Scheidt H. W., A history of American philosophy, 2 ed., N. Y., 1947; Weser H. V. van, Moore E. C., American pragmatism: Peirce, James and Dewey, N. Y., 1961; Smith J. E., The spirit of American philosophy, N. Y., 1963. Ю. Мельвилль. Москва.

ПРАГМАТИКА — раздел *семиотики*, изучающий отношение использующего знаковую систему к самой знаковой системе. Первое четкое определение П. как особой науч. дисциплины, а также сам термин «П.» в рассматриваемом смысле принадлежит Ч. Моррису. Существ. роль в разработке понятий П. сыграли работы *Айдукевича*. Однако исторические основополагающие идеи в области П. восходят еще к Ч. Пирсу, сформулировавшему проблематику П. как семиотич. дисциплины.

Прагматич. св-ва и отношения (примерами к-рых служат стилистич. характеристики языка, обеспечивающие более адекватное восприятие сообщений; оптимальное для понимания строение реферата науч. статьи; характеристика допустимой сжатаемости текста, при к-рой сохраняется его понятность, и т. п.), в отличие от синтаксич. и семантич. систем, не выразимы средствами самой знаковой системы, служащей для передачи сообщений, а выявляются при ее восприятии интерпретатором; эти свойства и отношения являются характеристиками процесса понимания знаковой системы воспринимающим ее субъектом. Т. о., если *синтактика* изучает отношения между правильными выражениями знаковой системы, могущими в принципе быть интерпретируемыми, а *семантика* изучает интерпретации этих выражений (т. е. установление таких соответствий с содержанием областями объектов, при к-рых правильным выражением приписывается смысл), П. изучает восприятие смысла выражений знаковой системы в соответствии с решающими способностями воспринимающего. В отличие от понятия интенционала в семантике, понятие интенционала термина или предложения в П. является субъективным, т. к. включает не все возможные его характеристики, а лишь те, к-рые доступны использующему знаковую систему интерпретатору.

В качестве осн. понятия теоретич. П., по А. Чёрчу, является понятие *мнеия*, выражающее отношение между человеком и суждением. Пусть X — обозначение субъекта, t — параметр времени, P — обозначение суждения; тогда предложение вида $B(X, t, P)$ означает, что X во время t считает, что P . Возможным уточнением вводимого Чёрчем понятия может быть указание на нек-рый класс субъектов, обладающих определенным запасом знаний для данного промежутка t и изъясняющихся на языке с точно установленным строением. Понятие *мнения*, по Р. Карнапу, есть отношение между человеком и предложением (под предложением понимается выражение знаковой системы, к-рое может быть истинным или ложным, а под суж-

лением понимается то, что выражается предложением): если S — обозначение предложения, а L — язык, на к-ром изъясняется субъект, то предложение вида $T(X, t, S, L)$ означает, что X во время t рассматривает предложение S языка L как истинное. Карнап предлагает также третье понятие, устанавливающее связь между первыми двумя: предложение вида $Int(P, S, L, X, t)$ означает, что суждение P является интенционалом, или смыслом, предложения S в языке L для X в момент времени t . По-видимому, при формализации этих понятий, т. е. при введении аксиом и правил оперирования с ними окажется, что предложение $T(X, t, S, L)$ может быть выведено из $B(X, t, P)$ и $Int(P, S, L, X, t)$, а предложение $B(X, t, P)$ — из $T(X, t, S, L)$ и $Int(P, S, L, X, t)$. Следует, впрочем, отметить, что вариант теоретич. П., предлагаемый Карнапом, не общепризнан. Более развитая теория П. содержится в фундаментальной работе Р. М. Мартина «К систематической прагматике».

Теоретич. П. складывается как естеств.-науч. теория, содержательность к-рой зависит от того, насколько хорошо ее осн. принципы отображают св-ва интеллекта. В П. принимаются нек-рые гипотезы о св-вах и строении интеллекта (формулируемые на основе данных нейрофизиологии, эксперимент. психологии, бионики, теории перцептронов и др.). Т. о., в теоретич. П. познават. возможности интерпретатора как нек-рого интеллекта (естественного или искусственного) задаются аксиоматически. Если γ — нек-рая семантич. система (формализованный интерпретированный язык), I — (искусственный) интеллект, способный распознавать осмысленность любого выражения из γ , то говорят, что для γ относительно I определена разрешающая процедура. Если не для всякого выражения S из γ осмысленность его может быть установлена I , то представляет интерес нахождение классов выражений, для установления осмысленности к-рых разрешающие процедуры существуют. Эти классы будут областями понимания интеллекта I . Широтой (искусств.) интеллекта I естественно назвать его способность продолжать распознавать осмысл. выражения при условии усложнения семантич. системы γ . Обратной в нек-ром смысле является задача: для данной семантич. системы γ подобрать такие интеллекты I_1, I_2 , у к-рых области понимания будут не меньше, чем у фиксиров. интеллекта I . Естественно ввести и понятие силы интеллекта: I_1 сильнее I_2 (относительно γ), если область понимания I_1 содержит область понимания I_2 ; I_1 равносильна I_2 (относительно γ), если их области понимания совпадают; I_1 абсолютно сильнее I_2 , если I_1 сильнее I_2 для всякой семантич. системы γ . Системы вида $\langle I, \gamma \rangle$ наз. прагматическими; т. о., предметом П. являются прагматич. системы.

Возвращаясь к исходным понятиям теоретич. П., по Чёрчу — Карнапу, B, T и Int , отметим, что их содержательность зависит от сложности устройства интерпретатора, познающие св-ва к-рого (интеллект) должны быть заданы спец. аксиомами и правилами, имитирующими естественный интеллект.

Устройство интеллекта не должно обязательно быть детерминистским; оно может включать и статистико-индуктивные схемы, осуществляющие различные наблюдения над семантич. системой γ . Эти накапливаемые в «памяти» интеллекта наблюдения могут служить исходными данными для обучения интеллекта, приводить к его самоорганизации и, следовательно, изменять его реакции при восприятии семантич. системы γ . Проблематика теоретич. П. примыкает к возникшей в последнее время области исследования — эвристич. программированию, изучающему правдоподобные рассуждения; результаты эвристич. программирования полезно учитывать при построении искусственных интеллектов. Это обстоятельство является одним из стимулов к разработке исчислений с недедуктивными правилами вывода.

В наст. время получили большое распространение и работы в области прикладной П. В частности, ряд работ, проводимых в СССР, в США и

др. странах, посвящен эмпирич. анализу понимания людьми различных языковых выражений, исследованию ритмики и стихосложения, а также разработке нек-рых информационно-поисковых систем. Можно ожидать, что использование этих работ сыграет нек-рую роль в разработке таких проблем, как автоматич. распознавание омонимов, машинный перевод и т. п. Весьма актуальной областью прикладной П. представляется т. н. роботика — теория построения искусств. интеллектов (роботов). В последнее время обнаружилась связь между П. и проблемами космич. коммуникаций (напр., голл. математик Фройденцаль использовал ряд прагматич. соображений при построении т. н. *lingua cosmica* — «космич. языка»). Т. о., исследования по моделированию умственной и творческой деятельности человека тесно связаны с проблематикой П.

Прагматич. подход к логич. проблематике оказывается весьма интересным и в исследованиях по основаниям математики и логики. Кроме работ сов. математика А. С. Есенина-Вольпина, в этой связи можно было бы упомянуть работы голл. математиков и логиков ван Даницга и Маннури. Ср. *Сигнифика*.

Лит.: Карнап Р., Значение и необходимость, [пер. с англ.], М., 1959; Есенин-Вольпин А. С., Анализ потенциальной осуществимости, в сб.: Логич. исследования, М., 1959; Ajdukiewicz K., Sprache und Sinn, «Erkenntnis», 1934, Bd 4, H. 1; его же, Logika pragmatyczna, Warsz., 1965; Morris Ch. W., Foundations of the theory of signs, Chl., 1938; его же, Signs, language and behavior, [2 ed.], N. Y., 1955; Russell B., Inquiry into meaning and truth, N. Y., 1940; Naess A., Interpretation and preciseness, Oslo, 1953; Martin R. M., Toward a systematic pragmatics, Amst., 1959; Peirce Ch. S., Collected papers, v. 5., Camb., 1960; Hintikka K. J., Knowledge and belief, N. Y., 1962; Harrah D., Communication: a logical model, Camb., 1963. И. Добролюбов, В. Финк. Москва.

ПРАДУ ЖУНИОР (Prado Junior), Каю (р. 1907) — браз. ученый, автор трудов по истории, экономике и философии. В своем гл. филос. соч. «Диалектика познания» («Dialética do conhecimento», São Paulo, 1952, 3 ed., São Paulo, 1960) П. Ж. рассматривает ряд вопросов марксистской теории познания и диалектики, выступает против метафизики и идеализма.

Соч.: URSS, um mundo novo, 2 ed., São Paulo, 1935; Formação do Brasil contemporaneo Colonia, 4 ed., São Paulo, 1953; Notas introdutorias a logica dialética, São Paulo, 1959; Esboço dos fundamentos da teoria economica, 2 ed., São Paulo, 1960; Evolução politica do Brasil e outros estudos, 3 ed., São Paulo, 1961; в рус. пер. — Экономика. История Бразилии, М., 1949.

Лит.: Совр. философия и социология в странах Зап. Европы и Америки, М., 1964, с. 450—52. Ж. Вазарян. Москва.

ПРАКРИТИ (санскрит., букв. — производящая, творящая, создающая) — одна из осн. категорий инд. философии, эквивалентная первоматери, природе, объективному миру. Понятие П. своими корнями уходит в мифологич. представления Др. Индии, где оно символизировало продуктивные, производящие, творч. силы природы, отождествлявшиеся с женским началом. Самое раннее систематич. и развернутое изложение концепции П. дается в филос. текстах *Махабхараты* и принадлежит эпич. санкхье. Здесь П. выступает первоначалом, к-рое за счет взаимодействия трех своих составляющих противоречивых компонентов (гуи) порождает из себя мир феноменов, как психических, так и вещественных; в этом смысле П. перекликается с античным понятием *matéria*, означавшим «мать», «начало» всех вещей. Однако в эпосе П. обычно подчинена стоящему над ней и порождающему ее духовному принципу (*пуруше, атману, брахману, богу*).

Дальнейшую разработку категория П. получила в классич. санкхье (4—10 вв.), к-рая стремилась объяснить П. как исходное начало бытия, уже не зависящее ни от какого внешнего по отношению к ней божеств. принципа; здесь делается попытка

истолковать П. как источник, первопричину и субстанциальную основу всего эмпирич. многообразия конкретной действительности.

Поскольку П. не обладает творч. способностью к саморазвитию, санкция постулирует духовное начало, существующее параллельно и наряду с П.; с одной стороны, оно выполняет роль своего рода первотолчка, выводящего П. из состояния первонач. равновесия, а с др. стороны — воплощает принцип духовности сознания, его качественного отличия от материи.

В идеалистич. школах (в частности, в *веданте*) П. выступает синонимом *майи* — иллюзии видимости.

Лит.: Махабхарата, пер., введения и прим. Б. Л. Смирнова, вып. 2—7, Аш., 1956—63; Чаттопадхьяи Д. П., Локаята даршана, пер. с англ., М., 1961; Mishra M. U., Conception of matter. According to Nyaya-Vaisheshika, Allahabad, 1936; его же, History of Indian philosophy, v. 1, Allahabad, [1957]. Н. Аликеев. Москва.

ПРАКТИКА (греч. *πρακτική*, от *πράξις* — дело, действие) — чувственно-предметная форма жизнедеятельности общественно развитого человека, имеющая своим содержанием освоение природных или социальных сил и выражающая специфику человек. отношения к миру, способ бытия человека в мире. П. в широком смысле и прежде всего материальная П. (материальное произ-во) выступает как основа познания и всей жизни человек. общества. Определенность П. как формы деятельности раскрывается в единстве с противоположной формой деятельности — *теорией*. Будучи целесообразной деятельностью, П. выступает как целостная система операций и раскрывает свое существо в след. моментах: *цель*, сама целесообразная деятельность, предмет, средства, результат практич. деятельности.

Проблема П. в истории домарксистской философии. Теоретич. осмысление всеобщих моментов П. стало возможным лишь при капиталистич. отношениях, с утверждением безразличия к определ. формам деятельности (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 730). В философии античности, средневековья и нового времени деятельность мыслилась еще в ее особенных формах (в виде земледелия, ремесленной, нравств.-политич. деятельности и т. п.), практич. деятельность еще не утратила в теоретич. осознании своей непосредств. связи с человеком, взятым в его специфич. особенности. В таком понимании практич. деятельность выступала как гл. предмет по существу всей инд. философии, уделявшей особое внимание нравств. основаниям деятельности. На эту сторону П. обращали внимание и мн. школы кит. философии, особенно связанные с традицией *конфуцианства*.

Вся философия досократиков пронизана пафосом единства слова и дела, человека и космоса. В своей собств. жизни они стремятся воплотить отстаиваемые ими филос. принципы. У *Демокрита* добродетель тождественна не только нравств. качеству личности, но и технич. умению, искусности, ловкости в совершении того или иного дела. Высшей формой человек. активности, по Демокриту, является политич. деятельность, она «...дает жизни человека величие и блеск» («Демокрит в его фрагментах...», М., 1935, фр. 645).

У *Платона* представление о структуре деятельности соотнобразится с выделяемыми им тремя способностями души — умом, аффективной способностью и чувств. влечением, а также с тремя функциями гос-ва — управления, охраны и обеспечения материальными благами. Самое низшее положение в обществе. иерархии занимают те, чей удел — хоз. деятельность, а самое высшее — правители (см. К. Р. IV, 419 А—421 А). Расчленение всех граждан полиса на определ. классы обусловлено в социаль-

ной доктрине Платона принципом сосредоточения всех способностей человека на одном предмете. «...У нас человек не двоится и не развлекается многими делами, а делает каждый одно...» (К. Р. III, 397 Е; ср. также IV, 433 А и II, 370 ВС; Legg. V, 14, 746—747 В и др.). В этой связи проводится мысль, что человек уже с детства должен воспитываться для специализированной деятельности. Т. зр. Платона, по словам Маркса, выражает «...афинскую идеализацию египетского кастового строя» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 379). Опираясь на понятие добродетели, выступающей у него как нравств.-эстетич. категория, Платон проводит различие между *праксисом* (нравственно-благая и прекрасная деятельность гражданина гос-ва) и *позисом* (ремесленно-художеств. произ-во, а также торговля) (см. Хармид, 163—64). В диалоге «Пир» различие видов деятельности проводится как различие эротического и эноптического восхождения знания к бытию. Первое является созданием чувственно-материальных образований, а эноптич. восхождение завершается слиянием знания и идеи предмета. Созерцание вечных и совершенных идей — прообразов чувств. вещей — есть высшая форма деятельности.

Аристотель, пытаясь раскрыть онтологич. основание деятельности человека, обозначает и движение самой природы и деятельность человека одним понятием «энергий». Все типы отношения человека к миру он расчленяет на теоретич. созерцание (постижение неизменных законов бытия), практич.-духовное и художеств.-творч. освоение мира (см. Phys. II, 1; рус. пер., М., 1936; Met. II, 1, 993 в 23; VI, 1, 1025 в 3—18). Практич.-духовное и художеств.-творч. отношение к миру различны и между собой: «...деятельность не есть творчество (*ποίησις* — *Ред.*), а творчество не есть деятельность» («Этика», СПб., 1908, с. 110). Жизнь в целом Аристотель обозначает как *праксис*, т. е. как деятельность, к-рая совпадает со своей целью. В поэзисе (художественно-творч. деятельности) цель отлична от самой деятельности. Со стороны формы его характеризует то, что он есть словесное творчество, а со стороны содержания — что он есть творч. организация жизни материала согласно требованиям возможного по вероятности или по необходимости (см. «Поэтика», 1451 в). Художеств.-творч. создание и нравств.-практич. деяние отличаются и по средствам: в первом случае применяются технич. орудия, средством же реализации нравственно-благотворч. деятельности является собственность (см. Polit, I, 2, 1253 в 23—1254 а). В античном обществе, где вся тяжесть предметно-чувств. деятельности была уделом рабов, к физич. труду и даже к совершенствованию проф. мастерства в иск-ве (архитектуре, скульптуре) сложилось пренебрежит. отношение (см. Polit, VIII, 2, 1, 1337 в). Созерцание мудреца — наиболее высокая форма деятельности по сравнению со всеми остальными. Высшим воплощением теоретич. разума является у Аристотеля бог, сущность к-рого в деятельности (см. Met. XII, 6, 1071 в 34). Человек по отношению к богу выступает как страдал. разум.

В философии стоиков человек истолковывался как художник, подражающий в своей деятельности природе. Свободная воля человека воплощается в добродетели, в к-рой едины и теория и *праксис*. Вместе с тем труд ставится в один ряд с такими явлениями, как смерть, болезнь, безобразия и пр. (см. «История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли», т. 1, 1962, с. 143). По мнению Сенеки, «...и ремесла и ручной труд доставляют весьма многое для жизненных удобств, но не имеют никакого отношения к добродетели» (там же, с. 146).

Христианство, в начале своего развития выражавшее социальный протест против рабства, рассматри-

вало труд как неизбежное бремя, результат проклятия богом человека, следствие греха, совершенного первыми людьми. Сам по себе физич. труд считался недостаточным для человек. счастья и совершенства: «Все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается» (Библия, кн. Екклесиаста, VI, 7). Это было своеобразным выражением требования предоставить каждому право и обязанность на духовную деятельность, на полноту жизни. Но с утверждением христианства в качестве господствующей идеологии спасение человека было целиком перенесено в потусторонний мир, резко противопоставленный земному. Труд начинает цениться как средство религ. воспитания, как путь умерщвления плоти. Подлинно активным существом является лишь бог, в образе к-рого человек отчуждает свою деятельность, надевая потустороннюю трансцендентную сущность своими собств. характеристиками.

В новое время практич. направленность философии с большой силой была подчеркнута Ф. Бэконом. Критикуя схоластику за ее бесплодность, он стремился создать философию, «...имеющую применение к жизни и деятельно работающую ради облегчения бедствий человеческого существования» (Собр. соч., т. 1, СПб, 1874, с. 185). По его мнению, знание и деятельность едины: «...два человеческие стремления — к Знанию и Могушеству — поистине совпадают в одном и том же: и неудача в практике более всего происходит от незнания причин» («Новый Органон», М., 1935, с. 100). В целом же в концепциях 17—18 вв. человек. деятельность целиком ошределена природой — внешней природой и биологич. организацией самого человека. Но т. к. оба фактора считаются не изменяющимися в истории, теории абстрактного человека не могли ухватить историч. характера деятельности. Изменения деятельности объясняются уровнем понимания связи между объектом деятельности и стремлениями человека, т. е. уровнем развития разума. Так, Спиноза проводит мысль о том, что «воля и разум — одно и то же» («Этика», М. — Л., 1932, с. 75). Правда, он понимает мышление как способ действия мыслящего тела, как универсальную способность к действию, в к-ром осваивается вся природа и к-рое целиком определяется формой внешнего тела. Но практич. деятельность сама по себе лишена ценности и источника активности. Единств. подлинной формой деятельности в таких концепциях могла явиться мыслит. деятельность, а единств. формой связи индивидов — речь. Локк различает теоретич. и практич. науки. Первые исследуют природу вещей, как они существуют сами по себе, а вторые — то, что «...человек в качестве разумного и свободного деятеля должен делать для достижения какой-нибудь цели, в особенности счастья...» (Избр. филос. прозв., т. 1, М., 1960, с. 694). Т. о., Локк понимает П. как нравств. действие, а наука о П. для него есть этика (см. там же, с. 695). Для франц. материалистов 18 в. характерно понимание предметности, действительности как объекта созерцания, а не как П., хотя нек-рые из них (Гольбах, Гельвеций) отмечали роль материальных интересов, страстей в историч. процессе.

Нем. классич. идеализм в противоположность созерцат. материализму развивает концепцию человек. активности. Принципиальные особенности истолкования П. в нем. классич. философии заключаются: 1) в подчеркивании творч. характера деятельности вообще и П. в частности, 2) в идее единства теории и П., хотя внутри его П. толкуется как производная от теоретич. деятельности, 3) в мистификации связи человека и общества, при к-рой подлинно активным субъектом является трансцендентальный субъект или абс. дух. Идеализм «...не знает действи-

тельной, чувственной деятельности как таковой» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 1), деятельность у него понимается прежде всего как познават. или нравств. активность. У Канта активность сознания рассматривается как деятельность по упорядочению данных опыта. Теоретич. созерцание, «чистый разум не в состоянии постичь мир «вещей в себе», только практич. разум прорывает границы созерцат. отношения к объекту и потому имеет примат над теоретич. разумом (см. Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965, с. 454). П. рассматривается Кантом лишь как деятельность нравств.-практич. сознания, а средоточием практич. разума является понятие воли, т. е. «...способность или создавать предметы, соответствующие представлениям, или определять самое себя для произведения их» (там же, с. 326). Будучи проникнут идеалами Просвещения, Кант отстаивает идущее от античности истолкование П. как нравств.-справедливого деяния, отличного от технико-практич. отношения (техническое здесь понимается как умение, связанное с материальной деятельностью).

Фихте, в отличие от Канта, полагал, что не только форма, но и содержание знания создается субъектом, к-рый есть для него чистая активность, деятельность. Практич. деятельность, составляющая предмет этики, и есть в подлинном смысле деятельность, ибо она связана с понятиями свободы, воли и т. д. Разум обнаруживает свою активность как в том, так и в др. направлении. Различие теоретич. и практич. разума заключается в том, что если первый следует наличную, существующую реальность, то второй противопоставляет сущему должное, исходит из него в целесообразной и свободной деятельности. В сферу практич. разума Фихте включает три области — хозяйство или экономику (создание средств для удовлетворения материальных потребностей человека), право и нравственность. Экономика строится наилучшим образом, если существующее разделение труда и технич. средства. В сфере этики, раскрывающейся в категориях свободы, цели, должностности и др., входят право и нравственность — формы обнаружения практич. разума, связанные между собой. Право есть условие нравственности, к-рая наиболее адекватно реализуется в гос-ве.

Гегель стремится понять связь трудовой и познават. деятельности, раскрыть деятельный характер человек. познания, осмыслить законы историч. процесса как обусловленные деятельностью людей, по-новому поставить проблемы целесообразности, соотношения субъекта и объекта и т. д. Он делает первый шаг в понимании того, что сознат. деятельность составляет основу единства человека и природы, снимает противоречие между причинностью и телеологией; в результате движение природных сил получает другую форму, другое направление (см. Hegel, Jenenser Realphilosophie, в кн.: Sämtl. Werke, Bd 20, [Halbband] 2, Lpz., 1931, S. 198). Гегель подчеркивает роль средств труда в освоении природы (см. Соч., т. 6, М., 1939, с. 205) и видит специфику отношения человека к объектам природы в активной преобразоват. деятельности. Если в животном отношении к объекту — в о ж д е л е н и и, предмет разрушается, то в отношении человека к природным предметам — п о б у ж д е н и и, создаются предметы, удовлетворяющие человек. потребности. В «Феноменологии духа» Гегель вытается изобразить развитие человечества под углом зрения труда как действительного самопорождения человека. Здесь Гегель в мистифицированной форме схватывает осн. структуру человек. деятельности, рассматривая движение абс. духа как единство опредмечивания и распредмечивания. Но поскольку субъектом историч. процесса для Гегеля является абс. дух — знание в

его отчужденном виде, постольку предмет, созидаемый в акте опредмечивания, есть лишь идеальный предмет. Гегель не знает ни реального деятельного человека, ни реального предмета, к-рый человек изменяет в своей деятельности. Предметность, в к-рой воплощается дух, есть мир культуры, ставший объектом теоретич. анализа. Рассмотрение движения абс. духа как деятельного движения позволило Гегелю включить П. в теорию познания, в рассмотрение логич. проблем. Для него П. выше теоретич. познания, она обладает не только достоинством всеобщности, но и действительности (см. там же, с. 290). Абс. идея есть для Гегеля тождество теоретич. и практич. идеи, каждая из к-рых представляет собой односторонний, абстрактный момент развитого конкретного целого. Ленин в «Философских тетрадях» неоднократно показывает глубокий смысл гегелевских идей о П., подчеркивая, что «Маркс... непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания...» (Соч., т. 38, с. 203). Гегель понимает деятельность как содержательную, предметную. В связи с этим он по-новому рассматривает соотношение цели, средства и результата деятельности, показывая их единство. Диалектика цели и средства заключается в том, что так же как цель предполагает предел. средство, так и средство не существует безразлично к цели, а содержит в себе начало ее осуществления, реализации, «...средство... есть некоторый уже определенный целью объект...» (Соч., т. 6, с. 208); выполненная цель становится средством, а средство — материализованной целью (там же, с. 211). Однако идеализм гегелевской системы привел к тому, что труд, материальную деятельность он рассматривает как дериват и воплощение духовной, идеальной деятельности, переворачивая отношение между практич. и теоретич. деятельностью. Превознося гос-во как воплощение абс. идеи, он считает наиболее совершенной практич. деятельностью нравственно-политич. деятельность (см. Riedel M., *Theorie und Praxis im Denken Hegels*, Stuttg., 1965).

Как известно, домарксовский материализм не смог понять сущность П. Это касается и его наиболее развитой формы — материализма *Фейербаха*, к-рый в качестве истинно-человеческой рассматривает лишь теоретич. деятельность, а П. истолковывает как утилитарно-свокорыстную деятельность (см. Избр. филос. произв., т. 2, М., 1955, с. 143—46). Подчеркивание практически-политической направленности философии было характерно для рус. философов-материалистов, особенно для *Герцена* и *Чернышевского*, однако и они не смогли раскрыть глубокую сущность П.

Проблема П. в современной буржуазной философии и социологии. В решении проблемы П. совр. бурж. мысль часто возвращается к тем решениям, к-рые были даны в домарксистской философии. При этом в П. усматривается низшая форма человек. отношения к природе, а высшей формой активности человека считается познание. активность. Деятельность вообще, а практич. деятельность в особенности нередко истолковывается субъективистски, лишается предметного содержания. Как правило, во всех совр. концепциях деятельность фиксируется в ее отчужденной (см. *Отчуждение*) форме.

Волюнтаристскую концепцию деятельности развивает *Шопенгауэр*. Онтологизируя источник человек. активности, он рассматривает мир как волю, к-рая индивидуализируется в различных существах. У большинства людей интеллект подчинен инстинкту самосохранения, воле к жизни. Лишь гений может освободить свой интеллект от подчиненности воле и погрузиться в сущность вещей. Эту линию волюн-

таристич. активизма продолжил *Ницше*. Для него наиболее яркое выражение воля к власти получает в появлении «сверхчеловека», активизм к-рого стоит над любой формой объективности, отрицает все традиц. формы жизни. Такая интерпретация активности сливается с *нигилизмом* и анархич. бунтом против всякой предметности и объективности вообще. Волюнтаристское понимание П. развивает и *Джентиле* в концепции актуализма. Иначе подходит к проблеме деятельности *неокантианство*, к-рое, особенно в ранний период, стремится выявить логич. основания человек. культуры. Принципиальная ориентация на науч. знание отличает это направление от ряда филос. систем, уже возникших к этому времени и ставивших своей осн. целью критику науки. В соответствии со стремлением выявить законы творчества культуры неокантианцы рассматривают в качестве центральной проблему активности науч. мышления. Деятельность мышления, к-рое Кант понимал как синтез материала, данного чувственности, превращается здесь в деятельность созидания, в к-рой творится предмет и к-рая толкуется как чисто духовная, идеальная деятельность некоего надчеловеческого, трансцендентального субъекта. От активности теоретич. разума неокантианцы отличают активность практич. разума. Практич. познание направлено на долженствование как бытие, отличное от существования, это «...познание не того, что есть, а того, что должно быть» (Н а т о р п П., *Философская пропедевтика*, М., 1911, с. 19). Под практич. разумом неокантианцы понимают совокупность принципов и законов морального действия.

Особенно четко это обнаруживается у мыслителей *баденской школы*. Напр., Риккерт отождествляет практич. философию с этикой, к-рая «остается практической философией, т. е. она исследует деятельного человека» («*System der Philosophie*», Bd 1, Tüb., 1921, S. 358).

Для неокантианства, как и для почти всей бурж. философии классич. периода и конца 19 в., характерно резкое разграничение сферы теоретич. и практич. разума, к-рый не отождествлялся с прагматически-утилитарным началом. Правда, уже в этом дихотомич. делении разума нетрудно обнаружить источник не только идеализма, но и иррационализма, к-рому в конце концов приходит неокантианство (в лице, напр., Риккерта). Последующие филос. системы рассматривают практич. начало с прагматически-утилитарной т. зр. и уже не выделяют теоретич. знание из этой области: наука в них рассматривается лишь как служанка полезности и полностью отдается во власть техницистского прагматизма.

Кризис неокантианства породил целый ряд направлений, ориентирующихся на критику науки, отождествляемой с прагматически-рассудочным знанием. Этот поворот в своеобразной форме отразил те существ. изменения, к-рые произошли во взаимоотношениях науки и произ-ва, теории и П. в нач. 20 в., когда наука, особенно естествознание, стала превращаться в непосредственную производит. силу общества, организовываться по образу и подобию материального произ-ва. Пренебрежит. отношение бурж. философии и социологии к сфере практич. деятельности, как сфере неподлинного существования человека, определяет и пренебрежит. отношение к такой науке, к-рая включается в материальное произ-во.

Филос. системы *Кроче*, *Дильтея* и *Гуссерля* отражают начало этого сложного и противоречивого поворота в бурж. мысли. Как и неокантианцы, они ориентируются на науку, но в ряде пунктов этих систем уже обнаруживается поворот к иррационализму. Кроче анализирует проблему П. в общем контексте

исследования проблем культуры. По его мнению, «единственная реальность — это динамичность, деятельность, целесообразность, дух» («О т. н. суждениях ценностей», см. «Логос», кн. 2, М., 1910, с. 31). История объективного духа, его саморазвитие — единств. форма деятельности. Деятельность отд. индивидов — лишь ткань мирового духа, орудие и средство осуществления его целей. Деятельность объективного духа, к-рый есть по существу идеалистически истолкованная человек. культура, реализуется в двух формах — теоретической и практической. В свою очередь, теоретич. форма подразделяется на интуитивную и логическую. Принципиальное отличие практич. духа от теоретического заключается в том, что в центре практич. отношения стоит не познание, а воля. В отличие от Канта, Кроче не устанавливает отношения субординации между теоретическим и практич. разумом, для него это равнозначные формы реализации объективного духа. Если в теоретич. отношении к предметам человек постигает предметы, то в практическом — он изменяет, творит их (см. «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», ч. 1, М., 1920, с. 54). Практич. дух, как и теоретический, осуществляется в двух формах (см. «Filosofia della pratica. Economica ed etica», 5 ed., Bari, 1945) — экономике, в к-рой принципом деятельности является польза, а человек преследует свои узкокорыстные цели, стремится получить богатство, достичь признания в иных формах, и нравственности, в к-рой личные интересы индивида получают всеобщее значение: осуществляя их, человек вместе с тем может приносить обществ. пользу. Нравств. отношение представляет собой не отрицание экономики, а дополнение, спец. случай экономич. отношения.

Обстоят. критику истолкования проблемы П. у Кроче и Джентиле представил видный итал. марксист А. Грамши, считавший одной из своих задач создание труда под назв. «Анти-Кроче» (см. «Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce», Torino, 1952, p. 200). Противопоставляя крочеанству т. зр. марксизма, Грамши характеризует марксизм как «философию практики». Ее своеобразие состоит прежде всего в том, что она преодолевает разобщенность интеллигенции и народа, «...стремится не удерживать „простых людей“ на уровне их примитивной философии житейского смысла, а, наоборот, подвести их к более высокой форме осознания жизни» (Избр. произв., т. 3; М., 1959, с. 22). Критикуя бурж. сознание, противопоставляющее элитарную и нар. культуру, Грамши указывает две задачи философии П.: «...победить современные идеологии в их наиболее утонченной форме, для того чтобы быть в состоянии образовывать собственную группу независимой интеллигенции, и воспитать народные массы, культура которых была средневековой» (там же, с. 83). Вторую задачу он считал основной.

«Философия жизни» Дильтея, не порывая еще открыто с науч. знанием, развивает в конечном итоге иррационалистич. трактовку активности человека. Критикуя рационализм, к-рый видит в человеке лишь познават. сущность и потому, по его словам, постигает историч. бытие человека односторонне, Дильтея требует положить в основу философствования полноту жизни человека, целостность всех форм проявлений его сущности (см. «Типы мировоззрения», в кн.: «Новые идеи в философии», сб. № 1, СПб, 1912, с. 123—24). «...Жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир» (там же, с. 126). Жизнь, истолковываемая как деятельность во всех ее формах, как воля, как некая активность, сливается у Дильтея с историей (см. *Gesammelte Werke*, Bd 7, Stuttgart, 1958, S. 151, 278, 291).

Однако при этом активность человека лишена предметного характера, поэтому, чтобы связать жизнь и природу, Дильтея вынужден искать в природе проявления некоей все-жизни, развивая близкие к гилеозизму представления. Вместе с тем, отождествляя жизнь и переживание человеком историч. действительности, Дильтея утрачивает критерий для различения иллюзий от действительности и приходит к тому, что жизнь превращается у него в загадочную, непроницаемую, иррациональную творч. основу всего бытия. В этой связи подвергается критике науч. знание, к-рое не может постичь жизнь во всей ее целостности и лишь разрушает, умерщвляет иррациональность жизни.

Продолжая начатую Дильтеем линию критики рационализма, Гуссерль полагает, что субъектом феноменологии не может быть лишь познающий субъект, что человек должен браться в целостности всех его активных проявлений. Трансцендентальная феноменология, согласно Гуссерлю, является не теорией познания, а теорией всех форм активности человека, т. е. теорией П., самопознанием, самоопределением и самоосуществлением разума как некоего синтеза, к-рый не разлагается на теорию и П. При этом П. характеризуется как натуральная П. — как совокупность сознат. действий человека, направленных на изменение вещей и преобразование социальной жизни. Ей соответствует определ. форма знания — наука, или, по выражению Гуссерля, натуралистич. теория. Натуральная П. составляет основу и причину всепронизывающего кризиса европ. жизни, т. к. наука раскалывает субъект и объект, превращает самого человека в объект, что приводит к варварству и отчуждению. Единство натуральной теории и П. Гуссерль характеризует как натуральную жизнь, в к-рой теория обслуживает натуральную П. Над натуралистич. теорией возвышается незаинтересованное, освобожденное от всех моментов П. чистое знание, универс. наука — теория (*Theoria*). Она есть созерцание сущности, преодолевающее ограниченные установки натуралистич. теории и П., «совершенно непрактическое» знание, «совершенно бесполезное искусство», к-рое «не помогает хозяевам и мастерам этого мира, политикам, инженерам, промышленникам» («*Erste Philosophie*», см. *Gesammelte Werke*, Bd 7, Haag, S. 283).

Но именно восхождение к филос. созерцанию преодолевает кризис европ. наук, делает человека свободным, очищая с помощью метода редукции его продуктивные силы от всех практич. установок, от власти сил инстинкта и т. д., оставляя его один на один с чистым разумом. Хотя Гуссерль пишет, что теория — это правило всеобщей П. (см. там же, Bd 8, Haag, 1959, S. 337), что она есть «момент, часть совокупной практической жизни», однако теорию (в форме философии) он ставит выше П., т. к. эта теория исходит не из того, что налично существует, а из того, что должно быть. Лишь натуралистич. теория ориентируется на налично сущее. Центр подлинной теории (т. е. трансцендентальной феноменологии) составляет норма, делающая возможной деятельность.

Бергсон обращает внимание на П. для того, чтобы показать неподлинность науч. знания, противопоставить дискурсивному мышлению — *интуицию*. В его системе роль интеллекта заключается в управлении действием (см. «Творч. эволюция», СПб, 1914, с. 267). Опираясь на интеллект, человек изготавливает искусств. предметы и употребляет орудия, влияя на мир вещей. Преследуя практически полезную цель, интеллект не в состоянии постигнуть реальность, сущность к-рой в становлении, длительности. Он «...не претендует на то, чтобы воссоздать движение таковым, каково оно есть, он просто заменяет его практическим эквивалентом».

том» (там же, с. 140). Наука как форма знания есть «создание чистого интеллекта» (см. там же, с. 175). Практич. ценность науч. знания закрывает все пути для адекватного постижения сущности предмета, раскрытия жизни, реальности как длительности. В противовес интеллекту, интуиция — это бескорыстное, далекое от П. познание самой сущности предмета, это инстинкт, «...сделавшийся бескорыстным, сознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» (там же, с. 159). Эта способность осуществляется в философии. Перед Бергсоном стоит следующая альтернатива: или всякое познание есть практич. познание, направленное на утилитарную цель (тогда невозможна философия и постижение сущности мира), или существует иная форма знания, к-рая проникает в саму сущность предмета и осуществляется в филос. умозрении. Эту альтернативу он решает путем превращения науки в практич. знание и исключения из нее философии.

Прагматизм кладет в основу своей концепции П. в ее утилитарной форме. Критикуя прежде всего классич. рационализм, прагматисты подчеркивают, что исходным принципом философии должен быть человек как волевое, практически-действенное, а не просто как познающее существо. Однако практич. деятельность они отождествляют с *поведением* человека, а само поведение трактуют биологически, превращая предметно-чувств. деятельность в телесную. Акцент на практич. полезности приводит к тому, что по существу отрицается сама возможность теоретич. деятельности, а *истина* толкуется в духе крайнего субъективизма. В т. н. инструменталистском варианте прагматизма *Дьюи* мышление истолковывается как средство для отсроченной, но более правильной реакции человек. организма. Даже те варианты прагматизма, к-рые ориентируются на социальные аспекты деятельности, не могут выявить существо проблемы. Напр., Дж. Г. Мид, подчеркивая важность признака социальности при анализе человек. деятельности, толкует ее весьма широко и обнаруживает на всех уровнях природы (см. G. H. Mead, *The philosophy of the Act, Chi.*, 1938). Близка к прагматизму концепция *операционализма* (см., напр., P. W. Bridgman, *The intelligent individual and society*, N. Y., 1938).

Осн. пафос *экзистенциализма* направлен на то, чтобы противопоставить себя науке. Философия здесь понимается как аналитика человек. существования. Критикуя рационализм 18—19 вв., сводивший человека к познават. субъекту, а философию к гносеологии, экзистенциализм выдвигает идею о необходимости новой *онтологии* — онтологии историч. существования и подчеркивает, что человек должен братья в целостности его проявлений и отношений, лишь одно из к-рых — познание. Анализируя «фундаментальные конституции» существования — экзистенциалы, *Хейдеггер* показывает, что определяющим отношением человека является соотнесенность с миром (*Weltbezogenheit*), обыденная повседневность. «Бытие-в-мире» есть осн. структура человек. существования. Познание есть «модус бытия существования как бытия-в-мире» (см. «*Sein und Zeit*», Tüb., 1953, S. 61), т. е. познават. отношение производно от изначально практич. отношения человека к миру. «Бытие-в-мире» пронизано озабоченностью, обхождением с предметами «разбросано в разнообразных способах озабоченности». Первонач. видом обхождения является не воспринимающее познание, а промышляющая, испытывающая нужду озабоченность, которая обладает собств. «познанием» (см. там же, S. 67). Феноменология должна раскрыть бытие того сущего, к-рое обнаруживается в этой озабоченности. Человек — творец, *Homo faber*, он использует, применяет вещи, к-рые вне человек. обхождения суть ничто, неорганизованный пластич. мате-

риал деятельности. Аппелируя к этимологии греч. слова «вещь» (*práxata*), *Хейдеггер* обнаруживает его связь со словом «П.» и, отождествляя последнюю с обхождением с вещами (см. там же, S. 68), вводит ее в само определение сущности вещи. Под столь широкое определение попадает весь окружающий человека мир. Вещь никогда не обнаруживается в отрыве от человек. отношения, от пригодности для человек. цели; комната не есть геометрич. пространство, за исключением между четырех стен, она представляет собой средство для жилья; «лес есть лесничество, гора — это каменоломня, река — это сила воды, ветер — это ветер в парусах». Таким путем «открывается окружающий нас мир природы и становится доступным каждому из нас. В дорогах, улицах, мостах, зданиях через озабоченность природа раскрывается в определенном направлении» (там же, S. 70—71).

По *Хейдеггеру*, практич. обхождение с вещами существует как общественное: в изготовленной вещи дан не только тот человек, к-рый ее создал, но и ее потребитель. Обществ. смысл продукта деятельности нетрудно увидеть и в той деятельности, к-рая далека от ремесл. форм. Совр. труд производит товары для потребления другого, причем другой человек не определен, он неизвестен. Продукты создаются для кого-то, для людей вообще, для *Man*. Тем самым всякое практически-действенное обхождение с вещами, в к-ром содержится указание на возможных потребителей, растворяется в мире публичности, близкого *Man*. Обществ. характер озабоченно-практич. отношения к вещам обнаруживает неподлинность этого вида бытия (см. там же, S. 125). Фиксируя тот реальный для бурж. общества процесс овеществления отношений между людьми, к-рый был вскрыт Марксом при анализе фетишизма, *Хейдеггер*, однако, усматривает исток веществ. отношений между людьми в самом характере практич. деятельности, в ее социальном смысле, а не в исторически определен. отношениях людей к природе и друг к другу. Противопоставляя две формы мышления — исчисляющее мышление и созерцательно-усматривающее раздумье, *Хейдеггер* отождествляет калькулирующее мышление с наукой. Такое мышление остается исчисляющим, даже если оно не оперирует числами и не прибегает к вычислит. машинам. Подлинно человеческим, действительно творч. деянием человека является непосредственно усматривающее раздумье, осуществляющееся в языке и поэзии. Обращает на себя внимание, что *Хейдеггер* обозначает этот тип мышления тем же термином (*Dichtung*), к-рым в античной философии характеризовалось творчество (*poesis*). Творчество он понимает прежде всего как лит. творчество, реализующееся в языке и поэзии. П. языкового творчества, поэтич. создания является, по *Хейдеггеру*, подлинным выражением человека.

Т. о., отождествляя П. с прагматич., утилитарной деятельностью, *Хейдеггер* осн. акцент делает на П. обыденного существования (отвергая, однако, необходимость социологич. анализа овеществленных социальных отношений), противопоставляет непосредств. размышление науч. знанию (тождественному у него техницистски-прагматич., калькулирующему рас судку) и интерпретирует П. человек. существования с иррационалистич. позиций.

В новейшей бурж. философии проблема П. истолковывается в двух различных направлениях: с т. зр. иррацион. философской антропологии и с позиций социологии, где практич. деятельность превращается в социальное действие, поскольку саму социологию интересуют законы функционирования социального целого.

В филос. антропологии А. Гелена человек понимается как «дейтельное существо», причем труд и дея-

тельность не расчленяются (см. А. Gehlen, *Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt*, 4 Aufl., Bonn, 1950). Согласно взглядам Гелена, на к-рые сильное влияние оказал биологич. подход, специфич. особенностями человек. бытия являются открытость миру и отсутствие жесткой связи человека с природой, к-рая «одухотворяется» в его проекте.

В совр. социологии проблема деятельности все более утверждается в качестве проблемы, конституирующей предмет социологии. Напр., М. Вебер определяет социологию «как науку, которая истолковывая социальное действие, хочет понять и причинно объяснить его ход и его воздействия» («*Wirtschaft und Gesellschaft*», Tüb., 1922, S. 1). Действие понимается как определ. социальное отношение, а существо его усматривается в том, что оно осмыслено и отнесено к отношению другого человека, ориентировано не на объект, а на другой субъект. Все социальные образования — различные институты и т. д. — М. Вебер пытается свести к деятельности индивидов. «Такими понятиями, как государство, сообщество, феодализм, и родственными категориями социология обозначает определенные виды человеческого совместного действия, и, следовательно, ее задача состоит в том, чтобы свести их к осмысленным действиям, что означает без исключения свести их к действиям участвующих отдельных индивидов» (*Schriften zur theoretischen Soziologie...*, Fr./M., 1947, S. 102). Борьба против *бихевиоризма*, М. Вебер подчеркивает, что деятельность человека нельзя понять, исходя из схемы стимул-реакция, элиминирующей факт сознательного отношения индивида к действительности. Он вычленяет след. типы деятельности: 1) традиц. действие, следующее принятым шаблонам и целиком определяющееся привычкой к этому действию; 2) аффективное действие, обусловленное чувствами и эмоциями; 3) ценностно-рациональное действие, ориентирующееся на ценность, исходящее из уверенности в безусловной значимости этой ценности, направленное на исполнение приказов и требований и не размышляющее о своих собств. результатах; 4) рациональное, целесообразное действие, ставящее перед собой цель и достигающее ее с помощью различных средств. Противопоставление М. Вебером цели и ценности и соответствующих действий было еще более резко проведено Парсонсом. Различая в человек. деятельности момент условий и нормативный элемент, Парсонс полагает, что именно ориентация на социальную норму является сущест. чертой действия человека (см. Т. Parsons, *Beiträge zur soziologischen Theorie*, Neuwied, 1964, S. 11). Осн. интерес всей совр. бурж. социологии, критикующей биологизм и бихевиоризм в социальных науках, сосредоточен на исследовании индивида, действующего внутри данного ему социального окружения, на изучении структуры индивидуального действия — его цели, компонентов, аспираций, способов ориентации и т. д. Однако при этом социальное существо деятельности рассматривается как данное извне, социология превращается в своего рода терапевтич. науку, к-рая исследует способы наилучшего подключения индивида к уже сложившимся обществ. институтам, а сама деятельность, исследуемая в ее лишь определенной (а не всеобщей) форме, приобретает волюнтаристский и телеологич. характер: «Действие в этой полученной границе необходимо структурировано в своем течении „нормативной“, „телеологической“ или может быть лучше сказать „волюнтаристической“ системой координат или доминант» (там же, S. 52).

В концепции Сартра П. трактуется через призму экзистенциалистского понимания человека и анализ поведения человека внутри социальной группы, а также активности самой группы. Включая в свой вариант экзистенциализма социологич. анализ, Сартр напол-

няет историч. содержанием свою исходную т. зр. и в этой связи высоко оценивает марксизм как первую теорию, имеющую в качестве своего предмета деятельность внутри определ. социальной группы (см. «*Critique de la raison dialectique*», v. 1, P., 1960, p. 17, 28, 32, 107). Исходным в понимании Сартром П. является П. отдельного индивида, а вся социальная предметность и сама история есть следствие деятельности индивидов. Так истолкованная П. есть единство интериоризации (когда человек в своей деятельности пронизывает неорганическую, инертную материю своим замыслом) и экстериоризации (когда человек в своей деятельности обнаруживает свои способности и превращает себя в материальную, инертную силу, чтобы преобразовать инертную материю). Сущность П., по Сартру, коренится в наличии у человека замысла, проекта, на основе к-рого преобразуется материальность. Проект основывается на продолжении наличных обстоятельств и свидетельствует о свободе человека, осуществляющего выбор из нек-рых возможностей. П. обладает атрибутом универсальности (тотализации), т. к. в ней формируется и отражается целостность историч. процесса, и атрибутом интеллигентности, т. к. человек может сделать предметом размышления любые свои действия. Человек. существование есть единство теории и П.: любое практич. действие есть обнаружение определ. понимания, а теория есть форма рефлексии П. Отношения между человеком и историч. процессом опосредуются социальной группой; в этой связи Сартр специально рассматривает деятельность человека внутри группы и деятельность самой группы, проводит различие между пассивным коллективом и активной группой. П. коллектива — это П. отчуждающегося объективирования, а человек есть лишь исполнитель частичной функции, навязываемой ему институтом; в такой П. человек обличивается. Этой П. противопоставляется подлинная П. — индивидуальная П. и активное действие (общая П.); такая П. воплощается в революц. группе, где человек является субъектом историч. процесса и один с другими людьми.

В концепции Сартра не находит разрешения сущест. противоречие: то ли сама история как субъект конституирует тотальность, то ли противоречие между индивидуальной П. и историч. процессом непреодолимо, и тогда история не обладает никаким онтологич. статусом. Сартр исходит из индивидуальной П., движение к-рой обусловлено антропологич. особенностями человека — чувством нужды и пр.

Проблема П. в марксистской философии. Концепция деятельности и ее форм, развиваемая Марксом и Энгельсом в классич. произведениях, кристаллизовалась по мере становления их экономической, социологич. и филос. теории, по мере включения их в рабочее движение. Изменение оценки П., ее существа и роли является предпосылкой и условием того революц. переворота в философии, к-рый был совершен Марксом и Энгельсом. Формулирование диалектико-материалистич. концепции П., начатое ими еще в ранних работах, было завершено в «Немецкой идеологии», «Тезисах о Фейербахе» и «Манифесте Коммунистической партии». Дальнейшее развитие этой концепции осуществляется в работах 50—60-х гг. — «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie», «Капитале», «Анти-Дюринге» и др.

Крупный вклад в развитие диалектико-материалистич. концепции П. внес Ленин. Он подчеркнул, что П. человека и человек. истории составляет узловой пункт марксистской теории (см. Соч., т. 38, с. 275). Включение П. в теорию познания, как неоднократно замечает Ленин, коренным образом изменило философию. Ленин показал, что деятельность человека есть одна из форм объективного процесса: «2 формы

объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека» (там же, с. 179). Специфика второй формы связана с тем, что человек подчиняет своей воле и своим целям не удовлетворяющие его предметы природы. «...Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его» (там же, с. 205). Преобразуя природу, человек создает новую, «человеческую» природу, в которой снята определенность естеств. природы. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность...» (там же, с. 210). П. и является специфически человеческой, социальной формой освоения и преобразования природы и обществ. бытия. «...Вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» (там же, т. 32, с. 72). Ленину принадлежит тезис о том, что подлинно революционной может быть лишь П., вооруженная теорией. П. воплощающая в себе богатство теоретич. развития, может служить критерием объективности нашего знания, показателем того, насколько в теории выявлена мера предмета, вовлеченного в орбиту человек. деятельности. Критикуя субъективно-идеалистич. интерпретацию практич. деятельности махистами, к-рые выносят критерий П. «...за пределы науки, за пределы теории познания» (там же, т. 14, с. 126), Ленин показал неразрывную связь науки и П., познания и материальной деятельности. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...» (там же, с. 177).

Сущность П. и ее взаимоотношение с теорией. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс определяет П. как «человеческую чувственную деятельность», «предметную деятельность», «человечески-чувственную деятельность», выделяя в качестве осн. признака практич. деятельности непосредственное чувств. изменение предмета во взаимодействии человека и предмета природы (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 1, 2). П. является основанием всех остальных форм жизнедеятельности «...люди никоим образом не начинают с того, что, стоя в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а к т и в н о д е й с т в о в а т ь, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности (Маркс К., там же, т. 19, с. 377). Практич. отношение к природе воплощается в производстве, а теоретическое — в естествознании (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, там же, т. 2, с. 166). «Люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления» (там же, т. 3, с. 25). Относит. самостоятельность духовной деятельности, к-рую Маркс и Энгельс подчеркивали в «Капитале», «Теориях прибавочной стоимости», в письмах и т. д., означает не независимость теории от П., а лишь то, что связь между ними не прямолинейна, что она сложна и различна в различных формах сознания и на разных этапах истории. Категория П. тесно связана с такими категориями, как деятельность, труд, произ-во в его различных формах. Но в системе этих категорий она занимает специфич. место, раскрывая деятельность общества с особой т. зр. Если труд фиксирует деятельность индивида (в ее различных формах — и чувственно-материальной, и духовной) как субъекта экономич. отношений, то П. — это чувст-

венно-материальная деятельность, взятая в ее совокупно-обществ. форме. Труд, в его наиболее всеобщей и безразличной к индивидуальности рабочего форме, т. е. труд наемного рабочего, есть П. пром. произ-ва в условиях разделения труда и частной собственности. Критикуя бурж. политэкономии, Маркс и Энгельс показывают, что она понимает человека как homo oeconomicus, а его деятельность как труд, т. е. как «отрицательную форму самодеятельности» (см. там же, с. 67).

Структура П., как и всех др. форм деятельности, раскрывается в категориях *опредмечивания и распределмечивания*.

Осн. моменты практич. деятельности. П. есть целевое отношение человека. Моменты этого отношения — цель, средство деятельности, предмет и продукт практич. деятельности, сам процесс деятельности. Человек. отношение к предметам природы опосредовано орудием, средством труда. Средство труда находится в единстве с целью человек. деятельности и с ее предметом. В результате деятельности цель реализуется, материализуется, и возникает новый предмет, к-рый ранее не существовал и в к-ром опредмечены способности человека. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» (Маркс К., там же, т. 23, с. 189). П. как целесообразная деятельность, как сознат. деятельность человека, формирующего предмет, есть специфич. форма причинного отношения.

Универсальность как характеристика практич. отношения к миру. Если для Гегеля человек есть самосознание и его универсальность — это всеобщность теоретически-духовного освоения мира, то Маркс исходит из того, что человек является предметно-чувств. существом. Именно поэтому и его деятельность есть деятельность предметная. Существо, наделенное и одаренное предметными, материальными сущностными силами, может выразить их только предметным образом. «Предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только творит потому или полагает предметы, что само оно полагается предметами и что оно с самого начала есть природ» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 630). Потребности человека как природно-телесного существа суть предметные потребности, предметные сущностные силы человека и предполагают существование предмета вне человека. Но эти характеристики еще не выражают специфику собственно человек. отношения к миру, они присущи как животному, так и человеку. Специфика человек. отношения к миру состоит в обществ. характере деятельности, активно-преобразоват. отношении к природе. Человек, как и животное, живет природой, удовлетворяя свои чувственно-материальные потребности. И животное, и человек активны в своем отношении к природе. Но животное активно лишь по отношению к тем св-вам предмета, к-рые адекватны его биологич. потребностям как потребностям вида, видового существа. Человек же в своей деятельности превращает природу в свое неорганич. тело, в лабораторию своего произ-ва. В деятельности он возвышается над своими потребностями индивидуального, видового существа, осваивая природу как родовое, общественно-развитое существо (см. там же, с. 565). Все формы активности животного определены его наследственно-биологич. организацией, поэтому оно не может выделяться из природного мира, противопоставить себе предмет и осознать свое отличие от предметного мира. Если для человека предмет обладает

своей структурой и логикой, независимой от деятельности субъекта, то для животного мир его потребностей не дифференцирован от самого предмета (см. там же, с. 566). Для человека «окружающий мир» обладает характеристикой универсальности, в силу тенденции к универсальности П., в силу развития его обществ. потребностей и целей, универс. развития производит. сил человека и универс. общения людей. Универсальность П. опирается на процесс расширения сферы предметов, вовлекаемых в орбиту человек. деятельности, процесс, возможный лишь потому, что сам человек является родовым, обществ. существом, а его деят. обнаружение своих способностей есть обществ. жизнь. В этом смысле история общества совпадает с освоением предметного мира человеком, с превращением природы в неорганич. тело обществ. произ-ва.

П р а к т и ч. д е я т е л ь н о с т ь и п р и р о д а. П. есть обществ. процесс изменения, преобразования материального мира в мир социальной предметности, в мир культуры, очеловеченный мир. Маркс подчеркивает, что человек как социально-развитая, родовая сущность есть вместе с тем универсально-всеобщая сила самой природы. Веществу природы человек «... сам противопоставит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время меняет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 188—89). Вовлекая предмет в орбиту своей деятельности, человек осваивает присущую самому предмету меру, осваивает его логику. Тем самым он превращает характеристики природного мира в определения своей деятельности. В подлинно человек. деятельности реализуется единство природной и человек. действительности. Именно в такой деятельности осуществляется гуманизация природы и натурализация самого человека. П. составляет сущность того предметного мира, к-рый окружает человека (см. там же, т. 3, с. 42—44 и т. 23, с. 192). История, творимая руками и головой человека, и природа, независимая от самого человека, едины; в историч. процессе и совершается та натурализация человека, к-рую прежние мыслители переносили в вымышленное естеств. состояние человека. Именно связь с практич. деятельностью человека, с процессом историч. освоения природы определяет единство естественных и социальных наук.

Деятельность субстанциальна, поскольку в ней человек движется по законам субстанции деятельности — природы. И вместе с тем деятельность субъективна, поскольку она является активностью субъекта, деятельным обнаружением его способностей, преобразованием предметов природы в мир культуры. В человек. деятельности природа как бы возвращается к самой себе (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., с. 565). Характеристики самой субстанции превращаются в деятельности в характеристики субъекта, в деятельные силы самого человека, его продуктивные предметные способности. Человек вбирает в себя и излучает из себя все природные силы, превращая законы природы в законы своей деятельности (см. там же, с. 630).

Г у м а н и з а ц и я с а м о г о ч е л о в е к а в д е я т е л ь н о с т и. В деятельности человек формирует себя как творца предметного мира, создает свои творч. способности. В начале своей истории человек воспринимает предмет односторонне прагматически, утилитарно. Лишь по мере освоения предмета, по мере углубления практич. отношения к миру, расширения

мира культуры человек преодолевает односторонне-практич. отношение к миру, воссоздает предмет в его конкретности; одновременно развиваются и все более ясно осознаются ценностные основания деятельности, прежде всего — ее цели и идеалы. С этим связано превращение практич. отношения в теоретическое, или, точнее говоря, утилитарно-прагматического в духовно-практическое. В обществе частной собственности, господства отчуждения и разделения труда все чувства человека извращаются, а его отношение к миру замещается утилитарно-прагматическим; здесь, т. о., вновь возрождается животное отношение к предмету (см. там же, с. 594). Преодоление отчуждения, частной собственности создает объективную возможность того, что человек будет по-человечески относиться к созданному им богатству человек. культуры (см. там же, с. 592). Подлинно человек. отношение к вещи, т. е. отношение, воссоздающее ее конкретность и целостность, возможно лишь в том случае, если человек относится по-человечески к другим людям. Богатство человек. отношений преодолевает прагматич. отношение человека к природе и к миру культуры, создает богатство человек. отношения к природе.

Ф о р м ы П. Мера освоения предмета выражается в формах П., соответствующих тому или иному периоду истории человечества и показывающих, каким образом задается предмет в человек. деятельности. Уровень освоения предмета определяет форму взаимосвязи между предметно-чувственной и познават. деятельностью. Основания для классификации форм П. могут быть различными. Напр., можно классифицировать П. по сферам жизнедеятельности человека. В таком случае выделяются: 1) П. в сфере экон. жизни, прежде всего — материальное произ-во как основа существования и развития общества; 2) П. в сфере *политики*, высшей формой к-рой является классовая борьба, социальная революция. Можно положить в основание типологии форм П. деятельность человека внутри различных уровней социальной структуры: 1) практич. действие внутри социальной группы, 2) П. самой социальной группы, 3) П. человека внутри социального института, 4) П. класса, воля к-рого воплощается в активности политич. институтов (гос-ва, партии и др.). Все эти формы П. являются предметом спец. изучения в *марксизм-ленинизме*, обобщающем П. классовой борьбы и социальных революций, П. построения коммунистич. общества и отыскивающим на основе этого обобщения наиболее эффективные формы и способы реализации задачи коммунистич. переустройства общества.

С т. зр. филос. анализа в качестве основания для классификации форм П. можно взять отношение П. и теории. С этой т. зр. первой формой П. (Praktik) является внешняя деятельность человека, совпадающая с его социальным поведением, с повседневным существованием, с ориентацией на *нормы социальные* — нравственные, политические и др. Эта форма П. по типу своего осуществления может быть: 1) традиционной, слепо повинующейся привычным формам деятельности, приобретшим вещный, институционализованный характер; 2) ориентирующей на ценности (причем в данном случае превращенная форма практич. отношения к миру не позволяет освоить предмет ни реально, ни идеально); 3) рациональной, т. е. выдвигающей перед собой определ. цель, осуществляющую ее и основывающуюся на обобщенном постижении характеристик предмета.

Вторая форма П. — собственно материальная деятельность, базирующаяся на эмпирически-практич. опыте. Здесь П. совпадает с практич. опытом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 19, с. 377—78 и т. 23, с. 391, 443). Знание, соответствующее этой

форме П., оформляет опыт в виде системы операций с объектом. Такое знание существует только в форме цели. Практич. отношение человека к миру предстает в данном случае как сумма умений, специализированных навыков.

Третьей формой П. (Praxis) является П. в единстве с науч. знанием. Она основывается на теоретич. постижении предмета, выступает как целостность деятельных операций, адекватных структуре предмета, выявленной в теории. Эта форма развивается вместе с возникновением крупного машинного производства. Выступая «в качестве машины, средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирически рутинных приемов — сознательным применением естествознания» (Маркс К., там же, т. 23, с. 397). Наука как всеобщая деятельность человек. разума (см. там же, т. 25, ч. 1, с. 116) раскрывает предмет в его всеобщих и необходимых характеристиках, в его целостности. Практич. деятельность основывается на науч. теории, к-рая постигает обобщенные характеристики предмета и представляет их в качестве целей деятельности. Эти идеальн-полагаемые цели объективируются в способах и методах практич. деятельности. Тем самым операции, из системы к-рых состоит деятельность, приобретают обобщенно-теоретич. форму. При анализе П. необходимо учитывать не только то, в какой мере она основывается на теории, но и то, как и на какие гуманистич. ценности она ориентируется. П. всегда выражает не только определ. уровень науч. знания, но и те реальные цели, к-рые ставят в деятельности человек и общество. Поэтому высшая форма П. предполагает критич. отношение к наличным формам социальной жизни, формирование и воплощение целей и идеалов, к-рые ставят перед собой человек, социальная группа, класс, общество в целом. В противном случае П. может превратиться в силу, разрушающую человек. связи и подавляющую личность.

Преодоление разрыва между теорией и П. осуществляется двояким путем: с одной стороны, совр. наука все более строится по типу материального производства, включает в себя различные предметно-чувств. формы деятельности, причем эти формы (эксперимент, предметное и знаковое моделирование и др.) включаются в нее как основные, а не только как вспомогательные; с др. стороны — сама практич. деятельность все более и более воплощает в себе достижения науки. Процесс производства, предметно-чувств. деятельность превращается в технологич. применение науки. Средства труда и продукты деятельности воплощают в себе развитие высших форм науч. теории. П., возвысившаяся до уровня теории и включающая ее в себя как момент, является высшей формой человек. отношения к миру. В ней преодолеваются и ограниченность теоретич. деятельности, не обладающей характеристикой непосредств. действительности, и односторонность собственно материальной деятельности, не имеющей, в отличие от теории, достоинства всеобщности (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 205). Спецификой этой формы П. является то, что она так или иначе опирается на знаковые средства. В знаковых системах чувственно-материальным образом воплощаются результаты и достижения человек. знания. Знаковая деятельность опосредовано связана с предметом. Знак репрезентирует, представляет объект, включенный в орбиту человек. деятельности. Не фетишизируя роль знаковых систем и рассматривая их в связи с различными формами предметной деятельности человека, можно понять знаковую деятельность как одну из существ. характеристик познават. процесса, к-рая помогает преодолеть непосредственно-чувств. отношение к предмету, выявить его в богатстве отно-

шений с другими предметами. По мере развития общества и усложнения форм деятельности отношения между теорией и П. становятся все более опосредованными: развитие форм деятельности есть одновременно становление новых и новых уровней П., а появление каждого нового уровня означает и вместе с тем требует его теоретич. осмысления, что снова порождает новый уровень П. и т. д. Различные уровни теории по-разному связаны с П., по-разному воплощаются в предметно-чувств. деятельности. Высшие этажи науки — ее фундамент. теории — взаимодействуют с П., с производством очень опосредованно.

Лит.: Проблема П. в марксистской философии. Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), М., 1933; т. IV, М., 1935; Деборин А., Маркс и Гегель, «ИЗМ», 1923, № 8—9, № 10; 1924, № 3; его же, Очерки по истории диалектики, в кн.: Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, М., 1924, кн. 3, М.—Л., 1927; Асмус В. Ф., Очерки истории диалектики в новой философии, [2 изд.], М.—Л., 1930; его же, Маркс и бурж. историзм, М.—Л., 1933; его же, Соотношение П. и теории в философии Ф. Бокона, «ФН» (ИДВШ), 1961, № 4; Иванов А. И., В. И. Ленин о П., «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», 1957, т. 60; Соловьев Э. Ю., Разделял ли Гегель трудовую теорию стоимости, «ВФ», 1959, № 3; Огурцов А. П., Проблема труда в философии Гегеля, «Науч. труды Моск. технол. ин-та легкой промышленности», 1960, сб. 15; П.— критерий истины в науке, [Сб. ст.], М., 1960; Скворцов Л. В., В. И. Ленин о единстве познания и П., М., 1961; Якушевский И. Т., П. и ее роль в процессе познания, М., 1961; Гайденко П. П., Проблема труда в «Реальной философии» Гегеля, в кн.: Сб. работ аспирантов и студентов филос. ф-та МГУ, М., 1962, с. 21—39; Ойзерман И. И., Философия Фихте, М., 1962; «Dtsch. Z. Philos.», 1962—63 (Дискуссия о соотношении теории и П.); Иванов Б. Н., Определение и осн. формы П., «Уч. зап. Пензенского пед. ин-та», 1964, т. 1(11); Кузьмина А. А., Категория причинности и П., М., 1964; Рожакель И. Т., Целенаправленный характер человек. деятельности. Понятие П., в сб.: Проблемы марксистско-ленинской философии. Ст. венг. авторов, М., 1965; Маркш Д., Гносеологич. взгляды молодого Маркса, там же; Лекторский В. А., Проблема субъекта и объекта в классич. и совр. бурж. философии, М., 1965; Неопубл. рукописи С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», «ВФ», 1966, № 7; Томов К., Познание и П., С., 1960; Lukács G., Der junge Hegel, Z., [1948]; Mattiencioni, A. Gramsci e la filosofia della prassi, Mil., 1951; Colletti L., L'unità di teoria e pratica e il metodo della scienza, «Società», 1953, № 4, p. 495—530; Verdental R., La conception marxiste de la «praxis», «La Pensée», 1953, № 57; Prestipino G., La dialettica materialistica e le categorie della prassi, Messina — Firenze, [1957]; Preti L., Praxis ed empirismo, [Torino], 1957; Kofler L., Das Prinzip der Arbeit in der Marxismen und in der Gehlenschen Anthropologie, «Smollers Jahrbuch für Gesetzgebung», 1958, Jg. 78, H. 1; Rossi M., Teoria e prassi, «Rinascita», 1962, № 17; Petrović G., Sovjek kao ekonomska životinja i sovjek kao praksa, «Naše teme», 1962, № 1, s. 29—61; Bošnjak B., Ime i pojam praxis, «Praxis», 1961, № 1; Grlić D., Praksa i dogma, там же; Kangrga M., Praksa i kritika, там же, 1965, № 2; Vranicki P., Nekoliko misli o humanitetu u teoriji i historijskoj praksi, там же, № 6; Wächter W., Die Ausarbeitung der materialistischen Praxisauffassung durch K. Marx nach seiner praktischen-politischen Tätigkeit an der Rheinischen Zeitung, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität», 1963, Jg. 12, H. 11, S. 55—69; его же, Zur Praxisproblematik bei K. Marx bis zum Abschluß der Dissertationsschrift, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», 1963, Jg. 12, H. 3, S. 415—25; Opitz H., Die Praxis als zentrale Kategorie der materialistischen Gesellschaftstheorie, «Dtsch. Z. Philos.», 1966, Jg. 14, H. 4.

Проблема П. в истории домарксистской философии. Трубецкой Е., Социальная утопия Платона, М., 1908; Вышеславцев Б., Этика Фихте, М., 1914; Железнов В. Я., Экономич. мировоззрения др. греков, М., 1916; Лосев А. Ф., Очерки антич. символизма и мифологии, М., 1930; Walter J., Die Lehre von der praktischen Vernunft in der griechischen Philosophie, Jena, 1874; Aymard A., Hiérarchie du travail et anticléricalité individuelle dans le Grèce archaïque, «Revue d'Histoire de la philosophie et d'histoire générale de la civilisation», 1943, p. 124—46; его же, L'idée de travail dans le Grèce archaïque, «Journal de Psychologie», 1948, p. 29—45; Vernant J. P., Mythe et pensée chez les grecs. Etudes de psychologie historique, P., 1965; Dubsky I., Hegels Arbeitsbegriff und die idealistische Dialektik, [Praha], 1961; Stücker H., Philosophie der Tat, Stuttgart., 1963.

Проблема П. в совр. бурж. философии: Jensen J., Thun und Handeln, B., 1878; Rohan K. J., Die richtige Ansicht über die Entstehung der menschlichen Handlungen, Prag, 1916; Bondel M., L'action, P., 1949; Villien J., L'être et le travail, P., 1949; Reiner H., Freiheit, Wollen und Aktivität, Halle/S., 1927; Vialatoux J., Signification humaine du travail, P., 1953; Gottier M. M.,

La philosophie de la praxis. La commentaire de G. Gentile aux «Thèses sur Feuerbach», «Revue Thomiste», 1955, t. 55, № 4, p. 582; N a v i l l e P., Le nouveau Leviathan, I. De l'allénation à la jouissance. La genèse de la sociologie du travail chez Marx et Engels, P., 1957; A r e n d t H., The human condition, Chi., 1958. е е ж е, Der Mensch und die Arbeit, «Merker», 1960, Jg. 11, H. 8; C h a t e l e t F., Logos et praxis. Recherches sur la signification théorique du marxisme, P., 1960; F r i e d m a n G. et N a v i l l e P., Traité de sociologie du travail, v. 1—2, P., 1961—62; A r v o n C., La philosophie du travail, P., 1961; N e u b a u e r F., Die Bedeutung der Praxis in den Schriften von Marx und Engels, «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie», 1961, Bd 47, H. 1—2, S. 79—91; S e h m i d t A., Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx, Fr./M., 1962; R ö t t s c h e r Th., Theorie und Praxis in den Frühschriften von K. Marx, «Archiv für Philosophie», 1961—62, Bd 11, № 3—4, S. 246—311; C h a m l e y P., Economie politique et philosophie chez Steuart et Hegel, Bonn, 1963; L i m S o k - Z i n, Der Begriff der Arbeit bei Hegel, Bonn, 1963; Z e t t e r b e r g H. L., Das Verhältnis von Theorie und Praxis bei K. Marx, «Soziale Welt», 1963, Jg. 15, S. 260—78. А. Огурцов. Москва.

ПРАМОНОТЕИЗМ (первобытное единобожие) — ложная клерикальная теория происхождения религии, согласно к-рой религия началась с почитания единого бога. Теория П., в основе к-рой лежит библейский рассказ о сотворении человека богом и идея «первобытного откровения», до недавнего времени держалась лишь на авторитете церкви и не имела никакого отношения к науке. Но в 19 в. успехи прогрессивной науки, подрывавшие основы церк. традиции, побудили защитников религии научно обосновать идею П. В 1873 рус. философ-идеалист Влад. Соловьев попытался доказать исконность *монотеизма* и его позднейшее искажение на примере древней индоевроп. мифологии (см. «Мифологический процесс в древнем язычестве»). В 1898 англ. фольклорист Э. Лэнг в своей книге «Делание религии» указал на то, что у мн. отсталых народов есть вера в верховное небесное божество, и предположил, что это — один из корней религии. За выводы Лэнга ухватились католич. ученые во главе с венским этнографом патером В. Шмидтом (см. *Культурно-историческая школа*). В своем 12-томном труде «Происхождение идеи бога» (W. Schmidt, *Der Ursprung der Gottesidee*, Bd 1—12, Münster, 1912—55) и во многих более мелких работах Шмидт старательно подбирает факты из мифологии всех частей света, говорящие будто бы о том, что древнейшим религ. представлением было представление о едином небесном боге, строго этнич. образ к-рого был лишен мифологич. элементов; это представление якобы сохранилось у наиболее «древних» племен — пигмеев, австралийцев и др., и было искажено позднейшими мифологич. наслоениями («соларная» и «лунарная» мифология), а также привнесенными в него анимистич., тотемич., магич. и др. верованиями. Т. о., согласно Шмидту, данные науки якобы подтверждают библейский рассказ об «откровении». Однако критич. разбор трудов Шмидта и его последователей показывает, что вся теория П. построена на произвольном истолковании фактов, на необъективном подборе источников. В действительности идея небесного бога-творца — сравнительно более позднее явление в истории религии.

Лит.: Лукачевский А., Происхождение религии, 2 изд., М., 1930; Крыжелев И. И., Крушение теории П., «ВФ», 1960, № 7; Токарев С. А., Религия в истории народов мира, М., 1964; L a n g A., The making of religion, 2 ed., L., 1900; S c h m i d t W., Die Offenbarung als Anfang der Offenbarungen Gottes, Münch., [1921]. С. Токарев. Москва.

ПРАТТ (Pratt), Джеймс Биссет (22 июня 1875—15 янв. 1944) — амер. философ, историк религии и педагог, один из основателей амер. *критического реализма*. П. подчеркивал опосредствованный характер познания, соотносящегося с «независимым и общим объектом, в который верят здравый смысл и вся реалистическая философия» («Critical realism and the possibility of knowledge», см. «Essays in critical realism», L., 1920, p. 96). Этот независимый, т. е. физич. объект, согласно П., недоступен нашему познанию,

к-рому непосредственно даны лишь «качественные группы» или «данные», понимаемые как сочетание чувственных качеств и «значимости», т. е. относительности к объекту. Отвергнув субъективизм *прагматизма* и псевдообъективизм *неореализма*, отождествляющих объект с содержанием сознания, П. переходит к умеренному *агностицизму*: не данные нам непосредственно, физич. объекты все же «существуют в одном с нами мире и постоянно на нас воздействуют и испытывают наше воздействие в реальных причинных связях» (там же, p. 110). В дальнейшем для объяснения своеобразия «данного» по сравнению с объектом П. ввел фактор деятельности «души», или «Я», как основы организации знания. В книге «Материя и дух» («Matter and Spirit», N. Y., 1922) П. признает субстанциальность «души», орудием к-рой является тело. Это явление шагом к религ. или персоналистич. «реализму», развитому П. в работе «Персоналистический реализм» («Personal realism», N. Y., 1937). Будучи сплавом элементов критич. реализма, *персонализма* и теории *эмерджентной эволюции*, персоналистич. реализм П. трактует мир как совокупность «личностей» разного уровня развития, сливающихся в «космическом Я» или «мировой душе». Вселенная, согласно П., органична, целесообразна и проникнута творч. потенциами.

П. занимался историей, психологией и социологией религии, оказав большое влияние на разработку этих дисциплин в США. Он рассматривал религ. верования как историч. образования, однако считал, что религия, как неустранимое стремление человека постичь «высшую реальность» и выразить свою эмоц. оценку ее, вечна.

Соч.: The psychology of religious belief, N. Y., 1907; India and its faiths, Boston, 1915; Democracy and peace, Boston, 1916; The religions consciousness, N. Y., 1920; The pilgrimage of Buddhisam and Buddhist pilgrimage, N. Y., 1928; Adventures in philosophy and religion, N. Y., 1934; Naturalism, New Haven, 1939; Why religions die, «University of California publications in philosophy», 1940, v. 16, № 5; Can we keep the faith?, New Haven, 1941.

Лит.: К в и т к о Д. Ю., Очерки совр. англо-амер. философии, М.—Л., 1963, гл. 4; Совр. философия и социология в странах Зап. Европы и Америки, М., 1964, с. 329—32, 338; Б о г о м о л о в А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964. А. Богомолов. Москва.

ПРЕАНИМИЗМ (от лат. praе — перед и анимизм) — условное обозначение ранней стадии религ. верований в бурж. теориях происхождения религии, возникших в нач. 20 в. В противоположность анимистич. теории, согласно к-рой начало религии связано с верой в духов и души, сторонники П.— К. Прейс, А. Фиркандт и в особенности Р. Маретт, не будучи объединены одной общей концепцией происхождения религии, утверждали, что вере в души и духов предшествовала вера в безличную сверхъестеств. силу. См. *Аниматизм*.

Лит.: Лукачевский А., Происхождение религии, 2 изд., М., 1930; Э н ш л е п Ш., Происхождение религии, пер. с франц., М., 1954; Т о к а р е в С. А., Ранние формы религии и их развитие, М., 1964; V i e r k a n d t A., Die Anfänge der Religion und Zauberei, «Globus», 1907, Bd 92, № 2—4; M a r e t t R., The threshold of religion, 2 ed., L., 1914; P r e u b K., Die geistige Kultur der Naturvölker, 2 Aufl., Lpz., 1923. С. Токарев. Москва.

ПРЕВРАЩЕНИЕ в *силлогистике* — операция преобразования формы суждения, состоящая в замене термина сказуемого (предиката) на дополнительный к нему термин (т. е. *P* на не-*P* и наоборот для произвольного предиката *P*; о понятии *дополнения* в логике см. *Область предметов*) и в одновременном изменении логич. отношений, связывающих терминный (субъект и предикат) этого суждения согласно след. *правилам*: 1) «От истинного суждения вида „Все *S* суть *P*“ можно перейти к также истинному суждению вида „Ни одно *S* не есть не-*P*“ и наоборот»; 2) «От истинного суждения вида „Ни одно *S* не есть *P*“ можно перейти к также истинному суждению вида „Все *S* суть не-*P*“ и наоборот»; 3) «От истинного суждения вида

„Нек-рые S суть P “ можно перейти к также истинному суждению вида „Нек-рые S не суть не- P “ и наоборот»; 4) «От истинного суждения вида „Нек-рые S не суть P “ можно перейти к также истинному суждению вида „Нек-рые S суть не- P “ и наоборот». Операция П. (лат. *obversio*) обычно рассматривается как *непосредственное умозаключение*.

Лит.: Челпанов Г. И., Учебник логики, М., 1946, с. 60; Z i e m b i a s k i Z., Logika praktyczna, Warsz., 1965, s. 191—92. А. Ветров, М. Новоселов. Москва.

ПРЕДВАРЕННАЯ ФОРМА — нормальная форма представления формул предикатов исчисления, имеющая (в общем случае) вид:

$$Q_1x_1 Q_2x_2 \dots Q_nx_n (\dots), \quad (*)$$

где Q_i ($0 \leq i \leq n$) — квантор общности (\forall) или существования (\exists); (...) — формула, не содержащая кванторов и находящаяся в области действия каждого Q_i ; а x_1, x_2, \dots, x_n — попарно различные переменные, каждая из к-рых по крайней мере один раз входит в (...) свободно [при этом (...), наз. матрицей, может содержать и др. свободные переменные]. Выражение $Q_1x_1 Q_2x_2 \dots Q_nx_n$, стоящее перед (...), наз. приставкой, или префиксом. В классич. исчислении предикатов доказывается след. метатеорема: «Для каждой формулы A исчисления предикатов существует (может быть найдена средствами этого исчисления) формула B формы (*) (являющаяся, т. о., П. ф. формулы A) такая, что $A \sim B$ ». Доказательство этой метатеоремы вытекает непосредственно из способа построения П. ф., к-рый основан на использовании нек-рых выводимых в исчислении предикатов эквивалентностей, в частности (для классич. случая): 1) $\neg \exists x A(x) \sim \forall x \neg A(x)$, 2) $\neg \forall x A(x) \sim \exists x \neg A(x)$, к-рые позволяют отрицание всякой формулы переносить в ее подкванторную часть; эквивалентностей:

- 3) $A \vee \forall x B(x) \sim \forall x (A \vee B(x))$
- 4) $A \& \forall x B(x) \sim \forall x (A \& B(x))$
- 5) $A \supset \forall x B(x) \sim \forall x (A \supset B(x))$
- 6) $\exists x B(x) \supset A \sim \forall x (B(x) \supset A)$
- 7) $A \& \exists x B(x) \sim \exists x (A \& B(x))$
- 8) $A \vee \exists x B(x) \sim \exists x (A \vee B(x))$
- 9) $A \supset \exists x B(x) \sim \exists x (A \supset B(x))$
- 10) $\forall x B(x) \supset A \sim \exists x (B(x) \supset A)$,

в к-рых A не содержит свободных вхождений переменной x ; а также 11) $\forall x A(x) \sim \forall y A(y)$ и 12) $\exists x A(x) \sim \exists y A(y)$ (или правил переименования связанных переменных) и *дистрибутивности законов для \forall и \exists* . Возможность представления каждой формулы исчисления предикатов в П. ф. существенно облегчает рассмотрение вопросов, связанных с его разрешением проблемой. Особенно полезным в этом отношении является результат *Сколема*, позволяющий свести рассмотрение вопроса о выполнимости [общезначимости] произвольной формулы исчисления предикатов к рассмотрению только такой ее П. ф., к-рая имеет вид: $\forall x_1 \dots \forall x_n \exists x_1 \dots \exists x_m (\dots)$ [соответственно: $\exists x_1 \dots \exists x_m \forall x_1 \dots \forall x_n (\dots)$], где n — число всех \forall , а m — число всех \exists , входящих в эту формулу (т. н. П. ф. *Сколема*). Этот результат стимулировал метатеоретич. исследования (см. *Метатеория*) в направлении поиска т. н. редукционных теорем (теорем о сведении), позволяющих выяснить возможные частные, — обусловленные как раз видом приставок П. ф., — случаи решения проблемы разрешения для логики предикатов (об этом см. J. Surányi, Reduktionstheorie des Entscheidungsproblems im Prädikatenkalkül der ersten Stufe, Bdpst, 1959).

Лит.: Гильберт Д. и Аккерман В., Основы теоретич. логики, пер. с нем., М., 1947, с. 112—17; Клин С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, с. 152—53; Новиков П. С., Элементы математич. логики, М., 1959.

гл. 3, § 9; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., М., 1960, § 39. М. Новоселов. Москва.

ПРЕДВИДЕНИЕ НАУЧНОЕ — полученное в науке знание о еще не известных в опыте или не существующих событиях, ситуациях или отд. явлениях. Различные виды П. н. вырастают из обычного предвидения, в зачаточной форме имеющегося уже в простом практич. акте первобытного человека (напр., создание запасов пищи на зиму предполагает наличие способности предвидеть, т. е. выходить за пределы непосредственно данного). С развитием мышления предвидение формируется в особую категорию сознания, особую психич. способность, к-рая, если она выступает вне пределов науки, создает и соответствующую «индустрию» (оракулы, пророки и т. д.). На базе возникновения науч. знания возникают и попытки предвидения будущих событий в опоре на эти знания, связанные гл. обр. с земледельч. работами и навигацией; иногда предвидение относится и к событиям, не имеющим непосредств. практич. значения (напр., в нач. 6 в. до н. э. Фалес предсказал солнечное затмение). Собственно П. н., основанное на знании объективных законов и являющееся имманентной чертой творч. познания, не обязательно непосредственно связанное с практич. нуждами, появляется с возникновением науки нового времени, опирающейся на пром. опыт и лабораторный эксперимент.

Можно различать два типа П. н.: знание об уже существующем, но еще не известном в опыте и знании о будущем, т. е. о том, что еще не существует, но должно возникнуть. По др. основанию различают П. н., строящееся на базе индуктивной (исторически более ранний тип) или дедуктивной техники, причем второй способ в наст. время является основным. Внутри дедуктивного способа возможны две структуры предвидения: а) гипотетико-дедуктивная, когда в нек-рой спец. теории T выделяется закон l (или совокупность законов) и по определ. правилам из этого закона получается знание S , содержащее перечень св-в, доступных эксперимент. проверке. По этой схеме Менделеев предсказал св-ва галлия на основе открытого им периодич. закона, а Дирак — существование позитрона. б) эмпирико-дедуктивная, когда на основе эмпирически установленного положения S_1 , используя закон (или серию законов) l , выполняющих роль схемы вывода, получают эмпирически проверяемое знание S_2 . По этой структуре строилось предсказание Леверье и Адамсом существования новой планеты Нептун: отклонение планеты Уран от орбиты, вычисленной на основе законов механики l , составило эмпирич. положение S_1 ; вычисление местоположения неизвестной планеты на основе законов механики l с учетом S_1 дало знание S_2 , к-рое, как известно, было тут же эмпирически подтверждено Галле.

П. н. на основе индуктивного метода носит обычно статистико-вероятностный характер и включает два осн. этапа: 1) исследование нек-рых массовых эмпирич. совокупностей в определ. пространств.-врем. интервалах и установление нек-рых общих для этих совокупностей характеристик; 2) экстраполяция полученных результатов в область будущих событий или событий, подлежащих исследованию с указанием более или менее жестких пространств.-врем. границ.

Применительно к предвидению будущего можно говорить о прогностировании и собственно предвидении или предвидении в узком смысле. С прогностированием имеют дело, когда надо регулярно, с большей или меньшей точностью предсказывать наступление или ненаступление единичных событий (вообще говоря, повторяющихся) на основе имеющихся исходных знаний.

Предвидение в узком смысле есть знание о том, что должно появиться в результате развития. При анализе

этой проблемы выделяются два осн. вопроса: 1) можно ли вообще предвидеть будущее и 2) если можно, то при каких условиях предвидение является научным.

Вопрос о возможности предвидения будущего в отчетливой форме впервые был поставлен неокантианством (в более общей форме его еще раньше рассматривал Шопенгауэр), различные представители к-рого давали на него отрицат. ответ, хотя и с различиями в аргументации. Осн. аргумент состоит в том, что история интересуется единичными событиями в их повторимом своеобразии, а поэтому П. н. в этой области не может основываться на науке, ибо наука (за образец брались точные науки) единичными явлениями как таковыми не занимается. Но поскольку потребность в предвидении остается, то при такой т. зр. независимо от желаний ее носителей, место науки должна занять вера. Практика совр. обществ. развития показывает, что П. н. применительно к будущему в обществ. жизни не только возможно, но и необходимо.

Что касается вопроса о критериях научности в П. н. применительно к будущему человечества, то в течение длит. времени такие критерии отсутствовали, хотя попытки предвидения были весьма многочисленны (утопии Платона, проекты будущего общества утопистов различных направлений). Лишь выдвинутое марксизмом материалистич. понимание истории создало возможность научно обосновать и осуществить П. н. результатов обществ. развития. Именно таким явилось предвидение неизбежности социалистич. революции и последующего коренного переустройства общества.

Лит.: Ленин В. И., О нашей революции, Соч., 4 изд., т. 33; Мезенцев В. А., Можно ли предвидеть будущее?, 2 изд., М., 1958; Баженов Л. Б., Осн. вопросы теории гипотезы, М., 1961; Васильев Ю. А., В. И. Ленин и нек-рые вопросы науч. предвидения в обществ. жизни, Минск, 1962; Копин П. В., Гипотезы и познание действительности, К., 1962; Brown G., Sprengel, Probability and scientific inference, L.—[a. o.], 1957; Barker S. F., Induction and hypothesis, Ithaca (N. Y.), [1957]; Braithwaite R. B., Scientific explanation..., N. Y., 1960; Sešić B., Logika, Beograd, 1962, s. 652—71; Alexander P., Sensationalism and scientific explanation, L.—N. Y., [1963]; Induction: some current issues. Papers by W. Ross Ashby, D. E. Berlyne [a. o.], Middletown, [1963]; Ruchlis H., Discovering scientific method, N. Y. [a. o.], 1963. А. Ракутов. Москва.

ПРЕДИКАБИЛИИ (лат. praedicabilia) — термин древнегреческой и впоследствии схоластич. логики; обозначает типы сказуемых (*предикатов*). Аристотель в «Топике» выделяет четыре (τέρας, genus), вид (εἶδος, species), собственное отличие (ἴδιον, proprium), случайное или привходящее отличие (συμβεβηκός, accidens). Порфирий во «Введении к Категориям» Аристотеля в качестве пятой П. указывает еще в п д о в о е отличие (διαφορά, differentia). Пример П. (по Порфирию): живое существо (род), человек (вид), одаренность разумом (видовое отличие), способность к юмору (собственное отличие), цвет волос или сидячее положение (привходящее отличие). В качестве предикатов, к-рые высказываются о (неединичных) классах, П. противопоставляются единичным именам, к-рые такими предикатами быть не могут. В системе аристотелевской логики понятие о П. связано с одной стороны с общей теорией категорий, а с другой — с учением об определении и делении объема понятий. Иное содержание в термин «П.» вкладывается в трансцендентальной логике Канта, к-рый определяет П. как производные понятия рассудка а priori, выводимые из нек-рых осн. и первонач. понятий — категорий (или предикаментов). Так, напр., П. силы, действия, страдания являются производными от категории причинности; П. возникновения, исчезновения, изменения — от категории модальности.

Лит.: Кант И., Критика чистого разума, СПб, 1902; Минто В., Дедуктивная и индуктивная логика, 6 изд., М., 1909; Аристотель. Категории (с приложением «Введение» Порфирия к «Категориям» Аристотеля), М., 1939; Ахма-

нов А. С., Логическое учение Аристотеля, [М., 1960]; Vidz J., Voëce et Porphyre, «Rev. belge de Philologie et d'Histoire», 1923, t. 2, Avril; Kneale W. and Kneale M., The development of logic, Oxf., 1962.

Н. И. Стяжкин, А. Л. Субботин. Москва.

ПРЕДИКАТ (лат. praedicatum) — в традиц. логике один из двух терминов суждения, а именно тот, что «сказывается» (говорится) о другом, о т. н. предмете речи (субъекте). О совр. трактовке понятия П. см. ст. Суждение. См. также ст. Функция, Предикатов исчисление, Предикатов классификации, Рекурсивные функции и предикаты и лит. к этим статьям.

ПРЕДИКАТОВ ИСЧИСЛЕНИЕ — общее название исчислений математической логики, являющихся формализацией тех разделов совр. логики, к-рые изучают субъектно-предикатную структуру предложений (высказываний), понимаемую в более широком, чем в традиц. логике, смысле: помимо теорич. свойств («одноместных» предикатов) П. и. формализует и теорию отношений («многоместных» предикатов). Оно охватывает исчисление высказываний (см. Логика высказываний), к-рое можно считать «исчислением нульместных предикатов» и строится обычно как его расширение. В основе П. и. лежит схема искусств. языка, отображающая субъектно-предикатную структуру предложений, т. е. их понятийное строение, причем, в отличие от традиционной силлогистики, субъект и предикат в П. и. принадлежат разным семантич. категориям: простые (имеющие лишь одно грамматич. сказуемое) предложения разговорного языка выражаются посредством обозначений типа $A(x)$, $B(y, z)$ и т. п., где буквы A , B и т. п. означают, каждая, нек-рое сказуемое (или предикат), а буквы x , y , z — те подлежащие или дополнения, к к-рым оно относится. Так, предложение «Николай любит Марию» может быть выражено, напр., в виде $B(y, z)$, если мы условимся обозначать предикат «любить» буквой B , а имена «Николай» и «Марию» соответственно буквами y и z . Подобно тому, как это делается в исчислении высказываний, повествовательные предложения выражаются в П. и. формулами, образуемыми по строго опред. правилам из т. н. предикатных символов вида $A(\dots)$, $B(\dots, \dots)$, $C(\dots, \dots, \dots)$ и т. п., переменных (напр., x , y, \dots) и (в нек-рых случаях) символов конкретных предметов (внелогических констант) с помощью операторов логики высказываний и кванторов всеобщности и существования, являющихся логическими константами. Напр., предложение «все любят Марию» выражается в прежних обозначениях формулой $\forall xB(x, z)$, а предложение «существует человек, к-рый любит Марию» — формулой $\exists xB(x, z)$. Переменная x выражает здесь «неопределенного» (т. е. какого угодно, любого) человека; x играет роль подлежащего в предложении «человек x любит Марию». Формулу $\exists xB(x, z)$ можно прочесть так: «существует человек x , к-рый любит Марию», для чего следует ввести условие о том, что переменной x сопоставлена предметная область (или «область изменения переменной»), состоящая из всех людей. Предложение — «все люди любят друг друга» выражается формулой $\forall x\forall yB(x, y)$, где переменная y также выражает «неопределенного» человека. Поскольку для выражений более сложных предложений может потребоваться и большее число переменных, в языке П. и. необходимо иметь неогранич. запас переменных. Чтобы избежать здесь трудностей, связанных с понятием актуальной бесконечности, можно предположить, что переменные образуют алфавит x_1, x_2, x_3, \dots и вводятся в рассмотрение по мере надобности; этот алфавит можно считать лишь потенциально бесконечным. В целях удобства можно и после этого продолжать пользоваться записью переменных в виде x, y, z и т. п., считая каждую из этих букв обознача-

нием нек-рой переменной из алфавита x_1, x_2, \dots (см. также *Квантор, Переменная*). Предметной областью всех переменных алфавита можно было бы считать класс всех мыслимых объектов; однако поскольку с понятием «всех мыслимых объектов» связан ряд трудностей (см. *Парадокс*), обычно вместо указанной области выбирается область всех объектов, рассматриваемых в некоторой теории. Для каждой конкретной теории, к которой применяется П. и., этого, как правило, достаточно. Конечно, каждый язык, получаемый по описанной выше схеме, беднее естеств. разговорного языка, хотя бы уже потому, что логич. операторы последнего не исчерпываются указанными выше и содержат, напр., модальные операторы «возможно», «необходимо» и др. Однако путем расширения круга логич. констант можно достичь достаточного в логич. отношении сближения искусств. языка П. и. с той частью естеств. языка, к-рый используется в любом конкретном тексте. (На этот путь вступает, напр., *лингвистика математическая* при создании т. н. языков-посредников, применяемых при автоматич. переводе с одного языка на другой.) Поэтому П. и. в обрисованной выше трактовке рассматривается как осн. исчисление математич. логики.

При указанном выше естественном истолковании кванторов только *замкнутые формулы* получают истолкование в качестве предложений (конечно, в предположении, что дано истолкование для каждой предикатной буквы и указана область значений каждой переменной). Но и незамкнутые формулы получают нек-рые истолкования; при этом следует различать два истолкования таких формул, соответствующие след. двум случаям: 1) случаю, когда формула $A(x)$ со свободной переменной x выражает предложение, доказанное для любого значения x ; ф-ла $A(x)$ истолковывается в этом случае так же, как и формула $\forall x A(x)$ (т. н. интерпретация всеобщности); 2) случаю, когда появление формулы $A(x)$ со свободной переменной x соответствует употреблению x в качестве нек-рого фиксированного значения этой переменной; с этим случаем мы встречаемся, когда, делая вывод из допущения, выражаемого ф-лой $\exists x A(x)$, вводим в рассмотрение «такой предмет x , для к-рого справедливо $A(x)$ »; т. к. это введение x выражается обычно словами: «допустим, что x обладает свойством A », то говорят, что тут налицо условная интерпретация (см. С. К. Клини, Введение в метаматематику, § 32). Если мы имеем дело с подобной ситуацией, то было бы очевидной ошибкой выводить из ф-лы $A(x)$ формулу $\forall x A(x)$ (если только область значений переменной x не состоит из одного единственного предмета).

Пусть со всеми переменными нек-рой формулы F связана одна и та же предметная область D . Если при нек-ром истолковании предикатных букв формулы F (как к.-л. свойств или отношений, определенных на D) и свободных переменных ф-лы F (как нек-рых предметов из D) эта ф-ла выражает высказывание, истинное в силу естественного (обычного) истолкования логич. констант, то F наз. в ы п о л н и м о й в о б л а с т и D формулой. Если это верно при любом выборе истолкования предикатных букв и свободных переменных формулы F , то F наз. о б щ е з н а ч и м о й в о б л а с т и D . Ф-ла, общезначимая для любой непустой области, наз. (просто) о б щ е з н а ч и м о й; ф-ла, общезначимая в к.-л. непустой области, называется в ы н о л и м о й.

В математич. рассуждениях область значений переменных, как правило, бесконечна (напр., область всех натуральных чисел); поэтому при истолковании формул П. и. проявляются логические трудности, связанные с понятием *математической бесконечности*. При классич. подходе к математич. логике и математике эти трудности игнорируются, и о бесконечных

областях рассуждают по тем же правилам, к-рые используются в рассуждениях о конечных областях. Квантор общности в формуле $\forall x F(x)$ рассматривается в этом случае как сокращение для «бесконечной конъюнкции» $F(t_1) \& F(t_2) \& \dots$ (где t_1, t_2, \dots — совокупность всех предметов из области значений переменной x), а квантор существования в формуле $\exists x F(x)$ как сокращение для «бесконечной дизъюнкции» $F(t_1) \vee F(t_2) \vee \dots$. Естественно, что при этом мн. законы классич. исчисления высказываний находят себе аналоги в классич. П. и. Так, *законам де Моргана* соответствуют общезначимые формулы классич. П. и.:

$$1) \quad \neg \exists x A(x) \sim \forall x \neg A(x),$$

$$2) \quad \neg \forall x A(x) \sim \exists x \neg A(x)$$

(где знак « \sim » обозначает операцию эквиваленции; формула вида $\mathfrak{A}(\sim \mathfrak{B})$ может рассматриваться как сокращение для формулы $(\mathfrak{A} \supset \mathfrak{B}) \& (\mathfrak{B} \supset \mathfrak{A})$). $A(x)$ в 1) и 2) и ниже означает произвольную формулу, в к-рую может входить — но не обязательно входит — переменная x . В П. и. имеют место *дистрибутивности законы*, выражаемые общезначимыми формулами:

$$3) \quad \forall x(A(x) \& B(x)) \sim \forall x A(x) \& \forall x B(x),$$

$$4) \quad \exists x(A(x) \vee B(x)) \sim \exists x A(x) \vee \exists x B(x);$$

в нем справедливы также общезначимые формулы:

$$5) \quad \forall x(A \vee B(x)) \sim A \vee \forall x B(x),$$

$$6) \quad \exists x(A \& B(x)) \sim A \& \exists x B(x),$$

$$7) \quad \forall x(A \& B(x)) \sim A \& \forall x B(x),$$

$$8) \quad \exists x(A \vee B(x)) \sim A \vee \exists x B(x)$$

(в к-рых A не содержит свободных вхождений переменной x) и ф-лы:

$$9) \quad \exists x(A(x) \& B(x)) \supset \exists x A(x) \& \exists x B(x),$$

$$10) \quad \forall x A(x) \vee \forall x B(x) \supset \forall x(A(x) \vee B(x)).$$

Если $A(x)$ обозначает нек-рую формулу, в к-рую может входить (но не обязательно входит) переменная x , то $A(t)$ обозначает выражение, получающееся из $A(x)$ подстановкой выражения t вместо всех свободных вхождений переменной x в $A(x)$. В рассматриваемом до сих пор чистом П. и. подставляемое выражение должно быть переменной; в др. исчислениях, основанных на П. и., в качестве подставляемых выражений допускаются произвольные термы, т. е. выражения, составленные из переменных и внелогич. констант (обозначающих нек-рые конкретные предметы из предметной области) с помощью функциональных символов типа $'$, $+$ и \cdot для формальной арифметики. Переменные и внелогич. константы при этом также считаются термами; они наз. индивидуальными (или индивидуальными) переменными (соответственно константами); функциональные символы служат для обозначения функций, рассматриваемых в математич. теориях. Примерами термов для обыкновенной арифметики могут служить выражения $x, 5, x + 5, 5y + x$ и т. п. Здесь $+$ и (опущенный) знак умножения являются функциональными символами, а переменные x, y выражают неопредел. натуральное число. Если при подстановке t вместо всех свободных вхождений x в $A(x)$ все вхождения переменных в t порождают свободные вхождения этих переменных в $A(t)$, то эта подстановка t вместо x называется свободной. Если подставляемый терм t содержит переменную y , в частности если он совпадает с y , то подстановка является свободной в том и только в том случае, если никакое свободное вхождение x в $A(x)$ не находится в области действия квантора по y , имеющегося в ф-ле $A(x)$.

Если подстановка y вместо x в $A(x)$ свободна, то очевидна общезначимость формул:

$$11) \quad \forall x A(x) \supset A(y),$$

$$12) \quad A(y) \supset \exists x A(x).$$

Далее, общезначимы формулы, выражающие допустимость перестановки соседних одинаковых кванторов:

$$13) \forall x \forall y A(x, y) \supset \forall y \forall x A(x, y),$$

$$14) \exists x \exists y A(x, y) \supset \exists y \exists x A(x, y),$$

где $A(x, y)$ — любая формула, в к-рую могут входить переменные x и y . Если соседние кванторы различны, то их перестановка, вообще говоря, приводит к нарушению общезначимости. Напр., утверждение о том, что для всякого натурального числа x существует равное ему число y , выражаемое формулой $\forall x \exists y (x=y)$, истинно, но утверждение, выраженное формулой $\exists y \forall x (x=y)$ (существует такое натуральное число y , к-рое равно любому натуральному числу x), ложно. Однако общезначима импликация

$$15) \exists x \forall y A(x, y) \supset \forall y \exists x A(x, y).$$

К П. и. приложима теорема о замене эквивалентным, согласно к-рой, если эквиваленция $C \sim E$ общезначима и ф-ла B получается из ф-лы A заменой части C на формулу E (хотя бы в одном месте формулы A), то ф-ла $A \sim B$ общезначима. Для образования ф-лы, эквивалентной отрицанию данной ф-лы F (т. е. для построения такой ф-лы G , что эквиваленция $G \sim \neg F$ общезначима), можно воспользоваться ф-лами (1) и (2) и законом де Моргана для образования отрицания в логике высказываний. В итоге отрицание всякой формулы П. и. оказывается эквивалентным такой формуле, в к-рой символ отрицания применяется только к предикатной букве. В силу закона двойного отрицания $\neg \neg A \sim A$ к этому виду может быть приведена любая формула классич. П. и. (иначе говоря, всякая формула эквивалентна нек-рой формуле указ. вида). Вместе с предыдущими эквиваленциями (5) — (8), тавтологией классич. исчисления высказываний $A \supset B \sim \neg A \vee B$ и правилом образования отрицания, это позволяет построить для каждой формулы классич. П. и. эквивалентную ей формулу в т. н. предваренной нормальной форме (см. *Предваренная форма*). Формулы (1) и (2) дают в классич. П. и. эквиваленции

$$16) \exists x A(x) \sim \neg \forall x \neg A(x),$$

$$17) \forall x A(x) \sim \neg \exists x \neg A(x),$$

выражающие зависимости между кванторами.

Рассмотренное здесь построение классич. П. и. является с о д е р ж а т е л ь н ы м — в том смысле, что оно основано на нек-рой осмысленной (с классич. точки зрения) *интерпретации* употребляемых символов, согласно к-рой П. и. есть формализация нек-рой части логики (логики предикатов). При аксиоматическом подходе (когда П. и. рассматривается именно как неинтерпретированное *исчисление* в собств. смысле слова) аксиомами обычно служат формулы, имеющие вид аксиом классич. исчисления высказываний, и формулы вида (11) и (12) — т. н. «аксиомы Бернаиса» (по имени предложившего их швейц. ученого). Аксиомы Бернаиса — это *схемы аксиом*: отд. аксиомы получаются при выборе в (11) и (12) конкретных формул в качестве $A(x)$. Правилами вывода обычно являются *modus ponens* и два правила Бернаиса: $A \supset B(x) \vdash A \supset \forall x B(x)$ и $B(x) \supset A \vdash \exists x B(x) \supset A$, в к-рых формула A предполагается не содержащей свободно переменной x . Д о к а з у е м ы м и ф о р м у л а м и (теоремами) П. и. наз. те и только те формулы, к-рые либо являются аксиомами, либо могут быть получены из др. доказуемых формул по правилам вывода. При аксиоматич. подходе П. и. трактуется как формальная система, и в ее *метатеории* доказываются различные теоремы о доказуемости формул П. и. Т. к. эта метатеория имеет дело с бесконечными областями (области значе-

ний переменных, область всех формул П. и. и др.), то к рассуждениям метатеории применима вся та критика, к-рая относится к употреблению бесконечности в математич. рассуждениях и к-рая исторически связана с исследованием оснований теории *множеств*, с *интуиционизмом* и т. п. Поэтому в связи с каждым утверждением метатеории следует отдавать отчет в том, какими средствами это утверждение доказывается. Напр., *непротиворечивость* П. и. может быть доказана такими — т. н. *ф и н и т ы м и* — средствами, в к-рых не используется понятие актуальной бесконечности, а в связи с каждым рассматриваемым конечным объектом (напр., предполагаемым выводом формулы вида $A \& \neg A$, допущение к-рого приводится к противоречию) и вовсе не используется понятие бесконечности, даже потенциальной. Такими же конечными средствами доказывается *теорема о дедукции*.

Наряду с упомянутыми основными правилами вывода в П. и. имеются выводимые из них и р о и з в о д н ы е правила, дающие возможность от формул некоторого вида осуществлять переход к др. формулам. Важнейшие из них: а) правило обобщения $A(x) \vdash \forall x A(x)$; б) правило подстановки термина вместо предикатной переменной $A(x) \vdash A(y)$, где подстановка y вместо x в $A(x)$ свободна; в) $A(y) \vdash \exists x A(x)$, где подстановка y вместо x свободна; это условие не исключает того, что переменная y может входить свободно в $A(x)$; напр., это правило дает возможность получить формулу $\exists x (x=y)$ из ф-лы $y=y$; д) правило подстановки формулы вместо предикатной переменной: если доказуемая формула F содержит предикатный символ $A(x_1, x_2, \dots, x_n)$ (т. е. если в F встречаются части вида $A(y_1, \dots, y_n)$, где y_1, \dots, y_n — переменные, не обязательно различные, подставленные вместо x_1, \dots, x_n соответственно в $A(x_1, \dots, x_n)$) и $\mathfrak{A}(x_1, \dots, x_n)$ — произвольная формула, содержащая свободно переменные x_1, \dots, x_n (и, возможно, др. переменные z_1, \dots, z_k), то доказуема формула F^* , получающаяся из F заменой каждой части вида $A(y_1, \dots, y_n)$ на $\mathfrak{A}(y_1, \dots, y_n)$ при условии, что (α) каждая подстановка y_i вместо x_i в $\mathfrak{A}(x_1, \dots, x_n)$ свободна (для всех $i=1, \dots, n$) и (β) ни одно из вхождений свободных переменных z_1, \dots, z_k , отличных от x_1, \dots, x_n , в ф-лу $\mathfrak{A}(x_1, \dots, x_n)$ не превращается при этом ни для какой заменяемой части $A(y_1, \dots, y_n)$ в связанное вхождение к-л. из этих переменных z_j в формулу F^* ; е) правило переименования связанной переменной: если F доказуемая формула, то доказуема всякая формула F^* , получающаяся из F заменой (хотя бы в одном вхождении) некоторой части вида $\forall x A(x)$ на $\forall y A(y)$, где переменная y отлична от x , свободна для x в $A(x)$ и не входит в $A(x)$ (то же имеет место и для квантора \exists).

Известны и др. системы аксиом и правил вывода П. и. Так, можно вводить лишь один из кванторов (с соответств. ему аксиомой и правилом Бернаиса), другой же определять посредством формулы (16) или (17), а соответствующие этому последнему квантору аксиому и правило Бернаиса доказывать с помощью контрапозиции (см. *Контрапозиции закон*). Правила Бернаиса можно заменить более естеств. правилом обобщения, добавив дополнительные схемы аксиом

$$\forall x(A \supset B(x)) \supset (A \supset \forall x B(x)) \text{ и}$$

$$\forall x(B(x) \supset A) \supset (\exists x B(x) \supset A),$$

где A — формула, не содержащая свободно переменной x . Существует и такая формулировка П. и., при к-рой в доказательствах рассматриваются лишь замкнутые формулы и единств. правилом вывода служит *modus ponens*. Все схемы аксиом, рассмотренные выше для П. и., изменяются при этом таким образом, что вместо указанных прежде формул в качестве аксиом берутся их замыкания (см. *Замкнутая формула*),

а в качестве дополнит. аксиом присоединяются все формулы вида $A \supset \forall xA$, $\forall x(A(x) \supset B(x)) \supset (\forall xA(x) \supset \forall xB(x))$, $\forall x(B(x) \supset A) \supset (\exists xB(x) \supset A)$, $\forall x\forall yA(x, y) \supset \forall y\forall xA(x, y)$, где A — формула, не содержащая свободно переменной x . Класс доказуемых формул П. и. при всех этих формулировках не меняется (если не считать того, что при последней из них доказуемыми могут быть лишь замкнутые формулы). Важной является формулировка П. и. в виде т. н. *секвенций исчисления*, предложенная нем. ученым Г. Генценом (см. также *Натуральное исчисление*).

Значение понятия доказуемости формулы в П. и. не только в том, что, согласно теореме о *полноте* (К. Гёдель, 1930), доказуемость формулы классич. П. и. равносильна ее общезначимости и, т. о., доказуемые формулы классич. П. и. выражают законы классич. логики, но и в том, что важнейшие математич. теории допускают аксиоматич. построение, отображимое в языке П. и., в основу к-рого, помимо аксиом и правил П. и., кладется конечное число замкнутых аксиом, характеризующих именно эту теорию (см. *Метод аксиоматический*). Если \mathcal{A} — конъюнкция этих аксиом, а B — произвольная формула данной теории, то, согласно теореме о дедукции, формула B доказуема в рассматриваемой теории в том и только в том случае, если импликация $\mathcal{A} \supset B$ доказуема в П. и. Т. о., вопрос о доказуемости утверждений в математич. теориях (допускающих сведение к конечному числу «внелогических» аксиом) сводится к вопросу о доказуемости формул в П. и. Отсюда следует, что если бы в нашем распоряжении оказался метод для распознавания того, доказуема ли в П. и. та или иная формула, то он давал бы возможность распознавать доказуемость и в произвольной (конечно-аксиоматизуемой) формальной теории. Нахождение такого метода составляет задачу *разрешения проблемы*. Важнейшее значение имеет доказательство амер. математиком Чёрчем (1936) того, что проблема разрешения для П. и. неразрешима, т. е. что не существует общего метода, позволяющего распознавать доказуемость формул в П. и. (а значит, и в важнейших теориях математики). (Тем самым не существует и метода, позволяющего распознать, выполнима ли данная формула П. и. или нет.) Результат этот, показывающий — наряду с теоремой Гёделя о неполноте арифметики (см. *Метатеория, Полнота*) — нереальность задачи полной и непротиворечивой формализации математики, дающей возможность в принципе решить любую математич. проблему, фактически вытекает уже из теоремы Гёделя о полноте П. и. (этот факт стал ясен после точного определения понятия *алгоритма*, без которого не могла быть корректно сформулирована и сама проблема разрешения).

Однако для различных частных случаев проблему разрешения все же удается решать (см. монографии В. Аккермана и Я. Шурана в списке лит.). С др. стороны, имеются результаты, относящиеся к сведению проблемы разрешения для произвольной формулы П. и. к решению этой проблемы для формул определ. вида (см. Д. Гильберт и В. Аккерман, *Основы теоретической логики*, перевод с нем., М., 1947, гл. 3, § 12).

Помимо чистого П. и., важное значение имеет П. и. с *равенством*, в к-ром к числу предикатных букв добавляется «буква» $=(x, y)$ с двумя переменными (обычно она записывается в виде $x=y$, определяемая аксиомами А) $x=x$ (рефлексивность) и В) $x=y \supset (F(x) \supset F(y))$, где формулы $F(x)$ и $F(y)$ получают свободной подстановкой x и, соответственно, y вместо x в произвольную формулу $F(z)$. Из этих аксиом выводятся известные свойства равенства: *симметричность*, *транзитивность* и свойство замены равного равным (см. *Правило замены равного равным*): $x=y \supset$

$\supset G(z_1, \dots, z_k, x) \sim G(z_1, \dots, z_k, y)$, в к-ром переменные x и y стоят на последнем месте чисто условно (поскольку вообще выбор порядка переменных в обозначении $A(x_1, \dots, x_n)$ условен).

Для классич. П. и. с равенством доказана (классич. средствами) теорема Гёделя о полноте: всякая общезначимая формула этого исчисления доказуема; для него доказана также теорема Лёвенгейма (1915): всякая выполнимая формула выполнима в конечной или счетно-бесконечной области (а значит, в нек-рой области, состоящей из натуральных чисел). Сколем (1920) обобщил эту теорему для случая, когда вместо одной формулы речь идет о счетно-бесконечной последовательности формул, а сов. ученый А. И. Мальцев доказал ее для случая множеств формул произвольной мощности m , — в этом случае и выполнимость имеет место в области мощности $\leq m$ (доказательство Мальцева использует средства теории множеств, в частности аксиому выбора). Важные приложения в алгебре, а также в основаниях геометрии находит следующее следствие из теоремы Лёвенгейма — Сколема: если каждое конечное множество, составленное из предложений F_1, F_2, \dots , выполнимо в нек-рой непустой области, то все множество этих предложений одновременно выполнимо (и притом в области, не более чем счетно-бесконечной).

Для классич. П. и. с равенством доказано, что всякая формула этого исчисления, содержащая, помимо предикатной буквы $=(x, y)$, лишь одноместные предикатные буквы, доказуема, если она общезначима в любой непустой конечной области. Отсюда (классически) следует, что невозможно указать формулу, содержащую, помимо предикатной буквы $=(x, y)$, лишь одноместные предикатные буквы и выполняемую только в бесконечной области. Это означает, что для характеристики свойства бесконечности невозможно ограничиться описанием, использующим, помимо равенства, лишь одноместные предикатные буквы (выражающие свойства объектов), а необходимо использовать по крайней мере двуместные предикатные буквы (выражающие отношения между объектами). Т. о., на языке рассматриваемого П. и. понятие бесконечности не может быть выражено в терминах одних только свойств (или, соответственно, классов), — хотя бы и с помощью равенства, а требует использования теории отношений.

В отличие от классич. исчисления высказываний, классич. П. и. не обладает полнотой в сильном смысле: именно, к нему можно присоединить без противоречия любую формулу, выражающую, что область значений переменных П. и. состоит из n предметов (где n — любое целое положительное число); такого рода формулы недоказуемы в П. и., причем ими исчерпываются все формулы, к-рые можно без противоречия присоединить к классич. П. и. Но для классич. П. и. справедлив нек-рый аналог теоремы о сильной полноте; именно, после добавления к классич. П. и. к-л. недоказуемой формулы в качестве *схемы аксиом*, система формальной арифметики, основанная на этом П. и., становится о-противоречивой, т. е. в ней будут доказуемы все формулы $F(0)$, $F(1), \dots$, и $\forall nF(n)$ для некоторой формулы $F(n)$, где областью значений переменной n являются натуральные числа.

Для П. и. существуют более узкие, чем классическая, системы: интуиционистское, минимальное и положительное П. и. (см. *Интуиционизм, Минимальная логика, Положительная логика*). Каждое из них отличается от классического лишь тем, что в качестве схем аксиом исчисления высказываний в нем выбираются схемы аксиом интуиционистского, минимального или положительного исчисления высказываний;

минимальное исчисление связано с положительным так же, как и в случае исчисления высказываний.

Из приведенных выше формул в положительном П. и. доказуемы (3), (4), (6) — (15), а для (5) доказуема лишь импликация справа налево; кроме того, доказуемы формулы

$$18) \forall x \forall y A(x, y) \supset \forall x A(x, y),$$

$$19) \exists x A(x, x) \supset \exists x \exists y A(x, y),$$

$$20) \forall x A(x) \supset \exists x A(x)$$

(эта ф-ла выражает непустоту предметной области; П. и. в рассматриваемой здесь форме к пустой области неприменимо),

$$21) \forall x(A \supset B(x)) \sim A \supset \forall x B(x),$$

$$22) \forall x(A(x) \supset B) \sim \exists x A(x) \supset B,$$

$$23) \exists x(A(x) \supset B(x)) \supset (\forall x A(x) \supset \exists x B(x)),$$

$$24) \forall x A \sim A,$$

$$25) \exists x A \sim A,$$

где A и B не содержат свободно x , а в (19) и (20) подстановка x вместо y в $A(x, y)$ является свободной. Что касается минимального исчисления, то перечисленные формулы и подано в нем доказуемы (как в более сильном, чем положительное). Поведение отрицаний и двойных отрицаний относительно кванторов общности и существования в различных системах П. и. характеризуется таблицами I—IV:

I		II	
a.	$\forall x A(x)$	a.	$\exists x A(x)$
b.	$\neg \neg \forall x A(x)$	b.	$\exists x \neg \neg A(x)$
c ₁ .	$\overline{\forall x \neg \neg A(x)}$	c ₁ .	$\overline{\neg \neg \exists x A(x)}$
c ₂ .	$\neg \neg \forall x \neg \neg A(x)$	c ₂ .	$\neg \neg \exists x \neg \neg A(x)$
c ₃ .	$\neg \exists x \neg A(x)$	c ₃ .	$\neg \forall x \neg A(x)$
III		IV	
a.	$\exists x \neg A(x)$	a ₁ .	$\forall x \neg A(x)$
b ₁ .	$\overline{\neg \neg \exists x \neg A(x)}$	a ₂ .	$\neg \neg \forall x \neg A(x)$
b ₂ .	$\neg \forall x \neg \neg A(x)$	a ₃ .	$\neg \exists x \neg \neg A(x)$
c.	$\overline{\neg \forall x A(x)}$	a ₄ .	$\neg \exists x A(x)$

В каждой из них все формулы классически эквивалентны, в минимальном же П. и. эквивалентны лишь любые две формулы каждой таблицы, не разделенные чертой или двойной чертой. Но для каждых двух формул одной таблицы, из к-рых первая выше второй, в минимальном П. и. доказуема импликация нижней формулы из верхней (напр., $Ib \rightarrow Ic_1$), тогда как обратная импликация не доказуема ни в минимальном, ни даже в интуиционистском П. и., если только эти формулы разделены чертой или двойной чертой. Но, если эти две формулы не разделены двойной чертой, то двойное отрицание этой обратной импликации доказуемо в интуиционистском П. и. Теорема о дедукции и правила вывода (a)—(d) верны для всех этих П. и.

В совр. конструктивном направлении к аксиомам интуиционистского П. и. принято добавлять схемы аксиом $\forall x(P(x) \vee \neg P(x)) \supset (\neg \neg \exists x P(x) \supset \exists x P(x))$ и $\forall y_1 \dots \forall y_n \forall x(P(y_1, \dots, y_n, x) \vee \neg P(y_1, \dots, y_n, x)) \supset \forall y_1 \dots \forall y_n (\neg \neg \exists x P(y_1, \dots, y_n, x) \supset \exists x P(y_1, \dots, y_n, x))$ ($n = 1, 2, 3, \dots$), называемые принципом Маркова; они недоказуемы в чистом интуиционистском П. и., и каждая из них независима от остальных его схем аксиом, т. е. не может быть доказана после их присоединения к остальным аксиомам исчисления (см. *Независимость*). Поэтому естественнее называть конструктивным не само интуиционистское П. и. (как это часто делается), а то П. и., к-рое получается из интуиционистского присоединением принципа Маркова, сох-

раня за термином «интуиционистское П. и.» его прежний смысл.

При построении чистого П. и. предикатные буквы иногда рассматривают как переменные («предикатные переменные» или «переменные предикаты») и понятие формулы изменяют так, что в формулах, наряду с этими переменными, допускают также пропозициональные переменные; последние можно трактовать как предикатные переменные с числом аргументных мест, равным нулю. Указ. выше схемы аксиом П. и. заменяются при этом построении отд. аксиомами; именно, схемам (11) и (12) соответствуют аксиомы с предикатной переменной $A(x)$, а в пропозициональных аксиомах буквы заменяются соответствующими им пропозициональными переменными; добавляется правило подстановки (d) вместо предикатной переменной (для предикатных букв; при $n = 0$ это правило вырождается в правило подстановки для пропозиц. переменной, к-рое также принимается в качестве правила вывода). При таком построении П. и. усложняется формулировка теоремы о дедукции. Таким же образом может строиться и П. и. с равенством. При содержат. истолковании П. и. этого вида предикатной переменной $A(x_1, \dots, x_n)$ соответствует пропозициональная функция, т. е. функция, принимающая в качестве своих значений высказывания, зависящие от различных значений переменных x_1, \dots, x_n .

Помимо чистого П. и. и П. и. с равенством, в различных вопросах приходится рассматривать т. н. прикладные П. и., в к-рых роль предикатных букв играют символы конкретных предикатов, рассматриваемых в той или иной предметной области данной дедуктивной науки. Т. о., для каждой дедуктивной науки строится свое прикладное П. и., являющееся, по существу, формализацией логики этой науки. Формулы строятся из предикатных символов так же, как из предикатных букв строятся формулы чистого П. и.; при этом на аргументных местах, наряду с индивидуальными переменными x, y, \dots для индивидуумов, могут встречаться и иные термы. В схемах аксиом (11) и (12) тогда вместо y может стоять любой терм t при условии, что подстановка этого терма вместо x в $A(x)$ свободна.

Каждому функциональному символу $f(x_1, \dots, x_n)$ можно сопоставить предикатный символ $P(x_1, \dots, x_n, y)$, значение которого определяется эквиваленцией $P(x_1, \dots, x_n, y) \sim y = f(x_1, \dots, x_n)$. Эта же эквиваленция позволяет перейти от рассмотрения предикатов к рассмотрению функций, что приводит к непринципиальному видоизменению П. и., называемому функциональным исчислением, в форме к-рого П. и. часто и рассматривается (см., напр. А. Чёрч, Введение в математическую логику, т. 1, М., 1966).

Вместо функциональных символов иногда пользуются выражениями вида $\lambda y P(x_1, \dots, x_n, y)$ (читается: «это y , для к-рого верно $P(x_1, \dots, x_n, y)$ »), к-рые выражают способ введения функциональных символов и наз. определенными описаниями. Определенные описания употребляются наравне с ранее рассмотренными термами, и единственное существ. отличие их от последних состоит в том, что в них есть связанная переменная y , в силу чего для определенных описаний определение свободной подстановки терма пуждается в естеств. уточнении, состоящем в том, что вместо «всех вхождений переменных в t » следует говорить о «всех свободных вхождениях...». Для всех рассмотренных разновидностей П. и. имеет место т. н. теорема об устранимости определенных описаний. Помимо определ. описаний, рассматриваются еще т. н. неопределенные описания, обозначаемые $\epsilon y P(x_1, \dots, x_n, y)$ (читается: «такое y , для к-рого $P(x_1, \dots, x_n, y)$ »), к-рые можно вводить для лю-

бой ф-лы $P(x_1, \dots, x_n, y)$ произвольной формальной теории одновременно с т. н. «ε-аксиомой»:

$$\forall x_1 \dots \forall x_n (\exists y P(x_1, \dots, x_n, y) \supset \\ \supset P(x_1, \dots, x_n, \varepsilon y P(x_1, \dots, x_n, y))).$$

Для неопредел. описаний также имеет место теорема об их устранимости. Различие между определенными и неопредел. описаниями соответствует различию между определенными и неопредел. артиклями (в тех языках, где таковые имеются). (Подробнее см. *Описания операторы*.) Доказательства теорем об устранимости описаний носят финитный характер (для неопредел. описаний пока известно лишь доказательство для классических П. и.). Неопредел. описания, как доказал Гильберт, могут заменить использование кванторов в классич. П. и., если ввести правило подстановки (b) (в к-ром в случае прикладного П. и. вместо y может стоять любой терм, подстановка к-рого вместо x в $A(x)$ свободна) и правило переименования связанных переменных в неопредел. описаниях (для того чтобы такие описания можно было, не опасаясь путаницы, подставлять вместо переменных в др. описания). Именно, формулы вида $\exists x A(x)$ и $\forall x A(x)$ можно при этом рассматривать соответственно как сокращения для ф-л $A(\varepsilon x A(x))$ и $A(\varepsilon x \neg A(x))$; аксиомы и правила Бернаиса будут при такой трактовке этих формул доказуемыми. $\varepsilon x A(x)$ наз. также логической ε-функцией Гильберта, к-рую можно рассматривать как осуществляющую «выбор такого x , что $A(x)$ верно для этого x , если оно вообще верно хотя бы для одного предмета».

Иногда рассматриваются П. и. с несколькими алфавитами переменных, принимающих значения в разл. областях, — и даже П. и. с бесконечным числом таких алфавитов (как в нек-рых разновидностях теории типов). В таких случаях все приведенные выше формулы по-прежнему являются доказуемыми, за исключением формул (18) и (19). (Напр.: в (13) — (15) не требуется, чтобы переменные x и y принадлежали одному и тому же алфавиту.) Впрочем, для всякой теории с двумя алфавитами переменных x, y, \dots и α, β, \dots можно ввести один новый алфавит X, Y, \dots и новые предикатные буквы $S(X), T(X), \dots$, если кванторы $\forall x F(x)$ и $\exists x F(x)$ истолковывать как сокращения для $\forall x F(x) \wedge \forall \alpha F(\alpha)$ и $\exists x F(x) \vee \exists \alpha F(\alpha)$ соответственно, а для предикатных букв S и T ввести аксиомы $S(X) \sim \exists x (X = x)$ и $T(X) \sim \exists \alpha (X = \alpha)$, то данная формальная теория окажется вложенной в эту новую теорию с одним алфавитом переменных и будет от нее отличаться лишь несущественно.

Все рассмотренные выше П. и. наз. П. и. первой ступени, или узким П. и. (или функциональным численным первой ступени). Большое значение имеют такие расширения П. и. этого вида, как П. и. второй ступени, в к-ром вместо предикатных букв имеются предикатные переменные и кванторы для этих переменных, а также ступенчатые исчисления, или теории типов, в к-рых предикаты или формулы могут быть допустимыми значениями аргументов др. предикатов. В ступенчатых П. и. во избежание парадоксов каждой предикатной букве приписывается нек-рое натур. число — ступень или тип — и аргументами этой предикатной буквы могут быть только предикатные буквы (или формулы) низших ступеней. Подробнее об этих П. и. см. *Теория типов*. Рассматриваются также П. и. с модальностями «возможно» и «необходимо» в качестве дополнит. пропозициональных операторов; см. *Модальная логика*.

Основоположителем П. и. является Фреге (1879), к-рый ввел пропозициональные функции и кванторы. Ч. Пирс снова и независимо от Фреге ввел кванторы в 1885; ему же принадлежит и термин «квантор»

(quantifer). Совр. обозначения в П. и. восходят к Пеано и Расселу. Первоначально П. и. 1-й ступени рассматривалось совместно с исчислениями более высоких ступеней: у Фреге (1903) — без теории типов (с чем и связана противоречивость его системы П. и.), у Рассела (1908) — в рамках теории типов (самый ранний вариант теории типов разработан Э. Шрёдером применительно к логике классов, 1898). Впервые самостоятельно и в полном объеме (но только для классич. случая) П. и. 1-й ступени рассматривалось Д. Гильбертом и В. Аккерманом (1928) и в более ранних работах того же Гильберта (1925, 1927). Правило подстановки было впервые корректно сформулировано Д. Гильбертом и П. Бернаисом (1934). Важные результаты, относящиеся к П. и., принадлежат также Лёвенгейму, Сколему, Г. Беману, Ж. Эрбрану, Куайну, П. Бернаису, М. Шейнфинкелю, К. Гёделю, Л. Генцину, Г. Генцену, А. Гейтингу, А. А. Маркову, Б. А. Трахтенброту, М. Вайсбергу, Л. Кальмару, К. Шютте и др.

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматерику, пер. с англ., М., 1957 (имеется библи.); Яновская С. А., Математическая логика и основания математики, в кн.: Математика в СССР за 40 лет, т. 1, М., 1959; Hilbert D. und Bernays P., Grundlagen der Mathematik, Bd 1, В., 1934; Ackermann W., Solvable cases of the decision problem, Amst., 1954; Surányi J., Reduktionstheorie des Entscheidungsproblems im Prädikatenkalkül der ersten Stufe, Bpst., 1959. А. С. Москва.

ПРЕДИКАТОВ КЛАССИФИКАЦИИ (иерархии и предикатов) — методы приписывания предикатам (в формализованных исчислениях логики и математики) различных «степеней конструктивности», базирующиеся на идеях и аппарате теории алгоритмов и теории рекурсивных функций и предикатов и играющие существ. роль в метаматематических (см. *Метатеория*) исследованиях. Идея эти обнаруживают близкое родство с известными принципами классификации множеств и функций, предложенными Р. Бэрром, Э. Борелем, Ш. Ж. де ла Валле Пуссенном, Н. Н. Лузиним и др. математиками. Примером классификаций такого рода могут служить иерархии, предложенные С. К. Клини и А. Мостовским. П. к. Клини — Мостовского позволяет также приписывать различные степени конструктивности арифметическим множествам и функциям и строить иерархии логич. систем. Принцип П. к., разработанный амер. математиком Э. Постом (1944), исходит из разбивания систем множеств, предикатов, св-в, отношений и т. п. посредством рефлексивного, симметричного и транзитивного отношения: « A рекурсивно относительно B и B рекурсивно относительно A » на классы эквивалентности, наз. «степенями (рекурсивной) неразрешимости», причем транзитивное отношение « A рекурсивно относительно B » для представлений классов есть образ упорядочивает (см. *Порядка отношение*) эти степени неразрешимости. Как показали сов. математик А. А. Мучник и амер. математик Р. Фридберг (1956), предикаты (множества), входящие в классификацию Поста, не образуют линейно упорядоченной иерархии. Идея упорядочения классов эквивалентности лежит в основе предложенной сов. математиком Ю. Т. Медведевым классификации массовых проблем по «степеням трудности» (см. *Сводимость*).

Лит.: Медведев Ю. Т., Степени трудности массовых проблем, «Докл. АН СССР», 1955, т. 104, № 4, с. 501—04; Kleene S. C., Recursive predicates and quantifiers, «Trans. Amer. Math. Soc.», 1943, v. 53, p. 41—73; Post E. L., Recursively enumerable sets of positive integers and their decision problems, «Bull. Amer. Math. Soc.», 1944, v. 50, p. 284—316; Mostowski A., On definable sets of positive integers, «Fundamenta Mathematicae», 1947, v. 34, p. 81—112.

ПРЕДМЕТ, то же, что вещь, — отд. часть, единица существующего; все то, что может находиться в отношении или обладать к.-л. свойством. В метафизич. материализме понятие «П.» отождествлялось с по-

пятием «тело», поскольку протяженность или отождествлялась с материей (Декарт и его последователи), или рассматривалась как осн. атрибут материи (Гоббс, франц. материалисты 18 в.). Субъективный идеализм (Беркли, Мах) понимает под вещью совокупность ощущений, поэтому для него реальным является лишь один П. — сознание отд. человека. В объективном идеализме реальные П. рассматриваются как отражение идей, понятий.

Ориентация на пространств. границы П. далеко не во всех случаях оказывается обоснованной. Напр., граница между совр. Грецией и Болгарией — пространственная, а между древней и совр. Грецией — временная; в одной и той же области пространства могут одновременно находиться разные П. (напр., поле тяготения и электромагнитное поле). Т. о., границы П. могут быть не только пространственными, но и временными или проходить по линии других св-в. Поэтому «...вещь есть совокупность многих свойств...» (Маркс К., Капитал, т. 1, 1955, с. 41).

П. могут быть материальными или идеальными (понятия, суждения и т. п.). Изменение П. есть явление или процесс. В свою очередь, каждое явление (процесс) можно рассматривать как П. в широком смысле, т. к. оно тоже есть совокупность мн. св-в. Диалектика любой П. рассматривает в изменении, т. е. как процесс (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 302). П., занимающие определ. объем в пространстве, наз. телами, но многие П. не являются телами (физич. поля, элементарные частицы и т. д.). В качестве П. можно рассматривать св-ва и отношения (к-рые в этом случае наз. абстрактными П.). Любая совокупность П., объединенных нек-рым отношением, представляет собой новый П. с теми или иными св-вами.

Категория П. имеет спец. способы обозначения в языке. В большинстве естеств. языков это существительные. В совр. логике П. обозначаются с помощью особых символов — предметных (индивидуальных) констант — обычно первые буквы лат. алфавита, и предметных переменных (x, y, z). П. можно обозначить также с помощью указания на те отношения, к-рые он имеет к другим П. (напр., координатный язык), или через перечисление некоторых его свойств (дескрипция).

Для отождествления П., если эти П. — тела, достаточно проследить совпадение их пространств. границ во все моменты времени. Но во мн. случаях такой подход неприменим: качеств. преобразования могут превратить один П. в другой даже в пределах тех же пространств. границ, не говоря уже о П., не имеющих пространств. границ. В таких случаях требуется определение совпадения качеств. границ П. В основу отождествления тогда можно положить несколько видоизмененный принцип Лейбница, согласно к-рому две вещи будут тождественны в том случае, если любое качество, принадлежащее одному из них, принадлежит и другому; однако при этом речь должна идти не о всех св-вах, а только о тех, к-рые являются качеств. границами П. (напр., человек может перекрасить волосы, оставаясь тем же самым человеком).

А. Уемов. Одесса.

П. в логике — то же, что *индивид*, или объект (в логич. смысле); то, что может рассматриваться в качестве носителя собственного (в широком, нелингвистич. значении) имени (в частности, описательного, см. *Описания операторы*), в качестве элемента множества, или класса [см. *Класс* (в логике)]; субъект предложения (или то, что обозначается субъектом предложения), имеющего субъектно-предикатную структуру [в предложениях естеств. языков — то, на что указывает подлежащее или дополнение; в формулах формализов. языков, включаю-

щих в себя *предикатов исчисление*, — терм (или значенные терма)]. П. с т. зр. логики — это не только единичная чувствен о воспринимаемая вещь, но и система каким-то образом связанных, взаимодействующих друг с другом вещей или явлений, рассматриваемая как нечто единое; П. являются и множества (классы) — в т. ч. и бесконечные множества, множества множеств и т. д., — но ставшие предметом рассмотрения как целые; вообще П. — это любые (индивидуальные, единичные, постоянные, фиксированные и т. п.) объекты, введенные в рассмотрение путем различных способов абстрагирования (см. *Абстракция*, *Принцип абстракции*) и идеализации, — абстрактные объекты, идеализированные объекты. Осн. филос. проблематика, связанная с понятием П. в логике, относится именно к абстрактным объектам, — к вопросам о возможностях и критериях отождествления (и различения) предметов, порождающего (более) абстрактные П., о путях введения в науку абстрактных П. разл. категорий, о П. разл. уровней абстрактности и т. д. Эти вопросы тесно связаны с проблемами *логической семантики*, в частности с разработкой категорий лингвистич. (в широком, семиотич. смысле, см. *Семиотика*) объектов и созданием теорий их значения. См. также *A — A*, *область предметов*, *абстракция отождествления*, *тождество*, *тождества проблемы*. Б. Бирюков. Москва.

В совр. филос. и логич. лит-ре под П. нередко понимают *объект*, поскольку он включает в себя деятельность. В этом смысле П. включает те св-ва и характеристики объекта, на к-рые направлена деятельность или к-рые используются в деятельности в качестве ее средства. Отсюда характеристика всякой деятельности как предметной, независимо от того, какова форма осваиваемого или используемого в ней П. (см. *Практика*).

В совр. логике и методологии науки особо выделяется понятие П. исследования, к-рое противопоставляется понятию объекта исследования. Под П. исследования обычно понимается та сторона объекта, к-рая рассматривается в данном исследовании. Иногда П. исследования трактуют и более широко, включая в него также эмпирич. область исследования, исследовательские средства и процедуры, а также задачу исследования (см., напр., Г. П. Щедровицкий, *Проблемы методологии системного исследования*, М., 1964). При таком разграничении оказывается, что один и тот же объект может быть П. ряда различных исследований (напр., исследование знаковых систем в логике, лингвистике, психологии и социологии). Тогда возникает особая проблема синтеза этих разных П. при построении единой теории объекта (применительно к знаковым системам эту проблему пытается решить семиотика). Спец. логич. средства такого синтеза в наст. время практически отсутствуют и их создание является одной из гл. задач в исследовании систем и структур.

Лит.: Горский Д. П., *Вопросы абстракции и образования понятий*, М., 1961; Уемов А. И., *Вещи, св-ва и отношения*, М., 1963; K a s z o r o w s k i S., *O teorii przedmiotów*, «Studia Logica», 1960, t. 9.

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ — в религ. системах мышления исходящая от воли божества детерминированность этнич. поведения человека и отсюда — его «насаждения» или «осуждения» в вечности (греч. προορισμός, лат. praedestinatio или praedeterminatio). Поскольку с т. зр. последоват. *монотеизма* все существующее в конечном счете определяется волей бога, всякая монотеистич. теология по необходимости должна считаться с идеей П. (ср. религ. фатализм ислама, образ ветхозаветной «Книги жизни» с именами избранных Яхве, Исх. XXXII, Пс. XIX, 29; Дан. XII, 1 и т. п.). При этом концепция П. вступает в противо-

речье с учением о *свободе воли* и ответственности человека за его вину, без к-рого невозможна религ. этика.

В истории христианства полемика вокруг П. была обусловлена не столько потребностями устранения логич. противоречий вероучения, сколько борьбой двух конкурирующих типов религ. психологии: с одной стороны, индивидуалистич. и иррационалистич. переживания безнадежной виновности и безотчетной преданности богу, с другой — догматич. рационализма церкви, строящей свои обещания спасения на юридич. понятиях «заслуги», к-рую верующий приобретает через повиновение церкви, и «награды», к-рую она может ему гарантировать.

Мотив П. в Евангелиях имеет преим. оптимистич. характер и выражает уверенность адептов новой религии в своем избранничестве и призвании (см., напр., Матф. XX, 23, Иоанн X, 29). Религ. аристократизм гностиков потребовал резкого разделения на «тех, кто от природы сродни небесам», и «тех, кто от природы сродни плоти» (см. G. Quispel, An unknown fragment of the Acts of Andrew, в кн.: *Vigiliae Christianae*, t. 10, 1956, p. 129—48). Спекулятивную разработку идеи П. дают *Послания Павла* (Рим. VIII, 28—30; Эф. 3—14 и, особенно, Тим. II, 1, 9), связывая ее с новой концепцией благодати (χάρις) и перенося акцент на иллюзорность самостоят. нравств. усилий человека («Что ты имеешь, чего бы ты не получил?» — Коринф. I, 4, 7). Именно эта акцентировка доминирует у *Августина*, у мозаизирующего от пессимистич. оценки нормального состояния человека к необходимости благодати, к-рая выводит его из тождества самому себе и тем «спасает»; эта благодать не может быть заслужена и обуславливается лишь свободным произволом божества. Формула *Августина* «дай, что повелишь, и повелевай, что пожелаешь» (da, quod iube et iube quod vis) («Исповедь», X, 31) вызвала протест *Пелагия*, противопоставившего ей принцип свободной воли. Хотя реально пелагианство могло апеллировать лишь к практике монашеского «подвижничества», оно реставрировало нек-рые черты антич. героизма (человек самостоят. усилием восходит к божеству).

Несмотря на неоднократные осуждения пелагианства церк. инстанциями, полемика не прекратилась и в 5—6 вв. (августинизм отстаивали Преспер Акви-танский, Фульгенций и Цезарий из Арля, пелагианство — Фауст из Риеца). Постановление собора в Оранже (529) подтвердило авторитет *Августина*, но не смогло добиться реального усвоения церковью идеи П. Проблематика индивидуалистич. религ. переживания, жизненно важная для *Августина*, теряет на время всякое значение: религиозность раннего средневековья исключительно церковна. Характерно, что паулинистско-августиновское понятие благодати в 6 в. радикально переосмыслиется: из личного переживания она становится эффектом церк. «тайнств». Церковь стремилась осмыслить себя как институцию универс. «спасения», в рамках к-рой любой верующий через подчинение ей может заслужить потустороннюю награду; если она во имя своих притязаний посягала на важный для христианства тезис о вечности загробного воздаяния (учение о чистилище, легенды об избавлении церковью душ из ада), то в земной жизни для непреложного П. заведомо не оставалось места.

Вост. церковь, над к-рой не тяготел авторитет *Августина*, была особенно последовательна: уже *Иоанн Златоуст* подменяет понятие «П.» понятием «предвидения» (πρόνοιας) бога и тем сводит на нет тенденцию этич. иррационализма. За ним идет крупнейший авторитет православной схоластики, оказавший влияние и на ср.-век. Запад, — *Иоанн Дамаскин*: «бог все предвидит, но не все предопределяет». Православная церковь восстанавливает на правах догмы

учение Оригена о намерении бога спасти всех (но без логич. вывода о том, что все действительно спасутся, как учил Ориген).

На Западе попытка Готшалка (ок. 805—ок. 865) обновить учение о П. в форме доктрины «двойного» П. (gēmina praedestinatio — не только к спасению, но и к осуждению) признается еретической. В системе *Иоанна Скота Эриугены* учение о «простом» П. (simplex praedestinatio — только к спасению) обосновывалось отрицанием (в неоплатонич. духе) сущностной реальности зла; это решение проблемы вело к пантеистич. оптимизму и также было неприемлемо для церкви. Зрелая схоластика относится к проблеме П. с большой осторожностью и без глубокого интереса. *Бонавентура* предпочитает давать формулировки об «изначальной любви» (praedilectio) бога как об истинной причине моральных достижений человека. *Фома Аквинский* также учит о любви бога как истинном источнике морального добра, в то же время подчеркивая момент свободного сотрудничества человек. воли с божеств. благодатью. Схоластика избегает проблемы П. к осуждению.

Религ. индивидуализм Реформации обусловил пов-ш. интерес к проблеме предопределения *Лютер* возрождает паулинистско-августиновский стиль религ. психологизма, оценивая католич. концепцию «заслуги» как кощунственное торгашество и выдвигая против нее теории несвободы воли и спасения верой. Еще дальше идет *Кальвин*, отчетливо выразивший бурж. содержание Реформации: он доводит учение о «двойном» П. до тезиса, согласно к-рому Христос принес себя в жертву не за всех людей, но только за избранных. На связь доктрины *Кальвина* с действительностью эпохи «первоначального накопления» указывал *Энгельс*: «Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависит не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих» (*Энгельс Ф., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 308*). Жестокое пренебрежение к обреченным, контрастирующее с традиц. жалостью к кающемуся грешнику, характеризует вытеснение феод. патриархальности в отношениях между людьми сухой бурж. деловитостью. Доктрина *Кальвина* встретила сопротивление приверженцев голл. реформатора Я. Арминия (1560—1609), но была официально принята на синоде в Дорте 1618—19 и на Вестминстерской ассамблее 1643.

Православие реагировало на протестантские доктрины П., продемонстрировав на Иерусалимском соборе 1672 верность своим старым взглядам о воле бога к спасению всех; этих взглядов православная церковь держится и поныне. Католич. контрреформация пошла по линии отталкивания от августиновской традиции (в 17 в. был случай издания сочинений *Августина* с купюрами мест о П.); особенно последовательными в этом были иезуиты, противопоставившие крайний моральный оптимизм суровости протестантов. Иезуит Л. Молина (1535—1600) решил до конца заменить идею П. учением об «условном знании» бога (scientia condicionata) о готовности праведников свободно сотрудничать с ним; это знание и дает божеству возможность «заранее» награждать достойных. Тем самым понятия заслуги и награды были универсализированы, что отвечало механич. духу контрреформационной религиозности. Совр. католич. теологи (напр., Р. Гарригу-Лагранж) защищают свободу воли и оптимистич. понимание П.: многие среди них настаивают на том, что человек может добиться спасения и не будучи к нему предопределенным. При этом в рамках совр. неосхоластики продолжается полемика между ортодоксально-томистским и иезуитским пониманием П.

Отношение либерального протестантизма конца 19—нач. 20 вв. к проблеме П. было двойственным: идеализируя августиновский религ. психологизм, он критически относился к «наркотическим» (выражение А. Гарнака) элементам последнего, т. е. прежде всего к пессимистич. концепции П. Более последовательна в своей реставрации архаич. суровости раннего протестантизма совр. «неортодоксия» в ее германско-швейцарском (К. Барт, Э. Бруннер, Р. Бультман) и англо-саксонском (Р. Нибур) вариантах. Настаивая на абс. иррациональности и притом индивидуальной неповторимости «экзистенциальных» взаимоотношений бога и человека (по словам К. Барта, «отношение именно этого человека к именно этому богу есть для меня сразу и тема библии, и сумма философии»), «неортодоксия» с логич. необходимостью тяготеет к кальвинистскому пониманию П.

Будучи специфич. продуктом религ. мировоззрения, понятие «П.» служило в истории философии логич. моделью для постановки таких важных общепилос. проблем, как вопрос о свободе воли, о согласовании детерминизма и моральной ответственности и т. п.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс о религии, М., 1955, с. 114—115; F r i e h o f f C., Die Prädestinationslehre bei Thomas von Aquino und Calvin, Freiburg (Schweiz), 1926; G a r r i g o u L a g r a n g e, La prédestination des saints et la grâce, P., 1936; H y g e n G., Das Prädestinationsproblem in der Theologie Augustins, Gött., 1956; R a b e n e c k J., Grundzüge der Prädestinationslehre Molinas, «Scholastik», 1956, 31. Juli, S. 351—69. С. Аверинцев. Москва.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ — чувственно-наглядный образ предметов и явлений действительности, свободно сохраняемый и воспроизводимый в сознании без непосредств. воздействия самих предметов и явлений на органы чувств. У животных П., будучи высшей формой психич. отражения и не выходя за рамки непосредств. отражения явлений, выступает как регулятор поведения. У человека П. может существовать лишь на базе обществ. практич. деятельности, опосредуя системой обществ. значений, выработанных в практике и закрепленных в языке. В филос. и психологич. лит-ре термин «П.» употребляется в различных значениях.

В домарксистской гносеологии П. рассматривалось как ступенька перехода от чистой внешности предмета к его умопостигаемой сущности. Классич. схему такой трактовки построил Локк, к-рый рассматривал П. как промежуточное звено в процессе восхождения от чувств к разуму (см. Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 168—69). Роль разума оказалась у него сведенной к операциям с П.: различению, сравнению, соединению, называнию, абстрагированию. У Канта термин «П.» употребляется в самом широком смысле, как все то, что дается, представляется нам с помощью чувств, и нередко приравнивается к явлениям (см. «Пролегомены», М.—Л., 1934, с. 164), причем последние берутся не как непосредств. созерцание в данный момент, а как конечный результат деятельности чувств. форм, как материал, к-рым будет оперировать рассудок. Определяя место П. в познании, Кант опирается на локковскую схему («Мыслить... значит соединять представления в сознании», там же, с. 180—181). Снятие противоречия между внешностью и сущностью, чувственным и рациональным на идеалистич. основе осуществил Гегель. По Гегелю, закономерность движения сознания включает в себя необходимость выхода за пределы созерцания и перехода к мышлению, моментом к-рого и является П. Как граница созерцания и мышления оно содержит в себе и предметность внешнего содержания, и субъективность внутр. знания. На этапе П. деятельность человек. сознания проявляется в соотношении образов, в нахождении в них общего. При этом, по Гегелю, «... речь и ее система, а язык — дает ощущениям, созерцаниям, представлениям второе существование, более высокое,

чем их непосредственное наличное бытие, вообще дает им такое существование, которое имеет значение в сфере представления» (Соч., т. 3, М., 1956, с. 266).

Диалектич. материализм исходит из того, что в чувственно-наглядных образах человек. сознания осуществляется непосредств. познават. контакт с действительностью. Практически осваивая предметы, человек уже в П. овладевает их обществ. смыслом, значением; уже П. выполняет функцию обобщения. Содержание П.— то, что представляется, есть момент включения человека в обществ. движение, обусловленный и детерминированный этим движением; в то же время в силу непосредственности П. всегда несут на себе печать своеобразия индивидуального опыта.

Такой подход к П. согласуется с многочисл. данными психологич. исследований П., особенно в сов. психологии, к-рая показала зависимость формирования П. и их содержания от системы практич. действий человека. Любое человек. П. формируется на основе понимания функции, значения представляемого предмета или явления. В основе П. лежит чувственно-образная модель, соединяющая в себе чувственно-непосредственный и абстрактно-всеобщий моменты индивиду. знания. Такая модель является посредником между непосредственно-индивидуальным восприятием объектов действительности и их понятийной сущностью. Иногда эта модель совпадает с внешними особенностями вещи, воспринимаемыми органами чувств (когда практич. функции вещи связаны с ее внешними, воспринимаемыми непосредственно органами чувств качествами). Осуществляемое в науч. познании «наглядное» моделирование чувственно не воспринимаемых объектов и процессов также является формой, в к-рой понятия сущности представляются нам. Но в совр. науке обычно невозможно проецировать сложные, часто односторонние и противоречащие друг другу модели непосредственно на образы чувственно воспринимаемой действительности. Такая проекция становится все более сложной и опосредствованной.

Т. о., гносеологич. роль П. не в том, что они служат «промежуточной ступенькой от ощущения к мысли», а в том, что возникающее в чувств.-практич. и теоретич. деятельности знание постоянно использует образную форму П. как посредника в познании сущности являющегося мира.

Лит.: Вопросы формирования и развития пространств. П. и пространств. воображения учащихся, «Изв. АПН РСФСР», 1949, вып. 21; А г а н ь е в Б. Г., Проблемы П. в сов. психологич. науке, «Филос. записки», 1950, т. 5; Ш е м я к и н Ф. Н., Исследование топографич. П., влияние поворота на 180° на топографич. П., «Изв. АПН РСФСР», 1954, вып. 53; Психология исследования П. и воображения, там же, 1956, вып. 76; В а л л о н А., От действия к мысли, пер. с франц., М., 1956; Г а л ь п е р и н П. Я., Умственное действие как основа формирования мысли и образа, «Вопросы психологии», 1957, № 6; Б е р и т а ш в и л и И. С., О нервных механизмах пространственной ориентации высших позвоночных животных, Тб., 1959; Л а д ы г и н а - К о т с Н. Н., Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе), М., 1959; Проблема восприятия пространства и пространств. П., М., 1961; Л у р и я А. Р., Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга, М., 1962; М и х а й л о в а И. Б., О характере обобщения в П., «ВФ», 1963, № 7. И. Михайлова. Москва.

ПРЕДУСТАНОВЛЕННАЯ ГАРМОНИЯ — понятие, введенное в философию Лейбница (впервые в 1696) с целью обоснования учения о взаимоотношении монад. Согласно этому учению, монады, как идеальные сущности, не могут физически взаимодействовать между собой; их взаимодействие есть результат гармонии, предустановленной богом. П. г. превращает каждую монаду в «живое зеркало Вселенной». Благодаря этой божеств. гармонии и существует мировой порядок, происходит развитие всех вещей по единому плану. Лейбниц объяснял П. г. не только согласованность всех монад, но и согласие души с телом (см. Избр. филос. соч., М., 1908, с. 360). Ленин обратил внима-

ние на высказывание Фейербаха о том, что учение о П. г. есть «слабая сторона Лейбница» (см. Соч., т. 38, с. 381, ср., также с. 580—81, прим. 147). Слабость этого учения состояла в его религ.-идеалистич. телеологии. В то же время в учении Лейбница о П. г., как и в его учении о монаде, содержатся идеи детерминизма и диалектики: единство Вселенной, всеобщая связь вещей, связь единичного со всеобщим и др. Однако эти идеи не могли получить последоват. развития, этому мешала его религ.-идеалистич. филос. система, пославшая в своей сущности метафизич. характер.

Учение Лейбница о П. г. было использовано предшественниками реакц. религ.-идеалистич. философии.

Лит.: Sigwart H., Die Leibnizische Lehre von der prästabilierten Harmonie..., Tübingen, 1822; Verthold G., Leibniz und die Uhrengleichnis, «Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1874, August; Eisler R., Kritische Untersuchung des Begriffes der Weltharmonie, B., 1895. См. также лит. к ст. Лейбниц. Б. Мееровский. Москва.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ — связь между различными этапами или ступенями развития, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отд. сторон его организации при изменении целого как системы. П. выступает как одна из важнейших сторон отрицания отрицания закона.

В истории философии для тех метафизич. концепций, к-рые сводят развитие к плоскому эволюционизму или круговороту и рассматривают его как воспроизведение относительно неизменных форм, характерно гипертротрофирование П. Концепции типа теории катаклизмов, напротив, недооценивают или даже отрицают П., гипертрофируя изменения, различия в системе при переходе ее к новым состояниям.

Развернутый теоретич. анализ П. в связи с диалектич. концепцией развития впервые был проведен Гегелем, к-рый рассматривал П. как существ. сторону диалектически понятого отрицания: «... другое есть по существу не пустое отрицательное, не ничто, ... а другое первого, отрицательное непосредственно; оно, следовательно, определено как опосредствованное, — содержит в себе вообще определение первого. Первое, стало быть, по существу, также сбережено и сохранено в другом. — Удерживать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в разумном познании» (Соч., т. 6, М., 1939, с. 307—08).

Диалектич. материализм различает П. при количеств. изменениях, когда ее осн. содержание составляет сама структура, организация объекта (напр., биологич. воспроизводство в рамках одного вида), и П. при качеств. изменениях, когда структура объекта трансформируется, а содержанием П. являются отд. элементы, составляющие, связи объекта. Во втором случае каждый последующий этап снимает в себе структуру предшествующего, причем такое снятие может выступать либо в форме преобразований структуры (когда уровень, порядок организации остается прежним), либо в форме перехода к организации иного порядка.

Принципиальное значение имеет выявление специфики П. в обществ. развитии. Одна из осн. проблем, возникающих здесь, — это проблема взаимозависимости П. различных форм обществ. жизни. С одной стороны, «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 44—45); следовательно, главной в развитии общества является П. форм материального

произ-ва, определяющая П. и различных форм духовной жизни. С др. стороны, эти последние, будучи обусловлены уровнем экономич. развития, в то же время, подчиняясь имманентным законам развития, непосредственно зависят от мыслит. материала, накопленного предшеств. поколениями.

В силу сложности и внутр. противоречивости социального организма П. в обществ. развитии может носить либо прогрессивный, либо реакц. характер в зависимости от того, каково отношение ее содержания к социальному прогрессу. Учет П. консервативных взглядов, традиций, привычек составляет важное условие эффективного идеологич. руководства обществом.

Особой проблемой является соотношение П. и классовости в развитии духовной жизни общества. С т. зр. вульгаризаторов марксизма эти понятия исключают одно другое. Но на деле П. — необходимый атрибут развития духовной культуры классового общества, ибо отнюдь не все ее компоненты являются классовыми и тем более реакционными.

В сфере мыслит. деятельности различают позитивную П., основанную на критич. переработке и использовании результатов, достигнутых прошлыми поколениями, и негативную П., когда те или иные выводы достигаются вопреки и в противовес ранее сделанным.

В науч. познании П. основывается на том, что в каждой относит. истине содержатся зерна абс. истины. Будучи общим законом науч. познания, П. в каждой науке имеет специфич. черты. Напр., в физике она обнаруживается в форме принципа соответствия (см. Соответствия принцип) и ряде др. форм взаимосвязи физич. теорий. В философии П. основывается на относит. устойчивости осн. принципов разрешения фундамент. проблем онтологии, гносеологии, социологии, этики и эстетики.

Лит.: Маркс К., Морализующая критика и критикующая мораль, Соч., 2 изд., т. 4; Ленини В.И., Успехи и трудности Сов. власти, Соч., 4 изд., т. 29; его же, Задачи союзной молодежи, там же, т. 31; Шалютин С. М., Диалектич. отрицание и проблема П. в обществ. развитии, в сб.: Некоторые проблемы диалектич. и историч. материализма, М., 1958 («Уч. зап. АОН при ЦК КПСС», вып. 43); Бале Р. Э. А., Проблема П. в развитии культуры, «ВИМК», 1961, № 5; Яхот О. О., Отрицание и П. в историч. развитии, «ЕФ», 1961, № 3; Кедров В. М., О повторяемости в процессе развития, М., 1961; Кузнецов И. В., Взаимосвязь физич. теорий, «ВФ», 1963, № 6; Тонбее А., A study of history, 2 ed., v. 9, L., 1955; Ralph P. H., The story of our civilisation, L., 1957; Gabry P., Culture and history, L., 1958; Die Idee des Fortschritts, Münch., 1963; Miller H., Progress and decline; the group in evolution, Oxf., 1963. Э. Баллер. Москва.

ПРЕЗЕНТИЗМ (от англ. present — настоящее) — субъективно-идеалистич. течение в бурж. философии, истории, отрицающее объективность историч. познания и рассматривающее историч. науку как проецирование в прошлое совр. стремлений и чаяний. Наиболее резко П. выражен в работах амер. бурж. историков К. Беккера и Ч. Бирда, считающих, что в истории не может быть объективной истины, что суждения историков отражают их субъективные переживания. Это приводит к крайнему релятивизму, к выводу, что каждый человек создает свою картину историч. прошлого, к-рые однако правомочны. Историч. обобщения становятся при этом «актами веры» (Бирд). П. объективно является теоретич. обоснованием модернизации прошлого.

Лит.: Шаффа А. П. — реакц. методология бурж. историографии, «Коммунист», 1955, № 16; Коппен С., Филос. релятивизм в совр. амер. бурж. историографии, «Новая и новейшая история», 1958, № 5; его же, Филос. идеализм и критицизм бурж. историч. мысли, М., 1959; Веард Ч. А., The discussion of human affairs, N. Y., 1936; Веард С. L., Everyman his own historian: essays on history and politics, N. Y., 1935; его же, What are historical facts?, в кн.: The philosophy of history in our time. An anthology selected and edited by H. Meyerhoff, N. Y., 1959; Strout C., The pragmatic revolt in American history: Carl Becker and Charles Beard, New Haven, 1958. И. Кон. Ленинград.

ПРЕКРАСНОЕ — категория эстетики, характеризующая явления, обладающие высшей эстетич. ценностью. Как эстетич. ценность П. отличается от нравственных и теоретич. ценностей (добра, истины) тем, что оно связано с определ. чувств. формой и обращается к созерцанию или воображению; в отличие от полезного, восприятие П. носит бескорыстный характер.

Для древнейшего эстетич. сознания не было сомнения в объективности П., к-рое мыслилось как неотъемлемое свойство мира, *космоса*. Но объяснение этой объективности П. было различным. Для *пифагорейства* П. есть гармония, внутренне присущая вещам, источник к-рой усматривался в мистически понимаемых количеств. отношениях к божеств. ведению (см. Стобей, *Есл. I, 21,7*; Аристотель, *Мет. I, 4—5 985в—986а*). По *Гераклиту*, «прекраснейшей строй мира» и «прекраснейшая гармония» являются результатом единства и борьбы противоположностей (см. В 124, *Diels*⁹; Аристотель, *Eth. Nic. VIII, 2 1155в 4*). Гераклит говорит также об относительности П.: «... Самая прекрасная обезьяна безобразна по сравнению с родом людей» (Платон, *Гиппий Большой, 289 А*). По *Сократу*, относительность П. обусловлена тем, что «все хорошо и прекрасно по отношению к тому, для чего оно хорошо приспособлено» (Ксенифон, *Воспоминания о Сократе, III, 8,5*). Платон проводит четкое различие между тем, «что прекрасно» и тем, «что такое прекрасное» (Гиппий Большой, 287 Е), т. е. между сущностью П. и ее проявлениями. Однако сущность прекрасного Платон трактует как вечную, безотносительную, божеств. идею, от к-рой зависит существование всех прекрасных явлений (см. *Фир. 211 А—В*). Человек же, «видя здешнюю красоту, вспоминает красоту истинную» (*Phaed. 249 D*).

Отвергая теорию платоновских «идей», Аристотель полагает, что должно быть единым «прекрасное и бытие прекрасного» (*Мет. VII, 6 1031в*). В соответствии с этим Аристотель рассматривает П. как объективное свойство самой действительности, как проявление ее закономерностей: «...самые главные формы прекрасного, это — порядок <в пространстве>, соразмерность и определенность...» (там же, *XIII, 3, 1078а 34*); в живой природе П. связано с целесообразностью (см. «О частях животных», 645а). П., по Аристотелю, присуще и обществ. жизни, в к-рой оно совпадает с благом и добродетелью, особенно с мужеством и справедливостью, и выражается в бескорыстном и свободном от эгоистич. интересов служении людям и отечеству (см. *Rit. I, 9 1366а—1368а*).

В философии *софистов* и античного *скептицизма* намечается субъективно-идеалистич. истолкование П. По мнению *Пиррона*, ни П., ни безобразное не существует в действительности (см. *Diog. L., IX, 11, 3*). Объективно-идеалистич. понимание П. возрождается у неоплатоника *Плотина*, к-рый считал, что П. в телах возникает благодаря приобщению к высшей красоте, исходящей от бога (см. «*Энеады*» I, 6, 1—9).

Ср.-век. эстетика дает такое же объяснение сущности П. *Августин* писал, что бог сотворил «прекрасные разнообразные формы, блестящие и приятные цветы» (Исповедь, X, 34). *Фома Аквинский* также усматривал копечный источник П. в божестве; условиями П. он считал целостность, или совершенство, должную пропорцию, или созвучие, и ясность (см. «*Summa theologiae*», I, *qu. 39, art. 8*).

Мыслители эпохи Возрождения были убеждены в объективности П. Альберти полагает, что... «красота, как нечто присущее и прирожденное телу, разлита по всему телу в той мере, в какой оно прекрасно» («Десять книг о зодчестве», т. 1, М., 1935, с. 178). Само П. определяется им как «...строгая соразмерная гармония всех частей, объединяемых тем, чему они

принадлежат...» (там же). Для Леонардо да Винчи, Дюрера и др. теоретиков и практиков искусства Возрождения гармонически и многосторонне развитый человек — высшая мера П.

Классицизм трактовал П. и его оценку рационалистично и нормативно. В эпоху Просвещения эстетика вычленилась в самостоят. дисциплину (у *Баумгартена*) именно как «наука о прекрасном». Анализ П. у просветителей связан с их поисками гармонич. обществ. связей, преодолевающих крайности совр. цивилизации. П. рассматривается как посредствующее звено между разумом и чувствами, отвлеченным долгом и естеств. влечениями, как «свобода в явлении» (*Шиллер*), как единство правды и идеала в иск-ве (*Дидро, Лессинг*). Дидро, считая, что «...восприятие отношений есть основа прекрасного», различает «реально прекрасное» и «прекрасное, которое мы воспринимаем» или «относительно прекрасное» (см. Избр. произв., М., 1951, с. 382, 378). Англ. сенсуалистич. эстетика 18 в. детально исследовала психологию восприятия и переживания П. (*Хетчесон, Хол, Бёрк*). Абсолютизация субъективной стороны П. привела к идеалистич. отрицанию его объективности в эстетич. воззрениях *Юма* и *Канта*. По мнению Канта, «эстетическое свойство» — «то, что в представлении объекта только субъективно...» («Критика способности суждения», СПб, 1898, с. 28) и «...суждение вкуса не есть познавательное суждение» (там же, с. 41). Предмет может считаться прекрасным, если отношение к нему будет незаинтересованным, если он без понятия представляется как «объект общего наслаждения» и «предмет необходимого удовольствия» и если он воспринимается как обладающий «формой целесообразности» «без представления цели» (см. там же, с. 52, 92, 85). Гегель при исследовании П. отвергает кантовское «... ошибочное представление о существовании прочной противоположности между субъективным мышлением и объективными предметами...» (Соч., т. 12, М., 1938, с. 61). Для Гегеля П. объективно как «чувственная видимость идеи» (см. там же, с. 115). Поскольку же в природе идея проявляется лишь смутно, то и П. в ней несовершенно. Только искусство, по Гегелю, способно осуществить необходимое для истинно П. полное соответствие идеи и образа; П. в искусстве и есть *идеал*. Ценнейшее достижение гегелевской эстетики — диалектич. подход к изучению П. и понимание историч. развития П., хотя и на объективно-идеалистич. основе.

Материалистич. эстетика 18—19 вв. доказывала объективность П., рассматривая его как свойства, качества, отношения самой материальной действительности. «Под красотой я понимаю, — писал Э. Бёрк в книге «Филос. исследование происхождения наших идей о возвышенном и П.», — качество или качества тел, благодаря которым они (тела.—*Ред.*) вызывают любовь или подобную страсть» («A philosophical enquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful», L.—N. Y., 1953, p. 91). Чернышевский выступил против упрощенной трактовки этой объективности у Бёрка, критикуя его за то, что тот принял «прекрасное и возвышенное прямо за качества самих тел, производящих на нас такие впечатления» (Полн. собр. соч., т. 2, 1949, с. 136). Согласно Чернышевскому, «прекрасное есть жизнь» и «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям» (там же, с. 10).

В бурж. эстетике конца 19—20 вв. проблема П. рассматривается с идеалистич. позиций. Согласно субъективно-идеалистич. теории «чувствования» (Р. Фишер, Т. *Липпс*, Вернон *Ли* и др.), П. образуется преципированием на предмет чуждого чувства. По определению *Салтыаны*, «...красота есть наслаждение, рассматриваемое как качество вещи» («The sense of

beauty», N. Y., [1955], p. 51). Для Кроче П.— «адекватность выражения» (см. «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», ч. 1, М., 1920, с. 106). Кэррит видит в П. «выражение эмоции» (см. «The theory of beauty», L.—N. Y., [1962], p. 201). С аналогичных методологич. позиций П. истолковывается эстетикой прагматизма, к-рая трактует П. как качество «опыта» в идеалистич. его понимании и сводит П. к «обозначению характерной эмоции» (см. J. Dewey, Art as experience, N. Y., 1934, p. 129). Субъективный характер П. подчеркивается эстетикой экзистенциализма (Хейдеггер), а также представителями семантич. направления (Хейл) и символич. толкования художеств. творчества (С. Лангер). Сторонники объективно-идеалистич. осмысления П. усматривают его объективности либо непосредственно в боге (напр., эстетика неотомизма), либо в мистически и телеологически интерпретируемой действительности («ирреальный» слой прекрасного предмета у Н. Гартмана, П. как выражение целенаправленности у Э. Сурио и т. п.). Нек-рые представители совр. бурж. эстетики подчас стирают границы между П. и безобразным. Л. Столович. Тарту.

Марксистская эстетика исходит из того, что П. возникает в процессе обществ.-трудовой практики и имеет историч. характер. В труде выделяются две стороны: конкретный полезный труд и его продукт, служащий для непосредств. потребления, и труд как универсальное свободное творчество, в процессе к-рого предметно воплощается все богатство человек. сил и способностей. Вторая сторона характеризует эстетич. аспект труда. «... Животное, ... производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от неё...; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противопоставляет своему продукту... В силу этого человек формирует материю также и по законам красоты» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 566).

Развитие производит. сил человечества есть одновременно развитие богатства человек. природы как самоцели (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 2, с. 123). Общественно-историч. практика со стороны ее эстетич. содержания является закономерным процессом порождения и развития богатства всеобщих творч. сил человека, материализующихся как предметные формы П.

П. имеет две стороны: объективную и субъективную. Объективная сторона П. состоит в свободном развертывании и предметно-чувств. воплощении творч. сил человека; это — предметное утверждение свободы в природном и обществ. бытии. История развития трудовой практики, материального производства есть, вместе с тем, историч. процесс рождения и формирования субъективных человек. способностей, эстетич. чувств. В этом процессе возникли и развились «...музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям...» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 593). Субъективная сторона П. и представляет собой духовное наслаждение процессом и результатами свободного труда как игры физич. и интеллектуальных сил человека.

Поскольку в труде осуществляются единство общества и природы, взаимодействие субъекта и объекта, постольку возникновение красоты в процессе труда

есть вместе с тем возникновение красоты в материальном мире. Благодаря творчеству по законам красоты в производств. деятельности и наслаждению ее предметными результатами человек научился эстетически относиться к явлениям природы, находить красоту в ландшафтах, морской стихии, минералах, животных и растениях, в сочетаниях красок, звуков, в свойствах симметрии, ритма, пропорций и т. п. Природа исторически становится прекрасной по мере того, как в процессе универсального практич. и духовного освоения ее человеком она выступает как объект бескорыстного эстетич. созерцания и наслаждения. Отношение человека к природе вообще не является чем-то непосредственным: оно опосредовано всей системой обществ. отношений, складывающихся в процессе предметно-практич. деятельности. «Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 6, с. 446). Натуралистич. понимание П. возникает в результате ложного отождествления естеств. свойств предмета с его эстетич. функциями, т. е. отождествления вещи и выражаемого ею обществ. отношения.

В искусстве, кристаллизующем в себе эстетич. потенциал обществ. практики, П. выступает как идеал, т. е. как чувственно созерцаемый образ универсальной реализации человек. свободы. Идеал П. является критерием эстетич. оценки действительности. В марксистско-ленинской эстетике идеал П. тесно связан с борьбой за построение коммунистич. общества, способного, по словам Ленина, «... создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом» (цит. по кн.: Луначарский А. В., Статьи об искусстве, 1941, с. 46).

Проблема П. широко обсуждается в сов. эстетике последнего десятилетия. В центре внимания — вопрос о происхождении П., его сущности — природной или общественной, о характере объективности П. (обзор дискуссии по проблемам эстетики и выявившихся в ходе ее различных т. зр. на П. см.: Л. Н. Столович, Предмет эстетики, М., 1961; К обсуждению вопроса о сущности эстетического, «ВФ», 1963, № 5; Ф. Д. Кондратенко, Эстетическое как отношение, в сб.: Эстетическое, М., 1964). С. Гольдентрихт. Москва.

Лит.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 1—3, [М.], 1962—66; Плеханов Г. В., Письма без адреса, Избр. филос. произв., т. 5, М., 1958; Вопросы эстетики. Сб. ст., вып. 1—6, М., 1958—64; Из истории эстетич. мысли древности и средневековья, М., 1961; Из истории эстетич. мысли нового времени, М., 1959; О совр. бурж. эстетике. Сб. ст., вып. 2, М., 1965; Асмус В. Ф., Нем. эстетика XVIII в., М., 1962; Борев Ю. Б., Основные эстетич. категории, М., 1960; его же, Введение в эстетику, М., [1965]; Ванслов В. В., Проблема П., М., 1957; Глазман М. С., Проблема П. в эстетике Гегеля, [Душанбе], 1960; Гольдентрихт С. С., Об эстетич. освоении действительности, М., 1959; Дмитриева Н., О П., М., 1960; Егоров А., О реакционной сущности совр. бурж. эстетики, М., 1961; П. и жизнь. Сб. ст., М., 1962; Крюковский Н. И., Логика красоты, [Минск, 1965]; Каган М. С., Лекции по марксистско-ленинской эстетике, ч. 1. Диалектика эстетич. явлений, Л., 1963; Коган Л. Н., Труд и красота, М., 1963; Лосев А. Ф., История антич. эстетики (Ранняя классика), М., 1963; Лосев А. Ф., Шестаков В. П., История эстетич. категорий, М., 1965; Смольянинов И. Ф., П. в человеке, Л., 1962; Столович Л. Н., П. в жизни и в искусстве, М., 1964; Врезу М., Despre obiectivitatea valorii estetice, «Securitari Filozofice», 1958, № 6; Carritt E. F., The theory of beauty, L.—N. Y., [1962]; Garai László, A szép pszichológiája, «Magyar Filozófiai Szemle», 1962, № 4; Koebner R. und Koebner G., Vom Schönen und seiner Wahrheit; eine Analyse ästhetischer Erlebnisse, B., 1957; Landmann E., Die Lehre von Schönen, W., 1952; M. A. Gritz K., Auf der Suche nach den Gesetzen der Schönheit, «Deutsche Architektur», 1960, H. 4; Morgawski S. t., O wartosci artystycznej, «Kultura i społeczeństwo», 1962, t. 6, № 4; Munro T. H., The concept of beauty in the philosophy of the naturalism, «Revue internationale de philosophie», 1955, № 31, fasc. 1; Osborne H., Theory of beauty. An introduction to aesthetics, L., 1952;

B a g h a v a n V., Concept of beauty, «Vedanta kesari», 1959, v. 46, № 4; R e d e k e r H., Geschichte und Gesetze des Ästhetischen, [В., 1960]; S a n t a y a n a G., The sense of beauty, N. Y., 1955; S o u r i a u E., Le problème du beau dans la nature, «Bull. de psychologie», 1962, v. 15, № 210(18); Š i n d e l á f D., Problém krásna. O súčasnej umění a estetice, Praha, 1958.

См. также лит. к ст. *Искусство, Эстетика.*

Л. Столович. Тарту.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФОРМЫ СУЖДЕНИЯ

(в традиц. логике) — общее название *превращения, обращения, противопоставления, ограничения третьего понятия* и др. форм *непосредственных умозаключений*. Наряду с термином «кажущиеся умозаключения», используется логиками, к-рые не считают непосредств. умозаключения формой логич. вывода, а рассматривают их как приемы чисто грамматич. преобразований высказываний (см., напр., Х. Зигварт, Логика, т. 1, СПб, 1908, § 52; Дж. С. Милль, Система логики силлогистической и индуктивной, М., 1914, кн. 2, гл. 1, § 2). Противники этой т. зр., напротив, отказываются от использования термина «П. ф. с.» по отношению к перечисленным выше операциям, поскольку считают, что, в отличие от чисто грамматич. преобразований высказываний (таких, напр., как преобразование высказывания «Все люди обладают разумом» в высказывание «Всем людям присуще свойство разумности»), эти операции сохраняют все свойства логич. вывода. А. Ветров. Москва.

ПЕРЕРЫВНОСТЬ И НЕПЕРЕРЫВНОСТЬ

— категории, характеризующие строение *материи*, а также процессы *развития*. Перерывность (дискретность) выражает пространственно-врем. локализованность составляющих, элементов, состояний нек-рого объекта, процесса и основывается на делимости объекта, процесса и на относительно самостоят. существовании его составляющих, элементов в рамках целого. Неперерывность выражает органич. единство, взаимосвязь и взаимообусловленность тех же составляющих, элементов, состояний и основывается на неделимости объекта как целого; благодаря такому единству только и возможно существование и развитие объекта, процесса как целого. Т. о., строение к.-л. объекта, процесса раскрывается как единство П. и н. Перерывность обуславливает саму возможность сложного и неоднородного строения объекта; «отделенность», локализованность того или иного элемента является необходимым условием выполнения этим элементом специфической для него функции в рамках целого. В сложном объекте только благодаря прерывности возможна взаимозаменяемость (и вообще заменимость) отд. элементов. В процессах развития прерывность выступает как относит. ограниченность отд. состояний, стадий развития и служит объективным основанием для вычленения и сопоставления этих состояний в познании. Неперерывность всегда реализуется в определенной системе связей (причем сами связи, в свою очередь, могут характеризоваться через понятия П. и н.); она составляет объективный базис, благодаря к-рому из частей образуется целое; конкретное воплощение непрерывности через систему связей объясняет факт неаддитивности целого сумме его частей. В процессах развития непрерывность обуславливает возможность перехода развивающегося объекта из одного состояния в другое без разрушения самого объекта, с большим или меньшим сохранением его субстрата и осн. характеристик. Способом и вместе с тем воплощением единства П. и н. в процессах развития является *скачок*, для к-рого характерны одновременно как разрывность, так и *преемственность*, как изменение, так и сохранение.

П. и н. в математике рассматриваются гл. обр. как характеристики различных «пространств» (см. *Пространство*) и пространственных (точечных) множеств, а также множеств, состоящих из элементов «непрост-

ранственной», напр. числовой, природы, но изоморфных пространственным (см. *Изоморфизм*). Исследования понятий П. и н. тесно связано с проблемой *математической бесконечности*, в частности с вопросом о мощностях множеств. Дискретным является всякое конечное множество и всякое счетное бесконечное множество (элементы к-рого можно располагать в виде последовательности, изоморфной натуральному ряду). Неперерывное множество непрерывно и не счетно. Напр., множество действит. чисел имеет мощность *континуума*. Но несчетность недостаточна для характеристики непрерывности: линейное несчетное множество может быть не только не непрерывным, но и «всюду разрывным» (т. е. таким, что его точки не заполняют целиком никакого отрезка) и даже «нигде не плотным» (т. е. внутри каждого отрезка, содержащего точки данного множества, найдется меньший отрезок, целиком свободный от его точек). Т. о., из непрерывности следует несчетность, а из конечности или счетности — дискретность.

Вопрос о П. и н. обсуждался еще в антич. философии и математике (концепция атомизма, проблематика апорий *Зенона Элейского*, «аксиома непрерывности» *Евдокса Книдского* — Архимеда и др.). В математике нового времени в связи с развитием математич. анализа центр. роль стала играть идея непрерывности. При этом обназужились сложные, парадоксальные с т. зр. обычной математич. интуиции взаимоотношения понятий П. и н. Так, в классификации функций, построенной франц. математиком Р. Бэром, «нулевой» класс образуют непрерывные функции, а последующие классы — натуральных, а затем и трансфинитных порядков — функции различных «степеней разрывности». Об относительности противопоставления П. и н. свидетельствовала и работа по арифметизации (т. е. дискретизации!) математич. анализа, проведенная в 19 в.

Однако фундаментальное обоснование этой относительности было дано лишь в 20 в. В математике идея непрерывности проникла в области, являющиеся ранее сферой чисто дискретных рассмотрений (теория непрерывных групп, непрерывных колец в алгебре и др.). В известном смысле как «науку о непрерывном» можно рассматривать топологию, т. к. в ней изучаются свойства множеств («топологич. пространств»), сохраняющиеся при любых их «непрерывных деформациях». С др. стороны, парастала тенденция, противостоявшая универсализации идеи непрерывности. Развитие *интуиционизма*, а затем *конструктивного направления* привело к разработке интуиционистских и конструктивных аналогов ряда понятий классич. математики, связанных с идеей непрерывности (напр., интуиционистский «континуум» Э. Л. Брауэра и Г. Вейля, а затем аналог континуума в совр. конструктивном математич. анализе, описываемый средствами теории рекурсивных функций или теории *нормальных алгоритмов* с т. зр. классич. математики не могут считаться континуумами хотя бы в силу своей счетности; однако в «атомистическом» и «счетном» континууме конструктивистов каждая конструктивная функция оказывается непрерывной). Эта неабсолютность понятий П. и н. связана с различиями в абстракциях, используемых, с одной стороны, классическим, а с другой — интуиционистским и конструктивным направлениями. Поэтому дискретное с классич. т. зр. непрерывно с интуиционистской или конструктивной т. зр., а классич. непрерывность вообще лишена смысла для последних двух направлений.

Относительность (и взаимозависимость) П. и н. проявляется и в совр. физике: эти понятия, противопоставляемые на уровне одной физич. теории, оказываются «сосуществующими» и даже дополняющими

одно другое в иных теориях или при иных подходах. В этой связи можно сказать, что нынешние попытки физиков установить наличие пространств или врем. квантования мира, в случае их удачи, вряд ли приведут к поражению идеи непрерывности в физике, т. к. по самой своей природе они связаны с применением определен. науч. аппарата и соответствующих постулатов, а никакой науч. аппарат не может претендовать на универсальность. Развитие кибернетики и связанных с ней наук стимулирует разработку многочисл. отраслей «дискретной» («конечной») математики (напр., теории конечных автоматов). Это связано с выдвиганием все большего количества науч., технич., экономич. задач, решать к-рые целесообразнее по «дискретной» схеме. Так обстоит дело, напр., при моделировании любых, в т. ч. «непрерывных», процессов на электронных цифровых машинах. Представление о дискретности процессов управления и строения систем управления является одним из ведущих принципов кибернетики. Однако такой подход связан с известной идеализацией, огрублением функционирования реальных устройств и систем (таковы, напр., абстракции квантованных сигналов, дискретных шагов изменения времени и т. д.). Поэтому при применении некоего конкретного аппарата, содержащего абстракции, типичные для дискретного подхода, учитывается способность этого аппарата дать результаты, соответствующие фактич. положению вещей. Связанное с этим огрубление в принципе может быть снято дальнейшим развитием дискретного аппарата. «Не существует состоятельных аргументов в пользу принципиальной ограниченности возможностей дискретных механизмов по сравнению с непрерывными» (К о л м о г о р о в А. И., «Автоматы и жизнь», см. «Техника молодежи», 1961, № 10, с. 18—19). Однако наука и практика вынуждены учитывать реальные трудности создания чисто дискретных моделей высокосложных систем управления, связанные, в частности, с необходимостью оперировать с функциями от весьма большого числа переменных. Это породило идеи об отказе или ослаблении в том или ином направлении требования дискретности и введении в рассмотрение управляющих систем, трактуемых в виде сплошных непрерывных сред.

Лит.: В э р Р., Теория разрывных функций, пер. с франц., М.—Л., 1932; В е й л ь Г., О философии математики, пер. с нем., М.—Л., 1934; Х а у с д о р ф Ф., Теория множеств, пер. с нем., М.—Л., 1937; Я б л о н с к и й С. В., Основ. понятия кибернетики, в кн.: Проблемы кибернетики, вып. 2, М., 1959; Я п у н о в А. А. и Я б л о н с к и й С. В., Теоретич. проблемы кибернетики, там же, вып. 9, М., 1963; Г е л ь ф а н д И. М. и Ц е т л и н М. Л., О непрерывных моделях управляющих систем, «ДАН СССР», 1960, т. 131, № 6; К у з н е ц о в Б. Г., Развитие физич. идей от Галилея до Эйнштейна в свете совр. науки, М., 1963; К о л м о г о р о в А. И., Жизнь и мышление как особые формы существования материи, в сб.: О сущности жизни, М., 1964; К у з н е ц о в Б. Г., Очерки физической атомистики XX века, М., 1966.

ПРЕСТЕС (Prestes), Луис Карлос (род. 3 янв. 1898) — деятель браз. и междунар. рабочего движения, ген. секретарь Браз. коммунистич. партии (БКП). В 1919 окончил Высшую воен. академию. Революц. деятельность начал в 20-х гг.: в 1924 возглавил восстание гарнизонов на юге страны против реакц. пр-ва Бразилии; в 1924—27 руководил походом повстанческих частей «Колонны Престеса» через всю Бразилию. В 1927—35 находился в эмиграции. С 1934—член БКП, с 1935 — член Исполкома Коминтерна (ИККИ). В 1936 за революц. деятельность был арестован и приговорен к 46 годам заключения. В 1943 был заочно избран членом ЦК и ген. секретарем БКП. В 1945 был освобожден и избран сенатором; с 1947 по 1958 находился на нелегальном положении.

В статьях и выступлениях П. призывает браз. народ к борьбе за мир, демократич. свободы и нац. независимость страны. П. указывает, что для эконо-

мич. и социального развития страны необходимо разрешить два осн. противоречия браз. общества на совр. этапе: первое — между браз. нацией и североамер. империализмом с его внутр. агентами; второе — между растущими производ. силами и полуфеод. производств. отношениями в с. х-ве. При этом П. подчеркивает «необходимость сосредоточить усилия, в первую очередь, на расширении и укреплении единого националистического и демократического фронта», способного осуществлять революцию на своем нынешнем этапе — антиимпериалистическую и антифеодалную («A situação política e a luta por um governo nacionalista e democrático», R. de J., 1959, p. 46, 47).

Особое внимание уделяет П. идеол. воспитанию коммунистов в духе марксизма-ленинизма. Напомнив о том, что без революц. теории не может быть и революц. движения, П. неоднократно обращал внимание коммунистов на необходимость повышать свой теоретич. уровень и вести решительную борьбу против любой фракционной тенденции в рядах партии, против реформизма и ревизионизма и в особенности против сектанства и догматизма, отрицающего необходимость совместной борьбы с нац. буржуазией и возможность мирного пути для браз. революции (см. там же, p. 48—49). В отчетном докладе ЦК БКП на IV съезде партии (ноябрь 1954) П. поставил задачи идеол. борьбы в партии.

«Идеологическая борьба означает также непримиримую защиту диалектического и исторического материализма против его фальсификаторов, выступающих открыто или в лицемерной форме, и наша обязанность вести упорную борьбу против всех видов идеализма» («Problemas», 1954—55, № 64, p. 99).

Соч.: União nacional para a democracia e o progresso, R. de J., 1945; O problema da terra e a Constituição de 1946, R. de J., 1946; Solução imediata para o problema do povo, R. de J., 1946; Problemas atuais da democracia, R. de J., 1947; En marcha para um grande partido comunista de massa, R. de J., 1947; Frente nacional para salvação da pátria, R. de J., 1947; Como enfrentar os problemas da Revolução Agrária e Anti-imperialista, «Problemas», 1948, № 9; O imperialismo em busca de novos quadros, там же, № 12; Depoimento perante a comissão de inquerito sobre atos delicados da ditadura, R. de J., 1948; As eleições presidenciais de 1955... «Voz operária», 1955, 2. IV, № 307, в рус. пер.— Борьба бразильского народа против диктата США, «За прочный мир, за народную демократию», 1955, № 12, 25 марта; Коммунистич. партия Бразилии в борьбе за мир, свободу и независимость родины, «Коммунист», 1955, № 3.

Лит.: А м а д у Ж., Л. К. Престес, пер. с португ., М., 1951. Ж. Баарян. Москва.

ПРЕФОРМИЗМ (от лат. praeformare — перед, и forma — вид, форма) — учение о наличии в половых зачатках организмов материальных структур, определяющих развитие зародыша. В своей первой, наивной форме, П. возник еще в воззрениях атомистов о «семенах вещей» (*гомеомериях*). Так, Анаксагор считал, что в человеке семенц заложены в невидимо малых размерах волосы, ногти, сосуды, сухожилия и кости, к-рые при развитии лишь соединяются и вырастают, становясь видимыми. Ту же мысль проводит Гиппократ. Эти воззрения подверг критике Аристотель, выдвинувший в противовес П. учение об *эпигенезе*, господствовавшее вплоть до Гарвея. Сваммердам (1669), Мальпиги (1673) и Левенгук (1683) признали наиболее соответствующим действительности учение о преформации зародыша, т. е. наличии его в яйце или семени в сформированном виде уже до оплодотворения и развития. Эпигенетич. интерпретация как в виталистич. понимании (Гарвей), так и в механи-

стическом (Декарт) одинаково считалась тогда не-
 правдоподобной и ненаучной. Филос. обоснование П.
 пытались построить *Мальбранш* и *Лейбниц*. В 18 в.
 концепция П. получила дальнейшее развитие в рабо-
 тах Галлера, Бонне и Спалланцани, доказывавших
 ненаучность объяснения процессов развития с т. зр.
 явленной самозарождения, брожения и механ. соче-
 тания частей. Трудности, связанные с объяснением
 с позиций П. явленной уродств, наследственности,
 гибридизации и регенерации, привели к возрождению
 идей эпигенеза, к-рые пытались обосновать в свете
 только что сформулированного Ньютоном учения
 о всемирном тяготении (Монертюи, Дж. Т. Нидем,
 Ж. Бюффон, а также Дидро). Развернутую критику П.
 дал К. Ф. Вольф. Начиная с И. Ф. Блауенбаха
 (1781) эпигенетич. теории приобрели виталистич.
 характер. Кант отвергает как виталистич. эпигенез,
 так и наивный П., дальновидно допуская некую «ро-
 довую преформацию», т. е. какие-то наследств. за-
 чатки. В нач. 19 в. на базе выяснения процессов
 оплодотворения и первых успехов описат. эмбриологии
 (Х. И. Пандер, К. Э. Бэр) окончательно был опро-
 вергнут примитивный П.

Однако П. возрождается на новой основе с про-
 возгласением клеточного учения и особенно благо-
 даря успехам в познании процессов деления клеток и
 переноса этих данных на явления оплодотворения и
 развития. Успехи цитологии в 70—80-е гг. 19 в.
 (открытие и исследование карิโอкинеза, теория инди-
 видуальности хромосом и участие их в редукционном
 делении и оплодотворении) направили внимание уче-
 ных на изучение роли отд. элементов половых клеток
 и особенно их ядер в процессах развития.

Неизбежность допущения для объяснения процессов
 развития каких-то преформированных материальных
 элементов, передающихся из поколения в поколение
 через половые клетки, стала снова очевидной с раз-
 витием генетики. Такими элементами явились
 гены, структура к-рых в наст. время близка к выяс-
 ненной. Предполагают, что наследств. информация
 организмов заложена в сложных химич. структурах
 ДНК. Процесс развития понимается в наст. время
 как реализация тех возможностей, к-рые заложены
 в «наследств. коде» ядра половой клетки. Хотя для
 осуществления этих процессов развития необходимо
 наличие определ. условий внешней среды (темпера-
 тура, влажность, кислород и т. д.), они неизменно
 реализуются путем «самодифференцировки» на основе
 тех видоспецифич. закономерностей, к-рые были исто-
 рически выработаны и закреплены на протяжении
 эволюции органич. мира. Лишь на более поздних
 этапах развития, особенно у свободно развивающихся
 в личиночном состоянии организмов, играют роль
 в развитии условия существования и функционирова-
 ния их органов.

Задачей совр. науч. исследований является выясне-
 ние соотношения «внутренних» и «внешних» законо-
 мерностей в развитии, наследственности и видооб-
 разовании. Одностороннее решение этих вопросов лишь
 в направлении исключительно внутр. факторов при-
 водит нередко к *автогенезу*, а допущение исключи-
 тельно «внешних» факторов развития приводит в конце
 концов к витализму. В этом свете как абс. П., так
 и абс. эпигенез оказываются одинаково непримле-
 мыми.

Лит.: Гексли Дж. С. и Берг Р. де, Основы экспе-
 римент. эмбриологии, М.—Л., 1936; Вильсон Э., Клетка
 и ее роль в развитии и наследственности, т. 2, М., 1940, гл. 14;
 Гайсинович А. Е., К. Ф. Вольф и учение о развитии ор-
 ганизмов (в связи с общей эволюцией науч. мировоззрения),
 М., 1961; Раевн Х., Оогенез. Накопление морфогенетич.
 информации, М., 1964; Уолдингтон К. Х., Морфогенез
 и генетика, М., 1964. А. Гайсинович. Москва.

ПРИНЦИП (от лат. principium — начало, основа) —
 в философии то же, что и *основание*, т. е. то, что лежит

в основе нек-рой совокупности фактов или знаний.
 Попытки так понимаемых П. начинаются уже в антич.
 философии, где в качестве исходного П. бытия пы-
 тались рассматривать ту или иную субстанцию. *Ана-
 ксимаандр* впервые в качестве П. берет нечто неопре-
 деленное — апейрон (впрочем, таким абстрактным П.
 можно считать и дао у *Лао-цзы*); он же ввел и само
 представление о П. — «архе». В дальнейшем находже-
 ние основ бытия (П.) стало рассматриваться как осн.
 задача философии. После того как тот или иной П.
 бытия был сформулирован, он нередко начинал рас-
 сматриваться и как исходный пункт объяснения. Т. о.
 были различены П. бытия (principia essendi) и П.
 познания, или идеальные П. (principia cognoscendi).
 Широкая трактовка этого последнего понимания
 привела к тому, что под П. стали понимать вообще
 всякое основание, из к-рого надо исходить и к-рым
 нужно руководствоваться в деятельности.

В наст. время термин «П.» обычно употребляется
 в связи с самыми различными сферами человек. дея-
 тельности (с сохранением первичного оттенка — пер-
 вый, основной, исходный), тогда как применительно
 к миру употребляется термин «закон».

В. Костеловский. Москва.

ПРИНЦИП АБСТРАКЦИИ — логический (теоре-
 тико-множественный) принцип, лежащий в основе оп-
 ределенности через абстракцию. Согласно П. а., любое
отношение типа равенства, определенное на нек-ром
множестве объектов, может служить для распределе-
 ния (разбивания) объектов этого множества по попарно
 непересекающимся классам, наз. к л а с с а м и а б с т р а к ц и и
 (или классами разбиения, или классами эквивалентности)
 этого отношения, и таким, что любые два объекта раз-
 биваемого множества принадлежат к одному и тому же
 классу абстракции в том (и только в том) случае,
 когда они находятся в указанном отношении; одновре-
 менно каждый элемент множества принадлежит к к.-л.
 классу абстракции (напр., множество всех живущих на
 земле людей отношению «x имеет одинаковый воз-
 раст с y» разбивается на непересекающиеся классы
 «живущих людей одинакового возраста»). В соот-
 ветствии с т. н. аксиомой «существования классов»
 (аксиомой «свертывания»), позволяющей отождествлять
 классы и свойства (признаки), всякое, определенное
 для элементов разбиваемого множества, отношение
 типа равенства, отношение типа равенства «выделяет»
 определенный вид признаков, характеризующих соот-
 ветств. классы абстракции. Наоборот, всякое разби-
 ение множества по известному виду признака его
 элементов на классы абстракции (классы эквивалент-
 ных, или равных, по отношению к данному признаку
 элементов) «выделяет» нек-рое отношение типа ра-
 венства, а именно такое, в к-ром находятся любые
 два члена одного и того же класса абстракции.

П. а. рассматривают обычно как одну из теорем
 об абстракции в классич. теории множеств, поскольку
 его формулировка сводится к утверждению о существо-
 вании множеств (классов), — а б с т р а к т н ы х о б ъ е к т о в,
 обладающих определ. свойствами. Однако посредством
 П. а. достигается и обратный процесс — избавление
 от абстракции, удаление ее. Ведь, согласно осн. по-
 ложению этой теории, класс абстракции может быть
 отождествлен со свойством, общим всем членам
 (предметам) данного класса. Но свойство это, в свою
 очередь, можно отождествить (и мы действительно на
 практике часто его отождествляем) с любым «кон-
 кретным» предметом (членом) этого класса (носителем
 свойства). Такое отождествление представляется да-
 же более естественным, чем отождествление класса и
 свойства, в силу заведомо принимаемого, — по смыслу
 самого П. а., — «интервала абстракции», согласно к-
 рому др. свойства этого предмета нас попросту не
 интересуют: они являются по с т о р о н н и м и

в данном анализе и практически их нет, если смотреть, так сказать, «изнутри» принятого интервала абстракции. Т. о., с т. зр. целей, определяющих выбор соответств. отношения типа равенства или соответств. свойства, каждый «конкретный» предмет, — элемент разбиваемого множества, при данном разбиении используется только в качестве «абстрактного» предмета, или, что то же — в качестве представителя (и заместителя) определенного (своего) класса абстракции. В этой своеобразной диалектике «абстрактного» и «конкретного», позволяющей вводить абстракции с одновременным указанием средств их удаления, состоит основное гносеологич. содержание П. а.

Лит.: К у т ю р а Л., Филос. принципы математики, пер. с франц., СПб, 1913, с. 45—46; А л е к с а н д р о в П. С., Введение в общую теорию множеств и функций, М.—Л., 1948, с. 22—25; Ш и х а н о в и ч Ю. А., Введение в совр. математику, М., 1965, гл. 6, § 3, 4; A j d u k i e w i c z K., Logika pragmatyczna, Warsz., 1965, s. 237—40. М. Новоселов. Москва.

ПРИНЦИП ЗАМЕЩЕНИЯ — правило логич. вывода, основанное на отношении тождества (равенства). В формулировке *Джеводона*, положившего его в основу своей теории логики, П. з. имеет след. смысл: если $A=B$ и $B * C$, то $A * C$, т. е. из равенства A и B и того, что B находится к C в нек-ром отношении $*$ (к-рым может быть любое отношение: принадлежности св-ва предмету, временн.е, пространственное, родства; им, в частности, может быть и отношение равенства), следует, что A находится к C в том же отношении, или, как разъясняет *Джеводон*, «... всякий термин, встречающийся в каком-нибудь предложении, можно заменять термином, о котором утверждается в какой-нибудь посылке, что он тождествен с первым» («Основы науки», СПб, 1881, с. 48), т. е. «... то, что верно об одной вещи, верно и о другой, подобной ей или тождественной с нею» (там же, с. 35). Если A и B тождественны (т. е. A и B суть символы для одного и того же), то, согласно *Джеводону*, П. з. применим непосредственно; если же A и B только сходны (подобны), надлежит специально исследовать, какова наименьшая степень схождения, гарантирующая правильность процесса замещения; сам процесс применения П. з. *Джеводон* называет замещением подобных (the substitution of similars). Применение П. з. в качестве правила вывода в дедукции связано у *Джеводона* с истолкованием всех предложений как выражающих отношение равенства.

Развивая свою теорию дедукции как логику классов, *Джеводон* выражает различные виды предложений след. формулами: (1) $A=B$ — полное тождество: классы A и B совпадают; (2) $A=AB$ — частичное тождество: класс A совпадает с пересечением классов A и B , напр., «Люди — смертные люди», чему в обычной речи соответствует предложение «Все люди смертны»; (3) $AB=AC$ — ограниченное тождество: тождество B и C ограничено сферой вещей, к-рые суть A ; (4) $A=Ab$ — выражает отрицат. предложение «Ни одно A не есть B » (b — класс, дополняющий B до класса «всех вещей»; малым буквам в символике *Джеводона* соответствуют отрицат. термины); (5) $A=AB \cdot AC$ — формула разделит. предложения « A суть B или C », в к-ром союз «или» понимается в соединит. смысле (в отличие от Буля, у к-рого «или» имело разделит. смысл); знак \cdot означает объединение классов; (6) $PA=PA \cdot B$ — формула частного предложения «Нек-рые A суть B » (P — знак «неопределенного количества, PA означает какую-то, фиксированную, часть класса A). Законом тождества, противоречия и исключенного третьего (называемого *Джеводоном* «законом двойственности») соответствуют формулы: $A=A$, $Aa=0$ (пересечение класса A со своим дополнением пусто) и $A=AB \cdot \bar{A}b$. Примеры выводов в исчислении *Джеводона* (а): Из посылок $A=B$, к к-рой присоединено $AC=AC$ (закон тождества), по П. з. следует $AC=BC$; б) из $B=BC$ и $A=AB$ по П. з. следует $A=ABC$, а отсюда, по производному правилу, позволяющему зачеркнуть B , получается $A=AC$.

П. з. в логике имеет долг. историю. О замене в суждении одних терминов и предложений другими, равнозначными с заменяемыми, говорит уже *Аристотель* (см. «Аналитики...», I, 39, 49a 31—49b 6; рус. пер., М., 1952). Различные виды замещений рассматривались в схоластич. логике. В *Пор-Рояля логике* имелось

уже нек-рое общее понятие о П. з. У *Лейбница* П. з. содержался практически в его определении равенства: «Те вещи равны (одинаковы), из которых одна может быть замещена другою с сохранением истины. Пусть будут A и B , и A входит в какое-нибудь истинное предложение, и если в каком-нибудь месте его вследствие замещения A посредством B образуется новое предложение также истинное, и если это всегда можно сделать в каком угодно подобном предложении, тогда говорим, что A и B равны; и наоборот, если A и B равны, то между ними возможно замещение, о котором я сейчас сказал» (цит. по кн.: *Джеводон* С., Основы науки, с. IV). В 1-й пол. 19 в. П. з. рассматривался *Бенеке*. Осознание его значения в математич. логике было подготовлено учением о квантификации предиката. Математич. обработка логики, предпринятая *Булем* и *О. де Морганом*, а также перенесение в логику из математики идеи тождеств. преобразований (представляющих собой не что иное, как выводы, основанные на П. з.) позволили *Джеводону* создать теорию дедукции (являющуюся фактически исчислением одноместных предикатов). единств. правилом вывода в к-рой был П. з. (О П. з. как правиле вывода в математич. логике см. также *Правило замены равного равным*.)

В рамках нематематич. логики П. з. нашел развитие в теории *Каринского*, к-рый сводил все выводы к умозаключениям, основанным на тождестве (или на отрицании тождества). Введение понятия об «условном тождестве» («если с A сделать то-то и то-то, то оно станет тождественно с B »), различение единичных объектов, логич. классов и агрегатов и использование понятия об отрицании тождества позволило *Каринскому* в своей классификации выводов охватить с единой т. зр. самые различные умозаключения.

На трудностях, связанные с П. з. в применении к косвенным контекстам, обратил внимание *Фреге* в ст. «О смысле и значении» (см. *G. Frege, Über Sinn und Bedeutung*, в журн.: «Z. Philosophie und philos. Kritik», 1892, neue Folge, Bd 100, S. 25).

Иногда под замещением в нематематич. логике имеют в виду не обязательно замещение равным, а всякую вообще замену в суждении одного выражения другим, основанную на правилах, порождающих всегда из истинных суждений истинные суждения. Примером такого правила может быть следующее: из истинного суждения вида «Все A суть B », заменив в нем понятие A логически подчиненным ему понятием C , получается истинное суждение «Все C суть B ». В этом, более широко, смысле понимал замещение, напр., *Рутковский*, согласно к-рому «... право установления нового знания на основании уже имеющихся знаний равносильно праву на замещение одного члена основного суждения соответствующим ему другим. Для логической законности такого замещения необходимо, чтобы между замещаемым и замещающим членами суждения существовало известное определенное соотношение, уполномочивающее нас представлять один из них на место другого» («Основные типы умозаключений», см. Избр. труды русских логиков XIX в., 1956, с. 270). Этим соотношением, помимо тождества, может быть, по *Рутковскому*, сходство, условная зависимость, сосуществование, логич. подчинение и пр.

Лит.: Л ь б а р Л., Англ. реформаторы логики в XIX в., пер. с франц., СПб, 1897; И о в а р н и н С., Логика, П., 1916, с. 133—43; Ф и л и п о в А., О сущности суждений. «Уч. зап. н.-и. кафедры истории европ. культуры», [X.], 1929, вып. 3, с. 181—243; Т а р с к и й А., Введение в логику и методологию дедуктивных наук, пер. с англ., М., 1948, гл. 3; К а р и н с к и й М. И., Классификация выводов, в кн.: Избр. труды рус. логиков XIX в., М., 1956; U b e r w e g F., System der Logik, 5 Aufl., Bonn, 1882; J e v o n s W., Pure logic and other minor works, L.—N. Y., 1890.

Б. Бирюков. Москва.

ПРИНЦИП ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО (распространенное лат. название — *tertium non datur*) — логич. закон, состоящий в том, что для всякого высказывания *A* истинно по крайней мере одно из двух высказываний: само *A* или его отрицание (символически пишется $AV\bar{A}$ и читается: *A* или не-*A*). Логич. связка \vee («или») является неразделительной. Утверждение о несовместности *A* и \bar{A} составляет содержание другого логич. закона, именуемого *противоречия законом* (символически выражаемого формулой $\bar{(A\&\bar{A})}$). Оба эти закона были впервые сформулированы *Аристотелем* в его «*Метафизике*» (IV, 8); в применении к атрибутивным высказываниям вида «*B* есть *C*» они рассматривались также в его «*Аналитиках*». Впоследствии эти законы наряду с *тождества законом* («*A* есть *A*») были приняты схоластами в качестве осн. законов логики. Значение одного из важнейших логич. принципов П. и т. сохраняет в *математической логике*.

Вопрос о всеобщей (независимой от области исследования) применимости П. и т. вызвал много дискуссий по причине, в силу к-рой П. и т. следует считать более спорным, чем др. законы классич. формальной логики. Напр., в истинности закона, выражаемого аксиомой $A\&B\supset A$ («из *A* и *B* следует *A*»), не удается усомниться, по крайней мере до тех пор, пока слова «и» и «следует» употребляются в их естеств. смысле. То же самое относится, хотя и в различной степени, к др. законам классич. логики, отличным от П. и т. (и близкого к нему закона снятия двойного отрицания, выражаемого символически формулой $\bar{\bar{A}}\supset A$). Конечно, это утверждение связано с выбором *интерпретации* логич. операторов, участвующих в формулировке логич. закона. При соответств. выборе интерпретации, особенно для *импликаций* («если..., то» или «следует»), становятся спорными или даже неверными и нек-рые др. законы классич. логики. Напр., закон $A\supset(B\supset A)$ («если *A*, то *A* следует из *B*») теряет силу, если понятие логич. следования *A* из *B* истолковывается т. о., что оно включает в себя к-л. смысловую или причинную связь между *A* и *B*, как это бывает в системах строгой импликации. Вместе с тем этот закон верен, если «*A* следует из *B*» истолковывается в смысле «*A* должно быть верно в предположении *B*». Именно эта интерпретация для импликаций (логич. следования) используется в дедуктивных науках. В силу самого выбора такой интерпретации для логич. операторов, все законы классич. логики, за исключением П. и т., оказываются убедительными. Правда, это утверждение нуждается в нек-рых оговорках, важнейшая из к-рых состоит в том, что закон $A\&\bar{A}\supset B$ (из противоречия следует произвольное утверждение) требует для своего обоснования либо нек-рого расширения рассматриваемой интерпретации импликации, либо нек-рого спец. выбора интерпретации для отрицания, возможного в случае арифметики и сводящихся к ней наук, но не обязательно возможного в случае произвольной дедуктивной науки. И все же, за исключением П. и т., остальные законы логики могут быть обоснованы — по крайней мере в их применимости к математике — путем одного только надлежащего и притом естеств. выбора интерпретации для тех логич. операторов, к-рые входят в их формулировку. Такое обоснование можно считать предшествующим логике и относить к области *семантики, прагматики, сигнифики* или *психологии*.

По отношению к П. и т. это не имеет места, так как обоснование утверждения $AV\bar{A}$ не сводится к одной лишь естеств. интерпретации для «или» и «не», а предполагает *постулат* двузначности: всякое высказывание должно быть истинным или ложным. Очевидно, что ссылка на этот или подобный постулат

в обосновании П. и т. содержала бы в себе *petitio principii*. Правда, убеждение в том, что все высказывания разбиваются на два класса — истинных и ложных т. о., что из двух высказываний *A* и не-*A* одно является истинным (а другое ложным) и притом класс истинных высказываний содержит в себе также все логич. следствия из истинных высказываний, является весьма обычным. Однако в свете совр. представлений о науч. строгости подобные предложения должны не постулироваться, а доказываться. Такое доказательство оказывается невозможным, в частности по отношению к любым высказываниям математики.

Критику применимости законов классич. логики — и прежде всего П. и т. — в математике начал в 1908 г. голл. математик Л. Э. Брауэр. Согласно т. зр. Брауэра, если высказывание *A* выражает не доказанное и не опровергнутое до сих пор утверждение, то прежде чем утверждать истинность $AV\bar{A}$, надо предварительно доказать или опровергнуть *A* или хотя бы указать путь, ведущий к решению этой задачи. Ясно, что при такой постановке вопроса высказывание $AV\bar{A}$ оказывается совершенно неочевидным, косвенные же его доказательства используют как раз П. и т., т. е. содержат в себе *petitio principii*. Брауэровская критика П. и т., по-видимому, не была беспрецедентной в истории логики. Уже *Аристотель* в одном месте своего трактата «Об истолковании» (*De interpretatione*, 9, 19a, 24—34) говорит о неприменимости П. и т. к будущим событиям. *Аристотель* рассматривал в этой связи в качестве примера неразрешимую, по его словам, дилемму: «Завтра будет морская битва или ее завтра не будет», относительно истинности или ложности каждого члена к-рой нельзя ничего сказать (см. также А. С. Ахманов, *Логическое учение Аристотеля*, М., 1960, гл. 6). В 14 в. *Оккам* рассматривал импликацию с неопредел. высказываниями, напр. импликацию «Если бог знает, что *A* произойдет, то *A* произойдет», и обратную ей, обсуждая вопрос о значении этой импликации для случая, когда высказывание «*A* произойдет» является неопределенным. Но до Брауэра споры вокруг П. и т. не связывались с основаниями математики — важнейшей науки, имеющей логич. характер. Характерно, что Брауэр, возродив эту старую дискуссию в связи с основаниями математики, оспаривал применимость П. и т. как раз для таких высказываний, к-рые он мог считать неопределенными или неосмысленными.

Критика Брауэра положила начало новому течению в философии математики — *интуиционизму*. *Гливленко* и голл. математик Гейтинг предложили системы аксиом логики, приемлемых с т. зр. интуиционизма. Эти системы оказались эквивалентными и получили название интуиционистской логики, к-рая в последние годы стала называться также конструктивной. В отсутствие П. и т. состоит их единств. отличие от классич. логики. Интуиционистская логика легла в основу мн. позднейших исследований по основаниям математики. В СССР развилось *конструктивное направление*, логикой к-рого является интуиционистская логика или нек-рая другая, близкая к ней, также не содержащая П. и т.

В 1945 *Клини* предложил конструктивистскую интерпретацию логич. операторов, к-рая получила название *реализуемости*. С помощью этой интерпретации интуиционистски доказываемая ложность П. и т., в форме $\forall x(A(x)\vee\bar{A}(x))$ (для нек-рой арифметич. формулы $A(x)$). Эта формула, однако, не подпадает под рассматриваемую до сих пор (аристотелевскую) формулировку П. и т., так как при наличии свободной переменной x формула $A(x)$ не выражает никакого высказывания). С др. стороны, еще в 1930 *Гёдель* доказал, что, если (просто) непротиворечива (см. *Непротиворечивость*) арифметика, основанная на интуиционистской логике, то и присоединение к ней П. и т. не приводит к противоречию, т. е. в этом случае (просто) непротиворечива и классич. арифметика. Этот результат относится к формальным системам, основанным на аксиомах,

приемлемых с классич. т. зр.; так что отрицание формулы $\forall x(A(x) \vee \neg A(x))$, т. е. $\neg \forall x(A(x) \vee \neg A(x))$, не может среди них содержаться. Доказательство Гёделя основано на таком выборе интерпретации формул $\forall x A$ и $\exists x \neg A$, при котором они истолковываются как $\neg(\neg A \& \neg B)$ и $\neg \forall x \neg A$, в связи с чем и для П. и. т. оказывается возможным — по крайней мере в применении к арифметике — обоснование, основанное на интерпретации логич. операторов. Это обоснование нельзя, однако, считать естественным, ибо формулы $\forall x A$ и $\neg(\neg A \& \neg B)$, эквивалентные классически, не эквивалентны интуитионистски (интуитионистски только первая из них имплицитно второй). Использование их эквивалентности для обоснования естественности только что указанной интерпретации для дизъюнкции дало бы *petitio principii* при попытке обоснования П. и. т. с помощью этой интерпретации. Поэтому, ограничиваясь естеств. интерпретациями, результат Гёделя следует рассматривать лишь как (относительное) доказательство непротиворечивости П. и. т., а не как обоснование самого П. и. т., хотя бы в применении к арифметике.

Т. о., П. и. т. представляется теперь спорным законом логики, более того, в некоторых рассуждениях его следует считать ложным. Тем не менее П. и. т. продолжают применять: 1) В исследованиях, не выходящих за пределы конечных областей, по отношению к которым П. и. т. считается истинным, а в пределах интуитионистской критики и в др. случаях, когда результаты конструктивного анализа позволяют применять П. и. т. 2) В тех разделах математики, которые игнорируют интуитионистскую критику (совокупность этих разделов образует т. н. классич. математику; сюда же относятся некоторые разделы математич. логики). 3) В тех исследованиях по математич. логике, где П. и. т. рассматривается безотносительно к своей истинности в качестве логич. закона, как, напр., в совр. классич. исчислении высказываний, где рассмотренные формулы $A \vee \neg A$ в качестве аксиомы или исходной формулы некоторого вывода вовсе не предполагает со стороны исследователя отношения к П. и. т. как к содержательно понимаемому закону логики (см. также *Мышления законы*). А. С. Москва.

ПРИРОДА. В предельно широком значении — все сущее в бесконечном многообразии своих проявлений. В этом смысле понятие П. выступает как синоним понятий *Вселенная, материя, бытие*, объективная реальность и т. п. В своем развитии от простого к сложному, от низшего к высшему П. проходит ряд ступеней, к-рым соответствуют определ. структурные уровни материи. Простейшими из известных совр. науке форм материи являются элементарные частицы и поля, составляющие космич. среду. Определ. виды элементарных частиц (нуклоны) формируют атомные ядра, а последние, вместе с электронами, — атомы, т. е. химич. элементы. Гигантскими по массе и энергии сгустками материи являются звезды; согласно совр. представлениям, более высокой степенью развития являются планеты, в качестве структурных элементов к-рых в микроразрезе выступает многообразие химич. частиц (атомов, ионов, молекул, макромолекул, мицелл и т. д.), а в макроразрезе — дифференциация вещества на оболочки (на Земле: наружные оболочки — атмосфера, гидросфера, литосфера; мантия; ядро). На планетах могут создаваться условия для возникновения и эволюции еще более высокой ступени развития материи — органического мира. Живое вещество, развиваясь во взаимодействии с окружающей средой, оказывает обратное организующее и преобразующее влияние на эту среду. Напр., на Земле мн. горные породы и минералы (известняки, горючие ископаемые и др.), газы атмосферы (прежде всего кислород) и т. д. — биогенного происхождения; живое вещество создает и регулирует своеобразный круговорот веществ (элементов: углерода, азота, кислорода и др.) в атмосфере. Т. о., по мере развития органич. мира возникает особая планетная оболочка — биосфера, включающая живое вещество как организующий элемент и неживое, охваченное его влиянием, возрастаю-

щим в процессе эволюции (это проявляется, в частности, в установленном В. И. Вернадским росте биогенной миграции химич. элементов).

Самый существ. скачок в развитии П. связан с возникновением и развитием *общества*, к-рое есть часть П. в широком смысле слова. «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 596). Общество, формируясь на основе биосферы, приобретает ряд принципиально новых черт и потому оно есть особая часть П., относительно противопоставленная всей остальной П.

Специфика этой взаимосвязи приводит к употреблению термина «П.» в более узком значении, в к-ром он обозначает относительно противостоящую обществу П.; П. в этом плане — синоним природной среды (на земном шаре — географич. среды). В эволюции процесса взаимодействия П. и общества можно выделить ряд крупных этапов. На раннем этапе формирующийся человеческий род, подобно всем животным, непосредственно присваивает готовые продукты. На последующем этапе, к-рый можно назвать *допромышленным* (древняя и ср.-век. история) на основе стихийного использования природных ресурсов происходит медленное развитие производства. На *промышленном* этапе эволюции наступает качеств. перелом во взаимоотношениях природы и общества, к-рый связан с тем, что природные ресурсы перестают быть практически неисчерпаемыми. Общество переходит от стихийного потребления природных ресурсов к организации целенаправл. хода природных процессов, т. е. производству благоприятных для человека природных условий.

Формирование особой, организованной человечес. трудом естеств.-историч. среды — сферы взаимодействия П. и общества — существ. черта качеств. перелома в их взаимодействии.

В 20 в. понятие о сфере взаимодействия П. и общества под различными наименованиями (техносфера, антропосфера, социосфера, ноосфера), получило развитие в различных отраслях знания. Понятие ноосфера (греч. *νοος* — разум), употребляемое В. И. Вернадским, подчеркивает важнейшую сторону процесса: первостепенную активную роль сознания, науки в процессе взаимодействия П. и общества. В становлении ноосферы, наряду с научно-техническим, первостепенную роль играет социальный фактор. Ноосфера, рождаясь в рамках планеты, по своей сути — не планетная, а космическая (по социальному охвату П.) область. Появление общества отнюдь не подразумевает коренного преобразования самих законов П., «... на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой, ... что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1964, с. 153—54).

В понятии П. различаются еще два оттенка: П. «в чистом виде» и П. «очеловеченная» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 594) — «вторая П.», в той или иной мере преобразованная человеком, П., включенная в систему социальных связей. Термин «П.» употребляется также в значении: внутр. закономерность, сущность вещей и явлений. Напр., П. гравитац. или электр. поля, П. фотона, П. звезд, П. психического, П. катартич., П. гос-ва и т. д.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Кедров Б. М., О соотношении форм движения материи в П., в кн.: Филос. проблемы совр. естествознания, М., 1959; Фаддеев Е. Т., Некоторые филос. проблемы освоения космоса, в кн.: Диалектич. материализм и вопросы естествознания, М., 1964; Константинов Ф. В., Взаимодействие П. и об-ва

и совр. география, «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1964, № 4; Доскач А. Г., Трусов Ю. П., Фаддеев Е. Т., Проблема взаимодействия П. и об-ва и совр. география, «ВФ», 1965, № 4; Икловский И. С., Вселенная, жизнь, разум, 2 изд., М., 1965. Р. Гаргавенко, Ю. Трусов. Москва.

ПРИСКИЛЛИАН (Присциллиан) [Prisciliano (исп.); Priscillianus (лат.); г. рождения неизв.—ум. 385] — религ. деятель, основатель и идеолог еретич. движения, получившего широкое распространение среди демократич. слоев населения Испании в 4—6 вв. н. э. Был епископом г. Авилы. Учение П. родственно астральным и дуалистич. представлениям *манichéиства* (хотя сам П. отрицал свою связь с ним) и *гностицизма* и содержит элементы местных кельтских языческих верований. Исходя из идеи всеобщего равенства людей, П. отстаивал тезис о праве мирян, в т. ч. женщин, отправлять богослужение. Отрицал троичность бога и воскрешение из мертвых; выступал против *арианства*. Присциллианство было осуждено на соборе в Сарагосе (380) как ересь, а сам П. после процесса в Бордо (384) был казнен. Длнт. время о П. и его учении было известно только из соч. его противников — *Августина*, Иеронима, Льва Великого, Орозия, Сульпиция Севера, и лишь в конце 19 в. Г. Шенк обнаружил в б-ке Вюрцбургского ун-та 11 приписываемых П. религ.-филос. трактатов (опубл.: *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*, v. 18, Vindobonae, 1889).

Лит.: López Ferreiro A., Estudios histórico-críticos sobre el priscillianismo, Santiago, 1878; Parot F., Priscillianus, Würzburg, 1891; Hilgenfeldt A., Priscillianus und seine neuentdeckten Schriften, «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», 1892; Bd 35; Künstle K., Antipriscilliana, Freiburg, 1905; Bonilla y San Martín A., Historia de la filosofía española, Md., 1908, p. 196—206; Vabut E. Ch., Priscillien et le priscillianisme, P., 1909; A lès A. d., Priscillien et l'Espagne chrétienne à la fin du IV siècle, P., 1936. В. Афанасьев. Ленинград.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ (в биологии) — соответствие (а также процесс, приводящий к такому соответствию) между живой системой (или ее частью) и внешними по отношению к ней условиями. Под П. понимают как процесс П., так и его результат — приспособленность.

В истории науки П. первоначально связывалось только с *организмом* и понималось как целесообразность строения последнего. С переходом к идее естеств.-историч. протекновения приспособленности возникла проблема механизма процесса П. В основу анализа механизма П. было положено изучение изменчивости организма и естеств. отбора, причём были различены определенные (т. е. приводящие организм в соответствие с действующим фактором) и неопределенные (не имеющие приспособит. значения) изменения. Это различие, в свою очередь, позволило выделить и рассматривать особо П. в *онтогенезе* и П. в *филогенезе*, а также механизм их связи. Было установлено, что филогенетич. П. возникают на основе неопредел. изменений, их перекомбинаций в процессе скрепления с особями своего вида, отбора и закрепления благоприятных для организма комбинаций. Онтогенетич. структурные П. возникают непосредственно как реакция организма на воздействие среды. Организм отвечает приспособит. реакцией только на такие условия среды, к-рые уже встречались в истории вида и зафиксированы в наследств. материале данного индивида. Если данные условия встречаются организмом впервые, то его структурная реакция не является, как правило, приспособительной.

Одна из весьма распространенных принципиальных ошибок в истолковании П., особенно свойственная построениям Лысенко, заключалась в том, что организмам приписывалась имманентная способность изменяться приспособительно. В этом примитивном представлении игнорировался тот факт, что способность к онтогенетич. структурным П. является результатом

длнт. развития наследств. основания организма, и тем самым фактически перечеркивалась теория естеств. отбора.

Исследование биохимических, физиологических и поведенческих (функциональных) П. обнаружило их высокую динамику и скорость образования. На первый взгляд это подтверждает тезис ламаркистов о внутр. способности «живого» адаптивно реагировать на внешние условия. Однако в действительности эти факты лишь подтверждают, что механизм адаптивного реагирования является результатом длнт. эволюции; особенно наглядно это обнаруживается в зависимости поведенч. реакций от уровня организации нервной системы. Новую главу в изучении П. открыло детальное исследование отношений внутри организма как целого. Выяснилось, что внутр. соответствие (приспособленность) «частей» организма друг другу, основывающаяся на разделении между ними биохимич. и физиологич. функций, для своей реализации требует соответствующих средств связи, а сети этих замкнутых внутриорганизменных коммуникаций обладают закономерной способностью к саморегуляции. Тем самым была вскрыта истинная природа динамич. устойчивости и приспособл. емкости к изменяющимся условиям внешней и внутр. среды (гомеостаз).

Один из наиболее существ. сдвигов в концепции П. заключается в том, что оно стало рассматриваться не только на уровне организма, но и на суборганизменных (клетки, ткани) и супраорганизменных (сообщества организмов) уровнях. При этом общие закономерности оптимального регулирования в соответствии с окружающими условиями оказались принципиально одинаковыми для всех биологич. систем. Однако конкретные механизмы саморегуляции (П.) на каждом уровне организации различны.

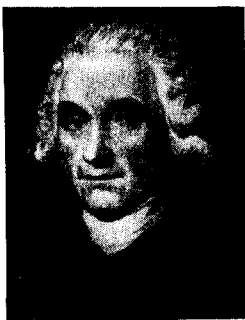
П. (адаптация) в наст. время все более заметно выступает как важнейший параметр в конструировании сложных технич. систем. *Самоорганизующиеся системы*, напр., есть прежде всего системы, способные к адаптации. Создание принципов построения механизмов, обеспечивающих П., является одной из центр. задач совр. теоретич. кибернетики, в рамках к-рой предлагаются различные модели самоприспосабливающихся систем.

Помимо биологии и кибернетики, понятие П. применяется в психологич. и социально-психологич. исследованиях. Содержание социального П. составляет ассимиляция личностью или группой осп. специфич. признаков и характеристик социальной среды.

Лит.: Шмалъгаузен И. И., Пути и закономерности эволюционного процесса, М.—Л., 1939; Парамонов А. А., Курс дарвинизма, М., 1945; Алиев В. С. [а. о.], Principles of animal ecology, Phil.—L., 1950; Дობжанский Т., Evolution, genetics and man, N. Y.—L., [1956]; Грант В., The origin of adaptations, N. Y.—L., 1963; Стеббинс Г. Л., Variation and evolution in plants, N. Y.—L., 1963.

ПРИСТЛИ (Priestley), Джозеф (13 марта 1733—6 февр. 1804) — англ. ученый, философ, обществ. деятель, член англ. Королевского об-ва (1767) и Парижской АН (1772). Родился в семье ткача, в 22 года стал священником и оставался им до конца жизни. Выступая против офш. церкви, П. отстаивал идеи религ. свободы и веротерпимости, отделения церкви от гос-ва. Ярким выражением его политич. свободомыслия была горячая защита принципов франц. революции конца 18 в. Политич. преследования вынудили П. эмигрировать в США (1794), где он и провел свои последние годы. П. выступил как идеолог прогрессивной части англ. буржуазии периода промышлен. переворота. Он обосновывал право народа на восстание против тирании (см. Избр. соч., с предисловием Л. А. Ческиса, М., 1934, с. 241). В то же время П. утверждал, что бедняки не должны участвовать в выборах властей и занимать важные должности.

Филос. взгляды П. представляют собой дальнейшее развитие англ. материализма. П. — дейст. Характерное для *деизма* противоречивое сочетание материализма с признанием божеств. разума — творца Вселенной, свойственно и П. Он выступил с критикой атеизма франц. материалистов («Письма к неверующему философу» — «Letters to a philosophical unbeliever», Bath, 1780).

В центре его филос. интересов — психофизич. проблема. При ее решении П. опирался на труды Локка, Толанда, Гартли, Ньютона, Бошковича. Как и все домарксовские материалисты, П. в свое определение материи включал характеристику ее физич. структуры: «... Я определяю материю как субстанцию, обладающую свойством протяженности и силами притяжения и отталкивания» (там же, с. 9). Существенно важным было то, что в этом определении материя выступала как активное начало, самой сущностью к-рого являлось движение. Будучи активной, деятельной субстанцией, материя вполне может, утверждал П., обладать способностью ощущать и мыслить. Способность ощущения и мышления П. рассматривал как продукт особо организованной, живой материи, у человека — как свойство нервной системы, мозга. Физиологич. основу психич. деятельности П., вслед за Гартли, усматривал в «вибрациях» перво-мозгового вещества, к-рые он понимал как движения не только механического, но и химического порядка (см. там же, с. 192). Свое материалистическое понимание психофизич. проблемы П. решительно отстаивал в острой полемике с Р. Прайсом.

Бурж. историки философии утверждают, будто П. отождествлял психическое с материальным, что было опровергнуто еще Плехановым (см. Избр. филос. произв., т. 4, 1958, с. 249). Надо, однако, отметить, что П. иногда допускал вульгарноматериалистич. утверждения. Таково, напр., заявление П., что идеи делятся на части и обладают протяженностью (см. Избр. соч., с. 27).

Спец. работу П. посвятил защите *детерминизма* в объяснении поведения людей, но детерминизм он понимал метафизически. П. утверждал, что в истории «... ни одно событие не могло быть иначе, чем оно было или будет» (там же, с. 86).

Естественнонауч. работы П. сыграли значит. роль в развитии химии. П. высказывался также по вопросам методологии науч. исследования (о соотношении теории и эксперимента, значении аналогии, роли гипотезы в познании и т. д.).

В России П. еще при жизни стал известен в науч. кругах и среди передовых обществ. деятелей. В 1780 он был избран почетным членом Петерб. АН. На его химич. опыты и филос. труды по вопросу о понимании материи ссылался Рабицев в труде «О человеке, его смертности и бессмертии». Химич. исследования П. использовал Батулин в своей критике масонской мистики, а также Герцен в своей первой филос. работе «О месте человека в природе».

Соч.: An essay on the first principles of government..., 2 ed., L., 1771; Disquisitions relating to matter and spirit..., L., 1782; The doctrine of philosophical necessity..., L., 1777 (две последние работы вышли в одной книге, Birmingham, 1782); A free discussion of the doctrines of materialism and philosophical necessity... between Dr. Price and Dr. Priestley, L., 1778; Hartley's theory of the human mind..., 2 ed., L., 1790.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, 22, 24 (по имен. указат.); Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 1—2, М., 1956; Ческии Л., Д. П., англ.

материалист XVIII в., «ПЗМ», 1933, № 5; его же, Философия П., «Вестн. Ком. акад.», 1933, № 5; История философии, т. 2, [М.], 1941; Панкратов К. П., Материализм Д. П., «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия филос. наук», 1947, № 100, вып. 1; История философии, т. 1, М., 1957; Михайловская Т. А., Филос. материализм П., М., 1962 (автореферат канд. дисс.); Согу J., The life of J. Priestley, Birmingham, 1804; Schönlank B., Hartley and Priestley, Halle, 1882; Thorpe T. E., J. Priestley, L., 1906; Peacock D. H., J. Priestley, L.—N. Y., 1919; Holt A., Life of J. Priestley, Oxf., 1931; Caven R. M., J. Priestley, L., 1933; Аукройд W. R., Three philosophers, L., 1935; Park M. C., J. Priestley and the problem of pantisocracy, Phil., 1947; Таулог В., J. Priestley, the man of science, L.—N. Y., 1954.

А. Макаровский. Москва.

ПРИЧИНА — явление, непосредственно обуславливающее, порождающее др. явление (следствие). Наука не знает изолированных явлений, существование к-рых было бы целиком положено в них самих. Каждое явление находит свое основание в нек-рых др. явлениях и определяется ими как своим П. Эта закономерность носит всеобщий характер. В процессе познания явлений исследователь неизбежно выходит за границы их простого описания, обращаясь к выяснению закономерностей их возникновения, развития, функционирования и т. д., отыскивая те П., к-рые определяют наличие соответствующих св-в данного объекта. Движение мысли от описания к причинному объяснению есть движение познания от внешнего к внутреннему, от явления к сущности. П., будучи основой и сущностью следствия, выступает в роли исходного и определяющего элемента взаимосвязи явлений. Существует бесчисл. многообразие форм взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и соответственно многообразие видов П. В совр. науке *классификация* П. производится по самым различным признакам. П. разделяют на внешние и внутренние, главные и неглавные, объективные и субъективные и т. д. Необходимо отделять П. от условий их действия. Рассмотрение всего многообразия окружающих явлений приводит к представлению о причинности как фундаментальной черте *действительности* (см. *Причинность* и лит. при этой статье). И. Ляхов. Москва.

ПРИЧИННОСТЬ — генетическая связь явлений, в которой одно явление — причина, при наличии определенных условий неизбежно производит, порождает другое явление — следствие (или действие).

Проблема П. всегда была тесно связана с *основным вопросом философии*: «субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм...» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 142). Поэтому проблема П. всегда была ареной борьбы между материализмом и идеализмом. Вместе с тем в этой проблеме также резко сталкиваются диалектика и метафизика. Коренным пороком метафизич. подхода к П. является представление о противоположности между причиной и следствием как неподвижной и затвердевшей, непонимание того, что «... в определенной точке один полюс превращается в другой...» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1964, с. 173—74); непонимание соотношения между жесткой *необходимостью* и *случайностью*.

Осн. черты П. Сущностью П. является порождение и е одного другим, производством и причинной следствия, т. е. более или менее сложно протекающий процесс причинения. Этим П. принципиально отличается от разного рода постоянных ассоциаций явлений, их неизменно повторяющихся врем. последовательностей, правильных регулярностей, сопутствований, различных корреляций и др. форм закономерных связей, гл. черта к-рых — тот или иной тип упорядоченной соотношенности одного явления другому. В этом смысле П. асимметрична: она есть связь между тем, что уже есть, и тем, что им порождается, только еще становится. Причинное отношение отличается специфической внутр. активностью и дей-

ственностью. Оно, по выражению Гегеля, есть способ существования *субстанции* в действии.

П. — о б ъ е к т и в н а. Она есть присущее самим вещам внутр. отношение. П. объективна именно потому, что представляет собой реальный способ существования субстанции в действии. Вместе с тем она и субстанциональна как раз потому, что причина всегда выступает действующая субстанция, принимающая форму того или иного конкретного объекта. Между категориями П. и субстанции вообще имеется глубокая взаимозависимость: субстанция обладает действительностью лишь как причина (см. Ленин В. И., Филос. тетради, 1965, с. 142—43).

П. — в с е о б щ а. Нет явлений, к-рые не имели бы своих причин, как нет явлений, к-рые не порождали бы тех или иных следствий. Беспричинные явления невозможны уже в силу того, что в мире господствуют законы сохранения материи и движения, совершенно исключающие возникновение чего-либо из ничего.

Связь причины и следствия, реализующаяся при данных условиях, является строго необходимо й: если есть причина и налицо соответствующие условия, то следствие возникает неизбежно и является таким, каким оно порождается данной причиной при тех же условиях во всех др. случаях. Следствие, порожденное нек-рой причиной, само становится причиной др. явления; последнее в свою очередь оказывается причиной третьего явления и т. д. Эту последовательность явлений, связанных друг с другом отношением жесткой внутр. необходимости, называют причиной или причинно-следств. цепью. Ее можно более точно назвать «цепью причинения», что подчеркивает не статический, а динамич. характер этой цепи: ее звенья не существуют в готовом неизменном виде, они последовательно возникают и исчезают, одно порождая («причиняя») другое.

Существ. особенностью П. является пространств. непрерывность цепей причинения: ни в каком месте любой цепи причинения нет разрывов, т. е. не существует таких явлений, к-рые, будучи причиной и следствием, оказались бы разделенными конечным пространств. промежутком без того, чтобы существовали некоторые др. явления, охватывающие все точки этого промежутка без к.-л. пропусков. В обосновании этой зр. решающую роль сыграли идея близкодействия и физич. теория поля. Цепи причинения обладают и временной непрерывностью: когда имеется причинная, генетич. связь двух к.-л. явлений, находящихся в одной и той же области пространства, но разделенных конечным промежутком времени, тогда между этими явлениями существует множество других причинно связанных событий, к-рые смежны во времени и в своей совокупности образуют непрерывный временной процесс, соединяющий указанные два события в органически слитное единство. Разрабатываемые в совр. физике гипотезы квантования *пространства и времени*, вводящие представление о дискретных микроэлементах пространства и времени, по существу не противостоят этому выводу.

Диалектич. материализм показывает, что нет никакого «исходного», «начального пункта» в вечном движении материи. Из этого с необходимостью вытекает, что не существует и «начального звена» в цепи причин и следствий. Любая из цепей причинения, обнаруживаемая в природе, не имеет начала, к-рому можно было бы приписать абс. значение. Вместе с тем и ни одно из звеньев цепей причинения не может стать абсолютно последним, навсегда обрывающим цепь причинения. Т. о., цепи причинения безначальны и нескончаемы. Любая попытка найти абсолютно «первую» или «последнюю» причины

означает обращение в той или иной форме к чуду, сверхъестеств. силе.

В истории философии и естествознания «первые причины» нередко понимались как причины, к-рые являются «предельно простыми» и, сами не требуя никаких объяснений, исчерпывающим образом объясняют все происходящее во Вселенной. Диалектич. материализм и совр. естествознание вскрыли несостоятельность представления о существовании такого рода «первых причин»: в природе нет наипростейших объектов, нет никаких абсолютно простых сущностей.

Принцип П. Положение об объективности, всеобщности и необходимости причинной связи явлений, наряду с признанием др. черт П., именуется принципом причинности, всегда игравшим огромную методол. и эвристич. роль в развитии науки. Известно, что сложность и первоначальная малая изученность явлений, относящихся к атомной физике, а затем и к физике «элементарных» частиц, дала повод идеалистически мыслящим физикам и философам заявить, будто здесь П. «ог ровергнута». В действительности все развитие этих областей науч. познания не только не противоречило идее П., но фактически неизменно опиралось на нее. Успехи совр. генетики, молекулярной биологии, биохимии, физиологии и др. наук не в меньшей степени обязаны своими успехами принципу П. Положение об объективности, всеобщности и необходимости причинной связи, выражающее ядро принципа П., многократно подвергалось нападкам со стороны эмпириков, релятивистов, агностиков, субъективных идеалистов. Отрицание объективности П. прямо вытекало из отказа от признания объективной реальности и обнаруживало свою несостоятельность вместе с неизбежным обнаружением несостоятельности отрицания категории *материи*. Всеобщность П. отвергалась чаще всего на том основании, что *опыт* неизбежно ограничен и мы не в состоянии констатировать наличие П. в каждом явлении из всего бесчисл. множества явлений, совершающихся в природе; такого рода аргументы «проверяются раскрытием диалектич. единства *единичного, особенного и всеобщего*, воплощенного в результатах точно поставленного опыта. Всеобщность закона устанавливается не путем простого «разглядывания» друг за другом каждого из всех возможных в природе явлений (что вообще невозможно ни для отд. человека, ни для человечества в целом), а посредством раскрытия того, что этот закон имеет фундаментальное значение для тех явлений, к-рые фактически изучены нами, и мыслится сохраняющим это значение всюду и всегда. Решающее значение в доказательстве необходимости, присущей причинной связи явлений, «...заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу сделать некоторое *post hoc*, то оно становится тождественным с *propter hoc*» (Энгельс Ф., Диалектика природы, 1964, с. 197).

Внутр. механизм и динамика процессов причинения. Рассмотренные черты П. по преимуществу характеризуют цепи причинения интегрально, в целом, как состоящие из уже готовых, сформировавшихся звеньев. Они представляют своего рода статику отношений между причиной и следствием. Интегральную характеристику цепей причинения необходимо дополнить дифференциальной, динамической, отражающей внутр. механизм перехода от одного звена к другому.

В процессе причинения неизбежно происходит перенос материи и движения от причины к следствию. Причинение вообще невозможно без такого переноса и совершается только на его основе. Этот процесс может быть охарактеризован метким выражением Гегеля: «шествие субстанции через причинность...» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 260), с новой стороны подчеркивающим субстанциональность П. Такой перенос далеко не всег-

да наблюдается непосредственно, он часто бывает завуалирован рядом привходящих обстоятельств. Нередко его мешают обнаружить и неправильное представление о том, что именно составляет причину рассматриваемого явления. Так, иногда причиной к.-л. явления объявляется отсутствие некоего др. явления, напр. причиной определ. болезненных явлений в человеке организмисты считают отсутствие в нем витаминов. Но на деле отсутствие витаминов — не причина, а нарушение условий нормального функционирования организма.

Совр. естествознание показывает, что передача материи и движения по цепям причинения всегда совершается с конечной скоростью, не превышающей скорости света в вакууме (см. *Относительности теория*). Для выражения этой передачи в точной количеств. форме разработаны такие понятия, как «поток массы», «поток заряда», «поток излучения», «поток энергии», «поток импульса» или «поток количества движения» и т. д.

Еще одной фундаментальной чертой динамики процессов причинения является перенос *структуры* от причины к следствию, т. е. воспроизведение в ходе причинения структуры причины в структуре следствия, «отображение» первой во второй (причем структура причины воспроизводится в структуре следствия с точностью до *изоморфизма*). Факт передачи структуры от причины к следствию лежит в основе присутствия материи свойство *отражения*. Возникновение у следствия отпечатков причины означает установление между обоими членами причинной пары особого объективного отношения, благодаря к-рому любой из них делается представителем другого, т. е. превращается в носителя информации о нем. Цепи причинения, по к-рым совершается перенос структуры, оказываются вместе с цепями передачи информации. Вместе с преобразованием структуры в цепях причинения происходит и преобразование информации. Перенос структуры и информации по цепям причинения находит широчайшее применение в различных средствах связи, кибернетич. устройствах и т. д. Все виды создания, восприятия, передачи, хранения, переработки и использования информации в технич. устройствах и живых организмах осуществляются на основе причинного воздействия, на основе переноса структуры по цепям причинения. П. и ее фундаментальные свойства, т. о., оказываются основополагающими для *кибернетики*. Информационный аспект процессов причинения играет особенно важную роль в социальной сфере; именно он становится здесь главенствующим, выражая существ. особенность П. в социальной области.

Внутр. механизм процессов причинения работает не односторонне — только от причины к следствию. Новые звенья в цепях причинения всегда формируются в ходе «борьбы» двух противоборствующих тенденций: воздействия причины на следствие и воздействия следствия на причину. Первая является основной и определяющей. Вторая при нек-рых обстоятельствах может оказаться неявной, скрытой. Но тем не менее она, как и первая, всегда существует: неизбежность переноса материи и движения от причины к следствию ведет к тому, что уже сам факт порождения следствия определ. образом изменяет причину. Подобное действие следствия на причину надо считать универс. свойством П. Однако во мн. случаях оно внешне не проявляется. Так обстоит дело тогда, когда причина тем или иным образом поддерживается постоянной за счет нек-рых внешних факторов, дающих ей, напр., дополнительно расходуемые массу и энергию. Здесь действие следствия на причину как бы подавляется и весь процесс оказывается стационарным. В цепях причинения такого типа перенос материи и движения носит явно выраженный односторонний характер. Но перенос

материи и движения может совершаться и от следствия к причине. Материальные системы, в цепях причинения к-рых такой перенос имеет существ. значение для функционирования системы в целом, наз. системами с обратной связью. При обратной связи действие следствия на причину в большинстве случаев передается не по тем же каналам, по к-рым распространялось действие причины, а по нек-рым другим, связанным с первыми; при этом действие следствия на причину не является постоянным, а меняется в зависимости от того, каким будет само следствие, так что следствие может остаться неизменным, несмотря на изменение (конечно, в определ. границах) внешних условий, меняющих процесс действия причины. Системы с обратной связью чрезвычайно распространены в живой природе: фактически без них существование организмов вообще не было бы возможным. Они широко используются в совр. технике: вся автоматика, вся кибернетич. техника основывается на использовании факта действия следствия на порождающие их причины.

Перенос действия следствия на причину может быть усложнен введением дополнит. устройства, благодаря к-рому следствие все время приводится в точное соответствие с меняющимися внешними условиями. Системы, основанные на причинных цепях такого рода, наз. *самоорганизующимися системами*, а лежащие в их основе причинные цепи — самоорганизующимися цепями. Совр. естествознание неоспоримо доказало, что самоорганизующиеся цепи причинения складываются в природе под влиянием лишь естеств. факторов. Неизбежность естеств. возникновения на основе обратной связи самоорганизующихся систем является одним из самых фундаментальных свойств П. Без этого действия следствия на причину в виде обратной связи, формы к-рой многообразны и все усложняются с изменением условий, не было бы возможно развитие природы. Внешне поведение самоорганизующихся систем представляется нарушающим принцип П.: причина изменяется (в каких-то границах), а следствие, т. е. поведение такой системы, остается неизменным. Но раскрытие внутр. механизма и всей динамики процесса причинения показывает, что это нарушение является кажущимся.

Характеризуя механизм и динамику процесса причинения, следует отметить врем. соотношение его отд. фаз. Уже сам факт конечности скорости переноса материи и движения, структуры и информации свидетельствует о его последоват. развертывании во времени. Исходным пунктом процесса причинения служит формирование самой причины для действия в данных условиях. Она должна достигнуть определ. интенсивности и «зрелости», прежде чем станет осуществимой фактич. реализация заложенной в ней возможности порождения следствия, соответствующего данным условиям. Постепенно развивается активный процесс передачи материи, движения, структуры, информации и начинается формирование следствия. Следствие не может возникнуть сразу и целиком. В соответствии с присущим материи свойством инерции, как отрицат. выражением неуничтожимости движения, любое конечное изменение состояния материального объекта при любом воздействии на него не может совершиться мгновенно; для этого всегда требуется какой-то конечный промежуток времени. В какой-то момент причина может исчезнуть, исчерпав свои возможности, но следствие не может просто исчезнуть вместе с породившей его причиной. Это исключается законами сохранения материи и движения. Причина необходима для возникновения следствия, но не для его последующего существования. Но настает момент, когда и следствие, став причиной другого явления, «угаснет» в порожденном ею следствии, превратившись в элемент

уже др. звена цепи причинения. Т. о., причина во времени предшествует следствию, но вместе с тем существует более или менее длит. стадия, когда причина и следствие сосуществуют вместе и в течение к-рой идет процесс активного воздействия следствия на причину. В последующем существует только следствие.

Положение о предшествовании причины следствию с новой стороны подтвердила теория относительности. Она показала, что причинно связанные события находятся в отношении «абсолютно раньше — абсолютно позже», не нарушаемом ни в какой из физически допустимых систем отсчета. Пространственно-врем. координация причинно связанных событий выражается т. п. времени-подобным интервалом, к-рый обладает следующим важным свойством: пространственно-разобщенные причины и следствия (для к-рых предшествование причины предстает как очевидный факт) при надлежащем выборе системы отсчета могут стать пространственно совпадающими, т. е. одновременными, происходящими в одной точке. Но в силу свойств времени-подобного интервала между ними все равно сохраняется отношение предшествования. Т. о., согласно теории относительности, предшествование причины следствию необходимо рассматривать как общую черту П., независимо от того, предстают ли причина и следствие как пространственно разобщенные или как совершающиеся в одной и той же точке пространства. Это значит, что процесс причинения необратим во времени. Отношение между причиной и следствием всегда имеет определ. внутр. направленность — от того, что есть, к тому, что становится, т. е. от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Можно сказать, что здесь имеет место асимметрия времени. Именно поэтому цепь причинения разворачивается во вполне определ. временном порядке, никогда и нигде не «спутываясь», не обращаясь назад.

Динамика процесса причинения в изменяющихся условиях. Как именно будет действовать причина и каким окажется следствие, зависит не только от природы причины, но и от характера *условий*, при к-рых разворачивается действие этой причины.

Условий — это совокупность тех независимых от причины явлений, к-рая превращает в действительность заключенную в причине возможность порождения следствия. Если причина непосредственно обращена к следствию, то прямое воздействие условий направлено не на следствие, а на причину; они определяют способ действия причины. В природе условий нет того, что само по себе могло бы породить данное следствие или содержало бы возможность такого порождения. Нередко условия действия причин смешивают с самими причинами. Напр., говорят, что причиной того, что электрич. лампочка загорается, является нажатие кнопки выключателя. На самом деле нажатие кнопки выключателя есть создание необходимого условия для зажигания лампочки, а причина свечения ее нити — прохождение через нее электрич. тока. Отделение собств. действия причины от влияния условий нередко представляет значит. трудности. Главное в решении этой проблемы — вскрытие внутр. природы, механизма рассматриваемого явления и природы порождающей его причины. Перазличение причины и условий может послужить поводом для отказа от принципа П. (такова, напр., гипсеологич. основа провозглашения индетерминизма при исследовании *микрочастиц*).

Все виды причинной связи явлений можно разбить на две большие группы: причинные связи, при к-рых возникают новые объекты, не существовавшие до начала действия данной причины, и причинные связи, при к-рых происходит изменение состояния и свойств уже существовавших объектов. К первому типу относится, напр., рождение электрона и позитро-

на за счет взаимодействия двух фотонов с достаточно большой энергией; ко второму типу — намагничивание тел под действием электромагнитного поля или изменение состояния нервной ткани под действием возбуждающих факторов. В процессах причинения второго типа действие причины оказывается зависящим от внутр. условий, состояния и материальной природы того объекта, на к-рый действует данная причина. Так, механич. удар, будучи направленным на кусок камня, вызывает его перемещение, механич. и тепловое движение; будучи направленным на взрывчатое вещество, он вызывает более или менее бурную химич. реакцию; три действия на живую ткань — физиологич. реакцию; когда же его воздействию подвергаются рецепторы высшего животного или человека, возникает сложный нервно-психич. процесс. Природа объекта, на к-рый воздействует внешняя причина, определяет и ограничивает рамки результатов действия этой причины. Генотип, напр., ограничивает число и характер возможных фенотипов, формирующихся под воздействием внешних причин. В общем виде можно сказать, что действие причины зависит от «истории» объекта, на к-рый она действует, т. е. от того, каким причинным воздействиям он подвергался до данной причины. Подобный вид зависимости действия причины от внутр. условий (состояния) объектов чрезвычайно широко распространен; напр., в области физиологии высшей нервной деятельности на нем основано явление парабозы.

П., как она осуществляется в реальных объектах, в общем случае не обладает свойством «линейной суперпозиции», т. е. простого арифметич. суммирования, аддитивности эффектов одновременно действующих причин. В определ. (иногда довольно широких) границах правило аддитивности практически (приближенно) применимо при оценке результатов совместного действия неск. причин. Там, где причинная связь явлений может быть выражена в дифференциальных уравнениях, справедливость правила аддитивности выражается в том факте, что эти уравнения оказываются линейными. Однако совр. наука для выражения причинных связей все чаще использует нелинейные уравнения, при к-рых не соблюдаются правила аддитивности. Напр., решение центр. проблемы теоретич. физики — создание теории «элементарных» частиц — ныне отыскивается на пути учета факта нелинейности П. То же происходит в совр. технике, в экспериментальной и теоретич. биологии, в физиологии; все шире обнаруживается наличие нелинейных связей и в социальной сфере.

Часто наблюдается своеобразное явление, к-рое можно назвать «насыщением причинного действия» или «насыщением причинной связи»: при возрастании действия причины следствие изменяется все медленнее, пока наконец не перестает изменяться, несмотря на продолжающееся возрастание действия причины. Напр., увеличение массы движущегося тела со скоростью ведет к тому, что при приближении к скорости света все возрастающая по величине сила сообщает телу все меньшее и меньшее ускорение. «Насыщение причинного действия» не означает, что причина в конце концов остается без к.-л. следствия. Прекращается только дальнейшее порождение данного следствия, но начинается, в соответствии с изменившимися условиями, порождение некоторого иного следствия. Если, напр., раздражение нервной ткани превышает границу, соответствующую прекращению возникновения распространяющегося возбуждения, и продолжает расти, то вызывается к жизни новое явление — разрушение нервной ткани.

П. и свойства форм бытия материи. Бесконечность и безначальность цепей причинения тесно связана с диалектически противоречивой природой бесконечности

пространства и времени. Совр. естествознание дало много нового для дальнейшего раскрытия связи между П. и свойствами форм бытия материи. Фундаментальное значение здесь имеет совр. теория поля с ее центр. идеей близкодействия. Если бы действия распространялись мгновенно, т. е. с бесконечно большой скоростью, то любой объект в каждый момент времени находился бы в причинно-следств. отношениях со всеми др. объектами, существующими в то же время, в каком бы месте бесконечного пространства Вселенной они ни находились. Принцип близкодействия, конечности скорости распространения физич. действия решительно меняет дело. Благодаря этому принципу оказывается, что в мире могут существовать объекты, к-рые не только в данный момент времени не связаны причинным взаимодействием с данным объектом, но вообще никогда не вступают с ним в к.-л. причинно-следств. отношение. Если объект существует в течение конечного интервала времени Δt , то в окружающем его бесконечном пространстве существует бесчисл. множество объектов, воздействия к-рых не успевают дойти до него за этот промежуток времени в силу конечности скорости распространения воздействий. Такие объекты никогда не вступают в причинно-следств. отношения с данным объектом. Они находятся вне пространств. области, окружающей данный объект, размеры к-рой превышают величину $c \cdot \Delta t$. Напротив, все те объекты, к-рые находятся от данного объекта на расстоянии n , меньшем $c \cdot \Delta t$, могут реально взаимодействовать с ним и поэтому могут быть с ним в причинно-следств. отношениях. В том факте, что существует выделенность множества объектов, к-рые могут быть в реальном физич. взаимодействии с каждым объектом данной области мира, выражается определ. система причинно-следств. отношений, ее можно назвать *причинно-следственной структурой* этой области мира. Эта структура обуславливает фундаментальные свойства пространства и времени. Такую т. зр. подробно развил А. Д. Александров, показавший, что этот вывод получается в строго математич. форме, если допустить инвариантность причинно-следств. структуры при преобразовании координат и времени. Приняв, что причинно-следств. структура областей мира не может зависеть от преобразования координат и времени, что она остается инвариантной при таких преобразованиях, устанавливается, что в этом случае единственно допустимыми преобразованиями координат и времени являются преобразования Лоренца, составляющие ядро теории относительности. В них и выражаются важнейшие свойства пространства и времени, раскрытые совр. естествознанием, — зависимость длин и промежутков времени от скорости движения тел; относительность одновременности; связь между длинами и промежутками времени и т. п.

Анализ механизма распространения воздействия (т. е. временной структуры процесса причинения) в полях с исчезающей массой покоя показал, что пространство может обладать только нечетным числом измерений. Т. о., нек-рые особенности внутр. отношений причины и следствия определяют такое внутреннее свойство пространства, как нечетность числа его измерений.

Место П. среди др. форм связи явлений. Будучи всеобщей формой связи явлений, П. есть лишь одна из форм таких связей. Ленин подчеркивал, что «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи...» (Соч., т. 38, с. 150). Между явлениями, к-рые не следуют одно за другим, а всегда обнаруживаются одновременно, существует временная связь. В др. случаях явления связаны пространств. связью, определяющей их взаимную корреляцию. Одну из форм связи представляет собой пропорциональность определ. физич. величин, характеризующих

нек-рые свойства материальных объектов. Существуют и мн. другие формы связи явлений. К особо важным типам связей относятся законы природы и общества. Понятие *закон* более широкое, нежели понятие П. Напр., согласно закону Луи де Бройля в квантовой механике, длина волны, соответствующая данному микрообъекту, обратно пропорциональна импульсу этого микрообъекта; фиксируемая здесь связь между длиной волны микрообъекта и его импульсом h в коем случае не рассматривается в совр. физике как причинная. Не выражают причинных связей и статистич. законы, а также мн. законы, формулируемые в философии (связь между сущностью и явлением, между необходимостью и случайностью и т. п.). Если П. соединяет только причину и ее собств. следствие, то закон может соединять не только причины с их следствиями, но и, напр., разные следствия той же самой причины, разные стороны одного и того же следствия, порожденно-го данной причиной. Закон может выражать и связь между различными причинами; связи, носящие характер пространств. или временной координации; связи тиша связей между общим и единичным и т. п.

Однако если по количеству и многообразию охватываемых связей закон шире П., то по многообразию явлений, к к-рым они относятся, закон уже П. Напр., законы не охватывают большей части случайных явлений, для к-рых не выполняются фундаментальные условия применимости теории вероятностей (закон больших чисел, центральная предельная теорема), между тем П. действует в любых случайных явлениях, т. к. нет ни одного явления, к-рое не было бы вызвано нек-рой причиной и к-рое само не послужило бы причиной иного явления. Поэтому П. лежит в основе всех др. форм связи. Все они, в том числе и законы, могут складываться и фактически складываются лишь на основе действия П., не знающей нигде и никогда никаких исключений. Следует подчеркнуть, что П. никогда не реализуется в изолированном, «чистом» виде, освобожденном от присутствия др. форм связи. Напротив, она всегда существует в гуще иных форм связи явлений, переплетена с ними и фактически только в абстракции может быть отделена от них. Но такая абстракция необычайно плодотворна и эффективна, потому что помогает вскрыть основу, на к-рой складывается вся система многообразных явлений природы и общества. Конечно, когда причинная связь будет раскрыта, мышление должно вновь вернуться к целостной картине и как бы снова влести П. в сложную сеть многообразных взаимозависимостей.

В ходе развития совр. науки раскрывается все большее многообразие форм связи явлений, выражающихся в виде соотношений, не имеющих непосредственно причинного характера. На основе такой тенденции у нек-рых авторов стало складываться ошибочное впечатление, будто вообще изучение генетич. связей, отношений порождения отступило на задний план и уже не составляет существ. задач науч. исследования. П. как бы перестает «работать» и приносит необходимые результаты. Так, Б. Рассел пришел к выводу, разделяемому рядом др. философов, будто «старое» филос. понятие П. утратило смысл, а реально П. совпадает с любым законом, позволяющим делать какой-то вывод по одной группе явлений о др. явлениях (см. «Человеческое познание», М., 1957, с. 362, 486). Это расширительное толкование П. ведет к потере ее самых основных специфич. черт.

Нек-рые зарубежные авторы специально выделили одну из форм закономерной связи явлений — статистич. связь и обозначали ее термином «вероятностная П.». При этом, однако, пришлось отказаться от такой важнейшей черты П., как наличие акта порождения одного другим, и от заложенной в отношениях между причиной и следствием строгой необходимости (ее

часто называют однозначностью). Поводом для введения понятия «вероятностной П.» послужило то обстоятельство, что при исследовании микропроцессов на первый план выдвинулись статистич. закономерности, когда одной причине соответствуют разные следствия. Какое именно из них фактически реализуется при том или ином повторном появлении причинного фактора, — дело «чистого случая». Были предприняты попытки избавиться от этой неоднозначности в отношении между причинами и следствиями путем введения представления о неких «скрытых параметрах», к-рые могли бы характеризовать микрообъекты с большей точностью и детальностью, чем величины, используемые в квантовой механике. Одним из наиболее успешных возражений против этих попыток была доказанная Дж. фон Нейманом теорема, согласно к-рой введение любых «скрытых параметров» противоречит квантовой механике. Отсюда и возникло стремление к решит. пересмотру самого понятия П. с отказом от таких фундаментальных черт П., как отношение порождения и заложения в П. внутр. необходимость, т. е. по сути дела с отказом от самого принципа П. В действительности теорема Неймана говорит лишь об относит. внутр. замкнутости и последовательности квантовой механики, о том, что квантовую механику нельзя просто «дополнить» введенным в нее «скрытых параметров». Но она не запрещает и не может запретить переход от квантовой механики к другой, более общей и глубокой теории. Такая теория будет создаваться не путем изгнания случайности и «упразднения» статистич. закономерностей: дело не в том, чтобы отрицать наличие ситуаций, в к-рых одинаковым причинам соответствуют различные следствия, — эти ситуации есть в реальной действительности. Проблема состоит в том, чтобы понять, почему они существуют и как складываются. При сохранении принципа необходимости связи причины и следствия и с учетом зависимости действующая причина от условий открывается принципиальная возможность рационально объяснить происхождение вероятности, включение случая в любое звено цепи причинения. Изменчивость внешних для причины условий ее действования — объективно случайный фактор по отношению к необходимо протекающему процессу причинения, и именно она и ведет к созданию ситуаций, при к-рых одной и той же причине могут соответствовать разные следствия.

Иногда говорят, что принципиально вероятностный характер поведения микрообъекта и вероятностную форму П. можно объяснить на пути понимания микрообъекта как некоего набора потенциальных возможностей. Сама по себе концепция о потенциально возможном в квантовой механике, развиваемая рядом авторов (В. Гейзенберг, В. А. Фок и др.), содержит глубокую и верную идею. Но она должна быть дополнена мыслью о необходимости исследования самого процесса превращения потенциально возможного в реально осуществившееся, о необходимости выявления факторов, определяющих это превращение, т. е. дополнена принципом П. Иначе потенциально возможное превратилось бы в абсолютно самостоят. сущность, ни с чем не связанную и ни от чего не зависящую, а потому и непознаваемую. Не существует какой-то особой «вероятностной П.». Есть вероятностные, статистич. закономерности, представляющие собой одну из форм проявления *детерминизма*, центральным ядром к-рого является учение о П. как о необходимой генетич. связи порождения одного другим.

Фатализм, телеология и П. Сближение П. с *фатализмом* или даже их отождествление используется в двух взаимно исключающих целях — либо для оправдания фатализма, либо для критики П. как якобы ведущей к *телеологии* или родственной ей. Но оба эти подхода грубо ошибочны. Если в учении о П. явления необхо-

димо связаны между собой и эта необходимая связь лежит в них самих, то для фатализма явления сами по себе, по своей внутр. природе никак не связаны друг с другом; необходимость лежит за их пределами и она действует помимо них, подчиняясь неотвратимому сверхъестеств. року. Учение же о П., напротив, не утверждает, что нечто, порождаемое причиной, произойдет при всех условиях с ничем не пресекаемой неотвратимостью. Изменяя условия, можно изменить и следствия данной причины; создавая условия, при к-рых возникают противоборствующие причинные тенденции, можно даже пресекать ранее сложившийся ход событий, останавливать действие прежней причины и создавать новые возможности. Будучи воплощением необходимости, П. сама же служит основанием для возникновения случайности, дает реальную опору для человек. свободы, указывая на те или иные возможности, поскольку учение о П. свидетельствует, по удачному выражению М. Бунге, что не каждая причина обязана «иметь успех» в производстве ожидаемого следствия. П., «...если ее правильно понимать, является одним из самых главных оснований возможности: причинность одна делает возможность возможной» («Причинность», М., 1962, с. 125).

Однолинейная механич. П. типа «лапласовского детерминизма» была не в состоянии опровергнуть телеологию, поскольку целый ряд фактов не укладывался в рамки такой П. Типичной для этих фактов была следующая ситуация: на систему действуют различные причины, а она, как бы «преодолевая» их, «вопреки» им, в любом случае стремится перейти в одно и то же состояние независимо от того, каковы эти причины. Создается картина движения системы к чему-то такому, что не определено ни одной из материальных причин, воздействующих на систему, ни ее материальной организацией. Это «что-то» и есть «цель», к к-рой стремится система, а то, что движет систему к ней, — нематериальная «целевая причина». Трудности причинного объяснения такого рода ситуаций привели к альтернативе: либо П. либо телеология. Эта альтернатива была преодолена только тогда, когда теория П. стала опираться на представление о диалектич. природе П., о наличии обратной связи, использованное уже Марксом и Энгельсом при объяснении сложных процессов обществ. жизни. Это представление получило дальнейшую разработку в кибернетике, что позволило осуществить как теоретическую, так и практич. разработку самоорганизующихся и самонастраивающихся систем. То, что движет систему к определ. состоянию, — не фиктивная «целевая причина», а воздействие вполне реальных конкретных материальных факторов. Устойчивые материальные системы с обратной связью, существующие и в неживой, и в живой природе, и в обществе, фактически функционируют по одному и тому же принципу, исключаящему к.-л. сверхъестественные «целевые причины».

О логич. приемах раскрытия причинных связей см.

Методы исследования причинных связей.

Лит.: Бом Д., П. и случайность в совр. физике, пер. с англ., М., 1959; Проблема П. в совр. физике, М., 1960; Усм о в А. И., О временном соотношении между причиной и действием. Борьба против индетерминизма в квантовой механике и временное соотношение причины и действия, Иваново, 1960; Франк Ф., Философия науки, пер. с англ., М., 1960; Свечников Г. А., Категория П. в физике, М., 1961; Князев Н. А., П. — часть всеобщей связи явлений, «ФН» (НДВШ), 1961, № 3; Гейзенберг В., Физика и философия, пер. с нем., М., 1963; Борн М., Физика в жизни моего поколения. Сб. [переводных] ст., М., 1963; Клаудеус Г., Кибернетика и философия, пер. с нем. М., 1963; Проблемы кибернетики, вып. 9, М., 1963; Бродский И. Н., П. и информатика, «Вестн. ЛГУ. Сер. экон., филос. и права», 1963, вып. 3, № 17; Самойлов Л. Н., Корреляция как форма диалектич. связи, «ВФ», 1965, № 3; Философия естествознания, вып. 1, М., 1966; Краевский В., Пять понятий причинной связи, «ВФ», 1966, № 7; Амстердамский С., Разные понятия детерминизма, там же; Бриллиен Л., Научная неопределенность и информация, послесловие И. В. Кузнецова, М., 1966.

См. также лит. при статьях *Детерминизм*, *Исторический материализм*.
И. Кузнецов. Москва.

ПРОБАБИЛИЗМ (от лат. *probabilis* — вероятный, возможный) — 1) В неопозитивистской социологии — понятие, характеризующее вероятностную природу обществ. явлений. Ссылаясь на статистич. характер обществ. процессов, неопозитивисты выдвигают П. как замену или ограничение принципов *детерминизма* и *причинности*. 2) В схоластич. и более поздней зап.-европ. христ. этике — моральная система, исследующая условия принятия решений о возможных поступках в спорных случаях. В П. были различные течения, оправдывавшие или сужавшие свободу выбора (см. А. Schmitt, *Zur Geschichte des Probabilismus*, Innsbruck, 1904). Пробабиллистами наз. также скептиков т. н. Новой Академии платоновской.

И. Нарский. Москва.

ПРОВЕРЯЕМОСТЬ — 1) В широком смысле — вообще возможность проверки истинности знания. 2) В более узком и более точном смысле — возможность проверки высказываний посредством сопоставления с эмпирич. данными. В этом смысле различают *непосредственную* П. утверждений, прямо описывающих данные наблюдения и эксперимента, и *косвенную* П., основанную на логич. связях косвенно проверяемого утверждения с непосредственно проверяемым, к-рые можно анализировать средствами совр. формальной логики. 3) Одно из осн. методологич. понятий в философии *неопозитивизма*. Исходя из идеи о том, что всякое научно-теоретич. знание является лишь логич. конструкцией языковых элементов, выражающих наши непосредств. переживания, — т. е. непосредственное данное (*das Gegebene*) — неопозитивисты истолковывали эмпирич. П. теоретич. знания как сводимость любого утверждения теоретич. уровня к конечной (принцип верифицируемости) или бесконечной (принцип подтверждаемости) совокупности высказываний эмпирич. уровня (высказываний о непосредственно данном), игнорируя тот факт, что теоретич. знание имеет качественно новое содержание по сравнению с содержанием эмпирич. знания. Последнее было признано, по существу, лишь в ряде работ 50-х гг. Р. Карнапа, Гемпеля, Г. Фейгеля и др. в форме утверждения о самостоятельном существовании «теоретического языка» науки, не сводимого к «эмпирическому языку» и связанного с ним лишь отношением частичной интерпретации. Функция теоретич. аппарата заключается, т. о., не в простом суммировании и сжатом выражении данных опыта, а в обеспечении связи между эмпирич. данными, перехода от одних эмпирич. данных к другим. В абстрактной форме эта функция может быть представлена как $(1) \Sigma E_1 \cdot \Sigma T \cdot \Sigma J \rightarrow \Sigma E_2$, где ΣE_1 — эмпирич. знание, к-рое служит средством для объяснения или предвидения фактов, выражаемых ΣE_2 — выводным эмпирич. знанием, полученным с помощью теоретич. аппарата ΣT и совокупности т. н. интерпретативных предложений (в т. ч. операциональных определений) ΣJ , обеспечивающих связь теоретич. и эмпирич. содержания. Согласно схеме (1), содержание эмпирич. знания (E_1 и E_2) не входит в содержание теоретич. знания (T). Поэтому, строго говоря, проверка E_2 не является безусловным свидетельством косвенного подтверждения T . Эмпирич. П. T , очевидно, не может быть интерпретирована как восприятие нек-рого эмпирич. содержания, входящего в T . Она может быть понята лишь как согласование данной теоретич. системы с имеющейся совокупностью эмпирич. данных. Это согласование имеет две особенности. Во-первых, связь ΣE_1 и ΣE_2 в принципе может осуществляться различными теоретич. средствами, она — неоднозначна. Во-вторых, также как согласование теоретич. аппарата с частными эмпирич. ситуациями не является еще безусловным

критерием его истинности, также и несоответствие его отд. эмпирич. данным нельзя считать безоговорочным показателем его ложности. Это несоответствие, как правило, не ведет к отбрасыванию теории или гипотезы, а влечет за собой тщательное исследование сложившейся ситуации, критич. оценку возможности теории, способствуя ее модификации, конкретизации, нахождению каких-то промежуточных, ранее не учтенных звеньев между ее теоретич. аппаратом и эмпирич. уровнем, словом, ведет к развитию науч. знания. Реальное согласование теории с эмпирич. знанием, приводящее к обоснованному суждению о правильности теории, представляется длительным и сложным процессом, учитывающим неоднозначность связи теории и эмпирии, общую картину соответствия или несоответствия данной теории имеющимся фактам, ее логич. простоту по сравнению с др. возможными теоретич. способами объяснения и предвидения связи данной теории с др. теориями и тем самым ее косвенные объяснительно-предсказательные возможности и пр. Разработка логич. проблематики этого согласования связана с анализом качественного и количеств. понятия подтверждаемости (см. *Логика индуктивная*), информативности гипотез, логич. простоты, логич. структур интерпретативных предложений и пр.

В. Шварцв. Москва.

Нек-рые уточнения соотношения понятий П. и истинности (в частности, *логической истинности*) и одновременное выяснение логич. проблем, связанных с требованием П., удается получить путем формализации утверждений вида: « A — (экспериментально) проверяемо», где A — нек-рое высказывание, а (экспериментальная) П. понимается либо в смысле П. посредством физич. эксперимента, либо же в смысле П. посредством «умственного математического построения» (см. А. Гейтинг, *Интуиционизм*, М., 1965, с. 9). Для этой цели используются модальные исчисления, в частности исчисление $S4$ К. Льюиса (о модальных исчислениях см. *Модальная логика*), или исчисление Гёделевского типа, в частности $G4$, к-рое строится как расширение аксиоматики классич. логики высказываний с правилом *modus ponens* в качестве единств. правила вывода путем присоединения след. схем аксиом: 1) $LA \supset A$; 2) $L(A \supset B) \supset (LA \supset LB)$; 3) $LA \supset LLA$ [где L — оператор П., означающий в случае, если он предшествует произвольному высказыванию A : « A — проверяемо»; при этом высказывание A без L сохраняет обычный для классич. логики смысл: « A — истинно»] и одного правила введения П. α) $A \vdash LA$ [для A , являющегося теоремой исходного, т. е. без (1) — (3) и α], исчисления]. Т. о., согласно (1) в $G4$ П. предложения имплицирует его истинность, но, вообще говоря, не наоборот: обратная импликация верна только для логически истинного A [что очевидно на основании α) и теоремы о дедукции]. Это указывает на неправомерность в общем случае (в силу чисто формальных оснований) отождествлять П. высказывания с его истинностью (разумеется, если истинность понимается классически).

Основываясь на установленном Гёделем соответствии между теоремами *интуиционистской логики* и теоремами $G4$ ($S4$) (см. Gödel K., *Eine Interpretation des intuitionistischen Aussagenkalküls*, в сб.: *Ergebnisse eines Mathematischen Kolloquiums*, II. 4, 1933), можно полагать, что законы и правила интуиционистской логики отвечают более строгому принципу П., чем $LA \supset A$, поскольку их область действия распространяется только на проверяемые (в одном из отмеченных выше смыслов) утверждения: $LA \supset A$ уже не является результатом перевода в термины интуиционистской логики. Это обстоятельство представляет известный филос. интерес: оно указывает на несовпадение интуиционистской П. (интуиционистской истинности) с класси-

яческим (аристотелевским) пониманием истинности и, по-видимому, в какой-то мере может служить формальным основанием для признания неосмысленности утверждения о наличии связи между ними (конечно, при условии признания осмысленными только формализуемых в интуиционистской логике утверждений). Известный филос. интерес представляет также и то, что формализация понятия П. с помощью модальной логики показывает, что постулирование простых и на первый взгляд очевидных свойств (экспериментальной) П. приводит при аксиоматическом исследовании к следствиям содержательно (с т. зр. интуитивного мышления) уже не столь очевидным и требующим специального анализа для выяснения их смысла. (Более подробно о результатах в этой области и их значении см. Feys R., *Expression de la vérifiabilité expérimentale dans le raisonnement formalisé*, в сб.: *Le raisonnement en mathématiques et en sciences expérimentales*. Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique, P., 1958.)

М. Повоселов. Москва.

Лит.: Нарский И. С., *Совр. позитивизм*, М., 1961, гл. 3; Смирнов В. А., *Уровни знания и этапы процесса познания*, в сб.: *Проблемы логики научного познания*, М., 1964.

ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ (от лат. providentia — провидение) — теологич. понимание истории как проявления воли бога, крайняя форма объективно-идеалистич. философии истории. П., свойственный всем религ. системам, в частности *христианству* и *исламу*, получил наиболее полную реализацию в феод. историографии ср. веков.

Христ. П. возник вместе с церковью, стремившейся с помощью богословского истолкования истории обосновать господство христианства. С этой целью Евсевий и Иероним (4 в.) попытались сконструировать «всемирную историю», в к-рой история народов Средиземноморья и Переднего Востока подчинялась библейской «истории», свежая история растворялась в церковной. *Августин* завершил выработку этой концепции, представив историю как реализацию божеств. плана, направленного прежде всего к торжеству христианства, а затем к потустороннему «божьему царству» после «конца света», объявляя движущей пружиной божеств. волю, П. снимал всякую возможность внутреннего, самостоятельного развития человечества. Этому соответствовала и провиденциалистская периодизация истории: от сотворения мира до Христа и — после Христа; по шести «возрастам мира» (по аналогии с библейскими «шестью днями творения») и по четырем монархиям. Все эти схемы, давая чисто внешнее деление событий, фактически отрицали развитие в истории, а тем самым и возможность изменения существующего миропорядка, основанного на неравенстве и угнетении.

Выводы все события истории из божеств. воли, П. явился формой историч. апологии политики правящего феод. класса, к-рая возводилась в степень божеств. предначертаний.

П. был официальной и безраздельно господствующей историч. и филос. доктриной ср. веков. В историч. соч. хронистов (Иоани Малала, Иоани Зонара и др. — в Византии; Рауль Глабер, Оттон Фрейзингский, Матвей Парижский и др. — в Зап. Европе) история рассматривалась как обнаружение бога в мире, как «деяния божии через людей». Содержанием истории объявлялась чуждая развития, в сущности — внеисторическая, борьба абстрактных сил добра и зла; добро проявлялось в покорности властям и церкви, а зло — в сопротивлении, восстании, самостоятельности мысли и действия. История получала догматич. и апологетич. истолкование. Прошлое имело значение лишь постольку, поскольку оно содержало в себе «пророчества», провиденциальные предначертания настоящего и будущего. Отсюда глубокое безразличие ср.-век. исто-

риков к понятию времени, склонность к анахронизмам, антиисторизм; символич. и аллегорич. истолкование прошлого; морализаторский подход к истории, назидательность как главная задача историографии. Поскольку П. снимал проблему причинности, внутр. закономерности и связи между событиями, ср.-век. историк стремился лишь излагать факты и не пытался анализировать их. Феод. историография содержала в себе в равной мере и факты и чудеса; отсюда же крайняя некритичность и легковерие ср.-век. историков.

Преодоление П. начали итал. историки эпохи *Возрождения*, противопоставившие ему рациональное объяснение фактов и отбросившие христ. периодизацию истории. Еще последовательнее выступили против П. просветители 17—18 вв. (*Гердер*, *Монтескье* и др.), поставившие на место божеств. провидения понятие «естеств. закона истории» и *прогресса*. Эта борьба имела огромное значение для развития рационалистич. философии истории. В периоды реакции имели место рецидивы П. (напр., *Воссюэ*, реакц. *романтизм* нач. 19 в. — *Ж. де Местр*, *Шлегель*, затем Ранке). Но и бурж. философия, идеалистически и метафизически трактовавшая проблему историч. необходимости, не могла до конца преодолеть телеологию, а следовательно и П. До тех пор, пока философия продолжала писать о трансцендентной «цели» истории, они оставались во власти П., хотя и называли провидение «светскими» именами. Только Маркс окончательно преодолел П., вскрыв его гносеологич. корни. «...То, что обозначают словами „назначенные“, „цели“, „зародыш“, „идея“ прежней истории, есть не что иное, как абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую» (Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 3, с. 45). Идеализм абсолютизирует это влияние, а П. мистифицирует его. «Провиденциальная цель — вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего» (Маркс К., там же, т. 4, с. 141). «... Теологическое понимание истории состоит в объяснении исторического процесса ... действием одной или нескольких сверхъестественных сил, волею одного или нескольких богов» (Плеханов Г. В., *Избр. филос. произв.*, т. 2, 1956, с. 645).

Кризис бурж. историч. сознания в эпоху империализма породил попытки возрождения П. в форме т. н. «христианской философии истории», к-рая противопоставляется идее объективной закономерности историч. процесса (*Маритен*, *Пибур*, М. д'Арси, историки — К. Доусон, *Тойнби*, *Ротхаккер*, Г. Баттерфилд, и др.). Совр. философы и теологи безуспешно пытаются «модернизировать» П., освободить его от противоречия (с к-рым столкнулся еще *Августин*) между признанием всемогущества провидения, с одной стороны, и свободы воли индивида — с другой. В какой бы форме ни выступал П., он всегда означает отказ от истории как науки.

Лит.: Энгельс Ф., *Положение Англии*, Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 1, с. 392—94; Плеханов Г. В., *Материалистич. понимание истории*, *Избр. филос. произв.*, т. 2, М., 1956; Эйкен Г., *История и система средневек. мирозерцания*, СПб., 1907; Коппен И. С., *Христианская философия истории на службе реакции*, «Вопр. истории», 1961, № 12; Левада Ю. А., *Совр. социальное христианство*, «ВФ», 1961, № 9; Вайнштейн О. Л., *Западноевр. средневек. историография*, М.—Л., 1964; Collingwood R. G., *The idea of history*, Oxf., 1946; Löwith K., *Meaning in history*, Chl., 1949; Shinn R. L., *Christianity and the problem of history*, N. Y., 1953; Dentan R. C. (ed.), *The idea of history in the Ancient Near East*, New Haven, 1955; Niebuhr R., *The self and the dramas of history*, L., [1956]; Margitain J., *On the philosophy of history*, N. Y., 1957; D'Arsy M. C., *The meaning and matter of history*, N. Y., 1959.

И. Юн. Ленинград, С. Стан. Саратов.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ (от греч. πρόγνωσις — знание паперед) — определение тенденций и перспектив раз-

вития тех или иных процессов на основе анализа данных об их прошлом и нынешнем состоянии. В отличие от *предвидения научного*, П. решает, как правило, более узкие практич. задачи. Наиболее общим методом П. является экстраполяция динамич. рядов взаимно сопряженных процессов и их балансовый анализ по состоянию на заданный момент времени в будущем. Напр., демографич. прогнозы определяют тенденции движения населения путем экстраполяции динамики рождаемости и смертности, иммиграции и эмиграции и оценки их баланса на ряд лет или десятилетий вперед. П. предусматривает планирование, к-рое решает задачи определения путей и способов достижения определ. цели на основе результатов П.

Математич. теория П. была создана Н. Винером. Количеств. П., носящее статистич. характер, тесно связано с качественным. Общая достоверность прогноза зависит не только от полноты статистич. информации, но и от правильности выделения осн. тенденций развития. Результаты П. одной группы процессов могут служить критериями при П. другой группы. Напр., прогнозы научно-технич. прогресса используются в экономич. П.

Усложнение обществ. процессов требует развития комплексного П., объединяющего методы и достижения специализированных прогнозов. Овладение методикой комплексного науч. П. является одной из актуальных задач коммунистич. строительства.

В ряде случаев довольствуются краткосрочными прогнозами (до года), техника к-рых получила, напр., развитие в «программированной экономике» зап.-европ. стран. Но все чаще в условиях не только социализма, но и капитализма проявляется потребность в долгосрочных прогнозах экономики. Такие прогнозы опираются на ряд допущений, напр. отсутствие мировой термоядерной войны. Но даже с такими допущениями прогнозы даются на неск. уровнях (напр., высоком, среднем и низком), причем «вилка» между высоким и низким уровнями оценок получается очень большой.

Комплексное П. развития производит. сил, научно-технич. прогресса, демографич. и природных ресурсов становится общепризнанной предпосылкой планирования экономики и научного управления развитием общества. Оптимальные условия для этого дает социалистич. организация общества.

Лит.: Маркс К., Последствие ко 2 изд. «Капитала», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Ленин В. И., Набросок плана научно-технических работ. Апрель 1918, Соч., 4 изд., т. 27; Фролов В. А., Вторжение в тайны погоды, Л., 1962; Ландсберг Г. Г., Фишман Л. Л., Фишер Дж. Л., Ресурсы США в будущем, пер. с англ., т. 1—2, М., 1965; Techniques of economic forecasting. Organization for economic cooperation and development, N. Y.—P.—L., 1965. Ю. Шейнин. Москва.

ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ — изложение осн. задач, методологич. предпосылок, методики и техники исследования. Оработка П. с. и. — неперемное условие конкретного социологич. исследования. Назначение П. с. и. — логич. организация всего процесса исследования от постановки задач (теоретич. и практич.) до получения конечного результата в соответствии с задачами. В завершном цикле исследования вслед за П. с. и. составляются программа анализа итогов исследования и программа практич. внедрения его результатов.

Основные элементы П. с. и.: 1) Определение проблемы и темы исследования. Устанавливается связь темы исследования со смежными темами в рамках данной проблемы. 2) Формулирование осн. и неосн. задач исследования. Исследование может быть по преимуществу ориентировано на дальнейшее развитие теории данного вопроса или на решение практич. задач; соответственно перемещается центр внимания исследователя и рабочие гипотезы, требования к методике и

т. д. 3) Теоретич. анализ проблемы, к-рый предполагает: а) уточнение осн. теоретич. понятий в области изучаемых социальных явлений, к-рое должно быть доведено до такой степени, чтобы объем каждого общего понятия был раскрыт в перечне конкретных социальных фактов и фактов обществ. сознания, подлежащих эмпирич. анализу (т. н. «операционные» определения понятий); б) определение осн. взаимосвязей и зависимостей между существ. факторами, характеризующими структуру и изменения (или развитие) данного социального явления или процесса. При этом возможна их формализация в виде схем или логич. моделей, графов связей и зависимостей. 4) Выдвижение осн. и неосн. рабочих гипотез исследования и возможных следствий из них, подлежащих проверке в ходе исследования. 5) Выбор принципиального плана исследования: а) план-разведка, применяемый в случае неразработанности проблемы и невозможности сформулировать рабочие гипотезы; б) аналитич. план, цель к-рого — дать максимально точное качеств. и количеств. описание изучаемого процесса и определить, насколько верно предсказаны в описат. гипотезах осн. связи между существ. факторами; в) экспериментальный план, предназначенный для непосредственной проверки объяснительных рабочих гипотез; г) возможна комбинация трех типов плана и идеальный случай: последоват. переход от разведки через анализ к эксперименту. 6) Определение объектов исследования, а в выборочном исследовании — типа выборки, единицы и объема выборки. 7) Разработка методики сбора первичного материала (изучение документов, прямые и косв. наблюдения, различные виды *опросов*) и методики анализа первичных данных (типологический, исторический, статистический, экспериментальный, монографический, выборочный методы анализа, математич. моделирование). 8) Определение техники сбора первичных данных, предусматривающее приемы контроля на адекватность, устойчивость и надежность первичной информации, а также — техники анализа первичного материала (приемы упорядочения исходного материала: группировки, ранжирование, измерение; приемы установления причинных и корреляционных связей: корреляционный анализ, определение индексов регрессии признаков, факториальный анализ, расчет индексов детерминации, использование теории графов, линейного программирования и т. д.). 9) Определение способа обработки материала (машинная или ручная). 10) Составление рабочего плана исследования, предусматривающего технич. и организац. вопросы работы.

П. с. и. должна быть достаточно четкой, логическистройной. Каждый последующий ее элемент логически вытекает из предыдущего. Методологич. часть П. с. и. (п.п. 1—4) предопределяет методико-технич. раздел (п.п. 5—10) в целом, проблема и задачи исследования — направление теоретич. анализа, к-рый подводит исследователя к формулировке рабочих гипотез. Состояние гипотез предопределяет принципиальный план исследования, выбор объектов исследования. Методики сбора и анализа первичных данных зависят от задач и теоретич. анализа проблемы, непосредственно направляются гипотезами исследования. Техника обработки материала целиком подчинена методологии и методике исследования.

П. с. и. должна быть полной, т. е. содержать все осн., перечисленные выше элементы. Отсутствие к.-л. элемента П. с. и. затрудняет переход от теоретич. посылок к эмпирич. данным и обратное восхождение от фактов к теории, приводит к ошибкам в ходе самого исследования, потере времени на доработку и переработку уже собранного материала. Она должна быть достаточно гибкой «сверху — вниз» и достаточно жесткой «снизу — вверх». Это означает, что исправле-

ние и уточнение П.с.п. необходимо в ходе исследования, но таким образом, чтобы поправки и уточнения вносились в последующие элементы программы. Изменения в предшествующих элементах ведут к значит. потерям времени и средств. Важное правило — при переходе к каждому последующему этапу исследования еще раз внимательно проанализировать, насколько все последующие элементы П. с. и. отвечают общему направлению исследования и насколько четко согласуются с уже пройденными этапами работы.

Окончат. рабочий вариант П.с.п. является осн. документом исследоват. группы и служит общим руководством для каждого члена исследоват. коллектива.

Лит.: Здравомыслов А. Г., Ядов В. А., О программировании конкретного социального исследования, «ВФ», 1963, № 8; Андреева Г. М., Совр. бурж. эмпирич. социология, М., 1965; Goode W. J., Haff P. K., Methods in social research, N. Y., 1952; Festinger L., Katz D. (eds), Research methods in the behavioral sciences, N. Y., [1953]; Нуман Н., Survey design and analysis, Glencoe (Ill.), [1955]; Jahoda M., Deutsch M., Cook S. W., Research methods in social relations, N. Y., 1958.

В. Ядов, Ленинград.

ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ (от греч. *πρόγραμμα* — публичное объявление) — различные психолого-педагогич. концепции, для которых общим является: 1) трактовка процесса усвоения знаний как процесса выработки определ. навыков (практических или умственных) на основе осуществления обучаемым строго определ. последовательности действий или операций (т. н. программ) и 2) принцип индивидуализации обучения, к-рый понимается как создание условий для изучения нового материала в оптимальном для учащегося темпе. Достигнуть этого можно в результате специальной предварит. обработки материала, подлежащего усвоению, — разбиения его на взаимосвязанные и сравнительно легко усваиваемые порции. Для проверки усвоения создаются различные способы контроля и самоконтроля. Разбиение учебного материала на такие порции и принято называть *программированием* — составлением программы (будущей учебной деятельности учащегося). В зависимости от наличия или отсутствия применения специальных технич. устройств (т. н. «обучающих машин») различают *машинное* и *безмашинное* П. о. По способу построения программы П. о. делится на *линейное* и *разветвленное*.

У истоков линейного П. о. лежат положения, первоначально сформулированные амер. психологом-бихевиористом Б. Ф. Скиннером применительно к методике выработки у животных и птиц сложных форм поведения. В основе этой методики лежат принцип подкрепления (каждой удачной, с т. зр. дрессировщика, реакции) и принцип минимизации ошибок — такой подбор стимулов, к-рый обеспечивает по возможности только удачные реакции. Впоследствии эти принципы были перенесены Скиннером на обучение человека; осн. технич. приемом стал здесь заимствованный из практики тестирования (см. *Тест*) прием пропуска (в каждой порции имеются 2—4 предложения, в некоторых из них пропущено одно-два важных по смыслу слова; чтобы выписать их, учащийся должен либо внимательно прочесть данную порцию, либо вспомнить нечто из предыдущей; пропускаться могут также буквы, числа и т. д.; удостоверение в правильности ответа является для учащегося подкреплением).

В разветвленном П. о. (наиболее крупный представитель — Н. Краудер) предусматривается индивидуальный темп продвижения, и вместе с тем отбор изучаемого материала зависит от способностей и умений учащегося (от его действий при выполнении задания). Последнее достигается за счет того, что в зависимости от качества ответа на вопрос, учащемуся задается или след. (если ответ правилен), или вспомогат. (если ответ неправилен), или наводящий вопрос (если учащийся не

знает, как отвечать). При этом более сильные ученики идут по более короткому пути либо для них привлекается дополнит. материал. В машинном П. о. такой способ требует применения сложных технич. устройств, в частности цифровых вычислит. машин. В безмашинном варианте П. о. создаются т. н. книжечки, в к-рых учебный материал расположен случайным образом, а учащийся, в зависимости от выбранного им варианта ответа, отсылается к той или иной странице книги.

Имеются концепции П. о., использующие приемы как линейного, так и разветвленного программирования. К П. о. относят также нек-рые случаи обучения ряду профессий на спец. тренажерах и макетах.

В СССР после первого этапа ознакомления (1960—1962) амер. концепции П. о. подверглись критике, гл. обр. за *бихевиоризм*. Критич. замечания высказывались и по отд. технич. приемам. Один из наиболее существен. недостатков этих концепций — отсутствие предварит. логич. анализа содержания учебного материала. Такой анализ фактически подменяется нек-рыми интуитивными соображениями о делении учебного материала на порции и о порядке их расположения.

В настоящее время П. о. находится в СССР в стадии теоретич. и эксперимент. разработки. Для обоснования практики П. о. и ее развития П. Я. Гальперин был использован развиваемая им теория умственных действий. Л. Н. Ланда выдвинул идею алгоритмизации учебного процесса, согласно к-рой в программированных пособиях осн. место должны занять т. н. алгоритмы, т. е. инструкции, следуя к-рым учащийся овладевает знаниями и умениями; эта идея вызвала дискуссии (см. журн. «Вопросы психологии», 1964—65).

В психолого-педагогич. литературе высказывается мнение, что П. о. является лишь одним из способов обучения, наряду с др. Следует также иметь в виду, что реализация принципов П. о. в условиях сов. школы наталкивается на объективную трудность: классно-урочная система организации учебного процесса, в к-рой соединены обучение и воспитание, резко ограничивает возможности применения П. о., предусматривающего индивид. сроки усвоения. Уточнение возможностей и способов применения П. о. требует дальнейших исследований, не только психолого-педагогических, но и философских, в частности логических.

Лит.: Берилко Ю. И., Сабурова Г. Г., Реализация нек-рых психологич. принципов в обучающих машинах в США, «Вопр. психологии», 1962, № 4; Шестаков В. А. И., Опыт применения «обучающих машин» в США, «Сов. педагогика», 1962, № 12; Плына Т. А., О педагогич. основах П. о., там же, 1963, № 8; П. о. и кибернетич. обучающие машины, под ред. А. И. Шестакова, М., 1963; Леонтьев А. Н., Гальперин П. Я., Теория усвоения значений и П. о., «Сов. педагогика», 1964, № 10; Климов Е., Четыре задачи П. о., Каз., 1965 (имеется библиограф.); Curties E. V., *Teach programmed learning materials. Plane geometry, section 1—5*, Is. 1.1, 1960—61.

Н. Алексеев, Москва.

ПРОГРЕСС (от лат. *progressus* — движение вперед, успех) — тип, направление *развития*, для к-рого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. О П. можно говорить применительно к *системе* в целом, к отд. ее элементам, к *структуре* и др. параметрам развивающегося объекта. Понятие П. соотносительно с понятием *регресса*.

Представление о том, что изменения в мире происходят в определ. направлении, возникло еще в глубокой древности и первоначально носило чисто оценочный характер. В философии идея П. разрабатывалась гл. обр. применительно к истории общества (см. раздел П. общественный). В естеств. науки идея П. проникла сравнительно недавно в связи с накоплением эмпирич. материала, позволившего сделать вывод о развитии

живой природы. Особенно большое значение в этой связи имели идеи Ламарка о постепенном усложнении организации живых существ и *эволюционная теория* Дарвина.

Диалектико-материалистич. понимание П. противостоит идеалистич. и метафизич. концепциям, к-рые рассматривают П. в сфере развития идеального или сводят его к субъективным оценочным категориям, либо понимают его как ступень циклич. процесса, либо вообще отвергают понятие П.

Науч. понимание П. исходит из того, что существуют объективные критерии П., являющиеся основой оценочных суждений. Иногда П. отождествляют с усложнением развивающегося объекта. Однако прогрессивное развитие (в частности, в живой природе) не всегда совпадает с процессом морфо-физиологического структурного усложнения, напротив, усложнение может в отд. случаях выражать регресс, тогда как П. может быть связан с нек-рым упрощением структурной организации.

Понятие П. имеет не абс., а относит. значение. В неорганич. природе значит. место занимают циклич. процессы, к к-рым понятие П. неприменимо. Понятие П. неприменимо и к Вселенной в целом, т. к. здесь отсутствует однозначно определ. направление развития: если в одних частях ее преобладает П., то в других возможно преобладание регресса (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 22). Признание только одного направления развития Вселенной неизбежно ведет к идеалистич. и религ. взглядам о начале и конце мира. Для Вселенной в целом характерен вечный диалектич. круговорот, в к-ром непрерывно порождаются и уничтожаются те или иные формы материи (см. там же, с. 362—63).

Возможность П. и реальные пути его осуществления определяются наличием конкретн.-историч. условий. Напр., возникновение жизни зависит от таких физико-химич. условий, как температура планеты, наличие атмосферы и т. д.

Известная нам ветвь прогрессивного развития включает в себя, согласно совр. науч. данным, след. ступени: дозвездную (галактич.), звездную, планетную, биологическую и социальную. Каждая из этих ступеней представляет из себя органич. целостность различных систем, к к-рым при восходящем направлении развития также применимо понятие П., но уже в рамках существования данной ступени.

П. является гл. направлением развития для той ветви материального мира, в к-рую входит наша планета. Применительно к этому можно указать след. осн. особенности П.

П. характеризуется нарастанием темпов развития. На образование Солнца и вращающихся вокруг него планет потребовалось 4,7 млрд. лет. По данным амер. ученого М. Кальвина, жизнь на Земле возникла 2,7 млрд. лет тому назад. Приблизительно за 1,5 млрд. лет возникли тысячи видов животных, в т. ч. предки человека. Около 1 млн. лет назад начался процесс возникновения человека и человек. общества, к-рое примерно за последние 40 тыс. лет достигло совр. уровня произ-ва, науки и культуры. Для человек. истории, в свою очередь, характерно дальнейшее ускорение темпов развития.

Др. особенность П. состоит в том, что прогрессивное развитие системы в целом включает в себя регресс ее отд. элементов, связей, функций. Так, прогрессивное развитие органич. природы в целом сопровождается общей дегенерацией (регрессом) ее отд. видов. Энгельс подчеркивал, что «...каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» (там же, с. 624).

В науч. познании одной из центральных является проблема определения объективных критериев П. Универс. критериев П. не существует. Для каждой достаточно широкой области явлений должны отыскаться свои спец. критерии. Задача же филос. анализа состоит в выявлении общих требований к выработке таких критериев. Сложностью этой проблемы определяется многообразие типов развития и содержания П. Напр., если этим содержанием являются изменения функций. организации объекта, то П. оценивается именно по этому основанию; но для оценки П. в строении нужны, естественно, иные основания. В самом общем виде исходная база для выработки критериев П. может быть определена след. образом: П. имеет место там, где развитие сопровождается дифференциацией и интеграцией элементов и связей, что позволяет системе осуществлять задачи и функции, недоступные старой системе, и обеспечивает совершенствование ее организации.

О П. можно говорить как в отношении неживой и живой природы, так и в отношении человек. общества. В неорганич. природе П. состоит в таком усложнении форм организации, к-рая приводит к возникновению жизни. Биологич. П. связан с усложнением взаимоотношений организмов и сообществ со средой. При рассмотрении П. в органич. природе следует различать осн. ветвь развития, к-рую А. П. Северцов назвал *ароморфозом*, и др., побочные ветви. В сов. филос. и биологич. лит-ре существуют различные т. зр. на общ. критерий биологич. П., каждая из к-рых не может считаться бесспорной. По мнению К. М. Завадского, общ. критерием П. живой природы является степень приближения к высшей, т. е. к социальной форме движения. Др. исследователи характеризуют П. как филогенетич. процесс накопления таких морфо-физиологич. механизмов, к-рые способствуют возрастанию независимости организма от отд. условий его существования, расширяют среду его обитания и повышают уровень эволюц. пластичности (приспособляемости) (см., напр., Е. Ф. Молевич, К вопросу о критерии органич. прогресса, в журн.: «Вопр. филос.», 1965, № 8, с. 75). Однако бесспорно, что биологич. П. обязательно включает в себя след. моменты: повышение степени целостности биологич. системы и благодаря этому — приспособленности ее к среде и к более эффективной реализации функции воспроизведения; повышение средней выживаемости организмов; повышение степени целесообразности индивида и вида, заключающееся в получении большего эффекта в ходе обмена веществ при меньших затратах вещества и энергии и в установлении более работоспособной структуры, обеспечивающей надежное выполнение жизненных функций. При всем разнообразии конкретных проявлений, биологич. П. обычно осуществляется путем возрастания разнообразности элементов и числа связей живой системы, причем у последней возникают более эффективные функции и внутр. импульсы к дальнейшей дифференциации, к повышению целостности системы и к расширению ее распространения в природе.

О проблеме критерия П. в социальной форме движения см. в разделе П. общественный.

Лит.: Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, Введение, отд. 1, гл. 6, 7, 8, 13; Северцов А. Н., Гл. направления эволюц. процесса, М.—Л., 1934; Давидович Л. Ш., Очерки по истории учения об эволюц. П., М., 1956; Завадский К. М., К пониманию П. в органич. природе, в сб.: Проблемы развития в природе и обществе, М.—Л., 1958; Мелюхин С. Т., Об особенностях развития в неорганич. природе, там же; его же, О диалектике развития неорганич. природы, М., 1960; Философские проблемы современной биологии. Сб. ст., М.—Л., 1964; Руткевич М. Н., Развитие, П. и законы диалектики, «ВФ», 1965, № 8; Haldane J. B. S., The causes of evolution, L.—[a. o.], 1932; Zimmermann W., Evolution, Freiburg—Münch., [1953]; Bertalanffy L. von, Problems of life. An evaluation of modern biological and scientific thought, N. Y., [1960]; Никсеу J., Evolution, L., [1963]. *Л. Серебряков*, Москва.

Прогрессе общественный — восходящее, поступательное развитие человек. общества от низших ступеней и форм к высшим. Понятие П. возникло на почве социальной философии как идея о закономерном совершенствовании человека и общества. Идея П. предполагает, во-первых, осознание самого факта изменения и развития человек. общества; во-вторых, признание ценности земной жизни; в-третьих, рассмотрение истории как имманентного процесса; признание закономерности обществ. развития. Эти предпосылки отсутствовали в философии докапиталистич. формаций, в к-рых драматизм политич. событий сочетался с крайне медленным изменением социально-экономич. основ обществ. жизни. Для большинства античных авторов история — простая последовательность событий, за к-рыми стоит нечто неизменное; если же заходит речь об истории как целом, то она рисуется либо как регрессивный процесс, идущий по восходящей от древнего «золотого века» (Геспод, Сенека), либо как циклич. круговорот, повторяющийся одни и те же стадии (Платон, Аристотель, Полибий). Не видит П. в обществе и христианство. Хотя христ. историософия рассматривает историю как процесс, имеющий определен. направление, речь идет не об имманентном процессе, а о движении к некоей провиденциальной цели, лежащей за рамками действит. истории. Идея истории П. родилась не из христ. эсхатологии, а из ее отрицания.

Социальная философия поднимающейся буржуазии была овеяна оптимизмом, уверенностью в том, что «царство разума» лежит не в прошлом, а в будущем. Прежде всего был замечен П. в сфере науч. познания; уже Вэкон и Декарт учат, что не нужно оглядываться на древних, что науч. познание мира идет вперед. Фонтенель систематизирует эти идеи. Затем идея П. распространяется и на сферу социальных отношений (см. А. Тюрго, Избр. филос. произв., М., 1937, с. 52; Ж. А. Кондорсэ, Эскиз историч. картины прогресса человек. разума, М., 1936, с. 227—28).

Просветит. теории П. были глубоко революционны; они обосновали смелую ломку феод. отношений, на их основе складывались многочисл. системы утопич. социализма. Но рационалистич. теории П. были чужды историзму. Подчеркивая поступательность историч. развития, они не видели всей его противоречивости и многообразия его форм, а также необходимости предшествующих стадий. П. общества они выводили из П. человек. разума. Их теории имели телеологич. характер, возводя в ранг конечной цели истории преходящие идеалы и иллюзии поднимающейся буржуазии. Но уже *Вильо* и особенно *Руссо* указывали на противоречивый характер историч. развития; Руссо вообще не видел в «цивилизации» высшего этапа по сравнению с «природой», а Гердер высмеивал теории линейного П., высшим звеном к-рого всегда оказывается сам их автор. Романтич. историография к нач. 19 в., в противовес рационализму просветителей, выдвинула идею медленной органич. эволюции, не допускающей вмешательства пизве, и тезис об индивидуальности и несравнимости историч. эпох. Но этот историзм был односторонне обращен в прошлое и часто выступал в роли апологета существующих архаич. отношений. Наиболее глубокою в домарксовской мысли трактовку П. дал Гегель, полемизируя как против просветит. пренебрежения к прошлому, так и против ложного историзма романтич. «историч. школы». «... Развитие является движением вперед от несовершенного к более совершенному, причем первое должно быть рассматриваемо не в абстракции и и ш з как несовершенное, а как нечто такое, что в то же время содержит в себе свою собственную противоположность, так называемое совершенное как зародыш, как стремление» (Соч., т. 8, М.—Л., 1935, с. 54). История — не простое изменение, а П. в сознании свободы, в к-ром старое слу-

жит необходимым фундаментом для нового. Каждый народ, выполнив свою историч. миссию в качестве временного носителя абсолютной идеи, уступает место другому. Однако, понимая историч. П. как саморазвитие мирового духа, Гегель не мог объяснить переход от одной ступени обществ. развития к другой. Обществ. П. заканчивается, по Гегелю, прусской монархией, а его философия истории превращается в теодицею, оправдание бога в истории.

Марксистско-ленинское понимание П. покоится на материалистич. понимании истории и характеризуется диалектико-материалистич. подходом к проблеме, выдвиганием объективного критерия П. Маркс подчеркивал, что «вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 736). «... Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских сплогда скачков назад, веддиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (Ленин В. И., Соч., т. 22, с. 296). П. не есть какая-то самостоят. сущность или трансцендентная цель историч. развития. Понятие П. имеет смысл лишь в применении к определен. историч. процессу или явлению, это всегда П. по отношению к чему-то. Бурж. социологи чаще всего ищут критерий П. в сфере обществ. сознания и ставят эту проблему в этнич. плоскости: чувствует ли себя человек в ходе истории более счастливым, самоуспокоенным и т. п. Но цели, стремления и идеалы людей, в свете к-рых они оценивают историч. развитие, сами меняются в ходе истории, поэтому такие оценки неизбежно страдают субъективностью, неисторичностью. Как пишет Маркс, «так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 732).

Объективный науч. критерий П. надо искать в материальной основе общества. Производств. отношения выражают прерывность, дискретность историч. процесса и специфичность его конкретных форм. Напротив, производит. силы развиваются более или менее непрерывно и кумулятивно (хотя и здесь, конечно, бывает попятное движение). К тому же это главная, определяющая сторона обществ. развития. Поэтому Ленин считал развитие производит. сил «...высшим критерием общественного прогресса...» (Соч., т. 13, с. 219).

Совершенство средств и организации труда обеспечивает рост его производительности, что, в свою очередь, влечет за собой совершенствование человек. элемента производит. сил, рабочей силы, вызывает к жизни новые производств. навыки и знания и меняет существующее обществ. разделение труда. Рука об руку с П. техники идет развитие науки. Наконец, рост производительности труда означает увеличение количества прибавочного продукта. При этом расширяется состав и объем необходимых потребностей человека и изменяются способы их удовлетворения, образ жизни, культура и быт. Более высокому уровню развития производит. сил соответствует и более сложная форма производств. отношений и обществ. организации в целом. Степень овладения обществом стихийными силами природы, выражающаяся в росте производительности труда, и степень освобождения общества из-под гнета стихийных обществ. сил, социально-политич. неравенства и духовной неразвитости людей — вот наиболее общие критерии историч. П. В свете указанных критерия нерыбытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистич. и коммунистич. формации представляют собой закономерные стадии поступат. развития человечества.

Общество — сложная система, включающая в себя ряд частных подсистем, отношений и учреждений, обладающих относительной самостоятельностью и развивающихся весьма неравномерно. При определении степени прогрессивности частных структур и производных явлений необходимо учитывать, во-первых, насколько та или иная форма или тенденция развития данного явления соответствует общему направлению историч. процесса и содействует ему в рамках данной эпохи; во-вторых, насколько глубоко она выражает внутр. законы своего собств. развития. Маркс писал об искусстве, что «... определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 736). Определ. обществ. отношения порождают определ. формы культуры, искусства, идеологии, к-рые нельзя по произволу заменить другими и слепо оценивать по совр. канонам. Искусство каждой данной эпохи, исходя из специфич. эстетич. канонов, по-своему отражает изменяющийся мир, и каждая из этих многообразных точек зрения представляет непреходящую ценность, именно потому, что человечество никогда уже не посмотрит на него глазами прошлого. Однако культура каждого данного общества, выражая его самосознание, вместе с тем представляет определ. этап познания человеком объективного мира, включая и обществ. отношения. И здесь тоже имеется преемственность и поступательность, идет ли речь о политич. идеологии или об искусстве.

Типы социального прогресса. П. идет на протяжении всей истории человечества. Но типы его различны, а темпы определяются характером социальной системы. Для первобытнообщинного, а также рабовладельч. и феод. обществ характерны вообще крайне медленные темпы развития. Капитализм означает громадное ускорение темпов, но при этом усиливается и обостряется антагонистичность, свойственная развитию эксплуататорского общества. В любом процессе развития существует определ. взаимосвязь между группой ведущих, развивающихся элементов системы и ее структурой как целым. Отд. элементы (в обществ. жизни эту роль играют производит. силы) опережают другие, за ними подтягиваются остальные и лишь затем меняется структура целого. Но в досоциалистич. формациях первоначально из-за низкого уровня развития производства, а в дальнейшем также из-за частной собственности на средства производства одни элементы социального целого систематически прогрессируют за счет других. Это делает П. общества в целом антагонистичным, неравномерным, зигзагообразным (см. Ф. Энгельс, там же, т. 21, с. 177). П. техники и развитие обществ. разделение труда колоссально повышают его производительность. Но оборотной стороной этого П. является превращение человека в частичного работника, рост отчуждения и эксплуатации. Достижения античной культуры имели место в период самого бесчеловечного рабства. Сравнительно высокий жизненный уровень немногих развитых капиталистич. стран достигнут отчасти за счет беспощадной эксплуатации колоний. Диспропорции наблюдаются не только в развитии разных стран и народов, но и в развитии различных сфер и элементов обществ. жизни. Так, Маркс отмечал, что «... капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» (там же, т. 26, ч. 1, с. 280).

Диспропорция между материальным богатством капиталистич. общества и уровнем его духовной культуры особенно заметна в эпоху общего кризиса капитализма.

Переход от капитализма к социализму в мировом масштабе — генеральная линия обществ. П. в совр. эпоху. Коммунистич. П. качественно отличается от П. антагонистич. общества. Колоссально ускоряя темпы обществ. развития, коммунистич. формация постепенно преодолевает унаследованные от прошлого диспропорции в развитии города и деревни, передовых и экономически отставших стран, людей умственного и людей физич. труда, производит. сил и духовной культуры общества. Эта согласованность обеспечивает П. всей социальной системы, а не отд. ее элементов за счет других.

Историч. прогрессивность социализма и коммунизма доказывается не только теоретически, но и практически фактами успешного развития мировой социалистич. системы и переходом на социалистич. путь новых стран и народов. Однако победа коммунизма выковывается лишь в упорной борьбе, трудности к-рой нельзя преуменьшать. Социализм приходится строить в условиях ожесточенного сопротивления империалистич. реакции. К тому же историч. условия сложились так, что первыми на путь социализма вступили страны со сравнительно отсталой экономикой и культурой. Это создает дополнит. трудности, т. к. в этих странах приходится «доделывать» то, что не успел сделать капитализм. Обилие задач и недостаточное знание механизмов действия законов социалистич. общества (к-рое само отчасти объясняется ограниченностью имеющегося историч. опыта) может порождать односторонние политич. решения, к-рые, в свою очередь, приводят к новым диспропорциям. Огромный вред делу коммунизма нанесла практика *культы личности* и ее социальные и психологич. последствия. Сложные проблемы ставят неодинаковость уровня развития и историч. традиций стран социалистич. системы.

Коммунистич. формация, устраняя социальный антагонизм, не отменяет противоречивости развития как такового; именно борьба нового со старым будет источником коммунистич. П. В частности, познание законов развития общества — процесс по существу бесконечный; между тем именно степень познания и овладения такими законами дает нам меру социальной свободы. Многие важные вопросы теории общества. П. вообще еще не решены (напр., спор о том, продолжается ли сейчас процесс биологич. эволюции человека и если да, то в каком направлении; не вполне ясно, как решится при коммунизме проблема разделения труда; каковы оптимальные формы гармонич. сочетания высокой степени организации общества как целого и автономии и самостоятельности каждого отд. индивида и т. д.).

Проблема П. в буржуазной социологии. Идея П. была самой популярной идеей бурж. социологии 19 в. Однако идеологи победившей буржуазии выхолостили из нее революц. содержание. Подчеркивая прогрессивность капиталистич. отношений по сравнению с феодальными, они не указывали путей дальнейшего развития. Идея П., истолкованная в духе «автоматич. эволюции» (Спенсер) и односторонне обращенная к прошлому, постепенно стала инструментом откровенной защиты капиталистич. строя. Но уже в последней трети 19 в., и особенно в эпоху империализма, бурж. обществ. мысль переходит от обожествления П. к нападкам на него. Для совр. бурж. идеологов типичен социальный пессимизм, несомкстимый с идеей П. Поэтому критика действит. пороков старых теорий П. (плоский и антиисторич. эволюционизм, неясность и произвольность критериев П., европоцентристская ограниченность, недооценка сложности, многоплановости и противоречивости историч. процесса, телеологизм и метафизичность) была использована реакц. учеными для отрицания поступательности обществ. развития вообще. Провозвестником

этих настроений был уже Ницше, но особенно широко распространились они в эпоху общего кризиса капитализма, охватив все отрасли общественного сознания.

В совр. бурж. социологии существует двойственное отношение к понятию П. Одни социологи, не отказываясь от самого понятия П., возвращают его критерий, утверждая, будто технич. П. и рост производительности труда сам собой разрешит все социальные противоречия (У. Ростоу, Ж. Фурастье). При этом они умаляют коренную противоположность двух мировых систем, рассматривая их лишь как варианты «единого индустриального общества», и изображают капитализм в виде процветающего общества «всеобщего благоденствия», высшей стадий «экономич. роста» и т. п.

Другие авторы, не решаясь столь явно идеализировать капитализм, защищают его косвенно, возводя трудности и противоречия совр. капитализма в ранг всеобщих и неустраиваемых противоречий «мировой цивилизации». Признавая наличие П. в области науки и техники, они отрицают, что существует П. в обществ. отношениях и культуре. П. третируется как «оптимистич. иллюзия», а понятие историч. развития заменяется термином «социальное изменение»). Этот скептич. взгляд на историч. развитие тесно связан с философией неопозитивизма и эмпирич. тенденцией в бурж. социологии, к-рая отказывается от историч. подхода к явлениям, ограничиваясь констатацией функциональных зависимостей и статистич. тенденций.

В бурж. философии истории понятие П. зачастую подменяется идеей историч. круговорота (Шпенглер, Тойнби, Сорокин). Распространены и откровенно пессимистич. концепции, рассматривающие обществ. развитие как регрессивный процесс. Абсолютизируя противоречия технич. П. при капитализме, многие бурж. философы и публицисты пророчат окончат. порабощение человека техникой, гибель индивидуальности и замену человек. общества обществом роботов («Славный новый мир» О. Хаксли). Христ. эсхатология говорит о «конце истории» и нек-рые авторы даже предсказывают, когда это случится. Этот страх перед П. ярко свидетельствует о кризисе бурж. идеологии.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, М., 1953, с. 8—20; ег о же, К критике политической экономии, [М.—Л.], 1953; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957, с. 16—27, 251—69; ег о же, Положение рабочего класса в Англии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1, с. 415—30; ег о же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же, с. 389—91; ег о же, Карл Маркс, там же, т. 21, с. 38—41; Лафарг П., Экономич. детерминизм К. Маркса, 2 изд., М.—Л., [1928]; Программа КПСС (Принята XII съездом КПСС), М., 1961; Основы марксизма-ленинизма, 2 изд., М., 1962, гл. 7; Чайлд Г. П. и археология, пер. с англ., М., [1949]; Момд-жян Х. Н., Об идеологии социального пессимизма, «ВИМК», 1957, № 2; Федосеев П., Обществ. П. на базе социализма, «Коммунист», 1957, № 15; Кон И. С., О понятии историч. П., в сб.: Проблемы развития в природе и обществе, М.—Л., 1958; ег о же, Философский идеализм и кризис бурж. историч. мысли, М., 1959, гл. 9; Осипов Г. В., Техника и обществ. П. М., 1959; Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Глэзерман Г. Е., О законах обществ. развития, М., 1960; Энгст Я., Нек-рые проблемы науч. этики, пер. с чеш., М., 1960, гл. 3; Борд-жану К., О науч. характере понятия П., в сб.: Проблемы философии, пер. с рум., М., 1960; Богомолов А. С., Идея развития в бурж. философии XIX и XX вв., М., 1962; Мара-карян Э. С., О концепции локальных цивилизаций, Ереван, 1962; Марксистская и бурж. социология развития в объ-свидерский В. И., Нек-рые особенности развития в объ-свидерский В. И., 1964; Францов Г. П., Историч. пути эквивалентного мира, Л., 1964; Францов Г. П., Развитие прогрессивной мысли, М., 1965; Какое будущее ожидает челове-социальной мысли, «ВФ», 1965, № 8; Семенов Ю. Н., Обществ. П. и социальная философия совр. буржуазии, М., 1965; N i c e f o r o A l f r e d o, Les indices numériques de la civilisation et du progrès, P., [1921]; T o u n b e e A. J., A study of history, v. 1—12, L.—N. Y.—Toronto, 1934—61; B u r g J. V., The idea of progress, N. Y., 1932, 2 ed., N. Y., 1955; F r i e d m a n n G., La crise du progrès, 6 ed., P., 1936; G i n s b e r g M., The idea of progress: a revaluation, L., 1953; H a i l b r o n e r R. L., The future as history, N. Y., 1960; R o s t o w W. W., The stages of economic growth; a non-com-

munist manifesto, Camb. (Mass.), 1960; S o r o k i n P., Social and cultural dynamics, 2 ed., v. 1—4, N. Y., 1962.
Н. Кон. Ленинград.

ПРОДИК (Продикос) Кеосский (р. между 470—460 до н. э.) — др.-греч. философ-софист, ученик Протагора. П. считается автором неск. соч. («О природе», «Похвала глупости», «Времена года»). В основе филос. взглядов П. лежат общие всем софистам идеи противопоставления природных и социальных законов, решающей роли воспитания в становлении этич. норм и судьбы человека, отрицания религии и признания богов творениями людей. В качестве отличительной черты П. древние отмечали исключительный интерес к языку, к номинативной функции слов (см. комедии Аристофана; Платон, Менон 75 Е; А. О. Маковельский, Софисты, Баку, 1944, с. 9).

П. занимался проблемой синонимии, т. е. идентификации совпадающих по смыслу слов, а также учил правильному употреблению слов (см. Платон, Кратил, 384 В; Протогор, 341А). Для П. характерны также попытки усмотрения сходного смысла в родств. понятиях (полусинонимах). По-видимому, им составлялись даже этимологич. гряды родственных по значению слов. П. делал попытки определять синонимы (и полу-синонимы) в относительном смысле, т. е. как взаимозаменяемые только в нек-рых контекстах. П. занимался также проблемой омонимии, т. е. различием смысла графически совпадающих словесных конструкций с помощью соответствующих контекстов. Особое внимание П. уделял правилам спора, приближаясь к формулировке общего способа опровержения ложных условных предложений формы «если p, то q». Для этого следует подыскать хотя бы один такой случай, когда p является верным, а q (одновременно) неверным. В целом заслуга П. в истории логики состоит в осознании важности анализа языка для исследования логич. и филос. проблем.

Атеизм П. подчеркивается всеми источниками. Возникновение культуры обожествления П. связывал с конкретными особенностями производительного труда, с задачами удовлетворения духовных нужд человека: «... те предметы, которые питают (человека) и приносят (ему) пользу, раньше всего были признаны богами и сделаны священными, а после них были обожествлены и (люди), которые изобрели или (новые) виды нищ, или (новые способы) защиты, или прочие искусства, как например Деметра, Дионис и др.» (Philodemus, De prelate, с. 9, 7, p. 75; рус. пер. Маковельский А. О., Софисты, 1941, с. 15).

Воспитательно-филос. деятельность П. оказала влияние на др.-греч. лит-ру. Отд. стороны учения П. часто использовал (а иногда пародировал) Аристофан («Птицы», «Облака»); у П. учился Еврипид (Gellius, XV, 20,4).

Фрагм.: Diels H., Die Fragmente der Vorsokratiker, Bd 2, 6 Aufl., B., 1952.

Лит.: Радлов Э., Очерк истории греч. этики до Аристотеля, СПб., 1908; Чернышев Б., Софисты, М., 1929; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); Welcker F. G., Prodikos der Vorgänger des Sokrates, в кн.: Kleine Schriften, Tl 2, Bonn, 1845, S. 393—527; Mayer H., Prodikos von Keos..., Paderborn, 1913; Loenen D., Protagoras and the Greek community, Amst., 1940; Neslter W., Vom Mythos zum Logos, Stuttgart, 1942; Jaeger W., Paideia, v. 1—2, B., 1944; Freeman K., The Pre-Socratic philosophers, Oxf., 1946; Kerferd G. B., The «Relativism» of Prodicus, «Bulletin of the Rylands Library», 1954, v. 37, № 1, Sept., p. 249—56; Zepi S., Un passo delle «Leggi» e la filosofia di Prodicus, «Rivista critica di storia della filosofia», Roma—Mil., 1955, fasc. 3—4, p. 213—22; Kroner R., Speculation in pre-Christian philosophy, Phil., 1956.

М. Петров. Ростов н/Д., Н. Стяжкин. Москва.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ — единство, система субъективных (рабочая сила) и вещественных (средства произ-ва) факторов, необходимых для преобразования вещества природы в нужные человеку продукты, составляющих активное отношение человек.

общества к природе на данной ступени его историч. развития; основа развития общества.

В ходе историч. развития наряду с прогрессирующим развитием отд. элементов П. с. расширяется и усложняется их состав. На всех ступенях историч. развития П. с. включают людей как производителей материальных благ и средства произ-ва, т. е. средства и предметы труда, используемые в производств. процессе. Человек как производит. сила — это работник, обладающий исторически достигнутыми устойчивыми трудовыми навыками и определ. кругом научно-технич. знаний, к-рые применяются им в процессе создания благ при данных историч. условиях произ-ва. Работник — творч. начало, активный субъект процесса труда. «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» (Л е н и н В. И., Соч., т. 29, с. 334). Среди средств произ-ва решающими являются средства труда, к-рыми человек воздействует на предмет труда, придавая ему нужную форму. Средства труда являются мерилом развития самой человек. силы и показателем тех обществ. отношений, при к-рых совершается труд. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (М а р к с К., Капитал, т. 1, 1955, с. 187). Наиболее существ. часть совр. средств труда составляют механич. средства (орудия труда, орудия произ-ва) — инструменты, машины. Маркс назвал их «костно-мускульной системой произ-ва». Степень развития механич. средств труда является первостепенным показателем технич. прогресса. Гл. отличит. признак каждой из эпох обществ. произ-ва коренится именно в том, насколько развиты средства труда. Совершенствование их, приводящее к глубоким качеств. сдвигам в технике и технологии произ-ва, является конечной причиной изменения производственных отношений, определяет переход от одного типа производств. отношений к другому. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 133).

Меньшее значение имеет «сосудистая система произ-ва» — трубопроводы, различные емкости. По с развитием металлургич. и особенно химич. пром-сти роль этой системы необычайно возрастает; она превращается в важнейший элемент самой машины. К средствам труда Маркс отнес также производств. здания, железные и шоссейные дороги, освоенные водные пути, каналы, средства связи и т. п., а также землю как производств. площадь и как носительницу естеств. свойств, используемых для воздействия на предмет труда. К средствам труда могут быть отнесены и др. искоренные человеком естеств. силы, напр. нар. электричество, энергия атома, света, ветра, рек и т. п.

Вещная часть П. с. образует *материально-техническую базу общества*. П. с. выполняют определ. обществ. функцию прежде всего в процессе труда. Ни машина, ни сам человек не являются П. с., если они не включены в процесс произ-ва. Вне действующего отношения человека к природе ни один из элементов произ-ва не выступает в качестве П. с. Понятие П. с. методологически надо выводить из объективного единства моментов трудового процесса как отношения людей к природе, неотъемлемой частью к-рого является и предмет труда. Предмет труда — это не первозданная природа, а обществ. функция, выполняемая веществом природы и приобретаемая им в тот момент, когда человек делает его объектом труда. Вопрос о предметах труда — это прежде всего вопрос о материалах, из к-рых производится сами средства труда, различные виды сырья, а также предметы потребления. По характеру используемых в произ-ве материалов дает весьма существенный, хотя и не решающий,

признак определ. эпох в развитии обществ. произ-ва. Использование человеком нового вещества или силы природы знаменует шаг вперед в развитии П. с. (см. там же, прим. 5а).

Взаимоотношение человека и средства труда, хотя и является важнейшим моментом внутр. диалектики самих П. с., тем не менее еще не исчерпывают диалектики самого труда как активного процесса воздействия на природу. В трудовом процессе средства труда выступают слитно с человеком как одно целое, направленное на обработку предметов труда. «Человек и его труд на одной стороне, природа и её материалы на другой...» (М а р к с К., Капитал, т. 1, с. 191). Это различие внутр. единства, к-рое представлено в П. с. и к-рое содержит собственное движущее противоречие, реализующееся в условиях взаимодействия П. с. и производств. отношений. Необходимость включения в состав П. с. всех средств произ-ва вытекает также из наличия момента относительности и подвижности категорий «средства труда» и «предметы труда». «... Является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от её определённой функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нём, и с переменной этого места изменяются и её определения» (там же, с. 189). Даже машина, подвергающаяся ремонту и усовершенствованию, превращается в предмет труда. А в таких отраслях произ-ва, как, напр., химич. пром-сть или сел. х-во, различие между средствами и предметами труда подчас провести вообще невозможно.

Данная историч. ступень развития П. с. выражается в определ. уровне производительности обществ. труда, измеряемой количеством продуктов, произведенных в единицу времени. Понятия «П. с.» и «производительность труда» неразрывно связаны. П. с. — это факторы, потенции производительности труда, а последняя — реализация П. с. в результатах произ-ва. Поэтому уровень производительности труда в конечном счете играет ту же роль в развитии производств. отношений, что и уровень П. с. «Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (Л е н и н В. И., Соч., т. 29, с. 394).

П. с. составляют только одну сторону способа производства и всегда связаны с определ. обществ. отношениями. Маркс открыл закон соответствия *производственных отношений* характеру П. с.: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые ответственствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 6). Производств. отношения, складываясь в соответствии с уровнем развития П. с., в свою очередь активно воздействуют на П. с., являются обществ. формой их движения. Конфликт между П. с. и производств. отношениями составляет материальную основу социальных *революций* в антагонистич. обществах, приводящих к победе новых производств. отношений. При социализме общество способно своевременно обнаруживать назревающие противоречия между П. с. и производств. отношениями и планомерно разрешать их. Возможности активного воздействия производств. отношений на развитие П. с. вытекают из глубокого единства и взаимопроникновения этих сторон произ-ва. П. с. являются материальными носителями производств. отношений. Работники произ-ва — не только главная П. с., но и участники производств. отношений. Вследствие этого элементы П. с. выступают как вещественно-натуральные формы производств. отношений и получают специфич. социальную сущность, определяемую производств. отношениями. Напр., в

условиях капитализма средства произ-ва — капитал, является орудием эксплуатации одной частью общества другой, лишенной средств произ-ва. При социализме средства произ-ва являются объектом обществ. собственности. Социалистич. П. с., в отличие от капиталистических, развиваются без кризисов и спадов, планомерно и непрерывно. При капитализме значительная часть рабочей силы не находит себе применения в производстве, хищнически растрачивается, дисквалифицируется. В СССР безработица давно не существует. Социалистическое общество организует планомерную подготовку, распределение и использование рабочей силы с учетом изменений в составе и структуре П. с. Неуклонно растет общеобразовательный уровень населения СССР, идет процесс стирания существенных различий в общеобразовательном уровне работников физического и работников умственного труда.

Социальная сущность П. с. проявляется и в том, что экономич. законы данного обществ. строя определяют структуру, размещение, пропорции, темпы и характер развития, формы концентрации и управления П. с., динамику роста культурно-технич. уровня и условия жизни работников.

Кооперация и разделение труда, являясь формами совместной деятельности людей в произ-ве материальных благ, выступают как элементы П. с. общества. «... Способ совместной деятельности есть „производительная сила“...» (там же, т. 3, с. 28).

Кооперация, разделение и организация труда образуют т. н. обществ. организацию П. с., выражают способ их функционирования и размещения по родам обществ. произ-ва. Пром. переворот привел к глубокому сдвигу в обществ. характере произ-ва, сделав кооперацию осн. формой труда в пром-сти и необычайно развил разделение труда в обществе.

Совр. произ-во основывается на широком применении достижений науки. Предвидя органич. соединения произ-ва и науки, Маркс называл ее «... всеобщей общественной производительной силой ...» (там же, т. 26, ч. 1, с. 400). Превращение науки в непосредственные П. с. начинается с появления машины, заменяющей ручной инструмент, и особенно бурно происходит в условиях совр. научно-технической революции. Формы, в которых наука действует как П. с., следующие: использование в произ-ве продуктов науч. труда — теоретич. исследований в области математики, физики, химии, биологии, технич. открытий и изобретений, направленных на совершенствование средств и предметов труда, на создание новых машин и механизмов, в т. ч. электронно-счетных машин и новых материалов, методов разведки полезных ископаемых и комплексной разработки природных богатств и т. д.; реализация практич. выводов экономических и системных исследований в области размещения П. с., организации труда и произ-ва, использование экономико-математич. методов в планировании и управлении произ-вом; научный труд конструкторов, лаборантов, инженеров, агрономов, рационализаторов как составная и неотъемлемая часть совокупного производит. труда по обслуживанию текущих технич. процессов; научно-технич. оборудование совр. заводских лабораторий; конструкторских бюро, н.-и. ин-тов, работающих на произ-во.

Развитие П. с. является основой строительства коммунизма в СССР и постепенного преобразования социалистич. обществ. отношений в коммунистические, создания изобилия материальных благ. Создание материально-технич. базы коммунизма определено в Программе КПСС (1961) как главная экономич. задача партии и сов. народа. Коммунистич. общество предполагает достижение несравненно более высокой степени развития П. с., чем их нынешняя ступень, ка-

честв. сдвиги во всех элементах, составляющих П. с. Техника и технология произ-ва будет развиваться в направлении полной электрификации всей страны, всех отраслей нар. х-ва, комплексной, т. е. всесторонней, механизации и все более полной автоматизации пром-сти, транспорта и связи, широкой химизации нар. х-ва и производств. применения атомной энергии. На совр. этапе в огромной степени возрастает роль химии в производств. процессах. Она открывает возможности изменять свойства природных материалов, создавать новые материалы, к-рые не встречаются в природе, революционизировать предметы труда, ускорять течение технич. процессов и на этой основе повышать производительность труда, улучшать качество продукции, позволяет резко интенсифицировать с. х-во. По своему воздействию на производство химия приближается к электричеству. Будет создана рациональная организация обществ. произ-ва во всех отраслях нар. х-ва. Развитие П. с. коммунистич. общества предполагает также дальнейший подъем культурно-технич. уровня трудящихся путем осуществления всеобщего обязат. среднего образования, развития высшего и среднего спец. образования на базе сокращения рабочего дня и использования свободного времени для всестороннего и гармонич. развития человека. личности.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, разд. Фейербах; и х же, *Манифест Коммунистич. партии*, там же, т. 4; Маркс К., *Введение* (Из экономич. рукописей 1857—1858 гг.), там же, т. 12, разд. 4; е го же, *К критике политич. экономии*. Предисловие, там же, т. 13; е го же, *Капитал*, т. 1, гл. 5, 11, 12, 13, там же, т. 23; Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, М., 1957, отд. 3, гл. 2; Архив Маркса и Энгельса, т. 2(7), М., 1933, с. 67, 99, 121, 129; Ленин В. И., *Что такое „дружба народов“ и как они воюют против социал-демократов?*, вып. 1, Соч., 4 изд., т. 1; е го же, *Замечания на книгу Н. И. Бухарина: „Экономика переходного периода“*, Ленинский сборник, т. XI, М.—Л., 1929, с. 371—74; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961, ч. 2, разд. 1, пункт 1; Чагин Б. А. и Хачатурчян А. Г., *О категориях „производительные силы“ и „производительные отношения“*, «ВФ», 1958, № 2; Шейкман Б. И., *О неких осн. тенденциях развития средств труда*, в сб.: *Проблемы политич. экономии социализма*, М., 1959; Хейман С., *Проблемы развития материально-технич. базы коммунизма*, в сб.: *От социализма к коммунизму*, М., 1962; Гини Л. Т., *К характеристике П. с. и материально-технич. базы общества как экономич. категорий*, в сб.: *Проблемы политич. экономии социализма*, вып. 1963 г., М., 1963; Шик О., *Экономика*. Интересы. Политика, пер. с чеш., М., 1964, гл. 1; Ельмеев В. Я., *Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества*, М., 1964. См. также лит. при ст. *Материально-техническая база общества, Коммунизм*.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ — совокупность материальных экономич. отношений между

людьми в процессе обществ. произ-ва и движения обществ. продукта от произ-ва до потребления.

П. о.— это прежде всего экономич. категория, характеризующая предмет политич. экономии; в то же время П. о.— одна из важнейших социологич. категорий. Марксистская политич. экономия и историч. материализм вкладывают в понятие П. о. одно и то же содержание, но исследуют П. о. под разными углами зрения: экономическим и социологическим. П. о. являются необходимой стороной обществ. произ-ва. Люди не могут производить материальные блага в одиночку, в произ-ве они вынуждены вступать в определенные отношения друг к другу. В процессе труда между членами производств. коллектива складываются отношения, обусловленные потребностями производств. процесса, напр. отношения между рабочими различных специальностей, отношения между работниками внутри производств. бригады, между бригадами и т. п. Эти отношения, связанные с технич. разделением труда внутри производств. коллектива или в масштабах общества, называются производств.-техническими. Но в произ-ве, кроме этих отношений, между людьми складываются также экономич. отношения. Производств.-экономич. отношения, или как их

обычно называют П. о., отличаются от производств.-технических тем, что они выражают отношения людей через посредство их отношения к орудиям и средствам произ-ва. Известны два наиболее общих вида П. о., соответствующих двум осн. видам отношений людей к орудиям и средствам произ-ва — обществ. собственности и частной собственности, — отношения сотрудничества и взаимной помощи между членами общества и отношения господства и подчинения, отношения эксплуатации человека человеком. Первый вид П. о. в исторически различных формах проявляется в эпоху первобытнообщинной формации и в условиях социализма. Люди, лишенные всех или осн. средств произ-ва, неизбежно оказываются в экономич. зависимости от собственников средств произ-ва. Исторически конкретными типами П. о. господства и подчинения являются отношения рабовладельч., феод. и капиталистич. общественно-экономич. формаций. Кроме осн. типов П. о., существуют также переходные П. о., когда в рамках одного и того же уклада х-ва сочетаются элементы различных типов П. о., напр. гос. капитализм в условиях диктатуры пролетариата, полусоциалистич. формы кооперации и т. д.

П. о. охватывают область произ-ва, обмена и распределения материальных благ, т. е. все сферы экономич. отношений общества. Обществ. *производство* в широком смысле слова включает обмен и распределение как свои моменты (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 724, 725).

Т. о., отношения в непосредств. процессе производства, конкретно-историч. формы обществ. разделения труда и обмена деятельностью и зависящие от них формы распределения образуют в своей совокупности систему П. о. Эта система П. о. представляет собой определенное единство, благодаря тому что она пронизана и обусловлена данными отношениями собственности. Непосредственно в процессе произ-ва различные отношения собственности находят выражение в способе соединения производителя со средствами произ-ва. Так, в рабовладельч. обществе раб и средства труда соединяются как собственность рабовладельца. В капиталистич. обществе рабочий может соединяться со средствами произ-ва, лишь продав свою рабочую силу капиталисту. В социалистич. обществе сами трудящиеся являются коллективными собственниками средств произ-ва.

Хотя необходимость обмена деятельностью вытекает из разделения труда, его социальная природа и формы проявления определяются отношениями собственности. В сфере распределения отношения собственности выступают как фактор, определяющий ту долю совокупного обществ. продукта, к-рая достается каждому классу и соответственно индивидам этих классов. При этом отношения собственности определяют лишь пропорции, в к-рых распределяется произведенный продукт, а его количество зависит от уровня развития произ-ва. Имеется различие в принципах распределения на базе частной и на базе обществ. собственности.

Т. о., отношения собственности пронизывают все сферы экономич. отношений. Это значит, что формы собственности выступают не просто как основа, на к-рой надстраивается вся совокупность экономич. отношений, а как сущность этих отношений. Вся сумма экономич. отношений есть не что иное, как проявление, различные модификации отношений собственности. П. о. придает всем обществ. явлениям и обществу в целом исторически определенное социальное качество. Само выделение П. о. как объективных, материальных, от сознания людей не зависящих отношений из всей суммы обществ. отношений составляет центр. пункт в выработке материалистич. понимания истории. Уже в работе «Критика гегелевской философии права» (1843)

Маркс сформулировал положение, прямо противоположное точке зрения Гегеля, что не гос-во есть основа гражд. общества, а, напротив, гражд. общество есть основа гос-ва. Анализируя гражд. общество, его структуру как действительную основу политич. устройства, Маркс пришел к выводу, что именно имущество. отношения людей составляют основу гражд. общества и порождают интересы, определяющие деятельность людей. Дальнейшее развитие этой идеи состояло в том, что имущество. отношения были поняты как отношения, складывающиеся в процессе произ-ва. Ленин отмечал, что в «Святом семействе» (1845) «... Маркс подходит к основной идее всей своей „системы“, *sit venia verbo*, — именно к идее общественных отношений производства» (Соч., т. 38, с. 13). В «Немецкой идеологии» (1845—47) Маркс и Энгельс сформулировали осн. положения материалистич. понимания истории. Рассматривая произ-во как основу обществ. жизни, они уже выделяют две его стороны — *производительные силы* и зависящие от них обществ. отношения людей в произ-ве, к-рые, однако, определяются в этой работе как «формы общения». Сам термин «П. о.» был выработан Марксом позже и употребляется в первых зрелых произведениях марксизма: «Ныщета философии», «Манифест Коммунистич. партии», «Наемный труд и капитал».

Выделение экономич. П. о. из всей суммы обществ. отношений явилось основой науч., объективного подхода к анализу историч. процесса. П. о. дают объективный критерий для отграничения одной ступени обществ. развития от другой, для выделения общего, повторяющегося в истории разных стран и народов, находящегося на одной ступени обществ. развития, т. е. для выделения конкретно-историч. типов общества — общественно-экономич. формаций, и тем самым открывают путь познания законов развития человек. истории.

Если отвлечься от П. о., в рамках к-рых совершается труд, тогда останутся лишь нек-рые общие моменты всякого трудового процесса и историч. эпохи будут различаться между собой только уровнем технич. вооруженности труда, исчезнут коренные экономич. различия между разными обществ. формациями. Об этом свидетельствуют бурж. теории «единого индустриального общества», «стадий экономич. роста» и др., к-рые оценивают различные общества только с точки зрения уровня их технич. развития.

П. о. являются социальной формой производит. сил и их можно отделить друг от друга лишь в абстракции. В действительности же они составляют две стороны каждого способа произ-ва и связаны друг с другом по закону соответствия П. о. характеру и уровню развития производит. сил. Согласно этому закону, П. о. складываются в зависимости от характера и уровня развития производит. сил как форма их функционирования и развития. В свою очередь П. о. воздействуют на развитие производит. сил, ускоряя или тормозя это развитие. Противоречие между производит. силами и П. о. может быть разрешено лишь путем изменения П. о. и приведения их в соответствие с производит. силами. В антагонистич. обществе разрешение этого противоречия осуществляет социальная революция. Диалектика производит. сил и П. о. вскрывает причины самодвижения произ-ва и тем самым сущность всего историч. процесса.

Являясь формой развития производит. сил, П. о. выступают также в качестве базиса по отношению к идеологии, идеологич. отношениям и учреждениям — обществ. надстройке (см. *Базис и надстройка*). П. о. выполняют функции базиса потому, что они являются отношениями материальными, определяющими идеологич. обществ. отношения (см. *Общественные отношения*). В совокупности всех своих социальных функ-

ций — и как форма производит. сил и как базис общества — П. о. образуют экономич. структуру обществ. формации. П. о. коммунистич. формации коренным образом отличаются от П. о. всех предшествующих антагонистич. формаций тем, что они характеризуются обществ. собственностью на средства произ-ва, отсутствием эксплуатации и антагонизмов, являются базисом идейно-политич. единства всего общества.

П. о. коммунистич. формации имеют своеобразные закономерности своего возникновения. Они не формируются в недрах предшествующей формации и возникают в результате социалистич. революции, установления диктатуры пролетариата, к-рая используется как рычаг для преобразования экономич. отношений.

Характер развития П. о. коммунистич. формации также качественно отличается от развития П. о. предшествующих обществ. Во-первых, противоречия, возникающие в развитии социалистич. способа произ-ва, разрешаются не путем устранения социалистич. П. о., а путем их развития при сохранении их качеств. определенности как отношений сотрудничества и взаимопомощи. Во-вторых, раньше противоречия между производит. силами и П. о. разрешались в интересах одной социальной группы (класса) в ущерб другой, при социализме же они разрешаются в интересах всего общества.

Формирование коммунистич. П. о. проходит три осн. этапа: переходный период, социализм и коммунизм. В переходный период происходит замена частной собственности общественной в результате экспроприации частной собственности, основанной на присвоении чужого труда, и кооперирования собственности мелких производителей, основанной на личном труде. Социалистич. П. о. характеризуются наличием двух форм обществ. собственности на средства произ-ва — государственной и кооперативной (эти формы собственности имеются во всех существующих ныне социалистич. странах), существенными различиями между городом и деревней, между умств. и физич. трудом и распределением по количеству и качеству труда. Однако в силу недостаточной экономич. зрелости социализм представляет собой низшую фазу коммунизма. Развитие социалистич. П. о. и есть их постепенное перерастание в коммунистич. П. о., переход к третьему этапу их развития — высшей фазе коммунизма. В Программе КПСС (1961) научно раскрыт характер тех изменений в П. о., к-рые будут происходить на основе и в процессе создания материально-технич. базы коммунизма. Главным является по мере развития производит. сил и производительности труда постепенное сближение и слияние двух форм социалистич. собственности и создание единой общенар. собственности на орудия и средства произ-ва, стирание существенного различия между городом и деревней, сближение умств. и физич. труда, стирание социальных различий между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, постепенный переход от распределения по труду к распределению по потребностям, установление полного социального равенства.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., 2 изд., т. 3, разд. 1; их же, *Манифест Коммунистич. партии*, там же, т. 4; Маркс К., *Ницета философии*, там же; его же, *Наемный труд и капитал*, там же, т. 6; его же, *Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.)*, там же, т. 12; его же, *Критика политич. экономии*, Предисловие, там же, т. 13; его же, *Капитал*, т. 1, там же, т. 23; Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, разд. 2, 3, там же, т. 20; Ленин В. И., *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?*, Соч., 4 изд., т. 1; его же, *Развитие капитализма в России*, там же, т. 3; его же, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, там же, т. 22; его же, *Очередные задачи Советской власти*, там же, т. 27; его же, *О кооперации*, там же, т. 33; *Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС)*, М., 1961; Чагин Б. А., Харчев А. Г., *О категориях «производительные силы» и «производственные отношения»*, «ВФ», 1958, № 2; Некоторые

теоретич. вопросы строительства коммунизма, М., 1960; Фомин А. В. А. и Белозерцев В. И., *Особенности развития социалистич. способа производства*, М., 1962; *Основы марксистской философии*, 2 изд., М., 1964, гл. 11, 12. В. Келле, М. Ковальзон. Москва.

ПРОИЗВОДСТВО — процесс, посредством к-рого люди преобразуют предметы природы для удовлетворения своих потребностей, собств. деятельностью опосредствуют, регулируют и контролируют обмен веществ между собой и природой. Процесс П. всегда носит обществ. характер: П. обособленного одиночки вне общества представляет собой, по выражению Маркса, такую же бессмыслицу, как развитие языка без совместно живущих индивидов. В процессе П. люди вступают в определенные, независимые от их воли, обществ. отношения, совокупность к-рых составляет экономич. структуру общества, или обществ. строй П. Произ-во играет определяющую роль по отношению к распределению, обмену (обращению) и потреблению. П. всегда выступает в определ. обществ. форме на определ. ступени историч. развития общества (см. *Способ производства*). Обществ. процесс П. охватывает как непосредств. процесс П., так и распределение, обмен и потребление. Эти моменты образуют части целого, различия внутри единства. Между этими сторонами обществ. производств. процесса существует взаимодействие, как и во всяком органич. целом. «Определенное производство обуславливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу. Конечно, и производство в его односторонней форме определяется, со своей стороны, другими моментами» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, с. 725—26).

С П. каждый раз начинается процесс, охватывающий все четыре момента. П. выступает исходным пунктом всего процесса, потребление — конечным пунктом, распределение и обмен — средними членами, причем распределение представляет собой момент, исходящий от общества, а обмен — от индивида.

Но такое представление отражает, как указывает Маркс, лишь внешнюю связь явлений. Бурж. экономисты, оставаясь на поверхности явлений, рассматривают каждый из моментов обществ. процесса П. как нечто самостоятельное и независимое, делая отсюда вывод, что П. якобы определяется вечными законами природы, распределение — социальными условиями, обмен — психологич. законами, а потребление лежит вообще вне сферы экономики. Таким путем они подменяют категории исторически определ. форм обществ. х-ва рассуждениями, относящимися вообще к П. и другим сторонам экономич. жизни, призываями затуманивать исторически преходящий характер капиталистич. способа П. и его противоречия.

Марксизм впервые выяснил действит. характер взаимосвязи и взаимозависимости моментов или сторон обществ. процесса П. Так, П. есть непосредственно также и потребление, а именно — потребление человек. рабочей силы, с одной стороны, и потребление средств П., с другой. И, наоборот, потребление есть непосредственно также и П. Но это не значит, что можно отождествлять П. и потребление. У одного субъекта П. и потребление выступают как моменты одного акта. Но рассматривать общество как один субъект, значит рассматривать его неправильно, умозрительно. Характер потребления определяется образом строем П. и поэтому качественно различен в условиях капитализма и социализма.

Структура распределения полностью определяется структурой П. Так, в капиталистич. обществе осн. формы доходов — заработная плата, прибыль, процент и рента — представляют собой формы распре-

деления, имеющие предпосылками наемный труд, капитал и землю в качестве факторов П. «Отношения распределения и способы распределения выступают поэтому лишь оборотными сторонами факторов производства» (там же, с. 721). Распределение представляется прежде всего распределением продуктов, но на деле, прежде чем происходит распределение продуктов, имеет место распределение средств П. и членов общества по различным видам произ-ва, их подчинение определ. производств. отношениям. Распределение продуктов представляет собой лишь результат этого распределения, к-рое заключено в самом процессе П. и определяет его организацию.

Маркс решительно опроверг представление бурж. экономистов, признававших историч. характер отношений распределения, но отрицавших историч. характер отношений произ-ва. «Исторический характер этих отношений распределения, — писал Маркс, — есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают» (там же, т. 25, ч. 2, с. 456). При этом Маркс указывал, что представление бурж. экономистов основано на смешении и отождествлении обществ. процесса П. с простым процессом труда вообще, как процессом между человеком и природой, процессом, простые элементы к-рого остаются одинаковыми на всех ступенях обществ. развития.

Точно так же обстоит дело с обменом (или обращением, т. е. обменом, опосредствованным деньгами). Обмен во всех своих моментах или непосредственно заключен в П., или определяется им. Само П. есть, по определению Маркса, обмен деятельностью и способностей. Далее, обмен продуктов есть средство для произ-ва готового продукта, предназначенного для потребления. Это не что иное, как завершающий акт П. Обмен представляется независимым от П. лишь на последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления. Но такое поверхностное представление неправильно, поскольку развитие обмена и его формы целиком определяются развитием и организацией П., развитием обществ. разделения труда, обществ. строем П.

Принцип определяющей роли П. был выдвинут и обоснован Марксом во всех его экономич. исследованиях. Этот принцип специально разработан во «Введении» (*Из экономических рукописей 1857—1858 годов*). Он получил дальнейшую разработку в трудах Ленина, к-рый показал, что утверждения критиков, будто марксизм исследует только П., оставляя без должного внимания остальные стороны экономич. жизни общества, основаны на ненауч. понимании предмета *политической экономии* и диалектики развития П. в целом. Игнорируя определяющую роль, примат П., бурж. и мелкобурж. экономисты ставят во главу угла то распределение, то обмен, то потребление. Они стремятся уйти от рассмотрения производств. отношений капитализма. Все подобные антинаучные концепции — распределительные, меновые, потребительские — служат апологетическим целям.

Марксистский принцип примата П. имеет важнейшее значение для экономич. науки в целом, для понимания сущности и законов каждой общественно-экономич. формации. Этот принцип составляет основу анализа капитализма у Маркса и Энгельса. Ленин в исследовании монополистич. стадии капитализма показал, что в превращении капитализма в империализм гл. роль играют изменения, происшедшие в области П. Принцип примата П. определяет правильный подход к задачам революц. перехода от капитализма к социализму. В противоположность мелкобуржуазно-утопич. представлениям о том, будто социализм можно осуществить путем изменения лишь отношений рас-

пределения, марксизм-ленинизм исходит из того, что задачей социалистич. революции является коренной переворот в производств. отношениях. После социалистич. революции укрепление социалистич. производств. отношений и их дальнейшее переращение в коммунистические происходит на базе быстрого роста П.

Лит. см. при ст. *Политическая экономия, Капитализм, Коммунизм*. А. Леонтьев. Москва.

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА» — труд Ф. Энгельса, в к-ром рассматриваются осн. проблемы первобытной истории, прослеживается эволюция семейно-брачных отношений, дается характеристика родового «коммунизма», анализируется процесс разложения родового общества, становления частной собственности, классов и гос-ва. Написан в марте — мае, опубликован в октябре 1884. При подготовке 4-го изд. работы (в 1890—91) Энгельс внес в нее значит. изменения и дополнения (особенно в главу о семье, при доработке к-рой были широко использованы результаты исследований *Ковалевского*), а также написал новое предисловие под назв. «К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган)». В этом предисловии (опубл. первоначально отд. статьей в июне 1891) Энгельс дал очерк развития взглядов на семью, начиная с Бахофена и кончая Л. Морганом.

Маркс высоко ценил открытия Моргана в области первобытной истории и собирался изложить результаты его изысканий в спец. работе. Замысел, к-рый Марксу помешала выполнить смерть, осуществил его верный друг и соратник, широко использовавший составленный Марксом подробный конспект книги Моргана «Древнее общество» со всеми содержащимися в нем замечаниями. В 1-й главе «Доисторические ступени культуры» Энгельс не просто изложил предложенную Морганом периодизацию первобытной истории, но, как он сам выразился, «обобщая» ее, выделил два осн. этапа развития доклассового общества: «период преимущественного присвоения готовых продуктов природы», когда «искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения», и «период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности».

Излагаемая во 2-й главе книги моргановская схема развития брака и семьи подверглась значит. пересмотру в свете новых данных. Анализируя вопрос о семье, Энгельс, в отличие от Моргана, выходит далеко за рамки первобытности, рассматривает развитие семейно-брачных отношений в классовом обществе, резко критикует бурж. семью.

В 3-й главе Энгельс раскрывает значение для науки открытия рода как осн. ячейки доклассового общества и дает глубокую и цельную характеристику первобытного родового «коммунизма». К 3-й главе примыкает четвертая, посвященная греч. роду.

Если в первых четырех главах Энгельс исходит в первую очередь из материалов и обобщений, содержащихся в моргановском «Древнем обществе», то в последующих (5—9) главах использует материалы и др. ученых. Здесь Энгельс дает анализ процессов происхождения частной собственности, имуществ. неравенства, классов и гос-ва. Разоблачая теории бурж. социологов, Энгельс показывает, что гос-во не существовало извечно, а возникло только с появлением частной собственности и связанным с ним расколом общества на враждебные классы, причем возникло как орудие класса эксплуататоров для подавления класса угнетенных; с исчезновением классов исчезнет неизбежно и государство. Работа Энгельса, охарактеризованная Ле-

нивым как «... одно из основных сочинений современного социализма...» (Соч., т. 29, с. 436), является крупнейшим вкладом в теоретич. сокровищницу марксизма и могучим идейным оружием в борьбе за коммунизм.

Лит.: Маркс К., Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 9, М.—Л., 1941; Ленин В. И., Государство и революция, Соч., 4 изд., т. 25; его же, О государстве, там же, т. 29; В и н и к о в И. Н., Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в кн.: Вопр. истории докалассового общества, М.—Л., 1936 (Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. 4); З о л о т а р е в А. М., «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. наука, «Историко-марксист», 1940, № 12; Семенов Ю. И., «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. данные этнографии, «ВФ», 1959, № 7; его же, Учение Моргана, марксизм и совр. этнография, «Сов. этнография», 1964, № 4; Ф. Энгельс и проблемы совр. этнографии, там же, 1959, № 6. Ю. Семенов. Рязань.

ПРОКЛ (Προκλῆς) (410—485) — представитель афинской школы неоплатонизма, ближайший ученик Сириана и его преемник по руководству Академией платоновской.

В огромном лит. наследстве П. (неск. тысяч страниц), до сих пор монографически не исследованном, многие сочинения являются философско-теоретическими. Прежде всего сюда относятся «Элементы теологии...» (греч. текст, англ. пер., comment., «The elements of theology...», Oxf., 1965), состоящие из 211 тезисов, содержащих в себе всю систему неоплатонизма, т. е. рассмотрение проблем «единого», «ума», «души» и «космоса». Сюда же относится соч. «О богословии Платона» («Procli Successoris Platonici in Platonis Theologiam libri sex», Hamb., 1618; Fr./M., 1960), огромное исследование, заключающее в себе учение о методах использования Платона для философии, подробное учение об «едином», о богах мыслимых (интеллигибельных), мыслящих (интеллектуальных) и мыслимо-мыслящих (интеллигибельно-интеллектуальных). Остальные три филос.-теоретических трактата П. сохранились только в лат. переводе 13 в. Вильяма из Мёрбеке: «О десяти сомнениях касательно промысла», «О промысле, судьбе и о том, что в нас», «Об ипостасях зла» («Procli Diadochi tria opuscula», Berolini, 1960). Дошли до нас комментарии П. к платоновским диалогам «Тимею» («Procli Diadochi in Platonis Timaeum commentaria, v. 1—3, Lipsiae, 1903—1906»), «Пармениду» («Procli Diadochi in Platonis Parmenidem commentaria, Lipsiae, 1840, нов. изд. 1961») и др., содержащие систематич. изложение всех центральных вопросов неоплатонизма и массу историко-философского материала. Все эти комментарии П. являются лучшим образцом применения того метода толкования Платона, которое ввел Ямвлих. П. написал также ряд сочинений философско-научного и мистического характера.

Филос. концепции П. основаны на триадич. методе. Триадич. расчленение предмета господствует у П. повсюду — во всех отделах философии, мифологии, магии и т. д. Триадич. метод сводится к утверждению трех моментов: 1) пребывание в себе (μονή), причина, неделимое единство, наличие (ἄρξίς), отец, отчее начало, потенция; 2) выступление (πρόβος) из себя, или эманация за свои пределы, причинение или действие на иное в виде причины, переход их единства во множество, начало делимости, мать, материнское начало, энергия; 3) возвращение из инобытия обратно в себя (ἐπίστροφῆ), возведение расторгнутого множества опять в неделимое единство, расчлененное единство, *айдос* или единораздельная (т. е. структурная) сущность. Универсальная триада Платона — «единое», «ум» и «душа» — остается в полной мере и у П., но только каждый из ее членов обработан у него уже при помощи этой триадич. схемы.

От первого момента триады абсолютно непознаваемо «единого» П. отделял другое «единое», к-рое уже содержит в себе нек-рую множественность, но эта едино-множественность еще не содержит никаких качеств и есть только энергия самого различения и членения, и потому она предшествует «уму», поскольку этот последний есть не только расчлененность, но и то, что расчленяется. Указанная едино-множественность образует у П. совершенно специфич. ступень эманации «единого», существующую между абсолютным «единым» и «умом»; и эту ступень П. называл числом, или областью чисел, или «надбытийными единицами». Т. о., понятие «надбытийных чисел» впервые введено в неоплатонизм в качестве самостоятельной эманационной ступени именно П., хотя в принципиальной форме соответствующее учение о числах дано Платоном и Плотинем.

П. дал триадич. членение и второго момента триады, т. е. «ума»: 1) «ум» как пребывание в себе, к-рый характеризуется как «интеллигибельный» (νοητός — мыслимый), т. е. как то, что в «уме» является предметом для него самого, терминологически у П. это есть «бытие», или объект; 2) «ум» как выхождение из себя, как «интеллектуальный» (νοηρός — мыслящий), как мышление «умом» самого себя, — «ум» в собственном смысле слова, или субъект; 3) «ум» как возвращение к самому себе, как тождество бытия и мышления, объекта и субъекта; «ум» как «жизнь» или «вечность», «жизнь — в себе» (αὐτοζῆλον) — «интеллигибельно-интеллектуальный».

Триада П. резко отличается от нововвроп. триадич. диалектики. Новая триада отражает прогрессирующий ход мыслей (так что синтез в ней богаче и тезиса, и антитезиса), триада П. имеет регрессивное значение, поскольку момент синтеза он помещает между первым и вторым моментом, так что наиболее полным и богатым «умом» является «ум интеллигибельный», менее богатым — «ум интеллигибельно-интеллектуальный», а еще менее богатым «ум интеллектуальный». Здесь, т. о., мы имеем дело с эманацией, к-рая, чем дальше, тем больше ослабевает.

В связи с триадич. учением об «уме» стоит и диалектика мифологии П. Здесь П. устанавливал три триады. Последняя триада, ввиду триадич. деления двух первых ее членов, превращается в седмирицу (гептомаду) с повторением этой гептомады в каждом из составляющих ее моментов, так что в последней триаде — 49 богов-умов. На основе того же триадич. учения интерпретирует П. и мир «души», включающий в себя божеств., демонич. и человек. «души».

Историч. значение П. определяется не столько интерпретацией мифологии, сколько тонким логич. анализом, непосредственно не связанным ни с какой мифологией, ни с какой метафизикой и представляющим огромный материал для изучения истории диалектики. Большое значение имела диалектика *космоса* П. Крупнейшими последователями П. явились на Западе Николай Кузанский, на Востоке — И. Петрици.

Философия П., сочетавшая магию, чудотворение, магию, теургию с систематич. духом, аналитич. проничательностью, виртуозностью детальнейших выкладок, доходящих до своеобразного пафоса и экстаза рассудочности, отражала катастрофу всей рабовладельческой античности и полную безвыходность для реальной ориентации в жизни.

Соч.: Procli philosophi platonici opera, ed. V. Cousin, Parisiis, 1864.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.): Berger A., Proclus. Exposition de sa doctrine, P., 1840; Kirchner H., De Procli neoplatonica metaphysica, B., 1846; Lindsay J., Le système de Proclus, «Rev. de Metaphysique et de Morale», 1921; Ross L. J., The philosophy of Proclus, N. Y., 1949; Trouillard J., La monadologie de Proclus, «Rev. philosophique de Louvain», 1959, v. 57, № 55;

Beierwaltes W., Proklos. Grundzüge seiner Metaphysik. Fr./M., 1965; Totok W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd. 1, Fr./M., 1964, S. 346—48. А. Лосев. Москва.

ПРОКОПОВИЧ, Феофан [1681—8 (19) сент. 1736] — рус. и укр. обществ. и церк. деятель, ученый, поэт. Род. в кунеч. семье в Киеве. Окончил филос. курс в Киевской духовной академии, продолжал образование в Польше и Ватикане. По возвращении на родину (ок. 1704) принял монашество, преподавал в Киево-Могилянской академии. В 1716 был назначен псковским епископом, в 1721 — вице-президентом Синода; с 1724 — архиепископ новгородский. Возглавлял «ученую дружину» Петра I, к которой принадлежали *Татищев*, А. *Кантемир*, А. М. Черкасский, И. Ю. Трубецкой.

П. — автор ряда уч. пособий и историч. трудов, первой светской трагикомедии «Владимир» (1705). По поручению Петра I П. написал «Духовный регламент» (1720), к-рый представлял собой политич. и сатирич. памфлет, направленный против претензий «князей церкви» и злоупотреблений духовенства; в памфлете нашло выражение требование о превращении духовенства в «государевых богомольцев» и распространителей просвещения. В филос.-юридич. трактате «Правда воли монаршей» (1722), а также в своих речах и проповедях П. выдвигал идеи просвещенного абсолютизма.

В философии П. стремился согласовать веру со знанием и приспособить науку к религии. Он критиковал материалистич. тенденцию в философии Аристотеля, выступал против атеизма Эпикура и Спинозы. Критикуя схоластику, умствования, П. стремился распространять естеств.-науч. открытия, вел астрономич. наблюдения, занимался математикой. Отходя порой от традиц. религ. объяснения истории, П. высказывал идеи, созвучные концепциям *естественного права* и *общественного договора*. «И замечательно, что наиболее выдающийся публицист эпохи Петра ссылается на естественное право раньше, нежели на Писание; недаром ревнители православия считали его малонадежным богословом» (П л е х а н о в Г. В., Соч., 21, 1925, с. 47).

Соч.: Соч., М.—Л., 1961; Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, ч. 1—3, СПб., 1760—65; Богословские сочинения, СПб., 1774; Рассуждение о безбожии..., М., 1774; История императора Петра Великого, СПб., 1773. Лит.: Чистович И., Ф. П. и его время, СПб., 1868; Морозов П., Ф. П. как писатель, СПб., 1880; История философии, т. 1, М., 1957, с. 479—80; Петров Л. А., Филос. взгляды П., Татищева и Кантемира, Иркутск, 1957; ег о же, Антирелиг. тенденции в филос. мысли России первой половины XVIII в., в сб.: Материализм и религия, М., 1958; ег о же, Социологич. взгляды П., Татищева и Кантемира, Иркутск, 1958; ег о же, Общественно-политич. взгляды П., Татищева и Кантемира, Иркутск, 1959; Бетяев Я. Д., Общественно-политич. и филос. мысль в России в первой половине XVIII в., Саранск, 1959; Б л а г о й Д. Д., История рус. лит-ры XVIII в., 4 изд., М., 1960, с. 71—80; Гудзий М. К., Ф. Прокопович, в кн.: Материалы до вивчення історії української літератури, т. 1, К., 1959; T e t z n e r J., Theophan Prokopowicz und die russische Frühaufklärung, «Z. Slavistik» 1958, Bd 3, H. 2—4, S. 351—68. Л. Петров. Иркутск.

ПРОКОФЬЕВ, Василий Иванович (р. 22 июля 1909) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1965). Чл. КПСС с 1937. Окончил Моск. пед. ин-т (1932) и ВПШ при ЦК КПСС (1948). С 1932 преподавал в вузах Москвы. В 1939—55 работал в аппарате ЦК КПСС и Совета Министров СССР. С 1955 — преподаватель Моск. педагогич. ин-та им. Н. К. Крупской. Ведет н.-и. работу преим. по проблемам коммунистич. морали и критики религ. морали.

Соч.: Мораль и религия, М., 1952; Атеизм рус. революц. демократов, 2 изд., М., 1955; Антигуманистич. характер религиозной морали, «ВФ», 1959, № 9; Две морали (Мораль религиозная и мораль коммунистич.), М., 1961; Марксизм и религия о счастье, М., 1961; Нравств. качества строителя коммунизма, М., 1962; Кодекс коммунистич. морали и религиозная «нравственность», М., 1964.

«ПРОЛЕГОМЕНЫ» (1785) — соч. *Канта*, в скжатой форме излагающее сущность его философии.

ПРОЛЕТАРИАТ — см. *Рабочий класс*.

ПРОЛЕТКУЛЬТ («Пролетарская культура») — культурно-просветит. организация пролет. самодеятельности в различных областях искусства (литература, театр, музыка, изобразит. иск-во) и науки. Создан в Петрограде в сент. 1917. Существовал до 1932. Гл. идеологами П. были *Богданов*, П. И. Лебедев-Полянский. В публиковавшейся в журн. «Пролет. культура» «Тектология» Богданова и его статьях выдвигалась программа выработки в «лабораторных» условиях «чистой» пролет. культуры, создания «однородного коллективного сознания», излагалась концепция иск-ва, в к-рой материалистич. теория отражения была заменена «строительным» «организационным принципом». Эти идеи Богданова нашли отражение в осн. документах и уставе П., где утверждалась автономия П. от партии и Сов. гос-ва, независимость «чистой» пролет. культуры от культуры прошлого, отрицалась преемственность культуры.

Платформа П. была подвергнута критике Лениным в речи на 3-м съезде РКСМ (2 окт. 1920) и в проекте резолюции «О пролет. культуре», составленной Лениным (8 окт. 1920) для 1-го съезда П., где Ленин указывал на необходимость критич. переработки всей культуры прошлого, отвергалась попытка выдумывать особую пролет. культуру и замыкаться в обособленные от Сов. власти и РКП(б) организации (см. Соч., т. 31, с. 291—92). В письме ЦК РКП(б) от 1 дек. 1920 «О пролеткультурах» говорилось, что под видом «пролет. культуры» рабочим преподносятся махистские взгляды в философии (см. *Махизм*), а в области иск-ва прививались извращенные вкусы. Наряду с этим в письме подчеркивалось, что «ЦК... не хочет связывать инициативу рабочей интеллигенции в области художественного творчества» («Правда», 1920, 1 дек., с. 1).

Ленинская критика П., письмо ЦК РКП(б) нашли активную поддержку среди членов П. В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 22 нояб. 1921 подчеркивалось, что письмо ЦК РКП(б) 1920 относилось к «ничтожным по числу элементам, которые теперь открыто обнаружили себя в особой платформе т. н. „коллективистов“ и против которых, как показывает почти годовой опыт, выступает подавляющее большинство работников в Пролеткультурах» («Вопр. истории КПСС», 1958, № 1, с. 38).

27 сент. 1922 Ленин в письме в «Правду» подверг резкой критике статью нового председателя П. (с 1920) В. Ф. Плетнева за грубые теоретич. ошибки и «... ф а л ь с и ф и к а ц и ю исторического материализма» (Соч., т. 35, с. 475).

В дальнейшем местные организации П. в большей мере согласовывали свою практич. культурно-просвет. деятельность с сов. и партийными органами. В решении АПО ЦК в 1928 отмечалось, что «ложные тенденции (богдановщина), которые клялись в основу организации Пролеткульта, в настоящее время никем из руководителей Пролеткульта не поддерживаются и никакого влияния на содержание работы не оказывают» («Изв. ЦК ВКП(б)», № 16—17, 25 мая 1928, с. 14).

Лит.: Ленин В. И., Маленькая картинка для выяснения больших вопросов, Соч., 4 изд., т. 28; Горбунов В. В., Борьба В. И. Ленина с сепаратистскими устремлениями П., «Вопр. истории КПСС», 1958, № 1; Денисова Л. Ф., В. И. Ленин и П., «ВФ», 1964, № 4. А. Пухов. Москва.

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — качеств. изменения, происходящие в обществе под воздействием революции в технике, в технологич. способе соединения человека со средствами труда. История знает три принципиально различных технологич. способа соединения человека и техники: ручной труд, в процессе к-рого роль осн. орудия, источника энергии, двигательной и направляющей силы выполняет сам чело-

век; механизированный труд (с превращением орудия ручного труда в машину), в котором рабочий выступает как элемент технич. системы; автоматизация (человек становится рядом с технич. системой). П. р. означает переход от одного технологич. способа произ-ва к другому, от одного историч. этапа в развитии техники к другому. Маркс связывал первую П. р. (конец 18 — сер. 19 вв.) с превращением орудий ручного труда в машину (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 23, с. 382—92). Первая П. р. вызвала изменения в характере труда (из ручного он стал механизированным), в социальной структуре общества (прежние ремесленник и крестьянин превратились в машинных рабочих), в соотношении отраслей х-ва (земледелие уступило ведущую роль пром-сти), в экономич. и политич. сфере (феод. отношения уступили место капиталистическим). Ленин писал о крутом и резком преобразовании «... всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не „капитализма“ вообще), преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция)» (Соч., т. 2, с. 215).

В совр. условиях на основе научно-технической революции началась вторая П. р. Произ-во материальных благ имеет тенденцию превратиться в полностью автоматизированное произ-во в масштабах всего общества. Первая П. р. означала возникновение и становление пром-сти, вторая П. р. — завершение процесса ее создания. На рельсы крупной индустрии ставится с. х-во, жилищное строительство, труд в сфере обращения, произ-во в сфере бытового обслуживания. Совр. П. р. ведет к существ. структурным сдвигам в соотношении различных сфер общества, деятельности (относительно сокращается число людей, занятых в сфере материального производства, и быстро возрастает число людей, занятых наукой, в сфере обслуживания и т. д.). Наука является кормчим совр. П. р. Начинаясь вторая П. р. в странах мировой социалистич. системы ведет к сокращению рабочего времени, к изменению характера труда, к уничтожению противоположности между городом и деревней, между умств. и физич. трудом. С одной стороны, она создает пром. основу для изобилия материальных благ и распределения по потребностям, с другой — увеличение свободного времени является предпосылкой для духовного совершенствования личности.

В странах капитала процессы, вызванные начинающейся второй П. р., носят противоречивый характер. П. р. вызывает и обостряет противоречия капитализма. Автоматизация чревата в перспективе ростом безработицы в капиталистич. странах. Тем не менее и там с ее внедрением труд из механизированного все больше становится автоматизированным, наблюдается тенденция роста культурно-технич. уровня трудящихся. Происходят изменения в социальной структуре общества и в соотношении отраслей х-ва (см. «Структура рабочего класса капиталистич. стран», Прага, 1962).

Если первая П. р. имела локальный характер, начавшись в немногих развитых странах Европы, то вторая П. р. имеет тенденцию охватить все страны и континенты, в т. ч. и страны, только становящиеся на путь создания национальной пром-сти и ускоренного экономического развития. В этих странах имеет место одновременное сочетание черт первой и второй П. р.

Термин П. р. используется с.-д. теоретиками ФРГ, Австрии, Италии, Англии для подновления идеи о трансформации капитализма в социализм без социалистич. революции. Согласно их теориям, вторая П. р. ведет к вызреванию и становлению социалистич. ин-тов в недрах капиталистич. общества, к смягчению

классовой борьбы, диффузии собственности и т. д. При этом проводится аналогия с первой П. р. Однако первая П. р. привела к утверждению капиталистич. отношений в результате ряда политич. революций и ожесточ. классовых битв. Тем более абсурдны утверждения о трансформации капитализма в социализм без социалистич. революции, т. к. здесь речь идет о переходе от антагонистич. формации к неантагонистич.ской.

Теоретики-марксисты, разоблачая реформистские теории «второй промышленной революции», показывают, что П. р. создает материально-технической базис, который все более и более несовместим с капиталистическим способом производства и присвоения. Поэтому неправомерно отрицать сам факт второй П. р. (см., напр., К. Тессман, Проблемы научно-технич. революции, пер. с нем., М., 1963). Подобная т. зр. упрощает сложность противоречивого развития в условиях капитализма, отрывает технику от экономики, ставит между ними непреходимую грань.

Человечество находится лишь у самого порога второй П. р. Полное развитие всех тенденций П. р. несовместимо с капитализмом. Грядущее общество — это коммунистич. общество.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1, гл. 5, 13, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Ленин В. И., Characteristics экономич. романтизма, Соч., 4 изд., т. 2; Бернал Дж., Наука в истории общества, пер. с англ., М., 1956; Дилли С., Автоматизация и социальный прогресс, пер. с англ., М., 1958; Осипов Г. В., Техника и обществ. прогресс, М., 1959; Ауэрхан Ян, Автоматизация и общество, М., 1960; Бобнева М. И., Техника и человек, «ВФ», 1961, № 10; Страшников В. М., Философия и техника коммунизма, Иркутск, 1962; Кап А. И., Положение пролетариата США при империализме, М., 1962; Будши Дж. М., Изменение структуры рабочего класса США, [пер. с англ.], М., 1963; Ерофеев Н. А., П. р. в Англии, М., 1963; Шейн и Ю. М., Наука и милитаризм в США. Научно-технич. переворот в военном деле и возникновение предпосылок кризиса милитаризма, М., 1963; Волков Г. Н., Эра роботов или эра человека? (Социологич. проблемы развития техники), М., 1965; Какое будущее ожидает человечество, Прага, 1964; Birtorf W., Automation. Die zweite industrielle Revolution, Darmstadt, 1956; Emrich L., Fabriken ohne Menschen, Wiesbaden, 1957; Sternberg F., Die militärische und die industrielle Revolution, В., 1957. Г. Волков. Москва.

«ПРОМЫШЛЕННАЯ СИСТЕМА» (1821) — соч.

Сен-Симона.

ПРОПРОРЕЦЕПТОРЫ — см. Органы чувств.

ПРОСВЕЩЕНИЕ — антифеодалная, буржуазная по своей социально-политич. сущности идеология периода становления капитализма. В сов. лит-ре сложились две осн. точки зрения на П., к-рые можно различать как понимание П. в узком и широком смысле слова. П. в узком смысле слова понимается как такая антифеодалная и объективно-бурж. идеология, к-рая доказывает, что преобразование феодализма и основание нового общества возможно лишь мирным путем, с помощью реформ и просвещения, откуда и производят сам термин. Сторонники революц. форм и способов преобразования общества, согласно этой т. зр., не включают в число просветителей, а выделяют в специальную группу революц. идеологов. Просветители и революционеры рассматриваются как два течения в пределах антифеодалной бурж. идеологии. П. в широком смысле слова понимается как синоним антифеодалной, прогрессивной идеологии периода становления капитализма и в нем выделяются революционное (радикальное) и мирное (либеральное) направление. Наиболее полно эти два взгляда на П. были высказаны на спец. дискуссии, материалы к-рой опубликованы в сб. «Проблемы рус. П. в лит-ре XVIII в.» (М.—Л., 1961).

Идеология П. находила свое филос. обоснование, к-рое именуется философией П., имевшей распространение во всех странах, переживавших эпоху становления капитализма (см. обзорные статьи о развитии философии в этих странах).

ПРОСИЛЛОГИЗМ (от греч. *πρό* — приставка в значении впереди, перед) — *посылка в полисиллогизме*.
ПРОСТРАНСТВО (в математике) — собирательное наименование матем. абстракций, предполагающих — или хотя бы допускающих — интерпретацию в терминах «наглядной» материальной протяженности, а также близких к ним по форме, структуре, отраженной, напр., в аксиоматич. описании, совокупностей абстрактных объектов.

Идея П. претерпела по мере развития математики сложную эволюцию. Вначале наука о П. — геометрия — стремилась к описанию «того самого» П., к-рое нас окружает, а единственность «этого» П. представлялась само собой разумеющейся. Намечившаяся еще в античной Греции тенденция к аксиоматич. построению, не опирающемуся на пространственную интуицию (почти до конца 19 в. считалось, что тенденция эта осуществлена — хотя бы в «Началах» Эвклида), свидетельствовала не столько об отказе от признания эмпиричности идеи П., сколько о характерном для греч. науки и философии примате «высоких», умозрительных методов и представлений по сравнению с «низменными», опытными. Т. о., эвклидова аксиоматика не в большей мере отражала сомнения в единственности П., чем любая из совр. аксиоматик механики или гететики — сомнения в реальности и существе единственности интерпретаций этих теорий. Тем не менее именно античная традиция несла в себе зачатки позднейших идей арифметизации (теория пропорций *Евдокса Книдского*, также дошедшая до нас по «Началам») и формальной аксиоматизации. Первая из этих идей реализовалась в 17 в. с введением координатного метода, установившего по существу *изоморфизм* между числовыми и пространственными множествами (П. Ферма, Р. Декарт), а затем в виде многочисл. приложений к геометрии методов матем. анализа. Вскоре «пространственная» методология активно вторгается и во внешнюю математику — в теоретич. механику (Ж. Л. Лагранж) и др., так что, не подвергая еще сомнению единственность и определенность прообраза геометрич. абстракций — реального физич. П., в математике постепенно привыкли рассматривать многочисл., «пространственноподобные» многообразия, также называемые «П.». Решительным пересмотром понятия П. ознаменовалась 2-я пол. 19 в.: открытие неевклидовых геометрий (Н. Лобачевский, Я. Бойай, К. Ф. Гаусс), строгое доказательство *независимости* постулата о параллельных, означавшее в то же время доказательство *непротиворечивости* геометрии Лобачевского — Бойая относительно эвклидовой геометрии (Э. Бельтрами, А. Пуанкаре, Ф. Клейн), дальнейшее обобщение и частичный отказ от эвклидовых постулатов (Б. Риман), развитие геометрии, алгебры и анализа и их приложений; концепции многомерного и бесконечномерного пространства (Д. Гильберт) — этап этот завершается четкой формулировкой геометрич. аксиом (Папп, Гильберт) и отчетливым пониманием возможности их варьирования. На этом этапе разговоры о «соответствии геометрич. аксиом реальному миру» многие математики, активно воспринявшие формально-аксиоматич. концепцию Гильберта (хотя и не в буквальном следовании его идеям), склонны были считать, в соответствии с конвенционалистскими веяниями конца столетия, не более как «пережитками платонизма». Термин «П.» в 20 в. уже прочно воспринимается как родовое, и целые разделы математики посвящаются гл. обр. изучению «природы» многообразных «пространств» (проективная и аффинная геометрия, функциональный анализ и особенно топология). С утверждением представлений теории множеств одним из центральных понятий математики становится понятие «абстрактного» (точечного) П. и различные его модификации: топологич., метрич.,

линейные П. Отныне для математика П. — это просто совокупность нек-рых «элементов» (чисто условно именуемых «точками»), полностью характеризующих аксиоматику (см. *Метод аксиоматический*), и он «геометризует», если это ему по к.-л. соображениям удобно, самые отвлеченные (или, во всяком случае, далекие от обычных представлений о «П.») теории и системы, вводя, по ходу дела, в них «метрику» и «топологию». Но — это отчетливо проявилось как раз в кульминационный период формально-аксиоматич. математики — проблема описания мира отнюдь не «снимается» построением формальных матем. языков. Более того, оказалось, что не только вопрос о «действительном» П. может быть — по крайней мере, в принципе — разрешен экспериментально, но что «физическая начинка» П. (распределение масс в нем) существеннейшим образом влияет на его свойства и тем самым на формальное описание, сколь бы априорным оно ни казалось (см. *Относительности теория*). На совр. этапе развития математики обе эти тенденции — формально-аксиоматическая и «физико-геометрическая» — не только сосуществуют, но и сложными и многообразными путями влияют одна на другую. Эволюция взглядов на сущность понятия П. в математике никоим образом не закончилась, и единственное, о чем можно твердо говорить уже сейчас, так это то, что непреложность аксиоматич. построений не может быть «опровергнута», а выяснение «сущности» «нашего» П. (хотя бы проблемы его кривизны, конечности или бесконечности) не может быть достигнуто чисто умозрительно, ссылкой на догмы. См. также *Математика, Математическая бесконечность, Прерывность и непрерывность, Относительности теория, Метод аксиоматический, Коинцидум* и лит. при этих статьях.

Ю. Гастев. Москва.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ — общие формы существования *материи*, а именно формы координации материальных объектов и явлений. Диалектич. материализм и совр. наука показывают, что П. и в. не могут существовать вне материи и независимо от нее. Отличие этих форм друг от друга состоит в том, что пространство есть всеобщая форма сосуществования тел, время — всеобщая форма смены явлений. По Энгельсу, находиться в пространстве — значит быть в форме расположения одного возле другого, существовать во времени — значит быть в форме последовательности одного после другого. Пространство есть форма координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающаяся в том, что последние определ. образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или др. системы, находятся в определ. количеств. отношениях друг к другу. Время есть общая форма координации явлений, сменяющих друг друга состояний материальных объектов, заключающаяся в том, что каждое явление (состояние), составляя ту или иную часть процесса, совершающегося в объекте, находится в определ. количеств. отношениях к др. явлениям (состояниям).

Пространств. характеристиками являются места объектов (при большом удалении объектов друг от друга или малости объектов эти места можно рассматривать как «точки» пространства), расстояния между местами, углы между различными направлениями, в к-рых располагаются объекты (отд. объект характеризуется протяженностью и формой, к-рые определяются расстояниями между частями объекта и их ориентацией). Врем. характеристики — «моменты», в к-рые происходят явления, продолжительности (длительности) процессов. Отношения между этими пространств.-врем. величинами наз. метрические и м.п. Существуют также и качеств., тождественные и ч. характеристики — «соприкосновение» различ-

ных объектов или процессов, порядок их расположения, *симметрия*.

Пространств.-врем. отношения подчиняются специфич. закономерностям. В соответствии с наличием у материальных объектов и процессов неразрывно связанных противоположных сторон — целостности и дифференцированности, устойчивости и изменчивости, и в пространств.-врем. отношениях различают, с одной стороны, протяженность и длительность, с другой — порядок сосуществования и смены явлений. Протяженность объекта и длительность состояния (его «время жизни») выступают на первый план при рассмотрении объекта или состояния как целого; момент «порядка» выступает на первый план при рассмотрении отношений частей (объекта или состояния) или отношений различных объектов.

Согласно диалектич. материализму, П. и в. являются формами бытия дифференцированных объектов и процессов. Этим определяется всеобщий характер пространств.-врем. отношений и закономерностей. По мере углубления знаний о материи и движении углубляются и изменяются науч. представления о П. и в. Поэтому понять реальный смысл и значение вновь открываемых закономерностей П. и в. можно только путем установления их связей с закономерностями взаимодействия и движения материи. Примером может служить неевклидова геометрия, реальный смысл которой стал ясен только после открытия релятивистских теорий гравитационного поля.

Непосредств. единство П. и в. выступает в движении материи; простейшая форма движения — перемещение — характеризуется величинами, включающими различные отношения П. и в. Совр. физика (см. *Относительности теория*) обнаружила более глубокое единство П. и в., выражающееся в совместном закономерном изменении пространств.-врем. характеристик систем при изменении движения последних, а также в зависимости этих величин от концентрации материи (масс) в окружающей среде.

С чисто пространств. (геометрич.) отношениями имеют дело лишь в том случае, когда можно отвлечься от движения тел и их частей. Тогда мир выступает как совокупность неизменных идеально твердых тел, расположенных вне друг друга, и внешние отношения этих тел сводятся к пространственным. С чисто врем. отношениями имеют дело в случае, когда можно отвлечься от многообразия сосуществующих объектов; тогда единственный «точечный» объект испытывает изменения состояния, характеризующиеся различными длительностями.

В реальном процессе измерения пространств. и врем. величин пользуются к.-л. *системой отсчета*.

Понятия П. и в. являются необходимой составной частью картины мира в целом и поэтому входят в предмет философии. Учение о П. и в. углубляется и развивается вместе с развитием мировоззрения в целом, но особенно естествознания и прежде всего физики. Это объясняется тем, что свойства П. и в. имеют весьма существен. значение для физич. закономерностей, к-рые часто выражаются в виде зависимостей физич. величин от пространств.-врем. координат; кроме того, точные измерения пространств.-врем. величин производятся с помощью физич. устройств. Именно развитие физики в 20 в. привело к радикальной перестройке науч. представлений о П. и в. Из остальных наук о природе значит. роль в прогрессе учения о П. и в. сыграла астрономия и в особенности космология.

Развитие физики, геометрии и астрономии в 20 в. подтвердило правильность воззрений диалектич. материализма на П. и в. В свою очередь диалектико-материалистич. концепция П. и в. позволяет дать правильную интерпретацию совр. физич. учения о П. и в.,

вскрыть неудовлетворительность как субъективистского понимания этого учения, так и попыток «развить» его, отрывая П. и в. от материи.

Пространств.-врем. отношения обладают не только общими закономерностями, но и специфическими, характерными для объектов того или иного класса, поскольку эти отношения определяются структурой материального объекта, его внутр. взаимодействиями и процессами. Поэтому такие характеристики, как размеры объекта (в частности, его форма), время жизни, ритмы процессов, типы симметрии, являются существен. параметрами объекта данного типа, зависящими также от условий, в к-рых он существует. Особенно важны и специфичны пространств.-врем. отношения в таких сложных развивающихся объектах, как биологич. организм или общество. В этом смысле можно говорить об индивидуальных П. и в. таких объектов (напр., о биологич. или социальном времени).

Основные концепции П. и в. Важнейшая филос. проблема, относящаяся к П. и в., это вопрос о сущности П. и в., т. е. отношения этих форм бытия к материи, а также об объективности пространств.-врем. отношений и закономерностей.

На протяжении почти всей истории естествознания и философии существовали две осн. концепции П. и в. Одна из них идет от древних атомистов — Демокрита, Эпикура, Лукреция, к-рые ввели понятие пустого пространства и рассматривали его как однородное и бесконечное (но не изотропное); понятие времени тогда было разработано крайне слабо. В новое время эту концепцию развил *Ньютон*, очистивший ее от антропоморфизма. По Ньютону, П. и в. суть особые начала, существующие независимо от материи и друг от друга. Пространство само по себе (абс. пространство) есть пустое «вместилище тел», абсолютно неподвижное, непрерывное, однородное (одинаковое во всех точках) и изотропное (одинаковое по всем направлениям), пронизываемое — не воздействующее на материю и не подвергающееся ее воздействиям, и бесконечное; оно обладает тремя измерениями. От абс. пространства Ньютон отличал протяженность тел — их осн. свойство, благодаря к-рому они занимают определ. места в абс. пространстве, совпадающие с этими местами. Протяженность, по Ньютону, если говорить о простейших частицах (атомах), есть изначальное, первичное свойство, не требующее объяснения. Абс. пространство вследствие неразличимости своих частей неизмеримо и непознаваемо. Положения тел и расстояния между ними можно определять только по отношению к др. телам. Др. словами, наука и практика имеют дело только с *относительным пространством*. Времени в концепции Ньютона само по себе есть нечто абсолютное и ни от чего не зависящее, чистая длительность как таковая, равномерно текущая от прошлого к будущему. Оно является пустым «вместилищем событий», к-рые могут его заполнять, но могут и не заполнять; ход событий не влияет на течение времени. Время универсально, одномерно, непрерывно, бесконечно, однородно (везде одинаково). От абс. времени, также неизмеримого, Ньютон отличал относит. время. Измерение времени осуществляется только с помощью часов, т. е. движений, к-рые являются достаточно равномерными. П. и в. в концепции Ньютона независимы друг от друга. Независимость П. и в. проявляется прежде всего в том, что расстояние между двумя точками и промежуток времени между двумя событиями сохраняют свои значения независимо друг от друга в любой системе отсчета, а отношения этих величин или скорости тел могут быть любыми.

Ньютон подвергал критике идею *Декарта* о заполненном мировом пространстве и о тождестве протяженной материи и пространства.

Концепция П. и в., разработанная Ньютоном, была господствующей в естествознании на протяжении 17—19 вв., т. к. она опиралась на науку того времени — евклидову геометрию и классич. механику. Законы ньютоновой механики справедливы только в инерциальных системах отсчета. Эта выделенность инерциальных систем объяснялась тем, что они движутся инерциально именно по отношению к абс. П. и в. и наилучшим образом соответствуют последним. Можно сказать, что часы в таких системах показывают равномерно текущее абсолютно универсальное время, а твердые тела, образующие пространств. «остов» такой системы, не деформируются при инерциальном движении. Конечно, измеренная скорость тела может не совпасть с его абс. скоростью, однако осн. закон механики, связывающий ускорение с создающей его силой, остается неизменным в любой инерциальной системе; инвариантны (неизменны) также и ускорение, и сила сами по себе. Если же перейти к произвольно движущимся ускоренным системам отсчета, то законы классич. механики окажутся неверными. Отсюда делался вывод, что только при отнесении движения тел к абс. П. и в. получаются законы механики, оправдывающиеся на практике.

Ньютонова концепция П. и в. соответствовала всей физич. картине мира той эпохи, в частности филос. представлению о материи как изначально протяженной и инертной. Существ. противоречием концепции Ньютона было то, что абс. П. и в. оставались в ней непознаваемыми путем опыта. Согласно принципу относительности классич. механики, все инерциальные системы отсчета равноправны и невозможно отличить, движется ли система по отношению к абс. П. и в. или покоится. Это противоречие служило доводом для сторонников противоположной концепции П. и в., основы к-рой были сформулированы также еще в древности *Аристотелем*. Пространство, по Аристотелю, есть совокупность мест тел, а время — «число движений»; время, в отличие от движения, течет всегда равномерно. В новое время т. зр. Аристотеля развил (очистив ее от телеологии) *Лейбниц*, опиравшийся также на нек-рые идеи Декарта. Особенность лейбницево-декартовой концепции П. и в. состоит в том, что в ней отвергается представление о П. и в. как о самостоят. началах бытия, существующих наряду с материей и независимо от нее. По Лейбницу, пространство — это порядок взаимного расположения множества индивидуальных тел, существующих вне друг друга, время — порядок сменяющихся друг друга явлений или состояний тел. При этом Лейбниц в дальнейшем включал в понятие порядка также и понятие относит. величины. Представление о протяженности отд. тела, рассматриваемого безотносительно к другим, по концепции Лейбница, несостоятельно. Пространство есть отношение («порядок»), применимое лишь ко мн. телам, к «ряду» тел. Можно говорить только об относит. размере данного тела, в сравнении с размерами других тел. Если бы других тел не существовало, то нельзя было бы говорить о протяженности данного тела. Протяженность тела имеет смысл лишь постольку, поскольку тело рассматривается как часть мира. То же можно сказать и о длительности: понятие длительности применимо к отд. явлению постольку, поскольку оно рассматривается как звено в единой цепи событий. Протяженность любого объекта, по Лейбницу, не есть первичное свойство, а обусловлено силами отталкивания, действующими внутри объекта; внутреннее и внешнее взаимодействие определяют и длительность состояния; что же касается самой природы времени как порядка сменяющихся явлений, то оно отражает их причинно-следств. связь.

Логически концепция Лейбница связана со всей его филос. системой в целом. Осн. свойством частиц

Лейбниц считал активность, стремление к действию и движению. Представления о материи древних атомистов и Ньютона, рассматривавших мир как конгломерат независимых частиц, связанных воедино лишь случайными столкновениями или мистич. силами дальнего действия, Лейбниц считал неудовлетворительными. Идея абс. атомизма не объясняет целостности объектов, их внутр. согласованности, она противоречит «гармонии», единству мира. Правда, Лейбниц понимает гармонию и активность в идеалистич., телеологич. духе: атомы — это монады, духовно отображающие мир. Но наука той эпохи не располагала данными, к-рые дали бы возможность рационально объяснить «механизм» единства и целостности материальных объектов. Однако лейбницева концепция П. и в. не играла существ. роли в естествознании 17—19 вв., т. к. она не могла дать ответа на вопросы, поставленные наукой той эпохи. Прежде всего воззрения Лейбница на пространство казались противоречащими существованию вакуума (только после открытия поля в 19 в. проблема вакуума предстала в новом свете); кроме того, они явно противоречили всеобщему убеждению в единственности и универсальности евклидовой геометрии (если геометрич. закономерности обусловлены характером сил, то мыслима возможность иных пространств. отношений, чем евклидовы); наконец, концепция Лейбница казалась непримиримой с классич. механикой, поскольку признание чистой относительности движения не дает объяснения преимуществ. роли инерциальных систем. Ответ Лейбница, в к-ром он указал на существование устойчивых («фиксированных») состояний материи, служащих «базисом» П. и в., не был понят в то время. Вообще, односложное подчеркивание Лейбницем «порядка» как гл. характеристики П. и в. казалось несоместимым с объективностью и «неизменностью» метрич. свойств П. и в., на к-рые опиралась наука. Поправки Лейбница, к-рый в ходе дискуссии с учеником Ньютона Кларком включил в понятие «порядка» также и метрич. отношения, не были приняты во внимание. Т. о., современная Лейбницу физика оказалась в противоречии с его концепцией П. и в., к-рая строилась на гораздо более широкой филос. основе. Только два века спустя началось накопление науч. фактов, говоривших в ее пользу.

Понятия П. и в. в философии и естествознании 18—19 вв. Философы-материалисты 18—19 вв. решали проблему П. и в. в основном в духе концепций Ньютона или Лейбница, хотя, как правило, полностью не принимали к.-л. из них. Нек-рые философы 17 в. (напр., Локк) под влиянием успехов механики перешли от концепции Лейбница к концепции Ньютона. Большинство философов-материалистов выступало против ньютоновского пустого пространства. Еще *Толанд* указывал, что представление о пустоте связано с взглядом на материю как на инертную, бездеятельную. Таких же взглядов придерживался и *Дидро*. Еще далее в критике Ньютона шел Бошкович, к-рый рассматривал материю как состоящую из частиц — силовых центров; понятие протяженности, по Бошковичу, применимо не к отд. частице, а только к системе частиц.

Ближе к концепции Лейбница стоял и *Гегель*. Он критикует представление Ньютона о времени как потоке, увлекающем все в своем течении, и о пустом, ничем не заполненном пространстве. Вместе с тем Гегель не соглашается со сведением пространства к порядку вещей; пространство не совпадает и с протяженностью отдельных вещей, ему присущи свои специфич. отношения и закономерности. Гегель подчеркивает единство П. и в. как моментов движения. Только в представлении, пишет он, П. и в. совершенно отделены друг от друга. Однако утверждая, что понятие

материи производно от понятий П. и в., Гегель теряет мысль, высказанную уже Лейбницем, что пространств. и врем. отношения определяются взаимодействием.

Одним из самых замечат. открытий 19 в. было создание неевклидовой геометрии *Лобачевским*, *Бойаи* и *Риманом* (см. *Пространство* в математике).

Неевклидова геометрия противоречила ньютоновой концепции П. и в. Отвергнув ее, Лобачевский утверждал, что геометрич. свойства, будучи наиболее общими физич. свойствами, определяются общей природой сил, формирующих тела.

В концепциях субъективных идеалистов и агностиков проблемы П. и в. сводятся гл. обр. к вопросу об отношении П. и в. к сознанию, восприятию. *Беркли* отвергал ньютоновское абс. П. и в., но рассматривал пространств. и врем. отношения субъективистски, как порядок восприятий. Понятно, что при этом не было и речи об объективных геометрич. и механич. законах. Поэтому берклеанская т. зр. не сыграла существен. роли в развитии науч. представлений о П. и в. Иначе обстояло дело с воззрениями *Канта*, к-рый сначала примыкал к концепции Лейбница. Противоречие этой концепции и естеств.-науч. взглядов того времени привело Канта к принятию ньютоновой концепции и к стремлению философски обосновать ее. Главным здесь было объявление П. и в. априорными формами человек. созерцания. Взгляды Канта на П. и в. нашли немало сторонников в конце 18 в. — 1-й пол. 19 в. Их несостоятельность была доказана лишь после создания и принятия неевклидовой геометрии: сама возможность различных геометрий и необходимость определить их области применения на основании опыта отвергает априоризм.

Кризис механистич. естествознания на рубеже 19—20 вв. привел к возрождению на новой основе субъективистских взглядов на П. и в. Критикуя концепцию Ньютона, *Мах* слова развил взгляд на П. и в. как на «порядок восприятий», подчеркивая опытное происхождение аксиом геометрии. Но *опыт* понимался *Махом* субъективистски, поэтому и геометрия Эвклида, и геометрия Лобачевского и Римана рассматриваются им просто как различные способы описания пространств. соотношений. Неудивительно поэтому, что *Мах* отрицательно отнесся к теории относительности. Критика субъективистских взглядов *Маха* на П. и в. была дана *Левиним* в *«Материализме и эпистемиологическом критерии»*.

Развитие представлений о П. и в. в 20 в. Метрические свойства П. и в. Кардинальное изменение физич. представлений о материи (прежде всего открытие физич. полей — см. *Поле физическое*) привело к коренной перестройке учения о П. и в. Совр. физич. теория П. и в. — теория относительности — показала, что при переходе от одной системы отсчета к другой, движущейся относительно первой, пространств. и врем. величины (расстояния, углы, промежутки времени, частоты) изменяются. Явления, одновременные в одной системе отсчета, неодновременны в другой. Остается неизменным при переходе от одной системы отсчета к другой только пространств.-врем. интервал между событиями. Теория относительности ввела новое понятие — «пространства-времени» как единой формы координации явлений. Разделение координации на чисто пространственную и чисто временную оказывается относительным: события, сосуществующие в одной системе (координированные только пространственно, расположенные в разных местах), в другой системе являются также и последовательными во времени (однако сама последовательность во времени таких событий, к-рые могут быть связаны отношением причины и следствия, не может измениться). Т. о., расстояния и длительности приобретают пол-

ную определенность только в той или иной системе отсчета.

Из сказанного неизбежно следует вывод об ограниченности ньютоновой концепции абс. П. и в. Теория относительности логически непримирима с представлением о пустом пространстве, имеющем «собств.» размеры, и с представлением о пустом времени, обладающем «собств.» длительностью. Совр. физика подтвердила правильность концепции П. и в., идущей от Лейбница и развитой в дальнейшем диалектич. материализмом. Теория относительности показала, что именно поле играет роль физич. агента, посредством к-рого осуществляется пространств.-врем. координация явлений. Эта координация такова, что можно говорить об «индивидуальном», или локальном, П. и в. для каждой замкнутой системы.

Дальнейший шаг в развитии физич. представлений о П. и в. был сделан общей теорией относительности. Согласно этой теории, инерциальные системы, занимающие особое место среди любых возможных систем отсчета (только в таких системах верны законы сохранения), выделяются не тем, что они инерциальны по отношению к абс. П. и в., как полагали последователи Ньютона, а тем, что материальные тела, служащие базисом таких систем, не испытывают заметных внешних воздействий и совершают свободное движение в поле тяготения. Отсюда следует, что инерциальная система является таковой только локально, как в пространственном, так и во врем. отношении, т. е. только по отношению к ограниченному кругу явлений. Так было разрешено противоречие, к-рое в свое время не могла разрешить концепция Лейбница. Согласно общей теории относительности, поле тяготения проявляется в характере связи пространств. и врем. величин, или в метрике пространства-времени. Т. н. кривизна пространства-времени, определяющая их метрику (геометрию), зависит от распределения и движения материи — источника поля тяготения, причем эта геометрия не евклидова, а риманова. В поле тяготения имеет место разный ход времени (темп процессов) в разных точках поля; в различных местах поля различны также расстояния, разделяющие данные события. В поле тяготения невозможно синхронизация часов во всем пространстве. Только в статич. поле тяготения могла бы существовать «мировая» система отсчета, со своим «мировым» временем во всей системе, но и такая система была бы локальна, а не универсальна. Изменение темпа процессов (хода времени) происходит, в частности, и при плавном ускорении (или замедлении) системы. Это создает возможность влиять на местный «ход времени».

Дальнейшее развитие общей теории относительности связано с космологич. проблемами — структурой П. и в. в наблюдаемой части мира в целом, нулевым «фоном», по отношению к к-рому изменяется метрика пространства-времени в поле тяготения (А. А. Фридман). Метрика «фона» определяется средней плотностью и давлением в «мире». Предположение об изменяющейся метрике нашей части мира нашло подтверждение в открытом Хабблом *красном смещении*.

В последние годы ряд исследователей приходит к заключению, что «мировое» П. и в. расширяется неоднородно и анизотропно (А. Л. Зельманов). При такой т. зр. исчезают т. н. «особые точки» (столкновывавшиеся нек-рыми авторами как начало мира и его конец), можно говорить только о регулярных изменениях метрики наблюдаемой его части. Идея о неоднородной и анизотропной Вселенной позволяет наметить рациональное решение проблемы конечности или бесконечности мира, возникшей на первых этапах развития релятивистской космологии в связи с допущением однородности Вселенной. Можно говорить лишь о конечности нашей части мира, при переходе же к боль-

шим масштабам может измениться сама мера пространств.-врем. отношений, поскольку наша «мировая система» может оказаться частью качественной системы, в к-рой действуют существенно иные закономерности.

Топологические проблемы П. и в. Из теории относительности следует, что закономерности П. и в. есть весьма общие физич. закономерности, относящиеся ко всем объектам и процессам, независимо от их специфики. Это касается и проблем, связанных с топологич. свойствами П. и в., т. е. с такими существ. свойствами П. и в., как характер отграничения одного объекта от другого (или их «соприкосновения»), число измерений П. и в., свойства симметрии. Проблема границы отд. объектов и процессов непосредственно связана с поднимавшимся еще в древности вопросом о конечной или бесконечной делимости П. и в., их дискретности или непрерывности. В античности этот вопрос решался, естественно, чисто умозрительно. Высказывались, напр., предположения о существовании «атомов» времени (Зенон). В науке 17—19 вв. идея атомизма П. и в. потеряла к.-л. значение. Расхождения между ньютоновой и лейбницево концепциями возникли в связи с проблемой реальной или потенциальной делимости П. и в. По Ньютону, П. и в. реально состоят из бесконечного количества точек и мгновений; согласно Лейбницу, П. и в. бесконечно делимы только потенциально. Идея непрерывности П. и в. еще более укрепилась в 19 в. в связи с открытием поля; в классич. понимании поле есть абсолютно непрерывный объект.

Проблема реальной делимости П. и в. была поставлена только в 20 в. в связи с открытием *неопределенностей соотношения*, согласно к-рому для абсолютного точного измерения координаты необходимы бесконечно большие импульсы, что физически не может быть осуществлено. Более того, квантовая теория поля показывает, что при бесконечно сильных воздействиях на частицу она вообще не сохраняется, а «размножается» — теряется индивидуальность частицы, ее отграниченность. Соотношение неопределенностей существует и для поля; хотя квантовая теория поля до недавнего времени и принимала принцип строгой локальности, точности взаимодействия, но это допущение приводит к трудностям (см. *Микрочастицы*). В действительности не существует реальных физич. условий, при к-рых можно было бы измерить точное значение напряженностей в различных точках поля. Т. о., в совр. физике установлено, что невозможно не только актуальная бесконечная разделенность П. и в. на точки, но принципиально невозможно осуществить процесс разделения П. и в. до бесконечности. Следовательно, геометрич. понятия точки, кривой, поверхности являющиеся предельными абстракциями, отражающими пространств. свойства материальных объектов лишь приближенно. В действительности объекты отделены друг от друга не абсолютно, они лишь относительно дифференцированы. То же справедливо и по отношению к моментам времени: различные граничащие процессы и явления также в какой-то степени «перекрываются». Именно такой взгляд на точность событий проводится по существу в т. н. теории нелокализованного поля (В. Гейзенберг, М. А. Марков), в к-рой предполагается, что в пределах весьма малой области само понятие поля, характеризуемого определ. значениями потенциала в каждой точке, теряет реальный физич. смысл; предполагается, что величина, определяющая предельно малые размеры поля, характерна для данного типа частиц. Из существования «элементарной длины» для данного типа частиц следует, что должно быть и минимальное время, в пределах к-рого не имеет смысла понятие фазы (т. е. различия состояния во времени).

Одновременно с идеей нелокальности (или относительности локальности) взаимодействия разрабатывалась гипотеза о квантовании П. и в. В последние десятилетия квантованное П. и в. рассматривалось как имеющее зернистую структуру типа кристаллич. решетки (Слайдер, Марх и др.). Появились также исследования (Жош, И. С. Шапиро), в к-рых П. и в. представляется как состоящее из конечного числа «точек»; эта концепция мало разработана.

Решение вопроса о квантовании П. и в. тесно связано с проблемами структуры элементарной частицы и атомизма действия. Появились исследования, в к-рых вообще отрицается применимость к элементарным частицам обычного понятия «структуры» как пространства, разделенности (Чу и др.), а следовательно, и применимость к этой области явлений пространств.-временных метрич. отношений. Однако понятия П. и в. не сводятся к чисто метрич. отношениям. Вероятно, разработка представлений о П. и в. применительно к микромиру приведет к дальнейшему расширению понятий «явления» и «координации явлений».

Тесная взаимосвязь пространств.-врем. свойств природы взаимодействия объектов обнаруживается и при анализе симметрии П. и в. Еще в 1918 (Э. Нётер) было доказано, что однородности пространства соответствует сохранение импульса, однородности времени — сохранение энергии, изотропности пространства — сохранение момента количества движения. Т. о., типы симметрии П. и в. как общих форм координации объектов и процессов взаимосвязаны с важнейшими законами сохранения. Симметрия пространства при зеркальном отражении оказалась связанной с существ. характеристикой микрочастиц, с четностью их состояния.

Одной из важных проблем симметрии является вопрос о направленности течения времени. В ньютоновой концепции это свойство времени считалось само собой разумеющимся и не нуждающимся в обосновании. У Лейбница необратимость течения времени связывается с однозначной направленностью цепей причин и следствий. Совр. физика конкретизировала и развила это обоснование, связав его с совр. пониманием принципа *причинности*: реальная причина всегда генетически связана с действием, порождает его и, следовательно, обязательно предшествует ему во времени. К этому надо добавить, что время. последовательность связана не только с отношением причины и действия, но и с такой интегральной характеристикой материальных процессов, как развитие.

К проблемам симметрии П. и в., обсуждавшимся еще в древности, относится и вопрос о числе измерений П. и в. В ньютоновой концепции это число считалось изначальным. Однако еще Аристотель обосновывал трехмерность пространства числом возможных сечений (делений) тела. Кант в период, когда он еще примыкал к концепции Лейбница, связывал трехмерность пространства с законом действия сил всемирного тяготения; он доказывал, что в n -мерном пространстве сила тяготения убывает по закону r^{n-1} . Интерес к этой проблеме возрос в 20 в. с развитием топологии. Л. Брауэр установил, что размерность пространства есть топологич. инвариант — число, не изменяющееся при непрерывных и взаимно однозначных преобразованиях пространства. В ряде исследований была показана связь между числом измерений пространства и структурой электромагнитного поля (Г. Вейль), между трехмерностью пространства и спиральностью элементарных частиц. Все это показало, что число измерений П. и в. неразрывно связано с материальной структурой окружающего нас мира.

Р. Штейнман. Москва.

Общие свойства П. и в. определяются тем, что это объективно-реальные формы существования материи. Основание этих свойств составляют физич. характе-

ристики П. и в. Однако все свойства П. и в. не могут быть сведены к физическим: многообразие форм движения материи предполагает, что при общих физических основах существуют качественно различные пространств.-врем. формы, соответствующие различным видам движущейся материи. Недостаточность общей физич. характеристики П. и в. стала особенно заметной в науке 20 в., когда выяснилось, что важнейшие свойства биологич. объектов, психич. феноменов и различных социальных образований связаны со спецификой их пространств.-врем. структуры.

На этой основе в совр. науке начали все более широко разрабатываться проблемы биологической, социальной, психологич., лингвистич., историч., полит.-экономич. и эстетич. характеристик П. и в.

Лит.: Энгельс Ф., Дialeктика природы, в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 511—12; его же, Анти-Дюринг, там же; Гельмгольц Г., О фактах, лежащих в основании геометрии, в сб.: Об основаниях геометрии, 2 изд., Каз., 1895, с. 101—102; Мах Э., Время и пространство с физич. точки зрения, в его кн.: Познание и заблуждение, [М., 1909], с. 432; Гегель Г. В. Ф., Философия природы, Соч., т. 2, М.—Л., 1934, с. 44—50; Эйнштейн А., Основы теории относительности, 2 изд., М.—Л., 1935; Ньюто И., Математика начала натуральной философии, М.—Л., 1936, с. 30; Лобачевский Н. И., Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1949, с. 187, 158—60; Мандельштам Л. И., Лекции по физич. основам теории относительности, Полн. собр. соч., т. 5, М.—Л., 1950; Зельманов А. Л., Нерелятивистский гравитационный парадокс и общая теория относительности, «Физ.-мат. науки» (НДВШ), 1958, № 2; Марков М. А., Гипероны и К-мезоны, М., 1958, § 34; Свидерский В. И., П. и в., М., 1958; Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания (1715—1716 гг.), [Л.], 1960; Кузнецов И. В., Принцип причинности и его роль в познании природы, в сб.: Проблема причинности в совр. физике, М., 1960; Фок В. А., Теория пространства, времени и тяготения, 2 изд., М., 1961; Штейнман Р. Я., П. и в., М., 1962; Рейхенбах Г., Направление времени, пер. с англ., М., 1962; Уиттроудж, Естество философия времени, пер. с англ., М., 1964; Аскин Я. Ф., Проблема необратимости времени, «ВФ», 1964, № 12; Вальцев А. Н., Дискретное пространство-время, М., 1965; Наан Г. И., Понятие бесконечности в математике, физике и астрономии, М., 1965; Gent W., Die Philosophie des Raumes und der Zeit, Bd 1—2, Bonn, 1926—30; Jammer M., Concepts of space, Camb., 1954; Gribbaum A., Philosophical problems of space and time, [N. Y.], 1964. Ю. Урманцев. Москва.

ПРОТАГО́Р (Πρωταγόρας) из Абдеры (ок. 480—ок. 410 до н. э.)—древнегреч. философ, основатель школы *софистов*. Развезжал по Греции с пропагандой своего учения, много раз бывал в Афинах, одно время был

близок к Периклу и Еврипиду, во время олигархич. переворота в 411 обвинялся в атеизме; утонул во время бегства в Сицилию; его книга о богах была сожжена в Афинах. Особенно поражало современников П. то, что он устраивал публичные диспуты, брал плату за обучение, ввел в оборот *софизмы* (А 4—6, Diels⁹). Все это несомненно содействовало развитию красноречия и всякого рода логич. тонкостей мышления. Список его соч., даваемый Диогеном Лаэртским (IX 55 из

А 1), во многом оспаривается. Известны его трактаты: «Ниспровергающие» (т. е. аргументы), плат, что то же, «Истина», «О сущем», «Великое слово», «О богах», «Противоречия». Ни один из трактатов П. до нас не дошел и о П. можно судить только по фрагментам. П. прославился своим знаменитым тезисом (Diog. L. IX 51 из В 1): «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Содержащийся здесь субъективизм, свойственный эпохе восхождения рабовладельч. демократии, освобождавшейся от родовых авторитетов и ее религ.-мифологич. мировоззрения, понимался П. как прямой вывод из учения *Гераклита*

(вернее, гераклитовцев) о всеобщей текучести вещей: если все меняется каждое мгновение, то ни о чем ничего нельзя сказать определенного, все существует постольку, поскольку отдельный индивидуум в силах схватить в тот или иной момент; и обо всем можно сказать как что-нибудь одно, так одновременно и что-нибудь другое, ему противоречащее. П. специально обучал тому, как слабейший аргумент сделать сильнейшим (А 21), т. е. о том, как можно доказывать все, что угодно и в целях утверждения чего-нибудь, и в целях его отрицания. Этот субъективизм и *релятивизм* проводился у П. и в религ. области: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса и краткость человеческой жизни» (В 4 ср. А 23). По-видимому, П. признавал существование и богов, и природы, и мира в целом, но в противоположность древней *натур-философии* отрицал возможность науч. познания объективного мира и признавал только текучую чувственность, не отражающую никаких ни объективных, ни субъективных устойчивых элементов (А 16). В этике и политике П., по-видимому, был не очень склонен последовательно проводить свой релятивизм. До нас дошло его рассуждение о том, что если мы не знаем истины, то мы можем знать, что полезно; и, в частности, как медицина нужна, поскольку она лечит больных, так и законодательство необходимо, поскольку в нас с самого начала вложены богами «справедливость» и «стыд», так что здесь П. являлся сторонником как бы нек-рого обществ. и гос. субъективизма: что на самом деле истинно, мы не знаем; а то, что для нас полезно, об этом нам говорят *естественное право* и гос. законы (А 21. 22). Гос. законы так же текучи, как и все существующее. Но пока существует данный закон, ему необходимо повиноваться. Вообще П. еще очень далек от тех крайних анархич. выводов, к-рые были сделаны его ближайшими учениками и последователями. Имеются сведения о занятиях П. грамматикой, риторикой и художеств. воспитанием (А 25—29; В 10—12).

Фрагменты в рус. пер.: Маковельский А., Софисты, вып. 1, Баку, 1940, фрагм. 5—21.

Лит.: Ягодинский И. И., Софист П., Каз., 1906; Чернышев Б., Софисты, М., 1929; Дынин М. А., Очерк истории философии классич. Греции, М., 1936, с. 163—172; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); Маргулес Б. Б., Обществ.-политич. взгляды П., Л., 1953 (авторф. дисс.); История философии, т. 1, М., 1957, с. 102—103; Morrison J. S., The place of Protagoras in Athenian public life, «The Classical Quarterly», 1941, v. 35, № 1, 2; Loren D., Protagoras and the Greek community, Amst., 1941. А. Лосев. Москва.

ПРОТАСЭ́НЯ, Петр Федорович [р. 12 (25) авг. 1910]—сов. философ, д-р филос. наук (с 1961), проф. (с 1962). Окончил Белорусский ун-т им. В. И. Ленина (1931). Член КПСС с 1940. Преподает философию (с 1931) в вузах Минска. Зав. кафедрой философии Белорусского политехнич. ин-та. Работает в области диалектич. материализма и филос. проблем естествознания.

Соч.: Литературна-научная спадгына Плеканава, «Маладняк», 1932, кн. 7; Энгельс и социалистич. моногамия, «ИАН БССР», 1941, № 1; Гісторыя філасофіі як навука, «Польмя», 1948, № 1; Барацьба Леніна з «фізічным ідэалізмам», там же, 1949, № 5; Семантычны ідэалізм на службе імперыялістычнай рэакцыі, «Польмя», 1954, № 4; О реакціоннай сутнасці семантыч. ідэалізма, Мінск, 1955; О так называемом «языке жестов», в сб.: Науч. труды по философии Белорус. ун-та, вып. 1, Минск, 1956; О словесном мышлении как специфич. особенности сознания, там же, вып. 2, ч. 1, 1958; Происхождение сознания и его особенности, Минск, 1959; О «Филос. тетрадах» В. И. Ленина, М., 1959 (совтор); Проблемы общности и мышления первобытных людей, Минск, 1961.

ПРОТЕСТАНТИ́ЗМ (от лат. protestans, род. п. protestantis — публично заявляющий) — общее обозначение вероисповеданий и сект, генетически связанных с *Реформацией* и образующих в совокупности третью важнейшую разновидность *христианства* —

наряду с православием и католицизмом. Термин «П.» возник в связи с т. н. «Протестацией 20 имперских чинов» от 19 апреля 1629, с к-рым ряд герм. князей и городов выступил против антилютеранского постановления на имперском сейме в Шнейере.

Типологические особенности П. Для П. характерно прежде всего повышено личностное понимание общения человека с богом. Человек для П. уже не звено в цепи сверхличной общности, каким он был для ср.-век. христианства. Индивидуализм бурж. эпохи ставит в порядок дня такую перестройку религ. представлений, при к-рой человек со всем своим личным своеобразием мог включаться в ситуацию религ. переживания. Это наглядно прослеживается уже на бытовом уровне: если католицизм и православие строго регламентируют систему постов, то П. предлагает каждому упражняться в воздержании, исходя из собств. вкусов, пристрастий и привычек. Соответствующие изменения претерпевает в П. и идея бога. Если для ср.-век. религ. философии (см. *Патристика* и *Схоластика*) характерно накладывание библейского мифа о личностном божестве («живой бог») на платоновско-аристотелианские представления о безличной «совершенной сущности», «первопричине всех вещей», «чистом бытии» и т. п., то протестантскую теологию бог интересует преим. как личностный партнер человека, к-рому можно с предельной интимностью «поручать» свою жизнь и доверять ее «оправдание». В противоположность ср.-век. онтологич. и космологич. доказательствам бытия бога П. постоянно оперировал с «моральными» доказательствами, к-рые приобрели окончат. филос. оформление у *Канта* (ср. R. Eucken, Thomas von Aquino und Kant: ein Kampf zweier Welten, В., 1901). С т. зр. П., бог существует потому, что он нужен человеку и что последний в него верит (по формуле *Лютера*, «во что веришь, то и имеешь»); это приводит к психологизации всей теологии П.

С этим связана и «христороцентричность» П., поскольку образ *Иисуса Христа* — с акцентом на его человек. чертах — становится в П. последней опорой идеи бога как таковой. Хотя и православие, и католицизм учат, что бог в себе самом не может быть постигнут мыслью и раскрывается для человека лишь в Христе, однако в своей догматич. части эти вероучения занимают спекуляцией как раз о боге в себе (католицизм до сих пор настаивает на том, что бог как чистое бытие рационально доказуем и до известной степени рационально познаваемо). Но для новоевроп. рационализма мыслить триединого творца и вседержителя Вселенной становится все труднее. Остается т. н. исторический Иисус — уже не арханг. чудотворец, но своего рода сверхморалист, совершенный учитель, личность к-рого представляется единств. гарантией против полного религ. агностицизма. Отсюда обостренный интерес протестантской теологии к конструированию рационалистич. биографий Иисуса.

Взаимоотношение бога и человека не терпит в П. не только абстрактно-онтологич., но и абстрактно-юридич. интерпретации (последнее характерно для католицизма). С т. зр. П. все, что человек получает от «своего» бога, есть свободный дар, а не оплата к.-л. заслуг (возвращение к «даром данной благодати» *Августина*, см. также *Предопределение*). Бог требует от человека в конечном счете лишь полного и безусловного доверия, делающего возможным интимно-личностные отношения; именно идею доверия передает в П. (особенно в лютеранстве) термин «вера», обозначающий не умств. убежденность в бытии бога, но охватывающую всю психику человека чувство «пробывания в руках божьих» (П. именует это столь желанное для человека индивидуалистич. эпохи состояние «оправданностью»). Поэтому П., основываясь на нек-рых тезисах раннего христианства (см. *Новый завет*), настаи-

вает на том, что человек может оправдаться и спастись «единственно» верой («sola fide»), без малейшего участия «дел» («заслуг»), т. е. независимо от следования тем или иным формализованным нормам поведения. И на вере в более обычном смысле, т. е. на убежденности в бытии бога П. делает более усиленный акцент сравнительно со ср.-век. христианством, видевшим в вере нечто само собой разумеющееся и требовавшим не веры, но послушания (по формуле «и бесы веруют и трепещут»).

Эти повышено-личностные черты П. определяют и его понимание религии, пределы к-рой оказываются одновременно и суженными, и расширенными. С одной стороны, религия как таковая оказывается сведенной к вере, с другой — вместо замкнутой сферы церковности она охватывает всю жизнь человека; повседневная практич. деятельность приобретает религ. смысл (о значении П. в становлении бурж. проф. этики и технич. практицизма — см. M. Weber, Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, Tüb. 1934; M. Scheler, Die Wissenschaft und die Gesellschaft, 2 Aufl., Bern — Münch., 1960, S. 101). Если для ср.-век. христианства религия — это либо культ, либо аскеза, требующие особого магич. посвящения (вступить в непосредств. контакт с богом может лишь наделенный преемств. апостольской благодатью священнослужитель, а до конца выполнить требования религ. морали способен лишь монах-подвижник — в ср.-век. латыни слово religiosus употребляется как синоним слова «монах»), то с т. зр. П. таким посвящением является уже крещение, к-рым, по словам *Лютера*, «все мы посвящаемся в священство» («An den christlichen Adel deutscher Nation», Hale/Saale, 1877, S. 7). Всякий христианин оказывается наследником всей полноты завещанной Христом «благодати», так что протестантский пастор отличается от мирянина не принципиально, но лишь по кругу своих проф. обязанностей. П. «... превратил попов в мирян, превратив мирян в попов» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 422). Согласно *Лютеру*, возродившему представления раннего христианства, «служить богу есть не что иное, как служить ближнему, будь то ребенок, жена, слуга... любому, кто телесно или душевно в тебе нуждается; и это есть богослужение» (Werke, Bd 10, Abt. 1, Hälfte 2, Weimar, 1910, S. 168). П. придает повышенное значение «домашней» религиозности: чтение Библии и пение псалмов в семейном кругу так же характерны для П., как всенародные церемонии для католич. переживания импозантной церковности.

Но, раскрепощая религ. жизнь индивида, П. в то же время в несравненно большей степени, чем др. разновидности христианства, отказывает этому индивиду в сущностной активности. При общении человека с богом действует только бог — через проповедуемое «слово божие» он внушает веру тем, кого сам же заранее предопределил к «спасению» (по словам *Лютера*, вера пробуждается «там и тогда, где и когда благоудно будет богу», цит. по кн. Hertzsch E., Die Wirklichkeit der Kirche, Halle, 1956, Tl 1, S. 15). Отсюда крайнее упрощение всего «человеческого» действия в церкви: культ богоматери и святых в П. упразднен как покоящийся на «языческих представлениях... об удовлетворении божества посредством жертвы» (там же, с. 31), от грандиозной системы «таинства», имевших для ср.-век. теологов космич. значение, оставлены лишь два — крещение и причащение, непосредственно связанные с новозаветной традицией, причем даже их наиболее радикальные направления П. интерпретируют как условный «знак». По-настоящему важно для П. «слышимое таинство» (sacramentum audibile), т. е. проповедь. Аналогичное упрощение претерпевает и вероучение: объектом веры

остаётся «писанье» (причем возрастает роль Ветхого завета), в то время как патристич. предание отпадает.

Разновидности П. Возникнув в борьбе с надгос. католич. централизмом, П. разбился на ряд течений сообразно с запросами различных социальных кругов и нац. особенностями стран, где он укоренился. Ранее всего выделились лютеранство, реформатское вероисповедание (цвинглианство и кальвинизм) и англиканство. В дальнейшем, особенно в 17—18 вв., это дробление продолжается под знаком разрыва с застывшей ортодоксией П. и возвращения к первонач. идеям Реформации, что нашло наиболее радикальное выражение в *конгрегационализме*, признающем за каждой отд. общиной право конституировать свою веру. Среди протестантских сект следует упомянуть *баптистов*, квакеров, методистов (см. *Методизм*), геригутеров (Германия, 18 в.), *адвентистов* и вышедших из адвентизма *игеовистов*.

Наибольшее культурно-историч. значение имеют расхождения между лютеранством и кальвинизмом. Кальвинизм с гораздо большей последовательностью выразил бурж. характер П., чем лютеранство, законсервировавшее ряд компонентов ср.-век. религиозности. Лютеранство понимает духовный путь человека как ряд иррациональных катастроф, не поддающихся рассудочному калькулированию (см. *Обращение*). Поэтому оно решительно отвергает мораль перфекционизма: высшее состояние, к-рое доступно человеку, есть состояние непостижимо «оправданного» богом грешника. Путь от греха к оправданности протекает не во времени, но человек есть, как неоднократно повторяет Лютер, «одновременно и оправданный, и грешник». Подобное отношение к внутр. жизни человека, сочетающее чуткость к психич. диалектике с известным этич. анархизмом, создало благоприятную почву для таких течений, как нем. *романтизм*; даже имморализм Ницше по-своему продолжает лютеровскую традицию. Кальвинизм разработал строгую доктрину самосовершенствования человека, последовательно проходящего один за другим этапы «совершенства» (ср. соч. пуританина Дж. Беньяна «Путь паломника» — «The pilgrim's progress», pt 1—2, 1678—84). Так был выработан тип буржуазно-расчетливого, хладнокровно-непреклонного поведения, блестяще проявившийся в социальных битвах 17 в., но мало пригодный для художеств. или филос. творчества. Поэтому наиболее содержат. развитие теология П. получила именно на почве лютеранства, сыграв виднейшую роль в подготовке нем. классич. идеализма 18—19 вв.

Этапы религиозной философии П. После бурной диалектики отчаяния и надежды, неверия и веры, свободы и несвободы, развитой в соч. Лютера, протестантская теология прошла период поверхностной рационалистич. систематизации, формализуясь по образу и подобию католич. схоластики (Меланхтон, Хуттер, Герхард, Калов и др.). Лютеровский пафос «веры» подменяется пафосом «чистого учения», протестантская церковь стала «...церковью теологов и пасторов...» (цит. по кн.: Гарнак А., Общая история европ. культуры, т. 6, СПб, [1911], с. 463). Опозиция против этой сухой и нетерпимой «ортодоксии» выливается с конца 16 в. в мистич. учения: Вейгель, Штифель, Бёме и Арпдт продолжают традиции предреформацион. нем. *мистики*. Позднее легальной формой оппозиции становится *пиелизм*, возрождающий стиль крайне индивидуалистич. самоуглубления и полемизирующий не только с «отвлеченным» рационализмом догматич. ортодоксии, но и с *деизмом* просветителей. В 1-й пол. 18 в. в оборот школьной теологии П. попадают идеи вольфианства (через посредство *Вильфрингера* и др.); этим создаются первые предпосылки просветительской

либерализации П., реализовавшиеся в 19 в. Во 2-й пол. 18 в. наиболее четким филос. выражением первооснов П. стало кантианство, до конца переносящее религ. проблематику в «моральный мир» человек. духа. Кантовское противопоставление мира явленного и умопостижаемого мира свободы исчерпало идею Лютера о человеке как «беспредельно свободном» в духовном измерении и «беспредельно связанном» в измерении эмпирическом («О христ. свободе»). К концу 19 в. Кант воспринимается теологией П. как своего рода протестантский антипод Фомы Аквинского (см. Ф. Паульсен, Философия П. (Кант и протестанство), пер. с нем., СПб, 1907].

Романтизм выдвинул одного из крупнейших теологов П.— *Шлейермахера*, доведшего религ. самоуглубление почти до эстетства. Характерная для 19 в. тенденция к соединению конфессиональной религ. традиции с духом историч. релятивизма и позитивистской научности (см. *Модернизм*) оформилась наиболее отчетливо именно в сфере П. Ричль, один из столпов либерального П. (доминирующего течения в П. во 2-й пол. 19 в.), давал, напр., такое толкование тезису о богочеловеч. природе Христа: поскольку учение Христа представляется наиболее возвышенным среди всех доступных нашему рассмотрению доктрин, «мы оцениваем Христа как бога». Это создавало благоприятные предпосылки для науч. исследования истории религии (*тюбингенская школа*, ср. 19 в., школа А. Гарнака, ставшая ведущей с 1880-х гг.). Однако союз религии с позитивистским агностицизмом, ликвидировавшим понятие чуда (см. G. Marquardt, Das Wunderproblem in der deutschen protestantischen Theologie der Gegenwart, Münch., 1933), а понятия богочеловечества и откровения превращавшим в оценочные метафоры, не мог быть прочным. В 1910—12 в Америке складывается *фундаментализм*, требующий безусловного принятия на веру всего содержания Библии при полном игнорировании данных естеств. наук. В Европе после 1-й мировой войны все популярнее становится наследие *Кьеркегора*, под влиянием к-рого складывается т. н. «диалектич. теология» (К. Варт, Бруннер, Тиллих, Р. Нибури и др.), становящаяся господств. течением в П. 20 в. Все же либеральный П. не исчезает бесследно, и его методы прослеживаются даже у его оппонентов из лагеря диалектич. теологии [напр., у Р. Бульмана, инициатора известной дискуссии о «деифологизации» (см. K. Jaspers, R. Bultmann, Die Frage der Entmythologisierung, Münch., 1954; P. Barthel, Interpretation du langage mythique et théologie biblique..., Leiden, 1963)].

Не составляя компактного единства даже в вопросах вероучения, П. обнаружил различное отношение к политич. проблематике 20 в. Либеральный П., как и резко полемизировавшая с ним по филос.-мировоззренч. вопросам «диалектическая теология», придерживались политич. либерализма. В то же время националистич. традиции П., противостоящие католич. космополитизму, выявились в т. н. движении «немецких христиан», к-рое принесло в жертву фашистской идеологии коренные принципы христианства, призвав, напр., отбросить «равнинческие» понятия греха и виновности (см. K. Meier, Die deutschen Christen, Halle, 1964). Созданная в ответ на это организация протестантского сопротивления «Исповедническая церковь» (Bekennende Kirche) выступила против тоталитаризма и «фюрерства», уничтожающих «священное одиночество человека перед богом» (Л. Бонхеффер), и в памятной записке от 1936 осудила гитлеровский террор. Т. о., религ. индивидуализм П. допускает диаметрально противоположные политич. программы. В этом отношении протестантский теолог в большей степени свободен, чем католич. или православный богослов. С одной стороны, П. открыт для таких реакц.

идей, как расизм или одобрение атомной войны (для католицизма и то, и другое составляет, по крайней мере формально, предмет обязат. осуждения), с другой — ряд протестантских деятелей связывает заповеди П. с прогрессивными целями. Если всякая религ. идеология в приложении к жизни допускает различные толкования, то к П. это относится больше, чем к к.-л. др. разновидности христианства.

Лит.: Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классич. нем. философии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Лебедев А., Очерки развития протестантской церк.-историч. науки в Германии. (XVI-XIX вв.), М., 1881; Спекторский Е., Происхождение протестантского рационализма, Варшава, 1914; Капелюш Ф. Д., Религия раннего капитализма, М., 1931; Нагасак А., Zur gegenwärtigen Lage des Protestantismus, Lpz., 1896; Ritschl O., Dogmengeschichte des Protestantismus, Bd 1-4, Lpz.—Götl., 1908-27; Troeltsch E., Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen, Tübingen, 1912 (Gesammelte Schriften, Bd 1); Brunner E., Religionsphilosophie evangelischer Theologie, Münch., 1927; Вокенау Ф., Der Übergang vom feudalen zum bürgerlichen Weltbild, P., 1934; Stephan H., Geschichte der evangelischen Theologie seit dem deutschen Idealismus, B., 1938; Luther—Kant—Schleiermacher in ihrer Bedeutung für den Protestantismus, B., 1939; Müller L., Russischer Geist und evangelisches Christentum. Die Kritik des Protestantismus in der russischen religiösen Philosophie und Dichtung im 19. und 20. Jahrh., Wittenberg, 1951; Fagerberg H., Bekenntnis, Kirche und Amt in der deutschen konfessionellen Theologie des XIX. Jahrh., Uppsala, 1952; Времь И. В., Der Weg des protestantischen Menschen. Von Luther bis Albert Schweitzer, Z., 1953; Тиллич П., Protestantismus als Kritik und Gestaltung, Lpz., 1959; Protestantism, ed. by J. L. Dunstan, N. Y., 1962; Леонард Е. Г., Histoire générale du protestantisme, t. 1, P., 1961. С. Аверинцев. Москва.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ — каждый из двух моментов конкретного, т. е. диалектич. противоречивого *тождества*. См. *Противоречие* диалектического.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ — объективно обусловленный в антагонистич. формациях отрыв деревни от города в социально-экономическом и культурно-бытовом отношениях. «Город... представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 50). П. м. г. и д. органически связана с противоположностью классов, но не сводится к ней (в антагонистич. обществе в городе и деревне имеются и классы эксплуататоров, и классы трудящихся).

П. м. г. и д. возникает в рабовладельч. обществе, после появления частной собственности и раскола общества на классы в связи с развитием производит. сил и обществ. разделения труда. Города возникают и растут как центры пром-сти, торговли, управления, культуры, что было объективно неизбежным и прогрессивным явлением. Города стали центрами цивилизации, они дали первые образцы демократии, нар. движений, науки. Города Египта, Индии, Китая, Греции, Италии остались в истории как вехи человек. прогресса.

П. м. г. и д. выступает прежде всего как противоположность между господствующими, имущими классами города и неимущими трудящимися деревни. Вместе с тем трудящиеся города также отличаются от трудящихся деревни по характеру труда, образу жизни, быту, культуре, хотя они не эксплуатируют тружеников деревни. Сложившаяся в антагонистич. обществе социально-экономич. П. м. г. и д. в целом включает: 1) противоположность в уровне развития производит. сил, прежде всего между с.-х. и пром. трудом; 2) противоположность между умств. и физич. трудом (см. там же, с. 49). Город отличается от деревни по уровню образования, науки, культуры, медицинского обслуживания населения, быту, образу жизни.

Отношения П. м. г. и д. в ходе истории претерпевают изменения и развитие. В рабовладельч. странах

подавляющее большинство населения сосредоточено в деревне, к-рой противостоит город — центр сосредоточения класса рабовладельцев. С переходом к феодализму города растут в экономич. и бытовом отношении, по численности населения. В условиях средневековья «...город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обменом и своим ростовщичеством» (Маркс К., там же, т. 25, ч. 2, с. 365). То, что класс феодалов в значит. части сосредоточивается в вотчинах и поместьях (хотя связующим их центром остается город), не ослабляет социально-экономич. и культурно-бытовой П. м. г. и д.

Капитализм, перенимая сложившуюся П. м. г. и д., расширяет и обостряет ее (см. В. И. Ленин, Соч., т. 22, с. 81—82). Это проявляется не только внутри капиталистич. стран, но и на междунар. арене как противоположность между промышленно и культурно развитыми метрополиями и колониальными и полуколониальными странами. В результате бурного развития капитализма растет роль города как центра цивилизации и прогресса, процесс урбанизации приводит к огромному увеличению гор. населения и значит. уменьшению сел. населения. В городе развивается *рабочий класс*. По мере развития капитализма во взаимоотношениях между городом и деревней происходят существенные изменения.

В капиталистич. аграрно-индустриальных странах, особенно где в деревне сохраняются остатки феодализма, совр. П. м. г. и д. еще более обостряется. С.-х. трудом занята значит. часть населения. Так, в Испании в с. х.-ве занято 41,5% самодеят. населения, в Португалии — 43% (1960). В индустриально-аграрных и индустриальных странах (Италия, Франция, ФРГ и др.), где сохраняются латифундии, юнкерские х-ва и с. х.-во развивается не по фермерскому, а по деревенскому типу, положение мелких и средних крестьян неустойчиво. Труд таких крестьян отличается от пром. труда, но по ряду черт произ-ва, культуры и быта часть крест. х-в прогрессирует. В ФРГ в с. х.-ве занято 14% самодеят. населения (1961), во Франции — 21% (1962), в Италии — 26,5% (1962). В США с. х.-во сложилось на свободной от феодализма почве. Фермерский тип с. х.-ва утвердился также в Швеции и нек-рых др. странах. В таких странах нет деревни как населенного пункта, состоящего из совокупности дворов мелких, средних и крупных крестьян. С. х.-во представлено капиталистич. крупными фермерами, эксплуатирующими с.-х. рабочих, средними и мелкими фермерами. В США, напр., сильно сократились масштабы П. м. г. и д., поскольку в с.-х. произ-ве господствует крупный капитал, а самодеят. население, занятое в с. х.-ве, уменьшилось до 6,5% (1960). Но вместе с тем с.-х. рабочие, особенно негры, находятся в тяжелых условиях по сравнению с рабочими города. Мелкие и средние фермеры, живущие гл. обр. за счет собств. труда, хотя и мало отличаются по бытовым и культурным условиям от мелких гор. бизнесменов, но в социально-экономич. отношении по-прежнему эксплуатируются городом различными путями и приемами (см. М. Харрингтон, Другая Америка, М., 1963, с. 56—57).

На междунар. арене в совр. эпоху в результате распада колониальной системы происходит коренное изменение и последоват. устранение противоположности между мировым империалистич. городом и ранее колониальной и полуколониальной мировой деревней. Подавляющее большинство молодых суверенных гос-в еще не вырвалось из мирового капиталистич. х-ва, хотя и занимает там особое место. «Это — все еще эксплуатируемая капиталистическими монополиями часть мира. Пока эти страны не покончат с экономической зависимостью от империализма, они будут

играть роль „мировой деревни“, останутся объектом полуколониальной эксплуатации (Программа КПСС, 1961, с. 45). В то же время внутри развивающихся стран до перехода их на путь демократич. и социалистич. преобразований сохраняется и выступает на первый план противоположность между более развитым, но малочисленным городом и отсталой деревней с ее многочисл. населением (в странах Азии и Африки в деревне живет 80—90% населения). В таких странах (большая часть в городе) преобладают капиталистич. элементы, а в деревне — феод., полуфеод. и даже родовые.

Социализм открывает путь ликвидации П. м. г. и д. Материальные и идеологич. предпосылки для устранения этой противоположности, к-рые подготавливаются в недрах капитализма, реализуются при социализме. Социалистич. рабочий класс и в целом город организуют социально-экономич. и культурно-бытовой подъем деревни. Социалистич. кооперирование крестьянства создает возможность для его экономич. и культурного развития. Экономич. основой ликвидации П. м. г. и д. является создание материально-технич. базы социализма в городе и деревне, духовной предпосылкой — осуществление *культурной революции*. Темпы и масштабы ликвидации при социализме П. м. г. и д. зависят прежде всего от уровня развития страны.

В странах социализма значительно возросла численность гор. населения и соответственно сократилось сел. население. В ГДР в городах жило 73,4% населения (1965), на Кубе — 57% (1962). В Болгарии гор. население составляло в 1920 19,9%, в 1965 — 46,2%; в Венгрии в 1920 — 35,3%, в 1965 — 43,1%; в Польше в 1931 — 27,4%, в 1965 — 49,7%. В с. х-ве было занято: в ГДР — 17% самостоятельного населения (1963), в Чехословакии — 23% (1962), в Венгрии — 38,5% (1960), в Польше — 47,5% (1960), в Югославии — 57% (1961).

В СССР в результате построения социализма ликвидирована П. м. г. и д. По социально-экономич. и культурно-бытовому уровню деревня приблизилась к городу. Изменилось соотношение гор. и сел. населения. Так, в сел. и лесном х-ве в СССР работало в 1913 75%, в 1940 — 54%, в 1950 — 48%, в 1960 — 39%, в 1964 — 33% населения. Однако в СССР еще сохранились социально-экономич. и культурно-бытовые различия между городом и деревней, не носящие уже антагонистич. характера. Слишком велика была в царской России пропасть между городом и деревней. Успехи СССР в приближении деревни к городу были бы намного значительнее, если бы не наличие сложной междунар. обстановки, что требовало особого внимания к тяжелой и оборонной пром-сти. Ущерб нанес также ряд серьезных ошибок в руководстве с. х-вом (нарушение экономич. законов развития социалистич. произ-ва, принципов материальной заинтересованности). Имелись также ошибки в планировании, финансировании и кредитовании с. х-ва, в политике цен. Мало выделялось капиталовложений на производств. и культурно-бытовое строительство, слабо укреплялась материально-технич. база с. х-ва. Меры по устранению этих недостатков, намеченные Мартовским (1965) пленумом ЦК КПСС и XXIII съездом КПСС (1966), открывают широкие перспективы для развития с. х-ва, для дальнейшего подъема деревни до уровня города.

В период построения коммунизма будут преодолевать существующие различия между городом и деревней. «При коммунизме... по уровню развития производительных сил и характеру труда, формам производственных отношений, бытовым условиям, степени благосостояния населения деревня поднимется до уровня города» (там же, с. 63).

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 3, гл. 47; Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 25, ч. 2; Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, там же, т. 3; и х же, Манифест Коммунистич. партии, там же, т. 4; Ленин В. И., Развитие капитализма в России, Соч., 4 изд., т. 3; е го же, Рецензия. Karl Kautsky. Die Agrarfrage, там же, т. 4; е го же, Аграрный вопрос и «критики Маркса», там же, т. 5; е го же, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, там же, т. 22; е го же, Проект Программы РКП(б) (февраль — март 1919), там же, т. 29; е го же, Великий почин, там же, т. 31; е го же, Странички из дневника, там же, т. 33; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Хлебников И. П., Существ. различия между городом и деревней и пути их преодоления, М., 1960; Курьлев А. К., О ликвидации социально-экономич. и культурно-бытовых различий между городом и деревней, М., 1961; Семсенов В. С., Проблема сближения города и деревни, в кн.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964. В. Семенов. Москва.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ УМСТВЕННЫМ И ФИЗИЧЕСКИМ ТРУДОМ

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ УМСТВЕННЫМ И ФИЗИЧЕСКИМ ТРУДОМ — противоположность интересов людей, занятых физич. трудом и умств. трудом, возникающая на той ступени развития общества, разделения труда, когда утвердилось господство частной собственности и появились антагонистич. классы. На ранних стадиях развития общества, когда труд людей давал лишь небольшую излишек над необходимыми средствами для жизни, необходимым и прогрессивным было такое обществ. разделение труда, при к-ром большинство населения занято физич. трудом, а небольшая часть общества руководит работами, занимается гос. делами, наукой и иск-вом. Это не означает, что существовала абс. монополия господствующих классов на умств. труд. Так, при рабовладельч. строе эксплуататорские классы, считавшие всякий труд недостойным делом для свободного человека, передоверяли рабам многие функции умств. труда: из среды рабов готовились ученые, врачи, учителя, артисты и др. В феод. обществе антагонистич. противоречия между умств. и физич. трудом углубились в связи с усилением противоположности между городом и деревней. Умств. труд стал монополией феодалов и духовенства. В условиях капитализма отделение интеллектуальных сил процесса произ-ва от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение. По мере развития производит. сил гл. обр. из среды господствующих классов выделялась *интеллигенция*, профессионально занимающаяся умств. трудом. Развитие производит. сил общества (механизация, а затем автоматизация производств. процессов) вызывает необходимость в грамотных и культурных рабочих. Борьба рабочего класса за свои права приводит к сокращению рабочего дня и к созданию нек-рых условий для получения образования. Поэтому и повышается общеобразоват. и культурно-технич. уровень рабочего класса. Совр. уровень развития производительных сил (комплексная механизация и автоматизация произ-ва) объективно вызывает необходимость в сочетании физич. труда с умственным и создает условия для ликвидации П. м. у. и ф. т. Однако капиталистич. производств. отношения мешают устранению этой противоположности.

Идеологи господствующих классов пытались теоретически обосновать неизбежность существующего разделения труда и классовой структуры общества. Так, для античности характерны взгляды *Аристотеля* (см. «Политика», СПб, 1911, с. 12, 14). В феод. обществе физич. труд рассматривался как труд «черный» и «неблагородный», к-рый вечно должен выполняться специально предназначенными для этого людьми — крепостными. Как утверждал Фома Аквинский, разделение на сословия установлено навечно богом. Неизбежным отделением умств. труда от физического считали и крупнейшие представители бурж. политич. экономики (см. А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, М., 1962, с. 556—57). Даже

некие социалисты-утописты считали вечным отделением умств. труда от физического. Они не могли решить вопроса о том, кто будет заниматься в будущем обществе «грязным» и др. неприятным трудом. По их представлениям, выполнение таких работ следует поручать рабам или преступникам (Т. Мор, Д. Верас). Фурье предполагал, что «неприятные работы» надо возложить на детей, которые, по его мнению, склонны к ним.

Совр. бурж. социологи распространяют ложную теорию «равных возможностей» при капитализме, согласно к-рой будто бы каждый талантливый человек, независимо от его социального происхождения и положения, может занять наивысшее положение в обществе. С др. стороны, все различия в обществ. разделении труда, в т. ч. и между умств. и физич. трудом, они объясняют биологич. особенностями людей, игнорируя антагонистич. классовые противоречия капиталистич. общества.

Классики марксизма-ленинизма показали, что противоположность и противоречия между умств. и физич. трудом носят исторически преходящий характер. В условиях социализма происшедшие изменения в характере труда, в культурно-технич. уровне рабочего класса и крестьянства привели к ликвидации антагонистич. П. м. у. и ф. т. и создают новые отношения рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Вместе с тем на первой фазе коммунизма сохраняются определ. неантагонистич. социально-экономич. различия и противоречия между умств. и физич. трудом. Они заключаются в том, что, во-первых, характер труда работников, занятых умств. деятельностью, как правило, значительно отличается от характера труда людей, занятых физич. трудом, хотя и существуют профессии и специальности, в к-рых умств. и физич. труд переплетаются друг с другом. Во-вторых, культурно-технич. уровень (общее и спец. образование) работников умств. труда в массе своей более высок, чем людей, занятых физич. трудом. В-третьих, работники умств. труда, занимающие руководящие должности на произ-ве, в управлении, в научно-исследовательских учреждениях и орг-циях, получают из нац. дохода за свой, качественно более сложный труд соответственно более высокую долю, чем работники физич. труда. Ввиду этого и культурно-бытовой уровень жизни этой части работников умств. труда отличается от уровня жизни работников физич. труда. В-четвертых, при одинаковом доступе к образованию, ко всем благам культуры и науки всего народа фактически интеллигенция их использует в относительно большей мере. Так, по данным Мин-ва высшего и среднего спец. образования, в 1963/64 с отрывом от произ-ва училось в целом по СССР рабочих и детей рабочих 39,4%, колхозников и их детей — 19,6%, служащих и их детей — 41%. Социальный состав студентов-вечерников: рабочих и детей рабочих — 50,6%, колхозников и их детей — 2,3%, служащих — 47,1%. Заочно обучаются гл. обр. служащие и их дети, они составляют по СССР 67,3%, в то время как рабочие и их дети — 25,7%, а колхозники и дети колхозников — 7,0%. Развитие системы обучения, направленное на укрепление связи высшей школы с произ-вом, а особенно повышение заработной платы низко- и среднеоплачиваемых групп трудящихся сыграет важную роль в выравнивании условий для обучения всей молодежи. При анализе этих социальных различий следует иметь в виду, что в условиях социализма возможность перехода тех или иных трудящихся из одной социальной группы в другую несравненно больше, чем в условиях капитализма. Повышение квалификации и общего культурно-технич. уровня широких масс трудящихся означает массовое передвижение работников в группы наиболее квалифицированных трудя-

щихся с более высокими и разносторонними духовными интересами. В-пятых, некие неантагонистич. противоречия между работниками умств. и физич. труда связаны с взаимоотношениями между руководящими и руководимыми работниками в процессе произ-ва. Совр. произ-во требует сочетания высокой активности масс с единоначалием. Работники умств. труда, осуществляя это единоначалие на произ-ве, являются полномочными представителями социалистич. гос-ва. Преодолевается данное противоречие путем широкого вовлечения трудящихся масс в управление произ-вом, развития всех многообразных форм участия в нем коллектива трудящихся путем расширения прав проф. орг-ций, повышения роли производств. совещаний, рабочих собраний и т. п. Маркс и Ленин, придавая исключит. значение проблеме ликвидации П. м. у. и ф. т., указывали на необходимые условия ее разрешения. Маркс в «Критике Готской программы» предсказывал, что П. м. у. и ф. т. исчезнет лишь на высшей фазе развития коммунистич. общества. Такой же т. зр. придерживался Ленин. Он, в частности, писал, что интеллигенция остается особой социальной прослойкой «...впредь до достижения самой высокой ступени коммунистического общества...» (Соч., т. 33, с. 169).

Между тем в сов. экономич. и филос. лит-ре была распространена упрощенческая т. зр. Сталина по этому вопросу. Так, в брошюре «Экономич. проблемы социализма в СССР» Сталин отождествлял эксплуататоров, т. е. собственников средств произ-ва, с «представителями умств. труда» вообще и говорил об эксплуатации людей физич. труда представителями умств. труда. Это утверждение игнорировало тот факт, что граница между классом эксплуатируемых и классом эксплуататоров в совр. условиях не совпадает с делением на людей физич. и умств. труда. При капитализме эксплуатации подвергается и значит. часть работников умств. труда, низший, а иногда средний персонал инженерно-технич. и науч. работников и служащих. Противоречия между физич. и умств. трудом в условиях социализма Сталин свел к «существованию различия» между ними, а самые различия — к различиям в культурно-технич. уровне рабочих и инженерно-технич. работников, к-рые будут преодолены «путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала».

Преодоление социальных различий и противоречий между умств. и физич. трудом — сложная социально-экономич. проблема. Ее разрешение происходит на протяжении периода строительства коммунизма и связано с осуществлением комплекса социально-экономич. процессов. Во-первых, с изменением характера обществ. разделения труда, постепенным вытеснением, а затем и ликвидацией малоквалифицированного физич. труда, а также с преодолением однобокой специализации работников как физического, так и умств. труда; во-вторых, с соответств. повышением культурно-технич. уровня рабочих и крестьян; в-третьих, с повышением культурного уровня и уровня физич. развития всех работников как физического, так и умств. труда; в-четвертых, с постепенным достижением (на основе коренного изменения в характере и уровне развития производит. сил) слияния функций умственного и физич. труда в высшем синтезе — в коммунистическом труде; в-пятых, с уменьшением социальных различий в условиях труда и быта, а затем и с полным их устранением на основе роста производительности труда и подъема благосостояния.

На определ. этапе высшей фазы коммунизма будут ликвидированы социально-экономич. различия между умственным и физич. трудом, а уровень общих и спец. знаний, к-рые получают трудящиеся, будет столь высоким, что отпадет нужда в сохранении групп людей,

исключит. специальностью к-рых было бы руководство производственными и др. обществ. функциями. Функции управления обществом и производством останутся и при развитом коммунизме. Но они будут выполняться всеми людьми поочередно. Ленин предсказывал, что в будущем обществе «... в с е будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял» (там же, т. 25, с. 458, см. также т. 29, с. 297). В Программе КПСС отмечается, что следует «...вести дело к тому, чтобы государственный платный аппарат сокращался, чтобы навыками управления овладевали все более широкие массы и работа в этом аппарате в перспективе перестала быть особой профессией» (1961, с. 105).

Решение историч. проблемы устранения различий и противоречий между умств. и физич. трудом возможно лишь на основе построения материально-технич. базы коммунизма.

Лит.: Маркс К., Критика Готской программы, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; его же, Капитал, там же, т. 23; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20; Ленин В. И., Государство и революция, Соч., 4 изд., т. 25; его же, Речь на I Всероссийском съезде коммунистов — учащихся 17 апреля 1919, там же, т. 29; его же, Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 44; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Луначарский А. В., Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем, [М.], 1924; Бебель А., Будущее общество, М., 1959; Контр-инстинкт Ф., Сов. интеллигенция, «Коммунист», 1959, № 15; Маневич Е. Л., О ликвидации различий между умств. и физич. трудом в период развернутого строительства коммунизма, «ВФ», 1961, № 9; его же, Труд умственный и труд физич. в период развернутого строительства коммунизма, М., 1961; Струмилин С. Г., Проблемы социализма и коммунизма в СССР, М., 1961; Иовчук М. Т., Коган Л. Н., Руткевич М. Н., Подъем культурно-технич. уровня рабочего класса и его роль в соединении физич. и умств. труда в СССР, в кн.: От социализма к коммунизму, М., 1962; Маслип А. Н., Осипов Г. В., Соединение умств. и физич. труда — одна из важнейших задач строительства коммунизма, там же; Юдин П. Ф., От социализма к коммунизму, М., 1962; Курьев А., Преодоление существ. различий между умств. и физич. трудом — проблема строительства коммунизма, М., 1963; Социология в СССР, т. 1—2, М., 1965. Е. Маневич. Москва.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (лат. *contrapositio*) — в *силлогистике* преобразование формы суждения путем последоват. применения операций *превращения* и *обращения*.

ПРОТИВОРЕЧИЕ (греч. *ἀντίφασις*, лат. *contradictio*, нем. *Widerspruch*) диалектическое.

В сов. филос. лит-ре существуют различные точки зрения на проблему П. Редакция публикует две статьи, отражающие две осн. точки зрения.

1. Общими чертами диалектич. П. следует считать единство (взаимобусловленность, взаимопроникновенность) и борьбу (взаимоисключающее, взаимоотрицающее взаимодействие) сторон П., а во мн. случаях также и наличие у него функции осн. движущей силы развития, изменения объекта, к-рому это П. присуще. Типология диалектич. П. не может быть построена по какому-то одному основанию. Кроме деления П. на более или менее широкие, на антагонистические и неантагонистические, можно специально выделять П., к-рые являются осн. источником развития объекта (это П. в его сущности), П., связанные с переходом объекта из данного состояния в ему противоположное, а также такие, когда объект существует через свою противоположность, и П. типа «асимптотического» несоответствия (напр., между организмом и средой, между относит. и абс. истиной, между формальной и диалектич. логикой). Следует строго различать П. самого объекта, а также их содержат. отражение в сознании и особенно в науч. теориях и, с др. стороны — диалектич. П. различный степени широты, свойственные процессу познания и отражающие специфику последнего. Следует также специально выделять П. между результатами познания и тенденциями развития познаваемых объектов. П. двух последних видов

получают нередко выражение в виде формальнологич. П., т. е. в одноврем. принятии утверждения (*p*) и его же отрицания (*¬p*) в системе нек-рого теоретич. языка. Содержат. отражения объективных П. в познании должны быть свободны от формальнологич. П.; диалектические же П. процесса познания и П. между итогами познания и познаваемыми объектами, выступающая в виде *парадоксов* и антиномий, играют обычно эвристич. роль, содействуя раскрытию глубинных П. объекту и преодолению т. о. формальнологич. П.

Осознанное Платоном (см. R. P., 436; Soph., 259 v; Phaed., 130 v) положение о необходимой совместности в познании диалектич. П. и формальнологич. закона исключенного П. было утрачено Гегелем, но на качественной новой основе восстановлено Марксом, к-рый выступил против (1) идеалистич. примирения П. в понятиях, (2) их эклектич. соединения по формуле «да и нет в одном и том же смысле», свойственного особенно младогегельянцам и Прудону, (3) выделения одной из сторон П. как «хорошей», в отличие от отбрасываемой другой как «плохой». Критика этих положений Марксом связана с уточнением характеристики диалектич. синтеза и его отношения к тезису и антитезису, образующим диалектич. П. В гегелевской триаде, в силу принципа идеалистич. тождества бытия и мышления, оказались ошибочно слиты в структуре п о н я т и й качественно различные в действительности структуры: (а) тезис и антитезис суть с т а д и и развития объекта, переходящего в противоположное состояние, а синтез — третья его стадия; (б) тезис и антитезис — одновременно существующие взаимосвязанные с т о р о н ы П., к-рое есть движущая сила развития данного объекта, а синтез — новое состояние, в к-ром данное П. находит свое относительное объективное разрешение; (в) тезис и антитезис суть с у ж д е н и я, в своей совокупности составляющие познават. задачу, к-рая находит разрешение в качественно новом суждении, дающем основу для построения теории состояния и развития исследуемого объекта. Если учесть это различие, то не существует общего шаблона достижения диалектич. синтеза; во всех случаях этот синтез не есть ни тезис, ни антитезис сам по себе, ни конъюнкция их по формуле «есть и не есть в одном и том же смысле и отношении», принятие к-рой означало бы подмену диалектич. соотношения формальнологическим в метафизич. применении последнего. Диалектич. синтез есть итог перехода к качественно новому состоянию, отрицающему (хотя и по-разному) обе стороны исходного П. В случаях (а) и (б) проблема «является или не является синтез формальнологич. конъюнкцией тезиса и антитезиса, взятых в одном и том же смысле и отношении», лишена смысла вообще, т. к. вне головы человека не существует теорий и суждений как таковых. Спец. критику понимания диалектич. разрешения П. через конъюнкцию его сторон можно найти в «Нищете философии» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 132).

Но формальнологич. конъюнкция может быть использована в случае интерпретации науч. проблем как «столкновения» двух прямо противоположных друг другу возможных их решений. В этом случае конъюнкция тезиса и антитезиса оказывается формулировкой проблемы. Маркс в «Капитале» несколько раз прибегает к этому способу, в частности в проблеме происхождения прибавочной стоимости (капитал возникает и не возникает в сфере обращения — см. там же, т. 23, с. 206). В «Математических манускриптах» Маркс выступил против трактовки подобных проблем как уже готовых решений («синтезов») вопроса, а именно против одноврем. трактовки бесконечно малых величин и как обычных отличных от нуля величин, и как величин «исчезающих» (обращающихся в нули)

по ср. с конечными или бесконечно малыми величинами более низких порядков, т. е., проще говоря, как нулей и не-нулей одновременно. Ленин указывал, что толкование апории «летающая стрела», не принимающее во внимание различие между «результатами» (т. е. гносеологич. фиксациями) движения и самим реальным движением (а именно это толкование ведет к ситуации «есть и не есть»), приводит к тому, что «...(диалектическое) противоречие... не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, занавешено» (Соч., т. 38, с. 255).

Истолкование формулы «да и нет в одном и том же смысле и отношении» как абсолютно адекватного выражения объективного П. и как разрешения познания П. приводит к своего рода «параличу» познания процесса. Понимание же ее как формулировки проблемных ситуаций познания позволяет все более углубленно познавать объективные диалектич. П. Именно так происходит познание через противоположное: для раскрытия объективных диалектич. П. следует преодолевать П. в теоретич. исследовании, выступающие в силу отражения диалектич. процессов через формальнологич. «фиксации», в виде формальнологич. П. Эти последние разрешаются так, что перед исследователем возникают далее новые проблемы, к-рые опять формулируются в виде антиномий типа «есть и не есть». Этот тройственный ритм, угаданный Гегелем в его триадах, но неверно им истолкованный, продолжается без конца, ибо процесс движения от относит. истин к абсолютной через П. бесконечен.

И. Нарский. Москва.

2. Диалектическое П. — такое сущностное отношение противоположных моментов внутри системы, в к-ром осуществляется конкретное тождество этих моментов и к-рое делает систему самодвижущимся органическим целым; взаимопределение этих моментов друг через друга и одновременно через строгое их взаимоотрицание. П. постольку осуществляется, поскольку равным образом содержательно разрешается. Именно непрерывное разрешение и столь же непрерывное воспроизведение П. делает движение самодвижением. П. есть «источник всей диалектики» (см. К. Marx, *Das Kapital*, Bd 1, В., 1960, S. 626), важнейшее определение ее «ядра», ее «сути»; «в собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в с а м о й с у щ н о с т и п р е д м е т о в...» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 249, см. также с. 215, 357), т. е. уразумение конкретной тождественности противоположностей (см. там же, с. 97—98 и др.).

С вульгарной т. зр. П. выступает как сбивчивость или изворотливость мысли и т. п. Филос. категория П. предельно далека от такого представления, от того, чтобы путаницу из-за аморфности, логич. недисциплинированности мышления оправдывать тем, будто в самой действительности все перепутано. Напротив, только творч. процесс исследования может открыть объективное П. и указать путь его разрешения. За П. как филос. категорию нельзя выдавать поверхностные симптомы, свойственные лишь исторически переходящим превращенным формам, хотя именно эти симптомы «заявляют о себе» весьма внушительно и подмечаются до и вне их науч. исследования. Последнее призвано объяснить их, исходя из строгого понимания всеобщей природы П. При некритич. восприятии превращ. формы П. толкуются как столкновение между не образующими никакого единого целого силами, между изначально различными сущностями (дуализм). На деле всякие полярные, наделенные самостоятельностью противоположности вовсе не изначально внешни друг для друга, но всецело производны от внутр. моментов единого целого, с т. зр. к-рого они только и могут быть систематически объяснены. Диалектич. П. есть прежде всего П. не м е ж д у разными сущностями, а

внутри одной сущности, имманентное ей. Нет действит. противоположностей без их внутр. единства, без их конкретного тождества. Отрывать их друг от друга и догматически противопоставлять можно лишь в субъективистском идеологич. конструировании, но не в науч. системном исследовании.

Не менее должно и истолкование П. как продукта субъективного произвола — практич. воли или мыслит. рефлексии. С этой т. зр. противоречивая «видимость» скрывает лишенную П. всегда более простую сущность, открываемую якобы лишь несмотря на П. Но на деле нет и действит. тождества без противоположностей, без П. Тождество без П. вырождается в абстрактное, рассудочное, лишенное конкретности, постигаемой в творч. движении по логике предмета. Истина всегда конкретна, конкретность же достижима только с открытием и разрешением П. объекта.

Диалектич. П. не поддается непосредств. усмотрению в фундаменте бытия — путем построения *онтологии*. Оно не схватывается и созерцат. описанием эмпирии. Предпосылка его постижения — деят. освоение природы общественным человеком. Делая П. своим собств. П., предметная деятельность тем самым воспроизводит его также и идеально, в мышлении. В наиболее чистой, универс. всеобщей форме оно выступает в разумном научно-теоретич. мышлении — как его категория, выполняющая в нем свою содержат. методологич. функцию. Через эту его активную функцию П. и осмысливается филос. исследованием. Поэтому, хотя П. безусловно существует как имманентное в с а к о й действительности, тем не менее адекватно познается оно начиная только с определенного, весьма высокого у р о в н я культуры теоретич. мышления. Рассуждение о П. предмета вне теоретич. системы знания об этом предмете является методологически несостоятельным.

Функция диалектич. П. в познании — быть узловым пунктом разворачивания расчлененной, многоплановой системы теоретич. знания, т. е. восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщего к особенному, более того — быть побудит. силой такого разворачивания теории, формой синтеза ее понятий. Именно благодаря П. каждое понятие внутри теории не просто вводится как заранее готовый результат, излагаемый способом, безразличным к способу его возникновения, но предстает как процесс. Оно предстает в изложении таким, каким рождается из разрешения П., а тем самым таким, каково оно в процессе идеального воссоздания самого предмета движением мышления. П. и есть имманентный «двигатель» процесса мышления, направляющий его так, чтобы оно своим движением воспроизводило логику самого предмета, к-рая совпадает с «двигателем» саморазвития предмета, представленным в его ставшей структуре. Это — определение предмета как порождающего внутри себя свою противоположность, в к-рой удержаны и его всеобщие и его особенные характеристики. П. есть способ сращения внутри конкретного предмета непосредственно несовместимых определений, способ синтеза разнородных, разноплановых аспектов в единую сложную систему.

Начало диалектич. П. — такая содержат. *антиномия*, к-рую, в силу ее объективности, нельзя устранить никакими усовершенствованиями корректности изложения в пределах имеющегося знания. Сам предмет антиномичен, таит в себе «проблемность»; схватывая ее, антиномия выступает как форма адекватной постановки еще не решенной проблемы. Она свидетельствует о том, что необходим еще творч. процесс проникновения в предмет. Внутри антиномии самой по себе тезис и антитезис логически равноправны: взаимно отрицают друг друга и столь же взаимно предполагают. Но с т. зр. всей системы и ее развер-

тывания тезис и антитезис всегда неравноправны, антисимметричны, и только потому П. разрешимо. Диалектич. разум не останавливается на сопряженности полярных моментов. Он отнюдь не постулирует противоположности как застывшие, логически симметричные крайности, чтобы на такой дуалистич. основе подвергнуть всякую конкретность рассечению, абстрактному размежеванию. Напротив, он выводит противоположности, анализирует их генезис и превращение начиная с тождества. Внутри системы предмета имманентное ему отрицание — антитезис — понимается как производный внутр. момент, а не как нечто изначально ему противостоящее или привнесенное извне. Более того, это для разума лишь путь к синтезу через разрешение П.

Понять П. диалектически — значит понять также и его реальное содержание. разрешение в саморазвитии предмета. Настаивать на объективности П. безотносительно к необходимости открыть его разрешение столь же нелепо, как, напр., брать причину без ее действия или форму без ее содержания. Разрешение П. есть переход в *особенное*. Поскольку это особенное определено как всеобщее, т. е. остается внутри целостной системы, постольку разрешенное П. воспроизводится; поскольку же особенное непосредственно не содержится во всеобщем, не «предзаложено» в нем, а отрицается им, постольку разрешение П. рождает свой результат — подлинно творч. синтез, обогащающий само всеобщее, делающий его более конкретным, более развитым. Только творч. движением — через П. и его разрешение — научно-теоретич. мышление «изображает» предмет в его истине как целостную систему.

С этим связаны трудности обнаружения диалектических П. в рассудочном мышлении. *Рассудок* придает знанию способ организации, не только не воплощающий в изложении творч. движения по логике предмета, но, напротив, безотносительный к этому движению. Знание выступает не как процесс, а как овеществленное, как «языковая вещь», как «готовый» результат. Тем самым в изложении не находится места для явного выражения диалектич. П. Конкретность рассекается на абстрактно-всеобщие и внешние им специфич. характеристики. Системная целостность распадается на фрагменты, на «частичные» теории, лишенные средств рационального синтеза их в тотальную картину объекта. Эта фрагментаризация диктуется не особенностями объектов, а расщеплением и *отчуждением* самой предметной деятельности. В отчужденном знании П. кажется исчезнувшим и даже невозможным в качестве объективной категории, ибо оно тоже рассечено и представлено лишь как антиномия, к-рая фиксирована в неразрешимой форме и выступает как порок прошлого, преодоленного знания плюс изолированный от нее результат ее разрешения. Но т. к. нагромождение антиномий непродуктивно, они оцениваются только негативно, как граница рационального с «иррациональным». Пока критич. анализ социальной природы познания не преодолевает таких превращенных форм, остается почва для подмены П. к.-л. его суррогатом.

В лит-ре известно много способов классификации П. Однако основания подразделения при этом — не категориального порядка. Гл. принятая градация такова.

П. в природе. Поскольку естествознание выходит за пределы «частичных» теорий и переходит к целостносистемному познанию объекта, оно сталкивается с необходимостью воспроизводить объективное П. природы и его содержание. разрешение внутри теоретич. знания, особенно в случаях, когда надо осуществить синтез знаний о предметах, прежде изучавшихся изолированно. Изложение целостной теории представимо как система систем, в каждой из к-рых

находит себе место и формальный аппарат, подчиненный развертыванию понятий, а в узловых пунктах, в творч. переходах — вскрытие и разрешение П., что и синтезирует их в целое. Отрицание П. в природе из-за дуалистич. противопоставления ее обществу ведет к иррационализму.

В обществе, в классово-антагонистич. формациях, П. принимает исторически преходящую превращенную форму *антагонистического противоречия*, в к-ром воспроизведению П. придается форма противостоящих друг другу классовых сил. Превращенность этой формы состоит в том, что отношение этих сил выступает как столкновение изнач. противоположностей, или сил, лишенных общности генезиса и не нуждающихся в своем единстве, а каждая из них, обретая самостоятельность, выступает внутри себя как якобы единство без противоположностей, как некое «метафизич.» целое. Особенности разрешения антагонистич. П. изучаются теорией социальной *революции*. Исходя из превращенной формы проявления антагонизма, нельзя понять ни антагонизма, ни П. вообще. Антагонизм надо понять, исходя из логики П.

В доклассовом, а также в социалистич. и коммунистич. обществе П. не выступает в форме антагонизма. Борьба за коммунизм направлена на преодоление антагонизмов. Социализм впервые придает разрешению П. форму сознат. обществ. действия. Антагонизм никогда не бывает имманентен собств. логике развития творч. культуры. Дать ей полный простор и призван коммунизм. При социализме важность трезвого изучения конкретных П. в спец. науках диктуется необходимостью борьбы с пережитками бурж. общества, бюрократии, противоречащей социалистич. демократии, и т. п.

В истории познания П. выступает часто как антиномия, приписываемая прошлому знанию. В рассудочном мышлении нет критерия для различения между П., возникающим из-за некорректности рассуждений, и теми «... великими парадоксами, которые доставляют пищу логической мысли на десятилетия, а иногда и на века» (N. Bourbaki, *Foundations of mathematics for the working mathematician*, см. «J. Symb. Logic», 1949, v. 14, № 1, p. 3). Диалектика указывает такой содержат. критерий, объясняя историч. форму проявления П. из П. постигаемого предмета и усматривая в логике П. и его разрешения имманентную логику развития познания.

Гл. типы концепций П. в истории философии. Сменявшие друг друга концепции П., с т. зр. единства историч. и логического, представляют такие уровни последоват. проникновения в проблематику П., к-рые воспроизводятся сегодня и к-рые должны быть сняты в ходе филос. образования.

Мифологизирующая народная мудрость уже на заре культуры подмечала многообразнейшие переходы и «переливы», «схождение крайностей» и т. п. Однако лишь рождавшаяся в процессе ее критики философия попыталась за этой картиной отыскать космич. «субстанциальное» начало, к-рое бы ее объясняло, и обнаружила антиномичность такого «начала», но лишь в форме эстетич.-афористич. догадок. Стремление строго фиксировать антиномии средствами рассудочных понятий привело скорее к отрицат. результату — к утверждению истинности абстрактной всеобщности и к дуалистич. противопоставлению ее «мнениям». Такие антиномии (апории) принуждали к отказу от конкретности, от многообразия, от движения как истинных (Зенон Элейский) и толкованию их как неподвижных, только чувственно достоверных. Тем самым рассудок демонстрировал свою самокритику, свое самоотрицание. Такова была «отрицат. диалектика» — историч. предпосылка диалектич. разума. С поворотом от «космоса» к человеку П. было представлено как полемич.

источник истины. В такой, еще внешне субъективной форме все же схватывалось то творч. движение с определением понятий через их противоположности и снятием отрицания, к-рому позже было найдено всецело предметное основание. Платон попытался синтезировать эстетич. и отрицат. диалектику. Но его диалектика «Идей» лишена подлинного развития и основана на сверхразумном «Едином» (см. также *Неоплатонизм*). Аристотель по существу ставил проблему П. и сделал здесь много ценного, обсуждая др. категории (форму и материя, энтелехию и движение), но в то же время неправомерно наделял принцип формальной непротиворечивости всякого замкнутого рассуждения на фиксированном уровне содержательно-логич. и онтологич. правами.

Представители скептич. антиномизма всегда превращали диалектику из орудия поиска содержания в нечто опустошающее, в «искусство» нагромождать антиномии, беря их просто как словесные парадоксы: все всему противоречит, всякая определенность обращается в фикцию, растворяется в хаосе «гибкого» произвола (см. в этой связи К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 209). Мистицизм превращал открытия диалектич. разума в средство оправдания идеологич. мрака.

Антиподом мистицизму, возводившему в культ неразрешенность П., может казаться культ формального избавления от всяких П., превращающий терминологич. непротиворечивость тавтологич. рассуждения в содержательно-логич. закон. Однако это лишь мнимый антипод мистицизму, лишь способ самоощущения «судьбы», смирения перед иерархией институциональных отчужденных сил.

В пантеистически-гилосоистич. концепциях проблема П. возникала при попытке постичь «высшую» субстанцию сущего как «совпадение противоположностей», к-рые «комплицированы» в высшем единстве. Была обнаружена имманентность отрицания утверждению всякого понятия. Однако здесь П. еще не стало развертывающимся движением, беспокойным процессом разрешения антиномий и их воспроизведения. На толковании П. еще лежала печать эстетич.-интуитивного созерцания, к-рому П. будто бы только и открывается в противовес дискурсивному мышлению.

Кант создал новую форму «отрицат. диалектики», дав критику познания, применения рассудочно огранич. разума. Неразрешимость антиномий, в к-рые разум впадает с необходимостью, должна была быть аргументом против тождества субъекта и объекта и за их дуализм. Но Кант лишь продемонстрировал, что вообще «разведение» тезиса и антитезиса в антиномиях возможно только при предварит. принятии такого дуализма и что только такой дуализм позволяет сами антиномии формулировать как лишь внешние столкновения, т. е. как такие, необходимость к-рых лежит не в самих сталкиваемых категориях, а вне их. Поэтому отныне номизм предстал как возможный только вместе с пониманием П. как объективного, всеобщего и содержательно разрешающегося. Т. зр. активносозидат. деятельности помогла Фихте развернуть П. как движение от тезиса через антитезис к синтезу. Однако все это изображение систематически-синтетич. метода так и осталось внутри трансцендентального субъекта, абс. «Я». Шеллинг провозгласил П. первойшей действительностью, через огонь к-рой все должно пройти, а «построение» такого П. — высшей задачей науки. Эта задача не была им решена из-за неадекватности метода — интеллектуальной интуиции. Диалектич. П. распалось на мистич. абс. «индифференцию» и «отношение полярности», в равной степени лишенные диалектич. движения.

Философы-романтики отрицали постижимость П. в понятиях науки, не зная иной ее рационально-дискур-

сивной формы, кроме рассудочной. Поэтому они противоставили науке эстетизированное П. остроумной *рефлексии* как нечто иррациональное, как некое более подлинное, нежели исследуемое наукой бытие. Признание совпадения противоположностей (антиномизм), но не в природе, не в объектах разумного мышления, а в сфере, открываемой интуицией, мистич. инстинктом и т. п., — такова тенденция всего иррационализма (А. Бергсон, К. Ясперс и др.). Своеобразной модификацией иррационалистич. антиномизма в неогегельянстве явилась «трагич. диалектика» (А. Либерт и др.), настаивавшая на принципиальной неразрешимости извечных антиномий. Это соответствует общему духу также и экзистенциалистского мировоззрения.

Одновременно Шеллинг (особенно в натурфилософии) оказался родоначальником концепции полярности. Исторически она выступала как создававшая некие предпосылки для диалектики, но с развитием собственно диалектич. понимания П. становится противостоящей диалектике типично метафизич. концепцией. Уже пифагорейцы фиксировали коррелятивные пары крайностей в математич. определениях. Прогресс науки позволил существенно расширить сферу, где наблюдались такие пары, и построить филос. концепцию всеобщей двойственности. С ее т. зр., отношение полярности понимается как сосуществование двух изначально различных, обладающих самостоят. сущностями раздельных полюсов, к-рые взаимно сопряжены (предполагают друг друга) и в то же время столь же взаимно несовместимы (исключают, вытесняют, выталкивают друг друга); они логически равноценны. Концепция полярности антидиалектична как раз тем, что не видит их неравноценности и производности от П. внутри одной сущности; не проследивает генезиса и снятия противоположностей на основе разрешения П., делает их статичными. Концепция полярности получила весьма широкое распространение в бурж. философии 19—20 вв. Именно ею часто подменяли и подменяют диалектику такие претенденты на роль наследников Гегеля, как неогегельянцы. Ее распространению способствовали: ее рассудочная простота и доступность; возможность полностью обойти обостренно-антиномич. формулировки; «правдоподобность» с т. зр. поверхностно-эмпирич. «примеров» из наук на их описат. уровне; идеологич. удобство для эклектич. соединения п «учета» различных и противоположных «факторов» в сложных условиях 20 в.

Гегель впервые сознательно изобразил П. как универс. всеобщую объективно-логич. форму, как центр. категорию диалектики. Сделать это ему позволил его номизм с опорой на фихтевский принцип самодеятельности, «ожививший» спинову субстанцию и сделавший ее также и «субъектом». Гегель устранил роковое для Шеллинга расхождение между методом и «сутью дела», поняв совпадение теории познания с содержанием логич., логики — с диалектикой. Показав всю неосновательность попыток «отодвинуть» антиномич. формулировки П. в субъективную и вообще внешнюю рефлексию, лишить П. предметной объективности, Гегель раскрывает П. как «принцип всякого самодвижения» (см. Соч., т. 5, М., 1937, с. 524), как глубочайшее определение конкретности предмета. Именно пафос разумно-понятийного постижения конкретного, особенного ориентирует Гегеля на осмысление роли и значения П. С помощью П. можно уразуметь вполне объективно синтез тотального, а одновременно вполне разумно, без всяких ссылок на «иррациональное», понять и субъективную творч. способность. Но для этого надо дать анализ диалектич. разрешения П. или, что то же самое, анализ П. как разрешающегося содержательно. «Противоречием дело не может закончиться» (там же, т. 1, М.—Л., 1929,

с. 206), и сила духа — в том, что он «... умеет разрешать его» (там же, т. 5, с. 267). Тогда и схватывается впервые действительность П. — как разрешающегося и воспроизводящегося: «основание, которое сначала обнаружилось перед нами как снятие противоречия, является ... как новое противоречие» (там же, т. 1, с. 208). Так достигается «самое важное в разумном познании» — удержание благодаря П. предпосылок в результате и развертывание системы знания как творч. процесса (см. там же, т. 6, М., 1939, с. 308—16). Однако все это диалектич. движение Гегель изобразил как движение, взятое в его отчужденности от действит. обществ. человека.

Г. Батищев. Москва.

Создание и развитие Марксом и Энгельсом диалектико-материалистической концепции П. Критич. усвоение Марксом гегелевской категории П. произошло в поиске объективного филос. метода: разумно постигаемая сущность должна «...развертываться как нечто в себе противоречивое и находить в себе своё единство» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 8). Убедившись в ложности дуализма должного и сущего, Маркс искал источник революц. критичности в объективном понимании действительности. Такой источник — П. Однако Маркс наталкивается на трудность совлечения с П. превращенной формы антагонизма (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 321), но затем преодолевает ее: «... свойство быть крайностью кроется всё же лишь в сущности одной из них... Положение обеих не одинаково... Действительного дуализма сущности не бывает». П. должно быть понято как глубочайшее, сущностное П. (там же, с. 322, см. также с. 324). «Вульгарная критика» наличного бытия везде находит П., но она догматична. «Истинная критика... не только вскрывает его противоречия..., но и объясняет их; она постигает их генезис, их необходимость» (там же, с. 325). Только тогда П. научно понято как ведущее к преодолению существующего, когда капитал и труд взяты как производные от внутр. П. самого труда. Отчуждающийся труд есть П.: он одновременно и «субъективная сущность частной собственности», и «объективированный труд» — капитал. Такова «...энергичная, напряжённая форма, побуждающая к разрешению этого противоречия» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., с. 585). Из неравенства тезиса и антитезиса в П. следует неравенство «положительного» и «отрицательного» моментов антагонизма (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 38—39). Но если теряется производность формы антагонизма от внутр. П., то целое, не понятое диалектически, превращается в сумму «хорошей» и «дурной» сторон. Диалектич. движение на деле есть не грубая ликвидация одной из «сторон» П., а «... их борьба и их слияние в новую категорию...», отрицание и синтез нового целого (см. там же, т. 4, с. 136). Более того, революц. сила, чтобы быть способной снять старое и создать новое целое, сама должна заключать в себе П. старого целого. Так, рабочий класс, преодолевающий отчуждение как таковое, должен сам стать по своему положению одновременно и творцом отчужденной культуры и страдающим от него, т. е. «перерасти» бурж. общество (см. там же, т. 2, с. 39—40; т. 3, с. 201). Грубое «отбрасывание» одной стороны практически влечет лишь восстановление «всей старой мерзости» внутри другой стороны. И только объективно необходимое диалектич. отрицание есть тот революц. процесс, в к-ром сам ее творец переопределяет себя и очищается от всей этой «старой мерзости» (см. там же, т. 3, с. 33, 70). Отсюда — вся парадоксальность формулы: «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней» (там же, т. 4, с. 96). Ведь в превращенной форме антагонизма П. непосредственно выступает как то, во-

преки чему совершается прогресс культуры. Только социализм и коммунизм снимают эту превращенную форму: человек. прогресс перестает уподобляться «...идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» (там же, т. 9, с. 230).

В классич. произведениях 1850—60-х гг. Маркс дал образец анализа П. в сущностных отношениях, вскрытия этих отношений за их превращенными, иррациональными формами, а затем выведения их и объяснения. Маркс разрешает те антиномии, к-рые находит у своих теоретич. предшественников. Для этого надо было очистить антиномию от заблуждений и найти адекватную форму постановки проблем. Сама по себе антиномичность не есть ни синоним, ни эквивалент ложности — только с такой т. зр. можно оценить по достоинству всякое культурное наследие, вообще историю культуры. Так, Маркс видел не только слабости, но и заслуги у А. Смита, Рикардо и др., когда они обнаруживали П., еще не умея разрешить их (см. К. Маркс, там же, т. 26, ч. 1, с. 62—63, 67, 132; ч. 3, с. 52, 66—67, 269 и др.). Для Маркса задача состояла в том, чтобы, разумеется, отсеяв беспредметные, кажущиеся «П.», открыть за антиномиями в их неадекватной формулировке антиномии самого предмета (см. там же, ч. 1, с. 62—63). При этом «то, что парадокс действительности выражается также и в словесных парадоксах, которые противоречат обыденному человеческому рассудку, ... — это понятно само собой» (там же, ч. 3, с. 139). Маркс упрекает Смита как раз за рядоположение тезиса и антитезиса, из-за к-рого сам товар «...еще не выступает захваченным и произанным противоречием» (Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935, с. 113).

Предельное заострение П. завершает лишь предварт. работу. Главное — открыть, как П. разрешается. Понимание этого — необходимый момент понимания П. как диалектического (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 26, ч. 3, с. 52; т. 23, с. 114, 166—77 и др.). Не разрешая П., нельзя овладеть конкретностью предмета, войти в его особенную логику. Архитектоника «Капитала» — это и есть явное прослеживание разрешения и воспроизведения П. капитализма, прослеживание шаг за шагом всех осложняющих и модифицирующих сущностные отношения форм их осуществления, в к-рых П. каждый раз разрешаются, до тех пор пока все возможные имманентные ему особые формы таким путем не исчерпываются. Тогда анализ П. капитализма выводит за его пределы и ориентирует на теоретич. обоснование необходимости его революц. преодоления, его отрицания.

Разрешение П. товара дает первый толчок всему теоретич. движению по структуре бурж. общества. Дальнейшее изучение предмета не есть лишь «извлечение» того, что «предложено» в товаре, но есть творч. процесс. И все же этот процесс идет уже внутри того целого, к-рое очерчено анализом исходной элементарной формы — товара и его П. Имманентные товару П. с самого начала берутся как П. определ. формы человек. предметной деятельности, как П. товарного произ-ва. В отд. товаре воплощено всеобщее П. всего товарного мира как целого, и именно поэтому товар есть предельно абстрактная, элементарная конкретность этого мира. П. товара есть лишь элементарное воплощение П. труда, производящего товарный мир. Оно вскрывается Марксом в его четырех модификациях — в четырех «особенностях эквивалентной формы». Каждая из них — антиномия: «совокупность противоречивых требований» (см. там же, т. 13, с. 31). За П. потребит. стоимости и стоимости кроется П. конкретного и абстрактно-всеобщего труда, за ним — П. непосредственно обществ. формы частного труда и, наконец, самое глубокое П. —

«персонализации вещей и овеществления лиц» (там же, т. 23, с. 124). Только с т. зр. этого П. и можно впервые понять товар не как сумму «сторон», а как конкретное тождество. Это П. может быть разрешено лишь тем, что оно само опредмечивается, так что товар раздваивается (см. Архив Маркса и Энгельса, т. 4, с. 111), его внутр. отношение к самому себе выступает как внешнее отношение двух разных товаров, к-рое, последовательно осложняясь, разворачивается в отношении товара и денег (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 71, 97). П. разрешается «выталкиванием» денег, но воспроизводится в новой форме — через противоположность метаморфоз (см. там же, с. 114, 149) и т. д. «...Имманентное противоречие получает в противоположностях... развитые формы своего движения» (там же, с. 124).

В диалектике «концепция полярности» снимается не отбрасыванием внешнего отношения противоположностей, а выведением его из внутреннего. Даже рассудок подмечает полярность противоположностей, к-рая есть «неразрывная взаимная принадлежность друг другу и столь же постоянное взаимное исключение». Ибо «даже до проведения глубокого анализа сразу же выясняются следующие пункты: а) н е р а з р ы в н о с т ь..., б) п о л я р н о с т ь». Таковы «друг друга исключаящие крайности, т. е. полюсы» (Маркс К., Das Kapital, Bd 1, Hamb., 1867, S. 780, 765). Энгельс также отмечал, что поляризация сама по себе — лишь рассудочно фиксированные противоположности (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 528). Но когда отношение полярности берется с т. зр. разрешающегося и воспроизводящегося П., тогда оно диалектически переосмысливается. Ибо оно больше «не рассматривается, как прежде, аналитически» — то со стороны одного полюса, то со стороны другого, — но берется синтетически, в свете внутр. П. (см. К. Маркс К., Das Kapital, Bd 1, S. 44).

Именно диалектика П. делает и теорию и практику подлинно революционными, критически-творческими, поскольку ориентирует их на то, что разворачивание и разрешение П. к-л. формы — «...единственный исторический путь ее разложения и образования новой» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 499; ср. т. 25, ч. 2, с. 456; т. 3, с. 236).

Г. Батищев. Москва. Ф. Вьяккерев. Пермь.

Ленин о категории П. и совр. задачи ее исследования. Ленин обращает гл. внимание на отстаивание строжайшей научности, невозможной без постижения П., а это предполагает критич. овладение также гегелевским наследием, без к-рого нельзя понять и Маркса (см. Соч., т. 38, с. 170; т. 33, с. 208). Научность предполагает и борьбу с оплошанием диалектики, к-рую никогда не следует путать «... с вульгарной манерой смешивать в кучу», «с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: ... просунуть хвост, где голова не лезет...» (там же, т. 7, с. 380). Недопустимо подменять тождество противоположностей суммой примеров (см. там же, т. 38, с. 357); в каждом отд. примере П. берется изолированно, эмпирично, вне его роли в познании — как название для множества случаев, а это «не есть диалектика» (см. В. И. Ленин, Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса», 1959, с. 280). Когда П. не берется «...как закон познания (и закон объективного мира)», как «условие познания всех процессов... в их спонтанной развитии» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 357, 358), тогда оно подменяется абстрактным противопоставлением «сторон», «крайностей» (напр., «зла» и «блага»), к-рое еще не дает конкретного (см. там же, т. 32, с. 329). Если речь идет о столкновении «...различных сил и тенденций...» (см. там же, т. 21, с. 38), следует рассматривать их как результат разворачивания внутр. П. (см. там же, т. 38, с. 213—14,

а также т. 32, с. 9). Именно благодаря тому, что внутри системы науч. знания вскрываются и разрешаются П., такая система дает истину как процесс (см. там же, т. 38, с. 192, 197, 295). Само П. внутри такой системы выступает как внутр. переход, как способ синтеза нового понятия. Тем самым мышление схватывает объект как самодвижущийся и выражает движение «в логике понятий» (см. там же, с. 252). Диалектика отличается не тем, что находит вне движения его «источник» и называет его «П.», а тем, что не выносит «источник» вне движения (см. там же, с. 358) и явно выражает его П. (см. там же, с. 253). Ею теоретически воспроизводится не только его эмпирич. проявление в пространстве и времени (сумма состояний покоя), но и само движение, его логика — логика П. и его разрешения. Возражение всех метафизич. противников Гегеля тем и неверно, что «...оно описывает результат движения, а не само движение...», поскольку пытается «устранить» П., а так как это невозможно, то на деле П. оказывается «... лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено» (там же, с. 255). Поскольку мы пытаемся мыслить движение с помощью рассудка, а не разума, постольку «мы не можем... изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого», причем это касается «...не только движения, но и всякого понятия» (там же). Диалектич. разум преодолевает это огрубление и изображает объекты «в их живой жизни» (см. там же, с. 358), как тождество, содержащее в себе П. Лишь в этом смысле суть диалектики «...выражает формула: единство, тождество противоположностей» (там же, с. 255). Всякое П. есть логическое, это тавтология (см. там же, т. 23, с. 33—34), но если П. — диалектическое, то оно существует в действительности, а не только в нашем изложении (см. там же, т. 25, с. 324). Для марксиста принципиально важно уметь не просто абстрактно противопоставлять новое и старое и т. п., но мужественно вскрывать реальные П., не маскируя их обывательским морализированием и славящимся самодовольством (см. там же, т. 1, с. 327; т. 2, с. 234—35; т. 33, с. 447, 455).

Потребности прогресса социалистич. общества диктуют не схоластически-невинное конструирование П., а трезовое и специальное, сугубо конкретное науч. исследование. Чем богаче результаты филос. анализа П. как категории в творч. процессе, тем плодотворнее и их применение в решении спец. проблем (см. Социализм). Ценные методологич. уроки филос. анализ призван извлечь из изучения П. развития осн. форм культуры (см. там же, т. 38, с. 136).

Верное понимание П. в творч. развитии многообразия культуры, в противовес его извращению при господстве антагонизма, — источник верного понимания партийности.

Лит.: Маркс К., Морализирующая критика и критицизм мораль, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4; его же, Ницше философия, там же, гл. 2, § 1; его же, Теория прибав. стоимости, там же, т. 26, ч. 1—3; Маркс К. и Энгельс Ф., Великие мужи эмиграции, там же, т. 8, [§ 5]; Маркс К., Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, В., 1953; Ленин В. И., Развитие капитализма в России, Соч., 4 изд., т. 3; его же, О карикатуре на марксизм и об «империалистич. экономизме», там же, т. 23, [§ 3]; его же, Грозная катастрофа и как с ней бороться, там же, т. 25, [§ 9]; его же, Лучшее меньше, да лучше, там же, т. 33; Плеханов Г. В., [Предисл. переводчика ко 2 изд. брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической нем. философии»], Избр. филос. произв., т. 3, М., 1957; Луначевский Г., Антиномии бурж. мышления, «Вестн. Соц. Анад.», 1923, кн. 5; Асмус В. Ф., Диалектика Канта, М., 1929, гл. 4; Деборин А. М., Гегель и диалектич. материализм (§ 12), в кн.: Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1929; Ильенков Э. В., К вопросу о П. в мышлении, «ВФ», 1957, № 9; его же, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, М., 1960, гл. 5; Стяжкин Н. И., О логич. парадоксах и их отношении к диалектич. П., «ВФ», 1958, № 1; Вьяккерев Ф. Ф., Разработка К. Марксом категории П. в 1850—1860 гг., «Вестн. ЛГУ», 1959, вып. 2, № 11; его же, Диалектич. П.

и марксистская политэкономия, М., 1963; Батищев Г. С., О категории П. в «Филос. тетрадях» В. И. Ленина, в кн.: В. И. Ленин и вопросы марксистской философии, М., 1960; его же, П. как категория диалектич. логики, М., 1963; Грушин Б. А., Процесс обнаружения П. объекта, «ВФ», 1960, № 1; Розенталя М. М., Принципы диалектич. логики, М., 1960, гл. 6.3; его же, Ленин и диалектика, М., 1963, гл. 2; Маньковский И. А., Логич. категории в «Капитале» К. Маркса, в кн.: Диалектич. логика в экономической науке, М., 1962, гл. 10 и 11; Кедров Б. М., Несводимость марксистской диалектики, трактовки П. к формальнологич. схемам, в кн.: Диалектика и логика. Законы мышления, М., 1962; Лосев А. Ф., История антич. эстетики, М., 1963, ч. 2, гл. 4; Яновская С. А., Преодолены ли в совр. науке трудности, известные под назв. апорий Зенона?, в сб.: Проблемы логики, М., 1963; «ФН» (НДВШ), 1964, № 4—6 (разд. Дискуссии и обсуждения); Дудель С. П., Диалектич. логика об отражении движения в понятиях, «Сб. трудов Всес. заочного политех. ин-та», 1964, вып. 31; Прохоренко В. К., П. структуры — П. дифференцированности и целостности, «ВФ», 1964, № 8; Диалектика — теория познания. Ленин об элементах диалектики, М., 1965, гл. 3, § 3; Библиер В. С., Понятие как процесс, «ВФ», 1965, № 9; Туровский М. Б., Диалектика как метод построения теории, там же, № 2; Нарский И. С., Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания, М., 1966; Горский Д. П., Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, гл. 3; Bahnen J., Der Widerspruch..., Bd 1—2, В.—Lpz., 1880—82; Margak S., Hegelianismus und Marxismus, В., 1922; его же, Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Bd 1—2, Tüb., 1929—31; Guardini R., Der Gegensatz, Mainz, 1925; Heiss R., Logik des Widerspruchs, В.—Lpz., 1932; Desouches-Février P., Contradiction et complémentarité, «Synthèse», 1948—49, v. 7, № 3; Lupasco S. L., Le principe d'antagonisme et la logique de l'énergie, P., 1951; Norris L. W., Polarity..., Chl., 1956; Wein H., Realdialektik..., Münch., 1957; Jaspers K., Von der Wahrheit, Münch., [1958]; Zinoviev A. A., O logicznej niesprzeczności sądów prawdzliwych, «Studia filoz.», 1959, № 1; Hueck W., Die Polarität..., Remagen, 1961; NarSKI I., O sprzeczności ruchu, «Studia filoz.», 1963, № 3—4; Althusser L., Contradiction et surdétermination, «La Pensée», 1962, № 106; Fougeyrollass P., Contradiction et totalité, P., 1964; Stiehler G., Der dialektische Widerspruch. Formen und Funktionen, В., 1966. Г. Батищев. Москва.

ПРОТИВОРЕЧИЕ (в формальной логике), формальнологическое противоречие, — появление в ходе рассуждения (доказательства, вывода) в качестве логически вытекающих из принятых в нем посылок (или представляющих таковыми) — пары противоречащих суждений, т. е. суждений, из к-рых одно является отрицанием другого. П. в формализованной теории — доказательство в ней пары формул вида A и $\neg A$ (\neg — знак отрицания) [или, что обычно рассматривается как то же самое, доказательство конъюнкции $A \& \neg A$ (A и не- A)]; нередко П. называют и самою формулу $A \& \neg A$. В применении к содержательным (неформализованным) теориям термином «П.» обозначают также появляющуюся в ней пару противоречащих суждений или противоречивое суждение, т. е. суждение, к-рое приобретает вид $A \& \neg A$ при нек-рой естеств. формализации теории. Суждения (формулы) вида $A \& \neg A$ необходимо ложны. В формализованной дедуктивной теории, в к-рой обнаружено П., теряется возможность различения истины и лжи, т. к. в ней становится выводимым любое — как истинное, так и ложное суждение (записанное на ее языке и осмысленное в ней); в содержательных рассуждениях обнаружение в них П. означает или ложность к.-л. из их посылок (быть может и той, к-рая не сформулирована явно), или ошибочность хода рассуждения. В логике начиная с античности формулируется принцип запрещения П. (см. *Противоречия закон*); вывод П. допускается лишь для вспомогательных рассуждений, предусмотренных т. н. косвенными правилами вывода, в частности в *доказательствах от противного*. См. также *Непротиворечивость*, *Совместимость* и лит. при этих статьях.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАКОН — 1) Один из осн. принципов логич. рассуждения, согласно к-рому никакое предложение не может быть одновременно истинным и ложным (или: не могут быть одновременно истинными нек-рое предложение и его отрицание).

2) Тожждественно-истинная (см. *Логическая истинность*) (или доказуемая) формула вида $\neg(A \& \neg A)$, где \neg — знак отрицания, $\&$ — знак конъюнкции. 3) Принцип, требующий, чтобы всякое, имеющее ценность исчисление было бы внутренне непротиворечивым (см. *Непротиворечивость*, *Противоречие* в логике.)

Формулировка П. з. восходит к *софистам*. Аристотель формулирует П. з. прежде всего как закон, к-рый имеет «...силу для всего существующего, а не специального для одного какого-нибудь рода...» (Met. IV, з 1005 а 23—24; рус. пер., М., 1934). Такому «онтологическому» пониманию П. з. соответствует и др. его формулировка: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле (пусть будут здесь также присоединены все оговорки, какие только мы могли бы присоединить, во избежание словесных затруднений)...» (там же, 1005 в 19—22). Однако у Аристотеля имеется и неонтологическая, чисто логич. формулировка П. з.: всякий человек должен согласиться, «...что в своих словах он, во всяком случае, вкладывает какое-нибудь значение — и для себя и для другого; это ведь необходимо, если только он высказывает что-нибудь, так как иначе такой человек не может рассуждать ни сам с собой, ни с кем-либо другим...» (там же, IV, 4 1006 а 11). И далее: «...слово... имеет то или другое значение и при этом только одно» (там же, 1006 в 11). Т. о., П. з. выступает у него и как металогич. принцип, согласно к-рому не может быть истинной самопротиворечивая мысль, и как онтологич. принцип, согласно к-рому противоречия в бытии, в познаваемом невозможны.

П. з. может формулироваться как для *высказываний*, так и для *предикатов*, как на семантическом, так и на синтаксическом уровне; формулировки П. з. модифицируются в связи с особенностями рассматриваемых логич. систем. В наиболее известной формулировке этого закона: одно и то же высказывание не может быть одновременно истинным и ложным (см. Лейбниц, *Новые опыты*, М.—Л., 1936, с. 31), фактически указывается на тесную связь П. з. с принципом адекватности (истинности): высказывание истинно, если оно соответствует действительности, и ложно, если не соответствует (см. А. Tarski, *Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen*, «Studia philosophica», 1935, № 1). Если «приниматься» может только истинное, а ложное должно отбрасываться, то одновременное принятие и отбрасывание нек-рого высказывания несомненно с принципом адекватности. Если в процессе рассуждения приходят к противоречию, то это свидетельствует или 1) об ошибке в рассуждении, или 2) о несовместимости (совместной неадекватности) принимаемых посылок, или 3) о неправильности самой логики, самой системы мышления, в рамках к-рой проводится рассуждение. О последней ситуации говорят как об антиномической, или парадоксальной (см. *Парадокс*).

Вместе с *принципом исключенного третьего* П. з., в последней из приведенных выше формулировок, приводит к *принципу двузначности*, называемому также принципом Хрисиппа: высказывание либо истинно, либо ложно, но не то и другое вместе. Для *многозначных логик* П. з. обобщается следующим образом: одно и то же высказывание не может иметь двух различных истинностных значений.

В рамках *силлогистики* П. з. формулируется след. образом: два контрарные (см. *Контрарное отношение*) или контрадикторные (см. *Контрадикторное отношение*) суждения не могут быть одновременно истинными. По существу, в эту формулировку включается П. з. как «металогического», так и «онтологического» уровней.

В классическом и конструктивном исчислениях предикатов (см. *Предикатов исчисление*) доказуема формула вида $\neg \forall x(A(x) \& \neg A(x))$, также называемая П. з. Этой формуле соответствует принцип: одна и та же вещь не может обладать нек-рым св-вом и в то же время не обладать им (аналогично для отношений). Именно в такой формулировке П. з. был, по существу,

известен Канту (см. также приведенную выше аристотелевскую «онтологическую» формулировку П. з.). Нек-рые логики (напр., *Васильев*) предпринимали попытки построения систем логики, отказываясь от «онтологического» П. з. Мыслимы системы логики, удовлетворяющие П. з. на «металогическом» уровне, но в к-рых формула $\neg(A \& \neg A)$ не будет доказуемой.

П. з. следует четко отличать от закона единства и борьбы противоположностей диалектики. Последний говорит об объективных и ротивоположностях, имеющих место в природе, обществе и исторически развивающемся человеческом познании, тогда как П. з. утверждает, что необходимым (но не достаточным) условием адекватности, истинности знания является его логич. непротиворечивость. На необходимость соблюдения логич. непротиворечивости в любом исследовании обращал внимание В. И. Ленин: «„Логической противоречивости“ — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть ни в экономическом, ни в политическом анализе». Всякий анализ «...не допускает „логической противоречивости“...» (Соч., т. 23, с. 29). См. также *Совместимость, Метатеория, Мышления законы* и др. при этих статьях.

Лит.: Васильев Н. А., Логика и металогика, «Логос», 1912—13, кн. 1—2; Колмогоров А. Н., О принципе tertium non datur, в сб.: Мат. сб., 1925, т. 32, вып. 4; Чёрч А., Введение в математическую логику, пер. с англ., т. 1, М., 1960, с. 101—02; Котарбинский Т., Избр. произв., пер. с польск., М., 1963, с. 554—56. В. Смирнов. Москва.

ПРОТОКОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (нем. Protokollsätze) — название, введенное представителями логического позитивизма для предложений, содержание к-рых основывается исключительно на непосредств. наблюдениях материальных вещей или физич. фактов. Учение о П. п. было тесно связано с разработкой физикализма. П. п. имеют следующую форму: «N. N. наблюдал такой-то и такой-то объект в такое-то время и в таком-то месте». Стремясь построить замкнутую дедуктивную модель человек. познания, логич. позитивисты считали, что процесс получения знания состоит из двух осн. этапов — ф и к с и р о в а н и я протоколов (причем «исходных», не содержащих никаких общих понятий, теоретич. соображений и т. д.) и их о б р а б о т к и с помощью теоретич. аппарата науки. Исходя из такой упрощенной модели, считалось, что в основе всех осмысл. предложений лежат исходные протоколы, истинность к-рых основывалась на простом соответствии их содержания с данными наблюдения, т. е. П. п. рассматривались как абсолютно неопровержимые, не нуждающиеся в проверке, служащие основой для всех др. предложений науки. Такое понимание П. п. влекло за собой и определенное понимание процесса *проверяемости* как гипотетико-дедуктивного процесса (см. *Логика индуктивная*). Учение о П. п., с одной стороны, представляет историч. этап в формировании общегносеологич. концепции логич. позитивизма; с др. стороны, его положительные, науч. моменты находят свое дальнейшее конкретное проявление в исследовании логической и гносеологич. структуры высказываний, в к-рых выражаются результаты познания внешнего мира (см. *Диспозициональный предикат, Номологические высказывания, Контрфактические предложения*, ст. *Карнат, Нейрат, Поппер*).

Лит.: Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 367, 403, 419—20; «Erkenntnis», 1932—34 (статья R. Carnap and O. Neurath); Protokollausage, в кн.: Philosophisches Wörterbuch, Lpz., 1965. И. Добролюбов. Москва.

ПРОХАСКА, Прохазка (Procházka, Procházka), Йириж (10 апр. 1749—17 июля 1820) — чеш. врач, анатом, физиолог и мыслитель. Проф. медицинского фак-та Пражского и Венского ун-тов.

П. принадлежит важное место в истории развития материалистич. теории психики нового времени. Хотя

в трактовке физиологич. механизмов рефлекторной деятельности центр. нервной системы П. следовал общим механистич. принципам исследования рефлекса, поскольку лишь они обуславливали научно-эксперимент. подход, однако он по-новому поставил проблему биологич. значения рефлекторной деятельности. В первый период деятельности (в «Трактате о функциях нервной системы», Прага, 1784, рус. пер., [Л.], 1957) П. дал классическое описание рефлекса (см. указанное сочинение, с. 91—98), исходя из к-рого он позднее определил головной и спинной мозг как область переключения афферентных импульсов на эфферентные. В связи с новой, биологич. трактовкой детерминации нервной деятельности П. отказался от картезианской концепции рефлекса как физич. действия. Он рассматривал работу нервной системы как осуществление собственного живым организмам биологич. «чувства самосохранения» — сохранения полезных и избегания вредных раздражений. Т. о., принципом трактовки организма П. считал не механич. движение, а активное приспособление к среде. С этой т. зр. П. рассматривал и вопрос о качеств. специфике нервной деятельности, к-рую П. обозначил как «нервную силу» по аналогии с ньютоновым понятием силы.

В более поздних работах (см. «Наставление естественности человеческого...», в. 1—2, W., 1797, рус. пер., ч. 1—2, СПб., 1809—10; «Физиология, или Наука о естестве человеческого», W., 1820; рус. пер., СПб., 1822, и др.) П. распространял рефлекторный принцип на всю центр. нервную систему. Исходя из такой постановки проблемы, П. пришел к идее эволюц. развития нервной системы как следствия биологич. развития организмов. П. объяснял жизнь и ее явления как химико-органич. процесс, как вечный круговорот зарождения и исчезновения, организации и дезорганизации («Versuch einer empirischen Darstellung des polarischen Naturgesetzes...», W., 1815). При этом психич. процессы выступали в его концепции как формы причинного отношения организма к среде.

Лит.: Ярошевский М. Г., Проблема детерминизма в психофизиологии XIX в., Душанбе, 1961, с. 48—61; K r u t a V., Med. dr. Jiří Procházka, 1749—1820. Život. Doba, Praha, 1956; C e r n ý J., Jiří Procházka a dialektika v německé přírodní filosofii, Praha, 1960.

ПРОЭРЭСИЙ (П а р у й р) — арм. ритор, философ, живший в сер. 4 в. в Греции, современник и учитель Юлиана Отступника, глава филос. школы неоплатонизма в Афинах, автор ряда риторич. и филос. произв., к-рые, однако, до нас не дошли.

Лит.: Чалоян В. К., История арм. философии, Ереван, 1959, с. 36; Eunapii vitae philosophorum et sophistarum, ed. F. Boissonade, P., 1878, p. 485—93.

ПРУДОН (Proudhon), Пьер Жозеф (15 янв. 1809—19 янв. 1865) — франц. мелкобурж. социалист, теоретик анархизма. Осн. экономич. и мелкобурж. реформаторские социально-политич. идеи П. (к-рому в 1844—1845 безуспешно пытались помочь стать революц. коммунистом Маркс) сформировались в последние годы Июльской монархии. Они сводились к объяснению капиталистич. эксплуатации труда существующим в бурж. обществе неэквивалентным обменом, нарушающим закон трудовой стоимости и ведущим к ограблению дежнейшими капиталистами всех трудящихся классов, в т. ч. «трудящейся» буржуазии. Поэтому для уничтожения классовой эксплуатации необходимо, по П., произвести реформу обращения, организовать безденежный обмен товаров и беспроцентный кредит, сохранив частную собственность на средства произ-ва. Такая реформа привела бы, по мнению П., к преобразованию капиталистич. общества в строй равенства, превратив всех людей в непосредств. работников, обменивающихся равными количествами труда. Т. о., преобразование общества осуществится, по П., мирным

путем, на основе сотрудничества пролетариата и почти всей буржуазии, при условии отказа от политич. борьбы, являющейся, по мнению П., важнейшим источником обострения классовых противоречий и уничтожения гос-ва как гл. орудия угнетения, раскола общества и паразитизма.

На этих идеях П. строил в 1845—47 проект «прогрессивной ассоциации», объединяющей на принципах «мютюэлизма» (взаимопомощи)

ремесленников, торговцев, рабочих и владельцев мелких предприятий для эквивалентного обмена». Теоретич. обоснованию реформаторства П. служила его «Система экономич. противоречий, или Философия нищеты» («Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère», t. 1—2, P., 1846). Науч. несостоятельность и реакционность теоретич. и политич. идей этого соч. П. блестяще показал

Маркс в своем ответном произведении «Нищета философии» (1847, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 65—185). В дальнейшем социально-политич. взгляды П. претерпевали весьма противоречивую эволюцию, в процессе к-рой он колебался между нападками на реакцию и критикой демократич. лагеря, но неизбежно оставался на своей позиции «мютюэлизма», отвлечения рабочего класса от политич. борьбы.

Идеи П. отразили двойств. положение и двойств. тенденции мелкой буржуазии во Франции в условиях промышленного переворота: с одной стороны, ее протест против разорения и гнета крупного капитала и бурж. гос-ва, с другой — ее стремление сохранить мелкую собственность и пойти назад, к мелкобуржуазному «маленькому капитализму» (см. Ленинский сб. XXII, 1933, с. 141). Эти идеи П. показывали принципиальную общность прудонизма с бурж. социализмом, сущность к-рого «...как раз и заключается в желании сохранить основу всех бедствий современного (капиталистического. — Н. З.) общества, устранить в то же время эти бедствия» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 18, с. 230; ср. Ленин В. И., Соч., т. 20, с. 17). Закономерно поэтому в «Коммунистическом Манифесте» отнесение П. к создателям систем «буржуазного социализма» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 454).

Филос. идеи П. противоречивы. Хотя П. нападал на религию и церковь, что было, по словам Маркса, «...большой заслугой в условиях Франции в то время, когда французские социалисты считали уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтеррианством XVIII века и немецким безбожием XIX века» (там же, т. 16, с. 30), в целом П. был идеалистом и эклектиком. Не без влияния платоновской концепции первичности мира идей П. пытался построить свое учение об идеях «уравнения», «справедливости», «равновесия сил» как «общем, первичном и категорическом законе» бытия, получающем во всяком человец. обществе выражение «закона справедливости». Эта идеалистич. основа воззрений П. впитала в себя разнообразные влияния бурж. философии, политич. экономики и утопич. социализма. Из философии Канта почерпнул П. представления об *антиномиях*, в к-рых П. усматривал сущность диалектич. противоречий. На формирование представлений П. о диалектике развития оказывало также влияние учение Фурье о «спиральном законе» как воплощении равновесия и гармонии противоречивых сил, а на выработку анархич. идей П.

повлияла фурьеристская критика политич. борьбы и фальши бурж. цивилизации, критика свободной конкуренции и порождаемой ею монополии. В формировании взглядов П. играли роль экономизм и признание важнейшего реформаторского значения банков и кредита, свойственные сен-симонизму. В контовском *позитивизме* П. заимствовал идеалистич. схему обществ. прогресса по стадиям религии, философии и науки, а также *агностицизм*.

Материалистич. догадки и положения, встречающиеся в работах П., могут быть правильно поняты в свете его теории *плюрализма*, близкого позитивизму *Конта*. Против *монизма* П. выдвигал утверждение, что «моральный мир, как и физический мир, покоится на множественности несводимых и антагонистических элементов; из противоречивых этих элементов и происходит жизнь и движение вселенной» («Théorie de la propriété», P., 1866, p. 213). Этот принципиальный эклектизм, исходивший из *дуализма* материи и сознания, позволял прудоновской «синтетической философии» совместить в себе такие противоречивые положения, как «антигезизм», отвергающий религию и провозглашающий «Бог — это зло», и признание трансцендентного начала в природе и обществе; субъективизм волюнтаристич. построений и утверждение фатальности процесса развития, телеологич. *провиденциализма*. П. пытался примирить эти противоречивые положения с помощью растеологизированной, но по-прежнему мистической идеи абсолютного разума, управляющего миром и осуществляющего «вечные законы справедливости». Эти идеалы «вечной справедливости» П. черпал, как показал Маркс, «... из юридических отношений, соответствующих товарному производству...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 94, прим.). Соответственно этому «социальная наука», к-рую П. провозглашал в противовес социалистич. «утопизму», истолковывалась им как «борьба за справедливость».

Движущей силой развития общества П. считал противоречия, порождаемые колебаниями между требованиями индивидуального и общего разума и сводящиеся в конечном счете к антиномии между личностью и обществом. Эта антиномия определяет, по мнению П., универсальный закон «колебаний» в экономике, политике и идеологии, в силу чего историч. процесс совершается в форме «движения маятника». Закон этот нельзя уничтожить, но можно ограничить, введя развитие общества в эволюц. русло путем постепенной реализации прав «автономной личности», к-рые П. считал истинным критерием обществ. прогресса.

Представление о диалектике П. расширил поверхностным знакомством с философией *Гегеля*, почерпнутым из нем. левого *гегельянства*, от *Бакунина* и Маркса, к-рый в 1844 пытался помочь П. усвоить «рациональное зерно» гегелевской диалектики. Как отметил Маркс, «Прудон по натуре был склонен к диалектике» (там же, т. 16, с. 31). Однако П. усвоил лишь внешнюю сторону теории диалектич. противоречия, сведя его к сфере «триады» и догматич. различия «хороших» и «дурных» сторон тезиса и антитезиса в целях отыскания такой синтетич. формулы, к-рая уничтожила бы «дурные» и объединила бы «хорошие» стороны. Подобная имитация диалектики построением априорных категорий, не отражающих действительных противоречий объективного мира, сделала прудоновскую «диалектику» попыткой примирения противоречий путем их уравнивания. П. в конце концов признал эту скрытую сущность своей «диалектики», когда в дальнейшем пришел к выводу о невозможности «синтеза» противоречий. «Антиномия не разрешима, в этом основной порок всей гегелевской философии. Два образующие ее члена уравниваются либо между собой, либо с другими антиноми-

ческими членами, что приводит к искомому результату. Равновесие вовсе не является синтезом, как это подразумевал Гегель и как предполагал я после него» («De la justice...», Р., 1931, т. 2, р. 155). Построение бурж.-реформистских утопий вполне объясняет этот итоговый вывод прудоновской «диалектики».

В теории гос-ва, изложенной в кн. «Исповедь революционера» («Les confessions d'un révolutionnaire», Р., 1849) и «Общая идея революции XIX века...» («Idée générale de la révolution aux XIX siècle...», Р., 1851; две последние работы изложены и частично процитированы в кн.: Дж. Гильом, Анархия по Прудону, ч. 1—2, К., 1907), П. выступил как анархист, выдвинувший план «социальной ликвидации» — замены государства договорными отношениями между индивидуумами, общинами и группами производителей, сотрудничающими в эквивалентном обмене. В более позднем соч. «О федеративном принципе» («Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution», Р., 1863) П. заменил лозунг «ликвидации государства» планом раздробления совр. централизованного гос-ва на мелкие автономные области, а в соч. «Война и мир» («La guerre et la paix», т. 1—2, Р., 1861) выступил с апологией войны как «источника права».

Ретроградными были и моральные постулаты теории П. («О справедливости в революции и церкви» — «De la justice dans la révolution et dans l'église», т. 1—3, Р., 1858), на к-рые П. переносил в годы Второй империи центр тяжести аргументации своей концепции обществ. преобразования (проблемы «свободы», «достоинства» и «морального совершенствования» личности). Эта ретроградность особенно отчетливо обнаруживалась в его трактовке вопросов брака и семьи. П. решал эти вопросы в самом реакционном, домостроевском духе, отводя женщине роль покорной жены и домашней хозяйки, и настаивал на недопущении ее к участию в обществ. жизни и производств. деятельности.

В 19 в. во Франции и нек-рых др. странах с мелкобурж. составом населения и значительной мелкобурж. прослойкой в рабочем классе учение П. — п р у д о н и з м — получил распространение. Этому способствовало то, что реакц. сущность прудонистских идей прикрывалась псевдореволюц. фразеологией (в критике бурж. государства и крупной собственности).

Под руководством правоверных прудонистов оказались на первых порах франц. секции 1-го Интернационала. Решит. борьба против них Маркса, Энгельса и их сторонников закончилась полной победой марксизма над прудонизмом. Эту победу закрепил опыт Парижской Коммуны, к-рый до конца раскрыл порочность и вред прудонизма, давший себя знать во мн. ошибках и слабостях Коммуны, и заставил участвовавших в ней прудонистов делать «...как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы» (Э н г е л ь с Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 198). В дальнейшем прудонистские идеи сохранялись в бакунистском анархизме, а после краха последнего использовались различными течениями «мирного» анархизма, а также *анархо-синдикализма*. Теоретики последнего заимствовали у прудонизма бурж.-анархистские идеи, отрицают отношение к гос-ву, политич. борьбе и др. Ряд идей П. вошел в арсенал бурж. теорий «солидаризма», «радикал-социализма» и тому подобных проповедей сотрудничества классов. *Н. Застенкер. Москва.*

Распространение идей П. в России и объяснялось тем, что в стране социальной базой обществ. движения было крестьянство, отражавшее мелкобурж. тенденции экономич. развития. Произведения П. изучались в кружке *Петрашевского*.

По словам участника кружка, «Прудона и хвалили и бранили, находя в нем недостатки». Петрашевский, прочитав «Философию нищеты», подверг критике воззрения П. о капитале и его значении в социальном преобразовании. Участник кружка П. Ястжембский не соглашался с анархистскими взглядами П. *Петрашевцы* с интересом встретили идеи П. о производительных ассоциациях (см. «Дело петрашевцев», т. 1, 1937, с. 514; т. 2, 1941, с. 212; т. 3, 1951, с. 71, 114). В конце 40-х гг. 19 в. мальтузианские идеи П. были развенчаны В. А. Милютиным («Мальтус и его противники», см. Избр. произв., М., 1946) и *Салтыковым-Щедриным* (повести «Противоречия» и «Запутанное дело», см. Полн. собр. соч., т. 1, М., 1941). Можно предположить, что критика взглядов П. происходила под влиянием книги К. Маркса «Нищета философии». В 1860 *Чернышевский* в статье «Антропологический принцип в философии» отмечал, что сильные стороны филос. взглядов П. являются результатом влияния Гегеля, слабые — в значит. мере были предопределены незнанием материализма *Фейербаха* (см. Полн. собр. соч., т. 7, 1950, с. 237—38). Оценка взглядов П. нашла место в «Колоколе». Л. Мечников упрекал П. за его «неблагодарные отзывы» о польском восстании 1863 (см. «Колокол», 1864, № 185, с. 1520). В 1866 он же поместил ряд статей о новой теории собственности П. («Колокол», 1866, №№ 218, 219, 221, 225, 226). *Герцен*, хотя и критиковал отдельные положения П., все же долгое время находился под его влиянием. В 1867 *Ткачев* в рецензии на книгу П. «Французская демократия» увидел в ее авторе, несмотря на революц. фразеологию, представителя бурж. экономич. науки, защитника бурж. строя.

Эклектич. взгляды П. позволяли рус. интеллигенции делать из них и реформистские и революц. выводы. Реакц. интеллигенция поддерживала идеи П. по вопросам семьи и брака, солидаризировалась с ним в отрицат. отношении к польскому восстанию.

Михайловский, критикуя П. за признание необходимости частной собственности, соглашался с ним в вопросе об «идее личности». Следуя за П., он допускал, как и Берви-Флеровский, возможность мирного сотрудничества классов. В 1860—70 в России делались попытки организовать производительные ассоциации (Ишутинская организация, ассоциация Христофорова в Саратове и др.), распространялись идеи о введении беспроцентного кредита, о равномерном распределении собственности. В нелегальной книге «Историческое развитие Интернационала» (1873) провозглашалась мысль П. о целесообразности непосредственного обмена продуктов между производителем и потребителем, отрицалась возможность введения среди крестьянства коллективной собственности на землю.

Нек-рые идеи П. распространялись среди участников революционно-демократич. движения 1870-х гг. («чайковцы», черниговские народники), особенно его антигос. теория (см. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», 1964, с. 140). Созвучны воззрениям участников «хождения в народ» были рассуждения П. о всеобщем равенстве, о важности связи с нар. средой, о необходимости обращения к нар. разуму (см., напр., слова П. из произведения «Что такое собственность?», помещенные в популярной книге И. В. Соколова «Отщепенцы», [Цюрих], 1872, с. 212). Мирная антигос. анархич. проповедь П. подготовила почву для восприятия в России идей *Бакунина*, превратившего реформистские взгляды своего учителя в бунтарскую теорию революции. Бакунисты заявляли в 1874, что, в противоположность П., они хотят «...революции посредством масс, без и против государства» («Анархия по Прудону», К., 1907, с. 78—79). Следы прудонизма содержались

в документах «Народной воли», где провозглашалась местная автономия и федерация, утверждалось, что при устранении гос-ва откроется свободная деятельность для народа («Литература партии „Народная воля“», М., 1930, [с. 25—26]). В программе рабочих членов партии «Народной воли» говорилось, что «продукты общего труда должны делиться... между всеми работниками», для поддержки общин «учреждается русский государственный банк с отделениями в разных местах России».

Взгляды П. оказали нек-рое влияние на творчество Л. Н. Толстого. Антидемократич. идеи П. и его выступления против польского освободит. движения иногда подхватывали *славянофилы* и панслависты.

Б. Итенберг. Москва.

Ревизионисты, начиная с *Бернштейна*, пытались воскресить в европ. с.-д. движении прудонистский *реформизм*, облекая его в псевдомарксистские одежды. Утонченную форму этих попыток представляли центристские идеи *Каутского*, противопоставившего империалистич. агрессивному капитализму мелкобурж. утопию «мирного», «здорового» капитализма, что Ленин охарактеризовал, как «новый прудонизм» (см. Соч., т. 39, с. 91, 172). Сильное влияние оказывает прудонизм и на совр. *ревизионизм*, что подтверждает слова Ленина о том, что «...европейский реформист и оппортунист... когда хочет быть последовательным, неизбежно, договаривается до прудонизма» (там же, т. 6, с. 395). В то же время прудоновская критика демократии, партийной системы и классовой борьбы сделана источником вдохновения для ряда идеологов империалистич. реакции, фашизма и неомонархизма в Италии, Германии, Франции, Испании и странах Лат. Америки. Характерны в этом плане и повышенный интерес к идеям П. представителей совр. реакц. философии *персонализма*, равно как идеологов «человеческих отношений», «патернализма», и стремление нек-рых католич. и лютеранских теологов «примирить» его идеи с религией и церковью.

Соч.: Oeuvres complètes, t. 1—26, P.—Brux., 1867—70; Oeuvres complètes, nouv. éd., sous la dir. de C. Bouglé et H. Moysset, lt. 1—15], P., 1923—59 (изд. продолжается); Correspondance, v. 1—14, P., 1875; Mémoires sur ma vie, «Revue Socialiste», 1904, v. 40; Lettres inédites à Gustave Chaudey et à divers comités, Besançon, 1911 (совм. с Е. Droz); Lettres au citoyen Roland, P., [1946]; Carnets, v. 1—2, P., 1960—61; в рус. пер.: Война и мир, т. 1—2, М., 1864; Искусство, его основания и общественное значение, пер. под ред. Н. Курочкина, СПб., 1865; пер. А. П. Федорова, СПб., 1895; Литературные майораты, П., 1865; Франц. демократия (De la caracté politique des classes ouvrières), пер. под ред. Н. Михайловского, СПб., 1867; История конституционного движения в XIX столетии, СПб., 1871 (Франц. конституция XIX столетия и Наполеон III, ч. 1); Порукография, или Женщины в настоящее время, М., 1876; Бедность как экономич. принцип, М., 1908; Что такое собственность?, пер. Е. и И. Леонтьевых, [2 изд.], М., 1919.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 20—59; т. 13, с. 49—167; т. 18, с. 203—84, 296—301; т. 27, с. 401—42; Энгельс Ф., О Прудоне, в кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. 10, [Л.—М.], 1948; Мечников Л. И., Прудонова «Новая теория собственности», «Колокол», 1866, вып. 9, лист 218, 219, 221, 225, 226; факсимильное изд., М., 1964; его же, «Весть» о П., там же, лист 230; Жуковский Ю., П. и Луи Блан, СПб., 1866; Д-ев, П. Ж. Прудон, «Вестн. Европы», 1875, март, май, июль — декабрь; его же, Последние десять лет жизни П. Ж. Прудона, там же, 1878, июнь — сентябрь; Туган-Барановский И. М. И., П. Ж. П., его жизнь и обществ. деятельность, СПб., 1891; Михайловский Н. К., П. и Белинский, в кн.: Белинский В. Г., Соч., т. 4, СПб., 1896; Плеханов Г. В., Анархизм и социализм, Соч., 2 изд., т. 4, М., [б. г.]; Стеклов Ю. М., П., отец анархии (1809—1865), П., 1918; Горев Б., Роль П. в истории рус. мелкобуржуазного социализма, «Красная новь», 1935, кн. 1, янв.; Розенберг Д., История политич. экономии, ч. 3, М., 1936; Герцен А. И., Былое и думы, ч. 5, гл. 16, Соб. соч., т. 10, М., 1956; Застенкер Н. Е., П. и бонапартистский переворот 2 дек. 1851, «Ист. журнал», 1944, № 10—11; его же, Об оценке П. и прудонизма в «Коммунистическом манифесте», в сб.: Из истории социально-политич. идей, М., 1955; его же, П. и февральская революция 1848 г., Французский Ежегодник 1960, М., 1961; Кан С. В., История социалистич. идей, М., 1963, с. 223—30; Усакиа Т. И., М. Е. Салтыков-критик П., в кн.: Из истории обществ. мысли и обществ.

движения в России, [Саратов], 1964; Diehl K., P. J. Proudhon. Seine Lehre und sein Leben, Abt. 1—3, Jena, 1888—96; Desjardins A., P.-J. Proudhon. Sa vie, ses oeuvres, sa doctrine, v. 1—2, P., 1896; Rapport Ch., P. J. Proudhon et le socialisme scientifique, P., [1909]; Bouglé C., La sociologie de Proudhon, P., 1911; Nettlau A. M., Der Vorfrühling der Anarchie, B., 1925; Labry R., Herzen et Proudhon, P., 1928; A la lumière du marxisme, t. 2, P., 1937; Luba S. H. de, Proudhon et le christianisme, P., 1945; Guy-Grand G., Pour connaître la pensée de Proudhon, [Dole], 1947; Hauptmann P., Marx et Proudhon, Liège, 1947; Cogniot G., Le centenaire de «Philosophie de la Misère», «La Pensée», 1946, № 9; 1947, № 10; его же, Proudhon et la révolution de 1848, «Cahiers du Communisme», 1948, № 6; Dolléans E. et Puech J. L., Proudhon et la révolution de 1848, P., 1948; Halévy D., La vie de Proudhon. 1809—1847, P., 1948; Richter W., Proudhon's Bedeutung für die Gegenwart, в сб.: Abhandlungen zur Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftssoziologie und eine Studie über Proudhon, Bremen, [1951]; Gurtvitch G., Les fondateurs français de la sociologie contemporaine, fasc. 2—Proudhon P. J.—sociologie, P., 1955; Heintz P., Die Autoritätsproblematik bei Proudhon, [Köln], 1956; Woodcock G., P.-J. Proudhon, N. Y., [1956].

Н. Застенкер. Москва.

ПРУСТ (Proust), Марсель (10. VII. 1871—18. XI. 1922) — франц. писатель и мыслитель. Филос.-эстетич. взгляды П., нашедшие отражение в его осн. произведении — романе «В поисках утраченного времени» («A la recherche du temps perdu», v. 1—15, P., 1913—27, последние 6 тт. посмертно; nouv. éd., v. 1—3, P., 1955—56; рус. пер., т. 1—4, Л., 1934—38), отмечены сильным влиянием *интуитивизма* и отчасти совпадают с учением *Бергсона*. П. идеалистически противопоставлял иск-во обществ. практике людей, художеств. отображение действительности — науч. познанию и видел цель творчества в преодолении «практического», «условного» видения. Согласно П., представления человека о мире, обществе и самом себе недостоверны и только интуитивные восприятия позволяют постичь внутр. сущность явлений, являются основой произведения иск-ва (в романе П. акцентирует внимание на явлениях субъективного восприятия пространства и времени и особенно произвольной памяти). Убеждение в субъективности всякого знания является источником глубочайшего пессимизма П. и приводит его к выводу о «нереальности» обществ. жизни, о «невозможности» любви и человек. взаимопонимания, к представлению о человек. существовании как об «утраченном времени». Только иск-во, согласно П., освобождает человека из-под власти относительности и приводит к слиянию с вечностью. Эта метафизич. концепция иск-ва получила дальнейшее развитие у А. *Мальро*. П. предвосхитил ряд мировоззренч. установок франц. писателей-экзистенциалистов, в особенности их антиномно существование и сущности.

Соч.: Собр. соч., т. 1—4, Л., 1934—38 [вступ. ст. А. В. Луначарского в т. 1; Н. Я. Рыковой в т. 3].

Лит.: Потапова З. М., М. П., в кн.: История франц. лит-ры, т. 4, М., 1963; Толмачев М. В., М. П. «В поисках утраченного времени», «ВИМК», 1961, № 6 (30); его же, Эстетика М. П., «Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1964, № 218; Curtius E. R., Marcel Proust, P., 1928; Aghaam P., Proust, P., 1930; Brincourt A. et Brincourt J., Les oeuvres et les lumières. A la recherche de l'esthétique à travers Bergson, Proust, Malraux, P., [1955]; Picon G., Lecture de Proust, P., 1963. М. Толмачев. Москва.

ПСЕЛЛИ, М. — см. *Михаил Пселл*.

ПСИХЕЯ (от греч. ψυχή — душа, жизнь) — в греч. мифологии олицетворение жизни. П. изображалась в виде девушки. В различных вариантах миф о П. известен у мн. народов. Со времен Апулея («Золотой осел») тема любви П. и Эрота (Амура) широко использовалась в мировой лит-ре.

Корни мифов о П. уходят в глубокую древность. По первобытным представлениям, нек-рое лично-социальное начало (связанное с именем сосредоточение социальных и трудовых обязанностей) проходит цикл превращений: рождение—посвящение—смерть—рождение и т. д. Будучи важнейшим звеном цикла, рождение связывалось с участием женщины, которая

возвращает лично-социальное начало из мира теней в мир живых (см., напр., Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М., 1930, с. 204—44). Трактовка личного имени как комплекса социальных и трудовых обязанностей неслучайно в зародыше представления о метемпсихозе (переселении душ), воспоминании (обряды посвящения) и др. идеи, использованные впоследствии философией. Появление мифа о П. следует, вероятно, отнести к периоду ослабления т. н. «партиципации», когда коллективные представления подкреплялись внешними аналогиями — мифами (см. там же, с. 307 и след.).

Отталкиваясь от проблематики мифа и используя не только греч. мифологию, начинающая философия понимает под П. совокупность разнородных по происхождению представлений: стороны исходных противоположностей, особый тип причинных связей, управляющее личное начало и т. п. Вместе с тем исходная общность проблематики сохраняется весьма долго. В ранней философии П. — жизненное, а не познающее начало, она понимается в широком биологич. смысле. Эпихарм, напр., говорит: «курица не родит цыплят, а высиживает яйца, создавая этим способом психею» (Diog. L. III 16, Diels⁹).

Положение категории П. в конкретных системах во многом определялось переориентацией философии с проблем возникновения (*милетская школа*) на проблемы бытия (*элейская школа*, *Гераклит*). При этом диалектик. мотивы мифа (первичное единство — раздор — соединение разделенного с помощью Эрота в супружескую пару) были переработаны в более абстрактную схему: первичное единство — выделение противоположностей (сухое — влажное, теплое — холодное) — соединение противоположностей через влагу, метеорологич. явления (см. F. M. Cornford, *Principium sapientiae*, Camb., 1952, p. 189 и далее). Осмысливая в пределах этой схемы, П. конкретизируется в понятие животворящего семени, а позднее в руководящее, регулирующее поведение человека начало. Условием существования (или происхождения) П. оказывается влага, туман, воздух в функции Эрота. Уже *орфики* рассматривали П. как нечто «вдуваемое ветрами» (Arist., *De an.* 410 b) во все сущее, в т. ч. и в ночь — начало всего (Aristoph. 693). Близкая картина обнаруживается в кн. *Бытия* в событиях первого дня творения (Gen. I—II, 3), когда Земля не имела формы и пустоты, тьма лежала над поверхностью бездны, и дух (ветер) носился над водами. Преобразуя космогонию с ее характерным, идущим от мифа пониманием времени «генеалогическим древом» (Гесиод, *орфики*, кн. *Бытия*), Гераклит вводил вместо генеалогич. древа цикл вечных превращений (рождений — смертей), в к-рый включена и П.: «смертью психей рождается вода, смертью воды рождается земля, от земли же вода рождается, и от воды — психея» (В 36, Diels⁹). П. у Гераклита приобретает ряд дополнит. качеств: ей присущ «возрастающий логос» (В 115), что сообщает П. необычайную «глубину»: «Каким бы путем не идти, границ психей не найдешь: так глубок ее логос» (В 45). В зависимости от понимания логоса П. получает различные значения — от «души», познающей мир по объективным законам, до начала, к-рое направляет поведение и деятельность живых существ (см., напр., В 117, — где действия пьяного объяснены так: «душа его влажна», т. е. душа перерождается в воду).

Начиная с *Демокрита* в проблематику П. вводятся структурно-генетич. элементы: П. у Демокрита состоит из атомов, у Платона — из трех видов вечных сущностей, у Аристотеля П. образует особый для растений, животных и человека тип причинных связей.

В религ.-мистич., этич. концепциях П. — «души» (у поздних орфиков, в *пифагорействе*, особенно у Пла-

тона) первобытный взгляд на П. — вечное лично-социальное начало — преобразуется в дуализм П. и тела. Этот дуализм уже в орфизме (Cratyl. 400 В—С) связывается с этико-нравств. нормами: Дике докладывает Зевсу о делах людей в целях поощрения или наказания их душ. Тем самым П. включалась в иерархию религ. представлений, становилась объектом дисциплинарной практики верховного божества. Сама эта практика понималась начпная с Ферекида (по др. свидетельствам, с раннего орфизма) как переселение душ в целях их поощрения или наказания; с др. стороны, у пифагорейцев, затем у Платона оживляется древнейший мотив, т. н. «воспоминание», на к-ром основаны в первобытных обществах акты посвящения. У Платона «воспоминание» положено в основу этики, эстетики и гносеологии. Обладая врожденными мерами истинного и прекрасного, П. использует внешний мир лишь как повод для воспоминания (Sympr., Phaedr., Phaed., Tim., Theat., R. P., Menon). Наряду с П. — личным началом, Платон вводил универсальные начала: добрую и злую мировые души, к-рые математически упорядочивают (добрая) мир чувственных вещей и нарушают (злая) этот порядок; П. выступает как вечное семя жизни. Учение Платона о П. имеет параллели в более поздних филос. учениях и в христианстве.

Фрагменты: Маковельский А., *Досократики*, ч. 1—3, Каз., 1914—19; его же, *Софисты*, вып. 1—2, Баку, 1940—41; *Материалисты древней Греции*, М., 1955.

Лит.: Томсон Дж., *Исследования по истории древнегреч. общества*, т. 2 — Первые философы, М., 1959; Allan D. J., *The philosophy of Aristotle*, Oxf., 1952; Slaghorn G., *Aristotle's criticism of Plato's «Timaeus»*, Hague, 1954; Wisppear A. D., *The genesis of Plato's thought*, N. Y., 1956. М. Петров, Ростов н/Д.

ПСИХИКА (от греч. ψυχής — душевный) — свойство высокоорганизованной материи, возникающее на определенной стадии развития жизни и являющееся особой формой отражения. Животные обладают элементарной формой П., подчиняющейся биологич. законам. Высшая форма П. — сознание — присуща только человеку, является продуктом общественно-историч. развития и подчиняется социальным законам.

Непосредственно для человека, субъективно П. выступает в виде доступных самонаблюдению явлений — ощущений, восприятий, представлений, мыслей, чувств и т. п. Объективные выражения П. обнаруживаются путем наблюдения над др. людьми, их разнообразными действиями, речью, мимикой и т. п. Посредством П. человек познает, отображает мир и ориентируется в нем — регулирует свою деятельность.

Идеалистич. психология видит в П. проявление особой, независимой от материи и подчиняющей ее себе духовной субстанции и не может решить т. н. *психофизическую проблему*, объяснить связь П. с телом. Эта проблема оставалась неразрешимой и для метафизич. материализма, к-рый игнорировал качеств. своеобразие П.

Диалектич. материализм рассматривает П. как одну из форм отражения, возникающего в результате специфич. взаимодействия высокоорганизованных живых систем с окружающей их средой. П. является предметом многостороннего науч. изучения. Установление связи между различными аспектами ее анализа представляет собой весьма трудную дискуссионную проблему. В качестве наиболее общего подхода к решению этой проблемы можно предложить различение двух тесно связанных между собой, но существенно различных аспектов — гносеологического и конкретно-научного.

В гносеологич. аспекте П. рассматривается с т. зр. ее отношения к отраженной в ней действительности. Если иметь в виду высшую (и вместе с тем наиболее исследованную в науке) — человек. форму П.,

то гносеологич. аспект ее анализа непосредственно связан с *основным вопросом философии* и здесь понятие П. по своему осн. смыслу отождествляется с понятиями сознание, мысль, разум, *идея*, дух и т. п. С этой т. зр. П. выступает как вторичное, производное от материи. Гносеологич. анализ по самой своей сути требует рассмотрения П. и материи как взаимно противоположных, поскольку предметом этого анализа является именно отношение бытия и сознания. Однако такое противопоставление правомерно лишь в пределах осн. вопроса философии. «За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (Ленин В. И., Соч., т. 14, с. 233).

Т. о., в гносеологич. аспекте П. выступает как нематериальное, как *идеальное, образ*. В основе идеального лежит взаимодействие материальных предметов, в к-ром один из воздействующих предметов как бы накладывает отпечаток на другой, благодаря чему возникает возможность судить по изменению структуры одного предмета о структуре другого, а само видоизменение структуры может быть рассмотрено как копия, образ предмета, оказавшего воздействие. Условием возникновения образа является не только природа предмета, оказавшего воздействие, но и собств. природа предмета, в к-ром это воздействие запечатлено. Чтобы отпечаток воспринимать как копию, его необходимо «освободить» от его носителя, иначе будет виден не отпечаток одного предмета в другом, а сам предмет — носитель отпечатка. Такое освобождение возможно только в *абстракции*, доступной лишь человеку, решающему познават. задачу (именно это отделение отличает абстракцию от простого предметного расчленения). Т. о., идеальное есть филос. категория, противоположная по своему значению материальному, характеризующая продукты психич. деятельности человека и наполняющаяся смыслом лишь в гносеологич. анализе.

Вне гносеологич. аспекта мышление рассматривается, как это принято говорить, со стороны его материальной основы, как материальный процесс взаимодействия человека с окружающим, в ходе к-рого у человека формируются материальные структуры, представляющие его П., являющиеся продуктом и условием данного процесса. Специфич. органом, воплощающим в себе такие структуры у человека, является *головной мозг*. Этот аспект рассмотрения П. является уже не гносеологическим, а *к о н к р е т и о н а у ч н ы м*. Положение классиков марксизма-ленинизма о том, что признать мысль материальной, отождествить мысль с материей означает сделать утку идеализму, и о том, что нельзя отделить мышление от материи, к-рая мыслит — есть диалектико-материалистич. характеристика психического, взятого в обоих аспектах его исследования.

Классики марксизма-ленинизма исследовали понятие П. прежде всего применительно к *теории познания* диалектич. материализма, поэтому ими гл. обр. рассматривался гносеологич. аспект П. Конкретно-науч. подход намечался ими лишь принципиально, в плане его общепилос. трактовки, исходя из достигнутых к тому времени науч. знаний. Ленин отмечал, что для конкретного решения вопроса о возникновении способности ощущения собрано еще недостаточно данных: «...остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из таких же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает его к разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям» (там же, с. 34).

Конкретно-науч. анализ П. составляет задачу *психологии*, физиологии, биофизики, биохимии, а в последние годы в известной мере и *кибернетики*. Общим для всех этих наук является стремление понять П. как специфич. средство, в к-ром и через к-рое реализуются процессы *жизни*. К наст. времени относительно более продвинутым оказался физиологич. анализ П. Развитие же психологич. аспекта анализа П. долгое время тормозилось давлением многовековых традиций идеализма, а также влиянием механицизма. Идеализм всецело сводил П. к идеальному и тем самым на деле отрицал ее объективно реальное бытие. В этих условиях конкретно-науч. анализу оставалось лишь исследование физиологич. деятельности мозга, законы к-рой якобы и есть законы формирования образа. Но прямое соотнесение образа как отображения действительности с физиологич. деятельностью мозга, необходимой для возникновения такого образа, неправомочно. Физиологич. анализ, конечно, является необходимой составной частью конкретно-науч. анализа П., без него не могут быть поняты механизмы процесса отражения. Но физиологич. анализ не охватывает всех самых существ. сторон П. Между гносеологич. и физиологич. анализом П. лежит пропущенное звено — собственно психологич. анализ.

Психологич. анализ П. направлен на выявление строения и функций П. как специфического для высокоорганизованной живой системы продукта и условия ее взаимодействия с окружающим миром. Особенности такого взаимодействия выступают в общем виде прежде всего как особенности способа ориентирования живой системы относительно окружающего. Во всех допсихич. формах взаимодействия ориентирование одного тела относительно другого осуществляется либо как непосредств. контакт тел — компонентов системы взаимодействия, либо через силовые поля, образуемые во взаимодействии или свойственные одному из тел. Ориентирование же высокоразвитых живых систем относительно окружающего выступает как качественно своеобразная, особая форма опосредованного отношения. Для этой формы характерно использование носителей информации, построение динамич. моделей действительности (окружающей среды и внутр. состояний живой системы) на основе переработки этой информации. Подобные модели, опосредствующие отношение живой системы к окружающему, являются для нее осн. средством, обеспечивающим ориентацию в среде. Именно на этой основе осуществляется специфическое для живого сближение с благоприятствующим и удаление от разрушающего, отсутствующее в неживой природе. Такая форма ориентации и есть психич. форма.

Возникновение П. находит выражение в факте выделения *субъекта*, с одной стороны, и *объекта* — с другой, а систему взаимодействия этих образований характеризует качественно новый тип связи — *с и г н а л ь н ы е* связи (следует иметь в виду, что в данном случае речь идет не о собственно сигналах как таковых, к-рые, конечно, могут быть и нетождественны психич. моделям, а именно об особом типе связи). Они требуют наличия у субъекта чувствительности — особой формы раздражимости, способности к ощущению. Конкретно эта способность возникает тогда, когда для индивида становятся значимыми не только те связи, к-рые обеспечивают непосредств. удовлетворение потребности в обмене веществ, но и те, посредством к-рых он соотносится с другим, на первый взгляд нейтральными воздействиями; именно на основе связей второго типа индивид ориентируется в среде. Т. о., субъект в психологич. смысле — это индивид, способный к сигнальному взаимодействию со своим окружением. В той же мере, в какой субъект не тождествен организму, объект не тождествен

среде. Объектами являются предметы или явления, выраженные в тех их св-вах, с к-рыми индивид — как субъект — вступает в сигнальное взаимодействие. Человек под полным наркозом остается организмом, но перестает быть субъектом: он продолжает взаимодействовать со средой лишь как организм, на основе соответствующих связей; объекты же для него в этой ситуации не существуют, взаимодействие субъекта с объектом «выключается».

Сигнальное взаимодействие со средой осуществляет не только человек, но и любое животное; намеки на такое взаимодействие имеются даже у растений, особенно у т. н. растений-хищников. Поэтому понятие «субъект» является более широким, чем понятие «человек». Человека же отличает от др. представителей животного мира то, что он является не просто субъектом, но познающим субъектом.

В ходе эволюции живых существ, на основе постоянной дифференциации и интеграции организма, неразрывно связанной с особенностями развития способов взаимодействия субъекта с объектом, формировался спец. орган П. У высших животных и человека таким органом является кора больших полушарий головного мозга (подробнее об эволюции П. на основе общей биологич. эволюции см. статьи *Жизнь, Антропогенез, Зоопсихология*).

Индивид, выступая как субъект, является компонентом системы субъект — объект. В то же время он остается и организмом, т. е. системой, физиологически взаимодействующей со средой. Но физиологич. законы не могут быть распространены на процессы взаимодействия субъекта с объектом, и, следовательно, структура П. не может быть отнесена к физиологич. явлениям. Психическое в его отношении к физиологическому выступает как структурная совокупность относительно простых физиологич. реакций, протекающих в закономерной последовательности. Каждая отд. физиологич. реакция строится по законам физиологии, но комплекс этих реакций, в его структурности, строится по законам психологии. Психическое складывается в недрах физиологич. явлений как производное от них. Однако первичность физиологического по отношению к психическому не абсолютна: по мере своего развития взаимодействие субъекта с объектом оказывает на физиологическое существенное обратное влияние.

П. человека — высшая форма развития П. Она возникла в связи с появлением особой формы управления, характерной для социального взаимодействия. Решающая роль в развитии П. человека принадлежит наиболее специфическому для человека способу взаимодействия с окружающим — *труду*. Реальными условиями развития человек. П. явились различные формы социального общения, осн. средством осуществления к-рых выступает *речь*. Т. о., переход к П. человека связан с возникновением особой — социальной формы взаимодействия. Психич. системы субъект — объект на уровне животного мира были компонентами лишь биологич. взаимодействия, к-рое посредством механизма естеств. отбора и направляло «сверху» психич. развитие животных, определяя особенности их способа связи с окружающим. Животное не преобразует среду целенаправленно, оно лишь приспосабливается к ней. Изменения, вносимые животным в среду, выступают для него как рядоположные со всеми прочими изменениями, возникающими в среде независимо от его деятельности. Результат действия в отношении факторов среды не приобретает при этом того специфич. значения, к-рое обнаруживается у человека: животное не вычленяет среди воздействий среды того, что является продуктом его собств. действия. Становление социального взаимодействия принципиально меняет пути развития П. Это прежде всего

сказывается в преобразовании способа связи субъекта с окружающей действительностью: и человек, подобно животным, приспосабливается к среде, но для него характерно иное — подчинение природы себе, т. е. целенаправленное, сознат. преобразование среды. С психологич. стороны такое преобразование осуществляется возможным благодаря тому, что среди действий, оказываемых на человека средой, он выделяет такие, к-рые являются результатом его собств. деятельности: продукт действия человека приобретает для него особое значение. Это обуславливает гл. особенность П. человека — возможность намеренного предвидения событий и планирования своих действий.

Переход к П. человека связан с перестройкой органа П. — мозга и прежде всего с появлением второй *сигнальной системы* — сигнализации действительности словом (И. П. Павлов).

Ведущей формой психич. взаимодействия является *мышление* (понимаемое здесь в конкретно-науч. аспекте). Оно проявляет себя в ситуациях, где для решения задачи необходимо нахождение нового, не известного до этого субъекту способа изменения окружающих условий для удовлетворения потребностей. Элементарные формы мышления свойственны и животным; однако у них мышление протекает лишь во внешнем плане и всецело зависит от непосредств. условий данной ситуации, ход решения задачи лишен замысла, программы действий. Динамич. модели этого уровня фиксируют взаимодействие субъекта и объекта в слитном виде: действия не отчленены от предметов, то и другое дано недифференцированно. Подобные модели имеют место и у человека при неосознаваемом приспособлении к среде; это первичные динамич. модели, с т. зр. гносеологической выступающие как собственно изображения.

Однако специфич. особенностью человека является способность строить вторичные, знаковые модели действительности. Они основаны на специфически человек. речевом мышлении, к-рое выделяется из практики как теоретич. деятельность. Благодаря развитию второй сигнальной системы мышление переносится во внутр. план действий, ход решения задачи направляется замыслом, строится программа действий. Объектом при этом могут быть не только реальные предметы, но и сами психич. модели. Первичные модели дифференцируются и на их основе формируются вторичные, знаковые, уже расчлененно представляющие взаимодействие субъекта с объектом, т. е. отделяющие отношения субъекта к объекту от отношений самих объектов. Сама деятельность субъекта становится одним из объектов познания. В гносеологич. аспекте эти модели выступают как понятия, суждения, умозаключения, отражающие закономерности движения объектов, их отд. стороны, св-ва (нередко недоступные непосредств. восприятию), существ. связи и зависимости. Будучи объективированными (напр., в *языке*), продукты мышления перестают быть результатом деятельности лишь отд. индивида, становятся и предметами действий др. людей, образуя обществ. познание, обществ.-историч. опыт. В индивидуальном развитии совр. человека П. формируется в процессе овладения этим опытом, овладения исторически сложившимися формами и способами деятельности.

При господстве биологич. законов достижения филогенетич. развития животных закрепляются в форме изменений самой их биологич. организации. Антропогенез расчленяется на ряд стадий, в к-рых биологич. закономерности все больше уступали место социальным. Появление человека в собств. смысле связано с установлением полного господства социальных законов. Совр. человек обладает уже всеми морфологич. и физиологич. св-вами, необходимыми для его безграничного обществ.-историч. развития, в

к-ром биологич. организация человека не подвергается существ. изменениям, а результаты развития фиксируются уже не биологич. аппаратом, а специфически социальными средствами. Центр. процесс, характеризующий психич. развитие ребенка, — это процесс усвоения им достижений развития предшествующих поколений людей. Биологически наследуемые особенности составляют лишь необходимое условие этого усвоения. Такой процесс протекает во взаимодействии ребенка с созданным обществом предметами и явлениями, в предметном и речевом общении с окружающими людьми, в совместной деятельности с ними. В этом процессе и формируются собственно человек. способности, формы поведения, качества личности.

Существ. сдвиги в понимании конкретно-науч. аспекта П. произошли в связи с развитием кибернетики. Конструирование совр. технич. систем, все более широко моделирующих специфич. функции человека, выдвинуло задачу более широкого и всестороннего исследования психич. процессов. При этом, с одной стороны, данные, полученные в исследовании П., используются для нужд кибернетики, с другой — средства и методы кибернетики применяются для исследования психич. процессов.

Лит.: Маркс К., Экономическо-философские рукописи 1844 года, Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., М., 1956; его же, Введение (Из экономич. рукописей 1857—1858 годов), Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12; Энгельс Ф., Диалектика природы, там же, т. 20; Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., 4 изд., т. 14; его же, Философские тетради, там же, т. 38; Рубинштейн С. Л., Основы общей психологии, М., 1946; его же, Бытие и сознание, М., 1957; его же, Принципы и пути развития психологии, М., 1959; Леонтьев А. Н., Проблемы развития П., 2 изд., М., 1965; Смирнов А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; Пономарев Я. А., Психология творческого мышления, М., 1960. См. также лит. при ст. Психология. Я. Пономарев. Москва.

ПСИХОАНАЛИЗ — психологич. учение, разработанное в конце 19 — нач. 20 вв. Фрейдом. В П. следует различать технику П. как метод психологич. исследования бессознательных психич. процессов, связанную с ней терапию и основанную на них теорию П. — совокупность взаимно связанных гипотез о строении и функциях психич. аппарата в целом. От теории П. следует отличать *фрейдизм*, возводящий положения П. в ранг философско-антропологич. принципов. Возникновение П. означало резкий разрыв с существовавшими в конце 19 в. психологич. теориями и методами. Одновременно с этим П. предвосхитил ряд положений совр. науч. психологич. исследования (построение структурных моделей явления, учение о гомеостазисе, противопоставление энергии и структуры, общие принципы изучения сложной развивающейся системы, отличные от традиц. эволюционизма). В психологии П. означал переход от внешнего описания изолированных психич. явлений к раскрытию лежащих в их основе «глубинных механизмов». Отдельные положения П. можно обнаружить у Гербарта (учение о бессознательных идеях), Фегнера (о психич. энергии), у Шарко и Пьера Жана (психологич. теория неврозов); понятие «вытеснение» встречается в соч. Шопенгауэра. Предшественником П. явился т. н. катартич. метод (см. *Катарсис*), предложенный в 1882 венским психиатром И. Брейером, к-рый показал, что можно достигнуть излечения тяжелой формы истерии (известный случай Анны О.), если с помощью гипноза заставить пациента вспомнить и «отреагировать» забытую им травматич. ситуацию, послужившую источником невроза. Позднее Фрейд заменил гипноз, дававший неустойчивые результаты, методом свободных ассоциаций, к-рый лег в основу техники П. Метод свободных ассоциаций обнаружил, что травматич. события, аффективные переживания, неисполнившиеся желания и т. п.

только по видимости исчезают из психики. На деле же они подвергаются «вытеснению» — активному удалению из сознания в сферу *подсознательного*. Не находя прямого выхода в сознании, вытесненное продолжает, однако, активно воздействовать на психич. жизнь, проявляясь часто в замаскированной, «зашифрованной» форме в виде невротич. симптомов. Последние раскрываются как компромиссные психич. образования, возникшие в результате столкновения вытесненных влечений с противостоящей им внутр. «цензурой», представляющей собой механизм защиты сознательного «Я» против опасных влечений и импульсов. Сходной с невротич. симптомами внутр. структурой обладают и сны (см. З. Фрейд, Толкование сновидений, М., 1913). То, что проявляется в сознании спящего как картина сновидения, — лишь конечный результат бессознательной психич. деятельности, итог борьбы противоположно направленных психич. сил (вытесненного материала и цензуры). Сновидение — галлюциаторное символич. исполнение вытесненных желаний. Такого же рода компромиссные образования можно открыть в ошибочных действиях (оговорках, опiszках и т. д.), а также в островах, представляющих собой модель для выявления структуры неврозов. Эти наблюдения вывели П. за пределы собственно психиатрии и позволили установить связь между нормальными и патологическими психич. явлениями. В тех и других П. обнаружил общие психич. механизмы символизации, замещения, конденсации и др.

Основы совр. теории П. составляет учение об общих принципах функционирования психики (метапсихология), структурная теория строения психич. аппарата и учение о способах распределения и трансформации психич. энергии (психодинамика).

С т. зр. метапсихологии каждое психич. явление должно быть раскрыто в трех аспектах — динамическом, энергетическом и структурном. Динамика рассматривает психич. процессы как результат взаимодействия и столкновения различных психич. сил. Энергетика — количество и распределение связей и свободной энергии, вовлеченной в тот или иной процесс. Структурный подход основан на пространств. модели психич. аппарата; в пространстве локализованы родственные группы психич. функций, причем оно не является внутренне однородным и подчиняется различным закономерностям в отд. своих частях. В основе психоаналитич. модели психики лежит представление о психич. энергии, действующей в пределах определенной неоднородной структуры. По аналогии с физич. энергией П. вводит понятие о количестве (квантуме) психич. энергии, о «зарядах» психич. энергии (катексисах), о различных способах распределения и перемещения психич. энергии.

На первом этапе развития П. разрабатывал учение о различных формах и проявлениях психич. энергии с акцентом на сексуальных влечениях (*libido*), поскольку, в отличие от влечений к самосохранению, они обладают способностью к вытеснению и сложной трансформации. В процессе индивидуального развития *libido* локализуется в различных телесных зонах, определяя фазы психосексуального развития, в ходе к-рого меняется и объект влечения: от аутоэротизма через эдипов комплекс к внешнему объекту. Инфантильные компоненты сексуальности, подвергаясь в ходе индивидуального развития наиболее глубокому вытеснению, обладают и наибольшим патологич. потенциалом; создавая гл. источник психоневрозов, они влияют на формирование характера. Столкнувшись с внешним препятствием, *libido* может возвращаться на пройденные этапы развития, приобретая форму патологич. регрессии (лежащей в основе психозов), и наряду с этим отклоняться

от первонач. целей, образуя основу сложных процессов творчества.

Учение о психич. структуре возникло в П. позднее, чем учение о влечениях (З. Фрейд, «Я и Оно», М., 1921, и др.). С т. зр. структурной теории психич. аппарат есть единство трех систем, находящихся в постоянном взаимодействии. Наиболее архаическая, безличная часть психич. аппарата получила наименование Id («Оно») — это резервуар психич. энергии, «кипящий котел» влечений, стремящихся к немедленному удовлетворению. Id — часть психики, связанная с соматич. областью, служащей для нее источником энергии влечений. Она лишена контактов с внешним миром и не знает различия между внешней реальностью и субъективной сферой. Сознательное «Я» (Его) формируется как «оттиск» внешней реальности на начальной массе влечений и импульсов. Среди факторов формирования Его особую роль П. придает различным типам идентификации, бессознат. уподоблению с объектами (лицами) внешнего мира. Его — посредник между внешним миром и Id, влечением и удовлетворением. В отличие от Id, оно руководствуется не принципом удовлетворения, а требованиями реальности. Значит. часть энергии расходуется на сдерживание и контроль иррациональных импульсов Id, против к-рых Его воздвигает оборонительные рубежи (антикатексисы), используя для этого различные защитные механизмы. Генетич. классификация последних дана дочерью основоположника П. Анной Фрейд (A. Freud, *Ego and the mechanisms of defence*, L., 1946). Эти механизмы функционируют бессознательно, хотя имеют сознат. аналогии. Важнейший из них — вытеснение. Как правило, вытесненный материал сохраняет значит. катексис энергии и стремится вернуться в сознание при любых ослаблениях антикатексисов, чем поддерживается постоянное динамич. напряжение на рубежах вытеснения, на границе Его и Id. Эти затраты энергии нередко приводят к ослаблению др. операций Его, и целью психоаналитич. терапии является снятие излишних антикатексисов. К числу защитных механизмов относится также реактивное образование, построенное на амбивалентности влечений, при к-ром к.-л. влечение заменяется в сознании на противоположное (сохраняя в бессознательном свой первонач. характер). Так, бессознат. любовь может проявляться как сознат. ненависть, жестокость — как чрезмерная доброта и т. д. Механизм проекции есть перенесение собств. желаний и импульсов вовне, что играет большую роль в параноидных психозах, а также в формировании расовых и т. п. предрассудков. При механизме инверсии человек, не осмеливаясь направить свой гнев на первонач. объект, обращает его на себя («рвет на себе волосы»), что может быть связано с бессознат. идентификацией («идентификация с агрессором» — по терминологии Анны Фрейд). Третья психич. структура — Super-Ego (Сверх-Я) — формируется в результате интроекции предписаний родителей и воспитателей, выражающих установки социальной среды. Напряжения в психич. структуре, вызываемые Super-Ego, воспринимаются как чувства страха и вины. Хотя Super-Ego функционирует бессознательно, оно имеет и сознат. аналогии (совесть, идеал-«Я»). Ему присущи архаич. формы морали («око за око» — *lex talionis*, букв. — закон возмездия). Действия Super-Ego приводят к бессознат. потребностям в испулении и самонаказании и служат, согласно П., источником религ. доктрины первородного греха; оно само может стать источником преступных действий, причем чувство вины в таком случае есть уже не следствие, а причина преступления (Т. Рейк, 1926). Деятельность Super-Ego может выразиться в неожиданном провале карьеры («невроз судьбы»), в «случайных» травмах, несчастных слу-

чаях и т. д. Поэтому Super-Ego само может быть источником опасности и Его должно использовать против него те же защитные механизмы, что и против Id. Поскольку запреты воспитателей обычно имеют форму словесного приказа, Super-Ego сохраняет тесную связь со слуховыми восприятиями (голос совести). Отд. социальные группы обладают общностью Super-Ego вследствие идентификации его с одним и тем же лидером (Фрейд, 1921). Резкая перестройка Super-Ego может наступить и в зрелом возрасте (религ. и политич. *обращение*). В норме все три психич. системы (Id, Его и Super-Ego) пребывают в относительно равновесии. Однако при психич. заболеваниях эти отношения нарушаются. Так, в основе инфантилизма лежит регрессия к примитивным стадиям организации *libido*, ведущая к господству над Его (П. Шильдер, 1927), при этом сами функции Его не разрушаются, но приходят в расстройство из-за ослабления энергетич. системы Его. Напротив, в параноид. регрессии протекает при сохранении синтетич. способностей Его, а формы мышления наполняются патологич. содержанием, вызванным регрессией. При маниакально-депрессивном психозе нарушаются нормальные связи между тремя системами, причем в фазе депрессии Его оказывается во власти Super-Ego с его потребностью в наказании и чувством вины, а в фазе мании Его подпадает под власть импульсов Id.

Распространение П. в Европе началось примерно с 1908, когда возникла Международ. психоаналитич. ассоциация [ранее было создано об-во психоаналитиков в Вене (1906)], и особенно интенсивно шло в годы после 1-й мировой войны. В 1920 был открыт Психоаналитич. институт в Берлине (под руководством К. Абрахама), начавший выпускать проф. врачей-аналитиков. Однако с приходом к власти фашизма П. подвергается гонениям в Германии, с 1938 — на его родине в Австрии, а также в Венгрии, давшей ряд психоаналитиков с мировым именем (Ш. Ференци, Г. Рохейм, М. Клейн и др.). С этого времени начинается быстрое развитие П. в Англии и особенно в США, куда эмигрировало большинство психоаналитиков из Европы. Ныне на США приходится св. 3/4 всей публикуемой лит-ры по П.; там организовано св. 20 учебных и исследовательских институтов П. В годы после 2-й мировой войны П. распространяется в Лат. Америке и ряде стран Азии (особенно Японии и Индии). В традиционно католич. странах развитие П. препятствовало отрицат. отношение церкви (лишь в 1950 папской буллой было разрешено католикам лечиться у врачей-аналитиков).

Развитию П. с самого начала мешал догматизм, стремление принимать за непреложную догму все положения Фрейда, а также существование замкнутых психоаналитических обществ, недоступных для непосвященных, и отрыв от общей психологии, связанный с малой доступностью применяемых П. методов, овладение к-рыми требует специальной долготейшей тренировки. Лишь к 40-м гг. экспериментальная психология разработала достаточно точные методы, чтобы приступить к проверке концепций П. Это выявило в П. ряд неточностей и недоработок, к-рые привели к перестройке и уточнению мн. положений П. (первый обзор экспериментальных данных у Р. Сирс, 1943; подробнее — см. кн. «*Psychoanalysis as science*», Stanford, 1952). Среди новых течений в П. следует отметить разработку Эго-психологии (Г. Гартман и др.) и связанный с ней перенос центра тяжести изучения с бессознательных на сознат. процессы, а также разработку П. детского возраста, проводимую гл. обр. британской группой психоаналитиков, возглавляемой Мелани Клейн (1882—1960). Развитие П. в континент. Европе в послевоенные годы проходило в значит. мере под влиянием философии

экзистенциализма (экзистенциальный анализ Л. Бин-свангера, мед. антропология и др.). Из П. выделился ряд самостоят. направлений и школ (см. Юнг, «Индивидуальная психология», Ранк, Неофрейдизм и др.).

Лит.: Рапк О., Закс Г., Значение П. в науках о душе, пер. с нем., М., 1914; Фрейд З., Лекции по введению в П., тт. 1—2, М.—П., 1922; его же, Осн. психол. теории в П., М.—П., 1923; его же, Методика и техника П., М.—П., 1923; П. и учение о характерах. [Сб. ст.], М.—П., 1923; Лурья А., П. в свете осн. тенденций совр. психологии, Каз., 1923; его же, П. как система монистич. психологии, в сб.: Психология и марксизм, Л., 1925; П. детского возраста. [Сб. ст.], М., 1924; Быховский Б., Метапсихология Фрейда, Минск, 1926; Фрейд А., Введение в технику детского П., пер. с нем., Одесса, 1927; Рейх В., Диалектик. материализм и П., «ПЗМ», 1929, № 7—8; Ширвиндт М. Л., П., в кн.: Осн. течения совр. психологии, М.—Л., 1930; Франк С., П. как мирозерцание, «Путь», 1930, № 25; Бассин Ф. А., Фрейдизм в свете совр. науч. дискуссий, «Вопр. психологии», 1958, №5—6; Хинклер Г. Д. ж., Социология и П., в кн.: Г. Беккер, А. Босков, Совр. социол. теория, пер. с англ., М., 1961; Негман И., Psychoanalyse und Logik, W., 1924; его же, Die Psychoanalyse als Methode, W., 1934; Politzer G., Critique des fondements de la psychologie, 1 — La psychologie et la psychanalyse, P., 1928; Dalbierz R., La méthode psychanalytique et la doctrine freudienne, 2 éd., t. 1—2, P., 1949; Musatti C. L., Trattato di psicoanalisi, 2 ed., v. 1—2, Torino, 1950; Developments in psychoanalysis, L., 1952 (Intern. psychoanalytical library, № 43); Psychoanalysis as science, ed. E. Pumpian-Mindlin, Stanford, 1952; Delpre R., Psychoanalysis et cybernétique, Actes de XI Intern. Congrès Philos., 1953, v. 7; Psychoanalysis and the scientific method, «Scientific Monthly», 1954, v. 79, № 5; Brunswik F., Psychoanalysis and the unity of science, [Boston], 1954; Браатоу Т., Fundamentals of psychoanalytic technique, N. Y.—L., 1954; New directions in psychoanalysis, ed. M. Klein [a. o.], [L., 1955]; Outline of psychoanalysis, ed. C. M. Thompson [a. o.], Toronto, 1955; Солюбу К., Energy and structure in psychoanalysis, N. Y., 1955; его же, An introduction to psychoanalytic research, N. Y., 1960; его же, Research in psychoanalytic information theory, «Amer. Scientist», 1961, v. 49, № 3; Grinstein A., The index of psychoanalytic writings, v. 1—5, N. Y., 1956—60; La psychanalyse d'aujourd'hui de S. Nacht, t. 1—2, P., 1956; Entfaltung der Psychoanalyse, Stuttg., 1956; Destin de la psychanalyse, P., 1956 (La Table ronde, № 108); Ilückert H. R., Konflikt-Psychologie, Münch.—Basel, 1957; Görrer A., Methode und Erfahrungen der Psychoanalyse, Münch., 1958; Conceptual and methodological problems in psychoanalysis, N. Y., 1959; Psychoanalysis. Scientific method and philosophy. A symposium, ed. S. Hook, N. Y., 1960; Rapoport D., The structure of psychoanalytic theory, [N. Y.], 1960; This B., La psychanalyse. Science de l'homme en devenir, [Tournai], 1960; Bally G., Einführung in die Psychoanalyse S. Freuds, [Hamb.], 1961; Scriven M., Psychoanalysis and parapsychology in frontiers of science, Pittsburg, 1962, p. 79—130.

Иеродич. изд.: «Imago» (Zeitschrift für psychoanalytische Psychologie, ihre Grenzgebiete und Anwendungen), Bd 1—23, W.—Lpz., 1912—37; «Psychoanalytic Review», v. 1, N. Y., 1913—; «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse», Bd 1—25, W.—Lpz.—Z., 1913—40; «The International Journal of Psychoanalysis», v. 1, L., 1920—; Almanach der Psychoanalyse. Hrsg. von A. I. Storer, Jg 1—13, W., 1926—38; «Revue française de psychanalyse», v. 1, P., 1927—; «Psychoanalytic Quarterly», N. Y., 1932—; «American Imago», v. 1, Boston, 1939—; «The Yearbook of Psychoanalysis», v. 1—10, N. Y., 1945—54; «The Psychoanalytic Study of the Child», v. 1, N. Y., 1945; «Annual Survey of Psychoanalysis», v. 1, N. Y., 1950—; «La psychanalyse (Société française de psychanalyse)», v. 1, P., 1956—; «The Psychoanalytic Study of Society», v. 1, N. Y., 1960; «Jahrbuch der Psychoanalyse», Köln—Opladen, Bd 1, 1960. Д. Ляликов. Москва.

ПСИХОЛОГИЗМ (в логике) — т. зр., согласно к-рой логика является частью психологии или по крайней мере зависит от психологии. Эта т. зр. основана на известном определении логики как науки о правильной мысли (о правильных формах мышления) в соединении с обычным пониманием мышления как психич. деятельности, являющейся гл. предметом психологии. Проблема психол. обоснования логики и соответственно психол. трактовка логич. понятий сложилась в 19 в. в работах Х. Зигарта, В. Вундта, Т. Липпа, Б. Эрдмана и др. С появлением математической логики П. стал противопоставляться логицизму, к-рый выступил с резкой критикой П.: «То, что называется „психологизмом“ в логике, — признак упадка логики в современной философии» (Лукасевич Я., Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики, пер.

с англ., М., 1959, с. 48). Известной критике П. подвергся и в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля (рус. пер., т. 1, СПб., 1909). Однако на связи логики и психологии продолжали настаивать не только мн. философы, но и логики и математики (А. Пуанкаре, Э. Гобло, Ф. Энрикес, Ф. Гонсет и др.) и психологи (Г. Штёринг, Т. Диген, И. Херман, Э. Риньяно, Ж. Пиаже и др.). Определенную, хотя и косвенную, поддержку П. получил со стороны сигнифики и интуиционизма, а также в последнее время в работах по прагматическому и ультраинтуиционистскому обоснованию логики и математики (см. Прагматика).

Лит.: Энрикес Ф., Проблемы науки, пер. с итал., ч. 1, М., 1914; G oblot R., Traité de logique, 5 éd., P., 1929; Gonseth F., Qu'est que la logique?, P., 1937; Негман И., Psychoanalyse und Logik, W., 1924; Mannheim G., Les fondements psycholinguistiques des mathématiques, Néhat., 1947; Łukasiewicz J., Logika a psychologia, в кн.: Z zagadnień logiki i filozofii, Warsz., 1961; Ajdukiewicz K., Logika pragmatyczna, Warsz., 1965. М. Новоселов. Москва.

ПСИХОЛОГИЗМ В СОЦИОЛОГИИ — подход к изучению обществ. проблем и социальных процессов, при к-ром в поле зрения социолога оказываются преимущественно явления психологии, характерные для индивида или социальной группы, но рассматриваемые изолированно от условий материальной жизни общества, вне их обусловленности объективной логикой историч. развития. Внимание социолога сосредотачивается на проявлениях и формах человеческого поведения, изучении его психол. механизма и субъективных побудит. мотивов, что само по себе заслуживает внимания. Однако все эти процессы рассматриваются (прямо или косвенно) в качестве самостоят. или даже определяющих движущих сил истории.

Из всей совокупности социальных связей в качестве основных выделяются межличностные, межклассовые отношения или различные типы взаимодействия между отношениями людей, а отношения материальные, производственные, социально-экономические и классовые (в классовом обществе) либо исследуются лишь с т. зр. их зависимости от первых, либо остаются вовсе вне социол. анализа. При этом всякая социальная группа и даже общество в целом с позиций П. в с. трактуется прежде всего как некая идейно-психол. общность, как совокупность отношений, влияний и коммуникаций в сфере сознания, как «коллективный психич. субъект».

Характерные черты П. в с. присутствовали во многих направлениях и течениях домарксистской социологии. Однако лишь к концу 19 в. в бурж. социологии сложился ряд самостоят. психол. школ, прежде всего представленных школами Тарда, Лебона и Мак-Дугалла. В нач. 20 в. П. в с. во все большей степени стал развиваться не в русле отд. школ, а в качестве одного из осн. элементов бурж. эмпирич. социологии, тяготеющей к философии позитивизма. П. в с. начинает во все более четкой форме выступать как совокупность методол. принципов, приемов и теоретич. предпосылок исследования обществ. проблем. Эти принципы и предпосылки начали разрабатываться амер. социологами Уордом, Кули, Э. Россом, Мидом, франц. социологом Дюркгеймом и др. Становление П. в с. в 20 в. связано с определ. эволюцией в истолковании самой духовной жизни обществ. человека. На первый план выдвинулись явления обществ. и индивидуальной психологии, а роль и значение в историч. процессе различных форм науч. познания обществ. жизни, идеологии и др. прокрутков сознания оказались принижеными. Особое внимание привлек механизм обыденного сознания, стихийно возникающих привычек, склонностей, эмоций и св-в личности. И здесь сказалося значит. влияние на социологию бихевиоризма, фрейдизма и неофрейдизма. Под их влиянием особой популярностью

начали пользоваться исследованием элементов инстинктивности, иррационализма и автоматизма в сознании и поведении человека. Центр тяжести начал постепенно перемещаться с проблем, в рамках к-рых индивид, взятый как психологич. явление, выступал в качестве центр. момента, на проблемы, в рамках к-рых этот индивид уже оказывался в психологич. зависимости от социальной группы или социального института. Последнее особенно характерно для психологизма, органически соединенного с эмпирич. тенденциями. Эта эволюция в социальном плане связана с развитием гос.-монополистич. организации общества и характерных для нее форм бюрократии и бурж. «коллективизма». Вот почему, хотя психологизм можно легко обнаружить в многочисл. работах совр. бурж. социологов, посвященных различным проблемам (напр., теория классов Р. Сентерса или концепция Уайта Э. Джонса и т. п.), наиболее типичны в этом отношении социологич. исследования, связанные с задачей обеспечения системы управления и «социального контроля» над людьми в рамках бюрократич. организаций. Пользуясь всеми методами эмпирич. анализа, социологи собирают и обрабатывают информацию об обществ. настроениях и мнениях, об мотивах и специфич. особенностях поведения людей, об их чувствах, симпатиях, антипатиях. Но социолога прежде всего интересует приспособление поведения и сознания рядовых членов общества к целям, нормам поведения и «ценностям», задаваемым бурж. организациями, манипуляция людьми ради обеспечения «равновесия» в функционировании бурж. социального организма. При таком подходе игнорируются или фальсифицируются те тенденции, к-рые, действуя и в сфере обществ. бытия, и в сознании и психологии людей, ведут с неизбежностью к коренному преобразованию данного социального организма. Подобный социолог выступает не в роли социального философа и тем более не в роли социального критика, а по сути дела, в роли специалиста по человек. поведению, консультирующего бюрократич. организации: корпорации, политич. партии, гос-во, армию и т. п. Такого рода тенденции особенно типичны для *индустриальной социологии*, для работ по «человек. отношениям в промышленности», для представителей т. н. «управленч. науки» (*менеджеризм*) и т. п. Аналогичные установки можно обнаружить и в работах, посвященных «поведению людей в период выборов» (*Лазарсфельд*, Б. Берелсон и др.), входящих в раздел т. н. политич. социологии; в обширной и модной области бурж. социологии, к-рая занимается проблемами воздействия на сознание и чувства человека «средств массовых коммуникаций», т. е. кино, телевидения, радио, прессы, коммерч. рекламы (*Лазарсфельд*, Л. Лоувелл, Д. Катс, Х. Ласуэлл, К. Ховленд и др.); в исследованиях, посвященных социальным заболеваниям личности: алкоголизму, преступности (особенно молодежной), душевным заболеваниям и т. н. (К. Меннигер, А. Улмен, Х. Блок, Ф. Флинт и др.).

В обобщенной форме принципы и установки П. в с., связанные с проблемами «социального контроля», нашли выражение прежде всего в *социальной деятельности теории*, в теории малых групп и отчасти в *социометрии*.

П. в с. характерен для растущей группы социологов, противостоящих бюрократически-манипуляторской ориентации, к-рые концентрируют внимание на болезненных процессах, типичных для личности в условиях гос.-монополистич. бюрократии. Они нередко выступают в роли социальных критиков, однако эта критика существенно ограничена психологизированной трактовкой сложных взаимоотношений человека и социальной организации. В центре внимания этих социологов находится детальное описа-

ние психологич. проявлений и последствий духовно-психич. отчуждения человека, однако сама проблема отчуждения оказывается оторванной от анализа действит. объективных социально-экономич. условий. Наиболее крупными представителями этой группы являются *Фромм*, *Рисмен*, Д. Мартиндейл, В. Видич, У. Уайт (младший) и т. д. В наст. время среди бурж. социологов растет сознание ограниченности и узости принципов и установок П. в с. Это проявляется, в частности, в попытках соединить психологич. подход к явлениям обществ. жизни со структурно-функциональным методом изучения социальных систем (*Парсонс*, П. Блау, Ф. Селзник и др.). Все большее число авторитетных социологов выступает с критикой односторонности П. в с. (*Мертон*, *Миллс*).

Марксистская социология, выступая с критикой П. в с., выдвигает требования всестороннего и конкретного исследования разнообразных явлений и процессов обществ. психологии и духовной жизни личности, взятых в их диалектич. связи с объективной логикой социально-историч. развития.

Лит.: Замосшкин Ю. А., Психологич. направление в совр. бурж. социологии, М., 1958; его же, Кризис бурж. индивидуализма и личность, М., 1966; Попова И. М., К вопросу о социальной почве психологизма в бурж. социологии, «ВФ», 1961, № 3; Никитин Н. В., Совр. амер. капитализм и теория социального действия Т. Парсонса, там же, 1963, № 3; Осипов Г. В., Совр. бурж. социология, М., 1964; Кон И. С., Позитивизм в социологии, Л., 1964; Ross E. A., Social control, N. Y.—L., 1901; World tension. The psychopathology of international relations, N. Y., [1951]; Reader in bureaucracy, ed. by R. K. Merton [a. o.], Glencoe, [1952]; Verelson B. and Janowitz M., Reader in public opinion and communication, [2 ed.], Glencoe, [1953]; Blumer H., Psychological import of the human group, в сб.: Group relations at the cross roads, N. Y., [1953]; Bogardus E. S., The development of social thought, 4 ed., N. Y., [1960]; Centers R., The psychology of social classes, N. Y., 1961; The behavioral sciences today, ed. by B. Berelson, N. Y.—[a. o.], 1964.

Ю. Замосшкин. Москва.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА в социологии и — см. *Психологизм в социологии*.

ПСИХОЛОГИЯ (от греч. ψυχή — душа и λόγος — наука) — наука, изучающая процессы активного отражения человеком и животными объективной реальности в форме ощущений, восприятий, понятий, чувств и др. явлений психики.

Особое место психич. явлений в жизни и деятельности человека и особая природа их связи с окружающим миром долгое время давали повод для обособления этих явлений и их противопоставления объектам внешней действительности. Специфич. форма данности психич. явлений была одной из причин обособления П. как науч. дисциплины, изъятия ее из общей системы наук, опирающихся на объективные методы. Поэтому на протяжении мн. столетий П. оставалась областью описат. знаний. Объяснение природы психич. явлений всегда было предметом борьбы между материализмом и идеализмом, к-рая была одновременно борьбой за возможность создания подлинно науч. П. Впервые филос. предпосылки развития П. как области объективного науч. знания были даны *диалектическим материализмом*. Сознат. перестройка П. на этой базе началась лишь в 20-х гг. в СССР.

На рубеже 19—20 вв. началось быстрое развитие П. Оно стимулировалось успехами естествознания, в первую очередь развитием эволюц. биологии, физиологии органов чувств, психофизики и физиологии *высшей нервной деятельности*, а также возросшими требованиями к П. со стороны медицины, педагогики и произ-ва. Выделились такие спец. области П., как медицинская, детская и педагогич. П., психология труда, социальная П. Все это создало условия для радикальной переориентации психологич. науки. Сущность этой переориентации состояла в следующем: объективные методы, применение к-рых прежде ограничивалось почти исключительно сферой из-

учения внешнего поведения и первых физиологич. процессов, были распространены также на изучение собственно психич. деятельности; широкое развитие получили пограничные исследования, прочно связавшие психологию с нейрофизиологией, а в последние годы — с кибернетикой, техникой, с обществ. науч.ками; наконец, сильно возрос удельный вес психологич. исследований, связанных с осуществлением научно-технич. революции (инженерная П., космич. П. и др.). В результате П. фактически утратила свою былую обособленность и вместе с тем превратилась в самостоятельную, разветвленную область науч. знания.

Широкое развитие П. в последние десятилетия не означает, однако, что ее фундаментальные методологич. проблемы получили общепризнанное теоретич. решение. Это относится и к главной из них — проблеме предмета П. и осознания ее принципиального метода. Осн. трудность здесь заключается в том, что ни очевидная зависимость субъективных психич. явлений от внешних воздействий, ни столь же очевидная зависимость их от внутр. мозговых процессов не указывают пути для ее решения. Переход от субъективных явлений прямо к обуславливающей их внешней объективной действительности, психологич. исследование неизбежно утрачивает свой предмет: ведь сама эта действительность не есть действительность психологическая и ее изучение есть задача других наук. Утрата психологич. исследованием своего предмета происходит и в том случае, если оно обращается вовнутрь, к мозгу. Хотя материальную основу всякого психич. явления составляют мозговые процессы, однако их изучение входит в предмет не П., а нейрофизиологии. Проблема не решается и путем соединения обоих этих направлений исследования: психич. явления и в этом случае выступают лишь как сопровождающие объективные физиологич. процессы, параллельные им побочные явления — эпифеномены. Убеждение в невозможности осуществить в П. переход от явления к сущности и привело в конце 19 в. к идее отказа от науч. познания психики и к попыткам строить П. как науку о поведении (см. *Бихевиоризм*) или как науку о рефлексах (см. *Рефлексология*). С др. стороны, в П. выдвинулись различные идеалистич. направления, принципиально отрицавшие возможность науч. объяснения психики (описат. П., психология как наука о духе). В это же время в П. обостряются и др. противоречия: между биологич. и социологич. подходами к психике человека, между аналитическим и целостным подходами. В итоге в П. образовались различные направления, каждое из к-рых стало разрабатывать свой особый круг вопросов, накапливая обширный фактич. материал. По мере накопления материал этот все менее укладывался в исходные концепции, и отд. направления стали постепенно утрачивать свою первонач. четкую очерченность, как это произошло, напр., с бихевиоризмом; возникла перспектива их сближения между собой. Однако в пределах идеалистич. и механистич. понимания природы психики эта перспектива не могла быть реализована.

Новое понимание предмета и методов П. как области конкретно-науч. знания развивалось на основе диалектич. материализма, ленинской теории отражения. Понимание это исходит из взгляда на психику как на продукт развития живой материи. Психика не просто «прибавляется» к жизни, а необходимо порождается ею и выполняет реальную функцию в эволюции, в развитии дальнейшего приспосабливания организмов — функцию ориентирования организма в свойствах предметной среды и управления его поведением. В основе этой функции лежит особая форма ассимиляции воздействий среды, состоящая в их преобразовании во

внутр. состояния субъекта, к-рые уподобляются и изоморфны воздействию свойствам; по отношению к последним эти состояния и суть их психич. отражение.

Развитие исследований поведения подвело к необходимости охарактеризовать эти внутр. состояния, раскрыть их объективную функцию; возникла задача изучения взаимозависимости психич. отражения и деятельности субъекта в окружающей его предметной действительности. Анализ полученных данных показал, что переход отражаемого в психич. отражение совершается именно в процессе деятельности; что в деятельности, практически связывающей субъекта с объективной действительностью, происходит вместе с тем сверка психич. отражения с отражаемым и его коррекция, обеспечивающая все большую его адекватность.

Важное методологич. значение имело успешное изучение психики животных и детей раннего возраста, еще не владеющих речью: благодаря этому была показана принципиальная возможность дать характеристику ощущений, образов и чувств. обобщений, не обращаясь к интроспекции. Конечно, при этом исследователь не проникает в субъективные переживания, но это не накладывает принципиального ограничения на науч. познание психики: во-первых, не существует никаких оснований, требующих допустить, что на этих ступенях психич. развития имеется интроспекция; во-вторых, тот факт, что у человека эти явления существуют, лишь ставит новую задачу: показать необходимость их возникновения и их специфич. функцию. Т. о., существование субъективного психич. мира превращается из исходного постулата П. в проблему науч. исследования. Решающее значение в успешной разработке этой проблемы имел историч. подход к психике человека, т. е. рассмотрение ее как продукта развития специфической человеческой, трудовой деятельности. Переход к труду породил новую форму психич. отражения — человек. сознание, в к-ром отражаемое «является» субъекту, открывается ему как картина мира, включающая и его собств. деятельность, и его собств. состояния. Труд как продуктивная целесообразная деятельность, подчиненная результату, на достижение к-рого она направлена, требует, чтобы этот результат был представлен в голове человека в такой субъективной форме, к-рая позволяет соотносить его с исходным материалом (предметом труда), этапами преобразования последнего и достигнутым результатом (продуктом труда). С др. стороны, это представление само должно активно видоизменяться субъектом на основе опыта деятельности и в соответствии с меняющимися ее условиями. Иными словами, оно должно существовать для субъекта так, чтобы он мог дать себе отчет в нем и совершать в своей голове действия с ним, а это и значит существовать для него интроспективно. Т. о., субъективные (интроспективные) сознат. явления отнюдь не представляют собой только эпифеномены, сопровождающие человек. деятельность, но составляют ее обязательное внутр. условие. Действит. природа той как бы «двуединности» отражения, к-рая характеризует сознание, раскрывается лишь объективным анализом условий и процесса осознания.

Историч. условия сознат. отражения возникают в той же деятельности, к-рая создает и его необходимость — в деятельности трудовой. В этом процессе превращения формы деятельности в форму покоящегося свойства или бытия (Маркс) происходит также и опредмечивание психич. деятельности человека. Побуждающий и регулирующий деятельность субъекта внутр. образ реализуется в ней и в ее продукте; в этой экстернизированной своей форме он сам становится объектом психич. отражения. Происходящее в голове

человека соотносении регулирующей деятельности представления с отражением объекта, вошедшего в себе это представление, и есть процесс осознания последнего. Этот процесс может реализоваться лишь в том случае, если объект выступит перед человеком именно как запечатлевший психич. содержание деятельности, т. е. своей идеальной стороной. Выделение этой последней осуществляется посредством *языка*, в процессе словесного означения. Поэтому осознанное есть всегда также словесно-означенное, вербализованное. В этой своей функции язык выступает уже не только как средство общения людей, но и как их практическое, действительное сознание, к-рое существует для индивида лишь постольку, поскольку оно существует для др. людей (Маркс). Система языка, носителя обществ. сознания, присваиваемая индивидами, и становится субстратом их сознания. Т. о., сознание как форма индивидуальной психики возможно лишь при условии существования обществ. сознания. С выделением и развитием духовного произ-ва, обогащением и технизацией языка сознание индивидов освобождается от прямой связи с практич. трудовой деятельностью; круг сознаваемого расширяется, и сознание становится у человека универсальной формой психич. отражения. Это, однако, не значит, что теперь все отражаемое в голове человека осознается им; это только значит, что все м о ж е т им осознаться. Одна из фундаментальных психологич. проблем и заключается в исследовании условий и процесса индивидуального осознания. Совр. исследования высших форм восприятия, *речи* и ее роли в регуляции целенаправл. деятельности, исследования формирования *значений* и др. дают достаточный материал для полного преодоления интроспекционистского, созерцат. представления о человек. психике.

Др. фундаментальная психологич. проблема — выявление природы тех внутренних, протекающих в голове человека, процессов, к-рые субъективно переживаются им как деятельность его сознания. Исследования интеллектуального поведения животных, изучение у человека т. н. наглядно действенного мышления и особенно исследование формирования внутренней мыслит. деятельности и других умств. процессов у детей вели к устраниению в П. того абс. противопоставления внутренней, теоретической и внешней, практич. деятельности, из к-рого исходила старая субъективно-эмпирич. П. Была показана генетич. связь и общность принципиальной структуры этих форм деятельности, подробно исследованию подвергся и самый процесс преобразования внешних действий и операций во внутренние, умственные (процесс интериоризации). Вместе с тем перед психологическим исследованием выступил и противоположный процесс: процесс эктериоризации внутренней психической деятельности — ее развертывания во внешних формах.

Введение понятия деятельности как процесса, в к-ром осуществляется переход отражаемого в отражение, создает возможность теоретич. решения в П. также проблемы биологического и социального. Человек в своей деятельности вступает в отношения к действительности, создавшей человечеством в ходе его историч. развития. Присвоение этой действительности индивидом приводит к преобразованию исходных биологич. форм его поведения и познания, его *потребностей* и *чувств*. Поэтому проблема биологического и социального в П. есть не проблема взаимоотношения двух разных факторов, детерминирующих психику человека, а проблема снятия законов биологич. развития психики законами ее обществ.-историч. развития.

Но своему предмету П. связана с физиологич. изучением деятельности мозга. Успехи физиологии выс-

шей нервной деятельности привели часть исследователей к идее о сводимости психического к физиологическому. Эта идея играла прогрессивную роль и была оправдана, пока П. повималась как область чисто описат. знаний о субъективных явлениях. Однако раскрытие психич. отражения как детерминированного деятельностью, осуществляющей связь субъекта с предметной действительностью, не только выделило П. в самостоят. науку, но и позволило понять действит. соотношение П. и нейрофизиологии: хотя и внешняя и внутр. деятельность осуществляются системой физиологич. процессов, они не могут быть выведены прямо из физиологич. законов. Так, предметные движения руки, вооруженной орудием, хотя и реализуются посредством физиологич. процессов, но управляются ими объективные свойства самого орудия, предмета труда, а также трудовая задача. То же соотношение обнаруживается и во внутренней, напр. познават., деятельности. Конечно, эта деятельность является функцией мозга, однако ее строение, как и используемые в ней логич. операции, не выводимы из физиологич. законов работы мозга. Действит. отношения, связывающие психическое с физиологическим, вытекают из того факта, что работа мозга реализует деятельность субъекта, в частности его внутр. психич. деятельность. Поэтому полная характеристика психич. процессов включает в себя также характеристику реализующих их частных физиологич. механизмов. В связи с этим возникает особая задача: исследовать физиологич. механизмы и морфологич. основу тех или иных конкретных психич. процессов (цветовых ощущений, процессов зрительн. поиска, воспроизведения звуков речи и т. п.). Решением этой задачи занимаются пограничные с П. дисциплины — психофизиология и нейропсихология. В свою очередь собственно психологич. исследования широко используют физиологические, особенно электрофизиологич. индикаторы, позволяющие выявить нек-рые особенности протекания психич. деятельности. Однако это не превращает психологич. исследование в физиологическое, подобно тому как применение в физиологии химич. индикаторов не превращает ее в биохимию.

Совр. П. представляет собой широко разветвленную область знания, включающую ряд отд. дисциплин и науч. направлений. Несмотря на прогрессивную дифференциацию отраслей П., она сохраняет единство своего предмета, общую направленность на изучение переходов отражаемого в психич. отражение, внешней деятельности в деятельность внутреннюю, психическую, а также переходов психич. отражения в форму деятельности и ее продукты; переходы эти образуют особую форму движения материи, продукт высших ступеней развития жизни.

А. Леонтьев. Москва.

История зарубежной П. У истоков детерминистич. понимания психики стояли *Гераклит* и *Демокрит*, к-рые трактовали *душу* как огненное вещество, придающее телу жизнь. Медицинские наблюдения и анатомич. исследования привели к признанию мозга органом психич. деятельности (Алкмеон Кротонский), к зарождению учения о *темпераментах* как различных пропорциях в смеси четырех физич. элементов, определяющих индивидуальные особенности личности (Гиппократ и его школа), а также о *пневме* как носителе психич. актов. Однако с позиций учения о душе как одном из видов материи нельзя было объяснить происхождение идеальных продуктов — понятий, слов, чисел, что создавало предпосылки для превращения этих продуктов в сущности, пребывающие по ту сторону изменчивой природы. Способная к созерцанию идей душа была противопоставлена телу и объявлена бессмертной (пифагорейцы, *Платон*). В учении *Аристотеля* было утверждено понимание

души как способа организации живого тела и его поведения. В трактатах «О душе», «О происхождении животных» и др. Аристотель изложил первую систему психол. понят. Лишь при объяснении высших форм умств. активности (учение о *нусе*) он покидал естеств.-науч. почву и склонялся к дуализму. В эллистич. период материалистич. подход к психике отставал от перипатетики, Эпикура и ранние стоики, в Древнем Риме — Лукреций и Лукриан; линия Платона развивалась неоплатониками. Позиции материализма были укреплены успехами анатомии и медицины: Герофил и Эрасистрат открыли нервы, отличив их от мышц и сухожилий, различили чувствительные и двигат. нервы (это открытие было забыто), изучали зависимость чувствительности организма и его двигат. реакций от головного мозга. У Галена складывается детально разработанная схема строения и функций нервной системы, господствовавшая почти полтора тысячелетия. От *гиллоизма* мысль переходит к строгому расчленению неодушевленного и живого, а собственно психическое отделяется от общебиологического. Следующей ступенью явилась дифференциация внутри самого психического, зарождение понятия о сознании. Однако единство человек. сознания, способного к интроспекции, не укладывалось в натуралистич. схему; поэтому возникли новые попытки утвердить имматериальность психики (*Плотин, Августин*). Гарантом истинности знания была объявлена душа, к-рая живет и движется в божестве, «поворачивается к себе», постигая с предельной достоверностью собств. деятельность и ее незримые продукты. Система аргументов Августина на века стала путеводной нитью для враждебной детерминизму интроспективной П.

В феод. эпоху развитие положит. знаний о психике резко замедлилось. Однако и здесь естеств.-науч. мысль пробивает себе дорогу в физиологич. П. *Ибн Сина*, в борьбе номиналистов с реалистами и др.

17 век открывает принципиально новый подход к психич. деятельности, на к-рую распространяется принцип *детерминизма* (первоначально в его механистич. выражении). *Декарт* открывает рефлекторную природу поведения, а понятие о душе преобразует в психологич. понятие о сознании как непосредств. знании субъекта о собств. психич. актах. В эту же эпоху складывается ряд важнейших психологич. учений: об *ассоциации* (*Декарт, Гоббс, Локк*), о страстях (*Декарт*) и аффектах (*Спиноза*), об апперцепции и бесознательном (*Лейбниц*), о происхождении знания из индивидуального чувств. опыта (*Локк*). Под влиянием механики Ньютона Гартли создает систему, объединяющую ассоциативный принцип с рефлекторным. Материалистич. ассоциационизм вскрыл закономерный характер течения процессов сознания в зависимости от частоты и последовательности контактов организма с внешним миром, а также др. реальных факторов (т. н. законы ассоциации). Учение об ассоциации как осн. механизме душевной деятельности определяло облик большинства психологич. концепций 18—19 вв., как материалистических, так и идеалистических.

Франц. материализм 18 в. выдвинул учение о различных уровнях перво-психич. организации (*Дидро, Кабанис*) и поставил проблему формирования личности, ее интересов и способностей в зависимости от воздействия социальной среды (*Дидро, Гельвеций*).

В русле материалистич. мировоззрения складываются и психологич. идеи Ломоносова, Радищева и др. прогрессивных рус. мыслителей. Для 1-й пол. 19 в. характерен расцвет нейрофизиологии. В центре ее интересов первоначально находилось выяснение однозначной зависимости функций от анатомич. структур. Опытно изучение нервной деятельности

приводит к открытию механизма рефлекторной дуги (*Прохапка, Белл, Мажанди*). В недрах физиологии зародились экспериментальные методы исследования психич. функций, а также первые попытки ввести в анализ этих функций количеств. оценки. Изучая изменения ощущений при изменении силы раздражителей, Э. Вебер установил наличие определ. закономерности в соотношении психического и физического. Работы Вебера были использованы Фехнером, сформулировавшим т. н. основной психофизич. закон (см. *Ощущение*). Др. направление, внесшее эксперимент и количеств. подход в анализ психики, связано с исследованием скорости реакции. Гельмгольц (1850) определил скорость передачи возбуждения по нерву. В 60-х гг. дат. психофизиолог Ф. Дондерс предложил схему для вычисления скорости психич. процессов как проявлений мозговой деятельности.

Развитие рефлекторной концепции, физиологии органов чувств, учения о времени реакции, а также становление эволюц. теории в биологии утвердило представление о том, что психическое включено в работу биологич. систем как фактор, имеющий объективную ценность. Вместе с тем логика развития опытного знания вела к укреплению идеи о том, что психич. явления подчинены законам, не совпадающим с анатомо-физиологическими, и тем самым ставила вопрос о праве П. на самостоят. существование. Выдвигается неск. программ построения П. как опытной науки. Наибольшую популярность приобрела первоначально программа *Вундта*, направленная на объединение всех современных ему концепций. Но синтез, к-рого он добивался, предполагал объединение направлений, не совместимых по своей идейной сути: интроспективной концепции сознания с детерминистич. психофизиологией. Поэтому теоретич. концепция, посредством к-рой Вундт стремился придать единство возмаленному им движению за построение экспериментальной П., не выдержала испытания временем. Тем не менее в организац. оформлении экспериментальной П. заслуги Вундта весьма велики. Он создает первую психологич. лабораторию (Лейпциг, 1879), по образцу к-рой возникают аналогичные учреждения в России, США, Англии и др. странах. Появляются спец. периодич. издания. Открываются кафедры в ун-тах. Созываются междунар. конгрессы (1-й в Париже в 1889). В 70—80-е гг. и произошло становление П. как самостоят. области знания.

Большинство психологов-эксперименталистов находилось в те годы под влиянием интроспективной трактовки сознания как совокупности феноменов, доступных только непосредственно переживающему их субъекту. На необходимости выйти за пределы интроспекции и вскрыть зависимость сознания от объективных факторов настаивали мн. приверженцы «опытной школы» (*Бэн, Рибо*). Спенсер в имевших большое влияние «Принципах психологии» требовал дополнить субъективную П. объективной. Амер. психофизиолог Дж. Раш разработал оригинальную систему, в к-рой факты сознания трактовались как порождения способной отражать внешний мир материи. Последоват. программу построения П. на базе объективного метода выдвинул *Сеченов*, идеи к-рого (через И. П. Павлова) повлияли на разработку объективных методов в мировой П. Сеченовские работы стимулировали и развитие прогрессивных учений в России (*Лесгафт, Бехтерев, Н. Н. Ланге, Корсаков, Токаревский, И. П. Павлов*).

Номимо проблем, поставленных еще ранее психофизикой и психофизиологией, экспериментальная П. подвергла опытному изучению и ассоциации, к-рые изучались сначала с т. зр. скорости их возникновения, а затем на основе экспериментов по *памяти* (прежде всего *Эббингауза*) были установлены наиболее общие

зависимости ассоциаций от частоты повторений и распределения во времени. Были проведены работы по изучению объема внимания (Кэттел), навыков (Брайан и Хартер) и др. Параллельно развивались сравнит. П. (Дарвин, Леб, Ллойд-Морган), а также исследования эмоций (Джемс, Г. Ланге, Рибо), восприятия (рус. психолог Н. Н. Ланге), двигат. ощущений (Бастиян, *Мюстербург* и др.). Экспериментальная П. складывалась на почве понятий и методов естеств. наук. Социальная же природа психич. деятельности человека впервые получила детерминистич. объяснение в марксистском учении, к-рое, однако, стало методологич. основой психологич. работы лишь после Великой Октябрьской революции.

Невозможность проанализировать сознание психологич. методами дала повод считать само сознание недоступным детерминистич. анализу. Популярной становится идея о двух принципиально несовместимых подходах к психике: естественнонаучном и культурно-историческом (Вундт, *Дильтей*, *Риккерт* и др.). В это же время *Дюркгейм*, Мид, Болдуин и др. пытаются утвердить конституирующую роль социальных связей и продуктов по отношению к индивидуальному сознанию. При этом, однако, социальность рассматривается абстрактно, как «чистое» общение. Социогенез личности и ее психич. функций не получает истинно каузального истолкования. Обществ. бытие сводится к обществ. сознанию, а последнее либо психологизируется (Тард), либо биологизируется. Тем не менее эти концепции отмечены несомненной новизной подхода и оказали существенное влияние на ряд психологич. направлений.

Запросы педагогической, медицинской, криминалистич. практики, а затем во все возрастающих масштабах требования капиталистич. произ-ва создали необходимость в разработке методов определения индивидуальных различий между людьми. Один из инициаторов этого направления (получившего название дифференциальной П.) Ф. Гальтон разработал технику статистич. изучения свойств и способностей личности. Позднее с целью измерения умств. способностей стали применяться *тесты*. П. получает широкий выход в практику, применяется при решении проблем организации труда, проф. пригодности, проф. обучения, изучения сбыта, рекламы и др. Работы в области прикладной П. щедро субсидируются как капиталистич. фирмами, так и гос-вом. Широкое развитие экспериментальных исследований привело к пересмотру ряда исходных принципов совр. бурж. П. Вундтовская схема «субъект и наблюдаемые им процессы внутри мира» постепенно вытесняется схемой «среда и организм, приспособляющийся к ней». *Вюрцбургская школа* в ходе экспериментального изучения мышления пришла к выводам, к-рые фактически подрывали ее исходную интроспекционистскую схему, поскольку выяснилось, что процесс мышления детерминирован *установкой* — задачей, к-рая направляет мысли субъекта, однако им вовсе не осознается. Против субъективного метода школы *Титченера* (где от психолога требовалось сосредоточиться на элементах сознания как таковых, абстрагируясь от их предметного значения и роли в поведении) выступил т. н. функционализм (*Дьюи*, *Эйвджелл*), трактовавший психику как орудие приспособления к среде, «аккомодации к поведению». Наряду с этим направлением функциональной П., восходящим к Джемсу, имелись и другие, представленные в Англии Уордом и Стоутом, в Германии — Штумпфом, в Дании — Гёффдингом, в Швейцарии — *Клапаредом*. Функционалисты подготовили почву для появления *бихевиоризма*, ставшего гл. течением в амер. П. 20 в. В бихевиоризме односторонне преломилась потребность в перестройке П. на основе объективного метода: под влиянием по-

зитивизма психич. реальность была отождествлена с непосредственно наблюдаемыми внешними проявлениями поведения, а формула «стимул — реакция» трактовалась как конечная единица отношений организма к среде. Бихевиоризм дал мощный импульс развитию исследований по проблеме научения. Укрепляя объективный подход к поведению, бихевиоризм стал одним из факторов прогресса П. Но в борьбе с субъективной П. он сам находился под влиянием выдвинутых ею воззрений на сознание и поэтому требовал искоренить все понятия о психич. явлениях, найдя для них телесные эквиваленты (логич. мышление — реакция речевого аппарата, чувство — реакции внутр. органов и т. д.). Бихевиоризм проделал сложную эволюцию — от прямолинейно-механистич. схемы Уотсона к связанному с неореализмом учению Э. Холла, от к-рого идут попытки восстановить в правах прежние психологич. понятия, однако в новой, поведенческой интерпретации.

Гештальтпсихология подвергла критике психологич. атомизм и направила усилия на исследование целостного, структурного характера психич. деятельности, однако при этом она рассматривала интеллект чисто статически, вне развития.

На рубеже 20 в. сложился *психоанализ* Фрейда, начавший с интерпретации психопатологич. материала и расширивший свои претензии до масштабов общей теории психич. деятельности, в основу к-рой был положен тезис о предопределенности всех психич. актов энергией слепых сексуальных влечений (либидо). После первой мировой войны Фрейд внес коррективы в свою концепцию, введя в нее категорию «Сверх-Я» (*Super-Ego*), указывающую на социальную детерминацию поведения. Однако социальность при этом оказалась сведенной к биологическому, во многом — к чисто сексуальному. Из школы Фрейда вышли вскоре разошедшиеся с учителем Адлер и Юнг. Адлер, отклонив мнение о всеобщей сексуальности, признал осн. двигателем поведения стремление к превосходству, при неудовлетворении к-рого возникает «комплекс неполноценности», порождающий «сверхкомпенсацию». Юнг сделал упор на коллективном бессознательном, понимая под ним доисторич. архетипы мысли, накладывающие ограничения на всю последующую умств. работу человечества. Биологизация механизмов сознания в учении Юнга и др. психоаналитиков использовалась для расистских выводов в фашистской Германии (Йенш, Зандер и др.).

В 30—40-е гг. в зарубежной П. резко усиливается тенденция к сближению и переплетению концепций, выдвинутых в предшествующий период. Это происходит на фоне быстрого совершенствования экспериментальной техники и методов, возрастающего размаха исследований, непосредственно связанных с социальной, инженерной и воен. практикой. В методологич. плане, однако, П. по-прежнему отличает эклектичность, отсутствие обобщающих теорий, к-рые бы позволили охватить в единой непротиворечивой системе весь эмпирич. материал. Значит. влияние приобрел логич. позитивизм. Сдвиги происходят как в бихевиоризме, так и в психоанализе (гештальтизм как самостоят. направление вообще сходит со сцены, его идеи ассимилируют др. школы). В необихевиористских теориях (*Толмен*, *К. Холл* и др.) на передний план выдвигается понятие о «промежуточных переменных», т. е. о тех факторах, к-рые опосредствуют двигат. реакцию (зависимая переменная) на раздражитель (независимая переменная).

В 50—60-х гг. окончательно побеждает тенденция исследования «центр. процессов», развертывающихся между сенсорным «входом» и моторным «выходом» системы организма. Эта тенденция, порожденная логикой развития самой науки и требованиями практи-

ки, утверждается, в частности, благодаря опыту программирования на вычислит. машинах.

С 60-х гг. широкое междунар. признание получает концепция Ж. Пиаже, к-рый стремится рассматривать П. как одну из наук целостного комплекса дисциплин, занятых изучением человека, и в этой связи пытается построить как биологическое, так и социол. обоснование предмета П. Характерным для Пиаже является постоянное стремление сочетать в психол. исследовании методы логики и П., в частности аппарат математич. логики. Пиаже отстаивает системный подход к психике, пытаясь построить особую «логику целостностей», в этом смысле он сделал важный шаг вперед по сравнению с гештальтизмом, дополнив принцип структурности принципом генетизма.

Предпринимаются попытки рассмотреть нейробиол. механизмы как компонент общей структуры поведения (Хебб, Прибрам), распространить объективный метод на изучение чувственно-образного аспекта жизнедеятельности (Брюнsvик, Гибсон).

Под воздействием математич. логики, кибернетики и теории информации в П. нарастает тенденция к формализации, выступившая уже в «гипотетико-дедуктивном» бихевиоризме К. Холла. В системе К. Левина понятия топологии были использованы для объяснения динамики мотивов индивидуального и группового поведения. Левин был инициатором экспериментального изучения личностных отношений, т. е. взаимодействия индивидов в группах различной степени общности. Эти работы образовали новое направление в *социальной психологии*. Трансформации подвергся и психоанализ, из недр к-рого вышел *неофрейдизм*, связавший бессознат. психич. механизмы с действительными социально-культурными факторами (Хорни, Салливан, Фромм) и соответственно перестроивший психотерапию, к-рая используется не только для лечения невротиков, но и с целью помочь нормальным людям избавиться от чувства беспомощности, страха, неудовлетворенности. Резко возрастает число проф. психологов-консультантов, в функции к-рых входит содействие индивиду в «оптимальной адаптации» к социальным условиям.

Неудовлетворенность биологизаторскими и идеалистич. концепциями способствовала пробуждению у передовых психологов бурж. стран (Поллигер, Валлон, Фрес, Уэлс и др.) живого интереса к диалектико-материалистич. пониманию психич. деятельности, достижениям сов. П. М. Ярошевский. Ленинград.

История советской П. Накануне Октябрьской революции в России П. развивалась в сложных и противоречивых условиях. Крайнюю правую группировку в ней составляли философы-психологи (А. И. Введенский, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.), стоявшие на позициях нем. идеалистич. философии и П. Им противостояло естеств.-науч. направление («объективная П.» или «психорефлексология» Бехтерева, «биопсихология» В. А. Вагнера, «реальная П.» Н. Н. Ланге), развивавшееся в тесной связи с идеями И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Позиция организатора Моск. психол. ин-та Г. И. Челпанова была двойственной: тяготев в своих общетеоретич. построениях к идеалистич. П. («Мозг и душа», М., 1912), он в то же время способствовал развитию экспериментальных психол. исследований.

В первые послереволюц. годы ведущую роль играет естеств.-науч. направление, провозглашающее союз с естествознанием (биологией, физиологией, эволюц. теорией) и выступающее с идеями построения П. как объективной науки. В развитии этого направления важнейшую роль играет учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. В эти же годы в работах Бехтерева и Корнилова определяются черты ведущих направлений П. тех лет — *рефлексологии* и *реакто-*

логии. На 1-м Всеросс. съезде по психоневрологии (10—15 янв. 1923) в докладе Корнилова впервые в истории мировой П. выдвигается требование применить марксизм в области П. Вокруг Моск. психол. ин-та, возглавляемого (с 1923) Корниловым, группируются молодые науч. работники, стремящиеся реализовать программу построения марксистской П. (Н. Ф. Добрынин, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. А. Артемов и др.); видная роль принадлежит Л. С. Выготскому.

На 2-ю пол. 20-х гг. приходится первые опыты создания марксистской П. При всей очевидности того, что П. не может оставаться «наукой о душе», сов. психологи испытывали еще значит. трудности при определении предмета изучения П. В этих условиях в реактологии и рефлексологии складывается механистич. трактовка ее как науки о поведении. Однако формирующиеся в этот период психол. концепции, связанные с проникновением в П. принципов ленинской теории отражения и диалектико-материалистич. учения о развитии (теория историч. развития высших психич. функций Л. С. Выготского, генетич. принцип трактовки психич. процессов у П. П. Блонского и др.), вскоре перерастают те методол. предпосылки, к-рые допускала трактовка П. как науки о поведении. Это осознается передовыми психологами. Важнейшая черта перестройки П., к-рая приходится на начало 30-х гг. и сопровождалась дискуссиями по общей П., заключалась в утверждении сознания в качестве ее предмета. Начиная со 2-й пол. 20-х гг. на первый план выдвигаются прикладные отрасли П.: *психотехника* и П. труда, детская и педагогич. П., судебная П. и др. Сов. психологи активно участвуют в решении проблем перестройки произ-ва, науч. организации труда (НОТ), социального воспитания, культурно-массовой работы и др. Социальная значимость разрабатываемых науч. проблем становится осн. нервом исследовательской работы. В то же время в области прикладной П. продолжается идейно-теоретич. борьба: критика теории «двух факторов» в педагогич. и детской П., «наследственно-биол.» направления в патопсихологии и характерологии и т. п.

В теоретич. оформлении основ сов. П. существ. роль играло становление диалектич. концепций, прежде всего теории происхождения, структуры и развития высших психич. функций Выготского. В трудах Выготского и его сотрудников складывался историч. подход к изучению психики человека, связанный с двумя гипотезами: об опосредствованном характере психич. деятельности и о происхождении внутр. психич. процессов из деятельности первоначально внешней и «интерпсихической». Историзм в трактовке психики человека получает дальнейшее развитие в работах А. Н. Леонтьева и его сотрудников, где психич. деятельность рассматривается как особая форма деятельности, продукт и дериват внешней материальной деятельности, к-рая преобразуется в ходе обществ.-историч. развития во внутр. деятельность человек. сознания (А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, М., 1959; Ленинская премия в 1963). В книгах Блонского формулируется подсказанная принципами диалектич. подхода генетич. теория развития памяти и мышления. Большое внимание привлекают работы С. Л. Рубинштейна, в к-рых обосновывается принцип детерминизма в П., рассматриваются основы теории мышления, обстоит. критике подвергаются зарубежные психол. теории.

Перестройка П. на основе теории отражения выдвинула на первый план разработку проблемы психол. структуры познават. процессов. Важное значение приобретает изучение переходов от ощущения к мышлению, а также интеллектуального опосредствования ощущений (Б. Г. Ананьев), исследование зрит. ощущение-

ний, чувствительности и сенсбилизации органов чувств (С. В. Кравков, К. Х. Кекчеев), слуховых ощущений (Б. М. Теплов) и т. д. Первоначально возникнув в области изучения восприятий, все более широкий размах приобретают исследования, связанные с теорией *установки* (Д. Н. Узнадзе) и давшие возможность реализовать оригинальный подход к проблемам активности личности и бессознательного. В предвоен. годы заметные сдвиги наблюдаются в исследовании навыков (Л. А. Шварц, Е. В. Гурьянов и др.), внимания (И. Ф. Добрынин), памяти (А. А. Смирнов, П. И. Зинченко, Н. А. Рыбников, Л. В. Занков), мышления (И. А. Шеварев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, Н. А. Менчинская, Л. И. Божович). Тогда же намечаются предпосылки для создания диалектико-материалистич. концепции *способностей* и их развития в процессе деятельности (Б. М. Теплов). Интерес к П. личности, определившийся в это время, связан с учением А. С. Макаренко о развитии личности в коллективе.

Всеобщее признание получает понимание обществ.-историч. обусловленности сознания человека. На этой основе исследуются различные формы активности личности: направленности личности (С. Л. Рубинштейн), установок как модификаций личности (Д. Н. Узнадзе), отношений (В. Н. Мясищев) и др. В П. прочно утверждается принцип развития. Сов. психологи исходят из единства сознания и деятельности, находя основу объективного познания психики и получая возможность правильного решения вопроса о методах П. Исследуя структуру человек. сознания, П. начинает нащупывать межфункциональные связи и отношения (о к-рых еще в 20-е гг. говорил Выготский), преодолевая узкий функционализм в трактовке психич. процессов. Однако эта задача не была решена гл. обр. потому, что это требовало перестройки самой системы понятий в П. — теоретически утверждаемый принцип единства психич. деятельности вступал в противоречие с традиц. схемой изолированных психич. функций. Разрешение этого противоречия становится одним из факторов дальнейшего развития сов. П.

В период Великой Отечеств. войны в сов. П. широко развернулись работы оборонной тематики (изучение условий повышения чувствительности зрения и слуха, свето- и звукомаскировки, восстановления боеспособности и трудоспособности раненых и т. д.).

В послевоен. годы продолжается интенсивная разработка теоретич. и экспериментальных проблем сов. П., проводятся дискуссии по важнейшим методологич. проблемам, выявляются разнообразные науч. школы и течения. Создание Академии педагогич. наук РСФСР (1943) явилось важным фактором, способствовавшим широкому включению психологов в разработку проблем обучения и воспитания. На трех всесоюзных совещаниях по П. (в 1952, 1953 и 1955) подводятся итоги выполненной в послевоен. период большой работы в области П. личности и воспитания, физиологич. механизмов психич. деятельности человека, П. познават. процессов и др. В 1957 было учреждено Об-во психологов при АИИ РСФСР, а в 1959 состоялся его первый съезд. Разработка осн. проблем П. осуществляется в исследованиях В. А. Артемова, Е. И. Бойко, П. Я. Гальперина, Ф. Д. Горбова, В. В. Давыдова, И. Ф. Добрынина, Н. И. Жинкина, Л. В. Занкова, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, Н. А. Менчинской, В. Д. Небылицына, Г. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, П. А. Рудика, А. И. Соколова, Е. Н. Соколова, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, Ф. Н. Шемакина, П. А. Шеварева, Е. А. Шороховой, Д. Б. Эльконина, П. М. Якобсона (Москва), В. Г. Апаньева, Л. М. Веккера, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, М. Г. Ярошевского (Ленинград), Г. С. Костюка (Киев), Р. Г. Натадзе, А. С.

Прангшвили, З. И. Ходжава (Тбилиси), П. И. Зинченко (Харьков), М. А. Мазмания (Ереван), В. С. Мерлина (Пермь), И. В. Страхова (Саратов), Д. Г. Элькина (Одесса) и мн. других. Для сов. П. конца 50-х — 1-й пол. 60-х гг. характерно развитие отраслей, важных для нар. х-ва и культуры (педагогич. П., социальная П., инженерная П., космич. П. и др.), тесный контакт со смежными науками (логикой, педагогикой, кибернетикой, социологией и т. д.), широкое использование электронки и новейшей экспериментальной техники, *факторного анализа*, моделирования психич. функций. Эти новые черты сов. П. обнаруживаются в содержании работы 2-го съезда Об-ва психологов (1963).

Заметно расширяются и углубляются связи сов. П. с зарубежными психологами. Это выражается в совместном участии в междунар. съездах и конференциях, переводе и издании книг, использовании и проверке эксперимент. методик и т. п.

В наст. время в СССР н.-и. работа ведется во мн. психологич. учреждениях и лабораториях. В Моск. и Ленингр. ун-тах организованы психологич. фак-ты. Очередной (18-й) междунар. конгресс психологов состоялся в Москве (авг. 1966), президент конгресса — А. Н. Леонтьев.

А. Петровский. Москва.

Структура совр. П. Строгой классификации психологич. науки по отраслям не существует. Ориентируясь на фактич. положение дел в совр. П., ее можно разделить на общую П. и *социальную психологию*. Последняя, занимая на первых порах промежуточное положение между П. и социологией, по мере конституирования и уточнения своего предмета все более обособлялась и в наст. время представляет собой вполне самостоят. науку, обладающую развитыми собств. методами исследования, хотя и не утратившую связи со своими базовыми дисциплинами.

Если иметь в виду предметное содержание П., то одна из возможностей ее классификации содержится в приятием в П. принципе единства развития и деятельности. Исходя из этого, в качестве основания классификации П. могут быть избраны психологич. аспекты: 1) конкретной деятельности, 2) развития, 3) отношения личности (как субъекта развития и деятельности) к обществу (в к-ром осуществляется ее деятельность и развитие).

Если за основу принимается первое основание, то определяется след. ряд отраслей П.: психология труда, в свою очередь подразделяющаяся на инженерную, авиационную (исследование психологич. закономерностей деятельности в процессе летного обучения и выполнения полетов), космич. П.; педагогич. П., изучающая психологич. закономерности обучения и воспитания человека; медицинская П., изучающая психологич. аспекты деятельности врача и поведения больного и подразделяющаяся на нейропсихологию (исследование динамич. локализации психич. явлений, соотношение психич. функций, структур с мозговыми физиологич. структурами), психофармакологию (изучение влияния лекарств. веществ — т. н. психотропных веществ — на психич. деятельность), психотерапию (изучающую и использующую средства психич. воздействия для лечения больного), психопрофилактику и психогигиену (разрабатывающую систему мероприятий для обеспечения психич. здоровья людей); юридич. П., рассматривающая психологич. аспекты деятельности, связанной с реализацией системы права, подразделяется на судебную П., исследующую психологию участников уголовного процесса; криминальную П. (психологич. проблемы поведения и формирования личности преступника, мотивы преступления и т. п.), пенитенциарную или исправительно-трудовую П.; военная П.; психология торговли; П. спорта, иссле-

дующая психологич. особенности личности и деятельности спортсмена, условия и средства психологич. подготовки спортсменов и психологич. факторы, связанные с организацией и проведением соревнований; П. научного и художеств. творчества, по своему предмету тесно смыкающаяся с эвристикой.

Если за основу классификации принять психологич. аспекты развития, то П. разветвляется на возрастную П., подразделяющуюся на детскую П., психологию подростка, П. юности, геронтопсихологию; П. аномального развития (патопсихология, олигофренопсихология, сурдопсихология и т. д.); сравнит. П.

Если же классифицировать отрасли П. с т. зр. психологич. аспектов взаимоотношения личности и общества, то вычлениются также отрасли, как и индивидуальная П. (прежде всего П. личности) и общественная П. (социальная П.), исследующая П. коллектива, малых групп, П. религии и т. д.

Дифференциация П. дополняется встречным процессом интеграции, в результате к-рого осуществляется «стыковка» П. с др. науками (через инженерную П. — с техникой, через социальную П. — с социологией и т. д.). Вместе с тем внутри психологич. науки обнаруживаются возможности объединения ранее не связанных между собой отраслей. Так, на основе утверждающейся в наст. время трактовки формирования личности в трудовой деятельности не непосредственно, а через трудовой коллектив, намечается тенденция сближения социальной П. и П. труда, имеющих различные историч. корни.

Поскольку в конкретном психологич. исследовании все три аспекта соотношения деятельности и развития личности в обществе органически слиты, любые схемы классификации оказываются относительными.

Определ. представление о конкретном содержании совр. П. может быть получено в результате знакомства с такими ее отраслями, как П. труда, инженерная П., космич. П., военная П., психология творчества, сравнит. П. и детская П.

А. Петровский. Москва.

П. детская — раздел П., изучающий онтогенез различных психич. процессов, психологич. особенности разных видов детской деятельности (игры, учения, труда), формирование качеств детской личности. В качестве особой науч. дисциплины детская П. сложилась в сер. 19 в.

Исследования в области детской П. показали, что наследств. особенности нервной системы и процессы ее созревания представляют собой необходимое условие психич. развития ребенка, но не являются движущими причинами этого развития. Духовные способности человека формируются на основе врожденных анагомо-физиологич. предпосылок или «задатков» под влиянием условий жизни и воспитания (Б. М. Теплов и др.). Ведущую роль в онтогенезе человек. психики играет обучение, в ходе к-рого ребенок овладевает обществ. опытом, накопленным предшествующими поколениями. В результате обучения происходит не только обогащение ребенка известной суммой знаний и умений, но и качествен. перестройка его психич. процессов, образование новых функций, систем, формирование новых способностей и качеств личности. Усвоение детьми обществ. опыта происходит в активной форме, в процессе деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.). Как показали исследования (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, П. И. Зинченко, Г. С. Костюк, Н. А. Менчинская и др.), развитие психич. процессов и формирование свойств личности существ. образом зависит от характера деятельности ребенка и тех возрастных изменений, к-рые в ней происходят на протяжении детства. Между внешней, практической и внутр., психич. деятельностью существуют

сложные генетич. и функцион. зависимости. Так, исследования формирования у детей интеллектуальных процессов и понятий, проведенные П. Я. Гальпериним, Д. В. Элькониним и др., обнаружили закономерные переходы от материальных к идеальным действиям, совершаемым в уме, в плане представлений. Признание детерминированности психич. развития ребенка условиями жизни и воспитания не означает отрицания внутр. логики этого развития, известной его «спонтанности». На разных генетич. ступенях дети оказываются особо чувствительными, «сензитивными» к определ. содержаниям, тогда как другие усваиваются ими плохо или вовсе не усваиваются (Выготский). В процессе развития, особенно в переходные периоды детства, возникают противоречия, приобретающие иногда острую форму «возрастных кризисов» (как это, напр., имеет место при кризисе в подростковом возрасте). Важное значение имеет противоречие между возросшими физическими и духовными возможностями ребенка и старыми, ранее сложившимися формами взаимоотношений с окружающими и видами деятельности. Это противоречие разрешается путем установления новых взаимоотношений и формирования новых видов деятельности, что знаменует собой переход ребенка на более высокую ступень психич. развития. В совр. сов. исследованиях показана относительность, историчность возрастных лимитов и стандартов, что имеет важнейшее значение для теории обучения.

А. Запорожец. Москва.

П. труда изучает психологич. особенности трудовой деятельности человека. Развитие П. труда началось в 20 в. в связи с движением НОТ — науч. организации труда.

К началу 1-й мировой войны центр. место в П. труда заняли проблемы проф. отбора. В этой связи широкое применение получил метод тестов, с помощью к-рых пытались определять и количественно оценивать предпосылки к успешному овладению той или иной профессией. Наряду с различиями в проф. способностях были вскрыты и различия в проф. склонностях, интересах и мотивах, побуждающих людей предпочитать одни профессии другим. Возникла потребность в организации спец. консультационных бюро по оказанию помощи подросткам, выбирающим профессию. Так выросла спец. ветвь П. труда, известная под именем проф. отбора и проф. консультации.

Особое направление в П. труда составляют исследования, посвященные изучению законов упреждения и развития навыков и качеств, важных для различных видов труда.

Предпосылкой еще одного направления исследования в области П. труда послужили эмпирич. данные о колебаниях работоспособности, в первую очередь связанных с утомлением, суточным ритмом. Возникла необходимость в изыскании спец. методов, с помощью к-рых можно было бы измерять утомляемость и степень снижения работоспособности. В этом русле П. труда, как правило, координирует свои усилия с физиологией труда. Вплотную к этому разделу П. труда примыкает в методич. отношении близкий ему раздел, посвященный изучению влияния на психич. деятельность внешней среды, рабочего места, конструкции и расположения приборов и др. Возникла потребность в психологич. рационализации оборудования, машин, рычагов управления, средств сигнализации и т. п., включая цветовое оформление. Первые исследования в этой области, начатые еще в 20-е гг., определили содержание и пути развития самостоят. направления П. труда, известного сейчас под названием инженерной П.

Особое место в арсенале методов П. труда заняли аналитич. методы, с помощью к-рых вскрываются психологич. особенности трудовой деятельности. Эта

глава П. труда получила название П. профессий, или профессиографии.

Существует целый ряд др. направлений П. труда, связанных с задачами рационального реконструирования профессий, анализом причин возникновения аварийных ситуаций и ошибочных действий и т. п.

Наиболее актуальные проблемы совр. П. труда концентрируются вокруг задач инженерной П. и вопросов проф. обучения, разрабатываемых специалистами в области П. труда совместно с инженерами и педагогами.

С. Геллерштейн, Москва.

П. инженерная — раздел П. труда, изучающий деятельность человека-оператора в автоматизированных системах управления. Как самостоят. науч. дисциплина инженерная П. возникла в конце 40-х гг. 20 в. На начальном этапе своего развития она решала задачи, связанные с облегчением труда человека (пилота, диспетчера, наблюдателя), работающего с автоматич. устройствами. Были выработаны полезные рекомендации по оптимальному конструированию шкал приборов, указателей, органов управления, по их размещению на пультах управления, по выбору средств сигнализации и т. п. Развитие кибернетич. методов, возникновение системного подхода к проектированию новых технич. средств, создание систем управления большого масштаба, наконец, развитие и совершенствование электронных вычислит. и информ. машин в 50-х гг. поставили как центр. проблему автоматизации проблему «человек-машина», т. е. проблему рационал. распределения и согласования функций между человеком и машиной. Реальные системы и реальные люди оказались не вполне совместимыми, попытки же полной автоматизации, исключения человека из системы управления привели к неудачам. На этом этапе своего развития инженерная П. выступает как наука, теоретически и практически изучающая человек. аспект функционирования автоматизированных систем управления, тогда как системотехника изучает его технич. аспект. Решая эти задачи, инженерная П. сталкивается с широкими филос. проблемами: о месте и роли человека в научно-технич. прогрессе, о будущем технич. цивилизации, о моделировании психич. функций и т. п. На этой основе в инженерной П. осуществляется синтез П. труда, общей П. человека, педагогич. и социальной П. К практич. задачам совр. инженерной П. относятся: науч. обоснование распределения функций между человеком и машиной, отыскание алгоритмов нек-рых операций, выполняемых человеком, с целью передачи их машине; оптимальное распределение функций между операторами и координация выполняемых ими действий; определение макс. объема и скорости приема, переработки и передачи информации человеком, отыскание наиболее эффективных способов кодирования информации, предъявляемой оператору; установление критериев надежной, стабильной и точной работы оператора в реальных условиях, оценка влияния утомления, психич. напряженности и др. факторов на эффективность деятельности оператора; разработка адекватных и действенных методов обучения и тренировки операторов на основе знания психологич. структуры процессов усвоения, выработки навыков и т. д.; разработка принципов отбора операторов с учетом их антропометрич., физиологич. и психологич. особенностей.

Деятельность оператора имеет сложный, опосредств. характер. Упрощенно она может быть описана с помощью следующей схемы: прием (восприятие) информации, оценка принятой информации и переработка ее в форму, пригодную для принятия решения, — принятие решения — исполнит. действия. В одних случаях центр тяжести приходится на первые две ступени (обычно их объединяют понятием «информационный поиск»), в других — главным является принятие

решения или исполнит. действия (обычно объединяемые понятием «обслуживание»).

Характерной особенностью деятельности оператора является то, что он, как правило, лишен возможности непосредственно наблюдать объекты управления и вынужден пользоваться сведениями о них, поступающими к нему по каналам связи. Для того чтобы оператор мог быстро и безошибочно ориентироваться в ситуации, эти сведения, а также информация о параметрах внешней среды и состоянии самой системы управления поступают обычно на визуальные средства отображения информации (индикаторы, табло, экраны и др.). То, что видит оператор на средствах отображения, является информац. моделью реальной обстановки, реальных объектов. Создаваемые информац. модели должны в макс. степени учитывать функцию. возможности оператора, его знания и опыт. Более того, информац. модель должна допускать оперативное декодирование информации и формирование образов, с тем чтобы оператор мог приступить к решению задачи с миним. задержкой во времени. Формирование образов означает трансформацию информац. модели во внутреннюю, т. е. концептуальную модель внешней обстановки. Для сложных изменяющихся ситуаций согласование содержания информационной и концептуальной моделей является осн. средством повышения оперативности и точности информац. поиска.

Создание адекватных реальности и задачам оператора информац. моделей, их улучшение и приспособление к психологич. особенностям человека есть часть более общей проблемы создания информац. языка, понятного человеку и могущего быть использованным машиной, проблемы общения человека с машиной.

В. Зигмунд, Г. Смолян, Москва.

П. космическая — новая, быстро развивающаяся ветвь П. труда, изучающая воздействие специфич. условий и факторов космич. полета на психологич. аспекты функции. деятельности космонавтов. Осн. содержание космич. П. составляют экспериментально-психологич. исследования, направленные на обеспечение отбора и подготовки космонавтов. Психологич. структура деятельности космонавта определяется рядом проф. особенностей: непрерывностью деятельности; жестко регламентированным порядком работы; строгим ограничением времени, отводимого на рабоче операции; опосредствованным характером оценки полезных результатов работы (определяемым «включением» автоматич. устройств и приборов в перцептивные, интеллектуальные и исполнит. процессы и связанным с необходимостью сложного психич. перекодирования результатов с учетом поправок на запаздывание приборов); постуральным фактором, объединяющим специфич. воздействия космич. полета (невесомость, перегрузки и др.); фактором «новизны», связанным с большой эмоц. нагрузкой, нервным и умств. напряжением. Эти и нек-рые другие факторы космич. полета приводят к появлению новых взаимоотношений между сигнальной (воспринимаемой) информацией и оперативной деятельностью, что ведет к возникновению психически напряженных состояний, преодоление к-рых требует значит. психич. и мышечнотонич. постуральной адаптации. В качестве иллюстрации можно указать на нарушения синхронной деятельности анализаторов в условиях невесомости, вызывающие у отд. лиц пространств. дезориентацию вплоть до полного разрушения правильной восприятия внешнего мира и т. п. «схемы тела» — отражения в сознании свойств и способов функционирования как отд. частей и органов тела, так и всего тела. Опыт показывает, что только спец. методами тренировки можно выработать и закрепить новую функцию. схему анализаторов, при к-рой достигается адаптация к постуральному фактору космич. полета.

Космич. П. разрабатывает спец. экспериментально-психологич. методики, направленные на обнаружение высоких функций, возможностей организма и адаптацию к разнообразным (известным и предполагаемым) факторам космич. полета. Эти методики, строящиеся преим. на принципе воспроизведения, позволили выяснить и объективировать, а в ряде случаев и исключить неблагоприятные психологич. факторы, обуславливающие недостаточную перво-психич. устойчивость кандидатов в космонавты. При отборе космонавтов немалое значение отводится психич. симптомокомплексу, выражаемому обычно понятиями мнительности, внушаемости. Объективные исследования этого комплекса в космич. П. только начались, однако в систему психологич. подготовки космонавтов уже входят мероприятия, позволяющие преодолеть или ослабить состояние напряженного (тревожного) ожидания, неуверенности, беспокойства за благополучный исход.

Особое значение в космич. П. приобретают вопросы взаимодействия космонавтов, коллективной организации их труда, проблемы прогноза эффективности деятельности экипажа. Совместная групповая деятельность космонавтов ставит вопрос о психологич. совместимости, сыгранности отд. лиц. Взаимозависимая трудовая деятельность и отдых в условиях длит. групповой изоляции выдвигают перед групповой П. такие проблемы, как определение осн. линии поведения группы в целом и отд. лиц в различных ситуациях, в т. ч. в аварийных.

Ф. Горбов, Г. Смолян. Москва.

П. военная — отрасль прикладной П., исследующая проблемы, связанные с оценкой и предвидением поведения человека в боевых условиях, приспособление к условиям воен. жизни, действия по управлению войсками и боевой техникой (П. командования), отбор по родам войск и для спец. заданий, психологич. аспекты воен. воспитания и обучения, взаимоотношения начальников и подчиненных, разработку методов «психологич. войны» (пропаганда и контрпропаганда и т. д.). Основным для воен. П. является изучение того влияния, к-рое оказывает на протекание психич. процессов, на действия и поступки человека состояние напряженности («стресс»), связанные с ним изменения в работе органов чувств, в осуществлении мыслит. операций, волевых действий, в частности его влияние на принятие решения. Воен. П. выделилась в самостоят. отрасль П. в нач. 20 в. в период подготовки 1-й мировой войны. Первоначально ее гл. тематикой была П. воен. руководства, а осн. тенденцией — выведение П. армии из П. толпы; социальный аспект репрезентировал всю воен. П. (Тард, Лебон, Компеано, Ардан дю Пик, Курбе, Дю Тейль). С развитием воен. техники гл. задача смещается в сторону определения роли человек. фактора в управлении этой техникой. Особенно большое развитие воен. П. получает после 2-й мировой войны, прежде всего в США, где огромное число исследований самой разнообразной психологич. тематики выполняется как самими воен. органами, так и по контракту с ними.

В СССР исследования по воен. П. проводятся, исходя из общих методологич. установок сов. П. и с учетом качеств, отличия сов. вооруж. сил от армий империалистич. стран. Ряд принципиальных положений воен. П. был разработан М. В. Фрунзе и др. полководцами Сов. Армии.

М. Роговин. Москва.

П. творчества как процесса созидания новых социально значимых продуктов в различных областях деятельности, прежде всего в науке, технике, иск-ве, становится областью спец. исследования в нач. 20 в. Для ее эмпирич. разработки используются первоначально статистический (Ф. Гальтон) и биографический (В. Оствальд, А. Пуанкаре) методы, в дальнейшем

тесты, интервью, эксперимент, факторный анализ. Изучение П. творчества приобретает широкий размах в 50-х гг. Работы по П. науч.-технич. творчества развертываются в спец. направлениях. Анализу подвергается специфика творч. мышления, в отличие от др. форм интеллектуальной активности. В связи с этим обсуждается роль в творч. процессе *интуиции*, воображения, *подсознательного*, вдохновения и др. психич. актов и состояний. Большое число работ посвящено особенностям творч. личности. В качестве таковых выделяются: оригинальность, склонность к разумному риску, поиск порядка в беспорядке, дивергентность, нонконформизм и др. Гилфорд предпринял попытку построить математич. модель структуры творч. личности, используя тесты и метод факториального анализа. Эта модель, как и другие, применялась в США для определения способностей к творч. работе в науке и пром-сти. Изменение характера науки потребовало перейти к описанию группового творчества (Бруннер). Изучению подвергается также возрастная динамика творч. возможностей и достижений личности (Термен, Леман, Торранс и др.). Важное значение придается факторам, стимулирующим творч. активность, предлагается спец. техника «штурма мозга» (Осборн) и даже применение психофармакологических средств (А. Хаксли, Лири).

Значит. лит-ра существует в области П. художеств. творчества и П. иск-ва. Однако, несмотря на большую эмпирич. материал, общая теория творч. процесса остается слабо разработанной, что затрудняет и эффективное решение практич. задач. В последние годы исследования в области П. творчества начинают развиваться в СССР (такие исследования проводились и в 20-е гг.).

М. Ярошевский. Ленинград.

П. сравнительная — область психологич. исследований, в к-рой осуществляется сопоставление психики животных и человека, устанавливаются характер и причины существующего сходства и различий в их поведении, а также изучается психика животных, принадлежащих к различным систематич. группам (видам, родам, семействам и т. д.). Хотя предмет сравнит. П., как он исторически сложился, по существу совпадает с предметом *зоопсихологии*, однако понятие сравнит. П. является более широким, т. к. на первый план здесь выступают сопоставления различных форм поведения и психич. деятельности у животных и человека. Совр. сравнит. П. имеет весьма сложную и далеко не установившуюся структуру, охватывая исследования в области зоопсихологии и физиологии высшей нервной деятельности животных, антропогенеза, экологии, *этологии* и генетики поведения. Осн. проблематика сравнительно-психологич. исследований включает в себя проблемы тропизмов, инстинкта, навыков, интеллекта, т. е. важнейших врожденных и приобретенных механизмов поведения животных. К классич. объектам сравнит. П. (паукам, птицам, собакам, лошадям, антропоидам и др.) в наст. время присоединены кинообразные (дельфины).

В первые десятилетия 20 в. к исследованиям инстинктивной деятельности (В. А. Вагнер) присоединяются сравнительно-психологич. исследования приспособления посредством индивидуального изменения поведения. Исключит. значение имели здесь классич. эксперименты И. П. Павлова над условными рефлексами у животных. Важную роль сыграли осуществленные В. Кеэлером исследования интеллекта человекообразных обезьян. Сравнительно-психологич. исследования человекообразных и низших обезьян проводятся и в СССР (Н. Н. Ладыгина-Котс, Э. Г. Вацуро, Н. Ю. Войтонис, Г. З. Рогинский, Н. А. Тих и др.).

В совр. бурж. сравнит. П. в последние годы получила распространение этологич. школа, изучающая

гл. обр. врожденные компоненты поведения. Вместе с тем развивается биопсихологич. направление (Пьерон, Фешель), дающее не только психологич. и физиологич. интерпретацию поведения, но и принимающее во внимание его биологич. характеристику. В работах этого направления (особенно у Фешеля) находят развитие взгляды, принятые в школах сов. сравнит. П.

А. Петровский. Москва.

Лит.: Общая П. Корнилов К. Н., Учение о реакциях человека с психологич. т. зр., М., 1924; Блонский П. П., Память и мышление, М.—Л., 1935; Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; его же, Принципы и пути развития П., М., 1959; Леонтьев А. Н., Об истории, подходе в изучении психики человека, в кн.: Психологич. наука в СССР, т. 1, М., 1959; его же, Проблемы развития психики, [2 изд.], М., 1963; Выготский Л. С., Развитие высших психич. функций, М., 1960; Джемс В., Наука, основы П., пер. с англ., СПб., 1902; Липпс Т., Самосознание, пер. с нем., СПб., 1903; Кюльпе О., Совр. П. мышления, в сб.: Новые идеи в философии, сб. 16, СПб., 1914; Коффка К., Основы психич. развития, пер. с нем., М.—Л., 1934; П. мышления. Сб. переводов с нем. и англ., М., 1965; Wundt W., Grundriss der Psychologie, Lpz., 1896; 5 Aufl., Bd 1—2, Lpz., 1902; Watson J. B., Psychology as a behaviorist views it, «Psychol. Rev.», 1913, v. 20; Selz O., Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums, Bonn, 1922; Köhler W., Gestaltprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie, «Jahresber. über gesamte Physiol.», 1922—24; Bühler K., Die Krise der Psychologie, 2 Aufl., Jena, 1929; Janet P., L'évolution psychologique et la personnalité, P., 1929; Titchener E. B., Systematic psychology, prolegomena, N. Y., 1929; Tolman E. C. H., Purposeful behaviour in animals and men, N. Y., 1932; Lewin K., Principles of topological psychology, N. Y., 1936; Piaget J., La psychologie de l'intelligence, 3 éd., P., 1952; Wertheimer M., Productive thinking, N. Y., 1945; Wallon H., Introduction à l'étude de la vie mentale, в кн.: Encyclopédie française, t. 8 (La vie mentale), P., 1938.

История зарубежной П. Рубинштейн С. Л., Основы общей П., 2 изд., М., 1946; Совр. П. в капиталистич. странах, М., 1963; Ярошевский М. Г., История П., М., 1966; Рибо Т., Совр. англ. П., пер. с франц., М., 1881; его же, Совр. герм. П., пер. с франц., СПб., 1895; Дессуар М., Очерк истории П., пер. с нем., СПб., 1912; Klemm O., Geschichte der Psychologie, Lpz., 1911; Hall G. S., Founders of modern psychology, N. Y., 1912; Rand V., Classical psychologists, Boston, 1912; Baldwin J. M., History of psychology, v. 1—2, N. Y., 1913; Hennig H., Psychologie der Gegenwart, Lpz., 1931; Döring W. O., Die Hauptströmungen in der neueren Psychologie, Lpz., 1932; Heidegger E., Seven psychologies, N. Y.—L., 1933; Müller-Freinfels R., Die Hauptrichtungen der gegenwärtigen Psychologie, 3 Aufl., Lpz., 1933; Spearman C. E., Psychology down the ages, N. Y., 1937; Levine A. J., Current psychologies: a critical synthesis, Camb., 1940; Brennan R. E., History of psychology from standpoint of a thomist, N. Y., 1945; Woodworth R. S., Contemporary schools of psychology, N. Y., 1948; Sargent S. S., Basic teachings of the great psychologists, N. Y., 1948; Dennis W. (ed.), Readings in the history of psychology, N. Y., 1948; Mühlmann W. E., Geschichte der Anthropologie, Bonn, 1948; Schiller P., Aufgabe der Psychologie. Eine Geschichte ihrer Probleme, W., 1948; Murphy G., Historical introduction to modern psychology, N. Y., 1949; Boring E. G., A history of experimental psychology, 2 ed., N. Y., 1950; Fildes J. C., A hundred years of psychology, L., 1953; Foucault P. et Delella G., La psychologie contemporaine, P., 1951; Tomann W., Einführung in die moderne Psychologie, W.—Stuttg., 1951; Roback A. A., History of American psychology, N. Y., 1952; Brett G. S., History of psychology, ancient and patristic, N. Y., 1953; Ralea M., Botecz C. I., Istoria psihologiei, [Buc.], 1958; Holzner B., Amerikanische und deutsche Psychologie, Würzburg, 1958; Wolman B. V., Contemporary theories and systems in psychology, N. Y., 1960; Boring E. G., Psychologist at large, N. Y., 1961; Documents of Gestalt psychology, ed. by M. Henle, Berk., 1961; Esper E., A history of psychology, Wash., 1964; A history of psychology in autobiography, ed. by C. Murchison, v. 1—3, Oxf., 1930—36.

История сов. П. Теплов Б. М., Сов. психология, наука за 30 лет, М., 1947; Психологич. наука в СССР. [Сб. ст.], т. 1—2, М., 1959—60; Нариси з історії вітчизняної психології кінця XIX і початку XX століття, под ред. Г. С. Костюка, К., 1959; Будилова Е. А., Борьба материализма и идеализма в рус. психологич. науке (Вторая половина XIX — начало XX в.), М., 1960; Ярошевский И. М. Г., Проблема детерминизма в психофизиологии XIX в., Душанбе, 1961; Петровский А. В., Об осн. направлениях в рус. П. нач. XX в., в кн.: Из истории рус. П., М., 1961; его же, На подступах к марксистской П., в кн.: Вопросы теории и истории П., М., 1964; его же, История сов. П., М., 1967.

Детская П. Рубинштейн С. Л., Основы общей П., 2 изд., М., 1946; Вопросы детской П., ч. 1—2, «Изв. АПН РСФСР», 1948, вып. 47—48; Костюк Г. С., Про генезис понятия числа у детей, «Научові записки Науково-дослідного

інституту психології», 1949, т. 1; Ушинский К. Д., Человек как предмет воспитания, Собр. соч., т. 8—9, М.—Л., 1950; Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка, отв. ред. А. Р. Лурия, т. 1—2, М., 1956—58; Выготский Л. С., Избр. психологич. исследования, М., 1956; его же, Развитие высших психич. функций, М., 1960; Менчинская Н. А., Развитие психики ребенка. Дневник матери, [2 изд.], М., 1957; Божович Л. И., Вопросы формирования личности школьника в свете проблем воспитания, «Вопр. психологии», 1963, № 6; П. детей дошкольного возраста. Развитие познават. процессов, под ред. А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина, М., 1964; Блонский П. П., Избр. психологич. произв., М., 1964; Стерн В., П. раннего детства до шестилетнего возраста, пер. с нем., 2 изд., П., 1922; Бюлер К., Духовное развитие ребенка, пер. с нем., М., 1924; Пиаже Ж., Речь и мышление ребенка, пер. с франц., М.—Л., 1932; Вайлон А., От действия к мысли, пер. с франц., М., 1956; Пиаже Ж., Ингльдер Б., Генезис элементарных логич. структур, пер. с франц., М., 1963; Piaget J., La formation du symbole chez l'enfant, Nèhat.—P., 1945; его же, La naissance de l'intelligence chez l'enfant, 3 éd., Nèhat., 1952; Wallon H., L'évolution psychologique de l'enfant, 4 éd., P., 1952; Child psychology, ed. H. W. Stevenson, Chi., 1963.

П. труда. Трудовой метод изучения профессий. Сб., под ред. И. Н. Шильрейна, М., 1925; Рузер Е. П., Психология. методы исследования утомления, в сб.: Психология труда, вып. 2, М.—Л., 1927; Геллерштейн И. С. Г., Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки, «Сов. психотехника», 1932, № 1—2; его же, Вопросы П. труда, в сб.: Психология, наука в СССР, т. 2, М., 1960; Архангельский С. Н., Очерки по П. труда, М., 1958; Вопросы П. труда, «Изв. АПН РСФСР», 1958, вып. 91; Чебышева В. В., Некоторые вопросы П. производств. обучения, «Вопр. психологии», 1959, № 2; Липман О., П. професий, пер. с нем., П., 1923; Мюнстерберг Г., П. и экономич. жизнь, пер. с нем., 2 изд., М., 1924; Мессисо Б., Рацлон. организация труда и П., пер. с англ., М.—Л., 1924; Клапаред Э., Проф. ориентация, ее проблемы и методы, пер. с франц., М., 1925. См. также лит. при ст. Психотехника.

Инженерная П. Ломов Б. Ф., Человек и техника, 2 изд., Л., 1966; Инженерная П., отв. ред. А. Н. Леонтьев, М., 1964; «Проблемы инженерной П.», 1964—66, вып. 1—4; Пушкин В. Н., Оперативное мышление в больших системах, М.—Л., 1965; Зинченко В. П., Смолян Г. Л., Человек и техника, М., 1965; Экспериментальная П., пер. с англ., т. 2, М., 1963; Инженерная П. Сб. ст., пер. с англ., М., 1964; Friedmann G. A., Machine and humanism, v. 2, P., 1946; Miller G. A., Language and communication, N. Y., 1951; McCormick E. J., Human engineering, N. Y.—Toronto—L., 1957; Charanis A., Research techniques in human engineering, Balt., 1959.

Космич. П. Горбов Ф. Д., Нек-рые вопросы космич. психологии, «Вопр. психологии», 1962, № 6; Первые космич. полеты человека, М., 1962; Первый групповой космич. полет, М., 1964; Психологич. проблемы человека в космосе. XVII Междунар. психологич. конгресс, Симпозиум № 28, М., 1966.

Военная П. Теплов Б. М., К вопросу о практич. мышлении (Опыт психологич. исследования мышления полководца по военно-историч. материалам), «Уч. зап. МГУ. Психология», 1945, вып. 90, с. 149—214; Фрунзе М. В., Единая военная доктрина и Красная Армия, Избр. произв., т. 2, М., 1957; его же, Несколько слов о дисциплине, там же; Роговин М. С. и Офицеров В. В., Военная П., в кн.: Совр. П. в капиталистич. странах, М., 1963; Совр. бурж. военная П., [сост. М. С. Роговин], М., 1964.

П. творчества: Грузденберг С. О., Психология творчества, т. 1, Минск, 1923; Якобсон П. М., Процесс творч. работы изобретателя, М.—Л., 1934; Пономарев Я. А., Психология творч. мышления, М., 1960; Исследования по П. науч. творчества в США. Обзор лит-ры и рефераты, под ред. М. Г. Ярошевского, М., 1966; Creativity and its cultivation, ed. H. H. Anderson, N. Y., [1959]; Scientific Creativity. Its recognition and development, ed. C. W. Taylor and F. Barron, N. Y.—L., [1963]; Creativity: progress and potential, ed. C. W. Taylor, N. Y.—[a. o.], [1964].

Сравнит. П. Вагнер В. А., Биология, основания сравнит. П., т. 1—2, СПб.—М., [1910—13]; его же, Возникновение и развитие психич. способностей, вып. 1—9, Л., 1924—29; Ладыгина-Котс Н. Н., Дети шимпанзе и дети человека..., М., 1935; ее же, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958; Боровский В. М., Психич. деятельность животных, М.—Л., 1936; Вацуро Э. Г., Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе), М., 1948; Рогинский Г. З., Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе), Л., 1948; Вайтсон Н. Ю., Предистория интеллекта, М.—Л., 1949; Воронин Л. Г., Лекции по сравнит. физиологии высшей нервной деятельности, М., 1957; Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; Warden S. J., Jenkins T. N., Wagner L. H., Comparative psychology, v. 1—3, N. Y., 1935—40; Thorpe W. H., Learning and instinct in animals, L., 1956; Comparative psychology, 3 ed., ed. by C. P. Stone, L., 1953; Ratner S. C. and Denny M. R., Comparative psychology; research in animal behavior, Homewood, 1964. См. также лит. при ст. Этология.

О междунар. конгрессах по П. см. Ярошевский М. Г., Прогресс П. и междунар. психол. конгрессы, «ВФ», 1966, № 7.

О журналах по П. см. ст. Журналы психологические, в кн.: Педагогическая Энциклопедия, т. 2, М., 1965.

ПСИХОТЕХНИКА — ветвь *психологии*, изучающая проблемы практич. деятельности людей в конкретно-прикладном аспекте. В наст. время за рубежом понятие П. в общем идентично понятию прикладная психология (*gewandte Psychologie, applied Psychology*) и включает в себя содержание различных отраслей психологии труда (инженерная, пром. психология), воен. психологии, психологии торговли и т. п. П. возникла в нач. 20 в. и получила теоретич. оформление в работах В. Штерпа, *Мюнстерберга*, Гизе и др. психологов-эксперименталистов. Осн. задача П. заключалась в осуществлении проф. отбора, проф. ориентации, изучении утомления и упражнения в процессе труда, приспособления человека к машине и машины к человеку, выяснения эффективности различных средств воздействия на потребителя (реклама), тренировки психич. функций при подготовке рабочей силы и т. д. П. использовала в решении этих задач различные испытания (гл. обр. *тесты*). В капиталистич. странах П. активно способствовала совершенствованию системы эксплуатации рабочих и их социальному подавлению.

В СССР П. получила значит. развитие в 20-е и в 1-ю пол. 30-х гг. Во мн. городах работали психотехнич. лаборатории, готовились кадры психотехников, было создано Всесоюзное об-во П. и прикладной психофизиологии, издавался журн. «Советская П.» (с 1928 по 1934), проводились конференции и съезд по П. 7-я Междунар. психотехнич. конференция (1931) проходила в Москве. Нач. этап развития П. в Сов. России связан с движением научной организации труда (НОТ) и сводился гл. обр. к усвоению осн. понятий и достижений бурж. П. Как особая отрасль сов. психологии П. организационно оформляется к 1927—28. Тогда же получает распространение тезис о внеклассовом характере П. В 1930—32 начинается пересмотр методологии сов. П., явившийся следствием марксистско-ленинской перестройки психол. науки. Сов. психологи и психотехники наметили тогда же перспективный план дальнейшего развития прикладных отраслей психологии и конкретной помощи социалистич. строительству. Характерной чертой П. к сер. 30-х гг. становится перенесение центра тяжести в исследоват. работе с проблемы проф. отбора на задачу рационализации методов политехнич. и проф. обучения, организации трудового процесса, формирования навыков и умений, борьбы с травматизмом и аварийностью и т. п.

Культ личности существенно затормозил развитие психологии труда в СССР. Отрицат. отношение к П. еще более усилилось в период повсеместно развернувшейся критики *педологии* (1936—37). Справедливо усматривая у П. немало общего с педологией, критики по существу перечеркивали все достижения П. и оспаривали правомерность почти всей проблематики психологии труда (в 1936 закрываются почти все лаборатории по П. и психофизиологии труда). Установка на отказ не только от ошибочных тенденций в П. (к-рые во многом были уже к тому времени преодолены или осознаны как неверные), но и от ее принципиальных достижений принесла определ. ущерб психол. науке и социалистич. строительству. В настоящее время разработка проблем психологии труда возродилась, стимулировав развитие инженерной, космич. психологии и др. спец. отраслей психол. науки.

Лит.: Геллерштейн С. Г., Вопросы психологии труда, в кн.: Психол. наука в СССР, т. 2, М., 1960; Платонов К. К., Вопросы психологии труда, М., 1962; Левитов Н. Д., Психология труда, М., 1963; Петровский А. В., К истории психологии труда в СССР, в кн.: Материалы конференции по психологии труда, Я., 1965, его же, Исто-

рия сов. психологии, М., 1967; его же, Problems of personality and labour in Soviet psychology, в кн.: XVIII Intern. Congress of Psychology. Symp. 38, Moscow—N. Y., 1966.

А. Петровский. Москва.

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА — в более широком аспекте вопрос о месте психического в природе, восходящий к *основному вопросу философии*; в частном — проблема соотношения психич. и физиол. (нервных) процессов. Мысль о зависимости психич. проявлений от жизни тела является очень древней, но первые попытки науч.-филос. решения П. п. связаны с пониманием *психики (души)* как одного из видов материи (мплетские натурфилософы, *Гераклит*, древние атомисты). Им противостояла т. зр. *Платона*, к-рый саму материю считал функцией идеи. *Аристотель* в противовес этому построил учение о нераздельности души и материального субстрата тела. Уязвимыми сторонами этого учения явились телеологич. взгляд на регуляцию жизненных актов и трактовка ума как бестелесной сущности.

Новые пути разработки П. п. наметились лишь в 17 в. на основе механистич. картины мира. *Декарт* предпринял открывшую новую эпоху попытку объяснить поведение живых существ по типу механич. взаимодействия, рассматривая с этой т. зр. не только мышечные реакции, но и определял категорию психич. проявлений (т. н. «страстей души»). Однако, признав сознание непространств. субстанцией, способной произвольно управлять «машинной телом», он утвердил новый вариант *дуализма*, известный как концепция психофизич. взаимодействия: хотя тело только движется, а душа только мыслит, они могут влиять друг на друга, соприкасаясь в определ. районе мозга. *Гоббс* и *Спиноза* отбросили презумпцию субстанциональности сознания (души), объявив его безостаточно выводимым из взаимодействия природных объектов. *Лейбниц*, поставив целью совместить механистич. картину мира с представлением о психике как уникальной сущности, выдвинул идею *психофизического параллелизма*, трактованного им с идеалистич. позиций. Материалистич. интерпретацию психофизич. параллелизм получил в 18 в. у *Гартли* и др. натуралистов.

В 19 в. дарвиновское учение потребовало понять психику как активный фактор регуляции жизненных процессов. Это требование иногда ложно преломляется в новых разновидностях теории психофизич. взаимодействия (Джемс). В конце 19—нач. 20 вв. получает распространение махистская трактовка П. п., согласно к-рой душа и тело «построены» из одних и тех же «элементов» — ощущений, и поэтому речь должна идти не о реальной взаимосвязи реальных явлений, а о корреляции между «комплексами ощущений». Логич. позитивизм рассматривает П. п. как псевдопроблему и полагает, что связанные с ней трудности разрешимы путем применения различных языков к описанию соответственно сознания, поведения и нейрофизиол. процессов.

За всеми этими способами решения П. п. скрыт все тот же дуализм, порожденный нитроспективным взглядом на психику как особую сущность, к-рая лишена всех определений, свойственных материальному миру, и открыта только для ее посетителя — субъекта.

Диалектич. материализм основывает решение П. п. на понимании психики как выступающего в форме образов продукта активного взаимодействия высокоорганизов. живых систем с внешним миром. Такое решение П. п. позволяет широко использовать при ее конкретно-науч. разработке достижения психофизиологии, базирующейся на рефлекторной теории (в ее сеченовской интерпретации — см. *Рефлекс*), и др. смежных наук.

В различных разделах психофизиологии и смежных с ней дисциплин накоплен огромный материал о мно-

гообразных формах зависимости психич. актов от их физиологич. субстрата и об активном воздействии сознания на ход жизнедеятельности (учение о локализации функций, об идеомоторных актах, данные ряда разделов нейро- и патопсихологии, психофармакологии, генетики и др.). Однако и в наст. время мн. принципиальные аспекты П. п. не могут считаться однозначно решенными, поскольку не до конца исследована природа психического.

Лит.: Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957; Веккер Л. М., Восприятие и основы его моделирования, Л., 1964; Вайн А., Mind and body, 2 ed., L., 1873; McDougall W., Body and mind, 7 ed., L., 1928; Фоллинг Е., A history of experimental psychology, 2 ed., N. Y., [1950].

М. Ярошевский, Ленинград.

ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ — один из способов решения психофизической проблемы, исходящий из невозможности причинного взаимодействия между психич. и физиологич. процессами. Зарождение П. п. относится к эпохе утверждения механистич. взгляда на природу (17 в.). В борьбе с дуализмом Декарта Спиноза утверждал, что «ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому...» (Избр. произв., т. 1, М., 1957, с. 457). Однако истинными родоначальниками П. п. являются окказионалисты (Мальбранш) и Лейбниц, считавшие, что взаимодействие между душой и телом невозможно из-за их абс. гетерогенности. Новый вариант П. п. представил в 18 в. материалистич. ассоцианизм Гартли и его последователей, к-рые полагали, что психич. явления соединяются параллельно вибрациям в нервном субстрате. Поскольку эти вибрации в свою очередь ставились в причинную зависимость от воздействия внешних физич. тел, психическое трактовалось как производное от материального. В середине 19 в. П. п. становится господствующей доктриной под влиянием открытия закона сохранения и превращения энергии, укрепившего взгляд на материальный мир как замкнутое каузальное целое. В этот период мн. философы и психологи приходят к т. зр., что сознание неотделимо от тела, но в каузальном отношении с ним не находится. Среди сторонников этой т. зр. имелись как материалисты, так и идеалисты.

П. п. потерял кредит в связи с успехами эволюц. биологии и психологии, теоретически и экспериментально доказавшими важную роль психич. компонентов в регуляции и прогрессе жизнедеятельности.

В 20 в. П. п. попыталась возродить гештальт-психология, к-рая описывала психич. явления (гештальты) в виде структур, взаимнооднозначно соответствующих первичным структурам, но причинно не связанных с ними.

Лит. см. при ст. Психофизическая проблема.

М. Ярошевский, Ленинград.

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ — один из способов решения психофизической проблемы, согласно к-рому психическое и физическое постоянно влияют друг на друга; в рамках концепции П. в. психическое и физическое рассматриваются, как правило, дуалистически.

ПТОЛЕМЕЙ (Πτολεμαῖος) (неправильно Птолемеи), Клавдий — греч. математик, астроном и оптик 1-й пол. 2 в. Жил в Александрии. Гл. труд — «Сочинение, или Математическая система» (Ἐπιτομή ἀστρονομικῆς, лат. назв. «Compositio seu syntaxis mathematica») явилось высшим достижением др.-греч. математич. астрономии. Соч. переведено в 7 в. на сирийский, в 9 в. — на арабский и в 12 в. с арабского на лат. язык.

Хотя в 3 в. до н. э. Аристархом Самосским были сформулированы принципы гелиоцентрич. системы, к-рой Птолемей позже придерживался и Селевк из Селевкии, однако геоцентрич. система П. с ее предположением о неподвижном положении наблюдателя и

его инструментов оказывалась в то время более плодотворной как для геометрич. конструкций планетных путей, так и для усовершенствования методов наблюдений. Теория П. явилась более совершенной в математич. отношении, чем т. н. теория Евдокса и Каллипа, разделявшаяся Аристотелем (см. Евдокс Книдский). Истинность геоцентрич. системы П. пытался обосновать целым рядом аргументов. В выборе гипотез П. считал необходимым руководствоваться принципом простоты; в тех случаях, когда простейшая гипотеза несогласна с небесными явлениями, нужно выбирать наиболее подходящие, т. е. согласные с ними. В средние века, в период господства аристотелизма, нередко были попытки истолковать гипотезу П. лишь как удобную математич. фикцию, сохраняя объективное значение за теорией Аристотеля. Борьба обеих концепций, птолемеевской и аристотелевской, закончилась победой первой, пока на смену обоим вариантам геоцентрич. системы не пришла гелиоцентрич. система Коперника. Последний, однако, использовал ряд наблюдений, приводимых П.

Соч.: Opera omnia, ed J. L. Heiberg, v. 1—3, Lipsiae, 1898—1952; Geographia, e codicibus recognovit C. Müllerus, v. 1, p. 1—2, P., 1883—1904; L'optique, éd. critique par A. Lejeune, Louvain, 1956.

Лит.: Идельсон Н. И., Этюды по истории планетных теорий, в сб.: Николай Коперник, М.—Л., 1947; Lejeune A., Euclide et Ptolémée. Deux stades de l'optique géométrique grecque, Louvain, 1948; ег о ж е, Les recherches de Ptolémée sur la vision binoculaire, «Janus», 1958, [v.] 47, № 2; Duhamel P., Le système du monde, v. 1—10, P., 1913—59 (см. имен. указат.); Sarton G., A history of science, Camb., 1952.

В. Зубов, Москва.

ПУАНКАРЕ (Poincaré), Анри (29 апр. 1854—17 июля 1912) — франц. математик, физик и философ; член Парижской академии наук (с 1887). Одновременно и независимо от Эйнштейна разработал основы спец. относительности теор.

спец. относительности теор. с анализом ее приложений и математич. следствий (1905). В философии П. известен своими работами по общеметодологич. проблемам науки, стимулировавшими усилия ученых в исследовании структуры науч. знания и его ценности. Некритически восприняв философию Канта (особенно его учение о синтетич. суждениях аргюи) и Бутру, П. в интерпретации науки и ее законов явился родоначальником конвенционализма, к-рый он, правда, проводил непоследовательно, с «отступлениями» в материализм. Основу филос. учения П. о науке составляет утверждение, что общие теоретич. принципы науки являются продуктами челоуеч. ума. В полемике с Э. Леруа он доказывал, что ум ученого с помощью соглашений создает понятийный аппарат — категориальную схему («язык науки»), при посредстве к-рой он познает (а не творит) «грубые объективные факты». Теоретич. принципы творятся ученым, но результаты его творения обусловлены опытом и плодотворностью их применения, их способностью «открывать нам чего-то реального» (см. «Наука и гипотеза», СПб, 1904, с. 3). Наиболее ярко материалистич. тенденция П. проявляется в учении об объективном инварианте, в к-ром утверждается, что содержание различных теорий одного и того же фрагмента реальности взаимопереводимо, т. е. что существуют инвариантные (объективные) закономерности, являющиеся соотношениями между гольми фактами, в то время как соотношения между науч. фактами (т. е. гольми фактами, переведенными на язык науки) всегда остаются в зависимости от условных соглашений, создаваемых челоуеч. разумом (см.

«ЦЕННОСТЬ НАУКИ», М., 1906, гл. 10, § 4). Признавая объективный характер науки, П. в ряде своих произведений признает и критерий практики, причем, как указывает Ленин, в объективном смысле. Однако в понимании самой объективной реальности с наибольшей силой проявился идеалистич. характер взглядов П.: отрицание объективного существования материи, признание объективно существующими только соотношений между вещами, только «...они общи и останутся общими для всех мыслящих существ» (там же, с. 190). С такой т. зр. наука объективна лишь как система соотношений. Закономерным исходом подобной интерпретации явился агностич. тезис о невозможности науки открыть истинную природу вещей (см., напр., там же, с. 187). Поэтому ценность науч. теории для П. измеряется не степенью правильности и глубины отображения ею действительности, а лишь удобством и целесообразностью ее применения для практич. целей.

Большое значение для философии математики имела полемика П. с представителями *логицизма*, в к-рой он доказывал, что из математич. рассуждений нельзя полностью удалить те элементы, к-рые основаны на интуиции как непосредств. интеллектуальном усмотрении.

Соч.: Oeuvres, t. 1—11, P., 1916—56; в рус. пер.— Математич. творчество. Психологич. этюд, Юрьев, 1909; Наука и метод, СПб., 1910; Новая механика, М., 1913; Математика и логика, в сб.: Новые идеи в математике, сб. 10, П., 1915, с. 1—52; Последние мысли, П., 1923.

Лит.: Ра ж о Г., Ученые и философия, [пер. с франц.], 2 изд., СПб., 1912; А с м у с В. Ф., Проблема интуиции в философии и математике, 2 изд., М., 1965; Néerologie H. P. (1854—1912), «Revue de métaphysique et de morale», 1912, sept.; R o u g i e r L., La philosophie géométrique de H. P., P., 1920; F o r n a r o G., H. P. e il valore della scienza, Napoli, 1924; B e n g u b i J., Les sources et les courants de la philosophie contemporaine en France, t. 1, P., 1933, p. 350—72; С е с с и л и А., Il concetto di convenzione matematica in H. P., Torino, 1954; P o i r i e r R., H. P. et le problème de la valeur de la science, «Revue philosophique de la France et de l'étranger», 1954, N° 10—12, p. 485—513; D a n t z i g T., H. Poincaré, N. Y.—L., 1954. И. Добролюбов. Москва.

ПУРИТАНИЗМ (от лат. purus — чистый) — реформационное течение в Англии и Шотландии 16—17 вв., к-рое в религ. форме *кальвинизма* отразило оппозиц. настроения буржуазии, нового дворянства, гор. мелкой буржуазии и части крестьянства, выступавших против феодал.-абсолютистского порядка и гос. англиканской церкви. Сторонники П. требовали продолжения *Реформации*: конфискации земель, оставшихся у церкви после ликвидации монастырского землевладения, отделения церкви от гос-ва, упразднения епископата и церк. судов, упрощения и удешевления церк. обрядности, сокращения числа религ. праздников, отказа от соблюдения постов и почитания «святых». Обличая роскошь двора и нравы аристократии, пуритане выступали против театра и развлечений, пропагандировали бережливость, воздержание от жизненных удовольствий, деловую активность, что отвечало интересам англ. буржуазии эпохи «первоначального накопления». Нравств. проповедь П. оказала сильное влияние на англ. лит-ру того времени.

Движение П. в своем развитии прошло ряд этапов. В 30—60-х гг. 16 в. П. был одним из крайних течений внутри англиканской церкви, представители к-рого требовали в первую очередь изменения церк. обрядности. Лишь в 60-х гг. сторонники П. открыто выступили за замену правительств. епископальной церкви системой пресвитерий — кальвинистских орг-ций во главе с выборным приходским управлением (пресвитерами). В этот период в П. зарождаются два осн. направления — умеренное пресвитерианское и радикальное индепендентское. Последнее выступало против любой принудительной общегос. церк. системы, за независимость каждой религ. общины — конгрегации (см. *Конгрегационализм*), вплоть до автоном-

ного определения формы культа и символа веры. Индепенденты отвергали любое посредничество между душой человека и богом, признавали за каждым членом общины возможность «пророчества» и проповеди на основе *откровения*. Это сближало их учение с идеями *анабаптистов*.

Превращение П. с сер. 80-х гг. 16 в. в открытую оппозицию господств. церкви привело к репрессиям со стороны властей, продолжавшимся вплоть до бурж. революции в Англии 17 в. и вызвавшим массовую эмиграцию пуритан, гл. обр. в Сев. Америку (начало англ. колонизации). В дальнейшем П. в обеих своих гл. разновидностях становится идеологич. знаменем надвигающейся бурж. революции. Размежевание пресвитерианства и индепендентства усиливается, они превращаются в политич. партии революции.

Источн.: The Puritans. A sourcebook of their writings, v. 1—2, N. Y., 1963.

Лит.: Э н г е л ь с Ф., Введение к англ. изданию, «Развитие социализма от утопии к науке», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22; Гардинер С. Р., Пуритане и Стюарты. 1603—1660, пер. с англ., СПб., 1896; Истехин А., Очерки из истории борьбы англиканства с бурж. буржуазией при Тюдорах (1550—1603), Каз., 1894; Англ. револ. революция. Сб. под ред. Е. А. Косминского, т. 1, М., 1954; Ш т о к м а р В. В., Очерки по истории Англии XVI в., Л., 1957; N e a l D., The history of the puritans, v. 1—2, N. Y., 1856; C h a m b o n I., Der Puritanismus. Sein Weg von der Reformation bis zum Ende des Stüarts, Z., 1944; H u g h e s P. H., The reformation in England, v. 1—2, L., 1952—53. Л. Затуловская. Москва.

ПУРУША (санскр.— мужчина, гражданин, человек; душа, дух) — термин *индийской философии*, претерпевший сложную эволюцию и имеющий различное значение в разных школах. В *ведаях* П. означал человека вообще. Однако в ряде гимнов Ригведы (например, X, 90) П. символизировал бытие в целом, выступавшее в виде тысячеглавого, тысячеглавого, тысяченогого космического божества. В эпосе *Махабхарата* и позднейших филос. текстах П. трактуется обычно уже как душа, дух и по своему смыслу совпадает с понятиями *атман* и *брахман*. В системе *санкхья* П. означает индивидуальную душу, лишенную, однако, всех признаков и качеств реального эмпирич. индивида. Она воплощает в себе принцип чистой духовности в ее абс. противоположности материи (*пракрити*). По мнению инд. исследователя Д. П. Чаттопадхьяя, П. символизирует приоритет мужского начала в мировоззрении арийских скотоводч. племен, где господствовал патриархат, в то время как для мировоззрения коренного дравидийского населения Индии, занимавшегося земледельч. трудом в рамках матриархальных отношений, характерен культ женского начала, воплощенный в концепции *пракрити* (см. Д. П. Чаттопадхьяя, Локаята даршана. История индийского материализма, пер. с англ., М., 1961). Н. Апикуев. Москва.

ПУСТОЕ (в математике и логике) — то же, что «не содержащее элементов (членов)». Так, П. *множество* (или *класс*) — это «множество» (соответственно «класс»), не имеющее (-ий) элементов; П. слово (в *формализованных языках* математики и математич. логики) — «слово», «состоящее» из нуля букв, и т. п. Эпитет «П.» прилагается, т. о., к «несобственным» (т. е. в песобстве, смысле слова) объектам, вводимым в рассмотрение в соответств. теориях примерно в силу тех же причин (и играющих в них ту же роль), что число 0 в арифметике положит. чисел (англ. термин «null» в качестве прилагательного просто является синонимом для «empty»). Напр., (1) сумма (объединение) любого множества и П. множества равна данному множеству; (2) пересечение (теоретико-множеств. аналог произведения) любого множества и П. множества есть П. множество; (3) подобно тому как 0 не превосходит никакого натурального числа, П. множество есть подмножество («несобственное») любого множества (в т. ч. и самого себя). К рассмотрению П. объектов

приводят прежде всего соображения технич. удобства — они делают ненужными многочисленные и громоздкие оговорки (типа «если таковые существуют и т. п.») в формулировках различных предложений; в ряде случаев невозможность (или хотя бы неумение) решить вопрос о пустоте или непустоте к.-л. конкретного объекта теории делала бы такие оговорки неизбежными, что, очевидно, осложнило бы (хотя и не принципиальным образом) построение теории. Экстенциональное (объемное) понимание «пустоты» можно охарактеризовать и интенсивно (с т. зр. содержания), напр., как противоречивость нек-рого понятия; так, П. множеством можно, по определению, называть множество всех таких x , что $x \neq x$. Но никакая такая интенциональная характеристика не исчерпывает полностью экстенциональной, поскольку фактически истинное предложение о пустоте нек-рого класса не обязательно является и логически истинным (пример: класс жителей Луны; см. *Логическая истинность, Фактическая истинность*).

Онтологич. допущение (иногда неявное) о непустоте тех или иных классов (или предметных областей) играет важную роль в логике. Напр., такое «очевидное» предложение, как $\forall x A(x) \supset \exists x A(x)$ («если все x обладают св-вом A , то существует x , обладающий свойствами A »), на П. предметной области оказывается ложным (в этом случае предложение $\forall x A(x)$ истинно, а предложение $\exists x A(x)$ ложно для любого предиката A). Поэтому т. н. универсальную общезначимость предложения $\forall x A(x) \supset \exists x A(x)$ узкого предикатов исчисления следует понимать как его общезначимость в любой непустой предметной области, описываемой с помощью этого исчисления. (Вообще непустота предметной области предполагается для исчисления предикатов в качестве исходного «онтологического» допущения.) Др. пример: 4 из 19 правильных (с т. зр. аристотелевой силлогистики) модусов категорич. силлогизма основываются на такой интерпретации общеутвердит. высказываний вида «Все A суть B », согласно к-рой класс истинности A не является пустым. В рамках классич. логики П. класс есть дополнение универсального класса. Это обстоятельство вместе с естеств. аналогией между логич. предложениями (или формулами) и их «множествами (классами) истинности» [т. е. множествами (классами) предметов, для к-рых они истинны], согласно к-рой П. множество ставится в соответствие (тождественно-)ложному высказыванию, а универсальное — (тождественно-)истинному, обуславливает далеко идущие аналогии между логич. и теоретико-множественными (теоретико-классовыми) понятиями и предложениями. Примерами могут служить хотя бы упомянутые выше предложения; (1) — (3) и соответственно предложения: (1') дизъюнкция любого предложения с ложным эквивалентна данному предложению; (2') конъюнкция любого предложения с ложным — ложна; (3') из ложного предложения следует любое предложение. При вероятностной интерпретации понятий теории множеств (и теоретико-множеств. обосновании теории вероятностей, см. *Вероятность, Вероятностная логика*) аналогом понятия П. множества служит понятие невозможного события. Эпитет «П.» применяется естеств. образом и к др. объектам, рассматриваемым в логике и математике (хотя любое такое применение, при всей своей естественности, должно быть, строго говоря, специально оговорено, чтобы считаться осмысленным), напр., «выводимость из П. посылки» есть синоним «доказуемости» (см. *Вывод в математической логике*). Ю. Гагеев. Москва.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ» (1840) — осн. соч. Кабе.

ПУФЕНДОРФ (Pufendorf), Самюэль (8 янв. 1632—26 окт. 1694) — нем. юрист, представитель школы естественного права. Изучал междунар. право в Лейп-

цигском ун-те, философию и математику — в Испском.

Заслугой П. является попытка построить науку о праве как светскую. Свою систему взглядов на естеств. право (изложенную в работах «О праве естественном» — «De jure naturae et gentium», L., 1672, и более кратко в «De officio hominis et civis», L., 1673; в рус. пер. «О должности человека и гражданина», [СПБ], 1726) П. строил, опираясь на идеи Гроция, Гоббса, Спинозы и следуя рационалистич. методу картезианства. Все положения науки о праве и гос-ве следует, согласно П., строить геометрич. методом. Предметом обществ. наук являются «вещи моральные» — семья, гражд. общество, гос-во. Из трех источников естественного права, отмеченных Гроцием (общественные инстинкты, человеческий разум и обществ. воля), П. придавал гл. значение первому. Вместе с тем П. уделял большое внимание роли разума, считая, что человек — существо разумное и лишь как таковое может руководствоваться определ. правилами. Из обществ. инстинктов (стремление к свободе, к самосохранению) вытекает все естеств. право, безраздельно господствовавшее в естеств. состоянии. Но, в отличие от Гоббса, у П. в естеств. состоянии господствует не всеобщая вражда, а мир. Гос-во П. признавал нравств. личностью (persona moralis), воля к-рой создается в результате единения воли многих — в *общественном договоре* и рассматривается как воля всех. Гос-во обязано использовать силы и способности каждого в целях достижения мира и безопасности. По мнению П., идея божеств. происхождения власти разрушает идею договора между верховной властью и гражданами и подрывает осн. законы гос-ва. П. стремился подчинить религию гос. власти, однако, требовал от нее религ. терпимости, а также терпимости по отношению к науке. Сам П. был сторонником *деизма* — «естественной религии», не связывающей науки. П. провозглашал этич. и юридич. равенство граждан, а также считал, что обе стороны договора (и подданные и правители) одинаково обременены обязанностями по отношению друг к другу. Вместе с тем П. не допускал сопротивления подданных верховной власти. В политике П., выражая интересы нем. буржуазии 17 в. в условиях экономич. и политич. отсталости Германии, когда феод. порядки в стране, несмотря на проникновение капитализма, были еще сильны, а буржуазия крайне слаба и монархически настроена, как и др. представители нем. школы естеств. права (*Томазий, Х. Вольф*), был консерваторм. Он рекомендовал лишь некоторое ограничение императорской власти. Считая, как и Гоббс, междунар. право видом естественного, П. полагал, что первое обладает лишь моральной силой. Такая концепция устраивала нем. князей, т. к. оправдывала феод. раздробленность страны и ослабляла силу междунар. правовых норм.

Соч.: *Elementorum Jurisprudentiae Universalis libri II*, Hagae, 1660; v. 1—2, Oxf., 1931; *De statu Imperii Germanici*, Genevae, 1667 (под псевд. Severinus de Monzabano, нов. изд., Weimar, 1910); *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten*, Fr./M., 1684; Tl 1—4, Fr./M., 1730—33; *De habita religionis christianae ad vitam civilem*, Bremae, 1687; в рус. пер. — Введение в историю Европейскую, т. 1—2, СПб., 1767—77; Политич. рассуждение о согласии политики истинной с религиею христианскою, СПб., 1815.

Лит.: История политич. учений, М., 1960, с. 238—42; История политич. учений, т. 4, М., 1965, с. 172—73; *Jastrow J., Pufendorfs Lehre von der Monströsität der Reichsverfassung*, B., 1882; *Lezius F., Der Toleranzbegriff Lockes und Pufendorfs*, Lpz., 1900 (Studien zur Geschichte der Theologie und

der Kirche, Bd 6, H. 1); Treitschke H. von, Historische und politische Aufsätze, Bd 4, Lpz., 1920; Wolf E., Grotius, Pufendorf, Thomasius, Tübingen, 1927; его же, Grosse Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte, 4 Aufl., Tübingen, 1963; Weizel H., Die Naturrechtslehre S. Pufendorfs, Hdlb., 1930 (нов. изд., В., 1959). E. Вейцман. Москва.

ПЬЕР ИЗ МАРИКУРА (Pierre de Maricourt, Petrus Peregrinus) — франц. ученый 2-й пол. 13 в. Осн. внимание П. из М. уделял естеств. наукам, занимался математикой, оптикой, астрономией, медициной, алхимией; изобрел ряд физич. приборов, пытался разрешить задачу создания «вечного двигателя». Сохранилось два соч. П. из М.: «Новое устройство астролябии» (Nova compositio Astrolabii particularis, не издано) и «Послание о магните» ([Epistola]... de magnete, в кн.: G. Hellmann, Neudrucke von Schriften und Karten über Meteorologie und Erdmagnetismus, h. 10—Rara Magnetica 1269—1599, В., 1898; в рус. пер.— Послание о магните. Вводная статья, перевод и примечания В. П. Зубова, см. «Труды ИИЕТ», 1959, т. 22, с. 293—323). В последнем П. из М. выступал как сторонник экспериментального метода, считал, что исследователю «... надлежит знать природу вещей, быть осведомленным о небесных движениях и вместе с тем надлежит ему прилежно заниматься ручным трудом, чтобы посредством своего труда вывье показать чудесные действия, ибо благодаря такому прилежному занятию ему ничего не будет стоить исправить ошибку, которую он веками не исправил бы при посредстве одной физики и математики, сам не владея ручным трудом» (указ. соч., с. 302). В качестве экспериментатора и исследователя П. из М. оказал влияние на Р. Бэкона, к-рый упоминал в своих соч. «магистра Петра», с похвалой отзываясь о его науч. заслугах. Интерес к «Посланию» П. из М., первому европ. соч., специально посвященному магнитным явлениям, возрос в 16 в., в период формирования новой экспериментальной науки.

Лит.: Schlund E., Petrus Peregrinus von Maricourt, sein Leben und seine Schriften, «Archivum Franciscanum Historicum», 1911, Bd 4, S. 436—55, 633—43; 1912, Bd 5, S. 22—40; D a u j a t J., Note sur un fondateur de la physique du magnétisme au XVIII siècle: Pierre de Maricourt, «Thalès», 1936, 2 année, p. 158—61. А. Горфункель. Ленинград.

ПЬЕРОН (Pieron), Анри (18 июля 1881 — 6 нояб. 1964) — франц. психолог, психофизиолог и психотехник. Ученик А. Бине и П. Жана; директор психологич. лаборатории Сорбонны, где по его инициативе создан (1921) Ин-т психологии, основатель Нац. ин-та проф. ориентации (1928).

П. понимал психологию как науку о целостном поведении организмов и указывал, что познание психич. процессов должно опираться на физиологию высшей нервной деятельности, на гистологию и морфологию головного мозга, на данные психологии животных и на открытия в области изучения социального развития человека. Социальное воздействие на человека, по П., осуществляется в двух направлениях: оно изменяет, социализирует элементарные формы биологии, поведения и порождает новые, специфически социальные формы поведения (вербальное поведение, образование и воспитание, поведение в труде и т. д.).

В области психофизиологии П. установил ряд закономерностей, касающихся соотношения интенсивности порогового возбуждения и его продолжительности (закон Пьерона), зависимости нарастания яркости ощущений от цветности раздражителя и др.

Соч.: L'évolution de la mémoire, P., 1910; Le cerveau et la pensée, 2 éd., P., 1923; Psychologie expérimentale, P., 1927; ... Aux sources de la connaissance: La sensation, guide de vie, [P., 1945]; La vision en lumière intermittente, P., 1961; Examens et docimologia, P., 1963.

Лит.: Соколов Е. Н., Проблема ощущений в новом труде А. П., «Вопр. психологии», 1955, № 4; Анри П. (К 80-летию со дня рождения), там же, 1961, № 4; Анри П. (Некролог), там же, 1965, № 3. О. Тутунджян. Ереван.

ПЬЕТРО Д'АБАНО (Pietro d'Abano, Petrus de Padua, Aronensis) (1257—1315) — итал. философ, основатель падуанской школы аверроистов. Был проф. медицины, философии и, возможно, математики в Падуе. В соч. «Примиритель разногласий философов и врачей» («Conciliator differentiarum philosophorum et praecipue medicorum», пригл. 1310, Mantuae, 1472; Venetiis, 1476) в противоположность схоластам-томистам истолковывал философию Аристотеля в натуралистич.-материалистич. духе. П. д'А. составил большое руководство по астрономии. Одним из первых в истории итал. и европ. натурфилософии сделал попытку поставить в зависимость от движения небесных светил процессы природы и события человеческой жизни, включая изменения в области религии, за что был привлечен к следствию инквизиции, как и за утверждение о вечности и несотворенности мира. В этом учении П. д'А. в извращенной форме была выражена мысль о естеств. закономерности природных процессов и земных событий, освобождавшихся, т. о., от всемогущего контроля христ. бога.

Соч.: Liber compilatōis phisonomie, Padua, 1474; Expositio problematum Aristotelis, Mantuae, 1475, [Venetiis], 1482, Venetiis, 1501.

Лит.: D y r o f f A., Dante und Pietro D'Abano, «Philos. Jahrb. der Görresgesellschaft», 1920, Bd 33, S. 253—71; S a i t t a G., Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. 1, Bologna, 1949, p. 32—39; N a r d i B., Saggi sull'aristotelismo padovano del secolo XIV al XVI, Firenze, [1958], p. 1—74. В. Соколов. Москва.

ПЯТИДЕСЯТНИКИ — религ. секта, учение к-рой отпращивается от евангельского сюжета о «сошествии св. духа на апостолов» в день т. н. пятидесятницы. Отличит. особенностью учения П. — идея «индивидуальной пятидесятницы», понимаемой как способность ревностного верующего приобрести «дары св. духа», проявляющиеся в глоссолатии («говорении на языках») и исцелении больных путем наложения на них рук. Но своим идеям П. близки баптистам и адвентистам: первым — по идее греховности человека и единственно возможному для него спасению благодаря искупит. жертве Христа; вторым — по идее о непосредств. близости второго пришествия и установлении на земле тысячелетнего царства Христа.

П. появились в первом десятилетии 20 в. почти одновременно в Уэльсе и Лос-Анжелесе и распространились во мн. странах: Скандинавии, Венгрии, Польше, Германии, а также в Лат. Америке. Особенно большой успех проповедь П. имела среди последователей лютеранства, методизма, баптизма. В наст. время общая численность П. превышает 10 млн. чел. В 1906—14 П. проникли из Скандинавии в Финляндию, откуда в Россию, вербуя себе сторонников гл. обр. среди рядовых последователей евангельского христианства и баптизма, недовольных диктатурой «верхов». В первые годы после Октябрьской революции П. не отличались широким прозелитизмом. Оживление деятельности в годы нэпа продолжалось до конца 20-х гг. Секта имела централизованное руководство, проводила съезды, издавала журнал «Евангелист». Значительно уступая в численности евангельским христианам и баптистам, секта П. к исходу 20-х гг. сравнялась по числу последователей с адвентистами. П. упорно отказывались от службы в Красной Армии. В 1944—45 П., при условии отказа от глоссолатии, были приняты в Союз евангельских христиан. Тем не менее они продолжали придерживаться своего экстатич. культа. А. Клябанов. Москва.

Р

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ — обществ. строй, основанный на рабстве и рабовладельчестве; первая в истории человечества антагонистич. общественно-экономич. формация. Рабство, т. е. труд одних людей на других, соединенный с личной принадлежностью трудящегося тому, кто присваивает продукт его труда, — явление, существовавшее в разных историч. условиях. В Р. ф. рабский труд играет роль господствующего способа произ-ва. Странами, в истории к-рых историки открывают наличие Р. ф., являются: Египет, Вавилония, Ассирия, Персия; гос-ва Древней Индии, Древнего Китая, Древней Греции и Италии. Этот перечень свидетельствует, что Р. ф. имела значение мировой системы. Возникновение Р. ф. — историч. закономерность. Но эта закономерность только в рамках общемирового историч. процесса, но отнюдь — не в истории отд. народов или стран. Для раскрытия ее философско-историч. смысла необходимо изучение тех рабовладельч. гос-в, народы к-рых пережили полно выраженную эпоху первобытнообщинного строя, перешли потом к эпохе рабовладельч. строя, а затем вступили на путь феодализма (греки, итальянцы, персы, индийцы, китайцы). Возможно, однако, и дальнейшее ограничение материала. Для историч. моделирования Р. ф. важно взять те ярко выраженные и богатые содержанием ее проявления, к-рые возникли и развивались независимо друг от друга: у народов Китая и у народов Греции и Италии.

Общей предпосылкой возникновения Р. ф. было развитие орудий произ-ва, разделения и кооперации труда, в результате чего стало возможным произ-во прибавочного продукта и возникновение частной собственности и эксплуатации. В развитии Р. ф. выделяют 3 этапа: 1) складывание, 2) утверждение и развитие, 3) достижение зенита и распадение. Историч. характеристику первого этапа можно построить на материале истории Китая времен Чжоуского царства (11—8 вв. до н. э.), истории Греции «Гомеровской эпохи» (9—8 вв. до н. э.), истории Италии (8—6 вв. до н. э.). Характеристику второго этапа можно построить на материале истории Китая времени рабовладельч. царств периода Чуньцзо-Чжаньго (8—3 вв. до н. э.), Греции — эпохи полисов в период их расцвета (5—4 вв. до н. э.), Италии — времени Рим. республики поздней поры (3—1 вв. до н. э.). Характеристику 3-го этапа можно построить на материале истории двух империй: Ханьской на Востоке (2 в. до н. э.—2 в. н. э.), Римской на Западе (1 в. до н. э.—5 в. н. э.).

Для этапа становления Р. ф. характерны четыре процесса. Первый: постепенное приобретение рабским трудом, бывавшим до этого лишь на уровне домашнего рабства, значения важнейшего средства интенсификации ремесл. произ-ва и с. х-ва, интенсификации, ставшей необходимой ввиду количеств. и качеств. роста потребностей. Второй: рост произ-ва за счет расширяющегося применения труда рабов,

появление в связи с этим возможности накопления и отчуждения производимого продукта и возникновение на этой почве частной собственности. Третий: возникновение в связи с появлением частнособственнич. присвоения продукта имуществ. неравенства внутри общины, обусловленного возможностью для нек-рых членов общины в силу наследования ими обществ. должностей захватывать в частную собственность рабов, а затем — землю. Четвертый: складывание в составе общины первых классов — рабов и рабовладельцев, антагонистических по своему положению в системе произ-ва, и вместе с тем зарождение антагонистич. отношений между крупными рабовладельцами-землевладельцами, с одной стороны, и мелкими производителями — с другой. Эти процессы развертывались в обстановке противоречий: рабского труда и труда мелких свободных производителей; этих последних и крупных рабовладельцев-землевладельцев; этих последних и родовой знати общинородовой эпохи. В итоге борьбы, вызванной этими противоречиями, и распада институтов родоплеменного строя возникает гос-во, как стабилизатор и регулятор отношений между антагонистич. классами в интересах господствующего класса и как орган управления. Признаком сложения такой обстановки, видимо, являются: в истории Китая — реформы, проведенные в царстве Ци (7 в.) и в царствах Лу, Чу, Чжэн (6 в. до н. э.); в истории Греции — реформы Солона и Клисфена (6 в. до н. э.); в истории Италии — реформы Сервия Туллия (6 в. до н. э.).

Второй этап является временем расцвета того, что в истории Греции получило название «полис», в истории Италии — «civitas», в истории Китая — «го». Под этими наименованиями скрывается в общем одно и то же: сведенное к одному центру — городу, господствующему над всей подвластной ему территорией, причем такой город-гос-во был не только политическим, но и экономическим целым. Именно в этом смысле город-гос-во и был базисом собственности — в том ее масштабе, к-рый она тогда приняла: ее объектом были, во-первых, рабы, во-вторых, земля. Преобладающей формой собственности на рабов была частная; форма собственности на землю была двойной — общинной и частной, причем последняя была опосредствована первой: условием частной собственности на землю была принадлежность к гражд. общине. Рабский труд на этом этапе еще не имел того значения в х-ве, к-рое он получил позднее. Именно к этому этапу античности относятся слова Маркса: экономич. основой «... классического общества в наиболее цветущую пору его существования...», когда общинные формы собственности уже разложились, а «... рабство ещё не успело овладеть производством в скольконибудь значительной степени», было «... мелкое крестьянское хозяйство... и независимое ремесленное производство...» («Капитал», т. 1, 1955, с. 341, прим.). Эта характеристика относится к Греции и

Риму классич. эпохи, но она приложима и ко второму этапу истории Р. ф. и в Китае, в к-ром эпоха «ле го» — отд. гос-в (7—3 в. до н. э.) с полным правом может быть названа «классической».

Кризис города-гос-ва обусловил переход к третьему этапу — большим рабовладельч. державам. Развившиеся производит. силы требовали др. масштабов самого произ-ва и потребления. Еще в конце классич. эпохи возникла тенденция к образованию широких экономич. и политич. общностей — либо в форме союзов, напр. Ахейский, 1-й и 2-й Афинские и Коринфский союзы в Греции 5—4 вв. до н. э., либо в форме федераций, как федерация италийских городов-гос-в под гегемонией Рима в 4 в. до н. э., либо в форме поглощения одних гос-в другими — четыре крупных города-гос-ва в Китае сер. 4—сер. 3 вв. до н. э.: Хань, Ци, Цинь, Чу. Концом этого процесса политич. и экономич. интеграции следует считать образование в 3 в. до н. э. т. н. эллинистич. монархий и Рим. республики, единого большого гос-ва в Китае — империи (династии Цинь и Хань). С 1 в. до н. э. возникает Рим. империя. В рамках этих больших мировых держав Р. ф. и достигла максимума своего развития. Сущность этого процесса — превращение рабского труда в осн. силу во всем произ-ве, что подрывало положение массы свободных мелких производителей. Этот процесс соединился с ростом крупного землевладения (латифундии). К этому толкали повысившиеся требования, обращенные к этому произ-ву со стороны многочисленного и культурно выросшего населения городов, неуклонно увеличивавшихся в своем числе и в своих размерах. К этому же толкал и чрезвычайно расширившийся обмен между районами, ранее обособленными, объединенными в одном гос-ве — как в евро-афро-азиатском круге земель времен эллинистич. монархий, а позднее Римской империи, так и в восточно- и центрально-азиатском круге, подвластном Ханьской империи.

Растущая торговля стимулировала ремесл. произ-во, нуждавшееся в этих условиях в улучшении своей техники и повышении производительности труда. Совокупность этих условий могла образоваться только в городе, поэтому торгово-пром. город и стал главным очагом цивилизации. Сельское же х-во все еще оставалось почти на прежнем технич. уровне; необходимое увеличение продукции достигалось гл. обр. увеличением рабочей силы — рабов. Поэтому цивилизация этого позднего этапа истории Р. ф. есть в первую очередь цивилизация города.

О наступлении конца третьего этапа истории Р. ф. говорит ряд явлений. Рабский труд перестал обеспечивать необходимое развитие х-ва. Для повышения продуктивности произ-ва не только в ремесле, но и в с. х-ве требовалась уже не живая машина, нужен был человек, самостоятельно организующий свою работу. В связи с этим в составе рабского населения появился культурный, интеллектуально развитый слой, ничуть не уступающий в этом отношении трудящимся из свободного населения, особенно земледельческого. Значение и роль рабского труда в произ-ве вступили в полное противоречие с положением раба в социальной структуре. Уравниение рабов — в сфере их трудовой деятельности — со свободными трудящимися становилось насущной экономич. необходимостью. О кризисе Р. ф. свидетельствовало также огромное увеличение имуществ. неравенства. Угроза пауперизации нависла над всей массой свободного трудящегося населения, как ремесленного, так и земледельческого. Поскольку же свободные мелкие производители составляли большинство населения, постольку их экономич. положение затрагивало само существо социально-экономич. системы.

Т. о., экономич. кризис перерастал в кризис социальный и привел в конечном счете к распаду рабовладельч. строй. Р. ф., создавшая в свое время условия для огромного развития человечества, исчерпала свои возможности и превратилась в осн. препятствие на пути дальнейшего прогресса. В историч. лит-ре встречаются утверждения, что гл. силой, ниспровергнувшей рабовладельч. строй, были рабы: «рабы опрокинули Рим». Встречается даже выражение «революция рабов». Такие утверждения не соответствуют историч. реальности. Разумеется, волнения рабов и даже восстания их (напр., возглавленное Спартаком) — историч. факт. Но именно свободные земледельцы и ремесленники и были главной силой, покончившей с рабовладельч. строем.

Утрата рабским трудом значения осн. экономич. силы привела к исчезновению рабов как класса: рабы слились с массой свободных мелких производителей, т. е. стали свободными. Однако на том этапе мировой истории экономич. жизнь общества могла развиваться только на основе принудит. регулирования хоз. деятельности трудящегося населения, осуществлявшегося внеэкономич. средствами, т. е. силой — воинской и правовой. Мелкие производители стали обязанными отдавать тем, кто ими управлял, ту или иную часть производимого ими продукта. Ввиду этого признаком краха Р. ф. служат именно движения свободного трудящегося населения рабовладельч. страны, движения сопротивления налагаемому на него новому — феод. гнету: т. н. «Восстание желтых повязок» в Китае (конец 2 в.), восстания 3 в. н. э. в афр. провинциях Рима и в Галлии (восстание багаудов). Жестокое подавление этих восстаний и утвердило новые формы эксплуатации, а это значит и новые феод. правовые и политич. институты.

Историч. смысл Р. ф. очень велик и сложен. Она продемонстрировала прежде всего процесс образования классового общества, резкого антагонизма классов, процесс образования различных обществ. групп, образования гос-ва. Р. ф. выработала и осн. формы власти в гос-ве, охарактеризованные *Поллибем* и *Сьма Цзянем*. Оба историка пришли к идее круговорота форм.

К тому общезначимому, что образовалось в эпоху Р. ф., относятся и те категории, к-рые у нас фигурируют в виде понятий национального и общечеловеческого. Этап Р. ф., связанный с городом-гос-вом, создал представление о локальной — местной этнической — общности; во времена союзов и федераций эта локальная общность стала этнической уже в более широком масштабе. С образованием же империй на место этнич. общности стала общность общечеловеческая. Именно в этом и состоит то ощущение общности, к-рое мн. философы и историки эпохи эллинизма обозначают словом *космополитизм*. Идея человечества, как единого большого целого, проявилась и в понятии «Вселенная», сформулировавшемся именно тогда. У греков это была «эйкумена» — «обитаемая земля», у римлян — «orbis terrarum» — «круг земель», у китайцев — «тянься» — «поднебесная». Столь же существенной, как и идея человечества, является оформившаяся тогда идея гуманизма — представление о человеке, как о наивысшей ценности, как о носителе всех основ обществ. жизни, как о творце культуры. На этой основе был поставлен важнейший для историч. деятельности человека вопрос о его роли в общем процессе бытия. Обществ. строй, выработанный в условиях Р. ф., показал существование неравенства людей. Неравенство социальное породило идею о неравенстве нравственном (*Конфуций*, *Цицерон*). Однако самым резким выражением идеи неравенства было деление на людей в полном смысле слова, кем были свободные, и на людей-вещей, кем

были рабы. Именно в связи с таким резчайшим противопоставлением одних людей другим и была сформулирована в двух возникших в это время крупнейших религиях — буддизме и христианстве — идея полной человеческой равноценности как рабов, так и свободных.

В эпоху Р. ф. были заложены важнейшие основы науч. познания природы и человек. жизни. Противопоставление двух обществ. классов, соединившись с наблюдениями простейших явлений в природе, привело к идее противоположностей (в Китае — *инь и ян*, а также у Пифагора и Гераклита), связи («восемь триграммов» Ицзина, Гераклит, буддийская концепция Махаяны — «Большого колеса», и др.). Возникли также идеи о существовании первоэлементов материальной природы (*Эмледокл, чарваки, Веданта, Шу-цзин*), круговорота (Гераклит, чарваки, категория «преодоления» у китайцев), мельчайших частиц вещества (атом у Левкиппа и Демокрита, «ану» у индийцев). Была создана также логика, как учение о познании. Она развивалась у индийцев, у китайцев, у греков (Аксаида, *Мо-цзы, Аристотель*).

В эпоху Р. ф. с исключит. отчетливостью и резкостью проявились противоположности, прежде всего общественные. Эти противоположности пребывали в состоянии непрерывной борьбы, результатом к-рой был переход на более высокую ступень обществ. развития.

Н. Гонрад. Москва.

Лит.: Маркс К., Капитал, т. 1—3, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, 24, 25 (ч. 1 и 2); его же, Формы, предшествующие капиталистич. производств., [М.], 1940; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 179—201; его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, там же, т. 21, с. 108, 109—19, 120—29, 145—55, 156—78; Ленин В. И., О государстве, Соч., 4 изд., т. 29; Античный способ произ-ва в источниках, Л., 1933; Тюменев А. И., История античных рабовладельч. обществ, М.—Л., 1935; Валлон А., История рабства в античном мире, пер. с франц., [т. 1—2, М.], 1941; Гонрад П. И., Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве, пер. и исследование, М.—Л., 1950; Ранович А. В., Эллинизм и его историч. роль, М.—Л., 1950; Утченко С. Л., О классах и классовой структуре античного рабовладельч. общества, «Вестн. др. истории», 1954, № 4, с. 15—21; Законы Вавилоны, Ассирии и Хеттского царства, там же, 1952, № 3, с. 197—303 (Приложение); Всемирная история, т. 1—2, М., 1955—56; Го Мо-жо, Эпоха рабовладельч. строя, пер. с кит., М., 1956; Юмашев А. И., Рабовладельч. способ произ-ва, М., 1957; Штаерман Е. М., Кризис рабовладельч. строя в Зап. провинция Римской империи, М., 1957; Томсон Дж., Исследования по истории древнегреч. общества. Доисторич. Эгейский мир, пер. [с англ.], М., 1958; Алексинский М., Из истории глубины веков. Рабовладельч. строй и его падение, пер. с груз., Тб., 1959; Робуш П. А., О переходных производств. отношениях при формировании рабовладельч. общества, «Уч. зап. Осского гос. пед. ин-та», 1959, вып. 3, с. 137—66; Боннар А., Греч. цивилизация, пер. с франц., т. 1—3, М., 1958—62; Законы Ману, пер. [с санскрита], М., 1960; Черниловский З. М., История рабовладельч. гос-ва и права, 2 изд., М., 1960; Корсунский А. Р., Проблемы классовой борьбы в античном обществе в освещении совр. бурж. историографии, «Вопр. истории», 1962, № 8, с. 168—75; Черкасова Е. А., Распад родового строя и образование гос-ва, «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Всеобщая история», 1963, т. 115, вып. 4, с. 125—60; Ельницкий И. А., Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964; Чанана Дев Радж, Рабство в древней Индии, М., 1964; Штаерман Е. М., Расцвет рабовладельч. отношений в Римской республике, М., 1964; Westermann W. L., The slave systems of Greek and Roman antiquity, Phil., 1955; Weiskopf E. Ch., Bemerkungen zum Wesen und zum Begriff der Sklaverei, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, Jg. 5, H. 3; Etat et classes dans l'antiquité esclavagiste. Structure. Evolutions, P., 1957; Ruben W., Die Lage der Sklaven in der altindischen Gesellschaft, B., 1957; Vernant J. P., L'antiquité esclavagiste, «Pensées», № 77; Slavery in classical antiquity. Views and controversies, ed. by M. I. Fenley, Camb., 1960; Dill S., Roman society in the last century of the Western Empire, N. Y., 1960.

Н. Стариков. Москва.

РАБОЧИЙ КЛАСС, или пролетариат, — при капитализме — класс наемных работников, лишенных средств произ-ва, живущих исключительно путем продажи своей рабочей силы и эксплуатируемых капиталом непосредственно в процессе

капиталистич. произ-ва (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 424, прим.; В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 84). При социализме социальная природа Р. к. коренным образом изменяется. Овладевая средствами произ-ва, превращая их в обществ. собственность и уничтожая тем самым пролет. условия своего существования, он становится классом тружеников общенар. социалистич. предприятий, приобретает руководящую роль в обществе. Р. к. представляет собой главную производительную силу индустриально развитых стран.

Марксистско-ленинское учение отождествляет понятия «Р. к.» и «пролетариат» применительно к капиталистич. условиям. Нек-рые бурж. и реформистские теоретики разывают и противопоставляют эти понятия; к Р. к. они относят только рабочих физич. труда, а под пролетариатом подразумевают либо обездоленных людей вообще независимо от их конкретного социального положения и вне определ. историч. эпохи (А. Тойнби), либо только пром. рабочих (Р. Арон). Обе эти т. зр. игнорируют главное — место Р. к. в системе капиталистич. произ-ва. В отличие от рабов и крепостных, наемные рабочие свободны юридически, т. е. лично независимы; в отличие от крестьян, ремесленников, кустарей, — свободны от собственности на орудия и средства произ-ва, т. е. располагают только своей рабочей силой. Предпосылки образования Р. к. зародились в недрах феод. общества с появлением на европ. континенте в 14 в. первых ростков капиталистич. способа произ-ва; однако в ту эпоху численность свободных рабочих была ничтожной. Подлинная история Р. к. началась с наступлением капиталистич. эры, т. е. с 16 в., когда в Англии, а потом и в др. странах Зап. Европы развернулся процесс первонач. накопления. Крест. беднота и гор. плебейство были той гл. социальной средой, из к-рой выделялся мануфактурный пролетариат 16—18 вв. Его называют также предпролетариатом. Совр. пролетариат, промышленный, возник в результате пром. переворота (конец 18 — сер. 19 вв.). С переходом во всех осн. отраслях пром-сти к машинному, фабричному произ-ву «... рабочий класс впервые действительно стал устойчивым классом населения...» (Энгельс Ф., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 257). К сер. 19 в. полностью сложились и объективные условия для появления науч. коммунизма. Возникновение марксизма (см. *Марксизм-ленинизм*) положило начало превращению пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя» (см. *Класс «в себе» и класс «для себя»*).

Маркс и Энгельс открыли в Р. к. ту главную материальную силу, к-рая, будучи вооружена революц. теорией, способна ликвидировать капиталистич. строй и создать новое общество без классов и эксплуатации. Всемирно-историч. роль Р. к. вытекает из следующего: 1) В самих условиях существования пролетариата заложено отрицание капиталистич. эксплуатации, а вместе с тем — всякой эксплуатации вообще. Антикапиталистич. стремления Р. к. полностью совпадают с осн. направлением развития совр. производит. сил, перерастающих рамки частной собственности и требующих обобществления средств произ-ва. 2) Развитие крупной капиталистич. пром-сти ведет к упадку и уничтожению других трудящихся классов (мелких крестьян, ремесленников и т. д.), пролетариат же является ее непосредств. продуктом и постоянно растет. 3) Пролетариат — класс, к-рый в силу своего положения наиболее способен к организации, к развитию классового самосознания. Условия труда и жизни воспитывают у рабочих дух *коллективизма*, солидарности. Самим ходом классовой борьбы пролетариат подготавливается к восприятию социалистич. идеологии. 4) Интересы Р. к. объективно сов-

падают с интересами громадного большинства трудящихся. Даже если пролетариат или его революц. авангард составляют меньшинство населения, они выражают действит. интересы подавляющего большинства. Поэтому сила и подлинная роль Р. к. в историч. борьбе классов неизмеримо выше, чем его доля в составе населения.

История подтвердила правоту марксистско-ленинского учения о всемирно-историч. роли Р. к. как создателя социалистич. общества. С 30—40-х гг. 19 в. открылась полоса крупнейших самостоят. выступлений европ. пролетариата против буржуазии (чартистское движение в Англии, восстания силезских ткачей в Германии, июльское восстание 1848 во Франции, Парижская Коммуна 1871). Развитие рабочего движения вширь и вглубь сопровождалось образованием проф. союзов, формированием пролет. политич. партий, распространением марксизма и вытеснением утопич., мелкобурж. форм социализма, что связано гл. обр. с деятельностью Союза коммунистов и 1-го Интернационала. К концу 19—нач. 20 вв. в рабочем движении Запада усилилось влияние реформизма, а центр революц. рабочего движения переместился в Россию. С началом 1-й мировой войны в междунар. рабочем движении произошел раскол на два осн. течения — революционное во главе с партией большевиков и ее основателем — Лениным, и реформистско-оппортунистическое, возглавленное лидерами 2-го Интернационала. В окт. 1917 рус. пролетариат в союзе с крест. беднотой осуществил первую в мире социалистич. революцию и утвердил *диктатуру пролетариата*. Силы мирового революц. рабочего движения объединились в 3-й, Коммунистич. Интернационал. После 2-й мировой войны социалистич. революции победили в ряде стран Европы и Азии, в результате чего социализм превратился в мировую систему. Победа революции на Кубе наглядно продемонстрировала возможность перехода новых стран на путь социализма в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Предпринимаются попытки поставить под сомнение или опровергнуть положение о всемирно-историч. роли Р. к., рассматривая его как «мифотворческое», «мессиянское» (Р. Арон, Ж. Кальвез и др.), обвиняя весь Р. к. зап. стран в «буржуазизации» и «утрате» революц. потенций (Н. Суизи), противопоставляя ему крестьянство стран «третьего мира» как единств. эффективную революц. силу (теория окружения «мирового города» «мировой деревней»). Но такие концепции не могут поколебать истинности данного положения. Во всемирно-историч. масштабе именно Р. к. является ведущей революц. силой современности, определяющей характер и направление развития человеч. общества. «В центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма» (Заявление Советания представителей коммунистич. и рабочих партий, нояб. 1960, см. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», 1961, с. 46).

Растущая мощь Р. к. находит выражение в постоянном и быстром увеличении его численности, повышении уровня организованности. Если в сер. 19 в. пром. пролетариат насчитывал примерно 9—10 млн. чел., то к сер. 20 в. во всем мире число рабочих несельскохозяйств. отраслей достигло примерно 200 млн., число рабочих и служащих несельскохозяйств. отраслей — приблиз. 300 млн., общее число лиц наемного труда — ок. 400 млн. В нач. 60-х гг. армия наемного труда во всем мире насчитывала прибл. 500 млн. чел. Профсоюзы, только зарождавшиеся в 1-й пол. 19 в., ныне объединяют во всем мире св. 200 млн. трудящихся. Политич. партии Р. к. насчитывают ок. 65 млн. членов, из них коммунистические пар-

тии, действующие почти в 90 странах мира, — ок. 50 млн.

Р. к. состоит из различных проф., отраслевых и иных групп, роль к-рых в классовой борьбе неодинакова. Его ядро образуют фабрично-заводские, пром. рабочие. Почти $\frac{3}{5}$ мирового пром. Р. к. сосредоточено в странах развитого капитализма. На страны социалистич. системы в нач. 50-х гг. приходилось $\frac{1}{4}$ мирового пром. Р. к.; к концу десятилетия, благодаря быстрым темпам развития пром. произ-ва, доля его увеличилась прибл. до $\frac{1}{3}$ и продолжает расти. Фабрично-заводские и горнопром. рабочие, а также примыкающие к ним строительные и транспортные рабочие — наиболее развитый в классовом отношении отряд Р. к.

Структура Р. к. постоянно изменяется, отражая сдвиги в развитии производит. сил общества. Для индустриальных стран характерна тенденция к росту пром. Р. к. и сокращению числа с.-х. рабочих. По мере развития техники и дальнейшей разделения обществ. труда все более усложняется состав «совокупного рабочего» как комбинации рабочих различных специальностей, профессий и отраслей. Рост применения средств механизации и автоматизации требует комбинирования труда рабочих, занятых непосредственно у машин, с трудом инженерно-технич. персонала (инженеры, техники, проектировщики, лаборанты, чертежники) и работников, выполняющих различные вспомогат. функции (планирование, учет и др.). С повышением органич. состава капитала эта тенденция усиливается, проявляясь особенно резко в произ-ве средств произ-ва и вообще в новых отраслях пром.-сти. Разделение обществ. труда ведет далее к превращению в самостоят. отрасли пром.-сти отд. функций домашнего х-ва (обществ. питание и бытовое обслуживание) и концентрации в этих отраслях значит. части Р. к. Наконец, с повышением производительности обществ. труда все больше наемных рабочих отвлекается в процесс обращения (конторские и торговые работники). Среди других обстоятельств, определяющих многослойность Р. к., надо указать на неравномерность развития производит. сил и сохранение в каждой стране, наряду с ультрапередовым произ-вом, также отсталых форм х-ва, где положение рабочих отличается своей спецификой. Р. к. в странах империализма — старейший и наиболее многочисл. отряд мирового пролетариата. Общее количество рабочих и служащих в развитых капиталистич. странах составляет приблиз. 200 млн. чел., из них ок. половины приходится на страны Зап. Европы. Доля лиц наемного труда в самодейт. населении достигает 70—80% и более, в т. ч. рабочих физич. труда — ок. 50%. Удельный вес активного, т. е. работающего, пролетариата во всем взрослом населении, естественно, меньший. Доля рабочих физич. труда, колеблющаяся на разных этапах капиталистич. развития, обнаруживает за последние десятилетия тенденцию к некрому сокращению: в США (к самодейт. населению) — с 56,8% в 1910 до 55,8% в 1954, в ФРГ — с 58,7% в 1882 до 52,2% в 1957, во Франции — с 54,8% в 1876 до 45,4% в 1954, в Швеции — с 55,5% в 1900 до 53% в 1950. Ссылаясь на это, идеологи социал-демократии (А. Кросленд, Ж. Мок, А. Филип, В. Эйхлер и др.) утверждают, что Р. к. не растет или даже сокращается, поэтому его интересы не тождественны интересам большинства общества. Между тем относит. уменьшение числа рабочих физич. труда отражает прежде всего существ. сдвиги в структуре амер. и зап.-европ. пролетариата (отчасти — изменения в методике переписей). Постоянное расширение сферы наемного труда в гл. капиталистич. странах свидетельствует о росте пролетариата, хотя, с другой стороны, далеко не все, кто формально работает

по найму, принадлежат к этому классу (см. *Служащие*).

По мере эволюции социальной структуры капиталистич. общества изменяется соотношение осн. источников пополнения Р. к. Если в период своего формирования пролетариат рос гл. обр. за счет деревни (а в США — за счет иммиграции), то ныне, когда Р. к. вполне сложился, его пополнение идет преим. из пролет. среды.

Наиболее многочисленный и концентрированный отряд Р. к. промышленно-развитых стран — фабрично-заводской пролетариат — составляет примерно $\frac{1}{4}$ самоделят. населения, пром. пролетариат в целом (вкл. юная горняков, строителей и транспортников) — $\frac{2}{5}$.

Преобладающим типом фабрично-заводского, а также горнопром. рабочего стал полуквалифицированный рабочий. Однако уменьшение доли квалифицированных рабочих на протяжении 1-й пол. 20 в. отражает скорее тенденцию к специализации и отношению обесценению квалифицированной рабочей силы, чем к ее деквалификации. Меняется само содержание понятия проф. квалификации. Возрастает значение общей и технич. грамотности рабочего (в США образоват. ценз большинства рабочих как квалифицированных, так и неквалифицированных равен 8—9 классам). Механизация и автоматизация произ-ва, снижая общую потребность в рабочей силе, одновременно увеличивает число рабочих высокой квалификации — наладчиков, монтажников, ремонтников и т. д. И хотя автоматизация вызывает деквалификацию части трудящихся, в целом доля неквалифицированного труда постоянно сокращается.

Сел. пролетариат — наиболее распыленная и плохо организованная часть Р. к. — сокращается относительно и абсолютно. Если в сер. 19 в. он едва ли уступал по численности промышленному (кроме Англии), то ныне он составляет незначит. меньшинство. Подавляющее большинство с.-х. рабочих — неквалифицированные. Растущее применение в с.-х.-ве машин, электричества, агротехники создает условия для сближения сел. и гор. рабочих. Сокращение сел. пролетариата перекрывается быстрым ростом конторско-торг. пролетариата.

При капитализме условия жизни Р. к. зависят от возможностей и условий продажи рабочей силы. Рабочее движение выработало различные формы и методы защиты экономич. интересов наемного труда. В большинстве зап. стран профсоюзы стали влиятельными массовыми орг-циями, Р. к. завоевал право на стачку (хотя оно силосшь и рядом ограничивается бурж. гос-вом), на заключение коллективных договоров, на создание органов рабочего представительства на предприятиях. На основе развития производит. сил и в результате упорной экономич. борьбы трудящихся, эффективность к-рой резко поднялась благодаря влиянию мировой социалистич. системы, возникает возможность повышения реальной заработной платы. Однако оборотная сторона более высокого жизненного уровня — чрезмерная интенсификация труда, рост производств. травматизма, необеспеченность существования рабочих (угроза безработицы, задолженность по потребительскому кредиту и т. д.). Кроме того, если одни группы пролетариата добиваются более или менее сносных условий существования, то другие живут в нищете или на грани нищеты даже в богатейших капиталистич. странах.

Бурж. и реформистская социология (К. Майер, Дж. Бернард, Т. Гейгер, Б. Каутский, Р. Кросмен и др.) изображает повышение жизненного уровня как фактор «депролетаризации» Р. к. и превращения его в «средний класс». Эти утверждения лишены науч. оснований, т. к. при капитализме наемные рабочие остаются в социально-экономич. смысле пролетари-

ями. Несостоятельны и попытки бурж. и реформистских социологов истолковать растущее многообразие отраслевого и проф. состава Р. к., а также значительный еще разрыв в уровнях заработной платы как свидетельство «распадения» пролетариата на множество не связанных между собой групп (А. Филлипс, П. Римбер, Ф. Штернберг). «Теория распада» исходит из констатации поверхностных явлений, игнорируя глубинные процессы, ведущие к выравниванию условий труда и жизни различных групп Р. к. благодаря технич. прогрессу. Эти процессы подрывают экономич. позиции традиционной рабочей аристократии — наиболее квалифицированной и хорошо оплачиваемой верхушки рабочих, к-рая начиная с последней трети 19 в. служила гл. проводником бурж. влияния в Р. к. большинства зап. стран. Правящий класс переносит центр тяжести на более разнообразные и рафинированные методы раскола и подчинения Р. к. — «человеческие отношения», «социальное партнерство», «патернализм» (распространение «народных» акций, введение «участия в прибылях», «совместного управления» и т. п.). Гл. проводником бурж. влияния на Р. к. становится рабочая бюрократия, т. е. руководящий аппарат реформистских профсоюзов, с.-д. партий, кооперативных орг-ций, тесно переплетающийся с аппаратом монополий и бурж. гос-ва.

Формирование классового самосознания рабочих происходит в сложных, противоречивых условиях. Империализм, используя аппарат идеологич. воздействия на массы (школа, церковь, печать, кино, радио, телевидение), стремится привить Р. к. бурж. идеологию. Объективные условия капиталистич. действительности, вынуждая Р. к. к повседневной борьбе за свои жизненные интересы, способствуют развитию классового сознания, хотя оно и выступает при этом часто в тред-юнионистской форме. Осн. масса рабочих сознает, что их интересы солидарны, что они принадлежат к одному классу. По данным бурж. исследователей (Р. Сентерс, Дж. Бонхем и др.), в США от 70 до 80% рабочих относят себя к Р. к., в Англии — 64%. Такovy проявления низших форм пролет. сознания. Степень развития высшей формы — политич., революционно-социалистич. сознания — крайне неодинакова; она зависит от исторически сложившихся условий рабочего движения в той или иной стране. В Италии и Франции для большинства Р. к. характерны глубокие революц., демократич., социалистич. традиции, за коммунистами и классовыми проф. центрами идет большинство пром. рабочих. Нек-рые черты сближают с этим отрядом пролетариата Р. к. Японии. В рабочем движении большинства остальных стран Зап. Европы, а также Канады и Австралии преобладающим влиянием пользуются социал-реформистские партии. Значит. идейно-политич. влияние на рабочие массы оказывают бурж.-консервативные, в частности клерикальные, круги. В США Р. к. более всего парализован бурж.-реформистской идеологией, рабочее движение контролирует коррумпированная проф. верхушка, тесно связанная с монополистич. капиталом.

Р. к. и его революц. авангард, коммунистич. партии, ведут борьбу против монополий во всех областях жизни. Коммунисты выдвигают программу социально-экономич. и политич. реформ, к-рая служит основой для объединения всех антимонополистич. сил. В совр. условиях все более реальным в ряде развитых капиталистич. стран становится мирный путь социалистич. революции. Главным препятствием на пути к достижению Р. к. своих целей остается раскол рабочего движения. Коммунисты добиваются преодоления этого раскола. Необходимость единства действий как в рамках отд. стран, так и в междунар. масштабе становится особенно настоятельной перед лицом новой стратегии империалистич. буржуазии — политики «интеграции».

На междунар. сговор империалистов передовые силы Р. к. отвечают усилением борьбы за сплочение всех отрядов рабочего движения.

Р. к. экономически слаборазвитых стран начал формироваться во 2-й пол. 19—нач. 20 вв. Ориентировочно численность пролетариата здесь составляет: в несоциалистич. странах Азии (без Японии) — в пределах 80—100 млн. чел., причем ок. половины из них приходится на Индию; в Лат. Америке — прикл. 30—35 млн., в Африке — 13—15 млн. Доля рабочих и служащих в самодеят. населении сильно колеблется, отражая неординарный уровень капиталистич. развития различных стран (в Лат. Америке — ок. $\frac{1}{2}$, в Сев. Африке — ок. $\frac{2}{5}$, в Индии — прикл. $\frac{1}{3}$, в др. странах Азии — ок. $\frac{1}{5}$, в странах Африки, расположенных южнее Сахары, — менее $\frac{1}{6}$). Удельный вес пром. Р. к. еще мал, в Лат. Америке он не превышает в среднем $\frac{1}{5}$ самодеят. населения (в Сев. Африке — $\frac{1}{10}$, в Индии — $\frac{1}{20}$). Как правило, в слаборазвитых странах большинство Р. к. образует сел. пролетариат.

Среди других специфич. черт структуры и положения Р. к. экономически слаборазвитых стран надо указать на: 1) Наличие большого слоя плантационных рабочих, к-рые составляют значительную и наиболее концентрированную и организованную часть сел. пролетариата, а порой и пролетариата страны в целом. 2) Преобладание среди пром. пролетариата рабочих легкой пром-сти, а также сравнительно высокий удельный вес горняков, нефтяников, транспортных рабочих, портовиков, что отражает односторонний характер индустриального развития этих стран при империализме. 3) Небольшой удельный вес сложившегося кадрового, потомств. пролетариата, сохранение многими рабочими, в т. ч. фабрично-заводскими, тесной связи с землей. 4) Сравнительно низкий в целом уровень концентрации пром. Р. к., его распыленность по мелким и средним предприятиям, высокий удельный вес рабочих, занятых в ремесл. матерских, кустарных промыслах или работой на дому (хотя отд. отрасли и предприятия, чаще всего контролируемые иностр. монополиями, отличаются высокой степенью концентрации рабочей силы). 5) Преобладание некалвалифицированной или малоквалифицированной рабочей силы, что отражает, в частности, низкий образоват. уровень населения (до 80—90% неграмотных). 6) Высокий удельный вес в составе Р. к. женщин, молодежи и детей, что, при крайней дешевизне их труда, усиливает неустойчивость положения осн. отрядов пролетариата и затрудняет достижение единства действий. 7) Большая доля безработных в составе гор. пролетариата — следствие огромного аграрного перенаселения и ограниченных темпов индустриализации, значительно уступающих темпам урбанизации. 8) Крайне низкий уровень заработной платы, но вместе с тем, в отличие от индустриальных стран, сохранение сильного разрыва между низшими и высшими уровнями зарплаток, вследствие чего ослабляется цельность пролетариата как класса. 9) Сохранение полуфеодалных и специфически колониальных форм эксплуатации (посредничество, долговая зависимость, контрактация рабочей силы и т. п.), к-рые уживаются с новейшими методами капиталистич. эксплуатации, заимствуемыми у зап. стран. 10) Наличие глубоких нац., этнич. и религ. различий, усугубляемых крупными масштабами междунар. миграции рабочей силы, а также практикой контрактации иностр. рабочих. Эти различия серьезно затрудняют процесс сплочения Р. к., формирования его классового сознания.

От эпохи колониальной и полуколониальной зависимости Р. к. экономически слаборазвитых стран унаследовал нищенский жизненный уровень. Заработ-

ная плата рабочих во много раз меньше, чем в Зап. Европе и Сев. Америке.

Р. к. в этой части мира (наряду с крестьянством) — одна из гл. движущих сил нац.-освободит. движения, но степень его воздействия на ход и конкретные результаты антиимпериалистич. революции неодинакова, как неодинакова и роль различных его отрядов в этой революции. Опыт Кубы опроверг утверждения, будто в слаборазвитых странах пролетариат не способен возглавить антиимпериалистич. движение (Айя де ла Торре и др.). Он опровергает и тот взгляд, что в этих странах не Р. к., а крестьянство выступает носителем социалистич. идеологии (А. Филиш), и одновременно показывает сравнит. легкость, с какой социалистич. идеи усваиваются ныне безземельной и малоземельной крест. беднотой. В этом, в частности, отражение общих условий антиимпериалистич. борьбы в Лат. Америке, где социальные противоречия между трудом и капиталом уже достигли высокой степени зрелости, а Р. к. обладает наибольшими возможностями стать гегемоном революции. Лат.-амер. Р. к. отличается высоким уровнем проф. организованности (около половины лиц наемного труда входит в профсоюзы), во всех странах континента действуют марксистско-ленинские коммунистич. и рабочие партии, в т. ч. ряд массовых. Все большие успехи дела политича единства действий, пробивающая дорогу вопреки крайней раздробленности профсоюзного движения, в к-ром, наряду с революц. орг-циями, существуют анархо-синдикалистские, реформистские, корпоративистские, клерикальные центры и группы. Уже имеется ряд единых классовых профсоюзных центров, позиции к-рых все более укрепляются. Подъем рабочего движения способствует образованию широких антиимпериалистич. коалиций, возглавляемых Р. к.

Нац.-освободит. движение в Азии развивалось при активном участии Р. к., однако гегемонию в нем в ряде стран сохранила нац. буржуазия. В ходе антиимпериалистич. борьбы значительно выросли силы и влияние Р. к. Индии, Индонезии, Цейлона и др. стран, но его социально-экономич. положение изменилось лишь в том отношении, что варварские формы колониальной эксплуатации стали вытесняться более нормальным типом капиталистич. или гос.-капиталистич. отношений. Хотя завоевание политич. независимости позволило Р. к. добиться нек-рых уступок у буржуазии (введение более прогрессивного трудового законодательства, улучшение условий труда и социального страхования), материальное положение рабочих остается чрезвычайно тяжелым. Осуществление планов развития нац. экономики и создания крупной пром-сти предвещает дальнейший рост Р. к., изменение его качеств. состава, что открывает более широкие перспективы перед рабочим движением.

Борьба Р. к. несоциалистич. стран Азии развертывается в крайне сложных условиях. Нац. буржуазия широко использует расовые, религ., кастовые и племенные различия для раскола Р. к. Дискредитация капитализма в глазах масс и растущая популярность социалистич. идей побуждают мн. бурж. лидеров заявлять о своей приверженности к социализму, причем социалистич. черты приписываются также различным националистич., религ. и религ.-этич. учениям (панисламизм, гандизм, мархаэнизм). С другой стороны, значит. распространение среди трудящихся получают идеи мелкобурж. социализма, для развития к-рого в этих странах существует широкая почва.

Африканский Р. к., роль к-рого в нац.-освободит. движении также растет, политически еще не дифференцировался полностью от формирующейся нац. буржуазии. В большинстве африканских стран (юж-

все Сахары) самостоят. рабочие партии отсутствуют, осн. формой организации Р. к. являются профсоюзы (3 млн. членов), большей частью примыкающие к бурж.-националистич. и нац.-демократич. партиям. Осн. задачи, объективно стоящие перед Р. к. в этих районах мира, — достижение и упрочение нац. независимости, преодоление экономич. отсталости путем развития нац. экономики, улучшение своего материального положения, расширение демократич. прав и свобод, обеспечение социального прогресса, борьба за пекапиталистич. путь развития.

Р. к. в странах социализма — наиболее зрелый и организованный отряд междунар. пролетариата; выполняя авангардную роль в мировом революц. процессе, он первым прокладывает путь человечеству к социализму и коммунизму. Р. к. социалистич. стран является правящим классом, осуществляющим гос. руководство обществом в союзе с крестьянством и народной интеллигенцией. Р. к. стран социализма — оплот мира, демократии и социализма.

Численность Р. к. социалистич. стран быстро растет. В 1950 насчитывалось св. 70 млн. рабочих и служащих, из них в пром-сти было занято 25 млн., к 1960 общая численность рабочих и служащих увеличилась до 140 млн., т. е. в 2 раза, в т. ч. занятых в пром-сти — до 60 млн., т. е. в 2,4 раза.

В ходе социалистич. преобразования общества рост Р. к. сопровождается глубокими качеств. изменениями в его структуре, условиях жизни, сознании, культурно-технич. уровне. Так, наир., накануне Октябрьской революции в России насчитывалось ок. 3 млн. пром. рабочих, к концу гражд. войны, вследствие распыления и деклассирования кадрового пролетариата, число их сократилось более чем вдвое. В годы первых пятилеток начался бурный рост Р. к. Между 1928 и 1940 число рабочих, занятых в гос. пром-сти, увеличилось с 3,1 млн. до 8,3 млн., общее число рабочих — с 6,8 млн. до 20 млн., число всех рабочих и служащих — с 10,8 млн. до 31,2 млн. Одновременно сдвиги происходили в структуре Р. к.: резко возросло число строителей, в ряды к-рых влились миллионы крестьян. В составе пром. Р. к. постоянно возрастала доля рабочих тяжелой пром-сти, в т. ч. новых ее отраслей. Появились десятки новых, квалифицированных профессий. Значительно поднялась доля женщин, занятых в пром-сти, — с 28% в 1929 до 41% в 1940. Огромные сдвиги произошли в территориальном размещении Р. к. — сложились кадры рабочих в ранее отсталых нац. республиках, бурными темпами рос Р. к. в вост. р-нах страны. Сов. Р. к. с честью выполнил трудные и сложные задачи, выпавшие на его долю в период реконструкции нар. х-ва, индустриализации, коллективизации сел. х-ва, а затем — Великой Отечеств. войны и послевоенного восстановления нар. х-ва. В эти и последующие годы продолжалось интенсивное пополнение, обновление и изменение его состава. К 1961 численность промышленно-производств. персонала в СССР достигла 23,5 млн. чел., общая численность рабочих и служащих — 65,9 млн., их доля в населении (вместе с иждивенцами) составила 71,8% (против 14,8% в 1924).

Формирование сов. Р. к. происходило в трудных и сложных условиях. Осн. его контингент сложился уже после революции, гл. обр. в годы индустриализации, когда в Р. к. влились миллионы выходцев из непрост. среды. При этом в жизни сов. общества выступил ряд отрицат. явлений, относительно к-рых предостерегал Ленин, указывая на узость пролет. слоя в стране после революции. Тяжелые ошибки и извращения в условиях *культы личности* затруднили строительство социализма, но не приостановили прогрессивного развития сов. общества. В результате самоотвержен-

ного труда Р. к. и колхозного крестьянства неуклонно развивалось материальное произ-во. На основе технич. прогресса и разрывания социалистич. соревнования росла производительность труда. Постепенно улучшался качеств. состав Р. к., повышался его жизненный уровень. Реальная заработная плата рабочего в пром-сти и строительстве по сравнению с до-революц. периодом увеличилась в 3,7 раза, рабочий день сократился с 10 до 7 часов. Неизмеримо выросли сознательность и политич. зрелость Р. к., а также его культурно-технич. уровень. В 1939 лишь 8,2% рабочих имело среднее или высшее образование, в 1959 — уже 38,6%.

В результате начатой XX съездом последоват. борьбы с культом личности и его последствиями созданы благоприятные условия для повышения творч. активности и трудовой инициативы Р. к. Усилилась роль профсоюзов в хоз. и культурном строительстве, в улучшении условий труда и быта трудящихся, возросло участие рабочих и служащих в управлении произ-вом, планировании, обществ. контроле. В Р. к. родилось движение за *коммунистический труд*. Принятая XXII съездом КПСС Программа коммунистич. строительства открыла перед Р. к. и всеми сов. трудящимися величеств. перспективу создания коммунистич. общества.

Сов. Р. к., вместе со всеми трудящимися первым прокладывающий пути к коммунизму, облегчает и ускоряет движение к коммунизму всей мировой социалистич. системы. Он практически проверяет правильность этих путей, отбирает лучшие формы и методы коммунистич. строительства. В связи с полной и окончат. победой социализма диктатура пролетариата в СССР выполнила свою историч. миссию и перестала быть необходимой с т. зр. задач внутр. развития. Гос-во диктатуры пролетариата превратилось в общенародное государство. «Поскольку рабочий класс — самая передовая, организованная сила советского общества, — он осуществляет свою руководящую роль и в период развернутого коммунистического строительства. Выполнение своей роли руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы» (Программа КПСС, 1961, с. 101).

На путь социализма становятся страны с разным уровнем экономич., социального и культурного развития, поэтому степень зрелости и сознательности различных нац. отрядов Р. к. неодинакова. Если в одних социалистич. странах (СССР, Чехословакия, ГДР, Польша и др.) пром. Р. к. сформировался давно и прошел большую школу классовой борьбы, то в ряде стран, отставших при капитализме в экономич. отношении, процесс формирования кадрового Р. к. только разворачивается, в его составе преобладают пока рабочие первого поколения — недавние выходцы из крестьянства, гор. мелкой буржуазии. Так, численность пром. рабочих в КНР за предшествовавшие ее образованию тридцать лет колебалась от 2,5 до 3,4 млн., к 1958 она возросла до 25,6 млн. Общее число рабочих и служащих увеличилось с 8 млн. в 1949 до 45,3 млн. в 1958. (В последующие годы это число сократилось.) Подавляющую массу населения Китая по-прежнему составляет крестьянство. В условиях огромного преобладания крестьянского населения и незрелости Р. к. в руководстве КПК возобладала линия на военно-бюрократические и грубо-уравнилительные методы «казарменного коммунизма».

Интересы Р. к. социалистич. стран и всего междунар. рабочего и коммунистич. движения требуют усиления борьбы за сплочение рядов коммунистов на основе марксизма-ленинизма и пролет. интернационализма.

Главная задача Р. к., коммунистич. и рабочих партий социалистич. стран состоит в том, чтобы полностью использовать преимущества социалистич. системы и внутр. экономич. ресурсы для дальнейшего всемерного развития производит. сил, создать материально-технич. основы развитого социалистич. и коммунистич. общества; опираясь на экономич. и оборонную мощь своих стран, обеспечить благоприятные междунар. условия для построения социализма и коммунизма, отпор агрессивным силам империализма и утверждение принципов *мирного сосуществования* гос-в с различным социальным строем. Борясь за осуществление этих задач, Р. к. социалистич. стран выполняет свой интернац. долг перед междунар. пролетариатом, перед всем мировым революционно-освободит. движением.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4; Маркс К., Капитал, т. 1—3, там же, т. 23, 24, 25 (ч. 1 и 2); его же, Теория прибавочной стоимости, ч. 1—3, там же, т. 26 (ч. 1—3); его же, Наемный труд и капитал, там же, т. 6; его же, Критика Готской программы, там же, т. 19; Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии, там же, т. 2; его же, Принципы коммунизма, там же, т. 4; его же, К критике проекта социал-демократич. программы 1891 года, там же, т. 22; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Фридрих Энгельс, там же, т. 2; его же, Проект и объяснение программы социал-демократич. партии, там же, т. 2; его же, Развитие капитализма в России, там же, т. 3; его же, Карл Маркс, там же, т. 21; его же, Империализм, как высшая стадия капитализма, там же, т. 22; его же, Государство и революция, там же, т. 25; его же, Очеркные задачи Советской власти, там же, т. 27; его же, Великий почин, там же, т. 29; его же, О диктатуре пролетариата, там же, т. 30; его же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; его же, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, там же, т. 30; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Программные документы коммунистич. и рабочих партий капиталистич. стран Европы, М., 1960; К у ч и н с к и й Ю., История условий труда в Великобритании и Британской империи, пер. с англ., М., 1948; его же, История условий труда в США с 1789 по 1917 гг., пер. с нем., М., 1948; его же, История условий труда в Германии, пер. с нем., М., 1949; его же, История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг., пер. с нем., М., 1950; его же, Условия труда в капиталистич. странах. (Теория и методология), пер. с нем., М., 1954; М у к е р д ж и Р., Р. к. Индии, пер. с англ., М., 1952; Б е р в и - Ф л о р о в с к и й В. В., Избр. экономич. произв., т. 1— Положение Р. к. в России, М., 1958; Р а ш и н а Г., Формирование Р. к. России, [2 изд.] М., 1958; Р. к. Японии, под ред. К. Омоти и М. Сумия, пер. с япон., М., 1959; В и н о г р а д о в Н. П., Р. к. Китайской Народной Республики, «Проблемы востоковедения», 1960, № 2; Изменения в численности и составе сов. Р. к., предисл. С. Г. Струмилина, М., 1961; Подъем культурно-технич. урочия сов. Р. к., [под ред. М. Т. Иовчука и др.], М., 1961; Д а н и л е в и ч М. В., Р. к. в освободит. движении народов Лат. Америки, М., 1962; К а ц А. И., Положение пролетариата США при империализме, М., 1962; Структура Р. к. капиталистич. стран. Материалы обмена мнениями, проводившегося в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1960—1961 гг., под ред. А. М. Румянцева, Прага, 1962; Р. к. стран Азии и Африки. Справочник, М., 1964; Совр. Р. к. капиталистич. стран (Изменения в структуре), М., 1965; Р. к. и рабочее движение в странах Азии и Африки, М., 1965; Строительство коммунизма и мировой революц. процесс, М., 1966; P o r i t z H. (u. a.), Das Gesellschaftsbild des Arbeiters, Tübingen, 1957; A n d r i e u x A., L'ignou J., L'ouvrier d'aujourd'hui, P., 1960; B e r g e r B. M., Workingclass suburb. A study of auto workers in suburbia, Berk.—Los Ang., 1960; G r i g o d R., L'étude sociologique sur les couches salariées ouvriers et employés, P., 1961. А. Вебер. Москва.

РАВЕНСТВО социальное — одинаковое отношение к орудиям и средствам произ-ва, к гражд. правам и обязанностям, равное право пользования всеми созданными обществом материальными и духовными ценностями. История человечества выступает как история постепенного и закономерного расширения Р. в обществ. жизни, как история уничтожения различных форм классовых, сословных, нац., расовых и прочих привилегий. Вся полнота обществ. Р. людей утверждается в коммунистич. формации с уничтожением частной собственности на средства произ-ва, с упразднением классового деления общества.

Идеал Р. сложился после падения первобытнообщинного строя, с возникновением различных форм

социального неравенства. Его содержание менялось от эпохи к эпохе и определялось формами экономич., политич. и духовного порабощения нар. масс. В период рабовладельч. общества идеал Р. был связан в первую очередь с требованием упразднения деления людей на свободных и рабов. В этом состоял объективный смысл восстаний рабов. Идея Р. жила также в сознании свободных крестьян, вольноотпущенных рабов, ремесленников в виде смутных желаний установления уравнил. пользования созданными благами. Нек-рые представления о Р. связывались с идеализируемым пройденным этапом историч. развития, выступавшим в сознании масс как «утраченный рай» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 482).

Стремление к социальному и нац. Р. получило выражение в раннехристианском движении, в попытках установления в общинах имуществ. Р., равного потребления и распределения благ. Подобная практика нашла выражение в «Новом завете», где сказано, что «...верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деяния апостолов 2, 44—45). В дальнейшем идея Р. приобрела в христианстве мистич. и иррациональное выражение и выступила в провозглашенном Р. всех перед богом и во грехе.

В эпоху феодализма идея Р. жила в среде крестьянских масс, поднявшихся на борьбу против своих господ. Отд. раннехрист. идеи об имуществ. Р. использовались идеологами этих масс для обоснования неправомерности феод. привилегий и эксплуатации (напр., *Мюнцер*) и выдвигения программы установления Р., носившей в те времена утопич. характер.

Идеи социального Р. отстаивались также Т. *Мором* и *Кампанеллой*, к-рые осуществление подлинного Р. связывали с уничтожением частной собственности. Однако Мор, Кампанелла и др. мыслители выводили Р. не из объективного хода обществ. развития, а из нравств. велений добра и справедливости. Это придавало утопич. характер их теориям, а также теориям *Мелье*, *Мабли*, *Морелли* и др. представителей домарксистского социализма и коммунизма. В эпоху феодализма и становления капиталистич. способа произ-ва были выдвинуты эгалитаристские концепции, по к-рым предлагалось наделить всех людей равными долями частной собственности. Это учение получило обоснование у Ж. Ж. Руссо и его последователей. Накануне бурж. революций в Нидерландах, Англии и Франции наиболее типичные представители буржуазии, подвергая критике феод. собственность, отстаивали естественность и законность бурж. частной собственности. Они требовали установления Р. не в сфере имуществ. отношений, а Р. людей перед законом. Направленное против феодально-сословных привилегий юридич. Р. было значит. шагом вперед в развитии прогрессивной для своей эпохи бурж. демократии.

Уже в период франц. бурж. революции конца 18 в. и непосредственно вслед за ней идеологи плебейско-демократич. слоев подвергли критике иллюзорность бурж. Р., его формально-правовой характер. Эти настроения нашли выражение в бабувистском коммунизме (см. *Бабёф*, *Маршалль*). Основоположники марксизма указывали на аскетич. характер и грубую уравнивательность бабувистского коммунизма. Мелкобурж. понимание Р. в эпоху Бабёфа выражало политич. чаяния наиболее радикально настроенных элементов. «Идея равенства мелких производителей,— писал Ленин,— реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного

обобщественного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач» (Соч., т. 12, с. 316).

Идея Р. нашла свое дальнейшее развитие в учениях Сен-Симона, Фурье, Оуэна и их последователей. При существ. различиях в понимании проблемы они не ограничивались юридич. Р. и с разной степенью радикальности обосновывали необходимость утверждения Р. в труде и в потреблении. Сен-Симон, как и Фурье, не дошел до идеи ликвидации классов. В их планах имуществ. неравенство не исчезало, а доходило до возможного минимума. Требование упразднения частной собственности, а следовательно, и упразднения классового неравенства выдвинул Оуэн.

Развитие капитализма и разорение мелкобурж. слоев вызвало к жизни различные направления мелкобурж. социализма, к-рые аннулировали к идее социального Р. Так, Прудон и его сторонники утверждали фактич. Р. между людьми и стремились к упразднению капитализма, а в реформе обращения и кредита, в преодолении пороков сторон бурж. экономич. системы в интересах мелких собственников. Нек-рым направлениям мелкобурж. социализма присуще стремление доводить идею Р. до абсурда, т. е. до утверждения уравниловки в области личных способностей и потребностей.

Формальный характер бурж. Р. с особой отчетливостью обнаружился в эпоху империализма. Разоблачая несостоятельность попыток примирить Р. людей перед законом с их экономич. неравенством, Ленин писал: «Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы» (там же, т. 31, с. 122—23). История показала, что буржуазия не осуществляла сколько-нибудь последовательно торжественно провозглашенное ее идеологами Р. между людьми, народами, расами.

Марксистско-ленинская теория Р. исходит из понимания социального неравенства как исторически преходящего явления. Оно возникло на основе низкого уровня развития производит. сил общества, было закреплено господствующими эксплуататорскими классами, меняло свои формы в различных антагонистич. общественно-экономич. формациях. На определен. этапе обществ. развития возникают объективные предпосылки уничтожения классового деления общества, классового неравенства. Это связано с революц. упразднением капиталистич. отношений и переходом к коммунистич. формации. Марксизм-ленинизм исходит из того, что подлинное Р. связано с упразднением эксплуатируемых и эксплуататорских классов, а затем и классов вообще. Имея в виду антагонистич. обществ. классы, Ленин писал: «... Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожение классов» (там же, т. 29, с. 329).

Победа социалистич. строя в СССР и в других странах подтвердила этот единственно науч. взгляд на Р. В социалистич. странах уничтожены частная собственность и эксплуататорские классы. Это значит, что граждане здесь равно свободны от эксплуатации, равно владеют обществ. собственностью, равно обязаны трудиться в меру своих способностей и получают равную плату за равный труд. Социализм принес с собой одинаковые политич. права и обязанности для всех граждан. Он покончил со всеми формами неравенства, связанными в условиях капитализма с социальным и нац. происхождением, имуществ. положением и расовой принадлежностью человека, с различиями пола.

Социальное Р., достигнутое на первой фазе коммунизма, является важнейшей предпосылкой политич. и морального единства членов общества, их взаимопомощи, дружбы и братства, условием социального прогресса. Нарушение принципов социалистич. Р. со стороны отд. людей встречает единодушный отпор со стороны общества, влечет за собой правовое и нравств. осуждение. Р., осуществленное в условиях социализма, является великой историч. вехой на путях утверждения полной социальной справедливости. Но марксистско-ленинский идеал Р. не исчерпывается Р., достигнутым в социалистич. обществе. При социализме нет еще полного Р. в оплате труда, в материальных условиях существования людей. Принцип социализма «каждый по способностям, каждому по труду» с неизбежностью означает, что более квалифицированный работник получает больше, чем работник с меньшей квалификацией; неравное количество членов семьи порождает неравные материальные условия жизни и т. п. Т. о., при социализме в силу недостаточности высокого уровня развития обществ. произ-ва невозможно установление Р. во всей его полноте. Имея в виду первую фазу коммунистич. общества, Ленин писал: «... различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет э к с п л у а т а ц и я человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность» (там же, т. 25, с. 437—38).

В социалистич. обществе еще не устранены различия в экономич. и культурно-бытовых условиях существования рабочих и крестьян. Существуют при социализме также различия между людьми физич. и умственного труда. Эти остатки социального неравенства постепенно преодолеваются по мере развития социалистич. общества и его перехода к коммунизму.

Марксизм-ленинизм отвергает идеи мелкобурж. уравнительности, идеи равного дележа созданных благ и равной оплаты при социализме за неравный труд. Такая уравниловка неминуемо приводит к уничтожению материальных стимулов к труду, к понижению его производительности, что, естественно, тормозит развитие социализма, улучшение условий жизни трудящихся. Разрабатывая конкретные пути осуществления коммунистич. принципа — «от каждого по способностям, каждому по потребностям», Программа КПСС указывает на необходимость строгого соблюдения принципа оплаты труда по его количеству и качеству. Борьба с уравниловкой необходимо связана с борьбой против незаконных привилегий, неоправданно высоких окладов, использования своего служебного положения для получения всевозможных благ за счет общества. Раздувая факты, связанные с нарушением социалистич. принципа произ-ва и распределения, мп. представители антикоммунизма создают «теории» о возникновении в социалистич. обществе «узаконенной элиты», «нового класса» и т. п. Носители подобных утверждений обходят молчанием ту истину, что КПСС и Сов. гос-во ведут беспощадную борьбу против людей, к-рые злоупотребляют своим положением, присваивают незаработанные ими блага. Каждый, кто нарушает принципы социалистич. Р., привлекается к строгой ответственности в соответствии с моральными и правовыми нормами социалистич. общества. В СССР искореняются все формы нарушения соответствия между мерой труда и мерой его оплаты, все формы присвоения нетрудового дохода, осуществляется большая работа по упродолжению зарплат.

С первых же дней своего существования Сов. гос-во установило равноправие между мужчиной и женщиной. Но несмотря на это равноправие, продолжают

сохраняться остатки фактич. неравенства между полами (см. там же, т. 30, с. 25). Это вызвано тем, что ведение домашнего х-ва, воспитание детей (в семье) в совр. условиях гл. обр. ложатся на плечи женщины. С построением социализма было много сделано для преодоления остатков фактич. неравенства между полами. Тем не менее эта задача до конца еще не решена.

Ждет своего радикального решения и задача полного преодоления различий в культурно-бытовых условиях жизни в различных населенных пунктах. Построение материально-технич. базы коммунизма, переход от социалистич. обществ. отношений к коммунистическим, завершение культурной революции знаменуют новый этап в развитии социального Р. «При коммунизме, — говорится в Программе КПСС, — все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами» (1961, с. 63).

Высокопроизводительный труд в коммунистическом обществе создаст изобилие материальных и духовных благ, что постепенно сотрет из памяти человека всякое воспоминание об имущественном неравенстве.

Бурж. идеологи утверждают, что развитие капитализма будто бы приводит к Р. без того, чтобы переступить границы этого общества. Бурж. варианты теории стратификации, социальной мобильности пытаются создать ложную иллюзию о притуплении классовых антагонизмов, постепенном исчезновении имуществ. неравенства и обществ. классов. Разрыв между доходами капиталистич. монополий и трудящихся классов, расширяющаяся стачечная борьба пролетариата полностью опровергают прогнозы бурж. теоретиков. Нек-рые из них пытаются выдвинуть на первый план исчезновение неравенства в области культуры и быта. Так, амер. государствоведы М. Айриш и Дж. Протро в кн. «Политика амер. демократии» утверждают, что экономич. и социальные противоречия в США якобы отесняются общим для всех американцев «культурным единством». Другая группа бурж. теоретиков пытается в извращенном виде представить сущность марксистского Р. и практическое ее воплощение. Они утверждают, что в социалистич. странах происходят классовообразовательные процессы, рост социальных и имуществ. различий. Другие бурж. идеологи пашут о неизбежности нивелировки, стандартизации людей при коммунизме, уравнении их потребностей, исчезновении ярких индивидуальностей, об уравнении людей «на низшей основе».

Высокое интеллектуальное и моральное развитие граждан социалистич. общества, богатство их духовного мира свидетельствуют, что новое общество не «стандартизирует» личность, а содействует раскрытию ее дарований и талантов. Упразднение социального и имущественного, культурного неравенства не означает «выравнивание» духовных особенностей людей, их личных дарований и потребностей. «... Когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда общественное равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей» (Ленин В. И., Соч., т. 20, с. 128).

Верно и другое: социализм, а тем более вторая фаза коммунизма, создавая самые благоприятные условия материальной жизни, возможности всестороннего духовного и физич. развития людей, приведут к огромному количеству. росту людей, полностью реализующих свои дарования. Х. Момджян. Москва.

Лит.: Маркс К., Критика Готской программы, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; его же, Капитал, т. 1, там же, т. 23; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20, отд. 1, гл. 10; Ленин В. И., Сила и слабость русской революции, Соч., 4 изд., т. 12; его же, Либеральный профессор о равенстве, там же, т. 20; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Гаспарен А., Р., СЛБ, 1871; Бугле [С.], Эгалитаризм (Идея Р.), Социологич. этюд, пер. с франц., О., 1904; Стивен Д., Свобода, Р. и братство, пер. с англ., СЛБ, 1907; Буддаков В. П., Р. сейчас и при коммунизме, Пермь, 1960; Леонтьев Л. А., Проблема Р. в «Капитале» К. Маркса, М., 1960; Курьлев А. К. и Ильяшенко Ф. И., К полному социальному Р., М., 1965; Leibholz G., Die Gleichheit vor dem Gesetz. Eine Studie auf rechtvergleichender und rechtsphilosophischer Grundlage..., В., 1925; Smith Th. V., The American philosophy of equality, Ch. (111.), [1927]; Landshtut S., Kritik der Soziologie. Freiheit und Gleichheit als Ursprungsproblem der Soziologie..., Münch.—Lpz., 1929; Lichtenberger H. lu. a. l., Ausgleich als Aufgabe und Schicksal, В.—Grunewald, 1929; Tawney R. H., Equality... Halley Stewart lectures, N. Y., 1929; Bindewald H., Der Gleichheitsgedanke im Rechtsstaate der Gegenwart..., Greifswald, 1931; Bellin J., L'égalité des citoyens devant les charges publiques, P., 1936; Aspects of human equality. 15th symposium of the Conference on science, philosophy and religion, ed. by L. Bryson [a. o.], N. Y., 1956; Michák K., Idea rovnosti v dějinách a za socialismu, Praha, 1962; Lakoff S. A., Equality in political philosophy, Camb. (Mass.), 1964. Н. Стариков. Москва.

РАВЕНСТВО (в логике и математике) — отношение между выражениями языка логики и математики, верное тогда (и только тогда), когда оба выражения обозначают один и тот же предмет, т. е., когда все, что можно сказать на языке данной теории про объект, обозначаемый одним из них, верно и для объекта, обозначаемого другим. (При этом решение вопроса о том, имеем ли мы дело с «одним и тем же» объектом, зависит от того, как применяется абстракция отождествления. О диалектике, связанной с этой абстракцией, см. $A = A$.) Поскольку обозначение предмета бывает связано со способом его построения (напр., предмет, обозначаемый через $(5+7) \cdot 2$, получается сложением чисел 5 и 7 и умножением полученного результата на 2), отношение Р. позволяет заменить один способ построения объекта др. способом его построения.

К числу свойств Р., позволяющих производить эквивалентные преобразования содержащих это отношение выражений, относится прежде всего вытекающее из его определения правило замены равного равным; из этого же определения следуют [1] рефлексивность ($a = a$), [2] симметричность (если $a = b$, то $b = a$) и [3] транзитивность (если $a = b$ и $b = c$, то $a = c$) отношения Р. (С др. стороны, можно, следуя П. Лоренцену, показать, что для одинаковых конструируемых объектов, порождаемых различными рекурсивными определениями, все свойства Р., в т. ч. [1]—[3], доказуемы.)

Строя теорию отношения Р. аксиоматически (см. Метод аксиоматический) либо следуя Б. Расселу, непосредственно формализуют приведенное выше лейбницевское понимание Р. на языке расширенного исчисления предикатов (см. Предикатов исчисление, Типов теория) в виде аксиомы (или определения) $a = b \equiv \equiv \forall F(F(a) \supset F(b))$ (т. е. положив, что запись « $a = b$ » по определению означает, что всякий предикат F , верный для a , верен и для b), либо же, желая избежать трудностей, связанных с употреблением кванторов по предикатам (см. Парадокс), присоединяют к постулатам исчисления предикатов первой ступени аксиому: $a = a$ [1] и схему аксиом: $a = b \supset (F(a) \supset F(b))$, где F — произвольный предикат. С помощью этих аксиом легко доказываются соотношения [1] и [2] для охарактеризованного ими отношения « \equiv ». В т. н. прикладных исчислениях предикатов, содержащих к.-л. спец. (постоянные, индивидуальные) предикатные и(ли) функциональные символы, Р. удастся ввести с помощью конечного числа аксиом: для каждого из входящих в такое исчисление n -местного индивид. предиката Р. вводится n аксиом вида $a = b \supset (P(a_1, \dots, a_{i-1}, a, a_{i+1}, \dots, a_n) \supset$

$\supset P(a_1, \dots, a_{i-1}, b, a_{i+1}, \dots, a_n)$ ($i=1, \dots, n$); аналогично, для каждого n -местного функционального символа f постулируется n равенств вида $a=b \supset \supset f(a_1, \dots, a_{i-1}, a, a_{i+1}, \dots, a_n) = f(a_1, \dots, a_{i-1}, b, a_{i+1}, \dots, a_n)$ ($i=1, \dots, n$).

Записи содержащих предикат P формул (также обычно называемые просто равенствами) могут содержать некоторые переменные, быть может фиксированные в пределах к.-л. контекста (в этом случае их наз. п а р а м е т р а м и данного P); если такая формула выражает предложение, истинное при всех значениях входящих в нее переменных (параметров), то ее принято наз. тождеством, а если лишь при некоторых — то у р а в н е н и е м. (Следуя терминологии *Канта*, употреблявшейся Э. Шрёдером, первые часто называли аналитическими равенствами, а вторые — синтетическими; см. *Логическая истинность*.) В различных (не только дедуктивных) науках большую роль играют отношения «типа P », обладающие свойствами [1], [2] и [3] и разбивающие предметную область на попарно не пересекающиеся «классы эквивалентности» (отождествив элементы каждого из к-рых, т. е. игнорируя любые определенные для них «различающие» предикаты, кроме индуцировавшего данное разбиение двуместного предиката «типа P », мы определяем для них уже отношение P в определенном выше смысле), для к-рых принято также наименование *эквивалентность*. Примерами могут служить эквивалентность (равносильность) логич. формул (предложений), эквивалентность (равномощность, равночисленность) множеств, параллельность, конгруэнтность и подобие в геометрии, сравнимость по модулю (равенство остатков при делении на к.-л. число) целых чисел, *изоморфизм* и вообще любое отношение, характеризующее в к.-л. смысле «одинаковость» (подобие или даже тождественность) рассматриваемых предметов, причем термин « P » (или к.-л. из его аналогов) часто бывает естественнее отнести не к именам отождествляемых предметов, а к ним самим.

Это различие становится несущественным для т. п. графического P . «слов» в к.-л. «алфавитах», играющего большую роль в разл. приложениях теории алгоритмов. (Напр., в обозначениях *А. Маркова*, запись « $\mathfrak{A} \overline{\mathfrak{A}} 5+7$ » означает, что \mathfrak{A} есть сокращенное (условное) обозначение не числа 12, а «слова», состоящего из трех «букв» 5, + и 7, к-рое, естественно, совпадает — в самом буквальном смысле — со своей записью.)

Знак P . (или логич. эквивалентности) часто употребляют и при определении вновь вводимых понятий, но во избежание недоразумений обычно либо снабжают его индексом $Df \equiv Df, \equiv Df, \sim Df$, либо пользуются специальным лоренцовским символом $\stackrel{\sim}{\equiv}$. Хотя сам по себе любой из этих символов и не обозначает отношения P , но порождает таковое — в том смысле, что связанные им выражения можно затем уже (после определения) отождествить и связать обычным знаком \equiv ; с др. стороны, знаки P . по определению и вводимые с их помощью новые символы при соответствующих условиях могут быть «устранены» из рассмотрения (по спец. правилам).

Понятие P . усиленно изучавшееся еще авторами первых работ по *алгебре логики* (Дж. Буль, Э. Шрёдер, П. С. Порецкий) и лежавшее в основе употреблявшегося ими логико-математич. аппарата, является (наряду с противоположным ему отношением \neq и \neq , к-рое, впрочем, можно аксиоматически охарактеризовать и чисто «положительным» образом) одним из основных логич. отношений, что и предопределяет его фундаментальную роль как в самых различных приложениях математики и логики, так и в их философском осмыслении.

[С. Яновская]. Москва.

РАВЕССОН-МОЛЬЁН (Ravaisson-Mollien) (наст. фамилия — Л а ш е; Lacher), Жан Гаспар Феликс (23 окт. 1813—18 мая 1900) — франц. философ-спиритуалист, ученик Шеллинга, археолог и художник. Проф. в Ренне, чл. Академии надписей и литературы (с 1849), чл. Академии моральных и политич. наук (с 1880); занимал пост хранителя скульптуры в Лувре (с 1870). В гл. соч. «Обзор франц. философии XIX в.» («La philosophie en France au XIX siècle», P., 1868) развивал идею примата духа как основы реального мира. Материя, согласно Р.-М., является фундаментом естеств. жизни, на к-ром путем непрерывного прогресса, от ступени к ступени все возвращается к единству духа, этому всеобщему первоначалу, создающему материальность. Видимый мир — это внешний аспект духовной реальности. Бог передает Вселенной только часть своего совершенства, предоставляя ей возможность развиваться самостоятельно (см. «La philosophie de Pascal», «Revue des deux Mondes», 1887, v. 80, liv. 2). При этом движение и развитие понимается телеологически: цель — конечная причина. Высшим авторитетом в идеалистич. эстетике Р.-М. является Леонардо да Винчи.

Идеи Р.-М. подорвали влияние господствовавших во Франции позитивизма Конта и эклектизма Кузена, способствовали возрождению спиритуалистич. метафизики.

Соч.: Essai sur la métaphysique d'Aristote, t. 1—2, P., 1837—46; La Vénus de Milo, P., 1892; Métaphysique et morale, «Revue de métaphysique et de morale», 1893, № 1; De l'habitude, P., 1927; Testament philosophique et fragments, P., 1933.

Лит.: В о у т р о у х Е., La philosophie de Félix Ravaisson, «Revue de métaphysique et de morale», 1900, année 8, p. 699—716; Д о р р Ж., Félix Ravaisson, Louvain, 1933; В е р г с о н Н., La pensée et le mouvant, 35 éd., P., 1960.

Т. Сахарова. Москва.

РАВНОВЕСИЯ ТЕОРИЯ — концепция развития, формулировавшаяся рядом философов 17—18 вв., а в 19 в. — некоторыми социологами (гл. обр. позитивистами). Р. т. основывается на принципах механицизма и утверждает, что в механизме процесса развития главным является состояние равновесия между развивающимся объектом и окружающей его средой, что всякое развитие направлено на достижение равновесия. В России некоторые принципы Р. т. использовали Богданов (для обоснования своей *технологии*) и Н. И. Бухарин, т. зр. к-рого была подвергнута резкой критике в парт. документах и лит.-ре.

Р. т. следует отличать от широко используемого в естеств. науках, в частности в кибернетике, понятия равновесия, играющего особенно важную роль в кибернетических, биологических и психологических исследованиях; в этих исследованиях равновесие существенно как момент устойчивости динамических систем.

РАВНОЗНАЧНЫЕ ПОНЯТИЯ — понятия, объемы к-рых совпадают; иначе: понятия A и B наз. равнозначными, если каждый предмет, обладающий свойствами (признаками), составляющими содержание понятия A , обладает свойствами, составляющими содержание B , и наоборот. Символически: $\forall x ((Ax) \equiv B(x))$, где $\forall x$ обозначает «для всякого x », $A(x)$ — высказывание о принадлежности предмету x свойств, составляющих содержание понятия A ; $B(x)$ — аналогично для B ; « \equiv » — знак эквиваленции. Напр., понятие: «равносторонний треугольник» и «равноугольный треугольник» — Р. п. Говорят, что между Р. п. имеет место отношение *равнозначности*. Отношение равнозначности является частным случаем *совместимости* понятий.

Е. Войшилло. Москва.

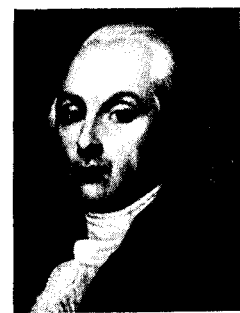
РАДБРУХ (Radhruch), Густав (21 нояб. 1878—23 нояб. 1949) — нем. правовед и социолог, проф. Киль-

ского и Гейдельбергского ун-тов. В 1933 отстранен нацистами от преподавательской деятельности; с 1945—декан юридич. фак-та Гейдельбергского ун-та. Трактовка права, даваемая Р., сводится к аксиологич. конструкции неокантианского типа (Р.— последователь *баденской школы*), согласно к-рой право может быть понято только исходя из априорной идеи права, определяющей его цели. В свою очередь, эта «идея права» состоит из «сопряжения» трех осн. ценностей: справедливости, целесообразности и правовой стабильности, изучение к-рых и является целью «философии права», в отличие от «теории права», выполняющей практич. задачи по толкованию, систематизации и т. п. действующего права. Метод «философии права», по Р.,— это особый умозрит. оценочный подход; обязат. элемент метода—релятивизм. После 2-й мировой войны Р. пытался связать свою конструкцию с «возрождением» *естественного права*. Забвение естеств. права и позитивистский подход к закону явились, по мнению Р., чуть ли не важнейшей причиной утверждения фашизма. Учение Р. о праве — характерный пример общей тенденции оппортунизма нач. 20 в. подменить марксизм неокантианством.

Соч.: *Religionsphilosophie der Kultur*, 2 Aufl., В., 1921 (совм. с Р. Tillich); *Vorschule der Rechtsphilosophie*, Hdb., 1948; *Kulturlehre des Sozialismus*, 3 Aufl., В., 1949; *Rechtsphilosophie*, 6 Aufl., Stuttg., 1963; *Der Mensch im Recht*, 2 Aufl., Gött., 1961; в рус. пер.— Введение в науку права, М., 1915. В. Туманов. Москва.

РАДИЦЕВ, Александр Николаевич (20 августа 1749—12 сентября 1802) — основоположник революц. традици в рус. освободит. движении, философ-материалист. Выходец из дворян, в 1762 Р. был определен

в Пажеский корпус Екатерины II, в 1766 вместе с группой молодых дворян отправлен в Германию; в Лейпцигском ун-те слушал курс вольфианской метафизики и психологии, математики и др. Неудовлетворенность казенной наукой вызвала у рус. студентов интерес к энциклопедистам (Гельвеций, Мабли, Руссо). Бунт студентов против надзирателя Бокума симулировал их в тесный круг единомышленников, во главе к-рого встал Ф. В. Ушаков.

Между членами кружка сохранились на всю жизнь дружеские связи, не исключавшие резких идейных столкновений (полемика Р. с А. М. Кутузовым в 80—90-х гг.).

По возвращении в Россию Р. служит протоколистом Сената (1771—73), обер-аудитором (воен. прокурором) штаба Финляндской дивизии (1773—75), членом Коммерцколлегии (1778—80), зам. советника, затем советником таможенных дел петерб. Казенной палаты (1780—90). Первые же годы службы Р. в России показали ему невозможность применить «для пользы отечества» полученные за рубежом знания (см. Полн. собр. соч., т. 1, 1938, с. 173). Резкой радикализации взглядов Р. способствует общая обстановка конца 60—нач. 70-х гг. Отказ Екатерины II от выполнения декларативных обещаний «Наказа» (1766), прекращение работы Комиссии по сочинению проекта Уложения (1767—68), явное нежелание принимать меры для облегчения участи крепостных «рабов» ставят в оппозицию к самодержавию радикальное крыло рус. просветителей («Философические предложения» *Козельского*, сатирич. журналы Н. *Новикова*).

К 1773 относится и первое выступление Р. — с переводом «Размышлений о греческой истории и о причинах благоденствия и несчастия греков» *Мабли*. В то время как офиц. идеология провозглашала само-

державие строем, единственно пригодным для столь обширного гос-ва, как Россия, защитником «естественной вольности» людей (см. «Наказ Екатерины Вторья...», СПб, 1770, п. п. 9—19, 57, 80 и др.), Р. в своем «Примечании» к Мабли объявил самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянию» (см. А. Мабли, *Размышления о греч. истор. и др.*, СПб, 1773, с. 126, прим.).

Период зрелого творчества Р. падает на 80-е гг. После врем. спада, связанного с событиями Крест. войны 1773—75, когда многие оппозиционно настроенные дворяне ушли в масонскую мистику (см. *Масонство*), рус. просветит. мысль вновь обретает утерянную было радикальную направленность и живой интерес к антифеод. идеологии Запада; возобновляет писат. деятельность и Р. Преодоление этих кризисных явлений было в известной мере определено событиями Америк. войны за независимость (1775—83). В нач. 80-х гг. Р. знакомится с коллективным трудом энциклопедистов — 3-м изданием «Истории обеих Индий», авторы его (Рейналь, Дидро, Нежон и др.) заявляли о непрочности преобразований, совершаемых «просвещенными» деспотами без участия народов и помимо их воли; на страницах труда утверждалась идея прогрессивности гражд. войн, пропагандировались успехи вооруж. борьбы амер. колоний за независимость. Пример вольной Америки «обнажил», по Р., «мету» (т. е. цель) освободит. движения в России. В то же время банкротство просвещенного абсолютизма Екатерины II в России позволило Р. избавиться от остатков веры в «просвещение» монархов, свойственных авторам 3-го издания «Истории обеих Индий».

В нач. 80-х гг. Р. создает революц. оду «Вольность», где славит «пример великий» Кромвеля, подвиги армии Вашингтона, приветствует день грядущей революции в России — «избраннейший всех дней». В 1789, под непосредств. влиянием начавшейся Франц. революции, Р. приступает к политич. пропаганде печатным словом; в домашней типографии он публикует «Житие Ф. В. Ушакова», где использует автобиографич. материал (воспоминания о «бунте» студентов) для важнейших политич. аналогий. Сопоставляя притеснения Бокума с самовластьем Людовика XVI, Р. утверждает, что залог освобождения народа — в «крайности угнетения»; он проклинает тех, кто хочет смягчить гнет, пытается совлечь «покров сей с очей власти». В 1782 Р. пишет «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске...» (опубл. в 1790), в к-ром, рассматривая преобразования Петра I, давшего первый толчок «громаде» (России), категорически утверждает, что даже царь-преобразователь не поступает своей властью в пользу «вольности частной». «... Нет и до скончания мира, примера может быть nebude чтобы Царь уступил добровольно что ли из своей власти, сядя на Престоле» (Полн. собр. соч., т. 1, с. 151).

Всестороннее обоснование на материале рус. жизни революц. идеи Р. получают в «Путешествии из Петербурга в Москву» (посвящено А. М. Кутузову, писалось в сер. 80-х гг., представлено в цензуру в 1789, напечатано с рядом добавлений в домашней типографии в 1790). Для сюжета Р. использовал обычную в лит-ре 18 в. форму путевых заметок. Поехав по петерб. дороге «в след Государя» (в 1787 было совершенно обставленное «потемкинскими деревнями» путешествие Екатерины II из Петербурга через Москву на юг России), «путешественник» открывает за наружным блеском «блаженствующего» гос-ва бездушную нар. страдания, а за обманчивой «тишиной» — накаленную до предела ненависть рабов, ждущих «часа и случая», чтобы восстать «на погубление господ своих». Положит. персонажи книги разными спосо-

бами пытаются помочь «себе подобным». Они апеллируют к разуму «начальников» или «к закону» (главы «Любани», «Чудово»), поступают на службу («Зайцево»), пытаются открыть глаза «верховой власти» («Сиасская Полесья»), пишут проекты к «постепенному освобождению земледельцев в России» и уничтожению придворного «ласкательства» («Хотилово», «Видронуск»). Однако бюстители порядка оказываются бесчеловечными тиранами, просвещение монарха — возможным только во сне, служба в суде завершается полным разочарованием, проекты освобождения крепостных (созвучные предложениям Коробына, Козельского и др. по крест. вопросу в Комиссии по сочинению проекта Уложения) валяются в грязи на дороге, они брошены «искренним другом» путешественника. Глава «Медное» разъясняет причину его неудач: «Но свобода сельских жителей обидит как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения» (там же, с. 352). С этого момента герои книги прекращают попытки освободить народ в рамках существующих отношений. «Торжок» обосновывает необходимость революц. просвещения народа. «Тверь» (пересказ оды «Вольность») рисует картину разбухшей вольным словом грядущей революции, отправляющей царя — «преступника» из всех перешедшего — на плаху. «Городня» повторяет призыв к «человеколюбивому мщению»: пусть рабы разобьют своими оковами «главы безчеловечных своих господ» — на место «избитого племени» встанут новые «великие мужи», они будут «...других о себе мыслей и права угнетения лишены» (там же, с. 368). Выдвигая идею крест. революции, Р., по всей видимости, учитывал опыт франц. революции, нек-рые выводы Марата (ср.—там же, с. 305 и Ж. П. Марат, Избр. произв., т. 2, М., 1956, с. 71). В заключит. главе — «Слово о Ломоносове» — сформулирована концепция революц. просвещения. Заслуги великого соотечественника, проложившего путь ко «храму славы» российской словесности, не заслоняют от Р. узости его политич. позиции. Сопоставляя Ломоносова, к-рый, следуя обычаю «ласкати царям», льстил Елизавете, и Франклина «изторгнувшего гром с небес, и скиптр из руки Царей», писатель делает выбор в пользу Франклина. «Мужественные писатели», восстающие на «губительство и всецелие», дадут «первый мах» тому великому творению, к-рое преобразит мир: «Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом» (Полн. собр. соч., т. 1, с. 392).

За издание книги, неполненной «самыми вредными умствованиями», попытку «произвесть в народе негодование противу начальников и начальства», «...неистовые изражения противу сана и власти царской» (Екатерина II, см. Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Радищева, 1952, с. 244) Р. был осужден на смертную казнь, замененную ссылкой в Сибирь. В ссылке (1790—97) Р., выполняя свой давний замысел, пишет обширный филос. трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (впервые опубли. в 1809). В 1797 Р. было разрешено вернуться в Центр. Россию (в Пемцово, под Малоярославцем). После убийства Павла I Р. переезжает в Петербург, поступает в августе 1801 на службу в Комиссию по составлению законов; год спустя Р. кончает жизнь самоубийством.

Социологические взгляды. Идеиная эволюция Радищева. В работах Р. присутствует общепринятое в просветит. лит-ре объяснение перехода от первоначальной вольности к политич. деспотизму (см. *Общественного договора* теория). Учреждая общество, свободные люди кладут «предел» своим желаниям, образуя «общу власть» и «закон». Однако правитель забывает

«клятву», данную народу, попирает мечом «уставы» общества, союз «суверения политического и священного» — царской власти и веры, закрепляет несправедливый строй. Р. сознает: вековую тяжбу народов с государями решает не формальное право, а сила: «Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов?» (там же, с. 263). Реальные средства восстановления поправленного монархом нар. суверенитета он ищет в 80-е гг. в истории победоносных нар. революций. Закономерность революций связывается с неспособностью абсолютизма смягчить гнет: Единоначальство, «простирая повсеместную тяготу», неизбежно доводит народ до «крайности» (см. там же, с. 166—67). Огромное значение в борьбе с узурпаторской властью Р. придает «вольному слову», призванному разрушить пагубный обман, сорвать «личину» с «истукана власти», вернуть «источнику» (т. е. народу) силу для свержения истукана. В целом в трактовке явлений обществ. жизни Р. остается на позициях идеализма: «перемена Царств» происходит тогда, когда «...в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация...» (там же, с. 261). Вместе с тем в творчестве Р. заметно и стремление к выявлению глубинных движущих сил историч. процесса. Так, опираясь на Руссо, Р. связывает возникновение порабощения с развитием произ-ва и появлением частной собственности: «Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, избрело ремесла рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, пограл обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого» (там же, т. 2, 1941, с. 64). Сближают Р. с Руссо и определенные представления об антагонистич. характере обществ. прогресса: «Если кто хотя мало вникал в деяния человеческия, если кто внимательно читал историю царств, тот ведает убедительно, что где более было просвещение, где оно было общественнее, там более было и превратности. Столь добро и зло на земли нераздельно» (там же, т. 3, 1952, с. 29).

Ряд мыслей Р. свидетельствует о том, что он склонялся к теории «круговорота» явлений природы и общества, возвращения всего «на прежнюю ступень». Эти представления накладывали печать и на оптимистич. веру Р. в грядущее царство «вольности». Уже в 80-е гг. опыт прошлого внушал Р. опасения, сумеет ли народ после победы удержать ее плоды в своих руках. Во главе восстания могут встать «мужи твердые и предприимчивые» не только «на истину», но и на «прельщение», не только «любители человеческого», но и «льстецы», снова узурпирующие власть; так, Кромвель, «власть в руке своей имея», сокрушил снова «твердь свободы». Опираясь на этот пример, а также на пример падения Римской республики, Р. в оде «Вольность» сформулировал «закон природы»: «Из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...». Гл. причиной такого круговорота обществ. явлений Р., полностью разделяя «Гельвециево о сем мнении», считал роковую роль членоч. страстей: необузданного корыстолюбия и непамятной «алчбы власти» (см. там же, т. 1, с. 361, 161, 12 и др.). Однако в 80-е гг. трактовка этого «закона природы» в его применении к обществу не носила у Р. фаталистич. оттенка: бдительность «счастливых народов» могла сбересть «дар благой природы». Произведения Р. по-

следних лет лишены этого оптимизма. Возвращаясь в «Песни исторической» к сюжетам «Размышлений о греческой истории» Мабли и «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» Монтескье, Р. подчеркивает роковой исход борьбы народов с деспотич. властью. Вольность, сиявшая в Древней Греции, «потухла безвозвратно» вместе с гибелью спартанских добродетелей — простоты, бескорыстия, патриотизма. «Здание римской свободы», основанное на нар. суверенитете, рухнуло в результате жажды «властолюбия». Побуждаемый ненасытной жаждой «властолюбия», поставив целью «присвоение вселенной», Рим кончил тем, что сам стал добычей кровавых властолюбцев-диктаторов. Социол. схема Р., схватывавшая внешнюю повторяемость политич. событий, не вскрыла социальных причин развертывавшейся на его глазах классовой борьбы; она заставила его истолковывать не только воен. диктатуру Кромвеля, но и диктатуру якобинцев как пример вырождения свободы в «самовластье», «наглость». Сравнивая кровавое правление рим. тирана Суллы с террором Робеспьера, Р. приходит к мысли о предпочтительности «мира неволи» бедствиям гражд. войны. К середине 90-х гг. мыслитель отказывается от революц. путей борьбы за «вольность» и сходит с позиции безусловно отрицают. отношения к монархич. власти. Рисованные в «Песни исторической» образы рим. тиранов призваны, по Р., специально оттенить заслуги добрых, мудрых, «правдивых» самодержцев вроде Веспасиана, Тита, Траяна и Марка Аврелия.

О монархич. иллюзиях говорит и последнее произведение Р. — ода «Осминадцатое столетие». Ранее призывавший народы к вооруж. восстанию и грозивший плахой царю Р. в российском престоле видит теперь единств. твердую опору человечества среди грозных захлестнувших его «кровавых струй». В противоположность произведениям 80-х гг. в оде высоко оценивается просветит. деятельность Петра I, Екатерины II; Александр I объявляется хранителем неосуществленных заветов 18 в. («мир, суд правды, истина, вольность ликует от трона»). «Песнь историческая» свидетельствует о крайней шаткости монархич. иллюзий Р. Тот же «премудрый» Марк Аврелий

«... смертной был. Блаженство
Рима явлет с Марк Аврелием».

Р. высказывает опасения, не свойственно ли вырождение, «упадение» всякой самодержавной власти вообще:

«Иль се жребий есть всеобщий
Чтоб возвышенная сила,
Власть, могущество, блеск славы
Упали, были гнусны».

Кончились провалом и практич. попытки Р. внушить идеалы «века разума» новому рус. самодержцу: идеи позитив. законодат. проектов Р. («О законоположении», «Проект для разделения уложения Российской и др.») остались переработанными, ода «Осминадцатое столетие» — неопубликованной. В произведениях Р. последних лет все яснее слышатся пессимистич., трагич. ноты, в т. ч. мысль о бренности всех человеческих творений («смертной что зыждет, все то рушится, будет всех прах»; притязать на вечность могут только мысли — «не погибнут они, хотя бы гнила земля»).

В нач. 19 в. круг поисков Р. замкнулся: действительность наполеоновской Франции подорвала веру в «разумность» революций; действительность царствования Александра I поколебала с последними надеждами на «разум» монархов. Подняться до уровня иных теоретич. представлений, указывающих выход из этого тупика, Р., надломленный ссылкой, не смог. Его идей-

ная драма — отражение общеевроп. кризиса бурж. просветит. идеологии, приводит Р. в 1802 к трагич. финалу — самоубийству.

Выход из этого кризиса революц. мысли будет намечен два десятилетия спустя *декабристами*. Разделяя отрицат. отношения Р. к якобинскому террору и гражд. войне и пытаясь найти средство избежать подобных междоусобий (см. *Пестель*), декабризм вместе с тем вернулся к идее прогрессивности революции вообще, попытавшись «ограничить» ее рамками воен. дворянского переворота. К идее крест. нар. революции, выдвинутой Р. в 80-х гг., рус. освободит. мысль обратится только на разночинском этапе движения.

Система филос. идей Радицева. Осн. филос. трактат Р. «О человеке, его смертности и бессмертии» построен на принципе сознат. противопоставления двух «противоположностей» — аргументов материализма и идеализма за смертность или бессмертие души (соответственно 1—2-я и 3—4-я книги трактата).

1-я кн. четко формулирует материалистич. решение осн. вопроса: «... бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе» (там же, т. 2, с. 59); движение — коренное свойство «вещности», время и пространство — объективные формы бытия вещей. Напротив, «метафизические» доводы 3-й кн. исходят из первичности духа: «без мыслящего существа не было бы ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего; не было бы ни постепенности, ни продолжения; исчезло бы время, пресеклось бы движение...» (там же, с. 109). В 1-й и 2-й книгах психика человека рассматривается как действие телесных органов, «сложения» человека. Обратное утверждает 3-я книга: организация вещества не может создавать новых качеств в силу «простоты» и «неделимости» человеческой мысли, она является св-вом особой нетленной «духовной» субстанции. Примеры «творческой деятельности души» во время сна, у лунатиков, сумасшедших, факты существования произвольных движений и т. д. говорят о «полной власти» души над телом. В 1-й кн. рассмотрение места человека на «лестнице творений» природы показывало, что он подчинен, как и все на земле живущее, «законом» вещественности, сходя с животными не только строением его тела, но и самой «способностью размышлять». В 3-й кн. рассмотрение той же «лестницы» вело к противоположному заключению: человек принципиально отличен от всех земных творений своей «двуестественностью», только он обладает специфической «духовной силой». Та же явственная восходящая «постепенность» всех известных нам существ заставляет предполагать дальнейшую эволюцию человека в загробном мире «духов» (см. там же, с. 112). Наконец, если в 1-й книге утверждался принцип познаваемости мира, к человеку был обращен призыв «дерзнуть» в познании «сокровеннейших недр природы», то в ряде мест 4-й книги Р., напротив, советовал ему «усмириться» в своих надеждах познать мир: «человеческий разум вещей не познает», «внутреннее существо вещей нам неизвестно».

Отмежевываясь от доводов за смертность души, Р. сопровождал их выпадами против «тигров», «человекоенавидцев», лишающих людей надежды «будущая жизни». Однако автор предупреждает читателя, что его влечет к идеализму не рассудок, а потребность в самоутешении, сердце, неизмогшее от разлуки с друзьями; читателю предоставляется самому выбирать те доводы, «кои наиболее имеют правдоподобия», руководствуясь только «светильником опыта» и удалив «все предвзвешенные, все предубежденные». Это ключевое положение подчеркивает объективную неравноценность приводимых Р. материалистич. аргументов, построенных на опытных фактах науки, и идеалистич. рассуждений, основанных на «нутрозрении»,

оторванном от окружающего мира, «гаданиях» и «мечте».

Обращение к источникам трактата дополнительно выявляет различную степень оригинальности обеих его частей. Так, «метафизические» доводы 3—4-й книг оказываются зачастую буквальным пересказом идеалистич. концепций Мендельсона («Федон, или О бессмертии души», 1764, рус. пер., СПб, 1837) и И. Гердера («Идеи к философии истории человечества», 1784—91, сокращ. рус. пер., 1829; «Über die Seelenwanderung», 1785). В этих разделах Р. принадлежат лишь некие иллюстрации и комментарии, настойчиво подчеркивающие «гадательность» излагаемых взглядов; этот скептицизм в 4-й кн. переходит в прямое отрицание доводов идеалистов. В 1—2-й книгах Р. дает более самостоят. трактовку естеств.-науч. и филос. вопросов, дополнив в целом ряде моментов взгляды своих учителей — Гельвеция, Дидро, Пристли, Гольбаха и др. Отрицая наличие непроходимой грани между духом и телом, Р. доказывает, что и «разумное вещество» может обладать всеми св-вами «вещественности». Хотя незавершенность концепции и нечеткость терминологии часто заставляют Р. переносить на «мысленность» механич. св-ва материи (дискретность, протяженность и т. п.), однако сам он постоянно сознает опасность вульгарно-механистич. трактовки: «...не бойся, я мысленности твоей на безмене не положу», жизнь, чувствование, мысль «...суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно» (там же, с. 85, 86). Р. подчеркивает разнородность и множественность материальных «стихий», лежащих в основе всего сущего. Одно из гл. средств природы есть «организация», благодаря к-рой и возникают «почти новые вещества», «совсем новые явления», в т. ч. жизнь, свойственная «...не одним животным, но и растениям, а, вероятно, и ископаемым...»; окончательно тайна жизни будет раскрыта, «...когда искусством можно будет производить тела органические» (там же, с. 88).

Разбор физич. теорий Р. завершает рассмотрением понятий о бож. Если до этого в трактате встречаются обращения ко «всесильному», то теперь, опираясь на вывод о неразрывной связи материи и движения, Р. отбрасывает само понятие о «всесильном» (см. там же, с. 81) (правда, в ряде др. произведений Р. имеются депетич. высказывания).

В первых двух книгах Р. выявляет гносеологич. корни идеализма, представлений о бессмертии души и божеств. первопричине. И на ступени опыта, и на ступени рассуждения все заблуждения исходят не от вещи, а от самого человека. На первой нам могут помешать обманчивые «расположения нашей чувственности», создающие ложные представления о вещах, и ошибки разума, ложно воспринимающего «отношение вещей между собою» (см. там же, с. 60, 61). На второй, где мы познаем «...союз вещей с законами силы познания и законами вещей», т. е. познаем бытие вещей, «...не испытую от них перемены в силе понятия нашего», заблуждения становятся особенно многочисленными (см. там же, с. 60). Как наши силлогизмы, так и метод сравнения и «сходственности» (аналогия) могут вести к «светлейшим и предвечным истинам, и к неисчислимым и смешнейшим заблуждениям». Примерами подобных заблуждений выступают либо «интуитивные» доводы идеалистов, не желавших видеть «окрест нас разрушение всеобщее», либо умозрит. аналогии Лейбница и др. идеалистов, распространявших на загробный мир закон постоянного «совершенствования» и наблюдаемые в природе метаморфозы живых существ.

Отбрасывая доводы идеализма, Р. постоянно стремится переосмыслить в материалистич. частях трактата ряд диалектич. идей и естеств.-науч. данных

школы Лейбница. Понимая, что «заблуждение стоит вскрай истине», он дает в 1-й кн. материалистич. толкование гердеровской идее восходящей сложности форм природы, принимает его антропологич. характеристику человека, положение о единстве органа и его функции и др. Если у идеалистов диалектич. положение Лейбница — «настоящее чертато будущим» — носило мистич. оттенок (совершенствование — цель человека и на земле и за гробом), то к диаметрально противоположному выводу приходит Р.: «Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно предопределяется его предшедшим состоянием... До зачатия своего человек был семя, коего определение было развращение. Состояние жизни приуготовляло расположение и разрушение. Когда же жизнь пройдет, почто мечтать, что она может продлиться?» (там же, с. 95). Диалектич. характер носит и общий замысел трактата — столкновение двух «противоположностей» по вопросу бессмертия души (ср. вторую антиномию Канта).

Предприняв своеобразную попытку подвести итог борьбе франц. и английского материализма (Дидро, Гольбах, Пристли и др.) против немецкого идеализма, Р. не сумел преодолеть метафизич. слабость материализма 18 в. Механистич. ограниченность сказывается в терминологич. нечеткости и гл. обр. в неспособности переосмыслить «чувственные доводы» идеализма — спекуляцию на фактах активности человека, психики.

В «Путешествии...», «О человеке» Р. высказал ряд интересных мыслей по эстетике. Способность эстетич. восприятия он связывает с развитием органов чувств, считая «соучаствование» важнейшей особенностью человека. В создании поэтич. и др. произведений иск-ва огромную роль, по Р., играет сила воображения, нередко отрывающая людей от почвы реального мира. Особенно ценны высказывания Р. о социальной обусловленности эстетич. вкуса (отличие нар. понятий о красоте от вкусов «боярынь Московских и Петербургских»), мысли о бессмысленной помпезности егип. пирамид и др. (см. там же, т. 1, с. 302).

Историография. Своеобразная композиция осн. произведений Р. («Путешествие...», «О человеке»), построенных на принципе столкновения взаимоисключающих мнений, при явной шифровке собств. позиции автора, давала повод дореволюц. бурж. историкам изображать Р. в политике реформатором, уповавшим на «доброе царя», в философии — идеалистом, разделявшим взгляды Лейбница, Мендельсона, Геддера на бессмертие души (см. М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи..., т. 1, СПб, 1889, с. 539—674; Е. Бобров, А. Н. Р., как философ, в его кн.: Философия в России. Материалы, исследования и заметки, вып. 3, Каз., 1900; П. Милуков, Очерки по истории рус. культуры, ч. 3, вып. 2, СПб, 1903; В. А. Мякотин, На заре рус. общественности, Ростов-на-Дону, [1904]; И. И. Лапшин, Философские взгляды А. Н. Р., П., 1922, и др.).

Эти предвзятые трактовки взглядов Р. были подорваны еще в дореволюц. исследоват. лит-ре, выявившей элементы пародии, сатиры на екатерининское законодательство в т. н. либеральных главах «Путешествия» — «Спасской Полести», «Хотилове», и революц.-респ. идеи в главах «Торжок», «Городия», оде «Вольность» и др. (см. С. Г. Сватиков, Общественное движение в России. 1770—1895, Ростов-на-Дону, [1905]; В. И. Семевский, Вопрос о преобразовании государства России в XVIII и первой четверти XIX в., «Былое», 1906, № 1, и др.). Работы авторов революц.-демократич. и марксистского направлений четко определили место Р. как первого рус. революционера (см. Н. А. Добролюбов, Рус. сатира екатерининского вре-

мени, Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1962; В. И. Ленин, Гонимые земства и Аннибалы либерализма, Соч., 4 изд., т. 5; его же, О национальной гордости великороссов, там же, т. 21; Г. В. Плеханов, 14-е декабря 1825 г., [СПБ, 1905]; его же, История рус. обществ. мысли, Соч., т. 22, М.—Л., 1925).

Относительно филос. трактата Р. еще А. С. Пушкин отмечал, что «Радищев хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» («Александр Радищев», см. Полин, собр. соч., т. 7, 1958, с. 357). Аналогичные признания делались и в дореволюц. бурж. литературе, в частности П. Н. Миллюковым и Н. Н. Павловым-Сильвацким.

Сов. историография окончательно утвердила взгляд на Р. как зачинателя революц. традиции в России, философа-материалиста — см. В. П. Семенников, Р. Очерки и исследования, М.—Л., 1923; Я. Л. Барсков, А. Н. Р. Жизнь и личность, в кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Р., [М.—Л.], 1935; И. К. Лупшол, Трагедия рус. материализма XVIII в. (Филос. взгляды А. Н. Р.), в его кн.: Историко-филос. этюды, М.—Л., 1935; А. Н. Р. Материалы и исследования, [М.—Л.], 1936; Г. А. Гурковский, Очерки по истории рус. лит-ры и обществ. мысли XVIII в., Л., 1938; М. Т. Иовчук, Рус. материализм XVIII в., М., 1946; М. В. Горбунов, Филос. и общественно-политич. взгляды А. Н. Р., М., 1949; Радищев. Статьи и материалы, [Л.], 1950; Р. в рус. критике, М., 1952; С. Ф. Елеонский, Книга А. Н. Р. «Путешествие из Петербурга в Москву», М., 1952; В. Н. Орлов, Р. и рус. лит-ра, [2 изд.], Л., 1952; Д. Д. Благой, А. Н. Р. Жизнь и творчество, М., 1953; А. Старцев, Университетские годы Р., М., 1956; его же, Р. в годы «Путешествия», М., 1960; Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Р., М.—Л., 1952; Г. П. Макогоненко, Р. и его время, М., 1956; В. В. Пугачев, А. Н. Р. (Эволюция общественно-политич. взглядов), Горький, 1960; Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак, Запретная мысль обретает свободу (175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева), М., 1966.

Вместе с тем в сов. лит-ре остается спорным вопрос о характере революц. концепции Р. 80-х—нач. 90-х гг. Часть сов. авторов (Д. Д. Благой, М. В. Горбунов и др.) считают хотиловский «проект в будущем» собствен. идеалом Р., разделявшим т. о. и в 80-е гг. опроверг. иллюзии «просвещенного абсолютизма». Другие ученые (Г. П. Макогоненко, П. Н. Берков, Н. И. Громов и др.) категорически отрицают наличие подобных иллюзий в произведениях Р. 80-х гг. Эти спорные проблемы мировоззрения Р. рассматривались в дискуссии на страницах журн. «ВФ» (1955, № 4; 1956, № 3, 4, 5; 1957, № 6; 1958, № 5 — статья Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака, А. А. Галактиопова и П. Ф. Никаandroва, Ю. М. Лотмана, С. А. Покровского, Э. С. Виленской, А. В. Западова, И. К. Пантюна, Л. А. Филишова, В. И. Шинкарука, М. М. Спектора). Более подробный обзор историографии вопроса — см. Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак, указ. соч.

Остается недостаточно исследованной духовная трагедия Р. в конце жизни и ее связь с начавшимся общеввропейским кризисом буржуазной просветит. мысли. Ряд исследователей (Д. С. Бабкин, П. К. Бопташ, С. А. Покровский и др.) считает, что в последние годы жизни Р. оставался верен прежним революц. убеждениям и даже продолжал работу над «Путешествием» (Г. Штурм, Потаенный Радищев, М., 1965), другие (Д. Д. Благой, В. В. Пугачев) говорят о монархич. иллюзиях последнего периода.

В сов. лит-ре нет единой т. зр. и на филос. трактат Р.: некоторые авторы считают доводы за бессмертие души, изложенные в 3-й и 4-й книгах трактата, выраже-

нием действ. ограниченности Р., другие видят в трактате сознательное противопоставление взаимоисключающих систем материализма и идеализма применительно к проблеме смертности или бессмертия души.

В совр. бурж. историографии, возрождающей предвзятые версии рус. дореволюц. лит-ры, гл. упор делается на выявление зап. источников «либерализма» Р. и его «идеализма» [см. К. Bittner, J. G. Herder und A. N. Radischev, «Zeitschrift für Slavische Philologie», 1956, Bd 25, H. 1; D. M. Lang, The first Russian radical A. N. Radischev, L., 1958; A. N. Radischev, A journey from St. Petersburg to Moscow, ed. by R. P. Thaler, Camb. (Mass.), 1958; Mc Connell A., A Russian philosopher: Alexander Radischev (1749—1802), The Hague, 1964].

РАДЛ (Rádl), Эмануэль (21 дек. 1873—12 мая 1942) — чеш. философ, проф. методологии естеств. наук Пражского ун-та; был неовиталистом, испытал влияние *Масарика* и *Крейчи*, в конце жизни занимался богословием. Гл. объект исследований Р. — история естествознания (см., напр., «Историю развития теорий в биологии 19 столетия» — издана в 1905 на нем. яз.; в 1909 на чеш. яз. — «Dějiny vývojových teorií v biologii XIX st.», Praha; «Романтическая теория в биологии XIX ст.», Praha, 1918). Р. настаивал на противоположности между естеств.-науч. и духовным познанием, призывал повиноваться «абсолютным моральным законам»; он пытался объединить реформистский социализм с христианством и с этих позиций анализировал проблемы национальности и религии, женский вопрос, чеш. историю и др.

Соч.: *Moderní věda. Její podstata, metody, výsledky*, Praha, 1926; *Utecha z filosofie*, Praha, 1946.
Лит.: *S m e t á č e k Z d.*, Kozák—Rádl—Hromádka, Praha, 1931; *K o u t n í k B.*, Emanuel Rádl, křesťanský filosof, vědec, politik a moralista, Praha, 1934. *Л. Свобода*, СССР.

РАДЛОВ, Эрнест Леопольдович (1854—1928) — рус. философ-идеалист. Окончил историко-филологич. ф-т Петерб. ун-та, продолжал образование в Берлине и Лейпциге. Был директором Петерб. публичной б-ки, редактором филос. отдела «Энциклопедич. словаря» Брокгауза и Ефрона, занимался преподавательской деятельностью. Перевел ряд работ Аристотеля. Участвовал в идейно-теоретич. борьбе филос. направлений в конце 19—нач. 20 вв., выступая с критикой материализма [см., напр.: *Натуралистич. теория познания* (по поводу статей проф. И. М. Сеченова), «Вопр. философии и психологии», 1894, № 5(25)]; пропагандировал религ.-филос. концепцию (Мистицизм Вл. С. Соловьева, «Вест. Европы», 1905, № 11; Мистицизм в совр. философии, в сб.: *Новые идеи в философии*, сб. 5, СПб, 1913, и др.).

По своим взглядам Р. был близок к В. Соловьеву, с к-рым его связывала и личная дружба. Философия, по Р., исходит из «интуиции действительности, как единого целого», в то время как наука имеет дело с частными явлениями и пользуется «конструкцией понятий» (см. «Введение в философию», П., 1919, с. 12). Философия, религия и наука (соответственно разум, вера и опыт) дополняют друг друга, ибо каждая выражает специфич. потребности человека. Философия решает также морально-этич. проблему о смысле жизни и поведении индивида. Только безусловное начало, т. е. бог, придает земной жизни смысл и ценность. Книга Р. «Очерк истории рус. философии» (2 изд., П., 1920) искажала подлинную историю рус. филос. мысли, представляя наиболее оригинальными и самобытными рус. философами *славянофилов* и продолжателей их теоретич. традиций (В. Соловьева, С. и Е. Трубецких, Эрна и др.).

Соч.: *Отношения Вольтера к Руссо*, «Вопр. философии и психологии», 1890, кн. 2, 4; *Об этич. отрывках Демокрита*, там же, 1892, кн. 12; *Очерки из истории скептицизма*. Иероним Гирнгайм, там же, 1893, кн. 3 (18); *Уч. деятельность проф.*

М. И. Каринского, СПб, 1895; Очерк истории историографии философии, М., 1899; Очерк истории греч. этики до Аристотеля, в кн.: *Этика Аристотеля*, СПб, 1908; Самонаблюдение в психологии, в сб.: *Новые идеи в философии*, сб. 9, СПб, 1913; *Филос. словарь*. Логика, психология, этика, эстетика и история философии. 2 изд., М., 1913; Владимир Соловьев. Жизнь и учение, СПб, 1913; *Этика*, П., 1921; Лавров в рус. философии, в сб.: П. Л. Лавров, П., 1922.

Лит.: Колосков В. Н., Из истории идеол. борьбы первых лет Сов. власти, «ВФ», 1964, № 11. А. Поляков, Москва.

РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКИЙ, Яков Борисович [р. 8(21) сент. 1903] — советский ученый, историк философии Востока, в частности японской; д-р историч. наук, проф. (с 1947); ст. науч. сотрудник Ин-та философии АН СССР. Чл. КПСС с 1927. Положил начало систематич. марксистскому исследованию япон. материалистич. мысли. Р.-З. принадлежат многочисл. работы по япон. и кит. философии.

Соч.: Материалистич. философия Ито Дэинсай (1627—1705), «Сов. востоковедение», 1941, [т.] 2; Чарвака — Настика — Локаята — Брихаспати — Свабхава, «Раб. хроника Ин-та востоковедения», 1944, № 2; Материалистич. философия Накаэ Тэмпи, «Сов. востоковедение», 1945, [т.] 6; Конфуцианство и его распространение в Японии, М.—Л., 1947; «Япоизм» — философия япон. империализма, «Филос. записки», 1948, т. 2; Дай-Чжэнь — выдающийся кит. просветитель, «ВФ», 1954, № 4; Великий кит. атеист Фань Чжэнь, «Ежегодник музея истории религии и атеизма», 1957, [т.] 1; Филос. и социол. мысль в Японии в период домонополистич. капитализма и начала его перерастания в империалистич. стадию, в кн.: *История философии*, т. 4, М., 1959, гл. 10; Андо Сээн — философ-материалист XVIII в., М., 1961 и др.

РАДХАКРИШНАН, Сарвалалли (р. 5 сент. 1888) — глава академич. философии и гос. деятель Индии; проф. и почетный доктор наук ряда инд. и зарубежных ун-тов (в т. ч. Московского). В 1949—52 — посол Индии в СССР; в 1952—62 — вице-президент, а с 1962 — президент Республики Индии.

Исходные позиции философии Р.—объективно-идеалистич. система *веданты* в интерпретации *Шанкары*. Р. утверждает принципиальную невозможность рационал. объяснения ряда проблем без признания абс. духа, представляющего всю тотальность бытия. Стараюсь избежать пантеизма, Р. постулирует неогранич. число возможностей абсолюта. Реализация данной возможности — возникновение нашего мира — является выражением свободы абсолюта, деятельность к-рого подобна игре (лила), творчеству художника (см. «The spirit in man», L., 1952, p. 501—02). В соответствии с принципами веданты Р. утверждает возможность обнаружения абс. духа, т. е. бога, только интуитивным путем. «Великие истины философии не доказываются, а переживаются» («An idealist view of life», L., 1932, p. 152). Неопровержимым доказательством существования бога выступает для Р. практика религ. мистицизма.

В центре внимания Р.—социально-этич. проблематика. Он выражает неудовлетворенность совр. действительностью — положением человека в обществе, неустроенностью жизни, падением нравов, отсутствием идеалов и т. д. Непосредств. причину всех бед и пороков человека Р. видит в пороках социального устройства. Он обвиняет цивилизацию Запада с присутствием ей культом наживы, социальным и нац. неравенством, милитаризмом, военной истерией и т. п. в том, что она калечит дух человека, убивает его лучше побуждения, лишает его веры в братство и дружбу между людьми (см. «Religion and society», L., 1947, p. 16). Причем к западной цивилизации Р. относит и социализм, объединяя последний с капитализмом на основе материалистич. природы их идеалов. Относительно социалистич. системы Р. разделяет распространяемые на Западе убеждения в недемократичности, тоталитаризме и насилии социализма. Истинное решение всех проблем индивидуальной и обществ. жизни Р. находит только на религиозно-идеалистич. пути. «Для тех, кто потерял опору, для всего нашего века, находящегося в великом брожении, спиритуальный подход является единственной надеждой... Только

когда жизнь духа озарит и преобразует изнутри жизнь человека, сможет он обновить лик земли. Сегодняшнему миру нужна религия духа, которая даст цель всей жизни...» («The spirit in man», p. 478, 483). Но чтобы религия смогла выполнить свою миссию по спасению и возрождению мира, пужно, считает Р., очистить ее от догматич. и обрядовых пут и восстановить ее истинное содержание, к-рое сводится к одному основополагающему принципу — признанию духовной субстанциальности бытия. «Сегодня мы озабочены не столько непогрешимостью папы или достоверностью Библии, и даже не тем, является ли богом Христос или Кришна и существует ли откровение. Все эти вопросы утратили свое значение и подчинились одному единственному вопросу — имеется ли за феноменом природы и драмой истории невидимая духовная сила, есть ли в универсуме смысл или он бессмысленен, является ли он богом или случайностью» (там же, p. 483). Особое значение в обновлении духа приобретает, по мнению Р., опыт народов Востока и прежде всего Индии; «западная материальность» должна быть одушевлена «восточной спиритуальностью», так же как, впрочем, Восток, в свою очередь, должен быть приобщен к технико-экономич. достижениям Запада. Этот синтез, согласно Р., послужит спасению человечества от угрозы новой мировой войны. Р. выступает как активный борец за дело мира и мирного сосуществования.

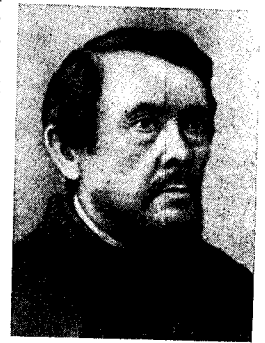
Соч.: The Hindu view of life, Oxf., 1926; An idealist view of life, L., 1932; Religion and society, L., 1947; An anthology, ed. A. H. Marlow, L., [1952]; Occasional speeches and writings, ser. 1—3, [Delhi], 1957—63; в рус. пер.—Индийская философия, т. 1—2, М., 1956—57.

Лит.: J. o a d C. E. M., Counter attack from the East. The philosophy of Radhakrishnan, L., [1933]; The philosophy of S. Radhakrishnan, ed. P. A. Schilpp, N. Y., [1952] (имеется библи.); А н и к е в Н. П., Филос. и социол. взгляды С. Р., в кн.: Совр. филос. и социол. мысль стран Востока, М., 1965, с. 5—33.

Н. Анисеев, Москва.

РАЕВСКИЙ, Владимир Федосеевич [28 марта (8 апр.) 1795—8(20) июля 1872]—рус. поэт, декабрист. Окончил Моск. университетский благородный пансион (1811) и воен. школу; офицер артиллерии, участник Отечественной войны 1812. Был арестован

(1822) в Кишиневе за политич. пропаганду в Южной армии, особенно среди солдат, содержался в заключении вплоть до процесса *декабристов*, в связи с к-рым был сослан в Сибирь, где и умер. Широко образованный человек, сформировавшийся гл. обр. под влиянием просветительской идеологии 18—нач. 19 вв., Р. был материалистом и религ. вольнодумцем. Иронизируя по поводу философии Фихте, Шеллинга и его рус. последователя *Велланского* (см. Соч., 1961, вступ. ст. П. С. Бейсова, с. 194—95), он отвергал их системы (см. там же, с. 85). Исходя из деистич. предпосылки, что бог «утвердил» «порядок общий» (см. Стихотворения, вступ. ст. В. Г. Базанова, 1952, с. 68), Р. по существу отрицал бытие «...высшего существа». Религия как «признание и поклонение высшему существу...» есть всего-навсего некая форма признания детерминированности явлений; «бытие создателя основано на логической истине, что нет действия без причины, когда есть мир, то должен быть и создатель мира» (цит. по кн.: Б а з а н о в В. Г., В. Ф. Раевский, 1949, с. 103). Религ. вольнодумство Р. проявляется и в понимании им роли религии в жизни народов. Религия, по его мнению,—орудие в руках угнетателей, стремящихся с ее помощью смирить народ

(см. Соч., с. 96—97). Противопоставляя свой взгляд религ.-идеалистическому, Р. считал человека произведением природы и по природе — «членом общества», животным, «... имеющим ум, дар слова и душу, которые влекли его к совершенствованию языка» (цит. по кн.: Б а з а н о в В. Г., В. Ф. Раевский, с. 103). «Душу» Р. понимал как нечто естественное и отрицал (хотя и не без колебаний) ее бессмертие: жизнь на земле и распадение после смерти — вот удел всего живущего на земле, «вот связь всех сущих здесь и общий ей (природе.— *Ред.*) закон». Тех же, кто, «ограждая себя речами... и верой», ждет бессмертия, Р. называл «безумцами» (см. Соч., с. 86). Утверждая закономерный характер сущего, Р. воспевал мощь человека, его способность проникнуть в тайны бытия и даже в самое «сокровище» (см. там же, с. 70—71). Эти положения Р. использовал для обоснования политич. программы — равенство людей, республиканизм, противоестественность крепостничества (к-рое он резко осуждал в «Расуждении о рабстве крестьян», см. Соч., с. 123—27) и монархизма, правомерность насильств. устранения деспотизма. «Граждане! — восклицал Р., осуждая тиранию «дворянства русского», — тут не слабые меры пужны, но решительность и внезапный удар» (там же, с. 124).

В поэзии Р. примыкал к традиции «гражданственной» поэтики Гнедича, Катенина, Грибоедова (см. об этом в публикации Ю. Оксмана Вечер в Кишиневе, в кн.: Лит. наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 657—666), был типичным представителем декабризма нач. 20-х гг. В ссылке Р., не прекращая литературной деятельности, остался верен декабристским традициям. Он не пожелал воспользоваться правом возвращения в Европейскую часть России, полученным по амнистии 1856.

Соч.: Поэзия декабристов, Л., 1950, с. 443—500; Избр. соц.-политич. и филос. произв. декабристов, т. 2, М.—Л., 1951, с. 337—95 (в 1 т. имеется вводная ст. П. Я. Ципианова); Воспоминания, вступ. ст. М. К. Азадовского, в кн.: Лит. наследство, т. 60, кн. 1, М., 1956; Неизвестные письма, вступ. ст. Ю. Г. Оксмана, там же.

Лит.: Шеголов П. Е., В. Раевский (Первый декабрист), в его сб.: История этюды, СПб., 1913; Оксман Ю. Г., Из писем и записок В. Ф. Р. [Вводная ст. в публикации «Письма В. Ф. Р.», «Красный Архив», 1925, т. 6(13); Бейсо в П. С., Новое о Р., в сб.: Уч. зап. [Ульян. гос. пед. ин-та], Пушкинский юбилейный сборник, Ульяновск, 1949; его же, О «Курсе поэзии» В. Р., «ВФ», 1950, № 3; его же, Общественно-политич. взгляды В. Ф. Р., «Уч. зап. [Ульян. гос. пед. ин-та]», 1953, вып. 5; Оксман Ю. Г., Ранние стихотворения В. Ф. Р. (1816—1822), в кн.: Лит. наследство, т. 60, кн. 1, М., 1956, с. 517—30; Ципианов П. Я., Стихотворения, обращенные к декабристу В. Ф. Р., в его сб.: Статьи о Пушкине, М., 1962. З. Каменский. Москва.

РАЗВИТИЕ — высший тип *обобщения*, изменения материи и сознания; переход от одного качеств. состояния к другому, от старого к новому. Р. характеризуется специфич. объектом, структурой (механизмом), источником, формами и направленностью. В зависимости от качеств. специфики природы и строения форм существования материи различают: Р. неорганич. материи (или еще уже — макрокосмоса, физич. и химич. форм существования материи), Р. органич. материи (ее биологич. форм), Р. *общества* (социальных форм существования материи), Р. *сознания* (различных его форм). Вместе с тем, будучи строго определ. типом зависимости в объекте, Р. любых форм характеризуется рядом существ. общих моментов и признаков, касающихся, в первую очередь, специфики самих развивающихся объектов. Процесс изменения захватывает любые объекты, любые их стороны — их внутр. составляющие и внешние, непосредственно воспринимаемые формы, их существ. связи и внешние зависимости и т. п. Р. — не просто изменение, не всякое изменение объекта, по изменению, связанное с преобразованиями во внутр. строении объекта, в его структуре, представляющей собой сово-

купность функционально связанных между собой элементов, связей и зависимостей. Поэтому в материальном и духовном мире, где все без исключения предметы и явления пребывают в состоянии постоянного движения, изменения, о Р. можно говорить лишь применительно к объектам с простым или сложным системным строением (см. *Система*).

Будучи характеристикой объектов с более или менее сложным строением, процесс Р. сам отличается определ. структурой (механизмом). Рассматриваемый с этой т. зр. он представляет собой прежде всего совокупность ряда составляющих системы, участвующих в процессе. Одни из этих составляющих играют роль образующих процесса, другие — его условий. Образующие процесса, отвечающие на вопрос «что развивается?», представляют собой исходный пункт процесса; образующие, отвечающие на вопрос «во что развивается?», — результат процесса. И те и другие являются центральными, ведущими составляющими процесса Р. Если механизм Р. упростить совокупности разновеликих и разнонаправленных сил, то «отрезок прямой», связывающий исходный пункт и результат процесса, будет как раз итогом, суммой всех этих сил, кратчайшим расстоянием, наиболее лаконично выражающим суть происходящих в процессе Р. преобразований в объекте, и одновременно «вектором», указывающим направление этих преобразований. Условия процесса — это те его составляющие, к-рые обеспечивают превращение исходного пункта в результат. Они отличаются от т. н. конкретно-историч. условий протекания Р.; последние связаны или с внешними признаками развивающегося объекта, или с факторами, лежащими за его пределами, относящимися к его взаимодействию с «соседними» системами, и определяют конкретную форму протекания процесса.

Р. представляет собой не всякое изменение в структуре объекта, но только т. н. качественное изменение. «... Развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, увеличение (respective уменьшение) etc.» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 251). Структура объекта характеризуется тремя моментами: количеством составляющих (в этом смысле различают структуры двучленные, трехчленные, вообще *n*-членные), порядком их расположения (напр., структуры линейные и кольцевые) и характером зависимости между ними (напр., структуры обратимые, где все элементы «равноправны», и необратимые, где между элементами существуют отношения «господства» и «подчинения»). Качеств. характер изменений в процессе Р. находит свое выражение в том, что Р. есть переход от структуры одного качества (характеризующейся одним количеством, порядком и характером зависимости составляющих) к структуре др. качества (характеризующейся иным количеством или порядком, или характером зависимости составляющих). Следовательно, процесс Р. не совпадает только с изменениями в числе структурных составляющих объекта (простой рост или уменьшение их числа) и потому не может быть изображен как движение от структуры с *n* элементами к структуре с *n*+1 или с *n*-1 элементом. В процессе Р. элементы структуры могут не только возникать, но и исчезать, так что в определ. границах общее число их может оставаться постоянным. Кроме того, качеств. изменение структуры, появление в ней новых составляющих может иметь место и без видимого увеличения числа элементов, за счет перераспределения старых элементов, изменения характера отношений между ними и т. д. Главное же, в силу системного характера развивающегося объекта, — возникновение (исчезновение) в его структуре к.-л. составляющего никогда не равно только количеств. росту (уменьшению), не означает

простого прибавления (вычитания) «одного», но ведет к возникновению множества новых связей и отношений, к преобразованию старых связей и т. п., т. е. сопровождается более или менее серьезным субстанциональным или функц. преобразованием всей массы составляющих внутри системы в целом. Структура объекта в исходном пункте Р. и структура объекта в результате Р. суть определ. состояния развивающегося объекта, ограниченные во времени, т. е. историч. состояния. Т. о., процесс Р., взятый с т. зр. его механизма в целом, есть ряд историч. состояний объекта в их связях, переходах от одного к другому, от предшествующего к последующему.

Важнейшей характеристикой Р. является время. Р. протекает во времени. Вместе с тем понятие «ход времени» не тождественно понятию «процесс Р.». Об этом говорит то, что в определенных границах течения времени не сопровождается качеств. изменениями в объекте, так и то, что в одних и тех же промежуточные времени различные объекты способны проходить в своем Р. различные «расстояния» и наоборот: для прохождения аналогичных «расстояний» различным объектам требуется различное время. Иными словами, Р. того или иного объекта является функцией не объективного хода времени как такового, но жизнедеятельности самого объекта. В отличие от явлений движения, изменения, к-рые могут вызываться действием и внешними по отношению к движущемуся объекту сил, Р. представляет собой *самодвижение* объекта — имманентный процесс, источник к-рого заключен в самом развивающемся объекте. Процесс такого рода описан, напр., Марксом применительно к Р. денег из товара (см. «Капитал», т. 1, 1955, с. 94). Р. возникает в результате *противоречий*, борьбы нового и старого, борьбы *противоречивых*, *взаимоисключающих*, *противоположных* тенденций, *свойственных* объектам «природы (и духа и общества в том числе), их преодоления, превращения в новые противоречия. «Развитие есть „борьба“ противоположностей» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 358).

Процесс Р. характеризуется большим разнообразием конкретных видов и форм. Это обусловлено как общей природой развивающихся объектов (неорганической, биологической, социальной и т. п.), так и большей или меньшей сложностью их строения. В частности, Р. может приобретать форму превращения одного объекта в другой (напр., «средство труда из орудия превращается в машину...» — см. К. Маркс, Капитал, т. 1, с. 377), дифференциации объекта (ср. процесс дивергенции в биологии), подчинения одной системы другой и их преобразования (ср. процесс ассимиляции в социологии культуры) и т. д. и т. п. Различают две формы Р.: эволюционную и революционную (см. *Эволюция и Революция*). Первая форма Р. — это медленные, постепенные, нередко скрытые от глаз изменения в структуре объекта, их называют количеств. изменениями. Вторая форма Р. — это внезапные, резкие, скачкообразные, т. н. качеств. изменения в структуре объекта, связанные с коренными преобразованиями во всем его строении. Между этими двумя формами Р. существует сложная диалект. связь. Эволюция подготавливает революцию, ведет к ней и завершается ею. В свою очередь новое качество, приобретаемое объектом, снова ведет к этапу медленных количеств. накоплений. Т. о., каждый процесс представляет собой диалект. единство прерывного и непрерывного, *переход количественных изменений в качественные* и наоборот.

Р. далее характеризуется определ. направленностью. Переход от одного состояния объекта к другому не есть бесконечное повторение пройденного, не есть движение по кругу, хотя исторически позднейшие этапы и включают в себя немало моментов, присущих

предшествующим этапам. Р. совпадает с поступат. движением к более развитому и совершенному или с движением в противоположном направлении. В этом смысле говорят о прогрессивном и регрессивном направлениях в Р. объекта, о восходящей и нисходящей линиях его Р. (см. *Прогресс, Регресс*). Р. материи и сознания, взятое в целом, отличается безусловной прогрессивной направленностью, оно есть бесконечное движение по восходящей спирали, движение противоречивое, включающее в себя отступления, вращения назад, но в целом идущее от форм простых к формам сложным, от систем низших, примитивных, к системам высшим, высокоорганизованным.

Идея Р. находит свое выражение в принципе историзма и является одной из самых ведущих во всей истории философии, естествознания и обществоведения. В своем первоначальном наивном виде она была сформулирована уже в античной философии Гераклитом: «...все существует и в то же время не существует, так как все течет, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1966, с. 16). Огромный вклад в анализ категории Р. внесли Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант, Ломоносов, Руссо, Дидро, Фихте, Гегель, Герцен, Сен-Симон, К. Ф. Вольф, Лаплас, Коперник, Лайбель, Майер, Дарвин, Менделеев, Тимирязев, Вейсман и мн. др. философы, естествоиспытатели и социологи прошлого. В истории мышления, как и в совр. науке, существует два принципиально отличных друг от друга взгляда на Р. — метафизический и диалектический (см. В. И. Ленин, Соч., т. 38, с. 358).

Своего наивысшего выражения диалект. подход к Р. достигает в системе диалект. материализма, где идея Р., составляя основной методологич. принцип, впервые получает свое всестороннее обоснование, а само Р. впервые анализируется как естеств. процесс, идущий на основе объективных закономерностей (см. там же, т. 21, с. 38). Формулируя осн. законы диалектики, являющиеся законами Р., диалект. материализм одновременно дает и метод науч. анализа процессов Р., их воспроизведения в мышлении.

Лит.: Кушнер П. И., Очерк Р. обществ. форм, 7 изд., М., 1929; Асмус В. Ф., Очерки истории диалектики в новой философии, [2 изд.], М.—Л., 1930; его же, Диалектика Канта, 2 изд., М., 1930; его же, Маркс и бурж. историзм, М.—Л., 1933; Кедров В. М., О количеств. и качеств. изменениях в природе, [М.], 1946; его же, Отрицание отрицания, М., 1957; его же, О соотношении форм движения материи в природе, М., 1958; Проблемы Р. в природе и обществе. [Сб. ст.], М.—Л., 1958; Рубинштейн С. Л., О мышлении и путях его исследования, М., 1958; Лем Г., О переходе от старого качества к новому в обществе. Р., М., 1958; Шаффа А., Объективный характер законов истории, пер. с польск., М., 1959; Мелюхин С. Т., О диалектике Р. неорганич. природы, М., 1960; Грушин Б. А., Очерки логики историч. исследования, М., 1961; Богомолов А. С., Идея Р. в бурж. философии 19—20 вв., М., 1962. См. также лит. при ст. *Диалектика, Единство и борьба противоположностей, Переход количественных изменений в качественные, Отрицание отрицания закон, Прогресс*. Б. Грушин. Москва.

РАЗДВОЕНИЕ ЕДИНОГО — процесс образования внутр. *противоречия* в объекте или выявления этого противоречия в познании объекта.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА. Термин «Р. т.» применяется в социологии, философии, экономич. науках в неодинаковом значении. Обществ., профессональное Р. т., или разделение занятий, обозначает дифференциацию в обществе как целом различных социальных функций, выполняемых определ. группами людей, и выделение в связи с этим различных сфер общества (пром-сть, с. х-во, управление, наука, обслуживание, армия и т. д.). Проявлением Р. т. является обмен деятельностью в ее качественно различных исторически обусловленных формах. Термин Р. т. означает расчленение труда на ряд частных функций, операций, выполняемых различ-

ными людьми в пределах мастерской (мануфактуры), ф-ки, к.-л. орг-ции. Между проф., обществ. Р. т. и технич. Р. т. существует взаимосвязь, хотя они и различны по происхождению и характеру (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд. т. 23, с. 371—72).

Маркс характеризовал также разделение обществ. произ-ва на его крупные роды (земледелие, пром-сть, транспорт и т. д.) как общее Р. т., распадение этих произ-в на виды и подвиды — как частное Р. т., разделение труда внутри мастерской как единичное Р. т. (см. там же, с. 363). Термин «Р. т.» употребляют для обозначения специализации произ-ва в пределах страны и между различными странами — территориальное и междунар. Р. т. Социология исследует причины и последствия Р. т. в обществе в целом, а также в отдельных его сферах.

История взглядов на Р. т. Антич. мысль (Исократ, Платон, Ксенофонт и др.) высоко оценивает Р. т. с т. зр. его преимуществ для общества в целом, ибо вследствие Р. т. товары изготавливаются лучше, а люди получают возможность избрать сферу деятельности по своим склонностям (см. там же, с. 378). Платон видел в Р. т. основу распада общества на сословия, осн. принцип иерархич. строения гос-ва. В различных религ. системах Р. т. рассматривалось как священное установление.

Острые противоречия развития Р. т. в условиях капитализма находят отражение в бурж. идеологии. Критика цивилизации у Руссо была одним из выражений его протеста против превращения человека в одностороннее существо. Р. т. изучают экономисты У. Петти, А. Фергюсон, к-рый отмечает его уродующее влияние на человека. А. Смит (ему принадлежит сам термин «Р. т.») начинает кн. «Исследование о природе и причинах богатства народов» апофеозом Р. т., приводящему к «величайшему прогрессу» в развитии производит. силы труда и «искусству, умению и сообразительности» работника. Однако он признает, что Р. т. превращает работника в огранич. существо. Причину Р. т. Смит видел во врожденной склонности человека к торговле, к обмену. Яркое выражение противоречия бурж. Р. т. получили у Шиллера, взгляды к-рого соединяют протест против феод.-сословных рамок, препятствующих развитию личности, и критику утверждавшегося капиталистич. Р. т. При этом образцом и меркой, прикладываемой к современности, у Шиллера выступает «цельный и гармоничный человек» антич. Греции (см. «Письма об эстетич. воспитании человека», в кн.: Собр. соч., т. 6, М., 1957, с. 264—65). Шиллер положил начало романтит. критике капиталистич. Р. т. Он исходил из противопоставления отд. абстрактной личности столь же абстрактному обществу, целому. Подлинное значение его критики состояло в выражении трагич. мироощущения мыслителей переходной эпохи, понимавших неизбежность наступающей ступени развития общества (см. там же, с. 268—69), зафиксировавших противоречия Р. т., но не видевших реальных путей их разрешения. Характеристика подобных взглядов содержится в «Немецкой идеологии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 3, с. 69).

Социалисты-утописты не отрицали необходимости и пользы Р. т. и вместе с тем искали способа ликвидации его вредных влияний на развитие личности. Сен-Симон отмечал, что развитие Р. т. в духовной и материальной области ставит задачу организации хорошо координированной системы, к-рая требует «...тесной связи частей и зависимости их от целого» (Избр. соч., т. 2, М., 1958, с. 16—17). Поскольку каждая отрасль труда, науки, политика, управление требуют спец. способностей и знаний, необходима обществ. иерархия, основанная на иерархии способностей. Фурье также утверждал, что Р. т. должно

быть доведено до макс. размеров, чтобы для каждого члена ассоциации нашлись занятия по его склонностям и способностям. Для сохранения интереса к труду он предложил идею перемены труда (см. Коммунистический труд, Утопический социализм). В ряду утопич. взглядов на Р. т. стоит и система Прудона, подвергнутая резкой критике Марксом за абстрактность понимания Р. т., вне связи с его историч. развитием (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 147—60; т. 27, с. 404—06).

С сер. 19 в. для бурж. идеологии характерно преобладание апологии Р. т., в к-ром видят основу обществ. связи, развития разнообразных способностей людей, а к отрицат. последствиям Р. т. подходят как к необходимым издержкам прогресса. Конт рассматривал Р. т. как основу обществ. структуры, различия социальных функций классов и связывал с ним успехи каждой отрасли науки. Он констатировал невозможность универсальности, а избавление от опасностей неизбежной специализации видел в создании спец. науки, изучающей общие науч. положения и устанавливающей их связь с отд. областями знания. В обществе в целом регулирующую роль должно играть пр-во. Спенсер считал Р. т. гл. фактором развития общества, обуславливающим усложнение его структуры и обособление социальных функций, а само Р. т. в обществе относил к действию всеобщего закона дифференциации материи от простого к сложному. Дюркгейм («О разделении обществ. труда», 1893; рус. пер., О., 1900) подверг критике психологич. теории Р. т., выводящие его из природы человека; рассматривал как иллюзию и высмеял идею цельности личности до возникновения Р. т., претензии на универсальность, возможную лишь как поверхностный дилетантизм. Р. т., по Дюркгейму, — «закон природы», а разделение обществ. труда — его частная форма. Развивающееся Р. т. создает систему взаимосвязанных социальных функций и порождает органич. солидарность взамен механич. солидарности архаич. общества. Благодаря Р. т. индивид обретает сферу социальной деятельности, т. е. становится личностью. Функция Р. т., таким образом, состоит в том, что оно заменяет коллективное сознание в его роли источника обществ. солидарности и основания моральной вертикали. Общей причиной Р. т. Дюркгейм считал величину и плотность населения, рост к-рых порождает борьбу за существование. Возникновение новой социальной функции умеряет эту борьбу и разрешает противоречия между новыми условиями жизни и старыми формами организации общества. Дюркгейм рассматривает и проблему низведения личности до уровня машины, к-рое, по его мнению, является результатом не Р. т., самого по себе, а искажающих его извне влияний. К болезненным явлениям он относил существующее неравенство условий для отд. личностей, принадлежащих к различным классам. Классы и касты, будучи порождением Р. т., закрепляют за принадлежащими к ним членами определ. социальные функции и в дальнейшем оказываются несоответствующими естеств. распределению талантов. Для закрепления существующей структуры высшие классы прибегают к принудит. Р. т. Фиксируя, т. о., антагонизмы бурж. общества, Дюркгейм предлагал пассивно-утопич. рецепт создания полной обществ. гармонии и солидарности.

Наряду с позитивистскими концепциями во 2-й пол. 19—нач. 20 вв. в бурж. идеологии продолжается резкая критика развивающейся специализации. Бурж. философы констатируют неустрашимую трагедию специализации, утверждая, что она является необходимой сущностью культуры (Г. Зиммель, Понятие и трагедия культуры, «Логос», 1911—12, кн. 2, 3), возникает реакц. романтит. критика и отрицание бурж. культуры

(Ницше, О пользе и вреде истории для жизни, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1909, с. 85—178; О. Шпенглер, Закат Европы, т. 1, М., 1923), выход из противоречий специализации видят в обращении к религии как единств. способу сохранения целостного переживания мира (Бердяев, Степун).

В совр. бурж. социологии изучаются различные аспекты Р. т.: в пром-сти, бюрократич. орг-циях, науке, влияние Р. т. на социальную стратификацию и социальную мобильность общества и т. д. Осн. целью бурж. социологов являются поиски наиболее рациональной организации труда и повышения эффективности управления, достижения и сохранения стабильности отд. орг-ций и всего общества. Существует антинауч. тенденция трактовать Р. т. как независимое от социальной системы и связанное с развитием совр. индустриального общества, в котором проф. Р. т. сменяет классовое разделение занятий, свойственное раннему капитализму (У. Ростоу, Р. Арон, Ж. Фридман). В ряде теорий утверждается, что растущее Р. т. и специализация демонстрируют мощь совр. капиталистич. пром. и науч. системы, к-рая в ходе своего естеств. развития создает потребность в творческих и образованных людях во всех сферах деятельности, порождая вместе с тем проблему обобщения и объединения знаний (см., напр., L. Silk, The research revolution, N. Y. [а. о.] 1960). Вместе с тем ряд либеральных бурж. социологов отмечает отрицат. влияние Р. т., превращающее человека бурж. общества в функциональный элемент совр. организованного общества, объект манипуляции и принуждения крупных бюрократич. орг-ций и гос-ва, безличный экземпляр массового общества (Рисмен, Фромм, Миллс, Уайт) (см. *Отчуждение*). Либеральным и мелкобурж. критикам совр. капитализма свойственна идеализация прошлых ступеней историч. развития.

Историч. материализм о Р. т. В работах Маркса и Энгельса можно выделить два существ. значения понимания Р. т.: во-первых, Р. т. как определение опосредованного обществ. характера труда в условиях существования частной собственности и обмена (см. Соч., 2 изд., т. 3, с. 31). Труд в условиях антагонистич. общества характеризуется как противоположный самодеятельности, а Р. т. как один из источников и выражение отчуждения. Революц. ликвидация капитализма, писал Маркс, приведет к утверждению нового строя, где общественный характер произ-ва выступит уже непосредственно. «Вместо разделения труда, которое неизбежно порождается в обмене меновыми стоимостями, здесь имела бы место организация труда...» (Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1953, с. 117, см. также «Капитал», т. 1, 1953, с. 358—67). Во втором значении Маркс характеризует Р. т. как «разделение занятий» во всем обществе, «сосуществующий труд» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 26, ч. 3, с. 278—83). Детально проф. и технич. Р. т. в материальном произ-ве исследуется в «Капитале». Основоположники марксизма проанализировали историч. развитие и современные им формы Р. т. и установили, что в каждую историч. эпоху оно приобретает качественно иную характер, определяемый господствующими производств. отношениями. Развитие Р. т. связано с ростом и изменением производств. сил, ростом населения, с возникновением в обществе новых потребностей и общих функций, вызывающих усложнение его структуры. Р. т. является необходимым процессом, создающим связи и зависимость людей и порождающим обмен деятельностью между ними. Первоначально Р. т. складывается как естественно выросший механизм и связано как с естеств. различием людей (половое и возрастное Р. т.), так и с различием природных предпосылок жизни различных общин. На определ.

историч. этапе Р. т. в совокупности с действием др. факторов (имуществ. дифференциации, роста производительности труда, наследственностью функций) приводит к возникновению социальных групп и антагонистич. классов, закрепляющих за собой различные сферы деятельности. В результате роста производств. сил в условиях складывающегося классового деления общества происходит три крупных обществ. Р. т.—отделение земледелия от скотоводства, ремесла от земледелия, выделение торговли в самостоят. сферу. Выражением Р. т. является также возникновение гос-ва, *противоположность между городом и деревней, противоположность между умственным и физическим трудом*. Историч. ступенями Р. т. были планомерное и авторитарное Р. т. в общине, кастовый строй, цеховой строй, обусловившие Р. т. в обществе, но исключавшие Р. т. в мастерской. Последнее, мануфактурное Р. т. является порождением капитала, объединяющего под своей властью рабочих одного предприятия. Р. т. в мануфактуре расчленяет трудовой процесс на отд. частичные функции, что превращает выполняющих их людей в «частичных рабочих». Мануфактурное Р. т. уничтожает застойное ремесленное Р. т. В свою очередь, оно создает предпосылки для замены мануфактуры машинным произ-вом. Машинно-технически опрокидывает мануфактурное Р. т., однако оно воспроизводится капиталом, превращающим рабочего в одаренный сознанием приросток частичной машины. Развитие этого, по словам Маркса, «абсолютного противоречия» приводит к тому, что становится необходимым уничтожение «старого», т. е. мануфактурного, Р. т. (см. там же, т. 23, с. 498—99). Индустрия, пишет Маркс, постоянно революционизирует Р. т. внутри общества, ее природа обуславливает движение функций и всестороннюю подвижность рабочего, несовместимые с «закостеневшей специальностью». Как настоят. обществ. потребность уже в условиях капитализма выступает задача сделать рабочего пригодным «... для изменяющихся потребностей в труде» (там же). Т. о., Маркс различал капиталистич. форму и саму природу пром. способа произ-ва, а следовательно, специфически капиталистич. Р. т. и проф. и технич. Р. т. вообще (см. там же, т. 26, ч. 3, с. 282—83).

Р. т. в условиях антагонистических формаций и особенно капитализма свойствен классовый характер, когда принадлежность к определ. классу, социальной группе предопределяет сферу труда индивида, к к-рому он, как правило, привязан пожизненно. Кроме того, в условиях капитализма Р. т. носит стихийный характер, ибо движение и развитие индивидов в пределах класса подчинено власти случая и противостоящим им в качестве самостоятельных и неконтролируемых обществ. связям (см. там же, т. 3, с. 75—76).

Именно анализ тенденций развития крупной промышленности позволил Марксу и Энгельсу определить контуры будущего общества, в к-ром преодолевается стихийный характер Р. т., уничтожается поработавшее человека подчинение его Р. т. (см. там же, т. 19, с. 20).

В современном развитом обществе характерной тенденцией является обособление необходимых для его функционирования и развития все новых сфер, рост числа подразделений в них и соответственно проф. Р. т. В то же время в каждой отд. сфере Р. т. имеет своеобразный и противоречивый характер.

В современном материальном произ-ве представлены различные ступени развития (ручной труд, механизация, автоматизация) и связанные с ними ступени и формы Р. т. Автоматизация ведет к преодолению раздробленного труда, вытеснению узкой профессионализации. Возникают широкие специальности

(наладчики, инженеры, конструкторы), органически включающие перемену деятельности. Этот слой специализированного «научно-образованного персонала», который во времена Маркса был незначительным, растет, что существенно меняет структуру «совокупного рабочего».

В сфере науки в результате дифференциации и интеграции происходит расширение фронта исследований и увеличение числа науч. специальностей, участвующих каждые 8—10 лет. Изменившаяся структура науки (большие н.-и. ин-ты, информац. центры, значит. число отраслей) породила необходимость ее организации, создания органов управления и координации, растущее технич. Р. т., при котором творч. и технич. функции достаются различным группам специалистов. Узкая специализация, являясь необходимой, в то же время таит опасность для дальнейшего прогресса науки, порождает разрыв гуманитарных и естеств. наук. Этому противостоят коллективные формы работы, объединяющие различных специалистов. Различные уровни организации науки требуют и соответствующей подготовки ученых (более широкого профиля, узких специалистов и т. п.).

Изменение обществ. структуры приводит к значит. росту становящейся особой специальностью и охватывающей разные обществ. уровни сферы управления, планирования. Являясь выражением существования обществ. функций разного уровня, организация управления в свою очередь связана с развитием в нем Р. т. Обособляются и растут также и др. сферы общества (образование, здравоохранение, услуги, искусство) со своими специфич. формами Р. т. Таким образом, Р. т. может анализироваться в двух качественных различных планах. Во-первых, с т. зр. целостного подхода к обществу (различные сферы как элементы целого, их соотношение, разделение обществ. функций, обязанности и ответственности). При этом можно выделить горизонтальное и вертикальное Р. т., связанное с положением и ролью различных социальных и проф. групп. Во-вторых, возникает необходимость исследования Р. т. в каждой отд. сфере, ее взаимоотношения с другими сферами (город и деревня, наука и образование, наука и управление и т. д.). Особенно сложные процессы Р. т. связаны с переходными эпохами обществ. развития (переход от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму). В этих условиях исчезают или преобразуются социальные группы и классы, учреждения, связанные с пройденным уровнем развития, и возникают новые. При этом взаимодействие проф. и социальных групп зависит от характера утверждающегося общества.

Развитие указанных процессов при капитализме привело к усложнению его структуры в последней четверти 19—1-й пол. 20 вв., изменениям в составе классов капиталистич. общества (см. *Классы, Буржуазия, Малая буржуазия, Рабочий класс*). В условиях гос.-монополистич. капитализма бюрократизация иерархически организованного общества, повышение значения образования и квалификации, а также сосуществование сфер и отраслей, находящихся на различных ступенях развития, ведут к возникновению, в дополнение к старым, новых форм закрепления положения различных классов и социальных групп, кастовости элиты, что усиливает противоречия капиталистич. общества.

В социалистич. обществе уничтожается старое классовое разделение занятий, постепенно преодолеваются противоположность между умств. и физич. трудом, между городом и деревней. Индустриализация и кооперирование с. х-ва приводят к изменению состава и численности рабочего класса и крестьянства, росту интеллигенции. В материальном произ-ве в связи с изменением характера труда постепенно пре-

одолевается старое Р. т. Развивающееся в социалистич. обществе Р. т., особенно в связи с механизацией и автоматизацией произ-ва, развертывающейся научнотехнич. революцией, бурным ростом различных сфер общества приводит к большой мобильности населения, возникновению многочисленных проф. групп. Предпринимаются сознат. усилия для преодоления еще существующего неравенства между крупными промышленными и культурными центрами и периферией, между городом и деревней, между различными социальными группами с тем, чтобы доступ к той или иной сфере деятельности определялся способностями и склонностями каждого человека. Идеал всестороннего развития личности не статичен и определяется уровнем развития общества и его потребностями. При этом развитие личности на каждой ступени обществ. развития обусловлено не только Р. т. и специализацией, но и совокупностью всех обществ. условий: социальными отношениями, производительностью обществ. труда, продолжительностью рабочего и свободного времени, уровнем культуры общества, положением различных социальных и проф. групп (см. *Личность*). В марксистской филос., экономич. и педагогич. лит-ре существуют различные т. зр. по проблеме Р. т., и дискуссия по этой проблеме показала необходимость дальнейшего изучения реальных процессов Р. т. в различных ее аспектах (см., напр., «ВФ», 1962, № 10; 1963, № 3, 4, 9, 11, 12; 1964, № 1, 6; О. Шник, *Экономика. Интересы. Политика*, пер. с чеш., М., 1964, в особенности гл. 2, 3; Е. Л. Маневич, *Проблемы обществ. труда в СССР*, М., 1966, гл. 1, 2, 5).

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., М., 1956, с. 610—15; и х же, *Соч.*, 2 изд., т. 3, гл. 1; т. 4, гл. 2, § 2; т. 23, отд. 4, гл. 11—13; т. 18, с. 273; т. 19, с. 212, 225—26; т. 20 (см. предмет. указат.); т. 21, гл. 5—9; т. 27, с. 404—06; т. 37, с. 416—20; Архив Маркса и Энгельса, т. IV, М., 1935 (см. предмет. указат.); Ленин В. И., *Соч.*, 4 изд., т. 1, с. 83; т. 3, с. 546; т. 31, с. 32; Асмус В. Ф., Противоречия специализации в бурж. сознании, «ПЗМ», 1926, № 9—10; Давыдов Ю. Н., *Труд и свобода*, М., 1962; Батищева Г. С., Противоречие как категория диалектич. логики, М., 1963, гл. 2; Корниенко В. П., *Общество. Р. т. в период перехода к коммунизму*, М., 1963; Судеревский И. П., *Проблемы Р. т. (Коммунистич. способ произ-ва)*, М., 1963; Н. Ф., *Бурж. социология о Р. т.*, «ВФ», 1965, № 2; Социология сегодня. *Проблемы и перспективы*. Амер. бурж. социологии сер. XX в., пер. с англ., М., 1965, гл. 2, 4; Немченко В., *Общество. Р. т.*, «Коммунист», 1966, № 16; Schmitter G., *La division de travail étudiée au point de vue historique*, «Revue d'économie politique», 1890; Tilgher A., *Work, that it has meant to men through the ages*, N. Y., 1930; North C. C. and Hatt P. K., *Jobs and occupations. A popular evaluation*, «Public Opinion News», 1947, № 9; Friedman G., *Où va le travail humain?*, [P., 1950]; ер же. *Le travail en miettes. Spécialisation et loisirs*, [P., 1956]; Hatt P. K., *Occupation and social stratification*, «American Journal of Sociology», 1955, № 55; Dubin R., *The world of work*, N. Y., 1958; Friedmann G. et Naville P., *Traité de sociologie du travail*, v. 1—2, P., 1961—62; Ben-David I., *Profession in the class system of present-day societies*, Oxf., 1964. См. также лит. при ст. *Отчуждение*. Н. Ланда. Москва.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ, дизъюнктивное (от лат. disjungo — разобщаю), — сложное суждение, к-рое либо (а) образовано из двух (или большего числа) др. суждений (членов Р. с.) с помощью логич. союза «или» (или союзов «либо», «или... или», «либо..., либо», «либо», «или»); либо (б) может быть без изменения логич. смысла предст. в виде (а). В зависимости от смысла логич. союза «или» — строго-разделительного (исключающего, исключающе-разделительного), к-рому при двух членах Р. с. соответствует сильная дизъюнкция, или же нестрогоразделительного (соединительно-разделительного), которому соответствует слабая дизъюнкция, — различают: 1) строго-, чисто-Р. с. (предложения, высказывания) и 2) нестрогоразделительные (соединительно-разделительные) суждения.

Логич. форма Р. с. (обоих видов) может быть передана записью (*) « A_1 или A_2 , или..., или A_n » (где A_i обозначает к.-л. суждение, $i = 1, 2, \dots, n$; число n обычно невелико, т. к. в содержат. мышлении и естеств. языке неупотребительны громоздкие конструкции); в случае Р. с. вида (1) иногда применяется запись «Или A_1 , или A_2 , или..., или A_n » или «Либо A_1 , либо A_2 , либо..., либо A_n ».

В Р. с. вида (1) союз «или» выражает попарную несовместимость его членов, а смысл всего суждения состоит в утверждении истинности одного и только одного из членов Р. с. В таких Р. с. логич. союз «или» можно рассматривать соответствующим операцией строгой дизъюнкции лишь в случае двухчленного Р. с., т. к. формулы логики вида $\phi_1 \vee \phi_2 \vee \dots \vee \phi_m$ [где ϕ_i — к.-л. формулы (высказывания) логики высказываний или предикатов, $i = 1, 2, \dots, m$, а знак \vee означает строгую дизъюнкцию], в отличие от Р. с. вида (1), обладают тем свойством, что получают значение «истина» тогда и только тогда, когда нечетное число дизъюнктивных членов истинно, в силу чего, напр., формула вида $\phi_1 \vee \phi_2 \vee \phi_3$ оказывается истинной, когда все три высказывания ϕ_1, ϕ_2, ϕ_3 истинны.

В Р. с. вида (2) союз «или» не предполагает несовместимости членов Р. с.; смысл Р. с. здесь состоит в утверждении того, что по крайней мере один из членов Р. с. истинен (а может быть, и все они истинны). Союзу «или» в таких Р. с. соответствует операция (слабой) дизъюнкции, и Р. с. вида (2) выразимы формулами логики вида (*): $\phi_1 \vee \phi_2 \vee \dots \vee \phi_m$, где \vee — знак (слабой) дизъюнкции. Р. с. вида (1) выразимы теми же формулами (**), но с конъюнктивным добавлением выражения вида $\neg(\phi_1 \& \phi_2) \& \neg(\phi_1 \& \phi_3) \& \dots \& \neg(\phi_{m-1} \& \phi_m)$, говорящего о попарной несовместимости членов Р. с. (здесь «&» означает конъюнкцию, а \neg — операцию отрицания).

В содержат. мышлении члены Р. с. всегда фактически связаны друг с другом по смыслу, причем эта связь часто осуществляется за счет того, что в нек-рых (или даже во всех) членах Р. с. повторяются (или подразумевается, что повторяются) определ. понятия. В таких случаях естеств. язык часто прибегает к сокращенным конструкциям, в к-рых эти повторения не получают явного выражения; объединяемые логич. союзом «или» члены Р. с. могут быть тогда выделены в результате логич. анализа соответствующего предложения. Простейшие случаи такого рода нашли отражение в традиц. логике, к-рая рассматривает Р. с. обычно в след. формах (а) « S есть или P_1 , или P_2 , или..., или P_n » и (б) « S_1 или S_2 , или..., или S_m есть P » (S, S_1, \dots, S_m — субъекты, P, P_1, \dots, P_n — предикаты в смысле традиц. логики); эти формы легко представимы записью вида (*), если учесть, что, напр., форма (а) по смыслу равнозначна форме « S есть P_1 , или S есть P_2 , или..., или S есть P_n ». Иногда термин «Р. с.» применяют именно к указ. формам традиц. логики, обозначая общее понятие Р. с., как оно описано выше, термином «дизъюнкция суждений».

Родственными Р. с. и преобразуемыми в них (правда, с нек-рым изменением смысла) являются суждения, выражающие деление объема понятия; в нематематич. формальной логике их называют разделяющими суждениями и суждениями. Напр., «Животные бывают позвоночные и (или) беспозвоночные» — разделяющее суждение, а «Данное животное или позвоночное, или беспозвоночное» — Р. с. Различию видов (1) и (2) Р. с. соответствует различие между разделяющими суждениями, выражающими деление объема понятия при исключаяющих и при не исключаяющих друг друга членах деления.

Лит.: Челпанов Г. И., Учебник логики, [М.], 1946, с. 42—43; Асмус В. Ф., Логика, [М.], 1947, с. 83—87;

Строгович М. С., Логика, [М.], 1949, с. 167—69; Та- ванец П. В., Суждение и его виды, М., 1953, с. 105—10; его же, Вопросы теории суждения, М., 1955, с. 113—21; Дроздов А. В., Вопросы классификации суждений, [Л.], 1956, с. 43—60; Бирюков Б. В., Исключающее «или» естеств. языка и строгая дизъюнкция в математич. логике (дополнение редактора), в кн.: Гетманова А. Д., Выражение дедуктивных умозаключений традиционной логики в символич. логике, Мурманск, 1962. Б. Бирюков, Москва.

РАЗДЕЛЯЮЩЕЕ СУЖДЕНИЕ — см. *Разделительное суждение*.

РАЗДРАЖИМОСТЬ — способность живых тел реагировать на воздействие среды посредством реакции, по своей физико-химич. природе отличной от раздражителя. Подробнее о Р. см. в ст. *Жизнь*, а также в статьях *Диалектический материализм* и *Зоопсихология*.

РАЗЫ, а р-Р а з и, латинизир. Разес (Rhazes), Абу Бакр Мухаммед бен Закария (865—925 или 934) — ученый-энциклопедист, врач и философ Ближнего Востока, рационалист и вольнодумец. Родился в г. Рее (близ совр. Тегерана). Руководил клиникой в Рее, затем в Багдаде. Последние годы жизни Р., подобно *Ибн Сине*, скитался, жил при дворах мелких феод. правителей. Умер в Рее.

Р. был знаком с антич. наукой, считал себя последователем Платона. Произв. Р. были переведены на латынь уже в 10—13 вв. Особенно известны переводы медицинских сочинений: «Liber continens», «Liber (иногда Nonus) Almansoris» и «Liber regius» (см. библиографию всех известных произв. Р. и их переводов; *Bibliographie de Rhazes... preparée par M. Nadjambadi, Téhran, 1960*). Творчество Р., помимо его самостоят. ценности, — одно из важных звеньев, связывавших культуры Востока и Запада, античность и Ренессанс.

Р. оставил труды по философии, этике, теологии, логике, астрономии, физике, химии (алхимии) и медицине. В 11 в. Бируни составил библиографию трудов Р. (см. лит.), содержащую 184 названия (нек-рые авторы называют цифры 167 и 238). До нас дошли 61 произв. и многочисл. фрагменты, включенные в труды др. авторов.

Для стиля науч. исследования Р. характерны свобода от догматизма и преклонения перед авторитетами, борьба с предрассудками и мистич. истолкованием явлений природы, широкое использование экспериментов, стремление к практич. пользе.

Основу онтологич. взглядов Р. составляет вера в пять вечных начал: «творец», «душа», «материя», «время» и «пространство». Сотворение мира имеет у Р. форму гностич. мифа. «Душа» (слепае жизненная сила) пожелала соединиться с «материей», «пропитать мир», дабы испытывать в нем наслаждение. Однако «материя» уклоняется от воссоединения. Тогда *демиург* в своем милосердии творит материальный мир, чтобы «душа» наслаждалась в нем и сотворила человека. Так «душа» становится пленницей «материи». *Демиург* посылает к «душе» разум, чтобы поведать ей: материальный мир — не ее родина. Узнав об этом, «душа» начинает тосковать и стремится освободиться от пут «материи». Единств. путь к такому освобождению, по мнению Р., — изучение философии. Когда все «души» освободятся, мир растворится и «материя», лишившись форм, вернется к первонач. состоянию.

В области натурфилософских воззрений Р. выступает как противник аристотеликов и *мутакаллимов* и опирается на Платона. Его атомизм, резко отличный от атомизма мутакаллимов, близок (единств. прецедент в ср. века) атомизму *Демокрита*. Р. верил в абс. пространство и абс. время и, очевидно, признавал множественность миров.

Несмотря на пессимистич. выводы, вытекающие из его космогонии, в области этики Р. восставал против чрезмерного аскетизма и рассматривал активную об-

ществ. жизнь Сократа как достойный образец для подражания. Радость, наслаждения Р. считал не самоцелью, а лишь переходом к нормальному состоянию, из к-рого ранее нас вывела боль. Он создал специальный (дошедший до нас) трактат об образцовой жизни философа и полагал, что философ, по выражению Платона, «должен походить на творца», быть справедливым к людям и снисходительным к их ошибкам.

Веря в прогресс науки, Р. полагал, что, хотя сам он мудрее Платона и приближается по мудрости к Сократу, вслед за ним придут др. ученые, к-рые своими творениями превзойдут все достигнутое им подобно тому, как сам он превзошел достижения других. Р. считал, что не следует говорить о заблуждениях и лжи в трудах ученых-предшественников: каждый философ ошибался, делая усилия на пути к истине, и в меру этих усилий приблизился к ней.

Р. критиковал все существовавшие в его время формы религии и издевался над *мутазилитами*, пытавшимися ввести в теологию достижения науки и аристотелевскую логику. Р. создал неск. трактатов на эту тему, в т. ч. резкий антиклерикальный трактат «Машарик аль-анбийа», популярный впоследствии у *карматов*. Именно этот трактат, по-видимому, лег в основу ср.-век. антиклерик. трактата «De tribus impostoribus» («О пророках»). Р. утверждал, что все люди равны от природы и, следовательно, пророки не имеют права претендовать на духовное превосходство. «Чудеса», сотворенные пророками, суть обман либо благочестивые басни, созданные верующими. Истина одна, религий множество, следовательно — все религии ложны. Религия существует за счет традиций и привычек, основана на обмане и приносит вред, т. к. является причиной войн, ведущих к бессмысленной гибели тысяч людей. Все «священные писания» — совершенно бесполезные книги; гораздо нужнее людям книги Платона, Аристотеля, Эвклида, Гиппократа. Полемика Р. с религией — самая острая за всю историю ср. веков. Она, очевидно, имеет источник в нек-рых манихейских ересьях (см. *Манихейство*). Антиклерик. высказывания Р. вызвали яростные нападки на него со стороны *исмаилитов*, *Насира Хосрова* (11 в.) и Абу Хатима ар-Рази (10 в.). Против эгалитаризма Р. выступали также аль-Фараби и, очевидно, *Маймонид*, к-рый возражал и против вытекающей из онтологии Р. мысли о том, что в мире больше зла, нежели добра, и что человек. жизнь является злом и наказанием.

Соч.: *Épître de Bârûni contenant le répertoire des ouvrages de Muhammad b. Zakariya ar-Râzi*, publ. par P. Kraus, P., 1936; *Abi Bakr Muhammadî filii Zachariae Raghensis (Razis). Opera philosophica fragmentaque supersunt, collegit et edidit P. Kraus*, pt. 1, Cahiras, 1939; см. также книгу: У. И. Каримов, *Неизвестные соч. ар-Рази, «Книга тайны тайн»*. [Исследов., пер. и коммент.], Таш., 1957; *Al-Sirat al-falsafiya*, by Muhammad ibn Zakariya al-Razi, ed. by P. Kraus, Tehran, 1964.

Лит.: Ибн аби Усейба, Табака ат-таиб, Каир, 1882; Ташкент-заде, Мавзат ал-улум, Стамбул, 1895—96; Pines S., Beiträge zur islamischen Atomlehre, B., 1936, S. 34—93; Kraus P., Pines S., Al-Râzi, Abû Bakr Muhammad b. Zakariya, в кн.: *Encyclopédie de l'Islam*, Livraison 54, Leyde—P., 1936; Pines S., Razi critique de Galien, в кн.: *Actes du Septième Congrès International d'histoire de Sciences, Jérusalem*, 1953, p. 480—87; Nasir-e Khoww, *Le livre réunissant les deux sages...*, éd. par H. Corbin et M. Mo'in, P., 1953 (Étude préliminaire, p. 128—44); Pines S., *What was original in Arabic science?*, в кн.: *Scientific change*, N. Y., 1963, p. 193—97. А. Бертелев. Москва.

РАЗЛИЧЕНИЕ (в традиц. логике) — прием, заменяющий *определение* понятий и заключающийся в указании на различие между соответств. известным понятием и другим, т. о. (т. е. посредством Р.) определяемым понятием. Р. производится с помощью диспаратных суждений (см. *Диспаратный*).

РАЗЛИЧИЕ — сравнительная характеристика объектов на основании того, что признаки, присут-

ствующие у одних объектов, отсутствуют у других. Р. связано с *тождеством*, а вместе они входят в более широкую категорию сходства. Познание связано с выявлением тождества и Р. объектов. Когда отображаемый объект жестко фиксирован в определ. границах средствами формальной логики, связь Р. и тождества имеет внешний характер: по одним признакам те же объекты тождественны, по другим — различны. В материалистич. диалектике в противоположность метафизич. подходу к Р. и тождеству эти категории носят конкретный и относит. характер: должны быть выделены определ. признаки, по отношению к к-рым устанавливается Р.; фиксируются объективные условия существования признаков и соответствующих свойств и отношений, а также интервал (или область), в пределах к-рого существует (имеет смысл) данное Р. или тождество; фиксируются конкретный способ (операция) установления Р. и тождества.

При познании Р. количеств. методами существ. значение приобретает степень точности измерений или вычислений, изменение к-рой может привести к переходу Р. в тождество и обратно (напр., Р. в длине двух тел). Соотносительность Р. и тождества ведет к тому, что Р. следует рассматривать в соответствии с видами и модификациями тождества (кванзитожество, эквивалентность, равномощность и т. д. — в математике; тождество элементарных частиц — в физике; тождество слов в математич. логике и структурной лингвистике и т. д.). Наиболее тесная связь, внутр. взаимопроникновение Р. и тождества имеет место при отображении движения и развития объектов, когда Р. существует внутри тождества, а тождество — внутри Р. Объективной основой этого единства является единство устойчивости и изменчивости вещей. При этом устойчивость проявляется как тождество изменяющегося объекта с самим собою, а изменчивость — как нарушение этого тождества, как Р. внутри тождества.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 54, 123—25, 516, 529—31, 580; Гегель Г. В., Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 195—207, т. 5, М., 1937, с. 478—525; Лейбниц Г. В., Новые опыты о человек. разуме, М.—Л., 1936, с. 201—16; Локк Дж., Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960; Кант И., Соч., т. 3, М., 1964, с. 316—17; Гоббс Т., Избр. произв., т. 1, М., 1964, с. 160—65; Маликов М., Основы метрологии, ч. 1, Учение об измерении, М., 1949; Эшби У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959, с. 171—274. К. Морозов, В. Тухтин. Москва.

«РАЗОБЛАЧЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО» (1761) — одно из ранних соч. *Гольбаха*, направленное против религии.

РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ — один из наиболее важных видов *массовых проблем*. Р. п. данного множества *A* *конструктивных объектов* (относительно нек-рого объемлющего множества *V* конструктивных объектов) наз. проблему построения *алгоритма*, распознающего по всякому объекту из множества *V*, принадлежит ли он множеству *A* или нет. Р. п. (более подробно — Р. п. для доказуемости) формальной системы (или *исчисления*) наз. Р. п. множества всех доказуемых формул этой системы относительно множества всех ее формул. Семантич. Р. п. (или Р. п. для истинности) интерпретированной формальной системы (формализованного языка) наз. Р. п. множества всех истинных формул системы относительно множества всех ее формул. (Для обозначения понятия «проблема разрешения» долгое время применялся термин «проблема разрешимости», однако этим термином правильнее обозначать проблему: «имеет ли решение данная Р. п.».)

Р. п. *множеств* совпадают по существу и с проблемами распознавания *свойств*. Проблемой *рапознания* заданного св-ва (для объектов из заданной совокупности конструктивных объектов) наз. проблему построения алгоритма, распознающего

по всякому объекту из заданной совокупности, обладает он заданным св-вом или нет. Всякая проблема распознавания св-ва есть в то же время Р. и. множества всех тех объектов, к-рые обладают этим св-вом. В свою очередь Р. и. множества есть проблема распознавания св-ва принадлежности к этому множеству. В частности, Р. и. для доказуемости является проблемой распознавания доказуемости, а Р. и. для истинности есть проблема распознавания истинности.

См. также ст. *Алгоритм, Массовая проблема, Метатеория* и лит. при них.

РАЗРЕШИМОЕ И ПЕРЕЧИСЛИМОЕ МНОЖЕСТВА — осн. понятия теории алгоритмов и теории рекурсивных функций (и предикатов). (Определение этих понятий на основе понятия алгоритма см. в ст. *Алгоритм*, раздел Основные понятия теории А.)

Простейшим примером разрешимого множества может служить множество всех формул к.-л. исчисления (относительно множества всех конечных последовательностей символов алфавита этого исчисления), а примером перечислимого множества — множество теорем (доказуемых формул) исчисления. (В случае разрешимости этого второго множества говорят, что имеет место разрешимость самого исчисления.)

Независимо от понятия алгоритма понятия Р. и п. м. (натуральных чисел) можно также определить в терминах вычислимых (или «рекурсивных») функций: (1) Множество натуральных чисел наз. разрешимым, или, как чаще говорят, (обще-)рекурсивным, если существует обще-рекурсивная функция, принимающая к.-л. фиксиров. значение (напр., 1) на элементах этого множества и к.-л. другое фиксиров. значение (напр., 0) на натуральных числах, не принадлежащих этому множеству (р а з р е ш а ю щ а я ф у н к ц и я). (2) Множество натуральных чисел наз. (рекурсивно-)перечислимым, если существует обще-рекурсивная функция, множество значений к-рой является это множество (п е р е ч и с л я ю щ а я ф у н к ц и я). Понятия Р. и п. м. связаны с понятием обще-рекурсивного предиката, причем их определения допускают соответствующие естеств. переформулировки. Напр., для обще-рекурсивного множества S предикат $x \in S$ обще-рекурсивен (и, конечно, обратно). Понятия Р. и п. м. могут быть выбраны и в качестве исходных уточнений интуитивных представлений об «эффективной разрешимости» и «эффективной определенности» св-в (предикатов) конструктивных объектов, на основе к-рых затем уже можно определить понятия алгоритма и вычислимой (обще-рекурсивной) функции, не впадая в порочный круг. Проблема нахождения разрешающего алгоритма для данного множества конструктивных объектов (напр., формул определенного вида из к.-л. исчисления) наз. его разрешением проблемы.

См. также *Рекурсивные функции и предикаты, Массовая проблема*.

РАЗУМ — мышление в той форме, к-рая адекватно и в чистом виде осуществляет и обнаруживает его всеобщую диалектич. природу, имманентный ему творч. характер. Понять мыслит. способность субъекта как разумную — значит преодолеть дуалистич. противопоставление законов мышления и универс.-всеобщих определений объективной действительности и охарактеризовать мышление не с т. зр. его проявления в актах сознания, но с т. зр. тождественности законов мышления реальным категорияльным формам предметного мира, деятельно осваиваемого человеком. Р. есть достояние обществ. человека как субъекта всей культуры. Р. обладает высшей, сравнительно с рассудком, определенностью, логич. организованностью и строгостью. Его строгость выступает как строгость содержания, понимания, как всецело предметная,

т. е. как превращающаяся в активную способность субъекта лишь потому, что она адекватна объекту; она не утрачивается за пределами формально упорядоченного знания, т. е. не фрагментарна, а всеобща; она, далее, осуществляется не через подчинение понятий извне диктуемой формальной строгости изложения, а напротив, подчиняет *понятиям* формальную, языково-терминологич. строгость, делая ее необходимым вспомогат. средством. Р. диалектически снимает противоположность между «готовым знанием» и интуитивной формой творч. акта. На место рассудочной дискурсивности, в к-рой истина-процесс превращается в противостоящий творч. движению застывший результат, Р. ставит свою собств., разумную дискурсивность. Последняя есть лишь явное изображение истины как движения по логике самого предмета, как развертывания системы его понятийных определений, Р. рассеивает порождаемую рассудком видимость, будто конкретное и абстрактное суть специфич. атрибуты познающего субъекта, принадлежащие соответственно чувственности и мышлению, и выявляет в каждом понятии конкретное единство многообразия. В то время как рассудок убивает *особенное*, придавая самостоятельность абстрактно-всеобщему, Р. есть постижение особенного. Р. столь же мало противопоставляет антиномному результату ее разрешения, как и наоборот — он открывает и разрешает *противоречие* предмета, тем самым делая его объективной основой «двигателем» развития теории. Для Р. эмпирич. мышление — то же теоретич. мышление лишь в его описат. применении. В философии Р. требует *монизма*. Не признавая никаких «запретных» для него сфер, Р. самостоятельно осуществляет целесообразное, не терпит диктата внешней, чуждой целесообразности и не передоверяет никаких проблем слепым праца. силам. Р. — воплощение суверенности науч. мышления: он есть «... та универсальная независимость мысли, которая относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 7).

Антич. философы-досократики уже догадывались, что истоки силы Р. — не в сознании, не в «мнениях», а в объективной всеобщности, следовать к-рой и значит быть разумным (Гераклит, В. 2, 41, Diels⁹). Платон, ухвативший надъиндивидуальную мощь обществ. Р. в ее отчужденности от человека, изобразил ее как абс. мощь «царства Идей», основанного на сверхразумном «Едином». В познании Платон не только отличал мышление от мнения ($\delta\epsilon\lambda\alpha$), т. е. от уподобления и верования, собственного обыденному рассудку, но и в мышлении различал рассуждение ($\delta\lambda\gamma\omega\iota\alpha$) — «способность геометров и подобных им» — и знание ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\iota}\mu\eta$); здесь намечается различие рассудка и Р. (см. Р. Р., 6, 511D; 7, 534 A—E). Аристотель детально классифицировал «способности души», из к-рых черты обыденного практич. рассудка схватывает $\phi\rho\upsilon\nu\sigma\iota\varsigma$, рассудка — $\delta\lambda\gamma\omega\iota\alpha$, отчасти — $\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\sigma\iota\varsigma$, $\nu\omicron\upsilon\varsigma$, в той мере, в какой он лишен движущего начала, целесообразности, «страдателя» («О душе», 432 в, 433 а, 430 а; «Никомахова этика», кн. 6 и 10). По Николаю Кузнецкому и Дж. Бруно, рассудок занимает место между чувственностью и Р. Сила Р. в том, что он — «образ первообраза всех вещей», т. е. бога (Ник. Кузнецкий, Об уме, см. Избр. филос. соч., М., 1937, с. 176). Декарт ссылался именно на несоответствие универсальности Р. как «орудия» конечному характеру человек. тела-«машины», как на основание для дуалистич. противопоставления Р. и субстанциальной протяженности. Спиноза критиковал рассудочность *ratio* (познание 2-го рода) и *entia rationis* (формальные абстракции и т. п.). Он попытался монистически обосновать могущество Р. его универсальностью (мышле-

ние — атрибут субстанции). Однако дуализм, изолирующий друг от друга идеальные феномены деятельности Р. и те объективные универс. определения, к-рым они только и объяснимы, все же сохранял свое влияние (напр., у *Мальбранша* о «raison» и «entendement» — см. «Разыскания истины», т. 1, кн. 3, СПб, 1903, гл. 1, 2, 4; т. 2, кн. 6, СПб, 1906, гл. 2). Психологизм вообще подменяет Р. «способностью души», заковывает его в изначальную специфику сознания. Напр., *Локк* пытался удерживать различие между reason и understanding, выделяя в Р. «первую и высшую» ступень — эвристич. «проницательность» и в противовес рассудочной схоластике считал силлогизм не «великим орудием» Р., а подобием очков для ума, однако Р. у него неизбежно «близору», т. к. «не может простирается за пределы, ставимые психологизмом (см. Избр. произв., т. 1, М., 1960, с. 660, а также с. 647—61). С т. зр. психологизма «...рассудок оказывается не чем иным, как... инстинктом наших душ...», а Р. — «совершенно инертен» (Юм Д., Соч., т. 1, М., 1965, с. 287—88, 603). Это обрело англ. филос. традицию на утрату подлинного понятия Р. С рационалистич. т. зр. *Лейбница*, в Р. высшая способность — не рассудительность, а процесс открытия (см. «Новые опыты...», М.—Л., 1936, с. 128, 153, 324, 419—29). Ставя интуицию выше Р., он все же обратился к тому, что «мысленное есть... существенная деятельность...» (там же, с. 143) и к «непрерывному» Р. Но универс. всеобщности и необходимости Р. берет ее им в крайней отчужденной форме — как «высший Разум», как бог — гарант «предустановленной гармонии» (см. там же, с. 176; ср. его же, «Монадология», § 29, 30, 78, 82, 83, в кн.: Избр. филос. соч., М., 1908, с. 339—64).

Кант построил первую развернутую концепцию рассудка и Р., понимая под ними в сфере познания способности, дающие соответственно правила и принципы. Рассудок — это «способность составлять суждения», мыслить, «способность к з н а н и ю» (см. Соч., т. 3, М., 1964, с. 340, 167, 175, 195), к-рая изначально субъективна; немнрич. «И», «т р а н с ц е н д е н т а л ь н о е е д и н с т в о а п п е р ц е п ц и и» — высший принцип всей философии (см. там же, с. 196). Это единство апперцепции необходимо именно потому, что человек — «конечное», «зависимое» существо, чье мышление не может быть творч. причиной своего объекта (см. там же, с. 152—53, 196, 200). Поэтому же в основе рассудочного категориального синтеза — его спонтанная функция, «продуктивная способность воображения» (см. там же, с. 173, 224), из к-рой проистекает также «способность суждения». Синтез этот — лишь в границах «конечного опыта», условный, фрагментарный. Но рассудок нуждается в ориентировке на целостность, на безусловное, на тотальность, на абс. принципы — нуждается в идеях Р. (см. там же, с. 346, 355). Необходим «самостоятельный», «творческий» Р., способный порождать предметы, воплощая в них свою активность (см. там же, с. 572). Однако «конечность» человека лишает его такого Р. и обрекает его действовать лишь «как если бы» имелся такой Р.-пробораз. Способность Р. к опредмечиванию Кант рассматривает в качестве недоступного для человек. познания «законодательного» Р. — «intellectus archetypus» (см. там же, с. 587). В его познание «спекулятивным» применением Р. имеет не «конститутивное», а лишь «регулятивное значение». Сущность Р. выносится за пределы познания — в область нравств. воли, «практич.» Р., причеи последний наделяется «приматом» над Р. спекулятивным. Однако и там Р. не обретает целостности, конкретной тотальности, последняя оказывается лишь долженствованием, уходящим в дурную, т. е. рассудочную бесконечность. Т. о., Кант оставил Р. в границах рассудка.

В дальнейшем трактовка Р. в классич. нем. философии шла по пути освобождения от «конечности» индивида, но одновременно — превращения Р. в сверхчеловеческий. *Фихте* толковал рассудок как «...покоящуюся, бездеятельную способность духа...», петворч. «способность сохранения», «...закрепленную разумом силу воображения...», к-рая посредствует между последней и Р.; Р. же — как «полагающую способность» абс. «Я» (см. Избр. соч., т. 1, [М.], 1916, с. 209, 208). *Шеллинг* эстетизировал Р., противопоставляя понятие идею произведения искусства, репродуктивному рассудку — такой Р., к-рый подменен «силой воображения», «созидающим созерцанием» (см. «Система трансцендентального идеализма», Л., 1936, с. 130, 298). Гл. заслуга *Гегеля* в проблеме соотношения Р. и рассудка — постановка задачи: не противопоставлять их друг другу извне, а диалектически снять эту противоположность. Гегель подверг глубокой критике абстрактную всеобщность, абстрактное тождество, дурную бесконечность, субъективизацию категории противоречия, дуализм должного и сущего и др. черты рассудка, расчищая место для Р. Он окончательно перенес проблему Р. в сферу объективной логики развития культуры человечества и именно поэтому верно ухватил всеобщую диалектич. природу Р. (см., напр., Соч., т. 3, М., 1956, с. 229; т. 4, М., 1959, с. 185). Но Гегель взял Р. лишь в его отчужденности от предметной деятельности, от человек. личности, как Р. вне и над людьми стоящей Истории: перед «хитростью» Р. индивид — ничтожная пешка. Отсюда — гегелевский «некритический позитивизм» и мнимая критичность Р., к-рый «...находится у самого себя в неразумии...» (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 634). Гегель не сумел также осуществить снятие рассудка как противоположности Р. и увековечил его, приписав ему одному способность обеспечивать «устойчивость» понятий и т. п.

Романтич. и иррационалистич. традиция, третируя рассудок, противопоставляла ему Р. не как освобожденный от омертвленности и узости, а как подмененный иррац. интуицией, верой и т. п. Иррационалисты используют реальные слабости рассудочной науки для нападения на научность вообще.

Для совр. бурж. философии характерны в проблеме Р. две тенденции. Во-первых, иррационализм, к-рый разумному мышлению противопоставляет его собств. творч. моменты, но выступающие превращенно (как интуиция и т. п.), и отвергает заодно с рассудком также и Р., оставаясь в негативной зависимости от рассудка. Получило распространение пошлое представление, выдающее рассудок за Р. (см. А. Шопенгауэр, Мир как воля..., СПб, 1884, с. 62—63). Во-вторых, мнимый рационализм, апеллирующий к модной научности, но ограничивающийся сферой технич. проблем (средствами рационализации овеществленных форм), отказывающийся от проблем целеполагания, оценки и т. п. и возводящий в норму как раз рассудочность, знаковый *фетишизм* и т. п. (неопозитивизм). Крайним выражением кризиса бурж. культуры является культ алогизма и инстинкта.

В марксизме проблема Р. и рассудка решается с т. зр. предметной деятельности и на почве анализа социальной природы познания. Могущество Р. есть лишь идеальное выражение творч. могущества реальной предметно-преобразоват. человек. деятельности. Дело не в том, чтобы апеллировать от рассудка к Р., оставаясь внутри их противоположности и на той почве, к-рая ее порождает, а в том, чтобы практически преодолеть социальные основы этой противоположности и полностью освободить Р. Борьбу за торжество Р. марксизм понимает не просветительски, а как практически-теоретич. борьбу за торжество

«прозрачно разумных отношений людей друг к другу и к природе» (Marx K., Das Kapital, Bd 1, 1960, S. 85), т. е. за коммунизм.

Лит.: Энгельс Ф., Дialectика природы, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 528, 537—38; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 38, с. 160, 162; Бердяев Н., Смысл творчества, М., 1916; Бергсон А., Длительность и одновременно..., пер. с франц., П., 1923; Лукач Г., Материализм и пролетарское сознание, «Вестн. социалистич. академии», 1923, кн. 4—6; Асмус В. Ф., Дialectика Канта, 2 изд., М., 1930; его же, Проблема интуиции в философии и математике, М., 1963; Лосский Н., Чувственная, интеллектуальная и мистич. интуиция, Париж, 1938; Виллер В. С., О системе категорий диалектич. логики, [Душанбе], 1958; Ильенков Э. В., Идеальное, Филос. энциклопедия, т. 2, М., 1962; Батищев Г. С., Противоречие как категория диалектич. логики, М., 1963, гл. 2; Кониин П. В., Рассудок и Р. и их функции в познании, «ВФ», 1963, № 4; Никитин В. Е., Категории рассудка и Р., Ростов-н/Д., 1967 (автореф. канд. дисс.); Santayana G., The life of reason, v. 1—5, N. Y., 1905—06; Whitehead A. N., The function of reason, Princeton, 1929; Jaspers K., Vernunft und Existenz, Münch., 1960; его же, Vernunft und Wiedervernunft in unserer Zeit, Münch., 1950; Lukács G., Die Zerstörung der Vernunft, B., 1954; Heidegger M., Wahrheit und Wissenschaft, Basel, 1960; Sartre J. P., Critique de la raison dialectique, P., [1960]; Kosík K., Dialectika konkrétního, Praha, 1963, v. 2, s. 2. Г. Батищев. Москва.

РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА ТЕОРИЯ — см. Эгоизм.

РАЙ — религ.-мифологич. представление о священной месте в пространстве или состоянии во времени, свободном от несовершенств и противоречий земного существования. В различных историч. типах мифологии это преодоление земных противоречий приписывается загробному миру или первичному состоянию человека; в новейшем религ. сознании оно иногда отождествляется с особым состоянием духа.

В древнейших мифологиях загробное существование представляется идеализированным продолжением земных отношений; различные формы этого существования определяются классом, кастой, профессией человека, но не его деятельностью — идея индивидуальной ответственности практически отсутствует. Библейская концепция, противопоставляющая райское блаженство душ праведников адским мучениям грешников (см. Ад), закрепила лишь в 4—3 вв. до н. э. и получила дальнейшее развитие в христианстве (прежде всего в качестве универсальной этич. санкции). В христианстве можно выделить две линии в истолковании Р.: наивно-реалистическое, «чувственное» представление о Р. и грядущем воскресении (напр., у Иринея, 2 в. н. э.) и развитое патристич. философией (см. Патристика) представление о Р. как о духовном воссоединении с божеством (в поэзии — у Данте). Развивая идею потерянного Р., т. е. утраты состояния первозданной невинности, близости человека к природе и богу, христианство представляет историю человечества как историю утраты райского состояния и воссоздания его (в загробном мире, в душе верующего, в «тысячелетнем» царстве — см. Эсхатология). Введение истории в рамки трехчленной схемы: Р. — грехопадение — искушение, характерно и для ряда течений социально-утопич. мысли (напр., Мабли, естественно-правовых концепций — Руссо и др.), где желаемое будущее представляется восстановлением утраченного идеала. Отвергнутое Гегелем («рай есть парк, в котором могут оставаться только звери, а не люди... Грехопадение есть вечный миф человека, именно благодаря ему он становится человеком» — Соч., т. 8, М.—Л., 1935, с. 304), эти воззрения свойственны романтич. критике действительности; истолкование в подобном духе марксистской концепции историч. процесса использовалось для ее отождествления с христ. взглядами (напр., у Тиллиха). Тема «потерянного и «возвращенного» Р. является одним из осн. мотивов мировой филос. поэзии (Милтон, Байрон и др.), будучи формой непосредственно-эмоционального и эстетич. отношения к противоречиям социального развития.

Лит.: Ламонт К., Иллюзия бессмертия, пер. с англ., М., 1961; Токарев С. А., Религия в истории народов мира, М., 1964; Myth. A symposium, ed. by Th. Sebeok, Bloomington, 1958. Ю. Левада. Москва.

РАЙЛ (Ryle), Гилберт (р. 19 авг. 1900) — англ. философ-неопозитивист, проф. Оксфордского ун-та, гл. ред. журн. «Mind». В начале своей филос. деятельности находился под влиянием феноменологии Гуссерля, но уже в 30-х гг. примкнул к школе «лингвистического анализа» (см. Философия анализа). В русле идей позднего Витгенштейна Р. утверждает, что функция философии состоит в анализе обыденного языка, в определении и проверке точного употребления понятий. Философия должна показать, какие понятия и в каких границах имеют смысл и какие лишены его. Методом филос. исследования является *reductio ad absurdum* (доведение до нелепости), с помощью которого устанавливается несовместимость того или иного высказывания со следствиями, вытекающими из него. В своей гл. работе «Понятие духа» («The concept of mind», L.—N. Y., 1949) Р. конкретизирует свое понимание функций философии на примере анализа понятия духа или сознания. Он считает, что вопрос о природе сознания возникает из неправильного употребления этого понятия. С т. зр. Р., философы начиная с Декарта в рассмотрении сознания совершали «категориальную ошибку», употребляя данное понятие в смысле субстанции или скрытой сущности. Но так как субстанциональность духа доказать не могли, то он оказывался у них «призраком в машине» (в человек. теле).

В целом Р. развивает концепцию сознания, близкую к бихевиоризму; подчеркивает практич. характер нашего знания, видя его сущность в способе действия.

Соч.: Dilemmas, Camb., 1954; Logic and language, Oxf., 1955 (соавтор).

Лит.: Бегияшвили А. Ф., Метод анализа в совр. бурж. философии, Тб., 1960; его же, Совр. англ. лингвистич. философия, Тб., 1965; Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965; Pasmore J., A hundred years of philosophy, L., [1957]; Charnworth M. J., Philosophy and linguistic analysis, Louvain, 1959. Д. Луканов. Горький.

РАЙНИС (наст. фамилия — Плекшан), Ян (11 сент. 1865—12 сент. 1929) — латыш. революц. поэт и мыслитель, один из пионеров социалистич. мысли в Латвии. Род. в семье зажиточного крестьянина. Учился на юридич. ф-те Петербургского ун-та, где познакомился с революц. народниками. В начале 90-х гг. Р. становится одним из идейных руководителей движения латыш. прогресс. интеллигенции, т. н. нового течения. В 1891—95 Р. редактировал орган этого движения газ. «Dienas lapa» («Ежедневный листок»).

В 1897 за революц. деятельность Р. был арестован и сослан. Вернувшись из ссылки, активно участвовал в революции 1905. В дек. 1905 Р. эмигрировал в Швейцарию. Возвратившись на родину в 1920, Р. с трибуны сейма и в своих революц. стихах разоблачал реакц. политику латыш. буржуазии.

Филос. материалистич. взгляды Р. выражены в литературно-критич. статьях, пьесах («Золотой конь» — «Zelta zirgs», 1909; «Индулис и Ария» — «Indulis un Arija», 1911; «Иосиф и его братья» — «Jāzeps un viņa brāļi», 1914) и стихах (сб-ки «Тихая книга» — «Klusā grāmata», 1909; «Конец и начало» — «Dals un sākums», 1912; поэма «Ave sol!»., 1910). Поэзия и драматургия Р. полны революц. пафоса; отд. эпиграммы и драматич. диалоги звучат как лаконичные афоризмы марксистской мысли.

Уже в 90-е гг. Р. изучал труды Маркса, Энгельса и Плеханова. В статьях, опублик. в газ. «Ежедневный листок», Р. излагал осн. тезисы истории и диалектич. материализма. Много внимания уделял Р. проблеме

отношения личности к обществу, роли нар. масс как выдвигущей силы истории.

Пролет. интернационализм и гуманизм — основа жизнепонимания Р. В годы 1-й мировой войны Р. резко осуждал милитаристские позиции нем. социал-демократов; провозгласив лозунг «свободная Латвия в свободной России», он подразумевал под этим социалистич. Латвию и социалистич. Россию.

Соч.: Избр. соч., М.—Л., 1935; Собр. соч., т. 1—3, Рига, 1954; Соч., т. 1—2, М., 1955.

Лит.: Дауге П., Я. Райнис — певец борьбы, солнца и любви, М., 1920; Самсон В., Общественно-филос. взгляды Я. Райниса, «Коммунист Сов. Латвии», 1955, № 9; Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, М., 1956, т. 2, гл. 32; Соколов Э., Жизнь и творчество Я. Райниса, Рига, 1957; Краулинь К., Я. Райнис, М., 1957. К. Краулинь. Рига, 1957.

РАЛЯ (Ralea), Михал (30 апр. 1896—17 авг. 1964) — рум. психолог, социолог и обществ.-политич. деятель. Проф. психологии в Бухарестском ун-те, акад. (с 1948), директор Ин-та психологии АН РНР (с 1956), чл. Гос. совета РНР. В условиях народно-демократич. строя Р. становится на позиции диалектич. материализма; выступает с критикой идеалистич. концепций в совр. бурж. психологии, анализирует филос. взгляды В. Конты, И. Павлова, Эмерсона и др., освещает проблему личности в бурж. и сов. психологии. Книга Р. «История психологии» («Istoria psihologiei», Buc., 1958, соавтор) отражает развитие этой дисциплины с древних времен до наст. времени.

Соч.: Studii de psihologie și filosofie, Buc., 1955; Scrieri din trecut. In filozofie, Buc., 1957; Sociologie succesului, Buc., 1962 (совм. с Т. Hariton); в рус. пер.— Два облика Франциш. М., 1962.

Лит.: Omagiu lui M. Ralea, «Viata românească», 1965, № 2.

РАМАКРИШНА (монашеское имя; в миру — Гададар Чаттерджи) (20 февр. 1834—16 авг. 1886) — представитель *неоиндуизма*, проповедник гуманистич. идей и обществ. деятель Индии. Его мировоззрение формировалось под влиянием крупнейших мировых религий, представленных в Индии; а также в процессе длит. занятий практикой мистицизма по принципам *йоги*. Р. считал себя последователем абс. идеализма *веданты*, однако признавал реальность материального мира, пытаясь тем самым как-то объединить абс. монизм (адвайта) *Шанкары* и огранич. монизм (вишиштадвайта) *Рамануджи*. Р. значителен своим практич. учением, к-рое он излагал в форме устных проповедей и притч.

Р. утверждал, что для возрождения Индии и всего человечества необходимо прежде всего распространение религ. духа, к-рый является единств. фундаментом социальной жизни. Высшей целью земной жизни человека Р. считал постижение бога через безграничную к нему любовь и преданность (*бхакти*), осуществляющееся не путем аскетич. отречения от мира, а через выполнение каждым человеком своих земных обязанностей. В условиях тогдашней Индии это истолковывалось как необходимость участия в обществ. переустройстве, в нац.-освободит. движении. Служение богу, согласно Р., совпадает со служением своему ближнему, ибо бог — в каждом человеке, и все равны перед богом. Т. о., Р. выступал против кастового и нац. неравноправия. Гуманизм Р. получил дальнейшее развитие в его проповеди единения религий: все они имеют одну и ту же сущность, ведут к одной и той же цели, а боги каждой религии являются лишь различными именами одного и того же абс. духа, одной и той же духовной субстанции. Призыв к религ. солидарности содействовал ослаблению характерного для Индии религ.-общинного фанатизма. Идеи Р. способствовали пробуждению нац. самосознания инд. народа, объединению различных социальных и религ. слоев инд. общества. Благодаря проповедям Р. идеология инд. национализма с самого своего зарождения приобрела религ. характер.

Среди мн. учеников и последователей Р. самым выдающимся является *Вивекананда*. Основанное им об-во «Миссия Рамакришны» (1897) остается и поныне одним из гл. центров религ. активности в Индии.

Лит.: Олденбург С. Ф., Совр. индийский святой, «Журн. Мин-ва нар. просвещения», 1900, ч. 329, июнь; Мюллер М., Шри Рамакришна Параматама. Его жизнь и учение, пер. с англ., М., 1913; Рамакришна Б. Ш., Правозвестие Р., СПб., 1914; Поллан Р., Жизнь Р., Соч., т. 19, М., 1936; Nirveda nanda S., Sri Ramakrishna and spiritual renaissance, Calcutta, 1940; Gambhira nanda S. (publ.), Life of Sri Ramakrishna, Calcutta, 1955; его же, History of the Ramakrishna math and mission, Calcutta, 1957; Ramakrishna 1836—1886. Memoirs of Ramakrishna. Comp. by S. Abhedananda, 2 ed., Calcutta, 1957; Das A. C., A modern incarnation of God. A commentary on the life and teaching of Sri Ramakrishna, Calcutta, 1958; Lemaitre S., Ramakrishna et la vitalité de l'indouisme, P., 1959; Neeru J., Sri Ramakrishna and Swami Vivekananda, 3 ed., Calcutta, 1960; Usha B. A., A Ramakrishna vedanta wordbook, Hollywood, 1962. Н. Анисеев. Москва, 1962.

РАМАНУДЖА (ок. 11—12 вв.) — инд. мыслитель, основатель теистич. направления (т. н. огранич. монизма — вишиштадвайта) школы *веданта*. Р. принадлежит комментарий к *Бхагавадгите* и пер-рым *Упанишадам*; осн. его работы — комментарий к «Брахмасутре» («Шрибхашья»), «Ведантасаре», «Ведартхасанграхе», «Ведантадине».

Конечной и высшей истиной Р. считает абс. дух, брахман. Однако, в отличие от *Шанкары*, Р. признает реальность и материальных объектов. Брахман, по Р., представляет собой единство трех начал: эмпирич. субъекта (бхоктри), объективного мира (бхогья) и действующей силы (преритри). В трактовке физич. мира Р. заимствует идею *санкхьи* о *пракрити* (материи), считая, однако, что ее развитие направляется волей бога. Познание истины, бога ведет у Р. не к растворению души в абсолюте, как у *Шанкары*, а к ее вечному блаженству на небесах. Теизм Рамануджи послужил теоретич. основой мн. течений *бхакти* (учение о постижении бога).

Соч.: Vedārthasāgraha, ed. by J. A. B. van Buitenen, Poona, 1956.

Лит.: Srinivasa Aiyēngar C. R., The life and teachings of Sri Ramanujacharya, Madras, 1908; Three great acharyas: Sankara, Ramanuja, Madhwa. Critical sketches of their life and times, Madras, 1923; Raghavacharya S. S., Introduction to the Vedārthasāgraha of Sri Ramanujacharya, Mangalore, [1957]; Esnoul A. M., Ramanuja et la mystique vishnouite, P., 1964. Н. Анисеев. Москва, 1964.

РАМЕ́ (Ramée), Пьер де ла (латиниз. Рамус — Ramus) (1515—26 авг. 1572) — франц. философ-манист. Выходец из бедной семьи, Р. сумел закончить Парижский ун-т. В магистерской диссертации (1536) Р. защищал тезис: «Все, что сказано Аристотелем, ложно». Преподавал во мн. учебных заведениях; за борьбу против схоластики был отстранен от преподавания, но в 1551 был назначен профессором Коллеж де Франс; его лекции пользовались огромным успехом. Переход в кальвинистский протестантизм (1561) навлек на Р. новые преследования, из-за к-рых он неск. раз был вынужден покидать Париж. Во время Варфоломеевской ночи Р. был зверски убит.

Как протестантский мыслитель, Р. требовал возвращения к «чистой» теологии Священного писания. Роль Р. в философии определяется борьбой против схоластики, схоластицированного Аристотеля и выдвинутым проблемой создания нового науч. метода. Выступая против авторитетов, Р. заявлял, что «нет никакого авторитета выше разума» («Scholae mathematicae», 1569, I, III, p. 78), что «человек имеет в себе естественную способность познать все вещи» («Dialectique», 1555, p. 69). Согласно Р., наблюдение и опыт — начальный этап познания; важнейшее значение в ускорении и облегчении познания имеет истинный метод, правила к-рого должны быть почерпнуты из изучения различных проявлений человеческого духа, гл. обр. из изучения антич. писателей и поэтов. Большой интерес проявлял Р. к математике,

цени ее за возможность практич. применения. Целью знания он считал установление господства человека над природой; логика призвана указать кратчайший путь к искусству изобретения. Сильный в критике схоластики, аристотелевской логики, Р. в позитивной части своей логики («Установления диалектики» — «Institutiones dialecticae», P., 1543) в основном примыкал к Цицерону и Квинтилиану. Новым, в частности, является у него деление логики на две части: 1) понятие и определение, 2) суждение, умозаключение, метод.

В. Кузнецов. Москва.

Р. критиковал систему категорий Аристотеля на том основании, что она, по его мнению, не дает возможности классифицировать на ее базе логич. методы. Вместе с Валлой он порицал разрыв логики с риторикой. Через посредство Томазия Р. оказал нек-рое влияние на Лейбница как основоположника символич. логики (в частности, по вопросу об использовании нек-рых фигур силлогизмов для доказательства правил т. н. обращения предложений). Много внимания Р. уделял проблеме т. н. «логических мест» (*loci communes*), т. е. обоснования или позиции, с к-рых ведется доказательство: он различал в этой связи 5 первичных и 9 производных «мест изобретения». По Р., вопрос об универсалиях — псевдопроблема, а содержание ср.-век. логич. трактатов «о свойствах терминов» (*de terminorum proprietatibus*) нуждается в максимальном упрощении. Наставная на изучение в логике «естественного хода... мышления» (см. «*Aristotelicae animadversiones*», P., 1543, Lib. 4, p. 7), он выступил предшественником логич. психологизма. Делая акцент на введении в логику раздела о ее методологич. основаниях, Р. оказал сильное влияние на структуру позднейших руководств по формальной логике и, в частности, на Пор-Рояля логику.

Н. Стяжкин. Москва.

Логика Р. и его взгляды в целом («рамизм») быстро распространились не только в протестантских, но и в католич. странах (Италия и Испания). Сближение логики с риторикой (а не с опытом), характерное для Р., не было прямым путем ни к методу Вэкона, ни к методу Декарта. Оно оказалось ложным, влияние лишь косвенно (как критика схоластики. метода).

Соч.: Procemium mathematicum, P., 1567; Collectanea, P., 1577; Scholae in tres primas liberales artes, p. 1—3, P., 1581—94; Scholarum physicarum, Francofurti, 1583; Commentariorum de religione christiana libri quatuor, Francofurti, 1583; Scholae metaphisicae, Francofurti, 1610.

Лит.: Ферцен А. И., Полн. собр. соч. и писем, т. 4, П., 1915, с. 120; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 37—38; История философии, т. 1, М., 1957, с. 312; Зубов В. П., Аристотель, М., 1963, с. 288; Darjes J. G., Via ad veritatem commoda..., 2 ed., Jenae, 1764, p. 275—88; Waddington C. H., De P. Ramii vita, scriptis, philosophia, P., 1848; его же, Ramus (Pierre de la Ramée). Sa vie, ses écrits et ses opinions, P., 1855; Desmazes Ch., P. Ramus. Sa vie, ses écrits, sa mort, P., 1864; Cantor M., P. Ramus, ein wissenschaftlicher Märtyrer des sechszehnten Jahrhunderts, «Protestantische Monatsblätter» von Gelzer, Gotha, 1867, Bd 30, S. 129—42; Lobstein P., Petrus Ramus als Theologe..., Stras., 1878; Graves F. P., Peter Ramus and the educational reformation of the sixteenth century, N. Y., 1912; Nelson N. E., P. Ramus and the confusion of logic, rhetoric, and poetry, [Ann Arbor, 1947]; Ноукас Р., Humanisme, science et réforme. Pierre de la Ramée, Leyde, 1958; Ong W. J., Ramus. Method and the decay of dialogue, Camb. (Mass.), 1958. В. Кузнецов. Москва.

РАММОХАН РАЙ (Ram Mohan Roy) (22 мая 1772—1833), — инд. религ. и социальный реформатор, идеолог *неоиндуизма*, основоположник светского образования и бенг. нац. лит-ры. Религ.-филос. взгляды Р. сформулированы в трактатах «Дар моноотейстам», «В защиту индуистского теизма», комментариях к «Краткому изложению Веданты», предисловии и комментариях «Упаннишад» и других др.-инд. текстах. Р. выступил как критик индуистской ортодоксии (хотя и признавал непогрешимость *Вед*) с ее политизмом, идолопоклонством и религ. неравноправием. Р. развил идею рациональной, последовательно моно-

теистич. религии, в к-рой синтезировались элементы индуизма, ислама и нек-рых этнич. принципов евангелич. христианства. В основе этой религ. системы — представление о едином персонифицированном божестве, управляющем универсумом и являющемся его единств. первопричиной. По филос. позиции Р. не были последовательны: вступая в противоречие с развиваемой им объективно-идеалистич. концепцией, Р. утверждал несотворимость материального мира; он заявлял, что нематериальное божество не «могло быть материальной причиной» атомов (ану), из к-рых состоит материя. Р. выражает уверенность в существовании природных закономерностей и причинных связей, к-рые познаваемы.

Философия и религия, согласно Р., должны служить социальному идеалу — преобразованию действительности на основе разума и справедливости. Он выражал сочувств. отношение к зап.-европ. революц. движениям и был глубоко убежден в том, что «народные движения» в конечном счете одержат победу над «врагами свободы, приверженцами самодержавия». Борьба Р. против индуистской реакции, проповедь единобожия и религ. универсализма, выступление против кастового неравноправия и разделения людей, против дикости ср.-век. традиций способствовали пробуждению нац. самосознания инд. народа.

Соч.: The English work, Allahabad, 1906.

Лит.: Ромаров Э. Н., Рам Мохан Рай — просветитель и провозвестник нац. движения Индии, в сб.: Общественно-политич. и филос. мысль Индии, М., 1962, с. 5—65; Singh J., Rammoham Roy, v. 1, Bombay, 1958; Collet S. D., The life and letters of raja Rammoham Roy, Calcutta, 1962. С. Кедоров. Москва.

РАМОН-И-КАХАЛЬ (Ramón y Cajal), Сантьяго (1852—1934) — исп. естествоиспытатель, развивавший (хотя и с нек-рыми уступками *позитивизму* и *агностицизму*) материалистич. традиции *испанской философии*; выступая против неовитализма, выдвинул т. н. нейронную теорию, близкую павловскому принципу «приурочения первых процессов к конструкции нервной ткани». Оценивая значение и историч. перспективы философии, он считал, что в будущем она явится простым синтезом науч. теорий.

Соч.: Obras literarias completas, [2 ed.], Md., 1950.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 683—84.

РАМОС (Ramos), Самуэль (1897—1959) — мекс. философ, последователь *Ортега-и-Гассета*. Изучал философию в ун-тах Мехико, Рима и Парижа, где познакомился с философией Гуссерля, Шелера, Н. Гармана и Хейдеггера. Преподавал философию в Нац. авт. ун-те Мехико. Р. рассматривал вопросы истории и специфики нац. культуры с позиций, близких к *экзистенциализму*; за исходный методологич. принцип он берет осн. тезис ортеганской философии: «... я есть я и все, что вокруг меня, и если я не спасу все меня окружающее, то не спасусь и я сам» («Historia de la filosofia en México», Méx., 1943, p. 153). Причем под «окружающим» Р. понимает комплекс идей и теорий, т. е. культуру в целом. Поскольку судьба культуры связана с индивидуальной волей, Р. делает вывод о необходимости активного участия отд. личности в развитии («спасении») нац. духовной жизни.

Соч.: Hipotesis, Méx., 1928; El perfil del hombre y la cultura en México, Méx., 1934; Hacia un nuevo humanismo..., Méx., [1940]; Historia de la filosofia en México, Méx., 1943; El problema del «a priori» y la experiencia, Méx., 1955.

Лит.: Romaneli P., La formación de la mentalidad mexicana, Méx., [1954]; Zetzel L., La filosofia en México, t. 1—2, Méx., 1955; Villegas A., La filosofia de lo mexicano, Méx., 1963. А. Дерюгина. Москва.

РАМУС, П. — см. Раме, П.

РАНК (Rank), Отто (1880—24 окт. 1939) — австр. психолог и психотерапевт, предшественник *неофрейдизма*; один из основателей журн. «Imago» (1912). С конца 20-х гг. жил в США, выступал с лекциями в ун-тах. В ранних работах, написанных под влия-

нием Фрейда, Р. стремится с позиций психоанализа истолковать процесс художеств. творчества («Der Künstler», W., 1907, 4 Aufl., Lpz., 1925), мифологию и т. п. В своем осн. соч. «Травма рождения» («Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse», Lpz., 1924) Р. выдвинул собств. психологич. концепцию, в к-рой решающим фактором развития выступает страх, вызванный травмой рождения. Человеч. психика, по Р., изначально травмирована мучительным актом рождения, разрывом с природой, образующим корень психического. Поведение человека определяется в конечном итоге стремлением вернуться в потерянный рай внутриутробного состояния, к-рое с развитием культуры приобретает все более сублимированные формы. Однако это стремление блокируется воспоминанием об «ужасе рождения». Для нормального развития личности требуется преодоление травмы, что и является целью разработанной Р. системы психотерапии. В работах 30-х гг. Р. отходит от подобной (биологизаторской) трактовки психики и обращается к проблеме формирования индивидуальности. Оно, согласно Р., начинается с разрыва биологич. связей в акте рождения и продолжается уже на психологич. уровне. Однако каждый шаг порождает при этом чувство покинутости, одиночества, активизируя травму рождения. Опыт свободы травматичен, если не ведет к установлению новой связи с миром на более высоком уровне. В противном случае платой за свободу становится невроз (положение, буквально заимствованное и развитое Фроммом). В связи с этим Р. пытается осмыслить проблему воли, к-рая трактуется им как автономная творческая сила, состоящая на службе у индивидуации, а также — решить задачу «терапии воли» (will therapy). В целом учение Р. оказалось соединительным звеном между психоанализом Фрейда с его позитивистскими установками и совр. течениями глубинной психологии, в частности — неофрейдизмом.

С о ч.: Значение психоанализа в науках о духе, пер. с нем., СПб, 1914 (совм. с Г. Заксом); Der Mythos von der Geburt des Helden, W., 1909, 2 Aufl., Lpz., 1922; Der Doppelgänger, Lpz., 1925; Grundzüge einer genetischen Psychologie auf Grund der Psychoanalyse der Ichstruktur, Bd 1—2, W., 1927—28; Sexualität und Schuldgefühl, Lpz., 1926; Eine Neurosenanalyse in Träumen, W., 1924; Wahrheit und Wirklichkeit. Entwurf einer Philosophie des Seelischen, W., 1929; Rite and creation, N. Y., 1932.

Лит.: Mullahy P., Oedipus. Myth and complex, N. Y., 1948; Bailey P., An introduction to Rankian psychology, «Psychoanalytic Review», 1935, v. 22, p. 182—211; Каган Г. П., The psychology and psychotherapy of Otto Rank, N. Y., 1953; W y s s D., Die tiefenpsychologischen Schulen, von den Anfängen bis zur Gegenwart, Gott., 1961, S. 255—63.

Д. Ляликов. Москва.

РАПОПОРТ (Rapoport), Анатолий (р. 22 мая 1911) — амер. философ, психолог, специалист в области математич. биологии. Окончил Чикагский ун-т (1941). С 1955 — проф. математич. биологии Ин-та психиатрии Мичиганского ун-та. Президент Междунар. об-ва общей семантики (1953—55), один из ведущих редакторов журналов «ЕТС», «Behavioral Science» и ежегодника «General Systems». В философии Р. — один из виднейших представителей *операционализма*, к-рый гл. обр. благодаря его трудам («Operational philosophy», N. Y., 1953) получил собственно филос. интерпретацию. Гл. предмет филос. исследований Р. — анализ взаимоотношений между мышлением и действием. Специально-науч. интересы Р. лежат в области науки о поведении: именно с этой т. зр. он рассматривает общую *семантику*, к-рая, по его мнению, должна указать направление построения науки о человеке. В своих экспериментально-психологич. работах Р. анализирует формы поведения человека в конфликтных ситуациях; он один из первых применил *теорию игр* для психологич. анализа (см. «Prisoner's dilemma», Ann Arbor, 1965, совместно с А. М. Chamnah). Большое внимание Р. уделяет разработке и пропаганде

идей «общей теории систем». В области социологии Р., солидаризируясь с Ч. Р. Миллсом, выступает за необходимость построения «макроскопических» (общих) социальных теорий.

С о ч.: Science and the goals of man, N. Y., [1950]; Fights, games and debates, [Ann Arbor], 1960; Experimental games: a review, «Behavioral science», 1962, v. 7, № 1; Mathematical aspects of general systems theory, «General Systems», 1966, v. 11; A taxonomy of 2×2 games, там же; совм. с М. Guyer); Экспериментальное исследование параметров самоорганизации в группах из трех испытуемых, в сб.: Принципы самоорганизации, пер. с англ., М., 1966. В. Садовский. Москва.

РАСА (санскр. rasa, буквально — вкус) — одно из осн. понятий др.-инд. эстетики; означает настроение, характеризующее восприятие произв. иск-ва. Начиная с древнейшего эстетич. трактата *Натьяшастра*, инд. теории иск-ва различают восемь видов Р.: любви, веселья, горя, гнева, героизма, страха, отвращения, удивления. Каждый из этих видов Р. соответствует определ. чувству (bhāva), но не совпадает с ним; проблема их соотношения послужила предметом дискуссии между комментаторами «Натьяшастры», из к-рых одни (как Шанкука) признавали Р. имитацией чувства, другие же устанавливали более сложные связи между чувством и Р. Согласно концепции, впервые изложенной в «Натьяшастре», Р. возникает благодаря сочетанию трех факторов: возбудителей (vibhāva), симптомов (anubhāva) и второстепенных чувств (vyabhicāribhāva). Возбудителями считаются условия, способствующие пробуждению чувств; в свою очередь, они делятся на главные (напр., герои) и второстепенные (напр., обстоятельства времени и места, различные предметы, явления природы, цвета и т. п.). Симптомами считаются проявления чувств, также подробно классифицируемые. Второстепенных чувств насчитывается тридцать три (к ним, напр., относятся радость, стыд, отчаяние, смерть и т. д.); они не могут быть главными ни в одном произв.

Характер психологич. процесса, посредством к-рого образуется Р. при восприятии произв. иск-ва, по-разному интерпретировался представителями разных филос. школ. Шанкука, являвшийся последователем школы *ньяя*, исследовал в свете учения Дхармакирти соотношение между логич. выводом и эстетич. восприятием, при к-ром не проводится различия между истинным и ложным. Бхатта Лоллата, представитель школы *миманса*, развивал мысль о естеств. происхождении Р., объясняемом тремя осн. факторами. Бхатта Найака (10 в.), принадлежавший к школе *санкхья*, считал, что Р. связана с саттва — источником добра и блаженства; Р. достигается благодаря наличию у поэтич. слова наряду с осн. функцией — выражения, второй функции — осуществления, заключающейся в устранении умств. инертности и затемненности. Различные концепции Р. были подвергнуты критич. рассмотрению в трактате последователя философии *веданта* Абхинавагупты (10—11 вв.) «*Абхинавабхарати*», где Р. связывается с состоянием всеобщности, благодаря к-рому уничтожаются характеристики времени, места и т. п., сопутствующие обычным чувствам, и слушатель (или читатель) испытывает наслаждение, связанное с отсутствием заинтересованности. Суть Р. заключается в универсализации объекта и субъекта, к-рый обращается к самопознанию. Возникновение Р. объясняется пробуждением безначальных скрытых впечатлений, истоки к-рых лежат в цепи перерождений. Концепции Р. и *дхвани* оказываются у Абхинавагупты слитыми воедино, и дхвани, скрытый смысл слова, рассматривается как гл. источник Р. — в противоположность Маммате (11 в.), к-рый связывает дхвани не только с Р., но и с поэтич. фигурами и содержанием. Вишванатха (14 в.), сторонник философии *веданта*, видел в Р. сходство с состоянием созерцания божества; обращая особое

внимание, как и др. теоретики Индии, на языковое воплощение Р., он определял поэзию как «речь, душа которой — раса». Учение о Р. как истинной сущности поэзии, намеченное уже в соч. Анандавардханы (9 в.) «Дхваньялока» и развитое Абхинавагуптой и Вишванатхой, было развернуто в трактате Джаганнатхи (17 в.) «Расагангадхара».

Инд. концепции Р. как преодоления ограниченности обычных чувств обнаруживают значит. сходство с концепцией аналог как *катарсиса* у Аристотеля, продолжаемой и в новейших эстетич. учениях (см., напр., Л. С. Выготский, Психология искусства, М., 1965). Теория возбудителей чувств может быть сопоставлена с концепцией прописи, преподносимой в произв. иск-ва, в работах по психологии выразительности С. М. Эйзенштейна. Теория двух функций слова находит аналог в совр. теории поэтич. функций (Р. О. Якобсон и др.), в частности устранение инертности в поэтич. слове можно сравнить с теорией «остранения» в рус. формальной школе (или «эффектом отчуждения» у Б. Брехта).

Лит.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 1, М., 1962, с. 387—423; Щербатской Ф. И., Теория поэзии в Индии, в сб.: Избр. труды рус. индологов-филологов, М., 1962; Эрман В. Г., Теория драмы в древнеинд. классич. лит-ре, в сб.: Драматургия и театр Индии, М., 1961; Гринцер П. А., Теория эстетич. восприятия («Р.») в др.-инд. поэтике, «Вопр. лит-ры», 1966, № 2; Lindenau M., Beiträge zur altindischen Rasalehre, Lpz., 1913; Mukarji S. C., Le Rasa, essai sur l'esthétique indienne, P., 1928; Sankarān A., Some aspects of literary criticism in Sanskrit or the Theories of Rasa and Dhvani, Madras, 1929; Gnoli R., The aesthetic experience according to Abhinavagupta, Roma, 1956; Krišhnamoorthy K., «Rasa» as a canon of literary criticism, «Aryan path», 1959, v. 30, № 11; Edgerton F., Indirect suggestion in poetry: a Hindu theory of literary aesthetics, «Proceedings of the American Philosophical Society», 1936, v. 76, № 5. В. Иванов. Москва.

РАСИЗМ — совокупность антинауч. реакц. теорий, согласно к-рым все явления в жизни и развитии общества обусловлены биологическими (расовыми) особенностями людей. В основу развития общества идеологи Р. кладут вымышленную борьбу рас. Р. сознательно смешивает естественноисторич. и социальные различия людей. Тем самым такая биол. категория, как раса, наделяется несвойственными ей социальными чертами, а такие социальные категории, как класс, нация, язык и культура, биологизируются. Р. утверждает, будто человек, расы биологически и психически неравноценны, что существуют т. н. «высшие» расы, способные к достижению вершин культуры и цивилизации, и «низшие» расы, неспособные к культурному прогрессу.

Р. возник в рабовладельч. обществе (хотя тогда не существовало еще термина «раса»). Господа и рабы рассматривались как принципиально различные «породы» людей. В эпоху первонач. накопления и начала колониальной экспансии (16—17 вв.) сложилась «теория» неравноценности человек. рас, служившая обоснованием колониализма. С выделением антропологии в самостоят. науку (сер. 19 в.) и разработкой детальной классификации человек. рас идеологи Р. пытаются, вопреки науч. данным, связать расы с языками и, в частности, найти расу, являющуюся «носителем» индоевроп. языков (франц. социолог Гобино и др.). В основе совр. Р. лежит т. н. *социальный дарвинизм*, извращающий учение Дарвина путем перенесения установленных им биол. законов (естеств. отбор и борьба за существование) на человек. общество. Эта теория, названная расистами «антропосоциологией» (Л. Вольгаст, Аммон, Лапуж, Х. Чемберлен и др.), служит обоснованием колониализма и эксплуатации.

В эпоху империализма наиболее острые формы приобретают герм. и англо-амер. Р. В конце 19 — нач. 20 вв. герм. расисты заимствовали теорию Гобино о превосходстве «германской» расы над всеми на-

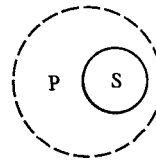
родами мира. Герм. фашизм возвел Р. в офиц. идеологию, служившую обоснованием чудовищных злодеяний. В США и Англии Р. возник во 2-й пол. 19 в. Совр. поборники Р. в этих странах, также базирующиеся на социальном дарвинизме, мальтузианстве и евгенике, выдвигают идею превосходства англо-амер. расы над всеми народами мира (У. Форт, Хантаингтон, Хутон). Расовые предрассудки в США используют в своих целях реакц. политич. деятели. В последние десятилетия в США и др. империалистич. странах получила широкое распространение реакц. теория т. н. психол. Р. (психорасизма), идеологи к-рого стремятся доказать психол. неравноценность народов и рас. Теоретики психорасизма (Карднер, Р. Бенедикт и др.) утверждают, что каждый народ имеет свою «структуру характера», и «среднюю психику», к-рые передаются от поколения к поколению путем воспитания и определяют его культурный облик. Согласно этим концепциям, народ с «плохой» психикой может изменить ее лишь при условии «помощи» со стороны народа, обладающего «хорошей» психикой.

Культурная отсталость нек-рых народов внеевроп. стран объясняется не их биол. (расовыми) особенностями, как утверждают идеологи Р., а гл. обр. гнетом колонизаторов, задержавших прогрессивное развитие порабощенных народов. Реакц. идеология Р. опровергается не только теоретически, но и практикой социалистич. стран, где ранее отсталые народы достигли невиданного расцвета своей культуры, а также успехами народов, освободившихся от колониального гнета.

Лит.: Демиденко А. И., Расизм на службе империализма, М., 1954; Нестурх М. Ф., Человеческие расы, 2 изд., М., 1958; Рогинский Я. Я. и Леви М. Г., Антропология, [2 изд.], М., 1963; Против расизма. [Сб. ст.], М., 1966. М. Урисон. Москва.

РАСПРЕДЕЛЕННОСТЬ ТЕРМИНОВ В СУЖДЕНИИ

— технич. выражение, используемое традиц. логикой в теории суждения и умозаключения. Говорят, что *термин* распределен, если он мыслится во всем объеме. Во всех остальных случаях термин наз. нераспределенным. Напр., в суждении «все квадраты — прямоугольники» термин «квадрат» — распределен, поскольку в данном суждении речь идет о всем объеме понятия «квадрат», т. е. о всех квадратах. Приняты след. правила Р. т. в с.: субъект суждения распределен во всех общих суждениях и не распределен в частных суждениях, предикат суждения распределен во всех отрицат. суждениях и не распределен в утвердит. суждениях. Обычно эти правила иллюстрируются с помощью кругов Эйлера, представляющих объемы понятий (классы). Напр., Р. т. в с. вида «все S суть P », в к-ром класс S целиком включается в класс P , изображается след. образом:

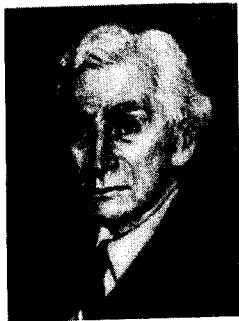
Для наглядности класс S ограничен сплошной линией, т. к. имеются в виду все S , а класс P — пунктирной линией, т. к. неизвестно, каковы границы класса P : в зависимости от конкретного значения P он может или совпадать с S («все квадраты — прямоугольники с равными сторонами»), или быть больше S по объему («все квадраты — параллелограммы»), но S всегда совпадает по крайней мере с частью P .

Устанавливая правила Р. т. в с., иногда принимают во внимание деление суждений на выделяющие и невыделяющие. В связи с этим правила Р. т. в с. общеутвердительных и четнотвердительных формулируются несколько иначе. Однако следует учитывать, что проблема Р. т. в с. этого типа носит особый характер, поскольку предполагает привлечение дополнит. сведений об отношении классов S и P , и что,

следовательно, ее нельзя смешивать с проблемой Р. т. в с., взятом безотносительно к упомянутым дополнит. сведениям.

Лит.: Введенский А. П., *Логика как часть теории познания*, М.—П., 1917, с. 172—74; Челпанов Г. П., *Учебник логики*, [М.], 1946, с. 45—49; Асмус В. Ф., *Логика*, [М.], 1947, с. 97—108; Строгович М. С., *Логика*, [М.], 1949, с. 177—79; Горский Д. П., *Логика*, М., 1958. А. Ветров. Москва.

РАССЕЛ (Russell), Бертран (р. 18 мая 1872) — англ. философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Р. прошел сложную эволюцию взглядов, которую сам он определил как переход от платоновской интерпретации пифагорейства к юмизму. После кратковрем. увлечения гегельянством в его англ. версии (1897) Р. перешел к платоновскому варианту абс. идеализма (см. его «A critical exposition of the philosophy of Leibniz», Camb., 1900), а затем под влиянием Мура, Меинонга, Уайтхеда к *неореализму* (см. его «The problems of philosophy», N. Y., 1911). Дальнейшая эволюция взглядов Р. состояла во все большем ограничении областей

реальности, к-рым приписывался онтологически самостоятельное существование: если вначале Р. учил об особом бытии (subsisting) как бы «априорных» логич. отношений, то в 20—30-х гг., сближаясь с *неопозитивизмом*, Р., после ряда колебаний, признал реальность лишь за чувств. данными (sense-data, particulars), входящими в состав т. н. «нейтральных» фактов (events).

Сложившаяся в его книгах «The analysis of mind» (N. Y.—L., 1924), «The analysis of matter» (N. Y.—L., 1927), «An outline of philosophy» (L., 1927) концепция «нейтрального монизма» усматривала в понятия «дух» и «материя» лишь логич. конструкции из чувств. данных и была близка к прагматизму *Джемса* и *маизму*. Она отличалась от последнего гл. обр. своеобразной терминологией: «Я верю, — писал Р., — что материя менее материальна, а дух — менее духовен, чем полагают...» («The analysis of matter», L., [1934], p. 7). В 40—50-х гг. Р. обращается к идеям Юма. В «An inquiry into meaning and truth» (L., 1940) он допускает существование «фактов», к-рые, в отличие от «опыта», объективны, но объективность их основана лишь на «вере» в бытие внешнего мира. В работе «Человеческое познание. Его сфера и границы» (L., 1948, рус. пер., М., 1957) Р. формулирует пять постулатов науч. метода познания «физического мира», к-рые, по его мнению, образуют предварит. условия правдоподобности индуктивных обобщений, в форме которых это познание осуществляется (см. указанное сочинение, с. 453—540). Философская эволюция Р. соответствовала изменениям в содержании настойчиво проводившейся им широкой программы приложения средств *математической логики* к теоретико-познават. исследованиям. На неореалистском и позитивистском этапах его эволюции эта программа вела к растворению теории познания в логич. анализе (наравне с Муром, Р. был основоположником *логического анализа философии*). Частью указанной программы явился его логизм, а также известное (близкое *номинализму*) решение «проблемы существования» на основе разработанного им учения о *дескриптивных определениях* (см. *Описание операторов*). При этом Р. попытался снять противопоставление объективного и субъективного существования в понятии «существование вообще»: «Существует только один „реальный“ мир, воображение Шекспира — его часть; аналогично

реальны мысли, которые он имел, когда писал „Гамлета“. Точно также реальны мысли, которые мы имеем, читая эту трагедию» («Introduction to mathematical philosophy», L.—N. Y., 1924, ch. XVI, p. 169). В 10—20-е гг. Р. сформулировал концепцию *логического атомизма*, но не принял *конвенционализма* и *физикализма*, в их крайней, ведущей к солипсизму форме. В целом Р. сыграл значит. роль в формировании британской разновидности неопозитивизма (*логического позитивизма*), с одной стороны, позитивистски истолковывая результаты своих логико-матем. исследований, с др. стороны, исправляя своей критикой «чересчур» субъективистские выводы *Венского кружка*. В частности, он выступил против огульной характеристики проблем традиц. философии, как псевдопроблем. Философия, по его мнению, занимает «ничейную» область между наукой и теологией, пытается дать соответствующие требованиям научности ответы на вопросы, в к-рых бессильна теология. И хотя философия не является наукой, она все же представляет собой определ. духовную силу, оказывающую значит. влияние на жизнь общества и его историю. Р. признает взаимную связь философии с политическими и социальными условиями развития общества. История философии, по Расселу, это история оригинальных концепций выдающихся творческих личностей, оказывающих своими системами существовавшее воздействие на обществ. жизнь. Наиболее плодотворными традициями в истории философии Р. считает антиклерикализм и стремление поставить теоретико-познавательные исследования на почву логики. В своей кн. «История западной философии» (N. Y., 1945, рус. пер., М., 1959) Р. уделяет наибольшее внимание тем философам, к-рых в той или иной мере считает предшественниками философии логического анализа. В социологии он близок к психолизму и т. н. «теории факторов». В этике и политике Р. придерживается позиции бурж. либерализма, выступая против теорий, проповедующих, подобно фашизму, полное поглощение личности обществом и гос-вом. Он отрицательно относится к христианству и в особенности к ханжеству религ. морали, противопоставляя ей мораль «науки свободного разума». Особенностью этич. и общественно-политич. позиции Р. последних лет является ее антиимпериалистич. направленность, нециримируемость к войне, к насильственным, агрессивным методам междунар. политике. Р. выступает на стороне прогрессивных обществ. сил, за запрещение ядерного оружия, за мирное сосуществование (см. его кн.: «Common sense and nuclear warfare», L., 1959; «Has man a future?», L., 1961; «War crimes in Vietnam», L., 1967).

О взглядах Р. в области философии математики и логики подробно см. в ст. *Логизм, Логический атомизм, Математическая бесконечность, Парадокс, Типов теория* и лит. при этих статьях.

Соч.: An essay on the foundations of geometry, Camb., 1897; Meinong's theory of complexes and assumptions, «Mind», 1904, v. 13, № 50—52; On denoting, там же, 1905, v. 14, № 56; Philosophical essays, L., 1910; Our knowledge of the external world as a field for scientific method in philosophy..., Chi.—L., 1915; Principles of social reconstruction, L., 1916; War the offspring of fear, L., [1916]; Roads to freedom. Socialism, anarchism and syndicalism, L., [1918]; Philosophy of logical atomism, «Monist», 1918—19, № 28—29; Icarus or the future of science..., L., 1924; What I believe, N. Y., 1925; Education, especially in early childhood, L., 1926; Sceptical essays, N. Y., [1928]; Marriage and morals, N. Y., 1929; The conquest of happiness, L., 1930; Education and the social order, L., 1932; Freedom versus organisation, 1814—1914, N. Y., 1934; In praise of idleness..., L., 1935; The limits of empiricism, «Proc. of the Aristotelian Society», 1935—36, v. 36; Which way to peace?, [L.], 1936; Power: A new social analysis..., N. Y., [1938]; Scientific method in philosophy, Oxf., 1914; War, the offspring of fear, L., 1915; Political ideals, N. Y., 1917; The prospect of industrial civilisation, L., 1923; What I believe, N. Y., 1925; Religion and science, N. Y., 1935; Philosophy and politics, L., 1947; Authority and the in-

dividual, L., 1949; Unpopular essays, L., 1950; New hopes for a changing world, L., 1951; Human society in ethics and politics, N. Y., 1955; Portraits from memory and other says, L., 1956; Logic and knowledge, L., 1956; Mysticism and logic, N. Y., 1957; My philosophical development, N. Y., 1959; в рус. пер.— Германская социал-демократия, СПб, 1906; Проблемы философии, СПб, 1914; Воздействие науки на общество, М., 1952; Почему я не христианин, М., 1958.

Лит.: Ходяков Ч. Д. А., Критика «нейтрального момента» Б. Рассела, в сб.: Критика совр. буржуазной философии и ревизионизма, М., 1959; История философии, т. 5, М., 1961, гл. 13; Нарский И. С., Философия Б. Рассела, М., 1962.

РАССУДОК — форма мышления, в к-рой его всеобщая диалектич. природа осуществляется и проявляется превращено — как специфически субъективная способность логически обрабатывать материал познания, придавая ему определенность, организованность и строгость, а также как *дискурсивное* движение в нем. Р., в противоположность *интуиции*, представляется лишенным творч. функций, хотя на деле они лишь не находят в Р. явного выражения. Следует отличать Р. как филос. категорию от обычного Р. (см. *Здравый смысл*).

В пределах Р. абстракции наделяются самостоят., самодовлеющим значением. Поэтому мышление, становясь рассудочным, выступает как якобы лишь абстрактное в противовес чувственности, к-рая представляется монополизирующей конкретность. Отсюда — характернейшие черты Р.: ориентация на абстрактное тождество, абстрактную всеобщность и т. п. Поскольку Р. выносит характеристики мышления как творч. процесса вне себя, он фиксирует лишь результаты разрешения всякого диалектич. *противоречия*, безотносительно к самому противоречию. Такие результаты неизбежно получают форму разрозненных фрагментов, замкнутых в себе «систем готового знания», не поддающихся никакому рациональному синтезу друг с другом средствами Р.

Р. разрывает эмпирич. и собственно теоретич. способы применения мышления и превращает их в самостоят. «типы», из к-рых второй якобы не глубже проникает в предмет, а воспаряет над ним в абстракции. Для Р. характерны рядоположность, внешняя рефлексия. В особенности Р. свойственно гипертрофирование категории *различия*: с его т. зр. дистинкция есть высший символ научности. Языковое выражение, к-рое никогда не может быть единств. способом опредмечивания мыслит. деятельности, фетишизируется (знаковый *фетишизм*). Поэтому специфич. законам языковых операций процесса рассуждения придается значение законов будто бы самого познающего мышления. Отсюда иллюзия, будто логикой мышления должна быть не содержательная, а формальная логика. Р. гасит в знании, взятом как внешний результат, его собств. характер генетич. процесса, подменяя строгость понимания строгостью изложения. Тем самым Р. придает понятию форму, «лишенную понятия» (см. К. Маркс, Das Kapital, Bd 1, В., 1960, S. 106; Bd 3, В., 1960, S. 197, 225, 382, 387, 428, 435, 869). Р. свойственна иллюзия, будто возможна алгоритмизация мышления, его машинизация. На деле к движению по алгоритму не сводимо также и рассудочное мышление, ибо и здесь оно остается содержательным и подчиняется содержательной логике, хотя и в превращенной форме. Именно Р. выступает как «огрубляющее» мышление, ставящее созданную субъективной рефлексией связь на место явно предметной связи.

Марксизм объясняет Р. как превращенную форму на пути анализа его с т. зр. социальной природы познания. Р. как самостоят. форма, не снятая *разумом*, а противостоящая ему, есть не вечная, а исторически преходящая форма, порожденная разделением деятельности, ее *отчуждением*. Особенности Р. и его предмета всецело определяется этими особенностями

деятельности. Р. есть способ мышления, позволяющий использовать в формально-присвоенной, но творчески не освоенной форме гораздо большую теоретич. культуру, чем та, к-рая стала достоянием способностей использующего ее индивида. Однако посредством Р. все же совершается положит. работа мысли. Поэтому науч. критика Р. должна обнаруживать в нем превращенные формы познающего мышления, в противовес нигилистич. отрицанию Р. иррационализмом, алогизмом.

Р. не способен отстоять науку от субъективистско-идеологич. элемента, напротив, он мирно уживается с ним, даже придавая ему респектабельный, наукообразный вид. Так, вульгарная политич. экономия, оставаясь в плену «отчужденных по отношению к внутренней связи форм проявления», «лишь вносит известный рассудочный порядок» в воспроизводящие их представления (см. там же, Bd 3, S. 829, 885). Вульгарная т. зр. принимает формальную организованность фрагментарного знания за рациональность познания, а его универс. целостность и творч. характер — за нечто «иррациональное». Уже Гегель понял, что эта мнимая рациональность «... принадлежит на деле области *р а с с у д к а*, а это мнимое «и р р а ц и о н а л ь н о е» есть «начало и след *р а з у м н о с т и*» (Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 336). Подчеркнув правоту этой мысли Гегеля (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 25, ч. 2, с. 340—41), Маркс показал, что превращенные формы, фрагментарные и «лишенные понятия», суть объективно существующие иррациональные формы (см. там же, с. 389). «Рассудок нисколько не спотыкается о них» именно потому, что сам он — столь же превращенная, полная иррациональности форма познания (см. К. Marx, Das Kapital, Bd 3, S. 829). Поэтому анализ Р. — ключ к критике иррационализма, как такой реакции на Р., к-рая, находясь в негативной зависимости от него, еще не способна его преодолеть.

Р. есть несuverенное мышление, заведомо подчиненное внешней целесообразности. Р. — носитель стандартности, слепой нормативности. С подлинно филос. проблематикой Р. не справляется и сдает ее враждебным разуму силам.

В сов. филос. лит-ре развивается и иная т. зр. на Р. (П. В. Коппин), согласно к-рой Р. есть низшая, нетворч. форма всякого теоретич. мышления, общая человеку с нек-рыми животными и инфрамац. машинами. Историко-филос. очерк и лит. см. при ст. *Разум*. Г. Батищев. Москва.

«РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ...» (1637) — соч. Декарта, в к-ром сжато изложено его филос. учение.

РАСЫ человеческие (от итал. *razza*) — исторически сложившиеся группы людей, характеризующиеся общностью наследственно закрепленных морфологич. (телесных) особенностей и имеющие общее происхождение. Совр. человечество принято разделять на 3 большие Р. (или «Р. первого порядка»): негроидную, монголоидную и европеидную. В основу подобного разделения кладутся след. признаки: цвет кожи, форма волос, степень развития волосяного покрова на теле, особенности формы и строения мягких частей лица (нос, губы). Негроидная Р. — темная кожа, курчавые (спирально закрученные) волосы, среднее развитие волосяного покрова на теле, прогнатизм (выступание верхней челюсти), умеренное выступание скул, широкий нос, толстые губы. Монголоидная Р. — желтоватая кожа, прямые волосы, слабый волосяной покров на теле, сильное выступание скул, умеренно толстые губы, наличие т. н. «монгольской складки» верхнего века (эпикантуса). Европеидная Р. — светлая кожа, волнистые волосы, сильный волосяной покров на теле, ортогнатизм

(отсутствие выступления верхней челюсти), слабое выступание скул, узкий нос, тонкие губы.

Внутри больших Р. обычно выделяют более дробные расовые группы («Р. второго порядка»), различающиеся между собой по форме головы (головной указатель), росту, пигментации волос и глаз и др. второстепенным особенностям. Напр., в пределах европеоидной Р. выделяют северную, альпийскую, средиземноморскую, балтийскую и др. Р., негроидной — негрскую, негриллискую, меланезийскую, бушменскую и др., монголоидной — центральноазиатскую, байкальскую, южносибирскую и т. д.

Поскольку Р. представляют собой группы, входящие в состав вида совр. человека (*Homo sapiens*), в бурж. антропологии широко распространено представление, согласно к-рому Р. человека аналогичны подвидом животных. Сов. антропологи убедительно доказали несостоятельность этого мнения. Принципиальное отличие Р. человека от подвидов животных заключается в том, что расовые признаки человека в наст. время не имеют приспособительного (адаптивного) значения и не подвергаются действию естеств. отбора. Хотя первоначально Р. возникли в процессе приспособления к определ. географич. среде, все совр. Р. живут в самых разнообразных природных условиях. В то время как подвиды животных в процессе приспособит. дифференциации могут превращаться в новые виды, Р. человека не могут дать начало новым видам (вследствие того, что естеств. отбор полностью прекратил свое действие в человек. обществе). Обществ. развитие обуславливает все более интенсивное смещение Р., что приводит постепенно к стиранию расовых различий. Все Р. совр. человека находятся на одном и том же уровне эволюц. развития. Расовые различия касаются лишь внешних признаков человека и не затрагивают жизненно важных морфологич., физиологич. и психич. его особенностей. Утверждения о наличии психич. различий между человек. Р. (см. *Расизм*) противоречат данным совр. науки. Уровень развития культуры различных народов обусловлен не биологическими (расовыми), а социально-историч. факторами.

Лит. см. при ст. *Расизм*.

М. Урысон. Москва.

РАТЦЕЛЬ (Ratzel), Фридрих (30 авг. 1844—9 авг. 1904) — нем. натуралист, географ, социолог, один из создателей антропогеографии и политич. географии, к-рые в трактовке Р. положили начало герм. *геополитике*. В 1886—1904 — проф. географии Лейпцигского ун-та.

Развивая идеи географич. детерминизма в духе Риттера и Спенсера, Р. переносил в социальную область частные закономерности развития животного и растит. мира, напр. миграционную теорию М. Вагнера. Под влиянием Фехнера утверждал, что «продолжением всякого знания должна явиться вера». Для методологии Р. характерно постулирование непосредств. отношений между человеком, вырванным из его обществ. связей, и географич. средой, гос-вом и «землей», при к-ром исчезают экономич. и социальная сферы. Политич. жизнь, по Р., обусловлена непосредств. воздействием физико-географич. среды, а гос-во — надклассовый орган, неизбежно присущий всякому обществу («оно также старо, как семья и общество»), «единство народа с известным почвенным пространством» и особый биологич. организм, подверженный «тем же влияниям, каким подвержено все живое». Р. изобрел семь законов «пространств. роста гос-ва», утверждая, что «растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности», и видел «высшее призвание народа в том, чтобы улучшить свое географическое положение». Взгляды Р. развивали Челлен, Хаусхофер и др. нем.

геополитики; в фашистской Германии Р. был объявлен «дедушкой» герм. геополитики.

Соч.: *Anthropogeographie*, Bd 1—2, Stuttg., 1882—91; *Politische Geographie*, Münch.—Lpz., 1897; *Raum und Zeit in Geographie und Geologie. Naturphilosophische Betrachtungen*, hrsg. von P. Barth, Lpz., 1907; в рус. пер.— *Земли и жизнь*, т. 1—2, СПб., 1903—06.

Лит.: Гейден Г., Критика нем. геополитики, пер. с нем., М., 1960; Steinmetzler J., *Die Anthropogeographie Friedrich Ratzels und ihre ideengeschichtlichen Wurzeln*, Bonn, 1956. А. Завадько. Москва.

РАТЦЕНХОФЕР (Ratzenhofer), Густав (4 июля 1842—10 окт. 1904) — австр. бурж. социолог и философ, генерал. Филос. система Р.— «монистич. позитивизм», к-рую он противопоставлял как идеализму, так и материализму,— представлял собой эклектич. сочетание субъективного и объективного идеализма и близка к энергетизму *Оствальда*. Осн. ее понятия — «первичная сила» и «внутр. интерес». «Первичная сила», трансцендентная, непознаваемая, отождествляемая с идеей бога, является, по Р., основой всего сущего, в т. ч. жизни и сознания. «Внутр. интерес» Р. рассматривал как космич. силу, присущую всем явлениям природы и общества. Идею «внутр. интереса» Р. положил в основу своей социологии, задачу к-рой он видел прежде всего в изучении «взаимотношений единиц сознания (я)» (см. «*Die Kritik des Intellekts...*», Lpz., 1902, S. 131). Явления сознания коренятся в биологич. процессах организма и определяются «внутр. интересом». «Все социальные формы — продукт внутреннего интереса, согласования интересов многих индивидов» (там же, S. 150). «Приведение во взаимное соответствие индивидуальных и социальных интересов» является, по Р., осн. социологич. законом (там же, S. 149). Будучи сторонником *социального дарвинизма*, Р. рассматривал все формы обществ. конфликтов как выражение борьбы за существование. Войну Р. объявлял «формой развития человеческого общества» (там же, S. 154), подчеркивал «социальную ценность» насилия, подчинения. Вслед за *Гумпловичем*, оказавшим на него большое влияние, Р. рассматривал историю общества как борьбу рас, с ее помощью он пытался объяснить и возникновение классов и гос-ва. Сторонник идеологии элиты, он заявлял, что «процветание народа» зависит от его способности «привести к руководству его нравственную и интеллектуальную аристократию». «Соответствующее природным задаткам» разделение общества на отд. «слои» — «таково идеальное будущее социального порядка» («*Soziologie*», Lpz., 1907, S. 181). Идеи Р. оказали значит. влияние на амер. социологов Уорда и Смолла. Его учение — один из источников идеологии фашизма.

Соч.: *Wesen und Zweck der Politik...* Bd 1—3, Lpz., 1893; *Die soziologische Erkenntnis*, Lpz., 1898; *Der positive Monismus und das einheitliche Prinzip aller Erscheinungen*, Lpz., 1899; *Positive Ethik*, Lpz., 1901; *Historische Kausalität und soziale Naturgesetze*, «*Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*», 1910/11, Bd 4.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 556; Беккер Г. и Босков А., *Совр. социологич. теория...*, пер. с англ., М., 1961 (см. указат.); Кон И. С., *Позитивизм в социологии*, Л., 1964, с. 46. Я. Юриш. Москва.

РАЦИОНАЛИЗМ (от лат. ratio— разум) — филос. учение, согласно к-рому разум является основой бытия (онтологич. Р.), познания (гносеологич. Р.), морали (этич. Р.). Р. противопоставит *иррационализму* и *сенсуализму*.

Термин «Р.» — сравнительно позднего происхождения. Ф. Бэкон различал методы «эмпириков» и «рационалистов» (см. *Works*, v. 3, L., 1870, p. 616). Однако вплоть до 19 в. термин «Р.» применялся гл. обр. в теологии. В сер. 17 в. лорд Кларендон (см. *State Papers*, v. 2, suppl., p. 40), говоря о новых сектах «пресбитерианцев» и «независимых», называл их «рационалистами» (the rationalists). О «теологах-рацио-

налистах» упоминал Лейбниц (см. «Théodicée», Lpz., 1879, § 14).

Онтологич. Р. — направление в онтологии, согласно к-рому бытие разумно, т. е. в его основе лежит некое разумное начало. В этом смысле к Р. в антич. философии может быть причислено учение Платона (первопричина вещей — постигаемые умом «идеи», или «виды» — эйдосы), а в философии нового времени — учения Лейбница (принцип разумной монады), Фихте (принцип самостоятельности «Я», как разумного начала) и особенно Гегеля, согласно к-рому «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» (Соч., т. 7, 1934, М.—Л., с. 15).

В совр. бурж. философии распространена тенденция весьма широкого и потому распылчатого понимания онтологич. Р.: рационализмом называется любое учение, согласно к-рому всякая реальность имеет в себе самой или в начале, от к-рого она происходит, достаточное основание для своего бытия (см., напр., ст. «Рационализм», в кн.: «Enciclopedia filosofica», v. 3, Venezia—Roma, [1957], p. 1870—83). Такое истолкование термина Р. преследует цель стереть противоположность между материалистич. и идеалистич. учениями. Особенно настойчиво эта характеристика приписывается антич. философии. Онтологич. «рационалистами» оказываются не только Парменид и Гераклит, но также атомистич. материалисты Левкипп и Демокрит. С др. стороны, нек-рые материалистич. учения, напр. Эпикура и его школы, при таком понимании неправомерно зачисляются в иррационалистические. Диалектич. материализм отвергает все формы онтологич. Р., как формы идеализма, гипостазирующего разум.

Гносеологич. Р. — направление в гносеологии, согласно к-рому разум является гл. формой познания. Зародившись еще в др.-греч. философии (Сократ, Платон, Аристотель), гносеологич. Р. стал значит. тенденцией философии в 17 в. Противопоставляемый ортодокс. теологич. мировоззрению с его приматом веры и унижением разума, гносеологич. Р. 17 в. был связан с успехами математич. и естеств. наук. Схоластич. теория познания и логика, опиравшаяся на учение о доказательстве (*apodexitiku*) Аристотеля, не располагала средствами, при помощи к-рых можно было бы выяснить, каким образом из единичных и частных опытов могут выводиться истины по своему значению строго всеобщие, а по модальности — безусловно необходимые. В то же время успехи математич. наук делали ясным, что такие истины все же существуют и имеют первостепенное значение для знания. При таком положении оставалось искать другой, кроме опыта, источник, из к-рого могут получаться истины с логич. св-вами всеобщности и необходимости. Р. утверждал, что таким источником этих истин может быть только сам разум. Так возникло метафизич. противопоставление разума и опыта, характеризующее гносеологич. Р. Таковы в 17 в. воззрения Декарта, Спинозы, Мальбранша, Лейбница. Высоко ценя значение опыта, они не могли понять, каким образом из опыта могли и могут быть получены хорошо известные им по их науч. творчеству и по их логич. сознанию логич. свойства безусловно достоверного знания — в математике и в теоретич. естествознании. Т. о., гносеологич. Р. — одно из решений вопроса о происхождении безусловно достоверного знания, а именно: решение, обусловленное метафизич. односторонностью мышления, противопоставлением как будто исключających друг друга и невыводимых друг из друга свойств относительной и безусловной всеобщности, относительной и безусловной необходимости. В этом метафизич. противопоставлении сходятся идеалисты Декарт и Лейбниц с материалистами Спинозой и Гоббсом. При этом Р.

у них приобретал различные оттенки, в зависимости от того, как каждый из них решал вопрос о происхождении независимых от опыта идей, или понятий разума («врожденные идеи» у Декарта; наличие в душе — разумной монады — известных предрасположений или задатков мышления у Лейбница; признание мышления атрибутом и способности мышления отражать структуру природы непосредственно у Спинозы). Гносеологич. Р. получил широкое развитие и в 18 в. в Германии в школе Х. Вольфа. Теоретич. основу этого Р. составляло учение Лейбница, подвергнутое, однако у рационалистов школы Вольфа схематизированному упрощению и даже вульгаризации. Характерна для Лейбница и Декарта диалектич. постановка вопросов об отношении анализа к синтезу, логического к эмпирическому, умознания к опыту, интуиции к дедукции подменяется у вольфианцев догматизмом и место разума и разумного мышления занимает плоская метафизич. рассудочность. Впоследствии, имея в виду вольфианский вариант Р., в Р. стали видеть синонимами сухой и безжизненной рассудочности, претендующей быть критерием как в теории, так и на практике.

В философии Канта гносеологич. Р. ослабляется сравнительно с лейбницианским. Хотя мысль Канта, согласно к-рой достоверное знание есть синтез операций рассудка и чувственности, а также тезис о том, что процесс познания начинается с ощущений, были плодотворным, Кант остался метафизич. рационалистом в утверждении, что и чувственные, и рассудочные знания опираются на априорные формы (см. *Априори*). Рационалистич. элементы теории познания Канта были усилены Фихте и особенно Гегелем. У обоих гносеологич. Р. сочетался с диалектич. пониманием познания. И Фихте (в «Основах общего наукоучения»), и Гегель (в «Феноменологии духа», а также в «Философии духа») пытались раскрыть диалектику сознания, начиная с ощущения и кончая высшими формами деятельности разума. Однако диалектика эта остается идеалистической по содержанию и рационалистической по форме. Для обоих разум остается не столько завершающей высшей формой познающего мышления, сколько общей стихией или субстанцией познания, в т. ч. и чувственного. Гносеологич. рационализм Гегеля оказывается тесно связанным с его онтологич. Р. Разумность самой действительности и разумность науч. познания действительности Гегель понимал как взаимно обуславливающие друг друга: «кто разумно смотрит на мир, па т о г о и мир смотрит разумно; то и другое взаимно обуславливает друг друга» (Соч., т. 8, М.—Л., 1935, с. 12). Гегелевский гносеологический Р. — выражение веры в могущество разума, в способность человека постигнуть объективные законы действительности. Эта вера была утрачена бурж. философией 2-й пол. 19—20 вв. (гносеологич. Р. *позитивизма*, *неопозитивизма* и др.).

Преодоление не только метафизического, но и идеалистич. понимания разума и разумного познания было впервые достигнуто в *диалектическом материализме*, в его *теории познания*. Учение это впервые реализовало тот «рациональный эмпиризм», о к-ром мечтал Герцен. Введение критерия *практики*, внедрение материалистич. диалектики внесло в самую теорию познания точку зрения развития, к-рая связала воедино все моменты процесса познания, начиная с опыта, ощущений и кончая высшими формами абстрагирующей разумной деятельности.

Этич. Р. — направление в этике, согласно к-рому разум лежит в основе этич. действия. Родоначальником и гл. представителем этич. Р. был Сократ, но учению к-рого знание о том, как следует поступать, есть вполне достаточное условие для того, чтобы человек поступал в полном соответствии с этим знани-

ем. Согласно этому воззрению, возможность поступков, расходящихся с принципами и нормами нравственности, обусловлена исключительно отсутствием или несовершенством знания этих принципов. Уже стоики (см. *Стоицизм*) подвергли критике этот этич. Р. и указали, что в ряде случаев человек знает и одобряет лучшее, однако следует худшему, что, впрочем, не помешало им самим проповедовать Р. в этике (жизнь, сообразная с природой, т. е. с *logosom*, разумом). В новое время этич. Р. развивали особенно Спиноза и Кант, к-рый подверг этич. Р. ограничению: хотя, по Канту, «...практическое правило всегда продукт разума, ибо оно предписывает поступок, как средство к действию, т. е. цели» («Критика практич. разума», СПб., 1908, с. 20), однако для существа, каков человек, у к-рого разум «...не есть единственная основа определения воли...» (там же), правило действия отмечается признаком долженствования, выражает «...объективное побуждение к поступку...» (там же) и указывает, что «...если разум вполне определил волю, поступок по этому правилу должен неизбежно совершиться» (там же). Определения и разъяснения Канта вносили в этику нечто соответствующее *агностицизму* теории познания Канта — понятие о долженствовании, к-рое может быть сформулировано как безусловное предписание практич. разума, но к-рое никогда не может быть полностью выполнено в практике этич. действия. Все же у Канта предпосылкой его этики было безусловное уважение к нравств. закону и такое же безусловное уважение к достоинству каждой отдельной личности. Напротив, в бурж. философии 19 в. критика этич. Р. выражала в ряде случаев тенденцию этич. аморализма. Особенно ярко эта тенденция выступает у *Ницше*, для к-рого этика Сократа была примером страстно отвергаемого этич. Р.

Лит.: Stäudlin K. Fr., Geschichte des Rationalismus und Supernaturalismus, Gött., 1826; Tholuck F. A., Geschichte des Rationalismus, Tl 1, B., 1865; Heussler H., Der Rationalismus des siebzehnten Jahrhunderts in seinen Beziehungen zur Entwicklungslehre, Breslau, 1885; Grube C., Über den Nominalismus in der neueren englischen und französischen Philosophie, Halle, 1889; Ollé-Laprune L., La raison et le rationalisme, P., 1906; Enriques F., Scienza e razionalismo, Bologna, 1912; Robertson J. M., Rationalism, Edin., 1912; Girgensohn K., Der Rationalismus des Abendlandes, Greifswald, 1921; Enriques F., Santiliana G. de, Le problème de la connaissance. Empirisme et rationalisme grecs, P., 1937; Santiliana G. de, Zilsel E., The development of rationalism and empiricism, Chi., 1941; Maréchal J., Le point de départ de la métaphysique, t. 2 — Le conflit du rationalisme et de l'empirisme dans la philosophie moderne avant Kant, 2 éd., Brux.—P., 1942; Juvalta V. E., I limiti del razionalismo etico. A cura di L. Geymont, Torino, 1945; Constanin C., Rationalisme, в кн.: Dictionnaire de théologie catholique, v. 13, P., 1937; Bachelard G., Le rationalisme appliqué, P., 1949; Vernieré P., Spinoza et la pensée française avant la Révolution, t. 1—2, P., 1954.
В. Асмус. Москва.

РАШЕВСКИЙ (Rashevsky), Николай Петрович (р. 20 сент. 1899) — амер. бурж. социолог и биофизик; один из основателей математич. направления в социологии. Окончил Киевский ун-т в 1919, проф. физики Рус. ун-та в Праге (1921—24), в 1924 выехал в США, с 1946 — проф. математической биологии Чикагского ун-та.

До 40-х гг. занимался математич. биологией, в 40-х гг. руководил теоретич. исследованиями деятельности центр. нервной системы, а затем обратился к математич. анализу социальных явлений. По Р., любое социальное понятие и явление может и должно быть выражено математически. Одна из осн. задач Р. — исследование типов и результатов социальной деятельности человека. Р. полагает, что так же, как реакции центр. нервной системы, в принципе возможно с помощью математич. моделей описать и поведение индивидуума как функцию окружающих его объективных условий. Моделирование, согласно Р., сводит-

ся к построению гипотетич. конструкций, связывающих некоторые формализованные стороны поведения человека со средой, заданной в виде определ. граничных условий. Модель, т. о., играет у Р. роль мысленного эксперимента, проводимого с помощью совр. математич. аппарата, и не связана непосредственно с к.-л. социальным экспериментом. Так, в модели имитационного поведения Р. рассматривает только одну его сторону — приспособление индивида к окружающей среде, существ. часть к-рой состоит из поведения других индивидов. Согласно первой, элементарной модели, приспособление отождествляется с подражанием деятельности других людей. В более сложной модели каждый индивид в группе обладает относительно автономным типом поведения и определ. вероятностью взаимодействия с каждым др. членом малой группы людей, связанных личными контактами. Р. предложил и более общие математич. модели: теория распределения статуса, распределения богатства, модели альтруистич. и эгоистич. общества, социально-экономич. динамики и др.

Общество или группа в моделях Р. выступает как: 1) статистич. агрегат личностных и межличностных характеристик; 2) совокупность признаков, не сводимых к личностным и межличностным характеристикам, а описывающих общество как целое. Большинство признаков этого рода является константами или коэффициентами в уравнениях, представляющих социальные процессы. Весьма часто Р. пытается дать этим коэффициентам чисто психологич. интерпретацию, наделяя группу как целое такими св-вами, как «эгоизм», «агрессивность» и т. д. Следует отметить, что Р. отнюдь не претендует на изоморфизм своих моделей конкретным ситуациям, рассматривая их скорее лишь как прообраз будущей теории. Однако они имеют существен. методологич. недостатки: не учитывается опосредованность обществ. отношений.

Работы Р. показывают, что эффективность формализации не в развитии математич. аппарата социологии, где заслуги Р. неоспоримы, а в решении проблемы квантификации исходных переменных, что, в свою очередь, невозможно без нахождения меры каждого социального факта и учета объективной социальной политики, структуры общества.

Соч.: Advances and applications of mathematical biology, Chi., [1940]; Mathematical theory of human relations..., Bloomington, [1947]; Mathematical biology of social behavior, [Chi., 1959]; Mathematical biophysics, 3 ed., v. 1—2, N. Y., [1960]; Mathematical principles in biology and their applications, Springfield, [1961]; Some medical aspects of mathematical biology, Springfield, 1964.

Лит.: Беляев Э. В., К критике математич. моделей неопозитивистской социологии, в сб.: Философия марксизма и неопозитивизм, [М.], 1963. Ю. Самсонов. Москва.

РЕАКТОЛОГИЯ (от лат. приставки *re* — означающей противодействие, *actio* — действие и греч. *λόγος* — наука) — направление в сов. *психологии*, трактовавшее психологию как «науку о поведении» живых существ (в т. ч. и человека). Р. была основана советским психологом К. Н. Корниловым. Центральным для Р. было понятие «реакции», к-рое рассматривалось как универсальное для живых существ (все ответные движения организмов, включая одноклеточных); как ответ целого организма, а не одного органа; как надолженное психич. характеристикой (у высших представителей животного мира). Задачу Р. составляло изучение быстроты, силы и формы протекания реакции, выявление постепенно усложняющейся гаммы реакций (реакция натуральной, мускульная, сенсорная, выбора и др.) с помощью хронометрич., динамометрич. и моторно-графич. методов. Эксперимент. данные, полученные в результате исследования реакций, составили заметный вклад в сов. психологию. Переработка понятия «рефлекс» и расширение его до категории «реакции» давали

возможность, как полагали представители Р., осуществить «синтез» субъективной и объективной психологии. Однако этот синтез был искусственным, формальным. Р. строилась путем эклектич. сочетания марксистских принципов с нек-рыми механистич. и энергетич. идеями («закон однополюсной траты энергии»), впервые сформулированными в работе К. Н. Корнилова «Учение о реакциях» (1921). В результате в Р. намечилось и вскоре выявилось противоречие между правильно поставленными задачами новой психологии и бедной программой ее конкретного содержания. Сущность этих противоречий была вскрыта в психологич. дискуссиях начала 30-х гг. («реактологич. дискуссия»), что привело к отказу от реактологич. схем и устранению понятия Р. из психологии.

Лит.: Т е п л о в В. М., Борьба К. Н. Корнилова в 1923—1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма, в сб.: Вопросы психологии личности, М., 1960; С м и р н о в А. А., Экспериментальное изучение психологич. реакций в работах К. Н. Корнилова, там же; П е т р о в с к и й А. В., История советской психологии, М., 1967.

РЕАЛИ (Reale), Мигел (р. 1910) — браз. юрист и философ-идеалист, проф. философии права ун-та г. Сан-Паулу, пред. Бразильского института философии (осн. в 1949), гл. редактор «Бразильского журнала философии» («Revista Brasileira de Filosofia»). Для филос. воззрений Р. характерен эклектизм, сочетающий элементы неокантианства, феноменологии, экзистенциализма и др.

С о ч.: O estado moderno, 3 ed., R. de J., 1935; O capitalismo internacional, R. de J., 1935; Filosofia do direito, São Paulo, 1953; Horizontes do direito e da história, São Paulo, 1956; Parlamentarismo brasileiro, São Paulo, 1962.

РЕАЛИЗМ в искусстве — правдивое, объективное отражение реальной действительности на языке того или иного вида иск-ва. В этом смысле Р. представляет собой осн. тенденцию поступат. развития художеств. культуры человечества. В каждый новый историч. период Р. приобретает новый облик, выступая в виде определ. художеств. метода или же обнаруживаясь в виде тенденции к реалистич. осознанию действительности в рамках других творч. методов. В сов. эстетике существует и иная трактовка понятия Р. — как исторически определ. направления, метода или типа художеств. мышления [см. дискуссию в Ин-те мировой лит-ры в 1957— «Проблемы Р. (Материалы дискуссии о Р. в мировой лит-ре)», М., 1959]. Начало Р. связывается либо с эпохой Возрождения, либо с 18 веком, а его наиболее полное раскрытие усматривается в критич. Р. 19 в. Разработанная преим. на материале лит-ры, эта концепция считает главной особенностью Р. «типичные характеры в типичных обстоятельствах» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 37, с. 35).

Богатство Р. раскрывается лишь в ходе историч. развития иск-ва, к-рое идет не от низшего к высшему, а в форме накопления новых творч. проблем и решений, расширения границ и возможностей иск-ва. Нельзя сказать, что Возрождение «выше» античности, Рембрандт «выше» Рафаэля, Чайковский — Моцарта, Толстой — Пушкина, но каждый раз важнейшие эпохи и художники вносят в реалистич. иск-во нечто новое и неповторимое. В этом специфика художеств. прогресса, для к-рого каждый этап развития Р. самоценен и не может быть «снят» или «превозможен» любыми самыми совершенными достижениями др. эпох.

Осн. критерием, определяющим своеобразие разных историч. форм Р., является мера и характер художеств. правдивости иск-ва различных эпох. Задачами Р. каждой эпохи определяется и его отношение к внешнему, эмпирич. правдоподобию. Оно может выступать (напр., в раннем антич. иск-ве или в иск-ве Возрождения) как осн. средство реалистич. отражения действительности, однако сведение цели иск-ва к дости-

жению такого правдоподобия — принцип не Р., а натурализма. Эмпирич. достоверность художеств. образа имеет смысл лишь в единстве с правдивым отражением существ. сторон действительности. В то же время самые различные формы условности неоднократно являлись средством наиболее точного и выразит. фиксирования художеств. правды (напр., в творчестве Рабле, Гойи, Салтыкова-Щедрина). Вообще условность представляет собой неотъемлемую особенность всякого и, в частности, реалистич. иск-ва, поскольку оно есть отражение реального мира и этому последнему не тождественно. Р. определяется, т. о., не теми или иными приемами, самими по себе, но общим отношением иск-ва к действительности, к-рое только и можно назвать художеств. правдой.

Художеств. правда включает в себя две стороны, нерасторжимо связанные между собой: объективное отражение существ. сторон жизни, к-рая не копируется, но как бы воссоздается заново по законам данного вида иск-ва, и истинность эстетич. оценки, т. е. соответствие эстетич. идеала тающимся в действительности потенциам развития. Наиболее глубокое проникновение в сущность мира достигается в Р. там, где обе эти стороны художеств. истины находятся в гармонии, как в портретах Рембрандта, поэзии Пушкина или романах Толстого. Там же, где тенденция не вытекает из обстановки и действия» (см. Ф. Энгельс, там же, т. 36, с. 333), а привносится в реалистич. изображение извне, возникает чуждый Р. дидактизм. В др. случаях может возникнуть противоречие между субъективистским восприятием действительности и правдивостью эстетич. идеала художника, что характерно, напр., для ряда совр. прогрессивных художников капиталистич. стран.

Реалистич. иск-во часто бывает «умнее» своего творца, когда художник, не обладая ясностью и последовательностью мировоззрения, не может сделать необходимые выводы из своего же художеств. изображения жизни. Обнаруживая в своих произведениях глубокое понимание действительности, он может вместе с тем разделять ограниченные или даже консервативные обществ. и филос. убеждения (напр., Тургенев, Достоевский). Это не означает, что мировоззрение художника, в частности его социально-политич. взгляды, безразличны для реалистич. иск-ва. Нек-рые теоретики (Видмар), отстаивающие эту т. зр., ссылаются при этом на Энгельса, говорившего по поводу Бальзака о «победе» Р. над политич. заблуждениями писателя. Однако Энгельс в данном случае указывал не на общую закономерность отношения Р. и мировоззрения художника, но на часто встречающееся в истории противоречие между позициями мастера в политике или философии и его художеств. осознанием жизни, к-рое может быть глубже, правдивее, богаче именно потому, что иск-во художника есть его непосредств. обществ. дело. В ряде случаев расцвет Р. связан именно с последовательностью передового мировоззрения, с тенденциозностью в выражении обществ. идей (в ряде высших проявлений критич. Р. 19 в. и в особенности в социалистич. Р., прочно опирающемся на идеи марксизма-ленинизма). В. И. Ленин, анализируя творчество и обществ.-филос. воззрения Л. Н. Толстого, дал классич. образец раскрытия их внутр. противоречий как своеобразного отражения реальных противоречий социальной жизни, показав то, в чем художник «велик», в чем его иск-во представляет собой «... шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (Соч., т. 16, с. 293).

Р. часто раскрывается в сложных противоречиях, в борьбе с тенденциями, тормозящими или ограничивающими его развитие. Эти тенденции порой проявляются открыто и последовательно, как, напр., в совр. бурж. иск-ве («заумный язык» в поэзии, абстракт-

ционизм в живописи, иск-во «абсурда» и т. д.), чаще, однако, наблюдаются сложные, противоречивые художеств. образования, в к-рых одновременно различаются и реалистич. и враждебные, либо чуждые Р. черты (напр., в творчестве Врубеля, Блока или Пикассо), существующие в живом творчестве в нерасторжимом единстве. Так, у раннего Маяковского реалистическая в основе своей критика бурж. мира неотделима от ее футуристич. формы.

Поскольку любая историч. форма Р. особенно чутка к определ. граням и аспектам истины, ее исторически неизбежная ограниченность выступает как внутренне присущая ей антиреалистич. тенденция. Так, иск-во «классического» Ренессанса «слепе» к обществ. антагонизмам, а роман критич. Р. 19 в. — к гармонии бытия, что является, однако, результатом объективного проникновения в жизнь совр. общества: Бальзак и Достоевский не потому «не видят» гармонии, что они до нее «не доросли», а потому, что ее нет в современном им капиталистич. мире. Т. о., задача анализа реалистич. иск-ва заключается не в том, чтобы механически отграничить его от некоего абстрактного «антиреализма», как полагала догматически ориентированная эстетика в условиях господства культа личности Сталина, но в том, чтобы в каждом подлинно художеств. явлении обнаружить его реалистич. сущность, вскрывая вместе с тем его ограниченные или внутренне противоречивые черты. В этом смысле и может быть обнаружена логика эстетич. прогресса, подводящая к иск-ву социалистич. Р.

Р. проходит в своем развитии ряд стадий. Известные реалистич. тенденции возникают уже в первобытном иск-ве (палеолитич. росписи, устное нар. творчество эпохи родового строя) и достигают большой силы в иск-ве Др. Востока, хотя и отмечены здесь чертами грубой предметности, как в древнеинд. поэзии или егип. пластике. В антич. мире Р. впервые освобождается от варварской примитивности, обретая высокую человечность в классич. греч. иск-ве (скульптуре, поэзии, драме). Этот первый взлет Р. в истории иск-ва стал основой последующей культурной традиции вплоть до нашей современности. В отличие от антич. «художественной религии» (Гегель), господств. религ. системы феод. средневековья в большинстве своем были враждебны реалистич. тенденциям в художеств. творчестве. Тем не менее в крупнейших явлениях ср.-век. иск-ва (в героич. эпосе — «Песне о Роланде», «Слове о полку Игореве», «Эдде», в рус. иконописи, готич. скульптуре, кит. пейзаже, иран. лирич. поэзии и т. д.) содержатся новые важные завоевания в художеств. освоении мира и прежде всего внутр. мира человека.

Новый могучий подъем Р. связан в Европе с эпохой Возрождения. Сначала лит-ра (Данте, Боккаччо), затем изобразит. иск-во (Джотто, Донателло, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан, Микеланджело) и, наконец, вновь лит-ра (Рабле, Сервантес) и в особенности драма (Шекспир) формируют своеобразный тип ренессансного Р., соединяющего в себе невиданное до того богатство жизненных наблюдений и широту охвата действительности с цельностью мировосприятия, проникновением в остřejшие конфликты жизни и гармонич. природу идеала. Р. Возрождения явился исходным пунктом многогранного развития реалистич. иск-ва в Европе в последующие столетия и, в частности, живописи 17 в., глубоко раскрывшей психологич. богатство личности (Рембрандт, Веласкес). В иск-ве классицизма (Расин, Корнель, Пуссен) правдивое раскрытие антагонизмов действительности и даже критика ее пороков (Мольер) совершается в рамках строго нормативной эстетич. доктрины. Иск-во барокко в 17 в., рококо и сентиментализм в 18 в. содержат в себе определ. реалистич. тенденции, сос-

тавляющие в них (как, впрочем, и в иных, нередко отделяемых от Р. методах) их живое, прогрессивное начало.

В 18—19 вв. постепенно кристаллизуется новый тип Р., связанный с формированием и укреплением бурж. общества: т. н. критич. Р. Путь ему прокладывает голл. живопись 17 в., драма (Лессинг) и роман 18 в. (Свифт, Филдинг, Стерн). Название «критический Р.» условно и означает не обязат. преобладание собственно критич. жанров, но тот факт, что отныне передовое реалистич. иск-во оказывается в неизбежной оппозиции к господствующим в бурж. обществе формам публичной и частной жизни. Если Р. в более ранние периоды часто занимал позицию «апологии» того социального строя, в к-ром он возникал, то критич. Р. принципиально антибуржуазен, даже когда в нем нет прямой критики бурж. строя. Для этого периода Р. характерно пристальное «исследование» действительности, социальный анализ, обусловливающий в пору господства бурж. отношений ведущую роль прозаич. лит-ры, сменившей господство поэзии в предшествующий период (Гёте, Пушкин, Байрон). В романе и новелле (Степаль, Бальзак, Флобер, Диккенс, Теккерей, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, Чехов), в живописи (Гойя, Жерико, Домье, Курбе, Репин, Суриков, Э. Мане), в театре развертывается сложнейшая картина человек. жизни во всех ее социальных аспектах и со всеми ее противоречиями. Вследствие тесной связи реалистич. иск-ва с прогрессивными силами общества эта эпоха по праву может быть названа эпохой демократич. Р., достигающего особой интенсивности и богатства в периоды подъема широких нар. движений. Так, основу романтич. иск-ва 1-й трети 19 в. в его живом реальном содержании составляло отражение революц. движений эпохи (Гюго, Делакруа, Гейне). Рус. реалистич. иск-во 19 в. неразрывно связано с мощным подъемом освободит. движения в стране.

В 20 в., в эпоху пролет. революций и поворота человечества к коммунизму, демократич. Р. приобретает новые черты, позволяющие ряду исследователей отличать его как особый художеств. метод от «классического» критич. Р. 19 в. (Фраис, Шоу, Хемингуэй, Чаплин, итал. неореализм в кино, Брехт, Мазерель, Ривера и др.). Реализм 20 в. особенно чуток к социальным трагедиям и революц. потрясениям; он не только изображает антагонистич. состояние общества, но и выражает поиски путей в будущее. Отсюда его связь с социалистич. Р. как художеств. формой осознания движения человечества к коммунизму. Социалистич. Р., порожденный социалистич. революцией и строительством коммунизма в СССР (Горький, Маяковский, Эйзенштейн, Мухина и др.), формируется и в др. странах мира, где имеет место мощное революц. движение. Будучи наследником лучших традиций прошлого, социалистич. Р. есть форма самосознания широчайших нар. масс, перешедших к сознат. историч. творчеству: давая глубоко правдивую картину жизни в перспективе ее революц. развития, социалистич. Р. является активным и последоват. носителем коммунистич. идей.

Первой попыткой обосновать сущность художеств. правды является антич. теория *мимесиса*, особенно в ее интерпретации Аристотелем (см. также *Подражание*). Важный вклад в теорию Р. внесли мыслители Возрождения, особенно теоретики изобразит. иск-ва (Альберти, Леонардо да Винчи, Дюрер), видевшие в приближении к природе гл. достоинство иск-ва. Впервые во всей полноте теория реалистич. иск-ва была разработана в 18 в. Дидро («Салоны») и Лессингом («Гамбургская драматургия»), противопоставивших фальшивым и искусств. идеалам дворянской культуры понятия правды и простоты. Сам термин «Р.» как

эстетич. понятие впервые был утвержден Ф. Шиллером, рассматривавшим Р. как «подчинение природе» и ее необходимости, как утверждение объективности бытия; в этом смысле Р. — антитеза идеализму («О главной и сентиментальной поэзии»). Глубокий анализ сущности реалистич. творчества дали Гёте, в центре внимания к-рого — диалектика идеального и реального, иск-ва и природы, и Гегель, всесторонне охарактеризовавший сущность иск-ва и его отд. историч. этапов как специфич. формы познания действительности. Шеллинг в противоположность Шиллеру выдвинул свое понятие «поэтич. Р.» («Лекции о методе академич. исследования», 1803), развитое впоследствии О. Людвигом. После романтиков термин «Р.» стал широко использоваться в теории и критике для обозначения иск-ва, непосредственно воспроизводящего «наличное бытие» человек. общества и природы, в противоположность «идеализации», «стилизации» и др. Окончат. формулировку понятия «Р.» дали франц. критики и художники сер. 19 в. — Торе, Ш. Блаи, Тэн, Шанфлэри («Реализм», 1857), Курбе, Флобер и др.

Огромную роль в разработке теории Р. сыграли труды рус. революц. демократов. Белинский уже в ранних работах («О рус. повести и повестях г. Гоголя», 1835, и др.) говорил о значении «реальной поэзии». Позднее, обосновывая принципы «натуральной школы», он дал развернутую характеристику принципам критич. Р. Подлинным эстетич. манифестом Р. можно назвать «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) Чернышевского, хотя он, как и Белинский, еще не пользуется термином «Р.», к-рый в рус. эстетике был утвержден Писаревым («Реалисты», 1864), придавшим, однако, этому термину односторонний позитивистский оттенок.

Проблема Р. стоит в центре эстетич. интересов Маркса и Энгельса, к-рые проанализировали взаимосвязь в иск-ве идеального и реального (в переписке с Ласалем по поводу его трагедии «Франц фон Зиккинген»), тенденциозности и правдивости (письма Энгельса к М. Каутовой и М. Гаркнесс), раскрыли (в частности, на примере творчества Балзака) суть критич. Р.

Большую роль в защите принципов Р. сыграл Плеханов, развивший с позиций марксизма традиции рус. демократич. эстетики. Ленин всесторонне обосновал понимание иск-ва как специфич. формы отражения действительности. Сформулированный Лениным принцип партийности иск-ва по-новому осветил проблему идеала в реалистич. иск-ве. Ленинская теория отражения и вытекающие из нее эстетич. принципы легли в основу теории социалистич. Р., обобщившей опыт развития сов. иск-ва. В парт. документах по вопросам иск-ва содержится ориентация художников на правдивое, близкое народу творчество, подчеркивается роль великой реалистич. традиции классич. иск-ва, формулируются осн. задачи социалистич. Р. на разных этапах развития сов. общества. Большой вклад в разработку теории Р. в сов. время сделал Луначарский. Наиболее глубоко осветил проблему социалистич. Р. Горький. В результате коллективных усилий в 30-е гг. была выработана общая формула социалистич. Р. как правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революц. развитии, сочетающегося с задачами коммунистич. воспитания людей. Складываясь в борьбе с господствующими в бурж. эстетике конца 19—20 вв. концепциями, либо вообще отрицающими Р., либо сводящими его к малозначит. эпизоду в истории иск-ва (К. Фидлер, М. Дворжак, Х. Ортега-и-Гасет, А. Мальро), марксистско-ленинское понимание Р. в ходе своего развития должно было вместе с тем преодолевать догматически узкое истолкование Р. как механистич. сочетания внешнего правдоподобия с декларативной иллюстративностью в выражении идей, а также рели-

гиозно-стирание границ между Р. и враждебными ему тенденциями, между социалистич. и бурж. идеологиями.

Лит.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1—2, М., 1957; В. И. Ленин о литературе и искусстве, 2 изд., М., 1960; Давид-Соважю А., Р. и натурализм в литературе и философии, М., 1891; Жишнц М. А., Вопросы искусства и философии, М., 1935; Лукач Г., К истории Р., М., 1939; Бурсов Б., Вопросы Р. в эстетике революц. демократов, М., 1953; Недошиев Г., Очерки теории искусства, М., 1956; Проблемы Р., М., 1959; Денпров В., Проблемы Р., Л., 1960; Незуитов А. Н., Вопросы Р. в эстетике Маркса и Энгельса, Л.—М., 1963; Вайман С. Т., Марксистская эстетика и проблемы Р., М., 1964; Кох Г., Марксистская эстетика, пер. с нем., М., 1964; Петров С. М., Реализм, М., 1964; Гароди Р., О Р. без берегов, пер. с франц., М., 1966; Lenoir P., Histoire du réalisme et du naturalisme dans la poésie et dans l'art..., P., 1889; Hasan Z., Realisme..., Camb., 1928; Auerbach E., Mimesis, Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur, Bern, 1946; Reiman P., Über realistische Kunstauffassung, B., 1949; Lukács G., Probleme des Realismus, [2 Aufl.], B., 1955; Brinkmann R., Wirklichkeit und Illusion. Studien über Gehalt und Grenzen des Begriffs Realismus..., Tübingen, 1957; Bornesque J. H. et Cognu P., Réalisme et naturalisme. L'histoire, la doctrine, les œuvres, [P., 1958]; Muscetta C., Realismo e controrealismo, Mil., 1958; Salinari C., La questione del realismo, Firenze, 1960; Váross M., Teoria realizmu vo výtvornom umeni, Bratis., 1961.

Г. Недошиев. Москва.

РЕАЛИЗМ (от позднелат. *realis* — вещественный) в философии — объективно-идеалистич. филос. учение, согласно к-рому общее обладает объективным существованием, предшествует единичным конкретным предметам и независимо от них.

В ср.-век. схоластики философии Р. был одним из двух основных — наряду с номинализмом — направлений в решении проблемы универсалий. Филос. принципы Р. восходят к учению Платона об идеях как первичной реальности. Эта точка зрения Р., укрепившись в платонически окрашенной патристике 4—5 вв., становится господствующей в ср.-век. схоластической философии Зап. Европы и арабомусульм. мира той эпохи. Она является естественной для теологич. философии, к-рая по самой своей идеалистич. природе опиралась на чисто умозрительные методы осмысления бога и его атрибутов, и на такое же обоснование религ. догматов. В Зап. Европе Р. исходил из платонизма и неоплатонизма. Р. утверждал, что чем более общим является понятие, тем реальнее его существование в качестве особой сущности. Христианская разновидность Р., сочетаемая с креационизмом и обоснованная Августином, исходила из того, что идеи-образы находятся в уме внеприродного бога-творца, а конкретные вещи представляют их весьма несовершенные копии. Согласно этой концепции, гл. филос. представителями к-рой в эпоху раннего средневековья были Ансельм Кентерберийский и Гильом из Шампо, «роды» и «виды» являются идеальными прообразами, в соответствии с к-рыми бог создал все единичные предметы и существа. Истинность с этой точки зрения присуща не только суждениям, но и самим вещам и явлениям реального мира, включая идеалевка и его постушки — в меру их соответствия цельным прообразам божеств. интеллекта. Тем самым концепция Р. становилась филос. обоснованием необходимости безусловного почитания бога и покорности перед церковью, являвшейся в ср. века наивысшим обобщением и санкцией сословно-иерархич. общества. Основоположные догматы христ. вероучения (догматы троицы, первородного греха и др.) обосновывались с помощью чисто умозрит. методологии Р.

В связи с обнаружением внутр. противоречий феод. формации — отделением города от деревни, развитием товарного произ-ва, зарождением в этой связи элементов нового индивидуалистич. мировоззрения, усилением нар. («еретических») движений, проникновением в Зап. Европу аверроизма и нек-рых др. идей арабской философии, развитием номинализма — про-

исходила перестройка христианско-католич. философии, изменившая и форму Р. Значит. роль в этой перестройке принадлежала *Фоме Аквинскому*. Платоновская ориентация, господствовавшая в предшествующий период, сменяется аристотелевской. Стремясь несколько ослабить абсолютную зависимость мира и человека от бога, характерную для августицианской традиции, Фома изменил крайний платоновский Р. в Р. более умеренный, восходящий к *Аристотелю* и араб. схоластич. аристотелизму. Его осн. формулой становится утверждение о существовании универсалий до вещей (*ante res*) — в божеств. уме; в вещах (*in rebus*) — поскольку они созданы богом, и после вещей (*post res*) — в понятиях человек. ума, открывающего их в созданном богом мире. Если крайний Р. более настаивал на трансцендентности идеи по отношению к вещам (первая часть формулы), то умеренный подчеркивал их имманентность вещам (вторая и третья части ее). Центр. понятием этой разновидности объективного идеализма становится понятие *формы*. Однако позиции крайнего и умеренного Р. отнюдь не были взаимоисключающими, и в развитии схоластич. философии они нередко переплетались. В этих колебаниях отражались не только неспособность Р. решить проблему отношения общего и единичного, но и противоречивость взаимоотношения Р. и теологии: опираясь на Р., теология приспособлявала его к своим догматам, но иногда приходила к ним в конфликт. Это касалось в особенности пантеистич. тенденции неоплатоновского Р. с его принципом *эманации*, согласно к-рому «роды», проистекшие из наиболее общего и безличного бытия, каким является бог, порождают «виды», к-рые в свою очередь порождают единичные конкретные предметы. Виднейшим представителем Р., обнаружившим такие тенденции в ранней зап.-европ. ср.-век. философии, был *Иоанн Скот Эриугена*.

Р. стал осн. прототипом систем объективного идеализма бурж. философии (*Гегеля* и более поздних ее представителей).

Лит.: Штёкль А., История средневековой философии, М., 1912; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. ср.-век. философии, М., 1957, с. 26—45, 104; Котарбинский Т., Спор об универсалиях в ср. века, Избр. произв., М., 1963, с. 410—15; Reiners J., Der aristotelische Realismus in der Frühcholastik, Aachen, 1907; Grahn M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 1, В., 1957, S. 293—340, Bd 2, В., 1957, S. 438—51. В. Соколов. Москва.

В совр. бурж. философии реалистич. концепции получают широкое распространение в связи с кризисом позитивистского феноменализма и представляют собой попытку выйти за пределы субъективизма. Термин «Р.» обозначает здесь любую филос. систему, к-рая исходит из первичности «реального», признавая независимое от сознания субъекта существование объекта. Однако онтологич. природа объекта определяется в философии Р. по-разному. Он отождествляется либо с материальной действительностью, и в этом случае Р. сближается с материализмом (*Селлерс*), либо с духовным бытием, и тогда Р. отождествляется с объективным идеализмом.

Внутри идеалистич. Р. выделяется две осн. разновидности. Первая, к к-рой относится *неореализм*, характеризуется презентативной теорией познания («непосредственный» Р.). Представители этого направления выступили против любой дуалистич. гносеологии (абс. противопоставления познания бытию) и пытаются преодолеть разрыв между субъектом и объектом при помощи нек-рой разновидности теории непосредственного знания — «эпистемологического монизма», т. е. учения о непосредств. включенности действительности (объекта) в сознание субъекта; в познават. акте «схватываются» предметы как они существуют. Такая позиция, абсолютизируя то общее, что есть

между материей и сознанием, и качественно отождествляя физич. и психическое, вступает в противоречие с исходной реалистич. посылкой о независимом существовании объекта. Эта теория приводит презентативную гносеологию Р. к признанию объективного существования логики форм, что сближает ее со схоластич. Р. Презентативное направление в Р. не могло, однако, справиться с проблемой ошибки. Отождествление вещи и мысли лишило возможности разграничить истинное, адекватное знание и ложное, неадекватное.

Попыткой выйти из этого тупика в русле Р. является репрезентативная теория познания (Р. «опосредованный»; сюда относится *критический реализм*), к-рая и составляет вторую разновидность Р. Эта теория познания возрождает дуалистич. доктрину: между объектом и познающим субъектом вводится «данное» — посредник, к-рый и есть содержание сознания. Однако интерпретация этого «данного» как независимого от действительности образования приводит снова к невозможности перехода от субъекта к объекту в процессе познания, что влечет за собой агностич. выводы.

Объективно-идеалистич. тенденция критич. Р. получает дальнейшее развитие в США в 40—50-х гг., когда возникают новые школы Р. — «Ассоциация реалистической философии» (Д. Уайлд, М. Чапмен, Р. Паркер и др.) и «Метафизическое общество» (Н. Вейс, Ч. Хартшорн, У. Шелдон и др.). Представители их, тяготея к аристотелизму, приходят к прямому признанию первичности идеальной формы (сущности) по отношению к действительности (существующему). Они утверждают, что субъект познает не нечто противоположное ему, а духовную природу бытия. Филос. концепция этих школ сближается с *неотомизмом*.

Лит.: Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Луканов Д. М., В тупике идеалистич. гносеологии, «ВФ», 1965, № 2; Evans D. L., New realism and old reality..., Princeton, 1928; Harlow V. E., A bibliography and genetic study of American realism, Oklahoma, 1931; Ray B., Consciousness in neo-realism..., L.—la. o. j., 1935; Wild J., Introduction to realistic philosophy, N. Y., 1948. См. также лит. при ст. *Критический реализм, Неореализм*. Д. Луканов. Горький.

В специфич. форме Р. возродился в работах нек-рых зарубежных физиков сер. 20 в. Гносеологич. основой этого возрождения послужило ошибочное понимание возросшей роли математики в физике, в особенности математич. теории групп и связанных с ней принципов *симметрии*. В ходе поисков путей создания совр. теории элементарных частиц именно принципы и аппарат математич. теории групп и симметрии нередко оказываются весьма плодотворными и ведут к ценным науч. предсказаниям, в частности к открытию ранее неизвестных элементарных частиц и законов их движения. Нек-рые ученые в искаженном свете восприняли этот факт. Общие математич. понятия (теоретико-групповые свойства, типы симметрии) стали истолковываться как предшествующие материальному содержанию, конкретным материальным объектам, как определяющие их бытие и сущность.

Дань подобного рода воззрениям отдал, напр., *Гейзенберг*. В сер. 50-х гг. он стал отходить от позиций *позитивизма*, все более склоняясь к неоплатонизму. В ряде работ последнего времени он стремится обосновать мнение, будто совр. физика уходит от *Демокрита* и «...встает на сторону Платона и пифагорейцев» не только в вопросе о неделимости атомов. Он считает, что «...сходство воззрений современной физики с воззрениями Платона и пифагорейцев простирается еще дальше. Элементарные частицы, о которых говорится в диалоге Платона „Тимей“, ведь это в конце концов не материя, а математические формы... В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том,

что элементарные частицы в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы» («Физика и философия», М., 1963, с. 48—49).

Представления о реальных элементарных частицах как о чистых абстрактно-математич. формах, о математической симметрии как о «последней» сущности материальных объектов ошибочны. Они являются односторонним, гипертрофированным выражением одной из черточек познавательного процесса, оторванной от его источника и превращенного в абсолюта.

Лит.: Гейзенберг В., Открытие Планка и осн. филос. вопросы учения об атомах, «ВФ», 1958, № 11; Кузнецов И. В., В чем прав и в чем ошибается В. Гейзенберг, там же.

И. Кузнецов, Москва.

РЕАЛИЗМ на и в н ы й — первичное, основанное на жизненном опыте стихийное воззрение на мир, состоящее в том, что мир признается таким, каким он непосредственно представляется индивиду, т. е. таким, каким он его видит, слышит, осязает и т. д. Категориальная структура так понимаемого мира еще не подвергнута филос. анализу. Наивный Р., по характеристике Лепина, выражает стихийную, бессознательно материалистическую т. зр., убеждение в существовании внешнего мира независимо от нашего сознания (см. Соч., т. 14, с. 49, 53, 57; ср. с. 55). Материалистич. направленность определяет позитивное содержание наивного Р. Однако при объяснении природы познания т. зр. наивного Р. оказывается недостаточной и ведет к серьезным заблуждениям.

Истоки наивного Р. коренятся в способности психики объективировать переживания (*ощущения, восприятия, представления*), т. е. рассматривать свойства ощущений и т. д. как свойства самих объектов.

Исследование природы наивного Р. началось фактически с возникновением философии, а в 19 в. развитие психофизиологии *органов чувств* вскрыло его естеств.-науч. основания. Хотя в наст. время наивный Р. как принцип открыто никем не формулируется, отголоски его иногда встречаются и в наши дни. Таковы, напр., имевшие место в лит-ре попытки разделения «философского» и «физического» понятий *материи*, исходящие из наивно-реалистич. предпосылки о возможности какого-то иного, помимо философского, понятия материи.

От наивного Р. как естественно возникшего мировоззрения следует отличать попытки возвести отдельные части мировоззрения в ранг филос. концепций. К этой традиции близки субъективно-идеалистич. направления, к-рые пытаются начинать философствование с непосредственно данного как исходного и первичного, избегая при этом к.-л. теоретич. предпосылок как «метафизики» (*эмпириокритицизм, имманентная философия*).

Лит.: Вундт В., О наивном и критич. Р., [пер. с нем.], М., 1910; Кальсин Ф. Ф., Осн. вопросы теории познания, Горький, 1957; Орлов В. В., Особенности чувств. познания, Пермь, 1962; Микитенко Д. А., Відчуття і дійсність, К., 1966.

Д. Микитенко, Киев.

РЕАЛИЗУЕМОСТЬ (рекурсивная реализуемость) — понятие, лежащее в основе предложенного С. К. Клини (1945) метода конструктивного (интуиционистского) понимания матем. (и логич.) предложений, к-рый позволяет в точных терминах говорить об их «истинности» и является, т. о., попыткой построения конструктивной семантики. Проблема конструктивного истолкования матем. суждений была поставлена еще А. Колмогоровым (1932, см. *Исчисление задач*), но из-за отсутствия в то время точного понятия алгоритма в колмогоровской интерпретации оставались моменты неясные, допускающие неоднозначное толкование. Идея метода Клини может быть прослежена, исходя из: 1) интуиционистского понимания экзистенциального суждения

вида $\exists x A(x)$ как неполного сообщения, к-рое может быть «восполнено» указанием нек-рого x , такого, что $A(x)$ и, вообще говоря, дальнейшей «информацией», нужной для восполнения сообщения $A(x)$ для этого x (если $A(x)$, также является неполным сообщением); понимания импликации $A \supset B$ как неполного сообщения, восполняемого путем задания эффективного общего метода получения информации, восполняющей B , по данной информации, восполняющей A , и аналогично для др. логич. операций; 2) идеи арифметичности (эффективной нумерации), идеи арифметичности (эффективной нумерации), посредством к-рой любая «информация» может быть задана в виде *чисел* (см. *Метатеория*; это, по существу, та самая, исходящая от К. Гёделя, идея, к-рая была положена в практич. приложениях *кибернетики* в основу кодирования информации для вычислит. машин); 3) экспликации «эффективных» методов задания «информации» (к-рая, согласно (2), может быть числовой) в виде «рекурсивных» методов определения и доказательства (см. *Определение*, раздел Рекурсивные и индуктивные определения, *Рекурсивные функции и предикаты*). Сочетание этих идей, вместе с признанием возможности «непосредственной проверки» элементарных арифметич. формул вида $a=b$, где a и b — постоянные (осуществляемой попросту вычислением значений термов a и b), привело Клини к формулировке след. понятия рекурсивной Р.: 1. *Натуральное число e реализует элементарную замкнутую (далее всюду A и B — замкнутые формулы) арифметич. формулу $a=b$, если $e=0$ и значение a равно значению b . 2. e реализует $A \& B$, если $e=2^a \cdot 3^b$, где a реализует A и b реализует B . 3. e реализует $A \vee B$, если $e=2^a \cdot 3^a$, где a реализует A , или $2^1 \cdot 3^b$, где b реализует B . 4. e реализует $A \supset B$, если e есть гёделев номер частичнорекурсивной функции ϕ от одной переменной, такой, что если a реализует A , то $\phi(a)$ реализует B . 5. e реализует $\neg A$, если e реализует $A \supset 1=0$. 6. e реализует $\exists x A(x)$ (где x — переменная, а $A(x)$ — формула, не содержащая никаких свободных переменных, кроме, быть может, x), если $e=2^t \cdot 3^a$, где a реализует $A(t)$. 7. e реализует $\forall x A(x)$ (при тех же условиях на $A(x)$ и x), если e есть гёделев номер общерекурсивной функции от одной переменной, такой, что для каждого натурального t число $\phi(t)$ реализует $A(t)$.*

Формула A , не содержащая свободных переменных, реализуема, если существует число p , реализующее A . Формула $A(y_1, \dots, y_m)$, содержащая свободно только переменные y_1, \dots, y_m ($m > 0$), отличные друг от друга, наз. (рекурсивной) реализующей, если существует общерекурсивная функция ϕ от m переменных такая, что для каждого набора натуральных чисел t_1, \dots, t_m число $\phi(t_1, \dots, t_m)$ реализует $A(t_1, \dots, t_m)$. Наконец, понятие Р. естеств. образом распространяется и на формулы *логики высказываний*: пропозициональная формула наз. реализуемой, если реализуема всякая арифметич. формула, получающаяся из нее путем подстановки.

Клиниевское понятие Р. (совпадающее с точностью до способа задания и нек-рых уточнений с рассматриваемым Н. А. Шаниным (1955) понятием *восполнения*) положило начало обширному циклу исследований (работы самого Клини, амер. математиков Д. Нельсона и Дж. Роуза, сов. математиков Н. А. Шанина, Ю. Т. Медведева, Н. М. Нагорного, В. А. Янкова, Ф. А. Кабакова и др.), в ходе к-рых были предложены и др. модификации этого понятия. Выяснилось (Дж. Роуз, 1953), что имеются реализуемые, но не выводимые в конструктивном (интуиционистском) исчислении высказываний формулы (в то время как любая доказуемая формула этого исчисления реализуема), т. е. что конструктивное исчисление высказываний неполно (см. *Полнота*) относительно понятия Р.

(Термин «Р.» имеет в математике и матем. логике и др. значение: он употребляется как синоним для «интерпретируемости», т. е. наличия модели, или «реализации».)

Лит.: Клини и С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 82 (есть библиограф.); Шанин и Н. А., О некоторых логических проблемах арифметики, «Тр. Матем. ин-та АН СССР», 1955, т. 43 (есть библиограф.); ето же, О конструктивном понимании математических суждений, там же, 1958, т. 52 (есть библиограф.).

РЕАЛЬНОСТЬ (от лат. *realis* — действительный) — существующее в действительности. В диалектич. материализме термин «Р.» употребляется в двух смыслах: 1) объективная Р., т. е. материя в совокупности различных ее видов. Р. противопоставляется здесь субъективной Р., т. е. явлениям сознания; 2) все существующее, т. е. весь материальный мир, включая все его идеальные продукты. В этом смысле реальные ошибки и иллюзии.

Термин «Р.» появился в 13 в. у схоластов применительно к вещам, обладающим «значительной степенью» бытия, а в наибольшей мере — к богу как «полноте бытия», *ens realissimum*. Несколько позднее содержание понятия Р. стало предметом спора между *реализмом* и *номинализмом*. Учение схоластов о степени Р. встречается затем у Декарта и Спинозы, к-рый приписал наивысшую степень Р. субстанции. Лейбниц соответственно считал, что наибольшая Р. присуща монадам. Согласно Локку, *первичные качества* вещей обладают большей Р., чем вторичные (см. «Опыт о человек. разуме», кн. 2, гл. 30, § 2). У Беркли Р. по нисходящим степеням присуща богу, человек. душам и наиболее «живым» идеям, т. е. ощущениям, тогда как Юм и Спенсер считали, что большей Р. обладают воскрешаемые сознанием и в этом смысле устойчивые впечатления. Кант различал «эмпирич. Р.» явлений и категориальную Р. как «трансцендентальную материю всех предметов» познания. С т. зр. Фихте, Р. совпадает с активностью и происходит из продуктивной силы его воображения. Гегель рассматривал Р. не только как онтологич., но и как логическую категорию (см. «Наука логики», кн. II, отдел 3, гл. 2).

В совр. бурж. философии (как во всей предшествующей) содержание понятия Р. в той или иной системе определяется исходными моментами соответствующей системы. Если у Бергсона Р. актуализируется из «жизненного порыва», то прагматист Ф. Шиллер рассматривает Р. как результат преобразования субъектом «сырого опыта», так что субъект сам «делает» Р. В системах неопозитивизма Р. есть то, что поддается верификации и совпадает с ощущаемостью «данного» субъектом. В лингвистич. позитивизме позднего Витгенштейна и Остина «реальный» приобретает значения: «обычный», «естественный», «живой» и т. д. В ряде совр. концепций возрождается спор реалистов и номиналистов о Р. свойств, отношений и т. д. Крайние позиции были предвзяты репизмом позднего Ф. Брентано, по к-рому подлинная Р. присуща только вещам, и концепцией раннего Рассела, по к-рой реальны не вещи, но события (процессы) и отношения. В диалектич. материализме критерием Р. объектов, процессов, событий, фактов, св-в и т. д. является общественная, в т. ч. научно-экспериментальная и технич. практика человечества.

Лит. см. при ст. *Бытие, Материя. И. Нарский*. Москва.

РЕВИЗИОНИЗМ (от лат. *revisio* — пересмотр) — антинауч. метод пересмотра положений марксизма; оппортунистич. направление внутри революц. рабочего движения, к-рое под предлогом творч. осмысления новых явлений действительности осуществляет ревизию коренных, подтверждаемых практикой положений марксистской теории.

Р. возник в конце 70-х гг. 19 в. в герм. с.-д. партии, уже вставшей на позиции марксизма. Хёхберг, Бернштейн и Шрамм выступили в 1879 с пересмотром осн. положений революц. теории. Маркс и Энгельс в спец. письме, адресованном А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо»), дали решит. отпор этой первой вылазке ревизионистов. Окончательно Р. оформился после смерти Маркса и Энгельса, когда в 90-х гг. Бернштейн, выступив с наиболее цельной программой ревизии марксизма, дал имя этому течению. В нач. 20 в. Р. распространился в с.-д. движении Германии, Франции, Австро-Венгрии, России и др. странах, где на оппортунистич. позиции скатились Каутский, Бауэр, Вандервельде, Шейдеман, Легин, Мартов, Богданов и др.

Р. конца 19—нач. 20 вв. выступил с пересмотром всех сторон учения Маркса. В области философии ревизионисты не признавали диалектич. материализма, ссылаясь на достижения новейшего естествознания, они объявляли диалектику «ловушкой», заменяли материализм кантианством, беркляевством и махизмом. В экон. теории, ссылаясь на «новые данные хозяйств. развития», они утверждали, будто вытеснение мелкого произ-ва крупным замедлилось, а в с. х-ве не происходит вовсе, будто тресты и картели позволяют капитализму устранить кризисы, что расчеты на крушение капитализма не реальны, т. к. намечается тенденция к смягчению его противоречий. В политич. области, апеллируя к новым явлениям социальной жизни, ревизионисты пересматривали марксистское учение о классовой борьбе и ее цели, они заявляли, что политич. свобода, демократия, всеобщее избират. право уничтожают почву для классовой борьбы. «Конечная цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна, — писал Ленин, — выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений» (Соч., т. 15, с. 23).

Решит. критику ревизионизма дал Ленин. Обстоят. критика Р. содержится также в ряде работ Плеханова, Люксембург, К. Либкнехта, Меринга, Цеткин и др. представителей революц. марксистской мысли.

После краха 2-го Интернационала (1914), вызванного укоренением оппортунизма, рабочее движение раскололось на правую, социал-реформистскую часть, и левую, революц. часть, развившуюся в дальнейшем в междунар. коммунистич. движение. Поскольку с возникновением и распространением ленинизма внутри коммунистич. движения господствующей идеологией становится марксизм-ленинизм, Р. пытается в 20—40-е гг. и позже пересматривать уже эту теорию.

Наиболее массивную попытку ревизовать марксизм-ленинизм предприняли оппортунисты внутри коммунистич. движения в 50—60-е гг. Спекулируя на новых послевоен. явлениях и процессах, не получивших еще науч. марксистского объяснения, воспользовавшись трудностями коммунистич. движения, связанными с преодолением последствий *культы личности*, в конце 50-х гг. широко распространился Р. справа, пытавшийся столкнуть революц. рабочее движение на социал-реформистский путь. С ревизионистских позиций в 50-х гг. выступали А. Лефевр, П. Эрве (Франция), Дж. Гейтс, А. Биттелмен (США), А. Джолитти (Италия), М. Джилас (Югославия), Р. Зиманд, Л. Колаковский (Польша), Э. Блох (ГДР) и др. Особенно крупную вылазку предприняла ревизионистская группа Надя—Лондонци в Венгрии, проложившая путь контрреволюции 1956. Р. 50-х гг. пытался подвергнуть радикальному пересмотру все три составные части марксизма-ленинизма. В области философии оппортунисты ревизовали марксистский материализм, утверждали, будто неореализм, позитивизм, операционализм, семантич. философия сближаются с материализмом, что само противопоставление мате-

риализма идеализму изжило себя, что необходимо «обогащать» диалектич. материализм экзистенциалистским учением о человеке, интуитивистской теорией познания, позитивистским пониманием законов диалектики как гипотетических, не поддающихся «верификации». В социально-экономич. области ревизионисты стремились сочетать марксизм-ленинизм с каутскианством и кейнсианством, с различными концепциями «этич.», «демократич.», «антропологич.» социализма, распространяли теорию «трансформации капитализма в социализм», отстаивали лозунги «интегральной демократии», «нац. коммунизма», «идеологич. умиротворения». Особенно широкому пересмотру подвергались политич. аспекты марксистско-ленинской теории. «Современный ревизионизм, — говорилось в Декларации 1957, — пытается опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его „устаревшим“ и якобы утратившим ныне значение для общественного развития. Ревизионисты стремятся вытравить революционную душу марксизма, подорвать веру рабочего класса и трудового народа в социализм. Они выступают против исторической необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, отрицают руководящую роль рабочего класса и марксистско-ленинской партии, отрицают принципы пролетарского интернационализма, требуют отказа от основных ленинских принципов партийного строительства и прежде всего от демократического централизма, требуют превращения коммунистической партии из боевой революционной организации в некое подобие дискуссионного клуба» («Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М., 1961, с. 15). Междунар. коммунистич. движение в Декларации 1957 и Заявлении 1960 осудило Р. как гл. опасность в своих рядах, подвергло его всесторонней критике, постепенно очистило свои ряды от активных поборников Р.

Рассматривая Р. как идеологич. явление, следует видеть его специфику, гносеологич. и классовые корни. Будучи одной из форм теоретич. обоснования оппортунизма внутри революц. марксистского движения, Р. имеет специфич. черты: он сохраняет формальную связь с революц. теорией, выдавая себя за «творч. марксизм»; возникает в результате ненаучного, выходящего буржуазии пересмотра положений марксизма; как правило, Р. прикрывается принципом «свободы критики», выступает под флагом антидогматизма и иолучает наибольшее распространение во время существ. поворотов рабочего движения. Поскольку Р. является теоретич. обоснованием *оппортунизма*, имеющего две гл. формы — правый и левый оппортунизм, постольку сам Р. тоже бывает «Р. справа», когда ревизуемые положения марксизма заменяются бурж.-реформистскими взглядами, и «Р. слева», когда пересматриваемые положения заменяются анархистскими, бланкистскими, волюнтаристскими установками. Ленин подчеркивал важность теоретич. анализа как «Р. слева», обрисовавшегося тогда в романских странах, так и «Р. справа», широко распространившегося в ряде др. европ. стран (см. Соч., т. 15, с. 24). Общая противоположность того и другого Р. революц. марксизму не отменяет их собств. коллизий; это особенно заметно в последнее время: концепции правооппортунистич. Р. конца 50-х гг. находятся в остром конфликте с теми идеями «Р. слева», к-рые наряду с догматизмом и сектанством нашли применение в левом оппортунизме 60-х гг.

В гносеологич. отношении необходимо различать теоретико-познават. корни Р. в целом и той или иной его концепции. Взятый в целом, Р. паразитирует на относит. характере марксистских знаний. Как и любая наука, марксизм не может дать исчерпывающе

абсолютное знание об изменяющейся действительности. В ходе обществ. развития отд. положения марксистской теории, ранее правильно отражавшие действительность, устаревают, вступают в противоречие с изменившейся действительностью. Это требует не просто дополнения имеющихся выводов новыми, но и известной переоценки прежних формулировок, пересмотра имеющихся знаний с целью освобождения их от устаревших положений и формул. В подобном пересмотре нет ничего ревизионистского. Спекулируя на необходимости такой переоценки устаревших положений теории, Р. в гносеологич. отношении представляет собой результат субъективистской ревизии марксизма в отрыве и противоречии с действительностью, ибо им подвергаются пересмотру не устаревшие выводы, а сохраняющие свою правильность принципы марксизма. Однако не всякая ошибка и односторонность, не любой просчет и субъективизм, допущенные при пересмотре тех или иных марксистских положений, приводят к Р. Будучи продуктом классового общества, Р. выступает как социально обусловленное возвращение марксистской теории.

В классовом отношении имеется известная разница между классовой природой и социальной функцией Р., между тем, чьи позиции он отражает, и тем, кому он служит. Если по своему классовому происхождению Р. — результат мелкобурж. и бурж. воздействия на революц. рабочее движение, то по своей классовой природе Р. — идеология мелкой буржуазии, рабочей аристократии, средних слоев. Он отражает обществ. положение этих двойственных по своей природе, колеблющихся по своим устремлениям социальных групп, примыкающих то к рабочему классу, то к буржуазии. По своей социальной функции Р. выступает как проводник влияния буржуазии в революц. рабочем движении.

Р. как идейно-политич. течение охватывает по своему содержанию различные области обществ. науки: философию, политич. экономию, теорию науч. коммунизма, историю философии, этику, эстетику и др. Поэтому критич. анализ ревизионистских концепций — задача различных наук. Марксистская философия анализирует филос. аспекты Р. Этот анализ предполагает: во-первых, изучение филос. концепций Р., сознательно отстаиваемых и пропагандируемых ревизионистами и представляющих собой филос. Р.; во-вторых, рассмотрение методологии, к-рая присуща ревизионистскому способу мышления, независимо от того, осознается она или нет самими ревизионистами, и к-рая составляет философско-методологич. основы ревизионизма; в-третьих, раскрытие теоретико-познават. истоков, гносеологич. корней отд. ревизионистских концепций.

Филос. Р. — это отнюдь не единое раз навсегда избранное филос. миропонимание, а исторически изменяющаяся эклектич. сумма различных филос. концепций. В конце 19 — нач. 20 в. часть ревизионистов проповедовала кантианство (Бернштейн, Шмидт), другая часть — подправленный махизм (Богданов, Базаров), третья — смесь неокантианства с вульгарным материализмом (Каутский) и т. д. В ревизионистских теориях 50-х гг. можно обнаружить влияние экзистенциализма (Блох), позитивизма (Бламберг), неокантианства (Лефевр) и т. д. Представители Р. предлагали, в частности, дополнить философию Маркса феербаховским антропологизмом и гегелевской систематикой, сделать ее предметом познания имманентного материи «тогума» (Блох), рекомендовали поставить в центр проблему отчуждения (Лефевр), советовали разрабатывать философию, имеющую не мировоззренческую, а моральную функцию (Колаковский). Характерно и то, что в прошлом ревизионисты прямо отвергали диалектич. материализм и призы-

вали признать «философией марксизма» те или другие модные в то время бурж. филос. концепции; теперь диалектич. материализм признается философией марксизма, по он истолковывается Р. таким образом, что в конечном итоге оказывается замененным тем или иным бурж. филос. учением, а нек-рые ревизионисты вместо диалектич. материализма выдвигают т. н. «натуралистич. гуманизм» и вместо историч. материализма — «историч. гуманизм».

Методологич. основы Р. — это определ. устойчивый субъективизм, лежащий в теоретич. фундаменте всех его концепций и выражающийся в эклектике и софистике (см. там же, т. 28, с. 213). Здесь находит свое выражение устойчивая, классово обусловленная черта всего Р., связанная и с его социальной функцией, что ведет в теории, в философии к попыткам совместить пролет. философию с буржуазной, материализм с идеализмом. Так, в филос. воззрениях Базарова и Богданова налицо сочетание материализма с субъективным идеализмом, материалистич. тезиса о взаимодействии субъекта и объекта с авенариусовской «принципиальной координацией Я и не — я»; в философии Блоха идеалистич. телеология совмещается с тезисом о материальности мира и т. п. Для обоснования своих взглядов ревизионисты широко используют софистику. Эклектизм и софистика вполне соответствуют практич. целям Р. «При подделке марксизма под оппортунизм, — писал Ленин, — подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» (там же, т. 25, с. 372).

Гносеологич. корни отд. ревизионистских концепций представляют собой те стороны, черточки, грани в познании действительности, из абсолютизации к-рых вырастает данная концепция. Так, если ревизионистская концепция «национального коммунизма» (Надь) вырастает из преувеличения нац. особенностей социалистич. строительства, то идея «интегральной демократии» (Колаковский) — продукт абсолютизации и интегрирования общих и сходных черт пролет. и бурж. демократии, а «антропологическая марксистская философия» (Блох) — следствие раздвоения общечеловеч. проблем в философии, результат подмены социально-классового индивида абстрактным человеком.

Междунар. революц. рабочее движение ведет решит. борьбу против филос. Р., против ревизионизма справа и слева, пытающегося идеологически разоружить рабочий класс, привести ему реформистские или анархистские взгляды.

Коммунистич. партии, философы-марксисты вскрыли теоретич. несостоятельность и политич. вред Р. вообще, филос. Р. в частности. В результате идейной борьбы и организац. мер влияние правооппортунистич. Р. за последние годы резко упало, а его наиболее активные поборники оказались вне рядов коммунистич. движения.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., [Письмо] А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Брадке и др. («Циркулярное письмо») от [17—18 сент. 1879 г.], в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Ленин В. И., Марксизм и ревизионизм, Соч., 4 изд., т. 15; е го же, Разногласия в европ. рабочем движении, там же, т. 16; е го же, Историч. судьбы учения Карла Маркса, там же, т. 18; е го же, Крах II Интернационала, там же, т. 21; е го же, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, там же, т. 31; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Против совр. Р., М., 1958; Б у т е н к о А. П., Осн. черты совр. Р., М., 1959; Б у т е н к о А. П. [и др.], Против совр. Р. в философии и социологии, М., 1960; За чистоту марксизма-ленинизма, М., 1964.

А. Бутенко. Москва.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ (позднелат. *situatio* — положение) — предшествующее революции

состояние общества, к-рое возникает в результате крайнего обострения антагонистич. противоречий и служит показателем зрелости объективных, социально-экономич. и политич. предпосылок революции. Ленин указывал след. гл. признаки Р. с.: 1) Кризис «верхов», свидетельствующий о невозможности для господствующего класса сохранить свое господство в неизменном виде. «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому». 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение ... активности масс, ... привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“ к самостоятельному историческому выступлению. Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна» (Соч. т. 21, с. 189—90).

Проблему Р. с. Ленин выдвинул в работах, написанных в период первой рус. революции; термин «Р. с.» Ленин впервые использовал в янв. 1906 в ст. «Гос. дума и социал-демократич. тактика» (см. там же, т. 10, с. 89).

Р. с. складывается и развивается на основе противоречий данного способа произ-ва. Но возникновение в обществе материальных условий, необходимых для появления новой социально-экономич. формации, недостаточно для того, чтобы вызвать революц. переворот. Обществ. противоречия должны еще со всей остротой проявиться в сфере политич. отношений, породить глубокий политич. кризис, достигающий степени Р. с. В совр. эпоху перехода от капитализма к социализму любая страна независимо от уровня ее развития может стать на путь, ведущий к социализму. Однако зрелость материальных предпосылок социализма в мировом масштабе еще не говорит о наличии объективных конкретно-историч. условий для социалистич. переворота в той или иной стране, к-рые только и позволяют непосредственно ставить вопрос о революции. Объективный характер перемен, отличающих Р. с., не позволяет рассматривать ее, как это делали нек-рые бурж. критики ленинизма, в качестве чисто стихийного процесса, к-рый не включает элемента политич. сознательности масс. Отмечая рост активности масс как признак Р. с., Ленин показал, что ее возникновение предполагает определ. уровень субъективных условий, к-рые по отношению к задачам и политике борющихся классов и партий выступают как объективный фактор дальнейшего развития революции. Поэтому коммунисты в любых условиях готовы массы к революц. борьбе. Возникновение Р. с. свидетельствует только о возможности революции. Не всякая Р. с. приводит к революции. Так, Р. с. 1859—1861 и 1879—80 в России; в 1923 в Германии и многие другие не переросли в революции. Для успеха революции недостаточно объективных условий. Необходима и зрелость субъективного фактора — сознательность и организованность масс, готовность их к борьбе за новый строй, сплоченность вокруг опытного революц. авангарда. Основоположенники марксизма решительно выступали против ультрареволюц. анархистских и заговорщич. течений вроде бакунизма, бланкизма и т. п., толкавших рабочее движение на путь вооруж. борьбы вопреки объективным условиям своего времени. Стремление к развязыванию революции при отсутствии Р. с. нашло проявление и в деятельности различных групп, выступавших под флагом марксизма («левых» коммунистов, троцкистов, совр. «левых» оппортунистов). Ленин подверг критике как фаталистич. правооппортунистич. теории автоматич. крушения капитализма, так и волюнтаристские, авантюристич. взгляды «левых» в коммунистич. дви-

жений, готовых «подтолкнуть» революцию в убеждении, что ее успех зависит лишь от революционности одного авангарда.

В прошлом Р. с. часто возникали в связи с войнами и вызванными ими чрезвычайными потрясениями (Р. с., предшествовавшие Парижской Коммуне, революциям 1905—07 и 1917 в России, пар.-демократич. революциям 40-х гг.). Но марксисты никогда не рассматривали войну как обязат. условие вызревания Р. с. История дала немало примеров того, как и в периоды сравнительно мирного развития в отд. странах складывались Р. с. (напр., накануне франц. бурж. революции конца 18 в., революций 1848 в Европе, на Кубе в конце 50-х гг. 20 в.).

Совр. эпоха вносит новые черты и изменения в процесс формирования Р. с. Превращение социалистич. системы в решающую силу развития человечества создает благоприятные междунар. условия для мирового революц. движения и выступает как важный фактор вызревания Р. с. в капиталистич. странах. По сравнению с Р. с. прошлого возрастает роль субъективного фактора. В то же время развитие революц. процесса отличается значит. своеобразием в отд. странах или группах стран (в империалистич. странах, в странах со слаборазвитой экономикой и т. д.) и многообразием форм Р. с.

В зависимости от конкретных условий меняется соотношение, «удельный вес» гл. признаков Р. с. в совр. условиях не связана обязательно с абс. общицанием масс. Она вызывается обострением социальных бедствий различного рода и наступлением сил реакции (необеспеченность существования широких масс, угроза войны, попрание демократич. прав, стремление лишить рабочий класс его социальных завоеваний и т. п.). После возникновения Р. с. объективно сохраняется возможность как мирного, так и немирного развития революции, что зависит прежде всего от силы сопротивления господствующего класса.

Р. с. различаются степенью зрелости, накалом классовых противоречий. В марксистской лит-ре высказывались предложения различать ее ступени или фазы, для чего вводились понятия «общей» и «непосредственной» Р. с. (в нек-рых работах общая Р. с. неправомерно сближалась с общим кризисом капитализма и тем самым теряла свои специфич. черты). Определение этих граней и выработка тактики коммунистич. партии возможны только на основе всестороннего изучения сложившихся в той или иной стране условий.

Лит.: Ленин В. И., Равновесие сил, Соч., 4 изд., т. 9, с. 382; е г о ж е, Мавка революц. пролетариата, там же, т. 19, с. 194—96; е г о ж е, Распушенная Дума и растерянные либералы, там же, с. 228; е г о ж е, Крах II Интернационала, там же, т. 21, с. 188—93; е г о ж е, Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов, там же, с. 364; е г о ж е, Детская болезнь «ленинизма» в коммунизме, там же, т. 31, с. 65—66, 74—75; е г о ж е, О нашей революции, там же, т. 33; Г а л ь п е р и н Э. Ю., В. И. Ленин о Р. с., «Зап. Ленингр. с.-х. ин-та», 1959, вып. 75; К р а с и н Ю. А., Ленинская теория социалистич. революции, Л., 1960; А л ь в а р е с С., Нек-рые вопросы Р. с., «ПМПС», 1963, № 12; Федосеев П., Материалистич. понимание истории и «теория насилия», «Коммунист», 1964, № 7. А. Заваде, Москва.

РЕВОЛЮЦИЯ (франц. *révolution*, от позднелат. *revolutio*—переворот) — качеств. изменение, коренной переворот в социальной жизни, обеспечивающий поступательное, прогрессивное развитие. Следует различать Р. как общественно-политич. переворот, охватывающий весь социальный организм, и Р. как качеств. изменение отд. сфер социальной жизни. Р. является проявлением скачка в обществ. развитии (см. также ст. *Переход количественных изменений в качественные*).

Общественно-политич. переворот, будучи социальной Р., необходимым образом связан с господством частной собственности на средства произ-ва и классовыми

антагонизмами. Вызревая на основе экономич. противоречий и выступая как наивысшее проявление борьбы классов, социальная Р. обеспечивает поступат. преобразование социально-экономич. структуры общества. В этом плане социальная Р. противоположна контрреволюции, представляющей собой регрессивное, попятное движение в социальном развитии, временно реставрирующее, укрепляющее отжившие обществ. порядки. Как радикальное, качеств. изменение существующих условий и структуры социальной жизни, Р. отличается от *эволюции*, т. е. постепенного изменения тех или др. сторон обществ. жизни. Р. отличается и от *реформы*, находясь с ней в сложном отношении, определяемом классовой сущностью самой Р. и реформы.

Р. как качеств. изменение отд. сторон социальной жизни вызревает в результате постепенного накопления и обострения противоречий обществ. развития, в результате крупнейших открытий и изобретений. Подобные Р. (в технике, естествознании, философии и т. д.) означают существенную коренную ломку сложившихся принципов, представлений, концепций и проявляются в перестройке соответствующих сфер социальной жизни. Напр., совр. общество — и социалистическое и капиталистическое — переживает *научно-техническую революцию*, поскольку происходит качеств. перестройка научно-технич. базиса произ-ва, вызванная новейшими достижениями науки и техники. Развитие культуры и науки тоже знает свои Р.: культурные революции в социалистич. странах; в естествознании, вызываемые фундаментальными открытиями; в сфере обществ. знаний, напр. революц. переворот, совершенный в обществ. науках Марксом и Энгельсом. Такого рода Р. не всегда связаны необходимым образом с обществ. антагонизмами; они имели место до сих пор, сохранятся они и в будущем, поскольку в бесклассовом обществе также будут коренные изменения в научно-технич. основе общества, его культуре, науч. знаниях.

Науч. раскрытие сущности социальной Р. впервые дал марксизм. Маркс, Энгельс и Ленин показали, что со времени возникновения частной собственности и раскола общества на антагонистич. классы вплоть до перехода к социализму человечество поднимается от одной общественно-экономич. формации к другой, проходя сквозь горнило социальных Р. Каждый тип социальной Р. имеет специфич. черты, обусловленные уровнем экономич., политич. и идеологич. развития общества, объективным содержанием революц. процесса, характером борющихся классов, их орг-ций и их сознательностью. Переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому (или феодальному) является социальным переворотом, но, поскольку это был переход от бесклассового общества к классовому, он не имел мп. черт социально-политич. Р. (классы только зарождались, и поэтому не стоял вопрос о смене классового господства и др.). Специфич. взаимосвязь внутр. и внешних факторов, обусловивших гибель рабовладельч. строя, наложила свою печать и на этот первый тип социально-политич. переворота (см. *Рабовладельческая формация*). В развитом виде Р. выступает при низвержении феодализма, а также при крушении капитализма. При этом существуют глубочайшие качеств. различия *буржуазной революции* и *социалистической революции*.

По своему происхождению социально-политич. Р.—естеств. результат развития общества, основанного на частной собственности и классовых антагонизмах. Развертывание Р. обусловлено состоянием всего общества, совокупностью внутр. и внешних причин, взаимодействием объективных и субъективных факторов и становится возможным лишь при наличии *революционной ситуации*. Совершая Р., передовые

силы открывают обществу путь в будущее, а сама Р. выступает как «локомотив истории». Социальная Р. — сложный процесс, охватывающий все сферы обществ. жизни; важнейшими взаимосвязанными сторонами этого процесса являются экономич. основа Р., ее движущие силы, вопрос о гос. власти, характер осуществляемых социально-экономич. преобразований.

Экономич. основу социальной Р. составляют противоречия способа произ-ва материальных благ. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 13, с. 7). При переходе от одной общественно-экономич. формации к другой историч. роль социальной Р. в том и состоит, чтобы разрушить господствующие производств. отношения как устаревшие, тормозящие обществ. развитие, и утвердить новые, соответствующие характеру производит. сил, обеспечивающие их быстрое развитие. Поскольку в ходе истории классового общества развитие производит. сил на определ. этапе вступало в противоречие с рабовладельческой, затем феодальной, наконец, буржуазной частной собственностью на средства произ-ва, осн. типы социальных Р. соответствуют этим переходам от формации к формации, причем особое место среди них занимает социалистич. Р., призванная упразднить частную собственность, перестроить все стороны обществ. жизни на новых, социалистич. началах. Однако даже при учете только экономич. осн. переворота все многообразие социально-политич. Р. не может быть сведено к этим трем осн. типам. Во-первых, известны Р., имевшие своей экономич. основой противоречие между развивающимися производств. сил и определ. сторонами господствующих производств. отношений. Подобные Р. не выводят за рамки данной общественно-экономич. формации, хотя и вносят существ. изменения в систему производств. отношений, ведут к перераспределению существующей собственности. Примером могут служить франц. бурж. Р. 19 в., развертывавшиеся в границах капиталистич. формации. Во-вторых, в 20 в. протекают Р., имеющие своей основой не одно, а два разнородных, хотя и взаимосвязанных, противоречия: с одной стороны, противоречие между развитием производств. сил и отжившими феод. или полуфеод. производств. отношениями, с другой — противоречие между интересами нац. экономич. развития и гнетом иностр. монополистич. капитала. Таковы *народно-демократические революции* в Европе и Азии; нац.-демократич., антиимпериалистич., антифеод. революции в ряде стран Азии и Африки и др. В-третьих, в совр. обстановке, в условиях распада колониальной системы империализма развертываются Р., в основе к-рых лежит специфич. противоречие между развитием нац. производств. сил и засильем иностр. империализма. Именно такими являются *национально-освободительные революции* в странах Азии, Африки и Лат. Америки. Сложное переплетение различных обществ.-экономич. укладов в жизни той или иной страны, особенности ее междунар. положения определяют большое разнообразие экономич. осн. социальных Р., тех обществ. противоречий, к-рые приводят в движение самые разнородные классовые силы.

Движущие силы Р. — это классы, социальные группы и слои, осуществляющие социальный переворот. Состав движущих сил Р. обусловлен ее экономич. основой. В разрешении возникшего конфликта

в данном способе произ-ва, в устранении старых производств. отношений и замене их новыми заинтересованы передовые классы общества, громадное большинство его, ибо углубление и обострение этого противоречия ведет к ухудшению экономич. положения нар. масс.

Хотя состав и степень участия движущих сил Р. определяется ее экономич. основой, он зависит и от др. факторов (сознательности угнетенных классов, их организованности) и потому имеет по отношению к экономич. основе известную самостоятельность. Во-первых, не в каждой социальной Р. все классы, объективно заинтересованные в ее победе, выступают в качестве ее движущих сил. Так, во франц. революции 1871, имевшей социалистич. направленность, создавшей Парижскую Коммуну как форму *диктатуры пролетариата*, трудящееся крестьянство практически не приняло участия, хотя объективно его интересы могли быть удовлетворены именно на путях социалистич. переустройства общества. Во-вторых, классы, осуществляющие Р., могут выступать с большей или меньшей активностью, более или менее самостоятельно. В том случае, если широкие массы народа не являются активными участниками борьбы, переворот приобретает характер «верхущечной» Р. (напр., турецкая революция 1908, иракская революция 1958), если же глубочайшие обществ. «низы» активно участвуют в событиях и накладывают на ход борьбы отпечаток своих собств. требований, Р. обретает вид *народной революции* (напр., рус. революции 1905—07, кубинская революция 1959).

Чем глубже назревшее социальное преобразование, тем шире непосредств. участие в нем масс населения. От одного типа социальной Р. к другому неуклонно возрастала сложность революц. задач и одновременно уменьшалось число творцов социального переворота.

В Р., совершаемой различными социальными группами, один из классов, составляющих движущие силы, выступает руководителем, гегемоном. Это — наиболее сознательный и организованный класс, руководимый *партией политической* и сплачивающий вокруг себя подавляющую часть революц. сил. Обычно класс-гегемон по своему объективному положению является носителем того социального идеала, тех обществ. отношений, к-рые призвана утвердить данная Р. Но возможно и иное положение: поскольку гегемония завоевывается наиболее последоват. и решит. революц. действиями, гегемоном Р. может стать класс, чей социальный идеал еще не осуществляется в данной Р. Так, гегемоном обеих бурж.-демократич. Р. 1905—1907 и Февральской 1917 в России был пролетариат, а не буржуазия, больше боявшаяся решит. победы Р., чем ее поражения.

Активные сознат. выступления классов, составляющих движущие силы Р., против существующего строя, — важнейшая черта развивающейся Р., ибо без этого ни обострение экономич. противоречий, ни наличие объективных предпосылок революц. переворота, выражающееся в революц. ситуации, еще не означают Р. Именно активная сознат. деятельность вооруженных революц. теорией масс обуславливает то, что стихийный процесс развития уступает место сознательному, обществ. эволюция — социальной Р.

Для победы Р. недостаточно воли и желания большинства народа, тех или иных активных действий масс. На защите старой формы собственности, своих прав и привилегий стоит господствующий класс, к-рый поддерживают его союзники, а также вооруж. сила гос.-ва. Чтобы сломить сопротивление этих реакц. обществ. сил, необходимо свергнуть защищающую их гос. власть и утвердить власть революц. классов.

Вопрос о гос. власти — осн. вопрос Р. «Переход государственной власти из рук одного в

руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции и как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» (Л е н и н В. И., Соч., т. 24, с. 24—25). Борьба за социальный переворот неизбежно приобретает форму классовой борьбы за гос. власть, к-рая является орудием сохранения или преобразования существующих обществ. отношений. Поэтому Р. всегда выступает как результат классовой борьбы, протекающей в самых разнообразных формах. Р. представляет собой высшую точку классовой борьбы между прогрессивными и реакц. силами, когда обществ. антагонизмы разрешаются путем свержения отжившего и утверждения нового строя. Развитие социальной Р., в зависимости от соотношения борющихся сил, может осуществляться либо немирным путем (средством вооруж. восстания и гражд. войны), либо мирным путем, когда победа революц. сил достигается без кровопролития. Как показывает историч. опыт, Р. могут происходить в условиях войны, но Р. и война не связаны необходимым образом. Обстановка мирного сосуществования гос-в с различным обществ. строем, борьба за мир способствуют сплочению революц. и демократич. сил.

Те классы, к-рые являются движущими силами Р. и создают новую надстройку, причем, как правило, именно класс — носитель исторически новой для данной страны формы производств. отношений и приходит к власти в результате победы Р. Это и определяет в конечном счете ее социальное содержание. Но и здесь нет автоматизма: подобно тому, как классовый состав движущих сил имеет отпосит. самостоятельность по отношению к экономич. основе Р., так и классовая сущность устанавливаемой власти относительно самостоятельна по отношению к движущим силам Р. В-первых, у революц. классов может оказаться недостаточно сил, чтобы добиться решит. победы, тогда и новая гос. власть, отражая эту непоследовательность, половинчатость переворота, попадает в руки социальных групп, стремящихся к компромиссу с реакц. силами (так было, напр., во время Р. 1848 в Германии). Во-вторых, в результате решит. борьбы революц. масс к власти могут прийти социальные группы, стремящиеся к наиболее радикальным преобразованиям, для осуществления к-рых еще не сложились необходимые объективные и субъективные условия. Раньше или позже подобные социальные группы, если им не удастся опереться на новый подъем Р., уступают место правым силам, что знаменует начало «нисходящей» линии развития социальной Р. (напр., Р. 1789—1794 во Франции). В-третьих, в тех странах, где не разрешены классовые противоречия различных ступеней историч. развития, возникает возможность последоват. социальных преобразований, в ходе Р. к власти может прийти класс, чей социальный идеал должен осуществиться не в данной, а в последующей Р. Если налицо необходимые предпосылки, то революц. преобразования приобретают вид «перманентной» революции: радикальное завершение задач ближайшей Р. перерастает в новую социальную Р. (по этому пути большевики стремились развивать бурж.-демократич. революцию в России, так развертывались народно-демократич. революции в ряде стран Европы и Азии).

С о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч. п р е о б р а з о в а н и я — решающий итог победоносной Р. Установление новой власти отнюдь не представляет собой самоцели революц. борьбы, это — лишь гл. условие, важнейшее средство революц. преобразования обществ. жизни. Именно при помощи гос. власти новый класс (классы) получает возможность окончательно сломить сопротивление отживших обществ. групп, отменить законы, охранявшие старый строй, расчистить дорогу для развития обществ. отношений. Экономич. преобра-

жения, осуществляемые Р., наряду с классовой природой ее движущих сил, их гегемона и характером установленной власти определяют в своей совокупности социальное содержание Р., ее тип, ее историч. место в развитии общества.

Развертывающиеся в совр. эпоху перехода от капитализма к социализму революц. преобразования, начало к-рым положила Октябрьская социалистич. революция, имеют своим ядром социалистич. Р., а своим гл. опорным пунктом — мировую социалистич. систему, к-рая превращается в решающий фактор обществ. развития. Под определяющим воздействием успехов мирового социализма, в результате нац.-освободит. Р., завершается разрушение колониальной системы империализма. Развитие революц. процессов в освободившихся странах обогащает историч. материализм опытом осуществления нац.-освободит. антиимпериалистич. Р.; нац.-демократич. антифеод. антиимпериалистич. Р.; опытом некапиталистич. развития, представляющего собой революц. преобразования, ведущие к социализму, минуя капитализм и даже феодализм.

Все революц. силы современности: мировая социалистич. система, революц. рабоче-крестьянское движение капиталистич. стран, нац.-освободит. движение — расшатывают устой империализма, устой эксплуататорского общества и составляют в своем развитии единый мировой революц. процесс, ведущий прямо или опосредованно к повсеместной замене эксплуататорского общества социализмом. Победа социализма и коммунизма во всемирном масштабе будет означать начало качественно нового этапа истории: ликвидация частной собственности на средства произ-ва и эксплуатации человеком человеком навсегда устранил из жизни общества социальные антагонизмы. Как отмечал Маркс, с этого времени откроется новая полоса развития общества, в к-рой социальные эволюции перестанут быть политич. Р. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, с. 185). См. также ст. *Буржуазная революция, Народно-демократическая революция, Национально-освободительная революция, Социалистическая революция* и лит. при этих статьях. А. Бутенко. Москва.

РЕГИУС — см. *Де Рюа, Г.*

РЕГРЕСС (от лат. regressus — обратное движение) — тип развития, для к-рого характерен переход от высшего к низшему. Содержание Р. составляют процессы деградации, понижения уровня организации, утраты способности к выполнению тех или иных необходимых функций; Р. включает также моменты застоя, возврата к изжившим себя формам и структурам. По своей направленности Р. противоположен прогрессу. Процессы Р. могут иметь весьма разнообразное конкретное содержание: Р. системы может наступать в результате общего постепенного Р. всех ее элементов, в результате относительно быстрого Р. ряда ведущих элементов системы, в результате систематич. истощения осн. группы элементов системы в пользу отнесен. прогресса др. группы элементов. Между Р. и прогрессом существует сложная многосторонняя связь: с одной стороны, отд. регрессивные изменения происходят в рамках общего прогрессивного развития системы; с другой стороны, при нарастании регрессивных изменений системы в целом отд. ее составляющие сохраняют прогрессивное направление развития.

В обществ. развитии возможность Р. заложена в самой противоречивой сущности историч. процесса. Ленин подчеркивал, что «...история идет зигзагами и круглыми путями» (Соч., т. 27, с. 137). Используя наличие в обществ. развитии противоречивых тенденций, реакц. классы и силы могут на какое-то время возобладать над прогрессивными силами (периоды реакции, рост фашизма). Поступат. развитие одних явлений и элементов часто сопровождается упадком

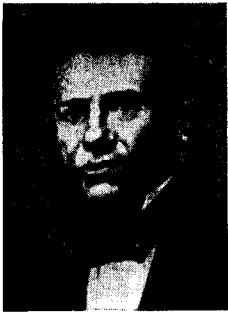
и деградацией других. Однако эти регрессивные явления представляют собой лишь продукт разложения отживших социальных форм, на смену к-рым уже явились новые, вобравшие в себя все прочное и ценное, что было у их предшественников. Разложение данного явления не прерывает кумулятивного процесса развития в рамках более общей системы и даже является одной из его необходимых предпосылок. «История, — писал Ленин, — не стоит на месте и во время контрреволюций. История шла вперед и во время империалистической бойни 1914—1916 годов...» (там же, т. 23, с. 261). 1-я и 2-я мировые войны принесли величайшие бедствия человечеству, но одновременно они распатали устои капитализма, ускорив победу социалистич. революции в России, а затем — создание мировой социалистич. системы. Кризис и разложение капиталистич. общества и его культуры, к-рый бурж. социологи изображают как «закат мировой цивилизации», сопровождаются мн. болезненными явлениями. Но в истории. перспективе это лишь расчистка почвы для нового, коммунистич. общества.

Лит. см. при ст. *Прогресс*.

И. Кон. Ленинград, Л. Серебряков. Москва.

РЕГРЕССИВНЫЙ ПОЛИСИЛЛОГИЗМ — см. *Полисиллогизм*.

РЕДКИН, Петр Григорьевич [4(16) окт. 1808—7(19) марта 1891] — рус. правовед, историк философии и педагог. Окончил Нежинскую «гимназию высших наук». В 1826 поступил в Моск. ун-т; с 1828 — в Профессорском ин-те в Дерпте, с 1830 — в Берлинском ун-те, где познакомился с философией Гегеля. По возвращении в Россию читал лекции по «энциклопедии законоведения» в Моск. ун-те. Д-р права (1835). С 1841 издавал «Юридич. запiski», в 1843—46 — журн. «Библиотека для воспитания», в 1847—49 — журн. «Новая библиотека для воспитания», оцененный Белинским как «предприятие полезное, дельное» (см. Полн. собр. соч., т. 10, 1956, с. 376). В 1848 Р.

вместе с *Кавелиным* уволили из ун-та как «замешанного в вольнодумстве» и в течение 15 лет не допускали к преподават. деятельности. С 1863 — проф. кафедры энциклопедии юридич. и политич. наук в Петерб. ун-те. В 80-х гг. Р. создал 7-томный труд «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» (СПБ, 1889—91); вышедшие в свет тома посвящены др.-греч. философии.

В филос. развитии Р. заметны два периода: до 60-х гг. он — гегельянец, после — в его взглядах сильны позитивистские тенденции. В полемике 60—70-х гг. вокруг дарвинизма Р. был одним из защитников эволюц. теории. В 1841 в журн. «Москвитянин» (ч. 4, кн. 8) Р. опубликовал первое в России печатное изложение осн. положений гегелевской диалектики (ст. «Обозрение гегелевой логики»). Отвергая претензии религии на руководство философией, Р. утверждал, что «...развитие мышления происходит само собою по законам самого мышления, или по законам разума» («Какое образование требуется современностью от рус. правоведа?», М., 1846, с. 23). Основа успехов человечества — достижение единства «теории и практики, науки и жизни, мышления и деятельности» (там же, с. 26). Наука есть «разумное развитие мышления» и подразделяется «на три главные отрасли» — философию, историю и филологию (см. там же, с. 27). «Философия есть наука, заключающая в себе верховное начало для всех отдельных наук» (там же, с. 28).

История философии «есть не что иное, как ее (философии. — *Ред.*) становление, или логическое развитие во времени» (там же, с. 46).

Мировоззрению Р. присущи просветит. тенденции. В просвещении народа, по Р., особое место принадлежит педагогике. «...От нея преимущественно я жду спасения нашей будущности», — говорил он («Из записок А. А. Чумикова», см. «Русский архив», 1902, № 9, кн. 3, с. 12). Р. был одним из основателей первого в России Педагогич. об-ва. Учеником Р. в педагогике был *Ушинский*.

Соч.: Избр. пед. соч., вступ. ст. В. Я. Струминского, М., 1958.

Лит.: Е. О., Здравый идеализм, «Вестн. Европы», 1889, кн. 6 (июнь); Шимановский М. В., П. Г. Редкин, О., 1890. В. Малинин. Москва.

РЕДУКЦИЯ (лат. *reductio*, букв. — отодвигание назад), сведение, — методологич. прием, играющий, в частности, важнейшую роль в логике, математике и др. дедуктивных науках. Р. состоит в нек-ром преобразовании данных (задач, предложений и т. п.) в наиболее удобный с к.-л. т. зр. вид, напр., в выражении их в форме логически более простой и легче поддающейся анализу. Р. к.-л. задачи к др. задаче играет двоякую роль: с одной стороны, решение второй задачи оказывается применимым и к первой; с др. стороны, невозможность (хотя бы с помощью нек-рых фиксиров. средств) решения первой задачи означает неразрешимость (теми же средствами) и второй. Т. о., Р. позволяет из положительного (отрицательного) решения нек-рой задачи извлечь положительное (соответственно, отрицательное) решение целого класса задач. Термин «Р.» относят также в естеств. смысле к умозаключениям, методам доказательства (напр., *reductio ad absurdum* — см. *Доказательство от противного*), понятиям, концепциям, теориям и пр. См. *Сводимость*.

РЕЗНИКОВ, Лазарь Осипович [р. 25 нояб. (8 дек.) 1905] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1948), профессор (с 1948). Член КПСС с 1940. Окончил Северо-Кавказский ун-т (1929) и филос. аспирантуру МИФЛИ (1938). Ведет педагогич. и н.-и. работу в вузах с 1929. С 1956 — профессор филос. фак-та Ленингр. ун-та. Разрабатывает вопросы теории познания.

Соч.: К разработке вопросов теории отражения, «Фронт науки и техники», 1937, № 5; Теория отражения и вопрос о «первичных» и «вторичных» качествах, «ПЗМ», 1937, № 7; Теория отражения и «физиологич.» идеализм, там же, 1938, № 3; О роли чувств. восприятий в познании, там же, 1938, № 8; К вопросу о генезисе человеч. мышления, «Уч. зап. Ростов.-на-Дону ун-та», 1945, т. 6, вып. 3; Проблема образования понятия в свете истории языка, в кн.: Филос. записки, ч. 1, М., 1946; К вопросу о соотношении языка и мышления, «ВФ», 1947, № 2; Гносеологич. основы связи мышления и языка, «Уч. зап. ЛГУ», 1958, вып. 13, № 248; Критика релятивистского понимания слова, «Вестн. ЛГУ», 1958, вып. 1, № 5; О роли слова в образовании понятия, «ФН» (НДВШ), 1958, № 1; Понятие и слово, Л., 1958 (польское доп. изд., Warsz., 1960); К вопросу об истинности понятий, «Уч. зап. ЛГУ», 1960, вып. 17, № 285; О роли знаков в процессе познания, «ВФ», 1961, № 8; Неопозитивная гносеология и знаковая теория языка, там же, 1962, № 2; О гносеологич. принципах общей семантики, «Вестн. ЛГУ», 1962, вып. 4, № 23; Гносеология прагматизма и знаковая теория языка, «ФН» (НДВШ), 1962, № 5; Антинауч. характер прагматистского понимания знака, значения и предмета, там же, 1963, № 1; Гносеология прагматизма и семиотика Ч. Морриса, «ВФ», 1963, № 1; Диалектич. материализм и неопозитивизм об отношении языка к действительности, в сб.: Философия марксизма и неопозитивизм, М., 1963; Проблема понятия в общей семантике, «Вестн. ЛГУ», 1963, вып. 4, № 23; О теории абстракции в общей семантике, там же, 1964, вып. 4, № 23; Проблема соотношения языка, мышления и действительности в общей семантике, «Уч. зап. каф. обществ. наук вузов Ленинграда», 1964, вып. 5 б; Роль знаковых систем в научном творчестве, «ВФ», 1964, № 4; Гносеологич. вопросы семиотики, Л., 1964.

РЕЗУЛЬТАТ — объективно достигнутое состояние, продукт процесса или деятельности, направленной на реализацию цели и применяющей для этого определ. средства (см. *Средство*). Р. есть функция условн. процесса или функция самой деятельности и применямых в ней средств реализации цели.

РЕЙВНСТОН (Ravenstone), Пирси (ум. ок. 1830) — англ. экономист-рикардианец и демократич. социальный мыслитель. В своих работах отмечал важную роль экономики в историч. развитии. Выступая против субъективно-идеалистич. понимания истории (теории «героев»), Р. придавал решающее значение двум факторам: технич. изобретениям и росту народонаселения. Вместе с тем подверг резкой критике *мальтузианство*.

Труд Р. «Мысли о системе гос. долгов...» («Thoughts of the funding system...», L., 1824) Маркс оценивал как «оригинальное» и «в высшей степени замечательное сочинение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 26, ч. 3, с. 271 и 266). Энгельс причислял его к «антикапиталистической литературе» (см. там же, т. 24, с. 18). Р. осуждал капиталистич. форму собственности как паразитическую. Развитие производит. сил создает при этой системе, по его словам, капитал для бездельников. Труд порождает в обществе паразитич. нарост в виде капитала. Капитализм Р. противопоставлял мелкобурж. утопию «естественной собственности». Отрицая роль капитала как особой производит. силы наряду с трудом, Р. признавал труд единств. создателем стоимости. «Если бы труд каждого человека был достаточен для добывания его собственного пропитания,— писал Р.,— то не было бы никакой собственности» (цит. по кн.: Маркс К., Капитал, см. там же, т. 23, с. 520, прим.). Противопоставление Р. «необходимых предметов», создаваемых трудом, и «предметов роскоши», производство и потребление к-рых стимулируется капиталом, Маркс называл аскетическим (см. там же, т. 26, ч. 3, с. 269). В своем учении о прибавочном продукте Р. приближался к понятию прибавочной стоимости.

Соч.: A few doubts as to the correctness of some opinions generally entertained on the subjects of population and political economy, L., 1821.

Б. Быковский. Москва.

РЕЙМАРУС (Reimarus), Герман Самуэль (22 дек. 1694—1 марта 1768) — немецкий богослов и просветитель, философ-вольфианец, сторонник *деизма* и *телеологии*. Уже в первом своем крупном соч. — «Трактате о благородных истинах естественной религии» («Abhandlungen von den vornehmsten Wahrheiten der natürlichen Religion», Hamb., 1754) выступал против церк. ортодоксии, одновременно критикуя франц. материализм. Единств. чудо — это творение мира; признавать иные чудеса, значит унижать божеств. мудрость, создавшую разумный естеств. порядок.

В осн. труде Р. — «Апология, или Сочинение в защиту разумных почитателей бога» («Apologetik...», 1767), созданном под влиянием *Спинозы*, *Бейля* и английских деистов, содержалась резкая критика христианского вероучения. Это соч. Р. не публиковал из-за боязни преследования; первые выдержки из него были напечатаны *Лессингом* без указания автора (в кн.: «Zur Geschichte und Literatur», 1774) и вызвали ожесточенные нападки церковников. В дальнейшем был опубликован еще ряд отрывков из «Апологии» («Übrige noch ungedruckte Werke des Wolfenbüttelschen Fragmentisten», [s. l.], 1787; и в журн. «Niedner's Zeitschrift für historische Theologie», 1850, Н. 4; 1851, Н. 4; 1852, Н. 3). Резко нападал Р. и на догмы *Лютера*. Вместе с тем Р. не был атеистом, он был убежден в пользу «естественной» религии, верил в существование бога-творца и в бессмертие души.

Логич. учение Р. изложено им в кн. «Учение о разуме» («Die Vernunftlehre», Hamb., 1756). Здесь был сформулирован принцип совпадения реального и логич. оснований, к-рый подвергся критике в ранних работах *Канта* (см. «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин», в кн.: Соч., т. 2, М., 1964, с. 107).

В соч. «Всеобщие размышления об инстинктах животных, преимущественно об их художественных инстинктах» («Allgemeine Betrachtungen über die Triebe der Thiere...», [Hamb.], 1760) Р. рассматривал инстинкты животных как пример господствующей в природе разумной целесообразности, придерживаясь антиэволюционистской т. зр. Существует предположение, что чтение этой работы Р. впервые привлекло внимание Маркса к проблеме различия между инстинктивной деятельностью животных и сознат. деятельностью человека. В 1837 Маркс писал отцу: «... Много занимался Реймарусом, книгу которого „О художественных инстинктах животных“ я продумал с наслаждением» (Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произв., 1956, с. 13).

Лит.: Гулыга А. В., Из истории нем. материализма, М., 1962, с. 35—36; Strauß D. Fr., H. S. Reimarus, 2 Aufl., Bonn, 1877; Büttner W., H. S. Reimarus als Metaphysiker, Paderborn, 1909 (Diss.); Köstlin H., Das religiöse Erleben bei H. S. Reimarus, Tübingen, 1919 (Diss.); Lundsteen A. C. H., H. S. Reimarus und die Anfänge der Leben-Jesu-Forschung, Kbn., 1939.

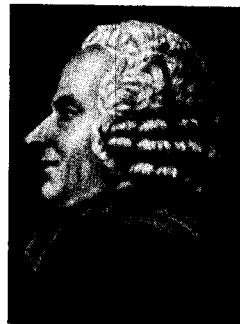
РЕЙН (Rein), Карл Габриель Тюдольф (28 февр. 1838—18 нояб. 1919) — фин. философ и историк культуры. Преподаватель философии (с 1863), ректор и канцлер ун-та в Хельсинки в 1887—1903 и 1906—1910; с 1869 — проф. философии. Взгляды Р. близки философии *Лотце*. В этике примыкает к эволюционизму *Спенсера*. Сыграл большую роль в распространении филос. знаний в Финляндии; ввел ряд филос. спец. курсов в Хельсинкском ун-те.

Соч.: Grunddragen af den filosofiska imputationsläran, Hels., 1863; Om den filosofiska methoden i sitt förhållande till öfriga vetenskapliga metoder, Hels., 1868; Försök till en framtällning af psykologin, n: 1—2, Hels., 1876—91; Lefnadsminnen, [Hels.], 1918.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 705; Grotenfeld A., T. Rein, «Översikt av Finska Vetenskapssocietetens förhandlingar», 1921, bd 62, № 4; ег о ж е, Muistosoitoja T. Reinista, «Ajatus», 1938, № 9.

РЕЙНАЛЬ (Raynal), Гийом Томас Франсуа (11 апр. 1713 — 6 марта 1796) — франц. историк и социолог, принадлежавший к тем, кто «... сделал первые попытки дать историографии материалистическую основу...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 27). Лит. деятельность привела его к сотрудничеству в «Энциклопедии». В гл. своем труде «Филос. и политич. история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» («Histoire philosophique et politique...»), появилась анонимно в 1770 в Амстердаме в 6 тт.; впервые с подписью автора напечатана в Женеве в 1780 в 4 тт.; выдержала при жизни автора 12 изданий, печаталась на всех языках Европы; в неполном виде была издана в России в 1805—11 в 6 чч.; 2 изд., 1834—35, под названием «Филос. и политич. история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях») Р. пропагандировал опыт революций европ. народов, изложил программу бурж.-демократич. революции, к-рая, однако, по его мнению, не может разрешить противоречий внутри третьего сословия. Книгу Р. высоко оценили *Франклин*, *Джефферсон*, *Пейн*. Она была осуждена франц. парламентом на сожжение, автор подлежал аресту. Р. бежал. Находясь в изгнании, объездил мн. стран, был в России, в 1787 вернулся на родину. В период революции занимал неустойчивую позицию, выступая то против контрреволюц. тенденций крупной буржуазии, то против якобинцев.

Как философ Р. стоял на позициях метафизич. материализма, хотя в самой общей форме и под влиянием

Кювье высказал мысль о том, что природа имеет историю, к-рая включает постепенные, количественные изменения, а также перевороты, революции. Р., вслед за Тюрго, рассматривал историю общества как ряд последоват. ступеней хоз. деятельности (земледелие, приручение диких животных, ремесло, пром-сть, торговля). Р. считал, что связи, присущие физич. явлениям, свойственны и событиям «морального порядка, наиболее удивительным, как, например: происхождению религиозных идей; прогрессу человеческого разума, открытию истин, рождению и последовательности заблуждений, началу и концу предрассудков, образованию обществ и последовательной смене различных правительств» («Histoire philosophique...», v. 4, livr. 19, Gen., 1780, p. 472). В вопросе об источнике знаний Р. был сторонником *сенсуализма*, проводя различие между *непосредственным знанием* и абстрактным мышлением. Как и все метафизич. материалисты, Р. не понимал природы абстрактных понятий и активного характера познания.

В центре науч. интересов Р. находилось общество. Социологич. концепция Р. — своеобразный экономический материализм. Отправным пунктом своего анализа Р. сделал общество, а не индивид, т. е. совершил шаг по пути преодоления социального атомизма, «роббизонады» и отказался от договорной теории происхождения общества и гос-ва. Критикуя *Монтескье* за преувеличение роли географич. среды в истории человечества, не приемля концепций *Руссо* о возникновении частной собственности и его теорию *общественного договора*, Р. считал обществ. состояние человека исконным (см. там же, p. 470), видел в труде силу, объединяющую людей и преобразующую природу. Причиной возникновения частной собственности и неравенства Р. считал эволюцию земледелия, пром-сти и торговли. Неравное распределение богатств породило неравное распределение обязанностей людей. Этот взгляд подводил Р. к понятию классов. Общий ход истории представлялся Р. как борьба разнородных групп людей за свободу и за более справедливое распределение богатства, к-рое он считал идеалом, увековечивая институт частной собственности. Гос-во Р. понимал как обществ. силу, к-рая дает каждой социальной группе возможность сохранить свое владение и наслаждаться им. Отожждествляя сущность гос-ва и его форму, Р. вместе с тем высказал предположение о связи формы правления с интересами определ. социальных групп. Р. осуждал войны как средство внешней политики, а также политич. строй, порождавший их, подчеркивая, что действит. интересы наций не совместимы с войной. Осуждая завоеват. войны, Р. оправдывал войну за свободу и независимость. Борясь против порабощения цветных народов, Р. особенно негодовал против тех, кто создавал обоснования — теоретические и моральные — колонизаторской деятельности.

Р. был атеистом. Не ограничиваясь критикой религ. представлений, он видел свою задачу в разоблачении социальной роли религии.

Идеи Р. были восприняты *Барнавом*, *Кондорсе*, а через них оказали влияние на философию истории *Сен-Симона* и историч. концепцию франц. историков эпохи Реставрации. Они оказали воздействие на *Радищева*.

Соч.: Oeuvres, v. 1—4, Gen., 1784.

Лит.: Воронин И. П., История атеизма, 3 изд., [Рязань, 1930]; Старосельская-Никитина О., Очерки по истории науки и техники периода франц. бурж. революции 1789—1794 гг., М.—Л., 1946; Зельманова Е., Р. — как историк философии, «ВФ», 1961, № 5; Плимак Е. Г., Злоключения бурж. компаративистики (К вопросу о характере политич. концепции А. Н. Радищева и Г. Р.), «История СССР», 1963, № 3; Guibert J. A. H. de, Lettres de l'abbé Raynal à l'Assemblée nationale, Marseille, 1789; Grimm B. de et Diderot, Correspondance littéraire, t. 1, P., 1812; Gibbon E., The history of the decline and fall of the Roman

empire, N. Y., 1845; Luncet B., Biographie de l'abbé Raynal, Rodez, 1866; Morley J., Diderot and the encyclopaedists, v. 1—2, L., 1886; Hervier M., Les écrivains français jugés par leurs contemporains, v. 2, P., [1931]; Wolpe H., Raynal et sa machine de guerre, «L'histoire des deux Indes» et ses perfectionnements, P., 1957; Lang D. M., The first Russian radical A. Radishchev, L., 1959. Г. Зельманова. Ленинград.

РЕЙНГОЛЬД (Reinhold), Карл Леонард (26 окт. 1758—10 апр. 1823) — нем. философ-идеалист. Проф. ун-тов в Йене (с 1787) и Киле (с 1794). Выступил как последователь и популяризатор философии *Канта*. В «Письмах о кантовской философии» («Briefe über die Kantische Philosophie», опубли. в журн. «Der deutsche Mercur», 1786—87; затем отд. издание, Lpz., 1790—92, нов. изд., Lpz., 1924) в общедоступной форме излагал осн. идеи филос. учения *Канта*, преим. под углом зрения его отношения к религии и морали. В дальнейшем Р. пытался развить собственную филос. концепцию, названную им «элементарной философией» («Elementarphilosophie»). Осн. идеей этой философии является утверждение, что существует некая центр. функция всякой деятельности разума — представление (Vorstellung). Представление содержит в себе и сознание субъекта, к-рый имеет это представление, и сознание объекта, к-рому это представление относится. Поэтому субъект отличает представление, как от субъекта, так и от объекта и относит представление к ним обоим. Т. о., действительный смысл «элементарной философии» состоял в субъективно-идеалистич. истолковании кантовского критицизма с помощью утверждения о неразрывной связи субъекта и объекта.

Последующая эволюция филос. взглядов Р. шла в направлении еще большего сближения с субъективным идеализмом. Р. стал сторонником *Фихте* и стремился соединить его «наукоучение» с «философией веры» *Якоби*. После выхода в свет книги *Бардилю* «Очерк первой логики...» (C. Bardill, Grundriß der ersten Logik..., Stuttg., 1800) Р. сделался его последователем и издавал вместе с ним «Beiträge zur leichten Übersicht des Zustandes der Philosophie beim Anfang des 19. Jahrhunderts» (Hamb., 1801—03).

Соч.: Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens, Prag—Jena, 1789; neue Aufl., Darmstadt, 1963; Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen, Bd 1—2, Jena, 1790—94; Über das Fundament des philosophischen Wissens, Jena, 1791; Über die Paradoxien der neuesten Philosophie, Hamb., 1799; Sendschreiben an J. C. Lavater und J. G. Fichte über den Glauben an Gott, Hamb., 1799; C. G. Bardills und C. L. Reinholds Briefwechsel über das Wesen der Philosophie und das Unwesen der Spekulation, Münch., 1804.

Лит.: Reinhold Chr. E. (Sohn), K. L. Reinhold's Leben und literarisches Wirken, Jena, 1825; Zündl M. von, Kant—Reinhold—Fichte, B., 1910; Adam H., C. L. Reinholds philosophischer Systemwechsel, Hdlb., 1930; Pfeiffer A., Die Philosophie der Kantperiode K. L. Reinholds, Bonn, 1935 (Diss.). Б. Мееровский. Москва.

РЕЙСНЕР, Михаил Андреевич (1868—8 авг. 1928) — советский социолог, историк и правовед, проф. Томского и Петроградского ун-тов, Психоневрологич. ин-та и Военной академии Генштаба. Окончил юридич. факт Варшавского ун-та (1893). В эмиграции (с 1903) сотрудничал в с.-д. газ. «Vorwärts», читал лекции в парижской Высшей школе социальных наук. До 1905 — народник, в философии — позитивист; под влиянием революц. событий примкнул к большевикам. После Октябрьской революции по поручению В. И. Ленина вел работу в юридич. органах Сов. гос-ва, был одним из учредителей Комкадемии.

Р. разрабатывал проблемы социальной психологии, теории гос-ва и права, атеизма и истории политич. учений. Социальная психология, по Р., обусловливает идеологич. формы, к-рым относится и гос-во. В разрабатываемой Р. «теории социальных раздражений» проявилось влияние идей вульгарного материализма, рефлексологии *Бехтерева* и концепции «организуемой» роли идеологии *Богданова*. Под влиянием «психологич. теории» права *Петражицкого* Р. разви-

вал идеи «пролетарского интуитивного права», к-рые были подвергнуты острой критике в 20-х гг. в Ком-академии.

Р. — воинствующий атеист, участник публичных дискуссий, автор антирелиг. пьес.

Соч.: Гос-во и верующая личность. Сб. ст., СПб, 1905; Рус. абсолютизм и европ. реакция, СПб, 1906; Теория Л. И. Петракичского, марксизм и социальная идеология, СПб, 1908; Л. Андреев и его социальная идеология. Опыт социологич. критики, СПб, 1909; Гос-во, ч. 1—3, в двух вып., М., 1911—1912; Пролетариат и мещанство, СПб, 1917; Вильгельм II и железная империя, [2 изд.], П., 1917; Основы Сов. Конституции, М., 1920; Бог и биржа. Сб. революц. пьес, [М.], 1921; Интеллигенция, как предмет изучения в плане науч. работы, «Печать и революция», 1922, кн. 1; Гос-во буржуазии и РСФСР, ч. 1—3, М.—П., 1923; Нужна ли вера в бога?, 3 изд., М., 1923; Любовь, пол и религия, Рязань, 1924; Революция и право, в сб.: Научные известия, т. 2 — Общественно-гуманитарные науки, Смоленск, 1924; Проблемы социальной психологии, Ростов-на-Дону, 1925; Социальная психология и марксизм, в сб.: Психология и марксизм, Л., 1925; Идеологии Востока. Очерки вост. теократии, М.—Л., 1927; Мещанство (Социологич. очерк), «Красная Новь», 1927, № 1; История политич. учений, т. 1, М.—Л., 1929; Классовые основы религии, М., 1930.

Лит.: Ленин В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 47, с. 81—132; История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965, с. 304, 488.

В. Клушин. Ленинград.

РЕЙХАНИ, а р - Р е й х а н и, Амин (1876—1940) — ливанский мыслитель, поэт и просветитель-демократ. Много лет прожил в США. Взгляды Р. складывались в русле европ. мысли, особое влияние на его социологич. воззрения оказал Карлейль. Пантеистическая филос. концепция Р. характеризуется своеобразной системой триад: объективный мир является единством материи, пространства и времени; человек — тела, души и разума и т. д. Материя и жизнь, по Р., развиваются через противоречия, стремясь к равновесию и гармонии, согласно закону притяжения и отталкивания, действия и противодействия. Обществ. процесс рассматривается Р. как процесс совершенствования личности. Человеч. общество, как утверждает Р., последовательно проходит в своем развитии четыре этапа: патриархат, деспотизм, конституционный режим и социализм, к-рый является высшей формой обществ. бытия. Наряду с просвещением и самоусовершенствованием как гл. путями построения идеального общества «всеобщего братства и любви», Р. считал возможными и справедливыми революц. методы борьбы. Р. — поборник синтеза лучших достижений вост. и зап. цивилизации и в то же время пропагандист идей араб. национализма. Резко критиковал феод. реакцию и застой. Первый среди арабов Р. выступил с критикой амер. образа жизни.

Соч.: ар-Рейханийят (Собр. соч.), т. 1—4, Бейрут, 1922—23; ар-Татарруф ва-ль-ислах (Экстремизм и реформаторство), Бейрут, 1928; Кальб Лубнан (Сердце Ливана), Бейрут, 1938; в рус. пер. — Избр. произв., П., 1917.

Лит.: Крачковский И. Ю., Избр. соч., т. 3, М.—Л., 1956, с. 137—47; Левин З. И., Философ из Фурейки, М., 1965; Альберт ар-Рейхани, Амин ар-Рейхани, Бейрут, 1941; Марон Аббуд, Амин ар-Рейхани, Каир, 1952.

РЕЙХЕНБАХ (Reichenbach), Ганс (26 сент. 1891—9 апр. 1953) — нем. философ и логик; в 1926—1933 — проф. философии физики в Берлинском университете, один из организаторов Берлинского об-ва науч. философии и основатель журн. «Erkenntnis», а также «International encyclopedia of unified science». После прихода фашизма эмигрировал сначала в Турцию (в 1933—38 — проф. философии Стамбульского ун-та), а затем в США (в 1939—53 — проф. Калифорнийского ун-та). Р. исходил из убеждения, что проблема существования внешнего мира является реальной проблемой, с к-рой нельзя «разделаться... с помощью софистических приемов» (см. «Experience and prediction», Ch. — L., [1961], p. 92). Из того, что объекты внешнего мира познаются с помощью чувств. впечатлений, никак не должно следовать, что они сводимы к впечатлениям (см. там же, p. 129). В работе «Philosophic foundations of Quantum mechanics» (Berk., 1944) Р.

писал, что «об атомном мире следует говорить как о столь же реальном, что и привычный физический мир» (указ. соч., p. 20 и далее). Осн. признаком объективного существования внешнего мира Р. считал наличие объективных причинных закономерностей, вскрываемых наукой. Реальный мир бодрствующего человека отличается от мира снов своими согласованными каузальными связями (см. «Experience and prediction», p. 139). Проблема причинности (онтологич. природа и логич. структура причинности) составляет ось, вокруг к-рой вращаются все остальные исследования Р. [анализ отношения причинности и вероятности, динамич. и статистич. закономерностей, временного потока и причинных сетей, законподобных (номологических) и имплицитных высказываний и др.]. Во всех этих исследованиях Р. исходит из убеждения, согласно к-рому причинность является объективно реальной связью явлений, хотя в ряде работ, особенно в ранних, он нередко смешивал онтологич. природу причинного отношения с его субъективными отображениями в мышлении и науке.

Отвергая идеал совершенного доказательств, Р. осн. внимание уделял вероятностной логике, считая, что проблема вероятностей «...составляет ядро любой теории познания» («The theory of probability», Berk. — Los Ang., 1949, p. V). Приняв статистическую (частотную) интерпретацию вероятности, данную Мизесом, Р. применил ее к логике. Свой вариант многозначной логики Р. использовал для преодоления филос. и логич. трудностей в интерпретации квантовой механики (см. Логика квантовой механики). Широкую известность приобрели работы Р. по анализу логич. структуры высказываний, выражающих законы природы (см. Номологические высказывания), к-рым он придавал большое значение, поскольку считал, что науч. знание в основном состоит из них.

Соч.: Relativitätstheorie und Erkenntnis a priori, B., 1920; Von Kopenhagen bis Einstein, B., [1927] (имеется англ. пер. — N. Y., 1942); Philosophie der Raum-Zeit-Lehre, B.—Lpz., 1928 (имеется англ. пер. — N. Y., 1958); Atom und Kosmos, B., 1930 (имеется англ. пер. — N. Y., 1957); Ziele und Wege der heutigen Naturphilosophie, Lpz., 1931; Wahrscheinlichkeitslehre, Leiden, 1935 (имеется англ. изд. — Berk. — Los Ang., 1949); Introduction à la logistiqués, P., 1939; Der Aufstieg der wissenschaftlichen Philosophie, B.—Grünwald, 1951 (имеется англ. пер. — 4 ed., Berk. — Los Ang., 1957); Elements of symbolic logic, N. Y., [1951]; Nomological statements and admissible operations, Amst., 1954; Modern philosophy of science. Selected essays. Foreword by R. Carnap, L.—N. Y., [1959]; Axiomatik der relativistischen Raum-Zeit-Lehre, Braunschweig, [1965]; Student und Sozialismus, B., [s. a.]; в рус. пер. — Направление времени, М., 1962.

Лит.: Финн В. К., О неких семантич. понятиях для простых языков, в сб.: Логич. структура науч. знания, М., 1965, с. 52—75; Kraft V., Der Wiener Kreis, W., 1950; Burks A. W., Reichenbach's theory of probability and induction. «Review of metaphysics», 1951, p. 377—93; Katsoff L. O., Sessa S., Reichenbach's treatment of «existence» in his «logic», «Methodos», 1951, v. 3, p. 275—86; Brüning W., Der Gesetzesbegriff im Positivismus der Wiener Schule, [Meyenheim/Glan, 1954].

И. Добролюбов. Москва.

РЕЙХЛИН (Reuchlin), Иоганн (22 февр. 1455—30 июня 1522) — нем. гуманист, юрист, филолог, философ. Последние четыре года жизни являлся проф. ун-тов в Ингольштадте и Тюбингене. Р. находился в дружеских отношениях с деятелями Академии платоновской (Фичино, Пико делла Мирандола), оказавшими большое влияние на его взгляды. В филос. соч. «О чудотворном слове» («De verbo mirifico», Basel, 1494) и «О каббалистическом искусстве» («De arte cabbalistica», Hagenaui, 1517) он выступил как противник схоластики и схоластики. аристотелизма. Р. пытался соединить учение каббалы с философией христианства и неоплатонизмом; считал, что содержащиеся в каббале мистич. понимание букв и чисел, а также трактовка вопроса о т. н. сотворении мира представляют собой христ. идею бесконечности и божественности земного мира. Р. видел миссию христ. религии в том, что она вскрывает этич. содержание человец. культуры, устанавли-

вает связь божественного с человеческим, определяя этим значение земной жизни и находя божественное в самом человеке. Выдвинутая Р. идея изучения сущности христианства путем критич. и лингвистич. анализа первоисточников стала, помимо воли Р. (являвшегося сторонником *католицизма* и противником *Реформации*), орудием борьбы с католич. церковью. Его выступление в 1509 против требования католич. теологов об уничтожении евр. книг положило начало т. н. «рейхлинговскому спору» — борьбе, длившейся несколько лет, между католич. реакционерами и нем. гуманистами (к-рые поддерживали Р., понимая, что речь идет о веротерпимости и свободе совести). Обвиненный доминиканцами г. Кёльна в ереси, Р. издал соч.: «Глазное зеркало» («Der Augenspiegel», [Tübingae, 1511]), «Защита... против кёльнских клеветников» («Defensio... contra calumniatores suos Colonienses», Tübingae, 1513), «Письма знаменитых людей» («Clagororum virorum epistolae latinae graecae a hebraicae...», Tübingae, 1514) и добился отмены затейного против него процесса (1516). В связи с делом Р. нем. гуманисты опубликовали «Письма темных людей» («Epistolae obscurorum virorum...», Tl 1, 1515; доп. 1516; Tl 2, 1517) — один из самых ярких сатирич. памфлетов 16 в. против католич. мракобесов.

Лит.: Geiger L., J. Reuchlin, sein Leben und seine Werke, Lpz., 1874; Tavernier R., Reuchlin ed Erasmo..., Torino, 1892; Christ K., Die Bibliothek Reuchlins in Pforzheim, Lpz., 1924; Spitz L. W., Reuchlin's philosophy: Pythagoras and Cabala for Christ, «Archiv für Reformationsgeschichte», 1956, Jg. 47; Sichert M., Zwei Reuchlin-Funde aus der Pariser Nationalbibliothek, Mainz, [1963].

РЕКЛЮ (Reclus), Жан Жак Элизе (15 марта 1830 — 4 июля 1905) — франц. географ, социолог и теоретик анархизма. В 1865 примкнул к 1-му Интернационалу, где поддерживал *Бакунина*. В 1874 сражался в рядах борцов Парижской Коммуны, после поражения к-рой был изгнан из Франции. В 1892—1905 — проф. географии созданного по его инициативе Нового ун-та в Брюсселе. Всемирную известность Р. приобрел географич. трудами, в к-рых его блестящий популяризаторский и лит. талант сочетался с огромными знаниями. Соч. Р. пропитаны идеями гуманизма и братства народов.

В труде «Человек и Земля» (рус. пер., т. 1—6, 1906—1909) Р. пытался дать общую картину развития человечества. Хотя Р. преувеличивал влияние внешней среды на человек. общество, он не был географич. детерминистом. Р. различал статическую (природные условия) и динамическую среду (обществ. условия), подчеркивая, что последняя подавляет влияние первой. Р. выделял три «общих явления» или «осн. закона» истории: разделение общества на классы и их борьбу, социальную революцию, рассматриваемую им как «искание равновесия» между классами, и преобладающую роль личности. Р. разделял субъективистскую теорию гегельянцев и героического в истории. Распространение гегельянства и лучшее использование обществом умственных качеств гениальных людей — мерило прогресса. Различие между эволюцией и революцией Р. сводил к количеств. стороне. По характеристике Плеханова, общим складом своего мышления Р. сильно напоминает французских просветителей 18 в. (см. «Э. Реклю, как теоретик анархизма», в кн.: Соч., т. 16, 1928, с. 159).

Выступая как теоретик анархизма, Р. придавал анархистскую трактовку гуманистич. лозунгу Рабле

«делай то, что хочешь» и впадал в непримиримые противоречия, стремясь с позиции анархизма решить проблему свободы личности и защитить безгосударственность.

Соч. в рус. пер.: Земля и люди. Всемирная география, т. 1—10, СПб., 1898—1904; Эволюция, революция и идеал анархизма, М., 1906; Избр. соч., П., 1921.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 34, с. 220—24; Лебедева Н. А., Лебедев Н. К. [и др.], Э. Р., М., 1956; Nettlau M., E. Reclus Anarchist und Gelehrter (1830—1905), В., 1928. А. Завадько. Москва.

РЕКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ И ПРЕДИКАТЫ —

один из важнейших для оснований математики и математич. логики классов понятий, служащих уточнениями содержат. понятий эффективно вычислимой арифметической функции и эффективно разрешимого арифметического предиката, а в конечном счете, — и лежащих в основе этих содержат. понятий интуитивных представлений об «эффективной осуществимости» и «эффективной определимости». «Эффективно осуществимым» естественно называть всякий процесс, для выполнения любого шага к-рого (в нетривиальном случае, когда этот процесс бесконечен) возможна однозначно детерминированная процедура — *алгоритм*; «эффективно определимым» — понятие, определяемое таким образом, что для решения вопроса об отнесении к.-л. объекта к объему этого понятия также имеется алгоритм. В аналогичном смысле естественно понимать и «эффективную вычислимость» и «разрешимость». Т. о., уточнения всех упомянутых представлений об «эффективности» были вызваны к жизни тем же конструктивным подходом к формулировке и решению (логико-)математич. задач, к-рым обусловлены и различные уточнения понятия алгоритма. Общее определение («эффективной» вычислимости) естественно было искать по отношению к функциям, определенным на возможно более простой в к.-л. отношении области, носящей в то же время настолько общий характер, чтобы перенесение выработанных для нее понятий и методов на функции, определенные на более сложных областях, не представляло бы принципиальных затруднений. Подходящей в обоих этих отношениях областью является натуральный ряд чисел 0, 1, 2..., исходя из к-рого строятся и более сложные и богатые числовые классы: классы целых, рациональных, действительных и комплексных чисел (см. Э. Ландау, Основы анализа, пер. с нем., М., 1947). И обратно, любая вычислит. задача сводится (с любой, в принципе, заданной точностью) к задаче вычисления нек-рой функции натурального аргумента (или конечного набора натуральных аргументов), принимающей натуральные значения (именно такие функции выше подразумевались под «арифметическими»). Эта в известном смысле «универсальность» класса арифметич. функций имеет не только принципиально-гносеологич. значение — она лежит в основе программирования самых разнообразных задач на универсальных цифровых (электронных) машинах, в свою очередь расширяющего наши познания возможности. «Генетический» способ построения натурального ряда, состоящий в переходе от любого натурального числа n к непосредственно следующему за ним числу n' , выраженный в принципе *математической индукции*, наводит на мысль и об универсальном (для арифметики) характере т. н. определений по индукции арифметич. функций (и предикатов). Примерами таких определений (от лат. *recurso* — возвращаюсь) определений, служат определение функции $\varphi(a, n) = a + n$ (операции сложения) с помощью аксиом

$$\varphi(a, 0) = a \quad (*)$$

и

$$\varphi(a, n') = (\varphi(a, n))', \quad (**)$$

позволяющее вычислить значение $\varphi_a(n) = \varphi(a, n) = a + n$ для любой пары натуральных чисел a и n , и аналогичная пара аксиом для умножения. [Рекурсивные определения не следует путать с индуктивными определениями; такая путаница обусловлена как сходством терминов, так и родством этих процедур по существу: последние — в том случае, когда они служат определением к.-л. области объектов, при условии, что объекты, порожденные различными путями, обязательно различны, — являются необходимой предпосылкой для рекурсивных определений функций или предикатов, определяемых на к.-л. подмножестве этой области (см. *Определение*, раздел Рекурсивные и индуктивные определения)]. Т. Сколем (1920) показал, что с помощью такого рода «рекурсии», в известном смысле свойственных самой природе натуральных рядов, можно определить осн. понятия арифметики. Существенно иметь в виду, что по крайней мере часть таких «схем рекурсий» — во всяком случае формулы (*) и (**)— приходится включать в аксиоматич. арифметику именно в качестве аксиом, не поддающихся элиминированию (устранению) из системы без ее существ. ослабления; то же относится к упоминаемой ниже общей схеме примитивной рекурсии (принятие к-рой непременно предполагает принятие принципа математич. индукции в метатеории). Расширения системы за счет перехода от n -местных функций к $(n+1)$ -местным (в т. ч. и столь «очевидные», как произведенное выше отождествление одноместной функции $\varphi_a(n)$, зависящей от параметра a , с двуместной функцией $\varphi(a, n)$), также должны быть явно оговорены при формулировке арифметич. формализма. Все эти оговорки, необходимые особенно в связи с идущим еще со времен Пеано ошибочным мнением, согласно к-рому корректность рекурсивных определений есть автоматич. следствие аксиомы индукции), конечно, не снимают проблемы обоснования теории Р. ф. и п., т. е. поиска убедительных, свободных от круга (и не использующих, как это обычно делается, теоретико-множеств. допущений) доводов в пользу существования в натуральном ряду любых функций, определяемых рекурсивными схемами. (Весьма трудный анализ такого рода проблематики, практически не затрагиваемый в большинстве работ по теории Р. ф. и п., явился в последние годы темой рассмотрения т. н. ультраинтуиционизма.) Т. о., назрела идея положить «рекурсии» в основу точного и общего определения понятия «вычислимой» функции. Эта идея, реализованная первоначально в виде т. н. схемы примитивной рекурсии (см. ниже схему II), была в явной форме впервые сформулирована Гёделем (1931). При определении новых функций естественно, конечно, использовать уже имеющиеся (определенные) ранее функции путем явного определения через последние, т. е. посредством операции подстановки значений одних известных функций в другие, ранее определенные функции, описываемой с помощью т. н. схемы регулярной суперпозиции функций (см. ниже схему I). В качестве исходных при этом обычно выбирают простейшие арифметич. функции: (1) функцию $\varphi_1(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0$ ($n=0, 1, \dots$), равную тождественно константе 0, (2) функцию «непосредственного» следования за $\varphi(x) = x'$ (т. е. именно те первоначальные функции, с помощью к-рых строится натуральный ряд), а также (3) функции $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_i, \dots, x_n) = x_i$ ($i=1, 2, \dots, n; n=1, 2, \dots$), равные значению одного из своих аргументов. Определяемые на этой основе (с помощью приводимых ниже схем I и II) функции наз. п р и м и т и в н о р е к у р с и в н ы м и ф у н к ц и я м и (ПРФ). Класс ПРФ, охватывающий наиболее часто встречающиеся арифметические функции, не охватывает, однако, всех функций, которые можно вычислить для любых значений аргументов, — еще в 1928, т. е. еще

до появления термина «рекурсивные функции», нем. математик В. Аккерман построил пример «вычислимой» функции, не являющейся в то же время ПРФ. Между тем во всех исследованиях, посвященных определению понятия вычислимой функции (ВФ), все время имелся в виду (вначале неявно) тезис (т. н. тезис Чёрча), согласно к-рому такое определение должно охватывать все «мыслимые» виды «вычислимости», т. е. чтобы полученное определение отвечало т. н. осн. гипотезе теории ВФ (а поскольку «вычислимость» — это не что иное как существование алгоритма вычисления, то, по существу, и осн. гипотезе теории алгоритмов; см. *Алгоритм*, *Массовая проблема*). Поиски такого общего определения ВФ (в ходе к-рых были найдены многочисл. виды определяющих схем более общего вида, чем схема примитивной рекурсии, но также удовлетворяющие требованию «эффективной вычислимости», причем одни из них, как, напр., т. н. «возвратная рекурсия», требующая для определения значения функции в точке n не только знания ее значения в точке $n-1$, но, возможно, и при других меньших значениях аргумента, оказались сводимыми к этой схеме, а другие, подобно «двойной» или «одновременной» рекурсии, по разл. переменным n и m , — не сводимыми) привели франц. математика Ж. Эрбрана (1931) и К. Гёделя (1934) к формулировке фундаментального понятия общерекурсивной функции (ОРФ), по отношению к которому и был в 30-х гг. выдвинут тезис Чёрча. Следует отметить, что понятие ОРФ явилось лишь одним из многих уточнений понятия ВФ. Эквивалентность всех этих уточнений, указывающая на важность класса функций, характеризующихся любым из них, служит одним из серьезнейших доводов в пользу тезиса Чёрча.

Требование, чтобы функция n натуральных аргументов была определена для каждого набора из n натуральных чисел, оказывается часто слишком обременительным ограничением. В 1938 С. К. Клини ввел понятие частично-рекурсивной функции (ЧРФ) — функции, определенной не для всех натуральных значений аргументов, а лишь на нек-рых подмножествах натурального ряда, а в остальном удовлетворяющей определению ОРФ. Клини доказал также одну из важнейших теорем теории рекурсивных функций — теорему о *нормальной форме* для ОРФ (и ЧРФ), позволившую существенно упростить первоначально очень громоздкие определения ОРФ и ЧРФ.

Эта теорема формулируется след. образом: для каждого натурального числа n существуют такие две функции $U(y)$ и $\tau_n(z, x_1, x_2, \dots, x_n, y)$, что для любой ОРФ $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n)$ существует такое (натуральное) число e , что

- 1) $\forall x_1 \forall x_2 \dots \forall x_n \exists y (\tau_n(e, x_1, x_2, \dots, x_n, y) = 0)$,
- 2) $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_n) = U(\mu y (\tau_n(e, x_1, x_2, \dots, x_n, y)))$,
- 3) $\forall x_1 \forall x_2 \dots \forall x_n \forall y ((\tau_n(e, x_1, x_2, \dots, x_n, y) = 0) \supset U(y) = \varphi(x_1, x_2, \dots, x_n))$

(где μ — оператор, означающий «наименьшее число такое, что...»). Если в формулировке этой теоремы отбросить (1) и заменить слова «ОРФ» на «ЧРФ», то получится теорема о нормальной форме для ЧРФ. Значение этой теоремы состоит в том, что она дает стандартный способ получения любой ЧРФ из двух заранее выбранных ПРФ. Упрощенное с помощью этой теоремы определение ЧРФ выглядит след. образом: ЧРФ наз. функцией, к-рая может быть определена, исходя из «базисных» функций (1) — (3), посредством конечного числа применений след. схем образования новых функций φ из ранее построенных функций f, g, h :

I. Подстановка (или регулярная суперпозиция) функций $f_1(x_1, x_2, \dots, x_m)$, $f_2(x_1, x_2, \dots, x_m), \dots, f_k(x_1, x_2, \dots, x_m)$ на место аргументов функции $f_0(x_1, x_2, \dots, x_k) = \varphi(x_1, x_2, \dots, x_m) = f_0(f_1(x_1, x_2, \dots, x_m), f_2(x_1, x_2, \dots, x_m), \dots, f_k(x_1, x_2, \dots, x_m))$.

II. Схемы примитивной рекурсии — определение k -местной функции φ посредством известных ранее $(k-1)$ -местной функции g (при $k=1$ g — константа, как в приведенном выше примере с функцией сложения натуральных чисел) и $(k+1)$ -местной функции h :

$$\begin{aligned} \varphi(x_1, x_2, \dots, x_{k-1}, 0) &= g(x_1, x_2, \dots, x_{k-1}), \\ \varphi(x_1, x_2, \dots, x_{k-1}, n') &= h(x_1, x_2, \dots, x_{k-1}, \\ & n, \varphi(x_1, \dots, x_{k-1}, n)). \end{aligned}$$

III. Операция взятия наименьшего числа — построение по функции $f(x_1, x_2, \dots, x_k, x_{k+1})$ ($k \geq 1$) функции $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_k)$, значение k -рой для аргументов x_1, x_2, \dots, x_k равно такому y , что $f(x_1, x_2, \dots, x_k, y) = 0$, а для всех $z < y$ значения $f(x_1, x_2, \dots, x_k, z)$ определены и не равны нулю (если же такого y не существует, то φ для данных x_1, x_2, \dots, x_k не определена) — $\varphi(x_1, x_2, \dots, x_k) = \mu y (f(x_1, x_2, \dots, x_k, y) = 0)$.

Всюду определенная ЧРФ, т. е. такая, что при каждом применении схемы III имеет место $\forall x_1 \dots \forall x_k \exists y (f(x_1, x_2, \dots, x_k, y) = 0)$ наз. ОРФ. Обще-рекурсивная функция, определяемая лишь с помощью схем I и II, наз. ПРФ. Т. о., всякая ПРФ есть ОРФ, а ОРФ есть ЧРФ, но не наоборот; легко строятся примеры ОРФ, не являющихся ПРФ, а понятие ЧРФ существенно шире понятия ОРФ — легко доказать, что имеются такие ЧРФ, что не существует никакого способа так доопределить их на той части натурального ряда, на k -рой они не определены, чтобы в результате получилась ОРФ.

Естеств. параллелизм, устанавливаемый между понятиями функции и предиката посредством т. н. представляющих (или характеристических) функций арифметич. предикатов (т. е. функций, принимающих значения 0 для всех наборов аргументов, для k -рых соответствующий предикат истинен, и значение 1 для всех наборов аргументов, для k -рых этот предикат ложен), приводит к понятиям примитивно-, обще- и частично-рекурсивного предиката. Примитивная, общая и частичная рекурсивность предикатов сохраняется при применении к ним операций логики высказываний, а также ограниченных кванторов (см. *Квантор*) и ограниченного оператора μ (см. выше). Интерес к этим классам предикатов обусловлен, как и в случае функций, их «эффективно разрешимым» характером.

Как по отношению к функциям, так и по отношению к предикатам, рассматривают также относит. рекурсивность (примитивную, общую или частичную) — в этих случаях вместо зафиксированных выше конкретных исходных функций выбирают к.-л. др. функции (и говорят о рекурсивности относительно этих функций), оставляя схемы I — III (или часть из них) без изменений.

В математич. логике рассматриваются и другие, более специальные виды Р. ф. и п., а также их обобщения, в частности на область т. н. «конструктивных трансфинитных чисел», включающую натуральный ряд в качестве подмножества. Кроме того, аналогичная терминология употребляется и по отношению к множествам (см. *Разрешимое и перечислимое множества*).

Теория Р. ф. и п. имеет обширные применения в основаниях математики, важнейшими из k -рых являются т. н. арифметизация синтаксиса формальных систем и основанное на ней использование понятий и

аппарата этой теории в доказательствах теорем Гёделя о неполноте арифметики (см. *Метатеория, Полнота*). Вместе с тем с помощью определенных, по форме аналогичных рекурсивным, можно преодолеть круги в «порочных» определениях эмпирич. наук.

Необходимо заметить, что все изложенные выше концепции и результаты базировались (как правило, в неявной форме) на ряде предположений традиц. математики, наиболее существенными из k -рых являются: допущение о том, что натуральный ряд замкнут относительно любой ПРФ (т. е., что определение любой ПРФ допускает неограниченное число раз применять его начиная с любого натурального числа, причем на любой стадии этого процесса результат также будет натуральным числом); признание однозначной (с точностью до изоморфизма) определенности натурального ряда с помощью аксиом Пеано. При всей традиционности такого рода допущений они уязвимы для критики с позиций ультраинтуиционизма (см. А. С. Есенин-Вольпин, *Le programme ultra-intuitionniste des fondements des mathématiques*, в кн.: *Infinitistic methods*, Warsz., 1961), k -рая ведет к существ. пересмотру как ряда исходных концепций теории Р. ф. и п., так и нек-рых из ее важнейших результатов, в т. ч. теоремы Гёделя (1931), согласно k -рой каждый примитивно-рекурсивный предикат может быть явно выражен в терминах постоянных и переменных натуральных чисел, функций следования, сложения и умножения, предиката равенства и операций узкого классич. исчисления предикатов, т. е. как раз той теоремы, k -рая оправдывает конечность системы аксиом, принимаемой обычно для формализации арифметики, и позволяет не включать в эту систему схемы всевозможных ПРФ. О др. методологич. вопросах, связанных с понятиями Р. ф. и п. и ВФ, см. *Алгоритм*, а также лит. при этой статье.

Лит.: Петер Р., *Рекурсивные функции*, пер. с нем., М., 1954 (имеется библи.); Клини С. К., *Введение в метаматематику*, пер. с англ., М., 1957, ч. 3 (имеется библи.); Есенин-Вольпин А. С., *Анализ потенциальной осуществимости*, в сб.: *Логические исследования*, М., 1959; Успенский В. А., *Лекции о вычислимых функциях*, М., 1960; Мальцев А. И., *Алгоритмы и рекурсивные функции*, М., 1965. Ю. Гастев, И. Шаин, Москва.

РЕЛИГИЯ (от лат. religio — культ богов) — «...фантатическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражение, в котором земные силы принимают форму неземных» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 20, с. 328). Помимо совокупности верований, сопровождаемых эмоц. переживаниями, комплекс явлений, связанных с Р., включает в себя также специфич. действия (религ. культ) и религ. учреждения (церковь, духовенство). В вероучении большинства историч. Р. содержится также свод морально-этич. предписаний. Т. о., Р. — сложный комплекс разнородных элементов, главным среди k -рых является совокупность верований; и культ, и учреждения, и мораль, и эмоции приобретают религ. характер и включаются в систему явлений, охватываемых понятием Р., только в том случае, если они связаны с верованиями.

Осп. определяющим признаком религ. характера тех или иных представлений является их связь с верой в сверхъестественное — нечто стоящее выше законов материального мира, не повинующееся и противоречащее им. Сюда входит, во-первых, вера в реальное бытие сверхъестеств. существ (богов, духов), во-вторых, вера в существование сверхъестеств. связей между естеств. явлениями (*магия, тотемизм*) и, в-третьих, вера в сверхъестеств. свойства материальных предметов (*фетишизм*). В сознании и поведении религ. человека, наряду с преобладающим в нем стихийным или сознат. пониманием закономер-

ности явлений природы и общества, наличествует и побочное, борющееся с первым представлением о том, что существует якобы некий таинств. мир, неподвластный этим реальным закономерностям и способный воздействовать на них. В мире сверхъестественного, по представлению верующего, происходит то, что невозможно в естеств. мире; поэтому к нему неприменимы законы логич. мышления. Т. о., сознание и поведение религ. человека раздваиваются: в своей трудовой деятельности он всегда руководствуется стихийно или сознательно постигаемыми в естеств. закономерностями, а к религ.-культурным манипуляциям прибегает в качестве дополнения «естественной» деятельности, либо руководствуясь иллюзорной надеждой на возможности сверхъестеств. умножения своих сил, либо отчаявшись в том, что ему удастся естеств. способом добиться той или иной цели.

Признание веры в сверхъестественное определяющим признаком Р. дает возможность отличать религ. явления от нерелигиозных. Вера в сверхъестественное как особое отношение к объектам, созданным человеком, фантазией, характеризуется следующими осн. моментами: 1) верой в реальное существование сверхъестественного — в отличие от др. форм фантастич. мышления, напр. в иск-ве, где также часто встречаются фантастич. сверхъестеств. образы и события, но они не выдаются за реальность; 2) эмоц. отношением к сверхъестественному — религ. человек не только мыслит и представляет себе сверхъестеств. объект, но и переживает свое отношение к нему. Мп. бурж. философы и ученые (Шлейермахер, М. Мюллер, Р. Отто, Левин-Брюль и др.) видят источник и специфич. признак Р. в особом «религ. чувстве». Однако в действительности чувства верующего ничего специфического в себе с т. зр. физиологии и психологии не содержат. Обычные человек. чувства, связываясь с религ. представлениями о сверхъестественном, приобретают известную специфику с т. зр. их социальной направленности, становятся фиктивными, поскольку объект их существует только в сознании верующего человека; 3) иллюзорная деятельность, являющаяся неотъемлемым элементом всякой более или менее массовой Р. Поскольку религ. человек верит в способность сверхъестеств. существ, сил или свойств влиять положительно или отрицательно на его жизнь, всякая Р. включает в себя определ. предписания поведения верующего по отношению к сверхъестественному, — предписания, к-рые реализуются в религ. культе. При помощи жертвоприношений, молитв, заклинаний, различных магич. манипуляций религ. человек надеется установить контакт со сверхъестеств. силами и склонить их на свою сторону.

Для уяснения места Р. в системе форм обществ. сознания важное значение имеет вопрос об отношении ее к идеалистич. философии. Исходное положение филос. идеализма — «...дух существовал прежде природы...» — Энгельс рассматривал как, в конечном счете, одностороннее с религ. учением о сотворении мира (см. там же, т. 21, с. 283). Объективный идеализм непосредственно смыкается с Р. в вопросе о существовании надмирной сверхъестеств. силы — объективного духа или, что по существу то же, бога. Ленин указывает на общность содержания филос.-идеалистич. конструкций с религ. догматами: и здесь, и там постулируется удвоение мира (см. Соч., т. 38, с. 370). Однако при всей общности Р. и филос. идеализма они не совпадают друг с другом. Р. апеллирует прежде всего не к разуму, а к вере, она не требует от своих приверженцев согласования ее догматов с данными конкретных наук; идеализм же претендует на то, что его положения основаны на разуме, вытекают из данных науки (правда, теологич. обосновывает истинность религ. догматов некоей

системой ложных в своей основе рассуждений; в ней наличествуют и попытки «гармонизации» религ. догматов не только с разумом, но и с данными науки, — этим теология соприкасается с филос. идеализмом). Помимо того, религ. представления в основном лежат в сфере образов, а идеалистические, как и вообще филос. учения, оперируют понятиями и категориями; в Р. играют значит. роль эмоц. переживания, ее отличает и органич. связь с культовыми действиями, и наличие церк. учреждений.

Специфичность церкви как религ. учреждения вытекает из того, что ее мощь и влияние основаны, прежде всего, на вере «насты» в проповедуемые церковью догматы. То же и в религ. морали: она является таковой лишь постольку, поскольку Р. дает ей божеств. санкцию, основанную на всей системе верований и догматов данной Р.; содержание же религ. морали коренится в обществ. отношениях той эпохи, когда она возникла.

В религ. представлениях фантастически отражаются непрерывно изменяющиеся условия обществ. бытия и, прежде всего, характер производств. отношений людей. Образы сверхъестеств. существ, порожденные религ. фантазией, созданные ею картины потусторонней жизни несут на себе неизгладимую печать своего земного происхождения; верования различных народов и племен всегда специфически окрашены особенностями их жизни и быта. Вскрытие земных источников религ. фантастики наносит решит. удар по теологич. спекуляциям о божеств. откровении как истинное Р., однако необходимо не только констатировать естеств. источник религ. фантастики, но и установить, почему обществ. бытие людей находит в сознании превратное, фантастически извращенное отражение. На этот вопрос марксизм-ленинизм отвечает своим учением о социальных и гносеологич. корнях Р.

Истоки Р. лежат в сфере обществ. бытия. В первобытном обществе социальной основой Р. был низкий уровень производств. сил, ограниченность отношений людей к природе и друг к другу. В классовом обществе, где рост производств. сил значительно уменьшил зависимость людей от природы, Р. отражает гл. обр. господство над людьми их собств. обществ. отношений. Здесь можно выделить два осн. фактора, рождающих Р. Во-первых, это стихийность обществ. процесса, принудит. характер обществ. сил, не подвластных сознат. контролю людей и выступающих как нечто чуждое и непонятное им (см. *Отчуждение*). Разрушит. воздействие стихийных обществ. сил, постоянно испытываемое людьми, и рождает в их сознании религ. представления — «превратное мировоззрение» превратного мира (см. К. Маркс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 414). Вторым фактором существования Р. в антагонистич. формациях является классовый гнет, эксплуатация человека человеком. Дополнением, а отчасти и предисылкой классового гнета в экономич. и политич. сфере является гнет в сфере духовной. «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» (Ленин В. И., Соч., т. 10, с. 65).

Однако даже при наличии соответствующих социальных условий Р. не могла бы возникнуть и удерживаться в сознании людей, если бы последнее не обладало рядом свойств, делающих возможным возникновение религ. фантастики. «...У поповщины (= филос. идеализма), конечно, есть гносеологич. корни, она не беспочвенна, она есть пусто-

цвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания» (там же, т. 38, с. 361). Во многом гносеологич. корни Р. и филос. идеализма совпадают. «Раздвоение познания человека и возможность идеализма (= религии) даны уже в первой, элементарной, абстракции» (там же, с. 370). Для возникновения религ. представлений необходимо определ. развитие способности сознания к относительно свободным ассоциациям, к абстрагированию от эмпирич. реальности с тем, чтобы образам фантазии могло быть приписано самостоят. существование. Помимо этого Р. имеет и специфич. гносеологич. корни. Одним из них является стремление человек. сознания к олицетворению явлений безличных и неживых. Энгельс писал о механизме возникновения религ. отражения: «Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 639). Олицетворяя явления и силы природы, религ. фантазия превращает их в самостоят. существ. Существ. влияние на образование религ.-фантастич. заблуждений оказывают человек. эмоции (страх, вожделение, благодарность, умиление, любовь, ненависть и т. д.). Раскрывая механизм образования фетишистских фантазий, Маркс писал: «Распалённая вожделением фантазия создаёт у фетишиста иллюзию, будто „бесчувственная вещь“ может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть» (там же, т. 1, с. 98). Страх оказывает особое влияние на возникновение религ. представлений. Как степень интенсивности этого чувства, так и формы его проявления обуславливаются в значит. степени социальными условиями. В первобытном обществе это страх перед непонятными силами природы, в классовом обществе к нему присоединяется страх перед стихийными социальными силами. «Страх перед слепой силой капитала, которая слепна, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит „внезапное“, „неожиданное“, „случайное“ разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса» (Ленин В. И., Соч., т. 15, с. 375).

Р. есть явление историческое, неизбежно порождаемое условиями жизни общества на определ. ступени его развития и становящееся невозможным в бесклассовом коммунистич. обществе. Испытывая постоянное влияние со стороны политич. надстройки и др. форм обществ. сознания, Р. в своем развитии определяется, в конечном счете, развитием материального базиса общества. В то же время Р. обладает и относит. самостоятельностью, известной внутр. логикой своего развития. В сравнении с др. формами обществ. сознания Р., по словам Энгельса, «... всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 313). Как и в философии, «здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует» (там же, с. 312).

Первонач. религ. представления должны были относиться к предметам ближайшего окружения чело-

века. В период развитого первобытного рода объектом религ. верований становятся многочисленные порожденные фантазией духи и боги, с течением времени все более индивидуализирующиеся, наделяющиеся личными именами; возникает политеистич. пантеон (см. *Политеизм*). Следующим этапом развития Р. является выделение отд. родами и племенами из всей массы богов и духов особых богов-покровителей, связанных только с данными родом или племенем. Признание существования мн. богов связано здесь с монолатрией, т. е. исключит. поклонением одному из этих богов; такое сочетание политеизма с монолатрией характерно, в частности, для древнеевр. Р. вплоть до эпохи эллинизма. В дальнейшем обнаруживается тенденция к *монотеизму*, находящая свое выражение в т. н. «высших религиях», но в них не достигающая своего завершения (догмат о триничности божества в христианстве, дьявол как антипод «единого бога» в иудаизме и исламе и т. д.), что делает несостоятельным традиц. теологич. деление всех Р. по признаку единства или множественности признаваемых ими божеств.

Депсты (см. *Деизм*) отделили проповедовавшую ими «естественную» Р. от т. н. позитивных, или догматич., Р. Фактически восприняв это деление, христ. теология придала ему апологетич. смысл: Р. откровения якобы преподаны людям богом через его пророков, естеств. же Р., к к-рым отнесены все догматич. и дохрист. «языческие» культы, возникли в процессе стихийных поисков людей и носят несовершенный характер по сравнению с Р. откровения.

В марксистском религиоведении принята классификация Р., к-рая исходит из масштаба охватываемых ими этнич. общностей. Выделяются след. группы Р.: племенные, национальные и межнациональные (мировые). К первой относятся Р. и культы доклассового общества, вторая охватывает как древние, так и совр. Р., распространенные преим. в рамках одной этнич. общности (народности, нации) и нередко — одного гос-ва. Межнациональными, или мировыми, являются Р., распространенные среди нескольких или мн. народов; в наст. время к ним относятся *христианство*, *ислам* и *буддизм*. Каждая из этих Р. в свою очередь подразделяется на вероисповедания и секты (см. *Сектантство*).

На всех стадиях своего развития Р. являлась выражением глубокой неудовлетворенности людей их положением, проявлением реального или кажущегося бессилия угнетенных и обездоленных в борьбе за лучшую жизнь. По словам Маркса, «религия и убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества» (там же, т. 1, с. 415). Однако этот протест не может быть действительным. Вырастая из придаленности человека условиями его жизни, Р. закрепляет эту придаленность, способствует ее сохранению. В этом смысле Р. является, по выражению Маркса, «опиумом народа» и протест, выражаемый Р., остается лишь пассивным «вздохом угнетенной твари», к-рая переносит свои чаяния лучшей жизни в поусторонний мир, порожденный религ. фантазией. В те периоды истории, когда Р. безраздельно господствовала в сознании всех слоев общества, социальный протест также облекался в религ. оболочку и классовая борьба нередко разворачивалась в форме борьбы религ. идеологий, обнаруживая противоречие между социальным содержанием революц. движений и религ. формой его выражения. Однако использование прогрессивными обществ. силами тех или иных религ. представлений для обоснования своих идеалов не может поставить под сомнение общую марксистскую оценку религ. мировоззрения как превратного отражения действительности.

В СССР, как и в др. социалистич. странах, Р. является пережитком в сознании людей. По мере успехов строительства коммунистич. общества выкорчевываются социальные корни Р. и создаются условия для полной победы атеистич. научно-материалистич. мировоззрения во всех слоях населения. Этому способствует непрестанный подъем культурного и образоват. уровня широчайших масс народа. Поскольку религ. пережитки еще существуют, верующим предоставляется возможность свободного отправления культа, гарантированная конституцией Сов. гос-ва. Церковь отделена от гос-ва, и последнее не вмешивается в отношении граждан к Р. и к религ. верованиям — в этом воплощен лозунг свободы совести, отстаивавшийся марксизмом-ленинизмом на всех этапах его истории. Однако социалистич. гос-во не отказывается от воспитат. воздействия на своих граждан с целью освобождения их сознания от религ. предрассудков и через школу и широкую сеть культ.-просветит. учреждений, включая библиотеки, кино, телевидение и т. д., ведет научно-атеистич. пропаганду во всех слоях населения. Программа КПСС указывает, что необходимо «...систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве подавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений» (1961, с. 122). См. *Атеизм*.

И. Крыжелев, Д. Угринович. Москва. История учений о религии. Рационалистич. взгляды на Р., противостоящие культовым и теологич. доктринам, зародились в Древней Греции. Представитель *элейской школы Ксенофан* подверг критике антропоморфизм греч. Р. и провел различие между единым мировым божеством и образами богов, к-рые каждый народ создает по своему подобию (напр., боги у фракийцев и эфиопов). Первым предметом критики становится миф, к-рый выделяется из Р. как продукт человек. фантазии; с кризисом традиц. религ. представлений в эпоху эллинизма эта критика распространяется на Р. в целом. В антич. время возник ряд теорий Р., преим. наивно-рационалистич. характера, к-рые получили развитие уже в новое время, в частности: 1) натуралистич. теория, возводящая к Театуру Регийскому (6 в. до н. э.), к-рый рассматривал богов как аллегории внешних природных явлений; 2) антропологич. теория, восходящая к *Эвемеру*, к-рый считал богов обожествленными древними царями и героями; эта идея явилась первоисточником различных позднейших концепций «человеческого божия»; 3) политич. теория Р., или теория обмана, приписываемая Платоном (Legg., X) афинскому тирану Критию (ум. 403 до н. э.), к-рый видел в Р. орудие управления (*instrumentum regni*): Р. — это сознат. избобретение древних законодателей, придумавших своего рода небесных надзирателей за делами людей. Вариантом ее была теория договора (*Секст Эмпирик*), согласно к-рой началом Р. послужил договор правителей и жрецов с народом. В антич. период зарождаются и психологич. теории Р., объясняющие ее страхом перед естеств. силами [взгляд, возводимый антич. традицией к Демонитру и выраженный в известном стихе рим. поэта Стация — «Первых в мире богов создал страх» (*Thebais*, III, 601)]. *Посидоний* противопоставляет народной Р. врожденные религ. представления, превосходящая естественную Р. действий.

В эпоху ср. веков независимый от теологии подход к Р. становится невозможным. Однако и теология не могла избежать вопроса о соотношении Р. и разума в границах филос. истолкования христ. догмы. Если последнее еще допускалось нек-рыми «отцами церкви» (*Ориген, Дионисий Ареопагит* и др.), то *Тертуллиан* настаивал на полной несовместимости Р. и философии, утверждая «абсурдность» веры для разума. Схоластики трактовали философию как «прислужницу» теологии. Вопрос о т. н. «ложных» религиях и наличии в них общих с христианством элементов христ. апологетика пыталась объяснить, или исходя из теории предтворения (*Ориген*, частично *Августин*), что впервые вносило во взгляды на Р. элемент историзма, или же замещением и искажением в язык. народ. религии Моисея. Ранней попыткой частичного освобождения от пут теологии было учение о *двойственной истине* у номиналистов.

В 17—18 вв. с критикой теории *откровения* и догматов христианства выступили англ. действ. и за ними франц. просветители, выдвинувшие идею естеств. Р. (*religio naturalis*, аналогичной естеств. праву) или независимой от откровения Р. разума [*Черберт*, «Трактат об истине» («*Tractatus de veritate*», Р., 1624); *Вольтер*, «Опыт всеобщей истории о нравах и духе народов», 1756]. Вольтер отстаивал естеств. Р. «без чудес, попов и фанатизма», приближение к к-рой он находил в Р. китайцев. Дезиз явился отчасти переходной ступенью к атеизму, к к-рому

ближе всего из действий подошел *Толанд*. Подобную же роль сыграл и *пантеизм* (Дж. Бруно, Спиноза). Сильные в практич. критике церкви и христ. догматики, просветители видели в Р. продукт невежества и обмана. Теория обмана имела большой успех у свободомыслящих вплоть до 19 в. и вошла даже как нечто общепризнанное в декрет Конвента 1793 об отмене Р. во Франции («Как известно, все Р. изобретались правителями, чтобы лучше управлять народами»). Со 2-й пол. 18 в. во франц. Просвещении наметились два течения в истолковании Р.: одно из них через *Гельвеция* пришло к материализму и атеизму («Системы природы» (1770) *Гольбаха*, второе в лице *Руссо* провозгласило естеств. Р. проявлением не разума, а чувства («*Эмил*», *Amst.*, 1762; рус. пер., ч. 1—4, М., 1807). Англ. девиз привел в конце к сенсуализму *Юма*, к-рый по-новому ставит проблему происхождения Р. («Естеств. история Р.», Л., 1757; рус. пер., Юрьев, 1909). Юм отвергает Р. разума и дает чисто антропологич. истолкование Р., объясняя ее склонностью человека наделять внешние природные силы человек. свойствами. Р. возникает из жизненных забот, страхов и надежд, причины к-рых человек приписывает таинств. внешним силам, стремясь приблизить их к себе. Древнейшей Р. Юм считает идолопоклонство, или политизм (Вольтер видел еще в нем продукт позднейшей деградации Р.). Исключит. явлением для 18 в. явилось соч. *Броса* («*Du culte des dieux fétiches...*», 1760), где древнейшей формой и источником Р. объявлялся фетишизм афр. пер. (идея Броса о фетишизме была принята с лишним лет восприняты А. Бастианом). Г. Э. *Лессинг* истолковывает естеств. Р. не как нечто изначально данное, а как конечную цель развития конкретных Р.

Нем. классич. философия, выступая против рационализма Просвещения, по-новому ставит вопрос о сущности Р. *Кант* разграничивает функции веры и разума, Р. и философии, отказываясь рассматривать вопрос о действит. существовании религ. объектов. Необходимость Р., по Канту, коренится в этич. плоскости, в сфере практич. разума: Р. нужна для обоснования нравств. принципов человек. поведения. Бессмертие, свобода, бог — «не теоретические догматы, но предположения для необходимого практического стремления» («Критика практич. разума», СПб., 1908, с. 137). Это неизбежно вело к субъективизации Р., что и проявилось в учении о Р. *Шлейерахера* («*Религ. о Р.*», В., 1799; рус. пер., М., 1911) как особой сфере человек. сознания, к-рая не сводится к морали или метафизике, хотя и имеет с ними общий объект — «универсум». Однако главное в Р. не объект, а связь его с субъектом во внутр. переживании: Р. есть особое чувство — чувство зависимости от бесконечного. Поэтому Р. не нуждается ни в бытии личного бога, ни в бессмертии души, к-рое мыслится лишь как слияние с бесконечным. Конкретные Р. — это различные формы связи вечного с временным и как таковые одинаково истинны. Против учения Шлейерахера о первичности чувства в Р. выступил *Гегель*, к-рый вновь ввел Р. в рамки философии как предшествующую ей ступень познания абс. духа, хотя и в несовершенных формах представления и веры. Отд. религии Гегель рассматривает как необходимые стадии воплощения религ. идеи, завершающиеся возникновением христианства как «абсолютной» Р. («Лекции по философии Р.», В., 1832). После смерти Гегеля филос. развитие левых гегельянцев привело их к атеистич. выводам. *Д. Ф. Штраус*, *Б. Бауэр* выступили с открытым отрицанием божеств. происхождения христианства, видя в *Новом завете* продукт коллективного историч. мифотворчества (см. *Тюбингенская школа*). *Фейербах* перешел от гегелевского представления об абс. идее, познающей себя в человек. сознании, к утверждению, что последняя сама есть порождение этого сознания («Сущность христианства», 1841). Источник Р. *Фейербах* видит в раздвоении человека с самим собой, в отчуждении от реального человека его «родовой сущности». Сведение Р. к «реальным земным основам» у *Фейербаха* послужило этапом на пути создания Марксом и Энгельсом науч. теории Р.

С сер. 19 в. начинает формироваться религиозное, постепенно выделяющееся из философии Р. Предпосылкой для эмпирич. изучения Р. явилось ознакомление с осн. памятниками нехрист. Р., систематич. публикация к-рых была начата основателем мифологич. школы М. Мюллером (1823—1900), выдвинувшим задачу филологич. изучения Р., реконструкции исчезнувших Р. по их памятникам и в этой связи сравнит. метод изучения Р. («Сравнит. мифология», Л., 1856; рус. пер., М., 1863). Мюллер возродил натуралистич. теорию Р., считая, что в основе Р. лежат представления первобытного человека о природе; Р. оказывалась, т. о., своего рода первобытной натурфилософией. Первичным элементом Р. считался миф, а задача изучения Р. сводилась в основном к раскрытию естеств. символики мифов. Мифологич. школа господствовала в области изучения Р. до последней четверти 19 в. Отзвуки натуралистич. взглядов заметны и позже, напр. у *Фрейзера* («*The worship of nature*», Л., 1926). Разновидностью натуралистической была астральная теория Р., видевшая в религ. образах и мифах отражение движений небесных тел. Основанная в 18 в. Ш. Дюпой, она имела достаточно приверженцев еще в нач. 20 в. (Г. Винклер, Э. Штукен, А. Немеовский).

Новый этап в развитии религиозного связан с работами англ. антропологич. школы по изучению ранних форм Р. Эти исследования привели Э. Тайлора в 1867 к концепции *анимизма* («Первобытная культура», в. 1—2, Л., 1871; рус. пер., М., 1939). Тайлор, а также *Спенсер* и *Лэббок* рассматривали

бытном обществе. Г. Рохейм (1891—1953) применил эту теорию Фрейда к изучению австрал. тотемизма (G. Rohheim, *Australian Totemism*, L., 1925), Т. Рейк — к объяснению обрядов кувады и инициации.

К. Юнг, вначале последователь Фрейда, порвал с ним из-за отрицания Фрейдом религии. Выдвинув идею третьей психич. модальности — коллективного бессознательного, Юнг разработал на ее основе новый подход к Р., стремясь к переосмыслению архая и эзотерич. культов и мистерий, содержащих, по мнению Юнга, наиболее глубокий общечеловеч. опыт. Первичным элементом Р. в индивидуальной психике у Юнга выступает образ-символ (архетип). Архетипы проявляются в человеке спонтанно, изнутри, наподобие внутр. открывения, будучи выявлением «родовой памяти» человечества. Такова, напр., буддийская мандала, выражающая идею интеграции, внутр. завершения личности (С. Jung, *Mandala symbolism*, Coll. Papers, 1959, в. 9, № 2). Защитой от напора коллективного бессознательного, стремящегося как бы затопить сознание, служит религ.-магич. ритуал, своеобразная компенсаторная деятельность, направленная на поддержание внутриспичич. баланса. Эта задача Р. совпадает с задачей психотерапии, а конкретные формы Р. совпадают с задачей психотерапии, а конкретные формы Р. истолковываются Юнгом как различные психотерапевт. методы. Учение Юнга вызвало заметный интерес среди теологов, один из к-рых, православный священник Г. Захарияс, даже истолковал в духе Юнга евангелия (G. Zacharias, *Psyche und Mysterium*, Z., 1954). Под влиянием Юнга находится группа исследователей Р. и мифологии, объединенная вокруг ежегодника «Eranos» (1933—1964, 32 тт.) (К. Кереньи, Дж. Кэмпбелл, М. Франц и др.), оно сказывается также в работах по символике Р. у М. Элиаде (р. 1907) (M. Eliade, *Ewige Bilder und Sinnbilder*, Olten-Freiburg, 1958).

Видное место в бурж. науке о Р. с конца 19 в. занимает протестантское религиоведение (см. *Протестантизм*), получившее, помимо Германии, особое развитие в Голландии и Швеции. Основателем историч. направления в протестантском религиоведении явился голл. историк К. Тиле (1830—1902), автор первого курса всеобщей истории Р. (1876), получившего позднее широкое распространение в переработке швед. религиоведа Сёдерблома (1866—1931) (С. Tiele, N. Söderblom, *Kompendium der Religionsgeschichte*, 1931). Развитие Р. истолковывается Тиле как внутр. автономное движение Р. от низших форм к высшим. Тиле проводил различие между развитием Р. и конкретными формами Р. Позднейшие религиоведы, не занимающие конфессиональных позиций, выступили против этой идеи прогресса в Р., отмечая, что для эмпирич. религиоведения отсутствует к.-л. объективный масштаб для оценки прогрессивности или отсталости Р. и предпочитая говорить не о развитии, а о процессах расчленения внутри отдельных Р. (Н. Вах). Продолжателем Тиле во многом был Сёдерблом, утверждавший, что в основе Р. лежит не идея бога, но представление о святости. Источник Р. для Сёдерблома, как и для Джемса, — в психич. жизни индивида. В связи с этим он считал невозможным объяснить Р. через понятие сверхъестественного, отмечая, что различие между природным и метафизическим проявляется сравнительно поздно и не составляет сущности Р. (N. Söderblom, *The living god*, L., 1933). Рассматривая историю Р. как смену форм открывения, Сёдерблом устанавливает на этой основе этапы развития Р. («Das Werden des Gottesglaubens», Lpz., 1916): первая стадия — народные традиц. Р., тесно связанные с конкретными формами данной культуры и обществ. организации (из совр. Р. — синтоизм), на второй стадии появляются аномич. Р., исходящие из «мистики бесконечности»: из коллективного дела Р. становится делом личного и вместе с тем универс. спасения. Противоположность между священным и земным отождествляется с противоположностью духа и материи, метафизич. дуализм порождает аскетизм и бегство от мира; концепция божества на этой стадии отсутствует (*буддизм*). Наконец, на третьей стадии — стадии пророческой Р. — устанавливается связь между миром и божеством. Р. Оттс (1869—1937) критикует как рационалистич. и либеральную, так и ортодокс. теологию как вторую — метафизич. форму рационализма и выдвигает идею иррациональности Р. Вслед за Сёдербломом он считает основой Р. «священное», являющееся иррациональной величиной (R. Otto, *Das Heilige*, Breslau, 1917). В основе переживания священного или первичного религ. чувства лежит *mysterium tremendum*, «ужасающая тайна», вызывающая ощущение человеком своей греховности, ничтожества, рядом с к-рым возникает мистич. чувство «благодати», близости к божеству; догматическая же сторона Р., представления о божестве — вторичное явление, попытка рациона. переработки внутр. религ. опыта.

Основателем феноменологич. метода в религиоведении явился М. Шелер, применивший к Р. принципы феноменологии (M. Scheler, *Vom Ewigen im Menschen*, Bd 1, Lpz., 1921) и проводивший резкое различие между общим религиоведением и философией Р. Задачу феноменологии Р. Шелер видит в описании «чистых форм» религ. акта, его «внутр. жизни». Разработка т. н. общей феноменологии Р. принадлежит Герарду ван дер Лееву (G. van der Leeuw, *Phänomenologie der Religion*, Tübingen, 1933, 2 Aufl., Tübingen, 1956). Представители феноменологич. школы Р. Петтацони группируются вокруг журнала «Numen». Методы структурного анализа были применены при изучении Р. в «структурной антропологии» *Леви-Строса*.

В целом для совр. бурж. религиоведения характерны разрыв в изучении субъективной и объективной стороны Р., нахождений выражение в противопоставлении социологии и психологич. теорий Р., эклектич. смешение различных концепций и подходов к Р., отказ от объяснения происхождения Р. (Р. Отто: «Р. возникает из себя самой»; Т. Аддр: «Происхождение Р. — не исторический, а метафизический вопрос»), а также усиление фидеистич. тенденций (призыв к сотрудничеству с теологией у Лезва и др.). В большинстве направлений совр. бурж. психологии и социологии Р. осталось по существу непреодоленным противопоставление индивида и общества, свойственное еще просветит. теориям Р. 18—19 вв. Если субъективно-психологич. теории Р. выводят ее из особ. состояний психики отд. индивида (Джемс, Фрейд и т. д.), игнорируя социально-историч. контекст их проявления, то позитивистская социология (Дюркгейм и его школа и др.), фиксируя внимание лишь на независимости и принудительности социальных, в частности религ. норм и институтов по отношению к отд. индивидам, также оказывается не в состоянии понять их происхождение и роль в обществе как целостной саморазвивающейся системе.

Д. Лялик. Москва. Марксистская лит-ра о Р.: Маркс К. и Энгельс Ф., О Р., М., 1955; Ленин В. И., О Р., М., 1954; Вопросы идеологич. работы, М., 1961, с. 72—76, 61—65; Д. А. Ф. П. Р. и капитал, М., 1937; Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 1, М., 1959; Крывелев И. А., Ленин о Р., М., 1960; Шахнович М. И., Ленин и проблемы атеизма, М.—Л., 1961; Сухов А. Д., Социальные и гносеологич. корни Р., М., 1961; Угринович Д. М., О специфике Р., М., 1961; Дониини А., Люди, идылы и боги, пер. с итал., М., 1962; Федин Ю., О совр. попытках обновления Р., М., 1962; Филос. проблемы атеизма, М., 1963; Крупская Н. К., Из атеистич. наследия, М., 1964; Крывелев И. А., Маркс и Энгельс о Р., М., 1964; Токарев С. А., Р. в истории народов мира, М., 1964; его же, Ранние формы Р. и их развитие, М., 1964; Вопр. истории Р. и атеизма. Сб. ст., т. 1, 1—12, М., 1950—64; Левада Ю. А., Социальная природа Р., М., 1965.

История учений о Р.: Pfeleiderer D. O., *Geschichte der Religionsphilosophie von Spinoza bis auf die Gegenwart*, 3 Aufl., B., 1893 (есть рус. пер.); Flournoy T. H., *Les principes de la psychologie religieuse*, [Gen.], 1903 (рус. пер., К., 1909); Wach J., *Religionswissenschaft. Prolegomena zu ihrer wissenschaftstheoretischen Grundlegung*, Lpz., 1924; его же, *The comparative study of religions*, N. Y., 1958; Mensching G., *Geschichte der Religionswissenschaft*, Bonn, 1948; его же, *Die Religion. Erscheinungsformen, Strukturtypen und Lebensgesetze*, Stuttg., 1959; Hasenfuß J., *Der Soziologismus in der modernen Religionswissenschaft*, Würzburg, 1955; Lessa W. et Vogt E., [ed.], *Reader in comparative religion*, Evanston (Ill.), [1958]; *The history of religions*, ed. by M. Eliade and J. M. Kitagawa, Chl., 1959; *Readings in the psychology of religion*, ed. by O. Strunk, N. Y.—Nashville, 1959; Heiler F., *Erscheinungsformen und Wesen der Religion*, Stuttg., [1961]; Wells D. A., *God, man and the thinker: philosophies of religion*, N. Y., [1962]; *Classical and contemporary readings in the philosophy of religion*, N. Y., 1964; Eliade M., *Traité d'histoire des religions*, P., 1964; *Symposium on new approaches to the study of religion*, Pittsburgh, 1964; *International bibliography of the history of religions*, Leiden, 1952.

Журналы по религиоведению: *Zeitschrift für Religionswissenschaft*, 1898—; *Revue d'Histoire des Religions*, P., 1880—; *Numen*, Leyden, 1954—; *Euhemer*, Wars., 1957—; *Kairos. Zeitschrift für Religionswissenschaft und Theologie*, Salzburg, 1959—; *Symbolon*, Basel, 1960—; *Journal for the scientific study of Religion*, New Haven, 1961—.

Энциклопедии: *Encyclopaedia of religion and ethics*, v. 1—13, N. Y., 1951—55; *Die Religion in Geschichte und Gegenwart*, 3 Aufl., Bd 1—6, Tübingen, 1957—62; *Lexikon für Theologie und Kirche*, Bd 1—10, Freib., 1957—65. См. также лит. при ст. *Атеизм*, *Мифология*.

РЕЛЯТИВИЗМ (от лат. *relativus* — относительный) — возведенный в ранг теоретич. концепции принцип, согласно к-рому все в мире только относительно. Из такого подхода вытекает отрицание к.-л. абс. субстанциональных моментов, сторон в вещах, науч. теориях, моральных нормах и т. д. В зависимости от предметных областей, где реализуются этот принцип, различают:

Р. метафизический (онтологический), т. е. утверждение, что вещи и их свойства существуют только в отношениях к другому (обычно под ним понимается дух, воспринимающий субъект). Крайним выражением такой т. зр. является, напр., позиция Беркли: «То, что говорится о безусловном существовании немислящих вещей без какого-либо отношения к их восприимчивости, для меня совершенно непонятно. Их *esse* есть *percipi*, и невозможно, чтобы они имели ка-

кое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей» («Трактат о началах человец. знания», СПб, 1905, с. 62). Концепцию, утверждающую, что существуют только отношения, иногда наз. реляционизмом.

Р. гносеологический — концепция, объединяемые принципом: все наши знания относительны, они обладают значимостью лишь для определ. т. зр., а поэтому необъективны. Такой принцип обосновывается по-разному. В философии эмпиризма Р. с логич. неизбежностью вытекает из признания индивидуального опыта единств. источником знания: если различные индивиды устроены по-разному, обладают различным опытом, то и их знания об одном и том же различны. Первым представителем этой т. зр. в истории философии был, по-видимому, Протагор, утверждавший, что человек есть мера всех вещей. В этом же смысле Р. был свойствен софистам, скептицизму. Др. предпосылкой для принятия принципа Р. в гносеологии является апелляция к тому, что познаваемая нами действительность находится в постоянном изменении, поэтому наши знания всегда относительны в том смысле, что истинны только в данный момент. В такой т. зр., во-первых, не учитывается относит. устойчивость вещей и явлений, к-рая и делает возможным их познание, а во-вторых, вопрос о соответствии наших представлений объекту подменяется вопросом о неизменности этих представлений. Иногда обоснованием Р. служит ссылка на то бесспорное обстоятельство, что объект не может быть познан сразу весь и целиком, что поэтому знания о нем со временем изменяются и иногда довольно радикально. Как показали Энгельс (см. «Анти-Дюринг», 1966, с. 81—92) и Ленин (см. «Материализм и эмпириокритицизм», в кн.: Соч., т. 14, с. 181—299), здесь смешивается вопрос об объективности наших знаний с вопросом об их полноте, т. е. объективным считается лишь окончательное, абс. знание, но поскольку таковое невозможно, факт изменения знаний рассматривается как доказательство их неистинности. Как филос. концепция Р. стал особенно модным на рубеже 19 и 20 вв., когда физики и философы, придерживающиеся старых, наивно-материалистич. представлений о веществе (к-рое отождествлялось с материей), о массе и т. д., столкнулись с новыми физич. теориями; их правильное филос. осмысление требовало иных, диалектико-материалистич. представлений, с т. зр. к-рых наши знания относительны не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле историч. условности приближения их к этой истине (см. В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 124). Неумение же или нежелание стать на эту т. зр. приводило к утверждениям об абс. относительности знаний (Мах, Авенариус), о полной их условности (Пуанкаре, см. Конвенционализм).

Р. этически — результат распространения принципа Р. на область нравств. отношений — отрицает объективный характер моральных норм, их объективную значимость. Такого рода Р. является попыткой «оправдать» теоретически аморализм и беспринципность в самом широком смысле.

Р. может иметь место и в эстетике, где он связан с отрицанием общечеловеческого содержания в истинных произведениях иск-ва, отрицанием преемственности между различными направлениями иск-ва. В СССР такой Р. был характерен для Пролеткульта, Лефа и т. д.

В зарубежной историографии распространен Р. в понимании истории. Суть его состоит в отрицании возможности объективного познания и оценки тех или иных историч. событий, поскольку якобы все определяется господствующими в наст. время «политич. страстями» (как говорил Ницше, мы пользуемся историей лишь постольку, поскольку она нам служит).

В разных историч. условиях Р. как принцип имеет разное социальное звучание. Иногда он является выражением и следствием загнивания общества, попыткой оправдать утрату историч. перспективы в его развитии. В др. случаях Р. объективно способствует расшатыванию и разрушению отживших социальных порядков, догматич. мышления и косности.

Р. философский не следует смешивать с физич. Р., к-рый означает признание т. зр. относительности теории.

Лит.: Пуанкаре А., Наука и гипотеза, М., 1904, с. 60—61; его же, Последние мысли, П., 1923; Кузнецов И. В., Принцип соответствия в совр. физике и его филос. значение, М.—Л., 1948; Франк Ф., Философия науки, пер. с англ., М., 1960; Нарский И. С., Совр. позитивизм. Критич. очерк, М., 1961; Troeltsch E., Der Historismus und seine Überwindung, В., 1924; Spiegelberg H., Antirelativismus, Z.—Lpz., 1935. Н. Франццова. Москва.

РЕМКЕ (Rehmke), Иоханнес (1 февр. 1848—23 дек. 1930)—нем. философ, представитель имманентной философии. Проф. философии в Грейфсвальде (1885—1921). Ученик теолога А. Бидермана (1819—85) и Шуппе.

Защитил субъективно-идеалистич. т. зр. гносеологич. монизма, согласно к-рой познаваемое находится в сфере сознания, т. е. имманентно ему. По мнению Р., до сих пор философия исходила из незаконного — дуалистического — противопоставления субъекта объекту, души — внешнему миру, из мнимой дилеммы: или причина наших восприятий в нас, или она вне нас. На самом деле, по мысли Р., это рассуждение покоится на догматич. предпосылке о познающей душе как существующей отдельно от внешнего мира, что приводит к полной невозможности понять, «...каким образом душа, которой внешний мир противостоит, как что-то чуждое, может составить себе понятие о нем, если она как познающая... с самого начала ограничена сама собою» («О достоверности внешнего мира для нас», 1892, в сб.: «Новые идеи в философии», № 6, СПб, 1913, с. 81). Для того чтобы согласовать между собой эти два предварительно разъединенных мира, философы, пишет Р., «...так долго исправляли обычное понятие о внешнем мире, пока не отняли у него всего, что некогда облекло его остоу, даже пространственность...» (там же, с. 80). Но если у внешнего мира отняли все его атрибуты, то душе, напротив, приписали свойства внешнего мира, ибо считать, что мир «в ней» или что она «внутри» мира, значит представлять ее пространственной, т. е. материальной. В действительности, утверждает Р., душа имматериальна. Она не «находится» в мире, а «обладает» им. Т. о., понятие нематериальности души Р. стремится использовать в качестве логич. аргумента для доказательства имманентности мира, однако из этого понимания души вовсе не следует представление о нерасчлененности души и материи. Против субъективного идеализма Р. выдвигает довод непосредственной данности мира: «...внешний мир вообще, как непосредственно достоверное, имеет то общее с душой, что его реальность также не может быть „доказана“ и потому именно не может, что, будучи непосредственной достоверностью, стоит выше всякого доказательства, как и реальность мыслящей души» (там же, с. 88). Однако критика Р. субъективизма, утверждающая существование трансцендентного — объективной реальности, содержит отрицание его собств. позиции. «Гармония» души и внешнего мира, познающего и познаваемого достигается у Р. путем их отождествления, эклектич. объединения, к-рое освобождает от трудностей познания, но именно благодаря тому, что фактически упраздняет само познаваемое. При этом, правда, оказывается бессмысленным, а потому и неразрешимым вопрос об объективности знания, на к-рый Р. не может дать последовательный с т. зр. своей философии ответ. Столь же трудна для него и проблема «множественности сознаний», от решения к-рой, по его же собств. словам, зависит

признание нравств. жизни. Впадая в противоречие с самим собой, Р. защищал персоналистич. тезис об индивидуумах как вечных сущностях (см. «Душа человека», СПб, 1906, с. 38—39). Филос. позиция Р. была подвергнута резкой критике в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. Соч., т. 14, с. 168, 187, 199, 264, 333 и др.).

Последователи Р. в 1918 создали об-во его имени и издавали журнал «Grundwissenschaft» (1919—37).

Соч.: Die Welt als Wahrnehmung und Begriff, В., 1880; Logik oder Philosophie als Wissenschaft, 2 Aufl., Lpz., 1923; Lehrbuch der allgemeinen Psychologie, 3 Aufl., Lpz., 1926; Philosophie als Grundwissenschaft, 2 Aufl., Lpz., 1929; Grundriss der Geschichte der Philosophie, Bonn, 1960.

Лит.: Б а к р а д з е К. С., Очерки по истории новейшей и совр. буржуазной философии, Тб., 1960, с. 136—42; Hochfeld S., J. Rehmke, Münch.—Lpz., 1923; Wissen und Denken. Festschrift zu J. Rehmke 75. Geburtstag, Lpz., 1923; Troberg G., Kritik der Grundwissenschaft J. Rehmkes, В., 1941; Schneider F., Die geschichtliche Stellung der Philosophie J. Rehmkes, «Z. philos. Forschung», 1951, Bd 5, N. 2, S. 253—72.

РЕНАН (Renan), Жозеф Эрнест (27 февр. 1823—2 окт. 1892) — франц. философ, историк религии, семитолог, член Франц. академии (с 1879). Учился в духовных семинариях. Познакомившись в процессе богословских занятий с критикой Библии представителями *тюбингенской школы*, Р. в 1845 покинул семинарию и отказался от духовной карьеры. Задумав создать критич. историю раннего христианства, Р. осуществил свой замысел в «Истории происхождения христианства» («Histoire des origines du christianisme», ч. 1—8, Р., 1863—83, в рус. пер. — «История первых веков христианства», т. 1—7, СПб, [б. г.]), принесшей ему огромную известность во всей Европе. «Очищая» *Новый завет* от всего сверхъестественного, Р. изобразил *Иисуса Христа* лишь исторически существовавшим проповедником, что вызвало резкие нападки со стороны клерик. кругов, увидевших в Р. «эхо старого Вольтера». Считая, что искусство историка состоит в том, чтобы из полудостоверных частных начертать достоверное целое и что в работу надо включать не только то, что было, но и то, «что вероятно могло быть», Р. допускал в своих соч. крайний субъективизм в оценках и произвольные реконструкции, причудливо переплетенные с исторически достоверными свидетельствами. Все это, при сентимент. идеализации осн. персонажа (Иисуса Христа) придавало историч. работам Р. характер не столько науч. исследования, сколько художеств. повествования, что и побудило критиков оценить его соч. как «церковно-исторический роман» (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 469; см. также с. 473).

Филос. воззрения Р. эклектичны. Будучи позитивистом, он считал, что развитие природы и общества детерминировано и следует объективным законам, не содержащим в себе ничего сверхъестественного. Но наряду с этим он говорил о некоей идеальной цели мирового процесса. Делая своей исходной позицией принцип «благожелательного скептицизма», Р. утверждал возможность одновременного приятия мыслителем всех филос. систем. «Время абсолютных систем прошло... Прежде каждый имел систему; он ею жил; он умирал за нее. Теперь мы последовательно проходим через все системы, или, что значительнее лучше, постигаем их все одновременно» («Dialogues et fragments philosophiques», Р., 1876, р. VIII—IX). Признавая нравств. значение религии, Р. видел в ней цельную, утешающую иллюзию и рассматривал ее в целом как выражение нравств. и духовных особенностей народа.

Соч.: Histoire générale et système comparé des langues sémitiques, Р., 1855; Histoire du peuple d'Israël, t. 1—5, Р., 1887—93; в рус. пер. — Собр. соч., т. 1—12, К., [1902]; История еврейского народа, т. 1—2, СПб, 1903—11.

Лит.: Дрондое Г., Франц. позитивизм второй пол. XIX в. (Ипполит Тэн и Эрнест Жозеф Ренан), Л., 1962 (Автореф. дисс.).

М. Крубланов. Ленинград.

РЕННЕР (Renner), Карл (14 дек. 1870—31 дек. 1950) — лидер и теоретик австр. с.-д-тии, представитель *австромарксизма*. В 1919—20 — канцлер Австрии, в 1934—45 проживал в качестве частного лица в г. Глогниц. В апр. 1945 избран канцлером, в 1945—50 — президент Австрии.

В кн. «Человек и общество» («Mensch und Gesellschaft. Grundriss einer Soziologie», в кн.: «Nachgelassene Werke», Bd 1, W., 1952; не завершена, опубли. посмертно) Р. рассматривал отношения человека и природы, роль труда, сознания, проблемы социологии права и гос-ва и др. Для методологии Р. характерны эмпиризм, принижение значения философии, теории вообще. Критикуя диалектик. метод Маркса как «дедуктивный», он противопоставлял ему индукцию как метод совр. науки, исходящей из фактов опыта (см. «Теория капиталистического х-ва. Марксизм и проблема социализирования», М.—Л., 1926, с. XVIII). Р. утверждал, что «каждая страна имеет свой собственный марксизм» («Die neue Welt und der Sozialismus», Salzburg, 1946, S. 12), объявлял идеалом «эмпирический социализм» (см. «Mensch und Gesellschaft...», S. 372). Взгляды Р. по нац. вопросу (теория культурно-нац. автономии и др.) были подвергнуты критике Лениным (см. Соч., т. 19, т. 20). Переход от капитализма к социализму Р. понимал прежде всего как постепенную замену старой организации распределения новой (см. «Теория капиталистич. х-ва...», с. 321, 322, 326). Все это служило для обоснования Р. реформистской идеи мирного вращающегося капитализма в социализм, для отрицания марксистского учения о диктатуре пролетариата. Задачей социализма Р. считал создание экономич. и политич. «Интернационала» совр. гос-в, начало воплощения к-рого он видел в ООН. После 2-й мировой войны Р. выступал с пропагандой идей «демократич. социализма».

Соч.: Marxismus, Krieg und Internationale, 2 Aufl., Stuttgart, 1918; Wege der Verwirklichung. Betrachtungen über politische Demokratie, Wirtschaftsdemokratie und Sozialismus..., В., 1929; An der Wende zweier Zeiten. Lebenserinnerungen..., 2 Aufl., W., 1946; Für Recht und Frieden. Eine Auswahl der Reden..., [s. l., 1950]; Das Weltbild der Moderne, W.—[u. a.], 1954; рус. пер. — Нац. проблема (Борьба национальностей в Австрии), СПб, 1909 (изд. под псевд. — Р. Шпрингер).

Лит.: Турок В. М., От австромарксизма к совр. ревизионизму, «Новая и новейшая история», 1958, № 4.

РЕНУВЬЕ (Renouvier), Шарль (1 янв. 1815—25 авг. 1903) — франц. бурж. философ, глава т. н. неокритицизма. В лице Р. филос. мысль обратилась к кантовской философии за 10 лет до появления лозунга «Назад к Канту!», возвестившего о рождении нем. *неокантианства*. В юности Р. испытал влияние сенсимиозма; в дальнейшем предал эволюцию от *электизма* (усвоенного под влиянием *Кузена*) к Канту и неокритицизму, а позже — к *персонализму*.

Исходя из кантовского понимания философии как критики принципов познания, Р. ставит вопрос о необходимости предпосылок познания. Исходным пунктом философии должно быть самоочевидное. В качестве такового Р. выдвигает реальность состояний сознания и строит субъективно-идеалистич. теорию познания. Осн. тезис гносеологии Р. — нет объекта без субъекта и нет субъекта без объекта — в дальнейшем развивают представители *имманентной философии* и *эмпириокритицизма*. Т. о., Р. отказывается от «вещи в себе» и возвращается к *феноменализму Юма*. Однако от Канта Р. наследует принцип *априори*. Ленин характеризовал философию Р. как «...соединение феноменализма Юма с априоризмом Канта» (Соч., т. 14, с. 198). Под влиянием Канта же Р. строит таблицу категорий, в ранг к-рых с упразднением «вещи в себе» Р. производит пространство и время,

выступавшие у Канта как формы чувственности. Главные среди категорий Р. — отношение и число. Категории призваны объединить и придать логич. связность миру, к-рый представляется Р. как мир множественных, конечных по числу элементов, не подчиненных необходимости. Т. о., от субстанции Р. отказывается только на словах. Противоречиво с т. зр. феноменализма и само стремление Р. построить образ мира как такового и постулировать тезисы реальности: 1) Тождество личного «Я». 2) Тождество внешнего мира. 3) Тождество других «Я». 4) Соответствие законов мира законам познания.

С занятой Р. позиции имманентизма истина неотличима от заблуждения. Р. принимает психологич. и волюнтаристич. трактовку истины, впоследствии развитую прагматистом *Джемсом*.

Сложные филос. построения Р., к-рые зиждятся на понятиях финитизма, плюрализма, индетерминизма, могут быть усвоены в связи с гл. задачей Р. — «оправдание такого миропонимания, где бы было место для свободы и творчества множественности духовных существ» и где «... нравственная ответственность возможна, ибо в мире нет никакой *durā necessitas* (необходимости. — *Ред.*), мы не только составляем его, но в известной мере мы и делаем его» (*Ланцини И. П.*, «Неокритицизм Шарля Ренувье», см. в сб. «Новые идеи в философии», № 13, СПб, 1914, с. 106, см. также с. 94). Эта персоналистич. интуиция руководила Р. при «решении» кантовских антиномий, в к-рых он принимает тезисы. Философия Р. представляет собой то отвлечение послекантианской мысли, к-рое находит центр тяжести в практич. разуме, т. е. в нравственности. Причем, если для Канта нравств. закон — предмет веры, то в интерпретации Р. он может быть понят как факт, ибо *свобода воли* для него является фактом. Вместе с тем, если у Канта практич. разум может служить основанием для реконструкции теории познания, то у Р., объявившего об упразднении «вещи в себе», он конструктивно бессилен.

Р. не только создал школу (*О. Гамелен*, *Пиллон*, *Рабье*, *Дориак*, *Брошар* и др.), он оказал заметное влияние на ряд филос. иррационалистич. направлений: *прагматизм*, *персонализм*, *интуитивизм* и др. В частности, идея *Бергсона* о мире как сложной пульсации ведет свою родословную от философии Р. В целом, несмотря на стремление продолжить дело Канта и совершенствовать критицизм, Р. оказался автором метафизич. системы догматич. типа.

См.: *Manuel de philosophie moderne*, Р., 1842; *Manuel de philosophie ancienne*, v. 1—2, Р., 1844; *Essais de critique générale*, v. 1—4, Р., 1854—64; *Science de la morale*, v. 1—2, Р., 1869; *Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques*, v. 1—2, Р., 1885—86; *La nouvelle monodologie*, Р., 1899; *Le personnalisme*, Р., 1903.

Лит.: *Введенский А.*, Очерк совр. франц. философии, X., 1894; *История философии*, т. 3, М., 1959, с. 481—85; *Janssens E.*, *Le néo-criticisme de Ch. Renouvier*, Louvain, 1904; *Séailles G.*, *La philosophie de Ch. Renouvier*, Р., 1905; *Bridel P.*, *Ch. Renouvier (1818—1903) et sa philosophie*, Lausanne, 1905; *Prat L.*, *Ch. Renouvier, philosophie*, Poitiers—Ariège, 1937; *Vergneaux R.*, *L'idéalisme de Renouvier*, Р., 1945; *еr о ж е*, *Renouvier, disciple et critique de Kant*, Р., 1945; *еr о ж е*, *Esquisse d'une théorie de la connaissance. Critique du néo-criticisme*, Р., 1955; *Labert H.*, *Le père (de la philosophie)*, Critique des laïcismes, Р., 1948; *Hansen V.*, *Ch. Renouvier*, Kbh., 1962.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ (от франц. *representatif* — представляющий собой что-либо) — свойство выборочной совокупности, к-рое позволяет с нек-рой ошибкой — наперед заданной или вычисленной на материалах фактич. выборки — отождествлять распределение изучаемого признака в выборке с распределением этого признака в генеральной совокупности. Р. есть представительность выборки по отношению к генеральной совокупности по нек-рым заданным конкретным признакам. Р. зависит от субъективных и от объективных факторов. Так, соответствие метода *отбора* целям

исследования, строгость соблюдения процедуры отбора, правильность метода сбора информации, влияющие на Р., не достигаются никакими формальными средствами и полностью зависят от добросовестности и подготовленности исследователей. Особенно велика опасность субъективных ошибок при социологич. исследованиях, в к-рых выборочные данные получают путем *опроса*. Объективные ошибки связаны с выборочным характером исследования (ошибки выборки). Эти ошибки поддаются формальному расчету и зависят от колеблемости изучаемого признака, объема выборки, способа отбора, характера генеральной совокупности. Методы вычисления ошибок развиты соответствующими разделами математич. статистики.

Ошибки выборки либо могут задаваться до проведения исследования с целью определения объема выборки, гарантирующего ошибки, не превосходящие заданных, либо могут рассчитываться по результатам обследования для определения обоснованности их распространения на генеральную совокупность.

Лит.: *Романовский В. И.*, *Элементарный курс математики*, статистики, 2 изд., М.—Л., 1939; *Крамер Г.*, *Математич. методы статистики*, пер. с англ., М., 1948; *Миллс Ф.*, *Статистич. методы*, пер. с англ., М., 1958; *Ван-дер Варден Б. Л.*, *Математич. статистика*, пер. с нем., М., 1960; *Юл Дж. Э.*, *Кендэл М. Дж.*, *Теория статистики*, пер. с англ., 14 изд., М., 1960. *Ф. Борджки*, Новосибирск.

РЕФЕРЕНТНАЯ ГРУППА (от англ. *to refer* — относить) — понятие в социологии, социальной психологии и психологии, обозначающее социальную (экономич., политич., проф., культурную и др.) группу, к к-рой индивид себя сознательно относит. Р. г. есть явление обыденного сознания членов общества. Понятие Р. г. было введено в амер. социальной психологии в 30-х гг. 20 в. в связи с установлением факта, что индивиды, принадлежащие к определенной социальной группе, строят свое поведение (в труде, быту) в соответствии с нормами, ценностями, принятыми в другой социальной группе, к к-рой они себя относят. Поэтому первоначально термин Р. г. использовался для обозначения таких представлений индивида о своей социальной принадлежности, к-рые не совпадают с его действит. социальным положением. Он помогал, по утверждению Г. Хаймена, разъяснить тот парадокс, почему некоторые индивиды не ассимилируют позиции групп, в которые они непосредственно включены («Reflections on reference group», в журн.: «The Public Opinion Quarterly», 1960, v. 25, p. 385). В дальнейшем было установлено, что деятельность и поведение индивида определяются не только его принадлежностью к группе, но и его представлениями о своей социальной принадлежности. Теория Р. г. изучает условия и факторы их образования, типы Р. г. Различают «реальные» и «вымышленные» Р. г. (в первом случае индивид, напр., относит себя к «инженерам», во втором — к «духовной элите», к-рой как группы реально не существует). Р. г. может совпадать с действит. группой индивида (инженер относит себя к технич. интеллигенции) или не совпадать (капиталист относит себя к рабочим).

Для бурж. социологов характерна фетишизация субъективного отнесения индивидами себя в ту или иную группу. Вместе с тем понятие Р. г. может служить инструментом для изучения механизма взаимодействия объективного социального положения и субъективно ощущаемого (Р. г.) как факторов формирования поведения личности. Теория Р. г. находит применение в анализе различных явлений общества. Социологи-функционалисты (в частности, *Мертон*) используют ее для объяснения отклоняющегося поведения (*deviant behavior*). Она используется также при создании систем социальной стратификации общества. Понятие Р. г. имеет большое значение для понимания явлений антиобществ. преступного поведения. Оно

применяется в психологии (для объяснения внутр. конфликтов личности), в психиатрии (прежде всего в форме концепции «конфликта социальных ролей»). Понятие Р. г. имеет большое значение в практике воспитат. работы (в школе, прежде всего): учет того, к какой группе относит себя ученик (к способным, неспособным, активу и т. д.). Учет обыденных представлений индивидов имеет важное значение для эффективности пропаганды. В сов. социологии термин «Р. г.» иногда переводится как «эталонная группа».

Г. Андреева, Н. Новиков, Москва.

РЕФЛЕКС (от лат. reflexus — обращение назад; в переносном значении — отражение) — общий принцип регуляции поведения живых систем; двигат. (или секреторный) акт, имеющий приспособит. значение, детерминированный воздействием сигналов на рецепторы и опосредствованный нервными центрами.

Понятие Р. было введено Декартом и служило задаче детерминистически объяснить, в рамках механистич. картины мира, поведение организмов на основе общих законов физич. взаимодействия макротел. Декарт отклонил *душу* как объяснит. принцип двигат. активности животного и описал эту активность как результат строго закономерного ответа «машинного тела» на внешние воздействия. Основываясь на механистически понимаемом принципе Р., Декарт пытался объяснить и нек-рые психич. функции, в частности обучаемость и эмоции.

Вся последующая нервно-мышечная физиология находилась под определяющим воздействием учения о Р. Нек-рые последователи этого учения (Дилли, Сваммердам) еще в 17 в. высказывали догадку о рефлекторном характере всего поведения человека. Эту линию завершил в 18 в. Ламетри. Гл. противником детерминистич. взгляда на Р. выступил витализм (Шталь и др.), утверждавший, что ни одна органич. функция не осуществляется автоматически, но все управляется и контролируется чувствующей душой.

В 18 в. Витт открыл, что отд. сегмент спинного мозга достаточен для осуществления произвольной мышечной реакции, но ее детерминантой он считал особый «чувствительный принцип». Проблеме зависимости движения от *ощущения*, использованной Виттом для доказательства первичности чувствования по отношению к работе мышцы, материалистич. истолкование дал Гартли, указавший, что ощущение действительно предшествует движению, но само оно обусловлено изменением состояния движущейся материи.

Открытие специфич. признаков нервно-мышечной активности побудило натуралистов ввести понятие о «силах», присущих организму и отличающих его от др. природных тел («мышечная и нервная сила» Галлера, «нервная сила» Уицера и *Прохаски*), причем трактовка силы являлась материалистической. Существ. вклад в дальнейшее развитие учения о Р. внес Прохаска, предложивший биологич. объяснение Р. как целесообразного акта, регулируемого чувством самосохранения, под влиянием к-рого организм оценивает внешние раздражения.

Развитие анатомии нервной системы привело к открытию механизма простейшей рефлекторной дуги (закон Белла — Мажанди). Возникает схема локализации рефлекторных путей, на основе к-рой в 30-х гг. 19 в. созревает классич. учение о Р. как принципе работы спинномозговых центров, в отличие от высших отделов головного мозга. Его обосновали Маршалл Холл и И. Мюллер. Это чисто физиологич. учение исследуяюще определяло категорию нервных актов воздействием внешнего раздражителя на специфич. анатомич. структуру. Но представление о Р. как механич. «слепом» движении, предопределенном анатомич. строением организма и не зависящем от того, что происходит во внешней среде, вынуждало

прибегнуть к представлению о силе, выбирающей из набора рефлекторных дуг нужные в данных обстоятельствах и синтезирующей их в целостный акт соответственно объекту или ситуации действия. Эта концепция была подвергнута резкой эксперимент.-теоретич. критике с материалистич. позиций Пфлюгером (1853), доказавшим, что низшие позвоночные, лишенные головного мозга, не являются чисто рефлекторными автоматами, а с изменением условий варьируют свое поведение, что наряду с рефлекторной функцией имеется сенсорная. Слабой стороной позиции Пфлюгера было противопоставление Р. сенсорной функции, превращение последней в конечное объяснит. понятие.

На новый путь теорию Р. вывел Сеченов. Прежнюю сугубо морфологич. схему Р. он преобразовал в нейродинамическую, выдвинув на передний план соединение процессов в естеств. группы. Регулятором движения было признано чувствование различной степени организации и интеграции — от простейшего ощущения до расчлененного чувственного, а затем и умств. образа, воспроизводящего предметные характеристики среды. Соответственно афферентная фаза взаимодействия организма со средой мысллась не как механич. контакт, а как приобретение информации, детерминирующей последующий ход процесса. Функция центров трактовалась в широком плане биологич. адаптации. Двигат. активность выступила как фактор, оказывающий обратное влияние на построение поведения — внешнего и внутреннего (принцип обратной связи).

В дальнейшем крупный вклад в развитие физиологич. представлений о механизме Р. внес Шеррингтон, изучивший интегративное и адаптивное своеобразие нервных актов. Однако в понимании психич. функций мозга он придерживался дуалистич. взглядов. И. П. Павлов, продолжая линию Сеченова, экспериментально установил различие между безусловным и условным Р. и открыл законы и механизмы рефлекторной работы головного мозга, образующей физиологич. базис психич. деятельности. Последующее изучение сложных приспособит. актов дополнило общую схему Р. рядом новых представлений о механизме саморегуляции (Н. А. Бернштейн, П. К. Анохин и др.).

Лит.: Сеченов И. М., Физиология нервной системы, СПб, 1866; Бессмертный Б. С., Сто лет доктрины Белл-Мажанди, в кн.: Архив биол. наук, т. 49, вып. 1, М., 1938; Конрад Г. П., К истории развития учения о Р., там же, т. 59, вып. 3, М., 1940; Анохин П. К., От Декарта до Павлова, М., 1945; Павлов И. П., Избр. труды, М., 1951; Ярошевский М. Г., История психологии, М., 1966; Грей Уолтер У., Живой мозг, пер. с англ., М., 1966; Eckhard C., Geschichte der Entwicklung der Lehre von den Reflexerscheinungen, «Beiträge zur Anatomie und Physiologie», 1881, Bd 9; Fulton J. F., Muscular contraction and the reflex control of movement, L., 1926; Feaig F., Reflex action. A study in the history of physiological psychology, L., 1930; Bastholm E., The history of muscle physiology, Copenhagen, 1950. М. Ярошевский, Ленинград.

Современное состояние учения о Р. Успехи физиологии нервной системы и тесный контакт общей нейробиологии и физиологии высшей нервной деятельности с биофизикой и кибернетикой чрезвычайно расширили и углубили представление о Р. на физико-химическом, нейронном и системном уровнях.

Физио-химич. уровень. Электронный микроскоп показал тонкий механизм химич. передачи возбуждения от нейрона к нейрону путем опорожнения пузырьков медиатора в синаптической щели (Э. де Робертис, 1959). Вместе с тем природа волны возбуждения в нерве определяется, как и 100 лет тому назад Л. Германом (1868), в виде физич. тока действия, кратковрем. электр. импульса (Б. Катц, 1961). Но наряду с электрическими учитываются метаболич. компоненты возбуждения, напр. «натриевый насос», генерирующий электрич. ток (А. Ходжкин и А. Хаксли, 1952).

Нейронный уровень. Еще Ч. Шеррингтон (1947) связывал нек-рые св-ва простых спинно-мозговых Р., напр. реципрокность возбуждения и торможения, с гипотетич. схемами соединения нейронов. И. С. Бериташвили (1956) на основании цитоархитектонич. данных высказал ряд предположений о различных формах организации нейронов коры мозга, в частности о воспроизведении образов внешнего мира системой звездчатых клеток зрительного анализатора низших животных. Общую теорию нейронной организации рефлекторных центров предложили У. Мак-Каллок и В. Питтс (1943), использовавшие аппарат математич. логики для моделирования функций нервных цепей в жестко-детерминиров. сетях формальных нейронов. Однако мн. св-ва высшей нервной деятельности не укладываются в теорию фиксированных нервных сетей. Исходя из результатов электрофизиол. и морфол. изучения взаимосвязи нейронов в высших отделах мозга, развивается гипотеза вероятностно-статистической их организации. По этой гипотезе закономерность протекания рефлекторной реакции обеспечивается не однозначностью пути сигналов по фиксированным межнейронным связям, а вероятностным распределением их потоков по множеств. путям и статистич. способом достижения конечного результата. Случайность во взаимодействии нейронов предполагали Д. Хебб (1949), А. Фессар (1962) и др. исследователи, а У. Грей Уолтер (1962) показал статистич. характер условных Р. Часто нервные сети с фиксированными связями называют детерминистскими, противопоставляя их сетям со случайными связями как индетерминистским. Однако стохастичность не означает индетерминизма, а, наоборот, обеспечивает высшую, наиболее гибкую форму детерминизма, по-видимому, лежащую в основе св-ва исключит. пластичности Р.

Системный уровень. Система даже простого безусловного Р., напр. зрачкового, состоит из ряда саморегулирующихся подсистем с линейными и нелинейными операторами (М. Клайн, 1963). Оценка соответствия действующих раздражителей и «нервной модели стимула» (Е. Н. Соколов, 1959) оказалась важным фактором биологически целесообразной организации Р. С учетом механизмов саморегуляции путем обратных связей, о наличии к-рых писал еще Сеченов (1863), структуру Р. в совр. кибернетич. аспекте стали представлять не в виде открытой рефлекторной дуги, а по типу замкнутого рефлекторного кольца (И. А. Бернштейн, 1963). В последнее время развинулись дискуссии о содержании понятий сигнальности, подкрепления и временных связей условного Р. Так, П. К. Анохин (1963) рассматривает сигнальность как проявление работы механизма «прогнозирования» событий внешнего мира, а подкрепление — как формирование циклич. структур контроля результатов действия. Э. А. Асратян (1963) подчеркивает качеств. отличия связей условного Р. от кратковрем. реакций типа прототерения и доминанты.

Лит.: Бериташвили И. С., Морфология и физиология оснований временных связей в коре больших полушарий, «Тр. Ин-та физиологии им. И. С. Бериташвили», 1956, т. 10; Мак-Каллок У. С. и Питтс В., Логич. исчисление идей, относящихся к нервной активности, [пер. с англ.], в сб.: Автоматы, М., 1956; Соколов Е. Н., Нервная модель стимула, «Докл. АН РСФСР», 1959, № 4; Катц Б., Природа первого импульса, в сб.: Совр. проблемы биофизики, т. 2, М., 1961; Хартлайт и Х., Рецепторные механизмы и интерпретация сенсорной информации в сетчатке глаза, там же; Уолтер Г. У., Статистич. подход к теории условных Р., в кн.: Электроэнцефалографич. исследование высшей нервной деятельности, М., 1962; Фессар А., Анализ замыкания временных связей на уровне нейронов, там же; Смирнов Г. Д., Нейроны и функции. организация первого центра, в сб.: Гагарские беседы, т. 4, Тб., 1963; Филос. вопр. физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963 (см. ст. П. К. Анохина, Э. А. Асратяна и И. А. Бернштейна); Коган А. Б., Вероятностно-статистич. принцип нейронной организации функциональных систем мозга, «ДАН СССР»,

1964, т. 154, № 5; Sherrington Ch. S., The integrative action of the nervous system, [Camb.], 1947; Hodgkin A. L., Huxley A. F., A quantitative description of membrane current and its application to conduction and excitation in nerve, «J. physiol.», 1952, v. 117, № 4; Hebb D. O., The organization of behavior, N. Y.—L., [1955]; Roberts E. de, Submicroscopic morphology of the synapse, «Intern. Rev. Cytol.», 1959, v. 8, p. 61—96. А. Коган. Ростов н/Д.

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ (в математике и логике) — свойство бинарных (двуместных, двучленных) отношений. Отношение R , определенное на нек-ром множестве (классе), наз. рефлексивным, если для любого элемента x этого множества имеет место xRx (т. е. x находится в отношении R к самому себе). Примером рефлексивного отношения служит любое отношение типа равенства (тождества, эквивалентности). Р. равенства ($x = x$) обычно даже фиксируется в качестве одной из аксиом при аксиоматич. определении равенства. Др. примеры — отношения: \leq (меньше или равно) между числами, \subseteq («включается») между множествами и вообще любые порядка отношения (в широком смысле). Отношение R , такое, что для любого x неверно, что xRx , наз. иррефлексивным. Таковы, напр., отношения неравенства \neq или отношения $<$ (строго меньше) между числами. Иррефлексивное отношение не является, разумеется, рефлексивным, но не рефлексивное отношение может и не быть иррефлексивным. Примером отношения, не являющегося ни рефлексивным, ни иррефлексивным, служит отношение \diamond , определяемое как делимость на 3 суммы двух натуральных чисел: $\neg(2 \diamond 2)$ (\neg — знак отрицания), но $3 \diamond 3$. Ю. Гагев. Москва.

РЕФЛЕКСИЯ — форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление своих собств. действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Содержание Р. определено предметно-чувств. деятельностью: Р. в конечном счете есть осознание практики, предметного мира культуры. В этом смысле Р. есть способ определения и метод философии, а диалектика — Р. разума. Р. мышления о законах формирования социально-историч. действительности, о предельных основаниях знания и поведения человека составляет собственно предмет философии. Изменение предмета философии выражалось в изменении трактовок Р.

Проблема Р. впервые возникла у Сократа, согласно к-рому предметом знания может быть лишь то, что уже освоено, а т. к. наиболее подвластно человеку деятельность его собств. души, самопознание есть наиболее важная задача человека. Платон раскрывает важность самопознания в связи с такой добродетелью, как благоразумие, к-рое и есть знание самого себя (см. Хармид, 164 Д, 165С, 171 Е); существует какое-то единое познание, к-рое не имеет никакого другого предмета, кроме себя самого и прочих познаний (см. там же, 167 С). Теоретич. умозрение, филос. Р. оценивается как высшая добродетель. У Аристотеля Р. рассматривается как атрибут божеств. разума, к-рый в своей чистой теоретич. деятельности полагает себя в качестве предмета и тем самым обнаруживает единство предмета знания и знания, мыслимого и мысли, их тождество (см. Met. XII, 7 1072 в 20; рус. пер., М.—Л., 1934). В философии Платона самопознание было методом построения метафизики; различив в душе ощущение и рассудок, он полагал самопознание атрибутом только последнего: только ум может мыслить тождество самого себя и мыслимого, ибо здесь едины мысль и мысль о мысли, т. к. мыслимое есть живая и мыслящая активность, т. е. сама активная мысль (см. П. П. Блонский, Философия Платона, М., 1918, с. 189). Самопознание есть единств. функция ума, Р. противоположна практике

(см. там же, с. 190): «... Нужно перенести объект внутрь субъекта и созерцать его как нечто единое, процесс созерцания должен быть аналогичным процессу самосозерцания» (Эннеады, V, кн. 8; цит. по кн.: Браш М., Классики философии, т. 1, СПб, 1913, с. 479). Лишь погрузившись в недра совств. духа, человек может слиться воедино и с объектом созерцания, и с «приблизившимся в тиши божеством» (там же, с. 480).

В ср.-век. философии Р. рассматривалась как способ существования божеств. разума, как форма его реализации: дух познает истину постольку, поскольку возвращается к самому себе. Напр., *Августин* полагал, что наиболее достоверное знание — это знание человека о совств. бытии и сознании. Углубляясь в свое сознание, человек достигает истины, заключенной в душе, а тем самым приходит к богу. Согласно *Иоанну Скоту Эриугене*, созерцание своей сущности богом и есть акт творения.

Мыслители Возрождения, выдвигая идею человека как микрокосма, в к-ром в концентрированной форме выражаются все силы макрокосма, исходили из того, что познание природных сил есть вместе с тем и самопознание человека, и наоборот.

Изменения в трактовке Р. в новое время связаны с выдвижением на первый план проблем обоснования знания. В «Метафизич. размышлениях» *Декарта* рассуждение основывалось на методич. сомнения; достоверным и не поддающимся сомнению является лишь одно — мое совств. сомнение и мышление, а тем самым — и мое существование (см. Избр. произв., М., 1950, с. 342). Добытое с помощью Р. сознание о самом себе — единств. достоверное положение — является основанием для последующих заключений о существовании бога, физич. тел и т. д.

Локк, отвергая концепцию врожденных идей Декарта, проводит мысль об опытно происхождении знания и в этой связи различает два вида опыта — чувств. опыт и Р. (внутр. опыт). Последняя есть «...наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» (Избр. филос. произв., т. 1, М., 1960, с. 129). Обладая самостоятельностью по отношению к внешнему опыту, Р. тем не менее основывается на нем.

Лейбниц, критикуя различие Локка, показывает, что «... для нас невозможно рефлексировать постоянно и явным образом над всеми нашими мыслями, в противном случае наш разум рефлексировал бы над каждой рефлексией до бесконечности, не будучи в состоянии перейти к какой-нибудь новой мысли» («Новые опыты о человек. разуме», М., 1936, с. 107). В совств. концепции Лейбница Р. получает полную самостоятельность, выступая как способность монад к апперцепции, т. е. к осознанию представлением своего совств. содержания; за этим фактически стоит иное истолкование рефлексивной активности человек. разума.

Кант рассматривает Р. в связи с исследованием оснований познават. способности, априорных условий знания и толкует ее как неотъемлемое свойство «рефлексивной способности суждения». Если определяющая способность суждения выступает, когда под общее подводится частное, то рефлексивная способность нужна в том случае, если дано только частное, а общее еще надо найти (см. «Критика способности суждения», в кн.: Соч., т. 5, М., 1966, с. 117). Именно благодаря Р. производится образование понятий. Р. «...не имеет дела с самими предметами, чтобы получить понятия прямо от них», она есть «... осознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только благодаря ей отношение их друг к другу может быть правильно определено» («Кри-

тика чистого разума», см. там же, т. 3, М., 1964, с. 314). Кант различал логич. Р., при к-рой представления просто сравниваются друг с другом, и трансцендентальную Р., при к-рой сравниваемые представления связываются с той или иной познават. способностью — с чувственностью или *рассудком*. Именно трансцендентальная Р. «... содержит основание возможности объективного сравнения представлений друг с другом» (там же, с. 316). Отношения между представлениями или понятиями фиксируются в «рефлексивных понятиях» (тождество и различие, совместимость и противоречие, внутреннее и внешнее, определяемое и определение), в к-рых каждый из членов пары рефлексивует другой член и вместе с тем рефлексивован им. Рассудочное знание, основывающееся на рефлексивных понятиях, приводит к амфиболлиям — двусмысленностям в применении понятий к объектам, если не произвести его методологич. анализа, не выявить его формы и границы. Такой анализ и совершается в трансцендентальной Р., связывающей понятия с априорными формами чувственности и рассудка и конструирующей объект науки.

У *Фихте* Р. совпадает с философией, трактуемой как наукоучение, т. е. как Р. науч. знания о самом себе. *Шеллинг* противопоставляет созидание и Р. (размышление). Он делает акцент на непосредств. постижении сущности, интеллектуальной интуиции. Из различных типов Р. Шеллинг выводил различные категории.

В философии *Гегеля* Р. фактически представляет собой движущую силу развития духа. Рассматривая рассудочную Р. как необходимый момент познават. процесса и критикуя в этой связи романтиков, Гегель вместе с тем выявляет ее ограниченность: фиксируя абстрактные определения, Р. рассудка не в состоянии выявить их единство, однако претендует на окончательное, абс. знание. В «Феноменологии духа» Р. духа о самом себе выступает как форма саморазвертывания духа, как основание, позволяющее переходить от одной формы духа к другой. Гегель проследивает здесь специфику движения Р. на каждой из трех ступеней развития духа. Логич. формы Р. соответствуют историч. формам самосознания, развитие к-рых завершается в «несчастном сознании», раздвоенном внутри себя и потому фиксирующем абстрактные моменты действительности в их обособленности друг от друга (см. Соч., т. 4, М., 1959, с. 112, 118—19). Будучи объективным идеалистом, Гегель полагает, что в предмете воплощается дух, к-рый обнаруживает в нем самого себя (по выражению Гегеля, сам предмет рефлексивует в самого себя, см. там же, с. 13). Эта идея, материалистически переосмысленная, была использована Марксом для выражения того факта, что стороны или моменты материального предмета, ставшего товаром, взаимно отражаются друг в друге и в самих себе (см. «Капитал», в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, с. 121; «Das Kapital», В., 1961, S. 116). Существо Р. в логически обобщенной форме рассматривается Гегелем в «Науке логики» в связи с анализом сущности и видимости; в отличие от категорий бытия, для к-рых характерен переход от одного к другому, и от категорий понятия, где речь идет об их развитии, в учении о сущности фиксируется взаимоотношение парных категорий, каждая из к-рых рефлексивруется — отражается, светится в другой (см. Соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 195). Гегель выделяет три типа Р.: полагающую, к-рая соответствует описат. наукам, внешнюю, или сравнивающую, к-рая отражает господство в науке метода сравнения, и определяющую, к-рая фиксирует моменты сущности в их самостоятельности и обособленности друг от друга. В целом гегелевское учение о Р. раскрывает категориальную структуру той науки, к-рая фиксирует тождество, различие и противоположность, но не

постигает *противоречия*, науки, к-рая противопоставляет субъекту вещь как свой предмет и не вскрывает их единства, данного в практике.

В марксизме разработка проблемы Р. осуществляется двумя взаимосвязанными путями: по линии критики метафизич. понимания Р. и по линии анализа филос. знания как Р. о культуре человечества, о его социальной истории. Отрицат. отношение к Р. как к специфически рассудочному способу выявления особенностей не предмета, а обыденного сознания, сопроваждалось исследованием обусловленности Р. практикой, всей деятельностью человека. Уже в «Святом семействе» основоположники марксизма показали, что идеализм сводит реального, действит. человека к самосознанию, а его практич. деяния — к мысли. критике своего собств. сознания (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, с. 43, 58). В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс раскрывают классовый смысл призывов к интенсификации Р., характерных для бурж. философии 19 в.: он заключается в том, чтобы интериоризировать институциональный контроль, сделать его делом совести каждого человека, чтобы деспотизм гос-ва был дополнен цензурой совести; тем самым в человеке убивается активнотворч. отношение к действительности, разжигается ипохондрич. самоконтроль и бездеятельное самокопание в глубинах своей души. Критикуя рассудочную Р., противопоставляющую себя практике, Маркс и Энгельс показывают, что в действительности рефлектирующие индивиды никогда не возвышаются над Р. (см. там же, т. 3, с. 248). Принципиальная ограниченность рассудочной Р., ее неспособность раскрыть в существо исследуемого предмета убедительно раскрыта Марксом в связи с критикой вульгарной политэкономии, к-рая законсела в рефлективных определениях и потому была неспособна схватить бурж. произ-во как целое. Критика Марксом и Энгельсом рассудочного понимания Р. была по сути дела критикой принципов, на к-рых зиждилась наука, использующая метафизич. метод. Эта критика сливалась с методологич. исследованием категориальной структуры метафизич., рассудочного мышления, с теоретич. осмыслением объективно-практич. базиса этой превращенной формы мышления.

Пороки метафизически-рассудочной рефлексии Маркс и Энгельс связывают со спецификой развития человека в условиях разделения труда и *отчуждения*, когда человек превращается в частичного человека, а одностороннее развитие его способностей приводит к тому, что частичная социальная функция становится его жизненным призванием. Именно в таких условиях Р. мышления о самом себе становится призванием философа и противопоставляется практике. Эта ограниченность преодолевается развитием универсально-практич. отношения к миру, в результате чего разум предстает как Р. практики в ее универсальности и целостности. Можно выделить различные уровни филос. Р.: 1) Р. о с о д е р ж а н и и знания, данного в различных формах культуры (языке, науке и др.), и 2) Р. о п р о ц е с с е мышления — анализ способов формирования эthic. норм, логич. оснований и методов образования категориального аппарата науки. По своему существу Р. критична, ибо она, формируя новые ценности, «разламывает» сложившиеся нормы поведения и знания.

Позитивный смысл Р. заключается в том, что с ее помощью достигается освоение мира культуры, продуктивных способностей человека. Мышление может сделать себя предметом теоретич. анализа только в том случае, если оно определено в реальных, предметных формах, т. е. вынесено вовне и может относиться к самому себе опосредованно. Отвергая сведения Р. к уяснению предрассудков обыденного созна-

ния, диалектич. материализм видит в философии самопознание всемирно-историч. практики человечества, в к-рой просвечиваются универс. характеристики природного мира. Марксистская философия является диалектич. Р. о мышлении, предметно воплощающемся не только в языке, но и в продуктах труда, в достижениях науки, во всей культуре человечества.

Р. становится центр. понятием в бурж. философии 19—20 вв., выражая своеобразие предмета философии в системе наук и специфику филос. метода. Поскольку философия всегда истолковывалась как Р. о знании, как мышление о мышлении, акцент на проблеме Р. у совр. философов выражает стремление отстоять обособленность философии от предметно-чувств. деятельности, ограничить ее предмет самосознанием знания. Эта линия в чистом виде проводится в *неокантианстве* (Коген, Натторп, Нельсон и др.). Вместе с тем Нельсон специально выделяет психологич. Р. как средство осознания *непосредственного знания* (разновидность этой Р. — самонаблюдение — явилась гл. методом *интроспективной психологии*).

Гуссерль специально выделяет Р. среди всеобщих сущностных особенностей чистой сферы переживания (см. «Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie», Bd 1, Haag, 1950, S. 177). Он придает Р. универсальную методологич. функцию. Сама возможность феноменологии обосновывается с помощью Р.: реализация феноменологии опирается на «продуктивную способность» Р. (см. там же). Р. есть для Гуссерля «название для актов, в которых поток переживания со всеми его разнообразными событиями ... становится ясно постигаемым и анализируемым» (там же, S. 181). Иными словами, Р. есть название метода для познания сознания. Феноменология призвана расчлнить различные виды Р. и анализировать их в различном порядке. Сообразно с общим расчленением феноменологии Гуссерль выделяет три формы Р., считая их атрибутом лишь трансцендентального, а не эмпирич. субъекта. Первая форма — осознание индивидом содержания восприятий, образов представлений, постижение самого акта восприятия; возвышаясь к чистому сознанию, трансцендентальному опыту, индивидуальный поток переживаний переходит ко второй форме рефлексии — Р. о Р.; высшей формой Р. является трансцендентально-эидетическая, к-рая обосновывает феноменологию в ее чистоте, позволяет открыть сущность вещи.

Обращение человека к своей собств. экзистенции является одним из гл. лозунгов *экзистенциализма*. Экзистенция человека может быть выявлена только тогда, когда он остается один на один с безмолвным голосом своей совести, в страхе перед *ничто*. Требуя интенсифицировать Р., экзистенциализм обращает осн. внимание на инквизицию совести, не оставляя в душе ни одного уголка, не растравленного Р. Т. о., здесь речь идет не о гносеологич. Р., как в неокантианстве и феноменологии, а об эthic. Р., к-рая должна будить в человеке чувство вины, определять его нравств. позицию в мире (см., напр., G. Marcel, *Homo Viator*, P., 1944, p. 224, а также Heidegger M., *Sein und Zeit*, Halle, 1927, S. 273). Такая трактовка Р. крайне близка проповедуемой христианством идее греховности человека и постоянного напоминания об этом.

Неотомизм в понимании Р. возвращается к докантиновской философии. Обосновывая возможность метафизики, неотомисты и католич. философы различают психологич. и трансцендентальную Р. Первая (область стремлений и чувств) определяет возможность антропологии и психологии. Вторая, в свою очередь, подразделяется на логическую (абстрактно-дискурсивное познание) и онтологическую (направленность на бытие), с помощью к-рой обос-

новывается возможность собственно философии, излагаемой по всем канонам докантовской метафизики.

В неопозитивизме понятие Р. фактически (но без употребления термина) используется при различении вещного языка и метаязыка, т. к. предмет филос. и логич. анализа ограничивается лишь реальностью языка.

Лит.: We b e r t J., Réflexion. Etude sur les opérations réflexions dans la psychologie de St. Thomas, «Mélanges Mandonnet», 1930, v. 1, p. 285—325; G ü n t h e r H., Das Problem des Sichselbstverstehens, В., 1934; D r i e s c h H., Selbstbesinnung und Selbsterkenntnis, 2 Aufl., Lpz., 1942; D e F i n a n c e J., Cogito cartésien et réflexion thomiste, P., 1946; L i t t T h., Die Selbsterkenntnis des Menschen, 2 Aufl., Hamb., 1948; M a r c A., Psychologie réflexive, v. 1—2, Bruges—Brux., 1948—49; e r o ж e, Dialectique de l'affirmation. Essai du métaphysique réflexive, Bruges—Brux., 1952; M a d i n i e r G., Conscience et signification. Essai sur la réflexion, P., 1953; H o e r e s W., Sein und Reflexion, Würzburg, 1956; W a g n e r H., Philosophie und Reflexion, Münch.—Basel, 1959; S c h u l z W., Das Problem der absoluten Reflexion, Fr./M., 1963; A p e l K. O., Reflexion und materiale Praxis. Zur Erkenntnis anthropologischen Begründung der Dialektik zwischen Hegel und Marx, «Hegel. Studien», Bonn, 1964, Beiheft 1; E t c h e v e r r y A., L'homme dans le monde, Bruges—P., 1964, ch. VIII. А. Огурцов. Москва.

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ — естественнонауч. направление в психологии, получившее развитие в период 1900—30, гг. обр. в России, и связанное с деятельностью *Вехтерва*. Следуя за *Сеченовым*, Р. исходила из того, что нет ни одного процесса мысли, к-рый не выражался бы объективными проявлениями. В связи с этим изучались все *рефлексы*, протекающие с участием головного мозга («соотносительная деятельность»). Р. стремилась использовать исключительно объективные методы как «твердую точку опоры» для науч. выводов. Она рассматривала психич. деятельность в связи с нервными процессами, привлекая для объяснения материалы физиологии высшей нервной деятельности. Возникнув в области психологии, Р. затем проникла в педагогику, психиатрию, социологию, искусствоведение.

Несмотря на ряд достижений, Р. не смогла преодолеть механистич. трактовку психич. процессов как эпифеноменов актов поведения.

К концу 20-х гг. усилилась марксистская критика Р. Значит. часть рефлексологов осознала ограниченность Р. и переметрела прежние позиции. Лит. см. при ст. *Психология*. А. Петровский. Москва.

РЕФОРМА (от лат. *reformo* — преобразовываю) — преобразование, изменение, переустройство к.-л. стороны обществ. жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. С формальной т. зр. под Р. подразумевается нововведение любого содержания. Однако в политич. практике и политич. теории Р. обычно называют более или менее прогрессивное преобразование (см. В. И. Ленин, Соч., т. 12, с. 205).

В условиях антагонистич. общества Р., поскольку она имеет вынужденный характер (уступка со стороны господствующего класса своему классовому противнику), двойственна и по содержанию и по влиянию, к-рое она оказывает на ход социальных процессов. С одной стороны, Р. есть реальный шаг вперед, улучшающий в том или ином отношении положение трудящихся, предпосылка для дальнейшей борьбы, с другой — Р. является «... предохранительной реакцией, т. е. предохраняющей правящие классы от падения меро...» (там же, т. 6, с. 322); правящие классы соглашаются на Р., чтобы ослабить напор революц. сил, направить его в русло реформистских иллюзий и сохранить свое господство. Противоречивый характер Р. подтверждается всей историей социального законодательства капитализма. В развитых бурж. странах организованная борьба рабочего класса привела к серии Р., улучшивших положение трудящихся, создавших новые возможности для борьбы против

империализма. Вместе с тем частичные успехи рабочего движения сопровождалась ростом реформистских иллюзий, распространением влияния социал-демократов. Коммунистич. партии, поддерживая непосредственные, ближайшие требования трудящихся, решительно выступают за доведение борьбы до революц. переустройства общества.

Соотношение Р. и революции — одна из важнейших теоретич. и практич. проблем междунар. рабочего движения. Принципиальное отличие реформистского пути от революционного заключается в том, что при первом власть остается в руках прежнего правящего класса — буржуазии, а при втором — власть переходит в руки нового класса. Имея в виду указанное различие, Ленин писал: «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае» (там же, т. 17, с. 89—90).

Ленин боролся как против реформистов, ревизионистов, к-рые «забывают» об этой грани, так и против доктринеров, сектантов, к-рые, прикрываясь революц. фразой, метафизически противопоставляют Р. революции и принимают значение борьбы за Р.

Соотношение Р. и революции определяется сложным сплетением объективных и субъективных факторов, среди к-рых первое место занимает соотношение классовых сил как в междунар. масштабе, так и в рамках каждой страны. В зависимости от этого соотношения возможны два осн. пути к социализму: мирный и немирный. В свою очередь, в зависимости от того, по какому пути пойдет революция, Р. играют существенно различную роль.

В первое столетие существования марксизма (примерно до сер. 20 в.) осн. стратегич. установка коммунистов, не исключая в принципе и мирного завоевания власти рабочим классом, исходила из немирного развития революции. «... Стачка и восстание — единственный метод решающей борьбы между трудом и капиталом», — говорилось в циркулярном письме ИККИ «Парламентаризм и борьба за Советь» («Коммунистич. Интернационал», 1919, № 5, с. 707). В рамках такой концепции роль и значение Р. совершенно точно описывались формулой Ленина: «... реформа, — как побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата» (Соч., т. 12, с. 206). Практически это означало, что рабочий класс и его революц. партия берут курс на непосредств. осуществление радикальных политич., а затем и социально-экономич. преобразований. В этих условиях борьба за те или иные Р. прежде всего рассматривалась как средство подготовки политич. революц. армии, создания классовых орг-ций, воспитания пролет. сознания. Вместе с тем пока власть остается в руках старых господствующих классов, они не теряют надежды при помощи разного рода частичных уступок, половинчатых мер погасить пожар революции. Такого рода Р. выступают как контрреволюц. мероприятия, а борьба с «реформистской тактикой» буржуазии становится неременной предпосылкой успешного развития революции. Если революция побеждает, Р. осуществляется как ее «побочный продукт», если же революция терпит поражение, то характер и значимость вырванных у господствующего класса уступок определяются размахом и глубиной революц. борьбы, соотношением классовых сил.

Такой подход к соотношению Р. и революции, разработанный в трудах Ленина, в документах Коминтерна и сегодня имеет практич. значение для тех стран,

где наиболее вероятной является немирная перспектива развития революции. Однако в свете стратегии мирного перехода, изложенной в Декларации 1957 и в Заявлении 1960, в документах братских партий и Программе КПСС, формула о Р. как «побочном продукте» уже не отражает всех особенностей совр. революц. процесса. «В новой исторической обстановке,— говорится в Программе КПСС,— рабочий класс многих стран еще до свержения капитализма может навязать буржуазии осуществление таких мер, которые, выходя за пределы обычных реформ, имеют жизненное значение как для рабочего класса и развития его дальнейшей борьбы за победу революции, за социализм, так и для большинства нации» (1961, с. 37).

Мирный путь к социализму предполагает ряд переходных этапов, промежуточных мер и образований, «комбинированных типов» (Ленин) экономич. и политич. организации, через к-рые и посредством к-рых будут ограничиваться экономич. и политич. власть буржуазии, укрепляться антимонополистич. коалиции, происходит изменение в самой структуре общества. Поэтому борьба за такие глубокие Р., получившие в документах мн. коммунистич. партий (напр., Италии, Австрии, Испании, Бразилии и др.) наименование «структурных реформ», выступает как важное средство активизации масс, постепенного подрыва позиций господствующего класса, как особая форма революц. процесса. Структурные Р.— это не отдельные и частичные изменения, это — совокупность постепенных коренных преобразований, к-рые хотя и не выводят за рамки капиталистич. строя, но уже непосредственно затрагивают его основы. Программа этих далеко идущих Р. предусматривает, в частности, общую демократизацию обществ. жизни, существ. ограничение и даже, как подчеркивается в документах нек-рых компартий, ликвидацию экономич. и политич. власти монополий, организацию различных форм рабочего контроля на капиталистич. предприятиях, в области образования и культуры и т. д. Такие Р. еще не «вводят» социализма, но они усиливают сплоченность антимонополистич. фронта и открывают социалистич. перспективу, являясь практич. выражением сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм.

Догматики и сектанты, называя «оппортунизм» и «ревизионизмом» борьбу за структурные Р., за мирное развитие революции, категорически отрицают, что до взятия власти рабочим классом к.-л. Р. может иметь революц. характер, социалистич. направленность. Подобные представления — следствие упрощенного, схематичного понимания революции: вчера — диктатура буржуазии, сегодня — диктатура пролетариата. Марксисты-ленинцы исходят из того, что движение к социализму предполагает необходимость переходных форм, для к-рых нет готовой схемы, но в ходе к-рого массы в макс. степени используют демократию и осуществляют революц. Р., подрывающие мощь монополистич. капитала. Целеустремленное социалистич. большинство в парламенте, поддержанное массовым движением рабочего класса и др. групп населения, может сделать парламент действенным орудием воли народа и преобразования бурж. общества. Принципиальное отличие такой позиции от реформистской заключается в том, что коммунисты не отрывают борьбу за Р. от борьбы за политич. власть и за коренные революц. преобразования при помощи этой власти. Смысл политики структурных Р. в том и состоит, чтобы не пассивно ждать революц. ситуации, а постоянно бороться за демократич. цели, достижение к-рых ведет к усилению социалистич. сил и создает почву для мирного взятия власти рабочим классом и его союзниками. В условиях мирного перехода к социализму Р.— существ. элемент самого революц.

процесса преобразования общества в социалистич. направлении.

С победой социализма противоположность Р. и революции спадает окончательно. Отсутствие классовых антагонизмов ведет к тому, что коренные революц. сдвиги в обществ. отношениях осуществляются путем более или менее постепенного изменения, реформирования существующих порядков. Глубина и эффективность Р. при социализме определяются соотношением консервативных и прогрессивных элементов социалистич. общества, точностью и полнотой социологич. анализа, умением вовремя заметить и правильно сформулировать возникшую обществ. потребность, рассчитать не только ближайшие, но и отдаленные, опосредованные социальные последствия предполагаемой Р.

Все это поднимает роль обществ. науки, марксизма-ленинизма как теоретич. основы направленного, сознат. изменения структуры и учреждений социалистич. общества.

Лит.: Ленин В. И., Письмо «Северному Союзу», Соч., 4 изд., т. 6, с. 148—49; е го ж е, Еще о думском министерстве, там же, т. 11, с. 54—55; е го ж е, Итоги выборов, там же, т. 18, с. 484; е го ж е, Возрастающее несоответствие, там же, с. 529; е го ж е, Марксизм и реформизм, там же, т. 19, с. 334; е го ж е, О значении золота теперь и после полной победы социализма, там же, т. 33; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 7 изд., ч. 4, М., 1960; Программа КПСС, М., 1961; Группы Л., Стратегия и тактика Итал. коммунистич. партии на совр. этапе, в кн.: 40 лет Итал. коммунистич. партии, М., 1961; Коммунизм и демократия. Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», Прага, 1964; Togliatti P., Problemi del movimento operaio internazionale (1956—1961), Roma, 1962; E possibile in regime capitalistico eliminare il potere economico e politico dei monopoli, «Critica marxista», 1963, № 3, p. 87—108 (обмен мнениями между Л. Лонго и Дж. Тосси). А. Вовин. Москва.

РЕФОРМАЦИЯ (от лат. *reformatio* — преобразование, исправление) — широкое и разнородное социальное движение в большинстве стран Европы 16—17 вв., имевшее непосредств. целью реформу *католицизма* и носившее в целом антифеод. характер. Р. привела к образованию новой разновидности *христианства* — *протестантизма*. Причины Р. связаны с развитием бурж. отношений и обострением классовой антифеод. борьбы буржуазии и крестьянства, направленной в первую очередь против католич. церкви — «... наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (Энгельс Ф., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, с. 361). В идеологич. подготовке Р. важную роль сыграли *гуманизм* с его рационалистич. критикой ср.-век. мирозерцания и утверждением принципов бурж. *индивидуализма*, ср.-век. *ереси*, *гусизм*, в Германии — нем. *мистика* 14 в.

Отставая идею о непосредств. общении человека с богом, Р. провозгласила внутр. личную веру единств. путем «спасения» (выдвинутый *Лютером* принцип «оправдания единственно верой» в противоположность католич. догмату о спасении путем «добрых дел»), что вело к отрицанию претензий католич. церкви на посредничество между человеком и богом, отвергла авторитет т. н. священного предания — папских декреталий, постановлений церк. соборов и т. п. и признала Священное писание единств. источником откровения. В социальном плане эти идеи бюргерской Р. были связаны с требованиями ликвидации монашества и церк. землевладения, упрощения культа (Р. сохранила только два из церк. таинств — крещение и причастие) и демократизации богослужения, к-рому Р. придала нац. характер (мн. реформаторы перевели *Библию* на нац. языки).

В движении Р. выделяются два осн. течения — бюргерско-евангелич. Р. и народная Р. Бюргерская Р. была крайне неоднородной по своим социальным устремлениям, что отразилось в специфич. особенностях веро-

учений Лютера, Цвингли, Кальвина и др. реформаторов. Для лютеранства характерно утверждение внутр. религ. свободы человека и одновременно освящение его реальной несвободы в мирской жизни. Гораздо более радикальными были цвинглианство, учение Карлштадта и в особенности кальвинизм, ставший идеологией первых бурж. революций — в Нидерландах 16 в. и Англии 17 в. Кальвинизм дал религ. оправдание нормам бурж. морали в развитых им теории *предопределения* и учении о «мирском призвании» и «мирском аскетизме», максимально упростил и удешевил культ, упразднив все элементы магии и фетишизма, и реорганизовал церковь по респ. образцу.

Народная Р. выражала интересы крест.-плебейских масс. Исходя из учений раннего христианства, она требовала равенства в обществ. отношениях, отмены крепостного права и сословных привилегий. Достигнув высшего развития в учении Мюнцера с его пантеистич. отождествлением «бога» и «мира», проповедью активного установления «царства божия на земле», идеи нар. Р. получили в дальнейшем распространение в движении *анабаптистов*, у англ. диггеров и др. Движение нар. Р. преследовалось как католич. церковью, так и бюргерской Р.

Лит.: Энгельс Ф., Крест. война в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 7; Герцен А. И., Письма об изучении природы, М., 1946, с. 33—36, 194—227; Бедольд Ф., История Р. в Германии, т. 1—2, СПб., 1900; Савина А. Н., Религ. история Европы эпохи Р., М., 1914; Смирин М. М., Нар. Р. Томаса Мюнцера и Великая крест. война, 2 изд., М., 1955; Поршнева Б. Ф., Кальвин и кальвинизм, «Вопр. истории религии и атеизма», 1958, [т.] 6; Чистозвонков А. Н., Реформац. движение и классовая борьба в Нидерландах в первой пол. XVI в., М., 1964; Grimm H. J., The reformation era. 1500—1650, N. Y., 1954; Schmidt A. M., J. Calvin et la tradition calvinienne, P., 1957. См. также лит. при ст. Кальвин, Лютер, Мюнцер.

М. Глазберг, Л. Затуловская. Москва.

РЕФОРМИЗМ — политич. течение внутри рабочего движения, к-рое отрицает необходимость классовой борьбы, социалистич. революции и диктатуры пролетариата, выступает за сотрудничество классов и надеется с помощью серии *реформ*, проводимых в рамках бурж. законности, превратить капитализм в общество «всеобщего благоденствия».

История совр. Р. начинается в последней четверти 19 в., когда под влиянием успехов рабочего движения и развития бурж. демократии ряд с.-д. деятелей выступил с требованием ревизовать марксизм и взять курс не на революц. преобразование общества, а на его улучшение путем проведения реформ. Социально-экономич. основой распространения Р. явилось отпадение, улучшение положения верхних слоев рабочего класса, рост и обуржуазивание с.-д. парт. и проф. чиновничества. Впервые программа Р. была изложена в ст. К. Хёхберга, Э. Бернштейна и К. Шрамма «Перспективный обзор социалистич. движения в Германии» («Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1879). Маркс и Энгельс подвергли эту статью резкой критике (см. Избр. письма, 1953, с. 328). В 1891 с открытой проповедью Р. выступил руководитель Баварской парт. орг-ции СДПГ, депутат рейхстага Г. Фольмар. В конце 19 в. возникло *бернштейнианство* — наиболее цельное и последоват. реформистское течение в период, предшествовавший Октябрьской революции. По мнению Бернштейна, рабочий класс еще недостаточно развит, «чтоб принять в свои руки политическую власть» («Проблемы социализма и задачи социал-демократии», М., [1901], с. 351); учреждения капиталистич. общества настолько «гибки, изменчивы и способны к развитию», что «они не требуют своего искоренения, но лишь дальнейшего развития» (там же, с. 272). Поэтому нет необходимости в революц. диктатуре рабочего класса. Первое крупное практич. применение идей Бернштейна связано с именем лидера франц. «независимых со-

циалистов» А. Мильерана, к-рый в 1899 занял пост министра в реакц. бурж. пр-ве Вальдека-Руссо. Бернштейнианство в теории и мильеранизм в политике вскоре стали идейно-политич. платформой оппортунистич. элементов в рабочем движении. В Англии их поддержали фабианцы, мн. лидеры Независимой рабочей партии и тред-юнионов, в Бельгии — Ансель и Вандервельде, в Швеции — Брантинг и Дальберг, в Голландии — Ван Кол, в Австрии — Пернсторфер и Герц, в России — Прокопович, Кускова и др. В конце 19 — нач. 20 вв. Р. превратился в междунар. явление и стал гл. опасностью внутри рабочего и с.-д. движения.

Несмотря на упорную, хотя и не всегда последовательную, борьбу против бернштейнианства, к-рую вели Люксембург, Меринг, Цеткин, К. Либкнехт в Германии, Лафарг и Гед во Франции, Лабриола в Италии, Благоев в Болгарии, Гортер в Голландии, в европ. с.-д. партиях сдача позиций реформизму приобрела широкий хотя зачастую и не явно выраженный, характер. Все больше сближался с бернштейнианством центразм каутскианского толка, хотя Каутский вначале выступил с критикой взглядов Бернштейна. Подточенный изнутри оппортунизмом 2-й Интернационал развалился с началом 1-й мировой войны. Из крупных и политически оформленных орг-ций, входивших во 2-й Интернационал, только руководимая Лениным большевистская партия отстаивала революц. интернационалистскую линию в рабочем движении.

После Октябрьской революции и окончания 1-й мировой войны борьба марксизма и Р. перестала быть борьбой внутри политич. партий рабочего класса и стала борьбой между двумя политич. течениями рабочего движения. В февр. 1919 в Берне представители правых с.-д. партий 26 стран воссоздали 2-й Интернационал. В марте 1919 представители 35 левых партий и групп учредили Коммунистич. Интернационал. В февр. 1921 в Вене представители 13 центристских социалистич. партий (2 1/2-й Интернационал). В мае 1923 в Гамбурге произошло слияние 2-го и 2 1/2-го Интернационалов; новая орг-ция получила название Социалистич. рабочий интернационал (Социинтерн — существовал до 1933), объединявший в то время 6,7 млн. чел. из 43 партий в 30 странах. Раскол рабочего движения, вызванный лидерами Р., стал фактом и привел к серьезному ослаблению антиимпериалистич. сил.

Эволюция Социинтерна в период между мировыми войнами — это непрекращающееся движение от марксизма к антимарксизму. Левое крыло Социинтерна — представители т. н. *австромарксизма* (О. Бауэр, Фридрих, Виктор и Макс Адлеры, К. Реннер) — шаг за шагом сдавало позиции открывшему Р. Антикоммунизм, антисоветизм занимали все большее место в идейных концепциях с.-д. теоретиков, перерастая в открытый призыв к свержению Сов. власти. Несмотря на откровенно антикоммунистич. характер межвоен. Р. в целом, он не был однороден. Как внутри реформистских партий, так и между ними существовали заметные идейно-политич. различия, не прекращалась борьба между левыми и правыми элементами. Отражая настроение нар. масс, сознавая нарастание фашистской угрозы, ряд с.-д. лидеров вынужден был пойти на широкие контакты с коммунистами. Победа нар. фронтов в Испании и Франции показала перспективность политики единых действий. Однако успехи такой политики оказались непрочными. В с.-д. партиях взяли верх силы, видящие главного врага не справа, а слева. Сказались и сектантские настроения в Коминтерне, к-рый рассматривал с.-д-тию как «главный фактор междунар. контрреволюции» и соответственно ориен-

тировал свои секции. Как показал опыт, такой подход не способствовал дифференциации внутри с.-д. типа, а, напротив, облегчал ее правым лидерам консолидацию сил на антикоммунистич. платформе.

После 2-й мировой войны были предприняты усилия для воссоздания междунар. реформистского союза под названием Социалистич. Интернационал, к-рый был организован в 1951. Послвоен. история Р. характеризуется окончательным и полным разрывом с марксизмом, зафиксированным в новых программах ведущих европ. с.-д. партий (1958—1964). Совр. Р. официально объявил, что его идеология не является марксистской. «Маркс один из наших великих предшественников, не больше, не меньше», — писал идеолог франц. социалистов П. Боннель. — Считать его сегодня нашим единственным вдохновителем будет идолопоклонством и ослеплением... Он — великий момент социализма, его влияние было (и еще есть) громадным, по это превзойденный момент и отныне, думаю, пагубное влияние. Марксизм — позади нас» («Le marxisme est derrière nous», см. «La Revue socialiste», 1960, Avril, № 132, p. 436). Оффц. доктрина совр. Р., провозглашенная в декларации Франкфуртского (1951) конгресса Социалистич. Интернационала и противопоставляемая науч. коммунизму, марксизму-ленинизму, — «демократич. социализм». Теоретич. корни «демократического социализма» восходят к неокантианству с его проповедью «этич. социализма». С т. зр. теоретиков совр. Р. (В. Эйхлер, А. Филлип, О. Поллак и др.), социализм не закомерный продукт естеств.-историч. развития, а нравств. идеал, равно доступный представителям всех слоев общества. Следовательно, социалистич. преобразование общества — это прежде всего моральная проблема, проблема воспитания людей на основе «вечных» духовных ценностей социализма. Социалистич. воспитание (в капиталистич. обществе), по мысли Эйхлера, должно развивать дружбу, любовь, товарищество, солидарность и, главное, терпимость. «Воспитание в духе терпимости», — писал он, — относится не только к инаковерующим, но оно точно также необходимо по отношению к политически инакомыслящим, к другому полу и, не в последнюю очередь, к людям иного социального происхождения» («Der Weg in die Freiheit», Hannover, [1955], S. 31). Р. отвергает революц. методы воздействия на обществ. развитие. Реформа как антитеза революции остается альфой и омегой реформистского мышления. Социализм может возникнуть только «демократически», т. е. в результате суммы политико-экономич. и (особенно) культурно-воспитат. мероприятий, осуществляемых с.-д. и даже бурж. пр-вами; социализм может существовать только как «демократия», т. е. как гармонич. единство всех социальных слоев и групп, включая капиталистов, — таково кредо Р. Социализм, создаваемый в союзе с капиталистами, естественно, не может обойтись без капитализма в экономике. Формулируя с.-д. экономич. политику, программа с.-д. партии Германии признает «свободную конкуренцию и свободную предпринимательскую инициативу», выдвигает лозунг: «конкуренция — настолько возможно, планирование — настолько необходимо». Эклектич. стремлению соединить воедино «кусочки» социализма и «кусочки» капитализма соответствует и филос. эклектика. Р. не имеет цельной, единой мировоззренч. основы. «Социализм является международным движением, которое отнюдь не требует застывшего единообразия воззрений, — говорится во Франкфуртской декларации. — Безразлично, черпают ли социалисты свои убеждения в результате марксистского или какого-либо иного социального анализа, или же в религиозных и гуманных принципах, все они стремятся к общей цели...». Философия Р. включает неокантианство, позитивизм, прагматизм, экзистен-

циализм, антропологизм и др. направления, к-рые признаются совместимыми с социализмом и используются для опровержения марксизма. Диалектика и материализм объявляются устаревшими, их место занял плоский эволюционизм. Естественн-историч. неизбежность социализма объявлена мифом; социализм «выводится» из сферы духа, из вневременных и внеклассовых этич. представлений индивидуума. Атеизм тоже считается устаревшим: союз с клерикализмом, примирение науки и религии стали программными требованиями с.-д. типа. «Партия считает, — говорится, напр., в декларации Голландской партии труда, — что религиозные убеждения и жизненная философия чрезвычайно важны для воспитания и умственного развития».

Откровенно проимпериалистич. позиции, занятые мн. лидерами с.-д. типа, невыполнение ими своих предвыборных обещаний после прихода к власти, привели к концу 50-х гг. к некрому падению политич. влияния междунар. Р. Если в 1945 социал-демократы занимали министерские посты в пр-вах 22 стран, то в 1964 они входили только в 12 кабинетов. Вместе с тем Р. сохраняет значит. политич. влияние. К июлю 1963 Социинтер состоял из 42 партий — членов и наблюдателей, — объединяющих 11,8 млн. чел., за партии реформистского интернационала голосует ок. 65 млн. чел.

Реформистские политич. партии и реформистские профсоюзы, несмотря на немалое количество непривлекательных страниц в их истории, сыграли и определ. положит. роль в борьбе за улучшение жизни рабочего класса; во мн. зап.-европ. странах социал-демократы пользуются массовой поддержкой трудящихся. В этих условиях успешное продвижение к социализму невозможно без преодоления раскола рабочего движения без единства действий коммунистов и социалистов. Критикуя правооппортунистич. практику и идеологию Р., коммунистич. партии выступают за конструктивный, свободный от предубеждений и наслоений прошлого, диалог между коммунистами и социалистами, за широкое сотрудничество с социал-демократами в борьбе за мир, демократию и социализм. Коммунисты не отбрасывают многие лозунги и требования социал-демократов, но они показывают ограниченный, переходный характер этих требований, настаивают на бескомпромиссном признании главного — необходимости уничтожить капитализм, создать социализм.

Осн. препятствием для единства действий революц. и реформистского крыла рабочего движения служит ныне антикоммунизм той части лидеров междунар. социал-демократии, для к-рой гл. врагом продолжает оставаться не империализм, а коммунизм. Ослепленные ненавистью к коммунизму, вожди и идеологи правого крыла междунар. Р. не хотят видеть, что антикоммунизм изолирует с.-д. тип от самых прогрессивных сил современности. «Антикоммунизм завел социал-реформизм в идейно-политический тупик» (Программа КПСС, 1961, с. 55). Понимание этого стимулирует активность левых групп и элементов, трезво мыслящих деятелей в руководстве социалистич. партий. Все сильнее становится стремление социал-демократов отказаться от антикоммунистич. шаблонов. Способствовать этому процессу — одна из гл. задач коммунистич. движения.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др., Соч., 2 изд., т. 19; Лени н В. И., Марксизм и ревизионизм, Соч., 4 изд., т. 15; Е го ж е, Реформизм в русской социал-демократии, там же, т. 17; Е го ж е, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, там же; Е го ж е, Марксизм и реформизм, там же, т. 19; Е го ж е, Крах II Интернационала, там же, т. 21; Е го ж е, Пролетарская революция и ренегат Каутский, там же, т. 28; Программа КПСС, М., 1961; Д в о р ж и И. Н., Критика экономич. теорий правых социалистов (западнгерманских и австрийских), М., 1959; З е д е р Г., Очерк правосоциалистич. идеологии, пер. с нем., М., 1959; Правые

социалисты—против социализма, под ред. Л. А. Леонтьева, М., 1960; Б о л ь ш о в Д. Г., М и д ц е в В. В., Я к о в л е в а Л. А., Кризис реформистских иллюзий «демократич. социализма», М., 1961; И р и б а д ж а к о в Н., Совр. критики марксизма, пер. с болг., М., 1962; С и т к о в с к и й Е. П., «Социалисты» без социализма, «ВФ», 1962, № 10; Ч е р н я е в А. С., Совр. Р. в рабочем движении Зап. Европы, «Вопр. истории КПСС», 1962, № 1; П о п о в С. И., Идеиный банкротство совр. Р. (Критика филос. и социологич. концепций западногерм. правых социалистов), М., 1963; М и л и б е н д Р., Парламентский социализм, пер. с англ., М., 1964.

РЕЦЕПТОРЫ (от лат. *receptor* — принимающий) — см. *Органы чувств*.

РЕЧЬ (более узко — речевая деятельность) — один из видов специфически человек. деятельности, под к-рым понимается обычно коммуникативная деятельность, опосредованная знаками *языка*. Термин «Р.» не имеет твердо установл. значения. В психологии он иногда понимается расширительно — в объем Р. включается не только деятельность, но в известной мере и система средств общения и вообще осуществления этой деятельности, т. е. язык. В *языкознании* термин «Р.» общепринят для обозначения категории, коррелятивной категории «язык», т. е. для перевода введенного *Соссюром* термина «parole», тогда как термином «речевая деятельность» иногда пользуются для перевода соссюровского термина «langage».

В науч. лит-ре существуют различные, зачастую прямо противоречащие друг другу взгляды на сущность и функции Р. Так, Б. Кроче трактует Р. как средство эмоц. выражения; О. Дитрих, К. Яберг и К. Фосслер приписывают языку (Р.) две осн. функции — выражение и коммуникация. Для А. Марти и П. Вегенера Р. есть только средство воздействия. Наконец, существуют попытки (П. Демье) интерпретировать Р. только как средство выразить некое объективное содержание. Наиболее распространена в наст. время концепция К. Бюлера, в к-рой язык характеризуется функциями выражения (*Ausdruck*), обращения (*Appel*) и сообщения (*Darstellung*), реализуемыми в речевой деятельности. Согласно Ф. Кайнцу и К. Аммеру, членение, предложенное Бюлером, соответствует лишь системе «первичных» функций языка или Р. («диалогич. функции»); наряду с ними в Р. могут реализоваться и «вторичные» («диалогические») функции: этическая (выражение определ. отношения к собеседнику), магическо-мифическая и логико-алетическая (выражение мировоззрения). Близко к этому понимание Р. Якобсоном, выделяющим соответственно 6 компонентам акта Р. (отправитель, адресат, контекст, код, контакт и сообщение) след. функции Р.: эмотивную (выражение чувств и воли говорящего); конативную или вокативно-императивную (направленность и модульность Р.); референтную (обозначение предметов внешнего мира); метаязыковую, дающую возможность говорить о языке; фатическую (установление контакта) и поэтическую (организация сообщения).

Согласно пониманию, распространенному в сов. психологии (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн), язык (Р.) имеет две осн. функции: средства общения, орудия *коммуникации* и функцию средства обобщения, орудия *мышления*. Сов. психологи выделяют у Р. также функции выражения, воздействия, указательную и др. В отличие от Бюлера и др., рассматривающих функции Р. как самостоятельные и приписывающих их различным речевым элементам, сов. психология склонна трактовать их как включенные в одно единство (внутри к-рого они друг друга определяют и опосредствуют), не считая возможным атрибутировать эти функции отд. единицам Р.

Р. как средство общения. В нек-рых сообществах животных существуют развитые системы коммуникации, функционально сходные с Р., напр. «язык» пчел, используемый для передачи ин-

формации о найденном источнике пищи. Однако все подобные системы служат для осуществления только биологич. функций (питание, размножение); они передаются генетич. путем, а не через посредство обучения. Существенно ограничены и их содержат. возможности. Человеч. Р. могла возникнуть лишь в трудовом коллективе, как средство координации специфически трудовой деятельности и как форма существования возникающего в этом же контексте *сознания*. В этом процессе речевые средства постепенно теряют свой «естеств.» характер и становятся системой искусств. сигналов. При этом они уже не просто тем или иным образом организуют в принципе не зависящую от них деятельность, как это было ранее, а вносят в нее новое объективное содержание и этим перестраивают ее структуру: в знаке фиксируются не только внешние, природные связи объектов, но и связи самой деятельности.

Наряду со звуковой Р. для коммуникации могут служить и другие (визуальные, тактильные и т. д.) формы Р.

С коммуникативной функцией Р. связана ее членораздельность (артикулированность), т. е. особая внутр. организация речевого сообщения, соответствующая иерархически организованной в языке и реализующимся в Р. кодовым системам (семантич. артикуляция — распадение потока Р. на слова; морфологич. артикуляция — морфемы; фонетич. артикуляция — фонемы).

Р. как средство обобщения. В языковой форме общество опредмечивает многообразные результаты и формы (снособы) деятельности. Каждый индивид в процессе обучения распределяет эти результаты и формы и т. о. формирует различные *способности*. При этом усвоение языка и формирование соответствующих ему способностей является необходимым условием для усвоения др. элементов обществ.-историч. опыта человечества, существующих в языковой форме, и формирования на этой основе др. деятельных способностей. Т. о., язык есть орудие сознания, а речевая деятельность — форма процесса, в к-ром сознание отражает действительность и в к-ром оно реализуется. В известном смысле можно сказать, что Р. есть процесс, а язык — способ осуществления сознания. Это относится и к внутр. Р., т. е. такой, внешней (звуковая) сторона к-рой редуцирована или совсем свернута и обычно выступает в виде микродвижений речевых органов.

Виды Р. выделяются в зависимости от ее функций, направленности и обстоятельности протекания. Наиболее общо деление Р. на диалогическую и монологическую. В совр. науке специально рассматривают массовую коммуникацию, объединяя в ней все виды Р., служащие задаче воздействия на массовую аудиторию, но не предполагающие с ней непосредств. контакта (пресса, радио, телевидение). По др. основанию Р. делится на письм. и устную. Существуют и многие другие принципы классификации видов Р.

Р. как объект языкознания и др. и а у к. Языкознание изучает Р. гл. обр. как реализацию системы языка, а также отд. виды Р. Эти последние рассматриваются также поэтикой, теорией массовой коммуникации и нек-рыми др. науками. Логика изучает Р. как одну из форм осуществления человек. мышления. Психология исследует механизмы онтогенеза Р. и ее функции в психич. деятельности. Механизмы и патологии Р. изучаются также в физиологии. Звучание Р. безотносительно к ее содержанию и функциям исследует речевая акустика как часть физики. Наконец, в последние годы начался интенсивный анализ Р. с т. зр. теории связи и прежде всего теории разборчивости речевых сигналов, а также механизмов их оознания и условий синтеза

искусств. Р. В наст. время все эти дисциплины, исторически сложившиеся как самостоят. отрасли знания, располагают собств. системами понятий и терминов и действуют в известной изоляции друг от друга. Между тем существует ряд задач, вызывающих необходимость комплексного междисциплинарного исследования Р. и разработки пограничных вопросов. Это обусловило появление направлений типа «психоллингвистики» (США), пытающихся синтезировать различные подходы к исследованию Р.

Лит.: Маркс К., Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политич. экономии», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19; Потебня А. А., Из записок по рус. грамматике, 2 изд., т. 1—2, X., 1888; его же, Мысль и язык, 3 изд., X., 1913; Сосюев Ф., Курс общей лингвистики, пер. с франц., М., 1933; Морозова Н. Г., О понимании текста, «Изв. АН РСФСР», 1947, вып. 7; Происхождение человека и древнее расселение человечества, М., 1951; Выготский Л. С., Избр. психологич. исследования, М., 1956; его же, Развитие высш. психич. функций, М., 1960; Щедровицкий Г. П., «Языковос мышление и его анализ», «Вопр. языкознания», 1957, № 1; Элькин Д. Б., Развитие речи в дошкольном возрасте, М., 1958; Жинкин Н. И., Механизмы Р., М., 1958; Лурия А. Р., Развитие Р. и формирование психич. процессов, в сб.: Психологич. наука в СССР, т. 1, М., 1959; Новое в лингвистике, [пер. с англ. и франц.], вып. 1—3, М., 1960—63; Панаев Б. Г., К теории и внутр. Р. в психологии, в его кн.: Психологии чувств. познания, М., 1960; Дукельский Н. И., Принципы сегментации речевого потока, М.—Л., 1962; Леонтьев А. А., Возникновение и первонач. развитие языка, М., 1963; Лурия А. Р., О нарушении динамики речевого мышления, в его кн.: Мозг человека и психич. процессы, М., 1963; Розенгарт Пунко Г. Л., Формирование Р. у детей раннего возраста, М., 1963; У истоков человечества, М., 1964; Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, 2 изд., М., 1965; Ниболдт В., Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, Gesammelte Werke, Bd 6, В., 1848; Steintal H., Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander, В., 1855; Bühler К., Sprachtheorie, Jena, 1934; Bloomfield L., Language, L., 1935; Hjelmslev L., Langue et parole, Cahiers F. de Saussure, t. 2, Geneva, 1942; Skinner B., Verbal behavior, N. Y., 1957; Yngve V., A model and an hypothesis for language structure, «Proceedings of the American Philosophical Society», 1960, v. 104, № 5; Malinowski B., The problem of meaning in primitive language, в кн.: Ogden C. K. and Richards I. Y., The meaning of meaning..., 10 ed., N. Y., 1959; Pike K. L., Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour, pt 1—3, Glendale, 1954—60; Psycholinguistics: a book of readings, N. Y., 1961; Slama-Cazacu T., Langage et contexte, 's-Gravenhage, 1961; Psycholinguistics. A survey of theory and research problems, 2 ed., Bloomington, 1965. А. А. Леонтьев. Москва.

РИБО (Ribot), Теодоль Арман (18 дек. 1839—9 дек. 1916) — франц. психолог, философ; основоположник французской научной психологии, представитель материалистич. направления ассоциационизма. Проф. философии в лицеях Везулы и Лавалля, а затем проф. общей и эксперимент. психологии в Сорбонне и Коллеж де Франс; основатель (1876) первого во Франции психологич. журнала «Revue philosophique» («Филос. обозрение»). Согласно Р., психология должна быть наукой объективной, генетической, патологической и сравнительной, ее предметом является изучение конкретных фактов психич. жизни в процессе ее развития в норме и патологии. На основе изучения расстройств памяти, воли, внимания Р. установил ряд закономерностей психич. жизни человека и положил начало всемирно известной франц. психопатологич. школе (А. Бине, Ш. Фере, П. Жане, Ж. Диома, Ш. Блондель, А. Валлон и др.). Важное место в психологич. взглядах Р. занимает принцип социальной обусловленности психич. процессов и качеств человека. Особенно значительны заслуги Р. в области психологии чувств и эмоций, хотя иногда у него проявлялись биологизаторские тенденции. Он впервые в истории психологии развил науч. положения об эмоц. памяти, о логике чувств и непроизвольном внимании, объясняя развитие эмоций и чувств условиями существования, социальными отношениями и обществ. опытом людей. Ряд положений и закономерностей, установленных Р. в области психологии

чувств, памяти, мышления, внимания, воображения, имеют науч. ценность и для совр. психологии.

Соч.: Essai sur les passions, Р., 1907; La vie inconsciente et les mouvements, Р., 1914; в рус. пер.— Совр. англ. психология (Опытная школа), М., 1881; Болезни памяти, СПб., 1881; Наследственность душевных свойств, СПб., 1884; Болезни воли, СПб., 1884; Болезни личности, СПб., 1886; Совр. герм. психологии (Опытная школа), СПб., 1895; Исследования аффективной памяти, СПб., 1895; О чувственной памяти, Каз., 1895; Психология внимания, К.—Х., 1897; Психология чувств, СПб., 1898; Эволюция общих идей, К.—Х., 1898; Характер, СПб., 1899; Философия Шопенгауэра, СПб., 1899; Опыт исследования творч. воображения, СПб., 1901; Логика чувств, СПб., 1905].

Лит.: Тутунджян О. М., Жизнь и психологич. концепция Т. Р., в кн.: Сб. науч. тр. научно-исслед. психологии лаборатории (Ереванский гос. пед. ин-т им. Х. Абовяна), т. 3, Ереван, 1961; его же, Т. Рибо (1839—1916), «Вопр. психологии», 1961, № 2; Janet P., L'oeuvre psychologique de Th. Ribot, «Journal de Psychologie normale et pathologique», 1915, an. 12, № 4; Dugas L., Le philosophe Th. Ribot, Р., 1924; Centenaire de Th. Ribot. Jubilé de la psychologie scientifique française, Agen, 1939.

РИГЕР (Rieger), Ладислав (17 мая 1890—30 апр. 1958) — чехословацкий философ, проф. Пражского ун-та, первый директор Ин-та философии АН ЧССР (1953—58), чл. КПЧ (с 1945). Занимался в основном гносеологией и психологией. Находился под влиянием *Нельсона* и *Фриза*. В 30-х гг. Р. проявляет интерес к неопозитивизму и феноменологии Гуссерля, в дальнейшем приходит к экзистенциализму и к концу 2-й мировой войны пишет труд «Метафизика чеш. существования» («Metafyzika lidské existence»), не издано. После окончания войны Р. занимался вопросами диалектич. материализма, принимал активное участие в научной жизни народной Чехословакии.

Соч.: Problém poznání skutečnosti se stanoviska Kantova a Friesova kriticismu a empirické psychologie..., Praha, 1930; Idea filosofie, Praha, 1939; в рус. пер.— Введение в космологию, М., 1959.

РИД (Read), Герберт (р. 17 дек. 1889) — англ. эстетик, искусствовед, критик. В 1915 окончил ун-т в Лидсе. Издатель «Burlington Magazine for Connoisseurs» (1933—39). Президент об-ва «Воспитание средствами искусства», Британского эстетич. об-ва, директор Ин-та совр. иск-ва в Лондоне. Р. — эклектик, «плюралист», соединяющий в своих работах различные т. зр. и концепции совр. зап. философии. «... Я плюралист, готовый оставить на свободе множество истин без всякого желания тащить их в исправительный дом, без всякой жажды свести их к некоторой „унифицированной формуле“» («The tenth muse. Essays in criticism», L., 1957, p. 4). В области иск-ва Р. признает одновременно и реализм, и крайние формы абстракционизма; из совр. художеств. направлений он отрицает только академизм и классицизм, поскольку они строятся на заранее предписанных художнику правилах и пормах, лишая творч. акт его непосредственности, а тем самым — и познават. ценности. Р. стремится возродить романтич. представление об иск-ве как высшей форме познания, как непосредств. созерцания истины. Художеств. образ, согласно Р., синтезирует в себе человек. опыт и оказывается необходимой предпосылкой для формирования науч., филос. и религ. представлений. Напр., представления о пространстве, прежде чем подвергнуться науч. или филос. переработке, кристаллизуются в пластич. иск-вах. Точно так же иск-во необходимо для развития знаний человека о самом себе, поскольку через художеств. деятельность объективируется человек. субъективность, душа, самость. Р. во многом примыкает к учению *Кассирера* о символич. характере всех форм познания, к символизму *Уайтхеда*, развивает взгляды *Фрейда* о роли «бессознательного» в процессе художеств. творчества. Утверждая, что реальность есть лишь результат индивидуального творч. акта, Р. доходит до полного релятивизма.

визма. «Мы достигли теперь такого уровня релятивизма в философии, когда возможно утверждать, что реальность является практически субъективной, и это означает, что индивид не имеет иного выбора, как конструировать свою собственную реальность, как бы это ни казалось произвольным и даже „абсурдным“» («The philosophy of modern art», L., [1952], p. 21). В этом пункте Р. смыкается с *экзистенциализмом*, рассматривая иск-во не как отражение мира, а как выражение духовной личностной ситуации. Изучение различных направлений в совр. иск-ве и творчества различных художников оказывается для Р. единственным способом обнаружения совр. реальности, а эстетич. воспитание — путем разрешения всех социальных проблем современности.

Некритич. подход к совр. иск-ву не позволяет Р. вскрыть его действительные социальные истоки. Поэтому Р. вынужден в конечном счете лишь описывать и классифицировать явления совр. художеств. культуры, переходя в этом отношении на позиции *позитивизма*.

См. ч.: Art now..., L., [1933]; Art and industry, L., 1934; Art and society, N. Y., 1936; The future of industrial design, L., 1943; Education through art, L., 1943; The grass roots of art, [L.], 1947; Education for peace, L., 1950; Art and the evolution of man, L., 1951; Icon and idea, Camb., 1955; A concise history of modern painting, N. Y., [1959]; The form of things unknown, L., 1960; The meaning of art, Balt., 1963.

Б. Шрагин. Москва.

РИД (Reid), Томас (26 апр. 1710—7 окт. 1796) — англ. философ-идеалист, основатель *шотландской школы*. Профессор Абердинского ун-та (1752—64) и ун-та в Глазго (1764—80). Исходя из критики *скептицизма* Юма, распространяемого на категории субстанции и причинности, Р. выступал против всей линии англ. эмпиризма и *сенсуализма* с их утверждением опытного происхождения всякого знания. Согласно Р., непримлемые скептич. выводы Юма, последовательно вытекающие из посылок эмпиризма, доказывают несостоятельность этих посылок. Наряду со знаниями, приобретаемыми опытным путем, Р. признавал присущие всякому здравому рассудку изначальные суждения, к-рые являются самоочевидными и непреложными истинами, познаваемыми интуитивно. Р. насчитывал 12 таких осн. принципов, независимых от опыта и предшествующих ему, служащих основоположениями всего теоретич. познания. К их числу Р. относил веру в существование внешнего мира, души, причинной обусловленности. Такое решение вопроса позволяло Р. осуществить свою гл. филос. задачу — доказательство того, что вера в бога поконит на не менее прочном фундаменте, чем все науч. постулаты. Кроме интуитивных теоретич. суждений, Р. признавал интуицию нравств. чувства и эстетич. вкуса как основы этич. и эстетич. суждений. Критикуя Юма, Р. направлял острие этой критики не против идеализма, а прежде всего против скептич. выводов по отношению к религ. вере и духовной субстанции. «Реализм» Р. выполнял при этом подсобную функцию. «Изначальные суждения» используются им не столько в интересах здравого рассудка, сколько для защиты распространенных пред-рассудков.

См. ч.: An inquiry into the human mind, on the principles of Common Sense, Edin., 1764; Essays on the intellectual powers of man, Edin., 1785; Essays on the active powers of man, Edin., 1788; Works, 6 ed., v. 1—2, Edin., 1863.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 269—72; Daugiac L., Le réalisme de Reid, P., 1889; Fraser A. C., T. Reid, Edin.—L., [1898]; Lauric H., Scottish philosophy in its national development, Glasgow, 1902; Sciassa M. F., La filosofia di T. Reid, Napoli, 1935; Robinson D. S., The story of Scottish philosophy, N. Y., 1961.

Б. Выховский. Москва.

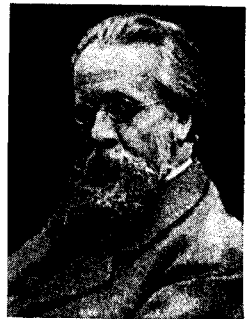
РЙЖСКИЙ, Иван Степанович [7 (18) сент. 1759—15 (27) марта 1811] — рус. логик, автор одного из первых в России учебников по логике. Учился в Псков-

ской, затем в Троице-Сергиевой лавры семинарии, в к-рой с 1778 преподавал философию и др. предметы. С 1786 — преподаватель в Горном училище. Проф. (1803) и первый ректор (1805) ун-та в Харькове, чл. Российской академии (1802). Изложением логич. взглядов Р. является «Умословие, или Умственная философия», написанная в с.-петербургском Горном училище в пользу обучающегося в нем юношества» (СПб., 1790), представляющее собой критич. переработку трудов Баумейстера, Х. Вольфа, Гольмана и др. По мнению Р., целью логики («умословия») является изучение правил, к-рые обеспечивают достижение истины и ее распространение. Р. рассматривает понятия (он относил к понятиям и чувств. формы познания), суждения и умозаключения преим. как «действия разума». Связь понятий (терминов) в суждении и в умозаключении рассматривалась им как содержательная, или генетическая, в основе к-рой лежит связь признаков вещей. Умозаключения Р. не сводит лишь к силлогистическим, к-рым он отводит второстепенное место. Из фигур *силлогизма* Р. выделяет три, считая, что четвертая может быть сведена к первой. В «Умословии» и нек-рых др. работах Р. подробно анализирует активную роль языка и слова в процессе познания, подчеркивая, что если бы человек не мог посредством языка сообщать другим свои мысли, то для него «почти все бы равно было, иметь их, или не иметь» («Введение в круг словесности», Х., 1806, с. 17). Кроме «Умословия», Р. написана по логике неопубликованная работа, две части к-рой хранятся в Архиве АН СССР в Ленинграде.

Лит.: Известие о жизни и смерти профессора И. С. Р., Х., 1814; Историко-филологич. факультет Харьковского ун-та за первые 100 лет его существования, под ред. М. Г. Халандского и Д. И. Багалая, Х., 1908.

Л. Смирнов. Ленинград.

РИККЕРТ (Rickert), Геррих (25 мая 1863—28 июля 1936) — представитель нем. *неокантианства*, один из основателей *баденской школы*, непосредств. преемник *Виндельбанда*. Род. в Данциге; с 1894 — проф. Фрейбургского, а с 1916 — Гейдельбергского ун-тов. Можно различить три периода в филос. деятельности Р.: в первом он разрабатывает осн. проблему гносеологии («Предмет познания», изд. 1913), а также исследует гносеологич. основы методологии истории как науки; во втором — пытается наметить осн. линии системы философии; в третьем — центр. место занимают дискуссии с *феноменологией*, *философией жизни* и *экзистенциализмом*, в ходе к-рых у Р. все больше обнаруживаются тенденции к идеалистич. гносеологии. В общем для неокантианства духе Р. отвергает кантовскую «вещь в себе» (объективную реальность), сводя бытие к человек. сознанию, к-рое, однако, характеризуется Р. не как сознание определ. единичных индивидов, а как некое всеобщее безличное сознание, в сущности тождественное у всех людей (см. «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания», К., 1904, с. 85). Это понятие безличного сознания представляет собой идеалистич. абсолютизацию обществ. сознания, к-рое по своему содержанию независимо от каж-

дого отдельного человек. индивида. С этой т. зр., к-рую Р. именует трансцендентальным, или гносеологич., идеализмом, все объекты (предметы) суть лишь представления, восприятия, чувства, обнаружения воли.

На вопрос о существовании чего-либо за пределами сознания Р. отвечает след. образом: все познаваемое имманентно сознанию и не существует вне сознания; независимой от сознания реальностью может обладать лишь недостоинное познанию трансцендентное, допущение к-рого является гносеологич. необходимостью. Т. о., Р. сочетает субъективный идеализм с допущением реальности трансцендентного, из чего он делает вывод, что религия «выше всякой науки» (см. «Границы естественно-научного образования понятий», СПб, 1903, с. 613).

Как и для др. неокантианцев, для Р. все реальное (исключая трансцендентное, составляющее предмет веры) представляет собой не объективное отражение действительности, а результат творч. работы сознания, к-рое посредством присущих ему априорных логич. форм конструирует, формирует познаваемую нами действительность из бессвязной массы чувств. данных. Естественное конструирует определ. реальность, к-рая познается нами как природа; науки о культуре формируют культуру; философия вырабатывает понятие космоса. Хотя Р. и утверждает, что науки могут быть классифицированы исходя из объектов их исследования, но т. к. предмет любой науки, по его мнению, представляет собой продукт конструирующей способности сознания, то первонач. основой классификации наук должна быть классификация самих логич. способностей или методов исследования. Вслед за Виндельбаном, считавшим осн. логич. формами сознания номотетич. и идеографич. методы (первый обобщает, конструирует общее, законы; второй дает понимание индивидуального), Р. утверждает, что генерализирующий метод создает естественное, а индивидуализирующий метод — науки о культуре. Отношение между естествознанием и природой, с одной стороны, и наукой о культуре и самой культурой — с другой, по Р., представляется следующим: поскольку априорные формы лишь организуют, формируют хаос переживаний, следовательно, ни природа, ни история не могут быть сведены к тому, что дают естествознание и науки о культуре, рациональное содержание к-рых совершенно отлично от того, что представляет собой природа и общество как иррац. потоки переживаний. Т. о., в рамках гносеологич. субъективизма Р. пытается провести различие между познанием и действительностью. Это значит, что различие между субъективным и объективным (так же как различие между психическим и физическим) рассматривается как существующее лишь в пределах сознания: по сути дела, все сводится к разграничению рационального (наука, логич. формы) и иррационального (переживания). Отсюда следует парадоксальный вывод: «...чем большее совершенство мы придаем нашим естественно-научным теориям, тем более мы удаляемся от действительности...» (там же, с. 209). Науки о культуре, с т. зр. Р., гораздо ближе к действительности, в к-рой не существует ничего общего, но всегда имеется индивидуальное, непосредственное, переживаемое. Превосходство наук о культуре над науками о природе заключается, по Р., также и в том, что они соотносят рассматриваемые явления не с законами (представляющими собой лишь априорные правила рассудка), а с ценностями, совокупность к-рых образует идеальный, независимый от человека вечный мир. Эстетич., этич., религ., логич. ценности представляют собой критерии для отбора фактов в истории человечества. Эти ценности, образующие «...совершенно самостоятельное царство,

лежащее по ту сторону субъекта и объекта» («О понятии философии», в журн.: «Логос», 1910, кн. 1, с. 33), делают, согласно Р., историю подлинной наукой о действительности. История, с его т. зр., не изучает развития общества, не постигает никаких закономерностей и должна объявить репнт. войну принципу историзма; задачей этой науки является лишь описание единичных событий с т. зр. неизменных метафизич. ценностей. Это истолкование истории как науки направлено против материалистич. понимания истории, к-рое, по словам Р., «...обязано своим существованием политическим точкам зрения ценности» («Философия истории», СПб, 1908, с. XIV). Т. Ойзерман. Москва.

В конце жизни Р. пытается построить систему философии, истолковывая ее как учение о мировоззрении, к-рое должно понять смысл и ценность жизни и основываться на теории мира как некоего целого (см. «System der Philosophie», Bd 1, Tübingen, 1921). Философия, в понимании Р., имеет дело не с конкретной действительностью (в таком случае она растворилась бы в отд. науках), она должна постигнуть мир как некую тотальность, при этом мышление, постигающее целостность мира, преодолевает расколотость его в процессе познания на субъект и объект. Задача философии — установление отношений между тремя сферами: миром действительности, понимаемым как целостное образование, миром трансцендентных, объективно значимых ценностей, лежащих по ту сторону субъекта и объекта, и царством имманентного смысла, к-рое объединяет два предшеств. царства. Этому расчленению соответствуют три различных способа овладения человеком этих сфер — объяснение, понимание и истолкование. Рассматривая истинность как ценность, Р. развивает трансцендентную теорию суждения, согласно к-рой масштаб суждения — в нормативном и трансцендентном долженствовании. Р. различает психич. акт суждения, смысл суждения и трансцендентный предмет познания, на к-рый указывает этот смысл. Долженствование придает истинность суждению. Т. о., проблема ценности оказывается в центре всей философии: философия исследует царство ценностей, устанавливает предел. иерархию между ними.

В неокантианском учении Р. явственно обнаруживается переход к иррационалистич. идеализму, становящемуся одной из наиболее влият. форм бурж. философии: «...Одному мы действительно можем научиться у философии жизни, если мы поймем ее лучше, чем она сама себя понимает: мы никогда не должны думать, что понятиями философии мы поймали саму живую жизнь, но, в качестве философов, можем только ставить себе задачу приблизиться к жизни настолько, насколько это совместимо с сущностью философствования в понятиях» («Философия жизни», П., 1922, с. 155). В работах последнего периода Р. соотносит свое учение о мировоззрении с попыткой построить новую онтологию. В кн. «Логика предикатов и проблема онтологии» («Die Logik des Prädikates und das Problem der Ontologie», Hdlb., 1930), критикуя Н. Гартмана и Хейдеггера, он обосновывает возможность онтологич. положений; исходя из этого, Р. вновь возвращается к проблемам теории познания (в 1924 он читает курс «Наукоучения») и философии истории. В ст. «Основные проблемы философии» («Grundprobleme der Philosophie», Tübingen, 1934) Р. по-новому расчленяет систему философии: методология как теоретико-познават. пропедевтика, онтология как учение о видах бытия мирового целого и антропология, где рассматриваются отношения между формальным учением о смысле и конкретными смысловыми образованиями человек. культуры. В конце жизни Р. проявляет интерес к неогеггелянству, усваивая его нек-рые принципиальные идеи, и к

проблеме обоснования и сущности метафизики (см. ст. «Die Erkenntnis der intelligiblen Welt und das Problem der Methaphysik», «Logos», 1927, Bd 16, H. 2; 1929, Bd 18, H. 1).

Соч.: Fichtes Atheismusstreit und die Kantische Philosophie, B., 1899; Psychophysische Causalität und psychophysischer Parallelismus, Tübingen, 1900; Vom Begriff der Philosophie, «Logos», 1910/11, Bd 1; System der Werte, там же, 1914, Bd 4; Das Eine, die Einheit und die Eins. Bemerkungen zur Logik des Zahlbegriffs, 2 Aufl., Tübingen, 1924; Kant als Philosoph der modernen Kultur. Ein geschichtsphilosophischer Versuch, Tübingen, 1924; Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 3 Aufl., Hdb., 1924; Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 5 Aufl., Tübingen, 1929; Unmittelbarkeit und Sinnbedeutung. Aufsätze zur Ausgestaltung des Systems der Philosophie, Tübingen, 1939; в рус. пер.—Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания, 2 изд., К., 1904; Наука о природе и науки о культуре, СПб., 1914.

Лит.: Софронов Ф., Г. Р. и его книга «Границы естественно-науч. образования понятий», «Вопр. философии и психологии», 1905, кн. 78, [вып. 6]; Рубинштейн М., Г. Р., там же, 1907, кн. 86, [вып. 2]; Перцов П., Гносеологич. недоразумения. (По поводу классификации наук Г. Р.), там же, 1909, кн. 96, [вып. 2]; Асмус В. Ф., Маркс и буржуазный историзм, М.—Л., 1933; Григорьян Б. Т., Неокантианство. Критические очерки, М., 1962; Баградзе К. С., Очерки по истории новейшей и совр. бурж. философии, Тб., 1960; Тевзадзе Г. В., Теория познания нем. неокантианства, Тб., 1963 (на груз. яз.); Faust A., H. Rickert und seine Stellung innerhalb der deutschen Philosophie der Gegenwart, Tübingen, 1927; Reines C. h.-W., Werttheorie und Kulturphilosophie zur Kritik von H. Rickerts «Grundlegung der Philosophie», B., [1930]; Kaufmann F., Geschichtsphilosophie der Gegenwart, B., 1931; Federici F., La filosofia dei valori di H. Rickert, Firenze, 1933; Zocher R., H. Rickerts philosophische Entwicklung. Bemerkungen zum Problem der philosophischen Grundlehre, «Z. für deutsche Kulturphilosophie», 1937, Bd 4, H. 1; Ramming G., K. Jaspers und H. Rickert, Bern, 1948; Lukács G., Die Zerstörung der Vernunft, B., 1955; Miller-Rostowska A., Das Individuelle als Gegenstand der Erkenntnis. Eine Studie zur Geschichtsmethodologie H. Rickerts, Winterthur, 1955. А. Огурцов. Москва.

РИЛЬ (Riehl), Алоиз (27 апр. 1844 — 21 нояб. 1924) — представитель т. н. критического реализма и реалистич. направления в неокантианстве; профессор ун-та в Граце (Австрия) и ряда герм. ун-тов, в т. ч. Берлинского (1905—19). Критикуя характерное для философии жизни противопоставление философии науке, Р. отстаивает неокантианский взгляд на философию. Вместе с тем он расходится с неокантианцами баденской школы, противопоставляющими науки о природе наукам о духе. Несмотря на то, что Р. в духе позитивизма критикует «метафизику» (к к-рой причисляет и материализм) за догматизм ее исходных позиций, он сам принимает т. зр. реализма — признает существование реальных вещей, к-рые составляют основу нашего знания, дают опыту человека содержание и образуют материал его знания и действия (см. «Теория науки и метафизика с т. зр. филос. критицизма», М., 1887, с. 203—04). Отвергая как наивный реализм, так и материалистич. теорию отражения, Р. вслед за Гельмгольцем считает, что «чувственные впечатления и ощущения суть не изображения объектов, а знаки их» («Введение в совр. философию», М., 1903, с. 50). Опыт, согласно Р., есть психофизич. единство. Когда выдвигают в качестве исходной объективную сторону этого единства, то превращают мир в совокупность количественно измеряемых начал, а создание — лишь в функцию мозга; исходя же из субъективного аспекта, превращают мир в продукт сознания. Критикуя панпсихизм за веру в фетиши (см. «Теория науки...», с. 227) и материализм за превращение явления в самую реальность, Р. развивает концепцию психофизического параллелизма. Философия, согласно Р., есть не только самопознание науки (познание сущего), но и осмысление ценностей жизни человека (познание должного); к области ее относится «...то возможное, что человек должен еще создать своей волею и энергией» (там же, с. 23). Философия, т. о., включает область «практического разума», анализ проблем добра, нравственно-справедливого, свободного деяния человека.

Этика Р. основывается на кантовском понимании свободы воли и правств. закона как «универсального закона» всех разумных существ, источником к-рого является самосознание.

Соч.: Moral und Dogma, W., 1871; Über Begriff und Form der Philosophie, B., 1872; Der philosophische Criticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft, Bd 1—2, Lpz., 1876—87; Der Beruf der Philosophie in der Gegenwart, «Internat. Monatsschrift», 1914, Bd 8, № 10; в рус. пер.—Введение в совр. философию, СПб., 1904; Философия в систематич. изложении..., СПб., 1909.

Лит.: Siegel K., A. Riehl, Graz, 1932.

РИМСКАЯ ФИЛОСОФИЯ — антич. философия периода эллинизма (3—2 вв. до н. э.—5—6 вв.). Можно говорить о выделении из этой эллинистич. философии собственно римской, связанной с теми философами, к-рые имели специальное отношение к самому Риму.

Западная Рим. империя развивалась на почве крупного рабовладения и землевладения, завоевания обширных территорий, приведшего к подчинению мн. национальностей, что вызвало необходимость создания огромного чиновничьего аппарата и разработки изощренных политич. методов управления. Для осуществления этих политич. задач необходима была тонко развитая личность, синтез небывалого универсализма и небывалого субъективизма. Для римлян было характерно соединение максимального практицизма и теоретич. устремлений, что вылилось в создание большого количества исследований в разных областях науки. Р. ф. отразила это соединение практицизма и логич. изощренности, универсализма и прихотливого субъективизма.

Осн. периоды Р. ф. выделяются соответственно этапам развития Рима. Пока римское рабовладение и землевладение росло чисто количественно, рим. филос. сознание стремилось выйти за узкие горизонты классич. полса и связанной с ним полурелигиозной, полусветской мифологии, стремилось отойти от старых религиозно-мифологических форм мысли. Но когда римская рабовладельческая империя стала мировой, она потребовала религиозно-мифологического осязания. Отсюда возникает и соответствующая периодизация Р. ф.

Первый период (3—1 вв. до н. э.) можно назвать просветительским или периодом секуляризации, т. е. освобождения науч. мысли от подчинения религии и мифологии. Возраставший субъект требовал для себя прав и хотел всячески охранить себя от тех обществ.-политич. катастроф, к-рыми сопровождался рост как Рим. республики, так и Рим. империи. Уже среди первых представителей рим. лит-ры был, напр., писатель Квинт Эний, к-рый составил не дошедшее до нас соч. под именем «Эвгемер», сохранившиеся фрагменты к-рого свидетельствуют о большой популярности в Риме греч. просветителя Эвгемера. В этот период на рим. почве развился стоицизм, ставший вскоре почти офиц. доктриной рим. государства, со своими требованиями освободить личность от всякой зависимости, со своим материализмом, провиденциализмом и фатализмом — кружок Сципиона Младшего (2-я половина 2 в. до н. э.), к к-рому принадлежали сатирик Гай Луцилий, Цицерон. Учителем этих сципионовских стоиков был крупнейший греч. стоик Панеций. Панеций и его многочисленные ученики [кроме упомянутых — Квинт Туберон, Муций Сцевола, Рутилий Руф, Элий Стилон (учитель Варрона)] приближали стоицизм к жизненным потребностям растущей Римской республики и вместо морали полной апатии прежних стоиков признавали живые чувства в человеке. Эпикуреизм был представлен, кроме Спирона и Филодема, Лукрецием. В его философии Р. ф. охватывала весь мир во всей его универсальности и

глубоко понимала тончайшие потребности субъекта на путях его полного освобождения от страхов здешнего и загробного миров. Наконец, *скептицизм*, третья школа раннего эллинизма, нашедшая для себя место в Средней Академии, равно как и *электизм* Новой Академии, также имел в Риме таких приверженцев, как Варрон, представители школы *Секстиев*. Варрон оказал в дальнейшем плодотворное влияние на архитектора Витрувия, писателя и ученого Плиния Старшего. Многие шли от эпикурейства к стоицизму, как, например, поэты Вергилий и *Гораций*.

Второй период (1 в. до н. э.—2 в.). В связи с концом республики в Риме и зарождением империи Р. ф. уже не могла оставаться только на просветительских позициях. Это был период и а ч а л ь н о й с а к р а л и з а ц и и, т. е. обратного секуляризации процесса подчинения науч. мысли религии и мифологии.

Образование огромной мировой рабовладельческой державы способствовало установлению абсолютистского управления, организации огромных людских масс и прежде всего неимоверно разросшегося рабского населения. В условиях античного мира такой абсолютизм получал религиозное освящение и оформление. Установился культ императора, и вся философия с тех пор чем дальше, тем больше приобретала не только цезареванский, но и теологич. характер. Уже Вергилий, в молодости эпикуреец, в дальнейшем, переходя к воспеванию Рим. империи, определенно стал на этот путь социально-политич. сакрализации, этим же кончил и Овидий, вначале вольнодумец, высланный из Рима. В 1 в. до н. э. выступил другой известный представитель греч. Средней Стои — *Посидоний*, к-рый реформировал стоицизм в религ.-мифологич., платонич. направлении, в результате чего и появилось целое течение стоич. *платонизма*, или Средняя Стоя, в ее более позднем виде получившая в Риме огромное распространение. Пифагорейски-платонич. элементы можно предполагать еще у таких рим. стоиков 1 в. до н. э., как Секстий, Сотнион, *Нигидий Фигул*. Крупнейшими представителями Р. ф. в этом отношении явились *Сенека*, *Эпиктет* и *Аврелий*. Учителем Сенеки был Аттал, а учителем Эпиктета — Музоний Руф. Сакрализация была здесь не настолько сильна, чтобы заглушить др. филос. течения. Еще оставалась живой такая несакрализованная философия, как книжеческая, к к-рой в 1 в. н. э. нужно отнести Деметрия, Эномаю, Демонакса, Перегрина, Феагена, Диона Хрисостома. Стоицизм этого времени легко объединялся и с науч.-астрономич. исследованиями — Манилий, Германик, и с аллегорич. мифологич. толкованиями — Корнут, и с поэтич. творчеством — ученики Корнута Персий и Лукан, с историко-графией — Тацит, и доходил до проповеди честной простоты нравов, как, напр., у Колумеллы. Чисто практич. направление стоицизма этого времени представляли Катон Утический, Пет Траезя и Гельвидий Приск. Можно отметить также и влияние позднего скептицизма (*Энесидем*, *Секст Эмпирик* и его ученик италиец Сатурнин), позднего *эпикуреизма* (Диоген из Эноанды), а также и *перипатетической школы*.

Третий период (2—3 вв.) — период развиптой сакрализации философии. Орудием ее оставался платонизм. Однако теперь платонизм начал решит. борьбу со стоицизмом, с к-рым он еще недавно объединялся. Чтобы изгнать стоич. элементы из платонизма, рим. философы этого времени использовали Аристотеля (заменяя его концепциями материализм древних стоиков), а также *пифагорейзм*, вместе с к-рым вводились в философию не только мистич. числовые операции, но также интен-

сивная религ. практика. Это вело к эклектизму, но с сильно выраженной сакрализованной тенденцией, к-рая подготавливала неоплатонизм следующего периода Р. ф. Теперь учились уже не у стоиков, но у пифагорействующих платоников типа *Плутарха*. Учениками Плутарха были Гай (к-рого не нужно принимать за знаменитого юриста Гая) и Фаворин, учениками же Гая были Альбин (к-рого слушал рим. врач и логик *Гален*) и Апулей из Мадавы. Апулей разработывал сакрализацию этого периода не только философскими, но и художеств. методами. К школе Гая принадлежал также анонимный комментатор «Тезетета» Платона. К платоникам относятся Кальвисий Тавр (учитель Авла Геллия, а также его ученик и друг Ирод Аттик и их современник Нигрин). К этому кругу принадлежали также Никострат, Аттик и его ученик Гарпократион, известный критик христианства Цельс, Север — комментатор «Тимея» Платона и грамматик Цензорин. Неопифагорейцами были Модерат, Секет («Флорилегий»), Секунд (личный знакомый имп. Адриана). Из христ. литературы к этому периоду относятся соч. Мануция Феликса, *Тертуллиана*, Цециллия, Киприана, Новациана, Коммодиана. Нек-рые гностики (см. *Гностицизм*), напр. *Валентин*, тоже были связаны с Римом.

Четвертый период Р. ф. (3—4 вв.) представляет собой кульминацию сакрализованной философии — господство *неоплатонизма*. В неоплатонизме на абсолютной идеалистич. основе восторжествовал синтез универсализма и субъективизма. Основатель неоплатонизма *Плотин* со своими учениками Амелием и *Порфирием* жил и работал именно в Риме, так что эта начальная стадия неоплатонизма так и носит название рим. неоплатонизма. Последующие антич. школы неоплатонизма развивались уже в Малой Азии, Афинах и Александрии. Но печать рим. универсализма лежит и на них. Традиции рим. неоплатонизма продолжали христ. философ *Августин* и рим. имп. *Юлиан*, отступив от христианства. В 4 в. Ариобий и *Лактанций* доводят сакрализацию философии до полной отмены самой философии, о чем особенно откровенно заявлял Лактанций.

Пятый период Р. ф. (4—5 вв., хотя нек-рые деятели, относимые к этому периоду, жили и в 6 в.) характеризуется некоторым ослаблением неоплатонич. сакрализации философии, что характерно также для афинского и александрийского неоплатонизма. Эти философы больше переводили греков на лат. яз., больше комментировали Платона и Аристотеля и больше занимались собиранием историко-филос. и историко-религ. материалов, чем выработкой собств. концепций. К ним относятся неоплатоники лат. Запада: Корнелий Лабеон, Халкидий, Марий Викторин, Веттий, Агорий Претекстат, *Макробий*, Фавоний, Эвлогий, из христ. мыслителей, богословов и поэтов — Пруденций, Павлин, Фирмик Матери, Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский.

Шестой период (5—6 вв.) представляет собой уже переход к ср. векам. К этому периоду относятся неоплатоники *Бозций* и *Марциан Капелла*. Сакрализованная Р. ф. оказалась настолько сильной, что она пережила даже и падение Рим. империи, и падение всего греко-рим. язычества. Она легла в основу теократич. идеологии ср. веков, в тех или др. формах не раз выступала и в новое время. В эпоху *Возрождения* и в последующие века рим. неоплатонизм в борьбе со ср.-век. *монотеизмом* принял просветительские формы. Рим. мыслители Лукреций, Цицерон, Сенека, Марк Аврелий, Апулей становились властителями дум не меньше, а иной раз даже и больше, чем Платон и Аристотель.

Лит.: Маркс К., Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; История философии, т. 1, [М.], 1940, разд. 4; История философии, т. 1, М., 1957, гл. 2, разд. 5; Древнерим. мыслители. Свидетельства, тексты, фрагменты, сост. А. А. Аветисян, [К.], 1958; H a r d e r K., Die Einbürgerung der Philosophie in Rom, в кн.: Die Antike, Bd 5, В.—Лpz., 1929; K a e r s t J., Scipio Amilianus, die Stoa und der Prinzipat, «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», 1929, Jg. 5, H. 6, S. 653—75; H e i n e m a n n I., Die griechische Weltanschauungslehre bei Juden und Römern, В., 1932; S e e l O., Römische Denker und römischer Staat, Lpz., 1937; H e u e r K. H., Comitas, facilitas, liberalitas. Studien zur gesellschaftlichen Kultur der ciceronischen Zeit, Lengerich, 1941; B r a c h e r K. D., Verfall und Fortschritt im Denken der frühen römischen Kaiserzeit. Studien zur Zeitgefühl und Geschichtsbewußtsein des Jahrhunderts nach Augustus, Tübingen, 1949; C l a r k e M. L., The roman mind; studies in the history of thought from Cicero to Marcus Aurelius, Camb., 1956; [B e a u j e u J., I t a r d J.], La science hellénistique et romaine, в кн.: La science antique et médiévale, P., 1957, S. 301—413; G i g o n O., Die Erneuerung der Philosophie in der Zeit Ciceros, в кн.: Entretiens sur l'antiquité classique, t. 3, Gen., 1955, S. 23—61; H e i n z E. R., Vom Geist des Römertums, 3 Aufl., Darmstadt, 1960; K r o l l W., Die Kultur der ciceronischen Zeit, Bd 1—2, Lpz., 1963.

А. Лосев. Москва.

РИСМЕН (Riesman), Дейвид (р. 22 сент. 1909) — амер. социолог. По образованию юрист, с 1949 преподавал социальные науки в Чикагском ун-те, с 1958 — проф. социальных наук в Гарвардском ун-те. Р. приобрел известность после выхода кн. «Одинокая толпа» («The lonely crowd», 1950, совм. с N. Glazer and R. Denney). В книге характеризуются процессы, происходящие в 20 в. в сфере обществ. психологии и культуры в США. В центре — переход от типа личности, к-рую Р. называет «личностью, ориентированной изнутри», к новому типу «личности, ориентированной извне». Первый тип — это бурж. личность эпохи свободного предпринимательства, руководствующаяся индивидуалистич. мотивами, демонстрирующая частнособственнич. инициативу и выступающая активным субъектом в конкретной борьбе. «Личность, ориентированная извне», — личность бурж. индивидуума, попавшего в полное подчинение крупной бюрократич. орг-ции: корпорации, гос-ва, армии. Ее действия регулируются правилами (экономич., адм., идеологич.), устанавливаемыми этой орг-цией. Эта личность — объект внешнего авторитарного принуждения и манипуляции. Р. констатирует, что подобная эволюция «социального характера» сопровождается уродливыми и болезненными явлениями. Человек утрачивает внутр. цельность, внутр. источник энергии, переживает различные формы отчуждения и самоотчуждения («утраты самого себя»). Результатом часто является социальная апатия, пессимизм, цинизм, ощущение душевной опустошенности. Р. подробно и ярко рисует различные формы и стороны этих болезненных процессов, проявляющихся в сфере политики, образования, науч. деятельности, в «популярной» лит-ре и иск-ве, в семье и быту людей в США. Конкретизации и документальному подтверждению своих общих концепций Р. посвятил широкое эмпирич. исследование, обобщенное в кн. «Лица в толпе» («Faces in the crowd», New Haven, 1952).

В работе «Социальные проблемы и дезорганизация в сфере труда» («Social problems and disorganization in the world of work» (совм. с R. Weiss), в сб.: Contemporary social problems, ed. by R. K. Merton and R. A. Nisbet, N. Y.—Burlingame, 1961) Р. описывает распад традиционной психологии «амер. деловитости» в связи с кризисом стимулов, порожденных эпохой свободного предпринимательства в США, и распространение «потребительской психологии» — психологии обывателя, поклоняющегося «идолом потребления и развлечения». Р., однако, неправильно истолковывает природу и причины этих процессов, отрывая их от объективной логики бурж. производств. отношений, от логики перерастания капитализма

19 в. в гос.-монополистич. капитализм. Р. пытается представить эти процессы как всеобщие и связанные либо с ростом населения (впрочем, от этой т. зр., выраженной в кн. «Одинокая толпа», он позднее отказался), либо с развитием техники, с усложнением пром. произ-ва и урбанизацией. Резко критикуя бюрократич. тоталитаризм в США, он не понимает связь последнего с социально-классовой структурой и с задачами классового командования в условиях растущей поляризации правящих кругов и широких масс населения. Выступая против подавления, принудит. стандартизации и нивелирования личности в системе гос.-монополистич. бюрократии, Р. склонен идеализировать амер. капитализм 19 в. (особенно это проявляется в кн. «Заново пересмотренный индивидуализм» — «Individualism reconsidered», Glencoe, 1954). Т. о., его взгляд обращен скорее в прошлое, чем в будущее. Одновременно он пытается сконструировать т. н. «автономную» личность, соединяющую индивидуализм с приспособленностью к «групповой» и социальной организованной деятельности, но эта схема выглядит искусственно, абстрактно и утопично.

Р. принадлежат мн. работы и статьи, направленные против маккартизма, милитаризма и антикоммунизма, написанные с позиций бурж. демократизма и гуманизма [напр., ст. «Амер. кризис» — «An American crisis» (совм. с М. Массову), в журн. «New Left Review», 1960, № 5]. Большинство работ Р. в той или иной мере выходит за рамки одностороннего социологич. эмпиризма позитивистского толка, что объясняет их большое влияние на молодых социологов США, стремящихся к более широким обобщениям и социальной критике.

См. о ч.: Civil liberties in a period of transition, [s. l.], 1942; Thorstein Veblen, N. Y., 1960; Constraint and variety in American education, [Lincoln (Nebraska)], 1956].

Лит.: Андреев А. Г. М., Совр. бурж. эмпирич. социология, М., 1965; Замощкин А., Кризис бурж. индивидуализма и личность, М., 1966; Culture and social character. The work of D. Riesman reviewed, ed. by S. Lipset and L. Lowenthal, [Glencoe, 1961].

РИТУАЛ (лат. ritualis — обрядовый, от ritus — торжество, церемония) — исторически сложившаяся или специально установленная форма поведения, в к-рой строго канонизированный способ исполнения действия лишен непосредств. целесообразности и служит лишь обозначением (символом) определ. социального отношения (существующего социального порядка, признания к.-л. ценностей или авторитетов и т. п.).

Значение и происхождение Р. отчетливо прослеживается в связи с религ. культурами. Система ритуальных действий (обрядов) является, наряду с мифологией и теологией, одним из выражений отношения людей к «священным» объектам, в т. ч. к «неприкосновенным» институтам и непререкаемым социальным нормам. В религ. сознании такие действия выступают как средство мистич. воздействия на «священные» силы (магия) либо как способ закрепления наличной системы культурных отношений. В большинстве древних религий Р. служит гл. выражением культурных отношений (ср. высказывание Энгельса о роли обрядности в дохрист. культурах — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 19, с. 313). В дальнейшем с обособлением мифологии, а затем и религ.-филос. идей от культовой практики, создаются мифологич. комплексы, служащие объяснению древних Р., и, наоборот, ритуальные средства «драматизации» мифа. Хотя такие религии, как христианство, особенно в его протестантских формах, провозглашают примат «духовной» стороны (вероучения и чувства) перед Р., практически сохранение религ. отношений в массах обеспечивается прежде всего действием традиц. систем Р., к-рые составляют наиболее консервативный (и наименее поддающийся воздействию рационал. критики) элемент религии. Одним из моментов совр. процессов секуляризации обществ.

жизни является постепенная утрата Р. своего «священного» значения.

Генезис Р. можно рассматривать и в более широком плане в связи с прогрессирующим обособлением символич. действия от непосредственно целесообразного, поскольку «...ритуальный жест является не столько действием, сколько наглядным изображением действия» (Валлон А., От действия к мысли, М., 1956, с. 125). Выполняя какие-то более «вторичные» обществ. функции — трансляции трудового навыка, фиксации установившихся способов деятельности, формирования простейших обществ. представлений и т. д., Р. играет важную роль в истории общества (особенно в добурж. системах) как традиционно выработанный метод социального воспитания индивидов, и приобщения их к коллективным нормам жизни. Развитие правовых норм, системы нравств. представлений, элементов рационал. поведения личности и науч. сознания вытесняет Р. на периферию обществ. жизни, гл. обр. в область церемониальных форм общ. поведения и бытовых отношений, когда осознание индивидами усваиваемых ими обществ. норм является невозможным или излишним. Использование и создание ритуальных форм как средства массового идеол. наслепия чрезвычайно характерно для тоталитарно-фашистских, националистич., расистских режимов.

Значение Р. неоднократно служило предметом острых дискуссий среди историков, этнографов (О. Э. Харрисон, Б. Малиновский, К. Клакхон), философов (Э. Кассирер), а в последнее время также лингвистов и семиотиков.

Лит.: Кагаров Е. Г., К вопросу о классификации нар. обрядов, «ДАН СССР», 1928, № 11; Прони В. Я., Историч. корни волшебной сказки, Л., 1946; В и й д а л е н П. Я., Исполнение нар. сказок, как производственно-магич. обряд, М., 1964; M a s D o n a l d M., Ethical and the ceremonial use of language, в кн.: Philosophical analysis, ed. by M. Black, Ithaca, 1950; K r o e b e r A. L., The nature of culture, Chi., 1952; D u r k h e i m E., Les formes élémentaires de la vie religieuse, 4 éd., P., 1960. См. также лит. при ст. *Магия, Мифология, Обычай. О. Дробницкий, Ю. Лезаба*. Москва

РИХТЕР (Richter; псевдоним — Ж а н П о л ь, Jean Paul), Иоганн Пауль Фридрих (21. III. 1763, Вунзидель, — 14. XI. 1825, Байрейт) — нем. писатель и философ, автор романов «Зибенкэз», «Титан» и др. Занимает значит. место в истории нем. эстетики и педагогики. Идеи и общее направление философии Р. восходят к *Гердеру*: эмпиризм, сенсуализм, интерес к проблемам человеч. личности (отсюда увлеченность раннего Рихтера *Руссо*), понимание действительности как «органич. целого», обусловившее, в частности, его взгляды на природу языка [см. «Ключи к Фихте» («Clavis Fichtiana», 1800) в приложении к роману «Титан»]. С этим сложно переплетаются идеи, заимствованные из др. источников (Р. был широко эрудирован, знаком с философией Платона, англ. и франц. деизмом, Лейбницем, нем. рационализмом, современными ему филос. системами).

Р. не проводит четкой грани между философией и художеств. творчеством: для Р. философия — целостный отклик на действительность, сочетающийся с метафоричностью изложения, но не исключающий абстракции и отвлеченной терминологии. Акцентирование первичности интуиции в познании (п. свободной фантазии в творчестве) сближает Р. с «истинной», по его выражению, философией *Якоби*. В духе всей эпохи Р. рассматривает явления в системе противостоящих категорий, занимая срединное или примирительное — между рационализмом и романтизмом — положение в решении многих конкретных проблем (жизнь — произв. иск-ва, идеал — действительность). Так, в «Подготовительной школе эстетики» («Vorschule der Ästhetik», Hamb., 1804), «Леване, или Учении о воспитании» («Levana oder Erziehungslehre», Braunschweig, 1807) Р. выделяет (по степени внесения субъек-

тивного начала в реальную действительность) два полярных типа творчества — «поэтического материалиста» и «поэтического нигилиста», но видит идеал не в высшем типе, синтезирующем оба типа и преодолевающим их односторонность, а в их сочетании. Анти-тезы Р., т. о., оказываются непреодолимыми. Враждебность филос. систематике и незаинтересованность в абстрактных проблемах («житийский реализм» Р.: он критикует идеализм с т. зр. эмпирич. наблюдателя действительности) приводит Р. к критике философии *Канта*, с к-рым его сближает этич. ригоризм, и к осуждению философии *Фихте* с т. зр. возможных моральных последствий ее: диалектику становления «Я» у Фихте Р. (для к-рого «Я» — исходная эмпирич. данность) не принимает всерьез.

В эстетике Р. наиболее замечательным по методу является анализ комического, процесс восприятия к-рого Р. членит на три ступени: созерцающий субъект воспринимает нек-рую ситуацию («чувственное отношение»), затем он отмечает «объективный контраст» между поведением комич. субъекта и условиями ситуации и, наконец, он бессознательно сообщает комич. субъекту свое знание ситуации, приписывая ему свои желания и план поведения, и образует, т. о., внутр. «субъективный контраст» между поведением и желаниями комич. субъекта — эта интуитивная ложная подстановка и приводит к преобразованию объективной нелепости в субъективный эффект комического.

Интерес к проблеме личности с тяготением к психол. эмпиризму (поздний Р. высоко оценил за такой подход *Гербарта*) наиболее ясно выразился в «Леване» — соч., находящемся в русле послеруссоистской педагогики, но мало обязанном Руссо в деталях. Его пафосом является идея раскрытия в каждом индивиде его «идеального человека» (это и тема художеств. соч. Р.). Отстаивание права на свободное развитие каждой индивидуальности — наиболее сильная сторона обществ. убеждений Р.

Соч.: Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe, Abt. 1—3, Bd 1— [33], Weimar—B., 1927—64; Werke. Auswahl, hrsg. von K. Freye, B.—[u. a.], [1908]; Werke, Bd 1—5, Münch., 1960—64; в рус. пер. — Зибенкэз, Л., 1937.

Лит.: С р е т е н с к и й Н. Н., Историч. введение в поэтику комического, ч. 1—Учение Жана-Поля о комическом, Ростов-на-Дону, 1926; Адмони В., Жан-Поль Рихтер, в сб.: Ранний бурж. реализм, Л., 1936; S c h n e i d e r F. J., Jean-Pauls Jugend und erstes Auftreten in der Literatur, B., 1905; M ü n c h W., Jean Paul der Verfasser der Levana, B., 1907; B e r e n d E. d., Jean Pauls Ästhetik, B., 1909; его же, Jean-Paul Bibliographie, [2 Aufl.], Stuttg., [1963]; K o m m e r c i l l M., Jean Pauls Verhältnis zu Rousseau, Marburg, 1924; его же, Jean Paul, 2 Aufl., Fr.-M., [1957]; M a r k w a r d t B., Geschichte der deutschen Poetik, Bd 3, B., 1958.

А. В. Михайлов. Москва

РИШАР СЕН-ВИКТОРСКИЙ (Richard de Saint-Victor) (ум. 1173) — франц. теолог, представитель реакц. ортодокс.-мистич. направления ср.-век. философии. По происхождению шотландец. Ученик *Гуго Сен-Викторского*, прозванный «великим созердателем». Был приором монастыря св. Виктора в Париже и преподавателем Сен-Викторской школы. Его мистико-схоластич. система, развивая идеи *Бернара Клервоского* и особенно *Гуго Сен-Викторского*, явилась глубоко противоречивой попыткой примирения веры и разума при приоритете веры. Он развил учение Гуго о ступенях «восхождения» к знанию: от эмпирической через рассудочную к созерцательной. Это учение Р. С.-В. пытался обосновать с помощью анализа человек. психики. На первый план при этом он выдвигал самопознание, понимаемое как средство отрешения от всего чувственного и обращения к чистому созерцанию. В идее Р. С.-В. о непосредств. слиянии души с богом в мистич. созерцании, когда «часть становится не менее целого, а целое не более части», содержалась определ. идеалистич.-пантеистич. тенденция, не получившая, однако, антицерк. направленности. Ставя

мистич. созерцание выше логич. мышления, Р. С.-В. отвергал антич. философию и нападал на ср.-век. схоластов-«диалектиков» за то, что они «ищут какой-то иной мудрости, кроме христ. вероучения, и предпочитают следовать Аристотелю, а не Христу». Вместе с тем он сам продолжал схоластич. линию *Ансельма Кентерберийского* с его принципом «верую, чтобы понимать». Он отличал разум (intelligentia) от рассудка (ratio) и рассматривал разум как промежуточную ступень между рассудком и созерцанием; логич. аргументы он допускал в качестве орудия познания высшей истины, но только при сверхнатуральном «озарении» разума, опирающегося на веру. Идеи Р. С.-В. оказали влияние на формирование взглядов *Вонантеуры* и дальнейшее развитие мистич. направления ср.-век. философии.

Соч.: Opera omnia, P., 1855 (Migne, PL, t. 196).

Лит.: Вертеловский А., Зап. средневековая мистика и отношение ее к католицизму, вып. 1, X., 1888; Трахтенберг О. В., Очерки по истории зап.-европ. средневековой философии, М., 1957; Сидорова Н. А., Очерки по истории ранней городской культуры во Франции, М., 1953; Carrao O., Riccardo di San Vittore, Roma, 1933; Lenigla M., La théorie de la contemplation mystique dans l'oeuvre de Richard de Saint-Victor, P., 1935; Gramann M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 1—2, Freiburg im Breisgau, 1911; neue Ausg., B., 1956. С. Стам. Саратов.

РОБЕРТ ГРОССЕТЕСТ (Robert Grosseteste) (Большоголовый) (1175—9 окт. 1253) — англ. естествоиспытатель и философ. Учился и преподавал в Оксфорде, с 1235 — епископ Линкольнский. Как и его ученик Р. Бэкон, Р. Г. придавал исключительно важное значение математике и оптике. По Р. Г., свет, обладающий способностью распространяться во все стороны «из сплывающего центра», является началом образования всех телесных форм, т. е. протяженности. Др. физич. силы Р. пытался объяснить на основе своего учения о свете (т. н. «световой метафизики»), т. е. по возможности геометризировать представления о них. По Р. Г., «польза изучения линий, углов и фигур — величайшая, ибо без них невозможно постичь натуральную философию» [«De luce», цит. по кн.: «Die philosophischen Werke des Robert Grosseteste», hrsg. von L. Baur, Münster — W., 1912, S. 59; имеется англ. перевод этого соч. — «On light (De luce), transl. from the Latin with an introd. by C. C. Riedel», Milwaukee, 1942]. Следуя антич. образцам (*Аристотель, Гален*), Р. Г. формулировал осн. принципы экспериментального метода. Исследование начинается с изучения явлений, данных в опыте, и восходит к их предполагаемой причине (анализ — resolutio); из этой гипотезы причины дедуктивно выводятся следствия (синтез — compositio), к-рые подлежат затем опытной проверке. Эти свои тезисы Р. иллюстрировал на примере теории радуги. Р. перевел с греческого и комментировал соч. Аристотеля, *Дионисия Ареопагита* и *Иоанна Дамаскина*.

Соч.: The Hexameron (первые 12 глав 7-й части), ed. J. T. Muckle, Mediaeval Studies, v. 6, N. Y. — Toronto, 1944; The writings of R. Grosseteste, ed. by S. Harrison Thomson, Camb., 1940 (имеется библиографические и изданные произв. Р.).

Лит.: Вагг Л., Das Licht in der Naturphilosophie des R. Grosseteste, в кн.: Abhandlungen aus dem Gebiete der Philosophie und ihrer Geschichte, eine Festgabe zum 70. Geburtstag G. von Hertling, Freiburg im Breisgau, 1913, S. 41—55; его же, Die Philosophie des R. Grosseteste, Münster im Westfalen, 1917; Crombie A. C., R. Grosseteste and the origins of experimental science, Oxf., 1953; R. Grosseteste, Scholar and bishop, ed. by D. A. Callus, Oxf., 1955. [В. Зубов]. Москва.

РОБЕРТИ — см. *Де-Роберти*.

РОБЕСПЬЕР (Robespierre), Максимилиен Мари Изидор де (6 мая 1758—28 июля 1794) — политич. мыслитель, деятель франц. бурж. революции конца 18 в. Род. в г. Аррасе в семье адвоката. Окончив юридич. фак-т Парижского ун-та, занимался адвокатской практикой в Аррасе (1781—88), принимал деятельное участие в работе Аррасской академии в качестве ее члена (1783), а затем президента (1786). В соч.

этого периода («О бесчестиях наказаний» и др., см. в его кн.: Революционная законность и правосудие, предисл. А. Герцензона, М., 1959) развивал мысль о естеств. правах человека, критикуя с этой т. зр. франц. законодательство. Депутат Генеральных Штатов (1789) и Учредит. собрания. Член Конвента с сент. 1792, член Комитета обществ. спасения (июль 1793), фактич. глава якобинского ир-ва. Казнен на следующий день после контрреволюционного переворота 27 июля (9 термидора) 1794.

В своих выступлениях («О принципах революционного правительства», «О принципах политич. морали», напечатанных там же, с. 193—202 и 203—220) Р. теоретически обосновал необходимость революционной демократической диктатуры; это было важным шагом в развитии политической теории.

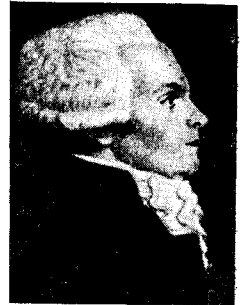
Мировоззрение Р. сложилось под влиянием Ж. Ж. Руссо, с к-рым он был лично знаком. В политической области Р. отстаивал идеи нар. суверенитета и политич. равенства (нашедших выражение в конституции 1793). Р. был сторонником мелкой частной собственности, возможно более равномерно распределенной между всеми членами общества. В философ. вопросах примыкал к *деизму* Руссо. Р. был враждебно настроен к материализму и атеизму, утверждал, что атеизм подрывает обществ. мораль, что «атеизм аристократичен. Мысль о великом существе, бодрствующем над угнетенной невинностью и карающим торжествующее преступление, в высшей степени демократична... Если бы бога не существовало надо было бы изобрести его» (Доклад 21 ноября 1793, цит. по кн.: Олар А., Политическая история франц. революции, М., 1938, с. 575). Отвергая христианство и все существующие религии, Р. считал практически целесообразным установить новую, «естественную» религию, основанную на вере в бога и бессмертие души. Эта религия должна освятить принятые в обществе моральные нормы. Стремясь найти в новой религии дополнение средства сплочения народа вокруг якобинцев, Р. добился (7 мая 1794) введения Конвентом культа «верховного существа» как гражд. религии. В то же время Р. выступал против попыток адм. мерами уничтожить христ. религию («дехристианизаторское движение»), был сторонником свободы культов.

Идеологи феод. и бурж. реакции клеветали на Р., изображая его кровожадным тираном. Разоблачая эту фальсификацию, классики марксизма высоко оценивали Р. (почти во всех томах Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса содержатся их высказывания о Р. — см. именные указатели к томам). Ленин оценивал Р. как вождя «...наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев эпохи великой французской революции» (Соч., т. 8, с. 399), как решит. борца против контрреволюции.

Франц. коммунисты называют Р. в числе великих представителей франц. народа.

Соч.: Oeuvres complètes, v. 1—9, P. — Nancy, 1910—1958 (изд. не закончено); Textes choisis, v. 1—3, P., [1956]—58; в рус. пер. — Избр. произв., т. 1—3, М., 1965; Речь о всеобщей подаче голосов, [П., 1917]; Переписка, Л., 1929.

Лит.: Робеспьер Ш., Воспоминания, пер. с франц., Л., 1925; Торез М., Робеспьер. Великий образ франц. революции, «Интернациональная лига», 1939, № 5—6; Хасидович М. А., Политич. учение Р., М., 1952 (автореф. дисс.); История философии, т. 1, М., 1957, с. 593—94; Далин В. М., Р. и Бабёф, «Новая и новейшая история», 1958, № 6; Маифред А. З., М. Р. — выдающийся деятель великой франц. бурж. революции, М., 1958; его же, Споры о Р., «Вопр. истории», 1958, № 7; Левандовский А. П., М. Робеспьер, М., 1959; Лукин Н. М., М. Робеспьер, Избр. тр., т. 1, М.,

1960; Brünne mann C. O. M., M. Robespierre. Ein Lebensbild, Lpz., 1880; Schatz R., J.-J. Rousseau's Einfluss auf Robespierre, Borna—Lpz., 1905; Warwick C. H. F., Robespierre and the French revolution, Phil., [1909]; Morrison P., L'enigme Robespierre, P., [1952]; Thompson J. M., Robespierre and the French revolution, L., [1952]; Massin J., Robespierre, [P.], 1956; Boulois e a M., Robespierre, P., 1957; Bi-centenaire de la naissance de Robespierre (1758—1958), Nancy, [1958]; Mathiez A., Etudes sur Robespierre (1758—1794), P., [1958]; Peschke G., Der stählerne Wind. Historische Erzählung um M. Robespierre, B., [1959]; Bes-sand-Massenet P., Robespierre. L'homme et l'idée, [P.], 1961; M. Robespierre. 1758—1794, mit einem Vorwort von G. Lefebvre, B., 1961. В. Кузнецов. Москва.

РОБИНЕ (Robinet), Жан Батист Рене (23 июня 1735—24 марта 1820) — «... тот французский материалист, который больше всех сохранил ещё связь с метафизикой и за это удостоился похвалы Гегеля...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 2, с. 145). Род. в г. Ренн в семье типографа; учился в иезуитском коллеже. Порвав с иезуитами, Р. издал свое осн. произв. «О природе», к-рое ввело его в среду деятелей Просвещения. Выпустил 4 тт. комментарий на словарь Бейля, 5 тт. дополнений к Энциклопедии Дидро. Революцию Р. приветствовал и в начальный ее период принимал активное участие в политич. борьбе (см. И. К. Луппол, Историко-философ. этюды, М.—Л., 1935, с. 136—65). Перед смертью по настоянию церкви Р. подписал отречение от своих взглядов.

Филос. воззрения Р. сформировались под влиянием философии Локка, Лейбница, Кондилляка, физики Декарта, а также биологич. теорий 17—18 вв. Материалистич. взгляд на мир Р. сочетал с деизмом. В связи с проблемой теодицеи Р. провозглашал универсальный закон равенства добра и зла, согласно к-рому в каждой вещи и каждом явлении добро и зло, положительное и отрицательное — уравновешены; Р. подходил здесь к мысли о противоречивом характере бытия. С позиций деизма Р. отвергал все существующие религии, обвиняя их в антропоморфизме.

Материю Р. считал одушевленной (гилозоизм); все тела природы обладают животными функциями — питанием, ростом, размножением, «материя носит по существу животный характер» (см. «О природе», [М.], 1935, с. 430). В основе материи лежит живая молекула (зачаток), наделенная внутр. активностью, мельчайший животный организм (анималькула). По Р., существует закон непрерывности всех земных существ, с различной степенью совершенства осуществляющих некий прототип; природа представляет собой лестницу существ, на вершине к-рой находится человек. Эта концепция является своеобразным предвосхищением эволюц. теории и вместе с тем диалектич. догадкой о всеобщей связи явлений, о природе как целом, имеющем в себе самом источник активности и развития.

В теории познания Р. — сенсуалист, разрабатывающий проблему материального субстрата ощущений (нервные фибры). Решая проблему происхождения моральных чувств, Р. стоял на вульгарно-материалистич. позициях, выводя эти чувства непосредственно из физиологии человека.

Стремление построить законченную филос. систему, абстрактность и умозрительность рассуждений, использование схоластич. определений и понятий, опора на Лейбница — все это сближает Р. с философией 17 в. и отличает его от передовых философов-просветителей. Теория всеобщей органичности материи была подвергнута критике прогрессивными деятелями франц. философии — Делиль де Салем и Бонне. В то же время критика Р. религии и защита сенсуализма были сочувственно встречены просветителями. В ряде произведений Дидро обнаруживается близость к теории Р. Влияние органистич. идей Р. сильно сказывается в натурфилософии Шеллинга и частично Гегеля. С опровержением сенсуализма и критики религии Р.

выступили франц. священники Баррюэль и Ришар в книге «Природа в противоречии с религией и разумом» (Abbé Barruel et Pater Richard, La nature en contraste avec la religion et la raison, P., 1773).

Соч.: «О природе» («De la nature») — осн. соч. Р., вышло в Амстердаме в 4 тт. в 1761—66. К этому произведению примыкает работа «Филос. соображения о естественной градации форм бытия, или Опыты о природе, которая учится создавать человека» («Considérations philosophiques de la gradation naturelle des formes de l'être, ou les essais de la nature qui apprend à faire l'homme»), вышедшая в Амстердаме и в Париже в 1768; на титульном листе было указано, что это 5-й том соч. «О природе». Первый том, вышедший анонимно, был встречен с большим интересом; его приписывали Дидро, Гельвецию. В 1762 Р. раскрыл свое авторство, в 1763 этот том вышел вторым изданием. В 1764 1-й т. был переведен на нем. яз. («Von der Natur», Fr. M.—Lpz.). На рус. яз. отрывки из соч. Р. были опубликованы в «Книге для чтения по истории философии» (сост. А. М. Деборин, с примеч. И. Луппола, т. 2, [М.], 1925) и в сб.: Франц. просветители XVIII в. о религии, вступит. ст. А. Казарина (М., 1960, с. 515—20); сокращенный перевод «О природе» издан в 1935 ([М.], пер. П. С. Юшкевича, ред. и предисл. Е. Ситковского); в приложении дан перевод наиболее интересных отрывков из «Филос. соображений о естественной градации форм бытия...» Л. Азарх. Москва.

«Филос. рассуждение о человеке и его превосходстве...», которое на русский язык переложил Петр Соколовский, Воронеж, 1800.

Лит.: История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 440—42; История философии, т. 1, М., 1957, с. 565—67; Вороницын И. П., История атеизма, 3 изд., [М.], 1930; Луппол И. К., Дени Дидро, [3 изд.], М., 1960; Васильев С. Ф., Ж. Б. Р. и его философия, в его кн.: Из истории науч. мировоззрений, М.—Л., 1935; Брушлинский В., Материализм Р., «Вестник Ком. Акад.», 1935, № 3; В. Р., К вопросу об изречениях взглядов Ж. Б. Р. в бурж. истории философии и науки, «ПЗМ», 1936, № 11; Ситковский Е. Е., Философия Ж. Б. Р., М., 1936 (реп. В. Родкевича, «Фронт науки и техники», 1936, № 9); Луппол И., К вопросу о политич. взглядах Ж. Б. Р., «ПЗМ», 1935, № 2; Buhle J. G., Geschichte der neuern Philosophie..., Bd 6, Abt 1, Gött., 1804; Damiron Ph., Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle, t. 2, P., 1858; Albert R., Die Philosophie Robinets, [Lpz.], 1903; Mauthner F., Der Atheismus und seine Geschichte im Agendlande, Bd 3, Stuttg.—B., 1922, S. 130—32; Ross o c., Moralisti del «Bonheur», Torino, 1954, p. 49—76. В. Кузнецов. Москва.

РОГОВИН, Семен Миронович (10 июля 1885—3 мая 1938) — историк философии, профессор философии права Моск. ун-та. Перевел на рус. язык ряд произв. классиков философии: Марк Аврелий, Наедине с собой (М., 1914); Б. Спиноза, Политич. трактат (М., 1910); Д. Юм, Диалоги о естеств. религии (М., 1908); И. Макнавелли, Князь (М., 1910), И. Кант, Вечный мир (М., 1905); Г. Еланиек, Адам в учении о государстве (М., 1909). В кн. Деизм и Давид Юм (М., 1908) Р. выдвинул предположение, что Юм, лишенный возможности открыто высказать свои взгляды на природу религии, не идентифицирует себя ни с одним из участников «Диалогов о естеств. религии». Р. показал, что собств. взгляды Юма на религию есть «своеобразная форма пантеизма».

РОД — кровнородств. объединение людей, пришедшее на смену первобытному человеческому стаду, осн. ячейка общества вплоть до начала становления классов. Вывод о том, что Р. является основой доклассового общества, впервые был обоснован на большом материале Л. Морганом и имел важнейшее науч. значение (см. Ф. Энгельс, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 22, с. 223). Возникновением Р. завершился длит. процесс становления человек. общества. Р. появился, когда социальные отношения полностью вытекли из человек. коллектива биологические по своей природе половые отношения. Родовые связи были формой, в к-рой существовали в ту эпоху социальные, производств. отношения. См. *Первобытнообщинная формация*.

Ю. Семенов. Рязань.

РОД (в логике) — термин, к-рым в неметам. формальной логике обозначают объем понятия, являющегося более общим (широким), как говорят, — родовым по отношению к некому другому (видовому) понятию. Объем *видового* понятия входит в данный Р.

и наз. его в и д о м. Термины «Р.» и «вид» употребляются также как равнозначные соответственно терминам «родовое понятие» и «видовое понятие». Отношение между понятиями, объемы к-рых относятся друг к другу как Р. к виду, подчиняется закону обратного отношения между содержанием и объемом понятия. См. *Понятие*.

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ (Rodbertus-Jagetzow), Карл Иоганн (1805—75) — нем. бурж. экономист, идеолог прусского юнкерства, крайний реакционер, монархист и националист, проповедник т. н. «государственного социализма», с позиций к-рого пытался увековечить прусский монархич. строй и опорочить марксизм.

РОДЖЕРС (Rogers), Артур Кенyon (27 дек. 1868—1 нояб. 1936) — амер. бурж. философ, один из основателей *критического реализма*, соавтор сборников: «Очерки критического реализма» («Essays in critical realism», L., 1920) и «Совр. амер. философия» («Contemporary American philosophy», v. 2, L.—N. Y., 1930).

Соч.: A student's history of philosophy, N. Y.—L., 1901; The religions, conception of the world, L.—N. Y., 1907; English and American philosophy since 1800, N. Y., 1922; The theory of ethics, N. Y., 1922; What is truth?, New Haven, 1923. Лит.: Хилл Т. И., Совр. теории познания, пер. с англ., М., 1965, с. 161—63.

РОДÓ (Rodó), Хосе Энрике (15 июля 1872—май 1917) — уругв. мыслитель, классик латиноамер. лит-ры; руководил кафедрой лит-ры в ун-те в Монтевидео (1898—1901), был депутатом парламента (кортесов) (1902—08). Р.—один из основателей (1895) журнала «Revista nacional de literatura y de ciencias sociales» («Национальный журнал по литературе и социальным наукам»).

Р. с позиций романтич. гуманизма выступает против *позитивизма* и *прагматизма*. В центре внимания Р.—проблемы, связанные с личностью, индивидуом, его поведением, духовной свободой, а также эthic. и эстетич. ценности. В жизни отдельного индивида и общества в целом Р. видит борьбу двух противоположных сил — духовности и низменных инстинктов, грубого утилитаризма. Р. призывает бороться против тех, кто пытается «...нарушить с помощью того же утилитаризма и преждевременной узкой специализации природную цельность человеческих душ...» («Ariel», В. Aires, 1948, p. 69). Профессионализм, утверждает Р., может привести к тому, что люди «...внутри одного и того же общества будут жить разделенными друг от друга ледяными пустынями душ...» (там же). Согласно Р., индивид, как и общество, постоянно изменяется, однако этот процесс рассматривается лишь в духовной сфере, изолированно от материальных условий. Критикуя бездушные капиталистич. строя, Р., однако, не выступает за его ликвидацию, полагая, что избавиться от социальных зол можно лишь путем духовного обновления, к-рое в состоянии осуществить лат. культура, своеобразно сочетающая греч. иск-во с христианской моралью. Р. резко выступает против распада, защищает идею независимости латиноамер. стран, подчеркивает необходимость развития нац. самосознания.

Соч.: Obras completas, ed. S. A. Agullar, Md, 1957.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 774—75.

РОЖИН, Василий Павлович (р. 7 янв. 1908) — сов. философ, профессор, д-р филос. наук (с 1958). Член КПСС с 1947. Учился на филос. фак-те Моск. историко-филос. ин-та (1929—32). Окончил историч. фак-т Моск. педагогич. ин-та им. В. И. Ленина (1941). С 1931 ведет науч.-педагогич. работу в вузах. Декан филос. фак-та Ленингр. ун-та (с 1959) и зав. кафедрой диалектич. и историч. материализма филос. фак-та ун-та. Руководитель обществ. Ин-та социальных исследований в Ленинграде (с 1963). Науч. работу ведет в области

материалистич. диалектики, логики, марксистской социологии и науч. коммунизма.

Соч.: Марксистско-ленинская диалектич. логика, Л., 1956; Марксистско-ленинская диалектика как филос. наука, Л., 1957; Предмет и структура марксистско-ленинской философии, Л., 1958; Предмет марксистско-ленинской философии, Л., 1958; Творческое развитие XXI съездом КПСС марксистско-ленинской науки, Л., 1960; Коммунизм и личность, Л., 1962; Введение в марксистскую социологию, Л., 1962; О предмете марксистской социологии, в сб.: Вопросы марксистской социологии, Л., 1962; Введение в теорию науч. коммунизма, Л., 1963; Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории, Л., 1963; Марксистско-ленинская философия, М., 1965 (соавтор и ред.); Пути формирования научного мировоззрения, Л., 1965.

РОЗАНОВ, Василий Васильевич (20 апр. 1856—5 февр. 1919) — рус. философ-мистик. Окончил Моск. ун-т. В 90-х гг. — чиновник канцелярии Гос. контроля, с 1899 — сотрудник «Нового времени». Примыкал к *поздним славянофилам*.

В первых своих работах («О понимании», 1886, и др.) Р. стремился найти принцип, к-рый обеспечивал бы цельность всей области науч. знания. Такой принцип, по Р., — понимание; в отличие от знания (тракуемого им как чисто эмпирич. знание), понимание представляет собой деятельность разума. В разуме заложены схемы или задатки идей чистого существования, сущности, причины и пр., посредством к-рых эмпирич. знания обретают смысл. Отвергая эмпиризм, Р. склонялся к абс. идеализму, полагая, что разум выступает как творческий источник...неопределенного числа целесообразных процессов» (см. «Органический процесс и механическая причинность», «Журн. Мин-ва нар. просвещения», 1889, № 5, с. 13). Прогресс целесообразен, вышан целесообразность — красота — возрастает в направлении к общему мировому центру — разуму (см. «Эстетич. понимание истории», «Теория историч. прогресса и упадка», «Рус. вестник», 1892, т. 218—19, № 1—3).

В 900-е гг. Р. выступал гл. обр. по религ.-нравств. вопросам, был известен как писатель своеобразного лит.-филос. жанра. Под влиянием идей К. Леонтьева Р. утверждал, что сложный мир задатков, потенциалов человека образует мистич. узел — средоточие иррацион. природы человека, не познаваемой наукой, доступной лишь для религии (см. «Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», П., 1894). Одно из мистич. св-в человека — потребность поклонения. Поэтому религия — вечная функция сознания: всякое отношение к миру должно быть религиозным (см. «Место христианства в истории», СПб, 1904). Природа теплична, как и человек (см. «В мире несного и нерешенного», П., 1901).

После революции 1905—07 Р. — представитель *богоскательства*. Он одним из первых выдвинул тезис «о достоинстве христианства и недостоинстве христиан», развитый впоследствии Бердяевым («Темный лик. Метафизика христианства», П., 1911; «Люди лунного света. Метафизика христианства», П., 1911).

Монархист по политич. взглядам, Р. сотрудничал в то же время в либерально-бурж. печати, писал антисемитские статьи. Политич. двурушничество Р. отмечалось как демократич., так и реакц. прессой. В. И. Ленин относил Р. к числу «...известных своей реакционностью (и своей готовностью быть прислушником правительства) писателей...» (Соч., т. 20, с. 290).

Соч.: Религия и культура, П., 1899; Природа и история, П., 1900; Когда начальство ушло... 1905—1906 гг., СПб, 1910; Уединенное, П., 1912; Опавшие листья, [т. 1—2], П., 1913—1915; Апокалипсис нашего времени, кн. 1—10, Сергиев Посад, 1917.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 2, с. 461, 494; т. 10, с. 453; т. 16, с. 112; Волжский И., Мистический пантеизм В. В. Розанова, в сб.: Из мира литературных исканий, П., 1906; Голубаев Э. Ф., В. В. Розанов. Жизнь и творчество, П., 1922; Грифцов Б., Три мыслителя, М., 1911; И в а н о в-Р а з у м н и к Р. В., В. Розанов, в его кн.: Творчество и критика, П., 1922; Б а л а к и н а И. Ф., О так называемом

рус. экзистенциализме, «Вестн. МГУ. Сер. экономика, философия», 1963, № 6; Poggioni R., Rozanov, L., 1957.

И. Балакина. Москва.

РОЗЕНБЕРГ, Отто Карл Юлиус (Оттон Оттонович) (7 июля 1888—26 сент. 1919) — рус. японовед-буддолог. В 1910-х гг. в Японии подготовил фундаментальный труд «Введение в изучение буддизма по япон. и кит. источникам», благодаря к-рому рус. и зап. ученые стали доступны осн. понятия философии *махаяны*, *йогаচারов* и позднейших школ *буддизма*.

Соч.: Введение в изучение буддизма по япон. и кит. источникам, ч. 1— Свод лексикографич. материала, Токио, 1916, ч. 2— Проблемы буддийской философии, П., 1918; пер. на нем. яз.— Probleme der buddhistischen Philosophie, «Materialien zur Kunde des Buddhismus», 1923, Н. 7, 8.

И. Кутасова. Москва.

РОЗЕНТАЛЬ, Марк Моисеевич (р. 19 февр. 1906) — сов. философ, профессор (с 1940), д-р филос. наук (с 1946). Член КПСС с 1925. Заслуженный деятель науки РСФСР (с 1966). Окончил ИКП (1933). С 1933 ведет н.-н. и преподавательскую работу. С 1946 работает в АОН при ЦК КПСС. В 1953—58 — зам. ответственного редактора журн. «Вопросы философии». С 1966 — зав. сектором диалектич. материализма Ин-та философии АН СССР. Разрабатывает проблемы диалектич. материализма, в особенности диалектич. логики, вопросы эстетики и истории философии.

Соч.: Против вульгарной социологии в лит. теории, М., 1936; Вопросы эстетики Плеханова, М., 1939; Материалистич. диалектика, [М.], 1937; Филос. взгляды Н. Г. Чернышевского, М., 1948; Марксистский диалектич. метод, [М.], 1951; Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса, М., 1955; Принципы диалектич. логики, М., 1960; Ленин и диалектика, М., 1963; Филос. словарь, М., 1963 (ред. и соавтор); Основы марксистской философии, 2 изд., М., 1964 (соавтор); Ленинская теория познания и ее совр. развитие, М., 1965; Диалектика «Капитала» Маркса, М., 1967.

РОЗИНЬ (А з и с), Фриц Фридрих Адамович (7 марта 1870—7 мая 1919) — один из основателей Коммунистич. партии Латвии, пропагандист марксизма, историк. Чл. ЦК С.-д-тии Латыш. края (СДЛК) (1904), пред. Исполкома Совета рабочих, безземельных и солдатских депутатов Латвии (1917), чл. Президиума ВЦИК (1918).

Еще в Дерптовском ун-те изучал произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, примыкал к прогрессивному движению латыш. интеллигенции — «Новое течение», за что был сослан; из ссылки бежал в Англию, где основал зап.-европ. союз латыш. социал-демократов. В 1908 Р. был приговорен к 4 годам каторги с пожизненной высылкой в Сибирь; в 1913 бежал в Америку. В Бостоне был редактором латыш. марксистской газ. «Strādnieks» («Рабочий»). В дни Октябрьской революции вернулся в Россию. В своих трудах выступал как против сторонников экономич. материализма, так и против ревизионистов марксизма (Бернштейна, Каутского и др.). Критикуя эсеровскую «теорию героев», Р. показал, что терроризм, проповедуемый эсерами, приносит делу рабочего класса только вред. Р. — автор первого марксистского очерка по истории философии на латыш. яз. и первого труда по аграрной истории Латвии («Латыш. крестьянина» — «Latviešu zemnieks», Berna, 1904), написанного с марксистских позиций.

Соч.: Rakstu izlase, t. 1, Rīga, 1963; в рус. пер. — Страница из истории крестьянства, Л., 1925.

Лит.: Штейнберг В. А., Филос. жизнь Латвии начала XX в. 1900—1917. П. Стучка, Ф. Розинь, Я. Янсон, П. Дауге, Я. Березинь, Рига, 1966; е го же, F. Roziņš—marksistiskās filozofijas celmlauzis Latvijā, Rīga, 1960. И. Валескалн. Рига.

РОЗМИНИ-СЕРБАТИ (Rosmini-Serbati), Антонио (25 марта 1797—1 июля 1855) — итал. религ. мыслитель. Оставаясь в рамках католич. традиции в ее августинианском варианте, Р.-С. стремился в известной мере сблизить теорию и практику *католицизма* с требованиями умеренного либерализма своего времени. С этих позиций Р.-С. выдвинул проект антифеод. реформы церкви с целью устранения анахронистич. сторон католицизма и удержания ее авторитета. Т. о.,

он отстаивал идею бурж. переориентации церкви, превращения ее из феод. силы в буржуазную.

В философии Р.-С. пытался сблизить платоновско-августинианскую линию с элементами кантовского априоризма. Не отрицая традиц. томистских «5 путей» «доказательства» бытия бога, он придавал осн. значение «пути» к богу от субъекта, от присущих будто бы ему априорных идей, гл. обр. идеи бытия, к-рая и является исходным пунктом познания. Она родственна августинианскому «озарению», идущему от божеств. разума. Познание есть синтез этой идеи бытия и данных чувств. опыта. Бытие имеет три неразрывных модуса или формы — идеальный (постигаемый разумом), реальный (постигаемый чувств. опытом) и моральный. Идеальное — вечно, бесконечно, необходимо и как таковое в силу конечности и ограниченности человек. разума требует адекватного субъекта, т. е. бога, являющегося истинной, абсолютной, совершенной реальностью, универсально-конкретным бытием, высшим синтезом бытия. Идея Р.-С. пользуются большим авторитетом в совр. католицизме. Розминианские тенденции сильны в совр. религ. мысли и служат одним из источников весьма влиятельных ныне «обновленческих» устремлений в идеологии и практике католич. церкви. Филос. воззрения Р.-С. оказали влияние на совр. христ. *спиритуализм*, особенно в его итал. варианте.

Соч.: Opere, v. 1—14, Napoli, 1842—45; Opere, v. 1—27, Roma, 1934—55 (издание продолжается).

Лит.: История философии, т. 3, [М.], 1943, с. 486—90; Pri n i p i, Introduzione alla metafisica di A. Rosmini, Domo-dossola, 1953; Franchi A., Saggio sul sistema ontologico di A. Rosmini, Mil., 1953; Milano Università cattolica del sacro Cuore. Facoltà di lettere e filosofia. A. Rosmini nel centenario della morte. Saggi vari, Mil., 1955; Congresso internazionale di filosofia A. Rosmini, Stresa-Rovereto, 1955. Atti del Congresso, [v.] 1—2, Firenze, [1957]; G a r i o n i B e r t o l o t t i G., A. Rosmini, Torino, [1957]; B e n v e n u t i S., Saggi critici sulla filosofia di A. Rosmini, Trento, 1957; L e e t h a m C. R. H., Rosmini: priest, philosopher, patriot, L.—N. Y., [1957]; R a s c h i n i M., Il principio dialettico nella filosofia di A. Rosmini, Mil., 1961; C a v i g l i o n e G., Bibliografia delle opere di A. Rosmini, Torino, 1925. С. Эдиоров. Москва.

РОЙС (Royce), Джосайя (1855—1916) — амер. философ, абс. идеалист. Испытал влияние Гегеля, философию к-рого рассматривал «как анализ фундаментального парадокса нашего сознания» (см. «The spirit of modern philosophy», Boston — N. Y., 1892), состоящего в том, что сознание способно осознать себя только во взаимоотношении с др. сознаниями. Осн. доводом в пользу идеальности мира Р. считал невозможность обнаружить то, что не может содержаться в мысли. Источник вещей и частных сознаний Р. видел в «универсальной мысли», к-рая «объединяет все наши мысли вместе с объектами и всеми мыслями об этих объектах... в абсолютное единство мысли» и тождественна богу («The religious aspect of philosophy», Boston — N. Y., 1885, p. 475). Конкретная идея, реализующаяся в объектах, первоначально принималась Р. как чисто мыслит. содержание, но в дальнейшем под влиянием *прагматизма* Р. истолковывал идею как целенаправленный процесс, избирающий объект для воплощения своего «внутреннего значения». Структура реальности определяется, по Р., структурой мысли, являющейся «самопредставительствующей системой» (selfrepresentative), прообразом к-рой может служить *множество*, характеризующееся равномоцностью части и целого: так, карта Англии, в качестве части поверхности Англии, представляет всю ее поверхность, в том числе и занимаемую самой картой. Понятие саморепрезентивной системы лежит в основе учения Р. о мире как «абс. личности», представленной в бесконечной совокупности воспроизводящих ее конечных личностей.

Обществ. взгляды Р. консервативны. Его идеал — капиталистич. общество, в к-ром несогласия тают «под солнцем кооперации и гармонии».

Соч.: Studies of good and evil, N. Y., 1898; The world and the individual, series 1—2, N. Y., 1900—1901; Outlines of psychology, N. Y.—L., 1903; The sources of religious insight, N. Y., 1912; The problem of Christianity, v. 1—2, N. Y., 1913; The hope of the great community, N. Y., 1916; Fugitive essays, Camb., 1920; Lectures on modern idealism, New Haven—L.—Oxf., [1934]; Logical essays, Dubuque (Iowa), [1951].

Лит.: Яковлев К. В., Филос. система Ж. Р., в изд.: Новые идеи в философии, сб. 17, СПб., 1914; История философии, т. 4, М., 1959; Богомолов А. С., Англо-амер. бурж. философия эпохи империализма, М., 1964; Papers in honor of Josiah Royce on his sixtieth birthday, [N. Y.], 1916; Muirhead J. H., The Platonic tradition in Anglo-Saxon philosophy, L.—N. Y., [1931]; Norborg S. V., Josiah Royce, Oslo, 1934; Marcel G., La métaphysique de Royce, [P.], 1945; Smith J. E., Royce's social infinite: the community of interpretation, N. Y., 1950; «Journal of Philosophy», 1956, v. 53, № 3 (In memoriam of J. Royce); Buranelli V., Josiah Royce, N. Y., [1964]; Rand B., A bibliography of the writings of Josiah Royce, «Philosophical Reviews», 1916, v. 25.

А. Богомолов. Москва.

РОК — см. Судьба.

РОКА БЛАС (Roca Blas) (наст. имя и фамилия — Франсиско Вильфредо Кальдеро, Calderio; р. 24 июля 1908) — деятель кубинского рабочего движения, марксист. В 1929 вступил в компартию, с 1933 — член ЦК. В 1935—43 — кандидат в члены ИККИ. С 1934 — ген. секретарь компартии, с 1944 — Народно-социалистич. партии. С 1963 — член Нац. руководства Единой партии социалистич. революции.

В гл. работе «Основы социализма на Кубе» (La Habana, 1943, 8 ed., La Habana, 1961; рус. пер. — М., 1961) Р. Б. вскрывает характерные черты капитализма и империализма на Кубе, обосновывает необходимость и неизбежность перехода к социализму и показывает значение марксистско-ленинских принципов в решении социальных проблем на Кубе. Изложение общих вопросов марксистской теории, таких, как учение об экономич. формациях, о классах и классовой борьбе, сочетается с конкретным анализом кубинских условий. В своих работах Р. Б. исследует особенности, характер и движущие силы кубинской революции. В частности, он показывает, что буржуазия на Кубе не могла возглавить последоват. антиимпериалистич. борьбу за полную нац. независимость. В работе «Куба — свободная территория Америки» (1960, рус. пер., М., 1961), а также в статьях, опубликованных в журн. «Cuba socialista» («Социалистич. Куба»), Р. Б. разрабатывает вопросы, связанные с развитием социалистич. революции на Кубе, напр. вопрос о наличии объективных и субъективных условий построения социализма, о необходимости союза пролетариата и крестьянства в процессе строительства социализма, об отношении к мелкой буржуазии; анализирует новые формы гос. власти революц. Кубы и раскрывает значение участия в них нар. масс. Анализирует вопрос о роли социалистич. идеологии в строительстве социализма, Р. Б. рассматривает ее распространение как один из важнейших факторов, обеспечивающих обществ. прогресс страны.

Соч. в рус. пер.: Социалистич. мораль — новая сила, вдохновляющая кубинский народ, в кн.: Куба. Историко-этнографич. очерки, М., 1961; Куба: революция в действии, «ИМ и С», 1959, № 8; Кубинский народ в борьбе за свободу и независимость, «Коммунист», 1960, № 7; Народная революция на Кубе и перспективы ее дальнейшего развития, «Партийная жизнь», 1959, № 6.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961; Блас Рока, Биографич. справка, «Новое время», 1961, № 41; Мохаичев М. И., Сильные революционного движения на Кубе в единый патриотич. антиимпериалистич. поток (1951—1958 гг.), в сб.: Борьба за единый рабочий и антиимпериалистич. фронт в странах Латинской Америки, М., 1963.

А. Зыкова. Москва.

РОЛЕЙ ТЕОРИЯ — концепция совр. социальной психологии. В Р. т. (ее основателем считают Дж. Мид) нашли отражение нек-рые прогрессивные для зап. психологии тенденции: неудовлетворенность индивидуалистич. концепциями личности и рассмотрение ее как социального продукта, поиски механизмов формирования личности во взаимодействии людей. Совр. Р. т. тесно связана с социологией (в частности,

со школой Парсонса), семантикой, семиотикой, антропологией, этнографией и др. смежными науками, опирается на эмпирич. исследования. Вместе с тем Р. т., испытывая влияние бурж. философии 19—20 вв., содержит ряд идеалистич. и метафизич. наслонений. Гл. ее пороком является непонимание сущности обществ. организма, недооценка влияния способа производства на структуру обществ. отношений и формирование личности.

Р. т., иначе — символич. интеракционизм, исходит из того, что человек — единств. животное, к-рое создает символы и использует их для организации своего поведения. Социальное поведение человека в Р. т. описывается как процесс, ход к-рого определяют (на психологич. уровне) три осн. переменных: роль (единица культуры), позиция, или статус (единица общества) и Я (единица личности). В Р. т. культура определяется как система заученного поведения (и его продуктов), к-рое разделяется всеми членами общества и передается из поколения в поколение. В представлениях людей это поведение существует как система ролей — упорядоченных и согласующихся между собой действий, уместных в определ. социальн. ситуациях. Последние структурируются в позиции, статусах или офиц. должностях. Позиция — это совокупность прав и обязанностей, обозначенная одним словом, напр.: «председатель», «мать», «капитан». Исходя из того, что относительно прав и обязанностей между людьми существует согласие, Р. т. определяет позицию как систему ожиданий (требований — предъявляемых человеку, к-рому предписана определ. роль (напр., позиция врача). В случае, если человек не исполняет или плохо исполняет предъявляемые ему ролевые ожидания, к нему применяются социальные санкции (насмешки, бойкот, угрозы, физич. воздействие). Так осуществляется социальный контроль. В социальном взаимодействии роли определены позициями, а не людьми, к-рые временно эти позиции занимают. Большинство ролей, однако, предписано не очень жестко и оставляет простор для индивидуальных вариаций. Ролевое поведение — это результат взаимодействия роли и Я. Подобно роли и позиции, Я — своего рода символ, содержание к-рого человек усваивает из общения с другими. Я, как то, что может быть объектом для себя самого, является в сущности социальной структурой и возникает в процессе социального опыта» (Mead G., Mind, self and society, Chi., 1937, p. 140). Основатели ролевой теории считали, что Я — это «зеркало других»: человек относится к себе как к объекту, значение к-рого определено соответствующими мнениями и поступками окружающих. Однако отношение окружающих к субъекту во многом определено его ролью. Поскольку весь жизненный опыт человека может быть представлен как последоват. ряд ролей, Я рассматривается как след многих ролей, с к-рыми человек себя идентифицировал, или, короче, Я — это сумма ролей. В совр. Р. т. представление о Я как о продукте мнений других сохранилось за его, тогда как базисное Я трактуется как продукт досоциального опыта. Так, Сарбин считает, что Я интегрируется из ряда «эмпирических Я» — субструктур, складывающихся на различных стадиях развития человека (см. «A preface to a psychological analysis of the self», в журн.: «Psychol. Rev.», 1952, v. 59, № 1). Термин «личность» в совр. Р. т. употребляется в более широком, чем Я, смысле, для обозначения поведения, возникающего из взаимопроникновения Я и роли.

В Р. т. анализируются конфликты между Я и несоответствующей ролью, а также конфликты между внутренне противоречивыми ролями.

В сов. лит-ре методологич. предпосылки Р. т. были подвергнуты серьезной критике. Вместе с тем отмеча-

лось, что в ней содержится ряд экспериментально установленных обобщений реальных процессов психологич. взаимодействия. Интерпретацию ролей и ролевого поведения содержат работы сов. психологов Л. С. Божович, Е. С. Малах, А. Л. Шнирмана и др.

Лит.: Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, [2 изд.], М., 1963; Рубинштейн С. Л., Принципы и пути развития психологии, М., 1959; Психология: наука в СССР, т. 1—2, М., 1959—63; Выготский Л. С., Развитие высших психич. функций, М., 1960; Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов, М., 1962; Freud A., Das Ich und die Abwehrmechanismen, W., 1936; Lecky P., Self-consistency. A theory of personality, N. Y., [1945]; Murphy G., Personality. A biosocial approach to origins and structure, N. Y., [1947]; Adger Th. W. [a. o.], The authoritarian personality, N. Y., [1950]; Sameroff N. and Margaret A., Behavior pathology, Boston — [a. o.] [1951]; Asch S. E., Social psychology, N. Y., 1952; Young K., Personality and problems of adjustment, 2 ed., N. Y., [1952]. См. также лит. Роль социальная.

В. Ольшанский, Москва.

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

— одна из коренных проблем философии и социологии. Домарксистская и совр. бурж. социология рассматривает нар. массы как пассивную толпу, как объект воздействия выдающихся личностей. Социальное неравенство и отстранение трудящихся от участия в управлении гос-вом оправдывается утверждением, что нар. массы неспособны к интеллектуальному творчеству в силу своей «косности» и «отсталости».

Марксистский анализ Р. н. м. и л. в. и. органически связан с осн. теоретич. и методологич. принципами историч. материализма. Решающая роль нар. масс в истории обусловлена прежде всего тем, что они являются главной производит. силой общества. Классовая борьба трудящихся масс против исторически определ. форм угнетения и эксплуатации — движущая сила развития и смены антагонистич. формаций; борьба нар. масс за свое освобождение составляет осн. содержание истории. Политич. и социальные завоевания, демократич. свободы в условиях капитализма вырваны у господств. классов борьбой нар. масс. Эта борьба активно влияет на идейную жизнь общества, на развитие культуры. Воздействие нар. масс на обществ. жизнь особенно возрастает и проявляется открыто в переломные периоды истории — в ходе революций, нац.-освободит. движений. «Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом общественных порядков, как во время революции» (Ленин В. И., Соч., т. 9, с. 93).

Влияние широчайших нар. масс на прогресс культуры проявляется в многообразных формах, как непосредственно, так и опосредствованно. Основа всякой духовной культуры — язык — создан нар. массами. Сокровищница нар. творчества — постоянная инта. среда подлинного иск-ва. Величайшие творения иск-ва и лит-ры подлинно народны, в них получают отражение актуальные обществ. проблемы. В развитии естеств. науки и техники важную роль играет обобщение производств. опыта масс. Науки об обществе развиваются на основе обобщения данных обществ. практики, освободит. борьбы масс.

Марксизм вместе с тем не умаляет роль выдающихся личностей в истории. Только на основе науч. понимания решающей роли нар. масс в истории, роли классов и классовой борьбы можно правильно раскрыть значение историч. личностей, вождей тех или иных классов, партий, обществ. деятелей, выдающихся ученых, деятелей лит-ры и иск-ва. Великие мыслители, художники оказывают огромное влияние на ход культурного развития общества. Но творчество художника превращается в пустоцвет, если оно не отражает противоречий и потребностей реальной действительности, не уходит своими корнями в жизнь народа.

Марксизм опроверг антинауч. измышления идеалистов о том, что выдающиеся личности могут по своему произволу творить историю; он объективно оценивает роль отд. личностей, их творч. инициативы, пределы их влияния на ход историч. событий, показывая, какие условия определяют успех и значение их деятельности. Общий ход и направление историч. развития не зависит от отд. личностей. Личность может влиять на историч. события, но она не может ни отменить, ни изменить объективные обществ. закономерности. Результаты деятельности той или иной личности в конечном итоге определяются историч. необходимостью. Но «... идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» (там же, т. 1, с. 142). Великие люди появляются в результате потребности историч. развития, и деятельность их тем успешнее, чем глубже они выражают эти потребности, воплощающиеся в интересах определ. классов. При прочих равных условиях, индивидуальные качества лица, стоящего во главе движения, могут ускорить или замедлить, облегчить или затруднить необходимый ход развития событий, наложить на них определ. индивидуальный отпечаток.

При исследовании роли личности в истории следует различать категории историч. и великой личности. Исторической можно назвать личность, с именем к-рой связаны крупные историч. события и к-рая наложила свой отпечаток на эти события. При этом еще не учитывается в каком направлении — прогрессивном или реакционном — действует данная личность. Но не всякая историч. личность является великой. Великая личность — та, к-рая своей деятельностью ускорила прогрессивное закономерное течение обществ. процесса. Ни один класс не может прийти к власти, не выдвинув своих политич. руководителей, вождей. Каждой обществ. эпохе и каждому классу присущи свои методы формирования, воспитания и выдвижения вождей, организации руководителей и руководства, взаимоотношения вождей, класса и масс. Идеологи и вожди эксплуататорских классов стремятся стать над массами и их выборными органами, командовать массами. Вожди рабочего класса, напротив, выражают коренные интересы трудящихся масс. Основоположники марксизма-ленинизма глубоко верили в разум и творч. силы народа, решительно выступали против *культы личности* политич. вождя.

Характер и формы творчества нар. масс всегда исторически обусловлены. Марксизм, во-первых, учитывает историч. условия развития и положения масс в различные эпохи; во-вторых, требует выяснения соотношения нар. масс, классов, партий и их вождей применительно к каждому этапу обществ. развития.

Исследование Р. н. м. и л. в. и. связано с изучением диалектики объективных и субъективных факторов развития. При этом необходимы: выяснение природы обществ. силы, к-рая обеспечивает действие закона определяющей роли материального произ-ва; исследование структуры и роли тех классовых сил, к-рые превращают объективные возможности обществ. прогресса в действительность. Если при рассмотрении проблемы в первом аспекте понятие «нар. массы» равнозначно понятию «трудящиеся классы», то рассмотрение проблемы во втором аспекте раскрывает исторически конкретную роль в развитии и смене каждой формации определ. социальных групп, классов, составляющих *народ*. В классовой политич. борьбе понятие «нар. массы» уже не связывается только с создательными материальными благ, а охватывает все социальные силы, к-рые на данном этапе историч. развития объективно содействуют прогрессивному развитию общества.

Марксизм придает огромное значение активной роли нар. масс, классов, партий, отд. личностей в историч. процессе, в реализации различных возможностей, тающихся в конкретной историч. ситуации. Он отличается от всех др. социальных теорий соединением научности, трезвости в анализе объективного хода истории («... с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» (там же, т. 13, с. 22).

Марксизм-ленинизм требует конкретного анализа Р.н.м. и л. в и. в различные эпохи обществ. развития. Слабое развитие производит. сил, связанные с этим неразвитые формы классовой борьбы, низкий уровень классового самосознания трудящихся (рабовладельческая, феодальная формации) определяют медленные темпы развития общества. Ленин указывал, что когда «... историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов, при сонных и спящих массах рабочих и крестьян... История могла ползти в силу этого только с ужасающей медлительностью» (там же, т. 27, с. 136). Относительно быстрый прогресс в период капитализма связан с развитием могучих производит. сил, с тем, что капитализм обнажил классовые отношения, выдвинул на историч. арену *рабочий класс*. Марксизм установил, что чем глубже объективно назревшее преобразование, тем более широкие нар. массы выступают его сознат. творцами. Ленин писал, что это «... одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» (там же, т. 31, с. 467). Закон возрастания роли масс в истории дает руководящую нить для понимания существ. причин ускорения темпов обществ. прогресса. Гигантское возрастание роли нар. масс в совр. эпоху связано с ростом могущества и междунар. влияния СССР, мировой социалистич. системы, распадом колониальной системы под ударами нац.-освободит. движения, обострением классовых противоречий в странах капитала и расширением социальной базы антимонополистич. борьбы.

Социалистич. революция впервые в истории освобождает нар. массы от социального, нац. и духовного гнета, раскрепощает их творч. силы. Без широкого участия нар. масс в политической, хозяйственной и культурной жизни общества невозможно построить социализм и перейти к коммунизму. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой обществ. жизни... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» (там же, т. 26, с. 254—55). Опыт СССР и др. социалистич. стран опровергает вымысел идеологов эксплуататорских классов о «неспособности» нар. масс к управлению гос-вом, к руководству обществ. жизнью. В условиях социализма наступает качественно новая ступень историч. творчества масс, характеризуемая их осознанной деятельностью. Коммунизм — общество, до конца преодолевающее культурную и духовную придушенность нар. масс, ограниченность человек. интересов и возможностей раскрытия творч. сил личности. Ликвидация частнособственнич. отношений, старого разделения труда, превращение достижений мировой культуры в достояние миллионов, растущее единство интересов личности и

общества создают предпосылки для развития каждого труженика в исторически деятельную, активную личность. Объективные закономерности становления высшей фазы коммунизма требуют всестороннего развертывания социальной энергии масс, роста их культуры и знаний, всемерного учета накопленного ими практич. опыта при решении сложнейших задач экономики, культуры, организации и регулирования обществ. жизни. Поэтому первостепенное значение приобретают развитие социалистич. демократии, совершенствование обществ. самоуправления, развитие науч. организации и управления социальными процессами, воспитание науч. мировоззрения и коммунистич. нравственности у всех членов общества.

Серьезной помехой росту активности нар. масс при социализме и переходе к коммунизму являются нарушения принципов социалистич. демократии, бюрократизм и формализм в работе гос. органов и обществ. организаций, недооценка принципа материальной заинтересованности в результатах труда, невнимание к данным практич. опыта масс, к запросам обществ. мнения. Коммунистич. партия решительно борется против подобных методов руководства.

Положения марксистско-ленинской теории о возрастании роли нар. масс при социализме и коммунизме конкретизируются и развиваются в ходе коммунистич. строительства. Центр тяжести проблемы все более переносится на изучение и раскрытие механизма действия этой общей закономерности. Первостепенное значение приобретают вопросы совершенствования науки политич. руководства и организации масс, системы воспитат. работы среди трудящихся, принципов демократич. централизма в управлении, науч. разработка проблем управления социальными процессами, рациональной организации труда.

Переход к высшей фазе коммунизма будет означать преодоление остатков опосредствованного влияния нар. масс на ход обществ. развития, утверждение общественного коммунистич. самоуправления.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 29, с. 492; Плеханов Г. В., К вопросу о роли личности в истории, Избр. филос. произв., т. 2, М., 1956; Роль нар. масс и личности в истории, М., 1957; Федосеев П. Н., Роль народных масс и личности в истории, М., 1957; Малышев И. В., О роли народных масс в сов. социалистич. об-ве, М., 1960; Строительство коммунизма и рост творческой активности масс, Сб. ст., М., 1960; Зак С., Народные массы и характер их деятельности в социалистич. об-ве, Львов, 1962. См. также лит. при ст. *Народ, Личность, Коммунизм, Исторический материализм*. Г. Ашин, М. Игитханян, Москва.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНАЯ — категория, употребляемая для выражения социального взаимодействия, функционирования индивида в группе, а также индивида или группы в обществ. организме. В бурж. социологии существует множество определений Р. с. Анализ 80 важнейших работ амер. социологов, где использовалась категория Р. с., показал трудности определения понятия Р. с. (см. L. J. Neuman and J. W. Hughes, The problem of the concept of role. A re-survey of the literature, в журн.: «Social Forces», 1951, v. 30, № 2, p. 149). Большинство определений сходилось на том, что Р. с. это — ряд действий или поступков человека, соответствующий его положению (позиции, статусу) в социальной группе, это динамич. аспект социального статуса. Слова «мать», «офицер», «учитель» обозначают положение человека в определ. группе и одновременно — определ. систему поведения. Каждый, кто занимает то или иное социальное положение, вынужден принимать во внимание экспектации (ожидания — требования) группы, касающиеся соответствующей роли. Люди не всегда сознают свои Р. с., часто их исполнение осуществляется автоматически. Участвуя в различных группах, каждый исполняет неск. ролей.

В связи с этим возможно противоречие между различными ролями человека.

Четкая классификация Р. с. отсутствует, хотя часто указывается на различие ролей по определенности предписанных действий (ср. «врач» и «часовой»), по широте (ср. «гражданин» и «пассажир»), по продолжительности (ср. «женщина» и «девочка»), по значению (ср. «друг» и «знакомый») и т. п. Иногда перед словом «роль» (как и перед словом «статус») ставится прилагательное, обозначающее, какой системой отношений предопределена данная роль. Некоторые авторы разделяют Р. с. на конвенциональные, ситуационные и личностные — напр., взаимоотношения мужа и жены включают эти три «уровня» ролей. Иногда говорится о «возвратных» ролях, или контр-ролях (отец — сын). Употребляется деление Р. с. на «предписанные», к-рые предопределены человеку в силу биологич. или социо-культурных факторов (возраст, пол, происхождение) и «достигаемые» в процессе жизни и научения. Поскольку Р. с. допускает нек-рые индивидуальные вариации, различают Р. с. как некий «идеальный» тип поведения, и ролевое поведение, как его индивидуальное воплощение, опосредствованное личностными качествами человека, его пониманием ситуации, представлениями об окружающих и т. д. Ролевые отношения достигают максимума в ритуалах и минимальны в критич. ситуациях, в новых и не структуризовавшихся группировках. Социальное взаимодействие требует согласия участников о содержании ролей; различное представление о взаимосвязанных ролях приводит к напряжениям и конфликтам.

В бурж. концепциях не раскрываются существ. причины, определяющие содержание Р. с., что связано с приемищем бурж. социологии идеалистич. и психологич. истолкованием общества. На основе анализа объективной общественной структуры, динамики историч. развития и деятельности людей исторический материализм показывает реальные причины, определяющие отношения людей в конкретном социальном организме, пути изменения сложившихся ролевых отношений.

Лит.: Ленин В. И., Экономич. содержание народничества и критика его в книге г. Струве (часть 2), Соч., 4 изд., т. 1; Плеханов Г. В., К вопросу о роли личности в истории, Соч., т. 8, М.—П., 1923; Божович Л. И., Научение личности школьника и проблемы воспитания, в кн.: Психология, наука в СССР, т. 2, М., 1960; Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Шнирман А. Л., Коллектив и развитие личности школьника, Л., 1962; Совр. психология в капиталистич. странах, М., 1963; Новиков Н. В., Об исходных посылках и главных чертах бурж. теории «социального действия», в кн.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964; Замочкин Ю. А., Кризис бурж. индивидуализма и личность, М., 1966; Sargent S. and Williamson R., Social psychology, 2 ed., N. Y., [1958]; Gross N., Mason W. S., McEachern A. W., Explorations in role analysis, N. Y.—L., [1958]; Handbook of social psychology, ed. by G. Lindzey, Reading (Mass.), [1959]; Dahrendorf R., Homo sociologicus, 4 Aufl., Köln, 1964. См. также лит. при ст. *Ролевая теория*. В. Ольшанский. Москва.

РОМАНТИЗМ (франц. romantisme) — идейное и художеств. движение 1-й пол. 19 в., захватившее Европу и Америку и нашедшее отражение во всех областях духовной культуры — в лит-ре, музыке, изобразит. иск-вах, философии, эстетике, филологии, историч. науках, социологии, мн. отраслях естествознания. Пришедший на смену Просвещению, Р. был порожден разочарованием в историч. результатах франц. революции 18 в. и бурж. прогресса в целом, к-рые, по словам Энгельса, «...оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 193).

Временем расцвета Р. является период 1795—1830, период европ. революций и нац.-освободит. движений. Р. возникает на рубеже 18—19 вв. в Германии, Англии, Франции, несколько позже, в 1810—20-х гг., в Рос-

сии, Испании, Италии, Польше и др. странах. Ранний нем. Р., связанный с деятельностью иенского кружка романтиков (1798—1801, Ф. и А. Шлегели, Новалис, Вагнер, Тик, к ним примыкали Шлейермахер и Шеллинг, последователями к-рого в области натурфилософии были Риттер, Стеффенс, Окен, Карус, Гюльзен), носил преим. теоретич., филос.-эстетич. характер; в центре внимания второй, «гейдельбергской» группы нем. романтиков (1805—08, Арним, Brentano, Гёррес и др.) — проблемы фольклора и истории. К представителям филос. Р. относятся также Зольгер, Баавер. В лит-ре вершиной нем. Р. является творчество Гельдерлина, Клейста, Гофмана, Гейне, поэзия к-рого содержит одновременно иронич. критику Р., в музыке — творчество Шуберта, Шумана, Р. Вагнера. Начало англ. Р. отмечено деятельностью поэтов т. п. озерной школы («Лирические баллады» Вордсворта и Колриджа, 1798), а его кульминация — творчество Байрона и Шелли. Переходное место в развитии от Р. к реализму занимает В. Скотт. Поздний англ. Р. сер. 19 в. нашел выражение в филос.-эстетич. и публицистич. сочинениях Карлейля и Рескина (1819—1900). Во Франции ранний этап Р. (1800-е гг.) связан с творчеством Шатобриана и г-жи де Сталь, а также с филос. соч. де Местра и Бональда. Расцвет франц. Р. относится к периоду Реставрации и Июльской революции 1830. Крупнейшими представителями Р. во франц. лит-ре 1820—30-х гг. являются В. Гюго, предисловие к-рого к драме «Кромвель» (1827) стало эстетич. манифестом романтиков, Ламартин, Вильи, Мюссе, Ж. Санд, в живописи — Делакруа, Жерико, в музыке — Берлиоз, в области истории — Гизо, Минье, Тьерри. В России начало Р. связывается обычно с поэзией Жуковского, молодого Пушкина, нек-рых декабристов, а также деятельностью кружка московских «любомудров» (Веневитинов, В. Ф. Одоевский), в среде к-рых зародились и идеи позднейшего славянофильства (Хомяков, Киреевский). Р. в Польше достиг художеств. вершины в творчестве Ю. Словацкого, Мицкевича, Ф. Шопена.

Р. был своеобразной формой художеств. и филос. критики противоречий бурж. цивилизации. Пафос Р. заключался в разоблачении дисгармонии совр. мира, в безотчетном стремлении к цельному человек. развитию и гармонич. обществ. связям. Однако, восприимчивая преим. тeneвую, разрушит. сторону историч. прогресса, романтик часто не мог и не хотел видеть в современной ему действительности высшей по отношению к прошлому ступени обществ. развития. Это приводило мн. романтиков к идеализации историч. прошлого, в первую очередь ср.-век. обществ. уклада с его неподвижными и «прочными» патриархальными связями, выступавшими в ограниченных формах личной зависимости и непосредств. сословных противоположностей и свободными как от всеобщей власти товарного производства, так и от формализма и лицемерия бурж.-демократич. порядков. Идеализируя эти утраченные в процессе дальнейшего развития черты ср.-век. обществ. отношений, Р. становится тем самым на путь сентимент. критики капитализма. Классич. представитель Р. в экономич. науке, франц. экономист Сисмонди, писал: «Меня выставляли в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных. Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстанавливать старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (цит. по кн.: Ленин В. И., Соч., т. 2, с. 220). По словам Ленина, доказывая «...вечные нужды общества» посредством «развалин», а не посредством тенденций новейшего

развития», «... романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаниям...» (там же, с. 220—21, 240).

Противоречия Р. находились в историч. соответствии с идеологией пирокых обществ. движений 1-й четверти 19 в., прежде всего нац.-освободит. войн против наполеоновской Франции, к-рым «... свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности...» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 10, с. 436). Общую судьбу этих движений Маркс и Энгельс резюмируют след. образом: «... Именно тогда, когда народ, кажется, стоит на пороге великих начинаний, когда ему предстоит открыть новую эру, он дает увлечь себя иллюзиями прошлого...» (там же, с. 373). Романтич. восстание против деградации личн. личности при капитализме не было свободно от этих «иллюзий прошлого», оно защищало и поэтизировало их; торжествующей прозе бурж. строя романтики противопоставляли древние обычаи и иск-во, патриархальные учреждения разбуженных революцией народов. Но именно в силу глубокой связи с историч. движениями современности романтич. иск-во проникнуто пафосом нар. жизни и нац.-освободит. борьбы, достигая подлинного величия образов (Байрон, Шелли, Мицкевич, Делакруа). Познание историч. прошлого народов, как в науч., так и в худож. форме многим обязано Р. А. Вишневский. Москва.

Одно из глубоких определений Р. дал поздний Шеллинг; вспоминая пенский кружок романтиков, он писал: «Прекрасное было время... человеческий дух был раскован, считал себя вправе всему существующему противопоставить свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно» (цит. по кн.: «Лит. теория нем. романтизма». Док-ты, [Л., 1934], с. 12). У ранних романтиков, почти прямых современников франц. революции, воспитанников ее, господствует порыв к возможному, к-рое для них постоянно впереди действительного. Гл. интерес романтиков относился к невоплощенному, еще лишнему формы, находящемуся в становлении. Ф. Шлегель писал наэпигрике Лессингу, объявляя, что его занимает не реальный Лессинг, но Лессинг, каким он мог бы быть — скрытый Лессинг, несостоявшийся Лессинг. Философия молодого Шеллинга рассматривает весь мир, природу и человека как вечное творчество. За Шеллингом пошли молодые биологи, физики, геологи, подхватившие осн. идеи его натурфилософии, проводившие их в спец. областях науки. Только свидетели великого историч. переворота могли усвоить себе эту т. зр.: нет застывшей жизни, непререкаемых форм, догматов, есть творимая жизнь, есть вечное обволакивание и в мире вещей и в мире мысли. Шеллинг, Ф. Шлегель, Новалис устанавливают настоящий культ бесконечного в философии, в поэзии.

Ф. Шлегель, Зольгер, Жан Поль Рихтер развили своеобразные концепции романтич. юмора, романтич. иронии. В ее художеств. воплощении мы находим иронию в творчестве Л. Тика, Брентано, Байрона, Мюссе. Романтич. юмор состоит в том, что подчеркивается относительность, едва ли не иллюзорность всяких ограничительных по своему смыслу форм жизни, — бытовая косность, классовая узость, идиотизм замкнутых в себе ремесел и профессий изображаются как нечто добровольное, шутки ради принятое на себя людьми. Жизнь играет, не зная для своих свободных сил к.-л. неодолимых преон, вышучивая, выставляя в осмеянном виде всех и вся, кто противится ее игре. Этот оптимистич. характер юмора исчезает у поздних романтиков. Отчасти у Байрона, а более всего у Гейне силы косности и гнета начинают преобладать над свободными силами жизни; поэт запосится высоко, но его задерживают в его свободном полете, отзывают его

назад, едко и грубо издеваясь над ним. Романтич. юмор претерпел эволюцию: у ранних романтиков это юмор свободы, у поздних — сарказм необходимости. У Гофмана и Гейне мы встречаем иронию и в том и в другом ее виде, причем ирония необходимости нередко переходит в трагизм, порывая с областью комического.

Образцом и нормой для всех прочих областей иск-ва романтики объявляли музыку, — в ней им слышалась сама освобожденная стихия жизни. В стихах, повествоват. прозе, живописи — всюду они зывали к принципу музыкальности; в поэзии за отдельными, в той или иной мере отчетливыми высказываниями должна стоять общая, логич. понятиями не улавливаемая настроенность. Романтики вносили лирич. начало во все области иск-ва, они исходили из лирики и очень часто прибегали к ее орудию — стиху; проза, как правило, имитировала стиховую речь, была тщательно организована в звуковом отношении, избобовала по примеру стиха метафорами, речевыми тропами и украшениями (как, напр., у Шатобриана). Романтич. эпоха закапчивалась такими произв., как романы в стихах «Дон Жуан» Байрона, «Пан Тадеуш» Мицкевича, «Евгений Онегин» Пушкина. Это было высшее соперничество стиха со свободной повествоват. прозой, достигшее наибольшей высоты с тем, чтобы отныне открыть дорогу прозе и художеств. реализму: роман в стихах Пушкина мы числим первым высоким достижением в рус. реалистич. лит-ре.

Романтиков отделило от реализма настойчивое стремление сохранить в неприкосновенном виде свои идеалы, в к-рых трагически разочаровывало послереволюц. развитие бурж. общества. Это приводило их к религии. Развитие раннего Р. в Германии подытоживается «Речами о религии» (1799) Шлейермахера; именно внутр. опыт Р. объявляется здесь некоей новой религией, что дает повод отделить его от всей остальной жизненной практики, поставив этот опыт вне ее или над ней. Светская, пантеистич. религиозность Шлейермахера оказалась преддверием религиозности конфессиональной, ортодоксальной, ожившей в среде романтиков, нередко склонявшихся к самому правому католицизму. Романтики воображали, что сохраняют в церковности утрачиваемое ими в обществ. жизни. Они глубже просветителей поняли природу зла, по возвели его в предвечную, внеисторич. силу. Придав отрицанию абс. значение, они тем самым лишили его действительности: если зло, находимое в бурж. обществе, заложено в вечной природе вещей, то неизбежным становится принять это зло. Истолкование зла как натуральной материальной силы встречается у романтич. философов — Шеллинга (среднего и позднего периода), Шубарта, Баадера. Шеллинг в «Разыскании о человеческой свободе» утверждал, что зло неотделимо от принципа личности, где индивидуум — там зло. Трагич. сущность индивидуума заложена в самой внутр. жизни космоса — здесь есть связь между Шеллингом и Шопенгауэром, а также и Ницше. Поздняя романтическая мысль часто нигилистически оценивала человека; например, Баадер отделял творчество от творящей личности и отводил человеку в процессе познания роль лишь соучастника и восприимчика божеств. разума. В художеств. лит-ре тематика «мирового зла» и «мировой скорби» — достояние таких жанров, как «черный роман» Анны Радклиф, Льюиса, Мэтьюрина, как «драма судьбы» Цахариса Вернера, Грильгарцера и Клейста. Эти темы мы находим во мн. произв. Байрона, они определяют творчество Брентано и Гофмана и становятся центральными у Эдгара По и Хоторна. Романтич. ирония в более поздний период усвоила себе филос. скепсис и присоединилась к философии вселенского отрицания. Одновременно Р. продолжал поиски идеала, стремясь найти историч. реальность, социальное тело,

к-рые вмещали бы без оговорок романтич. красоту бесконечной жизни и индивидуальной свободы. По прощии судьбы именно эти поиски приводили мн. романтиков к жалким развязкам. Устремленные вперед, в будущее, они становились апологетами отсталости, провинциализма, остатков средневековья в политич. и обществ. быту европ. наций. Герцен в романе «Кто виноват?» сформулировал характерно романтич. коллизию «довольства» и «развития»: либо «довольство», гармония, слаженность к.-п. отсталых и застойных жизненных форм, либо совр. развитие, но со всеми его драмами, разрывами и потрясениями. Романтики изображали ужасы «развития» и целыми выколами погружались в «довольство»: «гейдельбергские» романтики, «швабская» школа с Уландом и Ю. Кернером во главе в Германии, «озерная школа» с Вордсвортом и Колриджем во главе в Англии, поэзия Жуковского, особенно позднейшего ее периода. Сюда же можно отнести и нек-рые идейные настроения славянофилов — привязанность к патриархальным временам и правам, идеал «почвенности» у Ап. Григорьева как неизменности условий, в к-рых совершается жизнь нации, предпочтение умиротворенного сердца расколотому и болезненно неустроенному совр. рассудку в философии И. Киреевского. Уланд, Вордсворт, Колридж, Жуковский проповедовали замкнутую жизнь и замкнутое счастье, однако укрытые уголки, изображенные ими, освещены неким всемирным светом, представлены в качестве явлений космоса, «ушверсума», как выражались романтики: консервативная тема обезвреживалась неконсервативным способом ее разработки.

Р. много энергии уделил критич. обзору и истолкованию прошлой художеств. и филос. культуры (соч. Ф. и А. Шлегелей, Шеллинга в Германии, г-жи де Сталь и Констана во Франции, Колриджа, Хэзлитта, Чарльза Лэма, Карлейля в Англии). Романтики едва ли не впервые обратились к систематич. изучению духовного наследия средневековья и Ренессанса, а также культуры Востока (особенно Индии), они дали новую жизнь Данте, Шекспиру, Сервантесу, Кальдерону, в философии проводили идеи Дж. Бруно, Николая Кузанского, Спинозы, к-рого они связывали с романтич. пантеизмом и считали предшественником Шеллинга. Романтики по-новому взглянули на антич. культуру. Отвернувшись от Рима, притягательного для классицистов, и выбрав только Элладу, они искали в греч. культуре не устойчивое, неизменно нормативное (как Винкельман, Гёте, Шиллер), но им дороги были силы жизненного брожения, хаос творческой жизни. Теорию романтич. эллинизма развивали молодой Ф. Шлегель, обративший внимание на орфическую Грецию, Шеллинг в своей эстетике, поэтами этого направления были Гёльдерлин, Андре Шенье, Шелли, в нек-рых своих произв. — Китс, Байрон, Пушкин.

В борениях за широкую историч. основу для своей поэзии романтики пришли к фольклору, к корням народности в иск-ве и культуре. Предшественниками их в этом отношении были Гердер, движение «Бури и натиска». В Германии Арием и Брентано издали сб. нар. песен, братья Гримм — сб. нар. сказок. В Англии В. Скотт издал собрание баллад шотл. побережья. Историч. романы В. Скотта положили начало реалистич. истолкованию истории, подготовили концепцию классовой борьбы в трудах Тьерри, Гизо, Мишле и др. историков периода Реставрации. Романтики дали толчок изучению нар. иск-ва и нар. культуры. В то же время отношение к фольклору в их собств. творчестве далеко не всегда свободно от двусмысленности. У «гейдельбергских» и «швабских» романтиков, у поэтов «озерной школы» в обрамлении фольклора, его форм и традиций гаснет поэт как совр. эмансипированная личность. Увлечению наивностью и непосредствен-

ностью нар. культуры у поэтов-романтиков соответствовали апология непосредственного, минующего рассудочный анализ познания в философии Шеллинга и его последователей. Приверженцы примитивной нар. культуры высказывались против культуры сколько-нибудь изощренной, внутренне самостоятельной, противопоставляя «естественное», натуральное умышленному, искусственному.

Консервативные устремления романтиков поддерживала Реставрация. Сложилась политич. доктрина в духе консервативного, охранит. Р. (Бональд, де Местр, А. Мюллер, поздний Ф. Шлегель). Особое место заняла т. н. историческая школа в правовой науке Германии во главе с Савиньи, к-рая отвергала всякий новый почин в законодательстве, считая его произволом, претензией зазнавшегося рассудка: давность — вот обоснование закона для юристов этой школы. Остается дискуссионным вопрос, насколько правомерно относить этих филос. защитников церкви и престола, дворянской монархии и крепостничества к Р., к-рый по существу своему был чужд всякого застоя и стоял за восприятие жизни в ее непрестанном развитии. Нередко Р. толкуют неверно, имея в виду не духовную биографию движения в целом, но биографию отд. его носителей.

Р. сходил с историч. сцены в разное время, но к сер. 19 в. он становился уже воспоминанием, достоянием историков, писавших о нем с немалым недоумением, ибо наступало господство позитивизма, к-рый вяз в ближайших фактах, с раздражением относился к голосу утопии и не мог освоить духовное наследие Р., сложившегося в революц. героич. условиях бурж. развития. Умение или неумение совладать с этим наследием оказалось важным показателем дееспособности др. художеств. и филос. направлений 19 в. В иск-ве 19 в. высок был тот реализм — Бальзака, Стендаля, Диккенса, рус. классиков — к-рый справился с наследием романтиков, включив в себя Р. как преодоленный момент собств. жизненопонимания. Это же определило и место, занятое философией Гегеля, к-рая восприняла достижения романтич. мысли, во многом преодолев неадекватность их методов познания.

Р. и философия. Деятельность пенского кружка нем. романтиков (в особенности Ф. Шлегеля, Шеллинга и Новалиса) имела наибольшее значение для филос. самоопределения Р. — как в Германии, так и в др. странах [в Англии — через посредство Колриджа и Карлейля; во Франции — благодаря книге г-жи де Сталь «О Германии» (т. 1—3, Р., 1810), в к-рой популяризировались идеи пенского Р.; в России под влиянием философии и эстетики Шеллинга протекала деятельность кружка московских «любомудров»]. Философия Фихте с его учением о творч. деятельности абс. субъекта, «Я», порождающего свой объект, как об универсальном принципе философии, с помощью к-рого Фихте преодолевает дуализм кантовской философии, является исходным пунктом мирозерцания пенских романтиков. Но, в отличие от Фихте, они ориентируются не на этику Канта, а на его эстетику, на содержащееся в ней представление об эстетич. способности суждения как о соединит. звене между мышлением и волей, в чем Кант усматривал возможность объединения естеств. необходимости и правств. свободы. Эта идея была развита далее Шиллером в «Письмах об эстетическом воспитании», где иск-во призвано восстановить внутр. целостность человека, и легла в основу философии раннего Шеллинга, рассматривающего художеств. творчество как «извечный и подлинный орган» философии, непосредственно разрешающий все теоретич. антиномии: сознательного и бессознательного, созерцания и действия, чувственного и интеллигентного, природы и свободы. Взгляд на действи-

тельность как на эстетич. феномен и истолкование иск-ва как метафизич. первоосновы мира определяют своеобразие филос. позиции иенского Р. и его место в общем развитии нем. идеалистич. философии конца 18 — нач. 19 вв.

Мир рассматривается романтиками не как совокупность неизменных вещей и готовых форм, а как процесс бесконечного становления, к-рое является творческой духовной деятельностью и притом деятельностью символич. воплощения и раскрытия внутреннего во внешнем, т. е. художеств. действительностью. Иск-во отображает эту сокровенную сущность мира и одновременно является ее самым совершенным воплощением, выступающая как высшая реальность по отношению к эмпирич. действительности. «Поэзия на деле есть абсолютно-реальное. Это средоточие моей философии» (Н о в а л и с, Фрагменты, см. «Лит. теория нем. романтизма», с. 121). Иск-во не отображение жизни, а ее преображение (в этом оно сближается с религией): законы художеств. творчества мыслятся как конструктивные принципы преобразования действительности. Художник, реализующий в акте творчества все способности человек. души, в противоположность одностороннему виртуозу к.-л. ограниченной профессии является человеком по преимуществу, и наоборот: каждый человек адекватно раскрывается только как художник, то, «...чем люди являются среди прочих творений земли, тем являются художники по отношению к людям» (Ш л е г е л ь Ф., там же, с. 170).

Природа — это бессознат. художеств. произведение духа. Рассмотрение природных образований по аналогии с произведениями иск-ва, бывшее у Канта в «Критике способности суждения» только методич. приемом, предстает в иенском Р. как раскрытие изначальной сущности природы. Отсюда вытекает идея всеобщего символизма («тайнописи») природы («Мир — универсальный троп духа, его символический образ» — Novalis, Briefe und Werke, Bd 3, V., 1943, S. 236; Вакенродер говорит о «двух чудесных языках» — природе и иск-ве — см. «Лит. теория нем. романтизма», с. 157—160). Т. о., эстетика оказывается ключом к пониманию романтич. натурфилософии, антропологии (к деятельности художника восходит, в частности, идея Новалиса об «обращенном употреблении органов чувств», о зрении и слухе как вынесенном вовне внутр. деятельном созерцании — см. там же, с. 128) и гносеологии («поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого», — там же, с. 121). Если классицизм ориентировал красоту на истину как нек-рую общезначимую меру всего бытия, то в Р. истина — это красота (Новалис: «чем поэтичнее, тем истиннее», позже Мюссе перефразирует Буало: «Нет ничего истинного, кроме красоты» — цит. по кн.: Hausen A., Sozialgeschichte der Kunst und Literatur, Bd 2, Münch., 1953, S. 187—88).

Иенские романтики стирают грани между философией и иск-вом: интуитивный символ, а не рассудочное понятие является адекватной формой философии, к-рая мыслится прежде всего как спонтанное выражение целостного переживания действительности, — в этом романтики противопоставляют себя всей традиции рационалистич. философии 17—18 вв. и выступают как предшественники Ницше и позднейшей философии жизни (самый термин принадлежит Ф. Шлегелю — «Philosophie des Lebens», 1827); характерно осуждение Шлейермахером фихтевского разделения жизни и философии: «Кто так строго разделяет философию и жизнь, как Фихте, что может быть в том великого? Большой односторонний виртуоз, но слишком мало человек» (Briefe Schleiermachers, V., 1923, S. 190). Новалис разграничивает мысль и идею; последняя не мыслится, а переживается и дает не знание, а убеждение. Ведущая роль в познании принадлежит

не интеллекту, а «интуиции», «внутреннему откровению» (Новалис). Интуитивное созерцание, непосредственно постигающее целое, бесконечно выше дедуктивного доказательства («Универсум нельзя ни объяснить, ни понимать, а только созерцать и открывать» — Schlegel Fr., Seine prosaischen Jugendschriften, Bd 2, W., 1882, S. 306).

Несистематический, фрагментарный характер философии Ф. Шлегеля и Новалиса отвечает их представлению о мире как о незавершенном творч. процессе становления и об относительности любого филос. и поэтич. высказывания (Новалис: философия — «бессистемность в системе», см. Briefe und Werke, Bd 3, S. 151). Фрагмент оказывается адекватной формой постижения этого незавершенного целого и обнажает относительность всякого аналитич. расчленения (идея «циклической философии» Ф. Шлегеля, превосходящая гегелевское понятие «опосредствования»: философия — не прямолинейное изложение, а круг, «эллипс», в ней все — первое и последнее, она должна начинаться, подобно эпич. произв., прямо с «середины» — см. «Seine prosaischen Jugendschriften», Bd 2, S. 210, 216).

Представление об историч. динамике, выдвинутое Р., противостоит просветительскому пониманию истории как простой последовательности во времени, как прямолинейного восхождения вечного и неизменного в своей основе разума. Для романтиков характерно сознание прерывности и необратимости историч. процесса, качеств. отличия его отд. ступеней, однократности историч. становления; в философии культуры — признание равноправия прошлых культур и их индивидуальной неповторимости (Ваккенродер). Внутр. проблематичность совр. культуры фиксируется романтиками в четком противопоставлении античной и «христианской» культур: последней свойственны рефлексия, разлад между идеалом и действительностью, «устремленность в бесконечное», в противоположность «естественной гармонии» и спокойному «обладанию» античности (см. A. W. Schlegel, Ueber dramatische Kunst und Literatur, Tl 1, Heidelberg, 1817, S. 25, 24). Отличит. чертой романтич. историзма является персонализация и мифологизация историч. сил: историч. эпохи рассматриваются как манифестация и воплощение самостоят. принципов, идей, как замкнутые саморазвертывающиеся индивидуальные организмы, проходящие известный цикл развития, в течение к-рого они реализуют определ. духовную структуру.

Философия культуры Р. складывается в процессе критики утилитаризма и авторитарных норм бурж. культуры (Шлейермахер говорит о «безнравственности» всякой морали, Новалис — о том, что для истинной религии нет ничего греховного). Р. подчеркивает автономность культуры, ее независимость от внешних целей. Свободное раскрытие личности (к-рое адекватно осуществляется только как художеств. творчество) — высший идеал романтич. этики: осуществление внутр. «призвания» важнее выполнения внешних обязанностей. Художеств. свобода понимается как право каждого художника следовать своему внутр. чувству, не считаясь с к.-л. внешними правилами и традиц. границами иск-ва: каждое индивидуальное произв. само создает себе законы и критерии оценки. Иенские романтики выдвигают утопич. идеал новой культуры, осн. чертами к-рой являются: 1) универсальность: она вбирает в себя все прошлые культуры, представляющие собой как бы предварит. опыт ее создания; 2) динамич. характер: творчество как бесконечный процесс выше любого его результата; всякая однозначная и окончат. форма менее ценна, чем открытая и неосуществленная возможность; 3) целостность: в ней сливаются воедино иск-во, наука, философия и религия; прообраз этой культуры романтики видят в древней мифологии и стремятся к созда-

нию новой общезначимой мифологии как продукта сознат. поэтич. творчества (в отличие от древности, где мифология была источником поэзии, здесь поэзия становится источником мифологии); 4) самоизображение: постоянная рефлексия культуры по поводу самой себя и своих продуктов (Ф. Шлегель говорит о «трансцендентальной философии» как «философии философии» и «трансцендентальной поэзии» как «поэзии поэзии» — см. там же, S. 242, 249); с этим связана романтич. ирония как имманентное сознание неадекватности между объектом и его любимым художеств. и филос. отображением, между замыслом и воплощением, как чувство «языковой невыразимости», условности любого высказывания вообще.

Сознание несводимости языков различных иск-в друг к другу сопровождается у романтиков стремлением к их сочетанию, совместному воздействию различных иск-в, что приводит их к идее универс. художеств. произведения (Gesamtkunstwerk), реализованного впоследствии в творчестве Вагнера. Художеств. образ в противоположность предшествующей эстетике классицизма и Просвещения мыслится не как воплощение существующего независимо от него идеального содержания, а впервые создает само это содержание: он оказывается не результатом идей, а их источником (с этим связана у романтиков вера в спонтанную творч. силу языка).

Натурфилософия Р., отталкиваясь от механистич. естествознания 17—18 вв., возрождает натурфилософию античности и Возрождения и продолжает традиции нем. мистики (Бёме) и теософии 18 в. (Баадер в своей полемике с Декартом и Ньютоном ориентируется на Сен-Мартена). Осн. идеи натурфилософии Р.: 1) по аналогии с произведениями иск-ва природа рассматривается как органич. целое, не сводимое к сумме своих частей и не выводимое из них; 2) генетич. подход к природе; Океан: натурфилософия — это «история порождения мира», космогония; Новалис: «Чтобы постичь природу, нужно заставить ее вновь возникнуть... во всей ее последовательности» («Нем. романтич. повесть», вступ. ст. и коммент. Н. Я. Берковского, т. 1, М.—Л., 1935, с. 135); 3) мистич. учение об универсальном соответствии природы и духа, внутреннего и внешнего. Новалис переосмысливает философию Фихте в объективном плане, понимая его антитезу «Я и не-Я» как параллелизм двух взаимно символизирующих друг друга начал (в духе мистич. представления о человеке-микрокосмосе и мипремакрантропосе, как у Я. Бёме).

Человек рассматривается как средоточие и конечная цель естеств. процесса и одновременно как начальный пункт сверхъестеств. откровения (Стеффенс). Движущими силами человек. души являются не мышление и интеллект (в к-рых философия Просвещения видела осн. отличие человека от животных), а фантазия и чувство. Новалис: чувство так относится к мышлению, как бытие — к изображению. Бессознат. влечения и инстинкты, неконтролируемые психич. состояния стоят в центре внимания романтич. антропологии; болезнь, к-рая рассматривается ею как «равноценная возможность» бытия, занимает в ней такое же место, как парадокс в философии: как критика обыденного сознания и отрицание повседневног., «нормального» существования. При этом происходит рационализация бессознательного и критика проникает в самые интимные реакции, амбивалентность к-рых порождает представление о «множестве личностей», сосуществующих в одном и том же человеке (плюралистич. понимание личности у Новалиса; фигура двойника во мн. романтич. произведениях).

Ю. Попов. Москва.
Определение термина «Р.» и его истории. S. Schultz T., «Romantik» und «romantisch» als literarhistorische Terminologien und Begriffsbildungen, «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte»,

1924, H. 3; Ullmann R. und Gotthard H., Geschichte des Begriffes «romantisch» in Deutschland, B., 1927; Lovejoy A. O., The meaning of romanticism for the historian of ideas, «J. of the History of Ideas», 1941, v. 2, № 3; его же, Essays in the history of ideas, Baltimore, 1948, ch. 12; Песк-хан М., Toward a theory of romanticism, «Publications of the Modern Language Association of America», 1951, v. 66, №2; Gérard A., On the logic of romanticism, «Essays in Criticism», 1957, v. 7, №3; Ремак Н. Н., West European romanticism: definition and scope, в сб.: Comparative literature: method and perspective, ed. by N. P. Stalknecht and H. Frenz, Carbondale, [1961]; Welck R., Romanticism re-examined, в сб.: Romanticism reconsidered, selected papers..., ed. by N. Frye, N. Y.—L., 1964.

Лит.: Гайм Р., Романтич. школа, пер. с нем., М., 1891; Козмиш Н., Очерки по истории рус. Р., П., 1903; де-Ла-Барт Ф., Шаробриан и поэтика мировой скорби во Франции, К., 1905; Степун Ф., Трагедия творчества (Ф. Шлегель), «Логос», 1910, кн. 1; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма, Князь В. Ф. Одоевский, т. 1, М., 1913; Жерлицы И. М., Колыбель и анг. Р., О., 1914; Рус. Р. Сб. ст., под ред. А. И. Белецкого, Л., 1927; Асмус В. Ф., Муз. эстетика филос. Р., «Сов. музыка», 1934, №1; Берковский Н. Я., Эстетич. позиции нем. Р., в кн.: Лит. теория нем. Р., Л., 1934, с. 5—118; Обломиевский Д., Р., Л., 1962; 1947; Рейзов Б. Г., Между классицизмом и Р., Л., 1962; Соколов А. Н., К спорам о Р., «Вопр. лит-ры», 1963, №7; Ванслов В. В., Эстетика Р., М., 1966 (есть библи.); Joachim M., Die Weltanschauung der deutschen Romantik, Jena—Lpz., 1905; Poetzsch A., Studien zur frühromantischen Politik und Geschichtsauffassung, Lpz., 1907 (Diss.); Zurlinden L., Gedanken Platons in der deutschen Romantik, Lpz., 1910; Deutschbein M., Das Wesen des Romantischen, Götten, 1924; Unger R., Herder, Novalis und Kleist. Studien über die Entwicklung des Todesproblems in Denken und Dichten vom Sturm und Drang zur Romantik, Fr. M., 1922; Walzel O., Deutsche Romantik, 5 Aufl., Bd 1—2, Lpz.—B., 1923—26; Ваха А. Я., Einführung in die romantische Staatswissenschaft, 2 Aufl., Jena, 1931; Kluckhohn P., Persönlichkeit und Gemeinschaft. Studien zur Staatsauffassung der deutschen Romantik, Halle (Salle), 1925; Schmitt C., Politische Romantik, 2 Aufl., Münch.—Lpz., 1925; Brinton C., The political ideas of the English romanticists, L.—la. o., 1926; Brinkmann H., Die Idee des Lebens in der deutschen Romantik, Augsburg, 1926; Baumgardt D., Franz von Baader und die philosophische Romantik, Halle (Saale), 1927; Strich F., Deutsche Klassik und Romantik oder Vollendung und Unendlichkeit, 3 Aufl., Münch., 1928; Knittermeyer H., Schelling und die romantische Schule, Münch., 1929; Gundolf F., Romantiker, [Bd 1—2], B.—Wilmsdorf, 1930—31; Béguin A., L'âme romantique et le rêve. Essai sur le romantisme allemand et la poésie française, t. 1—2, Marseille, 1937; Kainz F., Die Sprachästhetik der jüngeren Romantik, «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», 1938, Jg. 16, H. 2; Benz R., Die deutsche Romantik, 2 Aufl., Lpz., 1940; Godévon Aesch A., Natural science in German romanticism, N. Y., 1941; Hedderich H. F., Die Gedanken der Romantik über Kirche und Staat, Gütersloh, 1941; Reiff P., Die Ästhetik der deutschen Frühromantik, Urbana, 1946; Grimme A., Vom Wesen der Romantik, B.—[u. a.], 1947; Ruprecht E., Der Aufbruch der romantischen Bewegung, Münch., 1948; Van Tieghem P., Le romantisme dans la littérature européenne, P., 1948; Clark M. U., The cult of enthusiasm in French romanticism, Wash., 1950; Huch R., Die Romantik. Blütezeit, Ausbreitung und Verfall, Tübingen, 1951; Giraud J., L'école romantique française. Les doctrines et les hommes, 6 éd., P., 1953; Benjamin W., Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik, Schriften, Bd 2, [Fr. M.], 1955; Pöggeler O., Hegels Kritik der Romantik, Bonn, 1956; Bowra C. M., The romantic imagination, [2 ed.], L., [1957]; Čiževski D., On romanticism in Slavic literature, 's-Gravenhage, 1957; Korff H. A., Geist der Goethezeit, [5 Aufl.], Tübingen, 1959—62; Markwardt B., Geschichte der deutschen Poetik, Bd 3—Klassik und Romantik, B., 1958; Jensen Chr. A. E., L'évolution du romantisme. L'année 1826, Gen.—P., 1959; Mason E. C., Deutsche und englische Romantik, Gött., [1959]; Schultz F., Klassik und Romantik der Deutschen, 3 Aufl., Tübingen, 1959; Abrams M. H., The mirror and the lamp: romantic theory and the critical tradition, L., 1960; Strohschneider-Kohrs I., Die romantische Ironie in Theorie und Gestaltung, Tübingen, 1960; Ayrault R., La genèse du romantisme, The Hague, 1961; Kluckhohn P., Das Ideengut der deutschen Romantik, 4 Aufl., Tübingen, 1961; Schröder M. Z., Icarus, the image of the artist in French romanticism, Camb., 1961; Boas G. (ed.), Romanticism in America, N. Y., 1961; Sørensen B. A., Symbol and Symbolism in den ästhetischen Theorien des 18. Jahrhunderts und der deutschen Romantik, Kph., [1963]; Boas G., French philosophies of the romantic period, N. Y., 1964.

Ал. В. Михайлов. Москва.
РОМАНЬОЗИ (Romagnosi), Джан Доменико (11 дек. 1761—8 июня 1835) — итал. философ и правовед.

Противник абсолютизма и клерикализма, поборник бурж.-демократич. обществ. строя. Был в числе немногих итал. мыслителей того периода, испытавших значит. влияние идей Просвещения, в частности франц. *сенсуализма* (Кондильяка). Однако сенсуализм сочетался в его мировоззрении с элементами идеалистич. *рационализма*. Полагая, что рационал. познание возникает на основе чувств. восприятий, источником к-рых является объективная реальность, Р. считал, что упорядочение чувств. данных происходит при посредстве идей, возникающих из самого сознания, хотя и не являющихся врожденными или предшествующими познанию (единство, форма, число, последовательность и т. п.). Р. отрицал возможность познания сущности вещей. Истина, по его мнению, состоит не в выявлении действит. природы реальности, а в согласованности познания с внешними воздействиями. Осн. задачей Р. считал создание «гражданской философии», отвечающей, в частности, нуждам будущего единого гос-ва. Становление последнего он рассматривал как необходимый результат истории страны. В отличие от ряда др. сенсуалистов, в своей концепции обществ. структуры и обществ. развития он исходил не из представления об изолированном человеке, а из мысли, что человек существует и должен рассматриваться всегда как общественный. Подойдя к пониманию социальной обусловленности и социальной функции морали, Р. полагал вместе с тем, что прогресс общества — продукт гражд. совершенствования, по пути к-рого народы ведут разум выдающихся «носителей цивилизации».

Соч.: Opere, v. 1—8, Palermo—Napoli, 1859—77.

Лит.: N o r s a A., Il pensiero filosofico di G. D. Romagnosi, Mil., 1930; L e v i A., Romagnosi, Roma, 1935; D e l V e s c h i o G., G. Romagnosi nel primo centenario della sua morte, Padova, 1935; B e l l o n i G. A., Saggi sul Romagnosi, Boccia—Mil., 1940; D r a e t t a A., Della civile filosofia di G. D. Romagnosi, Bari, 1950; V e r t i G., Fonti ideologiche e orientamenti sociali della democrazia italiana, «Società», 1959, anno 15, p. 673—734, 885—947.

С. Эфирова. Москва.

РОМЕРО (Romero), Франсиско (р. 18 июля 1891) — аргент. философ, взгляды к-рого складывались под влиянием зап. философии — феноменологии Гуссерля и философии жизни. Род. в Испании. Проф. философии в ун-те Буэнос-Айреса (1931—46) и в ун-те Ла-Платы (1936—46), ныне проф. философии Нац. педагогич. ин-та в Буэнос-Айресе. Р. выступил как один из сторонников антипозитивистского движения, развернувшегося в Лат. Америке еще во 2-й пол. 19 в. «Новое мировоззрение», к-рое Р. противопоставляет *позитивизму*, сочетает в себе элементы интуитивизма Бергсона, антропологии Шелера и «критической онтологии» Н. Гартмана, вслед за к-рым Р. рассматривает реальность как ступенчато-иерархич. структуру. В своем понимании личности был близок Ортеге-и-Гассету, но, в отличие от последнего, отрицал детерминированность человек. характера.

Соч.: Lógica, B. Aires—Méx., 1942 (совм. с E. Pucciarelli); Sobre la historia de la filosofía, [Tucumán], 1943; Filosofía contemporánea, 2 ed., B. Aires, [1944]; Filosofía de la persona, B. Aires, [1944]; El hombre y la cultura, B. Aires, [1950]; Teoría del hombre, B. Aires, [1952]; Sobre la filosofía en América, B. Aires, [1952]; Ubicación del hombre. Introducción a la antropología filosófica, [B. Aires, 1954]; Filósofos y problemas, 2 ed., B. Aires, [1957]; Historia de la filosofía moderna, Méx., [1959].

Лит.: P e r e l s t e i n B., Positivismismo y antipositivismo en la Argentina, B. Aires, [1952].

РОМЕРУ (Romero), Силвиу (21 апр. 1851—18 июля 1914) — браз. социолог, историк и литературовед, один из основоположников филос. «школы Рецифи»; ученик и соратник Баррету, испытал влияние Спенсера, полемизировал с Контом. Согласно близкому к пантеизму монистич. эволюционизму Р., все существующее — от космических до психических и социальных явлений — это различные формы единств. субстанции — вечной материи, к-рой присущи жизнь, чувство, сознание, свобода и целесообразность.

Р. — сторонник революц. преобразования общества: «... нет антиномии между нормальной эволюцией общества и революционными движениями; революция есть один из необходимых процессов развития нации» («Historia da literatura brasileira», v. 1, R. de J. 1953, p. 159).

Соч.: A filosofia no Brasil, Porto Alegre, 1878; Doutrine contra doutrine ou o evolucionismo e o positivismo no Brasil, 2 ed., R. de J., 1896; Ensaio de filosofia do Direito, 2 ed., R. de J., 1908.

Лит.: История философии, т. 4, М., 1959, с. 422—25; S á n c h e z R e u l e t A. [ed.], La filosofía latinoamericana contemporánea..., Wash., [1949].

Ж. Вазарян. Москва.

РОСС (Ross), Эдуард Олсуорт (12 дек. 1866—22 июля 1951) — амер. социолог. В 1906—37 — проф. социологии ун-та шт. Висконсин. Выступал в духе мелкобурж. критики трестов и милитаризма.

Социально-психологич. теория Р. складывалась под воздействием идей Дюркгейма и Тарда, Л. Уорда и Смолла. В работе «Социальный контроль» («The social control», N. Y., 1901), наметившей новую область исследований, Р. рассматривал основы «здорового социального порядка». Социальный контроль — «преднамеренное влияние общества на поведение человека», в отличие от бессознат. социального влияния; в то же время Р. часто расширял понятие контроля, подразумевая под ним все виды «социального внушения» (обществ. мнение, обычаи, религию, иск-во и др.). Р. различал внешний и внутр. механизмы контроля: первый основан на чувствах и является этич. по своему характеру, второй — на силе и авторитете и является политическим (законы, образование и т. д.). Общество — совокупность индивидуумов, связь к-рых создается исключительно социальным контролем. Хотя наиболее ценным является этич. контроль, когда обществ. ценности становятся интегральной частью личности, в совр. обществе гл. роль играет политич. контроль. Р. рассматривал средства контроля, пренебрегая его классовым характером и социально-экономич. генезисом.

Предмет социологии, по Р., — социальный процесс как взаимодействие индивидуумов и социальных групп. Он намечает типы взаимодействия — процессы ассоциации, господства и эксплуатации, оппозиции, приспособления, стратификации, кооперации и др., к-рые приводят к образованию социальных групп. Социальные изменения Р. делил на «прогрессивные» и «регрессивные»: к числу последних он относил те, к-рые «углубляют конфликт классов». Р. написал первый в США учебник социальной психологии.

Соч.: Foundations of sociology, N. Y.—L., 1905; Social psychology, N. Y., 1908; Sin and society, N. Y., 1907; Civic sociology, N. Y.—Chi., 1925; Seventy years of it, N. Y.—L., 1936; Principles of sociology, 3 ed., N. Y.—L., 1938.

А. Зинаиде. Москва.

РОСТОУ (Rostow), Уолт Уитмен (р. 7 окт. 1916) — амер. бурж. социолог, эконимист, историк. Преподавал в Колумбийском ун-те, во время 2-й мировой войны работал в Управлении стратегич. службы (разведке), а затем на др. гос. должностях. В 1950—1960 — проф. экономич. истории Массачусетского технологич. ин-та. С 1961 — глава Совета планирования политики при госдепартаменте США. Осн. взгляды Р. изложены в его кн. «Стадии экономич. роста. Некоммунистич. манифест» («The stages of economic growth. A non-communist manifesto», Camb., 1960). Теория «стадий экономич. роста» представляет, по словам Р., теорию совр. истории в целом и альтернативу марксизму. Р. различает в развитии человечества пять стадий роста, противопоставляемых им обществ.-экономич. формациям: «традиционное общество» (период до конца феодализма), период «предыюлок», или «переходное общество» (переход к домонополистич. капитализму), период «взлета», или «сдвига» (может условно рассматриваться как развитие от домонополистич. к монополистич. капитализму), период «зрелости» — индустриальное общество и эра «высокого

уровня массового потребления», идеальным типом к-рого Р. считает «англо-амер. образец», наконец, «рост благосостояния».

Р. оперирует признаками уровня развития пром-сти, техники, хозяйства в целом, науки и особенно доли накопления капитала в нац. доходе. Однако эти важные показатели развития общества Р. рассматривает в отрыве от определяющих социально-экономич. характеристик. Р. игнорирует формы собственности, а классовое деление общества подменяет проф. разделением труда. «Экономические изменения» Р. рассматривает как «последствие неэкономических человеческих порывов и устремлений», как результат субъективно-го «принятия решений и выбора» (указ. соч., р. 2, 150).

СССР, по Р., отстает от США на целую социальную эпоху. Р. пытается представить социализм и коммунизм как «нечто вроде болезни» (р. 164) и высказывает надежду, что с наступлением периода высокого уровня массового потребления «коммунизм, вероятно, захватит» (см. там же, р. 133), а СССР в ближайшие десятилетия эволюционирует в сторону капитализма. Концепцию «стадий роста» Р. рассматривает не только как «обоснование» вечности капитализма и «вызов» коммунизму, но и как средство борьбы за капиталистич. путь развития стран Азии, Африки и Лат. Америки (см. «View from the seventh floor», N. Y., 1964, р. 87).

Р. считает необходимым осуществить в рамках капитализма с целью его укрепления ряд экономич., социальных, политич. преобразований, в частности планирование, сочетающее централизм (гос-во) и плюрализм (капиталистич. корпорации), за что подвергается критике со стороны наиболее реакционных кругов США.

Антинауч. теория «стадий роста» Р. получила широкое распространение среди бурж. ученых и политиков и служит идеол. оружием антикоммунизма.

Соч.: The dynamics of Soviet society, N. Y., 1954; The United States in the world arena. An essay in recent history, N. Y., 1960; The process of economic growth, 2 ed., Oxf., 1962; The economics of takeoff into sustained growth, ed. W. W. Rostow, N. Y., 1963.

Лит.: Осадчая Н., Коллонтай В., Шамберг В., Семенов В., «Теория стадий» У. Ростоу, «Мировая экономика и междунар. отношения», 1961, № 7; Семенов Ю. Н., Теория «стадий экономич. развития», там же, 1963, № 6; Семенов В. С., Марксистская и бурж. социология о путях совр. обществ. развития, в кн.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964; Замоскин Ю. А., Теория «единого индустриального общества» на службе антикоммунизма, там же; Мшвениерадзе В. В., Объективные основы развития общества, там же; Вилар П., Экономика и история, в кн.: Какое будущее ожидает человечество?, Прага, 1964; Капурин В. С., Историч. материализм и «теория стадий экономич. роста» У. Ростоу, в кн.: Совр. капитализм и бурж. социология, М., 1965; Митин М. Б., Семенов В. С., Движение человечества к коммунизму и бурж. концепция «единого индустриального общества», «ВФ», 1965, № 5.

В. Семенов. Москва.

РОСЦЕЛИН (Roscelinus, Roscellinus, Ruzelinus), Иоани (ок. 1050—ок. 1122) — франц. философ и богослов, первый крупный представитель ср.-век. номинализма. Род. в Компьене, где стал капонином и преподавал логику, применяя ее к теол. проблемам. Воззрения Р. дошли до нас только в критич. изложении его противников: Ансельма Кентерберийского (S. Anselmus, De fide trinitatis et de incarnatione, verbi contra blasphemias Ruzelini sive Roscelini, Migne, PL, t. 158; Письма о Р., Epistola 35, 41, 51, там же), с к-рым Р. вел упорную борьбу; Абеяра, учившегося у него, а затем резко полемизировавшего с ним в трактате «О тринитности» («De trinitate») и обвинявшего его перед парижским епископом; Иоанна Солсберийского и др. Интерес представляет анонимное, более объективное изложение идей Р., имеющееся в одной из рукописей 12 в. в парижской Нац. биб-ке (№ 17813, fol. 19; см. В. Hauréau, Notices et extraits de quelques manuscrits latins, t. 5, P., 1892). От самого Р. дошло

лишь письмо к Абеяру — «Epistola 15 que est Roscelini ad Abaelardum», Migne, PL, t. 178; см. также J. Reiners, Der Nominalismus in der Frühscholastik, [Münster, 1910] (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, Bd 8, H. 5), в к-ром Р. в очень осторожной форме высказывал свои теол. воззрения. Применив сформулированные им осн. идеи номинализма к учению о триединстве божием, Р. пришел к положениям, несовместимым с католич. догматикой, хотя сам он это отрицал. Утверждение, что действит. существованием могут обладать только «единые вещи» (res singulares) и что общие понятия — лишь наименования (nomina), даже «звучания голоса» («flatus vocis») привело Р. в вопросе о сущности божеств. триединства к признанию каждого лица троицы самостоятельным и отдельно существующим божеством и послужило основанием к обвинению его в «тритеизме» (троебожии). Церк. собор в Суассоне (1092) объявил учение Р. еретическим, заставил его от него отречься. Противники Р., напр. Ансельм Кентерберийский, отмечали связь между догматич. заблуждениями Р. и его пониманием разума, который «...должен быть управителем и судьей над всем, что есть в человеческой душе, по он настолько опутан телесными представлениями (imaginatio[n]ibus corporalibus), что не может от них освободиться» («De fide...», Migne, PL, t. 158, col. 265). В этих словах звучат нападки на прогрессивную рационалистич. и материалистич. тенденцию, к-рая проступала в идеях номиналистов и была в самой своей основе неприемлема для защитников догматич. богословия. В борьбе за эту тенденцию следует видеть историч. заслугу Р. как первого ср.-век. философа, выступившего против платоновского идеализма в его ср.-век. форме и защищавшего права разума против слепого авторитета церкви.

Лит.: История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); Сидорова Н. А., Очерки по истории ранней гор. культуры во Франции, М., 1953 (по указателю); Трахтеберг О. В., Очерки по истории западно-европ. ср.-век. философии, М., 1957, с. 26, 32, 34, 35; Adh. H. V. Roscelin und St. Anselm, «Philosophisches Jahrbuch», 1907, Bd 20, S. 442—56; Picaudet F., Roscelin philosophe et théologien, [2 éd.], P., 1911; Wilmarth A., Le premier ouvrage de St. Anselme contre le trithéisme de Roscelin, «Recherches de théologie ancienne et médiévale» (Louvain), 1931, № 3; Grabmann M., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 1—2, В., 1957 (по указат.).

В. Рамм. Ленинград.

РОТХАКЕР (Rothacker), Эрих (12 марта 1888—10 авг. 1965) — нем. философ, психолог и социолог культуры. Проф. философии в Гейдельбергском (1924—29) и Воннсском (с 1928) ун-тах. Филос. концепция Р. сложилась под влиянием Дильтея и нем. историч. школы. Осн. внимание он уделял философии истории как науке, изучающей структуру и законы жизни народов, а также «гносеологию и методологию историч. познания». Предпосылкой познания действительности, по Р., является «значимость», т. е. отнесенность знания к конкретной ситуации, в к-рой действует познающий субъект. При этом субъектом любого знания, творения и действия является конкретная историч. общность людей (см. ст. Р. о собств. взглядах в кн.: W. Ziegenfuss, G. Jung, Philosophen-Lexikon. Handwörterbuch der Philosophie nach Personen, Bd 2, В., 1950, S. 375). Внешний мир, по Р., неотделим от «значимости» и является ее объективацией. Не отрицая объективного познания, Р., следуя Дильтею, подчеркивает, что этим путем еще не достигается понимание целостности жизни. Оно достижимо лишь с помощью интуиции, «творч. прозрений». Все качества, к-рыми характеризуется историч. действительность, суть символы нашего жизненного чувства (см. «Logik und Systematik der Geisteswissenschaft», Bonn, 1926, S. 163). Мировоззрение, по Р., включает все духовные факторы, определяющие как миротолкование, так и поведение человека в пределах определ. социальной общности. Р. определяет культуру («стиль жизни») как специфич.

способ действия, мышления, миропонимания, организации жизни. Осн. носители «культуры» — общности, группы, народы и нации. В них специфичность способов действия и мышления развертывается от индивидуальной духовной жизни к обществ. «стилям жизни», получающим для отд. индивида авторитарную силу. Р. сводит историч. процесс к творч. развитию сознания и самосознания отд. индивидов и социальных общностей. В то же время Р. считает, что в конечном счете творч. одаренность различных социальных групп и народов определяют биологич. факторы. Заявляя, что каждое общество проявляется как специфич. культурная целостность жизни, он отвергает взгляд на историю как единый закономерный процесс и понятие историч. прогресса.

Филос. взгляды Р. непосредственно связаны с реакц. общественно-политич. убеждениями. В годы нацизма Р. восхвалял национал-социализм.

С о ч.: *Geschichtsphilosophie*, Münch.—B., 1934; *Probleme der Kulturanthropologie*, Bonn, 1948; *Mensch und Geschichte*, Bonn, 1950; *Die Schichten der Persönlichkeit*, 6 Aufl., Bonn, 1965; *Die dogmatische Denkform in den Geisteswissenschaften und das Problem des Historismus*, Mainz, 1954; *Intuition und Begriff*, Bonn, 1963; *Philosophische Anthropologie*, Bonn, 1964.

Лит.: К о н И. С., Бурж. философия истории в тунике, «Вопр. истории», 1960, № 12. И. Добронравов. Москва.

РОШЕ (Rochet), Вальдек (р. 5 апр. 1905) — деятель франц. и междунар. коммунистич. и рабочего движения, ген. секретарь Франц. коммунистич. партии. В 1924 вступил в члены ФКП. В 1932—34 — секретарь Лионского обкома (федерации) ФКП, затем секретарь аграрной секции ЦК ФКП, член бюро Всеобщей конфедерации трудящихся крестьян, ген. советник департамента Соны.

В 1936 избран кандидатом в члены ЦК ФКП и депутатом парламента. В 1940 по процессу 44 франц. депутатов-коммунистов был осужден на 5 лет каторжных работ. В 1943—1944 — представитель ЦК ФКП во Франц. комитете нац. освобождения в Лондоне, делегат временной Консультативной ассамблеи, председатель комиссии ассамблеи по вопросам с. х-ва. С 1945 — руководитель комиссии ЦК ФКП по вопросам работы среди крестьян и политич. директор газ. «La terre» («Земля»). В дальнейшем — депутат Учредит. собрания, председатель комиссии Собрания по вопросам с. х-ва и снабжения, депутат Нац. собрания. В 1945—50 — кандидат в члены Политбюро, с 1950 — член Политбюро ФКП. С мая 1961 — заместитель ген. секретаря ФКП. На XVII съезде ФКП (май 1964) был избран ген. секретарем.

В своих произв. Р. разрабатывает такие важнейшие проблемы современности, как проблемы демократии, разнообразие форм перехода от капитализма к социализму, характер диктатуры пролетариата в совр. условиях, возможности предотвращения войн, единство демократич. сил и т. д. На XVI и XVII съездах ФКП (1961 и 1964) Р. выступал с отчетными докладами ЦК партии, в к-рых был дан анализ политич. положения и определена программа демократич. обновления Франции. В докладе ЦК на XVII съезде ФКП Р. подчеркнул, что новое соотношение сил, сложившееся в мире, создало и новые условия для перехода к социализму; он говорил: «Мы считаем, что прежде всего в борьбе за то, чтобы положить конец господству монополий, в борьбе за подлинную политику мира, за все более глубокие демократические и социальные реформы рабочий класс сможет осуществить свое единство и объединить вокруг себя все антимонполистические слои... Развиваясь именно в этом на-

правлении, борьба за развитие демократии становится составной частью борьбы за социализм» («Rapport du comité central», см. «Cahiers du communisme», 1964, № 6—7, р. 51).

Во многих своих произв. Р. подчеркивает необходимость союза рабочего класса и трудового крестьянства в общей борьбе за демократию и социализм. Совершенно очевидно, пишет Р. в кн. «Труженники полей» («Ces de la terre», Р., 1964; рус. пер., М., 1964), что в такой стране, как Франция, «где трудящееся крестьянство представляет собой вторую по порядку силу, испытывающую капиталистическую эксплуатацию, союз рабочих и крестьян является первым условием общей победы и тех и других» (р. 322).

Подчеркивая, что политика мирного сосуществования между гос-вами с различными социальными системами отнюдь не означает исчезновения классовой или ослабления идеологич. борьбы, Р. пишет: «Классовая борьба продолжает усиливаться, и параллельно с этим, в идеологическом плане, марксизм и буржуазная идеология неизбежно ведут ожесточенную борьбу в сознании миллионов людей».

Особое внимание уделяет Р. роли и месту интеллигенции в борьбе Франц. компартии. «Партия, — подчеркивает Р., — углубила и будет впредь развивать свою программу демократического и национального обновления при непосредственном участии коммунистов-интеллигентов, работающих в самых разных областях...» («Le marxisme et les chemins de l'avenir», Р., 1966, р. 73).

Вся практич. и теоретич. деятельность Р. связана с неустанной борьбой ФКП за мир и дружбу между народами, в поддержку национально-освободит. движения, за единство всех революционных, прогрессивных сил современности.

Верная принципам пролет. интернационализма, ФКП последовательно борется за укрепление единства и сплоченности междунар. коммунистич. и рабочего движения. Выступая на XVII съезде ФКП, Р. говорил: «Французская коммунистическая партия приложит все силы к тому, чтобы укрепить единство международного коммунистического движения — залог победы в борьбе против империализма, за мир, социальный прогресс, за демократию, за социализм» («Cahiers du communisme», 1964, № 6—7, р. 104).

Р. всемерно способствует укреплению и развитию добрых традиций братства и пролет. солидарности между ФКП и КПСС, дружбы между народами СССР и Франции.

С о ч.: Отчетный доклад ЦК ФКП, в кн.: XVI съезд Французской коммунистической партии, М., 1962; *Qu'est-ce que la philosophie marxiste?*, Р., 1962.

Лит.: С е д ы х В. Н., Вальдек Роше (к 60-летию со дня рождения), «Вопр. истории КПСС», 1965, № 4.

РОШКА (Roșca), Думитру (р. 29 янв. 1895) — рум. философ, проф. Клужского ун-та; чл.-корр. АН СРР (с 1963). В прошлом Р. разрабатывал вопросы этики с идеалистич. позиций, но выступал с критикой иррационализма. После освобождения страны Р. изучал марксистскую философию, анализировал с марксистской т. зр. нек-рые вопросы гегелевской логики, в частности теорию понятия. Перевел на рум. яз. осн. работы Гегеля.

С о ч.: *L'influence de Hegel sur Taine théoricien de la connaissance de l'art*, Р., 1928.

РУАЙЕ-КОЛЛАР (Royer-Collard), Пьер Поль (21 июня 1763—4 сент. 1845) — франц. философ, электик спиритуалистич. направления, умеренный либерал — «роялист буржуазной породы», как называл его франц. историк Филипп (см. А. Phillippe, Royer-Collard. Sa vie publique, sa vie privée, sa famille, Р., 1857). В философии Р.-К. соединил противоположные филос. учения, но гл. источниками его филос. концепции были идеи *Мен де Бирана* и *Руда*. Для Р.-К. внеш-

ный мир реален, об этом свидетельствует повседневный опыт человека. Однако, вслед за Ридом, убежденные в существовании этой реальности Р.-К. основывал на вере, что и составляло теоретич. основу его *спиритуализма*, его критики *сенсуализма*. Р.-К. подчеркивал активность души или разума, к-рый не менее, чем ощущения, является, по его мнению, источником наших знаний: «... существование универсума, универсального времени, внешней причинности, все эти труднодостижимые тайны скрыты в еще более глубокой тайне жизни интеллектуальной...» (цит. по кн.: Reid T. H., Oeuvres complètes..., t. 4, P., 1828, p. 433; Соч. Р.-К. опубликовано в приложении к 3-му и 4-му тт. этого издания). Примыкая к *Лейбницу*, Р.-К. понимал «я» как некую духовную сущность. Рассматривая взаимоотношение субъекта и объекта, Р.-К. утверждал, что уже первое ощущение «...которое мы испытываем, раскрывает нам единство двух фактов — действительную реальность того, что ощущается и действительное существование того, что ощущает» (там же, p. 434). Существование и мышление одновременно, одно не существует без другого. Таким образом, Р.-К. отрицал объективное содержание ощущений, знания, приходил к идеалистич. выводу, не только переводя в спиритуалистич. план, но, в сущности, отрицая свое признание реальности внешнего мира. Идеалистич. эклектич. учение Р.-К. продолжил *Куген*, оно давало пищу для различных субъективно-идеалистич. течений и во 2-й пол. 19 в.

Соч.: Les fragments philosophiques..., par A. Schimberg, P., 1913.

Лит.: История философии, т. 3, [М.], 1913, с. 399—400; История философии, т. 2, М., 1957, с. 193; Barante A. de, La vie politique de M. Royer-Collard, ses discours et ses écrits, 2 éd., v. 1—2, P., 1863; Baudrillart H., Publicistes modernes, P., 1863; Royer-Collard, в кн.: Dictionnaire des sciences philosophiques, sous la dir. de Ad. Franck, P., 1885; Sruiller E., Royer-Collard, P., 1895; Antonescu G., Royer-Collard als Philosoph, Borna—Lpz., 1904 (Diss.); Nesmes I. de, Les doctrines politiques de Royer-Collard, [Montpellier], 1908 (Diss.); Jovy E., De Royer-Collard à Racine, Vitry-le-François, 1917.

Г. Зельманова. Ленинград.

РУБИН, Арон Ильич [29 дек. 1888 (10 янв. 1889) — 7 янв. 1961] — сов. философ, переводчик филос. лит-ры. Кандидат филос. наук (с 1944). Окончил юридич. фак-т Петерб. ун-та (1911), аспирантуру Ин-та философии РАНИОН (1929). В 1924—28 участвовал в подготовке к печати докторской диссертации Маркса. Преподával (с 1928) философию и логику в вузах Москвы, Калинин, Ярославля. Исследовал историю зап.-европ. философии нового времени, ср.-век., араб. и евр. философий (см., напр., ст. Брэдлей, Гердер в 1-м изд. БСЭ), проблемы логики. Неск. статей Р. посвящено филос. интерпретации произведений рус. поэзии («Поэт вечного воспоминания», опубли. в журн. «Северные зап.», 1914, окт.—нояб.) и логики («О логич. учении Аристотеля», ВФ, 1955, № 2). Р. принадлежит переводы произведений Х. Уарте («Исследование способностей к наукам», М., 1960), Дж. Бруно («О бесконечности, вселенной и мирах», в кн.: Дж. Бруно, Диалоги, М., 1949), М. Маймонида (главы из «Путеводителя колеблющихся», в приложении к кн. С. Н. Григоряна, «Из истории философии Ср. Азии и Ирана VII—XII вв.», М., 1960), Ибн Рошда («Опровержение опровержения» (совм. с А. В. Сагадесвым), в кн.: Избр. произв. мыслителей стран Ближнего и Ср. Востока IX—XIV вв., М., 1961), польских мыслителей (в кн.: Избр. произв. прогрессивных польских мыслителей, т. 1—3, М., 1956—58).

РУБИШТЕЙН, Сергей Леонидович [6(18) июня 1889—11 янв. 1960] — сов. психолог и философ, чл.-корр. АН СССР (с 1943). Зав. кафедрами психологии Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена (1930—42), Моск. гос. ун-та (1942—50), директор Ин-та психологии АПН РСФСР (1942—45), зам. директора Ин-та

философии АН СССР (1945—49), зав. сектором психологии Ин-та философии АН СССР (1945—60).

Осн. направление исследований — филос. проблемы *психологии*, критич. анализ гл. направлений зарубежной психологии и философии, конкретное исследование проблем памяти, восприятия, речи, мышления. Применил к психологии марксово понятие деятельности (1934); в труде «Основы общей психологии» (1940, 2-е изд., 1946; первое изд. удостоено Гос. премии СССР) Р. представил систему психологии, основанную на принципе единства сознания и деятельности. Разработал диалектико-материалистич. понимание принципа *детерминизма* применительно к психологии (действие внешних причин через посредство внутр. условий), конкретизировал марксистскую концепцию психического как идеального, субъективного и предложил оригинальную трактовку категории объекта. Дал анализ экономическо-филос. рукописей Маркса 1844 применительно к психологии (1959). На основе принципа детерминизма развил рефлекторную теорию мышления. В последние годы исследовал проблему человека в плане онтологии, гносеологии и этики.

Соч.: Проблемы психологии в трудах К. Маркса, «Сов. психотехника», 1934, т. 7, № 1; Бытие и сознание, М., 1957; О мышлении и путях его исследования, М., 1958; Принципы и пути развития психологии, М., 1959; Проблема способностей и вопросы психологич. теории, «Вопр. психологии», 1960, № 3; Очередные задачи психологич. исследования мышления, в сб.: Исследования мышления в сов. психологии, М., 1966; Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения, под общ. ред. С. Л. Рубинштейна, М., 1960; Из неопубл. рукописи С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», «ВФ», 1966, № 7.

К. Славская. Москва.

РУГЕ (Ruge), Арнольд (13 сент. 1802—31 дек. 1880) — нем. философ-младогегельянец, политич. деятель, публицист, писатель. За участие в буршенштафтах, требовавших политич. свобод и единства Германии, арестован в 1824 и до 1830 находился в заключении в Кольберге. В 1831 Галльский ун-т присудил ему докторскую степень за работу «Эстетика Платона» («Die Platonische Aesthetik», Halle, 1832); с 1832 — приват-доцент филологии и древней философии в этом ун-те. В 1838—43 Р. — глава младогегельянства (см. *Гегельянство*). Вместе со своим другом Т. Эхтермейером (1805—44) основал журн. «Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галльский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»), начавший выходить в Галле 1 янв. 1838 (с 1 июля 1841 — в Дрездене под названием «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst»). Провозгласив девизом журнала соединение философии с практич. задачами дня, Р. вскоре превратил журнал в трибуну нем. бурж. радикализма.

Кульминац. пунктом идейного развития Р. явилась его ст. «Самокритика либерализма» («Selbstkritik des Liberalismus», опубли. в журн. «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst», 1843, 2. Jan.), в к-рой он пришел к требованию претворить либерализм в демократизм. Однако демократизм Р. был половичатым, не выходящим за рамки бурж. радикализма. Эта половичатость обнаруживается и в его филос. кредо, к-рое Р. изложил в ст. «Гегелевская философия права и политика нашего времени» («Die Hegelsche Rechtsphilosophie und die Politik unserer Zeit»). Здесь Р. одним из первых подверг критике гегелевскую философию права за превращение конкретных историч. явлений в чисто логич. категории. Тем не менее эта критика не вывела Р. за пределы идеализма, ибо для него «конкретное государство является не чем иным, как формой существования духа, в которой последний воплощается исторически» («Deutsche Jahrbücher...», № 191, 12. August, S. 762).

С идеалистич. позиций поддерживал он и фейербаховский антропологизм. Сотрудничество с *Фейербахом* Р. начал еще в 1838, предоставив ему страницы своего

журнала. В 1841—42 «Нем. ежегодник» развернул обсуждение «Сущности христианства», поддержав Фейербаха против Штрауса в полемике о «чужде». Одновременно Р. сам написал обширную рецензию на «Сущность христианства», пронидательно усмотрев «очень существенное отличие Фейербаха от всей гегельянской, даже от так называемой младогегельянской философии»: если младогегельянцы лишь вскрыли неноследовательность Гегеля и вывели из необходимых следствия из его философии, то «... позитивное уничтожение существенной части гегелевской философии, а именно философии религии, впервые дал Фейербах в „Сущности христианства“ в форме феноменологии христианской религии» («Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik», Z., 1843, Bd 2, S. 17—18). Однако Р., подобно большинству современников, не понял тогда подлинного, материалистич. содержания произведения Фейербаха. Гораздо ближе к выяснению сути дела уже в начале 1842 подошел молодой Маркс в ст. «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 1, с. 28—29), опубликованной в «Нем. ежегоднике». В связи с публикацией этой и др. статей между Марксом и Р. завязывается в 1842 переписка. Весной 1843, после запрещения «Нем. ежегодника» и редактировавшейся Марксом «Рейнской газеты», Р. и Маркс решили совместно издавать в Париже «Нем.-франц. ежегодник». В это время завершается переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Между тем Р. остался на полоничатых позициях бурж. радикализма. Враждебно относясь к пролет. коммунизму, он под псевдонимом «Пруссак» выступил в газете «Vorwärts» со статьей, принижавшей значение восстания силезских ткачей в июне 1844. Эту позицию Маркс подверг резкой критике в «Критических заметках к статье „Пруссак“ „Король прусский и социальная реформа“» (см. там же, с. 430—48). В результате обнаружившихся идейных разногласий прекратилось издание «Нем.-франц. ежегодника», а вместе с ним закончилась и восходящая фаза идейного развития Р. В дальнейшем Р. был деятелем нем. мелкобурж. демократии, принимал участие в революции 1848, а в 1866 стал национал-либералом.

Несмотря на свою вражду к коммунизму, Р. дал высокую оценку первому тому «Капитала», считая, что «Маркс обладает широкой ученостью и блестящим диалектическим талантом» (цит. по кн.: Меринг Ф., Карл Маркс. История его жизни, М., 1957, с. 408).

Соч.: Neue Vorschule der Aesthetik. Das Komische mit einem komischen Anhang, Halle, 1836; [2 Aufl.], Halle, 1837; Zwei Jahre in Paris, Tl 1—2, Lpz., 1846; Sämtliche Werke, 2 Aufl., Bd 1—10, Mannheim, 1847—48; Politische Bilder aus der Zeit, Tl 1—2, Lpz., 1847—48; Die Gründung der Demokratie in Deutschland, oder der Volksstaat und der social-demokratische Freistaat, Lpz., 1849; Aus früherer Zeit, Bd 1—4, B., 1862—67; Der Krieg und die Entwaffnung, B., 1867; Geschichte unserer Zeit, Lpz.—Hdlb., 1881; Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880, hrsg. von P. Nerlich, Bd 1—2, B., 1886; Ausgewählte Texte, в кн.: Strauss D. F. [u. a.], Die Junghegelianer, B., 1963.

Лит.: Маркс К., [Письма к Руге 1842—1843 гг.], в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956, с. 240—49, 251—57; его же, Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, с. 371—81; Маркс К. и Энгельс Ф., Великие мужи эмиграции, там же, т. 8; Корню О., К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, т. 1—2, М., 1959—61; Робенберг Н., А. Руге und die «Hallischen Jahrbücher», «Archiv für Kulturgeschichte», 1929, Bd 20, H. 3; Neher W., A. Ruge als Politiker und politischer Schriftsteller, Hdlb., 1933 (Heidelberger Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte, H. 64).

РУДАШ (Rudas), Ласло (1885—1950) — венг. философ-марксист, один из основателей Коммунистич. партии Венгрии. После поражения Венгерской советской республики (1 авг. 1919) находился в СССР, принимая активное участие в междунар. коммунистич. движении. Р. пропагандировал идеи диалектич. и ис-

торич. материализма, выступал против ревизионизма марксизма-ленинизма. В 20-е гг. принимал непосредственное участие в дискуссии с «механистами». После возвращения в Венгрию в 1945 Р. возглавил Высшую парт. школу, затем стал ректором Экономич. ин-та в Будапеште. Им был написан ряд работ, посвященных изложению основ философии марксизма-ленинизма; книга Р. «Материалистическое мировоззрение» («Materialista világnézet», 1947, 4 kiadv., Vdpst, 1950) — первое систематич. изложение диалектич. материализма в Венгрии. Р. неоднократно выступал с критикой эстетич. и филос. концепций Лукача.

М. Хевеши. Москва.

РУДНЯНСКИЙ, Стефан (Щепан Рунич, Рубер) (28 апр. 1887—23 июня 1941) — польский философ-марксист и обществ. деятель. Первым перевод на польский яз. кн. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Доктор философии (с 1927), проф. Львовского ун-та (1939—41). Чл. Коммунистич. партии Польши (с 1918).

Р. занимался преим. франц. материализмом 18 в. (ему принадлежит, в частности, перевод кн. Ламетри «Человек-машина») и историей польской филос. мысли. Р. — едва ли не единственный крупный философ-марксист в довоен. Польше. Р. принадлежит первое в Польше популярное изложение диалектич. материализма — «Беседы по философии материализма» («Rogadanki filozoficzne», Вильна, 1910). В 30-е гг. Р. опублик. ряд работ о философии в СССР, а также статьи, знакомящие сов. читателей с польской революц.-демократич. мыслью. Р. принадлежит ряд ярких атеистич. статей.

Соч.: Z dziejów filozofii, Warsz., 1959; в рус. пер. — Энгельс и младогегельянцы в России и Польше в 40-х гг. XIX в., «ПЗМ», 1941, № 5.

Лит.: Кравчик З., О филос. трудах С. Руднянского, «ВФ», 1962, № 7; История философии, т. 5, М., 1961, с. 424.

Е. Прудовский. ПНР.

РУЛЬЕ, Карл Францевич [8 (20) апр. 1814—10 (22) апр. 1858] — рус. естествоиспытатель, биолог-эволюционист. Развивал идеи о единстве организмов и условий его существования и доказывал причинную зависимость эволюции живых форм от изменения окружающей среды. Труды Р. положили начало экологии, а его палеонтологич. исследования подготовили почву для создания эволюц. палеонтологии. Р. был одним из первых в России пропагандистов и популяризаторов естеств.-науч. взглядов. По инициативе Р. Моск. об-во испытателей природы издавало в 1854—60 научно-популярный журнал «Вестник естественных наук».

Соч.: Избр. биологич. произведения, М., 1954.

Лит.: Давиташвили Л. Ш. и Микулинский С. Р., К. Ф. Рудье — выдающийся рус. естествоиспытатель-эволюционист, в кн.: Научное наследство, т. 2, М., 1951, с. 529—69; Райков Б. Е., Рус. биологи-эволюционисты до Дарвина, т. 3, М.—Л., 1955.

РУМЛ (Ruml), Владимир (р. 20 мая 1923) — чеш. философ-марксист, доктор философии. Окончил природоведч. и филос. фак-ты Карлова ун-та в Праге. В период оккупации Чехословакии участвовал в подпольной борьбе КПЧ, был в заключении. С 1948 по 1952 преподавал в Высшей школе политич. и гос. наук в Праге; ныне директор Ин-та философии АН ЧССР (с 1963). Сфера науч. деятельности Р. — методология науки, а также проблема отношения философии и политики.

Соч.: Materialistická dialektika a dnešní problémy naší socialistické výstavby, Praha, 1958 (соавтор); O předmětu filosofie, Praha, 1959; Aktuální význam Leninova filosofického odkazu, в сб.: Marxistická filosofie a naše dnešní politika, Praha, 1959; Ideologie a věda, «Otázky míru a socialismu», 1960, № 7; Lidstvo, věda a vesmír (Světový názor a mezplanetární lety), Praha, 1960 (соавтор); Astronomie a světový názor, в сб.: Filosofie a přírodní vědy, Praha, 1961; Základní otázky filosofie logického pozitivismu, Praha, 1962; K otázkám vědy jako výrobní síly, в сб.: Teoretické podněty XXII sjezdu KSSS, Praha, 1963; Marxistická filosofie a komunistická strana, Praha, 1965 (соавтор); Der logische Positivismus, B., 1965.

РУМЫНСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. История рум. народа характеризуется непрерывной борьбой за нац. независимость, к-рая особенно усиливается с конца 14 в. в связи с частыми тур. нашествиями и впоследствии — с установлением ига Османской империи. Эта борьба сливается с выступлениями нар. масс против феод. гнета. В начале 15 в. учащаются восстания крепостных и гор. бедноты. В идеол. платформе крест. восстания 1437 (Бобыльня) эконо. и социальные требования перенесаются с гуситскими еретич. идеями. Крест. восстание, возглавляемое Д. Дожа (1514), выдвигает требования политич. и социального равенства людей и осуждает рабство как неестеств. состояние.

Появление письменности на родном языке и введение светского образования в школах значительно способствовали развитию культуры. В это время выступают такие мыслители-гуманисты, как Николае Олахус (1493—1568), Иоани Хонгерус (1498—1549), Иоани Зоммерус (1542—74). В Молдавии и Валахии посетителями передовых идей этого времени были летописцы Гр. Уреке (1590—1647), Мирон Костин (1633—91), Йон Некулче (1672—1745) и Кантакузино Столикул (1650—1716). Их труды способствовали формированию нац. сознания, а также формированию рум. лит. яз. Николай Милеску-Спафарий (1636—1708) выдвигает идею необходимости непосредств. изучения природы. Рационализм в науке и философии проявляется в работах венг. мыслителя Яноша Апацаи Чери (1625—1659), проживавшего в Трансильвании. Тенденция к светскому, гуманистич. мышлению нашла воплощение в богатом и разнообразном (логика, этика, история, география, ориенталистика) творчестве Д. Кантелира.

Во 2-й пол. 18 в. в рум. княжествах происходит процесс разложения феод. общества и формирования капиталистич. отношений. Стремления народа и передовых элементов формирующейся буржуазии и прогрессивных представителей боярства нашли отражение в деятельности просветителей (см. *Просвещение*). В Трансильвании просветительские идеи развиваются благодаря идеол. движению, известному под именем «Ардяльской школы», представители к-рой С. Милку (1745—1806), Г. Шинкай (1754—1816), П. Майор (1761—1821) выступали за ограничение власти дворянства, облегчение положения крепостного крестьянства и за нац. освобождение. Наиболее передовые позиции отражены в творчестве писателя Й. Будай-Деляну (1760—1820), автора сатирич. эпосов, содержащей критику феод. учреждений, монархии, дворянства и церкви. В Валахии и Молдавии просветительство стремилось поставить культуру и школу на службу социального и нац. освобождения рум. народа. Преподавательская деятельность основоположника высшего образования на рум. яз. Г. Лазэра (1779—1823) в Бухаресте и Г. Асаки (1788—1869) в Яссах была проникнута идеей освобождения от социального гнета и ликвидации культурной отсталости народа путем распространения науки и культуры на рум. яз. В своей обществ.-лит. деятельности Лазэр проявлял интерес к философии и в частности к социологии и этике. Историю он представил в виде циклич. процесса преобразования добра в зло и обратно. Й. Э. Рэдудеску (1802—72) продолжил дело Лазэра по организации школьного образования в Валахии и явился основателем печати на рум. яз. В этот же период появляются идеи *утопического социализма*, гл. представителем к-рого был *Диамант*, сторонник учения *Фурье*. Растет интерес к естеств. наукам; в Молдавии учреждается научное «Общество врачей и естествоиспытателей» (1833), к-рое сыграло важную роль в распространении науч. знаний, в критике предрассудков и суеверий, в пропаганде стихийно-материалистич. идей. Идеол. движение конца 18—нач. 19 вв., к-рое

включало идеи социального и нац. освобождения, явилось идейной предпосылкой революции 1848, направленной против феод. угнетения и иноземного ига. Представители революц.-демократич. течения во главе с *Бэлческу* утверждали, что разрешить социальные и нац. проблемы можно лишь путем революции, опираясь на широкие слои народа. Бурж.-демократич. течение, допускавшее революцию лишь как крайнюю меру, требовало ликвидации феодализма путем реформ (по без компромисса с помещиками). К видным представителям этого течения принадлежали М. Когалничану (1817—91), историк и политич. деятель; публицист и историк Дж. Баричиу (1812—93), подвергавший критике феодализм, позитивизм и реакц. идеологию вообще; проф. философии С. Баричиу (1808—1864), отстаивавший антирелиг., рационалистические и респ. идеи; писатель А. Руссо и др. Для этого и послереволюц. периода характерна тенденция к освобождению философии из-под власти теологии, к усилению влияния элементов рационализма и материализма. Материалистич. элементы свойственны мировоззрению и нек-рых естествоиспытателей [П. Васич (1806—81), Ю. Бараш (1815—63)]. Учреждение ун-тов в Яссах (1860) и в Бухаресте (1864), а также нек-рых науч. об-в благоприятствовало развитию науки и материалистич. мышления. Распространение и развитие естествознания способствовало формированию нового материалистич. течения в Румынии. Такие деятели науки, как Г. Штефэнеску, *Михайлеску*, Ф. Ментович, *Крассер*, отстаивая новые достижения естеств. наук — дарвинизм и атомную теорию — и защищая принципы сохранения материи и энергии, отвергали спиритуализм и утверждали веру в безграничность познания, способности человека. Решающий вклад в борьбу с идеализмом внес крупнейший рум. материалист *Конта*.

Распространение идей марксизма в Румынии начинается в 70-х гг. 19 в., с появлением первых социалистов (Н. Зубку-Кодряну, д-р Руссел и др.), находившихся вначале под влиянием *народничества*. Усиление влияния марксизма в 90-х гг. было связано с формированием и развитием рабочего движения и означало революц. поворот в истории рум. обществ. и филос. мысли. Рум. социалисты были связаны с междунар. социалистич. движением и непосредственно с Марксом, Энгельсом и Лениным. В письме, адресованном рум. социалистам в 1888, Энгельс выражает свое удовлетворение тем, что они «...принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов, — теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 37, с. 4). Гл. средством распространения марксизма служила социалистич. печать [«Contemporanul» (1881—91), «Viitorul social» (1907—08 и 1913—14), «Revista social» (1884—87)], на страницах к-рой появлялись как переводы из произв. Маркса, Энгельса и Ленина, так и статьи рум. марксистов. Одной из важных тем, обсуждавшихся в социалистич. печати, была проблема жизнеспособности социализма в Румынии; вопреки утверждениям бурж. идеологов, отстаивавших закономерность борьбы за социализм в условиях Румынии. Проп. идеями марксистских идей выступили *Геря-Доброджану*, Ш. Стынка, *Ионеску* (Риоп) и др.

Гл. ареной борьбы мировоззренч. в конце 19 и начале 20 вв. становится биология. Сущность и происхождение жизни, развитие видов, происхождение человека — были осн. дискус. вопросами. Большинство рум. естествоиспытателей встало на позиции дарвинизма и материализма. Борьба материализма и идеализма, науки и религии принимала форму публичной полемики. Так, естествоиспытатели Н. Леон

и Д. Войнов выступили против представителя идеализма в физиологии Н. Паулеску, пытавшегося вновь использовать креационистское понимание происхождения жизни и видов. В области физики и химии материалистич. направление представляли К. Истрати и Д. Хурмузеску, а в медицине — В. Бабеш (1854—1926). Распространение материалистич. идей естествознания породило материалистич. и атеистич. течение, сыгравшее значит. роль в идеол. борьбе нач. 20 в. Образовались кружки вольных мыслителей — представителей интеллигенции и рабочего класса. В области социологии, этики и эстетики выступил С. Думитреску-Янь, концепция историч. развития разрабатывалась *Ксенополом*. Одним из осн. идеол. течений этого периода был попоранизм, соответствующий рус. либеральному народничеству. Попоранизм отрицал необходимость в Румынии капитализма; осн. обществ. классом, к-рому принадлежит будущее, попоранисты считали крестьянство, а обществ. идеал им рисовался в форме мелкобурж., крест. гос-ва. Социол. теория попоранизма была враждебна социалистич. движению и марксизму. Гл. идеолог попоранизма К. Степе (1865—1936) отстаивал идею о невозможности существования в Румынии политич. партии пролетариата. В области эстетики попоранизм стоял на позициях гуманизма, призывая к изображению в иск-ве нищеского положения рум. крестьянства.

В период между двумя мировыми войнами в рум. философии и социологии появляются различные течения и направления зап.-европ. мысли. *Персонализм*, соединенный с *энергетизмом*, был представлен в лице *Рэдулеску-Мотру*. Мистицизм и иррационализм проповедовал *Л. Блага*. Представители иррационалистич. течений отрицали науч. ценность философии, утверждая, что настоящая философия — это религия [Н. Иопеску (1888—1954), Н. Крайник, р. 1889]. С критикой фашистской идеологии и защитой роли разума выступили П. П. Негулеску, *Рала*, М. Флориан (1888—1960), *Бэдэрэу*, *Рошка*, П. Андрей (1891—1940). В области эстетики прогрессивные позиции занимали *Ибрэляну*, Т. Виану и Г. Габор. Социол. проблемами, в частности исследованиями деревни, занималась созданная *Густы* «Монографическая школа», собравшая богатый документ. материал и разработавшая социол. исследовательскую технику. Естествонауч. материализм поддерживали такие ученые, как Г. Маринеску, Э. Раковица, К. Пархон, Г. Цицейка, С. Стоплов, Т. Сэвулеску и др.

Утверждение марксистско-ленинского мировоззрения в рум. рабочем движении в борьбе против реформизма, оппортунизма и догматизма является заслугой Коммунистич. партии Румынии (осн. в 1921). Марксисты подчинили дело духовного освобождения борьбе за социальное освобождение, за свержение капиталистич. строя. Начиная с 1924 КПП развернула свою деятельность в тяжелых условиях подпольной борьбы и антикоммунистич. террора. Особое значение в идеол. борьбе Коммунистич. партии Румынии имел V съезд (1931), на к-ром был решен вопрос о характере, этапах и движущих силах рум. революции. Разоблачая теорию некрепостничества и сектантский тезис, будто Румыния стоит непосредственно на пороге пролет. революции, V съезд указал на то, что страна находится перед этапом завершения бурж.-демократич. революции, гегемоном к-рой должен быть пролетариат в союзе с крестьянством и во главе с коммунистич. партией, и что имеются все условия для быстрого перехода от бурж.-демократич. революции к социалистической.

Борьба против реакц. идеологии и распространение идей марксизма-ленинизма велись марксистскими публицистами: С. Тимовым, Н. Д. Коча, И. Кристя, *Жожа*, П. Константинеску-Янь, Ш. Войку, Т. Бугнариу и др. как на страницах нелегальных изданий партии

(«Lupta de Clasă», «Știința»), так и в легальной печати («Era nouă», «Frontul roșu», «Manifest» и др.).

После свержения фашистской диктатуры в Румынии (23 авг. 1944) были созданы все условия для пропаганды марксистской философии, для ее творч. развития. В Ин-те философии Академии наук СРР, на филос. ф-тах Бухарестского и Клужского ун-тов и на кафедрах др. вузов разрабатываются актуальные теоретич. проблемы, проводятся исследования в области диалектики, гносеологии, истории философии и др. Опубликованы коллективные труды, сборники и монографии «К пятидесятилетию со дня появления в свет труда В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“» («50 de ani de la apariția operei lui V. I. Lenin „Materialism și empiriocriticism“», Buc., 1960) и «К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина» («90 de ani de la nașterea lui V. I. Lenin», Buc., 1960), «Философские проблемы естествознания» («Probleme de filozofie a științelor naturii», Buc., 1957), «Очерки по диалектич. материализму» («Studii de materialism dialectic», Buc., 1960). Вышли в свет 1-й, 3-й, 4-й тт. сб. «Диалектич. материализм и совр. естественные науки» («Materialismul dialectic și științele contemporane ale naturii», Buc., 1959—64) и 9-й, 10-й тт. под названием «Диалектич. материализм и естествознание» («Materialismul dialectic și științele naturii», Buc., 1964—65) и др. В области диалектич. материализма появились также работы: «Диалектика научного познания» («Dialectica cunoașterii științifice», Buc., 1962), «Материалистич. диалектика — общая методология частных наук» («Dialectica materialistă metodologia generală a științelor particulare», Buc., 1963), «Антология атеизма в Румынии» («Antologia ateismului din România», Buc., 1962). Науч. деятельность, развернувшаяся в области освоения прогрессивной рум. мысли, выразилась в монографиях и очерках — о Кантемире, Бэлческу, Конта, Ксенополе, Густы и по марксистской философии в Румынии, в обобщающей работе «История социол. и филос. мысли в Румынии» («Istoria gândirii sociale și filozofie în România», Buc., 1964). Кроме этого, были опубликованы «Очерки по историч. материализму» («Studii de materialism istoric», Buc., 1960), «Развитие социалистич. сознания в РНР» («Dezvoltarea conștiinței socialiste în Republica Populară Română», Buc., 1961) и др. В 60-е гг. были предприняты конкретные социол. исследования, итогом к-рых явилась работа «Духовный облик рабочего класса при социализме» («Profilul spiritual al clasei muncitoare în socialism», Buc., 1964). Многосторонние исследования провел акад. Жожа в области диалектич. логики, *Рала* — в области социологии и психологии, акад. *Гуляну* опубликовал работы по социологии, этике и истории философии, Виану — очерки по эстетике и истории литературы, Бэдэрэу, Рошка и Флориан опубликовали очерки по логике и истории философии. Вышли также в свет учебники по диалектич. и историч. материализму (под редакцией чл.-корр. АН СРР Т. Бугнариу). Органом обществ.-политич. и филос. мысли в Румынии являются журналы: «Luptă de Clasă», «Revista de filozofie», «Acta logica», а также Вестники ун-тов в Яссах, Клуже и Тимишоаре.

Лит.: Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв., М., 1961; История философии, т. 1, М., 1957, с. 663—69; т. 2, М., 1957, с. 475—85; т. 4, М., 1959, с. 318—25; т. 5, М., 1961, с. 436—45; Марксистско-ленинская философия в СССР и европ. социалистич. странах, М., 1965, с. 487—504; Texte privind dezvoltarea gândirii socialpolitice în România, Buc., 1954; Din istoria filozofiei în România, v. 1—3, Buc., 1955—60; Istoria României, v. 1—4, Buc., 1960—64; Panța și R., Filozofia marxistă în România, Buc., 1963; Istoria gândirii sociale și filozofice în România, Buc., 1964. *Инт-т философии АН СРР.*

РУСА́НОВ, Николай Сергеевич (1859—1928)—рус. историк утопич. социализма, народоведец, позже — активный член партии эсеров. В 1882—1905 жил за границей, где сотрудничал в ряде рус. эмигрантских

журналов. Филос. мировоззрение Р. противоречиво; заявляя о своем согласии с марксизмом, он подвергал критике осн. положения историч. материализма, к-рый понимал как экономич. материализм. Наряду с ошибочными положениями Р. высказывал и верные идеи относительно прогрессивного развития общества. Он писал, что человечество неизбежно придет от капитализма к коммунизму, к цельной гармонич. личности, в к-рой «...материальные и идеальные элементы будут соединены в высшей гармонии» («Мировой рост и кризис социализма», М., 1906, с. 44). Характеризуя политич. деятельность Р., Ленин отмечал, что в последний ее период, в период Временного пр-ва, он был революционером на словах, а на деле выступал защитником капиталистов (см. Соч., т. 25, с. 396). После Октябрьской революции Р. эмигрировал за границу.

С о ч.: На родине. 1859--1882, [М.], 1931; Очерки совр. Франции, 2 изд., СПб, 1904; Галлерей совр. франц. знаменитостей, СПб, 1906; Социалисты Запада и России, 2 изд., СПб, 1909. О. Пауэртилова, П. Серебров. Ленинград.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ. Филос. мысль рус. народа прошла большой и сложный историч. путь. Гл. этапы ее развития совпадают в основном с этапами развития обществ.-экономич. отношений в России.

Русская филос. мысль эпохи феодализма (примерно до последней трети 18 в.). В период раннего феодализма филос. мысль, как это было и в др. странах, еще не отожествлялась от др. областей знания и от религии. В Киевской Руси филос. мышление развивается на почве языч. мировоззрения — *древнеславянской религии и мифологии*. Осн. филос. элемент язычества — наивный *пантеизм* и связанный с ним начальные натурфилос. представления. Первые проблемы др.-рус. филос. мысли относятся в основном к выяснению понятий о душе, о взаимодействии души и тела. С проникновением в страну христианства расширяется круг мировоззренч. идей др.-рус. мыслителей, устанавливаются связи с культурой Византии (см. *Византийская философия*), юж. славян и др. народов Европы, др.-рус. мыслители знакомятся с филос. наследием античности (Аристотель, Демокрит, Платон и др.). Их представления о философии в то время тождественны с представлениями о мудрости, знании вообще. Значит. роль в распространении филос. понятий в Древней Руси принадлежат переводным филос. трудам Иоанна Дамаскина («Диалектика»), Иоанна Экзарха Болгарского («Шестоднев»), Филиппа Пустытника («Диоптра») и др. Благодаря им на Руси становятся известными антич. учение о четырех стихиях как первоэлементах мироздания, геоцентрич. учение (Косма Индикоплов), различные трактовки взаимоотношения души и тела, разнообразные естеств.-науч. сведения.

Жизнь раннефеод. рус. общества и гос-ва выдвигала перед мыслителями задачи, связанные с решением собственных идеолгич. проблем. Наиболее важные оригинальные произведения др.-рус. социолгич., филос. и этнич. мысли — «Слово о законе и благодати» Иллариона (сер. 11 в.), «Послание» Никифора к Владимиру Мономаху, «Повесть временных лет» Нестора (нач. 12 в.), «Послание» митрополита Климента Смолятича, «Послания» и «Слова» Кирилла Туровского (сер. 12 в.), «Слово о полку Игореве» (12 в.), «Моление» Даниила Заточника. В «Посланиях» Кирилла Туровского наряду с осн. тенденцией православно-христ. догматики видна мысль о роли разумного начала в жизни человека, в познании им мира. В «Послании» Климента Смолятича заметны попытки т. н. символич. истолкования «священных» текстов и элементы теолгич. рационализма. В «Повести временных лет» — наиболее ярком памятнике обществ. самосознания Киевской Руси — отчетливо выражены мысли об историч. роли славянства, рус. истории как части мировой истории; здесь обосновывается идея единства

рус. народа, общности происхождения славян, излагается эсхатолгич. «философия истории» христианства («Речь философа»). Автор «Слова о законе и благодати» развивал идеи о равноправии всех народов, о рус. народе как историч. народе, пытаясь осознать нек-рые закономерности историч. процесса, вступая тем самым в известное противоречие с концепцией *провиденциализма*, к-рая надолго стала определяющей историч. и филос. концепцией. В «Послании» Никифора неортодоксально решаются вопросы о человеке, об источниках познания, о соотношении чувств, ума и воли, души и тела. Вопросы провиденциализму, Никифор отстаивал *свободу воли*, утверждал ответственность человека за свои действия и поступки, неизбежность возмездия за нарушение обществ.-моральных требований. Во многих произведениях под влиянием господствующего религ.-феод. мировоззрения проповедь высоких общечеловеч. нравств. качеств сопровождалась феод.-клерик. требованиями смирения, воздержания, укрощения гордыни и др. В «Слове о полку Игореве» воспевался «христиански-героический характер» рус. народа. Ведущая идея «Слова» — «...призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 29, с. 16).

В период феод. раздробленности Руси передовые мыслители отстаивают идеи о единстве народа и страны, о необходимости централизации гос-ва, сильной великокняжеской власти («Сказание о Вавилоне-граде», «Сказание о князьях Владимирских» и др.). Нар. массы также все больше осознают себя как определ. социальную общность, хотя это осознание выступает часто в религ. оболочке христианства. В господств. христ.-феод. идеологии на первый план выдвигается учение Филофея о «Москве — третьей Риме», к-рому «стоять вечно». Иван Грозный, преследуя многочисленные ереси, обосновывает необходимость неогранич. «самодержавства», полемизируя против идеологии феод. автаркии. История в ретроспективе рассматривается как подготовка торжества христианства, а в перспективе — как осуществление провиденциалистского назначения («Святой Русь»). В ходе обществ.-политич. борьбы и религ.-филос. дискуссий, отражавших классовые противоречия феод. общества, остро встает вопрос о «самовластии» человека, о возможности субъективного воздействия на ход историч. событий (*Максим Грек*, Пересветов и др.) или о невозможности такого воздействия (Иван Грозный). В философии примечательны стихийно-пантеистические идеи «Голубиной книги», отражающие народное мировоззрение. Обострение классовой борьбы вызывает к жизни крупную идеолгическую дискуссию — спор между *исофиянами*, отстаивавшими теократич. идеи превосходства духовной власти над светской, и *нестяжателями* (возглавлялись *Нилом Сорским*), защищавшими приоритет гос-ва и светской авторитарной идеологии над церковной. Нестяжатели способствовали развитию критич. и рационалистич. тенденций в ср.-век. рус. мышлении. Новые веяния мировоззренч. порядка во многом связаны с возникновением идеолгич. оппозиции феод.-клерикальному порядку — *ересей* (см. раздел Ереси в России). В еретич. учениях (Ф. *Курицын*, М. *Башкин*, *Феодосий Косой*) заметно отрицание эсхатолгич. представлений, дают себя знать элементы волюнтаризма и рационалистич. истолкования священных текстов. С «опровержением» еретиков, особенно Ф. Косого, выступил монах *Зиновий Отенский*. Его полемич. соч. «Истины показание вопросившим о новом учении» и «Послание многословное черноризца к вопросившим о известии благодетия на зломудрие Косого и иже с ним» представляют собой энциклопедич.

дич. свод религ.-идеалистич. воззрений рус. книжников 16 в. Наиболее крупные рус. мыслители 16 в. — И. Пересветов и Ф. Карпов — критикуют провиденциалистскую концепцию истории, право церкви вмешиваться в обществ. жизнь; в противовес идее предопределения они выдвигают «естественную» концепцию обществ. отношений и происхождения гос-ва.

Естеств.-науч. представления 14—16 вв. отражены в произв. «Галиново на Ипократа», в к-ром отстаивались идеи Гиппократа и Галена.

Вплоть до 17 в. борьба представителей новых религ.-филос. идей с господствующим религ.-идеалистич. мировоззрением выражалась в неоднократных попытках отд. представителей утвердить своего рода теологич. рационализм неортодоксального православия, подтвердить законность философии и философствования. Эта тенденция становится особенно заметной у Симеона Полоцкого, отстаивавшего право человек. разума на познание (что объективно приводило к столкновению с самодержавно-православной ортодоксией). Полоцкий, хорошо знавший зап.-европ. философию, рассматривал философию как науку наук, развивал своеобразную концепцию воспитания и опытного знания, отрицал учение о врожденных идеях.

Особенностью идеологич. борьбы во 2-й пол. 17 в. являлась также критика теократич. тенденций патриарха Никона его идейными противниками. К концу 17 в. относятся попытки отвести в системе теологич. мировоззрения место схоластич. философии, автономной по отношению к богословию. Здесь впервые отчетливо сказались воздействие зап.-европ. неаристотелевской схоластики. Среди мыслителей 17 в., способствовавших обособлению философии от богословия, можно назвать Ю. Крижанича, Елифания Славинецкого, Милетия Смотрицкого; братья И. и С. Лихуды создали первые в России рукописные учебники по физике, логике, психологии. Из естеств.-науч. произв. 17 в. интересны комментарии А. Х. Белобочко «Великая и предивная наука» к произв. Луллия «Великое искусство», а также «Зерцало естествозрительное», систематически излагавшее натурфилос. идеи Аристотеля.

До 2-й пол. 18 в. господствующий идеализм выступает гл. обр. в православно-религ. облачении. Его представители — С. Яворский, Ф. Лопатинский и др. отвергали филос. схоластику, боролись с материалистич. и рационалистич. идеями зарождающейся светской философии.

В конце 17—1-й пол. 18 вв. в связи с социально-экономич. реформами Петра, усилением контактов с Западом, развитием пром-сти, ростом торговли, потребностями воен. дела в России возникает светская наука и философия. Сторонники «просвещенного абсолютизма» — Ф. Прокопович, В. Татищев, А. Кантемир и др., составившие т. н. «ученую дружину» Петра I, внесли важный вклад в становление рус. науки и философии. В России начинают складываться философско-рационалистическая и естеств.-науч. традиции; философия постепенно выделяется в самостоят. отрасль знания. К этому времени относятся первые попытки преподавать философию как самостоят. светскую науку.

Становлению рус. прогрессивной филос. мысли способствовало интенсивное развитие естеств. наук (Л. Эйлер, Д. Бернулли, С. П. Крашенинников, в особенности М. В. Ломоносов). Несмотря на сопротивление церкви, ученые и философы пропагандировали гелиоцентрические взгляды, представления о принципе единства Земли и небесных тел, идеи о множественности миров (Я. Брюс, А. Кантемир и др.). Материализм, развивавшийся преим. в механистич. форме, завоевывает все более прочные позиции; утверждается мысль о безграничных возможностях чело-

веч. познания. Представители естеств. наук, опираясь в основном на деистич. представления, обогащают филос. представления о материи и движении, причинности, о методах науч. познания (эксперимент, индукция, дедукция и т. д.).

Решит. шаг к материалистич. решению мировоззренч. вопросов сделал Ломоносов, сформулировавший «всеобщий естественный закон» сохранения материи и движения. Синтезируя знания своего времени, Ломоносов обогащает естеств.-науч. представления о мире и его закономерностях, обосновывает идею развития Земли, намечает пути перехода от макро-механич. картины мира к представлениям, принимающим во внимание атомо-молекулярные процессы. Он закладывает основы материалистич. объяснения мира, опирающегося на признание закономерности и взаимосвязи в движении макро- и микротел. Выдвинутая Ломоносовым идея союза философии и естествознания имела важное значение для последующего развития материалистич. философии и естеств. наук.

Р. ф. в эпоху постепенного разложения феод.-крепостнич. отношений в России и перехода к капитализму (последняя треть 18 — 1-я пол. 19 вв.). С обострением классовой борьбы, ростом освободит. движения, развитием науки и культуры в России борьба материализма с идеализмом приобретает специфич. формы. Во 2-й пол. 18 в. господствующие круги пытаются подкрепить религию филос.-схоластич. концепциями. При этом официальные и полуофициальные философы, противники идей Просвещения, пытаются соединить элемент православной теологич. догмы и схоластически трактуемой лейбнице-вольфианской метафизики. В сочинениях Г. Теплова («Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, к-рые о сей материи иностранных книг читать не могут», 1751), Ф. Русанова, М. М. Щербатова, архимандрита Платона и др. деятелей светского и духовного образования развивается учение о бессмертии души, проводятся идеи теологии, теодицеи; философия трактуется как наука наук, но вместе с др. науками объявляется низшим родом познания сравнительно с богословием. Получает распространение (в частности, в консервативных дворянских кругах) масонство, имеющее в своей основе мистич. иррационализм. Масыны разрабатывают идеи, регламентирующие религ.-нравств. самоусовершенствование личности (журн. «Утренний свет»). Деятели масонства (Елагин, Кутузов и др.) рекомендуют лояльность по отношению к идеологии самодержавия, отказ от политики, выступают против материализма и рационализма Ломоносова и Радищева в духе Сен-Мартена, Бёме, Сведенборга.

Во 2-й пол. 18 в. развиваются материалистические (в форме деизма) и просветительско-антикрепостнические идеи. Укрепляются и расширяются идейные связи рус. мыслителей с представителями зарубежной (особенно франц. и англ.) просветительской и материалистич. филос. мысли — Вольтером, Смитом, Дидро, Гольбахом, Гельвецием и др. Рус. мыслители (Аничков, Козельский, Десницкий и др.) осн. внимание уделяют проблемам социологии и теории познания. В социологии применительно к условиям рус. общества 18 в. развиваются идеи естественного права, исследуется вопрос о происхождении общества, неравенства между людьми, гос-ва, собственности, религии, место и роль науки и философии в обществе и др. В теории познания обосновывается независимость разума от религии и веры, сенсуалистич. т. зр. на познание, исследуется проблема познават. способностей человека, понятие опыта, критикуются недостатки огранич. эмпиризма и отвлеч. рационализма.

Материалистич. и просветит. идеи в Р. ф. 2-й пол. 18 в. подкрепляются прогрессивными идеями, возни-

кавиними и развивавшимися внутри естествознания, представители к-рого внесли свой традиц. вклад в борьбу против господствующего офиц.-религ. идеализма и новых течений в идеалистич. философии. В рус. естествознании на основе признания принципа самодвижения материи возрастает критическое отношение к «динамизму», принимавшему вещество-материю за косное начало, приводимое в движение идеальными силами.

Виднейшим представителем филос. мысли 2-й пол. 18 в. был убежденный противник самодержавия и крепостничества *Радищев*. Исходя из учения о естеств. праве, Радищев сформулировал в общем виде идею крест. революции. Мысли Радищева о циклич. развитии общества, о противоречивой связи свободы и тирании в истории, об обществ. прогрессе аккумулируют опыт европ. и рус. истории и открывают новую главу в представлениях об обществе. В основном с позиций механистич. материализма Радищев намечил пути решения онтологич. и гносеологич. проблем. Он выступил против религии, филос. мистики, агностицизма. В его проищ. содержатся попытки обоснования качеств. своеобразия мышления, анализа единства и различия логического и чувственного в познании, объяснения феномена активности сознания — что свидетельствовало о намерении мыслителя применить идею развития к трактовке процесса познания.

В нач. 19 в. материалистич. и просветительские идеи в философии проводили *Инин*, *Полухаев*, *Куницын*, *В. Малиновский* и др. В области социологии они придерживались концепции естеств. права. Малиновским были изложены пацифистско-просветит. идеи о войне и мире, о возможности «вечного мира» путем соглашения между гос-вами и учреждения наднац. органов.

Наиболее радикальные обществ.-политич. выводы из анализа крепостнич. действительности и идей Просвещения сделал Пушкин и дворянские революционеры-декабристы, различавшиеся по степени социального и политич. радикализма и филос. взглядам. Официальному провиденциализму они противопоставили рационалистич. концепцию истории и идеалистич. историзм в понимании общества, идеи прогресса, выражающегося в согласии с «естеств. законами общества», в неизбежной смене устаревших обществ. и гос. учреждений новыми. В произведениях ряда декабристов развивается мысль о связи между философией и политикой, идейными убеждениями и этикой общественного поведения, обосновывается идеал человека-гражданина. Особое значение, согласно декабристам, имеет познание «духа народного» в бурные эпохи обществ. изменений. Самый радикальный и содержательный в теоретич. отношении документ социальной мысли декабристов — «Русская Правда» *Пестеля*. С позиции теории естеств. права и *общественного договора* Пестель обосновывал необходимость насильств. смены власти (самодержавия), поскольку она злоупотребляет правами, полученными от народа. Верховная власть принадлежит народу; «... правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существует для собственного своего блага...» (Избр. социально-политич. и филос. проищ. декабристов, т. 2, 1951, с. 80). У Пушкина, Пестеля, в написанных в ссылке работах *Лунина* («Письмо из Сибири») и у др. дворянских революционеров выражены идеи о классово-сословном делении общества, борьбы классовых интересов в истории и об экономическом, имуществ. неравенстве людей как основе этой борьбы. Пестель допускал возможность обществ. собственности на землю, сосуществование общественной и частной собственности.

Филос. взгляды дворянских революционеров имели как просветительски-материалистическую, так и просветительски-идеалистическую направленность. В ссылке нек-рые декабристы, ранее придерживавшиеся материалистич. и рационал. взглядов, переходят на религ.-филос. позиции. Материалисты-атеисты (*Якушкин*, *Барятинский*, *Борисов*, *Ревский* и др.) развернули содержат. критику «галиматийных философов» зап.-европ. идеализма, официально-православного идеализма. В теории познания они отстаивали идею опытного происхождения знания, исследовали связь между филос. понятиями и понятиями естеств. наук, широко использовали естеств.-науч. представления о происхождении Вселенной для критики филос. идеализма. В трактате Якушкина «Что такое жизнь?» обосновывается атомистич. концепция строения материи, активность субъекта утверждается в качестве условия познания. Поражение декабристов привело к росту *скептицизма* и пессимизма среди значит. части дворянской интеллигенции, оживлению интереса к идеалистич. системам в философии.

В 1-й трети 19 в. представители рус. науч. и филос. мысли (*Галич* и др.) все больше осознают неувлечительность механистич. материализма. В этом — одна из причин интереса к идеалистич. диалектич. концепциям и антропологич. философии. Значит. влияние на отд. представителей Р. ф. оказало шеллингианство, в особенности своими натурфилософскими (*Велланский*, *М. Павлов* и др.) и эстетическими («любомудры»: *Одоевский*, *Веневитинов*; Кюхельбекер и др.) концепциями. «Любомудры», подобно Шеллингу, рассматривали материальное и идеальное как различные формы тождественного самому себе начала мира. Диалектич. идеи, хотя и на идеалистич. основе, сыграли значит. роль в дальнейшем развитии Р. ф. Яркой и оригинальной фигурой философско-социологич. мысли России был *Чаадаев*. Страстный противник крепостничества и православия, в своей историко-социологич. концепции он рассматривал взаимное соотношение рус. и зап.-европ. историч. процессов, проблемы человека и гос-ва и др. Движущую силу историч. процесса Чаадаев видел в развитии просвещения, значит. место в котором он отводил развитию религ. самосознания. Несмотря на пессимизм, связанный с неприятием самодержавно-крепостнич. действительности, Чаадаев верил в прогрессивное развитие человечества. Его постановка вопроса о цели и смысле мировой истории имела важное значение для углубления социологич. представлений. В конце жизни он проявил большой интерес к идеям социализма. Идеи Чаадаева, в частности его мысли о специфике рус. истории, о роли народа, имели большой резонанс, оказали влияние на Герцена, Белинского, Бакунина, Чернышевского и др. Объективный идеалист, критик ограниченного эмпиризма и субъективизма, Чаадаев видел задачу философии в примирении науки и религии в «высшем синтезе» и создании на этой основе новой философии. Сущность общих законов бытия постигается, по Чаадаеву, не столько рационал. познанием, сколько откровением; чувства же дают лишь внешнее познание физич. природы. Он развил диалектич. идеи о полярных и противоположно направленных процессах, характерных для всех форм бытия (жизнь и смерть, притяжение и отталкивание и др.).

Идеи передового рус. естествознания 1-й пол. 19 в. подрывают господствующий идеализм и служат естеств.-науч. подкреплением материалистич. традиции в философии, способствуя материалистич. трактовке проблем гносеологии. Отвергая идеалистич. истолкование выдвигаемых естествознанием проблем, прогрессивные естествоиспытатели и философы развертывают критику кантовского априоризма, его динамич. концепции (*Лубкин*, *Осиповский*), а также

идеалистич. натурфилософии Шеллинга. Естествоиспытатели-материалисты на основе диалектич. догадок и гипотез вносят свой вклад в материалистическую трактовку понятия вещества-материи (Дядьковский, Д. М. Перевощиков, Э. К. Ленц, К. В. Лебедев и другие). Материалистическая интерпретация понятия вещества-материи усиливается благодаря распространению идей химич. атомистики. В 20-е гг. 19 в. происходит огромный сдвиг в исследовании пространств, отношений: Лобачевский создает неевклидову геометрию и кладет начало принципиально новым теориям пространств, отношений, углубляя тем самым материалистич. понимание пространства. Особое значение в развитии естеств.-науч. материализма, в борьбе против идеализма, в критике витализма уже в нач. 19 в. имеют идеи, развиваемые М. А. Максимовичем, К. М. Бэрром, К. Ф. Рулье и др. ранними эволюционистами.

Для 1-й пол. 19 в. характерна острая идейная борьба представителей консервативных и прогрессивных историко-социологич. концепций (полемика Карамзина и дворянских революционеров, Карамзина и Ползого, «западников» и «славянофилов», Погодина и Грановского и др.). Споры о понимании и объективном характере истории, движущих сил историч. процесса, отношении между народом, нацией и гос-вом и т. д. обогащают социологич. проблематику Р. ф. Официально-идеалистич. т. зр. подвергается критике представителями прогрессивно-идеалистич. концепций (Каченовский, Грановский, Полевой, Строев и др.), разрабатывающих ряд важных проблем историч. знания (отношение к источникам, объективное и субъективное в историч. исследовании, движущие силы историч. процесса, проблема преемственности и др.).

Уже в 1-й пол. 19 в. религ.-мистич. идеализм, в особенности официальный т. н. рус. тензм, представленный архимандритом Гавриилом, Гогоцким, Сидонским, Ноевским и др., обнаружил свою полную науч. бесплодность. В борьбе с материализмом на первый план выдвигаются неофиц. течения идеализма. Среди них — учение славянофилов (Киреевский, Хомяков, Самарин, Аксаков и др.), в определенной мере оппозиционное по отношению к самодержавно-православным идеям, имевшее своими теоретич. источниками «правильное» православие, эклектич. философию откровения, шеллингизм. Бытие, согласно славянофилам, исследуется и разумом, и чувствами, но постигается лишь «целостным разумом». Логич. познание — начальная фаза мышления. Философия является лишь формой связи религии с жизнью. Историческая антитеза России и Запада приобретает у славянофилов вид противоположности между различными формами религ. восприятия мира, в частности между православием и католицизмом. Преувеличивая степень их расхождений, славянофилы доказывают, что католицизм рассудочен; зап.-европ. цивилизация исчерпала себя; вследствие присутствия зап. философов формализма и исследования лишь внешних предикатов бытия («кушнское» начало) возникает духовная опустошенность человека как личности на Западе, лишённого богатства «внутр. сознания»; рус. народ — богособранный, поскольку он сохранил в себе «внутр. цельность духа» («иранское начало»); он имеет и идеальные внешние формы существования — общину, к-рая объединяет народ. Надо лишь развить общинное начало в его «святых» допетровских формах, реформировав уродливую юридич. форму крепостного права. Будучи идеалистич. метафизиками, славянофилы схоластицировали диалектику Гегеля, отождествляли свою «истинную» философию с религией, считали откровение высшей формой познания. Религиозная философия, славянофилов вызвала осуждение и протест со стороны пред-

ставителей прогрессивной мысли. Однако влияние их религ.-мистич. идей на реакц. течения Р. ф. ощущалось вплоть до конца 19 в. (*почвенничество*, *неославянофильство*, В. Соловьев и др.).

Консервативная филос.-историч. концепция славянофилов развенчивалась в 30—40-х гг. Герценом, Белинским, Бакуниным, Грановским. История, считал Грановский, может быть точной наукой; история общества — история борьбы сил прогресса, культуры с консервативными силами. Подобно Пушкину и Полевому, Грановский испытал влияние франц. историков эпохи Реставрации, у к-рых ценны идеи о роли классовой борьбы и экономич. фактора как решающих движущих сил историч. процесса. Будучи гегельянцем в философии, Грановский полагал, что история в конечном счете управляется мировым духом, различные народы выражают в своем развитии его различные стороны.

В размежевании филос. направлений 30—40-х гг. значит. роль сыграл *Станкевичский кружок*, в к-рый среди других входили Белинский и Бакунин. Члены кружка были оппозиционно настроены по отношению к самодержавию, крепостничеству и офиц. идеологии; развивали прогрессивную концепцию личности. Их привлекла идеалистич. диалектика Шеллинга и Гегеля, в к-рой они видели действит. инструмент познания, метод установления «смысла жизни». В распространении идей диалектики, в попытках применить их к анализу действительности, в поисках верного метода познания — осн. значение кружка в истории Р. ф.

Самым содержат. этапом развития рус. домарксистской философии, к-рый начался в 40-е гг., является философия и социология революц. демократов. Социальные причины бурного развития революц.-демократич. идеологии в сер. 19 в., выражавшей в конечном счете интересы крестьянства, заключались в начавшейся резкой ломке феод.-крепостнич. отношений. Теоретич. источники философии революц. демократов — идеи предшествующего рус. и зап.-европ. материализма (в особенности франц. материалистов и Фейербаха), классич. нем. идеалистич. философия, в особенности диалектика Гегеля, идеи критическ.-утопич. социализма. Осн. направление их развития — поиски цельной концепции, в к-рой диалектика обогащала бы филос. материализм. Антропологич. материализм, бывший исходным пунктом взглядов рус. революц. демократов на природу и общество, — причина их превосходства в теории над представителями историч. идеализма 19 в. и одновременно — основа идеалистич. непоследовательности в понимании закономерностей развития общества. Идеи их антропологич. философии нашли выражение в попытках материалистич. объяснения развития и интернационалистич. истолкования челоуеч. культуры и обществ. жизни, социологич. идеи — в «общинном социализме».

Родоначальник революц. демократизма в России Белинский в процессе своей идейной эволюции пришел к выводу, что основа физич. и социального существования человека и его мышления — действительность. Сознание человека отражает объективные отношения, существующие вне его. Процесс познания — бесконечен, это — диалектич. познание истины, развивающееся через частные ошибки и заблуждения людей и человечества в целом. Историч. процесс также бесконечен, он имеет свои законы и требует объективного исследования. Порица субъективизм и эмпиризм, Белинский утверждал, что в истории, несмотря на кажущееся засилие случайностей, господствует необходимость. Признание историч. необходимости не исключает творческой активности личности; народ — субъект истории. Взаимоотношение выдающейся личности и народа аналогично соотношению случайного и необходимого. Прогресс — выражение историч. необходимости, при-

водящей к падению феодализма, а в последующем — и бурж. общества; общество будущего — социализм. В духовном развитии общества особое место занимают, помимо философии, наука и иск-во. Они различаются по формам отражения действительности, что аналогично различию между науч. пониманием и художеств. образом. Эстетика — филос. наука и отражает бесконечную практику иск-ва, к-рое представляет величайшую духовную ценность человечества; «вечных законов» в иск-ве нет. В истинном иск-ве содержание и форма неразрывны; теория «чистого» иск-ва антивародна и беспредметна.

Идеи Белинского и его критич. деятельность оказали сильнейшее воздействие на последующую филос. и обществ.-политич. мысль, в частности на мировоззрение *петрашевцев*. Филос. основа их социальной программы — антропологич. материализм. Революционно настроенные петрашевцы (*Петрашевский, Спешнев* и др.) предприняли попытки связать социологич. концепцию и социалистич. теорию с революц. практикой, разрабатывая программу социалистич. переустройства России.

Один из самых ярких мыслителей в истории рус. материализма — *Герцен*, расцвет деятельности к-рого относится к 40—60-м гг. Уже в «Письмах об изучении природы» (1845—46) он материалистически ренает осн. вопрос философии, доказывая диалектич. взаимосвязь бытия и мышления, блестяще критикует односторонность рационализма и эмпиризма и доказывает необходимость их синтеза. Критикуя идеализм и указывая на ограниченность метафизич. материализма, недооценившего действительную сторону мышления, Герцен намечал пути перехода к диалектико-материалистич. теории познания. Философию он трактовал как теоретич. оружие в обществ. борьбе. «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (Ленин В. И., Соч., т. 18, с. 10). Исторический прогресс Герцен видел в «прогрессе содержания мысли», в достижении «наибольшего соответствия между разумом и действительностью», в развитии общества к человек. свободе. Творцом истории, по словам Герцена, в конечном счете является народ; движущая сила истории — борьба классов, «враждебных партий»; прогрессивная партия — партия революции. Развивая мысль об ограниченности т. н. политич. революций, Герцен в соответствии со своим социалистич. идеалом обосновывал необходимость социального переворота, коренных изменений в отношениях собственности. В полемике с Бакуниным доказывал, что социальная революция не отменяет гос-во немедленно, но использует его в интересах социалистич. преобразования общества.

Р. ф. в эпоху крушения крепостничества и развития домонополистич. капитализма (2-я пол. 19 в.). Во 2-й пол. 19 в. в рус. философии резко обострилась и приняла открытые формы борьба между материализмом и идеализмом, в передовой мысли получили развитие и распространение философия и социология революц. демократизма (в 70—80-х гг. — революц. народничества). К этому периоду относится деятельность *Чернышевского* — «...великого русского гегелянца и материалиста...» (там же, т. 14, с. 344). Вплоть до 80-х гг. Чернышевский и его соратники — Шелгунов, Антонович и др., понимая историю философии как борьбу «двух линий», развивали глубокую критику идеализма Канта, Гегеля, позитивизма, агностицизма. Основную задачу материализма Чернышевский видел в обосновании материального единства мира, детерминизма и в разработке вытекающих отсюда филос. проблем, в особенности — в углублении связи материалистич. философии с естествознанием. Мир развивается по своим объективным законам. Закон —

«природа, рассматриваемая со стороны своего действия». Хотя и недостаточно последовательно, Чернышевский рассматривал борьбу противоположностей как один из принципов развития природы и об-ва. Закон отрицания отрицания выражается в последоват. смене природных и обществ. форм, в частности путем их качеств. превращения. Вместе с тем диалектич. трактовка действительности совмещалась у Чернышевского с механистич. положениями (см. «Антропологич. принци в философии»).

Одна из центр. проблем философии Чернышевского и шестидесятников — проблема человека. Развивая монистический взгляд на человека, Чернышевский разработал систему антропологич. философии, трактовал человек. деятельность как обусловленную в первую очередь биологич. и физиологич. константами, что было основной теоретич. причиной ограниченности его филос. материализма. Чернышевский отстаивал материалистич. теорию познания, принцип конкретности истины, стремился раскрыть содержание и формы процесса познания на основе диалектики и естествознания 19 в. С позиций материалистич. гносеологии Чернышевский критиковал эстетику Гегеля, сохранив при этом многие ее содержат. моменты. Продолжая традиции эстетики Белинского, разработал материалистич. эстетич. основы иск-ва критич. реализма. Идеалистической теории иск-ва для иск-ва Чернышевский противопоставил революционно-демократич. концепцию иск-ва для народа.

Будучи в конечном счете историч. идеалистом, Чернышевский развил ряд материалистич. и диалектич. идей в социологии. Историю общества он считал закономерным, поступательным и познаваемым процессом. Внешнее проявление этого процесса в форме случайного, по Чернышевскому, следует отличать от внутренне необходимого; экономич. условия существования людей являются «коренной причиной почти всех явлений». Решающее значение в историч. движении общества принадлежит нар. массам. В зависимости от материального положения в обществе люди делятся на классы. Политич. и идеологич. борьба — следствие экономич. противоречий между классами и сословиями. Средства произ-ва должны быть переданы в руки производителей материальных благ — трудящихся. Общество с неизбежностью будет перестроено на социалистич. началах.

Др. представители материалистич. философии 60-х гг. — *Добролюбов, Писарев*, братья Серно-Соловьевичи и др. — развили широкую просветит. и революц. деятельность, внесли значит. вклад в материалистич. традицию обоснованием необходимой связи между философией и практикой революц. борьбы, критикой современных им течений идеализма, защитой идеи историч. прогресса, закономерного движения общества к экономич. и политич. свободе трудящихся. Передовые учёные (*Сеченов, И. Мечников*), а также революц. демократы 60-х гг., в особенности Писарев, Антонович, отстаивали принципы эволюц. теории дарвинизма, что в 60—70-х гг. имело большое значение в борьбе против идеалистич. и религ. мировоззрения. Разработка Добролюбовым проблем теории реалистич. иск-ва и эстетики — образец материалистич. подхода к иск-ву. И Добролюбов, и Писарев — блестящие критики современного им идеализма, официальной науки и ходячих представлений мешанского «здорового смысла». Добролюбов — один из первых в России критиков вульгарного материализма. В социологии вклад Добролюбова определяется в первую очередь глубокими мыслями о роли народных масс в истории. Продолжателями материалистической традиции в 60—80-х гг. были *Шелгунов, Антонович, Салтыков-Щедрин, Стасов* и др.; в конце 19 в. — Филиппов.

Экономич. и социальные последствия реформы 1861, развитие в стране капитализма и одновременно усиление политической реакции привели к изменениям в расстановке классовых сил и обострению классовой борьбы.

Осн. обществ. течение 70—80-х гг., отстаивавшее идею обществ. прогресса и само являвшееся его действенной силой,— революц. *народничество*. Позитивизм, элементы материализма и атеизм составляли сущность стороны мировоззрения революц. народников 70—80-х гг. Отд. народники (*Лавров*, Н. Утин, Берви-Флеровский, *Ткачев* и др.) внесли известный вклад в материалистич. филос. традицию своей критикой рус. и зап.-европ. идеализма и идеалистич. метафизики. В революц. народничестве заметна также ясно выраженная тенденция опираться на естеств.-науч. материализм. Но, тем не менее, в области философии революц. народники в общем сделали шаг назад от цельного филос. материализма Чернышевского. Вместе с тем среди революц. народников, склонных в философии к эклектизму в связи со своеобразным культом естеств. наук, широкое распространение получают идеи материалистически истолкованного позитивизма. Теоретики народничества, в особенности Бакунин, Лавров, Ткачев, затем *Кропоткин*, в своих теоретич. работах обосновывают необходимость «действенного» историч. идеализма (Бакунин и Кропоткин — в форме анархизма). Постановка вопроса о роли субъективного фактора в философии, науке и обществ. жизни — заслуга революц. народничества. Теоретич. решение этого вопроса было ошибочным, а практич. выводы — неверными. Лавров и *Михайловский* разрабатывали т. н. субъективную социологию, субъективный метод в социологии. Осн. задачу обществ. науки мн. революц. народники видели в разработке теории личности, для к-рой общество является полем приложения сил (у Кропоткина — «теория взаимной помощи»). Движущая сила историч. процесса — выдающиеся личности, «активное меньшинство», действующее в интересах достижения «высшего блага человечества» — идеального обществ. строя (социализма). В истории такая деятельность находит выражение в поступат. развитии человечества, в прогрессе. Законы обществ. развития народниками признаются, но трактуются в основном субъективистски. Капитализм рассматривается в основном как явление, не необходимое для рус. общества. Лучшим противоядием против капитализма народники считали «общинное сознание» рус. народа и общину, к-рая, по их мнению, может составить ячейку будущего социалистич. строя («общинный социализм»).

В течение длит. времени рус. освободит. движение вело напряженные поиски правильной науч. революц. теории. Знакомство передовых рус. мыслителей с идеями марксизма относится еще к разноточному периоду освободит. движения. Уже в 40—60-е гг. отд. положения «Ницеты философии» Маркса и работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» использовались революц. демократами для критики капитализма, бурж. демократии и отчасти для обоснования социализма. В 1864—65 в России стали известны осн. положения «Манифеста Коммунистич. партии» (их изложение дал Лавров) и «Введения» к «Критике политической экономии» Маркса (на них ссылались в своих статьях Ткачев). В 1869 был издан рус. перевод «Манифеста Коммунистической партии» (предположительно принадлежащий Бакунину). В 70-е гг. распространение идей марксизма в России становится более широким. Гл. заслугой народников в распространении идей марксизма в России был перевод «Капитала», осуществленный Г. *Лопатиным* и Н. Даниэльсоном. Изучая и распространяя произведения Маркса и Энгельса, революц. народники не поднимались до

органич. усвоения их филос., экономич. и историч. содержания. Народники не понимали главного в научном социализме — учения о всемирно-исторической роли пролетариата. Свообразие взглядов народников заключалось в том, что, исходя из признаний самобытного («некапиталистич.») пути развития России к социализму, ссылаясь на отсутствие в стране развитых бурж. отношений и малую численность пролетариата, они рассматривали марксизм лишь как специфически западную революц. теорию. В марксизме их привлекал революц. пафос, глубокая вера в осуществление социалистич. идеалов и особенно решит. критика Марксом и Энгельсом капитализма. Однако критика народниками капитализма преследовала иную цель: борьбу за некапиталистич. развитие страны.

В 80-е гг. из общего потока народнич. движения выделяются пролетарско-демократич. течения, возникают первые марксистские кружки и группа «Освобождение труда». Народничество вступает в полосу тяжелейшего кризиса, в ходе к-рого перерождается в либеральное, враждебное марксизму. Возникает необходимость преодоления народнич. тенденций в рабочем движении. В осуществлении этой историч. задачи большую роль сыграла группа «Освобождение труда», в к-рую входили, кроме *Плеханова*, *Засулич*, *Аксельрод*, Дейч, Игнатов и др. Членами группы были переведены и изданы важнейшие произв. Маркса и Энгельса: «Ницета философии», «Развитие научного социализма», «Наемный труд и капитал», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др. В середине 80-х гг. возникли созданное Точиским «Товарищество СПБ мастеровых», кружок *Благова* «Партия русских социал-демократов»; несколько позднее появились марксистские кружки Бруснева, Федосеева и др. Огромную роль в распространении марксизма в России и создании теоретич. предпосылок для образования Российской с.-д. рабочей партии сыграл Плеханов. Первым из рус. революционеров он доказал применимость марксизма к условиям страны, раскрыл бурж. характер российских обществ. отношений, сформулировал историч. задачи рус. рабочего класса. Он подверг глубокой критике филос. и социологич. основы народничества, показал их связь с политич. тактикой народников.

Плеханов был глубоким исследователем рус. философии. Первым из рус. марксистов он обратился к изучению философии революц. демократов — Герцена, Белинского и Чернышевского, подчеркнув их значение, а также преемственность в развитии революц. мысли в России.

Политич. ошибки, допущенные Плехановым в период создания РСДРП, выработки ее программы и тактики, привели его на позиции меньшевизма, что сказалось на теоретич. уровне его последующих филос. произведений. Однако, как об этом писал Ленин, теоретич. работы Плеханова 1883—1903-х гг. «... остаются прочным приобретением с.-д. всей России ...» (там же, т. 11, с. 375).

В Р. ф. 2-й пол. 19 в., в особенности среди представителей естеств. наук, распространяются позитивистские идеи и представления, в частности О. Конта и Г. Спенсера. Этот процесс затронул и нек-рых представителей материализма. Тенденции материалистич. истолкования позитивизма имели в 70—80-х гг. положит. значение, поскольку в определ. мере стимулировали разработку теоретич. и методологич. проблем естеств. наук, противостояли официально признанным догматам идеализма.

Вместе с тем значит. влияние приобретает религ.-идеалистич. философия Вл. *Соловьева*. Духовные импульсы, по Соловьеву, определяют развитие ми-

ра; истинное знание достигается через цельный опыт, к-рый есть единство эмпирического, рационального и мистического. В своих последних работах Вл. Соловьев, стремившийся синтезировать в своем мировоззрении науку, философию и религию, отрицает за философией право на самостоят. существование. В целом в идеалистич. философии 70—80-х гг. можно выделить такие вл-ые течения, как религ. мистика (*Юркевич* и др.), *почвенничество* (*Достоевский*, *Страхов* и др.), *неославянофильство* (*Данилевский* и др.), *неогегельянство* (*Чичерин*, *Дебольский* и др.), позитивизм (*Кавелин* и др.).

Одновременно в среде передовой рус. интеллигенции усиливается влияние филос. материализма, революц.-демократич. идеологии. Потребностями экономики страны, вставшей на капиталистич. путь, объясняется бурное развитие естеств. наук. Успехи мировой науки — физики (теория электромагнитного поля, термодинамика), химич. атомистики, биологии (дарвинизм, физиология высшей нервной деятельности, генетика) — заставляли переосмысливать мн. фундамент. естеств.-науч. и филос. представления. В первую очередь начинает развиваться эволюц. теория (исследования А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова, В. О. Ковалевского, А. Н. Северцова, М. А. Мензбира и др.). Филос. основы дарвинизма раскрывает К. А. Тимирязев. Сеченов создает кн. «Рефлексы головного мозга» (1863), в к-рой применяет естеств.-науч. методы для исследования сознания и воли. Ему принадлежит создание материалистич. концепции психич. деятельности как рефлекторной деятельности мозга. Развитие диалектико-материалистических представлений в России 2-й пол. 19 в. способствуют достижения химич. атомистики, напр., теория химич. строения органич. соединений Бутлерова. Открытие *Менделеевым* периодич. закона позволило вскрыть диалектику взаимных связей веществ, обогатило материалистическую атомистику. Разработка теории электромагнитного поля (А. Г. Столетов, Н. А. Умов, П. Н. Лебедев и др.) способствовала пересмотру понятий массы, энергии, выяснению их взаимосвязи. В математике благодаря работам П. Л. Чебышева, А. А. Маркова, А. М. Ляпунова теория вероятностей освобождается от субъективно-идеалистич. наслоений.

Р. ф. в эпоху империализма. В связи с ростом прдетариата и развитием классово-борьбы в эпоху империализма, прогрессом естествознания, усилением влияния диалектико-материалистич. мировоззрения и распространением идей научного социализма происходят большие изменения в содержании и характере развития философии в России. Потребности философии (в особенности диалектики) и естеств. наук (в особенности физики и математики) вызвали в этот период интенсивное развитие рус. логич. мысли (работы *Каринского*, *Васильева*, *Поварнина* и др.). Одновременно активизируются старые и появляются новые, более рафинированные, формы идеализма. В конце 19 в. на первый план в рус. идеализме выдвигаются религ., интуитивистские и иррационалистич. течения. В конце 19 — нач. 20 вв. известное распространение получает *неокантианство* с его вниманием к вопросам логики и гносеологии (*Введенский*, *Лашин* и др.). Спекулируя на методологич. запросах науки, неокантианство открывало путь для агностицизма, интуитивистских, иррационалистич. течений. Легальные марксисты (*Струве*, *Бердяев* и др.) предпочли попытку совместить экономич. материализм с неокантианским идеализмом. Представители русского идеализма 1-й половины 20 в. (С. и Е. Трубецкие, Бердяев, Булгаков, Лосский, С. Франк, Карсавин и др.) развивали мистико-религиозные и теософские идеи славянофилов и Вл. Соловьева. Многие идеи

иррационалистов и интуитивистов нач. 20 в. были подхвачены идеологами рус. либерализма, к-рые выступили после революции 1905—07 с открытым призывом к борьбе с материалистами и демократами (см. *Веховство*). В политич. отношении рус. идеалисты (Бердяев, Струве, Н. Лосский, Зеньковский, С. Франк и др.) стали филос. выразителями кадетской идеологии, приняли активное участие в политич. борьбе на стороне бурж.-помещичьей реакции. После Великой Октябрьской социалистич. революции рус. философы-идеалисты, жившие в эмиграции, оказали влияние на отд. течения зап. бурж. философии и социологии (Бердяев, *Шестов*, П. *Сорокин* и др.). Их произведения и поныне служат осн. идейным источником совр. бурж. представлений об истории Р. ф.

До конца 19 в. прогрессивные идеи Р. ф. способствовали формированию нац. культур (в частности, философии) др. народов России, оказывали положит. влияние на развитие культур зарубежных, особенно родственных славянских, народов. С распространением в России философии марксизма и его высшего этапа — ленинизма — идеология ленинизма постепенно приобретает доминирующую роль и с победой Октябрьской революции становится важнейшим фактором в развитии мировой обществ. мысли.

С деятельностью *Ленина* открывается новый период в философии диалектического и исторического материализма. В произведениях *Ленина* 90-х гг. («Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «От какого наследства мы отказываемся?», «Экономич. содержание народничества...» и др.) народничество как идейное течение было развенчано окончательно. Одновременно Ленин исследовал вопросы диалектико-материалистич. философии, связанные, в частности, с критикой субъективистской социологии народников, неокантианской ревизии марксизма и буржуазного объективизма легальных марксистов.

Эпоха империализма выдвинула перед марксистской философией новые проблемы; разработка этих проблем составляет важнейший элемент теоретич. деятельности *Ленина* в конце 19 — нач. 20 вв. В центре внимания *Ленина* — проблемы историч. материализма, филос. обоснование социалистич. революции, борьба за науч. мировоззрение последовательно революц. рабочего класса. Принципиальное значение для последующего развития диалектико-материалистич. философии имели произведения *Ленина* «*Материализм и эмпириокритицизм*» и «*Философские тетради*», в к-рых разработаны важнейшие положения теории познания. Гл. направление филос. исследований *Ленина* в этот период — диалектика обществ. развития эпохи империализма, в особенности материалистич. понимание войн и революций («Империализм как высшая стадия капитализма»), а также обоснование тезиса о возможности победы социализма первоначально в одной отдельно взятой стране («*Государство и революция*» и др. произведения). Ленин разработал проблематику научной истории русской домарксистской философии, выдвинув и обосновав положения, к-рые имеют важнейшее методологич. значение для истории философии как науки (общие и специфич. закономерности историко-филос. процесса, периодизация истории философии, соотношение интернационального и национального, принцип партийности и др.). Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала победу диалектико-материалистического мировоззрения. Наследие рус. материалистич. философии стало важным элементом социалистич. культуры. О дальнейшем развитии Р. ф. см. в ст. *Философская наука в СССР*.

В. Евграфов, В. Машин. При участии П. Уткиной (филос. вопросы естествознания). Москва.

Лит.: 1. Работы основоположников марксистской мысли. Маркс К., [Конспекты и выписки К. Маркса из рус. книг], Архив Маркса и Энгельса, т. XI, [Л.], 1948; его же, [Рукописи К. Маркса], там же, т. XII, Л., 1952; его же, Капитал. Последнее издание, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23; Энгельс Ф., Эмигрантская лит-ра, там же, т. 18; его же, Послевоенная работа «О социальном вопросе в России», там же, т. 22; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, там же, т. 15; его же, От какого наследства мы отказываемся?, там же, т. 2; его же, Развитие капитализма в России, там же, т. 3; его же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14; его же, Лев Толстой, как зеркало рус. революции, там же, т. 15; его же, О «Вехах», там же, т. 16; его же, Пятидесятилетие падения крепостного права, там же, т. 17; его же, «Крест. реформа» и пролетарский крест. революция, там же, т. 18; его же, Памяти Герцена, там же, т. 18; его же, Две унии, там же, т. 19; его же, О народничестве, там же, т. 19; его же, Из прошлого рабочей печати в России, там же, т. 20; его же, Народники о Н. К. Михайловском, там же, т. 20; его же, О нац. гордости великороссов, там же, т. 21; его же, О значении воинствующего материализма, там же, т. 33; его же, Философские тетради, там же, т. 38.

2. Общие работы. Плеханов Г. В., История рус. обществ. мысли, т. 1—2, Л.—М., 1925; его же, Избр. филос. произведения, т. 1—5, М., 1956—58; Краткий очерк истории философии, под ред. А. Шеглова, М., 1940; Васецкий Г. И. и Чук М., Очерки по истории рус. материализма XVIII и XIX веков, М., 1942; Апаньев Б. Г., Очерки истории рус. психологии XVIII и XIX веков, [М.], 1947; Из истории рус. материалистич. философии, под ред. Г. С. Васецкого, М., 1949; Из истории рус. философии, Сб. ст. М., 1951; Из истории рус. философии 18—19 вв., М., 1952; Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 1—2, М., 1955—56; Зубов В. П., Историография естеств. наук в России (XVIII в.—первая половина XIX в.), М., 1956 (имеется библи.); Моск. ун-т и развитие филос. и обществ.-политич. мысли в России, М., 1957; Герцен А. И., О развитии революц. идей в России, М., 1958; Краткий очерк истории философии, М., 1960; Шипанов И. Я., Об отношении в Советском Союзе к филос. наследию рус. мыслителей прошлого и критика реакц. бурж. извращений, в кн.: Против совр. фальсификаторов истории рус. философии, М., 1960; Галaktionов А., Искандров П., История рус. философии, М., 1961; Очерки по истории логики в России, М., 1962; Малинин В. А., Осн. проблемы критики идеалистич. истории рус. философии, [М.], 1963; Сидоров М. И., В. И. Ленин и вопросы истории рус. материалистич. философии, М., 1962; Стыжкин Н. И., Силаков В. Д., Краткий очерк истории общей и математич. логики в России, М., 1962; Гавриил [Воскресенский], История философии, 2 изд., ч. 1—6, Каз., 1839—40; Кюлович М., История рус. самосознания по историч. памятникам и науч. сочинениям, СПб, 1884; Троицкий М. М., Учебник логики с подробными указаниями на историю и совр. состояние этой науки в России и других странах, 2 изд., кн. 1, М., 1886; [Куловский Я. Н.], Философия у русских, в кн.: Ибергер-Гейнце, История новой философии, пер. с нем., СПб, 1890; Кирхнер Ф. Р., История философии с древнейшего до настоящего времени, пер. с нем. с доп. ст. «Рус. философия» В. Чуйко, СПб, 1895; Волынский А. Л., Рус. критика, СПб, 1896; Веденский Я. А., Судьбы философии в России, «Вопр. философии и психологии», 1898, кн. 42; его же, Философские очерки, вып. 1, СПб, 1901; Бобров Евгений, Философия в России, Материалы, исследования и заметки, вып. 1—6, Каз., 1899—1903; его же, Лит-ра и просвещение в России в XIX в., т. 1—4, Каз., 1901—03; Филиппов М., Судьбы рус. философии, СПб, 1904; 2 изд., СПб, 1910; Иванов-Разумник Р. В., История рус. обществ. мысли, т. 1—2, СПб, 1907; Грузенберг С., Очерки совр. рус. философии, СПб, 1911; Рожков Н., Основы науч. философии, СПб, 1911; Миллюков П., Гл. течения рус. историч. мысли, 3 изд., т. 1, М., 1913; его же, Очерки по истории рус. культуры, ч. 3, вып. 1—2, СПб, 1909—1913; Радлов Э., Очерк истории рус. философии, 2 изд., П., 1920; Шпет Г. Р., Очерк развития рус. философии, ч. 1, П., 1922; Яковенко Б. В., Очерки рус. философии, Берлин, 1922; Сакулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, 2 изд., ч. 1, М., 1924; Чижевский Д. И., Гегель в России, Париж, [1939]; Зенковский В. В., История рус. философии, Париж, 1948—50; Наумант Е., La culture française en Russie (1700—1900), 2 ed., P., 1913; Masaryk Th., Zur russischen Geschichte und Religionsphilosophie, Bd 1—2, Jena, 1913; его же, The spirit of Russia, 2 ed., v. 1—2, L.—N. Y., 1955; Duff J. D. (ed.), Russian realities and problems, Camb., 1917; Коуге А., La philosophie et le problème national en Russie au debut du XIX siècle, P., 1929; его же, Etudes sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie, P., 1950; Нескер J. F., Russian sociology, L., 1934; Яковенко В. В., Geschichte des Hegelianismus in Russland, Bd 1, Prag, 1938; Соударт Armand, Dmitri Pisarev (1840—1868) et l'idéologie du nihilisme russe, P., 1946; Berdyayev N. A., The Russian idea, L., 1947; Berti G., Il pensiero democratico russo del XIX, Firenze, 1950;

Schultzze B., Russische Denker, W., 1950; Наре R., Pioneers of Russian social thought, L., 1951; Venturi F., Il populismo russo, v. 1—2, Torino, 1952; его же, Roots of revolution, N. Y., 1960; Томпкинс S., Russian mind, v. 1, Oklahoma, 1953; Коледж Д. Н., A history of socialist thought, v. 2, L., 1954; Baumgarten A., Die Geschichte der abendländischen Philosophie, Basel, 1955; Munzer E., Solovjev, prophet of Russian-Western unity, N. Y., 1956; Slavische Geisteswelt, Russland, Hrsg. M. Winkler, Baden-Baden, [1955]; Hegel bei den Slaven, 2 Aufl., Bad Homburg, 1961.

Литература по периодам. И. Пеккарский П., Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия, СПб, 1862; его же, Наука и лит-ра в России при Петре Великом, т. 1—2, СПб, 1862; Чистович И., Феофан Прокопович и его время, [СПБ, 1868]; Корсаков Д. А., Из жизни рус. деятелей XVIII века, Каз., 1891; Тихоурахов Н. С., Моск. вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский, Соч., т. 2, М., 1898; Костомаров Н. И., Великорус. религ. вольнодумцы в XVI веке, Собр. соч., т. 1, кн. 1, СПб, 1903; Моск. политич. лит-ра XVI в., СПб, 1914; Иконников В. С., Максим Грек и его время, 2 изд., К., 1915; Радлов Э., Очерк рус. филос. литературы XVIII века, «Мысль», 1922, кн. 2—3; Райнов Т., Наука в России XI—XVII вв., ч. 1—3, М.—Л., 1940; Вавилов С. И., Ломоносов и рус. наука, М., 1947; Будовицкий У., Рус. публицистика XVI в., М.—Л., 1947; Райков Б. Е., Очерки по истории гелиоцентрич. мировоззрения в России, 2 изд., М.—Л., 1947; История культуры древней Руси, т. 1—2, М.—Л., 1948—1951; Макогоненко Г., Николай Новиков и рус. просвещение XVIII в., М.—Л., 1951; Греков Б. Д., Киевская Русь, [М.], 1953; Казакова Н. А., Лурье Я. С., Антифеод. и ерetic. движения на Руси XIV—начала XVI века, М.—Л., 1955; Гудзий Н. К., История древней рус. лит-ры, 6 изд., М., 1956; Петров Л. Ф., Филос. взгляды Прокоповича, Татищев и Кантемира, «Труды Иркутского гос. ун-та. Сер. Философия», 1957, т. 20, вып. 1; Бетяев Я. Д., Общественно-политич. и филос. мысль в России в первой половине XVIII в., Саратов, 1959; Козлов Н. С., Развитие обществ.-политич. и филос. мысли в эпоху рус. Средневековья. IX—XVII вв., М., 1961; Коган Ю. Я., Очерки по истории рус. атеистич. мысли XVIII в., М., 1962; Мавродин В. В., Гласовая борьба и обществ.-политич. мысль в России в XVIII в., (1725—1773 гг.), Л., 1964.

И. Скабичевский А., Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860, СПб, 1872; Градовский А., Первые славянофилы, в его кн.: Национальный вопрос в истории и литературе, СПб, 1873; Мамонин в Э. [Дмитриев-Мамонов Э. А.], Славянофильство. Историко-критич. очерк, «Русский архив», 1873, кн. 2; Панаев И., Славянофильство как филос. учение, «Журн. М-ва нар. просвещения», 1880, т. 11; Линицкий И. И., Славянофильство и либерализм, Киев, 1882; Ветринский И. Ч., Т. Н. Грановский и его время, 2 изд., СПб, 1905; Пыльин А. Н., Характеристика лит. мнений от двадцатых до пятидесятых годов, 3 изд., СПб, 1906; Лемке М., Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., 2 изд., СПб, 1909; Плеханов Г. В., Пессимизм как отражение экономич. действительности, Соч., т. 10, М.—П., [б. г.]; Вороницын И. П., Декабристы и религия, 2 изд., [М.], 1929; Чернышевский И. Г., Очерки гоголевского периода рус. литературы, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947; Пугачев В. В., Из истории рус. обществ.-политич. мысли начала XIX века (от А. Н. Радищева к декабристам), «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологич.», 1962, вып. 57; Каменицкий З. А., Филос. идеи рус. просвещения (первая четверть XIX в.), М., 1965 (Дисс.).

П. Витязев П. (Ф. И. Седенко), П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, П., 1917; Лемке М., Политич. процессы в России 1860-х гг., 2 изд., М.—П., 1923; Шрейдер А., Очерки философии народничества, Берлин, 1923; Стеклов Ю., Н. Г. Чернышевский, 2 изд., т. 1—2, М.—Л., 1928; Маркова А. О., Недегальная русская печать 60—80-х годов о Марксе и марксизме, «Каторга и ссылка», 1933, № 3; Евгенийев-Максимов В., «Современник», в 40—50-х гг. От Белинского до Чернышевского, [Л.], 1934; Левин Л., Пронзведения Маркса и Энгельса в дореволюционной России, «Тр. Моск. гос. библиотеч. ин-та», 1938, т. 1; Шульгин В., К. Маркс и Ф. Энгельс и передовая обществен. и науч. мысль России 70—80-х годов, «Ист. журн.», 1944, № 4; Максимов А. А., Очерки по истории борьбы за материализм в рус. естествознании, [М.], 1947; Иовчук М. Т., Осн. черты рус. классич. материалистич. философии XIX в., 2 изд., Минск, 1949; Василенко К. С., Общество переводчиков и издателей, «Вести. МГУ. Сер. общ. наук», 1956, вып. 2, № 4; Калекина О., Издание марксистской литературы в России конца XIX в., М., 1957; Козьмин Б. П., Рус. секция Первого Интернационала, М., 1957; Левин Ш. М., Обществ. движение в России в 60—70-е годы XIX в., М., 1958; Маслин А. Н., Материализм и революционно-демократич. идеология в России в 60-х годах XIX века, М., 1960; Поляков М. Я., Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха, М., 1960; Конкин С. С., Философско-эстетич. позиция журнала «Русское слово» в 1863—1866 годах, Стерлитамак, 1961; Пантин И. К., Материалистич. мировоззрение и теория познания рус. революц. демократов, М., 1961; Чубинский И. В., М. А. Антонович. Очерк жизни и публицистич. деятельности, [Л.], 1961; Из истории рус. литературы и философии, «Уч. зап. Арзамасского гос. пед. ин-та», 1962, т. 5, вып. 2; Малинин

В. А., Сидоров М. И., Предшественники науч. социализма в России, М., 1963; Проблемы изучения Герцена, М., 1963; Азнауров А. А., Очерки по этике великих рус. революц. демократов, Баку, 1964; Из истории обществ. мысли и общественного движения в России. [Сб. ст.], Саратов, 1964; Революц. народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов, т. 1—2, М.—Л., 1964—65; Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», 1965, вып. 71.

Л. В. Боцяновский В. Ф., Богоискатели, СПб.—М., 1911; Ангарский Н., Дегальный марксизм, М., 1930; Востриков А. В., Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России, [М.], 1949; Сидоров М. И., Г. В. Плеханов и вопросы истории рус. революционно-демократич. мысли XIX в., М., 1957; Шестаков М. Г., Борьба В. И. Ленина против идеалистич. социологии народничества, [2 изд.], М., 1959; Водзиский Е. И., Рус. неокантианство и его реакц. сущность, «Вестн. ЛГУ. Сер. экон., филос. и права», 1959, вып. 1, № 5; Чагин В. А., Борьба марксизма-ленинизма против философ. ревизионизма в конце XIX — начале XX вв., Л., 1959; е го же, Из истории борьбы В. И. Ленина за развитие марксистской философии, М., 1960; е го же, Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии, М.—Л., 1963; Расулов Т. А., Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX в., Баку, 1960; Чувева И. П., Критика идей лигуитивизма в России, М.—Л., 1963.

У. Библиография. Колубовский Я. Н., Материалы для истории философии в России. 1855—1888, «Вопр. филос. и психол.», 1890—91, 1898, кн. 4—7, 8, 44; е го же, Филос. ежегодник. Обзор книг, статей и заметок..., [т.] 1—2, М., 1894—96; Гиляров А. Н., Обзор филос. литературы за последние годы, Киев, 1898; Систематич. указатель рус. литературы... по новой философии, в кн.: Виндельбанд В., История новой философии..., т. 2, СПб., 1905, с. 380—417; Указатель статей, рецензий и заметок, напечатанных в ж. «Вопросы философии и психологии» за двадцатилетие 1889—1909, М., 1910; Неллидов Ф. Ф., Западники 40-х годов, М., 1910 (библ., с. 263—72); Книги по философии. Логика, теория познания, психология, метафизика, этика и эстетика, М., [1914]; Фомин П. И., Введение в историю новой философии, М., 1906 (имеется библ.); Яценко А., Рус. библиография по истории древней философии, Юрьев, 1915; [Дрей М.], Опыт библиографич. указателя лит-ры по истории революц. движения 70-х годов (народничество), «Вестн. Комм. Акад.», 1925, № 10; Колубовский И. [сост.], Библиография. Рус. литература о Шеллинге, в кн.: Шеллинг Ф. В. И., Система трансцендентального идеализма, Л., 1936; Примковоски И. А. П., Библиография по логике, М., 1955; История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., т. 1—2, М., 1956—58; История философии. Краткий указатель осн. литературы и источников, т. 2, М., 1957, с. 643—90, т. 4, М., 1959, с. 579—650; «Красный архив» — историч. журнал. 1922—1941. Аннотированный указатель содержания, сост. Р. Я. Зверев, М., 1960; Дробленкова Н. Ф. [сост.], Библиография сов. рус. работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг., М.—Л., 1961; История рус. литературы XIX в. Библ. указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962; История рус. литературы конца XIX — начала XX в. Библ. указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1963.

В. Карпачев. Свердловск.

РУССО (Russo), Алеко [17 (29) марта 1819 — 4(16) февраля 1859] — румыно-молд. писатель и мыслитель. Род. в Бессарабии в боярской семье. Образование получил в Швейцарии и Вене. Участвовал в революции 1848 и примыкал к ее революц.-демократич. крылу (*Балцеску*, М. Когэлничану и др.). Выступал за уничтожение феод. привилегий, за освобождение крестьян и паделение их земель без выкупа. Особое значение в истории развития общества Р. придавал нар. массам, но не отрицал и роли личности. Во мн. произведениях Р. чувствуется влияние идей франц. энциклопедистов, в частности Ж. Ж. Руссо, и сен-симонистов. Р. близок к материалистич. эстетике. Лит-ру он рассматривал как «выражение жизни наций», как «одежду бытия», а обычаи, сказки, музыку и поэзию — как «архивы народов», с помощью к-рых можно реконструировать «затемненное» прошлое.

Соч.: Избранное, Кишинев, 1959; Scrieri alese, Buc., 1959.

Лит.: История литератур Молдовы, вол. 1, Кишинев, 1958; Dima A., A. Russo, Buc., [1957].

В. Ермуратский, В. Коробан. Кишинев.

РУССО (Rousseau), Жан Жак (28 июня 1712 — 2 июля 1778) — франц. политич. мыслитель, революц. демократ, философ, реформатор педагогики, писатель, драматург, композитор, теоретик иск-ва. Род. в Женеве в семье часовщика; систематич. образования Р. не получил. Меняя различные профессии, в 1741 приехал в Париж, где завязал

знакомство с Д'Аламбером, Гольбахом, Дидро и другими просветителями. По приглашению Дидро Р. сотрудничал в «Энциклопедии». Широкая известность Р. началась с «Рассуждения о науках и искусствах» (Gen., 1750; рус. пер. в Избр. соч., т. 1, М., 1961), где он дал отрицат. ответ на вопрос Дижонской академии: способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов. Слава оригинального мыслителя упрочилась за Р. после выхода др. его произведений: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (Amst., 1755; рус. пер. под назв. «О причинах неравенства», СПб., 1907), «Юлия, или Новая Элоиза» (Amst., 1761; рус. пер. 1769, последнее рус. изд. в Избр. соч., т. 2, М., 1961). Бегство из Франции (1762) спасло Р. от ареста, но и в Швейцарии, куда он направился, его преследовали власти. Положение Р. осложнялось ранее происшедшим разрывом его с осн. группой просветителей. Особой ожесточенностью отличалась многолетняя полемика между Р. и *Вольтером*. В 1766—67 Р. был в Англии, но, поссорившись с пригласившим его гудом *Юмом*, вернулся во Францию. Он жил уединенно, переписывая ноты, чтобы добыть средства к жизни, писал мемуары («Исповедь» — т. 1—4, pt. 1—2, Gen., 1782—89; рус. пер. под назв. «Исповедание», ч. 1—2, М., 1797; затем много изд., последнее в Избр. соч., т. 3, М., 1961), опубликованные после его смерти. В 1791 его прах по решению Законодат. собрания был перенесен в Париж.

Филос.-религ. взгляды Р. сложились под влиянием англ. и франц. деизма; они дуалистичны и крайне противоречивы. Р. признавал несотворенность и объективность существования материи, определяя ее как то, что дано в ощущениях. Но он отказался решить вопрос о сущности материи, считая, что сущность вещей вообще непознаваема; по Р., материя инертна, не способна породить разум. В полемике с франц. материалистами Р. утверждал, что существует бог как мировая воля, мировой разум и источник добра. Человек, согласно Р., состоит из смертного тела и нематериальной бессмертной души. Р. абсолютизировал сенсуализм: для него чувства непогрешимы, а разум ведет к заблуждению; к теоретич. мышлению он относился отрицательно, считая единств. путем к истине непосредств. чувств. знание. Субъективная уверенность в правильности того или иного положения для Р. выше логич. доказательств. Антиматериалистич. и агностич. линия в философии Р. оказала значит. влияние на *Капта*.

С позиций эмоционально окрашенного деизма Р. отвергал теологию, религ. фанатизм, религ. нетерпимость. Он был ярким критиком христианства, видя в его совр. форме наихудшую религию. В то же время Р. осуждал атеистов как плохих граждан, к-рых следует изгонять из разумно организованного общества и даже казнить, если они упорствуют. Р. стремился найти новую форму связи религии с морально-правовыми нормами (буржуазными по своей сути) в целях усиления их авторитета. Попытка создания «гражданской религии» таила в себе опасность возрождения религ. фанатизма. Религ. идеи Р. безуспешно пытались осуществить якобинцы во время революции (установление *Робеспьером* культа верховного существа).

Социально-политич. идеи Р. занимают центр. место в его мировоззрении. Страстное обличение

пороков феодализма, поиски путей перехода к справедливой обществ. организации, разработанной Р. в учении об общественном договоре, составляют пафос всей деятельности Р. В целом он находился в границах идеалистич. понимания истории, для него идеи людей, их сознат. действия, в особенности если они выражены в форме законов, имеют решающее значение. Не чужд Р. и «географич. детерминизм» *Монтескье*: Р. считал, что политич. формы зависят от величины территории, климата и т. д. Среди др. просветителей Р. выделялся пониманием противоречивости обществ. прогресса, борьбой против всякого социального неравенства, революц. демократизмом. Р. высказал глубокую догадку о частной собственности как причине обществ. антагонизмов.

Развитие общества Р. представлял след. образом: вначале существует «естеств. состояние», когда люди свободны и равны; Р. идеализировал это состояние и воспевал его как счастливое детство человечества. «Способность к совершенствованию» приводит к улучшению орудий и способов труда. На этой основе возникает частная собственность, а вместе с ней имуществ. неравенство. Как следствие этого возникает гос-во, порождающее политич. неравенство. Высшей точки неравенство достигает в деспотич. гос-ве, где перед лицом всемогущего деспота все уравнивается в несправии. Успехи в хозяйств. деятельности, науке, иск-ве неразрывно связаны, по Р., с утратой людьми свободы и счастья, с регрессом в этике и политике. Выявление противоречий обществ. развития, в ходе к-рого люди, стремясь к улучшению своей жизни, становятся в условиях неограниченного господства частной собственности, все более несчастными, дает основание нек-рым совр. авторам говорить об Р. как об одном из первых исследователей проблемы *отчуждения* (см., напр., И. С. Нарский, Об историко-филос. развитии понятия «отчуждение», в журн.: «Филос. науки», 1963, № 4, с. 97—99). Как революц. идеолог, Р. утверждал, что в конце концов сила бесправного большинства свергнет власть деспота и ликвидирует неравенство. Р. фактически обосновывал право народа на восстание против угнетателей. Энгельс отмечал диалектич. характер этих рассуждений Р.: «... процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего — отрицание отрицания» («Анти-Дюринг», 1966, с. 140).

Люди, освободившиеся от деспотич. власти, должны решить проблему: каким образом остаться свободными и вместе с тем создать обществ. союз. По Р., она решается заключением обществ. договора, суть к-рого состоит в том, что «каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» («Об обществ. договоре», М., 1938, с. 13). В результате этого образуется коллективное целое — гос-во, народ, обладающий верховной властью, суверенитетом. Политич. идеал Р. — прямая демократия, в к-рой законы принимаются непосредственно, собранием всех граждан. Этот идеал (при выработке его Р. исходил из опыта антич. городов-гос-в и швейц. кантонов) был осуществим лишь для небольших гос-в, где физически возможно собрать в одном месте всех граждан. Правильно критикуя ограниченность англ. парламентаризма, Р. в целом недооценил возможностей развития демократии при представительной системе. Эта сторона политич. идеала Р. ориентировала на создание в Европе мельчайших гос-в, тогда как тенденция историч. развития действовала в противоположном направлении.

Вопрос о частной собственности решался Р. непосредственно: считая, что ее возникновение привело к бесчисленным бедствиям, он предлагал не уничто-

жить ее, а лишь равномерно распределить между всеми гражданами в размерах, необходимых для их жизни. Это характеризует Р. как идеолога мелкой буржуазии. Р. не понимал, что существование частной собственности неизбежно ведет к имуществ. раслоению, Энгельс отмечал, что «государство разума — общественный договор Руссо, — оказалось на практике только буржуазной демократической республикой» («Анти-Дюринг», с. 13).

В. Кузнецов. Москва.

Эстетич. идеп. Р. считал, что иск-во вредно для обществ. нравственности (см. «Рассуждение о науках и искусствах», «Письмо к Д'Аламберу...» «J. J. Rousseau... à M. D'Alembert...», Amst., 1758; последнее рус. изд. в Избр. соч., т. 1, М., 1961; «Письмо о франц. музыке» — «Lettre sur la musique française», [P.], 1753; последнее рус. изд. в Избр. соч., т. 1, М., 1961). Однако это не было осуждением иск-ва вообще, но лишь его господствующей, гл. обр. аристократической, формы. Исходя из идеи о том, что иск-во должно быть верным природе, воспроизводить жизнь, Р. обосновал свой эстетич. идеал, основанный на единстве эстетич. и этич. начал.

Мораль Р. основана на идее равенства людей и свободы личности. Это — мораль гражд. подвига, респ. патриотизма. Добродетель для него — ненависть к рабству и приверженность свободе; в этом направлении и должно воздействовать эстетич. воспитание. Поэтому, отвергая аристократич. иск-во, он выдвигал проблему положит. героя, примера. Картина, статуя, пьеса должны прославлять патриотич. деяния, учить великодушию, справедливости. Р. утверждал даже, что тема любви в драматургии наносит ущерб ее гражд. содержанию. Театру для избранных Р. противопоставил идею массовых нар. празднеств, к-рые сближают и объединяют сограждан. Эти идеи легли в основу художеств. политики якобинцев, вдохновили эстетику социалистов-утопистов, позднее — Романа Роллана. Борьба за свободу личности у Р. носила глубоко демократич. характер. Но, стремясь соединить индивидуализм с уравнительностью, Р. впадал в неразрешимое противоречие. Естеств. страсти добродетельных душ, своеобразные и неповторимые индивидуальные чувствования составляют осн. содержание иск-ва для Р. Таковы его романы «Новая Элоиза» и «Исповедь». В живописи он критиковал стиль рококо, требуя мужественного, народного, естественного изобразит. иск-ва, в к-ром содержание было бы определяющим началом, в связи с чем отдавал приоритет рисунку по сравнению с красками. В музыке он отвергал рационалистич. сухость франц. придворной оперы, отстаивал мелодич. нар.-песенное начало как живой язык страстей. Эта сторона воззрений Р. питала европ. сентиментализм, родоначальником к-рого Р. являлся, и позднее была унаследована *романтизмом*. Т. Барская. Ленинград.

Педагогич. идеи Р. органически связаны со всей системой его взглядов. Они изложены гл. обр. в «Эмиле». Исходя из сенсуализма, Р. верил во всемогущество воспитания, к-рое должно сформулировать гражданина нового общества. Процесс воспитания мыслился Р. как развитие естеств. задатков и способностей ребенка, исключаящее всякое насилие над его личностью. Большое значение Р. придавал физич. воспитанию. Обучение наукам должно сочетаться с изучением какого-нибудь ремесла. Формирование нравств. качеств является гл. целью воспитания. Не понимая значения общества для решения задачи воспитания каждого индивида, Р. требовал, чтобы ребенок был изолирован от влияния окружающей среды. Несмотря на ряд утопич. моментов (отразивших невозможность осуществления педагогич. идеала Р. в условиях совр. ему общества), предложенная Р. система воспитания

обогатила педагогику мн. плодотворными идеями. Р. оказал влияние на реформаторов педагогики 18—19 вв. (Песталоцци и др.). Его педагогич. идеи не утратили значения и поныне. Резко враждебная феод.-схоластич. образованию и воспитанию, отрицающая сам принцип сословности в воспитании, она имела революц. значение.

На протяжении многих десятилетий идеи Р. были путеводной звездой для революционеров, борющихся против феодализма и крепостничества, за демократизацию обществ. жизни. Под сильнейшим воздействием идей Р. находились деятели франц. революции 1789—1794, особенно Робеспьер. Критика Р. противоречий общества, основанного на частной собственности, оказала большое влияние на развитие идей утопического социализма. Классики марксизма-ленинизма, вскрывая мелкобурж. ограниченность Р., отмечали великое прогрессивное значение его революц.-демократич. идей.

Соч.: «Об общественном договоре, или Принципы политического права» («Du contrat social ou principes du droit politique», Amst., 1762). В 1762 вышло 10 изданий, затем переиздавалось на франц. яз. ок. ста раз. Во Франции оно было немедленно запрещено и осуждено на сожжение (одновременно с «Эмилем»). Был отдан приказ об аресте Р. Несмотря на преследования, соч. Р. широко распространялось во Франции. Работа была быстро переведена на мн. иностр. яз.: англ. (1763, последнее 1955), нем. (1763, последнее 1953), португ. (1767 или 1768, 1821), гол. (1793), дат. (1795, 1900), итал. (1796, последнее 1945), исп. (1799, последнее 1962), венг. (1819, 1958), новогреч. (1828), польск. (1839, 1948), чеш. (1871, последнее 1949), турец. (1910, 1960), рум. (1957), швед. (1919), фин. (1918), болг. (1887, 1896), иврит (1932), рус. (три издания в 1906; 1907, последнее изд. 1938).

«Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou de l'éducation») — осн. педагогич. работа Р. В 4-й ч. «Эмиля» находится «Исповедание веры савайского викария» — концентрированное изложение филос.-религ. идей Р. 1-е изд. вышло в мае 1762. Оно было отпечатано в Париже, но в целях конспирации на титульном листе в качестве места издания была указана Гаага. Копия была конфискована парижской полицией, осуждена Сорбонной и сожжена по постановлению парижского парламента. «Эмиль» (вместе с «Обществ. договором») был сожжен также в Женеве. Голл. власти взяли назад разрешение на печатание «Эмиля». Несмотря на это, книга получила широкое распространение. Она множество раз издавалась на франц. яз. Переведена на англ. (1762, последнее 1933), нем. (1762, последнее 1933), гол. (1793, 1923), венг. (1790, 1957), дат. (1801), исп. (1817, 1928), итал. (1887, 1949), рум. (последнее изд. 1937), польск. (1930, 1933), турец. (1930), португ. (б.г.), швед. (1912, 1917), чеш. (1889, 1926), словац. (1956), фин. (1933). Первый рус. пер. — ч. 1—4, М., 1807, далее СПб, 1877 (Собр. соч., т. 1); М., 1896 (2 изд., М., 1911); СПб, 1912; последний полн. пер. М., 1913. Кроме того, издавались отрывки под разными названиями: Размышление о величестве Божиим, СПб, [1770]; то же, в кн.: Философические уединенные прогулки, [2 изд.], СПб, 1802, 3 изд., М., 1822; Эмиль или София или Благосенные любовники, М., 1779; М., 1800; СПб, 1811; М., 1820; Бытие бога и бессмертие души, СПб, 1801; Исповедание веры савайского викария, М., 1903; О бож., СПб, 1908; Эмиль, или О воспитании, кн. 5, в Избр. соч., т. 1, М., 1961.

Oeuvres complètes. [Nouv. éd., t. 1—4, P., 1883; *Oeuvres complètes*, t. 1—13, P., 1885—1905; *Correspondence générale*, v. 1—20, P., 1924—34 (Table, éd. P. P. Plan), Genf, 1953].

Лит.: Марке К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 1, 3, 4, 12, 15, 16, 19, 20, 21 (см. имен. указат. в каждом томе); Плеханов Г. В., Ж. Ж. Р. и его учение о проихожении неравенства между людьми, Соч., 2 изд., т. 18, М.—Л., 1928; Морлей Д., Руссо, пер. с англ., М., 1881; Южаков С. Н., Ж. Ж. Руссо, СПб, 1894; Шюкэ А., Ж. Ж. Руссо, пер. с франц., М., 1896; Геффлингер Г., Ж.-Ж. Руссо и его философия, пер. с нем., СПб, 1898; Коммере, Ж. Ж. Р. и воспитание естественное, пер. [с франц.], М., 1903; Прессе А., Руссо. Об естественном состоянии, СПб, [1904]; Алексеев А. С., Политич. доктрина Ж. Ж. Р. в ее отношении к учению Монтескье о равновесии властей и в освещении одного из ее новейших истолкователей, СПб, 1905; Грэхэм Г., Ж.-Ж. Руссо. Его жизнь, произведения и окружающая среда, 2 изд., М., 1908; Троицкий И. В., Ж.-Ж. Р. перед судом педагогики XX в., X., 1908; Розанов М. Н., Ж.-Ж. Р. и лит. движение конца XVIII и начала XIX в., т. 1, М., 1910; Мишина Т. А. д. у., Великий реформатор воспитания и образования Ж.-Ж. Р., пер. с англ., М., 1912; Бахтин Н., Р. и его нед. воззрения, СПб, 1913; Цингер А. В., Двухвековая годовщина рождения Р. в Женеве, М., 1913; Кревиц и Э. П., Р. — источник новейших течений нем. педагогики, П., 1915; Голосов А., Разбор воззрений Ж.-Ж. Р. на индивидуум и человек, общество, X., 1915; Гурвич Г., Р. и декларация прав, П., 1918; Круцкий Н., Ж.-Ж. Руссо, в кн.: Нар. образование и демократия, 3 изд., Берлин, 1921; Засулич В.,

Ж.-Ж. Руссо. Опыт характеристики его обществ. идей, [М.], 1923; Роланд-Гольст Г., Ж.-Ж. Руссо. Его жизнь и сочинения, пер. с нем., [М.], 1923; Маргеритт В., Жан-Жак и любовь, пер. с франц., М., 1927; Розанов М. Н., Ж.-Ж. Р. и Толстой, [Л., 1928]; Бернадиер В. М., Социально-политич. философия Ж.-Ж. Р., [Воронеж], 1940; Роланд П., Ж.-Ж. Руссо, Собр. соч., т. 14, М., 1950; Станков С., Линней. Руссо. Ламарк, М., 1955; Вердман И., Ж.-Ж. Руссо, М., 1958; Асмус В. Ф., Ж.-Ж. Руссо, М., 1962; Тезисы Конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо, О., 1962; Cassirer E., Rousseau. Kant. Goethe, transl. from the German, Princeton, 1945; Morgano D., Rousseau, [Brescia, 1946]; Petruzzellis N., Il pensiero politico e pedagogico di G. G. Rousseau, Mil., [1946]; Faure C., Essais sur J. J. Rousseau, Grenoble—P., [1948]; Kévorjian A. B., L'Emile de Rousseau et l'Emile des écoles normales, Nchât.—P., [1948]; Derathér., Le rationalisme de J.-J. Rousseau, P., 1948; е го же, J.-J. Rousseau et la science politique de son temps, P., 1950; Groethuyzen B., J. J. Rousseau, P., [1950]; Carton P., Le faux naturalisme de J. J. Rousseau, 2 éd., [P.], 1951; Burgelin P., La philosophie de l'existence de J. J. Rousseau, P., 1952; Ziegenfuss W., J. J. Rousseau, B., 1952; Napoli G. di, Il pensiero di G. G. Rousseau, Brescia, [1953]; Flores d'Arcais G., Il problema pedagogico nell'Emilio di G. G. Rousseau, 2 ed., Brescia, 1954; Mondolfo D., Rousseau e la coscienza moderna, Firenze, [1954]; Green F., J. J. Rousseau, Camb., 1955; Chapman J. W., Rousseau — totalitarian or liberal?, N. Y., 1956; Einaudi L., J. J. Rousseau, la teoria della volontà generale e del partito guida e il compito degli universitari, Basel, 1956; Glum F., J. J. Rousseau. Religion und Staat, [Stuttg., 1956]; Rauray B., Un conscience chrétienne devant la pensée religieuse de J.-J. Rousseau, P., [1956]; Thomas J. F., Le pélagianisme de J.-J. Rousseau, P., [1956]; Voisine J., J.-J. Rousseau en Angleterre à l'époque romantique, P., 1956; Healey F. G., Rousseau et Napoléon, Gen.—P., 1957; Röhrs H., J. J. Rousseau: Vision und Wirklichkeit, Hdb., [1957]; Krafft O., La politique de J.-J. Rousseau, P., 1958; Starobinski J., J.-J. Rousseau. La transparence et l'obstacle, P., [1958]; Temmer M. J., Time in Rousseau and Kant, Gen.—P., 1958; Fettscher I., Rousseau's politische Philosophie, Neuwied, 1960; Grosclaude P., J.-J. Rousseau et Malesherbes, P., [1960]; Bretonneau B., Valeurs humaines de J. J. Rousseau, P., [1961]; Cobban A., Rousseau and the modern state, Hamden (Connecticut), 1961; Dedeyan C. H., Rousseau et la sensibilité littéraire à la fin du XVIII siècle, P., [1961]; Creson A., J.-J. Rousseau, [3 éd.], P., 1962; Della Volpe G., Rousseau et Marx, [3 éd., Roma, 1962]; Dhôte L. A., Le roman de Jean Jacques, [P., 1962]; Guéhennoc J., Jean Jacques, nouv. éd., [pt.] 1—2, [P., 1962]; Willen H. J., Die Gefährtn, das Leben der Therese Lavasseur mit J. J. Rousseau, [6 Aufl.], B., 1962; Sanelier J., Bibliographie générale des œuvres de J.-J. Rousseau, P., 1950.

РУСТАВЕЛИ, Шота (12 в.) — ср.-век. груз. поэт-гуманист и мыслитель. Филос. взгляды Р., изложенные им в поэме «Витязь в тигровой шкуре», являются выражением пантестич. тенденций *Ареопатитик* и учения И. *Петрици* о сущем. В своем мировоззрении Р. исходил из синтеза духовного и материального начал, единства неба и земли. Основа этого единства — бог — «полнота всего сущего». В этич. аспекте бог трактуется Р. как абс. добро, активное стремление к к-рому составляет осн. цель деятельности человека. Утверждая активность человека, Р. ставил успех человека, деятельности в зависимость от ее целенаправленности. Эстетич. взгляды Р. связаны с его общ.-филос. концепцией: идеал прекрасного — в реальной жизни. Осн. признаками красоты Р. полагает гармонию, мощь и целесообразность. Прекрасное в человеке Р. связывает с высшими моральными ценностями: любовью и дружбой. Р. выступает в поэме как защитник единого, сильного, политически независимого гос-ва.

Соч.: Витязь в тигровой шкуре, М., 1965; Юбилейный сборник, Тб., 1966 (на груз. и рус. яз.).
Лит.: (очерки по истории филос. и общ.-политич. мысли народов СССР, т. 1, М., 1955, с. 50—53; Нудубидзе Ш., Творчество Руставели, Тб., 1958; е го же, История груз. филос., Тб., 1960; Денали рус. культуры о Ш. Руставели, Тб., 1966.

РУТКЕВИЧ, Михаил Николаевич (р. 2 окт. 1917) — сов. философ, профессор (1960), д-р филос. наук (1961). Член КПСС с 1944. Окончил физ.-мат. факультет (1939). Преподает философию с 1947, с 1953 — зав. кафедрой философии Уральского ун-та (Свердловск). Работает над проблемами: роль практики в процессе познания, законы и категории матери-

листич. диалектики, формы движения материи и их взаимосвязь, роль естествознания в развитии общества, социальные аспекты науч.-технич. прогресса и т. д. Член редколлегии журн. «Филос. науки». Автор учебника «Диалектич. материализм» (2 изд., М., 1960).

Соч.: Практика—основа познания и критерий истины, М., 1952 (изд. на польск., чешск., венг., нем. яз.); Марксизм-ленинизм о естествознании и его роли в жизни общества, Свердлов., 1952; К вопросу о роли практики в процессе познания, «ВФ», 1954, №3; Религия и ее реакц. роль в жизни общества, Свердлов., 1954; Движение и развитие в природе и обществе, М., 1954; Роль практики в познании мира, Свердлов., 1956; О формах движения в неорганич. природе, «Уч. зап. Уральск. ун-та», 1957, вып. 21; Необходимость и случайность, Свердлов., 1958; К вопросу о классификации форм движения материи, «ФН» (НДВШ), 1958, №1; О сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия, там же, №4; Диалектич. характер критерия практики, «ВФ», 1959, №9; Практика—критерий истины в науке, М., 1960 (ред. сб. и автор двух статей); Краткий очерк истории философии (автор, гл. 12, 15, §2; 21, §1, 2; 25), М., 1960; О методах конкретно-социологич. исследования, «ВФ», 1961, №3 (соавтор); Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса, М., 1961 (ред.); Коммунизм и наука, «ФН» (НДВШ), 1962, №2, 3; Некоторые категории диалектики, М., 1963 (ред. и автор двух статей); О диалектике природы как философской науке, «ВФ», 1963, №3 (совм. с Г. В. Платоновым); Проблема общественного прогресса, в кн.: Человек и эпоха, М., 1964; Развитие СССР к бесклассовому обществу и интеллигенции, в кн.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964; О структуре и единстве философии марксизма, «ФН» (НДВШ), 1965, №1; Развитие, прогресс и законы диалектики, «ВФ», 1965, №8; Век науки и искусство, М., 1965 (совм. с А. Еревым); Für eine dialektische Auffassung der Praxis, «Dtsch. Z. Philos.», 1962, [№] 11; Progress in science and technology in relation to art, in сб.: Philosophy, science and man. The Soviet delegation reports for the XIII world congress of philosophy, Moscow, 1963.

РУТКОВСКИЙ, Леонид Васильевич (1859—10 марта 1920) — рус. логик. Окончил историко-филологич. ф-т Петербургского ун-та (1880). Там же, после защиты диссертации на звание магистра, читал лекции по англ. эмпирич. философии, не занимая, однако, должности штатного сотрудника. В течение мн. лет Р. служил чиновником особых поручений при государственном контроле. После Октябрьской революции заведовал общим отделом Одесской РКМ.

Уже в первом своем труде «Элементарный учебник логики применительно к требованиям гимназического курса» (СПБ, 1884) Р. выступает как сторонник *материализма*. Наиболее значит. произведениями Р. являются: «Основные типы умозаключений», диссертация на звание магистра (СПБ, 1888; см. в кн.: Избр. труды рус. логиков 19 в., М., 1956, с. 265—344) и «Критика методов индуктивного доказательства» (СПБ, 1899; см. там же, с. 193—264).

В диссертации Р. примыкает частично к классификации выводов *Каринского* (выделяя два осн. типа выводов — в выводы подлежащих и в выводы сказуемых), однако даваемая им характеристика этих типов выводов и описание их отд. форм свидетельствуют о самостоятельном характере созданной им классификации. Выводы подлежащих характеризуются, согласно Р., тем, что признак подлежащего *посылки* переносится на подлежащее *заключения* на основе такого правила логики. вывода, к-рое раскрывает предел. отношение между подлежащим посылки и заключением. Этим отношением, согласно Р., может быть не только отношение тождества, но и др. отношения — отношение сходства и отношение условной зависимости. Вывод сказуемого состоит в приписывании нового признака подлежащему посылки на основе правила логики. вывода, устанавливающего предел. отношения между признаком, высказанным в посылке, и признаком, высказанным в заключении. Эти отношения еще более многообразны, чем в выводах подлежащих (отношение сосуществования, отношение последовательности, отношение причинной зависимости и др.). Традиц. логика совершенно упускала из виду специфику выводов, относящихся к этой группе, рассматривая их как обычную форму *дедукции* (в частности, как *силлогизм*).

Выводы подлежащих Р. делит в свою очередь на *традукцию*, *индукцию* и *дедукцию* (различающиеся между собой в зависимости от того, что является подлежащим посылки и заключения — соответственно: различные единичные предметы; или единичный предмет и класс, к-рому он принадлежит; или класс и отд. его элементы), а выводы сказуемых (в зависимости от отношения между сказуемым посылки и сказуемым заключения — соответственно: отношения сосуществования и сопоследования; отношения части и целого; отношения целого и части) — на *продукцию*, *субдукцию* и *едукцию* (последние три термина введены Р.). Хотя классификация Р. не отличается полнотой и не во всех своих частях достаточно убедительна, ее все же можно рассматривать как важный этап в развитии учения об *умозаключении* и его видах.

Вторая осн. работа Р. «Критика методов индуктивного доказательства» ценна богатством фактич. материалом. В ней Р. знакомит читателя с мнениями различных логиков и философов относительно науч. ценности *методов исследования причинных связей* и дает собственную критич. оценку значению и роли этих методов в познании, настаивая, в частности, на том, что ни один из этих методов «... не в состоянии доказать, что мы имеем дело с причиной в научном смысле этого слова; методы эти, если и ведут к доказательству причин, то лишь в смысле популярном, ненаучном, чем подрывают свое значение научных методов доказательства причинной связи явлений» (указ. соч., см. там же, с. 243).

Соч.: Общ. характер англ. философии, «Журн. М-ва нар. просвещения», 1894, №1.

Лит.: Кондаков Н. И., Выдающиеся произв. рус. логич. науки XIX в., в сб.: Избр. труды рус. логиков 19 в., М., 1956; Понаринов С., Логика отношений, П., 1917, гл. 14 и 15; Попов П. С., Учение Л. В. Р. об умозаключениях и их классификации, в сб.: Очерки по истории логики в России, [М.], 1962.

РУФ, Муциан (Mutianus Rufus), наст. имя — Конрад Мут (Conrad Muth) (15 окт. 1470 или 1471 — 30 марта 1526) — нем. гуманист, глава т. н. эрфуртского гуманистического кружка. Р. стремился объединить христианскую религию с античной философией. Он признавал единого бога, к-рый лишь принимал в истории народов разные названия: Юпитер, Гелиос, Аполлон, Моисей, Христос, Юнона и др. В представлении Р. бог лишен каких бы то ни было внешних атрибутов и воплощает высшую мораль мира. «Бог» и «идея Христа» проявляются, по мнению Р., в законе взаимной любви людей. Поэтому Р. считал, что истинная религия проявлялась уже задолго до христианской эры и первоисточником религии нельзя считать «Священное писание». Изучение классич. лит-ры убедило Р. в том, что к библейским «чудесам» нужно подходить критически.

В своем религ. свободомыслии Р. последовательнее *Эразма Роттердамского* и *Рейхлина*, поскольку он отвергал в религии необходимость каких бы то ни было внешних символов и знаков, доступных чувств. восприятию, и сводил религиозность только к внутр. совершенству. В мировоззрении Р. сильнее, чем у Эразма и Рейхлина, проявилась характерная черта нем. гуманизма (социальной базой к-рого являлись цестрые элементы гор. и рыцар. оппозиции), рассматривавшего религию как этич. содержание человек. жизни, подчиненной идее внутр. совершенства и справедливости, а не внешней целесообразности, не идее внешнего порядка. Воззрения Р. известны лишь по его личной переписке — «Der Briefwechsel des Mutianus Rufus», опубл. в «Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde», neue Folge, Supplement 9, Kassel, 1885; «Der Briefwechsel des Conradus Mutianus», H. 1—2, Halle, 1890 (в серии: «Geschichtsquellen der Provinz Sachsen», Bd 18).

Лит.: Смирин М. М., Немецкий гуманизм, «Историк-марксист», 1941, № 3; его же, Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен, в кн.: Ульрих фон Гуттен. Диалог. Публицистика. Письма, М., 1959; Winter G., Ein Hauptführer des deutschen Humanismus, «Nord und Süd», 1888. Bd 47; Halbauer F., Mutianus Rufus und seine geistesgeschichtliche Stellung, Lpz.—В., 1929; Steinmetz M., Deutschland von 1476 bis 1648, В., 1965.

М. Бур. ГДР, М. Смирин. Москва.

РЫЛЕЕВ, Кондратий Федорович [18 (29) сент. 1795—13 (25) июля 1826]— рус. поэт, публицист, один из вождей Сев. об-ва декабристов. Окончил первый Петербургский кадетский корпус (1814), с 1824— правитель канцелярии Российско-амер. торг. компании. В своих социально-политич. взглядах эволюционировал от либерально-монархич. взглядов к бурж.-демократич. республиканизму. Был казнен как один из руководителей восстания.

Мировоззрение Р., сформировавшееся гл. обр. под влиянием идеологии рус. и зап.-европ. Просвещения, носило яркий антиклерикальный характер (см. «Причина падения власти пап», в кн.: Полн. собр. соч., 1934,

с. 368—70). В агитац. песнях (написаны совм. с А. Бестужевым), адресованных гл. обр. солдатам, Р. обличал рус. духовенство как соучастника «бара» в угнетении народа (см. там же, с. 270, 678—79, 272). Как видно из полемики Р. с Е. Оболенским (см. в кн.: «Обществ. движения в России в первой половине XIX в.», т. 1, СПб, 1905, с. 245), Р. враждебно относился к попыткам создать некую реформированную религию, основанную на идеализме Шеллинга.

Р. стремился к теоретич. осмыслению законов обществ. жизни; в его сознании складывалась своеобразная концепция философии истории (см. «Дух времени, или Судьба рода человеческого», «О промысле», а также «Восстание декабристов», т. 1—2, М.—Л., 1925—26). Согласно этой концепции, история человечества есть прогресс, «...усовершенствование рода человеческого...» (см. «Восстание декабристов», т. 2, 1926, с. 251; ср. Полн. собр. соч., с. 417), пружиной к-рого является «промысел». Понятие «промысел» у Р. лишено мистич. содержания и отражает поиск им термина для выражения идеи объективной историч. закономерности. «Промысел» действует не непосредственно, а во взаимодействии с сознат. деятельностью людей, а потому историч. закономерность осуществляется через активную борьбу людей за реализацию идеалов обществ. устройства. Этанами истории человечества являются состояния христианства, «деспотизма» (господствовавшего до нач. 19 в., когда повсеместной становится «борьба народов с царями»), подлинной свободы. Утверждая, что от этапа к этапу человечество двигалось силою разума, просвещения, нравственности (см. Полн. собр. соч., с. 412, 416—17), Р., однако, не сталовился на волюнтаристич. т. зр.: произвольные «деяния» отд. человека «худы или хороши только в отношении к нему... на судьбу же всего человечества они не имеют никакого влияния» (там же, с. 418). Такое влияние оказывают лишь те поступки, к-рые «...не противоречили воле промысла» (там же). Обнаруживается же эта последняя «в духе времени» — совокупности идей, к-рые на данном этапе и в данной стране «промысел» имел в виду осуществить. Эта социологическая концепция Р. служила теоретическому обоснованию революционной программы декабризма.

Р. был виднейшим представителем декабристской поэзии и эстетики; его творчество характеризуют пафос гражд. служения, идеи народности искусства, свободолюбивое, патриотич. осмысление истории России. Критикуя романтизм, в т. ч. и его рус. представителя — Жуковского (см. Избранное, 1946, с. 146), Р. считал неправомерным само деление на романтизм и классицизм, стремился рассмотреть историю словесности как поступат. развитие «истинной поэзии», к-рая всегда зависела от обстоятельств места и времени, жизни народа, но «в существе своем всегда была одна и та же» (Полн. собр. соч., с. 310), проводила «...идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близко к человеку и всегда не довольно ему известных» (там же, с. 313).

В своих высказываниях по вопросам этики Р. выступал против индивидуализма, за гражд. мораль, связанную с идеей «общего блага», борьбы за справедливое общество.

Соч.: Стихотворения, вступ. ст., ред. и примеч. Н. И. Мордовченко, [М., 1947]; Поэзия декабристов, вступ. ст. Б. Мейлаха, Л., 1950; Из неизданного лит. наследия К. Ф. Р., в кн.: Лит. наследство, т. 59, М., 1954.

Лит.: Пигарев К., Жизнь Р., М., 1947; Базанов В. Г., Поэты-декабристы. К. Ф. Рыл'ев. В. К. Кюхельбекер. А. И. Одоевский, М.—Л., 1950; Тойби и И. М., О прозаич. набросках Р. философско-историч. содержания, «Уч. зап. Курского пед. ин-та», 1954, вып. 3; Цытлин А. Г., Творчество Р., М., 1955. См. также лит. при ст. Декабристы. Э. Гамельский. Москва.

РЭДУЛЕСКУ-МОТРУ (Rădulescu-Motru), Константин (2 февр. 1868—6 февр. 1957) — рум. философ-идеалист. Чл. Рум. академии (с 1923); руководил рядом филос. изданий, был основателем Рум. филос. об-ва и Рум. об-ва психологич. исследований. В психологии — сторонник экспериментального направления, в ряде вопросов разделял учение И. П. Павлова. Однако в работе «Энергетич. персонализм» («Personalismul energetic», Buc., 1927) утверждал, что личность как «духовная реальность» есть результат эволюции нематериальной космич. энергии.

Соч.: Puterea sufletescă, Buc., 1908; Elemente de metafizică, Buc., 1912; Curs de psihologie, 2 ed., Buc., 1930; Vocația, Buc., 1932; Romînismul, Buc., 1936; Timp și destin, Buc., 1940.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 437—38.

РЭНДЕЛЛ (Randall), Джон (р. 1899) — амер. философ и социолог, проф. Колумбийского ун-та. Филос. концепция Р. эклектична; сам он признает, что опирается на то «общее», что было «... между теориями Аристотеля, Гегеля, Маркса и Дьюи» («Nature and historical experience», N. Y., 1958, p. 31). Однако ближе всего он стоит к прагматизму, открыто объявляя себя сторонником этого учения. В гносеологии Р. примыкает к инструментализму. Р. выступает с критикой диалектико-материалистич. теории отражения; марксизм же он истолковывает в духе прагматизма. Отстаивая теорию факторов (см. Факторов теория), он выдвигает концепцию об относительности принципов отбора историч. фактов. Историч. процесс, по Р., не имеет закономерности, в нем непрерывно появляются новые «факторы» и действует неподдающееся учету «непостоянное ускорение». Плюрализм в истолковании истории сочетается у Р. с пиететом по отношению к теологии. Р. — сторонник экономич. децентрализации, «экономического федерализма» в развитии США, к-рое, по его мнению, обеспечивает сохранение свободы; в политике занимает относительно либеральные позиции.

Соч.: The problem of group responsibility to society, N. Y., 1922; The making of the modern mind, Boston—N. Y., [1926]; Our changing civilization, N. Y., 1929; Historical naturalism, в кн.: American philosophy today and tomorrow, N. Y., 1935; Philosophy. An introduction, N. Y., [1942] (совм. с J. Buchler); Nature and historical experience, N. Y., 1958; The career of philosophy. From the middle ages to the enlightenment, N. Y.—L., 1962. А. Титаренко. Москва.

СААВЕДРА ФАХАРДО (Saavedra Fajardo), Диего (6 мая 1584—24 авг. 1648) — исп. философ-гуманист, историк, публицист и дипломат. Изучал право и теологию в Саламанкском ун-те (окончил в 1606). Д-р прав. Длительное время жил в Италии. Гл. труд С. Ф. — этико-политич. трактат «Идея о христианском политическом принципе, изложенная в ста притчах» («Idea de un príncipe político christiano representada en cien empresas», Mil., 1642; посл. изд. — v. 1—3, Md., 1927) — направлен против макиавеллизма (см. *Макиавелли*); автор рисует в нем свой идеал основанных на принципах первонач. христианства отношений между людьми и гос-вами.

Соч.: Obras, v. 1—3, Md., 1789—90; Obras, Bibl. de Ant. Esp., v. 25, Md., 1853; Cartas (1643—1648). Colb. de docum. inéditos para la Hist. de Esp., v. 82, Md., 1884, p. 3—62, 501—57; Saavedra Fajardo. Sus pensamientos, sus poesías, sus opúsculos, precedidos de ..., por el C. de Roche y D. J. P. Tejera, Md., 1884; Corona gótica, Barcelona, 1887; Locuras de Europa, Md., 1918; República literaria, Md., 1922.

Лит.: Benito L. E., Juicio crítico de las Empresas políticas de Saavedra Fajardo, Zaragoza, 1904; Cortines y Murube F., Ideas jurídicas de Saavedra Fajardo, Sevilla, 1907; Argorin, De Ganada a Castelar, Md., 1922, p. 79—136.

В. Афанасьев. Ленинград.

САБИР, Мирза Алекпер Таирзаде (1862—1911) — азерб. поэт, публицист и просветитель. Род. в г. Шемахе. Ученик и духовный преемник Ширвани, оказавшего сильное влияние на формирование революц. демократизма С. В ранний период творчества поэзия С. имела эпиграм.-лирич. характер, а его обществ. деятельность — просветительский оттенок. Однако под влиянием революции 1905—07 он начал создавать сатирич. произведения, направленные против бурж.-помещичьего строя. С. — активный участник революц.-демократич. сатирич. журн. «Молла Насреддин». С. выступал как поэт-революционер, призывая к борьбе с эксплуататорским строем, с иранско-тур. деспотизмом, разоблачал реакц. сущность пропаганды пантюркизма и панисламизма. Творчество С. нашло широкий отклик не только в Азербайджане, но и на всем Ближнем Востоке. Его произведения переведены на рус., арм., перс. и др. языки. Сборник соч. С. вышел в Баку через год после смерти поэта под названием «Хоп-хоп наме».

Соч.: Бүтүн асарлари, Баку, 1934; Сечилмиш темирлар, Баку, 1946; Нопһопһамә, Баку, 1954 (Э. Мир Эһмадовун мүһәддәмәсилә).

СА́БО (Szabo), Эрвин (1887—1918) — венг. философ-марксист, деятель венг. рабочего движения. Наибольшее внимание С. уделял проблемам историч. материализма, допускал при этом ошибки, трактуя роль личности в духе *Лаврова*. В 1905 С. отошел от активного участия в рабочем движении, а в области теории стал на позиции анархо-синдикализма. В период 1-й мировой войны вновь вернулся к политич. деятельность, к-рая имела антимилитаристскую направленность.

Мн. ученики С. стали активными деятелями Коммунистич. партии Венгрии. В 1918 С. был избран почетным членом московской Социалистич. академии.

Соч.: Válogatott írásai, [Bdpst], 1958.

Лит.: История философии, т. 5, М., 1961, с. 461—63; Révai J., Szabó Ervin szerepe a munkásmozgalomban, Előadás 1919 június 17-en; его же, Szabó Ervin helye a magyar munkásmozgalomban, в сб.: Marxizmus, népiesség, magyarság, Szikra, 1955; Braun R., Szabó Ervin és a Fővárosi Könyvtár, Bdpst, 1945; Kálmán J., Szabó Ervin a szocializmus nagy tanítója, Bdpst, [1946].

САБУ́РОВ, Николай Иванович (1803— г. смерти неизв.) — рус. крепостной вольнодумец, служитель Сыертского завода на Урале. В 1825 подвергся преследованию за признание естеств. равенства людей и «дерзкие» высказывания о царях. Поселянину, считал С., следует рассматривать историю со своей собств. т. зр. Главное — в уяснении «важности и пользы» трудового народа, в раскрытии того, что его мастерство было «...первым основанием общества; что его труд есть первый источник силы и богатства...» (см. Гос. архив Свердлов. обл., ф. 12, оп. 1, д. 801, л. 51 об.).

Лит.: Горловский М. А., Пятницкий А. Н., Из истории рабочего движения на Урале, [Свердл.], 1954, Л. Коган. Москва.

САВИ́НЬИ (Savigny), Фридрих Карл, фон (21 февр. 1779—25 окт. 1861) — нем. юрист, глава реакц. историч. школы права, считавшей, что право является выявлением «духа народа», почему оно и не может быть реформировано с помощью законодательства.

САВОНАРО́ЛА (Savonarola), Джироламо (21 сент. 1452—23 мая 1498) — итал. проповедник и религ.-политич. реформатор. С 1491 — приор флорентийского монастыря Сан-Марко. Обличая в своих проповедях продажность и развращенность духовенства и папского двора, С. требовал от верующих и клира искренности и простоты; в монастыре восстановил обет нищеты. Проповеди С. послужили толчком к свержению тирании Медичи во Флоренции в 1494; по предложению С. были проведены нек-рые демократич. реформы, а также реформа нравов: у частных лиц конфисковывались предметы роскоши, книги и произв. иск-ва вольного содержания и публично сжигались на кострах. Отлученный от церкви в 1497, С. был арестован папскими агентами и после трех инквизиц. процессов казнен.

Осн. лит. наследство С. составляют: ряд богословских трактатов, опублик. при жизни политич. трактат «Об управлении Флоренцией» («Tractato circa el reggimento e governo della città di Firenze», Florence, [1498]; nuova ed., Torino, 1954) и четыре филос. трактата, опублик. после смерти С. как единое соч. — «Краткое изложение философии, морали, логики, разделение и достоинства всех наук» («Compendium totius philosophie ... nunc primum in lucem editum», Venetia, 1534). Придерживаясь в целом аристотелизма в интерпретации *Фома Аквинского*, в учении

о морали, С. приближался в то же время к идеям неоплатоников; был в тесном контакте с нек-рыми членами платоновской Академии во Флоренции (влияние Фичино и Пико делла Мирандола на С. заметно, в частности, в его учении о свободе воли). Для понимания мировоззрения С. очень важен его предсмертный трактат — написанный в тюрьме накануне казни «Размышления о XXX псалме» («Expositione ... sopra il psalmo. In te domine speravi») (Modena, [1498]), где в полемике с эпикурейской философией сопоставляются доводы верующего и аргументы атеиста, высказывающего сомнения в бессмертии души.

Соч.: *Prediche italiane ai Fiorentini*, v. 1—4, Perugia — Venezia, 1930—35; *Il trionfo della croce*, Mil., 1939; *Le lettere*, Firenze, 1933; *Prediche sopra l'Esodo*, v. 1—2, Roma, 1955—56.

Лит.: Осокин Н. Х., С. и Флоренция, [Каз., 1865]; Виллари П., Д. С. и его время, пер. с итал., т. 1—2, [СПб], 1913; Ridolfi R., Vita di G. Savonarola, v. 1—2, Roma, 1952; Klein R., Le procès de Savonarole, [P., 1957]; Mounin G., Savonarole, [P.], 1960; Garin E., Girolamo Savonarola: Ricerche sugli scritti filosofici di Girolamo Savonarola, in: *La cultura filosofica del Rinascimento italiano*, Firenze, 1961, p. 183—212; Klein R., La dernière méditation de Savonarole, *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, t. 23, Genève, 1961, p. 441—48; Goukowskij M., Réponse à M. Robert Klein, там же, t. 25, Genève, 1963, p. 222—26; Ferrara M., *Bibliographia savonaroliana...*, Firenze, 1958. Л. Брагина. Москва.

САЙМОН (Simon), Герберт Александр (р. 15 июня 1916) — амер. бурж. социолог, представитель политич. науки. Председатель отдела политич. и социальных наук в Иллинойском технологич. ин-те, в последние годы — один из руководителей и проф. Высшей школы по подготовке руководящих кадров для амер. пром-сти в Технологич. ин-те Карнеги. Специалист в области организации управления, один из пионеров социального моделирования.

Работы С. представляют методологич. интерес с т. зр. использования количеств. методов в социологии, моделирования поведения людей и обществ. систем, планирования деятельности учреждений и корпораций. Согласно С., математика — это язык совр. науки, и не существует принципиальных препятствий для математич. анализа любых науч. проблем. По его мнению, применение математики в науке вызвано возрастающей сложностью науч. проблем и стремлением к точности. Дальнейшие перспективы развития обществ. наук С. прямо связывает с их формализацией и разработкой спец. математич. аппарата.

Соч.: *Administrative behavior*, N. Y., 1947; *Public administration*, N. Y., 1950; *Models of man: social and rational*, N. Y., 1957; *Organizations*, N. Y., 1958 (соавтор); *New science of management decision*, N. Y., 1960; *Report on a general problem-solving program*, в кн.: *Proc. of the Internat. Conference on information processing*, Paris, June 15—20, 1959, Butterworth, 1960 (совм. с A. Newell and J. C. Shaw); *The control of the mind by reality. Human cognition and problem solving*, в кн.: *Man and civilization: control of the mind*, N. Y., 1961; *Simulation of human thinking*, в кн.: *Management and the computer of the future*, N. Y. — L., 1962. Э. Араб-Оглы. Москва.

САКЫЗОВ (Сақъзов), Янко (1860—1941) — деятель болгар. социалистич. движения, родоначальник и теоретик оппортунизма в Болгарии. Учился сначала в России, затем в Англии, Франции и Германии. В конце 80-х гг. С. стал участником возникшего тогда в Болгарии социалистич. движения. Под влиянием бернштейнианства С., отступив от теоретич. и практич. принципов марксизма, стал вождем правой фракции оппортунистич. «широко-социалистич.» партии, стал приверженцем 2 1/2-го Интернационала, выступал против политики БКП и сов. пути развития Болгарии.

САЛТКОВ, Азиз Абдыкасымович (р. 10 ноябр. 1925) — сов. философ, чл.-корр. АН Кирг. ССР (с 1954). Член КПСС с 1948. Работает над проблемами эстетики, истории, материализма, а также в области искусствоведения и лит. критики. Переводчик филос. произведений Энгельса и Ленина на кирг. язык.

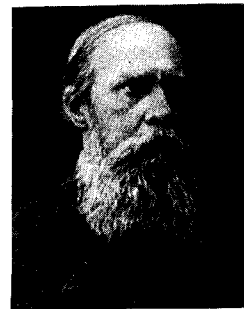
Соч.: *Жизнь — в стихах* (Заметки об эстетич. природе поэзии), Фрунзе, 1962; *Художеств. творчество и некоторые вопросы теории*, «Изв. АН Кирг. ССР», 1963, т. 5, вып. 2.

САЛЛЮСТИЙ (Σαλλούστιος) (4 в.) (не нужно смешивать с историком 1 в. до н. э. Саллюстием) — представитель пергамской школы неоплатонизма. Известен единств. трактатом «О богах и о мире» («De diis et mundo»), опублик. в изд. «Fragmenta philosophorum Graecorum», ed. F. W. A. Mullach, v. 3, P., 1881, p. 30—50. Никаких биографич. сведений о С. не сохранилось. Трактат С. дает в краткой форме систематич. изложение всей системы неоплатонизма, в т. ч. конкретное разделение и видов мифологич. исследования, и самих богов. В 3-й гл. этого трактата говорится о необходимости разыскания в мифах их внутр. смысла. В 6-й гл. С. дал разделение богов на домировых и мировых. Домировые — те, которые создают сущности, ум и души (это разделение воспроизводит домировую триаду Ямвлиха — ср. *Jamblich de mysteriis liber*, II, 7), мировые боги создают мир (Зевс, Посейдон, Гефест), одушевляют его (Деметра, Гера, Артемиды), упорядочивают (Аполлон, Афродита, Гермес) и охраняют (Гестия, Афина, Арес). Др. боги принадлежат этим 12 основным. Остальные главы посвящены различным вопросам — о космосе (гл. 7), о душе (гл. 8), о судьбе (гл. 9), об этике (гл. 10), о политич. формах (гл. 11) и т. д.

Лит.: Passamonti E., La dottrina dei miti di Sallustio filosofo neoplatonico, «Rendiconti dell' Accademia nazionale dei Lincei. Cl. di scienze morali, storiche e filologiche», 1892, ser. 5, v. 1, p. 643—64; е го же, *Le dottrine morali e religiose di Sallustio filosofo neoplatonico*, там же, p. 712—27; Cumont F., Salluste le philosophe, «Rev. de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», nouv. série, 1892, t. 16, p. 49—56; Zeller E., *Die Philosophie der Griechen...*, 3 Aufl., Tl 3, Abt. 2, Lpz., 1923. А. Лосев. Москва.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН (псевд. — Н. Щедри́н), Михаил Евграфович [15(27) янв. 1826—28 апр. (10 мая) 1889] — рус. писатель-сатирик, революц. демократ. Род. в с. Спас-Угол Калужинского у. Тверской губ. в помещичьей семье. Учился в Моск. дворянском ин-те (1836—38), затем в Царскосельском лицее (1838—44). Определяющую роль в идейном развитии молодого С.-Щ. сыграли статьи Белинского. В 1844—48 С.-Щ. служил в Петербурге в канцелярии Воен. мин-ва. В 1845—47 посещал «пятницы» Петрашевского, в 1847 сблизился с кружком В. Майкова и В. А. Милютина и познакомился с утопич. социализмом Сен-Симона, Фурье и др. Повести «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), вскрывавшие острые социальные противоречия России, повлекли за собой арест С.-Щ. (апр. 1848) и ссылку его в Вятку. «Губернские очерки» (1856) знаменовали начало деятельности С.-Щ. как сатирика. Попытки С.-Щ. защищать нар. интересы на адм. постах (в 1858—61 он был вице-губернатором сначала в Рязани, затем в Твери) не имели успеха. В 1862 С.-Щ. оставляет службу, работает в редакции «Современника». В 1864 возвращается на гос. службу (в мин-во финансов). В 1866 уходит в отставку, вступает в редакцию «Отечественных записок», где (с 1878 до закрытия журнала в 1884) был ответств. редактором.

Идейно-творч. развитие С.-Щ. было противоречивым. Уже в 40-х гг. С.-Щ. был противником существующего строя, демократом, сторонником социализма. Но его демократизм не был свободен от реформистских иллюзий. Предпочитал легальные формы борьбы, С.-Щ. выступал за консолидацию людей «различных оттенков партии прогресса». К концу 60-х гг. он ставит

в центр своей деятельности борьбу за пробуждение революц. сознания масс и передовой интеллигенции. Преследуя эту цель, сатира С.-Щ. обнажала «хищничество» как подоплеку действий крепостников-помещиков и нарождавшейся буржуазии. Ленин отмечал, что С.-Щ. «...беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой „применительно к подлости“» (Соч., т. 18, с. 287). С.-Щ. также «классически высмеял» бурж. Францию 70-х гг. как «...республику без республиканцев» (см. там же, т. 11, с. 384). Однако С.-Щ. не понял сущности рабочего движения и значения Парижской Коммуны 1871.

Ленин относил С.-Щ. к «...писателям „старой“ народнической демократии» (там же, т. 35, с. 32). Солидаризируясь с народниками 70-х гг. в демократич. критике самодержавия, пережитков крепостничества, бурж. либерализма, в ряде вопросов С.-Щ. расходился с *народничеством*: считал, что Россия вступила на путь капитализма, не верил в общину как «оплот» неканиталистич. пути развития страны.

В центре теоретич. устремлений С.-Щ. была борьба за «сознат. отношение» к природе и обществ. жизни, под к-рым С.-Щ. понимал признаки естеств. законов в природе и обществе, стремление познать эти законы и использовать их в интересах человека (см. Полн. собр. соч., т. 8, 1937, с. 146). Защита свободного от религ. опеки науч. исследования ярко выразилась в ст. «Уличная философия» (1869), в к-рой С.-Щ. выступил против осуждения материалистич. идей «молодого поколения». Идеалистич. взгляду на человека С.-Щ. противопоставлял «антропологический принцип» (см. там же, с. 143). С.-Щ. отвергал агностицизм, считая его одной из форм подчинения человека «таинств. силам», и отстаивал возможность познания мира, подчеркивая неисчерпаемость природы как объекта познания.

Закономерность изменения политич. и обществ. форм С.-Щ. трактовал идеалистически, считая «внутренним содержанием», определяющим то или иное устройство общества и смену его форм, «открытия и изобретения человеческого ума». С этим убеждением связаны взгляды С.-Щ. на обществ. идеал. Будучи сторонником социализма, С.-Щ. считал возможным представить идеальный обществ. строй лишь самым общим образом как строй, отвечающий потребностям «человеческой природы», обеспечивающий всеобщее материальное довольство, гармонич. сочетание личных и обществ. интересов, разумное направление чело-веч. страстей, делающих труд «привлекательным». Путь человечества к достижению истины, обществ. идеала, по С.-Щ., сложен и противоречив: представление, составляющие «временную истину», «идеал минуты», абсолютизируются, превращаются в «призраки», препятствующие свободному развитию чело-веч. сознания («Совр. призраки», 1864). Хотя такой взгляд страдал просветит. преувеличением роли сознания в истории, он служил С.-Щ. основанием для решит. борьбы против «совр. призраков» — религ.-идеалистич. мировоззрения, права и морали эксплуататорских классов («Благонамеренные речи», «Круглый год», «Господа Головлевы»).

Демократич. вера в массы, убеждение в том, что нар. жизнь «заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немислима» (там же, т. 5, 1937, с. 323), сочетались у С.-Щ. с трезвым пониманием слабости совр. нар. движения, с борьбой против идей славянофильства (см. *Славянофилы*) и *почвенничества*, возмечивавших нар. «терпение» и «смирение». Проводя различие между народом как «воплотителем идеи демократизма» и «историческим народом», т. е. народом на данной стадии развития (см. там же, т. 8, с. 449), С.-Щ. считал осн. слабостью совр. ему народа то, что он не

только беден, но и «беден сознанием этой бедности» (см. там же, т. 7, 1935, с. 255). Говоря о неразвитости обществ. самосознания народа («История одного города»), стремясь к уничтожению его «бессознательности», С.-Щ. не разделял народнич. веры в крестьянство как носителя социалистич. идеалов. Не смог он связать достижение этих идеалов и с растущим рус. рабочим классом. Отсюда — ноты скептицизма и пессимизма.

В эстетике С.-Щ. защищал взгляд на иск-во как особую форму познания действительности, критиковал теорию «иск-ва для иск-ва», отстаивал обществ.-воспитат. назначение иск-ва, утверждал, что лит-ра должна быть «воспитательницей и руководительницей общества в его исканиях идеалов будущего» (там же, с. 457). «Подготовлению почвы будущего», считал С.-Щ., лит-ра может служить двояким образом: либо «привозя в царство теней все отживающее», либо «приветствуя новое». Продолжая борьбу своих революционно-демократич. предшественников за реализм, С.-Щ. обогатил ее критикой натурализма, получившего в 70—80-х гг. распространение в рус. и зарубежной лит-ре. Важнейшая задача реализма, по С.-Щ., — создание типов и разьяснение через них «положений», т. е. обществ. порядка, порождением к-рого являются данные типы; не отступать от принципа художеств. обобщения, раскрытия внутри. смысла фактов. С.-Щ. выдвинул глубокое и оригинальное понимание предмета сатирич. обличения — «порока» и «порочных» явлений жизни: «порок» не есть нечто раз навсегда определенное; поэтому сатира призвана разгадать порок, разьяснить его; она имеет право на преувеличение; истинная сатира предполагает наличие у автора ясного положит. идеала, отвечающего интересам народа. Сатира самого С.-Щ. характеризуется многообразием художеств. приемов, использованием публицистич. элементов, фантастики, переосмыслением лит. типов.

Соч. в 20 тт., т. 1—3, М.—Л., 1965; О лит-ре и иск-ве, М., 1953; Неизд. и несобр. письма С.-Щ., в кн.: Лит. наследство, т. 67, М., 1959.

Лит.: Маркс К., Замечания и пометки на книге М. Е. С.-Щ. «Убежище Монрепо», «Дружба народов», 1958, № 5; Энгельс Ф., [Письмо] Н. Ф. Даниельсону от 19 февр. 1887, в кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с рус. политич. деятелями, 2 изд., М., 1951, с. 130—31; Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 1, 3, 5, 11, 12, 15, 17, 18, 20, 24, 33, 35 (см. имен. указат.); Луначарский А. В., Статьи о лит-ре, М., 1957, с. 259—67; Чернышевский И. Г., Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 700—704, т. 4, М., 1948, с. 263—302; Добролюбов П. А., Собр. соч. в 9 тт., т. 2, М.—Л., 1962, с. 149—46; Макашин С. А., С.-Щ., Биография, т. 1, М., 1949; Энгельс Ф., [Письмо] Я. Е. С.-Щ., Жизнь и творчество, М., 1953; Горячкина М., Лаврецкий А., С.-Щ., в кн.: История рус. лит-ры, т. 9, ч. 1, М.—Л., 1956, с. 161—27; Борщевский С. С., Щедрин и Достоевский, М., 1956; Обществ.-политич. и филос. взгляды Н. А. Некрасова и М. Е. С.-Щ., в кн.: Очерки по истории филос. и обществ.-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 334—52; Кирпотин В. Я., Филос. и эстетич. взгляды С.-Щ., М., 1957; М. Е. С.-Щ. в воспоминаниях современников, М., 1957; Горячкина М. С., С.-Щ. — критик, в кн.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958, с. 146—81; М. Е. С.-Щ. в рус. критике, М., 1959; Бушмин А. С., Сатира С.-Щ., Л., 1959; Покусаев Е. И., Революц. сатира С.-Щ., М., 1963.

З. Смирнова. Москва.

САМАРИН, Юрий Федорович (21 аур. 1819—19 марта 1876) — рус. философ-идеалист, обществ. деятель, историк и публицист славянофильского направления (см. *Славянофилы*). Из родовитых дворян. Окончил словесное отд. филос. фак-та Моск. ун-та (1838). В 1838—39 сблизился с К. Аксаковым, а через него с сотрудниками журн. «Моск. наблюдатель». В это время С. увлекался философией Гегеля.

Под влиянием лекций *Погодина* и *Шевырева*, а также взглядов К. Аксакова у С. пробудился интерес к рус. истории и культуре. В письме (авг.—сент. 1840) к франц. политич. деятелю Могену (Maugin) С. развивал мысли «о трех периодах (исключительной

национальности, подражания и разумной народности) и о двух началах нашей народности, православии и самодержавии» (Соч., т. 12, М., 1911, с. 19, 60—69, см. также 447—57). В 1841—42 С. деятельно участвовал в обсуждении славянофилами вопроса о развитии христианства и христианских церквей (см. там же, с. 82—95, 458—71). В 1843 С. написал большую (не опубликованную) статью «О развитии начала личности в христианском мире по случаю книги Л. Штейна „Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs“», свидетельствующую о присутствии в славянофильстве 40-х гг. элементов *христианского социализма*. В 1844 С. защитил в Моск. ун-те магистерскую дисс. «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», посвященную религ. и культурно-историч. проблемам конца 17 — нач. 18 вв. Конец 30-х — 1-я пол. 40-х гг. — время эволюции С. от Гегеля к философии Хомякова и *Киевского* — гл. представителей славянофильства.

Впоследствии С. много занимался крест. вопросом; составил в сер. 50-х гг. один из самых влият. проектов отмены крепостного права, участвовал в подготовке и проведении крест. реформы в России (1861), много писал о социально-экономич. и нац. проблемах в Прибалтике, работал в земских учреждениях.

Из филос. работ С. важны «Предисловие к отрывку из записок А. С. Хомякова о всемирной истории» («Рус. беседа», 1860, № 2); «По поводу мнения „Рус. вестника“ о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации» («День», 1863, № 36); «Иезуиты и их отношение к России» (М., 1866); «Разбор соч. К. Д. Кавелина „Задачи психологии“» («Вест. Европы», 1875, № 5—7). Особенно отчетливое выражение филос. и обществ.-политич. воззрения С. 60-х гг. получили в полемике С. с Герценом, с к-рым он встречался в Лондоне в 1864 (см. А. И. Герцен, Письма к противнику, Собр. соч., т. 18, М., 1959; Переписка Ю. Ф. С. с А. И. Герценом, «Русь», 1883, № 1, 2).

С. — воинствующий идеалист, филос. взгляды к-рого неотделимы от религ. представлений славянофилов о православии как истинном христианстве. В полемике с *Кавелиным* в 1875 сам С. указывал, что все положительное в его воззрениях «сводится окончательно к Христианскому Катехизису» (там же, т. 6, М., 1887, с. 444). Опыт, ум и науку как источники познания С., следуя за Хомяковым, противопоставлял целостному духу. «Полная и высшая истина, — писал он, — дается не одной способности логического умозаключения, но уму, чувству и воле вместе, то есть духу в его живой цельности» (там же, с. 561). На сознании личной свободы, на живом ощущении «Я» и «не-Я», т. е. мира внутреннего и мира внешнего покоится, по С., нравств. мир человека. Филос. материализм 19 в. С. трактовал как учение, находящееся в зависимости от системы Гегеля. По мнению С., «...возрождение материализма во второй половине XIX века...» объясняется тем, что «...по общему закону логического возмездия, материализм...» заступился за обиженный Гегелем «мир явлений» «...и, не выходя из круга понятий Гегелевской философии, нашел оправдание самосущности материи в том же законе необходимости, только не логической, а вещественной». «Сам же по себе, как учение, материализм вовсе не вытекает из естественных наук. Физиология, химия, физика говорят нам, каждая в своей области: вот, что мы рассмотрели, взвесили, оцупали, измерили и разложили. А материализм прибавляет: и, кроме этого, ничего нет; все остальное... не существует вовсе. Очевидно, что естественные науки отнюдь не причастны в этом выводе» (там же, т. 1, М., 1877, с. 273, 272).

Однако, идейно борясь с материалистич. взглядами, С. отвергал направленные против материализма насильств. меры, к-рые предлагали реакц. представители

царских властей и православной церкви (см. «Письма о материализме», там же, т. 6, с. 540—54).

Соч.: Соч., т. 1—10, 12, М., 1877—1911.
Лит.: Кавелин К. Д., Ю. Ф. С. Некролог, «Вестн. Европы», 1876, апр.; Пянов И., Славянофильство как филос. учение, «Журн. М-ва нар. просвещения», 1880, ч. 212, № 11; Колубовский Я. Н., Материалы для истории философии в России, «Вопр. философии и психологии», 1891, № 2; Колупанов Н. П., Очерк филос. системы славянофилов, «Рус. обозрение», 1894, № 7—11; Введенский С. Н., Осн. черты филос. воззрений Ю. Ф. С., Каз., 1899; Радлов Э., Очерк истории рус. философии, 2 изд., П., 1926; Нольде Б. Э., Ю. С. и его время, Р., [1926]; Дмитриев С., Славянофилы и славянофильство, «Историк-марксист», 1941, № 1. С. С. Дмитриев. Москва.

САМНЕР (Sumner), Уильям Грэм (30 окт. 1840—12 апр. 1910) — амер. социолог, один из зачателей амер. бурж. социологии. С 1872 — проф. Йельского ун-та.

Последователь Спенсера, испытавший также влияние Гумпловича, Ратценхофера и Липперта, С. в осн. труде «Народные обычаи» («Folkways», Boston, 1907) пытался объяснить происхождение и обществ. функции *обычаев* и нравов, рассматривая их как первичный фактор, определяющий структуру и развитие общества. Осн. цель жизни, по С., — поддержание самой жизни. В процессе борьбы за существование люди путем проб и ошибок вырабатывают формы поведения, к-рые наилучшим способом служат достижению этой цели. Привычное для индивидуума становится, благодаря подражанию, обычаем всех членов группы, поставленных в сходные условия. Под «народными обычаями» («folkways») — словообразование С., вошедшее в англ. язык) С. понимает «всякий способ мышления, чувствования, поведения и достижения цели, общий для членов социальной группы». Обычай, получивший санкцию религии или морали, становится нравом. Обычай и нравы, дополненные к.-л. аппаратом для их поддержания, образуют общественные институты.

С. вводит понятия внутр. группы или «мы-группы» и внешней группы. Чувство превосходства своих обычаев над чужими С. назвал этноцентризмом. Возникновение и изменение обычаев — бессознат. стихийный процесс. Обществ. процессы, по мнению С., не могут контролироваться людьми и поэтому идея о сознат. улучшении мира абсурдна. В конкретном анализе обычаев и нравов С. ограничивался психологич. и социал-дарвинистской интерпретацией. Движущей силой формирования обычаев и нравов является конкуренция. Частная собственность соответствует естеств. условиям борьбы за существование. Общество — совокупность конкурирующих групп, социальная природа к-рых не раскрывается С. Классовые противоречия, по С., неустраняемы.

Типичный представитель амер. бурж. консерватизма конца 19 в., С. в публицистич. работах («Вызов фактам» — «The challenge of facts», New Haven, 1914; «Забывтый человек» — «The forgotten man», New Haven, 1918, и др.), получивших в США широкую известность, выступал в духе т. н. грубого индивидуализма, против всякого вмешательства гос-ва в обществ. жизнь, попыток социальных реформ. С. обрушился на социалистич. идеи (социализм — «вызов фактам»), причисляя к ним эгалитарные учения. В то же время он отразил нек-рые черты мелкобурж. идеологии того времени, защищая «забытого человека» — мелкого собственника, исчезающего под напором капиталистич. поляризации, высказываясь против милитаризма и империалистич. войн.

Значение С. в истории бурж. социологии определяется тем, что он на основе обширного историко-этнографич. материала положил начало социологич. изучению норм социального поведения, внутрigrупповых и междугрупповых отношений; в становлении структурно-функционального анализа имела значение

его теория развития культуры путем массового процесса проб и ошибок.

См. о ч.: The science of society, v. 1—4, New Haven, 1927 (совм. с А. G. Keller, использовавших неизданные работы С.); Essays of W. G. Sumner, v. 1—2, New Haven—L., 1934.
Лит.: Ко н И. С., Позитивизм в социологии, Л., 1964.
А. Завадько. Москва.

САМОДВИЖЕНИЕ — собственное, внутренне необходимое самопроизвольное изменение системы, к-рое определяется ее противоречиями, опосредствующими воздействием внешних факторов и условий.

Все диалектич. системы антич. философии в той или др. форме придерживались идеи С.: материалистич. системы — С. всего мира, идеалистические — С. сознания. Идея С. имплицитно содержалась и в филос. системах нового времени, разрабатывавших проблему *субстанции* (Спиноза, Лейбниц). В естествознании нового времени первым, не вполне еще адекватным выражением идеи С. явился закон сохранения количества механич. движения (Декарт) и законы инерциального движения (Галилей, Ньютон). Существ. вклад в проблему С. материи внесли Дж. Толанд и франц. материалисты 18 в. Материализм нового времени, однако, не смог поставить и решить наиболее существ. проблемы С.: вопрос о его источнике и о применении общей идеи С. материи к анализу С. конкретных систем. Эти проблемы нашли идеалистич. истолкование в классич. нем. философии, в особенности у Гегеля.

Диалектико-материалистич. концепция С. исходит из того, что С. присуще не только материи в целом, но и всем ее конкретным видам. Источником С. являются внутр. причины. Это прежде всего *противоречия*, свойственные всем объектам с системным строением, либо иные силы — напр., взаимодействие отд. составляющих системы. Влияние внешних условий на конкретную самодвижущуюся систему осуществляется опосредованно, через внутр. источники. С., связанное с направленным, необратимым изменением, составляет особый тип С. — саморазвитие. В этом пункте концепция С. непосредственно смыкается с общей диалектич. концепцией *развития*, в к-рой «... главное внимание устремляется именно на познание источника „само“ движения» (Ленин В. И., Соч., т. 38, с. 358).

Материя как таковая абсолютно не обусловлена в своем С. к-л. внешними воздействиями. Однако абс. характер С. материи в целом проявляется в относительных С. конкретных материальных систем — относительных потому, что всякая материальная система подвержена воздействию др. материальных систем, выступающих по отношению к данной системе как условия ее С. Воздействие внешних факторов на самодвижущуюся систему тем значительнее, чем менее организована система. Поэтому одним из существ. условий и критериев повышения организации системы является усиление ее «автономности» по отношению к внешним воздействиям, т. е. возрастание роли внутр. источников развития — возрастание С., благодаря чему система получает большие возможности как для сохранения устойчивости, так и для адекватной реакции на изменения среды.

В человец. обществе С. основывается на специфически человец. деятельности, прежде всего — на развитии материального произ-ва. На высших стадиях развития общества (коммунистич. формация) С. утрачивает стихийный характер, присущий ему в условиях антагонистич. формаций. Постоянным условием и элементом С., наряду с объективными условиями, здесь становится сознат. планирование, превращающееся в материальную силу развития через планомерную деятельность всего общества.

Лит.: Хрустов Г. Ф., О возникновении материального производства, «ВФ», 1960, № 3; Орлов В. В., Особенности чувств. познания, Пермь, 1962, с. 12—24; Петрушенко Л. А., К вопросу об общем характере и особенностях

авторегуляционных систем, «Изв. Ленингр. электротехн. ин-та им. В. И. Ульянова (Ленина)», 1963, вып. 49. См. также лит. при ст. *Единство и борьба противоположностей, Противоречие, Развитие*.

САМОНАБЛЮДЕНИЕ (лат. *introspectio* — внутреннее наблюдение) — прием исследования явлений сознания, состоящий в фиксации и описании течения собств. переживаний при совершении нек-рых действий или нек-ром состоянии *психики*. В 19 — нач. 20 вв. С. было одним из осн. методов исследования человец. психики (см. *Психология, Интроспективная психология, Вюрцбургская школа*). Как правило, в паре исследователь — испытуемый в качестве последнего выступал квалифицированный в С. человек (напр., в экспериментах вюрцбургской школы испытуемыми были О. Кюльпе, Н. Ах, А. Мессер, К. Бюлер и др.). С распространением объективных методов исследования прием С. был подвергнут критике. В наст. время С. используется как один из второстепенных приемов психологич. исследования, а его результаты служат лишь дополнением к результатам, фиксируемым при помощи объективных методов.

Лит.: Кюльпе О., Совр. психология мышления, пер. с нем., в сб.: Новые идеи в философии, № 16, СПб, 1914; Рубинштейн С. Л., Основы общей психологии, 2 изд., М., 1946, гл. 2; Выготский Л. С., Развитие высших психич. функций, М., 1960, гл. 2; Ярошевский М. Г., История психологии, М., 1966, гл. 10; Пиаже Ж., Фресс П., Экспериментальная психология, пер. с франц., М., 1966, гл. 1—2. Н. Алексеев. Москва.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА — сложная динамич. система, способная при изменении внешних или внутр. условий ее функционирования и развития сохранять или совершенствовать свою организацию с учетом прошлого опыта. Типы объектов, к-рые могут быть названы С. с., по своему субстрату весьма различны; примерами их являются живая клетка, организм, биологич. популяция, человец. коллектив.

С. с. впервые начали исследоваться в кибернетике. Термин «С. с.» ввел в 1947 Эшби (см. «Principles of self-organizing dynamic system» в «J. Gen. Psychol.», 1947, v. 37, p. 125—28). Широкое изучение С. с. началось в конце 50-х гг. В понятии С. с. фокусируется целый ряд проблем и специфич. трудностей, стоящих перед теоретич. кибернетикой и др. связанными с ней отраслями совр. науки и техники. С одной стороны, изучение таких систем открывает совершенно новые принципы построения технич. устройств с высокой надежностью, способных работать в широком диапазоне внешних условий. С другой, именно на этом пути возможна передача машине ряда логич. операций, считающихся до сих пор исключит. прерогативой человека. В наст. время понятие самоорганизации вышло далеко за рамки кибернетики и все более широко применяется в биологии, а также социальных науках. Характерно, напр., рассмотрение отд. нейрона как С. с. либо как ее элемента в структуре функционально выделенного участка нейронной сети (работы группы Мак-Каллока — Питса в США, Налалкова и др. в СССР). Это направление составляет осн. содержание нейрокибернетики.

В наст. время в науке исследуются различные типы С. с. Их типология определяется выделением той или иной группы св-в в качестве ведущей: саморегулирующиеся, самонастраивающиеся, самообучающиеся, самоадаптирующиеся системы.

Уже первые работы по созданию теории С. с. показали, что здесь наука столкнулась с принципиально новым классом познават. задач, для решения к-рых необходима выработка существенно новых средств и методов анализа. Одна из первых задач в исследовании таких систем состоит в том, чтобы определить и ограничить класс тех реальных объектов, относительно к-рых можно адекватно употреблять понятие

самоорганизации. Поскольку «самоорганизующийся» означает не только организующийся сам, но и организующийся для себя, постольку даже обнаружение естеств. С. с. оказывается сложной исследовательской задачей. Чтобы выявить самоорганизующийся характер объекта, исследователь должен так построить взаимодействие с ним, чтобы на «входе» подавая определенную последовательность сигналов и на «выходе» получать последовательность ответов, на основании к-рой можно было бы судить о структуре поведения системы. Иными словами, процесс исследования здесь должен рассматриваться как взаимодействие двух С. с. — объекта и исследователя, причем это взаимодействие является значимым для обеих этих систем. Впервые на это обратил внимание известный англ. кибернетик Г. Паск (см. его ст. в рус. пер. — «Естеств. история цепей», в сб.: С. с., М., 1964), к-рый назвал такой метод исследования «стратегией естественного испытателя», в отличие от традиционно применяемой «стратегии специализированного наблюдателя».

Тот факт, что развитие организации С. с. преследует свои «цели», должен приниматься во внимание и при конструировании искусств. технич. устройств, основанных на принципе самоорганизации: параллельно с методами построения таких систем должны создаваться и методы управления их поведением. В противном случае либо нельзя будет использовать их самоорганизующийся характер, либо самоорганизация пойдет в направлении, противоположном замыслам создателей такой системы (см. в этой связи Н. Винер, *Останется ли машина рабой человека?*, «Америка», 1963, № 80, а также У. Росс Эшби, *Принципы самоорганизации*, в сб.: *Принципы самоорганизации*, пер. с англ., М., 1966). Еще не так давно подобная перспектива казалась утопической, но практич. конструирование С. с., поставленное совр. наукой в порядок дня, делает такую постановку проблемы реальной и необходимой. Опасные последствия, к-рые могут возникнуть при создании искусств. систем, осуществляющих собств. цели и трудно контролируемых человеком, рассматривает, напр., С. Лем (см. ст. «Введение в интеллектронику», ж. «Знание — сила», 1965, № 3). В общем виде теоретич. проблема здесь такова: либо создание С. с. для реализации заранее заданного диапазона задач без выхода за их пределы и, следовательно, планируемое существ. ограничение возможностей и направления самоорганизации, либо создание неполностью С. с. в том смысле, что система может функционировать лишь после получения задач извне. Понятно, что исследование естеств. С. с. не связано с этой проблемой.

Наиболее абстрактную схему С. с. можно представить след. образом. Имеется множество элементов и связей между ними; связи двух типов: жесткие и изменяющиеся (следует отметить, что до наст. времени не удалось выделить связи, специфические для С. с.). Нек-рый механизм управляет изменением связей и (в общем случае) элементов. Большинство исследователей рассматривает механизм как ту часть системы, к-рая определяет ее самоорганизующийся характер, «несет ответственность» за управление и самоорганизацию, однако вопрос о физич. существовании этого механизма остается открытым. Наиболее распространена т. зр., согласно к-рой механизм воплощается материально как определ. регулирующий «орган», однако отд. исследователи считают, что этот механизм можно рассматривать как нек-рый логич. закон, к-рому следует система. К этим последним можно, в частности, отнести Эшби, к-рый утверждает, что каждую изолированную динамич. систему, подчиняющуюся постоянному закону, можно считать самоорганизующейся. У др. ученых в качестве такого механизма выступает «проект», «идеал» и т. п. По-ви-

димому, возможно и совмещение обоих этих подходов, когда в системе регулятор к.-л. физич. природы является вместе с тем логич. механизмом, обуславливающим ее функционирование и развитие. В исследованиях С. с. у этих последних выделяются и специально описываются такие аспекты, как способность к обучению; самовоспроизведение структуры согласно нек-рому «проекту» (эталону); взаимодействие С. с. с ее окружением (рассматриваемое по типу взаимодействия организма со средой); надежность систем, созданных из элементов, каждый из к-рых ненадежен; поведение (деятельности) системы при решении задач и т. п. Исторически изучение каждой из этих проблем началось раньше, чем развилось понятие С. с. Поэтому на анализ такого рода проблем в связи со спецификой самоорганизации сильное влияние оказывает предшеств. традиция, к-рая в ряде случаев затрудняет анализ, приводит к односторонности в подходе исследователя, что особенно сказывается на методах и языке, применяемых в попытках построить теорию самоорганизации.

Обычно описание С. с. производится в спец. терминах и понятиях той или иной науч. дисциплины. Напр., Г. фон Ферстер оперирует понятиями теории информации и термодинамики, Эшби описывает самоорганизацию с помощью понятий теоретич. кибернетики, Паск — при помощи языка теоретич. игр, сов. исследователи Напалков, Брайнес и Свечинский идут к проблеме самоорганизации от нейрофизиологии и свойственного ей аппарата; большое число исследователей привлекает для описания С. с. аппарат биологии, в той или иной мере связанный с кибернетическим (теория нейронных сетей, цитология, генетика, эмбриология и др.). Все эти методы позволяют успешно решать ряд важных проблем, однако оказываются недостаточными для построения общей теории С. с. Это особенно относится к анализу поведения С. с. Обычно в кибернетике поведение системы изучается как «история выхода» для «черного ящика», т. е. как совокупность реакций системы в ответ на входные воздействия. Но применительно к С. с. такой подход позволяет фиксировать не само поведение с его механизмом, а лишь результаты, итог поведения. В качестве простейшего элемента, единицы поведения у большинства исследователей выступают отд. состояния системы, а цели системы рассматриваются как логич. связи. Однако такой подход оказывается мало-перспективным. Паск (см. Г. Паск, *Модель эволюции*, в сб.: *Принципы самоорганизации*, пер. с англ., М., 1966) предпринял попытку произвести расчленение структуры поведения иным путем: в качестве элементов у него выступают отд. характеристики (св-ва автоматов); связи можно интерпретировать как логич. механизмы модели поведения системы, объясняющие изменения св-в. Такой способ позволил обосновать ряд интересных особенностей рассматриваемой Паском системы автоматов — корреляцию стратегий отд. автоматов, объединение их в колонии (домены) и т. п. Однако логич. необходимость этих св-в не доказывается. Тем не менее в таком подходе можно усмотреть элементы новой логики — логики поведения систем, т. е. методов и способов обобщенного описания поведения, необходимых как для теории С. с., так и для науч.-технич. практики.

Лит.: Подетаев И. А., *Сигнал. О нек-рых понятиях кибернетики*, М., 1958; Брайнес С. Н., Напалков А. В., *Некоторые вопросы теории самоорганизующихся систем*, «ВФ», 1959, № 6; Тьюринг А., *Может ли машина мыслить?*, пер. с англ., М., 1960; Глезе-Рапорт М. Г., *Автоматы и живые организмы*, М., 1961; Беркович Д. М., *Машины управляют машинами*, М., 1962; *Принципы построения самообучающихся систем*, К., 1962; Брайнес С. Н., Напалков А. В., Свечинский В. Б., *Нейрокибернетика*, М., 1962; Винер Н., *Новые главы кибернетики*, пер. с англ., М., 1963; Глушков В. М., *Самоорганизация и самонастройка*, К., 1963; *Автоматизация производ-*

ства и промышленная электроника. Энциклопедия совр. техники, т. 3, М., 1964, с. 293; Возможное и невозможное в кибернетике. Сб. ст., М., 1964; З у е в А. К., Самонастройка в технике и живой природе, Рига, 1964; Самонастраивающиеся автоматич. системы, М., 1964; Самоорганизующиеся системы, пер. с англ., М., 1964; Проблемы бионики, пер. с англ., М., 1965; С м о л я н Г. Л., Техника и мозг, «ВФ», 1965, № 3; Self-organizing systems, eds. M. C. Yovits, G. T. Jacoby, G. D. Goldstein, Wash., 1962. Б. Юдин. Москва.

САМОРАЗВИТИЕ — см. *Самодвижение*.

САМОСОЗНАНИЕ — осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения в обществе; С. предполагает выделение и отличие человеком самого себя, своего «Я» от всего, что его окружает. Возникновение С. связано с определ. уровнем развития сознания и является необходимым условием становления личности (подробнее см. в ст. *Сознание*).

САМСОН, Виллис Петрович (р. 3 дек. 1920) — сов. философ и историк, чл.-корр. АН Латв. ССР (с 1951). Чл. КПСС с 1943. Герой Сов. Союза (1945). Окончил Резекненский учительский ин-т (1940), ВПИ (1946), АОН при ЦК КПСС (1949). Был зав. кафедрой философии в респ. партшколе, преподавал философию в Латв. ун-те им. П. Стучки (1949—51). С 1960 — акад.-секретарь АН Латв. ССР. Отв. редактор издания «Литературное наследство Я. Райниса» («Literārais Mantojums», т. 1—2, Riga, 1957—62). С. — один из авторов разделов о философии в Латвии в кн.: «История философии» (т. 2, М., 1957) и «Очерки по истории философии и общественно-политич. мысли народов СССР» (т. 2, М., 1956). Гл. редактор «Малой энциклопедии Латв. ССР». Работает в области истории филос. и обществ. мысли и истории революц. движения Латвии.

С о ч.: Progresīvās sabiedrības in filozofiskās domas attīstība Latvijā 19. gadsimta otrā pusē, «Padomju Latvijas skola», 1951, № 12; 1952, № 1, 3; Latviešu nacionālistiskā buržuāzija — tautas izglītības nīkākais ienaidnieks, там же, 1954, № 2; Общественно-филос. взгляды Я. Райниса, «Коммунизм Сов. Латвии», 1955, № 9; Rainis — revolucionārs domātājs, «Изв. АН Латв. ССР», 1965, № 10 (219).

САНХЬЯ (санскр., букв. — число, счет, рассуждение через перечисление принципов бытия, истинное значение и т. п.) — одна из самых ранних, наиболее разработанных и влияя. школ *индийской философии*. Основателем С. считается мудрец Капила, однако его сутры до нас не дошли. Первые сведения об отд. элементах учения С. встречаются уже в *Упанишадах* и в источниках раннего *буддизма*. Полнее учение С. представлено в эпосе *Махабхарата* (т. н. эпическая С.), здесь оно тесно смыкается с *йогой*. Идеи С. широко используются в др.-инд. мед. трактатах Чарак и Сушруты, в религиозно-правовых кодексах (особенно в «Законах Ману») и др. Изложение С. в этих памятниках составляет древний период ее истории.

Наивысшего этапа своего развития С. достигает в раннее средневековье (с 3—4 до 8—9 вв. н. э.) (т. н. «классическая санхья»). В этот период создаются ее осн. источники: «*Санхья-карика*» Ишвара Кришны, комментарии к ней Гаудапады («*Санхья-карикабхашья*», 5 в.), Вачаспати Мишры («*Санхья-таттвакаууди*», 9 в.), Нараяна Тирхти («*Санхья-чандрика*», 9 в.) и др. Поздняя С. представлена работами «*Санхья-сутра*» (или «*Санхья-правачана-сутра*»), к-рая приписывается самому Капиле, но написана не ранее 14 в., и комментариями на нее Анпруддхи («*Санхья-сутра-вритти*», 15 в.) и Виджняна Бхикшу («*Санхья-правачана-бхашья*», 16 в.); в этих источниках учение С. сближается с *ведантой* и растворяется в ней.

Центр. место в философии классич. С. занимает учение о *пракрити* (материи), к-рая является субстанциональной основой бытия, о ее развитии и трансформации (паринама). Сама *пракрити* описывается как особо тонкая, невоспринимаемая чувствами субстанция, природа к-рой раскрывается в ее производных, в возникшем из нее предметном мире, являющемся

ее следствием. Причем следствие (карья) существует (сат) (вернее предсуществует) в своей причине, причина же сохраняется в своем следствии; т. о., причина и следствие по сути тождественны.

В своей трансформации *пракрити* проходит ряд последоват. этапов психич. и материального порядка. Первым этапом этого развития является махат или буддхи, представляющий собой чистое сознание, нечто вроде субстрата всех индивидуальных сознаний. Из него возникает ахамкара — самость, «Я», к-рое в свою очередь порождает, с одной стороны, одиннадцать органов (индрий) (пять воспринимающих, пять действующих или исполнительных и одиннадцатый связующий и управляющий орган — ум, манас), а с другой стороны, пять тонких, невоспринимаемых зародышей вешеств. элементов (танматры). Все это образует внутр. основу эмпирич. вида, его материальную душу — лингам. Танматры порождают из себя пять грубых, вешеств. элементов (бхуты) — эфир (или пространство — акаша), воздух, огонь, вода, земля; из их различных комбинаций образуется весь чувственно-воспринимаемый мир объектов, как органический, так и неорганический. Т. о., в С. насчитывается 24 категории, к-рые охватывают собой всю реально существующую действительность. Признание принципа развития первопричины мира составляет отличит. черту С.

Но хотя буддхи, ахамкара и органы чувств и возникают, по С., до вешеств. элементов, из комбинации к-рых образуется предметный мир, однако в своем реальном функционировании эти духовно-психич. способности человека не стоят над миром объектов, а, напротив, обусловлены им, и только он является источником человец. знания. С. признает три средства познания (прамана) действительности: чувств. восприятие (пратьякша), логич. вывод или умозаключение (анумана) и словесное свидетельство авторитетного источника (шабда); под последним подразумевалось сообщение мудреца (учителя) или священной писание (Веды). «Основным средством познания является чувственное восприятие, ибо остальные два покоятся на нем» (комментарий Вачаспати Мишры на карикку 4). Однако С. не уделяет особого внимания проблемам познания, принимая в общем теорию познания и логику школы *ньяя*.

Несмотря на трактовку *пракрити* как единств. причины реальной действительности, С. признает наряду с ней и независимо от нее духовное начало — *пурушу*, являющуюся 25-й категорией в этой системе. Пуруша играет роль фактически только в этич. сфере: якобы по незнанию своей полной отчужденности от *пракрити* пуруша отождествляет себя с эмпирич. душой (лингам), а через нее как бы вовлекается в круговорот мирского существования (самсара); но увидев *пракрити* во всех ее модификациях, пуруша «осознает» свою полную непричастность к ним и обретает свое имманентное состояние абс. свободы (*мокша*).

В онтологии и гносеологии С. понятие пуруши привлекается для объяснения тех филос. проблем (источник движения материи, переход от материи к сознанию и т. п.), к-рые не могли получить убедительного решения с позиций метафизич. материализма. Эта непоследовательность С. дает повод многим исследователям характеризовать ее взгляды как дуалистические. Однако гл. принципы системы С. — ее учение о *пракрити* как материальной причине и субстанции мира, о неотделимости пространства и времени от *пракрити*, о заложенной в ней способности к саморазвитию, в процессе к-рого возникают сознание и психика человека и т. д., дают гораздо больше оснований отнести ее к материалистич. направлению.

Лит.: Лунный свет С. — истины, пер. с санскр. Р. Гарбе, рус. пер. и предисл. Н. И. Герасимова, М., 1900; Махабхарата,

[вып.] 2—7 (пер. с санскр., введение, послесловие, примечание Б. Л. Смирнова), Ам., 1956—63; Аникеев Н. П., О материалистических традициях в индийской философии, М., 1965; Kapila, The sâṅkhya aphorisms of Kapila, transl. by J. Ballantyne, 3 ed., L.—Edin., 1885; Iswarakrishna, Sâṅkhya-kārikas. Ed. by Pandit Sri Hariram Shukla, Banaras, 1932; The sâṅkhya-kārikā. Is' vara Kṛṣṇa memorable verses on Sâṅkhya philosophy with the commentary of Gawḍarāḍācārya (Critically ed. with introduction, translations and notes) by Har Dutt Sharma, Poona, 1933; V a c a s p a t i M i s h r a, The tattva-kaumudi on the sâṅkhya-kārikas. Transl. by G. N. Jha, Poona, 1934; V i j ñ ā n a b h i k s u, The sâṅkhya-pravacana-bhasya, ed. by R. Garbe, Camb. (Mass.), 1943; S a s t r i N. S., Bibliography of Sâṅkhya system, «Journal of Sri Venkateswara Oriental Institute», [s. 1.], v. 13, № 1; The sâṅkhya-kārika of Iswara Krishna. An exposition of the system of Kapila, 2 ed., Calcutta, 1957. Н. Аникеев. Москва.

«САНКХЬЯ-КАРИКА» — один из осн. лит. источников древнейшей школы индийской философии *санкхья*. Автором «С.-к.» считается мудрец Ишвара Кришна (4—5 вв.). «С.-к.» состоит из 72 двуступий, в латинской форме излагающих осн. положения учения санкхья.

Лит.: Радхакришнан С., Индийская философия, пер. с англ., т. 2, М., 1957.

САНС ДЕЛЬ РИО (Sanz del Río), Хулиан (16 мая 1814—12 окт. 1869) — исп. философ, последователь, переводчик и пропагандист идей *Краузе*; вел широкую педагогич. деятельность в ун-тах Испании. Понимал философию в сократич. смысле как метод и инструмент личного совершенствования. Оказал влияние на дальнейшее развитие исп. обществ. и филос. мысли.

Соч.: Lecciones sobre el sistema de Filosofía analítica de K. Ch. F. Krause, Md, 1850; Sistema de la Filosofía. Metafísica. Primera parte. Análisis, expuesto de la obra de Krause, ampliación y corrección de la anterior, Md, 1860; Segunda parte. Síntesis, Md, 1874; El ideal de la Humanidad para la vida, Md, 1860.

Лит.: Менéndез у Релауо, Historia de los heterodoxos españoles, Md, 1881 (lib. 8, cap. III, p. 715—46).

САНТАЯНА (Santayana), Джордж (16 дек. 1863—12 сент. 1952) — бурж. философ-идеалист, представитель *критического реализма*, создатель метафизич.

системы, автор многочисленных работ по эстетике, культуре и лит-ре; блестящий стилист. Испанец по происхождению, С. долгое время прожил в США (1872—1912) и был признан классиком амер. философии. Испытав воздействие абс. идеализма *Ройса* и прагматизма *Джемса*, С. в дальнейшем проводит иррационалистич. линию *философии жизни*. Осн. задача философии, согласно С., состоит не в объяснении мира, а в выработке «моральной позиции» по отношению к нему.

Соответственно, философия — это «...дисциплина ума и сердца, нецерковная религия» («The realm of spirit», N. Y., 1940, p. 273).

С. явился одним из первых критиков массовой культуры. «Бунт животности» и «победу варварства» он связывает не только с извращенными формами капиталистической индустриализации, но и с социальной активизацией масс. Философия С. выразила протест против «материализма» буржуазной, в особенности американской, практики и ее враждебности духовной культуре, против подавления индивида обществом, иррациональности исторического развития и т. д. В ранней работе «Чувство красоты» («The sense of beauty», N. Y. — [a. o.], 1896) С. сделал вывод, превратившийся в дальнейшем в гл. кредо его моральной и социальной философии, что наиболее интеллектуальное отношение к совр. миру — эстетическое и что уровень развития народов должен определяться не производством материальных благ, а количеством энергии, посвящаемой «...украшению жизни

и культуре воображения» (указ. соч., p. 27). В дальнейшем (см. «Интерпретация поэзии и религии» — «Interpretations of poetry and religion», N. Y., 1900; «Три философских поэта — Лукреций, Данте и Гёте» — «Three philosophical poets: Lucretius, Dante, and Goethe», Camb., 1910, и др.) тенденция С. рассматривать поэзию, религию, искусство как высшие формы человек. деятельности выливается в противопоставление их науке как неподлинному видению мира, или чисто технич. системе символов, имеющей лишь операциональное значение. С. отрицал «эмпирическую истинность» традиц. религии и считал ее «разновидностью поэзии»; он пытался создать новую интеллектуальную религию, приспособленную для «скептического ума» человека 20 в. Последнюю он мыслил как филос. симбиоз морали, религии и поэзии.

В пятитомной «Жизни разума» («The life of reason», N. Y., 1905—06, переизд. N. Y., 1962), задуманной по примеру «Феноменологии духа» Гегеля, С. анализирует обидное сознание, науку, общество, искусство и религию с т. зр. «моральных благ», достигнутых человеком в его попытке гармонизировать свои «животные импульсы» и установить равновесие со средой. Биологически и прагматически понимаемую практич. деятельность человека он противопоставляет «чуждой утилитаризму» духовной деятельности как идеалу человек. самовыражения.

Характерное для критич. реализма различение непосредственно данных элементов опыта и внешних объектов в философии С. выступает в форме резкого противопоставления сущности и *существования* (т. е. идеальных и физич. объектов). Не отрицая существования внешнего мира, убеждение в объективной реальности к-рого он основывает на «животной вере», С. тем не менее считает, что только о «данных опыта» можно утверждать с абс. уверенностью. Т. о., проблема познания ставится как проблема трансцендентной связи сущности и существования. А так как, согласно С., являясь частью этой реальности, мы не можем — телом или сознанием — быть или становиться какой-либо другой ее частью («Apologia pro mente suo», см. в сб.: «The philosophy of G. Santayana», Evanston — Chic., 1940, p. 518), он делает вывод, что знание внешнего мира всегда субъективно истолковано и символично. Истина трактуется С. в духе прагматизма и *биовиоризма* как биологич. приспособление к среде. Роль внешнего мира сводится у него к «удару», к-рый вызывает «взрыв фантазии» и побуждает видеть в существях, данных нам в интуиции, «...знаки для среды, в которой они движутся, изменяя ее и испытывая ее влияние» («The realm of essence», N. Y., [1927], p. V11). Символизм у С. перерастает в мифологизм. Он объединяет категорией *символа* явления самого различного порядка, объявляя его единств. средством восприятия действительности, а миф — единств. формой мипропонимания. Осн. моральный вывод гносеологич. изысканий С. сводится к умению пользоваться практич. стороной мифов и наслаждаться их красочной игрой.

В 20—30-е годы С. строит плюралистич. систему бытия в 4-томном соч. «Царства бытия» («The realms of being»). Бытие заключает в себе четыре сферы: «Царство сущности» («The realm of essence», N. Y., 1927), «Царство материи» («The realm of matter», L., 1930), «Царство истины» («The realm of truth», L., 1937) и «Царство духа» («The realm of spirit», N. Y., 1940). Называя эти «царства» аспектами морального опыта, он фактически толкует их как онтологич. реальности. Основополагающей реальностью этой филос. системы является «царство сущности», в понимании к-рой С. близок *Гуссерлю*, *Уайтхеду*, реалистам и др. совр. философам платоновской традиции. Это царство — «бесконечный каталог» всех действительных, а также

возможных качеств и определений, все то, «...чем бытие когда-либо может стать или что оно может содержать в себе» («The realm of essence», p. 22). «Непространственное», «вневременное», «несубстанциальное» бытие сущностей С. считает «высшим бытием» и даже «...единственно необходимой формой реальности» (там же, p. 14). Материя является, по определению С., «...единственной субстанцией, силой и стимулом во вселенной» («Apologia pro mente suo», p. 509), порождающей все многообразие внешнего предметного мира. Однако, хотя С. объявляет себя материалистом, материя выступает в его системе только как одна из реальностей наряду с другими, несубстанциальными, от к-рых зависят все качества и онтологич. характеристики материи. Без них материя невыразима и непознаваема. Формы, организующие существование и придающие ему упорядоченность, закономерность и качества, определенность, С. помещает в «Царство истины», представляющее собой «сегмент Царства сущности» — своего рода телеологич. основу всего проявившегося земного бытия. «Царство духа» описывается С. как сфера некоего космич. «горения», одушевляющего все живое, определяющего деятельность человек. психики и, главное, делающего возможным интуицию сущностей. Посредством интуиции сущность связывается с существованием, с ее помощью человек освобождается от «плоти», «мира» и «дьявола» (познания) и достигает высшего морального блага, эстетич. гармонии и счастья.

Социально-политич. завершением соч. «Царства бытия» является последняя работа С. «Господство и власть» («Dominations and powers», N. Y., 1951), в основе к-рой лежит также платоновская схема.

С. не создал школы, но его идеи оказывают влияние на амер. мысль: к ним не перестают обращаться те мыслители, которые видят в философии средство морально-эстетической ориентации в действительности.

Соч.: Character and opinion in the United States, N. Y., 1920; Persons and places, v. [1]—3, N. Y., 1944—53; The idea of Christ in the gospels or God in man, N. Y., 1946; Transcendental absolutism, в сб.: Twentieth century philosophy, N. Y., [1947]; The letters, ed. by D. Cory, L., [1955]; Essays in literary criticism, N. Y., [1956]; System in lectures, «Review of Metaphysics», 1957, v. 10, № 4; Winds of doctrine and platonism and the spiritual life, N. Y., [1957].

Лит.: Ендовицкий В. Д., «Созерцание сущности» и «животная вера» в философии Дж. Сантяны, «ВФ», 1964, № 11; Юлиана Н. С., Философия Дж. Сантяны и амер. «реализм», в кн.: Совр. объективный идеализм, М., 1963; Луканов Д. М., Соотношение непосредств. и опосредованного познания в гносеологии Дж. Сантяны, «Вестн. ЛГУ. Сер. экон., филос. и права», 1965, вып. 2, № 11; Munitz M. K., The moral philosophy of Santayana, N. Y., 1939; Kinnery M. C. E., A critique of the philosophy of G. Santayana in the light of thomistic principles, Wash., 1942; Duron J., La pensée de G. Santayana, P., [1950]; Bosco N., Il realismo critico di G. Santayana, Torino, 1959; Butler R., The mind of Santayana, Chi., 1955; Arnett W. E., Santayana and the sense of beauty, Bloomington, 1957; Singer I., Santayana's aesthetics, Camb., 1957; Dialogue on G. Santayana, N. Y., 1959; Kirkwood M. M., Santayana: saint of the imagination, [Toronto], 1961; Munson T. N., The essential wisdom of G. Santayana, N. Y.—L., 1962; Smyd J., Santayana antropologia filozoficzna, в сб.: Filozofia i socjologia XX wieku, 2 wyd., Warsz., 1965. Н. Юлиана. Москва.

САНТО (Szántó), Ладислав (р. 30 апр. 1894) — словац. марксистский публицист, акад. Чл. КПЧ. С. стал марксистом в рус. плену во время 1-й мировой войны; был лектором Интернациональной бригады в Красноярске, работал в парт. журнале венг. секции РКП(б) в Сибири («Vörös újság» («Красная газета»), издаваемом в Омске. После возвращения на родину С. публиковал в парт. журналах статьи по филос., политич., науч. и культ. вопросам.

Соч.: Osobnost' vo fašizme, socializme a l'udovej demokracii, в кн.: K a m a r i M., O úlohe osobnosti v histórii, Brat., 1946; Hospodárstvo dvoch svetov. Podstata hospodárstva SSSR a USA, Brat., 1948; Vybrane state, Brat., 1958.

А. Копчик. ЧССР.

САНЧЕС (Sanchez, Sánchez), Франсиско (25 июля 1551—1632) — испано-португальский философ и врач, доктор медицины (1573). С 1602 и до конца жизни был гл. врачом госпиталей и проф. философии и медицины Тулузского ун-та. Автор ряда медицинских трудов («Opera medica», Tolosae, 1636) и комментариев к соч. Аристотеля (в кн.: Tractatus philosophici, Roterodami, 1649).

С. считают обычно сторонником *скептицизма*, однако правомерность этого весьма условна. В Трактате о весьма благородной и первой всеобщей науке, заключающейся в том, что ничто не познаваемо («Tractatus de multum nobili...», Lugduni, 1581, первый исп. пер. опубл. под названием «Que nada se sabe», Md., 1924), С. утверждал, что истинная наука основана не на вере, а на опыте и заключается в абсолютном, совершенном познании вещей с помощью разума. Однако человек создать такую науку не в состоянии в силу ограниченности познания. Последняя, по С., обусловлена рядом причин. Во-первых, всякое познание основано на ощущениях, вне к-рых все смутно и неопределенно; по мере отдаления от источника ощущений наши знания лишаются ясности и точности. Во-вторых, наше познание ограничено количественно (предметы слишком мягкие или слишком крупные ускользают от органов чувств) и качественно (в силу изменчивости и др. свойств предметов и явлений). В-третьих, человек знает только то, что сделал сам и что осознал во всех связях, однако человечеством пока сделано очень мало. Вместе с тем, С. не был сторонником *агностицизма*. В противовес ср.-век. схоластич. философии, С. отстаивал необходимость создания новой науки и новых методов исследования природы, основанных на наблюдении и эксперименте, что сближает его с Ф. Бэконом и др. передовыми мыслителями 17 в. и позволяет считать его предшественником Декарта. С. не отрицал возможности проникновения человек. разума в наиболее трудные для исследования области объективного мира. Он, в частности, полагал, что после того, как будет всесторонне исследован макромир, может быть начато познание микромира. С. считал, что опыт, строгая проверка результатов всякого науч. исследования и критич. оценка достигнутого предшественниками способствуют постоянному углублению познания, хотя и не могут привести к абсолютному познанию, доступному только богу.

Соч.: Opera philosophica, Coimbra, 1955.

Лит.: Александров Г., Из истории исп. философии, «ИЗМ», 1939, № 2; Gerkgath L., F. Sanchez. Ein Beitrag zur Geschichte der philosophischen Bewegungen im Anfange der neueren Zeit, W., 1860; Cazac H. P., Lieu d'origine et les dates de naissance et de mort du philosophe F. Sanchez, [s. l.], 1903; Giarratano C., Il pensiero di F. Sanchez, Napoli, 1903; Senehet E., Essai sur la méthode de F. Sanchez, P., 1904; Iriarte-Aguirre-Zabal J., Kartesischer oder Sanchezischer Zweifel?, Bonn, 1935; Britte R., O Português F. Sanchez, Lisboa, 1940; Tavares S., F. Sanchez e o problema de sua naturalidade, «Rev. portuguesa de Filosofia», Braga, 1945; Moreira de Sa A., Sanchez em Montpellier e Toulouse, «Rumo», 1946, nov.; eroge, F. Sanchez filósofo e matemático, v. 1—2, Lisboa, 1947; Calmette J., Etudes médiévales, Toulouse, 1946, p. 95—123; Moraes E. de, F. Sanchez na renascença portuguesa, [Rio de Janeiro, 1953]. В. Афанасьев. Ленинград.

САПАТА (Zapata), Диего Матео (годы рождения и смерти неизв.) — исп. естествоиспытатель и врач 17—18 вв. В условиях духовного гнета *католицизма* и террора *инквизиции* отстаивал антисхоластич. естеств.-науч. идеи, в частности в соч. «Подлинная апология в защиту разумной философии медичинны» («Verdadera apologia en defensa de la medicina racional philosophica», Md, 1691). В 1697 основал в Севилье «Королевское об-во медицины и наук», вскоре закрытое по требованию церковных властей.

Соч.: Dissertación medico-theologica, Md, 1733.

САРАБЬЯНОВ, Владимир Николаевич (7 ноября 1886—4 марта 1952) — сов. философ, историк и экономист, профессор. Род. в Астрахани. С 1903—в революц. движении. До 1918 — меньшевик. С 1930 — член КПСС. Окончил юридич. фак-т Моск. ун-та по экономич. и гражд. отделениям (1911). В 1918—23 работал экономистом в Москве, в 1922—30 — в «Правде». С 1930 — в основном на преподават. работе.

Круг науч. исследований С. — проблемы диалектич. и историч. материализма, истории марксистской философии, атеизма, экономики. С. активно участвовал в филос. дискуссиях 20—30-х гг., выступал против «противопоставления мировоззрения методу», к-рый им рассматривался как «... м и р о в о з з р е н и е ... в д е й с т в и и» (см. «В защиту философии марксизма», 1929, с. 8); он критиковал отрыв теории от практики, формализм и схоластику искажения марксистско-ленинской философии. Однако ряду работ С. тех лет были свойственны ошибки механистич. характера (понимание противоречий как результата «сменяющихся противоборствующих сил», противопоставление практики абстрактному мышлению, сведению производит. сил к технике и т. п.). Эти ошибочные положения работ С. были подвергнуты критике в парт. и сов. печати (см. «Механисты»). В дальнейшем, как писал сам С., он «разделался как с механицизмом, так и с идеалистическими ошибками» («Диалектич. и историч. материализм», 1934, с. 3).

С о ч.: История материализма, М., 1922; Очерковое изложение марксизма, М., 1924; Беседы о марксизме, М., 1925; Введение в диалектич. материализм, [X.], 1925; Кооперация в системе сов. х-ва, М.—Л., 1925; Что читать по диалектич. материализму, М., 1925; От капитализма к коммунизму, М.—Л., 1926; Осн. проблемы НЭПа, М.—Л., 1926; Итоги восстановит. периода, М.—Л., 1927; Индустриализация страны, М.—Л., 1928; В защиту философии марксизма, М.—Л., 1929; Промышленная пятилетка, [X.], 1929; Божественная «социология», X., 1930; Техничкой по религии, М.—Л., 1931; Филос. учение Маркса. Хрестоматия по Плеханову, М.—Л., 1933 (составитель); Диалектич. и историч. материализм (Очерки), (М.), 1934; Религия — опиум народа, М., 1937; Архитектура и общество. сознание, М., 1952.

Лит.: За поворот на филос. фронте. Сб. ст., М.—Л., 1931, с. 26—29; История и историч. Сб. ст., М., 1965, с. 155—60; История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965, с. 141—42, 221, 235.

САРАГУЭТА (Zaragüeta у Bengoechea), Хуан (род. 26 января 1883) — испанский философ-неотомист, психолог и публицист. Доктор философии (1929). В 1907—27 — профессор и ректор Мадридской семинарии, в 1917—31 — профессор Высшей педагогич. школы в Мадриде, в 1931—53 — проф. Мадридского ун-та (ныне заслуж. проф.), одновременно — директор Ин-та философии им. Л. Вивеса и секретарь Королевской Академии политич. и моральных наук в Мадриде. Чл. Лувенского филос. об-ва и Междунар. ин-та философии, директор Высшего ин-та философии Лувенского ун-та. Уже в ранних работах выступил как неотомист и последователь Шопенгауэра. В дальнейшем, наряду с разработкой неотомистской концепции, занимается историей философии, педагогикой, психологией. С. — составитель и осн. автор «Филос. словаря» («Vocabulario filosófico», Md, 1955).

С о ч.: Introducción general a la Filosofía, Md, 1909; Modernas orientaciones de la psicología experimental, Md, 1910; Teoría psicogénética de la voluntad, Md, 1914; Contribución del lenguaje en la filosofía de los valores, Md, 1920; La intuición en la filosofía de Henri Bergson, Md, 1941; Una introducción moderna a la filosofía escolástica, Granada, 1946; Filosofía y vida, v. 1—3, Md, 1950—54.

Лит.: Pedrago García J., El pensamiento filosófico de J. Zaragüeta, «Giornale di Metafisica», 1950, anno 5, № 6, p. 663—71. В. Афанасьев. Ленинград.

САРТР (Sartre), Жан Поль (р. 21 июня 1905) — франц. философ, представитель экзистенциализма (т. н. атеистич. его варианта), писатель, драматург и эссеист. Обществ. деятель, участник франц. Движения Сопротивления, в послевоен. годы — многочисл. демократич. движений и организаций. Основатель и директор журн. «Les Temps Modernes» (1945). Обра-

зование получил в лицеях Ла-Рошели, кончил Высшую нормальную школу в Париже, стажировался во Франц. институте в Берлине (1934). Преподавал философию в различных лицеях Франции (1929—39 и 1941—44); с 1944 целиком посвятил себя лит. работе. Известность С. принесли роман «Тошнота» («La nausée», P., 1938) и сборник рассказов «Стена» («Le mur», P., 1939). Осн. филос. работа — «Бытие и ничто» («L'être et le néant», P., 1943). Но популярность С. приобрел в послевоен. годы.

Мировоззрение С. сложилось под влиянием прежде всего Бергсона, Гуссерля и Хейдеггера (влияние Маркса относится в основном к концу 40-х гг.). Экзистенциальная философия С. обнаруживает себя как одно из совр. ответвлений феноменологии Гуссерля, как приложение его метода к «живому сознанию», к субъективно-деятельной стороне того сознания, с каким конкретный индивид, заброшенный в мир конкретных ситуаций, предпринимает к.-л. действие, вступает в отношения с др. людьми и вещами, стремится к ч.-л., принимает житейские решения, участвует в обществ. жизни и т. д. Все акты деятельности рассматриваются С. как элементы определ. феноменологии, структуры и расцениваются фактически в зависимости от задач личностного самоосуществления индивида. С. рассматривает роль «субъективного» (подлинно-личностного) в процессе человек. персонализации и историч. творчества. По С., акт специфически человек. деятельности есть акт обозначения, придания смысла (тем моментам ситуации, в к-рых проглядывает объективность — «другое», «данное»). Предметы лишь «знаки» индивидуальных человек. значений, смысловых образований человек. субъективности (см. «Critique de la raison dialectique», t. 1, P., 1960, p. 97). Вне этого они — просто данность, сырая материя, пассивные и инертные обстоятельства. Придавая им то или иное индивидуально-человек. значение, смысл, человек формирует себя в качестве так или иначе очерченной индивидуальности. Внешние предметы — здесь просто повод для «решений», «выбора», к-рый должен быть «выбором» самого себя.

Поскольку у С. человек. деятельность — в той мере, в какой она свободная и творческая, — лишена корней в содержании объективности, в том числе и в содержании форм опредмеченной человек. деятельности (т. е. культуры), то содержанием ее оказывается натуралистически взятое содержание природы самого индивида, его уникальные биологич. зависимости, события и травмы глубокого детства, довлеющие над индивидом, как рок. В этой связи С. развивает метод, называемый им экзистенциальным психоанализом, к-рый призван прояснить облик индивидуальности путем выявления тех обстоятельств детства и тех специфич. биологич. зависимостей, в ответ на к-рые она себя строит.

Филос. концепция С. развивается на основе абс. противопоставления и взаимоисключения понятий: «объективность» и «субъективность», «необходимость» и «свобода». Источник этих противоречий С. усматривает не в конкретном содержании сил социального бытия, а во всеобщих формах этого бытия (вещьств. свойства предметов, коллективные и обобществленные формы бытия и сознания людей, индустриализация, технич. оснащенность совр. жизни и т. д.). Свобода индивида как носителя беспокойной субъективности может быть лишь «разжатием бытия» (décompression d'être), образованием в нем «трещины», «дыры», ничто (см.

«L'être et le néant», Р., 1960, р. 119—21). Индивид совр. бурж. об-ва С. понимает как отчужденное существо, возводи это конкретное состояние в метафизич. статус человек. существования вообще. Всеобщее значение космич. ужаса приобретают у С. отчужденные формы человек. существования, в к-рых индивидуальность стандартизирована и отрешена от истории. самостоятельности, подчинена массовым, коллективным формам быта, организаций, гос-ва, стихийным экономич. силам, привязана к ним также и своим рабским сознанием, где место самостоят. критич. мышления занимают общественно принудит. стандарты и иллюзии, требования обществ. мнения и безличной «молвы» и где даже объективный разум науки представляется отделенной от человека и враждебной ему силой. Отчужденный от себя человек, обреченный на неподлинное существование, не в ладу и с вещами природы — они глухи к нему, дают его своим вязким и солидно-неподвижным присутствием, и среди них может чувствовать себя благополучно устроенным только общество «подонков» («salauds»), человек же испытывает «тошноту» (см. роман «Топнота»). В противовес всяким вообще «объективным» и опосредствованным вещами отношениям, порождающим надиндивидуальные производит. силы, С. утверждает особые, непосредств., натуральные и цельные человек. отношения, от реализации к-рых зависит подлинное содержание человечности.

В мифологизирующем утопич. мышлении С. все же на первый план выступает неприятие действительности совр. общества и его культуры, выражающее сплывшую струю совр. социального критицизма. Жить в этом обществе, согласно С., как живет в нем «довольное собой сознание», можно лишь отказавшись от себя, от личной подлинности, от «решений» и «выбора», переложив последние на ч.-л. анонимную ответственность — на гос-во, нацию, расу, семью, др. людей. Но и этот отказ — ответственный акт личности, ибо человек обладает *свободой воли*.

Концепция свободы воли разворачивается у С. в теории «проекта», согласно к-рой индивид не задан самому себе, а проектирует, «собирает» (или «тотализирует») себя в качестве такового. Поэтому трус, напр., ответствен за свою трусость, и «для человека нет алиби». Экзистенциализм С. стремится заставить человека осознать, что он полностью в ответе за самого себя, свое существование и окружающее, ибо исходит из утверждения, что, не будучи чем-то заданным, человек постоянно строит себя посредством своей активной субъективности («проекта», «выбора»). Он всегда «вперед, позади себя, никогда — сам» (см. там же, р. 185). Отсюда то выражение, к-рое С. дает общему принципу экзистенциализма: «...существование предшествует сущности...» (см. «L'existentialisme est un humanisme», Р., 1946, р. 24). По сути это означает, что всеобщие, общественно-значимые (культурные) объективации, к-рые *post festum* выступают как «сущности», «природа человека», «всеобщие идеалы», «ценности» и т. д., являются лишь отложениями, застывшими моментами деятельности, с к-рыми конкретный субъект никогда не совпадает. «Экзистенция» и есть постоянно живой момент деятельности, взятый в виде внутриндивидуального состояния, субъективно. В более поздней работе «Критика диалектич. разума» С. формулирует этот принцип как принцип «несводимости бытия к знанию». Но экзистенциализм С. не находит иной основы, из к-рой человек мог бы развить себя в качестве подлинно самодеят. субъекта, кроме абс. свободы и внутр. единства «проектирующего я». В этом своем возможном развитии личность одиоко и лишена опор. Место активной субъективности в мире, ее онтологич. основу С. обозначает как «ничто». По мысли С., «...человек,

без всякой опоры и без всякой помощи, осужден в каждый момент изобретать человека» (там же, р. 38) и тем самым «человек осужден на свободу». Но тогда основой подлинности (аутентичности) могут быть только праца, силы человек. подполья, подкачки *подознательного*, интуиции, безотчетные душевные порывы и рационально неосмысленные решения, неминуемо приводящие к пессимизму или к агрессивному своеволию индивида: «История любой жизни есть история поражения» («L'être et le néant», р. 561). Появляется мотив абсурдности существования: «Абсурдно, что мы рождаемся, и абсурдно, что мы умираем» (там же, р. 631). Человек, по С., — бесполезная страсть.

Все эти темы своей философии С. развивает в виде определ. психологич. диалектики жизни индивида в обществе, схемы к-рой он переводит также и на язык художеств. творчества (для экзистенциализма характерно вообще слияние философии с формами иск-ва). По своему содержанию эта диалектика очень близка к религ. переживанию, воспроизводит его морально-психологич. схему и своеобразную логику, но освобожденную от теистич. аппарата представлений и ритуалов, от бога. Напряженность атмосферы, царящей в романах и филос. трактатах С. (как и др. экзистенциалистов), часто выглядит как выражение эмоции потери бога в отчужденном мире (ничто вроде религии наоборот), а самое ее содержание легко может быть расшифровано в терминах «греха», «бренности существования», «страдания и искупления», болезненно ощущаемой «вины», «ответственности», «визионерства» и т. д. Такое сочленение экзистенциализма и религии связано с общими им элементами социального утопизма. Особенно явственными эти элементы стали у С. в послевоенные годы. Но то, что в сознании С. его теоретич. эволюция приняла форму движения к марксизму, есть на самом деле лишь иллюзорно выраженная радикализация его социально-политич. позиций; теория же, сформулированная в «Критике диалектич. разума», остается экзистенциалистской. В этой работе С. уже включает в «проект» материальную обусловленность человек. деятельности и пытается, исходя отсюда, дать картину общественно-историч. процесса как целого. Проект обладает структурой практики. Индивид практически «тотализирует» выступающие в поле «проекта» материальные обстоятельства и отношения с др. людьми и сам творит историю — в той же мере, в какой она — его. Стреление общественно-историч. процесса должно быть понто и выведено из цельности индивидуального действия, из его логики. Но зависимость индивида в диалектике его проекта от бытия, материальную его обусловленность С. понимает как схему отчуждения и продолжает в качестве человеческого рассматривать лишь субъективность индивида и его «отношения внутреннего» с другими людьми. Объективные экономические и социальные структуры выступают в целом как отчужденная надстройка над внутренне-индивидуальными элементами «проекта». Объективно-материальное как таковое оказывается чуждым, «колдовским», его элементом, приводящим к иррациональному отклонению всех человек. намерений и целей. Оно — «античеловеческое». «...Материальность вещи или института есть радикальное отрицание изобретения или творчества...» и «через социальную материю и материальное отрицание как инертное единство человек конституируется в качестве другого, чем человек» («Critique de la raison dialectique», t. 1, с. 249, 206). Т. о., историч. процесс рассматривается в плане экзистенциалистской антитезы социальных отношений и отношений непосредственно «человеческих», а объективное социальное бытие введено в структуру индивидуального проекта в виде мифологич. силы. Сумма отношений, складывающихся в этой обла-

сти, очерченной взаимодействием и борьбой между «человеческим» и «античеловеческим» внутри проекта, и является, по С., источником историч. судеб людей, скрытым двигателем истории. Но это скорее движение судьбы.

С. завершил курс философии в 1929, когда разразился мировой экономич. кризис. Он был степенднатом Франц. ин-та в Берлине в 1934, когда гитлеризм угрожал миру разрушением всех человек. ценностей. Во франц. университетской культуре тогда господствовал абстрактный идеализм *Брюнсвика*.

Миропонимание С. сформировалось в мире, зашедшем в тупик, абсурдном, где все традиц. ценности рухнули. Первый акт философа должен был, следовательно, быть отрицанием, отказом, чтобы выбраться из этого хаотич. мира без порядка, без цели. Отстраниться от мира, отвергнуть его — это и есть в человеке специфически человеческое: *свобода*. Сознание — это именно то, что не увязает «в себе», это противоположность «в себе», дыра в бытии, отсутствие, это *ничто*. Это сознание свободы человека есть в то же время сознание одиночества человечества и его ответственности: ничто в «Бытии» не обеспечивает и не гарантирует ценности и возможности успеха действия. Существование — это именно переживаемый опыт субъективности и трансцендентности, свободы и ответственности. Воспроизводя формулу Достоевского «Если бога нет, все позволено», С. добавляет: «Это отправная точка экзистенциализма». Этот опыт восприятия мира, подкрепленный у С. изучением Кьеркегора, Хейдегера и Гуссерля, нашел выражение прежде всего в его психологич. этюдах и романах. Он изучает прежде всего воображение, в к-ром открывается существенный акт сознания: суть его в том, чтобы отстраниться от данного мира «в себе» и оказаться в присутствии того, что отсутствует. «Акт воображения — магический акт: это колдовство, заставляющее появиться вещь, которая желательна».

Романы С. переводят тот же опыт в план морали или политики: в «Гопшоте» С. показывает, что мир не имеет смысла, «Я» не имеет цели. Через акт сознания и выбора «Я» придает миру значение и ценность. Докторская диссертация С. «Бытие и ничто» (1943) — изложение в филос. форме пережитого опыта. Отправляясь от основной идеи экзистенциализма — существование предшествует сущности, — С. пытается избежать одновременно и материализма и идеализма. Идеализма потому, что он предстает перед ним только в гегелианской форме: «Действительность измеряется сознанием» и потому, что, следуя в этом Гуссерлю, он утверждает, что сознание есть всегда сознание чего-либо (какой-либо вещи). Материализма — потому, что, по его мнению, бытие не порождает сознание, «для себя» не может быть порожденным «в себе».

В действительности концепция С. является эклектичной: он дает в качестве отправного пункта некое «в себе», о к-ром мы ничего не знаем, кроме того, что оно «нацеленное» сознанием и является его основой. Но если сознание есть цель, трещина в себе, то спрашивается, как оно могло родиться, поскольку в себе, по исходному определению, ничего не происходит.

Это противоречие С. никогда не мог преодолеть, хотя не переставал направлять к этому свои усилия. Причина этого в том, что его отправная точка глубоко индивидуалистическая. С. остается пленником экзистенциалистской, субъективистской настроенности. По причине своих исходных постулатов С. не может выйти за рамки позитивизма, агностицизма и субъективности. Даже в своей последней филос. работе «Критика диалектического разума» он противопоставляет «позитивистский разум», к-рый должен довольствоваться пределами естеств. наук, «разуму диалектическому», единственно достойному называться разумом,

поскольку он позволяет понимать, а не только предугадывать, по который применим только для наук о человеке.

В области морали С. не смог выйти за пределы своего изначального индивидуализма, позиции чистой субъективности; он может приближаться к «другим» только «взглядом», но этот взгляд, к-рый направлен на других как на «объект», замораживает их как в мифе о медузе. Возвестив в 1943 о «морали», С. не смог ее изложить. В перспективе он может превозносить и ответственность и свободу индивидуума, но он не может ответить на вопрос, что же нужно делать с этой свободой.

Подобная концепция не согласуется ни с социальной действительностью, ни с существованием классов, ни с объективной реальностью природы. С. занял патристич. позиции как участник Сопротивления, как и в борьбе против колониализма, и в борьбе за мир, но во имя метафизич. бунта индивидуума, а не в результате анализа действительного положения нации и классов. Каждый раз, когда надо оценить отношения класса, он не располагает для этого эффективным критерием, отсюда, напр., несостоятельные заявления во время войны с Алжиром, затруднявшие сплочение широких масс нации для борьбы против колониалистов, отсюда его шатания между революцией и контрреволюцией в Венгрии в 1956, к-рые послужили пищей для реакц. кампаний; отсюда, наконец, его тщетные попытки установления третьей силы и после краха этих попыток его постоянное стремление искать союз скорее с группировками раскольников, чем с Коммунистич. партией.

Пример жизни и творчества С. показывает, как ошибка в филос. основе создает препятствия для всякой эффективной политич. деятельности и осуждает его на то, чтобы оставаться революционером лишь субъективно, пока он не пересмотрит свои исходные филос. постулаты.

Р. Гароди. Франция.

Соч.: *Réflexions sur la question juive*, P., 1946; *Théâtre*, P., 1947; *Les chemins de la liberté*, v. 1—3, P., 1946—49; *Situations*, v. 1—6, P., 1947—64; *Les mains sales*, [P., 1948]; *Les séquestrés d'Altona*, P., [1960], в рус. пер.— Слова, [М., 1966]; Дьявол и господь бог, «Иностр. лит-ра», 1966, № 1.

Лит.: Совр. экзистенциализм, М., 1966, с. 149—204; Соловьев Э. Ю., Экзистенциализм, «ВФ», 1966, № 12; 1967, № 1; L u i j p e n W., Existential phenomenology, Pittsburgh, 1960; M o u n i e r E., Introduction aux existentialismes, [P., 1962]; Marxisme et existentialisme. Controverse sur la dialectique, [P., 1962]; C h i o d i P., Sartre e il marxisme, Mil., 1965; W a r n o c h M., The philosophy of Sartre, L., 1965; C o l e t t e A., Sartre et la réalité humaine, [P., 1966]; J.-P. Sartre, «Livres de France», 1966, № 1, p. 3—27.

САТИРА (лат. satira) — уничтожающее осмеяние действительности, раскрывающейся в художеств. изображении как нечто превратное и внутренне несостоятельное. По классич. определению Ф. Шиллера, впервые рассмотревшего С. не как специфич. лит. жанр, а как универсальную эстетич. категорию, «в сатире действительность как некое несовершенство противопоставляется идеалу, как высшей реальности» («О наивной и сентимент. поэзии», см. Статьи по эстетике, М.—Л., 1935, с. 344), причем идеал не обязательно должен высказываться непосредственно: сатирик «...борется за идеал, только не всегда его высказывая» (там же, с. 348).

Предметом С. являются не отрицат. стороны единичного реального объекта, но противоречие между идеалом и действительностью в целом; даже в эпиграмматически-афористич. форме С. всегда ориентируется на создание целостной картины превратного мира, частным рефлексом к-рого оказывается непосредств. объект сатирич. изображения.

В отличие от вехудожеств. критики и полемики, осн. методом к-рых является логич. доказательство и опровержение, отрицание действительности в С. реализуется в образной структуре, стиле, интонации

произведения — как непосредственно созерцаемое саморазоблачение действительности в художеств. образе. Только таким, специфически эстетич. путем осуществляется этнич. тенденция С. Идеал как постоянно опровергаемая наличной действительностью возможность лучшего вырисовывается в С. лишь из последоват. развенчания и эстетич. уничтожения несостоятельной в своих ложных притязаниях действительности. См. *Комическое*.

Лит.: Борев Ю. В., С., в кн.: Теория лит-ры, [кн. 2], М., 1964, с. 363—407; P a n n e n b o r g W. A., *Ecrivains satiriques*, P., 1955; B a u m G., *Humor und Satire in der bürgerlichen Ästhetik*, B., 1959; E l l i o t t R. C., *The power of satire*, Princeton, 1960; A r n t z e n H., *Deutsche Satire im 20. Jahrhundert*, в кн.: *Deutsche Literatur im 20. Jahrhundert*, Bd 1, Hdb., [1961], S. 224—55; H i g h e t G., *The anatomy of satire*, Princeton, 1962; *Satire: theory and practice*, ed. C. A. Allen, G. D. Stephens, Belmont, [1962]; L a z a r o w i c z K., *Verkehrte Welt*, Tübingen, 1963.

САУТРАНТИКА — одна из восемнадцати религ. филос. школ хинаянистского буддизма (см. *Хинаяна*). Ее возникновение нек-рые ученые приурочивают к 200 до н. э., другие — к 200 н. э. Скептически относясь к схоластиц. расприам множества школ, на к-рые разделились последователи Будды, саутрантики отрицали аутентичность филос. трактатов Абхидхармы — третьей «корзины» буддийского канона *Трипитаки*, считая бесспорно авторитетной только Сутрантикау (отсюда и название школы). Оригинальные произв. саутрантиков не сохранились. Гл. источником для изучения этой школы, как и мн. др. буддийских школ, является своего рода буддийская энциклопедия, написанная философом Васубандху (4 в. н. э.) под назв. «Абхидхармакоша».

Одним из осн. теоретич. затруднений буддийских схоластов было противоречие между отрицанием существования вечной души и признанием существования воздаяния (*кармы*) и спасения (*нирваны*). В качестве решения этого противоречия саутрантики предлагают неуязвимое «семя добра», к-рое существует с незапамятных времен, никогда не изменяет свою сущность, пребывает в нас всю нашу жизнь и ведет нас к nirване; наряду с «семенем добра» саутрантики вынуждены ввести также противоположное начало — «семя зла», под к-рым они имеют в виду «врожденную способность порождать (новую) страсть как следствие прошлой страсти». С помощью понятий «семена добра» и «семена зла», к-рые представляют собой внутр., «нерушимые» элементы (дхармы), саутрантики пытаются объяснить, как существуют воздаяние и спасение. Причем они считают, что эти дхармы не могут быть уничтожены, они сохраняются как «семя», к-рое прорастает при благоприятных условиях. Эти теоретич. построения впоследствии находят завершение в понятии «сокровищницы сознания» (*alaya-vijñāna*) Асанги — основателя школы *йогаচার*.

В отличие, напр., от сарваствивадинов (представители сарваствивады, см. *Вайбхашика*), утверждавших, что материальные и духовные дхармы реально существуют, а «семя», к-рое ни тождественно мысли, ни отлично от нее, существовать не может, саутрантики считали, что, помимо «внутренних» дхарм, реально существуют лишь мгновенные дхармы, а все то, что обладает длительностью, существует лишь номинально. Общие понятия — лишь полезные выдумки, умственные построения (*праджнапти*), пригодные для описания явлений, к абс. реальности они не применимы. Понятия относятся к сфере рассуждения, абсолютная же реальность постигается не путем рассуждений, а путем медитации. Саутрантики отрицали реальное существование nirваны, к-рая, являясь, по их мнению, простым отсутствием действий, не может быть познана ни путем прямого восприятия, ни путем логич. вывода. Сопоставляя С. с сарваствивадой и нек-рыми др. школами буддизма, можно сделать

вывод, что т. зр. саутрантиков сходна со ср.-век. номинализмом. Из всех хинаянистских школ С. оказалась наибольшее влияние на махаянистское направление в буддизме (см. *Махаяна*).

Лит.: V a s u b a n d h u, *L'Abhidharmaśāstra*, [t. 1—6], P., — Louvain, 1923—31; F r a u w a l l n e r E., *Die Philosophie des Buddhismus*, B., 1956; C o n z e E. d., *Buddhist thought in India*, L., 1962. И. Кутасова. Москва.

СВАЧЬЯН, Арутюн (1831—74) — арм. просветитель и демократ, взгляды к-рого сложились под непосредств. влиянием идей *Налбандяна*. Газета «Мегу», основанная С. в Константинополе в 1856, в короткий срок стала одним из наиболее авторитетных органов арм. демократич. печати. На страницах «Мегу» перепечатавались наиболее важные произведения Налбандяна. В своих публицистич. статьях, печатавшихся в «Мегу», С. активно выступал против тур.-арм. вельмож и либералов, боролся за демократич. разрешение арм. вопроса, за нац. воссоединение арм. народа и его освобождение от чужеземного ига.

Лит.: Очерки по истории филос. и общественно-политич. мысли народов СССР, т. 2, М., 1956, с. 776—77.

СВЕДЕНБОРГ (Swedenborg), Эмануэль (29 янв. 1688—29 марта 1772) — швед. теософ. С 1729 — член Науч. общества в Упсала, с 1734 — почетный член Петербургской Академии наук.

В первый период своей жизни С. занимался физико-математич. науками и горным делом. В 30-х годах опубликовал ряд филос. трактатов («Opera philosophica et mineralia», t. 1—3, Dresdae—Lipsiae, 1734; «Prodromus philosophiae ratiocinantis de infinito et causa finali creationis, deque mechanismo operationis, animae et corporis», Dresdae—Lipsiae, 1734), в к-рых пытался геометрич. путем построить систему мироздания. Эту систему он распространил и на человека («Oeconomia Regni Animalis», pt 1—2, Londini — Amstelodami, 1740—41; «Regnum animale», Hagae, 1744).

В 40-х годах («De cultu et amore Dei», pt 1—2, L., 1745) С. впал в *мистицизм* и *окултизм*, объявил себя «духовидцем», призванным самим Христом дать истинное толкование Библии и основать церковь «нового Иерусалима» (см. в рус. пер.: «Избр. соч.», вып. 1, Лондон, 1872; «О небесах, о мире духов и об аде», Лейпциг, 1863). Согласно С., человек по своей сути есть дух, общающийся с добрыми или злыми духами. Естеств. мир, по С., соответствует духовному, ибо естеств. мир возникает из духовного и оба они происходят из божественного.

С. до сих пор является авторитетом для спиритов (см. *Спиритизм*). В Англии и Сев. Америке после смерти С. образовались общины его последователей. Он оказал известное влияние на Эмерсона (см. Р. Эмерсон, *Избранники человечества*, [М., 1912]). Кант в работе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (Königsberg, 1765, рус. пер., в кн.: И. Кант, Соч., т. 2, М., 1964) подверг остроумной критике мистич. вымыслы С. о возможности «общения с духами».

Соч.: Autographa [фототипич. факсимиле рукописей], t. 1—18, Holmia, 1901—16.

Лит.: Краткая биография Эм. Веденборга [Сведенборга], [6. м.], 1870; Z i m m e r m a n n R., *Kant und der Spiritismus*, W., 1879; S c h l i e p e r H., *E. Swedenborgs System der Naturphilosophie...*, B., [1901] (Diss.); H o f f m a n n R. A., *Kant und Swedenborg*, Wiesbaden, 1909; B y s e C., *Swedenborg*, v. 1—5, [Lausanne], 1911—13; T r o b r i d g e G. A., *Life of E. Swedenborg...*, L., 1912; L a m m M. G., *Swedenborg*, Lpz., 1922; B l o c k M. (B e c k), *The new church in the new world. A study of Swedenborgianism in America*, N. Y., [1932]; M a l t z a h n H., *E. Swedenborg. Sein Werk, sein Weg, sein Weltbild*, Lpz., 1939; B e n z E., *Swedenborg in Deutschland*, Fr./M., 1947; S i g s t e d t C. O., *The Swedenborg epic. The life and works of E. Swedenborg*, N. Y., 1952; S c h m i e l e W., *Skandinavisches Geisteswelt. Von Swedenborg bis Niels Bohr*, Darmstadt—Genf, [1954]; H y d e J., *A bibliography of the works of E. Swedenborg*, L., 1906.

А. Мысличенко. Москва.

СВЕТИЛИН, Александр Емельянович (1842—87)—рус. логик, проф. Петерб. духовной академии, испытал определ. влияние *Линднера*. Его «Учебник логики» меньше чем за полвека (1871—1916) выдержал 14 изданий и был наиболее распространенным руководством в уч. заведениях дореволюц. России. Сущность познават. деятельности человека С. сводил к двум осн. противоположным процессам: *р а з л и ч е н и ю* и *о т о ж д е с т в л е н и ю*. Логика С. определял как науку о правильных способах сочетания мыслей и об общих средствах, позволяющих отличать правильное убеждение от ложного и делил на две части: *ч и с т у ю л о г и к у*, изучающую законы и формы мышления, и *п р и к л а д н у ю л о г и к у*, изучающую правила приложения чистой логики к действиям мышления. *Мышления законы* (в традиционном формальном логическом их понимании) С. считал такими началами, к-рыми определяется логич. состоятельность каждого действия мышления, в какой бы форме оно ни происходило. Закон тождества, по мнению С., относится к содержанию мыслей и требует, чтобы, принимая (отвергая) одну из неск. мыслей одинакового содержания, принимали (отвергали) и остальные. Др. словами, согласно этому закону, все, что служит доказательству (опровержению) одной мысли, служит доказательству (опровержению) всех др. мыслей, содержательно равных ей. Закон противоречия определяется С. как отрицат. форма тождества. Согласно этому закону, тождеств. мысли должны быть утверждаемы или отрицаемы все, коль скоро принята или (соответственно) отвергнута одна из них. Дополнением к закону противоречия является закон исключенного третьего. Для понимания взглядов С. на логику представляет интерес его анализ книги «Логика» М. Владиславлева (см. «Журн. М-ва нар. просвещения», 1874, № 8, 10; 1875, № 5).

Н. Кондаков, Москва.

СВЕТЛÓВ, Василий Иосифович (19 авг. 1899—11 авг. 1955) — сов. философ, профессор (с 1939), д-р филос. наук (с 1952). Член КПСС с 1926. Окончил Академию коммунистич. воспитания (1930) и ИКП философии (1936). С 1930 преподавал историю и философию в вузах Москвы. В 1944—46 — директор Ин-та философии и одновременно зав. кафедрой истории зап.-европ. философии в МГУ, в 1946—52 — зам. министра высшего образования СССР, с 1953 — зам. директора Ин-та истории искусств АН СССР. Вел науч. работу по проблемам истории античной, зап.-европ. и марксистско-ленинской философии, а также истории материализма.

Соч.: Брак и семья при капитализме и социализме, М., 1939; Античная философия, в кн.: Краткий очерк истории философии, М., 1940; Формирование филос. взглядов Маркса и Энгельса, М., 1946; Мирозрение Лукреция. (К двухтысячелетию со дня смерти), в кн.: Общесобрание АН СССР 15—19 января 1946 г., М.—Л., 1946; Возникновение марксизма — революц. переворот в философии, М., 1948 (совм. с Т. И. Ойзерманом).

А. Калинин, Москва.

СВИДÉРСКИЙ, Владимир Иосифович [р. 18 апр. (1 мая) 1910] — сов. философ, д-р филос. наук (с 1956), проф. (с 1956). Чл. КПСС с 1929. Окончил физич. ф-т Ленингр. ун-та (1936). Преподает философию с 1940. Зав. кафедрой философии естеств. ф-тов ЛГУ. Работает над проблемами диалектич. материализма и филос. вопросами естествознания (проблемы движения, пространства и времени, бесконечности, элементов и структуры развития и др.).

Соч.: Филос. значение пространственно-временных представлений в физике, Л., 1956; О диалектико-материалистическом понимании противоречивости бесконечности, «Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права», 1956, вып. 1, № 5; Пространство и время, М., 1958; Противоречивость движения и ее проявления, Л., 1959; Вступ. ст. и примечания (совм. с Г. Кребером), в кн.: Л е й б н и ц Г. и К л а р к С., Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания. (1715—1716), Л., 1960; О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962; Диалектический материализм об общих свойствах дви-

жения материи, в кн.: Философские вопросы совр. учения о движении в природе, Л., 1962; О противоречивости механического движения, «ФН» (ИДВШ), 1962, № 5; Неп-рые особенности развития в объективном мире, Л., 1964; Неп-рые вопросы диалектики изменения и развития, М., 1965.

СВОБОДА — осознанная необходимость и действия человека в соответствии со своими знаниями, возможность и способность выбора в своих действиях. На познании и использовании объективных законов по-коится и С. людей по отношению к природе, возрастающая по мере науч. и технич. прогресса.

Проблема С. традиционно сводилась к вопросу, обладает ли человек *свободой воли*.

Марксизм исходит из того, что историч. необходимость, к-рая в конечном счете является результатом обществ. деятельности людей, включает в себя С. выбора ими и целей, и средств их достижения в более или менее широких пределах, допускаемых объективными условиями их существования. Считая обществ. развитие естественноисторич. процессом, Маркс и Энгельс вместе с тем категорически возражали против изображения его в виде неотвратимого пути, по к-рому с фатальной неизбежностью должно следовать все человечество, где исключена какая бы то ни было случайность и в каждый данный момент осуществима только одна реальная возможность, так что у людей не остается никакой иной С., кроме как осознать необходимость лишь одного определ. способа действия и добровольно ей подчиниться.

В повседневной практич. деятельности люди сталкиваются не с абстрактной необходимостью как таковой, а с ее конкретно-историч. воплощением в виде реально существующих социальных и экономич. отношений, к-рые обуславливают круг их интересов, а также в виде материальных ресурсов, к-рыми они располагают в качестве средств для достижения поставленных целей. Люди невольны в выборе объективных условий своей деятельности, однако они обладают известной С. в выборе целей, поскольку в каждый данный момент обычно существует не одна, а неск. реальных возможностей, хотя и с разной долей *вероятности*; даже тогда, когда такой альтернативы нет, они в состоянии замедлить наступление не желаемых для них явлений либо ускорить приближение желаемых. Наконец, они более или менее свободны и в выборе средств: к одной и той же цели можно идти разными путями. С., следовательно, не абсолютна, а относительна и претворяется в жизнь путем выбора определ. плана действия. Она тем больше, чем лучше люди сознают свои реальные возможности, чем больше средств для достижения поставленных целей находится в их распоряжении, чем в большей мере совпадают их интересы со стремлениями больших масс людей, обществ. классов и с объективными тенденциями обществ. прогресса. Отсюда вытекает марксистское положение о С. как «познанной необходимости», согласно которому С. личности, коллектива, класса, общества в целом заключается «не в воображаемой независимости» от объективных законов, но в способности выбирать, «...принимать решения со знанием дела» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1966, с. 112).

С. отнюдь не равнозначна произволу. Человек свободен в своих мыслях и поступках вовсе не потому, что они причинно ничем не обусловлены. Причинная обусловленность человек. мыслей, интересов, намерений и поступков не отменяет С. — они не детерминированы однозначно. Под воздействием одних и тех же причин в одинаковой социальной среде люди могут мыслить и действовать различно, соотнобразясь с целями, к-рые они преследуют. Независимо от происхождения их целей и намерений люди обладают С. постольку, поскольку они сохраняют реальную возможность выбора и предпочтения, к-рая объективно

соответствует их интересам, поскольку внешние обстоятельства не вынуждают их поступать вопреки их личным интересам и потребностям. Абстрактной С. вообще не существует. С. всегда конкретна и относительна. В зависимости от объективных условий и конкретных обстоятельств люди могут обладать С. или же быть лишены ее; они могут обладать С. в одних сферах деятельности и быть лишены ее в других; наконец, и степень их С. может быть весьма различной — от С. в выборе целей через С. в выборе средств до С. приспособления к действительности.

В реальной действительности С. присутствует в необходимости в виде непрерывной цепи С. выбора, к-рая осуществлена людьми в прошлом и привела общество к его данному состоянию, в свою очередь, и необходимость присутствует в С. в виде объективных обстоятельств и не может претвориться в жизнь иначе, как благодаря свободной деятельности людей. Историч. *детерминизм*, следовательно, не отрицает С. выбора в обществ. деятельности людей, но предполагает ее и включает в себя как ее результат.

С. в ее диалектико-материалистич. понимании принадлежит большая роль в поступат. развитии общества. Свободная сознат. деятельность, по определению Маркса, составляет родовой признак человека, выделяющий его среди животных, а сама С., к-рой обладают люди в каждую данную эпоху, является необходимым продуктом историч. развития. «Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе» (там же). Несмотря на все противоречия и антагонистич. характер обществ. развития, оно сопровождается в общем и целом расширением рамок С. личности и в конечном итоге ведет к освобождению человечества от социальных ограничений его С. в бесклассовом коммунистич. обществе, где «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, с. 447). Если объем человек. С. может служить мерой обществ. прогресса, то, в свою очередь, его темпы непосредственно зависят от степени С., к-рой располагают люди в процессе своей деятельности: чем большее количество людей может свободно развивать свои творческие способности, делать свой вклад в развитие цивилизации и одновременно свободно пользоваться ее плодами, тем быстрее совершается поступат. развитие человечества.

Мера С., к-рой в каждую конкретную историч. эпоху обладают люди, в общем и целом определяется уровнем развития производит. сил, уровнем познания ими объективных процессов в природе и обществе, наконец, социальным и политич. строем данного общества, обуславливающим фактич. распределение реальной С. между различными обществ. классами, социальными группами и отд. личностями. С. личности всегда представляет собой лишь часть С., к-рой располагает данное общество в целом. И в этом смысле, как отмечал Ленин, опровергая анархич. индивидуалистич. концепции С. личности, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (Соч., т. 10, с. 30).

Рост производит. сил и накопление знаний на протяжении истории человечества, однако, далеко не сопровождалось равномерным увеличением С. всех и каждого. В антагонистич. обществе разделение труда, частная собственность на средства произ-ва и раскол общества на антагонистич. классы обуславливают господство партикулярных интересов и стихийно действующих процессов, выходящих из-под контроля людей и сопровождающихся социальными бедствиями. В таких условиях С. одних выступает как

социальное и индивидуальное ограничение С. других и противостоит ей как внешней необходимостью. С. выбора, осуществленная прежними поколениями, превращается в необходимость для каждого последующего в виде предвидимых и непредвиденных последствий их деятельности; в социальном отношении С. господствующего класса распоряжаться собственностью, материальными богатствами и знаниями обращается для эксплуатируемого класса необходимостью трудиться ради обогащения других и выполнять чужую волю; во взаимоотношениях между отд. личностями индивидуальная С. одних подрывается произволом других поступат. по своему усмотрению. Мерой индивидуальной С. становятся размеры частной собственности и обусловленная этим возможность распоряжаться материальными и духовными благами. При этом ущемляется не только С. подавляющей массы людей, одновременно происходит колоссальная растрата материальных и людских ресурсов данного общества. С. антагонистич. общества по отношению к природе, в определении путей всего дальнейшего развития и т. п. оказывается ниже его потенциальной С., зависящей от наличных материальных ресурсов и накопленных знаний.

«...Личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса» (Маркс и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 75). В свою очередь, и их С. была относительной: они также находились во власти стихийных обществ. закономерностей, их С. основывалась на привилегии максимально использовать благоприятное стечение обстоятельств. «Это право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью называли до сих пор личной свободой» (там же, с. 76). Стремясь экспроприировать в свою пользу по возможности всю С., к-рой потенциально обладало общество в целом, правящий класс в антагонистич. обществе всегда максимально регламентировал поведение всех остальных людей различными кастовыми, сословными, иерархич., правовыми и др. *нормами социальными*. Такая возведенная в закон необходимость поведения большинства людей становится условием С. и произвола привилегированного меньшинства. Вследствие этого объективные возможности С. далеко не всегда реализовывались в соответствующих им социальных и политич. формах и те же историч. эпохи могли возникать как демократич., так и тиранич. режимы (напр., Афины и Спарта в античности, бурж. республика и фашизм в 20 в.).

На протяжении всей истории человечества борьба людей против кастовых, сословных, классовых и др. социальных ограничений своей С., в какие бы идеол. формы она ни облекалась, была могучей движущей силой обществ. прогресса. На протяжении веков требования С. и равенства были взаимно обусловлены, хотя обосновывались идеологами различных классов по-разному. Накануне бурж. революций в Зап. Европе и Сев. Америке они были провозглашены как *естественное право* всех людей в равной мере пользоваться достижениями цивилизации и распоряжаться плодами своего труда и своей судьбой. Под лозунгом «свобода, равенство, братство!» прогрессивная буржуазия повела за собой нар. массы на борьбу против феодализма. Однако эти принципы неосуществимы в условиях капиталистич. общества. Сословные ограничения С. нар. масс и личности были уничтожены в результате бурж. революций и последующей борьбы трудящихся. Однако еще больше определились ограниченные экономич. и социальные рамки С. в антагонистич. обществе.

История капиталистич. общества опровергла бурж. доктрины С., в частности популярную в 19 в. бурж.-либеральную концепцию И. Бентама и Дж. С. Милля, к-рые полагали, будто макс. ограничение сферы деятельности гос-ва, свободное распоряжение людьми своей частной собственностью и преследование каждым своих разумных интересов будет сопровождаться всеобщим благом и расцветом индивидуальной С. всех членов общества.

Даже в самых развитых капиталистич. странах С. личности в значит. мере остается формальной, а те реальные права, к-рых нар. массы добились в ходе упорной борьбы, испытывают постоянные посягательства со стороны реакц. империалистич. буржуазии.

Лозунг «С.» широко используется идеологами реакц. буржуазии в пропагандистских целях, поскольку он обладает неотразимой привлекательностью в глазах широких нар. масс. Именно этим объясняется, напр., применение лозунга «свободный мир» для обозначения капиталистич. Запада, слова «С.» в самых различных сочетаниях наиболее реакц. орг-циями в целях саморекламы. Многие бурж. идеологи, напр. М. Фридман, Г. Уоллич, Ч. Уайтхед и др., ныне открыто противопоставляют С. и равенство; на Западе получила также распространение концепция т. п. иерархии ценностей (Р. Арон, Дж. Бёрхем и др.), ныне открыто противопоставляют С. и равенство; на Западе получила также распространение концепция т. п. иерархии ценностей (Р. Арон, Дж. Бёрхем и др.), к-рая сводится к попытке доказать, будто С. стоит на первом месте в списке ценностей «западной» цивилизации и на одном из последних у коммунистов. Наряду с этим среди мн. бурж. философов, социологов и экономистов, придерживающихся различных технократич. концепций, наблюдается тенденция умалить значение С. в обществе; по их мнению, индивидуальная С. по мере развития общества будет уменьшаться во всех сферах; человек будет обладать все меньшей С. как производитель и все большей С. как потребитель товаров массового произ-ва и услуг. В истории перспективе, однако, расширение С.— это диалектический и необратимый процесс, развивающийся в направлении последовательного социального и нац. освобождения человечества. В ходе этого процесса уже достигнутая С. распространяется на все больший круг людей и народов; формальная С. становится все более реальной; политич. С. дополняется социальной С. и т. п. В конечном счете то общество, к-рое оказывается не в состоянии обеспечить С. большинству своих членов, объективно возможную при достигнутом им уровне произ-ва и знаний, рано или поздно вынуждено уступить место другому, более прогрессивной форме обществ. организации, удовлетворяющей этому требованию.

Объективные условия подлинной С. реализуются только в результате ликвидации антагонистич. отношений между людьми, порожденных частной собственностью. Когда на смену стихийным процессам в обществе приходит планомерное развитие, в значит. мере исключающее непредвиденные экономич. и социальные последствия, обществ. деятельность людей становится подлинно свободной и сознат. историч. творчеством. Вместе с тем для того чтобы в полной мере была достигнута индивидуальная С., цели, к-рые ставит перед собой каждая отд. личность, должны согласовываться с интересами остальных составляющих общество людей. Равенство становится необходимым условием и социальной основой индивидуальной С., а сама С. личности в свою очередь способом реализации равенства в практич. деятельности. Одновременно с этим каждый член общества должен обладать реальными возможностями для всестороннего и полного развития заложенных в нем способностей и талантов, свободным доступом к накопленному человечеством опыту, знаниям и остальным духовным ценностям, а также достаточным свободным временем для

овладения ими. Человек никогда не сможет выйти за пределы своих физич. и духовных способностей, а также историч. ограничений С. общества; однако благодаря индивидуальной С. солидарных с ним остальных членов такого общества, и в меру своих способностей и знаний он может в возрастающей степени становиться носителем той совокупной С., к-рой располагает общество в целом.

Социалистич. революция кладет начало этому процессу освобождения людей во всех сферах жизни общества. Он протекает все ускоряющимися темпами вместе с бурным ростом производит. сил, развитием научно-технич. революции, совершенствованием экономич. и социальных отношений, утверждением нар. самоуправления, всеобщим культурным подъемом и завершается в коммунистич. обществе. В коммунистич. обществе «объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1966, с. 288).

В коммунистич. обществе С. воплотится в создании необходимых условий для всестороннего гармонич. развития личности. Историч. необходимость окажется «снятой» индивидуальной С. и, как отмечал Маркс, при коммунизме, по ту сторону царства необходимости, «...начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе» («Капитал», т. 3, 1955, с. 833).

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф., Нем. идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Энгельс Ф., Анти-Дюринг, там же, т. 20, отд. 1, гл. 11, отд. 2, гл. 2; отд. 3; его же, Людвиг Фейербах и конец классич. нем. философии, там же, т. 21, гл. 4; его же, Происхождение семьи, частной собственности и гос-ва, там же, гл. 5; его же, Шпизма И. Блоху, Ф. Мерингу, К. Шмидту, Г. Штаркенбургу, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Избр. письма, М., 1953; Маркс К., Экономич.-филос. рукописи, в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произв., М., 1956; Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., 4 изд., т. 1; его же, Материализм и эмпириокритицизм, там же, т. 14, гл. 3; его же, Государство и революция, там же, т. 25; О преодолении культа личности и его последствий, в кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 4, М., 1960; Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС), М., 1961; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1961; Фишер К., О С. человека, пер. с нем., СПб., 1900; Милль Дж. Ст., О С., пер. с англ., СПб., 1901; Гегель С., Соч., т. 8, М.—Л., 1935; Гароди Р., Грамматика С., пер. с франц., М., 1952; его же, Марксистский гуманизм, пер. с франц., М., 1959; Ламонт К., С. должна быть свободой на деле, пер. с англ., М., 1958; Янагида К., Философия С., пер. с япон., М., 1958; Аптекер Г., О сущности С., пер. с англ., М., 1961; Давыдов Ю. Н., Труд и С., М., 1962; Гольбах П. А., Система природы..., Избр. произв., т. 1, М., 1963, ч. 1, гл. 11; Гоббс Т., О С. и необходимости, Избр. произв., т. 1, М., 1964; его же, Левиафан..., там же, т. 2, М., 1964, гл. 21; Коммунисты и демократия. (Материалы обмена мнениями), Прага, 1964; Николаева Л. В., С.—необходимый продукт историч. развития, М., 1964; Ниринг С., С.: обещание и угроза, пер. с англ., М., 1966; Каллен Н. М. [ed.], Freedom in the modern world, N. Y., 1928; Fromm E., Escape from freedom, N. Y.—Toronto, 1941; Sartre J.-P., L'existentialisme est un humanisme, P., 1946; Acton J. F., The history of freedom, Boston, 1948; Riesman D., Lonely crowd, New Haven, 1950; Walker P. G., The restatement of liberty, L., 1951; Маскеон Р., Freedom and history, N. Y., 1952; Гагауду Р., La liberté, P., 1955; его же, Perspectives de l'homme, P., 1959; Добжанский Th. G., Biological basis of human freedom, N. Y., 1956; Каллер Е., The tower and the abyss, L., 1958; Адлер M. J., Idea of freedom, v. 1—2, N. Y., 1958; Walllich H., Cost of freedom, N. Y., 1960; Friedman M., Capitalism and freedom, Chi., 1962; Gурвич Г., Déterminismes sociaux et liberté humaine, 2 éd., P., 1963; Kосік К., Dialektika konkrétního, 2 vyd., Praha, 1963.

Э. Араб-оглы. Москва.

У природы есть история. У человека также. Тот факт, что каждая наука стремится стать исторической и открыть законы развития, факт исторического единства знания ни в коей мере не исключает несводимости исследуемых областей, специфики различных его уровней.

По своей природе человек обладает одновременно свойствами непрерывности и прерывности. Если признают, что существует только непрерывность, мы имеем дело с механистич. материализмом. Если признают, что существует только прерывность, мы имеем дело со спиритуализмом.

Для Маркса существуют непрерывность и прерывность. Человек — часть природы. Но человек, история имеет свои специфич. законы. Ограничимся лишь одним примером: *отчуждение* и его преодоление существует и осознается только на человек. уровне становления.

Человек не может быть сведен к совокупности уровней его существования. Его нельзя рассматривать как механич. производное этой совокупности. Историч. материализм не допускает ни редукции, ни дедукции. Сведение высшего к низшему есть не что иное, как определение механистич. материализма. Особенность диалектики и материализма, к-рый она воодушевляет, состоит именно в том, что она учит нас понимать, что целое всегда отлично от суммы элементов, его составляющих. И это верно для любого уровня.

Осн. идея марксизма, что люди сами творят свою историю в определенной, обуславливающей их среде, не может согласоваться с идеей, что в истории существуют только эпифеномены экономики, автоматич. действ. экономич. положения. Это концепция вульгарного материализма, механицизма, являющегося антиподом диалектики.

Внутр. необходимость может проявляться только в бесконечности случайностей, к-рые являются единств. формой существования необходимости в истории.

«...История, — писал Маркс, — носила бы очень мистический характер, если бы „случайности“ не играли никакой роли» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 33, с. 175).

Необходимость в человек. истории, по Марксу, облечена в две осн. формы: это внешняя необходимость, к-рая выражает отчуждение, и внутр. необходимость, в к-рой находит выражение борьба за преодоление отчуждения. В мире отчужденном, где господствует гл. обр. внешняя необходимость, человек стремится к тому, чтобы не быть только лишь звеном в сцеплении вещей и событий. Этот род необходимости господствует, напр., в развитии капитализма — строя, при к-ром люди из-за отчуждения, вытекающего из частной собственности на средства произ-ва, используются как вещи, человек является объектом истории. Когда же Маркс, напротив, говорит о необходимости пришествия социализма, то речь идет о необходимости более глубокой: это не внешняя необходимость развития системы, в к-рой человек, третируемый как вещь, отсутствует, но о необходимости внутренней, в к-рой человек участвует в решении поставленной задачи: победа социализма не придет сама собой, в силу какой-то необходимости, присущей самим вещам, как если бы рабочий класс толкал к этому единственно сила инерции механизмов в системе капитала. Этот механистич. детерминизм всегда приводил к реформизму, к идее постепенно развивающегося и автоматич. вращающегося капитализма в социализм.

Диалектич. необходимость революц. отрицания — полная противоположность механич. необходимости. Последняя совершается без меня, тогда как первая требует моего участия. Одна учит пассивности и покорности, другая пробуждает энергию и историч.

инициативу. Чисто внешняя необходимость представляет собой поле возможностей; однако она совершенно исключает нек-рые возможности: так, напр., исключается возврат от капитализма к феод. режиму, так же как и возврат от монополистич. капитализма к капитализму либеральному. Но она не навязывает никакого выбора: сказать, что пришествие социализма на данном этапе развития капитализма является необходимым, не означает, что он наступит независимо от нас. Это означает, что противоречия капитализма по своей природе таковы, что могут быть разрешены только упразднением капиталистич. собственности на средства производства и переходом к социализму. Но если мы не осознаем этой необходимости или если мы дезертируем, уклоняясь от решения задач, к-рые это осознание на нас возлагает, или даже если, обладая этим сознанием и взяв на себя ответственность за решение этих задач, мы допустим множество ошибок в стратегии и тактике, противоречие может длиться и, не будучи решено, приведет к застою и загниванию истории, отмеченным потрясениями и катастрофами (кризисами, войнами и т. д.), с необходимостью вытекающими из этого неразрешенного противоречия.

Классовое сознание — необходимое условие завоевания С. Свобода для Маркса, как и для Гегеля, есть преодоление отчуждения. Но если у Гегеля и Фейербаха это преодоление осуществляется только в сознании, у Маркса оно требует реального преобразования мира. У Маркса отчуждение — это не только раздвоение человека, но и социальная действительность, реальность классов и их антагонизма. Итак, проблема С. для Маркса это не только индивидуальная, но историч. и социальная проблема, проблема класса. Эта проблема внутренне тесно связана с революц. задачами пролетариата. То или иное понимание С. всегда выражает классовую позицию того, кто его исповедует.

Для буржуазии С. — это сохранение режима «свободного предпринимательства», для пролетариата — это разрушение этого режима. Господствующие классы всегда называют тиранией и уничтожением С. упразднение их классовых привилегий. Каждый класс отождествляет С. с охраной своих классовых интересов.

Дорога С. пролегает через диктатуру пролетариата. Коммунизм тождествен с пришествием истинной С. Он кладет конец отчуждению и иллюзиям, к-рые порождаются этим отчуждением. Сущность бурж. иллюзий о С. состоит в отождествлении С. со случайностью и иррациональностью. Это имеет свои корни в самой природе капитализма. В конкуренции сама личность есть случайность, а случайность есть личность (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, там же, т. 3, с. 77).

Закономерность бурж. общества — анархия, индивидуалистский закон джунглей, к-рый утверждает порабощение и угнетение неимущего, а «демократич.» иллюзии служат прикрытием для существующего рабства. То, что видит индивидуум, — это лишь видимость законного права, тогда как реальная игра привилегии протекает в нек-ром роде за его спиной.

Каждый продавец и каждый покупатель считает себя свободным, но все они, не сознавая того, подчиняются закону стоимости, будь даже этот продавец продавцом собств. рабочей силы. Он может иметь иллюзию, что он свободен: он не привязан, как раб, к своему господину, не прикреплен, как крепостной, к земле; он «свободен» продать себя кому он хочет, но он вынужден продать себя кому-нибудь и если его товар не находит покупателя, он свободен, кроме того, умереть с голоду в силу железной необходимости этого странного режима С. В этом режиме отчуждения все то, что является выражением мощи и богатства, накопленных всеми прошлыми поко-

лениями человечества, приняло форму предметов и учреждений, отделенных от человека и над ним господствующих, начиная с денег вплоть до гос-ва.

Суть бесклассового коммунистич. общества в том, что оно призвано положить конец этому противопоставлению личности и общества, восстановить в индивидуальном человеке социальные силы, до того времени существовавшие во вне, отчужденные, вернуть все внутр. силы общества индивидууму. С., по Марксу, не в индивидуализме, не в отказе, отрицании, отпадении ненадежных и всегда опасных. Индивидуальный человек свободен, лишь поскольку в нем живет все человечество, все прошлое человечества, к-рое есть культура, вся совр. ему действительность, представляющая собой всеобщее сотрудничество. Итак, невозможно одному завоевать С. Нет свободного человека в порабощенном народе. С., говорит Маркс, равна действит. могуществу.

Социализм — это установление такого режима, к-рый разрушает все материальные препятствия, особенно экономические и социальные, слиянию всеобщности человечества в каждом человеке. С. без обмана — это возможно для каждого человека, для всех людей получить доступ к совокупности человек. культуры, полностью участвовать в общем труде, сознательно организованном, пользоваться всеми богатствами, всеми мощными силами, к-рые он порождает, и, отираясь от этого, развить свою творч. мощь без каких-либо ограничений, кроме предела своих способностей и личной одаренности.

Коммунизм — это начало собственно человек. истории, к-рая делается не битвами, не борьбой классов и войнами. Это общество не будет также иметь своим двигателем нужду. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остаётся царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе» (Маркс К., Капитал, т. 3, 1955, с. 833). Маркс добавляет, что осн. условием этого расцвета является сокращение рабочего дня, ибо мерой богатства не будет более рабочее время, а свободное время (см. там же).

Но, скажут, живая душа диалектики — противоречие, к-рое одно только «двигает вперед». Что же станет с историей, если классовая борьба не будет более ее двигателем. Противоречия не будут упразднены, но это не будут более антагонистич. противоречия между людьми. Тогда полностью расцветут бесконечно диалектич. черты С.

Прежде всего будет продолжаться завоевание человеком природы. На безграничных просторах строй-

ки — тройная бесконечность: бесконечно мало, бесконечно большого и бесконечно сложного. Перед человеком простирается перспектива бесконечных битв: в области микрофизики и распада материи, в области космоса, в области еще не осуществленных химич. соединений, все более и более сложных. Господствовать над элементами, изменять климат, добиться в биологии могущества, превышающего то, к-рое физика нашего века завоевала в области неживой материи. И, отираясь от этих изысканий и открытий науки, завоевать безграничное могущество для хрупкой человек. мысли, к-рая упирается в границы смерти индивидуума и человек. рода, но к-рая ставит под сомнение, напр., термич. смерть Вселенной.

Бесклассовое коммунистич. общество впервые создает реальные условия для диалектики духа, диалектики диалога, диалектич. критики и самокритики, о к-рой впервые грезил Сократ и Платон: специфически человек. сотрудничество в открытии истины умов, овладевших всей предшествующей культурой человечества, где никакой обман лживых «демократий» классового режима не сможет возникнуть, чтобы исказить равноправное и свободное столкновение мыслей высоко персонализированных и потому высоко социализированных, совершенное взаимопонимание.

Наконец, это творчество будет иметь характер творчества эстетического. Это прежде всего творчество, к-рое не будет вызвано никакой иной потребностью, кроме специфически человек. потребности творить. Без сомнения, это творчество не будет более вдохновляться тоской. Люди вспомнят, что Данте описал также и Рай и что его поэмой вдохновлена «Весна» Боттичелли. Почему человек может творить только под давлением нужды или тоски, когда сами христиане признавали, что творение Бога было не эманицией необходимости, а безвозмездным даром любви. Марксистский материализм, будучи верен своему изначальному фаустовскому вдохновению, есть творец мира, к-рый будет населен богами, не знающими скуки, чьи творения положат начало диалектике, прокладывающей путь в бесконечность.

СВОБОДА (Svoboda), Людвиг (р. 1 мая 1903) — чеш. философ-марксист, д-р философии, проф. филос. ф-та Карлова ун-та в Праге, чл.-корр. ЧСАН. В 30-х гг. в многочисл. рецензиях, опубликованных в журн. «Sociologická revue» («Социологический обзор»), освещал сов. филос. мысль; он издал первую полную монографию о развитии сов. философии («Философия в СССР» — «Filosofie v SSSR», Olomouc, 1936).

С. интересуется и филос. проблематикой культуры и искусства (см. «Studie o Saldovi F. X.», Praha, 1947). Ему принадлежат переводы трудов В. И. Ленина на чеш. яз.: в 1933 С. перевел «Материализм и эмпириокритицизм», в 1953 — «Философские тетради».

С о ч.: Marxismus-Leninismus, státní filosofie SSSR, 4 vyd., Praha, 1949; Nástin socialistické ideologie, 2 vyd., Praha, 1949.

СВОБОДА (Svoboda), Эмиль (2 окт. 1878—19 авг. 1948) — чеш. философ, профессор гражд. права Карлова ун-та в Праге. В центре его внимания — этика и философия права. Взгляды С. формировались под влиянием инд. философии, франц. рационализма и мистицизма Паскаля; из соотечественников наиболее сильное воздействие на С. оказал Масарик. На этом широко и в известной степени противоречивом идейном базисе С. создал концепцию человека, в основе к-рой лежат принципы эвдемонизма. Первый этап филос. эволюции С. заканчивается переходом от мистики к атеизму, при этом сохраняется суть этич. учения Паскаля. Для второго периода характерна тенденция к марксизму, к-рый первоначально С. подвергал критике с индивидуалистич. позиций. С. приходит к оценке марксизма как единств. истинного гуманизма; в произв. «Дух

Р. Гароди. Франция.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

С. Штрос. СССР.

социализма» («Duch socialismu», Praha, 1948) он с позиций диалектич. материализма рассматривает ряд проблем обществ. развития. С. был одним из гл. представителей атеистич. движения «Свободная мысль» («Volná myšlenka»), выступал как теоретик и пропагандист атеизма.

С о ч.: Základní myšlenka demokracie, Praha, 1919; Náboženství, konfese, církev, Praha, 1922; Etnické a sociální základy práva občanského, Praha, 1922; Vláda v demokracii, Praha, 1924; Stezka, Praha, 1924; Člověk a společnost, Praha, 1924; Zena-člověk, Praha, 1925; Myšlenky o právu, etice a náboženství, 2 vyd., Praha, 1925; Obrana a útoky, Praha, 1926; Demokracie jako názor na život a svět, Praha, 1927; Život a myšlenka, Praha, 1928; Utopie, 2 vyd., Brno, 1929; Věci všední a nevšední, Praha, 1931; Na vysoké hoře, Praha, 1934; Záhady života, Praha, 1941; Hledání, Praha, 1946; Lidé a skutky, 2 vyd., Praha, 1947; Duch socialismu, 4 vyd., Praha, 1950. К. Махова. ЧССР.

СВОБОДА ВОЛИ — филос. проблема, к-рая при первой общей постановке формулируется как вопрос о свободе человека в своих действиях; это один из «проклятых вопросов» философии, история споров вокруг него началась еще во времена Сократа. Исследуя С. в., Гегель писал: «Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее с в о б о д ы...» (Соч., т. 3, М., 1956, с. 291). Шеллинг объявлял отношение к С. в. центр. пунктом филос. системы.

Со С. в. связана судьба высших духовных ценностей; от ее решения зависит признание вины, ответственности, творчества; она стоит в центре проблемы личности.

В связи с проблемой С. в. действия рассматриваются лишь как волеизъявляющие. Возможность самого действия как реализации воли, называемая свободой действия, не относится к проблеме С. в.; существование свободы действия не требует доказательств — человек может выполнить любое намеченное им (физически доступное) действие. Свободу действия признавали даже классич. противники С. в. — Гоббс, к-рый впервые вычленил само это понятие и отделил его от понятия С. в. (см. «О свободе и необходимости», в кн.: Избр. произв., т. 1, М., 1964, с. 525), Пристли, Гольбах. Вопрос заключается в том, может ли быть свободным само волеие.

Проблема С. в. встает прежде всего как практич. проблема — в связи с вопросом об ответственности человека за его действия. Допущение С. в. есть необходимое основание нравственности, условие возможности вменяния. Если человек не мог поступить иначе, чем он поступил, если каждое его действие необходимо, т. е. строго обусловлено и исключает возможность выбора, то ему нельзя это действие вменить в вину или поставить в заслугу — здесь всякая нравств. оценка неправомерна и излишня. С. в. выступает как возможность различных действий, как свобода в ы б о р а. Но последняя возможна лишь в том случае, если понятие свободы рассматривается не только в качестве отрицательного (отсутствие зависимости), но и как положительное (самоосуществление, самополагание), что означает иной, отличный от природной причинности способ существования бытия, и приводит к антиномии свободы и необходимости. Т. о., проблема С. в., первоначально сформулированная как вопрос о свободе человека в своих действиях, превращается в вопрос о необусловленности воли извне в качестве конечной причины (causa sui).

Т. зр., утверждающая самополагающую волю, т. е. трактующая волю как самополагающую, автономную силу, получила в истории философии название индетерминизма; позиция, отрицающая С. в. и отрицающая обусловленность воли извне, известна под наименованием детерминизма. Как на доказательство свободной воли ее сторонники указывают на существование чувства свободы, что оспаривают детерминисты, считая это чувство иллюзорным. Это введенное

Спинозой различение свидетельства самосознания от его индетерминистич. интерпретации (т. е. чувства свободы от идеи С. в.) является неперемным доводом в последующих детерминистич. рассуждениях (см. П. Гольбах, Здравый смысл, М., 1941, с. 304—05; Д. Юм, Исследование о человеч. уме, П., 1916, с. 108—09; А. Шопенгауэр, С. в. и основы морали, СПб., 1896, с. 21—22; Дж. Милль, Обзор философии В. Гамильтона..., СПб., 1869, с. 474; А. Риль, Теория науки и метафизики..., М., 1887, с. 264; В. Russel, Our knowledge of external world..., L., 1952, p. 237—38). В доказательство причинной обусловленности воли обычно приводится мотивация действия: непреложная зависимость между мотивом волевого поведения, к-рый является переживанием ценности (или просто оценкой как целесообразного) результата данного действия, и самим действием. Мотивом, к-рый является психологич. основанием действия, как причиной определяется действие; последнее только потому и становится предпочтительным по сравнению с другими, альтернативными действиями, что признается ценным, является желаемым, т. е. выражает собой стремление личности: не объект как таковой мотивирует волю, а желаемый объект (см. Кант, Критика практич. разума, в кн.: Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965, с. 331—34). Действие является заключит. моментом движения, начавшегося с «Я хочу». Но если известное переживание делает ценным (т. е. превращает в основание действия) сама воля, то, следовательно, и элемент необходимости вносится также ею.

Т. о., идея мотивации не затрагивает вопроса о причинной обусловленности и, следовательно, необходимости самих волеий; она способна демонстрировать только одно: «я выполняю то, что я хочу» (а не обратное). Как и всякая психологич. попытка решить вопрос о С. в., идея мотивации оказывается несостоятельной (психологич. анализ остается в области механизма воли; решение проблемы С. в. принадлежит только философии). Гл. аргументом индетерминизма является свидетельство нравств. сознания, совести, требующей для оправдания (объяснения) своего существования допущения С. в.

В зависимости от факторов, к-рые считают обуславливающими волю человека, можно различить неск. видов детерминизма. Механический, или физич., детерминизм выводит все явления, в т. ч. психич. жизнь, из движения материальных частиц; душевный процесс рассматривается как производный от перемещения материальных тел. Так, для Гоббса источником действия является механич. толчок или давление со стороны. А поскольку первонач. причина действия находится вне человека, то и само действие — вне его власти. Представитель второго вида детерминизма — психич., или психологического, — Липпс, считая основой всего дух, постулирует его движение и развитие при помощи понятия психич. причинности. Поскольку каждый психич. акт необходимо предопределен предыдущими, попытка Липпса сохранить свободу (а тем самым и ответственность личности) через введение «Я», к-рому принадлежат все психич. акты, является неоправданной, ибо, согласно Липпсу, внешние (по отношению к «Я») условия задолго до самого этого «Я» определили, каково оно будет и каковы будут его проявления. Такого рода психич. систему Кант называл «духовным автоматом», а ее свободу — свободой вертела (см. там же, с. 426). Третий тип детерминизма, т. н. супранатуралистический детерминизм, ставит человек. волю в зависимость от сверхъестеств. фактора (бога) (см. *Предопределение*). Трудности, с к-рыми сталкивается теологич. философия в решении проблемы С. в., заключаются в том, как примирить всеведение и всемогущество бога с самоопределением твари, а его благою волю с существованием зла в мире (см. *Теодицея*). Эти противоречия могут быть

сформулированы следующим образом: если существует С. в., то бог не всемогущ и не всеведущ; если ее нет, то, во-первых, человек не ответствен за свои поступки, а, во-вторых, возникает вопрос, откуда берется зло?

Гл. затруднения детерминизма начинаются за пределами собственно теоретич. построения — в попытках утверждения нравств. сознания. «Откровенный детерминизм Пристлея, уничтожающий мораль, скорее заслуживает одобрения, чем тот с и н к р е т и з м, который утверждает мораль и вместе признает такое определение воли, благодаря которому отрицается всякая возможность свободы» (Ф и ш е р К., История новой философии, т. 5, СПб, 1906, с. 97; см. также Кант, Соч., т. 4, ч. 1, с. 427—28). Трудности индетерминизма заключаются прежде всего в теоретич. стороне вопроса — в рационалистич. осмыслении самоопределения воли.

Однако вычленение типов учений о С. в. условно. Специфика вопроса, «...громадные практические последствия...» (Г е г е л ь, Соч., т. 3, с. 291), связанные с ним, приводят к переплетению альтернативных позиций. «При рассмотрении проблемы свободы мы повсюду встречаемся с предвзятыми мнениями частью научного, частью этического и религиозного характера, повсюду с попыткой соединить при помощи диалектических тонкостей вещи, по существу несоединимые; повсюду остроумие направляется на то, чтобы с помощью тонких различий и далеких обходов спастись одной рукой то, что упустила другая» (В и н д е л ь б а н д В., О свободе воли, М., 1905, с. 4). Одна из грандиозных попыток совмещения двух противоположных т. зр. получила свое выражение в концепции С. в. Канта — Шопенгауэра, в известном смысле продолженной Шеллингом и Фихте. Рассмотренная в соответствии с исходным принципом немецкой классической философии — с т. зр. рационализма, она обнаруживает противоречия и тем самым — неудовлетворительность решения антиномии свободы и необходимости. Отрица возможность познания свободы теоретич. разумом, к-рый, по Канту, конституирует познаваемый нами мир явлений с помощью категории причинности, Кант утверждает свободу в сфере практич. разума для обоснования нравственности. Свидетельством свободы оказывается факт существования *категорического императива*, в основе к-рого лежит сознание: ты можешь, ибо ты должен. Как член мира явлений человек обусловлен предшествующими состояниями, подчинен закону причинности, как интеллигентное существо оно сам начинается из себя причинный ряд — он свободен. При попытке объяснить взаимоотношение эмпирич. и умопостигаемого характеров в человеке у Канта обнаруживаются противоречия: с одной стороны, «...умопостигаемый характер не был бы подчинен никаким временным условиям, так как время есть условие только явлений, а не вещей в себе» («Критика чистого разума», в кн.: Соч., т. 3, М., 1964, с. 482) и в нем не может ни возникнуть, ни исчезать никакий поступок, с другой стороны, «...умопостигаемый характер... составляет причину этих поступков...» (там же) и эмпирического характера вообще, т. е. все-таки проявляется во времени; кроме того, понятие причинности незаконно — с т. зр. философии Канта — переносится из области эмпирич. явлений в область умопостигаемой «вещи в себе». Декларируя дуализм, Кант стремится сохранить и необходимость, и свободу, но на самом деле их примирения не происходит. Связь умопостигаемого с эмпирическим остается неясной (см. там же, с. 477—99); факт этой связи не представляем, «...не имеет мыслимого содержания» (см. В. С. Соловьев, Собр. соч., т. 10, СПб, 1914, с. 376). Провозглашая С. в., Кант фактически отсылает ее в закулисный

мир. Шопенгауэр, детализировавший концепцию Канта (в частности, в вопросе о совести, к-рая, как и нравств. предписания, лишь понапрасну раздражает человека, но не способна ничего изменить в нем, ибо является бесполезным свидетелем действия его раз навсегда сделанного выбора), пытается спасти положение учением о святости. Он допускает, вслед за Кантом, коренной переворот (во времени) умопостигаемого характера, что находится в явном противоречии с вневременной сущностью этого характера. Т. о., рассматриваемая система С. в. оставляет неясным то, что она призвана объяснить (эмпирич. человека), ибо как эмпирич. характер, созданный интеллигентным, так и отдельные акты воли предполагают обязан. проявление во времени и поэтому не объяснимы через ссылку на вневременность. Остается нераскрытым и понятие свободы как акта самополагания. Согласно Шопенгауэру, «...всякая *existentia* (существование) предполагает *essentia* (существо), т. е., все сущее должно представлять собою нечто, иметь определенную сущность. Нельзя существовать и быть при этом ничем...» («Свобода воли и основы морали», СПб, 1896, с. 71—72). Но самополагание не может означать ничего иного, кроме определения себя через себя же, к-рое еще не существует. Т. зр. Шопенгауэра вступает в противоречие с его же утверждением самополагания воли как «от себя бытия» — *aseitas*. Правда, он пытается избежать противоречия, привлекая на помощь понятие вневременного. Рассуждение Шопенгауэра приводит нас к след. дилемме: если само «Я», к-рым избирается характер, уже было чем-то (а ведь не бывает «существования без сущности» — см. там же), то никакого акта самоопределения и свободного избирания не происходит — «Я» «определяет» себя, будучи уже определенным; а если оно еще не было определено, то, следовательно, оно было ничем (что Шопенгауэр тоже отвергает). В обнаженной форме это противоречие выступает в его учении о святости, где возникает вопрос об основаниях для коренного переворота интеллигентного характера. Следы этой же непоследовательности носят «Филос. исследование о сущности человек. свободы» (СПБ, 1908) Шеллинга, к-рый в своем признании безосновного идет дальше по пути индетерминизма (следуя за *Беме* и его понятием *Ungrund* — «безосновное»). С одной стороны, Шеллинг заявляет, что «сущностью основы, как сущностью существующего, может быть только предшествующее всякой основе, т. е. абсолютное, как таковое безосновное», с другой стороны — «...для того, чтобы умопостигаемое существо могло определять себя, оно должно быть определенным самим в себе... самим собою...» (указ. соч., с. 67, 47). Но утверждение «безосновного» является одновременно отрицанием определенности. Противоречие это, выраженное в том, что «...от абсолютно неопределенного нет никакого перехода к определенному» (там же, с. 47), проявляется далее в дефиниции свободы как внутр. необходимости: «...внутренняя, вытекающая из существа самого действующего, необходимость» (там же, с. 46). Но поскольку «существо» еще должно быть определено («самим собой»), постольку это определение не может быть необходимым (т. е. единственно возможным), ибо оно означает именно становление, возникновение этого «самого», или, что то же — выбор своей определенности (сущности) без предварительных оснований; самополагающий характер первоначального акта выбора снимает его необходимость. Само понятие внутр. необходимости в применении к С. в. базируется на трактовке неизвестного («внутреннего»), к-рое еще подлежит полаганию как известного, как уже данного, определенного; понятие необходимости здесь пусто. По существу, перевес в концепции Шеллинга полу-

чает С. в. «Человек поставлен на вершину, где имеет в себе источник свободного движения одинаково и к добру и к злу: связь начал в нем — не необходимая, но свободная. Он — на распутье что бы он ни выбрал, это решение будет его деянием» (там же, с. 39). Аналогично понимание свободы как внутр. необходимости у Гегеля; однако провозглашенная им свобода человек. воли существует в его монистич. системе противоречиво. Свободой у Гегеля может обладать «абс. идея» («мировой дух»), но не человек, ибо предпосылкой свободной человек. воли может быть лишь *плюрализм* — признание множества самостоятельных действующих индивидуальностей.

Т. о., в пределах рационалистич. понимания свободы, т. е. при последоват. развитии понятия самополагания индетерминизм неизбежно приводит к равной возможности двух противоположных действий (*liberum arbitrium indifferenciae*), к свободе безразличия как выражению возможности выбора. Но свобода безразличия в первонач. акте конституирования самости есть свобода через *ничто*, есть абс. случайность. Здесь индетерминизм возвращает нас к уже известному затруднению детерминизма, ибо абс. случайность природы деятеля столь же мало удовлетворяет требованию ответственности, как и детерминированность этого деятеля извне. Т. о., проблема С. в., выступавшая как антиномия необходимости и ответственности, предстает в форме противоречия свободы и ответственности. Для выхода из этого затруднения рационалистич. индетерминизм нуждается в постулировании вечности индивидуального духа (такой вневременности, к-рая сняла бы необходимость первонач. акта самоопределения). Эта идея имеется у Шеллинга (наряду с принятием им кантовского понимания вневременного характера): человек «...по природе своей вечно е с т ь...» (там же, с. 50); она характерна для *персонализма*.

С. в., рассматриваемая как основание нравственности, имеет эthic. аспект. Трагедия свободы заключается в том, что принудит. добро не есть добро, а свободное (истинное) добро предполагает свободу зла. Таящаяся в свободе произвола (по терминологии Канта, — н е г а т и в н о й свободе) возможность зла приводила к ее игнорированию и порождала мощную традицию ее отрицания, истоки к-рой восходят к античности. Отрицание негативной свободы характерно уже для Сократа, впервые поставившего саму проблему С. в., затем было развито Платоном (правда, в «Законах» у него имеются намеки на более глубокий взгляд), стоиками и получило отзвук во всей истории философии — у *Фомы Аквинского*, *Декарта*, Спинозы, *Фихте* и др. Античность с ее сознанием зависимости человека от высших сил не признавала негативной свободы (исключение представляет *Эпикур*). Исследование метафизич. оснований С. в. с самого начала заменялось нравственно-антропологич. рассмотрением вопроса. Сократ развивает по существу просветительскую т. зр. — все одинаково ищут добра, но не все знают, в чем оно. Разум освобождает от низших влечений и ведет к добру (ибо нельзя знать, что хорошо, и в то же время поступать дурно). Эта т. зр. фактически основывается на предположении о предопределенности неразумной природы человека и отождествлении человек. сущности с разумом (практич. аспект этого взгляда — утверждение неответственности, невменения нерелефлирующего индивида). При такой (интеллектуалистической) позиции сама проблема С. в. оказывается обойденной — она подменяется проблемой взаимоотношения различных природ в человеке: чувственного и рационального, причем утверждение победы последнего над первым еще ничего не говорит о законах перехода от неразумного состояния к разумному, об определяемости самого разума. Свобода,

к-рая здесь утверждается, — это независимость от низших страстей, состояние гармонии в добре; в отличие от свободы как пути (негативной свободы), это свобода как цель, т. е. п о з и т и в н а я свобода (ср. «Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными»). Фихте, центр. пункт философии к-рого есть понятие свободы, осмысливаемой, в частности, как самопроизвольность, пытаюсь избавиться от «издержек» произвола, в итоге приходит к игнорированию значения негативной свободы и по существу ликвидирует сферу ее действия. Согласно Фихте, оказывается, что для природного человека свободы нет, т. к. в нем действуют слепые влечения, а для разумного ее нет, ибо он неизбежно должен руководствоваться нравств. законом. Т. о., свобода выбора остается у Фихте лишь атрибутом несовершенной воли, ее недостатком.

Понимание свободы как единств. возможности добра характерно для христианства; истоки такого представления восходят к Псалмам Ветхого завета и *Посланиям Павла* и развиваются затем, хотя и не всегда последовательно, *Августин*ом. В русле этой традиции находятся *Иоанн Дунс Скот*, *Оккам*, *Экхарт*, *Бёме*, Ангелус Силезиус (Шефлер), а также *Кьеркегор*. Пафос свободы возрождается в «русском духовном ренессансе» нач. 20 в. (Бердяев, Шестов, Вышеславцев, Франк и др.), вдохновленным творчеством Достоевского. Христ. концепция С. в. полагает человека, созданного богом, свободным. (Проблема теодицеи получает здесь след. ответ: бог всемогущ, но его свободная воля, устремленная к совершенству твари, потребовала сотворения воли человека свободной.) Благодать же, посылаемая богом человеку, есть не принуждение, а лишь призыв; она выступает не в качестве внешней силы, а в форме обаяния. Однако отношения свободы и благодати антиномичны: ибо, с одной стороны, благодать как бы обладает силой, порождающей движение ей навстречу, с др. стороны, свобода человека есть нечто независимое, не определяемое извне. Для христ. мировоззрения свобода есть последняя, неизъяснимая тайна человек. бытия и поэтому С. в. — проблема, связанная с последними основаниями человек. природы, является предметом не рационалистич. мышления, а религ. опыта. В противовес стремлению к рационализации свободы, видящему ее укорененность в ничто, христианская позиция провозглашает богочеловеческую природу человека. Диалектика свободы как стержня взаимоотношения человека и бога раскрывается у Достоевского как диалектика произвола и добра, негативной и позитивной свободы. «Ты, — обращается Великий Инквизитор к Христу, — возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был решать впрямь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ перед собою...» (Собр. соч., т. 9, 1958, с. 320). Образ Христа здесь и есть высшее добро, высшая ценность. Только свободным путем (через выбор) человек может прийти к высшему — к добру. Но этот путь есть путь «страшных... мук решения личного и свободного» (там же, с. 326). Угнетенный «...таким страшным бременем как свобода выбора» человек ищет «того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается» (там же, с. 320, 319). Отказ от «свободного выбора в познании добра и зла» (там же, с. 320) приводит к вырождению человека; отказ от свободы произвола приводит к господству внешнего произвола. (Мысль о тяжести свободы выбора и решения, впервые сформулированная Кьеркегором, получает широкое распространение в экзистенциализме, в частности в учении о *Ман Хейдеггера*.) Но свобода не есть последний стержень человек. приро-

ды. Исследуя судьбу человека, «отпущенного на свободу», Достоевский обнаруживает «неустроенность», разрушительность самоцельной свободы. Он открывает хаос и «семя смерти», таящиеся в своеволии (Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов). Болезнь духа, вызванная безраздельным господством в нем свободы (как расплата за пренебрежение к иному существу человека) открывает то, что первоосновнее и глубже свободы — этич. начало. Созданный как этич. существо, человек всегда стоит перед дилеммой добра и зла; но путь к добру — это путь не умствования, а живого чувства, личностной связи — любви (перерождение Раскольникова).

Помимо христ. традиции, развиваемой в совр. философии, проблема свободы стоит в центре внимания атеистич. экзистенциализма, усматривающего основы свободы в ничто (*Sartre*, Хейдеггер). С этим связано экзистенциалистское учение о человеке как носителе абс. свободы, не имеющем онтологич. корней. Экзистенциализм стремится истолковать человека как силу, противостоящую внешнему миру. Но поскольку, согласно этому взгляду, для человека не существует никакой внеположной ему моральной ценности, поскольку человек морально бессодержателен (по словам Сартра, нет никаких указаний ни на земле, ни на небе), то, по существу, человеку нечего противопоставить миру, кроме самого акта противопоставления, т. е. своеволия, и сам он превращается в бессодержательную, формальную фикцию. Экзистенциалистская теория человека — апология свободы произвола, трагедия к-рой исследована в творчестве Достоевского.

В филос. лит-ре существуют и другие попытки подхода к проблеме С. в., решения антиномии свободы и необходимости. Одной из наиболее известных может считаться концепция Бергсона (см. «Время и С. в.», М., 1911). Защищаемая им идея органич. цельности душевной жизни как неразложимого на отд. элементы индивидуального ряда, в к-ром участвует личность целиком, используется в качестве доказательства существования С. в. Поскольку каждое душевное состояние уникально, неповторимо и, следовательно, не поддается верификации с т. зр. причинности, то, по мысли Бергсона, этого достаточно, чтобы считать таковое состояние причиной не обусловленным. Феноменалистическая, позитивистская позиция Бергсона есть обход филос. проблемы. Учение Виндельбанда (см. «О С. в.») зиждется на проводимом в неокантианстве дуализме науч. и моральной (оценочной) т. зр., к-рые, отвечая различным потребностям разума, сосуществуют и могут вступать в противоречия друг с другом. Такая позиция, к-рая рекомендует то относиться к волевым актам как к причинным, то, игнорируя причинную обусловленность, обращаться с ними как со свободными, не может удовлетворять потребности понимания проблемы С. в. В известном смысле формалистической можно считать попытку разрешения вопроса, предпринятую Н. Гартманом (см. «Ethik», В.—Лpz., 1926). Если у Канта существует противоречие между сущим и должным (воля должна, но, к сожалению, не принуждена подчиниться должному и поэтому может от него уклониться), то Гартман, позитивно оценивая возможность воли не подчиниться должному и нарушить его, усматривает противоречие в самом должествовании: человек обладает свободой произвола по отношению к сфере ценностей, однако ценности не оставляют места для произвола и требуют безусловного себе подчинения воли носителя ценностей — человека (см. указ. соч., С. 628). Т. о., здесь обнаруживается антиномия двух автономий: суверенитета ценностей и суверенитета личности (Кант отождествил эти автономии, поэтому у него свобода оставалась только для добра). Решение

этой антиномии Гартман находит в том, что позитивная свобода заключает в себе уже не одну, а две детерминанты: реальную и идеальную, автономию лица и автономию принципа, между к-рыми существуют, не антиномич. отношения, а отношение восполнения. Ценности выражают лишь идеальный поступат и требуют еще реальная воля, к-рая сможет их осуществить. В то же время воле без иерархии ценностей нечего выбирать, — свободно выбирающий акт требует логики ценностей в созерцании идеальных направлений должного и недолжного, иначе он будет слепым, лишенным смысла выбором. Должное, согласно Гартману, есть модальная категория, выражающая поступат ценностей, но отнюдь не императив. К тому же многие, в т. ч. высшие ценности, вообще не могут быть облечены в форму императива (напр., гений или красота). Однако навязанное этой классификацией идиллическое настроение в отношении к проблеме С. в. разрушается при первой попытке представить себе взаимоотношение двух родов детерминаций. Каким образом идеальная детерминация может существовать как ценность, не выступая в то же время принудит. силой? И вместо успокоительного «отношения восполнения» вновь появляется все та же антиномичность свободы и необходимости, лишь переведенная на др. язык.

В произв. классиков марксизма категория С. в. употребляется обычно в смысле позитивной свободы: «Свобода воли, — пишет Энгельс, — означает... способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем с в о б о д н е е суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей н е о б х о д и м о с т ью будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе» («Анти-Дюринг», 1966, с. 112). Т. о., С. в. выступает как понятие, тесно связанное с понятием знания. В определении свободы как «познанной необходимости» смысловым стержнем является понятие познания, при помощи к-рого можно осуществить сознат. и планомерное господство человека над природой и над обществ. отношениями. Иначе говоря, свобода выступает здесь как состояние индивидов, овладевших объективными закономерностями на основе их познания и практич. пользования. Специально об этом см. ст. *Свобода*.

Лит.: С в е ч и н И. В., Основы человек. деятельности, СПб, 1887; Н о т о в и ч О. К., Еще немножко философии (К вопросу о С. в.), Софизмы и парадоксы, СПб, 1887; О с. в., М., 1889 (Тр. Моск. психологич. об-ва, вып. 3); А с т а ф ь е в П. Е., Опыт о С. в., М., 1897; Ф о н с е г р и в Ж., Опыт о С. в., пер. с франц., ч. 1, К., 1899; Л е й б н и ц, О свободе, в кн.: К. Фишер, О свободе человека, СПб, 1899; Ф и л и п п о в М., Необходимость и свобода, «Научное обозрение», 1899, № 4—5; В в е д е н с к и й А., Филос. очерки, СПб, 1901; Ш о е н г а у е р А., Мир как воля и представление, т. 1—2, М., 1901—03; Л о с с к и й Н., Осн. учения психологист. зр. волюнтаризма, СПб, 1903; е г о ж е, С. в., Париж, [1925]; Ф о р с т е р Ф., С. в. и нравственная ответственность, пер. с нем., 1905; Г у т б е р л е т К., С. в. и ее противники, [пер. с нем.], М., 1906; П о л а н Ф., Воля, пер. с франц., СПб, 1907; Г е ф д и н г Г., Понятие воли, пер. с франц., М., 1908; А н т о н о в А., Еще одно решение (К вопросу о С. в.), СПб, 1908; Х в о с т о в В. М., К вопросу о С. в., «Вопр. филос. и психологии», 1909, кн. 1 (96); С о л о в ь е в В. С., Критика отвлеч. начал, Собр. соч., 2 изд., т. 2, СПб, [б. г.]; е г о ж е, С. в.—свобода выбора, там же, т. 10, СПб, [б. г.]; В ы ш е с л а в ц е в Б., Этика Фихте, М., 1914; М е й м а н Э., Интеллигентность и воля, [М.], 1917; Б е р д я е в Н., Метафизич. проблема свободы, «Путь», 1928, № 9; С т е п а н о в а Е. И., Развитие детерминистич. понимания воли в рус. психологии, Л., 1955 (Автореферат); Ф а р к а ш Э., Свобода личности и проблемы морали, М., 1962 (Автореферат); Б а к у р а д з е О. М., Свобода и необходимость, Тб., 1964 (Дисс., на груз. яз.); Ч е р м е н и н а А. П., Проблема ответственности в совр. буржуазной этике, «ВФ», 1965, № 2;

Secrétan C., La philosophie de la liberté, v. 1—2, P., 1849; Wenzl A., Philosophie der Freiheit, [Bd] 1—2, Münch., 1947—49; Ricoeur P., Le volontaire et l'involontaire, P., 1949 (Philosophie de la volonté, t. 1); Andrioll J.-M., Le royaume de la volonté, Soisson, [1958]; Adler M. J., The idea of freedom, Garden City, [1958]; Hook S., Determinism and freedom in the age of modern science, N. Y., 1958; В а у С., The structure of freedom, Stanford, 1958; О f s t a d H., An inquiry into the freedom of decision, Oslo—L., [1961]; Н о s p e r s J., Free will and psychoanalysis, в сб.: Freedom and responsibility, Stanford, 1961; С a m p b e l l C. A., Is «free will» a pseudo-problem?, там же; G a l l a g h e r K. T., Determinism and argument, «Modern Schoolman», 1963/64, v. 41.
Р. Гальцева. Москва.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ — часть времени, остающаяся у человека после обязат. обществ. труда. Общая структура бюджета времени трудящихся может быть подразделена на рабочее время и вне рабочее, к-рое, в свою очередь, делится на четыре осн. части: затраты, связанные с работой на произ-ве, затраты на домашний труд и самообслуживание, время на сон и прием пищи и С. в. При исследовании С. в. целесообразно подразделение всего бюджета времени на свободное и необходимое. Необходимое время включает в себя как рабочее время, так и три первые группы затрат вне рабочего времени. Человек может варьировать границы тех или иных необходимых затрат вне рабочего времени, но он должен тратить время на воспроизводство своих физич. и духовных сил. Необходимая часть вне рабочего времени является естеств. продолжением по отношению к нему рабочего времени и в известном смысле имеет служебный характер. Характеризуя границы необходимого времени, мы тем самым определяем и границы С. в. Вместе с тем следует учитывать, что с т. зр. развития человека С. в. также выступает как общественно необходимое, т. к. служит для развития личности. Этот факт и может быть критерием при решении спорных вопросов о том, куда отнести те или иные затраты времени. Транспортные расходы времени, напр., обычно не относят к С. в. Здесь, однако, требуется дифференциров. подход. Напр., если рабочий имеет возможность в пути прочитать газету и книгу, то нек-рая часть его транспортных затрат может быть отнесена к С. в. Категория С. в. — не просто количеств. мерило тех или иных жизненных процессов, оно включает в себя и их содержат. характеристику. Под влиянием научно-технич. прогресса, автоматизации произ-ва, к-рые обуславливают возможность и необходимость последоват. роста С. в. и изменения характера рабочего времени, грани между рабочим временем и С. в. начинают стираться. Этот процесс происходит и в социалистич. странах и в капиталистич. странах. Однако классовые антагонизмы капитализма и принудит. характер рабочего времени деформируют этот процесс.

В социалистич. обществе увеличивающееся С. в. все больше расходуется людьми не только на пассивный отдых и развлечения, во и ва творч. занятия (учеба, любительство, занятия искусством).

Коммунизм окончательно снимает противоположность рабочего и С. в. С сокращением рабочего времени трудящихся коммунистич. общества до минимума обязат. труд потеряет существ. отличия от свободной деятельности и в перспективе сольется с ней. По Марксу, при коммунизме мерилем богатства общества станет не рабочее, а С. в.

Лит.: Л и л и С., Автоматизация и социальный прогресс, пер. с англ., М., 1958; Ст р у м и л и н С. Г., Рабочий день и коммунизм, [М.], 1959; С. в. трудящихся, Красноярск, 1961; Вне рабочее время трудящихся, Новосибирск, 1961; И о й р ы ш А., Труд и коммунизм, М., 1961; Научно-технич. прогресс в СССР, М., 1962; Б а т и ш е в Г. С., Методологич. аспекты формирования целостной личности. Сообщение II — Основы культуры и С. в., «Докл. АПН РСФСР», 1962, № 2; М я л к и н А. В., С. в. и всестороннее развитие личности, М., 1962; О черта личности нового рабочего, М., 1963; Б о л г о в В. И., Вне рабочее время и уровень жизни трудящихся, Новосибирск, 1964; П р у д е н с к и й Г. А., Время и труд, М., 1964; Б а й к о в а В. Г., Д у ч а л А. С., З е м ц о в А. А.,

С. в. и всестороннее развитие личности, М., 1965; В о л к о в Г. Н., Эра роботов или эра человека? (Социологич. проблемы развития техники), М., 1965; F r i e d m a n n G., Où va le travail humain?, 2 éd., P., 1954; Revolution der Roboter, Münch., 1956; Automation und Freizeit, W., 1957 (Schriftenreihe des Institutes für Sozialpolitik und Sozialreform, H. 7); D e G r a z i a S., Of time, work and leisure, N. Y., 1962; S k ó r z y Ń s k i Z., Między pracą a wypoczynkiem, Warsz., 1965.

Г. Волков. Москва.

СВОБОДОМЫСЛИЕ религиозное, или волюнодумство, — широкое течение обществ. мысли, отвергающее религ. запреты на рационал. осмысление догматов веры и отстаивающее для разума свободу в поисках истины. С. было связано с различными формами критики религии. В русле С. выступали представители деизма (сам термин «С.» вошел в употребление с появлением трактата англ. деиста А. Коллинза «Рассуждение о С.», Discourse on freethinking, L., 1713) и пантеизма. Они обличали офици. христ. церковь за нетерпимость, критиковали обрядность и догматику христианства, но вместо ортодокс. «положительной» религии утверждали внецерковную — «естественную», основанную на разуме. Под флагом С. выступали также и последователи атеизма, с позиций здравого смысла отрицавшие все религ. представления. В дальнейшем стремление к беспрепятственному обсуждению религ. вопросов нашло свое выражение в требовании свободы совести, к-рое выдвигалось бурж. революциями 18—19 вв. в США, Франции, Германии и др. странах. С возникновением науч. атеизма С. утратило свое бол. обществ. значение. В наст. время С. и рационализм представлены частью прогрессивной антиклерикально настроенной интеллигенции ряда капиталистич. стран, объединенной в спец. общества и ассоциации, к-рые ведут просветит. деятельность, выпускают свою литературу и др. Печатным органом этих кругов в Англии является еженедельник «Freethinker» («Свободомыслящий», L., с 1881); в США — журн. «Progressive world» («Прогрессивный мир», Los. Ang., с 1947); «Liberal» («Либерал», Phil., с 1946), «American rationalist» («Американский рационалист», Saint Louis, с 1956); «Age of reason» («Век разума», N. Y., с 1936). Нац. об-ва свободомыслящих Австрии, Аргентины, Бельгии, Великобритании, Индии, Ирландии, Италии, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, США, Уругвая, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции и нек-рых др. стран объединены во Всемирный союз свободомыслящих (ВСС, World Union of Freethinkers; основан в Брюсселе в 1880; конгрессы собираются раз в год, последний, 34-й, был в Дуйсбурге в 1963). Кроме того, существует также Междунар. гуманистич. и этич. союз (МГЭС), насчитывающий в своем составе 20 нац. об-в свободомыслящих и 80 тыс. членов в Зап. Европе и США (осн. в 1952 в Амстердаме; конгрессы созываются раз в 5 лет, последний был в 1962 в Осло).

Лит.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Святое семейство, Соч., 2 изд., т. 2, с. 132—38; Л и у к а ч е в с к и й А., Очерки по истории атеизма, «Антирелигиозник», 1929, № 10 (см. Введение); В о р о н и ц ы н И. П., История атеизма, 3 изд., [М.], 1930; К о г а н Ю. Я., Очерки по истории рус. атеистич. мысли в XVIII в., М., 1962; И л ь и н Д., Гуманистич. и этич. союз, «Наука и религия», 1964, № 5; Поступь свободной мысли, там же, № 9.
Б. Работт. Москва.

СВОДИМОСТЬ — отношение между понятиями (предложениями, задачами, теориями и др.), играющее важнейшую роль в логике и математике; означает возможность редукции (сведения) одного понятия к другому (аналогично для предложений, задач и др.). Интуитивное понимание термина «С.» целиком соответствует его этимологии; напр., задача А, по определению, сводится к задаче В, если из решения задачи В может быть получено решение задачи А. Для того же, чтобы этому повниманию придать вполне точный смысл, необходима точная характеристика допустимых методов сведения, требующая привлечения

понятий теории алгоритмов. Понятие алгоритмической S стало играть особенно важную роль в математической логике со времени получения первых результатов, относящихся к разрешению проблемы (А. Чёрч, Э. Пост, А. Марков и др.).

В качестве примера несколько другого уточнения понятия S может служить предложенное сов. математиком Ю. Т. Медведевым понятие S массовых проблем. Пусть решение k -л. матем. задачи A связано с выполнением бесконечной серии элементарных актов, подчиненных некому (зависящему от A) условию, причем каждый элементарный акт любой серии можно эффективно охарактеризовать неким натуральным числом. Каждая такая серия $S_\alpha = \{\alpha_1, \alpha_2, \dots\}$ дает вариант решения, а совокупность всех S_α образует полностью определяющий A класс P_A . Задачи такого рода Медведев и наз. массовыми проблемами. Всякой серии S_α соответствует такая функция $f(x)$, что для любого натурального числа n натуральное число $f(n)$ характеризует акт α_n ; классу P_A соответствует класс $\{f\}$ таких «разрешающих функций» массовой проблемы A , полностью ее определяющий: $A = \{f\}$. Обратно, всякий класс A , состоящий из функций от натурального аргумента с натуральными значениями, определяет массовую проблему: построить функцию $f \in A$. Если A — проблема разрешения, то соответств. класс состоит из одного элемента. Массовая проблема, для k -рой существует общекурсивная функция (см. Рекурсивные функции и предикаты) $f \in A$, наз. разрешимой, в противном случае — неразрешимой. Наконец, массовая проблема $B = \{g\}$, по определению, сводится к массовой проблеме $A = \{f\}$, если существует такой частично-рекурсивный оператор R , что для всех $f \in A$ $Rf = g \in B$ (где g зависит от f). Это понятие S позволяет частично упорядочить (см. Порядная отношение) класс массовых проблем при помощи естественно выводимого понятия S трудности (это делается обычным способом разбиения на классы эквивалентности, каждый из k -рых содержит взаимно сводимые массовые проблемы, причем сами эти классы и наз. степенями трудности). Каждой логико-арифметич. формуле можно сопоставить массовую проблему, степень трудности k -рой характеризует «степень неконструктивности» утверждаемого этой формулой высказывания (в частности, конструктивно истинным формулам соответствуют разрешимые массовые проблемы, и обратно).

Понятие S (как в естественном, нитуштивном, так и в алгоритмич. смысле), прилагаемое к практически неогранич. кругу проблем науки и мышления вообще, играет основополагающую методологич. роль в каждой области знания. Так, напр., идея дедуктивного построения теории, при k -ром понятия теории определяются исходя из перечня первичных (исходных, неопределяемых) терминов, а предложения выводятся из аксиом, по существу целиком базируется на концепции S . [см. подробнее *Метод аксиоматический, Вывод* (в математич. логике), *Определение*]. Аналогично, в эмпирич. науках постоянно (хотя и не всегда в явной форме) пользуются идеей S к данным наблюдения и опыта. Можно, конечно, говорить о промежуточных, «эмпирико-дедуктивных» модификациях S . О т. н. аксиомах сводимости — см. *Типы теории*.

Лит. см. при статьях *Алгоритм*, *Массовая проблема*, *Ю. Гастев*. Москва.

СВОЙСТВО — филос. категория, соотносительная категориям вещи и отношения и обычно определяемая через них. Напр., Гегель определял S вещи как «...ее определенные соотношения с другими; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу» (Соч., т. 5, М., 1937, с. 581). Для традиции объективного идеализма характерно понимание S как общего, существующего независимо от единичных вещей и включаемого в сферу сознания, т. е. понимание, основанное на отрыве S от вещи. Субъективный идеализм отождествляет S с ощущениями и тем самым отрицает объективный характер S . (см. Р. Авенариус, *Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил*, СПб, 1913). Ленин убедительно показал, что отождествление S вещей с ощущениями противоречит осн. фактам совр. естествознания и неминуемо ведет к солипсизму. Для мн. представителей совр. логики характерно отождествление S с классом вещей (см. А. Тарский, *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*, 1948, с. 112). Напр., S белизны будет тождественно с классом всех белых

предметов. Такое понимание S наз. экстенциональным. В более широком смысле S понимается как нечто соответствующее особому рода функции — одноместному предикату. Но поскольку всякая функция представляет собой нек-рое отношение, определение S с помощью понятия о предикате — это определение через вещь и отношение.

Приведенные определения отражают различные стороны категории S , но ни одно из них не выражает полностью того смысла, k -рый вкладывается в это слово в науке и повседневной жизни. Так, во мн. случаях можно заменить S соответствующим классом, но, напр., классы равноугольных и равносторонних треугольников совпадают, хотя равносторонность и равноугольность — это разные S треугольников. Определение S как одноместного предиката также не всегда выражает его специфику. На практике, определяя, что выражает данный предикат, мы не ограничиваемся перечислением переменных, а привлекаем другие, более глубокие соображения. Учитывая это, можно определить S как то, что будучи отнесено к предмету, в отличие от отношения не образует нового предмета. S можно определить также как то, что является общим множеством предметов, или как то, что различает предметы. Эти определения тоже не будут исчерпывающими, но раскрывают категорию S с др. сторон.

Различие типов последующих S во многом определяет дифференциацию наук. В зависимости от того, каким образом изменяются S , их можно разбить на неск. видов: а) S , не обладающие интенсивностью и потому не могущие ее менять (напр., «стеклянный», «электрический», «материальный» и т. д.); их можно назвать точечными; б) S , обладающие в предмете определ. интенсивностью, k -рая может быть большей или меньшей (напр., «длина», «масса», «температура» и т. д.); это «одномерные» или «линейные» S , в) меняющиеся в двух и более отношениях — двухмерные и вообще n -мерные S . (напр., скорость, меняющаяся по направлению и по модулю). «Естественные» науки — физика, химия, астрономия и т. д., а также математика стремятся исследовать прежде всего линейные и многомерные S вещей. Науки гуманитарного цикла имеют дело гл. обр. с точечными S или S , приближенно рассматриваемыми как точечные. В совр. науке усиливается тенденция к преодолению этого различия (возникновение афинной геометрии и топологии, исследующих точечные S фигур; проникновение статистич. методов, связанных с исследованием линейных S , в языкознание и др. гуманитарные науки).

В развитии физики был период, когда каждое S стремились отождествить с соответствующим материальным носителем (S теплоты — с теплородом, магнитные свойства — с магнитной жидкостью и т. д.). Такое отождествление (субстантивирование S), как показало дальнейшее развитие науки, неправильно. Однако у каждого S вещи есть свой носитель. В ряде случаев он тождественен с самой вещью (так, носителем S массы, присущего телу, является само это тело). Но, напр., S разумности человека не распределяется равномерно по всему человеку, а имеет спец. носитель — центр. нервную систему. Чем сложнее S , тем более специфическим является его носитель.

S не существует вне вещи, но оно не существует и вне отношения и, следовательно, относительно. Относительность мн. S была известна еще в древности (см., напр., высказывание Гераклита о морской воде в сб. «Материалисты Древней Греции», М., 1955, с. 46). После Локка укоренилось деление S на относительные и абсолютные (см. *Первичные качества*). Относительности теория доказала относительность ряда S , в т. ч. геометрич. формы и массы, k -рые раньше считались абсолютными.

Лит.: Овчинников Н. Ф., Качество и С., «ВФ», 1960, № 6; Уемов А. И., Вещи, С. и отношения, М., 1963. А. Уемов. Одесса.

СВЯЗЬ — специфированное отношение, при котором наличие (отсутствие) или изменение одних объектов есть условие наличия (отсутствия) или изменения др. объектов. Имеет смысл различать понятия: «С.», «основание С.», «условия С.». Основание С.— это к.-л. общее свойство, признак, отношение, делающие возможной С. Напр., в силовой (см. *Сила*) С. космич. объектов основанием С. являются их гравитац. свойства; в С. химич. элементов — заряд ядра атома и т. п. Наличие основания С. необходимо, но недостаточно для наличия самой С. Нужны определ. условия, при к-рых С. реализуется. Эти условия для каждой предметной области специфичны. На основании указ. выше разделения целесообразно ввести понятие о л и н и я х С. Объекты, имеющие общее основание С., образуют общую линию С. Напр., *A*, связанное с *B* по основанию α , образует линию С. по основанию α , но по др. основаниям оно может быть и не связано с *B*. Вообще говоря, из того, что *A* связано с *B*, а *B* связано с *C*, не обязательно следует, что *A* связано с *C*. *Транзитивность* С. зависит от выбора основания С. для *B* и *C* и *A* и *B*. В сложных динамич. системах с группами нетождественных элементов действуют различные линии С., в том числе и нетранзитивные, вследствие чего изменение параметров отдельных элементов носит локальный характер и не влияет на режим функционирования системы в целом. Т. о., всеобщая С. явлений имеет более сложную структуру, чем та, к-рая обычно характеризуется утверждением: «каждый элемент материи во всех отношениях связан со всеми остальными элементами». Поэтому в целях познания С. объектов нередко используется прием отвлечения от С. Исследование искусственно изолиров. объектов приводит к выявлению набора новых свойств, среди к-рых могут быть свойства, обуславливающие их С. по к.-л. др. основанию. Так устанавливается новая линия С.

Рассмотрение С. в отношении к разнообразию обнаруживает неоднозначную функцию С. В одних предметных областях установление новых линий С. увеличивает разнообразие (напр., количество информации), в других — ограничивает. Напр., наложение связей на механич. систему уменьшает число степеней свободы элементов системы и т. д.

В учении о С. важное значение имеет исследование различных форм С. и установление нек-рых общих их характеристик сначала на содержат. уровне, что представляет собой начальный этап теоретич. исследования С., затем на уровне формальнологическом. Эти исследования необходимы для обобщения и унификации знаний. См. также статьи *Кибернетика*, *Логические машины*, *Теория информации*. И. Ляхов. Москва.

С т. зр. логики и семиотики установление С., как и разделений, является одной из осн. операций нашего ума (причем для разделений, как и для С., следует различать много видов и способов, и всякий разговор о разделениях относится к к.-л. из этих видов или способов). Если между предметом *A* и предметом *B* установлена нек-рая С., то говорят, что *A* связано с *B* (это отношение не обязательно симметрично); если *A* не может быть связано с *B*, говорят, что *A* является п о с т о р о н н и м по отношению к *B* относительно нек-рого вида С. или способа их установления или прослеживания. Последняя оговорка всегда должна подразумеваться. Если *A* является посторонним по отношению к *B* относительно нек-рого вида или способа установления или прослеживания С., то само это обстоятельство можно считать основанием к установлению С. между *A* и *B* — конечно, С. нового вида, состоящей как раз в том, что С. преж-

них видов между *A* и *B* не было. Можно по произволу устанавливать С. между любыми двумя объектами, существующими или нет. Можно также по произволу, принимая новый способ установления (но не прослеживания) С., назначать разделения, т. е. запрещения установления нек-рых С. между объектами. Т. о., возникают случаи, когда объекты оказываются посторонними по отношению к др. объектам. Но произвол, о к-ром идет речь, означает лишь, что установление С. не имеет смысла, т. е. семантически ничего не обозначает. Однако этот произвол не исключает того, что С. устанавливаются для нек-рой цели или в связи с нек-рым желанием и т. п. Если установление С. подчиняется нек-рой цели (как это постоянно бывает в науке), то упомянутый произвол этим существенно ограничивается. Там, где требуется надежность, в частности в основаниях каждой науч. теории, претендующей на строгость и практич. применимость, там можно пренебречь только посторонним. (Случаи, когда к.-л. величиной пренебрегают по причине ее малости, удовлетворяют этому правилу, т. к. пока малость величины только подлежит установлению, эта величина рассматривается и тем самым принимается во внимание, а когда достаточная малость установлена, величиной пренебрегают на основании ранее достигнутого соглашения о том, что величинами этой степени малости можно пренебречь, т. е. можно считать их посторонними). Поэтому во всех указанных случаях возникает важная задача — доказательство того, что все, чем мы намерены пренебречь, является посторонним. Для решения этой задачи требуется анализ всех способов установления и прослеживания С. (именуемых тактикой внимания), нужных для достижения принятых целей. Вопросы о том, являются ли рассматриваемые объекты связанными или посторонними относительно той или иной тактики внимания, т. е. «относятся ли они друг к другу», наз. вопросами р е л е в а н т н о с т и. Они играют важную роль во всех науках, в частности в лингвистике и семиотике, а также в теории диспутов и в юриспруденции (перед судьями часто встает задача: относится ли к делу заявление участника процесса). Тем не менее, матем. логика до сих пор оставляла эти вопросы без рассмотрения, быть может из-за того, что не было средств для их изучения. Однако по крайней мере нек-рые такие средства, а именно, понятие метода или способа, недавно были обнаружены в связи с проведением ультраинтуиционистской программы обоснования математики.

При рассмотрении исходных допущений математики требуется их надежность, т. к. математика претендует на строгость и практич. применимость. Поэтому должно быть доказано, что мы пренебрегаем только посторонним. Это — одна причина возникновения вопросов релевантности в основаниях математики. Другая состоит в том, что от неясности понятий пытались до последнего времени избавиться в математике только одним способом — установлением (различных) систем определений. Но ясность понятий, вводимых определениями, не может превышать ясности первоначальных понятий, к числу к-рых относилось понятие натурального числа. Это понятие играло ведущую роль, т. к. на нем были основаны все матем. понятия, в т. ч. понятия формулы и доказательства. Но само это понятие не может быть сделано ясным посредством определений традиц. математики. Всякое натуральное число должно быть связано с нулем способом своего получения из нуля путем последоват. переходов к следующим числам, но сами эти переходы должны совершаться нек-рое «число» раз, так что свести понятие натурального числа к более простым понятиям средствами традиц. математики не удается. Это понятие остается не вполне ясным, что

находит свое выражение в наличии противоречивых систем, нестандартных моделей арифметики и нек-рой распыленности понятия общерекурсивной функции. При внимательном отношении к этим явлениям следует отказаться от традиционной т. зр. и допустить возможность различных (интуитивно понимаемых) натуральных рядов. В ультраинтуитивистской математике язык богаче — он содержит модальности и дает возможность трактовать правила и способы гораздо более общих видов, чем в традиц. математике, в частности дает возможность рассматривать различные тактики внимания. Понятие натурального числа перестает быть первоначальным и оказывается зависящим от нек-рой тактики внимания. Возникают существенно различные натуральные ряды, причем само понятие натурального ряда выражается, помимо прочего, через тактику внимания и понятия С. Все кванторы также связаны с той или иной тактикой внимания, т. к. они относятся лишь к неосторонним предметам (как и слова «каждый» или «нек-рый» в обычном языке: утверждение «каждый человек может умереть» не относится к уже умершим людям, к-рые считаются в этом контексте посторонними).

С появлением различных натуральных рядов возникают проблемы избавления от парадоксов, в частности от парадоксов зеноновского типа, связанных с зацеплениями (см. *Парадокс*). При этом, однако, достаточно в каждом случае рассматривать только неосторонние зацепления и только благодаря этому удается решить осн. задачи ультраинтуитивистских теорий. В этом — третья и практически наиболее важная причина проникновения проблем релевантности, а значит и понятия С., в основания математики.

А. С. Москва.

Лит.: Уемов А. И., О диалектико-материалистическом понимании С. между явлениями, «ФН» (НДВШ), 1958, № 1; Эшби У. Р., Введение в кибернетику, пер. с англ., М., 1959; Зиновьев А. А., Логич. строение знаний о С., в сб.: Логич. исследования, М., 1959; е го же, К определению понятия С., «ВФ», 1960, № 8; Новинский И. И., Понятие С. в марксистской философии, М., 1961.

«СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» — первое совместное произведение Маркса и Энгельса; написано в сентябре—ноябре 1844, вышло в свет в феврале 1845 во Франкфурте-на-Майне.

Совершив независимо друг от друга переход от идеализма и революц. демократизма к материализму и коммунизму, Маркс и Энгельс летом 1844 установили свое «...полное согласие во всех теоретических областях...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 220) и начали совместную разработку науч. мировоззрения. При этом они сочли необходимым высказать свое отношение к прежним союзникам, в первую очередь — к Б. Бауэру и его сторонникам.

Осн. объектами критики в «С. с.» являются: статья Э. Бауэра о Прудоне; взгляды Б. Бауэра на историю, социализм и коммунизм, изложенные в трех статьях по поводу еврейского вопроса; рецензия Шелиги на роман Э. Сю «Парижские тайны»; взаимоотношения «Всеобщей лит. газеты» с корреспондентами как форма практич. отношения «критики» к «массе». В полемич. целях Маркс и Энгельс придали «С. с.» сатирич. характер. Поскольку «критика», абсолютизовав гегелевское самосознание, возомнила себя интеллектуальным спасителем «закоснелой массы», критика этих претензий дается в «С. с.» в форме гегельянизированной «Феноменологии святого духа»: священная критика отчуждает себя и посылает на землю своего сына, через к-рого сливается с массой (гл. 1), овладевает злободневными вопросами английской (гл. 2), немецкой (гл. 3) и франц. жизни (гл. 4) и растворяет действительность в спекулятивной диалектике; за-

тем критика демонстрирует «тайны» противоположного процесса — творения мира из спекулятивной диалектики (гл. 5); далее она обращает все взоры на самое себя, становясь «абсолютной» и находя свое индивидуальное воплощение в лице Б. Бауэра (гл. 6); вслед за этим (гл. 7) критика обнаруживает массу в самой себе («критич. масса») и, отделившись от нее, предстает эстетически усюкоенной в некоем художеств. образе (гл. 8), в к-ром искупает свои грехи, чтобы под конец в качестве второго, торжествующего Христа совершить «критический страшный суд» (гл. 9) и после победы над драконом «спокойно вознестись в небо» («Историч. послесловие»). Таким образом, «чистая критика» исчезает с грешной земли в силу законов собств. развития.

В эту шаржированную форму вложено глубокое науч. содержание. Гл. тезису Бауэра: «в массе... следует искать истинного врага духа», авторы «С. с.» противопоставляют факты, свидетельствующие о том, что «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса массы. Они формулируют важное положение историч. материализма: «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» (Маркс К. и Энгельс Ф., там же, т. 2, с. 90).

Исползуя результаты своих исследований 1843—1844, Маркс доказывает, что в практич. отношении идея коммунизма являлась наиболее радикальным продуктом франц. революции 18 в., а в теоретическом — материализма нового времени. Маркс показывает, что «...существуют два направления французского материализма: одно ведёт своё происхождение от Декарта, другое от Локка» (там же, с. 139).

Идея коммунизма выступает и как необходимый вывод из развития политич. экономии. Формулируя результаты исследования, проведенного в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», Маркс подчеркивает, что частная собственность как богатство есть консервативная сторона антагонизма, а пролетариат — разрушительная революционная его сторона. Идея историч. роли пролетариата, впервые высказанная Марксом в ст. «К критике гегелевской философии права. Введение», получает в «С. с.» более строгую формулировку, опирающуюся на анализ экономич. положения рабочих.

В «С. с.» содержится ряд важных положений, свидетельствующих об углублении Марксом понимания природы обществ. отношений. Не ограничиваясь общей характеристикой отношений между членами гражд. общества как реальной связи, определяющей их политич., гос. деятельность (к этому выводу Маркс пришел еще в 1843), Маркс подходит здесь к мысли об объективном, материальном характере производств. отношений. Пром-сть Маркс характеризует как «...непосредственный способ производства самой жизни» (там же, с. 166).

Социологич. анализ извращенного характера идеологич. отношений в бурж. обществе, проведенный в «С. с.», Маркс дополняет исследованием методологич. осн. возникновения извращенных воззрений на действительность. Содержание этого метода составляет идеалистич. спекуляция: общее, свойственное различным предметам и зафиксированное в определенном понятии, объявляется не следствием, а первопричиной этих предметов; в результате движение мышления от общего к отдельному, от абстрактного к конкретному выступает как акт творения действительности размышляющим субъектом.

Разгромив субъективно-идеалистич. концепции Бауэра и его сторонников, Маркс и Энгельс развили свои взгляды не только по проблемам науч. комму-

низма, философии и социологии, но и по проблемам политич. экономии, права, этики, эстетики, психологии и атеизма.

Однако само знание марксизма здесь еще не возведено; осн. идеи науч. коммунизма формулируются пока в терминах антропологич. материализма; не дается анализ классового содержания рассматриваемых концепций. Несмотря на критику ряда положений Прудона и Фейербаха, в «С. с.» имеет место нек-рая переоценка их взглядов; окончат. отношение к ним Маркса и Энгельса определится в 1845—46 (см. «Тезисы о Фейербахе», «Немецкая идеология», «Ищета философии»).

Значение «С. с.» вышло за рамки тех целей, к-рые ставились в период его создания. Это произведение помогает понять существо марксизма, в особенности место и роль в нем философии. Вот почему с 90-х гг. 19 в., когда обострилась борьба с ревизионистами по вопросу о том, обладает ли марксизм собств. филос. концепцией, начинается вторая жизнь «С. с.». Внимательное внимание к этому произведению возрастает. В 1895 тщательно конспектирует «С. с.» Ленин, обращая особое внимание на развитие взглядов основоположников марксизма, запечатленное в этом произведении: «...Видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» (Соч., т. 38, с. 6). К идеям, изложенным в «С. с.», Ленину неоднократно возвращается и впоследствии. Сформулированный Марксом закон возрастания массы населения, к-рая является сознат. историч. деятелем, Ленин характеризовал как «...одно из самых глубоких и знаменитых изречений основателей современного коммунизма...» (там же, т. 28, с. 397).

Показателем нарастающего интереса к «С. с.» служат переиздания этого произведения. При жизни Маркса и Энгельса оно не переиздавалось. Один из его разделов — «Критич. сражение с франц. материализмом» — был напечатан в 1885 в «Neue Zeit» (№ 9, с. 385—95) под заглавием «Der französische Materialismus des XVIII Jahrhunderts», затем переведен Плехановым на рус. яз. и опубликован в 1892 в качестве приложения к рус. изданию книги Энгельса «Людвиг Фейербах». В 1902 «С. с.» было полностью переиздано Мерингом в кн. «Из лит. наследства К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассалья» («Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle», hrsg. von F. Mehring, Bd 2, Stuttg.) и с тех пор неоднократно переиздавалось на мн. языках. В 1906 в Санкт-Петербурге появились два рус. перевода «Избранных мест» «С. с.», в 1907 — третий; в 1908 группа «Освобождение труда» издала в Одессе перевод издания Меринга «Из лит. наследства» (т. 1—2), в т. ч. первый полный перевод «С. с.». За годы Сов. власти «С. с.» издавалось неоднократно: в первом (т. 3, М.—Л., 1929) и втором (т. 2, 1955) изданиях соч. Маркса и Энгельса; в сб.: «К. Маркс и Ф. Энгельс. Исследования. Статьи 1844—1845» (М., 1940); в виде отд. издания (М., 1956).

Лит.: Энгельс Ф., [Письма] Марксу (окт. 1844—март 1845), Соч., 2 изд., т. 27, с. 5—28; Плеханов Г. В., [Предисловие к первому изданию («От переводчика») и примечания к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...»], Избр. филос. произв., т. 1, М., 1956, с. 451—52, 460—69; его же, От идеализма к материализму, там же, т. 3, М., 1957; Рязанов Д., Предисловие редактора, в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 3 т., М.—Л., 1929; Васильева А., Маркс и «С. с.», «ПЗМ», 1933, № 1; Серебряков М. В., «С. с.» — совм. труд Маркса и Энгельса, «Вест. ЛГУ», 1947, № 6; Розенберг Д. И., «С. с.», в его кн.: Очерки развития экономич. учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX в., М., 1954, с. 160—66; Бах И., Начало великого содружества (К выходу 2-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), «Коммунист», 1955, № 11; Корню О., «С. с.», в его кн.: Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, пер. с нем., т. 2, М., 1961; Ойзерман Т. И., Борьба Маркса и Энгельса против филос. и политич. концепций бурж. радикализма, в его кн.: Формирование философии марксизма, М., 1962; Малыш А. И., Экономич. проблемы в

«Святом семействе» К. Маркса и Ф. Энгельса, в сб.: Из истории марксизма и междунар. рабочего движения, М., 1964; Rubel M., Socialisme et sociologie, в кн.: Karl Marx. Essai de biographie intellectuelle, P., 1957, p. 140—59; Rossi M., La sacra famiglia, в кн.: Marx e la dialettica hegeliana, t. 2—La genesi del materialismo storico, Roma, 1963, p. 391—607.

Н. Ланин. Москва.

СЕА (Zea), Леопольдо (р. 30 июня 1912) — мекс. философ-идеалист, близкий к экзистенциализму; автор работ по истории философии в Лат. Америке. Проф. Нац. автономного ун-та. Филос. взгляды С. сформировались под влиянием *Ортеги-и-Гасета*. С. рассматривает развитие философии и культуры в Мексике и Лат. Америке как духовный процесс, не связанный с условиями классовой борьбы. Особенности развития философии С. пытается найти лишь в психологич. и культурных чертах народов — «Осознанность и возможность мексиканского духа» («Conciencia y posibilidad de lo mexicano», Mex., 1952), «Человеческое сознание в философии» («La conciencia del hombre en la filosofia», Mex., 1953), «Вокруг американской философии» («En torno a una filosofia americana», Mex., 1945).

Соч.: Superbus philosophus, Mex., 1942; El positivismo en Mexico, Mex., 1943; Apogeo y decadencia del positivismo en Mexico, Mex., 1944; Ensayos sobre filosofia en la historia..., Mex., 1948; Dos etapas del pensamiento en Hispano-America, Mex., 1949; La filosofia en Mexico, t. 1—2, Mex., 1955; Esquema para una historia de las ideas en Iberoamerica, Mex., 1956. Лит.: Романиелли П., La formacion de la mentalidad mexicana..., Mex., 1954; Villegas A., La filosofia de lo mexicano, B. Aires, 1960. Р. Бургеме. Москва.

СЕВЕРЦОВ, Алексей Николаевич [17(29) ноября 1866—19 дек. 1936] — сов. биолог, автор ряда теоретич. обобщений в области *эволюционной теории*. Сын Николая Алексеевича Северцова, одного из первых рус. дарвинистов. Учился в Моск. ун-те (1886—90). Проф. Юрьевского (Тартуского) (1898—1902), Киевского (1902—11) и Моск. (1911—30) ун-тов. Акад. АН СССР (с 1920). Первые работы С. были посвящены спец. вопросам сравнит. анатомии и эмбриологии. Критика, к-рой подвергся в то время *биогенетический закон*, направила интересы С. в сторону теоретич. анализа его состоятельности как источника изучения филогенетич. процессов («Эволюция и эмбриология», М., 1910; «Этюды по теории эволюции», К., 1912). На основании этого анализа, подкрепленного сравнительно-эмбриологич. исследованиями, С. формулирует теорию филэмбриогенеза, являющуюся развитием идей, высказанных еще Ф. Мюллером (1864). По этой теории возникновение новых эволюц. признаков осуществляется путем изменений, происходящих в эмбрион. периоде. Эти изменения бывают по С. трёх типов (или модусов): анаболии (надставки к конечным этапам развития), девации (изменения на промежуточных этапах развития) и архаллаксисы (изменения в нач. этапах развития). Рекапитуляция (повторение) признаков предков в эмбрион. развитии потомков наблюдается лишь при анаболиях, частичная — при девациях, и вовсе не наблюдается при архаллаксисах. Многочисленные сравнительно-анатомич. и эмбриологич. исследования эволюции низших позвоночных (1916—25) позволили С. сформулировать в дальнейшем морфобиологич. теорию эволюции, по к-рой биологич. прогресс, обеспечивающий процветание вида, может достигаться тремя различными путями: ароморфозами (морфобиологич. переходами всей организации вида на новую ступень), идиоадаптациями (приспособит. изменениями отд. признаков вида, без общего повышения уровня организации) и общей дегенерацией (упрощением всей организации вида, обеспечивающим, однако, повышение его приспособит. возможностей) — «Гл. направления эволюц. процесса», М., 1925; «Morphologische Gesetzmässigkeiten der Evolution», Jena, 1931. В позднейших работах С. детально рассмотрел принципы преобразования органов, прибавив к ранее известным ряд новых способов эволюц. изменений

формы и функции органов (1930—35). Свое завершение идеи С. получили в его последнем труде «Морфологич. закономерности эволюции», опубликованном уже посмертно (1939). Теории С. обосновываются также в работах его многочисл. учеников и последователей, претендующих на создание особой науки — эволюционной морфологии. С. признавал, что его теории не затрагивают вопросов о причинах и факторах эволюции, а освещают лишь конкретные пути и способы филогенетич. изменений. Тем не менее критика, к-рой было подвергнуто учение С. в 1950-х гг. якобы с позиций мичуринского учения, была лишена оснований и явилась одним из порождений культа личности.

Соч.: Собр. соч., т. 1—5, М.—Л., 1945—50 (в 1 т. имеется библиограф. указатель А. Н. С.).

Лит.: Матвеев Б. С., Дружинин А. Н., Жизнь и творчество А. Н. С., в сб.: Памяти акад. А. Н. Северцова, т. 1, М.—Л., 1939; Северцова Л. Б., А. Н. Северцов. Биографич. очерк, М.—Л., 1946; Касьяненко В. Г., А. Н. Северцов, К., 1951; Матвеев Б. С., А. Н. С., в сб.: Люди рус. науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Биология, медицина, с.-х. науки, М., 1963. А. Гайсинович. Москва.

СЕКВЕНЦИЙ ИСЧИСЛЕНИЕ (от лат. sequentia — последовательность) — введенная в рассмотрение нем. математиком Г. Генценом (1934—35) разновидность понятия формальной системы (*исчисления*). В отличие от наиболее распространенного типа «гильбертовских» формальных систем, в системах генценовского типа осн. объектами, к-рым прилагаются правила преобразования (вывода), являются не формулы, а т. н. с е к в е н ц и и, т. е. нары конечных (в частном случае — пустых) последовательностей формул, соединенных знаком \rightarrow , формальные свойства к-рого аналогичны свойствам знака выводимости \vdash , играющего осн. роль в *натуральных исчислениях* (также введенных Генценом в той же работе). Часть A_1, \dots, A_l секвенции $A_1, \dots, A_l \rightarrow B_1, \dots, B_m$ наз. ее антецедентом, B_1, \dots, B_m — сукцедентом. При $l, m \geq 1$ секвенция $A_1, \dots, A_l \rightarrow B_1, \dots, B_m$ интерпретируется в С. и. так же, как формула $A_1 \& \dots \& A_l \supset B_1 \vee \dots \vee B_m$ в системах гильбертовского типа, секвенция с пустым антецедентом интерпретируется как истина, а секвенция с пустым сукцедентом — как ложь (и, следовательно, секвенция \rightarrow — как *противоречие*). С. и. дает возможность непосредств. построения разрешающих *алгоритмов* для тех (под) систем логич. и логико-математич. исчислений, для к-рых вообще такой алгоритм возможен (см. *Разрешения проблемы*) и служит основой для всех известных в наст. время алгоритмов выводимости. Этим объясняется чрезвычайно важное значение С. п. для интенсивно ведущихся сейчас работ по машинному поиску логич. вывода, являющихся наиболее существ. примером *моделирования* «творческой» деятельности человека (см. *Эвристика*). Из других приложений С. и. в первую очередь следует упомянуть о полученных самим Генценом и другими учеными (П. С. Новиков, К. Шютте, В. Аккерман и др.) доказательствах *непротиворечивости* различных арифметических формальных систем, обходящих в известном смысле трудности, обусловленные теоремой К. Гёделя о неполноте арифметики (см. *Метатеория, Полнота*).

Лит.: Клини С. К., Введение в метаматематику, пер. с англ., М., 1957, § 20, 23, 77—81; Gentzen G., Untersuchungen über das logische Schliessen, «Math. Z.», 1934, Bd 39.

СЕКСТ ЭМПИРИК (Sextus Empiricus) (конец 2 — нач. 3 вв.) — античный философ, врач и астроном. Представитель античного *скептицизма*; последователь *Пиррона*. В соч. «Против математиков» (термин «математик» обозначал ученого вообще) С. э. подверг критике грамматику, риторику, геометрию, арифметику, астрономию, теорию музыки, а также нек-рые логич., физич. и этич. учения. Следуя *Карнеиду*, С. Э. критиковал понятие бога и все религ. верования вообще.

Характеризуя свою филос. позицию, С. Э. отмежевался как от догматиков, развивавших то или иное филос. учение в качестве законченной системы, так и от агностиков, отрицавших возможность адекватного познания мира. По С. Э., скептик ничего не утверждает и ничего не отрицает (в аподиктическом смысле), он — «ищущий».

В соч. «Пирроновы положения» С. Э., как и Пиррон, считал целью философии достижение душевного спокойствия и вытекающего отсюда личного счастья, полагал, что именно скептич. отношение ко всему в теории и практике служит достижению этой цели.

С. Э. оказал влияние на *Монтеня*, *Ла мот-Левайе*, *Бейля* и др. скептиков нового времени.

У С. Э. можно выявить уже зачатки *вероятностной логики*, явившейся исторически первой формой, в к-рой вызревали идеи и методы математич. теории вероятности. С. Э. исходил из идей Карнеада о степенях правдоподобного рассуждения. В этой связи он различал: (1) просто вероятные утверждения, (2) вероятные и проверенные утверждения, (3) всесторонне подтверждаемые утверждения. В последнем случае, однако, мы, по С. Э., имеем дело с положением наибольшей вероятности, но не с аподиктич. положением. Согласно С. Э., каждое эмпирич. высказывание имеет вероятность меньше единицы. Логич. доктрину С. Э. можно рассматривать также как определенный шаг от двухзначной логики в сторону трехзначной логич. формализма.

Оппонируя стоикам, С. Э. выставлял известный аргумент бесконечности (*regressus ad infinitum*): всякое доказательство предполагает посылку, последние, в свою очередь, нуждаются в доказательстве, и т. д. Особое внимание С. Э. уделял т. н. «тролем воздержания», т. е. аргументам о невозможности существования истинных аподиктич. суждений. Он критиковал также механистич. представление о причинности, силлогизм и указывал на ненадежность индуктивных обобщений. Эти его аргументы были в дальнейшем почти буквально повторены Дж. С. Миллем.

С. Э. подробно излагал полемику внутри стоикомегарской школы по вопросу о природе логич. следования, отвергая как теорию материальной импликаци у Филона из Мегары, так и индуктивно-модальную концепцию следования у *Диодора Крона*. Его собств. понимание условных суждений проникнуто тенденцией крайнего эмпиризма.

В числе др. скептиков С. Э. требовал отказа от политики и активной обществ. деятельности, индифферентизма во всех обществ. делах, подчинения господствующим порядкам и обычаям.

В медицине С. Э. причислял себя к той эмпирич. школе, к-рая отказывалась искать причины болезней и строила врачебную науку на наблюдениях действий лекарств на человек. организм. С. Э. занимался астрологией. Соч. С. Э. являются важнейшим источником сведений об учениях древнегреч. философов. В них содержатся цитаты из утерянных соч. *Ксенофана*, *Гераклита*, *Парменида*, *Демокрита* и др.

Соч. [Opera]. Ex recensione L. Bekkeri, Berolini, 1842; [Opera]. With an English transl. by R. G. Bury, v. 1—4, L.—N. Y., 1933—49; Opera. Reconsult Hermannus Mutschmann, v. 1—3, Lipsiae, 1912—54 (в серии: Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana); в рус. пер.— Три книги Пирроновых положений, пер., предисл. и примеч. Н. В. Брюдловой-Шаскольской, СПб., 1913.

Лит.: Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 38, с. 293—97; Рихтер Р., Скептицизм в философии, пер. с нем., т. 1, СПб., 1910; История философии, т. 1, [М.], 1940; История философии, т. 1, М., 1957; MacColl N., The Greek Sceptics from Pyrrho to Sextus, L., 1869; Prentice W. P., The indicative and admonitive signs of Sextus Empiricus. A philosophical dissertation, Gött., 1858; Mates B., Stoic logic and the text of Sextus Empiricus, «Amer. J. Philology», 1949, v. 70. А. Макавельский. Баку, Н. Стяжкин. Москва.

СЕКСТИИ (Sextii), Квинт (р. ок. 70 до н. э.) и его сын Секстий — основатели небольшой и недолго

просуществовавшей школы рим. стоиков, эклектически примешивавших к своему осн. учению также и неясные для нас пифагорейско-платонич. элементы. Из этой школы вышел *Сенека*. О строгом ригоризме Квинта Секстия, доходившем до кичлив. твердости, а также об идее перевоплощения душ у некоего Сотилона, ученика Квинта Секстия, можно судить по реминисценциям из Сенеки и нек-рым изречениям из Стобея. Сборник сентенций, восходящий якобы к Квинту Секстию и имевший нек-рое распространение среди ранних христиан, согласно Целлеру, едва ли принадлежал самому Секстию и содержал в себе откровенные нудеистически-христ. монотеистич. элементы. Сенека трактовал Квинта Секстия как типичного римлянина, т. е. как принципиального и сильного человека с непоколебимым характером, противостоящего любым тревожащим жизни.

Лит.: Zeller E. d., Die Philosophie der Griechen, 5 Aufl., Tl 3, Abt. 1, Lpz., 1923, S. 699—706. А. Лосев. Москва

СЕКТАНТСТВО (лат. secta — школа, учение) — обособление религ. организаций и групп, отколовшихся от тех или иных т. н. мировых церквей и религий и оппозиционных им. Ленин писал о религ. С.: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...» (Соч., т. 4, с. 223).

Христ. С. получило широкое развитие в эпоху ср. веков как обществ. движение демократич. элементов, выступающее против господств. церкви — опоры и санкции феод. иерархии. Религ. идеологию С. отличает индивидуализм, сочетающийся в одних случаях с элементами мистич. пантеизма, в др. случаях с элементами рационализма и противостоящий авторитарному, схоластическому, внешне-обрядовому учению феод. церкви. Для периода ср. веков в странах Зап. Европы понятие о сектах идентично понятию об ересь.

Бурж. революции 16—17 вв. положили конец религ. формам революц.-демократич. движения (см. Ф. Энгельс, Юридический социализм, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 495—516). Религ. секты, возникающие в 17—19 вв., представляют собой гл. обр. организации бурж.-протестантского типа, отличающиеся от реформированных нац. церквей большим приспособлением к вкусам и чаяниям мелкой буржуазии. На смену солидарности участников религ. движений, обусловленной интересами антифеод. борьбы,шло, хотя и под демократич. покровами, господство «кляира» над «миром», а с ним догматич. нормы, обрядность и ритуал. Классовая борьба между верхами и низами порождала в С. новообразования, к-рые, в свою очередь, раскалывались теми же противоречиями и порождали новые толки. С. развивалось в неудержимом дроблении его исходных форм и их дериватов.

Наиболее ранним и влият. новообразованием, выросшим на почве протестантизма, стал баптизм (см. Баптисты), уже в 17 в. подразделившийся на неск. течений. На почве баптизма в 1-й трети 19 в. возникли адвентисты, также разветвившиеся на ряд сект, к одной из к-рых восходят иеговисты (конец 19 — нач. 20 вв.), породившие в наст. время свои течения («Церковь царства божия» и др.). В начале 20 в. возникли пятидесятники, расколовшиеся вскоре на организации «умеренных», «апостольских», «первой пятидесятницы» и др. Баптисты, адвентисты, иеговисты отличаются среди религ. С. наибольшим распространением и наличием междунар. центров.

В России в силу ее относительной обществ.-экономич. отсталости сектантские движения не совпадали по своему историч. значению с еретическими. В России антифеод. еретич. движения 14—16 вв. локализова-

лись в крупных гор. центрах, не получив отклика в массе патриархального крестьянства, к-рое выступило с широкой религ. оппозицией (т. н. раскол) лишь во 2-й пол. 17 в. с зарождением бурж. отношений в деревне. В городах передовая обществ. мысль в это время начинала переходить от еретичества к филос. свободомыслию. В расколе преобладающим течением явилось старообрядчество, к-рому по численности последователей и области распространения уступало С., доведшее оппозицию господств. церкви до отрицания самого ин-та церкви и догматич. основ православия. Социальными носителями С. во 2-й пол. 17 в. и в 18 в. были гл. обр. крестьяне, втягивавшиеся в товарно-денежные отношения. В отличие от еретич. движений 14—16 вв. в странах Зап. Европы, С. в России с самого начала не имело перспектив ни стать всеобщим крест. движением, ни сыграть роль революц. оппозиции крепостничеству, воспроизводя в новых условиях архаичную феод. форму классово-борьбы. Развитие С. как демократич. движения завершилось в основном уже в 60-е гг. 19 в.

Осн. религ. сектами в России были: христоверие (возникшее во 2-й пол. 17 в., выделившееся во 2-й пол. 18 в. скопцов и в 19 в. разветвившееся на постников, староизраильтян и новоизраильтян), *дубоходы* и *молокане*; обе секты возникли в 60-х гг. 18 в. и в 19 в., разветвились на ряд течений. Под религ. формами этих движений скрывалось отрицание угнетения человека, чему противопоставлялось построение «царства божия» на земле, этика добрых дел, равенство верующих в общинах, отказ от общеобязат. нормативов догматики и внешней обрядности. В истории этих направлений С. имели место и попытки образования производств. и производственно-бытовых коммун на уравнил. принципах. На практике в сектантских общинах развивалось социальное расслоение и во главе общин вставали предводители крест. буржуазии. Царизм и церковь подвергали С. жестоким преследованиям (массовое переселение сектантов на окраины страны — в Закавказье, на Дальний Восток, в Амурскую область, Сибирь, Якутию).

В пореформенный период (70—80 гг.) получили распространение баптисты, евангельские христиане (евангелисты), адвентисты, а в начале 20 в. появились пятидесятники. Демократические по составу рядовых участников, эти религ. направления не были таковыми по своей общественно-политич. роли и идеологии. Не социальный протест, а отчаяние «маленького человека» перед силами капитала запечатлелись в учении о *предопределении* баптизма и евангельского христианства, эсхатологич. чаяниях адвентизма, мистике пятидесятничества. Порожденные противоречиями бурж. обществ. отношений, эти секты были церквями бурж.-протестантского типа, конкурировавшими с господств. православием; общая численность их последователей накануне Окт. революции составляла не св. 250 тыс. чел. из общего числа сектантов в России ок. 1 млн. (статистика их крайне запущена).

Окт. революция и социалистич. строительство привели к глубоким переменам в состоянии религ. С. и оторвали от него мн. последователей. К исходу 30-х гг. завершился распад дореформенного С., ослабли позиции и пореформенных сект — центр. организации баптизма и пятидесятничества распались. В 1944—45 произошло объединение последователей евангельского христианства, баптизма, пятидесятничества в Союз «евангельских христиан-баптистов». Наряду с ним в наст. время существуют общины адвентистов. Сов. законодательство о культах, обеспечивая гражданам СССР полную свободу совести, запрещает деятельность таких религ. организаций, к-рые под покровом религии ведут антигос. деятельность или наносят ущерб здоровью своих последователей или,

наконец, проповедают безнравств. действия. К такому относятся, напр., неговисты, адвентисты-реформисты, пятидесятники с их расстраивающим психику «говорением на языках», скопцы, насаждающие кастрацию, и т. п.

В послевоенные годы произошло известное оживление С. в связи с нем.-фашистской оккупацией ряда территорий страны. Рост С. стимулировался активностью его проповедников в условиях, когда научно-атеистич. пропаганда в ряде мест была прекращена. Росту С. способствовали и идеол. влияния из-за рубежа.

В сов. обществе закономерным является отход от религии. Общая численность сектантов сократилась за годы Сов. власти вдвое. Значит. часть последователей совр. сект составляют люди преклонного возраста, не участвующие непосредственно в обществ.-производит. труде (домохозяйки, пенсионеры), преим. женщины. Это свидетельствует о том, что проповедники С. пользуются недостатками воспитат. работы среди тех или иных групп населения.

Лит.: Путинцев Ф. М., Политич. роль и тактика сектантов, М., 1935; Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 1, М., 1959; Клибанов А. И., С. в прошлом и настоящем, в сб.: Вопросы истории религии и атеизма, [т.] 9, М., 1961; его же, Религ. С. в наши дни, М., 1964; его же, История религ. С. в России, М., 1965. А. Клибанов, Москва.

СЕЛЗАМ (Selsam), Говард (р. 28 июня 1903) — амер. философ-марксист, д-р философии (1930). В 1964 вместе с др. прогрессивными деятелями США стал учредителем Амер. ин-та марксистских исследований. В наст. время С. — один из членов редколлегии марксистского журн. «Science and Society».

С. пропагандирует марксизм-ленинизм, отстаивает идеи мира и социализма, критикует реакц. идеологию. Работа С. «Что такое философия? Марксистское введение» («What is philosophy? A Marxist introduction», L., 1938, 3 ed., L., 1962) выдержала в США неск. изданий и переведена на мн. иностр. языки; в ней изложены основы диалект. и историч. материализма. При рассмотрении категорий материалистич. понимания истории особое внимание он уделяет анализу проблемы свободы. В кн. «Социализм и этика» («Socialism and ethics», N. Y., 1943; в рус. пер. под назв. «Марксизм и мораль», М., 1962), а также в работе «Этика и прогресс» («Ethics and progress», N. Y., 1965) С. дает марксистский анализ проблем нравственности. С. вскрывает науч. несостоятельность бурж. эмпирич. социологии, показывает реакц. характер совр. прагматизма.

Соч. в рус. пер.: Прагматизм — философия американского империализма, в сб.: Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию. Сб. переводов, М., 1955; Философия в революции, М., 1963.

Лит.: История философии, т. 6, кн. 1, М., 1965, с. 148, 162, 226—27, 484—85. В. Леонтьев, Москва.

СЕЛИВАНОВ, Владимир Иванович (р. 8 июля 1906) — сов. психолог, д-р филос. наук (с 1953). Член КПСС с 1948. Окончил Академию коммунистич. воспитания им. Крупской (1931) и аспирантуру Ин-та психологии (1938). С 1938 работает в Рязанском пед. ин-те, с 1942 — зав. кафедрой педагогики, затем — психологии. Осн. проблема изучения — воля и ее воспитание.

Соч.: Учение Спинозы об аффектах, «Уч. зап. Рязанск. гос. пед. ин-та», 1940, т. 2; Воспитание воли школьника, М., 1949, 2 изд., М., 1954; К вопросу о т. наз. произвольном поведении, в сб.: Учение И. П. Павлова и филос. вопросы психологии, М., 1952; О развитии материалистич. понимания воли в домарксовской философии, «Уч. зап. Рязанск. гос. пед. ин-та», 1956, т. 13; О побудительных силах поведения личности, «Вопр. психологии», 1957, № 3; О конкретности изучения личности сов. человека, в сб.: Вопр. психологии личности, М., 1960; Воспитание воли в процессе соединения обучения с производительным трудом, М., 1960; Волевые черты нового рабочего, в сб.: О чертах личности нового рабочего, М., 1963; Первичные сельские коллективы и их влияние на формирование личности, в кн.: Социология в СССР, т. 1, М., 1965; Труд и волевые качества личности, в кн.: Личность и труд, М., 1965.

СЕЛИМИНСКИЙ, Иван (Иордан Георгиев Христов) (1799—1867) — общественный деятель, просве-

дитель-демократ, родоначальник материалистич. традиции в Болгарии; теоретик русофильства. По образованию — врач. Мирозозрение С. складывалось под влиянием гл. обр. франц. просветителей и нем. естествоиспытателей. В Болгарии предшественником С. был Берон. С. исходил из признания объективного существования природы, вечности материи и ее законов. В теории познания С. придерживался *сенсуализма*. Задачи философии видел в том, чтобы освещать путь человека к конечной цели — счастью. В целом воззрения С. не выходили за рамки механистич. материализма.

С. выступал против клерикализма. Происхождение религии он объяснял невежеством, но считал необходимым сохранить ряд «чистых евангельских истин» в качестве моральной основы общества.

Соч.: Библиотека «Д-р Ив. Селимински», кн. 1—6, пер. П. Чалева, С., 1904—07; кн. 7—14, пер. Е. Пажевой, С., 1928—31.

Лит.: Станев Н., Д-р Ив. Селимински, С., 1935; Арнаудов М., Селимински. Живот—дело—идеи. 1799—1867, С., 1938; Андреев А., Към въпроса за мирогледа на д-р Ив. Селимински, «Философска мисъл», 1957, кн. 3; Грозев Г., Д-р Ив. Селимински. Философски, социологически, етически и педагогически възгледи, «Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет», 1961, т. 55; Кристанов Ц., Маслев С., Пенанков И., Д-р Ив. Селимински като учител, лекар и общественик, С., 1962. М. Выхаров, ВНР.

СЕЛЛЕРС, Селларс (Sellars), Рой Буд (р. 9 июля 1880) — амер. философ, проф. Мичиган. ун-та (1905—50). В начале своей деятельности примыкал к *критическому реализму*, занимая в нем близкую к материализму позицию. В дальнейшем переходит на позиции «эволюционного натурализма» — космологич. теории, признающей единств. реальность развивающуюся природу. Материализм он понимает как онтологию натурализма. Материальность мира подтверждается, по С., «нашей практической уверенностью в том, что мы можем формировать вещи и придавать им различный вид» («The Journal of Philosophy», 1943, № 8, p. 204—05). Т. о., С. вводит в свое филос. учение практику, к-рую, однако, сводит к индивидуальной деятельности человека. Теории *эммерджентной эволюции*, к сторонникам к-рой С. себя причисляет, он дает материалистич. истолкование, рассматривая мир как самодвижущуюся динамич. систему и признавая возможность предвидения и познания закономерностей возникновения новых качеств. В теории познания С. развивал «теорию соответствия»: соответствие знания и вещи состоит в том, что вещь правильно указана, обозначена и символизирована; т. о., познание оказывается обозначением, а не отражением. Осн. акт познания — восприятие, включающее, кроме ощущений, «обозначающее отнесение к объективному», превращающее восприятие в объективный «органический ответ». Теория соответствия связана также с метафизич. разграничением С. «первичных» и «вторичных» качеств: познание воспроизводит лишь механич. св-ва вещей. Т. о., теории познания С. присущи элементы *агностицизма*. В последнее время С. подходит к признанию теории отражения. Наряду с признанием важности достижений диалект. материализма, с к-рым С. познание накопилось в 40-х гг., он приходит к упрощенному толкованию диалектики, сводимой С. к динамизму (см. «Reflection on dialectical materialism», в журн.: «Philosophy and phenomenological research», 1944, v. 5, № 2, p. 175).

Развитие общества С. идеалистически связывает с развитием познания человеком мира и самого себя. Выступая против всего сверхъестественного, С., однако, защищает «религ. гуманизм» как религию этой жизни с ее проблемами и возможностями («Religion coming of age», 1928).

Соч.: Critical realism, Chi., 1916; The next step in democracy, N. Y., 1916; The essentials of logic, Boston, 1917; The essentials of philosophy, N. Y., 1917; The next step in religion, N. Y., 1918; Knowledge and its categories, в сб.: Essays in cri-

tical realism, L., 1920; Evolutionary naturalism, Chi., 1922; The principles and problems of philosophy, N. Y., 1926; Realism, naturalism and humanism, в сб.: Contemporary American philosophy, v. 2, L.—N. Y., [1930]; Philosophy of physical realism, N. Y., 1932; My philosophical position, «Philosophy and phenomenological research», 1955, v. 16, № 1; Panpsychism or evolutionary materialism, «Philos. Sci.», 1960, v. 27, № 4; Три ступени материализма, «ВФ», 1962, № 8.

Лит.: Богомолов А. С., Эволюционный натурализм Р. В. Селлеса и диалектический материализм, «ВФ», 1959, № 3; его же, Идея развития в бурж. философии XIX и XX вв., М., 1962, с. 336—62; его же, Р. В. С. о материалистич. теории познания, «ВФ», 1962, № 8.

А. Богомолов, Москва.

СЕМАНТИКА в л о г и к е (греч. *σημαντικός* — означающий, от *σημαίνω* — означаю) — отдел логики, изучающий значения понятий и суждений, в особенности при записи их в виде выражений т. н. формальных систем (см. *Синтаксис* в логике). К задачам С. относятся прежде всего уточнение таких общелогич. понятий, «как «смысл», «соответствие», «предмет», «множество», «логическое следование», «интерпретация» и т. п. Важное место в С. занимают вопросы различия между объемом понятия и содержанием понятия, между значением истинности суждения и смыслом суждения. Свойства, связанные с объемом понятия и значением истинности суждения, наз. э к с т е н ц и я м и, а свойства, связанные с содержанием понятия и смыслом суждения, — и н т е н ц и о н а л ь н ы м и. Так, суждения «дважды два четыре» и «Волга впадает в Каспийское море», равносильные экстенционально (их значения истинности совпадают), различаются интенционально (они имеют разные смыслы).

Точный смысл проблемы С. приобретают в связи с построением и изучением формальных систем. При исследовании к.-л. формальной системы семантич. проблемы возникают тогда, когда система получает *интерпретацию*, т. е. постигается как отображающая нек-рую содержательную теорию или раздел науки, в силу чего приобретают значение (смысл) выражения данной системы. Сама система в этом случае наз. с е м а н т и ч е с к о й, или интерпретированной. При изучении формальных систем объектом С. являются общие вопросы соотношения между формальной системой и ее интерпретациями. Т. о., в С. изучаются такие проблемы, как проблема истины (соответствие формул или предложений семантич. системы «положению вещей» в изображаемой области), проблемы, связанные с соотношением знака и обозначаемого, проблема определения смысла выражений системы и т. п. С. при этом не может быть оторвана от синтаксиса, к-рой она естественно дополняет. (Существуют вопросы, являющиеся одновременно и синтаксическими и семантическими. Так, напр., одно из определений *полноты* формальной системы состоит в том, что система полна, если добавление к ее аксиомам формулы, не являющейся теоремой, делает систему противоречивой; само это определение имеет синтаксич. характер, однако существование используемое в нем понятие *непротиворечивости* может определяться и семантически). Но, в отличие от синтаксиса, С. рассматривает выражения формальных систем не просто как таковые, а как записи суждений и понятий. Запись нек-рого понятия (для простоты, единичного) может считаться именем предмета, составляющего объем этого понятия. Т. о., возникает трехчленное соответствие (называемое часто «основным семантич. треугольником») между предметом, содержанием понятия и именем. Чтобы подчеркнуть отношение первого и второго членов к третьему, их называют предметом (или денотатом) имени и концептом имени. Так, у имен «А. С. Пушкин» и «автор „Евгения Онегина“» одинаковые предметы, но разные концепты.

Многие важные проблемы логич. С. являются традиционными. Однако традиц. идеи (в особенности гре-

ческих и ср.-век. авторов) получили более или менее полное объяснение и развитие только в конце 19—нач. 20 вв. в работах Г. Фреге, Б. Рассела и логиков львовско-варшавской школы. А. Тарский заложил основы систематич. построения совр. логич. С. (1929), к-рую он продолжал развивать в своих позднейших работах. Осн. внимание Тарский уделяет анализу семантич. понятий («истина», «определение», «выполнимость», «обозначение» и др.) и выяснению возможности их определения. По Тарскому, семантич. понятия могут быть определены только для формализованных языков, т. е. языков, построенных как нек-рое (интерпретированное) *логическое исчисление*. Для того же, чтобы определить семантич. понятия для неформализованных, в т. ч. естеств., языков, необходимо построить формализованные языки, служащие приближениями к данному языку. Как показал Тарский, попытка определения семантич. понятий, в частности понятия истины, в системе того языка, в к-ром они фигурируют, с неизбежностью приводит к возникновению *парадоксов семантических* типа парадокса «Лжец». Поэтому для определения семантич. понятий, помимо исследуемого, или объектного, языка, должен вводиться *метаязык*, на к-ром должно вестись рассуждение об определяемых его средствами семантич. понятиях объектного языка. Работы Тарского оказали влияние на Р. Карнапа, к-рый создал наиболее развитую систему С. в серии работ под общим названием «Исследования по семантике» («Studies in semantics», 1942—47). Взглядам Карнапа и Тарского противопоставляет свою позицию У. Куайн. То, что обычно понимается под С., он делит на две части: теорию смысла и теорию обозначения. Первую характеризуют такие понятия, как «смысл», «синонимия» (см. *Синонимия*), «осмысленность», «следование». Вторую — понятия «обозначение», «наименование», «истина». По мнению Куайна, эти две дисциплины настолько отличаются друг от друга, что целесообразно объединять их под общим названием С. Более или менее развитой из них Куайн считает теорию обозначения, к к-рой он относит, напр., большинство работ Тарского. Дж. Кемени в работе «Новый подход к семантике» («A new approach to semantics», «T. J. Symbolic Logic», 1956, v. 21, № 1—2) предложил новую систему формализованной С. Он строит формализованный язык, в к-ром определяются понятия «модели» и «интерпретации». На основе понятия интерпретации Кемени вводит различие аналитич. и синтетич. высказываний: аналитическое имеет место во всех интерпретациях данного исчисления, тогда как синтетическое имеет место лишь в нек-рой данной интерпретации. В соответствии с этим понятия, определяемые в терминах всех интерпретаций, относятся к тому, что Куайн назвал теорией смысла, а понятия, определяемые в терминах одной интерпретации, — к теории обозначения. См. также *Семантика*.

Лит.: Ф и н н В. К., О некоторых семантических понятиях для простых языков, в сб.: Логическая структура науч. знания, М., 1965; С м и р н о в а Е. Д., Формализованные языки и логическая форма, там же; A j d u k i e w i c z K., Sprache und Sinn, «Erkenntnis», 1934, Bd 4, [H. 2]; Church A., Carnap's «Introduction to semantics», «The Philosophical Review», 1943, v. 11 (52), № 3; L i n s k y L. le d., Semantics and the philosophy of language, Urbana, 1952; Frege G., Translations from the philosophical writings, Oxf., 1952.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ — уточнение понятия «информации» с т. зр. ее *смысла* (значения, содержания — см. *Семантика*), целью к-рого является в известном смысле адекватное приписывание количеств. меры «качественным» семантич. характеристикам сообщений (предложений, высказываний). См. *Теория информации*.

СЕМЕНОВ, Вадим Сергеевич (р. 1 янв. 1927) — советский философ, д-р филос. наук (с 1964). Чл. КПСС с 1953. Окончил Моск. ин-т междунар. отношений

(1949). С 1958 — в Ин-те философии АН СССР; область науч. исследований — проблемы развития социальных отношений и классовой структуры в СССР и странах капитализма, вопросы науч. коммунизма, критика бурж. социологии.

С о ч.: Миф о «средних классах» и капиталистич. действительность, «ВФ», 1957, № 5; Антинауч. теории о классах и классовой борьбе в совр. бурж. социологии, «Коммунист», 1958, № 3; Проблема классов и классовой борьбы в совр. бурж. социологии, М., 1959; Теории социальной структуры капитализма, в сб.: Историч. материализм и социальная философия совр. буржуазии, М., 1960; Росту и проблема войны и мира; Теоретич. банкротство концепции У. Ростоу, «Мировая экономика и междунар. отношения», 1961, № 7; Нарастание классовой борьбы в странах капитала, в кн.: Великая хартия коммунистич. и рабочих партий, М., 1961; Классы и классовая борьба в совр. бурж. обществе, М., 1961; На пути к бесклассовому обществу, «Коммунист», 1962, № 1; Миф о «тождественности» капитализма и социализма, в кн.: Новейшие приемы защиты старого мира, М., 1962; На V Всемирном социалистич. конгрессе, «ВФ», 1962, № 11; Преобразование в рабочем классе и интеллигенции в процессе перехода к коммунизму, в кн.: От социализма к коммунизму, М., 1962; Марксистская и бурж. социология о путях совр. обществ. развития, в кн.: Марксистская и бурж. социология сегодня, М., 1964; Проблема сближения города и деревни, там же; О партии и интеллигенции в Сов. Союзе, там же; Советская власть — власть трудящихся, в кн.: Социализм и народовластие, М., 1965; Движение человечества к коммунизму и бурж. концепция «единого индустр. общества», «ВФ», 1965, № 5 (соавтор); Социальная структура сов. общества, «Коммунист», 1965, № 11; К обществу без классов, М., 1965; Классы и классовая борьба, в кн.: Советская историч. энциклопедия, т. 7, М., 1965; Рабочий класс и его роль в строительстве коммунизма, в кн.: Строительство коммунизма и развитие обществ. отношений, М., 1966; Интеллигенция и служащие в условиях строительства коммунизма, там же.

СЕМЕНОВ, Юрий Иванович (р. 5 сент. 1929) — сов. философ, кандидат филос. наук (с 1956), д-р историч. наук (с 1963), зав. кафедрой философии Рязанского мед. ин-та (с 1962). Член КПСС с 1950. Окончил историч. ф-т Красноярского пед. ин-та (1951). С 1952 преподает философию в вузах. Работает преимущественно над вопросами теории познания, историч. материализма, истории первобытного общества, этнографии.

С о ч.: Возникновение и осн. этапы развития труда, «Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та», 1956, т. 6; К вопросу о первой форме классового общества, там же, 1957, т. 9, вып. 1; Материальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных, там же, 1958, т. 12, вып. 2; Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных, там же; В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма, Красноярск, 1958; К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества, «Сов. антропология», 1958, т. 2, № 4; К вопросу о причине матрильности первоначального рода, «Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та», 1958, т. 13, вып. 2; Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и совр. данные этнографии, «ВФ», 1959, № 7; Правда о сектанстве и сектантах, [Красноярск], 1959; О месте «классических» неандертальцев в человеческой эволюции, «Вопр. антропологии», 1960, вып. 3; В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад», «Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та», 1960, т. 18; В. И. Ленин о творческом характере человеческого познания, там же; Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962; О корнях религии и философского идеализма, в кн.: Философские записки (Труды методологич. семинара), Красноярск, 1962; К постановке психофизиологической проблемы, «Сб. научн. тр. Рязанск. мед. ин-та», 1964, т. 20.

СЕМЕНОВ, Юрий Николаевич (р. 26 июля 1925) — советский философ, доктор философских наук. Член КПСС с 1953. Окончил Московский институт международных отношений (1948). В 1951 — преподаватель философии в том же институте, с 1963 — старший научный сотрудник Института философии АН СССР. Работает в области современной буржуазной политической и социальной философии (прежде всего США и Англии).

С о ч.: Фашистская геополитика на службе амер. империализма, 2 изд., [М.], 1952; Обществ. прогресс и социальная философия совр. буржуазии, М., 1965.

СЕМИОТИКА (от греч. *σημείον* — знак) — комплекс науч. теорий, изучающих свойства знаков в их системах, т. е. систем, объектов (конкретных или абстрактных) — они наз. **знаками**, — каж-

дому из к-рых определен. образом сопоставлено нек-рое значение (также могущее быть — для различных знаковых систем и при различном истолковании значений знаков — как конкретным физич. объектом, так и абстрактным понятием). Знаковыми системами являются естественные (разговорные) языки, системы предложенной науч. теорий, искусств. языки (в т. ч. формализованные и частично формализованные естеств.-науч. языки, напр. интерпретированные логич. и математич. исчисления, химич. символика, алгоритмич. язык и язык программирования, иформац. языки), системы сигнализации в человек. обществе и животном мире (от азбуки Морзе и системы знаков уличного движения до «языка» пчел или дельфинов), системы состояний и входных и выходных сигналов различных машин и автоматов (в широком понимании, включая аналоговые и цифровые вычислит. машины и абстрактные «машины», напр. «машины Тьюринга», см. *Алгоритм*) и т. д. При определ. условиях в качестве знаковых систем могут рассматриваться языки и образы, иск-ва и музыки, всевозможные машины-орудия и станки, физич. схемы и приборы и вообще любые устройства, рассматриваемые как «черные ящики», вплоть до живых организмов и отд. их частей и систем (напр., человек. мозг), наконец, производств. и социальные объединения (коллективы).

Соединение в рамках С. столь широкого круга объектов изучения связано с фиксацией внимания на определенном их аспекте — на рассмотрении их именно как систем знаков, в конечном счете служащих (или могущих служить) для выражения нек-рого содержания. Естественность такого подхода определяется всем развитием науки, в ходе к-рого устанавливается все большее число общих для различных знаковых систем закономерностей (см. *Изоморфизм*). Семиотич. идеи развились прежде всего в логике и математике (*Лейбниц*) и в лингвистике (Ф. де *Соссюр*). Осн. принципы С. как единой науки были сформулированы Ч. *Персом* и развиты в работах Ч. *Морриса*, Р. *Карнапа*, логиков *Львовско-варшавской школы* (особенно А. *Тарского*) и др. (Родственные семиотич. подходу идеи проявились также в *сигнифике*.) В наст. время естественнее говорить о С. не как сложившейся единой науке, а скорее о семиотич. проблемах, о семиотическом (связанном с выделением знаковых систем в качестве особого объекта изучения в данной области знания или практики) подходе к исследованию различных объектов; осн. фактич. материал, полученный к наст. времени в семиотич. исследованиях, относится к *математической логике* (теория логич. и логико-математич. исчислений и их интерпретаций) и *лингвистике математической* (построение и изучение т. н. моделей языка в работах Н. Хомского, И. Бар-Хиллела и др.).

Знаковые системы осуществляют ряд важных функций познавательного, социального и технико-прикладного характера, в частности: функцию передачи выражаемого знаками сообщения, особенно функцию выражения *смысла* (значения); функцию общения (обеспечения взаимопонимания между людьми в социальных коллективах, волевого и эмоц. воздействия и т. п.); познават. функцию, связанную с приобретением новых знаний и др. Семиотич. проблематика обычно рассматривается в трех осн. аспектах, соответствующих трем осн. разделам (или уровням) С. Они являются: 1) *синтактика*, изучающая *синтаксис* различных знаковых систем, т. е. структуру сочетаний знаков и правила их образования и преобразования безотносительно к их значениям и к-л. функциям знаковых систем, т. е. рассматривающая последние как неинтерпретированные системы объектов; 2) *семантика*, изучающая знаковые системы как средства выражения смысла, осн. предметом к-рой

являются *интерпретации* знаков и знаковосочетаний; 3) и *прагматика*, изучающая отношение знаковых систем к тем, кто их использует (к «приемникам-интерпретаторам» сообщений). Свообразие С. как комплексного науч. направления, как определ. подхода к изучению систем различной природы (проявляющееся, напр., в непозбежных «кругах», получающихся при попытках точно определить ее отношение к математич. логике, математич. лингвистике и кибернетике) отражается и на приведенной выше классификации разделов С. Так, синтаксич. и семантич. аспекты изучения знаковых систем обычно относят к *металогике* (см. также *Метатеория*), причем *логическая семантика* выросла уже в самостоят. дисциплину (иногда даже не связываемую непосредственно с С.), а, напр., прагматич. функция знаков, согласно исследованиям Р. М. Мартина, в значит. степени может быть выражена синтаксическими и семантическими средствами.

Специфика семиотич. проблематики, выделение ее в самостоятельный и целостный предмет исследования и ее гносеологич. значение обусловлены в значит. мере тем, что С. трактует различные знаковые системы как *модели* определ. фрагментов внешнего мира, строящиеся в ходе познания и практич. деятельности людей. В связи с этим особое значение приобретают проблемы *прагматики*, выходящие за рамки (мета)логич. исследований. Примером может служить кибернетич. проблема соотношения возможностей человека и машины и роли человека в системах типа «автомат—человек», прагматич. аспект к-рой находится в центре внимания широкого круга наук — от гносеологии до (инженерной) *психологии*. Выделение в качестве предмета исследования нек-рых конкретных знаковых систем характерно для совр. нейрофизиологии, биофизики, генетики, (структурной) лингвистики, нек-рых разделов эстетики и др. наук. Прежние логико-лингвистич. рамки семиотич. подхода все более расширяются по мере его сближения с проблематикой *теории информации* и теории информац. систем, педагогики и (теоретич. и технич.) *кибернетики*. Особый методологич., конкретно-научный и практич. интерес представляют исследования естеств. и искусств. знаковых систем с т. зр. проблемы их взаимного изоморфизма (или хотя бы *гоморфизма* одной по отношению к другой) в связи с задачей *моделирования* поведения сложных биологич. систем и конструирования искусств. знаковых систем, исходящего из наличия такого изоморфизма (гоморфизма) — это наглядно проявляется, напр., в развитии бионики — вплоть до разработки спец. языков, могущих оказаться пригодными для межпланетных коммуникаций [пример — т. н. ЛИНКОС (*lingua cosmica*), разработанный голл. ученым Г. Фройденталем]. Показательно также начавшееся проникновение семиотич. идей в социологию и экономич. науку.

С филос. т. зр. процесс развития и приложения семиотич. подхода в самых различных областях вполне закономерен, т. к. знаковые системы являются важным средством познания и практич. деятельности. Развитие С. и ее приложений дает богатый материал для гносеологич. анализа роли знаков, для характеристики отношения используемых человеком знаковых систем к отображаемой им действительности. О филос. проблемах С. см. подробнее в ст. *Знак*.

Лит.: Витгенштейн Л., *Логико-философский трактат*, пер. с нем., М., 1958; Карнап Р., *Значение и необходимость*, [пер. с англ.], М., 1959; Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Москва, 1962. Тезисы докладов, М., 1962; Семиотика, в кн.: *Филос. словарь*, М., 1963; Шаф А., *Введение в семантику*, пер. с польск., М., 1963; Бир С. Т., *Кибернетика и управление производством*, пер. с англ., М., 1963; Семиотика, в кн.: *Автоматизация произ-ва и промышленная электроника*, т. 3, М., 1964; Резник в Л. О., *Гносеологич. вопросы семиотики*, Л., 1964; Иванов В. В., *Роль семиотики в кибернетич. исследовании че-*

ловека и коллектива, в сб.: *Логическая структура науч. знания*, М., 1965; Маппоугу Г., *Die signifikanten Grundlagen der Mathematik*, «Erkenntnis», 1934, Bd 4, № 4—5, S. 288—309, 317—45; Карнап Р., *The logical syntax of language*, L., 1937; его же, *Introduction to semantics*, Camb., 1932; Morris C. H., *Foundations of the theory of signs*, Chi., 1938; его же, *Signs, language and behavior*, N. Y., 1946; Curry H. B., *Language, metalanguage and formal system*, «Philos. Rev.», 1950, v. 59, № 3; Quine W. V. O., *From a logical point of view. A logical-philosophical essays*, Camb. (Mass.), 1953; Кемпелу Дж. Г., *A new approach to semantics*, «J. Symbolic Logic», 1956, v. 21, № 1—2; Тарский А., *Logic, semantics, metamathematics*, Oxf., 1956; Мартин Р. М., *Toward a systematic pragmatics*, Amst., 1959; Klaus G., *Semiotik und Erkenntnistheorie*, B., 1963; Beth E. W., *Mathematical thought. An introduction to the philosophy of mathematics*, Dordrecht, 1965. ч. 7. Ю. Гаснев. Москва.

СЕМКОВСКИЙ (Бронштейн), Семен Юльевич (р. 1882 — г. смерти неизв.) — советский социолог и философ, профессор (с 1920) Ин-та нар. х-ва, педагогики, и др. вузов Харькова. В с.-д. движении — с нач. 900-х гг. Сотрудник журн. «Луч», «Наше слово» и др. Ленин в ряде работ резко критиковал С. за оппортунизм, эклектизм в историко-филос. работах. С 1920 С. обратился к науч.-педагогич. и лит. работе. В круг его науч. интересов входили проблемы историч. материализма, теории относительности и истории философии.

Соч.: Людвиг Фейербах (1804—1872). *Очерк материалистич. философии*, X., 1922; Марксизм как предмет преподавания, [2 изд.], X., 1923; Конспект лекций по истории материализму, 3 изд., [X.], 1924; Этюды по философии марксизма, М., [1924]; Теория относительности и материализм, [X.], 1924; Что такое марксизм, 3 изд., [X.], 1925; Диалектич. материализм и принцип относительности, М.—Л., 1926.

Лит.: Ленин В. И., *Соч.*, 4 изд., мж. Справочный том, ч. 2, с. 237.

СЕМЬЯ — «...отношение между мужем и женой, родителями и детьми...» (Маркс К. и Энгельс Ф., *Соч.*, 2 изд., т. 3, с. 27), основанное на браке или кровном родстве; имеющее исторически предел. организационно социальное объединение, члены к-рого связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. С. различаются: по характеру брака — моногамные и полигамные; по составу — индивидуальные (одна брачная группа) и «неразделенные» или «составные» (две или неск. брачных групп); по характеру «семейной власти» — патриархальные, управляемые отцом или одним из братьев, матриархальные, управляемые матерью, и «демократические», предполагающие равенство супругов.

В философии примерно до сер. 19 в. С. понималась как изначальная и по своей природе моногамная ячейка общества. Рассматривая общество как разросшуюся С., философы и историки вплоть до Руссо, Кондорсе, Гердера, Фюстель де Коуланжа и в какой-то мере даже Гегеля и Конта были склонны выводить социальные отношения из семейных отношений, в частности из принципа «*patria potestas*». Такой историч. и умозр. взгляд на С. преодолевался, с одной стороны, при помощи исследования истории С., в частности брачно-семейного уклада т. н. «примитивных народов», с другой — путем изучения жизни и деятельности С. в различных социальных условиях. Оформление первого из этих направлений связано с именем швейц. историка права И. Я. Бахофена («Материнское право» — I. J. Bachofen, *Das Mutterrecht...*, Stuttg., 1861), заслугой к-рого явилось обоснование историч. изменчивости брака и С. Согласно выдвинутой им гипотезе, моногамному браку предшествовали полигамные отношения между полами, а патриархату — экономич. и правств. главенство женщин в жизни рода и С. Независимо от Бахофена к открытию материнского права пришел также шотл. ученый Мак-Леннан («Первобытный брак» — Primitive marriage, Edin., 1865).

Новое учение о С. подверглось критике в работах защитника теории патриархализма Г. Мэна («Древнее право» (H. S. Maine, *Ancient law: its connection with*

the early history of society and its relation to modern ideas, L., 1861) и «Древний закон и обычай» (Early law and custom, L., 1883). Эти работы положили начало многолетней дискуссии. Идея *патриархата* и историч. развития С. нашли поддержку и дальнейшую разработку в работах Леббока, Колера, М. Ковалевского, Л. Штериберга и др. Важнейшее значение имел труд Л. Моргана «Древнее общество» (1877, в рус. пер. — «Первобытное общество», 1900), к-рый послужил также одним из осн. источников при создании первой марксистской работы о С. — «Происхождение семьи, частной собственности и гос-ва» (1884) Энгельса.

Идея патриархализма, хотя и с признанием некоего изменения форм брачно-семейных отношений, отстаивались Э. Тайлором, К. Штарке, Э. Вестермарком, В. Шмидтом и др. Фактически к ним примыкал и К. Каутский («Возникновение брака»), выступивший с критикой осн. выводов Моргана и Энгельса.

Наиболее важным результатом всемирной дискуссии было установление многообразия историч. форм брачно-семейных отношений и зависимости их от конкретно-историч. условий.

Однако в бурж. науке это было связано с отказом от поисков к.-л. закономерности («однолинейности») развития С. и сведении его лишь к смене моногамных форм. Эти тенденции наиболее ярко проявились у Р. Торвальда и предшественников *культурно-исторической школы* (Ф. Гребнер, В. Аккерман, У. Фой, В. Шмидт). Мн. работы бурж. ученых по истории С. содержат ценный фактич. материал, но сравнительно мало дают для его осмысления.

Другой путь преодоления неисторич. и умозрительного взгляда на С. связан с именами *Дюркгейма* («Введение в социологию семьи» — Introduction à la sociologie de la famille, «Annales de la Faculté de lettres de Bordeaux», 1888), *Ле Пле* («Европейские рабочие» — Les ouvriers européens, P., 1855), Энгеля («Исследование семейных бюджетов» — Das Rechnungsbuch der Hausfrau und seine Bedeutung im Wirtschaftsleben der Nation, B., 1884). Дюркгейм сформулировал закон «контракции» (сжатия) С. от обширного круга родственников до т. н. «супружеской» С. Правильный для нек-рых этапов истории С., этот закон не имеет, однако, как показали более поздние исследования, всеобщего характера. Ле Пле первый предпринял конкретно-социологич. изучение С. Энгельс сформулировал закон зависимости между доходами С. и ее расходами на предметы первой необходимости.

Совр. бурж. социология С., выделившаяся в самостоятельную область, включает как общетеоретические, так и узкоспец. знания о С. Наибольшее число социологов С. работает в области прикладной социологии С. В соответствии с выдвинутой амер. социологом *Кули* теорией большинство социологов С. рассматривает ее как «первичную группу особого рода». Влияние С. формирует личность в целом, тогда как «вторичные группы» (социальные союзы в широком смысле) воздействуют на нее лишь в определ. аспектах. В работах бурж. социологов исследуется тенденция к дезинтеграции С. и связанная с ней тенденция к «функциональной редукции» С., сведению ее деятельности к «чистой семейным» обязанностям, «уход семьи в себя», а с другой стороны — ее дезорганизация (*Кинг*, *Шельский* и др.). Для бурж. социологии С. в целом характерен разрыв социологического и этического, научного и ценностного аспектов исследования С.

Марксизм рассматривает С. как социальное явление, к-рое включает в себя как личные, так и групповые отношения (между членами С., принадлежащими к одному полу, брачному союзу, поколению). Каждое из этих отношений в свою очередь имеет материальную и духовную стороны. К материальным семейным отношениям относятся, во-первых, отношения, обус-

ловленные биологич. необходимостью («отношения детопроизводства»), во-вторых, экономич. отношения, к-рые могут иметь характер непосредственно производств. отношений (напр., в С. крестьян и ремесленников), накопления и передачи по наследству частной собственности или, наконец, разделения труда в домашнем хозяйстве. Диапазон духовных отношений в С. определяется как степенью развития духовной жизни общества в целом, так и степенью зрелости и дифференцированности индивидуального сознания членов С. Гл. содержание духовных отношений в С. составляют моральные связи между членами С., основанные на чувствах любви, родства, взаимной привязанности, ответственности, долга, семейной чести и достоинства. С. является в то же время социальным институтом, осуществляющим в обществе определ. функции. Одни из них присущи С. по самой ее сути (упорядочение сексуальных отношений, рождение и воспитание детей). Другие присущи лишь отд. историч. формам С. (организация производства, ведение домашнего хозяйства и др.).

В силу многогранности семейных отношений на них оказывает воздействие множество как социальных, так и биологич. факторов. Среди них гл. значение принадлежит способу произ-ва, к-рый влияет на С. как непосредственно, так и опосредствованно. Можно предположить, что в *первобытнообщинной* *формации* начальное социальное регулирование отношений между полами было лишь негативным: общество преследовало браки, угрожающие его целостности. Связанная с этим система запретов приводила к отрицанию (в принципе) сколь-либо длительных персональных нрав мужичны и женщины друг на друга, а также к попыткам вынести сексуальную жизнь вообще за рамки данного сообщества, что нашло свое выражение в экзогамии. Условия жизни не способствовали возникновению у людей потребности в индивидуальной половой любви. Главная тенденция развития С. в первобытную эпоху состояла «... в непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21, с. 51). На конечном этапе развития первобытнообщинной формации господствующим стал парный брак — легко расторгаемое моногамное сожительство мужичны и женщины. С переходом к рабовладельч. формации гл. целью брачного союза стало увеличение богатства и обеспечение условий его наследования. Поскольку самым важным из них являлась бесспорность происхождения наследника от определ. отца, жена была отдана под безусловную власть мужа. Перед мужчинами же открылись новые возможности многоженства (наложничество рабынь, гетеризм, проституция). С наибольшей полнотой это проявилось в странах мусульманского Востока, где многоженство стало законной формой брака. В Европе развитие данной тенденции останавливалось на патриархальной С., к-рую Энгельс определяет как «промежуточную форму» между многоженством и моногамией. Она включала в себя как родственников, потомков одного отца с их женами и детьми, так и домашних рабов, в т. ч. наложниц (лат. «familia» означает совокупность принадлежащих одному человеку рабов). Патриархальная С. являлась одновременно производств. объединением и могла достигать несколько сот человек. В классич. виде она существовала на первых этапах рабовладельч. формации, но различные ее модификации сохранились у многих народов и при феодализме. С ростом рабовладельч. произ-ва возникла тенденция его обособления от домашнего х-ва, что вместе с развитием свободного ремесла и колоната способствовало становлению

у соответствующих групп населения моногамной формы С. Однако устранение многоженства внутри семейной общины сопровождалось быстрым ростом проституции и адюльтера.

С переходом к феодализму «... моногамия, развившаяся на развалинах римского мира, в процессе смешения народов, облекла владычество мужчин в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, чем когда-либо знала классическая древность» (там же, с. 72). Распространение «мировых религий», прежде всего христианства, усилило идеол. узы, скрепляющие С. Господствующий класс, освобожденный от экономич. и хоз. забот, достиг такой стадии духовного и нравств. развития, при к-рой могли появиться «рыцарское отношение к женщине» и «рыцарская любовь». Но поскольку частная собственность оставалась основой брачно-семейных отношений, эти ценности возникли не в браке, а вне его, как его антиподы, и лишь усилили противоречия моногамной С. Противоречие между экономич. целями собственнич. моногамии и избирательностью полового влечения, к-рая наиболее сильно проявляет себя в чувстве любви.

Капиталистич. индустриализация разрушила — по крайней мере в городах — характерную для феодализма связь между жизнью С. и производством и из всех экономич. функций оставила у С. лишь функцию организации потребления и быта.

Большинство С. стало включать лишь супругов и их детей (нуклеарная семья), а семейные отношения приобрели более демократич. характер. Женщины получили широкий доступ к работе на пром. предприятиях и в обслуживающих учреждениях. Это обеспечило их известную экономич. самостоятельность и независимость от мужчин. Под влиянием прогрессивных обществ. сил женщинам во многих странах были предоставлены гражд. права, в т. ч. право на развод. Вырос общий образовательный и культурный уровень населения, унало влияние религии. Среди классов и социальных групп, непосредственно не связанных с частной собственностью, брак из экономич. института все больше превращался в морально-правовой союз мужчины и женщины, основанный на любви и личном выборе. Произошло известное перераспределение и выравнивание обязанностей мужа и жены в С. Развитие муниципальной системы бытового обслуживания, досуга, детских учреждений позволило С. полностью или частично освободиться от ряда прежних обязанностей (т. н. «редукция функций» С.). В связи с этим С. все больше сосредоточивалась на своей внутр. жизни, возрастала роль внутрисемейных отношений в обеспечении стабильности и прочности группы. Ослабление контроля обществ. мнения в результате урбанизации, а также влияния экономич., правовых и религ. уз, скреплявших прежнюю С., резко увеличило «нагрузку» на моральные узы.

Противоречия капитализма стимулируют отчуждение между С. и обществом. Закономерное сосредоточение на своих внутренних, чисто семейных проблемах принимает форму «самоизоляции» С. В то же время возрастают возможности внутрисемейных коллизий и уменьшаются шансы их урегулирования без ущерба для единства С. Все это ведет к неустойчивости С., росту количества разводов. Напр., в США в 1890 один развод приходился на 16 браков, в 1911 — на 11, в 1920 — на 6 браков, в 1940 — на 5 браков, в наст. время — на 4 брака. «Теперь семью чаще разрушает развод, чем смерть супругов» (Rose A., *Sociology*, N. Y., 1954, p. 152). Увеличивается и количество неофициальных разводов — «дезертирств» (гл. обр. мужчин). В США оно достигло ок. 50 тыс.

в год (см. «Problems of Family Life and How to meet them», N. Y., 1956, p. 158).

Хотя проституция во многих бурж. странах официально запрещена, она продолжает расти, сопровождаясь общим ростом половой распущенности. Т. о., в капиталистич. обществе действуют две противоречивые тенденции изменения С.: ее обновление, «реконструкция» на основе пром. и культурного прогресса и дезорганизация.

В результате социалистич. преобразований семейные отношения освобождаются от власти частной собственности и связанных с ней социальных установлений (собственнич. права, церкви, классовых, сословных и нац. предрассудков и т. д.). Уничтожаются формы дискриминации женщин, существующие в бурж. обществе. Социалистич. С. единобрачна по своей сущности. Коммунистич. идеалом отношений между полами является «гражданский брак с любовью» (см. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 35, с. 140). Социалистич. С. продолжает ту линию развития брачно-семейных отношений, к-рая представлена при капитализме тенденцией к их обновлению и реконструкции. Подавляющее большинство браков в СССР заключается не по экономич. расчету или родительскому принуждению, а по личному выбору будущих супругов. Внутрисемейная организация характеризуется равноправием супругов.

Гл. сферой деятельности С. при социализме является обеспечение потребностей мужчины и женщины в супружестве, отцовстве, материнстве и воспитании детей. Функция накопления частной собственности отмирает уже в ходе социалистич. преобразований, а хозяйственно-бытовая функция осуществляется не как цель, а как условие семейной жизни. Существенно изменяется и характер взаимоотношений между С. и обществом, гос-вом, происходит повышение социальной активности С.

Однако далеко не все С. в социалистич. странах полностью свободны от пережитков прошлого. Кроме того, семейные отношения в этих странах были в значит. мере дезорганизованы войной и ее последствиями. Значит. влияние на семейные отношения оказывают имеющиеся еще экономические, в т. ч. жилищные, трудности. Это обуславливает сравнительно высокий процент разводов. В 1960 в СССР приходилось около 1,3 развода на 1000 жителей или 1 развод на 9 браков. Это примерно соответствует количеству разводов в гл. бурж. странах Европы.

Победа коммунизма приведет к дальнейшему развитию семейных отношений. Значительно сократится, а со временем и отомрет хозяйственно-бытовая функция С. Регистрация брака утратит юридич. характер. «Семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы» (Программа КПСС, 1961, с. 65).

В социалистич. странах получают все большее развитие конкретно-социол. исследования С. и тенденции ее развития. В СССР серьезный вклад в изучение С. внесли С. Я. Вольфон, С. Г. Струмилин, Г. М. Свердлов, Е. О. Кабо, С. М. Абрамзон, Н. А. Кисляков, В. Ю. Кручинская, А. Н. Терентьева, А. И. Вишняускайте, А. А. Луте, М. А. Бижанова и др. Ярд конкретно-социол. исследований брачно-семейных отношений проведен в др. социалистич. странах — Косовской, Мрозковой, Пиотровским — в Польше, Пешевой (Поповой) — в Болгарии, Бурич — в Югославии и др.

Важную роль сыграли марксисты, в частности сов. историки и этнографы, в изучении истории С. Исследования М. О. Косвена, С. А. Токарева, С. П. Толстова, Н. А. Бутинова, Д. А. Ольдерогге на основании новейших данных подтвердили идею историч. развития С. от неупорядоченных половых отношений (не исключавших более или менее длит. моногамного сожительства) к законной правом и морально моногамии. В работах сов. ученых получили объяснение такие сложные формы брака, как экзогамия, эндогамия и ряд др.

Лит.: Маркс К., Экономическо-философские рукописи 1844 г., в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956; Энгельс Ф., Происхождение семьи,

частной собственности и государства, в кн.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21; Ленин В. И., [Письма] Инессе Арманд 23 мая (5 июня) 1914 г. и 4 (17) янв. 1915 г., Соч., 4 изд., т. 35; Цеткин К., Из записной книжки, в сб.: Воспоминания о В. И. Ленине, [ч.] 2, М., 1957; Ковалевский М., Очерк происхождения и развития С. и собственности, СПб., 1895; Гроссе Э., Формы семьи и формы хозяйства, пер. с нем., М., 1898; Кабо Е. О., Очерки рабочего быта, т. 1, М., 1928; Вольфсон С. Я., Социология брака и С., Минск, 1929; его же, С. и брак в их истории, развития, М., 1937; Штернберг Л., С. и род у народов Сев.-Вост. Азии, М., 1939; Тейлор Э., Первообытная культура, т. 1—2, М., 1939; Струмилини С. Г., Проблемы экономики труда, М., 1957; Свердлов Г. М., Сов. семейное право, М., 1958; Село Вирятино в прошлом и настоящем, ч. 1—2, М., 1958, с. 75—95, 205—30; Абрамзон С. М. [и др.], Быт колхозников кирг. селений Дархан и Чичкан, М., 1958; Бижанова М. А., С. в колхозах Узбекистана, Таш., 1959; Кисляков Н. А., С. и брак у таджиков, М.—Л., 1959; Орлова Н. В., Вопросы брака и развода в международном частном праве, М., 1960; С. и семейный быт колхозников Прибалтики, М.—Л., 1962; Косвен М. О., Семейная община и патронимия, М., 1963; Харчев А. Г., Брак и С. в СССР. Опыт социологии, исследования, М., 1964; Тулог Е. В., Researches into the early history of mankind..., L., 3 ed., 1878; Lubbock J., The origin of civilization, L., 1870; его же, Marriage, Totemism and Religion, L.—N. Y., 1911; Starke C. N., Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung, Лж., 1888; Westermarck E., The history of human marriage, L., 1894; Kohler I., Zur Urgeschichte der Ehe. Totemismus. Gruppenhe. Mutterrecht, Stuttg., 1897; Weber M., Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung, Tübingen, 1907; Müller-Lyer T. R., Die Familie, Münch., 1924; Thurnwald R., Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnologischen Grundlagen, Bd 2, В.—Лpz., 1932; Goodsell W., A history of marriage and the family, 2nd ed., N. Y., 1945; Elmer M. C., The sociology of the family, Boston, 1945; König R., Materialien zur Soziologie der Familie, «Beiträge zur Soziologie und Sozialphilosophie», 1946, Bd 1; Zimmerman A. C. C., The family and civilization, N. Y., 1947; Flugel I. C., The psycho-analytic study of the family, L., 1950; Burgess E. W., Locke N. I., The family. From institution to companionship, 2 ed., N. Y., 1953; Baber R. E., The marriage and family, 2 ed., N. Y., 1953; Winch R. F., Selected studies in marriage and the family, N. Y., 1953; Renouveau des idées sur la famille. Ouvrage réalisé sous la dir. de R. Prigent, P., 1954; Sociologie comparée de la famille contemporaine, P., 1955; König R., Familie und Familiensoziologie, Wörterbuch der Soziologie, hrsg. von W. Bernsdorf und Fr. Bülow, Stuttg., 1955; его же, Soziologie der Familie, в сб.: Soziologie, hrsg. von Gehlen-Schelsky, Düsseldorf—Köln, 1955; Parsons T. and Bales R. F., Family, Socialisation and interaction process, L., 1956; Bossard J. H. S., The large family system, Phil., 1956; Schelsky A., Changing family structures under conditions of social and economic development, The Hague, 1958; Michel A., Famille, Industrialisation, Logement, P., 1959; Hill R., Recent world development, в кн.: Fourth world Congress of sociology, v. 2, L.—N. Y., 1959; Bell N. W., Vogel E. F., A modern introduction to the family, Toronto, 1961; Piotrowski J., Praca zawodowa kobiety a rodzina, Warsz., 1963; Coode W. J., World revolution and family patterns, Chi., 1963; его же, Women in divorce, N. Y., 1963; Комаровская М., Blue-collar marriage, N. Y., 1964.

СЕН-ВИКТОРСКАЯ ШКОЛА — богословская школа при монастыре св. Виктора в Париже, крупнейший центр реакц., ортодоксально-мистич. направления ср.-век. философии. Была основана ок. 1110 Гильомом из Шампо, представителем крайнего *реализма*, в ходе развернувшейся во Франции острой идейной борьбы с целью противодействия прогрессивному направлению ранней *схоластики* (см. также *Абеляр*). Для представителей С.-В. ш. характерна враждебность аристотелизму и рационализирующей схоластике, доходящая до крайнего ожесточения у Готье Сен-Викторского (ум. после 1180). Мистич. философия С.-В. ш. явилась продолжением мистич. идей *Августина* и *Бернара Клервоского* о сверхъестеств. озарении человек. души (illumination). Вместе с тем, не будучи в силах совсем отвергнуть познание, способности разума, игнорировать возрастающую роль логич. мышления, провозглашаемого потребностями растущих в эту пору городов, С.-В. ш., гл. обр. *Уго Сен-Викторский* и *Ришар Сен-Викторский*, в отличие от крайнего мистицизма Бернара Клервоского, пытались соединить мистику с элементами логики и выработать своеобразную мистико-схоластич. систему. Согласно ей, бог в своей сущности непознаваем, он принадлежит к истинам, стоящим выше разума, и адекватно

не может быть ни мыслим, ни определен; разуму же доступны только явления. Отсюда учение о трех ступенях познания: эмпирической, рассудочной и высшей — созерцательной, к-рым соотносуются три раздельные объекта познания: чувств. мир, духовный мир человека и бог. Только сверхъестеств. озарение может вести к постижению высшей истины. При этом спекулятивное мышление не отвергалось, но допускалось лишь как подчиненное средство при главенстве веры и экстазич. созерцания. В истолковании мифоздания как творения бога мистики-схоластики С.-В. ш. склонялись к неоплатонич. идее Августина о божеств. мыслях как первичных причинах, лежащих в основе всего сущего. Идеи С.-В. ш. оказали влияние на дальнейшее развитие ср.-век. мистич. философии.

Лит.: Вертеловский А., Зап. ср.-век. мистика и отношение ее к католичеству, вып. 1, X., 1888; Сидорова Н. А., Очерки по истории ранней гор. культуры во Франции, М., 1953; Трахтенберг О. Б., Очерки по истории зап.-европ. ср.-век. философии, М., 1957; Габулян М., Die Geschichte der scholastischen Methode, Bd 1—2, Freiburg im Breisgau, 1911; neue Ausg., Bd 1—2, В., 1956; Gilson E., History of Christian philosophy in the middle ages, [Toronto], 1955.

С. Стал. Саратов.

СЕНЕКА (точнее — Луций Анней Сенека — Lucius Annaeus Seneca) (р. ок. 4 — ум. 65) — рим. философ, представитель стоического *платонизма*, последователь греч. стоика *Посидония*. Был воспитателем имп. Нерона и занимал при нем большие гос. должности. Обвиненный в гос. измене, по приказу Нерона принужден был покончить жизнь самоубийством. Мирозрение С. крайне противоречно, в чем отразился характер эпохи, когда социальные катастрофы вызывали даже в самых высоких и глубоких умах душераздирающие противоречия и героические, хотя и бесплодные, усилия вырваться из этих противоречий. На эту противоречивость указал Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 19, с. 314).

В новое время, начиная с эпохи *Возрождения*, С. был одним из наиболее читаемых философов-моралистов. Из трех традиционных стоич. филос. дисциплин — логики, физики и этики — наибольшее значение он придавал последней. Однако невозможно свести всю совокупность филос. воззрений С. только к вопросам морали. Истолкование природы занимает у него весьма важное место. В этой области филос. учение С. — своеобразный язык. *пантеизм* (прямое заявление об этом см. Nat. Quaest. Proleg. 13; II, 45, 3) — сформировалось под влиянием Древней Стои. Для него все телесно (Epist. 106, 4; 113, 1; 117, 2), все есть теплое дыхание, т. е. в конце концов огонь, к-рый, находясь на небе в самом чистом и тонком виде, постепенно уплотняется по мере приближения к земле, застывая и окаменевая в этой последней (102, 7; 65, 2, 12). Душа человека, как и боги, — телесна. Она — истечение из высшего огня. С. признавал даже учение древних стоиков о периодич. воссламенении мира (Nat. Quaest. III, 13, 1; Ad. Polyb. 1, 2; Epist. 9, 16) или о мировых потоках (Nat. Quaest. III, 27—30). От Древней Стои к С. перешло также и телеологич. провиденциально-фаталистич. учение о первооце и человеке, о боге, судьбе и природе (Nat. Quaest. II, 45, 1; De benef. IV, 7, 1). Бог, судьба, провидение, воля божия, природа со своими вечными законами, получающими осознание в человеке и становящимися его свободной волей, все это для С. совершенно одно и то же (Nat. Quaest. II, 36, 45, I; De benef. IV, 7,

8; 8, 2, 3; De prov. 5,8). Мир — гармоничен и целостен, его части согласованы, ему свойствен вечный круговорот переходящих одна в другую стихий, где царствует гераклитовское тождество «пути вверх и пути вниз» (Nat. Quaest. II, 2, 2; III, 10, 1, 3; VII, 27, 3; De vita beata, 8,4; Epist. 107, 8). Космос является у С. единым и общим «градом» (urbis) для богов и людей (Ad. Marc. 18, 1). С. вполне разделял и пантеизм древних стоиков, вытекающий из учения о всеобщей пневме и заставлявший С. одушевлять и обожествлять как все небесные светила, так и все поднебесное, включая Землю. Однако этому стоич. пантеизму противоречат идеалист. моменты учения С. о душе, в особенности его религ. учение.

В р е л и г. у ч е н и и С. сочетались традиц. идеи языч. пантеизма с новыми тенденциями *монотеизма*. С одной стороны, его бог есть огонь, т. е. тело, высший разум — Зевс или Юпитер (Nat. Quaest. II, 46), идеальное обобщение и обожествление сил природы и общества, холодное и нейтральное в отношении человек. личности. Но, с другой стороны, бог — это идея, разум как творящая сила. С. говорил о возможности подлинной жизни души только вне тела, от которого и происходит все зло для этого небесного гостя (Epist. 65, 16; 92, 13,33; 102, 26; 120, 14 и мн. др. тексты). С. рисовал картину пребывания души на небе (Ad. Polib. 9 и Ad. Marc. 26). В его религ. взглядах содержатся идеи божеств, милосердия, идея необходимости искупления человеком своей греховности.

Т. о., его пантеизм ослабевал и богов он уже не просто отождествлял с природой и ее законами, но склонен был считать их виновниками этих законов (De benef. VI, 23). Тут еще было очень далеко до христ. представления об интимно личных отношениях между человеком и божеством. Но в этих религ. стремлениях видны и несомненная близость гибели антич. мира, и судорожное искание новой философии на путях будущего христианства. Энгельс назвал С. «дядей» христианства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 49, с. 307).

Противоречие пантеизма и религиозности свойственно и э т и ч. у ч е н и ю С. Это учение формировалось под влиянием Средней Стои (*Панетций*, *Посидоний*) и в нек-рой мере *эпикурейской школы*. Душа продолжает быть для С. материальной *пневмой* (Epist. 57, 8; 50, 6), телом (Epist. 106, 4, 6), но он считал ее разумной, хотя и ограничивал эту разумность перазумными аффектами (Epist. 92, 92, 1). Человек, мучающийся он трактовал как освобождение от тела и его аффектов (De ira, II 3,4) и как неизменное самоотжествование человек. духа (Epist. 23, 7; 31, 8; 34, 4; 35, 4; 95,43; 120, 22; De vita beata, 8). Несмотря на все это, душа у С. трактуется как область постоянной борьбы, взлетов и падений, а иной раз С. даже декларирует об освобождении души от аффектов и всякой скверны, об ее восхождении к богу и последующем очищении (Epist. 65, 16; 102, 22; Nat. Quaest. I prolog. 12). Наибольшее своеобразие этич. концепции С. состоит в том, что он рисовал беспомощность и слабость человека, его постоянную погруженность в грех и зло и почти полную невозможность выбраться из этого состояния (De benef. 7,27; Epist. II, 1—7; 54,4; 94—54). С. являлся первым антич. писателем, к-рый чувствует человек. беспомощность с крайним волнением, с неимоверной жаждой искупления. Единств. возможность достигнуть спасения С. считал божеств. милосердие, и здесь его этич. учение смыкалось с религиозным — с тенденцией установить связь личности с богом, а это в свою очередь вызывало к жизни еще небывалую в античности теорию *монотеизма*.

Столь же противоречивы и его о б щ е с т в е н н о п о л и т и ч. и д е и. Общественн. космополитизм заставлял его презирать общественные, государст-

венные и вообще нац. дела (Epist. 68,2). Но, с др. стороны, он считал грехом презирать родину и гос-во, думая, что земное гос-во есть только часть гос-ва космического (De ira, II 31). С. вместе с др. стоиками на этом основании учил о природной необходимости гос-ва (Epist. 95,5,2), в отличие от эпикурейцев, к-рые понимали его как результат человек. соглашения. С. известен как богат, как гос. деятель, придворный делец, ловкий дипломат. В то же время он мыслитель, беззаветно преданный тихой, уединенной и блаженной жизни сосредоточенного в себе философа, ценитель тончайших настроений измученной души. К добродетели стремился он только через самое же добродетель (Epist. 89,8) и в целях только ее же самой, а не чего-нибудь другого (113,32). С. считал всех людей равными и одинаково благородными, допуская даже, что рабы по существу своему часто гораздо благороднее своих господ. Все люди — члены одного мирового целого (Epist. 95,52), дети одного бога, все абсолютно равны друг другу (Epist. 44; 47, 1; De benef. III 28) и каждый человек даже священен для другого (Epist. 95, 33). Но фактически он не только презирал рабов, но даже всякое занятие ремеслом считал унижительным ввиду его утилитарности (Epist. 88,21) и, как аристократ, признавал только свободное духовное творчество (De benef. 7,1).

Т. о., эллинистич. противоречивость пронизывает все составные части его мировоззрения.

С о ч.: Senecae opera, v. 1, fasc. 1, Dialogorum libros XII, ed. E. Hermes, Lpz., 1923; fasc. 2, De beneficiis libri VII, De Clementia libri II, ed. C. Hosius, Lpz., 1914; v. 2, Naturalium quaestionum libri VIII, ed. A. Gercke, Lpz., 1907; v. 3, Ad Lucillum epistolarum moralium, ed. O. Hense, Lpz., 1914; Supplementum, ed. F. Haase, Accedit index rerum memorabilium, Lpz., 1902; L. A. Senecae tragodiae, rec. R. Peiper et G. Richter, Lpz., 1921; в рус. пер. — Избр. письма М. Люцилия, СПб., 1893; О благодетелях, «Вера и разум», 1889—1897; О PROVIDЕНИИ, Керчь, 1901; Утешения Марции, в кн.: Б р а ш М., Классики философии, пер. с нем., т. 1, СПб., 1907, с. 311—30; Трагедии, Вегулит, ст. Н. Дератани, М.—Л., 1932; Псевдо-апофеоз императора Клавдия (Arosolocynthisis), «Филологич. обозрение», 1899, т. 46, приложенье.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 1956 (по имен. указат.); Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 38, с. 67; Молодцов В. П., Философ С. и его письма к Луцилию, К., 1872; Марта Б. К., Философы и поэты-моралисты во времена рим. империи, М., 1879; Краевнов П. Н., Л. А. С., его жизнь и филос. деятельность, СПб., 1895; Виноградов Н., Биографич. сведения о лат. риторе С. и его трагедиях, Сергиев Посад, 1906; Фаминский В. И., Религиозно-нравств. воззрения Л. А. С. (философа) и отношение их к христианству, К., 1906; его же, Мораль языческого философа С. и совр. отношение к вопросам нравственности, «Труды Киевск. духовной акад.», 1905, № 5, с. 94—123; Буассье Г., Рим. религия от времен Августа до Антонинов, М., 1914; Генкель Г., «Книга о PROVIDЕНИИ» Л. А. С., «Сб. трудов проф. и преподавателей Иркут. гос. ун-та», 1921, вып. 2, с. 25—43; Шохор В., Сенека — «дядя христианства», «Антирелигиозник», 1940, № 3; История философии, т. 1, [М.], 1940 (по имен. указат.); Шендранин П. М., С. — философ и его трактат «О милосердии», М., 1947 (Дисс.); Виппер Р. Ю., Этич. и религ. воззрения С., «Вестн. др. истории», 1948, № 1; Мотус А. А., Рим. стоики и первоначальное христианство, «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена», 1955, т. 41, с. 98—100; История философии, т. 4, М., 1957, с. 153—4; Rubin S., Die Ethik Senecas in ihrem Verhältnis zur älteren und mittleren Stoä, Münch., 1901; Burnier Ch., La morale de Sénèque et le stoïcisme, Lausanne, 1907 (Thèse); Capelle W., Seneca und die Humanität, «Monatshfte der Comeniusgesellschaft», 1909, H. 5; Waltz R., La vie politique de Sénèque, P., 1909 (Thèse); Bernhardt H., L. A. Seneca — ein moderner Mensch, в сб.: Humanistisches Gymnasium und modernes Kulturleben, Erfurt, 1911; Howald E., Weltanschauung Senecas, «Neue Jahrbücher für die klassische Altertum», 1915, Bd 35, S. 353—60; Holland F., Seneca, L., 1920; Vetter E., Seneca über Sklavenbehandlung, «Wiener Blätter für Freunde der Antike», 1922, Bd 1; Baillly A., La vie de Sénèque, P., 1929; Knoche U., Der Philosoph Seneca, Fr./M., 1933; Pohlenz M., Philosophie und Erlebnis in Senecas Dialogen, «Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», 1941, № 6; Martinazzoli F., Seneca. Studio sulla morale ellenica nell'esperienza romana, Firenze, 1945; Grimal P., Sénèque. Sa vie, son oeuvre, avec un exposé de sa philosophie, P., 1948; Totok W., Handbuch der Geschichte der Philosophie, Bd 1, Fr./M., 1961, S. 310—17.

А. Лосев. Москва.

СЕНИН, Николай Герасимович (р. 2 июня 1918) — сов. философ, д-р филос. наук (с 1963), профессор (с 1965). Член КПСС с 1950. В 1942 окончил филос. фак-т МГУ. В 1943—51 — на дипломатич. работе в МИД СССР. С 1951 — на науч. работе в Ин-те философии АН СССР. Осн. направление научно-исследовательской работы — история кит. философии.

Соч.: Великий кит. революционер-демократ, «ВФ», 1955, № 2; О перерастании новодемократич. революции в социалистическую, там же; Сунь Ят-сен — великий кит. революционер-демократ, М., 1956; Общественно-политич. и филос. взгляды Сунь Ят-сена, М., 1956; Теория «врастания» капитализма в социализм и действительность, «Коммунист», 1956, № 15; История философии, т. 1—5, М., 1957—61 (главы по Китаю); Кит. просветитель и материалист конца XIX в. Тань Сы-туи, «ВФ», 1958, № 9; Сотрудничество китайских и сов. историков философии, «Вестн. АН СССР», 1958, № 4 (совм. с М. Т. Иончуком); Прогрессивные мыслители Китая конца XIX в., М., 1958; «Движение 4 мая» и идеологич. борьба в Китае, «ВФ», 1959, № 7; Филос. и общественно-политич. взгляды кит. просветителей — реформаторов конца XIX в., «Гуанмин жибао», 1959, 13 дек. (на кит. яз.); Избр. произв. прогрессивных кит. мыслителей нового времени (1840—1898), пер. с кит., М., 1961 (ред. и автор вступ. ст.); Прогрессивная общественно-политич. и филос. мысль Китая в новое время (1840—1919), М., 1963 (Дисс.).

СЕН-МАРТЕН (Saint-Martin), Луи Клод де (18 янв. 1743 — 13 окт. 1803) — франц. философ-мистик, теософ. Под влиянием работ мистика Мартинеса Ласкуалиса, *Бёме* и *Сведенборга* воспринял идеи древневосточного, античного и ср.-векового *мистицизма*. Начиная с первой своей книги «О заблуждениях и истине» («Des erreurs et de la vérité, ou les Hommes rappelés au principe universel de la science», Edimbourg [i. e. Lyon], 1775) С.-М. боролся против материализма и атеизма франц. просветителей, в то же время отрицательно относясь к офиц. религ. идеологии. Существование бога для С.-М. — это истина, к-рую каждый человек открывает в своей душе. Духовный и физич. мир — *эманация* бога; между богом и природой, в порядке убывающего совершенства, находится множество промежуточных видов бытия. Материя сама по себе есть иллюзорное бытие, существующее лишь в челоуеч. восприятии; она есть влпнения оболочка физич. тел, сущностью к-рых являются активные духовные центры, напоминающие *монады* Лейбница. *Пантеизм* С.-М. почит идеалистич. характер. Человек, по С.-М., состоит из духовного и материального начал; его страдания, невежество и несовершенство доказывают, по С.-М., что совр. человек — это существо, к-рое деградировало в результате отпадения от бога. Акт отделения от бога породил зло, к-рое прекратится, когда все виды бытия воссоединятся с богом. Для человека эта высшая моральная цель достигается путем отрешения от всего чувственного и материального. С.-М. отрицал естеств. происхождение языка, права, общества, видя в них результат божеств. деятельности. История разворачивается по планам провидения, и франц. революция в изображении С.-М. — это предусмотренное богом наказание за грехи духовенства и монархов; идеи революции ложны, но она сделала благое дело, искупив кровью невинных прежние грехи и подготовив почву для будущего, к-рое рисовалось С.-М. как соединение людей с божеством на основе теократич. принципа; демократич. и республиканские идеалы он решительно осуждал. Взгляды С.-М. оказали влияние на масонов (в частности в России), иллюминатов, на формирование идеологии Реставрации (де *Местр*, *Бональд*, Шатобриан и др.), отбросившей в них то, что расходилось с христ. ортодоксией, и сохранившей все, что было направлено против материализма и атеизма.

Соч.: Tableau naturel des rapports qui existent entre Dieu, l'homme et l'univers, pt. 1—2, Edimbourg [i. e. Lyon], 1782; L'homme de désir, [Lyon, 1790]; Ecce homo, P., [1796]; Le nouvel homme, P., [1796]; Le crocodile, ou la guerre du bien et du mal, P., [1796]; De l'esprit des choses..., v. 1—2, P., [1800]; Le ministère de l'homme-esprit, P., [1802]; Oeuvres posthumes, v. 1—2, Tour, 1807; Des nombres, P., 1843; Gnostiques de la

Révolution. Claude de Saint-Martin et Fabre d'Olivet. Oeuvres, choisies et intr. par A. Tannier, t. 1, P., 1946; Mon portrait historique et philosophique 1789—1803, P., [1961].

Лит.: Леман Б., С.-М., неизвестный философ..., М., 1947; Gence J. B. M., Notice biographique sur L. C. de Saint-Martin..., P., 1824; Caro W. M., Du mysticisme au XVIII siècle. Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin, P., 1852; Matter A. J., Saint-Martin le philosophe inconnu..., P., 1862; Franek A., La philosophie mystique en France à la fin du XVIII siècle. Saint-Martin et son maître Martinez Pasqualis, P., 1866; Claassen J., Ludwig von Saint-Martin. Sein Leben und seine theosophischen Werke in geordnetem Auszuge, Stuttg., 1891; Viatte A., Les sources occultes du romantisme, illuminisme-théosophie, 1770—1820, v. 1—2, P., 1928; Waiter A. E., Three famous mystics, L., 1939.

СЕННЕРТ (Sennert), Даниил (25 нояб. 1572—21 июля 1637) — нем. врач, химик и философ, преподавал медицину в Виттенберге. Оставаясь в кругу традиц. аристотелевских идей и принимая понятие субстанциональных форм, С. вводил нек-рые атомич. и корпускулярные представления, в частности для объяснения химич. явлений, различая четыре рода атомов, соответствовавшие четырем «стихиям» или «элементам» (вода, земля, воздух и огонь). Его представления об имматериальных факторах в природе (в частности о бессмертии души животных) вызвали протесты ортодоксальных теологов. Атомистич. представления С. вошли в нем. учебную литературу благодаря его ученику Иоганну Шперлингу (1603—58).

Соч.: Opera, t. 1—6, Lugduni, 1676.

Лит.: Lasswitz K., Geschichte der Atomistik, vom Mittelalter bis Newton, Bd 1, Hamb.—Lpz., 1890, 2 Aufl., Lpz., 1926; Ramsauer R., Die Atomistik des D. Sennert, Braunschweig, 1935.

[В. Зубов.] Москва.

СЕН-СИМОН (Saint-Simon), Клод Анри де (17 окт. 1760 — 19 мая 1825) — франц. мыслитель, социолог, социалист-утопист. Опираясь на идеи физики *Ньютона* и *Декарта*, на идеи механистич. материализма, С.-С. стремился систематизировать принципы естеств. наук, отыскать универсальные законы, управляющие всеми явлениями природы и общества, перенести приемы естеств.-науч. метода на область обществоведения и создать филос. систему, призванную служить орудием построения рационального общества. Отходя от атеизма франц. материалистов, С.-С. склонялся к *деизму*. В мировоззрении С.-С. имелись проблески диалектики.

В основе филос. воззрений С.-С. лежит признание объективной закономерности явлений природы и общества, к-рые подчинены действию единого универсального закона — закона всеобщего тяготения. С.-С. приравнивал органич. мир к явлениям текучей материи и представлял человека как организованное жидкостное тело. Всеобщий процесс развития природы и общества С.-С. истолковывал как постоянную борьбу между твердой и текучей материей, высказывая в рамках своей материалистич. натурфилософии глубокую догадку о единстве противоположных начал в природе и обществе — покоя и изменчивости, устойчивости и подвижности.

В рассуждениях о науч. методе познания С.-С. также подчеркивал всеобщую связь всех явлений, многообразную связь частного с целым, ввиду чего настаивал на необходимости выработать единую «общую операцию» познания, в к-рой эмпирич.-аностериорный метод, провозглашенный естествознанием 17—18 вв. единственно научным, должен будет сочетаться с методом «априорного познания», методом постижения общих закономерностей и синтеза [см. в Избр. соч., вступ. ст. В. П. Волгина, т. 1—2, М.—Л., 1948

(имеется библиографический указатель); т. 1, с. 215, 225, 247, 278]. Наибольшим достижением творческой мысли С.-С. явилось применение этих общих положений к познанию общества. Здесь мысль С.-С. более всего вырывалась вперед под непосредственным влиянием классовой борьбы капиталистич. общества и обнажения его социальных противоречий.

Филос.-историч. идеи С.-С. отразили все эти противоречия, обозначившийся технико-экономич. прогресс капитализма, растущее разочарование молодого еще пролетариата и новой трудовой интеллигенции в реальной действительности капиталистич. «победы разума», оказавшегося «...злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 193). Этим разочарованием проникнуты уже «Письма женеvского обитателя» («Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains», Gen., 1803). Еще в конце 18 в. С.-С. поставил перед собой задачу проложить новый путь человеческого разуму — путь физико-политический (см. Lettres à M. M. les jurés, Oeuvres choisies, t. 2, Brux., 1865).

От первоначального «физицизма» С.-С. перешел к созданию более глубокой концепции «науки о человеке» или «социальной физиологии», построенной на принципе историзма. Критикуя рационалистич. воззрения 18 в., С.-С. придавал *рационализму* характер историч. категории. Его концепция сохраняла определяющую роль в обществе за состоянием человек. разума, за господствующими в обществе науч. и филос. принципами, но С.-С. брал эти принципы в конкретном историч. развитии. Так, становление античного рабовладельч. строя С.-С. объяснял в конечном счете сменой первобытного идолопоклонства *политеизмом*, а разрушение рабовладельч. системы и установление феодализма — закономерной сменой политеизма *монотеизмом* в форме *христианства*.

С.-С. утверждал взгляд на человек. общество как на закономерно развивающийся целостный организм, в к-ром все стороны жизни связаны воедино и к-рый объединяет своих членов не только определенными филос., религ. и моральными принципами, но и общеплодотворной трудовой деятельностью, являющейся естеств. необходимостью и обязанностью человека и создающей важнейшую связь между людьми. Развивая в этой форме идеи «экономизма», формировавшиеся у него не без влияния классич. политич. экономии *Смит* и *Сэй*, С.-С. подчеркивал исключит. значение в жизни и развитии общества «индустрии», под к-рой он подразумевал все виды деятельности в промышленности и с. х-ве, в области распределения и кредита. С.-С. доказывал, что в индустрии в конечном счете сосредоточены все реальные силы общества, хотя и объяснял по-прежнему состояние и степень развития этих сил филос. и науч. идеями данного общества (см. «L'industrie ou Discussions politiques, morales et philosophiques...», v. 4, ср. отрывки из этого соч. С.-С. — Избр. соч., т. 1, с. 416, 424).

Т. о., оставаясь в своей основе идеалистической, философско-историч. система С.-С. отводила огромную роль в истории экономич. деятельности людей, производству и формам собственности, а также классам, олицетворяющим определенные формы собственности. Каждая обществ. система, доказывал С.-С., сменяла господствующие формы собственности и соответственно выдвигала новые господствующие и руководящие силы в экономич., политич. и духовной жизни.

Плодотворной новой идеей С.-С. было также признание им поступательного хода развития человечества от низших форм общества к высшим. Критериями прогресса С.-С. считал способность данного обществ. строя удовлетворять важнейшие потребности массы людей, объединять возможно большее их число для

отпора чужеземным завоевателям, развивать их природные способности, выдвигать из них достойнейших носителей знания и культуры и обеспечивать наибольший прогресс цивилизации и наук. В соответствии с таким пониманием историч. прогресса С.-С. набрасывал схему историч. развития человечества, в к-рой выделял три гл. стадии умств. развития, являющегося вместе с тем стадиями роста производит. способности человека: религ. системы мышления, метафизич. системы и, наконец, науч. системы положительного знания — позитивная индустриальная стадия. Эти мысли С.-С. были заимствованы и использованы впоследствии *Кантом* для его схемы классификации наук. Эта концепция была по существу диалектической — С.-С. показывал историч. прогресс в виде постоянной смены созидательных эпох (когда данная обществ. система развивает постепенно и до конца свои принципы и возможности) эпохами разрушительными (означающими глубокий кризис данной обществ. системы, ведущий к разрушению ее и к построению на базе новой науч. и филос. идеи более высокого обществ. строя). Эти филос. историч. построения служили у С.-С. обоснованием важнейшей цели его изысканий — плана создания лучшего, разумного обществ. строя и ускорения его наступления в ближайшем будущем. В отличие от предшествующих утопистов, С.-С. стремился раскрыть осн. черты разумного общества, обращаясь к историч. процессу: «... будущее складывается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое» (там же, с. 199, см. также с. 146). Франц. революция 1789 являлась, по С.-С., закономерным осуществлением историч. необходимости уничтожения господства и власти феодалов и духовенства и перехода ее к промышленникам и ученым. Но он считал, что революция совершила ошибку, передав власть в руки метафизиков и законников, к-рые были далеки от понимания гл. созидательной задачи революции — построения новой, науч. обществ. системы. Эту задачу, не выполненную франц. революцией, и предстоит теперь осуществить созданием «новой промышленной системы».

Осн. черты своего обществ. идеала С.-С. обрисовал с наибольшей полнотой в сборниках «Организатор» («L'organisateur», livr. 1—2, 1819—20, особенно в ст. «Притча»), в соч. «О промышленной системе» («Du système industriel», pt. 1—3, 1821—22), «Катехизис промышленников» («Catéchisme des industriels», cahier 1—4, 1823—24), «Лит., филос. и промышленные рассуждения» («Opinions littéraires, philosophiques et industrielles», 1825, совм. с L. Halévy) и в последнем произведении, вышедшем в свет вскоре после смерти автора, «Новое христианство» («Nouveau Christianisme...», 1825).

Развивая взгляды *Дидро* и *Кондорсе* на назначение общества, С.-С. провозглашал: «Лучшее общественное устройство — это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей (Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1948, с. 277). С.-С. подверг глубокой критике современное ему капиталистич. общество, к-рое «...являет собой вопиющую картину мира, перевернутого вверх ногами, где «... менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников, где «... невежество, суеверие, лень и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, бережливые и трудолюбивые люди подчинены им и используются лишь в качестве орудий» (там же, т. 1, с. 433, 434).

Гл. мысль С.-С. состояла в том, что путь избавления трудящихся от бедствий нищеты лежит через расцвет

пром. и с.-х. производства, через всемерное развитие производит. сил общества на основе применения науч. принципов нового времени. Принципы эти включают в себя, по С.-С., искоренение паразитизма господствующих классов и введение обязательного производит. труда для всех членов общества, к-рое должно стать большой производит. ассоциацией людей; обеспечение равных для всех возможностей применить свои способности; создание плановой организации произ-ва, способная удовлетворяющего все потребности общества; постепенное утверждение всемирной ассоциации народов и всеобщего мира; превращение полноты в «позитивную науку о производстве», а гос-ва — из орудия управления людьми в орудие организации производства, «управления вещами».

Применение этих принципов в «промышленной системе» наглядно обнаруживало все сильные и слабые стороны воззрений С.-С., «... у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное ...» (Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 191). Последнее нашло выражение в том, что инициативу и руководящую роль в обществе, переустройстве С.-С. передавал пром. буржуазии и бурж. интеллигенции — ученым. Хотя С.-С. неоднократно отмечал наличие в обществе лишенных собственности пролетариев, он все выделял пролетариат в отдельный класс, а объединял его с буржуазией (за исключением ее паразитич. рантьеверской верхушки) в единый класс «индустриалов», в к-ром главенство должно принадлежать пром. предпринимателям, являющимся «в силу природы вещей» руководителями и представителями трудящегося большинства населения. В этих мыслях С.-С. получила известное отражение своеобразная обстановка во Франции в годы наполеоновской империи и особенно в период реставрации Бурбонов, когда на первый план выдвинулись противоречия и борьба молодой пром. буржуазии против дворянской реакции и поддерживающего ее блока феодал. аристократии и привилегированной верхушки буржуазии. Но были и более глубокие историч. корни этих утопич. построений «промышленной системы» С.-С. Ее проекты создавались в ту эпоху, когда пролетариат еще только формировался, когда казалось, что он неспособен помочь сам себе и помочь ему может быть оказана лишь извне и сверху учеными и промышленниками. Оставляя в руках последних собственность на средства производства, С.-С. отводил им, в сущности, задачу: за хорошую мзду прибывшей вывести беднейшие классы общества из бедственного состояния нищеты, обеспечить рост обществ. богатства и изобилие благ для трудящихся.

В качестве средств борьбы против эгоистич. интересов и паразитич. вождельней буржуазии С.-С. вводил в своей «промышленной системе» подчинение всех предпринимателей единому плану работ и отмену права наследования с тем, чтобы единственным принципом возвышения людей во всех областях хоз. и обществ. жизни стали их способности, а общество, лестница представляла бы строгую иерархию способностей. Раскрывая подлинный смысл всех этих проектов С.-С., Энгельс указывал, что в его утопич. «промышленной системе» буржуа «... должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества ...» (там же, с. 195).

Поскольку в своем глубинном течении мысль С.-С. направлялась к социалистич. цели уничтожения эксплуатации пролетариата, неизбежно было нарастание внутр. конфликта между «буржуазным» и «пролетарским» направлением его идей, к-рое в последние годы его жизни стало занимать все большее место. В своем последнем произведении «Новое христианство» С.-С. «... прямо выступил от лица рабочего класса и объявил

его эмансипацию конечной целью своих стремлений» (Маркс К., Капитал, т. 3, 1955, с. 619). Но идеалистич. основы философско-историч. концепции С.-С. и непонимание классовых противоречий капиталистич. общества определили мистич. характер решения С.-С. этой задачи: С.-С. выдвинул морально-религ. концепцию «нового христианства». Эта новая религия, с ее гл. лозунгом «все люди — братья», должна была гарантировать выполнение новозобретенного плана улучшения участи пролетариата, дополнив материальные стимулы «промышленной системы» моральным категорич. императивом, исходящим из самой властной над людьми силы — силы религ. веления. Апелляция к религии нагляднее всего обнаруживала свойственные учению С.-С. реакц. тенденции.

Это сказалося на всем дальнейшем развитии сен-симонизма и прежде всего на деятельности школы его учеников и последователей (*Анфантен, Базар, Родриг* и др.).

В статьях сен-симонистских журналов «Producteur» («Производитель», 1825—26) и «Organisateur» («Организатор», 1829—31) и, особенно, в публичном курсе лекций 1828—29, изданном под названием «Изложение учения Сен-Симона» («Doctrine de Saint-Simon. Exposition», 1830; рус. пер. первого из двух томов в кн.: «Изложение учения С.-С.», вступ. ст. В. П. Волгина, М., 1964) были углублены социологич. идеи великого утописта. Сен-симонисты представили всемирно-историч. процесс как закономерный процесс убывания антагонизма в обществе и роста сотрудничества — ассоциации. Они сделали большой шаг вперед в понимании сущности самого социального антагонизма, видя в истории смену различных историч. форм классовой эксплуатации. «Человек эксплуатировал до сих пор человека. Господа, рабы; патриции, плебей; сеньоры, крепостные; земельные собственники, арендаторы; бездельники, труженики — такова прогрессивная история человечества до нашего времени» («Изложение учения Сен-Симона», с. 110).

При характеристике капиталистич. общества ученики С.-С. пошли значительно далее учителя в анализе анархии производства и экономич. кризисов и, что особенно важно, в анализе классовых противоречий пролетариата и буржуазии. Они показали, что в этом обществе изменилась лишь форма эксплуатации, но эксплуатация по-прежнему существует и продолжается в отношениях между хозяевами и наемными рабочими. «... Рабочий ... эксплуатируется материально, интеллектуально и морально, как некогда эксплуатировался раб» (там же, с. 254).

Понимание этого коренного пункта вело к различению сен-симонистами классовых граней внутри «индустриалов»: с одной стороны — предприниматели, с другой — пролетариат, к-рые, как отмечали сен-симонисты, эксплуатируются собственниками средств производства. Ученики С.-С. не делали отсюда вывода о противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата, они сохраняли «индустриалов» как единый класс, противоположный паразитич. классу туземцев. Однако они уже осознавали связь между собственностью на средства производства и классовой эксплуатацией. Они обосновывали в своих лекциях закономерность историч. изменений форм собственности и необходимость ликвидации частной собственности на средства производства посредством перехода права наследования к гос-ву, превращенному в ассоциацию трудящихся. Собственнич. праву наследования сен-симонисты противопоставили право труда и способности. Они писали: «Каждому по его способности, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит собою право завоевания и право рождения, человек

не будет более эксплуатировать человека; человек в товариществе с другим человеком будет эксплуатировать мир, отданный ему во власть» (там же, с. 110—11). Т. о., вместе с устранением наиболее кричащего противоречия «промышленной системы» С.-С. сен-симонисты впервые сформулировали важнейший принцип социализма, выражаемый лозунгом распределения по способностям.

Но вместе с тем сен-симонистская школа интенсивно развивала религ.-мистич. стороны учения С.-С., превращая их в законченную религ. систему. В объяснении историч. процесса сен-симонисты отводили решающую роль уже не прогрессу разума, а прогрессу морали и чувства, воплощенному в религ. системах. Самый прогресс истории истолковывался теперь телеологически, как развитие человечества к предопределенной божеств. цели, к-рой будто бы проникнуты все созидательные («органические») эпохи человек. истории.

Ученики С.-С. отвергали аскетич. интерпретацию религии и толковали материальную экономич. деятельность людей как явление религ. порядка, требуя «реабилитации плоти». Но в то же время во главу всех проектов социального переустройства сен-симонисты ставили создание «нового христианства», к-рое должно «обновить человека» и служители к-рого должны играть руководящую роль в «промышленной системе». «Новое христианство» получило церк. организацию, особые ритуалы и целую иерархию священнослужителей во главе с первосвященником, олицетворяющим «живой закон».

Сен-симонистская «промышленная система» приобрела т. о. многие характерные черты теократич. утопий прошлых веков, что подчеркивало лишь начавшийся процесс реакц. вырождения сен-симонизма. Его превращение в замкнутую религ. секту было ускорено попытками сен-симонистской школы загасить начавшуюся революц. борьбу пролетариата, что нашло яркое выражение в выступлениях сен-симонистов во время первого рабочего восстания в Лионе в 1831 в роли «братьев милосердия», примиряющих борющиеся классы. Внутр. расколы сен-симонистской секты по вопросам морали («нового христианства»), социальной роли женщины и свободы любви привели к распаду сен-симонистской религ. общины (после судебного процесса над ней в 1832) и выявили полнейшую изоляцию ее от реального историч. движения своего времени. После банкротства сен-симонизма отдельные его последователи перешли в лагерь фурийеров, другие основывали новые школы мистич. мелкобурж. и бурж. утопич. социализма. Но немалое число бывших сен-симонистов, воспринявших более всего бурж. направление его идей, занялось апологетикой капиталистич. предпринимательства, фритредерства и банковской деятельности и превратилось в железнодорожных дельцов и финансистов, а нек-рые впоследствии стали опорой бонапартистского режима Второй империи во Франции.

Учение С.-С. явилось значительным этапом развития передовой филос. и обществ. мысли и развития социализма от утопии к науке. Сен-симонистская школа впервые создала собств. теоретич. оружие утопич. социализма, к-рый до того делал лишь последовательные выводы из идей просветительной философии и естеств. правовой теории.

Филос. историч. концепция С.-С. порывала с рационалистич. антисторицизмом просветительства и положила начало историч. воззрениям на общество и его развитие. Своим учением об обществе, как закономерно развивающемся целостном организме, С.-С. закладывал первые камни в фундамент социологии, заслугу создания к-рой пытался приписать себе впоследствии Конт, являвшийся одно время учеником

и сотрудником С.-С. Оставаясь идеалистической, социальная философия С.-С. содержала плодотворные догадки о диалектич. характере историч. развития, о важнейшей роли в обществе экономики и форм собственности, о классовой борьбе в истории и связи между формами собственности и изменениями классовой структуры общества.

С именем С.-С. связан переход от примитивных представлений о социалистич. и коммунистич. обществе на базе производит. сил ремесленного производства и патрархального с. х-ва и связанных с этим аскетич. уравнил. принципов распределения к идее социалистич. общества, базирующегося на быстром развитии производит. сил и расцвете индустриального производства, создающего изобилие и возможность обеспечения всех потребностей человек. личности.

Сен-симонистский идеал «промышленной системы» содержал ряд гениальных догадок о плановой организации обществ. производства в общенац. масштабе, о важнейшей роли в нем науки и ученых, о социалистич. принципе распределения по способностям, о превращении гос-ва из орудия власти над людьми в орудие управления хозяйством. Все это дало Энгельсу основание отнести С.-С. к числу «основателей социализма» и отметить, что у С.-С. «... мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 пзд., т. 19, с. 196).

Это подтвердилось и тем мощным воздействием, какое оказал сен-симонизм на передовую обществ. мысль и развитие социалистич. идей во Франции, Германии, Италии и ряде др. стран. Во Франции это влияние сказалось на идеях либеральных историков эпохи Реставрации о классовой борьбе, но в особенности — на учениях многочисл. школ утопич. социализма 30—40-х гг. 19 в. — Леру, К. Неккера, Блана, Прудона и др. В России влияние идей С.-С. испытали декабрист Луин, Белинский, Герцен, Салтыков-Щедрин и ряд др. передовых людей.

Учение С.-С. содержало нек-рые подготовительные моменты материалистич. понимания истории и науч. социализма, к-рые заключены были в рамки противоречивой идеалистич. концепции.

Ревизионисты и реформистские апологеты капитализма, искажая истинное историч. соотношение между науч. коммунизмом и предшествующими ему теориями утопич. социализма, пытаются выдать нек-рые догадки С.-С. за марксизм, чтобы легче было его опровергнуть. Ленин давно высмеял и разоблачил подобное фальсифицирование истории марксизма, «... делающее шаг назад от точного научного анализа Маркса к догадке — хотя и гениальной, но все же только догадке, Сен-Симона» (Соч., т. 22, с. 290).

Только преодоление Марксом и Энгельсом концепции С.-С. могло привести к созданию науч. социологии и науч. социализма.

Идеологи совр. империалистич. реакции (см., напр., J. Burnham, The managerial revolution..., N. Y., 1942; а также нек-рые доклады 1-й Социологич. недели в Париже, 3—5 июня 1948 — «Industrialisation et technocratie», P., 1949) пытаются изобразить С.-С. пророком и прорицателем «организованного капитализма», глашатаям идей технократии и даже фашизма. Вся эта реакц. модернизация сен-симонизма представляет собой фальсификацию сущности его социального учения. При всех заблуждениях великого франц. мыслителя, при всех его увлечениях «научным индустриализмом», между его социальным идеалом и эксплуататорским, человекоубийств. существом монополистич. капитализма — империализма лежит глубочайшая пропасть. С.-С. относится к числу тех великих

социалистов-утопистов, чьи учения послужили одним из источников марксизма.

Соч.: Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. 1—47, P., 1865—78; Textes choisis, P., [1951]; Selected writings, Oxf., [1952]; в рус. пер.—Избр. соч., М.—П., 1923.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, 20 (см. имен. указат.); Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 20, с. 184; Плеханов Г. В., Соч., 2 изд., т. 18, М.—Л., 1928, с. 57—73, 86—132; Волгин В. П., История социалистич. идей, ч. 2, вып. 1, М.—Л., 1931; его же. С.-С. и сен-симонизм, М., 1961; История философии, т. 3, [М.] 1943, с. 505—24; История философии, т. 2, М., 1957, с. 158—70; Застенкер Н. Е., Анри де С.-С., в сб.: История социалистич. учений, М., 1962; Weill G., L'école saint-simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours, P., 1896; M u c k l e F., Saint-Simon und die ökonomische Geschichtstheorie, Jena, 1906; Вагнер С. I., H. de Saint-Simon nach 100 Jahren, «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», 1926, [Jg.] 12; Charliét y S., Histoire du saint-simonisme, P., 1931; Garaudy R., Les sources françaises du socialisme scientifique, P., 1948; Pasquier A., Saint-Simon et les problèmes du temps présent, «Revue d'histoire économique et sociale», 1948, v. 27, № 1; Мануэл Ф. Е., The new world of H. Saint-Simon, Camb. (Mass.), 1956; «Revue Internationale de Philosophie», 1960, № 53—54 (номер посвящен С.-С.); Fournel H., Bibliographie saint-simonienne. De 1802 au 31 décembre 1832, P., 1833. Н. Застенкер. Москва.

СЕН-СИМОНИЗМ — см. Сен-Симон.

СЕНСУАЛИЗМ (лат. sensus — восприятие, чувство, ощущение) — направление в теории познания, согласно к-рому в отличие от рационализма чувственность является гл. формой познания. С. стремится вывести все содержание познания из деятельности органов чувств, а также свести все содержание сознания к их показаниям как первоначальным элементам.

В истории философии вопрос о роли разума и чувств в процессе познания возник как только встал проблема генезиса человек. сознания. Первоначально и еще недостаточно четко идеи С. формулируются в индийской философии (в учении царвака), в китайской философии (в учении моистов), в древнегреческой философии (Гераклит, отчасти Демокрит и Аристотель, являющийся в целом рационалистом).

В дальнейшем ходе истории философии определяют материалистич. и идеалистич. направления С. Материалистич. С. усматривает в чувств. деятельности человека связь его сознания с внешним миром, а в показаниях его органов чувств — отражение этого мира. Идеалистич. С. видит в чувств. деятельности некую самостоятельную и самосущую сферу. Идеализм намечился уже в С. Протагора с его релятивистской и субъективистской тенденцией, усилившейся у Аристиппа и его последователей из основанной им киренской школы. Провозглашая чувств. восприятие единств. источником наших знаний, эти философы вместе с тем утверждали, что оно сообщает людям данные только относительно их собствен. состояний, но отнюдь не о внешних вещах, являющихся их причинами (Секст Эмпирик, Adversus mathematicos, VII, 191 и сл.). Последние непознаваемы, и понятие истины применимо только к изменениям нашего собствен. существа (там же, а также Diag. L. 11, 192). Впрочем С. киренских философов представлял собой не столько положение теории познания, сколько положение развитой ими этики гедонизма.

Система материалистич. С. была сформулирована Эпикуром, являвшимся гл. представителем этого направления в античности и одним из наиболее последовательных сенсуалистов в истории философии.

Более умеренный С. был разработан стоицизмом уже в древней его фазе. В отличие от эпикурейцев стоики признавали истинным не каждое чувство, восприятие, а только те из них, к-рые возникают в человек. сознании при определенных условиях («каталегические образы»). Отвергая взгляд, по к-рому познания ума имеют внеопытное происхождение, стоики пришли к концепции, согласно к-рой человек. сознание первоначально представляло собой «чистую доску» (tabula rasa), заполняемую в процессе жиз-

ненного опыта образами и понятиями. К гносеологии стоицизма восходит и мысль, к-рая была сформулирована С. как положение о том, что нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувстве (nihil est in intellectu quod non sit us in sensu). Элементы С. имелись и в номинализме.

В эпоху Возрождения, когда передовые философы выступали с решительной критикой схоластики и стали подчеркивать необходимость опытного исследования природы, С. снова приобрел значительное влияние (Телезио, Кампанелла, Ф. Бэкон и др.).

Видными представителями материалистич. С. в 17 в. являлись Гассенди и Гоббс. Последний исходил из древней формулы С., считая, что «...нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения» (Избр. произв., т. 2, М., 1964, с. 50). Локк, исходя из основоположных формул С., предпринял попытку вывести из чувств. опыта все содержание человек. сознания, хотя и допускал, что уму присуща спонтанная сила, не зависящая от опыта.

Непоследовательность локковского С. была использована Беркли, к-рый полностью отбросил внешний опыт и стал рассматривать ощущения («идеи») как достояние только человек. сознания, т. е. интерпретировал С. идеалистически. Однако берклианский субъективно-идеалистич. С. не выдерживал своего исходного принципа, вводя идею бога, не воспринимаемого ни в каком чувств. опыте. Именно деятельность бога объясняет, по Беркли, возникновение всех идей человек. духа. Более последователен Юм в своем субъективно-идеалистич. С., основанном на агностицизме и не апеллировавшем к богу. Идеи Юма заложили фундамент субъективно-идеалистич. феноменализма, к-рый составляет основу таких влиятельных направлений бурж. идеализма 19—20 вв., как позитивизм, эмпириокритицизм, неопозитивизм.

Виднейшими представителями материалистич. С. были франц. материалисты 18 в. Ламетри, Гельвеций, Дидро, Гольбах. Преодолевая непоследовательность Локка и отвергая идеализм Беркли, они последовательно связывали ощущения, как основу всех знаний, с объективным миром, как их источником. Материалистич. сенсуализм Гельвеция стал фундаментом разработанной им этико-социологич. доктрины с ее центр. утверждением о том, что внешняя среда играет решающую роль в формировании человек. сознания. Эта идея Гельвеция оказала большое влияние на Оуэна и нек-рых др. представителей утопического социализма.

Обстоятельную разработку гносеологии С. произвел Кондильяк, хотя он и проявлял тенденцию к агностицизму.

В истории С. немаловажную роль сыграла материалистич. гносеология Фейербаха. В противоположность умозрительно-спекулятивному идеализму, господствовавшему в нем. философии конца 18—нач. 19 вв., Фейербах подчеркивал непосредств. достоверность чувств. познания. Вместе с тем Фейербах понимал, что оно составляет только исходный пункт познания, сложный процесс к-рого с необходимостью включает в себя деятельность рассудка и разума.

Диалектический материализм в своей теории познания исходит из высокой оценки роли чувств. познания. Но он считает, что домарксовский С. был созерцательным и индивидуалистическим, поскольку в подавляющем большинстве домарксистских гносеологич. построений субъектом познания выступал индивидуальный, а не обществ. человек. Сознание такого человека обычно рассматривалось как внеисторич. феномен. Преодолевая эти пороки, вскрывая роль практики в познании и его обществ. сущность, марксизм-ленинизм глубоко увязывает чувств. и

рациональную формы познания, вскрывая диалектику их взаимодействия как в истории человек. познания, так и в индивидуальной деятельности.

Лит. см. при статьях *Ощущение, Отражение, Теория познания*.

СЕНТ-ЭВРЕМОН (Saint-Evremond), Шарль де (1 апр. 1610—29 сент. 1703) — франц. вольнодумец, писатель, поэт, лит. критик, историк, философ-моралист.

Филос. идеи С.-Э. складывались под влиянием *Монтеня, Гассенди, отчасти Спинозы*. С.-Э. считал недоказуемым учение об абсолютной духовности и бессмертии души, выражая несогласие с *Декартом*; он считал невозможным знание о природе бога, бытия к-рого не отрицал. Материалистич. тенденция проявляется у С.-Э. как твердое убеждение в реальности материального мира; земная жизнь человека — единственно достоверная форма его бытия, имеющая самостоятельную ценность. *Христианство*, в особенности *католицизм*, С.-Э. называл наилучшей формой религии, но он резко расходился с ортодокс. пониманием христианства, истолковывая его в духе, близком к *деизму*. Христианский аскетизм совершенно чужд С.-Э. Жизнь, по его мнению, должна быть наслаждением; высшее счастье человек находит в дружбе, являющейся также моральной добродетелью. Любовь, милосердие, терпимость — осн. моральные принципы. С.-Э. осуждал религ. фанатизм, призывая искать то, что объединяет людей — общие моральные принципы, и не враждовать из-за расхождений в религ. догмах. Примирение католиков и протестантов, а в конечном счете людей всех вероисповеданий, он считал насущной задачей. Истинную причину ожесточенности религ. борьбы С.-Э. видел в стремлении духовенства различных церквей установить свое господство над обществом и тем самым обеспечить себе привилегированное положение («Беседа маршала д'Окенкура с отцом Каней» — «Conversation du maréchal d'Osquincourt avec le père Canaye», P., 1665). В противоположность *Паскалю* и *Ларошфуко*, С.-Э. из признания ограниченности познавательных способностей человека и наличия у него эгоистич. побуждений не делал пессимистич. выводов. С.-Э. был уверен, что человек в состоянии улучшить свою жизнь, показывать примеры высокой нравственности и быть относительно счастливым. Участвуя в полемике о «древних и новых авторах», С.-Э. считал, что в общем совр. лит-ра стоит выше античной, поскольку она руководствуется более здоровыми нравств. понятиями и более истинными понятиями об окружающем мире; это делает С.-Э. одним из основателей теории прогресса, сформулированной в 18 в. франц. просветителями. С.-Э. является видным представителем передовой филос. мысли Франции 17 в., того вольнодумства, к-рое явилось одним из источников франц. Просвещения 18 в.

Соч.: Oeuvres, mises en ordre et publiées avec une introduction et des notices par R. de Planhol, v. 1—3, P., 1927; The letters of Saint-Evremond, ed. by J. Hayward, L., 1930.

Лит.: Вороницын И. П., История атеизма, 3 изд., [Рязань], [1930], с. 87—88; История философии, т. 2, [М.], 1941, с. 165—66; История франц. литературы, т. 1, М.—Л., 1946, с. 458; Daniels W. M., Saint-Evremond en Angleterre, Versailles, 1907; Mollenhauer E., Saint-Evremond als Kritiker, Greifswald, 1914; Willette M., Saint-Evremond. Critique littéraire, introduction et notes, P., 1921; Schmidt A. M., Saint-Evremond, ou l'humaniste impur, P., 1932; Spalatin K., Saint-Evremond, Zagreb, 1934; Lafargue M. P., Saint-Evremond, ou le Pétrone du XVII siècle, P., [1945]; Petit L., La Fontaine et Saint-Evremond, ou la tentation de l'Angleterre, Toulouse, 1953; В а г н е л л Н., Les idées morales et critiques de Saint-Evremond, P., 1957; Н о р е Q. M., Saint-Evremond. Le honnête homme as critic, Bloomington, 1962; е г о ж е, Saint-Evremond [Bibliography]. в кн.: A critical bibliography of French literature, v. 3, Syracuse—[N. Y.], 1961. В. Кузнецов. Москва.

СЕРВЕТ (Servet), Мигель (р. 1509 или 1511 — ум. 27 окт. 1553) — исп. мыслитель и ученый, деятель

революц. естествознания эпохи Возрождения (см. Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1964, с. 8, 165), идеолог *антитринитариев*. Учился в Сарагосе, Тулузе, Париже, жил в Италии, Германии, Швейцарии. По своим взглядам примыкал к раннему *рационализму* и *пантеизму*. С. считал, что природа неделима, дух и материя едины и все возникающее есть лишь разные соотношения и видоизменения элементов природы. С. вплотную подошел к открытию науч. теории кровообращения. В 1553 анонимно издал осн. труд — «Восстановление христианства», в к-ром изложил свои филос. и естеств.-науч. взгляды. По приговору инквизиции С. был подвергнут сожжению; сожжены были и его книги.

Соч.: De trinitatis erroribus libri septem, [Hagenau], 1531; Dialogorum de trinitate, libri duo, [Hagenau], 1532; Christianismi restitutio, Vienne, 1553.

Лит.: Б уд р и н Е. М. С. и его время. Казань, 1878; То л л и н Н., Das Lehrsystem Michael Servet's genetisch dargestellt, Bd 1—3, Gütersloh, 1876—78; Д о м б е с н С. de, Miguel Servet, Barcelona, 1911; Г о у а н с С. J., Miguel Serveto, teólogo, geógrafo y médico, Md., 1933.

И. Костикова. Москва.

СЕРЕБРЯКОВ, Михаил Васильевич (4 сент. 1879—12 июня 1959) — сов. философ и обществ. деятель, профессор (с 1921), д-р историч. наук (с 1942). С сер. 90-х гг. — в революц. движении; в 1903 сослан в Вост. Сибирь, откуда бежал за границу. С 1904 — член РСДРП, большевик. В 1904 вернулся в Петербург, где поступил в ун-т; окончил его в 1911. Активный участник Окт. революции и гражд. войны. Проф. Петрогр. ун-та (с 1921), Коммунистич. ун-та и др. вузов. Основатель и руководитель Науч. об-ва марксистов, к-рое в 20-х гг. являлось центром марксистской мысли Ленинграда. С 1922 — декан фак-та обществ. наук и проректор, в 1927—30 — ректор ЛГУ. В 30—40-е гг. — директор Ин-та истории искусств, Всероссийской академии искусствознания, Ин-та экономики, философии и права.

Осн. работы С. посвящены становлению мировоззрения Ф. Энгельса, филос. борьбе в Германии 30—40-х гг. 19 в. Наряду с проблемами философии С. разрабатывал вопросы истории социалистич. учений, эстетики, искусствознания, истории лит-ры.

Соч.: Новое о Вильгельме Вейлинге, «Книга и революция», 1921, № 7; Фридрих Энгельс в лит-ре, там же, № 10—11; Энгельс и его участие в обосновании науч. социализма, «Записки Науч. об-ва марксистов», 1922, № 1; Макс Штирнер перед судом наших современников, там же, № 4; Осн. проблемы историч. материализма, там же, 1927, № 8(2); 1928, № 1(9), 2(10); Зомбарт и социологи, «Изв. ЛГУ», 1928, т. 1; Классики марксизма-ленинизма о Н. Г. Чернышевском, в сб.: Н. Г. Чернышевский, Л., 1941; Нем. социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филос. наук», 1948, вып. 2; Поэт Гервег и Маркс, Л., 1949; Штирнер Макс, в кн.: БСЭ, т. 62, М., 1933; Фридрих Энгельс в молодости, Л., 1958.

Лит.: Чагин Б. А., Профессор М. В. Серебряков, «Вестн. ЛГУ», 1947, № 2; Б а ч м а н о в В. С., Филос. факт и филос. науки, в сб.: Ленинградский ун-т за советские годы. 1917—1947, Л., 1948; И л д е н к о в Э. В., Подлинная популярность — союзница строгой научности, «ВФ», 1960, № 3. В. Клушин. Ленинград.

СЕРЕЖНИКОВ, Виктор Константинович (24 ноябрь 1873—27 июня 1944) — сов. философ, д-р филос. наук, профессор (с 1918) Социалистич. Академии обществ. наук, МГУ, МИФЛИ и Смоленского ун-та. Директор Гос. Историч. музея (1935). Окончил в 1897 юридич. фак-т Петерб. ун-та. С. — организатор и участник первых марксистских кружков в России, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1907—12 жил за границей, где наряду с революц. деятельностью вел науч. работу. В Париже им было задумано издание «Б-ки франц. материалистов 18 в.», для к-рого он подготовил переводы соч. Дидро («Избранные филос. произведения», СПб, 1914) и Ламетри («Человек—машина», СПб, 1911). С. перевел также диалог Платона «Теетет». С. — автор одной из первых хрестоматий по диалектич. материализму, трудов по истории философии. За годы педагогич.

деятельности С. подготовил многочисл. кадры сов. интеллигенции. В обстановке культ личности был незаконно репрессирован (1938). Посмертно реабилитирован.

С о ч.: Ламетри, М., [1925]; Кант, М.—Л., 1926; Очерки по истории философии, [т. 1], М.—Л., 1929; Диалектический материализм, М., 1930; Сократ. Основные проблемы философии Платона, М., 1937.

СЕРЕНИ (Sereni). Эмилио (р. 13 авг. 1907) — деятель итал. коммунистич. движения. Член Итальянской коммунистич. партии (ИКП) с 1928. В 1930—43 неоднократно арестовывался за антифашистскую деятельность. С 1936 — член ЦК ИКП, с 1945 — член Руководства компартии. В годы войны С. — активный участник итал. Сопротивления — был президентом правительственного Совета пров. Ломбардия. С 1946—47 — министр послевоен. обеспечения и министр обществ. работ. С 1948 — сенатор. В 1949—55 С. — ген. секретарь Итал. комитета сторонников мира. С 1950 — член Всемирного Совета Мира, с 1951 — член его Бюро. С 1955 С. — председатель «Национального объединения крестьян». Как теоретик ИКП С. уделяет много внимания развитию и пропаганде марксизма в Италии. В центре внимания теоретич. деятельности С. — анализ аграрных отношений; проблема рынков для с. х-ва и пром-сти, проблемы перенаселения итал. деревни, науч. обоснование необходимости всеобщей аграрной реформы. Большое место в теоретич. исследованиях С. занимают вопросы культуры, науки, философии, иск-ва, к-рым посвящена книга С. «Марксизм, наука, культура» (М., 1952). Полемизируя с Б. Кроче, критикуя спекулятивный, созерцат. характер крочеанской эстетики, С. отстаивает принципиальную противоположность бурж. культуры культуре социалистического общества, опровергает тезис о «надклассовости» культуры, доказывая ее неизбежную зависимость от господствующего класса.

С о ч. в рус. пер.: Аграрный вопрос в Италии. Итал. крестьянство в борьбе за демократию, М., 1949; Развитие капитализма в итал. деревне (1860—1900), М., 1951; Старое и новое в итал. деревне, М., 1959.

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, Николай Александрович [13 дек. 1834—9 февр. 1866] — рус. революционер, демократ, публицист и философ. Род. в Петербурге в семье чиновника. Окончил Александровский лицей (1853). В 1853—59 — на гос. службе. К концу 50-х гг. складываются антикрепостнич. воззрения С.-С., но он еще верит в возможность коренного преобразования России путем реформ («Записка об отмене крепостного права и откупов», 1858, не опублик.). С конца 1859 в идейном развитии С.-С., тесно сблизившегося с Чернышевским, происходит перелом. Он склоняется к признанию революц. средств борьбы, действия масс «ни з у, насильственно», если будет продолжаться «противодействие» ликвидации «старого порядка» (см. Публицистика. Письма, 1963, с. 7). Уйдя в отставку, С.-С. уезжает за границу, где знакомится с Герценом и Огаревым. Здесь происходит дальнейшее углубление революционного характера воззрений С.-С. В «Проекте действит. освобождения крестьян» (1860) он резко критикует правительство. проект крест. реформы, защищает демократич. программу решения агр. вопроса в России. Возвратившись на родину, С.-С. развертывает большую обществ.-просветит. деятельность; в это время окончательно завершается становление его революц.-демократич. убеждений. Он отвергает реформу как один из предполагаемых и даже предпочтит. путей обществ. преобразований в России. Ликвидация царизма даст «...простор великому мирскому началу развиваться во всех своих проявлениях» («Мысли вслух», там же, с. 168). При активном участии С.-С. в 1861—62 в Петербурге возникает тайное революц. об-во «Земля и воля», важнейшую задачу к-рого С.-С. видел в слиянии ре-

волюц. интеллигенции с народом. 7 июля 1862 С.-С. (одновременно с Чернышевским) был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В июне 1865 отправлен в сибирскую ссылку. Умер в Иркутске.

С.-С. был одним из представителей атеистич. традиции в России. Видя гл. задачу науки в удовлетворении потребностей обществ. жизни, С.-С. в написанной в тюрьме статье «Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки» (опубл. в «Рус. слове», 1865, № 1) призывал к созданию новой науки — *социологии*. «Если до сих пор не создалась общественная наука, то это только доказывает, что люди предшествовавших поколений не вполне сознавали солидарность, связывающую все человечество, не вполне понимали, что его существование управляется известными законами» (там же, с. 199). Полагая, что «мысль о правильности исторического развития» высказал *Бокль*, С.-С. считал необходимым «продолжать и дополнять» его «бессмертный труд» (см. там же, с. 228).

Лит.: Герцен А. И., Иркутск и Петербург, Собр. соч., т. 19, М., 1960; Лемке М., Очерки освободит. движения «шестидесятых годов», СПб., 1908; Романенко В. И., Мировоззрение Н. А. С.-С., [М.], 1954; Богатов В. В., Социологич. взгляды Н. А. С.-С., М., 1961; Володарский И. Б., Н. А. С.-С., в кн.: Серно-Соловьевич Н. А., Публицистика. Письма, М., 1963; Коган Л. А., Филос. драматургия Н. А. С.-С., «ВФ», 1959, № 10; его же, Атеистич. взгляды Н. А. С.-С., в кн.: Вопр. истории религии и атеизма, сб. 12, М., 1964; Виленская Э., Революц. подполье в России (60-е годы XIX в.), М., 1965.

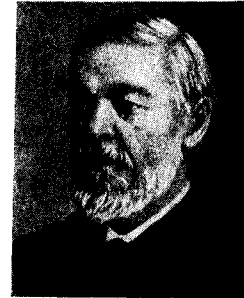
А. Володин. Москва.

СЕУС — см. Сузо.

СЕЧЕНОВ, Иван Михайлович [1(13) авг. 1829—2(15) ноября 1905] — основоположник рус. физиологии и объективной детерминистич. *психологии*, философ-материалист. В 1856 окончил мед. фак-т Московского ун-та. С 1860 — проф. физиологии Медико-хирургич. академии, а затем Новороссийского, Петерб. и Моск. ун-тов. Мировоззрение С. сложилось под влиянием философии революц. демократов.

Принцип материалистич. *монизма* и *детерминизма* является методологич. основой учения С., набросок к-рого изложен впервые в «Рефлексах головного мозга» (1863). Главная идея трактата: «...все акты сознательной и бессознательной жизни, по способу происхождения (т. е. по механизму совершения. — *Ред.*), суть рефлексы» (Избр. филос. и психологич. прозв., 1947, с. 176). В связи с этим принципиальной критике подверглись попытки обособления психологии, явленной от организма и внешнего мира в идеалистич. философии и психологии. Вместе с тем, в противовес вульгарному материализму утверждалось своеобразие нервно-психич. регуляций по сравнению с чисто физиологическими. С. радикально преобразовал существовавшее прежде понятие о *рефлексе*, опираясь на ряд сделанных им выдающихся физиологич. открытий, в частности на открытие т. н. центрального торможения (тормозящего влияния высших нервных центров на мышечную систему). С. первым в нейрофизиологии поставил на передний план «... не форму, а деятельность, не топографическую обособленность органов, а сочетание центральных процессов в естественные группы» («Физиология нервных центров», 1952, с. 21). С этих позиций нейрофизиологич. школа, созданная С. (Н.Е. Введенский, И. П. Павлов и др.), обогатила мировую науку фундаментальными открытиями.

Полемизируя с господствовавшим на Западе механистич. взглядом на поведение и интроспекционистским

на сознание, С. трактует рефлекс как акт, состоящий из чувствования и движения, и определяет его по объективной функции в жизнедеятельности, выделяя два конституирующих признака чувствования: быть орудием различения условий действия и регулятором последнего (см. Избр. филос. и психологич. произв., с. 416). Взяв в качестве образца автоматич. устройства, где есть «... такие регуляторы, которые заменяют руку машиниста...» («Физиология первых центров», с. 26), С. предложил трактовать чувствование как сигнал. Это позволило внести идею саморегуляции в рефлекторную схему и заложило основы для идеи обратной связи, кольцевого управления движением. Считая, что реальность *ощущения* коренится в реальности двигат. акта, С. предложил новое учение о физиологич. механизме чувств. познания. В его понимании орган чувств составляет лишь сигнальную половину целостного снаряда, другую нераздельную половину к-рого образует эффекторный аппарат. Стремясь вскрыть психофизиологич. механизм логич. мышления, С. считал, что исходные логические операции заложены в чувств. деятельности организма, требующей приспособления к связям и отношениям вещей.

В сигналах мышечного чувства представляемое и действительное совпадают друг с другом, поэтому мышца дает наиболее фундаментальное и адекватное отражение действительности. В этой связи С. подвергал критике кантовский априоризм.

Опираясь на новую рефлекторную схему, С. выдвинул программу преобразования психологии в объективную науку (см. статью «Кому и как разрабатывать психологию?», 1873). Его программа противостояла господствовавшему на Западе позитивистскому направлению. В полемике с рус. сторонниками этого направления (прежде всего с Кавелиным) С. доказывал, что превратиться в подлинную науку психология сможет, лишь ориентируясь на естествознание, прежде всего — на физиологию; поэтому психологич. исследование должно быть передано в руки физиологов. Это дало повод идеалистам объявить его ликвидатором психологии. Истинный же смысл предложения С. был иным. Психологов по профессии в ту эпоху еще не существовало, и С. рекомендовал черпать их кадры из рядов нейрофизиологов, а не философов-метафизиков. Созданный С., развитый в трудах *Бехтерева*, Павлова и, частично, франц. психолога *Рибо*, объективный метод способствовал успешному развитию естеств.-науч. психологии и получил мировое признание. Выдвинутый С. план построения психологии как объективной науки остался незавершенным из-за узости, ограниченности антропологич. принципа, на к-ром он базировался; объяснения С. не простирались далее локомотив, тогда как истинно человек. форму взаимодействия живых систем с природой образует трудовая деятельность. Хотя к началу 20 в. интересы С. переместились с локомоторных актов на трудовые движения (см. «Очерк рабочих движений человека», М., 1901), однако общая абстрактно-антропологич. трактовка *сознания* при этом не изменилась. Поэтому и попытки С. ввести принцип «интериоризации» — объяснить генезис внутр. плана *поведения* из его внешней структуры — не увенчались успехом, ибо за исходный уровень сознат. регулирования были приняты прямые жизненные встречи организма со средой.

Антропологизм пренебрегал также последовательно материалистич. решению С. вопроса о детерминации воли. Вскрыв психофизиологич. механизм волевого действия, С. новизмал его зависимость от обществ. среды лишь в абстрактно-этич. плане, не видя того, что сам этот план является производным от социально-историч. обстоятельств.

Уязвимые аспекты теории С. касаются проблем, впервые разрешенных диалектич. материализмом. В 90-х гг. С. выступил с рядом филос.-психологич. работ, пропагандировавших материалистич. учение о характере человек. знания. В условиях идейно-филос. борьбы своего времени С. являлся союзником рус. марксистов в борьбе против *агностицизма* и *субъективизма*; его работы оказали положит. влияние на развитие материалистич. гносеологии, на укрепление позиций филос. материализма в естеств. науках. Вся науч.-идейная деятельность С. была непосредственно связана с революц.-освободит. движением в России.

Соч.: Автобиографич. записки..., М., 1907 (имеется библиограф. работ И. М. С.).

Лит.: Рубинштейн С. Л., Физиология и психология в науч. деятельности И. М. С., «Физиол. журнал СССР им. И. М. С.», 1946, т. 32, № 1; Афанасьев Б. Г., Очерки истории рус. психологии XVIII и XIX вв., [М.], 1947; Теплов В., Филос. и психологич. взгляды И. М. С., «Большевик», 1948, № 7; Будилова Е. А., Учение И. М. С. об ощущениях и мышлении, М., 1954; Ярошевский М. Г., Проблема детерминизма в психофизиологии XIX в., Душанбе, 1961; его же, Сеченовские идеи о мышечной чувствительности в свете теории отражения и кибернетики, «ВФ», 1963, № 10. М. Ярошевский. Москва.

СИББЕРН (Sibbern), Фредерик Кристиан (18 июля 1785—16 дек. 1872) — дат. философ-идеалист. Учился в Германии. В 1813—70 — проф. Копенгагенского ун-та. Испытал влияние *Фихте*, *Шлейермахера*, *Штеффенса* и нем. романтиков. Позже С. отошел от романтизма и подверг критике систему Гегеля за спекулятивно-умозрительный характер. С. стремился разработать «реалистич.» философию, придавая особое значение анализу психологич. опыта субъекта. С. считал, что наличное бытие является системой спорадически протекающих процессов развития во времени, и тем самым отрицал закономерный характер этого развития. Согласно С., ряды этих процессов пересекаются, возникает борьба, являющаяся причиной прогресса. Т. к., по С., познающий всегда есть только один из мн. спорадич. элементов бытия и находится в одном из рядов развития, то познание бытия в целом невозможно («О познании и исследовании» — Om erkjendelse og granskning, Kbh., 1822). По вопросу об истине С. стоял на позициях *релятивизма*.

Соч.: Menneskets aandelige natur og vaesen, del. 1—2, Kbh., 1819—28; Speculativ kosmologie med grundlag til en speculativ theologie, Kbh., 1846; Om forholdet imellem sjael og legeme..., Kbh., 1849.

Лит.: Høffding H., Danske filosoffer, Kbh., 1909; Himmelsen J., Sibbern. En monografi, Kbh., 1934; Kallmøes P. H., F. C. Sibbern, Kbh., 1946.

СИГЕР БРАБАНТСКИЙ (Siger de Brabant) (р. ок. 1240—ум. ок. 1281—84)—ср.-век. философ, проф. фак-та искусств Парижского ун-та, один из основателей зап.-европ. *аверроизма*. В трактатах «О вечности мира» («De aeternitate mundi»), «О необходимости и взаимосвязи причин» («Tractatus De necessitate et contingentia causarum») и «О разумной душе» («Tractatus de anima intellectiva»), в комментариях к «Физике», «Метафизике» и др. соч. Аристотеля С. Б. сформулировал учение о *двойственной истине*, считал, что истина рационального знания может приходиться в прямое противоречие с истинной религ. откровения. Признавая существование бога как первопричины, С. Б. отрицал творение «из ничего» и считал, что мир «созвечен» богу; бог не свободен в своем отношении к миру, в к-ром господствуют им же установленные закономерности, воплощенные, в частности, в движении небесных тел. С. Б. сформулировал принцип *детерминизма*, исключая непосредств. божеств. вмешательство. Он подчеркивал неразрывное единство материи и формы, к-рые различаются лишь как понятия, но не в объективной реальности. Материя существует вечно, формы зарождаются в ее недрах и не могут существовать вне и независимо от материи. Че-

ловеч. разум, по учению С. Б., представляет собой вечную и несотворенную нематериальную субстанцию, душа является функцией тела, познание зависит от чувств. восприимчив. Разум не может осуществлять познания без чувств и не может существовать без тела, поэтому он необходимо нуждается в вечном существовании человечества. Из этого следовал вывод о вечности и несотворенности человечества и смертности индивидуальной человек. души. Этич. учение С. Б., утверждая, что счастье достижимо в земной жизни, что в земном, а не в потустороннем существовании человека ожидает награда и наказание, было направлено против мистицизма и религ. веры в потустороннее воздаяние. Философские воззрения С. Б. и его друга и сподвижника Боэция Датского (к изданию его соч. *Un traité récemment découvert de Boèce de Dacie, De mundi aeternitate*, Bdpst, 1954, приложена работа С. Б., р. 123—38), выражающие бюргерскую оппозицию феод. мировоззрению, нашли широкий отклик в антифеод. кругах гор. населения. Прозванный современниками «великим», С. Б. несомненно является наиболее значительной прогрессивной фигурой в зап.-европ. философии 13 в. Взгляды его и его сторонников подверглись резкому осуждению со стороны церкви; с их опровержением выступили Альберт фон Большетт, Фома Аквинский, Луллий, парижский архиепископ Тампье дважды (в 1270 и 1277) осудил учение аверроистов. С. Б. был предан суду инквизиции, вызван к папскому двору, где во время следствия был убит своим секретарем. Взгляды С. Б.

оказали влияние на философию Данте, *падуанской школы аверроистов, Пломпацци, Пико della Мирандоло и Ниццо*.

Соч. см. в кн.: Mandonnet P., Siger de Brabant..., pt. 1—2, Louvain, 1908—11; Steenberghen F. van, Siger de Brabant, v. 1—2, Louvain, 1931—42.

Лит.: Ренан Э., Аверроэс и аверроизм, пер. с франц., К., 1903, с. 121—83; История философии, т. 1, М., 1940, с. 467—68; Трахтенберг О. В., Очерки по истории западноевроп. средневековой философии, М., 1957, с. 120—34; Лей Г., Очерк истории средневекового материализма, пер. с нем., М., 1962, с. 279—360 (и др. по имен. указат.); Gramm M., Der lateinische Averroismus des 13. Jahrhunderts und seine Stellung zur christlichen Weltanschauung, Münch., 1931; Nardi B., Il preteso tomismo di Sigieri di Brabante, «Giornale critico della filosofia italiana», 1936, v. 17, p. 26—35; егo жс., Sigieri di Brabante nel pensiero di rinascimento italiano, Roma, 1945; Duin J. J., La doctrine de la providence dans les écrits de Siger de Brabant, Louvain, 1954; Palma G., La dottrina sull'unità dell'intelletto in Sigieri di Brabante, Padova, 1955; Zimmermann A., Die Quaestiones des Siger von Brabant zur Physik des Aristoteles, [Köln, 1956].
А. Горфункель. Ленинград.

СИГЕТИ (Szigeti), Йожеф (р. 1921) — венг. философ и художеств. критик. Директор Ин-та философии Венг. АП (с 1959). Автор ряда работ по эстетике и истории философии, в к-рых подвергает критике идеалистич. понимание истории духовной культуры, анализирует человек. деятельность как источник эстетического. Разрабатывает также гносеологич. проблемы обществ. наук.

Соч.: Utban a valóság felc, Bdpst, 1948; Diderot a XVIII. század harcok materialistája, Bdpst, 1951; Iredalmi tanulmányok, Bdpst, 1960; A magyar szellemtörténet bírálatához, Bdpst, 1965.
Л. Ленкеи. ВНР.

Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.,
«Советская Энциклопедия», 1967.
(Науч. совет изд-ва «Советская Энциклопедия».
Ин-т философии АН СССР. Энциклопедии. Словари. Справочники).
Т. 4. «Наука логики» — Сигети. 1967. 592 с. с илл.

Технический редактор Т. Е. Лисицына.

Бумага типографская № 1 первого сорта. Печать текста с матриц,
изготовленных в Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова.

Сдано в набор 26/IX 1966 г. Том подписан к печати 17/V 1967 г.

Издательство «Советская Энциклопедия». Москва, Ж-28, Покровский бульвар, д. 8.

Т-02427. Тираж 66 000 экз. Заказ № 917. Формат $82 \times 108 \frac{1}{16}$. 37 физ. п. л., 62,16 усл. п. л., 106,97 уч.-изд. л.
Цена 1 экз. книги 3 руб. 50 коп.

Московская типография № 2 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Проспект Мира, 105. Заказ № 1905.